

CML

К 950-летию рода Лермонтовых

Правительство Ставропольского края

Министерство образования Ставропольского края

Ставропольский государственный университет

Ставропольская государственная краевая универсальная
научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова

Пятигорский музей-заповедник М.Ю. Лермонтова

Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова.

Под редакцией профессора В.А.Шаповалова,
профессора К.Э.Штайн.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
КНИГА
СГУ

Лермонтовский текст.
Исследования
1900—2007 годов.
Антология в двух томах.
Том 1.

Издательство
Ставропольского государственного университета.
Ставрополь, 2007.

ББК 83.3(2Рос=Рус)-8Лермонтов М.Ю.Я1
УДК 882-95.Л3(083).21

Л49 **Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова:** Антология: В 2 т. / Под редакцией проф. В.А.Шаповалова, проф. К.Э.Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. — Т. 1. — 784 с.

Издание второе, исправленное, дополненное

ISBN 5-88648-577-5

В подготовке антологии использованы материалы из фондов Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова, отдела краеведения Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова, частной коллекции И.Г.Дамианиди

В двухтомной антологии жизнь и творчество М.Ю.Лермонтова рассматривается как значительный текст русской культуры, который развивается и живет в пространстве и времени. Публикуются основные, наиболее значительные труды ставропольских ученых о М.Ю.Лермонтове, написанные в течение XIX-XX веков, осуществлена их систематизация, научная обработка. Работы располагаются в хронологическом порядке, большая часть их связана с изучением кавказского периода творчества М.Ю.Лермонтова. В научный обиход вводятся многие забытые, малоизвестные исследования. Они будут полезны в школах, вузах, других учебных заведениях. Книга включает богатый иллюстративный материал из фондов Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова. Приведена обширная библиография. Антология предназначена всем, кто интересуется жизнью и творчеством великого русского поэта.

ISBN 5-88648-577-5

Председатели редакционно-издательского совета:

заместитель председателя правительства Ставропольского края Л.Н. Волошина,
министр образования Ставропольского края А.Ф. Золотухина

Научные редакторы:

доктор социологических наук профессор, ректор Ставропольского государственного университета, руководитель проекта «Филологическая книга СГУ» В.А.Шаповалов,
доктор филологических наук профессор СГУ К.Э.Штайн

Составитель:

К.Э.Штайн

Члены редакционно-издательского совета:

директор Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова З.Ф.Долина, заведующий отделом краеведения Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю.Лермонтова Т.Ю.Кравцова, кандидат исторических наук, сопредседатель Российского лермонтовского комитета, председатель Лермонтовской комиссии Союза писателей России В.А.Захаров, директор Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова И.В.Сафарова, главный хранитель музея Н.В.Маркелов, заслуженный деятель культуры Б.М.Розенфельд

Ответственные за выпуск:

Д.И.Петренко, В.П.Ходус

Подготовка текста

осуществлена редакторской группой проблемной научно-исследовательской лаборатории «Текст как явление культуры» СГУ: К.Э.Штайн, Э.В.Пиванова, В.А.Кофанова, Е.Н.Золоторева, Д.И.Петренко, Е.Н.Сороченко, В.П.Ходус, Е.В.Кайбе, Ю.В.Пономарева, Т.С.Наумова

Дизайн:

С.Ф.Бобылев

Верстка:

Д.И.Петренко

Корректоры:

Б.Я.Альтус, Р.Р.Буньковская, Т.Н.Ковалева

В оформлении использованы фрагменты графики Хорста Янссена

© Издательство Ставропольского государственного университета, 2007

© К.Э.Штайн, составление, 2007

© С.Ф.Бобылев, оформление, 2007

Лермонтовский текст. Антология. Том I.

Часть I. Исследования 1900-1950 годов

Семенов Л.П.	16	Лермонтов и Лев Толстой
		1. Лермонтов и Лев Толстой
	16	От автора
	17	Глава I. Беглый очерк жизни Лермонтова и Льва Толстого
	18	Глава II. Воспоминания о раннем детстве; детская любовь
	20	Глава III. Отношение к детям
	23	Глава IV. Первая страсть
	24	Глава V. Ангел
	25	Глава VI. Богоборчество; осуждение ханжества
	28	Глава VII. Благотворное воздействие природы на мятежную душу человека
	29	Глава VIII. Война
	40	Глава IX. Война (продолжение). Наполеон
	42	Глава X. Война (продолжение). "Бородино"
	44	Глава XI. Война (продолжение). "Казачья колыбельная песня". "Дары Терека". "Завещание"
	49	Глава XII. Война (окончание). Вторжение человека в мирную жизнь природы
	54	Глава XIII. Смерть
	60	Глава XIV. Герои Лермонтова и Толстого. Непривлекательная наружность
	62	Глава XV. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Физическая сила
	64	Глава XVI. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Любовь к лошадям и быстрой езде
	67	Глава XVII. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Карты
	69	Глава XVIII. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Студенты
	70	Глава XIX. Герои Лермонтова и Толстого (окончание). Типы Толстого, родственные Печорину и Грушницкому
	70	Глава XX. Отношение к просвещению
	71	Глава XXI. Отношение к медицине
	73	Глава XXII. Музыка
	78	Глава XXIII. Пляска
	81	Глава XXIV. Еще некоторые общие мотивы творчества Лермонтова и Толстого
	85	Глава XXV. Суд
	87	Глава XXVI. Ангел Смерти
	92	Глава XXVII. Несколько слов о субъективности творчества Лермонтова и Толстого и о художественных их приемах
	94	Глава XXVIII. Заключение
	94	2. Лермонтов и Библия
	103	3. Дубовый листок
	108	4. Портрет

	5. Заметки	
	112	I. Об академическом издании сочинений Лермонтова
	116	II. Лермонтов и песни гребенских казаков
	117	III. Еще о «Казачьей колыбельной песне»
	117	IV. Эпизод с чиновником
	118	V. Еще о «Валерике»
	119	VI. Еще о Лермонтове и Козлове
	120	VII. Муки слова
	121	VIII. «Спор» Лермонтова и «Разговор» Тургенева
	121	IX. Бой туч
	122	X. Воздушный город
	123	XI. Ландыш
	124	XII. «И скучно и грустно»
	125	XIII. Кое-что о Пушкине и Лермонтове
	133	Ангел
	145	К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова
	151	М.Ю.Лермонтов. Статьи и заметки
	157	Новые документы о Лермонтове
	162	Лермонтов на Кавказе
	224	Лермонтов и Коста
	230	Лермонтов и фольклор Кавказа
Павлов Д.М.	269	Лермонтовский кавказский музей
	272	Прототипы княжны Мери (К повести Лермонтова "Герой нашего времени")
	277	Дуэль Лермонтова
	286	Пятигорский большой Провал
	289	Пятигорье — Лермонтову Литературный сборник, посвященный памяти М.Ю.Лермонтова. К 82-летию со дня смерти поэта. П.Кофанов, Н.Сердцев, Е.Бокард, М.Промысловский, В.Апухтин, В.Булгаков, И.Карачайлы, В.Еюкин, В.Егоров, М.Санаев
Черный К.Г.	307	Лермонтов и Байрон
Гиреев Д.А.	316	Лермонтов в Пятигорске
	322	Белинский и Лермонтов
	342	Поэма М.Ю.Лермонтова "Демон"
	397	Лермонтов и русская революционная сатира
Николева М.Ф.	404	Автобиографическое значение поэмы Лермонтова "Сашка"
	417	Письмо Л.П.Семенова М.Ф.Николевой
	417	Письмо И.Л.Андроникова М.Ф.Николевой
	418	Письмо С.А.Андреева-Кривича М.Ф.Николевой
Попов А.В.	420	Лермонтов на Кавказе

Часть II.
Исследования 1960-1980 годов

- Недумов С.И. 483 Лермонтовский Пятигорск
- Яковкина Е.И. 559 Последний приют поэта
- Андроников И.Л. 602 Великий домик
- Селегей П.Е. 604 Между Машуком и Бешту
- Андреев-Кривич С.А. 637 Лермонтов и Кабардино-Балкария
Кабардинская народная поэзия в творчестве М.Ю.Лермонтова
637 Поэма об Измаиле-бее
651 Песня Казбича
653 Городская легенда
655 Соприкосновения и связи (О стихотворении "Спор")
658 Повесть о Гарибе
654 На Горячих Водах в 1825 году
667 М.Ю.Лермонтов и Николай I
673 Загадочная помета М.Ю.Лермонтова
- Хубиев М.А. 693 Из истории аула Джамагат, воспетого
М.Ю.Лермонтовым в поэме "Хаджи Абрек"
- Хубиева Ф.М. 698 С любовью к великому поэту
- Тамахин В.М. 703 Эстетическая функция пейзажа в романе
М.Ю.Лермонтова "Герой нашего времени"
- Гниловской В.Г. 707 Ставропольские рисунки М.Ю.Лермонтова
711 Новое о Лермонтове
- Польский Л.Н., Польская Е.Б. 713 Лермонтовский Ставрополь
- Польский Л.Н. 718 Лермонтов в Пятигорске
- Попов О.П. 737 Перечитывая Лермонтова
739 Лермонтов и Мартынов
743 "С природой одною он жизнью дышал..."
747 Речка смерти
751 Церковнославянизмы в языке М.Ю. Лермонтова
754 Чего хочет "жалкий человек". Опыт анализа
сочинений Н.С. Мартынова
757 Загадки Лермонтова
759 О точности у Лермонтова
- Тер-Габриэльянц И.Г. 763 Лермонтовед Л.П. Семенов и его коллекция в
фондах Государственного музея-заповедника
М.Ю.Лермонтова
766 Сестры Ивановы
770 М.Ю.Лермонтов в изобразительном искусстве

Дорогой читатель!

В жизни и истории России есть непреходящие ценности. Имя Михаила Юрьевича Лермонтова навсегда стало символом русской культуры и литературы, частью российской ментальности.

В краевом центре уже сложился своеобразный "Лермонтовский треугольник": памятник Лермонтову — Лермонтовская библиотека — театр имени Лермонтова. В этом пространстве находится дом Правительства Ставропольского края, и я думаю, что мы причастны ко всему, что связано с культурой нашего края.

Вы держите в руках двухтомную антологию "Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова", которая подготовлена к 950-летию рода Лермонтовых. М.Ю.Лермонтов — великий сын России, воспевший в своих стихах любовь к жизни, свободе, Родине! Мы гордимся тем, что жизненный и творческий путь поэта связан с нашим благодатным краем.

Ученые Ставропольского государственного университета сделали смелый шаг — собрали исследования наших земляков за минувшие столетия и объединили в двухтомной антологии работы о Лермонтове. Вначале трудно было даже предположить, насколько огромным был массив "скрытой части айсберга" краевого лермонтоведения. Составители антологии обнаружили не только забытые, исчезнувшие из поля зрения современных ученых тексты, но и нашли редкие живописные материалы, имеющие непосредственное отношение к Лермонтову.

В антологии просматривается непростая история Ставропольского края. Вы обнаружите здесь статьи ученых из городов, сегодня не входящих в состав нашей малой родины. В разные периоды времени границы изменялись, коренные ставропольцы переезжали в другие регионы страны, но неразрывной оставалась их связь с нашей землей. Это и отражает география антологии, в которой собраны статьи ученых прошлого и настоящего из Пятигорска, Ставрополя, Владикавказа, Москвы...

Особая ценность книги заключается в том, что факты, содержащиеся в ней, помогут читателю не только больше узнать о жизни и творчестве поэта, тайнах его произведений и малоизвестных обстоятельствах дуэли, но и глубже понять историю и культурные традиции Северного Кавказа, Ставропольского края.

Важно и то, что школьники, студенты, все те, кто любит творчество М.Ю.Лермонтова, узнают имена тех ставропольских ученых, которые вложили много сил в изучение творчества М.Ю.Лермонтова, осмыслили тайны мастерства художника: Л.П.Семенов, Д.М.Павлов, К.Г.Черный, Д.А.Гиреев, М.Ф.Николева, А.В.Попов, С.И.Недумов, Е.И.Яковкина, П.Е.Селегей и другие.

Я часто бываю в поездках по нашему краю, и когда я попадаю в Пятигорск, хожу по лермонтовским тропинкам, много раз бываю в одних и тех же, значимых — лермонтовских местах, — вспоминая строки из романа "Герой нашего времени": "...я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горечь ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томил мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума".

Общечеловеческая значимость лермонтовских произведений особенно ясна сегодня, когда на повестке дня гуманизация общества, понимание того, что мир на Кавказе возможен только через взаимодействие, диалог культур и народов. Этому учил нас М.Ю.Лермонтов.

Думаю, что эта книга обогатит библиотеки многих семей не только нашего края, но и России.

Губернатор Ставропольского края
А.Л.Черногор

Дорогие читатели!

Правительство края совместно с учеными Ставропольского государственного университета предприняло попытку издания двухтомной антологии, в которой собраны, систематизированы исследования о М.Ю.Лермонтове, в разное время выполнявшиеся учеными края. Мы уверены, что многие из забытых, порой, малоизвестных работ, по разным причинам вышедших из поля зрения современных исследователей, принесут пользу науке, школьному и вузовскому образованию, а новые исследования порадуют нас свежими, нетривиальными идеями.

Мы считаем государственным делом сохранять память о выдающихся людях нашего края и его культуре, бережно хранить все, что послужит дальнейшему развитию науки, искусства, образования.

В Ставрополе и Ставропольском крае все дышит памятью о великом художнике, которого мы глубоко чтим. Краевая научная библиотека, Краевой драматический театр носят имя М.Ю.Лермонтова, один из городов края назван именем поэта. Музей Лермонтова в Пятигорске — один из лучших в нашей стране; скверы и парки городов края украшают памятники, воздвигнутые в честь великого художника. А как же иначе! Ведь со страниц его произведений веет памятью о нашем городе и крае. Любя Кавказ, Лермонтов посвятил ему лучшие произведения. Вот незабвенные строки о Пятигорске: "Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в 5 часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике..."

Проходит год за годом, удаляется от нас образ Лермонтова, но не перестают работать над его текстами наши ученые, приближая его к нам, раскрывая загадки быта и бытия, проникая в тайны творчества. Имена Л.П.Семенова, Д.М.Павлова, А.В.Попова, С.И.Недумова хорошо знают лермонтоведы. Теперь их узнают все те, кто интересуется творчеством поэта. В нашей антологии мы знакомим читателей с работами ученых Ставропольской школы лермонтоведения — с конца XIX века до наших дней. Привлекаются и уникальные материалы из фондов музея М.Ю.Лермонтова в Пятигорске. В научный обиход вводятся малоизвестные и неизвестные произведения художников, связанные с М.Ю.Лермонтовым, его творчеством.

Основные темы, которые рассматривают наши ученые, — это кавказский период жизни и творчества Лермонтова, тема дуэли, проблемы творчества и мастерства художника. Это уже наш — ставропольский — текст о тексте поэта. И нам кажется, что здесь, на Кавказе, который так вдохновлял Лермонтова, именно здесь, где произошла эта "вечно печальная дуэль", — мы лучше, чем другие, узнаем и поймем нашего великого художника.

В.Г.Белинский верил, что недалеко то время, когда имя Лермонтова в литературе "сделается народным именем и гармонические звуки его поэзии будут слышны в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах". В нашем Ставрополе, городе, "соразмерном" человеку, где люди живут неспешной жизнью, любят природу, смотрят в небо, часто вспоминается лермонтовское: "...направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вддали те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки...". Золотое лермонтовское слово!

Эта книга обогатит школьные и научные библиотеки, вузы, ведь Лермонтов — часть истории и культуры нашего края, которая создается и трудами ученых, посвятивших годы жизни исследованию творчества М.Ю.Лермонтова, вписавших свой текст в общий текст культуры нашей страны.

Заместитель председателя правительства Ставропольского края
Л.Н.Волошина

Дорогие друзья!

Мы рады, что к 950-летию рода Лермонтовых мы идем с приношением великому русскому поэту — двухтомной антологией "Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова". В 2004 году было выпущено первое издание антологии, которое осуществлено учеными СГУ под эгидой правительства Ставропольского края. Многие библиотеки, школы, вузы края получили прекрасную книгу, которая оказалась очень полезной в процессе преподавания и изучения творчества дорогого нам поэта — М.Ю.Лермонтова. Но появились новые и новые материалы о М.Ю.Лермонтове, желающих познакомиться со ставропольским текстом о М.Ю.Лермонтове становилось все больше и больше. И вот мы уже осуществляем новое — двухтомное — издание антологии.

В обстановке кардинальной смены концептуальных понятий и типов цивилизационного развития вопрос о роли традиций в становлении и развитии образования крайне актуален. Аксиоматично, что многие из событий современной эпохи имеют свое объяснение в историческом прошлом, при этом в условиях быстро меняющегося общества существует реальная опасность просто отбросить старый опыт развития, почитать его ненужным. В Национальной доктрине образования Российской Федерации среди основных целей и задач указывается, что система образования призвана обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитать бережное отношение к историческому и культурному наследию народов России.

Ставропольские школьники с раннего возраста узнают о том, насколько тесно связано имя Лермонтова с нашим краем, как неразрывно оно с историей и культурой Ставрополя. На Кавказе прервался полет вдохновения Лермонтова — под Пятигорском установлен мемориальный комплекс, посвященный трагедии июльских дней 1841 года.

Факты эти хорошо известны, изучаются в программе средней школы. Но сколько загадок и тайн вокруг творчества Лермонтова! Дополнить картину, ответить на многие вопросы призвана антология "Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова". Она подготовлена филологами Ставропольского государственного университета и как серьезный научный труд призвана помочь в первую очередь российской школе. Антология ярко отображает кавказский период жизни и творчества М.Ю.Лермонтова, в ней представлены исследования ставропольских ученых XX и XXI столетий по проблемам поэтики, мастерства великого художника. Антология востребована временем, культурной ситуацией, жизнью.

Особая значимость антологии для учителя-словесника, учащихся в том, что в ней собраны наиболее значимые тексты ставропольских лермонтоведов. Некоторые из них давно стали библиографической редкостью, многие актуальные работы современных исследователей публикуются впервые. Ранее не известные исследования о Лермонтове позволяют по-иному осознать давно понятое, во многом пересмотреть взгляды на жизнь и творчество М.Ю.Лермонтова.

Интересны альбомы, в которые включены портреты, иллюстрации к произведениям Лермонтова — изобразительный, иллюстративный материал, предоставленный сотрудниками Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова. Филателистическая коллекция, посвященная творчеству М.Ю.Лермонтова, конечно же, заинтересует наших школьников, побудит их к новым творческим поискам. Таким образом, основная проблема современного образования — совершенствование системы коммуникации, разнообразие способов выражения творчества, поиск языка самовыражения — нашими общими усилиями в процессе кропотливой работы будет разрешена. Желаю всем успехов и творческого горения!

Министр образования Ставропольского края
А.Ф.Золотухина

Дорогие друзья!

Антология "Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова" — это память о великом русском художнике, память о тех ученых, которые изучали его творчество. Это также возможность для современных ученых сказать о поэте свое слово. Настало время, когда накопилось так много сведений о культуре нашего края, что мы можем изучать ее "археологически", вглубь, вскрывая пласты, устанавливая распавшиеся связи, создавая современное представление об истории Ставрополя. Так и с Лермонтовым. О его творчестве учеными края написано много, но далеко не все работы, достойные внимания, известны современным исследователям.

Ученые нашего университета продолжают исследование творчества великого русского поэта М.Ю.Лермонтова. Традиции его изучения давно сложились в нашем университете. Хорошо известны работы А.В.Попова (монографии "Лермонтов на Кавказе" — 1954, "Дуэль и смерть Лермонтова" — 1959), В.Г.Гниловского, В.М.Тамахина, К.Г.Черного, Т.К.Черной, К.Э.Штайн, В.М.Головки, Я.В.Погребной и других наших ученых. В нашем университете учился видный современный лермонтовед В.А.Захаров, автор книг "Летопись жизни и творчества М.Ю.Лермонтова" (2003), "Дуэль и смерть поручика Лермонтова" (2006). Проводились конференции, выходили сборники, посвященные М.Ю.Лермонтову. Несколько лет тому назад мы решили обобщить все, что написано о М.Ю.Лермонтове ставропольскими исследователями, не только учеными СГУ, но и всего края. В результате была издана однотомная (2004), а сейчас выходит двухтомная антология "Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю.Лермонтова".

Наш край — особая страница в творчестве Лермонтова: здесь были написаны наиболее значительные его тексты, здесь состоялась трагедия, которая прервала жизнь русского гения. Стало уже общим местом, что Лермонтовым серьезно занимаются в Москве, Санкт-Петербурге, Пензе, но ставропольское лермонтоведение — также интереснейший, богатейший пласт в общем лермонтоведении, тем более что он по преимуществу связан с кавказским периодом жизни и творчества поэта. Работы таких крупных ученых, как Л.П.Семенов, А.В.Попов, М.Ф.Николева, С.И.Недумов, стали библиографической редкостью. Их публикация делает очевидным факт, что Ставрополье, где жил и творил великий поэт, внесло значительный вклад в общее культурное пространство, связанное с творчеством великого художника.

Непрекращающееся развитие "кавказской драмы" вынуждает нас признать, что эта тема — одна из важнейших для нас. По авторитетному мнению В.О.Ключевского, художественная литература, в лучших ее образцах, может служить фундаментальным историческим источником. Это важно для понимания динамики развития и взаимодействия культуры в нашем регионе. Так, новое прочтение А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого показывает, что их произведения "покрывают едва ли не весь период активных боевых действий" первой Кавказской войны. Великие художники стремились отыскать возможность совмещения чуждых миров. Важно, что и у классиков, и у наших современников нет ощущения того, что Кавказ искусственно соединяет враждебные миры. Единый путь, предсказанный Пушкиным и Лермонтовым, — это путь терпеливого разгадывания психологии характеров друг друга, необходимый для взаимопонимания.

В этом контексте лермонтовское творчество — не только вершина искусства, но и учебник жизни, концентрирующий духовный опыт человечества. Наша антология, в которой многопланово представлено исследование жизни и творчества Лермонтова, я уверен, будет значительным вкладом и в лермонтоведение, и в культуру нашего края. Она будет интересна в нашей стране и за рубежом.

Доктор социологических наук профессор,
ректор Ставропольского государственного университета
В.А. Шаповалов

Предисловие

Человек, приезжающий в наши края, особенно остро ощущает память о великом русском поэте М.Ю.Лермонтове. Ставрополь, который он отметил в рисунках и словесном творчестве, Кисловодск, Пятигорск, горы Кавказа. Место дуэли, скорбное место... Вспоминается проза Лермонтова, окутанная дымкой романтизма, поэзия, пронизанная глубинной грустью.

**Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей...**

От всевидящего глаза не укрыться. Сам прописал. И не важно теперь, кто, в конце концов, мучил поэта — власть или людские страсти здесь виноваты. Важно, что наши края запечатлели эту личность, это время. Скалы, долины, степи, горы, воздух, небо — все в них лермонтовским духом пронизано. Аура здесь лермонтовская. Неслучайно уже более 150 лет приезжают люди к нам, на Ставрополье, поклониться памяти поэта.

В нынешнем 2007 году 950 лет роду Лермонтовых. Более 100 лет ставропольскому лермонтоведению. Поздно в провинции начинают, неторопливо работают. В этой запоздалости есть свой смысл: к началу XX века был наработан достаточно большой материал о Лермонтове (русские поэты, В.Г.Белинский). И в то же время мы не опоздали. В России только формировалось литературоведение как наука, закладывались основы научного знания о жизни и творчестве Лермонтова. Вот в этот-то момент проснулась и провинция, и лучшие ученые включились своими исследованиями в связную структуру идей начала XX века.

Мощный толчок ставропольскому лермонтоведению был дан профессором Л.П.Семеновым — выдающимся ученым-кавказоведом и лермонтоведом, прожившим почти всю жизнь в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ, Северная Осетия, Алания). Ставрополье некогда было частью большого Орджоникидзевского края. Семенов активно сотрудничал с музеем "Домик Лермонтова", впоследствии передав туда свою библиотеку, коллекцию рисунков, иллюстраций к произведениям Лермонтова, которые он собирал всю жизнь. Жизнь Л.П.Семенова и его тексты показали, что истинный ученый — человек мира, и чтобы плодотворно работать, необязательно толкаться в столицах.

Инициация — дело серьезное. Первые тексты обычно задают точки отсчета, те позиции, из которых развивается впоследствии научное знание. Л.П.Семенов был ученым энциклопедиче-

ского склада: он занимался историей и памятниками Кавказа, творчеством поэта Коста Хетагурова, культурой Северного Кавказа. Его интересы в области лермонтоведения были связаны с пребыванием поэта на Кавказе, взаимодействием русской (поэта) и кавказских культур (фольклор Кавказа). Локальные темы исследуются Семеновым в широком литературоведческом и философском контексте. Его монография "Лермонтов и Лев Толстой" (К 100-летию со дня рождения Лермонтова) была написана еще в 1914 году, издана в Москве. В ней ученый показал взаимодействие творчества Лермонтова с русской и мировой литературой, что задавало ключевые направления нашему лермонтоведению.

Обширные знания, сочетающие философские посылки с вниманием к конкретному факту, будь то деталь текста или реальное событие, дали вот такое плотное — в плоти текста и слова и плоти текста-реальности — направление исследования. Пожалуй, мало какая школа лермонтоведения имела такой мощный "исток" изучения творчества художника.

Работы Л.П.Семенова, если их осмыслять в терминах философии XX века, были "дарением и основопологанием", заключали в себе "неопосредованность, присущую тому, что именуется началом. А подлинное начало, как скачок, всегда есть вместе с тем "за-скок" вперед, а в таком "за-скоке" начало уже перескочило через грядущее, пусть скрытое в тумане" (М.Хайдеггер "Исток художественного творения"). В подлинном начале, как утверждает Хайдеггер, никогда не бывает примитивности начинающего. Начало же, напротив, содержит в себе неизведанную полноту "спора со всем бывалым" — для Семенова, в первую очередь, это диалог с текстом Лермонтова, с его текстом-жизнью. Сейчас книги Л.П.Семенова почти вышли из культурного обихода: они, как правило, издавались в местных, краевых издательствах небольшими тиражами. Обретая их вновь, мы возвращаемся к "истоку", который и сейчас для нас "первоначальное побуждение". Так и произошло с творчеством Семенова. Это обретение "данного и приданного нам", которое мы, к сожалению, практически утратили.

В процессе создания антологии мы пытались выстроить парадигму ставропольского лермонтоведения. Где она имеет эволюционный, где революционный характер (по Т.Куно), об этом пока не нам судить. В силу того, что в период социализма наука развивалась централизованно, исследование культуры провин-

ции характеризуется сейчас некоторой дискретностью: знаний, наработанных в разных областях, много, но все разрозненно, не объединено, не обобщено. Двухтомная антология ставропольского лермонтоведения — это попытка выявить тексты о Лермонтове, определить их соотношение, выстроить их хронологически, установить опорные темы исследований. Что касается последних, то они были установлены первыми лермонтоведческими произведениями и стали уже семиологическим фактом — текстом о тексте Лермонтова.

Текст Лермонтова функционирует в культурном пространстве, он герметичен и в то же время открыт для наращивания новых витков смысла. Ставропольское лермонтоведение опирается и на тексты Лермонтова, учитывает место их написания, так как они геопоэтически связаны с Кавказом, со Ставрополем. Отсюда главные темы исследования: пребывание Лермонтова на Кавказе (Л.П.Семенов, Д.М.Павлов, А.В.Попов, Д.А.Гиреев, В.А.Захаров и др.), лермонтовские места (С.И.Недумов, Л.Н.Польский, Н.В.Маркелов, В.А.Захаров, В.Г.Гниловской и др.), творчество Лермонтова и культура Северного Кавказа (Л.П.Семенов, А.В.Попов, С.А.Андреев-Кривич и др.), дуэль Лермонтова как кульминация "разразившейся катастрофы" (В.А.Захаров, А.Н.Коваленко и др.), особенности кавказского периода жизни (Д.М.Павлов, Н.В.Маркелов, В.А.Захаров), Лермонтов и культура (А.Н.Коваленко, Б.М.Розенфельд, М.Ф.Дамианиди и др.), философия текста Лермонтова (Т.К.Черная, В.М.Головко, К.Э.Штайн, Д.И.Петренко), поэтика творчества (Л.П.Семенов, М.Ф.Николева, А.В.Попов, Т.К.Черная, В.М.Головко, Я.В.Погребная, К.Э.Штайн, Д.И.Петренко и др.).

Тексты в антологии даются в первоначальной редакции, хотя при ее подготовке мы многое уточняли, корректировали. Большой период в развитии ставропольского лермонтоведения выпал на советское время, поэтому оно не избежало идеологического прессинга. Мы не делали купюр, не исправляли текстов авторов: они были написаны в определенное время и хранят, пусть не всегда лицеприятную, память о нем. Ведь искалечены были не только тексты, но и многие судьбы исследователей-лермонтоведов: О.П.Попова, Л.Н.Польского и др.

Не избежали работы ставропольских лермонтоведов ошибок и заблуждений, но будучи помещены в большом тексте антологии, они вступают в качественно новый диалог, и в ходе критического обсуждения достижений, просчетов и ошибок мы поймем, в каком направлении нам двигаться дальше. Ведь "рост знания" (К.Р.Поппер) состоит в его усовершенствовании, выявлении и устранении ошибок в надежде приблизиться к истине. Нам еще предстоит определить опорные структуры, типические ситуации — регулярности в текстах, чтобы понять, что такое ставропольское лермонтоведение. Но уже сейчас можно сказать, что такое знание есть, есть и попытка представить его как единый текст для критического обсуждения; понятно, что оно органично входит в большое российское лермонтоведение.

Несколько десятков графических листов, воспроизведенных на цветной вкладке, — всего лишь небольшая часть собрания музея Лермонтова в Пятигорске. Тщательно оберегаемые от солнечного света и посторонних глаз оригиналы, среди которых работы Зичи, Судейкина, Серова, Мавриной либо вообще никогда не публиковались, либо редко и давно. Поэтому мы считаем, что наш альбом имеет самостоятельную ценность. Мы благодарны сотрудникам музея М.Ю.Лермонтова в Пятигорске, и особенно главному хранителю музея Н.В.Маркелову, за предоставленный иллюстративный материал, тексты к иллюстрациям. Спасибо директору музея И.В.Сафаровой за творческий диалог.

Филателистическая коллекция, связанная с именем М.Ю.Лермонтова, которую в течение нескольких десятилетий бережно, с любовью собирал И.Г.Дамианиди, украсила второй том антологии. Это также новое измерение в исследовании творчества поэта.

Идет время, и в ходе нашей работы мы осознали, что Лермонтов не отдаляется от нас, он к нам все ближе и ближе. Еще В.В.Набоков, анализируя "Героя нашего времени", отметил парадоксальный "фокус" композиции романа: писатель последовательно приближает к нам своего героя, но когда он с нами заговорит, его (Печорина) уже нет в живых. Так и с самим Лермонтовым: может быть, только сейчас, вооружившись новым знанием о мире и тексте, мы можем "заговорить" с поэтом.

Антология создавалась в едином творческом порыве участниками семинара "ТЕХТУС: Текст как явление культуры" в СГУ. В основном, это аспиранты, молодые ученые, осваивающие филологию, оттачивающие свое мастерство в ходе исследовательской и сложной текстологической работы. Большую работу провели ответственные за выпуск книги Д.И.Петренко, В.П.Ходус. В работе также участвовали Е.Н.Золоторева, В.А.Кофанова, Э.В.Пиванова, Е.Н.Сороченко, Е.В.Кайбе, Ю.В.Пономарева, Т.С.Наумова. Спасибо всем за бескорыстную и самоотверженную работу!

Спасибо за поддержку в нашей работе ректору Ставропольского государственного университета доктору социологических наук профессору В.А.Шаповалову. Он руководитель проекта "Филологическая книга СГУ" и постоянный научный редактор наших изданий. Председатели редакционно-издательского совета — заместитель председателя правительства Ставропольского края Л.Н.Волошина, министр образования Ставропольского края А.Ф.Золотухина. Без их советов, одобрения, помощи эта работа вряд ли бы состоялась. Издание антологии осуществляется правительством Ставропольского края, Министерством образования Ставропольского края при деятельном участии министра образования края А.Ф.Золотухиной. Большой вклад в создание антологии внесли сотрудники Ставропольского краевого музея-заповедника М.Ю.Лермонтова: И.В.Сафарова, Н.В.Маркелов, А.Н.Коваленко, Л.Н.Кочкарева. И прекрасный иллюстративный материал, и многие редкие издания были предоставлены нам сотрудниками музея — подбирал их и комментировал главный хранитель Н.В.Маркелов. Выражаем благодарность сотрудникам Ставропольской краевой библиотеки имени М.Ю.Лермонтова, особенно директору З.Ф.Долиной и заведующему отделом краеведения Т.Ю.Кравцовой, за компетентные консультации.

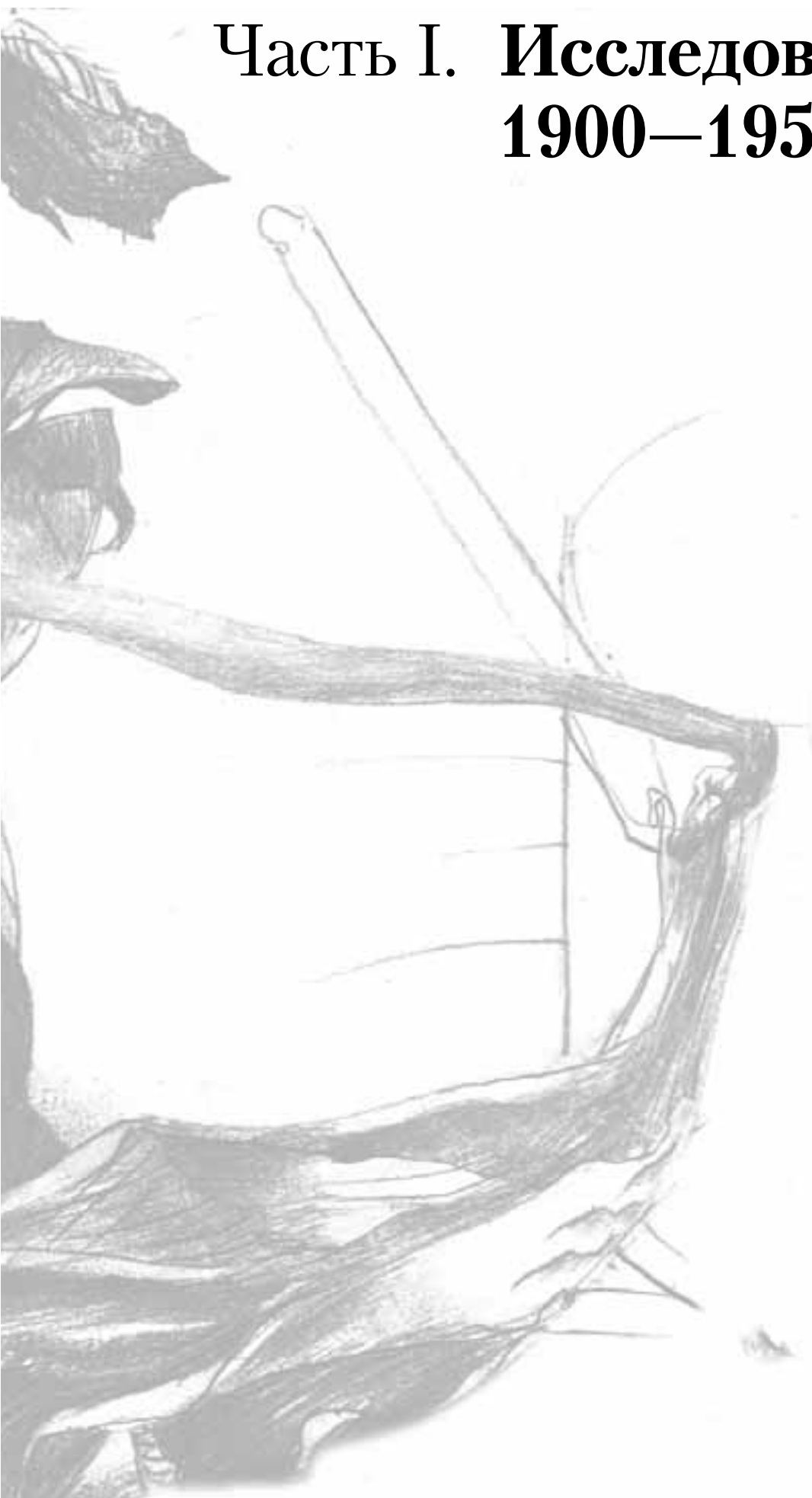
Большую помощь в подготовке антологии, в комплектовании ее материалов оказал известный лермонтовед, сопредседатель Российского лермонтовского комитета В.А.Захаров, предоставивший нам не только свои исследования, но и уникальные рукописи ставропольских лермонтоведов из собственного архива.

Особая благодарность замечательному художнику книги дизайнеру С.Ф.Бобылеву. Он творчески подошел к оформлению антологии и тексту Лермонтова, осмыслив его в развитии, узрел особые связи Лермонтова с европейской культурой, используя в оформлении книги мотивы произведений немецкого художника Хорста Янссена — романтика уже XX века. Все это говорит о продолжении диалога, о том, что подлинное искусство — это *energeia*, бытие творческое. Об этом, как думается, свидетельствуют исследования ставропольских лермонтоведов.

К.Э.Штайн

**Часть I. Исследования
1900—1950-х годов**

Леонид Петрович Семенов

1886—1959

не проявил в области кавказского фольклора такой осведомленности, как Лермонтов, и никто, вдохновляясь мотивами этого фольклора, не создавал таких прекрасных произведений, как он". Отзвуки фольклора народов Кавказа ученый обнаруживает во многих произведениях поэта. Разработка этой темы нашла продолжение в публикациях современных исследователей.

Предметом научного интереса Л.П. Семенова было создание "Лермонтовской энциклопедии" (1981). Идея осуществления этого труда относится к 1959 году, когда Семенов обратился к В.А. Мануйлову с официальным предложением создать персональную энциклопедию русского поэта. К письму Леонид Петрович приложил обстоятельно разработанный план будущей энциклопедии. План, предложенный Семеновым, сложился в процессе многолетней научной работы ученого в области лермонтоведения, а также в результате целенаправленных поисков материалов о Лермонтове и его эпохе. Около полувека Леонид Петрович собирал коллекцию, в которой оказалось около 5000 книг, статей, изобразительных материалов, переводов, архивных документов по лермонтоведению. В 1951 году ученый передал это уникальное собрание в музей "Домик Лермонтова" в Пятигорске. Ценнейшей частью коллекции, входящей сегодня в основной фонд музея, являются прижизненные издания произведений М.Ю. Лермонтова, в том числе книга "Герой нашего времени", вышедшая в 1840 году. Бесценны книги современников Лермонтова, вошедшие в это собрание — В.А. Соллогуба, П. Вяземского, А.О. Смирновой, альбом рисунков Г. Гагарина, издания по истории Кавказа и полков, в которых служил поэт. В коллекцию Л.П. Семенова, переданную в "Домик Лермонтова", вошло и такое интересное издание, как сочинения Лермонтова с редакцией, вступительной статьей и примечаниями А.А. Блока.

Особо следует сказать о материалах по лермонтоведению на иностранных языках, собранных Леонидом Петровичем. Кроме книг из круга чтения поэта, здесь надо выделить такое уникальное издание, как описание кавказского путешествия женщины-легенды в жизни М.Ю. Лермонтова — Адель Оммер де Гельль.

Заслуженный деятель науки профессор Л.П. Семенов скончался 2 апреля 1959 года. Он был одним из немногих ученых, счастливо сочетавших исторические и филологические интересы. Его вклад в лермонтоведение трудно переоценить. В настоящее время многие вопросы, обозначенные им как перспективные для исследования, продолжают разрабатываться современными учеными. Отмечая большие заслуги в изучении жизни и творчества М.Ю. Лермонтова Московской и Петербургской научных школ, мы берем на себя смелость сказать, что Л.П. Семенов был одним из основателей северокавказской школы, внесшей свою лепту в развитие науки о Лермонтове.

Е.Л. Соснина

Леонид Петрович Семенов — профессор Северо-Осетинского государственного педагогического института, литературовед, этнограф, фольклорист, кавказовед, археолог, педагог. Родился 30 мая 1886 года в станице Слепцовской Терской области (станция Орджоникидзеvская), затем жил во Владикавказе. Учился в Харьковском университете и уже в студенческие годы избрал темой своих исследований творчество М.Ю. Лермонтова. Его первая научная работа "Очерки поэзии М.Ю. Лермонтова" относится к 1911 году. Результат научно-исследовательской деятельности Л.П. Семенова — более ста научных работ по вопросам литературы, музееведения, археологии и этнографии Кавказа.

Одна из первых научных публикаций Семенова посвящена анализу стихотворения Лермонтова "Ангел" (1912). По словам автора, это произведение "тончайшими нитями" связано и с личной жизнью поэта и со многими его произведениями, написанными до и после "Ангела". Ученый рассматривает это стихотворение в контексте русской и мировой поэзии.

Ранние работы основаны на изучении творчества М.Ю. Лермонтова в сравнении с Пушкиным, Бестужевым-Марлинским, Огаревым, Баратынским, Толстым. Самая значительная из них "Лермонтов и Лев Толстой" вышла в свет в Москве в 1914 году.

Итогом серьезной исследовательской работы стала книга Л.П. Семенова "М.Ю. Лермонтов на Кавказе" (Орджоникидзевское книжное изд-во, 1939). Этот труд — первое систематическое подробное описание кавказских периодов жизни М.Ю. Лермонтова. Семенов привлекает большой исторический, этнографический и фольклорный материал в процессе комментирования биографии и произведений поэта, выдвигает ряд новых проблем, перспективных для исследования: "Лермонтов и декабристы на Кавказе", "М.Ю. Лермонтов и литературы народов Кавказа".

Л.П. Семенов первым из исследователей указал на реальные прототипы героев лермонтовских произведений "Измаил-Бей" и "Хаджи Абрек" (Бей-Булат Таймазов и Росламбек Мисостов). Начало Л.П. Семеновым исследование поэмы "Измаил-Бей" впоследствии продолжил С.А. Андреев-Кривич.

В 1941 году вышла книга Л.П. Семенова "Лермонтов и фольклор Кавказа", где автор пишет: "... ни один из русских писателей

Краткая библиография

- Семенов Л.П. "Ангел". Очерк поэзии Лермонтова. — Харьков, 1912.
- Семенов Л.П. "Ангел". Очерк поэзии Лермонтова // Сб. ист. Филол. общества при Харьковск. университете. — Харьков, 1913. — Т. 19. — С. 263—298.
- Семенов Л.П. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филол. зап. 1914. — Вып. 5—6. — С. 614—639.
- Семенов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой. К столетию со дня рождения Лермонтова. — М., 1914.
- Семенов Л.П. М.Ю. Лермонтов. Статьи и заметки. — Вып. 1. — М., 1915.
- Семенов Л.П. Новые документы о Лермонтове // Горская мысль. Владикавказ, 1922. — № 2. — С. 39—49.
- Семенов Л.П. К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 году. По архивным материалам // Известия Сев.-Кавказск. пединститута. — Владикавказ, 1924. — Т. 2. — С. 39—58.
- Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. — Пятигорск, 1939.
- Семенов Л.П. Кавказские поэмы Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Кавказские поэмы. — Ворошиловск — Орджоникидзе, 1939. — С. 5—23.
- Семенов Л.П. Лермонтов и Коста // Изв. Сев.-Осет. научно-исследов. ин-та, 1940. — Т. 9. — С. 9—30.
- Семенов Л.П. Источник некоторых эпиграмм Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. 1841—1941. Сб. статей под общ. ред. В. Васильева и К. Черного. — Пятигорск, 1941. — С. 75—82.
- Семенов Л.П. Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Альманах. — Грозный, 1941. — Кн. 1. — С. 78—91.
- Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа. — Пятигорск, 1941.
- Семенов Л.П. О стихотворениях, приписываемых Лермонтову // М.Ю. Лермонтов. 1841—1941. Сб. статей. — Пятигорск, 1941. — С. 83—92.
- Семенов Л.П. К столетию со дня гибели М.Ю. Лермонтова // Ученые зап. Сев.-Осет. пед. ин-та. — Орджоникидзе, 1942. — Т. 3. (16). — С. 3—5.
- Семенов Л.П. Лермонтов и С.М. Броневский // Ученые записки Сев.-Осет. пед. ин-та. — Орджоникидзе, 1942. — Т. 3 (16). — С. 7—15.
- Семенов Л.П. К вопросу об отношении К. Хетагурова к русской культуре. — Орджоникидзе, 1955.
- Семенов Л.П. Мотивы горского фольклора и быта в поэме Лермонтова "Хаджи Абрек" // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и материалов. — Ставрополь, 1960. — С. 7—28.

Л.Н. Кочкарева

1914

Лермонтов и Лев Толстой

(К столетию со дня рождения Лермонтова)

1814—1914

*"Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной".*

*"Бывают люди: чувства — им страдания,
Причуда злой судьбы — их бытие".*

*"Немало я знаю рассказов мудреных и чудных".
(Акад. изд. соч. М. Ю. Л. II, 261, 52, 345)*

*"Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и
глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны
ощущать на свете великую грусть".
(Достоевский. "Преступление и наказание")*

Содержание

1. Лермонтов и Лев Толстой

От автора

Глава I. Беглый очерк жизни Лермонтова и Льва Толстого

Глава II. Воспоминания о раннем детстве; детская любовь

Глава III. Отношение к детям

Глава IV. Первая страсть

Глава V. Ангел

Глава VI. Богоборчество; осуждение ханжества

Глава VII. Благотворное воздействие природы на мятежную
душу человека

Глава VIII. Война

Глава IX. Война (продолжение). Наполеон

Глава X. Война (продолжение). "Бородино"

Глава XI. Война (продолжение). "Казачья колыбельная
песня". "Дары Терека". "Завещание"

Глава XII. Война (окончание). Вторжение человека

в мирную жизнь природы

Глава XIII. Смерть

Глава XIV. Герои Лермонтова и Толстого.

Непривлекательная наружность

Глава XV. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение).

Физическая сила

Глава XVI. Герои. Лермонтова и Толстого (продолжение).

Любовь к лошадям и быстрой езде

Глава XVII. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение).

Карты

Глава XVIII. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение).

Студенты

Глава XIX. Герои Лермонтова и Толстого (окончание). Типы

Толстого, родственные Печорину и Грушницкому

Глава XX. Отношение к просвещению

Глава XXI. Отношение к медицине

Глава XXII. Музыка

Глава XXIII. Пляска

Глава XXIV. Еще некоторые общие мотивы творчества

Лермонтова и Толстого

Глава XXV. Суд

Глава XXVI. Ангел Смерти

Глава XXVII. Несколько слов о субъективности творчества

Лермонтова и Толстого и о художественных их приемах

Глава XXVIII. Заключение

2. Лермонтов и Библия

3. Дубовый листок

4. Портрет

5. Заметки

I. Об академическом издании сочинений Лермонтова

II. Лермонтов и песни гребенских казаков

III. Еще о «Казачьей колыбельной песне»

IV. Эпизод с чиновником

V. Еще о «Валерике»

VI. Еще о Лермонтове и Козлове

VII. Муки слова

VIII. «Спор» Лермонтова и «Разговор» Тургенева

IX. Бой туч

X. Воздушный город

XI. Ландыш

XII. «И скучно и грустно»

XIII. Кое-что о Пушкине и Лермонтове

От автора

В октябре настоящего года исполняется столетие со дня рождения великого русского поэта *Михаила Юрьевича Лермонтова*. С благоговением посвящаем его памяти наш скромный труд.

В очерках, обнимающих большую часть настоящей книги, мы даем сравнительную характеристику творчества Лермонтова и Льва Толстого; в этих очерках, а также в статьях и заметках, посвященных другим вопросам, главным предметом исследования является поэзия Лермонтова. Затем мы наибольшее внимание уделяем произведениям Льва Толстого.

Мы не намеревались дать цельную характеристику творчества этих гениев. Наша задача — доказать, что Лермонтов оказал на Толстого сильное и длительное влияние, что Лермонтов и Толстой, идет ли речь об их личности или их созданиях, имеют глубокое внутреннее сродство. О влиянии Лермонтова на Толстого в нашей критической литературе говорилось всегда мельком, между прочим; этому вопросу не посвящено ни одно, хотя бы и небольшое, исследование, и он стоит перед нами во всей своей необъятности и заманчивости.

После того, как замолкают юбилейные речи, после того, как потухают огни юбилейных ликований, будничная жизнь обыкновенно берет свои права, и интерес к поэту или писателю, которого так недавно чествовали, падает, и имя, еще вчера бывшее у всех на устах, на долгое время остается в тени... Хотелось бы верить, что интерес к поэзии Лермонтова, усиливающийся в последнее время, будет расти, переживет мимолетные юбилейные дни, окрепнет. Желая способствовать этому по мере своих сил, желая внести свежую струю в дело изучения творчества Лермонтова, мы старались выдвинуть вопросы, которые до сих пор мало были разработаны или вовсе не затрагивались.

Глава I. Беглый очерк жизни Лермонтова и Льва Толстого

Жизнь Лермонтова и Льва Толстого имеет немало сходных черт. Лермонтов и Толстой — аристократы по рождению и воспитанию. Оба рано потеряли мать: первый — когда ему не было трех лет; второй — когда ему было полтора года. Лермонтов смутно помнил мать и с трогательной нежностью лелеял ее образ в душе своей. Толстой не сохранил воспоминаний о матери, но тоже благоговел перед ее памятью. Он говорил: "Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала много". (Бирюков. "Л.Н. Толстой". Биография. Том I. М. 1911 г., 47). Воспитание Лермонтова было в руках его бабушки, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, а Толстого — его дальней родственницы, Татьяны Александровны Ергольской. И у Лермонтова, и у Толстого были гувернеры-иностранцы. Еще ребенком Лермонтов побывал на Кавказе; там он, десятилетний мальчик, влюбился в девочку лет девяти; воспоминание об этом эпизоде навсегда запечатлелось в душе поэта.

По свидетельству Бирюкова, у Толстого¹ "самая сильная любовь была детская, к Сонечке Калошиной". (Бирюков, I, 311). В 1828 г. Лермонтов поступил в Благородный пансион при Московском университете; пробыл в нем до 1830 г. Учился он хорошо; еще до поступления в университет свободно владел французским, немецким и английским языками. Отец поэта, Юрий Петрович, жил в разлуке с ним, вел глухую, неослабевавшую борьбу с Арсеньевой, и эта вражда терзала душу поэта. Умер Юрий Петрович в 1830 г. или 1831 г.² Толстому было 9 лет, когда он потерял отца. У Толстого, как говорит Бирюков, "воспоминание о нем связано только с детскими годами, когда воспитание бывает большею частью в женских руках, оттого мы полагаем, что и отец его не мог иметь на него большого влияния". (Бирюков. "Л.Н. Толстой". Краткий биографический очерк. М. 1908, 4). Детство и отрочество Лермонтова прошли частью в деревне, частью в городе. Стихи "начал марать", как признается сам, с 1828 года.³ В 1830 г. поступил в Московский университет. В эту пору он много читал, много писал. С коллегами близко не сошелся, но не совсем чуждался их (напр., принимал участие в Маловской истории). Через два года поэт вышел из университета; несомненно, этому способствовали столкновения с профессорами. Толстой тоже 16-ти лет поступил в университет (Казанский), в котором пробыл более двух лет. Учился он плохо, но временами увлекался каким-нибудь предметом и серьезно занимался только им; как Лермонтов,

он, будучи студентом, вращался в избранном кругу, не пропускал балов, маскарадов, великосветских любительских спектаклей. Из Москвы Лермонтов переехал в Петербург, желая поступить в университет. Однако здесь ему отказались зачесть годы пребывания в московском университете; такая несправедливость, а также слухи о том, что университетский курс вместо трехгодичного станет четырехгодичным, побудили Лермонтова изменить свое решение. Этому способствовали и другие обстоятельства: желание скорее стать независимым и пример товарищей, перешедших из университета в юнкерскую школу. Он поступил в эту школу, чем огорчил близких. У самого поэта далеко не спокойно было на душе; в ту пору писал он Верещагиной: "Вы, конечно, уже знаете, сударыня, что я поступаю в школу гвардейских подпрапорщиков. Это меня лишит, к сожалению, удовольствия вас скоро увидеть. Если бы вы могли ощутить все горе, которое мне это причиняет, вы бы пожалели обо мне. Не браните же, а утешьте меня, если у вас есть сердце". (Л., IV, 394). Тогда же — Лопухиной: "До сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин". (Л., IV, 395). Лев Толстой оставил университет, не окончив его; по его словам, причин этому было две: 1) брат кончал курс и уезжал; 2) работа с "Наказом" и "Esprit des lois", открывшая ему новую область самостоятельного труда; университет же, со своим стеснительным режимом, не удовлетворял молодую душу. (См.: Бирюков, I, 138).

Два года провел Лермонтов в стенах юнкерской школы. Эти два года он впоследствии называл "страшными". (Л., IV, 399). Военная дисциплина, ухарство юнкеров, освященное традициями, скабресный рукописный журнал "Школьная заря", — могло ли все это содействовать развитию поэта? Из ложного самолюбия, боясь показаться неженкой, Лермонтов не уступал товарищам в молодечестве; в душе он глубоко страдал и не мог дожидаться дня свободы; в 1833 г. он писал Лопухиной: "Надеюсь, вам будет приятно узнать, что я, пробыв в школе всего два месяца, выдержал экзамен в первый класс, и теперь один из первых. Это все-таки подает надежду на близкую свободу!" (Л., IV, 396). В другом письме (к ней же) у него вырываются горькие слова: "Как скоро я заметил, что прекрасные грезы мои разлетаются, я сказал себе, что не стоит создавать новых; гораздо лучше, подумал я, приучить себя обходиться без них. Попробовал — и походил в это время на пьяницу, старающегося понемногу отвыкнуть от вина". (Л., IV, 397). Из поэтических опытов, относящихся ко времени пребывания Лермонтова в юнкерской школе, ценна поэма "Хаджи-Абрек" — первое из его печатных произведений. В конце 1834 г. он был произведен в корнеты лейб-гвардейского гусарского полка, и началась рассеянная, сопровождаемая кутежами и шалостями жизнь. Но в те же годы поэт создавал такие прекрасные произведения, как "Маскарад", "Боярин Орша", "Русалка", "Ветка Палестины", "Смерть поэта"; последнее, положившее начало славе Лермонтова, вместе с тем было причиной ссылки его на Кавказ. Поэт побывал на Северном Кавказе и в Закавказье, близко узнал и еще более полюбил эти края. На Кавказе он познакомился с Белинским и декабристами. Из произведений этого периода замечательны — "Бородино", "Узник", "Молитва" ("Я, Матьер Божия"), "Сосед", "Казбеку", "Песня про купца Калашникова" и др. Служба тяготила поэта; он говорил Раевскому в письме: "Я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку". (Л., IV, 330). В этом же письме он упоминает о том, как чуть-чуть не попал в плен: "Раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черекс (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке лезгин". (Л., IV, 330). Такой же случай произошел со Львом Толстым в 1853 г., в бытность его на Кавказе; он едва избежал плена; эпизод этот лег в основу рассказа "Кавказский пленник" (см. Бирюков, I, 227—

232). В конце 1837 г. Лермонтову разрешено было вернуться из ссылки. Он жил то в Новгороде, то в столицах. У него завязались обширные литературные знакомства; новые превосходные произведения делают его имя известным. Быстрое возрастание славы и популярности, а с другой стороны — резкие проявления независимого характера Лермонтова увеличивали число его недоброжелателей в высших сферах. Поэт три раза просился в отпуск (в Москву) — отпуска не давали; хотел выйти в отставку — бабка была против этого, а огорчать ее он не мог. Он писал Лопухину: "Признаюсь тебе, с некоторого времени ужасно упал духом". (Л., IV, 335). Столкновение с де Барантом, — и поэт после заключения под арестом опять был выслан на Кавказ. Принимая участие в походах на горцев, он выказывал храбрость и безумное удалство. В том же году появился в печати его роман "Герой нашего времени". Во время второй ссылки поэту удалось побывать в Крыму. Бабка поэта, после усиленных хлопот, добилась разрешения Лермонтову отпуска в Россию. В начале 1841 г. он в последний раз побывал в Петербурге и Москве, а весной опять уехал на Кавказ. Он жил в Пятигорске, где скоро восстановил против себя местное общество своими колкостями. Он был одинок, томился предчувствием смерти, но лелеял надежду на то, что ему удастся вырваться на волю. В последнем, известном нам, письме он говорил: "Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку". (Л., IV, 342). Но Пятигорск не отпустил поэта. Произошла ссора с Мартыновым, закончившаяся дуэлью; восторжествовал Мартынов-Грушницкий...

Доскажем биографию Толстого. Покинув университет, он в скором времени тоже попал на Кавказ и, подобно Лермонтову, из студента делается военным. Долго дремавшие творческие силы были теперь как бы разбужены; расцветающий молодой поэтический гений поразил современников мощью и красотой. С Кавказа Толстой уехал в Крым и принял участие в оборонительной Севастопольской войне. После Крымской кампании он переселился в Петербург, оставив военную службу; в это время ему было столько же лет, сколько умершему Лермонтову. Педагогическая деятельность Толстого, женитьба, горячее, неослабевающее участие в общественной и политической жизни России, религиозные и философские искания, мировая популярность мало имеют отношения к сравнительной биографии Лермонтова и Толстого; но и во всем этом есть нечто лермонтовское. "Пророк" Лермонтова, — говорит Розанов, — разве это не Гюголь, с его "бегством" из России в Рим? не Толстой — с угрюмым отшельничеством в Ясной Поляне?.. (В. Розанов. "Литературные очерки". СПб. 1899 г., 162). Мы же теперь добавим: гонения, которым подвергался Толстой в последние годы жизни, его бегство из Ясной Поляны — тоже не мотивы ли "Пророка" Лермонтова? Известно, как отнеслось русское духовенство к Лермонтову, погибшему на дуэли; его, как "самоубийцу", не желали похоронить по церковному православному обряду. Мартынов, на основании свидетельств современников поэта, доказывает, что тело поэта "было лишено христианского погребения по обряду православной церкви, и что ему оказана церковным причтом только честь выноса и проводов до могилы". (Мартынов. "Как был погребен М.Ю. Лермонтов". — "Ист. В.", 1895 г., VI, 819). "Такого человека, как собаку, не хоронят, — сказал католический ксендз, присутствовавший на погребении поэта, и отслужил литию и обедню; после него отслужил лютеранский священник (там же, 822). Судьба продолжала преследовать Лермонтова и по смерти его. Градовский рассказывает, сколько хлопот было ему, когда он, по поручению литературного фонда, в 1891 г. заказывал по Лермонтову панихиду в Казанском соборе; протоиерей отказывался служить: "Лермонтов убит на дуэли... Это приравнивается к самоубийству... По самоубийцам панихид

не служат". Пришлось обратиться к митрополиту, который дал разрешение, сказав, что "судить Лермонтова не нам, а Богу". (Градовский. "Итоги". Киев. 1908, 364—366).⁴ Толстой, хотя и по другим причинам, был похоронен вовсе без христианских обрядов... Невольно всплывают в памяти некрасовские слова:

... Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...
Без попов!..
("Похороны").⁵

Неужели теперь, в предстоящую столетнюю годовщину со дня рождения нашего великого, многострадального поэта, не замрет все, что может нарушить тихий могильный сон?..

Нашей единственной целью было указать в этом сжатом очерке на фатальное совпадение биографических фактов; это обстоятельство еще более способствовало возникновению и развитию аналогичных идей и сюжетов в произведениях Лермонтова и Толстого, творчество которых столь субъективно.

Глава II. Воспоминания о раннем детстве, детская любовь

Лермонтов всю жизнь с нежной любовью и грустью вспоминал о невозвратном, милом детстве:

**Сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет.**
(I, 272).

Только наружно погружался он в блеск и суету мира; часто он, предавшись размышлениям, лелеял в душе "старинную мечту", "святые звуки" былого, летел к нему вольной птицей. И тогда он видел родные места:

**высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится, и встают
Вдали туманы над полями.**
(II, 277).

Это село Тарханы. Висковатый дает следующее описание лермонтовской усадьбы: "Барский дом, одноэтажный, с мезонином, окружен был службами и строениями. По другую сторону господского дома раскинулся роскошный сад, расположенный на полугоре. Кусты сирени, жасмина и розанов клумбами окаймляли цветник, от которого в глубь сада шли тенистые аллеи. Одна из них, обсаженная акациями, сросшимися наверху настоящим сводом, вела под гору к пруду. С полугорья открывался вид в село с церковью, а дальше тянулись поля, уходя в синюю глубь тумана". (Висковатый. "М.Ю. Лермонтов". Жизнь и творчество". М. 1891 г., 27).⁶ Картина эта постоянно всплывала в памяти поэта. В юношеской поэме "Преступник" упоминается

**дом высокий,
... пустой, унылый двор,
... пруд заглохший, сад широкий!..**
(I, 42).

В "Вадиме" горбун "вспомнил свою молодость, и отца, и дом родной, и высокие качели, и пруд, обсаженный ветлами... все, все". (IV, 13).

Та же картина в другой начатой повести: "От барского дома по скату горы до самой реки расстился фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы... Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской; а двор обстроен был одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и сохли жидкие ветлы; среди двора красовались качели". (IV, 298–299).

По поводу стихотворения "Первое января" Розанов замечает: "Разве это не тема "Детства и отрочества" Толстого? Не та же тоска, очарование, тревога?" (Розанов. "Литер. очерки". СПб. 1899 г., 160).

Необъятный мир толстовских идей и образов во многих случаях представляет широкую и глубокую разработку намеченных Лермонтовым вопросов; иногда — это влияние Лермонтова, иногда — следствие тяготения обоих гениев к одним и тем же проблемам; они настоящие близнецы по духу. Немало тропинок проложил Лермонтов Толстому, и этим отчасти объясняется необычайное богатство и полнота развития художественных мотивов творчества великого писателя русской земли.

"Этот "высокий барский дом", этот сад запущенный читатель найдет и у Тургенева, и у Л.Н. Толстого. Талантливый современный поэт (Ив. Бунин) немало элегических стихов посвятил навсегда покинутому им "дворянскому гнезду". (Бархин. "Сочинения М.Ю. Лермонтова с объяснительными статьями". Часть I. Лирические стихотворения. Одесса. 1912 г., 108).

Исследователи творчества Лермонтова ограничивались до сих пор подобными замечаниями: ценными, но беглыми. Необходимо разработать эти вопросы.

Человеку свойственна, вообще, тоска по детству; чем дальше уходит он от первой поры бытия, тем милее и поэтичнее представляется она ему. У Толстого умирающий Иван Ильич, пробегающая в последний раз свое прошлое, только на детстве останавливается с радостью. (Л.Н. Толстой. "Полное собрание сочинений". Под редакцией и с примечаниями П.И. Бирюкова. Изд. Сытина. М. 1913 г. X, 40–42. К этому изданию относятся и дальнейшие ссылки). То же мы подмечаем у поэтов, близких по духу к Лермонтову.

Огарев говорит:

Невольно мысль стремится к прошлым дням
И в дальние идет воспоминанья.
Чем далее, тем лучше, тем свежей...
Ребачество и юность... дом отцовский...

(Огарев. "Стихотворения". Под ред. Гершензона. М. 1904 г., II т., 411–412. Дальнейшие ссылки по этому изданию). Вспомнившая детские годы, герой Огарева видит те же, лермонтовские картины:

Знакомый пруд, знакомый сад!
Здесь детский возраст был так волен!
Здесь все, чему бывал он рад,
Вновь на глаза его предстало
И чуть до слез не взволновало.
Все тот же на дворе стоял
Уныло домик деревянный,
И мезонин довольно странный
Его вершину замыкал.
(Огарев, II, 208, 209).

Думая о младенческих годах, поэт видит

Село в вечерней тишине,
В саду светящиеся воды
И жизнь в каком-то полусне,
В кругу семьи, среди природы.
(Огарев, II, 82).⁷

Так и Голенищеву-Кутузову припоминается

Однообразная равнина;
Над мутной речкой барский дом,
Пять старых лип — остаток сада,
Дорожка, сгнившая ограда,
Строеня ветхие кругом —
Конюшня, скотный двор, людская;
А дальше... дальше глушь родная —
Поля, болота, пустыри...
(Голенищев-Кутузов. "Сочинения". СПб., 1894 г., II, 30–31. Дальнейшие ссылки по этому изданию).

Надсон:

Вот наш старый с колоннами серенький дом,
С красной крышей, с массивным балконом.
Темный сад на просторе разросся кругом,
И поля, утоная во мраке ночном,
С отдаленным слились небосклоном.
(Надсон. "Стихотворения". Изд. 21-е. СПб. 1905 г., 17.
Дальнейшие ссылки по этому изданию).

Как мы видим, поэты варьируют мотивы "Первого января"; конечно, каждый из поэтов в свои описания вкладывал и личные впечатления, но влияние Лермонтова не подлежит сомнению: здесь те же образы, то же полупечальное, полугрустное настроение. Сходство даже в мелочах; например, у Лермонтова рифмуются слова: "кругом" и "дом"; то же — в цитированных стихотворениях Голенищева-Кутузова и Надсона.

В своем стихотворении "Первое января", посвященном воспоминаниям детства, Лермонтов говорит далее:

**В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.** (I, II, 277).

И Николенька Иртеньев рассказывает: "Большие пошли в кабинет пить кофе, а мы побежали в сад шаркать ногами по дорожкам, покрытым упавшими желтыми листьями, и разговаривать". (Т, I, 22).

Уйдя в мир былого, Лермонтов переживает в мечтах свою первую любовь:

**И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю о ней, я плачу и люблю, —
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.** (II, 277).

Это та девятилетняя девочка, в которую он, будучи десятилетним мальчиком, влюбился на Кавказе. Когда ему было уже 15 лет, он говорил: "Я не помню, хороша собою была она или нет, но ее образ и теперь еще хранится в голове моей. Он мне любезен, сам не знаю почему... это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я еще не любил так. О, сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум!.. Я не знаю, кто была она, откуда... Белокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность... Иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью, но чаще — плакать". (IV, 349–350).

Об этой любви вспоминает он в стихотворении "Кавказ" (то же в 1830 г.):

**Я счастлив был с вами, ущелия гор.
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз, —
И сердце лепечет, вспомян тот взор:
Люблю я Кавказ!** (I, 109, 110).

Быть может, именно потому поэт и любил так "лазурные", "голубые", "божественные", "небесные" глаза (см., напр., — II, 210, 211, 212, 234; III, 165).

Поэтам, натурам крайне впечатлительным, свойственно раннее пробуждение любви к женщине. Данте на исходе 9-ти лет полюбил восьмилетнюю Беатриче,⁸ и любовь эта окрепла и служила ему источником вдохновения. Байрону было 8 лет, когда он влюбился в Мэри Дафф. Мюссе испытал первую любовь, когда ему было четыре года. (Мюссе. "Избранные сочинения". — Русская классная библиотека. Вып. XX. СПб. 1901 г., 224). У Толстого в начале жизни "самая сильная любовь была детская, к Сонечке Калошиной". (Бирюков, I, 311). Николенька Иртенев, когда ему было десять лет, влюбился в Катеньку. Вот прелестная, грациозная картинка детской любви:

"Катенька, нагнувшись над червяком, движением плеча направляет свое платьице, "и в то же время ветер поднял косыночку с ее беленькой шейки. Плечико во время этого движения было на два пальца от моих губ. Я смотрел уже не на червяка, смотрел-смотрел и из всех сил поцеловал плечо Катеньки. Она не обернулась, но я заметил, что шейка ее и уши покраснели. Володя, не поднимая головы, презрительно сказал:

— Что за нежности?

У меня же были слезы на глазах". (Т., I, 28).

У нее было "белокуренькое личико", "светло-голубые глаза и улыбающийся взгляд", "ротик с светлой улыбкой" (I, 28, 125); словом, это точь-в-точь такая же девочка, какую ребенком полюбил Лермонтов...

Потом Николенька влюбился в двенадцатилетнюю Сонечку Валахицу. Она сразу понравилась ему (I, 55—58); он танцует с нею, занимает ее разговором. Он взволнован: "Сердце билось, как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему и хотелось плакать". (I, 63). Те же ощущения переживал Лермонтов-мальчик: "Она была тут и играла с кузиною в куклы: *мое сердце затрепетало, ноги подкосились*. Я тогда ни о чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть сильная, хотя ребяческая... Надо мной смеялись и дразнили, ибо *примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку, без причины*, желал ее видеть... убежал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб *биение сердца и дрожащий голос* не объяснили другим тайну, непонятную для меня самого". (Л., IV, 349). Влюбившись в Сонечку, Николенька охладевает к Сереже Ивину, к которому до этого питал беспредельную любовь. (Т., I, 51, 64). В избытке счастья он признается брату, что "решительно влюблен в Сонечку". (I, 65). Он ревнует ее к Сереже и, подсмотрев, как Сережа поцеловал ее, называет ее "коварной изменницей". (I, 109). Прошло три года... Три года Николенька не видел Сонечки, "но в душе оставалось еще живое и трогательнее воспоминание прошедшей детской любви". Он говорит: "Мне случалось в продолжение этих трех лет вспоминать о ней с такою силой и ясностью, что я проливал слезы и чувствовал себя снова влюбленным, но это продолжалось только несколько минут и возвращалось снова нескоро". (I, 173).

Голенищев-Кутузов, вспоминая детство, переживает те же чувства, и перед ним, как перед Лермонтовым и Толстым, из тумана былого всплывает образ любимой некогда девочки, тоже голубоглазой и улыбающейся:

... И вот мне видится в тех белых облаках
Головка девочки, вся в кудрях золотистых,
Улыбка милая, на розовых устах...
Мне эта девочка знакома...
... Я вижу в вышине и кудри золотые,
И детское лицо, и очи голубые.
(Г.-К., II, 200).⁹

Так воспоминания о детстве, проведенном в милом, родном гнезде, и о первой любви вызывают у поэтов лирические излияния, полные тихой, нежной печали.

Когда мы в памяти своей
Проходим прежнюю дорогу,
В душе все чувства прежних дней
Вновь оживают понемногу;
И грусть и радость те же в ней,
И знает ту ж она тревогу.
(Огарев, II, 82).

"Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! — говорит Толстой. — Как не любить, не делять воспоминания о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений". (I, 39). На закате жизни с умилением вспоминал он про детскую игру в "муравейных братьев" и "зеленую палочку" (см. Бирюков, I, 84—87, 94—95).

Глава III. Отношение к детям

Загадочная душа поэта, в котором многие современники видели второго Печорина, дерзкого офицера, доставлявшего начальству вечное беспокойство, таила святые чувства, и чувства эти были пронесены неизменными сквозь все бури и испытания; таковым было, например, доброжелательное чувство к детям.¹⁰ Сколько трогательной любви и ласки к ним, сколько мудрости в стихотворении, посвященном сыну А.Л. Лопухина, старого друга:

**Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин;
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как Божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины!¹¹
Душою бел и сердцем невредим!** (II, 255).

Ночью грешных людей терзают "сны мучители", но
**Ангелы хранители
Беседуют с детьми.** (II, 343).

Ср. у Толстого: "Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению. (I, 41). Прелестный образ ангела-хранителя, беседующего с ребенком, — в стихотворении Полонского "Ангел". В "Подражании Байрону" Лермонтов говорит:

**Увижу на руках ее дитя,
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласк мать узнает вновь,
Что время не могло унести любовь!..** (I, 166).

Это пророческие слова; это страница из последующей жизни поэта. Его биограф рассказывает: "Раз только Лермонтов имел случай в третьем месте увидеть дочь Варвары Александровны.¹² Он долго ласкал ребенка, потом горько заплакал и вышел в другую комнату. Его, очевидно, мучило раскаянье за те горести, ко-

торые он причинил матери из-за своего невольного языка, из-за желания в сочинениях своих язвить Бахметева. Видеть любимую, страдающую женщину ему было заказано. Старые годы счастья и надежд, потом годы черствого отношения к дорогому существу, а затем годы печали и безнадежной привязанности вставали перед ним". (Висковатый. "М. Ю. Л.", 291). Под этим впечатлением написано стихотворение "Ребенку", которое мы приводим полностью:

**О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как мило мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрощенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...**

**Но мне ты все поверь. Когда, в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала,
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые, родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой?...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!
Дай Бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни! (II, 287, 288).**

"Должно быть, в эту минуту лицо его было особенно похоже на лицо его матери: исчез разлад между слишком умным, тяжелым взором и "детски нежным выражением губ"; в глазах была небесная мудрость, а в губах земная скорбь любви. И если бы тогда увидели его Вл. Соловьев и Достоевский, то, может быть, поняли бы, что не разгадали чего-то самого главного в этой "душе печальной, незнакомой счастьем, но нежной, как любовь". (Мережковский. "М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества". СПб. 1909 г., 44). Розанов сопоставляет это стихотворение со стихотворением Пушкина "Стансы" ("Брожу ли я вдоль улиц шумных"): "Пушкин чувствует младенца, если можно так выразиться, идилически, картинно, Лермонтов физиологически. Последнее — гораздо глубже, и слово "с содроганьем" (смотрим) — тут не обмолвка. Это — взгляд отца, взгляд — матери, любовь — не скользящая по предмету художественным лучом, а падающая на предмет вертикально, как луч полуденного солнца, пронзающая предмет, сжигающая предмет. И такие вертикальные лучи негодования ли, любви ли, палящие, знойные, действующие, ударяющие — везде у Лермонтова; в противоположность горизонтальным лучам, художественно успокоенным, у Пушкина. От этого действие их на душу глубоко, быстро, сму-

щающе: без всякого преувеличения, слезы навертываются при чтении его строк".¹³

В "Казачьей колыбельной песне"¹⁴ поэт выразил всю теплоту материнской любви, исполненной надежд, тревог и тайных огорчений. Эта за сердце хватающая мелодия производит сильное впечатление еще оттого, что скорбному образу матери поэт противопоставляет мирно спящего младенца и безмятежную природу ("тихо смотрит месяц ясный").

Лермонтов проникается глубоким, нежным участием к своим героям, в детстве видавшим мало светлых дней. Вот бедный Мцыри; он

**занемог, не перенес
Трудов далекого пути,
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб и гибок, как тростник.(II, 309).
... Чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одиноч,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной. (II, 310).**

Перебирая смутные, но сладостные воспоминания, он говорит:

**А мой отец? Он, как живой,
В своей одежде боевой
Являлся мне, — и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер, —
Лучи их сладостных очей,
И звук их песен и речей
Над колыбелью моей...
В ущелье том бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда оне, перед дождем,
Волны касались крылом. (II, 314).**

Для Мцыри, отрочество и юность которого протекли в плену, в монастырских стенах, первые детские, проведенные в родном ауле годы дороже всего на свете:

**За несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял!.. (II, 329).**

Селим ("Аул Бастунджи")

**рос один... на воле, без забот,
Как птичка меж землей и небесами. (I, 335).**

Лермонтов чуть-чуть помнил мать, а с отцом, которого тоже рано потерял, почти всегда жил в разлуке. Его герои — тоже одинокие дети. Селим рос без отца и матери. Мцыри ребенком оторван был от семьи; но у него были хотя воспоминания; у других и этого нет.

Корсар говорит:

**Я не видал своих родимых,
Чужой семьей вскормлен я. (I, 29).**

Измаил-Бей —

**материнской ласки не знавал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты. (II, 44).**

Арсений рассказывает Орше:

Не знаю, где рожден,
Кто мой отец, и жив ли он!
Не знаю... Люди говорят,
Что я тобой ребенком взят,
И был я отдан с ранних пор
Под строгий иноков надзор;
И вырос в тесных я стенах,
Душой — дитя, судьбой — монах!
Никто не смел мне здесь сказать
Священных слов: "отец" и "мать".
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен...
Напрасно! звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил! (II, 122).¹⁵

Сашка ребенком лишился матери.

Он рос... Отец его бранил и сек, —
Затем, что сам был с детства часто сечен,
А, слава Богу, вышел человек:
Не стыд семьи, не туп, не изувечен.
Понятья были низки в старый век...
Но Саша с гордой был рожден душою
И желчного сложенья...
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел. (II, 165).
Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал. (II, с. 166).

Но горшая участь ожидает ребенка, если он еще и безобразен. Вадим говорит о себе: "В стенах обители я провел мои лучшие годы, в душевных стенах... притесняемый за то, что я обижен природой... что я безобразен... Никто в монастыре не искал моей дружбы, моего сообщества; я был один, всегда один". (IV, 21).

Ясно, что когда Лермонтов писал о страданиях этих одиноких детей, он вспоминал свое детство, имевшее не только светлые стороны. Он рос без матери, мало знал отца. Тайные терзания уroda Вадима — романтически преувеличенные мучения самого поэта, очень самолюбивого, но некрасивого. Горькое утешение он мог почерпнуть в биографии Байрона, над хромотой которого, когда он был мал, издевались не только школьные товарищи, но и мать.

Дети, которых изображает Лермонтов, не по летам серьезны. Сашка,

До времени отвыкнув от игры...

... начал думать, строить мир воздушный. (II, 166).

Мцыри, томясь в монастыре, был "чужд ребяческих утех". (II, 310). Саша Арбенин "разлюбил игрушки и начал мечтать". (IV, 299). Лермонтов любил в детстве забавы: военные игры, театр марионеток, но имел склонность предаваться фантастическим размышлениям:

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала...
Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнью иной,
И о земле позабывал. (I, 254).

Нина ("Сказка для детей") тоже не знала материнской ласки; отец, неразговорчивый и суровый, редко виделся с дочерью, и она, запуганная им и строгой англичанкой, росла, как хрупкий тепличный цветок; она и увядала, как цветок, бледнела и стано-

вилась все задумчивее; бросив скучную книжку, смотрела она на мир из окна старого, молчаливого дома и грезила,

И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали. (II, 273).

Печорин с детства был несчастен: "Я был скромнен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен. Я был угрюм, другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже: я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть". (IV, 234).

Предоставленные самим себе, эти дети жили в мире странных мечтаний, и удивительно ли, что они старились душой до времени? Бедные дети! Росли они не под нежной родительской опекой, в кругу братьев и сестер, а в угрюмых монастырях, или старинных барских домах, пугающих пустынными, гулкими анфиладами зал. Кто их воспитывал? Какой-нибудь седой монах, недалекий француз-эмигрант, чопорная англичанка. Такие ли воспитатели нужны были этим детям, богато одаренным от природы, чутким и впечатлительным? Росли дети, но никогда не смеялись, втихомолку плакали, бились над разрешением вопросов, которые должны были бы разяснять им старшие, и в мечтах уносились далеко-далеко от гнетущей действительности. Тонкие, сложные организации развивались в уродливых условиях; благие семена, брошенные судьбой в детский ум и в детское сердце, или вовсе не прорастали, или рано глушили злыми плевелами. Касаясь мира детей, Лермонтов выказывает и изумительную наблюдательность, и свои лучшие душевные качества. Говоря о детях, он подыскивает самые поэтические и трогательные сравнения: Селим рос вольно и беззаботно, "как птичка" (I, 335); Нина

как ландыш за стеклом,

Или, скорей, как бледный цвет подснежный. (II, 273).

И в людях взрослых его пленяет отпечаток всего детски-прелестного. Он отмечает, что князь Одоевский сохранил "звонкий детский смех" (II, 261), что в улыбке Печорина "было что-то детское" (IV, 189). У самого поэта, как свидетельствует Тургенев, "тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски-нежных и выдававшихся губ". (Тургенев. "Полное собрание сочинений". СПб. Изд. Маркса. 1898. XII, 76). И в природе, которую так любил поэт, есть для него нечто детски-грациозное, прекрасное или печальное.

Природа тешился шутя,

Как беззаботное дитя. (II, 381).

"Приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми". (IV, 172).

В жалобном вое шакала слышатся звуки детского крика и плача (II, 316). У ручья — "ребячий лепет" (II, 326). Воздух Кавказа "чист, как молитва ребенка" (I, 106), "как поцелуй ребенка" (IV, 204).¹⁶ До Лермонтова никто у нас не говорил о детях с такой внимательностью и задушевностью; он является прямым предшественником Толстого и Достоевского, глубже всех постигнувших душу ребенка.

Известно, как любил детей Лев Толстой, как интересовал его мир детских грез, детских радостей и горестей и раздумий. Жизнь Сережи Каренина похожа на жизнь лермонтовских детей; он рос под строгим надзором отца, тосковал по матери, предавался горьким размышлениям, и никто из окружающих не знал его тайных страданий. Николушка, сын князя Андрея, не по летам серьезен и наблюдателен (VII, с. 49). Вся нежность, вся трогательная любовь Толстого к детям вылилась при описании следующей картины: "Князь Андрей обрадовался, увидав мальчика, так как будто бы он уже потерял его. Он нагнулся и, как учила его сестра, губа-

ми попробовал, есть ли жар у ребенка. Нежный лоб был влажен, он дотронулся рукой до головы — даже волосы были мокры: так сильно вспотел ребенок. Не только он не умер, но теперь очевидно было, что кризис совершился и что он выздоровел. Ему хотелось схватить, смять, прижать к своей груди это маленькое, беспомощное существо; он не смел этого сделать. Он стоял над ним, оглядывая его голову, ручки, ножки, определявшиеся под одеялом. Шорох послышался подле него, и какая-то тень показалась ему под пологом кровати. Он не оглядывался и все, глядя в лицо ребенка, слушал его ровное дыхание. Темная тень была княжна Марья, которая неслышными шагами подошла к кровати, подняла полог и опустила его за собой. Князь Андрей, не оглядываясь, узнал ее и протянул к ней руку. Она сжала его руку.

— Он вспотел, — сказал князь Андрей.

— Я шла к тебе, чтобы сказать это.

Ребенок во сне чуть пошевелился, улыбнулся и потерялся лбом о подушку.

Князь Андрей посмотрел на сестру. Лучистые глаза княжны Марьи, в матовом полусвете полога, блестили более обыкновенного от счастливых слез, которые стояли в них. Княжна Марья потянулась к брату и поцеловала его, слегка зацепив за полог кровати. Они погрозили друг другу, еще постояли в матовом свете полога, как бы не желая расстаться с этим миром, в котором они втроем были отделены от всего света. Князь Андрей первый, пугая волосы о кисею полога, отошел от кровати.

— Да, это одно, что осталось мне теперь, — сказал он со вздохом". (Т., V, 81, 82).¹⁷

Чрезвычайно интересно одно из посмертных произведений Толстого — "Детская мудрость"; с мастерством, присущим ему, раскрывает он перед нами сложный внутренний мир детей, знакомит нас со взглядами их на религию, государство, науки и прочее. Правда, в этих диалогах сквозит тенденция, но в них немало художественных, толстовских штрихов.¹⁸ Нередко у Толстого встречаются лермонтовские образы или Лермонтовым намеченные темы. Например, его приводит в умиление *детское* выражение улыбающихся губ Хаджи-Мурата. Эта улыбка нравится и Полторацкому (XII, 22), и княгине Марье Васильевне (XII, 24); даже у отрубленной головы знаменитого современника Шамиля "в складке посиневших губ было *детское*, доброе выражение". (XII, 83).

У больного Андрея Болконского "нежная *детская* шея, выстулавшая из отложенного воротника рубашки", и это придавало ему "особый невинный, *ребяческий* вид" (VI, 309).¹⁹ Одна из глав "Отрочества", "Ненависть" (I, 116—118), в которой Николенька признается в своей непримиримой ненависти к гувернеру, представляет как бы разработку лермонтовских слов о Сашке:

Умел он поминать, кто его обидел,

И потому отца возненавидел. (II, 165).

Глава IV.

Первая страсть

Наивная детская любовь, которую испытали Лермонтов, Толстой и их герои, являлась предвестницей первой, настоящей, но преждевременной страсти; этому благоприятствовали и нравы той эпохи; родители тогда сквозь пальцы смотрели на любовные шалости юнцов, — а нередко высказывали и поощрение.

Лермонтов в 16 лет писал следующие стихи:

Склонись ко мне, красавец молодой!

Как ты стыдлив! Ужели в первый раз

Грудь женскую ласкаешь ты рукой?..

Далее — в том же духе; любопытно замечание:

Поверь, невинных женщин вовсе нет. (I, 100, 101).²⁰

Вторую любовь поэт пережил двенадцатилетним мальчиком, и еще два года спустя чувство его не остыло; выразить же это чувство, в стихотворении "К гению", ему не удалось; слова и краски бледны (см. I, 53, 54). Но уже в стихотворении "Первая любовь" сильно сказывается потребность чувственной, до срока заговорившей, любви:

В ребячестве моем тоску любви знойной

Уж стал я понимать душою беспокойной;

На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,

При свете трепетном лампы образной,

Воображением, предчувствием томимой,

Я предавал свой ум мечте непобедимой:

Я видел женский лик... (I, 177).

Здесь интересно привести в параллель стихотворение Полонского "Ангел":

Любил я тихий свет лампы золотой,

Благоговейное вокруг нее молчанье,

И, тайного исполнен ожиданья,

Как часто я, откинув полог свой,

Не спал, на мягкий пух облокотясь рукою...

Та же обстановка: детская, озаренная лампадой, ночная тишина; на постели лежит мальчик и не спит; но ему грезится не женский лик; нет, он ждет своего ангела-хранителя. И тот слетал к нему, и мальчик поверял ему все свои чистые желанья и думы, и целовал края его бледно-серебряного одеянья... Какой контраст!..

Что еще удивительнее, — в душе самого Лермонтова, вместе с тоскою по "знойной любви", жили всегда идеальные чувства и стремления, и никто не писал таких сладостных, райских молитв, как он.

Четырнадцатилетний Саша влюбляется в служанку:

Ее любил мой Саша той любовью,

Которая по жилам с юной кровью

Течет огнем, клокочет и кипит.

Боролись в нем желание и стыд. (II, 172).

Страсть одержала верх. Первый роман Саши кончился тем, что его Маврушу увезли и выдали замуж за бородатого мужика (II, 171—179). "У Лермонтова описание ночных свиданий с Маврушей²¹ сделано, несомненно, с натуры", — замечает Б. Садовский ("Трагедия Лермонтова". — "Р. М.", 1912 г., VII, 11). Мы позволим себе сомневаться в этом; поэт говорит читателю в той же поэме:

Четырнадцать лет

Я сам страдал от каждой женской рожи...

... Но лишь в мечтах видал я без покрова

Все, что для вас, конечно, уж не ново... (II, 172).

Юрий Палицын шестнадцати лет влюбляется в дворовую девушку Анотку; через шесть лет он увидел ее: "Увы! она сделалась дожей толстой бабою; он видел, как она колотила слюнявых ребят, мела избу, бранила пьяного мужа самыми отвратительными речами. Очарование разлетелось, как дым". (IV, 67). Печорин "рано с помощью товарищей вступил на соблазнительное поприще разврата". (IV, 125).

Биография Огарева дает яркие иллюстрации к затронутому нами вопросу; значение их усугубляется тем, что Огарев — современник Лермонтова; он был всего на год старше его. "Огарев отнюдь не был новичком в делах любви. В том кругу, где он жил, наследственные нравы и обилие соблазнов при условиях крепостного быта открывали юноше невзбранный и легкий путь в эту сторону, а Огарев и от природы был крайне женолюбив". (М. Гершензон. "Образы прошлого". М. 1912 г., 331). Сам поэт признается: "Пятнадцати лет я мечтал о любви чистой и небесной... шестнадцати — пылкое воображение заставило меня полюбить; меня постигло разочарование, подорвавшее мою веру в любовь. Семнадцати лет я захотел обладать женщиною и обладал ею; без любви с обеих сторон"... (Там же, 335). Николенька Иртеньев рассказывает в "Отрочестве": "Но ни одна из перемен, происшедших в моем взгляде на вещи, не была так поразительна для самого меня, как та, вследствие которой в одной из наших горничных я перестал видеть слугу женского пола, а стал видеть *женщину*, от которой могли зависеть в некоторой степени мое спокойствие и счастье". (Т., I, 94). Большую роль играли здесь пример и одобрение старших. Когда Огарев был сослан в Пензу, отец окружил его "веселым и беззаботным обществом"; "не обошлось дело и без красивой дворовой девушки, как будто случайно выбранной для услуг молодому барину". (Гершензон, 328). В четырнадцатилетнем Саше долго боролись желание и стыд, но нескромное поведение отца, ухаживавшего за Маврушей, положили конец колебаниям ("Сашка"). Сам поэт, воспитывавшийся в среде людей, враждебно настроенных против Юрия Петровича, в среде низких интриг и сплетен, едва ли не знал, что причиной окончательного разрыва между матерью и отцом были ухаживания последнего за компаньонкой жены. Толстой говорит, что когда его отцу было лет 16, родители соединили его, "как думали тогда, для его здоровья, с дворовой девушкой". (Бирюков, I, 51). Николенька Иртеньев был ровесник лермонтовскому Сашке, когда заметил, что Володя, бывший годом старше его, ухаживает за красавицей Машей. "Не могу выразить, — вспоминает он, — до какой степени меня изумило это открытие; однако чувство изумления скоро уступило место сочувствию поступку Володи, — меня уже не удивлял самый его поступок, но то, каким образом он постиг, что приятно так поступать. И мне невольно захотелось подражать ему". (I, 94). Он с тяжелым чувством зависти и ревности следил за Володей, но "был стыдлив от природы", и стыдливость его еще увеличивалась убеждением в своей уродливости. (I, 94, 95). За этой же горничной не прочь был поухаживать отец, свидетелем чего был сам Николенька (I, 127). Но Николенька еще мальчик и лучше брата; его мечты наивны; глядя на Машу, он думает: "Отчего она не родилась барышней?.. Она бы шила в пяльцах, а я бы в зеркало смотрел на нее, и чего бы ни захотела она, я все бы для нее делал: подавал бы ей салоп, кушанье сам бы подавал". (I, 119). Он наблюдает, как Василий, дворовый, ухаживает за Машей, и ему доставляет удовольствие мечтать о том, как он, став взрослым, пожертвует своим чувством, великодушно уступив Машу Василию, которого она любила. (I, 118-121). Лиза III., взрослая девушка (в рассказе "Что я увидел во сне") затеяла роман с четырнадцатилетним кадетом Коко; она довела мальчика до сумасшествия, до слез.²²

Душа этих детей, испытывавших губительную земную страсть, подобна неосторожной бабочке, опаленной огнем, или молодой белоснежной птице, влачащей по пыльной дороге надломленные крылья.

Глава V. Ангел

Лермонтов верил в доземное существование душ. Еще до создания стихотворения "Ангел" он говорил:

Хранится пламень неземной

Со дней младенчества во мне. (I, 131).

В стихотворении "Смерть":

Оборвана цепь жизни молодой,

Окончен путь, бил час, — пора домой... (I, 175).

В стихотворении "Ангел" поэт развивает ту идею, что смутные, но неугасимые стремления человеческой души к прекрасному объясняются небесным ее происхождением. И впоследствии он высказывает аналогичные мысли; например, в "Герое нашего времени" рассуждает о том, что, когда человек находится лицом к лицу с природой, "все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, *какой была тогда и, верно, будет когда-нибудь опять*". (IV, 172). Платоновская вера в небесную отчизну роднит Лермонтова со многими предшествующими и последующими нашими поэтами; но никто из них не томился в земной темнице так, как он. Когда шестнадцатилетний поэт говорит, что его звезда

Померкнула с давнишних пор (I, 155), —

мы не должны видеть здесь преувеличения, ибо поэт верил, что он стар, как само время:

Как часто силой мысли в краткий час

Я жил века и жизнью иной. (I, 254).

Или:

И я счет своих лет потерял,

И крылья забвенья ловлю:

Как я сердце унести бы им дал!

Как бы вечность им бросил мою! (I, 303).

Ангелы реют и над страницами Толстого. Наташа Ростова говорит: "Я знаю наверное, что мы были ангелами там где-то и здесь были, и от этого все помним"... (V, 223). Николенька, когда ему было 14 лет, думал над тем, что "мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание". (I, 122). Во "Власти тьмы" Анютка говорит Митричу: "Намедни прохожий ночевал... сказывал, что младенец помрет, его душа прямо на небо пойдет. Правда это?" Тот отвечает: "Кто ее знает. Должно так". (X, с. 254). Каждому из нас, быть может, приходилось испытывать иногда то странное чувство, которое вызывается мыслью, что мы видим или переживаем сейчас то, что было некогда пережито нами же. Эти моменты останавливают на себе внимание наших поэтов и писателей и истолковываются, как смутные отголоски давнего былого, предшествовавшего даже рождению. Наташа Ростова, сидя в уголке, уходит в воспоминания; ей представляется, наконец, прошлым даже то, что происходит теперь; свет, падающий через дверную щель, Соня, идущая мимо, движения Сони, ее улыбка — все это, кажется Наташе, она когда-то видела; даже мысли, мелькающие в эту минуту, как будто давно ей знакомы (V, 220, 221). То же случилось ощущать и Николеньке Иртеньеву: "И вдруг я испытал странное чувство: мне вспомнилось, что именно все, что было теперь со мною, — повторение того, что было уже со мною один раз: что и тогда точно так же шел маленький дождик и заходило солнце за березами, и я смотрел на *нее*, и она читала, и я магнетизировал ее, она оглянулась, и даже я вспомнил, что это еще раз прежде было". (I, 194). Аналогичная тема — в стихотворении А. Толстого "По гребле неровной и тряской"; поэт утверждает то же:

Мне кажется все так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда...
... Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.
... Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда...

(А.К. Толстой. "Полное собр. стихотворений".
СПб., 1905, I, 240. — Дальнейшие ссылки по этому изданию).

Эта идея оригинально развита Апухтиным в фантастическом рассказе "Между смертью и жизнью". Герой рассказа тоже говорит: "Мне показалось, что то, что происходит со мной теперь, что это состояние мне знакомо, что я его уже переживал когда-то, но только давно, очень давно..." (Апухтин. "Соч.", СПб. 1900 г., 433). Эти мимолетные, неуловимые ощущения Апухтин объясняет припоминанием души о том, что она переживала при переселении из одного человеческого существа в другое.²³

Как же, по мнению поэтов, наши души попали на землю? Их приносят ангелы. Этому учит и Талмуд. По предположению проф. Бершадского, талмудическая легенда о рождении человека послужила Лермонтову мотивом для "Ангела". (См. "Восход", 1889, I—II, 5—6). К этому мнению присоединяются Болдаков ("Соч." Л-ва под ред. Болдакова, М., 1891 г., II, 346, 347), проф. Абрамович (Л., I, 406). Бархин, без достаточных оснований, такое мнение считает "совершенно неправильным" (Бархин, "Соч. М. Ю. Л.", I, 24). Мы полагаем, что нельзя отрицать возможности влияния талмудической легенды; во-первых, знаменательно совпадение идей "Ангела" с нею; во-вторых, весьма вероятно, что легенда эта была известна поэту, у которого один из гувернеров был еврей (Леви). Наташа Ростова верила, что мы сами некогда были ангелами. Ангелы же уносят души в горний мир. Вера в Ангела Смерти сложилась в седой старине. Лермонтов часто упоминает об ангелах, переносящих души умерших в рай. Ангел уносит с земли душу Тамары. Арбенин говорит умирающей Нине:

**Мир прекрасный
Тебе откроется, и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.** (III, 273).

Гаруновы братья пали в бою, —
И ангелы их души взяли. (II, 267).

Ангелу Смерти поэт посвящает поэмы "Азраил" и "Ангел Смерти". Поэма "Ангел Смерти" посвящена А.М. Верещагиной, которую он просит:

**Будь ангел смерти для меня!
Явись мне в грозный час страданья,
И поцелуй пусть будет твой
Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!** (I, 313).²⁴

Льву Толстому принадлежит чудесный рассказ об Ангеле Смерти — "Чем люди живы".

Лермонтов верил в рай. Одинок томясь на земле, он с тоской обращается к умершему отцу:

**О, мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! — звезды говорят;
Но где же? вот вопрос, и в нем-то яд.** (I, 281).

Иногда его ужасало, что по смерти он потеряет индивидуальность: "Страшно подумать, что настанет день, когда я не смогу сказать: я! При этой мысли весь мир есть не что иное, как ком грязи". (IV, 393, 394). Он говорит:

**Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую.
Молчу и жду... Пора пришла...** (II, 210).

Или:

**Я без страха жду довременный конец;
Давно пора мне мир увидеть новый.** (II, 215).
Между небом и землей

Есть путь, давно измеренный душой. (II, 158).

Души Тамары, ее жениха, Нины Арбениной переселяются в рай. Душа дочери боярина Орши,

**Приняв другое бытие,
Теперь парит в стране святой.** (II, 137).

Таким образом, душа переживает тело — свою колыбель (I, 255).

Лев Толстой верил в бессмертие души. Смерть — это пробуждение. (XVI, 212, 213).²⁵ Он говорит: "Я верю в это, вижу несомненно, знаю, что я, умирая, буду радостным, что я пристану к тому, *более реальному* миру". (XVI, 213). "Надо жить, надо любить, надо верить, — говорил Пьер, — что живем не нынче только на этом клочке земли, а *жили и будем жить вечно*, там, во всем (он указал *на небо*)". Князь Андрей слушал его, а волны реки приговаривали: "*Правда, верь этому*". (V, 94, 95). Николенька Иртенев грезит о том, как душа его по смерти будет лететь с душою матери на небо (I, 113).

"Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных". (Достоевский. "Братья Карамазовы". VI кн., III гл. — Изд. Маркса, 1895 г., 381).²⁶

Глава VI. Богоборчество, осуждение ханжества

Лермонтов, еще в самых молодых годах много выстрадавший, одинокий и в часы грусти, и в часы радости, рано почувствовал тяготу бытия и рвался из земных оков.

"Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете!" — горько говорит пятнадцатилетний поэт (I, 74), то есть — только ничтожество может удовлетворяться пустотой жизни, не искать лучшего, не протестовать. Он же, поэт, как мятежный парус, просил и жаждал бурь! "Свет просто тюрьма, с разными перегородками и отделениями!" — говорил Гамлет ("Гамлет", II д., пер. Полевого). И Лермонтову мир был темницей; в груди — "силы необъятные", а кругом — глухие стены, и он — узник. Недаром перевел он из Шиллера двустихие:

Счастлив ребенок — и в люльке просторно ему!

Но дай время

Сделаться мужем, — и тесен покажется мир. (I, 77).

В его душе трепетали те муки и тревоги, которые с таким чувством выразил его младший брат, Надсон:

Был моей тюрьмою

Весь мир, огромный мир, раскинутый кругом.

... Как жаждал я — чего? — не нахожу названья

Нечеловечески-величественных дел,

Нечеловечески-тяжелого страданья,

Лишь не делить с толпой пустой ее удел!..

(Надсон, 84).

И вот Лермонтов, душа гордая и пламенная, уже в юности ропщет на Того, Кто осудил его на земные муки, — на Бога! "Странный человек", — говорят о некоторых его героях; и о Лермонтове можно сказать: "Странный человек!" В нем, как в его излюбленном герое — Демоне, — неразрывно переплелось добро и зло, свет и тень. Человек контрастов. Юнкерские поэмы — и гимны духовной красоте женщины; желание быть заметным в высшем свете — и желчное, презрительное осуждение света; жажда "забыться и заснуть" — и жажда бурь; бунт против Бога — и нежные, грустные молитвы... Жизнь невыносимо тяжела, скучна и пуста; кто виноват? Тот, Кто поселил человека на земле. Пятнадцатилетний поэт обращается к Творцу с дерзкой, огненной "Молитвой":

**Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие воленья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь!
Но угаси сей чудный пламень —
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень.
Останови голодный взор.
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь, —
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь (I, 78).**

В другом юношеском стихотворении он признается:

**Ломаю руки и глотаю слезы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!.. (I, 119).²⁷**

В минуту отчаяния он восклицает:

**Пусть меня накажет Тот,
Кто избрал мои мученья. (II, 214).**

Ревнуя любимую женщину, говорит:

**Что мне сиянье Божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой. (II, 290).**

Иногда в его "грешных молитвах" чувствуется усталость, — как в знаменитой "Благодарности":

**Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне,
Недолго я еще благодарил. (II, 288).**

Тот же дух мятежа и в его героях. Юрий Волин перед самоубийством рассуждает: "Но если Он точно всеведущ, зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству? Зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. Зачем хотел Он моего рожденья, зная про мою гибель?.. Где Его воля, когда по-моему хотенью я могу замереть или жить?.." (III, 142; ср. еще — 143, 146)

Безумные слова вырываются у Владимира Арбенина. "Бог, Бог! Во мне отныне к Тебе нет ни любви, ни веры!.. Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты Сам нестерпи-

мую пыткой вымучил эти хулы... Зачем Ты дал мне огненное сердце, которое любит до крайности и не умеет так же ненавидеть!" и т.д. (III, 201). Такие же вызовы бросают Небу Вадим, Ольга (IV, 11, 12, 26, 57).

Человеку, даже глубоко верующему, свойственно в часы душевной муки роптать на Творца; это случается и с детьми, и со взрослыми. Приблизительно в том же возрасте, в каком был Лермонтов, когда писал "Молитву" ("Не обвиняй меня, Всесильный"), Николай Иртенев впервые ропщет на Бога. Наказанный за шалости, он сидел в чулане, и вот какие мысли возникли в его уме: "Я дерзко спрашиваю Его, за что Он наказывает меня". "Я, кажется, не забывал молиться утром и вечером, так за что ж я страдаю?" "Положительно могу сказать, что первый шаг к религиозным сомнениям, тревожившим меня во время отрочества, был сделан мною теперь, не потому, чтобы несчастье побудило меня к ропоту и неверию, но потому, что мысль о несправедливости Провидения, пришедшая мне в голову в эту пору совершенного душевного расстройств и суточного уединения, как дурное зерно, после дождя упавшее на рыхлую землю, как бы стротой стала разрастаться и пускать корни". (I, 112, 113). Умирающий Иван Ильич "плакал о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога.

"Зачем Ты все это сделал? Зачем привел меня сюда? За что, за что так ужасно мучаешь меня?" Он и не ждал ответа, и плакал о том, что нет и не может быть ответа". (X, 39). Это сильно напоминает вышеприведенные слова Волина.

В рассказе "Где любовь, там и Бог" говорится про мужика Мартына, который схоронил сына — "и отчаялся. Так отчаялся, что стал на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не раз просил у Бога смерти и укорял Бога за то, что Он не его, старика, прибрал, а любимого единственного сына. Перестал Авдееч и в церковь ходить". (XVI, 31).

Эти "проклятые вопросы" всегда терзали и терзают человечество и исторгают из его уст дерзкие протесты и мольбы.

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачитя правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?
Кто виной? Иль силе правды
На земле не все доступно?
Иль она играет нами?..

(Гейне. "Брось свои иносказания". — Пер. Михайлова).²⁸

Ропот на Бога не проходит безнаказанным. Азраил возроптал на Творца:

**Всесильный Бог! Ты знать про будущее мог, —
Зачем же сотворил меня? (I, 308).**

И на его голову падает наказание: его звезда раздроблена рукой Создателя, а сам мятежный дух обречен на вечное одиночество и скитания. Проклятие падает на "печального Демона, духа изгнания". Гордые арабийские пальмы, не видя конца скучного, беспечельного существования, ропщут:

Не прав твой, о небо, святой приговор!.. (II, 257).

На следующее утро от них остался холодный пепел, да и тот был развеян ветром. Юрий Волин умирает с сознанием своего греха: "Бог мне... Никогда... Не прости!.." (III, 146). Сам поэт, обращаясь к Творцу с грешными мольбами и проклятиями, в то же время боится Божьего наказания:

**Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю. (I, 78).**

У Толстого в рассказе "Чем люди живы" говорится о том, как ангел, послушавшийся Бога, нес за это кару.

Неизвестно, конечно, к чему привело бы Лермонтова тяготение к религиозно-философским проблемам. Гоголь, с его толкованиями литургии, изнурительными постами, путешествием в Палестину, и Толстой, с его отрицанием заветов православной Церкви, — две противоположности, две крайние точки, достигнутые верующим русским человеком в страстных поисках Истины, — и между ними стоит Лермонтов, каким он нам остался известным. Он знает сладость молитвы — молитвы, после которой

**С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...** (II, 257).

Икона с мерцающей перед нею лампадой — для него святыня, эмблема мира и отрады ("Ветка Палестины", "Я, Матерь Божия", "Ребенку", "Казачья колыбельная песня" и др.).

Порицание ханжества и недостойного поведения служителей религии приближает Лермонтова к Толстому. В драме "Испанцы" он клеймит испанских монахов за их лицемерие, слабость к вину, за их интриги, за преступления, совершаемые с низкими целями. В "Вадиме" он описывает, как монахи "толкали богомольцев с таким важным видом, как будто бы это была их главная должность". (IV, 1; ср. вариант — 361).²⁹ Он упрекает монахов за то, что они дурно обращались с маленьким Вадимом и заставляли его благодарить Бога, давшего ему безобразную наружность (IV, 21). Касаясь монастырской жизни, Лермонтов иногда слишком сгущает краски; например, Вадим, выросший при монастыре, рассказывает: "Все монахи, которых я знал, были обыкновенные, полубородые существа, *глупые от рождения или от старости, неспособные ни к чему, кроме соблюдения постов*". (IV, 21). Суровость приговора смягчается тем, что он вложен в уста несчастного горбуна, над которым все подсмеивались, в том числе и монахи. В поэме "Боярин Орша" Лермонтов бросает совершенно несправедливый упрек нашему древнему монашеству; вот это любопытное место:

**Пышных кресел полукруг —
Изделье иноческих рук —
Блестали тканью парчевой;
В большие окна свет дневной,
Врываясь светлой полосой,
Дробясь в искры по стеклу,
Играл на каменном полу;
Резьбою мелкая стена
Была искусно убрана,
И на двери в кружках золотых
Блестали образа святых.
Тяжелый низкий потолок
Расписывал, как знал, как мог,
Усердный инок... *Жалкий труд,
Отнявший множество минут
У Бога, дум святых и дел:
Искусства горестный удел!* (II, 117, 118).**

Усердное занятие иконописью и, вообще, живописью, хотя бы она была незатейлива, не может быть, по нашему мнению, названо жалким трудом, отдалявшим монаха от Бога и добрых дел; труд этот являлся посильной данью Творцу, выражением благоговения к Нему и, кроме того, стремлением к прекрасному. Нам понятно негодование поэта; его благородная, широкая натура требовала сильного, яркого проявления духовных сил; но упрек его был бы справедлив, если бы был направлен, например, против писания схоластических трактатов.

С не меньшим негодованием говорит Лермонтов о ханжестве мирян, будь то помещики или их крепостные. В драме "Menschen und Leidenschaften" юный поэт дает простор своему гневу. Горничная Дарья читает вслух евангелие, и старуха Громова прерывает чтение следующими восклицаниями: "Ах, злодеи-жиды! Нехристи проклятые! Как они поступали с Христом!.. Всех бы их переказнила без жалости..." (III, 104). Или (по поводу обличительных слов: "Горе вам, книжницы и фарисеи, лицемеры и т. д.): "Правда, правда говорится здесь!.. Ах, эти лицемеры!.. Вот у меня соседка Зарубова... Такая богомольная, кажется, всякий праздник у обедни; а намядняя велела загнать своих коров и табун на мои озими, — все потоптали. Злодейка!.." (III, 105). Чтение продолжается, и вдруг за стеной слышится громкий стук разбитой посуды. Громова обращается к Дарье: "Что это?.. Верно, мерзавцы, что-нибудь разбили... Сбегай-ка да посмотри!.." (III, 105). Оказывается, что поваренок Васька разбил хрустальную кружку; виновника приводят к барыне, и она кричит на него: "Как ты ее уронил? Отвечай же, болван! Ну что ж ты? Говори. (*Мальчик хочет говорить*). Как? Ты еще оправдываться хочешь... Эх, брат! В плети его, в плети, на конюшню!.. (*Мальчик кланяется в ноги*). Вздор! Я этим поклонам не верю... Убирайся с чертом, прости, Боже, мое согрешение"... (III, 105, 106).³⁰ Возбужденная хитрой горничной против сына и внука, Громова, задыхаясь от злости, говорить: "Я хочу видеть их мученья... Мечь!.. Мечь!.. Злодеи! Прости, Боже, мое согрешенье... Не в силах... Мать Богородица и святые угодники, простите мне!.. Поеду в Киев, половину имения отдам в церковь, всякое воскресенье десятифунтовую свечу пред каждым образом поставлю... Только теперь помогите отомстить... Теперь простите мне"... (III, 123). Столько же лицемерия и ханжества в горничной Дарье, которая говорит сама с собою: "Мне скажут: грех тяжкий эти сплетни, Бог накажет... Как бы не так... Я слыхала от господ старых, что если на исповеди все скажешь попу, да положишь десять поклонов земных, — и дело кончено, за целый год поправа. — Да и что за грех штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца с сыном — не убить, не обокрасть"... (III, 124). Добившись своего, она говорит: "Теперь все наше! Хоть заранее молебен святым угодникам служи"... (III, 139). Поэта оскорбляет недостойное поведение молящихся в храме. В "Вадиме" описывается, как во время чтения евангелия "толпа зевала в немом бездействии". (IV, 44). Вот еще более яркая картина: перед образом Спасителя стоит кружка; над нею, на образе, надпись: "Придите ко Мне вси труждающиеся, и Аз успокою вы". Молящиеся подходят с лептой. "Госпожа и крестьянка с грудным младенцем на руках подошли вместе, но первая с надменным видом оттолкнула последнюю, — и ушибленный ребенок громко закричал". (IV, 43).

Все это — плоды личных наблюдений поэта; прототипы Громовой и Дарьи — бабушка и нянька Лермонтова (см. — Висковатый, "М. Ю. Л.", 61). Бабушка его была богомольная; однажды она с внуком и молодежью совершила путешествие из Середникова в Сергиевскую лавру и Воскресенский монастырь; там поэт мог наблюдать, например, нищих и богомольцев, которых с подробностями описывает в "Вадиме". Под впечатлением этого путешествия были написаны стихотворения "В Воскресенске" и "Нищий".

Герои Лермонтова задыхались, как в тюрьме, в мрачных монастырских стенах; там не было простора их пылким мечтам и буйным силам, там они были оторваны от природы, которую любили безумно. Слабости, пороки людей, непонимание духа христианской религии вызывали негодование поэта; природа, вечно прекрасная и благая, утешала его тревоги и призывала к жизни светлой и радостной.

Глава VII. Благотворное воздействие природы на мятежную душу человека

Лермонтов, по удачному сравнению Саводника, как Антей, касаясь земли, чувствовал прилив новых сил и подъема веры.³¹ В самых ранних произведениях поэт говорит, что тяжело ему жить среди людей: они "безжалостны", у них "каменные сердца" (I, 68). Жизнь скучна, горька, и единственное "благо" — ничтожество (I, 74). И дружба, и любовь отягчены цепями приличий, и со смехом проливается братская кровь (I, 133). Бремя жизни стало еще тягостнее, когда юноша возмужал и ближе узнал ее. Он ищет уединения, отдохновения и с открытой душой идет навстречу природе. В дружеском послании, под живым ее обаянием, он пишет: "Для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь". (IV, 330). Сколько бодрости, жизнерадостности в этих немногих простых словах! Тем же настроением проникнуты следующие строки из "Героя нашего времени": "Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы... Снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно приливалась в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром". (IV, 172). Развитию чувства природы в Лермонтове способствовали литературные влияния; например, влияние Руссо, Шатобриана и Гейне, с произведениями которых он был знаком. Пророк Лермонтова на людях бывал угрюм и бледен, а в пустыне обретал душевный покой.

В Толстом, предпочитавшем жизнь, близкую к природе, шумной, суетливой городской жизни, чувство природы развилось под влиянием Руссо. Уже на зарке жизни великий писатель говорил французскому профессору Буайе: "Я прочел всего Руссо, все двадцать томов, включая "Словарь музыки". Я более чем восхищался им, — я боготворил его. В 15 лет я носил на шее медальон с его портретом вместо натального креста. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я их написал сам". (Бирюков, I, 279; см. еще — 148). Известное влияние должен был оказать на него и Лермонтов с его скептическим отношением к культуре и гимнами природе. Сам Толстой чувствовал внутреннее свое родство с Лермонтовым; интересно привести его мнение о Лермонтове, высказанное в 1883 году: "Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу, как власть имеющий. У него нет шуточек, — презрительно и с ударением сказал Толстой, — шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего.

— Тургенев — литератор, — дальше говорил Толстой, — Пушкин был тоже им, Гончаров — еще больше литератор, чем Тургенев; *Лермонтов и я — не литераторы*". (Русанов. "Поездка в Ясную Поляну". — Толстовский ежегодник. 1912 г., М., 69). "Из русских писателей, — говорит Сергеевко, "на Л.Н. Толстого имел наибольшее влияние Лермонтов. Он до сих пор горячо относится к нему,³² дорожа в нем тем свойством, которое он называет *исканием*".³³ Без этого свойства Л.Н. считает талант писателя неполным и как бы с изъяном". (Сергеевко. "Как живет и работает гр. Л.Н. Толстой". М., 1908 г., 51). В число авторов, оказав-

ших влияние на Толстого в его юности (от 14 — 21 года), сам Толстой ставит Лермонтова (Герой нашего времени. Тамань). Степень влияния — "очень *большое*". (Бирюков, I, 148).

Андрей Болконский и Пьер Безухов, которых Толстой наделил многими чертами личного "я", поддаются, как лермонтовские герои, обаянию природы. Князь Андрей, глядя на зазеленевший дуб, на красоту и сияние природы, соглашается в душе, что можно жить, что в 31 год жизнь еще не кончена (V, 127). Пьер, любясь звездным небом, забывает, как низко все земное (V, 299, 300).

У Лермонтова и Толстого любовь к природе сливается с религиозным чувством. В стихотворениях "Когда волнуется желтеющая нива" и "Выхожу один я на дорогу" — молитвенный экстаз. Созерцая одну красоту природы, Лермонтов во всем чувствует присутствие Божества. Там, где нет человека, враждебно относящегося к природе, она хороша, как *Божий сад*" (II, 316); на небе и на земле тихо, "как в сердце человека в минуту утренней *молитвы*" (IV, 172); "воздух там чист, как *молитва ребенка*" (I, 106).³⁴ Степь и небо — *храм*, курган — *алтарь* (I, 89); звезды — "*ангелов* вечерние лампы" (II, 158); роса блистает, как райский жемчуг (II, 65).³⁵ Особенно близки душе поэта горы: "*Вы к небу меня приучили*, и я с той поры все мечтаю *о вас да о небе*" (I, 105). Они — *престолы*, а облака, плавающие над ними, — *фимиам* (I, 105; II, 20, 313). Как трогательно обращение поэта к Казбеку:

**Сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье —
К престолу вечному Аллы.** (II 213).³⁶

Природа немолчно славит Творца (I, 139; II, 317); "пустыня внемлет Богу" (II, 347); ангел молился за душу грешницы,

и мнилось —

Природа вместе с ним молилась. (II, 398).

Герои Лермонтова страстно любят природу и испытывают на себе ее умиротворяющее влияние. Измаил-Бей заплакал, увидев родимые горы после долгой разлуки.

**Забыл он все, что испытал:
Друзей, врагов, тоску изгнания;
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!** (II, 30).

Он еще ребенком любил ее, и с годами

Не изменилось только это в нем! (II, 83).

Так же любят природу русский офицер, враг Измаила-Бея (II, 55), Вадим (IV, 24). Мцыри перед смертью признавался, что без трех "блаженных дней", проведенных в лесной труппе, его жизнь

**Была б печальней и мрачней
Бессильной старости...** (II, 315).

Эгоистическая душа Печорина смягчалась при виде красот природы, и не было женского взора, которого бы он не забыл при созерцании их (IV, 220; ср. 204); отправляясь на дуэль, т.е. идя навстречу смерти, он "в этот раз больше, чем когда-нибудь прежде", любил природу (I, 256). Саша Арбенин с шести лет испытывал "непонятно-сладостное чувство", любясь закатом или месяцем, заглядывавшим в его кроватку; бедному ребенку в эти минуты "хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил" (IV, 299).

Небо приковывает к себе взоры героев Лермонтова и Толстого. Мцыри рассказывает:

**В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,**

**Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул...** (II, 317).

Так любит небо Нехлюдов: "Без мыслей и желаний, как это всегда бывает после усиленной деятельности, он лег на спину под деревом и стал смотреть на прозрачные утренние облака, пробегавшие над ним по глубокому, бесконечному небу. Вдруг, без всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и, Бог знает каким путем, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением, — мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье в мире". (III, 38). Оленин, очарованный лесным уютом и тишиной, ни о чем не думал и ничего не желал. "И вдруг на него нашло такое странное чувство беспричинного счастья и любви ко всему, что он, по старой детской привычке, стал креститься и благодарить кого-то". (II, 85).

Переживания этих героев — переживания самих авторов. Природа восхищала Лермонтова и Толстого своей гармонией, избытком своих сил. Ее торжественная тишина и величие напоминало им о Боге. Ее красота притягивала, пленяла их как художников. Блеск неба, причудливые узоры облаков, мерцание звезд, яркие цветы, окропленные росой, пение птиц, шум листьев, говор волн — все сливалось для них в мощную, чудесную симфонию красок и звуков, разгоняло гнетущие мысли, смягчало боль душевных ран, разглаживало на челе морщины, навевало радужные мечты... И понятно, что вторжение человека-хищника в мирную жизнь природы являлось страшным диссонансом и вызывало со стороны Лермонтова и Толстого благородное негодование; но прежде чем подойти к этому вопросу, необходимо подробно остановиться на отношении их к войне.

Глава VIII. Война

**Война! знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних рук
Пред алтарем погиб невинно...** (Л., II, 48).

Лермонтов у нас первый выступил с пламенным протестом против войны, этого кошмарного призрака, идущего по пятам цивилизации. Шестнадцатилетним юношей поэт с грустью мечтал о том, что

**Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам...
... Братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..** (I, 133).

Еще не побывав на войне,³⁷ он часто говорит о ней, как о явлении, идущем вразрез и с религией, и с нравственностью, и с гармоничной жизнью природы. Он рассказывает в "Вадиме", как "толпа слушала с благоговением всенощную. Эти самые люди готовились пролить кровь завтра, нынче! И они, крестясь и кланяясь в землю, поталкивали друг друга, если замечали возле себя дворянина, и готовы были растерзать на месте, но еще не смели: еще ни один казак не привозил кровавых приказаний в окружные деревни". (IV, 41).

Вот на Кавказе:

**Горят аулы: нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,**

**Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель.
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою.
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал...
Отпрянул русский, захрипел и пал!
"Отмести, товарищ!" — и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийце мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит. Черкесской вольности костер!..** (II, 63).

Пока он не видел войны, и описания его холодны; но и в них порою бросает он штрихи высокой художественной ценности.

Например, теснимые русскими, черкесы отступают:

**Их круг тесней уж становился;
Один под саблею свалился,
Другой, пробитый в грудь свинцом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле все бился...
Оружье брось, — надежды нет,
Черкес, читай свои молитвы!
В крови твоей шелковый бешикет,
Тебе другой не видеть битвы!..** (II, 74).

Эти два стиха —

**Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле все бился —**

являются первым наброском той изумительной по красоте, яркости и экспрессии картины, которая даже в "Демоне" — одно из лучших мест:

**Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливой:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой;
Уж он не правит поводами,
Задвинув ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна...
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!** (II, 358, 359).

Изображения сражений встречаем часто; например, в "Литвинке", "Ангеле Смерти", "Измаиле-Бее", "Вадиме", "Боярине Орше" и других произведениях, написанных до первой ссылки на Кавказ; эскизы эти эффектны, но в них мало внутреннего содержания. Побывав под пулями, ознакомившись с боевым духом русских войск, с бытом и психологией русского солдата, поэт создаст шедевры — "Бородино" и "Валерик".

"Боевые сцены "Бородино", по живости изображения военных сил и их действий, не уступают позднейшим военным картинам, которые Лермонтов, уже испытанный боевой офицер на Кавказе, рисует в "Валерике" 1840 г. и в "Споре" 1841 г.

Но в "Валерике", в этом "безыскусственном рассказе", Лермонтов говорит о войне, как ее участник, как граф Л.Н. Толстой в "Севастопольских очерках", говорит с "грустью тайной и сердечной". В "Бородино" и в "Споре" рисуются одни величественные военные картины без всякой рефлексии". (Владимиров. "Историч. и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Л.". Киев. 1892 г., 28).

На первый взгляд кажется, конечно, странным: человек, считающий войну злом, носит военный мундир и принимает участие в сражениях. Но нам известно, что Лермонтов уже с 1837 года тяготился военной службой, хотел выйти в отставку, да встретил препятствия: сначала со стороны бабушки и родственников, потом, и это главное, — начальства; все попытки поэта оставить службу были напрасны (см. Л., IV, 330, 339, 341, 342, 404, 405; Висковатый, 373—377). Вспомним, что и впоследствии у нас были военными такие проповедники добра и мира, как Лев Толстой, Гаршин и Надсон.

Генерал Галафеев, под командой которого находился поэт, писал о нем в донесении о деле при Валерике: "Тенгинского пехотного полка Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы". (Висковатый, 349, 350).³⁸ Страшно подумать, какому риску подвергался Лермонтов, но чеченские пули оказались добрее марьяновской.

И горечь, и какая-то усталость слышится в словах поэта: "Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными". (VI, 340). Он командовал отрядом, который получил название "Лермонтовского"; отряд этот передал ему Дорохов, сын участника Отечественной войны И.С. Дорохова. В Дорохове видят прототип Долохова из "Войны и мира" Толстого (см. Висковатый, 343; Л., IV, 408).³⁹ Лермонтов сумел "привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода". (Висковатый, 342). "За дело под Валериком для Лермонтова испрашивался орден Св. Владимира 4 степени с бантом, что в те времена для столь молодого человека являлось высокою наградою". (Висковатый, 350). Ближайшее начальство любило и ценило боевые способности Лермонтова, но в высших сферах поэтом были недовольны, и его вычеркнули из валерикского представления (Л., IV, 341). Последний эпизод очень характерен: он повторяется и в биографиях Льва Толстого и Гаршина. Толстому три раза выпадал случай получить Георгиевский крест, но крест так и не был получен: то бумага запоздает, то Толстого же попросят уступить крест рядовому; это очень огорчало Толстого (Бирюков, I, 234, 235). Гаршину рота единогласно присудила крест, которого, однако, он почему-то не получил". (Воспоминания брата Гаршина, см. "Полное собр. соч". Гаршина. СПб. Изд. Маркса, 1910 г., 14).

"Валерик", по меткому определению Мережковского, "первое во всемирной литературе явление того особенного русского взгляда на войну, который так бесконечно углубил Л. Толстой. Из этого горчичного зерна выросло исполнинское дерево "Войны и мира". (Мережковский. "Л.", 70). По форме это, как сказал сам автор, "безыскусственный рассказ"; нет здесь ни романтизма, бьющего ключом в "Измаиле-Бее" и "Мцыри", ни колоритных

восточных картин, которыми так блещет "Демон"; но какая мудрая простота и сжатость рассказа! Своей сжатостью и простотой "Валерик" напоминает два кавказских рассказа Толстого — "Кавказский пленник" и "Набег"; к "Набегу" "Валерик" особенно близок. Здесь видно и влияние Лермонтова на рассказ Толстого, и тяготение обоих гениев к одним и тем же проблемам. Схема одна и та же: обращение к читателю; выступление русского отряда против горцев; стычка; трагическая смерть одного из участников боя, останавливающая на себе исключительное внимание авторов; безмятежная красота природы. Место действия — Кавказ; время действия одно и то же — июль;⁴⁰ рассказ ведется от первого лица. Лермонтов и Толстой останавливаются на одних и тех же подробностях, хотя бы и незначительных.

**Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом,
И дым их то вился столбом,
То расстился облаками.** (II, 302).

В "Набеге": "Изредка на мрачном фоне гор вспыхивали в различных местах яркие огни и тотчас же исчезали.

— Скажите, пожалуйста, что это за огни? — спросил я шепотом у татарина, ехавшего подле меня.⁴¹

— А ты не знаешь? — отвечал он.

— Не знаю.

— *Это горской соломой на таяк⁴² связал и огонь махать будет.*

— Зачем же это?

— *Чтобы всякий человек знал — русской пришел.*" (II, 19).

Н. Семенов рассказывает: "В 1877 году, во время восстания чеченцев, мне привелось находиться при отряде, действовавшем против мятежников. То, что происходило перед нашим отрядом в лесах, занятых противником, было поразительно сходно с картиною, нарисованною Лермонтовым". (Н. Семенов. "Туземцы сев.-восточного Кавказа". СПб. 1895 г., 74).

У Лермонтова — чеченцы мелькают невдали с ружьями и осторожно прячутся:

**Над бревнами завала
Ружье как будто заблестало,
Потом мелькнуло шапки две, —
И вновь все спряталось в траве.** (II, 302).

У Толстого: "С обеих сторон стали беспрестанно мелькать конные и пешие горцы, и так близко, что я очень хорошо видел, как некоторые, согнувшись, с винтовкой в руках, перебежали от одного дерева к другому". (II, 24).

Чеченцы со значками:

**Уж показались значки
Там, на опушке — два и боле.** (II, 301).

У Толстого: "Показались значки, — и он⁴³ указывает плетью на конных татар, впереди которых едут два человека на белых лошадях с красными и синими лоскутами на палках". (II, 24).

Гиканье горцев:

Вдруг с гиком кинулись на пушки. (II, 302).

У Толстого: "В лесу послышались гиканье, слова: иай гяур! Урус иай!" (II, 24). "Неприятель... Снова усиливал огонь, крики и гиканье". (Там же). "Это был неприятельский передовой пикет. Татары, составлявшие его, гикнули, выстрелили наудачу и разбежались". (II, 20).

Звук летящей пули похож на жужжанье насекомого:

**Прожужжала
Шальная пуля.** (II, 300, 301).

У Толстого: звук пули похож "на полет пчелы". (II, 20).

У Лермонтова:

**Генерал
Вперед со свитой поскакал.** (II, 301).

У Толстого: "Генерал со свитой стали переправляться... Как скоро переправа кончилась, генерал вдруг выразил на своем лице какую-то задумчивость и серьезность, повернул лошадей и с конницей рысью поехал по широкой, окруженной лесом поляне, открывавшейся пред нами". (II, 20).

У Лермонтова:

**Рассыпались в широком поле,
Как пчелы,⁴⁴ с гиком казаки.** (II, 301).

У Толстого: "Казачьи конные цепи рассыпались вдоль опушек". (II, 20).

У Лермонтова:

**Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.** (II, 304).

У Толстого: "Батальонный командир *сел в тени на барабан*". (II, 13).

Разумеется, это внешнее сходство, это мелочи; перейдем к существенному.

Лермонтов дает потрясающее описание стычки:

**"В штыки!
Дружнее!" — раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...⁴⁵
"Ура!" — и смолкло.⁴⁶ — "Вон кинжалы!..
В приклады!.." И пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился; резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь;
Ручей телами запрудили.** (II, 303).

"Как звери". Homo homini lupus est. Эту ужасную способность человека превращаться в зверя Лермонтов подчеркивает и в "Измаиле-Бее":

**Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель.** (II, 63).

В вариантах "Валерика":

Как зверь, он жаден, дик и злобен. (II, 470).

Толстой подмечает в боевом крике татар "зверский порыв удали и злости" (II, 20). В "Казаках" Лукашка, подстрелив абрека, говорит, что убил "зверя" (II, 53). "С чувством, с которым он несся наперерез волку, Ростов, выпустив во весь мах своего донца, скакал наперерез расстроенным рядам французских драгун". (VI, 53). В "Хаджи-Мурате": люди, убившие Хаджи-Мурата и его товарища, стояли над их телами, "как охотник над убитым зверем" (XII, 90).

Ср. у Надсона:

Как звери, схватившись с отважным врагом,
Мы бились весь день напролет. (Надсон, 238).

В "Красном смехе" Андреева доктор рассказывает:

"Вчера я видел: к нам пришел сумасшедший солдат. Неприятельский солдат. Он был раздет почти догола, избит, исцарапан и голоден, как животное, он весь зарос волосами, как заросли и мы все, и был похож на дикаря, на первобытного человека, на обезьяну". (Сборник т-ва "Знание", III, 302; см. еще — 303). Люди "всегда убийцы, и их спокойствие, их благородство — спокойствие *сытого зверя*, чувствующего себя в безопасности". (Там же, 327). "Сообщают, что у некоторых частей не хватило снарядов, и там люди дрались камнями, руками, *грызлись, как собаки*". (Там же, 332). "Вы звери. За что убили вы моего брата? Если бы у вас было лицо, я дал бы вам пощечину, но у вас нет лица, у вас *морда хищного зверя*. Вы притворяетесь людьми,

но под перчатками я вижу *когти*, под шляпою — *приплюснутый череп зверя*, за вашей умной речью я слышу потаенное безумие, бряцающее ржавыми цепями. И всю силу моей скорби, моей тоски, моих опозоренных мыслей я проклинаю вас, несчастные слабоумные *звери*" (Там же, 340, 341):

Лермонтов сравнивает войну с театральным представлением:

**В этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало:
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них
Без кроважного волнения,
Как на трагический балет.
Зато видал я *представленья*,
Каких у вас на сцене нет...** (II, 301, 302).

Это сравнение широко использовано Толстым. Сначала он употребляет его в "Набеге": "*Quel charmant coup d'oeil!*"⁴⁷ — говорит генерал, слегка припрыгивая по-английски на своей вороной тонконогой лошадке.

— *Charmant* — отвечал грассируя майор и, ударя плетью по лошади, подъезжает к генералу. — *C'est un vrai plaisir que la guerre dans un aussi beau pays*,⁴⁸ — говорит он.

— *Et surtout en bonne compagnie*,⁴⁹ — прибавляет генерал с приятной улыбкою". (II, 21).

Война — игра в шахматы (VI, 182, 184); война — игра в жмурки (VII, 133). Война — "истинно величественное" зрелище (II, 22). "Гул орудий, не перестававший 10 часов сряду и измучивший ухо, придавал особенную значительность зрелищу (как музыка при живых картинах)". (VI, 200). Война — эффектное, грандиозное представление; Наполеон — актер. В эпилоге "Войны и мира" Толстой говорит: "*Действие совершено*".

Последняя роль сыграна. Актеру велено раздеться и смыть сурьму и румяна: он больше не понадобится". Даже в одиночестве, на острове Св. Елены, Наполеон "*играет сам передо собой жалкую комедию*, интригует и лжет, оправдывая свои деяния..." "*Распорядитель, окончив драму и раздев актера, показал его нам*".

— Смотрите, чему вы верили! Вот он! *Видите ли вы теперь, что не он, а я двигал вас?*" (VII, 197, 198). Толстой отмечает, что Наполеон и в отношениях к жене, сыну, солдатам, придворным — театрален; его позы, его фразы рассчитаны на сценический эффект (см. VI, 173—176). Но война только издала величественна и красива. Войдите в госпиталь, в этот "дом страданий", и вы "увидите *ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении, — в крови, в страданиях, в смерти*"... (II, 147). Любопытным зрелищем кажутся прохожему проводы рекрутов; но подойдет он поближе, и любопытство сменится ужасом. "Мой это", — сказал, заплакав, старый крестьянин о бравом парне, обреченном на военную службу, и Толстому, залюбовавшемуся было видом рекрутов, тихо отплясывавших и напевавших под веселье звуки гармоники, "стало мучительно стыдно"... "И подумать, — горько говорит он, — что все это совершается теперь над тысячами, десятками тысяч людей по всей России и совершалось и будет долго еще совершаться над этим кротким, мудрым, святым и так жестоко и коварно обманутым русским народом!" (X, 204). Лермонтов и Толстой ведут нас за кулисы жизни, и мы видим, как грубы и безобразны декорации, как ужасны вблизи размалеванные лица актеров. Крапоткин говорит, что "жемчужина" поэзии Лермонтова, "Валерик", — "людьми, побывавшими в сражениях, считается лучшим и наиболее точным описа-

нием битвы, какое существует в поэзии. А между тем Лермонтов не любил войны". ("Идеалы и действительность в русской литературе". СПб. 1907 г., 65). Лермонтов первый осветил картину сражения не бенгальским огнем, а солнцем; каждая подробность приводит вас в содрогание. Нет "героев". Вместо аристократического лица Печорина, красивого лица Измаила-Бея, Юрия Палицына или загадочно-прекрасного Демона поэт рисует здесь лица, искаженные от злобы и страдания, лица полузверей. Перед зрителем мелькают пронзительно гикающие горцы и казаки; жужжат пули; слышатся дико звучащие окрики прячущихся чеченцев, да громкие голоса солдат, которые зовут лекарей и в суматохе за ноги оттаскивают раненых. Потом — страшное молчание; напряженное ожидание, заставляющее замирать самые храбрые сердца; потом — залпы... крик: "в штывки!.." И зверский, двухчасовой рукопашный бой; тела раненых и убитых запружают поток, и волны его, нагретые летним зноем и смешанные с человеческою дымящеюся кровью, долго еще будут теплы и красны... "Вообрази себе, — писал Лермонтов товарищу, — что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные". (IV, 339-340). Мы не знаем, что именно желал рассказать поэт, но тоже много интересного находим в драгоценных вариантах "Валерика":⁵⁰

Вот жарче, жарче... Крик!.. Глядим:
Уж тащут одного, — за ним
Других... и много... Ружья носят
И кличут громко лекарей!
Уж им не вмоchь — подмоги просят;
А наших там порядком косят...
...Валются (наши вверх ногами) целыми рядами
...Как птиц нас бьют со всех сторон. (II, 468).
Уже затихло все; тела
(Солдат) Изрубленных
(Нагие грудями лежали) Стащили в кучу.
(Огромной кучей)... (II, 470).

Груды нагих изрубленных тел, *chaig á сапоп*. Тема, использованная Верещагиным в его знаменитой картине "Побежденные". Ср. у Толстого: "Сотни свежих окровавленных тел людей, за два часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких, надежд и желаний, с окоченелыми членами лежали на росистой цветущей долине". (II, 177). Это уже мертвые, а некоторые еще борются со смертью:

На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирает. (II, 303).

Лермонтов и Толстой рассказ о горячей схватке заканчивают описанием смерти одного из участников; в "Валерике" умирает капитан, в "Набеге" — поручик Аланин. Лермонтов говорит про капитана:

В груди его едва чернели
Две ранки, кровь его чуть-чуть
Сочилась. (II, 303).

Та же деталь у Толстого: "На белой рубашке под расстегнутым сюртуком виднелось небольшое кровавое пятнышко". (II, 25). Эти характерные подробности — признаки глубокого духовного родства обоих художников. На груди только ранка, только небольшое красное пятнышко, кровь чуть-чуть сочится... А человек умирает, с каплями крови уходит жизнь; так и в "Дарах Терека":

На грудь из малой раны
Струйка алая бежит. (II, 260).

И в пророческом "Сне":

Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя. (II, 340).

Человек умирает, бой кончен, и перед нами уже не люди-звери, а просто люди. Еще недавно резались они "молча, с грудью грудь", а теперь безмолвие нарушено, и слышатся скорбные, за душу хватающие, тихие стоны:

"Спасите, братцы! тащат в горы...
Постойте! где же генерал?..
Не слышу..." Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих — и душу отдал Богу. (II, 303, 304).

И сподвижники умирающего — они тоже теперь не звери:

Мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью. (II, 303).

Капитан умер.

Кругом
Стояли усачи седые
И тихо плакали... (II, 304).

Описывая смерть Аланина, Толстой дает ту же, лермонтовскую картину. Умиравший окружен участниками стычки, выказывающими ему свое искреннее участие:

— "Ах, какая жалость! — сказал я, невольно отворачиваясь от этого печального зрелища.

— Известно, жалко, — сказал старый солдат, который с угрюмым видом, облокотясь на ружье, стоял подле меня". (II, 26).

У Лермонтова те же подробности:

На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые
И тихо плакали... (II, 304).

И вид у них был если не "угрюмый", то "мрачный, грубый"; в сущности, это одно и то же; Лермонтов и Толстой указывают на особенность простого русского человека: с виду грубый, угрюмый, молчаливый, он таит в душе добрые, теплые чувства. При виде страданий Аланина, этого милого, наивного, задорного юноши, даже у капитана "на всегда равнодушно-холодном лице... выразилось искреннее сожаление". (II, 26);

Зверский порыв проходит, люди только на время становятся свирепыми, — вот что до известной степени оправдывает человека в глазах Лермонтова и Толстого; вот почему "Валерик" и "Набег" проникнуты не негодованием, не презрением, а грустью, в которой есть что-то примиряющее.

Дикие вспышки злых чувств и сменяющие их чувства добрые наводят поэта на размышления: почему человек так мятежен, непостоянен? Там, вдали — горы, вечно спокойные, гордые, вечно прекрасные; над ними небо, такое же прекрасное и чистое; а люди...

С грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек...
Чего он хочет?.. Небо ясно,
Под небом места много всем, —
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?.. (II, 304).

Этот вопрос не впервые встал перед Лермонтовым; "Валерик" написан в 1840 г., а поэт еще в 1831 году, в "Ангеле Смерти", говорил:

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят. (I, 321).

Правда, эти стихи ближе к "Трем пальмам", нежели к "Валерике", но смысл их тот же: беспокойный, склонный ко злу человек противопоставляется неизменно-прекрасной и безмятежной природе. И в "Ангеле Смерти", и в "Валерике" очень характерно это "зачем?", которое звучит бесконечной печалью и тоской.

Слова Лермонтова буквально повторяются Толстым в "Набеге": "Природа дышала примирительно красотой и силой.

Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злости, мщения или страсти истребления себе подобных?" и т.д. (II, 17). Ср. еще: "Зачем, для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите; делайте, что хотите, а я не хочу больше!" Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать, куда попало". (VI, 214). Эти мысли служат признаком морального и физического переутомления, испытываемого к концу боя. Сражавшиеся под Бородином, как описывает их Толстой, к вечеру имели вид испуганный, изнуренный; они были лишены пищи и отдыха; продолжая сражаться, они от изнеможения спотыкались на ходу и задыхались. (VI, 214). Лермонтов тоже говорит о такой усталости:

И зной и битва утомили

Меня. (II, 303).

Вариант:

Тогда, на самом месте сечи,

У батареи я прилеж,

Без сил и чувств; я изнемог.

Или:

Тогда довольно равнодушно

На батарее я прилеж.

Признаться вам, я изнемог,

Хотелось спать и было душно. (II, 470).

"Набег" заканчивается описанием наступления вечера, полного умиротворяющей красоты; здесь Толстой опять как бы повторяет то, что уже сказано в "Валерике"; он говорит: "Солнце скрылось за снеговым хребтом и бросало последние розовые лучи на длинное, тонкое облако, остановившееся на ясном, прозрачном горизонте. Снеговые горы начинали скрываться в лиловом тумане; только верхняя линия их обозначалась с чрезвычайною ясностью на багровом свете заката. Давно взошедший прозрачный месяц начинал белеть на темной лазури". (II, 27).

У Лермонтова:

Вдали, грядой нестройной,

Но вечно гордой и спокойной,

В своем наряде снеговом,⁵¹

Тянулись горы, и Казбек

Сверкал главой остроконечной.

...Небо ясно... (II, 304).

Оба, как мы видим, любят после боя снеговыми горами и ясным небом, т. е. тем, что недоступно — высоко и потому — так прекрасно и спокойно. Аналогичная мысль — в "Красном смехе" Андреева: "На улице я взглянул в ту сторону *неба*, где была война — там все было *спокойно*, и ночные, желтые от огней облака ползли медленно и *спокойно*". "Быть может, все это сон и никакой войны нет?" — подумал я, обманутый спокойствием неба и города. Но из-за угла выскочил мальчишка, радостно крича:

— Громовое сражение. — Огромные потери. Купите телеграмму — ночную телеграмму!

У фонаря я прочел ее. Четыре тысячи трупов. В театре было, вероятно, не более тысячи человек. И всю дорогу я думал: "четыре тысячи трупов". (Сборник т-ва "Знание", III, 328).

Укажем еще некоторые черты "Набега", приближающие Толстого к Лермонтову. В "Набеге" автор рассуждает о храбрости с капитаном Хлоповым, и тот рассказывает об испанце, которого он знал, который ходил в синем плаще, а в сражении все, было, бросался *вперед*, где шла перестрелка.

— "Так, стало быть, храбрый, — сказал я.

— Нет, это не значит храбрый, что суется туда, где его не спрашивают"... (II, 7).

Это напоминает Грушницкого; правда, он не носил синего плаща, но рисовался и в шинели, и уверял себя и других, "что он существо, не созданное для мира"; это был один из тех людей, для которых производить эффект — наслаждение; замечание Печорина о храбрости Грушницкого совпадает со словами капитана Хлопова. "Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмура глаза. *Это что-то не русская храбрость!*" (IV, 206). В "Набеге" же Толстой рассказывает про поручика Розенкранца, по характеру и привычкам похожего — отчасти на Грушницкого, отчасти на Печорина. "Это был один из наших молодых офицеров, удалцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму *"героев нашего времени"*, Мулла-Нуров и т.п., во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов". (II, 11). Ссылка на Лермонтова характерна; Толстой сам связывает с его именем свой рассказ.

Духовное сродство капитана Хлопова с Максимом Максимычем замечено еще Дудышкиным (см. Зелинский. "Русская критика. литер. о произведениях Л. Н. Т." Ч. I. М. 1903 г., 23, 37).

"Я видел, как ядром убило солдата, — говорит Толстой. — Но зачем рассказывать подробности этой страшной картины, когда я сам дорого бы дал, чтобы забыть ее!" (II, 24). Не то же ли читаем у Лермонтова?

Вы едва ли

Вблизи когда-нибудь видали,

Как умирают. Дай вам Бог

И не видать: иных тревог

Довольно есть. В самозабвенья

Не лучше ль кончить жизни путь?.. (II, 305).

Ниже мы остановимся еще на некоторых существенных обших чертах "Набега" и произведений Лермонтова, а здесь укажем на два любопытных штриха. Толстой в "Набеге" упоминает про "далекий заунывный вой шакалов, похожий то на отчаянный плач, то на хохот" (II, 17); та же подробность в "Хаджи-Мурате" — "послышался вой, визг, плач, хохот шакалов" (XII, 11; см. еще — 19). У Лермонтова в "Мцыри" нечто тождественное:

Порой в ущелии шакал

Кричал и плакал как дитя. (II, 316).⁵²

Толстой в "Набеге" описывает речку, находившуюся в разливе. "Стада диких голубей вились около нее: то садились на каменный берег, то, поворачиваясь на воздухе и делая быстрые круги, улета-ли из вида". (II, 9). Такая же картина есть у Лермонтова: Аргуна,

По гладким камням в бездну ниспадая,

Теряется во мрак, и над ней

С прощальным воркованьем вьется стая

Пугливых, сизых, вольных голубей... (II, 42).

Решение вопроса о влиянии Лермонтова на Толстого осложняется тем, что последний, как известно, недолюбливал стихов,⁵³ но Лермонтова он, конечно, должен был хорошо знать; к нему он чувствовал особое влечение. Сходство "Набега" с "Валериком" в значительной степени объясняется тем, что Лермонтов и Толстой сами были на Кавказе, принимали участие в стычках с горцами, жили в одних и тех же условиях и в силу одинакового ду-

шевного уклада останавливались нередко на одних и тех же мотивах, а при разработке сюжетов — на одних и тех же подробностях. Упоминание о генерале, сидящем на барабанах, солдате, опирающемся на ружье, о диких голубях над рекой и т.п. — прямого отношения к идее рассказов не имеет; это внешнее сходство. Но когда Лермонтов и Толстой говорят, что солдат, опирающийся на ружье, был *стар* и *угрюм*; что смертельные раны капитана и поручика были *чуть-чуть* заметны; что люди, сражаясь, превращаются в *зверя*, а потом *скорбят* и *плачут*, что после утомительного, жестокого боя взоры человека, пролившего братскую кровь, тянутся к *небу*, и возникает неотвязный вопрос: *зачем мы враждуем*, если в природе вечная *гармония*, если на земле необъятный *простор*? — мы имеем дело с явлениями очень знаменательными; это уже признаки влияния Лермонтова (влияния, шедшего, быть может, скрытым путем, порою несознаваемого самим Толстым), а также следствие одинакового духовного уклада обоих гениев. Нельзя сомневаться в том, что слова Лермонтова:

И с грустью тайной и сердечной

Я думал: жалкий человек...

Чего он хочет?.. Небо ясно,

Под небом места много всем, —

Не беспрестанно и напрасно

Один враждует он... Зачем?.. —

оказали неотразимое впечатление на Толстого глубиной, гуманностью и кристальной ясностью идеи. Лермонтовскую формулу Толстой воспринял всем своим существом; она сквозит в "Набеге", в севастопольских очерках, она так и мелькает на страницах "Войны и мира".

Николай Ростов в первый раз принимал участие в перестрелке. Он "отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! Как ярко и торжественно опускающееся солнце! Как ласково-глянцевито блестяла вода в далеком Дунае! И еще лучше были далекие, голубеющие за Дунаем горы, монастырь, таинственные ущелья, залитые до макуш туманом сосновые леса... Там тихо, счастливо... "Ничего, ничего бы я не желал, ничего бы не желал, ежели бы я только был там, — думал Ростов. — Во мне одном и в этом солнце так много счастья, а тут... Стоны, страдания, страх, и эта неясность, эта поспешность... Вот опять кричат что-то, и опять все побежали куда-то назад, и я бегу с ними, и вот она, вот она, смерть, надо мной, вокруг меня... Мгновение — и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья"...

В эту минуту солнце стало скрываться за тучами; впереди Ростова показались другие носилки. И страх смерти и носилок, и любовь к солнцу и жизни — все слилось в одно болезненно-тревожное впечатление.

"Господи Боже! Тот, Кто там в этом небе, спаси, прости и защити меня!" — прошептал про себя Ростов". (IV, 141).

Та же жажда жизни просыпается в душе князя Андрея во время Бородинского сражения: "Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух"... (VI, 206).

Разве это не лермонтовское? Все элементы "Валерика" налицо: бой... раненые... человек, тоскливо поднимающий взоры к небу и думающий: зачем этот ужас, когда жизнь может быть счастливой, когда природа прекрасна и спокойна?.. Даже обстановка в первом отрывке та же: леса, река, горы, ясное небо.

Князь Андрей был ранен и упал с лошади. "Над ним не было ничего уже, кроме неба — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. "Как тихо! Спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дра-

лись; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!".. (IV, 267). Опять развитие мысли, высказанной впервые Лермонтовым. Размышления Болконского напоминают не только мотив "Валерика". В стихотворении "Выхожу один я на дорогу" поэт тоже восхищается "торжественным" небом и при виде его размышляет о диссонансе между невозмутимо-спокойной природой и мятежным человеком. Он тоже любил облака, плывущие по небу, завидовал их бесстрастию и свободе ("Тучи", "На воздушном океане").

На поле битвы князь Андрей, раненый, впадает в забытие, потом приходит в сознание. "Где оно, это высокое небо, которое я не знал до сих пор и увидел нынче?" — было первое его мышление... Над ним было опять все то же высокое небо с еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которые виднелась синеватая бесконечность". (IV, 276, 277). Грезы о небе так заполнили его душу, терзаемую, к тому же, физическим страданием, что даже Наполеон, подъехавший к нему, Наполеон, которого он прежде боготворил, кажется ему ничтожным. (IV, 277, 279).

Тяготение к небу навсегда осталось в душе Болконского, напоминая ему о чем-то радостном и молодом; "чувство это исчезло, как скоро князь Андрей вступил опять в привычные условия жизни; но он знал, что это чувство, которое он не умел развить, жило в нем". (V, 95). Стремление к небу, этому символу недостижимой, неизменной, влекущей к себе красоты, живет и в душе Пьера. Однажды ехал он на пароме с Болконским и говорил о будущей жизни, о Боге. "Надо жить, надо любить, надо верить, — говорил Пьер, — что живем не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно, там, во всем (*он указал на небо*)". Князь смотрел на воду, и ему казалось, что волны говорили: "правда, верь этому". (V, 94, 95). Это роднит Безухова и Болконского с героями Лермонтова (Мцыри, Печориным и др.), которые любили и так глубоко чувствовали красоту бесконечного неба. В рассказе "Севастополь в декабре 1854 года", написанном после "Набега", но до "Войны и мира", Толстой касается того же вопроса. Он говорит, что, находясь в лазарете, вы приходите в ужас от зрелища нестерпимых человеческих страданий; но стоит выйти на свежий воздух, и вид чистого неба, сияющего солнца, городской сутолоки — отгонит печальные мысли, вернет вам прежнее спокойное состояние духа. (II, 147, 148). В другом рассказе — "Севастополь в мае 1855 года" — описывается цветущая долина, на которой лежат свежие окровавленные тела, — жертвы войны; а над этой долиной, над этими трупами, — вспыхивает зарница, мерцают бледнеющие звезды, и всходит ликующее, радостное солнце. (II, 177).

Лермонтовская формула принята у нас не одним Толстым. У Огарева встречаем следующие стихи:

...Себялюбивая природа
Блестит дивною красой
Средь жизни вечно молодой
И без участия глядит,
Как мимо с вечною тоскою,
Венцом страдальческим покрыт,
Дыша сердитою враждою,
Не выпуская меч и щит,
Окровавленную стопою
Идет угрюм из века в век
Себялюбивый человек.
(Огарев, II, 90).

Ср. еще:

Был тих и шумен древний лес
И веял влагою смолистой.
Я сквозь навес его иглистый
Глядел далеко в глубь небес:
Зачем же в людях плач и горе
И бури на житейском море?..
(Огарев, II, 377).

Голенищев-Кутузов во время войны за освобождение болгар писал:

...Нас прелестью убийств дразнил далекий бой!
Хотелось драться нам — и мы кричали смело:
"В отмщение небес поруганных — вперед!"
А небо ясное безоблачно синело;
В нем заводился звезд обычный хоровод.
И ночь тиха была, и месяц беспристрастно
На праведных и злых взирая с высоты, —
"Не полно ль убивать друг друга вам напрасно?" —
Шептал с улыбкою добра и красоты.
(Г.-К., I, 43).

Гаршин, принимавший участие в этой войне, рассказывает: "Я лежал на спине и смотрел сквозь ветви на потемневшее небо. Гигантские, в шесть обхватов стволы уходили вверх, ветвились, переплетались. Только кое-где выглядывала звездочка на черно-синем небе, и далеко-далеко казалась она на дне какой-то бездны и мирно посматривала оттуда. *А выстрелы все гремели и гремели*". ("Аясларское дело". Соч., 384).

Природа спокойна и вечно хороша, и эта гармония, эта красота тем сильнее влекут человека, чем ужаснее окружающая его жизнь; по своей слабости он не может не отдать дани злу, но совесть терзает, и еще сильнее, хотя и безнадежно, стремится он грешной, смятенной душою к небу.

Многие поэты говорят, что природа не так бесстрашна, как это кажется. Им чудится, что звезды нашептывают:

Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.
Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло.
(Фет. "Среди звезд").

Месяц, глядя на сражающихся людей, говорит:
"Не полно ль убивать друг друга вам напрасно?"
(Г.-К., I, 43).

Толстой описывает, как к концу Бородинской битвы "собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнуренных, и на сомневающихся людей. Как будто он говорил: "Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?" (VI, 214). В человеке издревле коренится вера в сочувствие природы; напр., "Слово о полку Игореве" говорит: "Никнет трава от жалости, и дерево с печалью к земле приклонилось". Аналогичные мотивы встречаем в эпосах других народов.

Иногда ликование природы вызывает грустные мысли о том, что человек слишком далек от идеала добра; в "Песне про купца Калашникова" поэт говорит перед описанием кулачного боя:

**Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,**

**В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?** (II, 224).

Рисуя ужасы войны, поэты часто, для контраста, противопоставляют человеку, обуреваемому злыми инстинктами, — цветы, как символ всего, что есть в природе нежного, прелестного, хрупкого.

**Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди оскверняют.
Цветок измятый обгирится
Их кровью...** (Л., I, 321).

Толстой, своеобразно развивая эту идею, дает потрясающую картину: "Посмотрите лучше на этого десятилетнего мальчишку, который в старом — должно быть, отцовском — картузе, в башмаках на босу ногу и нанковых штанишках, поддерживаемых одною помочою, с самого начала перемирия вышел за вал и все ходил по ложине, с тупым любопытством глядя на французов и на трупы, лежащие на земле, и набирал полевые, голубые цветы, которыми усыпана эта долина. Возвращаясь домой с большим букетом, он, закрыв нос от запаха, который наносило на него ветром, остановился около кучки снесенных тел и долго смотрел на один страшный безголовый труп, бывший ближе к нему. Стояв довольно долго, он подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой окоченевшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Он тронул ее еще раз и крепче. Рука покачнулась и опять стала на свое место. Мальчик вдруг вскрикнул, спрятав лицо в цветы и во весь дух побежал прочь, к крепости". (II, 181).

Ср. у Надсона:

Вчера здесь был разгар кровопролитной битвы,
А завтра — расцветут душистые цветы.
(Надсон, 117).⁵⁴

Ср. еще:

Цветы и пушки — пестрое смешенье!
На днях здесь было жаркое сраженье...
Как странны люди: в сердце их царят
Вражда и нежность, дружба и мщенье.
(Шуф, "Блокгауз").

Говоря о войне, поэты и писатели нередко для контраста упоминают и о детях; ведь дети так же чисты и прекрасны, как цветы. Война, с ее насилием, ужасом, непонятна детям. У Толстого барчук Миша говорит запасному солдату Гавриле, которого берут на войну:

"Да ведь тебе не хочется идти?"

Гаврила. Кому же хочется жену, детей бросать. Да и самому разве охота после жисти хорошей.

Миша. Так зачем же ты идешь? Ты скажи, что "не хочу", и не иди. Что же они тебе сделают?

Гаврила (смеется). Что сделают? Силой потащат.

Миша. Да кто же тебя потащит?

Гаврила. Да такие же вот, как я⁵⁵ ("Детская мудрость").

Дети подрастают, и постепенно их светлые, ангельские души затемняются злом жизни. Мцыри уже ребенком мечтал про "битвы чудные", в которых он всех побеждал (II, 324). Подражая во всем "большим", Карлхен (9 лет) и Петя (10 лет) ведут серьезный разговор о войне. "У каждого свое войско, каждый собирает от своих подати", — говорят они.

"Не понимаю, зачем врозь, — вставляет восьмилетняя Маша.

— Разве не лучше всем вместе?"

"Петя Орлов. Это играть в игрушки лучше вместе, а это не игрушки, а важные дела.

Маша Орлова. Не понимаю.⁵⁶
 Карлхен Шмит. Вырастешь — поймешь.
 Маша Орлова. Так не хочу и вырастать.
 Петя Орлов. Маленькая, а уж упрямая, как все они". ("Детская мудрость").

В этих гениальных эскизах ясно обрисовываются силуэты будущих взрослых людей. Петя и Карлхен сами станут воевать или других пошлют, а Маша, уже жена или мать, испытает всю боль разлуки с близкими — братом, мужем или сыном, ушедшими на войну. Тот же художественный прием в "Красном смехе"; Андреев говорит: "Эти дети, эти маленькие, еще невинные дети. Я видел их на улице, когда они играли в войну и бегали друг за другом и *кто-то уж плакал тоненьким детским голосом* — и что-то дрогнуло во мне от ужаса и отвращения. И я ушел домой, и ночь настала — и в огненных грезах, похожих на пожар среди ночи, эти маленькие, еще невинные дети превратились в полчища детей-убийц". (Сборн. т-ва "Знание", III, 329). Мальчик, разносчик телеграмм, радостно выкрикивает сообщение про кровопролитное сражение (там же, 328). На этот жгучий вопрос Бальмонт отозвался прехосходным стихотворением "Это было"; приводим из него наиболее характерное:

*... Даже дети — детства лишены,
 И в войну играют в детской, слыша резкий свист Войны.
 ... О, безумны те, что шутят силою Огня.
 Бойтесь жизни больше казни, раз убийство шутка дня.
 Подождите! Бой неравен. Пресеките нить.
 Лучше быть сто раз убитым, чем хоть раз один убить.
 Подождите! Претерпите пытку до конца.
 Я клянусь вам: будет праздник Озаренного Лица.
 Но в то время, как я спорю с вихрями времен,
 От расстрелов и пожаров стал весь красный небосклон.
 И в то время, как на ниве в маках вся межа,
 Мальчик мой принес из детской два блестящие ножа.*

Иногда и дети идут на войну. Ну каким воином мог быть Петя Ростов, этот мальчик "с широким румяным лицом и быстрыми, веселыми глазами"⁵⁷ Из подражания взрослым он пошел на войну; рвется в огонь, а сам полон "нежной любви ко всем людям"⁵⁸ и с болью в сердце смотрит на пленного барабанщика — мальчугана. Он в восторге от того, что попал в отряд Денисова и Долохова, с которыми пойдет на французов завтра же, он с детским смущением просит казака наточить свою саблю, угощает офицеров изюмом — "чудесным", "без косточек". "Я привык что-нибудь сладкое"⁵⁹ — замечает он... А ранним утром он был убит, и Денисов, глядя на "запачканное кровью и грязью, уже побледневшее лицо Пети", припоминает его слова: "Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь". (VII, 123). Пьер впоследствии рассказывал Наташе: "Вы знаете, что это было в тот самый день, как нас освободили. Я видел его. Какой был прелестный мальчик!.. Что можно сказать или подумать в утешение? Ничего. Зачем было умирать такому славному, полному жизни мальчику?" (VII, 177).

Ребенок, испугавшись мертвых тел, прячет лицо в букет цветов и бежит. С поля битвы в страхе бегут даже воины:

**Гарун бежал быстрее лани,
 Быстрее, чем заяц от орла, —
 Бежал он в страхе с поля брани,
 Где кровь черкесская текла.
 Отец и два родные брата
 За честь и вольность там легли,
 И под пятой у супостата
 Лежат их головы в пыли.**

**Их кровь течет и просит мщенья.
 Гарун забыл свой долг и стыд:
 Он растерял в пылу сраженья
 Винтовку, шашку, и бежит... (Л., II, 263, 264).⁶⁰**

В этих немногих словах поэт сумел сказать очень много. Гарун — горец; как известно, горцы в Кавказской войне отличались большой отвагой; воинственный дух воспитывался в них с детского возраста. Но страх, объявший Гаруна, так велик, что Гарун забывает про долг по отношению к родине, по отношению к отцу и братьям (мщение); его не остановит мысль о том, что его бегство позорно. Он бежит; бежит потому, что молод, и ему хочется жизни и счастья; "здесь" — неопиcуемый ужас, одиночество (близкие убиты), а "там", дома — мать, так любящая его и уже лишившаяся мужа и двух сыновей; там невеста; там родные, мирные уголки, связанные с воспоминаниями детства... Сила страха, как это тонко отмечает поэт, сказывается и в стремительности бега ("быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла"), и в растерянности ("он растерял в пылу сраженья винтовку, шашку"). Эта небольшая поэма названа у поэта "горской легендой"; весьма вероятно, что в основу ее положено какое-нибудь горское предание; рассказ о трусе, позорно убежавшем от врагов, и в наказание за это отвергнутым и людьми и Небом, — должен был производить сильное впечатление на подрастающее поколение, закалять в нем мужество, внушать благоговейное почитание обычаев старины. В нас же, как и в самом поэте, Гарун вызывает сострадание. Изобразив трусом *горца*, Лермонтов не погрешил против истины; такие случаи бывали, такой случай произошел со знаменитым Хаджи-Муратом, о чем, хотя и вскользь, упоминает Толстой. Хаджи-Мурат даже среди горцев слыл первым джигитом, а с ним в молодости случилось то же, что с лермонтовским Гаруном. Когда при нем мюриды изменчески напали на аварских ханов (из которых один был названный брат Хаджи-Мурата), — юноша, охваченный паническим страхом, бежал. Он впоследствии откровенно рассказывал Лорис-Меликову: "На меня нашел страх, и я убежал.

— Вот как? — сказал Лорис-Меликов. — Я думал, что ты никогда ничего не боялся.

— Потом никогда. С тех пор я всегда вспоминал этот стыд и когда вспоминал, то уже ничего не боялся". (XII, 43).

На войне чувство страха сообщается и новичкам, и людям бывалым. Младший Козельцов, по пути к Севастополю, спрашивал брата: "А что, скажи по правде, страшно на бастионах?" — "Сначала страшно, потом привыкаешь — ничего. Сам увидишь". (II, 192).

"И к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца", — говорил Максим Максимыч. (Л., IV, 173). Но скоро приобретается эта привычка. Приближаясь к Севастополю, Володя Козельцов начинает думать: "Сейчас прямо в Севастополь, в этот ад... Ужасно! Однако все равно, когда-нибудь надо же было. Теперь, по крайней мере, с братом...". Только теперь понял он, что вот сейчас будет в осажденном городе; это и смушало, и пугало его. (II, 193). Прибыв туда, он испытывает настоящий страх. Ему было "ужасно страшно" и хотелось *бежать* как можно дальше. (II, 200). Николай Ростов, принимавший участие в стычке с французами, в страхе бежал — "с чувством зайца, *убегающего от собак*".⁶¹ Одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом. Быстро перепрыгивая через межи, с тою стремительностью, с которою он бежал, играя в горелки, он летел по полю, изредка оборачивая свое бледное, доброе, молодое лицо, и холод ужаса пробегал по его спине". (IV, 179). Другой трус, Гуськов, сам говорил о себе: "Я знаю, что

они меня зовут трусом; пускай я трус, я точно трус и не могу быть другим". (II, 274). Однажды он убежал из секрета, бросив ружье (II, 266).⁶² Перед первым боем человек иногда страдает от страха сильнее, чем приговоренный к смерти (II, 242). Толстой рассказывает про одного офицера, который по собственному желанию пошел на войну. Пока он доехал до Севастополя (путешествие продолжалось три месяца), пыл его остыл, и он наслушался от очевидцев столько страшных рассказов, что прибыл в этот страшный город "жалким трусом". Он был бы героем, если бы попал прямо на бастионы; теперь же "много ему надо было пройти моральных страданий, чтобы сделаться тем спокойным, терпеливым человеком в труде и опасности, каким мы привыкли видеть русского офицера". Но даже через три месяца он был "жесточайшим трусом" и бледнел, когда говорили о выбывших из строя. (II, 189, 190). Нередко сильный, безотчетный страх проникает в душу людей храбрых, много раз бывавших в огне: "Уже несколько шагов только оставалось Калугину перейти через площадку до блиндажа командира бастиона, как опять на него нашла затмение и этот глухой страх; сердце забилося сильнее, кровь хлынула в голову, и ему нужно было усилие над собою, чтобы пробежать до блиндажа"⁶³ (II, 168). "Лица солдат были бледные и испуганные. Чувство страха невольно сообщалось Козельцову; мороз пробежал у него по коже". (II, 225). Этот страх, как электрическим током перебегающий от одного к другому, может вырваться наружу, и тогда целые массы людей обращаются в бегство: "Пехотные полки, застигнутые врасплох в лесу, выбегали из леса, и роты, смешиваясь с другими ротами, уходили беспорядочными толпами. Один солдат в испуге проговорил страшное на войне и бессмысленное слово: "отрезали", и слово вместе с чувством страха сообщилось всей массе.

— Обошли! Отрезали! Пропали! — кричали голоса бегущих.

...Несмотря на отчаянный крик прежде столь грозного для солдат голоса полкового командира, несмотря на разъяренное, багровое, на себя непохожее лицо полкового командира и махание шпагой, солдаты все бежали, разговаривали, стреляли в воздух и не слушали команды. Нравственное колебание, решающее участие сражений, очевидно разрешалось в пользу страха". Казалось, дело проиграно, но неожиданно появилась рота во главе с безумно решительным и отважным Тимохиным; беглецы остановились, приободрились, и французы в паническом страхе, сбросив оружие, бросились назад.⁶⁴ Вот как заразителны и страх, и отвага, вот как колеблется участь успеха и неуспеха сражения.

Мы видим, что Толстой много раз и с разных сторон подходил к этому вопросу; вероятно, он его очень занимал. Страх, испытываемый под неприятельским огнем, в большинстве случаев не есть, как показывает писатель, проявление *ничтожности* личности; почти все на войне испытывают страх; люди бывалые умеют подавлять его, борются с ним, но нужно пройти суровую школу, чтобы приобрести эту выдержку, эту способность не теряться в самую критическую минуту и, сохраняя спокойный вид, подавать другим пример мужества. Например, когда над головой Калугина летала бомба, и он не лег на землю, как это делали обыкновенно другие, и лишь немного и невольно, под влиянием крика саперного офицера "ложись!", нагнул голову, один матрос сказал: "Вишь, какой бравый! И ложиться не хочет". Матрос не знал, что Калугин в эту минуту внутренне содрогался от ужаса, но только, как человек испытанный, не давал своему чувству вырваться наружу. (II, 168). Война, с ее лишениями, смертоубийствами, болезнями, идет вразрез и с гуманными принципами христианства, и с возвышенным миром искусств и наук, которые могут процветать только в мирное время, и с нашей потребностью личного счастья, и с врожденным отвращением

к пролитию крови себе подобного. Одни идут на войну из повиновения, другие — из сознательного чувства долга, третьи — ищут смерти, четвертые — славы, пятых не удовлетворяет прежняя жизнь,⁶⁵ и им нужна перемена мест и лиц, шестые — жаждут подвига, и т.д., и т.д.; всех влекут различные побуждения, но едва ли не всякий согласится в душе, что война — ужас. Если человеку грозит насильственная смерть, если над ним висит какая-нибудь опасность, — жизнь представляется желаннее и драгоценнее, чем когда-либо, ярче вспыхивает любовь к жизни, особенно в существе молодом, полном сил и надежд, — в Гаруне, Хаджи-Мурате, Володе Козельцове.

"Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь", — говорит император Александр I, только что видевший мучения раненого солдата; солдат этот "был так нечист, груб и гадок, что Ростова оскорбила близость его к государю. Ростов видел, как содрогнулись, как бы от пробежавшего мороза, сутуловатые плечи государя, как левая нога его судорожно стала бить шпорой бок лошади"... (IV, 242). Несвицкий, глядя на перестрелку наших с французами, сказал, отворачиваясь: "Были бы я царь, никогда бы не воевал". (IV, 140). Левин говорит: война "есть такое животное, жестокое и ужасное дело, что ни один человек, не говоря уже христианин, не может лично взять на свою ответственность начало войны, а может только правительство, которое призвано к этому и приводится к войне неизбежно". (IX, 313). В Тильзите ликование по поводу свидания Наполеона и Александра, а Ростов спрашивает себя: "Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди?" (V, 121).⁶⁶

Одно из страшных зол войны — страдания раненых, забытых на поле сражения. Во сто крат счастливее тот, кто умирает на руках родных или товарищей; но лежать среди мертвых или умирающих, испытывать острые физические муки, невыносимое чувство одиночества, тоски по близким, терпеть голод, жажду, зной...

— "Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?" — спросил однажды Лермонтов генерала Шульца, который под Ахульго получил рану и весь день пролежал тогда на земле, пока его не подобрала. — "Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытых мыслях мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених". (Шульц любил девушку, с которой, по воле ее родителей, должен был расстаться; он уехал на Кавказ; невеста обещала остаться ему верной). Через несколько дней поэт встретил Шульца и сказал: "Благодарю вас за сюжет. Хотите прочесть?" И он прочел ему стихотворение "Сон" ("В полдневный жар, в долине Дагестана"). — (Градовский. "Шульц и Лермонтов". — Ист. вестн., 1902 г., XI, 476, 477; то же в книге Градовского "Итоги". Киев, 1908 г., 366—370). Существуют и другие версии происхождения этого знаменитого стихотворения; едва ли возможно установить, которая из них настоящая. Градовский, слышавший изложенный нами эпизод от самого Шульца, не сомневается в его истинности; по его словам, Шульц был "правдивый воин, чуждый всякой хлестаковщины". (О Шульце см.: Барон А.И. Дельвиг. "Мои воспоминания". М. 1912 г., I, 295, 296, 304, 305, 307—309).

Лермонтов с поразительной художественностью и правдивостью изобразил в своем стихотворении и душевное состояние одинокого, забытого воина, переживающего жгучие физические и моральные муки, и тоску любящего женского сердца, предчувствующего страшное несчастье.⁶⁷ В поэме "Ангел Смерти" есть картина, имеющая нечто общее с "Валериком" и "Сном": умирающий Зораим лежит среди трупов; верная Ада находит его; он встречает ее словами:

**Ты здесь! Теперь? — и ты ли, Ада?
О, твой приход мне не отрада;
Зачем?.. Для ужасов войны
Твои глаза не созданы;**

Смерть не должна быть их предметом. (I, 324).

Это то же, что поэт говорит в "Валерике", обращаясь к Бахметевой (Лопухиной):

**Вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видеть: иных тревог
Довольно есть.** (II, 305).

Лермонтовский мотив об умирающем покинутом воине встречаем у последующих писателей и поэтов.

Толстой описывает переживания князя Андрея, долго пролежавшего на Аустерлицком поле и потом подобранных французами. Болконский то смотрел в далекое небо, забывая на время про физическую боль, то впадал в забытие, бредил, и в его горячечных грезах мелькали то родные, то ничтожный Наполеон, то высокое небо. (IV, 276—280). К стихотворению "Сон" близок еще следующий эпизод из жизни Андрея Болконского: князь, раненный вторично, лежит на операционном столе и вдруг вспоминает про свою невесту. "Он вспомнил Наташу такую, какою он видел ее в первый раз на бале 1810 года, с тонкой шеей, руками, с готовым на восторг, испуганным, счастливым лицом, и любовь и нежность к ней еще живее и сильнее, чем когда-либо, проснулись в его душе". (VI, 209, 210). Раненый Ростов во сне видит семью, любимую девушку — Соню; а кругом — снег, ночь; холодно, тоскливо; рана ноет, горит. (IV, 189).

Канва рассказа Гаршина "Четыре дня" та же, что в стихотворении Лермонтова "Сон": тяжело раненный лежит, всеми покинутый, страдая от физической боли, от невыносимого солнечного зноя, тоскуя по родному дому, по невесте; вот, например, характерные строки:

"Неужели мне в самом деле так больно? Должно быть. Только я не понимаю этой боли, потому что у меня в голове туман, свинец. Лучше лечь опять и уснуть, спать, спать... Только проснулся ли я когда-нибудь? Это все равно". (Гаршин, Соч., 91).

"Вы, воспоминания, не мучьте меня, оставьте меня! Былое счастье, настоящие муки... Пусть бы остались одни мучения, пусть не мучат меня воспоминания, которые невольно заставляют сравнивать. Ах, тоска, тоска! Ты хуже ран.

Однако становится жарко. Солнце жжет". (92).

"Ведь, если меня найдут, я спасен... Я увижу родину, мать, Машу... Господи, не дай им узнать всю правду! Пусть думают, что я убит наповал. Что будет с ними, когда они узнают, что я мучился два, три, четыре дня!" (94).

"Я лежу в совершенном изнеможении. Солнце жжет мне лицо и руки. Накрыться нечем. Хоть бы ночь поскорее; это, кажется, будет вторая.

Мысли путаются, и я забываюсь". (95).

"Прощай, мать, прощай, моя невеста, моя любовь! Ах, как тяжело, горько!" (98).

Сходство этого знаменитого рассказа со стихотворением "Сон" очевидно, но в значительной мере случайно; поводом к созданию "Четырех дней" послужило, по словам самого Гаршина, действительное происшествие с одним солдатом.⁶⁸

В неоконченном "народном предании" Надсона "Святитель" мать рассказывает, как она томится по сыне, принимавшем участие в Бородинском сражении:

Снится мне, что лежит он, обнявшись с врагом,
А в груди его тяжкая рана...
Дым от вражских пищалей нависнул кругом,
Словно полог ночного тумана...
Крики, стоны, рыдания, стук конских копыт,
Барабаны гремят, не смолкая,
А вверху, над страдальческим полем, кружит
Черных воронов хищная стая...
И лежит он, и стонет... Померкнул в очах
Ясный свет от томительной муки,
Запеклась богатырская кровь на устах,
Разбросались могучие руки;
И как будто меня он, родной мой, зовет,
Будто просит он пить, изнывая...
(Надсон, 188).

О хищных птицах над павшими воинами упоминает и Лермонтов:

**С криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.** (I, 326).
**Над телами христиан
Чертит круги ночная птица.** (II, 358).

Прекрасное стихотворение П.Я. "Сон"⁶⁹ иллюстрирует недавнюю русско-японскую войну:

В небе странно высоко, зловеще-немом
Гас кровавый вечерний закат.
Умирал я от ран, — в гаюляне густом
Позабывтый своими солдат.
Как ребенок, затерянный в чаше лесной,
Я кричал, я отчаянно звал —
И на помощь ни свой не пришел, ни чужой,
Гаюлян только глухо шуршал!
Да орел целый день над горою парил, —
Хищный клетот носился кругом...
Все на север, в безвестную даль уходил
Затихающих выстрелов гром.

Он вспоминает родное село, мать старуху, вспоминает, как ехал на Дальний Восток...

Умирал я от ран на чужой стороне...
Так хотелось мучительно жить —
О преступной, безумно-кровавой войне,
Как о грезе проклятой, забыть!

Тема и заглавие навеяны Лермонтовым ("Сном"). В то же время есть черты, очень близкие к "Четырем дням". У П. Я. раненый лежит "в гаюляне густом"; у Гаршина — в кустах. У П. Я. раненый вспоминает мать:

Вон старуха с клюкой... Не моя ль это мать
"По кусочки" с сумой побрела?
Горегорькая! Сына тебе не дождать —
Ты на муку его родила!

У Гаршина: "Быть может, и у него, как у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец?.." (Г., 93). "Мать моя, дорогая моя! Вырвешь ты свои седые косы, ударишься головою об стену, проклянешь тот день, когда родила меня, весь мир проклянешь, что выдумал на страдание людям войну!" (Г., 98). Ср. еще у П.Я.:

О преступной, безумно-кровавой войне,
Как о грезе проклятой, забыть!

Ср. — горе матери в "Красном смехе" Андреева: "А мать ползала у кресла и уже не кричала, а хрипела только и билась головой о колеса". (Сб. т-ва "Знание", III, 308).

У П. Я.:

В черном небе невиданно-ярких, больших,
Странных звезд засветился узор.

У Гаршина: "Почему я вижу звезды, которые так ярко светятся на черно-синем болгарском небе?" (Г., 90). "Надо мною — клочок черно-синего неба, на котором горит большая звезда и несколько маленьких". (Г. 91).

У П. Я.:

И в зловещей тиши, мне казалось, не я —
Кто-то чуждый бессильно стонал...

У Гаршина: "Какие-то странные звуки доходят до меня... Как будто бы кто-то стонет. Да, это — стон. Лежит ли около меня какой-нибудь такой же забытый, с перебитыми ногами — или с пулею в животе? Нет, стоны так близко, а около меня, кажется, никого нет... Боже мой, да ведь это — я сам!" (Г., 91).

Пушкин однажды выразился, что война — "ужасная необходимость". (Смирнова. "Записки". I. СПб. 1895 г., 193).⁷⁰

В "Войне и мире" Александр I, со слезами на глазах, говорит "Quelle terrible chose que la guerre!" (IV, 242). В сказке об Иване-дураке Толстой рассказывает про одного царя, который не пожелал воевать; но царь этот и все его подданные были "дураки". Пришли к ним враги и стали разорять страну. "Все не обороняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята!

— За что, говорят, вы нас обижаете? Зачем вы, говорят, добро дурно губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось". (XVI, 74, 75).⁷¹

Наши писатели и поэты нередко пользуются приемом Толстого: высказывать гуманные идеи от лица "дураков", "сумасшедших", называть свои слова "сном" или "бредом". Минаев в стихотворении "Дикие сны"⁷² говорит:

Я уснул, и в каком-то безумном бреду
Мне приснился волшебный, невиданный свет:
Будто в дивном саду
По цветам я иду...

.....
Не мрачит чистых душ преступления тьма,
И железные цепи для ног и для рук,
Эшафот и тюрьма.

Для людского ума
Там еще — непонятный, неслыханный звук.
Речи, странные мне, раздаются вокруг:
Как про зверский разбой, о войне говорят,
И нигде, проносясь над счастливой страной,
Я нигде не видал ни штыков, ни солдат...
Что за дикие сны могут сниться весной!..

Чудесное стихотворение Полонского "Сумасшедший" приводим полностью:

Кто говорит, что я с ума сошел?!
Напротив! Я гостям радешенек... Садитесь,
Как вам не грех? Неужели я зол!
Не укушу — чего боитесь...
Давило голову, в груди лежал свинец...
Глаза мои горят, но я давно не плачу —
Я все скрывал от вас. Внимайте, наконец
Я разрешил мою задачу!!
Да, господа! Мир обновлен. Века
К благословенному придвинули нас веку...
Вам скажет всякая приказная строка,
Что счастье нужно человеку.
Народы поднялись и обнялись меч,
Но образумились и обнялись, как братья...

Гербы и знамена — все надо было сжечь,
Чтоб только снять печать проклятья.
Настало царствие небесное — светло,
Просторно... На земле нет ни одной столицы,
Тиранов также нет — и все, как сон, прошло:
Рабы, оковы и темницы...
Науки царствуют: виденья отошли,
Одни безумцы ими одержимы...
Чу! Слышите — поют со всех концов земли
Невидимые херувимы!..
Ликуйте! Вечную приветствуйте весну!
Свободы райский гимн из сердца так и рвется!..
И я тянусь, тянусь, как луч, в одну струну...
Что если сердце оборвется?!..

В стихотворении Надсона "Из тьмы времен" Герострата называют "безумным" — за то, что он жрецам говорил: "Смешны мольбы камням...", а воину: "Стыдись, — ты не герой". (Надсон, 62). В рассказе Гаршина "Красный цветок" сумасшедший грезит: "Скоро, скоро распадутся железные решетки, все эти заточенные выйдут отсюда и помчатся во все концы земли, и весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте". Красный цветок "в его глазах осуществлял собою все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слезы, всю желчь человечества. Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид. Нужно было сорвать его и убить". (Гаршин, 264—267). В рассказе Горького "Ошибка" сумасшедший Кравцов говорит: "Во мне пылает бессмертный огонь желания подвига!.. Я напою моих братьев из казальского источника свободы и возбужу души их к жизни творчества... К жизни подвигов... К жизни всепрощения и воссоздания человека!" Ярославцев, сельский учитель, сошел с ума, наслушавшись безумных речей Кравцова, и обращается к товарищам и доктору: "Ведь так у вас все сумасшедшие, все, кто хочет счастья другим и кто простирает руку помощи... кто горячо жалеет и много любит бедных, загнанных жизнью и затравленных друг другом людей..." (М. Горький. "Рассказы". I. СПб. 1901 г., 171, 172, 184).⁷³ В замечательном, кошмарно-жутком рассказе "Красный смех" Андреев устами не одного, а многих сумасшедших протестует против войн нашего времени; войны теперь еще ужаснее; люди для истребления ближних не ограничиваются холодным и огнестрельным оружием, а прибегают к помощи разнообразных изощренно-жестоких, губительных изобретений. "Работай, брат, работай!" — думает один безумный, которому чудится, что в другой комнате за письменным столом сидит его брат, военный, недавно умерший. "Твое перо не сухо — оно обмакнуто в живую человеческую кровь. Пусть кажутся твои листки пустыми — своей зловещей пустотой они больше говорят о войне и о разуме, чем все написанное умнейшими людьми. Работай, брат, работай."⁷⁴ (Сб. т-ва "Знание", III, 336).

Перекуют ли люди когда-нибудь мечи на плуги?..⁷⁵ Лермонтов в юности верил в это:

**Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существом.
Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет; станут течь их дни
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожгут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..** (I, 133).

Поэт полно и ясно выразил здесь гуманные идеи, легшие впоследствии в основу известного стихотворения Надсона "Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат" и цитированных уже стихотворений Минаева и Полонского. Подобно Лермонтову, указавшему (в "Вадиме")⁷⁶ на лицемерие людей, сейчас выказывающих себя добрыми христианами, а потом берущихся за оружие, и Толстой возмущается тем, что "люди христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения", на короткое время заключают перемирие, улыбаются друг другу, но не раскаиваются в содеянном зле, спускают белый флаг, "и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятия". (II, 182). "Сойдутся, как завтра, на убийство друг друга, перебыют, перекалечат десятки тысяч людей, а потом будут служить благодарственные молебны за то, что подбили много людей (которых число еще прибавляют), и провозглашают победу, полагая, что чем больше побито людей, тем больше заслуга. *Как Бог оттуда смотрит и слушает их!*" (VI, 172). Толстой всю жизнь казнил себя тем, что в юности "убивал людей на войне"; он не мог "без ужаса, омерзения и боли сердечной" вспоминать об этом (XV, 8).

Люди пытаются бороться с милитаризмом: устраиваются международные конгрессы, основываются "лиги мира"; но все это не оказывает хоть сколько-нибудь заметного влияния на ход грозных мировых событий.⁷⁷

Толстой описывает, как во время перемирия наши и французы стояли недалеко друг от друга и шутили; слышался "грохот такого здорового и веселого хохота, невольно через цепь сообщившегося и французам, что после этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорее всем по домам.

Но ружья остались заряжены, бойницы в домах и укреплениях так же грозно смотрели вперед и так же, как прежде, остались друг против друга обращенные, снятые с передков пушки". (IV, 167).

Лермонтов, рассказав про дело при Валерике, в грустном раздумье говорит:

**Но я боюсь вам наскучить.
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце...
... Вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видеть; иных тревог
Довольно есть.** (II, 305).

Тем же настроением проникнуто окончание рассказа Толстого "Севастополь в мае 1855 года": "Вот я и сказал, что хотел сказать на этот раз. Но тяжелое раздумье одолевает меня. Может, не надо было говорить этого, может быть, то, что я сказал, принадлежит к одной из тех злых истин, которые, бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сделаться вредными, как осадок вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его". (II, 182).

Понятно, что если во взглядах на войну сильному влиянию Лермонтова подвергся такой могучий художник, как Лев Толстой, — легко найти следы лермонтовского влияния в творчестве наших других антимилитаристов: Голенищева-Кутузова, Некрасова, Гаршина, Надсона, Вас. Немировича-Данченко, Леонида Андреева, Владимира Семенова,⁷⁸ Мельшина и др.; В их произведениях сквозят идеи "Валерика", этого "безыскусственного", задушевного рассказа, поэтические красоты которого не побледнели даже после появления "Войны и мира".

Глава IX. Война (продолжение). Наполеон

Вопрос об отношении Лермонтова и Толстого к войне неразрывно связан с отношением их к Наполеону.

Один из воспитателей Лермонтова был эльзасец Капэ, офицер наполеоновской гвардии. По словам Висковатова, поэт любил его больше всех других гувернеров, и Капэ "научил его тепло относиться к гению Наполеона, которого Лермонтов идеализировал и не раз воспевал". (Висковатый, "М. Ю. Л.", 29). "Трагическая же судьба этого гения, так чудесно возвысившегося, так громко прогремевшего по всему миру и так неожиданно павшего, увлекла даже самого Байрона, Гейне и, естественно, поразила и Лермонтова. Видя гибель всего сколько-нибудь выдающегося в своем отечестве (у Лермонтова гибнут все личности сколько-нибудь выдающиеся над толпой; гибель прекрасного и в "Памяти Одоевского", и в "Трех пальмах"), поэт поразился и гибелью Наполеона и отнесся к нему сочувственно, не вдумавшись в то, что величие этого деспота несло за собой зло". (Острогорский. "Мотивы лермонтовской поэзии". СПб. 1910 г., 76).⁷⁹ Стихотворения, в которых поэт воспекает Наполеона, большей частью написаны в ранней юности; они полны искреннего сочувствия к герою, судьба которого так необычайна и печальна. Наполеон —

жертва вероломства

И рока прихоти слепой.

(I, 268; ср. I, 127 — "муж рока").

Великое земное

Различно с мыслями людей:

Сверши с успехом дело злое —

Велик, не удалось — злодей...

Среди дружин необозримых

Был чуть не Бог Наполеон,

Разбитый же в снегах родимых —

Безумцем порицаем он! (I, 110).

По меткому замечанию Иванова-Разумника, здесь в нескольких строках затронута тема "Преступления и наказания" Достоевского (Ив.-Р. "Ист. рус. общ. мысли". I. СПб., 1911 г., 162). Действительно, ср., например, слова Раскольникова: "Настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армии в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, — а стало быть, и все разрешается. Нет, на таких людях, видно, не тело, а бронза!.." "Наполеон, пирамиды, Ватерлоо — и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица..." ("Преступление и наказание". Изд. Маркса. 1894 г., 270, 271).

В стихотворениях "Воздушный корабль" и "Последнее новоселье" поэт говорит о Наполеоне не только как о вожде и военном гении, но и как о *человеке*, измученном тоскою по отчизне и по любимом сыне. Сколько грусти и задумчивости, например, в этих словах:

И капают горькие слезы

Из глаз на холодный песок. (II, 286).

Для одних Наполеон был кумиром, для других тираном, для третьих — игрушкой судьбы; в "Воздушном корабле" он является ни тем, ни другим, ни третьим; это человек, переживший крушение заветных грез, человек, еще обладающий громадными

духовными силами, но осужденный врагами на бездействие; это отец, навеки разлученный с сыном; это страдалец, которому даже в могиле не дадут отдохнуть...

"Его смерть трогала сердце Лермонтова больше, чем его подвиги, так как обстановка этой смерти соответствовала тем мечтам об одинокой кончине, которая грезилась иногда самому поэту". (Котляревский. "М. Ю. Л.", СПб., 1905 г., 181).

По воззрениям же Толстого, Наполеон — ничтожнейшее орудие истории (VII, 149); "нет величия там, где нет простоты добра и правды" (VII, 135); Наполеон — "человек без убеждений, без привычек, без преданий, без имени, даже не француз"; его выдвинуло "невежество сотоварищей, слабость и ничтожество противников, искренность лжи и блестящая самоуверенная ограниченность". (VII, 194). Толстой, как и Лермонтов, видит в Наполеоне *жертву рока*; в фатальности судьбы Наполеона для Лермонтова было нечто трагическое, величественное, достойное сочувствия и поклонения; для Толстого же — это лишнее доказательство пассивной роли Наполеона: если в истории, вообще, личность не вершит событий, то тем менее значительный след должен был оставить жалкий, ничтожный завоеватель. Война — ужас, злодеяние, а Наполеон служит только богу войны; вот еще одна причина, побуждавшая Толстого развенчать его. Но отношения к Наполеону Лермонтова и Толстого не столь разнятся, как это может показаться на первый взгляд.

"Когда Лермонтов касался похода Наполеона на Россию, то патриотизм заставлял его несколько умерять свой энтузиазм по отношению к французскому императору. ("Два великана"). (Грунский. "Наполеон I в русской художественной литературе". 90 стр.). Действительно, в стихотворении "Два великана" нет ни одной нотки сочувствия Наполеону: ему ли, трехнедельному удалцу, бороться с могучим русским великаном? Русский богатырь только улыбнулся,

тряхнул главою, —

Ахнул дерзкий и упал... (II, 11).

Однако это задорное стихотворение лишено объективности. "Известно, что борьба с полчищами Наполеона, лучшими войсками в мире, была для России крайне тяжела и потребовала напряжения всех русских сил". (Ал. Соловьев. "М. Ю. Л.", СПб., 1908 г., 43). Аналогичный мотив находим в поэме "Сашка"; поэт обращается к Кремлю:

Напрасно думал чуждый властелин

С тобой, столетним русским великаном,

Помериться главою и обманом

Тебя низвергнуть. Тщетно поражал

Тебя прищлец: ты вздрогнул, — он упал. (II, 145).

Сравнение России с богатырем есть в известной заметке поэта: "У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем."⁸⁰ Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжелого сна и встал и пошел... И встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия". (IV, 352). Ср. Еще: "Русский народ, этот сторукий исполин"... (IV, 8). Еще до "Двух великанов" и "Сашки" Лермонтов написал "Поле Бородина", первый набросок знаменитого "Бородина". Как в "Поле Бородина", так и в "Бородине", о Наполеоне — *ни слова*; на первом плане — русский народ, которому принадлежит все симпатии поэта. Отметим еще некоторые штрихи. Лермонтов говорит про Наполеона:

Родился он игрой судьбы случайной. (I, 268).

По словам Толстого, Наполеон получил власть благодаря *случайности*. (VII, 195—196).

В "Двух великанах" Наполеон — "трехнедельный удалец", у Толстого — *ребенок*, "который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит". (VII, 76).⁸¹ Лермонтов подчеркивает *дерзость* Наполеона, вступившего в борьбу с мощной Россией: "рукою *дерзновенной*", "ахнул *дерзкой*". (II, 11). Толстой видит в Наполеоне "*ребяческую дерзость*" (VII, 194), "*дерзость преступлений*". (VII, 195).

"Для Толстого так характерно разжалование героя", говорит Айхенвальд. "Вспомним, что он сделал с Наполеоном, как безжалостно разрушил воздушный корабль по синим волнам океана и все эти красивые сказки — в двенадцать часов по ночам". (Айхенвальд. "Посмертные сочинения Л. Н. Т.", СПб., 1912 г., 41). По нашему мнению, эти сказки не разрушены, у каждого поэта, писателя, историка — свой Наполеон; одним из этих Наполеонов мы сочувствуем, другим — нет. В толстовском Наполеоне — "глупость и подлость, не имеющая примеров" (VII, 196); "нет поступка, нет злодеяния или мелочного обмана, который бы он совершил и который тотчас же в устах его окружающих не отразился бы в форме великого деяния" (там же). Описывая наружность Наполеона, Толстой не забудет обратить внимание читателя на пухлую белую ручку, на подергивающуюся икру ноги; словом, это и с виду не цезарь, не полубог. Его фразы, его жесты — все неискренно, рассчитано на заранее обдуманный эффект; это опытный, хитрый актер. Ср., напр.: "Император, оставши от тщетного ожидания и своим *актерским* чутьем чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишком долго, начинает терять свою величественность, подал рукой знак". (VI, 266). Или: "Le coup de théâtre avait raté"⁸² (VI, 268). Или: "Действие совершено."

Последняя роль сыграна. *Актеру* велено раздеться и смыть сурьму и румяна: он больше не понадобится.

И проходят несколько лет в том, что этот человек, в одиночестве на своем острове, играет сам перед собой жалкую комедию... (VII, 197, 198). Такой Наполеон ни в ком не возбудит сочувствия. Лермонтовский — царственно величав в своей скорби:

На нем треугольная шляпа

И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,

Главу опустивши на грудь,

Идет...

... На берег большими шагами

Он смело и прямо идет,

Соратников громко он кличет

И маршалов грозно зовет.

... И топнув о землю ногою,

Сердито он взад и вперед

По тихому берегу ходит...

... Стоит он и тяжело вздыхает,

Пока озарится восток,

И капают горькие слезы

Из глаз на холодный песок. (II, 285, 286).

Это не актер; его слезы непритворны; его горе искренно и глубоко; он один, и ему не перед кем лгать. В обрисовку личности знаменитого завоевателя Лермонтов и Толстой внесли много пристрастного, но фигуры, созданные ими, очень рельефны; черты искусства необъятно обширны и в них есть место и толстовскому Наполеону, и лермонтовскому.

Кстати, "Воздушный корабль" — не перевод, а свободное подражание Цедлицу, подражание, в котором Лермонтов ярко проявил индивидуальность своего поэтического гения (см. Соч. Л.—ва под ред. Болдакова, II, стр. 371—373; Бархин, "Соч. М. Ю. Л.", I, 120—122).

В "Воине и мире" есть строки, чрезвычайно близкие "Последнему новоселью" Лермонтова. Капитан Рамбаль говорит Пьеру про Наполеона: "Il m'a empoigné. Je n'ai pas pu résister au spectacle de grandeur et de gloire dont il couvrait la France"⁸³. (VI, 299). Лермонтов:

**И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.** (II, 306).

"Последнее новоселье", в свою очередь, носит следы влияния Пушкина.

Лермонтов:

Разбитый свой венец он снял и бросил сам. (II, 307).

Пушкин:

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец...
("Наполеон").

Лермонтов:

**Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове под небом дальних стран.** (II, 308).

Пушкин:

Под сенью чуждою небес.
... знойный остров заточенья.
("Наполеон").⁸⁴

Толстой в "Воине и мире" говорит, что для изучения законов истории нужно оставить в покое царей, министров, "а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами". (VI, 218). Нечто схожее с этим, — предпочтение человека обыкновенного — герою, — есть у Лермонтова — в предисловии к "Журналу Печорина": "История души человеческой, *хотя бы самой мелкой души*, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа". (IV, 194). "Самая мелкая душа" и есть "бесконечно малый элемент", и в "Герое нашего времени" симпатии автора явно лежат не на стороне Печорина, "героя", а Максима Максимыча, обыкновенного человека.

Глава X. Война (продолжение). "Бородино"

"Валерик" — одна сторона эпопеи Толстого, предсказанная Лермонтовым, "Бородино" — другая.

Еще в 1830 г. Лермонтовым было написано стихотворение "Поле Бородина"; через семь лет эта юношеская, напыщенная ода чарами поэзии была превращена в знаменитое "Бородино".⁸⁵ "Весьма может статься, что поэт в Кавказских "Суворовским" духом проникнутых войсках и подслушал разговор старого солдата, очевидца Бородинской битвы, с рекрутом и, по обычаю своему, все, что писал, брать из жизни, облек свое стихотворение в форму диалога между стариком солдатом и рекрутом". (Висковатый. "М. Ю. Л.", 259).

Комендант Белогорской крепости, ветеран из "Бородина", Максим Максимыч, капитан Хлопов, Каратаев — незабвенные, родственные между собою, типы русского воина, русского благодушного человека. "Между маленьким Печоринным и большим Максимом Максимычем, как двумя полярными точками, колеблется все творчество нашего поэта. И победил Максим Максимыч. В общем смирении Пушкина и Лермонтова есть та

высшая внутренняя действенность, которую прославил Толстой в Платоне Каратаеве"... (Айхенвальд. "Отд. страницы". П. М. 1910 г., 113). Еще Боденштедт подметил, что Лермонтов выше всего там, где наиболее народен. В Лермонтове была стихийная любовь к русскому человеку. Смутное, но могучее тяготение к русскому народу сказалось в искренних словах юноши-поэта: "Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская, — я не слышал сказок народных". (IV, 350, 351). Оно сказалось в его глубоко верном, замечательном самоопределении:

**Нет, я не Байрон: я другой,
Еще неведомый избранник,—
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.** (I, 300).

Оно сказалось в создании Калашникова, в котором таится столько духовной мощи, смирения, любви к семье и готовности постоять за правду "до последнева"; она сказалась в создании выпуклой фигуры милого Максима Максимыча, этой золотой души; казачки, воспитывающей для трудной боевой жизни нового богатыря; в создании трогательной картины смерти капитана, окруженного семью усачами, с запыленных ресниц которых каплют слезы. Поэту дорог этот ярославский мужик, "беспечный русак", который не слез с облучка на таком опасном месте горной дороги, где даже привычный туземец шел, осторожно ведя коренную (IV, 173); ему любо смотреть до полночи

**На пляску с топаньем и свистом,
Под говор пьяных мужичков.** (II, 330).

Ему до боли жаль этих мужичков, угнетаемых помещиками ("Странный человек").

В "Бородино" поэт вложил всю свою любовь к русскому народу, всю веру в его скрытые могучие силы. Его ветеран 12-го года — не хвастун, не балагур; перед нами человек, выдавший виды, но степенный. Ему присущи высокие качества нашего солдата — любовь к отчизне, крепкая вера в Бога, отвага, преданность своему вождю, готовность всего себя отдать для блага других; он шутит перед самым боем, выказывая этим избыток бодрости, спокойную уверенность в своих силах; он наблюдателен, словоохотлив; он пересыщает рассказ меткими простонародными выражениями: "у наших ушки на макушке", "ломить стеною", "постой-ка, брат, мусью", "ну ж был денек". Этим напоминает он Каратаева, который так любил употреблять пословицы и поговорки; ласковостью же, трезвым умом, смирением Каратаев похож на Максима Максимыча; Толстой говорит, что Платон Каратаев — "олицетворение всего русского, доброго и круглого" (VII, 40); это было бы приложимо и к Максиму Максимычу. Лермонтовский ветеран покорен воле Бога:

**Не будь на то Господня воля... (II, 204).
Когда б на то не Божья воля... (II, 207).**

По наблюдениям Толстого, в русской армии "чаще других встречающейся тип — тип более милый, симпатичный и большею частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле Божией". (II, 232). Каратаев, как доказывает Овсяннико-Куликовский, солдат по службе, но "психологически совсем не солдат". (Овс.-Кул., Собр. Соч., III, "Л. Н. Т.", 62); зато лермонтовский участник Бородинской битвы — настоящий солдат. Готовность лечь костями за родину ("Уж постоим мы головою за родину свою!"), за святую Москву ("Не будь на то Господня воля, не отдали б Москвы!"), "Умереть мы обещали..."),⁸⁶ восхищение своим начальником ("Рожден был хватом: слуга царю, отец солдатам..."), любовь к нему ("Да, жаль его..."), к своим товарищам ("Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...")⁸⁷ нетерпеливое ожидание решительного боя ("Досадно было, боя

ждали, ворчали старики...". "Два дня мы были в перестрелке. Что толку в этакой безделке?", отвага и задор ("Постой-ка, брат, мусью! Что тут хитрить? — Пожалуй к бою..."), упоение битвой ("Вам не видать таких сражений!..", "Русский бой удалый, наш рукопашный бой!"), полупрезрительное отношение к новому поколению ("Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри, — не вы!"),⁸⁸ — все эти черты присущи именно солдату. В таких выражениях, как "Есть разгуляться где на воле!", "Уж мы пойдем ломить стеною", "Русский бой удалый, наш рукопашный бой!" — проявляется широкая натура русского простого человека. Лермонтов и Толстой остаются на изображении борьбы России с наполеоновскими полчищами потому, что это тот момент русской истории, в который наш народ ярко выразил свою скрытую внутреннюю силу, единодушие; на первом плане у обоих художников не отдельные личности, герои, а целый народ, народная масса; потому-то лермонтовский ветеран и говорит от первого лица множественного числа: "*Мы* долго молча отступали", "Два дня *мы* были в перестрелке", "*Мы* ждали третий день", "Умереть *мы* обещали", и проч.; в этом видна и могучая сплоченность народа, и кротость рассказчика, который только однажды говорит лично от себя:

Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга! (II, 205).⁸⁹

Отдавая должную дань положительным качествам родного народа, Лермонтов и Толстой, как истинные художники, сумели избежать шовинизма; каждое их слово согрето теплой, искренней любовью к своему народу; в отношении к врагу русский солдат не проявляет непримиримой злобы, презрения или бахвальства. В словах — "Постой-ка, брат, мусью!" — добродушная шутка. В словах — "Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый" — справедливая оценка деятельности общих усилий, сознание собственных сил, гордость, — но все в умеренной степени. Рассказчик даже как бы любит, как знаток, стройностью и картинностью французских войск:

Французы двинулись, как тучи,

И все на наш редут.

Уланы с пестрыми значками,

Драгуны с конскими хвостами, —

Все промелькнули перед нами, —

Все побывали тут. (II, 206).

Москву пришлось отдать неприятелю, но это — "Господня воля", и русский солдат не питает к французам националистической ненависти; эту черту подмечает в нашем солдате и Толстой; в "Севастопольских" рассказах и "Войне и мире" он рисует светлые картины перемирия, во время которого русские низшие чины от чистого сердца шутят со своими противниками.

Подобно "Бородину" Лермонтова, превосходящему все, что написано у нас в стихах о двенадцатом годе, эпопея Толстого возвышается над всем, что дала наша художественная проза о борьбе "двух великанов". Характерно это тяготение Лермонтова и Толстого к одним и тем же темам: напр., элементы "Бородина" легко разыскать в "Войне и мире" и других произведениях Толстого.

Лермонтов:

Тих был наш бивак открытый. (II, 205).

Толстой тоже подчеркивает строгое спокойствие русских солдат перед решительным боем; они надевают чистые рубашки, не пьют водки. (VI, 163, 170).

Лермонтов:

Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито... (II, 205).

Толстой: "*Кто, сняв кивер, старательно распускал и опять собирал сборки; кто сухой глиной, распорошив ее в ладонях, начищал штык*"... (VI, 204). Здесь те же образы, почти те же выражения; несомненно, влияние "Бородина".

Лермонтов:

И молвил он, сверкнув очами:

"Ребята! Не Москва ль за нами?"

Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали!"

И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали

Мы в Бородинский бой. (II, 206).

У Толстого "Корнилов, объезжая войска, говорил: "*умрем, ребята, а не отдадим Севастополя*", и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: "*умрем! ура!*" (II, 153). Ср. вариант в письме к брату: "Корнилов, объезжая войска, вместо: "здорово, ребята!" говорил: "нужно умирать, ребята, умрете?" — и войска отвечали: "умрем, Ваше Превосходительство, ура!" И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а *взаправду*".⁹⁰ (Письма Л. Н. Т., 1910 г., 43).

Смирнова передает следующие слова Пушкина: "Наши солдаты, наши молодые офицеры, перемена в их настроении до и после дела, производили на меня сильное впечатление. Конечно, я видел битвы только издали, но не могу сказать, до чего трогали меня лица солдат, идущих на бой и возвращающихся оттуда, а также погребение. Ни хвастовства, ни фразерства нет в наших войсках". (А. О. Смирнова. "Записки". I. СПб. 1895 г., 193). Именно таким изображают нашего воина Лермонтов и Толстой. С виду грубый и сдержанный, русский человек, вообще, на самом деле добр и мягок, проникается теплым сочувствием к страданиям ближнего. После Валерикского боя седые усачи плачут над умирающим капитаном. Вернер (Лермонтов подчеркивает его русское происхождение), этот скептик и материалист, "плакал над умирающим солдатом" (IV, 210). С такою же непосредственностью русский человек отзывается на чужую радость; Максим Максимыч, рассказав о примирении Бэлы с Печориным, добавляет: "Поверите ли? Я, стоя за дверью, также заплакал, то есть, знаете, не то чтоб заплакал, а так... глупость!.." (IV, 171). Так плачет за дверью Василий Лукич: он хотел войти в детскую, где была Анна Каренина с сыном, "но ласки матери и сына, звуки их голосов и то, что они говорили, все это заставило его изменить намерение. Он покачал головой и, вздохнув, затворил дверь. "Подожду еще десять минут", сказал он себе, откашляваясь и утирая слезы" (IX, 87).

Лермонтов, как изобразитель военного быта, является одним из немногих предшественников Толстого. "В повестях Лермонтова, Марлинского и Даля (который одно время был полковым доктором) жизнь военного человека была впервые описана на основании наглядного наблюдения и потому кое-какие стороны этой своеобразной души и открылись читателю; и — что важнее всего — рядом со светским военным появился в литературе и смиренный армеец, и солдат". (Котляревский. "Гоголь". СПб. 1908 г., 468).⁹¹ Кроме Максима Максимыча и ветерана 12-го года из "Бородина", Лермонтов создал такие удачные типы, как Печорин, Грушицкий, драгунский капитан, Вулич, князь Звездич. Он, как впоследствии Толстой, отмечает в подобных людях бреттерство, искание сильных ощущений, погону за успехами в свете, душевную пустоту, эгоизм. Эти люди лишены высших умственных интересов. Умнейшие из них, как Печорин, сжигают жизнь в поисках минутных наслаждений, в соперничестве из-за первенства в провинциальном обществе с Грушицкими-Мартыновыми⁹². Что наполняет их жизнь? Балы, маскарады, товарищеская попойки да карты.

— "Господа, — говорит Вулич, — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?" Он играет жизнью, товарищи слабо протестуют, но ни у кого не хватает духу твердо сказать, что это пари — безумие. Печорин подбросил карту, и "дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно..." (IV, 271). Вулич готовился спустить курок, а окружающие испытывали только смешанное чувство страха и *любопытства*. Такое же безрассудное пари держит Долохов с англичанином Стивенсом: будучи пьян, он, сидя на окне третьего этажа, со спущенными наружу ногами, должен был выпить бутылку рому. Один благодарный человек хотел было мешаться, но Долохов заявил, что кто будет к нему соваться, того он спустит за окно. Пари состоялось. Вулич оценил свою жизнь в двадцать червонцев, Долохов — в пятьдесят ("Хотите на сто?" Спросил он англичанина, но тот сказал — "Нет, пятьдесят". — IV, 33). Напомним, что Лермонтов, как мы уже говорили, был знаком с Дороховым, прототипом Долохова. Князь Звездич, Вулич, Гарин — страстные любители картежной игры; об увлечении военными азартной игрой Толстой говорит в "Двух гусарах", "Войне и мире" и других произведениях. Бреттерство военных подчеркнуто в Долохове и Турбине.

Лермонтов мечтал написать большой роман, который должен был обнять века Екатерины II, Александра I и Николая I; он говорил об этом Белинскому.⁹³ Рассказывают еще, что по пути на роковой поединок он передавал Глебову, что задумал два романа, из которых один "из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене"; другой — из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой в Тегеране, в которой погиб Грибоедов. (Мартьянов. "Последние дни жизни М. Ю. Л.". — "Ист. В.", 1892 г., IV, 90).

Глава XI.

Война (продолжение).

"Казачья колыбельная песня". "Дары Терека". "Завещание"

По мнению Шевырева, "Казачья колыбельная песня", "при всей красоте своей и истине, своим содержанием напоминает подобную колыбельную песенку В. Скотта: "Lullaby of an infant chief" (Зелинский. "Рус. критич. литер. о произведениях М. Ю. Л.". I. М. 1904 г., 198, 199). Вот эта "Колыбельная песнь над ребенком вождя":

О, спи спокойно, мое дитя — твой отец был рыцарем,
Твоя мать была знатной госпожой — оба прелестные
и блестящие,

Леса и долины, которые мы видим с башен, —
Все принадлежат тебе, дорогое дитя.
О го ро...

О, не бойся рожка, хоть и звонко он трубит:
Он зовет лишь стражу, которая охраняет твой покой;
Ее луки будут натянуты, ее мечи будут обагрены кровью,
Прежде чем стопа врага приблизится к твоей постели.
О го ро...

О, спи спокойно, мой младенец! — скоро наступит время,
Когда твой сон будет прерван трубой и барабаном;
Наслаждайся же покоем, пока можешь:
Борьба приходит с возмужанием, а пробуждение — с зарею.
О го ро...

(Бархин, I, 113)

Содержание лермонтовской песни несравненно глубже и сложнее. "Некоторые мотивы, затронутые песней Л-ва, уже разрабатывались в русской литературе: вспомним хотя бы известное сравнение у Гоголя "плачущей" волны Днепра в бурную ночь с матерью казака, провожающей в войско своего удалого сына (Гоголь: "Страшная месть") или описание чувств казачки-матери в "Тарасе Бульбе"... (Бархин, I, 110). Есть сообщение, что "Казачья колыбельная песня" была написана при следующих обстоятельствах: осенью 1840 г., возвращаясь из Чечни (после сражения на Валерике), Лермонтов останавливался в станице Червленной. Там "поэт, увидя хозяйку, качающую в люльке ребенка, уселся за стол и стал на клочке бумаги писать карандашом". Казак этой станицы, Лукьян Борискин, напомнил поэту, что ямщик ждет "на водку"; "Лермонтов достал из кошелька "абаз" и подал Борискину для передачи ямщику, а когда Борискин появился в сенях, то Лермонтов вышел к нему с клочком бумаги и вслух прочел "Колыбельную песню". (К. Каминский. — "Терек". 1911 г., 24 марта, № 3980). Здесь есть маленькая неточность; казачка, качавшая ребенка, была не хозяйка, а сестра ее, известная красавица Дунька Догадиха; память о ней до сих пор живет среди гребенских казаков. Поэт останавливался в домике, который в то время занимал его друг, гвардеец Вербицкий, со своей возлюбленной, казачкой Степкой, сестрой Дуньки. В присутствии Лермонтова Дунька качала в колыбели сына сестры и напевала казачьи песни, интригуя гостя. "Эта встреча подарила России "Казачью колыбельную песню". Это, может быть, единственное светлое пятно в безумной и бурной жизни Догадихи". Князь Гагарин, будучи хорунжим Гребенского полка, в 1846 г. был в станице Червленной и видел Дуньку, которой в то время было около 30 лет. Он говорит: "Я никогда не предполагал, что могу встретить между простыми казачками типы такой изящной красоты". (Подробности эти берем из книги Г.А. Ткачева — "Станица Червленая". Вып. I. Владикавказ. 1912 г., 116, 211, 212).

Песня Лермонтова дышит и теплой любовью к детям, и сочувствием горю матери, знающей, что ее малютка-сын уже обречен на тревоги войны, и неколебимой верой в защиту и милосердие Бога. Лермонтов является предшественником Некрасова и Надсона, создавших трогательный, лучезарный образ матери-страдальницы.

Некогда А.Н. Чудинов, охарактеризовав Тамару, Бэлу, Мери, ее мать и Веру, пришел к следующему выводу: "Этими немногими типами совершенно исчерпывается весь круг мирозерцания Лермонтова относительно женщины". (А.Н. Чудинов. "История русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов". Воронеж. 1872 г., 160). Категоричность этого заявления ("*совершенно исчерпывается весь круг*"...) в высшей степени... странна; почему забыт тип идеальной матери-казачки? — идеальной жены — в "Песне про купца Калашникова"? Почему автор не остановился на лирических произведениях такого рода, как "Ребенку", "Я, Матьер Божия"?⁹⁴

Известен восторженный отзыв Белинского о "Казачьей колыбельной песне": "Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какой дышит

любовь матери, — все это воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умильную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения? Он видел Кавказ, — и нам понятна верность его картин Кавказа; он не видал Аравии и ничего, что могло бы дать ему понятие об этой стране палящего солнца песчаных степей, зеленых пальм и прохладных источников, но он читал их описания: как же он так глубоко мог проникнуть в тайны женского и материнского чувства?" (Белинский. Соч., Изд. Павленкова. II. 1900 г., 134). Детальный разбор этого стихотворения покажет, как тесно связано оно с творчеством самого Лермонтова, Толстого и других наших поэтов и писателей.

Стихи — *Тихо смотрит месяц ясный*

В колыбель твою. (II, 278).

Ср.: о Саше Арбенине в начатой повести: "непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку". (IV, 299). "Свет месяца — необходимый элемент колыбельных песен наших поэтов (Майкова, Полонского, Плещеева, Бальмонта...)". (Бархин, I, 111). В "Казачьей колыбельной песне" месяц "ясный". Излюбленный же эпитет поэта — "золотой". Например:

Раздвинул тучи месяц золотой. (I, 210).

Прямо в очи

Недвижно смотрит месяц золотой. (II, 154).

Над пустынею Пророка

Встал тихо месяц золотой. (II, 264).

Лишь только месяц золотой

Из-за горы тихонько встанет. (II, 361).

Другие эпитеты — "полный" (II, 321; IV, 195, 299); "полный и красный" (IV, 272), "белый" (II, 110), "туманный" (I, 97), "серебристый" (II, 175). С *месяцем* поэт связывает представление о *тишине*:

Тихо смотрит месяц ясный.

То же — в "Сашке": "все полно *тишиной*... Прямо в очи недвижно смотрит *месяц золотой*" (II, 154), *месяц "тихо гас"* (II, 175); в "Беглеце": "встал *тихо месяц золотой*" (II, 264), в "Демоне": "*месяц золотой из-за горы тихонько встанет*" (II, 361).⁹⁵

Стихи — *Стану сказывать я сказки,*

Песенку спою. (II, 278).

Саше Арбенину горничные девушки рассказывали "сказки про волжских разбойников" (IV, 299). О себе же поэт с грустью говорит: "Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская, — я не слыхал сказок народных". (IV, 350, 351).

В избушке позднюю порою

Славянка юная сидит.

... И лольку детскую качая,

Поет славянка молодая... (I, 161).

А я глазыньками гусей пасу,

И я рученьками бел кужель пряду,

И я ноженьками дитя качаю;

Ты баю-баю, мило дитятко!.. (I, 168).

Мцыри помнит звуки песен, которые пели ему сестры над его колыбелью (II, 314). "В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельной песней, с рассказами старой няни. Вадим это чувствовал, и память его невольно переселилась в прошедшее" ... (IV, 24).⁹⁶

Стихи — *По камням струится Терек,*

Плещет мутный вал;

Злой чечен ползет на берег,

*Точит свой кинжал*⁹⁷.

Но отец твой — старый воин,

Закален в бою... (II, 278).

"Эффектный переход от идиллической картины: "тихо смотрит месяц ясный в колыбель... Стану сказывать я сказки, песенку спою"... К картине мрачной: бурному Терек, к чеченцу, оттачивающему в ночной тьме свой кинжал для внезапного нападения"... Затем — "успокоение: переход к прежнему спокойному тону: мать как бы сама испугалась впечатления, произведенного на ребенка рассказом о "злом чеченце". (Бархин, I, 111). Поэт говорит здесь об исконной борьбе казаков с горцами — борьбе, в которой противники старались превзойти друг друга в удалстве и хитрости, и вечным свидетелем которой был буйный Терек⁹⁸. В повести "Казачи" Толстой описывает, как Лукашка, сидевший в "секрете" на берегу Терека, убивает абрека-чеченца; это как бы иллюстрация к лермонтовской песне.

Ночь. У самых ног казаков бурлит Терек, и время от времени на его волнах, как тени, проносятся каряги. Лукашку одолевает сон, и он уже хочет разбудить товарища, чтобы тот сменил его, как вдруг до слуха долетает подозрительный всплеск; изощренное зрение сейчас же замечает, что одна карча плывет как-то странно, не перекачиваясь, направляясь к берегу. "И вот, при слабом свете месяца, ему мелькнула татарская голова впереди карчи. Он навел ружьем прямо на голову. Она ему показалась совсем близко, на конце ствола. Он глянул через. "Он и есть, абрек", — подумал он радостно и вдруг порывисто вскочил на колена, снова повел ружьем, высмотрел цель, которая чуть виднелась на конце длинной винтовки, и, по казачьей, с детства усвоенной привычке, проговорив: "Отцу и Сыну", — пожал шишечку спуска. Блеснувшая молния на мгновение осветила камыши и воду. Резкий, отрывистый звук выстрела разнесся по реке и где-то далеко перешел в грохот. Карча уже поплыла не поперек реки, а вниз по течению, крутится и колыхаясь". (II, 51). В стихотворении "Дары Терека" Лермонтов великолепно рисует *убитого* горца:

С поля битвы кабардинец,

Кабардинец удалой.

Он в кольчуге драгоценной,

В налокотниках стальных,

Из Корана стих священный

Писан золотом на них.

Он угрюмо сдвинул брови,

И усов его края

Обагрила знойной крови

Благородная струя;

Взор открытый, безответный,

Полон старою враждой;

По затылку чуб заветный

Вьется черною космой. (II, 259, 260).

Описание абрека, убитого Лукашкой, сильно напоминает лермонтовскую картину: "Коричневое тело в одних потемневших мокрых синих портках, стянутых пояском на впалом животе, было стройно и красиво. Мускулистые руки лежали прямо, вдоль ребер. Синеватая свежесвыбритая круглая голова с запекшеюся раной сбоку была откинута. Гладкий загорелый лоб резко отделялся от бритого места. Стекло-открытые глаза с низко остановившимися зрачками смотрели вверх, казалось, мимо всего. На тонких губах, растянутых в краях и выставившихся из-за красных подстриженных усов, казалось, остановилась добродушная, тонкая усмешка. На маленьких кистях рук, поросших рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены красным. (II, 55), О сшибках казаков с горцами Лермонтов говорит в "Дарах Терека":

По красотке-молодце

Не тоскует над рекой

Лишь один во всей станице

Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою. (II, 260).

В "Валерике":

Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там, на опушке — два и боле;
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит;
Он машет, кличет... Где отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой?..
Сейчас... Смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской,
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... Выстрел... Легкий дым...
"Эй вы, станичники, за ним!.." —
"Что? Ранен?" — "Ничего! Безделка!.." —
И завязалась перестрелка... (II, 301).

Эту беззаветную отвагу, презрение к смерти и жизни в горах и казаках подчеркивает и Толстой; в повести "Казаки" он с мастерством, ему присущим, описывает кровавую схватку абреков с казаками. (См. II, 137, 138).

Стихи — *Я сядельце боевое*

Шелком разошью... (II, 278).

Ср. — в "Демоне":

Цветными вышито шелками
Его седло. (II, 356).

Стихи — *Богатырь ты будешь с виду*
И казак душой (II, 278) —

как нельзя лучше иллюстрирует Толстой: "Лукашка, стоявший на вышке, был высокий, красивый мальчик, лет двадцати, очень похожий на мать"⁹⁹. Лицо и все сложение его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что он недавно был *сбран* в строевые, по широкому выражению его лица и спокойной уверенности позы видно было, что он уже успел принять свойственную казакам и вообще людям, постоянно носящим оружие, воинственную и несколько гордую осанку, что он казак и знает себе цену не ниже настоящей. Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам. На настоящем джигите все всегда широко, оборвано, небрежно; одно оружие богато. Но надето, подпоясано и пригнано это оборванное платье и оружие одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку или горцу. Лукашка имел этот вид джигита. Заложив руки за шашку и щуя глаза, он все вглядывался в дальний аул. Порознь черты лица его были нехороши, но, взглянув сразу на его статное сложение, черноброевое умное лицо, всякий невольно сказал бы: "молодец мальчик!" (II, 44).

Стихи — *Провожать тебя я выйду —*

Ты махнешь рукой...

Сколько горьких слез украдкой

*Я в ту ночь пролью!*¹⁰⁰ (II, 279).

Бабушка поэта "так дрожала над внуком, что всегда, когда он выходил из дому, крестила его и читала над ним молитву. Он

уже офицером, бывало, спешит на ученье или парад, по службе, торопится, но бабушка его задерживает и произносит обычное благословение, и так, бывало, по нескольку раз в день"... (Висковатый, 72). Толстой описывает, как мать и сестра провожают Лукашку. Мать напутствует его благословением: "Спаси тебя Христос, Лукашка! Бог с тобой!" Немая сестра знаками говорит брату, возвращающемуся на сторожевой пост, чтобы он еще убил чеченца. Молодой казак усмехается и уходит скорыми, легкими шагами. "Молча постояв у ворот, старуха вернулась в избушку и тотчас же принялась за работу". (II, 77, 78).

Графиня Ростова, с тех пор как ее два сына ушли на войну, "не спала ночей и, когда засыпала, видела во сне убитых сыновей". (VI, 243).¹⁰¹

Стихи — *Стану я тоской томиться,*
Безутешно ждать. (II, 279).

У Гаршина раненый, глядя на убитого турка, думает: "Быть может, и у него, как у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец?.." (Гаршин, 93).

У Некрасова:

Восемь лет сынка не видела.

Жив ли, нет — не откликается,

Уж и свидеться не чаяла...

("Орина, мать солдатская").

Стихи — *Стану целый день молиться,*
По ночам гадать. (II, 279).

Поэт указывает на то, что в душе человека, в особенности — простого, странно переплетаются религиозные и суеверные чувства. Этот мотив с беспримечной красотой и силой развит Некрасовым в поэме "Мороз, Красный Нос": муж крестьянки Дарья при смерти, и она идет за чудотворной иконой; ночь; месяц за тучами; темно; эта темнота и одиночество пугают крестьянку, пробуждают в ней древние суеверия. Все, как кажется ей, предсказывает беду.

Взглянет на небо, — там

какие-то гробы,

Цепи да гири выходят из туч.

Вот шмыгнул заяц.

— Заянька, стой! Не посмей

Перебежать мне дорогу!

Заяц убежал, и она думает: "*Слава Богу*"... Но страх сильнее охватывает ее, ей чудится, что

нечистая сила

Залотошила, завыла,

Заголосила в лесу.

Дарья произносит заклинанье — "*чур меня!*" и тотчас же упоминает имя Божьей Матери:

Деве Пречистой

Я приношенья несу!

На небе покатила звезда, и для крестьянки это недоброе предзнаменование. Она доходит, наконец, до монастыря, и вдруг дрогнуло ее сердце: "*Ворон сидит на кресте золоченом*"... Последний штрих — сочетание креста, христианского символа, и ворона, вестей птицы, — полон глубокого смысла.

Стихи — *Дам тебе я на дорожку*

Образок святой:

Ты его, моляся Богу,

Ставь перед собой;

Да, готовясь в бой опасный,

Помни мать свою. (II, 279).

В драме "Два брата", написанной за четыре года до "Казачьей колыбельной песни", Юрий говорит, что он имя любимой девушки твердит, как молитву, хранит, *"как образ — благословение матери"*. (III, 331). Ашик-Кериб, пускаясь в странствование, берет у матери благословение (IV, 278). Лермонтов свято чтит образа, нательные кресты. После его смерти осталось четыре образа и нательный крест с мощами (см. Мартыанов. "Последние дни жизни М.Ю. Л." — "Ист. В.", 1802 года, IV). Поэт глубоко национальный, он подчеркивает в русском человеке усердное почитание этих святынь. У боярина Орши в красных углах иконы

в ризе дорогой,

В алмазах, в жемчуге, с резьбой. (II, 109).

Запоздала Алена Дмитриевна, и в доме непорядок: дети не спят, плачут, стол не накрыт,

А свеча перед образом сле теплится. (II, 220).

Калашников носит на груди

медный крест

Со святыми мощами из Киева. (II, 226)¹⁰².

Сам поэт перед образом Богоматери горячо молится о счастье любимой девушки (II, 208). Икона, озаренная лучом лампы, навевала мир и отраду в его мятежную, скорбную душу (II, 142). Его трогал вид ребенка, молящегося перед образом вместе с матерью (II, 287). В "Тамани" находим следующий характерный штрих: "Я вошел в хату: две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. *На стене ни одного образа — дурной знак!*" (IV, 196). См. еще описания образов — IV, 11, 41, 42, 43.

Благословение детей, покидающих родной кров, — древний обычай. Илья Муромец, собравшись ехать в Киев, говорит:

Ох ты гой еси, родимый, милый батюшка!

Дай ты мне свое благословеньице.

Пушкинский Гринев, вспоминая об отъезде из дому, рассказывает: "Родители мои благословили меня". Гоголь в "Тарасе Бульбе" дает высокохудожественное описание напутствия матерью молодых отъезжающих воинов.

Толстой чаще других упоминает о благоговейном отношении русского человека к иконе. Мать капитана Хлопова говорит волонтеру, отправляющемуся на Кавказ: "Вот это Неопалимой Купины наша Матушка-Заступница, — сказала она, с крестом поцеловав изображение Божьей Матери и передавая мне в руки, — потрудитесь, батюшка, доставьте ему. Видите ли: как он поехал на Кавказ¹⁰³, я отслужила молебен и дала обещание, коли он будет жив и невредим, заказать этот образ Божьей Матери. Вот уж восемнадцать лет, как Заступница и угодники святые милуют его: ни разу ранен не был, а уж в каких, кажется, *сражениях*¹⁰⁴ не был!"... На самом деле капитан был четыре раза тяжело ранен, но не писал об этом матери (II, 7, 8). Розенкранц (он говорил, "что он и предки его были чистые русские"), пользовавшийся известностью отчаянного храбреца, каждый вечер молился Богу и никогда не снимал с шеи "огромного образа" (II, 12). Севастопольец Михайлов, пробегая по траншее, дотрагивался "беспременно до образа Митрофания угодника, в которого он имел особенную веру" (II, 177). Володя Козельцов, попав в Севастополь, испытывает в первую ночь сильный страх; но когда ему припомнилась *мать, "провожающая его в уездном городе и горячо со слезами молящаяся передо чудотворной иконой"*, "вдруг мысль о Боге всемогущем и добром, который все может сделать и услышать всякую молитву, ясно пришла ему в голову. Он стал на колени, перекрестился и сложил руки так, *как его в детстве еще учили молиться. Этот жест вдруг перенес его к давно забытому отрадному чувству*". Он помолился, и "детская, запуган-

ная, ограниченная душа вдруг возмужала, просветлела и увидела новые обширные, светлые горизонты". (II, 206). "Господи великий!" Воскликает сам Толстой, "только Ты один слышал и знаешь те простые, но жаркие и отчаянные мольбы неведения, смутного раскаяния, просьбы исцеления тела и просветления души, которые восходили к Тебе из этого страшного места смерти, от генерала, за секунду перед этим думавшего о завтраке и о Георгии на шею и со страхом чующего близость Твою, до измученного, голодного, вшивого солдата, повалившегося на голом полу Николаевской батареи и просящего Тебя дать ему там бессознательно предчувствуемую им награду за все страдания! Да, Ты не устал слушать мольбы детей Своих, ниспосылая им везде ангела-утешителя, влагавшего в душу терпение, чувство долга и отраду надежды". (II, 206—207). В щеголеватом флотском блиндаже "в углу стояла большая в золотой ризе икона Божией Матери и перед ней горела розовая лампадка". (II, 207). У декабриста, вернувшегося из ссылки, образок во всех комнатах. (III, 335)¹⁰⁵. С именем прадеда Толстого, князя Сергея Федоровича Волконского, связана такая легенда: "Князь Сергей Федорович Волконский участвовал в Семилетней войне в чине ген.-майора. Во время похода жене его приснилось, что какой-то голос повелевает ей, написавши небольшую икону: с одной стороны Живоносного Источника, а с другой Николая Чудотворца, послать ее мужу. Она для того избрала дощечку, приказала написать на ней икону и через фельдмаршала Апраксина доставила князю Сергею. В тот же день курьер привез ему повеление — идти для поиска неприятеля. Сергей Федорович, призвав Бога на помощь, возложил на себя полученный образ. В кавалерийском деле неприятельская пуля попала ему в грудь, но ударила в самую икону и не причинила ему вреда; таким образом икона эта спасла ему жизнь; образ этот хранился после у младшего сына его князя Николая Сергеевича. Князь Сергей Федорович умер 10 марта 1784 г.

Лев Николаевич, конечно, знал это предание и воспользовался им в "Войне и мире" для изображения религиозного настроения княжны Марии Волконской перед отправлением князя Андрея на войну". (Бирюков. "Л. Н. Т.", I, 34—35). Вот эта знаменитая сцена:

Княжна Марья робко просит брата исполнить ее желание — принять благословение. Брат сначала шутит и говорит, что возьмет образ, "ежели он не в два пуда и шеи не оттянет". Но, заметив огорченное выражение, которое приняло лицо сестры при этой шутке, он раскаялся. — Очень рад, право, очень рад, мой друг, — прибавил он.

Против твоей воли Он спасет и помилует тебя и обратит тебя к Себе, потому что в Нем одном и истина, и успокоение¹⁰⁶, — сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом в серебряной ризе на серебряной цепочке мелкой работы¹⁰⁷.

Она перекрестилась, поцеловала образок и подала его Андрею. — Пожалуйста, Андрей, для меня...

Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали все болезненное, худое лицо и делали его прекрасным. Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок. Лицо его в одно и то же время было нежно (он был тронут) и насмешливо.

— Merci, mon ami.

Она поцеловала его в лоб и опять села на диван. Они молчали". (IV, 102—103).

Когда раненый князь Андрей лежал на поле битвы, французские солдаты сняли с него образок; увидев потом, с какой лас-

кой Наполеон обращается с пленными, вернули образок Болконскому. (IV, 279). Любопытно отметить одну ошибку Толстого: в начале романа он говорит, что образок этот был "в серебряной ризе на серебряной цепочке" (IV, 102); потом образок оказывается золотым, на золотой цепочке (IV, 279).

Княжна Марья очень набожна. Лермонтов тоже указывает на религиозность русской светской женщины; его трогает, что княгиня Щербатова, светская красавица, хранит "детскую веру" в Бога. (II, 294). В стихотворении "Ребенку" он немногими, но пленительными штрихами рисует молодую мать, которая учит молиться свое дитя (II, 287). Володя Козельцов в страшную севастопольскую ночь вспомнил о Боге, "стал на колени, перекрестился и сложил руки так, как его в детстве еще учили молиться". Этот жест вдруг перенес его к давно забытому отрадному чувству". (II, 206). Эти строки Толстого служат как бы продолжением стихотворений Лермонтова "Казачья колыбельная песня" и "Ребенку"; мы видим, что сын не забыл материнского завета и в трудную минуту вспоминает и мать, и Бога.

Темы, затронутые Лермонтовым в "Казачьей колыбельной песне", часто привлекали внимание наших поэтов; кроме вышеприведенных, можно было бы найти еще много примеров. Бархин приводит в параллель стихи Пушкина из "Кавказского пленника" об угрожающей казакам опасности:

В реке бежит гремучий вал;
В горах — безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

О слезах матери — стихи из "Бахчисарайского фонтана":

Журчит во мраморе вода
И каплет холодными слезами,
Не умолкая никогда;
Так плачет мать во дни печали
О сыне, павшем на войне... (Бархин, 111, 112).

Владимиров указывает на близость к названному стихотворению Лермонтова стихотворения Некрасова — "Внимая ужасам войны". (Владимиров, 31). Ср. еще стихотворение Голенищева-Кутузова "Безвозвратный путь":

Судьбу вопрошая, страхась и любя,
Беспечный младенец, смотрю на тебя.
Не ведая жизни таинственной цели,
С улыбкой блаженства ты спишь в колыбели...
.....
Но скоро бессилия свергнешь ты бремя,
И ступишь ногою в опасное стремя...

(Гол.-Кут., Соч., I, 161-165)¹⁰⁸.

Это напоминает двустихие Шиллера, переведенное Лермонтовым:

**Счастлив ребенок — и в люльке просторно ему! Но дай время
Сделаться мужем, — и тесен покажется мир!** (Л., I, 77).

Горе матери, потерявшей сына на войне, очень тепло изображено в стихотворении Барыковой "За пальцами". Следующее стихотворение известной польской поэтессы Конопницкой напоминает лермонтовскую колыбельную песню:

Ах, качайся, ты качайся,
Колыбельюшка моя!
За тебя, сыночек милый,
Помолюся Богу я.
Пусть тебя Хранитель-Ангел
Сохранит годок, другой,
А потом тебя отнимут:

Будешь барским ты слугой!
Ах, качайся, колыбелька,
Ты качайся побыстрей!
Изо льна спяду я нитку¹⁰⁹ —
Луга барского длинней.
Будет та, сыночек, нитка
И сера, и не мягка,
Словно наша доля — горе,
Словно доля мужика.
Раскачайся, колыбелька...
Чу! И музыка гремит,
И сынок в поход собрался, —
У порога мать стоит...
Ах, качайся, ты качайся,
Колыбельюшка моя!
Одинокой, бесприютной
Побреду по свету я.
Свет широк... Да от сыночка
Далеко я не уйду:
На своем родном погосте —
Там местечко я найду! (Перевод И. Белоусова).

С "Казачьей колыбельной песней" тесно связано "Завещание"¹¹⁰ — одно из самых мрачных стихотворений Лермонтова. Поэт вечно томился предчувствием, что его смерть будет преждевременна и трагична, что умрет он одиноким, никем не оплаканный; конечно, он писал это "Завещание", заглядывая к себе в душу... Умиравший молод, знает, что ему мало остается жить, но мысль об этом не вызывает в нем той безумной жажды жизни и борьбы, которая кипела в груди угасавшего Мцыри. Быть может, у него скоро начнется агония, но пока ум ясен, память свежа. Раненый не забывает послать поклон родине, вспоминает о стариках-родителях, о любимой женщине. Ему видно, не жаль расстаться с жизнью, она ничем не манит его. Он хладнокровно смотрит в глаза призраку смерти, и у него даже хватает мужества пошутить: "Плохи наши лекаря..." Но как ни сдержанны эти речи, а чувствуется, что душа его полна глухой, невыразимой, грызущей тоски; тяжело, хоть жизнь и не мила, умирать молодому; обидно, горько, что никто на родине не озабочен твоей судьбой, и хочется, чтобы по тебе поплакала хотя бы эта женщина, уже разлюбившая и позабывшая тебя!.. Какой-то суровой нежностью, скрытой заботливостью звучат предсмертные слова:

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Сын даже не знает, живы ли его родители, он ничего не пишет им, но не думайте, что это говорит о черствости сердца, о действительной лениности. Лермонтов говорит здесь о характерной черте русского человека: сохраняя равнодушный вид, рискуя уронить себя в мнении близких, таит в глубине души неизменные, теплые чувства. Пусть отец и мать посетуют на лень сына, на его упорное нежелание прислать о себе хотя бы несколько строк, пусть дольше продлится обман, пускай дома сердятся на сына, — но не узнают зато, что он умер, умер, страдая и от ран, и от одиночества... Максим Максимыч говорит: "Об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия". (IV, 176). Мать капитана Хлопова рассказывает: "Ведь я что и знаю про него, так только от чужих: он мне, мой голубчик, ни-

чего про свои походы не пишет — меня напугать боится... Нешто в год раз, и то когда с деньгами, так словечко напишет, а то нет. *Ежели, говорит, маменька, я вам не пишу, значит жив и здоров, а коли что, избави Бог, случится, так и без меня напишут*". Восемнадцать лет он живет на чужбине, и мать радуется, что ее сын, выдавший много сражений, ни разу не был ранен; и не знает, что ее "Пашенька" за это время был четыре раза тяжело ранен. Это та святая ложь, о которой говорит Лермонтов в "Завещании". Хлопов поступает так, как лермонтовский умирающий; мать последнего, конечно, думала о сыне то же, что мать Хлопова о своем. Когда капитану Хлопову передали образок от матери, он отошел в угол и долго возился там с трубкой, желая скрыть волнение. — "Да, славная старуха! — сказал он оттуда несколько глухим голосом. — Приведет ли еще Бог свидеться? — В этих простых словах выражалось очень много любви и печали". (II, 7, 8). Русский человек в выражении сильных чувств часто бывает немногословен. "Сказанное слово — серебряное, а не сказанное — золотое". (Л. Т., VI, 238). "Николай Ростов, нежный сын и брат, находясь в действующей армии, порою не давал о себе сведений домой, и мать проводила бессонные ночи". (VI, 243). Герой Гаршина, лежа на поле сражения, терзается мыслью, что мать и невеста узнают о подробностях его страшного, казавшегося ему неизбежным, конца: "Господи, *не дай им узнать всю правду!* Пусть думают, что я убит наповал. Что будет с ними, когда они узнают, что я мучился два, три, четыре дня!" (Гаршин, 94). Андреев в "Красном смехе" рассказывает про одного умирающего: "У него уже начался гнойник, был сильный жар и через три дня его должны будут свалить в яму, к мертвым, а он лежал, улыбался мечтательно и говорил об ордене.

— А матери послал телеграмму? — спросил я.

Он испуганно, но сурово и злобно взглянул на меня и не ответил. И я замолчал, и слышно стало, как стонут и бредят раненные. Но когда я поднялся уходить, он сжал мою руку своею горячею, но все еще сильною рукою, и растерянно и тоскливо впился в меня провалившимися горящими глазами.

— Что же это такое, а? Что же это? — пугливо и настойчиво спрашивал он, дергая мою руку.

— Что?

— Да вообще... Все это. *Ведь она ждет меня? Не могу же я. Отечество — разве ей втолкуешь, что такое отечество.*

— Красный смех, — ответил я.

— Ах! Ты все шутишь, а я серьезно. Необходимо объяснить, — а разве ей объяснишь? Если бы ты знал, что она пишет! Что она пишет!" (Сб. тов. "Знание", III, 283, 284).

Восторженный поклонник поэзии Лермонтова, Огарев в "Завещании" писал в одной заметке: "Стихотворение как лирически, так и музыкально, так великолепно, что я готов его перечитывать бесконечное число раз". (Огарев. "С утра до ночи". — "Северные Записки". 1913 г. III, 118) В его поэме "Юмор" есть отзвуки лермонтовской лиры:

Как знать? Вдали, в краю чужом,
(Хоть я и езжу осторожно)
Умру быть может. Жалко вам?
Да не желал бы я и сам.
Вот воля вам моя одна.
Скажите тем, кого любил я,
Что в смертный час их имена
Произнося, благословил я,
Что смерть моя была ясна,
Что помнить обо мне просил я,
Смирясь покорствовал судьбе
И скоро жду их всех к себе. (Огарев, II, 41, 42).

Глава XII. Война (окончание). Вторжение человека в мирную жизнь природы

Лермонтов считал войну великим злом потому еще, что она разрушает первозданную красоту и гармонию природы. В поэме "Ангел Смерти" он говорит:

**Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди оскверняют.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчатся
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сраженных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Других долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, спокоен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин,
И обагрить не может кровь¹¹¹.** (I, 321, 322).

Гибель в природе прекрасного больно отзывается в душе поэта по той причине, что он все в природе *очеловечивает*.

**Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.** (II, 381).

Воздух на Кавказе "чист, как молитва ребенка" (I, 106), "чист и свеж, как поцелуй ребенка" (IV, 204). Деревья шумят, "как братья в пляске круговой" (II, 313). У ручья — "ребячий лепет" (II, 326). Арагва и Кура обнимаются, "будто две сестры" (II, 308). Шакал кричит и плачет, "как дитя" (II, 316)¹¹². Раненый барс стонет, "как человек" (II, 322). У рыбки взор

**Зеленых глаз
Был грустно-нежен и глубок,** (II, 327).

Звезды юга ярки,
как очи,

Как взор грузинки молодой. (II, 353).

Поэт часто прибегает к олицетворениям. Каспийское море — величавый старик с темно-синими глазами (11, 260)¹¹³.

Кавказ,
нахмурясь, тихо дремлет,

Как великан склонившись над щитом. (II, 263).

Казбек — "страж Востока"; его наморщенный лоб повит белою чалмой (II, 213); он

**Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.** (II, 364).

Метель —
дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых. (II, 383).

Утренняя зимняя заря
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается. (II, 224).

Ср. еще олицетворения в стихотворении "Спор" (II, 337–340).

Наоборот, описывая красоту человека или говоря о человеческих чувствах, Лермонтов (как и Толстой) берет сравнения из мира природы. Красота женщины (на этом мы остановимся ниже) — недолговечный, но прелестный цветок. Мцыри, попав в дикий лес, как зверь, был чужд людям,

И полз, и прятался как змей. (II, 316).

Он страдал, но не желал помощи людей:

Я был чужой

Для них навек, как зверь степной. (II, 321)¹¹⁴.

Услышав на воле человеческий голос, он трепещет, и его взгляд боязлив (II, 318): словно перед нами резвый, свободный, пугливый зверек. Он плачет, не стыдясь, так как его видели только лес и месяц (II, 321)¹¹⁵. Но он полон могучих сил и дерзости: увидев барса, он не прячется, не бежит; он сам идет на опасность; его сердце "зажглося жаждою борьбы и крови" (II, 321). Он схватился с барсом грудь с грудью: они сплелись "как пара змей" (II, 322). Мцыри говорит:

И я был страшен в этот миг;

Как барс пустынный, зол и дик,

Я пламенел, визжал, как он:

Как будто сам я был рожден

В семействе барсов и волков

Под свежим пологом лесов.

Казалось, что слова людей

Забыл я, — и в груди моей

Родился тот ужасный крик,

Как будто с детства мой язык

К иному звуку не привык. (II, 322, 323)¹¹⁶.

В вариантах "Героя нашего времени" Печорин сравнивается с *тигром*¹¹⁷: "Если верить тому, что каждый человек имеет сходство с каким-нибудь животным, то, конечно, Печорина можно было сравнить только с *тигром*... Сильный и гибкий, ласковый и мрачный, великодушный или жестокий, смотря по внушению минуты, всегда готовый на долгую борьбу, иногда обращенный в бегство, но не способный покориться..." и т. п. (IV, 372). Толстой в страданиях человека видит нечто животное, звериное. Раненый Веленчук кричит, "как заяц" (II, 245). Солдат-татарин во время операции "как будто *хрюкал*" и "оскалив белые зубы, начинал рваться, дергаться и *визжать* пронзительно-звонящим, протяжным *визгом*" (VI, 208). Денисов, узнав о смерти Пети Ростова, стонет, и звуки стона похожи "на *собачий лай*". (VII, 123). Пленные французы "разрывали руками кусок сырого мяса. Что-то было страшное и *животное*" в их взгляде. (VII, 152). Кити тяжело мучилась во время родов, и Левин, стоя в соседней комнате, "слышал чей-то никогда не слыханный им *визг, рев*". (IX, 237). В то же время Толстой, как показывает Мережковский, очеловечивает страдания животных. "Испытывая, углубляя человеческое до животного, животное до человеческого, в последней глубине обоих находит Л. Толстой первое, общее, единое, *соединяющее*"¹¹⁸, символическое". (Мережковский. "Л. Толстой и Достоевский". I. СПб. 1903 г., 242). Собаки и лошади, какими изображает их Толстой, чрезвычайно понятливы, чутки — и только не говорят¹¹⁹.

Лермонтов очеловечивает красоту и страдания природы. Жизнь природы сложна, ярка, и смерть ее детей — не естественная, а причиненная человеком, — является страшным диссонансом; такова была смерть трех пальм.

По мнению Бархина¹²⁰, идея "Трех пальм" выражена в поэме "Ангел Смерти":

Зачем в долине сокровенной

От миртов дышит аромат?

**Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.** (I, 321).

Но для нас очевидно, что идея "Трех пальм" шире; в указанных Бархиным стихах "Ангела Смерти" нет и намек на ропот гордых детей природы и на понесенную ими кару. Люди, погубившие прелестный оазис, жестоки, но часть вины снимается с них, потому что они — орудие в руках разгневанного Высшего Судии.

В поэме "Ангел Смерти" (I, № 282, ст. 308–323) и в "Трех пальмах" отразилось влияние поэм Байрона — "Гяур" и "Абидосская невеста". Еще в 1830 г. Лермонтов перевел прозой начало "Гяура" и именно в этом отрывке заключаются некоторые идеи и художественные образы, которые мы находим в "Ангеле Смерти" и "Трех пальмах".

Байрон: "Ибо здесь *роза*, — на скале или в долине, *любовница (царица) соловья*, дева, для которой его звуки, тысячи его песней слышны в высоте, — цветет, красная от рассказов *соловья (его, любовника)*; *его царица*, царица садов, его роза, несгибаемая ветрами, неоледеняемая снегами, далеко от зимы западной, благословляемая каждым временем года и каждым зефиром, подарок природы — аромат отдает небу в сладчайшем благоухании; она признательно (с благодарностью) возвращает и лучине свои цветы улыбающемуся небу с благовонным вздохом". (Л., II, 423).

Лермонтов о розе и соловье:

Златой Восток, страна чудес,

Страна любви и сладострастья,

Где блещет *роза*, дочь небес... (I, 313).

Крик победивших, стон сраженных

Принудят мирных *соловьев*

Искать в пределах отдаленных

Других *долин*, других кустов,

Где красный день, как ночь, спокоен,

Где *их царицу*, *их любовь*,

Не стопчет *розу* мрачный воин,

И обагрить не может *кровь*. (I, 321, 322)¹²¹.

Любовь соловья и розы — универсальный мотив; эта любовь воспевалась восточными поэтами (персидскими, арабскими, турецкими), средневековыми трубадурами и труверами (см. — Проф. Сумцов. "Пушкин". X, 1900 г., 174–179). Байрон посвящает соловью и розе прелестные стихи в "Абидосской невесте":

Любовник розы — соловей

Прислал тебе цветок свой милый;

Он станет песню своей

Всю ночь пленять твой дух унылый.

Он любит петь во тьме ночей —

И дышит песнь его тоскою;

Но с обнаженной мечтою,

Споет он песню веселей.

И с думой тайною моей

Тебя коснется пенья сладость,

И напоет на сердце радость

Любовник розы — соловей. (Перев. Козлова. —

Козлов. "Стихотворения". СПб. 1892 г., 105)¹²².

Знаменательно, что к поэме "Каллы", написанной в один и тот же год с поэмой "Ангел Смерти", поэт берет эпиграфом¹²³ следующие характерные стихи из "Абидосской невесты":

Тот край Восток, то солнца сторона!

В ней дышит все Божественной красою,

Но люди там с безжалостной душою.

Земля как рай. Увы! зачем она —

Прекрасная — злодеям предана!

В их сердце месть; их повести печальны,
Как стон любви, как поцелуй прощальный. (Козлов, 96, 97).

Любовь соловья и розы не раз воспевали и русские поэты. Лермонтов, как мы видели, не использовал широко этот мотив; зато Пушкин посвятил соловью и розе прекрасные стихотворения — "Соловей" и "О, дева-роза"; роза, вообще, была одним из любимейших цветов Пушкина¹²⁴. Проф. Сумцов упоминает о стихотворении Щербины — "Голоса ночи". Укажем еще на стихотворение Кольцова "Соловей" (подражание Пушкину) и стихотворение Фета "Соловей и роза"; из русских поэтов Фет глубже "всех разработал восточный мотив; его стихотворение поразительно грациозно, изысканно и мелодично .

Как "Гяур" и "Абидосская невеста", "Ангел Смерти" начинается описанием края, в котором прекрасно все — и небо, и цветы, и воды, и женщины, все растет и цветет на воле, как в раю. Лермонтов повторяет многие детали байроновских поэм. В "Абидосской невесте" говорится о кипарисе и мирте (Козлов, 96).

Лермонтов:

**На гордых высотах Ливана.
Растет могильный кипарис.** (I, 316).
**Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?** (I, 321).

Байрон:

Тот край Восток, то солнца сторона!
В ней дышит все Божественной красой...
...Земля как рай. (Козлов, 96).

... "Природа создала жилище, достойное богов и смешала, истощила все прекрасное в этом раю" ... ("Гяур". — Л., II, 423).

Лермонтов:

**И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была.** (I, 313).

Ср. еще:

Кругом меня цвел Божий сад. (II, 316).

Байрон: "И много здесь летних цветов, и много тени, которую любовь желала бы разделить, и многие есть пещеры, манящие к отдохновению, который служат вертепом для разбойника... Странно, что, где природа создала жилище достойное богов и смешала, истощила все прекрасное в этом раю, — здесь человек, живущий разрушением, хочет обращать (обращает) его в дикую пустыню... Странно, что, где господствует тишина, там страсти беспредельны в гордости своей, и жадность и хищность (буйство) дико бушуют (царствуют), дабы помрачить прелестную землю". ("Гяур". — Л., II, 423, 424). Здесь налицо многие элементы "Ангела Смерти" и "Трех пальм". Цветущей, роскошной природе, манящей на отдых, противопоставляется человек-хищник. Байрон говорит, что прекрасную землю человек обращает "в дикую пустыню".

Лермонтов:

И ныне все дико и пусто кругом. (Л., II, 258).

Байрон: "Я расскажу вам *печальную повесть*, и (те) внимающие мне могут *поверить* (думать), что тот, кто слушал ее в первый раз, имел право грустить" ... ("Гяур". — Л., II, 424).

Лермонтов:

**Кто видал
Твоих красавиц, — не забудет
Надменный пламень их очей,
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.** (I, 313, 314).

Таким образом, произведения Лермонтова "Ангел Смерти" и "Три пальмы" созданы отчасти под влиянием Байрона ("Гяур", "Абидосская невеста")¹²⁶.

Известно, что стихотворение "Три пальмы" написано также и под влиянием стихотворения Пушкина "И путник усталый на Бога роптал". (См. Соч. М. Ю. Л. под ред. Болдакова, II, 365, 366. Проф. Сумцов. "Пушкин". 164—174, 322—324. Бархин, I, 77, 78). Несмотря на могучие влияния Байрона и Пушкина, Лермонтов блеснул несравненной силой, гибкостью и яркостью своего дарования. "Три пальмы" ни в коем случае нельзя назвать "подражанием" Байрону или Пушкину. В это великолепное стихотворение слишком много вложено лермонтовского; достаточно сказать об изумительной картине шествия каравана, об описании трагической гибели прекрасных, столетних пальм. В нашу задачу не входит разбор всего стихотворения; мы остановимся на одной подробности — на гибели пальм.

Это были¹²⁷ "высокие", "гордые" деревья, с "махровой главой", "зелеными, роскошными" листьями. Целые века возвышались пальмы над голыми песчаными степями Аравии, защищая прозрачный родник от тропического солнца и самуа. Они мечтали о том, что когда-нибудь их увидит человек и возрадуется, и отдохнет под их шатром, и утолит свою жажду, и полюбуется их мощной красотой. Однообразно, томительно долго шли годы; никто еще не побывал в чудесном оазисе; жизнь стала казаться пальмам бесцельной: для чего выросли они, если прошлое нечем помянуть, если настоящее — уныло, а будущее сулит мучительную смерть? Ведь уж стали сохнуть и листья, и ручей... И гордые, прекрасные пальмы возроптали на Небо. Ропот на Бога — один из излюбленных мотивов Лермонтова. Поэт сам не раз роптал, сетуя на свою судьбу; Азраил и Демон вступали в неравный спор с Богом и понесли за это кару; понесли тяжелую кару и пальмы, ибо, по воззрениям поэта, на Небо нельзя роптать даже тогда, если тобой руководит желание добра... Бедные пальмы! Они дали приют пришельцам, они были счастливы; но счастье на земле кратковременно; с вечерним сумраком в пустыне раздался звук топора... Мы уже говорили, что поэт очеловечивает все в природе. "В море каждая волна... *душой* одарена" (II, 2); железная лопата врывается "в каменную *грудь*" гор (II, 338). Пальмы, будучи срублены, падают "*без жизни*", с них безжалостно срывают "*одежду*"; их стволы — "*тела*". Поэт с болью говорит:

По корням *упругим* топор застучал.

Корни "*упруги*", — значит, пальмы еще полны мощи. Топор — символ грубой власти человека-эгоиста над природой; ср.:

**В глубине твоих ущелий
Загремит топор.** (II, 338).

Далее:

И медленно жгли их до утра огнем.

Поэт указывает, как длительна и мучительна была ужасная агония.

С восходом солнца беспечный караван ушел. Цветущего оазиса уже нет. Местность дика и угрюма, и звучный ключ, лишенный прежней защиты, заносится песками.

Лермонтов, вообще, с какой-то особенной любовью говорит о пальме; она является у него то символом красоты и силы, то — печали. Возле пещеры Зораима

стоят

Сторожевые пальмы в ряд. (I, 315).

Счастливейшие дни Зораима протекли в этой пещере, и, умирая, он говорит Аде:

**О! кто б подумал! как я молод,
Как много я провел бы дней
С тобою; в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых...** (I, 325).

В стихотворении "Ветка Палестины":

**И пальма та жива ль поньне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?**

**Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?... (II, 141)**

Эти стихи тесно связаны с "Тремя пальмами"; поэт говорит здесь и о том, что пальма в палящий зной манит путников, и о том, что ей, как всему прекрасному, суждено рано или поздно погибнуть; характерно выражение — "дольний прах ложится жадно", поэт указывает на неумолимость, жестокость закона разрушения. На родине африканца Зафира, принадлежавшего Сашке, на берегах Гвинеи —

пустыня

**Осталась, неприступна как святыня,
И пальмы там растут до облаков,
И пена вод белее жемчугов... (II, 187).**

Северной сосне, засыпанной снегом, снится:

**В пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная¹²⁸ пальма растет. (II, 289).**

На автографе стихотворения "Сосна" (1840 г.), воспроизведенном в издании Висковатова (Соч. М. Ю. Л., III), имеется набросок поэта: на первом плане, слева — сосна на скале; далее — бедуин на коне и пальма, поникшая верхушкой.

То же порицание нашей жестокости, то же сочувствие природе, страдающей от грубого вторжения человека, встречаем у Толстого. Он говорит в "Воскресении": "Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, *не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви*, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом". (XI, 3). Ему больно видеть "липки с подпорками и зеленые лавочки, бедные, пошлые людские произведения, не утонувшие так, как дальние дачи и развалины, *в общей гармонии красоты*, а, напротив, *грубо противоречащие ей*". (III, 145). Смерть прекрасного, полного жизни дерева для него так же трагична, значительна, как смерть человека. Однажды Толстой рассказал следующий эпизод из своего давнего: "Это было под Севастополем во время Крымской войны. С четвертого бастиона, где я находился, меня назначили за чем-то командиром горной полубатарей. Забрал я свои пушки и поехал. Место было от боя удаленное и совсем безопасное. Расставили пушки на горе. Смотрю, впереди растет великолепный, толщиной в обхват, орех. Нам он не мешал нисколько, тем более что мне было совершенно ясно, что стрелять отсюда мы никогда не будем, но... Надо же было показать свою власть. "Руби!"... И орех срубили... До сих пор не могу я забыть этого ореха". (Наживин. "О Льве Николаевиче". — Международный альманах "О Толстом". 2-е изд., 177—178)¹²⁹. Здесь Толстой является и виновником проступка, и собственным судьей. В рассказе "Три смерти" с поразительным мастерством описана смерть дерева.

Ясное утро. Тишина. "Вдруг странный, чуждый природе звук разнесся и замер на опушке леса. Но снова послышался звук и равномерно стал повторяться вниз около ствола одного из неподвижных деревьев. Одна из макуш необычайно затрепетала, сочные листья ее зашептали что-то, и малиновка, сидевшая на одной из ветвей ее, со свистом перепорхнула два раза и, подергивая хвостиком, села на другое дерево.

Топор низом звучал глуше и глуше, сочные белые щепки лете-ли на росистую траву, и легкий треск послышался из-за ударов. Дерево вздрогнуло всем телом, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своем корне. На мгновение все затихло, но снова погнулось дерево, послышался треск в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветви, оно рухнуло макушкой на сырую землю. Звук топора и шагов затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Ветка, которую она зацепила своими крыльями, покачалась несколько времени и замерла, как и другие, со всеми своими листьями. Деревья еще радостнее красовались на новом просторе своими неподвижными ветвями.

Первые лучи солнца, пробив сквозившую тучу, блеснули в небе и пробежали по земле и небу. Туман волнами стал переливаться в лощинах, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачные побелевшие тучки, спеша, разбежались по синевшему своду. Птицы гомозились в чаще и, как потерянные, щebetали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинах, и ветви живых дерев медленно, величаво зашевелились над мертвым поникшим деревом". (III, 172).

Чтобы резче подчеркнуть жестокость человека, художник говорит о глубокой тишине леса (вследствие чего звук топора и кажется таким неожиданным и "чуждым природе"), о резвой малиновке, беззаботно перепархивающей с ветки на ветку, о солнце о блестящей росе, о прозрачных тучках, о синем небосводе, — обо всем, что так прекрасно и незлобиво в природе. Эта картина менее печальна, чем лермонтовская; у Толстого рассказ заканчивается призывом к жизни, восхищением вечной красотой природы; но черт, общих с "Тремя пальмами", много. Толстой также говорит, что погибшее дерево было полно жизни ("сочные листья", "сочные белые щепки"); деревья — те же живые существа: "листья ее зашептали что-то", "испуганно колеблясь", "листья радостно и спокойно шептались", "ветви живых дерев", "над мертвым поникшим деревом". Словом, растения страдают, пугаются, радуются, шепчутся, — как люди. Некоторые подробности особенно близки к лермонтовским: "топор низом звучал глуше и глуше" (ср. — "по корням упрругим топор застучал"); "дерево вздрогнуло всем телом" (ср. — "изрублены были тела их потом"); совершив злое дело, человек беспечно уходит.

Сравним еще рассказы Толстого для детей — "Черемуха" и "Лозина". Черемуху, осыпанную белыми душистыми цветами, надо было срубить, — она заглушала лециновые кусты. И вот ее стали рубить и нагибать. "В то же время точно *вскрикнуло что-то*, — хрустнуло в середине дерева; мы налегли, и как будто *заплакало*, затрещало в середине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

"Эх, штука-то важная! — сказал мужик. — Живо жалко!" А мне так было жалко, что я поскорее отошел к другим рабочим". (XIV, 128—129). Жертвой людей является здесь нежное цветущее растение, но вина их несколько смягчается тем, что в душе у них проснулось раскаяние. "Лозина" навеяна "Тремя пальмами". Росла лозина; ее цветы давали пчелам мед; в ее тени отдыхали люди. Дети и взрослые, неблагодарные, обламывали ее ветви, но она все жила. "Собрались раз ребята рано весной стеречь лошадей под лозину. Показалось им холодно, они стали разводять огонь, набрали жнивья, чернобылду, хворосту. Один взлез на лозину, с нее же наломал сучьев. Склали они все в дупло лозины и зажгли. Зашипела лозина, закипел в ней сок, пошел дым и стал перебегать огонь; все нутро ее почернело. Сморщились молодые побеги, цветы завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорелая лозина осталась одна в поле. Прилетел черный ворон, сел на нее и закричал: "что, издохла; старая кочерга? Давно пора было". (XIV, 65—66). Толстой, как

и Лермонтов, передает печальную историю старого дерева — прекрасного и полезного, уничтоженного неблагоприятным и жестоким человеком. Растение гибнет от огня и идет на топливо. Уголок земли, оскверненный эгоистичными людьми, мрачен и дик. Прилетает хищная птица (у Лермонтова — коршун, у Толстого — ворон), что делает картину еще более злобещей. Рассказ проникнут пессимизмом.

У старого дуба, остановившего на себе внимание Андрея Болконского, ветви походят на "растопыренные, корявые *руки и пальцы*"; они вырастают у него "из *спины*, из *боков*". (V, 123–124). В "Хаджи-Мурате" Толстой рассказывает, как он однажды сорвал дикий, красивый репейник, и как ему потом стало жалко погубленного цветка. "Какая, однако, энергия и сила жизни", подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. "Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь"... "*Экое разрушительное существо — человек*, сколько уничтожил разнообразных живых существ, растений, для поддержания своей жизни", — думал я, невольно отыскивая *что-нибудь живое* среди этого мертвого, черного поля. Впереди меня, вправо от дороги, виднелся какой-то кустик. Когда я подошел ближе, я узнал в кустике такого же "татарина", которого цветок я *напрасно* сорвал и бросил". Толстой говорит об этом смятом цветке, словно о зверски замученном человеке: "Куст "татарина" состоял из трех отростков. Один был оторван, и, *как отрубленная рука*, торчал остаток ветки. На других двух было на каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал вверх. Видно было, что весь кустик был пережат колесом и уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял, — *точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз*, но он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братьев кругом него". (XII, 3–4)¹³⁰.

В параллель описанию гибели пальм Бархин приводит знаменитую картину рубки леса из поэмы Некрасова "Саша". (Бархин, I, 81–82). Аналогичные мотивы встречаем у многих писателей и поэтов; остановимся на наиболее ярких примерах. Тургенев: "Недавно срубленные осины *печально* тянулись по земле, придавив собою и траву, и мелкий кустарник; на иных листья еще зеленые, но уже *мертвые*, вяло свешивались с неподвижных веток; на других они уже засохли и покоробились. От *свежих*, золотисто-белых щепок, трудами лежавших около ярковлажных пней, веяло особенным, чрезвычайно приятным, горьким запахом. Вдали, ближе к роще, *глухо стучали топоры*, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя *руки*, спускалось кудрявое дерево". ("Касьян с Красивой Мечи". — Полн. собр. соч., изд. Маркса, 1898 г., I, 125). Здесь нет протеста; картина проникнута тихой грустью.

Гр. Алексей Толстой:

Острою секирой *ранена* береза,

По коре серебристой покатались *слезы*. (А.Т., I, 288).

"Attalea princeps" Гаршина — целая поэма о страданиях растений. "Ветви дерев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и, сами налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками листья, "чтобы они не могли расти, куда хотят, но это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания, они помнили свою родину и тосковали о ней". (Гар., 188). Гордая пальма предложила всем пленникам расти выше, насколько можно, чтобы вырваться на волю;

над нею смеялись, но она не отреклась от своей мечты; тянулась вверх, напрягая все силы, и вот, наконец, коснулась потолка оранжереи. "Тогда ствол начал сгибаться. Его листовая вершина скомкалась, холодные прутья раны впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их"... (Гар., 193). Маленькая травка, единственный друг пальмы, спросила: "Скажете мне, неужели вам не больно?" И пальма ответила: "Больно? Что значит больно, когда я хочу выйти на свободу?" (Гар., 193). Она сломала железную полосу, она разбила стекла рамы, но увидела осеннее небо; моросил дождь, шел снег... Гордую пальму перепилили у самого корня и бросили на двор — на стужу, в грязь... В другой редакции сказка написана стихами; смерть пальмы изображена так:

И скоро над бедной, прекрасною пальмой

Безжалостный нож заблестел.

От дерева царский венец отделили,

Оно содрогнулось стволом,

И трепетом шумным ответили дружно

Товарищи-пальмы кругом. (Гар, 399).

На обеих редакциях Гаршина сказало влияние Лермонтова. Известно, что Лермонтов был одним из его любимейших авторов. "Пушкина и Лермонтова он перечитывал из года в год". (Воспоминания В.А. Фауссека. — Гаршин, 46). Он знал наизусть многие стихотворения Лермонтова, всю поэму "Миры". (См. Воспоминания В.А. Фауссека и Бибилова. — Гар., 34,70). Гаршин, как Лермонтов, изображает смерть гордой, роскошной пальмы от злой прихоти человека. Оба поэта сочувствуют страданиям растения и порицают бездушные и жестокость людей. Гаршин трогательно рассказывает о бледной травке, которая восхищалась красотой и силой пальмы и нежно обвивала ее; когда пальму пилили, травка не хотела расстаться со своим другом и тоже погибла. Этот эпизод не навеян ли "Ангелом Смерти"? В лермонтовской поэме есть следующие стихи:

На гордых высотах Ливана

Растет могильный кипарис,

И ветки плещуща обвилась

Вокруг его прямого стана;

Пусть вихорь мчится и шумит,

И сломит кипарис высокой;

Вкруг кипариса плещ обвит, —

Он не погибнет одиноко!.. (I, 316).

В стихотворном варианте Гаршина видно также и влияние стихотворения Лермонтова "Сосна".

Лермонтов:

Одна и грустна на утесе горючем

Прекрасная пальма растет. (II, 289).

Гаршин: "*прекрасная пальма*"; зеленый султан пальмы "*грустно* поникнул", тоскуя по родине¹³¹. Стихотворный размер "Сосны" Лермонтова и "Пленницы" Гаршина — *один и тот же*.

Так же трагично гибнет чеховский вишневый сад. Лопахин, довольный своей покупкой, кричит: "Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья!" Прежние владельцы сада еще не уехали, а уже "слышно, как вдали *стучат топором по дереву*". Когда дом опустел, в тишине раздался "*глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно*". (Чехов. "Полн. собр. соч." Изд. 2-ое. СПб. 1903 г. XXI т., 225, 229, 235)¹³². Лопахин и его рабочие так же жестоки и грубы, как арабы, не пощадившие прекрасных пальм. А как нежен и чудесен был вишневый сад! Любовь Александровна говорила о нем: "Весь, весь белый! О, сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы, опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Какой изумительный

сад! Белые массы цветов, голубое небо"... (Чехов, XXI, 200). В провинциальной глуши, где все так однообразно, скучно, серо, этот сад был благодатным оазисом. Но настал час, и сад погиб. На том месте, где он красовался, появятся дачи с их шумом, с их пошлостью: картина, не менее печальная, чем лермонтовская — в "Трех пальмах". В "Дяде Ване" Астров горячо говорит: "Надо быть безрассудным *варваром*, чтобы жечь в своей печке эту *красоту*, разрушать то, чего мы не можем создать. Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а *разрушал*. Лесов все меньше и меньше, реки сохнуть, дичь перевелась, климат испорчен и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее". (Чехов. "Дядя Ваня". — XIV, 13). Чехов, как Лев Толстой и другие, варьирует лермонтовский сюжет; пусть его драмы разыгрываются не под аравийским, а под тусклым северным небом; пусть перед нами уже не дикие кочевники, а мирные россияне; но образы, но идеи — все те же, давно знакомые. Прекрасные, полезные, полные жизни растения беспощадно истребляются людьми. У Чехова — "*стучат топором по дереву*", у Лермонтова — "*по корням упругим топор стучал*"; у Чехова люди, губящие леса, "безрассудные *варвары*", у Лермонтова — *арабы*, настоящие варвары; Чехов говорит, что у нас от уничтожения лесов "*реки сохнут*"; у Лермонтова — ручей высыхает от солнца и раскаленных песков; Чехов указывает на то, что от рубки лесов портится климат, "земля становится все беднее и безобразнее"; Лермонтов говорит, что после гибели пальм "все дико и пусто кругом". Конечно, Чехов, большой и искренний художник, не *подражал*, но влияние Лермонтова в пьесах "Вишневый сад" и "Дядя Ваня" налицо.

Ср. еще прелестное стихотворение Галиной — "Лес рубят, — молодой, нежно-зеленый лес"...

В природе, по воззрениям Лермонтова и Толстого, нет диссонансов.

На воздушном океане,
 Без руля и без ветрил,
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил.
 Среди полей необозримых
 В небе ходят, без следа,
 Облаков неуловимых
 Волокнистые стада.
 Час разлуки, час свиданья
 Им не радость, не печаль;
 Им в грядущем нет желанья,
 Им прошедшего не жаль. (Л., II, 360).

Ср. — "Тучи" (Л., II, 289).

Природа не вмешивается в беспокойную, мелочную жизнь людей; некогда люди наивно думали, "что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что ж? эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними"... (Л., IV, 272). Люди режутся, кровь льется рекой, а небо ясно... Человек тонул в пруде, "а вода все так же гладко, красиво, равнодушно стоит над ним, блестя золотом на полуденном солнце"... (Т. "Метель". — III, 54). Человек не царь природы; "просто такой же комар или такой же фазан или олень"; умрет, — трава вырастет. (Т., II, 86).

Птица
 И зверь, огонь и ветер, и земля
 Разделят прах мой, и душа моя
 С душой вселенной, как эфир с эфиром, —
 Сольется и развется над миром!.. (Л., II, 170).

Но спокойствие природы невозмутимо только до тех пор, пока человек не посягнул на ее свободу и красоту; тогда она грустит (Казбек — в стихотворении "Спор"), умирает в страшных мучениях ("Три пальмы", "Три смерти", "Лозина", "Черемуха"). Крики и стоны сражающихся пугают "*мирных соловьев*" ("Ангел Смерти"). Звук топора "*чужд природе*" ("Три смерти"). Вид крови приводит ее в ужас:

Теснясь толпой,

На трупы всадников порой

Верблюды с ужасом глядели. (II, 358. —

паразитично-художественная подробность!)

Ксаян с Красивой Мечи недаром говорил: "Святое дело кровь! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... Великий грех показать свету кровь, *великий грех и страх*... Ох, великий!" (Тургенев, I, 127). "Пока Хаджи-Мурат со своими людьми шумел, въезжая в кусты, соловьи замолкли. Но когда затихли люди, эти опять защелкали, переключаясь. Хаджи-Мурат, прислушиваясь к звукам ночи, невольно слушал их". (Толстой, XII, 87). "Соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять защелкали, сперва один близко и потом другие на дальнем конце". (Там же, 90). Эти детали Толстого чрезвычайно близки к стихам из "Ангела Смерти", уже цитированным нами:

Крик победивших, стон сраженных

Принудят мирных соловьев

Искать в пределах отдаленных

Других долин, других кустов... (Л., I, 321).

Вина человека, вторгающегося в заповедные пределы природы с оружием, усугубляется еще тем, что природа для Лермонтова и Толстого — храм; следовательно, война — нечто кощунственное.

Если же кто придет к природе с благими намерениями, попросит у нее помощи, утешения, — она встретит его, как друга. Природа дышит доброжелательством. Поэту

ландыш серебристый

Приветливо кивает головой. (II, 208).

Приветствуют пальмы нежданных гостей,

И щедро поит их студень ручей. (II, 258).

Тишина поля, леса, гор навеет мир в усталую душу человека; он позабудет на время про житейское зло и тревоги, с наслаждением будет тонуть взором в бесконечной синеве неба и сольется в мечтах с хором растений, волн, насекомых, птиц, славящих Бога любви. (См., напр., Л., I, 139; II, 208, 316, 317; Т., II, 85).

Глава XIII. Смерть

Смерть не пугала, не страшила Лермонтова. Жизнь приносила ему много огорчений и страданий, угнетала своей пошлостью, предрекала беды, и он уже в отрочестве томился предчувствием преждевременного конца.

Боюсь не смерти я, о, нет! (I, 142).

— говорит шестнадцатилетний поэт. Через семь лет:

Я без страха жду довременный конец;

Давно пора мне мир увидеть новый. (II, 215).

Еще через три года:

Меня могила не страшит!

Там, говорят, страданье спит... (II, 312).

Правда, он любил "мучения земли" (I, 142), ему жаль было расстаться с жизнью, потому что он был молод (II, 312), но в то же время так хотелось отдохнуть, забыться, а ясное небо с пленительной, бездонной глубиной, облаками, звездами, ангелами — так манило к себе!.. Желание поэта было услышано, и он очень рано покинул земную темницу.

Он не боялся смерти и поэтому-то мог так беспощадно реально изображать ее. Вот на поле битвы умирает Зораим:

Как арфы дальней звон,
Его слова невняты стали,
Глаза всю яркость потеряли,
И ослабел приметно он.
Страдальцу Ада не внимала,
.....
Лишь молча крепко обнимала...
И хочет юноша напрасно.
Последним ласкам отвечать;
И все, что может он сказать, —
Уныло, мрачно, но не страстно.
.....
Взглянул он в очи девы милой,
Привстал, и вздрогнул, и вздохнул,
И умер. (I, 325, 326).

Эта картина бледна, художник еще слишком молод; в более зрелую пору творчества, изображая воина, умирающего на поле сражения, он даст новые, замечательные варианты. Умирает боярин Орша, старик:

Он дальше говорить хотел,
Но вдруг язык оцепенел;
Он сделать знак хотел рукой,
Но пальцы сжались меж собой.
Тень смерти мрачной полосой
Промчалась на его челе;
Он обернул лицо к земле,
Вдруг протянулся, захрипел,
И дух от тела отлетел. (II, 133).

Боярин умирал в полном сознании; язык и руки уже не слушались его, а мысль еще работала. Перед смертью он "протянулся"; у Толстого Алеша Горшок "удивился чему-то, потянулся и помер". (XII, 220)¹³³. Орша умер, но поэт еще не считает свою задачу выполненной и говорит о последнем трепете охлаждающего тела:

К нему Арсений подошел,
И руки сжатые развел,
И поднял голову с земли:
Две яркие слезы текли
Из побелевших мутных глаз,
Собой лишь светлы, как алмаз. (II, 133).

Арсений

Тихо распахнул кафтан:
Старинных и последних ран
На ней кровавые следы
Вились, чернели, как бразды.
Он руку к сердцу приложил,
И трепет замиравших жил
Ему неясно возвестил,
Что в буйном сердце мертвеца
Кипели страсти до конца,
Что блеск печальный этих глаз
Гораздо прежде их погас... (II, 133, 134).

Стих:

руки сжатые развел —

ср. о женихе Тамары:

**В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.** (II, 359).

Арсению легко было разжать руки, так как боярин только что умер. Ср. Гаршин: "попробовали разжать руку и вынуть красный цветок. Но рука заоченела, и он унес свой трофей в могилу". (Г., 270).

О глазах умирающего — ср. — "глаза всю яркость потеряли" (I, 326), "молит жалости напрасно мутный взор" (II, 138).

На войне Лермонтову часто приходилось видеть тяжелые картины предсмертных мучений; под живым впечатлением он пишет Бахметьевой:

Вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видеть. (II, 305).

Перед этим он только что видел, как умирал их капитан. Раненный в грудь, капитан страшно мучился, бредил; глядя на него, плакали даже старые солдаты¹³⁴. Здесь Лермонтов очень скуп на подробности, но описание его тем не менее несколько не проигрывает от этой сжатости в цельности и глубине производимого им впечатления:

На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Он шептал:
"Спасите, братцы! тащат в горы...
Постойте! Где же генерал?..
Не слышу"... Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих — и душу отдал Богу. (II, 303, 304).

В числе убитых в Валерикском сражении был в чине капитана только один — капитан Рожицын I-ый, князя Варшавского полка. (См. — А. Юров. "1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе". — "Кавказский Сборник", X, 306). Быть может, именно его смерть изобразил Лермонтов?

Та же строгая художественная мера соблюдена в стихотворении "Сон", так ярко изображающем медленное угасание смертельно раненного воина, сознание которого уже заволочлось мучительным бредом. (II, 340). Мцыри едва не умер в горах от голода и от ран, нанесенных барсом; он помнит, что сначала почувствовал непривычную слабость и головокружение:

Хотел я встать, — передо мной
Все закружилось с быстротой. (II, 326).

Сознание держалось, но язык стал коснеть:

Хотел кричать, — язык сухой
Беззвучен и недвижим был. (II, 326).

Ср. Толстой: "Он хотел крикнуть, что он контужен; но рот был так сух, что язык прилип к небу, и ужасная жажда мучила его". (II, 175). Толстой как бы переложил на прозу стихи Лермонтова; Мцыри тоже мучила жажда:

Жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь. (II, 327).

Он впал в бред:

Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. (II, 326).

Ему приснился странный, волшебный сон; потом исчез и сон:

**Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил.** (II, 328).

С большими подробностями описывает Лермонтов смерть Нины Арбениной и Бэлы.

На балу Нина приняла, не зная того, яд, подсыпанный мужем. Вернувшись домой, она чувствует себя нездоровой и обращается к служанке:

**Мне что-то дурно: верно, от корсета.
Скажи, к лицу была сегодня я одета?**

Посмотрев в зеркало, говорит:

**Ты права: я бледна; как смерть бледна
Но в Петербурге кто не бледен, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяна! Свет лукавый!** (III, 268).

Она шутит; она не знает, что ждет ее, не чуя веяния смерти и не придает значения недомоганию; муж заходит к ней, и она говорит:

**Я, кажется, больна,
И голова в огне. Поди сюда поближе.
Дай руку: чувствуешь, как вся горит она?¹³⁵
Зачем я там мороженое ела:
Я, верно, простудилась тогда.
Не правда ли? (III, 269).**

Упомянув о мороженом, она не подозревает, как близки ее слова к ужасной истине; разговаривает с мужем, пересиливая возрастающую боль и глухую тревогу, но потом просит его послать за доктором. Арбенин отказывается и открывает ей глаза:

Я тебе на бале подал яд. (III, 273).

Нина мечется, зовет на помощь, падает без чувств и умирает в тяжких муках.

Но эта картина бледнеет перед потрясающей картиной смерти Бэлы.

"Разбойничьим ударом"¹³⁶ Бэла ранена была в спину и мучилась три дня. Максим Максимыч рассказывает: "Я умру!" — сказала она. Мы начали ее утешать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно, она покачала головкой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

"Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки. Она говорила несвязные речи об отце, брате; ей хотелось в горы, домой..."

"К утру бред прошел; с час она лежала неподвижно, бледная и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше" ... (IV, 182)

"Как она переменялась в этот день! Бледные щеки впали, глаза сделались большие-большие, губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежало раскаленное железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова.

...Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой.

...После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворе было жарче, чем в комнате, поставили льду около кровати — ничего не помогло. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца¹³⁷, и сказал это Печорину. — "Воды, воды!.." — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

...Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.." (IV, 183).

"Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.." (IV, 184).

Не менее замечательно описание смерти морской царевны:

**Вот оглянулся царевич назад,
Ахнул, — померк торжествующий взгляд.
Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом.
Хвост чешуею змений покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит.
Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла,
Бледные руки хватают песок,
Шепчут уста непонятный урек...
Едет царевич задумчиво прочь...**

Будет он помнить про царскую дочь! (II; 346).

У Толстого люди рефлексии боятся смерти, не мирятся с нею. Князь Андрей думает: "Умереть... Чтобы, меня убили... Завтра... Чтобы меня не было... Чтобы все это было, а меня бы не было". Он живо представил себе отсутствие себя от этой жизни. И эти березы с их светом и тенью, и эти курчавые облака, и этот дым костров, все это вокруг преобразилось для него и показалось *чем-то страшным и угрожающим!* Мороз пробежал по его спине." (VI, 166). Иван Ильич терзается в душе: "Хоть бы скорее. Что скорее? Смерть, мрак... Нет, нет. Все лучше смерти!" (X, 35). Люди же темные относятся к этому вопросу безразлично. Толстой говорит о Никите: "Мысль о том, что он может и даже, по всем вероятностям, должен умереть в эту ночь, пришла ему, но мысль эта показалась ему *не особенно неприятной, ни особенно страшной*". (X, 146). Алеша Горшок сильно ушибся и захворал; на третьи сутки послали за попом.

— "Что же, али помирать будешь? — спросила Устинья.

— А то что же? Разве все и жить будем. Когда-нибудь надо, — быстро, как всегда, проговорил Алеша".

И как просто, легко он умер: молился только руками и сердцем, знал, что если здесь жил хорошо, то и "там" хорошо будет, говорил мало, потянулся — умер. (XII, 219, 220). Так же просто умирают другие — дядя Федор ("Три смерти", III, 166-168), рядовой Авдеев ("Хаджи-Мурат", XII, 29).

Что же пугает людей в смерти? Неизвестность грядущего и мысль о том, как это ты, человек, желающий жить, окруженный людьми здоровыми и беззаботными, должен испытывать тяжкие страдания, а потом умрешь, переступишь таинственную, роковую границу, отделяющую живого от мертвого. "Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и — неизвестность страдания и смерть. И что там? кто там? там, за этим полем и деревом и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и *страшно перейти эту черту*, и хочется перейти ее; и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что там, по той стороне черты, как и неизбежно узнать, что там, по ту сторону смерти. А сам силен, здоров, весел и раздражен и окружен такими здоровыми и раздраженно-оживленными людьми". Так ежели и не думает, то чувствует всякий человек, находящийся в виду неприятеля, и чувство это придает особенный блеск и радостную резкость впечатлений всему происходящему в эти минуты". (IV, 136). Ср. еще: "Опять, как и на Энском мосту, между эскадроном и неприятелем никого не было, и между ними, разделяя их, лежала *та же страшная черта не-*

известности и страха, как бы черта, отделяющая живых от мертвых. Все люди чувствовали эту черту, и вопрос о том, перейдут ли или нет и как перейдут они черту, волновал их". (IV, 178). Говоря о смерти, Толстой прибегает к одному, излюбленному им, приему: он противопоставляет умирающего или мертвого человеку живому, полному сил, здоровья. В рассказе "Три смерти": "В передней карете сидели две женщины. Одна была госпожа, худая и бледная. Другая — горничная, глянцеви́то-румяная и полная". (III, 163). В "Казаках", описав тело мертвого абрека, автор продолжает: "Лукашка все еще не одевался. Он был мокр, шея его была краснее, и глаза его блестящие больше обыкновенного; широкие скулы вздрагивали; от белого, здорового тела шел чуть заметный пар на утреннем свежем воздухе". (II, 55). Иван Ильич тяжело болен, ослабел, обессилен, и за ним ухаживает Герасим — "чистый, свежий, раздобревший на городских харчах молодой мужик". (X, 31). Иван Ильич смотрит на жену, "разглядывает ее всю и в упрек ставит ей и белизну, и пухлость, и чистоту ее рук, шеи, глянцеви́то-румяную и блеск ее полных жизни глаз. Он всеми силами души ненавидит ее. И прикосновение ее заставляет его страдать от прилива ненависти к ней". (X, 36). "Вошла дочь, раздетая, с обнаженным молодым телом, тем телом, которое так заставляло страдать его. А она его выставляла. Сильная, здоровая, очевидно, влюбленная и негодующая на болезнь, страдания и смерть, мешающая ее счастью". (X, 38). За нею вошел жених — с "обтянутыми сильными ляжками в узких черных штанах". (Там же). В "Анне Карениной": Кити, подойдя к умиравшему Николаю Левину, "взяла в свою свежую, молодую руку остов его огромной руки, пожалала ее" (IX, 50); автор резко подчеркивает немощь страшно исхудавшего больного, цепляющегося за жизнь, и молодую, цветущую красоту Кити; придавая глубокое значение смерти, Толстой дает главе, в которой описывается смерть Николая, заглавие "Смерть" (единственная во всем романе глава с заглавием). Нехлюдов ("Воскресение"), глядя на портрет матери, "вспомнил, как за день до смерти она взяла его сильную белую руку своей костлявой чернеющей ручкой"... (XI, 82). Или: "Одно впечатление — неготовящегося к смерти и умирающего Крыльцова — было тяжелое и грустное. Другое же впечатление — бодрой Катюши, нашедшей любовь такого человека, как Симонсон"... (XI, 325).

Лермонтов, изображая смерть, тоже противопоставляет красоте тела — его разрушение, но пользуется своеобразным приемом: он в этих случаях берет не двух людей (умирающего или мертвого — и здорового), а одного и того же человека, но в разные моменты его жизни: в расцвете сил — и уже умирающим или умершим. Например, в одном из ранних стихотворений — "К Нэере" (1830 г.) — он обращается к девушке:

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри влетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
.....
О! лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
"Кто был этой девы милее,
Кто раньше ее умирал?" (I, 88, 89).

В стихотворении "Морская царевна" поэт сначала описывает красоту русалки:

Вышла младая потом голова:
В косу вилелася морская трава,
Синие очи любовью горят,
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

А потом перед нами уже не красавица-царевна, а "чудо морское с зеленым хвостом"; хвост,

Весь замирая, свиваясь, дрожит.

Пена струями сбегает с чела,

Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок... (II, 346).

В "Трех пальмах" то же: сначала — стройные, гордые пальмы с "зелеными", "роскошными" листьями, "упругими" корнями; а затем — "изрубленные" тела деревьев, "пепел седой и холодный", "остатки сухие". (II, 257, 258).

Смерть не пугает поэта, он верил в бессмертие души; но он любил земную красоту, и его приводило в ужас безобразие недолговечной разрушающейся оболочки, его приводил в ужас процесс разложения трупa. Зораим умер;

с синими губами

И с побелевшими очами,

Лик, прежде милый, был страшной

Всего, что страшно для людей! (I, 326).

В стихотворении "Смерть" Лермонтов передает свой сон: ему снилось, "что он умер, и что душа его освободилась от уз тела; и вот ему захотелось взглянуть на свои бранные останки.

И я сошел в темницу — длинный гроб,

Где гнил мой труп, и там остался я.

Здесь кость была уже видна, здесь мясо

Кусками синее висело, жилы там

Я примечал с засохшею в них кровью.

С отчаяньем сидел я и взирал,

Как быстро насекомые роились

И с жадностью глотали пищу смерти.

Червяк то выползал из впадин глаз,

То вновь скрывался в безобразный череп (I, 182, 183)¹³⁸.

Это напоминает стихотворение Гейне "Сумерки богов"; в то время, как пышный май цветет и будит в людях жажду жизни и веселость, на душе поэта — камень, поэт видит оборотную сторону медали:

Сквозь старую кору земли проникнул

Я взорами, как будто бы она

Из хрусталия — и вижу я тот ужас,

Который май напрасно хочет скрыть

Под зеленью веселой. Вижу мертвых:

Там, под землей, лежат они в гробах,

Раскрыв глаза, скрестивши руки. Белы

Их саваны и белы лица их,

И по губам ползут большие черви. (Перев. Вейнберга).

Подробные страшные картины часто вставали в воображении Лермонтова; разрушение телесной красоты женщины особенно ужасно для него, так как здесь еще резче виден контраст между красотой человека и безобразием скелета или гниющего трупa. В "Испанцах" Фернандо над телом Эмилиии говорит:

И предадут ее сырой земле;

Глаза, волшебные уста, к которым

Мой дерзкий взор прикован был так часто,

И грудь, и эти длинные ресницы

Песок засыплет; червь переползет без страха

Недвижное, бесцветное, сырое,

Холодное чело... (III, 80).

А что случилось с прелестной дочерью Орши? Некогда она была свежа, невинна, весела. (II, 110).

Но вот перед Арсением ее останки:

**Громаду белую костей
И желтый череп без очей,
С улыбкой вечной и немой —
Вот что узрел он пред собой.
Густая, длинная коса,
Плеч беломраморных краса,
Рассыпавшись, к сухим костям
Кой-где прилипнула... и там,
Где сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно без пищи уж бродил
Кровавый червь — жилец могил...** (II, 136, 137).

Аполлон Григорьев по поводу этих стихов "Боярина Орши" говорит: "Уже и по одному такому многозначительному месту — мы все были вправе видеть в поэте то, что он сам в себе провидел, т. е. — "не Байрона, а другого, еще неведомого избранника", и при том "с русской душой"; ибо "только русская душа способна дойти до такой беспощадной последовательности мысли или чувства в их приложении на практике, — и от этой трагической, еще мрачной бестрепетности — один только шаг до простых отношений графа Толстого к идее смерти и до его беспощадного анализа этой идеи в последнем его рассказе ("Три смерти"). (Ап. Григорьев. I т. 1876 г., 298).

Ср. еще "Дары Терека": что смерть сделала с "красоткой-молodiцей"? На волнах Терека,

**как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.** (II, 260).

С таким ужасом и Толстой говорит о губительном действии разрушения. Николенька Иртенев рассказывает, как он, преодолевая страх, решился в последний раз взглянуть на умершую мать. "Все как-то странно сливалось вместе: свет, парча, бархат, большие подсвечники, розовая, обшитая кружевами подушка, венчик, чепчик с лентами и еще *что-то прозрачное, воскового цвета*. Я стал на стул, чтобы рассмотреть ее лицо; но на том месте, где оно находилось, мне опять представился тот же *бледно-желтоватый, прозрачный предмет*. Я не мог верить, чтоб это было ее лицо. Я стал вглядываться в него пристальнее и мало-помалу стал узнавать в нем знакомые милые черты. Я *вздрыгнул от ужаса*, когда убедился, что это была она; но отчего закрытые глаза *так впали*? отчего эта *страшная бледность* и на одной щеке *черноватое пятно* под прозрачною кожей?" (I, 71, 72). И не только сына пугает лик смерти: "На табурете подле гроба стояла та же крестьянка и с трудом удерживала в руках девочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинув назад испуганное личико и уставив выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшным, неистовым голосом. Я вскрикнул голосом, который, я думаю, был еще ужаснее того, который поразил меня, и выбежал из комнаты.

Только в эту минуту я понял, отчего происходил тот сильный, тяжелый запах, который, смешиваясь с запахом ладана, наполнял комнату; и мысль, что то лицо, которое за несколько дней было исполнено красоты и нежности, лицо той, которую я любил больше всего на свете, *могло возбуждать ужас*, как будто в первый раз открыла мне горькую истину и наполнила душу отчаянием." (I, 74). Сережа Каренин "не верил в смерть вообще и в особенности в ее смерть", то есть — в смерть матери, хотя взрослые уверяли его, что мать умерла (IX, 78). Вероятно, и Сережа так же громко и страшно крикнул бы, если бы увидел тело своей несчастной матери, когда оно, обнаженное и окровавленное, лежало на столе железнодорож-

ной казармы. Вид *умирающего* близкого (матери или отца) одних детей сильно пугает, других мало или вовсе не пугает и только вызывает тихие слезы. Николенька Иртенев рассказывает: "Глаза татап были открыты, но она ничего не видела... О, никогда не забуду я этого страшного взгляда! В нем выражалось столько страдания!" (I, 71). Семилетний сын Андрея Болконского, не по возрасту наблюдательный и серьезный, испуганно смотрел на умиравшего отца, но не плакал, потому что другие не плакали. (VII, 48). Сын Ивана Ильича, гимназистик, "тихонько прокрался к отцу и подошел к его постели. Умирающий все кричал отчаянно и кидал руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистик схватил ее, прижал к губам и заплакал". (X, 45).

Одним из преемников Лермонтова является Гаршин, с теми же страшными подробностями описывавший разложение трупа; вот несколько строк из рассказа "Четыре дня": "Сегодня будет, кажется, жарко. Мой сосед — что станет с тобой? Ты и теперь ужасен.

Да, он был ужасен. Его волосы начали выпадать. Его кожа, черная от природы, побледнела и пожелтела; раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухом. Там копошились черви. Ноги, затянутые в штиблеты, раздулись, и между крючками штиблет вылезли огромные пузыри. И весь он раздулся горою". (Гар., 96).

В изображении разрушения тела человека дальше Лермонтова, Толстого или Гаршина мог пойти разве только Бодлер, который еще резче, но уже нарушая художественную меру, подчеркивает страшную разницу между красотой живого и безобразием мертвого; см., например, его стихотворение "Падалъ" (П.Я. "Стихотворения". II т., СПб., 1906 г., 226, 227). У Бодлера темные краски слишком сгущены; он говорит о парочке влюбленных, наткнувшейся на гниющее тело, о несчетных червях, волной ползущих по трупу, о собачонке, жадно смотрящей на страшное блюдо, но эти правдивые подробности, нагроможденные одна на другую, вызывают отвращение. О безобразии смерти и силе ее разрушения несравненно больше скажет нам утонченное лермонтовское описание:

**Однако, смято ложе сна,
Как будто бы на нем она,
Тому назад лишь день, лишь час,
Главу покоила не раз,
Младенчески вкушая сон.
Но, приближаясь, видит он
На тонких белых кружевах
Чернеющий слоями прах,
И ткани паутин седых
Вкруг занавесок парчевых.** (II, 136).

Увидев останки любимой девушки, Арсений вскрикивает. Сашка ребенком лишился матери;

**когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать.** (II, 166).

Так кричит всякий, кто всем существом своим постигнет ужас смерти: Николенька Иртенев, маленькая крестьянская девочка, влюбленные Бодлера. И черноватое пятно на прозрачной коже татап Николеньки, — штрих более художественный, чем все детали "Падали"¹³⁹.

Остановимся еще на некоторых подробностях. Лицо мертвеца или череп — улыбаются.

Лермонтов:

**И желтый череп без очей,
С улыбкой алчной и немой.** (II, 137).

О Тамаре:

**Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам,
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отвести,
Последней мысли выраженья,
Земле беззвучное: пр о с т и.** (II, 378).

Толстой: "На тонких губах, растянутых в края и выставлявшихся из-за красных подстриженных усов, казалось, остановилась *добродушная, тонкая усмешка*". (II, 55).

Гаршин: "Лица у него уже не было. Оно сползло с костей. *Страшная костяная улыбка, вечная улыбка*, показалась мне такой отвратительной, такой ужасной, как никогда, хотя мне случилось не раз держать черепа в руках и препарировать целые головы". (Гар., 97, 98)¹⁴⁰.

Лицо только что умершего еще сохраняет отпечаток спокойствия и красоты.

Лермонтов о боярине Орше:

**Спокойны были все черты,
Исполнены той красотой,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама..** (II, 133).

Почти то же о Тамаре:

**И были все ее черты
Исполнены той красотой,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.** (II, 378).

Толстой о маман Николеньки: "Отчего губы так бледны и склад их так *прекрасен*, так *величествен* и выражает такое неземное *спокойствие*, что холодная дрожь пробегает по моей спине и волосам, когда я глядявваюсь в него?.." (I, 72). Об абреке: его тело "было *стройно и красиво*". (II, 55). У мертвой Анны Карениной "*прелестное*" лицо "с полуоткрытым *румяным* ртом". (IX, 292, 293). У умершего Корнея Васильева "старое, *прекрасное*, старое лицо". (X, 172).

Некрасов о Прокле:

*Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...
("Мороз, Красный нос").*

В этой же поэме Некрасова — о молодой схимнице:

Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашены,
В черные рясы наряжены.
Только покойница в белом была:
Спит: молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.

.....
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.
В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу,
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки! (Некрасов, I, 328).

Картина Некрасова как бы навеяна стихами "Демона", изображающими Тамару (тоже *монахиню*) лежащей в гробу.

Ср. Лермонтов:

**Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.** (II, 377).

Некрасов:

Спит — молодая, спокойная...
...Всех ты моложе, нарядней, милей. (Н., I, 328).

Тамара была тоже наряднее всех:

**Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.** (II, 377).

Лермонтов указывает на белизну тела и одежды усопшей:

**Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.** (II, 377).

Некрасов:

Только покойница в белом была.
...Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
...словно горлинка белая... (Н., I, 328).

Тамара *молода*; она красива и в гробу:

**И были все ее черты
Исполнены той красотой...** (II, 378).

Некрасов:

Молодая, спокойная...
Всех ты моложе, нарядней, милей (Н., I, 328).

Лермонтов часто размышлял о недолговечности жизни и красоты человека; касаясь этого в своих произведениях, он всегда прибегает к излюбленному им приему — к сравнению человека с древесным листком, с плодом, созревшим до времени, с цветком. Что такое человек? Быстро увядающее растение (I, 74), листок, оторвавшийся от ветки и гонимый ветром (I, 51, 88, 214, 343; II, 311, 400; IV, 305), тощий плод, созревший до срока (II, 16, 17, 210, 252); еще чаще поэт пользуется сравнением человека с цветком.

Немного долголетней человек

Цветка; в сравненье с вечностью их век

Равно ничтожен. (I, 255; ср. еще — I, 223; II, 325).

Девушка — "прелестная", "минутная" роза (I, 88). Азраил говорит любимой девушке: "Сбрось эти цветы, — твои губы душисте"¹⁴¹. Пускай эти гвоздики и фиалки унесет ближний поток, как некогда время унесет твою собственную красоту". (I, 307). Вадим — Ольге: "Узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека: он не сумеет лелеять цветок этот, он изомнет его..." (IV, 6). Ср. — в той же повести: "Боже-ственная, милая девушка! И ты погибла, погибла без возврата... один удар, — и свежий цветок скленил голову!" (IV, 90). Печорин: "А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!" (IV, 231). О Нине — в "Сказке для детей":

Она росла, как ландыш за стеклом,

Или, скорей, как бледный цвет подснежной. (II, 273).

Последний образ навеян, вероятно, чтением произведений Пушкина; ср. — о женах Гирея:

В тени хранительной темницы
Утаены их красоты
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы. ("Бахчисарайский фонтан").

Ольга Ларина —

цвела, как *ландыш* потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой". ("Евгений Онегин").

На земле, по словам Демона,
нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты. (II, 374).

Сравнением человека с цветком часто пользуется и Толстой. "Соня — шестнадцатилетняя девушка во всей прелести только что распустившегося цветка". (V, 35). Соня — "пустоцвет" (VII, 210). Анна Каренина говорит Левину о Кити: "Она оставила во мне впечатление прелестного цветка, именно цветка". (IX, 222). Вронский смотрел на Анну, "как смотрит человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнает красоту, за которую он сорвал и погубил его". (VIII, 304). Это чрезвычайно близко к цитированным нами словами Печорина: "А ведь есть необъятное наслаждение..." и т.д. (Л., IV, 231). В то же время мысль Толстого является зерном очень поэтичного вступления к позднейшей повести "Хаджи-Мурат", в котором он сравнивает знаменитого наиба с красивым диким цветком, безжалостно сорванным и изуродованным (см. XII, 3, 4, 99). Правда, вступление к повести написано под непосредственным впечатлением, занесенным в дневник 19 июля 1896 г.: "Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глаз окинет, ничего, кроме черной земли, — ни одной зеленой травки; и вот на краю пыльной, серой дороги куст татарника (репья). Три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветок висит; другой сломан и забрызган грязью черной, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив, и в серединке краснеется. Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля хоть как-нибудь, да отстоял ее". ("Русское Слово", 14 апреля 1913 г., № 87). Однако мысль эта, как видим, высказана, хотя и по другому поводу, еще в "Анне Карениной"; вообще, уподобление человека недолговечному цветку было у Толстого, как у Лермонтова, одним из любимейших художественных приемов, которым он пользовался на протяжении всего своего творчества. Об Анне Федоровне в "Двух гусаках": "Глядя на нее, действительно приходило в голову, что это не женщина, а цветок, и не розан, а какой-то дикий, бело-розовый пышный цветок без запаха, выросший один из девственного снежного сугроба в какой-нибудь очень далекой земле". (III, 91). Ср. — о женщине, показавшейся Пьеру "совершенством восточной красоты": "Среди раскиданных пожитков, в толпе, на площади она в своем богатом атласном салопе и ярко-лиловом платке, накрывавшем ее голову, напоминала нежное тепличное растение, выброшенное на снег". (VI, 319). Толстой и самого себя сравнивает с цветком: "Весна так действует на меня, что я иногда застаю себя в полном разгаре мечтаний о том, что я растение, которое распустилось вот только теперь; вместе с другими, и станет просто, спокойно и радостно расти на свете Божию... Дайте места необыкновенному цветку, который надувает почки и вырастает вместе с весной..." (Из письма к гр. А. А. Толстой, 1858 г. — Письма Л. Н. Т., 1910 г., 63, 64). Воспевая красоту женщины, поэты, как известно, очень часто берут сравнения из мира флоры. Цветы, вообще, играют большую роль в области искусств, в истории, в обычаях и повериях всех народов. См. об этом, например, очерки Н.Ф. Золотницкого ("Ежемесячные литературные приложения" к журналу "Нива", 1901 г., 1902 г.); его же — "Три цветка весны" ("Ежемесячные литературные приложения" к журналу "Нива", 1909 г.). Проф. Сумцов, "Пушкин", 174—179, 222—226. Е.Г. Кагаров. "Роза в поэзии античной Греции". ("Вестн. Харьковского Ист.-Филологич. Общ." X. 1913. Вып. 3, стр. 16—22).

Глава XIV.

Герои Лермонтова и Толстого. Непривлекательная наружность

В главах XIV-XIX мы остановимся на некоторых чертах, сближающих лермонтовских героев с толстовскими.

Лермонтов и Толстой, так тонко "чувствовавшие, так превосходно описывавшие красоту природы и человека, сами не были красивы; натуры увлекающиеся и самолюбивые, они добивались успеха в великоцветских гостиных, и непривлекательная наружность причиняла им много тайных огорчений.

Лермонтов в шестнадцать лет "был невысокого роста, довольно плечист, с неустоявшимися еще чертами матового, скорее смуглого лица. Темные волосы, с светлым белокурым клочком чуть повыше лба, окаймляли высокое, хорошо развитое чело. Прекрасные большие умные глаза легко меняли выражение и не теряли ничего от появлявшейся порою золотушной красноты. Слегка вздернутый нос и большею частью насмешливая улыбка, тщательно старавшаяся скрыть мелькавшее из-под нее выражение мягкости или страдания, — вот так описывают Мишу Лермонтова знавшие его в эти годы". (Висковатый, "М. Ю. Л.", 85. См. еще — Л., I, 51, 360). Мартынов говорит, что Лермонтов в пору пребывания в юнкерской школе был с виду невзрачен: мал ростом, кривоног, с большой головой, "непомерно-широким туловищем"; лицо он имел "довольно приятное"; "обыкновенное выражение глаз в покое несколько томное", при разговоре взгляд бегал с необыкновенной быстротой с предмета на предмет, был "неуловим". ("Русский Архив", 1893 г., VIII, "Из бумаг Н.С. Мартынова"). Тургенев, видевший поэта под новый 1840 год, дает следующее замечательное описание его наружности: "В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых, широких плечах возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий". (Тургенев, XII, 76). Боденштедт видел Лермонтова в мае 1841 года: "У вошедшего была гордая, непринужденная осанка, средний рост и замечательная гибкость движений. Вынимая, при входе, носовой платок, чтобы обтереть мокрые усы, он выронил на пол бумажник или сигарочницу и при этом нагнулся с такою ловкостью, как будто был вовсе без костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

Гладкие, белокурые¹⁴², слегка вьющиеся по обеим сторонам волосы оставляли совершенно открытым необыкновенно высокий лоб. Большие, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали в насмешливой улыбке, игравшей на красиво очерченных губах молодого человека". (Боденштедт о Лермонтове. — Сальников. "Лермонтов, его мысли и взгляды", с приложением статьи: "Боденштедт о Лермонтове". СПб. 1889 г., 19)¹⁴³. Лица, близко знавшие Лермонтова, утверждают, что к концу жизни черты его как бы преобразовывались к лучшему вместе с расцветом богатых духовных сил; "выражение глаз и прекрасно очерченных губ останавливало на себе внимание и даже могло привлекать". (Висковатый, "М.Ю. Л.", 296—297).

Лермонтов в значительной мере наделял своих героев собственными внешними и внутренними качествами. В "Вадиме" он преувеличивает свои недостатки; поэт имел сутулые плечи, был кривоног, Вадим — горбат, кривоног, безобразен, отвратителен; но "в его глазах было столько огня и ума, столько неземного... На лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная". (IV, 2). Вадим ненавидит Юрия за его красоту (IV, 26), но не может не любоваться им (IV, 28). Печорин, каким его изображает поэт в "Княгине Лиговской", обладает наружностью "вовсе не привлекательной"; "он был небольшого роста, широк в плечах, вообще нескладен и казался сильно сложенным". (IV, 98). Его лицо было "смуглое, неправильное, но полное выразительности". (IV, 99). Он "восхищался благородной красотой лица Красинского, но когда женщина, увлекавшая все его думы и надежды, обратила особенное внимание на эту красоту, он понял, что она невольно сделала сравнение, для него убийственное, и ему почти показалось, что он вторично потерял ее навеки, и с этой минуты в свою очередь возненавидел Красинского. Грустно, а надо признаться, что самая чистейшая любовь наполвину перемешана с самолюбием". (IV, 145). Одна из причин размовок между Лермонтовым и Мартыновым была та, что последний пользовался у женщин большим успехом, нежели поэт. Мартынов был красив лицом, высок, хорошо сложен, заботился об эффективности своего костюма и нравился женщинам. Это задало самолюбие поэта, и он находил некоторое удовлетворение в том, что давал своему сопернику смешные прозвища и рисовал его уродом. Печорин в "Герое нашего времени" — "вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам". (IV, 190). "Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его¹⁴⁴ и широкие плечи доказывали крепкое сложение"... (IV, 188). "В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность"; он имел *вьющиеся* белокурые волосы, бледный *благородный лоб*, *немного вздернутый нос*, ослепительной белизны зубы¹⁴⁵. Он имел странные глаза; "они не смеялись, когда он смеялся"; "они сияли каким-то фосфорическим блеском"; взгляд их был пронзителен и *тяжел*, и казался бы дерзким, если бы не был *равнодушно-спокоен*. (IV, 189). У Вернера "наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов". (IV, 210). Он был мал ростом, худ, слаб и *хромал*, имел *непропорционально большую голову*. (IV, 211). Лугин искренно говорит Минской: "Я дурен, и, следовательно, женщина меня любить не может... Если я умел подогреть в некоторых то, что называют капризом, то это стоило мне *неимоверных трудов и жертв*". Его наружность была "ничуть не привлекательна"; "он был неловко и грубо сложен", но "в странном выражении глаз его было много огня и остроумия". (IV, 285—286. См. еще: IV, 287, 292).

Мы видим, что поэт в описания наружности своих героев влетает много личных черт; при этом он всякий раз останавливается на вопросе, который его самого, очевидно, мучил: может ли быть любим женщиною некрасивый мужчина при наличии высоких душевных качеств? Ответ отрицательный. Безобразный Вадим ни в ком бы не возбудил любви. Лугину неимоверных трудов стоило добиться у некоторых женщин мимолетного успеха. Печорин, в молодости бывший некрасивым, должен был скомпрометировать светскую девушку, чтобы приобрести известность в петербургских салонах. Правда,

поэт о безобразном Вернере говорит: "Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия". (IV, 210). Но Вернер, очевидно, исключение; самое выражение "бывали примеры" сулит мало утешительного тому, кто, как Вадим, обижен природой. Некрасивый мужчина, будь он очень умен и талантлив, потому не нравится женщинам, что они, по словам поэта, "*чаще и далее нас покорны первому впечатлению*". (IV, 285). Если человек некрасив, первое впечатление, конечно, всегда будет не в его пользу. Минская, назвав рассуждение Лугина на эту тему "вздором", в душе невольно с ним согласилась". (IV, 285). Не обладая счастливой наружностью, Лермонтов заботился о своем костюме; в этом сказывался и его природный аристократизм. Но поэт резко отличается в своих привычках от Мартынова, человека заурядного, который приятно поражал пятигорских дам и девиц щегольскими чересками разных цветов. Боденштедт говорит: "Одет он был *не в парадную форму*: на шее *небрежно* повязан черный платок; военный сюртук *не нов и не доверху застегнут*, и из-под него виднелось *ослепительной свежести белье*. Эполет на нем *не было*". (Боденштедт о Лермонтове, 19). Ту же изысканную небрежность подмечает Лермонтов о Печорине: "*Пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы*, позволяя разглядеть *ослепительно чистое белье, изобилующее привычки порядочного человека*; его *запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке*, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен *худобой его бледных пальцев*". (IV, 189). О Вернере: "В его одежде заметны были *вкус и опрятность*, его *худощавые*, жилистые и *маленькие* руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сюртук, *галстук* и жилет были постоянно черного цвета". (IV, 211). По свидетельству Боденштедта, Лермонтов за обедом не прятал "своих *нежных, выхолненных рук*". (Боденштедт о Лермонтове, 20). На маскараде в Благородном Собрании поэт, как запомнил Тургенев, не снимал сабли и перчаток. (Тургенев, XII, 75). Лугин одевался со вкусом. (IV, 287).

Лермонтов имел смуглое лицо и наделяет этим признаком даже тех героев, которые отличались красотой: Измаила-Бея (II, 26), Арсения (II, "Боярин Орша", 130), жениха Тамары (II, 359)¹⁴⁶. Особенной красотой отличались Юрий Палицын (IV, 26, 28), Красинский (IV, 106) и Демон.

Толстой тоже сознавал, что он некрасив (см., напр., Бирюков, I, 250). Николенька Иртенев говорит: "Я имел самые странные понятия о красоте, — даже Карла Ивановича считал первым красавцем в мире; но очень хорошо знал, что я нехорош собой, и в этом нисколько не ошибался; поэтому *каждый намек на мою наружность больно оскорблял меня*". Он помнит, что когда ему было шесть лет, заговорили однажды о его наружности, и мать напрасно старалась найти что-нибудь хорошее в его лице; она сказала сыну: "Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будет любить; поэтому ты должен стараться быть умным и добрым мальчиком". "Несмотря на это, — продолжает Иртенев, — на меня часто находили минуты отчаяния, я воображал, что нет счастья на свете для человека с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазами, как я; я просил у Бога сделать чудо — превратить меня в красавца, и все, что имел в настоящем, все, что мог иметь в будущем, я все отдал бы за красивое лицо". (I, 47). Иногда у него являлась мысль: в самом ли деле он так некрасив? "Проходя через бабушкин кабинет, я взглянул на себя в зеркало: лицо было в поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше, чем когда-нибудь; но общее выражение лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я сам себе понравился.

"Если б я был всегда такой, как теперь, — подумал я, — я бы еще мог понравиться".

Но взглядевшись в личико Сонечки, исполненное изящной и нежной красоты, он понял, как глупо было "надеяться обратиться на себя внимание такого чудесного создания". (I, 63).

Николенька описывает, каков он был на вид перед поступлением в университет: "Я гораздо ниже ростом Володи, широкоплеч и мясист, по-прежнему дурен и *по-прежнему мучусь этим*. Я стараюсь казаться оригиналом. Одно утешает меня — это то, что про меня папа сказал как-то, что у меня *умная рожа*¹⁴⁷, и я вполне верю в это". (I, 129). Он часто заглядывал в зеркало и "всегда отходил с тяжелым чувством уныния и даже отвращения". "Выразительного ничего не было, — самые обыкновенные, грубые и дурные черты; глаза маленькие, серые, особенно в то время, когда я смотрелся в зеркало, были скорее глупые, чем умные. Мужественного было еще меньше; несмотря на то, что я был не мал ростом и очень силен по ледам, все черты лица были мягкие, вялые, неопределенные. Даже и благородного ничего не было, напротив, лицо мое было такое, как у простого мужика, и такие же большие ноги и руки; а это в то время мне казалось очень стыдно". (I, 137). Но и в этом возрасте, под минутным впечатлением, Иртеньев, как утопающий за соломинку, хватается за мысль: может быть, будучи хорошо одет, он покажется даже красивым? Вот он отправляется в университет, на первый экзамен: "Я был во фраке, в первый раз в моей жизни, и все платье, даже белье, чулки, было на мне самое новое и лучшее. Когда швейцар снял с меня внизу шинель и я предстал перед ним во всей красоте своей одежды, *мне даже стало несколько совестно за то, что я так ослепителен*". Но он вошел в светлый зал, где были сотни молодых людей в гимназических мундирах и фраках, и разочаровался в надежде стать предметом общего внимания. (I, 152).

Разумеется, в эти подробности автор внес много личных переживаний. При этом Толстой оттеняет и *комическое*, чего не делает Лермонтов. Николенька Иртеньев рассказывает, что ему захотелось раз иметь такие густые брови, какими обладал герой одного романа. "Я, рассматривая свои брови перед зеркалом, вздумал простричь их слегка, чтоб они выросли гуще, но раз, начав стричь, случилось так, что я выстриг в одном месте больше, — надо было подравнивать, и кончилось тем, что я к ужасу своему увидел себя в зеркале безбровым и вследствие этого очень некрасивым. Однако надеясь, что скоро у меня вырастут густые брови, как у страстного человека, я утешился и только беспокоился о том, что сказать всем нашим, когда они увидят меня безбровым. Я достал порошу у Володи, натер им брови и поджег. Хотя порох не вспыхнул, я был достаточно похож на опаленного, никто не узнал моей хитрости, и действительно у меня, когда я уже забыл про страстного человека, выросли брови гораздо гуще". (I, 208). Такой случай был с Толстым; сестра писателя, Мария Николаевна, рассказывает: "Раз ему пришла фантазия остричь себе брови, что он и исполнил, обезобразив этим свое лицо, никогда не отличавшееся особой красотой, что немало сокрушало самого юношу". (Бирюков, I, 120). Смешно в Николеньке и стремление быть *comme il faut* (I, 208—210). Отправляясь в первый раз на бал, он захал с братом к парикмахеру. "Но сколько ни мазал m-r Charles какою-то липкою эссенцией мои вихры, они все-таки встали, когда я надел шляпу, и вообще моя завитая фигура мне казалась еще гораздо хуже, чем прежде. Мое одно спасение была аффектация небрежности¹⁴⁸. Только в таком виде наружность моя была на что-нибудь похожа". На балу он робел, не танцевал, говорил вздор, прибегая к напыщенным французским

фразам, о которых "даже после десятков лет" ему было совестно вспоминать. (I, 227, 228). В глубине души Николенька сознавал, как смешны и напрасны его старания быть *comme il faut*: "Могу смело сказать, что я был гораздо лучше в действительности, чем то странное существо, которое я пытался представлять из себя". (I, 232).

Глава XV. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Физическая сила

По свидетельству современников, Лермонтов обладал большой физической силой и при случае не прочь был показать ее; напр., будучи юнкером, забавлялся однажды тем, что вместе с другим товарищем, славившимся силой, вязал шомполы в узлы. (Висковатый, 176). Мартынов подтверждает, что Лермонтов был весьма ловок в физических упражнениях и силен. ("Рус. Архив", 1893 г., VIII). Будучи офицером, "Лермонтов пользовался репутацией человека крайне ловкого относительно всякого рода физических упражнений. Необыкновенно сильный и гибкий, он был отличный ездок, меткий стрелок и хорошо бился на рапирах"; он сажал "из пистолета пулю на пулю". (Висковатый, 333). По мнению Анненского, в поэте рано должно было развиться пристрастие к физическим упражнениям; хилый и самолюбивый мальчик закалял себя, полюбил быстрые движения, верховую езду. (Анненский. "Об эстетическом отношении Лермонтова к природе". — "Рус. Школа", 1891 г., XII, 77). В детстве Лермонтов играл с одноклассниками из дворовых в войну, в разбойников. "Своих сверстников Мишель любил делить на два лагеря. Происходили военные игры, и особенно зимою воздвигались и брались крепости, совершались переходы". (Висковатый, 22-24). В Тарханах, зимой, на замерзшем пруду, происходили кулачные бои крестьян, и Лермонтов в детстве любовался этим зрелищем; в 1836 г. он сам устроил в Тарханах кулачный бой; по другой версии, сами крестьяне, желая отблагодарить доброго барина за подаренные 25 десятин леса, потешили его кулачным боем. (Висковатый, 228, 229). Герои его — Вадим и Печорин — крепкого сложения (IV, 2, 98, 188). Кирибеевич был лучшим кулачным бойцом у Ивана Грозного, но встретил более сильного противника — купца Калашникова. Вадим играл большим камнем, как мячиком (IV, 3); вооруженный ножом, он убил в лесу огромного волка и притащил его домой (IV, 29). Юный Фернандо — ловкий тореадор (III, 25). Селим сражается с двумя барсами и одолевает их. (I, 346). Мцыри победил барса, имея под рукой лишь тяжелый сук; помимо мужества, здесь была выказана и редкая физическая сила. Поэтические красоты описаний кулачного боя и схватки Мцыри с кровожадным хищником никем у нас в литературе не достигнуты.

Толстой был тоже силен. "В бригаде он оставил по себе память, как ездок, весельчак и силач. Так, он ложился на пол, на руки ему ставился в пять пудов мужчина, и он, вытягивая руки, подымал его вверх; на палке никто не мог его перетянуть". (Бирюков, I, 275). Он любил физические упражнения; одно время он особенно пристрастился к ним. Фет рассказывает: "В то время у светской молодежи входили в моду гимнасти-

ческие упражнения, между которыми первое место занимало прыгание через деревянного коня. Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во втором часу дня, надо отправляться в гимнастический зал на Большой Дмитровке. Надо было видеть, с каким одушевлением он, одевшись в трико, старался перепрыгнуть через коня, не задевши кожаного, набитого шерстью, конуса, поставленного на спине этого коня. Неудивительно, что подвижная, энергичная натура 29-летнего Л. Толстого требовала такого усиленного движения"... (Фет. "Мои воспоминания". М. 1890 г., I, 218). С. А. Берс рассказывает, что в 70-х годах Толстой с увлечением занимался шведской гимнастикой, беганием на коньках, в перегонки, косьбой (см. С.А. Берс. "Воспоминания о гр. Л.Н. Толстом". Смоленск. 1894 г.). "Л.Н. Толстой не был атлетом, но стремился развить мышечную силу и ловкость в молодых годах и никогда не прочь был до последних лет, при случае, показать достигнутые им результаты в этом отношении.

Летом 1890 г. приехал в Ясную Поляну француз, прикосновенный к литературе. Беседуя с Толстым и графиней на кругу, перед домом, француз подошел к реку, на котором упражнялись сыновья Толстых с учителем-французом, и проделал какой-то нетрудный тур.

— Вот это искусство вам, граф, уж, наверное, незнакомо, — обратился он любезно-заискивающе к Толстому.

Л.Н. засмеялся и начал наглядно показывать французу, как надо обращаться с реком. Только энергичный протест графини положил конец гимнастике 63-летнего писателя. А француз лишь покачивал головой и восклицал на все лады: "Oho! Agal!" — при виде, как чисто и отчетливо проделывал Л.Н. различные упражнения на руках". (Международный альманах "О Толстом". — А.М. Новиков. "Л.Н. Толстой и И.И. Раевский". 186). Известно, что Толстой любил верховую езду, езду на велосипеде, косьбу.

16-летний Николай Иртенев, двойник Толстого, говорит: "Вне учения занятия мои состояли в уединенных, бессвязных мечтах и размышлениях, в делании гимнастики, с тем, чтобы сделаться *первым силачом в мире*"... Он был "очень силен по летам" (I, 137). Лицо и сложение Лукашки, "несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу". (II, 44). "Дядя Ерощка был огромного роста казак, с седою как лунь широкою бородой и такими широкими плечами и грудью, что в лесу, где не с кем было сравнить его, он казался невысоким; так соразмерны были все его сильные члены". (II, 44, 45). Зато в хате можно было заметить "всю громадность и силу сложения этого человека, несмотря на то, что красно-коричневое лицо его с совершенно белою окладистой бородой было все изрыто старческими, могучими, трудовыми морщинами. Мышцы ног, рук и плеч были так полны и бочковаты, как бывают только у молодого человека. На голове его из-под коротких волос видны были глубокие зажившие шрамы. Жилистая, толстая шея была, как у быка, покрыта клетчатыми складками". (II, 60). Ему в это время было лет 70. (II, 69). Этот старик, дышавший бодростью и силой, с презрением, как лермонтовский солдат из "Бородина", говорит о новом поколении: "Нынче уже и казаков таких нету. Глядеть скверно. От земли вот (Ерощка указал на аршин от земли)"... (II, 69). Пьер Безухов слыл за "силача"; ему ничего не стоило выломать руками оконную дубовую раму. (IV, 32). Находясь в плену, он показывал солдатам свою силу, "вдавливая гвозди в стену балагана". (VII, 81). Прокофий, лакей Ростовых, "был так силен, что за задок поднимал карету". (V, 4). "Несмотря на свое несильное на вид сложение, князь Андрей мог переносить физическую усталость гораздо лучше са-

мых сильных людей". (IV, 143). Левин любил косьбу, великолепно катался на коньках. Нехлюдов ("Утро помещика") рисуется перед крестьянином силой и ловкостью: желая посмотреть молодой лошади в зубы, он, схватив ее за уши, пригнул к земле так, что она зашаталась и захрипела, стараясь вырваться. (III, 20). У Евгения Иртенева ("Дьявол") было много "сил и физических и духовных. Ему было 26 лет, он был среднего роста, сильного сложения с развитыми гимнастикой мускулами, сангвиник с ярким румянцем во всю щеку, с яркими зубами и губами и с негустыми, мягкими и вьющимися волосами". (XII, 127). Степан Пелагеюшкин был "человек отважный и силы непомерной". (XII, 199). "Сотоварищи уважали и боялись его, зная его твердость и большую физическую силу, особенно после случая с двумя бродягами, которые напали на него, но от которых он отбил, сломав одному из них руку". (XII, 203). Князь Степан Касатский был благородного и могучего сложения. (XII, 95). Иосиф Мигурский обладал "необыкновенной физической силой" (X, 179), имел "могучие плечи". (X, 190).

Но физическая сила ни у Лермонтова, ни у Толстого не возведена в культ. Оба художника доказывают, что физическая сила является только как бы отражением могучего духа. Мцыри, Печорин, Николай Иртенев, Андрей Болконский, Пьер Безухов и др. одарены сложной духовной организацией. Сила не делает человека грубым и дерзким. Калашников, Пьер, Пелагеюшкин (после внутреннего перерождения) проявляют христианское смирение. Почти никто из героев Лермонтова и Толстого не злоупотребляет своей силой; пользуются они ею в крайнем случае, защищая себя и других (Селим, Мцыри, Калашников, Пелагеюшкин-арестант). С виду часто не складные, некрасивые, они одарены красотой душевной, которая выражается в искренней, чуждой ханжества, религиозности, стремлении к мистицизму, в любви к людям, к природе, в строгом контроле всех своих помышлений и поступков, в отваге, в благородстве. Конечно, никто из них не совмещает в себе все эти качества, но ведь Лермонтов и Толстой создают типы людей, не насыщенных добродетелями, а живых, с плотью и кровью, имеющих свои слабости, недостатки (иногда большие), но зато способных к труду, к плодотворной деятельности, борьбе, подвигу. На что уж Ерощка не может служить образцом нравственности (он и убийца, и вор, и пьяница), а великий писатель подмечает, что и в этом темном, диком человеке вместе с грубой физической силой уживается нечто мягкое, трогательное: "Ерощка поднял голову и *начал пристально* всматриваться в ночных бабочек, которые вились над колыхавшимся огнем свечи и попадали в него.

— Дура! Дура! — заговорил он. — Куда летишь? Дура! Дура! — Он приподнялся и своими *толстыми* пальцами стал отгонять бабочек.

— Сторишь, дурочка; вот сюда лети: места много, — приговаривал он *южным* голосом, стараясь своими *толстыми* пальцами *учтиво* поймать ее за крылышки и выпустить. — Сама себя губишь, а я тебя жалею". (II, 71).

Здесь характерно и противопоставление могучей фигуры старого казака воздушному, прелестному созданию, и этот переход от простодушно-шутливого слова "дура" к ласкательному — "*дурочка*". Человек с крепким сложением и сильным духом навсегда останется молодым. У семидесятилетнего Ерощки все мышцы "так полны и *бочковаты*, как бывают *только у молодого* человека"; он шагает через порог "легко и *ловко*" (II, 60), он бодр, жизнерадостен, весел, в нем играет избыток сил. Еще более ярким примером может служить сам Толстой; каких только испытаний ни посылала ему судьба, а он до глубокой старости сохранил силу, свежесть и ясность своего гения.

Глава XVI. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Любовь к лошадям и быстрой езде

Любил Лермонтов и лошадей — красивых и горячих и бешено-быструю езду на них. По словам Мартынова, в Юнкерской школе Лермонтов не слыл хорошим ездоком: сидел на лошади крепко, но некрасиво, был дурно сложен. ("Рус. Архив", 1893 г., VIII). Будучи в тех стенах еще новичком, поэт едва не поплатился слишком дорого за свою охоту к верховой езде: лошадь ударила его в ногу и сильно повредила ее; он проболел несколько месяцев, и у него на всю жизнь осталась легкая хромота. (Висковатый, 177). Впоследствии самолюбивый поэт стал отличным ездоком (Висковатый, 333). Средства позволяли ему иметь прекрасных коней. В письме от 1836 г. он говорит бабушке: "Я на днях купил лошадь у генерала. Прошу вас, если есть деньги, прислать мне 1580 рублей; лошадь славная и стоит больше, а цена эта *не велика*". (IV, 326). Бабушка поэта, души в нем не чаявшая, поощряла его страсть; вот ценные строки из ее нежного письма к внуку: "Я счастлива истинно, мой друг, забываю все горести и со слезами благодарю Бога, что Он на старости послал в тебе мне утешение. Лошадей тройку тебе купила и, говорят, как птицы летят; они одной породы с буланой и цвет одинаков, только черный ремень на спине и черные гривы; забыла, как их называют. Домашних лошадей всех шесть, выбирай любых: пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара серых, но здесь никто не умеет выезжать лошадей; у Матюшки силы нет, Никанорка объезжает купленных лошадей, но боюсь, что нехорошо их приедит... Ежели ты своих вятских продашь — и сундучок с мундирами, и с бельем с ними можно отправить; впрочем, как ты сам лучше придумаешь: тебе уже 21 год". (Висковатый. "М. Ю. Л." Приложение II, стр. 5, 6). На Кавказе Лермонтов подолгу не слезил с седла; он писал оттуда (1837 г.) Раевскому: "С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами". (IV, 329). Однажды Лермонтову пришлось кинжалом отбиваться "от трех горцев, преследовавших его около озера между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагонял, но до кровопролития не дошло. — Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами на перегонку, увертываться от них, избегать перерезывающих ему путь". (Висковатый, 342). Один из сослуживцев Лермонтова рассказывает: "Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы". (Висковатый, 344).

Герои Лермонтова обладают превосходными скакунами, холят их, делят с ними свои труды и свой отдых. Самому поэту нужно было сильно любить и хорошо знать лошадь, чтобы с такими подробностями описывать благородную красоту ее, ее нрав и ум.

Вот прекрасная картина:

**Селим седлает верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая**

**Седло с конем, сцепились два ремня.
Стремена ровны, плетка шелковая
На арчаге мотается. Храпит,
Косится конь... Пора, садись, джигит.
Горяч и статен конь твой вороной!
Как красный уголь, его сверкает око,
Нога стройна, косматый хвост трубой,
И лоснится хребет его высокой,
Как черный камень, сложенный волной;
Как саранча, легко в степи широкой
Порхает он под легким седоком,
И голос твой давно ему знаком!.. (I, 343).**

Такие же чудные кони — у Измаила-Бея (II, 38), Хаджи-Абрека (II, 98—100), властителя Синодала (II, 356—359), Кирибеевича (II, 217), Вадима (IV, 53), Печорина (IV, 220, 221, 264, 265), Казбича (IV, 162—164). Мцыри в монастырских стенах грезил

**Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней. (II, 324).**

В вариантах поэмы "Мцыри" есть великолепная картина: в предсмертном бреду Мцыри чудится, будто мимо него бурно проносится воинственная ватага всадников-горцев, и между ними отец — на "кипучем" коне. (II, 477).

Горцу необходим конь — верный друг его бранных потех, его скитаний.

**Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет
Он не изменит, он не обманет. (IV, 164)¹⁴⁹.**

Эти кони знают голос хозяина (I, 343; I, 162). "Они дорогу знают сами". (II, 78). Неутомимые, быстрые, они спасут господина

**От вражьей шапки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час. (II, 39)¹⁵⁰.**

Горец гордится таким скакуном, не продает его; он говорит с ним; он ободряет его во время долгой езды:

**Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле...
Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжко дышишь подо мной? (II, 99)¹⁵¹.**

Трогательная, беспредельная любовь горца к верному коню описана Лермонтовым с несравненным мастерством в "Бэле". Судьба красавца Карагеца¹⁵² тесно переплетается с судьбой многих людей — Казбича, Азамата, Бэлы, отца Азамата и Бэлы, Печорина.

Никто так великолепно не изображал у нас быстро скачущую лошадь, — одну или со всадником, — как Лермонтов; его поэзия блещет картинами необычайной живописности и яркости. Вот Казбич и его неуловимый Карагез: "За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гуяров, и передо мною был густой лес. Прилегал я на седло, поручил себя Аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица, нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. Задние его копыта оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах, я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил... Лес кончился, несколько казаков выезжают из него на по-

ляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагез; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раза два чуть-чуть не накиннул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их и вижу: мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер¹⁵³, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях". (IV, 162, 163).

Вот грузинский князь на породистом карабахском скакуне:

Ремнем затянут легкий стан¹⁵⁴;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной;
Играет ветер рукавами
Его чухи; кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями¹⁵⁵,
Под ним весь в мыле конь лихой¹⁵⁶,
Бесценной масти золотой —
Питомец резвый Карабаха —
Прядет ушми¹⁵⁷ и, полный страха,
Храпя, несется с крутизны¹⁵⁸
На пену скачущей волны. (II, 356, 357).

Эта картина, красочная и мирная, сменяется картиной, изображающей дикую стремительность и ужас; князь убит, конь на брачный пир мчит охлаждающее тело:

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливой:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой;
Уж он не правит поводами,
Задвинув ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна... (II, 358, 359).

Вот гарцующий бедуин:

И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И с криком и свистом несся по песку,
Бросал и ловил он копы на скаку. (II, 258)¹⁵⁹.

Вот смелые казаки и горцы, джигитующие перед боем:

Рассыпались в широко поле,
Как пчелы, с гиком казаки...
...А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит;
Он машет, кличет... Где отважный?
Кто выйдет с ним на смертный бой?...
Сейчас... Смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской... (II, 301).

Вот сказочный витязь купает коня:

В море царевич купает коня...
.....
**Фыркает конь и ушами прядет,
Брызгает, и плещет, и дале плывет.** (II, 346).

Вот конь Орши:

**Стремянный молодой,
За гриву правую рукой
Держа боярского коня,
Стоит; по временам, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истерт ногами седока,
В пыли малиновый чепрак;
Весь в мыле, серый аргамак
Мотает гривую густой, —
Бьет землю жилистой ногой,
Грызет с досады удила;
И пена легкая — бела,
Чиста, как первый снег в полях —
С железа падает на прах.** (II, 117).

Вот нетерпеливый Арсений, не дав отдохнуть коню после боя, мчится к невесте:

**Измучил непривычный бег
Его коня, — в глубокий снег
Он вязнет часто... Труден путь!
Как печь, его дымится грудь;
От нетерпенья седока
В крови и пене все бока.** (II, 134, 135).

Изумительно это разнообразие сюжетов, эта изысканность и скульптурность образов.

Бешеная езда на коне — один из любимейших мотивов поэта (см. еще: I, 343, 344; II, 72, 98; III, 166, 167; IV, 180, 181, 264, 265, и др.). Человек в ней ищет забвения. Селим говорит:

**Я проклял небо... Оседлал коня,
Пустился в степь. Без цели мы блуждали,
Не различал ни ночи я, ни дня...
Но вслед за мной мечты мои скакали!** (I, 340).

Измаил-Бей, в первый раз убив человека, был необычайно взволнован:

**Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутова
Катился, но из уст — ни слова!
И вдруг очнулся он, вздрогнул
К луке припал, коня толкнул;
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Чрез камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..** (II, 28, 29).

Печорин говорит: "Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра... *Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томилло мысль, — все в минуту рассеется, на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума*". (IV, 220).

Заклоченный просит:

**Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!**

Дайте раз по синю полю
 Проскакать на том коне;
 Дайте раз на жизнь и волю,
 Как на чуждую мне долю,
 Посмотреть поближе мне. (II, 11, 12)¹⁶⁰.

Поэт сам хорошо знает, какое наслаждение — дико мчаться на коне:

Я мчался на лихом коне
 В пространстве голубых долин,
 Как ветер, волен и один.
 Туманный месяц и меня,
 И гриву, и хребет коня
 Сребристым блеском осыпал.
 Я чувствовал, как конь дышал,
 Как он, ударивши ногой,
 Отбрасываем был землей.
 И я в чудесном забытьи
 Движенья сковывал свон,
 И с ним себя желал я слить,
 Чтоб этим бег наш ускорить.
 И долго так мой конь летел... (I, 97).

Печорин описывает смерть Черкеса, своего коня: "Я, как безумный, выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, храпя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдохавшей на хребте западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья... И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж споткнулся на ровном месте... Оставалось пять верст до Эссентуков — казачьей станицы, где я мог пересть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут. — Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергая за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; чрез несколько минут он издох". (IV, 264, 265). Вскоре на курьерской тройке мчался он из Кисловодска. "За несколько верст от Эссентуков, я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно, проезжим казаком, — и, вместо седла, на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся..." (IV, 268). Печорин — большой любитель лошадей и верховой езды; он держал четырех лошадей: одну для себя и трех для приятелей; он долго изучал горскую посадку, и ничем так нельзя было польстить его самолюбию, как похвалив его искусство в езде по-туземному (IV, 221). Он и лошадь имел черкесскую (IV, 116), отчего и назвал ее Черкесом.

Иногда человек предается быстрой скачке потому, что он безумно счастлив, и стремительность конского бега гармонирует с радостно возбужденным душевным настроением; например:

Я знаю, чем утешенный,
 По звонкой мостовой.
 Вчера скакал, как бешеный,
 Татарин молодой.
 Недаром он красуется
 Перед твоим окном,
 И твой отец любит его.
 Персидским жеребцом! (II, 344).

Художественные работы Лермонтова, исполненные карандашом, пером и красками, тоже свидетельствуют о его любви к лошадям; они изобилуют изображениями красивых, горячих ска-

кунов (см., например, воспроизведения картин и рисунков поэта — I, 16-17; II, 72-73; IV, 1, 136-137; V, 224-225).

И Толстой любил лошадей; верховая езда доставляла ему всегда большое удовольствие. Художественно и очень тепло написан им рассказ "Холстомер"; это грустная история лошади, когда-то бывшей молодой и красивой, а потом искалеченной человеком. Николай Ростов "отличный ездок". (IV, 234). Он любит и езду на тройке (V, 226, 227). Балага, "известный троечный ямщик", "любил эту безумную езду, по восемнадцати верст в час, любил перекувырнуть извозчика и раздавить пешехода по Москве, и во весь скок пролететь по московским улицам". (V, 283). В романе "Анна Каренина" дана великолепная картина скачек; душевные переживания Вронского, желающего всех соперников превзойти в быстроте и ловкости, любопытство, тревоги и опасения зрителей, — все изображено с редким мастерством. Внимание читателя сосредоточено на Вронском, страстном любителе лошадей. Герой Толстого, несмотря на осложнившиеся отношения с Анной, был сильно увлечен скачками. "Две страсти эти не мешали одна другой. Напротив, ему нужно было заняте и увлечение, независимое от его любви, на котором он освежался и отдыхал от слишком волновавших его впечатлений". (VIII, 150).

Это несколько напоминает лермонтовских героев, для которых конь мог быть дорожкой женской любви¹⁶¹. Перед началом скачек "волнение лошади сообщилось и Вронскому; он чувствовал, что кровь прилиwała ему к сердцу, и что ему, так же как и лошади, хочется двигаться, кусаться; было и страшно и весело". (VIII, 157). О тех же ощущениях, переживаемых скачущим, Толстой говорит и в "Хаджи-Мурате": "Небо было так ясно, воздух так свеж, силы жизни так радостно играли в душе Назарова, когда он, *слившись в одно существо с доброю, сильною лошадью, летел по ровной дороге* за Хаджи-Муратом..." (XII, 85). Толстой будто повторяет слова Лермонтова:

И я в чудесном забытьи
 Движенья сковывал свои,
 И с ним себя желал я слить,
 Чтоб этим бег наш ускорить.
 И долго так мой конь летел... (I, 97).

Как Печорин, Вронский находит в быстрой езде забвение; перед скачками он ездил на тройке, и эта быстрая езда успокоила его. Все тяжелое, что было в его отношениях к Анне, вся неопределенность, оставшаяся после их разговора, все выскочило из его головы". (VIII, 164). Во время скачки Вронский и его лошадь, стремящиеся к одной и той же цели, охваченные одним желанием — обогнать противников, — и думают, и поступают одинаково, как бы представляя одно существо.

"В то самое мгновение; как Вронский подумал о том, что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, поняв уже то, что он подумал, без всякого поощрения значительно надала и стала приближаться к Махотину с самой выгодной стороны, со стороны веревки. Махотин не давал веревки. Вронский только подумал о том, что можно обойти и извне, как Фру-Фру переменяла ногу и стала обходить именно таким образом". (VIII, 170). Вронский, как и Печорин, является причиной гибели любимой лошади; она упала и сломала спину; бедное животное пристрелили. Это было первым тяжелым несчастьем в жизни Вронского. "Воспоминание об этой скачке надолго осталось в его душе самым тяжелым и мучительным воспоминанием в его жизни". (VIII, 172). Печорин не реагирует так сильно на смерть Черкеса, но все же увидев его труп, ставший добычей воронов, "вздохнул и отвернулся..." (I, IV, 268).

Князь Степан Касатский, во время пребывания в корпусе, был первым по верховой езде. (XII, 91).

Тургенев в прекрасном рассказе "Конец Чертопханова" передает трогательную, печальную историю привязанности к лошади одинокого человека; в рассказе видно влияние Лермонтова. Мы присоединяемся к мнению Анненского, обронившего замечание, что ни Малек-Адель Тургенева, ни скакуны Толстого не превосходили лермонтовских скакунов. (Анненский. "Об эстетическом отношении Лермонтова к природе". Рус. Шк., 1891 г., XII, 77).

Глава XVII. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Карты

Лермонтов, так часто писавший об азартной игре в карты, за карты брался редко. Висковатый, описывая жизнь поэта в Новгороде, говорит: "Картежная азартная игра, распространенная между товарищами по полку, ему быстро надоедает, да к тому же он раза два проиграл значительные суммы". (Висковатый, 295). Мартыянов подтверждает, что сердце поэта не лежало к картам. (Мартыянов. "Новые сведения о М. Ю. Л." — "Истор. Вестник", 1892 г., XI, 384).

В "Маскараде" Лермонтов превосходно изображает мир профессиональных игроков. "Мрачные и грязные стороны жизни, с которыми автор недавно столкнулся, этот мир игроков и кутил нашел яркое отражение в его первом литературном произведении. "Маскарад", во всех своих *второстепенных*¹⁶² героях, произведение действительно "реальное", без всякого преувеличения списанное с натуры". (Котляревский. "М. Ю. Л.", 158). Как показывает поэт, игорная страсть губит человека, заглушая и убивая в душе лучшие чувства. Один из игроков, вспоминая печальное прошлое, говорит:

**И я покинул все с того мгновенья,
Все — женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья;
И в свете мне открылся новый свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых душ и ледяных страстей
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им... Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь...
Я заключил с судьбой последнее условие
И вот стал тем, что я теперь... (III, 281).**

Понятия о нравственности, о добре и зле — здесь иные; Казарин, опытный игрок, говорит:

**А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им, как угодно,
Не знают ни завесь, ни в пору перестать,
Ни к стати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи;**

**А все ведь отчего? — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил, глядя:
При них и честь и миллионы!.. (III, 242).**

Он же:

**Что ни толкуй Вольтер или Декарт,
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк: рок мечет, я играю
И правила игры я к людям применяю. (III, 246).**

Он суверен. (III, 247). Он дает совет другу: если приятель тебя от пьянства удержал,

**То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье:
А от игры он спас, так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... Иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок. (III, 247.)**

Что же так манит людей в эту бездну? Что дают карты взамен истинной дружбы, любви, книг, высших интересов? Что получают человек взамен пожертвованных лет юности, душевного мира, семейного счастья, здоровья? Вот как протекает жизнь игрока:

**Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино, Рауля честь,
В граненых кубках пенится и блещет;
Беседа шумная, остроумие перечесть;
Потом в театр... Душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выкапывали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась, и мы летим стрелой
К приятелю... Взошли... Игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой;
Тот весь горит, другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы — и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма,
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим с смиреньем,
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон. (III, 248, 249).**

Неопытным игрокам, проигравшим большие деньги, приходится испытывать горькие, мучительные переживания. Арбеинин дает такой совет Звездичу, впадшему в отчаянье от крупного проигрыша:

**Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться,
Или опять сейчас же сесть.
Но, чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть все: родных, друзей и честь;
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу; по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук;
Все презирать: закон людей, закон природы;
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,**

**И чтоб никто не понял ваших мук!
 Не трепетать, когда близ вас искусством равный;
 Удачи каждый миг постыдный ждать конец
 И не краснеть, когда вам скажут явно:
 "Подлец!"** (III, 213).

Человек, прошедшей такую школу, неумолимо жесток по отношению к слабому противнику; князю Звездичу пришлось столкнуться на одной дороге с тем же Арбениным; оскорбленный им, он восклицает:

**О! где ты, честь моя?... Отдайте это слово,
 Отдайте мне его, — и я у ваших ног...
 Да в вас нет ничего святого,
 Вы человек иль демон?**

Арбенин отвечает:

"Я? — игрок". (III, 262).

Заброшенные на далекую, глухую окраину, военные от смертельной скуки берутся за карты. Печорин рассказывает: "Офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты". (IV, 269). У Вулича "была только одна страсть, которой он не таил — страсть к игре. За зеленым столом он забывал все и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство". (IV, 269, 270). Провинциальный чиновник проигрывает в карты заезжему гусару все имущество и даже — жену. ("Казначейша"). Висковатый полагает, что в основу поэмы "Казначейша" взято действительное происшествие, о котором поэт слышал во время пребывания в Тамбове или сам был свидетелем описанного эпизода. (Висковатый, 229). Владимиров же указывает, что поэма написана под влиянием повести Шидловского "Пригожая Казначейша". (Владимиров. "Историч. и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Л.", 9).

В одной из начатых повестей Лермонтов остановился на трудной задаче: он намерен был проследить душевные переживания игрока с организацией нервной, страдающего навязчивыми идеями; задача осложнялась введением в повесть фантастического элемента. Герой этого произведения, Лугин, каждую ночь играет в карты с призраком. "Он похудел и пожелтел ужасно. Целые дни просиживал дома, запершись в кабинете; часто не обедал. Он ожидал вечера, как любовник свидания..." Ему не везло, — он проигрывал; он чувствовал приливы отчаяния и бешенства. "Он уже продавал вещи, чтоб поддержать игру, он видел, что невдалеке та минута, когда ему нечего будет поставить на карту. Надо будет на что-нибудь решиться. Он решился..." (IV, 296). На этом повествование обрывается.

Обратимся к Толстому. Он в молодости много и с увлечением играл в карты. "Одной из главных побудительных причин поездки на Кавказ Л.Н. Толстого в 1851 г. была его неудачная страсть к игре. Он проигрался до такой степени, что для уплаты карточного долга должен был продать яснополянский дом, в котором родился... На Кавказе Л.Н. Толстому тоже случалось поддаваться приливам игорной страсти, и в большинстве случаев неудачно". (П. А. Сергеевко. "Л.Н. Т. и его современники". — "Л. Н. Толстой. Биография, характеристики, воспоминания". Сборник статей. М. 1910 г., 131). По словам супруги писателя, он в возрасте 22-23 лет "очень много играл в карты". (См. Левенфельд. "Гр. Л.Н. Толстой, его жизнь, произведения и миросозерцание". Перев. Перельгиной. М. 1904 г., 16). См. еще — Бирюков, I, 163, 204, 211.

Сильные личные ощущения, испытанные за картежной азартной игрой, позволили ему глубоко заглянуть в душу игрока. В "Двух гусарах" корнет Ильин проигрывает своих 3000 и 15000 казенных. Граф Турбин предлагает сыграть за него,

но Ильин отказывается, хотя уже не видит выхода из этого положения. Турбину жаль Ильина; он знает, что партнеры корнета играли не чисто. Он идет к Лухнову, обыгравшему Ильина, и предлагает сыграть в карты; тот не хочет; Турбин отнимает у него все выигранные деньги и, не считая (денег оказалось больше, чем проиграл корнет), отдает их приятелю. Это напоминает эпизод из "Маскарада" Лермонтова: князь Звездич, офицер, неопытный игрок, проигрывает огромную сумму, превышающую его средства, и не знает, как спасти честь. Арбенин, насквозь видевший все плутни его партнеров, принимает в нем участие, садится играть и выигрывает князю пропавшие было деньги.

Карты — великое зло. Человек — раб азартной игры; она лишает его силы воли, заставляет рискнуть последним, толкает на преступление. Бутлер "не мог нарадоваться на свое решение выйти из гвардии и уйти на Кавказ. Главная причина его перепада из гвардии была та, что он проигрался в карты в Петербурге, так что у него ничего не осталось. Он боялся, что не будет в силах удержаться от игры, оставаясь в гвардии, а проигрывать уже нечего было". (XII, 59). Но не легко навсегда отказаться от этой игры тому, кому уже приходилось испытать доставляемое ею мучительно-острое удовольствие; Бутлер и на Кавказе (как Толстой) не ушел от себя, и однажды попав в кружок игроков, "несмотря на данное себе и братьям слово не играть, стал понтировать". (XII, 74). Он остался в большом проигрыше. Мирное течение жизни его нарушено этим; он жалок: раскаивается в душе, конфузится и замечает, что все из сострадания избегают его взгляда. Поразительна в Толстом эта живучесть воспоминаний; уже будучи стариком, он не только возобновляет в памяти давнее пережитое, но может и художественно воспроизвести его. Еще более жалким и ничтожным изображает великий писатель другую жертву картежной игры — чиновника, "нечаянно" проигравшего не только свои, но и казенные деньги. Вернувшись домой после проигрыша, выслушивая упрёки жены, он сознает бесчестность своего поступка и лепечет бессвязные оправдания. Жена, человек больше энергичный и находчивый, научает его поехать к директору банка и рассказать вымышленную историю об ограблении. ("Нечаянно"). Для другого чиновника, Ивана Ильича, "настоящие радости" были только "радыи игры в винт". (X, 20)¹⁶³; Иваны Ильичи не вызывают к себе нашу симпатию, но действительно грустное и жалкое зрелище представляют за зеленым столом люди честные, временами безвольно поддающиеся власти демона картежной игры.

Вот Володя Козельцов; он не смог заплатить своего проигрыша штабс-капитану, с которым играл в дороге, и обратился за помощью к брату. Тот уплатил за него (проигрыш был небольшой), но сделал справедливый упрек, "что этак нельзя, когда денег нет, еще в преферанс играть". Володя едва удержался от слез, сторя от стыда и обиды. (II, 193, 194). Однако и старший Козельцов не в силах иногда устоять против желания поиграть в карты. Попав в кружок товарищей, коротающих время за картами, как не присоединиться, не выпить "для храбрости" чего-нибудь хмельного? И за ночь Козельцов проигрывает все, даже те заветные деньги, что хранились про черный день. (II, 210, 211, 224). Люди вроде Козельцовых много не проигрывают и долги свои скоро уплачивают. Беда, если неопытный игрок ведет большую игру с завзятым, хищным игроком; у человека, начинающего выигрывать или проигрывать, не хватает обыкновенно мужества вовремя оборвать игру. Жадность к деньгам или уязвленное самолюбие побуждают его часами сидеть за столом, втайне глубоко страдая. В такую атмосферу попал Николай Ростов — и в одну ночь проиграл Долохову 43000, — сумму

большую, особенно для небогатых Ростовых. Отец с трудом достал деньги для уплаты долга чести, Николай внутренне ужасно терзался, и его семья долго не могла оправиться от этого неожиданного, крупного расхода.

О пагубной страсти к игре писали Пушкин, Гоголь, Чехов и др.; заметим, кстати, что начатая повесть Лермонтова (про Лукина) несколько напоминает повесть Пушкина "Пиковая дама"; обоим героям азартная игра доводит до сумасшествия.

Глава XVIII. Герои Лермонтова и Толстого (продолжение). Студенты

Во время пребывания своего в университете Лермонтов не сошелся близко с коллегами; лучшую часть русского студенчества он мало знал, и неудивительно, что так мрачно смотрел на будущность своего поколения, что, изображая студенческую жизнь, он брал почти одни отрицательные стороны. Будучи студентом, вращался он в среде золотой молодежи, а если и примыкал иногда к товарищам, то лишь для участия в какой-нибудь шалости. Но сам он в эту пору много писал, обнаруживая и отзывчивость на события политической жизни России и Запада, и неустанное стремление к разрешению вечных проблем добра и зла. Лермонтов усердно занимался университетскими предметами и на экзаменах выказывал большую начитанность, удивлявшую даже профессоров. Замкнувшись в себе, он стоял в стороне от кружков Белинского, Герцена и Станкевича; сталкиваясь со студентами во время университетских "историй" или в светских гостиных, поэт не уловил многих характерных черт современного ему русского студенчества. Что, например, делают студенты в храме науки?

**Пришли, шумят... Профессор длинный
Напрасно входит, кланяется чинно, —
Шумят... Он книгу взял, раскрыл, — шумят;
Уходит, — втрое хуже. Сущий ад!... (II, 182).**

О чем говорят студенты?

**О Боге, о вселенной и о том,
Как пить — ром с чаем или голый ром. (II, 181).**

На пирушках неизбежны обильные возлияния Вакху. В комнате студента Рябинова "бутылки шампанского¹⁶⁴ на столе, и довольно много беспорядка". (III, 163). Молодежь пришла сюда "на похороны доброго смысла и стыда" (III, 165), и не один проведет ночь "в грязной луже, Вакхом упоенный". (II, 182). Поэт, однако, не всех студентов рисует в таком свете; напр., некоторые под шум нецензурных тостов и беспорядочных, пьяных споров, говорят о Мочалове в "Разбойниках" или читают стихи (III, 164—168); кто прожигает жизнь, кто проводит ночь "с лампадой среди трудов". (II, 182). Лермонтов, главным образом, касается жизни студентов-аристократов, представителем которых является Печорин.

"Приятели Печорина, которых число было, впрочем, не очень велико, были все молодые люди, которые встречались с ним в обществе, ибо и в то время студенты были почти единственными кавалерами московских красавиц, вздыхавших невольно по эпохам и аксельбантам, не догадываясь, что в наш век эти блестящие вывески утратили свое прежнее значение.

Печорин с товарищами являлся также на всех гуляньях. Держась под руки, они прохаживались между вереницами карет,

к великому соблазну квартальных. Встретив одного из этих молодых людей, можно было, закрывши глаза, держать пари, что сейчас явятся и остальные. В Москве, где прозвания еще в моде, прозвали их *la bande joyeuse*¹⁶⁵. (IV, 123, 124). Это люди *somme il faut*, к которым принадлежал (вернее, желал принадлежать) и Николай Иргеньев, блестящая характеристика которых дана Толстым в повести "Юность". Привыкли заботиться только о своей внешности, о безупречности французского выговора, о сохранении выражения на лице "некоторой изящной, презрительной скуки" (Т. I, 209), они отрезаны от мира высших интересов; они не живут, а играют на сцене света, не могут держать себя просто даже на товарищеской пирушке. Иргеньев, с присущей ему искренностью, рассказывает, что он переживал, попав на студенческий "кутеж". "Я выпил уже целый стакан жжонки, мне налили другой; в висках у меня стучало, огонь казался багровым, кругом меня все кричало и смеялось, *но все-таки не только не казалось весело, но я даже был уверен, что и мне, и всем было скучно и что я и все только почему-то считали необходимым притворяться, что им очень весело*". (Т. I, 230). Не по себе им и в обществе товарищей, пьющих водку, курящих махорку, но успешно занимающихся. ("Юность", гл. XLIII).

Однако быть *somme il faut* и успешно заниматься науками — невозможно. Иргеньев рассказывает: "Мне было часто весело в университете. Я любил этот шум, говор, хохотню по аудиториям... Любил участвовать в проделках, когда курс на курс с хохотом толпился в коридоре. Все это было очень весело". (Т. I, 240). Это чрезвычайно близко к стихам Лермонтова, вспоминающего ребячество студентов:

**Пришли, шумят... Профессор длинный
Напрасно входит, кланяется чинно, —
Шумят... Он книгу взял, раскрыл, — шумят;
Уходит, втрое хуже. Сущий ад!..
По сердцу Сашке жизнь была такая,
И этот ад считал он лучше рая. (II, 182).**

Печорин в течение года почти не посещал лекций и намеревался, пожертвовав науке несколько ночей, "одним прыжком догнать товарищей". (IV, 124). Увлеченный Верочкой Р., он совсем не готовился к экзаменам, обманывал мать, говоря, что экзамены отложены; дело кончилось тем, что он бросил университет и поступил в гусарский полк. (IV, 124-126). Что стало с Иргеньевым?.. Он иногда задумывался над тем, как будет держаться экзамены, сравнивал себя с товарищами и приходил к следующему утешительному выводу: "Они же будут держать, а большая часть их еще не *somme il faut*, стало быть, у меня еще лишнее перед ними преимущество и я должен выдержать". (Т. I, 240). Он пристал к одной группе, начавшей подготавливаться к экзаменам, но толку у него не вышло, так как он слишком отстал и ленился. На первом же экзамене он провалился и стал проситься у отца пойти в гусары или уехать на Кавказ.

На этом повесть Толстого заканчивается, и дальнейшая жизнь героя неизвестна¹⁶⁶.

Лермонтов с явным порицанием относится к Печорину и Сашке. Его симпатии на стороне Владимира Арбенина, Заруцкого и Онегина ("Странный человек"); это молодые, чуткие души. Характерна следующая сценка: студенты справляют шумную пирушку, а в соседней комнате Снегин, которому Заруцкий хочет показать стихи Арбенина, говорит: "Пушкил они пьют и дурчатся, а мы сядем там, и ты мне прочтешь"... (III, 164). С Московским университетом у Лермонтова соединялись и некоторые светлые воспоминания; в поэме "Сашка" он искренно называет университет "святым местом". (II, 181).

Толстой, уже в последние годы, оглядываясь назад, о студенческой своей жизни сказал: "Очень благодарен судьбе за то, что первую молодость провел в среде, где можно было смолodu быть молодым, не затрагивая непосильных вопросов и живя хоть и праздно, роскошно, но не злой жизнью". (Бирюков, I, 129).

Глава XIX. Герои Лермонтова и Толстого (окончание). Типы Толстого, родственные Печорину и Грушницкому

В действующих лицах ранних произведений Толстого часто мелькают черты лермонтовских героев. Например, по мнению Николеньки Иртеньева, человека *comme il faut*, очень важно работать в себе "равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изыщной, презрительной скуки". (I, 209). Он "старался казаться равнодушным ко всякому необыкновенному случаю, который видел или про который ему рассказывали; старался казаться злым насмешником, не имеющим ничего святого, и вместе с тем тонким наблюдателем!". (I, 232). Сам автор говорит, что на Николеньку оказал влияние "*Демон*" Лермонтова: Николенька влюбился в Сонечку в третий раз вследствие того, что читал "Демона", переписанного ею; "Демон" Лермонтова был во *многих мрачно-любовных местах подчеркнут красными чернилами* и заложен цветочками". (I, 226)¹⁶⁷. Влияние Лермонтова на Николеньку не подлежит сомнению; читая книги, Николенька "находил в себе все описываемые страсти и сходство со всеми характерами, и с героями, и со злодеями каждого романа"... (I, 208). В романах ему нравились "и хитрая мысль, и пылкие чувства, и волшебные события"... (I, 208); все это он нашел, конечно, и в поэме Лермонтова.

Дружба Иртеньева с Нехлюдовым вызывает в памяти слова Печорина: "Из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается". (Л, IV, 211). Иртеньев говорит: "Карр сказал, что во всякой привязанности есть две стороны: одна любит, другая позволяет любить себя; одна целует, другая подставляет щеку. Это совершенно справедливо; и в нашей дружбе я целовал, а Дмитрий подставлял щеку; но и он готов был целовать меня. Мы любили равно, потому что взаимно знали и ценили друг друга; но это не мешало ему оказывать влияние на меня, а мне подчиняться ему". (Т, I, 136).

В "Набеге" Толстой дает тип одного из "удальцов джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму "*героев нашего времени*", Мулла-Нуров и т.п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов". (II, 11).

Печорин, с его беспощадным самоанализом, является предшественником тех людей рефлексии, которых так любили изображать Толстой (Николай Иртеньев, Нехлюдов, Оленин, Андрей Болконский, Пьер Безухов и др.) и Достоевский. Пьер Безухов и Нехлюдов (в "Воскресении") ведут, подобно Печорину, дневник. "В признаниях Печорина, — замечает Б. Садовской, — звучат толстовские ноты; самая идея "исповеди" роднит Лермонтова с Толстым". (Б. Садовской. "Трагедия Лермонтова". Рус.

Мысль. 1912 г., VII, 16). Оленин влюбляется в простую *казачку*; любовь аристократа к дикарке, как известно, привлекла внимание Пушкина ("Кавказский пленник", "Цыгане") и Лермонтова ("Кавказский пленник", "Герой нашего времени"); Печорин увлекался то Бэлой, то контрабандисткой, *то казачкой Настей, дочерью старого урядника*.

Глава XX. Отношение к просвещению

"Не раз уже, — говорит Острогорский, — указывалось на несостоятельность взглядов Лермонтова на Европу, Наполеона и просвещение... Основательного, серьезного европейского просвещения Лермонтову было видеть нигде, а то, что по большей части предлагалось под видом образования тогдашними учебными заведениями, могло в самом деле показаться ему "сушащей ум бесплодную наукой" и "ненужным бременем познаний". (В. Острогорский. "Мотивы Лермонтовской поэзии". СПб. 1910 г., 76—77).

Поэту казалось, что Европа уже гибнет, измучившись "в борьбе сомнений и страстей", обратив взор, со вздохом сожаленья, "на юность светлую, исполненную сил", которую она давно забыла "для язвы просвещения, для гордой роскоши". (II, 438). Быть может, поэт сам сознал резкость или неосновательность таких суждений, так как *зачеркнул* это продолжение "Умирающего гладиатора", нарушившее художественную цельность стихотворения. По мнению поэта, науки не поднимают нравственности; не облагораживают и не освежают души, не укрепляют волю. В раннем стихотворении "Монолог", являющемся зерном "Думы", поэт горько говорит:

К чему глубокие познания, жажда славы,

Талант и пылкая любовь свободы,

Когда мы их употребить не можем? (I, 74).

Для самого поэта "жизнь скучна, когда боренья нет" (I, 259), но люди — ничтожны и безвольны, и горе, если они заражены

Развратом, ядом просвещения

В Европе душевной!.. (II, 26).

Поколение таких людей "*в бездействии состарится*" и пройдет "без шума и следа". (II, 252-253). "Дума", как известно, является предметом горячих прений¹⁶⁸. Мы согласны с тем, что поэт недостаточно беспристрастен и дальновиден во взглядах на поколение "сороковых годов", но едва ли можно отрицать то, что он осуждает *не все* современное ему поколение; на это есть прямое указание в стихотворении "Казбеку", написанном всего за год до "Думы". В этом стихотворении, относящемся ко времени возвращения поэта из первой ссылки, он говорит:

Что если я со дня изгнания

Совсем на родине забыт?

Найду ль там прежние объятья?

Старинный встречу ли привет?

Узнают ли друзья и братья.

Страдальца после многих лет?

Или среди могил холодных

Я наступлю на прах родной

Тех добрых, пылких, благородных,

Деливших молодость со мной? (II, 213, 214).

В "Думе" осуждаются Печорины, Грушницкие, Арбенины, Звездичи, но не "*добрые, пылкие, благородные*", о существовании

которых поэт, как мы видим, знал и которым не мог предрекать печальную, постыдную будущность; без таких людей жизнь была бы лишена для него всякого смысла; в стихотворении "Казбеку" он говорит, что если его верные друзья умерли, пусть умрет и он:

**О! Если так... своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей,
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей!** (II, 214).

Из отрицательных сторон, подмеченных им в современниках, его больше всего ужасало ничтожество, пустота души:

**Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.** (I, 62).

Единственное "благо" — ничтожество. (I, 74). Откровенная маска бросает Звездичу в лицо:

**Ты? — бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век, —
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.** (III, 219).

Взгляды Лермонтова на просвещение, на культуру сложились, в известной степени, под влиянием Руссо. "По мнению Руссо, "культура" является понятием, прямо противоположным понятию "природа": культура есть уклонение от путей природы, есть извращение ее, забвение лучших ее внушений, есть своего рода болезнь, против которой нужно бороться". (М.Н. Розанов. Ж.Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. — Очерки по истории руссоизма на Западе и в России". I. М. 1910 г., 69). Лермонтов говорит, что науки, иссушающие ум и заглушающие лучшие стремления души, "бесплодны" ("Дума"), что "удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять". (IV, 172).

Быть может, скептическое отношение Лермонтова к науке стало в нем к концу жизни исчезать; в этом отношении очень характерна коротенькая фраза поэта в письме к приятелю (конец февраля 1841 г.): "Покупаю для общего нашего обихода *Лафатера и Галя и множество других книг*". (IV, 341). Проф. Абрамович дает следующее примечание: "Под "Лафатером и Галем" разумеются сочинения знаменитых френологов Jean-Gaspard Lavater'a: *L'Art de connaître les hommes par la physionomie...* Paris. 1820 (книга эта была и в библиотеке А.С. Пушкина: ср. "Пушкин и его современники". Вып. IX—X, стр. 269) и Franz-Joseph Gall'я: *Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier.* Paris. 1810—1818". (Соч. Л-ва, IV, 409). С Лафатером Лермонтов был знаком раньше. Ср.: "Вы, конечно, не ученик *Ляфатера*?" (Л., III, 205); о Печорине: "Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для *Лафатера* и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности". (IV, 99). В письме к бабушке (1840 г.) поэт просит прислать ему в Пятигорск "Очерки большого света" гр. Ростопчиной, "полное собрание сочинений Жуковского последнего издания" и "полного Шекспира по-английски"; характерны в этом письме просьбы скорее выслать книги; о книге Ростопчиной: "пожалуйста, *тотчас по получении моего письма*, пошлите мне ее сюда, в Пятигорск"; о Жуковском: "пришлите также сюда *тотчас*"; о Шекспире: "да не знаю, можно ли найти в Петербурге; препоручите Екимю, только, пожалуйста, *поскорее*". (IV, 339, 408). В писанную книжку поэта внесены князем В.Ф. Одоевским выписки из Апостольских посланий и к ним приписка: "Эти выписки имели отношение к религиозным спорам, которые *часто* подымались между Лермонтовым и мною. Кн.

В. Одоевский. 1857". (Л., V, 36). Белинский, беседовавший с заключенным поэтом в 1840 г., поражался глубине и мощи его духа, верности его взглядов на искусство. Лермонтов желал бросить службу, отдаться всецело литературной деятельности, "мечтал об основании журнала и часто говорил о нем с Краевским" ... (Висковатый, 368). Все это свидетельствует об обширности духовных запросов поэта; о быстром развитии его гения. Предсмертная жажда знаний и усердная работа над самим собой не говорят ли за то, что Лермонтов иначе стал относиться к просвещению?.. Умер он рано, внезапно, и будущее его скрыто от нас непроницаемой завесой.

"В стремлениях познать смысл жизни, в суде над ложным ходом культуры в стремлениях к братству, опрощению, нравственному подвигу, учителем Толстого стал Руссо" ... (А. Веселовский. "Западное влияние в новой русской литературе". М. 1910 г., 250). Мы не ставили себе задачей подробно останавливаться на изложении и анализе взглядов Толстого на просвещение; главным предметом нашего исследования являющиеся произведения Лермонтова и Толстого. Известно, что великий яснополянский мудрец не был врагом просвещения; он хорошо изучил постановку школьного дела у нас и на Западе, обучал крестьянских детей, издавал педагогический журнал, много писал по вопросу о народном образовании; но к наукам и нашим учебным заведениям относился с большим скептицизмом. Лермонтов говорил, что, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы становимся детьми; Толстой в уста детей вкладывает осуждение ложной науки: восьмилетний мальчик спрашивает учеников, толкующих о значении наук: "А какие науки, от каких люди лучше делаются?" И ему отвечают: "Таких нет. Это сам всякий для себя делает". И мальчик решает, что лучше не учиться, а самому стараться жить хорошо¹⁷⁰. Таким образом, Лермонтов и Толстой предъявляют наукам одно и то же требование; по их мнению, науки ценны постольку, поскольку они поднимают нравственность, возвышают личность человека.

Глава XXI.

Отношение к медицине

В ранних произведениях Лермонтова заметно ироническое его отношение к медицине и врачам. В 1829 г. он пишет эпиграмму:

**Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь. Поньше он грустит
(Но не о том, что жизни друг лишился):**

Пять раз забыл он взять билеты за визит!... (II, 63).

Демон (в сатире "Пир Асмодея") докладывает Асмодею:

**В Москву болезнь холеры притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили, и они лечили,
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, во время вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил —
И к прадедам здорового отправил.**

На это Асмодей говорит:

**Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской!
Благодарю. Хотя с полночи дальней,
Но мне милее всех подарок твой.**

В этом же стихотворении поэт замечает, что Фауст, "начальник докторов", распространяет "сужденья дураков". (I, 170—171).

Быть может, корень этой неприязни к докторам лежит в том, что поэт в детстве часто лечился, а кто из детей, вообще, без удовольствия переносит лечение? Рассказывают о Лермонтове, что "в детстве на нем постоянно показывалась сыпь, мокрые струпья, так что сорочка прилипала к телу, и мальчика много кормили серным цветом"¹⁷¹. (Висковатый, 22). Бабушка поэта несколько раз возила его ребенком на кавказские воды; в 1825 г. их сопровождал доктор. (Висковатый, 22, 24, 25). Опека заботливой бабушки и доктора едва ли были милы больному, но такому живому мальчику, каким был Лермонтов.

В "Странном человеке" доктор, рассказывая про Владимира Арбенина, возмущается: "И еще вообразите, он смеется все надо мной и "над моей ученостью! он!.. над моей ученостью!.. смеется..." (III, 162); симпатии автора явно на стороне Арбенина; про этого же доктора мать Арбенина говорит: "Этот человек в состоянии высосать последнюю копейку!" (III, 163). Она тоже не верит в авторитет врача. (III, 162).

В более зрелых произведениях намешки поэта мягче и смеются иногда полной симпатией к врачу. В стихотворении "Завещание" он замечает: "Плохи наши лекаря". (II, 296). Когда Бэла была ранена, послали за лекарем. "Он был хотя пьян, но пришел, осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может". (IV, 181). Он ошибся: Бэла промучилась три дня; прошел день, другой. "Половину следующего дня, — рассказывает Максим Максимыч, — она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой". — "Помилуйте! — говорил я ему. — Ведь Вы сами сказали, что она умрет непременно; так зачем тут все ваши препараты?" — "Все-таки, лучше, Максим Максимыч, — отвечал он, — чтоб совесть была спокойна". — Хороша совесть!" (IV, 183). Эти строки проникнуты истинно толстовским духом; с одной стороны — лекарь, который, хотя и знает, что больная непременно и скоро умрет, считает своим долгом сделать все, что может, в борьбе со смертью; с другой стороны — Максим Максимыч, человек добрый, но не признающий врачебной этики и желающий, чтобы больной дали спокойно умереть.

Вот характерный, аналогичный эпизод из биографии Толстого. В 1906 г. сильно заболела графиня Софья Андреевна Толстая. Профессор Снегирев, приглашенный по этому случаю в Ясную Поляну, нашел, что положение больной критическое, и операция неизбежна. Он высказал свое мнение Толстому, и тот ответил: "Я смотрю пессимистически на здоровье жены; она страдает серьезной болезнью. Приблизилась великая и торжественная минута смерти, которая на меня действует умиротворительно. И надо подчиниться воле Божьей... Я против вмешательства, которое, по моему мнению, нарушает величие и торжественность великого акта смерти... Все мы должны умереть не сегодня-завтра... через пять лет. Я понимаю вас, что вы иначе действовать не можете. И я устраниюсь: я ни за, ни против... Вот соберутся дети, придет старший сын, Сергей Львович. И они решат, как поступать... Но, кроме того, надо, конечно, спросить Софию Андреевну. И если она ничего не будет иметь против, тогда вы можете делать ваше дело".

Профессор сказал: "Может быть, и не надо делать операции. Но тогда найдите средства, как утишить боль и страдания. Я не знаю другого средства, кроме операции".

Толстой: "Страдания необходимы: они помогают приготовиться к великому акту смерти". Больная и дети согласились с профессором, и операция была произведена удачно. (Проф.

В.Ф. Снегирев. "Операция". — Международный альманах "О Толстом". 2-е изд., 335, 336).

В своих произведениях Толстой выражает недоверие к медицине и нерасположение к врачам.

Андрей Болконский не верил в медицину. "Что за воображение, что медицина кого-нибудь и когда-нибудь вылечивала!" — говорил он Пьеру. (V, 90). Все же он выписывает в Богучарово ученую бабку для помощи родильницам (V, 122), а когда оставил у отца больную жену, просил, чтобы для нее выписали, когда потребуется, акушера из Москвы. "Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет, — говорил князь Андрей, видимо смущенный. — Я согласен, что из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия". (IV, 104, 105).

Отец князя Андрея смеялся над медициной и, когда сам стал прихварывать, допускал к себе врача только по совету m-lle Bourienne. (V, 242).

Едко Толстой высмеивает врачей, которые лечили Наташу Ростову. "Доктора ездили к Наташе и отдельно, и консилиумами, говорили много по-французски, и по-немецки, и по-латыни, осуждали один другого, прописывали самые разнообразнейшие лекарства от всех им известных болезней". Они не могли помочь ей, "ибо каждый живой человек имеет свои особенности и всегда имеет особенную и свою, новую, сложную, неизвестную медицине болезнь — не болезнь легких, печени, кожи, сердца, нервов и т. д., записанных в медицине, но болезнь, состоящую из одного из бесчисленных соединений в страданиях этих органов". Лекарства, по мнению Толстого, "большею частью вредные вещества", и если вред от них небольшой, то потому лишь, что подобные вредные вещества даются в малых дозах. Единственная польза, которую могут оказать врачи, состоит в удовлетворении "той вечной человеческой потребности надежды на облегчение, потребности сочувствия и деятельности, которые: испытывает человек во время страдания". (VI, 55). Поправилась Наташа потому, что молодость взяла свое, что время излечивает все раны. (VI, 57). О докторе Наполеоне говорит: "Какая медицина, когда они не могут вылечить насморка. Корвизар дал мне эти пастильки, но они ничего не помогают. Что они могут лечить? Лечить нельзя". (VI, 183). По мнению Толстого, Наполеон "в отношении своих войск играл ту роль доктора, который мешает своими лекарствами, — роль, которую он так верно понимал и осуждал". (VI, 198). Едва ли это не единственный случай сочувствия автора Наполеону.

Князь Щербацкий считал знаменитого доктора, лечившего его дочь, "пустобрехом"; "он, как поживший, не глупый и не больной человек, не верил в медицину и в душе злился на всю эту комедию". (VIII, 102). Кисти ее болезнь и лечение представлялись "такою глупой, даже смешною вещью!". (VIII, 104). Что такое, по Толстому, доктора? Люди, прописывающие больным лекарства в хорошеньких коробочках и баночках; люди, которые шутят, говоря с пациентами, и с напускной серьезностью беседуют с их близкими; люди, ловко подхватывающие золотые в мякоть своей руки. (VI, 55—59). Толстой не может без иронии говорить о докторе. Например: "Несмотря на то, что доктор лечил его"¹⁷², пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел". (VII, 166). Доктор, лечивший Пьера, "считал своим долгом иметь вид человека, каждая минута которого драгоценна для страждущего человечества", но это не мешало ему *часами* засиживаться у своего пациента, тратя время на болтовню. (VII, 169). С каким-то особенным удовольствием Толстой говорит о "знаменитых" докторе, которые кажутся ему людьми вовсе мало знающими и пустыми. (См. VIII, 102—104; X, 21—24, 37). Вывод, следовательно, один:

доктор, знаменитый или незнаменитый, не может не только излечить, но даже, облегчить физических и моральных страданий ближнего, а как человек — он, обыкновенно, ничтожество. Этот взгляд на медицину и врачей высказан Толстым и в одном из его поздних произведений, в повести "Дьявол": "К обеде приехал доктор и, разумеется, сказал, что, хотя повторные явления и могут вызывать опасения, но, собственно говоря, положительного указания нет, но так как нет и противопоказания, то можно, с одной стороны, полагать, с другой же стороны, тоже можно полагать. И потому надо лежать, и хотя я и не люблю прописывать, но все-таки это принимайте, и лежать. Кроме того, доктор прочел еще Варваре Алексеевне лекцию о женской анатомии, причем Варвара Алексеевна значительно кивала головой. Получив гонорар, как и обыкновенно, в самую заднюю часть ладони, доктор уехал, а больная осталась лежать на неделю". (XII, 150). Здесь резко выставлено и абсолютное бессилие доктора помочь страждущему, и безучастие, и его старание скрыть свое незнание бессвязными, ничего не значащими речами, старание поддержать свой авторитет, и бесстыдство, позволяющее брать деньги, хотя пациенту не оказано никакой помощи.

Только к хирургам Толстой относится без неприязни. По его словам, ампутация — "отвратительное, но благодетельное дело". (II, 147). Добром помнят доктор, делавший операцию Андрею Болконскому: "Как только князь Андрей открыл глаза, доктор нагнулся над ним, молча поцеловал его в губы и поспешно отошел". (VI, 209)¹⁷³. Эти строки, такие красивые и трогательные, особенно ценны потому, что написаны человеком, не верившим в медицину и докторов.

Лугин, герой неоконченной повести Лермонтова, три года лечился в Италии от ипохондрии, но не вылез. Он вернулся в Россию; ему посоветовали обратиться к доктору; он на это сказал: "Доктора не помогут: это сплин!" (IV, 285, 286). Одно из главных действующих лиц "Героя нашего времени" — доктор Вернер; это "человек замечательный по многим причинам"; он скептик и, в одно и то же время, материалист и поэт, — "поэт — и не на шутку: поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов". "Обыкновенно Вернер исподтишка насмехался над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом". Когда-то поэт обвинял врачей в корыстолюбии; теперь он говорит о Вернере: "Он был бледен, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шага". (IV, 210). Вернер умен, остер, и даже Печорин относится к нему с уважением; он сразу отличил его в толпе и, при всей своей скрытности, поверял ему, как другу, свои тайны.

Прототипом Вернера считают д-ра Майера, с которым поэт познакомился в 1837 г.; Майер был человек редкого ума, образованный, общительный, друг декабристов, живших в Ставрополе. Своим портретом в "Герое нашего времени" он остался доволен, "обиделся на поэта и, по выходе в свет романа, писал Сатину о Лермонтове: "Pauvre sire, pauvre talent"¹⁷⁴. Умер он в 1846 г. (О нем см. — Висковатый, 264—267. — "Из воспоминаний Н.М. Сатина" — в сборнике Общества любителей российской словесности "Почин", 1895 г. М. Гершензон. "Образы прошлого". М. 1912 г., статья "Доктор Вернер". — Барон А.И. Дельвиг. "Мои воспоминания". I. М. 1912 г., 304).

В драме "Маскарад" (III, 276, 277) о докторе, который лечил Арбенина, поэт говорит без всякой иронии и даже проявляет к нему симпатию.

Таким образом, Лермонтов и Толстой к медицине относились скептически; к врачам они (особенно Толстой) не были расположены, но порою и о них говорили теплое слово.

Глава XXII.

Музыка¹⁷⁵

Лермонтов был одарен артистической натурой: с ранних лет полюбил поэзию, пробовал свои силы в живописи, лепке, декламации, музыке; по словам Висковатова, поэт "хорошо играл на скрипке и на фортепиано". (Висковатый, 40). Быть может, способность к музыке он унаследовал от матери¹⁷⁶.

В бумагах поэта есть следующие характерные заметки: "Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха". (IV, 349). Написав о своей первой, детской любви, он продолжает: "Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки". (IV, 350). "Когда я был трех¹⁷⁷ лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать". (IV, 350). По мнению Висковатова, создание стихотворения "Ангел" связано с этим воспоминанием. (Висковатый, 143, 144). "Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу и слезы катились по его личику". (Висковатый, 15). Поэт мельком упоминает о песне матери в вариантах стихотворения "Кавказ" (I, 375), в стихотворении "Булевар" (I, 148). Герои и героини Лермонтова с грустью и любовью вспоминают о колыбельной песне, слышанной ими в детстве (см.: II, 70, 314). Автобиографический характер носят следующие строки из драмы "Странный человек": "А бывало, помню, ему еще было три года — бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьяно что-нибудь жалкое, — глядь, а у дитяти слезы по щекам так и катятся!.." (III, 159). Или: "Он все тот же, каков был сидящий на моих коленах, в те вечера, когда я была счастлива"... (III, 160). У Лермонтова не раз встречаем образ женщины, поющей колыбельную песню. (см.: I, 161, 168; II, 278, 279, 314).

Николенька Иртенев рассказывает: "Мама играла второй концерт Фильда, своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникли какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнил что-то грустное, тяжелое и мрачное. Мама часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похожее на воспоминания; но вспоминая его, казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было". (Т., I, 30). В лице Николеньки Толстой изобразил себя, но матери своей он не помнил. Быть может, эта прелестная подробность повести навеяна чтением Лермонтова, его биографии.

Любовь Лермонтова к музыке ярко отражена в его поэзии.

В стихотворении "Мой дом"¹⁷⁸ он говорит:

**Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен.** (I, 180).

Он посвящает восторженное стихотворение Бартеневой, известной в свое время светской певице (см. I, 93, 370)¹⁷⁹. В стихотворении "Звуки" (I, 176, 177) он говорит, что, упиваясь звуками дивного пения, воскресает душою и опять готов полагаться на людей. Музыка успокаивает его, как Саула; недаром он так донимал мрачного, тоскующего Саула, только в музыке находившего отраду (см. II, 140, 158). Ср. у Толстого: "Я понимаю

Саула. Меня не мучает бес, но я понимаю его. Никакое искусство не может так заставить забыть все, как музыка". ("И свет во тьме светит". XX, 201).

В стихотворении "Ангел" (I, 284) поэт говорит о чудесном воздействии музыки на неодошевленную природу:

**И месяц, и звезды, и тучи толпой,
Внимали той песне святой.**

Это универсальный мотив, встречаемый в эпосах многих народов, в произведениях древних и новых поэтов¹⁸⁰.

Если звуки музыки властны над бездушной природой, то как же могуче ее воздействие на человека! Слушая пение птицы, поэт забывает про тягость душевных мук (I, 272, 273). Он внимает арфе и плачет, вспоминая былое (I, 295). Сидя в заключении, он жадно ловит напевы своего "соседа":

**О чем они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...
И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит, я слезы из очей,
Как звуки, друг за другом, льются.** (II, 209)¹⁸¹.

Музыка вызывала слезы и у Толстого. В 1876 г. на устроенном по инициативе Чайковского "для Толстого музыкальном вечере в консерватории Лев Николаевич разрыдался при всех, слушая анданте ре-мажорного квартета Чайковского". (Н.Б. Бернштейн. "Музыка и Лев Толстой". — Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу "Нива" на 1908 г., № 9, 125). Он плакал, слушая игру скрипача Эрденка ("У Л.Н. Толстого в последний год его жизни. Дневник В.Ф. Булгакова". М. 1911 г., 231), слушая трио, исполнявшее на скрипке, фортепиано и виолончели (Сибор, Гольденвейзер и Букиник) создания Моцарта, Гайдна, Бетховена, Аренского. (Н.Н. Гусев. "Два года с Л.Н. Толстым". Записки бывшего секретаря Л.Н. Толстого. М. 1912 г., 49). Гусев пишет в своем дневнике: "Я никогда не видал человека, на которого бы музыка так сильно действовала, как на Л. Н-ча". (Там же). Толстой сам был хорошим музыкантом. "Тонким своим умением аккомпанировать и своей прочувствованной игрой он поражал близких к московскому кружку Фета не менее чем теперешних, близких его дому, имевших возможность слушать его игру". (Н.Б. Бернштейн. "Музыка и Лев Толстой", 132). Слушая Шопена в исполнении Гольденвейзера, Толстой заметил: "Я должен сказать, что вся эта цивилизация, — пусть она исчезнет, но — музыку жалко!" (Дневник В.Ф. Булгакова, 83). Он говорил: "Люблю музыку больше всех других искусств, мне всего тяжелее было бы расстаться с ней, с теми чувствами, которые она во мне вызывает". (Дневник В.Ф. Булгакова, 123; см. еще — Н.Н. Гусев, "Два года с Л. Н. Т.", 36).

Музыка, как чудится Лермонтову, звучит во всей вселенной. Человеческая душа на землю приносится с ангельской песней (I, 284); над колыбелью ребенка не смолкает песня матери или сестры. Возмужав, человек всюду слышит дивные мелодии. Сладостная песня птицы убаюкивает тягостные муки. (I, 272, 273). Срезанный тростник поет "будто оживленный". (II, 6). Особенно певучи волны: в их всплесках слышится то голос тоскующей русалки (II, 139, 140), то серебристая трель чудесной рыбки (II, 327, 328), то колыбельная песня (IV, 24). Человеческий же голос необычайно музыкален, и его чары всеильны даже над гордыми бессмертными духами зла. С песней человек хочет и умереть. (II, 329, 348). На небесах без конца по-

ют бесплотные хоры. (I, 308; II, 360, 380). Словом, музыка разлита по всему миру, и только не все слышат ее.

Многие герои и героини Лермонтова и Толстого очень чутки и способны к музыке, знают ее целительную *силу*, легко поддаются ее влиянию.

Вадим (в поэме "Последний сын вольности") в трудную минуту обращается к певцу Ингелоту:

**Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук;
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.** (I, 230).

Юрий Волин слушает свирельные звуки, и любовь в нем разгорается еще сильнее. (III, 111). Арбенин (в "Странном человеке") хорошо играет на фортепиано; музыка до слез волнует его. (III, 159, 188). Измаил-Бей, услышав песню Селима, терзается, вспомнив покинутую Зару. (II, 71, 72). В сказке "Ашик-Кериб" герой — народный певец; в "Бэле" поет Казбич.

Ангел пел свою дивную песню в *полночную пору*; на героев Лермонтова музыка особенно сильно действует *вечером* или *ночью*. Отчасти, это автобиографическая подробность: Лермонтов родился ночью, и, быть может, именно потому в "Ангеле" новую душу несут на землю *в полночь*; другой причиной является то, что вечерний или ночной сумрак содействует совершению всего таинственного, чудесного (ср. "Ангел", "Тамара"); наконец, поэт мог иметь в виду то, что человек за день утомляется и к ночи становится более раздражительным, вследствие чего легко вызывается реакция. Поэту "птичка рая" напевает *по ночам*. (I, 272, 273); песня сосуда слышится *по вечерам*. (II, 209). Печорин говорит, что *вечером* музыка сильно раздражает его нервы: "Мне делается или слишком грустно, или слишком весело". (IV, 229). Мцыри слышал песню грузинки и запомнил мелодию; лишь наступают *сумерки*, песня всплывает в памяти. (II, 318). Мцыри, вообще, обладает душой музыкальной; он помнит песню, которую сестры пели над его колыбелью. (II, 314); в тяжелом забытии слышит прелестную песню рыбки; хочет, чтобы ему, умирающему, дружеский голос напевал тихую песню. (II, 327—329). Арбенин импровизирует *"в сумерки"*. (III, 188). Лугин однажды *в сумерки* долго сидел у окна; вдруг на дворе шарманка заиграла старинный вальс. "Лугин слушал, слушал; ему стало ужасно грустно. Он начал ходить по комнате; невыносимое беспокойство им овладело; ему хотелось плакать, хотелось смеяться... он бросился на постель и заплакал: ему представилось все его прошедшее. Он вспомнил, как часто бывал обманут, как часто делал зло, именно тем, которых любил; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видел слезы, вызванные им из глаз, ныне закрытых навеки. И он с ужасом заметил и признался, что он недостойн был любви безотчетной и истинной, — и ему стало так больно, так тяжело!" (IV, 292, 293)¹⁸². Ср. Толстой: "Все неопцененные минуты того времени одна за другой восставали перед ним, но не как незначущие мгновения бегущего настоящего, а как остановившееся, разрастающиеся, укоряющие образы прошедшего. Он с наслаждением созерцал их и плакал, — плакал не оттого, что прошло то время, которое он мог употребить лучше (ежели бы ему дали назад это время, он не брался употребить его лучше), но он плакал оттого только, что прошло это время и никогда не воротится. Воспоминанья возникали сами собой, а скрипка Альберта говорила одно и одно. Она говорила: "прошло для тебя, навсегда прошло время силы, любви и счастья, прошло и никогда не воротится. Плачь о нем, выплачь все слезы, умри в слезах об этом

времени, — это одно лучшее счастье, которое осталось у тебя". (III, 127, 128). Это или отголосок поэзии Лермонтова, или интуитивное восхождение к одному и тому же образу, доказывающее родственность толстовского гения с лермонтовским.

Литвин и литвинка поют *ночью* (I, 210, 211); Селим (Зара) — *ночью* (II, 70–72); Юрий и Любовь слышат песню со свирелью *ночью* (III, 111); царица Тамара поет *в полночь* (II, 341, 342). В вариантах "Демона" чудесная песня звучит: в первом — *в полночь* (II, 386), во втором — *вечером* (II, 388), в четвертом — *ночью* (II, 401, 402), в последней редакции — *ночью* (II, 359–361) и *полночью* (II, 366). Число примеров можно было бы значительно увеличить, но, полагаем, достаточно и этих, чтобы убедиться, что чудесная песня связана с вечерней или ночной порой; утром или днем она слышится редко (см., например, II, 318; IV, 199, и др.)

Музыка воскрешает былое, зарождает или разжигает страсть, вызывает слезы, не забывается.

В первом очерке поэмы "Демон" отверженный дух, "враг небес", плачет, слушая песню монахини; он *припоминает былое*, в нем вспыхивает любовь. (II, 386). Во втором очерке Демон, услышав песню монахини, плачет, *вспоминает прошлое*. (II, 388); он проникает в келью; в нем загорается любовь; он борется с этим чувством, так как связан клятвой, данной князю тьмы; он хочет искупить монахиню — и не в силах. Он

**Нарушил клятвы роковые
И князя бездны раздражил.
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не загладить ничего...** (II, 389, 390).

(Ср. II, 390, ст. 132–135 и II, 318, ст. 349–352). См. еще четвертый очерк — II, 401–403. В последней редакции поэмы Демон сам очаровывает монахиню Тамару волшебной песнею ("Не плачь, дитя"...). Чудная песня грузинки ("как будто для земли она была на небе сложена") пленяет его; ему чудится, что это *песня ангела*, прилетевшего на землю; "чтоб усладить его мученье"; он плачет

**Слезой жаркою как пламень,
Не человеческой слезой!..** (II, 366).

Ту же роль музыка играет в жизни лермонтовских героинь. Литвинка, слушая песню родины, предается мечтам, *вспоминает былое*. Она берет лютню и поет.

**Этой песни нет
Нигде, — она мгновенна лишь была,
И в чьей груди родилась — умерла,
И понял, кто внимал! Не мудрено:
Понять о небесном нам дано;
Но слишком для земли нас создал Бог, —
Чтоб кто-нибудь ее запомнить мог.** (I, 211)¹⁸³.

Гюльнара ("Две невольницы") играет на гитаре и поет (I, 186–188). Поет дева, которую полюбил Азраил (I, 306), поет Зара (II, 70–72), поет возлюбленная Гаруна (II, 265–266), поет над сыном казачка (II, 278, 279), поют за работой еврейки (III, 49; ср. II, 141), поет Нина Арбенина (III, 265, 266), поет Бэла (IV, 161, 164, 169, 176), поет контрабандистка (IV, 198, 199), поет княжна Мери (IV, 228); в неоконченной повести упоминается о певице, исполнявшей балладу Шуберта на слова "Лесного царя" Гете (IV, 286); поет грузинка, про которую говорит Мцыри (II, 318), поет Виргиния (II, 334), поет русалка (II, 139, 140) и др. В голосе царицы Тамары — "желанье и страсть", "всесильные чары", "непонятная власть". (II, 342). Тамара, дочь Гудала, услышала песню Демона — и

**Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненьи.
Все чувства в ней вскипели вдруг:
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос, чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучал.** (II, 361).

Тамара обладала удивительным даром играть на чангуре и петь (II, 366)¹⁸⁴.

Что же такое, по Лермонтову, музыка, каковы ее свойства?

Музыка — нечто *неземное*; песня Тамары-монахини походит на *песню ангела*; эта песня так нежна, будто сложена *на небе*; дивная песня литвинки понятна тому, кому дано "понять о небесном", в голосе любимой женщины — "*отголосок рая*"¹⁸⁵, душа встречает "*с молением как ангела*" эти песни, эти таинственные, мелодичные речи¹⁸⁶. В раю — немолчное пение; родина музыки — небо.

Музыка — нечто *чудодейственное*; она очаровывает природу ("Ангел"), совершает *чудо* над Демоном: он впервые постигает святую любовь, не может искушать свою жертву и плачет!

Музыка — нечто загадочное; в ней *непонятная* власть.

Музыка — нечто *страшное*. Услышав песню Селима, Измаил-Бей вскочил, "как безумный", просит не петь больше, стоит "*в страхе удалиться*", но даже этого не мог сделать, околдованный музыкой. Иногда это страшное, это таинственное чудесным образом сочетается с небесным. Услышав песню, Юрий Волин восклицает: "Какие звуки! они поразили мою душу... Кто их произвел? *Не с неба ли, не из ада ли?*..." (III, 111). В Демоне и царице Тамаре неразрывно переплетается святое и грешное.

Самая простая, незамысловатая мелодия может потрясти душу, произвести сильнейшее впечатление. Песня Ингелота "дика и проста". (I, 231). Мцыри говорит, что у грузинки голос был "*безыскусственно живой*", "*простая песня то была*". (II, 318). Виргиния напевает "*простую песню*". (II, 334). Лугин плакал, слушая шарманку.

Музыка — нечто *раздражающее, волнующее, вызывающее страсть*. Человеку становится то весело, то грустно, он чувствует беспокойство (Печорин, Лугин). Голос царицы Тамары "весь был *желанье и страсть*". Ср. "Сосед":

**И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит...**

Взволнованный пением, Юрий Волин еще ярче вспыхивает страстью; Демон постигает "тоску любви, ее волненье" (II, 366); дочь Гудала в "невыразимом смятении" и чувствует, что огонь пробегает по жилам.

Музыка обращает мысли *к прошлому*. Это связано с верою поэта в доземеное существование души; песни земли напоминают о полузабытых небесных, и человек весь уходит в былое, припоминает что-то далекое, чудесное и, — одинокий, никем не понимаемый, изнывающий под бременем скучной жизни, тоскует и горько плачет.

Понятие *о душе и идеале* сливается у поэта с понятием *о музыке*. Ангел говорит о Тамаре:

**Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,**

**Недосягаемых утех;
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их...** (II, 380).

То есть, душа — нужный, прекрасный инструмент; ее чувства, ее волнения — это дрожание ее тончайших живых струн. В стихотворении "Ангел" тяготение души, измученной скучной и тягостной земной жизнью, к идеалу связывается с желанием припомнить райскую мелодию, слышанную до рождения.

Музыка — *нечто очищающее, просветляющее*. Выше всего ценит поэт в музыке ее благотворное воздействие на человека: она смягчает горе, облегчает душу от гнетущей тоски, вызывает раскаяние, вызывает искренние слезы; рождается готовность полагаться на людей, воскресают "лучших лет надежды и любовь"; грезы уносятся к невозвратному детству; смутно звенят в голове мелодии милых колыбельных песен; является жажда обновления, жажда чистой любви, "душа рвет свои оковы", душа открывается для добра, для новой жизни. Так велика призывная сила таинственных звуков, смысл и мелодию которых улавливают, однако, только избранные.

**Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает**¹⁸⁷.
**Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки;
Душа их с молением
Как ангела встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.** (II, 466).

Поэт указывает и на *физиологические явления*, вызываемые музыкой.

**И кровь кипит, и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.** (II, 209).

Печорин говорит, что музыка "слишком раздражает" его нервы. (IV, 229). Тамара, слушая Демона, чувствовала, как "огонь по жилам пробегал". (II, 361). Сердце "долгим биеньем" отвечает на звуки волшебных речей. Лугин плачет, слушая шарманку. Музыка парализует движения:

**Неподвижен внешнею
Сладким звуком я.** (II, 176).

Измаил-Бей стоит "*недвижим*". (II, 71). Демон

**Хочет в страхе удалиться
Его крыло не шевелится!** (I, 366).

Музыка волнует Демона до слез.

Герои Лермонтова не *забывают* песен, взволновавших и пленивших их. Душа, принесенная ангелом на землю, вечно будет помнить его песню и "тосковать по ней". Мцыри, *раз* услышав песню грузинки, вспоминает ее. Печорин от слова до слова запоминает песню контрабандистки.

Демон слышал песню монахини, и

**Прелесь звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не заглядит ничего...** (II, 390).

Все это чрезвычайно близко к миру толстовских идей. Лермонтов говорит, что человек, восприимчивый к музыкальным впечатлениям, может быть потрясен и растроган самой "простой", "безыскусственной" мелодией. Толстой очень любил народные песни, нередко отдавая им предпочтение перед сложными, общепризнанными творениями гениальных композито-

ров. "Однажды мне в Оренбурге, — сказал Лев Николаевич, — пришлось слышать, как одна башкирка ехала верхом и пела. *Я ничего не понял из ее слов. Но песня ее подействовала на меня*¹⁸⁸, потому что она была непосредственным выражением ее души. И всякую, чисто народную песню поймет другой народ. Современная же — порченная — музыка требует исключительных слушателей и существует только для сытых. Поэтому она меня и отталкивает". (П. Сергеевко. "Как живет и работает гр. Л.Н. Толстой". М. 1908 г., 30). Он мечтал "о создании народного театра с общедоступными пьесами, дополненными музыкой". (Бернштейн. "Музыка и Лев Толстой", 136). Платон Каратаев "пел песни не так, как поют песенники, знающие что их слушают; но пел, как поют птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было так же необходимо издавать, как необходимо бывает потянуться или расхотиться; и звуки эти всегда бывали тонкие, нужные, почти женские, заунывные, и лицо его при этом бывало очень серьезно". (VII, 40, 41). Аксенов был "первый веселчак и песенник" (XIV, 75); даже в старости "голос у него все еще был хорош". (XIV, 78). См. еще "Песни на деревне". (X). Дядюшка Ростовых тоже "Пел так, как поет народ, с тем полным и наивным убеждением, что в песне все значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит и что отдельного напева не бывает, а что напев — так только, для складу. От этого-то этот бессознательный напев, как бывает напев птицы, и у дядюшки был необыкновенно хорош. Наташа была в восторге от пения дядюшки. Она решила, что не будет больше учиться на арфе, а будет играть только на гитаре. Она попросила у дядюшки гитару и тотчас же подобрала аккорды к песне". (V, 215). Незатейливая, но милая песенка понравилась Наташе, и она, возвращаясь домой, долго припоминала мелодию и, наконец, вспомнила. (V, 216). Она запоминает арию из оперы, некогда слышанной в Петербурге вместе с Болконским. (V, 220)¹⁸⁹. Подобно героям и героиням Лермонтова, Наташа Ростова обладает голосом, вызывающим у других слезы. Мать и отец Николеньки Иргеньева любили музыку; Николенька и Нехлюдов ("Утро помещика") тоже любили ее, хотя и по-дилетантски. Герои "Люцерна" и "Альберта" — музыканты; оба они самородки, и их искусство чарует людские души. Федя Протасов любил цыганские песни; кстати, цыганские песни любил и Толстой, и Лермонтов (о Лермонтове см.: Мартыанов. "Новые сведения о М. Ю. Л." Ист. Вестн., 1892 г., XI, 384). Николай Иргеньев начал играть на фортепиано из подражания одному молодому человеку, грациозные жесты и поза которого ему очень понравились, и увидел в музыке новое средство "прельщать девиц"; учился играть он без всякой системы, немало заботясь в то же время о своих жестах. "Сквозь всю эту путаницу и притворство, как я теперь вспоминаю, — говорит он, — во мне, однако, было что-то вроде таланта, потому что часто музыка делала на меня до слез сильное впечатление, и те вещи, которые мне нравились, я кое-как умел сам без нот отыскивать на фортепиано; так что, ежели бы тогда кто-нибудь научил меня смотреть на музыку, как на цель, как на самостоятельное наслаждение, а не на средство прельщать девиц быстротою и чувствительностью своей игры, может быть, я бы сделался, действительно, порядочным музыкантом". (I, 207). Музыку он "очень любил слушать". (I, 233).

Старший Козельцов "хорошо пел, играл на гитаре". (II, 185). Дворник Василий обладал хорошим голосом и мастер был песни петь; пение его нравилось и господам, которые заставляли его петь. ("Фальшивый купон", XII, 185, 186). Находясь в тюрьме, Василий "пел песни своим прекрасным голосом". (XII, 200). Молодой судебный следователь Махин был "очень музыкален";

"он и вторил прекрасно, и аккомпанировал на фортепьяно". (XII, 205). Ханефи, "названный брат" Хаджи-Мурата, "знал много горских песен и хорошо пел их... Голос у Ханефи был высокий тенор, и пел он необыкновенно отчетливо и выразительно. Одна из песен особенно нравилась Хаджи-Мурату и поразила Бутлера своим торжественно-грустным напевом". (XII, 68).

Наташа и Николай Ростовы были известны в кругу знакомых своей музыкальностью. (IV, 63). Брат их "Петя был музыкален так же, как и Наташа, и больше Николая; но он никогда не учился музыке"... (VII, 120). У Наташи голос не был обработан, но когда она пела, "даже знатоки-судьи ничего не говорили и только наслаждались этим необработанным голосом, и только желали еще раз услышать его". (V, 48). Выйдя замуж, Наташа совершенно оставила пение; но когда она пела (это случалось очень редко), в ней закигался прежней огонь. (VII, 215).

Толстой также указывает на физиологические явления, которыми сопровождаются музыкальные восприятия. Николенька Иртенев говорит, что музыка возбуждает его нервы (I, 228). Она вызывает слезы у него (I, 207), у Андрея Болконского (V, 169). Делесов, слушая скрипача, "испытывал непривычное чувство. Какой-то холодный круг, то суживаясь, то расширяясь, сжимал его голову. Корни волос становились чувствительны, мороз пробегал вверх по спине, что-то, все выше и выше подступая к горлу, как тоненькими иглками кололо в носу и небе, и слезы незаметно мочили ему щеки". (III, 127).

Музыка разжигает страсть; этот мотив развит Толстым в "Крейцеровой сонате", в "Живом трупе" (1-е д., картина 2-я). См. еще — "Что я видел во сне". (XX, 10). Музыка заставляет человека думать о былом. Николенька Иртенев рассказывает: "В то время как я слушаю музыку, я ни о чем не думаю и ничего не воображаю, но какое-то странное сладостное чувство до такой степени наполняет мою душу, что я теряю сознание своего существования, и это чувство — *воспоминание*. Но воспоминание чего? Хотя ощущение сильно, *воспоминание неясно*. Кажется, как будто вспоминаешь то, чего никогда не было". (I, 303; ср. I, 30). Это будто вариант "Ангела" Лермонтова. Наташа Ростова подбирала на гитаре арии из оперы, слышанной в Петербурге, и в ее воображении из-за этих звуков воскресал ряд *воспоминаний*. Она... слушала себя и *вспоминала*. Она находилась в *состоянии воспоминания*". (V, 220). Графиня Ростова, слушая пение дочери, вспоминала свою молодость. (V, 224). Нехлюдов играл на рояле, и ему особенное наслаждение доставляла "усиленная деятельность воображения, бессвязно и отрывисто, но с поразительной ясностью представлявшего ему в это время самые разнообразные, перемешанные и нелепые образы и картины из *прошедшего* и будущего". (III, 41). Под звуки скрипки Альберта все "вдруг незаметно перенесены были в совершенно другой", *забытый* ими мир. То в душе их возникало чувство тихого созерцания *прошедшего*, то страстного *воспоминания чего-то* счастливого, то безграничной потребности власти и блеска, то чувство покорности, неудовлетворенной любви и грусти". (III, 126). "По какому-то странному сцеплению впечатлений первые звуки скрипки Альберта *перенесли Делесова к его первой молодости*". (III, 127). Хаджи-Мурат под пение Ханефи вспоминает песню, сложенную матерью и слышанную им в детстве; затем, по ассоциации идей, углубляется в воспоминания о младенческих годах. (XII, 79—80).

Музыка часто вызывает чувство грусти. Слушатели Альберта испытывают чувство "неудовлетворенной любви и грусти". (III, 126). Игра на рояле Нехлову доставляет "грустное наслаждение". (III, 41). Когда князь Андрей слушал пение Наташи, "он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно". (V, 169).

Касаясь лермонтовских вопросов, Толстой порой как бы повторяет даже выражения своего учителя. Так, Лермонтов говорит о напевах узника:

**О чем они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звука чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...
И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит, и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.** (II, 209).

О песне Тамары (в "Демоне"):

**И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно, друг за другом;
И эта песнь была нежна...** (II, 366).

У Толстого слушатели Альберта переносятся в "забытый ими мир. То в душе их возникало чувство тихого созерцания прошедшего, то *страстного* воспоминания чего-то счастливого, то безграничной потребности власти и блеска, то чувство покорности, неудовлетворенной *любви*, и грусти. То грустно-нежные, то порывисто-отчаянные *звуки*, свободно перемешиваясь между собой, *лились и лились друг за другом* так изящно, так сильно и так бессознательно, что не звуки слышны были, а сам собой лился в душу каждого какой-то прекрасный поток давно знакомой, но в первый раз высказанной поэзии". (III, 126). В воображении Делесова встал образ любимой девушки "в тумане неопределенных *надежд*, непонятных *желаний* и несомненной веры в возможность невозможного счастья". Он плакал, переживая былое, а скрипка говорила ему: "Плачь о нем, выплачь все слезы, умри в слезах об этом времени, — это одно лучшее счастье, которое осталось у тебя". (III, 127, 128). Здесь те же идеи, то же настроение и даже совпадает подбор слов и выражений.

Толстой, как Лермонтов, указывает на то, что музыка вызывает "чувство раскаяния, поднимает дух человека, действует освежающе, целебно. Нехлюдов рассказывает, что он переживал, очарованный путем странствующего тирольца: "В душе моей как будто распустился свежий, благоухающий цветок. Вместо усталости, рассеяния, равнодушия ко всему на свете, которые я испытывал за минуту перед этим, я вдруг почувствовал потребность любви, полноты надежды и беспричинную радость жизни. Чего хотеть, чего желать? Сказалось мне невольно, вот она, со всех сторон обступает тебя красота и поэзия. Вдыхай ее в себя широкими, полными глотками, насколько у тебя есть силы, наслаждайся, — чего тебе еще надо. Все твое, все благо"... (III, 148). Когда Андрей Болконский услышал пение Наташи, он "почувствовал неожиданно, что к его горлу подступают слезы, возможность которых он не знал за собой. Он посмотрел на поющую Наташу, и в душе его произошло что-то новое и счастливое. Он был счастлив, и ему вместе с тем было грустно. Ему решительно не о чем было плакать, но он готов был плакать. О чем? О прежней любви? О маленькой княгине? О своих разочарованиях?.. О своих надеждах на будущее?.. Да и нет. Главное, о чем ему хотелось плакать, была вдруг живо сознанный им страшная противоположность между чем-то бесконечно великим и неопределенным, бывшим в нем, и чем-то узким и телесным, чем он был сам и даже была она. Эта противоположность томила и радовала его во время ее пения". (V, 169—170). Под пение волшебницы Наташи у Николая "стронулось что-то лучшее, что было в душе"... (V, 48).

Лермонтов находил в музыке элемент *чуждого*. Толстой, слушая трио известных музыкантов, плакал и повторял: "Чудо, чудо!" (Гусев. "Два года с Л. Н. Т.", 49).

Демон потрясен пением Тамары, "и, чудо!" — *плачет*.

И мыслит он, что жизни новой

Пришла желанная пора. (II, 336).

И князь Андрей, растроганный пением любимой девушки, чувствует, что к горлу подступают слезы ("возможность которых он не знал за собой"), "и в душе его произошло что-то *новое* и *счастливое*".

Музыка, делая человека лучшим, побуждает его делать добро. Демон входит к Тамаре

любить готовый,

С душой, открытой для добра. (II, 366).

Нехлюдов ("Люцерн") принимает участие в судьбе певца-тирольца, ласково беседует с ним, угощает, как друга¹⁹⁰. Делесов решается на нечто большее: ему, "на которого музыка произвела такое сильное и непривычное впечатление, пришла мысль *сделать добро* этому человеку. Ему пришлось в голову взять его к себе, одеть, пристроить к какому-нибудь месту — вообще вырвать из этого грязного положения". (III, 128). Он взял несчастного музыканта в свой дом, принял самое горячее участие в нем, но Альберт слишком опустил, и его нельзя было спасти не по вине Делесова.

Природа и музыка, — вот что было для Лермонтова прекраснее всего на земле, вот что не доставляло ему ни тревог, ни тяжких мук, и чему он сам никогда не изменял, в святости чего никогда не сомневался. И как знаменательно: в одном из последних своих произведений, в элегии "Выхожу один я на дорогу", он говорит, что его несбыточное, но заветное желание — заснуть вечным, безмятежным сном и слышать неумолкающий, сладкий голос, поющий про любовь, да тихий шум дуба. Гармония звуков и мягкий шелест листьев, — вот что дорожке всего измученной душе поэта; только с этим было бы ему жаль расстаться. Если бы не музыка, он и в могиле не нашел бы покоя, терзался бы воспоминаниями о своих заблуждениях и страстях; вспомним его "Любовь мертвеца". Но музыка, музыка... она будет навевать ему дивные мечты, она утишит его тревоги, и закроются его душевные раны; нет ничего прелестнее и нежнее мелодичного пения. А дуб склонялся бы над могилой, как добрый друг, и поэт, понимающий голоса природы, вечно внимал бы его мудрому и занимательному шелесту-говору¹⁹¹. Так же близка и дорога была музыка отшельнику Ясной Поляны. Он сказал однажды: "Музыка, — это единственное из мирского, что действует на меня... Это подобно тому, как я радуюсь, смотрю на природу". (Н.Н. Гусев. "Два года с Толстым", 36. Запись относится к 1907 г.). Удивительное совпадение мыслей. Старец, познавший жизнь во всем ее многообразии и сложности глубже, чем кто-либо из художников слова, человек, вкусивший всю сладость, горечь славы, любви, семейного счастья, религиозных исканий, — говорит, что из всего, что узнал он, ему особенно дорога только музыка, и что наслаждение, доставляемое ею, можно сравнить по существу лишь с наслаждением созерцания красот природы. Идя почти одними дорогами, юноша-поэт и патриарх нашей литературы сошлись на одних и тех же высотах.

Как у Лермонтова, у Толстого смерть и музыка сливаются в одно. Горцы умирают с песней на устах: "Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздались странные звуки заунывной песни, похожей на *ай-да-лай-лай*¹⁹² дяди Ерошки. Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтобы избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колено с коленом, приготовили ружья и запели предсмертную песню". (II, 138). Курбан, сподвижник Хаджи-Мурата, в последней схватке с русскими поет, не переставая (XII, 88—89); а когда Хаджи-Мурат пал в неравном бою, "соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять зашелкали, сперва

один близко и потом другие на дальнем конце". (XII, 90). Федя Протасов, слушая пение цыган, говорит: "Ах, хорошо. Кабы только не просыпаться... Так и помереть" ... (XX, 139).

Относительно Лермонтова необходимо еще добавить, что стих его необычайно музыкален, певуч; вспомним его волшебные мелодии — его "Ангела", "Русалку", "На воздушном океане", "На светские цепи" и др. В высшей степени замечательны следующие его слова в письме к М.А. Лопухиной: "О, как желал бы я опять вас увидеть, говорить с вами: *мне благотворны были самые звуки ваших слов. Право, следовало бы в письмах ставить ноты над словами*, а то теперь читать письмо то же, что глядеть на портрет: нет ни жизни, ни движения; выражены неподвижной мысли, что-то, отзывающееся смертью!.." (IV, 399).

Глава XXIII. Пляска

Еще чаще, чем на заоблачных высотах, Лермонтов и Толстой встречались в долинах жизни. Они не только пророки, то обличавшие обитателей "шумных градов" в порочности и суетности, то ухажившие в пустыню, в объятия безмятежно-прекрасной природы. Это, в то же время, певцы земных утех, земных прелестей. Не раз они являлись к ближним не с обвинительными речами, не с проповедями об аскетизме, а с призывом к жизни радостной, вольной и буйной.

Можно было бы много сказать о парусе, просящем бури, о первой (не детской) любви, о всесжигающей, пьянящей страсти и прочее; мы останавливаемся на одном мотиве, достаточно характеризующем эту сторону творчества обоих гениев, именно — на пляске. Танец, по Лермонтову и Толстому, символизирует красоту жизни, беспечность, искреннее веселье и страсть; танец — проявление кипучих скрытых сил юности; танец — последняя, яркая вспышка удали в человеке старом. Танец заставляет человека забыть про житейские горести и заботы и упиться настоящим, пока чаша бытия не допита и пенится, пока небо над головой безоблачно. Завтра, быть может, солнце скроется за тучами, и все краски поблекнут, и в дверь постучит скука или болезнь; пляши, — быть может, это последний счастливый день! Еще мудрый Соломон говорил:

"Веселись, юноша, в молодости твоей, и пусть сердце твое вкушает радости в юности твоей; иди, куда ведет тебя сердце твое и куда глядят глаза твои; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.

Прогоняй печаль от сердца твоего и удаляй неприятное от тела твоего; потому что детство и юность скоро проходят". (Екклезиаст, XI, 9, 10).

Танец показывает всю физическую красоту человека, а ее любили описывать Лермонтов и Толстой. Тяготение к красоте усугублялось в них тем, что оба они не были красивы. В Тамаре (дочери Гудала) и Анне Карениной — гармоническое слияние красоты духовной и телесной. Духовная красота не теряет блеска без телесной (например, в Марии Волконской); физическая без духовной не производит очарования; Лермонтов еще в ранней юности написал беспощадные стихотворения — "К глупой красавице" (I, 127) и "Глупой красавице" (I, 159); прелестная Элен Безухова была "одной из самых глупых женщин в мире" (V, 238); о ней Наполеон сказал: *C'est un superbe animal!*¹⁹³. (V, 143).

Лермонтов и Толстой сами любили танцевать. Мартынов говорит про Лермонтова: "Танцевал он ловко и хорошо". ("Из бумаг Н.С. Мартынова". Рус. Арх., 1893 г., VIII). Боденштедт подметил ловкость и замечательную гибкость движений поэта. Толстой-студент, несмотря на свою угловатость и застенчивость, много танцевал. Героини Лермонтова, к какой бы нации и эпохе они ни принадлежали, любят пляску, которая делает их еще очаровательнее.

Вот пляшет Ольга. Она начала танцевать не по своей охоте, и движения ее "были плавны, небрежны, даже можно было заметить в них некоторую принужденность, ей несвойственную: но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Как поэт, в минуту вдохновенного страдания бросая божественные стихи на бумагу, не чувствует, не помнит их, так и она не знала, что делала, не заботилась о приличии своих движений, и потому-то они обворожили всех зрителей; это было не искусство, но страсть". (IV, 18). Гостеприимная, беззаботная Лейла, желая развеселить хмурого гостя,

**бубен свой берет,
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза, как звезды, блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята;
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката,
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками,
Вертит его над головой
И тихо черными очами
Поводит. И, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой:
"Развеселись, мой гость унылый
Судьба и горе — все мечта!" (II, 95).**

Про Бэлу Азамат говорит: "Как она пляшет!" (IV, 164). Максим Максимыч о ней же: "Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку... А уж как плясала! Видал я наших губернских барышень, а раз был-с и в Москве в благородном собрании, лет двадцать тому назад, — только куда им! совсем не то!"... (IV, 176).

Пляшет Тамара, прощаясь со своей девичьей волей.

Подруги,

**В ладони мерно ударяя,
...поют, и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит,
И влажный взор ее блещит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна. (II, 354).**

В дневнике Печорина читаем о княжне Мери: "Она вальсирует удивительно хорошо". (IV, 224). Нина Арбенина, возвратившись с бала, отдается наплыву воспоминаний:

**Как новый вальс хорош! В каком-то упоенье
Кружилась я быстрее, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль¹⁹⁴. (III, 268, 269).**

В "Сказке для детей" маленькая Нина потихоньку от всех танцует одна в пустом зале; она

**Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душевной тесноты;
На платье чудесные узоры
Виднелись ей; и вот гремели шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил;
И вот она кружилась в вихре бала
И, утомясь, на кресла упала... (II, 275).**

Следовательно, любовь к танцам — нечто стихийное, врожденное, сказывающееся уже в девочке, — в девочке, росшей без подруг, без "кавалеров" а la Николенька Иртеньев, еще не выдавший балов.

Юная римлянка Виргиния

**в пляске,
Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством.**

(II, 334).

Красивая женщина, какую ее рисует поэт, необычайно грациозна. Лейла кружится, как мотылек (II, 95); княжна Мери (IV, 208), Тамара (II, 354), графиня Воронцова-Дашкова (II, 293) — легче и проворней птицы; Алена Дмитриевна

Ходит плавно, будто лебедушка. (II, 218).

В красивой женщине

**Все ее движенья,
Улыбка, речи и черты.
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты. (II, 18)¹⁹⁵.**

Изящные, быстрые движения танцующей женщины описаны Лермонтовым превосходно; описания эти хороши не только своей пластичностью и красочностью; они богаты и внутренним содержанием. Поэт говорит о душевных переживаниях героинь; картина приобретает особую красоту и глубокий смысл, когда ей придается драматический характер.

Вот Палицын, угощая почетного гостя, богатого помещика, спрашивает его:

"Потешить ли тебя, сосед любезный?"

"А что?"

"Да уж то, что твоей милости и в голову не придет; любишь ли ты пляску?... а у меня есть девочка — чудо... а как пляшет! жжет, а не пляшет. Я не монах, и ты не монах, Васильич"...

"Избави, Христос"...

Речь идет об Ольге, воспитаннице Палицына. Хозяин велел созвать хор, а хозяйка пошла за Ольгой. Был поздний вечер, но девушка еще не спала; перед этим она узнала от Вадима, что они — брат и сестра, что отец их разорен Палицыным... Входит Наталья Сергеевна и грубо приказывает: "Пооди, надень шелковый сарафан и выходи плясать... чтоб голова не болела... слышишь... скорей же! Да не больно финти перед Борисом Петровичем, а не то я тебе дам знать! ... ведь вы все рады заманить *барскую милость*... берегись"... Палицына знала, чем уколоть Ольгу, дочь дворянина. Заглушая отвращение и стыд, бедная девушка нарядилась и пошла в гостиную.

Она взошла... и встретила пьяные глаза, дерзко разбирающие ее прелести; но она не смутилась, не покраснела; тусклая бледность ее лица изобличала совершенное отсутствие беспокойства, совершенную преданность судьбе...

Хор затянул плясовую. "Начинай же, Оленька! — закричал Палицын. — Не стыдись!" Она вздрогнула; ей пришлось на мысль, что она будет плясать перед убийцею отца своего...

Если б можно было изобразить страдание этого нежного существа, то трудно бы вы поверили, что она не лишилась рассудка! ... потому что ее ресницы были сухие, и сжатые, дрожания губы не пропустили ни одного вздоха. "Что же! красота моя, начинай! не бойсь! ты так хороша сегодня!" — кричали оба помещика.

Что за лестное поощрение! не правда ли?

Ольга окинула взором всю комнату, надеясь уловить хотя одно сожаление... неуместная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встретили ее со всех сторон... рабы не сожалели об ней, — они завидовали! Пускай завидуют, подумала Ольга, это будет им наказание.

Она начала плясать".

Танец захватил ее быстротой движений, но "вдруг она остановилась, опомнилась, опустила пылающие глаза; голова ее кружилась; все предметы прыгали перед нею, громкие напевы слились для нее в один звук, нестройный, но решительный, в один звук воспоминания...

Она посмотрела вокруг, ужаснулась... махнула рукой и выбежала"... (IV, 15—18).

Пляшет княжна Тамара — прелестная, улыбающаяся, "веселья детского полна"; ничто, будто бы, не омрачает счастья невесты, ждущей жениха и резвящейся в кругу подруг... Но судьба Тамары не так уж завидна. Сердце девушки сжимается от глухой тоски. Этот день — последняя страница беззаботной жизни, проведенной под нежной опекой отца; последний раз спеты любимые песни княжны,

В последний раз она плясала...

Увы! завтра ожидала

Ее, наследницу Гудала,

Свободы резвое дитя,

Судьба, печальная рабыни,

Отчизна чуждая доньше

И незнакомая семья.

И часто тайные сомненья

Темнили светлые черты... (II, 355).

Тамара знает, что ждет ее, но избыток жизни играет в ней, и она, отгоняя грустные размышления, пляшет со всем пылом молодости. Этот день еще ее, и чем меньше утешается до страшного "завтра", тем милее кажутся девичьи утехи, тем сильнее опьяняет быстрый танец, "последний" танец!..

Нина Арбенина, танцую, чувствует какое-то беспокойство; то было предчувствие смерти. Она не знала, что минуты ее уже сочтены; как Тамара, она, такая молодая и прекрасная, танцевала *последний раз*, на том же балу муж отравил ее.

В "Хаджи-Абреке" картина пляски проникнута трагизмом. Беззаботная Лейла танцует и не видит, что над головой ее собираются тучи; пляшущей красавице-лезгинке, объятай "восторгом детским", поэт противопоставляет мрачную, неподвижную фигуру Хаджи-Абрека. Идея картины выражена в стихах:

Она кружится перед ним,

Как мотылек в лучах заката. (II, 95).

Мотылек прелестен, но живет только день; перепархивая с цветка на цветок, он не замечает, как мгновенно за мгновеньем уходит в вечность; когда же солнце закатывается, его багровые лучи, потухающие один за другим, напоминают мотыльку о близости смерти. Бедный! Он в ужасе кружится над землей и чувствует, как слабеют его крылья, и видит, что сумрак сгущается... А постороннему глазу этот трепетный полет кажется еще более прелестным. Лейла хороша, как мотылек, и так же беззаботна. Она живет настоящим, все для нее озарено розовым светом:

Судьба и горе — все мечта! (II, 95).

Хаджи-Абрек обращается к ней:

Довольно! Перестань, Лейла!

На миг веселость позабуди,

Скажи, ужель когда-нибудь —

О смерти мысль не приходила

Тебя встревожить? Отвечай!

Лейла.

Нет! Что мне холодная могила?

Я на земле нашла свой рай.

Хаджи-Абрек.

Еще вопрос: ты не грустила

О дальней родине своей,

О светлом небе Дагестана?

Лейла.

К чему? Мне лучше, веселей

Среди нагорного тумана.

Везде прекрасен Божий свет;

Отечества для сердца нет!

Оно насилья не боится:

Как птичка, вырвется, умчится...

Поверь мне, — счастье только там,

Где любят нас, где верят нам! (II, 95, 96).

Она улыбается, она счастлива, не слышит веяния смерти... Но мстительный, жестокий Хаджи-Абрек, открыв тайну своего приезда, произносит приговор:

Пора!

Твой час пробил еще вчера.

Смотри, уж блещет луч заката!.. (II, 97).

Лейла-мотылек бледнеет, рыдает, умоляет:

Погибнуть рано, рано мне!..

Оставь мне жизнь! оставь мне младость!

Ты знал ли, что такое радость?

Бывал ли ты во цвете лет

Любим, как я?.. О, верно, нет! (II, 98).

Враг неумолим... Картина беспечной пляски сменяется картиной ужасной смерти: Лейла, как мотылек, гибнет при лучах заката.

Но редко встретятся люди, подобные Хаджи-Абреку, устоявшему перед чарами красоты. В других пляска красавицы пробуждает и разжигает страсть. Палицын ("представьте себе мужчину лет пятидесяти, высокого, еще здорового, но с седыми волосами и потухшим взором". IV, 2) говорит гостю про Ольгу: "А как пляшет! *жжет, а не пляшет*. Я не монах, и ты не монах, Васильич"... Он велел позвать Ольгу и хор и "захотел, сам, верно, не зная чему, и начал потирать руки, заранее наслаждаясь успехом своей выдумки". (IV, 15). Когда Ольга пришла, она "встретила пьяные глаза, дерзко разбирающие ее прелести". (IV, 17). Вино и бурный танец распалют желание помещика (он напоминает старика Карамазова); когда Ольга убежала, "Борис Петрович встал и, качаясь на ногах, последовал за нею; раскаленные щеки его обнаруживали преступное желанье, и с дрожащих губ срывались несвязные слова, но слишком ясные для окружающих". (IV, 18). Он ворвался в комнату Ольги, и только энергичное вмешательство Натальи Сергеевны спасло девушку от бесчестия.

Печорин описывает, как он в первый раз танцевал с княжной Мери: "Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились. Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горячей щеке моей... Я сделал три тура (она вальсирует удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ее помутнились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: *merci, monsieur*". (IV, 224).

Демон впервые увидел Тамару и пленился ею именно тогда, когда, она танцевала. Но страсть, вспыхнувшая в нем, самая возвышенная, свободная от греха:

**И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Он любовался..** (II, 355).

Толстому больше всего нравится в танцах молодцеватость и ловкость танцующего, поэтому у него на первом плане — мужчина.

Граф Турбин во время мазурки "делал чудеса, ловя платки, становясь на одно колено и прихлопывая шпорами как-то особенно, по-варшавски, так что все старики вышли из-за бостона смотреть в залу, и кавалерист, лучший танцор, сознал себя превзойденным". (III, 94). Мазурка — любимый танец Толстого. Он описывает ее в "Детстве" (I, 61, 62), в "Воине и мире" (V, 40, 41), в рассказе "После бала". Его герои очень любят танцы. Толстой подчеркивает эту черту в некрасивом Николеньке, в его отце (I, 62), в лихом гусаре Турбине, в Андрее Болконском ("князь Андрей был одним из лучших танцоров своего времени... Князь Андрей любил танцевать"... V, 163), в графе Ростове, который и в старости "танцевал хорошо" (IV, 66), в его сыне — Николае (это был "веселый и ловкий танцор", IV, 293, см. еще: V, 9; VII, 14, 15), в Денисове, который "в Польше даже славился своим мастерством плясать польскую мазурку" (V, 40), в Иване Васильевиче ("После бала": "танцевал я хорошо и был не безобразен"; II, 163), в отце Вареньки Б. ("После бала").

Танцы действуют возбуждающе. У десятилетнего Николеньки, переживавшего первую любовь, во время танцев "сердце билось, как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему и хотелось плакать". (I, 63). Князь Андрей на балу пригласит Наташу потому, что на нее указал ему Пьер и потому, что она первая из хорошеньких женщин попала ему на глаза; но едва он обнял этот тонкий, подвижный стан и она зашевелилась так близко от него и улыбулась так близко ему, вино ее прелести ударило ему в голову: он почувствовал себя ожившим и помолодевшим, когда, переводя дыхание и оставив ее, остановился и стал глядеть на танцующих". (V, 163). Исключение представляет Иван Васильевич; он рассказывает:

"Я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, когда обнимали за талию; не только свое, но и ее тело чувствовали, я думаю, — сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она". (XII, 164).

В рассказе "После бала" автор прибегает к приему, напоминающему лермонтовский: картина бала сразу сменяется другой, — картиной жестокого телесного наказания. В первой картине Толстой рисует отца Вареньки "очень красивым, статным, высоким и свежим стариком"; "та же радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах" (XII, 165). Это нежный отец; Иван Васильевич, влюбленный в Вареньку, такими восторженными глазами следил за танцующим полковником, что умилялся даже, глядя на его сапоги. Толстой намеренно берет сначала одни светлые краски, чтобы в последующей картине резче оттенить грубость полковника Б. После бала этот полковник будет бить по лицу рукой, обтянутой замшевой перчаткой (надетой перед мазуркой) "малорослого слабосильного солдата" за то, что тот недостаточно сильно опустит палку на окровавленную спину татарина; после бальных фраз он закричит: "Подать свежих щипцрутенюв!" — и нахмуренное его лицо будет грозно и злобно; а в душе влюбленного студента чувство востор-

женного умиления, навеянное балом, сменится чувством почти физической, доходящей до тошноты, тоски...

Танцором надо родиться; описывая пляску Наташи, Толстой говорит: "Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигрантской-французенкой, этот дух; откуда взяла она эти приемы, которые pas de châte давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка". (V, 214). Наташа отличалась грациозностью и была "гордостью и лучшей ученицей" Иогеля, московского учителя танцев (V, 39, 40). Танцую с Денисовым мазурку, она "*угадывала* то, что он намерен был сделать, и, сама не зная как, следила за ним, отдаваясь ему". (V, 41). Красавица Степанида ("Дьявол") хорошая плясунья (XII, 145). Маланья ("Тихон и Маланья") — "день-деньской замучается, а домой идет, — хоровод ведет"... (III, 306). "Маланька Дунаиха первая хороводница, плясунья, игрица первая на деревне была". (III, 314); "в покос ли, в жнитво ли ухватку себе имела, что впереди всех, бывало, всех замучает и домой идет — песни поет, перед хороводом пляшет". (III, 315).

Глава XXIV.

Еще некоторые общие мотивы творчества Лермонтова и Толстого

У Толстого встречаем еще многие лермонтовские сюжеты и образы.

Он, вслед за Пушкиным и Лермонтовым, пишет про "кавказско-го пленника". Кавказ часто вдохновлял Толстого; природа и люди этого края нашли яркое отражение в ранних произведениях великого писателя; симпатия к Кавказу не охладела в нем с годами, и на закате своей жизни он одарил нас прекрасной повестью "Хаджи-Мурат". Толстой, как и Лермонтов, с любовью и уважением относится к русскому воину и в то же время отдает должное ловкости, уму и удалству горцев. Боденштедт говорит: "Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которого можно бы живее и вернее познакомиться с характеристической природой этих гор и их населения, нежели из какой-нибудь поэмы Лермонтова, где место действия происходит на Кавказе"... (Боденштедт, 28, 29). Буквально то же самое повторяет Марков, разбирая "Казаков" Толстого: "Я уверен, что никакой этнографический или географический очерк, никакое описание путешествия не могли бы меня живее и полнее познакомить с чуждой для меня жизнью и природою, как этот роман гр. Толстого". (Покровский "Л.Н. Толстой". Сборник историко-литературных статей. М. 1908 г., 119).

У Лермонтова и Толстого христианские воззрения тонко переплетаются с фатализмом. Измаил-Бей (II, 52) и Хаджи-Абрек (II, 100) — "дети рока". Наполеон — жертва "рока прихоти слепой" (I, 268). К концу жизни поэт часто говорит о фатализме. Он пишет рассказ "Фаталист" (1839 г.), вносит в "Валерик" (1840 г.) следующие стихи:

**Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание —
Не все ль одно?.. Я жизнь постиг.**

Судьбе, как турок иль татарин,
За все я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу:
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их Пророка
Невольно сблизили¹⁹⁶. (II, 299, 300).

Здесь и душевная усталость, и покорность бесстрастному року, и готовность каждую минуту встретить смерть. Фаталистические нотки звучат в стихотворении "Завещание" (1840 г. — II, 296, 297). Не испытывал ли он судьбу, бросаясь верхом на чеченские завалы? В белой шапке, на белом коне — он представлял для горцев хорошую мишень... В 1841 г., будучи в крепости Георгиевской, Лермонтов метал жребий, чтобы решить: ехать ли в Пятигорск или в отряд? Вышел жребий ехать в Пятигорск¹⁹⁷. (См. — Висковатый, 386). Так, благодаря случайности, поэт пошел навстречу смерти. "Что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует". (IV, 283. — "Ашик-Кериб").

В "Воине и мире" Толстой проводит идею рока. Пусть Лермонтов видит в Наполеоне великого человека, а Толстой — ничтожного; знаменательно то, что оба, говоря о предопределении, останавливаются на одной и той же исторической личности.

В "Сказке для детей" Лермонтов, в стихах несравненной красоты и грации, описывает, как "маленькая Нина" мечтает о балах, о ловких танцорах и о разговорах с ними — то веселых и острых, то небрежных, то милых и нежных. Она

Пред зеркалом, бывало, целый час

То волосы пригладит, то красивый
Цветок пришил к ним; движенью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый.
Придав, стоит... и учится. (II, 275).

Так же очаровательна Наташа Ростова: "Пока расстанавливались пары и строились музыканты, Пьер сел со своей маленькой дамой. Наташа была совершенно счастлива: она танцевала с *большим*¹⁹⁸, с приехавшим *из-за границы*¹⁹⁹. Она сидела на виду у всех и разговаривала с ним, как большая. У нее в руке был веер, который ей дала поддержать одна барышня. И, приняв самую светскую позу (*Бог знает, где и когда она этому научилась*), она, обмахиваясь веером и улыбаясь через веер, говорила со своим кавалером.

— Какова, какова? Смотрите, смотрите, — сказала старая графиня, проходя через залу и указывая на Наташу.

Наташа покраснела и засмеялась.

— Ну, что вы, мама? Ну, что вам за охота? *что же тут удивительного?*" (IV, 65).

В "Сказке для детей" поэт говорит о том, с какими хлопотами и тревогами сопровождается первый выезд девушки в свет:

То был великий день: семнадцать лет!
Все, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик-отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет.
Их затруднил удачный выбор бала;
Что, будет двор иль нет? — Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замечал другой,
Что эта вид ей даст оригинальный.
Потом наряд осматривали бальный.

Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была как в лихорадке,
Поплакала немножко; золотой
Браслет сломала; в суетах перчатки

Разорвала... Со страхом и тоской
Она в карету села, и дорогой
Была полна мучительной тревогой;
И, выходя, споткнулась на крыльце,
И с бедностью печальной на лице
Вступила в залу... Станный шепот встретил
Ее явление: свет ее заметил.

Кипел, сиял уж в полном блеске бал.

Тут было все, что называют, светом... (II, 276).

Едва ли можно сомневаться в том, что эти гениальные строфы оказали сильное влияние на Толстого; его описание сборов Наташи Ростовской на бал повторяет многие лермонтовские детали:

"Уже одна треть гостей приехала на этот бал, а у Ростовых, *должествующих быть на этом бале, еще шли торопливые приготовления одевания.*

Много было толков и приготовлений для этого бала в семье-стве Ростовых, много страхов, что приглашение не будет получено, платье не будет готово и не устроится все так, как было нужно.

Вместе с Ростовыми ехала на бал Марья Игнатьевна Перонская, *приятельница и родственница* графини, худая и желтая фрейлина старого двора, *руководящая* провинциальных Ростовых *в высшем петербургском свете.*

...Наташа ехала на первый большой бал в своей жизни. Она в этот день встала в 8 часов утра и целый день находилась в лихорадочной тревоге и деятельности". Помогая одеваться другим, Наташа отстала и еще больше волновалась от напоминаний о том, что пора ехать; возникают неожиданные задержки; платье длинно, его необходимо было подшить. Наташа не сидит на месте; увидев вошедшую к ней мать, она "бросилась вперед, а девушки, подшивавшие, не успевшие за ней броситься, оторвали кусочек дымки.

— Боже мой! Что ж это такое? Я, ей-Богу, не виновата...

— Ничего, заматаю, не видно будет, — говорила Дуняша".

"В четверть одиннадцатого, наконец, сели в кареты и поехали". Дорогой Наташа живо представляла, что ожидает ее на балу: "*в освещенных залах — музыка, цветы, танцы, государь, вся блестящая молодежь Петербурга*". Ср. — Лермонтов:

Сиянье, роскошь, музыку, цветы,

Толпу гостей и шум воображала. (II, 275).

Идя по освещенной лестнице, Наташа, ничего не видела ясно, пульс ее забил сто раз в минуту, и кровь стала стучать у ее сердца". "Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Все смешивалось в одну блестящую процессию. При входе в первую залу равномерный гул голосов, шагов, приветствий оглушил Наташу; *свет и блеск еще более ослепили ее*". Наташе посчастливилось, как Нине: *ее заметили*. Хозяйка "посмотрела на нее, и ей одной особенно улыбнулась в придачу к своей хозяйской улыбке. Глядя на нее, хозяйка вспомнила, может быть, и свое золотое, невозвратное девичье время и свой первый бал. Хозяин тоже проводил глазами Наташу и спросил у графа, которая его дочь.

— Charmante! — сказал он, поцеловав кончики своих пальцев.

В зале стояли гости, теснясь у входной двери, ожидая, государя... Графиня поместилась в первых рядах этой толпы. *Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее*. Она поняла, что она понравилась тем, которые обратили на нее внимание, и это наблюдение несколько успокоило ее". (V, 156—160).

По мнению Авсеенко, Анна Каренина имеет ближайшее сродство с Верой из "Героя нашего времени". (Зелинский. "Русская

критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого". М. 1902 г., VIII, 178; ср. — 47).

Тамара своей чистой любовью хотела спасти Демона. Так Ли-за Еропкина мечтала "обратить Махина или, скорее, как она говорила это себе, вернуть к себе, к своей доброй, прекрасной натуре. Она любила его, и при свете своей любви ей открывалось божественное его души, общее всем людям, но она видела в этом общем всем людям начале жизни его, ему одному свойственную доброту, нежность, высоту". ("Фальшивый купон". XII, 210).

Лермонтов неоднократно писал о *вещих снах*. "Странная вещь эти сны! — говорит он М.А. Лопухиной в письме. — Другая сторона жизни, и часто лучшая, нежели действительная жизнь". (IV, 393). В "Испанцах" Эмилия рассказывает Фернандо:

**Вчера я видела во сне, что ты
Меня хотел зарезать... (III, 18).**

Сон этот сбывся. В "Испанцах" же Ноэми подробно описывает Сарре свой страшный сон: ей снилось, что к ней явился человек, обрызганный кровью, и сказал, что он ее брат, но христианин; затем он скрылся, оставив в ее руках плащ, оказавшийся саваном. (III, 30—32). И этот сон был вещим. В другом письме к М.А. Лопухиной поэт передает следующее: "Нужно непременно рассказать вам довольно странный случай: в субботу, перед тем как проснуться, я вижу во сне, будто я у вас; вы сидите на большом диване в гостиной; я подхожу и спрашиваю, не хотите ли вы, чтобы я окончательно с вами поссорился; а вы, вместо ответа, протянули мне руку. — Вечером нас распустили; прихожу к нашим, и мне подают ваши письма. Это меня поразило! хотелось бы мне знать, что с вами было в этот день?" (IV, 396). Сны, вообще, производили сильное впечатление на поэта; например, восьмилетним ребенком он видел сон, запечатлевшийся в его памяти надолго, если не навсегда; он упоминает о нем восемь лет спустя — в черновых заметках (IV, 350), в стихотворении "Булевар". (I, 148). В вещем стихотворении "Сон" Лермонтов предрек свою трагическую гибель. Как мы видим, этот сон самого поэта, сны Эмилии и Ноэми предвещают *смерть*; о подобных снах говорит и Лев Толстой. Аксенов уезжал из дома, а жена говорит ему: "Иван Дмитриевич, не ездят ты нынче, я про тебя дурно во сне видела". Муж посмеялся. (XIV, 76). Когда он, обвиненный в убийстве, сидел в остроге, жена сказала ему при свидании: "Недаром я тогда, помнишь, видела сон, что ты сед стал. Вот уж и вправду ты с горя поседел". (XIV, 77). В рассказе "Много ли человеку земли нужно" описывается вещий сон Пахома; Пахом во сне увидел себя мертвым. На другой день он умер; перед смертью он вспомнил про свой страшный сон. (XVI, 101, 104). Люди издавна верят в вещие сны; об этом свидетельствуют, например, эпосы всех народов, Ветхий Завет; вещие сны, обыкновенно, предвещают несчастье: вспомним библейские сны фараона, сны Уты и Кримгильды в "Песне о Нибелунгах", Карла Великого в "Песне о Роланде", Святослава в "Слове о полку Игореве" и др.²⁰⁰; не лишним будет остановиться на песне терских казаков, певшейся, вероятно, и при Лермонтове; она некоторыми подробностями напоминает его стихотворение "Сон"; приводим наиболее характерное:

Ох, не отстать-то тоске-кручинушке
От сердечушка моего.

Как сегодняшнюю темную ноченьку

Мне мало спалось, —

Мне мало спалось, на белой заре много

Во сне виделось.

Во сне виделось: ох, будто б я, удаль добрый молодец,

Убитый на дикой степе лежу...

Ретивое мое сердечушко простреленное...

("Терский Сборник"; приложение к "Терскому Календарю" на 1891 г. Владикавказ. 1890 г. Отд. II, 138—139).

Андрею Болконскому перед кончиной снилось, будто он один находится в комнате, и "что-то нечеловеческое — смерть — ломится в дверь, и надо удержать ее. Он ухватывается за дверь, напругает последние усилия — запереть уже нельзя — хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и надавливаемая ужасом дверь отворяется и опять затворяется.

Еще раз оно надавило оттуда. Последние сверхъестественные усилия тщетны, и обе половинки отворились беззвучно. Оно²⁰¹ вошло, и оно есть *смерть*²⁰². И князь Андрей умер.

Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собой усилие, проснулся". (VII, 52—53).

Анна Каренина перед смертью не раз видела один и тот же сон. "Утром страшный кошмар, несколько раз повторявшийся ей в сновидениях еще до связи с Вронским, представился ей опять и разбудил ее. Старичок с взлохмаченной бородой что-то делал, нагнувшись над железом, приговаривая бессмысленные французские слова, и она, как и всегда при этом кошмаре (что и составляло его ужас), чувствовала, что мужичок этот не обращает на нее внимания, но делает это какое-то страшное дело в железе над нею. И она проснулась в холодном поту". (IX, 269). Поехав за Вронским, Анна из окна вагона мелко видела, как "испачканный уродливый мужик в фуражке, из-под которой торчали спутанные волосы, прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона. "Что-то знакомое в этом безобразном мужике", — подумала Анна. И, вспомнив свой сон, она, дрожа от страха, отошла к противоположной двери. Кондуктор отворял дверь, выпуская мужа с женой.

— Вам выйти угодно?

Анна не отвечала. Кондуктор и входившие не заметили под вуалью ужаса на ее лице". (IX, 280). Тяжелые предчувствия Карениной сбывались: в этот же вечер она бросилась под поезд, и когда неумолимые колеса тащили ее по земле, ей чудилось, пока работало сознание, что "мужичок, приговаривая что-то, работал над железом". (IX, 282).

Перед тем, как умереть дяде Федору (в рассказе "Три смерти"), кухарка Настасья видит вещий сон. (III, 168).

Так таинственно переплетаются между собою жизнь, сон и смерть.

Идеи и образы стихотворения "Выхожу один я на дорогу" часто встречаем у Толстого. В "Двух гусарах" описывается, какие чувства вызывала тихая весенняя ночь у молодого графа; она ему "приносила свои миротворные дары какой-то успокоительной грусти и потребности любви... "Более, *какая ночь! какая чудная ночь!* — думал граф, вдыхая в себя пахучую свежесть сада. — Чего-то жалко. *Как будто недоволен и собой, и другими, и всею жизнью недоволен*". (III, 122). Старый дуб навевает князю Андрею печальные мысли о том, что весна, любовь, счастье — "глупый и бессмысленный обман"²⁰³, что начинать ничего "не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая"²⁰⁴. (V, 124). В письме Толстого от 1903 г. находим следующие интересные строки: "*Чувство усталости и даже желания смерти мы все испытываем и я испытывал много раз* — не тогда, когда освободился от временных страстей, — желаний, а напротив, когда поработен ими и не получаешь удовлетворения. Мало того, когда просто нездоровится, болит живот, зубы, ревматизмы, — *не видишь жизни и часто думаешь, как бы заснуть совсем, заснуть навсегда*". (Письма Л.Н. Толстого. II. Собранные и редактированные П.А. Сергеенко. 1911 г., № 465). Лермонтов говорит:

В небесах торжественно и чудно! (II, 347).

Раненый Андрей Болконский глядит в небо и думает: "Как тихо! спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал". (IV, 267).

Лермонтов:

И звезда с звездой говорит. (II, 347).

Толстой: "Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, *разыгрались* в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то *радостно*"²⁰⁵, но таинственным *перешептывались между собой*". (VII, 160).

Лермонтов:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,

Темный дуб склонялся и шумел. (II, 348).

Или:

Корнистый дуб...

...расстилал...

Шатер чернеющих ветвей. (II, 130).

Толстой: "Старый *дуб*, весь преображенный, раскинувшись *шатром* сочной, *темной* зелени, млея, чуть колыхаясь" ... (V, 127).

Лермонтовский пророк, гонимый за проповеди о правде, в пустыне находил надежное и радостное убежище. Толстой, задолго до своего бегства из Ясной Поляны, мечтал о жизни уединенной, далекой от мирских зол и сует. Например, еще в 1897 г., в письме к графине С.А. Толстой, обнаруженном лишь после смерти великого писателя, он говорит: "Главное же то, что, как индусы под 60 лет уходят в леса, как всякому старому религиозному человеку хочется последние годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткам, каламбурам, сплетням, теннису, так и мне, вступая в свой семидесятый год, всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения и хоть не единичного согласия, но не кричащего разногласия своей жизни с своими верованиями, с своей совестью". (Письма Л. Н. Т., II, № 443). Мария Болконская мечтала о страннической жизни. Царь Ассархадон, бросив трон, удалился в пустыню, а потом "стал ходить в виде странника по городам и селам, собирая подаяния и проповедуя людям, что жизнь одна и что люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим". (XVI, 140).

Демон говорит:

Что люди? Что их жизнь и труд

Они прошли, они пройдут! (II, 372).

Левин смотрит на молотью; заметив в числе работающих старуху Матрену, он думает: "Не нынче — завтра, через десять лет ее закопают, и ничего не останется ни от нее, ни от этой щеголихи в красной повне, которая таким ловким, нежным движением отбивает из мякины колос... И главное — не только их, но меня закопают, и ничего не останется. К чему?" (IX, 303).

Толстой, вслед за Пушкиным и Лермонтовым, протестует против *дуэли*. Описывая дуэль Пьера с Долоховым, он клеймит ее, как зло, нелепое по существу и угрожающее человеческой жизни. (V, 19–22). Пушкин, порицавший дуэль (в "Евгении Онегине", "Капитанской дочке", "Выстреле"), погиб на дуэли; Лермонтов, осуждавший ее в драме "Menschen und Leidenschaften", в "Герое нашего времени", — дважды дрался на дуэли и был убит во втором поединке. Эта страшная, роковая двойственность сказалась и в Толстом, и в Тургеневе. Толстой трижды едва не выступил на дуэли. В "Исповеди", говоря о 55–56 гг., он замечает, что убивал людей на войне, вызывал на дуэли. Сергеевко заинтересовался, что это за дуэль, если известный эпизод с Тургеневым относится к более позднему времени. Он обратился к Толстому, и тот рассказал следующее. М. Лонгинов в письме к Некрасову высказал резкое мнение о недостаточном свободомыслии Толстого; Некрасов не скрыл этого от Толстого, и тот послал Лонгинову письмо с вызовом на дуэль. На другой день к Толстому приехал Некрасов, очень взволнованный. "Если вы

не возьмете вашего вызова Лонгинову назад, — сказал Некрасов, — то вы и со мной должны будете стреляться. Я — виновник всей этой каши и должен нести за нее ответственность".

"Но Толстой вызова своего назад не взял. Напротив, будучи в тот же день на каком-то собрании, где присутствовал и Лонгинов, несколько раз проходил мимо него а Лермонтов, — с вызывающим, мрачным видом. Лонгинов, однако, ничего не ответил. И все свелось на нет, несколько не омрачивши дружеских отношений между Толстым и Некрасовым". (П.А. Сергеевко. Л. Н. Т. и его современники. — "Л. Н. Т. Биография, характеристики, воспоминания". Сборник статей. М. 1910 г., 135–136). Ссора с Тургеневым произошла в 1861 г.; писатели находились в гостях у Фета; Толстой, со свойственной ему в ту пору горячностью и резкостью в спорах, высказал неодобрительное мнение о системе воспитания, применяемой Тургеневым к своей дочери. Это больно задело Тургенева, и он ответил тоже в очень резкой форме. (См. Фет. "Мои воспоминания". М. 1890 г., I, 370–371; Бирюков, "Л. Н. Т.", I, 418–419). Вслед за этим Толстой вызвал Тургенева на поединок (см. Фет, I, 373; П.В. Анненков, "Литературные воспоминания", СПб., 1909 г., 544; Бирюков, I, 419). Тургенев послал ему извинение (Анненков, 544), но от дуэли не отказывался (Фет, I, 373–374). Толстой сейчас же драться не пожелал, чтобы не поднять скандала, не стать предметом праздных разговоров (Анненков, 544); дуэль расстроилась сама собой. Однако ей чуть не суждено было состояться: "верные люди" сообщили Тургеневу, что Толстой распространяет слухи о его трусости; возмущенный этим, Тургенев послал Толстому вызов (Фет, I, 381; Анненков, 543). Толстой ответил, что это "чистая выдумка", просил извинения и не принял вызова (Фет, I, 381; см. еще — Анненков, 544–547). Примирение произошло в 1878 г.

В рассказе "Три смерти", описывая весенний солнечный день, автор замечает: "Радостно, молодо было *и на небе, и на земле, и в сердце человека*". (III, 168). Это напоминает слова Лермонтова: "Тихо было все *на небе и на земле, как в сердце человека* в минуту утренней молитвы". (Л. IV, 172).

Лермонтов говорит:

А годы проходят — все лучшие годы! (II, 286).

Ср. слова Наташи Ростовской: "Так, даром, ни для кого, *проходят лучшие, лучшие годы*". (V, 60). У Лермонтова сосна

снегом сыпучим

Одега, как ризой... (II, 289).

У Толстого: "Старые кудрявые березы сада, обвисшие всеми ветвями от *снега*, казалось, были разубраны²⁰⁶ в новые, торжественные ризы". (VIII, 28).

Лермонтов называет ковыль "*серебряным*" (I, 259, 304), Толстой — "*серебристым*". (X, 185–186).

Измаила-Бея

Подобно туче,

Встречает крайняя гора. (II, 30).

Печорин, употребляя стих Пушкина, говорит, что "пятиглавый Бэшту синее, как "последняя *туча* рассеянной бури". (IV, 204). Бутлеру весело смотреть "на матовую цепь снеговых гор, как всегда, старавшихся *притвориться облаками*". (XII, 60). Оленин, глядя впервые на горы, до половины застланные облаками, "подумал, что *горы и облака имеют совершенно одинаковый вид*". (II, 36). Ср. еще у Лермонтова: "Золотые облака громоздились на горах, *как новый ряд воздушных гор*". (IV, 188).

Лермонтов сравнивает кавказские горы с гигантскими *шапками*; например, Казбек — "*шапку* на брови надвинул" (II, 340); Машук — "мохнатая персидская *шапка*". (IV, 204). Толстой: "Одна снеговая гора выше других *шапкой* стоит". (XIV, 96).

У Лермонтова: горные хребты
*Неверны, странны, как мечты,
То разойдутся, то сольются...* (II, 29, 30).
Причудливые, как мечты. (II, 313).

У него —
Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял. (II, 352).

Мцыри видел
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незбылемый Кавказ. (II, 313).

У Толстого: "Вечно прелестные, вечно изменяющиеся, играющие светом, как алмазы, снеговые горы". (XII, 57).

Лермонтов и Толстой говорят о "книге жизни".
Лермонтов:

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист. (III, 227).

"Я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге". (IV, 273).

Ср. еще:

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь, с надеждами, мечтами,
Не что иное, как тетрадь
С давно известными стихами! (I, 138).

Толстой об Анне Карениной: "И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, — вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла". (IX, 282).

Ср. Плещеев:

И в книге прошлого с стыдом читаю я
Погибшей без следа, бесплодной жизни повесть.
("О, если б знали вы, друзья моей весны")²⁰⁷.

Два особенно интересных мотива — о суде и Ангеле Смерти — требуют более подробного рассмотрения.

Глава XXV.

Суд

Суд человеческий, по мнению Лермонтова и Толстого, далеко не всегда справедлив, он застыл в мертвых формах и не может разобраться в сложных движениях живых, мятежных душ.

Лермонтов говорил, что в его душе было "врожденное чувство" — "защищать всякого невинно-осужденного". (Л., V, стр. LXVIII).

Вот судят Арсения:

Грозный суд, последний суд
Произнесет отец святой
Над бедной, грешной головой! (II, 117).

В чем вина Арсения? Он, —
найденых без креста,

Презренный раб и сирота (II, 122), —
осмелился полюбить дочь боярина и тайком бывать в ее светлице. Игумен находит, что такого греха

Простить не может суд земной. (II, 120).

Подсудимый протестует и в свою защиту произносит пылкие речи:

Если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты, верно, не прочел бы в ней,
Что я бессовестный злодей!
Пусть монастырский ваш закон
Рукою Бога утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:
Он оправдал меня — один
Он сердца полный властелин!..
...И под одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человек, как и другой. (II, 121).

Игумен с фарисейским лицемерием говорит:

В небе есть Судья иной;
Он милосерд, — Ему теперь
При нас дела свои поверь! (II, 120).

Арсений отвечает:

Напрасный труд!
Не говори, что Божий суд
Определяет мне конец:
Все люди, люди, мой отец! (II, 125).

Но каменное сердце судей не могут тронуть горячие, искренние речи Арсения,

И слово "пытка" там и там
Вмиг пробежало по устам. (II, 126).

Поэт намеренно избирает судьями героя — лиц духовных: этим он еще резче подчеркивает жестокость, неумолимость человеческого суда, уставы которого расходятся с принципами возвышенной, гуманной христианской религии и неприменимы к многообразным явлениям жизни. Значительная часть поэмы "Боярин Орша" является переработкой более ранней поэмы "Исповедь"; в этой последней встречаем еще некоторые ценные мысли, не внесенные в позднейшую редакцию. Например:

Главу склонив, в темнице той
Сидел отшельник молодой,
Испанец родом и душой.
Таков был рок! Зачем, за что?
Не знал — и знать не мог никто.
Но в преступлень обвинен,
Он оправданья не искал;
Он знал людей и знал закон, —
И ничего от них не ждал. (I, 219).

Заклученный говорит старику:

И мог ли я во цвете лет,
Как вы, душой оставить свет
И жить, не ведая страстей,
Под солнцем родины моей?
Ты позабыл, что седина
Меж этих кудрей не видна,
Что пламень в сердце молодом
Не остудишь мольбой, постом. (I, 222).

Разлука с любимой девушкой, темничная жизнь — невыносимы юному узнику, и он просит:

Поди, беги, зови скорей
Окровавленных палачей...
Судить и медлить вам на что?
Она не тут, — и все ничто!
Прощай, старик; вот казни час!...
За них молись. В последний раз
Клянусь тебе перед Творцом,
Что не виновен я ни в чем. (I, 223, 224).

Но какое дело суровым монахам до страданий или заблуждений молодой души? Они без колебаний произнесут смертный приговор...

Жертвой жестокого человеческого суда гибнет и купец Калашников. Перед кулачным боем народу было объявлено:

**Кто побьет кого, того царь наградит,
А кто будет побит, тому Бог простит!** (II, 225).

Калашников вышел биться не ради потехи, не ради лести, а для восстановления чести семьи, вышел отстаивать "святую правду-матушку" (II, 223). Правда восторжествовала; однако... коварному царю ничего не стоило не исполнить данного слова, и пошел Калашников на лобное место.

Но поэт верит, что правый суд есть, — если не на земле, то на небе:

**Есть, есть Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет,
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.** (II, 204).

Пусть тот суд будет грозен; зато он справедлив, нелицеприятен; это

правый суд:

Простить он может, хоть осудит! (II, 372).

Творец всеблаг; прокляв Демона, Он не лишает его возможности вернуться в Эдем; Демон знает это; он говорит Тамаре:

**Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом;
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел, в блеске новом.** (II, 368, 369).

Тамара согрешила; Демон является за ее душой, но светлый ангел говорит:

**Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал,
И благо Божие решенье!
...Ценой жестокой испутила
Она сомнения свои...**

**Она страдала, и любила, —
И рай открылся для любви!** (II, 380, 381).

Идея о правом Божием суде не раз мелькает в "Маскараде". Арбенин сознает преступность своей прошлой и настоящей жизни и правоту Божьего суда. Например:

**Бог справедлив! и я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.** (III, 225).

Он говорит умирающей Нине:

**И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только Божий суд.** (III, 273).

Но он сатанински горд и мстителен и в монологе произносит кощунственные слова:

**Ты, Бог незримый,
Но Бог всевидящий! возьми ее, возьми!
Как свой залог Тебе ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я не Бог, — и не прощаю...** (III, 265).

К защите небесного суда прибегает бедная Нина:

**Творец Небесный, пощади!
Не слышит он, но Ты все слышишь, Ты все знаешь,
И Ты меня, Всесильный, оправдаешь!..** (III, 272).

Она говорит мужу о Боге:

**Ему я предаю страдальческую душу:
Он — твой судья — защитник будет мой.** (III, 273).
Помни: есть небесный суд... (III, 274).

Ее последние слова:

**Я все ж
Невинна перед Богом...** (III, 274).

Сам поэт, обращаясь к любимой женщине, говорит:

**Пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.** (II, 331).

Аналогичные идеи положены Толстым в основу его произведений — "Бог правду видит, да не скоро скажет"²⁰⁸, "Воскресение", "Живой труп"²⁰⁹; Толстой тоже указывает на то, что сложная жизнь человека — одно, а суд — совершенно другое. Федя Протасов говорит судебному следователю:

"Ах, господин следователь, как вам не стыдно?! Ну, что вы лезете в чужую жизнь? Рады, что имеете власть, и, чтобы показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячу раз лучше вас.

Суд. след. Прошу вас...

Федя. Нечего просить. Я скажу все, что думаю. (Письмоводителю.) А вы пишете. *По крайней мере, в первый раз будут в протоколе разумные человеческие речи.* (Возвышает голос.) Живут три человека: я, он, она. Между ними *сложные отношения* — борьба добра со злом, *такая духовная борьба, о которой вы понятия не имеете.* Борьба эта кончается известным положением, которое все развязывает. Все успокоены. Они счастливы, — любят память обо мне. Я в своем падении счастлив тем, что я сделал, что должно, что я, негодный, ушел из жизни, чтобы не мешать тем, кто полон жизни и хорош. И мы все живем. Вдруг является *негодяй, шантажист*, который требует от меня участия в шантаже. *Я прогоняю его. Он идет к вам, к борцу за правосудие, к охранителю нравственности.* И вы, получая 20-го числа по двутривенному за пакость, *надеваете мундир и с легким духом куражитесь над ними, над людьми, которых вы мизинца не стоите*, которые вас к себе в переднюю не пустят. Но вы добрались и рады"... (XX, 172).

Толстой указывает на то, что суд человеческий пристрастен, неумолимо суров, что приговоры нередко основываются на случайности или лжи, что судьбы — люди со слабостями, часто стоящие не на высоте положения, что жертвой их формализма и духовной близорукости являются люди, достойные если не оправдания, то сожаления.

Пьер Безухов, которого судил французский военный суд, "испытал то же, что *во всех судах* испытывает подсудимый: недоумение, для чего делали ему все эти вопросы. Ему чувствовалось, что только из снисходительности или как бы из учтивости употреблялась эта уловка подставляемого желобка. Он знал, что находился во власти этих людей, что только власть привела его сюда, что только власть давала им право требовать ответы на вопросы, что *единственная цель этого собрания состояла в том, чтобы обвинить его*". (VII, 29). "Иван Ильич никогда не злоупотреблял этою своею властью, напротив, старался смягчать выражения ее; но сознание этой власти и возможность смягчать ее составляли для него главный интерес и привлекательность его новой службы". (X, 11—12). Платон Каратаев говорит: "*Где суд, там и неправда... Не нашим умом, а Божьим судом*". (VII, 38). Он без конца рассказывает одну и ту же трогательную историю о невинно осужденном купце. (VII, 126—128).

На герое поэмы "Исповедь" и на Калашникове — *нет вины*, а их, полных молодых и благородных сил, *казнят*. Федя Протасов, чтобы спасти Лизу от позора и несчастья, стреляется; умирая, он говорит ей: "Прости меня, что не мог... *иначе распутать тебя*"... (XX, 176). См. еще — "Детская мудрость": "О суде гражданском", "О суде уголовном".

Толстой на деле испытал, что такое суд. Однажды (в 1866 г.) он выступил в качестве защитника; подсудимым был рядовой Шибунин, ударивший по лицу ротного командира; его не удалось спасти; солдата расстреляли, и Толстой всю жизнь не мог забыть этого эпизода. Много лет спустя, он говорил: "Да, ужасно возмутительно мне было перечить теперь²¹⁰ эту напечатанную у вас²¹¹ мою жалкую, отвратительную защитительную речь. Говоря о самом явном преступлении всех законов божеских и человеческих, которое одни люди готовились совершить над своим братом, я ничего не нашел лучшего, как сослаться на *такие-то, кем-то* написанные, *глупые слова, называемые законами*". (Бирюков, II, 98—99). В 1872 г. произошло другое событие, — менее значительное, но вызвавшее целую бурю в душе Толстого. "Бык забодал на смерть одного из его работников. Было возбуждено судебное следствие, и Л. Н-ч был привлечен к ответственности. Дело это, в котором Л. Н-ч юридически был только весьма отдаленной причиной, доставило Л. Н-чу много душевных страданий". (Бирюков, 236). Молодой судебный следователь взял с него подписку о невыезде; в то же время Толстой, назначенный присяжным, был оштрафован за неявку. "Страшно подумать, — писал он графине А.А. Толстой, — страшно вспомнить о всех мерзостях, которые мне делали, делают и будут делать. С седой бородой, с шестью детьми и с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным, с презрением, которого я не могу не иметь к новым судам, сколько я их видел, с одним желанием, чтобы меня оставили в покое, как я всех оставляю в покое. Невыносимо жить в России²¹² — со страхом, что каждый мальчик, которому лицо мое не понравилось, может заставить меня сидеть на лавке перед судом, а потом в остроге"... (Письма Л. Н. Т., М., 1910 г. 98—99). "Вся эта неприятная история кончилась тем, что Л. Н-ч был освобожден по этому делу от суда и следствия, а всю ответственность взвалили на его управляющего, которого эти "мальчики" и привлекли к делу в качестве обвиняемого... Относительно же Л. Н-ча было признано, что следователь привлек его к делу "по ошибке", что подписка о невыезде была взята тоже "ошибочно", равно как и самый штраф был наложен "по ошибке" же... Впоследствии оказалось, что управляющий именем был привлечен к делу зря, и оно было в конце концов прекращено, — под большой шум, поднятый газетами того времени". (Бирюков, II, 237).

Как Лермонтов, Толстой признает справедливым только суд Божий. Невинно осужденный Аксенов, огорченный и несправедливостью суда, и подозрением жены, сказал себе: "Видно, кроме Бога, никто не может знать правды, и только Его надо просить и от Него только ждать милости". И с тех пор Аксенов перестал подавать прошения, перестал надеяться и только молился Богу". (XIV, 77). В драме "Власть тьмы" урядник обращается к Акиму: "Ты, старик, смотри, не мешайся. *Я должен составить акт*". Но Аким возражает: "Экий ты, тае. Погоди, говорю. *Об ахте, тае, не толкуй, значит. Тут, тае, Божье дело идет... кается человек, значит, а ты, тае, ахту*"... (X, 264). К "Анне Карениной" эпиграфом взято изречение: "Мне отмщение, и Аз воздам".

Ср. еще — "Чем люди живы"; "О суде уголовном" ("Детская мудрость").

Лермонтов дважды был под судом — за стихотворение на смерть Пушкина и за дуэль с Барантом; оба раза он подвергся ссылке. Но времена меняются; "непозволительные стихи", навлекшие на поэта грозу, теперь заучиваются наизусть и изучаются в средней школе.

Необходимо заметить, "что Лермонтов и Толстой порицали суд человеческий еще до того, как им пришлось иметь с ним дело; следовательно, их протест созрел не на почве личной обиды, а в глубинах их свободолюбивого, благородного духа.

О несовершенстве человеческого суда говорит еще "Екклесиаст": "Еще видел я под солнцем: *место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда*". (III, 16)²¹³.

Глава XXVI. Ангел Смерти

Эту главу мы посвящаем разбору поэмы Лермонтова "Ангел Смерти" и легенды Толстого "Чем люди живы". Напомним содержание этих произведений.

"Ангел Смерти":

Действие происходит в Индостане. Юный изгнанник Зораим и красавица Ада любят друг друга и живут вдаль от людей. Однажды Ада заболела; она на краю могилы; Зораим в отчаянии. Ангел Смерти лишил Аду жизни, но, тронутый горем Зораима, оживляет труп своею душою; отныне он сохраняет только туманное воспоминание о былом. Зораим вновь счастлив, но ненадолго. Он мечтает о славе, идет на войну и получает в бою смертельную рану. Ада находит его, и Зораим умирает на ее руках; тотчас умирает и Ада; душа ее вновь становится Ангелом Смерти. Познав земные муки, Ангел Смерти презирает и ненавидит землю; прежде он облегал предсмертные страдания людей, теперь он мрачен и холоден; он внушает людям страх, его поцелуй — проклятье.

"Чем люди живы":

Ангел Смерти, Михаил, слетел на землю, чтобы взять душу женщины, недавно лишившейся мужа, имевшей двух детей-малюток. Вдова просит ангела сжалиться и дать ей возможность выкормить детей. Михаил вернулся "на небо, не выполнив воли Бога. За послушание и за сомнение в справедливости высшего суда Творец изгоняет Михаила из рая. Приняв человеческий облик, ангел шесть лет живет на земле. Он безропотно несет наказание Божие, сознав тяжесть своего греха; он убеждается в справедливости и благодати Творца, получает прощение и возвращается на небо.

Сопоставление этих произведений представляет большой интерес: они являются доказательством универсальности и духовного сродства обоих гениев.

Сохранился набросок поэмы Лермонтова — в черновых прозаических заметках: "Написать поэму — Ангел Смерти. Ангел Смерти, при смерти девы, влетает в ее тело из сожаления к любезному, и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кровожадный, начальник Греков. Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде; ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуй мучительны умирающим". (Л., I, 411).

Первоисточниками сюжета, послужившего канвой для рассказа "Чем люди живы", являются, по исследованиям Варшера, Ветхий Завет и Талмуд; варианты встречаются в Коране, в греческом Патерике, "Римских Деяниях", "1001 ночи", в наших Патериках, Прологах и Четых Минеях (под 21 ноября — "о судьбах Господних неисповедимых"). К нам она проникла не ране XII в. "Несколько забытая здесь в XIII и XIV вв. — когда

благодаря татарам литературная деятельность вообще ослабела на Руси — наша легенда вновь возникает в XV веке, может быть под влиянием ереси жидовствующих. С этого времени она неизменно входит в пролог под 21 ноября, приобретает широкую популярность, входит в апокрифы, сближается с народной поэзией в форме легенды и в таком виде художественно перерабатывается пером графа Льва Толстого". (С. Варшер. "История одного литературного сюжета". — "Под знаменем науки". Юбилейный сборник в честь Н.И. Стороженко. М. 1902 г., 101, 109–111). Толстой, как полагает Варшер, заимствовал мотив своего рассказа из легенды "Ангел", вошедшей в сборник Афанасьева (Варшер, 102). Это предположение ошибочно. По словам Бирюкова, Толстой записал легенду со слов "известного рассказчика былин, архангельского крестьянина Щеголенкова, привезенного Львом Николаевичем из Москвы от профессора Тихонравова". (См. Бирюков, II, 261, 262).

Вполне допустимо, что эту легенду слышал и Лермонтов; быть может, от своей набожной бабушки; быть может, от гувернера Леви — "ученого еврея". Распространенность этой легенды объясняется тем, что она затрагивает вопрос, издавна и до сих пор занимающей ум человека: как примирить представление о Высшем Существо, бессмертном, всезнающем и справедливом, — со злом и страданием, царящими на земле? "Екклесиаст" гласит: "Бывает, что праведник гибнет при праведности своей, и бывает, что порочный живет долго в пороках своих". (VII, 15). А через тысячи лет Гейне с той же скорбью повторяет библейские слова:

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?
Кто виной? Иль силе правды
На земле не все доступно?
(«Брось свои иносказания». Перев. Михайлова).

В "Екклесиасте" же читаем: "И когда я рассматривал все дела Божии, то нашел, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем; сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если даже мудрец утверждает, что он знает, то все-таки он не может постигнуть этого" (VIII, 17). Гейне в цитированном нами стихотворении повторяет:

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забьют нам рта землею...²¹⁴

Рассказ Толстого затрагивает вопросы о неисповедимости путей Божиих, о наказании за сомнения в непогрешимости Промысла; мотивы эти не затронуты Лермонтовым в "Ангеле Смерти", но, вообще, привлекали его внимание. В повести "Вадим" автор замечает об Ольге: "Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве". (IV, 4). В одной этой фразе заключается сюжет и идея рассказа "Чем люди живы". В справедливости Бога усомнились гордые пальмы, и их за то постигла суровая кара. Разве и это не "толстовская" идея? Азраил и Демон вышли из повиновения Богу и изгнаны Им из Эдема; но путь к небесам не отрезан падшим духам, и они мечтают о возрождении. Разрешение вопроса у Лермонтова и Толстого расходится: Демон слишком мятежен и горд, чтобы смириться навсегда; он не только не спас себя, но едва не погубил Тамару; поэма "Азраил" незакончена, но мы не сомневаемся, что она закончилась бы крушением благих мечтаний Азраила; Михаил, *Ангел Смерти*, искупает грех и возвращается в рай.

Сходство поэмы Лермонтова и легенды Толстого сводится к следующим пунктам:

- 1) героем является Ангел Смерти;
- 2) Ангел Смерти проникается жалостью к человеку;
- 3) он решается помочь человеку;
- 4) он дарует жизнь человеку, обреченному на неминуемую смерть;
- 5) он принимает человеческий образ;
- 6) он некоторое время живет на земле;
- 7) он возвращается на небо, приняв первоначальный образ.

Рассмотрим эти пункты в их последовательности.

1. Легенды об Ангеле Смерти сложились в седой старине. 2-я Книга Царей повествует: "И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали по утру, и вот, они все тела мертвые". (XIX, 35)²¹⁵. Новый Завет²¹⁶: "Умер нищий, и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово". (Лука, XVI, 22). Образ ангела, несущего душу на небо, встречаем в "Демоне" Лермонтова. У христиан Ангелами Смерти являются архангелы Михаил и Гавриил; у мусульман Ангел Смерти носит имя Азраил. Лермонтовский Азраил — не мусульманский ангел²¹⁷; о мусульманском Ангеле Смерти поэт упоминает в "Беглеце":

И ангелы их души взяли. (II, 267)²¹⁸.

Висковатый говорит: "Азраил поцелует дает смерть. Не таков ли и Демон Лермонтова? Едва он касается устами Тамары, она умирает". (Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова. III, 130). Действительно, Демон, как Ангел Смерти, отнимает у людей жизнь; он рассказывает Тамаре:

**И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком,
И, в бездну падая с конем,
Напрасно звал, — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Не долго нравились мне** (II, 371).

Он же является виновником гибели князя Синодала. В первоначальных очерках черты, сближающие Демона с Азраилом, были выставлены еще резче:

**В нем пусто, пусто как в пустыне.
Смертельный след напечатлен
На том, к чему он прикоснется,
И говорят, что даже он
Своим злодействам не смеется,
Что груди гибнущих людей
Не веселят его очей.** (II, 385).
**Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался,
Но часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.** (II, 385, 386)²¹⁹.

Упоминание об Ангеле Смерти встречаем у Толстого еще в рассказе "Севастополь в мае 1855 года": "... тысячи бомб, ядер и пуль не переставали летать с бастионов в траншеи и из траншей на бастионы, и *ангел смерти не переставал парить над ними*". (II, 154). Однажды Толстому задают вопрос: "Только зачем вы, Лев Николаевич, вывели ангела в "Чем люди живы?" Без него еще лучше было бы... А то ведь это — мистицизм". — "Если бы я мог без по-

мощи ангела выразить свою идею, я бы сделал это, — возражает благодушно Л. Н., — но я не знаю, как это сделать, не умею. Напишите мне то же самое без ангела, и я приду к вам учиться". (Тимковский. "О Л.Н. Толстом". — "Л. Н. Т. Биография, характеристики, воспоминания". Сборн. статей. М. 1910 г., 91).

У европейских поэтов нередко встречаем образ Ангела Смерти, уносящего человеческую душу (или тело) на небо. Например, в знаменитой, пленительной сказке Андерсена — "Ангел"; в поэме Словацкого "Ангелли": "И с трупом в крыльях, поднялся ангел и пошел в лунном блеске". (13 гл. Перев. Высоцкого). В стихотворении Reboul'я — "L'ange et l'enfant":

Et, secouant ses blanches ailes,
L'ange aussitôt prend son essor
Vers les demeures éternelles...
Pauvre mère!.. ton fils est mort²²⁰.

2. Ангел, *жалующий* человека, — символ самого трогательно-го и глубокого сострадания.

Евангелие повествует, что когда Христос молился в Гефсиманском саду, — "явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его" (Лука, XXII, 43). Этот момент описывается в поэмах Никитина — "Моление о чаше" и Минского — "Гефсиманская ночь". Ср. Лермонтов:

*Так, зря Спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.* (I, 113).

В первых очерках "Демона" поэт изображает ангела-хранителя, скорбящего над могилой монахини:

Над тем крестом, над той скалою,
Однажды, утренней порою,
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри, мягкие как лен,
С главы венчанной упали,
И крылья, легкие как сон,
За белыми плечьями сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И волны с пеной серебристой,
С каким-то трепетом живым,
К скалам теснились вековым.
Все было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы младой
Творцу молился он, и мнилось —
Природа вместе с ним молилась...
(II, 397, 398; см. еще — 411).

Ср. Толстой (в "Детстве"): "Может быть, отлетая, к миру лучшему, ее прекрасная душа с грустью оглянулась на тот, в котором она оставляла нас; она увидела мою печаль, сжалилась над нею и на крыльях любви с небесною улыбкой сожаления спустилась на землю, чтоб утешить и благословить меня". (I, 72).

Демон клялся "мечами ангелов бесстрастных" (II, 373); поэт, очевидно, подразумевал здесь тех ангелов, которые составляют "небесное воинство", и о которых говорил Библия:

"И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни". (Бытие, III, 24).

"Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?" (Матфей, XXVI, 53).

Эти ангелы, охраняющие рай и сражающиеся с духами ада, должны быть, как и называет их Демон, "бесстрастными" и "недремлющими" (II, 373); но не бесстрастен ангел, несший на землю молодую душу и певший дивную песню; не бесстрастен ангел, плакавший над могилой монахини: это "дитя Эдема, ангел *мирный*" (II, 397); не бесстрастен "ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве" (IV, 4), ангел, плакавший при виде мучений Спасителя (I, 113), ангел, слезами смывавший с Тамары "след проступка и страданья" (II, 379). Не удивительно, что легенда о небожителе, пожалевшем человека, привлекла внимание наших художников слова. Русскому народу, вообще, свойственно окружать страдание и сострадание ореолом неземной красоты. Небу равно дороги и монахиня Тамара, и Лиза Калитина, и Лукерья — "живые мощи", и Сося Мармеладова, и юродивый Гриша. Приобщив древнюю еврейскую легенду к русской обыденной жизни, Толстой проявил свою глубокую национальность. Действие лермонтовской поэмы происходит в Индостане, но идеи — "русские". Встретив "недвижный, мутный" взор Зораима, скорбящего у ложа умершей подружки, Ангел Смерти читает в нем укор; но это не вызывает в небожителе гнева; нет,

**Ангел Смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.
Скажу ли? даже в преступленья
Он обвинял себя порой,
Он отнял все у Зораима...** (I, 318).

И ангел, движимый живой любовью и состраданием к смертному, желает вернуть ему его счастье; он воскрешает Аду, не страшась гнева Бога:

**Ужель Создатель запрещает
Несчастных утешать людей?** (I, 318).

У Толстого ангел несет кару заслушание; у Лермонтова Ангел Смерти не терпит наказания; поэт находит, что в поступке Ангела Смерти вины нет; поэт говорит, что мысль ангела по мочью человеку — "*достойна небес*" (I, 318). Тем же высоким гуманизмом проникнута поэма "Демон"; в ней особенно знаменательны слова ангела:

**Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила, —
И рай открылся для любви!** (II, 380, 381).

Аналогичные идеи встречаем у других наших поэтов.

Вот известное стихотворение гр. А. Толстого — слияние земной скорби и небесной красоты:

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные доли она опускала ресницы;
Слезы в пространство от них упавая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.
Встречные тихо ее вопрошали светила:
Что ты грустна? и о чем эти слезы во взоре?
Им отвечала она: *Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.*
Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить кого бы.
(А. Толстой, I, 252)²²¹.

Гоголь говорит, что праздник Светлого Воскресения нужен "затем, чтобы хотя некоторым, еще слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось вдруг так грустно, *так грустно,*

как грустно ангелу на небе"... ("Светлое Воскресение", из "Выбранных мест из переписки с друзьями". — Соч. Н.В. Гоголя под ред. Тихонравова, изд. Маркса. 1900 г., VII, 215).

Апухтин:

С невольным трепетом я, помню, раз стоял
Перед картиной безмянной
Один из ангелов случайно пролетал
У берегов земли туманной.
И что ж? На кроткий лик немая скорбь легла,
В его очах недоуменье:
Не думал он найти так много слез и зла
Среди цветущего творенья!
("Картина". Соч., 36).

Ср. еще стихотворения Полонского — "Ангел" и Надсона — "Женщина", "Мать".

В неоконченной поэме Фофанова "Ангел" херувим добровольно покидает Эдем и спускается на землю, чтобы уврачевать людские страдания, просветить людские умы. (Фофанов. "Стихотворения". СПб. 1887 г., 155—158)²²².

Бальмонт:

Много лет тому назад
Звезды таяли в тумане.
Ночью брата встретил брат,
На лесной глухой поляне.
Ночью брата встретит брат.
Смутно дрогнул мрак глубокий.
В эту ночь у райских врат
Плакал ангел одинокий.
И тысячи ангелов, тысячи Гениев Света,
В пределах небесных скорбелей над сонной Землей,
Искали у Бога тревожным вопросам ответа,
И лучшие звезды, бледнея, подернулись мглой.
("Забывтая колокольня").

Порою поэты говорят и о том, что на земле столько страданий и зол, что непонятно, как могут души праведных жить на небе бестревожно и беспечально?

Фруг:

Души блаженных, Эдема бессмертные жители!
Вечным обвеяны миром и радостью вечною —
Слышите ль вы в тишине безмятежной обители
Стоны страдальцев, томимых тоской бесконечною?
Слышите ль вы, под дыханием чар упоительных,
Вам, превращающих тысячелетия в мгновения, —
Тысячелетние стоны скорбей искупительных
Грешной души, обреченной за миг наслаждения?...
О, если звук хоть единый из бездны возмездия
В светлую райскую сень донесется украдкою,
Вмиг не померкнут ли яркие ваши созвездия,
Не оборвутся ли гимны над чашею сладкою?
Если и в мире при встрече со скорбью случайною
Меркнет веселье, подавлено болью сердечною,
Где ж оно, в чем — золотой осиянное тайною,
Рая блаженство — безбрежное, полное, вечное?..

А. Толстой:

В стране лучей, незримой нашим взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным хором
Своих молить немолчные дары.
Блаженством там сияющие лики;
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты. (А. Толстой, I, 320).

Падший ангел даже предпочитает свои муки прежней блаженной, беспечной радости. Лермонтовский Демон говорит монахине:

**Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая...** (II, 407).

Бальмонтковский Дьявол дерзко заявляет:

Я ненавижу всех святых,
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.
...Мне ненавистен был бы Рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою. ("Голос Дьявола").

3 и 4. У Лермонтова и Толстого Ангел Смерти не только жалеет человека, но даже решается оказать ему помощь и дарует жизнь. У Голенищева-Кутузова Смерть проникается живым участием к человеку и дает ему еще пожить. ("Свидание со смертью". Г.-К., I, 206). В нашей былевой поэзии есть следующий характерный эпизод: казаки зарывают своего атамана, подзревая его в воровстве. Он был невинен.

За его правду великую
Послал Господь с небес двух ангелов,
И вложили душеньку в белы груди.
("Песни Рыбникова". М. 1909 г., I, 292)²²³.

5 и 6. Ангел Смерти принимает образ человека и живет на земле. Библия повествует об ангелах, ходивших по земле, подобно простым смертным. Таковы ангелы, являвшиеся Лоту, таков ангел в истории Товии и Товита. Фофанов так описывает чудесное превращение ангела:

И он в раздумьях прослезился
И, тихо крылья опустил,
Как май задумчивый красив,
На землю медленно спустился.
И только трепетной ногой
Коснулся каменной панели —
Он стал не дух — он стал живой
Прекрасный отрок в юном теле.
В его застенчивых очах
Зажглась любовь и тайный страх
За эту жизнь, где так мятежно
Царит всевластный гений зла, —
И белокурый локон нежно
Рукой медлительно-небрежной
Отвел он с грустного чела.
И в тот же миг легко и быстро,
Как бриллиантовая искра,
Блеснул в эфире метеор,
И, полный трепетным укором,
Перемигнулся с метеором
Земных лампад прощальный взор²²⁴.

(Фофанов "Стихотворения". СПб. 1887 г., 157—158).

7. В легенде Толстого ангел, искупивший свой грех, подымается к небу в ярком сиянии; эта картина величественна и высоко поэтична: "И запел ангел хвалу Богу, и от голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолок, и встал огненный столб от земли до неба. И попадали Семен с женой и с детьми на землю. И распустились у ангела за спиной крылья, и поднялся он на небо". (XVI, 20). Так улетает с земли и лермонтовский Ангел Смерти:

**Чья тень, прозрачной мглой одета,
Как заблудившийся луч света,**

С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над тихим, радостным челом,
И долго виден свет огнистый
За нею в сумраке ночном...
То Ангел Смерти, смертью тленной
От уз земных освобожденный!.. (I, 326, 327).

Несмотря на значительное сходство, разбираемые нами произведения Лермонтова и Толстого сильно разнятся между собой в развитии сюжета, во многих подробностях. Влияния Лермонтова на Толстого здесь нет, но сходство поэмы "Ангел Смерти" с легендой "Чем люди живы", сходство и внутреннее, и внешнее, не случайно. Оно обусловлено, во-первых, тем, что обоим гениям была известна легенда о милосердии Ангела Смерти; источник Толстого мы знаем; откуда именно почерпнул Лермонтов свой сюжет — неизвестно, но, несомненно, он или что-нибудь прочел об Ангеле Смерти, или слышал легенду в чьей-либо устной передаче; романтическая же подкладка принадлежит, вероятно, самому поэту. Во-вторых, совпадет в некоторых подробностях: проистекает из глубокого сродства поэтических гениев Лермонтова и Толстого.

В лермонтовской литературе до сих пор говорилось только об автобиографическом значении поэмы "Ангел Смерти". Висковатый предполагает, что Зораим — сам Лермонтов; Ада — Варенька Лопухина; посвящена поэма А.М. Верещагиной, верно другу поэта (см. Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова; II, 29, 45; VI, 151—155). Но поэма ценна и тем, что в основу ее положены мотивы общечеловеческие. Мы показали, что вопросы, затронутые Лермонтовым в этом произведении, донныне варьируются нашими поэтами и писателями. Укажем еще на тесную связь поэмы с народными грузинскими и армянскими легендами об Ангеле Смерти.

Грузинская сказка носит заглавие "Значение хлеба-соли и бессердечие архангелов Михаила и Гавриила". (См. — "Сборн. материалов для описания местностей и племен Кавказа". XXXV. Отд. II, стр. 106—111). Содержание ее следующее. Некому юноше случилось угостить в дороге хлебом-солью архангелов Михаила и Гавриила, которые в виде двух странников шли за душой одного человека; в благодарность за хлеб-соль ангелы открыли юноше, кто они, и предсказали ему будущее; оказалось, юноша должен был умереть в первую брачную ночь. Желая пожить дольше, он уклонялся от женитьбы, но, наконец, уступая настояниям родителей, решил жениться. Во время брачного пира архангелы пришли за его душой. Обреченный попросил дать ему возможность проститься с родными. Архангелы позволили. Тот открыл родителям и гостям страшную истину. Отец посоветовал сыну напомнить архангелам о хлебе-соли и умолять об отсрочке на несколько лет. Архангелы, вспомнив радушие купеческого сына, дали, вопреки воле Бога, отсрочку на несколько лет и исчезли. Бог разгневался на Михаила и Гавриила и сделал их бессердечными, а купеческий сын счастливо прожил много лет.

Общие мотивы: легенда говорит об ангелах смерти; ангелы принимают человеческий образ; чувствуют жалость к человеку; даруют ему жизнь; становятся впоследствии из добрых — бессердечными. Архангелы Михаил и Гавриил, до своего проступка, выказывают высокую благость: за добро, оказанное им человеком, они сами, подвергая себя высшей каре, платят ему добром. Светлыми чертами охарактеризован и лермонтовский ангел, каким он был до встречи с Адой и Зораимом; людям встречи с ним

Казались — сладостный удел:
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И усмирять земные страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть
...Его приход благословенный.
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ;
И сам был счастлив. (I, 314).

Но потом он переродился:

В грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас.
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы и невольно
Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
...Его неизбежной встречи
Бойтся каждый с этих пор:
Тревожат нас, как злой укор,
Его приветственные речи,
И мрачен неподвижный взор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его — проклятье!... (I, 314, 328).

То же самое находим в грузинской легенде: Михаил и Гавриил, ангелы смерти, стали бессердечными: "И, как только для кого настанет минута предопределенной смерти, они *невозмутимо* и *безотлагательно* берут от человека душу его и представляют ее Богу".

В армянском народном предании "Смерть" архангел Гавриил падит женщину, мать трех маленьких детей, душу которой должен был взять. За это Бог вынул у него сердце и сказал: "*Отныне пусть в тебе не будет больше жалости!*" (См. — "Сборн. матер. для опис. местностей и племен Кавказа". XXVIII. Отд. II, 18, 19). И здесь сходство с лермонтовской поэмой налицо.

В нашу задачу не входит рассмотрение мотивов толстовской легенды, не затронутых Лермонтовым. Заметим только, что художественные достоинства этой легенды очень высоки: изумительно гармоничное сплетение реального и фантастического; история ангела развивается на фоне серой крестьянской жизни, и тем более сильное впечатление производят последние страницы, в которых элемент чудесного выдвинут на первый план. Легенда написана сжато, и каждое слово приобретает особую ценность; например, как кратки и поэтичны, и содержательны следующие немногие строки: "Поднялся я над селом, хотел отнести душу Богу, подхватил меня ветер, повисли у меня крылья, отвалились, и пошла душа одна к Богу, а я упал у дороги на землю". (XVI, 18). Названные нами кавказские легенды близки и к толстовской, особенно армянская.

Поэма "Ангел Смерти" принадлежит к числу лучших юношеских произведений Лермонтова и по гуманным мотивам (жалость небожителя к человеку, протест против войны), входящим в круг общечеловеческих ценностей, заслуживает большего внимания, чем то, которое ей до сих пор оказывалось.

Глава XXVII.

Несколько слов о субъективности творчества Лермонтова и Толстого и о художественных их приемах

Поэзия Лермонтова, как известно, носит глубоко субъективный характер. По его произведениям мы, шаг за шагом, можем проследить ход его духовного развития; перед нами открывается необъятный мир грез поэта, его сомнений, страданий, тревог и надежд; нас поражает и искренность поэта, и глубина и изощренность самоанализа, и мощь и размах этих молодых, буйных сил.

Не менее субъективно и все творчество Толстого.

Произведения Лермонтова носят иногда характер *исповеди*; таковы, например, "Исповедь", "Джулио", "Мцыри", монологи Азраила, Арсения (в "Боярине Орше") и Демона, "Журнал Печорина" ("Тамань", "Княжна Мери", "Фаталист"). Поэт любит вести рассказ от первого лица; в "Герое нашего времени" рассказчиками являются то сам автор, то Максим Максимыч, то Печорин. Ср. еще — "Бородино", "Сказка для детей", "Завещание", "Валерик" и др. Толстой тоже часто передает рассказ от первого лица; напомним следующие произведения: "Детство", "Отрочество", "Юность", "Набег", "Рубка леса", "Встреча в отряде", "Записки маркера", "Люцерн", "Холстомер", "Крейцера соната"; "Записки сумасшедшего", "Записки матери", "Посмертные записки старца Федора Кузьмича" и др. Печорин, Нехлюдов ("Воскресение"), Пьер Безухов и др. — пишут дневники.

В основу своих созданий Лермонтов нередко берет то, что им самим или другим лицом было пережито в действительности. Он делает характерное примечание к поэме "Джулио": "Я слышал этот рассказ от одного путешественника" (I, 189)²²⁵. Многие действующие лица драматических его произведений списаны с натуры. В драме "Menschen und Leidenschaften", как предполагают, Громова — бабушка поэта; Н.М. Волин — его отец; Ю.Н. Волин — сам Лермонтов; Любовь и Элиза — двоюродные сестры его; Дарья — нянька Лермонтова; Иван — слуга, муж Дарьи (см. Висковатый, "М. Ю. Л.", 61; о Дарье — см. еще — там же, "Приложения", стр. 6). Относительно драмы "Станный человек" поэт говорит, что изображает в ней "происшествие истинное", что лица "все взяты с природы" (III, 147). В "Маскараде" — в лице "Неизвестного" изображен гр. Ф.И. Толстой, двоюродный дядя Л.Н. Толстого (см. — Лернер: "Оригинал одного из героев Лермонтова". "Нива", 1913 г., № 37, 732). В драме "Два брата": Вера — Варвара Лопухина, вышедшая замуж за Бахметева; Лиговский — Бахметев; Юрий — сам поэт (см. Висковатый, "М. Ю. Л.", 235-237, 281-284). Действующие лица "Петергофского праздника", "Уланши", "Гошпиталья" — взяты из круга близких поэту людей (см. Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова, II, 159, 162, 164, 166; Акад. изд. соч. М. Ю. Л., II, 432, 433). Немало автобиографических подробностей в поэме "Сашка"; Висковатый предполагает, что в наставнике Саши ("marquis de Tess") поэт изобразил своего гувернера Жандро (Висковатый, "М. Ю. Л.", 36, 37); в лице героя слиты черты самого автора и Полежаева (см., напр., Висковатый, "М. Ю. Л.", 127—130; Котляревский, 145)²²⁶. В "Монго": Монго — А.А. Столыпин; Маешка — Лермонтов (см. Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова, II, 167; VI, 182, 183, 201, 202; Акад. изд., II, 444, 445). В "Княгине Лиговской" поэт касается своих отношений к Варваре Лопухиной и Е.А. Сушковой (см. — Висковатый,

"По поводу Княгини Лиговской", впервые изданного произведения Лермонтова". Рус. Вестн., 1882 г., III, 333—349); одно из второстепенных лиц романа, Горшенко, — современник Лермонтова, "делец и литератор Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков". (Лернер. "Оригинал одного из героев Лермонтова". — "Нива", 1913 г., № 37, 731, 732)²²⁷. Висковатый предполагает, что в "Казначейше" Лермонтов изобразил происшествие, которому был свидетелем или о котором слышал от других — во время, пребывания своего в Тамбове (Висковатый, "М. Ю. Л.", 229). Многие лица "Героя нашего времени" взяты из действительности (см., напр., Висковатый, 288, 289, 365, 366). В "Бэле" и "Фаталисте" описаны эпизоды из жизни родственника поэта, Хвостова (см. Висковатый, 263, 365, 366). В "Тамани" изображен случай, бывший с самим поэтом (см. Висковатый, 252). А.О. Смирновой передавали, будто Лермонтов изобразил ее в лице Минской (А.О. Смирнова. "Записки". Ч. II. СПб. 1897 г., 41).

Точно так же многие создания Толстого, как это доказывает Бирюков и др., сотканы из воспоминаний автора, личных переживаний, событий семейной хроники (напр., "Детство", "Отрочество", "Юность", "Казак", "Война и мир", "Анна Каренина" и др.). В произведениях — "Анна Каренина", "Смерть Ивана Ильича", "Воскресение", "Живой труп" и др. — художественно разработаны истинные происшествия.

Герои Лермонтова — Демон, Вадим, Измаил-Бей, Печорин — сильно походят один на другого; причиною служит то, что прототипом их, в большей или меньшей степени, является сам поэт. Николенька Иртенев, Оленин, Пьер Безухов, Андрей Болконский, Левин — имеют немало общих черт; они — духовные братья самого Толстого. Но Лермонтов и Толстой, как гении, превращали субъективное и эпизодическое в общечеловеческое.

Лермонтов в одном и том же произведении, в драме "Два брата", придает некоторые личные черты обоим героям; так и Толстой изобразил себя в "Войне и мире" — отчасти в Пьере, отчасти в князе Андрее.

У Лермонтова есть излюбленные имена и фамилии. *Арбенин* выступает в "Странном человеке", "Маскараде" и начатой повести. *Печорин* — в "Княгине Лиговской" и "Герое нашего времени". *Вадим* — в "Последнем сыне вольности" и "Вадиме". *Юрий* — в "Вадиме" и в драмах "Menschen und Leidenschaften" и "Два брата". *Селим* — в "Ауле Бастунджи", "Измаиле-Бее" и "Беглеце". *Иван Ильич* — в "Маскараде" и "Сашке". *Арсений* — в "Литвинке" и "Боярине Орше". *Амбулат* — в поэмах "Каллы" и "Аул Бастунджи". *Лиговский, Лиговская* — в "Двух братьях", "Княгине Лиговской" и "Герое нашего времени". *Штраль* — в "Маскараде" и "Княгине Лиговской". *Вера* — в драме "Два брата", в "Княгине Лиговской" и "Герое нашего времени". *Нина* — в "Маскараде" и "Сказке для детей". *Зара* — в "Ауле Бастунджи", "Измаиле-Бее" и "Вадиме". Число примеров можно было бы увеличить, но, полагаем, достаточно и этих, чтобы убедиться, что поэт часто переносил имена и фамилии из одного произведения в другое. Эта особенность присуща и Толстому. *Николай Иртенев*, герой трилогии "Детство", "Отрочество" и "Юность", упоминается в "Воскресении" (XI, 178, 179, 247)²²⁸. *Нехлюдов* встречается нам в "Отрочестве", "Юности", во "Встрече в отряде", "Утре помещика", "Записках маркера", "Люцерне", "Воскресении". *Каренин* — в "Анне Карениной" и "Живом трупе". *Облонский* — в "Анне Карениной" и "Записках матери".

Бархин в примечаниях к стихам "Трех пальм" —

Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали —

говорит следующее: "Даются вместо подробного описания две частности: смуглые ручки и черные очи, но в воображении читателя уже готов образ. Подобную манеру рисовать образы двумя-тремя штрихами мы встречаем у Л.Н. Толстого; напротив, Гоголь при описании женских портретов пускается в подробности, которые не только не дают ясного образа, но просто мешают читателю самому создать его (напр., "панночки" в "Вии" и "Тарасе Бульбе"). Лессинг отметил (в "Лаокооне"), что Гомер избегает подробностей в описании наружности действующих лиц. О Елене Прекрасной в "Илиаде" говорится только, что у нее белые руки и чудные волосы"²²⁹. Л-в дает в "Песне о царе Иване Васильевиче" в стереотипных чертах народных песен "детальный" портрет Алены Дмитриевны, но он получился слишком бледным". (Бархин, "Соч. М. Ю. Л.", I, 80, 81). В "Демоне" образ жениха Тамары набросан немногими, но меткими штрихами; в сущности, — о властителе Синодала, если говорить о его наружности, мы знаем только, что у него *смуглое чело*, легкий стан; известно, что князь молод; уже одни эти черты позволяют нам создать в воображении красивого, стройного, гибкого, благородного грузина, загоревшего под южным солнцем. Кроме того, поэт говорит, что князь богато одет и вооружен, что он "нетерпелив", что он ловкий наездник, что он "отважен"; все это придает образу жизненность, выпуклость, и князь Синодала не затеряется в толпе лермонтовских героев. С необычайным совершенством нарисован в "Сказке для детей" портрет "маленькой Нины", этого грациозного, полувоздушного создания. Необходимо остановиться на стихотворении "Из-под таинственной, холодной полумаски" (II, 332, 333). Поэт указывает на следующие внешние признаки прелестной "маски": "пленительные глазки", улыбающиеся лукаво уста, девственную белизну щек, белизну шеи, "локон своевольный", отделившийся от волнистых кудрей"²³⁰; упоминается еще о голосе, "отрадном как мечта". Этого довольно поэту:

**И создал я тогда в моем воображеньи
По легким признакам красавицу мою,
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.**

Никем не превзойденная способность Лермонтова немногими словами сообщать образу яркость и пластичность была не раз отмечена критикой. Например, по словам Бороздина, "стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно там, где мы встречаем у поэта описания природы. Эти описания можно сравнить с живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто, в нескольких словах перед нами рисуется целая яркая картинка. Припомним, напр., отрывок из "Спора":

**Вот у ног Ерусалима
Богом сожжена.
Безглагольна, недвижима²³¹
Мертвая страна...
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.**

Так и чувствуется в этих стихах палящий зной аравийских и сирийских степей". (Бороздин. "Литературные характеристики". XIX в. — I. СПб., 1903 г., 247)²³². О последних четырех стихах этого отрывка из "Спора" В. Розанов замечает: "В четырех строчках это не образ, но скорее — идея страны. Названы точки, становящиеся на которые, созерцаешь целое". (В. Розанов. "Литературные очерки". СПб. 1809 г., 167). Он же, цитируя стихотворение "Это случилось в последние годы могучего Рима" (ст. 17–25), говорит: "Это — что-то *Фидиасовское* в словах, *по полноте* очерка, *по оби-*

лю движению; и, между тем, это только недоконченный отрывок, даже без заглавия". (Там же, 166). "Аннунциата" Гоголя около него бледна. (Там же). Стихотворение "Утес", по словам Бороздина, "по своей пластичности" — "перл поэзии". Здесь и тучка золотая, и старик-утес не только вполне пластично изображены, но они живут; такое мастерство доступно лишь *немногим художникам*". (Бороздин. "Литературные характеристики". I, 247, 248). Аполлон Григорьев об этом же стихотворении: "Никто не станет отрицать, конечно, что вся трагическая сторона отношения испытанного в бурях жизни человека к минутно посетившему его призраку молодости обозначена в этих стихах с удивительною энергиею". (А. Григорьев. Соч., I. СПб. 1876 г., 404). А ведь все это выказано поэтом в восьми коротких стихах... Белинский о "Трех пальмах": "Пластичизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок сливаются в этой пьесе поэзию с живописью: это картина Брюллова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее". (Белинский, II, 133). Отмечаем, что в статье о рисунках Лермонтова барон Н. Врангель говорит: "С точки зрения "школьной", Лермонтов *ближе всего примыкает к Брюллову*"... (Соч. М. Ю. Л., V, 211). Владимиров также указывает на картинность поэзии Лермонтова: одно выражение — "на пушки конница бросалась" — из стихотворения "Поле Бородина" в "Бородине" превратилось в целую военную картину, как будто нарисованную кистью баталиста Ораса Верне:

**Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами...
Носились знамена, как тени...
Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи.**
(Владимиров, 27).

И Толстой обладает редкой, гениальной способностью несколькими словами создавать живые образы и настроения; этот вопрос широко разработан Мережковским в его замечательном исследовании творчества Толстого — "Л. Толстой и Достоевский". I. СПб. 1903 г.

Приведем еще интересный отрывок из воспоминаний П.П. Гнедича:

"Первые литературные шаги. Я сижу не без благоговения перед редактором, который с добродушной улыбкой, но поучительно говорит:

— *Краткость и сжатость*, почтенный друг мой, — *первое дело — сжатость. Смотрите "Тамань"*, перечитайте "Старосветских помещиков" — страницу похорон Пульхерии Ивановны... Прочтите сцену Михалевича с Лаврецким в "Дворянском гнезде" — вся длинная ночь на одной странице. Да, наконец, возьмите Толстого, Льва Толстого... *Возьмите "Три смерти"*, *возьмите Стиву Облонского: один штрих, другой — и ясный, огромный образ...* Не подражайте — сохрани Бог — но изучайте, изучайте"... (П.П. Гнедич. "Из записной книжки". "Международный альманах" О. Толстом". 2-е изд., 28).

Таким редким даром Чехов наделяет писателя Тригорина (в "Чайке"). Аркадина говорит Тригорину: "Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России... У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора... Ты *можешь одним штрихом передать главное, что характерно для лица или пейзажа*, люди у тебя, как живые". Треплев о нем же: "Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном возду-

хе... Это мучительно". (Чехов. "Полн. собр. соч." XIII. СПб. 1903 г., 151, 163). Даром Тригорина обладал и сам Чехов.

Глава XXVIII. Заключение

По какому пути пошел бы Лермонтов, если бы не погиб так рано, — было и будет загадкой неразрешимой. Мы полагаем, что он более всего походил бы на Льва Толстого. Нас убеждает в этом глубокое сходство их личностей и творчества. У Лермонтова и Толстого (в молодости) — один и тот же страстный темперамент; детьми испытывают они первую любовь; ищут, мужая, сильных переживаний, смены впечатлений, — в любви, в товарищеских пирушках, в войне; им по душе все, что ускоряет темп жизни и придает ей яркость, — музыка, цыганские песни, быстрые движения, танцы, верховая езда, физические упражнения. Оба проявляют странную двойственность; гонятся за успехами в светских гостиных, хотя в душе презирают свет, его блестящую и надменную пустоту; оба сознают в душе, что призваны совершить нечто великое, и в то же время растрачивают со всем пылом молодости "жар души". Стихийной любовью любят природу, понимают все ее тайны, отдыхают на ее ложе, приходят в умиление от простоты и добродушия русского мужика, от тишины и прелести русских деревень; потом вдруг из этой среды, где чувствовали себя так свободно и легко, опять идут на сцену света. Та же двойственность в отношении к войне, дуэли. Но все эти увлечения, ошибки, заблуждения — искренни, и внутренне оба они терзаются от такой двойственности и не прощают себе ни одного ложного шага, и никогда не забудут своих проступков. Оба, не кончив университета, идут на войну, скитаются, много читают, много думают и пишут, и беспощадно анализируют себя — и в тайне, и в своих произведениях; оба, путем самоанализа, пытаются познать себя, переносить на своих героев личные черты, не расстаются с одним и тем же типом — типом человека рефлексии. Все их произведения — исповедь, попытки разгадать свое "я", цель своего назначения. Скептически относятся к культуре и противопоставляют Печориным, Олениным, Пьерам Безуховым, переходящим от разочарования к разочарованно, страдающим от своей двойственности, — русские цельные натуры: Максима Максимыча, Ерошку, Каратаева.

В походе Лермонтов мирился со всеми лишениями, привык к неприхотливой еде и одежде. По замечанию Мережковского, "опрошением Лермонтова предсказано опрошение Л. Толстого, солдатскую рубахую Лермонтова — мужичий полубубок Л. Толстого". (Мережковский. "Лермонтов", 70). Оба любят споры, вечно против чего-нибудь протестуют; подвергаются при жизни нападкам и гонениям. Лермонтов сравнивал себя с пророком, презираемым и гонимым толпой, и отдыхающим пред лицом природы; Толстой всю жизнь мечтал о бегстве из города, от шума и блеска — в глушь России или Кавказа, мечтал поселиться среди людей бесхитростных, ближе к природе. Оба старались казаться людям хуже, чем были на самом деле. Лермонтов говорил в стихотворении, написанном еще в шестнадцатилетнем возрасте:

Но лучше я, чем для людей кажусь. (I, 146).

Николай Иртенев (в том же возрасте): *"Могу смело сказать, что я был гораздо лучше в действительности, чем то странное существо, которое я пытался представлять из себя"*. (Л. Т., I, 232).

Нельзя, конечно, дать полной сравнительной характеристики этих гениев; один из них умер, когда ему не было еще и 27 лет, другой прожил более 80 лет и завершил весь круг человеческого бытия. Но, несомненно, натуры их сильно сходны; несомненно и то, что в будущем сходство удержалось бы.

Если известные нам произведения Лермонтова весьма близки к духу произведений Толстого, не будет смелым предположение, что и в дальнейших (не последовавших, к сожалению) стадиях развития творчество поэта имело бы еще более общих черт с творчеством автора "Войны и мира", потому что продолжалось бы влияние старшего современника на младшего. Однако мы не желаем углубляться более в область предположений. Перед нами стоит другой, весьма важный и до сих пор не выдвинутый вопрос: кто из русских художников слова, испытывавших на себе влияние Лермонтова, по силе и особенностям дарования ближе всех стоит к своему учителю? По нашему мнению, — *Лев Толстой*. Он и Лермонтов, — как близнецы, походят друг на друга характерами, тяготеют к одним и тем же проблемам; в выборе и развитии сюжетов сходство доходит до мелочей. Странно схожа и их судьба. Но, подчеркивая в творчестве Толстого "лермонтовские" черты, мы не склонны преувеличивать влияние Лермонтова на великого писателя русской земли, умалять самобытность последнего. Высоко ценя достоинства произведений Лермонтова, Толстой, при своем полнотрицательном отношении к поэзии, мог не во всех тонкостях знать произведения Лермонтова, особенно его лирику. Каждый из них, как человек и художник, обладает высокими индивидуальными чертами. Как истинный гений, Толстой сам мог найти многие из тех образов, тех идей, которые мы встречаем у Лермонтова; но надо признать, что влияние второго на первого было велико и благотворно. Рост и развитие каждого поэта и писателя обусловлен литературными влияниями. На Лермонтова наибольшее влияние оказали Байрон и Пушкин, на Толстого — Руссо и Лермонтов.

Рано умер Лермонтов; нельзя не поражаться тому, как много успел он сделать, несмотря на самые неблагоприятные условия. Какие обширные творческие замыслы, уже намеченные, погибли с ним! С равной силой, ни в ком у нас более не проявившейся, Лермонтов владел стихом и прозой... Сама Судьба как будто ужаснулась его трагической гибели — и пожалела нас, и послала Льва Толстого; он не только принес миру свое слово, но и доказал многие недооцененные лермонтовские речи, которым доныне "без волнения внимать невозможно".

Лермонтов и Библия

1.

Книги Ветхого и Нового Завета дороги человечеству не только тем, что они "священные", что они говорят о Боге; они давно оценены и как художественные произведения. С древних времен поэты, живописцы, скульпторы, музыканты берут сюжеты из Библии; многие страницы ее вечно будут пленять людей силой вдохновения, яркостью образов, глубиной мыслей. Например, Книга Иова, по общему мнению, "одна из величайших и великолепнейших поэм мира". (И. Сендерленд. "Библия, или Священные книги Ветхого и Нового Завета". М. 1907 г., 88). "Я считаю эту книгу, — говорит Карлейль, — величайшим произведением, из когда-либо написанных... Возвышенная скорбь, возвышенное примирение; древнейшая хоровая мелодия, исходящая из самого сердца человечества, столь преисполненная неги и величия, как летняя полночь, как мир с его морями и звездами". (Карлейль, "Герои и героическое в истории". СПб. 1891 г., 68). "Песнь песней", как поэма, превосходная; "ее описания природы и жизни среди нее принадлежат к самым поэтиче-

ским в литературе". (Сендерленд, там же, 95—96). "Капля ее, растворенная в озере других слов, уже превращает их в лазурные песни, сказки, поэмы". (В Розанов. "Библейская поэзия". СПб. 1912 г., 28). В псалмах "лиризм Израиля достиг наивысшей степени". (Летурно. "Литературное развитие различных племен и народов". СПб. 1895 г., 208). Известные ученые относят некоторые книги Ветхого и Нового Завета к числу лучших литературных произведений всех народов и веков; напр., ставят псалмы Давида так же высоко, как лирические произведения Пиндара и Вордсворта, сравнивают книгу Иова с трагедиями Софокла и Шекспира. (Сендерленд, там же, 198)²³³.

Русские поэты часто приходили к берегам этого чистого, неиссякаемого источника вдохновения; то были и великие, и малые: Ломоносов, Державин, Пушкин, Языков, Лермонтов, Хомяков, Мей, Никитин, Надсон, Минский, Фруг, Лохвицкая, Бальмонт и др. Из них глубже всех духом Библии проникся Лермонтов. Пусть он не написал ни одного большого произведения на чисто библейский сюжет вроде "Потерянного и возвращенного рая" Мильтона или "Мессиады" Клопштока, но многие его странички обвеяны поэзией Библии, мы часто встречаем у него то собственное имя, то образ, то идею, известные из Ветхого и Нового Завета. Далеко не всегда можно установить, что было создано Лермонтовым под влиянием Библии или независимо от нее; он хорошо знал ее, но ведь многое мог ему подсказать его богатый, проникновенный поэтический гений.

2.

Следы влияния Библии встречаются в самых ранних произведениях Лермонтова. Тяготение его к Библии объясняется несколькими причинами: религиозностью поэта, развившейся отчасти под влиянием набожной бабушки; направлением его творчества; влиянием Байрона. Человек верующий, он "в минуту жизни трудную" не раз, вероятно, раскрывал священную книгу; он знал целительную силу молитвы, верил в теплое заступничество небесных сил. В записной книжке Лермонтова рукою кн. В.Ф. Одоевского занесены выписки из посланий апостолов Иоанна и Павла; выписки эти имели отношение к религиозным спорам, которые поэт *часто* вел с Одоевским (Л., V, 36, 37). Лермонтов негодует в "Вадиме" на "немое бездействие" толпы, равнодушно слушающей чтение послания апостола Павла (IV, 44). Читал он Библию и как поэт, ищущий новых мотивов. Известное влияние должен был оказать и Байрон, автор "Еврейских мелодий"; одна из них великолепно переведена Лермонтовым ("Душа моя мрачна..."). Восторженное, благоговейное отношение Байрона к Библии выражено им в стихотворении, известном под заглавием "Стихи, найденные в Библии лорда Байрона" (см. "Полн. собр. соч." Байрона под ред. Михаловского. СПб. 1804 г., I, 135, 136).

Укажем сначала на цитаты и прямые заимствования из Ветхого и Нового Завета, свидетельствующие о близком знакомстве поэта с этими книгами.

Среди черновых заметок, сделанных на заре поэтической деятельности, находим следующую; "*Демон*". Сюжет²³⁴. Во время пленения евреев в Вавилоне (*из Библии*)²³⁵. Еврейка. Отец слепой. Он в первый раз видит ее спящую. Потом она поет отцу про старину и про близость ангела — как прежде. Еврей возвращается на родину. Ее могила остается на чужбине". (IV, 356).

Поэт упоминает о жертвоприношении Авраама:

О, Боже! Боже!

Нет! Аврааму было легче — самому

На Исаака нож поднять, чем мне!.. (III, 86).

О переходе евреев через Черное море: "Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея"... (IV, 83); о преступлении Каина:

**Война! знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних рук**

Пред алтарем погиб невинно... (II, 48)²³⁶.

Эпиграф к "Мцыри" взят из 1-й книги Царств²³⁷; (II, 308). В драме "Menschen und Leidenschaften" Лермонтов цитирует евангелистов: Луку — XXIII, 32-34; Матфея — XXIII, 27, 28, 32, 33; Марка — XI, 24, 25, (Л.; III, 104, 105). В "Вадиме" поэт говорит о душах, которые "подобны выкрашенным гробам притчи. Наружность их — блеск очаровательный, внутри — смерть и прах". (IV, 124). Это из Евангелия; см. Матфей, XXIII, 27; тот же стих в драме "M. und L." (III, 104, 105). В "Вадиме" — дважды встречаем стих: "*Придите ко Мне вси труждающиеся, и Аз успокою вы*"²³⁸. (IV, 43,44). Это стих из ап. Матфея (XII, 28), с пропуском слов — "и обремененные" (это можно объяснить тем, что поэт, вероятно, приводил стих по памяти). Поэт упоминает еще о притче о сеятеле (IV, 66), о предании Иудой Христа (III, 141, 191), об апокалипсическом числе 666 (IV, 137). В "Герое нашего времени": "В тот день немые возопиют, и слепые прозрят". (IV, 196). Быть может, это из Исаии? Ср.: "*Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих услышат; Тогда хромой будет прыгать, как олень, и язык немого будет петь*". (Исаия, XXXV, 6). Перестановка слов объясняется, вероятно, тем, что слова пророка поэт тоже приводил по памяти. Он нередко употребляет библейские собственные имена:

Аарон: "служитель Аарона" (I, 43); "премудрый пастырь Аарон". (II, 212); "великий пастырь Аарон" (II, 450).

Авраам: "будь Авраам свидетель" (III, 34); см. еще — III, 86.

Адам: "внук Евы иль Адама" (II, 144); "она не одному Адамову внуку вскружила голову" (III, 204).

Ева: II, 144; "Евы дочь" (II, 173).

Израиль: "плачь, плачь, Израиль народ!" (I, 154); "Плачь, Израиль! о, плачь!" (III, 49). "Ты — Бог Израиля!" (III, 56).

О, Израиль,

**Израиль!.. ты скитаться должен в мир,
Тебя преследуют стихии даже.** (III, 57).

Исаак: III, 86.

Иуда:

отовсюду

Гоняли наглого Иуду. (I, 44).

Пришло Иуде наказание. (I, 45).

Иуда! мыслил мой улан. (II, 247).

"За тридцать сребреников продал Иуда Иисуса Христа"... (III, 141); вариант — см. III, 191. "Поцелуй Иуды" (IV, 45). См. еще — II, 15.

Каин: "один, всегда один, отверженный, как Каин, Бог знает, за чье преступление". (III, 344).

Марк: III, 105.

Моисей: "закон Моисея не существовал прежде земли" (I, 310).

Отец мой сказал, что закон Моисея

Любить запрещает тебя. (II, 4).

..."Как некогда море, тронутое жезлом Моисея" (IV, 83). См. еще — IV, 313, 392.

Павел: "послание апостола Павла" (IV, 44).

Саул:

И жадный червь грызет, грызет, —

Я думаю, тот самый, что когда-то

Терзал Саула... (II, 158).

Соломон:

Когда бы Тирзу видел Соломон,

То верно б свой престол украсил сю,

У ног ее и царство, и закон,

И славу позабыл бы... (II, 155).

"Я говорил о царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скоромников". (III, 150).

Характерно также употребление географических названий:

Ерусалим (Иерусалим, Солим):

Солима бедные сыны. (II, 141).

"Ветвь Ерусалима" (II, 142); "у ног Ерусалима" (II, 338); см. еще — II, 480. "Клянусь Ерусалимом" (III, 21).

Пророк рожден в Ерусалиме. (III, 30).

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел.. (III, 49).

"Бог Ерусалима" (III, 56, 86); "ходил в Ерусалим" (III, 67); "он рассказывает про Иерусалим" (IV, 352).

Иордан:

У вод ли чистых Иордана. (II, 241)²³⁹.

Ливан:

На гордых высотах Ливана. (I, 316).

Еще у ног Ливана тишина. (I, 379).

Ночной ли ветер в горах Ливана

Тебя сердито колыхал? (II, 141).

Мертвое море: "воспоминания? да, но какие? горькие, обманчивые, подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря, которые, блистая румяной корою, таят под нею пепел, сухой, горячий пепел!" (IV, 69).

Палестина: "на холмах Палестины" (II, 86); "ветка Палестины" (II, 141).

Сион:

Не раз они в Сион ходили. (I, 119).

Тому только можно Сион вам отдать... (III, 49).

Ср. II, 390, ст. 110.

Библией внушено поэту то гуманное отношение к евреям, которому он был верен всю жизнь и которое нашло отражение в его произведениях; см., напр., стихотворение "Плачь, плачь, Израиль народ!" (I, 154), трагедию "Испанцы" (III), стихотворения "Баллада" (II, 4, 5), "Ветка Палестины" (II, 141, 142). Один из губернаторов Лермонтова был "ученый еврей Леви" (Висковатый, 36); быть может, и он оказал некоторое влияние на поэта, выражавшего сочувствие горькой участи "бедных сынов Солима".

3.

"Как религиозный человек, Лермонтов часто говорит о Боге, об ангелах. Могучий, как Иаков (и хром, как он), поэт не раз дерзал вступать в богоборчество и он же, в светлые минуты, слагал дивные гимны Создателю прекрасной, величественной вселенной. В стихотворении "Кладбище" поэт говорит:

Над головой

Жужжа, со днем прощаются игрой

Толпящиеся мошки, — как народ

Существ, уставших от работ!..

Стократ велик, Кто создал мир, велик!

Сих мелких тварей надмогильный крик

Творца не больше ль славит иногда,

Чем в пепел обращенные стада,

Чем человек, сей царь над общим злом,

С коварным сердцем, с ложным языком?... (I, 139).

Разве это не то же, что некогда сказал Давид: "Все дышащее да хвалит Господа?" (Псалом CL, 6).

Мцыри чудилось, будто какие-то голоса шептались по кустам
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались, тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас. (II, 317).

Вся природа славословит Бога: "Да *восхвалят Его небеса и земля, моря и все, движущееся в них*". (Псалом LXIX, 35)²⁴⁰.

Ангелы немолчно славят Бога; Азраил говорит:

Я часто ангелов видал
И громким песням их внимал,
Когда в багряных облаках
Они, качаясь на крылах,
Все вместе славили Творца,
И не было хвалам конца. (I, 308).

Вспомним первые стихи знаменитого "Ангела":

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была. (I, 284).

Эти стихи напоминают древний псалом: "Хвалите Господа с небес; хвалите Его в вышних. Хвалите Его, все Ангелы Его; хвалите Его, все воинства Его; хвалите Его, солнце и луна; хвалите Его все звезды света"... (Пс. CXLVIII, 1–4). Весьма возможно, что Лермонтову был известен этот псалом.

В ясный день, когда всюду царит тишина, поэт созерцает в небесах Бога ("Когда волнуется желтеющая нива"...). Не напоминает ли нам это пророка Илию, которому Бог явился не при вихре, не при землетрясении или в огне, а в таинственной *тишине*? Лермонтов говорит о *ветерке* (II, 208), Библия — о "веянии *тихого ветра*" (см. I Кн. Царств, XIX, 11–13). Под влиянием Библии Лермонтов создает дивные образы ангелов света и тьмы. Книги Ветхого и Нового Завета многократно повествуют об ангелах, верных исполнителях высшей воли; такими изображает их и поэт — в "Ангеле", в "Демоне". Небожители охраняют человека от зла, беседуют с детьми во сне; эти "недремлющие" стражи добра всюду — и на земле, и на небе. Демон клялся "мечами ангелов бесстрастных" (II, 373); ср. Библия: "И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч, обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни". (Бытие, III, 24). У Лермонтова есть поэма об Ангеле Смерти; об ангелах смерти говорит Библия. (см., напр., Кн. пророка Исаии, XXXVII, 36; II Кн. Царств, XIX, 35; II Кн. Паралипоменон, XXXII, 21; II Кн. Самуила, XXIV, 16). Влияние Библии сказало и в создании образа могучего, дерзкого Демона. Пророк Захария видел "Иисуса, великого иерея, стоящего пред вечносущим Ангелом, и *сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему*". (Захария, III, 1). О сатане, бросающем вызов Богу, говорит Книга Иова. Все книги Ветхого и Нового Завета — история борьбы двух начал — добра и зла, Бога и дьявола; этот же мотив проходит через все творчество Лермонтова.

4.

Лермонтов чаще говорил о муках, об огорчениях, доставляемых жизнью, нежели о ее радостях; да и могло ли быть иначе? Гонимый судьбою и людьми, много ли светлых дней видел поэт? Не был он создан для мирного счастья и даже не искал его; веч-

но горел душой, вечно были напряжены его душевные силы; одиноким парусом, "ознакомленным с грозой", носился он по житейскому морю и если кому завидовал, то не людям, а вольным детям природы — птицам, волнам, тучам.. "Все дни его — страдания, и его занятия — беспокойство".. (Экклезиаст, II, 23).

Поэт не раз говорил о жизни, как о чаше страданий:

Нам горька остылой жизни чаша. (I, 74).

Мы пьем из чаши бытия

С закрытыми очами,

Златые омочив края

Своими же следами.

Когда же перед смертью с глаз

Завязка упадет,

И все, что обольщало нас,

С завязкой исчезает,

Тогда мы видим, что пуста

Была златая чаша,

Что в ней напиток был — мечта,

И что она — не наша! (I, 273).

"Я еще не осушил чаши страданий и теперь чувствую, что мне еще долго жить". (IV, 255). Грудь полна страданий,

Как кубок смерти, яда полный. (II, 140).

В примечаниях к стихотворению "Еврейская мелодия" Бархин (40, 41) приводит в параллель — следующие места из Библии о "чаше горя": Пс. LXXV, 9²⁴¹; Иеремия, XXV, 15; Иезекиль, XXIII, 31–34; Матфей, XXVI, 39; Марк, XIV, 36. — О "чаше горя" в нашей древней письменности — см. И.Н. Жданов, "Соч.", I, СПб., 1904 г., 716, 717.

5.

Люди обыкновенно старятся до срока, хотя жизнь и без того кратковременна. Поэт говорит:

Взгляните на мое чело,

Всмотритесь в очи, в бледный цвет:

Лицо мое вам не могло

Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет

Меня к могиле. (I, 132).

Средь бурь пустых томится юность наша. (I, 74).

И жизнь им в тягость с юных лет. (I, 327).

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,

Как пир на празднике чужом...

Едва касались мы до чаши наслажденья,

Но юных сил мы тем не сберегли... (II, 252).

Как же не пройти быстро юности, если первая любовь испытывается десятилетним ребенком и не забывается до могилы²⁴², если уже "в ребячестве" познается тоска "любви знойной"²⁴³? Поэт мог бы сказать словами Соломона: "Детство и юность скоро проходят". (Экклезиаст, XI, 10).

Люди, как растения, цветут недолго, быстро увядают (I, 74).

Так тощий плод, до времени созрелый,

Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, пришлец осиротелый,

И час их красоты — его паденья час!²⁴⁴ (II, 252).

Есть всему конец.

Немного долголетний человек

Цветка; в сравненьи с вечностью их век

Равно ничтожен. (I, 255).

Лермонтов любит прибегать к сравнению человека с цветком, погибающим до срока (см. еще — I, 223; II, 325); чаще всего он об-

рашается к нему, говоря о недолговечности красоты женщины. Красота девушки нередко вызывает в нем не восхищение, а думы о старости и смерти. Он, напр., говорит молодой красавице:

**Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри влетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?** (I, 88).

Варианты поэта весьма разнообразны. Азраил говорит любимой девушке: "Пускай эти гвоздики и фиалки унесет ближний поток, как некогда время унесет твою собственную красоту". (I, 307). Вадим Ольге: "Узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека: он не сумеет лелеять цветок этот, он изменит его" ... (IV, 6). О девушке, убитой казаками, поэт говорит: "Божественная, милая девушка! и ты погибла, погибла без возврата... один удар, — и свежий цветок склонил голову!" (IV, 90). Печорин: "А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распутившейся души! Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!" (IV, 231). Демон говорит, что на земле нет "долговечной красоты". (II, 374)²⁴⁵.

Зарождению и развитию этих мыслей способствовала, в известной степени, Библия, на страницах которой находим аналогичное:

"Всякая плоть трава, и всякая слава ее полевой цветок: Трава засыхает, цветок увядает, когда ветер от Господа дунет на него; точно так и народ, как трава". (Исаия, XL, 6, 7). То же — см. I посл. ап. Петра, I, 24, 25.

"По утру они, как трава, которая зеленеет: По утру она цветет и зеленеет, а вечером подсекается и иссыхает". (Пс. XC, 5, 6). "Человек, — как трава, дни его; как цвет на поле, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и уже не узнает его место его". (Пс. CIII, 15, 16)²⁴⁶. "Как цветок, он выходит и вянет". (Иов, XIV, 2). "И увядший цветок их славной красоты, на вершине тучной нивы, будет как смоква, поспевшая прежде лета"²⁴⁷, которая, как только будет в руке увидевшего ее, тотчас проглатывается". (Исаия, XXVIII, 4). "Рассыпается, как моль, красота его. Да, суета всякой человек". (Пс. XXXIX, 12; ср. Посл. ап. Иакова, I, 10, 11).

Красота кратковременна; но любовь? И она недолга, непостоянна:

**Любить... но кого же?... На время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.** (II, 286).

**Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь? —
Волненье крови молодое!
Но дни бегут, — и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки,
И своенравия мечты?** (II, 374).

Поэт устами Арбенина говорит:

**Я все видел,
Все переживал, все понял, все узнал;
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал.** (III, 228).

Перед нами словно не юноша, а умудренный опытом, поседелый старец, подобный Соломону, который на закате жизни говорил:

"Чего бы глаза мои ни потребовали, я не отказывал им; не удерживал сердце моего ни от какой радости... И возненавидел я жизнь; потому что противны мне дела, совершающиеся под солнцем, так как все суета и затей ветряные". (Екклезиаст, II, 10, 17).

Но человеку остается еще многое; напр., — знание; быть может, оно наполнит жизнь? Нет,

**Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.** (II, 252).

Печорин говорил: "Я стал читать, учиться — науки также надоели". (IV, 179).

Все это "затей ветряные, ибо "при многотой мудрости много раздражительности, и кто умножает познания, умножает огорчение". (Екклезиаст, I, 17, 18).

А слава? Нет; "слава, купленная кровью", не прельщает поэта (II, 330). Все суета, все преходяще:

**К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?** (I, 74).

"Всякая плоть трава, и всякая слава ее полевой цветок: трава засыхает, цветок увядает, когда ветер от Господа дунет на него; точно так и народ, как трава". (Исаия, XL, 6, 7).

Лермонтову часто бывало "и скучно и грустно", часто жизнь казалась ему "пустой и глупой шуткой". Он, напр., говорил: "Голова кружится от глупостей. Мне кажется, что по той же причине и земля вертится вот уж 7000 лет". (IV, 392).

**Что толку жить!... Без приключений
И с приключениями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка!...
А потрудитесь рассмотреть, —
Все веселее умереть.** (II, 15).

О той же усталости, о той же неохоте к жизни говорит Соломон: "И возненавидел я жизнь; потому что противны мне дела, совершающиеся под солнцем, ибо все суета и затей ветряные". (Екклезиаст, II, 17).

**Уж не жду от жизни ничего я,
признается поэт (II, 348). Ту же мысль встречаем у Соломона:
"И так я решился, чтобы сердце мое не ожидало ничего от всего
труда; что я трудился под солнцем". (Екклезиаст, II, 20).**

6.

Человек — вечный, одинокий странник. Этот мотив без конца варьируется. Лермонтовым всю жизнь.

**Брожу один, как отчужденный! (I, 59).
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой. (I, 86).
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных. (I, 107).
Гонимый миром странник. (I, 300)²⁴⁸.**

Зораим —

**На земле был только странник, —
Людьми и небом был гоним. (I, 315).**

Селим —

Странствовал в пустыне одинок. (I, 345).

Поэт о себе:

Я в мыслях вечный странник... (II, 188).

**Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного... (II, 208)²⁴⁹.**

**Тебе, Казбек, о, страж Востока,
Привез я — странник — свой поклон.** (II, 213).

"Право, мне необходимо путешествовать: я — цыган". (IV, 308), "Я сделался ужасным бродягой; а, право, я расположен к этому роду жизни". (IV, 330).

Арсений (в "Боярине Орше"), Печорин, Демон — скитальцы. К поэту применимы слова Библии: "Странник я у Тебя, пришлец, как и все отцы мои". (Пс. XXXIX, 13). "Странник я на земле" (Пс. CXIX, 19).

Поэт часто прибегает к сравнению человека-скитальца с оторванным древесным листком.

**Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей!..** (I, 51).
**Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок.** (II, 311).

"Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листы осени". (IV, 305)²⁵⁰.

Аналогичное находим в Ветхом Завете: "Мы увяли, как лист, и грехи наши, как ветер, уносят нас". (Исаия, LXIV, 5). "Не сорванный ли листок Ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?" (Кн. Иова, XIII, 25).

Пред лицом вечности одновременно бытие не только человека, но и целых поколений. Азраил говорит:

**Все умирает, все проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров,
И с ними вместе исчезает.** (I, 304, 305).

Демон:

**Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут!** (II, 372).

Это навеяно словами Экклезиаста: "Одно поколение отходит, другое поколение приходит, а земля вовеки пребывает". (I, 4). Ср. Пс. CXLIV, 4.

7.

Непрочны, недолговечны плоды рук человека... Поэт любит рисовать картины медленного, но неумолимого разрушения барских домов, храмов замков, картины величавого запустения.

Замок Арсения:

**И опустел его высокий дом:
И странников не угощают в нем,
И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святые образа, дубовый стол
И пестрые ковры! И гладкий пол
Не скрипнет уж под легкою ногой
Красавицы лукавой и молодой!
Ни острый меч в серебряных ножнах,
Ни шлем стальной не блещут на стенах, —
Они забыты в поле роковом,
Где он погиб. В покое лишь одном
Все, все как прежде: лютня у окна,
И вокруг нее обвитая струна,
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад
Тому лишь день, как дева стран чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,**

**Скользит по ним прохладный ветер ночной,
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна, нескромная луна!** (I, 217).

Замок Эрсильдаун:

**На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.
На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом.
Арфы шотландской струну бы задел
И по сводам бы звук пролетел;
Внимаем одним и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.** (I, 266)²⁵¹.

Терем боярина Орши:

**В покоях ночь
Закрыты ставни, пол скрипит,
Пустая утварь дребезжит
На старых полках; лишь порой
Широкой, белой полосой,
Рисуясь на печи большой,
Проходит в трещину ставней
Холодный свет дневных лучей.** (II, 135).
**Смято ложе сна,
Как будто бы на нем она²⁵²,
Тому назад лишь день, лишь час
Главу покоила не раз,
Младенческий вкушая сон.
Но, приближаясь, видит он²⁵³
На тонких белых кружевах
Чернеющий слоями прах
И ткани паутин седых
Вкруг занавесок парчевых.** (II, 136).

Заброшенный графский дом в Москве:

**Он теперь пустой.
...Пылью, паутиной
Обвешены, как инеем, кругом
Карнизы стен, расписанных огнем
И временем; и окна краской белой
Замазаны повсюду кистью смелой.
В гостиной есть диван и круглый стол
На витых ножках, вражеской рукою
Исчерченный; но час их не пришел, —
Они гниют незримо, лишь порою
Скользит по ним играющий Эол
Или еще крыло жильца развалин —
Летучей мыши.
.....
На изразцах кой-где встречает глаз
Черты карандаша, стихи...**

**И образы языческих богов —
Без рук, без ног, с отбитыми носами —
Лежат в углах низвергнуты с столбов,
Раскрашенных под мрамор. Над дверями
Висят портреты дедовских веков
В померкших рамах и глядят сурово...** (II, 192–194).

См. еще — "Сказка для детей" (II, 272, 273).

В отрывке из начатой повести: "Квартира состояла из четырех комнат и кухни. Старая, пыльная мебель, некогда позолоченная,

была правильно расставлена кругом стен, обтянутых обоями, на которых изображены были, на зеленом грунте, красные попугаи и золотые лиры; изразцовые печи кое-где порастрескались; сосновый пол, выкрашенный под паркет, в иных местах скрипел довольно подозрительно, в простенках висели овальные зеркала с рамками рококо; вообще, комнаты имели, какую-то странную, несовременную наружность". (IV, 290).

Древний испанский монастырь:

Храм священный
 Стал жертва бури и дождей.
 Из двери в дверь во мгле ночей
 Блуждает ветер освобожденный;
 Внутри на ликах расписных
 И средь расселин стен седых
 Большой паук, пустынный новый,
 Кладет сетей своих основы.
 Сбегаючи со скал крутых,
 Случалось, лань, дитя свободы,
 Приют от зимней непогоды
 Искала в келье, — и порою
 Забытой утвари паденье,
 Среди развалины глухой,
 Вдруг приводило в удивленье
 Ее... Но нынче ничему
 Нельзя встревожить тишину:
 Что может падать, то упало,
 Что мрет, то умерло давно... (II, 396, 397)²⁵⁴

Замок Гудала:

Грустен замок, отслуживший
 Когда-то очередь свою,
 Как бедный старец, переживший
 Друзей и милую семью.
 И только ждут луны восхода
 Его незримые жильцы:
 Тогда им праздник и свобода!
 Жужжат, бегут во все концы.
 Седой паук, отшельник новый,
 Прядет сетей своих основы;
 Зеленых ящериц семья
 На кровле весело играет,
 И осторожная змея
 Из темной щели выползает
 На плиту старого крыльца:
 То вдруг сошьется в три кольца,
 То ляжет длинной полосой
 И блещет, как булатный меч,...
 ...Все дико. Нет нигде следов
 Минувших лет: рука веков
 Прилежно, долго их сметала... (II, 381, 382).

А когда-то в этом замке кипела жизнь; "звучала зурна, и лились вины"; кровля, на которой теперь резвятся ящерицы, была устлана коврами, и прелестная Тамара, под пение подруг, порхая легче птицы, обворожала гостей волшебной пляской... Чтобы еще больше оттенить мрачную красоту разрушения, поэт говорит (в этом же эпилоге), что кругом все цветет, зеленеет, и природа тешится, "как беззаботное дитя". Как мы видим, у поэта повторяются некоторые штрихи, но картины очень разнообразны; они превосходны и по замыслу, и по выполнению; детали тонки и чрезвычайно отчетливы. Здесь есть и личные наблюдения, и литературные влияния. В "Мцыри", например, описан поэтом древний грузинский монастырь "Джварис-сакдари" (церковь креста), находящийся на берегу Арагвы, против Мцхета (см. Эн-

цикл. словарь Бр. и Ефр. — о "Джварис-сакдари"). В "Демоне" дом Гудала описан по развалинам замка в Гуд-ауле, расположенном над Арагвой. (См. собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова, III, 119). Литературное воздействие мог оказать Байрон. Описание заброшенных покоев боярина Орши не возникло ли под влиянием "Гяура"? В этой поэме есть аналогичный мотив:

И пышный дом могилой стал.

.....
 Не видно в стойлах бегунов;
 Умолкла в замке речь рабов;
 Паук развешивает там
 Седые ткани по стенам;²⁵⁵
 Ковры гарема мышь грызет;
 На башне — там сова живет,
 Да у бассейна — пес дворной
 Уныло воеет, жаждой злой
 И страшным голодом томим.
 Фонтан иссяк уже давно,
 Заглохло мраморное дно
 С тех пор, как прошумел над ним
 Дух пустоты крылом своим.
 .....
 Все молчит,
 Лишь ветер ставнями стучит,
 Да крупный ливень в окна бьет:
 Ничья рука их не запрет.²⁵⁶

(Полн. собр. соч. Байрона под ред. Михаловского. СПб. 1894 г., I, 200).

Заметим, кстати, что именно из "Гяура"²⁵⁷ Лермонтовым взяты для "Боярина Орши" эпитафии к главам II и III (в которой находится описание заброшенного терема). В "Чайльд-Гарольде" (в знаменитой прощальной песне Чайльд-Гарольда) упоминается о доме, преданном запустению.

В Библии встречаем следующие описания:

"И Вавилон, краса царств, слава величия Халдеев, будет как Содом и Гоморра, разрушенные Богом";

"Он никогда не будет населен и не будет обитаем вовеки..."

Но степные звери будут обитать там, и дома их будут наполнены филинами, и страусы будут жить там, и демоны будут скакать там,

И шакалы будут выть в опустошенных чертогах его, и змеи в увеселительных дворцах"²⁵⁸. (Исаия, XIII, 19–22).

"И будут расти в дворцах ее колючий кустарник и репейник и на укреплениях ее терновник, и она будет жилищем шакалов, пристанищем страусов. Волки будут встречаться с дикими кошками, и демон будет перекликаться с другим; только нечистая сила ночная будет покоиться там и найдет себе приволье. Там будет гнездиться прыгающий змей"²⁵⁹ и будет класть яйца, выводить детей и собирать их под тень свою". (Исаия, XXXIV, 13–15).

"Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне". (Марк, XIII, 2).

Эти картины чрезвычайно сходны с лермонтовскими; те же подробности; та же идея: "sic transit gloria mundi" (это латинское изречение было известно Лермонтову; см. II, 3).

Размышляя над тем, что все в мире преходяще, Лермонтов, конечно, останавливался и на мысли о конце мира. Азраил говорит, что когда-нибудь

**Род людей пройдет
 И землю, вечность разобьет, —
 Услышав грозную трубу,
 Я в новый удалюсь мир,
 И стану там, как прежде, сир,
 Свою оплакивать судьбу.** (I, 310).

Ср.

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод²⁶⁰,
Когда откроются гроба,
И прах свой прежний вид возьмет,
Когда появятся весы,
И их подымет Судия... (I, 150)²⁶¹.

Это библейские мотивы; ср., напр.: "И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною"... (Матф., XXIV, 31). См. еще — Откровение св. Иоанна, VIII.

8.

Влияние Библии на лермонтовскую поэзию ярко выражено в стихотворении "Пророк". Поэт с поразительным мастерством слил в одно целое идеи и образы, разбросанные в разных книгах Ветхого и Нового Завета.

У всех народов, во все времена пророки (в широком смысле — бойцы за идеалы) претерпевали гонения. Такова неизбежная участь всех лучших людей, одаренных душой благородной и мятежной. Сам Лермонтов был гоним постоянно и неумолимо; ему понятен был скорбный образ библейского пророка и не могли быть неизвестны слова Христа: "Если Меня гнали, будут гнать и вас" (Иоанн, XV, 20), или: "Истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве" (Лука, IV, 24). Ср. Матф., XIII, 57; Марк, VI, 4.

Даем примечания к некоторым стихам "Пророка".

**В меня все ближние мои
Бросали бешено камень.** (II, 347).

Обычай избивания камнями грешника или грешницы упоминается и в Ветхом Завете (Второзаконие, XIII, 11; XVII, 5) и в Новом (Иоанн, VIII, 3—11; Деяния св. апостолов, VII, 58—60).

Посыпал пеплом я главу.

Ср.: **Изгнанники, пеплом посыпьте чело.** (III, 49).

В знак сильной скорби евреи, по древнему обычаю, посыпали голову пеплом:

"Тогда взяла Фамарь пеплу на голову свою и разодрала длинную одежду, бывшую на ней, положила руку свою на голову свою, и пошла, и подняла вопль". (II кн. Самуила, XIII, 19).

"Безмолвно сидят на земле старцы дочери Сионовой, пепел возложили на голову свою". (Плач Иеремии, II, 10).

"И разодрал Мардохей одежды свои, и возложил на себя вретиче и пепел; и вышел на середину города, и рыдал воплем великим и горьким" (Кн. Эсфирь, IV, 1).

"И посыпали пеплом головы свои, и вопили, плача и рыдая"... (Откровение св. Иоанна, XVIII, 19)²⁶².

Из городов бежал я нищий...

...Смотрите, как он наг и беден.

Еврейские пророки добровольно обрекали себя на жизнь, полную лишений; о нищете — ср.:

..."Скорблю я и рыдаю, хожу бос и наг". (Михей, I, 8).

"Наг я вышел из чрева матери моей, и наг возвращусь туда. Господь дал, и Господь взял; да будет имя Господне благословенно". (Иов, I, 21).

И вот, в пустыне я живу.

Ср.: "Он уходил в пустынные места и молился". (Лука, V, 16; ср. Марк, I, 12, 13).

Как птицы, даром Божьей пищи.

Ср.: "Посмотрите на воронов: они не сеют, ни жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их, сколько же вы лучше птиц?" (Лука, XII, 24; ср. Матф., VI, 26).

Завет Предвечного храня,

Мне тварь покорна там земная.

Ср.: "Владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле". (Бытие, I, 28).

"И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною; и был со зверями"... (Марк, I, 13).

9.

В произведениях Лермонтова можно разыскать еще немало мыслей, образов, сюжетов, навеянных Библией, близких к ее духу.

Лермонтов говорил, что суд человеческий нередко бывает пристрастен, ошибочен, жесток, что прав только Божий суд²⁶³. В Экклезиасте читаем: "Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда". (Экклезиаст, III, 16). Это изречение как нельзя более приложимо к суду, приговорившему к смерти Христа...

Демон, охваченный огненной любовной страстью, клянется Тамаре:..

Клянуся небом я и адом,

Земной святыней и тобой"... и т. д. (II, 373—375).

В этой клятве правда перемешана с ложью; в ней и светлые ангельские грезы, и багровые вспышки дьявольской злобы, слезы умиления и глухие стоны нестерпимой душевной боли, смирение и едва скрываемое, торжествующее высокомерие...

Что говорят о клятве книги Ветхого и Нового Завета?

"И не клянись именем Моим во лжи; иначе посрамишь ты имя Бога твоего: Я Господь". (Левит, XIX, 12).

"Если дашь обет Господу, Богу твоему, не замедли исполнить его; потому что Господь, Бог твой, взыщет его с тебя, и на тебе будет грех". (Второзаконие, XXIII, 22).

"А Я говорю вам: *не клянись вовсе: ни небом*, потому что оно Престол Божий;

Ни землею, потому что она подножие ног Его...

"Но да будет слово ваше: "да, да"; "нет, нет"; *а что сверх этого, то от лукавого*". (Матф., V, 34, 35, 37).

Прежде же всего, братья мои, *не клянись ни небом, ни землею, и никакого другою клятвою*, но да будет у вас: да, да, и: нет, нет, *дабы вам не подпасть осуждению*". (Посл. Ап. Иакова, V, 12).

Лермонтовский Демон нарушил этот запрет; он клялся и небом, и землей, и был наказан Богом. Согрешила и Тамара, — не только, как человек, но и как монахиня: зная, что Священное Писание запрещает клясться, она сама просила Демона дать клятву; но ею руководило желание добра, и Небо простило ей и этот грех.

Подобно многим русским поэтам, Лермонтов говорил о "муках слова":

Холодной буквой трудно объяснить

Боренье дум. Нет звуков у людей

Довольно сильных, чтоб изобразить

Желание блаженства. Пыл страстей

Возвышенных я чувствую, но слов

Не нахожу; и в этот миг готов

Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь

Хоть тень их перелить в другую грудь.

.....

Мысль сильна,

Когда размером слов не стеснена. (I, 254, 255, 261).

Лермонтов говорил это, никому не подражая, потому что, как истинный поэт, переживал муки творчества; интересно, однако,

привести в параллель стих Экклезиаста: "Все слова слабы; не может человек переговорить всего"... (I, 8). (Подробн. см. ниже: "Заметки" — "Муки слова", стр. 438, 439).

В "Испанцах" (III, 36, 37) еврей принимает участие в судьбе Фернандо, раненного наемными убийцами; это напоминает притчу о милосердном самарянине (Лука, X, 30—37). В притче мимо раненого равнодушно проходят священник, левит; у Лермонтова краски сгущены: виновником несчастья является *патер*, подговоривший бродяг напасть на молодого испанца.

В стихотворении "Расписку просишь ты, гусар" поэт говорит:

**Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народной,
И жезл священный поднял он;
И на челе его угрюмом
Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой,
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.** (II, 212, 213).

Стихи эти прекрасны; сюжет взят из Библии, но у поэта вкралась ошибка: чудо совершил не Аарон, а Моисей. Библия повествует следующее:

1) "И жаждал там народ воды, и роптал народ на *Моисея*, говоря: зачем это вывел ты нас из Египта, уморить жаждою нас, и детей наших, и стада наши?"

"И возопил *Моисей* к Господу и сказал: что мне делать с этим народом? еще немного, и побьют меня камнями".

"И сказал Господь *Моисею*: пройди пред народом и возьми с собою некоторых из старейшин Израильских, и жезл твой, которыми ты ударил по реке, возьми в руку твою и поди".

"Вот, Я стану пред тобою там на скале в Хориве; и ударишь ты в скалу, и пойдет из ней вода, и будет пить народ. И сделал так *Моисей* в глазах старейшин Израильских". (Исход, XVII, 3—6).

2) "И не было воды для общества, и собрались они против *Моисея* и Аарона".

"И роптал народ на *Моисея*, и сказал так: о, если бы умерли тогда и мы, когда умерли братья наши пред Господом!"

"Зачем же вы привели общество Господне в эту пустыню, чтобы умереть здесь нам и скоту нашему?"

"И для чего вывели вы нас из Египта, чтобы привести нас на это дурное место, где нельзя сеять, нет ни смоковниц, ни винограда, ни гранатовых яблоков, ни воды для питья?"

"И отошел *Моисей* и Аарон от народа ко входу скинии собрания, и пали на лица свои, и явилась им слава Господня".

"И сказал Господь *Моисею*, говоря:

"Возьми жезл и собери общество, ты и Аарон, брат твой, и скажите в глазах их скале, и она даст из себя воду; и так ты источишь им воду из скалы, и напоишь общество и скот его".

"И взял *Моисей* жезл от лица Господня, как Он повелел ему".

"И собрали *Моисей* и Аарон народ к Скале; и сказал он им: послушайте, непокорные, разве нам из той скалы источить для вас воду?"

"И поднял *Моисей* руку свою, и ударил в скалу жезлом своим дважды, и потекло много воды, и пило общество и скот его".

"И сказал Господь *Моисею* и Аарону: за то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою пред очами сынов Израилевых, не введете вы этого народа в землю, которую Я даю ему". (Числа, XX, 2—12).

Таким образом, чудо совершено *Моисеем*; при этом присутствовал и Аарон; поэт запямятовал и приписал чудо ему.

Библией навеяна и следующая "Еврейская мелодия" в "Испанцах":

**I.
Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солим опустел..**

**Начуже в раздолье печально житье;
Но сыны твои взяты не в пышный предел:
В пустынях рассеяно племя твоё.**

**II.
Об родине можно ль не помнить своей?
Но когда уж нельзя воротиться назад,**

**Не пойте! досадные звуки цепей
Свободы веселую песнь заглушат.**

**III.
Изгнанники, пеплом посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при холодной луне.
Чтоб стенанье израильтян тронуть могло.
Того, кто явился к пророку в огне.**

**IV.
Тому только можно Сион вам отдать,
Привесть вас на землю ливанских холмов,
Кто может утешить скорбящую мать.
Когда сын ее пал под мечами врагов.** (III, 49).

Ср. еще:

**Плачь, плачь, Израиля народ!
Ты потерял звезду свою:
Она вторично не взойдет,
И будет мрак в земном краю.** (I, 154).

Это напоминает знаменитый псалом: "При реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе. На ивах среди его повесили наши арфы; Потому что там пленившие нас требовали от нас песней и насмехавшиеся над нами — веселья: "Спойте нам из песней Сионских". Как нам петь песню Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть забудется правая рука моя; Пусть прильнет язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима выше веселия моего"... (Пс. CXXXVII, 1—6)²⁶⁴. Могла оказать влияние и одна из "еврейских мелодий" Байрона — "О, плачьте"... (Байрон, I, 99).

В стихотворении "Выхожу один я на дорогу" поэт высказывает желание уснуть вечным сном. О смерти-сне говорит и Библия: "Когда они разгорячатся, предложу им пиршество, и упою их, чтобы повеселились, и *успнули сном вечным, и не пробуждались*, изрек Господь". (Кн. пророка Иеремии, LI, 39).

"Возри, услышь меня, Господи, Боже мой! просвети очи мои, чтобы не *успнул я сном смертным*". (Пс. XIII, 4).

Томаясь на земле, как в плену, поэт вечно мечтал о безграничной воле, завидовал свободным тучам, волнам, птицам. В стихотворении "Желание" (1831 г.) он с тоской восклицает:

**Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить? (I, 266).
Через девять лет:
Молча сию под окошком темницы.
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют все вольные птицы...
Глядя на них, мне и больно и стыдно.** (II, 291).

Или:

**Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь, — отворится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.** (II, 292)²⁶⁵.

Эта жажда свободы, эти грезы о крыльях, любовь к быстрым движениям — объясняют нам отчасти, почему Лермонтову так до-

рог был образ Демона — духа одинокого, отверженного, но вольного, переносающегося молниеносным, могучим полетом через междупланетные бездны... О крыльях мечтал и псалмопевец:

"И я сказал: кто дал бы мне голубиные крылья? Я улетел бы и поселился бы где-нибудь; Далеко удалился бы я, и стал бы жить в пустыне". (Пс. LV, 7, 8).

Лермонтов любил изображать пляшущих красавиц; например, он дает яркие описания пляски в "Вадиме", "Хаджи-Абреке", "Демоне" и др. произведениях. Танцы, как он показывает, пробуждают в зрителе страсть (исключение представляет суровый Хаджи-Абрек). Библия повествует, что дочь Иродианы так угодила пляской Ироду и его гостям, что царь сказал:

"Проси у меня чего хочешь, и дам тебе;

И клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства". (Марк, VI, 22, 23).

Демон полюбил Тамару, увидев ее пляшущей; потом он говорил ей:

Лишь только я тебя увидел,

И тайно вдруг возненавидел

Бессмертие и власть мою, —

Я позавидовал невольно

Неполной радости земной:

Не жить, как ты, мне стало больно,

И страшно — розно жить с тобой.

.....

Что без тебя мне эта вечность?

Моих владений бесконечность? (II, 369).

Как Ирод, он клялся дать Тамаре, пляски которой не мог забыть, все, чего бы она ни пожелала, обещал сделать ее "царицей мира".

В "Трех пальмах" — конь араба прыгает, "как *барс*, пораженный стрелой". (II, 258).

Ср. библейское: "*Быстрее барсов кони его*". (Кн. пророка Аввакума, I, 8).

Влиянием Библии объясняется обилие у Лермонтова церковно-славянских слов и оборотов.

10.

Библия притягивала внимание Лермонтова и своей неувыдаемой поэзией, и высотой религиозного и нравственного учения. Он нередко вдохновлялся ею; заметно, что он больше тяготел к Ветхому Завету; ему по душе была и знойная "Песнь песней", и мрачный "Экклезиаст", и скорбно-гневный "Плач Иеремии", и восторженные, славящие благость и мудрость Творца, "Псалмы".

О том, как глубоко, как тонко понимал Лермонтов поэзию Библии, проникался этой поэзией, с каким совершенством превращал библейское в современное, может свидетельствовать поэма "Демон". Все, что лежит в ее основе, — борьба злого духа с Небом, печальные думы о том, что человеческая жизнь кратка, что земное счастье непрочно, что юность быстролетна, что самая пылкая любовь непостоянна, что преходящи и богатство, и слава, что плоды трудов человеческих недолговечны, — все это библейское, влившееся в поэму или непосредственно из Библии, или из произведений чужеземных, более или менее широко захватывавших библейские мотивы (таковы, например, "Потерянный рай" Мильтона, "Мессиада" Клопштока, "Фауст" Гете, "Каин" и "Небо и Земля" Байрона, "Элоа" А. де Виньи и др.). Нельзя не поражаться мощи и гибкости молодого гения, с честью для себя выдержавшего соревнование с колосами мировой литературы. Поэма Лермонтова не подражание;

много лет было потрачено на ее создание; эти идеи, эти пышные образы найдены в мучительных поисках идеала, пронесены сквозь огонь душевных страданий поэта, им придана новая, ослепительная красота.

Тяготая более к сумрачной ветхозаветной поэзии, Лермонтов создал такие шедевры, как "Пророк" и "Демон". Однако сердце его лежало не только к печали, но и к радости; из книг Ветхого же Завета он взял мотив восторженной хвалы Творцу неба и земли, всего видимого и невидимого. Им же написаны — "Ветка Палестины" и "Молитвы" — "Я, Матерь Божия" и "В минуту жизни трудную"; эти трогательные молитвы озарены немеркнущим сиянием новозаветной поэзии; в них и безграничная, светлая вера в Бога, в Божию Матерь, и тихая грусть, и надежда, и нежность; в русской литературе нет религиозных мелодий, пленительнее лермонтовских. Поэт равно постигал дух Ветхого и Нового Завета.

Мы далеки от мысли утверждать, что все точки соприкосновения поэзии Лермонтова с Библией являются доказательством влияния последней, что он в совершенстве знал ее; многие совпадения, вероятно, случайны; но Библию он читал, цитировал ее, вдохновлялся ею; словом, она была одним из тех источников, которые питали поэтический гений Лермонтова.

Дубовый листок

1.

Стихотворение Лермонтова "Дубовый листок оторвался от ветки родимой" написано в 1841 г. Это одно из тех стихотворений, которые были занесены поэтом в записную книжку, подаренную ему князем В.Ф. Одоевским²⁶⁶. Впервые оно напечатано было в 1843 г., в "Отечественных записках". Одно из прекраснейших созданий Лермонтова, — по глубине и универсальности идей, по изысканности поэтических образов и стиха, — оно до сих пор мало привлекает внимание исследователей русской литературы²⁶⁷; мнения же, высказанные о нем до сих пор, весьма несходны между собой.

Например, Орлов полагает, что поэт в этом стихотворении выражает готовность "возвратиться к обществу, примириться с ним, но сам сознает, "что примирение невозможно, т. к. он увял в бурях, а его "рассказы мудреные и чудные" ("приобретенный им запас опытности и знаний") покажутся другим "небылицами". (Орлов. "М. Ю. Л." СПб. 1883 г., 42, 43). Этого же взгляда держится Бураковский ("М. Ю. Л." СПб. 1903 г., 20), буквально то же повторяет Ал. Соловьев ("М. Ю. Л." СПб. 1908 г., 26).

С этим взглядом нельзя согласиться. Мог ли поэт уподобить молодой, роскошной чинаре русское общество, духовную немощь и уродство которого так горько, так зло и беспощадно осмеивал? Нет, он не мог пойти на уступки и искать примирения с обществом, "завистливым и душным для сердца вольного и пламенных страстей" (Л., II, 203); он не мог умолять о примирении "бездушных людей" (II, 277). Вспомним, что в том году (и в той же тетради кн. Одоевского) им написан знаменитый "Пророк": под пророком поэт подразумевал себя, а под ближними, метавшими камень в глашатая правды, — русское общество.

Н. Котляревский, сопоставляя стихотворения Лермонтова "Три пальмы" и "Дубовый листок оторвался от ветки роди-

мой”, приходит к следующему выводу: “Если в первом стихотворении человек является как представитель разрушающей эгоистической силы, то здесь, наоборот, он ищет в природе успокоения и отдыха от той тревожной и пустой жизни, которая его истомила. Природа, наученная горьким опытом, принимает человека очень недружелюбно”. (Котляревский. “М. Ю. Л.”, 195)²⁶⁸.

Трудно *вполне* согласиться с этим взглядом. Лермонтов и его герои — Селим, Измаил-Бей, Вадим, Арсений (в “Боярине Орше”), Мцыри, Печорин — стихийной любовью любили природу, и она принимала их ласково, как мать; на ее лоне они отдыхали душой, наслаждались созерцанием ее красот, понимали тайные голоса природы и просветленным, восторженным взором могли лицезреть в небесах Божество. Лермонтов скорбел о том, что люди не только недостаточно любят природу, но уходят от нее или губят ее прекрасные создания (“Ангел Смерти”, “Три пальмы”, “Валерик”). В стихотворении “Выхожу один я на дорогу” (1841 г.) поэт, действительно, говорит о диссонансе между торжественно-спокойной природой и своей мятежной душой; но и в этой элегии чувствуется его глубокая, неизменная любовь к матери-природе, вера в ее живое участие: он выражает желание погрузиться в вечную полудрему и слушать ласковый шум дуба. Об этой вере свидетельствует стихотворение “Пророк”, написанное в том же 1841 году; в нем бессердечным людям противопоставляется благая природа; поэт-пророк, гонимый ближними, бежит в пустыню; там он свободен и не одинок: ему покорна вся тварь земная, и звезды слушают его проповеди, “лучами радостно играя”. (II, 347).

Бархин высказывает следующее предположение: “Стихотворение является отголоском юношеских стремлений Л-ва из “отчизны суровой” на “запад”. Но с годами Л-ва стало посещать тяжелое раздумье: найдет ли он, странник, добровольно покинувший свой дом, приют в чужой стране, среди чужих людей”? На это поэт дает “резко отрицательный ответ”. (Бархин, I, 164, 165; см. еще стр. 14 — 16).

И это толкование лермонтовской элегии нас не удовлетворяет. Лермонтов, скептически относившейся к западной культуре²⁶⁹, едва ли и прежде собирался бежать на Запад, чтобы там “посвятить себя бодрому жизненному строительству” (выражение Бархина, там же). Правда, в “Монолог” (1829 г.) поэт говорил:

**И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...** (I, 74).

Но и Запад не казался ему обетованной страной; в “Измаиле-Бее” (1832 г.) находим следующие энергические стихи:

**Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душиной заражен!
Старик для чувств и наслажденья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где все так живо,
Так непокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?** (II, 26).

В ранней юности, действительно, поэт рвался “на запад, на запад” (I, 266), но под “западом” подразумевал Шотландию, родину предков (см., например, стихотворение “Гроб Оссиана”, I, 138). Если Лермонтов и мечтал *бежать* из России, то не на Запад, а в Мекку, в Передо или Хиву, как признавался Раевскому (IV, 330). Печорин говорил Максиму Максимычу: “Как только будет можно, отправлюсь, — *только не в Европу, избави Боже!* — поеду в Америку, в Аравию, в Индию”... (IV, 179). Ср.

еще: “Еду в Персию — и дальше”... (IV, 190). Он умер, возвращаясь из Персии (IV, 193).

Быть может, в этом стихотворении поэт выражает жажду любви и под чинарой подразумевает женщину, — прекрасную, но надменную и безучастную к чужой печали, к чужому страданию?.. Нет, листок-поэт не просит любви, страсти; он ищет только покоя; если он и хочет женской ласки, то лишь ласки *материнской*; в вариантах есть следующий характерный стих:

Прими же пришельца, как сына, меж листьев широких. (II, 483).

На наш взгляд, основной мотив стихотворения “Дубовый листок оторвался от ветки родимой” — жалоба на душевную усталость, на невыносимо гнетущее одиночество и равнодушные счастливых к несчастливому. Написано оно в минуту глубочайшей тоски и по идее приближается к другим известным стихотворениям — “И скучно и грустно”, “Благодарность”, “Выхожу один я на дорогу”. С юных лет страдал поэт от одиночества. Он рано потерял мать и отца.

Он не имел ни брата, ни сестры,

И тайных мук его никто не ведал. (II, 166).

Он так и не встретил женщины, готовой полюбить его и разделить с ним его горести и радости. Бабушка? Она любила его, но не могла понять его запросов, трагедии его души. Поэт имел небольшой круг людей, любивших и понимавших его, но и от тех он нередко бывал оторван и скитался по глухой окраине России. И всю жизнь он страдал оттого, что “некому было руку подать в минуту душевной невзгоды”, что “годы проходили — все лучшие годы”... (II, 286)... Печали и неудачи терзают нас еще сильнее, когда мы видим, что другие веселы и беззаботны. Жизнь на блестящем пиру всегда обносит чашей запыленного, непрошенного гостя-странника. Вероятно, *лермонтовская чинара символизирует все, что молодо и эгоистично-счастливо*. Поэт, вообще, любил противопоставлять общему ликованию чье-нибудь затаенное страдание. Например:

**...Нередко, средь веселья
Дух мой страдает и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.** (I, 46).
**Пир брачный весело шумит,
Лишь молча гость один сидит.** (I, 263).

На царском пиру —

**Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь,
А в груди его была дума крепкая.** (II, 216).

Таким же изображен Казот:

**На буйном пиршестве задумчив он сидел,
Один, покинутый безумными друзьями.** (II, 263).

На пышном пиру юные красавицы ведут веселый разговор.

**Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая,
Бог знает чем, была погружена.** (II, 340).

Даже у пляшущей Тамары на пиру

**Часто тайные сомненья
Темнили светлые черты,**

потому что бедная девушка знала, что ее завтра ждет:

**Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая доньше
И незнакомая семья.** (II, 355).

Жизнь томила поэта, “как пир на празднике чужом”. (II, 252).

Засохший листок "не пара" "свежим сынам" чинары. Не то же ли поэт говорит о своем поколении?

Так тощий плод, *до времени созрелый*,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, *пришлец осиротелый*,
И час их красоты — его паденья час! (II, 252).

Ср. — "до срока созрел я", "прими же *пришельца*". (II, 345).

В эпилоге "Демона" шумной, "вечно молодой", ликующей природе противопоставляется грустный, одинокий, старый збмок Гудала (II, 381—382). Арбенин говорит:

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной,
Но сердце холодно, и спать воображенья:
Они все чужды мне, и я им всем чужой! (III, 217).

Ту же мысль встречаем в стихотворениях "Первое января" (II, 277, 278), "Не верь себе":

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой...

.....
Какое дело нам, страдал ты или нет? (II, 256).

Глубоко сочувствует поэт и байроновскому гладиатору, одиноко умирающему на глазах ликующей, праздной толпы.

Но Лермонтов недаром сравнивал себя с парусом, просящим бури; он одарен был душой мятежной, дерзновенной. Порою он испытывал утомление, потому что судьба обрекла его на борьбу беспощадную и непрекращавшуюся; но вновь, в самом же себе, он находил новые силы. Поэтому и "бедный листочек дубовый" молил приюта только "на время".

2.

Обратимся к детальному разбору элегии; он покажет, как глубоко и сложно ее содержание, как долго и бережно лелеял поэт излюбленные образы, идеи, как строго взвешено, как искренно прочувствованно, выстрадано каждое его слово.

Стихи 1 — 3:

*Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя...* (II, 345).

Варианты 1-го и 2-го стиха:

**Зеленый листок (Листок молодой) оторвался от ветки родимой
И в даль укатился, холодную бурей гонимый.** (II, 483).

Лермонтов говорит о *дубовом* листке. Дуб был одним из любимых деревьев поэта. В своем предсмертном стихотворении "Выхожу один я на дорогу" он высказывает заветное желание: заснуть и сквозь сон слушать шум вечно зеленого дуба. В "Боярине Орше" он дает описание мощного дуба:

Среди долины был курган.
Корнистый дуб, как великан,
Его пятою попирает
И горделиво расстилал
Над ним, по прихоти своей,
Шатер чернеющих ветвей. (II, 130).

Ср. еще — I, 78 — 79, ст. 5 — 9; 242, ст. 544 — 556.

Поэт очень часто говорил об одиноком оторванном древесном листке.

Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок

Мчит жертвой посреди степей!... (I, 51).

Желтый лист о стебель бьется

Перед бурей;

Сердце бедное трепещет

Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер

Мой листок одинокой

Унесет далеко, далеко...

Пожалеет ли об нем

Ветка сирая? (I, 88).

Лист отпавший вновь не зацветет. (I, 214).

Селим —

полетел знакомою дорогой,

Как пыльный лист, оторванный грозой,

Летит крутясь по степи голубой!... (I, 343).

Демон —

жил забыт и одинок —

Грозой оторванный листок —

Угрюм и волен.... (II, 400).

Мцыри —

угрюм и одинок,

Грозой оторванный листок. (II, 311).

В письме к товарищу (1831 г.) поэт говорит: "Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листья осени". (IV, 305)²⁷⁰.

Следовательно, сравнение человека с одиноким, сухим листком, оторванным бурей от родной ветки, давно было готово у Лермонтова; самое раннее из них (I, 51) относится к 1829 г., а разбираемое нами стихотворение — к 1841 г.

Быть может, этот поэтический образ был навеян чтением или народной поэзией. Уподобление человека, гонимого судьбой, оторванному листку — мотив общечеловеческий. Мы встречаем его в Библии:

"Мы увяли, как лист, и грехи наши, как ветер, уносят нас". (Исаия, LXIV, 5).

"Не сорванный ли листок Ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?" (Иов, XIII, 25).

Встречаем у древних классиков; у Гомера:

Листьям в дубавах подобны сыны человекоев:
Ветер одни по земле развеивает, другие дубавы,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человеки: сии нарождаются, те погибают.
("Илиада". Пер. Гнедича. СПб. 1892 г., VI, 146 — 149)²⁷¹.

У Овидия:

Ты ж ненадежней листа, что, оставленный соком зеленым
Тканью сухой шелестя, в вихре осеннем летит.
("Героини". Пер. проф. Зелинского. СПб. 1913 г., 85).

Гудруна, героиня скандинавского эпоса, говорит: "Теперь, со смертью моего государя, чувствую себя как бы пришибленной, подобно листку, гонимому в лесу по воле ветра". ("Старшая Эдда". СПб. 1897 г., 71).

"Опаданье листьев", как говорит Потебня, в малорусских народных песнях является "символом разлуки"; в болгарской песне поется: "Черней, лес, черней, милый, вдвоем станем чернеть: ты потерявши зеленый лист, а я потерявши первую любовь (первую милую)". Малорусская песня:

Та кленовий листоньку!
Куди тебе вітер несе?
Чи з гори да в долину?
Чи в чужу україну?..

Так и русский князь Игорь, как "дубовый листок оторвался от ветки родимой". (Потебня, "Слово о полку Игореве. Воронеж. 1878 г., 114, 115)²⁷².

Этот образ любим поэтами нового времени.

Байрон:

Подобны блеклым мы листам,
Далеко бурей унесенным.

("Газел", из "Еврейских мелодий", пер. Плещеева. Соч. Байрона, I, 99).

A. Arnault:

*De ta tige détachée
Pauvre feuille desséchée,
Qui vas-tu? – Je n'en sais rien;
L'orage a brisé le chêne
Qui seul était mon soutien.
De son inconstante haleine,
Le zephyr ou l'aquilon,
Depuis ce jour me promène
De la forêt à la plaine,
De la montagne au vallon.
Je vais où le vent me mène,
Sans me plaindre ou m'effrayer;
Je vais où va toute chose,
Qui va la feuille de rose
Et la feuille de laurier²⁷³.*

Это стихотворение чрезвычайно близко к лермонтовской элегии и к украинской песне, цитируемой Потембей.

Ср.— Верлэн:

Под бурей злой
Мчусь в мир былой,
Невозвратимый,
В путь без следа,
Туда, сюда,
Как лист гонимый.

("Осенняя песня". Пер. Минского). Пушкин сравнивал себя с "запоздалым листом", трепещущим "на ветке обнаженной"²⁷⁴. Ср. еще — Лермонтов:

**Она прижалась к юноше. Листок
Так жмется к ветке, бурю ожидая.** (II, 156).

Или:

Затряслась, как листочек осиноный. (II, 221).

Лермонтову доступны были некоторые из названных литературных источников, возможно чье-нибудь влияние, но, как "поэт Божьей милостью", он сам мог создать этот художественный образ — сравнение человека с листком²⁷⁵.

Стих 4 —

И вот, наконец, докатился до Черного моря.

Подобно дубовому листку, поэт, оторванный от родных мест, с далекого севера попал на берега Черного моря. Черное море упоминается еще в 5-м стихе этого стихотворения, в стихотворении "Памяти А.И. Одоевского" (II, 263), в двух письмах (IV, 329, 340). В последнем стихе разбираемой нами элегии поэт дает Черному морю эпитет — "холодное".

Стих 5 —

У Черного моря чинара стоит молодая.

Поэт нередко говорит о чинаре и в других произведениях. Напр., в "Валерике":

Дремлешь под широкой тенью²⁷⁶
Чинар... (II, 300).

В "Споре":

В тени чинары. (II, 338).

В "Свидании":

Под свежью чинарою. (II, 343)²⁷⁷.

В "Демоне":

**Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом.**
(II, 353, см. еще — 363, ст. 442).

Ср.— "Герой нашего времени": "Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар". (IV, 155).

Стих 6 —

С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская.

Ср. Пушкин:

И ветер, лаская листочки древес... ("Туча").

Стихи 7 и 8 —

**На ветвях зеленых качаются райские птицы,
Поют они песни про славу морской царь-девицы.**

О райских птицах поэт говорит и в 20-м стихе. Ср. русскую народную песню: "Прилетала *птичка райская*, садилась на тот на сырой дуб, пела она песни царские". (Песни Рыбникова. М. 1909 г., I, 325). Царь-девица — героиня сказок, многих европейских народов (см. Энциклопедический словарь Бр. и Ефр., XXXVII). В нашей художественной литературе о царь-девице говорится, напр., в сказке Ершова "Конек-горбунок"; царь-девицу воспевали: Державин ("Царь-девица"), Полонский ("Царь-девица").

Стих 9 —

И странник прижался у корня чинары высокой.

Поэт часто называет себя "странником"; подробности см. в нашей статье "Лермонтов и Библия". Слово "прижался" указывает, как жадно утомленный скиталец ищет отдыха, участия.

Стих 10 —

Приюта на время он молит с тоскою глубокой.

Варианты

Прижался — и просит, и молит с тоскою глубокой. (II, 483).

Ср.:

**Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.** (II, 351).

Стих 11 —

И так говорит он: Я бедный листочек дубовый.

Выражение "бедный листочек" (как и предыдущее — "на время") указывает, как несчастен листок, как мало он просит для себя, как нуждается он в отдыхе и ласке; холодные слова чинары подчеркивают все ее бездушие.

Стих 12 —

До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Поэт часто говорит о преждевременной, и поэтому губительной, зрелости. Напр.:

**Мы, дети севера, как здешние растения,
Цветем недолго, быстро увядаем...** (I, 74).

Лицо мое вам не могло

Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет

Меня к могиле. (I, 132).

Так тощий плод, до времени созрелый,

Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, прищепец осиротелый,

И час их красоты — его паденья час! (II, 252; ср. 16 — 17).

И тьмой и холодом объята

Душа усталая моя:

Как ранний плод, лишенный сока,

Она увяла в бурях рока

Под знойным солнцем бытия. (II, 210).

Любя родину, поэт называет ее суровой; еще в юности он высказывал аналогичные мысли; ср.:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна! (I, 66).

Стих 13 —

Один и без цели по свету ношусь давно я.

Лермонтов часто жалуется на одиночество:

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить:
Делить веселье все готовы, —
Никто не хочет грусть делить. (I, 122)
Я к одиночеству привык. (I, 129).
Один, один,
С моей тоской. (I, 174).

Я влачу мучительные дни,
Без цели, оклеветан, одинок... (I, 255).

Другой заставит позабыть
Свою песнею высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой. (I, 292)²⁷⁸.
И все, что чувствует, — он чувствует один! (II, 17).
Мне одинокий путь назначен. (III, 165).

О *бесцельности* бытия — ср. еще:

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели. (II, 252).

Демон блуждал

Давно без цели и приюта. (II, 486).

Ср. Пушкин:

Цели нет передо мною...
("Дар напрасный, дар случайный").

Стих 14 —

Засох я без тени, увял я без сна и покоя.

Ср. стих 3:

Засох и увял он от холода, зноя и горя.

Поэт не раз говорит о своей усталости и о жажде покоя. Напр.:

Устал я от земных забот. (I, 175).
Душа усталая моя. (II, 210).
Сковала душу мне усталость. (II, 246).
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой. (II, 327).

Жизнь как бал:

Кружишься — весело, кругом все светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И все забыл, и только что устал. (III, 270).
Я ищу свободы и покоя;
Я б хотел забыться и заснуть... (II, 348)²⁷⁹.

Стих 15 —

Прими же пришельца меж листьев твоих изумрудных.

Ср.:

И плещ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой *изумрудной*. (II, 358).

Вариант:

Прими же пришельца, как сына, меж листьев широких. (II, 483).

Стих 16 —

Немало я знаю рассказов мудреных и чудных.

Поэзия Лермонтова действительно отличается глубиной идей, замысловатостью и фантастичностью сюжетов.

Вариант:

Тебе расскажу я, что видел в пустынях далеких. (II, 483).

Стих 17 —

На что мне тебя! отвечает младая чинара.

Здесь — "*младая*"; в 5-м стихе — "*молодая*". Ср. в "Ангеле" — "душу *младую*", "в душе *молодой*". (I, 284).

Стих 18 —

Ты пылен и желт, и сынам моим свежим не пара.

Ср.:

Под *свежею чинарою*. (II, 343).

Ср. еще:

Листьев *свежею* толпой. (I, 242).
Как тополь дик и *свеж*... (II, 190).
Свежий лес шумит при звуке ветерка. (II, 208).
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих *свежею* толпой. (II, 313).
Под *свежим* пологом лесов. (II, 323).

Стих 19 —

Ты много видал, да к чему мне твои небылицы!

Вариант:

И слушать я также не стану твои небылицы. (II, 483).

Стих 22 —

Я солнцем любима, цвету для него и блистаю.

Вариант:

Я солнцева дочь, для него лишь цвету и блистаю. (II, 483).

Стих 23 —

По небу я ветви раскинула здесь на просторе.

Ср.:

Чинар развесистые сени. (II, 353).

Стих 24 —

И корни мои умывает холодное море.

Вариант:

И корни мои омывает покорное (послушное) море. (II, 483).

3.

В произведениях позднейших русских поэтов нередко можно услышать отзвуки лермонтовской элегии. Голенищев-Кутузов говорит:

Как странник под гневом палящих лучей,
Средь Богом сожженных, безводных степей,
Бреду я житейским путем, — и давно
Усталое сердце тоской сожжено. (Г.-К., I, 184).

Лермонтовским духом проникнуто стихотворение Надсона — "Я пришел к тебе с открытою душою". (Надсон, 77). Поэт говорит:

Я пришел к тебе с открытою душою,
Истомленный скорбью, злобой и недугом,
И сказал тебе я — будь моей сестрою,
Будь моей заботой, радостью и другом...

Но девушка не ответила ему любовью и доверием.

И, сокрыв в груди отчаянье и муку
И сдержав в устах невольные проклятья,
Со стыдом мою протянутую руку
Опускаю я, не встретивши пожатья.
И как путник, долго бывший на чужбине
И в родном краю не узнанный семьею,
Снова в людном мире, как в глухой пустыне,
Я бреду один с поникшей головою...²⁸⁰

Под влиянием Лермонтова написана Фофановым его "фантазия" — "Месть любви". (Фофанов. "Стихотворения". СПб. 1887 г., 167 — 173). Укажем наиболее характерные места.

В некотором обширном городе, лежавшем на берегу моря, жила королева с красавицей-дочкой.

И в городе том же жил *бедный певец одиноко,*
Гонимый судьбою и миром гонимый жестоко.

Он полюбил королеву и признался ей в любви:

Он шепчет: тебя я люблю всей душою своею,
Тебя я одну в бесконечных мечтаньях лелею,
Тебя я одной посвящал свои песни и думы.
И в степи морской без тебя я влачуся угрюмый.
О, сжался, царевна! И нашу заветную встречу
Я праздником вечным в судьбе своей грустной отмечу.
Я бедный певец. Много песен я чудных слагаю;
Открой же мне доступ, царевна, к желанному раю,
Будь вечной подругой; тебя усыплять буду сказкой,
Тебя пробуждать стану я поцелуем и лаской.

В двух последних стихах — влияние "Демона"; ср.:

Подруга вечная моя. (Л., II, 498).

К тебе я стану прилетать,

Гостить я буду до денницы,

И на шелковые ресницы

Сны золотые навевать... (II, 361).

Царевна, прекрасная и безучастная, как молодая чинара, надменно отвергает признания поэта.

*Взглянула царевна на юношу с гордой улыбкой,
Алеет, как роза, и стан изгибает свой гибкий
Небрежно, и молвит: тебя полюбить не могу я;
Не надо мне песен с огнем твоего поцелуя:
Ты — бедный певец, я — царевна!* Жених мой давнишний —
Царевич заморский; в стране обитает он пышной;
Блистают дворцы его жемчугом чистым и златом;
Он носить порфиру, сидит он на троне богатом;
Трепещут рабы пред его беспредельною властью.
Ты, бедный певец, ты смешон мне с безумною страстью!

Стихотворный размер "фантазий" Фофанова — *лермонтовский*.

Весьма близка к элегии Лермонтова следующая "Песня" Дрожжина:

*Как листок оторван
С веточки родимой
Без пути, без воли
Бурею гонимый,
Так и я по свету
Белому скитаюсь,
Не живу, а только,
Горемычный, маюсь.
Дни идут за днями,
Годы за годами,
Молодость проходит
С светлыми мечтами.
Надо мною вьются
Тучи да метели,
От тоски-кручины
Кудри поседали.
Гибнет незаметно
Сила и здоровье,
Сердце не согрето
Теплою любовью.
Грустный, одинокий,
Век свой доживаю,
Да про злое горе
Песни напеваю.*

(Дрожжин. "Стихотворения". СПб. 1894 г., 107, 108).

О "дубовом листке" Лермонтова можно сказать словами Фета:

*Этот листок, что иссох и свалился,—
Золотом вечным горит в песнопенье.
("Поэтам").*

Портрет

(Светлой памяти профессора С.В. Соловьева)

1.

Среди прозаических произведений Лермонтова начатая повесть о Лугине занимает такое же место, какое занимает среди поэтических произведений "Сказка для детей" или "Это случилось в последние годы могучего Рима"; это нечто недосказанное, недовершенное, но в отрывках этих видна рука гения; даже в дошедшем до нас виде они чрезвычайно ценны для более глубокого понимания сложного творчества великого поэта.

В недоконченной повести о Лугине особенно интересны следующие мотивы:

- 1) история волшебного портрета, изображение которого может оживать;
  - 2) чудесное, благотворное воздействие музыки на душу человека;
  - 3) власть азартной карточной игры над душой и умом человека;
  - 4) изображение постепенного развития душевной болезни.
- Главным предметом этой статьи мы берем первый мотив.

2.

История о чудодейственном портрете, нарисованном чрезвычайно живо и способном оживать, — мотив, не раз привлекавший поэтов и писателей до и после Лермонтова.

Принимаясь за свою повесть, наш поэт, без сомнения, находился под влиянием какого-нибудь иностранного или русского автора (быть может, даже нескольких авторов).

По мнению Мосолова, на Лермонтове сказалось прямое влияние Гофмана (Л., V, 223). Какое именно произведение Гофмана могло оказать воздействие, г. Мосолов не говорит. Проф. Абрамович так же краток: "Чтением Гофмана навеян отрывок из начатой повести". (Л., V, XLIII). Вообще, до сих пор не останавливались на вопросе: был ли знаком Гофман Лермонтову? Почти без ошибки можно предположить, что Лермонтов читал его. В первой половине прошлого века интерес к произведениям автора "Серапионовых братьев" был велик. Как известно, Гофман оказал у нас влияние на Пушкина, Гоголя, Достоевского и др. Весьма вероятно, что Лермонтов, тяготевавший ко всему фантастическому, не прошел мимо книг талантливого немецкого писателя, пленяющего читателей игрой огненного воображения; в них многие страницы могли остановить на себе его внимание.

Например, о загадочном, оживающем портрете Гофман говорит несколько раз.

В "Эпизоде из жизни трех друзей"²⁸¹ некто Александр (хотя он и смеялся над верой в привидения) рассказал друзьям следующее. Однажды ночью почудилось ему, что кто-то ходил по комнате тихими шагами, стонал, вздыхал, кашлял, скрипел дверцей шкапа, принимал какую-то жидкость, стуча серебряной ложкой и бутылкой, и скрылся. Он даже видел, как "белая фигура, пошатнувшись, отделилась от стены". "Вставая с постели", говорил он, "я невольно бросил взгляд на тетушкин портрет; это была большая, написанная в натуральную величину до колен, картина. Мороз подрал меня по коже при мысли о замечательном сходстве портрета с почудившейся мне, ночью белой фигурой".

В рассказе "Зловещий гость" упоминается о портрете с "черными, точно живыми глазами". Одно из действующих лиц говорит: "Едва начинал я, во сне или наяву, думать об Анжелике, роковая картина, как тень, становилась передо мною, лишая меня всякой способности чувствовать, самостоятельно и самовластно распоряжаясь всем моим существом. Трудно выразить то чувство ужаса, которое испытывал я, сознавая свое бессилие бороться с этой чуждой, злобной властью, и никогда в жизни не забуду я перенесенных мною тогда мук"²⁸².

В романе "Эликсир сатаны" описывается портрет красивого мужчины с "лучезарными, словно живыми глазами"; на Аврелию, когда она еще была ребенком, портрет произвел "величайшее впечатление". Когда Аврелия была уже девушкой, перед нею однажды предстал образ незнакомца, изображенного на портрете. Она даже говорила с видением, но потом была твердо убеждена, что оно было призраком, созданным ее воображением (Г., V, 201—203). В том же романе говорится о художнике Франческо, писавшем образ св. Розалии. Искусшаемый сатаной, он вместо Розалии захотел изобразить Венеру. Он выполнил свое греховное намерение и вот увидел, что с полотна на него глядит "возлюбленная богиня Венера взором, полным самой жгучей пламенной страсти. В то же мгновение Франческо почувствовал, как в нем возгоралось греховное преступное сладострастие. Он ревел и стонал от безумной похоти. Он вспоминал про языческого ваятеля Пигмалиона, басня о котором была сюжетом одной из его картин и, подобно Пигмалиону, обратился к Венере с мольбою вдохнуть жизнь в его произведение. Вскоре стало ему казаться, будто написанная на картине св. Розалия начинает шевелиться, но, протянув руки, чтобы принять ее в свои объятия, он убедился, что перед ним лишь безжизненное полотно. (Г., V, 241).

В рассказе "Ошибка" вставлена история о необыкновенном портрете греческой княгини. Прекрасная, величественная женщина вышла из рамы, чтобы заботиться о своей дочери-малютке; люди оживший портрет принимали за гувернантку. Когда дочь выросла и вышла замуж, портрет вошел в свою раму, но и после того ожил однажды, чтобы сообщить важную тайну. (Г., VI, 266 — 267).

О портрете с поразительно выразительными чертами лица Лермонтов говорить еще в "Княгине Лиговской". В кабинете Печорина висела картина; "она изображала неизвестное мужское лицо, писанное неизвестным русским художником, человеком, не знавшим своего гения, и которому никто об нем не позаботился наметнуть. Картина эта была фантазия глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякого искусственного наклонения или оборота; свет падал сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо; казалось, вся мысль художника *сосредоточилась в глазах и улыбке*. Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упали по обеим сторонам лба, который кругло и сильно выдавался и, казалось, имел в устройстве своем *что-то необыкновенное. Глаза, устремленные вперед, блистали тем страшным блеском, которым иногда блещут живые глаза сквозь прорези черной маски. Испытующий и укориженный луч их, казалось, следовал за вами во все углы комнаты*, и улыбка, растягивая узкие и старые губы, была более презрительная, чем насмешливая. Всякий раз, когда Жорж смотрел на эту голову, он видел в ней новое выражение; она сделалась его собеседником в минуты одиночества и мечтания, и он, как партизан Байрона, назвал ее портретом Лары". (IV, 101—102). В квартире Лугина был "поясной портрет, изображавший человека лет сорока в бухарском халате, с правильными чертами и *большими серыми глазами*; в правой руке он держал золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцах красовалось множество разных перстней. Казалось, этот портрет писан несмелой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перст-

ни — все было *очень плохо сделано; зато в выражении лица, особенно губ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глаз оторвать*; в линии рта был какой-то неуловимый изгиб, недоступный искусству и, конечно, начертанный бессознательно, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое, попеременно". (IV, 290). Эта картина произвела страшное, неотразимое впечатление на Лугина, который сам занимался живописью. Раз, около полуночи, взял он лист бумаги и начал что-то чертить. "Он рисовал голову старика, и когда кончил, то его поразило сходство этой головы с кем-то знакомым. Он поднял глаза на портрет, висевший против него, — сходство было разительное; он невольно вздрогнул и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая в пустую гостиную, закрипела". (IV, 293). Потом послышался шорох, — то были шаги привидения, шаги незнакомца, изображенного на портрете. Лугин сыграл с ним в штосс; глаза старика "пронзительно" сверкали. Разговаривая с ним, Лугин подумал: "А как похож на этот портрет!.. ужасно, ужасно похож!.. А! Теперь я понимаю!.." (IV, 294). После того Лугин играл с загадочным стариком много раз и чувствовал, что столбенеет "под магнетическим влиянием его серых глаз". (IV, 295).

Влияние Гофмана в данном случае весьма возможно. Оба писателя говорят о портрете, черты лица которого необычайно живы; особенно сильно выражение глаз. Человек, изображенный на портрете, является в виде привидения; привидения эти, как описывают их оба писателя, очень реальны: они ходят, говорят; они могут пить, есть, уносить, неизвестно куда, выигранное золото; они, как и их портреты, производят на людей страшное, жуткое впечатление.

Остановимся на некоторых других характерных, общих чертах творчества Гофмана и Лермонтова.

Излюбленный мотив немецкого писателя — музыка. Он посвящает ей многие страницы своих рассказов и крупных произведений. Если Лермонтов читал Гофмана, эти страницы особенно должны были заинтересовать его. Взгляды Гофмана на музыку тождественны с лермонтовскими. По словам Гофмана, музыка или пение — нечто *чудесное*. Они возвещают "дивное чудо вечного и совершеннейшего света"²⁸³.

"Есть в музыке что-то неизъяснимо чудесное! Как мало проник человек в ее глубокие тайны!"²⁸⁴.

Она — нечто *небесное*: это "благодатное чудо", совершаемое "небесными силами". (VII, 254).

Музыка *просветляет*, очищает душу человека: "Не живет ли она в груди самого человека, наполняя его душу своими благодатными образами, так что весь дух его обращается к ним и новая просветленная жизнь уже здесь отрывает его от водоворота и угнетающей муки земного существования? Да, какая-то божественная сила проникает в нее". (I, 23).

Музыка и пение до слез волнуют человека. "Чистый звучный контрабас Терезины пронзил мне душу. Я не мог преодолеть волнения, и слезы ручьем хлынули из моих глаз"²⁸⁵. "Когда же молодые рабочие затянули стройными голосами старую, хорую песню, в которой призывалось благословение Божье на их тяжелый труд, он не мог удержать невольных слез". (II, 161).

Или: "Я весь точно растаял в чувстве неизъяснимого, небесного блаженства, забыв все, и превратившись в слух и внимание. Долго, даже после того, как звуки умолкли, продолжалось во мне это чувство, пока горячий поток хлынувших из глаз слез не разрешил, наконец, этого неестественного состояния". (II, 290).

Пение и музыка пробуждают или разжигают *страсть*: в голове певцы "был какой-то таинственный пламень, овладевший всеми. Крепче обнимали юноши своих дев, и ярче сверкали глаза, устремленные друг на друга"²⁸⁶.

Под влиянием музыки "страсти встают в нашей груди и мечутся в каком-то непонятном стремлении, овладевающим всем нашим существом"²⁸⁷. Или: "Я лежал как очарованный. Восторг охватил все мои чувства; целый рой пылких желаний зажегся в груди". (II, 290).

О том же воздействии музыки и пения на человека говорит Лермонтов в своих многочисленных произведениях; напр., в стихотворениях — "Ангел", "Звуки", "Сосед", "Тамара" и др.; в поэмах "Литвинка", "Измаилеев", "Демон" и др., в неоконченной повести про Лугина. Некоторые строки Гофмана очень близки к лермонтовскому "Ангелу". Например: "В удивительно светлых и ясных украшениях мелодии душа несетя на быстрых крыльях чрез сияющие облака,— это громкое ликование просветленных духов". (I, 25). Или: "Это верно ангел, принесший на землю звуки из небесного хора херувимов и серафимов"²⁸⁸. О чудесном влиянии пения на неодушевленную природу: когда Генрих Офтердинген пел, "ветер утих, кусты и деревья остановились". (II, 246). Лермонтов, как известно, смутно помнил игру своей матери на рояле и ее пение, слышанное им, когда ему еще не было трех лет; с этими воспоминаниями, как полагают, и было связано создание "Ангела". В "Странном человеке" няня Арбенина говорит: "А бывало, помню, ему еще было три года — бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое,— глядь, а у дитяти слезы по щекам так и катятся!..." (III, 159). У Гофмана Крейслер рассказывает: "Я говорю... что еще до трех лет помню себя на коленях у девушки, кроткие глаза которой сияли мне прямо в душу; что я и теперь еще слышу нежный голос, которым она со мной говорила и пела, и отлично знаю, что я отдавал всю мою нежность и любовь этой милой особе. Эта была тетя Софи". (VII, 64 — 65). Лермонтов часто прибегает к сравнению женщины с красивым, но недолговечным цветком. То же встречаем у Гофмана: например, в сказке "Повелитель блох" принцесса говорит: "Я, подобно цветку, опустившему головку, снова расцвету, если на меня, как на него, упадет свежая утренняя роса". (VI, 201). В романе "Эликсир сатаны" мачеха говорит о прелестной Аврелии: "Пусть же цветок, который так тщеславится своею непорочностью и блестящей свежестью своих лепестков, будет сорван и увянет безвременю". (V, 69).

Лермонтову ручей летел "таинственную сагу про мирный край, откуда мчится он". У Гофмана ручей говорит: "Далеко, в неведомых тайниках, родился я на свет Божий; много я знаю сказочек, и все новых, все новых! Слушайте только мое журчанье". ("Серапионовы бр.", III, 81).

Лермонтову жизнь казалась порой "пустой и глупой шуткой". Гофмановский Лотар также бывал "в том настроении духа, при котором жизнь казалась ему пустой, бесполезной шуткой", (III, 99). В рассказе "Счастье игрока" встречаем следующий эпизод, напоминающий "Казначейшу" Лермонтова: игрок, проиграв в карты все, ставит на жену и проигрывает ее полковнику, который любил ее, и которого любила она до замужества. Рассказ заканчивается трагически: молодая женщина умирает внезапно, в ту ночь, когда муж проиграл ее. (III). Висковатый полагает, что в основу "Казначейши" положено поэтом истинное происшествие²⁸⁹; по мнению Владимирова, поэма Лермонтова написана под влиянием повести Шидловского — "Пригожая казначейша"²⁹⁰. Проф. Абрамович по этому поводу замечает, что "непосредственного отношения" к поэме Лермонтова повесть Шидловского не имеет (Л., V, стр. LXI). Быть может, здесь имело место и воздействие названного нами рассказа Гофмана.

Таким образом, произведения Гофмана и Лермонтова имеют много характерных общих черт, и нельзя отрицать вероятности влияния немецкого писателя в описаниях загадочных портретов в "Княгине Литовской" и начатой повести о Лугине.

3.

По замечанию проф. Котляревского, повесть о Лугине слегка напоминает "Портрет" Гоголя. (Котляревский, 215). Duchesne высказывает предположение, что о таинственном портрете Лермонтов мог писать под влиянием "Портрета" Гоголя²⁹¹. "Княгиня Лиговская" написана в 1836 г., неоконченная повесть — в 1841 г. Первая редакция "Портрета" Гоголя написана была в 1834 г. и вышла в свет в январе 1835 г. Картина, купленная Чертковым, изображала старика "с каким-то беспокойным и даже злобным выражением лица; в устах его была улыбка, резкая, язвительная и вместе какой-то страх; румянец болезни был тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы, но вместе с этим в них была заметна какая-то страшная живость... Во всем портрете была видна какая-то неокончателность"²⁹². Почти всё подробности этого описания мы встречаем у Лермонтова, которому не могла не быть известна повесть Гоголя. В ту пору, когда писалась "Княгиня Литовская", Лермонтов находился под некоторым влиянием Гоголя. Duchesne видит гоголевскую манеру в описании поисков Печоринным квартиры Красинского²⁹³. Быть может, под влиянием Гоголя Лермонтов в своем романе выражает явную симпатию бедному чиновнику, оскорбленному Печоринным. Характерно, например, и следующее место: "По Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразною работою, и мечта о награде и вкусном обеде, ибо все чиновники мечтают. На нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель со старым бобровым воротником". (IV, 97). Необходимо напомнить, что "Портрет" Гоголя написан под влиянием Гофмана (см. Веселовский "Зап. влияние в новой русской литературе", 185., 204). Заметим еще, что Чертков и Лугин — художники.

4.

По нашему мнению, мысль о загадочном портрете могла быть навеяна и "Мельмотом-Скитальцем" Матюрена. Лермонтов читал этот роман. В вариантах предисловия к "Герою нашего времени" находим следующие строки: "Если вы верили существованию *Мельмота*, Вампира и др.— отчего же вы не верите в действительность Печорина?" (IV, 371).

В 20-х и 30-х гг. в России зачитывались "Мельмотом-Скитальцем". Одним из кумиров пушкинской Татьяны был "Мельмот, бродяга мрачный" ("Евгений Онегин", III гл., XII); в примечаниях к "Евгению Онегину" Пушкин называет роман Матюрена "гениальным произведением". Большую роль в этом романе играет таинственный портрет Мельмота. Когда Джон, потомок Мельмота, впервые увидел портрет, его глаза "в один миг, как бы волшебной силой, оказались прикованными к портрету, висевшему на стене и, даже на его неопытный взгляд, значительно превосходившему искусством выполнения обычные фамильные портреты, которым предоставляется истлевать на стенах фамильных замков. Он изображала человека средних лет. Ни в costume, ни в наружности его не было ничего замечательного, но глаза, как чувствовал Джон, были таковы, что каждый лучше желал бы никогда их не видеть, а раз ему пришлось их увидеть, он чувствовал, что ему никогда их не забыть"²⁹⁴. Особенно живо изображены были глаза Мельмота. Они светились "демоническим светом". (Там же). Они как будто двигались (15 стр.). Глаза самого Мельмота "испускали страшный неестественный блеск" (28 стр.). "Глаза его нельзя было смешать с другими или забыть" (35 стр.). Его

лицо было "холодное, неподвижное и строгое; те же были и глаза с их адским, ослепительным блеском". (45 стр.).

То же говорит Лермонтов. Глаза портрета, висевшего в кабинете Печорина, блистали "страшным блеском" (IV, 102). Лугин столбенел под "магнетическим влиянием" глаз привидения (IV, 295). Эти глаза "пронзительно" сверкали (IV, 294). Мельмот, с которого был нарисован страшный портрет, являлся, как привидение. Джон, его потомок, сидел возле умирающего дяди и вдруг "увидел, как отворилась дверь, и в ней появилась фигура, оглядевшая комнату, и затем спокойно и медленно удалившаяся, при чем, однако, Джон успел узнать в ее лице живой оригинал портрета". (Матюрен, 15). Точно так же и Лугин, глядя на ночного гостя, думает: "А как похож на этот портрет!.. ужасно, ужасно похоже!" (IV, 294). Испанец, спасший жизнь Джону, носил на груди изображение Скитальца; оно "было нарисовано грубо и не художественно, но с таким сходством, как будто кистью водила духовная сила, а не рука живописца". (М., 61).

"Мельмот-Скиталец", как доказывает проф. Шляпкин, оказал некоторое влияние на "Портрет" Гоголя²⁹⁵. Лермонтову были известны и роман Матюрена, и повесть Гоголя; без сомнения, история о таинственных портретах и привидениях была задумана под влиянием названных писателей.

Многие другие характерные черты "Мельмота-Скитальца" должны были остановить на себе внимание нашего поэта и, быть может, оказали воздействие на его другие произведения. Матюрен клеймит лицемерие, ханжество, чревоугодие и жестокость католических монахов, говорит о стеснительных узах монастырской жизни. Аналогичные идеи находим у Лермонтова в "Испанцах", "Вадим", "Исповеди", "Боярине Орше", "Мцыри" и др.

Излюбленное Лермонтовым сравнение женщины с цветком встречаем и у Матюрена: "Мне поручено попирать ногами и топтать всякий цветок в естественном и нравственном мире — гиацинты, сердца и тому подобные безделки, какие встретятся мне". "Красота была цветком, на который он смотрел лишь для того, чтобы издеваться над ним, и прикасался к нему только с целью его погубить". (Мат., 333, 351). Ср., например, слова Печорина: "А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути". (IV, 231).

Очень близки к стихотворениям "Когда волнуется желтеющая нива" и "Выхожу один я на дорогу" следующие строки Матюрена: "Сад, с его спокойной красотой, освещенный луной, с непорочным небом, с звездами, возвещающими хвалу Всевышнему, был в одно и то же время и упреком, и утешением для меня. Я пытался пробудить в себе мысль или чувство, но не мог сделать ни того, ни другого; быть может, впрочем, это молчание души, это отсутствие всех шумных голосов страстей всего более дает нам готовность слышать голос Бога. В моем воображении величественный и обширный свод небес внезапно представлялся церковью... Я упал на колени; никогда я еще не чувствовал себя столь расположенным к молитве". (Матюрен, 109).

Не мог не сочувствовать Лермонтов и протесту Матюрена против войны, которая сопровождается "жестокими и злыми нелепостями" и не согласуется с заветами Христа. (Матюрен, 292, 293, 295).

Лермонтову музыка или пение напоминали о прошлом, о небе, о Боге ("Ангел", "Демон", неоконченная повесть о Лугине и мн. др.). Матюрен говорит, что музыка — "язык воспоминаний", что она подобна "голосу религии, повелевающему вспоминать и почитать Бога". (Матюрен, 339 — 340).

Есть общие черты у Мельмота и Демона.

Мельмот, тоже изгнанник рая, обреченный на скитания, признается красавице Иммали: "Вы можете меня ненавидеть, проклинать... Вы можете ненавидеть меня потому, что я ненавижу вас; я ненавижу все, что живет, что когда-либо жило, и меня самого ненавидят". (М., 305).

Лермонтов:

**Все, что пред собой он видел,
Он презирал, он ненавидел.** (II, 353).

Я тот, кого никто не любит,

И все живущее клянет. (II, 368).

Иного Мельмот плачет, и слезы его так же страшны и жгучи, как слезы Демона. (М., 306, 357). Их загадочные взгляды сверкают, как адское пламя.

Тамара хотела спасти Демона своей любовью, и верила в его возрождение. Исидора, жена Скитальца, "питала надежду, какую внушает всегда спокойная чистота женского сердца, что влияние ее рано или поздно придаст форму тому, что ее не имеет, что ее неверующий муж будет спасен верующей женой". (М., 489).

Демон

Был похож на вечер ясный:

Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет!.. (II, 362).

Полюбив Тамару, он бывал грустен (II, 361), задумчив (II, 366). После того, как Мельмот женился, его мизантропия "незаметно сменилась какой-то задумчивой грустью. Он походил на темную, холодную, но не пугающую и сравнительно мягкую ночь, которая следует за днем бури и землетрясения". (М., 489).

5.

К сожалению, повесть Лермонтова не окончена. Все же она о многом говорит нам. Поэт, очевидно, пробовал свои силы в новом для него роде литературного произведения. Пользуясь фантастическими элементами (загадочный портрет, привидения), он избегает ярких романтических эффектов. Перед нами видение, но это не прекрасный, могучекрылый отверженник неба; это старик в полосатом халате и туфлях, седой и горбленый, с серыми, мутными глазами; место действия — не на небесах и не на живописном Кавказе, а в Столярном переулке, у Кокушкина моста, в доме титулярного советника Штосса. В этой-то простоте, в этой обыденности обстановки, да в безумии Лугина и заключается настоящий ужас, кошмар, — то, что впоследствии со стихийной силой было выражено Достоевских в "Двойнике", в "Преступлении и наказании" и в "Братьях Карамазовых".

Поэт осложняет задачу, выбрав героем повести душевнобольного. Лугин одержим навязчивыми идеями. Он говорит: "Вот уж две недели, как все люди мне кажутся желтыми, — и одни только люди!.. Все остальное как и прежде; одни лица изменились; мне иногда кажется, что у людей, вместо голов, лимоны". (IV, 285). В течение нескольких дней ему какой-то голос твердил с утра до вечера про квартиру на Столярном переулке — "и так шибко, шибко, точно торопится... Несносно!.." (IV, 286). У него расшатанные нервы; однажды вечером шарманщик, исполнявший вальс, взволновал Лугина до слез, и он успокоился только к полуночи. (IV, 292—293). Он три года лечился в Италии от ипохондрии и не вылезал, и перестал верить в докторов. В нем сразу виден больной человек. Он "говорил резко и отрывисто; большие и редкие волосы на висках, неровный цвет лица — признаки постоянно-го и тайного недуга — делали его на вид старее, чем он был в самом

деле". (IV, 286). На улице он шел, "засунув руки в карманы, повеся голову", "неровными шагами... Следы душевной усталости виднелись на его измятом лице". (IV, 287). Временами он настолько уходит в свои мысли, что забывает про все остальное (IV, 291). Он сознавал, что близок к безумию. Он говорит Минской, что "начинает сходить с ума". (IV, 286)²⁹⁶. Его странности бросаются другим в глаза: "Вы, в самом деле, нездоровы", — с участием замечает ему Минская (IV, 287). Азартная игра в карты губит его окончательно: "Он похудел и пожелтел ужасно. Целые дни просиживал дома, запершись в кабинете; часто не обедал". (IV, 296). Лугин, как душевнобольной, стоит между героями "Пиковой дамы", "Записок сумасшедшего" — и героями Достоевского и Гаршина.

6.

В черновых набросках поэта сохранились следующие заметки, имеющие отношение к начатой повести:

"1) *Сюжет*. У дамы; лица желтые. Адрес. Дом: старик с дочерью; предлагает ему метать (?); дочь в отчаянии, когда старик выигрывает. Шулер; старик проиграл дочь, чтоб... Доктор; окошко...

2) Да кто же ты, ради Бога? — Что-с? — отвечал старичок, примаргивая одним глазом.— Штос!— повторил в ужасе Лугин... Шулер имеет разум в пальцах... банк... скоростижная"... (IV, 389). Основываясь на этом, Болдаков высказывает мысль, "что повесть должна была заключиться скоростижной смертью выбросившегося из окна, в болезненном состоянии Лугина". (Соч. Л-ва под ред. Болд., I, 446).

Существует попытка дать окончание в беллетристической форме; см. — Князь Индостанский "Призраки". Окончание повести Лермонтова. Фантастический рассказ М., 1897 г. В художественном отношении рассказ слаб. Лугин умирает от воспаления мозга.

Отрывок Лермонтова заканчивается словами: "Он решился"... На что решился Лугин? Быть может, на какое-нибудь преступление, потому что игра с призраком разорила его, а деньги крайне нужны были.

Любопытно, что другое неоконченное произведение поэта "Это случилось в последние годы могучего Рима", обрывается на том же слове:

Созвали мы стариков и родных для совета; *решили*... (II, 334).

7.

Мотив о человеческом изображении, могущем оживать или странным образом связанном с жизнью того, с кого оно списано, привлекал еще многих художников слова.

Например, в балладе Гейне "Жофруа Рудель и Мелисанда Триполис" оживают фигуры гобеленов:

Каждой ночью странный шорох
Слышен в замковых покоях:
То внезапно оживают
Две фигуры на обоях.
Трубадур и дама тихо
Тени-члены расправляют,
Выступая из стены,
И по комнатам гуляют.

.....
Но заря лучом пурпурным
Привиденья прогоняет,
И назад, в стеной повер,
Тени робко ускользают.
(Перевод В. Д. Костомарова).

В рассказе "Овальный портрет" Эдгар По передает необыкновенную историю одного портрета. Портрет изображал прелестную молодую девушку. "Живопись представляла верх совершенства", но все "очарование картины заключалось в *безусловной жизненности выражения*"²⁹⁷.

На этот портрет нельзя было смотреть без восхищения и ужаса. Моделью художника была его жена, молодая женщина редкой и хрупкой красоты. С каждым мазком кисти картина приобретала красоту и жизненность, а жена художника, напротив, бледнела и угасала. Когда портрет был закончен, художник, охваченный восторгом и ужасом, воскликнул: "*Да это сама жизнь!*". Он обернулся к жене, — "она была мертва".

В прелестной повести Алексея Толстого "Портрет" юный герой влюбляется в портрет прекрасной молодой женщины. Каждый час лицо портрета меняло выражение:

Менялся цвет неуловимый глаз,
Менялось уст неясное значенье,
И выражал поочередно взор:
Кокетство, ласку, просьбу иль укор. (II, 128).

Однажды ночью красавица ожила, вышла из рамы и протанцевала с влюбленным мальчиком менуэт. На утро она снова застыла на полотне:

Вкруг уст как будто зыблилась улыбка,
Казался смят слегда ее букет,
Но стан уже не шевелился гибкой,
И, полный роз, передник из тафты
Держали вновь недвижные персты. (II, 146).

А мальчик найден был в обмороке, с поблекшей розой в руке²⁹⁸.

История о чудесном портрете положена в основу знаменитого романа О. Уайльда "Портрет Дориана Грея". Портрет Грея неуловимыми чарами был связан с оригиналом: с течением времени Дориан не старел ни душой, ни телом, но все пережитые муки отражались на его изображении, которое, год за годом, менялось и старело, как лицо живого человека. Очевидно, на этом романе сказалось влияние Матюрена. "Рассказывают, что в течение своей жизни Мельмот посетил однажды свою семью; хотя он уже должен был быть довольно преклонных лет, но, к удивлению семьи, он не казался старше даже одним годом, чем тогда, когда она видела его в последний раз". (Матюрен, 21). Когда Дориан умер, "его лицо было сморщенное, увядшее, гадкое"²⁹⁹. Та же метаморфоза произошла с Мельмотом перед тем, как он покинул землю: "Страшный блеск его глаз потух еще раньше, а теперь признаки самого преклонного возраста виднелись в каждой черте его лица. Волосы его были белы, как снег, рот его ввалился, мускулы лица ослабели и сморщились; он был настоящим воплощением глубокой, расслабленной старости". (М., 518 — 519).

В фантастическом рассказе Ярослава Врхлицкого "Флейта" говорится, что в одном монастыре была картина, изображавшая искушение св. Антония. "Среди разных чудовищ, которые исполняли бесовский хоровод вокруг несчастного святого отшельника, находилась в углу большая зеленая жаба с клювом канарейки. У нее были *очень умные глаза* и большой белый зоб. В изображении этой жабы изредка располагался Сатана и оттуда незаметно наблюдал глазами жабы не за св. Антонием, нарисованным на полотне, но за живым настоятелем и за всей его монастырской братией"³⁰⁰. Однажды настоятель "загляделся на картину, и тут ему в первый раз *почудилось, что глаза зеленой жабы с клювом канарейки горят красным пламенем злой насмешки, а белый зоб ее надувается*". Еще в тот же день он велел вынести картину из своей кельи. Об этом приключении еще долго говорили в монастыре, но со временем о нем забыли, как вообще все забывается на свете". (179).

Заметки

I. Об Академическом издании сочинений Лермонтова

Академическое издание сочинений Лермонтова привлекает внимание всех, в ком есть живой интерес к творчеству великого поэта. Издание это обнимает пять томов. Первые три вышли в 1910 г., четвертый — в 1911 г., пятый — в 1913 г. По мере появления они вызывали газетные и журнальные статьи и заметки (особенно интересны — статья Амфитеатрова "Новое издание сочинений Лермонтова" в "Современнике", 1911 г., IV и брошюра Нейманна "Академическое издание сочинений Лермонтова", Киев, 1912 г.). Несколько слов об этом издании хотели сказать и мы.

К I-му тому.

Многие произведения Лермонтова снабжены эпитафиями, взятыми из иностранных авторов. Например, в I томе, к "Корсару" — из Лагарпа, к "Двум невольницам" — из Шекспира, к "Последнему сыну вольности", "Боярину Орше", "Странному человеку" и др. — из Байрона, к "Измаилу-Бею" — из Байрона и Вальтер-Скотта и т. д. Эпитафьи к поэмам "Корсар", "Две невольницы", "Последний сын вольности", "Каллы" — переведены (см. I, 358, 393, 395, 412). Эпитафья же к "Кавказскому пленнику" не переведен.

Стихотворения "Эпитафия" (I, 108), "Ужасная судьба отца и сына" (I, 284, 285) и "Стансы" (I, 285, 286) посвящены, как полагали до сих пор, памяти отца поэта. (См., напр., Висковатый, "М. Ю. Л.", 71, 72; Котляревский, 18, 19; Собр. соч. Л-ва под ред. Введенского, изд. "Просвещения", III, 600). К этому мнению присоединяется и проф. Абрамович (см. I, 375, 406; V, стр. XXX). Первое из названных стихотворений написано в 1830 г., два других — в 1831 г.; между тем, в хронологической канве (см. V, 10) под 1832 годом стоит следующее: "Умер Юрий Петрович Лермонтов, отец поэта". Очевидно, здесь ошибка. Юрий Петрович, несомненно, умер ранее 1832 г., потому что поэт еще в 1830 и 1831 гг. говорил о его смерти. Сам редактор Академического издания в примечаниях к "Эпитафии" (относящейся к 1830 г.) говорит: "Стихотворение вызвано *смертью отца*" (см. I, 375); в материалах для биографии он же пишет: "Еще до *переезда* Лермонтова в *Петербург* умер его отец, Юрий Петрович. В последствие М. Ю. оплакал его в стихотворении "Ужасная судьба отца и сына". (V, стр. XXX). В Петербург Лермонтов переехал в 1832 г.; как же он мог в стихотворении, относящемся к 1831 г., оплакать смерть отца, умершего, если верить хронологической канве, в 1832 г.? Вообще, о смерти Юрия Петровича имеются самые скудные сведения; напр., Висковатый говорит: "Верных данных о смерти Юрия Петровича и о месте его погребения собрать не удалось. Надо думать, что скончался отец Лермонтова вдали от сына, и не им были закрыты дорожные глаза. Впрочем, рассказывали мне тоже, будто Юрий Петрович скончался в Москве и что его сын был на похоронах". (Висковатый, 69). Сохранилось завещание Юрия Петровича от 1831 г. (см. "Ист. Вестн.", 1898 г., X). Если эта дата верна, и если упоминаемые нами стихотворения действительно относятся к 1830 и 1831 гг., можно сделать следующие выводы: 1) Юрий Петрович умер не ранее 1831 г.; 2) "Эпитафия" посвящена не ему; 3) Юрий Петрович умер в 1831 г. В пользу последнего предпо-

ложения говорит то, что поэт в стихотворениях 1831 г. не раз и весьма определенно упоминает о смерти своего отца; напр.:

Ужасная судьба отца и сына —

Жизнь розно и в разлуке умереть.

Или: **Но ты свершил свой подвиг, мой отец;**

Постигнут ты желанною кончиной. (I, 284).

Или: **Мой отец**

Не знал покоя по коней;

В слезах угадала мать моя;

От них остался только я... (I, 286).

Еще в одном стихотворении 1831 г.:

О, мой отец! где ты? где мне найти

Твой гордый дух, бродящий в небесах?

В твой мир ведут столь разные пути,

Что избирать мешает тайный страх. (I, 281).

Непонятно, почему проф. Абрамович, прежде соглашавшийся с предположением, что Юрий Петрович умер в 1830 г., в хронологической канве отнес это событие не к 1830 г. (или 1831 г.), а к 1832 г. — без всяких оговорок?

Ко II-му тому.

В первом и втором томе помещены переводы стихотворений — "Quand je te vois sourire" (I, 392), "A madame Hommaire de Hell" (II, 466, 467), "Je l'attends dans la plaine sombre" (II, 479), переводы стихотворений, *притисываемых* Лермонтову (II, 513—517), но не дан перевод стихотворения Лермонтова "Non, si j'en crois mon espoirance" (II, № 9). Переведены три эпитафьи из Байрона — к "Боярину Орше" (II, 438), к "Умирающему гладиатору" (II, 438); остаются *непереведенными* эпитафиями к "Измаилу-Бею" — из Вальтер-Скотта и Байрона, к стихотворению "Не верь себе" — из Барбье, к стихотворению "Они любили друг друга так долго и нежно" — из Гейне, ко II-му очерку "Демона" — из Байрона. Чем объяснить такую непоследовательность или небрежность?

Из II-го тома сочинений Лермонтова читатели узнали, что вместо "мцыри" следует писать "мцири". Сначала (в статье об "Ангеле" Лермонтова) мы склонны были присоединиться к нововведению проф. Абрамовича, но потом пришли к тому заключению, что разъяснение акад. Марра следует поместить только в примечаниях и не изменять заглавия поэмы.

Некто И. Х. ("Рус. Арх.", 1888 г., № 8, стр. 501), а потом Болдаков в своем издании (II, 392) указали, что стихотворение "Ты помнишь ли, как мы с тобою" близко к стихотворению Томаса Мура "The evening guns". Редактор Академического издания лишь в пятом томе упоминает о Томасе Муре, но без ссылки на И. Х. или Болдакова (см. V, XLV).

В примечаниях к переводам Лермонтова читаем: "Печатаются *впервые*". (II, 517). Это неверно; один из переводов ("Napoleon's Farewell") *напечатан* в издании Висковатова (см. I, 364, 365)³⁰¹.

К V-му тому.

К стр. XLII: о близком знакомстве Лермонтова с комедией Грибоедова "Горе от ума" свидетельствуем еще выражение Печорина: "Кавалеры в костюмах, составляющих смесь *церкесско-го с нижегородским*" (IV, 221; курсив Лермонтова). Это перефразировка стихов Грибоедова:

Господствует еще *смешенье* языков

Французского с нижегородским.

("Горе от ума", д. I, явл. VII).

К стр. XLIII — XLVI: отголоски увлечения Шекспиром видны в "Вадиме": "Таков был ужас Макбета, когда, готовый сесть на королевский престол, при шумных звуках пира, он увидел на

нем окровавленную тень Банко"... (IV, 31). Под влиянием "Гамлета" написаны в "Испанцах" стихи:

Ах, Эмилия!

Ступай ты лучше в монастырь,

Ступай в обитель, скрой себя от света... (III, 20).

О знакомстве с Вальтер-Скоттом говорит также эпиграф из "Мармиона", взятый к "Измаилу-Беою" (см. II, 430).

К числу английских писателей, известных Лермонтову, надо отнести *Даниэля Дэфо* (см. IV, 207: "А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузо") и *Маторена*, роман которого "Мельмот-Скиталец" упоминается в черновиках "Героя нашего времени" (см. IV, 371); роман этот мог оказать влияние на "Княгиню Литовскую" и начатую повесть о Лугине (мотив о загадочном портрете; подробн. см. нашу статью: "Портрет"). Можно было бы упомянуть и о Бульвере; Смирнова в своих "Записках" говорит о Лермонтове: "Он хорошо владеет английским языком, и теперь читает романы Бульвера". ("Записки". СПб. 1897 г. II, 34).

Безусловно, Лермонтову знаком был и немецкий поэт, граф *Август Платен*; о влиянии этого поэта на Лермонтова до сих пор, сколько нам известно, не говорилось ни слова. Между тем, лермонтовская сказка в стихах "Незабудка" (1830 г.) представляет из себя вольный пересказ стихотворения Платена "Незабудка" ("Vergiszmeynlich"). Заглавие, сюжет, многие подробности заимствованы Лермонтовым у Платена. Стихотворение Платена написано в 1813 г. Август Платен (1796—1835 гг.) — известный немецкий поэт. Стихотворение "Vergiszmeynlich" см. в собрании сочинений: *Gesammelte Werke des Grafen August von Platen*. Stuttgart und Tübingen.. 1847. I, 9—11.

К числу иностранных авторов, знакомых Лермонтову, надо присоединить *Тасса*, упоминаемого в "Герое нашего времени" (см. IV, 244).

Вероятно, читал Лермонтов и *Жоржа Занда* (ср. III, 234).

Среди книг, хорошо знакомых поэту и оказавших влияние на его творчество, видное место принадлежит *Библии* (подробн. см. нашу статью "Лермонтов и Библия").

В статье "Материалы для биографии и литературной характеристики" автор часто цитирует Лермонтова по предшествующим I — IV тт.; мы проверили все цитаты и нашли много опечаток и даже разногласий (впрочем, незначительных) с основными текстами.

Напр., частицы *б, бы, ли* — пишутся то слитно с предшествующим словом, то отдельно от него, а в I — IV тт., в тех же выражениях, — соединяются посредством тире (ср. стр. XXXIII, XL, XLIX, LXXXI и соответствующие места в I — IV тт.).

Некоторые слова пишутся с большой буквой, а в предшествующих томах — с маленькой, и наоборот. Напр., "Его" и "его" (V, стр. XXXIX и III, 143); "ты сам" и "Ты Сам" (V, стр. XL и III, 201); "ты" и "Ты" (там же); "m-elle S" и "M-lle S" (V, стр. LVI, LVII, и VI, 400, 401); "M-elle Marie" и "m-elle Marie" (V, стр. LVIII и IV, 401).

Ср. еще: "счастье" и "счаствие" (V, стр. XLIX и IV, 397), "новья" и "новых" (V, стр. LIV и IV, 397), "недоставает" и "не доставает" (V, стр. LXVII и IV, 398), "сплетен" и "сплетень" (V, стр. LXXXI и IV, 404), "жизнь моя" и "моя жизнь" (V, стр. XCVIII и IV, 209).

На стр. XLVIII — "все они производят" — вм. "все они *вместе* производят" (ср. IV, 392).

На стр. L: "обольщало чувства" — вм. "обольщало *мои* чувства" (ср. IV, 397).

На стр. LXXXI — "но ничего не случилось" — вм. "но ничего *такого* не случилось" (ср. IV, 404).

На стр. XCIV: "На время не стоит труда"; ср.: "На время — не стоит труда" (II, 286).

Знаки препинания сплошь и рядом расставлены *совершенно иначе*, нежели в предыдущих томах.

Напр., на стр. XIX, 4 строка снизу — "в ночных наездах, при звуке песен"; ср. IV, 300 — запятой нет.

Стр. XXIV, 11 строка сверху — после "на зло враждующей судьбе" — нет знака; ср. III, 91 — точка.

Стр. XXIX, 11 строка сверху — в конце стиха запятая; ср. II, 181 — точка с запятой.

Стр. XLIX, 16 строка сверху — после "моя важная новость" — точка; ср. IV, 395 — точка с запятой.

Стр. LVII, 5 строка сверху — "всетаки" — не в запятых, а в IV, 401 — в запятых (при этом в IV т. — не "всетаки", а "все-таки").

Стр. LXVII, 6 строка снизу — в конце стиха — запятая; ср. I, 105 — вопросительный знак.

Стр. XCIX, 14 строка сверху — "при виде голубого неба или внимая шуму"; ср. IV, 220 — перед! "или" — запятая.

Стр. C, 16 строка снизу — после — "меня создал" — запятая; ср. IV, 178 — нет запятой.

См. еще, напр., стр. XXIV (знак препинания), LVI (пропуск слов), LVII (знак препин.), LXVI (зн. преп.), LXVII (зн. пр.), LXXVI (зн. пр.), LXXVII (знаки пр.), XCIII (знаки пр.) и соответствующая им места из I — IV тт.

В хронологической канве не указан год *смерти бабушки* поэта. Умерла она в 1845 г. (см. Висковатый, 445).

"Обзор литературы о Лермонтове" далек от полноты. Не указаны, напр., следующие интересные работы — *Махалов*, "Идеалистические настроения в поэме "Демон" Лермонтова" (литер. сбор. "Памяти В.Г. Белинского". М. 1899 г.); *Кондр*, "Любовь и смерть дочери боярина Орши" (Нежин, 1894 г.); проф. *Суцзов*, "Пушкин" (X., 1900 г.; во II т. соч. Л-ва эта книга нередко цитируется; см., напр., стр. 439, 448, 453, 478); *кн. С. Волконский*, "Очерки русской истории и русской литературы" (СПб., 1896 г.); *Гершензон*, "Образы прошлого" (М., 1912 г.; статья "Д-р Вернер"); *Нейман*, "Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина" ("Фил. Зап.", 1912 г., III, IV) и др.

К стр. 176 — не указаны рецензии на книгу Мережковского; следовало бы сослаться хотя бы на Айхенвальда — "Отдельные страницы", II, М., 1910 г.

К стр. 181 — не упомянут сборник *Прилуко-Прилуцкого* — "Корифей русского слова. Вып. VII. Лермонтов. Жизнь и творчество".

К сожалению, ничего не сказано об учебниках и пособиях по литературе, знакомящих учащихся средней школы с Лермонтовым; на некоторых из этих учебных книг воспиталось не одно поколение, и было бы интересно услышать от специалиста, насколько отвечают своей высокой задаче учебники, составленные Галаховым, Незеленовым, Евстафиевым, Сиповским, Саводником и другими?

Статьи проф. Абрамовича о языке и стихе Лермонтова недостаточно полны и не лишены недочетов.

На стр. 193 — 194 — перечислены *не все* народные пословицы и поговорки, встречаемые у Лермонтова; укажем, напр., еще следующие:

Играй, да не отыгрывайся. (II, 229).

Как в колыбельке, так и в могилку. (III, 186).

Москва сгорела от копеечной свечки. (IV, 51).

Береженого Бог бережет. (IV, 65).

Лучше поздно, чем никогда. (IV, 149).

Привычка — вторая натура. (IV, 164).

Заметим, кстати, что пословица "Как волка не корми, а все в лес глядит" находится не на 76 стр., а на 16 стр.

К стр. 207: признание поэта о "тройственных созвучиях" и "влажных рифмах" следовало бы подтвердить примерами. Тройственные созвучия находим во многих произведениях Лермонтова; см., напр., следующие: "Н. ф. И... вой" (I, № 108), "Булевар" (I, № 153), "Чума" (I, № 159), "Арфа" (I, № 186), "Поле Бородина" (I, № 201), "Аул Бастунджи" (I, № 284), "Сашка" (II, № 47), "Бородино" (I, № 50), "Памяти А.И. Одоевского" (II, № 77), "Сказка для детей" (II, № 81), "Тебе, Кавказ, суровый царь земли" (II, 414).

Рифма на "ад" является, действительно, одной из любимейших у Лермонтова. В стихотворении "Поцелуями прежде считал" (I, № 278) на 12 стихов 3 пары рифм на *ю*, в "Боярине Орше" встречаем такое обилие "влажной" рифмы:

...Печать оставили *свою*.

Арсений! — Так! я *узнаю*,

Хотя могилы на *краю*,

Улыбку прежнюю *твою*

И в ней шипящую *змею!* (II, 131, 132).

В "Бородине":

Постой-ка, брат, *мусью!*

Что тут хитрить? —

Пожалуй к *бою*;

Уж мы пойдем ломить *стеною*,

Уж постоим мы *головую*

За родину *свою!* (II, 205).

В "Молитве" (II, № 52) на 16 стихов 4 пары "влажных" рифм. В "Казачьей колыбельной песне" 7 раз повторяется стих "баюшки-баю", причем рифма к нему каждый раз новая: "твою", "спою", "бою", "разошью", "пролью", "краю", "свою" (II, 278—279). Стихотворение "Журналист, читатель и писатель" оканчивается следующими стихами:

О, нет! — преступною *мечтою*

Не ослепляя мысль *мою*,

Такой тяжелою *ценою*

Я вашей славы не *куплю...* (II, 284).

В "Мцыри" встречаем следующие стихи с рифмою на "ю".

И, как они, навстречу *дню*

Я поднял голову *мою...*

Я осмотрелся; не *таю*,

Мне стало страшно: на *краю...* (II, 316).

О, милый мой! не *утаю*,

Что я тебя *люблю*,

Люблю, как вольную *струю*,

Люблю, как жизнь *мою...* (II, 328).

К числу стихотворений, не имеющих глагольной рифмы, автор статьи относит стихотворение "Узник" (207 стр.); между тем, в стихотворении этом есть глагольная рифма — "вскочу" — "улечу" (II, 207). Следовало бы указать стихотворения без глагольных рифм, относящиеся к *самой ранней* поре творчества Лермонтова; таковы, напр., "Война" (I, № 22), "К Грузинову" (I, № 31), "Пан" (I, № 33). Стихотворение "Видали ль когда, как ночная звезда" отнесено к числу тех, которые рифмуют *только* четные стихи (208 стр.), и не отмечено, что стихотворение это рифмой богаче многих других лермонтовских, потому что имеет *внутреннюю* рифму:

Видали ль *когда*, как ночная *звезда*

В зеркальном заливе *блестит*,

Как трепещет в *струях*, как серебряный *прах*

От нее, рассыпаясь, *бежит...* (I, 124) т. д.

Вообще, о внутренней рифме проф. Абрамович ничего не сказал; между тем, поэт пользовался ею; см., напр., "Он не красив, он не высок" (I, 51), "Югельский барон" (II, 415—415), "Баллада" в "Испанцах" (III, 28—29). Внутреннюю рифму встречаем в поэмах; напр., в "Хаджи-Абреке":

Велик, богат аул *Джемат*. (II, 89).

Уже не *раз* меня ты *спас*.

Мы *отдохнем* в краю *родном*. (II, 99).

В "Сашке":

Когда не *знал* я, что на слово *младость*

Есть рифма *гадость*, кроме рифмы *радость!* (II, 192).

Не лишним было бы привести еще другие замечания поэта о рифме. Напр.:

Сладкое *смятенье*

В душе в *моей*, как будто в *первый* *раз*

Ловлю прыгунью рифму *и*, *потая*,

В досаде *призываю* Асмодея. (II, 192).

В минуты вдохновенья

рифмы *дружные*, как *волны*

Журча, одна во след *другой*

Несутся *вольной* чередой. (II, 282).

Таким образом, рифмы, легко дающиеся, поэт уподобляет *волнам*; именно поэтому, как мы думаем, он в "Сказке для детей" свою любимую рифму на "ю" называет "влажной".

Губернер Сашки "по часу бился с рифмою одною!" (II, 167).

"Читатель" Лермонтова говорит, что у современных поэтов

Натянут *каждый* оборот;

Притом — сказать ли по *секрету?* —

И в рифмах часто *недочет*. (II, 281).³⁰²

В стихотворении "Три ночи я провел без сна" (I, 89 — 90) *более половины стихов с рифмою*; в стихотворении "Тростник" (II, 6—7) рифмуются *четные* стихи; но проф. Абрамович, по какому-то недоразумению, относит эти стихотворения к числу тех, которые "совсем" не имеют рифмы (см. V, 207). В стихотворении "Атаман" (I, № 228) рифма расположена по следующей формуле: *ababcded*, т. е. рифмуются *все четные*, а из нечетных — только половина с рифмой (в каждой строфе, состоящей из 8 стихов, остаются без рифмы 5 и 7 стихи). Но проф. Абрамович почему-то утверждает, что в "Атамане" рифмуются стихи "только нечетные" (208 стр.).

Не сказано ничего о сложной рифме, к которой поэт не раз прибегал; напр.: "демон" — "совсем он", "могу я" — "поцелуя" (II, 270), "давно я" — "покая" (II, 345), "никого нет" — "прогонит" (II, 266), и др.

Не отмечена виртуозность расположения рифмы в стихотворении "Сосна" (II, 289), формула которого следующая: *abcbadcd*. Интересно отметить и стихотворение "Поцелуями прежде считал" (I, 303); в нем все нечетные стихи имеют одну рифму на *а(я)л*; все же четные имеют рифму на *ю*.

Следовало упомянуть о сонете "Сонет" (I, 301), *единственном* у Лермонтова³⁰³; формула сонета: *abbabaabccdede*.

Необходимо было сказать о *цезуре*, нередко встречаемой у поэта. Иногда она только в нечетных стихах; см., напр., стихотворения — "Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья" (I, 301—302), "Поэт" (II, 253—254), "Не верь себе" (II, 255—256). Чаше цезура в каждом стихе; напр., "Посвящение Н. Н." (I, 47—48), "Романс" (I, 106), "Звезда" (I, 124, № 118), "Молитва" (II, 208), "Ребенку" (II, 287—288), "Отчего" (II, 288), "Сосна" (II, 289; цезура в этом стихотворении виртуозна: ст. 1, 3, ст. 2, 4, 6, 8, ст. 5, 7 — имеют различную цезуру), "Сон" (II, 340), "Выхожу один я на дорогу" (II, 347—348), "Нет, не тебя так пылко я люблю" (II, 348). Цезура встречается и в поэмах; напр., в "Хаджи-Абреке", II, 89, ст. 1—4.

Указатель собственных имен не полон. Укажем некоторые пропуски.

К стр. 247: *Александр Великий* — см. еще IV, 70.

К стр. 249: *Геург* — см. еще II, 452.

К стр. 251: *Иуда* — см. еще II, 15.

К стр. 252: *Кизляр* — см. еще IV, 170. *Литва* — см. еще I, 211. *Мадрид* — см. еще III, 358.

К стр. 253: *Москва* — см. еще I, 171.

К стр. 256: *Тасс* — не на 242 стр., а на 244; *Фенелла* — см. еще IV, 136. К стр. 257: пропущены — *Фигаро* (см. IV, 186), *Эол* (см. II, 193).

Сравнительно с прежними изданиями, Академическое дает довольно много примечаний; в I томе они занимают стр. 357—415; во II — стр. 426—517; в III — стр. 357—370; в IV — стр. 361—409; в общей сложности это составляет более 200 страниц мелкого шрифта. Средний читатель изредка заглянет в эти примечания; для него они слишком сухи и обширны; для специалиста же примечания эти скудны; как, напр., не посоветовать на то, что во II томе к "Демону" не даны историко-литературные комментарии? Редактор в примечаниях к знаменитой поэме касается только истории ее текстов; лишь в V т. (XXXVII, XXXVIII) указана литература о "Демоне"; однако, она недостаточно полна. Точно так же, в IV т., в примечаниях к "Герою нашего времени", не указана критическая литература об этом романе.

Биография Лермонтова, к сожалению, слишком кратка. Интересны статьи — "Лермонтов у славян, немцев, французов, англичан"; однако, почему ни слова не сказано об отношении других народов к поэзии Лермонтова? Сам редактор говорит, что переводы произведений Лермонтова "имеются на всех европейских и на многих восточных языках" (V, 77); необходимо было бы сказать об отношении к Лермонтову кавказских народов, напр.: грузин, армян, осетин; имя Лермонтова чрезвычайно популярно на Кавказе, и, как нам известно, произведения его читаются там не только на русском, но и на туземных языках.

Не можем не пожелать, чтобы в будущем обзор литературы о Лермонтове был пополнен библиографическими указаниями. Кстати, заметим, что для простого читателя обзор этот слишком пространен; для занимающегося же изучением творчества Лермонтова он неполон и содержит, в то же время, много лишнего; напр., лицу, причастному к лермонтовской литературе, должно быть известно, что сказал о Лермонтове Белинский, Котляревский, Герасимов, Соловьев и проч., и проч.

В статье о языке Лермонтова (V, 203, 204) указано слишком мало поэтических образов. Жаль, что и в этом издании ничего не сделано для сравнительного изучения лермонтовских текстов; поэзия Лермонтова, как говорит и сам редактор, избобилует "самоподражаниями"; было бы чрезвычайно важно проследить в хронологической последовательности, как варьировал Лермонтов свои излюбленные образы и выражения.

Тип нового издания сочинений Лермонтова во многих отношениях не удовлетворяет нас. Нельзя в одно и то же время услужить обывателю и филологу; напр., для первого — примечания, черновые варианты и почти все статьи мало интересны; для второго же — недостаточно полны. Но даже в намеченных рамках редактор Академического издания не всегда на высоте положения; на этом издании лежит печать какой-то *небрежности*: упущены (как показывают рецензии) указания ко многим произведениям Лермонтова, встречаются опечатки, заметна неустойчивость в орфографии, в употреблении знаков препинания; странно видеть такие недочеты в издании, вышедшем под флагом Академии Наук.

В предисловии к первому тому говорится, между прочим, следующее: "Задача представить наших писателей-классиков в научных и общедоступных изданиях составляет предмет *особых* забот разряда изящной словесности Императорской Академии Наук. Разряд признает своею нравственною обязанностью перед русским обществом — дать ему библиотеку русских писателей в изящных и доступных по цене изданиях, *отвечающих*

требованиям науки и школы"... *Важнейшей задачей* издания признается *установление текста*; необходимыми признаны также биография и характеристика литературной деятельности издаваемого писателя; наконец, решено вводить в издание ряд статей и заметок, в которых был бы *исчерпан существующий в литературе материал, необходимый для всестороннего изучения издаваемого автора*". (I, стр. XI). Издание закончено, и мы задаем вопрос: отвечает ли оно требованиям, которые были выработаны Академической Комиссией?

По нашему мнению, оно далеко не удовлетворяет "требованиям науки и школы". Примечаниями и статьями *не "исчерпан"* существующий в литературе материал, необходимый для *всестороннего* изучения творчества поэта. В тексты Лермонтова вкрались досадные опечатки; значит, не до конца выполнена *"важнейшая задача издания"* — *"установление текста"*. Опечатки в издании *Академии Наук*, которое, быть может, ляжет в основу многих частных изданий, недопустимы; но они есть, и мы не можем *вполне* полагаться на безусловную точность лермонтовских текстов в новом издании.

Укажем некоторые опечатки³⁰⁴:

I, 98: "родину *твою*"; быть может, следует — "*свою*"? Ср. изд. Виск., I, 62; Введ., III, 79.

I, 99: "*очей твоих*" — вм. "*твоих очей*". (Ср. изд. Виск., I, 63; Введ., III, 80).

I, 139: "все *стерлось*"; следует — "*стерлося*". (Ср. — Виск., I, 107; Введ., III, 136).

I, 151: в стихотворении "Благодарю", ст. 13 — пропущено в конце — "*слов*". (Ср. Виск. I, 125; Введ., III, 121).

I, 330: "*полныя*" — вм. "*полные*" (о глазах. Ср. — Введ., III, 380). II, 70 — "*любвишзменивший*" — вм. "*любви изменивший*".

II, 208 — "*сияньем*" — вм. "*сиянием*". (Ср. — Виск., I, 264; Болд., II, 25; Введ., I, 21)³⁰⁵.

В изд. Каллаша (II, 256) та же ошибка — "*сияньем*" — вм. "*сиянием*", как этого требует стихотворный размер.

II, 255: "*открыт*" — быть может, следует — "*открыть*"? (Ср. — Виск., I, 275; Болд., II, 44; Введ., I, 35).

II, 291: "*безыменной*" — вм. "*безымянной*" или "*безымянный*", как этого требует рифма. (Ср. — Виск., I, 300; Болд., II, 66; Введ., I, 48).

II, 368: "душе *твой* шептала" — вм. "*твоей*". (Ср. — Виск. III, 28; Болд., II, 213; Введ., I, 176).

II, 397: "*кудри мягие*" — вм. "*мягкия*". (Ср. II, 411; Виск., III, 73; Болд., II, 323; Введ., I, 213).

II, 493: вариант из издания Висковатова — "Исчезнул *яркий* рой мечтаний". Следует — "*ясный*" (см. Виск., III, 27).

III, 271: — "*но молю*"; следует — "*но я молю*". (Ср. Виск., IV, 329; Введ., IV, 403).

Не везде поставлены цифры, указывающая число стихов и строк; см., напр., I, 291, № 259 (к ст. 15-му); III, 86 (к ст. 2755); IV, 357 (к последней строке — 40). Тире в одних и тех же случаях то ставится, то опускается; см., напр., I, 83: "давно ль" (ст. 41) и "давно-ль" (ст. 43). Немало опечаток (как мы уже показали) в статьях пятого тома.

"Школьная" орфография не выдержана. Напр., встречаем: "*козак*" (I, 9, 10, 17 и др.; II, 26 — 28, 278, 301 и др.; IV, 220, 268, 273—276 и др.); "*казак*" (I, 334, 352), "*казачка*" (II, 260), "*казачина*" (II, 260), "*казачья*" (II, 278); или: "*баркарола*" (I, 85) и "*баркаролла*" (I, 199); "*дышит*" (IV, 182, 265; II, 359), "*дышишь*" (II, 99) и "*дышет*" (I, 321); "*на-скаку*" (II, 258) и "*на скаку*" (II, 358); "*обвешены*" (II, 192) и "*обвешанныя*" (IV, 155); "*плющом*" (II, 353) и "*плющем*" (IV, 155); "*рифмы*" (II, 212) и "*рифма*" (II, 167, 192, 268, 281, 282).

Есть у нового издания и неотъемлемые достоинства: полнота текстов, обилие вариантов, снимков с автографов и рисунков поэта, интересные примечания и статьи, изящная внешность. Редактором затрачен большой труд для составления примечаний, для статей пятого тома. Без сомнения, это издание значительно превосходит все прежние³⁰⁶, но мы вправе были ожидать большего.

До выхода в свет Академического издания можно было надеяться на то, что мы будем, наконец, иметь *образцовое* издание произведений Лермонтова; такое издание, строго отвечающее требованиям науки, было бы лучшим памятником великому поэту.

Иллюзии наши разрушены. Лермонтов еще не дождался достойного его имени издания; его бессмертные создания, эти ослепительно яркие самоцветные камни еще не вставлены в золотую оправу.

II. Лермонтов и песни гребенских казаков

В дополнение к главе XI-й наших очерков о Лермонтове и Толстом считаем не лишним сказать несколько слов об отношении песен гребенских казаков к поэзии Лермонтова.

Поэту приходилось бывать в среде гребенцов, слышать их песни; возможно даже, что в его произведениях есть отзвуки этих песен, разнообразных по своим мотивам и высокохудожественных; они навсегда могли запасть в душу великого поэта, так глубоко понимавшего красоту русской народной поэзии. Некоторые детали стихотворений "Дары Терека" и "Казачья колыбельная песня" навеяны, быть может, казачьими песнями. Поэт о гребенцах упоминает в "Дарах Терека" — "казачина *гребенской*" (II, 260), в "Валерике" — "казак пустился *гребенской*" (II, 301).

В "Дарах Терека" поэт говорить, что убитый кабардинец был в кольчуге драгоценной,

В *налокотниках* стальных,
Из Корана стих священный
Писан *золотом* на них. (II, 259).

Ср.— в гребенской песне:

Надевали узденя-князя панцири трехколечные,
С *налокотниками* позлащенными.

(Ф.С. Панкратов. "Гребенцы в песнях". Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком гребенского войска и примечаниями. Владикавказ. 1895 г., стр. 52)³⁰⁷.

У убитой молодой казачки — "*светло-русая* коса" (II, 260). В гребенских песнях постоянно упоминается о *русой* косе красавиц-казачек. Напр.:

Коса *русая* — во всю тысячу,
А самой то красной девице цены нету-ка.
(Панкратов, 3).

Свою буйную головку она чесала,
Она *русую* косыньку свою заплетала,
Все шелковую кисточку она вплетала.
(Панкр., 108).

Ты коса, моя косынька, коса моя *русая!*
Немножечко еще косе красоваться:
Хочет меня родимый батюшка замуж отдать.
(Панкр., 119; см. еще — 107, 114, 154).

О налокотниках и русой косе поэт мог сказать и по личным наблюдениям, но и в этом случае сходство с гребенскими песнями имеет интерес.

Как мы уже говорили, существует рассказ, что Лермонтов написал "Казачью колыбельную песню" после того, как видел казачку, ублаживавшую песней ребенка³⁰⁸. В виду этого небезынтересно будет привести одну гребенскую *колыбельную песню*; она, на наш взгляд, несравненно ближе к лермонтовской песне, нежели указанная Шевыревым колыбельная песенка Вальтера Скотта. Вот эта гребенская песня:

Как у нас то было на тихом Дону,
Что у нас то было в зеленом саду,
Что под грушею было, грушею зеленою,
Под яблонью было, яблонью кудрявою,
На цветочках было на лазоревых,
На травушке было на шелковенькой,
На кроватушке было на тесовенькой,
На перинушке было на пуховенькой —
Что мать сына воспроиздила,
Что белою грудью мать сына вскормила,
Пеленала мать сына в пеленочку камчату,
Что качала мать сына в зыбочке³⁰⁹ кипарисовой,
Берегла то мать сына от³¹⁰ ветра от вихоря,
Берегла то мать сына от солнышка от красного,
Берегла мать сына от сильных дождей,
Не уберегла мать сына от службицы государевой.
(Панкр., 67 — 68).

Здесь тот же трогательный образ казачки-матери, ублаживающей нежно любимого сына, обреченного судьбой на трудную и опасную военную службу. Весьма вероятно, что эту песню или вариант ее Лермонтов и слышал в станице Червленной.

В его "Казачьей колыбельной песне" молодого казака провожает на войну мать; в гребенских песнях, обыкновенно, говорится об отъезде на войну *женатого* казака, причем провожает его жена; некоторые подробности сходны с лермонтовскими. Напр.:

Служба явлена в поход...
Как со вечера добрый молодец коня своего ловит,
Ко полуночи седельцем седлает,
Ко белой заре с широка двора съезжает.
Никто то добра молодца не проводит:
Ни батюшка, ни матушка, ни род его, ни племя;
Провожала его добра молодца молодая жена;
Провожала его, слезно плакала она,
Во слезах ему словечушко молвила:
— "Возвернись, воротись, родимый ты мой,
Воротись, мой соколик, родимый назад!"
(Панкр., 84).

Вариант этой песни — на стр. 115—116; берем из него последние стихи:

Провожала то его доброго молодца его только молодая жена;
Еще у стременица у булатного
Всю ноченьку она простояла;
За два погода еще тесменные
Добра коня она продержала.

Здесь характерно упоминание о слезах любящей женщины, о казачьем боевом седле, о стремени; обо всем этом говорит и Лермонтов в своей "Казачьей колыбельной песне", которая, вероятнее всего, навеяна не мотивом из Вальтера Скотта, а непосредственными впечатлениями, вынесенными из кочевой жизни; Лермонтов видел казаков и в стычках с горцами, и в мирных станицах, знал их быт, слышал их песни, и все это дало ему материал для его знаменитых стихотворений "Дары Терека" и "Казачья колыбельная песня".

III. Еще о "Казачьей колыбельной песне"

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой — старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю. (II, 278).

К этим стихам прекрасной иллюстрацией может служить следующая старинная чеченская песня:

"Я свою руку положу под голову моему молодцу-храбрецу! Он среди ночи, на вороном коне, не разбирая броду, переплывает Терек. Вот он подъехал к казачьей станице, перепрыгнул ограду! Вот он схватил курчавого мальчугана; вот он везет мальчугана! Смотрите, подруги! Вот толпа казаков гонится за моим молодцом-храбрецом! И пыль, и дым от выстрелов затемняют звездочки, ничего не видно. Вот настигают моего молодца-храбреца! Вот он выхватил из чехла свое крымское ружье! Вот он повалил одного казака! Вот другая казачья лошадь скачет без седока!.. О Боже мой!.. Мой молодец-храбрец ранен, кровь течет по его руке. Ах, какая радость, какое счастье!.. Я ухаживать буду за моим молодцом-храбрецом, перевязывать буду его рану моим шелковым рукавом. Мой храбрец-молодец продаст мальчугана в Эндери, в Дагестан; он накопить мне подарков; то-то мы будем жить, поживать!"... ("Сборник сведений о Терской области". Владикавказ 1878 г. Выпуск 1-й, стр. 260).

Песня замечательна и как превосходное поэтическое произведение, полное страсти и движения, и как произведение, по духу своему очень близко стоящее к лермонтовской песне; чеченская песня ясно дает понять, какая участь постигла бы малютку казака, если бы "злой чечен" похитил его.

IV. Эпизод с чиновником

Неконченный роман Лермонтова "Княгиня Литовская" начинается описанием происшествия, едва не стоившего жизни Красинскому, бедному молодому чиновнику. Красинский шел "из департамента, утомленный однообразною работою и мечтая о награде и вкусном обеде, ибо все чиновники мечтают. На нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником". (IV, 97). Неожиданно на него налетели бешено мчавшиеся сани блестящего гвардейского офицера Печорина. Красинский был отброшен на тротуар и лишился чувств. Извозчики погнались было за виновником, но где им было догнать быстроногого рысака! Печорин беспечно вернулся домой, не беспокоясь о том, что случилось с бедным прохожим: "о раздавленном чиновнике не было и помину". Тот, к счастью, отделался только легким ушибом да страхом; "горькие думы овладели его сердцем", и он возненавидел "гнедых рысаков и белые султаны". (IV, 98). В тот же день произошло личное столкновение Печорина с Красинским. Печорин был в театре и, смеясь, рассказывал приятелям-офицерам о том, как его рысак сбил на улице с ног какого-то чиновника. Красинский случайно находился возле и вызвал обидчика на объяснение. Печорин сказал, что он готов выйти на дуэль. Красинский

на это не согласился; он не был трусом, но считал, что он, как единственный сын своей старухи матери, не имеет права рисковать жизнью³¹¹; умри он, умерла бы и мать, — от горя или нужды. В отчаянии он убежал из театра; Печорин стал его смертельным врагом.

Все эти подробности могли быть сочинены Лермонтовым, но, нам кажется, более вероятно то, что некоторые из них прямо выхвачены из жизни. Столкновение чиновника с офицером — характерная черта описываемой поэтом эпохи. Подтверждение находим в дневнике Никитенко.

То, о чем рассказывает Никитенко, относится к 1836 году; роман Лермонтова писался также в 1836 году. Никитенко говорит об одном знакомом; это некто Фролов, молодой человек. "Он пробирался сквозь толпу в театр. С ним рядом пролагал себе путь и какой-то офицер. Последний вдруг обращается к Фролову и грозно спрашивает: куда он гнется? Фролов изумился, но ни слова не отвечал и продолжал идти вслед за другими.

— Подите прочь отсюда, — закричал на него офицер, — или я вас отправлю на съезжую.

Фролов оцепенел и, как сам говорил, в первую минуту не нашелся, что отвечать. Опомившись, он бросился в театр на поиски за офицером, который тем временем успел скрыться. Он его не нашел, но хорошо запомнил лицо и цвет воротника его мундира. Долго ходил он по казармам, отыскивая его, но напрасно. Наконец, наткнулся на него во время ученья, узнал его имя и адрес. Тогда Фролов явился к нему с двумя товарищами и призвал к ответу. Офицер струсил и просил прощения".

"И это не единичный факт. Примеров офицерских дерзостей не перечисть. Недавно тоже два офицера, так, ради смеха, встретив на улице одного чиновника, совершили над ним грубое неприличие. Тот спросил у них: что они, сумасшедшие или пьяные? Они привели его на съезжую, и оскорбленный должен был заплатить полицейскому пятнадцать рублей, чтобы тот отпустил его". (А. В. Никитенко. "Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был". СПб. 1905 г. I, 275).

Никитенко говорит, что офицер "успел скрыться"; так скрывается, сбив с ног чиновника, и Печорин! Лермонтов, как офицер, не мог не слышать рассказов о столкновениях военных с чиновниками, не мог не наблюдать заносчивого поведения военной молодежи. Замечательно, что его симпатии явно на стороне чиновника; это показывает, что поэт хотя и принимал участие в товарищеских пирушках и шалостях, отдавая дань и молодости, и своей кипучей натуре, и нравам времени и среды, но погружался в эту атмосферу только, выражаясь его же словами, "наружно"; мы видим, что он резко осуждает бессердечие и высокомерие Печорина-офицера. В этом выражений симпатии бедному чиновнику сказались, отчасти, влияние Гоголя. Но эпизод (мы не сомневаемся в этом) взят из действительности, и это служит лишним доказательством наблюдательности поэта и его склонности изображать жизнь в ее истинном свете. Сочувствие "униженному и оскорбленному" чиновнику сближает Лермонтова с Достоевским. Эпизод с Красинским немного напоминает страницу из "Преступления и наказания": Мармеладов, отставной титулярный чиновник, попал под щегольской экипаж (без седоков); это была "коляска, щегольская и барская, запряженная парой горячих серых лошадей". (Достоевский. "Пр. и нак.". Полн. собр. соч. СПб. 1894 г. V, 174, 175). Бедняга был так измят, что вскоре умер.

V. Еще о "Валерике"

Некоторые стихи "Валерика" можно иллюстрировать еще следующими интересными эскизами, найденными нами в очерке Н. А. Волконского "Погром Чечни в 1852 году". ("Кавказский Сборник", V).³¹²

Лермонтов:

**И вот из леса, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки...
И градом пуль с вершин деревьев
Отряд осыпан...** (II, 302).

Ср.: "Перед цепью пронесся гик, пальба разом оборвалась, и чеченцы всей массой ринулись на арьберггард"... ("Кавк. Сборн.", V, 59).

Лермонтов:

"В штыки!

**Дружнее!" — раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...
"Ура!" — и смолкло. — "Вон кинжалы!...
В приклады!"... И пошла резня.** (II, 303).

Ср.: "Опять грянули залпы, *опять прогремело "ура!" и вновь пошла работа штыками*". ("Кавк. Сб.", V, 30).

"Еще хвост арьберггарда был на поляне, как чеченцы не выдержали и с полным ожесточением кинулись в шашки на правую цепь. Цепь приостановилась; *вдоль ее пронеслось громкое "ура!" и завязалась рукопашная схватка*". (Там же, 59).

"Чеченцы пустили в ход свои кинжалы и *на мгновение окрестность затихла, будто в ней все вымерло*". (Там же).

Особенно интересно следующее место из диалога между штабс-капитаном Р-о и юным прапорщиком, недавно попавшим на Кавказ. Штабс-капитан говорит:

"У вас на парадах, да на смотрах как зарядят "ура", так и конца ему нет: и сами потешаетесь, и родительское сердце радуется. *На Кавказе солдат в бою не будет тянуть эту канитель, да и некогда. Разве вы слышали хоть один раз продолжительное "ура" при штурмах, атаках и прочее?*

— И вправду, нет". ("Кавк. Сб.", 114).

Лермонтов:

**Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженья лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью. На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал...** (II, 303).

Ср. у Волконского описание смерти Круковского. Когда Круковской был убит, казаки положили его тело на бурку; *"неприятельные слезы капали из глаз казаков"*. ("Кавк. Сб.", 69)³¹³.

Волконский указывает, какая перемена происходит в солдатах после битвы: "Лишь только солдатики хлебнули свежей водицы и смыли ею пот и кровь с своих лиц — они и ожили, и оживились. Пошли толки, рассказы, смешки, пересмешки, воспоминания о том или другом курьезе неприятеля. Посторонний зритель, наверное, сказал бы, что эти люди и не думали стоять лицом к лицу с врагом час тому назад, а уж о том, что они дрались — он и вовсе бы не подумал". ("Кавк. Сб.", 62).

Эти штрихи подтверждают, как глубоко правдив был поэт в описаниях войны, как многозначительно каждое его слово.

Кстати, об участии Лермонтова в Валерикском сражении см. ещё: Висковатый. "М.Ю. Лермонтов в действующем отряде генерала Галафеева, во время экспедиции в Малую Чечню". ("Рус. Стар.", 1884 г., I, 83 — 92). Он же — "Речка смерти". ("Ист. Вестн.", 1885 г., III, 473—483). Лебединец. "М.Ю. Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 году". ("Рус. Ст.", 1891 г., VIII, 355—368; здесь приводятся рапорты ген.-лейт. Галафеева и извлечение из "Журнала военных действий", который, как предполагают, велся Лермонтовым). Ракович. "Тенгинский полк на Кавказе". Тифлис. 1900 г., 240—246 (на стр. 241 — 243 — извлечение из "Журнала военных действий"). Ср. "Рус. Арх.", 1901, № 3, стр. 505 — 512 (извлечения из книги Раковича. См. еще — "Рус. Арх.", 1911 г., № 9, стр. 158, 159).

VI. Еще о Лермонтове и Козлове

Выше ("Лермонтов и Л. Толстой", гл. XII) нам пришлось слегка коснуться вопроса о влиянии Козлова³¹⁴ на Лермонтова. В настоящей заметке мы хотим несколько подробнее остановиться на этом, почти незатронutom, но весьма важном вопросе.

В юные годы Лермонтов, очевидно, зачитывался оригинальными и переводными произведениями Козлова; из его поэм он переносил многие места, едва их изменив, в свои первые поэмы. Отголоски этого влияния можно подметить даже в позднейших произведениях Лермонтова. Особенно привлекали поэта поэмы Козлова, проникнутые байроническим духом; поэзия Козлова (и Пушкина) послужила мостом, по которому молодой Лермонтов подошел к самому Байрону.

Начнем с поэмы Лермонтова "Черкесы" (1828 г.). Лермонтов:

Одето небо черной мглою. (I, 4).

Козлов:

*Оделись волны черной мглой...
(Козлов, "Невеста Абидосская", 112).*

Лермонтов:

**Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;
Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.** (I, 6).
**О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смятенья,
Как гонишь ты ночную тень.
И снов обманчивых виденья!
Затрень в граде дальний звон
По роце ветром разнесен.** (I, 7).

Козлов:

*Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет;
Проснулись пташки; в тихий бор
Уж дровосек несет топор;
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами;
Затрень сельских дальний звон
По роце ветром разнесен;*

Скрипит под сеном воз тяжелый,
И заиграл рожок веселый.
*О, если б ты, прекрасный день,
Гнал мрачные души волненья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!*

(“Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая”, 53, 54. Эта поэма Козлова появилась в печати, отдельным изданием, в 1828 г., — см. Соч. Козлова, 338. В том же году написаны и “Черкесы” Лермонтова).

Лермонтов:

Но вдруг толпою окружен. (I, 9).

Козлов:

*Толпою буйной окружен.
("Невеста Абидосская", 127).*

Влияние Козлова заметно в другой поэме Лермонтова, того же года, “Корсар”. Лермонтов:

**Я взял кинжал, два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели** (I, 31).

Козлов:

*Кинжал не блещет жемчугом,
Но два чеканных пистолета
За пестрым, шитым кушаком,
И сабля легкая звенела...
("Невеста Абидосская", 115).*

Лермонтов:

**Где Геллеспонт, седой, широкий,
Плеская волнами, шумит...** (I, 33).

Козлов:

*...Все шумит,
Шумит твой Геллеспонт широкой.
("Невеста Абидосская", 112).*

Лермонтов:

**Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой бег меж островами,
Цветущими над влажным дном
Святого старца океана.
Я видел их. Но жребий мой
Где свел нас бурною толпой,
Там власть дана мне атамана;
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть — все за одно!** (I, 35, 36).

Козлов:

*Простясь с печальными берегами,
Я с Маврским опытным пловцом
Стремил мой бег меж островами,
Блестящими над влажным дном.³¹⁵
Жемчужно-пурпурным венцом
Святого старца-океана.
Я видел их. Но жребий мой
Где свел нас с буйной толпой,
Как власть дана мне атамана,
И как навыки решено,
Что жизнь и смерть нам заодно...
("Невеста Абидосская", 122).*

Ср. еще — Лермонтов:

И шелк каштановых волос...
(“Преступник”, 1829 г. I, 44).

Козлов:

*И цвет каштановых волос...
("Кн. Н.Б. Долгорукая", 46).*

Некоторое влияние на Лермонтова оказала известная поэма Козлова “Чернец” (появилась в печати в 1825 г., — см. Козлов, Соч., 338). Нечто общее с “Чернецом” имеют поэмы Лермонтова — “Исповедь”, “Боярин Орша” и “Мцыри”. В поэме Козлова Чернец перед смертью открывает игумену-старцу свою душу. Поэма заканчивается описанием смерти Чернеца. Некоторые стихи довольно близки к лермонтовским. Козлов:

Он дважды тихо приподнялся

.....
Но превозмог он страх могилы,
Зажглися гаснущие силы;
Он старца за руку схватил,
И так страдалец говорил...
("Чернец", 15, 16).

Лермонтов:

**Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил.** (II, 310).

Чернец Козлова, как и лермонтовские герои, — натура молодая, кипучая, страстная.

Характерны обращения Чернеца к игумену: “отец” (16, 24), “отец святой” (17, 19, 20), “святой отец” (26), “о, мой отец!” (18), “отец мой” (25, 26), “о, старец!” (17). Ср. Лермонтов: “отец” (II, 328), “отец святой” (I, 223, 224; II, 122, 124), “мой отец” (I, 219; II, 125), “о, старец” (I, 223; II, 123).

Козлов:

Она одна в моих мечтах,
И на земле, и в небесах...
Отец святой, теперь напрасно
О ней тебе подробно знать;
Я не хочу ее назвать... (“Чернец”, 17).

Лермонтов:

**Кого любил? — Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной!
За жизнь, за мир, за небо вам
Я тайны этой не продам!** (I, 224).

Козлов:

Теперь — до гроба жить ужасно!
За гробом — вечность без нее! (25).

Лермонтов:

**Пусть вечно мучусь: не беда!
Ведь с ней не встречу никогда!
Разлуки первый грозный час
Стал веком, вечностью для нас.** (I, 223).

Козлов:

Я взрос бездомным сиротою,
Родимой ласки не видал. (16).

Лермонтов: Орша говорить Арсению:

**Найденьш без креста,
Презренный раб и сирота!..**

Арсений отвечает на это:

**Ты прав: не знаю, где рожден,
Кто мой отец, и жив ли он!**
.....
**Никто не смел мне здесь сказать
Священных слов: “отец” и “мать”.**

.....
**...Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ, — могил!**
(II, 122; ср. II, 311, 312).

Многие другие стихи "Чернеца" очень близки к лермонтовским — и по содержанию, и по технике; напр.:

Дней моих весною
Уж я все горе жизни знал.
.....
Мне было некого любить!
Увы! я должен был таить,
Страшась холодного презренья
От неприветливых людей,
И сердца пылкого волненья,
И первый жар души моей;
Уныло расцветала младость,
Смотрел я с дикостью на свет,
Не знал я, что такое радость.
.....
Любил я по лесам скитаться.
.....
Любил опасностью играть,
Над жизнью дерзостно смеяться,
Мне было нечего терять,
Мне было не с кем расставаться. (16).
Но, старец праведный, не знаешь,
Не знал ты страсти роковой. (19).

Лермонтов:

**Знал ли ты,
Что значит молодость, мечты? —
Или не знал, — или забыл,
Как ненавидел и любил...**
(I, 220; варианты — II, 125, 312).

Выражение "жар души" встречаем впоследствии у Пушкина ("Вновь я посетил"...) и Лермонтова ("Благодарность", II, 288). "Уныло расцветала" молодость всех лермонтовских героев байронического типа. По лесам скитался Арсений ("Б. Орша"), Мцыри. "Опасностью играть" любил и сам поэт, и все его герои, которые, кстати сказать, натуры более глубокие и сильные, нежели Чернец, их предшественник.

О Козлове Лермонтов говорит в стихотворении "Анне Григорьевне Хомутовой" (1841 г., II, 335, 336). В нем поэт с чувством искреннего уважения и участия отзывается о поэте-слепце, произведения которого так любил еще мальчиком; о самом себе он говорит:

**И я, поверенный случайных
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их.**
Далее он обращается к Хомутовой, двоюродной сестре поэта:
**Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь за то, что вы,
Хоть на единое мгновение,
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.**

Хомутова с детства была связана с Козловым узами тесной дружбы; он посвятил ей стихотворение — "Другу весны моей" (см. Соч., 264, 265).

VII. Муки слова

В дополнение к статье "Лермонтов и Библия" (стр. 356) скажем еще несколько слов о "муках слова" великого поэта.

В стихотворении "Не верь себе" он говорит, что "стихом размеренным и словом ледяным" нельзя передать значенья мелодий, звучащих в душе (II, 256). В письме к Лопухиной: "Право,

следовало бы в письмах ставить ноты над словами, а то теперь читать письмо то же, что глядеть на портрет: нет ни жизни, ни движения; выражение неподвижной мысли, что-то, отрывающееся смертью!.." (IV, 399). (Подробности — см. Горнфельд. "Муки слова". СПб. 1906 г.).

Поэт в трех поэмах — "Исповедь", "Боярин Орша" и "Мцыри" повторяет одно и то же выражение:

А душу можно ль рассказать? (I, 221; II, 121, 311).

Вспомним еще неудачную попытку поэта исправить грамматическую ошибку в стихе:

Из пламя и света.

(Об этом см.— "Литер. восп." Панаева в "Современнике" — 1861 г., т. LXXXV, № 2, отд. I; Хвостова, "Записки", 1870 г., 234—240; Висковатый, "М. 10. Л.", 372; Соч. Л-ва под ред. Болдакова, II, 385),

Конечно, процесс творчества не всегда сопровождался такими муками; Лермонтов говорит:

**Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны.
И рифмы дружные, как волны
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг низжуются слова...** (II, 282).

Некоторые стихотворения были написаны им с необычайной легкостью; напр., "Ветка Палестины", "Молитва" ("В минуту жизни трудную"), "Тучи" и др. Лермонтову приписывают много экспромтов; см., напр., Мартыанов, "Последние дни жизни М. Ю. Л." (Ист. Вестн., 1892 г., II, III). Общеизвестны его экспромты: "Три грации считались в древнем мире" (Л., I, 157) и "Н. П. Верзилиной" ("Надежда Петровна"... II, 348). Лермонтову приписывают экспромт, направленный по адресу родственника поэта, какого-то Ивана Яковлевича: "Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot et cependant vous n'êtes point Jean-Jacques Rousseau". (См. — Хвостова. "Записки". СПб. 1870 г., 91). Любопытно, что в "Записках" А.О. Смирновой аналогичный каламбур оказывается принадлежащим Великому Князю Михаилу Павловичу; по его словам, Великий Князь, говоря о сыне княгини Ливен (воспитательницы дочерей Императора Павла), которого звали Жан-Жаком, и который был рыжим, сострил: "Мой Жан-Жак хотя и рыжий (roux), и его даже находят глупым (sot), но все-таки он не Жан-Жак Руссо, а сын нашей доброй княгини Ливен"... ("Записки", I, 81).

VIII. "Спор" Лермонтова и "Разговор" Тургенева

Стихотворение в прозе Тургенева "Разговор" не является ли отголоском влияния Лермонтова на этого писателя? Альпийские горы, Юнгфрау и Финстерааргорн, ведут между собой разговор подобно Казбеку и Шагу. Беседующие альпийские горы Тургенев называет "великанами"³¹⁶. Такое сравнение мы встречаем у Лермонтова. Например,— Кавказ,

**Нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом.** (II, 263).

Юнгфрау называет своего соседа "стариком". У Лермонтова Шат "седовласый". (II, 337). Ср. еще —

**Машук, склоняся лысой головой
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.** (I, 336).

Альпийские гиганты с презрением говорят о ничтожном человеке. С презрением говорит о нем и Казбек. Ср. еще —

**"В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы!"
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно он взирает.** (II, 24).

Финстерааргорн говорит: "Там, внизу, все то же: пестро, мелко. Воды синеют; чернеют леса; сереют груды скученных камней. Около них все еще копошатся козьявки, знаешь, те двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?
— Да, люди".

"Прошли тысячелетия, и Финстерааргорн говорит: "Опрятно стало везде, бело совсем, куда ни глянь... Везде наш снег, ровный снег, и лед. Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо, — промолвила Юнгфрау. — Однако, довольно мы с тобой поболтали, старик. Пора вздремнуть.

— Пора!

Спят громадные горы; спит зеленое, светлое небо над навсегда замолкшей землей".

Нечто аналогичное — в стихотворении Лермонтова "Казбеку":

**И гордый ропот человека
Твой³¹⁷ гордый мир не возмутит.** (II, 213).

Или:

**Скала угрюмая Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.** (II, 383).

В "Разговоре" Тургенев употребляет выражения — "пора *вздремнуть*", "*спят* громадные горы".

У Лермонтова: *Кавказ*,

Нахмураясь, тихо дремлет (II, 263).
**Горные вершины
Спят во тьме ночной.** (II, 288).
**Скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны.** (II, 352).

Тургенев: "Проходит несколько тысяч лет: одна минута". Это выражение, с небольшими изменениями, употребляется им в "Разговоре" пять раз. В сущности, это варианты известных стихов Лермонтова:

**Во след за веком век бежал,
Как за минутою минута.** (II, 351).

IX. Бой туч

"Когда я еще мал был, — пишет Лермонтов в одной заметке, я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые, в виде рыцарей со шлемами, теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождавшие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства". (IV, 350). Сравнение облаков или туч с рыцарями не раз встречаем в его ранних произведениях.

В "Испанцах" (1830): луна,

**Подобная Армиде,
Под дымкою сребристой мглы ночной
...идет в волшебный замок свой.
Вокруг ее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горнице любовью, и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит; когда же отвернуто
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас; посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах...** (III, 19).

В "Ауле Бастунджи" (1831):

**Неслись друг за другом облака,
Косматые, как перья шишака.** (I, 338).

В "Измаиле-Бее" (1832 г.) он обращается к горам:

**Как дым синезя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся, как тени,
Как над главой огромных привидений
Колеблемые перья.** (II, 20).

Грозные клубящиеся тучи поэт любил уподоблять сражающимся бойцам. Например: тени героев

**На темно-сизых тучах
Разнообразною толпой
Летят, — щиты в руках могучих...
Их тешит бурь знакомый вой.
Сплетаюсь цепию воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал равнодушно.**

Ср. еще:

**Была ужасна эта встреча,
Подобно встреч двух громов
В грозу меж дымных облаков.**

Или:

**Белый облак в полдень знойный
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут мчится мимо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне.**

Этот образ, в течение нескольких лет приковывавший к себе внимание юного поэта, наиболее ярко и красиво выражен в стихотворении "Бой" (1832 г.):

**Сыны небес однажды надо мною.
Слетелися, воздушных два бойца:
Один — серебряной обвешан бахромою,
Другой — в одежде чернеца.
И, видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом.
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь...
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.** (II, 8)³¹⁸.

Бой туч прекрасно изображен в стихотворениях Полонского и Случевского.

Полонский:

По горам две хмурых тучи
Знойным вечером блуждали
И на грудь скалы горячей
К ночи медленно сползали.
Но — сошлись — не уступили
Той скалы друг другу даром
И пустыню огласили
Яркой молнии ударом.
Грянул гром, — по дебрям влажным
Эхо резко засмеялось,
А скала — таким протяжным
Стоном жалобно сказала,
Так вздохнула, что не смели
Повторить удара тучи
И у ног скалы горячей
Улеглись и обомлели.

Случевский:

По небу быстро поднимаясь,
Навстречу мчась одна к другой,
Две тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой.
Темны, как участь близкой брани,
Небесных ратников полки,
Подъяты по ветру их длани,
И режут воздух шишаки!
Сквозят их мрачные забрала
От блеска пламенных очей...
Как будто в небе места мало,
И разойтись в нем нет путей!..

Это стихотворение как бы навеяно Лермонтовым; грозовые тучи сравниваются с рыцарями, готовыми вступить в поединок; характерно употребление слова "шишак", встречаемого и у Лермонтова. Стихотворение Случевского эффектно, но в художественном отношении уступает стихотворению Полонского; последнее отличается чрезвычайной простотой, законченностью образов и более сложным содержанием.

Х. Воздушный город

В драме "Станный человек" (1831 г.) Арбенин говорит: "Где мои исполинские замыслы? К чему служила эта жажда к великому? Все прошло! я это вижу. Так точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимает вид небесного города, блестит золотыми краями и обещает чудеса воображений; но солнце закатилось, дунул ветер, — и облако растянулось, померкло, и наконец упадет росой на землю!" (III, 192).

Этот прелестный образ встречаем в других юношеских произведениях. В "Измаиле-Бее" (1832 г.):

В вечерний час дождливых облаков
Я наблюдал разодранный покров:
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних дней,
Растет в минуту, но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье.
Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиденье,
Когда он зрит холмы своих полей... (I, 20).

В "Вадиме" (1832 г.): "Какая будущность! какое прошедшее! и все в один миг разлеталось. Так иногда вечером облака, дымные, багряные, лиловые, гурьбой собираются на западе, сливаются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хоромы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растет на голубом пространстве... но дунул северный ветер — и разлетались облака и упадают росой на бесчувственную землю..." (IV, 90).

Как мы видим, поэт в вариантах дает новые, красивые оттенки. Сравнение облаков с воздушным, пышным, но быстро разрушающимся городом было навеяно Лермонтовым Надсоном, у которого есть следующее изящное стихотворение:

Облака

I.

По лазури неба тучки золотые
На заре держали к морю дальний путь,
Плыли,— зацепились за хребты седые,
И остановились на ночь отдохнуть.
Целый чудный город, с башнями, с дворцами,
С неподвижной массой дремлющих садов,
Вырос из залитой мягкими, лучами
Перелетной стаи вешних облаков.
Тут немые рощи замок окружили,
Там через ущелье легкий мост повис;
Вырос храм, и стройный портик обступили
Мраморные группы, тяготя карниз;
Высоко вознесся купол округленный
И поник на кроны розовых колонн,
А над всем сияет ярко освещенный
Новый, чудный купол — южный небосклон!..

II.

Милый друг, не верь сияющим обманам:
Этот город — призрак; он тебе солжет, —
Он тебя пронижет ветром и туманом,
Он тебя холодным мраком обоймет.
Милый друг, не рвись усталою душою
От земли, порочной родины твоей —
Нет, трудись с землею и страдай с землею
Общим тяжким горем братьев и людей.
Долог труд, зато глубоко будет счастье,
Кровью и слезами купленный покой
Не спугнет бесследно первое ненастье,
Не рассеет первой легкою грозой!
О, не отдавай же сердца на служенье
Призрачным обманам и минутным снам:
Облака красивы, — но в одно мгновенье
Ветер разметать их может по горам!..
(Надсон, 145—146).

Не только сравнение облаков с воздушным городом и идея, но и многие другие подробности характерно лермонтовские. Первые четыре стиха "Облаков" Надсона навеяны "Утесом" Лермонтова; у Лермонтова "тучка золотая" почует на груди старого утеса; у Надсона "тучки золотые" останавливаются на ночь отдохнуть на "хребтах седых". У Лермонтова тучка весело играет "по лазури"; у Надсона — тучки держат путь "по лазури". Лермонтов часто называл облака "золотыми". Ср.:

Бегут златые облака. (I, 248).

В одеждах золотых, издалека

Они текут безмолвным караваном. (II, 187).

Златые облака... (II, 190).

Золотые облака... (II, 352).

"Вечернее облако... блестит золотыми краями". (III, 192).

Надсон сравнивает облака с птицами:

Перелетной стаи вешних облаков.

Лермонтов:

**И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег,
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран.** (II, 313).

У Надсона "хребты седые".

Ср. Лермонтов:

Седовласый Шат. (II, 337).
Седых вершин зубцы. (II, 344).

У Надсона облака, как "легкий мост", перекидываются через ущелье.

Лермонтов:

**Нередко дивы
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой.** (II, 45).

Надсон говорит о мимолетности красоты облаков:

**Облака красивы, — но в одно мгновенье
Ветер разметать их может по горам!..**

Лермонтов:

**Едва блеснут, их ветер вновь уносит.
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...
И после них на небе нет следа...**
(II, 262; ср. I, 256; II, 187, 188).

Ср. у Надсона:

Кровью и слезами купленный покой.

Лермонтов:

**Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой...** (II, 330).

В бытность свою в Павловском училище Надсон показывал "Облака" преподавателю словесности, профессору Незеленову. Тот нашел, что стихотворение хорошо — "образ есть, мысль есть, стих правильный". Ободренный этим отзывом, Надсон (хотя Незеленов был против того) послал "Облака" в "Вестник Европы"; стихотворение не было принято³¹⁹.

Ср. еще стихотворение Фета:

Воздушный город.

Вон там по заре растянулся
Причудливый хор облаков:
Все будто бы кровли, да стены,
Да ряд золотых куполов.
То будто бы белый мой город,
Мой город знакомый, родной,
Высоко на розовом небе
Над темной уснувшей землей.
И весь этот город воздушный
Тихонько на север плывет.
Там кто-то манит за собою.
Да крыльев лететь не дает.

Это стихотворение тоже могло быть навеяно лермонтовской поэзией.

XI. Ландыш

В стихотворении "Когда волнуется желтеющая нива" поэт словами изумительной красоты и нежности говорит о ландыше:

**Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой...** (II, 208).

По словам Бальмонта, "никто так хорошо не сказал о ландыше, как Лермонтов, назвав его "росой обрызганный" (Собр. соч. Шелли. I, пер. Бальмонта. 1903 г., 475).

В "Сказке для детей" — о "маленькой Нине":

Она росла, как ландыш за стеклом. (II, 273).

Ландыш — один из любимейших цветов русских поэтов; описывая его, они нередко повторяют Лермонтова.

Огарев:

В деревне *барышня* стыдливо,
Как ландыш майский, расцвела,
Свежа, застенчива, красива,
Душой младенчески мила...
("Барышня", Соч., I, 126).

Здесь в равной степени возможно и влияние Пушкина (см. выше. — "Л-в и Л. Т.", гл. XIII).

Греков:

Из всех цветов, взлелеянных весной,
Милее всех мне ландыш белоснежный,—
И красотой своею нежной,
И девственной своею чистотой.
Любимец гроз и первоцвет весны,
Он с песнью соловья свой запах разликает,
И так же, как она, на душу навеивает
Какие-то ласкающие сны.
("Ландыш")³²⁰.

Жадовская:

Благоухая, ландыш белый
Расцвел...
("Фея весны").

Пальмин:

И ландыш молится при месячных лучах.
("Поэт и шут").

Надсон: ландыш

Обрызган влагой теплых рос.
("Весна, весна идет!.. Как ожила с весною..." 303).

Фофанов:

И дрожит под *росою душистых* полей
Бледный ландыш склоненным бокалом.
("Май". — Стих., 27).

Дрожжин:

Из травы *душистой*
Выглянул на солнце *ландыш серебристый*.
("Распустились почки, лес зашевелился". Стих. СПб. 1894 г., 243).

Бальмонт: "*ландыш серебристый*" ("Зарождающаяся жизнь"), "ласковый ландыш лесной" ("Смерть, убаюкай меня").

Л. Толстой однажды сказал (в 1910 г.): "Я сегодня видел ландыш, совсем готовый бутон, должен вот-вот распуститься. Почему ландыш называют серебристым? Ничего нет похожего на серебро. Вот серебро (он показал на серебряный прибор). Это сказано только для рифмы, для рифмы к "душистый". Эпитет должен рисовать предмет, давать образ, а это совершенно фальшивое представление. И так у всех поэтов, и у Пушкина тоже". (Булгаков, "Дневник", 154).

Вероятно, Толстой имел в виду лермонтовские стихи; однако, осторожность требует заметить, что и у Дрожжина, назвавшего ландыш "серебристым", тоже есть рифма "душистой"; это стихотворение также могло быть известно великому писателю. С резким суждением последнего о лермонтовском ландыше мы не можем согласиться; ландыш, обрызганный росой, действительно серебрится; наши поэты, называя этот цветок "серебристым", говорили, наверное, не только из подражания Лермонтову, но и руководясь личными наблюдениями над красотами приро-

ды. Любопытно отметить, что в этом случае к Лермонтову присоединяются такие противоположные по характеру творчества поэты, как Дрожжин, представитель "старой" школы, дитя деревни, и Бальмонт, главный представитель новейшей поэзии, житель города, человек высоко культурный, с тонко развитым эстетическим чувством. Ср. еще немецкую загадку о ландыше: "Я знаю хорошо один колокольчик, он блестит ярко во всей стране. Из *серебра*³²¹ он кажется вылитым, а между тем вырос из земли"... и т. д. (Золотницкий "Три цветка весны". — "Ежемесячные литер. и популярно-науч. прилож. к журналу "Нива" на 1909 г.; I, 628). Влияние Лермонтова сказалось в стихах Голенищева-Кутузова:

Цветок гвоздики алой
Уж распустился в цветнике моем
И весело кивал мне головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
(*"Первый гром"*. — Соч., 1894, СПб., I, 22).

Ср. еще:

Луга *росой* обильной
Обрызганы.
(*"Какая ночь! Редуют облака"*. I, 14)³²².

О ландыше см. еще стихотворение Батюшкова — "Выздоровление", Фета — "Первый ландыш".

ХII. "И скучно и грустно"

Мысли, с такою силою и чувством, с такою сжатостью выраженные в элегии "И скучно и грустно", часто заставляли поэта задумываться над ними. Его герои жалуются на скуку и грусть, на одиночество, на пустоту жизни.

Арбенин:

И тяжело стало мне, и *скучно* жить! (III, 226).

Или:

Жизнь — вещь *пустая*:
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Все в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей—
И все вокруг темней, темней!
Что жизнь?— давно известная шарада
Для упражнения детей...
...В юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной *пустотой*. (III, 270).

Кирибеевич:

Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться. (II, 218).

Печорин: "Тогда мне стало *скучно*... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями,— напрасно: через месяц я так привык к их жужжанью и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров,— и мне стало *скучнее* *прежнего*, потому что я потерял почти последнюю надежду. Жизнь моя становится *пустее* день ото дня". (IV, 179). "Я чувствовал необходимость излить свои мысли в *дружеском* разговоре, но с кем?.." (IV, 222).

Демон говорит, что никто не устоит

Против усталости и *скуки*. (II, 374.)

Для самого поэта, когда ему было только 15 лет, жизнь была уже скучна, как день осенний (II, 384). Его герои одарены "силами необъятными" и скучают от того, что не знают, к чему прило-

жить эти силы. Лермонтов испытывал скуку и грусть от того, что жизнь, в самом деле, не позволяла ему развернуть его могучих дарований. Один в поле не воин. Носить в душе божественный поэтический гений, мечтать о деятельности широкой и свободной, сознавать значение своего великого призвания, быть молодым и гордым, — но вместе с тем — тянуть лямку однообразной, нежеланной военной жизни, испытывать гонения со стороны властей и общества, понимать всю пошлость жизни, страдать от одиночества... есть от чего и титану упасть порою духом и не ожидать личного счастья! Кого из великих людей не посещали порою мрачные мысли? Даже Пушкин, солнце нашей поэзии, в минуты тяжелого раздумья говорил:

Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.
(*"Дар напрасный, дар случайный"*).

Задавал вопрос:

Иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка рока над землей?
(*"Медный Всадник"*. Ч. I).

Такое состояние переживал Тургенев. В 1877 г. он писал в дневнике: "Полночь. Сижу я опять за своим столом... а у меня на душе темнее темной ночи... Могила словно торопится проглотить меня; как миг какой пролетает день, *пустой*, бездельный, бесцветный. Смотришь: опять вались в постель.— Ни права жить, ни охоты нет; делать больше нечего, нечего ожидать, *ничего даже желать*". (Тургенев. "Первое собр. писем". СПб., 1884 г., 316). В одном письме он говорит Некрасову: "Милый Некрасов, получил я вчера твое письмо в ответ на мое первое. Пожалуйста, заведем переписку,— *все не так мне скучно будет*... Сегодня день моего рождения, мне стукнуло 34. Порядочное количество лет, *а куда есть эти годы ушли и на что!* Опять-таки черт знает"³²³. ("Р. М.", 1902 г., I).

По словам Волжского, "в итоге любого томика чеховских рассказов можно сказать, резюмируя общее впечатление:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка..."

(*"Очерки о Чехове"*. СПб., 1903 г., 64).

Раскольников говорил: "Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. *Истинно великие люди*, мне кажется, *должны ощущать на свете великую грусть*". ("Преступление и наказание" Достоевского. Полн. собр. соч. СПб., 1894 г., V, 261).

Ключевский видит в Лермонтове певца "*личной грусти*".

ХIII. Кое-что о Пушкине и Лермонтове

Наиболее глубокое, длительное и благотворное влияние оказал на Лермонтова Пушкин. Мы еще не имеем широкого исследования, посвященного этому вопросу, но в специальных статьях и трудах общего характера о творчестве наших двух величайших поэтов разбросано много интересных и ценных мыслей³²⁴. Несколько слов желаем сказать и мы.

Светлый гений Пушкина сопутствовал Лермонтову с его юных лет и до могилы. В самых ранних и позднейших произведениях младшего поэта слышатся отзвуки небесно-мелодичных песен старшего собрата. Влияние Пушкина видно в выборе Лермонтовым сюжетов, в различных мотивах лирики, в отдельных

образах, выражениях, в структуре стиха. Известно, что Лермонтов глубоко проникся духом пушкинской поэзии, что она стала частью его души, и нередко, как бы сам не замечая того, он употребляет слова Пушкина, будто свои собственные, выстраданные. Надо, однако, согласиться с тем, что он в последние годы своего творчества, заимствуя сюжеты у русских и иностранных авторов, никогда не бывал побежденным. Признано, что его переводы — из Байрона ("Умирающий гладиатор", "Еврейская мелодия"), Гейне ("Они любили друг друга", "Сосна"), Гете ("Горные вершины") и др. — не менее блестящи, чем оригиналы. Произведения, навеянные, например, самим Пушкиным, — "Ветка Палестины", "Три пальмы" — носят в то же время печать яркой индивидуальности автора.

Как уже выяснено, влияние Пушкина отражено во многих произведениях Лермонтова; приведем еще некоторые параллели.

В стихотворении "Сон", описывая тихую лунную ночь, Лермонтов говорит:

И ветер не мог дремоты превозмочь. (I, 172).

Это вариант из "Полтавы":

Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. (II песнь).

В "Измаил-Бее":

**Куда черкес направил путь?..
Черкес не хочет отдохнуть.** (II, 29).

Это тоже из "Полтавы"; ср.:

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть. (I песнь).

Быть может, Пушкиным навеяны слова Арбенина:

**Тому назад лет десять, я вступал
Еще на поприще разврата;
Раз, в ночь одну, я все до капли проиграл,
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.
Я был в отчаянье, ушел и яду
Купил и возвратился вновь
К игорному столу; в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан, в другой четверку пик;
Последний рубль в кармане дождался
С заветным порошком, — риск, право, был велик;
Но счастье вынесло, и в час я отыгрался!
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, — и день тот недалек.** (III, 265).

Ср. слова Сальери о яде:

Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой,
И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко.
Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я,
...Как пировал я с гостем ненавистным —
Быть может, мнил, я злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты —
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
...Теперь — пора!
("Моцарт и Сальери", I сцена).

"Узником" Пушкина навеяны следующие стихи "Казначейши":

**Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подымлет крылья,
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.
...Не все ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном.
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.** (II, 246–247)³²⁵

Вероятно, на Лермонтова неотразимое впечатление произвело стихотворение Пушкина "Воспоминание", особенно первая его часть:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,—
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья³²⁶;
Мечты кипят в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю³²⁷.

Лермонтов сам часто терзался душою, пробегая в мыслях былое, и ему понятно было это чувство жгучего раскаяния. В юношеском стихотворении "Quand jet e vois sourire" он буквально повторяет пушкинские слова:

**Alors toute ma vie
A mes yeux appaarat.
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.** (I, 184),

т.е. "Тогда вся жизнь моя встает перед моими глазами; я проклинаю и молюсь, и плачу тайно". (I, 392). Лермонтов страдал бессонницей и сам переживал тревожные, гнетущие чувства, вызываемые ею; он говорит:

**Я был рожден
С бессонницей. В течение долгой ночи,
Бывало, беспокойно бродят очи,
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж прошло.** (II, 157).

Ярче всего такое настроение выражено в стихотворении "Журналист, читатель и писатель":

**Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подымлет,
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется, и язык**

Лепечет громко, без сознания
 Давно забытые названья;
 Давно забытые черты
 В сияньи прежней красоты
 Рисует память своевольно;
 В очах любовь, в устах обман,—
 И веришь снова им невольно,
 И как-то весело и больно
 Тревожить язвы старых ран. (II, 283)³²⁸.

Здесь неразрывно переплелось и пережитое поэтом, и влияние Пушкина. Из "Воспоминания" же Лермонтов перенес в повесть "Вадим" следующее выражение: "И перед ним начал развиваться длинный свиток воспоминаний". (IV, 66).

Л. Толстой признается: "Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении: "Воспоминание"... В последней строке я только изменил бы так,— вместо строк *печальных*... поставил бы: строк *постыдных* — не смываю"³²⁹. (Толстой, I, 253). Припомним стихотворение Лермонтова "Благодарность":

За все, за все Тебя благодарю я:
 За тайные мучения страстей,
 За горечь слез, отраву поцелуя,
 За месть врагов и клевету друзей,
 За жар души, расстроченный в пустыне,
 За все, чем я обманут в жизни был,
 Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
 Недолго я еще благодарил. (II, 288.)

В нем слышатся отголоски пушкинской лиры. Ср.:

В унынье часто
 Я помышлял о юности моей,
 Утраченной в бесплодных испытаньях,
 О строгости заслуженных упреков,
 О дружбе, заплатившей мне обидой
 За жар души доверчивой и нежной —

Примечания

¹ До встречи с Валерией Арсеньевой.

² См. об этом ниже: "Заметки", I.

³ См. "Полное собр. соч.". Лермонтова в издании Разряда изящной словесности Императорской Академии наук, IV, 349; дальнейшие ссылки относятся к этому изданию.

⁴ См. еще — Л., V, СХХII—СХХIII.

⁵ Некрасов. "Полное собр. стихотворений". СПб. 1902 г. I, 251. Дальнейшие ссылки на это издание.

⁶ См. еще фотографический снимок с дома Е.А. Арсеньевой в Тарханзах (Л., III, 65).

⁷ См. еще — Огарев, II, 23.

⁸ Скартаццини. "Данте". СПб. 1905 г., 21, 22.

⁹ Ср. стихотворение Сюлли-Прюдом — "Ребачество":

Вы маленькою девочкою были,
 Мне ж минуло двенадцать лет;
 Я был влюблен, но вы — сомненья нет —
 Забыли!...

(Перевод Хвостова. — Сюлли-Прюдом. "Стихотворения". СПб. 1911 г., 140. См. еще стихотворение "Воспоминания", 149).

¹⁰ В тетради поэта 1828 г. есть рисунок, изображающий двух ангелов, оберегающих двух малюток; характерна надпись под нею: "Невинность всегда охранена". (Л., V, 26).

¹¹ В тексте стоит — "светлой", но это опечатка; поправку см. — IV, 406.

¹² Бахметевой; к Бахметевой (Лопухиной) поэт питал самую глубокую и возвышенную любовь.

¹³ Розанов. "Концы и начала, "божественное" и "демоническое", боги и демоны". — "Мир Искусств", 1902 г., № 7—12, 131—132.

¹⁴ Мы останавливаемся на этом стихотворении в XI гл.

И горькие кипели в сердце чувства...
 ("Вновь я посетил").

Или:

О, юность легкая моя!
 Благодарю за наслажденья,
 За грусть, за милые мученья,
 За шум, за бури, за пиры,
 За все, за все твои дары;
 Благодарю тебя. Тобою
 Среди тревог и в тишине
 Я наслаждался... и вполне;
 Довольно... ("Евг. Он.", гл. 6, XLV).

Балладу "Тамара" обыкновенно сопоставляют с "Египетскими ночами" Пушкина³³⁰.

К ней близко еще следующее место из "Руслана и Людмилы":

Наш витязь мимо черных скал
 Тихонько проезжал, и взором
 Ночлега меж дерев искал.
 Он на долину выезжает
 И видит: замок на скалах
 Зубчаты стены возвышает;
 Чернеют башни на углах;
 И дева на стене высокой,
 Как в море лебедь одинокий,
 Идет, зарей освещена;
 И девы песнь едва слышна
 Долины в тишине глубокой.
 "Ложится в пол мрак ночной
 От волн поднялся ветер хладный.
 Уж поздно, путник молодой!
 Укройся в терем наш отградный!

Здесь ночью нега и покой,
 А днем и шум и пированье,

¹⁵ Позже эти слова, несколько измененные, были вложены в уста Мцыри.

¹⁶ Поэта очаровывает в красивой женщине все, что детски-непосредственно и мило: гр. Воронцова-Дашкова — "как мальчик кудрявый, резва" (II, 293); кн. Щербатова "в надежду на Бога" хранит "детскую веру" (II, 294); Виргиния утешает слух престарелых родителей "звонким ребяческим смехом" (II, 334); Тамара, танцуя, "веселья детского полна" (II, 354); ср. еще — II, 95, ст. 223, 224.

¹⁷ Ср. еще VI, 101.

¹⁸ См. еще статью Бирюкова — "Родители и дети в произведениях Л.Н. Толстого". М. 1898.

¹⁹ См. еще VII, 48; V, 95.

²⁰ Ср. I, 172.

²¹ Ошибка Садовского; следует сказать — Мавруша.

²² Ср. "Первую любовь" Тургенева.

²³ См. еще оригинальный, высокохудожественный рассказ Киплинг — "Самая чудная история в мире".

²⁴ Это напоминает слова Пушкина:

Исчез и поцелуй свиданья...
 Но жду его: он за тобой!..
 ("Для берегов отчизны дальней").

²⁵ Ср. — Л., II, 305, ст. 252—255.

²⁶ См. еще нашу статью — "Ангел". Очерк поэзии Лермонтова. X. 1912.

²⁷ См. еще: I, 156, 203, 308; II, 80, 210; IV, 67.

²⁸ Из новейших русских поэтов никто не выразил с такою силою и искренностью жгучие религиозные сомнения, как Бальмонт; см. его стихотворения — "Молитва", "Зачем?", "Вопрос", "Заклятие" и др.

²⁹ См. еще — IV, 354, 355.

³⁰ См. еще — III, 118, 119.

³¹ Саводник. "Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева". М. 1911 г., 127.

³² Курсив наш.

³³ Курсив Сергеевко.

³⁴Ср. IV, 204.

³⁵Ср. II, 316, ст. 291; 361, ст. 356.

³⁶Ср. стихотворение "Крест на скале" (I, 128, 129).

³⁷Толстой, напротив, лишь тогда стал протестовать против войны, когда воочию увидел ее ужасы. Например, как странно читать теперь следующие строки из его письма 1851 г.: "По мере сил моих буду способствовать с помощью пушки к истреблению хищников и непокорных азиатов". (Письма Л. Н. Т., собр. и ред. Сергеевко. М. 1910 г., 15).

³⁸О Валерикском сражении см., напр., — Юров. "1840, 1841 и 1842 год на Кавказе". ("Кавказский сборник", X, стр. 302—307.) Янжул. "Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады". Тифлис 1886 г. I, 402-405. О Гехинском лесу — см. "Складчина". СПб., 1874 года, барон Ф.Ф. Тарнов — "Из воспоминаний бывшего кавказца".

³⁹Дорохов был одним из свидетелей дуэли Лермонтова (см. — Висковатый, 420). — Отчасти тип Долохова списан с двоюродного дяди Л. Н., Ф. Толстого (Американца); см. об этом - Бирюков, "Л. Н. Т.", I, 33, 90. Лермонтов изобразил Ф. Толстого в "Маскараде" в лице "Неизвестного" (см. Нива, 1913 г., № 37, статья Лернера).

⁴⁰У Лермонтова время действия — одиннадцатое июля; рассказ Толстого начинается двенадцатым числом того же месяца.

⁴¹Лермонтов в "Валерике" тоже обращается с расспросами к туземцу.

⁴²Таяк значит шест, на кавказском наречии (Л. Т.).

⁴³Полковник.

⁴⁴Ср.: Черкесы на коней садятся,

Быстрее стрел по лесу мчатся,

Как пчел неутомимый рой... (I, 6, 7).

⁴⁵По верному предположению Висковатова, это можно отнести к самому поэту. Современник Лермонтова, барон Россильер, старший офицер генерального штаба, рассказывал Висковатову: "Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщевую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! — ибо кто же кидался на завалы верхом?!" (Висковатый, 344).

⁴⁶Ср. у Андреева: "Люди бежали и кричали "ура" так громко, что почти заглушили выстрелы, — и вдруг прекратились выстрелы — и вдруг прекратилось "ура", — и вдруг наступила могильная тишина: это они добежали, и начался штыковой бой". ("Красный смех". — Сборник т-ва "Знание" за 1904 г., III, 334).

⁴⁷Какое прекрасное зрелище (Л. Т.).

⁴⁸Это истинное наслаждение — воевать в такой прекрасной стране. (Л. Т.).

⁴⁹И особенно в хорошем обществе. (Л. Т.)

⁵⁰В вариантах сохраняется орфография оригинала. — Быть может, лермонтовские варианты вовсе не были известны Толстому, но и они дают кое-что для полноты сравнительной характеристики творчества этих гениев.

⁵¹Есть предположение, что этот стих не принадлежит Лермонтову (см. собр. соч. Л-ва под ред. Висковатова, I, 375; собр. соч. Л-ва под ред. Болдакова, II, 387); в Академическое издание он, однако, внесен без оговорок.

⁵²Ср. — "Засыпал под крик шакалов" (из письма к Раевскому, IV, 330).

⁵³См., напр., Бирюков, I, 133. — Это, однако, не мешало ему писать остроумные шуточные стихи, восхищаться лирикой Пушкина, Фета и др. поэтов.

⁵⁴Эта тема оригинально и глубоко развита Сюлли-Прюдомом в стихотворении "Цветы" (см. С.-Пр., Стих., СПб., 1911 г., 133).

⁵⁵В неоконченном произведении "Нет в мире виноватых" Толстой говорит о человеке, который отважился в воинском присутствии заявить, что он здоров, а присягать и оружия брать не может "по своей убежденности". Этот же вопрос затронут в драме "И свет во тьме светит".

⁵⁶Ср. стихотворение Бенедиктова "Война".

⁵⁷VII, 105.

⁵⁸VII, 111.

⁵⁹VII, 112

⁶⁰Ср. стихи Горация, переведенные Пушкиным:

Ты помнишь час ужасной битвы,

Когда я, трепетный квириг,

Бежал, нечестно брося щит,

Творя обеты и молитвы?

Как я боялся, как бежал! ("Из Горация").

Ср. у Гаршина: солдат говорит ополченцу — "барину": "Вы меня держитесь, ежели что. Уж я бывал, знаю. Ну, да у нас барин молодец, не побегит. А то был такой до вас вольноопределяющий, так тот, как пошли мы, как начали пули летать, бросил он и сумки и ружье, и побег, а пуля ему вдогонку, да в спину. Так нельзя, потому — присяга". ("Трус". — Соч., 134).

⁶¹Ср.: Быстрее, чем заяц от орла. (Л., II, 263).

⁶²Ср.: Он растерял в пылу сраженья

Винтовку, шапку, и бежит... (II, 264).

⁶³См. еще — Т., II, 174.

⁶⁴IV, 180, 181.

⁶⁵"Ну, для чего вы идете на войну? — спросил Пьер Болконского. — Для чего? Я не знаю. Так надо. Кроме того, я иду... — Он остановился. — Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне" (IV, 26).

⁶⁶См. еще — VI, 166; "Письма Л. Н. Т.", Собр. и ред. П. А. Сергеевко 1910 г., 288.

⁶⁷Ср. стихотворение "Le blessé", приписываемое Лермонтову. (Л., II, 421).

⁶⁸Гаршин, Соч., 8.

⁶⁹П. Я. "Стихотворения". Т. II. СПб. 1906 г., 82, 83.

⁷⁰Об отношении Пушкина к войне — см. еще заметку Ашевского — "Пушкин и война". ("Мир Божий", 1899, VI, отд. II, 14—20). По мнению автора заметки, Пушкин был далек от радикальной проповеди — "долой оружие!" И допускал войну только как неизбежное зло; неизбежными войнами он считал — оборонительные, освободительные и войны ради распространения высшей культуры.

⁷¹К концу Бородинского сражения, как пишет Толстой, "в каждой душе одинаково поднимался вопрос: "Зачем, для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите; делайте, что хотите, а я не хочу больше!" Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать. Куда попало". (VI, 214).

⁷²Заглавие характерно: грезы о вечном мире — не только сон, но "дикий" сон, т.е. — несбыточный.

⁷³Ср. слова Чацкого:

Безумным вы меня прославили всем хором

Вы правы: из огня тот выйдет невредим,

Кто с вами день пробыть успеет,

Подышит воздухом одним,

И в ком рассудок уцелеет.

(Грибоедов. "Горе от ума", IV д.).

Ореолом высшей духовной красоты окружено "безумие" Гамлета, Дон-Кихота, князя Мышкина. Ср. стихотворения Полонского "Сумасшедший" и Мережковского "Дон-Кихот".

⁷⁴Ср. еще стихотворение Симборского "Сон".

⁷⁵Дивную картину грядущего золотого века рисует Гейне в стихотворении "Мир".

⁷⁶IV, 14, 54.

⁷⁷См. письмо Л. Н. Т. к баронессе фон-Сутнер. ("Письма", 1910 г. М., 206).

⁷⁸См., напр., его рассказ "Страшное слово".

⁷⁹Наполеон, по словам Овсяннико-Куликовского, умел обманывать целые народы, целые поколения и, что может быть еще печальнее, — такие умы, таких друзей человечества, как Пушкин, Лермонтов, Гейне. Честь и слава Толстому, что он не поддавался этой иллюзии. (Овс.-Кул., Собр. соч., III, "Л. Н. Т.", 86).

⁸⁰Курсив Лермонтова.

⁸¹Ср. еще: "Ребячески неосторожный, беспричинный и неблагородный отъезд его из Африки"... (VII, 195).

⁸²"Не удалась развязка театрального представления". (Л. Т.)

⁸³Он завладел мною. Я не мог устоять перед зрелищем величия и славы, которым он покрывал Францию". (Л. Т.)

⁸⁴Ср. с "Воздушным кораблем":

Один, один, о милом сыне

В унынье горьком думал он. (Пушкин, "Наполеон").

⁸⁵Сравнение этих вариантов см. у Владимировой ("Истор. и народно-бытовые сюжеты в произведениях М. Ю. Л.", К., 1892 г., 26—28).

⁸⁶Сам поэт очень любил Москву, свою родину:

Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,

Как русский, — сильно, пламенно и нежно! (II, 145).

⁸⁷Ср.: Товарищей, друзей

Со вздохом возле называли. (II, 304).

⁸⁸Ср. Пушкин: Ты, хлопец, может быть не трус,

Да глуп, а мы видали виды. ("Гусар").

⁸⁹Мы никак не можем согласиться со следующим замечанием Левенфельда: "До Толстого в русской литературе не было верного представления о духе и характере русского солдата". (Левенфельд. "Гр. Л.Н. Толстой, его жизнь, произведения и мифосозерцание". М. 1904 г., 76). А "Бородино" Лермонтова?

⁹⁰Курсив Л. Т.

⁹¹См. еще — Зелинский. "Рус. критич. литер. о произведениях Л. Н. Т.". I. М. 1903 г., 70, 71; II. М. 1904 г., 132.

⁹²В Грушницком изображен не Мартынов (см. Висковатый, 365), но мы намеренно соединяем эти два имени в одно, потому что Грушницкий и Мартынов во многом похожи друг на друга.

⁹³См. Белинский. Соч., изд. Павленкова. 1900 г., II, 916.

⁹⁴Любопытно мнение Чудинова, что красота женщины была для Лермонтова "единственным (!) источником вдохновения". (Там же, 158).

⁹⁵Ср. Достоевский: "Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна. "Это от месяца такая тишина, — подумал Раскольников, — он верно теперь загадку загадывает". Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем силь-

нее стучало его сердце, даже больно становилось. И все тишина". ("Преступление и наказание". Полн. собр. соч. СПб. 1894 г., V, 274).

⁹⁶Князь Андрей помнит, как "няня, убаюкивая, пела над ним". (VI, 209).

⁹⁷Ср. — В "Дарах Терека": На кинжал чеченца злого

Сложит голову свою. (II, 260).

Поэт употребляет обе формы: "чечен" и "чеченец"; см. еще: II, 21 — "чечен"; II, 305, 452 — "чеченец".

⁹⁸Толстой говорит: Терек, отделяющий казаков от горцев, течет мутно и быстро". (II, 37). У Лермонтова — "мутный вал".

⁹⁹О его матери Толстой говорит: "Старая, высокая, мужественная женщина". (II, 41).

¹⁰⁰Мать Ашик-Кериба, тоскуя по сыну, от слез потеряла зрение (IV, 281). Это почти пророческие слова; Висковатый говорит о бабушке Лермонтова: "Когда его не стало, она выплакала свои старые очи. Ослабевшие от слез веки падали на них, и, чтобы глядеть на опустыленный мир, старухе приходилось поддерживать их пальцами". (Висковатый, 5).

¹⁰¹См. еще — "Песни на деревне" (X). — В "Детстве" очень трогательная сцена прощания матери с уезжающими детьми. (I, 38, 39).

¹⁰²Измаил-Бей, тайно от соплеменников, носил "белый крест на ленте полосатой". (II, 84).

¹⁰³Курсив Л. Т.

¹⁰⁴Тоже курсив Л. Т.

¹⁰⁵См. еще — XI, 197.

¹⁰⁶Раненный вторично, князь Андрей горько думал: "Страдание, любовь к братьям, к любящим; любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам; да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал, — вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!" (VI, 210).

¹⁰⁷"Его еще отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах", — сказала княжна брату. (IV, 102).

¹⁰⁸Ср. стихотворение К.Р. "Кольбельная песенка"

¹⁰⁹Ср. Лермонтов: И я рученьками бел кужель пряду,

И я ноженьками дитя качаю;

Ты баю-баю, мило дитятко! (I, 168).

¹¹⁰Л., II, 296, 297.

¹¹¹Ср. Кольцов:

Райские долины

Кровью обливались.

(Кольцов. "Полн. собр. соч.": — Акад. библиотека рус. писателей. СПб. 1909 г., 72).

¹¹²Толстой сравнивает крик шакала и филина с плачем. (II, 17: XII, 11, 18, 19).

¹¹³Ср. Л., I, 80: дух озера Стрибог — старец с сияющими глазами.

¹¹⁴Ребенком он был

Как серна гор, пуглив и дик,

И слаб и гибок, как тростник. (II, 309).

¹¹⁵Алеша Карамазов в тихую звездную ночь плакал, целовал землю, обливая ее слезами, и "не стыдился испустения сего". ("Бр. Кар." Достоевского. Соч., XII т. 1895 г. 430).

¹¹⁶Первоначальный эскиз боя Мцыри с барсом находим в "Аулее Бастунджи"; Селим рассказывает:

Мой дом изрыт в расселинах скалы:

В нем до меня два барса дружно жили;

Узнав пришельца, голодны и злы,

Они, воспрянув, бросились, завыли...

Я их убил. (I, 346).

¹¹⁷Ср. еще — "как тигр вскочил Вадим". (IV, 14). Казбич "опрометью бросился вон, как дикий барс". (IV, 167).

¹¹⁸Курсив Мережковского.

¹¹⁹См. Вересаев. "Живая жизнь". I. М. 1911 г., 69, 70.

¹²⁰Бархин, I, 79.

¹²¹Ср.: Поэт породы птичьей,

Любовник роз, над розовым кустом

Урчит и свищет меж листов душистых... (II, 164).

¹²²Дальнейшие ссылки к этому изданию.

¹²³См. Л., I, 412.

¹²⁴См. исследования проф. Сумцова о Пушкине.

¹²⁵У О. Уайльда есть прелестная сказка — "Соловей и роза".

¹²⁶Амфитеатров указывает на влияние перевода Козлова "Абидосской невесты" на отроческую поэму Лермонтова "Кавказский пленник"; черкесская песня (в V строфе) и XXXV строфа "Кавказского пленника" написаны под сильным влиянием XII и XXVII строф "Абидосской невесты" Байрона — Козлова. (См. — Амфитеатров. "Новое издание сочинений Лермонтова. — "Современник". 1911 г., IV, 369, 370). — Огтрывки из поэмы в переводе Козлова появились в 1823 г. и 1825 г.; отдельное издание — в 1826 г. (см. Козлов, 338). "Кавказский пленник" Лермонтова написан в 1828 г.

¹²⁷См. II, 257, 258.

¹²⁸Вариант: "красавица". (II, 461).

¹²⁹То же — см. в книге Наживина — "Из жизни Л.Н. Т." 1911 г. М., 58. Здесь же эпизод этот передается и в беллетристической форме; см. рассказ "Орех" (стр. 15—28).

¹³⁰Ср. стихотворение Бальмонта "Придорожные травы".

¹³¹Гаршин, 399.

¹³²Дальнейшие ссылки по этому изданию.

¹³³Иван Ильич "втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер". (X, 46).

¹³⁴Вернер плакал над умирающим солдатом. (IV, 210).

¹³⁵Ср. слова умирающего Мцыри: "Прощай, отец... Дай руку мне.

Ты чувствуешь: моя в огне"... (II, 328).

¹³⁶IV, 181.

¹³⁷Мцыри (Л., II, 327) и Праскухин (Т., II, 175), умирая, тоже мучились жаждой.

¹³⁸Ср. I, 115, 116; 159, 160 (№ 172), 175, 176 (№ 196).

¹³⁹Превосходно другое стихотворение Бодлера — "Пляска смерти" (см. П.Я. I, 154—156); ср. стихотворение в прозе Тургенева "Черепья" (Тургенев, соч., IX, 85). Художественные приемы Бодлера и Тургенева те же, что у Лермонтова: цветущий, беззаботный человек противопоставляется своему же скелету или трупу.

¹⁴⁰Ср. Бодлер: "Улыбку вечную оскаленных зубов

Никто переносить без тошноты не в силах!"

("Пляска смерти". П.Я., II, 155).

¹⁴¹Ср.: "Слова ее уст ароматных" (II, 294).

¹⁴²Висковатый поясняет, "что у Лермонтова посреди темени был клок более светлых волос, почему некоторые считали его блондином. Вообще же волосы его были темно-каштановые, почти черные, — почему другие описывали его брюнетом." (Висковатый, "М.Ю. Л.", 380).

¹⁴³См. еще "Литер. Воспоминания" Панаева ("Современник". 1861 г. Т. LXXXV. № 2. Отд. I. 657).

¹⁴⁴Стройный, юный стан, по мнению Лермонтова, одно из неотъемлемых внешних достоинств мужчины, ср. о женихе Тамары: "Ремнем затянут легкий стан" (II, 356). Варианты: "стройный", "ловкий" (II, 489). У Селима — "тонкий стан, высокий и красивый". (I, 335). У бедуйна "стан худощавый". (II, 258).

¹⁴⁵Ср. об Измаиле-Бее: "И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у брегов". (II, 26).

¹⁴⁶Грушницкий тоже смугл. (IV, 205).

¹⁴⁷Курсив Л.Т.

¹⁴⁸Лермонтов и его герой, как мы говорили выше, тоже бывали небрежны в костюме, но в их небрежности не было ничего смешного; она была, действительно, красива.

¹⁴⁹Ср. I, 348; II, 46, 47.

¹⁵⁰Ср. II, 99.

¹⁵¹Ср. IV, 53.

¹⁵²Каратег — по-турецки: "черноглазый" (Веселовский. "Разыскания в области русского духовного стиха". VI—X, стр. 145). У Каратега "глаза не хуже, чем у Бэлы" (IV, 162), а у Бэлы были глаза "черные, как у горной серны". (IV, 161).

¹⁵³Ср.: "Скачет весел и игрив,

Хвост по ветру распустил". (II, 207).

¹⁵⁴Ср. об Измаиле-Бее: "И перетянут он ремнем". (II, 26). О Кирибеевиче: "Кущачком подтянуса шелковым". (II, 217).

¹⁵⁵Ср.: "Вот показалась рука из воды

Ловит за кисти шелковой узды. (II, 346).

¹⁵⁶Ср. о том же коне: "Скакун лихой, ты господина

Из боя вынес как стрела"..

Не сядет на коня лихова". (II, 359).

Ср. еще: "Садится на коня лихова". (II, 32).

"Как я сяду-поеду на лихом коне". (II, 217).

См. еще — I, 97; IV, 164 и др.

¹⁵⁷Ср.: "Фыркает конь и ушами прядет". (II, 346).

¹⁵⁸Вариант: "Храпя, косится с крутизны". (II, 489).

¹⁵⁹Первоначальный эскиз встречаем в "Корсаре":

"Мы часто на берегу сходили

И часто по степям бродили,

Где конь арабский вороной

Играл скачками подо мной,

Летая в даль степи широкой". (I, 36).

¹⁶⁰Ср. "Узник". (II, 207).

¹⁶¹Ср. в рассказе Тургенева "Конец Чертопханова": "Главным делом, главной заботой, радостью в жизни Чертопханова — стал Малек-Адель. Он полюбил его так, как не любил самой Маши, привязался к нему больше, чем к Недопоскину. — Да и конь же был!" (Тургенев, I, 340, 341).

¹⁶²Курсив автора.

¹⁶³Судебный следователь Махин — "нечестный человек в долгах, соблазнитель женщин, картежник". (XII, 204).

¹⁶⁴Значит, это пирушка студентов-аристократов.

¹⁶⁵Ср. — в письме к С.А. Бахметевой: "Член вашей bande joyeuse M. Lerma". (IV, 308).

¹⁶⁶В "Воскресении" мельком упоминается имя Николая Иртеньева — XI, 178, 179; 247; автор говорит, что Иртеньев рано умер.

¹⁶⁷О "Демоне" см. еще — Т, I, 233.

¹⁶⁸См., напр., Белинский, II, 123, 124; Андреевский, "Литер. чтения". 1891 г. 234—235; С. Арнольди, "Тогда и теперь" ("Кому принадлежит будущее? — Из рукописей 90-х годов". М, 1905 г., 173, 176, 177); Котляревский, 172; Михайловский. "Герой безвременья" ("Критические опыты", 132); А. Веселовский. "Западное влияние в новой русской литературе", М., 1910 г., 196, 197; Абрамович (Соч. Л-ва, V, стр. XCVI), и др.

¹⁶⁹Маскарад".

¹⁷⁰О науке". ("Детская мудрость").

¹⁷¹Саша Арбенин в детстве перенес тяжелую болезнь. (IV, 300).

¹⁷²Пьера Безухова.

¹⁷³Ср. еще: в рассказе "За что?" Толстой говорит, что когда политического сыщика, доктора-поляка, прогоняли сквозь строй, "русский врач говорит солдатам: "Не бейте больно, пожалейте". (X, 182).

¹⁷⁴Почин" Сборн. общ. любителей российской словесности, 239.

¹⁷⁵Часть этой главы взят из нашей статьи об "Ангеле" Лермонтова.

¹⁷⁶Один из предков поэта, со стороны отца, был шотландский бард Фома Лермонт, прославившийся своим пророчествами и песнями; Вальтер Скотт посвятил ему балладу — "Певец Фома". (Висковатый, 76—78).

¹⁷⁷Поэт ошибся; когда мать умерла, ему не было 3-х лет.

¹⁷⁸Тема стихотворения взята из "Чайльд Гарольда" Байрона. (См. — А. Веселовский. "Западное влияние в новой русской литературе". М. 1910 г., 194).

¹⁷⁹Ей же посвящено стихотворение Козлова — "П.А. Бартевовой". (Козлов. Стихотворения, 257, 258).

¹⁸⁰См. нашу статью об "Ангеле" Лермонтова.

¹⁸¹Сильное влияние этого стихотворения заметно в стихотворении Плещеева "Сосед" ("Скучно, грустно мне. В окошко"...).

¹⁸²Ср. — Раскольников Достоевского говорит: "Я люблю, как поют под шарманку, в холодный, темный и сырой осенний вечер, непременно в сырой, когда у всех прохожих бледно-зеленые и большие лица; или, еще лучше; когда снег мокрый падает, совсем прямо, без ветра, знаете? а сквозь него фонари с газом блистают"... ("Пр. и нак." Полн. Собр. соч. СПб., 1894 г., V, 155).

¹⁸³Последние два стиха к героям Лермонтова не относятся, т.к. они обладают редкой способностью запоминания мелодий.

¹⁸⁴Ср. еще об Алёне Дмитриевне: "Молвит слово — соловей поет". (II, 218).

¹⁸⁵I, 280.

¹⁸⁶II, 466.

¹⁸⁷Эти слова можно отнести к обитателям швейцарского отеля, слушавшим пение тирольца: из них только Нехлюдов понял красоту и смысл незамысловатых песен и проникся живым участием к странствующему певцу.

¹⁸⁸Ср. Лермонтов: "Есть речи — значенье

Темно иль ничтожно,

Но им без волненья

Внимать невозможно". (II, 297).

¹⁸⁹Хаджи-Мурат помнит песню, которую пела мать, когда он был ребенком. (XII, 79).

¹⁹⁰Рассказ "Люцерн" носит автобиографический характер (см. Бирюков, I, 341—346).

¹⁹¹Припомним, что дубовый листок "немало знал рассказов мудреных и чудных". (II, 345).

¹⁹²Курсив Л.Т.

¹⁹³Этот прекрасное животное" (Л. Т.)

¹⁹⁴См. еще стихотворение — "Я видел раз ее в веселом вихре бала" (I, 166).

¹⁹⁵Ср. "Демон", II, 355, ст.: 157—159.

¹⁹⁶Во время последнего пребывания своего в Петербурге Лермонтов говорил Краевскому: "Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мироздания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще малопонятны. Но, поверь мне, там на Востоке тайник богатых откровений". (Висковатый, 368). Еще в 1837 г. его тянуло в Мекку, в Персию. (См. IV, 330).

¹⁹⁷Лермонтов бросал монету, — подобно Вернеру, решавшему, кому стрелять прежде: Печорину или Грушницкому? Эта подробность романа случайно стала роковым предзнаменованием для поэта.

¹⁹⁸Курсив Л. Т.

¹⁹⁹Курсив Л. Т.

²⁰⁰Ср. Пушкин: сон Григория в "Борисе Годунове", сон Татьяны Лариной.

²⁰¹Курсив Л.Т.

²⁰²Курсив Л.Т.

²⁰³Ср. Лермонтов: "И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — Такая пустая и глупая шутка!.." (II, 287).

²⁰⁴Ср. Лермонтов: "Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..." (II, 286).

²⁰⁵Ср. Лермонтов: "И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя". (II, 347).

²⁰⁶Ср. Фет: Печальная, берёза

У моего окна,

И прихотью мороза

Разубрана она.

²⁰⁷Ср. Пушкин. "Воспоминание" ("Когда для смертного умолкнет шумный день"...). Майков. "Куда б ни шел шумящий мир".

²⁰⁸Вариант этого рассказа есть в "Войне и мире" (см. VII, 127, 128).

²⁰⁹См. еще — XII, 125, 178.

²¹⁰В 1908 г.

²¹¹У Бирюкова.

²¹²Если бы дело дошло до суда, Толстой уехал бы в Англию (см. Письма Л. Н. Т., М., 1910 г., 99).

²¹³Книги Ветхого Завета цитируем по изданию британского и иностранного библейского общества. (Вена. 1888 г. I и II)..

²¹⁴Ср. — Бальмонт: Лишь одного постичь мой ум не может:

Зачем Господь в борьбе нам не поможет,

Не снимет с нас тернового венца?

Зачем Он создал смерть, болезнь, страданье,

Зачем Он дал нам жгучее желанье -

Грешить, роптать и проклинать Творца?

("Вопрос").

²¹⁵См. еще — Исаия, XXXVII, 36.

²¹⁶Новый завет Господа нашего Иисуса Христа в русском переводе". Киев. 1909. — Дальнейшие ссылки по этому изданию.

²¹⁷"Азраил, ангел смерти у мусульман, встречается и в средневековых мистических книгах среди духов зла, ближайших сподвижников сатаны". (Висковатый. — Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова, III, 176; см. еще — 129, 130).

²¹⁸Упоминание об Ангеле Смерти встречаем в поэзии мусульманских народов.

Например, в чеченской песне о храбрце Варе: "Загрохотали ружья! С неба ангелы на землю спустились! С земли ангелы приняли чистую душу Вары!.." ("Сборн. свед. о Терской обл." Владикавказ. 1878 г. Вып. I, 259). В монгольской поэме "Мурза-Эдыге": "И меня, отца своего, заступника своего в день суда, когда Азраил вострубит в трубу, сын мой Нурадил, ты гонишь от себя!.." (См. — Н. Семенов. "Чеченцы". Владикавказ. 1898г., 443).

По еврейским поверьям, Ангел Смерти вооружен мечом, с которого каплет яд; эта подробность — яд — перешла в апокрифы и наши старинные памятники. В "Видении пономаря Тарасия" Ангелы Смерти стреляют огненными стрелами. (См. — И. Н. Жданов. "К литературной истории русской былевой поэзии". — Соч., I, СПб., 1904 г., 542, 543, 742; см. еще — 548, 564, 654, 716, 740, 741).

²¹⁹См. то же — II, 388, 400.

²²⁰Образ Ангела Смерти есть в стихотворении Пушкирева "Борьба". ("Я гас, я умираю... И у моей постели...")

²²¹Библия говорит о высоком самопожертвовании Моисея, который ради любимого им народа, преследуемого бедами, готов был отказаться от вечного блаженства; он просил Бога: "И ныне прости Ты грех их. А если нет, то изгладь меня из книги Твоей, которую Ты написал". (Исход, XXXII, 32).

²²²Ср. — Раттауз: На землю яркую взирая

С своих заоблачных сторон,

Безгрешный ангел, житель рая,

Ее сияньем был пленен.

"Пусти меня, Господь, на землю,

Дай мне на миг земной удел"...

И Бог сказал: "Тебе я внемлю, —

Ступай!" И ангел улетел.

Но миг один, — взмахнув крылами,

Вернулся он опять назад,

И был его лучистый взгляд

Омыт горючими слезами. ("Земной удел").

²²³О даровании жизни людям, уже обреченным на смерть, говорит и Библия; например, Бог Сам останавливает карающую руку Ангела Смерти (II кн. Самуила, XXIV, 16; II кн. Паралипоменон, XXXII, 21), отсрочивает смерть царя Езекии, из сожаления к нему, на 15 лет (Исаия, XXXVIII).

²²⁴В "Сказании о гордом Аггее" Гаршина — ангел, по повелению Бога приняв человеческий вид, три года живет на земле, и все, даже жена Аггея, принимают его за правителя Аггея. В основу этого произведения положено сказание, известное и у нас, и на Западе (там оно было очень распространено в средние века; см. — Стожаренко. "Очерк истории западноевропейской литературы". М. 1908 г., 30).

²²⁵ В "Хаджи-Абреке" поэт говорит об ауле Джемате; аул этот существовал (и существует); называется он, собственно, не Джематом, а Джемаатом; жители его некогда отличались большой храбростью (подробн. см. в статье Дьячкова-Тарасова — "В горах Большого и Малого Карачая". Сборн. матер. для опис. местн. и племен Кавказа. XXVIII, отд. первый, 66—68).

²²⁶ Мы полагаем, что прототипом Зафира (арапа, принадлежавшего Саше) послужил арап Achille, слуга Лопухиных (а не Лермонтова, как говорит Болдаков: см. Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Болдакова, I, 451). По словам Висковатова, "он был очень предан Лермонтову и любим им; поэт в альбоме Верещагиной написал его акварельный портрет". (Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова, V, 381). Имя этого грума встречаем в письме поэта к С. А. Бахметевой (Л., IV, 308). В поэме "Сашка" Зафир изображен беззаветно преданным своему молодому господину. Поэт выказывает теплое сочувствие африканцу, попавшему с берегов знойной Гвинеи в европейский город, из вольного человека ставшего рабом (см. Л., II, 185—187).

²²⁷ В "Маскараде" поэт говорит об Энгельгардте, в доме которого устраиваются шумные маскарады (см. III, 216 и далее). Речь здесь идет о Вас. Вас. Энгельгардте, расточительном богаче (1785—1837г.). Жил он в огромном доме на Невском; тамто и происходит бал, описываемый Лермонтовым (I д., сц. II, "Маскарада"). В.В. Энгельгардту посвящено стихотворение Пушкина — "Вас. Вас. Энгельгардту" ("Я ускользнул от Эскулапа". 1819 г.). (См. — Н. А. Энгельгардт. "Давние эпизоды". Истор. Вестн., 1911 г., V, 547-549). В "Описи перенумерованным бумагам корнета Лермонтова", составленной по поводу суда над ним за стихотворение на смерть Пушкина (см. Висковатый, "М.Ю.Л.", приложение, 16), упомянуто "письмо Энгельгардта, с посылкой билета в Благородное Собрание и с приглашением к себе". Дата "описи" — 20 февраля 1837 г.; В.В. Энгельгардт умер 20 октября 1837 г.

²²⁸ В повести "Дьявол" — Иргенев.

²²⁹ Толстому нравится, что "Томер, чтобы описать красоту Елены, говорит, что, когда она вошла, старики изумились и встали". ("Письма Л. Н. Т." М. 1910 г., 227).

²³⁰ Ср. Печорин: "Иногда локоп, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горячей щеке моей"... (IV, 224).

²³¹ В книге Бороздина — "нелюдима", но это ошибка.

²³² Ср. Истомина. "Главнейшие особенности языка и слога произведений М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина". Варшава, 1894 г., 50, 51.

²³³ См. еще — И. Шерр. "Иллюстрированная всеобщая история литературы". I. М. 1896 г., 64—67.

²³⁴ Курсив М. Ю. Л.

²³⁵ Наш курсив.

²³⁶ См. еще — II, 398, третий очерк "Демона", ст. 9, 10 — о сотворении мира; III, 49, ст. 1545 — О явлении Иеговы Моисею ("в неопалимой купине").

²³⁷ То есть — из I Книги Самуила (XIV, 43).

²³⁸ То есть — из I кн. Самуила (XIV, 43).

²³⁹ Курсив поэта.

²⁴⁰ Мордовцев, описывая свое путешествие в Палестину, говорит, что воды Иордана чисты "только духовно, поэтически, а в сущности, по природе — мутны". (Мордовцев. "Поездка в Иерусалим". СПб. 1895 г., 157). То же в настоящее время, говорит корреспондент "Русского слова" А. Карташев: "Между Иорданом религиозной поэзии и Иорданом в действительном таком же различие, как между неистойвой, сомнамбулической выдумкой Гоголя и лысым, обмелевшим Днепром. Величие, кристальная чистота, райская красота — и малость, муть, невзрачность!... Если бы Лермонтов был тут, у него дрогнула бы рука написать: "У вод ли чистых Иордана". У вод ли "мутных", у вод ли "быстрых" было бы вернее. Впрочем, он прав символически. Что толку в мертвом реализме, когда "тьмы низких истин нам дороже". (А. Карташев. "На Иордане". — "Русское Слово, 5 янв. 1913 г., № 4). Ср. — В. Дорошевич: "Иордан производит впечатление глухой, маленькой речки, каких много в средней полосе России". ("В земле обетованной". М. 1900 г., 219). "Он весь мутный и молочно-белый, состоит из маленьких омутов". (Там же, 221).

²⁴¹ Ср. — Пс. LXXV, 14; XCVI, 11; Откровение св. Иоанна, V, 13.

²⁴² У Бархина опечатка: LXXIV (вм. LXXV).

²⁴³ См. IV, 349; II, 277, 278.

²⁴⁴ См. I, 177, 178.

²⁴⁵ Сравнение девушки с цветком часто встречается в великорусских народных песнях; см. об этом — Автамонов. "Символика растений". ("Ж. Мин. Нар. Пр.", 1902 г., XI, XII).

²⁴⁶ Ср. Пушкин о Ленском:
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре. ("Евг. Он.", VI гл., XXXI).

²⁴⁷ Ср. — Лермонтов о плодах, созревших до срока — II, 16, 17, 252.

²⁴⁸ См. еще I, 168, № 187.

²⁴⁹ "Молитва" сначала носила заглавие "Молитва странника" (см. II, 447; IV, 332).

²⁵⁰ Подробн. см. ниже статью "Дубовый листок"

²⁵¹ Развалины этого замка, по словам Висковатова, "и теперь еще живописно расположены на берегах Твида, в нескольких милях от слияния его с Лиде-

ром. Развалины эти носят ещё название башни Лермонта (Learmonth Tower)". (Висковатый, 76).

²⁵² Дочь Орши.

²⁵³ Арсений.

²⁵⁴ См. еще "Мцыри", II, 308, 309.

²⁵⁵ О науке говорит и Лермонтов - в приведенных нами отрывках из "Демона".

²⁵⁶ Ср. Пушкин — описание дворца в Бахчисарее ("Бахчисарайский фонтан"); оно было известно Лермонтову. Влияние "Бахчисарайского фонтана" заметно в поэме Лермонтова "Две невольницы".

²⁵⁷ О близком знакомстве с этой поэмой Байрона свидетельствуют прозаические отрывки перевода Лермонтова и эпитафия, из "Гяура" же, к "Последнему сыну вольности" и "Измаилу-Бею". — Влияние "Гяура", по замечанию проф. Абрамовича, видно в "Исповеди" Лермонтова. (Л., I, 395).

²⁵⁸ О змее упоминает и Лермонтов (эпиграф "Демона").

²⁵⁹ Этот образ особенно близок к лермонтовскому.

²⁶⁰ Ср. Апухтин: О, что за день тогда ужасный встанет,
Когда архангела труба
Над изумленным миром грянет
И воскресит владыку и раба! ("Реквием" — Соч., 100)

²⁶¹ Ср. II, 158.

²⁶² Ср. — "Илиада": об Ахиллесе, оплакивавшем Патрокла:
Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернела под пеплом".

(XVIII, 23-25. Пер. Гнедича. СПб. 1892 г.).

²⁶³ См. подробн. выше — Лермонтов и Л. Толстой, гл. XXV.

²⁶⁴ Ср. Плач Иеремии, II.

²⁶⁵ Ср. вариант: "Кабы крылья имел я как птица". (II, 462).

²⁶⁶ Об этой записной книжке см., напр., Собр. соч. М. Ю. Л. под ред. Висковатова, I, 346, 347; под ред. Болдакова, II, 396—398; Акад. изд., V, 36, 37.

²⁶⁷ Отметим, напр., что в Акад. издании в примечаниях к этому стихотворению находим, кроме черновых вариантов, указания лишь на то, по какому автографу печатается стихотворение и где впервые было напечатано.

²⁶⁸ Ср. — Саводник. "Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева". М. 1911 г., 135, 136. — Ак. изд. соч. Л-ва, V, стр. CX.

²⁶⁹ Напр., в "Умирающем гладиаторе", "Последнем новоселье" и др.

²⁷⁰ Ср. еще: "Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви". (III, 262).

²⁷¹ По мусульманским поверьям, есть дерево Сидрат-Альмунтага; на нем толкуют листья, сколько людей на земле; рождается человек, — появляется новый лист; жизнь человека подходит к концу, — его лист сохнет и отпадает (см. — И.Н. Жданов. "Соч.", I, СПб., 1904 г., 434).

²⁷² Лермонтов хорошо владел малорусским языком (см. "Р. Арх.", 1900 г., IX, 81). В великорусских народных песнях падение листьев и наклонение ветвей какого бы то ни было дерева сопоставляются со слезами и горем; см. Автамонов. "Символика растений". ("Ж. Мин. Нар. Пр.", 1902 г. XI, 98, 99; см. еще — 80, 96).

²⁷³ Антуан Арно, 1766—1834 гг.

²⁷⁴ "Элегия". ("Я пережил свои желанья").

²⁷⁵ Ср. — Плещеев: Да! как листок весною пожелтевший,
На утре дней и ты увяла, ангел мой. ("Бал").

²⁷⁶ Вариант: "под густою тенью". (II, 467).

²⁷⁷ Вариант: "под молодой чинарою". (II, 482).

²⁷⁸ В изд. Висковатова (I, 209) — "одинок"; в изд. Введенского (т-ва "Просвещение") — "одинокой" (III, 214).

²⁷⁹ См. еще — II, 374, ст. 834—836; IV, 287; на лице Лугина — "следы душевной усталости".

²⁸⁰ Ср. еще — Лермонтов: "Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных". (I, 107).

²⁸¹ Гофман. "Серапионовы братья", т. II, 97, 98. (Собр. соч. СПб. 1896—1899 г., I—VIII тт.; дальнейшие ссылки по этому изд.).

²⁸² Гофман. "Серапионовы братья". Собр. соч., III, 208.

²⁸³ Гофман. "Житейская философия Кота Мура с отрывками из биографии Иоанна Крейсера". VII, 254.

²⁸⁴ Фантастические рассказы в манере Калло". I, 23.

²⁸⁵ "Серапионовы братья", II, 53, 54.

²⁸⁶ История о пропавшем отражении". I, 148.

²⁸⁷ "Серап. бр." II, 73.

²⁸⁸ "Аттестат Иоанна Крейсера". I, 196.

²⁸⁹ Висковатый, VI, 229.

²⁹⁰ Владимирова, 9.

²⁹¹ Duchesne. "M.I. Lermontov". Paris. 1910, pp. 223—224.

²⁹² Гоголь. Сочинения. СПб. 1900. IX, 177.

²⁹³ Duchesne, 225.

- ²⁹⁴ Матюрен. "Мельмот-Скиталец". СПб. 1894 г., 13 стр.
- ²⁹⁵ Проф. Шлякин. "Портрет" Гоголя и "Мельмот-Скиталец" Матюрена". (Литер. Вестник, 1902 г., т. III, 66–68).
- ²⁹⁶ Герои драм "Странный человек" и "Маскарад" кончили безумием, невеста русского офицера, брошенная Измаилом-Беем, сошла с ума.
- ²⁹⁷ Эдгар По. "Овальный портрет". (Собр. соч. СПб. 1896. I, 204–207).
- ²⁹⁸ Надсон, поступив в военную гимназию, "страстно увлекся женственно-красивым изображением архангела Гавриила на иконе в гимназической рекреационной зале". (Надсон, соч., стр. XX).
- ²⁹⁹ О. Уайльд. Полн. собр. соч. СПб. 1912 г. II, 212.
- ³⁰⁰ Я. Врхлицкий. "Разноцветные осколки". Перев. с чешского А. Гржимали. М. 1909 г. 136; см. еще — 149.
- ³⁰¹ Ошибка проф. Абрамовича ввела в заблуждение г. Каллаша, который во II-м томе выходящих под его редакцией соч. М. Ю. Л. в примечании к переводам Лермонтова говорит: "Впервые напеч. в акад. изд." (См. "Иллюстрированное полное собр. соч. М. Ю. Л-ва". Редакция В.В. Каллаша. II. М. 1914 г., 348).
- ³⁰² Лермонтов с самого раннего возраста любил подыскивать созвучия; едва начав лепетать, он с удовольствием говорил в рифму: "пол — стол", "кошка — окошко". (См. Висковатый, 19).
- ³⁰³ Перевод сонета Мицкевича (II, 335) не является по форме сонетом.
- ³⁰⁴ Часть их указывалась уже в рецензиях на Академическое издание.
- ³⁰⁵ Ср. Акад. изд., IV, 332.
- ³⁰⁶ В декабре 1913 г. вышел II-й том "юбилейного" издания сочинений Лермонтова под редакцией В.В. Каллаша. В научном отношении этот том ниже Академического издания; примечания скудны; далеко не все благополучно с иллюстрациями; напр., неудачны иллюстрации к "Ангелу" (стр. 1), "Парусу" (стр. 76), "Боярину Орше" (стр. 171). Зато хороши — портрет Лермонтова (стр. 1), рисунки поэта (напр., стр. 41, 79, 157, 256), рисунки — Врубеля (135), Пастернака (144), Васнецова (бой Кирибеевича с Калашниковым, 272; прощанье с братьями, 280); хорош портрет Столыпина-Монго (243).
- ³⁰⁷ В Терском музее, в г. Владикавказе, можно видеть стальные узорные накладки на хвостуров и чеченцев.
- ³⁰⁸ Ср. заметку в "Петербургской Газете", 1886 г., № 63 ("Обстоятельства, при которых Лермонтов написал "Колыбельную песню"); в ней тоже говорится, что поэт написал свое стихотворение в ст. Червленной, после того, как увидел спящего ребенка, но замечается, что возле ребенка никого не было.
- ³⁰⁹ Зыбка — колыбель, люлька. (Панкр.).
- ³¹⁰ В тексте — "он"; мы сочли это за опечатку.
- ³¹¹ Это напоминает нам Долохова, который был ранен на дуэли и со слезами просил Ростова предупредить мать о случившемся. "Я убил ее, убил", — говорил он. (Л. Н. Т., V, 22).
- ³¹² Сравнение отрывков из этого очерка с "Валериком" принадлежат нам; Волконский говорит без отношения к поэме Лермонтова.
- ³¹³ Вместе с Круковским был убит хорунжий Дорохов. ("Кавк. Сб.", 71).
- ³¹⁴ Ив. Ив. Козлов (1779 г. — 1840 г.).
- ³¹⁵ Выражение "влажное дно" навсегда запечатлелось в памяти Лермонтова; мы встречаем его дважды "в Корсаре" (I, 35, 38) и позднее — в "Мцыри" (1840 г.):
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне. (II, 326).
- ³¹⁶ Тургенев. "Полн. собр. соч." IX, 68, 69.
- ³¹⁷ Казбека.
- ³¹⁸ См. еще об этом мотив у Анненского — "Об эстетич. отнош. Лермонтова к природе". (Р. III, 1891, XII, стр. 82). В стихотворении "Бой" Ан-ий видит эскиз к "Двум великанам".
- ³¹⁹ Надсон, XLI.
- ³²⁰ Чтобы показать, как любим ландыш нашими поэтами, к каким изысканным сравнениям прибегают они, описывая его, — мы приводим и те стихи, в которых нет влияния Лермонтова.
- ³²¹ В оригинале то же: "aus Silber".
- ³²² Ср. еще у Л-ва:
Как южный плод румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой. (I, 338).
- ³²³ См. еще у Льва Толстого по поводу "И скучно и грустно" — "Любовь".
- ³²⁴ О влиянии Пушкина на Лермонтова — см. напр., — П. Устимович, "К вопросу о влиянии Пушкина на Лермонтова" (Рус. Ст., 1887 г., VIII, 459); Кончак, "Литературная справка" ("Нов. Вр.", 1899 г., 17 авг.); Сумцов, "Пушкин" (X., 1900 г.); Акад. изд. соч. Л-ва, V, стр. XLI, XLII и др.
- ³²⁵ Вообще, мотив пушкинского "Узника" был одним из излюбленных у Л-ва: ср. "Желание" (II, 11, 12), "Узник" (II, 207), "Пленный рыцарь" (II, 291), "Соседка" (II, 292) и др.
- ³²⁶ Ср.: И грусть на дне старинной раны
Зашевелилась как змея. (Л., II, 369).
- ³²⁷ Ср. еще "Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы" Пушкина.
- ³²⁸ Ср.: Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Влавы подъемлет на челе... (Пушкин. "Жуковскому").
- ³²⁹ Курсив Л. Т.
- ³³⁰ См. напр. А. Милоков, "Очерк истории рус. поэзии". СПб. 1864 г., 223; Соколов, "Иллюзии поэтич. творч.", 94, 95; и др.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Семенов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой.
(К столетию со дня рождения Лермонтова.) — М., 1914.

*"...И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет..."*
Пушкин

1.

Стихотворение Лермонтова "Ангел" — одно из наиболее характерных и драгоценных созданий великого поэта. Отличаясь высокими художественными достоинствами, оно в то же время тончайшими нитями связано и с личной жизнью поэта, и многими его произведениями, написанными до и после "Ангела". Детальный разбор этого стихотворения вводит нас в сферу заветных идеальных стремлений Лермонтова, показывает, как рано созрел его гений, с какой настойчивостью поэт обращается к некоторым вопросам, занимавшим его с юных лет, как сильна была в нем вера в прекрасное, как бережно он лелеял свои излюбленные мечты в трудном, суровом, одиноком пути.

Стих "Ангел" написано было в 1831 г., когда поэту было лишь 17 лет. Ни университет, в котором он в эту пору учился, ни окружающая среда не удовлетворяли юношу-поэта, с ранних лет критически относящегося и к себе, и к другим. Он мучал не по дням, а по часам. Пытливый, наблюдательный ум перешел от одного мучительного вопроса к другому.

Замкнутый, нелюдимый, — поэт был откровенен в своих произведениях, и они — лучший материал для ознакомления с личностью Лермонтова.

В стих "Ангел", по словам Висковатова, Лермонтов "является самим собою и дает нам возможность заглянуть в святая святых души своей. Здесь нет и тени того насилования чувств, которое мы порой можем заметить в его произведениях и которым он замаскировывает настоящее свое "я". Тут нет ни вопля отчаяния, ни гордого сатанинского протеста, ни презрения, ни бешеного чувства ненависти или холодности к людям, которыми он прикрывает глубоко любящее сердце свое" (VI том собр. соч. Лермонтова под ред. Висковатова. — М., 1891 г., стр. 144).

Ч. Ветринский говорит: "Ему тесно было в той среде, для которой его воспитывали, изящной и блестящей по внешности. За блеском и изяществом поэт чувствовал "мир печали и слез". Известное стихотворение "Ангел", написанное в эту пору, живо выражает настроение души, которую не удовлетворяет окружающая жизнь. "Звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли". Замыкаясь в гордое одиночество, поэт только бумаге поверяет порывы своих чувств, свои стремления к сильной, свободной жизни и тяжелое раздумье над тем, как далеки подобные мечты от действительности" ("М.Ю. Лермонтов" — "Журнал для всех", 1901 г., № 8, стр. 903).

2.

Создание "Ангела", по мнению Висковатова, связано с воспоминанием Лермонтова о давно умершей матери. "Как натура субъективная, Лермонтов хорошо помнил все, что случилось с ним даже в раннее детство. Любя оставаться один на один с своею фантазией, он охотно уходил в мечтания о прошлых событиях своей молодой жизни и, в разладе с окружающим, останавливался на образах, скрывавшихся в полумраке дней детства, с их наивными, чистыми душевными движениями. Вот почему он вновь и вновь возвращался к образу матери, о которой хранил лишь смутное воспоминание. Неясно слышатся ему звуки песни, которую певала она ему, трехлетнему мальчику, является милый облик, слышится ласковая речь. Не эти ли звуки, не эту ли речь воспеваешь поэт еще в год своей смерти!"

Есть речи — значенье

Темно иль ничтожно,

Но им без волненья

Внимать невозможно.

Чем сильнее удручал поэта разлад жизни, который рано стал им ощущаться вследствие враждебных отношений между отцом и бабушкой, тем более манили его светлые сумерки первого детства, время раннего развития его любящей и верующей души. Он уходил в иной надземный мир, прислушиваясь к звукам,

Которых многие слышат.

Один понимает.

(VI т. собр. соч. Лерм. под ред.

Висковатова, М., 1891 г., 143 стр.).

Мать поэта умерла, когда ему не было и трех лет. Как ни был мал тогда её сын, но в душе его навсегда запечатлелся образ молодой, безвремено умершей матери, такой печальной и хрупкой, так нежно любившей его.

"Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику" (Висковатов, там же, 15). Неясное, но сладкое воспоминание сохранилось в душе юного поэта о тех далеких днях. Еще за год до создания "Ангела", он делает у себя заметку:

"Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать" (Акад. изд. соч. Лерм., IV т., 350 стр., см. еще — Висковатов, VI т., 19 ст.).

В своих произведениях Лермонтов не раз вспоминает о матери, и каждое его слово дышит глубокой печалью, бесконечной любовью к ней.

В 1825 г. он был в первый раз на Кавказе. Могучий, роскошный край произвел на него неотразимое впечатление. Но и там, в новой обстановке, окруженный заботами близких людей, он вспоминает мать, тоскует по ней и впоследствии (в 1830 г.), в трогательно задумчивом стих. "Кавказ", говорит:

**В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ**

(Ак. изд., I т., № 104).

Характерно, что 4-й стих этого стихотворения — "Как сладкую песню отчины моей" — имеет вариант:

**Как сладкую песню родимой моей
(Акад. изд., I т., 375 стр.).**

В стих. "Булевар"² (Акад. изд., I т., № 153, стих 64) он мельком упоминает о песне матери. В стих. "Стансы"³ (Акад. изд., I т., № 249) он вспоминает мать ("В слезах угасла мать моя").

С такою же любовью и грустью вспоминают о колыбельной песне или о песне матери действующие лица произведений Лермонтова.

Измаил-Бей опечален, и верный Селим утешает его, поет ему песню, о которой говорит:

— **Она печальна, но другой
Я не слыхал в стране родной;
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей.
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!**

(1832 г., Акад. изд., II т., № 26, ст. 1774—1780).

Несомненно автобиографический характер носят следующие строки из драмы "Станный человек"⁴: "А бывало, помню, ему еще было три года — бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое, — глядь, а у дитяти слезы по щекам так и катятся!" (Акад. изд., III т., 159). Это говорит нянька Владимира Арбенина, вспоминая далекое прошлое; о тех же временах вспоминает и мать:

"Он все тот же, каков был сидящий на моих коленах, в те вечера, когда я была счастлива..." (Акад. изд., III т., 160).

Мцири⁵ перед смертью говорит:

**И помнил я
...молодых моих сестер, —
Лучи их сладостных очей,
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей.**

(1840 г., Акад. изд., II т., ст. 200—206).

Образ женщины, поющей колыбельную песню, мы встречаем в стих. "Баллада" (1830 г., Акад. изд., I т., № 175), "Песня" (1830 г., Акад. изд., I т., № 188), "Казачья колыбельная песня" (1840 г., Акад. изд., II т., № 83). У Надсона, личная жизнь и поэзия которого имеют много схожего с жизнью и поэзией Лермонтова, один из любимых мотивов — мать, утешающая сына нежной песней; юный поэт тоскует среди людей, не понимающих, не любящих его, и ночью к нему слетает тень матери и напевает ему райские песни: о красоте безмятежной обители блаженных душ, об ангелах — утешителях людей ("Мать", "Старая сказка", "Женщина").

Для параллели интересно привести страницу из Диккенса, удивительно совпадающую со словами Лермонтова о песне матери.

Давид Копперфильд, вернувшись из пансиона, входит в родной дом и вдруг слышит голос матери... "Великий Боже! Сколько образов и звуков, соединенных с младенческими летами, возобновилось в моей памяти, когда я, остановившись в коридоре, услышал из гостиной голос моей матери! Она пела, заунывно и тихо. Мне показалось, будто я лежал когда-то на ее руках, и она пела для меня эту песню, склонившись над моей младенческой головой. Я не знал этой мелодии, но все же она была для меня так знакома и стара, что сердце мое переполнилось умиленным и трогательным чувством, как будто я нечаянно свиделся с другом, воротившимся после продолжительного отсутствия" ("Давид Копперфильд", VIII гл., перев. Введенского)⁶.

3.

Написанное в 1831 г., стих. "Ангел" было напечатано впервые в "Одесском Альманахе" 1840 г. (Ак. изд., I т., 405). "Любопытно", замечает Арс. Введенский, "что Лермонтов не почел возможным поместить это превосходное стихотворение в 1-е изд. 1840 г." (Собр. соч. Лерм., изд. Маркса, II т., примечания, 358 стр.).

Содержащее в себе (в окончательной редакции) лишь 16 стихов, оно полно глубокого религиозно-философского смысла и в то же время является золотым ключом, с помощью которого мы проникаем в тайники души поэта.

Вот эти дивные слова, звучащие, как "арфа серафима"⁷:

**По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.**

**Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.**

**Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.**

**И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли**

(Ак. изд., I, № 247).

В этом стихотворении Лермонтов обнаруживает свои лучшие душевные качества; перед нами молодой поэт — мечтательный, религиозный, верящий в прекрасное, неудовлетворенный земной жизнью — и тесной, и скучной; для Лермонтова, — человека протеста, человека с огненным темпераментом, человека, нещадно казнившего и себя, и общество, погрязшее в будничной, мелочной жизни, — для Лермонтова, большинство произведений которого полно то благородного, непримиримого гнева, то безнадежной тоски или отчаяния, для этого поэта, написавшего в 15 лет такие стихотворения, как "Жалоба турка", "Монолог" ("Поверь, ничтожество...") и "Молитва" ("Не обвиняй меня, Всесильный"), — в высшей степени знаменательно стих. "Ангел", полное тихой грусти, сладких грез о рае, о "Боге великом", полное веры в то, что искры добра, брошенные в нашу душу Создателем, не тухнут, но вечно горят, побуждая его стремиться в идеальный надзвездный мир, поддерживая недовольство земными благами.

4.

Лермонтов был глубоко религиозным человеком; это не мистик, не ханжа; это верующий христианин, обуреваемый нередко сомнениями, дерзающий вступать с Богом в спор, — но прибегающий к Нему с умиротворенной душой, с мольбами о помощи или с благодарственными гимнами.

В "Ангеле", отчасти, сказалося и влияние Библии, но на этом мы остановимся ниже.

По словам Андреевского, Лермонтов связан с надзвездным миром, земная жизнь ниже его ("Литературные чтения", СПб., 1902 г., стр. 201).

Да, бывали минуты, когда, оставаясь лицом к лицу с природой, — вечно прекрасной, таинственной, — он забывал о земных тревогах и "видел в небесах Бога". Мцири, отдыхая в лесу, роскошном, как Божий сад, прилежным взглядом следит "ангела полет" ("Мцири", XI строфа).

"Поэт в пылкой своей фантазии представляет себе, какую вышла душа его из горних сфер чистого небесного эфира. Ему всегда были милы и небо, и тучи, и звезды, — и кажется ему, что, извлеченная из "райских садов", она заключена в брненное тело для жизни на земле, где и томится смутными воспоминаниями о родине. В одну из минут глубочайшей грусти он и написал свое стихотворение" (Висковатов, 143, 144).

Еще до "Ангела" поэт говорил:

**Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне**
(Ак. изд., I т., № 131; 1830 г.).

Неудовлетворенный земной жизнью, он часто думал о смерти, призывал ее; эти мрачные мысли чередовались у него с неясными грезами о грядущем бытии. Небо — родина поэта.

В стих. "Смерть" он говорит:

**Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, — пора домой**
(Ак. изд., I, № 196; 1830 г.)⁸.

Позже он повторяет:

**Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую.
Молчу и жду... Пора пришла...**
(II т., № 57; 1837 г.).

Или:

**Но я без страха жду довременный конец;
Давно пора мне мир увидеть новый**
(II т., № 66; 1837 г.)⁹.

"Иногда, в моменты внутреннего прозрения, ему открывалась какая-то таинственная связь между этим неизмеримо далеким миром звезд и его собственной душой, точно там, в эфирной дали, провидела душа поэта свою позабытую родину" (Саводник, "Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева", М.; 1911 г., 108 стр.).

Поэт говорит:

**Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит, и небо чисто,
Теряться взором в их цепи огнистой;
И мнится, что меж ними и землей
Есть путь, давно измеренный душой.
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их света.**
(Сашка", ст. 522—528; II т.).

"Этот "путь давно измеренный" меж землей и небом — тот самый путь, по которому некогда ангел нес душу человеческую" (Саводник, там же, 108—109).

Образ ангела, несущего душу человека, мы встречаем позже в "Демоне":

**В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих;
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издали уж звуки рая
К ним доносились...**

(Ак. изд., II т., "Демон", ст. 1008—1018).

В первоначальных, очерках "Демона" Лермонтов так изображает ангела:

**Посланник рая, ангел нежный¹⁰,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом...**
(Ак. изд., II т., "Демон", 2-й оч., ст. 261—263).

Или:

**С глубокой думою стоял
Дитя эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри, мягкие как лен,
С главы венчанной упали,
И крылья, легкие как сон¹¹,
За белыми плечью сняли**
(Там же, ст. 453—460; то же — 4-й оч.
"Демона", ст. 265—267, 530—537).

В окончательной редакции "Демона" поэт более кратко:

**Посланник рая — херувим,
Хранитель схимницы прекрасной,
Стоит с блистательным челом
И от врага, с улыбкой ясной,
Приосенил ее крылом**
(Ак. изд., II т., "Д.", ст. 565—569).

В стих. "На жизнь надеяться страшась" Лермонтов говорит, что ангелы "всегда могли" слетать на землю, и что когда-нибудь настанет золотой век: люди будут жить невинные, счастливые, как дети, они не будут связаны условностями, и не будет больше проливаться братская кровь (Ак. изд., I т., № 131; 1830 г.).

В стих. "Свидание" —

**Ангелы-хранители
Беседуют с детьми**
(Ак. изд., II т., № 126; 1841 г.).

Прекрасный образ ангела, несущего душу человека в рай, есть в знаменитой сказке Андерсена "Ангел": божий ангел несет в своих объятиях душу ребенка, и дитя, как в сладком сне, с улыбкой на устах, внимает дивным речам небожителя.

В поэме Словацкаго "Ангелли" ангел уносит тело умершей девушки: "И с трупом в крыльях, поднялся ангел и пошел в лунном блеске" (13 гл. — М., 1906 г. Перев. Высоцкого).

5.

В основу стихотворения "Ангел" положена глубокая, древняя религиозно-философская идея.

По мнению проф. Бершадского, зерном "Ангела" является талмудическая легенда о рождении человека (Соч. Лерм.

под ред. Болдакова, М., 1891 г., II т., 346 стр.). С этим соглашается и Болдаков: "Действительно в этом произведении обращают на себя внимание два момента, не совпадающие с строго христианскими воззрениями: душа является *резко индивидуализированною*¹², как самобытное существо (она *помнит, тоскует*) и *приносится, как таковая*, с неба. Талмуд же учит, что, во-первых, приход Мессии обусловлен полным израсходованием *всех имеющихся в запасе у Творца человеческих душ*, и, во-вторых, что душа, прежде перехода на землю, *облекается в тот образ*, который она должна носить в течение жизни человека, и предстает в таком виде пред Богом, который и закликает ее воздерживаться от греха. Некоторым из ангелов Талмуд приписывает также обязанность приносить души рождающихся на земле людей... Эти учения Талмуда, по-видимому, парсийского происхождения" (Там же, 346—347).

Быть может, это не подражание или заимствование, а просто случайное сходство? Внутреннее содержание "Ангела" так же близко подходит к талмудическому учению, как и к учению Платона (на чем мы сейчас остановимся). Был или не был поэт знаком с названными источниками, — его стихотворение, несомненно, свидетельствует о серьезности и возвышенности стремлений автора, о несравненном мастерстве выражать отвлеченные идеи дивными по красоте поэтическими образами¹³.

Переходим к вопросу о сходстве философских идей Лермонтова с платоновскими.

По словам Орлова, в душе Лермонтова, — этого "безродного странника", — "происходила постоянная томительная борьба бурных страстей, сомнений и предчувствий, возвышенных желаний, порывов и стремлений. Сам Лермонтов находил это тягелое, безвыходное состояние совершенно естественным, так сказать, врожденным душе человека. Полное таинственности и чудной гармонии стихотворение "Ангел" представляет наглядное решение этого именно вопроса. Соединяя философское учение Платона о предсуществовании душ с христианским верованием в ангелов, как посредников между небом и землей, поэт рисует в высшей степени трогательный и привлекательный образ ангела, в таинственный час полуночи несущего душу с неба..." (Орлов, "М.Ю. Лермонтов", СПб., 1883 г., 36 стр.).

По учению Платона, души людей обитают сначала на звездах, откуда каждая душа созерцает надзвездный мир, познавая истину; затем души, по воле Демиурга, переселяются на землю, принимая телесную оболочку; если душа остается в земной жизни чистой, одерживая победу над влечениями тела, она после смерти возвращается на свою небесную родину; в противном случае — она переселяется в низшие формы и, если не стремится к совершенствованию, падает еще ниже. Так философ говорит в "Тимее". Несколько иной взгляд высказан им в "Федре": душа живет первоначально на звездах, а в тело вселяется, не по воле Демиурга, но вследствие греховного падения (Трубецкой, "Истор. древней философии", II т., М., 1908 г., 37 стр.).

В стих. Лермонтова — душа человека, неудовлетворенная земной жизнью, рвется в идеальный мир, стараясь припомнить слова дивной мелодии ангела.

Платон учит, "что всякое познание есть припоминание, и иначе оно немислимо" (Трубецкой, там же, 38 стр.). На сходство идей Платона и Лермонтова указывает и Спасович ("Собр. соч.", II т., 403). На этом вопросе останавливается Гершензон: по учению Платона, "всякое знание человека, выражающееся в понятиях, есть не что иное, как воспоминание души о виденных ею когда-то образах"; душою "овладевает жгучая тоска по ее небесной родине, по тому миру неизменных идей, в котором она жила некогда и в который должна вернуться". Стремление к идеальному

миру "гениально выразил Лермонтов в своем стихотворении "Ангел"... Лермонтову было присуще какое-то высокое представление о мире, которое служило ему мерилем земных вещей...". Возышенное учение Платона о душе близко не только Лермонтову, но и другим нашим поэтам. Тоска по надзвездному миру, о которой говорит греческий философ, у Лермонтова, Фета, Баратынского, Ал. Толстого, Огарева — "носит характер настоящей ностальгии" (Гершензон. "Ист. молодой России". — М., 1908 г.).

У одного из новейших поэтов, Ратгауза, встречаем стихотворение, напоминающее лермонтовского "Ангела" и поэтично выражающее неясное томление души, тоскующей в оковах земли по небесной родине:

**Где-то и когда-то, —
Не припомню я, —
По волнам блаженства
Жизнь текла моя.
Небеса сняли
Радугой лучей,
Дни сменялись днями, —
Не было ночей.
Чудные напевы
Волновали грудь.
Яркими цветами
Был усыпан путь.
Пел о счастье вечном
Где-то скрытый хор...**

("Сон души" — Ратгауз, II т., 171)¹⁴.

Арабажин говорит, что разочарование Лермонтова — платоновского характера ("Ист. рус. лит. XIX в." под ред. Овс.-Куликовского, 1909 г., № 6, статья Арабажина). Волжский указывает на близость "Ангела" к некоторым идеям Платона и Достоевского: "Кто не узнает, что это те точно самые слова, которые устами старца Зосимы высказывал Достоевский, та же мысль о "касании мирам иным..."¹⁵. Кто знает характерно — "карамазовский" диалог Платона "Федр", это наводящее ужас размышление о чувственной любви, в ее ужасных, потрясающих формах, не мог не обратит внимания, что здесь сказано о "ниспадении на землю души человеческой" и о "звездах", о "солнце", "небе" — то самое, что сказано Лермонтовым в приведенном стихотворении, совпадение поразительное, если принять во внимание, что Лермонтов едва ли знал Платона, по крайней мере, в тот юный возраст" (Волжский. "Из мира литературных исканий". — СПб., 1906 г., 338 стр.).

В романе Толстого "Война и мир" Наташа Ростова говорит, что наверно знает, что некогда мы были ангелами, были, и на земле, — а поэтому вспоминаем иногда даже то, что было до нашего рождения (М., 1906 г., "Война и мир", II, 338).

Быть может, не лишним будет заметить, что у нашего народа есть поверье, имеющее нечто общее с платоновскими идеями о душе: русский народ говорит, что падающая звезда — душа умершего. Этот мотив прекрасно использован П.Я. (Мельшиным) в стих. "Падающая звезда". Известно, что еще в глубокой древности люди верили в связь земной жизни с небесными светилами. Об этом говорит и Лермонтов в "Фаталисте": "Звезды спокойно сияли на темноголубом своде, и мне¹⁶ стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочек земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что ж! эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником!" (Ак. изд., IV т., 272).

6.

Перейдем к другому вопросу — к чудесной песне ангела.

Ангел поет дивную песню, которая пленяет не только душу человека, но и неодоленную природу. Здесь Лермонтов опять стоит на высоте древних, универсальных идей.

Библия рассказывает о Давиде, смирявшем музыкой припадку смертельной тоски Саула (1 кн. Самуила, 16 гл., 14-23). В "Одиссее" певец Демодок вызывает у слушателей и слезы, и смех. Грекам же принадлежит миф об Орфее, который очаровывал пением зверей, успокаивал бурное море, двигал скалы.

В "Старшей Эдде" певец Гуннар, брошенный в змеиную башню, усыпляет змей игрой на арфе ("Старшая Эдда", СПб., 1897 г., 72 стр.). В драме Словацкаго "Лилля Венед" девушка играет на арфе и, очаровав змей, вызывает их из башни, в которую был брошен отец (III д., 6 сцена и IV д., 1 сцена)¹⁷.

В "Кудруне" пением Горонта заслушиваются люди, птицы, животные (Шепелевич, "Кудруна", II, 1895, X).

"Песнь о Нибелунгах" рассказывает об искусном шпильмане Фолькере. В "Песне о Гайавате" выступает певец Чайбайабос, друг Гайаваты; он так дивно играл на флейте, что вся природа стихала, внимая ему; когда он умер, Гайавата долго был безутешен, и природа сочувствовала ему ("П. о Г.", перев. Бунина, стр. 62—64, 114, 132, 153—157).

Герой "Калевалы", Вейнемейнен, обладал такими же чудесным даром пения, как Орфей. В наших былинах музыка Садко оказывает чудесное влияния на водяную стихию.

Аполлон — бог поэзии и музыки, Один — бог пения и музыки (Шепелевич, "Кудруна", I, 1894 г., X; 65), талант певцов и музыкантов — дар богов.

Чары музыки — мотив, привлекающий и поэтов позднейшего времени; ему посвящены, напр., произведения Гете ("Певец", "Рыбак"), Уланда ("Проклятие певца"), Гейне ("Лорелей", "Метта"), Пушкина ("Моцарт и Сальери"), Огарева ("Звуки"), Надсона ("Олаф и Эстрильда"), А. Толстого ("Иоанн Дамаскин", "Слепой"), Тургенева ("Певцы", "Песнь торжествующей любви"). Человечество до сих пор не может не верить в древнюю легенду, и поэты нового времени улавливают в музыке нечто неземное, чудесное. В романе Диккенса "Давид Копперфильд" герой описывает, как мисс Дартль пела под аккомпанимент арфы: "Никогда во всю жизнь не слышал я ничего, похожего на эту ирландскую песню. То были какие-то неземные, невообразимые звуки, страшные в своей действительности. Ни один композитор в мире не мог положить на музыку этих звуков, и песня мисс Дартль должна была вырваться сама собою из груди, переполненной бурной и дикой страстью" (XXIX гл., перев. Введенского).

7.

Обращаясь к поэзии Лермонтова, прежде всего заметим, что он был одарен артистической натурой: с ранних лет полюбил поэзию, пробовал свои силы в живописи, лепке, музыке; Висковатов говорит, что Лермонтов "хорошо играл на скрипке и на фортепиано" (Собр. соч. Лерм., VI т., 40). Быть может, способность к музыке он унаследовал от матери.

В бумагах поэта есть следующая характерная заметка: "Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха" (1830 г. — Ак. изд., IV т., 349).

Любовь Лермонтова к музыке во всей полноте отражена в его произведениях: на протяжении всего литературного творчества он много раз возвращался к мотиву о могущественном, неотрзимом влиянии музыки на его мятежную, тоскующую душу.

В стих. "Мой дом" (1830 г.; Ак. изд., I т., № 202) поэт говорит:

Мой дом везде, где есть небесный свод,

Где только слышны звуки песен.

Бартеневою, известной в свое время светской певице, он посвящает следующие стихи:

Скажи мне, где переняла

Ты обольстительные звуки,

И как соединить могла

Отзывы радости и муки?..

Премудрой мыслию вникал

Я в песни ада, в песни рая.

Но что ж? — Нигде я не слышал

Того, что слышал от тебя я

(1830 г., Ак. изд., I т., № 76).

Характерны варианты к этому стихотворению; поэт называет певицу "посланником рая", "девой неземной" (I, 369—370).

В том же году он пишет стих. "Звуки":

Что за звуки! неподвижен внемлю

Сладким звукам я.

Забываю вечность, небо, землю,

Самого себя...

Всемогущий, что за звуки! Жадно

Сердце ловит их,

Как в пустыне путник безотрадной

Каплю вод живых...

И в душе они опять раждает

Сны веселых лет,

И в одежду жизни одевают

Все, чего уж нет.

Принимают образ эти звуки,

Образ милый мне;

Мнится, слышу тихий плач разлуки,

И душа в огне...

И опять безумно упиваюсь

Ядом прежних дней,

И опять я в мыслях полагаюсь

На слова людей

(Ак. изд., II, № 198).

Для Лермонтова, так рано понявшего пошлость окружающей среды, для этой природы, — беспокойной, гордой, недовольной и собой, и другими, — в высокой степени знаменательна эта нежная, трогательная мелодия.

Музыка успокаивала поэта, как Саула; недаром мы встречаем у него стихи, посвященные Сауду. Он дает великолепный перевод "Еврейской мелодии" Байрона (Ак. изд., II, № 42) и, вероятно под ее влиянием, пишет в том же (1836) году следующую строфу в "Сашке":

И жадный червь грызет, грызет, —

Я думаю, тот самый, что когда-то

Терзал Саула; но порой и тот

Имел отраду: арфы звук крылатый,

Как ангела таинственный полет,

В нем воскрешал и слезы, и надежды;

И опускались пламенные вежды,

С гармонией сливалась мечта,

И злобный дух бежал как от креста.

Но этих звуков нет уж в поднебесной, —

Они исчезли с арфою чудесной.

(Ак. изд., II т., "Сашка", XLVI).¹⁸

Безмятежным миром полно стих. "Надежда" (Ак. издан., I, № 230; 1831 года):

**"птичка рая" по ночам поет —
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песне той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой...**

Он внимает арфе и плачет, вспоминая печальное былое ("Звуки и взор", Ак. изд., I, № 265; 1831 г.). Он говорит:

**"Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый, —
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает"**
(Ак. изд., II, № 60, 1837 г.).

Сидя в заключении, он жадно слушает напевы своего "соседа":

**О чем они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...
И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит, и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются**
(*"Сосед"*, 1837 г., Ак. изд., II, № 54).

Обыденная жизнь тяготит его; духовным оком он на земле отыскивает чудесное, в земном он умеет найти неземное. Голос любимой женщины — "отголосок рая" (Ак. изд., I, № 242; 1831 г.). Его слух, — изощренный, как у пушкинского пророка, — в шуме толпы ловит "святые звуки" (Ак. изд., II, № 16; 1832 г.). В стих. "Сосед" он говорит про грустные напевы заключенного: "О чем они — не знаю". О пленительных речах, понятных лишь немногим, он говорит и после — в стих. "Есть речи" (1840 г., Ак. изд., II, № 104):

**Им без волнения
Внимать невозможно.**

Одиноко звучат эти чудные речи в "шуме мирском", но он, поэт, узнает их повсюду и шлет ответ...

Нам особенно интересно остановиться на варианте этого стихотворения. Услышав "волшебные звуки", душа озаряется, "как Божиим светом".

**Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает.
Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные¹⁹ звуки;
Душа их с молением
Как ангела встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит**
(Ак. изд., II, 466).

Он ищет и находит музыку в природе: в журчанье ручья, в шелесте ветвей. У него тростник поет, "будто оживленный" ("Тростник", 1832 г.; Ак. Изд., II, № 5). Слушая шум ветерка в свежей листве, звон студеного ключа, — поэт чувствует, как утихает его тревога, он видит в небесах Бога ("Когда волнуется..." 1837 г., Ак. Изд., II, № 53). В рокоте речных волн он слышит голос тоскующей русалки (1836 г.; Ак. изд., II, № 41); Мцири, в пред-

смертном бреду, слышал странную, мелодичную песню рыбки, сливавшуюся с лепетом ручья.

Лермонтов говорит, что и после смерти хотел бы внимать немолкающим, мелодичным звукам музыки или пения. В юношеском стихотворении он просит повесить над его могилой арфу: пусть ветер играет на арфе и напоминает поэту о былом (1830 г., Ак. изд., I, № 186); в год смерти он высказывает желание: тихо дремать в могиле и слушать нежный голос, поющий о любви, и шум ветвей ("Выхожу один я на дорогу..." Ак. изд., II, № 130).

Таким образом, музыка оказывала благотворное воздействие на Лермонтова; то же надо сказать о героях и героинях его произведений; обратимся к этому вопросу.

8.

Вадим, герой поэмы "Последний сын вольности" (Ак. изд., I), в трудную минуту обращается к певцу Ингелоту:

**"Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук;
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет"²⁰**
(Ст. 114—119).

Ингелот вдохновенно запел, ему вторил ручей,

**И даже призраки бойцов,
Склонясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песне дикой и простой**
(Ст. 139—142).

(В том же 1830 г. написана "Песнь Барда"; I, № 154).

В драме "Люди и страсти" (1830 г.) Любовь спрашивает у Юрия, почему он так страдает? — Мир прекрасен, полон гармонии... Юрий долго молчит и вдруг слышит песню со свирелью. Он преображается. "Какие звуки!" — говорит он, "они поразили мою душу.. Кто их произвел? Не с неба ли, не из ада ли?.. нет... но вот опять, опять... Всесильный Бог!". И чувство любви вспыхивает в нем еще сильнее (Ак. изд., III, 111 стр.).

Мы уже говорили, что Арбенин (в "Странном человеке", 1831 г.), слушая ребенком песню матери, плакал (III т. 159). Это исключительная по дарованиям натура: он гениальный поэт (III, 165), он музыкант. Однажды импровизировал он на фортепиано и когда оборвал игру, на его глазах были слезы. "Что с вами?" — спросила кн. Софья. — "Припадок!" — отвечал он с горькой улыбкой: "музыка приводит мне на мысли Италию. Во всей ледяной России нет сердца, которое отвечало бы моему!" (Ак. изд., III, 188).

Измаил-Бей, услышав песню Селима, терзается, вспомнив покинутую Зару.

**Селим коснулся —
Душевных струн, и звук проснулся,
Расторгнув хладную тюрьму...
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся**
(Ак. изд., II, 71, 72).

Мцири помнит песню, которую пели сестры над его колыбелью (ст. 205, 206); безыскусственная песня грузинки, случайно им услышанная, западает в душу: лишь наступают сумерки, — незримый дух напевает ему ту же сладкую мелодию (стр. 318);

в тяжелом забытии он слышит нежную, серебристую песенку рыбки (стр. 327); умирая, он просит перенести его в сад, откуда виден Кавказ, он хочет, чтобы кто-нибудь близкий спел ему вполголоса про далекую родину... Таким тихим аккордом обрывается бурная жизнь Мцири (Ак. изд. II, 1840 г.).

Печорин говорит, что вечером музыка сильно раздражает его нервы: "Мне делается или слишком грустно, или слишком весело" (Ак. изд., IV, 229).

Такое же воздействие оказывала музыка и на Арбенина ("Странный человек"), который импровизировал "в сумерки", и на Лугина. Лугин в сумерки долго сидел у окна; вдруг на дворе шарманка заиграла старинный немецкий вальс. "Лугин слушал, слушал; ему стало ужасно грустно. Он начал ходить по комнате; небывалое беспокойство им овладело; ему хотелось плакать, хотелось смеяться...²¹ он бросился на постель и заплакал: ему представилось все его прошедшее. Он вспомнил, как часто бывал обманут, как часто делал зло, именно тем, которых любил; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видел слезы, вызванные им из глаз, ныне закрытых навеки. И он с ужасом заметил и признался, что он недостойн был любви безотчетной и истинной, — и ему стало так больно, так тяжело!" (Ак. изд., IV, 292-293)²².

Говоря о себе и своих героях, Лермонтов указывает на то, что музыка обращает мысли человека к прошлому. Это связано с верою поэта в дозельное существование душ; земные песни напоминают о полужабытых, небесных, и человек весь уходит в былое, припоминает что-то далекое, чудесное и, — одинокий, никем не понимаемый, изнывающий под бременем скучной жизни, — тоскует и горько плачет...

(В сказке "Ашик-Кериб" герой — народный певец (1841 г.). В "Бэле" поет Казбич).

Перейдем к "Демону".

Еще в стих. "Черкешенка" (1829 г.) поэт говорит о "духе раскаяния", который, услышав "райские звуки", — летит

Узреть еще небесный вид

(Ак. изд., I, № 36).

В 1-м очерке поэмы (1829 г.) Демон жадно слушает песню монахини, роняет жгучую слезу; он, — "враг небес", променявший блаженную, безмятежную жизнь на жребий изгнанника, — плачет! Как сам Лермонтов и некоторые его герои, — он, слушая дивное пение, вспоминает былое:

Все оживилось в нем, и вновь

Погибший ведает любовь

(II, 386).

Во 2-м оч. (1830 г.) Демон, впервые услышав песню монахини, плачет (II, 388); он проникает в келью.

Окован сладкою игрою,

Стоял злой дух.

В его сердце зародилась любовь, и Демон борется с самим собою:

Ему любить

Не должно сердца допустить:

Он связан клятвой роковою.

Он хочет искутить монахиню, — но не может... Он "плакал горькими слезами", слушая нежные звуки лютни и голос монахини. Он

130. **Нарушил клятвы роковые**

И князя бездны раздражил.

Но прелесть звуков и виденья

Остались на душе его,

И в памяти сего мгновенья

135. **Уж не заглядит ничего**

(Ак. изд., II, 389-390).

(Ср. ст. 132-135 и "Мцири", ст. 319-352).

См. еще 4-й оч. (1833 г.) — ст. 92—109 (Ак. изд. II, 401—402).

В окончательной редакции поэмы — Демон сам очаровывает Тамару волшебной песнью ("Не плачь, дитя..."). Чудная песня грузинки ("как будто для земли она была на небе сложена") пленяет его; ему чудится, что это песня ангела, прилетевшего на землю, "чтоб усладить его мученье".

545. **Тоску любви, ее волнение**

Постигнул Демон в первый раз...

Он хочется в страхе удалиться, -

Его крыло не шевелится!

И, чудо! — из померкших глаз

550. **Слеза тяжелая катится...**

Поньше возле кельи той

Насквозь прожженный виден камень

Слезой жаркою как пламень,

Не человеческой слезой!..

(Ак. изд., II, 366).

Следовательно, музыка — нечто святое, нечто очищающее, потрясающее душу всякого, — хотя бы это был сам Демон, служитель зла!..

Обратимся к героиням Лермонтова.

Пленная литвинка, услышав песню родины, предается сладким мечтам, вспоминая былое. Она берет лютню и поет.

Этой песни нет

275. **Нигде, — она мгновенна лишь была,**

И в чьей груди родилась — умерла,

И понял, кто внимал! Не мудрено:

Понятье о небесном нам дано;

Но слишком для земли нас создал Бог,

280. **Чтоб кто-нибудь ее запомнить мог**

(Ак. изд., I, 210, 211; 1830 г.).

Гюльнара ("Две невольницы", 1830 г., I, № 208) — поэт и играет на гитаре. Поет дева, которую полюбил Азраил (I, 306, 1831 г.), поет Зара ("Изм.-Бей", 1832 г., II т., 70—72), поет Нина ("Маскарад"; 1834—1835 гг., III, 265—266). Про Эду Максим Макс. рассказывает: "Все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты" (Ак. изд., IV т., 169, см. еще — 161). Поет контрабандистка (IV т., 198, 199), поет кн. Мери (IV т., 228). В неоконченной повести упоминается о певице, исполнявшей балладу Шуберта на слова "Лесного царя" Гете (IV т., 286); поет невеста Гаруна в "Беглеце" (1839 г., II, 265—266). Поет грузинка, о которой говорит Мцири (II, 318, 1840 г., ср. ст. 343—366 и отрывок "Это случилось в последние годы...", ст. 20—23, № 115, II, 1841 г.).

Тамара, грузинская царица, зазывает ночных путников в свой замок, и те, как околдованные, идут на ее голос, который

Весь был желанье и страсть,

В нем были всеильные чары,

Была непонятная власть...

Утром волны Терека принимали безгласное тело жертвы, а из башни звучало: "Прости!".

И было так нежно прощанье,

Так сладко тот голос звучал,

Как будто восторги свиданья

И ласки любви обещал

(1841 г., II, № 125).

Царица, — "прекрасна, как ангел небесный, как демон коварна и зла", — владела теми же чарами пения, что и Демон.

Тамара, дочь Гудала, услышав песню Демона, взволнована, встревожена.

Невыразимое смятение

В ее груди: печаль, испуг,

370. **Восторга пыл — ничто в сравненье.**

**Все чувства в ней вскипели вдруг:
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос, чудно новый,**

375. **Ей мнилось, все еще звучал**

(II, 361).

Тамара сама обладала удивительным даром играть на чангуре и петь; у нее звуки

**лились, лились,
Как слезы, мерно, друг за другом;²³
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена
(366 стр.).**

9.

Следовательно, что же такое, по словам поэта, музыка и пение? Каковы их свойства?

Музыка — нечто неземное; песня Тамары-монахини походит на песню ангела; эта песня так нежна, будто сложена на небе; дивная песня литвинки понятна тому, кому дано "поняты о небесном", в голосе любимой женщины поэт улавливает "отголосок рая"; душа встречает "с молением, как ангела" эти чудные песни, эти таинственные, прекрасные речи... Песня Тамары совершает чудо над Демоном: он впервые постиг святую любовь, он не мог искушать свою жертву и заплакал!..²⁴

Музыка — нечто загадочное; в ней "непонятная власть"; в ней что-то страшное: услышав песню Селима, Измаил-Бей вскочил, "как безумный", умоляет не петь больше, стоит "ужасен, с шашкой обнаженной",

**Как призрак злой, от сна могил
Волшебным словом пробужденный.
Он взор всей силой устремил
В пустую степь, грозил рукою,
Чему-то страшному грозил.**

Видя это, Селим ужаснулся своему искусству ("Изм.-Б.", ст. 1810—1846, II т.).

Демон, взволнованный пением Тамары, хотел "в страхе удалиться", но даже этого не мог сделать, словно был заколдован чарами музыки. Иногда это страшное, это таинственное чудесным образом сочетается в пении с небесным. Услышав ночную песню, Юрий ("Люди и страсти") восклицает: "Какие звуки!.. Не с неба ли, не из ада ли?..". Тайной искусства пения владели Демон и царица Тамара, в которых так странно было соединено небесное и грешное.

Поэту чудится музыка там, где другие не слышат ее; сквозь шум толпы к нему доносятся "святые звуки"; он слышит мелодии в природе: в шуме ветвей, в речных всплесках; в речах "темных и ничтожных", в самых простых песнях ловит он нездешние, волшебные звуки:

**Их многие слышат,
Один понимает.**

Песня Ингелота "дика и проста". мцири говорит, что у грузинки голос был "безыскусственно живой"; "простая песня то была", но глубоко запала в душу юноши²⁵. Лугин был потрясен и до слез взволнован звуками старинного немецкого вальса, сыгранного бродячим шарманщиком... Таким образом, чудесное совершается на земле и теперь; оно скрыто под покровом

обыденного, и мы равнодушно проходим мимо того, что доступно лишь немногим...

Известно, что Лермонтов часто личные качества переносил на своих героев и героинь; таким образом, будучи сам тонким любителем музыки, он многих действующих лиц своих произведений награждает даром пения или игры на каком-нибудь инструменте, или просто способностью понимать музыку. Эти избранники не могут "без волнения" внимать волшебным речам или пению, отвечают на них "долгим биением" сердца. Музыка даже раздражает: человеку становится то весело, то грустно, растет тоска, вспоминается былое, слышится упрекающий голос совести, льются горькие слезы... Порой музыка вызывает или разжигает страсть, жажду любви: в песне Тамары — "желанье и страсть" (ср. "Сосед": "полон ум желаний и страстей"); взволнованный песней, Юрий еще ярче вспыхивает страстью; Демон постигает "тоску любви, ее волнение"; дочь Гудала — в "невыразимом смятении" и чувствует, что огонь пробегает по жилам (Ср. "Песнь торжеств, любви" Тургенева, "Крейцерову сонату" Л. Толстого).

Выше всего ценит поэт в музыке ее благотворное воздействие на человека: она смягчает горе, облегчает душу от гнетущей тоски, вызывает раскаяние, вызывает искренние слезы; является готовность опять полагаться на слова людей, верить в добро; вспоминаются "лучших лет надежды и любовь"; мысли обращаются к невозвратному детству; смутно звенят в голове мелодии милых, полузабытых колыбельных песен; рождается потребность новой жизни; "душа рвет свои оковы" (ср. еще — "как птичка в клетке, сердце запрыгает"). Поэт восторженно говорит:

**В храме, средь боя,
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот ответчу,
И брошусь из битвы
Ему я на встречу.**

Герои Лермонтова не забывают песен, взволновавших их, понравившихся им. Музыка близка и дорога им; Мцири хочет умереть под звуки тихой, ласковой песни; сам поэт желает заснуть вечным сном, но так, чтобы можно было слышать, как немолкающий, сладкий голос поет про любовь... Аналогичный мотив встречаем у Тургенева в стих. "Милый друг" (Собр. соч., изд. Маркса, 1898 г., IX т., 274):

**...Слухом гаснувшим внимая
Замираням струны,
Сам умру я, засыпая...
И предсмертной тишины
Не смутив напрасным стоном,
Перейду я в мир иной,
Убаюкан легким звоном
Легкой радости земной²⁶.**

Тот же мотив — в стих. Сюлли-Прюдома "Агония"; приведем из этого стих. наиболее характерное.

**Над гаснущим в томительном бреду
Не надо слов, — их гул нестроен;
Немного музыки, — и тихо я уйду
Туда, где человек спокоен...
...Найдите няню старую мою...
.....
...Пускай она меня потешит, спев
Ту песню, что давно певала,
Мне сердце трогает простой ее напев,**

Хоть там и пеня мало...²⁷

.....
 ...Вы нас оставите. Бывое оживет²⁸,
 Презрев туманную разлуку;
 Дрожащим голосом она мне запоет,
 На влажный лоб положит тихо руку...

("L'agonie". — Перев. Н. Анненского. — Стихотворения Сюлли-Прюдона, СПб., 1911 г., 115-117 стр.). Ср. еще стих. Фета — "Весеннее небо глядится" (Фет, "Стихотворения"; изд. Маркса, СПб., 1901 г., II, 84), "Прежние звуки..." (II, 98), "Улыбка томительной скуки" (II, 85).

В музыке есть и элемент чудесного, волшебного; в голосе Тамары — "всесильные чары"; песне Ингелота внимают "даже призраки бойцов"; в "Ангеле" дивным пением заслушиваются "и месяц, и звезды, и тучи". О власти пения над природой говорит стих. Фофанова:²⁹

Баян, сложивший гимн свободе,
 Владыкой изгнан в степь. И вот
 К родимой матери — природе
 Изгнанник пасмурный идет,
 И все, что сердце вдохновило,
 Он изливает перед ней:
 Волна свой бег остановила,
 Замолк стыдливо соловей.
 Баян, пророчеством объятый,
 Поет о братстве, и перед ним
 Поник смиренно лес косматый
 Венцом трепещущим своим.
 Ясней небесный купол блещет,
 Он озарен красою сам,
 И дружно эхо рукоплещет
 Его правдивым словесам ("Баян")³⁰.

10.

"Лучше всего идеальные стремления представлены Лермонтовым в его знаменитом стихотворении "Ангел"" (Бороздин. "Литер. характеристики", I т., СПб., 1903 г., 256—257). Идея "Ангела" та, "что нет живой души, в которую бы с первого же дня рождения не были заложены благие, высшие стремления" (Б. Майков. "Лермонтов" СПб., 1909 г., 40; см. еще — 19, 20). Поэт говорит, что "стремление к идеальному есть существенная, прирожденная потребность человеческой души, залог человеческого совершенствования, несомненный признак высокого нравственного назначения человека на земле" (Орлов, "Лермонтов", СПб., 1883 г., 37; см. еще — Бороздин, 257; см. еще — Ал. Соловьева, "М. Ю. Л.", СПб., 1908 г., 26; Бураковский, "М. Ю. Л.", СПб., 1903 г., 18).

По словам Андреевского, "Ангел" — "превосходнейший эпиграф ко всей книге", "чудная надпись у входа в царство фантазии Лермонтова"; это стих. объясняет, почему Лермонтову было "и скучно, и грустно", почему он знал, что на земле "вечно любить невозможно", почему ему бывало легко лишь тогда, когда он твердил какую-то чудную молитву, почему морщины раскодились на его челе, когда он видел в небесах Бога, почему он говорил о своей небесной родине (Андреевский. "Литер. чтения"; см. еще Майков, 19—21). "Это стихотворение, — говорит Висковатов, — хранит в себе основную характеристику музыки поэта" (Виск., VI т., 144).

11.

Мы показали, в какой тесной внутренней связи находится стих. "Ангел" с произведениями Лермонтова; рассмотрение деталей дополнит общую картину.

**По небу полуночи ангел летел
 И тихую песню он пел.**

Ангел несет душу человека, обреченную на новую жизнь, в таинственный полночный час, — в час, когда на земле затихают последние всплески успокаивающегося житейского моря, когда все засыпает, когда везде царит безмолвие, и когда все охвачено мраком и сном, чтобы никто из смертных не мог увидеть, как совершается чудо: как небожитель спускается в "мир печали и слез". Но не только поэтому Лермонтов говорит о полуночи; это не случайная подробность. Характерно, что Лермонтов, упоминая о чудесной песне, почти всегда указывает на вечернюю или ночную пору [ср. — стих. "Надежда" — ночь (I, № 230); "Литвинка" — ночь (I, 210, 211); "Люди и страсти" — ночь (III, 111); "Измаил Бей" — ночь (II, 70—72); "Сосед" — вечер (II, № 54); неоконченная повесть о Лугине — вечер (IV, 292—293); "Тамара" — ночь (II, № 125); "Демон": 1-й оч. — полночь (II, 386), 2-й оч. — вечер (388), 4-й оч. — ночь (401—402), окончательная редакция — полночь (366); ср. еще — "Странный человек" (III, 160, 188), "мцири" (II, 318), "Гер. н. вр." (IV, 229)].

Быть может, это автобиографический мотив: известно, что поэт родился ночью.

Стихи —

**О Боге великом он пел, и хвала
 Его непритворна была —**

проникнуты библейским духом; псалмы Давида многократно повторяют — "хвалите Бога", "хвала Ему", и т.п. В произведениях Лермонтова видны следы влияния Библии; мы ограничимся здесь лишь теми указаниями, которые имеют прямое отношение к этим (7 и 8) стихам "Ангела".

Уже заглавие стихотворения ("Ангел") — вводит нас в область религиозных идей, библейских образов; ангел (греч.) — вестник воли Божией, посланник, посредник между небом и землей. В стих. "Кладбище" (1830 г.) находим следующие стихи:

Над головой

**Жужжа, со днем прощаются игрой
 Толпящиеся мошки, — как народ
 Существ, уставших от работ!..
 Стократ велик, Кто создал мир! велик!..
 Сих мелких тварей надмогильный крик
 Творца не больше ль славит иногда,
 Чем в пепел обращенные стада,
 Чем человек, сей царь над общим злом,
 С коварным сердцем, с ложным языком?**
 (Ак. изд., I, № 141).

Не то же ль говорить Давид: "Всякое дыхание да хвалит Господа"³¹

В "Азраиле" (написанном в 1831 г., но позже "Ангела") отверженный ангел рассказывает:

**Я часто ангелов видал
 И громким песням их внимал,
 Когда в багряных облаках
 Они, качаясь на крылах,
 Все вместе славили Творца,
 И не было хвалам конца³².**
 (Ак. изд., I, № 281, ст. 133-138).

Мцири описывает роскошное утро в горах; он чуял присутствие Бога:

"Кругом меня цвел Божий сад.
 Растений радужный наряд
 Хранил следы небесных слез...
 ...И снова я к земле припал
 И вновь прислушиваться стал
 К волшебным, странным голосам:
 Они шептались по кустам,
 Как будто речь свою вели
 О тайнах неба и земли:
 И все природы голоса
 Сливались тут; не раздался
 В торжественный хваленья час
 Лишь человека гордый глас...³³
 ...В то утро был небесный свод
 Так чист, что ангела полет
 Прилежный взор следить бы мог"
 (II, 316, 317 стр.)³⁴.

Сам поэт, оставаясь, лицом к лицу с природой, видел в небесах Бога ("Когда волнуется...").

Стих —

Он душу младую в объятиях нес.

В "Демоне" ангел тоже несет душу "в объятиях своих"; душа, увидав Демона, заглушая молитвой ужас, "к груди хранительной прижалась": поэт указывает здесь на теплое, ласковое отношение исполнителя воли Божией к человеку и на то, что человек платит, в свою очередь, детской доверчивостью и верою в высшую защиту. Ангелы спускаются на землю не только для того, чтобы принести или унести душу; Демон искушает монахиню, и ангел является охранить ее от зла; Ангел Смерти, сжалившись над Зораимом, вселяется в тело Ады; "ангелы-хранители беседуют с детьми" ("Свидание"). (В "Ашик-Керибе" — св. Георгий помогает бедному певцу). Лермонтов верил в отечески нежную любовь Неба к человеку; задушевностью и светлой надеждой полны его молитвы, эти дивные гимны, славящие благость и милосердие Божества ("Ангел", "Ветка Палестины", "Я Матерь Божия", "Когда волнуется желтеющая нива", "В минуту жизни трудную". Ср. еще — "Ребенка милого рождение", "Казачью колыбельную песню").

Стих —

Для мира печали и слез —

находится в тесной связи с пессимистическими взглядами Лермонтова на земную жизнь. Поэт, с несвойственной его юным летам серьезностью, в самых ранних стихотворениях говорит о своем разочаровании в людях, в жизни (ср., напр., — "Элегию" — 1829 г., "Монолог" — 1829 г., "Смерть" — 1830 г., "1831 г., июня 11 дня" и др.).

Он говорит:

Для меня весь мир и пуст, и скучен.
 ("Элегия", I, 73 стр.)
**Средь бурь пустых томится юность наша,
 И быстро злобы яд ее мрачит,
 И нам горька остылой жизни чаша,
 И уж ничто души не веселит.**
 ("Монолог", I, 74 стр.)
**...Пора туда, где будущего нет,
 Ни прошлого, ни вечности, ни лет:
 Где нет ни ожиданий, ни страстей,
 Ни горьких слез, ни славы, ни честей**
 ("Смерть", I, стр. 175).

И в последующие периоды творчества он то с тихой грустью, то с отчаянием или гордым презрением повторяет, что земные радости и наслаждения кратковременны, что жизнь однообразна, скучна, полна горьких ошибок и заблуждений; с юных

лет он говорит о смерти, — как избавительнице, которая даст ему, наконец, "мир увидеть новый" (II, № 66) или навеки "забыться и заснуть...".

Стихи —

**И звук его песни в душе молодой
 Остался без слов, но живой.**

Лермонтов обладал удивительной памятью; он смутно помнил песню матери, слышанную, когда ему не было 3-х лет; он помнил детские сны (IV т., 350), помнил мысли, много лет назад мелькавшие в голове, помнил свою "первую любовь" (см. "Первое января", 1840 г. и IV т., 349, 350). Печорин говорит о себе, что он никогда ничего не забывает. Демону — "забвенья не дал Бог, да он и не взял бы забвенья", (ст. 183, 184). В стих. "Исповедь" (1831 г.) поэт замечает:

**Сердце, полно сожалений,
 Хранит в себе глубокий след
 Умерших, но святых видений,
 И тени чувств, каких уж нет**
 (I, № 229, ст. 17—20).

Мцири, раз услышав песню грузинки, запоминает ее (II, 318). Печорин запоминает от слова до слова песню контрабандистки.

Демон слышал песню Тамары, и

**Прелесть звуков и виденья
 Остались на душе его,
 И в памяти сего мгновенья
 Уж не заглядит ничего.**
 (II, стр. 390, ст. 132—135).

Ангел Смерти вселился в Аду:

**И только в памяти туманной
 Хранит он думы прежних лет.
 Их появленье Аде странно...**
 (I т., стр. 319, ст. 221—223).

Лермонтов стоит здесь на психологической почве; он мог говорить, что Печорин или Демон не знали забвенья, — т.к. сам легко воскрешал в памяти отдаленнейшие картины былого.

Из русских поэтов феноменальной памятью обладали — Козлов и А. Толстой.

12.

У Пушкина Сальери говорит о Моцарте:

Как некий херувим,
 Он несколько занес нам песен райских,
 Чтоб, возмутив бескрылое желанье
 В нас, чадах праха, после улететь!
 ("М. и С.", 1 сцена).

Стихи эти по содержанию очень близки к "Ангелу" Лермонтова, и возникает вопрос: не под влиянием ли их (хотя бы отчасти) Лермонтов написал свое стихотворение? Ведь названное произведение Пушкина создано в 1830 г., а "Ангел" — в 1831 г.

Однако, драма Пушкина появилась в печати лишь в 1832 г. (в "Сев. Цветах"); следовательно, до этого Лермонтову известна не была, и литературного воздействия Пушкина здесь нет.

13.

Сжатость стих. "Ангел" несколько не вредит ясности и глубине идей, высказанных поэтом; строгий к себе, он вычеркнул следующие четыре стиха, входившие в первоначальный текст "Ангела":

**Душа поселилась в творенье земном,
Но чужд был ей мир. Об одном
Она все мечтала, — о звуках святых,
Не помня значения их.**
(I, 405).

Красивые и содержательные сами по себе, они не вносили в стихотворение чего-нибудь нового.

Проф. Дашкевич говорит, что "в творчестве Лермонтова важна не одна возвышенность и глубокая жизненность многих тем...", но "важны также и крупные преимущества в развитии этих тем, искренность и энергия, индивидуальность, отчетливость и талантливость выполнения, между прочим, и чудная красота и выразительность и вместе изящная простота и сжатость языка. В силу всего этого Лермонтов преодолел как нельзя лучше трудность, указанную Горацием в словах: "Difficile est proprie communia dicere" ("Чтения в историч. общ. Нестора Летописца". Кн. VI, К. 1892 г., статья Дашкевича — "Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова", 243).

К Лермонтову, как автору "Ангела", можно отнести стихи Надсона:

В мире были счастливы, — их гимны звучали,
Как хвалебные арфы бесплотных духов:
В этих гимнах эдемские зори сияли,
И струилось дыханье эдемских садов...

Правильность, простота образного языка, задушевный тон стихотворения — делают его доступным пониманию и детей, и народа. Стихотворение входит, как известно, почти во все хрестоматии. Алчевская, знакомившая крестьян с произведениями Лермонтова, рассказывает, что разбираемое нами стихотворение нравилось слушателям и даже вызывало слезы ("Рус. М." 1892 г., I, 21, 23).

Не лишним будет упомянуть о следующем ошибочном объяснении происхождения "Ангела" в одном из популярных учебников средних учебных заведений, в "Русских писателях" Мартыновского:

"Стихотворение это написано по поводу смерти одной молодой девушки. Раннюю смерть ее автор поэтически объясняет стремлением души ее к небу, очарованием теми "звуками небес", которые слышала душа от ангела, несшего ее "для мира печали и слез". Повод, по которому написано стихотворение, не мешает однако же понимать его и в общем смысле, в применении вообще к душе человеческой" (Мартыновский, "Русские писатели", Тифлис, 1904 г., I, 293 стр.). Подчеркнутое нами — основано на предположении, не имеющем фактического подтверждения.

Стих "Ангел" до позднейшего времени вызывает восторженные мнения критики. "Ангел" — романтическое стихотворение, в котором поэт "дает нам возможность заглянуть в святая святых души своей" (Виск., VI, 144). Это превосходный эпитаф к созданиям Лермонтова, чудная надпись у входа в царство фантазии поэта (Андреевский). "Это — райская музыка, цель которой — не объяснить, но дать почувствовать" (Ляцкий, "Гончаров", 1904 г., 32-33). "Ангел" — принадлежит "к самым блестящим перлам русской поэзии". (П. Я., Рус. Муза, 128). Лермонтов видит то, что находится "за начальным мигом человеческого существования, позади первого детского на земле вздоха, крика. Это миф зади физиологии, священный миф, в этом и мы ему не откажем. Все антропоморфично в небе, все богообразно на земле. (В. Розанов "Концы и начала, "божественное" и "демоническое", боги демоны" — "Мир Искусств", 1902 г., № 7—12 стр., 132). "Ангел" — "перл поэзии с глубоким философским смыслом" (Арабажин. — "Ист. рус. лит. XIX в." под ред. Овс.-Кул., 1909 г., № 6, стр. 16).

14.

Волжский пользуется стих. "Ангел" для разъяснения творчества Чехова: "Идеализм живого Бога Чехова, что бы ни говорили, в конце концов чужд боготворящим жизнь мотивов". Как и лермонтовский "А.", — "эта "младая душа" представлена в мире Чеховских сумерек и хмурых людей беспокойным томлением лирических людей.

"Желанием чудным полна", томится она "в мире печали и слез", на опустевших равнинах обыденщины. Где-то высоко-высоко, в надзвездных краях недостижимого идеала услышанные "звуки небес" отравляют в беспокойной душе лишнего человека обаяние "скучных песен земли". Незаглушимая в творчестве Чехова, тоскливая греза о иной жизни, "чистой, изящной, поэтической", высоко поднимает его над уровнем грубого пантеизма, молящегося всей и всякой жизни в ее совокупности. Он лелеял в своих поэтических вдохновениях стыдливую мечту о возможности иных миров, о жизни новой, не ущемляющейся на плоскости действительности" (Волжский. "Из мира литературных исканий", СПб., 1906 г., 187).

По поводу бегства и смерти Л. Толстого сербская газета "Ново Време", цитируя стих. Лермонтова "Ангел", говорит: "Оно исчерпывает всю историю вдохновенной и долгой жизни Толстого. Толстой принес нам беспокойство пророка, а также жажду моральной деятельности. Его душа представляла сокровищницу любви, воодушевления и христианского смирения. Его идеал был настолько высоким, что он никогда не мог успокоиться филистерским чувством самодовольства и признанием его таланта людьми. Его печаль велика, потому что у него не было возможности сделать людей сразу совершенными, как этого желала его любовь. Он покинул юдоль печали и слез, которая после потери его стала еще более жалкой. Каждый из нас желал бы оставить этот мир после того, как сделает хоть маленькую часть благородной работы, сделанной Толстым" ("Рус. Слово", 1910 г., Среда, 10 ноября, № 259).

15.

Поэзия Лермонтова, по словам проф. Дашкевича, "затрагивала мировые темы, выражала скорби, много раз удручавшие душу человека и вполне нам близкие, обращалась к проблемам, перед которыми останавливались многие из лучших поэтов веков прошлых и настоящего"

("Чт. в историч. общ. Нест. Лет.", VI, К., 1892 г., 242).

Пушкинский пророк слышал —

Неба содроганье

И горний ангелов полет.

Это применимо и к Лермонтову. Он любит говорить о Боге, о рае, об ангелах; он убежден, что небо — его отчизна. По словам Полонского, поэт может

С молитвою, выше полночной звезды,

К праведным, в царство небесное, очи зажмурив, подняться

И услышать, как в раю, там поют Херувимскую

(Собр. стих., СПб., 1896 г., II т., 146)³⁵.

В поэзии Лермонтова с самого начала можно проследить тяготение его к небу. Его пленяют образы Демона, Ангела Смерти, Азраила. Поэт-обличитель, во многом — человек своей эпохи, он скучал на "маскараде" жизни и отдыхал тогда лишь, когда оставался лицом к лицу с природой или когда на мощных крыль-

ях фантазии уносился от людской суеты в мир "звуков сладких и молитв". Недовольство земной жизнью заставляло его непрестанно обращаться к мечтам о жизни мирной, далекой от людей, приближающей к Богу. Недаром он столько лет не расставался с "Демоном", в котором так причудливо и неразрывно переплелось земное и небесное; проникнутый стремлением к высшей правде и красоте, он реабилитирует Демона, "духа изгнания"; в его любимом герое нет ни дьявольской, ненасытной злобы, ни мрачной, неколебимой гордости. Демон Лермонтова — дух, блистающий неземной красотой, похожий на вечер ясный, одинокий скиталец, которому давно наскучили и зло, и вечность, который с тайной грустью вспоминает о лучших днях, который может плакать, каяться, порою поддаваться обаянию прекрасного, в котором вспыхивает готовность постигнуть "святыню любви, добра и красоты", готовность примирения с небом; в Демоне идеальное не умерло, а только заглохло. В своей поэме Лермонтов отрицает существование абсолютного зла.

Таким образом, возвышенные, искренние стремления, выраженные в "Ангеле", всю жизнь волновали душу и ум поэта. На заре поэтической деятельности он создает дивный образ ангела, несущего новую душу на землю, а незадолго до смерти — образ ангела, возвращающего душу на ее родину. По нашему мнению, поэма "Демон" — идейное продолжение и окончание "Ангела". В "Ангеле" поэт говорит о том, как посланник Божий уносит из рая душу человека, как томится она на земле, "желанием чудным полна". В "Демоне" поэт рассказывает дальше — о том, как душа из земного плена вырывается на волю и возвращается в горнюю обитель³⁶. Молодой жених Тамары неожиданно умирает, но зато —

**Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей:
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны?..**

Вскоре умирает и Тамара, которую давно ждали на небесах.

**Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье...
...Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!**

Стихами изумительной красоты и мелодичности поэт описывает, как золотокрылый ангел "в пространстве синего эфира" летит с этой душой, как успокаивает ее "сладкой речью упования", как они, уносясь навсегда от "грешной земли", приближаются к раю, откуда долетают хвалебные гимны...³⁷

В "Ангеле" и "Демоне" изображена история всей человеческой жизни, продолженная религиозным поэтом за земные грани.

Лермонтов сжился, сроднился с этими образами добрых и отверженных ангелов, с этими пленительными грезами о небе; он говорит обо всем этом, как о чем-то знакомом, дорогим его душе.

Он один из тех немногих,

**Кто слышит тайную гармонию природы
И голоса привратников небесных.**

(Полонский, I, 21).

Поэт субъективный, Лермонтов, с необыкновенной искренностью и полнотой выражая свои лучшие чувства, свои идеальные стремления, служит в то же время "правде глубокой, вселенской"³⁸.

Примечания

¹ Ошибка Висковатова, стих. "Есть речи — значение" — записано в 1840 г. (см. Ак. изд. соч. Лерм., II т., № 104).

² 1830 г.

³ 1831 г.

⁴ 1831 г.

⁵ Об употреблении "Мцири" вместо "Мцыри" — см. Акад. изд. соч. Лермонтова, II, 472.

⁶ У Гете Фауст хочет отравиться и уже подносит чашу с ядом ко рту, как вдруг слышит звон колоколов и пение ангелов; это потрясает Фауста; он вспоминает юные годы, умиляется и плачет (Гете, "Фауст", перев. Фета, М., 1882 г., I ч., 52–57).

⁷ Пушкин, "Стансы".

⁸ Ср. у А. Толстого:

Отлетела б ты к родному краю,

И земной весны тебе не жаль

("Вот уж снег последний в поле тает...").

⁹ Ср. еще — "Очи N.N." (1830 г.; Ак. изд., I, № 124).

¹⁰ Ср. у Пушкина — "ангел нежный" ("Ангел", 1827 г.).

¹¹ Ср. у Пушкина — "Перстами легкими, как сон" ("Пророк", 1826 г.).

¹² Это (и ниже) — курсив автора.

¹³ Поэзию Лермонтова "могла бы осветить только настоящая философская критика" — Вольнский, "Книга великаго гнева", СПб., 1904 г., 209.

¹⁴ Ср. еще стих. "Эти грустные песни я где-то слышал..." (Р, III, 88).

¹⁵ См. — Достоевский, "Братья Карамазовы", VI кн., III гл., ж. (Изд. Маркса, 1895 г., 381 стр.).

¹⁶ Печорину

¹⁷ Это напоминает нам индусских заклинателей змей.

¹⁸ Ср. стих. граф. Раstopчиной "Почему я люблю музыку" (Раstopчина, "Стихотворения", СПб., 1856 г., II т., 173, 174).

¹⁹ Ср. у Пушкина Сальери говорит: "Как будто нож целебный мне отсек страдавший член".

²⁰ Ср. "Еврейскую мелодию" и XLVI строфу "Сашки".

²¹ Ср. выше — слова Печорина.

²² Аналогичный мотив встречаем у Фета в стих. "Шарманщик" (Фет, "Стихотворения", изд. Маркса, 1901 г., II, 103).

²³ Ср. стих. "Сосед" (ст. 17, 18).

²⁴ Не то же ли "чудо" совершает (в драме Пушкина) Моцарт над Сальери, который плачет, слушая "Requiem"?

²⁵ Виргиния напевает "простую песню" (II, № 115).

²⁶ Ср. стих. Гейне "Der Tod, das ist die kühle Nacht", которое Болдаков (собр. соч. Лерм. под ред. Болд., II, 405–406) — сближает со стих. Лерм. — "Выхожу один я на дорогу".

²⁷ Ср. выше — о "простой" песне у Лермонтова.

²⁸ Лермонтов и его герои тоже возвращаются к былому, внимая пению или музыке.

²⁹ Фофанов. Стихотворения, СПб., 1887 г., 72.

³⁰ Ср. стих. Кнута Гамсуна "Лесная песнь" (Собр. соч. Гамсуна, изд. Маркса, V, 586).

³¹ Характерно также употребление церковно-славянских слов — "стократ", "сих", "сей" ("Кладбище"), "глас" ("Мцири", 308 стих).

³² Ср. стих. А. Толстого "В стране лучей, незримой нашим взорам".

³³ Ср. у Сюлли-Прюдона — путник в шуме моря слышит "райский хор, немолчную хвалу" (La falaise. — "Прибрежная скала", перев. Тхоржевского. — Стих. С.-Пр., 1911 г., СПб., стр. 61).

³⁴ Ср. у Сюлли-Прюдона — "Клок снега тающий иль ангел в отдаленье?" ("Ether" — "В летний зной", пер. Тхоржевского. — Стих. С.-Прюдона, 1911, СПб., 89).

³⁵ Евангелие говорит о человеке, который "был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать" (2-е послание к Коринф., XII, 2–4). — Папа Григорий Великий слышал от ангелов католический гимн "Regina coelia" (См. Дант, "Рай", перев. Голованова; М., 1902 г., 188). Ср. — Дант, "Божественная комедия" — "Рай" XXIII, 127–129. — Ср. стих. Языкова "Землетрясение".

³⁶ Интересно сопоставить это со стих. Пушкина "Надгробная надпись кн. А.Н. Голицыну", 1823 г. (напечатано в 1858 г.; см. — сочинения Пушкина, изд. Бр. и Ефр., II, 926). Ср. еще стих. Туманского "Болезнь дитя" (Туманский. "Стихотворения и письма", СПб., 1912 г., 104).

³⁷ Ср. "Ты воспрянь пошли к ложу печальному Лучшего ангела — душу прекрасную".

³⁸ Ал. Толстой "Тщетно, художник, ты мнишь...".

Текст и примечания печатаются по изданию:
Семенов Л.П. Ангел. Очерк поэзии Лермонтова. —
Харьков, 1912.

1914

К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова

1.

Марлинский (А.А. Бестужев),¹ в настоящее время полузабытый писатель, при жизни пользовался громкой известностью и популярностью.

Западноевропейский романтизм нашел в нем своеобразное отражение. Романы, повести и рассказы Марлинского отмечаются замысловатостью фабулы, вычурностью и насыщенностью слога. Герои Марлинского — натуры пылкие, необузданные, главный стимул их жизни — любовь, любовь неистовая, всепожирающая, она превращает их и в героев, и в рабов, побуждает их совершать то подвиги, то преступления. Они легко переходят от радости к отчаянию, от отчаяния — к радости, они смелы, дерзки, они ведут борьбу с окружающим их обществом, терпят великие страдания, и счастье достается им в бою. Они скитальцы. В них есть нечто демоническое, загадочное, влекущее, они легко приобретают власть над всеми, в особенности — над женщинами, которых автор изображает обыкновенно, нежными и любящими.

Такой писатель должен был, хотя на время, приковать к себе внимание юного современника — Лермонтова. Будучи воспитанником Московского Благородного пансиона, Лермонтов, конечно, зачитывался им. Он сочувствовал героям Марлинского, которые так не походили на обыкновенных людей; их страдания, их африканские страсти воспламеняли воображение начинающего поэта. Лермонтов еще ребенком был на Кавказе, и эта поездка оставила в его памяти неизгладимые впечатления; он восторгался Кавказом, воспевал его и с большим удовольствием, вероятно, перечитывал картинные описания кавказской природы в произведениях Марлинского.

Личность этого писателя и подробности его жизни были, разумеется, достаточно знакомы Лермонтову. Литературная слава, участие в бунте декабристов, ссылка в Сибирь, затем на Кавказ, романтические приключения, скитания, безумная отвага, проявляемая в многочисленных стычках с горцами, — все это возвышало Марлинского в глазах молодого поэта.

В лермонтовской литературе как-то глухо говорится о влиянии Марлинского на Лермонтова, встречаются интересные замечания,² но вопрос этот еще ждет своих исследователей.

Мы нисколько не претендуем на всестороннее его освещение и только хотим показать, что влияние Марлинского можно установить с большей убедительностью и документальностью.

2.

В самых ранних поэтических опытах Лермонтова заметны яркие следы его увлечения произведениями Марлинского. У последнего есть незаконченная повесть в стихах "Андрей, князь Переяславский". Написана она в 1827 г.; первая глава ее появилась в печати в 1828 г., вторая — в 1831 г.³ Поэма эта настолько понравилась Лермонтову, что он не раз, как мы полагаем, перечитывал ее; мы отметим в целом ряде его произведений отзвуки "Андрея князя Переяславского".

В поэме Лермонтова "Кавказский пленник" (1828 г.) есть один стих, который давно приводит в смущение лиц, занимавшихся редактированием сочинений поэта, — а именно:

Обложен степенями гор. (См. Акад. Изд. Соч. Лермонтова, 1, 16 и 358).

Слово "степенями" принимали за опisku. Проф. Висковатый без оговорки изменил стих:

Обложен ступенями гор. (Соч. Лермонтова под ред. Висковатого, III, 138). Введенский оставил стих без изменения:

Обложен степенями гор. (Соч. Лермонтова под ред. Введенского, СПб., 1903 г., III, 284). Г-н Д. Абрамович в академическом издании напечатал:

Обложен ступенями гор (1, 16), причем в примечаниях сделали оговорку: "В автографе степенями гор". (1, 358).

В.В. Каллаш в новом издании сочинений Лермонтова (кн-во "Печатник", М, 1911 г., I, 20) без оговорок напечатал: Обложен ступенями гор.

Как оказывается, это не описка Лермонтова, а буквальное заимствование из поэмы Марлинского "Андрей, князь Переяславский".

Марлинский:

Хребта Карпатского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер.
(Марлинский, Собр. соч., 1847 г., IV, ч. XI, 19)

Ср. Лермонтов:

**Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.**

**Обложен степенями гор,
Расцвел узорчатый ковер**

(Лермонтов, Акад. Изд., I, 16 и 358. —
Дальнейшие ссылки по этому изданию).

Таким образом, поэт — отрок перенес в свою поэму шесть стихов Марлинского, причем изменил только одно слово: вместо "Карпатских" — "Кавказских" (и то лишь потому, что слово "Карпатских" не соответствовало сюжету поэмы о Кавказе).

В другой поэме Лермонтова, "Корсар" (1828 г.), читаем:

**Его высокое чело
Травой и мохом заросло.** (1, 34)

Это тоже из "Андрея, князя Переяславского": И сводов гордое чело травой и мохом поросло (Марлинский, там же, 20).

Замечательно, что даже в позднейших произведениях Лермонтова есть заимствования из названной поэмы Марлинского. Например, нам посчастливилось открыть, что первый стих знаменитого стихотворения "Парус" (1832 г.) взят из Марлинского. Лермонтов:

Белеет парус одинокий... (II, 16).

Марлинский:

Но вот ярящимся Дунаем,
То видим, то опять скрываем,
Ловец плывет на челноке.
Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,⁴
И грустен путник ясноокий;
У ног колчан, в руке весло (Там же, 27).

Лермонтов в стихотворении "Узник" говорит:

**Черноокая далеко
В пышном тереме своем.** (1837 г. II, 207).

Ср. Марлинский:

Видно, милая грустна
В пышном тереме высоко! (Там же, 28).

В "Кавказском пленнике" и "Корсаре" заимствования очевидны. В "Парусе" и "Узнике" указанные нами выражения также принадлежат Марлинскому, но здесь мы имеем дело уже не с простым перенесением стихов; вероятно, стихи запали в память поэта, а потом всплыли, помимо воли, во время процесса творчества. Стихотворение "Парус", перл лермонтовской лирики, глубоко выстрадано автором и может служить прекрасным эпиграфом к его книгам. Приведенный нами отрывок из поэмы Марлинского — со стихом:

Белеет парус одинокий, —

ничего общего с идеей "Паруса" не имеет. В 1828 г. Лермонтов переносил в свои стихи и поэмы значительное количество стихов и даже целых отрывков из произведений различных поэтов, например, он немало заимствовал из Пушкина, Козлова и, как указывается нами, из поэтических произведений Марлинского, при этом многие стихи и выражения переносились им без всяких изменений. В последующие годы он реже прибегал к этому, так как в нем, очевидно, сильнее заговорил собственный гений. В 1832 г., когда был написан "Парус", Лермонтов был достаточно самостоятельным поэтом, и мы не допускаем, чтобы он в ту пору уммышленно вставлял в свои стихотворения и поэмы чужие стихи.

Выражение "в пышном тереме", встреченное нами в "Узнике", написанном еще позже, является слабым отголоском отроческого увлечения поэмой Марлинского.

Сам Марлинский сознавал, что "Андрей, князь Переяславский" — неудачное произведение, и не докончил его. Главное достоинство поэмы — стих, не лишенный красоты и звучности; характеры же действующих лиц, быт древней Руси не соответствуют исторической правде. Но юному Лермонтову поэма понравилась, и он кое-что взял из нее.

Укажем еще на два поэтических образа, связанных, быть может, с этим произведением Марлинского. У Лермонтова в "Боярине Орше" (1835—1836 гг.) есть следующие стихи:

**У окна,
Заботой резвою полна,
Летала ласточка, то вниз,
То вверх, под каменный карниз
Кидалась с дивной быстротой
И в щели пряталась сырой;
То, взвизвись на небо стрелой,
Тонула в пламенных лучах...** (II, 119).

В поэме "Сашка" (1836 г.):

**Бывало, я у башни угловой
Сижу в тени, и солнца луч осенний
Играет с мохом в трещине сырой,
И из гнезда, прикрытого карнизом,
Касатки вылетают, верхом, низом
Кружатся, вьются, чуждые людей.** (II, 145).

Аналогичный образ встречаем у Марлинского:

Летунья ласточка щебечет,
Вкруг башен рея вверх и вниз.
("Андрей, князь Переяславский", 41).

Ср. еще: "По карнизам стелется плющ, деревья венчают зубчатые стены; из бойницы, откуда летали некогда меткие стрелы, выпархивает теперь мирная ласточка". (Марлинский, "Замок Нейгаузен". Соч., I, ч. III, 137).⁵

Мы не настаиваем на том, что Лермонтов в данном случае подражал Марлинскому, скорее всего, это случайное сходство. Отметим еще, что в очерке Лермонтова "Панорама Москвы", написанном в бытность юнкером, также есть строки, любопытные для нас: "На западе, за длинной башней, где живут и могут жить одни ласточки"... (IV, 347-348). Висковатый относит этот набросок к 1833 г. (соч. Л-ва под ред. Висковатого, V, 435); Введенский и Д. Абрамович — к 1833—1834 гг. (соч. Л-ва под ред. Введенского, II, 565; Акад. изд., V, 11). Оба цитированные нами произведения Марлинского написаны ранее "Панорамы Москвы", "Боярина Орши" и "Сашки", таким образом, влияния Марлинского категорически отрицать нельзя; сходство в образах есть. Однако, судя по приводимым отрывкам "Панорамы Москвы" и "Сашки", поэт не раз наблюдал ласточек, реющих над старыми башнями, и естественнее допустить, что он писал с натуры.

В своей поэме Марлинский говорит:

И дом русалки молодой,
В волнах растопленной денницы
Слиян из граней хрустала (53 стр.).

Нечто аналогичное встречаем у Лермонтова:

**И пела русалка: "На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада,
Там хрустальные есть города
("Русалка", 1836 г., II, 139).**

Ср.еще:

**А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...**
("Мцыри", 1840 г., II, 327).

Едва ли и это подражание. После появления в печати поэмы Марлинского прошло несколько лет. Лермонтов, конечно, давно уже перестал восхищаться ею, и поэтическая подробности, указанные нами, могли совершенно забыться им. Все же нельзя пренебрегать такими любопытными штрихами. Незаконченной, забытой поэмы Марлинского суждено было сыграть некоторую роль в развитии творчества великого поэта.

3.

Зачитывался юный Лермонтов и прозой Марлинского, кое-что заимствовал из нее. Например, Марлинский говорит: "Райская птичка — надежда летела передо мной и манила вперед своими блестящими крыльями" ("Изменник" — Изд. "Дешевой библиотеки" Суворина, 159).⁶ Эти строки вдохновили Лермонтова, и он написал стихотворение под характерным заглавием "Надежда" (1831г.):

Есть птичка рая у меня:
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем.
Лазурь небес ее спина,
Головка — пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна,
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песне той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой.
И часто в бурю я слышал
Тот звук, который так люблю,
И я всегда Надеждой звал
Певицу мирную мою (I, 272—273)

Источник этого стихотворения до сих пор оставался неизвестным. Влияние Марлинского налицо; образное выражение его Лермонтов развил в прелестное стихотворение. Отзвуки этого стихотворения находим в поэмах Лермонтова. В "Ауле Бастунджи" (1831г.) есть следующая строфа:

Так иногда, одна в степи чужой,
Залетная певичка юга,⁷
Поет на ветке дикой и сухой,
Когда вокруг шумит, бушует вьюга, —
И путник внемлет с тайною тоской,
И думает: то, верно, голос друга!
Его душа, живущая в раю,
Сошла печаль приветствовать мою!.. (I, 342).

В "Измаиле-Бее" (1832 г.):

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в пенись
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом.
Пускай ревет, бушует вьюга,
Она поет лишь об одном —
Она поет о солнце юга! (II, 19).

Тесная зависимость этих отрывков от стихотворения "Надежда" несомненна; в них выражена та же мысль; заметно сходство многих выражений и отдельных слов; в первом отрывке: "певичка, птичка юга", "поет на ветке", "шумит, бушует вьюга", "внемлет", "в раю"; во втором отрывке: "птичка рая", "блестя лазоревым крылом", "ревет, бушует вьюга". Правда, поэт не называет уже птичку "надеждой", но она по-прежнему является для него

"птичкой рая", утишающей волшебным пением душевные муки. Есть тончайшая связь между стихотворением "Надежда" и знаменитым стихотворением "Выхожу один я на дорогу" (1841 г.); в первом поэт говорит о птичке, которая, сидя на ветке, "поет так сладко, сладко для души", во втором — выражает желание, чтобы над ним, когда он будет лежать в посмертном сне, "сладкий голос пел" и ласково шумел дуб (II, 348)

В приведенных отрывках "Аула Бастунджи", "Измаила-Бея", а также в стихотворении "Надежда" мы усматриваем еще отзвук следующих стихов поэмы "Корсар":

Глядел в раздумьи глубоко,
Когда на дереве высоко
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он треща свистал и щелкал,⁸
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал
И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал (I, 30).

Читал Лермонтов и роман Марлинского "Аммалат-Бек". В этом произведении есть следующие строки: "Фазаны, сверкая радужными хвостами, перелетывали в кустарниках; стада диких голубей вились над скалами" ("Деш. библи." Суворина, "Аммалат-Бек", 38). Строки эти претворены Лермонтовым в стихи, которые вошли в поэму "Измаил-Бей":

В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блестя радужным хвостом
Лежал в траве пробит свинцом (II, 27).
Шумит Аргуна мутно волной
.....
По гладким камням в бездну ниспадая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьется стая
Пугливых, сизых, вольных голубей...
Зеленым можжевельником покрыты,
Над мрачной бездной гробовые плиты
Висят и ждут, когда замолкнет вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой (II, 42).

"Аммалат-Бек" появился в печати в 1832 г. В том же году написан был и "Измаил-Бей"; следовательно, Лермонтов писал эти стихи под свежим впечатлением только что прочитанного романа Марлинского. Нельзя не отметить высокой индивидуальности, проявленной Лермонтовым в картинах, созданных под влиянием "Аммалат-Бека"; он внес в них много новых штрихов. В особенности хороша вторая картина; она является только отрывком известной строфы "Измаила-Бея", в которой поэт с удивительным мастерством изобразил суровую, строгую красоту горного кавказского пейзажа.

В некоторых случаях труднее установить, чем объяснить сходство подробностей: подражанием или случайным совпадением? Например, у Лермонтова в "Демоне" есть стих:

Столпообразные раины (II, 352).

Марлинский в "Аммалат-Беке" говорит: "Высокие раины, то увитые листьями, как винтом, то возникая стройными столпами, кажутся мусульманскими минаретами" (Изд. "Деш. библи." Суворина, 5). Ср. еще: "Столпо-видные раины, перевышенные башнями, устремленными в небо, не колеблясь стояли вдаль" (Марлинский, "Красное покрывало". Соч., 1847 г., I, ч. II, 109). Лермонтову известны были оба цитируемые нами произведения Марлинского, и нельзя отрицать возможности влия-

ния последнего. С другой стороны — легко допустить, что Лермонтов позабыл сравнение раины со столпом, сделанное Марлинским, и сам, как наблюдательный художник, воссоздал его. Шан-Гирей, близкий друг поэта, говорил Висковатому (по поводу стиха "Столпообразные раины"), что Л. особенно любил кавказские пирамидальные тополи, стремящиеся в небо. Он находил, что народное название "Раина" идет к ним. В детских рисунках Л., изображающих Кавказ, мы находим изображение этих деревьев" (Собр. соч. Л-ва под ред. Висковатого, III, 8).

В "Валерике" (1840 г.) Лермонтов так описывает смерть капитана, раненного в стычке с горцами:

**Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью. На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал...**
.....
**Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих — и душу отдал Богу.
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые
И тихо плакали..** (II, 303—304).

Ту же картину дает Марлинский: "Через пять минут, окровавленный труп изменнически убитого полковника окружен был толпами солдат и офицеров. Недоумение, негодование, жалость были написаны на всех лицах. Гренадеры, опершись на штыки, плакали навзрыд; и нелюбимые слезы текли у них градом по храбром, любимом начальнике" ("Аммалат-Бек", изд. "Деш. библи." Суворина, 189).

Сходство разительное, но мы берем на себя смелость утверждать, что в "Валерике" нет ни заимствования, ни подражания. "Аммалат-Бек" появился в печати в 1832 г.; "Валерик" написан был восемь лет спустя. В юности Лермонтов восхищался Марлинским, подражал ему, но быстро перерос своего учителя. Непосредственное влияние Марлинского тем более трудно допустить здесь, что "Валерик" писался в походе, под живым впечатлением пережитого боя, и не может быть, чтобы Лермонтов, искренний поэт, вставил в свой исторически правдивый рассказ о Валерикском сражении подробности, взятые у другого писателя. Не может быть, чтобы перед глазами поэта, когда из под его пера выливались бессмертные стихи "Валерика", стояла не только что виденная им картина кровавого боя, а незначительный эпизод из романа Марлинского; роман этот он читал в 1832 г., и весьма вероятно, что с тех пор не перечитывал его. "Валерик" — одно из интимнейших произведений Лермонтова; это дружеское послание, в котором он говорит о своей душевной усталости, о своем одиночестве, а также о войне как неизбежном мировом зле. Он часто принимал участие в битвах с чеченцами; у него накопилось много впечатлений, и они просились на бумагу. Два месяца спустя после Валерикского сражения он писал А.А. Лопухину: "Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные" (IV, 339—340). Он желал бы многим поделиться с близкими, но начальство запрещало касаться в письмах военных действий. "Описывать экспедиции не велят", говорит он Лопухину в другом письме того же года и пишет далее: "Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем" (IV, 340). И вот в "Валерике" он излил всю душу. Когда он писал, в его уме тес-

нились недавно пережитые, незабываемые картины; он брал из них самые яркие, и мы не допускаем, чтобы над ними доминировало не то, что он видел, что поразило его, а то, что он мельком прочел когда-то. "Валерик" посвящен Варваре Лопухиной; к ней он обращается в начале и в конце поэмы; это его исповедь; недаром называет он "Валерик" "безыскусственным рассказом" (II, 305).

Сходство картин Марлинского и Лермонтова мы объясняем тем, что оба они писали с натуры. Подобные сцены видел, конечно, всякий, кто так часто, как они, участвовал в боях. В параллель приведем описание в песнях терских казаков смерти ген.-м. Слепцова,⁹ героя Кавказской войны:

Повстречал Слепцов наш пулю
Грудью храброю своей..
.....
Как на бурку уложили,
Он едва уже дышал;
Но, собрав последни силы,
Свою волю завещал.
.....
Вдруг врага как не бывало,
Но Слепцов наш мертв сидел:
Пуля злая жизнь отняла,
Он на нас уж не глядел.
.....
Тут мы мненьем положили,
Чтоб на Сунже схоронить;
Слезы горькие излили,
Воротились врагов бить.

Вариант:

Из завала поразила
Пуля меткая его,
Наше счастье схоронила,
Жизнь отнявши от него.
Хоть врагам мы отплатили -
Их прогнали далеко,
Но потеря командира
В грудь запала глубоко.
Его друзья несли на бурке,
Он едва уже дышал,
И, собрав последни силы,
Свою волю завещал.
Потом с горестью простился
С полком сунженским своим,
Душой к Богу обратился,
И расстались мы с ним.
.....
Как же, братцы, нам не плакать,
Как нам горько не тужить?
Отца, друга, командира
Кто нам поможет заменить?¹⁰
(П. Семенов "Песни, поющиеся в ст. Слещовской". Отт. 14-го вып. "Сборника мат. для описания местн. и племен Кавказа", стр. 64—65, 67—68).

В этих бесхитростных, старинных песнях находим те же штрихи, что у Марлинского и Лермонтова: любимый командир пал от руки горцев; его воины скорбят и, не стыдясь, горько плачут. Особенно близки песни к "Валерику"; например, у Лермонтова умирающего кладут на шинель; в казачьей песне — на бурку; у Лермонтова раненый "затих — и душу отдал Богу"; в казачьей песне — "душой к Богу обратился, и расстались мы с ним".

Перейдем к другим мотивам. В "Измаиле-Бее" Лермонтов сравнивает облака, громящиеся на горах, с воздушным замком:

**В вечерний час дождливых облаков
Я наблюдал разодранный покров:
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних дней,
Растет в минуту, но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье** (II, 20).

Другой вариант есть в "Вадиме" (1832 г., IV, 90). В "Странном человеке" (1831 г.) он уподобляет облака чудесному воздушному городу (III, 192). Аналогичный образ встречаем в рассказе Марлинского "Красное покрывало": "Пары сложились, волновались по диким, обнаженным хребтам окрестных гор. То возникали они причудливыми зданиями, то расходились серебряным лесом" (Соч., 1847 г., I, ч. II, 118). Сходство есть, но оно может быть и случайным. Описание Лермонтова более изысканно и красиво. Он, вообще, очень любил облака, весьма часто говорит о них в стихах и прозе; описания его превосходны и разнообразны. Облака пленяли его пышностью красок, фантастичностью очертаний, легкостью полета; любясь ими, он сам мог прийти к сравнению их с воздушным замком или городом.

В письме к С.А. Раевскому (1837 г.) Лермонтов сообщает: "Начал учиться по-татарски — язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться" (IV, 330). Это сравнение татарского языка с французским взято им из прочитанного некогда рассказа Марлинского "Красное покрывало": "Татарский язык Закавказского Края мало отличен от турецкого, и с ним, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию" (Соч., 1847 г., I, ч. II, 114). Сравнение Марлинского метко, и, может быть, на Кавказе в то время многие употребляли его.

В стихотворении "Первое января" (1840 г.) поэт говорит, что он скучает на маскараде и, "наружно погружаясь" в его "блеск и суету", предаётся воспоминаниям о невозвратном, милом детстве. Стихотворение заканчивается стихами:

**Так, царства дивного вселильный господин,
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветет на влажной их пустыне.
Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На празднике незваную гостью, —
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..**
(II, 277–278).

Это напоминает следующие строки Марлинского из повести "Испытание": "В мутном море светских предрассудков, позолоченной испорченности, суетного ничтожества — она (Ольга, сестра Валериана) возвышалась, как зеленеющий свежий островок, где усталый пловец мог найти покой и доверие" (Соч., 1847 г., I, ч. I, 38).

Любопытное, но — на наш взгляд — случайное сходство. Стихи Как свежий островок безвредно среди морей Цветет на влажной их пустыне имеют свою историю, которую мы сейчас проследим.

Цитируемая повесть Марлинского появилась в печати в 1830 г.,¹¹ а Лермонтов еще в 1828 г., в "Корсаре", заимствуя из Козлова,¹² писал:

**Я с морским опытным пловцом
Стремил мой быт межь островами,
Цветущими над влажными дном
Святого старца — океана.** (I, 35–36).

Это зерно приведенной выше строфы "Первого января" (о свежем островке, цветущем на влажной пустыне морей); стихи чужие и они только внешне связаны с "Первым января". Но вот в поэме "Сашка" (1836 г.), написанной в промежуток между "Корсаром" и "Первым января", встречаем следующие прекрасные стихи:

**Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслью послушной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но одиноч;
Лады к нему с гостями не пристанут,
Цветы ж на нем незнаемы увянут...** (II, 166).

Зависимость этих стихов от стихов Козлова — несомненна; поэт, как в "Корсаре", говорит о пышном острове, лежащем средь океана. Эти-то стихи "Сашки" и "Корсара", в несколько измененном виде, и вошли в позднейшее стихотворение "Первое января". Таким образом, еще до знакомства с повестью Марлинского Лермонтов в поэме "Корсар" упоминал о цветущих островах над влажным дном океана. У Марлинского же он мог взять разве только слово "свежий" (островок); о свежем острове он говорит в цитированных нами стихах "Сашки", "Первого января", а также в "Мцыри" (1840 г.):

Подошвы свежих островов (II, 326).

С.И. Родзевич мельком замечает: В "Мцыри" единоборство Мцыри с барсом напоминает единоборство Амалата с тигром в "Аммалат-Беке" (Родзевич. "Предшественники Печорина во французской литературе". Киев 1913 г., 4). По нашему мнению, это сходство (кстати сказать, весьма отдаленное) случайно.

"Аммалат-Бек" появился в печати в 1832 г.,¹³ а Лермонтов годом раньше, в "Ауле Бастунджи" (1831 г.), говорит о схватке горца с барсами; герой этой поэмы рассказывает:

**Мой дом изрыт в раселинах скалы;
В нем до меня два барса дружно жили;
Узнав пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянув, бросились, завьли...
Я их убил, и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили,
И кожи их у входа, по бокам,
Висят, как тени, в страх другим зверям** (I, 346).

Строфа превосходна, нельзя не отметить строгости, с которой юный поэт придерживается здесь художественной меры; описание его очень сжато и красиво.

В поэтическом отношении картина охоты на тигра в "Аммалат-Беке" бесконечно ниже знаменитой картины в "Мцыри". Более удачно изображает Марлинский охоту якута и тунгуса на барса (в "Отрывках из рассказов о Сибири"; соч., 1847 г., I, ч. I, 132); описание это ближе к "Мцыри", нежели описание в "Аммалат-Беке".

В популярном сочинении Брэма "Жизнь животных" о барсе сообщается следующее: "*Барс или ирбис*¹⁴ (*Felis uncia*, *F. irbis*) едва ли уступает в величине пантере... *О нападениях его на человека никогда, однако, не слыхали*¹⁵ (Брэм. "Жизнь животных". СПб. 1900 г. Изд. т-ва "Просвещение". I, 183). Но мы не допускаем, чтобы Лермонтов, описывая бой человека с барсом, погрешил против истины, нам приходилось читать о нападении этого хищника на людей. Например, в "Сборнике сведений о кавказских горцах" (IV, 87–90) есть интересный очерк Петрусевича "Борьба с леопардом". Автор рассказывает об истинном происшествии, относящемся к 1870 г. Верстах в четырех от устья

р. Улукама (притока Кубани), в местечке Чилмас, к одному карачаевцу ночью забрался в конюшню хищный зверь; туземец, взяв винтовку, пошел в конюшню; жена светила ему лучиной. Леопард напал первым; человек не успел сделать выстрела, "как леопард кинулся на него, прямо на грудь". Бой был жестокий; победителем вышел человек (автор очерка приписывает это "особенной смелости и силы карачаевца"). Некоторые подробности весьма близки к лермонтовским. В заключение г. Петрушевич говорит: "Встречи леопарда, которого называют здесь обыкновенно барсом, оканчиваются редко в пользу человека. Горцы очень боятся этого зверя, считая его самым сильным и опасным из всех зверей, водящихся в горах, и не решаются затрагивать его даже тогда, когда уверены в своем выстреле". Судя по этому очерку, еще лет сорок пять назад случаи столкновения человека с барсом не были редки; во времена же Марлинского и Лермонтова они бывали, конечно, чаще.

4.

В начале своей поэтической деятельности Лермонтов испытал на себе заметное влияние Марлинского; оно значительнее, чем это было установлено предыдущими исследователями творчества Лермонтова.

Он начал (в 1828 г.) с простого заимствования стихов Марлинского. В 1831—1832 гг. поэт делает заимствования из того же автора, но уже не столь рабски подражает ему. Затем влияние Марлинского ослабевает. В произведениях 1835—1840 гг. мы встречаем у Лермонтова только замирающие отголоски этого влияния; в некоторых случаях сходство поэтических образов Марлинского и Лермонтова может быть признано, с большой вероятностью, случайным.

Замечательно, что почти все указанные нами заимствования из Марлинского носят характер лирический, описательный. Этому явлению мы придаем громадное значение.

До сих пор вопрос о влиянии Марлинского на Лермонтова освещался несколько односторонне. Например, акад. Н. Котляревский указывает на "несомненную связь по настроению" между романтиками, главными представителями которых

в тридцатых годах были Марлинский и Полевой, и Лермонтовым. "Они сходились в общей им симпатии к необузданному стремлению куда-то вперед, к туманно понятой свободе и в симпатии к напряженному, нервному состоянию духа, которое, по их мнению, было источником всех великих мыслей и дел. "Но умственный кругозор Лермонтова был значительно шире кругозора всех других наших романтиков, и к тому же Лермонтов был большой художник. Все, что в стремлениях романтиков типа Марлинского было лучшего, мы находим у Лермонтова в более чистом и продуманном виде, в более сжатой и яркой форме". (Н. Котляревский. "Лермонтов". СПб. 1912 г., 268—269). Дюшен говорит, что Лермонтов именно под влиянием Марлинского прибегает в юношеских драмах к "характерной романтической фразеологии с неестественной экзальтацией, неистовыми восклицаниями, банальной риторикой, постоянными противопоставлениями неба или рая аду" (Дюшен. "Поэзия М.Ю. Л-ва в ее отношении к русской и западноевропейским литературам". Казань. 1914 г., 8). По мнению Д. Абрамовича, этим же влиянием "можно объяснить обилие романтической выпренности в юношеских драмах и повести" Лермонтова (Соч. Л-ва, V, стр. XLII). Взгляды эти верны, но Марлинский, по нашему убеждению, влиял на Лермонтова не только как романтик. Лермонтов, в котором даже в самые молодые его годы сказывался большой художник, находил у Марлинского (как и у других писателей и поэтов) красивые образы, чуждые искусственности и вычурности: горные вершины, пронзающие синеву неба и оперенные дремучим лесом; одинокий белый парус; ласточка, летающая над руинами; фазан, хвост которого сверкает, как радуга; столпообразные раины; облака, кажущиеся издали фантастическим городом, и прочее, — все это запоминалось им и потом, сознательно или бессознательно, переносилось в стихотворения и поэмы.

Лермонтов, таким образом, не был слепо увлечен нашими романтиками. Пусть в незрелых юношеских драмах и "Вадиме", подражая им, говорит он о демонических страстях и злодеяниях, наивно противопоставляет порок добродетели, разражается проклятиями, прибегает к театральным эффектам. Это была дань молодости и эпохе. От всего этого "романтизма" он отрешился еще на школьной скамье и у того же Марлинского брал образы, отмеченные печатью художественной правды и простоты.

Примечания

¹Род. в 1797 г. ум. в 1837 г.

²См., напр., труды акад. Котляревского — "Лермонтов", СПб., 1907 г., стр. 277, 282. "Н.В. Гоголь", СПб., 1908 г. стр. 468. — E. Duchesne, "M.I. Lermontov", Paris, 1910, pp. 208—212 (или русский перевод: Э. Дюшен, "Поэзия М.Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западноевропейским литературам", Казань, 1914 г., стр. 5—9). Статья Венгерова о Марлинском в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, III, 622. — С.И. Родзевич, "Предшественники Печорина во французской литературе", Киев, 1913 г., стр. 4 — Академич. издание сочинений Лермонтова, V, стр. XLII. — И.И. Замотин, "Романтизм двадцатых годов XIX стол. в русской литературе", 1913 г., II, 187, 222—223; и др.

³См. Марлинский "Собрание сочинений". Изд. 4-е. СПб. 1847 г., IV, ч. XI, стр. 8, 10.

⁴Ср. еще — Лермонтов:

**Порою корабли водами
На быстрых, белых парусах
Летали между островами,**

Как бы на лебедя крылах. ("Корсар", 1, 34).

⁵"Замок Нейгаузен" в печати появился в 1824 г. (См. Венгерова, "Критико-биографический словарь". СПб. 1892 г. III, статья о Бестужева-Марлинском).

⁶К сожалению, у нас под рукою нет всех частей издания 1847 г., некоторые произведения Марлинского мы цитируем по изданию Суворина. — Произведение Марлинского "Изменник" в печати появилось в 1825 г. (см. Венгерова, "Критико-биографический словарь", СПб., 1892 г., III, статья о Бестужева-Марлинском).

⁷Ср. вариант стихотворения "Надежда": "Есть птичка юга у меня". I, 401.

⁸В стихах:

**Как нежно вдруг ослабевал
Как он треща свистал и щелкал**

мы видим влияние басни Крылова "Осел и соловей" (1811г.); ср.:

Защелкал, засвистал

.....

То нежно он ослабевал..

⁹Убит в бою в 1851г.

¹⁰Ср. описание смерти Слепцова в историческом очерке г. К. "Летучий отряд в 1850 и 1851 годах": "Бережно, обливаясь слезами, казаки уложили его на бурки и благоговейно вынесли из леса... Участь отряда и слава нашего оружия озабочивали его даже в предсмертные минуты. Через четверть часа кавказская армия лишилась одного из лучших своих представителей (Ков. сб., XII, 463).

¹¹См. Венгерова, "Критико-биографич. словарь", III, статья о Бестужева-Марлинском.

¹²Мы уже указывали на это заимствование из Козлова в нашей книге "Лермонтов и Л. Толстой", М., 1914 г., 433—434.

¹³См. Венгерова, "Критико-биографич. словарь", III, статья о Бестужева-Марлинском; Н. Энгельгардт, "История русской литературы XIX столетия", СПб., 1914 г., 617.

¹⁴Курсив Брэма.

¹⁵Курсив наш.

Текст печатается по оттиску из "Филологических записок" за 1914 год. — Воронеж. — Типо-литография Губернского Правления.

Судьба поэта

*"Ждал сострадания, но нет его; —
утешителей, но не нашел. В пищу мне
давали желчь и в жажде моей поили
меня уксусом". (Псалом LXXIX, 21, 22).*

*"Много теснили меня от юности моей,
но не одолели меня". (Псалом CXXIX, 2).*

В 16-летнем возрасте Лермонтов глубоко задумался над своим разительным сходством с Байроном и писал:

**У нас одна душа, одни и те же муки;
О, если б одинаков был удел!** (I, 143).¹

Он просил Бога даровать ему жребий Байрона: "хотя б я был так же несчастлив, как Байрон" (IV, 351). Мольба эта была услышана: он не менее велик, но и не менее несчастен, чем Байрон.

Жизнь Лермонтова кратковременна и печальна. Над ним словно тяготел злой рок: ни в чем поэт не знал счастья, и свое бессмертие купил дорогой ценой.

Мы пишем не биографический очерк; здесь мы хотим сказать в общих чертах о том, что в жизни Лермонтова было грустного и трагического, и напомним лишний раз, что мы не умеем ни беречь великих людей, ни хранить память о них. Употребляя слова "судьба", "рок", мы не склонны, однако, рассматривать вопрос с метафизической точки зрения. Бывают странные, случайные сцепления счастливых или несчастливых обстоятельств, и последних немало было в жизни Лермонтова; но не будем во всем винить слепой рок: нередко источником неприятностей и тяжелых испытаний, выпадавших на долю поэта, являлась злая воля недругов, сознательно направленная против него.

Даже ранние детские дни Лермонтова не были безоблачными. В младенчестве, на третьем году, потерял мать и с той же поры был разлучен с отцом; любил отца и бабушку и внутренне невыносимо страдал, зная, что является причиной их взаимной вражды.

**Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.** (II, 166).

После смерти отца стал еще более одиноком. Товарищей имел мало и часто с горечью говорил о непостоянстве дружбы. Молодые девушки, в кругу которых он рос, подсмеивались над ним. Он был "неуклюжим, косоплывым мальчиком лет шестнадцати или семнадцати"; не разлучался "с огромным Байроном", декламировал Сашеньке Верещагиной и Катеньке Сушковой Пушкина и Ламартина, а они дразнили его и подавали "ему волап или веревочку, уверяя, что по его летам ему свойственнее прыгать

и скакать".² Когда он вырос, некрасивая наружность приносила ему еще больше огорчений.

В университете он не сблизился со сверстниками, стоял вне их кружков, и светские развлечения не мешали ему писать стихи и успешно проходить науки. На экзаменах он удивлял профессоров своею начитанностью, но не полюбился им независимостью характера и своею колкостью, и юношу принудили оставить храм науки. Он стал военным...

В 1837 году погиб на дуэли Пушкин. Стихотворение, вызванное его смертью, сделало имя Лермонтова известным; оно ходило по рукам в бесчисленных списках, было сначала одобрено самим государем. Россия могла бы сказать над гробом Пушкина: "Поэт умер, — да здравствует поэт!" Однако за свой благородный порыв Лермонтов поплатился ссылкой и навсегда приобрел нерасположение к себе высших сфер.

Не был он счастлив и в личной жизни. Еще студентом полюбил он "молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В.А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная".³ Он нравился ей, но она — неизвестно, почему, — вышла замуж за другого. Поэт глубоко страдал, ревновал, искал забвения в мимолетных увлечениях, но прежняя любовь не угасала, выдержала все испытания. О том, насколько чувство это было сильно, искренно и идеально, свидетельствуют следующие стихи, написанные в 1840 г. и обращенные к Лопухиной-Бахметевой:

**Безумно ждать любви заочной!
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню, — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил,
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет...
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию... но вас
Забыть мне было невозможно.
И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья...** (II, 299).

Поэт одиноко скитался по России. Нельзя не удивляться тому, как много он успел написать, несмотря на самые неблагоприятные условия; военная служба отрывала его от письменного стола, не давала ему расширить и упрочить литературные знакомст-

ва. В далекой глуши, на Кавказе, среди бранных тревог и опасностей, он мечтал об отставке, об основании собственного журнала. Желая заслужить прощение государя, он очень ревностно и самоотверженно нес долг офицера, и ближайшее начальство представляло его к наградам; но высшее не давало ни наград, ни отставки. В отчаянье он бросался под пули, ежечасно рисковал собою в стычках с горцами. Но судьба — до срока — хранила его жизнь. Много испытал поэт: раннюю смерть родителей, несчастную любовь, немилость государя, ссылки, светские интриги; однако чаша страданий все еще не была выпита до дна.

В начале 1841 г. ему удалось получить отпуск; несколько месяцев он провел в обществе преданных, радушно встретивших его друзей, но вскоре был выслан на Кавказ, попал в Пятигорск, нарушил сонное течение праздной жизни его обитателей и пал на дуэли.

Напомним о пророческих мотивах поэзии Лермонтова; они придают его биографии жуткую красоту. Потомок вещего барда Томаса, он обладал даром двойного зрения, верил в предсказания, предчувствия и не раз говорил, что его ждет ранняя и страшная смерть.

В 1830 г. он пишет:

**...Все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.** (I, 143).

В 1831 г.:

**Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать.** (I, 260).
**Душа моя должна прожить в земной неволе
Не долго.** (I, 290).

В 1837 г.:

**Не смейся над моей пророческой тоскою.
Я знал: удар судьбы меня не обойдет...
... Настанет час кровавый...
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений.**
(II, 214 — 215).

В 1841 г.:

С свинцом в груди лежал недвижим я. (II, 340).

Его герои верят в судьбу, в предчувствия, одиноко умирают в цвете лет. Зораим говорит:

**Когда-нибудь — и скоро — я
Оставлю ношу бытия...** (I, 320).

Измаил-Бей и Хаджи-Абрек — "дети рока" (II, 52, 100). Сашка

...был рожден под гибельной звездой. (II, 166).

Печорин признается: "Мои предчувствия меня никогда не обманывали". (IV, 214). "Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала *мне смерть от злой жены*";⁴ это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем, что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется". (IV, 248). Он предсказал смерть Вулича.

В 1841 г., перед отъездом на Кавказ, "по свидетельству многих очевидцев, Лермонтов во время прощального ужина был чрезвычайно грустен и говорил о близкой, ожидавшей его смерти". Перед этим он был у гадалки, предсказавшей смерть Пушкина; на вопрос Лермонтова, дадут ли ему отставку и останется ли он в Петрограде, она сказала, что в Петрограде ему больше не быть, и отставки ему не дадут, а будет другая отставка, после которой он ни о чем просить не станет. Лермонтов посмеялся над этим, но когда получил приказ немедленно ехать на Кавказ, "он был сильно поражен. Припомнилось ему предсказание". (Висковатый, "М.Ю. Л-в". С. 377-378). Но он смело шел навстречу смерти. Еще в ранней юности он бросал судьбе вызов:

**Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастию на зло:
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман:
Что без страданий жизнь поэта,
И что без бури океан?** (II, 8).

Или:

Я без страха жду довременный конец. (II, 215).

Такие же мысли он высказывает устами героев. Азраил говорит:

**Пусть свирепый рок
Сбирает тучи, пусть моя звезда
В тумане вечном тонет навсегда,
Я не боюсь!** (I, 305-306).

Зораим:

**Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.** (I, 321).

Печорин перед дуэлью писал в дневнике: "Мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что если его счастье перетянет? если моя звезда, наконец, мне изменит?... И немудрено: она так долго служила верно моим прихотям.

Что ж? умереть, так умереть!" (IV, 254).

За несколько часов до смерти Вулича Печорин прочел на его лице зловещую печать и сказал ему об этом (IV, 271, 272). Вулич, ничего не боявшийся, смутился и, в самом деле, в ту же ночь был убит. Свою смерть Лермонтов предугадал более чем за десять лет и с мужеством ожидал конца; страх редко проникал в его душу;⁵ его больше тревожило и пугало то, что он умрет, не успев выполнить своей миссии:

**Мне жизнь все как-то коротка,
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!** (I, 259).

Умер Лермонтов, но злая судьба продолжала преследовать его. Похоронили поэта 17 июля 1841 г., а месяц спустя (18 августа 1841 г.) начальник штаба Отдельного Кавказского Корпуса, ген.-м. Коцебу отправил рапорт командующему войсками на Кавказской линии и Черномории, ген.-ад. Граббе, о повелении государя, чтобы Лермонтов "непрерывно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку". (А. Павлов. "Николай Павлович о Лермонтове". — "Рус. Арх."; 1911 г., № 9. С. 159). Но поэт уже не подлежал земной власти.

В следующем году прах Лермонтова был перевезен в родные Тарханы; его первая, разрытая могила, возле которой лежал надгробный камень, посещалась приезжими, и это кого-то смутило. "Могила была засыпана, и камень в нее сброшен. Часть его еще долго торчала из-под земли. Затем он исчез". (Висковатый. С. 435).⁶ Современники-пятигорцы не понимали, кого потеряла Россия в лице поручика-тенгинца, и не выказали должного уважения к его памяти. Все забылось: в каком именно доме жил Лермонтов, где происходила дуэль, где был похоронен поэт; все это позже определено было лишь приблизительно.

У поэта было много родных и близких знакомых, но их воспоминания о нем очень скудны и неполны. Неизвестно, напр., в каком году умер отец Лермонтова. Значительная часть рукописей поэта (в особенности, писем) исчезла бесследно. Еще при его жизни муж Варвары Бахметевой (Лопухиной) "решительно запретил" ей "иметь с поэтом какие-либо отношения. Он заставил ее уничтожить письма поэта и все, что тот когда-либо ей дарил и посвящал. Тогда-то Варенька передала доро-

гие ей рукописи и рисунки поэта близким своим, в особенности Саше Верещагиной. Таким образом в семье последней в Штутгарте сохранилось многое" (Висковатый. С. 289—290). Разумеется, это "многое" — далеко не все; напр., нам неизвестны письма Лермонтова к Бахметевоу; по-видимому, они или были уничтожены, или затерялись; а они пролили бы свет на неясные страницы биографии поэта. Узнав об его смерти, Арсеньева "все вещи, все сочинения внука, тетради, платья, игрушки — все, что старушка берегла — все она роздала, не будучи в состоянии терпеть около себя что-либо, до чего касался поэт. Слишком велика была боль! Потому-то так трудно приходилось собирать повсюду рассеянный материал для полного собрания сочинений Лермонтова и биографии его". (Висковатый. С. 445). У Глебова было несколько писем, с драгоценными, неизвестными нам стихами Лермонтова; письма эти читал Боденштедт и именно из них взял мотивы "Размышлений" и "Набросков" Лермонтова. В письмах "были изречения, которые, сделавшись известными, могли бы иметь серьезные последствия. Глебов из рук их не выдавал, но в интимных кружках секрета из них не делал". В 1847 г. Глебов был убит на войне, и находившиеся при нем рукописи поэта погибли (см.: Висковатый, "К материалам для биографии М.Ю. Лермонтова" — "Рус. Стар.", 1879 г., X. С. 353; собр. соч. Л-ва под ред. Висковатого, I. С. 349; VI. С. 396, 403). "Демон", излюбленное создание поэта, разделяет с ним его злосчастную судьбу. О существовании этой поэмы русское общество знало еще задолго до появления ее в печати. О возникновении последней ее редакции Шан-Гирей, близкий друг Лермонтова, рассказывает следующее: один из членов царской фамилии пожелал прочесть "Демона"; Лермонтов вновь принялся исправлять поэму, отдал переписать и, по одобрении к печати цензурой, препроводил по назначению; через несколько дней получил ее обратно; после этого поэма не переделывалась; поэт не торопился печатать ее, не отказываясь от мысли еще поработать над нею (см. Шан-Гирей. "Л-в". — "Рус. Обозр.", 1890 г., VIII. С. 745—747). Краевский хотел напечатать "Демона" в январской книжке "Отечественных Записок" за 1842 г.; текст поэмы был набран и корреktирован, но неожиданное цензурное запрещение задержало выход ее в свет — до... 1860 г.; до этого в России появлялись лишь отрывки; за границей поэма полностью вышла несколько раньше — в 1856 и 1857 гг. До нас дошли многочисленные списки "Демона"; знатоки лермонтовских рукописей расходятся в мнениях относительно авторитетности этих источников, и окончательно установленного текста "Демона" пока нет, хотя поэма до последнего времени привлекает исследователей творчества Лермонтова.⁷

Мы имеем интересные издания сочинений Лермонтова, полунаучного, полупопулярного характера, но у нас нет образцового, строго научного издания, как нет и хорошего общедоступного издания избранных произведений поэта.

Мы до сих пор остаемся в долгу у поэта, недостаточно высоко чтим его память. Москва, в которой Лермонтов родился, жил, работал и которую любил "как сын, как русский, — сильно, пламенно и нежно",⁸ не имеет ни музея имени Лермонтова, ни даже памятника ему; правда, подписка на памятник поэту в Москве уже открыта, но пожертвования, судя по сообщениям газет и журналов, даются скудно, неохотно.

Юбилей Лермонтова совпал с великой европейской войной; это сузило программу чествования поэта и заставило отложить открытие памятника в Петрограде, помешало выходу широко задуманного издания сочинений Лермонтова под редакцией Щеголева... Судьба!

Столетие со дня рождения гениального поэта было скромно отпраздновано под шум мировой войны. Однако гул пушек менее угрожает имени поэта, нежели равнодушие или вражда; совпадение юбилея с войной — простая случайность; хуже всего — глухая неприязнь, перешагнувшая за порог XIX века и неотступно ползущая по следам поэта. Как и Пушкин, Лермонтов за свои великие страдания и бессмертные песни получил от родины "венец терновый, увитый лаврами".⁹ Автора самых вдохновенных и трогательных "Молитв" ("В минуту жизни трудную" "Я, Мать Божия") и "Ветки Палестины" пятигорские священники отказались хоронить по церковному чиноположению, и над телом поэта, как гласят "Метрические книги Пятигорской Скорбященской церкви", за 1841 г., "погребение пето не было" (см. "Русское Обозрение", 1895 г., II. С. 849).¹⁰ Литию и обедню над "самоубийцей" отслужил католический ксендз, а после него — лютеранский священник (см. Желиховская, "Рассказ Раевского о дуэли. Лермонтова". — "Нива", 1885 г., № 8. С. 187). В.И. Чилияев после смерти Лермонтова заново решил освятить те комнаты, которые в его доме занимал поэт, и где лежало его тело.¹¹ В селе Подмоклове (Московской губ. Подольского уезда), в церкви, на картине страшного суда Лермонтов помещен в числе горящих в огне грешников (Л., V. С. 122—123). Такой казни не испытал ни один из русских писателей.

"Даже за гробом преследовала Михаила Юрьевича клевета и злоба. Цензура не пропускала слишком сочувственных о нем отзывов, не терпела выражений высокого уважения к поэту; она вычеркивала слова: *славный*,¹² знаменитый и проч... Вообще, очевидно, старались по возможности сдерживать симпатию к молодому поэту, а память его зачернить и распространить в обществе, как и прежде, о нем дурное мнение" (Висковатый. С. 443). Время далеко не смягчило остроту враждебного к Лермонтову отношения. К хору хвалебных голосов резким диссонансом присоединяются крики: "Распи его!" Недаром поэт сравнивал себя с гонимым пророком. В 1881 г. тот же Василий Эрастов, протоиерей пятигорского собора, отказался отслужить панихиду по Лермонтову (см. Л. Соколов, "Около смерти М.Ю. Л.", Киев, 1915 г. 19). В 1891 г., когда вся Россия чествовала память поэта, Литературному фонду с большим трудом удалось добиться разрешения совершить панихиду по Лермонтову в Казанском соборе; протоиерей отказывался; разрешение дал митрополит (см. Градовский. "Итоги". Киев. 1908 г. С. 365—366). Е. Ганейзер передает, что в конце 90-х годов ему пришлось встретиться с В. Эрастовым; последний не скрывал своего нерасположения к Лермонтову и того, что он отказался хоронить поэта. (Е. Ганейзер. "Отзыв современника о Л-ве". — "В. Евр." 1914 г., III. С. 390—393).¹³ В 1891 г. в "Новостях" было подчеркнута "непозволительное, скандальное равнодушие" московской интеллигенции к памяти Лермонтова. ("Новости", 2-е изд., 1891 г., № 203 — "Московские Письма"). В том же году в Юрьеве, по инициативе проф. Висковатова, была отслужена панихиды по Лермонтову; пел студенческий хор; "церковь была совершенно пуста". В Николаеве и Одессе на панихидах по Лермонтову присутствовало очень немного молящихся. (См.: "Новости", 2-е изд., № 196, "Русская печать").

В юбилейном 1914 г. в газетах промелькнуло злое сообщение о том, что духовная цензура обратила внимание на некоторые "опасные" стихи "Демона", и поэтому предстоит пересмотр произведений Лермонтова.¹⁴

Грустно... Более семидесяти лет прошло со дня смерти Лермонтова, но даже и теперь в значительной степени справедливы печальные слова поэта:

**Моей души не понял мир, — ему
Души не надо. (I, 333).**

15 июля 1914 года (Из записной книжки)

*Как паломник в святых местах,
Я к Голгофе твоей припадаю.
И неслышно для мира рыдаю
У невидного миру креста.
(Victor. "У места дуэли Лермонтова").*

...В местной газете напечатаны следующие, обведенные траурной каймой строки: "Управление вод доводит до сведения публики, что сегодня, 15 июля, в 12 час. дня по случаю годовщ. смерти будет отслужена панихида на могиле поэта М.Ю. Лермонтова, находящейся на городском кладбище".

Еду с вокзала на кладбище. Жаркий летний день. Безоблачное небо. Городок будто вымер; даже па главных улицах не заметно большого оживления...

...Вот и кладбище. У ворот сторож; спрашиваю, как пройти к могиле Лермонтова, и иду по указанному направлению. Бывшая могила поэта находится недалеко от входа, у самого края дороги, справа. Невысокий серый обелиск обнесен простой деревянной решеткой. На лицевой стороне этого скромного памятника лаконичная надпись:

15
18—41
VII
Первоначальное
место
погребения
М.Ю. Лермонтова

В ограде памятника три деревца; два растут рядом, позади памятника, налево; третье — впереди, в правом углу. Небольшое возвышение, на котором стоит памятник, покрыто травой, покнишей и пожелтевшей от солнечного зноя. У подножия обелиска — пучок полевых цветов, положенный чьей-то доброй рукой. Возле ограды — столик, покрытый белой скатертью; набегает ветерок и играет концами.

Лазурное небо бездонно и ясно. Отчетливо видны окрестные и дальние горы, над которыми возвышается величавый "седловатый Шат"... Тишина.

Кому охота в такой жаркий день идти на край города? К началу панихиды собралось всего человек тридцать; ищут тени, вполголоса разговаривают...

Пришли священник и диакон. Присутствующие приближаются к ограде памятника. Зазвучали скорбные слова молитвы о душе раба Божия Михаила. Ветер усиливается. Деревья, находящиеся в ограде памятника, качаются; словно охваченные сочувствием к нашей печали и тайной жалостью к великому, но несчастному поэту, они низко склоняют свои гибкие ветви, трепеща листьями.

К концу панихиды явилось несколько человек с венком и букетом; венки повесили на обелиск, цветы положили у подножия. Священник разоблачился и ушел. Тихо разговаривая, стали расходиться и все остальные...

Так скромно была отмечена семьдесят третья годовщина смерти Лермонтова.

...С кладбища иду в Лермонтовский домик. Он находится на Лермонтовской улице, во дворе; над входом, ведущим во двор, прикреплен мраморная доска с краткой надписью:

"Дом, где жил и скончался (?)¹⁵ поэт
М.Ю. Лермонтов.
Приобретен городом в 1912 г."

Дом этот уже не раз подвергался перестройкам и совершенно изменил свой первоначальный вид.¹⁶ В настоящее время в нем четыре комнаты и маленький коридор.

Вхожу в первую комнату. В ней два окна, выходящие во двор. На стенах венки, фотографические снимки. В одном углу — икона и небольшой круглый столик; возле столика, на полу, два плоских куска от дерева, росшего при жизни поэта под окном его комнаты и теперь спиленного. Эта комната непосредственно сообщается с другой; та поменьше; ее окно также выходит во двор. У окна ломберный стол; возле него на подоконнике прикреплен клочок бумаги с надписью: "Стол из квартиры княжны Мери ("Герой нашего времени")". Рядом, напротив двери, — диван, обтянутый дешевой материей, уже пришедшей в ветхость; на спинке дивана тоже клочок бумаги, гласящий: "Диван из квартиры княжны Мери (Лермонтов. "Герой нашего времени")". В углу, направо от дивана, большое разбитое зеркало; на нем бумажка с пояснением: "Зеркало из квартиры княжны Мери (Лермонтов!.. "Герой нашего времени")". На стенах венки.

Разумеется, найдутся посетители, которые не усомнятся в том, что этот стол, диван и зеркало принадлежали, действительно, княжне Мери; верят же в это лица, заведующие домом Лермонтова! Но я не настолько доверчив. До сих пор неизвестно, кто именно послужил прототипом пленительного образа княжны Мери; я полагаю, что княжна Мери — вовсе не портрет какой-нибудь знакомой поэту женщины; вероятно, этот образ он встречал в жизни, в раздробленном виде, и уже силою своего гения уловленные им черты соединил в одно целое, обаятельное. И теперь еще живет легенда, что княжна Мери списана с Эмили Александновны Шан-Гирей, но она не раз опровергла это мнение.¹⁷ Княжна Мери — лицо не реальное; она — мечта поэта! Какое же отношение имеют к имени ее и Лермонтова этот столик, этот неуклюжий диван, это разбитое трио? Допустим даже, что княжна Мери — лицо действительное, и что эта старая мебель принадлежала ей; следует ли, спрашивается, хранить эту мебель в Лермонтовском музее? По моему мнению, — нет. Например, предполагают, что Грушницкий списан с Н.П. Колюбакина, адъютанта генерала Анрепа;¹⁸ Вернер — не кто иной, как доктор Майер, друг декабристов, сосланных на Кавказ;¹⁹ значит, вещи, принадлежавшие им, тоже могут быть помещены в Лермонтовском доме?!

Мне кажется, что этому дому грозит опасность сделаться складом ненужных предметов, — предметов, замечательных только тем, что ими владели действительные или предполагаемые прототипы героев поэта и его современники. Это не призрачная опасность; в номере "Кавказского Края" (15 июля, 1914 г., № 157), в статье А. П-ва "Лермонтов в семье генерала Верзилина" читаю: "Генерал Верзилин около 7—8 лет был наказным атаманом Терского казачьего войска... Сохранился его мундир. Этот мундир носит изнутри пятна крови от раны, полученной в венгерской кампании Верзилиным, который просил сбросить этот бешмет. Этот мундир поступит в музей, в Лермонтовском домике".

Две другие комнаты этого домика выходят окнами в сад. В большей, кабинете поэта, два окна; в меньшей — одно. На стенах — портреты Лермонтова, венки. В кабинете, между окнами, письменный стол Лермонтова; налево, в углу, — его кресло. Крышка стола голая, и только в одном месте сохранился едва заметный клочок зеленого сукна.

Я два раза заходил в тихий уголок поэта. При мне посетителей было немного. Сторож дает некоторые пояснения; например, он рассказывал мне, что комнаты, выходящие окнами в сад, когда-то составляли одну комнату; что кресло Лермонтова обтянуто кожей недавно; что под домом, при жизни Лермонтова, находилась кухня, ход в которую был со двора, и т.п. Спросил меня, не желаю ли я расписаться в тетрадке, которая хранится в столе Лермонтова. Достал чернильницу, ручку и тощую тетрадку, сшитую нитками, без обложки. Я не расписался, найдя это ненужным, но с любопытством перелистал тетрадь, испитую почитателями поэта. В тетрадке 40 страниц, из которых уже только две остались чистыми. Первая запись датирована июнем текущего года, последняя — 15-м июля. Разумеется, записей набралось порядочное количество; еще бы, разве не лестно обывателю писать за столом, за которым некогда работал великий поэт!.. Приведу несколько записей, сохраняя орфографию подлинника и опуская имена авторов:

"Был у стола любимого поэта".

"Учитель N".

"Священник N".

"Приятно было быть в том домике, где когда-то жил славный поэт".

"В этом уголке чую гениальный дух Лермонтова".

"Вечное спасибо гению, провозглашавшему любви и правды чистую ученья".

"Посетил дорогой домик М.Ю. Лермонтова".

"Спи спокойно, дорогой поэт!"

"Я был и поклонился незабвенному поэту и Другу русского народа".

"Да не забудет Тебя, великого поэта, всякий когда-нибудь страдавший и видевший горе".

"Великий! умер Ты, но память о Тебе живет доселе, в мире".

Мелькают эпитеты "дорогой", "любимый" и т.п. Конечно, есть и стихи, но они положительно плохи; поэтам не помогло даже то, что они писали за столом самого Лермонтова!

Возникает вопрос: следует ли вести в музее Лермонтова записи такого рода? Неужели тетрадь эта, когда она заполнится автографами посетителей, будет оставлена в доме Лермонтова, а ее заменит новая? Для чего в столе Лермонтова хранить такой хлам? Больше месяца посетители обители поэта упражняются в красноречии, и лица, заведующие музеем, допускают это, и тетрадь с небрежными, безграмотными записями бережется; для чего?! Кому и на что нужны эти "пробы пера", эта обывательская лирика? Кому интересно знать, что учитель N или священник Z посетили этот дом, что г-ну X приятно было сидеть за столом великого поэта? Если же такие тетрадки не будут сохраняться при музее, то к чему и заводить их?

Домик содержится чисто и бывает открыт утром и вечером.

Среди деревьев, растущих в саду лермонтовской усадьбы, есть, по словам сторожа (он служит при этом домике четвертый год), очень старые, росшие, будто бы, еще при Лермонтове — акация, две груши и орех. Орех — большое, тенистое дерево, ветви которого, невысоко над землей, широко расходятся на три стороны; говорят, Лермонтов любил посидеть на этих ветвях. Орех у основания обложен камнями.

В Пятигорске сохранились еще другие дома, связанные с именем поэта. Я видел дом, в котором произошла ссора Лермонтова с Мартыновым (теперь этот дом принадлежит Е.А. Козминой), и дом Василия Эрастова, — того самого священника, который не пожелал хоронить Лермонтова, скрылся на это время,

а потом донес на протоиерея Александровского, принявшего некоторое участие в погребении поэта...

...Ездил на место дуэли Лермонтова.

Дорога вьется у подножия Машука. Извозчик, добродушный старик, оказался очень разговорчивым и разгонял своей болтовней мои думы о Лермонтове...

Экипаж останавливается. Направо сквозь высокий кустарник идет дорожка, ведущая к небольшой поляне.

Я один. Вот она, земля, освященная кровью поэта. Семьдесят три года назад был такой же душный, жаркий день. Стояла такая же тишина; так же голубело небо, в котором утопали вершины гор...

Клочок земли, площадь которого представляет довольно правильную окружность, покрыт невысокой травой и окаймлен густым кустарником и деревьями. Вдали, если стать спиной к Машуку, синее зубчатый силуэт Бештау. Прежде здесь стоял временный памятник. Теперь он разрушен, и воздвигается новый. На земле лежат бревна, отесанные и неотесанные глыбы белого камня, куча щебня. Фундамент готов. Кто-то уже был здесь до меня: на плитах лежит веночек из роз.

Я измерил шагами эту арену по двум диаметрам, перпендикулярным друг к другу; около сорока пяти шагов. Это подошва Машука; поляна имеет значительный уклон к идущей внизу дороге.

Здесь, на возвышенной части, лицом к Бештау, стоял улыбающийся Лермонтов; внизу, лицом к Машуку, — Мартынов. Из-за кустов глядело несколько любопытных зрителей, и в их числе — известный бретер Дорохов. По команде "сходись!" Мартынов, целясь, быстро пошел навстречу противнику; Лермонтов же не тронулся с места; неподвижный, в яркой красной рубашке, он представляла превосходную мишень. Мартынов не промахнулся. Раненный насмерть, поэт упал. Засуетились секунданта; разбежались любопытствующие. Гневно заремел гром, и пошел проливной дождь; сама природа будто ужаснулась злодеянию человека и хотела смыть следы крови... Страшная, загадочная драма разыгралась на этой тесной поляне семьдесят три года назад...

Я возвращался в город.

— Часто тебе приходится ездить сюда? — обращаюсь к извозчику.

— Часто. Господа любят кататься. Не хотите ли, барин, я прокачу вас кругом Машухи?

Моя поездка, казалось ему, тоже была развлечением. Я сказал, что тороплюсь в город, и спросил, знает ли он, кто такой был Лермонтов? Любопытно было, какое представление о Лермонтове имеет простой человек, давно живущий в Пятигорске.

— Офицер, — отвечает он. — Его какой-то военный на дуэли убил. Говорят, Лермонтов молодой был. Похоронили его сперва в Пятигорске, а потом тело увезли куда-то... забыл, куда... на родину его. Тут был ему прежде памятник, да его сломали и новый строить будут.

— За что ж ему памятник ставить?

— Да за дуэль. Убили его тут, вот и памятник ставят.

— Как это так, — за дуэль? За это не ставят.

— Не знаю, барин. И в городе тоже памятник ему, а за что, — не скажу, не знаю; я так думаю, — за дуэль... Семьдесят восемь годов прошло, как он умер...

— Семьдесят три, — поправляю я и прекращаю разговор о Лермонтове.

15 июля 1914 г.

Пятигорск

Примечания

- ¹ Сочинения Лермонтова цитируем по Академическому изданию.
- ² Хвостова. Записки. П.Г. 1871 г. С. 78–81.
- ³ Шан-Гирей А.П. Лермонтов. ("Рус. Обзор", 1890 г., VIII. С. 729).
- ⁴ Курсив М.Ю. Л-ва.
- ⁵ См., напр., стихотворение "Гляжу на будущность с боязнь". (П. С. 210).
- ⁶ Рассказывают, что камень был положен товарищами поэта, и что на нем было вырезано имя Лермонтова — "Михаил" (см. "Новости" 2-е изд., 1891 г., № 306. С. 2; ср. "Русская Старина", 1888 г., V. С. 480 — Е.С. Некрасова, "М.Ю. Л."). Э.А. Шан-Гирей рассказывала, что она помнит, как камень скатился в могилу, когда ее разрывали (Е.С. Некрасова, "М.Ю. Л." — "Рус. Стар.", 1888 г., V. С. 480).
- ⁷ См., напр., Акад. изд. соч. Л-ва, II; Е.В. Аничков, "Методологические замечания о тексте "Демона" ("Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наук", 1913 г., № 3. С. 276–355); Нейман, "Киевский список поэмы Л-ва "Демон" ("Чтения в историч. об-ве Нестора Летописца", 1913 г., вып. II. С. 105–112); Собр. соч. Л-ва под ред. В.В. Каллаша, М., 1914 г., III т.
- ⁸ Л., II. С. 145.
- ⁹ Л-в, II. С. 203.
- ¹⁰ Хор пел только "Святой Боже" (см. "Рус. Обзор.", 1895, II. С. 857; ср. Л. Соколов, "Около смерти М. Ю. Л-ва", Киев. 1915 г., 8, 9).
- ¹¹ "Русское обозрение", 1895 г., II. С. 843, 853
- ¹² Курсив Висковатого.
- ¹³ Любопытно, что при открытии Лермонтову памятника на месте дуэли, в Пятигорске, 15 июля 1901 г., чествование памяти поэта началось панихидою, отслуженною соборне, во главе с В. Эрастовым. (См. заметку "Открытие памятника на месте дуэли Лермонтова" в "Литер. Вестн.", 1901 г., II, V кн. С. 106–108).
- ¹⁴ Подробн. см. ниже, стр. 45–48; там же мы указываем еще другие примеры небрежного и неприязненного отношения к памяти Лермонтова.
- ¹⁵ Поэт умер на месте дуэли; см.: Висковатый. С. 426–429; кн. Васильчиков, "Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н.С. Мартыновым"

("Рус. Арх.", 1872 г., I. С. 211–212). Медицинский осмотр тела Лермонтова показал, что от раны, нанесенной пистолетной пулей, "поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер". (Л., V. С. 121).

¹⁶ Известно, что вопрос о том, в каком именно доме жил поэт, до сих пор остается невыясненным.

¹⁷ См., напр., ее "Воспоминание о Л-ве" ("Рус. Арх.", 1889 г., кн. II, № 6. С. 315, 320); Е.С. Некрасова, "М.Ю. Лермонтов" ("Рус. Стар.", 1888 г., V. С. 476). То же подтверждает внучка Эмили Александровны: "говорят, она послужила образом "Княжны Мери", но в нашей семье рассказывали, что покойная бабушка категорически отрицала это". ("Новое Время", 1914 г., № 13750, письмо К. Матвеевой, рожденной Шан-Гирей). "Мне известно, — говорит Висковатый, — до шести дам, которые утверждали, что княжна Мери списана с них, многие приводили мне неопровержимые тому доказательства!! Во всех их Лермонтов был влюблен серьезно, о каждой говорилось, или даже сама говорила, что она была единственною и настоящею любовью Лермонтова... С Эмили Александровны Лермонтов не мог писать княжны Мери по той простой причине, что он познакомился с нею и ее семьей в 1841 году, следовательно, спустя почти три года после того, как была написана "Княжна Мери", появившаяся в печати только в 1840 году, т.е. за год до знакомства". (Висковатый, "М.Ю. Л.". С. 289, курсив автора).

¹⁸ См., напр., заметку Э. Шан-Гирей в "Ниве" (1885 г., № 27. С. 646); М.Н. Лонгинов "М.Ю. Л." ("Рус. Стар.", 1873 г., III. С. 388); Висковатый, "М.Ю. Л.". С. 365. О Н.П. Колобакине упоминает бар. А.И. Дельвиг в своих воспоминаниях ("Мои воспоминания". М. 1912 г., I. С. 316–318).

¹⁹ См. воспоминания Н.М. Сатина в Сборн. общ. любителей рос. слов. "Почин", 1895 г. С. 239, 244, 245, 248; Висковатый "М.Ю. Л.". С. 264–267; М. Гершензон, "Образы прошлого", М., 1912 г., статья "Доктор Вернер"; бар. А.И. Дельвиг, "Мои воспоминания", М., 1912 г., I. С. 304.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Семенов Л.П. М.Ю. Лермонтов. Статьи и заметки. —
М.: В.М. Саблин, 1915. — Т. 1. — С. 1–21.

1922

Новые документы о Лермонтове

I

В 1921 г. Северо-Кавказский институт краеведения приобрел документы, представляющие исключительную ценность в отношении изучения биографии Лермонтова и истории Кавказа. Ранее они принадлежали покойному полковнику Д.В. Раковичу¹, о чем было известно знатокам поэта и Академии наук. В Академическом издании сочинения Лермонтова (1913 г.) в статье "Рукописи Лермонтова" об одном из этих документов говорится: "У полковника Д.В. Раковича во Владикавказе: черновой журнал военных действий отряда генерала Малафеева на 204 листа, из которых многие писаны, несомненно, рукою Лермонтова" (V, 40). Издавая сочинения Лермонтова, Академия наук имела намерение использовать упомянутые материалы,² но почему-то не получила к ним доступа, ограничившись выдержками из скудных отрывков, напечатанных в "Русской Старине" (1891 г., VIII) и в книге Раковича — "Тенгинский полк на Кавказе". (Тифлис, 1900 г.)

Во Владикавказе кое-кому тоже было известно о существовании Лермонтовских бумаг. О них слагались легенды. Предполагали, что это стихотворения великого поэта, еще не бывшие в печати. Мне приходилось слышать:

— "Вам известно, что здесь у кого-то хранятся неизданные сочинения Лермонтова?"

— "Запрещенные", добавляли другие.

Мои двукратные попытки (в 1914 и 1919 гг.) ознакомиться с этими историческими документами во время пребывания во Владикавказе, также не увенчались успехом.

После долгих хлопот в поисках денег Институт краеведения приобрел, наконец, их, вовремя, так как в противном случае они были бы увезены из пределов Горской Республики и в будущем, — кто знает? — быть может, не вернулись бы в Россию; ведь известно, что некоторые автографы Лермонтова находятся в Берлине и Париже.

Заметим кстати, что во Владикавказе были еще некоторые материалы о Лермонтове также высокой ценности. В книге Раковича напечатаны два "Наградных списка поручика Лермонтова" с указанием, что они находятся в Центральном архиве при управлении начальника Владикавказской местной бригады. ("Тенгинский полк на Кавказе", приложение, стр. 32—33). Где в настоящее время находятся они — точно неизвестно; возможно, они погибли: по наведенному мною в этом году справкам, до сего времени не удалось разыскать остатков упомянутого архива, разграбленного в 1918 г. В 1919 г. в одной из харьковских газет промелькнуло сообщение о том, что в Терском войсковом

архиве во Владикавказе похищены документы: дела о декабристах и о дуэли Лермонтова.

Ознакомившись с материалами, ставшими собственностью Института краеведения, я должен разрушить легенду: это не художественные произведения; нет здесь и страниц, написанных поэтом),³ но тем не менее значение этих бумаг громадно: мы имеем дело с подлинными, превосходно сохранившимися документами (на одном имеется собственная подпись Лермонтова), представляющими обильный материал для изучения последних лет жизни поэта и его эпохи. В "Журнале военных действий" на каждой странице мелькают исторические, нередко громкие имена (Шамиль и др.); достаточно напомнить, что именно в этом журнале находится подробнейшее описание знаменитого сражения на р. Валерике.

Документы, приобретенные Институтом краеведения, следующие:

1. Черновой журнал военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии под начальством г.-л. Галафеева, в 1840 г. (с 10 апреля до 17 октября) — 204 листа (в переплете).

2. Краткое описание действий кавалерии отряда на левом фланге Кавказской линии с 27 октября по 6 ноября (в Малой Чечне) и с 10 по 20 ноября 1840 г. (в Большой Чечне) — 8 страниц (из них с текстом 5).

3. План части Гехинского леса и его окрестностей, где производили дела 11 июля 1840 г., масштаб в английском дюйме 100 саж. (в красках).

4. Рапорт из Штаба войск Кавказской Линии и Черномории командующему Тенгинским пехотным полком, 11 ноября 1840 г., № 21935.

5. Рапорт из Штаба войск Кавказской Линии Черномории командующему Тенгинским пехотным полком, 30 ноября 1840 г., № 23690.

6. Рапорт командующего Тенгинским пехотным полком подполковника Выласкова, 4 декабря 1840 г., № 4207.

7. Формулярный список о службе и достоинстве Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, 4 декабря 1840 г. (8 страниц, из них с текстом — 7).

8. Рапорт из Штаба войск Кавказской Линии и Черномории командиру Тенгинского пехотного полка, 29 января 1841 г., № 905.

9. Рапорт командиру Тенгинского пехотного полка одного же полка поручика Лермонтова (с подписью: поручик Лермонтов), 13 июня 1841 г., № 20.

10. Свидетельство, выданное М.Ю. Лермонтову врачом Пятигорского военного госпиталя Барклаем-де-Толли, 15 июня 1841 г., № 29.

11. Рапорт из Штаба войск Кавказской Линии и Черномории командиру Тенгинского пехотного полка, 7 июля 1841 г., № 14220.

12. Рапорт командующему дивизией, 16 октября 1841 г., № 5652

До сего времени из них были напечатаны только следующие:

1) рапорт Лермонтова (от 13 июня 1841 г.), 2) медицинское свидетельство, 3) формулярный список (в книге Раковича) и 4) небольшие выдержки из "Журнала военных действий". Отметим, что извлечения из этого журнала, появлявшиеся в печати, в том числе и то, которым пользовалось Академическое издание сочинений Лермонтова ("Рус. Стар.", 1891 г., VIII), воспроизведены неточно; на этом мы остановимся в следующем номере "Горской Мысли".

II

Для того чтобы приводимые документы были вполне понятны, напомним некоторые подробности биографии Лермонтова.

В 1840 г. за дуэль с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом поэт подвергся аресту, а затем ссылке на Кавказ. По "Высочайшему приказу" он был переведен из лейб-гвардии Гусарского полка в Тенгинский.

Проездом через Москву Лермонтов в июне прибыл в Ставрополь — главную квартиру командующего Кавказской Линией и был прикомандирован к отряду г.-л. Галафеева, командовавшего особым отрядом на левом фланге. Летом и осенью поэт принимал участие в многочисленных стычках с горцами, неутомимо переносил все трудности и опасности войны в трущобах Чечни; за что и заслужил расположение как непосредственного, так и высшего начальства на Кавказе; был представлен к двум наградам: к Владимиру 4-й степени с бантом и золотой сабле, но Петербург отказал ему в них. За это время поэт два раза находился в отлучке: в Пятигорске (летом) и в Крыму (осенью, куда ездил тайно от своего начальства).

Литературная слава его быстро возрастала. В 1840 г. вышли отдельными изданиями — "Герой нашего времени" и стихотворения.

Лермонтов мечтал всецело отдаться искусству и хлопотал об отставке, — разумеется, безуспешно.

В 1841 г. добился разрешения на отпуск в Петербург и был в отсутствии около четырех месяцев. Вернувшись на Кавказ, намеревался отправиться в Шуру, где находился Тенгинский полк, но раздумал. Выхлопотав позволение на пользование минеральными водами в Пятигорске, задержался там и вскоре — 15 июля — был убит на дуэли отставным майором Гребенского казачьего полка Н.С. Мартыновым.

Новые бумаги о Лермонтове относятся к последним, самым знаменательным годам жизни поэта и потому приобретают особенно острый интерес; важна каждая, даже незначительная, но не внушающая сомнений подробность. Почти все сколько-нибудь ценные биографические сведения собраны проф. Д.И. Абрамовичем в "Хронологической канве для биографии М.Ю. Лермонтова" (Акад. Изд. Соч. Л-ва, V, 1—25); новые документы значительно дополняют ее.

В этой биографической канве имеется 19 ссылок (по книге Раковича на приобретенные Институтом краеведения документы; но Ракович напечатал лишь часть их; новые даты будут указаны ниже.

III

ШТАБ
Войск Кавказской
Линии и
Черномории.
—
По Дежурству.
—
Отделение 1.
—
11 ноября 1841
—
№ 21935
—
Ставрополь.

Господину командующему Тенгинским пехотным полком.

За отсутствием г. Начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории, в последствие рапорта Вашего к нему, от 17-го Сентября сего года № 3168-й, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что переведенный Высочайшим приказом в 13-й день Апреля м-ца сего года из Лейб-Гвардии Гусарского полка в командуемый Вами полк поручик Лермонтов, прибыл в г. Ставрополь 10 Июня, а отсель 18-го числа того же м-ца командирован на левый фланг Кавказской линии, для участия в экспедиции в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева; по окончании же экспедиции он будет отправлен к командируемому Вами полку.

Дежурный штаб-офицер
состоящий по кавалерии подполковник
(подпись)⁴

Исправляющий должность
Начальника Отделения
Прапорщик Костенецкий

Примечание. Казенный бланк в $\frac{1}{4}$ доли листа, 4 страницы, текст на стр. 1 и 2. Подпись дежурного штаб-офицера неразборчива. М.Ф. Федоров в "Походных записках" пишет: "Государь Император, 13-го апреля, собственноручною конфирмациею, назначил Лермонтова в наш Тенгинский полк поручиком" ("Кавказский Сборник", III, 193). Командующий Тенгинским пехотным полком, которому посылался этот рапорт, — подполковник Выласков.

IV

ШТАБ
Войск Кавказской
Линии и
Черномории.
—
По Дежурству.
Отделение 2-е.
—
30 ноября 1840
—
№ 23690.
—
Ставрополь.

Господину командующему Тенгинским пехотным полком.

По воле г. Начальника штаба, вследствие рапорта Вашего от 30 октября сего года №3796 имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что командируемого Вами полка поручик Лермонтов отправлен к отряду г. генерал-лейтенанта Галафеева 18 июня сего же года по распоряжению г. командующего войсками.

Дежурный штаб-офицер,
Подполковник *[подпись]*.

За Начальника отделения штабс-капитан
[подпись].

Примечание. Казенный бланк в $\frac{1}{4}$ д. л., 4 страницы, текст на стр. 1 и 2. Подписи неразборчивы. Начальник штаба — флигель-адъютант полковник Траскин.

V

Начальнику 20-й пехотной дивизии, господину генерал-лейтенанту и кавалеру Галафееву.

Р а п о р т.

№ 4207
4 декабря 1840.
кр. Анапа.

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства, на имя командира полка Полковника Хлюпина, от 10-го ноября № 3123, за отсутствием его, формулярный список о службе поручика Лермонтова, при сем к Вашему Превосходительству имею честь представить.

Полковник Выласков.

Полковой адъютант *Поручик Баженов.*

На другой странице:

За отсутствием господина дивизионного начальника и по воле Его Превосходительства рапорт этот с приложением имеет честь представить дежурному штаб-офицеру штаба войск Кавказской линии господину подполковнику и кавалеру Кусакову, в последствии отношения г. дивизионного начальника к начальнику штаба флигель-адъютанту полковнику Траскину от 17 минувшего декабря за № 3412.

Старший дивизионный адъютант *[подпись]*.

№ 440.
31 января
1841.
—
г. Георгиевск.

Примечание. 4 страницы в размере листа, текст на стр. 1 и 2. Подпись старшего дивизионного адъютанта неразборчива. Судя по нумерации страниц, внутри этого документа находился формулярный список (от 4 декабря 1840 г.), также приобретенный Институтом краеведения. Формулярный список был необходим начальнику 20-й пех. дивизии г.-л. Галафееву, для представления Лермонтова к наградам; рапорты об этом представлении напечатаны в книге Раковича (прилож., стр. 32—33).

VI

ШТАБ
Войск Кавказской
Линии и
Черномории
—
По Дежурству.
—
Отделение 1.
—
"20" января 1841.
—
№ 905.
—
Ставрополь.

Господину командиру Тенгинского пехотного полка.

Господин Военный Министр от 11 декабря 1840 года № 10415 сообщает господину корпусному командиру, что Государь Император, по Всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки Поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, Высочайше повелеть соизволил: офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца.

По воле г. командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, в последствие Рапорта к нему начальника штаба отдельного кавказского корпуса, от 31 Декабря 1840 года № 4167, уведомляя об этом Ваше Высокоблагородие, присовокупляю, что на свободное проживание поручика Лермонтова в означенном отпуску, выдан ему билет от 14-го сего числа № 384-й, в том внимании, что Его Превосходительство признал г. Лермонтова заслуживающим воспользоваться таковым отпуском.

Начальник штаба флигель-адъютант полковник *Траскин.*

Дежурный штаб-офицер подполковник *[подпись]*.⁵

Примечание. Казенный бланк в $\frac{1}{4}$ д. л., 4 страницы, текст на стр. 1 и 2. Подпись дежурного штаб-офицера неразборчива.⁶ До сего времени не было точных сведений о сроке отпуска поэту в Петербург. Имея под рукой данный рапорт, Ракович верно указывал этот срок ("Тенгинский полк на Кавказе", 251). Но и после этого Введенский высказывался за более короткий срок — 28 дней.⁷ В Акад. изд. говорится об отпуске вскользь.⁸ Настоящий документ точно устанавливает время отпуска: два месяца. Получив впоследствии разрешение остаться в Петербурге дольше, поэт задержался и выехал после категорического предписания: оставить столицу в 48 часов.

VII

ШТАБ
Войск Кавказской
Линии и
Черномории.
—
По Дежурству.
—
Отделение 4-е.
—
7 июля 1841
—
№ 14220
—
Ставрополь

Господину командиру Тенгинского пехотного полка.

За отсутствием г. начальника штаба, препроводя при сем к Вашему Высокоблагородию, полученная при рапорте Пятигорского коменданта полковника Ильешенкова от 23-го июня сего года № 1118 медицинское свидетельство № 29, выданное поручику вверенного Вам полка Лермонтову о необходимости пользоваться Кавказскими минеральными водами, имею честь уведомить, что поручику Лермонтову разрешено г. начальником штаба остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения

Дежурный штаб-офицер
полковник *(подпись)*
Старший адъютант гвардии
штабс-капитан *(подпись)*

Примечание. Казенный бланк в $\frac{1}{4}$ д.л., 4 страницы, текст на стр. 1 и 2. Упоминаемое здесь медиц. свидет. № 29, также приобретенное Институтом краеведения, опубликовано Раковичем (прилож., стр. 35). П. Мартьянов на основании выписок из архива Пятигорского комендантского управления еще в 1892 г. сообщил, что Лермонтову было выдано лекарем Барклаем де Толи медицинское свидетельство за № 29, он же упоминает о представлении Пятигорского коменданта от 23 июня за № 1118 ("Истор. Вестн.", 1892, II, 433—434).

VIII

Командующему дивизиию.
№ 5652 октября 16.

Р а п о р т.

Согласно предписания В.П. от 5 минувшего сентября № 2864, ко мне последовавшего, донести честь имею, что⁹ поручик Лермонтов о причинах просрочки в домовом отпуску не представил¹⁰ мне никаких сведений. По отношению же ко мне г. начальника штаба войск Кавказской линии и в Черномории от 12 мая сего года № 10,008, поручик Лермонтов прибыл в Ставрополь 9 мая и по воле г. командующего войсками был прикомандирован к отряду, действующему на левом фланге Кавказа для участия в экспедиции в настоящем году. Отправляясь к отряду¹¹ Лермонтов на пути заболел и поступил для излечения в Пяти-

горский военный госпиталь, где, наконец, по уведомлению тамошнего коменданта от 25 июля¹² № 1488, убит на дуэли.

Примечание: 2 стр. в 1/4 д.л., текст на стр. 1 и 2. Черновик, написанный мелким, спорым почерком. Чрезвычайно важна дата 9 мая — прибытие Лермонтова в Ставрополь. До сего времени лучшие биографы поэта — проф. Висковатый, Введенский и проф. Абрамович расходились в определении времени отъезда его из Петербурга, колеблясь между концом апреля и началом мая. В Академическом издании указывается, что Лермонтов выехал из Петербурга 2 мая и прибыл в Пятигорск 23 мая (V, 21—22). Однако при несовершенных путях сообщений, какие были в ту эпоху, поэт не мог за три недели совершить путешествие, делая остановки в один и более дней в Москве, Туле, Ставрополе и других местах. Слова рапорта: "прибыл в Ставрополь 9 мая" определенно указывают, что не только из Петербурга, но и из Москвы Лермонтов должен был выехать в апреле. Это блестяще подтверждается письмом поэта, помеченным: "Ставрополь, май 1841 г.", в нем он сообщает: "Милая бабушка. Я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем¹³ и ужасно долго ехал: дорога была прескверная" (IV, 342).

IX

Располагаем в хронологическом порядке все новые даты, упоминаемые в напечатанных выше Лермонтовских документах, по методу, принятому в Академическом издании. В скобках указан № приобретенных Институтом краеведения документов по списку, приведенному выше (гл. 1).

1840 год

Июня 18. По распоряжению Командующего войсками Лермонтов отправлен к отряду г.-л. Галафеева. (№№ 4 и 5).

Сентября 17. Рапорт командира Тенгинского полка на имя начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории № 3168 о местопребывании Лермонтова. (№ 4).

Октября 30. Рапорт командира Тенгинского полка в штаб войск Кавказской линии и Черномории № 3796 — о местопребывании Лермонтова. (№ 5).

Ноября 10. Предписание г.-л. Галафеева за № 3123 об отправлении ему формулярного списка Лермонтова. (№ 6).

Ноября 11. Командиру Тенгинского полка сообщают из Ставрополя, что поручик Лермонтов, переведенный Высочайшим приказом от 13 апр. 1840 г. в Тенгинский полк, прибыл в Ставрополь 10 июня, а 18 числа того же месяца командирован на левый фланг, по окончании же экспедиции будет отправлен в Тенгинский полк. (№ 4).

Ноября 30. Командиру Тенгинского полка сообщают из Ставрополя, что по воле г. начальника штаба поручик Лермонтов отправлен к отряду г.-л. Галафеева. (№ 5).

Декабря 4. Командир Тенгинского полка полковник Вылаков уведомляет г.-л. Галафеева об отправлении формулярного списка поручика Лермонтова. (№ 6).

Декабря 11. Военный министр в отношении за № 10415 сообщает корпусному командиру, что Государь, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Лермонтова, разрешил дать последнему отпуск на два месяца. (№ 8).

Декабря 17. Отношение полк. Траскина г. дивизионному начальнику о возвращении формулярного списка поручика Лермонтова. (№ 6).

Декабря 31. Рапорт начальника штаба отдельного Кавказского корпуса № 4167 по поводу отпуска Лермонтову в Петербург. (№ 8).

1841 год

Января 14. На свободное проживание в отпуску поручику Лермонтову выдан билет за № 384. (№ 8).

Января 20. Из штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского полка сообщают, что поручику Лермонтову Высочайше разрешен 2-х месячный отпуск и выдан билет от 14 января 1841 г. № 384. (№ 8).

Января 31. Отношение подполковнику и кавалеру Кусакову из штаба дивизии о возвращении формулярного списка поручика Лермонтова. (№ 6).

Мая 9. Лермонтов прибыл из отпуска в Ставрополь. (№ 12).

Мая 12. Отношение начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории за № 10,008 о местопребывании Л.-ва. (№ 12).

Июня 23. Рапорт Пятигорского коменданта полк. Ильяшенко № 1118 по поводу ходатайства Лермонтова о разрешении ему, вследствие нездоровья, остаться в Пятигорске. (№ 11. — "Ист. Вести", 1892, II, 434).

Июля 7. Из штаба войск Кавказской линии и Черномории командира Тенгинского полка уведомляют об отправлении ему медицинского свидетельства № 29, выданного поручику Лермонтову. (№ 11).

Июля 25. Рапорт коменданта Пятигорска за № 1488 о том, что Лермонтов убит на дуэли. (№ 12).

Сентября 5. Отношение командующего дивизией за № 2864 о причинах просрочки поручика Лермонтова в домовом отпуску. (№ 12).

Октября 16. Рапорт командующему дивизией за № 5652 о том, что поручик Лермонтов о причинах просрочки отпуска ничего не сообщал; 9 мая прибыл в Ставрополь, был прикомандирован к отряду на левом фланге, но по пути заболел и поступил для излечения в Пятигорский военный госпиталь и, по уведомлению тамошнего коменданта, убит на дуэли. (№ 12).

Таким образом, в новых документах находим 20 дат, которых нет в "Хронологической канве" Акад. изд. соч. Лермонтова, по десяти на 1840 и 1841 гг.

Для биографов поэта значение их очень велико. Дело в том, что источники о жизни Лермонтова бедны точными, авторитетно подтвержденными датами. Многие воспоминания близко знавших его лиц написаны 40-50 и более лет спустя после его кончины; правдивые по существу, материалы эти нередко грешат в деталях. Первую попытку сопоставить свидетельства современников и установить наиболее верные даты сделал лучший знаток Лермонтова, проф. Абрамович. В составленной им "Хронологической канве" в стройной последовательности закреплены различные события жизни Лермонтова, подкрепленные мемуарными материалами и официальными документами. Всякий интересующийся Лермонтовым легко находит здесь справку о любом моменте жизни поэта, а новый биограф, пожелает ли он дать популярное или обширное научное жизнеописание Лермонтова, имеет подобранные, проверенные по мере возможности факты и уже не повторит многих промахов своих предшественников.

Из отмеченных нами дат особенно важна для знатоков Лермонтова одна — 9 мая, твердо устанавливающая, что он в тот день был в Ставрополе и тогда же написал письмо к бабушке.

Комментируемые нами документы — ценный вклад в русскую литературу. Пусть они лаконичны и изложены сухим официальным языком, но тому, кто читается в них, они раскроют многое.

Из-за этих пожелтевших строк выступают перед нами исторические лица — крупные и мелкие, очевидцы недавней ста-

рины. Не ведали военные чиновники, составлявшие скучные реляции, что в недалеком будущем заурядное дело о поручике Тенгинского полка Лермонтове не затеряется в пыльных архивах, а выплывет на свет, и что внимание потомков привлечет имя не какого-нибудь блестящего штабного флигель-адъютанта или генерала с громкой фамилией, а опального армейского офицера. Многие современники его, когда-то имевшие значение в военных сферах или в высшем свете, не остались в тени лишь потому, что упоминаются в биографии бессмертного поэта.

Мы бесстрастно рассматриваем былые деяния в исторической перспективе, и все предстает в ином освещении. Когда читаем рапорт "Господину командиру пехотного полка" за № 905 от

"21 января 1841 года", то сквозь тесные строки равнодушного рапорта слышим заглушенные рыдания одинокой старухи, тоскующей по своему горячо любимому, единственному внуку; видим нахмуренные черты грозного государя, соизволившего повелеть: "Офицера сего — ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней, в отпуск"... Видим, наконец, и выступающий издалека характерный облик самого поэта, с горькой, загадочной улыбкой внимающего этому приговору.

Немало даровитых людей, подверженных опале, гибли тогда на Кавказе; в тридцатых годах безвременно сошли в могилу талантливые поэты Одоевский, Полежаев, Марлинский. Та же участь грозила Лермонтову, и он хорошо сознавал это, с фаталистическим спокойствием идя навстречу смерти.

Примечания

¹ Умер во Владикавказе в 1918 г.

² Во время переговоров по поводу приобретения Лермонтовских документов мне показывали в семье Д.В. Раковича адресованные ему письма проф. Абрамовича (редактора Акад. Изд. Соч. Лермонтова) и проф. Батюшкова.

³ Об этом нами был сделан доклад в заседании совета С.-К. Института Краеведения 19 января с.г.; см. "Городскую Мысль", 1922 г., № 2.

⁴ Кусаков.

⁵ Кусаков.

⁶ Кусаков.

⁷ Соч. Л-ва под ред. Введ., т. I, стр. LXXXI-LXXXII.

⁸ V, стр. CVIII.

⁹ Зачеркнуто: вве...

¹⁰ Зачеркнуто: ко.

¹¹ Зачеркнуто: он.

¹² Зачеркнуто: сентября.

¹³ Столыпин.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Семенов Л.П. Новые документы о Лермонтове // Горская мысль. — 1922. — № 2. — С. 39—49.

1939

Лермонтов на Кавказе

1814—1939

Приветствую тебя, Кавказ седой!

Твоим горам я путник не чужой:

Они меня в младенчестве носили

И к небесам пустыни приучили.

И долго мне мечталось с этих пор

Все небо юга да утесы гор.

Прекрасен ты, суровый край свободы,

И вы, престолы вечные природы!..

Лермонтов. "Измаил-Бей"

*"Для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце
бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту:
так сидел бы да смотрел целую жизнь".*

Лермонтов, письмо к С.А. Раевскому, 1837 г.

"Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта".

Белинский

Предисловие

Интерес Лермонтова к Кавказу обусловлен различными причинами.

Поэт несколько раз посещал этот край в детские годы и в последующее время. Полюбив Кавказ еще "в младенческих летах", он на протяжении своей литературной деятельности посвятил ему много прекрасных произведений, написанных в стихах и в прозе.

Романтически настроенный в ранней юности, Лермонтов в первых художественных созданиях испытал на себе большое влияние Байрона, Пушкина и других русских и иностранных писателей. В особенности сильно воздействовал на него Пушкин; как певец Кавказа, Лермонтов является его прямым и самым выдающимся продолжателем.

До Пушкина Кавказ глухо упоминался в русской художественной литературе. Пушкин лучше всех своих предшественников изучил эту страну, описал ее в "Кавказском пленнике", неоконченной поэме о Тазите, в цикле замечательных лирических произведений и в "Путешествии в Арзрум". Очень сильное впечатление произвел на Лермонтова "Кавказский пленник" Пушкина; молодому поэту были известны кавказские мотивы Марлинского, Полежаева и других современных авторов, также оставившие след в его творчестве.

Значительную роль должны были сыграть рассказы родственников и знакомых, живших на Кавказе, газетные и журнальные статьи и заметки, содержавшие историко-этнографические сведения об этом крае, официальные сообщения о событиях Кавказской войны.

Поэт очень рано начал восторгаться героической борьбой горцев за свою независимость, он интересовался их бытом, их историей и фольклором, величавой красотой природы Кавказа. Свои затаенные думы он очень ярко и тепло выразил в посвящении к поэме "Аул Бастунджи".

Тебе, Кавказ, — суровый царь земли,

Я снова посвящаю стих небрежный:

Как сына ты его благослови

И осени вершиной белоснежной!

От ранних лет кипит в моей крови

Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;

На севере, в стране тебе чужой,

Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!..

Подобные мотивы, все более углублявшиеся с годами, мы часто встречаем в лирике Лермонтова, в его поэмах и в "Герое нашего времени". Преодолевая литературные воздействия, вступающая в соревнование со своими учителями, юный поэт быстро рос, внес в мировую литературу новые мотивы о Кавказе, создал непревзойденные образы, выдержанные то в романтическом, то в реалистическом стиле.

Такие замечательные по содержанию и художественному мастерству произведения, как поэмы "Аул Бастунджи", "Измаил-Бей", "Мцыри", "Демон", лирические стихотворения "Дары Терек", "Казачья колыбельная песня", "Кинжал", "Дубовый листок", "Тамара", "Валерик", "Спеша на север из далека", "Свидание", роман "Герой нашего времени" — ставят Лермонтова, как певца Кавказа, на первое место в мировой литературе. Гениальность поэта проявилась и в том, что он не замыкался в кавказскую тематику; многие его произведения, не связанные с Кавказом, свидетельствуют о глубокой самобытности и гибкости его замечательного дарования; достаточно упомянуть о "Песне про кучка Калашникова".

О тяготении Лермонтова к кавказским мотивам впервые высказал много замечательных мыслей Белинский. Говоря о его стихах, он дал следующее обобщение:

"Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностью и роскошным блеском фантастического Кавказа. Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта...

...Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечными снегами, находит он свой Парнас, в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену"...

Затем эта тема стала привлекать внимание биографов поэта, историков литературы, но в большинстве случаев, она освещалась попутно с рассмотрением общих вопросов, касавшихся жизни и творчества Лермонтова. Ни в дооктябрьскую эпоху, ни в наше время она никем широко изучена не была.

Имеется ряд специальных работ,носящих, большую частью, популярный характер. Упомянем, например, следующие из них, расположив в хронологическом порядке:

Ф. Юхотников, "Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии", ("Кавказ", 1858 г., № 101); В. Зоотов, статьи в "Северном сиянии" за 1863 г. (в том числе статьи "Кавказские стихотворения Лермонтова"); П.П. Надеждин, "Природа и люди на Кавказе и за Кавказом, по рассказам путешественников, поэтическим произведениям Пушкина, Лермонтова, Полонского и ученым исследованиям" (СПб, 1869 г.); П. Висковатов, "Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова" ("Кавказ", 1881 г., № 203); М. Владыкин, "Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу" (Москва, 1885 г.); Е. Воскресенский, "Кавказ по сочинениям Пушкина и Лермонтова" (Москва, 1887 г.); Г.М. Туманов, "Характеристики и воспоминания" (Тифлис, 1901 г., статьи — "М.Ю. Лермонтов", "Русские писатели на Кавказе"); ряд небольших статей разных авторов в "Сезонном листке Кавказских Минеральных вод" (1901 г., № 11, в том числе статья А. Грена "М.Ю. Лермонтов и беллетристика о Кавказе"), Л. Меликсет-Беков, "Материалы для библиографического указателя беллетристических произведений русских писателей, посвященных Кавказу и его обитателям" ("Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете", Одесса, 1914 г., т. III, вып. 3, стр. 161—163); Д. Бразуль-Брушковский, "Лермонтов и Кавказ" (Пятигорск, 1914 г.).

Наиболее интересны из указанных источников статьи Юхотникова и Висковатова.

Первый из них дает подробное изложение конкурсного сочинения ученика Ставропольской гимназии Тхостова — "Кавказ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову". Это один из самых ранних отзвуков отношения к русским классикам представителей горской интеллигенции. Тхостов отмечает, что в поэмах Пушкина и Лермонтова есть верные изображения общих черт в характерах героев, но встречаются и отдельные ошибки, — например, в обрисовке образов Тазита и Измаил-Бея; по мнению автора, философски-скептический взгляд Измаила на жизнь и людей напоминает образованного европейца, а не горца описываемой поэтом эпохи. С большой теплотой говорит Тхостов о Бэле:

"Мало-помалу она убеждается в горькой необходимости отдалиться во власть своего похитителя, потому что она потеряла всякую надежду видеть свой родной очаг. Да и зачем ей желать возвращения к своему очагу, когда она уверена, что не встретит там прежнего радушия; когда на нее готовы посыпаться незаслуженные упреки... Да, Бэле некуда более преклонить головы; некому приголубить ее! Ей остается одно — сосредоточить весь запас любви своей на Печорине, чтобы и он не покинул ее на произвол судьбы".

Сочинение Тхостова заканчивается следующими строками, свидетельствующими о прогрессивности взглядов автора:

"Показывая слабые стороны русских писателей в изображении Кавказа и его обитателей, мы все-таки благовоим пред их именами, не забывая того, какие трудности должны были преодолеть они для того, что ими написано.

Во всяком случае Кавказ, — если ему суждено проснуться от долгого сна, — будет гордиться именами людей, которые впервые представили его на суд нового отечества.

Дай бог, чтобы пробуждение это совершилось скорей! Ждем этой поры во имя человечества".

Проф. Висковатов приводит в упомянутой статье ряд интересных данных, устанавливающих тесную связь поэзии Лермонтова с фольклором и историей Грузии.

Вопросу о пребывании поэта на группе Кавказских Минеральных Вод посвящена содержательная брошюра Е. Яковкиной — "По лермонтовским местам" (Ворошиловск, 1938 г.).

Ценный материал о поездках Лермонтова на Кавказ и об отражении Кавказа в его творчестве находим в трудах общего характера о поэте.

Назовем биографии, приложенные к собраниям его сочинений, вышедшим под редакцией проф. Висковатова (1891 г., т. VI), А.И. Введенского (1903 г., т. I), проф. Д.И. Абрамовича (изд. Академии наук, 1913 г., т. V, перепечатана в "Русском биографическом словаре", 1914 г.).

Отметим также сборник статей "Русская критическая литература о произведениях М.Ю. Лермонтова", составленный В. Зелинским (Москва, 1904 г., ч. I—II), сборник "Венок М.Ю. Лермонтову" (Москва, 1914 г.), монографии — Дюшена, "Лермонтов" (Париж, 1910 г., на французском языке) и акад. Н. Котляревского, "М.Ю. Лермонтов" (Петроград, 1915 г.).

Извлечения из биографической мемуарной и документальной литературы даны в VI томе сочинений Лермонтова под редакцией В.В. Каллаша (Москва, 1915 г.) и в труде П.Е. Щеголева "Книга о Лермонтове" (Ленинград, 1929 г., ч. I и II).

Подробные библиографические сведения о Лермонтове имеются в названных изданиях его сочинений под редакцией Висковатова (т. III), Введенского (т. I), Д.И. Абрамовича (т. V), в труде А.В. Мезиер "Русская словесность с XI по XIX столетия включительно" (СПб., 1902 г., ч. II), в "Источниках словаря русских писателей" С.А. Венгерова (Петроград, 1914 г., т. III), в нашей книге "М.Ю. Лермонтов" (Москва, 1915 г.), в упомянутом труде Щеголева (т. II), в комментариях к сочинениям Лермонтова, изданным под редакцией Б.М. Эйхенбаума (Ленинград, 1936—1937 гг., тт. I—V; в последнем томе — биографическая канва поэта, обстоятельно составленная В.А. Мануйловым).

Очень скудны материалы о первых поездках поэта на Кавказ, совершенных им в детстве. Более подробны, хотя и крайне недостаточны, сведения о пребывании его на Кавказе в 1837 г.; значительно обширнее данные о пребывании Лермонтова на Кавказе в 1840—1841 гг.; однако и здесь очень много неполных сведений, особенно — о дуэли с Мартыновым.

В подавляющем количестве работ до последнего времени мало внимания уделялось вопросу об исторических и фольклорных источниках кавказских мотивов поэта; в ущерб изучению этого крайне важного вопроса, слишком большое значение придавалось литературным влияниям, которые обычно трактовались в узком, специфически-формальном смысле.

Наряду с вполне авторитетными источниками, в биографических трудах о Лермонтове нередко привлекались, без критического подхода, не вполне достоверные материалы (статьи П.К. Мартынова и др.) и просто сомнительные по своему происхождению и противоречивые по содержанию "документальные" материалы, исходящие из круга родных и друзей Н.С. Мартынова.

Многие вопросы, связанные с пребыванием поэта на Кавказе и с изучением его кавказских мотивов, требуют коренного пересмотра, разыскания новых материалов; есть темы, совершенно не освещенные в литературе (например, Лермонтов и декабристы на Кавказе, влияние Лермонтова на литературу народов СССР). Мало внимания уделялось документации географических названий и личных имен в произведениях поэта, относящихся к Кавказу.

Исключительно велик сейчас интерес к жизни и поэтическому наследию Лермонтова, производятся тщательные поиски архивных данных.

Настоящая работа, не претендуя на полноту охвата затронутой темы, имеет целью в сжатом, но более подробно, чем у предшествовавших авторов, изложении отметить как важнейшие факты из биографии Лермонтова, связанные с его пребыванием на Кавказе, так и его поэтические мотивы, приуроченные к этому краю.

Июнь, 1939 г.

I.

Первые поездки

М.Ю. Лермонтова на Кавказ

Когда у помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой стал поправляться после тяжелой болезни маленький внук Мишель, врачи посоветовали повезти его на Кавказские Минеральные Воды. Мысль о путешествии из Пензенской губернии на далекий юг, в места, близ которых происходили военные действия, беспокоила бабушку, но еще больше тревожило ее состояние здоровья ребенка. Арсеньева решила ехать в Горячеводск, как тогда называли Пятигорск; там жила ее родная сестра — Екатерина Алексеевна Хостатова. Собираясь в дорогу, Арсеньева узнала, что на Кавказ едут также некоторые родственники и знакомые.

Поездка на лошадях, по плохим дорогам была продолжительна. Внуку Арсеньевой — любознательному, не по летам развитому мальчику — она дала незабываемые, разнообразные впечатления. О Кавказе он слышал немало интересных рассказов от тетушки, Екатерины Алексеевны, когда она наезжала навесить дочь свою — М.А. Шан-Гирей, жившую в своем имении Апалихе, расположенном близ имени Арсеньевой Тарханы. То, что ему раньше смутно рисовалось по этим рассказам, теперь предстало воочию: быстрые, шумные реки, маленькие крепости, затерянные в степных просторах и при въезде в ущелья, лихие всадники в косматых шапках и бурках и громады гор, поросших внизу дремучими лесами и поднимающих в заоблачную высь свои скалистые зубцы, покрытые броней нетающего, ослепительно сверкающего льда.

В "Списке посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 г.", прибывших по июль, опубликованном в том же году в "Отечественных записках" (ч. 23), упомянуты: "Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова, поручица из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов".

В этом же списке названы: дочери коллежского асессора из Пензы Стольшина Марья, Агафья и Варвара Александровны, отставной штабс-капитан из Кизляра Павел Петрович Шан-Гирей, коллежский асессор из Симбирска Александр Алексеевич Стольшин с супругой Екатериной Александровной, титулярный советник из Астрахани Макар Захарович Хостатов.

Арсеньеву и ее внука сопровождали в пути доктор Ансельм Левис, воспитатель Иван Капэ, высокий и худощавый эльзасец с горбатым носом, офицер наполеоновской гвардии, рассказывавший своему питомцу много интересного о походах, в которых ему приходилось участвовать, и бонна-немка Христина Осиповна Ремер, добрая, внимательная к детям старушка. В спутники внуку Арсеньева взяла его сверстника — Михаила Пожогина-Отрошкевича. В Горячеводске мальчуганы сблизилась с новым товарищем, родственником их Акимом Шан-Гирей, который был моложе их года на четыре.¹

Начало пользования серными ваннами на Северном Кавказе восходит к 1779 году; в том году на левом берегу Подкумка, в 4-х верстах от серных источников, где возник позднее Пятигорск, была построена Константиногорская крепость. Первое краткое описание серных источников составил акад. Гильденштедт (1793 г.), в том же году Паллас исследовал Нарзан.²

Любопытные сведения о старом Пятигорске находим в сочинении А. Нелюбина "Полное описание Кавказских Минеральных Вод" (1825 г.). Автор называет Пятигорск "Горячеводским

селением". В то время в нем было всего три главных улицы, три вновь застраивающихся, одна поперечная и один переулок. В поселке было 29 домов и 21 флигель, принадлежащих частным лицам; к числу лучших построек принадлежали дома Реброва, Мерлини, Хондаковой, Барковского, Чернявского, Попова, Котырева и других. В поселке находились аптека, магазины и лавки. Жители колонии Каррас привозили сюда хлеб, коровье масло, молоко, яйца, картофель и прочее.

Черкесы на своих арбах из ближайших аулов доставляли мясо, дичину, фазанов, молодых барашков, кур, цыплят, яйца и многие другие жизненные припасы. В лавках продавали бронзу, фарфор, золотые и серебряные вещи, дорогие ткани, турецкие платки, персидские ковры, кашемировые ткани. Торговцами в местных лавках являлись армяне, евреи, греки, итальянцы, немецкие колонисты, черкесы.³

В другом подобном же сочинении, вышедшем в свет немного позднее, в описании Кисловодска упоминаются, в числе лучших зданий, дома Реброва, генеральши Хостатовой и Мерлиной.⁴

Один поэт, посетивший группу Минеральных Вод в 1823 году, так описывает установившийся там порядок приема ванн: "Пользование Кавказскими ваннами обыкновенно разделяется на две части: сначала употребляют теплые серные ванны, которые более или менее приводят в расслабление усиленною испариною; потом подкрепляют себя холодными кислыми водами, известными под названием Нарзанны или Богатырского ключа. Согласно в цели, но противное в действии влияние их напоминает древнее сказание о чудесах мертвой и живой воды".⁵

В этих маленьких, только начинавших развиваться курортных уголках ключом была пестрая, своеобразная, беззаботная жизнь дворян, приезжавших из далеких мест России и военных, прибывавших для лечения или отдыха из действующей армии. Не так далеко от группы Минеральных Вод происходили военные действия, направленные против горцев, борющихся за свою независимость. В среде, окружавшей Мишеля Лермонтова, рассказывали и о войне, и о быте кавказских народов. Внимание наблюдательного ребенка не могли не привлекать фигуры "мирных" черкесов, часто появлявшихся на улицах; ведь об их-то сородичах и слышал он так много необычайного.

Мальчик, привыкший к спокойной, размеренной жизни в Тарханах, находился теперь среди иных людей, в иной обстановке. Здесь, при внимательном уходе бабушки, он быстро укрепил свое здоровье и жадно впитывал все новые впечатления.

Отправляясь на Кавказ, он захватил с собою альбом покойной матери, заключавший в себе стихи, вписанные ею и бабушкой. В этот альбом он вносил свои рисунки и памятки; сюжеты рисунков — изображение гор, черкесов, моря; под одним из рисунков сделана надпись: "М. Л., июня 13-го дня, 1825 года, теплые воды".⁶

Здесь же, на 11-м году жизни, поэт испытал первую, детскую, но незабываемую любовь. Пять лет спустя он так описывал этот знаменательный эпизод:

"Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет отроду.

Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату; она была тут и играла с кузинами в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это

была страсть сильная, хотя ребяческая — это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум. — И так рано... Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице; я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату...

...Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее существованию — это было бы мне больно... Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нет; с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны"... (V, 343–349).

Воспоминание об этой встрече навсегда сохранилось в памяти поэта. С особенной силою оно отражено впоследствии в стихотворении "Как часто, пестрою толпою окружен". Предполагают, что эта девочка — Эмилия Александровна Шан-Гирей, с которой поэт вновь встретился в последний год жизни.⁷

Есть сведения, что Лермонтова возили на Кавказские Минеральные Воды еще до 1825 года. Глухое упоминание об этом встречаем в воспоминаниях двоюродного брата и близкого друга поэта — А.П. Шан-Гирея: "Слыхал также, что он был с детства очень слаб здоровьем, почему бабушка возила его раза три на Кавказ к минеральным водам. Сам же начинаю его хорошо помнить с осени 1825 года".⁸ Вопрос этот пока остается недостаточно выясненным. В.А. Мануйлов указывает, что поэт в детстве был на Кавказе три раза — в 1818 г., 1820 и 1825 гг.⁹ В рукописях поэта, при упоминаниях о поездке на Кавказ в детстве, мы трижды встречаем одну и ту же дату — 1825 г. (запись о первой любви, подпись под рисунком в альбоме матери, стихотворение "Кавказ").

В семье писательницы Е.И. Новиковой-Зариной сохранилось предание, относящееся ко времени поездки поэта на Кавказ в 1825 году. Отец писательницы состоял в то время помощником коменданта крепости Анапы. Арсеньева с внуком провела у Новиковых несколько дней. Об этом Е.И. слышала от своей матери, которая вспоминала о Лермонтове, как о резвом мальчике, который, к ужасу своей бабушки, вечно скрывался из глаз и то лазил на вышку, с которой сторожили днем и ночью неприятеля или ждали возвращения экспедиции, то дразнил любимую козочку Новиковых. Как раз в то время была взята в плен маленькая черкешенка (у нее еще голова порублена была), и девочка не расставалась с белой козочкой. Потом козочка прижилась в крепости и бегала за маленьким Лермонтовым на каланчу — вверх и вниз. А бабушка его Елизавета Алексеевна с матерью в это время варили варенье.¹⁰

Если связывать посещения Арсеньевой семьи Новиковых с крепостью Анапой, то рассказ представляется недостоверным, т.к. этот пункт лежал совершенно в стороне от тракта, по которому в ту пору совершались поездки из центральной России на Кавказские минеральные воды.

А.П. Шан-Гирей передает о своей встрече с Лермонтовым на Кавказе следующее:

..."Сам же начинаю его хорошо помнить с осени 1825 г. Покойная мать моя была родная и любимая племянница Елизаветы Алексеевны, которая и уговаривала ее переехать с Кавказа, где мы жили, в Пензенскую губернию, и помогла купить имение в трех верстах от своего, а меня, из дружбы к ней, взяла к себе на воспитание вместе с Мишелем, как мы все звали Михаила Юрьевича.

Таким образом все мы вместе приехали осенью 1825 года из Пятигорска в Тарханы, и с этого времени мне живо помнится смуглый, с черными блестящими глазками Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос надо лбом, резко отличавшихся от прочих, черных, как смоль".¹¹

Бабушка, желая создать для внука подходящую обстановку, обучала его дома, со сверстниками, с которыми он делил часы досуга. Кроме Акима Шан-Гирея в Тарханах года два воспитывались и двоюродные его братья со стороны отца — Николай и Михаил Пожогин-Отрошкевичи, два брата Юрьевых и другие. Одно время в Тарханах жило десять мальчиков. Одним из любимых развлечений детей были военные игры. "Старожилы в Тарханах помнили, что Миша, побывав на Кавказе, все им был занят, из воску лепил горы и черкесов и "играл в Кавказ".¹²

II. Кавказские мотивы М.Ю. Лермонтова 1828—1834 годов

Яркие, разнообразные впечатления, вынесенные из поездки на Кавказ в 1825 году, сыграли громадную роль в формировании и развитии раннего творчества Лермонтова.

Он стал систематически писать стихи с 1828 г., обращаясь преимущественно к жанру поэмы и лирики. Начиная с этой поры, кавказская тематика занимает очень видное место в его поэзии, и эта черта навсегда становится характерной для его литературной деятельности.

Несомненно, большое значение имело непосредственное знакомство юного поэта с этим краем; много любопытного ему приходилось слышать от Хостатовых, Стольпиных и других родственников, посещавших Кавказ. Но помимо того интерес к кавказским мотивам усиливался у Лермонтова под влиянием современной русской литературы и отчасти иностранной; при этом особенно велико было воздействие сочинений Пушкина, и в первую очередь — его "Кавказского пленника".

До Пушкина мотивы о Кавказе редко и поверхностно затрагивались в нашей литературе. Случайные упоминания об этой стране, тогда еще мало изученной, встречались в стихотворениях Ломоносова, Державина, Жуковского; Кавказу был посвящен роман В.Т. Нарезного "Черный год, или Горские князья", написанный в начале XIX в., но появившийся в свет после смерти автора, в 1829 г. Однако никто из наших писателей до Пушкина не уделял пристального внимания Кавказу, не отображал сколько-нибудь верно и метко своеобразие этого края — с его многочисленным населением, тысячелетней культурой и богатейшей природой. Со второй половины XVIII века многочисленные путешественники и ученые различных специальностей, русские и иностранные, проявляли серьезный интерес к Кавказу, посвящая ему целые монографии.

К Кавказу жадно устремляло свои взоры русское правительство, искавшее новых выгодных внутренних и морских рынков, желавшее эксплуатировать неисчерпаемые природные богатства этой страны, овладение которой давало к тому же возможность приблизиться к смежным странам Востока — Турции

и Персии. В этих целях русские цари давно вели войны с горскими народами, насаждали крепости от моря до моря, посылали миссионеров.

"Кавказский пленник" Пушкина, появившийся в печати в 1822 г., — первое у нас крупное произведение, посвященное Кавказу. Глубокое содержание поэмы, ее злободневность (мотивы о Кавказской войне, о вольности), великолепные описания быта горцев и природы края, изумительное мастерство стиха создали этому произведению заслуженный успех. Поэма дала мощный толчок развитию кавказских мотивов в стихотворных и прозаических произведениях. В 20-х годах и в начале 30-х годов XIX в. с легкой руки Пушкина, создавшего, помимо названной поэмы, целый ряд других замечательных произведений, посвященных Кавказу, тематика о нем приобретает в нашей художественной литературе необычайную популярность.

Появилось немало подражаний поэме Пушкина — "Киргизский пленник" Н. Муравьева (1828 г.), "Сетование киргиз-кайсацкого пленника" П. М. Кудряшова (1828 г.), "Пленник Турции" Д. Комисарова (1830 г.), "Гребенский казак" А. Шидловского (1831 г.) и др. Увлечение мотивом о "пленниках" было так сильно, что вызвало пародийные поэмы — "Московский пленник" С. Соловьева (1829 г.) и "Калмыцкий пленник" Н. Станкевича и Н. А. Мельгунова (1831 г.). Очень популярны были также "черкесские" и тому подобные романсы, а также лирика описательного характера (кавказский пейзаж). В журналах и многочисленных альманахах 20—30-х годов прошлого столетия поэтические произведения такого рода занимают очень видное место. Наиболее выдающимися, после Пушкина, писателями, тяготевшими к Кавказу по общей направленности своего творчества и по обстоятельствам биографического характера, были Марлинский (Бестужев) — декабрист и Полежаев, по политическим причинам сосланные на Кавказ Николаем I. Марлинский упрочил в нашей литературе жанр романтической повести и очерка с кавказской тематикой; Полежаев ввел жанр бесфабульной батальной поэмы с резкими мотивами обличения захватнической политики царизма на Кавказе и реалистическими бытовыми сценами из военной жизни. За короткий промежуток времени, отделяющий поэму Пушкина "Кавказский пленник" от написания Лермонтовым первых поэм, русская литература обогатилась очень большим количеством художественных произведений, посвященных изображению быта различных кавказских народов, описанию кавказской природы, в изобилии содержащих местные географические названия, слова и выражения, заимствованные из горских языков, а также образы и мотивы, навеянные фольклором народов Северного Кавказа и Закавказья. Во многих из подобных произведений звучит симпатия к этим народам, стойко и мужественно борющимся с царизмом за свободу отчизны.

Очень характерно для большинства писателей, говоривших о Кавказе, увлечение Байроном. Мотивы индивидуализма, неразделенной любви, скитальчества, обреченности, ухода от суетного, внешне блестящего, но по существу — ничтожного "света" в мир пышной природы, в общество людей, не испытывавших на себе разлагающего влияния европейской "культуры", — в значительной степени восходят к байронизму. Из иностранных писателей, затрагивавших кавказскую тематику, следует назвать и Ксавье де-Местра, автора повести "Кавказские пленники", опубликованной в 1815 г.; в основу ее положен подлинный эпизод из истории Кавказской войны.

Упомянутая литература, несомненно, в значительной степени была известна юноше Лермонтову; она поддерживала в нем

интерес к Кавказу, давала материал для различных его сюжетов и образов. Помимо того, заметное влияние оказали на него писатели, не говорившие об этом крае, но близкие поэту по своему духу; к числу таких писателей надо прежде всего отнести Байрона, увлечение которым у Лермонтова было очень глубоко; однако он рано осознал самобытность своего творчества, сказав:

Нет, я не Байрон, я другой,

Еще неведомый избранник.

Как он, гонимый миром странник,

Но только с русскою душой. (1832 г. I, 350).

Из русских и иностранных писателей Лермонтову в ту пору были близки Козлов, Батюшков, Вальтер Скотт и В. Гюго; наш поэт зачитывался их романами и стихами.

Основные мотивы поэзии Лермонтова развивались под сильным воздействием движения декабристов. Он принадлежал к поколению, которое формировало свое мировоззрение под влиянием декабризма; это проявлялось у него в напряженном интересе к гражданской тематике, насыщенной мотивами о вольности, мотивами осуждения крепостнического строя, образами сильных людей, борющихся с тиранией и жертвующих во имя этой борьбы личными радостями и привязанностями. Достаточно вспомнить такие замечательные его произведения, как поэма "Последний сын вольности", стихотворение "Жалобы турка", "Настанет год, России черный год", "Пир Асмодея", "Новгород", "10 июля 1830 г."; аналогичные мотивы находим и в кавказских его произведениях.

Никто из русских классиков не посетил Кавказ в таком раннем возрасте и не полюбил его так глубоко, как Лермонтов.

За 5—6 лет раннего периода своего творчества он создает целый ряд поэм и лирических произведений, посвященных Кавказу. В самых первых из них очень заметно подражание любимым авторам, русским и иностранным; однако и здесь юный автор обнаруживает глубокую самостоятельность; он стремится внести в знакомые ему сюжетные положения нечто свое, он обнаруживает редкое для его юных лет умение овладеть и малыми, и большими стихотворными формами.

По собственному признанию поэта, он "начал мараить стихи в 1828 году" (IV, 348). В этом году им написаны были две поэмы с кавказским сюжетом — "Черкесы" и "Кавказский пленник".

Для поэмы "Черкесы" "основанием послужили рассказы, переданные ему теткой его Хостатовой, постоянной жительницей окрестностей Пятигорья, женщиной, храбростью своею снискавшею известность даже на Кавказе".¹³

Этот прием — использование фактического, подлинного материала — характерен и для многих последующих произведений Лермонтова. Основной мотив "Черкесов" — описание героической, но напрасной попытки черкесского князя выручить из русского плена родного брата. Князь, герой поэмы, изображен человеком беззаветной храбрости и любящим брата; перед битвой он говорит своим уздеям:

"Черкесы, мой народ военный,

Готовы будьте всякий час,

На жертву смерти — смерти славной

Не всяк достоин здесь из вас.

Взгляните: в крепости высокой

В цепях, в тюрьме мой брат сидит,

В печали, в скорби, одинокой,

Его спасу, иль мне не жить". (III, 13).

Большой отряд черкесов осаждает крепость русских, в которой томится пленник, но нападение их отбито, и сам князь погибает в бою.

Автор с глубокой симпатией говорит о горцах:

**Черкесы поле покрывают,
Ряды как львы перебегают...**
.....
**Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал.**
.....
**Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков...** (III, 16–17).

Главное место в поэме занимают описания природы и изображение битвы с черкесами; диалогическая речь, в противоположность всем последующим поэмам Лермонтова, здесь развита слабо: кроме небольшого монолога князя, автор дает лишь короткие реплики эпизодических персонажей. Не находим мы также в "Черкесах" и лирических песен, столь характерных для многих других его поэм. Для стиля этой поэмы характерен прием повторения:

"Клянусь, клянусь целым светом" (III, 14).

Или:

**Там тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют...** (III, 15).

Или:

**Лишь только слышно: кто идет;
Лишь громко слушай раздается...** (III, 18).

На создание "Черкесов" заметное влияние произвела поэма Пушкина "Кавказский пленник". Это подчеркивает и сам автор, украсив обложку рукописи "Черкесов" эпиграфом из "Кавказского пленника" Пушкина:

Подобно племени Батгя,
Изменит прадедам Кавказа,
Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые...
...И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни;
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы!..

Но одаренность автора ярко сказывается даже в этом полудетском сочинении. Изложение отличается стройностью. Для большинства поэм Лермонтова характерен романтический мотив; здесь этот мотив отсутствует. Главный предмет "Черкесов" — борьба горцев с русскими завоевателями; на первом плане — батальные картины; развязка поэмы глубоко драматическая: пленному черкесу не удалось вырваться на свободу из темницы; брат, пытавшийся освободить его, погибает в бою; отряд черкесов, понеся тяжелые потери, отступает. В соответствии с таким содержанием поэма выдержана в суровых тонах; сумрачный характер носят и описания природы: "в долинах всюду мертвый сон", "одето небо черной мглой", "в густом лесу видна поляна, чуть освещенная луной" и т. д.

Более глубока и сложна по содержанию поэма "Кавказский пленник". Основной замысел ее развит под влиянием одноименной поэмы Пушкина.

Литературные влияния на поэму Лермонтова очевидны, причем важно отметить, что эти влияния восходят к романтическим поэмам авторов, вообще имевшим большое значение в развитии ранней лермонтовской поэзии, — Пушкина, Байрона, Козлова, Марлинского; преобладающее место занимало здесь влияние Пушкина. Однако Лермонтов-отрок не только подражал любимым писателям; в "Кавказском пленнике", несмотря на явную зависимость от поэмы Пушкина, он дает много оригинального, он порою успешно преодолевает книжные влияния.

Это видно и в изображении действующих лиц, и в общей концепции поэмы.

В обрисовке пленника много пушкинского; герой — одинокий скиталец, человек, пресыщенный светской жизнью, непостоянный, разочарованный. Образ горянки резко отличается от образа, созданного Пушкиным.

В пушкинской поэме пленник предлагает черкешенке уйти с ним:

**"О друг мой! — русский возопил, —
Я твой навек, я твой до гроба.
Ужасный край оставим оба.
Беги со мной!"**

Черкешенка, зная, что он любит другую, отказывается следовать за ним и кончает жизнь самоубийством; герой счастливо уходит из плена.

Лермонтов дает совершенно иную развязку. Его героиня — натура более решительная и смелая. Адамы старины не пугают ее. Она говорит русскому:

**"Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
.....
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселенной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной".**

Пленник не может ответить ей взаимностью. Черкешенка помогает ему освободиться от цепей, но пленнику не пришлось вернуться на родину; отец черкешенки — новый персонаж, выведенный Лермонтовым, — убивает беглеца; дочь, как пушкинская героиня, бросается в реку и тонет; отец ее терзается угрызениями совести, не находя душевного покоя.

Мы видим, что юный поэт ищет новых сюжетных положений, по-своему обрисовывает характеры действующих лиц.

В этом произведении на первом плане изображение быта горцев. Лермонтов, как и Пушкин, дает картины их мирной и военной жизни. Образ черкешенки обрисован с большой теплотой. В поэму внесено много лирических мотивов; отметим описание игр черкешенок, черкесскую песню, картины природы.

В отличие от первой поэмы, Лермонтов насыщает поэму "Кавказский пленник" психологическими мотивами. Он подчеркивает, что героя угнетали особенно сильно два чувства: сознание того, что он превратился в раба, и тоска по родине; попутно он говорит, что ту же участь разделяли и многие другие пленники:

**Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! то пленники младые...
.....
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
.....
Несчастные в чужом краю!** (III, 22).

Разлука с родиной, лишение воли тяготят и героя поэмы; его преследует воспоминание о былой любви:

**С товарищами — вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше, чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил,
Пустился он в край неизвестный,
И... все в краю том погубил.** (III, 30).

С развитием действия картина смягчается: черкешенка, тронутая участью героя, жалеет его, приносит ему еду, часто навещает его, а затем подготавливает его побег. В этой поэме автор шире пользуется диалогом; он вводит и монолог (строфа XXVI), и отрывистую речь, выразительно передающую переживания черкешенки, прощающей с любимым человеком, не ответившим на ее пламенное чувство:

**Да!.. пленник... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости! навек!.. Как счастлив будешь,
Ах!.. вспомни обо мне тогда..."** и т. д. (III, 35).

Эмоциональность языка поэмы усиливается благодаря употреблению частых восклицаний, вопросительных оборотов, повторений. В этом отношении особенно типичны последние строки поэмы:

**Отец! убийца ты ее;
Где упование твое?
Терзайся век! живи уныло!..
Ее уж нет. И за тобой
Повсюду призрак роковой.
Кто гроб ее тебе укажет?
Беги! ищи ее везде!!!
"Где дочь моя?" — и отзыв скажет:
Где?.. (III, 38).**

Романтический стиль поэмы характеризуется такими выражениями, как "дума роковая", "бледный лик", "смертный холод", "призрак гробовой", "пуля роковая" и т. п.

Замечается интерес к национальной песне; поэт упоминает, что воины на досуге то беседуют, то "песнь горцев громко запюют" (III, 20); черкешенки "восточны песни напевали" (III, 21); одна из таких песен приведена полностью (III, 23).

Местный колорит передается введением таких слов и выражений, как "сакля", "аул", "шашка на ремнях наборных", "бурка", "кумыс" и др.

Эта поэма несравненно значительнее всех других поэм, написанных современниками Лермонтова под влиянием "Кавказского пленника" Пушкина. Стих здесь более уверенный и гибкий, чем в "Черкесах".

В 1829 и 1830 г. Лермонтов пишет ряд стихотворений, навеянных воспоминанием о Кавказе.

В стихотворении "Черкешенка" (1829 г.) характерно выражение глубокой симпатии к горцам и их краю:

**...Степей глухих народ счастливый,
И нравы тихой простоты!
.....
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних скал.**

В заключительной строфе — отзвук работы над замыслом о Демоне:

**Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид... (I, 43).**

Именно в этом году поэт написал первый вариант "Демона" (тогда еще не связанный с Кавказом).

В том же году написана "Грузинская песня" (I, 47—48); в приписке к ней автор дает пояснение: "Слышано мною что-то подобное на Кавказе". Основной мотив этой песни, выдержанной в стиле "жесточкого романа", — ревность старого мужа-армянина к молодой жене-грузинке, увядавшей в его гареме; развязка романа трагическая: муж убивает преступную жену.

В 1830 г. кавказская тематика Лермонтова углубляется. Прошло пять лет со времени первой поездки на юг, но воспомина-

ния о ней не тускнеют, они по-прежнему дороги поэту. Яркое выражение этих настроений находим в стихотворении "Кавказ" (I, 66), принадлежащем к числу его самых лучших ранних лирических произведений:

**Хотя я судьбой на заре моих дней,
О, южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчины моей,
Люблю я Кавказ.**

**В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.**

**Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомяна тот взор:
Люблю я Кавказ!..**

Многие поэты, посещавшие Кавказ, говорили о нем, как любознательные путешественники; для Лермонтова это как бы вторая родина. Уже в эти молодые годы поэт начал глубоко распознавать истинную сущность великосветской среды, с ее мишурным блеском, пустотой и лживостью; он задыхался в этом обществе и клеймил презрением во многих стихотворениях ("К глупой красавице", "Нищий", "На жизнь надеяться страшась" и др.). Ища забвения, ища новых, освежающих душу образов, поэт мечтает о Кавказе и связывает с ним в этом задуманном, прочувствованном стихотворении все, что наиболее дорого ему — песню отчины, воспоминание о матери, воспоминание о детской любви.

В стихотворении "Кавказ" (I, 96) он выступает с обличением завоевательной политики царизма:

**Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..**

Упоминание о "вольности", о "свободе" характерно и для других стихотворений, написанных им в том же году и проникнутых революционными настроениями ("Опять вы, гордые, восстали", "30 июля 1830 г.", "Предсказание", "Новгород" и др.).

Юный поэт, еще не известный стране, принадлежал к числу тех лучших ее сынов, которые не мирились с существующим строем, боролись с ним и предвидели его гибель.

В стихотворении "Крест на скале" развит мотив тоски по Кавказу; поэту хотелось бы вновь увидеть теснины, доступные лишь степному орлу, и назваться с бурей братом (V, 98). К тому же времени относится незавершенное стихотворение "Утро на Кавказе" (I, 97), являющееся первым наброском стихотворения "Синие горы Кавказа, приветствую вас".

В 1831 г. Лермонтовым написаны две поэмы — "Каллы" и "Аул Бастунджи", развивающие мотив борьбы с адатами кровной мести и закрепощения женщины.

В первой поэме описывается судьба юноши, весь род которого истреблен кровниками; старик-мулла, ревнитель дедовских обычаев, побуждает молодого Аджи отомстить врагам:

**"На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой.
За все минувшие злодейства
Из обреченного семейства
Ты никого не пощади;
Ударил час их истребления!
Возьми ж мои благословенья,**

**Кинжал булатный — и поди!"
Так говорил мулла жестокий,
И кабардинец черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжал,
Уроку мщения внимал.** (III, 164).

Он дал клятву беспощадно расправиться с врагами и исполнил ее, вырезав целую семью, но потом сам ужасается содеянному злу и убивает муллу, заставившего его пролить столько крови. Автор искусно завершает поэму двойной развязкой: молодая вдова муллы, не боясь теперь ревнивого мужа, "другого любит без боязни", а юный Аджи одиноко скитается в горах, всеми отвергнутый, сам чуждающийся людей и получивший прозвище "каллы" ("убийца"). В черновом варианте герой поэта называется абреком:

**И след Аджи простыл. Катился
За годом год, и вот в горах
Абрек чужой всем появился,
Вселяя суеверный страх.**

.....

Никто

Не признавал в абреке друга (III, 577–578).

Поэма написана сжато, насыщена действием, развивающимся стремительно и энергично.

В поэме "Аул Бастунджи" Лермонтов обнаруживает еще большее художественное мастерство и поразительное для его юного возраста умение улавливать черты, глубоко характеризующие как быт горцев, так и природу их страны.

Основная тема этого произведения — страстный протест героя поэмы Селима, человека свободолюбивого, непреклонной воли, против старинных, стесняющих его личность обычаев. Селим полюбил молодую жену своего старшего брата Акбулата; юноша понимает, что и Зара, насильно выданная замуж, не любит пожилого нелюбимого мужа; Зара втайне готова ответить на чувство Селима; она сильная натура, но все же не смеет идти против адатов, не соглашается бежать с Селимом. Откровенная беседа младшего брата со старшим, дерзкая попытка уговорить Акбулата уступить жену, не привела ни к чему. Селим борется и с семейными, и с общественными традициями, но одиночке-бунтарю такая борьба не под силу. В этой поэме большую роль также играет мулла, восстанавливающий против Селима старшего брата и все население аула. Селим, в отчаянии убивший Зару и поджегший саклю брата, предан проклятию и обречен на вечное изгнание.

Поэт очень искусно развивает сложную, исполненную драматизма фабулу, мастерски владеет и разговорной, и описательной речью. Ни в одной из ранее написанных кавказских поэм Лермонтова мы не встречаем так ярко и выпукло изображенных действующих лиц, как в "Ауле Бастунджи"; особенно удалась ему фигура Селима, этой могучей, глубокой, жаждущей борьбы и подвига натуры, родственной Исмаил-Бею и Мцыри. Ни в одной из прежних поэм не достигает молодой автор такого мастерства в описании жизни горцев; об этом свидетельствует, например, замечательная строфа, знакомящая читателя с внешним видом и внутренним убранством сакли братьев:

**Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зеленой.
Рядком блистали на стенах простых
Аркан, седло с насечкой вороненой,
Два башлыка, две шашки боевых,
Да два ружья, которых ствол граненый.
Едва прикрытый шерстяным чехлом.
Был закопчен в дыму порохом.** (III, 172).

С такою же лаконичностью, четкостью, превосходным знанием местного быта рисует поэт сборы горца в отъезд:

**...Селим сядет верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая
Седло с конем, сценились два ремня,
Стремена ровны; плетка шелковая
На арчаге мотается. Храпит,
Косится конь... пора, садись, джигид.** (III, 178–179).

Поэма выдержана в романтическом стиле; яркое выражение этого стиля находим в описании наружности Зары (стр. 173–174), в бурном диалоге братьев (стр. 175–178), в пейзаже, в мотиве проклятия, которому предаются Селима (стр. 187); об интересе поэта к фольклору горцев говорит как этот мотив, так и беглое упоминание о "диве"; герой говорит о себе:

**И странствовал в пустыне одинок
И сумрачен, как див, дитя проклятья.** (III, 181).

Сказания о "дивах", или "дэвах", широко распространены у горцев Северного Кавказа (например, у ингушей, чеченцев и грузин); они могли быть знакомы Лермонтову.

Однако автор не ограничивается приемами романтического письма. Он вносит в поэму и реалистические образы; отметим следующие:

**Машук, склоняясь лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.
С мечети слез мулла; аул дремал...
Лишь в крайней сакле огонек блистал.** (III, 172).

Или:

**Шумела буря. Ветром наклоненный
Скрипел полуразрушенный плетень.** (III, 178).

Поэт вводит в свое произведение подлинные местные географические названия. Действие происходит в ауле, находившемся между Машуком и Бешту; упоминаются также Пятигорье, Подкумок. В основу поэмы могло быть положено одно из преданий, слышанных Лермонтовым на Кавказе.

В "Ауле Бастунджи" Лермонтов обнаруживает замечательное поэтическое мастерство. Блестяще написано "Посвящение", проникнутое глубоким лиризмом. Великолепны также описания природы, достаточно напомнить такие превосходные по богатству красок стихи, описывающие вечер:

**...Было поздно. На долину
Туман ложился, как прозрачный дым,
И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою густым
Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.** (III, 172).

В отличие от других ранних поэм, эта написана строфически (октавой). В композиции ее очень искусно применен прием повторения одной и той же строфы в начале поэмы и в конце:

**Сторел аул — и слух о нем исчез.
Его сыны рассыпаны в чужбине...
Лишь пред огнем, в туманный день, черкес
Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: "скажи,
Но знаешь ли аула Бастунджи?"** (III, 170, 188).

Поэма "Аул Бастунджи" является ярким показателем необычайно быстрого развития дарования Лермонтова.

Поэмы "Каллы" и "Аул Бастунджи" писались в бытность Лермонтова в Московском университете. Вторая из этих поэм тематически и во многих частностях связана с поэмой "Измаил-Бей", созданной годом позже (1832 г.).

Тяготение Лермонтова к Кавказу не ослабевало. В незаконченном произведении, написанном ритмической прозой, автор восторженно говорит:

"Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да об небе...

...Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов...
...Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают...

...Все, все в этом крае прекрасно". (I, 341–342).

Той же любовью к Кавказу проникнута и самая значительная из ранних поэм — "Измаил-Бей".

Творческая история этого замысла пока почти не освещена в литературе. Сам автор указывает на два обстоятельства, связанных с написанием "Измаил-Бея": 1) на автобиографические мотивы и 2) на мотивы, будто бы сообщенные ему во время его пребывания на Кавказе.

Автобиографические мотивы звучат намеками в строках посвящения, обращенного к любимой девушке — В.А. Лопухиной:

**Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты в других!..** (III, 582).

Судя по этому высказыванию, автор, в известной степени, сближает себя с героем поэмы. Действительно, в судьбе и чувствах Измаила есть черты, роднящие его с поэтом:

**Он материнской ласки не знал...
Он для великих создан был страстей,
Он обладал пылающей душой... (III, 216).
...Еще ребенком он любил
Природы дикой пышные картины,
Разлив зари и льдистые вершины,
Блестящие на небе голубом;
Не изменилось только это в нем.** (III, 256).

Автобиографическими настроениями полны первые строфы поэмы, в которых автор обращается с теплыми словами к седому Кавказу, для которого он "путник не чужой" (III, 191–192).

Однако, автобиографические мотивы имеют в поэме второстепенное значение. Основная тема произведения — мужественная, упорная борьба горцев с русскими завоевателями. Поэт говорит:

**Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбака...**

.....
**Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенести на север дальний:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю.** (III, 193–194).

В основу поэмы Лермонтов положил много подлинных исторических эпизодов и глубоко правдивых бытовых черт. По-видимому, от бывалых кавказцев, из круга родственников и знакомых он слышал немало интересовавших его рассказов о кавказской войне, о мирной жизни горцев. Некоторые сведения он мог почерпнуть и из литературных источников. В журналах и газе-

тах 20–30-х годов XIX в. чрезвычайно популярны были очерки о Кавказе, дававшие описание путешествий, нравов разноплеменных народов и его живописной природы. Наконец, автор ввел немало образов и сюжетных положений, созданных его могучим поэтическим гением.

До последнего времени эта поэма Лермонтова рассматривалась, по установившейся традиции, как романтическое произведение, насыщенное яркими бытовыми сценами и превосходными картинами природы.

Внимательное изучение источников, относящихся к эпохе, описываемой поэтом, показывает, что он во многих случаях опирался на конкретный фактический материал, исходил из воспроизведения в художественной форме событий, связанных с героической борьбой горцев Северного Кавказа за независимость в 20-х и начале 30-х годов прошлого века. "Измаил-Бей" тесно связан по тематике и стилю с более ранними поэмами автора, превосходя их глубиной замысла и стихотворным мастерством.

Проф. Висковатов справедливо указал на "большую близость поэмы "Аул Бастунджи" к поэме "Измаил-Бей".¹⁴ Действительно, сходство между этими произведениями значительное: описание детства героев, мотив вражды братьев, изображение выползающей змеи, ряд бытовых черт (описание горского жилища), описание внешности героинь, носящих одно и то же имя Зара, и ряд других сходных подробностей указывает на несомненную зависимость творческого замысла "Измаил-Бея" от ранее написанной поэмы "Аул Бастунджи". Однако, по существу, это различные произведения, т. к. в "Ауле Бастунджи" на первом плане узко-бытовая тема — борьба с закоснелыми аdataми, а в "Измаил-Бее" — политическая борьба горцев за независимость.

Поэма изобилует точными географическими названиями, показывающими, что главнейшие ее события происходят в Пятигорске, в восточной части Ингушии и в смежной (западной) части Чечни. Родина героя — те места,

**Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится.** (III, 195).

В поэме упоминаются также соседние с названными горами — Железная и Змеиная (III, 197). Вытесненные из родных мест черкесы уходят в пределы Чечни и селятся на берегу реки Аргуна; здесь и развиваются дальнейшие события, описываемые поэтом. Река Аргун (у поэта Аргуна) несколько раз упоминается в поэме (III, 214, 222, 252). У Лермонтова говорится также про "Оссаевское поле" (III, 241); здесь следует подразумевать равнину, по которой протекает река Асса, часто называвшаяся в начале XIX в. Оссай или Оссая.¹⁵ Таким образом, главное действие в поэме происходит в пределах Чечено-Ингушии между реками Асса и Аргун.

Кроме того, поэт бегло говорит об Эльбрусе ("И Шат подымется за ними с двумя главами снеговыми" — III, 201), Казбеке (III, 193), Кубани (III, 196). Порою как бы мимоходом брошенная деталь свидетельствует о превосходном знании поэтом местной обстановки. Отметим, например, стих — "Питомец смелый трамских табунов" (III, 247). В первой половине XIX в. на Кавказе славились породистостью кони завода Трама, абазинского старшины.¹⁶ В поэме находим упоминание о различных горских народах: Измаил — черкес, Зара — лезгинка, старик, передающий рассказ обо всех событиях, — чеченец.

Прототипами некоторых персонажей "Измаил-Бея" являются исторические лица. На это до сих пор в лермонтовской литературе не указывалось. При описании детства героя поэт сооб-

щает, что отец Исмала был гоним братом, "убийцею коварным, Бей-Булатом". (III, 216). Это не вымышленное и не случайно введенное имя; в материалах по истории Кавказской войны часто упоминается при изложении событий 20-х годов чеченский наездник Бей-Булат (или Бий-Булат) Таймазов. Ермолов в одном из донесений 1818 г., находясь в лагере на Сунже, сообщал, что Бей-Булат в этом районе наносил русским войскам наибольший вред.¹⁷ Ранее он служил в русской армии, имел чин поручика, в 1829 г. вместе со многими старшинами перешел в русское подданство, причем отдал в аманаты своего сына.¹⁸ Лермонтов мог слышать рассказы о Бей-Булате Таймазове. По историческим данным, он вел двойственную политику, переходя то на одну, то на другую сторону.

Бей-Булат Таймазов пользовался громадным влиянием на чеченские народные массы. С ним считались крупнейшие русские военные деятели, выражая ему свое почтение, пытаясь склонить его на свою сторону, смягчить остроту политических событий. Внешне сохраняя дружеские связи с русским командованием, он накапливал большие силы, искусно использовал авторитет духовенства и затем внезапно начал энергичные военные действия. Он вел сложную игру, не останавливаясь порой ни перед какими средствами.

Лермонтов говорит, что Бей-Булат преследовал родного брата. Поэт называет его "убийцею коварным".

В жизни Бей-Булата Таймазова известен следующий эпизод, характеризующий его в том же свете. Однажды русские власти подослали к нему двух наемных убийц. Они явились к нему темной ночью, и один из них сказал, что пришел из его родного аула. Услышав незнакомый голос, Бей-Булат заподозрил обман, опасность; он не вышел сам из комнаты, а выслал своего племянника. Едва тот вышел, как пал под ударами двух кинжалов. Бей-Булат тотчас выскочил, убил одного из врагов, а другого схватил сбежавшийся народ.

После этого Бей-Булат лично отправился к Ермолову с изъявлением примирения, но вскоре вновь начал открытые военные действия, стремительно нападая на русские отряды и укрепления. Подавление восстания, возглавленного Таймазовым, стоило русскому командованию громадных усилий. Эти события происходили в 1824—1826 годах. Впоследствии Бей-Булат ушел на западный фронт, а еще позже — уехал к анапскому паше и пользовался покровительством командующего на турецком фронте графа Паскевича.¹⁹ В 1829 г. Бей-Булата видел на турецком фронте А.С. Пушкин, упоминающий об этом в "Путешествии в Арзрум":

"Славный Бей-Булат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений, возмущившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паскевича. Бей-Булат, мужчина лет 35, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит, или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду".²⁰

Одним из главных действующих лиц поэмы "Измаил-Бей" является князь Росламбек, брат героя. До сего времени нигде не указывалось, что это тоже действительное лицо.

В обрисовке Лермонтова Росламбек — контрастное лицо по отношению к Измаил-Бею. Он изображен человеком энергичным, храбрым, но честолюбивым, завистливым и мстительным; он ведет двойную игру:

**Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники сбিরались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбек,
Склонялся перед русскими смиренно,**

**А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной.
И, возвратясь в аул, на пир кровавый
Он пленников дрожащих приводил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.** (III, 214—215).

В конце поэмы автор называет его "жестоким братом", "завистником вероломным" (III, 257).

Этой личности он противопоставляет благородного Измаил-Бея. Сообщаем краткие сведения о подлинном Росламбеке.

В самом начале XIX в. в русском войске находился кабардинский князь Росламбек Мисостов, состоявший полковником в лейб-гвардии казачьем полку. Однажды он исчез из русского лагеря. Оказалось, что он ушел за Кубань вместе с подвластными ему аулами. Мотивами к этому послужила кровная месть за смерть родного племянника, убитого в одном из набегов на Линию. За ним была послана погоня — целый полк. Завязался бой, продолжавшийся трое суток; русские отступили. Вскоре Росламбек сам предложил заключить перемирие, говорил о своем раскаянии, беседовал с начальником русского отряда и заявил, что теперь, когда кровь пролита, он готов вернуться к русским. Он даже обещал помочь русским достать затонувшее в реке их орудие. К упомянутому им месту была выслана рота солдат и 35 казаков. Когда они, оставив на берегу оружие, спустились к реке в указанном месте, Росламбек подал условный знак засаде, и почти весь русский отряд был истреблен. Росламбек ушел в горы и стал одним из самых неприимых абреков.²¹

Имя этого лица, национальность, черты характера послужили Лермонтову данными для создания образа старшего брата героя поэмы.

Для освещения образа героини этого произведения, Зары, мужественной воительницы, достойной спутницы Измаил-Бея, можно привести следующий эпизод из истории Кавказской войны.

В 1842 году в числе пленных близ селения Большой Яндырки с партией чеченцев была взята девушка, одетая в мужской костюм. Оказалось, что она уже более десяти лет участвовала в военных делах. Ее возили показывать, в национальном воинском платье, Николаю I. Затем она была отправлена в крепость Грозную, где жила в большой нужде.²²

Лермонтов мог слышать если не об этой девушке-воине (начало участия в войне которой относится к началу 30-х годов), то о других подобных случаях или во всяком случае о женщинах, сражавшихся в рядах своих отцов и братьев. В военных донесениях того времени очень часто сообщалось о таких случаях. Недаром поэт говорит:

**Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть — кинжал двойной.** (III, 195).

Образ Зары — один из лучших в лермонтовской галерее женских образов — в значительной степени вырос на реальной почве.

Прототип самого Измаил-Бея нами пока не установлен, но в его облике и судьбе есть характерные для той эпохи черты. Знаменателен эпизод с передачей сына в аманаты. Измаил с детства тоже был аманатом; получил образование в Петербурге, служил офицером, принял христианство.

Взятие детей горцев в заложники широко практиковалось русскими властями в эпоху Кавказской войны. В материалах по истории этой войны и в записках путешественников, посещавших Кавказ в 20—30-х гг. XIX в., упоминания об аманатах весьма часты. Подобные случаи были известны и Лермонтову.

Очень важно то обстоятельство, что у целого ряда писателей мы встречаем явные нотки сочувствия к судьбе горских заложников, томившихся в плену.

В книге Н.Н. (Нефедьев Николай) "Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году" в описании Владикавказской крепости встречаем следующие строки: "В самой крепости есть небольшой садик и липовая аллея, заменяющая бульвар, где видел я гуляющих аманатов. Это маленькие дети владельцев или старшин разных горских народов, залог их верности".²³

В одной из прокламаций генерала Ермолова к чеченцам указывалось на то, что в случае упорства горцев аманаты их будут содержаться под строгим арестом и отправляться в Россию, а селение их будет признано виновным. Аманатов же деревень, которым дано прощение, разрешается содержать лучше прежнего и не под арестом, давая им свободу сколько возможно, допуская к свиданию с родными.²⁴

Нам известно, что дядя ингушского краеведа Ч.Э. Ахриева, Темурко Мисостович Ахриев, в 30-х годах XIX в. был взят заложником и впоследствии зачислен в гвардейский горский дивизион (в Варшаве). В 1845 г. он был произведен в офицеры и получил разрешение вернуться на родину.

В комментариях к поэме "Измаил-Бей" проф. Б.М. Эйхенбаум отмечает следующее: "Вполне возможно, что Лермонтов лично встречался с горцами, получившими образование в России и потом действовавшими на родине. Именно в 20—30-х годах такие случаи были нередки. Об одном из них рассказывает, например, В.П. Бурнашев. Н.И. Греч познакомил Бурнашева с Хан-Гирем — горцем, который, подобно Измаилу, был послан отцом на воспитание в Россию к Ермолову и сделал карьеру на русской военной службе: был назначен флигель-адъютантом и произведен в полковники гвардии. (Лерм., соч., III, 584). В журнале "Северный архив" за 1828 год находим интересные строки: "Дети многих князьков, воспитанные в Петербурге, достигнув до зрелых лет, оставляли все выгоды, сопряженные с гражданской жизнью, и возвращались опять в свои отечественные вертепы".²⁵

В Чечено-Ингушской АССР до сего времени бытует легенда, которую приходилось слышать нам еще в дооктябрьские годы, возводящая образ Измаил-Бея к исторической личности — одному из известных участников Кавказской войны по имени Бата Шамурзаева. В детском возрасте в 1819 г. Бата Шамурзаев был взят в плен; барон Розен оказал ему покровительство, забрался о его воспитании. Впоследствии его приблизил к себе наместник в Польше великий князь Константин Павлович. По фамильным преданиям, Бата пробыл в плену 15—16 лет, затем возвратился на родину, состоял переводчиком в действующей армии левого фланга; потом перешел на сторону Шамиля, быстро выдвинулся, как один из виднейших наибов, но, не поладив с имамом, вновь перешел на сторону русских, служил при князе Барятинском и умер в чине майора. Мысль о том, что с Шамурзаева, по-видимому, списан образ Измаил-Бея, высказывалась и в печати.²⁶

Ряд подробностей из биографии Б. Шамурзаева внешне действительно напоминает нам эпизоды из жизни лермонтовского героя, но названный шамилевский наиб не является прототипом Измаила, т. к. он был взят в плен 9 или 10 лет в 1819 г., а возвратился на Кавказ лет 15—16 спустя, т. е. через 2—3 года после написания Лермонтовым поэмы "Измаил-Бей". Поэт мог слышать от современников о взятии Шамурзаева в плен и о воспитании его в военной среде; дальнейшие же важные события произошли или по написании Лермонтовым поэмы (возвращение Шамурзаева в Чечню в 1834 г. или 1835 г.), или даже после его

смерти (переход Баты к Шамилю состоялся в 1842 году). Таким образом, отождествлять Измаила и Бату нельзя.

Сам поэт называет своего героя черкесом. В связи с этим небезынтересно отметить небольшой рассказ неизвестного автора "Черкес", опубликованный в "Невском альманахе" за 1829 г. Герой рассказа — молодой черкес по имени Чиккай, живший за Кубанью. Он хотел жениться на дочери узденя Фатьме. В одной из схваток с донскими казаками Чиккай был взят в плен, отвезен на дальний север в (Финляндию) и отдан в солдаты. Он заболел и был отправлен в госпиталь. "Болезнь его — тоска по родине, тоска о потере дикой свободы. Каждое утро он выходит на берег, одинок и печален, и просиживает здесь долгие часы". Его любимое занятие — петь песню о далекой родине; она начинается словами "В плену черкес! пропал черкес!"²⁷ Эта песня, без указания автора, годом позже перепечатана в альманахе "Северный певец". Приводим из нее несколько строк:

...Погиб аул, два милых брата,
Погибла дева и друзья,
Мой лук тугой, мой конь крылатый,
Один остался я!
.....
...Но где же все, чем в жизни сей
Черкес свободный наслаждался,
Чем он дышал, за что сражался?
За деву, вольность, кров, друзей!..
Беспечной радости обитель,
Быть может, меч или огонь
Занес туда казак губитель!
О!.. где крылатый конь?..²⁸

Указанные нами документальные литературные данные с несомненностью показывают, что это произведение молодого поэта изобилует историческими и этнографическими эпизодами и деталями, весьма характерными для описываемой им эпохи. Ниже мы приводим еще ряд фактов, подтверждающих, что в основу поэмы положены подлинные события.

Главная тема, развитая в поэме, — героическая борьба горцев Северного Кавказа с русскими колонизаторами. Все симпатии автора — на стороне горцев:

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя. (III, 196).

Автор рисует яркие картины вынужденного переселения черкесов из родных пределов, с берегов Подкумка:

Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садилась молча на коней
И заряжали pistols,
И на костре высоко жгли,
Что взять с собою не могли. (III, 195).

Изгнанники находят приют у гостеприимных чеченцев и строят новый аул на берегу Аргуна. Поэт подчеркивает мотив дружественных взаимоотношений различных горских народов:

Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружною взаимной,
Там каждый путник находил
Ночлег и кров гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был. (III, 194).

Приют у чеченцев находит и семья лезгина, отца Зары, героини поэмы (III, 205). Черкесский князь Рослаббек накапливает силы для отпора завоевателям:

**Уж Рослаббек с брегов Кубани
Князей союзных поджидал;
Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал.** (III, 196).

Упоминание Лермонтовым об объединенных военных действиях горских народов соответствует историческим данным; в описываемую им эпоху горские предводители действительно посылали к соседним и отдаленным народам Северного Кавказа своих представителей, а также и вооруженные отряды. Так, например, названный выше Бей-Булат, имя которого было известно Лермонтову, в 1825 году сносился с Кабардой, посылал туда партию воинов в 300 человек.

В отрядах самого Бей-Булата находились карабулаки и лезгинны. В 1826 г. один из аварских ханов присылал к нему депутацию с предложением личных услуг и войска.²⁹

Завязкой поэмы является возвращение младшего брата Рослаббека из плена. Он был взят в заложники, когда ему минуло только четырнадцать лет. Получив образование на далеком севере, он служил в русской армии, принял христианство, начал забывать родной язык. Но север не стал его второй отчиной; Измаил навсегда и без сожаления покидает его и отдает все силы борьбе своих соотечественников за свободу. Его необычайная отвага, ум, энергия, беззаветная преданность родине быстро создают ему славу героя. Рослаббек, любивший популярность, завидует брату, и между ними начинается глухая борьба, заканчивающаяся трагической гибелью Измаила, павшего от руки Рослаббека:

**Жестокий брат, завистник вероломный!
Ты сам наметил выстрел роковой;
Ты не нашел в горах руки наемной.** (III, 257).

Поэма дышит страстным протестом против тех насилий и жестокостей, какие несли в горские земли царские войска. В беседе с русским офицером Измаил с гневом говорит:

**"За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы и волю,
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?"** (III, 227).

Действие лермонтовской поэмы совпадает с очень важным периодом истории Кавказской войны, относящимся к концу 20-х и началу 30-х гг. XIX в. В эту пору российское верховное командование, закончив войны с Персией (1826—1828 гг.) и Турцией (1828—1829 гг.), стало уделять усиленное внимание Кавказскому фронту, особенно его восточной части — Чечне и Дагестану; там, в связи с развитием мюридизма, борьба достигла большой напряженности. При этом помимо главных, прекращавшихся военных действий в Чечне и Дагестане, завоеватели предпринимали систематические операции и в других горских областях Северного Кавказа. Эти операции бывали двух родов, а именно: 1) набеги, совершавшиеся в ближайших от русских военных поселений местностях и требовавшие недолгого времени, рассчитанные на внезапность и быстроту нападения, и 2) экспедиции, имевшие более ответственные и широкие

задачи, выполнявшиеся с помощью значительных сил, в течение большего времени. Как набеги, так и экспедиции сопровождались невероятными жестокостями и бесчинствами: горские поселки подвергались разгрому, жилища и пожитки местного населения ограблялись и поджигались жители, без различия возраста и пола, предавались смерти. К числу таких кровавых операций относятся, например, походы ген. Абхазова 1830 г. в Ингушию и в Северную Осетию; в своих донесениях этот сатрап лаконично сообщал о том, что им совершенно уничтожен целый ряд горских селений.³⁰

Лермонтов, как один из самых передовых людей своего времени, разоблачает в своей поэме подобные действия царских войск. Особенно сильно написана им II строфа III части поэмы; приводим эту строфу полностью:

**Горят аулы, нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою:
За поцелуем вслед звучит кинжал, -
Отпрянул русский, — захрипел, — и пал!
"Отмсти, товарищ" и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийцы мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит, — черкесской вольности костер!..** (III, 235).

Таких резких, энергичных, негодующих стихов русская поэзия до Лермонтова не знала. В параллель им можно привести отрывки из статьи И. Дроздова "Начало деятельности Шамиля", в которой описывается разгром русскими войсками двух чеченских аулов в середине 30-х годов (т. е. всего несколькими годами позже событий, изображенных Лермонтовым): "Не взирая на весьма трудную местность, казаки быстро окружили аул, а не отстававшая от них пехота ворвалась в середину селения — и участь Ангелика была решена. Чеченцы, засев в саклях, стали отстреливаться; почти каждый дом, каждый двор приходилось брать штурмом и с трудом сломить упорство неприятеля. Спасавшиеся бегством из аула попадали под шашки казаков, остающиеся в ауле погибали под ударами штыков. Пощажены были те, которые сдались добровольно. К 8-ми часам утра от аула Ангелика осталась лишь груда сожженных саклей".

"Вслед за кавалерией Куринцы бросились на аул с фронта. Атака была произведена так быстро и неожиданно, что жители не успели приготовиться к отпору и скрыть свои семейства. Оправившись от охватившего их ужаса, ичкеринцы с бешенством отчаяния кидались на войска, но падали под ударами штыков и прикладов. Даже женщины и дети принимали участие в сопротивлении. Восходящее солнце осветило ужасную картину истребления Зандака, ужасную потому, что на этот раз не щадили ни женщин, ни детей".³¹

Мотив вольности пронизывает всю поэму; борьбе за вольность отдал все силы Измаил; этой же борьбе всю себя посвятила и Зара. Затаенная, глубокая любовь этих двух людей различной национальности (герой — черкес, героиня — лезгинка) прошла, как показывает автор, через все испытания. Как в упомянутой строфе поэмы, так и в ряде других мест поэт отмечает мужество и стойкость горянки. Образ Зары не случайное, а типическое явление. Благородство и героизм Измаила и Зары оттеня-

ются автором контрастными по отношению к ним образами коварного, расчетливого Рослаббека и русского офицера, преследующего личные цели.

В поэме описывается целый ряд эпизодов, связанных с событиями Кавказской войны, происходившими частью в Кабарде и большей частью — в Чечне; восстание, возглавляемое в Чечне Бей-Булатом, было подавлено в 1826 г. Ермоловым, но борьба горцев продолжалась на Кубани и Тереке.³²

Особенно подробно описывает Лермонтов битву, в которой был убит личный враг Измаила — русский офицер. В этой упорной битве горцы проявили большую стойкость; но Измаил получил рану, выбыл из строя, и его отряд должен был отступить (III, 245—250). Автор упоминает, что в этом деле участвовали "ширванские полки" (III, 249). Это сражение происходило недалеко от берегов реки Аргун, о которой упоминает поэт (III, 252).

Многие подробности, поэтически описанные Лермонтовым, соответствуют подлинным фактам. В походе Ермолова в Чечню в 1826 г. принимал участие и ширванский полк. В конце января этого года к берегам Аргуна из крепости Грозной был выслан сильный отряд в составе двух батальонов ширванского полка, роты егерей и 500 линейных казаков под начальством подполковника Ковалева. На русском берегу Аргуна был сожжен аул Чах-Кери. В это время подоспели силы горцев.

"В эту минуту вся чеченская сила обрушилась на ширванские батальоны. Бой завязался отчаянный. Орудиям приходилось действовать почти в упор, на расстоянии каких-нибудь 10—15 сажень, и действие картечи было поистине ужасно. Все офицеры, находившиеся в цепи, по словам Ермолова, должны были драться наравне с солдатами. Сами чеченцы говорили потом, что не помнят такой ожесточенной схватки".³³

Эти данные являются ценными комментариями к батальным сценам поэмы Лермонтова, особенно к следующим стихам:

**Все жарче бой; главы валятся
Под взмахом княжеской руки;
Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!
Но что ж? победа изменила.
Раздался вдруг неожиданный гром,
Все в дыме скрылося густом:
И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудью костей
Свалился ряд его друзей.
Как град посыпалась картеча;
Пальбу услышав издалеча,
Направя синие штucky,
Спешат ширванские полки. (III, 249).**

Этими же данными подтверждается правдивость описания Лермонтовым поединка Измаила с русским офицером (III, 248).

Поэт говорит, что жители некоторых черкесских аулов, вынужденные покинуть родину, переселились в Чечню (III, 214). Это исторически верно. Во время упомянутого похода Ермолова в Чечню был уничтожен, в числе других чеченских сел, Даут-Мартан, "вечный приют кабардинских абреков".³⁴

Изображением событий на "Оссоевском поле" (т. е. на равнине между рр. Ассой и Аргуном) завершается фабула поэмы. В эпилоге автор говорит, что и после того борьба горцев продолжалась:

**Прошло два года, все кипит война...
Везде, где враг бежит и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила. (III, 255).**

Из личной мести Рослаббек убивает брата, который не надолго пережил Зару, разделявшую с любимым человеком все опасности изгнания и боевой жизни.

Лермонтов обнаруживает прекрасное знакомство с горским бытом. Он не раз упоминает об обычае гостеприимства; напомним сцену приезда Измаила к старику-лезгину:

**Кто здесь? — Я странник! — был ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор. (III, 204).**

С такую же заботливостью относится к случайному гостю хозяин при прощании с ним:

**На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радужно гостя проводил. (III, 210).**

Обычай гостеприимства соблюдает при встрече с русским офицером и сам Измаил:

**"Чего ты хочешь от меня?"
"Гостеприимства и защиты! —
Пришлец бесстрашно отвечал, —
Свой путь в горах я потерял...
.....
Твоей я чести предаюсь!"
"Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся..." (IV, 226).**

С. Броневский в известном сочинении "Новейшие географические и исторические известия о Кавказе" (1823 г.) приводит о гостеприимстве черкесов аналогичные подробности: "Вошедший в дом вступает во все права гостя, то есть под особенную защиту хозяина, пока со двора не съедет, причем подразумевается обязанность накормить гостя, дать покой и проводить его на безопасную дорогу или к ближайшему соседу благополучно. Приезд гостя есть приятное происшествие для всех домашних, доставляющее всякому свои заботы, кои отправляются с отменною услужливостью".³⁵

Лермонтов, описывая первую встречу Измаила с Зарой, говорит, что девушка, подав ужин отцу и гостю, колебалась, уйти ей или остаться; наконец, не боясь гнева отца, решила остаться в той же комнате, чтобы присутствовать при беседе старших (III, 207).

В параллель этой сцене приводим следующие интересные данные об обычае гостеприимства у горцев.

"Является также с визитом дочь хозяина дома и всегда за нею приносят блюдо со свежими или сухими овощами, глядя по времени года; гость приглашает ее присесть, и по краткой беседе она удаляется. Подобные визиты делаются только родственникам или особо уважаемым лицам".³⁶

Поэт упоминает о суде старейшин ("И старцы с белыми власами судили распри молодых" — III, 194), о народных праздниках и развлечениях:

**Дни мчатся. Начался байран.
Везде веселье, ликование.
.....
Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула; темно. (III, 217—218).**

С редким мастерством описывает Лермонтов национальный костюм и осанку лихого наездника — горца:

Кто ж этот путник? русский? нет.
 На нем чекмень, простой бешмет,
 Чело под шапкою косматой;
 Ножны кинжала, пистолет
 Блестят насечкой небогатой;
 И перетянут он ремнем,
 И шашка чуть звенит на нем;
 Ружье, мотаясь за плечами,
 Белее в шерстяном чехле;
 И как же горца на седле
 Не различить мне с казаками? (III, 198).

Описывая боевое снаряжение черкесов, Лермонтов говорит не только об огнестрельном оружии, но и о старинных доспехах: Измаил в бою появляется "в броне железной" (III, 247, см. еще стр. 237, 242), на его голове шишак (III, 248; см. еще III, 253); Селим (Зара) носит звонкий колчан и лук (III, 245, 248). Эти подробности не дань романтическому стилю, а вполне реалистические черты. Тот же Броневский при описании одевания черкесов сообщает следующее: "Без сабли, пистолета и кинжала никогда не отлучаются от двора; но в полном военном наряде вооружаются еще луком, колчаном со стрелами и ружьем, и, у кого есть, надевают на себя панцирь".³⁷

С глубокою симпатией обрисовывает Лермонтов образ народного певца:

Вокруг огня, певцу внимая,
 Стопнулась юность удалая,
 И старики седые в ряд
 С немym вниманием стоят.
 На сером камне, безоружен,
 Сидит неведомый пришлец,
 Наряд войны ему не нужен;
 Он горд и беден — он певец!
 Дитя степей, любимец неба,
 Без злата он, но не без хлеба.
 Вот начинает: три струны
 Уж забренчали под рукою,
 И живо, с дикой простотою
 Запел он песню старины.

Черкесская песня, которую поет певец, развивает мотив о воле:

Много дев у нас в горах;
 Ночь и звезды в их очах;
 С ними жить завидна доля,
 Но еще милее воля! (III, 218).

Героическим духом проникнута и песня Селима, прославляющая постоянство любви и отвагу:

Любви изменивший
 Изменой кровавой,
 Врага не сразивши,
 Погибнет без славы;
 Дожди его ран не обмоют,
 И звери костей не заруют!
 Месяц плывет
 И тих и спокоен;
 А юноша-воин
 На битву идет! (III, 243).

Знакомство поэта с горским фольклором проявляется также в упоминании о злом духе, низвергнутом с неба и скованном в течение трех веков тяжелой цепью (III, 223). Этот мотив чрезвычайно популярен на Кавказе и известен в различных вариантах у многих горских народов.³⁸ Характерен также еще следующий образ:

Там разноцветною дугой,
 Развеселясь, нередко дивы
 На тучах строят мост красивый,
 Чтоб от одной скалы к другой
 Пройти воздушною тропой. (III, 217).

Дивы, или дэвы, также часто встречаются в эпосе народов Северного Кавказа и Закавказья.

Как художественное целое, поэма "Измаил-Бей" отличается очень высокими красотою языка и образов, искусным построением фабулы. Помимо главного мотива — борьбы горцев за родину, это произведение включает в себе целый ряд других мотивов, насыщающих его сложным и динамично развивающимся действием: любовь Измаила и Зары, вражда братьев, вражда Измаила и русского офицера. Наиболее удачны образы Измаила, Зары и Росламбека. Картины мирного быта чередуются с батальными сценами. Вершин поэтического мастерства достигает Лермонтов в описании кавказской природы; по своей красочности, верности местного колорита и разнообразию они могут быть отнесены к числу высших достижений его поэзии; достаточно отметить такие шедевры, как XX строфа I части ("Погас, бледнее, день осенний") и I строфа III части ("Шумит Аргуна мутною волной"). Эти картины отличаются глубокой правдивостью. Очень верно изображает он впечатление, которое производят на неопытного путешественника отдаленные горы, кажущиеся, благодаря прозрачности воздуха, находящимися близко от наблюдателя:

Пред ним с оттенкой голубою,
 Полувоздушною стеною
 Нагие тянутся хребты;
 Неверны, странны, как мечты,
 То разойдутся, то сольются...
 Уж час прошел, и двух уж нет.
 Они над путником смеются,
 Они едва меняют цвет.
 Бледнеет путник от досады,
 Конь непривычный устает... (III, 201—202).

То же подмечали многие путешественники, побывавшие на Кавказе. Например, в "Дорожных записках по Кавказскому краю 1841 года" П. Егоров сообщает, что, когда он ехал в Пятигорск, то ему чудилось, что горы находятся так близко, как говорится, хоть рукой достать, не далее как саженьях в 100—200, но, по словам казака, они отстоят далее чем за тридцать верст; какой оптический обман!³⁹ Тем же впечатлением делится П. Хицунов: "Не веришь глазам своим, сомневаешься, чтоб действительно то были горы; между тем очерки их делаются яснее и яснее, высота растет по обманчивым оптическим законам, и за 50 верст они кажутся отстоящими от вас не далее, как на 5 верст".⁴⁰ Оба автора описывают те же горы, которые изображает и Лермонтов.

Отдав в этой поэме значительную дань романтизму (ср., например, стихи 294—308, 501—520, 626—633, 1790—1814 и др.), автор в то же время обнаруживает большое тяготение к реализму, к простоте; отметим, например, следующие места:

Две сакли белые, простые,
 Таятся мирно за холмом,
 Чернеют крыши земляные,
 С краев ряды травы густой
 Висят зеленой бахромой...
 ...Широкий окружает двор
 Из кольев и ветвей забор,
 Уже нагнутый, обветшалый. (III, 204).
 ...Между кизилowych дерев
 Аул рассыпан над рекою;

Стоит отдельно каждый кров,
 В тени под дымной пеленою
 Здесь в летний день, в полдневный жар,
 Когда с камней восходит пар,
 Толпа детей в траве играет,
 Черкес усталый отдыхает;
 Меж тем сидит его жена
 С работой в сакле одиноко,
 И песню грустную она
 Поет о родине далекой... (III, 217).
 Там, где кустарником покрыты,
 Встают красивые граниты
 Каким-то пасмурным венцом,
 Есть поворот и путь, прорытый
 Арбы скрипучим колесом. (III, 252).

Поэт вводит локальные выражения: "джяур" (стр. 196), "шайтан" (стр. 204), "чихирь" (стр. 205), "байран" (стр. 217), "узень" (стр. 222), "джигит" (стр. 240). Речь его изобилует афоризмами; отметим, например, следующие:

Кто с гордою душою
 Родился, тот не требует венца. (Стр. 194).
 Не все судьба голубит нас,
 Всему свой день, всему свой час. (Стр. 194).
 Вольность, вольность для героя
 Милей отчизны и покоя. (Стр. 196).
 Так быстро скачет только тот,
 За кем раскаяние мчится. (Стр. 201).
 Бывают люди: чувства — им страданья;
 Причуда злой судьбы — их бытие. (Стр. 224).
 Пусть лик одежда изменяет:
 Не взор — душа врага узнает. (Стр. 230).
 Чем реже нас балует счастье,
 Тем слаще предаваться нам
 Предположеньям и мечтам. (Стр. 250).

Поэма в большей своей части написана четырехстопным ямбом, но автор во многих местах вводит пятистопный ямб; другим размером написаны вводные песни "Черкесская песня" (хорей) и "Песня Селима" (амфибрахий). Молодой поэт прекрасно владеет стихом, отличающимся гибкостью и музыкальностью. К печати она, однако, не была предназначена взыскательным автором и появилась в свет два года спустя после его смерти в "Отечественных записках" со следующим кратким пояснением от редакции:

"Все это произведение может служить фактом поэзии духа и характера Лермонтова. Тут читатели встретят в герое поэмы тот же колоссальный, типический образ, который с ранних лет был избраным, любимым идеалом и является потом во всех произведениях поэта, в котором Россия безвременно утратила, может быть, своего Байрона... Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено, как общее достояние современного общества и потомства, — и мы уверены, что, помещая "Измаил-Бея" в нашем журнале, делаем истинный подарок образованной части русской публики, хотя, по причинам, от нас не зависящим, мы и не могли напечатать вполне всю поэму".⁴¹

В последних словах редакция подразумевает цензурные сокращения; в поэме было опущено много отдельных мест и целые строфы (например, в I ч. — строфы 14, 15, 16, во II ч. — строфы 2 и 3, в III ч. — строфа 1); общее количество стихов, не пропущенных цензурой, более двухсот!

В поэме, несомненно, имеются отзвуки не только действительных событий, но и художественных произведений русских и иностранных авторов.

Указывают, например, влияние поэм Пушкина — "Кавказский пленник", "Цыганы", "Полтава". Сходство усматривается в фабульных положениях (романтический мотив в "Кавказском пленнике" Пушкина, ср. образы Измаила и Зары у Лермонтова).

Очень ценные высказывания об этой поэме находим в записках Л.Н. Толстого 1854 г.: "Я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось мне более потому, что я начинаю любить Кавказ хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно, хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи: война и свобода".⁴²

"Измаил-Бей" тесно связан со многими последующими произведениями Лермонтова. Прежде всего следует отметить могучий образ Измаила, весьма близкий к образам Арбенина, Мцыри, Печорина, Демона. Мотив о горце, в детстве попавшем в плен и мечтающем о возвращении на родину, с еще большим мастерством развит в "Мцыри". Наконец, не собираясь печатать "Измаил-Бея", автор воспользовался целым рядом имеющихся в нем образов для более поздних произведений. Укажем, например, такие стихи:

"Измаил-Бей":

Еще небесное светило
 Росистый луг не обсушило.
 Со скал гранитных над путем
 Склонился дикий виноградник,
 Его серебряным дождем
 Осыпан часто конь и всадник. (III, 197).

Там, где кустарником покрыты,
 Встают красивые граниты
 Каким-то пасмурным венцом,
 Есть поворот и путь, прорытый
 Арбы скрипучим колесом.
 Оттуда крови земляные,
 Мечеть, белеющий забор,
 Аргуны воды голубые,
 Как под ногами, встретит взор! (III, 252).

Одно лишь светится окно. (III, 204).
 Вдруг слышит выстрел — что такое? (III, 199).

...И снова

Садится на коня лихого. (III, 204).

"Хаджи Абрек" (1833—34 гг.):

Еще ленивое светило
 Росы холмов не осушило.
 Со скал высоких над путем,
 Склонился дикий виноградник;
 Его серебряным дождем
 Осыпан часто конь и всадник. (III, 268).

Есть поворот — и путь, прорытый
 Арбы скрипучим колесом,
 Там, где красивые граниты
 Рубчатым сходятся венцом.
 Оттуда он как под ногами
 Смирный различит аул... (III, 268).

"Боярин Орша" (1835—36 гг.):

Одно лишь светится окно. (III, 283)

"Демон":

**Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел — что такое?** (III, 462).

**Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихова!** (III, 464).

Замечательный образ ползущей змеи, знакомый нам по поэмам "Аул Бастунджи" (III, 170) и "Измаил-Бей" (III, 203), позже встречается в "Мцыри" (III, 448–449) и "Демоне" (III, 487). Кроме того, не были забыты и обе песни, введенные в поэму "Измаил-Бей": "Черкесская песня" (III, 218–219) в новом варианте была перенесена в повесть "Бэла" (V, 197), а "Песня Селима" (III, 243) — в поэму "Беглец" (III, 361–362).

Необходимо отметить, что Лермонтов не ограничивался в большинстве случаев простым переносом ранних стихов в более зрелые произведения; часть стихов удовлетворяла его настолько, что он без существенных изменений вводил их в позднейшие свои создания; однако еще чаще он подвергал их глубокой переделке, меняя и стихотворный размер, и отдельные образы; для примера возьмем начало "Черкесской песни" из "Измаил-Бея".

**Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!**

Ср. песню Казбича:

**Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз,
Сладко любить их — завидная доля,
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.**

Как мы видим, "Черкесская песня" при написании "Бэлы" была глубоко переработана автором. Сохранены основные мысли, оставлен целый ряд поэтических выражений; но изменен ритм стихотворения, и песне придана классическая лаконичность (вместо прежних 24 стихов поэт ограничился всего восемью строками). К сожалению, автограф поэмы "Измаил-Бей" пока не найден, и черновая работа поэта над этим произведением остается пока неизвестной.

К тому же 1832 г., помимо упомянутого выше стихотворения "Прощанье", относится отрывок, написанный в начале ритмической прозой, а затем переходящий в правильный стих, — "Синие горы Кавказа, приветствую вас!" (I, 341–342). Этот набросок представляет большой интерес. Поэт подчеркивает свою неизменную любовь к Кавказу — к его природе, к его вольнолюбивым обитателям. По основным мыслям и настроению названное произведение близко к "Посвящениям" поэм "Аул Бастунджи" (III, 168–169) и "Демон" (III, 530–531). Целый ряд образов этого отрывка мы находим в других произведениях Лермонтова различных лет. Укажем, например, следующие строки: "престолы природы" (ср. "Измаил-Бей": "престолы вечные природы" — III, 192), "пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей? отвечают" (ср. "Аул Бастунджи": "и, пробудясь от сна, как часовые, пещеры откликнулись кругом" — III, 169), "воздух там чист, как молитва ребенка" (ср. "Княжна Мери": "воздух

чист и свеж, как поцелуй ребенка" — V, 240). Выше мы отмечали, что к данному произведению близко раннее стихотворение "Утро на Кавказе" (I, 97).

Цикл произведений с кавказской тематикой, написанных Лермонтовым до первой ссылки, завершается поэмой "Хаджи Абрек", относящейся к 1833–1834 гг. Она была, помимо желания самого автора, передана в журнал "Библиотека для чтения" и напечатана в нем в 1835 г. (т. XI). Близкий родственник и друг поэта А.П. Шан-Гирей передает об этом следующие подробности: "С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе Николай Дмитриевич Юрьев, который, после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи, передал, тихонько от него, поэму "Хаджи Абрек" Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанною в "Библиотеке для чтения". Лермонтов был взбешен; по счастью, поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать".⁴³

По содержанию это произведение примыкает не к "Измаил-Бею", насыщенному политическими идеями, а к бытовым поэмам "Каллы" и "Аул Бастунджи". Основной мотив "Хаджи Абрека" — кровная месть; герой поэмы мстит князю Бей-Булату за убийство своего брата; он мог бы убить противника в поединке, но такую кару Хаджи считает малой:

**"Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?.. О нет!
Он что-нибудь да в мире любит:
Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!"** (III, 273).

Узнав, что Бей-Булат похитил у одинокого старика-лезгина его прекрасную дочь Лейлу, Хаджи решается привести свое заглавное желание в исполнение; он разом отомстит Бей-Булату и как похитителю, и как убийце. Поэма, проникнутая романтикой, завершается кровавой развязкой: Лейла убита беспощадным Хаджи, отец ее умирает с горя, сам Хаджи и Бей-Булат погибают в поединке. Все произведение выдержано в суровых, мрачных тонах. Центральные образы Хаджи и Лейлы являются резко противоположными: Хаджи жесток и мстителен, Лейла — резва и беспечна. Лучшие места в поэме — описательные мотивы: картины природы (III, 268, 275), пляска Лейлы (III, 271–272), бешеная скачка Хаджи, возвращающегося домой с мертвой головой лезгинки (III, 275–276).

В поэме нет точных указаний на то, где развивается главное действие. Родина старика — Дагестан (III, 272); он лезгин; гонимый бедствиями, он уединенно живёт на чужбине, близ аула Джемата, где встречается с Хаджи. Судя по краткому описанию Лермонтова, это большое селение, расположенное на поляне, у подножья крутой горы. Слава о джематских удальцах гремит по всему Кавказу:

**Велик, богат аул Джемат.
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены.** (III, 265).

Вопрос о том, с какой местностью связано действие поэмы, до сего времени вызывает разноречивые суждения. Так, Дьячков-Тарасов, описывая свою поездку по Карачаю, упоминает о развалинах аула Джемаата, воезского Лермонтовым:

"Мы остановились на месте этого некогда знаменитого аула, населенного абреками из абхазского воинственного племени

цебельдинцев, живущих по ту сторону гор и до 60-х годов упорно сопротивлявшихся русским. Лет 40—50 назад, говорит местное предание, аул посетил мор и унес большую часть жителей. Действительно, за Джемаатом мы увидели на другой день обширное кладбище, огороженное из чувства благочестия карачаевцами; версты на полторы мы видели кучи камней, остатки бывших саклей. Слава о джematских удалцах далеко распространилась". Один из местных жителей, князь Урусбиев, потеряв от страшной болезни двух сыновей, знаменитых джигитов, бросил это место и поселился близ Эльбруса. "По рассказам баталпашинского старожилы, полковника Кузовлева, Урусбиевы посещали русский лагерь, и Лермонтов, живший "на линии" и в Пятигорске, мог слышать и от них крошечный сюжет своей поэмы. Что же касается разницы в произношении между тебердинским Джемаатом и лермонтовским Джемаатом, то ее легко объяснить условиями стиха: Лермонтов практиковал иногда стяжение двух гласных, например, Бешту вместо Бештау".⁴⁴

Сведения, сообщаемые Дьячковым-Тарасовым, несомненно ценны; здесь важно не только конкретное указание на близость лермонтовского Джемата к действительному названию карачаевского аула, но и указание на то, что местные джигиты своей упорной борьбой с колонизаторами прославились далеко за пределами родины. Напомним стихи поэта:

**Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.** (III, 265).

Однако совершенно лишено основания предположение о том, что Лермонтов, будучи в действующей армии, мог услышать рассказ о Джемаате: поэт написал свою поэму, будучи в юнкерской школе.

Документация названия аула, упоминаемого в поэме Лермонтова, подтверждается и другим краеведом — В.М. Сысоевым в его монографии о Карачае. Автор подтверждает ряд сведений, сообщаемых Дьячковым-Тарасовым; он отмечает, что аул Джемат некогда находился близ впадения реки Джемата в реку Теберду; здесь был большой аул, но во время чумы или холеры большая часть населения вымерла, а оставшиеся жители разбежались, переселившись главным образом в Урусбиевский аул Терской области. По поводу мнения Дьячкова-Тарасова об отождествлении обоих аулов автор указывает, что Лермонтов называет своего героя черкесом и если что-нибудь заимствовал, то только одно название аула; описание же его не подходит к карачаевскому месту.^{44а}

Существует мнение о том, что лермонтовская поэма приурочена к совершенно другому месту.

В.А. Гейман в своих воспоминаниях о событиях в Чечне сообщает следующее: "Проходя чрез развалины аула Чиркей, мы видели остатки огромных садов; вековые ореховые деревья свидетельствовали о былом богатстве разбежавшихся обитателей; каменные сакли представляли одни руины — следствие кровавой борьбы. Аул Чиркей воспет Лермонтовым:

**"Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани..."**⁴⁵

Ту же мысль мимоходом высказывает и Потто, описывая события в Чечне: "До сих пор все наши попытки к овладению Черкеем оставались безуспешны, и это обстоятельство, питая народную гордость черкеевцев, создавало в горах целые легенды. Только про этот аул и мог сказать Лермонтов в своем "Хаджи Абреке":

**...Его свободные сыны
В огнях войны закалены.
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.**

Аул Черкей был взят в мае 1841 г.; Лермонтов в этой экспедиции не участвовал, т. к. находился в отпуску.⁴⁶

Сближение Джемата с чеченским аулом Чиркеем (Черкеем) у обоих авторов ничем конкретно не аргументировано.

Наконец, высказывается предположение, что Лермонтов описывает в своей поэме дагестанский аул. Французский ученый Saint-René Taillandier, характеризуя творчество поэта, бегло говорит о том, что Джемат находится в Дагестане.⁴⁷

И.Е. Мысовский в брошюре "От Нальчика до Сухума" (Москва, 1928 г.) упоминает о том, что существует довольно распространенное мнение, будто в местности близ Теберды был когда-то аул Джемат, известный по лермонтовской поэме "Хаджи Абрек"; по мнению автора, это неправильно: поэма описывает жизнь лезгин, которые никогда здесь не имели аула (стр. 36).

Последние из приведенных нами суждений тоже не заключают в себе никаких определенных данных по интересующему нас вопросу. Как Taillandier, так и Мысовский имеют в виду то, что Лейла и ее отец — родом из Дагестана, но в поэме совершенно ясно говорится о том, что они являются в Джемате пришельцами, а герой поэмы назван поэтом черкесом ("едет шагом черкес на борзом скакуне" — III, 268). В те годы черкесами называли нередко различных горцев, живших в центральной или западной части Северного Кавказа. Наиболее вероятным остается, по нашему мнению, предположение о том, что сюжет "Хаджи Абрека" приурочен к карачаевскому аулу Джемаату (Джемату).

Память о джемаатских удалцах до сего времени живет в народной памяти.

Один из научных сотрудников Ингушского Научного Музея сообщил нам текст карачаевской песни "Емина" (чума), записанной в сентябре 1936 г. в ауле Н. Теберда. В песне развит мотив глубокой скорби, вызванной воспоминанием о покинутом некогда из-за чумы ауле Джамагате (Джамаат) и о минувшей славе его джигитов. Приводим из этой песни несколько отрывков:

Мы вышли из своих узких ущелий.
После многих бедствий и странствований
Поселились в ущелья Теберды.
Здесь мы вспахали поля,
Посеяли пшеницу и ячмень,
Но судьба не дала пользоваться урожаем.
Всех нас настигло горе.
Пришла чума — посланник злого духа.
...Кто расскажет о нашей участи
Старикам ущелья Баксана?
Кто теперь будет ездить на лошадях с товаром Мехера?
Остались жеребцы; чистить и ездить на них некому.
Келемета дочь угнала коров в Чегет-тюз.
Пока вернулись коровы, потеряли двух богатырей:
Урусбий улу джигит Эльмурзу и его брата Алхаза.
Умер Урусбий улу джигит Эльмурза.
...Кто теперь будет наблюдать за его вооружением?
Кто теперь так ловко будет пускать
Его железную стрелу в цель?
Умер славный Алхаз.
Кто теперь будет делать смелые походы?
Дым из хат не выходит.
Джемагатинских джигитов уже не стало.

Сын Атабия, богатырь Чапан
Умер, тоскуя по родине Баксан.
Кругом нет никого, одни горы.
Не у кого просить помощи.

По словам старика-колхозника М.М. Блимготова, передавшего эту песню, жители аула Джемагат вымерли от сильной чумной эпидемии. От этой же болезни умерли известные джигиты, братья Эльмурза и Алхаз. Уцелевшие жители ушли на Баксан, где основали общество Урусбиевых; это было 130 лет назад.

Эти фольклорные сведения представляют большой интерес, как отзвук тех мотивов, которые были известны и Лермонтову.

И.К. Ениколопов в своей работе "Пушкин на Кавказе" (Тбилиси, 1938 г.) высказывает беглое упоминание о том, что прообразом Хаджи Абрека Лермонтова является известный чеченский военный деятель Бей-Булат Таймазов (стр. 115). Никаких конкретных пояснений в развитие этого указания автор не дает.

По нашему мнению, более вероятным будет предположение о том, что имя Бей-Булата Таймазова, встречающееся в поэме "Измаил-Бей", могло вдохновить Лермонтова к созданию образа одноименного персонажа "Хаджи Абрека" — князя Бей-Булата, похитившего Лейлу и павшего в смертельной схватке с Хаджи.

В исторических источниках о Бей-Булате Таймазове мы встречаем следующий эпизод, несколько напоминающий сюжетную ситуацию Лермонтова.

Бей-Булат был кровником одного мирного кумыцкого князя по имени Салат-Гирей. Он убил отца этого князя и носил при себе его оружие. Девять лет спустя они встретились на узкой тропинке. По обычаю старины Бей-Булат должен был уступить дорогу старшему. Однако он не сделал этого. На требование посторониться Бей-Булат насмешливо сказал: "Я убил отца твоего и тебе грозит то же самое". Салат-Гирей выстрелил в него в упор, и пуля попала противнику прямо в сердце. Когда Бей-Булат падал с коня, Салат-Гирей успел еще разрубить ему череп. После этого он прискакал к русским властям и сообщил о случившемся. Ему грозила ссылка в Сибирь, но его спасло заступничество генерал-майора князя Бековича-Черкасского, сослуживца и любимца Ермолова. Это произошло в 1831 году.⁴⁸

При частных расхождениях, этот эпизод имеет и сходство с лермонтовской фабулой (имя героя, мотив кровничества, гибель Бей-Булата в поединке).

В.П. Бурнашев, лично знавший Лермонтова, передал со слов С.Н. Глинки, будто бы А.С. Пушкин признавал поэму "Хаджи Абрек" и другие его стихи, напечатанные в "Библиотеке для чтения", "блестящим признаком высокого таланта". Тот же Бурнашев, ссылаясь на родственника Лермонтова Н.Д. Юрьева, передает, что Лермонтов незадолго до смерти Пушкина имел случай познакомиться с ним.⁴⁹ Необходимо, однако, отметить, что сведения о личном знакомстве величайших русских поэтов, встречающиеся в воспоминаниях некоторых их современников, совершенно лишены основания. В "Библиотеке для чтения" при жизни Пушкина было напечатано из лермонтовских произведений только одно — поэма "Хаджи Абрек". Экземпляр книжки этого журнала, в которой была помещена названная поэма Лермонтова, имелся в библиотеке А.С. Пушкина, но никаких высказываний его о творчестве Лермонтова мы не имеем. Вопросу о том, были ли знакомы друг с другом наши величайшие поэты, нами посвящена специальная статья.⁵⁰

В современной печати поэма Лермонтова, тогда еще совершенно неизвестного писателя, не встретила отзывать. В среде родных поэта выступление его в печати было принято очень сочувственно. В октябре того же года бабушка писала ему: "Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня уте-

шило, что тут нет noneшней модной неистойвой любви, и невестка сказывала, что Афанасью (брату бабушки) очень понравились стихи твои и очень их хвалил... Стихи твои я больше десяти раз читала". (Л., V, 420).

Боденштедт в упомянутой выше статье отмечал сцену описания скачки Хаджи Абрека с головою Лейлы, причисляя ее к высочайшим красотам поэзии. Taillandier в названном сочинении сравнивает поэму Лермонтова по точности, стремительности и ужасающей логичности чувств с знаменитой новеллой "Матео Фальконе" П. Мериме.

III. Ссылка М.Ю. Лермонтова на Кавказ в 1837 году

Ссылка Лермонтова на Кавказ (1837 г.) связана с "делом о непростительных стихах", написанных им по поводу трагической гибели Пушкина, затравленного царизмом. Стихотворение его "Смерть поэта" в рукописном виде получило очень широкое распространение; один экземпляр его списка, с надписью "Воззвание к революции", был кем-то из врагов автора отправлен Николаю I. Лермонтова арестовали и после следствия и приговора отправили в Нижегородский полк, находившийся тогда в Кахетии.

Биографические данные, знакомящие нас с пребыванием поэта на Кавказе в 1837 году, во многих отношениях крайне скудны и разноречивы. По официальным сведениям, которые имеются в одном из послужных его списков, он с 21 апреля по 29 сентября участвовал во многих военных операциях, происходивших на Черноморском побережье.⁵¹ Однако это противоречит тому, что сообщает о себе сам поэт в письме к С.А. Раевскому (конец 1837 г.), выдержки из которого приводим ниже. По пути он заболел и для лечения направился в Пятигорск. Оттуда он писал М.А. Лопухиной (31 мая):

"В точности держу слово и посылаю вам, мой милый и дорогой друг, а также сестре вашей черкесские башмаки, которые обещал вам; их шесть пар, так что поделить их вы легко можете без ссоры; купил их, как только отыскал. Я теперь на водах, пью и купаюсь, словом, веду жизнь настоящей утки. ...У меня здесь очень хорошее помещение; каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снеговых гор и на Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны. Надеюсь порядком скучать все время, покуда останусь на водах, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избегать их. Ежедневно брожу по горам и уж от этого одного укрепил себе ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливают. Вот вам мой образ жизни, милый друг; особенно хорошего тут нет, но... когда я выздоровлю и когда здесь будет государь, отправлюсь в осеннюю экспедицию" ... (V, 543).

По поводу последних строк необходимо отметить, что на западном фронте в то время происходили решительные военные действия, которыми руководил командующий войсками Кавказской линии и Черноморья ген. Вельяминов. Военные операции, совершавшиеся там, заключались в построении новых укреплений и во вторжении в горские причерноморские земли. В действующий отряд входили в полном составе Тенгинский и Навагинский полки, а также отдельные части других полков.

По воспоминаниям ветеранов, в войсках сохранились остатки преданий суворовского времени. "Вооружение, в особенности пехоты, было плохое. Старые кремневые ружья и на сто шагов стреляли неверно, дела решались рукопашным боем, штыком, и вообще выработалось презрение к огнестрельному оружию. Понятно, что этот порядок вещей и военная служба на Кавказе должны были прийти по вкусу Лермонтову, ненавидевшему мелкие стеснения фрунтовой службы, испытанной им в Петербурге. Порядок и жизнь кавказская приходилась по нутру этой свободолюбивой натуре" ...⁵²

В то время на Кавказе ожидался приезд императора. В письме к бабушке (от 18 июля 1837 г.) поэт сообщал: "Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря, при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию" (V, 392).

Прибытие Николая I на Кавказ состоялось позже, и Лермонтов, оправившись после пребывания на водах, совершил продолжительные поездки по этому краю, который он так любил еще в детские годы. В конце того же года он делится новыми впечатлениями в письме к своему близкому другу С.А. Раевскому:

"С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже..."

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить — в месяце меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино только когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то приехав на место, греюсь... — Здесь кроме войны службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, я слышал только два, три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался; раз ночью мы ехали втроем из Кубы — я, один офицер из нашего полка и черкес (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке лезгин. — Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани. — Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским. Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увя, не в Царское Село; скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку". (V, 393—394).

Это письмо полно чрезвычайно ценных сведений; мы узнаем из него о состоянии здоровья поэта, о посещении им различных

мест Кавказа, о его любознательности, о его общении с новыми людьми, встречавшимися в пути, о высоком приливе бодрости, вызванном грандиозными красотами южной природы, о жадном желании поближе ознакомиться с жизнью местного населения (изучение татарского языка), о большой любви поэта запечатлевать наблюдения посредством не только записей, но и рисунков; характерны и последние строки, в которых звучит затаенное желание навсегда бросить военную службу и покинуть пределы "любезного" отечества, в котором он, как и недавно погибший Пушкин, задыхался. Многое из того, что видел и пережил Лермонтов в этих странствованиях, нашло вскоре или несколько позже яркое отображение в его поэтических произведениях.

Комментируя беглое упоминание о посещении Линии "от Кизляра до Тамани", отметим, что, будучи на Тереке, поэт познакомился с бытом гребенских казаков, посетил в Шелкозаводске имение своего родственника А.А. Хостатова,⁵³ а в Тамани случайно встретился с контрабандистами, что дало толчок к написанию одной из повестей, входящих в роман "Герой нашего времени".

Описание личных впечатлений, испытанных при подъеме на Крестовый перевал, вошло впоследствии в повесть "Бэла". Лермонтов, как видно из перечня посещенных им мест, проехал по Северному Кавказу от моря до моря, затем побывал во многих местностях Грузии и Азербайджана. Как чуткий, разносторонний художник, он глубоко заинтересовался историческими памятниками Кавказа, жизнью и фольклором его многонационального населения, величественной природой края. Здесь же завязалось у него очень много знакомств, имевших для него немалое значение.

По-видимому, много интересного испытал поэт в Тбилиси ("хороших ребят здесь много", "есть люди очень порядочные"). Там он мог встречаться с ссыльными декабристами, а также с грузинскими писателями. Ко времени пребывания в Тбилиси относится запись № 24 в его творческих заметках, в которой упоминается о встречах поэта с одним из местных жителей по имени Геург (V, 357—358). Это крайне интересная подробность, на которую до сего времени не было обращено внимания. В названной краткой записи Лермонтова имеются следующие строки: "Я снял с мертвого кинжал для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру". Геург — знаменитый грузинский мастер холодного оружия.

В журнале "Северный архив" за 1828 год (ч. 35, № 10, стр. 233) в описании Тбилиси находим любопытные сведения: "Грузинское оружие, особенно же сабли, в славе. Мастер Георг имеет от правительства привилегию на делание последних, и весьма славится своею работою. Клинки делают из тонкой железной и медной проволоки, которую чрезвычайно долго перековывают. Хорошая сабля должна рубить гвозди". Таким образом, имя в заметке Лермонтова не вымышленное и не случайное; очевидно, поэт описывал здесь какой-то подлинный и весьма драматический эпизод. Имя того же мастера позднее названо в черновом варианте начальных строк стихотворения "Поэт" (1839 г.):

**В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старого издолье.** (II, 198).

Поездка в Грузию дала Лермонтову богатейший материал для крупных и лирических произведений, на чем мы далее остановимся. В частности, очень характерен для него глубокий интерес к устному поэтическому творчеству различных народов Кавказа. Никто из наших писателей не знал так хорошо этот край, как Лермонтов; об этом свидетельствуют не только такие крупные и разнообразные по тематике произведения, как "Измаил-Бей", "Демон", "Герой нашего времени" или многочислен-

ные стихотворения, но и различные беглые упоминания личных имен, местных названий или отдельных выражений. Боденштедт в упомянутой статье говорит следующее:

"Пусть назовут мне хоть одно из многочисленных толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которого можно бы живее и вернее познакомиться с характеристической природой этих гор и их населения, нежели из которой-нибудь поэмы Лермонтова, где место действия происходит на Кавказе".

Мысль о посещении различных стран Востока (Аравии, Персии, Хивы), высказанная в том же письме, введена им в роман "Герой нашего времени"; Печорин, расставаясь с Максимом Максимычем, говорит: "Еду в Персию — и дальше"... Это намерение было им осуществлено; предисловие к "Журналу Печорина" начинается фразой: "Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер". (V, 225, 228).

На обратном пути из Грузии, находясь во Владикавказе, Лермонтов встретился с проживавшим там В.В. Бобарыкиным, молодым офицером, которого поэт бегло знал по школе гвардейских прапорщиков. В.В. Бобарыкин принадлежал, по его личному признанию, к той части аристократической молодежи, которую великий поэт осудил в знаменитой "Думе". В своих воспоминаниях о Лермонтове он сообщает об этой встрече следующее:

"Однажды базарный пришел мне сказать, что какой-то проезжий офицер желает меня видеть. Я пошел в заезжий дом, где застал такую картину:

М.Ю. Лермонтов, в военном сюртуке, и какой-то статский (оказалось француз-путешественник) сидели за столом и рисовали, во все горло распевая: *A moi la vie, a moi la vie, a moi la liberte*.

Я до сих пор хорошо помню мотив этого напева, и если это кого-нибудь интересует, то я мог бы найти кого-нибудь, кто бы его положил на ноты. Тогда это меня несколько озадачило, а еще более озадачило, что Лермонтов, не пригласив меня сесть и продолжать рисовать, как бы с участием, но и не без скрываемого высокомерия, стал расспрашивать меня, как я поживаю, хорошо ли мне.

...О Лермонтове, как о поэте, я ничего еще не знал и даже не подозревал: таково было полученное мною направление... Все это, вместе с моею владикавказскою обстановкою, не могло не внушить мне некоторого чувства собственного достоинства, явно оскорбленного тем покровительственным тоном, с которым относился ко мне Лермонтов. А потому, ограничась кратким ответом, что мне живется не дурно, я спросил, что они рисуют, и узнал, что в проезд через Дарьяльское ущелье, отстоящее от Владикавказа, как известно, в 20—40 верстах, француз на ходу, вылезши из перекладной телеги, делал *stoguis* окрестных гор; а они, остановясь на станциях, совокупными стараниями отделявали и даже, кажется, иллюстрировали эти очертания.

На том разговор наш и кончился, — и я, пробыв несколько минут, ушел к себе".⁵⁴

Особенно же знаменательны были для Лермонтова во время пребывания на Кавказе в 1837 году те многочисленные встречи с различными писателями и общественно-политическими деятелями, какие имели место на группе Минеральных Вод и в Ставрополе.

В Пятигорске поэт часто виделся с поэтом Н.М. Сатиным, бывшим товарищем по московскому Благородному пансиону. Сатин в это время лечился; посещая его, Лермонтов познакомился в его обществе с доктором Майером, прототипом Вернера в "Княжне Мери", и В.Г. Белинским. Сатин в 1834 г., одновременно с Герценом и Огаревым, с которыми у него были

дружеские связи, подвергся ссылке; Герцена сослали в Пермь, Огарева в Пензенскую губернию, Сатина — в Симбирскую губернию. В 1837 г., по болезни, Сатину разрешили выехать на Кавказ.

Сатин в своих воспоминаниях сообщает, что поэт заходил к нему почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать; он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своей светской жизни.

"В одно из таких посещений, — говорит автор, — он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустяках; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембар (Пензенской губ.)

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с удивлением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться, — горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— "Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в один порядочный дом не взяли бы в гувернеры".

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. Тщетно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

...Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга".⁵⁵

К воспоминаниям Сатина надо относиться осторожно; они нам кажутся тенденциозными и не вполне достоверными. По видимому, Лермонтов потому не говорил с Сатиным о своей литературной работе, что они не были близки. В обширной литературе о Белинском и Лермонтове нет, помимо сообщения Сатина, какого-либо источника, подтверждающего "ссору" великого критика и молодого гениального поэта при их первом знакомстве.

Необходимо пояснить, что к этому времени Белинский из печатных произведений Лермонтова мог знать только поэму "Хаджи Абрек" и стихотворение "Бородино"; последнее появилось в журнале "Современник" (т. VI, № 2). При краткости знакомства, великий критик из рукописных произведений Лермонтова, вполне вероятно, мог знать только стихотворение, вызванное кончиной Пушкина; Сатин подчеркивает, что поэт не любил говорить о своей литературной работе и читать свои стихи. Поэту возможно, что подлинный облик Лермонтова был весьма неясен тогда для Белинского. Однако уже в следующем году, по поводу "Песни про кушца Калашникова", напечатанной, под давлением цензуры, без указания автора, чуткий критик писал: "Не знаем имени автора этой песни, которую можно назвать поэмою, в роде поэм Кириши Данилова, но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретет сильное и самобыт-

ное дарование".⁵⁶ Ту же поэму в 1839 г. он называет "замечательной",⁵⁷ а по поводу баллады "Три пальмы" говорил в письмах: "Боже мой! Какой роскошный талант! Право, в нем таится что-то великое". Или: "На Руси явилось новое могучее дарование — Лермонтов".⁵⁸ Глубокую симпатию по отношению к Белинскому выразил и Лермонтов, о чем ярко свидетельствует знаменитая беседа этих двух замечательных писателей, состоявшаяся в 1840 г., накануне выезда Лермонтова во вторую ссылку.

В ту же пору поэт, выезжая из Пятигорска в Ставрополь, через посредство Сатина и доктора Майера познакомился со многими декабристами — В.М. Голицыным, С.И. Кравцовым, В.Н. Лихаревым, Н.И. Лорером, М.А. Назимовым, М.М. Нарышкиным, А.И. Одоевским, А.Е. Розеном. Назимов впоследствии говорил о взаимоотношениях поэта с средой декабристов следующее:

"Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь, через сорок лет, разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и живо задевали нас и вызвали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отделялся шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли — да, впрочем, и молод же он был еще!"⁵⁹

"Князь А.И. Васильчиков рассказывал мне, — передает биограф поэта проф. Висковатов, — что хорошо помнит, как не раз Назимов, очень любивший Лермонтова, приставал к нему, чтобы он объяснил ему, что такое современная молодежь и ее направления, а Лермонтов, глумясь и пародируя салонных героев, утверждал, что "у нас нет никакого направления, мы просто собираемся, кутим, делаем карьеру, увлекаем женщин", он напускал на себя *la fanfaronade du vice*, и тем сердил Назимова. Глебову не раз приходилось успокаивать расхорившегося декабриста, в то время как Лермонтов, схватив фуражку, с громким хохотом выбегал из комнаты и уходил на бульвар на уединенную прогулку, до которой он был охотник. Он вообще любил или шум и возбуждение разговора, хотя бы самого пустого, но тревожившего его нервы, или совершенное уединение".⁶⁰

Отрывки из приведенных воспоминаний, при всей их краткости, свидетельствуют о том, что Лермонтов был близок к переломной общественности своего времени, глубоко интересовался вопросами социального и политического порядка. Назимов, говоря о сбивчивости и неясности воззрений поэта в ту пору, ссылается на то, что в товарищеских беседах он подчас бывал каким-то "реалистом, прилепленным к земле", а в поэзии "реял высоко на могучих своих крыльях". Последнее утверждение свидетельствует о том, что Назимов и большинство других лиц того же общества недостаточно знали Лермонтова как поэта, выдвигали на первый план романтические его мотивы. Между тем в лучших произведениях того времени он также является реалистом и говорит о "земном"; достаточно напомнить, например, такие его замечательные произведения того же года, как "Смерть поэта", "Бородино", "Песня про купца Калашникова".

С одним из декабристов, А.И. Одоевским, Лермонтов был связан дружескими узами. Не известно точно, как часто и где

именно, помимо Ставрополя, они встречались, но не подлежит сомнению то, что они были близки друг другу; на этом вопросе мы остановимся ниже, касаясь лирики Лермонтова конца 30-х годов. Не случайным оказалось также и знакомство с декабристом Лихаревым, участвовавшим впоследствии, одновременно с Лермонтовым, в боевых делах на левом фланге в 1840 году.

Будучи на Северном Кавказе, поэт встречался также с рядом других лиц, засвидетельствовавших это в своих воспоминаниях. Например, с А.М. Миклашевским, товарищем Лермонтова по Благородному пансиону и Юнкерской школе. Он сообщает, что они виделись в Пятигорске или Кисловодске у графини Ростопчиной. "В Кисловодске, — рассказывает Миклашевский, — я жил с двумя товарищами на одной квартире: князем Владимиром Ивановичем Барятинским — бывшим потом генерал-адъютантом, и князем Александром Долгоруким, погибшим на дуэли. К нам по вечерам заходил Лермонтов с общим нашим приятелем, хрым доктором Майером, о котором он в "Герое нашего времени" упоминает. Веселая беседа, споры и шутки долго, бывало, продолжались".⁶¹ Миклашевский ошибается, говоря о том, будто бы в то время Лермонтов ухаживал за Эмилией Александровной Клингенберг (неверно называемой в этих воспоминаниях Верзилиной: Э.А. была падчерицей Верзилина); поэт познакомился с нею летом 1841 г.

"На Кавказе, — передает Е.П. Раstopчина, — юношеская веселость уступила место у Лермонтова припадкам черной меланхолии, которая глубоко проникла в его мысли и наложила особый отпечаток на его поэтические произведения".⁶²

А.П. Петров, приходившийся поэту родственником, в беглой заметке сообщает следующее: "В 1837 г., во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой".⁶³

Во второй половине сентября Николай I прибыл на Кавказ и выехал в Тбилиси, где 10 октября состоялся смотр четырем эскадронам Нижегородского драгунского полка. На следующий день был опубликован высочайший приказ, в котором упоминалось имя Лермонтова, получившего, после настоятельного ходатайства бабушки и В.А. Жуковского, назначение в Гродненский гусарский полк корнетом.⁶⁴

21 октября В.А. Жуковский отметил в своем дневнике: "Пребывание в Новочеркасске. Прибытие государя в 1/2 11... Обед за маршальским столом. Рассказы о опасности государя. Прощение Лермонтова".⁶⁵

25 ноября поэт был выключен из списков Нижегородского драгунского полка. В дневнике неизвестного кавказского офицера в записи от 14 декабря была сделана запись: "14. В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург". (Л., V, 602). Перед отъездом, находясь в Ставрополе, Лермонтов обратился к своему родственнику П.И. Петрову за денежной помощью, которую тот ему оказал. Возвратясь в Петербург в январе 1838 года, поэт в письме от 1 февраля писал Петрову:

"Любезный дядюшка Павел Иванович,

Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний.

Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары...

Ваше письмо я отдал в руки дядюшке Афанасью Алексеевичу, которого нашел в Москве. — Я в восторге, что могу похвалиться своею аккуратностью перед Вами, которые видели столько раз во мне противное качество или порок, как угодно.

Боюсь, что письмо мое не застанет вас в Ставрополе, но не знал, как вам адресовать в Москву, пускаюсь на удалую, и великий пророк да направит стопы почтальона.

С искренней благодарностью за все ваши попечения о моем ветреном существе, имею честь прикладывать к сему письму 1050 рублей, которые вы мне одолжили" (Л., V, 394).

Упомянутый в письме дядюшка — родной брат бабушки поэта, Афанасий Алексеевич Столыпин; Лермонтов очень любил его. Настоящее письмо, написанное так тепло, подтверждает свидетельство А.П. Петрова, приведенное выше, о близких родственных чувствах, какие поэт питал по отношению к семье Петровых. Со стороны стиля оно характерно искусным применением пародирования "восточной" манеры некоторых писателей того времени.

Заканчивая настоящую главу, отметим, что к тому же 1837 году относятся материалы о Лермонтове (воспоминания, письма), исходящие из семьи Н.С. Маргынова, впоследствии убившего поэта на дуэли, или из близкого к этой семье круга лиц; на них мы остановимся дальше.

IV.

Кавказские мотивы

в произведениях

М.Ю. Лермонтова 1837—1839 гг.

1837 год был для Лермонтова очень знаменателен. Стихотворение "Смерть поэта", вызванное гибелью А.С. Пушкина, распространилось в рукописном виде по всей стране и создало автору большую известность. Надежды лучшей части общества увидеть в новом поэте крупное дарование оправдались после появления в печати замечательного стихотворения "Бородино". Несмотря на крайне неблагоприятные условия, препятствовавшие свободной творческой деятельности поэта, он в том же году, находясь на Кавказе, написал одно из своих самых выдающихся произведений — "Песню про купца Калашникова". В том же году Лермонтовым создан ряд классических стихотворений; из них некоторые неблагоприятные условия, препятствовавшие свободной творческой деятельности поэта, он в том же году, находясь на Кавказе, написал одно из своих самых выдающихся произведений — "Песню про купца Калашникова". В том же году Лермонтовым создан ряд классических стихотворений; из них некоторые неблагоприятные условия, препятствовавшие свободной творческой деятельности поэта, он в том же году, находясь на Кавказе, написал одно из своих самых выдающихся произведений — "Песню про купца Калашникова".

Мотивы о Кавказе звучат у поэта под впечатлением недавней длительной поездки и в последующие годы; к 1838 году относится стихотворение "Поэт"; в 1839 г. написаны "Дары Терека", "Памяти А.И. Одоевского" и поэма "Беглец". В эти же годы задуманы и закончены прозаические сочинения: сказка "Ашик-Кериб" (1837 г.) и роман "Герой нашего времени" (1838—1839 гг.). Наконец, находясь на Кавказе, Лермонтов приступил к коренной переработке поэмы "Демон", над которой он трудился с ранних юношеских лет. С Кавказом же связан ряд упомянутых выше писем. Все это свидетельствует о том, какое большое место по-прежнему занимают в творчестве Лермонтова кавказские мотивы. Пребывание на Кавказе в 1837 году дало толчок к написанию и более поздних произведений (например, "Мцыри" — 1840 год).

Как видно из приведенного перечня, сочинения Лермонтова, относящиеся к 1837—1839 гг., разнообразны и по тематике, и по жанрам. В некоторых стихотворениях глубоко звучат автобиографические мотивы. Так, стихотворение "Спеша на север из далека" (II, 36—37) отражает переживания поэта, направляющегося из ссылки на далекий север и с затаенной тревогой думающего о том, не забыт ли он друзьями и не пострадал ли кто-нибудь из них. Задушевное обращение к Казбеку — один из излюбленных поэтических приемов автора; вспомним аналогичные моменты в поэмах "Аул Бастунджи" ("Тебе, Кавказ — суровый царь земли, — я снова посвящаю стих небрежный"), "Измаил-Бей" ("Приветствую тебя, Кавказ седой"), посвящения к поэме "Демон" (III, 530—531). Образ величавого Казбека мы встречаем и в последующих произведениях — "Спор", "Демон"; точно так же повторяется у поэта в разных вариантах и упоминание о Дарьяле ("Дары Терека", "Тамара", "Демон"). Отметим некоторые места, особенно тесно связанные с поэмой "Демон".

"Спеша на север из далека".

Тебе, Казбек, о страж востока

Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века

Твой лоб наморщенный увит,

И гордый ропот человека

Твой гордый мир не возмутит. (II, 36).

"Демон".

...Казбек, Кавказа царь могучий,

В чалме и ризе парчевой.

(III, 469).

И вечный ропот человека

Их вечный мир не возмутит.

(III, 488).

Весьма характерны для поэта такие выражения, как "странник", "изгнание" (ср. стихотворения "Нет, я не Байрон", "Тучи", "Дубовый листок").

Надо отметить, что стихотворение "Спеша на север из далека" до последнего времени мало привлекалось для общей характеристики поэзии Лермонтова, для выяснения его мировоззрения. По давней традиции на первый план выдвигались обычно такие его лирические произведения, как "Дума", "И скучно и грустно", "Не верь себе" и другие, в которых сгущены пессимистические мысли. Между тем в данном стихотворении мы находим следующие дышащие необыкновенной теплотой строки, в которых говорится, что поэт не одинок, что в современном поколении он находит прекрасных, передовых людей, обществом которых он очень дорожил, утрата которых была бы для него тяжким ударом:

Найду ль там прежние объятья?

Старинный встречу ли привет?

Узнают ли друзья и братья

Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных

Я наступлю на прах родной

Тех добрых, пылких, благородных,

Деливших молодость со мной? (II, 37).

Тем же доброжелательством, тем же тяготением к людям "добрым, пылким, благородным" проникнуто и стихотворение "Памяти А.И. Одоевского" (II, 53—55). Мы уже указывали, что Лермонтов лично знал этого поэта-декабриста; судя по признанию автора, их встречи были не эпизодичны:

Я знал его — мы странствовали с ним

В горах востока... и тоску изгнания

Делили дружно.

Обрисовывая с большой задушевностью облик даровитого поэта, Лермонтов с негодованием говорит о ненавистном "высшем свете":

И свет не пощадил — и бог не спас!

.....

Что за нужда!... Пускай забудет свет

Столь чуждое ему существованье:

Зачем тебе венцы его вниманья

И тернии пустых его клевет?

Ты не служил ему, ты с юных лет

Коварные его отвергнул цепи...

Это стихотворение созвучно стихотворению, посвященному Пушкину:

Зачем он руку дал клеветникам ничтожным?

...И прежний сняв венок, — они венец терновый,

Убитый лаврами, надели на него...

Отравлены его последние мгновенья

Коварным шёпотом насмешливых невежд...

(II, 16).

Близкий друг Герцена поэт Н.П. Огарев летом 1837 года находился на Кавказе; он лично знал Одоевского и встречался с ним в то время. Он впоследствии описал свои впечатления о кавказских встречах и подтверждает верность характеристики Одоевского, сделанной Лермонтовым: "Одоевский был, без сомнения, самый замечательный из декабристов, бывших в то время на Кавказе. Лермонтов списал его с натуры. Да, этот "блеск лазурных глаз, и детский звонкий смех, и речь живую" — не забудет никто из знавших его".⁶⁶ С самим Огаревым Лермонтову не пришлось встречаться, очевидно, потому, что Огарев тогда был сильно болен; в тех же воспоминаниях он говорит: "Летом 1837 года я жил в Пятигорске, больной, почти без движения от ревматических болей в ногах".

В комментариях к стихотворению "Памяти А.И. Одоевского" проф. Б.М. Эйхенбаум отмечает, что у Лермонтова высказывания об Одоевском имеются и в других произведениях.⁶⁷

Стихотворение "Кинжал" (II, 35) написано перед возвращением автора из ссылки. Поэт выражает в нем глубокую симпатию к народам Кавказа, боровшимся за родину с поработителями:

Задумчивый грузин на месть тебя ковал,

На грозный бой точил черкес свободный.

Основная мысль выражена в заключительных строках:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,

Как ты, как ты, мой друг железный.

Эта мысль сближает данное стихотворение со стихотворением "Поэт" (II, 41—42), в котором автор с таким мастерством и с такою силою сравнивает с надежным клинком могучее, гордое слово поэта. Образ кинжала — один из любимых у Лермонтова; мы встречаем его и в других лирических произведениях, например, в стих. "Как небеса, твой взор блистает" (II, 32), а также в поэмах — "Измаил-Бее" (III, 205), "Демоне" (II, 481) и др.

К числу лучших произведений, навеянных Кавказом, относится баллада "Дары Терека" (II, 50—52). Самое существенное то, что в "Дарах Терека" глубоко замечательны образы кавказской природы, так хорошо знакомой поэту, и, кроме того, явно звучат отзвуки гребенских народных песен. Н. Мендельсон совершенно справедливо указал на то, что к лермонтовскому стихотворению близка песня гребенцев, опубликованная в "Терских Ведомостях" за 1868 год:

Ой ты батюшка, наш батюшка,

Быстрый Терек ты Горынич!

Про тебя лежит слава добрая,

Слава добрая, речь хорошая!

Ты прорыл-прокопал горы крутые,

Леса темные;

Ты упал, Терек Горынич, во синее море,

Во Каспийское;

И на устье ты выкатил бел горяч камень.

Тут и шли, прошли гребенские казаки со батальницы;

Что с той-то батальницы со турецкой;

Не дошедши они до белого камушка, становилися;

Становилися они дуван дуванили.

Что на каждого доставалось по пятьсот рублей,

Атаманушке с есаулами по тысяче;

Одного-то доброго молодца обдували:

Доставалась ему, добру молодцу, красная девица.

Как убор-то, прибор на красной девице — во пятьсот рублей,

Русая коса — во всю тысячу,

А самой-то красной девице — цены нетути.⁶⁸

В нашей книге "Лермонтов и Л. Толстой" мы приводим ещё следующие параллели из гребенских песен; в "Дарах Терека" поэт говорит, что убитый кабардинец был

В кольчуге драгоценной,

В налокотниках стальных;

Из Корана стих священный

Писан золотом на них.

В гребенской песне:

Надевали узденя-князя панцири трехколечные,

С налокотниками позлащенными.

У убитой молодой казачки — "светло-русовая коса".

В гребенских песнях постоянно упоминается о русской косе казачки-казака:

Коса русая — во всю тысячу,

А самой-то красной девице цены нету-ка.

...Свою буйную головушку она чесала,

Она русую косыньку свою заплетала,

Все шелковую кисточку она влетала.

...Ты коса, моя косынька, коса моя русая.

Немножечко еще косе красоваться:

Хочет меня родимый батюшка замуж отдать.⁶⁹

Мы видим, что и образ горца с позолоченными налокотниками, и образ прекрасной казачки с русской косой навеяны поэту казачьими песнями, которые ему приходилось слышать во время поезда по Тереку.

Белинский дал чрезвычайно высокую оценку этой балладе Лермонтова.

"Дары Терека, — говорит он, — есть поэтическая апофеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазия греков умела так олицетворять природу, давать образ и личность ее немим и разбросанным явлениям. Нет возможности выписывать стихов из этой дивно-художественной пьесы, этого роскошного видения богатой, радужной, исполинской фантазии; иначе пришлось бы переписать все стихотворение. Терек и Каспий олицетворяют собою Кавказ, как самые характеристические его явления... Мы не назовем Лермонтова ни Байроном, ни Гете, ни Пушкиным; но не думаем сделать ему гиперболической похвалы, сказав, что такие стихотворения, как "Русалка", "Три пальмы" и "Дары Терека" можно находить только у таких поэтов, как Байрон, Гете и Пушкин".⁷⁰

Известно, что поэма "Песня про купца Калашникова" была написана Лермонтовым в бытность его на Кавказе. А.А. Краевский сообщил И.М. Болдакову, что поэт писал ему с Кавказа, что, хотя его "Песней" и восторгаются, но не знают, что он набросал ее от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не позволявшей ему выходить из комнаты.⁷¹ Фольклористы указыва-

ют ряд конкретных параллелей к поэме Лермонтова из сборника Кирши Данилова "Древние российские стихотворения", из "Истории Государства Российского" Карамзина и других фольклорных источников (см. Л., III, 595–596). По нашему мнению, в этой "Песне" Лермонтова есть и отголоски гребенчатой части поэмы. Отметим, например, следующие стихи из заключительной части поэмы:

**Схоронили его за Москвой-рекой
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской...** (III, 329).

Ср. отрывок из песни терских казаков:

**Отслужил твой сын любимый службу верную царю;
Он нашел себе местечко в чистом поле на песку,
В чистом поле, при раздолье, между трех больших дорог:
Между Питерской, Московской и Кавказской столбовой.**⁷²

Выше упоминалось, что поэт, находясь на Кавказе, начал учиться татарскому языку. Это находит подтверждение в записи им сказки "Ашик-Кериб" с подзаголовком "татарская сказка" (V, 177–184). Данная сказка, повествующая о бедном страннике-певце (ашуге), вознагражденном за все испытанные им бедствия, близка была Лермонтову по теме (образ народного певца всегда вызывал у него глубокую симпатию); она чрезвычайно популярна на Кавказе и на Востоке. Близкий к лермонтовскому сюжету вариант был записан в селении Тирджан Шемахинского уезда Бакинской губернии.⁷³

Сказка эта до сего времени пользуется большой известностью в Азербайджане. Она положена в основу азербайджанской оперы "Шах-Сенем" Р.М. Глиэра. Автор оперы сообщает следующие данные о ее создании и значении:

"Опера "Шах-Сенем" — одна из первых азербайджанских опер, в которых наиболее полно использованы богатства народной музыки и устного народного творчества.

Почти все использованные в опере напевы являются старинными азербайджанскими песнями.

Лучшие песни ашугов, народные сказания и легенды всегда были насыщены духом борьбы и дышали ненавистью к поработителям народа. Народ, лишенный свободы, пламенно воспевал ее в своих песнях и сказках. Используя сокровища народного эпоса, воскрешая образы легендарных героев, композитор ставил своей задачей воплотить в своем произведении этот пафос героизма и свободолюбия народа.

Сюжет и музыка оперы подсказали решение постановочных задач. Сюжетом оперы послужила народная сказка, отсюда и желание постановщика придать сказочную красочность всей постановке, сохранив при этом замечательные реалистические меткие характеристики, данные в сказке.

В опере противостоят две борющиеся силы. С одной стороны, богатый, властный восточный деспот Бахрам-бек со своей толпой окружающих его приближенных, с другой — бедный Ашик-Гариб, отвергающий во имя свободного чувства все преграды, поставленные феодальным миром, гордо несущий свое звание народного певца... Торжествует искренняя неподкупная любовь, торжествует справедливость и воля к свободе, поддержанные народом".⁷⁴

Остановив свой выбор для перевода азербайджанского мотива на русский язык, Лермонтов проявил большое поэтическое чутье, взяв не случайный, а широко распространенный сюжет и притом насыщенный идеями, направленными в защиту свободы народного певца, свободы женщины.

Сказка об Ашик-Керибе известна и в Турции. В турецком варианте имя героя Ашик-Гариб (у Лермонтова — Ашик-Кериб) означает "влюбленный странник", имя героини Маг-у-Альмипр

(у Лермонтова — Магиль-Мегери) — "Луна и Солнце".⁷⁵ Профессор Созонович указал, что эта сказка очень популярна у турок и близка к былине про Добрыню Никитича и Алешу Поповича.⁷⁶ Вопросу о близости названной сказки к былине о Добрыне и Алеше Поповиче посвящена специальная статья профессора В.Ф. Миллера.⁷⁷

В небольшой поэме "Беглец", названной автором "горской легендой" (III, 359–363), развит мотив о борьбе черкесов за независимость; малодушного Гаруна, в страхе покинувшего поле битвы, бесславно возвратившегося в родной аул, отталкивают все близкие: друг, любимая девушка и мать; всеми отринутый, он, "беглец свободы", кончает самоубийством.

**В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.**

Выше мы уже указывали, что песня девушки "Месяц плывет и тих и спокоен" является переработкой аналогичного мотива, ранее введенного в поэму "Измаил-Бей". Некоторые образы были подготовлены юношескими произведениями; например, стиху "И стал Гарун бледней луны" соответствует следующий ранний вариант: "Бледней луны сидел он недвижим" ("Аул Бастунджи", III, 185). Образ, вставленный в начальный стих — "Гарун бежал быстрее лани" (III, 146, 359), в другой редакции был включен в поэму "Демон": "Несется конь быстрее лани" (III, 463). Стих "Встал тихо месяц золотой" (III, 359) близок к стихам "Демона":

**Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет.** (III, 465).

Указывалось на связь этого произведения Лермонтова с незавершенной поэмой Пушкина "Гасуб".⁷⁸ Поэма Пушкина появилась в печати в 1837 г. Сходство ее с "Беглецом" замечается в наличии горской среды и в мотиве проклятия. Отметим, что последний мотив был самостоятельно, в другом варианте, развит еще в поэме "Аул Бастунджи" (III, 187), написанной в 1831 г.

Не исключена возможность воздействия на замысел Лермонтова и горского фольклора.

В художественном отношении поэма "Беглец" очень ценна благодаря совершенству стиха, мастерству изображения глубоко драматических положений и большой сжатости изложения. В рамках краткого стихотворного повествования автор превосходно пользуется различными приемами передачи фабулы; здесь мы находим рассказ и от третьего, и от первого лица; в поэму введена лирическая песня, отличающаяся по ритму от основного стихотворного размера.

В 1839 г. Лермонтов заканчивает работу над своим величайшим прозаическим произведением — "Героем нашего времени". Роман этот, состоящий из пяти повестей, до выхода в свет отдельным изданием (1840 г.) был частично известен читателям, т. к. автор опубликовал в "Отечественных записках" в 1839 г. — "Бэлу" и "Фаталисту", в 1840 г. — "Тамань".

При напечатании "Фаталиста" редакция журнала подготавливала читателей к скорому появлению романа в отдельном издании следующим примечанием:

"С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М.Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей и напечатанных и ненапечатанных. Это будет новый прекрасный подарок русской литературе".⁷⁹ К этой же повести автор дал следующее краткое предисловие: "Предлагаемый здесь рассказ находится в заметках Печорина, переданных мне Максимом Максимычем. Не смею надеяться, чтоб все читатели "От записок" помнили оба эти незабвенные для меня имени, и потому считаю нужным напомнить, что Максим Максимыч есть тот добрый штабс-капитан, который рассказал мне

историю "Бэлы", напечатанную в 3-й книжке "От. записок", а Печорин — тот самый молодой человек, который похитил Бэлу. Передаю этот отрывок из записок Печорина в том виде, в каком он мне достался".

К повести "Тамань" было дано примечание: "Еще отрывок из записок Печорина, главного лица в повести "Бэла", напечатанной в 3-й книжке "Отч. записок" 1839 года".⁸⁰

Печатаемая в журнале три повести, входящие в роман, автор совершенно не придерживался хронологической последовательности излагаемых в них событий. В самом романе отдельные его части тоже не расположены во временной последовательности. Мотивировку этого приема обстоятельно вскрывает в комментариях к роману проф. Б.М. Эйхенбаум, указывающий на то, что автор, сначала выступающий как герой (начало "Бэлы"), постепенно уступает свое место действительному своему герою; сначала мы узнаем о нем от Максима Максимыча, плохо разбирающегося в психологии своего приятеля; затем автор сам встречается с Печориным и сообщает читателю свои наблюдения, отчего герой становится ближе и понятнее ("Максим Максимыч"); наконец, в "Журнале Печорина" устанавливаются непосредственные отношения между читателем и героем. Повести, составляющие "журнал", также расположены по принципу постепенного углубления: "Тамань" — новелла, показывающая поведение героя, но не дающая представления об его внутренней душевной жизни; "Княжна Мери" — дневник, раскрывающий эту душевную жизнь; "Фаталист" — своеобразный финал, подготавливающий гибель героя на примере чужой гибели — Вулича, являющегося своего рода двойником Печорина (Л., V, 483—484).

Если передавать основные события в строгой последовательности, то они, как указывает С. Дурьлин, должны были бы быть расположены так:

Печорин за дуэль выслан из Петербурга на Кавказ. По дороге к месту новой службы он задерживается в Тамани, где происходит случай с контрабандистами ("Тамань"). После какой-то военной экспедиции ему разрешают пользоваться водами в Пятигорске. За дуэль с Грушницким его отправляют в крепость, под начальство Максима Максимовича ("Княжна Мери"). Отлучившись на две недели в казачью станицу, он переживает историю с фаталистом ("Фаталист"). В крепости происходит его роман с Бэлой. Из крепости он переведен в Грузию, возвращен был в Петербург, вновь очутился на Кавказе и, по дороге в Персию, встретился с Максимом Максимовичем и офицером — автором путевых записок ("Максим Максимыч"). По возврате из Персии Печорин умер. (Предисловие к "Журналу Печорина").⁸¹

Работа над "Героем нашего времени", по существу, выходит из пределов 1837—1839 гг. Центральный образ романа подготавливался в известной степени созданием целой галереи героев, более или менее родственных Печорину; вспомним Измаил-Бея, Вадима, Арбенина ("Маскарад"). Конкретно образ Печорина обрисовывается в незаконченном романе "Княгиня Лиговская" (1836 г.), заключавшем в себе очень много автобиографического; действие в нем не связано с Кавказом. Из этого романа мы узнаем, что Печорин до 19 лет жил в Москве, в детстве обучался в пансионах, потом поступил в университет, которого не окончил. В Польскую кампанию он поступил в гусарский полк и участвовал в военных действиях. После взятия Варшавы перевелся в гвардию и жил в Петербурге; роман обрывается на описании событий, относящихся к тому времени, когда Печорину было 23 года.

Пребывание на Кавказе в 1837 г. дало автору обильный материал для его художественных замыслов, связанных и с новыми

темами, и с прежними, в том числе с "Героем нашего времени". Лермонтов переносит своего героя на Кавказ, в иную географическую и общественную среду, вводит много лиц, которые не встречались в "Княгине Лиговской". В романе нашли отражение личные переживания, его наблюдения, вынесенные из поездки на Кавказ, и, наконец, различные литературные источники.

В дореволюционную пору особенно много придавали значения автобиографическим моментам, значение которых очень преувеличивалось; такие суждения приходилось слышать самому автору; в предисловии к роману, написанном в 1841 г., он отмечал, что некоторые читатели полагают, что "сочинитель нарицал свой портрет" (V, 185—186). Лермонтов глубоко прав, указывая в том же предисловии на то, что его герой — "точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии". Произведение создано под непосредственным воздействием тех картин, какие приходилось видеть автору в разных уголках Кавказа — на группе Минеральных Вод, в глухих крепостях, захолустных городках; все это прошло через горнило большой творческой работы, в процессе которой им отбрасывалось все эпизодическое, а на первый план выдвигалось все типическое. Его роман содействовал укреплению в нашей литературе реалистического направления. Писатель задает вопрос: "Ежели вы верили в возможность существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не верите в действительность Печорина?... Довольно людей кормили сластями: у них от этого испортился желудок; нужны горькие лекарства, едкие истины" (V, 186). В черновых вариантах находим следующее меткое замечание, касающееся Печорина, — "это тип" (V, 461).

Остановимся на вопросе о прототипах лермонтовских персонажей. Современники поэта высказывали об этом много предположений, и в ряде случаев не без основания.

Прежде всего роман не лишен автобиографических черт. Личные мотивы сквозят в некоторых высказываниях Печорина; с жизнью автора связаны многие места, описанные им, — Пятигорск, его окрестности, Владикавказ, Военно-Грузинская дорога. В повести "Тамань" описан случай, происшедший с Лермонтовым в 1837 г., при его поездке на западный фронт.

"В эту поездку, — сообщает проф. Висковатов, — направляясь на черноморский берег Кавказа, Лермонтов должен был остановиться в Тамани в ожидании почтового судна, которое перевезло бы его в Геленджик. Тут поэт испытал странного рода столкновение с казачкою Царицихой, принявшей его за тайного соглядатая, желавшего накрыть контрабандистов, с которыми она имела сношения. Эпизод этот послужил поэту темой для повести "Тамань". В 1879 году описываемая в этой повести хата еще была цела, она принадлежала казаку Миснику и стояла невдалеке от нынешней пристани над обрывом".⁸² Товарищ Лермонтова по юнкерской школе и по Гродненскому гусарскому полку Михаил Иванович Цейдлер в 1838 г., находясь в Тамани, случайно остановился в том самом домике, который описан в названной повести. В своих воспоминаниях Цейдлер описывает встречу с молодой красивой татаркой, ее мужем, который называл себя золотых дел мастером, но скорее походил на контрабандиста, и слепым мальчуганом. "Мне даже помнится, — говорит автор, — что когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь".⁸³

О. Арканников в заметке "О пребывании М.Ю. Лермонтова в Тамани" сообщает со слов есаула в отставке С.З. П-ва, что последний, будучи 18-летним юношей, встречал в Тамани Лермонтова; когда появилась в печати повесть "Тамань", все узнали,

кто ее автор. П-в знал девушку и дом, описанные Лермонтовым.⁸⁴ Подлинность эпизода, изложенного в "Тамани", отмечается также в рассказе З-о, который слышал его от таманского 75-летнего старика в 1891 г. В этом рассказе передается, что контрабандистка с мужем лет 15-20 спустя после встречи с Лермонтовым выехали в Константинополь.⁸⁵

Интересные разыскания о таманском эпизоде были сделаны В.В. Соколовым, умершим в 1919 г. и оставившим статью под заглавием "Лермонтов и Тамань".

На основании ознакомления с архивом семьи Савельевых, проживающих в Тамани, и опроса старожилов он установил, что Лермонтов в 1837 году жил в доме, который в то время принадлежал казаку Федору Миснику. Внук его Герасим сообщил В.В. Соколову, что его деда и отца по-уличному называли Царинником ("царина" — часть степи, оставшаяся под сенокос, или пастбище для скота, отсюда человек, стерегущий "царину", — "царинник"). Мисникдед занимался рыбной ловлей, имел баркасы, которыми за плату пользовались контрабандисты-татары, притон которых был тут же под кручей, на берегу моря. Одна из дочерей Федора Мисника жила здесь же, во дворе, в более новой хате, с приживалкой, старухой Червоной; она помогала контрабандистам, тем более что сама хозяйка сильно благоволила к одному из них. В этот-то дом молодой Цариннычки и попал Лермонтов. Мать Герасима во время ссоры с мужем очень часто корила его родственниками: тут все их грехи — отца, матери, а главным образом, сестры, которая жила незаконно с татаринном, воровала и даже чуть не убила захавшего к ним офицера. Фамилии офицера она, конечно, не знала, но об этом не трудно было догадаться. Куда девался слепой и кто он был, Герасим не знал, тетка же его, "лермонтовская Ундина", вышла в конце концов замуж за солдата станицы Петровской Тельмена. В пояснении к этой статье А. Маркевич сообщает, что в 1926 г., будучи в Тамани, он проверял данные В.В. Соколова, и они оказались вполне точными.⁸⁶

Приведенное сообщение вносит поправки в указания Цейдлера, называющего контрабандистку "татаркой", и проф. Висковатова, неправильно назвавшего казачку "Царицхой". Суммируя важнейшие сведения, приведенные Цейдлером, В.В. Соколовым и другими лицами, мы устанавливаем подлинность всех главных персонажей повести "Тамань" и верность обрисовки местной обстановки.

По свидетельству современников, близко знавших поэта, подлинники эпизоды описаны также в "Бэле" и "Фаталисте"; они связаны с личностью дяди Лермонтова — Акима Акимовича Хостатова. Проф. Висковатов сообщает следующее: "В основании рассказа "Бэла" лежит происшествие, бывшее с Хостатовым, у которого действительно жила татарка этого имени. Точно так же "Фаталист" списан с происшествия, бывшего с Хостатовым в станице Червленной". Дополнительно биограф поэта говорит: "По крайней мере эпизод, где Печорин бросается в хату пьяного рассвирепевшего казака, произошел с Хостатовым. Все это слышал я от Акима Павловича Шан-Гирея. Г. Хохлаков говорит, что слышал от Св. Аф. Раевского, будто "Фаталист" истинное происшествие, в коем участвовал сам Лермонтов и Монго Столыпин. Едва ли это так.

Или же, быть может, оба друга были лишь свидетелями случая, изображенного в Вулече, выстрелившем в себя".⁸⁷

А.В. Мещерский указывал на то, что прототипом Печорина является родственник и друг поэта Столыпин (Монго), но конкретных данных в пользу этих предположений не имеется.⁸⁸ Лермонтов мог вводить в фабулу своего романа эпизоды из жизни Хостатова и других современников, но образ Печорина,

как говорит сам автор, творчески создан из пороков его поколения в их полном развитии.

Н.М. Сатин, вспоминая о своих встречах с Лермонтовым, говорит: "Он писал тогда свою "Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями. Те, которые были в 1837 г. в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера".⁸⁹

Доктор Николай Васильевич Майер был незаурядной личностью по своему уму, образу жизни и политическим взглядам. Н.П. Огарев, неточно называя его Мейером, сообщает о нём ценные сведения. Он встречался с ним в Пятигорске в том же 1837 году. Необходимость труда заставила Майера служить, а склад ума заставил служить на Кавказе, где "не исчезал приют русского свободомыслия". Майер примкнул к кружку сосланных на Кавказ декабристов. "Он сделался необходимым членом этого кружка, где все его любили как брата. Его некрасивое лицо было невыразимо привлекательно. Волосы, остриженные под гребенку, голова широкая, так что лоб составлял тупой угол, небольшие глубокие глаза, бледный цвет лица, толстые губы, мундирный сюртук на дурно сложенном теле, одна нога короче другой, что заставляло его носить один сапог на толстой пробке и хромать... кажется, все это очень некрасиво, а между тем нельзя было не любить этого лица. Толстые губы дышали добротой, глубокие карие глаза смотрели живо и умно; но в них скоро можно было отыскать след той внутренней человеческой печали, которая не отталкивает, а привязывает к человеку; широкий лоб склонялся задумчиво; хромя походка придавала всему человеку особенность, с которою глаз не только свыкался, на дружил. Вскоре Майер свел нас с декабристами".⁹⁰

С большой теплотой отзываясь о нем Г.И. Филипсон. По его воспоминаниям, Майер зимой жил в Ставрополе, а летом на Минеральных Водах. Он был небольшого роста, с огромной угловатой головой; волосы стриг под гребенку; имел неправильные черты лица, был худощав и хром. В его добрых и светлых глазах было столько симпатичного, в его разговоре было столько ума и души, что понятно, почему он внушал сильное и глубокое чувство некоторым замечательным женщинам. Характер его был неровный и вспыльчивый; этот характер и какой-то саркастический оттенок разговора навлекали иногда неприятности. Он был дружен с декабристами А. Бестужевым-Марлинским и С. Палицыным. За дружескую услугу, оказанную Бестужеву, он выдержал полгода под арестом в Темнолесской крепости. Он жил в одном доме с декабристом В. Голицыным. Оба любили парадоксы и горячо их отстаивали; спорам их не было конца.⁹¹

А.И. Дельвиг, встречавшийся на Кавказе с Лермонтовым и доктором Майером, отзываясь о последнем, как о человеке замечательного ума и большого образования, и также подтверждает мнение о том, что он послужил прототипом образа Вернера.⁹² Аналогичные данные находим в "Воспоминаниях кавказского офицера" (Москва, 1864 г. 1, 111). Это мнение поддерживает и биограф поэта проф. Висковатов (см. соч. Лерм. под его редакцией, VI, 264—266). Специальная статья по этому вопросу, под заглавием "Доктор Вернер" из "Героя нашего времени", написана М. Гершензоном. Автор отмечает, что внешний портрет Майера передан Лермонтовым поразительно верно, но писатель сильно окрасил доктора Вернера в печоринские краски. Варнер больше, чем приятель Печорина: это его брат по крови; но он гораздо слабее Печорина, он менее ценен и закончен.⁹³ По преданию, в бумагах Майера были письма Лермонтова; эти бумаги пропали во время Крымской войны, когда вдова доктора переезжала из Керчи в Таганрог.⁹⁴

Совершенно бездоказательным остается указание М.Н. Лонгинова на то, что прототипом Вернера является будто бы доктор Кавказских Минеральных Вод Конради.⁹⁵

Чрезвычайно разноречивы и необидительны предположения о том, с кого списан грациозный образ княжны Мери. Наиболее распространенным во второй половине XIX века было мнение о том, что прототипом этого образа является Эмилия Александровна Шан-Гирей. Это мнение опровергалось самой Эмилией Александровной, сообщавшей в печати, что она познакомилась с поэтом в его последний приезд в Пятигорск, в 1841 г., т. е. после появления в свет "Героя нашего времени".⁹⁶ Называют также ряд других имен — французскую писательницу О. де Гелль, Мартынову (сестру Н.С. Мартынова), Прянишникову, Иванову, Быховец, современницу Лермонтова — В., которую встречали в Пятигорске в 1881 г.⁹⁷ Э.А. Шан-Гирей говорила, что прообразом Мери была девица Киньякова;⁹⁸ об этом же упоминает и проф. Висковатов: "Видали прототип княгини и княжны Лиговских в г-же Киньяковой с дочерью из Симбирска, лечившихся в Пятигорске" (соч. Лермонтова, VI, 352). Однако никакими конкретными данными подобные указания не подтверждались.

Не освещен в этом отношении и образ Веры. Э.А. Шан-Гирей бегло упоминает о том, что в Вере изображено подлинное лицо, имевшее влияние на все будущее поэта, но никогда не бывшее в Пятигорске.⁹⁹ Проф. Висковатов полагал, что прототипом этого образа отчасти была Варенька Лопухина, по мужу Бахметьева: "Симпатичный характер Вареньки Лопухиной раздвоен и представлен в двух типах. В типе Мери, каким он мог казаться в юные ее годы, и в Вере, каким сложился потом, любящим и убитым существом, прикованным к чуждому ей по развитию и уму человеку".

Недалекому Бахметьеву все казалось, что все, решительно все, читавшие "Героя нашего времени", узнавали его и жену его. К довершению сходства у Веры в романе Лермонтова характерная примета: родинка на щеке — у Вареньки была характерная родинка над бровью... Нам известен случай, когда старик Бахметьев на запрос, был ли он с женою на Кавказских водах, пришел в негодование и воскликнул: "Никогда я не был на Кавказе с женою! — это все изобрели глупые мальчишки. Я был с нею больною на водах за границей, а никогда не был в Пятигорске или там в дурацком Кисловодске".

Тот же автор далее указывает: "Самое распространенное мнение это то, что в Вере Лермонтов изобразил сестру Мартынова, за что и навлек негодование последнего и был им убит". (Там же, стр. 288—289).

Эти высказывания слишком беглы, не документированы. А.П. Шан-Гирей, Э.А. Шан-Гирей, М.Н. Лонгинов и некоторые другие современники Лермонтова утверждали, что основанием к созданию типа Грушницкого послужил известный участник Кавказской войны Николай Павлович Колюбакин, прозванный "не мирным" Колобакиным, в отличие от его брата Михаила Петровича, называвшегося "мирным". Он отличался, по свидетельству историка Потто, "бешеною вспыльчивостью характера", трижды доводившей его до дуэлей. "Но как ни были ужасны вспышки его гнева, ему прощались все его чудачества и выходки за его высокую прямоту, сердечность, русское добродушие и готовность искупить свою вину перед каждым".¹⁰⁰ Проф. Висковатов сообщает, что Колобакин "был в одно время с Лермонтовым на водах и отличался некоторою фатоватостью. Столкновения между ним и поэтом не было. Он даже был как-то разжалован в солдаты за дерзость, сказанную во время учения полковому командиру. Позднее этот задор утих, и наружу вышли славянское добродушие и хлебосольство. Колюбакин,

будучи военным губернатором Кутаиса, пользовался общей любовью". (Висковатов, VI, 365).

Получив после ранения чин прапорщика, Колюбакин проживал в 1837 году на Кавказских Минеральных Водах. "К этому времени, — как рассказывает один из его биографов, — относится лечение его от раны на Пятигорских водах и знакомство с Лермонтовым; они не сошлись по эксцентричности своих натур, и поэт в "Герое нашего времени" набросал карикатурный силуэт Колюбакина в типе Грушницкого. Колюбакин знал это и добродушно прощал Лермонтову эту злую против себя выходку. Произведенный в офицеры, он перешел в Нижегородский драгунский полк, которым командовал известный в свое время генерал Безобразов". Колюбакин был близок к кружку, в который входили братья Бестужевы, Одоевский, Сангушко, Черкасов, Корнилович и другие; этот кружок назывался "Кружком несчастных".¹⁰¹

История создания типа Грушницкого требует дальнейших разъяснений, но и приведенные сведения, по нашему мнению, дают нам право признать, что имя Н.П. Колюбакина не без основания связано с известным образом Лермонтова. Писатель, как мы видели, ввел в роман эпизоды из жизни Колюбакина — ранение, послужившее поводом к поездке на Кавказские Минеральные Воды, получение офицерского чина; сохранены и некоторые характерные черты того же лица — вспыльчивость, фатоватость, бретерство. Важно для нас, в частности, мнение А.П. Шан-Гирей, многие свидетельства которого о поэте отличаются большой достоверностью. Как художник-реалист, Лермонтов дополнил облик Грушницкого и другими чертами, часто наблюдавшимися им в среде военной молодежи того времени и углубленными с еще большим сатирическим оттенком в позднейшем очерке "Кавказец" (1841 год).

Совершенно прав проф. Висковатов, разъясняющий неосновательность мнения, будто образ Грушницкого списан с Н.С. Мартынова: "Слух, что Лермонтов изобразил в Грушницком Мартынова, совсем не верен и является вымыслом людей, желавших этим пояснить причину ненависти Мартынова к поэту. Драгунский капитан списан с армейского гусара Саланина. В полковнике Н. в рассказе "Максим Максимыч" изображен полковник Нестеров (тоже по словам Шан-Гирей)".¹⁰² Петр Петрович Нестеров, начавший свою службу в 1823 г. унтер-офицером, перевелся впоследствии на Кавказ (в 1834 г.); в 1937 г. был назначен, в чине капитана, командиром Кавказского линейного № 6 батальона. Умер в 1854 г. По воспоминаниям современников, он был высоким, стройным и красивым офицером, добродушным и справедливым начальником. Это был человек с хорошими военными способностями, большой мастер жить с людьми, но плохой и чрезвычайно ленивый администратор. Его именем было названо укрепление, построенное им на реке Ассе.¹⁰³

До последнего времени внимание лермонтоведов не привлекал один из замечательных героев романа — Казбич. Ценное, но весьма беглое указание о нем имеется в одной из статей Н. Лернера, сообщающего, что эта личность не выдумана: в "Русской Старине" за 1885 г. (июнь, стр. 173) М. Ольшевский упоминает о лихом наезднике, предводителе, шапсуге Казбиче.¹⁰⁴ Заинтересовавшись этим образом Лермонтова, мы собрали значительный материал, документирующий Казбича как историческую личность, хорошо известную поэту; приводим часть этих сведений.

Подлинное его имя — Кзыльбеч, фамилия — Шеретлуков. В обиходной речи он назывался на левом фланге Казбичем. Шапсуг по происхождению, он с самых юных лет отличался поразительной неустрашимостью. В 20 — 30 годах прошлого века

он выделился на западном фронте Кавказской войны, как один из самых энергичных и искусных в боевых действиях горских вождей. Он был высокого роста, имел громкий голос, "дерзкие ухватки". Он оказывал неотразимое влияние на народ. Его "бурная, беспечная, удаляя жизнь среди битв и набегов", удача, всегда сопутствовавшая ему, воспевались еще при его жизни в народных песнях. Он участвовал в очень многих военных делах, предводительствуя отрядами, численность которых доходила до 5000 и более человек. Ареной его деятельности были берега Кубани. Его действия отличались крайней стремительностью. Он на протяжении долгих лет был участником многих больших и малых сражений, бывал ранен, но дожил до глубокой старости.

Так, например, в январе 1830 г. Казбич, во главе отряда в количестве до 5000 человек, перейдя Кубань, направился к станции Елизаветинской и встретился с отрядом казаков, которыми командовал генерал Бескровный. Сражение длилось с 6 часов утра до 2 часов дня; к Казбичу подошло подкрепление в количестве 2000 человек. Горцы отступили под натиском усиленной артиллерии. В том же месяце, предводительствуя отрядом в 3000 человек, совместно со своим братом Батгиреем, Казбич развил успешные действия у Елизаветинского куреня. В июле того же года горские силы в количестве до 2500 конницы и до 1500 пехоты, под предводительством Казбича и его брата, выдержали на реке Шебш, где возводилось новое укрепление, упорный бой, продолжавшийся с 10 часов утра до 4 1/2 часов дня. В мае 1833 года Казбич с отрядом в 1000 черкесов пытался угнать табун лошадей, пасшихся у Анапы; предупрежденный об этом комендант крепости выслал сильный отряд с 4 пушками, и горцы отступили.

В апреле 1838 года начальник Георгие-Афипского укрепления сообщал в рапорте генералу Заводовскому о том, что черкесы, предводимые Казбичем, не давали покоя укреплению и часто нападали то на кашеваров, то на фуражиров, то на дроворубов и на охранявшие их команды и что такие нападения производились чуть ли не ежедневно, а иногда даже по несколько раз в день. В этих боях участвовали и сыновья Казбича; один из них был убит в 1823 году, другой, по имени Али-бей, был тяжело ранен в одной из битв в 1838 г.; в том же году был сильно ранен и сам Казбич. Русские власти жестоко платили горцам за свои потери, беспощадно истребляя и мирное население, и его имущество; так, после одного из походов в земли черкесов в 1838 году было сожжено до 4000 стогов сена и 300 стогов хлеба.

Под старость Казбич любил слушать песню, сложенную шапсугами и воспевавшую его дела и подвиги. Умер он от раны, полученной в набеге в 1839 году, оставив по себе долгую память. Суровая личность его так поразила воображение соплеменников, что в жарких сражениях с русскими он, долго спустя после смерти, не раз чудился черкесам на белом коне и в белой одежде; об этом существовало много рассказов.¹⁰⁵

Имя Казбича очень часто встречается в официальных донесениях о военных действиях, происходивших на правом фланге с 1821 г. до 1839 г. Будучи чрезвычайно популярно на Северном Кавказе, оно могло быть известно Лермонтову еще в ранней юности; он должен был услышать о нем много рассказов во время поездки на правый фланг в 1837 г. Заинтересовавшись легендарной личностью Казбича, он, вероятно, собирал о нем сведения, и все это дало толчок к созданию высокохудожественного образа лихого наездника и удальца, историю которого передает Максим Максимыч. Необходимо, однако, отметить, что писатель изобразил его не как одного из видных горских военных деятелей, а как смелого наездника-одиночку, в характере которого есть черты, сходные с обликом подлинного Казбича. Быть мо-

жет, Лермонтов не развил мотива о военных подвигах горского предводителя потому, что находился под давлением строжайшей цензуры; повесть "Бэла" писалась в промежутке между первой и второй ссылкой. Однако конкретное упоминание об историческом Казбиче мы встречаем у Лермонтова. Приведем следующие строки из этой повести:

— "А не слышали ли вы, что сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!.." (V, 219).

Здесь мы находим краткую, но меткую обрисовку действительного Казбича, шапсугского храбреца, прославившегося своими подвигами на правом фланге. Слова автора, относящиеся к Казбичу, как к персонажу эпизода с Бэлой, — "да вряд ли это тот самый", как будто говорят о том, что в повести два действующих лица, носящих одно и то же имя: одно — созданное творческим воображением писателя, другое, эпизодическое называемое им, подлинное. Нам кажется, это художественный прием писателя, интригующий читателя и позволяющий ему немногими заключительными словами углубить и по-новому осветить в конце повести образ Казбича, обрисованный им с глубокой симпатией. По-видимому в начале повествования Лермонтов рисует ранний период жизни этого героя, а в конце — появление его на западном фронте.

Изучение творческой истории таких образов, как, например, Вернер, действующие лица "Тамани", Казбич, Грушницкий — представляет для нас большой интерес, так как оно близко знакомит нас с Лермонтовым как писателем-реалистом, опиравшимся при создании своих героев на подлинные, современные ему, исторические и бытовые данные, подвергавшиеся глубокой художественной переработке. Мы видим, что приемы автора были разнообразны. Эпизод, послуживший основанием к написанию "Тамани", очень точно воспроизводит действительно происшедшие события и местную обстановку; образы Вернера, Казбича, Грушницкого, сохраняя весьма характерные черты прототипов, в значительной мере дополнены существенными новыми чертами, привнесенными художником, рисовавшим, прежде всего, не портреты того или иного современного ему лица, а типы. Иногда он сохраняет настоящее имя описываемого лица (Казбич); в других случаях оставляет первую букву фамилии (полковник Н., — Нестеров) или заменяет подлинную фамилию вымышленной (Майер — Вернер). Можно предположить, что и в ряде других образов, введенных в роман, при последующих разысканиях будут прослежены черты, восходящие к конкретным лицам; не освещены в этом отношении такие важные для этого произведения персонажи, как княжна Мери, Максим Максимыч, Вулич.

Реалистические подробности вплетены писателем и в его описания кавказской природы, городков, станций Военно-Грузинской дороги, крепостей. Эти описания чрезвычайно верно и художественно воспроизводят то горный пейзаж, то окраины и окрестности Пятигорска или Тамани. Автор очень часто вводит местные названия; делает ссылки на книжные источники (упоминание о сочинении ученого Гамба в "Бэле"), на исторические данные (упоминание в той же повести об установлении Ермоловым каменного креста на перевале Военно-Грузинской дороги). Многие лица указывают, что при описании дома, в котором жила Вера, Лермонтов имел в виду находившийся в Кисловодске дом Ребровых. Этот дом был известен поэту еще по детским воспоминаниям; он упоминается в труде проф. П. Савен-

ко "Кавказские Минеральные Воды" (СПБ, 1828 г., стр. 183). К. Зеленецкий, посетивший лермонтовские места в 1852 г., говорит следующее: "Дом этот своим садом и флигелями представляет весьма красивый вид. Лермонтов, лет за 13 перед этим, поместил в нем развязку своего романа".¹⁰⁶

В дневнике Печорина имеется упоминание о приезде на группу минеральных вод фокусника Апфельбаума: "На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышепоименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в восемь часов вечера в зале благородного собрания (иначе — в ресторации); билеты по два рубля с полтиной" (V, 289).

В той же статье К. Зеленецкого находим следующие любопытные строки, подтверждающие популярность такого рода развлечений на минеральных водах в 30–50 гг.:

"В Пятигорске, кроме театра, бывают еще представления заезжих фокусников, акробатов, приезжает семья тирольцев, известная, бывшая в Сибири. Но главное и общее — бульвар, по вечерам всегда полный гуляющими". (Стр. 62–63).

В своем романе Лермонтов дал непревзойденное яркое и конкретное изображение картин из жизни различных уголков Северного Кавказа, перенося действие то на станции Военно-Грузинской дороги, то в небольшие крепости (Владикавказ, крепость N, в которой Максим Максимыч познакомился с Печориным), то в горский аул, маленький глухой приморский Таманский порт, на группу минеральных вод, где ключом была своеобразная праздная жизнь "чающих движения воды", или в казачью станицу. Здесь нашли яркое отображение те впечатления и наблюдения, которые были вынесены писателем из его "беспрерывного странствования то на перекладной, то верхом", когда он "изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани". (V, 393).

Белинский в статьях и заметках о Лермонтове дал глубокий, проникновенный анализ его романа; особенно высоко гениальный критик оценил повесть "Бэла", "Максим Максимыч" и "Тамань". "Герой нашего времени", по его словам, "обнаружил в Лермонтове такого же великого поэта в прозе, как и в стихах. Этот роман был книгой, вполне оправдывающей свое название. В ней автор является решителем важных современных вопросов. Его Печорин, как современное лицо, Онегин нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются — может быть и не без основания — на скудость поэтических элементов в жизни русского общества; но Лермонтов в своем "Герое" умел и из этой бесплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя целого, в строгом художественном смысле, почти все эпизоды его романа образуют очаровательные поэтические миры. "Бэла" и "Тамань" в особенности могут считаться одними из драгоценнейших жемчужин русской поэзии, а в них еще остается сколько дивных подробностей и картин, в которых с такой отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимовича".¹⁰⁷

Высокую оценку дает Белинский и образам горцев в изображении Лермонтова: "И с каким бесконечным искусством обрисован грациозный образ пленительной черкешенки. Она говорит и действует так мало, а вы живо видите ее перед глазами во всей определенности живого существа, читаете в ее сердце, проникаете все изгибы его ... Характеры Азамата и Казбича — это такие типы, которые будут равно понятны и англичанину, и немцу, и французу, как понятны они русскому. Вот что называется рисовать фигуру во весь рост, с национальной физиономией и в национальном костюме". (Там же, 29).

С не меньшим восхищением говорит Белинский о замечательном стилистическом мастерстве Лермонтова. Он восторга-

ется "Таманью": "Это словно какое-то лирическое стихотворение, вся прелесть которого уничтожается одним выпущенным или измененным не рукою самого поэта стихом; она вся в форме; если выписывать, то только бы ее выписать всю от слова до слова". (Стр. 37). Отмечая, что "Княжна Мери" в некоторых отношениях уступает совершенству других составных частей романа, великий критик указывает на мастерство языка этой повести: "Каждое слово в ней так глубоко знаменательно, самые парадоксы так поучительны, каждое положение так интересно, так живо обрисовано. Слог повести — то блеск молнии, то удар меча, то рассыпающийся по бархату жемчуг". (Стр. 81).

Лермонтов широко пользуется в своем романе кавказским фольклором; напомним песни Бэлы (V, 193), Казбича (V, 197), контрабандистки (V, 234–235). В изложении эпизода о преследовании Казбича казаками с редким искусством выдержана манера горского народного сказа (V, 195–196). Писатель вводит также много русских пословиц и поговорок: "на роду написано" (V, 192), "в чужом пиру похмелье" (V, 197), "туда и дорога" (V, 200), "и был таков" (V, 204), "верно между ними черная кошка проскочила" (V, 210), "цап царап ее... да и тягу!" (V, 216) и др.

Очень умело передавая разговорный язык людей различной национальности и различного социального положения, автор вводит французские выражения (V, 243, 244, 245, 260, 262, 263, 267, 289), литературные цитаты из Грибоедова (V, 283), Пушкина (V, 244, 284), ссылки на изречения Цицерона (V, 248, 249), Тассо (V, 284), горские выражения или их перефразировку — "яман будет твоя башка" (V, 192), "якши" (V, 194), "йок" (V, 196), "кунак" (V, 199), "джигит" (V, 211), украинизмы (V, 230, 231), говор терских казаков (V, 319–320).

С замечательным мастерством владеет Лермонтов афористической речью; его язык изобилует меткими, лаконичными изречениями: "многие спокойные реки начинают шумливыми водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря" (V, 271), "из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается" (V, 248), "в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиков на словах и на бумаге" (V, 206), "самые счастливые люди — невежды" (V, 213), "радости забываются, а печали никогда" (V, 257), "о самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!" (V, 254).

"Герой нашего времени" нашел очень высокую оценку в высказываниях выдающихся русских писателей.

По словам Гоголя, "никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозою".¹⁰⁸

А.В. Кольцов в 1840 г. писал Белинскому: "Тамань" Лермонтова чертовски поразила меня".¹⁰⁹ Л. Толстой вспоминал, что в возрасте от 14 до 21 года "Тамань" Лермонтова оказала на него "очень большое" влияние.¹¹⁰ С.И. Дурылин сообщает, что, беседуя с Л. Толстым в 1909 г., он задал ему вопрос, какое из произведений русской прозы он считает совершеннейшим; писатель, нимало не колеблясь, назвал "Тамань".¹¹¹

Д.В. Григорович в своих "Литературных воспоминаниях" посвящает "Тамани" следующие строки, разъясняющие значение упорной черновой работы классика при создании шедевра: "Возьмите повесть Лермонтова "Тамань": в ней не найдешь слова, которое можно было бы выбросить или вставить; вся она от начала до конца звучит одним гармоническим аккордом; какой чудный язык, как легко, кажется, написано! Но взгляните в первую рукопись: она вся перемарана, полна вставок, отметок на отдельных бумажках, наклеенных облатками в разных местах".¹¹²

Очень высокую оценку этому произведению давал и А.П. Чехов. В письме к Я. Полонскому в 1888 г. он говорил: "Может быть, я не прав, но лермонтовская "Тамань" и пушкинская "Капитанская дочка", не говоря уже о прозе других поэтов, прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой".¹¹³ В одной беседе он сказал: "Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать".¹¹⁴

При жизни автора роман "Герой нашего времени" вышел дважды — в 1840 г. и в 1841 г., вызвав большое количество отзывов как очень сочувственных (Белинский), так и враждебных (С.О. Бурачок, О.И. Сенковский, Н.Н. Греч).

Выступление реакционных критиков Белинский заклеил еще при жизни Лермонтова следующими бичующими словами: "Относительно же того, что талант Лермонтова в такое короткое время успел нажить себе ожесточенных и непримиримых врагов, это также понятно. Разумеется, эти враги составляют ту часть публики, которая должна называться собственно "толпой"; ненависть этих господ очень понятна: поэзия Лермонтова для них — плод слишком нежный и деликатный, так что не может льстить их грубому вкусу, на который действует только слишком сладкое, как мед, слишком кислое, как огуречный рассол, и слишком соленое, как севрюжина. Эти господа чувствуют непреодолимую антипатию даже и к тем людям, которые восхищаются талантом Лермонтова, и они бранят их, как служители своих господ, которые устриц предпочитают солянке с перцем".¹¹⁵

V. М.Ю. Лермонтов на Кавказе в 1840—1841 годах

В 1838—1840 годах Лермонтов вырастает в крупнейшего писателя того времени. В печати появились такие замечательные его произведения, как "Дума", "Поэт", "Бэла", "Русалка", "Ветка Палестины", "Не верь себе", "Еврейская мелодия", "Три пальмы", "Фаталист", "Дары Терека", "Памяти А.И. Одоевского", "Узник", "Первое января", "И скучно и грустно", "Тамань" и другие. В феврале 1840 г. вышел в свет "Герой нашего времени". Осенью того же года был издан небольшим томиком сборник стихотворений и поэм. По поводу стихотворения "Дары Терека" Белинский писал 9-го февраля 1840 г.: "Итак, о Лермонтове. Какое его "Терек"? Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника. Во 2 № "Отечественных записок" ты прочтешь его "Колыбельную песню казачки" — чудо! А это — "В минуту жизни трудную..."

"Как безумный, твердил я дни и ночи эту чудную молитву, — но теперь я твержу, как безумный, другую молитву: "И скучно и грустно!.. И некому руку подать..."¹¹⁶

Расширяются и упрочиваются литературные знакомства молодого поэта, над головой которого, однако, вновь стали сгущаться темные тучи. Он мечтал оставить военную службу, отдаться литературной деятельности, но даже в семейной среде не встречал сочувствия. Еще в начале 1839 года он писал А.А. Лопухину: "Я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней — не пустили! Что, брат, делать! Вышел

бы в отставку, да бабушка не хочет — надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом"... (Л, V, 401).

Направленность произведений Лермонтова, созданных после возвращения из первой ссылки, звучавших резким обличением николаевского режима ("Дума", "Памяти А.И. Одоевского", "Не верь себе" и другие), была нетерпима для правительства, беспощадно и неуклонно преследовавшего малейшее проявление подобных идей. Нужен был только какой-нибудь внешний, как будто бы не носивший политического характера повод, чтобы отправить беспокойного и опасного поэта во вторую ссылку. Настроение Лермонтова и отношение к нему высшего общества метко охарактеризовано И.С. Тургеневым, встретившим его в конце декабря 1839 года дважды — в доме княгини Шаховской и под новый год, на балу, в зале Дворянского собрания.

"Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втокнула судьба. На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества".¹¹⁷

Проф. Висковатов, со слов Краевского и Соллогуба, передает следующий эпизод, имевший место на том же балу:

"Особенное внимание обращали на себя две дамы, одна в голубом, другая в розовом домино. Это были две сестры и, хотя было известно, кто они такие, то все же уважали их инкогнито и окружали почтением. Они то, вероятно, также заинтересованные молодым поэтом, и пользуясь свободой маскарада, проходя мимо него, что-то сказали ему. Не подавая вида, что ему известно, кто задел его словом, дерзкий на язык Михаил Юрьевич не остался в долгу, он даже прошелся с пышными домино, смущенно поспешившими искать убежища. Выходка молодого офицера была для них совершенно неожиданной, и казалась до невероятия дерзновенною". Особы, которых задел поэт, были, по-видимому, дочерьми царя. Поведение Лермонтова вызвало негодование графа Бенкендорфа, начавшего преследовать его.¹¹⁸

Повод к удалению Лермонтова из столицы скоро нашелся. Из-за дуэли с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом, происшедшей в феврале 1840 г. и закончившейся для обоих противников без серьезных последствий, Лермонтов подвергся аресту, а затем высылке на Кавказ.

Во время пребывания поэта в заключении его посетил (16 апреля) В.Г. Белинский, имевший с ним длительную, многозначительную беседу; подробное описание ее, содержащее высокую, восторженную оценку Лермонтова, как художника и человека, дано им в письме к В.П. Боткину:

"Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!.. Я с ним спорил, и мне отраднее было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог!"¹¹⁹

В том же месяце или в начале мая поэт выехал из Петербурга на юг. 9 мая в Москве, на именинах у Гоголя, он читал отрывки из поэмы "Мцыри", в то время еще не появившейся в печати. Из Москвы он выехал в последних числах мая. По пути он побывал в Новочеркасске, где прожил у генерала М.Г. Хомутова три дня и ежедневно бывал в театре. (Л, V, 404 — 405). 10 июня Лермонтов приехал в Ставрополь, где находилась главная квартира командующего Кавказской линией. Он был за-

числен в отряд ген.-лейтенанта Галафеева, производивший военные операции в Чечне.

С 6 по 14 июля Лермонтов принимал участие в походе, сопровождавшемся частыми боями. Выйдя из крепости Грозной, отряд с 10-дневным провиантом и с лукокомплектком запасных артиллерийских снарядов направился к Гойтинскому лесу, уничтожил аулы Урус-Мартан, Чурик-Рошни, Пешхой-Рошни, Хаж-Рошни (6—10 числа). 11 июля на реке Валерике произошел знаменитый бой, правдиво описанный поэтом в стихотворении "Валерик". В последующие дни (12—14 числа) он участвовал в делах при селении Ачхой, Чильчихи и при возвращении отряда в крепость Грозную.

Во время этих боевых действий Лермонтов проявил большое мужество и многократно подвергал свою жизнь смертельной опасности. Вынужденный, в силу тяготивших его обстоятельств, выступить против горцев, героически отстаивавших независимость родины, поэт в душе глубоко сочувствовал им. Военная служба давно стала ему чуждой. Во время краткого отдыха после военной экспедиции он из Пятигорска писал бабушке: "То, что вы мне пишете о словах Г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам".

В этом же письме он просит о присылке ему книг — сборника повестей Ростопчиной, полного собрания сочинений Жуковского и Шекспира (в подлиннике). "Только, пожалуйста, поскорее; если это будет скоро, то здесь еще меня застанет". (28 июля; Л., V, 405).

Приведенные строки достаточно красноречиво говорят о том, в какую сторону были направлены интересы опального поэта. Он чувствовал себя в изгнании одиноким и писал в сентябре того же года А.А. Лопухину:

"Мой милый Алеша.

Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечне, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а мотался все время по горам с отрядом". В этом письме он сообщает некоторые подробности о сражениях на реке Валерике. (Л., V, 406).

С 26 сентября по 15 октября Лермонтов опять принимал участие в походе, направленном в Чечню. 10 октября, когда выбыл из строя Руфин Дорохов, Лермонтов принял от него начальство над охотниками, выбранными из всей кавалерии в количестве сорока человек. В донесениях об участии поэта в Шалинском лесу отмечались его боевые заслуги. Об этом походе Лермонтов писал тому же Лопухину, прибыв в крепость Грозную. О душевном состоянии поэта красноречиво говорят следующие строки:

"Пишем я ни от тебя, ни от кого другого уже месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли? или пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят". (Л., V, 407).

Упомянутый Руфин Иванович Дорохов, о котором Лермонтов говорит и в последнем, цитированном нами, письме, — сын известного участника Отечественной войны И.С. Дорохова. Он служил в нескольких полках и за недисциплинированность несколько раз был разжалован в рядовые. Р.И. Дорохов был приятелем Пушкина, который говорит о встрече с ним, происшедшей во Владикавказе, при возвращении поэта из Закавказья

в Пятигорск ("Путешествие в Арзрум", гл. V). Лермонтов встречался с Дороховым и в последующее время. Л. Толстой изобразил Дорохова в "Войне и мире" под именем Долохова.¹²⁰

В конце октября и начале ноября Лермонтов снова находился в экспедиции, действовавшей в Чечне (при аулах Алды, Урус-Мартан и других), проявляя присущую ему энергию и отвагу.

Интересные сведения о боевой походной жизни поэта сообщает его сослуживец Константин Христофорович Мамацев, бывший в то время подпоручиком: "Я хорошо помню Лермонтова и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откиннутым назад воротником и переброшенную через плечо черкесскую шапкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, с смуглым или загорелым лицом и большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его острооты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены. Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение; но стоило появиться хотя одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть вперед одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. В эти минуты трудно было узнать, что происходило в тайниках его великой души. Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни карикатуры, если чем интересовался — так это шахматною игрою, которой предавался с увлечением".¹²¹

Проф. Висковатов передает следующий эпизод, сообщенный ему бароном Паленом.

"Однажды вечером, во время стоянки, Михаил Юрьевич предложил некоторым лицам в отряде: Льву Пушкину, Глебову, Палену, Сергею Долгорукову, декабристу Пущину, Баумгартену и другим пойти поужинать за черту лагеря. Это было небезопасно и собственно запрещалось. Неприятель охотно выслеживал неосторожно удалявшихся от лагеря и либо убивал, либо увлек в плен. Компания взяла с собою несколько денщиков, несших запасы, и расположилась в ложбинке за холмом. Лермонтов, руководивший всем, уверял, что наперед избрав место, выставил для предосторожности часовых и указывал на одного казака, фигура коего виднелась сквозь вечерний туман в некотором отдалении. С предосторожностями был разведен огонь, при чем особенно старались сделать его незаметным со стороны лагеря. Небольшая группа людей пила и ела, беседуя о происшествиях последних дней и возможности нападения со стороны горцев. Лев Пушкин и Лермонтов сыпали остротами и комическими рассказами, при чем не обошлось и без резких осуждений и скорее осмеяния разных всем присутствующим известных лиц. Особенно весел и в ударе был Лермонтов. От выходок его катились со смеху, забывая всякую предосторожность. На этот раз все обошлось благополучно. Под утро, возвращаясь в лагерь, Лермонтов признался, что видневшийся часовой был не что иное, как поставленное им наскоро чучело, прикрытое тонкою и старой буркой".¹²²

Упомянутый барон Пален в том же году, за несколько дней до битвы при Валерике, набросал карандашом портрет поэта, изображенного в профиль, в летней измятой фуражке, с небольшими баками, которые он отпустил в походе.

Очень характерно для Лермонтова, что с людьми, которые находились под его непосредственным командованием, он обра-

щался очень просто, ничем не подчеркивая превосходства своего формального положения: ел с ними из одного котла, спал на голой земле. Старшие офицеры-аристократы, служившие в генеральном штабе, возмущались таким поведением поэта; не нравилось им и то, что он и одевался просто: ходил в белой холщовой шапке и канатовской красной рубашке, которая глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука, носившегося им без эполет. Зато Лермонтов пользовался любовью своих людей, не покидавших его в самые опасные моменты боя. О своем отряде поэт сам рассказывал А.А. Краевскому, которому он подарил свой кинжал. Этим кинжалом Лермонтов однажды отбивался от трех горцев, преследовавших его между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагонял, но до кровопролития не дошло.¹²³

В эпоху боевой жизни Лермонтова этого времени особенно знаменателен день Валерикского сражения (11 июля). По словам самого поэта, описавшего вкратце это сражение, с нашей стороны в бой участвовало 2000 пехоты, со стороны горцев — до 6000 (письмо к А.А. Лопухину, — Л., V, 406). Приводим выдержки из черного "Журнала военных действий" отряда генерал-лейтенанта Галафеева об этом деле:

"Отряд выступил из лагеря при дер. Гехи... Неприятель нигде не сопротивлялся; авангард беспрепятственно выступил в Гехинский лес... С приближением арьергарда бой в левой цепи разгорался все сильнее и сильнее... Выйдя на поляну, все войска заняли прежний свой боевой порядок и начали подаваться вперед.

Впереди виднелся лес, двумя клиньями подходящий с обеих сторон к дороге. Речка Валерик, протекая по самой опушке леса, в глубоких, совершенно отвесных берегах, пересекала дорогу в перпендикулярном направлении, делая входящий угол к стороне Ачхой. Правый берег был более открыт, по левому тянулся лес, который был около дороги прорублен на небольшой ружейный выстрел, так что вся эта местность представляла нечто в виде бастионного фронта с глубоким водяным рвом.

Подойдя к этому месту на картечный выстрел, артиллерия открыла огонь. Ни одного выстрела не сделано с неприятельской стороны, ни малейшего движения не было видно... Едва артиллерия начала сниматься с передков, как чеченцы со всех сторон открыли убийственный огонь против пехоты и артиллерии.

В одно мгновение войска были двинуты вперед с обеих сторон... Добежав до лесу, войска неожиданно остановлены были отвесными берегами реки Валерика и срубам из бревен, за двое суток вперед приготовленными неприятелем, откуда он производил смертоносный ружейный огонь... В лесу они сошлись с чеченцами лицом к лицу; огонь умолк на время, губительное холодное оружие заменило его.

...Должно отдать также справедливость чеченцам; они исполнили все, чтобы сделать успех наш сомнительным: выбор места, которое они укрепляли завалами в продолжение троих суток, неслыханный дотоле сбор в Чечне, в котором были мечиковцы, жители Большой и Малой Чечни, бежавших надречных и всех сунженских деревень, с каждого двора по одному человеку, удивительное хладнокровие, с которым они подпустили нас к лесу на самый верный выстрел, неожиданность для нижних чинов этой встречи — все это вместе могло бы поколебать твердость солдата и ручаться им за успех, в котором они не сомневались... Они в сем деле оставили на месте боя до 150 тел и множество оружия всякого рода. Потеря с нашей стороны в этот день состояла из убитых 6-ти обер-офицеров, 65 нижних чинов; раненых: двух штаб-офицеров, 15 обер-офицеров и 198 нижних чи-

нов, контуженных 4 обер-офицеров и 46 нижних чинов; 29 убитых и 42 раненых лошадей".

В перечне отличившихся в этот день отмечается "необыкновенное рвение" многих лиц из старшего и младшего офицерского состава в том числе — "Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова" и 19 артиллерийской бригады прапорщика Вон-Ляр-Лярского, с которым они переносили все приказания войскам в самом тылу сражения в лесистом месте, что заслуживало особенного внимания, "ибо каждый куст, каждое дерево грозили всякому внезапной смерти".¹²⁴

Галафеев об участии в этом бою Лермонтова доносил начальству следующее:

"Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы". Поэт был представлен к Владимиру 4-й степени с бантом, но корпусный командир заменил эту награду орденом Станислава 3-й степени ввиду того, что "поручик орденов не имеет".

Боевые заслуги Лермонтова отмечались в связи с его участием и в других военных операциях. За участие в экспедиции, состоявшейся в конце октября и в начале ноября, он был представлен к награде вторично, на этот раз к золотой сабле с надписью "За храбрость".¹²⁵ В правящих сферах ходатайства о награждении поэта неуклонно отклонялись.

Летом этого года, перед отправлением в последнюю экспедицию, Лермонтов совершил поездку на группу Минеральных Вод, а затем в Ставрополь, чтобы узнать в штабе командующего войсками о результатах своих хлопот об отпуске. Старшим адъютантом там оказался знакомый поэта по Московскому университету Я.И. Костенецкий. Он сообщил, что военный министр прислал по его делу командующему войсками генералу Граббе запрос; в этом запросе говорилось, что император, вследствие ходатайства бабки поручика Тенгинского полка Лермонтова об отпуске в Петербург для свидания с нею, приказал узнать о службе, поведении и образе жизни означенного офицера. "Что же вы будете отвечать на это?" — спросил Лермонтов. По обыкновению в штабе, по некоторым бумагам, не требовавшим какой-либо особой отписки, писаря сами составляли черновики ответов; в эту категорию попал и запрос министра о Лермонтове. "А вот вам и ответ", — сказал, засмеявшись, Костенецкий и начал читать текст бумаги, подготовленный штабным писарем, в которой было сказано, что поручик Лермонтов "служит исправно, ведет жизнь трезвую и добропорядочную и ни в каких злокачественных поступках не замечен". Лермонтов расхохотался, услышав такую аттестацию, и просил нисколько не изменять ее выражений и этими же словами отвечать министру. После этого тотчас же был послан министру самый лестный отзыв, в ответ на который и был разрешен Лермонтову отпуск в Петербург.

Характерно, что и Костенецкий, как будто проявляя по отношению к Лермонтову, судя по этому эпизоду, некоторое сочувствие, в действительности был очень далек от него, не знал его интересов и причислял его к светским офицерам-щеголям, которые с высоты своего величия гордо смотрели на армейских офицеров и сходились с ними разве только в экспедициях, где, в свою очередь, с презрением на них смотрели и издевались над

их аристократизмом. "К этой категории принадлежала большая часть гвардейских офицеров, ежегодно тогда посылаемых на Кавказ, и к этой же категории принадлежал и Лермонтов, который, сверх того, и по характеру своему не любил дружить с людьми: он всегда был едок и высокомерен, и едва ли он имел хоть одного друга в жизни".¹²⁶

В этих словах звучит неприкрытое недоброжелательное отношение к Лермонтову; отзыв Костенецкого и тенденциозен, и фактически совершенно не верен: у поэта были друзья, но они принадлежали к другой прослойке окружавшего его общества.

Нет сомнения в том, что было много причин, вследствие которых люди, подобные барону Россильону и Костенецкому, штабные офицеры-бюрократы, так недолюбливали Лермонтова: необыкновенная поэтическая одаренность его, беспощадный сарказм, направленный против пустоты и фразерства "золотой молодежи" и лиц, занимавших высокое положение, простое человеческое отношение к подчиненным. Он не сгибался под давлением николаевского режима, смело отстаивал независимость своих убеждений и своей личности, с глубокой симпатией шел навстречу людям, более или менее близким ему по духу. В этом отношении очень характерно его общение с ссыльными декабристами, что, разумеется, не могло не раздражать его недоброжелателей и врагов. Чрезвычайно ценен, например, следующий эпизод, сообщенный декабристом Н.И. Лорером, познакомившимся в ту пору с Лермонтовым.

Во время похода в Чечню в конце 1840 г. поэт сошелся с декабристом Владимиром Николаевичем Лихаревым, членом Южного Общества; из подпоручиков он был разжалован в солдаты и находился в одном отряде с Лермонтовым. По отзыву Лорера, "Лихарев был один из замечательнейших людей своего времени... Он отлично знал четыре языка и говорил и писал на них одинаково свободно, так что мог занять место первого секретаря при любом посольстве. Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только делиться, но, что труднее, отдавать свое последнее. К сожалению, он страстно любил карточную игру и вообще рассеянную жизнь. В последнем деле, где он был убит, он был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навзлет, и он упал навзничь. Ожесточенная толпа горцев изрубила труп так скоро, что солдаты не успели на выручку останков товарища-солдата".¹²⁷ Это случилось 11 июля 1840 г., в день сражения на реке Валерике.

Достоевский видел большое сходство между характерами Лермонтова и декабриста Лунина. "И тот и другой, — говорил он, — были страстные любители сильных ощущений, и подвергать себя опасности было для них необходимостью. Уж таковы были эти люди, и такова тогдашняя бесцветная жизнь, что натуры сильные и подвижные не выносили ее серенькой обыденности. Я уверен притом, что никто из них и не думал рисоваться".¹²⁸

Будучи в Ставрополе и Пятигорске, Лермонтов встречался со многими декабристами. Интересные сведения об этом передает тот же Лорер. Отметим, что при первом свидании с поэтом он не сошелся с ним. Он откровенно говорит: "С первого шага нашего знакомства Лермонтов мне не понравился... До сих пор не могу отдать себе отчета, почему мне с ним было как-то неловко, и мы расстались вежливо, но холодно". (Там же, 241). Но вскоре такое впечатление у Лорера рассеялось; он часто видел поэта в Пятигорске в среде гвардейских офицеров: "У Лермонтова я познакомился со многими из них, и с удовольствием вспоминаю

теперь имена их: Алексей Столыпин (Монго), товарищ Лермонтова по школе и полку гвардии; Глебов, конногвардеец, с подвязанной рукой, тяжело раненый в ключицу; Тиран, лейб-гусар; Александр Васильчиков, чиновник при Гане для ревизии Кавказского Края, сын моего бывшего корпусного командира в гвардии; Сергей Трубецкой, Манзей и другие. Вся эта молодежь чрезвычайно любила декабристов вообще, и мы легко сошлись с ними на короткую ногу". (Там же, 257).

Тогда же Лермонтов встречался с декабристом М.А. Назимовым, Л.С. Пушкиным, бароном А.И. Дельвигом, поэтом Дмитриевским, приехавшим из Тифлиса, И.А. Вревским, графом К. Ламбертом, Д.С. Бибиковым, другом декабристов доктором Майером, Сергеем Трубецким. С особым уважением относился он к И.А. Вревскому (состоявшему тогда капитаном генерального штаба) и Назимову.¹²⁹

Этот год был знаменателен в отношении быстрого роста известности Лермонтова. Выход в свет "Героя нашего времени", сборника стихотворений, появление статьи Белинского о названном романе — способствовали упрочению славы молодого писателя. В "Отечественных записках" появился ряд новых стихотворений Лермонтова. В рукописи у автора находились такие замечательные лирические произведения, как "Пленный рыцарь", "Есть речи", "Завещание", "Валерик", "Прощай, немытая Россия".

11-го декабря военный министр А.И. Чернышев сообщил командиру отдельного кавказского корпуса о том, что поручику Тенгинского полка Лермонтову разрешен отпуск в Петербург сроком на два месяца. 14 января отпускной билет был выдан, и в начале февраля поэт приехал в Петербург.

Он надеялся получить отставку, всецело заняться творческой работой, мечтал об основании журнала.

В литературной и товарищеской среде он был встречен очень радушно, но в правящих кругах враждебное отношение к нему не изменилось. В конце февраля он писал одному из своих знакомых, служивших на Кавказе, Д.С. Бибикову: "Я скоро еду опять к вам и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот какие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломку бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо... Из Валерикского представления меня здесь вычеркнули..." Письмо заканчивается уведомлением о том, что он везет для общего обихода множество различных книг. (V, 407—408).

"Неприличие" и "дерзость" поведения Лермонтова заключались в том, что он, едва прибыв в столицу и не явившись, по форме, к начальству, отправился в обычном армейском мундире с короткими фалдами в аристократический дом — к графине Воронцовой-Дашковой, на балу у которой находился великий князь Михаил Павлович. Присутствие опального офицера на балу, на котором были члены императорской фамилии, послужило новым поводом к его травле. Настойчивые просьбы влиятельных друзей несколько смягчили отношение военных властей и графа Бенкендорфа к Лермонтову; поэт даже надеялся, что он, наконец, получит отставку, но надежды его не оправдались, и в конце апреля он должен был выехать на Кавказ.¹³⁰ Спутником поэта был родственник его А.А. Столыпин (Монго).

9 мая они прибыли в Ставрополь; в тот же день поэт писал Арсеньевой:

"Милая бабушка.

Я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к Вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была

прескверная, теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды... Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку". (V, 409).

По приказу командующего войсками Лермонтов был прикомандирован к отряду, действовавшему на левом фланге, для участия в экспедиции.

Приехав в Георгиевскую крепость, поэт изменил первоначальное решение ехать в Темир-Хан-Шуру. Случайный дорожный спутник его, ремонтер Борисоглебского уланского полка П.И. Магденко передает о своей встрече с поэтом следующие подробности. Лермонтов, узнав, что в Пятигорске находятся общие знакомые — Верзилины и другие — предложил Столыпину поехать туда, а не в отряд. "Вот послушай, — сказал он, — бросаю полтинник, если упадет кверху орлом — едем в отряд; если решеткой — едем в Пятигорск. Согласен?" Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен и упал решеткой вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал: "в Пятигорск, в Пятигорск! позвать людей, нам уже запрягли!" Под проливным дождем прибыли в Пятигорск и остановились на бульваре в гостинице Найтаки.¹³¹

Это было 23 мая. Лермонтов тотчас же подал рапорт о болезни и ходатайствовал разрешить ему пользоваться минеральными водами. Хлопоты по этому вопросу затянулись. Поэт, настойчиво добивавшийся осуществления своего желания, представил 15 июня медицинское свидетельство о болезни и 23 числа получил от местного коменданта Ильяшенко разрешение остаться в Пятигорске на излечение. После этого он снял со Столыпина на окраине города небольшой домик, принадлежавший В.И. Чилиеву. Квартира эта была очень скромна, внешний вид домика незатейливый. Домик был деревянный; стены его снаружи были вымазаны глиной и выбелены; крыша покрыта тростником, с одной трубой. Поблизости поселились лица, сыгравшие большую роль в последние дни жизни поэта — Н.С. Мартынов, М.Н. Глебов и князь А.И. Васильчиков.

Лермонтов имел в Пятигорске много знакомых, с которыми встречался на прогулках, пикниках и вечерах. Часто приходилось ему бывать в доме генерала-лейтенанта Петра Семеновича Верзилина; его супруга Мария Ивановна была радушной хозяйкой; три же дочери — Аграфена Петровна, Эмилия Александровна (дочь Марии Ивановны от первого брака) и Надежда Петровна пользовались большим вниманием военной молодежи.

По словам Эмилии Александровны, вышедшей впоследствии за родственника и близкого друга Лермонтова А.П. Шан-Гирея, она познакомилась с поэтом в мае того года; он часто сердил ее своими шутками, и они то ссорились, то снова мирились. Впоследствии молва создала легенду, будто Лермонтов изобразил Эмилию Александровну в образе княжны Мери.

Поэт встречался в это время с Л.С. Пушкиным, юнкером Бенкендорфом, князем Сергеем Трубецким, полковником Зельмиц, офицером Лисаневичем, Р. Дороховым, полковником С.Д. Безобразовым, поэтом Дмитриевским и другими лицами. По воспоминаниям Лорера, Лермонтов был душою этого общества.¹³²

Будучи в Пятигорске, поэт встречался с членами "кружка шестнадцати", отрицательно относившегося к политике правительства и придворным кругам. С этим обществом поэт сблизился еще в 1836 году.¹³³

С Н.С. Мартыновым, которого поэт знал еще по юнкерской школе, у него были приятельские отношения, но тесной дружбы между ними не было, да и не могло быть. Человек пустой

и самолюбивый, он принадлежал к разряду тех людей, которых Лермонтов заклеил в "Княжне Мери" (Грушницкий и его окружение) и в очерке "Кавказец".

В течение долгих лет документы из семейного архива Мартыновых цитировались в лермонтовской литературе наряду с другими вполне достоверными источниками.¹³⁴ Лишь в недавнее время поднят вопрос о том, что достоверность документов, опубликованных с целью реабилитировать Н.С. Мартынова, сомнительна.¹³⁵ Это мнение разделяем и мы. Материалы, исходящие из круга лиц, близких к Н.С. Мартынову, не внушают доверия как по фактическим несообразностям, так и по своему тенденциозно-враждебному тону, направленному против поэта.

Молодежь, в среде которой часто встречали Лермонтова, проводила время в различных развлечениях, и многим казалось, что поэт ничем как будто бы и не выделяется в этом обществе. "Где было Мартынову задумываться над Лермонтовым, как великим поэтом, — справедливо говорит проф. Висковатов, — когда люди, как товарищ поэта Арнольди, еще в 1884 году говорили, что все они в то время писали стихи не хуже Лермонтова".¹³⁶

Лишь лица чуткие, ценившие его, как замечательного поэта, с восхищением следили за каждым новым его произведением, тревожились за его судьбу, с глубокой искренностью выражали восхищение перед его необычайным дарованием, видели в нем лучшую надежду России.

В.Г. Белинский писал В.П. Боткину в марте 1841 г.: "Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его "Родина", то аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских".¹³⁷ Когда стихотворение "Родина" появилось в "Отечественных записках" (в апреле того же года), редакция в той же книжке журнала, оповещая о скором выходе в свет второго издания "Героя нашего времени", сообщала: "Кстати о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в "Отечественных записках". Тревоги военной жизни не позволяли ему спокойно и вполне предаться искусству, которое назвало его одним из славнейших жрецов своих, но замыслено им много и все замысленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки".¹³⁸

В.Ф. Одоевский подарил Лермонтову альбом, сделав следующую надпись: "Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанную".¹³⁹

В этот альбом Лермонтов внес на Кавказе такие жемчужины из своей лирики, как, например, "Сон", "Утес", "Тамара", "Свиданье", "Дубовый листок", "Выхожу один я на дорогу", "Морская царевна", "Пророк" и другие.

Е.П. Ростопчина поднесла поэту сборник своих стихотворений со следующей надписью: "Михаилу Юрьевичу Лермонтову в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому".

А.С. Хомяков писал Н.М. Языкову в мае 1841 г.: "А вот еще жалко: Лермонтов отправлен на Кавказ за дуэль. Боюсь не убили бы. Ведь пуля дура, а он с истинным талантом, и как поэт и как прозаитор".¹⁴⁰

Перед такими людьми и сам поэт открывал свои заветные думы, делился новыми творческими замыслами и выражая опасения, вызванные гнетущим действием суровой действительности. Ю.Ф. Самарин, видевший Лермонтова накануне его отъезда из Москвы, сообщил в одном из писем: "Я никогда не забуду нашего последнего свидания, за полчаса до его отъезда... Он говорил мне о своей будущности, о своих литератур-

ных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны"...¹⁴¹

Свой протест, свою ненависть к современному государственному строю поэт выразил в знаменитом стихотворении "Прощай, немытая Россия" (II, 88), написанном в 1840 или 1841 году. П.И. Магденко сообщает, что когда он ехал в одном экипаже с Лермонтовым и Столыпным из Георгиевской крепости в Пятигорск, то поэт говорил почти без умолку. "Говорил Лермонтов и о вопросах, касавшихся общего положения дел в России. Об одном высокопоставленном лице я услышал от него тогда в первый раз в жизни моей такое жесткое мнение, что оно и теперь еще кажется мне преувеличенным".¹⁴² Возможно, что речь шла о Николае I.

"Немытая Россия", в лице Николая I, графа Бенкендорфа, мстила Лермонтову всеми имеющимися средствами. После высылки поэта из столицы последовал приказ командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории "дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтальной службы в своем полку".¹⁴³

Некоторые предписания высших властей, носившие секретный характер, не были известны самому поэту, но и то, что он знал, с чем сталкивался лицом к лицу в действительности, достаточно ясно показывало ему, что он находится под постоянным бдительным оком императора и III Отделения. Лермонтов давно восстановил против себя и знать, которую он смело и гневно заклеил в стихотворении, посвященном гибели Пушкина. "Приятель" поэта, граф Соллогуб, в своих "Воспоминаниях" откровенно признался, что он изобразил светское значение его под именем Леонина в повести "Большой свет", написанной по заказу великой княгини Марии Николаевны. Повесть эта была опубликована при жизни Лермонтова в "Отечественных записках" за 1840 год.¹⁴⁴ Она является пошлым пасквилем на великого поэта и с наглядностью показывает, как еднородно действовали совместно с царским двором аристократы, ненавидевшие Лермонтова. Белинскому и самому Лермонтову эта повесть была известна, но, очевидно, они не заметили скрытого в ней враждебного смысла.¹⁴⁵

Такое же враждебное отношение встретил поэт и в пятигорском обществе. Проф. Висковатов, описывая последние дни Лермонтова, сообщает: "Некоторые из влиятельных личностей из приезжающего в Пятигорск общества, желая наказать неслучайного выскочку и задиру, ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им из терпения, прочит ядовитую гадину". К этим строкам автор дает следующее пояснение: "Выражение, которым клеймили поэта многие. Некоторые из современников и даже лиц, бывших тогда на водах, говоря о нем, употребляли эти выражения в беседе со мною".¹⁴⁶ Против Лермонтова травнили офицера Лисаневича, над которым подшучивал поэт. Лисаневичу, который был одним из поклонников Надежды Петровны Верзилиной, через некоторых услужливых лиц было сказано, что терпеть насмешки Михаила Юрьевича не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружественно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль — прочувствовать. "Что вы, — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека!"¹⁴⁷ Находясь в столице или в глухой провинции, Лермонтов неизменно являлся предметом систематического преследования, которое стало прини-

мать все более обостренные формы. Несомненно, не случайно ссора поэта с Мартыновым, являющаяся последним звеном в цепи этих интриг.

Живя в Пятигорске, Лермонтов бывал в домах Верзилина, генеральши Е.И. Мерлини, Озерских и других лиц, посещал Железноводск и другие окрестные места. По словам Лорера, "Лермонтов был душою общества". В таком маленьком городке, каким тогда был Пятигорск, он стал самым заметным лицом, привлекавшим к себе внимание всех. По воспоминаниям поручика Куликовского, всякий раз, как поэт появлялся в публике, ему предшествовал шопот: "Лермонтов идет", и все сторонились, все умолкало, все прислушивались к каждому его слову, к каждому звуку его речи.¹⁴⁸

В местном обществе поэт часто встречался с Николаем Соломоновичем Мартыновым, отставным майором Гребенского казачьего полка. Лермонтов знал его еще по юнкерской школе, посещая дом его родителей. Одной из его сестер он посвятил юношеское стихотворение "Мартыновой" (1831 г., т. II, 252). Находясь в Пятигорске, Мартынов обращал на себя общее внимание своим костюмом и манерами; носил черкеску необычного покроя, громадный кинжал, позировал, драпируясь в байронизм. Костенецкий сообщает о нем следующее: "Я служил в Ставрополе при штабе... К нам на квартиру почти каждый день приходил меньшей Мартынов. Это был очень красивый молодой гвардейский офицер, блондин, со вздернутым немного носом и высокого роста. Он был всегда очень любезен, весел, порядочно пел под фортепьяно романсы и полон надежд на свою будущность: он все мечтал о чинах и орденах и думал не иначе, как дослужиться на Кавказе до генеральского чина. После он уехал в Гребенский казачий полк, куда он был прикомандирован, и в 1841 году я увидел его в Пятигорске, но в каком положении! Вместо генеральского чина он был уже в отставке майором, не имел никакого ордена и из веселого и светского изящного молодого человека сделался каким-то дикарем: отрастил огромные бакенбарды, в простом черкесском костюме, с огромным кинжалом, в нахлобученной белой папахе, вечно мрачный и молчаливый! Какая была причина такой скорой с ним перемены, осталось мне неизвестным".¹⁴⁹ Мартынов писал очень посредственные стихи, не печатавшиеся при его жизни.¹⁵⁰

В воспоминаниях лиц, пытавшихся, после его смерти, всячески реабилитировать его, он изображается в самом привлекательном свете: "Видно было, что это человек с силой и энергическим, замечательно твердым характером. Образован он был весьма хорошо, манеры вполне изящные. Это был джентльмен в полном смысле слова".¹⁵¹ По поводу этой характеристики, сделанной Пирожковым, И. Арсеньев говорит: "Уверение г. Пирожкова, что Мартынов был человеком с смелым, энергическим характером едва ли верно: Мартынов, наоборот, был довольно бесхарактерный и всегда находился под чьим-либо посторонним влиянием".¹⁵² Недалеко и мелочность Мартынова отмечает Е. Быховец, в письме которой от 5 августа 1841 года находим такие строки: "Этот Мартынов глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив; карикатуры его (т. е. на него) беспрестанно прибавлялись. Лермонтов имел дурную привычку острить. Мартынов всегда ходил в черкеске и с кинжалом; он называл при дамах M-r le Poignard и Sauvag'om. Он тут ему сказал, что при дамах этого не смеет говорить, тем и кончилось. Лермонтов совсем не хотел его обидеть, а так посмеяться хотел, бывши так хорош с ним".¹⁵³

Людей, склонных к фатовству, Лермонтов беспощадно осмеивал в своих произведениях. Напомним следующие черты, характеризующие Грушницкого: "Говорит он скоро и вычурно: он из

тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия... В их душе часто много добрых свойств, но ни на грамм поэзии... Он довольно остер: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы. Его цель — сделаться героем романа". (V, 242).

Те же свойства он подмечал в Мартынове, остроумно и зло осмеивал их.

Одним из любимых развлечений пятигорской молодежи было участие в заполнении страниц альбома, в который заносились записи и рисунки различного рода. Альбом этот хранился у приятеля поэта — Глебова. В лермонтовских рисунках Мартынов играл главную роль. Поэт изображал в карикатурном виде въезд Мартынова в Пятигорск и восхищенных красотой всадника дам; рисовал его человеком огромного роста, с громадным кинжалом от пояса до земли, объясняющимся с миниатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясе которой был маленький кинжальчик. Подсмеивался Лермонтов и над тем, что Мартынов был плохим ездоком. Рисовал в комическом виде поэта и самого себя, и других своих знакомых, но больше всего доставало Мартынову, тип которого он довел до такой простоты, что рисовал характерную кривую линию да длинный кинжал, и каждый тотчас узнавал, кого он изображает. Обыкновенно наброски рассматривались в товарищеском кругу; составители не шажали ни себя, ни друзей; сердиться на шутки было неудобно, но некоторые рисунки показывались не всем, и это очень раздражало Мартынова.¹⁵⁴ Это не проходило бесследно и способствовало вспышке ссоры между Лермонтовым и "Мартышкой", как называл его поэт.

Внутренне Лермонтов задыхался в этой среде и глубоко страдал от затаенной скорби и одиночества.

8 июля молодежь устроила пикник и бал в гроте Дианы. Грот был украшен шальями, персидскими коврами, люстрами. Снаружи грота, на огромных деревьях аллея, прилегающих к площадке, на которой собрались танцевать, развесили более 2500 разноцветных фонарей. Над гротом поместили военный оркестр. Приглашенные собирались по билетам. Гостей угощали конфетками, фруктами, мороженым. Присутствовал и Лермонтов. Он казался очень веселым, много танцевал и шутил... Бал продолжался до утра. Декабрист Лорер, бывший на этом балу, говорит в своих воспоминаниях: "Кто думал тогда, кто мог предвидеть, что через неделю после такого веселого вечера настанет для многих или, лучше сказать, для всех нас, участников, горесть и сожаление!"¹⁵⁵

Однако веселость Лермонтова была напускной. П.А. Гвоздев, поэт, разжалованный из юнкеров в солдаты и высланный на Кавказ за одно из своих сатирических стихотворений, давно лично знавший Лермонтова, рассказывал впоследствии, что поздно вечером 8 июля (т. е. тогда, когда справлялся пикник в гроте Дианы) он встретил поэта на пятигорском бульваре. Ночь была тихая и теплая. "Лермонтов был в странном расположении духа: то грустен, то вдруг становился он желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем. Между прочим, в разговоре он сказал: "Чувствую, мне очень мало осталось жить". Через неделю после того он дрался на дуэли, близ пятигорского кладбища, у подножия горы Машук".¹⁵⁶

13 июля в доме Верзилиных вечером собралось большое общество. В числе гостей были Лермонтов, Мартынов, Глебов, Васильчиков, Л. Пушкин, Трубецкой, полковник Зельмиц с до-

черьми и другие лица. Э.А. Шан-Гирей в своих воспоминаниях сообщает следующее: "Я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что и в этот вечер он продолжал свои поддразнивания. Тогда, переменяя тон насмешки, он сказал мне: "Mlle Emili, je vous en prie, un tonr de valse seulement, pour la derniere fois de ma vie" — "Ну, уж так и быть, в последний раз, пойдемте". М.Ю. дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л.С. Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык а qui mieux mieux. Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего особенно лобезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его montagnard au grand poignard.

Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово poignard раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: "Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах", и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание "язык мой — враг мой" М.Ю. отвечал спокойно: Ce n'est rien, demain nous serons bons amis. Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уже рассказывали мне, что, когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: "Что же, на дуэль что ли вызовешь меня за это?" Мартынов ответил решительно "да", и тут же назначили день. Все старания товарищей к их примирению оказались напрасными".¹⁵⁷

Нет сомнений в том, что лица, более или менее близко стоявшие к Лермонтову, не проявили ни чуткости, ни решительности в этом трагическом эпизоде. Дуэль не была предотвращена. На следующий день, действительно, поэт, лечившийся в Железноводске, совершил туда поездку, где встретился с Е. Быховец, которая потом вспоминала, что при всех Лермонтов был весел, а оставшись с нею вдвоем, "ужасно грустил".¹⁵⁸ Отправляясь в Железноводск, поэт посетил Лорера.

"В одно утро, — рассказывает Лорер, — я собирался идти к минеральному источнику, как к окну моему подъехал какой-то всадник и постучал в окно нагайкой. Обернувшись, я узнал Лермонтова и просил его слезть и войти, что он и сделал. Мы поговорили с ним несколько минут, и потом расстались, а я и не предчувствовал, что вижу его в последний раз... Дуэль его с Мартыновым уже была решена, и 15 июля он был убит".¹⁵⁹

В тот же день, в 7 часов вечера, в окрестностях Пятигорска, у подошвы Машука состоялась дуэль. Секундантами были: у Лермонтова — А.И. Васильчиков, у Мартынова — М.Н. Глебов. Присутствовали также Трубецкой, Столыпин, Дорохов. Старожилы рассказывают, что 15 июля под вечер Дорохов много раз выезжал верхом на коне и что знавших этого человека его суетня поразил: "Что-нибудь да замышляется недоброе, если Дорохов так суетится!"¹⁶⁰

"Нет никакого сомнения, — говорит проф. Висковатов, — что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что "обуздание" тем или другим способом "неудобного" юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много об-

щего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова".¹⁶¹

Обстоятельства, при которых произошла дуэль, донельзя запутаны сбивчивыми, противоречивыми показаниями ее участников и лиц, близко стоявших к ним. Старались скрыть имена людей, замешанных в дуэли, ограничившись именами Мартынова, Васильчикова и Глебова, так как причастность к поединку должна была караться законом. Кроме того, Трубецкой хотел умолчать потому, что он приезжал из экспедиции на воды без разрешения.¹⁶² Меньше всего заботы было проявлено к самому Лермонтову. Врача не было. Расстояние, разделявшее противников, было крайне мало — 10 шагов; таким образом, стрелять надо было почти в упор.¹⁶³

Отмерив от барьера по 10 шагов, секунденты развели Лермонтова и Мартынова в разные стороны, условившись сходить к каждому на 10 шагов по команде "марш". А.И. Васильчиков рассказывает:

"Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, а другой Лермонтову и скомандовали: "сходишь". Лермонтов остался неподвижен и, взводя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслонясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта под дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные. Мы подбежали. В правом боку дымила рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие. Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы решили позвать доктора".¹⁶⁴

Разразилась гроза. По словам того же Васильчикова, он, Столыпин и Глебов остались у тела поэта, а Мартынов уехал к коменданту объявить о дуэли. Э.А. Шан-Гирей, напротив, сообщает, что при Лермонтове остался только Глебов, о чем он сам рассказывал ей. "Голова убитого поэта покоилась у него на коленях; темно, кони, привязанные, ржут, рвутся, бьют копытами о землю, молния и гром непрерывно; необъяснимо страшно стало! И Глебов хотел осторожно спустить голову на шинель, но при этом движении Лермонтов судорожно зевнул. Глебов остался недвижим и так пробыл, пока приехали дрожки, на которых и привезли бедного Лермонтова на его квартиру".¹⁶⁵

Известие о смерти Лермонтова тотчас облетело городок. Близкие, знакомые и любопытные на следующий день толпились в небольшой комнате. Поэта положили на стол, в чистой рубашке, головой к окну. Дамы приносили цветы. Художник Шведе снимал с убитого портрет масляными красками.

Декабрист Лорер сообщает крайне интересную подробность: "Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает, откуда их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало кажется по одному голубому мундиру. Они, как черные враны, почувствовали мертвое тело и нахлынули в мирный приют исцеления, чтобы узнать, отчего, почему, зачем, и потом доносить по команде, правдиво или ложно".¹⁶⁶

В тот же день произвели вскрытие тела Лермонтова. Оно было произведено тем же врачом Баркляем де Толли, который за месяц назад выдал поэту медицинское удостоверение о необходимости лечиться на водах. В протоколе вскрытия указано, что Лермонтов от раны "мгновенно на месте поединка помер".¹⁶⁷

Местное духовенство, очень враждебно относившееся к поэту, не желало участвовать в похоронах. Когда после колебаний

протоиерей Александровский согласился, получив санкцию от следственной комиссии, хоронить Лермонтова, другой священник, Эрастов, унес с собою ключ от церкви, и собравшиеся на похороны должны были ожидать около двух часов. Погребение состоялось 17 июля. В Пятигорске, как указывает Лорер, нашлись представители всех полков, в которых служил Лермонтов: "Полковник Безобразов был представителем от Нижегородского драгунского полка, я — от Тенгинского пехотного, Тиран — от лейб-гусарского и А. Арнольди — от Гродненского гусарского. На плечах наших вынесли мы гроб из дому и донесли до уединенной могилы кладбища на покатоости Машука. По закону священник отказывался было сопровождать останки поэта, но деньги сделали свое, и похороны совершены были со всеми обрядами христианина и воина. Печально опустили мы гроб в могилу, бросили со слезами на глазах горсть земли, и все было кончено".¹⁶⁸

Люди, искренне расположенные к Лермонтову, были возмущены поведением Мартынова. Плац-майор Унтилов еще накануне похорон несколько раз выходил из квартиры Лермонтова к собравшимся на дворе и на улице, успокаивал и говорил, что "это не убийство", а честный поединок. "Были горячие головы, которые выражали желание мстить за убийство и вызвать Мартынова. Возбуждение вызвало затем и усиленную высылку молодежи из Пятигорска, по распоряжению начальника штаба Траскина".¹⁶⁹

Началось следствие, носившее чисто формальный характер. Участники дуэли сговорились назвать причастными к ней только двух секундентов и Мартынова, которые и были арестованы. Им разрешалось сноситься друг с другом, сговариваться по каждому пункту опроса властей. Защитники Мартынова распространяли известие о том, что он не умел стрелять из пистолета и поэтому выстрел его объясняли простой случайностью. Это наивное и явно ложное мнение поддерживалось в печати после смерти самого Мартынова. По существу оно является нелепым, т. к. невозможно допустить, чтобы кадровый офицер, служивший в действующей армии, принимавший участие в боях, не умел обращаться с огнестрельным оружием! Висковатов сообщает, что ему известно участие Мартынова еще в одной дуэли в Вильне, где он тоже стрелял, как на дуэли с Лермонтовым: "Быстро подойдя к барьеру, он, прицельясь, повернул пистолет и выстрелил, что назвал "стрелять по-французски", и тоже попал в своего противника".

Лица, не любившие поэта, враждебно относившиеся к нему, были удовлетворены исходом дуэли. Священник Эрастов, много лет спустя, с открытой ненавистью отзывался о Лермонтове: "Вы думаете, все тогда плакали? Никто не плакал. Все радовались ... От насмешек его избавились. Он над каждым смеялся. Приятно, думаете, насмешки его переносить? На всех карикатуры выдумывал. Язвительный был".¹⁷⁰

Один сановник говорил Висковатову: "В сущности он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызет множество карандашей или перьев и напишет несколько строк. Ну, разве это поэт...".¹⁷¹

Многие современники сводили все к одной причине: виною будто бы был несносный характер Лермонтова.¹⁷² Память поэта преследовалась цензурой; в печати сообщались глухие, краткие сведения о его кончине.

Наиболее откровенно и резко враждебное отношение к великому поэту было высказано Николаем I. Были попытки приписать императору сочувственный отзыв о нем, но есть целый ряд

свидетельств о том, что в интимном семейном кругу царь, получив известие о смерти Лермонтова, сказал: "Собаке — собачья смерть!"¹⁷³ Таков был приговор деспота, жертвой которого ранее были Рылеев, Пушкин, а после гибели Лермонтова — Шевченко и другие замечательные люди, боровшиеся с гнетом крепостничества, произволом "голубых мундиров".

Передовое же общество с величайшей скорбью встретило весть о трагической ранней смерти поэта, явившегося достойным продолжателем Пушкина.

Белинский с негодованием и горечью писал под свежим впечатлением этой вести поэту Н.Х. Кетчеру: "Лермонтов убит на поवाल — на дуэли. Оно и хорошо: был человек беспокойный, и писал хоть хорошо, но безразлично, — что ясно доказано Шевыревым и Бурачком... Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от губительного влияния лукавого запада — делается до того православною, что пахнет мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних доносов, до того народною, что не выражается иначе, как по-матерну."¹⁷⁴ В последней фразе "неистовый Виссарион" осмеивает систему царизма с ее лозунгами — "православие, самодержавие, народность".

В переписке, мемуарах и записках современников Лермонтова можно найти очень много отзывов, в которых отмечалась незаменимая утрата, понесенная нашей литературой. Ю.Ф. Самарин тогда же сообщил И.С. Гагарину: "Я Вам пишу, дорогой друг, под горьким впечатлением известия, которое я только что получил. Лермонтов убит на дуэли, на Кавказе, Мартыновым. Подробности тяжелы. Он выстрелил в воздух, а его противник убил его почти в упор. Эта смерть вслед за гибелью Пушкина, Грибоедова и многих других, наводит на самые грустные размышления... Что до меня лично, я чувствую большую пустоту. Я мало знал Лермонтова, но он, по-видимому, чувствовал дружеское расположение ко мне. Он был одним из тех людей, которых мне доставляла радость встречать, обегая глазами общество, меня окружающее".¹⁷⁵

А.В. Кольцов сообщал в письме Белинскому: "Лермонтова убили до смерти, это старая новость; но меня она так сильно поразила, что до сей поры не выходит из думы.

И жаль, и досадно: только что покажется, хорошо не успеешь полюбить, — как его и нет. Много мы в нем потеряли, незаменимая потеря!"¹⁷⁶ Глубоко прочувствованное стихотворение "На смерть Лермонтова" написал Огарев.¹⁷⁷ Я.П. Полонский в воспоминаниях о своих студенческих годах говорит: "Я был и поражен, и огорчен этой великой потерей, не для меня только, но и для всей России".¹⁷⁸ Аналогичные мысли высказывались и рядовыми лицами, понимавшими значение Лермонтова. Н.Ф. Туровский, лично знавший поэта и находившийся в то время в Пятигорске, занес в свой путевой дневник следующие строки (запись от 18 июля): "Какой ничтожный случай отнял у друзей веселого друга, у нас — лучшего поэта... Лермонтова уже нет, и новый, глубокий траур накинута на литературу русскую, если не европейскую".¹⁷⁹

В январе 1842 года последовало высочайшее постановление по делу о дуэли Лермонтова: Васильчиков и Глебов получили прощение (первый во внимание к заслугам отца, а второй по уважению полученной на войне тяжелой раны), Мартынова присудили к церковному покаянию в Киеве.

В апреле того же года, по ходатайству Е.А. Арсеньевой перед высшей властью, тело ее внука было перевезено в село Тарханы и похоронено в фамильной усыпальнице, рядом с прахом его матери.

VI. Кавказские мотивы в произведениях

М.Ю. Лермонтова 1840 и 1841 гг.

Белинский, давая общую характеристику поэзии Лермонтова, говорит следующее: "Свежесть благоухания, художественная роскошь форм, поэтическая прелесть и благородная простота образов, энергия, могучесть языка, алмазная крепость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразие идей, необъятность содержания — суть родовые характеристические приметы поэта Лермонтова и залог ее будущего великого развития". По его определению, поэзия Лермонтова — "совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества".¹⁸⁰

Высокая оценка, данная великим критиком художественным произведениям Лермонтова последних лет, полностью применима и к кавказским его мотивам 1840—1841 годов. В эту пору им посвящено Кавказу значительное количество стихотворений, две поэмы — "Мцыри" и "Демон" и очерк "Кавказец". По глубине вложенных в них мыслей и блеску художественного мастерства почти все эти произведения принадлежат к жемчужинам мировой литературы.

Нельзя не удивляться мощи, неиссякаемости лермонтовского творчества. В очень краткий срок (полтора года!), в самых неблагоприятных условиях, — в промежутке между двумя ссылками, нередко в боевой или дорожной обстановке, — он создал большое количество произведений с разнообразнейшей тематикой, используя различные литературные жанры.

Некоторые стихотворения тесно связаны с личной жизнью поэта. К их числу относится знаменитое стихотворение "Прощай, немытая Россия" (II, 88), долго не входившее в собрание его сочинений, принадлежащее к числу самых замечательных образцов обличительной лирики. "В восьми строчках стихотворения, — говорит Д. Максимов, — вскрывается азиатская сущность социально-экономического строя крепостнической России ("страна рабов, страна господ"), и ее некультурность ("немытая Россия"), и вынужденная покорность народа ("послушный им народ"), и инквизиторский произвол самодержавно-полицейской власти (последние три строки)".¹⁸¹

Под непосредственным впечатлением боевой обстановки написано стихотворение "Я к вам пишу" (II, 89), обычно называемое "Валерик". Написанное в форме "безыскусственного рассказа", как говорит сам автор, оно содержит описание известного сражения на реке Валерике, а также личные настроения, вызванные походной обстановкой, полной опасностей и тревог и затаенных дум, обращенных к любимой женщине — В.А. Лопухиной. Лирические приемы искусно переплетаются здесь с эпическими. По силе реализма, удивительной простоте и задушевности изложения, мастерству языка — это произведение превосходит все, что было написано ранее на темы о войне.

Будучи офицером, участвуя в описываемом бою, Лермонтов совершенно чужд националистических тенденций. Он с сочувствием говорит о горцах, упоминает, что от них "доставалось и нам". Его повествование ведется то в предельно лаконичной форме (подготовка отряда к бою, удаляя сшибку одиночных наездников — мюрида и гребенца, беседа с чеченцем Галу-

бом), то дает развернутую картину рукопашного боя или смерти капитана. Язык отличается необыкновенной гибкостью; автор с одинаковым искусством владеет манерой речи, соответствующей стилю интимной любовной лирики (начало и конец стихотворения), пользуется народной речью ("Савельич! Ой-ли. — Дай огниво". — "Эй вы, станичники, за ним!" — "Спасите, братцы. — Тащат в горы"). Здесь мы находим и классические афоризмы: "Вряд ли есть родство души", "В наш век все чувства, лишь на срок", "Жалкий человек. Чего он хочет!" и т. д. "Описание боя, — отмечает проф. Б.М. Эйхенбаум, — заключается у Лермонтова общим вопросом о смысле войны, свидетельствующим о его пацифистских настроениях. Пацифизм в условиях николаевской эпохи был явлением несомненно прогрессивным и выделял Лермонтова из той среды, к которой он принадлежал". (Л., II, 230).

Автобиографические мотивы заметны в стихотворениях "Свиданье" (II, 136—138) и "Дубовый листок" (II, 139—140). Первое из них, содержащее в себе замечательно колоритное описание своеобразной жизни Тбилиси и его природы, в некоторой степени связано с одним из прозаических набросков, начинающимся словами "Я в Тифлисе" (1837 г.), и с "Таманью".¹⁸² "Дубовый листок" в иносказательной форме передает грустные размышления поэта-скитальца, поэта-изгнанника. Образ оторванного листка, являющегося игрушкой прихоти бури, унесенной его на чужбину, часто встречается в поэзии Лермонтова; ср.: "Так бури ток сухой листок мчит жертвой посреди степей" (I, 17), "Грозой оторванный листок" ("Мцыри", III, 434) и многие другие его сочинения.

К 1841 г. относят цикл стихотворений, приписываемых Лермонтову и большей частью опубликованных П.К. Мартыновым в его книге "Дела и люди века", СПб., 1893 г., т. II. По нашему мнению, принадлежность их великому поэту очень сомнительна, и поэтому мы на них не останавливаемся. Почти все они приурочены, по преданиям, к последнему пребыванию поэта на группе Минеральных Вод. По сравнению с другими стихотворениями этого цикла (Л., II, 151—155), с большей вероятностью можно приписать Лермонтову известный экспромт, посвященный одной из сестер Верзилиных, — "Надежда Петровна".

В лирике 1840—1841 гг. имеются и фольклорные мотивы, к которым поэт всегда обнаруживал большое тяготение.

К 1840 г. относят написание Лермонтовым знаменитой "Казачьей колыбельной песни". Колыбельные песни — в образцах народной поэзии и в литературной обработке — интересовали поэта еще в самые юные годы; напомним такие его стихотворения, как "Баллада" ("В избушке поздней порою", 1830 г. — I, 167), "Песня" ("Что в поле за пыль пылит?", 1830 г. — запись народного мотива, I, 469—470); о колыбельной песне Лермонтов говорит в наброске сюжета о "Мстиславе Черном" (1831 г. — V, 354, 356), в "Вадиме" (1832 г. — V, 27).

Внимание поэта, как указывалось в печати, могли привлекать и литературные источники — Гоголь (образ матери-казачки) и Вальтер Скотт ("Песня над колыбелью ребенка вождя").¹⁸³ Однако у нас больше данных за то, что Лермонтов вдохновился мотивами гребенских песен, слышанных им на Терек.

По рассказам самих казаков-старожилов, "Казачья колыбельная песня" была написана Лермонтовым в 1840 г., в походной обстановке, в станице Червленной. В сообщаемых ими сведениях есть частные неточности, но в основе этих данных, по нашему мнению, лежит подлинный эпизод, хотя и происшедший в другое время. Суммируем изустные сведения о написании "Песни".

Осенью 1840 г., после Валерикского боя, житель станицы Червленной Лука (Лукьян) Артемьевич Борискин, будучи рядовым казаком, находился в станичном правлении. Вечером к правлению подъехала почтовая перекладная телега, в которой сидел молодой пехотный офицер. Он подал подорожную и просил отвести ему квартиру. Борискин доставил его в хату казака Ефремова. Дома никого не было, кроме ребенка, спящего в колыбели (по другим вариантам поэт застал у колыбели хозяйку или ее сестру). Пока переносили вещи Лермонтова, тот набросал на клочке бумаги карандашом стихотворение, которое и прочел вслух Борискину. Передают, что девушка, качавшая ребенка, была Дунька Догадиха, известная красавица; баюкая сына сестры, она пела песни, интригуя гостя. Это, может быть, было единственным светлым пятном в безумной и бурной жизни Догадихи. Князь Гагарин, будучи хорунжим Гребенского полка, в 1846 г. был в станице Червленной и видел Дуньку, которой в то время было за 30 лет. Он говорит: "Я никогда не предполагал, что могу встретить между простыми казачками типы такой изящной красоты". Сестра ее, Степка, была возлюбленной гвардейца Вербицкого, друга Лермонтова.¹⁸⁴

Эти изустные сведения, дошедшие до нас от разных лиц, заслуживают, по нашему мнению, серьезного внимания. П. Кулебякин слышал рассказ самого Борискина. Однако необходимо внести некоторые поправки фактического характера. Сопоставляя приведенные данные со временем появления в печати "Казачьей колыбельной песни" и пребывания поэта на Кавказе в 1840 г., мы убеждаемся в том, что после Валерикского сражения Лермонтов не мог написать это стихотворение, т. к. оно было опубликовано в "Отечественных записках" (1840 г., № 2) в февраль; между тем битва на Валерике произошла 11 июля того же года, Лермонтов мог посетить станицу Червленную осенью того года, но его "Песня" появилась в печати еще ранее второй ссылки автора на Кавказ.

Придавая значение рассказам гребенских казаков о написании этого стихотворения, отличающимся, в основном, правдивостью и не противоречащим в других отношениях биографическим сведениям о Лермонтове, мы высказываем предположения о том, что изложенный эпизод относится к более ранней поре, а именно к 1837 году, когда поэт, по его же словам, находился "в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; извездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани"... (V, 393). Без сомнения, именно тогда Лермонтов заинтересовался фольклором гребенцев, о чем свидетельствует написанное после той же поездки стихотворение "Дары Терка". (1839 г.).

К сожалению, автографы обоих стихотворений не найдены, а это осложняет изучение вопроса о датировке "Песни".

Можно предположить, учитывая приведенные сведения, следующее. Считаясь с воспоминаниями казаков-червленцев, но внося в эти воспоминания фактическую поправку, полагаем, что поэт посетил упомянутую станицу осенью 1837 г., куда он прибыл, как говорят очевидцы, "на перекладной", по пути в Кизляр или на обратном пути из него. Там и была написана "Казачья колыбельная песня". В 1839 г. поэт работает над гребенскими мотивами, о чем свидетельствует стихотворение "Дары Терка", датированное автором этим годом и тогда же помещенное в № 12 "Отечественных записок"; цензурная пометка — 14 декабря. Два месяца спустя появилась в печати "Казачья колыбельная песня", в № 2 того же журнала (цензурная пометка — 14 февраля). Первая редакция ее, написанная в походной обстановке, могла теперь подвергнуться последней обработке; вероятно, это было выполнено автором почти одновременно

с "Дарами Терека"; оба стихотворения связаны с воспоминанием о поездке к гребенцам, обвеяны духом их поэзии. Работал Лермонтов над обоими стихотворениями почти одновременно; об этом свидетельствует и малый срок, отделяющий появление одного от другого в печати: 14 декабря — 14 февраля. В 1840 г. поэт включил их в свой сборник ("Стихотворения", цензурная пометка — 13 августа), поставив их почти рядом (между ними два стихотворения: "Памяти Одоевского" и "Первое января").

Существует мнение, что "Казачья колыбельная песня" написана при других обстоятельствах; проф. Висковатов сообщает: "Графиня Берольдинген, дочь г-жи Гюгель, в письме ко мне от 15 июня 1884 года говорит, что Лермонтов написал это стихотворение на столе при получении известия о рождении сына у ее матери (Гюгель)". Товарищ Лермонтова А.Л. Потапов передавал тому же Висковатову, что поэт гостил у него в имении "Семидубровном" (Воронежской губернии) в 1840 г. и там переложил на музыку эту "Песню".¹⁸⁵ Версия Берольдинген не подтверждается никакими конкретными пояснениями и не может быть, по нашему мнению, предпочтена первой, связывающей "Песню" с кавказской обстановкой.

По своему содержанию и стилю это стихотворение очень близко к гребенским песням. Приводим для примера одну из них:

**Как у нас то было на тихом Дону,
Что у нас то было в зеленом саду,
Что под грушею было, грушею зеленою,
Под яблонью было, яблонью кудрявою,
На цветочках было на лазоревых,
На травушке было на шелковенькой,
На кроватушке было на тесовенькой,
На перинушке было на пуховенькой —
Что мать сына воспроизвела,
Что белою грудью мать сына вскормила,
Пеленала мать сына в пеленочку камчатую,
Что качала мать сына в зыбочке кипарисовой.
Берегла то мать сына от ветра от вихоря,
Берегла то мать сына от солнышка от красного,
Берегла мать сына от сильных дождей,
Не уберегла мать сына от службы государевой.**

Основной мотив и гребенской, и лермонтовской песни один и тот же; в обеих изображен трогательный образ казачки-матери, которая, нежно баюкая дитя, переживает глубокие затаенные муки, зная, что в будущем сын ее обречен на тяжелую, опасную военную службу. В нашей книге "Лермонтов и Л. Толстой" мы указываем на сходство названного стихотворения и с другими казачьими песнями (стр. 423—424), что свидетельствует о глубокой народности поэта.

Эту сторону поэзии Лермонтова отмечает Белинский. В письме к Боткину (16 апреля 1840 г.) он, упоминая о Лермонтове, спрашивает: "Что ты, Боткин, не скажешь мне ничего о его "Колыбельной песне"? Ведь чудо!"¹⁸⁶ Восторженный отзыв о ней он дает в статье о стихотворениях Лермонтова; после анализа "Русалки", "Трех пальм" и "Даров Терека", которые, по его мнению, приравнивают их автора к таким поэтам, как Байрон, Гете и Пушкин, великий критик говорит:

"Не менее превосходна "Казачья колыбельная песня". Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежно-

сти, безграничность бескорыстной преданности, какой дышит любовь матери, — все это воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умиленную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения? Он видел Кавказ, — и нам понятна верность его картин Кавказа. Он не видал Аравии, и ничего, что могло бы дать ему понятие об этой стране палющего солнца, песчаных степей, зеленых пальм и прохладных источников, но он читал их описания: как же он так глубоко мог проникнуть в тайны женского и материнского чувства?"¹⁸⁷

В письме к Белинскому от 28 апреля 1840 г. Кольцов говорил: "Казачья колыбельная песня" необычайно хороша."¹⁸⁸

К циклу стихотворений Лермонтова, связанных с казачьим фольклором, относится в известной степени "Сон" ("В полдневный жар в долине Дагестана", II, 127), написанный в 1841 году.

По свидетельству Г.К. Градовского, сюжет этого стихотворения был сообщен поэту офицером Шульцем, служившим на Кавказе и лично знавшим Лермонтова. Находясь в действующей армии, Шульц был в 1839 году ранен и среди убитых и раненых лежал весь день; потом его подобрала. Лермонтов заинтересовался, что тот переживал на поле битвы? Шульц сказал, что он чувствовал беспомощность, жажду под полуденными лучами солнца и в полузабытьи вспоминал о любимой девушке, родители которой не дали согласия на их брак. Через несколько дней поэт встретил Шульца и, поблагодарив его за сюжет, прочел ему стихотворение "Сон".¹⁸⁹ О своей встрече с Лермонтовым Шульц много лет спустя, уже будучи генералом, передавал и Бежецкому, которому он сообщил по памяти первоначальный вариант стихотворения, начинающегося следующими строками:

**В долине Кавказа, где скалы
Толпою теснятся кругом,
Лежал он с зияющей раной,
На смерть пораженный врагом.**¹⁹⁰

В этом варианте — 40 строк. Оно является, как мы полагаем, одним из тех подражаний Лермонтову, которых немало имеется в литературе, но приписывается ему без основания.

Проф. Эйхенбаум отмечает своеобразное сюжетное построение "Сна": "Замыкаясь, оно приводит к началу, образуя круг. Его можно назвать "зеркальным": сон героя и героини — это как бы два зеркала, взаимно отражающие действительные судьбы каждого из них и возвращающие друг другу свои отражения". (Л., II, 252).

Не отрицая того, что сюжет "Сна" мог возникнуть под влиянием рассказа Шульца, мы допускаем и воздействие на поэта мотивов гребенских песен. В книге "Лермонтов и Л. Толстой" мы приводим в параллель следующие строки из одной песни:

**...Ох, не отстать-то тоске-кручинушке
От сердечушка моего.
Как сегодняшнюю темную ноченьку
Мне мало спалось, —
Мне мало спалось, на белой заре много
Во сне виделось,
Во сне виделось: ох, будто б я, удал-добрый молодец,
Убитой на дикой степе лежу...**

Ретивое мое сердечушко простреленное...¹⁹¹

И по настроению (чувство тоски), и по ряду образов (сон, "добрый молодец", лежащий одиноко в степи с простреленным сердцем) эта песня близка к мотиву Лермонтова.

На стихотворении Лермонтова "Сон" останавливается в своей диссертации об искусстве Н.Г. Чернышевский, давая этому произведению высокую оценку:

"Прекрасное есть проявление идеи, в одном отдельном предмете: потому случайности — необходимое свойство прекрасного. Так, идея "предсмертные грезы любящего — мысли о том, что его милая теперь инстинктивно чувствует свою потерю, что тяжело и ей теперь", должна принять, переходя в область прекрасного, например, такую форму: "В полдневный зной, в долине Дагестана"... (далее цитируется все стихотворение). Здесь все, с начала до конца, облечено формой случайности: и положение обоих лиц, и время, и место, и все подробности. Прекрасное всегда является в подобном виде".¹⁹²

Интерес Лермонтова к кавказскому фольклору выразился в использовании им местных преданий, приуроченных к находящемуся в Дарьяльском ущелье замку "царицы Тамары". Развалины этого замка, расположенные на живописном, крутом утесе, величественная красота гор и быстро мчащихся буйных вод Терека издавна привлекали внимание путешественников и писателей. В кавказоведческой литературе упоминания об этом историческом памятнике очень часты. О нем говорит Пушкин в "Путешествии в Арзрум" и многие другие лица, посещавшие Дарьяльское ущелье ранее Лермонтова, который был там в 1837 году. Проезжая по Военно-Грузинской дороге, он мог слышать народные легенды, связанные с Дарьяльским замком; ему были доступны и книжные источники, напр., Гамба, автор описания путешествия по южной России, вышедшего в свет в 1826 году; имя этого французского ученого поэт упоминает в "Герое нашего времени" (V, 207).

Стихотворение "Тамара" (II, 134) принадлежит, наряду с "Русалкой" и "Морской царевной", к числу лучших баллад Лермонтова. В развитии ее глубоко драматической фабулы, в обрисовке демонического облика легендарной царицы, в описании замка и грозного ущелья поэт достигает поразительного мастерства.

В печати неоднократно указывалось, что это стихотворение не имеет отношения к грузинской царице Тамаре, воспетой Шота Руставели. В основу баллады Лермонтовым взяты кавказские сказания о княжне Дарье, будто бы приходившейся сестрой царице Тамаре и отличавшейся редкой красотой и в то же время необузданной жестокостью. Царица заточила ее в уединенный замок, куда Дарья завлекала и потом губила путников.

Литература по данному вопросу указана в комментариях к этому стихотворению проф. Эйхенбаумом (Л., II, 256—258). Замена имени легендарной Дарьи именем популярной царицы Тамары произведена не Лермонтовым, а народной традицией, связывающей с Тамарой многочисленные памятники старины. Поэту могли быть известны и литературные источники (см. те же комментарии).

К тому же 1841 году относится прекрасное лирическое стихотворение "Не плачь, не плачь, мое дитя", навеянное воспоминанием о Грузии, посещенной поэтом в 1837 году, и тематически несколько связанное с "Демоном", над последним вариантом которого автор тогда много работал. (Л., II, 131, 253). Тогда же были написаны незаконченные стихотворения — "Лилейной рукой поправляя" (II, 128) и "На бурке под тенью чинары" (II, 129).

Глубоко обобщающий характер носит стихотворение "Спор" (1841 г., II, 123—126). В нем поэт развивает ряд идей, из которых главные следующие: 1) появление на исторической арене России, выступающей на смену другим мировым странам (Персия, Египет, Аравия), 2) Кавказская война, 3) проникновение на Северный Кавказ промышленности, дающей человеку возможность покорить природу и использовать для себя ее богатейшие недра.

Проф. Эйхенбаум прав, указывая на то, что в "Споре", при сопоставлении его с "Валериком" и другими кавказскими произ-

ведениями, заметны противоречия, хотя в заключительных строках есть намек на то, что поэт скорее на стороне угрюмого Казбека (Л., II, 250).

Белинский сдержанно отнесся к этому стихотворению, признавая ценность поэтического мастерства автора: "Сколько роскоши в споре Казбека с Эльбрусом, хотя в целом мне и не нравится эта пьеса и хотя в ней есть стиха четыре плохих".¹⁹³

По виртуозности стихотворной техники и по яркости описания природы "Спор", наряду со "Свиданием", принадлежит к числу самых замечательных лирических произведений Лермонтова. Описание грандиозной панорамы необъятного Востока отдельные страны которого обрисованы поэтом немногими, но самыми меткими, характерными чертами, не уступает аналогичной знаменитой картине, изображенной А. де Виньи в поэме "Моисей". Изумительно живописно, как и в "Бородине", передано движение войск, идущих в бой; здесь с редким мастерством автор пользуется аллитерацией и другими приемами словесно-художественной техники для создания музыкального впечатления. Лермонтов пользуется также приемами фольклорного сказа (олицетворение сил природы), применением сравнений, опирающихся на местную народную поэзию: "Шапку на брови нагнуул" с примечанием: "Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Кавказа".¹⁹⁴

В эпическом жанре поэт тоже пишет классически прекрасные произведения, поражающие и глубиной содержания, и блеском формы. В эти годы, подводя итоги длительной работе над любимыми замыслами, он завершает поэмы "Мцыри" (1840 г.) и "Демон" (1841 г.).

Творческая история каждой из них продолжительна и сложна. Ранними вариантами сюжета о монастырском узнике являются поэмы "Исповедь" (1830 г.) и "Боярин Орша" (1835—1836 гг.). Этот сюжет мелькает и в юношеских черновых заметках (V, 351, № 13). Не собираясь отдавать в печать поэмы "Исповедь" и "Боярин Орша", автор многие стихи из них перенес в "Мцыри"; один и тот же стихотворный размер сохранен и в последней редакции. Содержание "Мцыри", фабульное построение, система образов подверглись глубочайшей переработке. Изменено и место действия: сначала оно развивалось в Испании ("Исповедь"), потом в древней Руси ("Боярин Орша"), наконец — в Грузии ("Мцыри"). В первых двух произведениях события были связаны с феодальной порой, в "Мцыри" — перенесены в современную автору эпоху. С годами замысел ширился и принимал все более конкретные формы.

На создание "Мцыри" значительное влияние оказала поездка поэта в Грузию. Здесь в 1837 году он встретился близ Мцхета с одним старым монахом и, беседуя с ним, узнал, что он по происхождению горец; будучи в детском возрасте взят в плен Ермоловым, он заболел и был отдан в монастырь, из которого однажды пытался бежать; после одной такой попытки он сильно заболел и едва не умер; впоследствии он примирился со своей участью и привязался к одному старому монаху.¹⁹⁵ Эта канва сюжета также подверглась переработке.

По свидетельству А.Н. Муравьева, поэма "Мцыри" была окончена в Царском Селе: "В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. "Что с тобою?" — спросил я. "Сядьте и слушайте", — сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму "Мцыри" (послушник по-грузински), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера".¹⁹⁶

Перед отъездом на Кавказ, на именинах у Гоголя (9 мая), в саду у Погодина, в кругу знакомых, среди которых было много пи-

сателей, присутствовал и Лермонтов. После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. С.Т. Аксаков, описывая этот день, передает: "Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы "Мцыри", и читал, говорят, прекрасно".¹⁹⁷

Устами Мцыри поэт страстно протестует против колониальной политики царизма; он уверен, что

Быть бы мог в краю отцов

Не из последних удалцов. (Ш, 444).

Находясь в плену, он мечтал

Про милых ближних и родных,

Про волю дикую степей,

Про легких бешеных коней,

Про битвы чудные меж скал... (Ш, 447).

Он скорбит о том, что в стране чужой умрет "рабом и сиротой". Подобно героям "Исповеди" и "Боярина Орши", Мцыри обличает монахов, хоронящих себя в монастырях, принижающих человеческую личность, не знающих красоты природы и земных радостей, загубивших и его юную жизнь. Поэма направлена и против самодержавного строя в целом. Мцыри говорит:

Давным-давно задумал я

Взглянуть на дальние поля,

Узнать, прекрасна ли земля,

Узнать, для воли иль тюрьмы

На этот свет родимся мы. (II, 437).

Эти основные мотивы подчеркиваются приемом резких контрастов: могучий, смелый юноша противопоставляется дряхлому монаху, пышная природа Грузии — мрачным стенам монастыря; это впечатление усиливается введением в рассказ образов, исполненных красоты и движения (горный поток, змея, скользящая меж камней, молодая грузинка, напевающая песню, могучий барс). С исключительным мастерством изображает поэт смену различных настроений Мцыри, сначала упивающегося свободой, побеждающего барса, а затем убедившегося, что он заблудился и пришел к тому же монастырю, который хотел покинуть навсегда. Чудесные картины природы, картина борьбы с барсом, описание сна (23 строфа) — вершины мировой поэзии.

Романтический пафос, выразительная, взволнованная, гневная монологическая речь, энергический стих со сплошными мужскими рифмами превосходно оттеняют титанический образ героя поэмы. Это произведение встретило восторженную похвалу со стороны Белинского:

"Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цветы у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму...

...Этот четырехстопный ямб с одними мужскими окончаниями, как в "Шильонском Узнике", звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным чувством, несокрушимой силой могучей природы и трагическим положением героя поэмы".¹⁹⁸

Дань романтизму отдана им также в излюбленной поэме — "Демон", над созданием которой он работал, начиная с 1829 г. Известно несколько ранних вариантов этого произведения и заметок, не связанных с Кавказом (III, 491—529; V, 348, 354). Последний вариант (1841 г.) был задуман после поездки на Кавказ в 1837 г. Местные легенды, преимущественно грузинские, грандиозная природа юга вдохновили Лермонтова к написанию в новой редакции, приуроченной к Кавказу. Мотивы "демонизма" развиты также в различных других произведениях

этого поэта — "Мой демон", (I, 49, 317—318), "Вадим" (V т.) и др. К сожалению, рукопись последней редакции поэмы до сих пор не найдена, и в разных изданиях Лермонтова даются различные варианты окончательного текста "Демона". К настоящему времени наиболее приемлемой является редакция Карлсруйских изданий поэмы 1856 и 1857 гг.; они вошли и в новейшее собрание сочинений, вышедшее в издательстве "Academia" (II). Не пропущенная цензурой при жизни автора поэма долго впоследствии печаталась в сокращенном виде; она распространялась в рукописных списках, в большом количестве ходивших по рукам в 40—50 гг. и в последующее время. В юбилейном 1914 году вновь ставился вопрос о пересмотре произведений Лермонтова, т. к. духовной цензуре не понравились стихи из "Демона" о боге:

На нас не кинет взгляда:

Он занят небом, не землей.¹⁹⁹

Богоборческий образ Демона, привлекавший внимание многих великих поэтов, получил в трактовке Лермонтова совершенно новое освещение и был заключен им в богатейшую фабульную канву.

Большую роль в истории последней редакции поэмы сыграли известные местные предания, приуроченные к различным районам Военно-Грузинской дороги, хорошо знакомой автору. Указание на то, что Лермонтову были известны подобные мотивы грузинского фольклора, мы находим в эпилоге поэмы:

На склоне каменной горы

Над Койшаурскою долиной

Ещё стоят до сей поры

Зубцы развалины старинной.

Рассказов, страшных для детей,

О них еще преданья полны...

Как призрак, памятник безмолвный,

Свидетель тех волшебных дней,

Между деревьями чернеет.

Внизу рассыпался аул... (III, 486).

Проф. Висковатов в статье "Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова" отмечает, что описанные развалины "замка Гудала" находятся на Арагве близ станции Гудаур; имя Гудала могло быть связано с Гуд-аулом и относящимися к нему преданиями о злом духе. По одному из этих преданий, горный дух полюбил девушку; она же любила юношу; он оказывал им покровительство, но когда их чистые отношения между ними изменились, он из ревности завалил их грудой камней. Близ того же аула Гуда находится монастырь, положение которого сходится с описанием Лермонтовым обители, укрывшей Тамару. Во льдах Казбека стоит церковь, о которой существует много легенд; их знал Лермонтов и воспользовался при описании храма, воздвигнутого праотцом Гудала; там и был положен прах Тамары. Лермонтову была известна и легенда о скованном духе ("то горный дух, прикованный к пещере, стонет".²⁰⁰

Наконец напомним, что поэтом чрезвычайно верно и ярко описано Дарьяльское ущелье. В поэме много местных географических названий: Казбек, Терек, Дарьял, Арагва, Койшаурская долина, Цинодалы ("Синодал"), Карабах, местные слова — "чадра", "зурна", "чуха", "папах", "чингар".

Великолепные описания природы, прекрасные бытовые картины (пляска Тамары, похороны Тамары), искусно вплетенные в повествование мотивы кавказского фольклора, — все это придает поэме глубокое своеобразие; состязаясь с мировыми гениями, интересовавшимися сюжетом о скорбном отверженном духе, полюбившем земную женщину, Лермонтов создал подлинно

самобытное произведение, расцвеченное утонченными романтическими красками, полное пламенных, смелых идей.

Образ мятежного Демона, "духа познания", который называет себя "царем познания и свободы", который презирает "глупцов и лицемеров", живущих в мире,

**Где преступленья лишь, да казни,
Где страсти только мелкой жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить...**

во многом сходен с образами Вадима, Измаил-Бея, Арбенина ("Маскарад"), Печорина. Эти образы могучих, мятежных натур, умеющих и любить, и ненавидеть, ищущих для приложения своих "необъятных" сил широчайшего простора, не терпящих над собою чьего-либо гнета, люди железной воли, кипучей энергии, люди свободолюбивые, непримиримые враги пошлости и косности, — были страстным протестом против всей системы крепостнического строя. Этим героическим натурам, оттеняя их благородство и величие, трагизм их судьбы, поэт противопоставляет людей, наделенных чертами деспотизма, эгоизма, душевной мелочности и низости, как, например, Палицын, Звездич, Казарин, Грушницкий и другие. Иносказательный смысл "Демона" был подмечен гражданской и духовной цензурой, и поэма долго находилась под запретом, появляясь в печати, после смерти автора, в очень неполном виде, распространяясь в многочисленных списках; эти списки часто восходили к недостаточно авторитетной редакции, вследствие чего не могли дать читателям точного представления о последнем варианте излюбленного произведения Лермонтова.

Белинский в своих письмах и статьях неоднократно упоминает о "Демоне"; отмечая некоторые недочеты этого произведения, он с восторгом говорит о его блестящих достоинствах и относит его к крупнейшим созданиям Лермонтова. Анализируя поэму "Мцыри", он пишет в статье о сборнике стихотворений Лермонтова:

"Как жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, действие которой совершается также на Кавказе и которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило "Горе от ума": мы говорим о "Демоне". Мысль этой поэмы глубже, несравненно зрее, чем мысль "Мцыри", и хотя исполнение ее отзывается некоторой незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образов ставят ее несравненно выше "Мцыри" и превосходит все, что можно сказать в ее похвалу".²⁰¹

В связи с запретом поэмы в печати Белинский сам списал для своей невесты, М.В. Орловой, всю поэму.²⁰² Переписывание поэмы и чтение ее в кругу близких лиц доставляло Белинскому глубокое наслаждение. Он писал об этом В.П. Боткину: "Демон" сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувств, красот. Я его столько раз читал-и слушатели были так довольны"...²⁰³

В фабульном отношении "Демон" тоже имеет ряд черт, сближающих эту поэму с другими произведениями Лермонтова: мотив о трагической любви Демона и Тамары в значительной степени близок к аналогичным мотивам, развитым в "Вадиме" (Вадим и Ольга), "Маскараде" (Арбенин и Нина), "Герое нашего времени" (Печорин и Бэла, Печорин и Мери, Печорин и Вера). Но это не механическое перенесение в различные рамки одной и той же сюжетной ситуации. В обрисовку образов Демона и Тамары, в изображение судьбы героев этой поэмы автор вносит новые черты; он вводит также и новые персонажи — отца Тамары и ее жениха, создает неповторимые картины величественной природы Грузии, широко пользуется мотивами мест-

ного фольклора. Все это придает "Демону" глубоко индивидуальные особенности, как крупного, типично лермонтовского произведения.

Поэма полна трагизма: в цвете лет умирают Тамара и ее жених; Демон, погубив девушку, душа которой была соткана "из лучшего эфира", "проклял мечты безумные свои"; глубоко скорбит, потеряв любимую дочь, старый Гудал. И в то же время поэт указывает, что Демон не примирился с небом, остался таким же надменным и могучим, готовым продолжать борьбу, как и прежде. Явственно звучат мотивы глубокого оптимизма:

**Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, — и караваны
Идут звеня издалека,
И низвергаясь сквозь туманы
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весной
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя. (III, 486).**

Читая эпилог "Демона", невольно вспоминаешь слова Белинского о самом поэте: "Я с ним спорил, и мне отраднее было видеть в его рассуждении, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог!"²⁰⁴

Настроение, отраженное Лермонтовым в приведенных нами строках эпилога "Демона", приближается к настроению, которое с такою задушевностью и широтой восприятия сложных жизненных явлений выражено Пушкиным в его знаменитом стихотворении "Брожу ли я вдоль улиц шумных":

**И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.**

Как ни жесток был режим в "стране рабов, стране господ", Лермонтов, как и Пушкин, не мирился с ним, протестовал, боролся, мечтал о лучшей жизни.

В поэме "Демон" автор с одинаковым искусством пользуется и описательным приемом, и диалогической речью. Описание характеризуется у Лермонтова не статичностью, как у многих других писателей, а динамичностью. Описывая Дарьял, он изображает буйно мчащийся Терек, кружащихся в лазурной выси птиц, плывущие на север облака; рисуя обаятельный образ Тамары, дает замечательную картину ее пляски; с необыкновенным искусством очерчен облик юного "властителя Синодала", лихого наездника и отважного бойца; с изумительной четкостью и яркостью передана сцена стремительного бега коня, вынесшего из битвы тело князя; даже описывая руины замка Гудала, поэт оттеняет образ за образом, полные движения: люди исчезли, но в замке другие обитатели:

**Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца:
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой... (III, 487).**

Поэма начинается и кончается изображением летящего Демона. Все в ней полно движения, смены ярких образов в красок.

Основным размером поэмы является излюбленный у Лермонтова четырехстопный ямб, но в первой части введен, в песне Демона, и хореический размер ("На воздушном океане..."). Очень искусно пользуется поэт приемом повторения ("Лишь только..." в песне Демона, "Клянусь..." в его же монологе и др.).

Поэма "Демон" — последняя дань романтизму, рамки которого уже были тесны для Лермонтова, все чаще обращавшегося к реалистическому письму. В незаконченной "Сказке для детей" (1839 г.), упоминая об образе Демона, он говорит:

...Он сиял

Такой волшеббно-сладкой красотой,
Что было страшно... и душа тоскою
Сжималася — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет...
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделился — стихами. (III, 421).

О том же писал он и в одном из своих последних стихотворений:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык. (II, 117).

Ярким примером тяготения Лермонтова к реалистическим мотивам является его очерк "Кавказец" (1841 г.). Опубликование его предполагалось в альманахе "Наши", вышедшем в октябре 1841 г. Однако очерк не появился ни в этом альманахе, ни в "Иллюстрации", извещавшей своих читателей о том, что "Кавказец" появится на ее страницах в 1848 г.²⁰⁵ По-видимому, очерк не был напечатан из-за цензурных притеснений. Рукопись его пока не обнаружена. Копия была найдена Н.О. Лернером и опубликована в 1929 году.

Тематически "Кавказец" близок к "Герою нашего времени". Кавказские офицеры были хорошо знакомы Лермонтову; они выступали и в названном романе, и в "Валерике". Лаконичность и простота изложения, типичные для "Бэлы", "Максима Максимыча", "Фаталиста", "Валерика", нашли яркое выражение и в "Кавказце".

Этот очерк метко осмеивает офицеров, стремившихся на Кавказ из-за чинов, мечтавших о прекрасных казачках, черкешенках и восторгавшихся повестями Марлинского. Знакомясь с суровой повседневной служебной жизнью на Кавказе, они стареют; "грудь увешана крестами, а чины нейдут". Им хорошо известен быт горцев, они подражают им в костюме, обзаводятся настоящим кавказским оружием. "Но годы бегут, кавказцу уже 40 лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет на пенсию; это выражение там освящено обычаем". Он возвращается домой "и кончает дни свои в какой-нибудь крепости, где жена предохраняет его от гибельной для русского человека привычки". Кавказцы не настоящие больше кавказцы душою, чем телом: они занимаются археологическими открытиями, говорят о пользе торговли с горцами, об их покорении и образовании; послужив в Закавказьи несколько лет, такой кавказец обыкновенно возвращается в Россию "с чином и красным носом". (V, 322—325).

Весь очерк выдержан в сатирическом духе; это подчеркивается такими выражениями, как, например, следующие: "от-

правлен туда (т. е. на Кавказ) на казенный счет с большими надеждами и маленькими чемоданами", "достал мохнатую шапку и черкесскую плетть на ямщика", "дорого заплатил за дрянной кинжал", "он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты", "легонько маракует по-татарски", "отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу", "обыкновенно возвращается в Россию с чином и с красным носом" и т. п. Вполне понятно, что и по содержанию, и по стилю такое произведение должно было возбудить недовольство цензурного начальства.

Тип "настоящего" старого кавказца дается автором во всесторонней обрисовке. Отмечая слабости и смешные стороны людей такой категории, Лермонтов указывает и привлекательные черты этого "полурусского, полуазиатского" существа. Он указывает, что кавказские ветераны дружат с мирными горцами, посещают их аулы; они любят простую жизнь, интересуются горской народной поэзией, изучают обычаи горцев. Лермонтов вводит характерные местные выражения: "шашка — настоящая гурда, кинжал — старый базалай... лошадь — чистый шаллох". Отметим, что лошади завода Шалоха (в Малой Кабарде) издавна славились на Северном Кавказе.

Интерес Лермонтова к прозе в последние годы возрастал. У молодого писателя зрели новые большие замыслы. По авторитетному свидетельству Белинского, Лермонтов собирался написать цикл романов ... "Уже кипучая его натура начала устраиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетой жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собой связь и некоторое единство, по примеру Куперовской тетралогии, начинающейся "Последним из Могикан", продолжающейся "Путеводителем в пустыне" и "Пионерами" и оканчивающейся "Степями".²⁰⁶

По сведениям, сообщенным П.К. Мартыновым, но не внушающим большого доверия, Лермонтов по дороге к месту дуэли с Мартыновым говорил Глебову о том, что он выработал план двух романов: "одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого — из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов".²⁰⁷

В последние годы, как мы отмечали выше, поэт усиленно хлопотал об отставке.

Он мечтал об основании журнала и часто говорил о нем с Краевским, брался к каждой книжке доставлять что-нибудь оригинальное.²⁰⁸

Этим замыслом не пришлось осуществиться. Лермонтов погиб в очень юном возрасте, но то, что он успел создать за такой малый срок, в такой неблагоприятной обстановке, является ценнейшим вкладом в русскую и мировую литературу. Кавказские мотивы, как мы показали, привлекали внимание поэта с самых ранних лет и занимают в его художественном наследии весьма большое место; им посвящены многие стихотворные и прозаические произведения, которые по своему содержанию близки к другим его произведениям различных лет. Белинский говорит, что "Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта", что Кавказ стал его "поэтической родиной, пламенно любимой им".²⁰⁹

Кавказские мотивы показывают, что Лермонтов, как все подлинно гениальные писатели, обладал удивительным даром отзываться на явления, связанные с жизнью различных народов, разных эпох. С таким же мастерством, какое он показал в "Герое нашего времени", в "Валерике", "Демоне", в лирических пьесах ("Тамара", "Свидание"), он писал и другие произведения, стоящие вне кавказской тематики; напомним "Песню про купца Калашникова", "Бородино", "Умирающего гладиатора", "Три пальмы".

Интерес к Кавказу нашел яркое отображение и в рисунках Лермонтова, с которыми мы знакомы по собранию их, принадлежащему Пушкинскому дому. Часть их воспроизведена в издании сочинений Лермонтова, выпущенных под редакцией проф. Д.И. Абрамовича (1910 — 1913 гг.) и проф. Б.М. Эйхенбаума (1936 — 1937 гг.). Излюбленные мотивы Лермонтова — горный пейзаж, типы горцев, батальные сцены, портреты современников. Наиболее удачны рисунки карандашом и пером, превосходящие изображающие лихих наездников, поединки и сражения.

Кавказские мотивы, как мы указываем ниже, оказали большое влияние на развитие кавказских мотивов у русских, грузинских, армянских и многих других писателей.

Пребывание Лермонтова на Кавказе, особенно в 1837, 1840—41 гг., сыграло очень большую роль в его жизни. Здесь он встретился со многими декабристами и с писателями, членами "кружка шестнадцати". В частности, встречи с такими лицами, как Белинский, А.И. Одоевский, Н.И. Лорер, д-р Майер, В.И. Лихарев, П.А. Гвоздев и другие, были знаменательны для поэта. В среде подобных людей, резко отличавшихся от Мартыновых и Васильчиковых, Лермонтов делился волновавшими его мыслями, мог говорить о своих творческих замыслах, личных переживаниях, об интересовавших его книгах.

Очень характерны такие факты, как выписка сочинений Шекспира в подлиннике, приобретение книг Лафатера и Галя. Чрезвычайно характерна подробность, на которую до последнего времени как-то не обращали внимания биографы поэта: Лорер сообщает, что декабрист Лихарев был убит в конце сражения, как раз в тот момент, когда он шел рука об руку с Лермонтовым, "споря о Канте и Гегеле". Интерес Лермонтова к философии — вопрос, совершенно пока не освещенный в литературе. Между тем философские проблемы глубоко интересовали поэта, находя отражения во многих лирических произведениях, поэмах (напр., в поэме "Сашка"), в "Герое нашего времени".

Пребывание Лермонтова на Кавказе оставило глубокий след в его жизни и творчестве еще потому, что именно здесь он сблизился с солдатами и казаками, разделяя с ними все трудности и тревоги, связанные с кочевой походной обстановкой. Тогда же он встречался и с мирными горцами. Один из них, черкес, сопровождал Лермонтова во время его поездки в Кубу. Он упоминает о кунаке Ганубе в стихотворении "Валерик". Будучи на Кавказе, он начал учиться татарскому языку, думая воспользоваться им при поездке на Восток, если бы удалось выйти в отставку. Современники свидетельствуют, что в "Герое нашего времени" многие лица списаны с натуры. Путешествие по Кавказу привлекало его и как рисовальщика. "Я снял на скорую руку, — говорит он, — виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию". (V, 393).

Недаром в студенческие годы и позже он, обращаясь к Кавказу, называл себя его "сыном" и говорил:

**На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой, — всегда и всюду твой!..**
(III, 168, 580).

VII. Отзвуки Кавказских мотивов М.Ю. Лермонтова в литературе и искусстве

Пушкин, Полежаев, Марлинский, Лермонтов и некоторые другие писатели первой половины XIX в., уделявшие Кавказу большое внимание, прекрасно знавшие его и посвятившие ему много произведений, способствовали упрочению кавказской тематики в современной им и последующей русской художественной литературе. Особенно большое воздействие в этом направлении оказал Лермонтов. Данный вопрос, чрезвычайно интересный и заслуживающий широкого изучения, до последнего времени затрагивался лермонтоведами эпизодически. Не ставя своей задачей в рамках настоящей работы подробно осветить эту тему, мы считаем необходимым остановиться на ряде конкретных примеров, частью почерпнутых в специальной литературе, частью — подмеченных нами самими.

Предварительно укажем, что отдельные ценные высказывания об отзвуках Лермонтова в русской литературе XIX в. можно найти в следующих источниках: в статье И.Н. Розанова "Отзвуки Лермонтова" (сб. "Венок М.Ю. Лермонтову", Москва — Петроград, 1914 г.), в монографии Н. Котляревского "Лермонтов" (Петроград, 1915 г., 5-е изд.), в комментариях к сочинениям Лермонтова, изданным под редакцией Б.М. Эйхенбаума. Ряд лирических произведений, навеянных кавказскими мотивами Лермонтова, имеется в сборнике "М.Ю. Лермонтов в русской поэзии", составленном В.В. Каллашом (Москва, 1914 г.).

Н.П. Огарев, очень высоко ценивший Лермонтова, написал под воздействием его стихотворения "Сон" ("В полдневный жар"), как указано Н.П. Огаревым, превосходное стихотворение "В тиши ночной аккорд печальный".²¹⁰ В статье "Лермонтов и Огарев" нами приведен ряд параллелей, доказывающих заметное влияние кавказских лермонтовских образов на поэзию Огарева; приводим два примера.

Описывая развалины древнего Карфагена, Огарев рисует следующую картину:

Зеленой сетью плющ ползучий
Разросся мирно вокруг столбов,
И в час полдневного досуга
Понежиться на солнце юга
Из-под камней ползет змея,
Иль резвых ящериц семья.

Эти строки явно варьируют образ, встречающийся в кавказских поэмах Лермонтова:

**И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво...** ("Измаил-Бей").
...Змея

**...Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом..** ("Мцыри").
...Зеленых ящериц семья
**На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает.** ("Демон").

Без сомнения, "Таманью" Лермонтова (образом контрабандистки) вызвано превосходное стихотворение Огарева "У моря",

изображающее девушку, ожидающую возвращения любимого человека, уехавшего на рыбную ловлю.²¹¹

Весьма характерно, однако, что ни одно из приведенных произведений не приурочено Огаревым к Кавказу; близко воспринимаемая образы Лермонтова, он не слепо подражал им, связывал их с другой обстановкой, давал им своеобразную трактовку.

В.И. Красов, современник Лермонтова, в небольшом стихотворении "Романс Печорина" дает беглую поэтическую обрисовку "Героя нашего времени":

Как блудящая комета
Меж светил ничтожных света,
Пронюсуся я.
Их блаженства не ценил я;
Что любил, все погубил я.
Знать, так создан я.
Годы бурей пролетели.
Я не понял верно цели,
И была ль она?
Я б желал успокоенья...
Сила сладкого забвенья
Сердцу не дана.
Пусть же рок меня встречает,
Жизнь казнит или обольщает —
Все уж мне равно.
Будь то яд или зараза,
Или бой в горах Кавказа.
Я готов давно.²¹²

Влияние Лермонтова отражено во многих стихотворениях Я.П. Полонского, в 40—50 гг. XIX в. жившего на Кавказе. Глубоко интересуясь лермонтовской поэзией, Полонский в кавказской обстановке еще более сроднился с духом лермонтовской поэзии. И.Н. Розанов отмечает ее отзвуки в следующих произведениях Полонского: "Келиот", "У двери", "Н. Грибоедовой", "Рассказ волны", "Кумир", "В потерянном раю", "Змея". И.Н. Розанов указывает, что гражданские мотивы Лермонтова мало влияли на Полонского; "Лермонтова он воспринимал главным образом не с идейной, а с художественной стороны"²¹³. Воздействие Лермонтова видно также в стихотворениях Полонского "К Демону" и "На пути из-за Кавказа"; в последнем имеются следующие строки:

Погоняй! гаснет день за курганами,
С вышек молча глядят казаки —
Красный месяц встает за туманами,
Недалеко дрожат огоньки —
В стороне слышу карканье ворона —
Различаю впотьмах труп коня —
Погоняй, погоняй! тень Печорина
По следам догоняет меня.²¹⁴

Эти строфы вызваны следующей сценой из "Княжны Мери": "За несколько верст от Эссентуков я узнал близ дороги труп моего коня; седло было снято — вероятно проезжим казаком и, вместо седла, на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся"... (V, 311—312). Полонский особенно близок к Лермонтову в грузинских мотивах и в описании Военно-Грузинской дороги.

И.Н. Розанов справедливо указывает на то, что Полонский умел создавать стихотворения в духе Лермонтова, не пользуясь его выражениями. Примерами могут быть стихотворения "У двери" и "Орел и змея", не связанные с Кавказом.

Под явным воздействием "Мцыри" Лермонтова написана поэма А. Григорьева "Предсмертная исповедь"; образ героя, одиноко умирающего и изливающего заветные думы в длинном мо-

нологе, очень близок к образу "Мцыри"; заметное сходство видно и в стиле поэмы; приводим некоторые места:

Еще от детства, начал он,
Судьбою был я обречен
Страдать безвыходной тоской.
Тоской по участи иной,
И с верой пламенно звать
С небес на землю благодать.
И рано с мыслью свыкся я,
Что мы другого бытия
Глубоко-падшие сыны...
...Да, этой гордостью одной
Страдал я... Слабый и больной.
Ее я свято сохранил
И головы не преклонил
Ни перед чем...
...Я был один, один всегда,
Тогда ль, как в детские годы
Подушку жарко обнимал
И ночи целые рыдал...²¹⁵

Стихотворный размер, расположение рифмы, многие образы весьма близки к "Мцыри".

Раннее творчество И.С. Тургенева, как поэта и беллетриста, развивалось под сильным воздействием Лермонтова.

В 40-х годах один из критиков причислил молодого Тургенева к "поэтам школы Лермонтова";²¹⁶ и это имело свои основания.

Сильное влияние "Мцыри" Лермонтова бросается в глаза при чтении поэмы Тургенева "Разговор" (1844 г); сюжетная ситуация — разговор старика с юношей, многие образы и построение, структура стиха — все очень близко к лермонтовской поэме; приводим ряд строк из названного произведения Тургенева:

Старик, ты прав, но ты жесток.
Послушай: каждый твой упрек
Неотразим... душа моя
Томится гневом и тоской,
И замирает, как змея
Под торжествующей пятой...
И стыдно мне: мои глаза
Сжигает едкая слеза...

В некоторых стихах есть и отзвуки "Демона" Лермонтова:

Клянусь я в этот страшный миг,
Клянусь я небом и землей,
Клянусь позором слез моих...²¹⁷

Влияние "Героя нашего времени", как мы отмечаем ниже, заметно в повестях Тургенева "Бретер" и "Три портрета". Наконец, влияние Лермонтова (стихотворение "Спор") отражено в аллегорическом стихотворении в прозе Тургенева "Разговор" (1878 г.), сравнительный анализ этих произведений дан нами в книге "Лермонтов и Л. Толстой" (стр. 439—441).

Манера Лермонтова, как автора "Бэлы" и "Фаталиста", заметна также в превосходном рассказе Тургенева "Отчаянный" (1881 г.), действие которого частью происходит на Кавказе.²¹⁸ Образ Миши Полтева родствен Вуличу. Тургенев не мог знать "Кавказца" Лермонтова, но рассказ "Отчаянный" не утрачивает из-за этого большого значения для изучения образа лихого, бывшего кавказского офицера, рисующегося своей храбростью, так метко обрисованного Лермонтовым в упомянутом очерке. Полтев, несколько напоминающий Вулича, родствен, как тип, и "настоящему" кавказцу Лермонтова.

Несомненный интерес представляют художественные произведения лиц, хорошо знавших кавказскую жизнь эпохи 30—40

годов и общественное окружение Лермонтова. К их числу принадлежит писательница Е. Лачинова (Хамар-Дабанов), автор злободневного для начала 40-х годов романа "Проделки на Кавказе" (СПб; 1844 г.). Роман этот, ставший в настоящее время библиографической редкостью, вышедший с эпиграфом "Не любо, не слушай, а лгать не мешай!", заключал в себе много нападок, направленных против кавказского командования и праздных посетителей группы Минеральных Вод.

Е. Хамар-Дабанов — псевдоним писательницы Екатерины Петровны Лачиновой (урожденной Шелашниковой), бывшей замужем за Николаем Емельяновичем Лачиновым, в 1839 году состоявшим генерал-интендантом отдельного Кавказского корпуса. Брат ее мужа, Евдоким Емельянович Лачинов, тоже служивший в армии, за прикосновенность к делу о декабристах был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ; впоследствии он выслужился в офицеры, в 1833 г., и вышел в отставку. В обществе таких лиц Лачинова могла узнать очень многое о кавказских военных деятелях и обывателях. Под вымышленными или действительными именами в романе выведены, как указывает Е. Г. Вейденбаум, начальник правого фланга генерал Г. Х. Засс, темиргоевский князь Джамбот Айтеков и другие подлинные лица. Военный министр Чернышев указал начальнику III отделения Л. В. Дуббельту, что "книга эта тем вреднее, что в ней — что строчка, то правда". Роман был изъят из обращения.²¹⁹

До последнего времени книга Лачиновой не привлекалась к лермонтовской литературе, если не считать беглого упоминания Е. Г. Вейденбаума в указанной его работе о прототипе Грушницкого. Между тем, он во многих отношениях соприкасается с "Героем нашего времени" и с обществом, среди которого жил в последние годы Лермонтов. Здесь мы встречаем Льва Сергеевича Пушкина (майор Лев), имена пятигорских дам — Мерлини и Ребровой. Во второй части подробно описываются Кавказские Минеральные Воды, упоминается имя содержателя гостиницы Найтаки; в гостинице Найтаки Лермонтов останавливался при последнем приезде в Пятигорск.

Лачинова намеренно подчеркивает связь своего романа с лермонтовским романом: в "Проделках на Кавказе" выведен адъютант Грушницкий. Он рисуется своей наружностью, у него "наглый взор". "Легко можно было заметить, что этот молодой человек дерзок в обращении, не по природному влечению, но по принятому образу поведения, основанному на расчете и на желании произвести особенное впечатление" (II, 72).

Лачинова остроумно мистифицирует читателя, указывая на то, что Лермонтов в своем романе изображал подлинные события, но несколько изменял, как художник, настоящую ситуацию. Грушницкий говорит:

"Вот однако же каковы люди! Желая моей смерти, они затмилась до того, что не поняли всей тонкости Печорина. Как герой нашего времени, он должен быть глуп и хвастун; поэтому то он и поместил в своих записках поединок, которого не было. Что я за дурак, перед хромым лекарем, глупым комендантом и самим Печориным хвастать удалством!.. Мы просто с Печориным поссорились, должны были стреляться, комендант узнал и нас обоих выслали к своим полкам". (II, 73—74).

Автор, устанавливая преемственность по отношению к лермонтовскому роману, систематически вставляет различные детали, взятые из "Героя нашего времени"; особенно это заметно на тех страницах, где изображается Грушницкий. Лачинова отмечает, что Грушницкий окидывается взором окружающих, желая насладиться впечатлением произнесенных им слов (II, 72—73). Он склонен к бретерству, хочет вызвать на дуэль одного из офицеров, но тот с презрением отказывается от поединка с ним

(II, 93—94). "Люди подобные Грушницкому, — говорит автор, — не убивают; им необходимо только производить эффект: в том все их честолюбие" (II, 86). Напомним для сравнения слова Лермонтова: "Он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение"... (V, 242).

Упоминание о "хромом лекаре", приведенное выше (в словах Грушницкого), — очевидный намек на доктора Вернера, списанного Лермонтовым с Майера.

В главе "Закубанский Харамзаде" описывается разбойник Али-Карсис (Али-Хырсыз), лицо действительное, как указывает Вейденбаум. Этот мотив в некоторой степени созвучен мотиву о Казбиче в "Бэле". Настоящая глава была опубликована в "Библиотеке для чтения" под тем же заглавием, как повесть из черкесской жизни; в примечании редакции указывалось, что данное произведение принадлежит даровитой русской писательнице и является отрывком из ее романа "Проделки на Кавказе", который вскоре выйдет в свет.²²⁰

Общая направленность этого обличительного романа видна из следующего признания одного из персонажей, лекаря:

"Здесь между людей редко встретишь человека! Расчеты, честолюбие, желание — не заслужить, а выслужить награду, поглощают все истинные добродетели, порождают презрительную и постыдную искательность, обращающуюся в одно всеобщее сплетение лжи и каверз" (I, 111).

Роман этот является ценным комментарием к "Герою нашего времени" и "Кавказцу" Лермонтова. Не обладая высокими художественными качествами, он выгодно выделяется на фоне многих других кавказских повестей и романов, пропитанных запоздалой романтикой. Е. Лачинова вносит, вслед за Лермонтовым, реалистическую струю в кавказскую беллетристику. Ее полумемуарный роман не лишен, помимо литературного, и исторического значения.

Сильное влияние Лермонтова отражено в стихотворениях и поэмах К. П. Белевича (1825—1890 гг.), служившего с конца 40-х годов в Тенгинском полку. Главные мотивы произведений Белевича — быт и фольклор горцев ("Чеченец Берсан", "Лезгин Алли", "Дагестанка Буба", "Святое виденье"), эпизоды из истории Кавказской войны ("Случай", "Валерик", "Песня про Архипа Осипова", "На Валерике"). В стихотворении "На смерть товарища" — отзвуки лермонтовского "Сна"; стихотворение "Спор" навеяно "Спором" Лермонтова, с сохранением того же размера:

В ратном стане за рекою,

У шатра вдали

Воеводы меж собою

Спор раз завели...

Отзвуки "Демона" имеются в поэме "Ночные полеты умершего героя". Описание Валерикского боя написано под впечатлением стихотворения Лермонтова на ту же тему, причем автор упоминает и о самом поэте (картина боя и смерть капитана); обращаясь к Лермонтову в конце стихотворения, автор говорит:

Как очевидец, мог сказать ты боле

Того, что ты о нем воспел;

В дни испытанья, видно, поневоле

Всего сказать ты не хотел!..

В художественном отношении произведение Белевича слабы, но все же они не лишены значения, как непосредственный отклик эпохи, близкой к Лермонтову. Тому же автору принадлежит интересная статья "Кое-что о службе и смерти на Кавказе Марлинского и Лермонтова", написанная в 1868 г.²²¹

Большую роль в развитии ранних кавказских произведений Л. Толстого — "Набег", "Встреча в отряде", "Казачи" — сыграли такие сочинения Лермонтова, как "Валерик", "Герой нашего времени", "Дары Терека", "Казачья колыбельная песня". Известно, что Л. Толстой, живя на Кавказе, перечитывал Лермонтова. Образы старых кавказцев, батальные сцены, описание природы, думы о контрасте между кровавой бойней и величественно красивой и спокойной картиной природы, интерес к фольклору и быту горцев и гребенцов — все это возникало и оформлялось под сильным воздействием Лермонтова. Формула Лермонтова — "Жалкий человек! чего он хочет"... ("Валерик") варьируется неоднократно Л. Толстым — в "Набеге", а затем в "Войне и мире". Подробно на этом мы останавливались в книге "Лермонтов и Л. Толстой" (1914 г.).

Влияние Лермонтова заметно также на цикле кавказских новелл А.В. Дружинина: "Mademoiselle Jeanette" (1852 г.), "Легенда о кислых водах" (1854 г.), "Русский черкез" (1855 г.).²²² Описание праздного, флиртующего общества, живущего на "кислых водах", осмеяние увлечения помещика Махметова кавказской романтикой носят следы заметного воздействия "Княжны Мери".

Автор неоднократно упоминает имя Лермонтова, вводит его образы: "горец в косматой шапке", "бледный, изящный, похожий на девочку Печорин, у которого под армейской пуговицею бьется петербургское сердце". Характерны также следующие строки: "Перед ним набежали волны Черного моря на синеющую степь, объятую серебряным венцом Кавказа, желтые уступы дагестанских скал, свешиваясь над песком бесплодной долины, сумрачно глядели на раненого юношу, которому, в лихорадочном забытье, грезились вечерний пир на севере и северные красавицы, увенчанные цветами"...²²³ Здесь Дружинин вводит образы из стихотворения "Памяти А.И. Одоевского":

**Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет...
...Расскажам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.** (II, 55).

Далее взяты образы из стихотворения Лермонтова "Сон". И.Н. Розанов отмечает так называемое "развенчивание" печоринского типа у писателей молодого поколения — у Тургенева ("Бретер", "Три портрета" — 1846 г.), Авдеева ("Тамарин", 1852 г.), Писемского ("М-г Басманов", 1853 г.).

В Лучинове ("Три портрета") Тургенев постарался дать героическую сторону этого типа, в Лучкове ("Бретер") — его пошлую сторону. Менее интересными вариантами печоринского типа являются Бахтияров ("Тюфяк" Писемского), Мерич ("Бедная невеста" Островского), Тарнеев ("Встреча" Крестовского). Прекрасную вариацию, но не Печорина, а тургеневского Лучкова, дал впоследствии Чехов в образе Соленого ("Три сестры").²²⁴

Отзвуки кавказских мотивов Лермонтова находим в поэзии Некрасова. Они заметны в ранних его произведениях, носящих подражательный характер, например, в стихотворении "Горы":

Передо мной Кавказ суровый,
Его дремучие леса
И цепи гор белоуголой
Угрюмо-дикая краса...

Еще заметнее воздействие романтической манеры Лермонтова в стихотворении Некрасова "Злой дух".

Дух нечистый, дух порочный,
Как прокрался ты ко мне?
Для чего ты в час полночный
Здесь со мной наедине?
.....

Демон душу сторожит...
Дух коварный искушенья...²²⁵

Ср. в "Демоне" Лермонтова:

**"Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?"**
.....

Злой дух коварно усмехнулся... (III, 472).

Отмеченные произведения Некрасова вошли в его сборник "Мечты и звуки" (1838 — 1839 гг.). Впоследствии поэт преодолевает увлечение кавказской романтикой и пишет пародийное стихотворение "Месть горца" (1850 г.).

Жанр пародий широко развит в лирике Некрасова; при этом он часто исходит от лермонтовских мотивов, противопоставляя им свою новую, сатирическую манеру. Напомним знаменитую "Колыбельную песню" (1846 г.), вызвавшую резкие отзывы реакционной печати и цензоров. В 1848 г. Фаддей Булгарин писал в своем доносе, направленном в III отделение, имея в виду "Колыбельную песню", "В дороге" и другие стихотворения: "Некрасов самый отчаянный коммунист"... "Он страшно вопиет в пользу революции"...²²⁶

Прием пародирования применяется Некрасовым и позднее; в стихотворении "Литераторы" (1865 г.) встречаем перефразировку слов Лермонтова из "Валерика":

А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!²²⁷

Пародии Некрасова не были, разумеется, направлены против Лермонтова. Отталкиваясь от того или иного его мотива, связанного с Кавказом или не связанного (ср. его стихотворения "И скучно и грустно!", "Излеру"), Некрасов осмеивает то или иное общественное явление; острота его смеха подчеркивалась контрастом между знаменитейшими лирическими произведениями Лермонтова и публицистическим стилем пародий. Поэзия Лермонтова всегда была близка по духу Некрасову, и последний многому учился у него, развивая гражданские мотивы, выковывая свой скорбный, могучий стих. Близость Некрасова, как мастера стиха, к Лермонтову видна в примерах ораторского стиля, в некоторых описаниях; например, по ритму и расположению рифмы стихотворение "На Волге" в некоторой степени сходно с поэмой "Мцыри".

Б.М. Эйхенбаум отмечает, что ни одно стихотворение Лермонтова, кроме "Думы", не вызвало такого количества отголосков, отзвуков и пародий, как "Казачья колыбельная песня" (Л., V, 210).

Н.Г. Чернышевский вводит в предпоследнюю главу романа "Что делать?" цитаты из кавказских произведений Лермонтова, из стихотворения — "Много красавиц в аулах у нас" ("Бэла"), из "Черкесской песни" ("Измаил-Бей") и из "Песни Селима" ("Измаил-Бей"), противопоставляя сентиментальным романсам мужественные горские песни о воле, о борьбе за свободу. Автор подчеркивает, что когда Вера Павловна начала петь под аккомпанимент рояля романс "Стонет сизый голубочек", то старалась "выводить ноты как можно визгливее", вызывая смех молодежи; затем, обращаясь к слушателям, она говорит:

"Не выходит — и прекрасно, что не выходит, это не должно выходить, выйдет другое, лучше". — Она запела сильным, полным контрастью песню Казбича, прославляющую "молодецкую волю". И далее, исполняя песню Селима ("Месяц плывет"), описывающую отправление на бой джигита, которого любимая девушка напутствует словами:

**"Мой милый, смелее
Верьйся ты року" —**

Вера Павловна, говоря тем же эзоповским языком, обращается к молодежи со словами: "В таких можно влюбляться, на таких можно жениться".²²⁸

Отзвуки кавказских произведений Лермонтова встречаем у многих поэтов второй половины XIX в. и начала XX в.

Так, герой повести Никитина "Дневник семинариста" пишет, упоминая о своем товарище Яблочкине: "Сколько он знает наизусть стихов! Перед моим отъездом сюда он читал мне поэму "Демон". Стихи необыкновенно музыкальны. Перед глазами одна за другой рисуются картины, когда их слушаешь; но впечатление, производимое целою поэмой, наводит на странные, неотразимые мысли!.. Что, если бы по окончании курса в семинарии удалось мне попасть в университет?"²²⁹ Действие повести отнесено автором к сороковым годам, когда "Демон" был запрещен в печати и распространялся в многочисленных рукописных списках.

И.С. Тургенев в письме к К.К. Случевскому от 1 мая 1861 г. указывал ему: "Стихотворение, начинающееся с "На кургане, на зеленом" и размером и перебором разных строк напоминает лермонтовский разговор между Казбеком и Шатом".²³⁰

В поэме "Элоа" Случевский указывает на преемственную связь своего замысла с лермонтовским "Демоном"; Сатана говорит:

С тех пор как прикоснулся я к Тамаре
И с нею в небо ангела пустил,
Мне женщины не по сердцу бывали...

Влияние Лермонтова в "Элоа" заметно в содержании и многих деталях; приведем, в параллель к диалогам Демона и Тамары, следующую сцену из "Элоа":

С а т а н а.
Люблю тебя и этою любовью,
Сам отрицаясь, ад я сокрушаю!
О, отвечай!
Э л о а.
На то господня благодать.
С а т а н а.
Без благодати! В меня любовью веет...
Скажи: люблю...
Э л о а.
Я полюблю тебя!
С а т а н а (склоняясь подле нее на колени)
Склоняюсь пред тобой всем мощным сонмом
Проклятий, шедших мне всегда вслед!
Служу тебе великим приношением
Всех отстраненных мной отныне бед!
Огонь блаженства мне туманит очи,
Ответь, дозволи!
Э л о а.
Мне не понять тебя!

Поэма, как и у Лермонтова, заканчивается разрывом злого духа с любимой девушкой; Сатана, увидев, что Элоа ускользает от него, проклинает ее, вновь остается одиноким и бросает вызов небу:

Вспылал мой ум ужасной жаждой!
И, как растопленный металл,
Бежит во мне по жиле каждой,
Зловещий грохот всех начал!
Вперед! И этот век проклятий,
Что на земле идет теперь, —
Тишайшим веком добрых братьев
Почтет грядущий полузверь.²³¹

В пародийном жанре написаны сатирические поэмы: Минаева "Демон", опубликованная в 1873 г., и М. Краснораменского "Казанский Демон и его проказы" (Казань, 1903 г., 4-ое изд.).

Лермонтов, как автор "Сна", "Валерика" и "Героя нашего времени", оказал заметное влияние на Гаршина, как автора рассказов из военной жизни ("Четыре дня", "Из воспоминаний рядового Иванова"); это видно по сходству характерных образов (переживания тяжело раненного в стихотворении Лермонтова "Сон", в рассказе Гаршина "Четыре дня"), по трактовке темы о войне. Критика офицерской среды, начатая Лермонтовым, продолжена впоследствии Л. Толстым, Гаршиным, Куприным ("Поединок").

С кавказскими образами Лермонтова связаны некоторые стихотворения поэтов-символистов.

Стихотворение Брюсова "Кинжал" (1903 г.) является ответом на стихотворение Лермонтова "Поэт".

На лермонтовский мотив написано превосходное стихотворение Блока "Демон" (1910 г.); в нем поэт создает облик Демона под влиянием и Лермонтова, и его иллюстратора Врубеля; приводим из этого стихотворения некоторые строфы:

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.
И в горном закатном пожаре,
В разливах синееющих крыл,
С любовью, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...
И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Капризные складки чадры.
Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.²³²

Лермонтов дорог и широчайшим массам народов СССР, он вдохновляет их поэтов и писателей.

Он был одним из любимейших авторов революционного народного поэта Осетии Коста Хетагурова, который, по случаю открытия памятника Лермонтову в Пятигорске, написал глубоко прочувствованное стихотворение "Перед открытием памятника М.Ю. Лермонтова". Выражая твердую уверенность в том, что горцы дождутся "желанной свободы", автор, обращаясь к родине, говорит:

Возлюби же его, как изгнанник поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти, как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы.²³³

Это стихотворение не было тогда пропущено цензурой, о чем говорит сам автор много лет спустя в письме от 1 января 1900 г.: "За то я пойду к памятнику Лермонтова и продекламирую то стихотворение, которое я написал на его открытии. Оно не было напечатано, а между тем довольно интересное".²³⁴ Влияние Лермонтова заметно в ряде лирических произведений Коста, в его поэмах "Плачущая скала" и "Фатима".

Ю. Веселовский в статье "Русское влияние в современной армянской литературе" приводит много примеров отзвуков лермонтовских мотивов в творчестве различных армянских писателей XIX—XX вв.

Поэт Шах-Азиз указывает, что произведения Лермонтова (например, "Герой нашего времени") всегда наводили его на много дум, действовали на него своим внутренним содержанием, давали известные мотивы и темы для разработки.²³⁵

Лермонтов был одним из наиболее излюбленных поэтов и армянского классика Ованеса Туманяна. Туманян восторженно отзывался об описаниях кавказской природы Лермонтова, проникнутых лирическими настроениями; особенно нравилось ему начало второй строфы из поэмы "Измаил-Бей" ("Как я люблю, Кавказ мой величавый") и посвящения к поэме "Демон" ("Тебе, Кавказ, суровый царь земли"). Влияние Лермонтова видно в поэме Туманяна "Отверженный закон".²³⁶

А. Исаакян, выдающийся армянский поэт, говорил: "Я не могу не признаться, что, еще начиная с детских лет, любимым поэтом моим был возвышенный, как Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого часто вдохновлялся, а именно его лирическими стихотворениями, "Демоном" и "Мцыри" и особенно "Песней про купца Калашникова".²³⁷

Имя Лермонтова тесно связано и с грузинской поэзией XIX в. и начала XX в.

Лермонтовым очень интересовался гениальный лирик Н. Бараташвили, его современник. Бараташвили любил цитировать Лермонтова; у них был общий знакомый — К. Мамацев, школьный товарищ Бараташвили и сослуживец Лермонтова в 1840 г.²³⁸ Созвучие с поэзией Лермонтова заметно в ряде стихотворений Бараташвили; например, его стихотворения "Чинара" и "Даривший мне радость" близки по основным мыслям, настроению и некоторым характерным образам (цветущая юная чинара, надменно слушающая говор волн Куры и веяние ветра; сухой лепесток сорванного цветка, унесенного ветром) к лермонтовскому "Дубовому листку".²³⁹ Лермонтов привлекал глубокое внимание знаменитого грузинского поэта и прозаика И. Чавчавадзе. В его произведениях мы также находим мотивы, родственные лермонтовским. Отметим одно место в "Записках проезжающего" (1861 г.). Грузинский писатель описывает свои затаенные думы, вызванные возвращением на родину, во время переезда по Военно-Грузинской дороге:

— "Как встречаюсь я с родиной, и как она встретит меня? — подумал я. — Что нового услышит от меня моя страна, и что она скажет мне? Кто знает, быть может, родина отвернется от меня, — от того, кто был пересажен на чужую почву и созрел на ней? А может, не отвернется и примет, поскольку во мне все же осталась закваска моей страны? И как мне быть, если страна моя откроется мне, поведаст о своих тревогах, горестях, радостях, надеждах или о своей безнадежности, а я, позабывший ее язык, не пойму ее речи, ее слов? Может случиться и так, что она примет меня и прижмет к груди, как родное дитя, и станет жадно меня слушать. Найду ли я тогда в себе силы сказать родине близкое ей слово и этим словом озарить павшую духом надеждой воскресения, безутешную — утешить, плачущей утереть слезы, труженице — облегчить ее труд и соединить те искорки, что тлеют и не могут не тлеть в каждом человеке? Хватит ли у меня сил? Хватит ли у меня сил произнести внятное ей слово?"²⁴⁰

Эти строки, превосходно передающие настроение писателя-странника, не знающего, как встретят его на родине, с которой он был надолго разлучен, сильно напоминают стихотворение Лермонтова "Спеша на север из далека" (1837 г.); здесь та же картина — возвращение на родину по Военно-Грузинской дороге одиноко едущего поэта, которого беспокоят те же мысли:

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?

Узнают ли друзья и братья
Страдальца после долгих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной? (II, 37).

К лермонтовским мотивам о кинжале ("Поэт", "Кинжал") близко прекрасное стихотворение другого классика Грузии А. Церетели, "Кинжалу" (1905 г.); приводим его начало:

Я люблю тебя, кинжал —
Хоросанское железо!
Ты, кинжал, мне обещал
Вражи пути перерезать.
Я точу тебя, кинжал,
Ржавчину с тебя снимаю.
Я хочу, чтоб ты сверкал,
Утешенья пробуждая.
Ты им службу сослужи,
В бой зови их за собою,
Ребра лезвий обнажив
Под железною рукою.
Люб мне, кто тебя ковал.
Он затратил труд не даром...
Бей, кинжал мой, наповал,
Чтобы мать врага рыдала...²⁴¹

Напомним слова Лермонтова:

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мерсть тебя ковал,
На грозный бой точил черес свободный.

.....
Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь, и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный. (II, 35).

Размеры нашей работы не позволяют нам подробнее остановиться на вопросе о связи поэзии Лермонтова с последующей русской литературой и литературой народов СССР, но и приведенных примеров, мы полагаем, достаточно, чтобы показать, насколько близки были его кавказские мотивы многим поэтам и писателям XIX—XX вв. Мысли Лермонтова нередко давали толчок к созданию замечательных произведений поэтов и прозаиков новых поколений; изумительное мастерство Лермонтова, как художника слова, содействовало обогащению творческого опыта и русских писателей, и писателей братских народов, литература которых при царизме развивалась в труднейших условиях.

Точно так же вдохновлял Лермонтов, как певец Кавказа, многих композиторов и художников.

Песня рыбки из "Мцыри" положена на музыку Балакиревым, Даргомыжским, Аренским и Ипполитовым-Ивановым. На слова Лермонтова написаны романсы Балакирева "Сон", Н. Ладыженского "Грузинская песня" ("Жила грузинка молодая"), Давыдова "Кинжал"; на мотив "Казачьей колыбельной песни" создано более 20 композиций различных авторов. Поэма "Демон" привлекла внимание композиторов Фитингофа-Шелля (опера "Тамара") и А.Г. Рубинштейна (опера "Демон"). На сюжет "Хаджи Абрека" написаны одноактные оперы А.Г. Рубинштейна и С.А. Трайлина. Ряд лермонтовских мотивов вдохновил к написанию симфонических произведений Балакирева ("Тамара"), Направника ("Демон"), Сенилова ("Мцыри"). Н.Ф. Христановичу принадлежит кантата "Демон" (семь картин для хора и ор-

кестра), П.И. Бларамбергу — кантата на тот же сюжет для концертного исполнения. Наиболее выдающимися из этих произведений являются романсы Даргомыжского и Балакирева, популярная опера Рубинштейна "Демон", симфоническая картина Балакирева "Тамара".²⁴²

Кавказские сюжеты Лермонтова нашли отражение в рисунках и картинах различных художников — Зичи ("Демон", "Герой нашего времени"), Врубеля ("Демон", "Измаил-Бей"), А. Эберлинга ("Демон") и др.

Достойную высокую оценку, подлинную широчайшую популярность Лермонтов получил только в послеоктябрьскую эпоху. Его сочинения в общедоступных и научных изданиях выходят в громадном количестве. За последние годы проведена большая работа по изучению литературного наследия великого поэта, его жизни, найдены новые его тексты (стихотворения, письма, очерк "Кавказец"), обнаружены неизвестные ранее архивные материалы. Растут кадры лермонтоведов.

Лермонтов был одним из излюбленных классиков В.И. Ленина. Об этом говорит в своих воспоминаниях Н.К. Крупская.

"Я привезла с собою в Сибирь, — рассказывает она, — Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь".²⁴³

Лермонтов очень близок советским писателям. Он был одним из любимых авторов, которыми М. Горький зачитывался еще в ранней юности. В повести "В людях" Горький нарисовал яркую сцену чтения "Демона" в среде рабочих:

"Однажды пожарный брандмейстер дал мне том Лермонтова, и вот я почувствовал силу поэзии, ее могучее влияние на людей. Помню, уже с первых строк "Демона" Ситанов заглянул в книгу, потом — в лицо мне, положил кисть на стол и, сунув длинные руки в колени, закачался, улыбаясь. Под ним заскрипел стул.

— Тише, братцы, — сказал Ларионыч и, тоже бросив работу, подошел к столу Ситанова, за которым я читал. Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза. Но еще более волновало глухое, осторожное движение в мастерской, вся она тяжело ворочалась, и точно магнит тянул людей ко мне. Когда я кончил первую часть, почти все стояли вокруг стола, тесно прислонившись друг к другу, обнявшись, хмурясь и улыбаясь.

— Читай, читай, — сказал Жихарев, наклоня мою голову над книгой.

Я кончил читать, он взял книгу, посмотрел ее титул и, сунув подмышку себе, объявил:

— Это надо еще раз прочитать! Завтра опять прочитаешь. Книгу я спрячу.

Отшел, запер Лермонтова в ящик своего стола и принялся за работу. В мастерской было тихо, люди осторожно расходились к своим столам".²⁴⁴

Напомним, что М. Горький был очень большим почитателем Лермонтова. Он посвятил оценке его творчества ценные строки в курсе лекций по истории русской литературы, прочитанном в 1909 г. в Каприйской партийной школе. Здесь важно его указание на сущность лермонтовского пессимизма, который неправильно освещался многими прежними критиками и историками литературы.

"Пушкин еще любит Онегиным, Лермонтов уже относится к своему герою полуравнодушно. Печорин близок ему, поскольку в Лермонтове есть черты пессимизма, но пессимизм в Лермонтове — действительное чувство, в этом песси-

мизме ясно звучит презрение к современности, отрицание ее, жажда борьбы, и тоска, и отчаяние от сознания одиночества, от сознания бессилия. Его пессимизм весь направлен на светское общество".²⁴⁵

Кавказские мотивы Лермонтова вызвали много отзвуков в лирике наших поэтов. Лермонтов очень близок советским поэтам.

Б. Пастернак посвятил ему первую книгу стихов, открывающуюся следующим стихотворением:

Приходил по ночам
В синеве ледника от Тамары,
Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмару.
Не рыдал, не стяжал
Оголенных, исхлестанных в шрамах.
Уцелела плита
За оградой грузинского храма.
Как горбунья дурна,
Под решеткою тень не кривлялась.
У лампы зурна,
Чуть дыша, о княжне не справлялась.
Но сверканье рвалось
В волосах и, как фосфор, трещали.
И не слышал колосс,
Как седеет Казбек за печалью.
От окна на аршин,
Пробирая шерстины бурнуса,
Клялся льдами вершин:
Спи, подруга, лавиной вернуса.²⁴⁶

Ответом современного поэта на слова Лермонтова —

**"Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари орлы" —**

является стихотворение В. Азарова "Спор", развивающее мотив о полете над Кавказским хребтом авиатора, побеждающего в быстроте орла:

...На крыло самолета упала косая
Тень кавказского, черного, злого орла.
Этот хищник был рыжим огнем перемечен.
Поднебесье давил, устремляясь вперед,
Он кричал нам в лицо на орлином наречьи,
Понося авиаторов и самолет.
И тогда мы вошли в заповедное небо.
Уплывает теснина, как легкая грусть.
Стонет сердце, и горло становится немо,
С нами вздыбился рядом огромный Эльбрус.
А орел поднимался все выше и выше.
Я следил за отчаянным взмахом крыла.
Злая гордость глаза ему известью выжгла,
И до смерти его высота довела.
Мы открыли огромный провал Арарата,
Черноморья отборную, черную гроздь.
Так под звездною кромкой Кавказа крылатый,
Шел орла победивший заоблачный гость".²⁴⁷

Такие стихотворения, противопоставляющие лермонтовским образам образы советской эпохи, с ее героикой, с ее победами на социалистическом фронте, очень часто встречаются в современной лирике.

Лермонтовский Мцыри припоминается Н. Тихонову, описывающему в поэме "Дорога" картины грандиозного строительства в Грузии; обращаясь к одному из рабочих, автор спрашивает:

"Довольно, ты схвачен — сознайся,
 Но ты ли грозу горячил?
 Не ты ль опрокидывал барса?
 И ямбу судьбу поручил?
 Товарищ, не правда ль?"
 Сказал он, вставая:
 "Я в книге оправдан,
 Но здесь — я не знаю.
 Я долго в печати
 Коптился и понял,
 Что нужно начать мне
 Иную погоню.
 .....
 Оставив подрясник
 На белых страницах,
 Я вышел из басни,
 Чтоб здесь повториться.
 Теперь, в отряхающем
 Каменность мире -
 Я снова — ломающий
 Правила Мцыри".

К этому месту поэмы автор дает следующее примечание:
 "В Земо-Авчалах рядом со старинным монастырем, где жил лермонтовский Мцыри, ведутся работы по электрификации Куры. На работах заняты 1500 человек. Здесь можно встретить и послушников, убежавших из монастырей и сбросивших монашескую одежду". В том же произведении поэт упоминает о развалинах замка в Дарьяле, воспетого Лермонтовым.²⁴⁸

Образы Лермонтова варьируются в кавказских мотивах В. Маяковского, являющегося, как сказал товарищ Сталин, "лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи". В стихотворении "Владикавказ — Тифлис" Маяковский, описывая Дарьял, припоминает образы Лермонтова:

Стена —
 и то
 знакомое что-то.
 В тахтах
 вот этой вот башни -
 Я помню:
 я вел
 Руставели Шотой
 С царицей
 с Тамарою
 шашни.
 А после
 костями
 хрустя,
 Чтоб в пену
 Тереку врыться.
 Да что это!
 Любовный пустяк!
 И лучше
 резвилась царица.

Лермонтову посвящено замечательное стихотворение Маяковского "Тамара и Демон" (1924 г.). Автор вновь выводит здесь легендарную царицу Тамару, владелицу Дарьяльского замка, и искусно противопоставляет романтике, звучавшей около ста лет назад, образы и язык новой эпохи:

Я знаю мой голос:
 паршивый тон,
 Но страшен
 силою ярой.
 Кто видывал,
 не усомнится, что

Я был бы услышан Тамарой.
 .....
 Сударыня!
 Чего кипятитесь,
 как паровоз?
 Мы
 общей лирики лента.
 Я знаю давно вас, мне
 много про вас
 Говаривал
 некий Лермонтов.
 Он клялся,
 что страстью
 и равных нет...
 Таким мне
 мерещился образ твой.
 Любви я заждался,
 мне 30 лет.
 Полюбим друг друга,
 Попросту.
 Да так,
 чтоб скала
 распостелилась в пух.
 От черта скраду
 и от Бога я!
 Ну, что тебе Демон?
 Фантазия?
 Дух!
 К тому ж староват,
 мифология.
 Не кинь меня в пропасть,
 будь добра.
 От этой ли
 струшу боли я?
 Мне даже
 пиджак не жаль ободрать,
 а грудь и бока —
 тем более.
 Это стихотворение, в которое влетены в новом освещении образы из произведений Лермонтова "Тамара" и "Демон", заканчивается сценой встречи обоих поэтов:
 Сам Демон слетел,
 подслушал
 и стих,
 и скрылся,
 смердя в пустую.
 К нам Лермонтов сходит,
 презрев времена.
 Сияет.
 "Счастливая парочка". —
 Люблю я гостей —
 — Бутылку вина!
 Налей гусару, Тamarочка!²⁴⁹
 Основная идея этого стихотворения выражена в словах: "Мы общей лирики лента", утверждающих, по признанию самого Маяковского, преемственную связь его творчества с лермонтовским.
 Образы Лермонтова встречаются и в других произведениях Маяковского, например, в поэме "Человек":
 В бессвязный бред о демоне
 растет моя тоска.
 Эти стихи — отзвук "Сказки для детей" Лермонтова:

Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный детский бред.
(Л., III, 420).

В пьесе "Баня" (II действие) пародируются слова из "Демона" Лермонтова:

После разных заседаний
нам не радость, не печаль,
нам в грядущем нет желаний,
нам, тарам, тарам, не жаль...²⁵⁰

Интерес к Лермонтову отражен в многочисленных повестях и стихотворениях различных авторов, развивающих биографические мотивы о поэте. Назовем стихотворения В. Рождественского "Лермонтов" (сб. "Большая Медведица", Ленинград, 1926 г.), М. Слободского "У Перкальской скалы" (сб. "Золотая зурна", Владикавказ, 1926 г.), книгу стихов Д. Петровского — "В гостях у Лермонтова" (Москва, 1936 г.), повести и романы: Павленко "Тринадцатая повесть" ("Красная новь", 1929 г., II), Н.П. Гончаровой-Викторовой "Сказ о Лермонтове" (Ленинград, 1929 г.), С. Сергеева-Ценского — "Поэт и поэт", "Поэт и чернь", "Поэт и поэтесса" (эти три произведения, вышедшие отдельными изданиями, объединены автором в романе под общим заглавием "Мишель Лермонтов", Москва, 1933 г.), К. Большакова "Бегство пленных" (1929 г.). Имеются и пьесы на мотивы из жизни Лермонтова: драма Сергеева-Ценского "Поэт и чернь" (Москва, 1934 г.), Н. Лернера "Гибель Лермонтова" (Москва, 1934 г.), Н. Алибеговой "Маски" (Москва, 1938 г.). На лермонтовские сюжеты писались и киносценарии — "Бэла", "Княжна Мери" и другие.

Произведения Лермонтова имеются в переводах на различных языках народов СССР, в том числе — на языках народов Кавказа: грузинском, армянском, азербайджанском, осетинском, ингушском, карачаевском и других.

Лермонтов был одним из любимых писателей известного чеченского героя гражданской войны, пламенного большевика Асланбека Шерипова. В биографических сведениях о нем отмечается его высокий интерес к классикам. Когда он учился в реальном училище, то усиленно изучал писателей XIX-XX вв. "Больше десятка клеенчатых толстых тетрадей Асланбека сплошь исписано выдержками из классиков стихами и отрывками из Пушкина, Шевченко, Лермонтова и Некрасова. Лермонтова он особенно любил. Любимые стихи и поэмы Асланбек знал наизусть. В кругу друзей он часто декламировал "Измаил-Бей" Лермонтова, "Песнь о соколе" Горького, читал свои переводы народных песен".²⁵¹

Когда-то кавказский край назывался "погибельным". Он был ареной длительных, кровопролитных войн, он был местом ссылок опасных для царизма людей. О судьбе народов Кавказа, героически боровшихся за национальную свободу на протяжении долгих десятилетий, скорбели лучшие поэты — Пушкин, Полежаев, Лермонтов, Шевченко, И. Чавчавадзе, Коста Хетагуров.

Теперь кавказский край стал неузнаваемым. Сто лет назад для него были характерны маленькие городки-крепости, обнесенные стенами с бойницами, окруженные рвом и валом; курортные поселки, в которых вели беспечную, праздную жизнь помещики и приезжавшие с фронта в тыл на отдых офицеры, глухие аулы и станицы. Передвижение между населенными пунктами было возможно лишь с "оказией", под охраной пушек и ружей, пеших и конных воинских частей. Почти нетронутыми лежали в недрах гор богатейшие природные сокровища, об использовании которых мечтал Лермонтов:

**И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь...**

Поэт глубоко страдал от того, что "небо ясно, под небом места много всем", а люди режусь друг с другом, "как звери". Он восхищался жизнью вольнолюбивых горцев —

**Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружною взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Но пришли завоеватели, и вот —
Горят аулы, нет у них защиты,
Врагом сыны отчества разбиты...**

Великий украинский революционный поэт Шевченко слал горцам горячий призыв —

Боритесь — поборете. ("Кавказ").

Мужество и стойкость кавказских народов восхищали К. Маркса, сказавшего: "Народы, учитесь у них (черкесов), на что способны люди, желающие остаться свободными".²⁵²

Шли долгие годы. Пока существовал старый строй, положение трудящихся на Кавказе было все тем же.

Народный поэт Осетии, певец горской бедноты Коста Хетагуров писал:

Не верь, что я забыл родные наши горы,
Густой, безоблачный, глубокий небосвод,
Твои задумчиво-мечтательные взоры
И бедный наш аул, и бедный наш народ.
Нет, друг мой, никогда! Чем тягостней изгнание,
Чем дальше я от вас, чем бессердечней враг,
Том слаще и милей мне грезится свиданье
Со всем, мне дорогим, в моих родных горах...

Поэт верил, что должна наступить лучшая пора, и знал, что она будет куплена дорогой ценой — упорной борьбой:

**Минуты сочтены... Повсюду бьют тревогу,
Уж брезжит луч зари, играя на штыках...**²⁵³

Заветные мечты лучших, передовых людей, скорбевших о народной доле и лично много потерпевших при царизме, сбылись только после Великой Октябрьской социалистической революции, причем советская действительность оказалась более яркой и грандиозной, чем это грезилось нашим поэтам.

Ленинско-Сталинская национальная политика, Сталинская Конституция обеспечили народам СССР счастливую, полную широчайших творческих возможностей жизнь. Прежний край, бывший местом ссылки и векового гнета царизма, превратился в цветущую страну кипучей социалистической стройки. Прежние крепости и административно-бюрократические города стали столицами горских республик и автономных областей, имеющими крупные промышленные предприятия и высшие учебные заведения. "Романтические" провинциальные курорты, где прозябали "чающие движения воды", являются теперь великолепными здравницами всесоюзного значения, которыми пользуются стахановцы, герои труда, заслуженные деятели науки и искусства, рядовые представители советской интеллигенции. Отдаленные поднебесные аулы связаны с городами превосходными шоссевыми путями, освещаются электричеством.

Как родное, звучит во всех концах Кавказа имя Лермонтова. С этим именем в нашем крае связаны многие места, особенно же близко приурочено оно к Пятигорску, с находящимися недале-

ко от него другими курортными уголками. Скромный домик, в котором жил перед кончиной великий поэт, превращен в литературный музей, привлекающий внимание всех посетителей Минераловодской группы. Здесь многое напоминает эпоху поэта, различные периоды его жизни, его бессмертного "Героя нашего времени". Все так же прекрасна воспетая поэтом природа. Припоминаются чудесные, полные бодрости, широкого, радостного восприятия жизни, строки Лермонтова:

"Шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом... Весело жить в такой земле!" (V, 240).

Приложения

Хронологическая канва пребывания М.Ю. Лермонтова на Кавказе

1818 год, 1820 год. Первые поездки Лермонтова на Кавказ.

1825 год. Лето. Лермонтов в Пятигорске.

1837 год (первая ссылка на Кавказ).

Февраля 27. Высочайший приказ о переводе лейб-гвардейского гусарского полка корнета Лермонтова прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, стоящий на Кавказе (по делу о стихотворении "Смерть поэта").

Мая 31. Письмо Лермонтова М.А. Лопухиной из Пятигорска о жизни на группе Минеральных Вод.

Июня 2. Лермонтов в Пятигорском госпитале.

Летом. Знакомство Лермонтова в Пятигорске с Н.М. Сатиным, В.Г. Белинским, доктором Н.В. Майером.

Июля 16. Поездка Лермонтова из Пятигорска в Железноводск.

Июля 18. Письмо Лермонтова к Е.А. Арсеньевой из Пятигорска о причислении к эскадрону Нижегородского полка в Анапе.

Июня 29 — сентябрь. Два пеших эскадрона Нижегородского драгунского полка находятся в рекогносцировке Кавказского хребта и Лезгинской линии.

Октября 11. Высочайший приказ о переводе Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова в лейб-гвардейский Гродненский гусарский полк корнетом.

Октября 21. Запись В.А. Жуковского в дневнике о пребывании в Новочеркасске: "Обед за маршалским столом. Рассказы о опасности государя. Прощение Лермонтова".

Осенью (во второй половине октября или ноября). Встреча Лермонтова, проезжавшего из Тбилиси, во Владикавказе с французским путешественником и В.В. Бобарыкиным.

Осенью или зимою. Письмо Лермонтова С.А. Раевскому о поездках по Кавказу: от Кизляра до Тамани, посещение Шуши, Кубы, Шемахи, Кахетии, Тбилиси, Военно-Грузинской дороги.

Ноября 25. Лермонтов исключен из списков Нижегородского драгунского полка.

Конец года. Пребывание Лермонтова, перед отъездом в Петербург, в Ставрополе, где он встречается с декабристами — В.Н. Лихаревым, Н.И. Лорером, М.А. Назимовым, М.М. Нарышкиным, А.И. Одоевским, А.Е. Розеном, В.М. Голицыным, С.И. Кривцовым.

Декабря 14. В дневнике неизвестного кавказского офицера запись: "В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург".

Конец года. Отъезд Лермонтова с Кавказа в Петербург.

1840 год (вторая ссылка на Кавказ).

Февраля 13. Цензурное разрешение печатать роман "Герой нашего времени".

Апреля 13. Высочайший приказ о переводе лейб-гвардии гусарского полка поручика Лермонтова в Тенгинский пехотный полк, стоящий на Кавказе (по делу о дуэли с Э. Де Барантом).

Начало июня. Лермонтов заезжает на три дня в Новочеркасск к генералу М.Г. Хомутову, ежедневно бывает в театре.

Июня 10. Лермонтов приезжает в Ставрополь, на главную квартиру командующего Кавказскою линией.

Июня 17. Письмо Лермонтова из Ставрополя А.А. Лопухину о том, что он уже с неделю живет вместе с К.К. Ламбертом и на следующий день выезжает в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню.

Июня 18. Лермонтов командирован на левый фланг Кавказской линии, для участия в экспедиции отряда под начальством ген.-лейт. Галафеева.

Июнь. Статья Белинского о "Герое нашего времени" в "Отечественных записках".

Июля 6. Отряд Галафеева, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился с рассветом по мосту через Сунжу и направился через ущелье Хан-Калу на деревню Большой Чечень.

Июля 7. Лермонтов с отрядом, после ночевки в Дуду-Юрте, через Б. Атагу направился к Чах-Гери. На пути перестрелки с чеченцами.

Июля 8. Отряд, в котором находился Лермонтов, выступил на рассвете из деревни Чах-Гери к Гойтинскому лесу. Штыковая атака Ахшпатай Гойта. Ночлег в лагере у деревни Урус-Мартан.

Июля 9. Лермонтов в лагере при Урус-Мартане. Уничтожение этой деревни. Перестрелка с чеченцами днем и ночью.

Июля 10. Переход отряда от Урус-Мартана к деревне Гехи. Сожжение деревень Чурик-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажирошни.

Июля 11. Отряд выступил из лагеря при деревне Гехи Бой на реке Валерике.

Во время боя Лермонтов наблюдает за действиями передовой штурмовой колонны и делает донесения начальнику отряда, что было связано "с величайшей опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами". Не смотря ни на какие опасности, Лермонтов исполнял возложенные на него поручения "с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы".

Смерть декабриста В.Н. Лихарева в конце боя, во время беседы с Лермонтовым.

Июля 12. Лермонтов участвует в перестрелке при сожжении деревни Ачхой.

Июля 13. Лермонтов участвует в перестрелке при следовании отряда из лагеря на р. Натахы на левый фланг р. Сунжи.

Июля 14. Лермонтов участвует в перестрелке при следовании отряда от р. Сунжи в крепость Грозную.

Июля 19. Письмо Ю.Ф. Самарина к И.С. Тагарину о встречах с Лермонтовым в Москве весной 1840 г. и о проезде через Москву на юг всего "кружка шестнадцати".

Июля 28. Письмо Лермонтова Е.А. Арсеньевой из Пятигорска с просьбой выслать ему на Кавказ книгу Ростовичиной (сборник повестей "Очерки большого света"), сочинения Жуковского и Шекспира (в подлиннике); извещение о желании уйти в отставку.

Августа 13. Разрешение цензурой к печати сборника стихотворений Лермонтова.

Сентября 12. Лермонтов пишет из Пятигорска А.А. Лопухину о своем участии в бою при Валерике; сетование поэта на то, что с тех пор, как он находится на Кавказе, он ни от кого не получал писем, даже из дому; извещение о том, что он, после лечения на водах, опять едет в отряд, находящийся в Чечне.

Сентября 26. Лермонтов с отрядом Галафеева из крепости Грозной направляется через Хинкальское ущелье к Аргуну.

Сентября 29 и октября 3. Лермонтов, участвуя в делах, "обратил на себя особенное внимание отрядного начальника расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством".

Октября 10. Лермонтов принимает от юнкера Р. Дорохова, раненого в строю, командование над охотниками, выбранными из кавалерии в числе 40 человек.

Октября 12. Лермонтов на фуражировке за Шали участвует в стычках с чеченцами.

Октября 15. Лермонтов со своей командой участвует в стычках с чеченцами в Шалинском лесу при переправе через р. Аргун.

Октября 15. В Петербурге дан патент о пожаловании 6 декабря 1839 г. Лермонтову чина поручика гвардии.

Октября вторая половина. Письмо Лермонтова А.А. Лопухину об участии в 20-дневном походе по принятии командования отрядом охотников от Дорохова.

Октября 27. Лермонтов с отрядом Галафеева участвует в новой экспедиции в Чечне, отличается в рукопашном бою при ауле Алды.

Октября 28. При следовании отряда от аула Алды к аулу Урус-Мартан, взятому в этот же день, Лермонтов участвует в боях с чеченцами.

Октября 29. Лермонтов со своей командой действовал "с отличной храбростью и знанием военного дела".

Октября 30. При р. Валерике Лермонтов проявляет "новый опыт хладнокровного мужества", отрезав дорогу от леса сильной партией чеченцев.

Ноября 9—20. Лермонтов находился в экспедиции отряда Галафеева в Малой Чечне.

Ноября 11. Сообщение штаба войск Кавказской линии и Черномории командующему Тенгинским полком о прибытии Лермонтова в Ставрополь 11 июня и откомандировании 18 июня на левый фланг Кавказской линии.

Ноября 30. Сообщение того же штаба командующему Тенгинским полком об отправлении Лермонтова 18 июня к отряду ген.-лейт. Галафеева по распоряжению командующего войсками.

Декабря 9. Рапорт начальника 20-й пехотной дивизии ген.-лейт. Галафеева с приложением наградного списка и просьбой перевести Лермонтова "в гвардию тем же числом с отданием старшинства".

Декабря 11. Военный министр А.Н. Чернышев сообщает командиром отдельного Кавказского корпуса о том, что император по всеподданнейшей просьбе Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, повелеть соизволил: офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в Петербург сроком на два месяца.

Декабря 24. Представление Лермонтова полковником Голицыным, командующим всею кавалериею отряда на левом фланге Кавказской линии, к награждению золотой саблей с надписью "за храбрость".

Декабря 31. Приказом по полку Лермонтов зачислен налицо в Тенгинском полку.

Рапорт начальника штаба отдельного Кавказского корпуса по поводу отпуска Лермонтова в Петербург.

1841 год (третья ссылка на Кавказ).

Января 14. Лермонтову выдан билет на двухмесячный отпуск.

Февраль. Статья Белинского о "Стихотворениях" Лермонтова в "Отечественных записках".

Конец февраля. Письмо Лермонтова к Д.С. Бибикову из Петербурга о том, что он 9 марта уезжает "заслуживать себе на Кавказе отставку" и что из Валерикского представления его вычеркнули; уведомление о том, что, отправляясь в отряд, он покупает сочинения Лафатера, Галя и "множество других книг".

Марта 1. Белинский пишет В.П. Боткину: "А каковы новые стихи Лермонтова? Он решительно идет в гору и высоко взойдет, если пуля дикого черкеса не остановит его в пути".

Марта 5. Рапорт командира отдельного Кавказского корпуса с просьбой наградить Лермонтова за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 г.

Мая 9. Лермонтов приезжает в Ставрополь и прикомандирован к отряду, действующему на левом фланге Кавказа для участия в экспедиции.

Письмо Лермонтова Е.А. Арсеньевой из Ставрополя о намерении ехать в крепость Шуру, где полк, а оттуда на воды; выражение надежды получить отставку.

Мая 10. Письмо Лермонтова к С.Н. Карамзиной о приезде в Ставрополь и о том, что на следующий день он выезжает в экспедицию с А.А. Столыпиным; признание о том, что им "овладел демон поэзии", что он заполнил стихами половину записной книжки, подаренной В.Ф. Одоевским.

Мая середина. Встреча в Ставрополе с ремонтером Борисоглебского уланского полка П. Магденко.

Мая 20. А.С. Хомяков пишет Н.М. Языкову: "А вот еще жалко: Лермонтов отправлен на Кавказ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Ведь пуля дура, а он с истинным талантом, и как поэт, в как прозатор".

Мая 23. Лермонтов прибыл в Пятигорск.

Мая 24. Рапорт пятигорского коменданта о болезни Лермонтова и ходатайство о разрешении ему пользоваться минеральными водами в Пятигорске.

Май. Лермонтов знакомится с Э.А. Шан-Гирей (падчерицей ген. Верзилина, урожденной Клингенберг).

Конец мая. Запись в домово́й книге В.И. Чилиева: "С коллежского секретаря Александра Илларионовича, князя Васильчикова из С.-Петербурга, получено за три комнаты в старом доме 62 р. 50 к. сер., с капитана Алексея Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, из С.-Петербурга, получено за весь средний дом 100 руб. сер."

Июня 8. Приказ начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья пятигорскому коменданту об отправлении поручика Лермонтова по назначению.

Июня 13. Рапорт Лермонтова командиру Тенгинского полка полковнику Хлюпину о болезни и о позволении ему пятигорским комендантом остаться в Пятигорске впредь до излечения.

Июня 15. Медицинское свидетельство, выданное Лермонтову врачом пятигорского военного госпиталя Барклай-де-Толли.

Июня 18. Рапорт Лермонтова о болезни, представленный пятигорскому коменданту.

Июня 23. Рапорт пятигорского коменданта полковника Ильяшенко о ходатайстве Лермонтова разрешить ему вследствие нездоровья остаться в Пятигорске.

Июля 7. Отношение штаба войск Кавказской линии и Черноморья командиру Тенгинского пехотного полка с препровождением свидетельства, выданного поручику Лермонтову.

Июля 8. Пикник и бал в гроте Дианы Беседа Лермонтова с П.А. Гвоздевым. "Лермонтов был в странном расположении духа: то грустен, то вдруг становился он желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем".

Июля 13. Ссора Лермонтова с Мартыновым на вечере у Верзилиных.

Июля 14. Поездка Лермонтова в Железноводск.

Июля 15. Встреча Лермонтова с Е. Быховец в немецкой колонии Каррас. В 7 часов вечера дуэль Лермонтова с Мартыновым. Смерть Лермонтова.

Июля 16. Осмотр следственной комиссией места дуэли. Художник Шведе рисует портрет Лермонтова.

Июля 17. Медицинский осмотр тела Лермонтова. Похороны поэта в Пятигорске.

Июля 25. Рапорт коменданта Пятигорска о том, что Лермонтов убит на дуэли.

Августа 12. Высочайший приказ об исключении поручика Лермонтова из списков Тенгинского пехотного полка.

Октября 10. Рапорт коменданта Пятигорска командующему войсками Кавказской линии и Черноморья ген.-ад. Граббе о суде над Мартыновым и секундантами — Глебовым и Васильчиковым.

1842 год

Января 21. Министр внутренних дел Перовский извещает пензенского гражданского губернатора о высочайшем разрешении Е.А. Арсеньевой перевезти из Пятигорска тело внука ее М. Лермонтова в село Тарханы для погребения на фамильном кладбище.

Апреля 21. Тело Лермонтова привезено из Пятигорска в г. Чембар и того же числа — в село Тарханы.

Апреля 23. Лермонтов погребен на фамильном кладбище в Тарханах.

Примечание. В основу настоящей канвы взяты данные, имеющиеся в следующих источниках: М.Ю. Лермонтов "Полное собр. соч.", изд. Акад. наук, СПб, 1913 г., т. V ("Хронологическая канва для биографии М.Ю. Лермонтова"), Л. Семенов, "Новые документы о Лермонтове" ("Горская мысль", Владикавказ, 1922 г., № 3); П.Е. Щеголев, "Книга о Лермонтове", Ленинград, 1929 г. вып. I и II; М.Ю. Лермонтов, "Полное собр. соч.", под ред. Б.М. Эйхенбаума, Москва — Ленинград, 1937 г., т. V ("Хронологическая канва жизни М.Ю. Лермонтова", составленная В.А. Мануйловым); В.А. Мануйлов, "Жизнь Лермонтова", 1938 г., гл. II — "Детство" (рукопись).

Даты указаны по старому стилю.

Из материалов о пребывании М.Ю. Лермонтова на Кавказе

"Список посетителей и посетительниц Кавказских Вод в 1825 г."*

В числе лиц, прибывших в 1825 г., упомянуты:

"54, 55, 56. Сольпины: Мария, Агафья и Варвара Александровны, Коллежского Ассесора Столыпина дочери из Пензы.

57, 58, 59, 60, 61, 62. Арсенева Елисавета Алексеевна вдова Поручица из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов, родственник ее Михайло Погожин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, Гувернерка Христина Ремер". (Стр. 260).

"99. Шенгерей Павел Петрович, отставной штабс-капитан, из Кизляра". (Стр. 263).

("Отечественные записки", 1825 г., ч. 23, отд. "Смесь". Сведения присланы П.П. Свиныным).

Высочайший приказ

"Его императорское величество в присутствии своем в г. Тифлисе октября 11 дня 1837 года, соизволил отдать следующий приказ: ...по кавалерии переводятся Нижегородского драгунского полка штабс-капитан Жерве лейб-гвардии в Драгунский полк поручиком и прапорщик Лермонтов лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом".

(М.Ю. Лермонтов, V, 601).

Рапорт М.Ю. Лермонтова пятигорскому коменданту (18 июня 1841 г., № 132)

"Ваше высокоблагородие предписать мне № 1000 изволили отправиться к месту моего назначения или, если болезнь моя того не позволит, в Георгиевск, чтобы быть зачисленному в тамошний госпиталь.

На что честь имею почтительнейше донести вашему высокоблагородию, что получив от вашего высокоблагородия позволение остаться здесь до излечения и так же получив от начальника штаба флигель-адъютанта полковника Траскина предписание, в коем он также дозволил мне остаться здесь, предписав о том донести полковому командиру полковнику Хлюпину и отрядному дежурству, и так как я уже начал пользование минеральными водами и принял 23 серных ванны, — то прервав курс, подвергаюсь совершенному расстройству здоровья, и не только не излечусь от своей болезни, но могу получить новые, для удостоверения в чем имею честь приложить свидетельство меня пользующего медика.

Осмеливаюсь при том покорнейше просить ваше высокоблагородие исходатайствовать мне у начальника штаба, флигель-адъютанта полковника Траскина позволение остаться здесь до совершенного излечения и окончания курса вод".

("Исторический вестник", 1880 г., IV, 881 — 882)

* В настоящем списке и в других извлечениях из лермонтовских источников сохраняются характерные особенности орфографии

Министерство
Военное
Департамент
Инспекторский
Отделение 3
Стол 1.

"30 июня" 1841 года. № 4859.

Милостивый государь
Евгений Александрович!

В представлении от 5-го минувшего марта № 458, ваше высокопревосходительство изволили ходатайствовать о награждении, в числе других чинов, переведенного 13-го апреля 1840 года за проступок л.-гв. из Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк, поручика Лермонтова орденом св. Станислава 3-й степени за отличие, оказанное им в экспедиции противу горцев 1840 года.

Государь император, по рассмотрении доставленного о сем офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. — При сем его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо-порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку.

О таковой монаршей воле имею честь вас уведомить.

Подлинное подписал Граф Клейнмихель.
(П.Е. Щеголев, "Книга о Лермонтове", II, 125 — 126).

Примечание. Настоящее отношение адресовано командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Е.А. Головину, в ответ на представление им к награде Лермонтова за участие в экспедиции, действовавшей в М. Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 г. На наградном списке поэта командующим всей кавалерии на левом фланге полковником Голицыным была написана резолюция: "К золотой сабле с надписью за храбрость" (См.: Ракович, "Приложения", 32 — 33 стр.; Щеголев, "Книга о Лермонтове", II, 124 — 125). Ниже приводится рапорт начальника штаба отдельного Кавказского корпуса (от 18 августа 1841 г.) по этому же вопросу.

А. Меринский

"Лермонтов был брюнет с бледно-желтоватым лицом, с черными, как уголь глазами, взгляд которых, как он сам выразился о Печорине, был иногда тяжел. Невысокого роста, широкоплечий, он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нем останавливалось.

Покойный П.А. Гвоздев, тоже его товарищ по юнкерской школе, бывший в то время на кавказских водах, рассказал мне о последних днях Лермонтова.

8-го июля он встретился с ним довольно поздно на пятигорском бульваре. Ночь была тихая и теплая. Они пошли ходить. Лермонтов был в странном расположении духа, — то грустен, то вдруг становился желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем, его окружавшем. Между прочим в разговоре он сказал: "Чувствую — мне очень мало осталось жить". Через неделю после того он дрался на дуэли, близ пятигорского кладбища, у подошвы горы Машук.

Вовсе не желая к воспоминанию о смерти Лермонтова примешивать мелодраматизма, которого, при жизни своей, он не тер-

пел, ненавидя всякие эффекты, я невольно должен передать одну подробность о его конце, сообщенную мне П.А. Гвоздевым. 15-го июля, с утра, еще над городом Пятигорском и горою Машук собиралась туча и, как нарочно, сильная гроза разразилась ударом грома в то самое мгновение, как выстрел из пистолета поверг Лермонтова на землю. Буря и ливень так усилились, что несколько минут препятствовали положить тело убитого в экипаж. Наконец, его привезли в Пятигорск. Гвоздев, услышав о происшествии и не зная наверное, что случилось, в смутном ожидании, отправился на квартиру Лермонтова и там увидел окровавленный труп поэта. Над ним рыдал его слуга. Все там находившиеся были в большом смущении. Грустно и больно было видеть ему бездыханным того, чья жизнь так много обещала!"

("Воспоминания о Лермонтове" — "Атеней", 1858 г., № 48).

Примечание. Упоминаемый здесь Павел Александрович Гвоздев (1815—1851 гг.) — поэт; будучи в школе гвардейских подпрапорщиков, написал стихотворение — Ответ М.Ю. Лермонтову на его стихи "На смерть Пушкина", полное глубокого сочувствия Лермонтову. За дерзкий ответ одному из воспитателей был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ; через год был произведен в офицеры и вышел в отставку. Лермонтов упоминал о Гвоздеве в одном из писем (соч. Л., V, 392. О Гвоздеве см. "Архив Раевских" — СПб, 1909 г., II, 512—513; "Русская старина", 1896 г., X; В.В. Каллаш, "М.Ю. Лермонтов в русской поэзии", Москва, 1914 г., стр. 49—50).

Из протокола комиссии, осматривавшей место дуэли 16 июля 1841 г.:

"Это место отстоит на расстоянии от города Пятигорска верстах в четырех, на левой стороне горы Машухи, при ее подошве. Здесь пролегает дорога, ведущая в немецкую Николаевскую колонию. По правую сторону дороги образуется впадина, простирающаяся с вершины Машухи до самой ее подошвы, а по левую сторону дороги впереди стоит небольшая гора, отделившаяся от Машухи; между ними проходит в колонию означенная дорога. От этой дороги начинаются первые кустарники, кои, изгибаясь к горе Машухе, округляют небольшую поляну. Тут-то поединщики избрали место для стрельбания".

(М.Ю. Лермонтов, "Полное собр. соч.", изд. Акад. наук, 1913 г., V, стр. СХХ).

Его Императорскому Величеству Пятигорского коменданта Рапорт

№ 1427 Июля
16-го дня 1841 г.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что находящиеся в городе Пятигорске для пользования болезней Кавказскими Минеральными водами, уволенный от службы из Гребенского казачьего полка майор Мартынов и тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, сего месяца 15-го числа в четырех верстах от города, у подошвы горы Машуки имели дуэль, на коей Мартынов ранил Лермонтова из пистолета в бок навылет, от каковой раны Лермонтов помер на месте. Секундантами были у них находящиеся здесь для пользования минеральными водами лейб-гвардии конного полка корнет Глебов и служащий во II-м отделении собственной Вашего Импе-

раторского Величества канцелярии титулярный советник князь Васильчиков; об этом происшествии производится законное следствие, а майор Мартынов, корнет Глебов и князь Васильчиков мною арестованы".

(П.Е. Щеголев, "Книга о Лермонтове", Ленинград, 1929 г., II, 228).

Реверс

Я нижеподписавшийся даю сей реверс Пятигорскому коменданту господину полковнику и кавалеру Ильяшенкову в том, что оставшиеся после убитого отставным майором Мартыновым на дуэле двоюродного брата моего Тенгинского Пехотного полка поручика Лермонтова поясненные в описи деньги две тысячи шестьсот десять рублей ассигнациями, разные вещи, две лошади и два крепостных человека Ивана Вертюкова и Ивана Соколова, я обязуюсь доставить в целости к родственникам его Лермонтова; — в противном же случае, предоставляю поступить со мною по законам.

Июля 28 дня 1841 года г. Пятигорск Нижегородского драгунского полка капитан Столыпин.

О том, что капитан Столыпин, оставшиеся после убитого поручика Лермонтова деньги, вещи, лошадей и крепостных людей доставит к родственникам Лермонтова, поручаем:

Нижегородского Драгунского полка командир — полковник (Подпись).

Камер-юнкер (Подпись).

(П.Е. Щеголев — "Книга о Лермонтове", Ленинград, 1929 г., II, 227—228).

Примечание. Подробная опись имущества Лермонтова, оставшегося после его кончины, опубликована в "Историческом вестнике" (1892 г., IV, 99—100) и в названном труде Щеголева, II, 224—227).

Из письма Ю.Ф. Самарина к И.С. Гагарину (Москва, 3 августа 1841 г.)

"Пишу вам, мой друг, под тяжким впечатлением только что полученного мною известия. Лермонтов убит Мартыновым на дуэли на Кавказе. Подробности ужасны. ОН ВЫСТРЕЛИЛ НА ВОЗДУХ, А ПРОТИВНИК УБИЛ ЕГО, СТРЕЛЯЯ ПОЧТИ В УПОР. Эта смерть, после смерти Пушкина, Грибоедова и других, наводит на очень грустные размышления.

...Собираются печатать его посмертные произведения. Мы снова увидим его имя там, где любили его отыскивать, снова прочтем еще несколько новых вдохновенных творений, всегда искренних, но как все последние его поэтические вещи, конечно грустных и вызывающих особенно скорбное чувство при воспоминании, что родник иссяк".

("Новое слово", 1894 г., № 2, стр. 46—47).

М.Ф. Федоров

"Несмотря на то, что дуэль была при свидетелях, подробности о ней чрезвычайно разнообразны: одни говорят, что Лермонтов получил рану в правый бок навывлет, упал, не успев выстрелить; другие говорят напротив, Лермонтов выстрелил

первый и выстрелил вверх; Мартынов, будто бы, сказал на это: "я не пришел с тобой шутить", — и сделал выстрел, но пистолет осекся по случаю дождя; он вновь насыпал на полку пороха и вторым выстрелом, попав в грудь, положил Лермонтова на месте. Дуэль была во время сильной грозы, без медика, на случай раны; убитый, а может быть, еще живой Лермонтов, говорят, оставался без пособия часа три на месте; что барьер был отмерен на покатоности горы и Лермонтов стоял выше Мартынова, — одним словом, все обвиняют секундантов, которые, если не могли отклонить дуэли, могли бы отложить, когда придет гроза".

("Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год", — "Кавказский сборник", Тифлис, III, 194).

Рапорт начальника штаба отдельного Кавказского корпуса командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, ген.-адъютанту и кавалеру Граббе (18 августа 1841 г.).

"Государь император, заметив в представлении корпусного командира от 5 минувшего марта № 548 с ходатайством о наградах, что переведенный 13 апреля 1840 года за проступок из лейб-гвардии Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в Чеченской экспедиции с особо порученною ему казачьего командою, повелеть соизволил сообщить г. корпусному командиру о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял на лицо на фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку" ("Русский архив", 1911 г., кн. IX, стр. 159).

Командующему войсками по Кавказской линии и в Черномории г. генерал-адъютанту и кавалеру Граббе. Пятигорского коменданта полковника Ильяшенкова Рапорт.

По суду, произведенному в комиссии, учрежденной в гор. Пятигорске над подсудимыми: уволенным от службы из Гребенского казачьего полка майором Мартыновым, лейб-гвардии конного полка корнетом Глебовым и служащим в собственной Его Императорского Величества канцелярии титулярным советником князем Васильчиковым, открылось:

Сего года июля 15-го числа подсудимые эти и с ними Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, по полудни в шесть с половиною часов, из квартир своих отправились по дороге, ведущей в Николаевскую колонию и, отъехав от города не более 4-х верст, остановились при подошве горы Машуки, между растущего кустарника, на поляне, где, привязав за деревья своих лошадей, и из них, корнет Глебов и князь Васильчиков, измерили вдоль по дороге барьер расстоянием на 15 шагов, поставив на концах оного свои фуражки, и отмерили еще от оных в обе стороны по 10-ти шагов, потом, зарядив пару пистолетов, отдали ссорившимся майору Мартынову и поручику Лермонтову; сии, пришед на назначенные места, остановились и потом, по сделанному знаку корнетом Глебовым, приблизясь к барьеру, майор Мартынов выстрелом своим ранил поручика Лермонтова, который в то же время от этой раны и помер, не успев даже провозвести и выстрела по Мартынове.

Ссора у майора Мартынова с поручиком Лермонтовым, как из дела видно, произошла последний раз 13-го числа того ме-

сяца по выходе из дома генерал-майорши Верзилиной, которую хотя в оном никто из бывших в то время у ней гостей и не заметил, но это подтверждается собственным сознанием Мартынова и объяснениями князя Васильчикова и корнета Глебова, ибо Мартынов им неоднократно говорил, что поручик Лермонтов делал и наперед сего непрерывные над ним насмешки и говорил разные колкости, а в последний раз Лермонтов решился сказать Мартынову, что он не вправе заставить его молчать, присовокупил к тому: "ты вместо угрозы гораздо бы лучше сделал, если действовал; ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь". Почему и назначено было время дня дуэли и к оной были приглашены секундантами со стороны Мартынова корнет Глебов, а Лермонтова — князь Васильчиков.

Секунданты, хотя и употребляли все меры к примирению ссорящихся, но никак успеть в том не могли; а не дали они об этом знать местному начальству потому, что дали ссорящимся слово никому о том не говорить. Спрошенные под присягою крепостные люди поручика Лермонтова Илья и Ермолай Козловы, Иван Смирнов, майора Мартынова — Иван Вертюков и Иван Соколов, показали, что тот день, когда у господ их назначена была дуэль, они ничего не знали, куда и зачем поехали тоже не знают, а узнали об этом тогда, когда корнет Глебов приехал с места происшествия в квартиру и приказал из них Илье Козлову и Ивану Вертюкову ехать за телом Лермонтова, кои отправились туда и привезли оное в квартиру, во все же время соседственного квартирования их, они, Мартынов и Лермонтов, жили дружелюбно и ссоры никогда никакой между ними не было, а Иван Смирнов и Ермолай Козлов находились в тот день безотлучно в квартире и о происшествии сем не знали до тех пор, пока не было привезено в квартиру тело убитого Лермонтова; Иван же Соколов в это время находился в Железноводске.

За неимением о подсудимых майоре Мартынове и корнете Глебове формулярных списков, ни о летах, равно и службе видеть ничего нельзя, ибо таковые требуются комиссиею, отколь следует и по получении будут мною доставлены вслед за делом.

Титулярный советник князь Васильчиков от роду имеет 22 года, в службе с 1839 года, из российских князей, в походах и штурмах не бывал.

Военный суд, дело это производивший, согласно свода военно-уголовных постановлений части 5-й книги 1-й, статьями 392, 393 и 398, подсудимых майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова приговорил к лишению чинов и прав состояния.

Я также соглашаюсь с приговором комиссии военного (суда) во всей его силе и потому судное о них дело, обще с pistolетами, имею честь представить на рассмотрение вашего превосходительства, докладывая при том, что издержанные презусом, ассесорами и аудиторами прогонные и суточные деньги, всего 154 рубля 72 1/2 копейки ассигнациями, взыскать с подсудимых. № 1260. Октября 10-го дня 1841 года. Г. Пятигорск.

Полковник Ильяшенко.

В должности адъютанта поручик Турдаковский.

(Ракович, "Тенгинский полк на Кавказе". Тифлис. 1900 г. "Приложения", стр. 34—35).

Примечание. В рапорте ошибочно крепостные люди Лермонтова названы принадлежащими Мартынову и наоборот.

Журналы и газеты 1841—1842 годов о смерти М.Ю. Лермонтова

"Одесский вестник"

"Здесь получено из Пятигорска прискорбное известие о кончине М.Ю. Лермонтова, одного из любимейших русских поэтов и прозаиков, последовавшей 15-го минувшего июля.

В бумагах его найдено несколько небольших, не конченных пьес" (1841 г., 2 августа, № 62, стр. 295).

"...Погода в Пятигорске стоит довольно хорошая. Сильные жары прохлаждаются порывами ветра. Маленькие дожди перепадали изредка. Но 15-го Июля, около 5-ти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившийся в г. Пятигорске М.Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда, бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отпечаток в душе каждого?"... (№ 63, стр. 299—301: статья А. Андреевского "Пятигорск и Кавказские минеральные источники").

Примечание. По поводу этого места статьи Андреевского В.Г. Белинский в рецензии на второе издание "Героя нашего времени" писал: "Нельзя без печального содрогания сердца читать этих строк". (Белинский, "Соч.", II, 916).

"Библиотека для чтения"

"Литература наша непрерывно поносит новые потери, которые не вознаграждаются новыми приобретениями. Одни сходят с поприща, ища отдыха после трудов, другие умирают. Кончина Лермонтова, на кавказских водах, Лермонтова, который подавал столь блистательные надежды, должна огорчить всех любителей русской словесности. При нынешнем чрезвычайно ограниченном числе талантов, которые еще пишут, вся словесность наша по необходимости заключалась в журналах". (1841 г., том 48, отд. VI, стр. 41, "Разные известия").

Примечание. В "Библиотеке для чтения" в 1835 г. была напечатана поэма "Хаджи Абрек" (т. XI, август). В 1840 г. в том же журнале был помещен очень сочувственный отзыв О. Сенковского о сборнике стихотворений Лермонтова (т. XLIII, отд. VI, ноябрь, стр. 1—11).

В той же книжке "Библиотеки для чтения", где было помещено приведенное выше извещение о смерти поэта, появилась также статья А. Андреевского "Пятигорск и Кавказские минеральные воды в июне 1841", с извещением о кончине Лермонтова (отд. VII, отдел "Смесь", стр. 54—60); это несколько сокращенная редакция статьи того же автора, опубликованной в "Одесском Вестнике" за 1841 г.

"Литературная газета"

"Первая новость наша печальная. Русская литература лишилась одного из талантливейших своих поэтов. По известиям с Кавказа, в последних числах прошедшего месяца скончался там М.Ю. Лермонтов. Молодой поэт, столь счастливо начав-

ший свое литературное поприще и со временем обещавший нам замену Пушкину, преждевременно нашел смерть. Нельзя не пожалеть, что столь свежий, своеобразный талант не достиг полного своего развития; от пера Лермонтова можно было ожидать многого".

(1841 г., 9 августа, № 89, стр. 356, отдел — "Литературные и театральные новости").

Примечание. В "Литературной газете" в 1840 г. было напечатано стихотворение Лермонтова "И скучно и грустно" (№ 6), кроме того, в ней помещались в 1840—41 гг. отзывы о его произведениях.

"Северная пчела"

"15-го минувшего Июля скончался, в Пятигорске, наш молодой писатель, М.Ю. Лермонтов, подававший отечественной литературе блистательные надежды. В бумагах его, сказывают, найдено несколько недоконченных сочинений".

(1841 г., 19 августа, № 183, стр. 729, отд. "Внутренние известия").

Примечание. В "Северной пчеле" за 1840 — 1841 гг. помещались отзывы о сочинениях Лермонтова.

"Сын отчества"

"Некролог:

Из Пятигорска получено прискорбное известие, что там скончался, пятнадцатого июля, известный поэт и прозаик

М.Ю. Лермонтов. В бумагах его найдено несколько небольших, неоконченных пьес".

(1841 г., 23 августа, № 34, стр. 436, отд. "Разные известия").

Примечание. В "Сыне отчества" за 1840 — 41 гг. помещались отзывы о сочинениях Лермонтова.

"Москвитянин"

Кончина Лермонтова

"Еще утра в Русской литературе!

Одна из прекрасных надежд ее, М.Ю. Лермонтов, скончался на Кавказе 15-го Июля. Давно ли мы радовались его расцветанию — и уже должны описывать потерю! Он был представителем самого младшего поколения Словесности нашей; бодро шел вперед; развитие его обещало много; Кавказ посылал ему новые вдохновения. Теперь все кончено.

Сердце обливается кровью, когда подумаешь, сколько прекрасных талантов погибает у нас безвременно!"

(1841 г., ч. V, отд. "Смесь").

Примечание. В "Москвитянине" за 1841 г., при жизни поэта, было напечатано стихотворение "Спор" (ч. III, № 6, цензурная помета — 31 мая).

"Русский вестник"

"Михайло Юрьевич Лермонтов, стихи и проза которого давали столь большие надежды, сконч. на Кавказе, Июля 15-го".

(1842 г., № 1, отд. IV, "Некролог 1841 года", стр. 16).

Примечания

Ссылки на сочинения М.Ю. Лермонтова делаются по изданию, вышедшему под редакцией и с комментариями проф. Б.М. Эйхенбаума в пяти томах в 1936—1937 гг. (Москва — Ленинград, изд-во "Academia").

¹Лермонтов, "Полное собр. соч." под ред. проф. Висковатова, Москва, 1891 г., VI, 22, 24—25, 30.

²"Отечественные записки", 1825 г., ч. 23, отд. "Смесь", стр. 260, 263, 264, 268.

³А. Нелюбин, "Полное описание Кавказских Минеральных Вод", СПб, 1825 г., II, 644—649.

⁴Проф. П. Савенко, "Кавказские минеральные воды", СПб, 1828 г., стр. 183.

⁵"Полярная звезда" на 1825 г., СПб, стр. 235.

⁶Н. Рыбкин, "Материалы к биографии Белинского и Лермонтова" ("Исторический вестник", 1881 г., IX, 374—377).

⁷"День", 1891 г., № 1171; Е.И. Яковкина, "По лермонтовским местам", Ворошиловск, 1938 г., стр. 19.

⁸Шан-Гирей, "М.Ю. Лермонтов" ("Русское обозрение", 1890 г., VIII). См. еще — соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, стр. 22, примеч. 2; стр. 24, примеч. 1; соч. Лермонтова в изд. Академии наук, 1913 г., V, стр. XX.

⁹В.А. Мануйлов, "Жизнь Лермонтова", 1938 г., гл. II (рукопись). Выражаем глубокую признательность автору, любезно предоставившему нам возможность ознакомиться с I — IV главами его весьма интересного труда.

¹⁰Ф.Н., "Е.И. Зарина-Новикова" ("Исторический вестник", 1914 г., VII, 225—226); Н. Константинов и Б. Рест, "Год рождения 1835-й" ("Литературный Ленинград", 1935 г., № 46).

¹¹А.П. Шан-Гирей, назв. статья.

¹²Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 23—24.

¹³Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, II, 3.

¹⁴"Русская мысль", 1883 г., II, 1—2.

¹⁵С. Броневский, "Новейшие географические и исторические известия о Кавказе", Москва, 1823 г., II, 152.

¹⁶То же, II, 134, 229—230.

¹⁷"Акты, собранные Кавказской археографической комиссией", Тифлис, 1874 г., т. VI, ч. 1, стр. 485.

¹⁸То же, Тифлис, 1878 г., т. VII, 890, 911—916, 918.

¹⁹Потто, "Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях", СПб, 1885, II, 144—148, 149—160, 187; см. еще "Кавказский сборник", Тифлис, X, 42, 44, 45, 57, 211, 219—220.

²⁰Пушкин, "Полное собр. соч." в 6-ти томах, Москва — Ленинград, 1932 г., IV, 779—780.

²¹Потто, то же, I, 691—694.

²²Е.В. (Ейденбаум) ("Чеченская девица-кавалерист"). "Иллюстрированное приключение к Тифлискому листку", 1899 г., № 4.

²³Н.Н. "Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 г.", Москва, 1829 г., стр. 85—86. С большой симпатией о детях-аманатах, содержащихся во Владикавказской крепости, отзывается также А.С. Пушкин ("Путешествие в Арзрум", гл. 1). См. еще аналогичные сведения в материалах, сообщаемых газетой "Тифлисские ведомости" за 1830 г.: "В крепости небольшой деревянный домик с железными решетками наполнен аманатами, данными горскими народами. Это оборванные грязные ребятишки, обреченные вечному невежеству, ибо во Владикавказе их ничему не учат, а содержат, как пленников" (№ 56: "Поездка из Москвы за Кавказ").

²⁴"Кавказ, сб.", X, 223—224.

²⁵"Северный архив", 1828 г., ч. 34, № 11, стр. 94 ("Письма Х. Ш... к Ф. Булгарину или поездка на Кавказ").

²⁶"Записки Терского общества любителей казачьей старины". Владикавказ, 1914 г., № 4, стр. 49 (примечание).

²⁷"Черкес" ("Невский альманах" на 1829 г., стр. 256—277).

²⁸"Северный певец", Москва, 1830 г., ч. II, 83—86.

²⁹Н.А. Волконский, "Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом". ("Кавказский сборник", Тифлис, 1886 г., X, 156, 173, 183—185, 211).

³⁰"Акты, собранные Кавказ. археографической комиссией", VII.

³¹И. Дроздов, "Начало деятельности Шамиля" ("Кавказ. сборник", Тифлис, 1899 г., XX, стр. 276, 283).

³²"Кавказ", 1862 г., № 30; "Кавказский сборник", X, 219.

³³Потто, "Кавказская война", II, 181—182.

³⁴Там же, 183.

³⁵Броневский, назв. соч., II, 130.

³⁶"Кавказ", 1859 г., № 7 ("О гостеприимстве у черкес").

³⁷Броневский, назв. соч., II, 103.

³⁸В.Ф. Миллер, "Кавказские предания о великанах, прикованных к горам" ("Журнал мин. нар. просвещения", 1883, 1).

- ³⁹ "Русский инвалид", 1857 г., № 249.
- ⁴⁰ "Отечественные записки", 1841 г., XVII, 12.
- ⁴¹ "Отеч. записки", 1843 г., XXVII, 1–2; поэма напечатана на стр. 1–25. В этой же книжке журнала впервые опубликованы замечательные посмертные произведения Лермонтова: "Сон", "Тамара", "Утес", "Выхожу один я на дорогу".
- ⁴² Л.Н. Толстой, "Полное собр. соч.", под ред. В.Г. Черткова, Москва, 1936 г., VI, 279.
- ⁴³ "Русское обозрение", 1890 г., VIII, 737; см. еще — А. Меринский, "Воспоминание о Лермонтове" ("Атеней", 1858 г., № 48, стр. 301).
- ⁴⁴ Дьячков-Тарасов, "В горах большого и малого Карачая" ("Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", Тифлис, 1900 г., XXVIII, 66–68). Здесь же помещен рисунок, изображающий местность, где когда-то находился аул Джемаат.
- ^{44a} В.М. Сысов, "Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении". Тифлис, 1913 г., стр. 112–113. (Отг. "Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа", т. 42).
- ⁴⁵ В.А. Гейман, "1845 год" ("Кавказ. сборник", Тифлис, 1879 г., III, 273).
- ⁴⁶ Потто, "История 44-го драгунского Нижегородского полка", СПб, 1894 г., IV, 116, 121, 125.
- ⁴⁷ Saint-Rene' Taillandier "Allemagne et Russie". Paris, 1856 г. p 287.
- ⁴⁸ Потто, "Кавказская война", II, 187–188.
- ⁴⁹ В.П. Бурнашев, "М.Ю. Лермонтов в рассказах и воспоминаниях его гвардейских однокашников" ("Русский архив", 1872 г., стр. 1826).
- ⁵⁰ Л. Семенов, "М.Ю. Лермонтов", Москва, 1915 г.
- ⁵¹ См. соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 261–262, соч. Лермонтова в изд. Акад. наук, СПб, 1913 г., V, стр. LXXXV–LXXXVI.
- ⁵² Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 254.
- ⁵³ Соч. Лермонтова под ред. проф. Висковатова, VI, 263.
- ⁵⁴ В.В. Бобарыкин, "Три встречи с М.Ю. Лермонтовым" ("Русский библиофил", 1915 г., № 5, стр. 76).
- ⁵⁵ "Из воспоминаний Н.М. Сатина" ("Почин", сб. о-ва любителей Российской словесности на 1895 г., Москва, стр. 23–241).
- ⁵⁶ Белинский, "Сочинения" (изд. Павленкова, СПб., 1900 г., I, 673).
- ⁵⁷ "Отечественные записки", 1839 г., т. I, отд. VII, стр. 15.
- ⁵⁸ Белинский, "Письма", СПб, 1914 г., I, 336, 339.
- ⁵⁹ Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 303–304.
- ⁶⁰ То же, стр. 304.
- ⁶¹ А.М. Миклашевский, "М.Ю. Лермонтов в заметках его товарища" ("Русская старина", 1884 г., XII, 592).
- ⁶² A. Dumas, "Le Canevas", Leipzig, II, 258.
- ⁶³ А. Петров ("Русский архив", 1867 г., стр. 1175).
- ⁶⁴ Лермонтов, V, 601.
- ⁶⁵ В.А. Жуковский, "Дневники", СПб., 1903 г., стр. 369.
- ⁶⁶ Н. Огарев, "Кавказские воды" ("Полярная звезда" за 1861 г., Лондон, № 6, стр. 348).
- ⁶⁷ Лермонтов, II, 204–206.
- ⁶⁸ Венок М.Ю. Лермонтову", Москва, 1914 г., 194–195.
- ⁶⁹ Л. Семенов, "Лермонтов и Л. Толстой", Москва, 1914 г., стр. 422.
- ⁷⁰ Белинский, II, 133–134.
- ⁷¹ Соч. Лермонтова под ред. Болдакова, Москва, 1891 г., II, 408–409.
- ⁷² Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа", т. XVI, 345 (из песен станицы Ардонской).
- ⁷³ "Сб. матер. для опис. местн. и племен Кавказа", 1882 г., т. XIII.
- ⁷⁴ "Искусство азербайджанского народа". Москва — Ленинград, 1938 г., стр. 74–75 (Р.Д. Глиэр, "Шах-Сенем").
- ⁷⁵ Соч. Лермонтова под ред. Болдакова, I, 448.
- ⁷⁶ Созонович, "К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию". Варшава, 1898 г., стр. 542–547.
- ⁷⁷ В.Ф. Миллер, "Материалы для истории былинных сюжетов", I ("Этнографическое обозрение", 1890 г., V, 110–115). См. еще его же "Кавказско-русские параллели" ("Этногр. обозрение", 1891 г., № 4, стр. 3–7).
- ⁷⁸ Соч. Пушкина в изд. Брокгауза и Ефрона, VI, 460.
- ⁷⁹ "Отеч. записки", 1839 г., т. VI, № 11, стр. 146.
- ⁸⁰ "Отеч. записки", 1840 г., т. VIII, № 2, стр. 144.
- ⁸¹ С.И. Дурьлин, "Как работал Лермонтов", Москва, 1934 г., 113.
- ⁸² Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 252.
- ⁸³ М.Ц.(ейдлер), "На Кавказе в 30-х годах" ("Русский вестник", 1888 г., IX, 122–129).
- ⁸⁴ "Русский архив", 1891 г., кн. III, 575.
- ⁸⁵ "Новости", 1891 г., № 218.
- ⁸⁶ В.В. Соколов, "Лермонтов и Тамань" ("Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии", Симферополь, 1928 г., II, 127–129).
- ⁸⁷ Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 263 (ср. стр. 365); см. еще — "Русская старина", 1887 г., X, 124–125.
- ⁸⁸ А.В. Мещерский, "Из моей старины" ("Русский архив", 1901 г., I, 106).
- ⁸⁹ Сатин, назв. статья, 239.
- ⁹⁰ Огарев, назв. статья, 345–346; см. еще стр. 353–367.
- ⁹¹ Г.И. Филиппсон, "Воспоминания" ("Русский архив", 1883 г., кн. 3, стр. 177–180).
- ⁹² А.И. Дельвиц, "Мои воспоминания", Москва, 1912 г., I, 304.
- ⁹³ "Мир божий", 1900 г., XII, 231–239; см. то же в книге М. Гершензона "Образы прошлого", Москва, 1912 г.
- ⁹⁴ "Архив Раевских", СПб, 1909 г., II.
- ⁹⁵ М.Н. Лонгинов, "М.Ю. Лермонтов" ("Русская старина", 1873 г., III, 389).
- ⁹⁶ Э. Шан-Гирей, "Воспоминания о Лермонтове" ("Маяк", 1881 г., № 36, стр. 559); см. еще соч. Лермонтова под ред. Висковатова, II, 289, 353; "Терские ведомости", 1891 г., № 78 (заметка "Из Пятигорска").
- ⁹⁷ Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 289, 352–353; "Т.Н. Грановский и его переписка", Москва, 1897 г., II, 128.
- ⁹⁸ В. Д. К., "Воспоминание о Лермонтове" ("Новое обозрение", 1891 г., № 2628).
- ⁹⁹ Э.А. Шан-Гирей, "Воспоминание о Лермонтове" ("Маяк", 1881 г., № 36, стр. 561).
- ¹⁰⁰ Потто, "История 44-го Драгунского Нижегородского полка". СПб, 1894 г., II, 60.
- ¹⁰¹ К.А. Бороздин, "Упразднение двух автономий" ("Исторический вестник", 1885 г., I, 38–41). См. еще — М.Н. Лонгинов, "Заметка о Лермонтове и некоторых его современниках" ("Русская старина", 1879 г., III, 388); "Новое обозрение", 1891 г., № 2628 — В. Д. К., "Воспоминание о Лермонтове".
- ¹⁰² Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 365.
- ¹⁰³ "Русский биографический словарь", СПб, 1914 г. ("Нааке-Накенский"), стр. 254; Г.Н. Филиппсон, "Воспоминания" ("Русский архив", 1884 г., № 2, стр. 369).
- ¹⁰⁴ Н. Лернер, "Оригинал одного из героев Лермонтова" ("Нива", 1913 г., № 37, стр. 732). Доклад о наших разысканиях, касающихся образа Казбича и сюжетов поэм "Хаджи-Абрек" и "Измаил-Бей", сделан нами в заседании Лермонтовской комиссии при Институте литературы Академии наук СССР 28 марта 1939 г.
- ¹⁰⁵ О Казбиче см. — Ф.А. Шербина, "История кубанского казачьего войска", Екатеринбург, 1913 г., II, 255, 256, 259–260, 272, 276–277, 278, 281, 282 и мн. др.; Потто, "Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях", СПб, 1885 г., II, 626–628, 638 и др.
- ¹⁰⁶ К. Зеленецкий, "Кавказские минеральные воды в 1852 году" ("Москвитянин", 1853 г., II, отд. VI, 70). См. еще — соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 352; А.Л. Зиссерман, "Двадцать пять лет на Кавказе" ("Русский архив", 1885 г., № 2, стр. 298).
- ¹⁰⁷ Белинский, "Соч.", 2-е изд. Павленкова, СПб, 1900 г., II, 915.
- ¹⁰⁸ Гоголь, "Выбранные места из переписки с друзьями", гл. XXXI (Сочинения, изд. 13, под ред. Н.С. Тихонравова, СПб, 1896 г., V, 226).
- ¹⁰⁹ Кольцов, "Полное собр. соч.", изд. Акад. наук, СПб, 1909 г., стр. 212.
- ¹¹⁰ П.Н. Бирюков, "Л.Н. Толстой", Берлин, 1921 г., I, 150.
- ¹¹¹ С.И. Дурьлин, "Как работал Лермонтов", Москва, 1934 г., стр. 110.
- ¹¹² "Русская мысль", 1893 г., № 26.
- ¹¹³ Альманах "Радуга", ПБ, 1922 г., стр. 292.
- ¹¹⁴ "Русская мысль", 1911 г., X, 46.
- ¹¹⁵ Белинский, "Соч.", II, 876.
- ¹¹⁶ Белинский, "Письма", СПб, 1914 г., II, 31.
- ¹¹⁷ И.С. Тургенев, "Полное собр. соч.", СПб, 1898 г., изд. Маркса, XII, 76.
- ¹¹⁸ Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 315; Лермонтов, "Иллюстрированное полное собр. соч." под ред. В.В. Каллаша, Москва, 1914 г., 1, стр. XXIX.
- ¹¹⁹ Белинский, "Письма", II, 108.
- ¹²⁰ "Архив Раевских", II, 241–242.
- ¹²¹ Потто, "Былое К.Х. Мамаева" ("Кавказ", 1897 г., № 235).
- ¹²² Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 346–347.
- ¹²³ То же, 342–344; Эсадзе, "История Гуниба и пленение Шамиля", Тифлис, 1909 г.
- ¹²⁴ Л. Семенов, "К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г." ("Изв. Сев.-Кавказ. Пед. Института", 1924 г., т. II). О сражении на р. Валерике см. Висковатов, "М.Ю. Лермонтов в действующем отряде ген. Галафеева, во время экспедиции в Малую Чечню" ("Русская старина", 1884 г., I, 83–92), он же, "Речка смерти" ("Исторический вестник", 1885 г., III, 473–483); соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 339–350; Янкул, "80 лет боевой и мирной жизни 20-ой артиллерийской бригады" (Тифлис, 1886 г., I, 402–405), Юров, "1840, 1841 и 1842 года на Кавказе" ("Кавказ. сборник", Тифлис, 1886 г., X, 301–307); Лебединец, "М.Ю. Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 г." ("Русская старина", 1891 г., VIII, 355–368); Ракович, "Тенгинский полк на Кавказе", Тифлис, 1900 г., 240–246 стр.; Эсадзе, "Штурм Гуниба и пленение Шамиля", Тифлис, 1909 г., стр. 112–115); К. Белевич, "Несколько картин из кавказской войны и нравов горцев", СПб, 1910 г., стр. 188–189; "Кавказский сборник", Тифлис, 1912 г., т. XXXII, ч. I, 434–440; Л. Семенов, "Лермонтов и Л. Толстой", Москва, 1914 г., стр. 56–74, 428–431; он же, "К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г." ("Изв. Сев. Кав. Пед. Института", Владикавказ, 1924 г., II) и др.
- ¹²⁵ Эсадзе, назв. соч., 114; Ракович, "Тенгинский полк на Кавказе", приложения, стр. 32–33.
- ¹²⁶ Костенецкий, "Воспоминание о Лермонтове" ("Русская старина", 1875 г., IX, 60–63).
- ¹²⁷ Н.И. Лорер, "Записки декабриста", Москва, 1931 г., стр. 255–256.
- ¹²⁸ Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 342–343.
- ¹²⁹ То же, VI, 340; Лорер, стр. 257.
- ¹³⁰ Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 373–376.
- ¹³¹ П.А. Висковатов, "М.Ю. Лермонтов. Поездка в Пятигорск в июне 1841 г. Рассказ П.И. Магденко". ("Русская старина", 1879, III, 525–530).
- ¹³² Лорер, 260; соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 394–397.
- ¹³³ Лермонтов, II, 180–181, 197.
- ¹³⁴ См. акад. изд. соч. Лермонтова, т. V, стр. CXV–CXV, 14, 15.
- ¹³⁵ Лермонтов, V, 600–601.

- 136 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 409—410.
- 137 Белинский, "Письма", II, 227.
- 138 "Отеч. записки", 1841 г., т. XV, № 4.
- 139 Акад. изд. соч. Лермонтова, V, 36.
- 140 "Русский архив", 1884 г., III, 206.
- 141 "Новое слово", 1894 г., II, 47.
- 142 "Русская старина", 1899 г., III.
- 143 "Русский архив", 1911 г., IX, 159.
- 144 В.А. Соллогуб, "Воспоминания", Москва — Ленинград, 1931 г., стр. 376.
- 145 Белинский, "Письма", II, 109 (письмо к Боткину от 18 апреля, с упоминанием о Лермонтове).
- 146 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 408, курсив автора.
- 147 То же, 409.
- 148 Мартыянов, "Поэт М.Ю. Лермонтов по запискам и рассказам современников" ("Всемирный труд", 1870 г., X, 602—603).
- 149 Костенецкий, "Воспоминания из моей студенческой жизни" ("Русский архив", 1887 г., I, 114—115).
- 150 Стихотворения Мартынова опубликованы в следующих изданиях: С. Панчулидзе, "Сборник биографий кавалергардов", СПб., 1908 г., стр. 103—106; Нарцов, "Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых", Тамбов, 1904 г., стр. 111—140; "Русский архив", 1914 г., XI, 388—409.
- 151 Письмо доктора Пирожкова ("Нива", 1885 г., № 20, стр. 474).
- 152 И. Арсеньев, "Еще по поводу воспоминаний Раевского о Лермонтове" ("Нива", 1885 г., № 27, стр. 647).
- 153 "Русская старина", 1892 г., III, 766—767.
- 154 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 403—404.
- 155 Лорер, "Записки", 258—260. См. еще — "Русская старина", 1892 г., III, 766—767 (письмо Е. Быховцев); "Нива", 1885 г., №7, стр. 167—168 (В. Желиховская).
- 156 Меринский, "Воспоминание о Лермонтове", "Атеней", 1858 г., № 48, стр. 348.
- 157 Э.А. Шан-Гирей ("Русский архив", 1889 г., II, 316—317). См. еще — соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 413—416; А.П. Шан-Гирей ("Русское обозрение", 1890 г., VIII, 753); Щеголев, "Книга о Лермонтове", II, 201—204.
- 158 "Русская старина", 1892 г., III, 767—768.
- 159 Лорер, "Записки", 260. Исправляем в тексте ошибку Лорера, указывающего, что дуэль Лермонтова с Мартыновым состоялась 17 июля.
- 160 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 420—422.
- 161 То же, 418—419.
- 162 То же, 420, 423.
- 163 См. еще статью П.А. Ефимова — "Дуэль или убийство?! ("Октябрь", 1938 г., VII, 210—216).
- 164 Васильчиков, "Дуэль и кончина Лермонтова" ("Русский архив", 1872 г., I, 211—212).
- 165 Э.А. Шан-Гирей, "Воспоминание о Лермонтове и о предсмертном его подлинке" ("Русский архив", 1889 г., VI, 320).
- 166 Лорер, 262.
- 167 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 433.
- 168 Лорер, 262. См. еще — соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 433—434; Акад. изд. соч. Лермонтова, т. V, стр. СХХII.
- 169 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 434—435.
- 170 "Вестник Европы", 1914 г., III, 392—393.
- 171 "Русская старина", 1885 г., XV, 476.
- 172 См. отзыв сослуживца Лермонтова — А.И. Арнольди ("Новое время", 1903 г., № 9760), воспоминания Н.М. Смирнова ("Русский архив", 1882 г., II, 240—241).
- 173 "Русский архив", 1891 г., VII, 402, 1911 г., IX, 160 и др.
- 174 Белинский, "Письма", II, 256—257 (письмо от 3 августа 1841 года).
- 175 Щеголев, "Книга о Лермонтове", II, 239.
- 176 Кольцов, "Полное собр. соч.", изд. Акад. наук, СПб, 1909 г., 258 (письмо от 23 октября 1841 г.).
- 177 Н.П. Огарев, "Стихотворения и поэмы" ("Библиотека поэта"), 1937 г., I, 118—121.
- 178 Я.П. Полонский, "Мои студенческие воспоминания" ("Ежемесячные литературные приложения" к журналу "Нива" на 1898 г., XII, 662).
- 179 "Русская старина", 1913 г., IX, 502.
- 180 Белинский, "Стихотворения Лермонтова" (II, 106—107).
- 181 Д. Максимов, "Лирика Лермонтова" ("Литературная учеба", 1939 г., IV, 22).
- 182 Лермонтов, V, 259.
- 183 Лермонтов, II, 210.
- 184 П. Кулебякин, "Из местных воспоминаний о М.Ю. Лермонтове" ("Терские ведомости", 1886 г., № 19); "Петербургская газета", 1886 г., № 63; "Терек", 1911 г., № 3980; Л. Семенов, "Лермонтов в Л. Толстой", 119, 423—424.
- 185 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 407—408.
- 186 Белинский, "Письма", II, 110.
- 187 Белинский, "Сочинения", II, 134.
- 188 Кольцов, изд. Акад. наук, 212.
- 189 Г.К. Градовский, "Шульц и Лермонтов" ("Исторический вестник", 1902 г., XI, 476—477); то же в книге Градовского "Итоги", Киев, 1908 г., 366—367.
- 190 "Новое время", 1891 г., № 5522 (А. Бежецкий, "Сон"); перепечатано в газете "Кавказ", 1891 г., № 195).
- 191 Л. Семенов, "Лермонтов и Л. Толстой", 280.
- 192 Н.Г. Чернышевский, "Статьи по эстетике", Москва, 1938 г., стр. 158.
- 193 Белинский, "Письма", III, 121.
- 194 Лермонтов, II, 126.
- 195 П. Висковатов, "М.Ю. Лермонтов". Неизданное юношеское его стихотворение "Исповедь" ("Русская старина", 1887 г., X, 124—125).
- 196 А.Н. Муравьев, "Знакомство с русскими поэтами", Киев, 1871 г., стр. 27.
- 197 С.Т. Аксаков, "История моего знакомства с Гоголем", Москва, 1890 г., стр. 35.
- 198 Белинский, "Соч.", II, 136.
- 199 См. нашу книгу "М.Ю. Лермонтов", Москва, 1915 г., стр. 45—48.
- 200 "Кавказ", 1881 г., № 203.
- 201 Белинский, "Сочинения", II, 137.
- 202 То же, стр. 278, 414.
- 203 То же, стр. 284.
- 204 Белинский, "Письма", II, 108.
- 205 См. сб. "Наши, списанные с природы", СПб., 1841 г., предисловие, стр. III; "Иллюстрация", 1847 г., № 48, стр. 386.
- 206 Белинский, "Соч.", II, 916.
- 207 П.К. Мартыянов, "Последние дня жизни поэта М.Ю. Лермонтова" ("Исторический вестник", 1892 г., IV, 90).
- 208 Соч. Лермонтова под ред. Висковатова, VI, 368—369.
- 209 Белинский, "Соч.", II, 136—137.
- 210 Венок М.Ю. Лермонтову", 242.
- 211 Л. Семенов, "М.Ю. Лермонтов", 222—224.
- 212 Каллаш, "М.Ю. Лермонтов в русской поэзии", 57; "Венок М.Ю. Лермонтову", 280—281.
- 213 "Венок М.Ю. Лермонтову", 255—258.
- 214 Полонский, "Стихотворения и поэмы", Ленинград, 1935 г., стр. 79.
- 215 "Финский вечер", СПб, 1846 г., IX, 12, 14—15.
- 216 То же, 31.
- 217 Тургенев, "Полное собр. соч.", изд. Маркса, IX, 169—170.
- 218 То же, VIII, 367—370.
- 219 Е.Г. Вейденбаум, "Кавказские этюды", Тифлис, 1901 г., стр. 308—320.
- 220 Библиотека для чтения", 1842 г., т. 54, стр. 117—160, 192.
- 221 К. Белевич, "Несколько картин из кавказской войны и нравов горцев", СПб, 1910 г.
- 222 А.В. Дружинин, "Собрание сочинений", СПб, 1865 г., I.
- 223 То же, стр. 184, 193.
- 224 "Венок М.Ю. Лермонтову", 281—287.
- 225 Некрасов, "Полное собр. стихотворений" (в одном томе), Ленинград, 1934 г., стр. 397—398.
- 226 То же, 471.
- 227 То же, 153.
- 228 Чернышевский, "Что делать?", Москва, 1929 г., 443—446.
- 229 Никитин, "Избранные произведения", Воронеж, 1934 г., 192.
- 230 "Шукинский сборник", Москва, 1907 г., вып. VII, 316—317.
- 231 Случевский, "Сочинения", СПб, 1898 г., II, 227—230.
- 232 А. Блок, "Стихотворения" ("Библиотека поэта", малая серия, 1938 г., II, 25—26).
- 233 Коста, "Стихи и поэмы", г. Орджоникидзе, 1938 г., стр. 26—27.
- 234 К. Хетагуров, соч., изд. 1909 г., Ростов-на-Дону, стр. 124.
- Коста посвятил Лермонтову еще одно стихотворение, напечатанное в газете "Северный Кавказ", 1901 г., 2 августа ("Зачем, поэт, зачем, великий гений").
- 235 Ю. Веселовский, "Русское влияние в современной армянской литературе", Москва, 1909 г., стр. 13.
- 236 То же, 20—24.
- 237 То же, 25.
- 238 Н. Бараташвили, "Стихотворения", Москва, 1938 г., стр. 4, 74.
- 239 То же, стр. 52, 54.
- 240 И. Чавчавадзе, "Повести и рассказы", Москва, 1937 г., стр. 8—9.
- 241 А. Церетели, "Стихи и поэмы", Москва, 1936 г., стр. 113.
- 242 С.К. Булич, "Лермонтов и русская музыка" (акад. изд. соч. Лермонтова, V, 230—235).
- 243 Крупская, "Воспоминания о Ленине", Москва — Ленинград, 1931 г., стр. 187—188.
- 244 М. Горький, "В людях" (ГИЗ), Москва — Ленинград, 1928 г., стр. 201.
- 245 А.М. Горький о М.Ю. Лермонтове" (газ. "Известия", 1937 г., № 49).
- 246 Б. Пастернак, "Две книги", Москва — Ленинград, 1927 г. ("Памяти Демона", стр. 7).
- 247 Сб. "Молодой ленинградец", Москва, 1937 г., стр. 7—9.
- 248 Н. Тихонов, "Стихотворения и поэмы", Ленинград, 1938 г., стр. 401—402, 415.
- 249 Маяковский, "Собр. соч.", Москва, 1936 г., II, 79, 83—88.
- 250 Маяковский, 1, 178 (см. еще стр. 182); II, 152; III, 316; IV, 314.
- 251 Сб. "Героическая юность", Москва, 1938 г., стр. 22—23.
- 252 Маркс и Энгельс, IX, 533—534.
- 253 Коста, "Стихотворения и поэмы", 1938 г., стр. 66, 19.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. —

Пятигорск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1939.

1940

Лермонтов и Коста

Коста Хетагуров, будучи замечательным национальным писателем, вдохновляясь мотивами родного для него осетинского фольклора, широко интересовался культурой других народов, в особенности русской.

Знакомство с русской культурой не представляло для него никаких затруднений, так как он учился в русской средней школе, а затем в Академии художеств. Он превосходно владел русской речью; значительная часть его произведений написана на русском языке.

Знакомясь с литературным наследием Коста, мы можем установить целый ряд конкретных примеров, свидетельствующих о его прочной связи с лучшими деятелями русской культуры. К числу наиболее любимых писателей Коста надо отнести М.Ю. Лермонтова, оказавшего на него заметное влияние.

Интерес Коста к Лермонтову объясняется целым рядом причин.

Лермонтов был близок ему как поэт, произведения которого насыщены мотивами борьбы с феодально-крепостническим строем; как певец Кавказа, с глубокой симпатией относившийся к участи горцев, героически защищавших родину, которую царизм превратил в одну из своих колоний; как один из величайших художников слова в мировой поэзии. Лермонтов очень хорошо знал быт различных народов Кавказа, вдохновлялся мотивами их песен, преданий, сказок; напомним, например, такие его произведения, как "Аул Бастунджи", "Измаил-Бей", "Беглец", "Демон", "Тамара", "Бэла", "Ашик-Кериб" и другие. Имеют значение условия автобиографического характера; Коста сам преследовался правительством, подвергался ссылке, бывал разлучен с Осетией и с друзьями; он прекрасно знал многие места на Кавказе, воспетые Лермонтовым или связанные с его жизнью, — такие как группа Минеральных вод, Владикавказ, Ставрополь, Военно-Грузинская дорога, Тбилиси. Он бывал, в частности, в Пятигорске, присутствовал на открытии памятника Лермонтову в этом городе в 1889 году.

Общая направленность творчества Лермонтова была во многом созвучна Коста; отметим, например, такие их мотивы, как любовь к народу — в стихотворении "Родина" (ср. у Коста "Не верь, что я забыл родные наши горы"), протест против гнета царизма — в стихотворении "Прощай, немытая Россия" (ср. у Коста "Додой"), осуждение адатов, сковывающих свободу и мужчины и женщины (у Лермонтова — "Аул Бастунджи", у Коста — "Перед судом"), борьба горцев за родину (у Лермонтова — "Измаил-Бей", у Коста — "Плачущая скала"); поэты создали замечательные образы горских женщин, судьба которых трагически сложилась в условиях старого быта (Бэла, Фатима), их горячая любовь к детям вылилась в чудесных лирических стихах ("Казачья колыбельная песня", "А-лал-лай"). Они восхищались природой Кавказа и описывали ее в своих произведениях, рисунках

и картинах. Поэтов роднит их глубокая любовь к Пушкину; Лермонтов посвятил ему знаменитое стихотворение "Смерть поэта". Коста упоминает о "воспетою нашими знаменитыми поэтами Пушкиным и Лермонтовым Кавказе".

Много сходного во взглядах Лермонтова и Коста на поэзию. Очень характерно в этом отношении стихотворение Коста "Поэту"¹:

Не верь, мой друг, что струнами возможно
Исчерпать мысль и тайники души...
Значенье слов так мелко, ничтожно,
Что лучше ты нас рифмой не смехи.
Пусть льется, песнь унылую слагая,
Порою стих свободно, как волна, —
Как стон в груди, не дрогнет, замирая,
Бездушная, холодная струна...
Немую скорбь, беспомощные слезы
В созвучьях слов не распознает свет, —
Твои мечты — для нас пустые грезы,
Твоя печаль — больной, безумный бред...²

Основные мысли этого стихотворения: 1) "муки слова", скорбь взыскательного художника о том, что даже поэтически-ми словами порою нельзя со всей полнотой выразить сокровенные думы; 2) указание на то, что так называемый "свет", мелочный и праздный, равнодушен к переживаниям поэта, никогда не поймет его.

Аналогичные мысли очень часто развивались Лермонтовым и могли оказать влияние на Коста. Напомним следующие стихи:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Они тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженья...
.....
Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.
.....
Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?

Сходство заметно как в основных идеях ("муки слова", противопоставление поэта — бездушному "свету"), так и в отдельных образах.

С лермонтовским стихотворением "Утес" в известной степени соприкасается стихотворение Коста под тем же заглавием; в обоих лирических произведениях изображен высокий утес, которому улыбнулось мимолетное счастье и исчезло, вызвав у него слезы. В обоих стихотворениях утес назван "великаном"; в обоих сходны начальные и последние строфы, контрастные по содержанию.

Коста:

Мрачного утеса только что коснулся
Первый луч восхода, весело, шутя...
И утес холодный ожил, улыбнулся.
Запылал румянцем ярким, как дитя.
Наступила полночь, тихая, немая...
В сон невозмутимый погружен утес...
Только по ланитам, змейкою сбегая,
Падают беззвучно в бездну капли слез. (II, 56–57).

Лермонтов:

**Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.** (II, 122).

Однако есть и существенное различие в содержании и композиции этих стихотворений. Лермонтов развил свою тему очень сжато; в нем всего 8 строк; он вводит два главных образа: утеса-великана и золотой тучки. В фабульном отношении стихотворение Коста шире; из общего количества 24 строк первые 12 он посвящает описанию раннего летнего утра, ликования утеса и всей окружающей природы; в последующих 12 строках дана картина грозы, омрачившей эту радость, и ночи, под покровом которой утес роняет слезы. Оба стихотворения написаны хореем, но количество стоп различно: у Лермонтова — 5, у Коста — 6; различно и расположение рифм: у Лермонтова — опоясанные и смежные, у Коста — перекрестные.

Поэмы Коста "Перед судом", "Плачущая скала", "Фатима" написаны под воздействием традиции, установленной Пушкиным, Лермонтовым и другими поэтами, четырехстопным ямбом, с мужской и женской рифмой. Эпизодически, как в лермонтовских поэмах ("Измаил-Бей", "Демон"), в названных поэмах Коста вводятся и другие стихотворные размеры (например, в "Фатиме" — II, 140, 148, 150, 155); оба поэта применяют прием монологической речи: у Лермонтова — в "Исповеди", "Мцыри", "Демоне"; у Коста — "Перед судом". Характерно дружеское обращение к читателю, придающее повествованию непосредственность, задушевность:

**Пишу опять, но вы признанья,
Друзья, не требуйте, пока
Вдали от вас часы изгнанья
Ползут лениво, как века.
Тоской мучительной разлуки
К чему теперь тревожить вас? —
Не лучше ль почитать от скуки
Вот этот небольшой рассказ?** (II, 206)

Ср. у Лермонтова в "Валерике":

**Я к вам пишу: случайно, право,
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право,
И что скажу вам? — ничего!**

.....

Но я боюсь вам наскучить...

...Если вас

**Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив...** (II, 89, 95–96).

Развивая мотив о борьбе горцев за независимость отчизны, Коста создает образы, близкие к лермонтовским:

...Пусть знает враг,
Какой незыблемой заставой
Ему здесь загорожен путь,
С какой отчаянной отвагой
Здесь каждый грудью встретит грудь,
Как страха, жалости не зная,
Здесь все решились, как один,
Погибнуть, кровью истекая,
Как честь страны, свободу края
Ценить умеет осетин! (II, 211).

Ср. у Лермонтова в "Измаил-Бее":

**Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой...
...Позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.**

.....

**Завоевателю преграда
Положена в долине той,
Из камней и деревьев громада
Аргуню давит под собой.
К аулу нет пути инова;
И мыслят горцы: "Враг лихой!
Тебе могила уж готова!"** (III, 195–196, 221–222).

Некоторые картины природы напоминают описания кавказского горного пейзажа у Лермонтова. Отметим, например, следующее место:

Коста:

...За Шайтан-горюю,
В кустах, меж грудями камней,
Поросших мохом и травой,
Ползет тропинка, словно змей. (II, 139).

Лермонтов:

**Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан...
Как буркой, сльником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней.
Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда...** (III, 223).

Интерес Коста к Лермонтову проявился также в частых цитатах из его произведений в письмах; приводим ряд примеров: "Кто устоит против разлуки" ("Демон" — III, 284), "Царь познания и свободы" ("Демон" — III, 302), "Он далеко, он не узнает, не оценит тоски твоей" ("Демон" — III, 316), "Главу опустивши на грудь" ("Воздушный корабль" — III, 319), "Терек в теснине Дарьяла" ("Тамара" — III, 319). "В тумане моря голубом" ("Парус" — III, 357), "Белеет парус одинокий" ("Парус" — III, 370).

Привлеченный нами материал показывает, что мир поэзии Лермонтова был очень близок Коста; осетинский поэт встречал в ней немало идей и образов, глубоко запоминающихся, варьировавшихся им. У Лермонтова Коста привлекали мотивы героики, борьбы, протеста, направленные против гнета царизма, против застарелых общественных мнений и обычаев; он учился у Лермонтова и художественному мастерству, внося в свои лирические или эпические произведения образы и выражения, близкие к лермонтовским, но всегда созвучные общему строю его мировоззрения.

Влияние одного поэта на другого — явление, очень часто встречающееся в каждой литературе и исторически обусловленное. Каждый писатель живет и творит не изолированно, а в тесном общении с окружающим обществом. Преемственность идей и художественных образов неизбежна и закономерна. Пушкин и декабристы оказали сильное влияние на Лермонтова; Лермонтов влиял на Некрасова и Л.Н. Толстого; Л.Н. Толстой сам отмечал, что Лермонтов оказал на него большое воздействие, в частности, он сказал, что "Бородино" Лермонтова — зерно его романа "Война и мир". Некрасов и Л.Н. Толстой, в свою очередь, оказали могучее влияние на многих современных им и последующих писателей. Советские писатели формировались и зрели под благотворным влиянием М. Горького и Маяковского. На Коста, помимо Лермонтова, повлияли, как известно, Пушкин и революционные демократы — Чернышевский, Добролюбов и Некрасов. На произведениях Коста воспитывались осетинские писатели конца XIX и XX вв. Под влиянием надо заметить не нечто механическое или случайное, а творческое восприятие художником слова наследия того или иного, близкого ему по духу автора. У каждого большого писателя есть свои учителя и ученики.

Затрагивая темы, родственные лермонтовским, Коста никогда не превращался в подражателя; он развивал тот или иной мотив по-своему, внося новые оттенки, локальные образы. Характерно, в частности, что Коста воспринимал у Лермонтова преимущественно не романтические его мотивы, а реалистические. Он глубоко интересовался также личностью и жизнью великого русского поэта и посвятил ему два стихотворения, на которых мы и останавливаемся.

Первое из стихотворений, посвященных Лермонтову, Коста написал в 1889 году, в связи с постановкой великому поэту памятника в Пятигорске.

Подготовка к открытию этого памятника велась в крайне неблагоприятной обстановке, под надзором правящих сфер. К этому дню Коста, присутствовавший на открытии памятника как "представитель осетинского юношества" (см. газету "Северный Кавказ", 1889 г., № 63), написал стихотворение "Перед памятником М.Ю. Лермонтова" с пометкой "г. Пятигорск. 16 августа 1889 г.". Оно не было пропущено цензурой, о чем впоследствии говорил сам автор в письме от 1 января 1900 г., находясь в ссылке в Херсоне: "Зато я пойду к памятнику Лермонтова и продекламирую то стихотворение, которое я написал на его открытие. Оно не было напечатано, а между тем довольно интересное" (III, 498).

Речь, произнесенная Коста на Лермонтовском празднике, возложение венка, стихотворение, которое он написал к открытию памятника, — все это было выступлением не только от имени передовой осетинской общественности, но и от всех горцев Северного Кавказа.

К открытию памятника Лермонтову в кавказских газетах было напечатано несколько стихотворений, например, И. Проха-

нова — "Лермонтову на открытие памятника в г. Пятигорске" — в "Терских ведомостях" (1889, № 69), Курсовой — "На открытие памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске в 1889 г. авг. 16-го дня" (там же), А. Кропоткиной — "На празднике открытия памятника Лермонтову в Пятигорске" и И. Афросимова — "Гроту Лермонтова" в газете "Северный Кавказ" (1889, № 69).

Это — образцы очень посредственной хвалебной лирики, весьма безобидные в отношении социально-политической направленности; вполне понятно, что подобные стихи, проникнутые казенным духом, могли быть напечатаны беспрепятственно, тогда как энергичное, полное пламенного протеста против деспотизма самодержавия стихотворение Коста не увидело тогда света. Приводим это стихотворение полностью:

Торжествуй, дорогая отчизна моя,

И забудь вековые невзгоды, —

Воспарит сокровенная дума твоя, —

Вот предвестник желанной свободы!

Она будет, поверь, — вот священный залог,

Вот горящее вечно светило.

Верный спутник и друг по крутизнам дорог,

Благородная, мощная сила!..

К мавзолею искусств, в храм науки святой

С ним пойдешь ты доверчиво, смело,

С ним научишься ты быть готовой на бой

За великое, честное дело.

Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда

Его образ задумчивый, гордый,

И в ущельях твоих будут живы всегда

Его лиры могучей аккорды...

Возлюби же его, как изгнанник-поэт

Возлюбил твои мрачные скалы,

И почти, как святыню, предсмертный привет

Юной жертвы интриг и опалы!.. (II, 23).

Среди многочисленных стихотворений, посвященных Лермонтову, это одно из самых лучших. Оно полно глубокого содержания. Основные мысли, выраженные автором, следующие:

- 1) высокая ценность литературного наследия Лермонтова для горских народов, давно угнетавшихся царским правительством;
- 2) осуждение самодержавия, систематически преследовавшего и затравившего поэта;
- 3) твердая уверенность в том, что близок день, который принесет горцам "желанную свободу", а имени Лермонтова — широкое признание со стороны раскрепощенных горских народов.

Развивая первую мысль, Коста подчеркивает действенное, революционизирующее значение поэзии Лермонтова и подбирает соответствующие этой идее сравнения: Лермонтов — "священный залог" лучшего будущего, он — "горящее вечно светило", "верный спутник", "друг", "благородная, мощная сила", его образ "задумчивый, гордый", у его лиры — "могучие аккорды". Автор напоминает, что русский поэт любил Кавказ, что горские народы могут идти за русским поэтом "доверчиво, смело", так как он научит их идти на бой "за великое, честное дело".

Здесь значительно, знаменательно каждое слово, вносящее в характеристику Лермонтова как художника и общественного деятеля новые и новые черты.

Следующая мысль, по контрасту, направлена к разоблачению царизма, который горцам дал "вековые невзгоды", а юного Лермонтова, поэта-изгнанника, сделал жертвой "интриг и опалы". Последнее выражение имеет очень большое значение; в 80—90-х годах и в последующее время из консервативных и реакционных кругов литературоведов и журналистов на-

стойчиво распространялись суждения о том, что гибель Лермонтова объясняется его неуживчивым характером, личными мотивами в ссоре с Мартыновым и т.п. причинами. В критической литературе высказывались мнения, что Лермонтов — поэт узкосубъективный, и придавали первостепенное значение его автобиографическим мотивам (его одиночество, враждебное отношение к светскому обществу и т.п.). Коста держится совершенно иного взгляда; он видит в Лермонтове могучего поэта-борца и гуманиста; он указывает на то, что в его трагической смерти виновны враждебные по отношению к нему силы: аристократы (упоминание об "интригах") и царское правительство (упоминание об "опале" поэта-изгнанника). Последняя высказанная автором мысль передана не менее четкими образами. Коста говорит о том, что скоро сбудется сокровенное желание горских народов, настанет "желанная свобода", откроется доступ к овладению искусством и "наукой святой"; в памяти благодарных потомков никогда не умрет, не померкнет образ великого поэта, в ущельях Кавказа "будут живы всегда его лиры могучей аккорды".

Это стихотворение Коста, посвященное памяти Лермонтова, проникнутое революционным духом, написанное звучным и выразительным стихом, имеет очень большое историческое значение. По аналогии оно может быть приравнено к знаменитому стихотворению самого Лермонтова — "Смерть поэта" и известной поэме народного азербайджанского поэта Ахундова, вызванным гибелью Пушкина. Глубоко прочувственное, исполненное благородного, непримиримого негодования по адресу подлинных виновников смерти великого русского поэта, стихотворение Коста пошло вразрез с общим официальным духом существования, проводившегося правящими сферами.

Громадное значение приобрело выступление Коста на юбилейном празднестве. На открытии памятника присутствовали представители различных общественных и научных организаций России. Памятник был сооружен на средства, пожертвованные почитателями поэта, жившими во всех уголках многонациональной страны; это были народные деньги. К концу 80-х гг. Лермонтов вырос как поэт всероссийского и мирового значения.

Произведения Лермонтова изучались во всех учебных заведениях. Под давлением общественности правительство пошло на уступки и вынуждено было отметить первый, после смерти поэта, его юбилей: 75-летие со дня его рождения, в связи с чем было разрешено открыть всероссийскую подписку на сбор народных средств для сооружения ему памятника Юбилейный комитет, по постановлению высших властей, находился во Владикавказе; председателем юбилейного комитета был назначен генерал-губернатор Терской области. Правительство стремилось придать открытию памятника формальный характер, отметить его память как офицера Тенгинского полка, квартировавшего на Кавказе. Коста отлично разбирался во всей сложной обстановке и, не считаясь с официальными директивами, смело разрушил стоявшие перед ним препятствия, громко, открыто заявил, в чем величие поэта и кто был виновен в его трагической гибели.

Очень важно указание и на то обстоятельство, что царизм и его ставленники стремились сеять рознь между различными народами России, а Коста был поборником братских взаимоотношений между русским и горскими народами Кавказа. В этом отношении он поддерживал традиции Пушкина и Лермонтова; ему принадлежит выдающаяся заслуга в упрочении дружественных связей осетинского народа с русским; ярким примером

этой деятельности Коста являются его стихи, посвященные не только Лермонтову, но и Грибоедову, Островскому, Чайковскому, Плещееву, и его близкое участие в проведении их знаменательных дат.

Другое стихотворение Коста, также посвященное Лермонтову, было написано 12 лет спустя. За этот срок возник ряд важных обстоятельств. В 1891 году исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Лермонтова. По существовавшим тогда законам издание его сочинений становилось правом каждого. Они вышли к юбилейному году в многочисленных удешевленных изданиях, и это в большой степени способствовало росту популярности великого поэта в широких читательских массах. Значительно обогатилась биографическая и критическая литература о нем. К этому времени было опубликовано много текстов Лермонтова, ранее неизвестных. Появились статьи критиков-эстетов декадентского и символистского направления, искажавшие сущность поэзии Лермонтова. С.А. Андреевский ("Лермонтов". Характеристика. СПб, 1891 г.) трактовал творчество поэта как художника, тяготевшего к сверхчувственному миру: нет другого поэта, который бы так явно считал небо своей родиной, а — землю изгнанием; ключ к пониманию его творчества — родство с небом. Это был человек, огорченный своим божественным происхождением; его пессимизм — пессимизм божественного величия духа. Известный историк В.О. Ключевский в статье "Грусть" ("Русская мысль", 1891, VII) назвал Лермонтова певцом "личной грусти"; его творчество он свел к формуле русского, религиозного настроения: да будет воля твоя; ни один русский поэт не был так способен глубоко проникнуться этим "народным" чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов. В. Соловьев в статье "Лермонтов" ("Вестник Европы", 1901, II) характеризовал поэта как художника, призванного сообщить нам могучее движение вперед, вверх к истинному сверхчеловечеству, но этого мы от него не получили; ему было свойственно схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений. Он не был занят ни историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой. Коста не разделял подобных ложных мнений. В 1901 г., в связи с 60-летием со дня кончины Лермонтова, он в газете "Северный Кавказ" (1901, № 91) напечатал следующее стихотворение "Памяти М.Ю. Лермонтова":

**Зачем, поэт, зачем, великий гений,
Явился ты так рано в этот мир,
Мир рабства, лжи, насилья и гонений,
Мир, где царит языческий кумир?
Зачем судьба с таким ожесточеньем
Гнала тебя из-за пустых интриг
Трусливых бар, взлелеянных бездельем,
Когда клеймил их твой могучий стих?
Ты нужен был не царству бар и рабства,
А вот теперь, когда талантов нет,
Когда нас всех заело декадентство,
О, если бы ты жил теперь, поэт!
Твой мощный стих, могучие аккорды
Рассеяли б остаток прежней тьмы, —
Тогда бы по пути добра, любви, свободы
Пошли бы за тобой вперед со славой мы. (II, 105).**

Появление этого стихотворения имело также большое общественное значение и представляет глубокий интерес. Оно свидетельствует о том, что поэзия Лермонтова по-прежнему близка Коста и что он неизменно занимает боевые позиции, высту-

пая против реакционных сил, продолжавших преследовать память гениального поэта.

И тематически, и стилистически это стихотворение тесно связано с первым: осуждая крепостнический строй, "царство бар и рабства", автор вновь упоминает об "интригах"; здесь он говорит о "пустых интригах", в первом стихотворении — о "юной жертве интриг и опалы".

Стихи —

Когда клеймил их твой могучий стих...

Твой мощный стих, могучие аккорды —

по содержанию и форме близки к аналогичным строкам раннего стихотворения:

Благородная, мощная сила...

Его лиры могучей аккорды.

Прежнему стиху —

Вот предвестник желанной свободы —

в новом стихотворении соответствует строка —

Тогда бы по пути добра, любви, свободы...

Однако второе стихотворение не является перепевом первого. Оно, с одной стороны, углубляет одну из тем первого стихотворения — разоблачение аристократии, с другой — выдвигает новую проблему: критику декадентства и противопоставление ему подлинной поэзии, борющейся с тьмой во имя "добра, любви, свободы".

В настоящем стихотворении Коста, как революционный демократ, с беспощадным негодованием обрушивается на родовитых, влиятельных дворян, именуя их "трусливыми барами, взлелеянными бездельем", указывая, что они преследовали поэта "пустыми интригами". Автор выступает против всей государственной системы; он говорит, что царизмом создан "мир рабства, лжи, насилия и гонений", что Лермонтову пришлось жить в "царстве бар и рабства".

По содержанию и поэтическим приемам первая часть стихотворения очень близка к лермонтовскому стихотворению "Смерть поэта". Коста, вслед за Лермонтовым, разоблачает аристократию и правительство как ожесточенных гонителей величайших художников слова.

Стихотворение Лермонтова "Смерть поэта" издавна было памятно Коста. Влияние его мы находим, например, в более раннем стихотворении осетинского поэта, посвященном Грибоедову:

Убит...

За то ль венец терновый

Сплел для него коварный рок,

Что озарил он мыслью новой

Всю Русь родную, как пророк!

Зачем он шел, как раб покорный,

В страну фанатиков-врагов... (II, 79).

Лермонтов:

Восстал он против, мнений света

Один как прежде... и убит!

Убит!., к чему теперь рыдания...

Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,

Зачем поверил он словам и ласкам ложным...

И прежний сняв венок — они венец терновый,

Увитый лаврами, надели на него... (II, 15—16).

Во второй части стихотворения, посвященного памяти Лермонтова, Коста касается злободневной в то время темы — критики декадентства.

Будучи глубоким почитателем Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Некрасова — этих величайших русских поэтов XIX в., Коста непримиримо относился к лозунгам "чистого искусства",

"поэзии для немногих", "самосозерцания" и т.п. и неоднократно высказывался на эту тему, например:

Не упрекай меня...

Свободные напевы

Не гармонируют с бряцанием цепей.

А трели соловья и шепот юной девы —

Оставленный бокал на гульбище страстей. (II, 45).

Я не поэт... Обольщенный мечтою,

Я не играю беспечно стихом. (II, 60).

Продолжая традиции русских классиков и выступая против декадентов, Коста отстаивал реалистическое направление; он видел в искусстве не наслаждение, а могучее средство воздействия на общество во имя "желанной свободы", во имя победы над "миром рабства, лжи, насилия и гонений".

Оба стихотворения Коста выделяются среди большинства стихотворений, посвященных Лермонтову другими авторами, своей глубокой принципиальностью, остротой поставленных в них вопросов, высоким идейным уровнем, силой обличительного стиха. В обоих стихотворениях Коста настойчиво повторяет, что, пока существует самодержавный строй, светочи человечества будут преследоваться реакционными силами; что вполне заслуженную оценку такие поэты, как Лермонтов, найдут только тогда, когда настанет "желанная свобода", а эта свобода будет куплена борьбой:

С ним научишься ты быть готовой на бой

За великое, честное дело.

Коста был глубоко прав. Враждебное отношение к Лермонтову реакционных кругов резко проявлялось и после его кончины. Прижизненное и посмертное преследование классиков, выступавших на борьбу с самодержавным строем, фальсификация их идей в угоду властям в связи с казенным чествованием их памяти или запрещение ознаменования их юбилеев весьма характерны для царизма.

Накануне юбилея Лермонтова в 1914 году газеты сообщали, что готовится пересмотр его произведений, т.к. у духовной цензуры вызвали сомнения стихи из "Демона", в которых говорится, что бог "занят небом, не землей", а в Смоленской губернии был издан циркуляр, предписывавший педагогам указывать учащимся, что причиной дуэли Лермонтова "послужил его собственный злой, желчный и придиричивый характер". В том же году правительство запретило публичное чествование 100-летия великого революционного поэта Т.Г. Шевченко. По этому поводу В.И. Ленин сказал: "Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и предоставить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы "обывателей" стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть "тюрьма народов".

Та же участь постигла и Коста, который при жизни подвергался систематическому преследованию, который тоже испытал гнет царизма, ссылки, разлуку с родиной, который как поэт, публицист и живописец на каждом шагу встречал со стороны властей враждебное отношение.

Оба его стихотворения, посвященные Лермонтову, имеют крупное значение для характеристики как литературных взглядов Коста, так и его отношения к культуре братских народов. Стихи эти проникнуты революционным пафосом. Разоблачая политику царизма, подвергавшего гениального русского поэта гонениям при жизни, преследовавшего его и после кончины,

воздававшего ему казенные почести, осетинский поэт выражал твердую уверенность, что конец самодержавному строю близок и что только тогда, когда наступит "желанная свобода", Лермонтов будет оценен по-настоящему — как "вечное светило", как "верный спутник и друг" воспетых им горских народов⁶.

То, о чем мечтал Коста, осуществилось при Советской власти.

Произведения Лермонтова на русском языке и в переводе на осетинский язык изучаются во всех школах Осетии. Юбилейные даты его торжественно отмечаются широкой общественностью в нашей республике. Избранные его произведения и био-

графические сведения о нем помещены в учебных хрестоматиях для осетинских школ, наряду с аналогичными материалами о других русских классиках и советских описателях. Произведения Лермонтова очень часто передаются по радио, посредством декламации или музыкальных переложений, во все уголки края. Портрет Коста, стоящего перед памятником Лермонтову, украшает многочисленные сборники произведений великого осетинского поэта. Имена обоих славных поэтов неразрывно, навсегда связаны в сознании дружественных народов — осетинского и русского.

Примечания

¹"Неурядицы Северного Кавказа". — К.Л. Хетагуров. "Собрание сочинений в трех томах". АН СССР, М., 1951, т. III, стр. 100. (Дальнейшие цитаты из сочинений Коста, приводимые по этому изданию, особо не оговариваются. Римскими цифрами обозначен том, арабскими — страница. — *Ред.*)

²Это стихотворение цитируется по изданию: К. Хетагуров, "Осетинская лира", Москва, 1939, стр. 123.

³М.Ю. Лермонтов, "Полное собрание сочинений" под ред. Б.М. Эйхенбаума. М—Л., т. II, стр. 44—45. Дальнейшие ссылки на сочинения Лермонтова — по этому изданию.

⁴Перепечатаны в сб. В.В. Каллаша "М.Ю. Лермонтов в русской поэзии", Москва, 1914, стр. 70—74.

⁵См. нашу книгу — "М.Ю. Лермонтов", Москва, 1915, I, стр. 45.

⁶В.И. Ленин "К вопросу о национальной политике", Сочинения, т. XX, стр. 199. (Произведения В.И. Ленина цитируются по 4-му изд. — *Ред.*)

Текст и примечания печатаются по изданию:

Семенов Л.П. Избранное. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. — С. 31—48.

1941

Лермонтов и фольклор Кавказа

... "Он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств".

Лермонтов.
"Кавказец"

... "Мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества".

Белинский.
"Стихотворения М. Лермонтова"

I. Кавказский фольклор в творчестве предшественников Лермонтова

"Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях", — писал А.С. Пушкин своему брату Льву Сергеевичу в октябре 1820 года под свежим впечатлением первой поездки по Кавказу.

До 20-х годов XIX в. интерес к Кавказу у наших писателей был очень незначителен. Пушкин, дважды посетивший его, первый обратил серьезное внимание на быт и культуру различных народов Кавказа, изучал русские и иностранные источники об этой стране и превосходно описал ее во многих своих произведениях. Царизм ценою неисчислимых жертв захватывал у горских народов новые и новые земли. Офицеры и военные чиновники, в погоне за чинами и за легкой наживой, устремлялись на Кавказ, как завоеватели. Пушкин и другие представители передовой общественности той эпохи выражали по отношению к народам Кавказа, угнетавшимся царской властью, глубокую симпатию, приветствовали их борьбу за независимость, изучали их историю, их современную жизнь, их поэтическое творчество.

Находясь на группе Минеральных Вод, А.С. Пушкин тогда же приступил к работе над поэмой "Кавказский пленник", законченной им в 1821 г. В эту же пору он заинтересовался фольклором Кавказа. Отзвуки этого интереса заметны в названной по-

эме, в которую им была введена знаменитая "Черкесская песня" ("В реке бежит гремящий вал"). Героиня поэмы, как отмечает автор, пела пленнику

и песни гор,

и песни Грузии счастливой.

В примечании к этим строкам поэт указывал: "Песни грузинские приятны и по большей части заунывны". Он говорил и о том, что

в горах черкес суровый

Свободы песню запевал.

О грузинских песнях Пушкин упоминает в знаменитом стихотворении "Не пой, красавица, при мне" (1828 г.).

Описывая свою вторую поездку на Кавказ, состоявшуюся в 1829 г., Пушкин, говоря о пребывании в Тбилиси, вновь упоминает о грузинских песнях: "Несколько вечеров провёл я в садах при звуке музыки и песен грузинских" ("Путешествие в Арзрум"). Тогда же запомнились ему и казачьи песни, слышанные на Кавказе. Один из его набросков того же года, начинающийся словами "Полюби меня, девица", по-видимому, связан с неосуществленным замыслом Пушкина написать повесть о девушке-казачке, полюбившей черкеса и убежавшей с ним.

Глубокое проникновение в дух горского фольклора запечатлено в неоконченной поэме о Тазите и Гасубе (1833 г.), неправильно именованной прежде "Галубом". Поэт мастерски описывает здесь быт черкесов и чеченцев, рисует картину похорон воина, изображает обычай "аталычества" (воспитание Тазита-черкеса в чеченской семье), куначество, кровную месть. В поэму введен мотив проклятья: изгоняя сына, не подчиняющегося дедовским суровым адатам, старик Гасуб с гневом проклинает его, выражая пожелание, чтобы его преследовали повсюду напасти:

Будь проклят мной — поди — чтоб слуха

Никто о робком не имел,

Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,

Чтоб мертвый брат тебе на плечи

Окровавленной кошкой сел

И к бездне гнал тебя нещадно,

Чтоб ты, как раненый олень,

Бежал, тоскуя безотрадно,

Чтоб дети русских деревень

Тебя веревкою поймали

И как волчонка затерзали,

Чтоб ты... Беги... беги скорей,

Не оскверняй моих очей!

По меткому выражению Белинского, "с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страшною кипучей жизни и смелых мечтаний!"

Действительно, вслед за Пушкиным, "Кавказский пленник" которого приобрел в 20-х и 30-х гг. прошлого века необычайную популярность, многие из современных стихотворцев подражали великому поэту. Из этих опытов можно отметить, например, поэмы: А. Шишкова — "Дагестанская узница" (1824 г.) и "Лонской" (1828 г.), А. Шидловского — "Гребенский казак" (1831 г.), И. Р. — "Али-Кара-Мирза" (1832 г.). Произведения эти мало самостоятельны; соревнование с Пушкиным было, разумеется, не по силам названному авторам, но их поэмы, не лишённые все же некоторых художественных достоинств, имели, в известной степени, и положительное значение, т. к. поддерживали в обществе интерес к быту, фольклору и истории различных народов Кавказа. Окрашенные, как и "Кавказский пленник" Пушкина, в романтические краски, они заключали в себе часть и реалистические мотивы, вносили вслед за пушкинской поэмой слова из горских языков, упрочивая новые литературные традиции.

К числу излюбленных приемов, характеризующих художественную манеру этих авторов, относится введение в поэмы "горских" песен. Под заметным влиянием "Черкесской песни" из "Кавказского пленника" и таких стихотворений Пушкина, как "Дон", в ту же эпоху в многочисленных альманахах и сборниках стихотворений появились "черкесские" романсы и стихи о казаках.

А. С. Грибоедов, прекрасно знавший Кавказ, в последние годы своей жизни работал над созданием трагедии "Грузинская ночь". В основу этого произведения им были положены грузинские народные предания и мифы. Главными действующими лицами являлись: деспот-князь, его дочь, ее кормилица и русский офицер. Основной мотив трагедии — месть кормилицы, сын которой был отдан князем в обмен за любимого коня. По словам одного из современников поэта, эта трагедия, если бы она была закончена, "составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором!"

Мотивы горского фольклора встречаем в романе В.Т. Нарезного "Черный год, или Горские князья", опубликованном после смерти автора, в 1829 г.

Упомянутая поэма Шидловского любопытна, как одна из первых попыток ознакомления читателей с малоизвестной тогда жизнью гребенских казаков. Здесь мы встречаем и сцену, изображающую мать-казачку, баюкающую дитя:

Младенца спящего качая,
В безмолвной сакле, под окном,
Восхода утра ожидая,
Сидит казачка молодая —
В уединении ночном.
Ее младенец не покоен,
Он весь горит, он тяжело болен,
И одиноко плачет мать,
На миг не смея задремать.

К ранним мотивам о терских казаках относится также стихотворение "Гребенский казак", появившееся в "Тифлиссских ведомостях" за 1832 г. (№ 4), с подписью: П. Б...ий Н...ко. Тема этого стихотворения — прощание молодого гребенца с возлюбленной перед отъездом к чеченцу-кунаку за Терек. Девушка спрашивает казака:

Ты за Терек идешь? Оставляешь меня!
Ненаглядный! Зачем оседлал ты коня?

Из станицы родной на чей зов ты спешишь?
Вижу, дротик в руке
И ружье на луке.

Лихой гребенец утешает ее, обещает скоро вернуться, но ее томит тяжкое предчувствие:

Там в ауле чужом,
На Кавказе седом,
За родную страну ляжешь ты головой!

Суеверной девушке, которая верит в вещи предзнаменования, чудится, что и ее ожидает неминуемая беда; стихотворение заканчивается следующей строфой:

За станицей в глуши гукнет филин ночной,
Прянет заяц чрез путь, борзый конь под тобой
Вдруг ушми запрядет,
Спотыкнется, вздохнет —
Друг мой милый, уже под сырой я землей!..

Это один из самых ранних опытов подражания песням казачков-гребенцов; глубокого проникновения в дух этих песен в приведенном нами стихотворении нет.

Печатью яркой самобытности отмечены многочисленные произведения о Кавказе, принадлежащие современникам Пушкина — Бестужеву-Марлинскому и Полежаеву. Оба они были сосланы на Кавказ при Николае I: первый за участие в восстании декабристов, второй, вскоре после казни декабристов, — за опасную для царизма сатирическую поэму "Сашка". Кавказ им был хорошо знаком, особенно Марлинскому, который к тому же свободно владел тюркским языком.

В кавказских повестях, рассказах и очерках, из которых большую известность приобрели при жизни автора две — "Мулла Нур" и "Аммалат-Бек", Марлинский обнаруживает превосходное знание быта горцев, умелое использование оборотов местной речи, местной народной поэзии — песен, народных пословиц. В повести "Аммалат-Бек" писатель упоминает о кабардинском народном певце, который под аккомпанимент национального струнного инструмента (комуз) поет старинную песню: "На Казбек слетелись тучи" (глава IV). В эту же повесть, насыщенную романтизмом, введена "смертная песня" черкесов. Приводим начальные стихи этой песни, получившей очень широкое распространение на Кавказе:

Хор
Слава нам, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!
Полухор
Плачьте, красавицы, в горном ауле.
Правьте поминки по нас:
Вслед за последнею меткою пулей
Мы покидаем Кавказ.
Здесь не цевница к ночному покою —
Нас убаюкает гром;
Очи — не милая черной косою —
Ворон закроет крылом!.. (IV глава)

Романтический стиль, присущий Марлинскому, заметно снижается у Полежаева, что особенно видно в его описательных поэмах из эпохи Кавказской войны ("Эрпели", "Чир-Юрт"); однако фольклорные мотивы не нашли в них конкретного отображения. Весьма близки к таким мотивам его стихотворения, выдержанные в духе кавказских романсов той эпохи. Полежаев, подобно Пушкину, интересовался темами и о горцах, и о казаках. Его "Черкесский романс", проникнутый стгуценной романтикой, является типичным образцом так называемого "жестокоего романса", характеризовавшегося кровавой развязкой.

С большей простотой написаны другие его романы — "Кавказ", "Пышно льется светлый Терек", "Чёрная коса", "Одел станцию мрак глубокий", "Ахалук", "Окно".

Наиболее удачные из них — "Пышно льется светлый Терек" и "Чёрная коса".

Первые поэтические произведения Лермонтова, посвященные Кавказу, относятся к 1828 г.; со времени появления в печати "Кавказского пленника" Пушкина к этому моменту прошло каких-нибудь семь лет. Лермонтов принадлежит, таким образом, к числу самых ранних учеников Пушкина, произведениями которого он зачитывался в ту пору. Кавказ был дорог Лермонтову еще по детским воспоминаниям. Прекрасная поэма Пушкина оживила эти воспоминания; описание военного и мирного быта горцев, сочувственное отношение автора к ним, великолепные картины южной природы, — все это было понятно юному поэту и так восхищало его! Сильное впечатление произвели на него и повести Марлинского, к одной из которых ("Аммалат-Бек") несколько позже он нарисовал иллюстрацию. Лермонтову были известны и произведения Полежаева. Эти авторы способствовали поддержанию у молодого поэта интереса к кавказским мотивам. Отзвуки чтения их произведений заметны в ранних поэмах и стихотворениях Лермонтова, мужавшего, как художник, не по дням, а по часам.

Из их сочинений он мог почерпнуть и многие местные слова, занесенные с Кавказа.

Волею высших властей, этот край на протяжении долгих лет был ареною ожесточенных войн. Солдаты прозвали его "погибельным". Туда, на верную смерть, отправляли политических ссыльных. Для юного Лермонтова, воспитанного на вольнолюбивых стихах Пушкина и декабристов, Кавказ был героической страной. Пушкин, Марлинский, Полежаев и отчасти другие писатели помогли ему еще лучше познать ее; многое в их произведениях было созвучно ему, но уже в самые ранние творческие годы он проявлял глубокую самобытность, находил новые темы и новые краски. Чрезвычайно нравились ему легенды и песни самих народов Кавказа.

Для того чтобы лучше понять, какую роль сыграли они в его творчестве, необходимо в общих чертах остановиться на его отношении к фольклору в целом.

II. Интерес Лермонтова к фольклору

В ранних черновых заметках Лермонтова мы часто встречаем его высказывания о народной поэзии.

"Наша литература так бедна, — писал он в 1830 г., — что я из нее ничего не могу заимствовать; в 15 же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве; но тогда я почти ничего не читал. — Однако же, если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слышал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности".

Одаренного мальчика с самого нежного возраста окружали воспитатели-иностранцы; он не имел, подобно Пушкину, русской няни, мастерски передававшей образцы народного творчества.

В других его заметках юношеской поры, связанных с фольклором или историей, находим упоминания о поэтических замыслах: "Написать шутовскую поэму, приключения богатыря" или: "Поэма на Кавказе-герой — пророк". Сохранился подробный сюжетный набросок сказки с волшебными превращениями — о молодом витязе, жившем при дворе князя Владимира, и о красавице, обращенной царем Стамфулом в лебедя. Интересуясь эпохой борьбы Руси с татарами, Лермонтов задумал написать историческую поэму о Мстиславе Черном; в одной из сцен он хотел изобразить крестьянку, поющую над колыбелью ребенка песню: "Что в поле за пыль пылит". Текст этой песни, имеющей много народных вариантов, по-видимому, был самим поэтом записан тогда же с чьих-то слов. Такие песни он любил потому, что в них говорилось о славном прошлом нашей родины, о ее героях; характерны последние строки записи сюжета о Мстиславе: "Мстислав умирает; и просит, чтоб над ним поставили крест. — И чтоб рассказал его дела какому-нибудь певцу; чтобы этой песнью возбудить жар любви к родине в душе потомков".

В возрасте 15—18 лет он написал много стихотворений, навеянных русским фольклором, например: "Два сокола", "Песнь барда", "Баллада" ("В избушке позднею порою"), "Атаман" (о Степане Разине), "Воля" ("Моя мать злая кручина"), "Песня" ("Желтый лист о стебель бьется"), "Песня" ("Колокол стонет"), "Русская песня", "Тростник" и др.

Мотивы этих стихотворений разнообразны: здесь мы встречаем песни на исторические темы, песни бытового характера, лирические песни. Несколько песен внесено в незаконченную историческую повесть "Вадим", изображающую эпоху Пугачева. В этой же повести встречаем в IX главе предание о женихе-призраке, в XIV главе — мотив проклятия:

"Проклят, проклят, проклят! — кричала в бешенстве старуха, — чтобы тебе сгнить живому, чтобы черви твой язык подточили, чтобы вороны глаза проклевали, чтобы тебе ходить-спотыкаться, пить-захлебнуться... горбатый, урод, холоп... проклят, проклят!"

В "Вадиме" автор широко пользуется оборотами народной речи, пословицами и поговорками ("выше лба уши не растут", "яблоко от яблони недалеко падает", "куда поп, туда и попова собака", "утро вечера мудренее" и др.).

Фольклорные мотивы широко были использованы Лермонтовым и в ранних поэмах — в "Преступнике" (мотивы "разбойничьих" песен), "Олеге", "Последнем сыне вольности" (образ народного певца) и в других.

Юный поэт, как видно из этих примеров, был хорошо знаком с русским фольклором, старинным и современным.

Известное влияние, несомненно, оказывало на него общение с крестьянскими детьми — сверстниками, участниками его игр, и дворовыми. Биограф Лермонтова профессор Висковатов сообщает такие интересные подробности, описывая его детство:

"Зимую устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича и вся дворня, собравшись, потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженные из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд". Когда мальчик подрос, то для него, по рассказам старожиллов села Тарханы, набрали однолеток из дворовых мальчиков; он играл с ними в военные игры, в разбойников.

Глубокое впечатление производило на него в младенческие годы пение матери. "Когда я был трех лет, — писал он впоследствии, — то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать".

По-видимому, в отроческие и ранние юношеские годы знакомство с фольклором шло, большею частью, через книжные источники, легко доступные любознательному, быстро развившемуся поэту. В ту же пору он проявлял большой интерес к фольклору различных европейских народов, ознакомление с которым облегчалось благодаря знанию иностранных языков.

В черновых заметках (о сюжете "Демона") и в трагедии "Испанцы" он упоминает о еврейских песнях. В неоконченной поэме "Олег" находим стихи:

**И скальдов северных не раз
Здесь раздавался смелый глас.**

О народных литовских песнях он говорит в поэме "Литвинка". Подражая австрийскому поэту Платену, Лермонтов пишет переложение его стихотворной сказки "Незабудка". Старинной немецкой народной песней навеяна "Баллада", начинающаяся словами: "Из ворот выезжают три витязя вряд, увы!" В драматический отрывок "Цыганы" введена "цыганская песня" литературного происхождения. Учась в Благородном пансионе и затем в Московском университете, Лермонтов ознакомился с античными мифами.

В последующие годы, со времени окончания юнкерской школы, тяготение Лермонтова к фольклору росло. Здесь уже главную роль сыграло близкое общение поэта с народной средой — с крестьянами, солдатами, гребенскими казаками.

Любопытно, что, будучи зимой 1836 г. в Тарханах, он попросил крестьян устроить кулачный бой. "Довольный виденным боем, Лермонтов подарил крестьянам несколько участков леса и особенно одарил победителя — молодого парня из Тархан". По мнению профессора Висковатова, этот эпизод связан с предварительной работой над "Песней про купца Калашникова".

В записи, датируемой последними годами жизни поэта, имеются следующие знаменательные строки: "У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия".

В одном из самых замечательных своих стихотворений, проникнутом глубокой народностью, в "Родине", поэт с необыкновенной теплотой говорит, как близка его душе "печальная деревня", как интересуется он повседневной жизнью крестьян:

**С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.**

Произведения последних лет насыщены у Лермонтова мотивами народного творчества. Вершиной его мастерства в этой области является знаменитая "Песня про купца Калашникова", вызвавшая восторженный отзыв Белинского.

Мотивы народного творчества с несравненным мастерством развиты в лирике Лермонтова; напомним его стихотворения "Русалка", "Три пальмы", "Морская царевна".

Глубоким духом народности проникнуто и стихотворение "Бородино", написанное в 25-ю годовщину со времени Бородинского сражения. Речь старого ветерана-солдата передана с непревзойденным мастерством ("постой-ка, брат мусью", "уж мы пойдем ломить стеною", "у наших ушки на макушке", "русский бой удалый, наш рукопашный бой" и т.п.). В неоконченной

повести об Арбенине автор упоминает, что когда герой его был еще ребенком, горничные "рассказывали ему сказки про волжских разбойников".

В "Бэле" встречаем образ, навеянный чтением былин: "ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей Разбойник"...

С образцами народного творчества, со складом живой народной речи поэт мог знакомиться и в непосредственном общении с крестьянами во время посещения Тархан, и с солдатами — в лагерной обстановке и на Кавказском фронте. Лермонтову были известны, как указывалось в специальных статьях, сборники песен Кириши Данилова и другие. Не могли не оказать на него сильного впечатления многочисленные произведения Пушкина, Рылеева, Гоголя и других современных русских писателей, вдохновлявшихся мотивами народного творчества.

В конце XVIII в. и в первой трети XIX в. в печати появилось много сборников с образцами народного русского творчества: М.Д. Чулкова "Сборник народных песен" (1770—1774 гг.), "Русские сказки" (1780—1783 гг.), "Древние российские стихотворения" Кириши Данилова (изд. 1804 и 1818 гг.), "Сказки русские" П. Тимофеева и др. Упомянутый сборник К. Данилова, заключавший в себе большое количество былин и исторических песен, был, несомненно, известен Лермонтову; следы знакомства поэта с этим сборником заметны в его "Песне про купца Калашникова". В большом ходу в эпоху Лермонтова были песенники, заключающие в себе тексты и народные песни, и песен книжного происхождения.

Писатели консервативного направления, как, например, Жуковский, идеализировали старину, восхищались ее "патриархальностью". Лермонтову был чужд такой взгляд на родную поэзию, как чужд был ему и квазид патриотизм славянофилов. Как в общей направленности своей литературной деятельности, так и в своих взглядах на народную поэзию он следовал лучшим традициям декабристов и Пушкина. Подлинная близость Лермонтова к духу народного творчества была подмечена Белинским. Говоря о стихотворении "Бородино", он отмечал: "Это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии". По его словам, "Песня про купца Калашникова" — "создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное". Заканчивая свою статью о сборнике стихотворений Лермонтова, великий критик писал: "И уже недалеко время, когда имя его в литературе сделается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах..."

III. Причины, способствовавшие ознакомлению Лермонтова с фольклором Кавказа

В детские годы Лермонтов был на Кавказе несколько раз. Есть данные полагать, что поэта возили на Кавказ еще в 1818 и 1820 гг. Если эти даты верны, то крайне любопытно отметить, что при вторичной поездке он посетил группу Минеральных Вод в один год с А.С. Пушкиным. В те годы он был так мал, что на него, как на будущего поэта, эти ранние поездки не могли

оказать сильного воздействия. Следующая же поездка, состоявшаяся в 1825 г., произвела на него неизгладимое впечатление. Об этом он говорит несколько лет спустя в ряде стихотворений; в одной из заметок он писал: "Горы Кавказские для меня священны"...

Пятигорск, в котором Лермонтов жил с бабушкой и родственниками, часто навещался "мирными" горцами, доставлявшими для продажи домашнюю птицу, яйца, баранов, дичь. Он мог видеть здесь черкесов, армян, грузин. Злободневные рассказы о войне с горцами, об их быте не могли не привлечь внимания впечатлительного мальчика. Недалеко от группы Минеральных Вод были расположены некоторые аулы, нередко посещавшиеся из любопытства лицами, проживавшими на курортах.

Немало интересного мог услышать Лермонтов тогда от своей тетушки Екатерины Алексеевны Хостатовой. Она жила в своем имении, находившемся на Тереке и называвшемся Шелковицей (Шелкозаводском), или "Земным раем". Имение часто подвергалось нападению горцев; кругом шла постоянная мелкая война, к которой владелица имения так привыкла, что не обращала внимания на опасность. "Если тревога пробуждала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: "Не пожар ли?" Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие ее доставило ей в кругу родных и знакомых шуточное название "авангардной помещицы".

Лермонтов познакомился с нею во время поездок на Кавказ, и сама она наезжала проведать свою дочь, жившую в своем имении Апалихе близ Тархан.

В детстве, как сообщает профессор Висковатов, поэт был в Шелкозаводске два раза, "и тогда уже глубоко запечатлелись в уме его рассказы о жизни и быте черкесов". Сын Хостатовой, участник Кавказской войны, также мог впоследствии сообщить Лермонтову много любопытного; поэт изобразил его в "Фаталисте". "Место действия — Червленая станица. Хостатов и есть офицер, бросившийся в окно на убийцу". Эпизод с Бэлой тоже был взят автором из жизни того же Хостатова.

Сведения о быте и фольклоре горцев поэт мог слышать также, будучи в военной школе, а затем служа в полку. В ту пору в военной среде часто можно было встретить горцев Северного Кавказа и грузин; некоторые из горцев, обучавшиеся в военных училищах или служившие офицерами, были "аманатами" (заложниками). Среди таких лиц поэт мог почерпнуть много ценных сведений об обычаях и устном творчестве горцев. Даже ранние его поэмы и стихотворения, написанные в 1828—1835 гг., свидетельствуют о глубокой осведомленности Лермонтова в области горских адатов, поверий, преданий.

Особенно же важное значение для него имели последние поездки на Кавказ, когда он подвергался ссылкам, — в 1837, 1840 и 1841 гг.

Во время этих вынужденных посещений Кавказа поэт видел многие достопримечательные его места: в 1837 г. он побывал, как сам рассказывает, вдоль всей линии — от Кизляра до Тамани, был в Кахетии, Шуше, Кубе, Шемахе. Во время одной из таких поездок его сопровождал мирный черкес. Будучи на Тереке, он погостил в Шелкозаводске у А.А. Хостатова. "Хостатов этот был известный всему Кавказу храбрец, происхождения его переходили из уст в уста. Это был удалец, достойный сын мужественной матери, рассказы которой так сильно возбуждали воинственный дух маленького Лермонтова". Тогда же, как мы полагаем, поэт посетил и станицу Червленую, где им была написана "Казачья колыбельная песня".

Посещение Военно-Грузинской дороги, где ко многим местам были приурочены популярные местные легенды, оставило глу-

бокий след в его творчестве. Во время странствований близ Мцхета он встретился с одним старым монахом и, беседуя с ним, узнал, что он по своему происхождению — пленный горец. История этого монаха была опоэтизирована им в поэме "Мцыри".

И.Л. Андроникову удалось пролить некоторый свет на малоизученную ранее полосу из жизни Лермонтова — на его пребывание в Грузии в 1837 г. Как установил названный исследователь, поэт имел знакомых в культурной грузинской среде. Одна из его родственниц, урожденная Столыпина, была замужем за грузином. Тот же автор высказал предположение о том, что Лермонтов в 1837 г. мог посетить имение князей Чавчавадзе в Циндалах, а будучи в Тбилиси, встречался, быть может, с известным азербайджанским поэтом Ахундовым, автором поэмы, написанной на смерть А.С. Пушкина.

В 1840 и 1841 гг. Лермонтов вновь побывал на группе Минеральных Вод, а во время боевых операций (в 1840 г.) посетил многие места Чечни. В эту пору, командуя небольшим отрядом, в котором были казаки, татары, кабардинцы, он близко сошелся с этими людьми, разделяя с ними все трудности и опасности походной и боевой жизни: спал на голой земле, ел из одного котла. Такая простота в обращении с подчиненными вызывала недовольство среди офицеров-аристократов. Зато он пользовался любовью своих людей, не покидавших его в самые опасные минуты.

В ту же пору, находясь в Чечне, Лермонтов познакомился с молодым офицером-грузином К.Х. Мамацевым, школьным товарищем и приятелем знаменитого грузинского писателя Н. Бараташвили.

В стихотворении "Валерик" поэт упоминает о своем кунаке по имени Галуб.

Здесь, на Кавказе, постоянно встречаясь с кадровыми офицерами типа Максима Максимыча, с солдатами-ветеранами, гребенскими казаками и горцами различной национальности, он ознакомился во всех тонкостях с мирным и военным бытом местного населения, изучал татарский язык, зарисовывал привлекавшие его внимание достопримечательные места.

О том, что он любил прислушиваться к рассказам участников походов, поэт упоминает в "Валерике":

Вот разговор о старине

В палатке ближней слышен мне;

Как при Ермолове ходили

В Чечню, в Аварию, к горам;

Как там дрались, как мы их били,

Как доставалось и нам.

.....

А вот кружком сидят другие.

Люблю я цвет их желтых лиц,

Подобный цвету ноговиц,

Их шапки, рукава худые,

Их темный и лукавый взор

И их гортанный разговор.

В конце того же стихотворения автор отмечает, что он пользовался помощью горцев-переводчиков:

Галуб прервал мое мечтанье,

Ударив по плечу; он был

Кунак мой. Я его спросил,

Как месту этому название?

Он отвечал мне: В а л е р и к,

А перевесь на ваш язык,

Так будет речка смерти: верно,

Дано старинными людьми.

(II, 91, 95).

Описывая встречу с Максимом Максимычем, автор сообщает, что тот хорошо владел черкесским языком. Печорин, после похищения Бэлы, тоже научился этому языку, который Максим Максимыч называет "татарский". В очерке "Кавказец", описывая "настоящих кавказцев", он указывает, что они "легонько маракуют по-татарски". В черновом наброске, относящемся к 1837 г., поэт упоминает в числе знакомых лиц имя Геурга — известного мастера холодного оружия, жившего в Тбилиси.

Несомненно, поэт знакомился с кавказоведческой литературой своей эпохи. В "Бэле" он упоминает о сочинении французского путешественника Гамба, посетившего Кавказ в 1820—1824 гг.; труд этот вышел в свет в 1826 г. Вероятно, ему было известно имя С. Броневского, автора двухтомного исследования "Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе" (1823 г.). Исторические и географические сведения о различных народах Кавказа Лермонтов мог найти в сочинениях русских и иностранных ученых конца XVIII в. и начала XIX в. — Гильденштедта, Фрейганга, Дебу, Клапрота и других, а также в современных ему журналах и газетах, в которых очень часто помещались тогда описания путешествий по Кавказу различных лиц (например, в "Вестнике Европы", "Библиотеке для чтения", "Сыне Отечества", "Северном Архиве", "Отечественных Записках" и др.).

Ни один из русских писателей не проявлял в области кавказского фольклора такой осведомленности, как Лермонтов, и никто, вдохновляясь мотивами этого фольклора, не создавал таких прекрасных произведений, как он. Обращаясь к сюжетам и отдельным образам, почерпнутым из области устного народного творчества, поэт при их обработке проявлял глубокую самобытность. Не греша этнографизмом, не перегружая свои поэтические создания фольклорными мотивами, он очень умело передавал дух образов народного творчества многоплеменного Кавказа; проявляя изумительное художественное чутье, он останавливался не на случайных, а на типичных явлениях старинной и современной ему жизни горцев или гребенских казаков. Фантастика, нередко встречающаяся в его лирике и поэмах, совершенно чужда мистике: например, в образ Демона, имеющий аллегорическое значение, он внес много глубоких, волнующих мыслей, созвучных идеям, вложенным в знаменитую "Думу" или дневник Печорина.

Превосходное знание русского фольклора, а также фольклора западноевропейских народов, народов Востока (вспомним великолепную балладу "Три пальмы") и Кавказа помогло Лермонтову выработать замечательный язык, богатством которого так восхищались наши классики — Гоголь, Л. Толстой, Чехов и другие.

Кавказу Лермонтов посвятил многие лучшие свои произведения, и в большинстве из них видное место занимают мотивы или отдельные образы, связанные с песнями и сказаниями различных кавказских народов.

IV. Фольклор горцев Северного Кавказа в поэзии Лермонтова

Интерес к фольклору горцев Северного Кавказа замечается в самых ранних произведениях Лермонтова, относящихся к 1828 г. Со времени последней поездки на Кавказ прошло всего три года. Юный поэт пишет поэмы "Черкесы" и "Кавказский пленник", в которых еще много ученического; в отдельных местах этих произведений видно явное подражание Пушкину, Коз-

лову, Дмитриеву и другим современным русским поэтам; особенно сильно здесь влияние "Кавказского пленника" Пушкина. Но даже в этих полудетских литературных опытах сквозит глубокая оригинальность.

О замысле поэмы "Черкесы" профессор Висковатов сообщает следующее: "Основанием для нее послужили рассказы, переданные ему теткой его Хостатовой, постоянной жительницей окрестностей Пятигорска, женщиной, храбростью своею снискавшею известность даже на Кавказе". Эти данные, при всей их краткости, очень важны для нас; они свидетельствуют о том, что творчество юного поэта питалось не только личными впечатлениями или книжными источниками, но и рассказами местных старожилов. Автор повествует здесь о том, как один черкесский князь пытался освободить своего брата, томившегося в русской крепости; несмотря на все мужество горцев, освободить пленника не удалось. Пал в бою и сам предводитель отряда горцев. По-прежнему высится на горе крепость.

Лишь только слышно: кто идет;

Лишь только слушай раздается.

Характерна глубокая симпатия автора по отношению к горцам:

Черкесы поле покрывают;

Ряды как львы перебегают...

.....

Ядро во мраке прожужжало,

И целый ряд бесстрашных пал.

(II, 11—19).

Пространный монолог князя, готовящегося к битве, — первая попытка Лермонтова передать речь горца. Это место поэмы мало удачно; здесь характерен лишь мотив клятвы героя, обещающего или победить, или умереть. Подобный прием мы впоследствии не раз встречаем у поэта.

В "Кавказском пленнике" (II, 20—38) Лермонтов упоминает о песнях черкешенок:

Сплетаюсь в тихий хоровод,

Восточны песни напевали;

И близ аула, под горой

Сидели резвою толпой;

И звуки песни произвольной

Ущелья вторили невольно.

Одну из таких песен он приводит, отмечая ее "напев унылый". Однако эта песня ("Как сильной грозою"...) не отзвук подлинных народных горских мотивов, а подражание лирической песне, известной автору из поэмы Байрона "Абидосская невеста" (в переводе Козлова). Поэт подверг эту песню переделке и внес упоминание о чеченце:

И смелой рукою

Чеченец возьмет

Броню золотую

И саблю стальную,

И в горы уйдет.

Вскользь он говорит и о боевых песнях, исполняемых воинами:

Иль, стукнув шашками своими,

Песнь горцев громко запоют.

Недостаточно оригинальные по содержанию, написанные в романтическом приподнятом стиле, эти произведения являются первой ступенью в овладении Лермонтовым горской тематикой и, в частности, горским фольклором. Они не предназначались автором к печати; впоследствии он не перерабатывал их, но они не лишены самостоятельного значения. К какому географическому месту приурочена первая поэма, автор не указывает; во второй местом действия являются берега Терека.

С глубокой симпатией говорит поэт о черкесах, восхищаясь простотой их жизни и их любовью к свободе, в лирических стихотворениях — "Черкешенке" (1829 г., I, 43) и "Кавказу" (1830 г., I, 96).

Начиная с 1831 г., Лермонтов проявляет более серьезный интерес к народному творчеству горцев и создает произведения, в которых уже видна рука истинного гения. В 1831-1834 гг. он пишет ряд поэм и лирических стихотворений, связанных с бытом кабардинцев, черкесов, лезгин и других народов Северного Кавказа. Большею частью автор говорит здесь про Пятигорск и прилегающие в нему места, и это вполне понятно, так как он бывал этих местах, жил воспоминаниями о них. По-видимому, от кого-то из родных или знакомых он в начале 30-х гг. слышал немало занимательных историй, различных преданий и легенд, так как даже в беглых упоминаниях проявляет превосходное знание местных адатов и фольклорных мотивов, вводит много слов, занесенных с Кавказа.

Прежде чем перейти к ознакомлению с этими произведениями, отметим, что в районе группы Минеральных Вод было немало гор, урочищ, долин, окруженных различными поверьями и сказаниями.

В труде профессора Савенко о Кавказских Минеральных Водах, вышедшем в 1828 г., упоминается, что по местному преданию, название колонии Каррас произошло от имени жившего когда-то в этих местах князя Карас, жители владений которого были истреблены чумою. Про гору Машук существовала следующая легенда.

Старый князь Эльбрус полюбил красивую кабардинку по имени Машука; он сулил ей богатство и почести, но она была любима юным джигитом Бештау и отвечала ему взаимностью. Соперники вступили в поединок, и оба пали в схватке, а Машука застыла и заплакала горькими слезами, превратившимися в целебные источники.

О находящихся близ Кисловодска скалах, прозванных "Замком коварства и любви", сложилась легенда такого содержания:

Проводник-кабардинец полюбил приехавшую в Кисловодск княжну. Они дали клятву никогда не разлучаться. Их преследовал отец княжны. Они решили покончить самоубийством, бросившись в пропасть; юноша так и сделал, а княжна не захотела умирать, и тогда со дна пропасти послышалось: "Коварная!", и это слово было повторено окрестными скалами.

Были также легенды об источнике Нарзан, прозванном "богатырским ключом", о чем позднее, в "Княжне Мери", говорил и сам Лермонтов: "Недаром Нарзан называется богатырским ключом" (IV, 282). В наименовании этого источника был отзвук сказаний о могучих Н а р т а х, героях горского эпоса. По преданиям, от слова "нарт" и произошло название самого источника Нарзан.

Лермонтов в детстве любовался величественным Эльбрусом. Большой популярностью пользовались среди местного населения приуроченные к этой вершине легенды о скованном великане, напоминающие древнегреческий миф о Прометее. Как чисто сказочные, так и бытовые фольклорные мотивы — о кровной мести, о похищении женщин, о военных подвигах местных героев, участников Кавказской войны — были хорошо известны Лермонтову и широко использованы им.

Еще профессор Висковатов отметил, что "на Кавказе в числе разных злых духов известен и Азраил, являющийся у магометан одним из четырех ангелов, ангелом смерти, уносящим душу в рай Магометов... Лермонтову были известны некоторые из этих народных сказаний". Образ Азраила, ангела смерти, пленил воображение поэта; об этом говорит его незавершенная

поэма "Азраил" (1831 г.). В ней есть отзвуки фольклора кавказских и кавказских народов. Мотивы об ангеле смерти широко распространены на Кавказе; на этом мы еще остановимся в VI главе, касаясь грузинских и армянских вариантов данного мотива. Имя Азраила известно в фольклоре народов Северного Кавказа. Можно предположить, что это было известно и Лермонтову. В его поэме "Азраил" есть следующие стихи о кончине мира:

**Когда же род людей пройдет
И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удался мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу.** (III, 145).

В ногайской поэме "Мурза Эдыге" есть следующее место, сходное с приведенным нами отрывком: "И меня, отца своего, заступника своего в день суда, когда Азраил вострубит в трубу, сын мой Нурадил, ты гонишь от себя!" Об Азраиле говорится в кумыкской песне "Участь бобья":

"Вот бобья поехал искать заработка, а за ним по пятам ангел смерти, чтобы взять его душу. Ангел смерти! не бери мою душу, не проливай моей крови на зеленой траве.

Ангел смерти! еще рано брать мою душу и проливать мою кровь на зеленой траве. У меня нет жены — если я умру, то некому плакать над моим телом".

Беглое упоминание об ангеле смерти встречаем также в более поздней лермонтовской поэме "Беглец" (1839 г.): Гарун, вернувшись с поля битвы, говорит матери, что его отец и братья убиты, "и ангелы их души взяли" (III, 362).

Лермонтову были известны и многие другие поверья горцев. Так, например, он говорил о легендарных "дивах". Герой поэмы "Аул Напстунджи" Селим рассказывает о себе:

**И странствовал в пустыне одинок
И сумрачен, как див, дитя проклятья!** (III, 181).

О тех же сказочных существах поэт упоминает в "Измаил-Бее":

**Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой.** (III, 217).

Дивы, или дэвы, очень часто встречаются в эпосе ингушей, осетин и других народов Северного Кавказа; у ингушей, например, они считаются древнейшими насельниками края, обитавшими в горах до нартов (богатырей). Во время археологических разысканий в горной Ингушии мы в ряде мест находили развалины монументальных построек, сложенных из гигантских камней; по преданиям местных жителей, все это остатки жилищ дэвов. Мифы о дэвах известны также, как мы указываем ниже (гл. VI), в фольклоре закавказских народов.

В греческих мифах есть целый ряд мотивов, относящихся к Кавказу, в том числе мотив о бессмертном, смелом герое Прометее. Этот миф, привлечший внимание многих поэтов различных времен и народов — Эсхила, Гете, Шелли, Байрона и других, — широко распространен по всему Кавказу; здесь герой часто называется Амираном (Амраном), имеет и другие имена. Легенды о нем, известные в многочисленных вариантах, заключают в себе черты как общие с греческим мифом, так и чисто местные.

Лермонтову было знакомо и имя Прометей, и кавказские сюжеты о скованном великане. Напомним следующее место в поэме "Измаил-Бей":

Ужасна ты, гора Шайтан,
 Пустыни старый великан.
 Тебя злой дух, гласит преданье,
 Построил дерзостной рукой,
 Чтоб хоть на миг свое изгнание
 Забыть меж небом и землей.
 Здесь три столетья очарован,
 Он тяжелой цепью был прикован,
 Когда надменный с новых скал
 Стрелой пророку угрожал.
 Как буркой, сльником покрыта,
 Соседних гор она черней.
 Тропинка черная прорыта
 Слезой отчаянья по ней;
 Она ни мохом, ни кустами
 Не зарастает никогда... (III, 223).

Автор говорит, что даже животные страшатся этого места. Судя по описанию места действия поэмы, эта гора должна находиться в Чечне, где-то вблизи берегов реки Аргуна. Название горы, как мы видели, связано с легендой о дерзком духе, свергнутом с небес и прикованном за свою строптивость к скале. Упоминание о Ш а й т а н е, злом духе, встречается в другом месте этой поэмы (III, 204), а также в поэме "Аул Бастунджи" (III, 188). Характерна еще одна подробность: скованный дух плачет, и тропа, прорытая его слезами, не зарастает.

Предание, внесенное Лермонтовым в поэму "Измаил-Бей", имеет много аналогий в северокавказском эпосе. Особенно распространены они у кабардинцев и черкесов, причем по традиции бываю часто приурочены к Эльбрусу. В книге Н. Данилевского о Кавказе, вышедшей в 40-х гг. прошлого века, есть краткое упоминание об этих легендах, связанных с Эльбрусом.

"Горские народы вообще почитают сию гору волшебною и полагают, что там всегдашнее местопребывание Царя духов, известного у них под именем Джин-Падишах".

Джин-Падишах, в представлении кабардинцев, — мощный горный дух. Великий Тха, творец всей природы, приковал его много лет тому назад за неповиновение. Борода его отросла и свесилась в пропасть; тело покрылось инеем; глаза горят, как раскаленные угли, и мечут искры, зажигают молнии. Завидев блеск этих глаз, горцы ждут великих бед, произносят заклинания, спешат умоливать Джин-Падишаха дарами. Но иногда сам грозный дух милостиво относится к своим почитателям. Так было с одним удалым кабардинским наездником Астемиром. Он полюбил дочь князя Адиль-Гирея, жившего на Кубани. От Дербента до Анапы не находилось для красавицы достойного жениха, так как для того, чтобы получить ее руку, надо было разрезать ее девичий кафтан мечом горного духа, хранившимся в ущелье Татар-Тула.

Астемир явился к Джин-Падишаху, и тот начал спрашивать его: зачем он пришел, растут ли еще хлеба, цветы и травы, родятся ли ягнята, есть ли счастливые семьи. Астемир знал, что горный дух освободится от оков тогда, когда земля станет бесплодна, но не хотел лгать и ответил утвердительно.

Заплакал горный дух; от слез его таяли вековые снега. С его разрешения Астемир достал заветный клинок и женился на любимой девушке.

Другая кабардинская легенда гласит, что одноглазый богатырь дерзнул подняться на Эльбрус, где между двумя его вершинами пробивается родник. Бог приковал его там цепью за шею. Богатырь состарился; длинная борода его отросла до колен; мощное тело согнулось. Коршун терзает его и не дает ему напиться из родника, вода которого имеет чудесную силу: кто

напьется из него, тот будет жить до конца света. Настанет день, и бог, разгневавшись на людей за их грехи, освободит богатыря и пошлет его на них. Один крымский хан, по имени Шан-Гирей, захотел подняться на Эльбрус и уже был близок к вершине, но услышал предостерегающий голос скованного старца и вернулся обратно.

Очень близки к этим мотивам черкесские сказания. Одно из них записано турецким историком Джевд еще в 1782 г.

Приводим сюжет популярного предания, опубликованного в 40-х гг. прошлого века черкесским писателем Султаном Хан-Гиреем. На вершине Эльбруса, за какие-то грехи, прикован великан. Когда он пробуждается от оцепенения, то спрашивает у своих стражей, растет ли еще на земле камыш, родятся ли ягнята? Услышав утвердительный ответ, он в бешенстве рвет оковы; земля дрожит; брызжут молнии, грохочет гром. Его тяжелое дыхание — порывы урагана, стоны — подземный гул, бурная река, с неистовством вырывающаяся из подножья Эльбруса, — его слезы.

Подобные образы встречаем и в фольклоре ингушей. Во время наших поездок по горной Ингушии местные жители показывали нам в скалах хребта Цей-Лам громадную пещеру, в которой, по преданию, томился легендарный богатырь Соска-Солса. Вырвавшись из неволи, он в гневе изрубил шашкой хребет Цей-Лама; вот почему, гласит легенда, образовались здесь острокопечные зубцы скал.

Среди ингушей, выходцев из Кистинского ущелья, поселившихся в селении Гергеты на Военно-Грузинской дороге, А. Висковатов записал следующую легенду: "Невдалеке от Бешлама есть таинственная пещера, в которой лежит юноша, прикованный к скале за какое-то преступление. Он стонет от боли, потому что хищная птица клюет ему сердце".

Знакомясь с кавказскими мифами о скованном великане, мы видим, что в них герой бывает изображен двояко: в одних мотивах он благодетель людей, в других — их враг. Предание, известное Лермонтову и внесенное в поэму "Измаил-Бей", очень близко к приведенным нами вариантам горского эпоса: в его описании дух, как в кабардинских и черкесских мотивах о Джин-Падишахе, не боится верховного божества; за свою дерзость он прикован цепями к скале, плачет в отчаянии, и его слезы превращаются в поток; место, где ютится надменный дух, внушает всем страх. Лермонтовский вариант примыкает к циклу тех народных горских сказаний, где герой изображен врагом людей; у поэта он назван "злым духом". Этот отрывок из поэмы "Измаил-Бей" представляет большой интерес еще и потому, что он, в известной степени, родствен образам Демона, над созданием которого Лермонтов работал с 15-летнего возраста. Впоследствии он ввел этот мотив в поэму "Демон", на чем мы остановимся в VI главе, при рассмотрении закавказских мотивов об Амиране и родственных ему образах.

В той же поэме "Измаил-Бей" встречаются беглые, но очень характерные упоминания о духах, враждебно относящихся к человеку:

**Не дух коварства и обмана
 Манил трепещущим огнем,
 Не очи злобного шайтана
 Светилися в ущелье том...** (III, 204).

Или:

**И говорит Селим: "Наверно,
 Тебе терзает дух пещерный..."** (III, 242).
**В поэме "Хаджи Абрек":
 Тебе во след еще не мчится
 Ни горный дух, ни дикий зверь...** (III, 275).

Описывая в поэме "Аул Бастунджи" стремительную скачку Селима, автор говорит, что он исчез быстро, "как дух изгнанья", и сторожевой черкес, смотря ему вслед, подумал:

**Много есть чудес!..
Велик аллах!.. ужасна власть шайтана! —
Кто скажет мне, что этого коня
Хозяин мрачный сын земли, как я? (III, 180).**

Лермонтову были известны также горские старинные поверья о гуриях: он говорит о них в поэмах "Аул Бастунджи" (III, 173, 1831 г.) и "Хаджи Абрек" (1833—1834 гг.); в последней старик-лезгин, вспоминая о смерти младшего сына, павшего в бою, рассказывает:

**Он улыбался, умирая!
Он, верно, зрел, как дева рая
К нему слетала пред концом,
Махая радужным венцом!.. (III, 266).**

Упоминание о гуриях, радостно приветствующих в загробном мире души храбрецов, встречаем, например, в старинной шапсугской песне о джигите Магомете Шератлокове:

"Страшную войну Магомет затевает первый... Свою золотую шапку ты оставляешь в наследство другому. Ангелы приводят к красивейшим из гурий Магомета Шератлокова".

В некоторых из приведенных выше народных сказаниях герои уподобляются горам: Эльбрусу, Бештау, Машуку; они любят или ненавидят друг друга, враждуют, а затем навеки застывают, превращаясь в каменных гигантов. Аллегорическое изображение гор мы находим и у Лермонтова, например, в стихотворении "Спор" (1841 г.). Содержание этого стихотворения навеяно современными автору событиями Кавказской войны, но в поэтическом оформлении его заметны отзвуки северокавказского эпоса: Шат-гора (Эльбрус) и Казбек ведут разговор, как сказочные великаны, "перед толпою соплеменных гор", а затем Казбек "шапку на брови надвинул и навек затих". К этому месту автор дал следующее примечание: "Горцы называют шапокою облака, постоянно лежащие на вершинах Кавказа" (II, 126).

Это пояснение поэта можно документировать свидетельством одного из кавказоведов 40-х годов Н. Данилевского: "Гора Бештау имеет особенное метеорологическое свойство, а именно: как скоро в воздухе есть наклонность к сырой погоде, то Бештау покрывается от вершины до подошвы облачною одеждою, или, как выражаются черкесы, надевает на себя шапку"... Очевидно, и Лермонтову приходилось слышать среди горцев такое же сравнение, и он внес его в свое стихотворение.

Глубоко интересуясь горской поэзией, поэт наделяет этой чертой и некоторых своих героев. Максим Максимыч владеет черкесским языком, помнит песни Бэлы и Казбича. Обрисовывая тип "настоящего кавказца", Лермонтов отмечает, что бывалый офицер, долго проживший на Кавказе, "любил жизнь простую и дикую", "пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств" (V, 323).

Внимание Лермонтова привлекали также мотивы фольклора, связанные с современным бытом горцев и с событиями Кавказской войны.

Во многих своих произведениях он останавливался на характерных для старинных горских обычаев аятах кровной мести и похищения женщины, осуждая эти алаты, так как они сковывали свободу и горца, и горянки.

Впервые мотив о кровной мести был им развит в поэме "Каллы" (1831 г.), к заглавию которой он дал пояснение: "По-черкески: убийца". Содержание поэмы вкратце следующее:

У юного кабардинца Аджи пали жертвой родовой мести все близкие.

Муллу, охраняя святость старых обычаев, поучает Аджи:

**Узнай, ты чудом сохранен
От рук убийц окровавленных.
Чтоб неба оправдать закон
И отомстить за побежденных;
И не тебе принадлежит
Твои часы, твои мгновенья!
Ты на земле орудье мщенья,
Палач, — а жертва Акбулат!
.....
Старайся быть суров и мрачен,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой.**

Аджи последовал тому, чему учил его "мулла жестокий", и ночью вырезал всю семью: старика Акбулата, его сына и даже его семнадцатилетнюю дочь. Потом он пришел в ужас от совершенного убийства и тем же кинжалом поразил самого муллу. Поэма мастерски заканчивается двойной развязкой: молодая вдова муллы, не опасаясь ревнивого мужа, "другого любит без боязни", а юный Аджи, всеми отвергнутый и сам чуждающийся людей, получив название "Каллы", скитается в горах, как бесприютный странник (III, 163—167).

Поэма эта, написанная сжато, исполненная глубокого драматизма, является страстным протестом против застарелых вредных обычаев. Автор указывает, что такие обычаи держатся не просто в силу сложившихся традиций, но потому, что их, в своих расчетах, поддерживают муллы. Аджи отринут своей средой не только потому, что он проявил большую жестокость, но и вследствие того, что он дерзко пытался осудить кровавый обычай, подняв руку на муллу, блюстителя аادات.

В этой поэме Лермонтов проявляет большое знание горских обычаев и родовых преданий; о фольклорной основе своего произведения он сам говорит в последней строфе:

**И в это время слух промчался
(Гласит преданье), что в горах
Безвестный странник показался,
Опасный в мире и боях.**

Упоминание о кровавом мщении, именуемом "канлы", встречаем в печати, современной поэту. Один из журналистов, описывая свою поездку к Эльбрусу в 1848 г., сообщает, что у кабардинцев имеется обычай наследственной канлы. Знакомый кабардинец рассказывал ему, что некто из врагов его семейства, по долгу этого обычая, убил уже его брата, сына и, не довольствуясь тем, обещает убить и его самого. Скитания Аджи, его отчужденность — не романтические прикрасы, а правдивые жизненные подробности. "Во все время изгнания, — говорится в одной из этнографических статей, — канлы не имеет определенного места жительства... Он должен скитаться с места на место, избегая встречи с родственниками убитого".

Любопытно, что даже второстепенные детали, введенные молодым поэтом в повествование, опираются на конкретные бытовые черты. Например, Лермонтов так описывает могилу муллы:

**На вышине горы священной,
Вечерним солнцем озаренной,
Как одинокий часовой
Белеет памятник простой:
Какой-то столбик окруженной! —
Чалмы подобие на нем...**

Автор упомянутой статьи о поездке в 1848 г. к Эльбрусу, говоря о погребальном обряде карачаевцев, сообщает: "Если покойный был хаджи, то есть если он ходил в Мекку, то над ним ставится надгробный памятник с высеченною наверху чалмою". Характерно, что поэт умеет придать своему описанию большую выразительность; он заканчивает его ироническими стихами:

**Под этим камнем спит мулла
И вместе с ним его дела.**

Более сложной по содержанию и более зрелой по художественному мастерству является поэма "Аул Бастунджи", написанная в том же 1831 году. В ней автор тоже выступает как обличитель закоренелых обычаев, охранявшихся муллами и стеснявших свободу личности.

Герой поэмы, молодой отважный Селим, полюбил жену своего старшего брата Акбулата. Он знал, что Зара, против ее воли выданная замуж за пожилого человека, тяготеет узами брака, и надеялся на ее взаимность.

Он признался в своем чувстве Акбулату, но навлек на себя его гнев. Он просил Зару бежать с ним, но она, страшась адатов, не посмела последовать за ним. Селим из мести к Акбулату убил Зару и поджег дом брата; он предан проклятью и осужден на скитания.

Селим во многом напоминает Аджи. Он тоже бунтарь и тоже является отщепенцем общества, не сочувствующего ему. Он не признает нерушимости "законного" брака, освященного обычаем, он посмел пойти против желаний брата, нарушая этим еще один адат — право старшинства.

В этой поэме Лермонтов ярко обрисовывает строгого муллу, который догадывается о причине ссоры братьев и говорит с насмешкой Акбулату:

**Черкес земле и небу господин,
И чуждый враг ему не страшен боле;
Но, если б он послушался меня.
Жену бы кинул — а купил коня!** (III, 184).

Когда запылала сакля Акбулата и оттуда послышался его предсмертный смех, "мучительный и злой", народ упал в страхе ниц, а мулла таинственно сказал: "Молитесь, дети! Это смех шайтана!" и громко запел какой-то темный стих из алкорана. Огонь распространился на весь аул, а Селим был предан проклятью. Проклятие было одним из видов заговора, а заговоры в старину имели немалое значение в глазах суеверных людей. Молодой поэт чрезвычайно удачно передал здесь дух старинного народного поверья. Необычайно сильные сумрачные строфы, содержащие это проклятие, дополняют общий суровый тон, в котором выдержана вся поэма.

Напомним некоторые строки:

**...Пускай умрет не в битве — от стрелы
Неведомой разбойника ночнова,
И полумертвый на хребте скалы
Три ночи и три дня лежит без крова;
Пусть зной палит и бьет его гроза
И хищный коршун выклюет глаза!** (III, 187)

"Каллы" и "Аул Бастунджи" написаны в романтическом стиле, но в них есть и реалистические черты, например, упоминание о счастливой жизни молодой вдовы после смерти ее мужа в первой поэме. Сложный драматический сюжет второй поэмы развит автором с замечательным искусством. В самом языке этой поэмы, навеянной мотивами горского фольклора, проявляется большая чуткость художника, остающегося верным характерным особенностям изобразительных средств горского эпоса. Отметим, например, следующие образы: Селим исчез быстро,

"как дух изгнанья"; он "сумрачен, как див, дитя проклятья"; описывая красоту Зары, поэт говорит:

**Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были!**

Автор широко пользуется словами горского происхождения: "джигит", "шайтан", "див" и т. п. Искусно владеет он и приемом повторения, типичного для народной поэзии, в строфах, заключающих проклятие ("да упадет проклятие людей", "да упадет проклятие аллы" и т. д.), а также говорящих о гибели аула ("Сгорел аул и слух об нем исчез" — в начале и в конце поэмы).

Мотив кровной мести встречаем в стихотворении "Прощанье" (1832 г.): на просьбу девушки остаться в чужом ауле наездник-лезгин, подавив в своей душе, во имя адата, теплое чувство любви, говорит:

**Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.** (III, 328—329).

Мотив мести встречается также в поэме "Измаил-Бей" (1832), не занимая, однако, первенствующего места. В основу этой поэмы положены, как говорит автор, слышанные им изустные рассказы:

**Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
.....
Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенести н а Север дальный:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю.** (III, 193—194).

Это не поэтический прием, сочиненный для занимательности. В настоящее время можно считать совершенно доказанным, что Лермонтов, как автор "Измаил-Бея", исходил из достоверных исторических преданий: главные действующие лица, выведенные здесь автором, многие события, связанные с событиями Кавказской войны, теперь точно документируются. В настоящей работе мы не останавливаемся подробно на содержании поэмы, так как главные ее мотивы связаны с конкретными историческими лицами и фактами. Отметим отдельные моменты, имеющие отношение к фольклору.

Автор говорит, что отец Измаила, "гонимый братом, убийцею коварным", в течение многих лет укрывался от него (III, 216). Очевидно, здесь речь также идет о мести, разъединившей братьев. Местью руководился и Рослаббек, из честолюбивых расчетов убивший Измаила, родного брата. В обоих случаях Лермонтов сурово порицает людей, руководившихся низкими целями.

Большое место в поэме занимают упоминания о горских песнях; на этом мы остановимся несколько ниже.

Мотивы кровной мести и похищения женщины выдвинуты на первый план в поэме "Хаджи Абрек" (1833—1834 гг.). Сохранилось предание, что сюжет этого произведения был сообщен поэту знакомым горцем, по происхождению шапсугом. Достоверность этого предания пока достаточно не прослежена, но оно не лишено значения, так как поэма насыщена фольклорными мотивами.

Действие поэмы происходит в карачаевском ауле Джемате. Вязкой повествования является похищение князем Бей-Булатом Леилы, дочери старика-лезгина, нашедшего приют в чужом ауле. Кровник князя Хаджи Абрек давно затаил против него месть, так как Бей-Булат когда-то убил его брата; теперь Ха-

джи Абрек вызывается отомстить и за старика. Он убивает Лейлу, а через год встретился лицом к лицу с князем; произошел поединок, в котором пали оба противника.

Как главные, так и второстепенные эпизоды поэмы могут быть иллюстрированы сходными мотивами горской народной поэзии.

Герой поэмы — абрек. Впервые мотив об абреке мы встречаем в черновых вариантах поэмы "Каллы":

**И след Аджы простыл. Катился
За годом год, и вот в горах
А б р е к чужой всем появился,
Всяля суверенный страх.** (III, 577).

В "Хаджи Абреке" этот мотив углублен. Здесь Абрек в собственном смысле не имя, а прозвище героя; сделавшись кровником князя, Хаджи, по обычаю, отрекся от всех привязанностей, личных радостей, живет уединенной жизнью, годами готовится к мщению.

"Абрек, — как указывает знаток обычного права кавказских народов профессор Леонтович, — изгой, исключенный из семьи и рода... Абреком делался по преимуществу убийца, от которого отказывался род, платил за него "цену крови" и вообще не брал убийцу под свою защиту. По черкесским обычаям, убийца в таком положении должен был уходить из своего рода в горы и другие места и скрываться здесь, ведя жизнь бездомного и безродного бродяги — абрека, пока не находил для себя в чужом роде защитника — кунака, являвшегося посредником в деле примирения абрека с родом убитого".

Именно в таком свете изображен Хаджи Абрек.

По своему содержанию и стилистическим особенностям эта поэма очень близка к бытовым повестям, характерным для фольклора черкесов и кабардинцев. Такая подробность, как отсечение головы, встречающаяся в поэмах "Каллы" и "Хаджи Абрек", известна нам и по произведениям горского народного творчества. Ряд других фольклорных деталей (упоминание о гуриях, о шайтане) мы отметили выше.

Лермонтов изучал и эпические, и лирические мотивы поэзии горцев; его интересовала также и личность народного горского певца. Такой образ мы находим в поэме "Измаил-Бей":

**Дни мчатся. Начался байран.
Везде веселье, ликование...
.....
Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула — темно.
Вокруг огня, певцу внимаю,
Стопнулась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немим вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.** (III, 217–218).

Далее поэт приводит "Черкесскую песню" ("Много дев у нас в горах"), прославляющую молодецкую удаль. В приведенной сцене он очень умело, меткими штрихами изобразил странствующего певца, одетого бедно, но держащегося с достоинством и пользующегося всеобщим уважением: ему внимали и юноши,

и старики; автор упоминает и о трехструнном инструменте певца, и о характере его исполнения ("живо, с дикой простотою").

Мы полагаем, что Лермонтову в детские годы самому приходилось слышать такого певца во время пребывания в Пятигорске в 1825 г. Такие певцы заходили туда, привлекая внимание как детей, так и взрослых. Упоминания о таких певцах часто встречаются в журнальной литературе 20–40 гг. прошлого века.

В "Московском Телеграфе" в 1826 г. автор "Путевых записок по Юго-Восточной России" Нечаев, посетивший группу Минеральных Вод, сообщает, что во время народных торжеств у кабардинцев выступают певцы, исполняющие свои песни под аккомпанемент струнных инструментов, из которых один имеет вид арфы. "Один уцелевший от общих бедствий престарелый песнопевец и теперь еще жив. Я хотел посетить обитаемый им аул, но отдаленность не допустила меня видеть здешнего Оссана". Эти данные еще тем более ценны для нас, что автор записок серьезно интересовался поэзией горцев; он сообщает также любопытные сведения о кабардинском писателе Шора-Бекмурзине Ногмове, отмечает, что это образованный, знающий много восточных языков человек, известный всем приезжим; он сочиняет поэмы, переводит на русский язык кабардинские песни, подготавливает к печати азбуку для кабардинцев.

Ногмов, по преданию, встречался с А.С. Пушкиным, знакомил его с местными преданиями; великий поэт, в свою очередь, поправлял ему перевод песен с адыгейского языка на русский. Ногмов, родившийся в 1801 г. и умерший в 1844 г., был выдающимся человеком в горской среде. До 1830 г. он жил на Кавказе, а затем поступил в лейб-гвардейский Кавказский горский полускадрон; там он служил одновременно с другим черкесским писателем Султан-Газы-Гиреем, автором повести "Долина Ажитугай", помещенной А.С. Пушкиным в "Современнике". Самому Ногмову принадлежит известный труд "История адыгейского народа", опубликованный уже после смерти автора; в этом труде Ногмов широко пользовался фольклорными источниками. Вполне возможно, что в кругу, в котором жил Лермонтов на Кавказе в 1825 г., также знали имя Ногмова; быть может, с ним встречался кто-нибудь из близких поэту лиц.

Сведения, собранные Нечаевым, подтверждают точность лермонтовского описания: в поэме тоже говорится, что певец выступал на народном празднестве и пел под звуки струнного инструмента.

Еще ценнее для нас очерк другого журналиста, напечатанный в газете "Кавказ" в 1846 г. под заглавием "Пятигорский сазандар". Автор описывает в нем старика-музыканта, жителя одного из ближайших к Пятигорску кабардинских селений.

"Старый Бабуховец, с загоревшим лицом и обнаженною грудью, сидел посреди двора, поджав под себя ноги. Извлекая смычком из своего странного инструмента самые монотонные звуки, он также монотонно подпевал под звуки его азиатскую песню, беспрестанно дергая в такт инструмент, обвешанный множеством металлических колечек и побрякушек, — отчего звуки инструмента, смешиваясь с звуками меди и железа, составляли музыку гармоническую для слуха азиатца... Инструмент сазандара и в самом деле нечто вроде виолончели; на нем играют, утвердив его на колене; оканчивается остроконечно и имеет пять отверстий для резонанса, из которых нижнее гораздо больше других; две струны и смычок составлены из конских волос... Сазандар этот давнишний менестрель Пятигорска и с незапамятных времен посещает воды во время курса... Но как жаль, что, не зная языка, мы не понимали смысла его песней, в которых, быть может, заключаются весьма интересные легенды его родины, усыпанные цветами роскошной поэзии

Востока". Певец назван "бабуховцем" потому, что он был родом из ближнего кабардинского аула Бабухово.

Если не этого именно, то подобного певца Лермонтов мог слышать в детстве; весьма важно указание, что старик-бабуховец приходил в Пятигорск "во время курса", т.е. для того, чтобы развлекать приезжих лиц; раз он показывался в этом курорте с "незапамятных времен", то, быть может, бывал там и 20 лет назад, когда поэт жил на водах. Упоминание о подобном музыканте имеется в "Бэле": "Бедный старичишка бречит на трехструнной... забыл как по ихнему... ну, да вроде нашей балалайки" (V, 193).

По свидетельству Ногмова, музыка у кабардинцев была в большом употреблении — на праздниках, свадьбах и на пирах, которые давали при рождении детей. Музыканты употребляли различные инструменты: балалайку, скрипку, род цимбал о 12 струнах и дудки. На праздниках молодые люди выезжали верхом для ристания. Сочинителями песен были "текуоки", неграмотные люди простого звания, но одаренные поэтическим воображением. Они и трубачи выезжали на войну и воодушевляли речами или стихами воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или произносили свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги.

Описания Ногмова, современника поэта, чрезвычайно важны; они показывают, с каким знанием говорит Лермонтов о певце в "Измаил-Бее": подтверждается, что певцы выступали на народных праздниках; пели, пользуясь при этом струнными инструментами; воодушевляли бойцов исполнением старинных песен.

Музыкальные и песенные традиции передавались из поколения в поколение. Поэт и журналист Е. Вердеревский, посетивший Северный Кавказ в 50-х гг., рассказывает, что при поездке в мирный кабардинский аул он видел горских музыкантов, игравших на струнных инструментах. Один из них — с двумя волосяными струнами; это род длинной тонкой балалайки ("пшённа"); "ее упирают левой рукою в колено, а правую, вооруженно дугообразным смычком, водят по струнам"; звуки этого инструмента заунывны. Другой инструмент имеет три струны и употребляется без смычка, как гитара ("пшёдегекуакуа").

Этнографы 80-х гг. XIX в. И. Иванюков и М. Ковалевский, посетившие Урусбиевский аул, указывают, что у местных жителей есть профессиональные певцы, называющиеся "тегуако", которые выступают на праздниках и пирах. Национальные инструменты таковы: дудка ("сыбысхе"), ударный инструмент ("харе"), род арфы (деревянной, длиной в 3/4 аршина, с 12 струнами из конских волос, — "каныр кобуз") и смычковый "кобуз", вроде скрипки, с двумя струнами из конских волос; звук кобуза слабый, жалобный, напоминающий скрипку с сурдинкой.

Совершенно очевидно, что в "Измаил-Бее" и в "Бэле" Лермонтов говорил об инструменте типа "кобуз".

Образ певца мы встречаем в самих образцах фольклора горцев. В кабардинском "Сказании о братьях Ешансковых" говорится: "На дворе стояла весна. Адыгейские певцы (тегуако) собрались со всех сторон, чтобы, по обыкновению, петь про богатырей адыгейского народа. Празднества шли уже к концу; в доме князя Тотластанова шли приготовления к отъезду народных певцов". В другом кабардинском сказании — "Красавица Елена и богатырь-женщина" — описывается свадебное торжество. Во время всеобщего веселья явился уэрэдхоу (певец) и расположился среди гостей; взяв в руки аяпшинэ (семиструнный инструмент), "певец стал воспевать родную быль народа; все слушали с средоточенным вниманием".

В поэме "Измаил-Бей" автор ввел еще одну песню, которую поет Зара, лезгинка по происхождению, сопровождавшая под именем Селима, в мужском одеянии, Измаила; ему не спалось, и спутница сказала:

**Дай, песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхал в стране родной.
Ее пела мать родная
Над колыбелью моей... (III, 242).**

Далее следует "Песня Селима" ("Месяц плывёт..."), в которой говорится о том, что девушка, провожая на битву юного джигита, напоминает ему о верности и ей, и родному народу.

Обе песни, внесенные в эту поэму, автор, как мы отмечаем ниже, впоследствии подверг новой обработке.

Превосходное знание им старинных горских обычаев сказывается даже в мелких подробностях, введенных в поэму "Измаил-Бей"; например, описывая мирную жизнь черкесов до прихода в их земли завоевателей, он говорит:

**Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной...
.....
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых. (III, 194).**

Как пережиток родового строя, у черкесов и других горских народов существовал издавна суд старейшин, разбиравший все тяжбы; судьями избирались самые уважаемые, известные умом и знанием дедовских обычаев старики; об этом говорит, например, Ногмов:

"Древние обычаи служили связью между всеми семействами; а в случаях важных, единоплеменные сходились для совещаний, и народ уважал приговор старцев, живых книг опытности и благоразумия, как называли их". Это подтверждается и указанием С. Броневского; касаясь общественного уклада кабардинцев, он говорит, что наряду с тиранством князей и узденей была и "некоторая тень порядка в учреждении народных собраний, созываемых для совета о нуждах общественных"; при этом допускались князья, духовные лица и дворяне. "Князья старшие в родах своих и старшие летами имеют первый голос и место; за ними следуют духовные, как толкователи законов; а потом старшие в родах своих и старшие летами уздени. Прочие должны слушать и молчать. В важных случаях приглашаются также народные старшины от крестьянского сословия".

Стихотворения и поэмы с кавказской тематикой, написанные Лермонтовым до середины 30-х гг., то есть до первой ссылки, характеризуются романтическим стилем: тяготением к кровавым сюжетам, изображением сильных страстей, описанием судьбы людей мятежных, сильной воли, одиноко скитающихся по свету и смело отстаивающих свободу своей личности. Горский фольклор, насыщенный яркими образами, изобилующий сложными фабульными положениями, давал богатейший материал юному поэту, много черпавшему из этого источника. Лермонтов очень часто говорил о своей неизменной любви к Кавказу; это чувство он с глубокой теплотой выразил в "Ауле Бастунджи", в незаконченном стихотворении, начинающемся словами: "Синие горы Кавказа, приветствую вас!", и в "Измаил-Бее":

**Как я люблю, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы...
.....**

**Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.** (III, 192—193).

Однако поэт не идеализирует жизнь изображаемых им народов; воспевая отвагу их героев, их преданность родине, сочувствуя таким обычаям, как обычай гостеприимства, он сурово осуждал жестокие адаты, завещанные стариной и поддерживавшиеся муллами. Такие вольнолюбивые натуры, как Селим в "Ауле Бастунджи", Измаил-Бей и Зара в поэме "Измаил-Бей" и другие борются с обычаями, принижавшими свободу их личности; герои Лермонтова предпочитали терпеть лишения, опасности, изгнание, нежели идти на уступки. В эти произведения было вложено много глубоко правдивых, выхваченных из жизни черт, что способствовало переходу поэта от романтизма к реализму, — к большей простоте, к изображению сцен, характеризующих повседневный быт горцев, к созданию персонажей, в которых не было ничего "демонического", необычайного. Во время последних поездок на Кавказ поэт ближе присмотрелся к жизни его обитателей и, не порывая с романтикой (о чем говорят его поэмы "Мцыри" и "Демон"), создает такие шедевры реалистического мастерства, как "Валерик", "Беглец", "Бэла", "Кавказец".

Тематически повесть "Бэла" тесно связана с более ранними произведениями, но освещение знакомых нам мотивов иное. Автор вводит в повествование глубоко реалистические образы Печорина, Максима Максимыча, Казбича. Стремление к простоте видно и в художественных чертах, касающихся описания жилища ("сакия была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери"), одежды ("бешмет всегда прорванный, в заплатках"), бытовых сцен ("потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной, хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию", "вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором").

Похищение Бэлы Азаматом и Казбичем, убийство Казбичем отца Азамата — эпизоды, напоминающие фабульные положения в юношеских поэмах; автор излагает их с еще большим мастерством. "Две, три черты, — говорит Белинский, анализируя эту повесть, — и перед вами, как живая, словно наяву, стоит такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете". Восхищаясь искусством писателя в обрисовке характеров Азамата и Казбича, великий критик пишет: "Вот что называется рисовать фигуру во весь рост, с национальной физиономией и в национальном костюме!" Высокую оценку дает он и художественной манере Лермонтова: "Обратите внимание на эту естественность рассказа, так свободно развивающегося, без всяких натяжек, так плавно текущего собственной силою, без помощи автора".

В основу повести, как мы отмечали выше, положен подлинный случай из жизни родственника Лермонтова Хостатова. Большое место и здесь занимает фольклор.

Описывая свадьбу в доме черкесского князя, автор упоминает о народном музыканте, брэнчащем на трехструнном инструменте, о хоровой песне, которую исполняли девушки и юноши. Максим Максимыч передает содержание песни, которую Бэла приветствовала при первой встрече Печорина:

"Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти ему в нашем саду" (V, 193).

Это образец импровизации, которая, как известно, играет немалую роль в народном творчестве. Другую песню, развивающую мотив молодечества, поет Казбич; это, по словам Лермонтова, "старинная песня":

**Много красавиц в аулах у нас.
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет.
Он не изменит, он не обманет.**

В примечании автор говорит: "Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка — вторая натура" (V, 197).

Мотив этой песни звучал давно в его произведениях. Еще в поэме "Аул Бастунджи" мы находим следующие стихи, заключающие в себе основную мысль будущей песни Казбича:

**Черкес земле и небу господин,
И чуждый враг ему не страшен боле;
Но, если б он послушался меня,
Жену бы кинул — а купил коня!** (III, 184).

Подробно первый вариант был развит несколько позже, в поэме "Измаил-Бей": это "Черкесская песня" ("Много дев у нас в горах"). Работая над повестью "Бэла", Лермонтов подверг ранний вариант значительной переделке; в "Черкесской песне" 24 стиха, в песне Казбича всего 8 стихов. Характерно, что и в "Измаил-Бее" данная песня названа "песней старины". Вполне возможно, что поэту был известен текст какой-нибудь горской песни с таким мотивом.

К ней по содержанию очень близок рассказ Казбича о поездке с абреками за Терек (V, 195—196). Здесь автор с редким искусством выдержал стиль народного горского сказа с его меткой, образной речью: "в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети", "как птица нырнул он между ветвями", "мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер". Эпизод этот по содержанию и построению является вполне законченным художественным целым. Он начинается кратким зачином: "Раз, — это было за Терекком"; далее следует сжатое повествование о стремительной скачке абреков, о преследовании их казаками, об опасности, которой подвергались и Казбич и его верный конь, и завершается краткой концовкой: "С тех пор мы не разлучались".

Карагез вообще играет значительную роль в повести, и это не случайно. Породистый, лихой конь был неизменным спутником горца в его мирном и военном быту. Особенно славились кабардинские кони, служившие предметом торговли и военной добычи.

Описывая жизнь горцев, Лермонтов постоянно упоминает о чудесных конях, с которыми не расстаются его герои. Такие яркие, исполненные движения картины, как подготовка Селима к отъезду (III, 178—179), возвращение Хаджи Абрека ночью с головой Лейлы (III, 275—278), упомянутый рассказ Казбича, — не имеют равных в русской литературе. Поэт верен здесь и бытовым данным, и духу горского народного творчества.

"Доброконные воины не могли не стараться о усовершенствовании своих конских заводов, — говорит кавказовед той эпохи Броневский. — Каждый князь имеет небольшой завод. Лучшие в Кабарде заводы принадлежат первостатейным узденям Малой Кабарды Шалоху и Большой Кабарды Ч е п о л о в у, которые, однако, по мнению знатоков, уступают в доброте заводу Трама, Абазинского Старшины (Альтыкезек)". Лермонтов до тонкостей знал качества горских коней; он сам очень любил верховую

езду. В поэме "Измаил-Бей" он упоминает, что у одного из черкесов во время боя пал "питомец смелый трамских табунов" (III, 247); в очерке "Кавказец" (1841 г.) встречаем выражение: "лошадь — чистый ш а л л а х" (V, 323).

Эти наименования часто встречаются в горском фольклоре. В адыгейской песне про князя Кучука Аджигиреева упоминается "лошадь из трамовской породы"; в кабардинских песнях говорится про "Шаулоха". Л. Лопатинский справедливо указывает на то, что в горских старинных преданиях большое место занимает мотив о лошади, сопровождавшей черкеса в набегах. В черкесских сказаниях очень часто упоминается чудесный конь "атльп", или "альп", не знающий усталости и разделяющий все опасности боевой жизни с воином-наездником. Наиболее глубоко этот мотив развит в сказаниях об Адемиркане, прославленном легендарном герое. Подобные мотивы известны и в других преданиях, например, в одном из кабардинских:

"Славные вы витязи из витязей, Ешоноковы: старший Урызмес и младший Темиркан! Не налюбуешься вдоволь, видя, как ты, Урызмес, сидя на белом скакуне, гарцуешь, а затем, охотясь на туров, обитателей скалистых гор, преследуешь их по пятам и выгоняешь на плоскость! А ты, Темиркан, красуешься на своем буланом коне; он, правда, ростом приземист, но как гордо он выступает! Даже и крымский хан прослышал про гордую поступь твоего коня! Хочется ему добыть скакуна: шлет он гонцов за гонцами, но ты не сдаешься на лстыивые речи властелина!"
Таковыми образами насыщены и лермонтовские описания:

**Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветр пустынный,
Скользкий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.** (III, 245).

Или:

**...Он вышел и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива, ржет и пышет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит,
И мчится в горы, как стрела.** (III, 275).

Темиркан в только что приведенном нами отрывке из кабардинского предания показан как удалой наездник, отказывающийся самому крымскому хану, хотевшему купить у него коня, напоминает нам Казбича, который с усмешкой отвергал настоящие предложения Азамата:

"Если б у меня был табун в тысячу кобыл, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе его весь за твоего Карагеца.

— Йок, не хочу, — отвечал равнодушно Казбич" (V, 196).

Шапсугский наездник Казбич, лицо историческое, современное Лермонтову, при жизни был воспет, как один из выдающихся горских вождей, участвовавших в Кавказской войне. "Еще при жизни его была сложена у шапсугов песня, в которой подробно передавались его дела и подвиги — явление необыкновенное при известной скромности черкесов, — и величайшим наслаждением Казбича в дни старости и бездействия было слушать эту песню, в которой постоянно говорится об обнаженной шашке героя. Суровая личность Казбича так поразила воображение соплеменников, что в жарких сражениях с русскими он, долго спустя после смерти, не раз чудился черкесам на белом

коне и в белой одежде; об этом существует, по крайней мере, множество рассказов".

Имя Казбича могло быть известно Лермонтову, интересовавшемуся Кавказом, еще в ранней юности, но не подлежит сомнению то, что об этом прославленном шапсугском джигите поэт слышал рассказы, будучи в первой ссылке, в 1837 году, на Кубани; там, в действующем отряде, он, по его собственным словам, был недолго, но его участие в походе за Кубань в отряде генерала Вельяминова отмечено в формулярных списках поэта.

Большой интерес представляют записки одного из участников этого похода, написавшего "Воспоминания о Кавказе 1837 года" под инициалами Н. М. Автор этих записок сообщает, что он был в походе с 21 апреля до 30 сентября, причем упоминает о тех же географических названиях, которые значатся и в формулярном списке поэта: укрепления Обинское, Николаевское, Ольгинское, Новотроицкое, река Пшад, гора Вуордова и другие.

Во время этого похода, сообщает автор воспоминаний, им было записано в путеводном журнале одно предание, приуроченное к одной горе, названной "Смертоносной"; это предание он читал на бивуаке своим товарищам. Сообщаем вкратце его содержание.

У подошвы горы, где так дико, так пусто, жил когда-то князь Гирей, владевший большим аулом. Его заклятым врагом был Казбич, некогда во время спора ранивший его кинжалом. У Гирея была прелестная жена Авга, от которой он имел трёх детей. Один черкес, изменив Казбичу, тайком явился к Гирею и сообщил, где тот может застать своего врага. Застигнутый врасплох, Казбич долго защищался, половина спутников Гирея пала в схватке; наконец пал под ударом кинжала и сам Казбич. Умирая, он открыл Гирею: "Авга — дочь моя!" Гирей отсек ему голову, привез ее жене и убил ее; схватив ее труп, он увел детей на гору. Убил и их, а потом поразил тем же кинжалом и самого себя; с тех пор гора, где Гирей убил детей и себя, называется "Смертоносной горой".

На вопрос одного из слушателей, каким образом Авга, дочь Казбича, попала в руки Гирея, рассказчик пояснил, что говорят, будто Авга давно втайне любила Гирея. Казбич хотел выдать ее замуж за какого-то ненавистного ей князя. Она убежала от отца, нечаянно попала в руки Гирея и стала его женой. Казбич только через год узнал, что случилось с дочерью; она в это время была матерью, была счастлива; он знал, что если бы Гирею стало известно, чья дочь Авга, то смерть ее была бы неизбежна. При смерти, только из мести, чтобы разрушить счастье Гирея, он открыл ему тайну.

Это предание, по-видимому, является отголоском тех рассказов, порою баснословных, которые еще при жизни Казбича славились про него. Казбич в действительности умер в 1839 году от раны, полученной в бою. Известно, что в 1837 году он участвовал в военных действиях. В ту пору он был легендарной личностью, о которой передавали были и небылицы. Предание, приведенное нами, не является историческим; это образчик бытовой новеллы с занимательным содержанием, что очень характерно для фольклора черкесов. Оно представляет для нас большой интерес, так как записано лицом, служившим в отряде генерала Вельяминова одновременно с Лермонтовым, в том же 1837 году; тогда же написаны и воспоминания. Вместе с Казбичем, происходившим из фамилии Шератлуковых, подвизались в боях его братья и сыновья; память о членах этой фамилии джигитов жила в последующих поколениях. В конце XIX века записана одна из шапсугских песен, прославляющих отвагу воинов этого рода:

"Наездники Шератлуковы — храбрецы; бросая дружно в войско кинтов свои стрелы, они храбро подставляют свою грудь

под выстрелы, которые сыплются градом из ружей кинтов. Ища смерти, они, сидя верхом на боевых конях, отправляются на тот свет, откуда нет возврата. Вот каковы братья Шератлуковы!..."

В том же 1839 году, когда была написана "Бэла", Лермонтов создал замечательную поэму "Беглец", появившуюся в печати, вероятно, из-за цензурных притеснений, только в 1846 году, то есть через пять лет после кончины автора.

Это произведение названо им "горской легендой". Сложное по содержанию, оно написано с поразительной сжатостью. Автор клеймит позором труса Гаруна, в страхе бежавшего с поля битвы, где "за честь и вольность" пали его отец и два брата. Он тайно прокрался в родной аул, но его там отвергли с презрением все близкие. В отчаянии он поразил себя кинжалом, но мать, увидев его тело, "хладно отвернула взор"; никто не отнес труп Гаруна на кладбище. "В преданьях вольности остались позор и гибель беглеца". Одинокая тень его, как гласит легенда, бродит ночью и, не находя приюта, опять бежит из родного аула (III, 359—363).

Прославляя тех, кто отважно бьется за честь и свободу горцев, поэт с негодованием говорит про изменников родины. Робкому Гаруну Лермонтов противопоставляет контрастные образы: 1) умирающего друга, Селима, отважного бойца, не давшего беглецу укрыться в его доме; 2) невесты, поющей песню, которая прославляет храбрых и карает грозными словами трусов; 3) старухи матери, не простившей младшему сыну, "беглецу свободы", его предательства, его презренного малодушия. Речь Гаруна, полная растерянности, беспомощности, оттеняется энергичной речью друга и матери, а также девичьей песней, зовущей на бой. Душевные переживания юноши, со стыдом пробиравшегося то по тропинкам вепрей и волков, то ночью по улицам родного аула, его разговор с матерью, исполненный глубочайшего драматизма, переданы поэтом с несравненной выразительностью и простотой; чего стоит, например, эта стремительная смена вопросов и ответов:

... — Один? — "Один!"...

— А где отец и братья? — "Пали!

Пророк их смерть благословил,

И ангелы их души взяли".

— Ты отомстил? — "Не отомстил!"...

Эта прекрасная поэма до последнего времени не привлекала внимания лермонтоведов; какие-либо комментарии к ней в научных изданиях сочинений Лермонтова отсутствуют. Между тем к ней можно привести очень характерные иллюстрации из фольклора различных народов Кавказа. Один из этнографов сороковых годов прошлого века, по фамилии Сталь, служивший на Кавказе с 1844 года, в очерке о быте черкесов сообщал: "Герои подвига восхваляются по заслугам и быть упомянутым похвалю в песне считается лучшей наградою. Насмешки в песне преследуют трусов". Другую интересную параллель к "Беглецу" мы отметим в VI главе.

В советские годы впервые был опубликован замечательный очерк Лермонтова "Кавказец", написанный в 1841 году, но по тем же цензурным условиям не печатавшийся в дооктябрьскую пору. Этот очерк знаменателен, как образец яркой сатиры на офицеров-карьеристов. Автор широко пользуется фольклором; мы уже отмечали выше высказывания его о "поэтических преданиях" горцев, о конях из породы "шаллох". Укажем еще на некоторые характерные детали. Большой знаток кавказского оружия, Лермонтов часто говорит о нем. Так, в "Бэле" Азамат, соблазняя Казбича различными дарами, обещает похитить для него у отца редкий клинок: "шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется"... (V, 196). В "Кавказце"

встречаем сходное выражение: "у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал — старый б а з а л а й, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка" (V, 323).

Название "базалай" произошло от имени известного дагестанского мастера холодного оружия. Клинки Базалая и подражания им были распространены по Северному Кавказу и упоминались в народных песнях. Например, в одной кабардинской песне находим следующее выражение, требующее некоторых пояснений: "Каковы у тебя бадзелеи, несменные твои спутники на бранной поле, точно три родные брата!" Под "тремя родными братьями" здесь подразумеваются три оружия работы Базалая: кинжал, тесак и шашка. Мастер Базалай упоминается в повести Марлинского "Мулла Нур". "Хорошее оружие на Кавказе достать вообще трудно, — писал в своих воспоминаниях один из бывалых офицеров, — потому что оно, вопреки общему мнению, очень редко. Таким образом, есть только два сорта шашек, славящихся своими достоинствами. Эти два сорта известны под именами Гурда и Волчок. Гурда отличается какими-то восточными надписями, выбитыми на клинке, а Волчок — изображением на верхней части клинка бегущего зверя... Единственное холодное оружие, которым Кавказ может похвалиться, это — кинжалы. Лучшие из них выделаны знаменитым Базалаем и, действительно, заслуживают полного внимания". Это оружие упоминается в лирике эпохи Кавказской войны, например, в стихотворении А.М. Аммосова "Элегия", получившем на Кавказе с 50-х гг. прошлого века большую популярность под заглавием "Хаз-Булат".

Дам винтовку мою,

Дам кинжал Базалай,

Лишь за это свою

Ты жену мне отдай.

Народная поэзия горцев Северного Кавказа, как мы показали, глубоко интересовала нашего поэта. В творчестве его нашли отображение и древние мифологические воззрения разноплеменных жителей этого края, и бытовые мотивы, освещающие повседневную жизнь горцев современной Лермонтову эпохи, и героические песни и предания о Кавказской войне. К числу произведений, связанных с горским фольклором, относятся "Аул Бастунджи", "Измаил-Бей", "Хаджи Абрек", "Беглец", "Бэла" и другие, принадлежащие к лучшим созданиям Лермонтова.

V. Фольклор гребенских казаков в поэзии Лермонтова

Лермонтов интересовался фольклором не только горских народов, но и русского населения, проживавшего на Кавказе. Это подтверждается превосходной песней "Как по вольной волюшке", внесенной им в повесть "Тамань" (V, 234—253). Особенно же внимание его привлекала поэзия гребенских казаков, проживавших по Тереку с XVI века. Долгое пребывание их вдали от мест, покинутых предками, общение с горскими соседними народами наложили печать глубокого своеобразия на весь уклад их жизни и на их поэтическое творчество.

Вдоль берега Терека, где жили казаки, шел высокий гребень; от него обитатели притеречных станиц и получили название "гребенцов".

Несмотря на то, что им часто приходилось воевать с кабардинцами, чеченцами и другими горскими народами, они часто вступали с ними в дружеские отношения, имели среди них кунаков, хорошо владели тем или иным горским языком, в бычаях и в одежде многое восприняли от горцев.

С этой средой Лермонтов начал знакомиться еще в детстве через посредство своих родственников Хостатовых, проживавших в их имении на Тереке, по соседству с гребенцами. Здесь будущий поэт бывал в раннем детстве и много лет спустя, во время первой ссылки, в 1837 году. С гребенскими казаками он служил во время пребывания в действующем отряде, в 1840 г.; казаки находились и в его личном отряде, о чем он говорит в одном из писем:

"Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разных сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто в роде партизанского отряда" ... (1840 г.). С ними в походе он жил запросто, входил в их нужды. Встречи с ними оставили глубокий след в его памяти, в его творчестве. Он упоминает о них в "Валерике":

... Кругом белеются палатки;
 Казачьи тощие лошадки
 Стоят рядком, повеся нос...
 .....
 Рассыпались в широком поле
 Как пчелы с гиком казаки;
 Уж показались значки
 Там на опушке — два, и боле.
 А вот в чалме один мюрид
 В череске красной ездит важно.
 Конь светло-серый весь кипит,
 Он машет, кличет — где отважный?
 Кто выйдет с ним на смертный бой!..
 Сейчас, смотрите: в шапке черной
 Казак пустился гребенской;
 Винтовку выхватил проворно,
 Уж близко... выстрел... легкий дым...
 Эй, вы, станичники, за ним...
 Что? ранен! Ничего! безделка...
 И завязалась перестрелка... (III, 91—92).

Образ, навеянный воспоминаниями об этих "сшибках удалых", встречаем в стихотворении "Поэт"; описывая кавказский кинжал, автор говорит:

Он взят за Тереком отважным казаком
 На хладном трупе господина... (II, 41).

Поэтическое творчество гребенских казаков очень богато. В нем сохранились мотивы, принесенные их отдаленными предками из различных окраинных мест Руси; в нем нашла яркое отображение и многовековая жизнь казаков на берегах Терека. Лермонтов мог услышать здесь и величавые былины о русских богатырях, и исторические песни об Иване Грозном, о Степане Разине, и военно-бытовые песни, и лирические песни о печальной женской доле. Эти песни характеризуются частым упоминанием о Тереке Горыниче, о море Хвалынском (Каспийском), об удалых гребенских казаках, об узденях-князьях, о Червленном граде, о горах высоких, ущельях глубоких, долинах широких; часто звучат мотивы о разлуке казака, отправляющегося в поход, с невестой или с женою и детьми; кочевая походная жизнь отрывала казака от родной семьи, от родной станицы, сулила много опасностей и бед.

Побывав на Тереке в 1837 г., поэт чутко прислушивался к этим песням и некоторые мотивы их перенес в свои лирические

стихотворения, проникнутые глубокой народностью. Сюда прежде всего относятся "Дары Терека" и "Казачья колыбельная песня". Гребенской фольклор звучит и в некоторых других произведениях Лермонтова. Этому вопросу мы уже касались в наших прежних работах, но теперь остановимся на нем подробнее, привлекая новый материал.

Прежние исследователи, говоря о некоторых из этих стихотворений Лермонтова, высказывали предположение, что поэт находился под сильным воздействием иностранных поэтов; например, в "Дарах Терека" видели влияние В. Гюго, в "Казачьей колыбельной песне" — Вальтер Скотта. Не отрицая возможности литературных влияний, мы полагаем, что в данном случае более важную роль сыграло знакомство поэта с народными казачьими песнями, а также с бытом и фольклором горцев.

В стихотворении "Дары Терека" поэт с замечательным мастерством, пользуясь приемом олицетворения, рисует величавые образы буйного Терека и могучего Каспия. Терек просит, чтобы старец-море дало приют его волнам; он обещает, один за другим, три дара; первые два дара были равнодушно приняты Каспием, третий же — "труп казачки молодой" — Каспий взял, как дар достойный.

Н. Мендельсон справедливо указал на близость этого стихотворения к гребенской песне о Тереке Горыниче. Приводим ее полностью:

Ой ты, батюшка, наш батюшка,
 Быстрый Терек ты Горынич!
 Про тебя лежит слава добрая,
 Слава добрая, речь хорошая!
 Ты прорыл-прокопал горы крутые,
 Леса темные;
 Ты упал, Терек Горынич, во синее море,
 Во Каспийское;
 И на устье ты выкатил бел горячий камень.
 Тут и шли, прошли гребенские казаки со батальицы,
 Что с той-то батальицы со турецкой;
 Не дошедшь они до белого камушка, становилися;
 Становилися они, дуван дуванили.
 Что на каждого доставалось по пятьсот рублей,
 Атаманушке с есаулами по тысяче;
 Одного-то доброго молодца обдували:
 Доставалась ему, добру молодцу, красна девица,
 Как убор-то, прибор на красной девице — во пятьсот рублей,
 Русая коса — во всю тысячу,
 А самой-то красной девице — цены нетути.

Н. Мендельсон отмечает следующее: "Терек Горынич, батюшка", что "прорыл, прокопал горы крутые", напоминает Терек Лермонтова, который "родился у Казбека" и

воет дик и злобен

Меж утесистых громад.

"Терек Горынич, упавший во синее море, во Каспийское", выкатил на устье бел-горюч камень, — Терек Лермонтова пригнал сынам Каспия "стадо целое валунов". Есть в конце песни и красная девица "с русой косой во всю тысячу", а самой девице "цены нетути", как тому "бесценному дару", который одел "влагой страсти" темно-синие глаза "старика Каспия"...

Эта песня очень популярна у гребенцев и известна в нескольких вариантах. Укажем еще, что олицетворение водных стихий — одна из характерных черт гребенского фольклора. В одной песне поется о том, что Дунай ответ держал

Человеческим громким голосом,
 Молодеческим умом-разумом.

Он говорил, что

парень девицу перевез

Соблазнил, уговорил со тихого Дона на Терек.

В другой песне встречаем подобный образ:

... Помутился Дон сверху до низу,

Речь возговорил славный тихий Дон:

— "Уж и как то мне все мутно не быть?"

Распустил я своих ясных соколов,

Ясных соколов, Донских казаков!"

Лермонтов упоминает о "кольчуге драгоценной", о "налокотниках стальных", на которых стих Корана "писан з олотом". В гребенской песне:

Надевали уздени-князя панцири трехколечные,

С налокотниками позлащенными.

У убитой молодой казачки — "светло-русая коса". В гребенских песнях постоянно поется о русой косе красавиц-казачек:

... Она русую косыньку свою заплетала...

... Ты коса моя, косынька, коса моя русая!

Некоторые художественные подробности лермонтовского описания удалого кабардинца, павшего в бою, можно иллюстрировать также горскими песнями и исторической документацией. В одной бжедугской песне упоминается воин, облаченный в панцирь; "он славно пал в бою". Кабардинские наездники славились своими кольчугами, отличавшимися необычайной прочностью. "Подобный трехкольчужный панцирь, представляющий собою сетку, легко укладывается весь на ладони и весит не больше пяти, шести фунтов; но, надетый на голову и плечи, он образует как бы литую массу, которую можно было пробить разве штыком или пикой, но никак не употреблявшейся тогда круглою пулею". У кабардинцев в эпоху Кавказской войны при уплате калыма лучший панцирь расценивался как стоящий "двух девок", налокотники — "одной девки".

Метко обрисован поэтом облик мужественного кабардинца:

Он угрюмо сдвинул брови,

И усов его края

Обагрила знойной крови

Благородная струя;

Взор открытый, безответный,

Полон старою враждой;

По затылку чуб заветный

Вьется черною космой.

Верность лермонтовского описания можно подтвердить историческими свидетельствами. В труде Броневского читаем: "Мужчины голову бреют, оставляя на верхушке небольшой хохолок; бороду также бреют, но усы отращивают. В другом источнике то же сообщение о чересах: "...они бреют голову, оставляя на макушке длинный чуб".

Воспевая удаль гребенских казаков и красоту их женщин, Лермонтов тоже верен духу местного фольклора и исторической правде. Один из кавказских мемуаристов, проживший на Кавказе, начиная с 1841 г., двадцать пять лет, отмечает в своих записках: "Гребенцы статны, ловки, красивы лицом. Их окладистые бороды и наряд придают им много красоты и стройности. То же самое можно сказать и о червленских казачках".

Стиль народной песни искусно выдержан в "Дарах Терека" посредством приема повторения (троекратное обращение Терека к Каспию), употребления удачных эпитетов: "кабардинец удалой", "буйный Терек", "по красоте-молодице", "казачина гребенской".

"Дары Терека" вызвали восторженный отзыв Белинского; в статье о стихах Лермонтова он писал:

"Дары Терека" есть поэтическая апофеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазия греков умела так олицетворять природу, давать образ и личность ее немым и разбросанным явлениям. Нет возможности выписывать стихов из этой дивно-художественной пьесы, этого роскошного видения богатой, радужной, исполинской фантазии; иначе пришлось бы переписывать все стихотворение. Терек и Каспий олицетворяют собою Кавказ, как самые характеристические его явления". Лермонтова, как автора этого стихотворения, Белинский ставит рядом с Байроном, Гете и Пушкиным.

Чрезвычайно интересна история написания "Казачьей колыбельной песни". В памяти гребенцов сохранились рассказы о посещении Лермонтовым станицы Червленной; обобщая эти изустные сведения, можно установить следующее.

Осенью 1837 г. житель станицы Червленной Лука (Лукьян) Артемьевич Борискин, будучи рядовым казаком, находился в станичном правлении. Вечером к правлению подъехала почтовая перекладная телега, в которой сидел молодой пехотный офицер. Он подал подорожную и просил отвести ему квартиру. Борискин доставил его в хату казака Ефремова. Дома никого не было, кроме ребенка, спавшего в колыбели (по другим вариантам у колыбели находилась хозяйка дома или ее сестра). Пока переносили вещи офицера, тот набросал на клочке бумаги карандашом стихотворение, которое и прочел вслух Борискину. Этот офицер оказался Лермонтовым, а стихотворение, вдохновенно вылившееся из-под его руки в этой простой обстановке, было "Казачьей колыбельной песнью". Червленцы передают, что девушка, качавшая ребенка, была Дунька Догадиха, известная красавица; баюкая сына сестры, она пела песни, интригуя гостя. Это, быть может, было единственным светлым пятном в безумной и бурной жизни Догадихи. В этом же доме жил друг поэта гвардеец Вербицкий со своей возлюбленной — Степкой, сестрой Дуньки.

Один из кавказских офицеров 40-х гг., некий Горюнов, посетил те же места лет 8—10 спустя и упоминает о Дуньке Догадихе, как о женщине довольно замечательной, хотя ей тогда было уже за тридцать лет. Она была высокого роста, имела стан редкой стройности, голубые глаза, черные волосы. "Мне в первый раз в жизни, — говорит он, — пришлось увидеть такую женщину. Войдя к ней, я казался встревоженным и изумленным; я никогда не предполагал, что могу встретить между простыми казачками типы такой изящной красоты. Впоследствии, когда я более ознакомился с обществом, я встречал казачек еще красивее ее; но подобного впечатления уже не испытывал.

Догадиха, спустя два года после моей с нею встречи, вышла замуж за доктора и сделалась настоящей светской дамой".

Автор подробно описывает, какой вид имела тогда станица Червленная. Она была обширна: в длину около двух верст, в ширину — около версты. Кругом она была обнесена сплошным плетневым витым забором, наверху которого был наткан в огромном количестве колючий терн; перед плетнем была вырыта глубокая канава. С четырех сторон были устроены въездные дощатые ворота, у которых находились в постоянном карауле по три казака-малолетка. Станица была расположена по Тереку, который отстоял от нее на версту, а местами и на большее расстояние. Улицы были прямые, широкие, с такими же переулками. Постройка домов отличалась приличным видом, чистотой, опрятностью и производила на приезжего самое приятное впечатление. Промежутки между станицей и рекою был занят виноградными садами.

Горюнов подробно описывает быт гребенских казаков, сообщает много любопытного. Его воспоминания представляют

большой интерес, так как они знакомят нас с той средой, в которой незадолго перед тем жил Лермонтов. Горюнову пришлось, будучи на группе Минеральных Вод, встречаться со многими лицами, знавшими Лермонтова: с вдовой генерала Мерлини, Верзилиными, Екатериной Александровной Дадяни и ее родной сестрой Ниной Александровной Грибоедовой (вдовой автора "Горя от ума"). В обществе Е.А. Дадяни и Н.А. Грибоедовой Горюнов декламировал стихотворение Лермонтова "Сон" и отрывки из "Мцыри" и "Демона".

По содержанию и стилю "Казачья колыбельная песня" очень близка к гребенским песням:

Как у нас то было на тихом Дону,
 Что у нас то было во зеленом саду,
 Что под грушею было, грушею зеленою,
 Под яблонею было, яблонью кудрявою,
 На цветочках было на лазоревых,
 На травушке было на шелковенькой,
 На кроватушке было на тесовенькой,
 На перинушке было на пуховенькой -
 Что мать сына воспроиздила,
 Что белою грудью мать сына вскормила,
 Пеленала мать сына в пеленочку камчату,
 Что качала мать сына в зыбочке кипарисовой,
 Берегла то мать сына от ветра от вихоря,
 Берегла то мать сына от солнышка от красного,
 Берегла мать сына от сильных дождей,
 Не уберегла мать сына от службицы государевой.

В обеих песнях дан трогательный образ матери-казачки, которая, нежно укачивая сына, переживает затаенные муки, зная, что в будущем он обречен на бранную жизнь, полную тревог и опасностей; обе песни проникнуты глубокой задушевностью, теплотою.

В гребенских песнях часто говорится о постылой строевой государевой службе. Укажем еще одну лирическую песню, созвучную по настроению и некоторым художественным образам лермонтовской:

Как не на море было на морюшке,
 На море было на синем.
 Не белой то лебедь по синю морю всплывавал,
 Во темном то лесу сам черной ворон воскаркнул,
 В зеленом то саду горькая кукушечка
 Жалобненько она кукует,
 Не во тереме было — родимая маменька,
 Мать по сыну слезно плакала:
 — "Ой, да ты, дитя мое, мое дитятко,
 Чадушко ты мое милое!
 Почему же ты дитя, мое дитятко,
 Почему ты рано состарилось?"
 — "Как состарила меня, родимая маменька,
 Молодая жена;
 Состарили меня малые детушки,
 Состарила меня служба царская.
 Состарили меня частые походушки,
 Все редкие переменушки!"

В этой грустной песне тоже находим образ любящей матери, плачущей над сыном, которого измучила военная жизнь. Жалоба на такую жизнь звучит и в другой песне, рисующей душевное состояние молодого казака, попавшего во время похода в дальние, чуждые края:

...Сторона ли моя сторонушка, сторона неизвестная,
 Неизвестная сторона, сторона невеселая!
 Уж я не сам-то, не сам добрый молодец,

Уж я не сам зашел — заехал:
 Занесла то меня нужда крайняя,
 Она службица государева.

Лермонтов жил среди гребенцов; их горести были понятны ему, он чутко уловил настроение этих песен, в которых раскрылись сокровенные думы и матери-казачки, провожавшей сына на войну, и самого казака, отправлявшегося в сторону незнакомую. Надо отметить также, что поэт очень любил детей и всегда говорил о них с большой теплотою; напомним такие превосходные его стихотворения, как, например, "Ребенка милого рожденье" (1838 г.) и "Ребенку" (1839 г.). Образ матери, баюкающей сына и думающей о его будущем, впервые подробно был развит им еще в 1830 г., под влиянием старинных исторических песен о борьбе Руси с татарами, в стихотворении "Баллада" ("В избушке поздней порою"). На поэта во время пребывания на Тереке должно было произвести неотразимое впечатление и несравненное, мастерское исполнение казачьих песен. Гребенцы славились этим искусством, выработанным веками.

Г. Малявкин, автор статьи о Червленной станице, сообщает, что когда при нем пели одну из песен, в которой говорилось о смерти молодого казака, то эта песня, с частыми "повторениями одних и тех же слов, навела такую безысходную грусть-тоску, что и у певца, и у слушателей то и дело навертывались слезы.

Когда "Казачья колыбельная песня" появилась в печати (в 1840 г.), Белинский писал Боткину, упоминая о Лермонтове: "Что ты, Боткин, не скажешь мне ничего о его "Колыбельной песне"? Ведь чудо!" В статье о стихотворениях Лермонтова он говорит, переходя от оценки "Даров Терека" к "Казачьей колыбельной песне":

"Не менее превосходна "Казачья колыбельная песня". Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какой дышит любовь матери — все это воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умиленную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения? Он видел Кавказ, — и нам понятна верность его картин Кавказа. Он не видел Аравии, и ничего, что могло бы дать ему понятие об этой стране палящего солнца, песчаных степей, зеленых пальм и прохладных источников, но он читал их описания: как же он так глубоко мог проникнуть в тайны женского и материнского чувства?"

В письме к Белинскому от 28 апреля 1840 г. Кольцов говорил: "Казачья колыбельная песня" необычайно хороша".

В том же году Лермонтовым было написано стихотворение "Завещание", в котором изображается тяжелое душевное состояние воина-кавказца, ожидающего смерти вдали от родных и близких; он просит товарища исполнить его последнюю волю: передать поклон родному краю, сказать отцу и матери, что сын ленится писать и что полк его в поход послали, а всю правду, какую он, жалея родителей, не хотел бы сказать им, пусть товарищ передаст соседке, которая его, одинокого, забыла:

Пустого сердца не жалея;

Пускай она поплачет...

Ей ничего не значит. (II, 97—98).

Проникновенный анализ этого стихотворения дал Белинский: "Это похоронная песня жизни и всем ее обольщениям, тем более ужасная, что ее голос не глухой и не громкий, а хо-

лодно спокойный; выражение не горит, не сверкает образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее — все равно; сделать лучше не в нашей воле, и потому пусть идет себе, как оно хочет... Это уж даже и не сарказм, не ирония и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться, — все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возле них есть соседка, она не спросит о нем, но нечего жалеть пустого сердца — пусть поплачет: ведь это ей ни о чем! Страшно!.. Но поэзия есть сама действительность, и потому она должна быть неутомима и беспощадна, где дело идет о том, что есть или что бывает..."

Очень сочувственный, содержательный отзыв о том же стихотворении находим в письме поэта В.И. Красова, адресованном им Белинскому в 1841 г.:

"Пьеса Лермонтова, мне кажется, одна из лучших его пьес — человек отправляется на бой, — на бой опасный, в стороне, далекой от родины, весь поглощенный этой мыслью, важной и страшной думой о конце своем — и сколько любви в немногих сжатых словах к его отцу и матери, какая спокойная леденящая насмешка над пустым сердцем соседки, но о которой он вспомнил, потому что та душа ничего не забывает и проч. ... Что же до тебя, ты еще с тех пор, как начал писать азы, ничего не написал лучше статьи о Лермонтове".

По нашему мнению, и "Завещание" в некоторой степени близко к мотивам гребенских песен. В них часто говорится о предсмертных думах казака, вспоминающего перед кончиной о своих родных. Очень распространена песня о казаке, умирающем в чистом поле и обращающемся с просьбой к верному коню:

Уж ты, конь, ты, мой конь,
Конь, товарищ мой!
Ты беги, мой конь, в землю русскую,
Не давайся, мой конь, врагу прусскому;
А ты дайся, мой конь, моему батюшке
И родименькой моей матушке;
Молодой жене на словах Расскажи,
Что женила меня свинцова пуля,
Обручила меня сабля острая,
Первенчала меня гробова доска.

Сходный мотив имеется в другой, тоже очень популярной песне:

В горах было в горах высоких,
Во ущельях было во ущельях глубоких,
Лежит молодец — он все убитый,
Он молодец-то — молодой урядничек.
Как с родной со сторонюшки пташка прилетала,
Жалобно песенку она ему пропела:
— Ты восстань, восстань, добрый молодец!
Вот зима проходит, весна наступает,
Твоя молодая жена по саду гуляет,
По саду гуляет, мужа выбирает!"
Лежит молодец, не дает ответа,
Со родимой со сторонюшки пташка прилетела,
Она жалобно песенку ему пропела:
— "Ты встань, восстань, добрый молодец,
Прошло лето, осень наступила,
Твоя молодая жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, себе мужа выбирала,
А теперь глазами разводит — замуж выходит,
Родимая твоя маменька слезно плачет".

В этих песнях, как видим, имеется целый ряд образов, близких к лермонтовским: молодой казак перед смертью вспоминает о родине, об отце и матери; жена, равнодушная к участи мужа

и собирающаяся выйти вторично замуж, напоминает соседку с ее пустым сердцем.

К числу стихотворений, в которых есть отзвуки народных гребенских песен, можно отнести и знаменитый "Сон" ("В полдневный жар в долине Дагестана" (1841 г., II, 127-128). Существует рассказ о том, что в основу этого стихотворения поэтом был положен подлинный эпизод: один офицер сообщил ему о своих переживаниях на поле сражения, когда он пролежал целый день среди убитых и раненых; Лермонтов расспросил его, что он чувствовал тогда, и через несколько дней, поблагодарив его за сюжет, прочел ему стихотворение "Сон".

Не отрицая того, что на сюжет этого стихотворения мог повлиять такой рассказ о действительном случае, мы считаем, что в творческой работе под замыслом "Сон" могло сказаться и воздействие гребенских песен. Нам уже приходилось указывать, что к лермонтовскому стихотворению очень близка гребенская песня, в которой есть такие строки:

...Ох, не отстать-то тоске-кручинушке
От сердечушка моего.
Как сегодняшнюю темную ноченьку
Мне мало спалось, —
Мне мало спалось, на белой заре много
Во сне виделось.
Во сне виделось: ох, будто б я, удал-добрый молодец,
Убитой на дикой степе лежу..
Ретивое мое сердечушко простреленное...

В другой казачьей песне, которую пели в станции Слепцовской, описываются переживания молодой казачки, страдающей от тяжелого предчувствия, не убит ли ее возлюбленный:

Вы туманы мои, вы, туманушки,
Вы, осенние сильные мои дожди!
Не пора ли вам, мои туманушки,
Прочь от синего моря долой?
Уж вы, гости мои, гостечки,
Вы, гости мои дорогие,
Вы зачем-то, зачем, мои гостечки,
Ко мне поздно вечер приходили,
Да какую корысть-радость мне приносили?
Мне самой-то, самой, хорошенькой бабочке,
Мне малым-мало ночкой спалось:
Как и нынешнюю ночь
Всю я ноченьку не спала,
На правой-то руке ясного сокола
Всю ноченьку я пронесила.
Вот как и мой-то милой,
Мой разлюбезный дружок,
Он убитый лежит;
Его буйная головушка
Прочь отрубленная
В стороне лежит;
Сквозь его ретивое сердечушко
Не лютая змея проползла,
Проползла-то сквозь его сердечушко
Пуля свинцовая.

В этих двух песнях находим много образов, напоминающих лермонтовские и притом проникнутые одинаковым настроением: в первой передается картина, изображающая "доброе молодца", одиноко лежащего в степи, с простреленным сердцем; во второй изображаются переживания казачки, которую не веселят дорогие гости, засидевшиеся поздним вечером (ср. у Лермонтова: "И снился мне сияющий огнями вечерний

пир в родимой стороне"); ее думы — о далеком милом; ей не спится, ей грезится, что ее суженый убит, сквозь его сердце проползла "пуля свинцовая" (ср.: "С свинцом в груди лежал недвижим я"). В обеих песнях изображается мучительный сон, вызываемый тревожными, затаенными думами о близком человеке. Мотив о тяжелом сне, говорящем о близкой смерти, варьируется и во многих других гребенских песнях; эти песни могли быть известны поэту и нашли отражение в превосходном стихотворении "Сон".

В стихотворении "Спор" Лермонтов рисует картину могучего движения войск, приближающихся, под командой седого генерала, грозящего очами, к кавказским горам.

**И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов...** (II, 125).

В одной исторической песне терских казаков есть картина, напоминающая лермонтовскую по общему характеру и некоторым художественным деталям:

Как подули ветерочки буйныи —
Покачулись горы крутыи Казбикский...
По ущельицам глыбоким,
Там идет-та идет сила российская.
Наперед иие идет сам Гудович-князь;
Ва руках та держать он свой вострый меч,
Им грозить он, грозить шаху пирсицскому...

В этой картине, как видим, упоминаются и крутые горы Казбекские и ущельица глубокие (ср.: "в глубине твоих ущелий"), и "сила российская", которую ведет грозный вождь.

Остановимся в заключение на близости отдельных мест "Песни про купца Калашникова" к тем же гребенским песням, на что до последнего времени не было конкретных указаний в специальной литературе.

Свою знаменитую поэму Лермонтов написал, будучи в ссылке на Кавказе, в 1837 г. В статьях, посвященных анализу этой поэмы, уже указывалось, что в ней нашли отражение "Древние российские стихотворения" Кириши Данилова и другие эпические произведения русского фольклора. По нашему мнению, в "Песне про купца Калашникова" есть и отзвуки гребенских мотивов. "Песня" эта, как рассказывал журналист А.А. Краевский, была написана Лермонтовым во время болезни, не позволявшей ему выходить из комнаты. Как раз перед этим поэт побывал на Тереке; знакомство с гребенским фольклором отражено в ряде его лирических стихотворений; отзвуки того же фольклора заметны и в знаменитой поэме.

Отметим прежде всего, что в притеречных станицах были очень широко распространены исторические песни об Иване Грозном. Они образуют обширный цикл, в который входят: мотивы пожалования этим царем гребенским казакам Терека Горыничя — "от самого Гребня до синя моря, до синя моря до Хвалынского", песни о князе Курбском, о Ермаке и другие. В этих песнях, по традиции, царь именуется "Грозным":

Гребенские наши казаки
Пред царем они стоят,
Пред грозным царем,
Пред Иван Васильевичем.
...Ты встань, наш батюшка, грозный царь,
Да ты Иван Васильевич!
...Под Казань город итить,
Уж наш грозный царь стоит,
Уж он грозный царь, сам Иван Васильевич.

Ср. у Лермонтова:

Сидит грозный царь Иван Васильевич.

В начале лермонтовской поэмы изображается царский пир, на котором не весел был один Кирибеевич:

**То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.
Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.
Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.** (III, 315–316).

В параллель этому можно привести картину пира Ивана Грозного в гребенской песне, отмечая ту разницу, что здесь задумавшимся изображен сам царь, узнав об измене Курбского:

Не во матушке было во Россиюшке,
Было в каменной Москве;
Во палатухках было белых каменных...
Там столы стоят черны дубовые,
А на столах скатерти белы шелковые;
Они того-то шелку шемахинского;
На столах-то стоят блюда позлащенные,
А во блюдечках ястеца сладки сахарные;
На столах-то стоят напойлица разнопьяные.
За столом стоят стулечки кленовые;
На стулечках сидят они
Воеводушки сидят все московские,
А по конец-то столов стоит
Уж он разукрашенный стул.
На стуле сидит батюшка православный царь;
Православный царь, православный государь,
Да Иван Васильевич.
Он не пьет-то, не гуляет, не прохлаждается,
Призадумался, повесил свою буйную головушку
На белые груди.
Он думал думушку ее заединую —
Об измене его-ли князя Курбского,
Перебежчика к королю польскому.

Сходство обеих картин большое: описывается пир Ивана Грозного, окруженного свитой. Лермонтов говорит про "вино сладкое заморское", в гребенской песне упоминается про "пойлица разнопьяные". Веселье нарушается тем, что один из присутствующих омрачен затаенной думой: у Лермонтова это любимец царя Кирибеевич, в казачьей песне — сам царь, причем облик обоих обрисован одинаково: каждый из них задумался, опустил голову на грудь, а в груди была дума "крепкая" ("заединая").

Мотив любви Кирибеевича к жене Калашникова имеет некоторую аналогию в былине Терских казаков о князе Владимире и Настасье Миркулишне. Содержание этой былины таково:

В славном городе Киеве у князя Владимира идет пир. Все пьют, гуляют, потешаются; один Владимир не хвалится, а пе-

чалится. Он говорит, что он холост, и просит найти ему полюбовницу. Чурилушка Планфович говорит, что найдет ему любовницу: это молодая жена Данилы Бесчастного — Настасья Миркулишна. Князь спрашивает, где это видано, слыхано, чтобы от живого мужа жену взять? Ему отвечают, что Данилушку отправят на море, на окян, на остров на Буян — убить сива бобра и принести сердце с печенками между обеднею и утренею. Данилушка убивает 12 богатырей, высланных князем Владимиром, своих друзей, а затем и самого себя. Князь целовал-миловал Настасьюшку; она взмолилась отпустить ее проститься с телом мужа, распоролла свое чрево ножом и повалилась на труп Данилушки. Князь как увидел все, взялся за свою буйную голову и сказал, что ему жалко не 12 богатырей, а трех душ неповинных.

При наличии существенного отличия (у Лермонтова действие — в Москве, при Грозном; в казачьей песне — в Киеве, при князе Владимире и т. д.) есть и характерные сходные черты: поэма и былина начинаются описанием пира, на котором одно лицо не разделяет общего веселья; далее речь идет о любви опричника (или князя) к чужой жене; мужа Алены Дмитриевны и Настасьи Миркулишны трагически погибают (у Лермонтова — по вине Ивана Грозного, в народной песне — по вине князя Владимира).

Отметим еще ряд отдельных образов, созданных Лермонтовым в духе народных исторических и бытовых песен терских казаков.

Кирибеевич просит у царя отпустить "на житье на вольное, на казацкое", чтобы сложить в степях свою буйную головушку:

**Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои костя сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..** (III, 318—319).

Ср. в гребенской песне:

... Еще пропадет твоя, мой милый, сердечный друг,
Головушка она понапрасну;
Навалается оно твое тело белое
Оно по чистому полю;
Расклюют то твою буйную головушку
Черные вороны;
Еще растерзают то твое тело белое
Они звери лютые;
Еще разнесут то твои черные волосы
Ветры буйные по чистому полю.

Когда Калашников убил в кулачном бою Кирибеевича, Иван Грозный прогневался:

**Повелел он схватить удалого купца
И привести его пред лицо свое.** (III, 327).

Образ доброго молодца, которому надо предстать на суде перед Иваном Грозным, находим и в гребенском фольклоре:

Быть доброму молодцу перед судьей;
Пред судьей-то доброму молодцу,
Пред Иваном Васильевичем.

В изобилии встречаются в гребенских песнях художественные образы, сходные с лермонтовскими: "седельце черкесское" (у поэта — "черкасское"), "столы дубовые", "столы стоят черные дубовые, а на столах скатерти белые, шелковые" (у поэта — "не накрыт дубовый стол белой скатертью"), "дума крепкая" и т.п. Характерно упоминание о трех дорогах, на перекрестке которых был погребён Калашников:

**Схоронили его за Москвой-рекой
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской...** (III, 329).

Сходный образ есть и в фольклоре терских казаков:

...Отслужил твой сын любимый службу верную царю;
Он нашел себе местечко в чистом поле на песку,
В чистом поле, при разделе, между трех больших дорог:
Между Питерской, Московской и Кавказской столбовой.

Указанные нами примеры подтверждают большую близость различных мотивов и стилистических деталей "Песни про купца Калашникова" и поэзии терских казаков. Это имеет очень важное значение для изучения народных истоков творчества Лермонтова. До последнего времени в его бессмертной поэме видели исключительно воздействие русского фольклора на нее через посредство книжных сборников; однако, помимо того, как мы полагаем, немалую роль могло сыграть непосредственное общение поэта с народной средой во время его пребывания на Тереке. Вполне оригинальная, как художественное целое, его поэма, так ярко воскрешающая эпоху Ивана Грозного, созвучна историческим и бытовым песням гребенцов. Знакомство с ними нашло отражение и в лучших образцах его лирики последних лет — в "Дарах Терека", "Казачьей колыбельной песне" и других. Поэт сам глубоко осознавал свою кровную связь с народом, запечатлев это в замечательном стихотворении "Родина" (1841 г.).

VI.

Фольклор народов Закавказья в поэзии Лермонтова

Тяготение к фольклору закавказских народов у Лермонтова пробудилось с 1829 г., но с особенным интересом к нему поэт стал относиться после посещения Закавказья в 1837 г.

В 1829 г. им была написана "Грузинская песня", в которой изображена жизнь молодой грузинки, увядавшей в гареме старого армянина; старик ревниво следил за наложницей и, заподозрив измену, убил ее. Труп преступницы он предал волнам. К этой песне автором была позже сделана приписка: "Слышано мною что-то подобное на Кавказе" (I, 47—48, 432).

Вполне вероятно, что сходный мотив поэт мог услышать, будучи в 1825 г. в Пятигорске. Наличие в ряде ранних произведений Лермонтова мотивов, близких к фольклору Закавказья, особенно к грузинскому, дает основание предположить, что "Грузинская песня" не случайное явление, что должны были существовать условия, способствовавшие некоторому общению самого поэта и тесного круга его родных с грузинами, жившими на Северном Кавказе.

Такие данные имеются.

В 1834 г. штабс-капитан Калмберг составил подробное описание гребенских станиц. По его сведениям, селение Шелкозаводское "принадлежит генерал-майорше Хостатовой и частично состоит из государственных крестьян, армян и грузин. Количество мужчин грузинского населения — 106, женщин — 92". В труде И. Дебу "О Кавказской линии", вышедшем в 1829 г., имеется указание на то, что возле станицы Новогладковской лет 40 назад или более возникло грузинское поселение из людей, вышедших из плена от горцев. К ним впоследствии присоединились таковые же из городов Кизляра и Моздока. В конце 20-х гг. в грузинском поселке осталось 20 дворов, 25 садов и один водочный завод. Жители этого общества не платили податей (кро-

ме почтовых повинностей), не справляли никакой службы, имели лучшие сады, занимались хлебопашеством. Многие из них имели собственных крестьян, присваивали себе дворянство и даже княжеское достоинство.

Это были не единичные грузинские поселения.

По историческим данным, грузины появились на Тереке около 1730 г. Этнограф Д. Аракчиев в 1904 г. выезжал на Терек со специальной целью произвести запись грузинских песен у местных грузин. Он отмечает грузинское население в станицах Александро-Невской и Шелкозаводской. В 1904 г. в Шелкозаводской станице было до 60 дворов грузин-казаков и 120 русских. Аракчиевым были записаны здесь 8 грузинских песен; по своим напевам они ближе всего подошли на песни из Кизикии (Сигнахского уезда, Тбилисской губ.).

Приведенные нами сведения показывают, что в эпоху Лермонтова грузины проживали в довольно значительном количестве в полосе гребенских станиц и между прочим в станице Шелкозаводской, которую Лермонтов посещал еще в детстве, а затем был в ней в 1837 г. В той среде, прежде всего, поэт и мог слышать грузинские песни и предания. Живя в тех местах с давнего времени, грузины-казаки хорошо владели русской речью, и общение с ними не представляло для поэта никаких затруднений. В той же Шелкозаводской станице жили и армяне. Предки самих Хостатовых были армянами. Таким образом, еще до поездки в Закавказье Лермонтов имел возможность ознакомиться в некоторой степени с фольклором и грузин, и армян.

Побывав в 1837 г. в Грузии и Азербайджане, поэт близко соприкоснулся здесь с культурой других народов; он посетил, как мы уже отмечали, Кахетию, Шушу, Кубу, Шемаху. Очень много ярких впечатлений дала ему поездка по Военно-Грузинской дороге.

Будучи в Тбилиси, Лермонтов приобрел знакомства не только в военной, но и в литературной среде.

Наиболее глубокое отражение в его поэзии нашел грузинский фольклор. Не зная грузинского языка, поэт через посредство переводчиков, дорожных спутников, знакомых образованных грузин, владевших русским языком, мог узнать легенды и поверья, связанные с посещенными им местами.

Отметим прежде всего конкретные данные об интересе поэта к изустным рассказам, преданиям Грузии.

В "Бэле", описывая спуск с Гут-горы в Чертову Долину, автор говорит: "Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами"... Но тотчас же поясняет, что это название произошло от слова "черта", а не "черт" так как здесь когда-то была граница Грузии (V, 207). Далее, упомянув о каменном кресте, стоящем на перевале, сообщает: "Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Петр I, проезжая через Кавказ"; затем идет разъяснение, что Петр I был только в Дагестане, а на кресте написано, что он поставлен по приказанию Ермолова в 1824 г. "Но предание, — добавляет Лермонтов, — несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь чему верить, тем более что мы не привыкли верить надписям" (V, 208).

В обоих этих случаях заметен интерес писателя к различным рассказам о достопримечательных местах Военно-Грузинской дороги; в то же время проявляется характерная черта — объяснить происхождение того или иного предания.

Сообщаем, кстати, фактические данные о кресте, упоминаемом Лермонтовым. Их приводит один путешественник, посетивший эти места в 1828 г.: "Крест, поставленный на гранитной пирамиде у дороги, означает высочайшую точку пути чрез Кав-

казский хребет, и оттого гора называется Крестовой. На мраморной доске вырезана по-русски и по-грузински следующая надпись: "В славу божию и в управление генерала от инфантерии Ермолова поставлен приставом горских народов майором Кононовым в 1824 году".

Описывая в "Демоне" Койшаурскую долину, поэт говорит, что там сохранились развалины замка.

Рассказов страшных для детей

О них еще преданья полны. (III, 486).

Будучи в 1837 г. близ Мцхета, он встретился со старым монахом, который оказался по происхождению горцем; в детстве он был взят Ермоловым в плен, заболел, и его отдали в монастырь; однажды он пытался бежать из него; после такой посылки он сильно заболел и едва не умер; потом он примирился со своей участью и привязался к одному старику-монаху.

Эта встреча побудила Лермонтова написать поэму "Мцыри", заглавие которой он снабдил примечанием: "Мцыри — на грузинском языке значит "неслужащий монах", нечто в роде "послушника" (III, 431). Первоначально поэма имела название "Бэри", с пояснением: "Бэри, по-грузински монах" (III, 619).

В этой поэме есть беглое упоминание об одном из народных преданий:

... На краю

Грозящей бездны я лежал,

Где выл, крутясь, сердитый вал;

Туда вели ступени скал,

Но лишь зой дух по ним шагал,

Когда, низверженный с небес,

В подземной пропасти исчез. (III, 439).

В параллель этим стихам можно привести следующее место из абхазского предания о горном духе, похитившем ребенка у одного сельчанина. Отважный горец Шириар, по просьбе отца ребенка, отправился спасти последнего, захватив с собою шашку с крестообразным эфесом. Когда он отломил рукоять шашки и бросил ее в демона, скала дрогнула. "Горный дух со страшным стоном и воплем упал на дно пропасти, известной в народе под именем пропасти больного демона (шайтан-саинабрик), из которой слышатся и теперь постоянные стоны и вопли".

Творческая история поэмы "Мцыри" длительна и сложна. Ранними ее вариантами являются поэмы "Исповедь" и "Боярин Орша", не связанные, однако, с Кавказом. Посетив Грузию, поэт завершил свой давний замысел, внеся в него очень много нового. И.Л. Андроников в упомянутой статье "Лермонтов в Грузии" справедливо указал на то, что при создании сцены битвы Мцыри с барсом поэта могла вдохновить старинная хевсурская песня о юноше и тигре и что тему этой песни находим в поэме Руставели "Витязь в тигровой шкуре" (рассказ Тариэля о схватке со львом и тигрицей).

Надо, однако, учесть и другие данные. Зерном Лермонтовской сцены является эпизод из его же поэмы "Аул Бастунджи":

Мой дом изрыт в раселинах скалы:

В нем до меня два барса дружно жили.

Узнав пришельца, голодные и злы,

Они, воспрянув, бросились, завывая...

Я их убил — и в тот же день орлы

Кровавые их кости растащили;

И кожи их у входа, по бокам,

Висят, как тени, в страх другим зверям. (111, 182).

Лермонтову было также известно и описание боя с тигром героя повести Марлинского "Аммалат Бек" (глава III). Повесть была напечатана в 1832 г.; таким образом, отмеченный нами эпизод в поэме "Аул Бастунджи" (1831 г.) возник независимо от по-

вести Марлинского. Будучи на Кавказе, Лермонтов мог слышать рассказы об охоте на барсов и в Грузии, и в Азербайджане; в Тальшах, например, ходили на тигров и с облавой, и в одиночку.

Выдающийся знаток грузинского фольклора профессор Тбилисского государственного университета А. Г. Шанидзе, член-корреспондент академии наук СССР, опубликовал 14 вариантов песни "Юноша и тигр". С его любезного разрешения мы приводим ниже полный подстрочный перевод этой песни. Предварительно отмечаем важнейшие данные, сообщенные нам проф. Шанидзе. "Юноша и тигр" — древняя грузинская песня, известная в хевсурских и пшавских вариантах. Она подверглась перделке в начале XIX века, причем отдельными стихами пополнилась первая часть, а вторая часть — вся новая. Перделка и дополнения принадлежат некоему Джабушанури из с. Ахиели (Архотского ущелья). Вообще в старых записях второй части нет.

Юноша и тигр

I

Юноша с гладким лицом¹ прошел скалистые утесы,
Охотился он, ступая по тропинкам скалистых гор.
Поднялись на вершину скалы стада туров.
Выстрелил он из ружья в громадного тура, —
в ущелья послышались удары рогов.²
5. (Когда он был) на полпути (к себе домой)³, настал вечер.
(Затем) настала полночь.

На пути его встретил тигр⁴ с гневными глазами.
Вступили в бой тигр и юноша, тогда задрожала земля.
Осыпались скалы, ветви поломались лесные.
Не успел юноша⁵ обагрить (кровью тигра) рукоять
(своего) меча.

10. Щитом защищается, но не успевает, — тигры горные
быстры.
Когтями разнес (тигр) фалды панцирной рубахи (юноши),
Юноше (наконец) удалось взяться за рукоять своего меча.
Франкский⁶ (меч) рассек уверенно⁷, пришло время упасть
(тигру),

Тигр свесился со скалы, обагрив песок.
15. Сам юноша, издыхаясь, упал (букв. слег) на вершину
скалы,
Кто осмелится сказать (букв. кто скажет) его матери, —
у нее дома сидят гадалки⁸, —
(Что) не даром израсходованы стрелы нашего прекрасного
стрелка!

II

Ходила мать, рыдая, со слезами на глазах,
(И говорила): на пути моему сыну встретился тигр
разъяренный, проклятый,
20. (Бились они): сын мой — мечом, тигр когтями — до захода
солнца⁹,

И тигр не был труслив, и сын мой не был осторожен¹⁰,
Они убили друг друга, — не осрамились.
Рыдая, она перевязывала раны (сыну), раненому от когтей
тигра.
(Приговаривая): сын мой, ты не умер, ты спишь,
от усилий ты страшно устал.

25. Как же он, проклятый, разодрал на куски фалды
твоего панциря?
Но и ты оказался подходящим для него, —
меч у тебя зазубрился от ударов.
Ни он не дал тебе много времени, ни ты
не позволил ему (вздыхнуть) свободно.

Ни ты не смог прикрыть себя щитом, находящимся
в твоих руках,
Ни тигр не смог (прикрыть своих) лап, —
меч рассек на куски кость (лапы).
30. Больше я тебя не буду оплакивать, — не подобает
тебя оплакивать.
В боях, в набегах ты был безукоризненный,
(Хотя ты погиб, но) по крайней мере до сих пор
я взращивала тебя, тигрборца.

До свиданья! Да осенит тебя крест! Вот и могила!
Во сне ей показывались то тигр, то сын,
35. То (казалось ей) будто тигр разносит его железную
(рубаху),

То будто одолевает сын и опрокидывает (тигра).
Видя такие сны, бывало, просыпалась,
То думает она: а кто сказал, чтобы без матери
можно было взрасти рожденного?
А быть может и тигрица-мать плачет день и ночь
подобно мне?
40. Пойти что ли мне к ней и выразить ей соболезнование?
И она расскажет мне (о своем тигренке) и я расскажу
ей о своем сыне.

Вероятно, она тоже горюет (о своем тигренке)
безжалостно израненном мечом.

Для изучения лермонтовского творчества представляет интерес первая, древняя часть этой великолепной, суровой, полной глубокого драматизма грузинской песни. Она по своему духу очень близка к сцене, изображенной Лермонтовым. Как в грузинской песне отважный хевсур и тигр (барс) были достойными друг друга противниками, так и Мцыри и барс не уступали друг другу в мужестве и силе; Мцыри говорит о себе:

**...Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.
О сраженном им звере он говорит в том же роде:
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!.. (III, 444—446).**

Укажем еще на то, что эпизод боя хевсура с тигром, Таризля (у Руставели) — со львом и тигрицей имеет аналогию и в армянском эпосе "Давид Сасунский". Когда герою этого эпоса Мгеру было меньше пятнадцати лет, в стране наступил голод, так как страшный лев отрезал пути и пешим, и конным. Мгер пошел сразиться с ним, прискакал к его логову.

Мгера лев уведал издали,
Потянулся, поднялся с земли,
По земле колотил хвостом,
Поднялась пыль и туман.

Мгер сказал:

"Мать льва того
Воззвала к богу — родила его,
Воззвала к богу мать моя — и родила меня.
Я меч свой должен снять и на земь положить, —
Я без оружия в бой вступаю!"

Он схватил зверя за пасть и разорвал пополам; один из очевидцев боя добежал и принес матери Мгера весть:

"Свет очам твоим! Ликуй! Мгер льва убил!
Если раньше он был просто Мгер,
То теперь он — лъвораздиратель Мгер!"

По содержанию и эпическому стилю эта песня из "Давида Сасунского" созвучна приведенным мотивам Руставели и хевсурской песне. Изображение витязя, борющегося с хищным зверем — тигром, барсом или львом, — издавна было запечатлено

¹ Т. е. такой, у которого борода и усы еще не появились.

² Подразумевается, что тур свалился в ущелье.

³ Подразумевается, что он нес убитого тура.

⁴ Можно перевести и так: барс.

⁵ Буквально: времени не оставалось у юноши.

⁶ Вид клинка европейского происхождения.

⁷ Букв. — медленно.

⁸ Подразумевается, что она узнает о несчастье сына и от гадалок.

⁹ Букв. — померк у них солнечный день.

¹⁰ Букв. — умен.

в орнаментальном искусстве Закавказья, откуда проникло на Северный Кавказ — в Дагестан. Все это свидетельствует о том, что такой мотив был широко распространен на Кавказе и легко мог стать известен Лермонтову во время его поездок от Тбилиси до Кубы. Но у него этот образ вставлен в совершенно иную поэтическую рамку и связан не с далеким прошлым, а с современной автору эпохой, с борьбой горцев за независимость.

На Военно-Грузинской дороге внимание Лермонтова привлек замок, находившийся в Дарьяльском ущелье, живописно расположенный на высоком утесе над буйным, шумным Терекем. Этот памятник феодальной поры, часто упоминаемый в исторических источниках, приковывал взоры каждого путника. За долгие века о нем сложилось много легенд.

Будучи в этом месте, поэт зарисовал замок, который тогда был в несравненно лучшей сохранности, нежели теперь; на его рисунке, как отмечает профессор Висковатов, видны части постройки, которых не было уже в начале 80-х гг. Еще в 70-х гг. прошлого века существовала высокая башня, разрушенная при следующих обстоятельствах. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда наши войска возвращались с фронта, одна артиллерийская батарея проходила по Дарьяльскому ущелью командир батареи накануне кутнувший на станции Казбек, в пьяном задоре велел солдатам остановиться против замка, снять орудия с передков и бомбардировать замок. Приказание моментально было исполнено. Полчаса продолжалась канонада, и замок был превращен в груды развалин.

Он до сего времени именуется "замком царицы Тамары", но с именем исторической царицы Тамары, жившей в XII веке и воспетой Шота Руставели, он не связан. Однако совершенно не правы те критики, которые упрекали поэта в незнании истории. Баллада, созданная им, возникла на почве легенд, давно сложившихся у местного населения; с некоторыми из этих вариантов был знаком поэт — частью по литературным источникам, частью по изустным рассказам, какие он, очевидно, слышал во время пути по Военно-Грузинской дороге.

Из печатных источников, как уже указывалось, Лермонтов мог знать труды французских путешественников, описывавших Дарьял. Один из них, Гамба (упоминаемый в "Бэле"), сообщает предание о княжне Дарье, которая задерживала путников, зазывая их в свой замок, а затем приказывала бросать любовников в Терек. Существовала также легенда, записанная профессором А. Греном, согласно которой в Дарьяльском замке была заключена царицей Тамарой ее беспутная сестра. Профессор А.С. Хаханов высказывал предположение, что популярной царице Тамаре приписали на Кавказе много несвойственных ей черт, деяний и построек, относящихся к разным эпохам и лицам. Разнохарактерные наслоения в преданиях, сочетания противоречивых качеств, приписывавшихся легендарной владетельнице замка, отразились и на известном стихотворении Лермонтова, который, вероятно, согласно с народными преданиями говорит, что Тамара была "прекрасна, как ангел небесный, как демон коварна и зла".

Легенды о мифической царице или княжне Дарье, приуроченные к Дарьяльскому замку, отмечались многими путешественниками. О них читал или слышал А.С. Пушкин, упоминающий об этом в своем "Путешествии в Арзрум".

"Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости, предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя ущелью; сказка, Дариал на древнем персидском языке значит ворота" (гл. I).

Легенды о коварной, распутной царице Дарье разнообразны. Приведем некоторые из них.

"Предание помещает в этом замке какую-то царицу Дарью, хотя не говорит, когда и какая это была царица, о которой рассказывают такие чудные сказания и Гамба, и Дюбуа, и другие путешественники. Она зазывала к себе путешественников в замок, давала им пиры и продавала красоту свою ценою смерти: счастливый смертный из объятий ее бросался в пропасть, и шумные волны Терека уносили его из ущелья, получившего и название свое от имени страшной царицы".

Другой вариант:

"Предание говорит, будто в замке здесь жила царица и чародейка Дарья, собиравшая дань со всех конных и пеших: она удерживала при себе тех, кто ей нравился, и низвергала с крутизны, в Терек непокорных или некрасивых собою. Она не страшилась нападения от соседей; замок был недоступен и снабжен всеми потребностями для жизни, а воду получали в нем через крытый ход, спускавшийся сверху к реке: следы этого ходу и поныне видны".

По историческим преданиям, сообщает А. Муравьев, здесь за 150 лет до нашей эры были ворота против вторжения скифов; в XII в. царь Давид обновил на утесе громадное укрепление. "Но поэтическая легенда, обыкновенно перемешанная с дикою поэзией природы, не довольствуется здесь летописною памятью великого царя; ей надобны мифы вместо событий, и она видит в замке Давида очарованный дворец баснословной царицы Дарии, однозвучный с именем ущелья, которая будто бы свергала здесь в бездну постывших ей любовников".

Иногда имя царицы звучит несколько иначе: "Народное предание говорит, что Название "Дарьял" произошло от имени прекрасной женщины Дариеллы, бывшей атаманом разбойников и наводившей ужас на окрестности".

Автор одного из трудов о Кавказе, вышедшего в 40-х гг. XIX в., указывает, что Дарьяльское ущелье, имевшее большое значение для Персии и Византии, было занято стражею. Грузины называли его "Кхевизскари" (т.е. по верхней долине Терека), армяне — "Аландским" (аланским), каковое название оно носило у арабов. "Народное же предание уверяет, что ущелье это прозвалось Дарьяльским по имени царицы, обитавшей в замке и бывшей главою хищников, исполнявших окрестные страны ужасом; кажется, это справедливее, имея связь с историческим описанием о здешних амазонках".

Указанные нами предания о царице или княжне Дарье имеют много сходного с канвой лермонтовской баллады; героиня изображена женщиной властной, коварной, обрекающей на гибель, в жертву своей страсти, доверчивых путников. Различие в имени несущественно; некоторые из легенд этого цикла соприкасаются и с преданиями об исторической царице Тамаре. Но помимо того существуют и другие фольклорные или исторические данные, имеющие отношение к "Тамаре" Лермонтова.

С.И. Уманец указывал, что сама Грузия дает прототипы лермонтовского образца царицы-вахханки:

"Это были — Даредшана, жена имеретинского царя Александра (XVII в.), отличавшаяся жестокостью и распутством, и Тамара Дадиян, племянница карталинского царя Вахтанга V, известного в мусульманстве под именем Шах-Наваза. Из-за обладания этой легкомысленной красавицей ратовали царь Баграт, сын имеретинского царя Александра, который силою оружия отнял ее у Дадияна, и князь Георгий Гуриели. В 1678 г. Дадиян взял Кутаис, прогнал царя Баграта и снова вернул себе Тамару, но на следующий год Баграт с войском явился под стенами Кутаиса и овладел городом, а с ним и Тамарой. По смерти Баграта в Имеретии воцарился князь Георгий Гуриели, который женился на Тамаре, разошедшись первоначально со своей женой, которая была не кто иная, как дочь этой же самой Тамары" ...

Профессором А. Хахановым записано предание, содержание которого таково. Жили две сестры Тамары — одна благочестивая, в башне близ Ананура, а другая, волшебница, в замке на Терреке. Последняя зазывала путников к себе на ночь, а утром обезглавленные трупы бросала в Терек. Как волшебницу, ее не брала никакая сила; ее убил заговоренной пулей (пуговицей от своего мундира) русский солдат; труп ее был выброшен в Терек, и замок повелением божьим развалился; имя Тамары-чародейки было проклято. "В этой легенде, — говорит исследователь, — отражающей сходство с сказанием, послужившим сюжетом известного стихотворения Лермонтова, заслуживает внимания раздвоение типа Тамары на благочестивую и нечестивую и своеобразная смерть последней".

Приведем еще одну легенду, приуроченную к так называемому Сацхскому замку, находящемуся на расстоянии версты от Мцхета, на берегу Арагвы. Эта легенда гласит, что некогда жила княгиня Хорешана, которая бросила мужа, поселилась в уединенном замке и зазывала к себе на ночь проезжих, кто только ей нравился, а наутро, чтобы они не могли ничего выдать, она обезглавливала их и бросала в Арагву. Муж, переодевшись иностранным купцом, скрыв под одеждой оружие, вечером направился к замку; его зазвали туда. Жена не узнала его. Когда она зашла, он отрубил ей голову и тайком выехал из замка.

Отметим, наконец, очень любопытный литературный источник, который, по времени своего опубликования, мог быть известен Лермонтову.

В 1836 г. вышла в Петербурге отдельным изданием повесть без указания автора под заглавием "Таинственная или кавказское мщение". Действие ее происходит на Кавказе; в ней выступают грузины, осетины, ингуши, татары. Одним из главных действующих лиц этой повести является Фатъма (Дареджан), живущая с татарами в дарьяльском замке. У нее была шайка, с которой она занималась разбоем. Повесть заканчивается описанием разгрома этой шайки; Фатъма умирает, а замок ее уничтожен, чтобы впредь не мог служить прибежищем для разбойников. В повести упоминается царица Тамара. В комментариях автор сообщает исторические сведения о дарьяльском замке и указывает, что источником завязки его произведения является "простонародное предание всех окрест живущих горцев" (ч. IV, 158-160). Повесть завершается следующим "Заключением", которое мы приведем полностью:

"Протекли столетия. Время изгладило самые следы исторического воспоминания о вертепе разбойников, предводимых ужасною Дареджаною. Но предание сохранило оное, в названии Дариела, которое и до сего времени носит полуразрушенный замок, стоящий на одной из громадных кавказских гор по военно-грузинской дороге. Узкое ущелье, по коему несетя бешеный Терек, также называется Дариельским ущельем.

Если судьба когда-нибудь приведет вас путешествовать в Грузию, то, въезжая в ущелье Кавказского хребта, по коему пролегает военно-грузинская дорога, велите указать себе Дариельский дом (название, которое носит между горцами упомянутый замок) и полюбуйте на неимоверные усилия природы, старавшейся сделать это место одним из самых неприступных. — Спросите у вашего провожатого: "что это за здание?" — и услышите в ответ: "здесь жила когда-то разбойница Дареджана" (ч. IV, 145—146).

Обобщая все эти фольклорные данные, отмечаем следующее. В основу баллады "Тамара" Лермонтовым взяты легендарные грузинские мотивы, которые ему могли быть известны из литературных источников (монографии Гамба, Дюбуа, повесть о Дареджан, вышедшая в свет в 1836 г.) и из народных расска-

зов, слышанных автором во время поездки в Грузию в 1837 г. Народные предания группируются вокруг нескольких имен — царицы (княжны) Дарьи (Дариеллы), Тамары (сестры подлинной царицы Тамары), Хорешаны, Дареджаны; эти лица легендарные, но в преданиях они связаны отчасти и с историческими именами — царицы Тамары, воспитой Руставели, Тамары Дадиян, племянницы карталинского князя Ваханга V, и имеретинской царицы Дареджаны. Имя Тамара, как мы видели, звучало в цикле легенд, связанных с Дарьяльским замком, и поэт был верен духу местных преданий, остановившись на этом популярном имени.

Приписывание "демонических" черт Тамаре исходит из народных сказаний и не является, таким образом, измышлением Лермонтова, якобы противоречащим духу грузинского фольклора. По народной традиции, предания относятся к замку, находящемуся в Дарьяле. Героиня преданий изображается в них то царицей, то княжной, то разбойницей. Различно изображается в многочисленных вариантах и ее судьба, но в большинстве мотивов героиня характеризуется натурой мятежной, властной, коварной; в жертву своим страстям она приносила завоуженных ею путников, низвергавшихся потом со скалы в Терек. Раздвоение образа популярной царицы Тамары на два образа, совершенно противоположных, — явление, возникшее в народном творчестве. Такое явление не единично. Напомним Амирана, этого кавказского Прометея, который по одним версиям является носителем положительных черт, рисуется благодетелем человечества, а по другим — наделен отрицательными чертами, изображается врагом людей. Эту особенность народных легенд подметил и Лермонтов, изобразивший Тамару двойственной натурой:

Прекрасна как ангел небесный,

Как демон коварна и зла.

Она свергает в бушующий Терек жертву, а вслед звучало "прости".

И было так нежно прощанье,

Так сладко тот голос звучал,

Как будто восторги свиданья

И ласки любви обещал.

Обрисовка характера царицы, важнейшие художественные подробности — зазывание путников, ночные оргии, кровавая расправа с любовниками, — находят соответствие в грузинском фольклоре. Сумрачными красками, верными и преданиями, и действительной обстановке, описал поэт замок, дарьяльскую теснину и бурный Терек. Целый ряд черт, встречающихся в фольклоре, не нашел отражения в балладе; например, рассказы о том, что героиня предания была атаманом разбойников, что у нее была сестра — царица и т.п. Поэт мастерски развил в тесных рамках баллады сложное содержание и облек свой сюжет в превосходную форму, блестящую необычайной роскошью красок и музыкальных созвучий.

Наряду с образами, восходящими к истокам народной поэзии, Лермонтов внес совершенно оригинальные, новые образы ("огонек золотой", кидавшийся в очи путнику; чудный голос Тамары; "мрачный внух").

Выше (в гл. IV) мы упоминаем о том, что поэту были известны мифы горцев Северного Кавказа о дивах (дэвах); образ этих фантастических существ известен также в фольклоре народов Закавказья — армян, грузин и других. Профессор А. Грен указывал, что мифы о дэвах сложились в глубокой древности в Иране, откуда проникли на Кавказ с тем же наименованием, причем этим духам, считавшимся злыми, приписывалась чудовищная сила. На кавказской почве сказания о дэвах соединяются иногда с мотивами об Амиране; он борется с ними и за это прикован

ими к вершине горы. К мифам о дэвах в Грузии близки мифы о "каджах", упоминаемых в поэме Руставели.

Широко использован грузинский фольклор в излюбленной поэме Лермонтова "Демон" (1841 г.). Посетив Грузию, близко ознакомившись с ее прошлым, с жизнью и преданиями грузинского народа, с памятниками древности местного края, поэт совершенно заново переработал канву своей поэмы, начатой в ранней юности, и перенес место действия в Грузию; в окончательной обработке поэма заиграла новыми ослепительными красками и получила классическую завершенность. Прежние исследователи усматривали в этом произведении книжные влияния — Байрона, Гете, А. де Виньи и других иностранных поэтов, отчасти и воздействие лирики Пушкина (стихотворение "Ангел"). В свете новых разысканий с несомненностью устанавливается, что Лермонтов, как автор "Демона", более всего вдохновлялся кавказским фольклором, преимущественно грузинским.

Еще профессор Висковатов справедливо указал на то, что в "Демоне" поэт упоминает о том, как в пещере духе; что существуют грузинские предания о горном духе, полюбившем молодую девушку; что у осетин есть поверья о вьюгах, происходящих на Кавказе и внушающих населению страх; это поверье отражено в поэме, в описании снежной бури, последовавшей за погребением Тамары. Увлеченные сопоставлением книжных параллелей, затемнявших во многих работах подлинный замысел поэта, многие исследователи, писавшие ранее о Лермонтове, не пошли по верному пути, намеченному профессором Висковатовым.

Указанная им легенда о горном духе, полюбившем девушку, имеет следующее содержание.

Горный дух Гуд полюбил бедную девушку Нину, жившую в осетинском ауле, находившемся между горами Гуд и Крестовой, на берегу Арагвы. Любовь духа была так сильна, что он стал тяготиться своим бессмертием и помышлял о том, как бы стать смертным человеком и обратить на себя внимание девушки. Но Нина полюбила статного юношу Сасико. Гуд, страдая от ревности, завалил их снегом, когда они были одни в скале. Четыре дня, мучась от голода, провели они под лавиной, и стали ненавидеть друг друга. Их спасли, но любовь их исчезла, и старый Гуд разразился таким смехом, что целая гряда камней посыпалась с горы в Чертову долину.

Эту легенду отмечали многие лица, писавшие о Кавказе. Действительно, мотивы о любви бессмертного духа к земной женщине, о том, что он тяготится своим происхождением и был готов стать смертным, лишь бы испытать человеческие радости, о том, что его любовь, из ревности к юноше, сменилась ненавистью, — все это довольно близко к основным положениям, развиваемым Лермонтовым в "Демоне".

Укажем еще, что в одной грузинской сказке — "Горе царя Джумджума" — рассказывается, что жена этого царя находилась в любовных сношениях с "царем всех демонов", дьяволом.

Много легенд приурочено к Казбеку. В одних из них говорится о древнем монастыре (или кельях, вырубленных в скалах); по народным поверьям, доступ туда возможен только людям праведным, не знавшим греховной страсти любви. Там некогда будто бы жили 7 монахов. Девушка из селения Гергеты, переодевшись в мужское платье, проникла туда. Бог лишил их своей милости, но потом простил и взял на небо, создав созвездие Большой Медведицы. Жилища их запустили. Тот, кто отваживался подняться туда, погружался в сон и скатывался вниз. Этот мотив впоследствии вдохновил великого грузинского поэта И. Чавчавадзе, написавшего замечательную поэму "Отшельник".

В других легендах говорится о том, что на Кавказе живет богиня Мягкинен (Махкинан), не допускающая смертных к свя-

щенной горе Бешлам-Корт. Это предание ингушей, живущих в селении Гвилеты. По старинным народным поверьям, на Казбек взойти нельзя; если кто отважится подняться туда, там поднимется буря, пойдет снег — и человек пропал.

Какие-то из подобных легенд слышал и Лермонтов. В "Демоне" есть следующее место:

**Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сел,
Когда болезнь его сковала,
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На высоте гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоилися там...** (III, 484).

Один офицер, бывший на Кавказе в 50-х гг., указывал в своих воспоминаниях, описывая поездку по Военно-Грузинской дороге: "На одной скале Казбека чернеет старинная христианская церковь, легенда об основании которой так прекрасно рассказана Лермонтовым в его поэме "Демон".

В конце поэмы автор вновь упоминает о месте погребения Тамары и ее предка.

**Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
.....
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых;
То песню долгую заводит,
То окликает часовых...** (III, 487—488).

Поэту было известно еще какое-то предание о старинной часовне на берегу Арагвы:

**И вот часовня на дороге...
Тут с давних пор почит в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый демон возмушал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,
Уста невесты целовал.** (III, 461—462).

Описывая гибель князя Синодала, автор исходит из фольклорной мотивировки: князь не выполнил положенного обычая, не почтил часовни, так как он, смущаемый демоном, думал только о Тамаре — и вот он достигнут смертью.

Необходимо отметить, что до настоящего времени при анализе поэмы "Демон" лермонтоведы совершенно не останавливались на образе жениха Тамары — князя Синодала. Создавая образ этого удалого наездника и бойца, любящего жениха, которого так внезапно сразила "злая пуля", автор, несомненно, тоже

исходил из народных грузинских преданий. Об этом говорит он сам, вводя в поэму отмеченный нами эпизод о часовне, которую не почтил беззаботный жених.

Но помимо того мы можем привести чрезвычайно интересное грузинское сказание, сюжет которого в основном совершенно сходен с историей любви Тамары и князя Синодала, так трагически прервавшейся. Ввиду того, что оно до сего времени не привлекалось к изучению в лермонтовской литературе, передаем его подробно. Опубликовано оно было в 1849 г. в журнале "Закавказский вестник" под заглавием "Воспоминание о Сулхасе".

В одном замке жил в деревне Джанияшени выходец из Велокан, лезгин Ибрагим, принявший христианство. Он имел единственного сына по имени Сулхай, который полюбил девушку Паризу. Отец ее Леон дал согласие на их брак, и начались пышные приготовления к свадьбе; созвали всех родных, друзей и соседей. Сулхай с толпой родственников и друзей, одетых в железо, поехал к невесте. Уже недалеко была деревня, в которую он ехал, только небольшой лес отделял Сулхася от его невесты. Он пустил борзого коня вперед, оставил провожатых позади и не успел въехать в лес, как на него напали разбойники; сопровождавшие его всадники кинулись на помощь, но Сулхай уже плавал в крови, и одна кисть его руки была отрублена; с него сняли и богатое оружие; разбойники исчезли. Между тем прекрасная Париза с родственниками и подружками с нетерпением ожидала в замке прибытия жениха. Все были веселы, и только старая мать Сулхася, Тинатина, предчувствовала беду и послала навстречу жениху несколько человек; с ними была любимая собачка Сулхася. В замке был приготовлен обед. Мужчины и женщины сидели на богато убранных тахтах; звучала музыка; девиц вызывали на пляску буйной лезгинки. Вдруг послышался жалобный визг собачки, которая принесла руку жениха. Сулхася схоронили. Потом умерли его родители. Париза не могла забыть жениха и поступила в монахини.

При наличии некоторых второстепенных несходных черт (имена действующих лиц, упоминание о родителях жениха, мотив об отрубленной руке) это предание имеет много общего с лермонтовской фавулой: 1) действие происходит в Грузии; 2) Париза, как Тамара, ожидает приезда жениха, в ее замке ликование, танцы; 3) жених спешит с отрядом всадников на брачное пиршество; 4) он подвергается нападению разбойников и погибает в схватке с ними; 5) свадебное торжество сменяется скорбью, жених прибыл в замок невесты мертвым; 6) невеста с горя идет в монастырь.

Очевидно, Лермонтов слышал один из вариантов этого предания и сюжет его, в творчески измененном виде, внес в поэму. Содержание ее складывается из двух основных мотивов: 1) о Демоне и Тамаре, 2) о князе Синодале и Тамаре; оба мотива находят соответствие в грузинском фольклоре.

В "Демоне" встречаем беглое упоминание о скованном великане; описывая безутешное горе Тамары, оплакивающей умершего жениха, автор далее говорит:

...и в ночном молчанье

Ее тяжелое рыданье

Тревожит путника вниманье;

И мыслит он: "то горный дух,

Прикованный к пещере стонет!"

И чуткий напрягая слух,

Коня измученного гонит. (III, 469).

В главе IV мы уже указывали, что миф с таким мотивом нашел отражение в поэме "Измаил-Бей"; в "Демоне" находим отзвук грузинских сказаний об Амране, широко распространенных в фольклоре в разных вариантах; они известны также

у юго-осетин, абхазов, армян и других закавказских народов. Ввиду того, что у Лермонтова это сказание упоминается вскользь, не останавливаясь на нем детально. Отметим лишь, что основная канва сказания сводится к следующему: герой, носящий у грузин и юго-осетин имя Амрана (Амрана), у абхазов — Абласкира, у армян — Артавазда и Мгера, — разгневал верховное божество, за что скован и заключен в пещеру; с ним его верный пес или конь; по одним версиям, герой — добрый дух, друг людей, по другим — их враг, освобождение которого принесло бы людям великие бедствия. Образ этого героя соответствует в древнегреческих мифах Прометею, означаемому, по разъяснению академика Н. Я. Марра, "солнце" (буквально — "дитя неба"); ему приписывают изобретение огня. Образ кавказского богатыря, запертого в пещере, очень ярко описан в армянском эпосе "Давид Сасунский".

Мотив об Амране оставил глубокий след и в литературе кавказских народов. Существует средневековая грузинская повесть "Амиран-Дареджаниани" (конец XI или начало XII века), соприкасающаяся с персидским эпосом. Великий грузинский поэт А. Церетели ввел этот миф, придав ему иносказательный смысл, в поэму "Торнике Эристави" (1884 г.):

На Кавказе к цепи горной

Амиран прикован был.

Грудь героя ворон черный

Расклевал и раскогил.

Поделиться смелый с нами

Взятым у богов огнем,

И великой жизни пламя

Не могло угаснуть в нем.

Вновь затягивалась рана,

Исцелялась снова грудь.

Сил не стало у тирана

Шею гордому согнуть.

И досталась победа

Амирану в той борьбе.

С той поры победа эта,

Род людской, пример тебе!

Наша Грузия подобна

Амирану, славные друзья!

Недрузи кружатся злобно.

Словно стая воронья!

Но придет, настанет время,

Цепи разорвет народ,

Сбросит он страданья бремя,

Встретит радости приход.

Осетинскому драматургу Э. Бритаеву принадлежит пьеса "Амран", в основу которой положены юго-осетинские народные сказания.

Об интересе Лермонтова к грузинскому фольклору свидетельствуют введенные им в поэму "Демон" грузинские слова, сопровождаемые пояснениями: "чадра" ("покрывало"), "зурна" ("род волынки"), "чуха" ("верхняя одежда с откидными рукавами"), "папах" ("шапка, в роде ериванки"), "чингар" ("чингар, род гитары"). Очень характерна одна деталь в описании Койшаурской долины:

И кущи роз, где соловьи

Поют красавиц безответных,

На сладкий голос их любви. (III, 457).

Образы соловья и розы, как аллегория любви юноши к девушке, известны в грузинской народной поэзии. В одной песне говорится:

Я бы желала во что-нибудь превратиться —
Превратиться именно в соловья,
Знать его прекрасный язык
И воспевать цветы садов.

Этот мотив развит в изящном стихотворении грузинского классика Н. Бараташвили, современника Лермонтова:

Соловей на кусте щебетал в нетерпенье.
— Роза, горе мне! В сердце болезнь и мученье.
Удостой лепестков твоих видеть цветенье,
Я меж листьев томлюсь под вечернею тенью.

.....
Целый день розы милой я ждал расцветанья.
Жизнь и песню ей отдал бы без колебанья.
Я не знал, что мое невозможно желанье.
Ждал цветенья, не думал я об увяданье.

(1833 г.)

Образы соловья и розы являются традиционными также в армянской и азербайджанской поэзии. Внося их в свою поэму, Лермонтов уловил характерные особенности стиля любовной лирики народов Закавказья.

Он глубоко проникся мотивами грузинского фольклора, создавая свою замечательную поэму. Однако, как художественное целое, она является вполне оригинальным произведением. Образы народного творчества, привлечшие его внимание, ряд сюжетных положений из мира народного творчества грузин и смежных с ними племен он глубоко переработал, искусно связал их с образами совершенно оригинальными, подчинив все единому творческому замыслу, поражающему глубиной чувств, грандиозностью и яркостью картин, изумительным богатством языка. Описание полета Демона над Дарьяльским ущельем, пляски Тамары, бешеной скачки коня, вынесшего тело князя Синодала из боя, знаменитая клятва Демона — вершины поэтического мастерства Лермонтова. Живо интересуясь грузинским фольклором, изображая "демона" или "ангела", говоря о народных поверьях, автор совершенно не грешит мистикой; напротив, его поэма глубоко проникнута богорборческими мотивами; герой поэмы не средневековый бес-искуситель, а дух "познания и свободы", иронически отзывающийся о боге:

На вас не кинет взгляда:

Он занят небом, не землей!

Как в поэме "Мцыри", так и в "Демоне" Лермонтов страстно протестует против аскетизма; и для горца-послушника, и для Тамары-монахини монастырь является душевной тюрьмой, и оба они нарушили монастырские законы: Мцыри бежал

От келий душных и молитв

В тот чудный мир тревог и битв,

Где в тучах прячутся скалы,

Где люди вольны, как орлы...

Тамара полюбила "злого духа". Оба погибли в цвете лет, предпочли жизнь краткую, но бурную, исполненную страстей, презирая прозябание в монастыре и хилую старость. Поэмы пронизаны мятежными мотивами, мотивами борьбы во имя раскрепощения личности и мужчины, и женщины от всякого гнета и обмана. Черная для творческой работы величавые образы из области фольклора, Руставели создал "Витязя в тигровой шкуре", Гете — "Фауста", Лермонтов — "Демона", обогатив мировую литературу бессмертными произведениями. Грузинское духовенство на протяжении веков преследовало поэму Руставели, сжигая ее списки из-за "опасных", "вольнодумных" идей, вложенных в нее; такая же участь постигла и "Демона": лермонтовскую поэму царская цензура то не допускала в печать, то вычеркивала "вредные" стихи из нее; эту поэму преследовало и духовенство

во. Недаром на стене одного храма Лермонтов был изображен в аду, объятый пламенем.

Зато передовые люди нашей страны высоко ценили эту поэму Лермонтова. Белинский, говоря о "Мцыри", писал далее:

"Как жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, действие которой совершается также на Кавказе, и которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило "Горе от ума": мы говорим о "Демоне". Мысль этой поэмы глубока, несравненно зрее, чем мысль "Мцыри", и хотя исполнение ее отзывается некоторой незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образов ставит ее несравненно выше "Мцыри" и превосходит все, что можно сказать в ее похвалу".

Поэма, несмотря на хлопоты самого автора и его друзей, не увидела света при его жизни. Белинский собственноручно переписал ее для своей невесты М.В. Орловой. Переписывание поэмы, чтение ее в кругу близких лиц приносило Белинскому большое удовольствие; в одном из писем он сообщал: "Демон" сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувств, красот. Я его столько раз читал — и слушатели были так довольны..."

Находясь в Закавказье, Лермонтов имел также возможность соприкоснуться с фольклором Азербайджана и Армении. Будучи в ссылке, он начал учиться "татарскому" (т. е. азербайджанскому) языку.

В черновом прозаическом наброске, начинающемся словами "Я в Тифлисе"... (1837 г.) поэт упоминает об "ученом татарине Али" (V, 357). Относительно расшифровки этого имени существуют два предположения: это или азербайджанский писатель Мирза Фатали Ахундов (1812—1878), имевший знакомство в среде декабристов и живший в то время в Тбилиси, или же уроженец Сальян, по имени Мамед-Али, слышавший в ту пору среди азербайджанского населения в Тбилиси весьма образованным человеком. Как бы то ни было, поэт был знаком с ученым азербайджанцем, который мог оказать ему содействие и в овладении азербайджанским языком, и в изучении азербайджанского фольклора.

Ярким свидетельством интереса Лермонтова к азербайджанскому фольклору является переложенная им на русский язык сказка "Ашик-Кериб" (1837 г.). В ней описывается скитальческая, исполненная трудных испытаний жизнь странствующего певца (ашуга). Он был разлучен со своей матерью, сестрой и возлюбленной, которую звали Магуль-Мегери, но, в конце концов, вознаграждается за все бедствия: возвратясь домой, он женится на любимой девушке.

Главным действующим лицом сказки является народный бродячий певец — ашик. Он имел "высокое сердце" и "дар песен"; играя на "саазе", прославляя древних витязей Туркестана, он ходил по свадьбам и пленял сердца слушателей своим чудесным искусством. Он был беден. Магуль-Мегери — дочь богатого купца; но он полюбил ее не из-за корыстолюбивых целей, а за прекрасные душевные качества.

Сказка эта возвеличивает личность народного певца, человека скромного, талантливого музыканта, хорошего сына, доброго брата, верного в своей привязанности жениха. В сказке говорится, что он пользовался уважением среди народа: "Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили, он за это пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город: и слава его разнеслась повсюду" (V, 178—179).

Достоинной его избранницей является Магуль-Мегери; ее хотели выдать замуж за немилого; она поклялась остаться верной

бедному ашику и во время свадебного пира сидела с подругами за занавесом, держа в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал. В последнюю минуту неожиданно прибыл Ашик-Кериб, принесший счастье всем близким: он женился на своей возлюбленной, вернул зрение слепой матери, выдал замуж сестру. Сказка полна жизнерадостности, а это, как указывает М. Горький, характерная черта фольклора каждого народа. "Очень важно отметить, — говорил он в докладе на первом всероссийском съезде писателей, — что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабский труд их был бессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами".

Эта сказка очень популярна в Азербайджане, Армении и в Турции. Сходный с лермонтовским вариант записан был в 90-х гг. XIX в. в селении Тарджан, Шемахинского уезда, Бакинской губернии. Лермонтов был в Шемахе; быть может, там он и слышал эту сказку.

Знарок азербайджанского фольклора М. Рафили в специальной статье "Лермонтов и азербайджанская литература" указывал, что эта сказка возникла в XVI—XVII веках. Судьба самого Лермонтова близка к судьбе Ашик-Кериба: они поэты, покидали родину, странствовали, искали счастья и радости. Гариб — в переводе означает "странник", "чужестранец", "одинокий"; таким был и Лермонтов. Судя по написанию некоторых местных слов и песен, запись была сделана в северном районе Азербайджана — в Кубе или Шемахе. Большое сходство с лермонтовской сказкой имеет вариант, записанный в Гяндже (ныне Кировобад) в 1912 г. Поэт сохранил не только сюжет народной сказки, но и много азербайджанских слов с соблюдением азербайджанского произношения: Тифлиз (вм. Тифлис), Халаф (вм. Алеппо). Встречаются слова: "сааз" (азербайджанский народный музыкальный инструмент), "ага" (господин), "ана" (мать), "оглан" (юноша), "Хыдырилияз" (Илья-пророк), "рашид" (храбрый), "мисирское" вино (египетское вино) и др.

Сказка про Ашик-Кериба (Гариба) до сего времени очень популярна в Азербайджане. Она послужила канвой для либретто оперы "Шах-Сенем" Р.М. Глиера. Автор оперы так поясняет содержание и значение этой оперы:

"Опера "Шах-Сенем" — одна из первых азербайджанских опер, в которых наиболее полно использованы богатства народной музыки и устного народного творчества.

Почти все использованные в опере напевы являются старинными азербайджанскими песнями.

Лучшие песни ашугов, народные сказания и легенды всегда были насыщены духом борьбы и дышали ненавистью к поработителям народа. Народ, лишенный свободы, пламенно воспевал ее в своих песнях и сказках. Используя сокровища народного эпоса, воскрешая образы легендарных героев, композитор ставил своей задачей воплотить в своем произведении этот пафос героизма и свободолюбия народа.

Сюжет и музыка оперы подсказали решение постановочных задач. Сюжетом оперы послужила народная сказка, отсюда и желание постановщика придать сказочную красочность всей постановке, сохранив при этом замечательные реалистические меткие характеристики, данные в сказке.

В опере противостоят две борющиеся силы. С одной стороны, богатый, властный восточный деспот Бахрам-бек с толпой окружающих его приближенных, с другой — бедный Ашиг-Гариб, отвергающий во имя свободного чувства все преграды, поставлен-

ные феодальным миром, гордо несущий свое звание народного певца... Торжествует искренняя, неподкупная любовь, торжествует справедливость и воля к свободе, поддержанные народом".

Лермонтов, таким образом, избрал для перевода не случайный, а очень известный мотив, направленный в защиту свободы народного певца, свободы женщины; при этом он превосходно сохранил местный колорит, внося азербайджанские слова или выражения, личные имена и географические названия, сопровождал некоторые из них необходимыми пояснениями, например: "Ашик" — певец, "Кериб" — нищий, "рашид" — храбрый и т. п.

В турецком варианте имя героя — "Ашик-Гариб" (у Лермонтова — Ашик-Кериб) означает "влюбленный странник", имя героини "Маг-у-Альмигр" (у Лермонтова: Магуль-Мегери) — "Луна и Солнце". Лермонтов в подзаголовке назвал ее "турецкой сказкой", имея, быть может, сведения о ее распространении и в Турции.

Профессор Сазонович указал на то, что сказка "Ашик-Кериб" имеет распространение не только в Турции, где странствующие певцы распевают ее в кофейнях Румелии и Анатолии, но стоит в близкой связи с фольклором балканских стран и с русской былиной о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Он был склонен видеть в этом сюжете отражение западноевропейских романтических течений. Однако правильнее видеть родину этой замечательной сказки не на Западе, а на Востоке — в Турции и Азербайджане.

Вопросу же о близости этого сюжета с названной русской былиной посвящен ряд работ кавказоведа В. Ф. Миллера, который отмечает следующие сходные черты лермонтовской сказки и нашей былины:

1) уезжая в дальнюю сторону, Добрыня ставит жене своей определенный срок (3 года, 6 или 9 лет), после которого она может выйти замуж; так же поступает Ашик-Кериб относительно своей невесты; перед отъездом оба берут благословение у матери;

2) Алеша Попович привозит жене Добрыни "весточку нерадостную", что нет в живых Добрыни Никитича; такую же весть о гибели Ашик-Кериба привозит его невесте Куршуд-бек;

3) "желешенько плакала матушка Добрыни, слезила она очи ясные по своем родном дитятке"; мать Ашик-Кериба выплакала себе глаза о сыне так, что даже ослепла;

4) жена Добрыни не поверила рассказу Алеши, потому что ждала мужа сверх установленных шести лет еще столько же; Магуль-Мегери также не поверила рассказу Куршуд-бека;

5) получив весть о предстоящей свадьбе своей жены с Алешей, Добрыня необыкновенно быстро является в Киев: "его бурушка на гору поскакивает, реки-озера перескакивает, мимо башни через стену городскую перешагнул"; Ашик-Кериб скачет на чудесном коне Георгия и в два дня проезжает двухмесячный путь;

6) по приезде Добрыня прежде всего идет к матери, которая сначала не признает его, а затем объявляет, что Настасья выходит замуж за Алешу Поповича; Ашик-Кериб также по возвращении сначала идет к матери, которая не признала сына, пока не прозрела;

7) Добрыня, переодевшись скоморохом, берет гусли, идет на свадебный пир ко Владимиру, получает доступ как скоморох и поет песню с намеком на себя и жену ("где это видано, да слыхано, от жива мужа замуж идти"); Ашик-Кериб в виде певца с саазом идет в дом, где происходит свадьба, получает приглашение петь и поет песню с рассказом о своем чудесном возвращении;

8) жена Добрыни, признав его, забывая скромность, хочет перескочить к нему через стол; такое же нарушение скромности

дозволяет себе Магуль-Мегери, выскочив из-за полога к мужчинам и бросившись в объятия Ашик-Кериба;

9) ссора Добрыни с Алешей кончается легкой потасовкой и примирением; так же мирится с Куршуд-беком Ашик-Кериб;

10) роль примирителя играет на пиру Илья Муромец, быть может, не случайно, если вспомним о Хидер-Илиасе, доставившем Ашик-Кериба домой.

При совпадении этих деталей нельзя, однако, не отметить, указывает профессор Миллер, что в турецкой (кавказской) сказке мы находим ряд других черт, неизвестных нашим былинам. Добрыня лишь случайно играет роль гусяра, Ашик-Кериб — певец и музыкант по профессии. Отъезд Добрыни недостаточно мотивирован, и неизвестно, что он делал на чужбине несколько лет; отъезд Ашик-Кериба мотивирован желанием добыть деньги для женитьбы. Жена Добрыни ничего не делает, чтобы разыскать мужа; Магуль-Мегери поручает владельцу каравана разыскать жениха и напомнить о близости срока. Добрыне помогает быстро вернуться его бурушко, Ашик-Керибу — Хидер-Илиас. Ашик-Кериб возвращает матери зрение, чего нет в наших былинах о Добрыне.

По мнению проф. Миллера, "непосредственный оригинал былины весьма близок к приведенной сказке и, конечно, проник в наш эпос не с Запада, с Востока". По предположению автора, "восточный сюжет, приурочившийся, по не вполне ясным для нас мотивам, к Добрыне и Алеше, проник в наш эпос, вероятно, со стороны Кавказа". Слово ашик (влюбленный поэт) профессор Миллер сближает с арабским словом "эшк" (любовь; в связи с опубликованием в "Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа" (т. XIII) нового варианта той же сказки в Шемахинском уезде, профессор Миллер говорит, что этим подтверждается, какой широкой популярностью пользовался данный сюжет на Кавказе и в какой тесной связи он находился с местными бытовыми явлениями "ашикства".

По поводу п. 9 указанных профессором Миллером параллелей добавим, что имеются варианты былины, в которых Добрыня убивает Алешу.

Указание на сходство русской былины о Добрыне и Алеше Поповиче с лермонтовской сказкой "Ашик-Кериб" вошло в настоящее время в учебную литературу.

Говоря о наличии одинаковых сюжетов у различных народов, надо иметь в виду, что механическое, случайное заимствование не может иметь места. "Народная песня", — указывает П. Лафарг, — носит в общем местный характер. Сюжет порой может быть занесен извне, но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет. Песня не может быть навязана, как новая мода на платье. У самых различных и далеких народов находим схожие песни, сказания и обычаи". Сходства в поэзии и обычаях "у самых различных народов могут быть приняты в доказательство того, что все эти народы прошли через одинаковые ступени развития".

До последнего времени не указывался еще один популярный мотив азербайджанского фольклора, который, как мы полагаем, мог быть известен Лермонтову, — цикл песен "Кёр-оглы". Создание этого эпоса относится к концу XVI в. и началу XVII в. Герой этого эпоса Кёр-оглы (сын слепого) является одновременно и ашугом, и неустрашимым воином, боровшимся против беков и пашей во имя свободы народа. "Сказания о Кёр-оглы и по сей день поются ашугами Азербайджана. Этот старинный азербайджанский эпос оказал большое влияние и на поэтическое творчество других народов: есть целый ряд армянских, узбекских и грузинских вариантов о знаменитом азербайджанском наезднике, певце Кёр-оглы. В Закавказье сохранились башни, крепости, связанные с именем Кёр-оглы".

Вполне допустимо предположение, что такой известный, повсеместно распространенный в Закавказье сюжет был знаком и Лермонтову.

Для поэта этот цикл песен представлял очень большой интерес по разным причинам. Прежде всего, героем их является народный певец-воин. Если обратиться к лермонтовским образам, то он близок, как ашуг, к Ашик-Керибу; особенно же он походит на шапсугского наездника Казбича, который, как мы знаем, был мастер песни петь. Оба они были бедны, и все их богатство заключалось в любимых конях, которым не было цены.

Образ лихого коня занимает большое место в эпосе "Кёр-оглы". У Казбича лучшим другом был скакун Карагез вороной масти; Максим Максимыч рассказывал: "Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы" (V, 194). Казбич не отдал бы его ни за табун в тысячу кобыл, ни за какую-нибудь красавицу:

Золото купит четыре жены,

Конь же лихой не имеет цены.

Точно так же дорог был для Кёр-оглы его конь Гыр-ат, тоже вороной масти; в своей песне Кёр-оглы пел:

Цена вороного коня какова, спрашиваешь меня?

За сорок и сорок тысяч баранов не отдавай коня.

.....

За столько же тысяч табунов по столько же тысяч коней...

...Не отдавай коня!

Свое имущество Кёр-оглы на гладкую степь кладет,

Сядь и вещам доведи счет до восьмидесяти тысяч сот

Пусть за коня тебя столько невест и столь же вдов ждет,

И столько же верных, здоровых рабов — не отдавай коня!

Когда у Казбича похитили коня, он выстрелил в Азамата, но дал промах; разбив ружье о камень, он повалился на землю и "зарыдал как ребенок". То же случилось и с Кёр-оглы; когда у него украли любимую лошадь, он рвал на себе тело и плакал. Свое горе он излил в трогательных песнях:

...Гыр-ат! Перепрыгни каменные хребты!

Остры твои уши, как тонкий камыш у залива!

Задешево стоишь туманов три тысячи ты!

Глаза твои — яблоки, девичьи локоны — грива...

Вернись, вороной!

Эй, вор, не обхаживай так моего коня!

Без него мне нельзя показаться в народе — бреду стороной...

Кёр-оглы закликает: О, вор, пожалей меня.

Глаза словно яблоки, в локонах грива... Где вороной?

Но Кёр-оглы был счастливее Казбича, и вскоре ему удалось вернуть любимого коня.

История Казбича и Карагеза, как видно из приведенных примеров, во многом напоминает подобный мотив азербайджанского эпоса.

В этом же эпосе находим еще один мотив, который мог привлечь внимание Лермонтова, — осуждение трусов, боящихся войны и изменяющих родине. Эта тема нашла глубокое одобрение в поэме "Беглец"; может быть, в ней имеются отзвуки песен Кёр-оглы. Приведем из них несколько отрывков:

Храбрые в день испытания быть тверды должны,

Разорить очаг беды должны,

Доблестями быть украшены должны!

Собственною кровью быть окрашены должны!

Храбрые в бою, как львы, рычать должны,

Как орлы, с налету дичь хватать должны...

.....

Только трусы свесить голову на грудь должны,

Трусы в собственном поту тонуть должны.

Храбрые должны лететь, как пух, на бранный зов,
 Для детей и жен купить покой должны...
 Матери, вскормившие трусливых псов,
 Громко выть и слезы лить рекой должны!
 Мы должны, как горная река, вскипать,
 Ринуться с высоких гор должны —
 Горы вниз кидать, поля вскопать!
 Трусы же принять позор должны
 Честь тому, чем доблесть высока!
 Мы ночлег и дом забыть должны...
 Брат, да здравствует твоя рука —
 В битвах славу мы добыть должны!

Песни Кёр-оглы Лермонтов мог услышать и в Азербайджане, на их родине, и в Грузии, где они также пелись среди азербайджанского населения. В дореволюционные годы в селении Гада-си-нар, Тифлисского уезда, было записано "Предание о разбойнике Кёр-оглы". Герой этого предания Кёр-оглы, сын табунщика, у него был славный конь. Убегав от хана, Кёр-оглы ушел в горы с отрядом удалцов. Он воин и песнопевец. В его четверостишиях, певшихся перед боем, звучит хвала храбрецам и презрение к трусам:

...Да обольются храбрые теплою кровью;
 Пусть вспотеет и постыдно унижится трус!
 Считающие себя отважными пусть выйдут на поле битвы!
 Смело и мужественно пусть скажут по нему!
 Да постыдится воспитавшая труса мать, —
 Пусть вечно она горюет и охает!
 .....
 Герой тот, кто сам себя вдохновляет
 И в день битвы на поле сражения голову слагает.
 Поддерживающему честь да будет слава и честь;
 Бегущему с поля битвы — стыд и позор!

В стихах Кёр-оглы мы встречаем те же мысли, какие вложены Лермонтовым в поэму "Беглец". Азербайджанский источник наглядно показывает, что когда поэт создавал это произведение, то был верен направленности героических песен кавказских народов. В песнях Кёр-оглы воспеваются храбрецы, готовые отдать свою жизнь за отчизну, и предаются беспощадному осмеянию трусы. То же мы находим и у Лермонтова:

**Отец и два родные брата
 За честь и вольность там легли;
 И под пятой у супостата
 Лежат их головы в пыли.
 Их кровь течет и просит мщенья,
 Гарун забыл свой долг и стыд;
 Он растерял в пылу сраженья
 Винтовку, пашку — и бежит!**

Ему не дали приюта ни друг, ни возлюбленная, ни мать; последняя с негодованием говорит сыну:

**Твоим стыдом, беглец свободы,
 Не омрачу я стары годы,
 Ты раб и трус — и мне не сын!..**

Он не вернулся на поле битвы, а малодушно покончил с собой.

**В преданьях вольности остались
 Позор и гибель беглеца.**

Поэзия Лермонтова в большой степени питалась истоками народной поэзии — русской и горских народов. Такие прекрасные его произведения, как "Измаил-Бей", "Бэла", "Мцыри", "Беглец" и другие насыщены тем духом вольности, отваги, который так характерен для фольклора народов Северного Кавказа и Закавказья, героически сражавшихся тогда за независимость своего края. В то время как в донесениях высшего ко-

мандования горцы именовались "дикарями", которых, в интересах царизма, надо было покорить, Лермонтов, неоднократно навлекая на себя немилость правящих сфер, питал глубокую симпатию к кавказским народам, изучал их быт, их прошлое, восхищался неисчерпаемыми богатствами их фольклора, внимательно и любовно изучал его. Порою даже какая-нибудь маленькая деталь, брошенная им как бы на ходу, свидетельствует о превосходном, тонком знании устного творчества кавказских народов, их языков.

Воспоминаниями о поездке в Закавказье навеяны небольшие отрывки начатых стихотворений, относящиеся к 1841 г.: "Лилейной рукой поправляя" и "На бурке под тенью чинары". В первом из них встречается слово "туксус", которое долгое время вызывало недоумение у редакторов сочинений поэта. Оно было разъяснено Н. Лернером, как "безбородый".

Однако, интересуясь Кавказом, поэт не гонялся за внешней красотью, не перегружал свою речь "восточными" выражениями. Стремясь к простоте, умело используя местные слова и образы, личные имена и географические названия, он не утомлял читателя, как, например, Марлинский, стиль которого нередко страдал сгущенной романтикой. В одном из писем Лермонтова, написанном вскоре после возвращения с Кавказа, встречается следующие строки, в которых автор искусно пародирует "восточную" манеру некоторых своих современников:

"Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я *благословил*, во-первых, *всемогущего Аллаха*, *разостлал ковер отдохновения*, *закурив чубук удовольствия* и *взял в руки перо благодарности* и приятных воспоминаний" (V, 394, — курсив наш).

Поэзия народов Закавказья, по нашему мнению, была близка Лермонтову не менее, чем поэзия горцев Северного Кавказа, и нашла отражение как в крупных его произведениях ("Демон", "Мцыри", "Беглец"), так и в ряде лирических стихотворений.

VII. Заключение

Ни один из русских писателей не уделял кавказскому фольклору такого углубленного, длительного внимания, как Лермонтов. Мир могучих героических образов и пламенных вольнолюбивых идей, созданный на протяжении долгих веков различными народами Кавказа, пленил творческое воображение поэта еще в самые ранние его годы; начиная с 14—15-летнего возраста, Лермонтов очень часто обращался к мотивам кавказской устной поэзии, изучая ее и вдохновляясь ею.

Мы привели различные примеры, подтверждающие, что поэт интересовался фольклором различных народов Северного Кавказа и Закавказья. В его творчестве имеются отзвуки народной поэзии кабардинцев, карачаевцев, шапсугов, чеченцев, ингушей, осетин, грузин, азербайджанцев, армян, а также греческих казаков.

Лермонтов интересовался различными жанрами кавказского фольклора — эпическими песнями, родовыми и историческими преданиями, сказками, лирическими песнями, пословицами и поговорками; его привлекал и старинный фольклор (о горном духе, об Амيرانе, о легендарной царице Дарье и др.) и современный, отображавший быт горцев и казаков той поры и события, связанные с Кавказской войной.

Из области этого фольклора Лермонтов почерпнул лишь такие образы или сюжеты, которые были созвучны общей направленности его творчества, как одного из самых передовых поэтов эпохи 20–30-х гг. XIX в. В его произведениях, связанных с кавказским фольклором, мы встречаем мотивы мужественной борьбы горских народов за национальную свободу, мотивы осуждения вредных адатов (кровавая месть, похищение женщины) и ханжества. Порицая великосветское общество с его косностью, лицемерием, интригами, пошлостью, поэт противопоставляет этим ничтожным людям сильные, цельные, свободолюбивые натуры, такие, как Мцыри, Казбич, Зара (в поэме "Измаил-Бей").

Изображая быт горцев своей эпохи, Лермонтов не прихорашивал их, а стремился, преодолевая романтику, рисовать жизнь тех или иных народов правдиво, реалистично. В среде тех же народов он с благородным негодованием и презрением клеймил тех, кто обманывал бедный народ (разоблачение мулл в поэмах "Каллы", "Аул Бастунджи") или изменял ему в минуту опасности (образ Гаруна-труса).

Обращаясь к древнейшим мифам, поэт и там находил близкие его душе могучие образы мятежного Демона или скованного великана, двойника Амираана и Мгера. Эти титанические образы также будили в душе читателей настроения, порождая протест против гнета феодально-крепостнического строя. Такие же величавые образы создавал поэт, проникаясь мотивами русского фольклора (Калашников). Лермонтов как народный поэт, каким назвал его еще Белинский, одинаково велик и в поэме "Беглец", и в стихотворениях "Казачья колыбельная песня" и "Бородино". Дворянин по происхождению, поэт смело ломал перегородки, отделявшие его от народа какой бы то ни было национальности, борясь с шовинистическими тенденциями аристократической и военной среды.

Поэзия Лермонтова пропитана духом интернационализма; он одинаково глубоко постигал фольклор русского народа ("Песня про купца Калашникова", гребенские мотивы), народов Кавказа ("Демон", "Мцыри", "Бэла" и др.) и Востока ("Три пальмы").

Высоком идейном уровне его творчества соответствует и замечательное художественное мастерство. Общеизвестно, какое громадное значение имело в развитии поэтического искусства использование фольклора Пушкиным, Некрасовым, Шевченко. Подобно им и другим великим поэтам народов СССР, Лермонтов, как художник слова, рос под благотворным воздействием народного устного творчества. Однако, беря многое из различных легенд, преданий и песен, он всегда проявлял глубокую самобытность; дух подражания, псевдонародности чужд ему как автору "Демона" или "Песни про купца Калашникова", горских или гребенских мотивов.

То, что было в фольклоре родственно ему, как достойному премнику Пушкина, он подвергал тщательной творческой переработке, изменял сюжет, вводил новых действующих лиц, как мы видели, например, в сложной творческой ткани поэмы Демон.

В развитии фабулы, в обрисовке своих героев, в сценах описательного характера, в диалоге — Лермонтов является несравненным мастером; такие произведения, как "Бэла", "Мцыри", "Демон" или лирические стихотворения "Казачья колыбельная песня", "Сон", "Тамара", — обогащают сокровищницу не только русской, но и мировой литературы, а они в отношении основных образов и многих художественных деталей выросли на фольклорной почве, как и многие произведения Гете, Пушкина, О. Туманяна и И. Чавчавадзе.

Очень характерной чертой Лермонтова является глубокое уважение личности народного певца. Он часто упоминает о нем в своей лирике:

**Так, перед праздною толпой
И с балалакою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный, и свободный.** (1829 г., I, 26).
**Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гусями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
Приказу ханскому внимал... (1830 г., I, 137).
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы.** (1838 г., II, 42).

Народный певец возвеличен им в поэмах "Последний сын вольности", "Песня про купца Калашникова". То же мы наблюдаем и при чтении произведений Лермонтова с кавказской тематикой — в "Измаил-Бее", в "Ашик-Керибе". Автор очень часто наделяет своих героев любовью к пению: у него поют песни, полные глубокого значения, контрабандистка в "Тамани", Бэла, Казбич, Зара ("Измаил Бей"), Демон, Тамара (в поэме "Демон"), невеста Гаруна ("Беглец"), грузинка, которую встретил Мцыри, Хаджи Абрек и др.

Создавая замечательные типы в своих повестях и поэмах, искусно развивая действие, обычно очень сложное, быстро нарастающее и заканчивающееся драматической развязкой, поэт в совершенстве владеет и языком, проявляя в нем подлинную народность.

В поэме "Мцыри", описывая грузинскую девушку, шедшую с кувшином воды, автор говорит:

**Стройна под ношею своей
Как тополь, царь ее полей!** (III, 442).

В грузинской свадебной песне говорится, что "молодая должна быть стройна как тополь". Сравнение Лермонтова не случайно; оно выдержано в духе грузинской народной лирики.

В сказке "Ашик-Кериб" поэт широко пользуется словами и выражениями азербайджанского подлинника, но помимо этого он искусно вводит русские слова, соответствующие складу народной речи — "оперся на посох странничий", "большой охотник до песельников" и др.

Приемы поэта в передаче народных мотивов разнообразны: песню Бэлы он приводит в кратком пересказе Максима Максимыча, песню Казбича — в стихотворной, рифмованной форме, песню контрабандистки в стихотворной форме, но без рифмы.

Очень искусно пользуется Лермонтов различными приемами, свойственными народной песне или сказке: повторением (троекратное обращение Терека к Каспию, Азамата — к Казбичу при разговоре о Карагезе), припевом ("Казачья колыбельная песня", "Много дев у нас в горах"), сравнениями ("Гарун бежал быстрее лани, быстрее чем заяц от орла"), гиперболизмом ("если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска" — в сказке "Ашик-Кериб") и т. д.

В отношении виртуозности стиха Лермонтов является замечательным мастером. В "Казачьей колыбельной песне" поэт 7 раз повторяет припев "Баюшки-баю", причем каждый раз к этому припеву дает новую, не повторяющуюся рифму: твою, спую, бою, разошью, пролью, краю, свою. В ряде случаев поэт обращается к приему так называемого "кольца", начиная и заканчивая поэму или стихотворение одним и тем же образом: в "Ауле Бастунджи" ("Не знаешь ли аула Бастунджи?"), в песне Селима ("Месяц плывет и тих и спокоен"...).

Идейная и художественная ценность произведений Лермонтова, связанная с фольклором, еще при жизни самого поэта бы-

ла признана Белинским. "Кавказ", по его словам, "взял полную дань с музы нашего поэта". Высказывания его о различных поэмах и стихотворениях, о повести "Бэла" мы уже приводили. Очень высокую оценку стихотворения Лермонтова "Сон" дал Чернышевский:

"Прекрасное есть проявление идеи в одном отдельном предмете: потому случайности — необходимое свойство прекрасного. Так, идея "предсмертные грезы любящего — мысли о том, что его милая теперь инстинктивно чувствует свою потерю, что тяжело и ей теперь", должна принять, переходя в область прекрасного, например, такую форму: "В полдневный зной, в долине Дагестана" ... (далее цитируется все стихотворение). Здесь все, с начала до конца, облечено формой случайности: и положение обоих лиц, и время, и место, и все подробности. Прекрасное всегда является в подобном виде".

Произведения Лермонтова, навеянные в большей или меньшей степени кавказским фольклором, тесно связаны по идейной направленности, по содержанию с прочими его произведениями.

Герои кавказских поэм — "Каллы", "Аул Бастунджи", "Измаил-Бей" и др. — родственны героям поэм "Последний сын вольности", "Боярин Орша" или драмы "Маскарад", как люди сильные духом, свободолюбивые, но одинокие и глубоко несчастные. Богоборческие мотивы, вложенные в поэму "Демон", звучат также в поэме "Боярин Орша". Образ Демона имеет много сходного с образом Вадима (в повести из эпохи восстания Пугачева), Арбенина (в "Маскараде") и Печорина.

Произведения Лермонтова, в той или иной степени связанные с фольклором Кавказа, оказали большое воздействие на многих последующих русских писателей и писателей народов СССР.

Под воздействием Лермонтова Я.П. Полонский в 40—50 гг. написал цикл стихотворений, преимущественно посвященных Грузии. Полонский, тоже живший на Кавказе, заинтересовался грузинскими, татарскими, персидскими песнями. В ряде стихотворений он рисует образ народного певца ("Сатар", "Старый сазандар"). Влияние Лермонтова заметно в поэме В. Зотова "Последний хаек" (СПБ, 1842 г.), изображающей быт натухайцев и шапсугов. В этой поэме также есть упоминание о горском народном певце:

**Вдали лежал
У входа в грот старик. Седую
Он глядя бороду поет,
И песню гор его родную
Родное эхо отдает.**

Еще большее воздействие Лермонтова видно в стихотворениях и поэмах К.П. Белевича, служившего в 40-х гг., после смерти поэта, в Тенгинском полку. В своих произведениях "Чеченец Берсан", "Лезгин Али", "Дагестанка Буба" и других он обращается к мотивам горского фольклора. В большой степени сказалось влияние Лермонтова в кавказских произведениях Л. Толстого — от "Казаков" до "Хаджи Мурата" включительно. Живя на Кавказе, посещая те места, где ранее бывал Лермонтов (Пятигорск, Грозный, гребенские станицы, Тбилиси), Л. Толстой часто перечитывал стихи и прозу Лермонтова; изображая быт горцев и гребенцов, Толстой во многом исходил от идей и образов Лермонтова, которого он очень ценил. В одной записи 1854 г. он чрезвычайно тепло отзывался о Лермонтове: "Я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось мне более потому, что я начинаю любить Кавказ хотя по смертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи: война и свобода". Толстой немного учился чеченскому языку и записал некоторые песни на этом

языке, с помощью русских букв. В повесть "Хаджи Мурат" он внес несколько горских песен (чеченских и дагестанских).

Под воздействием Лермонтова Некрасов написал знаменитую пародию "Колыбельная песня" (1846 г.), вызвавшую резкие отзывы реакционной печати и цензоров, так как автор остроумно и зло осмеивал бюрократический строй.

Н.Г. Чернышевский в предпоследнюю главу романа "Что делать?" внес цитаты из кавказских произведений Лермонтова: из песни Казбича ("Много красавиц в аулах у нас"), из "Черкесской песни" ("Измаил-Бей") и из "Песни Селима" ("Измаил-Бей"); эта же песня впоследствии была перенесена Лермонтовым в поэму "Беглец"; он противопоставляет сентиментальным романсам мужественные горские песни о воле, о борьбе за свободу. Автор отмечает, что когда дама в трауре начала петь романс "Стонет сизый голубочек", то старалась "выводить ноты как можно визгливее", вызывая смех молодежи; затем, обращаясь к слушателям, она сказала: "Не выходит — и прекрасно, что не выходит, это не должно выходить — выйдет другое, получше", и она запела сильным, пышным контральто песню Казбича про "молодецкую волю", добавив припев из "Черкесской песни":

Не женися, молодец,
Слушайся меня!

Затем, исполняя песню Селима ("Месяц плывет"), описывающую отправление на бой джигита, которого любимая девушка напутствует словами:

— Мой милый, смелее
Верьайся ты року —

дама в трауре, говоря тем же "эзоповским" языком, обратилась к молодежи со словами: "В таких можно влюбляться, на таких можно жениться".

Очень знаменательно, что известный писатель Омелевский в романе "Шаг за шагом" (1870 г.) таким же образом использует цитату из Лермонтова ("Черкесская песня" в "Измаил-Бее", придавая ей иносказательный смысл. В беседе с Христиной Казимировной Жилинской герой романа Светлов, один из представителей передовой молодежи 60-х гг., говорит, что он никогда не женится; на вопрос "отчего?" он отвечает: "Оттого" ... и задумчиво продекламировал:

**На те деньги, молодец,
Ты купи коня.**

Некоторые из кавказских мифов и преданий, близких к лермонтовскому творчеству, нашли отражение в художественной прозе — в кавказских легендах Всеволода Соловьева "Старый Гуд" и "Бессо-безумный" и В. Светлова "Старый Гуд" и "Ночи Тамары". В "Старом Гуде" Светлов дает обработку легенды о горном духе, а в "Ночах Тамары" излагаются сказания о царице Тамаре, обитательнице Дарьяльского замка; в этой легенде автор использует грузинские народные предания и балладу Лермонтова "Тамара". Влияние Лермонтова бросается в глаза:

"В узкой теснине Дарьяла, на высокой, почти неприступной скале, высится замок Тамары. Затерянный в скалистых горах, он стоит одинок и мрачен" ... Путник видит освещенное окно. "И слышит он страстную песню томной и жгучей любви. У ворот замка путника встречают часовые, во дворе — евнух. Происходит пиршество, а под утро евнухи бросают полумертвое тело жертвы из замка; Терек с воем уносит его, а из окна смотрит Тамара, смеется, и звучат ее злобные речи.

Отзвуки лермонтовского "Демона" заметны в драматической поэме К.К. Случевского "Элоа", в стихотворении А. Блока "Демон" (1910 г.).

Лермонтов был одним из любимых авторов многих поэтов народов нашей страны еще в дооктябрьскую пору.

Ю. Веселовский в статье "Русское влияние в современной армянской литературе" (Москва, 1909 г.) приводит много примеров отзвуков лермонтовских мотивов в творчестве армянских классиков. Лермонтов был одним из наиболее любимых авторов О. Туманяна, которому особенно нравились: начало второй строфы 1-й части поэмы "Измаил-Бей" ("Как я люблю, Кавказ мой величавый") и посвящение к поэме "Демон" ("Тебе, Кавказ, суровый царь земли"); влияние Лермонтова видно в поэме Туманяна "Отверженный закон". Другой выдающийся армянский поэт, А. Исаакян, говорил: "Я не могу не признаться, что, еще начиная с детских лет, любимым поэтом моим был возвышенный, как Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого часто вдохновлялся, а именно его лирическими стихотворениями, "Демоном" и "Мцыри" и особенно "Песней про куща Калашникова".

Лермонтовым очень интересовались грузинские классики Н. Бараташвили и И. Чавчавадзе, осетинский народный поэт К. Хетагуров, посвятивший ему два глубоко прочувствованных стихотворения, из которых одно было прочитано автором при открытии Лермонтову памятника в Пятигорске в 1889 году. Созвучные Лермонтову места имеются в поэмах Коста "Фатима" и "Плачущая скала". Большое воздействие оказал Лермонтов на азербайджанского поэта Аббаса Сиххота, на татарских поэтов — Дердеменда, "Колыбельная песня" которого сходна с лермонтовской "Казачьей колыбельной песней", и А. Тукая; последний был глубоким почитателем Лермонтова.

Многие произведения Лермонтова с кавказскими мотивами переводились на языки — украинский, грузинский, армянский, азербайджанский, татарский и др.

По поводу 60-летия со дня смерти Лермонтова армянская газета "Мшак" писала:

"Лермонтов пользуется особой симпатией на Кавказе. Он любим в нашей стране потому, что значительная часть его творчества отражает кавказскую природу и жизнь его народов. Его прославившаяся поэма "Демон", его "Герой нашего времени", его "Мцыри", его "Хаджи Абрек" и другие стихотворения сделали имя Лермонтова на Кавказе народным, неизгладимо закрепили его память в сердцах кавказцев. Лермонтов — поэт Кавказа, и кавказцы будут помнить его вечно".

Лермонтовские мотивы, связанные с фольклором Кавказа, привлекали внимание многих композиторов, например: "Сон" ("Балакирев), "Грузинская песня" (Ладженский), "Казачья колыбельная песня" (Гречанинов, Направник, Ребиков, Черепнин и другие — более 20 мелодий), "Тамара" (Балакирев, Направник), "Песня Селима" из поэмы "Измаил-Бей" (Римский-Корсаков, Акименко, Балакирев), "Мцыри" (Сенилов, симфоническая поэма), "Хаджи Абрек" (оперы Рубинштейна и Траиллина), "Демон" (оперы Рубинштейна и Фитингоф-Шелля) и др.

Сочинения Лермонтова иллюстрировали Зичи ("Демон"), Врубель ("Измаил-Бей", "Демон"), А. Эберлинг ("Демон") и другие русские художники.

Многие дореволюционные критики, неправильно освещая поэзию Лермонтова, называли его крайним пессимистом, певцом личных страданий. Между тем в творчестве Лермонтова очень много мотивов жизнерадостных, зиждательных, поднимающих у читателя настроение бодрости. Немало таких мотивов в произведениях, имеющих связь с кавказским фольклором — "Мцыри", "Ашик-Кериб", многие места "Измаил-Бей" ("Черкесская песня", "Песня Селима"), песня Казбича, песня контрабандистки. Еще Белинский высказал замечательные слова, передавая свои впечатления о беседе с Лермонтовым, состоявшейся в 1840 г.

— Я с ним спорил, и мне отраднo было видеть в его рассуждении, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей смена глубокой веры в достоинства того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: "дай Бог!"

Такие мотивы лермонтовской поэзии дороги советскому читателю. Должную оценку великий поэт получил только при советской власти. Он был гоним при жизни, подобно Пушкину и многим другим передовым писателям дооктябрьской поры; его произведения уродовались цензурой; его драгоценные рукописи затеривались.

В наше время имя Лермонтова чтится во всей нашей стране наравне с именами Шевченко, Руставели, И. Чавчавадзе и других замечательных поэтов братских народов СССР. Его произведения переводятся у нас на многочисленные языки, в частности на языки тех народов, которые в дооктябрьскую пору даже не имели письменности.

Усилиями советских ученых обнаружены новые тексты Лермонтова ("Кавказец" и другие), новые его рукописи (последний вариант "Демона" и другие); документированы многие факты из биографии и литературной деятельности поэта, в частности о его пребывании на Кавказе, о его отношении к фольклору горских народов.

Лермонтов был одним из любимых классиков В.И. Ленина. "Я привезла с собою в Сибирь, — рассказывает Н.К. Крупская, — Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь".

Лермонтов близок советским писателям. Очень высоко ценил его М. Горький, ознакомившийся с его произведениями еще в юности. В повести "В людях" великий пролетарский писатель нарисовал яркую картину сильнейшего воздействия поэмы "Демон" на читателей-рабочих. "Я почувствовал, — говорит он, — силу поэзии, ее могучее влияние на людей". Когда он читал эту поэму рабочим, они слушали его с затаенным дыханием. "Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза. Но еще более волновало глухое, осторожное движение в мастерской, вся она тяжело ворочалась, и точно магнит тянул людей ко мне. Когда я кончил первую часть, почти все стояли вокруг стола, тесно прислонившись друг к другу, обнявшись, хмурясь и улыбаясь.

— Читай, читай, — сказал Жихарев, наклоня мою голову над книгой".

У Лермонтова, указывал М. Горький, начинают громко звучат ноты, почти незаметные у Пушкина, — это жадное желание дела, активное вмешательство в жизнь: "Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, — была вообще свойственна людям тех годов".

Будучи уже зрелым художником, писателем с мировой славой, он рекомендовал своим корреспондентам из писателей-рабочих учиться у русских классиков, в том числе и у Лермонтова. "Если вы позволите, — писал он поэту-самоучке С.Е. Ганьшину, — я бы рекомендовал вам внимательно прочитать старых русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Фета и Полонского, они бы очень помогли вам понять, что такое форма стиха, музыка слова. Что бы хорошо писать, — надо хорошо знать свой родной язык".

В творчестве советских поэтов много отзвуков кавказских мотивов Лермонтова. Упомянем о стихотворениях Б. Пастернака — "Приходил по ночам в синеве ледника от Тамары" (посвящение к первой книге стихов), о поэме Н. Тихонова "В дороге" (образ Мцыри). Особенно же близок был Лермонтов В. Маяковскому, являющемуся, как сказал товарищ Сталин, "лучшим,

талантливейшим поэтом нашей страны". Лермонтовские образы царицы Тамары, Демона и Тамары встречаем у него в стихотворении "Владикавказ — Тифлис", "Тамара и Демон", в поэме "Человек". Устанавливая преемственность своего творчества с лермонтовским, Маяковский говорит: "Мы общей лирики лента" ("Тамара и Демон").

В стихах поэтов народов СССР часто встречаем имя Лермонтова или упоминание о его образах.

В стихотворении "Арба и авто" грузинский поэт-орденоносец Г. Табидзе говорит о том, как изменились места, некогда описанные русским великим поэтом:

Военно-Грузинской
дорогой крутой,
Дарьяльским ущельем
несется авто.
И горы синеют,
и Терек во мгле,
и башня Тамары
видна на скале.
.....
Когда-то тесниной
в ландо проезжал
с конвоем и свитой
тупой генерал,
и дамы манерные
ехали с ним
восторженно млеть
под Казбеком седым.
Но наше столетье
трудом занято,
и мчится Дарьялом
советский авто.
Навстречу шоферу
аробщик ползет,
крича, чтоб машина
замедлила ход.
.....
Аробщик упрямится,
входит он в раж:
"Арба моя —
лучший в горах экипаж.
Люблю я родную
старуху свою.
Горами я еду
на ней и пою.
Она не изменит
дороге витой...
Не может сравниться
с арбою авто!"
Шофер усмехнулся
на ту воркотню!
"Старик, свороти,
а не то... отгони!"
И снова порхает
летучая пыль,
мелькает дорогою
автомобиль.
Хребет лиловет,
умолкла река,
и башня Тамары
уже далека...

Другой известный грузинский поэт, С. Чиковани, описывая Казбек, тоже вспоминает Лермонтова и созданные им образы:

...И разбитый, жадный Демон,
Перья крыльев разроняв,
Наклонясь кривою тенью,
Соблазнять пришел меня.
.....
Скалы движутся в тумане
Голос Демона затих,
Движусь в демонском обмане
И шепчу тревожный стих.
.....
...Иль это Лермонтов спешит?
И тучи, в полночи гремя,
Ползут и бьются щит о щит.
Крылатый ветер.
Дождь — кинжал —
Казбек исчез, и дух сбежал...

Сходные образы находим в лирике азербайджанского поэта Мамеда Рагима, переводчика произведений Лермонтова "Кавказский пленник" и "Мцыри". В стихотворении "Грузинка", воспевая любимую девушку по имени Тамара, он вспоминает русского поэта и его балладу:

Бывало — поздний луч луны на плитах стен блеснет,
Тамара сбрасывала труп в седую пену вод.
И по стремнинам и камням сквозь сумрачный Дарьял
Тела ее безмолвных жертв могучий Терек мчал.
Сверкали бранные мечи.
И по камням горы
Текли кровавые ключи
В кипении Куры.
И северной земли поэт,
Бродя в чужих краях,
Властительницу древних лет
Воспел в своих стихах.
Но и тебя, моя любовь, Тамарою зовут,
И людям песню о тебе на берегах поют.
И много в Грузии твоей других Тамар найдешь,
Но ты — не та "Тамар", и я на жертву не похож.

М. Рагим в другом стихотворении указывает, что Лермонтов близок ему, как родной поэт:

Я по мыслям тебе и чувствам брат,
Для меня твои песни — сокровищ клад.
.....
Ты возвысился, как величавый Эльбрус,
Полководец поэзии, доблестный русс.
Я тебя полюбил в лучезарные дни,
Как люблю Насими, Физули, Хагани.
Я хочу, чтоб тебя полюбили навек
В той стране, где родился могучий Бабек.
Я по мыслям тебе и по чувствам брат,
Для меня твои песни — сокровищ клад.

В эпоху Лермонтова народные певцы были людьми бедными, странниками; такими он и изображал их в поэме "Измаил-Бей", в сказке "Ашик-Кериб"; эта сказка, при всей своей фантастичности, содержит в себе много реалистических элементов; некоторые эпизоды из жизни ашика глубоко правдивы. Когда герой сказки был в Халафе, один паша, большой охотник до пения, случайно услышав Ашик-Кериба, велел привести его к себе. Тот с достоинством сказал: "Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб, — хочу — пойду, хочу — нет; как, когда придется, — и ваш паша мне не начальник". Его принудили пойти силою.

Жизнь народных певцов тогда, при Лермонтове, была трудна, горька, и сам поэт находился под опалой, был гоним.

При советской власти народный певец, какой бы он ни был национальности, высоко чтится. Многие ашуги, акыны — являются у нас людьми, которых чтит вся страна; их выдающиеся заслуги наше правительство отметило присуждением высших наград. Имена Сулеймана Стальского, Джамбула — необычайно популярны в СССР; их песни изучаются в школах наряду со стихами поэтов-классиков. В условиях, созданных ленинско-сталинской национальной политикой, пышно цветет фольклор всех братских народов, обогащаясь новыми мотивами о наших вождях, о знатных людях нашей прекрасной, цветущей родины. Бережно собираются и изучаются лучшие образцы народного творчества, созданные даже в глубокой древности. Так же торжественно, всенародно, как юбилеи Руставели, Пушкина, Шевченко и других классиков, отмечаются у нас многовековые даты величественных народных эпопей, подобных "Давиду Сасунскому" и "Джангару".

Фольклор и литература у всех народов развивались в тесной взаимосвязи. Глубоко интересуясь сокровищами народного поэтического творчества Кавказа, Лермонтов обогатил русскую литературу высокохудожественными, бессмертными произведениями; его пламенные идеи протеста против гнета самодержавия, против шовинистической политики царизма, против закоснелых адатов, его страстные речи, направленные в защиту личности народного певца, бесправной горянки, — имели в дооктябрьскую пору громадное революционное значение и оказали, в свою очередь, благотворное воздействие на творчество не только русских поэтов, но и поэтов различных других национальностей. Разве не знаменательно, что он был одним из любимых поэтов Шевченко, О. Туманяна, И. Чавчавадзе, К. Хетагурова, А. Тукая, Куратова и других замечательных поэтов различных народов нашей страны?

Находясь в ссылке, Шевченко писал одному из друзей, подразуемая Лермонтова:

Ты для меня прислал в неволю
Поэта нашего... На волю
Мне этим двери отворил!
Спасибо, друг мой! Почитаю
Хотя немного... Оживу...

Великому украинскому поэту-революционеру была близка участь горцев, которым он посвятил поэму "Кавказ", призывая их бороться, добиваться желанной свободы. Поэт скорбел о том, что кавказские горы "засеяны горем, кровью облиты", что у горца-бедняка только и есть, что "чурек и сакля". Эти мысли Шевченко близки к тем, какие высказал устами одного из своих героев Лермонтов; Исмаил-Бей, обращаясь к русскому офицеру, с негодованием говорит:

**За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной...
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?** (III, 227).

Шло время, но пока держался старый строй, положение горских народов не изменялось к лучшему; народный поэт Осетии Коста Хетагуров писал скорбные, гневные строки:

Цепью железной вам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают.
Край наш поруган, и горы отняли,
Всех нас позорят и розгами бьют.

То, что вызывало такой горячий протест со стороны лучших поэтов прошлого времени, рухнуло навсегда после великой Октябрьской социалистической революции. Раскрепощенные народы Кавказа, совместно с другими братскими народами СССР, одерживают теперь блестящие победы и на хозяйственном, и на культурном фронте. И в горах звучат теперь иные песни. Украинский поэт П. Усенко в стихотворении "Песня горцев" говорит:

Расскажите мне по правде,
Что за песня над горами?
Песню ту сложили горцы
И над краем поднимали,
Как выходят к небу горы,
В высоту, в долин просторы.
И не умолкала песня,
Уходя в ночные горы.
Нет, она опять звучала.
Песня гор и песня горцев,
Шла к сердцам, к ущельям милым,
С кругом золотого солнца
Поднималась песня силы,
Молодая песня горцев.
Незнакомое мне слово
В этом крае незнакомом —
Я тебя встречаю снова,
Как родное, точно дома.
Эти песни в горной теме
Мне еще роднее стали.
Я пою,
Пою со всеми —
Слава Ленин! Слава Сталин!

Мудрость века в той поэме.

Неузнаваемыми стали и места, некогда воспетые Лермонтовым. Мимо руин "замка царицы Тамары" вихрем проносятся автомобили, проходят группы экскурсантов, направляющихся в солнечную Грузию со всех концов страны. У подножья горы, —

**Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры, —**

теперь создана мощная плотина, над которой возвышается статуя В. И. Ленина. Прежние крепости Владикавказ и Грозный — превратились в цветущие столицы Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. Вершина величественного Казбека, которая, по местным народным поверьям, когда-то была недоступной, так как она охранялась "богиней вьюг", о чем слышал и Лермонтов, — теперь ежегодно успешно штурмуется не только опытными альпинистами, но и смелой молодежью из среды рабочих и учащихся. В стихотворении, обращенном к памятнику Лермонтова, К. Хетагуров говорил, что наступит пора "желанной свободы", когда его отчизна свободно войдет "в храм науки святой", научится "быть готовой на бой за великое, честное дело!" Эти мечты сбылись. Там, где в эпоху Лермонтова надо было ездить с "оказией", т.е. под прикрытием вооруженных отрядов, передвигаясь медленно, верст по 10-15 в день, — теперь пролегли великолепные шоссе, вдоль которых без конца тянутся богатые колхозные поля горцев и казаков; там кипит дружная творческая работа, слышатся радостные песни.

Эти картины отражаются и в стихах, посвященных памяти Лермонтова накануне его юбилея:

...Кругом картины уж иные:
Многоязычную толпой,
Освобожденный твой народ,
Твоя "немытая Россия"

Теперь проходят пред тобой!
 Теперь цветут ее народы,
 И гор кавказских племена,
 И гор роскошная природа,
 И под знаменами свободы
 Твоя любимая страна.
 Летя сквозь горные отроги,
 Гудят по рельсам поезда,
 Кругом проложены дороги,
 Бежит целебная вода.
 Цветет Кавказ твой величавый,
 Впитавший пролитую кровь,
 И, как вершин сияют главы,
 Так вечно сияет славою
 К тебе народная любовь.

В настоящее время крайне интересно отметить, как прошла столетняя годовщина со дня рождения Лермонтова — в июле 1914 года. Сложившаяся тогда общественно-политическая обстановка была очень неблагоприятна для юбилейных торжеств. Наступал канун империалистической войны. Правящие сферы и реакционная общественность очень неприязненно относились к памяти Лермонтова, с которым у царизма были старые счеты.

В печати сообщалось, что готовится просмотр произведений поэта, так как у духовной цензуры вызвали недовольство стихи из "Демона", в которых говорилось, что бог "занят небом, не землей". В одном из циркуляров по Смоленской губернии предписывалось педагогам указывать, что причиной дуэли Лермонтова послужил его собственный "злой, желчный и придиричивый характер". Подписка на памятник, соорудившийся в Пензе, провозглашалась по-казенному; в некоторых городах земские собрания отклоняли ассигнования или, ради формы, отпускали по несколько рублей или и того меньше.

В связи с началом войны торжественное ознаменование юбилея поэта было отложено, и сколько-нибудь широкого чествования его памяти не было. Во многих юбилейных статьях и речах творчество Лермонтова фальсифицировалось в угоду властям.

Выдающийся армянский поэт О. Туманян, большой почитатель и переводчик Лермонтова, посвятил ему в те дни статью, в которой с горечью говорил:

"Война помешала отпраздновать светлое событие, которое должно было вызвать ликование, взволновать миллионы сердец, полных благодарных и глубоких чувств, всех народов и племен от края до края России.

Торжество отложено. Но умолчать об этом дне нельзя, и меня сегодня охватывает глубокая грусть.

Я думаю о том, как не вовремя наступило столетие со дня рождения Лермонтова, так же, как не вовремя он родился сто лет назад".

Статья заканчивалась следующими строками:

"Когда мы сможем отпраздновать столетие со дня рождения Лермонтова, мы, кавказцы, проведем этот день не только как праздник в честь великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник в честь поэта, дух которого нам близок, который является приемным сыном нашей общей матери — Кавказа, еще с детства мечтавшим о кавказском небе и его синих горах".

О том же скорбел в свое время и К. Хетагуров, который, обращаясь к родине, говорил:

Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
 Его образ задумчивый, гордый,
 И в ущельях твоих будут живы всегда
 Его лиры могучей аккорды.

Возлюби же его, как изгнанник-поэт
 Возлюбил твои мрачные скалы,
 И почти, как святыню, предсмертный привет
 Юной жертвы интриг и опалы!..
 (1889 г.).

Заветные желания лучших людей осуществились при советской власти. Вся наша страна готовится торжественно, всенародно отметить славный юбилей одного из величайших наших писателей, — так рано погибшего, так преследовавшегося и при жизни и в последующие годы, пока держался старый строй. Живейшее участие в проведении этого замечательного праздника принимают народы Кавказа, жизнью и культурой которых так глубоко, на протяжении всей творческой деятельности интересовался Лермонтов. Для него, по его собственному признанию, Кавказ был как бы второй родиной:

**От юных лет к тебе мечты мои
 Прикованы судьбою неизбежной,
 На севере, в стране тебе чужой —
 Я сердцем твой, всегда и всюду твой.** (III, 530).

Из области богатейшего, многонационального творчества кавказских народов поэт почерпнул немало близких его мятежной, свободолюбивой душе идей и образов; вдохновившись ими, он создал замечательные произведения, являющиеся гордостью русской литературы и народов СССР. Они только теперь получили достойную их оценку, они волнуют нас глубиной вложенных в них мыслей и чувств, насыщенностью действием, яркостью картин, непревзойденной музыкальностью стиха.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, какими были, например, давление цензуры, низкая грамотность в широких массах трудящихся, недостаточно большой тираж популярных изданий сочинений Лермонтова, — имя его доходило до народа; его стихи через изустную передачу, через дешевые песенники проникали в народ и бытовали наряду с чисто фольклорными песнями. Такие его стихотворения, как "Казачья колыбельная песня" и "Сон", издавна пелись в гребенских станицах вместе с другими излюбленными на Терек литературными песнями Пушкина — "Черкесская песня" ("В реке бежит гремучий вал") и Гребенки ("Поехал далеко казак на чужбину"). В памяти казаков-старожилов еще накануне 100-летия со дня рождения Лермонтова сохранялись рассказы о пребывании великого поэта в станице Червленной, о написании там "Казачьей колыбельной песни" и о встрече его с Дунькой Догадихой.

О том, что лермонтовские песни были популярны среди гребенских казаков, сообщалось в печати в ближайшие после смерти поэта годы. Один из путешественников, побывавший на Северном Кавказе в 1851 г., сообщал в своих записках:

"А линейная казачка, в виду угрюмых гор Кавказа, под шумный плеск сердитого Терека, за колючим плетнем и за рогатками в своей избе, качая первенца, поет: "По камням струится Терек"..."

В горской среде сохранилось предание о знакомстве поэта с шапсугским наездником (братом Казбича Шеретлукова), который сообщил ему сюжет для поэмы "Хаджи Абрек".

Но пока существовал старый строй, широкого общения народных масс с поэзией Лермонтова, достойной оценки его заслуг и перед русским народом, и перед народами Кавказа не могло быть.

Лишь в наши дни, дни расцвета культуры национальной по форме и социалистической по содержанию, вдохновенные произведения Лермонтова, высоко гуманные, проникнутые то "горечью и злостью", то глубокой задушевностью и бодростью, звучат как родные во всех уголках нашей необъятной цветущей страны.

Примечания

Вопрос об отзвуках в поэзии Лермонтова мотивов кавказского фольклора давно привлекал внимание критиков и историков литературы, но предметом обобщающего труда до последнего времени не был. Высказывания по этому вопросу, содержащие в общей сложности немало ценных соображений и конкретных мнений об истоках различных образов и сюжетов великого поэта, имеются, например, в следующих источниках:

Белинский, "Стихотворения М. Лермонтова" ("Отечественные записки", 1841 г.); П. Висковатов, "Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова" ("Кавказ", 1881 г., № 203); он же, "Несколько слов по поводу поэмы "Демон" (соч. Лермонтова под его редакцией, Москва, 1891 г., III); П. Кулебякин, "Из местных воспоминаний о М. Ю. Лермонтове" ("Терские ведомости", 1886 г., № 19); В.Ф. Миллер, "Кавказско-русские параллели" ("Этнографическое обозрение", 1891 г., № 4, стр. 3–7); он же, "Экскурсы в область русского народного эпоса" (Москва, 1892 г., "Приложения", 22–25); А. Грен, "В горах Душетского уезда" (газ. "Россия и Азия", 1897 г., 7 октября); А. Веселовский, "Царица Тамара в народной легенде и у Лермонтова" ("Кавказ", 1898 г., №№ 6–7); он же, "Еще о царице Тамаре" (то же, № 66); А. Хаханов, "Из грузинских легенд" ("Этногр. обозрение", 1898 г., № 4, стр. 140); К. Каминский, "Станица Червленская" ("Терек", 1911 г., № 3980); Н.М. Мендельсон, "Народные мотивы в поэзии Лермонтова" (сб. "Венок М.Ю. Лермонтову", Москва-Петроград, 1914 г.); Л. Семенов, "Лермон-

тов и Л. Толстой", (Москва, 1914 г.); он же, "Лермонтов на Кавказе", (Пятигорск, 1939 г.); Л. И. Андроников, "Лермонтов в Грузии" ("Красная Новь", 1939 г., № 10–11); И.К. Ениколопов, "Лермонтов на Кавказе", (Тбилиси, 1940 г.) и др. См. также примечания в собраниях сочинений Лермонтова под редакцией П. Висковатова (1891 г.), И.М. Болдакова (1891 г.), В.В. Каллаша (1914–1915 гг.), Д.И. Абрамовича (изд. Акад. наук, 2-е изд., 1916 г.), Б.М. Эйхенбаума (1936–1937 гг.). Названная тема привлекает внимание профессора Н.Л. Бродского, молодого лермонтоведа т. Шадури и других лиц, изучающих жизнь и творчество гениального поэта, к юбилею которого готовится вся наша страна.

Настоящая работа является первым опытом краткого обобщающего обзора мотивов творчества Лермонтова, имеющих отношение к фольклору народов Кавказа. Учитывая важнейшие сведения, встречающиеся в трудах других исследователей, мы попутно вносим для освещения интересующей нас темы и новые данные, касающиеся различных произведений Лермонтова.

Ссылки на сочинения М.Ю. Лермонтова делаются по изданию, вышедшему под редакцией и с комментариями профессора Б. М. Эйхенбаума в пяти томах в 1936–1937 гг., (Москва-Ленинград, изд. "Academia").

Статьи В. Г. Белинского цитируются по изданию Ф. Павленкова, СПб., 1900 г, т. II.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа. —
Пятигорск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1941.

Дмитрий Михайлович Павлов

1884—1931

Дмитрий Михайлович Павлов — лермонтовед, кавказовед, попечитель Лермонтовского Кавказского музея ("Домик Лермонтова") в 1915—1916 гг.

Родился 25 ноября 1884 года в городе Задонске Воронежской губернии в семье отставного солдата. Учился в Воронежской духовной семинарии, а затем в Харьковском университете, после его окончания жил в Тифлисе, занимался преподавательской деятельностью. Увлёкшись археологией, выезжал в Париж для продолжения образования. После начала Первой мировой войны вернулся в Россию.

С 1915 года преподавал в Пятигорской мужской гимназии, в это же время стал членом Правления Кавказского Горного Общества, в ведении которого находился Лермонтовский музей. Павлова назначают его попечителем. Благодаря стараниям Павлова количество экспонатов в музее значительно увеличилось, были созданы новая музейная экспозиция, научная библиотека. В 1916 году музей приобрел экспонаты, которые и сейчас входят в число наиболее ценных: это, например, лист из "Памятной тетради домовладельца В.И. Чилаева" с датой пребывания Лермонтова в Пятигорске в 1841 году и жизни его во флигеле Чилаева, ставшем последним приютом поэта. Тогда же в музей поступил стол из мебели Чилаева, за которым были написаны поэтом его последние пятигорские стихи.

Д.М. Павлов разработал основные направления развития музея, которые актуальны и в настоящее время. Известны его исследования этого периода: "Лермонтовский Кавказский музей" (1916), "Прототипы княжны Мери" (1916), "Дуэль Лермонтова" (1917), которые внесли определенный вклад в развитие отечественного лермонтоведения.

С 1920 года Павлов активно включается в работу по созданию краеведческих организаций, занимается охраной памятников старины, не оставляя без внимания Лермонтовский музей в Пятигорске.

Краткая библиография

- Без имени автора. О.О. Иезуиты и Северный Кавказ, 1916.
Павлов Д.М. Лермонтовский Кавказский музей (изд. Кавк. горного общества). — Пятигорск: Электро-мех.тип.наследн. К.К. Кибардина, 1916.
Павлов Д.М. Очередные задачи Кавказского горного общества // Вестник Кавк. Горного общества, 1916. — № 1.
Павлов Д.М. Прототипы княжны Мери. Из очерков "Лермонтов на Кавказских Минеральных Водах". — Пятигорск: Эл. печатня Г.Д. Сукиасянца, 1916.
Павлов Д.М. Дуэль Лермонтова // Филологические записки. — Воронеж, 1917. — Вып. 1.
Павлов Д.М. Академия наук в истории Кавказских Минеральных Вод. — Пятигорск, 1926.

Д.М. Павлов создал курортный музей в Пятигорске и одновременно Дагестанский музей краеведения в Махачкале, став их директором. Д.М. Павлов — автор многих начинаний в изучении края, ему принадлежит идея создания Северо-Кавказского института краеведения. Программа развития института, разработанная Павловым, была утверждена Государственным ученым советом в Москве (не осуществлена). Он подготовил картотеку, составил археологическую карту Терского края и детальные карты древностей Кавказа Каменного периода и древностей Военно-Грузинской дороги. К сожалению, из-за отсутствия материальных средств эти начинания не получили развития.

Будучи сотрудником Дагестанского научно-исследовательского института краеведения, в 1927 году он участвовал в археологических раскопках на Рим-горе под Кисловодском, а в качестве заведующего Пятигорским курортным музеем в 1928 году принимал участие в сохранении памятников старины, связанных в Пятигорске с именем М.Ю. Лермонтова, которые в настоящее время являются объектами Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. В 20-е годы Павлов подготовил ряд работ по краеведению. Его исторический труд об озере Провал не потерял своей актуальности и в наши дни.

Преследование краеведов в начале 30-х годов коснулось и Д.М. Павлова. Он покончил с собой, будучи арестованным в апреле 1931 года. Его имя на долгие годы было предано забвению. Спустя 60 лет после смерти выдающегося краеведа в музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова началась работа по сбору документальных материалов жизни и деятельности попечителя Лермонтовского Кавказского музея.

К сожалению, портреты Павлова неизвестны, а на групповых снимках 20-х годов установить его личность оказалось сложным.

- Павлов Д.М. Декабристы на Кавказских Минеральных Водах. — Пятигорск, 1926.
Павлов Д.М. Искусство и старина Карачая: История изучения и описания: Материалы / Карач. секция Пятиг. отд. Северо-Кавк. ин-та краеведения; Пятигорское отд. Северо-Кавк. этнолого-археолог. комиссии. — Пятигорск: Терек, 1927. (Изд. Ассоциации Северо-Кавк. горских краеведч. организаций). То же: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Махачкала, 1926. — Вып. 45. — С. 233—264.
Рец.: Лунин Б. // Бюллетень Северо-Кавк. краевого Горского научно-исследов. ин-та краеведения, 1927. — № 1. — С. 38—39.
Павлов Д.М. Письма Л.Н. Толстому с Кавказа. — Пятигорск, 1928.
Павлов Д.М. Пятигорский Большой Провал. (Изд. Кавк. горн. об-ва). — Пятигорск: Гос. типо-лит., 1929.

А.Н. Коваленко

1916

Лермонтовский Кавказский Музей

Из доклада Кавказскому горному обществу

Прежде всего небольшое предисловие по вопросу о том, почему этот доклад предлагается вниманию нашей альпинистской организации.

Причины две.

С 1912 года "Кавказское горное общество" тесно связало свое имя с одной из драгоценнейших русских реликвий — с Пятигорским Лермонтовским домиком, в котором провел свои последние дни великий певец Кавказа.

Купленный городом, этот домик со всей усадьбой передан в ведение горного о-ва.

В наружном флигеле усадьбы теперь горный музей и библиотека, в пристройке к домику — магазин спортивных принадлежностей, в саду, под старинным современным поэту орехом, — беседка-приют для гостей-экскурсантов, членов разных спортивных организаций.

В силу этой близости к памяти Лермонтова Кавказскому горному о-ву вполне уместно отмечать все то, что имеет отношение к имени поэта как певца Кавказа.

В текущем 1916 году — 75 лет со дня смерти поэта. Не будь войны, этот скорбный юбилей отметила бы вся Россия, тем более, что недавнее празднование 100 лет со дня лермонтовского рождения было тоже заглушено неожиданным громом пушек.

К сожалению, России и теперь не до юбилеев. Поэтому ей простится, если она слабо отметит лермонтовскую юбилейную тризну.

Но нам, живущим и действующим на Кавказских курортах, нам, имеющим возможность ежедневно видеть и могилу поэта, и место его трагической кончины, и его скромный последний приют, нам имя поэта слишком близко и дорого, и мы не можем обойти безмолвием предстоящего грустного воспоминания.

Мы, наконец, не вправе этого сделать хотя бы по одному тому, что наш скромный Пятигорск поэтом прославлен на всю Россию, что наш волшебный край благодаря этому гостю навеки окутан нежной дымкой известных каждому грамотному русскому поэтических ассоциаций.

По всем этим причинам Кавказское горное о-во раньше других деятелей Пятигорска обязано громко откликнуться на очередную печальную юбилейную дату.

Идея настоящего доклада — скромная жертва на алтаре благоговейного и грустного воспоминания...

* * *

Над Пятигорском царит грустный облик Лермонтова. Здесь все насыщено памятью о поэте. Здесь так много Лермонтовских реликвий. Здесь каждый шаг ведет к какому-нибудь месту, кото-

рое поэт ознаменовал своим пребыванием. Здесь каждый взгляд не минет им возлюбленных и воспетых снежных вершин величавого Эльбруса, синеглавого Бештау, желто-зеленой Машуки...

В сущности, все Пятигорье — со всеми его далями и ближними высями — все оно целиком — один сплошной памятник певцу Кавказа, ибо оно — грандиозный пантеон его поэтических образов.

Сам поэт, орлиные полеты его божественной фантазии создали этот беспримерно величавый монумент.

И может быть потому, что лучшего памятника создать невозможно, может быть, поэтому на фоне укоризненно-молчаливой Машуки выглядят таким жалким и ничтожным то, чем лермонтовскую память пытались ознаменовать пятигорцы...

Как смешон этот опершийся на кулачок скуластый "черный дядя", которого в безвкусном Лермонтовском сквере посадил скульптор Микешин, надо думать, только для того, чтобы им пугали малолетних детей, или с той целью, чтобы ставить на вид взрослым, на какие сооружения стыдно тратить 54,000 из всероссийской подписки...

Как беден и плох дешевенький монумент, устроенный на не точно определенном месте дуэли, окаймленный тощими кустиками колючей акации...

Это ли те памятники, которые подобают излюбленной поэтом и обгаренной его кровью обители?

Это ли монументы, достойные всей той силы любви и преклонения, которая должна вечно гореть в сердцах вечно осеняемых лучами лермонтовского сияния счастливых пятигорцев?..

Нет, жители Пятигорья еще не создали достойного памятника поэту!..

До сих пор, чувствуя его, они шли по шаблонной дороге... До сих пор они отделялись водружением напоминающих изваяний.

Но здесь бессмысленны все старания напомнить о поэте, но здесь бестактны искусственные попытки привлечь к нему внимание!

Здесь совсем не место бездушным монументам!

Здесь, где все — сплошной поэтический памятник, здесь нужна не в новых напоминающих сооружениях, а только в одном содействии и руководстве, чтобы пылкий ум чутких поклонников поэта мог разобраться в том, с чем он сам навеки сочетал свое имя.

Здесь лучшая дань уважения к поэту — создание музея, поясняющего и иллюстрирующего трогательную историю его нежной любви к суровому Кавказу и его заслуг перед этим божественным седоглавым колоссом...

На Кавказе памятником Лермонтову должен быть прежде всего "Кавказский Лермонтовский музей", а место этому музею — именно в Пятигорске.

Он должен помещаться в Лермонтовском домике...

* * *

Мысль о том, что Лермонтовский домик — этот скромный приют бездыханного тела поэта, это место его последних поэтических переживаний, светлых радостей и тоскливых тревог — мысль о том, что этот домик должен служить вместилищем Лермонтовского музея — эта мысль так проста и естественна, что ей пора бы родиться полвека тому назад.

К сожалению, она не могла прийти в голову ни старому домовладельцу, отставному майору Чилаеву, который после выноса с его двора Лермонтовского тела окропил усадьбу святой водой, ни его преемникам по владению, которые кощунственно оскверняли домик своим в нем пребыванием.

В невежественных руках домик утерял свой былой внешний облик, он распротранен и вширь и ввысь, он обезображен внутри безвкусными шпалерами и дешевеньким линолеумом, он испорчен пробивкой новых безвкусных окон и уничтожением старого балкона, выходящего в сад из Лермонтовского кабинета.

Однако это не лишило его привлекательности и очарования.

С первых же дней, когда из него были изгнаны все обитатели, когда он стал общественной собственностью и был объявлен драгоценной реликвией — с первых же дней к нему потянулись вереницы почитателей того притягательного гения, коему он послужил последним верным приютом.

И с первых же этих дней стало ясным, что надо спешить с пополнением его пустых стен всем тем, что "Лермонтовского" имелось в Пятигорске.

Честь первого провозглашения этой всеми разделяемой богатой мысли принадлежит всецело нашему горному обществу.

Когда оно, по смерти последнего владельца Лермонтовской усадьбы, вместе с пятигорским о-вом пособия бедным, начало прилагать старания к тому, чтобы домик не попал в руки частного предпринимателя и с этой целью убеждало город купить ценную реликвию — оно давало последнему (правда, неоформленные) обещания организовать в домике музей и библиотеку.

И потому, когда домик стал городским достоянием, когда городское самоуправление передало его в ведение нашей организации, последняя перенесла в Лермонтовское обиталище только то, что имело к нему какое-либо отношение.

Так в мае 1912 года был заложен первый камень будущему "Лермонтовскому кавказскому музею".

Тем же летом горное общество уже в новом помещении торжественно отпраздновало десять лет со дня начала своей идейной работы.

На чествование явились многие представители местных организаций и учреждений и все они, после молебна, нанесли визит последнему жилищу поэта.

За обедом присутствующие собрали 63 рубля, положив этим начало "Лермонтовскому фонду".

С тех пор домик открыт для бесплатного обзора всех желающих, с тех пор горное о-во не оставляет мысли пополнить его реликвиями имени его дорогого жильца.

Однако занятое прямым своим делом, вынужденное действовать в весьма неблагоприятной материальной и нравственной обстановке о-во домику до сих пор не могло уделять той энергии и того внимания, которого он заслуженно требует.

Оно не выделяло забот о нем из круга других своих благородных обязанностей, оно даже не поручало попеченья о нем специальным лицам.

Поэтому о домике из членов о-ва заботились только те, кого влекло приложить свою энергию именно на это дело.¹

Они работали в тесном содружестве с посторонними лицами, пламенными почитателями Лермонтовской памяти.²

Они усердно искали на группах оставшихся от поэта реликвий, они настойчиво добивались того, чтобы эти реликвии были сосредоточены в драгоценном домике, вели расследования, портреты много труда и времени на переписку и переговоры. И после всех этих похвальных стараний пустые стены домика украсились 52 различными предметами.

Правда, среди этих предметов нет ничего особенно ценного, если не считать нескольких старинных фотографий и гравюр; правда и то, что в число их проникли более чем сомнительные "реликвии", какими являются даже стол и кресло, будто бы принадлежавшие (еще в годы юнкерства) поэту, а равным образом и все принадлежности комнатной обстановки из самозванного дома не существовавшей в действительности княжны Мери, — но все же и по освобождении от последних домика в нем останется 45 экспонатов. (Теперь их более 100).³

Конечно, этих скромных приобретений слишком еще недостаточно для того, чтобы собрание их можно было назвать громким именем краевого музея, но начало последнему ими уже положено — идея ими уже утверждена.

Оставалось продолжать симпатичное и важное начинание, упрочив его на твердых основаниях, придав организационным стараниям солидность и планомерность.

Истекшей осенью Кавказское горное о-во взяло на себя инициативу и в этом ответственном шаге.

На первом собрании обновленное правление о-ва (7-го ноября) вполне одобрило принципиальное мотивированное предложение пишущего эти строки о том, чтобы Лермонтовский домик выделить в особый предмет попечения, чтобы избрать ему из среды правления особого попечителя, чтобы немедленно же разработать проект планомерной организации в нем посвященного поэту музея.

Попечителем был избран автор предложения, ему же была поручена и выработка проекта.

К следующему собранию проект был приготовлен; его заслушали, одобрили и решили реализовать.

* * *

Основные тезисы проекта таковы.

Новому начинанию, после его упрочения, присваивается имя "Лермонтовский Кавказский Музей".

Оно реализуется применительно к идее "Лермонтов и Кавказ".

Организация его поручается особому, действующему при горном о-ве и под его контролем организационному комитету, в состав коего должен быть приглашен представитель городского самоуправления, а также могут быть кооптированы полезные сотрудники и не из членов о-ва.

Музей числится при горном о-ве, а в случае ликвидации последнего переходит к городу, как собственнику домика и усадьбы.

Горное о-во участвует в организационных расходах, привлекая к этому всех вообще обитателей Кавказа и курортов в лице разных самоуправлений, организаций и учреждений.

За обозрение музея не взимается ни платы, ни чаевых прислуге, взамен чего вывешивается кружка для сбора добровольных пожертвований.

Музей имеет целью собрать все то, что способствует: 1) уяснению жизни поэта в период его пребывания на Кавказе; 2) иллюстрации его кавказских произведений; 3) характеристике современного ему Пятигорья; 4) обрисовке отношения к его памяти со стороны кавказского населения; 5) при музее выделяется в особую группу все, что может характеризовать "Старое Пятигорье".

Музей составляется из: 1) предметного, 2) иллюстрационно-художественного и 3) книжного отделов, при нем находится 4) специальный архив.

В предметный отдел должны войти по возможности все те Лермонтовские реликвии, которые до сих пор еще находятся в частных руках. Целый ряд их имеется в Пятигорске, а также у выбывших в другие места наших сограждан, целый ряд еще разбросан по всей России.

Надо приложить старания к тому, чтобы они были уступлены в домик хотя бы на хранение.

На иллюстрационно-художественный отдел музей должен возлагать главную надежду.

Начиная свое формирование в весьма неблагоприятных условиях — уже после того, как почти все Лермонтовское попало в музей при Николаевском кавалерийском училище в Петрограде, наше учреждение главным образом может рассчитывать на копии и снимки.

Их и нужно собрать в возможно большем числе.

С возможной полнотой должен быть организован и библиотечный отдел.

В нем должны быть все издания произведений поэта, в нем должно быть все то, что трактует о его отношении к Кавказу и о времени его кавказского житья.

С особым тщанием сюда нужно собирать те многочисленные мемуары и заметки, в коих говорится о пребывании поэта на Кавказских Минеральных Водах. Можно предсказать, что этот материал будет возбуждать наибольший интерес у постоянных или временных пятигорских жителей.

Здесь же должно иметь место и собрание нотных переложений Лермонтовских поэм и стихов.

* * *

Если все эти предположения удастся осуществить, Пятигорск будет иметь достойный памятник любившему его поэту, Кавказ

и вся Россия обогатятся важным и значительным культурным приобретением.

Тогда оживятся и сиротливые стены Лермонтовского домика, теперь так тоскующие от грустной пустоты.

Тогда в сотни раз привлекательнее станет и самый домик.

Уже теперь под его ветхим сводом многие переживают минуты сладостного восторга. Уже теперь посещение его многих вознаграждает мгновеньями благоговейного счастья. Уже теперь побывать в нем — мечта многих сотен занесенных на нашу курортную ярмарку восторженных почитателей вдохновенной лиры поэта).⁴

Обставленный музеем он будет влиять не только на чуткое сердце поэтически настроенных душ, но и на холодный разум равнодушных прозаиков.

И тогда в него будет тянуть не только благородных мечтателей, но и трезвых ученых. Тогда паломничество к нему станет не целью одиночек, но долгом каждого, задачей всей России, влечением всех разноплеменных кавказских обитателей.

Совершенно ясно, что, беря на себя инициативу в столь широком и значительном государственном начинании, такая специальная организация, как "Кавказское горное общество" не может полагаться на одни свои силы.

Это дело настолько же выходит из рамок ее задач, насколько не соответствует ее скромным возможностям.

За это дело оно берется только потому, что твердо верит в поддержку российской интеллигенции и глубоко убеждено в возможности найти отклик в пламенных сердцах отзывчивых кавказцев.

Такие дела — гордость нации, поэтому достойное осуществление их может быть результатом только дружных усилий достойнейших сынов родины, понимающих всю необходимость работать для поддержания престижа своего отечества, пока пасующего перед внешним блеском западной культуры.

Поэтому к вам наш клич, достойные сыны России и Кавказа!

Мы беремся за все нам одинаково близкую трудную черновую работу, — поддержите нас хотя бы одним полезным словом сочувствия и ободренья, — помогите нашему делу посильной скромной жертвой! Мы занесем ваше имя на почетную запись, которая навсегда будет сохранена при музее, а со временем вам скажет искреннее спасибо благодарная Русь.

³Часть фотографий пожертвована Г.И. Раевым.

⁴См. "Книгу записей"

Текст и примечания печатаются по изданию:
Павлов Д.М. Лермонтовский Кавказский Музей. —
Пятигорск: Издание горского общества, 1916.

Примечания

¹Особенно много работал для музея прапорщик А.Н. Костенский. Им же пожертвовано свыше 50 соб. фотографий.

²Особой благодарности заслуживают: Я.Д. Верховец, штабс-капитан Осипов и пастор Э.С. Бонвеч.

1916

Прототипы княжны Мери

К повести Лермонтова "Герой нашего времени"

В пятигорском Лермонтовском домике, в комнате, служившей в 1841 г. кабинетом Столыпина,¹ стоит старое разбитое трюмо, еще более древний по виду диван и, по-видимому, их современник — складной ломберный с зеленым сукном внутри столик.

Все эти вещи подарены для организуемого в домике "Лермонтовского Кавказского Музея".

Молва упрочила за ними репутацию предметов, в свое время украшавших комнаты "княжны Мери".

Раньше они находились в доме известного крупного старожилы, издавна имевшего огромную усадьбу в Кисловодске, помещика Ставропольской губернии Реброва.

Дочку его и считают прототипом упомянутой лермонтовской героини.

В музее вывешены и снимки со старинного кисловодского Ребровского домика.

На одном снимке выдвинут на первый план балкон, с которого Печорин будто бы спускался после ночного свидания со своей симпатией.

Вся эта версия безусловно вымышлена, но так как широкая публика ее принимает на веру, то небесполезно будет сообщить, как вопрос о прототипе княжны Мери разрешается в литературе.

"Мне известно, — говорит лучший пока биограф Лермонтова, проф. Висковатов, — до шести дам, которые утверждали, что княжна Мери списана с них. Многие приводили мне неопровержимые тому доказательства!!! Во всех их Лермонтов был влюблен серьезно, о каждой говорилось, или даже сама говорила, что она была единственною и настоящею любовью Лермонтова"... (Висков., "М. Ю. Л.", 289 стр.).

"Прототипов" очаровательной лермонтовской героини таким образом оказалось столько, что они даже конкурировали между собою.

Этот факт, со слов генеральши А.П. Диковой (Я. Верзилиной), констатирует в своих воспоминаниях о Лермонтове и прогониерей Эрастов.

— "Теперь всякая девица, — говорила ему будто бы Аграфена Петровна, — бывшая в 40-х годах на Кавказе, охотно допускает таинственное положение о ней и о Лермонтове. "Княжна Мери" многим вскружила головки; каждой хотелось похвастаться в лучах бессмертного гения". ("Кавк. Мин. Воды", 1913 г.).

В числе этих любительниц легкого прославления были прежде всего две сестрицы самой госпожи Диковой.

Мы разумеем Надежду Петровну Верзилину и Эмилию (Маланью) Александровну Клинтенберг.

Г-жа Дикова "частенько посмеивалась над этими сестрами, которые лет 20 спустя после смерти Лермонтова охотно допускали предположения, что каждая из них была трагической по-

будительницей роковой дуэли. ("Кавк. Курорты", № 18, 1915 г., 194 стр.).

За старшей из сестер — именно за падчерицей генерала Верзилина Эмилией Александровной — репутация "прототипа княжны Мери" упрочилась особенно твердо.

В последний год жизни Лермонтова "девица Емилие", — как называл ее поэт в одном из шуточных стихотворений, — была очаровательной, красивой и остроумной (Мартынов, "Рус. Об." 1-1898) 18-летней барышней, кружившей головы своим многочисленным поклонникам.

Последние будто бы дали ей лестный титул — "Розы Кавказа" и "Царицы Вод" (Чилаев, Истор. В., 1897 г., III, 702).

В числе ее поклонников был и Лермонтов. ("Кавказ", 1891 г., № 185. Хр. Саникадзе). "С первого же дня появления в доме Верзилиных он оценил по достоинству ее красоту и стал за ней ухаживать" (Ист. В. 1892, III, 706). "Мария Ивановна Верзилина относилась к ухаживанию поэта за своей старшей дочерью с полной благосклонностью, да и сама мадам Эмилия была не прочь поощрить его искательство. В.И. Чилаев положительно удостоверяет, что она сначала была даже слишком благосклонна к М. Ю. Все было сделано с ее стороны, чтобы завлечь петербургского льва, несмотря на его некрасивость"... Но скоро, однако, ее внимание привлек другой (именно — Мартынов), и она изменила свое отношение к поэту. Однако после дуэли, когда ее новый кумир показал себя во всей красе, она отвернулась от него. Впоследствии она вышла за Ак. Павл. Шан-Гирея, — родственника Лермонтова и товарища его детских лет (Ист. В. IV., стр. 84—85, примеч. 2., 1892 г.).

Верзилинский дом тогда был самым видным в Пятигорске. Сам глава его генерал-майор Петр Семенович, бывший атаман казачьих линейных войск (проживавший в 1841 г. в Варшаве), и его супруга сумели в общественном месте поставить себя очень высоко. Их вечера привлекали к себе все наиболее родовитое и интересное курсовое общество.

Поэтому неудивительно, что девицами Верзилиными в городах могли интересоваться и молва могла отмечать некоторые из их шагов.

Получило, вероятно, огласку и отношение поэта к Эмилией Александровне. Только этим и можно объяснить, почему ее имя оказалось связанным с именем Лермонтова и почему молва ее стала именовать "Княжной Мери".

Мнение это держалось довольно упорно, его не поколебали даже неоднократные опровержения самой Эмилией Александровны.

"Не смотря на все мои заявления, многие до сих пор признают во мне княжну "Мери", пишет она в своих "Воспоминаниях" (Рус. Арх., II, №6, стр. 315—320, 1889 г.).

Со вздорной молвой пришлось считаться и дочерям оклеветанной женщины — Евгении Акимовне (в замужестве — Казьминой) и К. Матвеевой. На основании фамильных преданий они тоже отрицали возможность воплощения в княжне Мери духовного облика своей покойной мамы.

Но несмотря на все это, отождествление "девицы Эмилии" и Мери допускались даже в печати.

Так, например, Е. П. Осипов, лично беседовавший с Евгенией Акимовной, все же продолжает не верить ее доводам и упорно настаивает на своем. Очень характерно, что в первых изданиях Лермонтовской биографии на той же точке зрения стоял, по-видимому, и проф. Висковатов (Ср. "Ист. Вестн. 842 стр. 1 прим. 1893 г. XII к.).

Но это заблуждение, безусловно, наивно. Его решительно опровергают цифры.

"С Эмилии Александровны, — говорит уже изменивший свой взгляд Висковатов, — Лермонтов не мог писать Княжну Мери по той простой причине, что он познакомился с нею и с ее семьей в 1841 году, — следовательно спустя почти три года после того, как была написана "Княжна Мери", появившаяся в печати... в 1840 году, т. е. за год до знакомства" (Висковатов, М. Ю. Л., 289 стр.)

Об этом определенно говорит и сама Шан-Гирей ("Нов. Вр.", 5. IX. 1881; "Ист. Вест." 1881, VI, 449).

Такой аргумент на ревностных изыскателей, однако, не действует: они или признают его для данного случая несерьезным, или же просто ставят под сомнение.

"Эм. Ал. утверждает, — высказывает свое суждение тот же Висковатов, — что помнит бал в Кисловодске, данный 22-го августа 1840 г., и как Лермонтов стоял в окне с другими офицерами. Если в 1840 г. Эмилия Александровна знала Лермонтова по виду, то почему же он не мог ее знать и выставить в своем романе?" (Виск. М. Ю. Л., 353).

Однако не нужно становиться выше профессора, чтобы понять, в чем здесь заблуждение со стороны последнего: никто не скажет, что видеть в окне человека вполне достаточно, чтобы заинтересоваться его психологией, понять последнюю и изобразить его внутренний облик. Мимолетного знакомства, а тем более поверхностного внешнего впечатления, для этого, конечно, мало.

Кроме того, опять-таки речь здесь идет о 22 августа 1840 года, тогда как даже цензурное разрешение печатать роман "Герой нашего времени" дано 19 февраля того же года. Написан он, следовательно, гораздо раньше. 3-го мая он уже поступил в продажу (см. V т. Академ. изд. 17—18 стр. хронологической канвы).

Заблуждение профессора настолько очевидно, что ему не следует даже менее ученый его единомышленник- штабс-капитан Осипов.

Он опровергает Шан-Гирея другими доводами ("Кавк. Кур." № 7 1912 г.).

Он, во-первых, убежден, что она должна была познакомиться с поэтом уже в 1837 г. Дочь Эм. Алекс. уверяет, что ее мать в этом году жила с отчимом в Варшаве или Москве, но г-н Осипов нашел отношение Верзилина в "Строительную комиссию при Кавк. мин. водах" от 23 июня 1837 г. и на основании последней даты склонен полагать, что генерал был тогда в Пятигорске.

Как будто бы своего отношения он не мог прислать по почте! Как будто бы, наконец, Эмилия Алекс. неразлучно ездила за отцом и не могла остаться на стороне в то время, когда он (если допустить это предположение) в 1837 г. в Пятигорск съезжал...

О пребывании Эмилии Алекс. в 1837 г. в Пятигорске Осипову вскользь сообщила и Алекс. Филипповна Бетаки, родственница пятигорского плац-майора, подполковника Унтилова, современница и знакомая Лермонтова. "В октябре месяце 1837 го-

да, — говорила эта свидетельница, — в бытность Императора Николая Павловича в Пятигорске я в числе четырех красавиц тогдашнего "бомонда" (Эмилия Ал. Шан-Гирей, Николаева и др.), удостоилась приглашения на бал в Елизаветинской галерее в Высочайшем присутствии".

Приводя эти слова, г-н Осипов совсем не хочет замечать, что о пребывании Эм. Алекс. на группах тут сказано вскользь, что речь здесь идет не о весне, когда она могла встретиться с поэтом, а о глубокой осени, когда последнего в Пятигорске уже не было; что, наконец, — если уж так требуются натяжки и предположения — Эм. Ал. осенью, к такому интересному событию, как встреча Государя, могла вернуться в свое семейство.²

Таким образом, цифрами г-ну Осипову своей мысли подтвердить не удастся. Но если бы даже он был прав, то все же ему остается доказать, что Лермонтов в 1837 г. бывал у Верзилиных. С этой задачей он справляется просто: "нельзя, говорит он, допустить о незнакомстве Лермонтова в 1837 году с аристократической семьей генерала Верзилина, в доме которого собирался обыкновенно весь тогдашний "бомонд", тем более, что... одна уже ссылка... вызывала к личности Лермонтова, как героя дня, большое любопытство и интерес пятигорского провинциального общества, исключение из которого, конечно, не составляла и семья Верзилиных..."

Однако, как бы чувствуя шаткость своих аргументов, — хотя, по-видимому, не замечая, — насколько противологично одну гипотезу доказывать другой, — г-н Осипов привлекает к делу еще несколько литературно-аналитических натяжек.

"Евгения Акимовна, — говорит он, — в нашей продолжительной беседе, желая разубедить меня в неоспоримой тождественности Эмилии Александровны с "княжной Мери", указала мне на различие в их характерах. "Лермонтовская героиня — салонная, заурядная, какая-то безжизненная девушка, падающая в обморок чуть ли не от всякого пустяка!.. Разве все это похоже на мою маму, энергичную особу, уважаемую обществом и бешено скакавшую на лошади, не боясь ни головокружений, ни обмороков..." Может быть это и так, — продолжает он, — разве великий Лермонтов... мог... создать княжну Мери... сильной...? Тогда бы роман не существовал под таким заглавием, а носил бы название — "Героиня нашего времени", — в нем Печорин и княжна Мери, вероятно, переменялись бы своими ролями... Но если все это и не принять в соображение, то и в таком случае нельзя согласиться с возражением г-жи Казьминой, так как некоторые, свойственные Эмилии Ал. черты в романе оттенены довольно полно. Так, кн. Мери, переправляясь вброд с Печориным через Подкумок... после переправы бешено помчалась вперед".

Вот все основания, которые приводятся людьми, почему-то во что бы то ни стало желающими княжну Мери сблизить с Эмилией Шан-Гирей.

Вполне очевидно, что среди этих оснований нет ни одного веского и серьезного. Но если бы они даже и были, то за ними можно признавать значение только в том случае, если не доверять самой заинтересованной в данном случае Эмилии Александровне. А какие же основания к такому недоверию?

Принимая во внимание все это, надо сказать категорически, что Шан-Гирей не прототип Мери.

* * *

Остаются другие.

Из этих остальных наиболее посчастливилось девице Ребровой — Нине Александровне.

Это была "очень милая девушка, немножко взбалмошная, но очень красивая, с черными глазами; ее зрачки сильно расши-

рились вследствие болезни, — можно утонуть в них" (Письмо Гоммер-де-Гелль 14 авг. 1840 г. из Пятигорска, "Рус. Арх." 1887 г., № 9).

Отец ее был очень видный северо-кавказский помещик, — ему принадлежало прекрасное, образцово-благоустроенное имение на реке Кума, при селе Владимировке, Ставропольской губернии. Здесь он развел огромные фруктовые и декоративные сады, организовал шелковичное производство и виноделие ("журн. де од. 26 апр. 1840 г., № 34, — статья Роммер-де-Гелль "Владимировка на Куме").³

В Кисловодске за чертой тогдашнего слободского поселения — район нынешней Ребровой балки — он имел тоже значительное поместье и собственный дом, в котором летом проживал с семейством.

Этот дом — огромный, с мезонином и колоннами, барский особняк, — до последнего времени служил предметом внимания любителей старины. Ныне он перестроен и застроен. На улице сохранилась только одна небольшая часовенка — наглядный памятник ортодоксальности убеждений старика Реброва.

Ребровское семейство, как богатое и аристократическое, в 40-х годах было, по-видимому, самым видным в Кисловодске и играло там весьма заметную роль.

В подтверждение этого достаточно сказать, что, когда на группы приезжал наследник русского престола в Кисловодске, ему был уготован прием и обед именно Ребровым.⁴

О гостеприимстве Ребровых свидетельствуют и другие факты. Упомянутая уже Гоммер-де-Гелль гостила у них во Владимировке, жила и в Кисловодске. (Письмо ее от 14 авг. 1840 г.).

Их дом, по-видимому, служил и средоточием тогдашней кисловодской аристократии. Едва ли не здесь "общество" давало бал в честь приезда Гелль. (Письмо из Кисловодска от 26 авг. 1840 г.).

Поэтому нисколько не удивительно, что у них бывал Лермонтов.

Когда он с ними познакомился, об этом сказать нельзя, но к концу лета 1840 г. уже ходили слухи, что он женится на Нине Александровне. (Письмо Гелль от 14 авг.).

Последняя говорила французенке, что она влюблена в Лермонтова, что и Лермонтов ее любит, но не хочет сознаться".

Недели через две догадка кисловодской красавицы, однако, была опровергнута.

На упомянутом балу "Лермонтов заявил ей, что он ее не любит и никогда не любил". (Письмо Гелль от 26 авг.).

"Я, — повествует Гелль, — ее, бедную, уложила спать, и она вскоре уснула... Наутро она лежала при смерти"...

Таковы были отношения поэта к Нине Александровне.

Молва, однако, изукрасила их вымышленными деталями.

Помимо догадки о возможном браке между поэтом и Ребровой, был однажды пущен слух даже о том, что Лермонтов раз имел ночное "рандеву" с этой девицей.

Слух этот, по всей вероятности, вздорен.

Нина Александровна, живя в семье, едва ли могла пойти на такую неосторожность. Кроме того, по уверениям лично ее знающей Эм. Ал. Шан-Гирей, она слыла за очень благоразумную и весьма скромную особу. ("Рус. Арх.", 1887 г. № 11, стр. 437).⁵

Эта же самая молва упрочила за Ниной Александровной и репутацию прототипа "Княжны Мери".

Основания для этого, конечно, весьма шаткие.

Главное из них — сходство по внешности Ребровского дома с лермонтовским описанием того, в котором Мери жила.

Ребровский дом Лермонтов прекрасно знал, он мог его видеть и до 1840 г., т. е. в то время, когда писал свой роман; дом этот — оригинальный и таинственный, — мог заинтересовать поэта,

и нет ничего удивительного в том, если он, действительно, взял его за образец при своем описании.

Но ведь дом — одно, а его обитатели — совершенно другое. Поэт в своей фантазии властен, и он имел полное право мысленно поселить в Ребровском доме и такую героиню, которая ни на кого из членов семейства этого домовладельца могла не походить.

Поэтому приведенная натяжка отнюдь не может претендовать на роль самостоятельного аргумента, — ее можно принять к сведению, как некоторый косвенный намек только в том случае, когда удастся сопоставить с другими, действительно вескими, соображениями.

К сожалению, последних не имеется.

Сближая Мери и Нину Александровну, молва могла базировать, напр., на сходстве в их наружности (обе имели прекрасные, бездонные глаза); могла припомнить вздорный слух о равнодушии Лермонтова к Ребровой и о ночном к ней визите; могла знать, что на упомянутый бал в честь де-Гелль Реброва явилась "в ботинк цвета шюк". (Письмо Гелль от 14 августа) и что тот же самый цветок украшал и изящную ножку княжны Мери (сближение Висковатова).

Но первого слишком мало, а последнее совсем не доказательное: упомянутые слухи, по уверению Гелль, ходили в конце лета, и не может быть никакой уверенности в том, что они возникли независимо от опубликованного уже к тому сроку "Героя нашего времени".

Хрономические соображения безусловно за это: слухи появляются позже романа (особенно слух о ночном randevu), а пища для них в романе имеется.

Во взаимных отношениях Лермонтова (Печорина) и Ребровой (Мери) есть и другая аналогия: Лермонтов относился к Ребровой так, что подал ей мысль о своем к ней равнодушии, дал ей даже повод к объяснению и только тогда откровенно признался в своих подлинных чувствах.

Так ведь было и между Печориным и Мери.

Мало того, похожи и те результаты, к которым привело обеих девиц неожиданное разочарование: обе они заболели.

Словом, пища для аналогий много.

Но все же сближение Мери с Ребровой не перестанет быть фантастичным: роман был написан до 1840 г., а то, в чем хотят видеть живую канву его, разыгралось позже.

* * *

Быть прототипом очаровател. княжны желала еще сестра лермонтовского убийцы — Наталья Соломоновна Мартынова.

Это была тоже "18-летняя красавица", как аттестует ее родной племянник ("Рус. Обозр." 1898, 1, "История дуэли").⁶

Знакомство ее с поэтом было очень давним.

"Семейство отца, — пишет сын Мартынова, — живя постоянно в Москве и имея так же, как и бабка Лермонтова, Арсеньева, владения в Пензенской губернии, издавна находилось в прекрасных отношениях с семьей поэта с материнской стороны. Неудивительно поэтому, что М. Ю. Л., живя в Москве в конце двадцатых и начале тридцатых годов, часто посещал дом моего деда, у которого познакомился с его дочерьми" ("Рус. Обозр." 1898, янв. "История дуэли", О.Н. Март-в).

Весною 1837 года Лермонтов посещал Мартыновых почти ежедневно (письмо матери Март, от 25 мая 1837 г., см. "Материалы для истории дворян. родов Март. и Слепцовых", от. 2, Тамбов 1904 г.).

В семействе своего будущего убийцы поэт встречал неодинаковое отношение: сестрам Мартыновых "очень нравилось его общество" (там же), а матери — нет.

Она "не любила" поэта, тяготилась его посещениями и была очень рада, что ему скоро выезжать из Москвы.

Однако летом судьба снова свела их на Кавказе: больному Соллоному Мих. Мартынову пришлось покинуть и выехать в Пятигорск для лечения минеральными водами. С ним поехало и все семейство.

Лермонтов опять бывал у них "почти ежедневно". (О. Н. Март.)

Возникает вопрос — что же его так тянуло под негостеприимный мартыновский кров?

В ответе сходятся почти все источники: Лермонтов "был влюблен — или только прикидывался влюбленным — и сильно ухаживал за Натальей Соломоновной". (Кн. А. Оболенский — О.Н. Мартынов).

Может быть, впрочем, это была не любовь, а просто дружба, основанная на общности детских переживаний: ведь еще 11-летним ребенком Лермонтов посвятил Наталье Сол. свое стихотворение:

**"Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том..."**

Но Наталья Соломоновна была к нему определенно неравнодушна. (Оболенский).

Лермонтов своим отношениям к этой девушке серьезного значения не придавал. По свойственной ему шаловливости он не прочь был даже посмеяться над ней.

Кн. А. Оболенский сохранил воспоминание, напр., о таком случае: "когда Лермонтов уезжал из Москвы, на Кавказ, то взволнованная Наталья Соломоновна провожала его до лестницы. Он вдруг обернулся, громко захохотал ей в лицо и сбежал с лестницы, оставив в недоумении провожавшую".

Были, по-видимому, и другие случаи подобного рода. Мать Мартынова по крайней мере высказывала своему сыну (письмо от 25 мая) такие догадки: "несмотря на всю дружбу, которую Лермонтов будто бы имеет к твоим сестрам, я убеждена, что при первом же случае он и их не пощадит". (Материалы для истории рода Мартын., Тамбов, 1904 г.). Сама Наталья Соломоновна, однако, этих опасений не разделяла. Больше того, увлеченная поэтом, она, по-видимому, была склонна видеть в нем того избранника, которому судьбой предназначена ее рука и сердце. Та же уверенность могла появиться и среди мартыновского семейства, тем более, что Лермонтов давал к ней повод некоторыми намеками.

Однажды, например, заехав к Николаю Мартынову в гости на снимаемую им в Шотландской колонии дачу, он обменялся с ним такого рода остротой:

"Женись, Лермонтов, — говорил ему его самоуверенный товарищ, — я сделаю тебя рогоносцем".

"Если мое самое пламенное желание, — будто бы ответил поэт, — осуществится, то тебе, любезный друг, это будет физически невозможно". (Материалы, стр. 180. О. Н. Март.)

Из этих слов Мартынов заключил, что Лермонтов "имеет виды на руку его сестры".

Догадки эти, однако, не оправдались.

В 1841 году Лермонтов интересуется уже другими видными прелестницами и делает это на глазах у брата своей бывшей симпатии, из-за одной из них вступая с ним даже в конфликт.

Вполне допустимо, что именно эта перемена фронта дала семье Мартыновых мнимое право высказывать утверждение, что "Лермонтов компрометировал сестер своего будущего убийцы" (Рус. Арх. 1893 г. кн. 2, стр. 610, кн. Д. Оболенский). А это обстоятельство в связи с раздутой историей о распечатанном будто бы поэтом письме и дневнике Натальи Соломоновны, сыграло, как известно, роль самой главной причины в истории не-

нависти Мартынова к своему бывшему другу и возможному родственнику.

Недаром собравшаяся во двор Чилаевской усадьбы, в которую было привезено бездыханное тело поэта, толпа повторяла слух, что причиной дуэли послужила барышня.

"Дуэль-то произошла из-за барышни!" — крикнул кто-то производившему следствие подполковнику Унтилову. (Карпос, Рус. М., 78 стр. XII. 1890).

Наталья Соломоновна, как известно, впоследствии вышла замуж за графа де-ла-Турдонне, мирно прожила свой короткий век во Франции и так же мирно скончалась. (Материалы, 76 стр.).

Однако радужные прежние впечатления у нее не изгладились.

Она вообразила себя героиней, изображенной ее другом поэтом в знаменитом романе.

Свою догадку она высказала тотчас же по выходе последнего. "Вернувшись с Кавказа, — передает кн. Д. Оболенский, — Наталья Соломоновна бредила Лермонтовым и рассказывала, что она изображена в "Герое нашего времени". Одной нашей знакомой она показывала красную шаль, говоря, что ее Лермонтов очень любил. Она не знала, что "Героя нашего времени" уже многие читали и что "пунцовый платок" помянут в нем совершенно по другому поводу". (Рус. Арх. 1893, кн. 2, стр. 613).

Вполне допустимо, что интересовавшийся этой девушкой поэт говорил ей что-нибудь похожее на ее уверения, но этого мы, к сожалению, не знаем. Равным образом нет никаких данных и для того, чтобы сравнить характеры Мартыновой и Мери. Про первую мы знаем только то, что она производила впечатление умной девушки.

**"Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет,
Но что другое все — забыл"...**

Так в 1831 г. аттестовал ее в упомянутом уже стихотворении сам Лермонтов.

Но этого, конечно, мало, как мало сближения пурпурной шали с красным платком, или одного доверия к личным признаниям заинтересованной барышни.

Придется сказать, что и этот персонаж нельзя уверенно признавать за прототип лермонтовской героини.

* * *

Остается еще м-м Гоммер-де-Гелль, — супруга французского консула в Одессе.

Это была "молодая, красивая и обаятельная дама, кружившая головы своих многочисленных поклонников и видевшая в том едва ли не цель своей жизни". (Мартынов, Лермонтов и Гоммер, Ист. Вестн. XII; 835; 1893г.)

"Она... много путешествовала по России, была известна как поэтесса и автор сочинения".

Лермонтов познакомился с ней в 1840 г., когда она с мужем прибыла в Пятигорск.

Познакомила их, по-видимому, Реброва.

Лермонтов увлекся ею на вечере, данном в честь ее прибытия кисловодским бомондом; увлечение очень быстро перешло в сближение и довольно серьезную интригу.

Когда Гелль отправилась в Крым, то Лермонтов, не имея отпуска и рискуя карьерой, ездил за нею и чуть-чуть не попал под горячую руку одного из ее ревнивых поклонников, который покушался даже стреляться с ним (письмо Гелль из Ялты 29 окт. 1840 г.; ст. 846).

Эту-то женщину и сближают с Мери.

Правда, никто определенно не говорит, что она была прототипом княжны, но тем не менее намеки на это имеются.

Намекает, напр., проф. Висковатов.

Он берет из писем де-Гелль рассказ о том, как она укрыла Лермонтова от ночного нападения.

"Было около двух часов ночи, — рассказывает экспансивная француженка. — Я только что вошла в мою спальню... Вдруг: тук-тук в окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просил позволения скрыться от преследующих его неприятелей. Я, разумеется, открыла дверь и впустила моего героя. Он у меня всю ночь остался до утра... Сплетням не было конца". (Письмо из Кисловодска 26 авг. 1840 г.).

Дело происходило в доме Ребровых. Это, по-видимому, и дало повод молве пустить слух, что Лермонтов ночами бывает у Нины Александровны.

Это событие Висковатому очень напоминает известную сцену из "Героя нашего времени", когда Печорин скрывается от ночного нападения своих зложелателей в доме, и ныне в Кисловодске именуемом домом Ребровой.

Ведь когда поэт познакомился с м-м Адель, его роман уже был закончен. Значит допустить, что в романе отразились некоторые эпизоды с француженкой, никоим образом нельзя. Тем более нельзя почитать эту деталь основанием серьезных сближений в характерах обеих сердобольных женщин, спасших от неприятности своих героев.

Характер де-Гелль прекрасно обрисован в ее переписке и обрисован как раз с таких сторон, коих в духовном облике кн. Мери совершенно не имеется.

Примечания

¹Двоюродного брата Лермонтова

²В 1890 г. в XII кн. "Рус. мысли" его повторил, напр., Карпов, — известный пятигорский старожил, б. городской голова.

К. Матвеева — в "Новом Времени" 1914 г. № 1375 г. Казьмина — "Кавк. Кур." № 7, 1912 г.

Надо к тому же добавить, что детали в показаниях Бетаки не точны: она говорит, например, о бале в Елизаветинской галерее, тогда как он был устроен, несомненно, в Михайловской.

³Из его садов, как известно, брались деревья для знаменитого пятигорского "Казенного сада" (см. Верховец "Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод").

⁴Памятником этого события служит очень интересная масляная картина, изображающая тот момент обеда, когда домохозяйин с бокалом в руке, произносит тост. Картина, по преданию, нарисована домашним поваром из крепостных. Ны-

* * *

Вот все те современницы Лермонтова, в коих исследователи хотели бы видеть прототип княжны Мери.

Вполне очевидно, что ни одна из них не могла дать поэту полного материала для обрисовки своей интересной героини, но вместе с тем ясно и то, что некоторые из них частично могли ему помочь при его творческой работе.

Поэтому вопрос о прототипе княжны Мери лучше всего разрешить таким образом.

Не надо настаивать, что поэт срисовывал эту героиню с какой-либо одной из своих знакомых.

Такое предположение противоречит не только фактам, но и психологии, технике художественного творчества.

Психология последнего определенно удостоверяет, что простым отливанием индивидуальных черт хотя бы во всей их полноте типического образа нельзя нарисовать.

Типы — не портреты. Они создаются только путем творческого обобщения.

То же самое, безусловно, было и в данном случае.

"Вероятно, — рассуждает Леонид Семенов, — облик княжны Мери Лермонтов встречал в жизни в раздробленном виде и уже силою своего гения уловленные черты соединил в одно целое" (М. Ю. Л., статьи и заметки; стр. 16, М. 1915).

Это толкование вполне справедливо. Иного не может и быть.

И раз так, напрасны все споры о прототипах.

Обаятельная княжна Мери — не живое, хотя и в высшей мере жизненное лицо.

Это — типическое создание творческой фантазии гениального психолога и поэта.

не она хранится в тифлисском (кавказском) музее. Копия имеется в Лермонтовском домике.

³Впрочем, г-жа Шан-Гирей, кажется, путает: она говорит о какой-то Н.Я. Ребровой, возможно, что о дочке тогдашнего старшего врача пятигорского госпиталя, носившей, правда, иное имя (Екатерина Яковл.).

⁶Впрочем, по отзыву более беспристрастного свидетеля — кн. Д. Оболенского, в 1841 г. ей было уже 24 года, так что Лермонтов, называя ее "перезрелой девицей" ("Ист. В." 1892 г., кн. 2), был недалек от истины.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Павлов Д.М. Прототипы княжны Мери (К повести Лермонтова "Герой нашего времени"). — Пятигорск: Электротпечатня Г.Д. Сукиасянца, 1916.

1917

Дуэль Лермонтова

Предисловие

Когда по шаблонным, друг друга повторяющим, биографиям начинаешь знакомиться с тем ужасным фактом, в результате которого Россия лишилась одного из лучших национальных поэтов, то он кажется простым и понятным.

Поссорились случайно из-за пустяков два друга, не соблюли достаточного такта в последующих объяснениях, создали из случая вопрос чести и пошли разрешать его к подножию Машука.

Но, когда познакомившись с делом ближе, вникнешь в первоисточники и сопоставишь их, оно разрастается до размеров большого и сложного вопроса — настолько большого и запутанного, что начинаешь задумываться, настало ли время даже теперь, после минувших уже долгих 75 лет, для разрешения его во всей полноте.

Оказывается, дуэль — далеко не случай. Он только финал целой длинной и усложненной разными интригами истории. Она имела свои, в известном смысле глубокие причины, и не один, а несколько поводов.

Автор

I. Причины дуэли

Личный характер поэта. Чтобы установить причины Лермонтовской дуэли, необходимо принять во внимание личный характер поэта.

По этому вопросу мы имеем показания и друзей Лермонтова, и его врагов, но, несмотря на такое различие источников, не можем сказать, что в нашем распоряжении два разных мнения.

Во многих частностях отзывы, правда, расходятся, но в общем создается впечатление, что современники и знакомые Лермонтова перед его преобладающими личными качествами особенно не преклонялись.

"В нем было два человека", — повествует его секундант, кн. А.И. Васильчиков. — "Один добродушный для небольшого кружка ближайших своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особое уважение; другой — заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых" ("Рус. Ар.", стр. 205). В отношениях к тем и другим он однако был одинаков. "Лучшим своим удовольствием он считал подтрунивать и подшучивать над всякими мелкими и крупными странностями, преследуя их иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмешками (ibid.). Это он делал даже в кругу товарищей; даже здесь "его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не достав-

лявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены" (Сатин, стр. 250; Россильон, стр. 84 и др.).

Правда, все это, может быть, вызывалось тем, что поэту слишком часто приходилось убеждаться в своем неизмеримом превосходстве над окружающей его средой; а это превосходство признавали даже его враги (См. Материал по истории дворян. родов Слепцовых и Мартыновых; прилож. VII, стр. 149. "Автоб. зап. Мартын. Н.С."). Возможно также, что все это проистекало из врожденного ему непреодолимого отвращения к пошлости и обыденщине (М.И. Раевский, № 7, стр. 17), но, даже "отдавая полную справедливость внутренним побуждениям, которые внушали Лермонтову глубокое отвращение от современного общества, мы не можем не признать, что это настроение его ума и чувства было невыносимо для людей, которых он избрал целью своих придинок и колкостей, без всякой видимой причины, а просто как предмет, над которым он извращал свою наблюдательность" (Васильчиков, "Р.А.", 206).

"Пренебрежение к пошлости", вразумительно замечает Сатин, "есть дело, достойное всякого мыслящего человека; но Лермонтов доводил это до абсурда, не признавая в окружающем его обществе ничего, достойного его внимания" (Op. cit., 250).

Может быть, впрочем, дело здесь и не в одном пренебрежении. Может быть, поэт был не сдержан своей иронией и по менее уважительным причинам, на которые намекает в своих "Памятных записках" Н.М. Смирнов.

Характер Лермонтова, говорит этот хорошо знавший поэта современник, не был еще совершенно сформирован; беспрестанно увлеченный обществом молодых людей, он характером был моложе, чем следовало по летам. Он еще любил... заставить о себе говорить...и жаждал более славы светской — остряка, чем славы поэта" (240). Такое объяснение, пожалуй, даже очень близко к действительности.

В характере поэта, действительно, было много вполне юношеского, задорного, шаловливого.

"Он был шалун в полном ребяческом смысле слова", говорит живший с ним князь Васильчиков, "и день его разделялся на две половины между серьезными занятиями и чтением и такими шалостями, какие могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему мальчику" ("Рус. Арх.", 206. Можно сравнить и отзыв Эмилии Ал. Шан-Гирей. У Мартынова: "Ист. В." 1891, I, 445 стр.).

Это заключение далеко не случайно. Даже мельком сталкивавшийся с поэтом солидный и уравновешенный француз Гомер-де-Гелль высказал определенное мнение, что *monsieur de Lermontov*, очевидно, школьник" (Письмо г-жи Гелль от 29 окт. 1840 г. "Рус. Арх." — 1887, 3).

"Н.П. Граббе", говорит П.А. Висковатов, "тоже сообщал, что отлично помнит, как знаменитый отец его очень высоко ценил ум и беседу Лермонтова, но удивлялся невообразимой его склонности к выходкам и шалостям всякого рода." ("Рус. Стар." 1884 г. I, стр. 85).

Благодаря этим качествам поэта у людей, видевших его отношение к другим, даже при полном к нему доброжелательстве и симпатиях, само собой напрашивалось опасение, что когда-нибудь ему придется испытать крупное огорчение.

"Мне жаль Лермонтова", пишет влюбленная в него французская поэтесса Гомер-де-Гелль: "Он дурно кончит" (Op. cit., стр. 133. письмо из Ялты от 29 окт. 1840 г.).

Н.М. Смирнов говорит даже более определенно. По его словам, "все приятели Лермонтова ожидали... печального конца, ибо знали и его страсть насмехаться, и его готовность отвечать за свои насмешки" (Op. cit. стр. 280).

Почти буквально то же пишет и кн. Васильчиков. "Печальный исход", говорит он: "был почти неизбежен при строптивом, беспоконном нраве поэта, при том непомерном самолюбии и превеликом чувстве чести (point d'honneur), которая удерживала его от всякого шага к примирению" (Op. cit., стр. 213).¹

Поэт остался, конечно, верен своей наклонности и в Пятигорске. "Все приезжие и постоянные жители Пятигорска получили от него прозвища (Раевский, 1885, № 7).

Эти прозвища чаще всего бывали необычайно метки: "Как бывало прозовет кого, так кличка и пристанет... Людей, окрещенным Лермонтовым, никогда не называли их христианскими именами" (ibid.).

Отношение к Мартынову. В числе первых от шалостей поэта страдал Мартынов.

Между Лермонтовым и его будущим убийцей существовало давнее близкое знакомство.

Старики Мартыновы имели поместье в той же (Пензенской) губернии, где и бабушка Лермонтова; как соседи они "находились в прекрасных отношениях" друг к другу (С.Н. Март. "История дуэли", "Рус. Обоз." I. 1898 г., 313 стр.). Лермонтов познакомился с ними, во всяком случае, до 15-летнего возраста, ибо в 1830 г. одной из барышень Мартыновых он посвятил лирическое стихотворение. В 1832 году он поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, зачислившись одновременно вольноопределяющимся в лейб-гвардии гусарский полк. Тут ему пришлось встретиться со своим будущим убийцей. "Понятно", пишет сын последнего: "...почва для их сближения была уже подготовлена их предшествующим знакомством" (Op. cit.).

Была ли между ними товарищеская близость в школьные годы, это однако вопрос. По крайней мере впоследствии Лермонтов "Мартынова особенно близко к себе не подпускал" (Раевский, Op. cit.). Однако по выходе из школы они переписывались (Кикин: Письмо к Бибиной, "Рус. Стар." 1896 г. II. 316 стр.), и Лермонтов, если верить во многом подозрительному рассказу Магденки, был даже рад встретиться в 1841 г. в Пятигорске своего школьного однокашника.

"Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки,² чтобы послали за ним", говорил поэт будто бы тотчас же по приезде Столыпину, потирая от удовольствия руки", ("Рус. Стар.", 1879 г. кн. III, стр. 530).

Между ними установились по внешности как бы дружественные отношения.

Мартынов, как рассказывает в "Истории дуэли" его сын, жил тогда близ самого Пятигорска, в Шотландской колонии, или, как называли ее попросту, в Шотландке, где занимал красивый домик с садом. Лермонтов, утомленный вечными пятигорскими кутежами и попойками, иногда приезжал к нему в Шотландку и, проводя с отцом долгие часы в разговоре о поэзии и литературе, иной раз до того засиживался, что оставался ночевать (Op. cit. 320 стр.).

Сам Н.С. Мартынов будто бы передавал П. Бартеневу (Редактору "Рус. Архива"), что даже "незадолго до поединка Лермонтов ночевал у него на квартире, был добр, ласков и говорил ему, что приехал отвести с ним душу после пустой жизни, какая велась в Пятигорске" (примечание П. Барт. к "Вопросным пунктам окружного суда". "Рус. Арх." 1893 г. кн. II, стр. 585).

Если отбросить из этих сообщений указание на те заведомо неосуществимые цели,³ с которыми поэт ездил к Мартынову, то все же нет оснований не доверять остальному.⁴

Вероятно, внешние отношения между старыми однокашниками оставались удовлетворительными. По крайней мере, со стороны Лермонтова не было проявлено к Мартынову какого-либо недоброжелательства.

Тем не менее, верный своей дурной привычке над всеми острить и подтрунивать, поэт не делал исключения и для этого "друга".

"С самого дня приезда своего в Пятигорск", жаловался Мартынов после дуэли суду, "Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог сказать мне что-нибудь неприятное: остроты, колкости, насмешки на мой счет, — одним словом, все, чем только можно досадить человеку... Я показывал ему, как умел, что не намерен служить мишенью для его ума; но он делал вид, будто не замечает, как я понимаю его шутки"... (Ответ М-ва на "Вопросные пункты окружного суда", "Рус. Арх." 1893 г., II, 597).

Мартынов со своим курьезным длинным кинжалом был настолько удобен для острот, что в Лермонтовских карикатурных набросках "он играл главную роль" (Васильчиков — Висковатову. "Биограф. М. Ю. Л.", 403). Лермонтов "довел этот тип до такой простоты, что просто рисовал характерную кривую линию да длинный кинжал, и каждый тотчас узнавал, кого он изображает. Обыкновенно наброски рассматривались в интимном кружке, и, так как тут не щадили сами составители ни себя, ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартынов таил свое недовольство. Однако бывали и такие карикатуры, которые не показывались. Это более всего бесило Мартынова" (ibid.).

Духовный облик Мартынова. Мартынов был совсем не из таких натур, которые могут понимать шутки, парировать их или просто встречать неотразимым благодушием и снисходительным игнорированием.

Он был очень недалекий человек. Даже посторонние и те замечали, что "его умственное и нравственное развитие было крайне ограниченным" (Чилиев, стр. 450). На знавших же его он производил впечатление или "глуповатого" (определение свящ. В. Эрастова, "К.М.В." 1903 г. янв.), или даже "ужасно глупого" (Е. Быховец — Ивановская, письмо от 4 авг. 1841 г. "Рус. Ст.", 1892, III). Своими манерами он ревностно поддерживал эту неблагоприятную репутацию.

Он являлся истым денди "a la Circassienne" (Раевский, стр. 179, № 7). "Отличительными признаками этой яркой фешенебельности были у него — бритая по-черкесски голова и необъятной величины кинжал, из-за которого его Лермонтов и прозвал roignardom⁵. Он одевался чрезвычайно оригинально и разнообразно. Как отставной офицер, он мог носить форму Гребенского полка, но это ему не нравилось, почему он употреблял все свои способности на то, чтобы опознать ее, делал к ней добавления, менял цвета и применял их, согласно погоде, случаю или своему вкусу: один день на нем была белая черкеска и черный бешмет, на другой — черная или цветная черкеска и белый бешмет; сегодня он появлялся в белой папаче, ухарски заломленной, завтра — в черной, нахлобученной на глаза. Материи менялись: сукно..., бархат..., появлялись позу-

менты, галуны, другой серебряный набор и вдруг исчезали. Он выходил в простом черном суконном костюме, без всяких нашивок, или же драпировался буркой. Одно в нем не изменялось: это то, что рукава его черески, для придания фигуре особого молодечества, были всегда засучены, да за поясом торчал кинжал" (Чилаев, *ibid.*)

"Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь" (Карпов, стр. 69).

"Все это проделывалось с целью нравиться женщинам. Женщины были для него кумиром, и для них он занимался собою, по целым часам просиживая перед зеркалом, бреясь, подстригаясь, холя свои ногти или придавая физиономии более чарующий вид разными косметическими средствами" (Чилаев, *ibid.*).

Нисколько поэтому не удивительно, что он не пользовался ничьим уважением и что "над ним все смеялись" (Быховец, *Op. cit.* стр. 765).

Но он, как ограниченный человек, конечно, не мог разобраться в фактах; у него не хватало такта изменить линию своего поведения настолько, чтобы покончить с издевательствами, перестать давать к ним повод.

На насмешки и шутки он, осложняя дело, отвечал непосредственным негодованием, а себя продолжал по-прежнему любить.

"Самолюбие и чванство", по отзыву И.А. Арсеньева, "его буквально заедало... Эгоистический и обидчивый до шепетильности, он считал себя... стоящим выше других и раздражался на каждого, кто не гладил его по головке" ("Нива", 1885, № 27).⁶

Так же, конечно, он относился и к Лермонтову.

Нечего и говорить, что ему чуждо было понимание того, насколько Лермонтов выше всех окружающих, насколько велик и нужен для России его поэтический гений.

Мартынов, применяя к поэту свой критерий простого обывателя, "судил о нем свысока" (Чилаев, *Op. cit.* 450 стр.). Это особенно резко проявилось в его известной, в высшей мере характерной для его отношений к поэту остроте, — в его шутовском обещании сделать своего "друга" рогоносцем, если тот захочет жениться.

К сожалению, в этом смысле Мартынов — не исключение. Такими же непростительно близорукими были и другие знакомые поэта, не находившие оснований ставить его выше среды, не умевшие даже приблизительно оценить всей силы его поэтического дарования.

Семейные осложнения. Постоянно раздражаясь на поэта за самого себя, Мартынов вместе с тем таил против него давнишнюю злобу и, так сказать, по семейным соображениям.

Он вообразил, что "Лермонтов компрометировал его сестер" ("История дуэли", 318). Это мы узнаем со слов его родного сына. Очевидно, об этом он впоследствии говорил семье.

Подобные же "слухи он не стеснялся распространять шепотом, из-за угла, и в кружках своих приятелей и знакомых" (Мартынов, III ст. 1892 г., "Истор. Вестник"), ибо отголоски их мы имеем в статьях и письмах Костенецкого ("Рус. Арх." 1887 г., № 1), Пирожкова и Беглинга ("Нива", 1855г., № 27).

Что дало Мартынову право "бросать столь неблагоприятную тень на память великого поэта" (Мартынов, 438 ст. *Op. cit.*), остается совершенно неясным.

Во всяком случае, надо отметить, что внутреннего правдоподобия в этом обвинении нет. Хотя отношения Лермонтова к женщинам никогда не были особенно примерными; хотя в этом смысле у него была настолько дурная репутация, что, напр., графиня В. по-приятельски советовала де-Гелль не иметь

с ним никакого дела ("порядные женщины не должны не только принимать его, но и вовсе пускать близ себя" "Рус. Арх." 1887 г., № 3, письмо де-Гелль из Ялты от 29 окт. 1840г., 132 ст.), тем не менее предосудительное отношение к девушке на Лермонтова не похоже.

Поэтому вполне позволительно усомниться в том, что у Мартынова могли быть на высказанное им утверждение какие-то "причины".

Скорее всего, поэт своей беззаботной неосторожностью дал для обвинения некоторые поводы, или не понятые его недалеким другом, или же злостно перетолкованные в целях самообеления уже после дуэли.

Один из таких поводов: злополучная история с передачей пакета, и сыном Мартынова, и др. свидетелями указывается вполне определенно, а о других (возможности коих первый не отрицает) молчат все источники.

Чтобы хотя несколько расшифровать темную версию указанного тяжелого обвинения, необходимо припомнить некоторые факты из области взаимоотношений Лермонтова и членов семьи его будущего убийцы.

Было уже сказано, что Лермонтов еще в отроческие годы имел возможность познакомиться с Мартыновской родней.

У Мартынова было две сестры. Обе они, по-видимому, были гораздо умнее своего брата. Потому "им очень нравилось общество поэта", (письмо матери М. от 25 мая 1837г. "Материалы", 172); они находились "под впечатлением и обаянием его таланта" (кн. Д. Оболенский, "Рус. Арх.", 1893 г., кн. 2, стр. 613).

Одна из них красивая и умная, Наталья Соломоновна, был к Лермонтову, как говорит Оболенский, "не равнодушна" (*Op. cit.*). Она трогательно провожала его, когда он выезжал из Москвы на Кавказ, а впоследствии даже "бредила" им и воображала себя героиней некоторых из его романов (*Op. cit.*).

В свою очередь и Лермонтов платил сестрам "дружбой" (слова их матери, *Op. cit.*). По отношению к Наталье Соломоновне эта дружба приняла особый оттенок: есть даже (правда, не имеющее подтверждений) свидетельство, что Лермонтов стал "сильно ухаживать за нею" и даже знакомым подал повод "говорить, что он влюблен... или... прикидывается влюбленным" (Оболенский, со слов А.И. Бибикина,⁷ "Новое Время" № 5754).

Само собой разумеется, что эти отношения не могли быть секретом для стариков Мартыновых, ибо все происходило у них на глазах, в их доме, где поэт бывал "почти ежедневно" (письмо матери; "Материалы", 313).

Старикам "не нравилось посещение Лермонтова", "не нравился и он сам" (письмо матери), тем не менее, вполне допустимо, что по ходу дела они начинали смотреть на поэта, как на суженого своей старшей дочери. Вместе с тем весьма возможно и естественно, что она сама в душе охотно лелеяла то же предположение.

Лермонтов, по-видимому, не спешил с опровержением. Больше того, он позволял себе шутки, которые косвенным образом могли подкрепить мнимую правдивость семейных предположений.

Так, однажды, в Шотландке между ним и Мартыновым произошел будто бы следующий шуточный разговор.

"Лермонтов, женись, и я постараюсь сделать тебя рогоносцем", говорил Мартынов.

"Если мое самое пламенное желание осуществится, любезный друг", отвечал будто бы с загадочной улыбкой поэт, "то тебе это будет физически невозможно".

"Из этих слов", добавляет передающий повествование сын Мартынова, "отец заключил, что Лермонтов имеет виды на руку его сестры Наталии Соломоновны" (стр. 318).

Все эти догадки, однако, не подтвердились. "Бредившая" поэтом Наталия Соломоновна предложения от него не получила, а сам он на глазах ее брата усиленно ухаживал за другими девицами...

Вполне возможно, что такой оборот дела не понравился Мартыновскому семейству, и еще вероятнее, что им был не доволен семьялюбивый Н.С. Мартынов.

Вероятнее всего, что именно эта сторона поведения поэта, своей неосторожностью породившего слухи, связанные с именем семьи Мартыновых, была признана его будущим убийцей компрометирующей его сестер.

Мартынов, конечно, об этом не говорит. Он указывает на другой факт, будто бы послуживший даже источником ссоры между ним и поэтом.

Этот "факт" — темная история с переданным письмом.

В 1837 году Лермонтов, выезжая в свой экспедиционный отряд, зашел к Мартыновым и взял у них для передачи Николаю Соломоновичу какой-то пакет.

Что было в этом пакете, Мартыновы говорят по-разному.

Н.С. Мартынов передавал Бертеневу, что там лежало только большое письмо от его сестер. То же говорит и его мать (письмо из Москвы от 6 нояб. 1837 г. "Материалы"). Сын же Мартынова "Ист. дуэли"), а равным образом и А.И. Бибииков ("Новое Вр." № 5754) добавляют, что там лежал и целый дневник Наталии Соломоновны.

Прежде чем отдать пакет поэту, сестры Мартынова будто бы предложили своему отцу что-нибудь приписать к их посланию. Тот вместо приписки вложил туда 300 руб.

Об этих деньгах Лермонтов будто бы ничего не знал. На дороге он, "побуждаемый любопытством" (Оболенский) или же "подстрекаемый желанием узнать, какого о нем мнения любимая (?) девушка" (объяснение самого Мартынова — "Ист. дуэли"), вскрыл будто бы пакет, чтобы прочитать его содержимое.⁸

Оказавшиеся в пакете 300 руб. были для него "полной неожиданностью". Тогда, "видя невозможность скрыть от Мартынова этот поступок, он придумал рассказ о похищении у него цыганкой в Тамани шкатулки, а самые деньги принес ему" ("История дуэли", 320).

"По прошествии некоторого времени сестры, в письме Мартынову, спрашивали его о своем дневнике. На это брат ответил, что никаких ни писем, ни дневника он не получал, но 300 руб. денег получил от Лермонтова. Тогда сестры Мартынова вновь поручили брату узнать об участии дневника, указывая на то, что Лермонтов не знал о вложенных деньгах" (Оболенский, *Op. cit.* 608—609). Старик Мартынов будто бы даже добавил, "что, если Лермонтов узнал, что в письмо было вложено 300 руб., то он либо ясновидец, либо письмо это вскрыл" ("Ист. дуэли", 326).

Так будто бы обнаружилась неподобающая проделка Лермонтова, давшая Мартынову "полное основание для упреков" (Обол.) и послужившая одной из причин для его заключения, что поэт "компрометировал его сестер" (Оболенский).

Однако это повествование должно быть отвергнуто. И в общем, и в частности оно вымышлено Н.С. Мартыновым в целях своеобразной реабилитации себя перед судом и общественным мнением.

Об этом однажды проговорился он сам своему бывшему начальнику, а впоследствии московскому полицеймейстеру г.-м. Н.И. Огареву.

Он определенно передавал последнему, что самая идея объяснить дуэль недоразумениями из-за сестры явилась у него после факта. На эту идею его натолкнул один из жандармских офицеров, пребывавших в Пятигорске во время производства следствия. В этом смысле было найдено наиболее удобным осветить событие пред генералом Дубельтом.

Мартынов проговорился об этом и другим лицам. Впоследствии он очень сожалел о своей случайной болтливости, так как сказанное проникло в московское общество и, конечно, возбуждало недобрые толки ("Ист. Вест." 1892, 11, 380 ст.).

Но, если бы даже не имелось, правда, одиночного свидетельства об этом чистосердечном признании, все же мартыновское измышление следовало бы признать совершенно невероятным.

Главная его слабость — внутреннее неправдоподобие. Ведь во всей этой истории Лермонтов обрисовывается каким-то дурачком: если бы он действительно вскрыл пакет, то он имел прекрасный способ не выдать себя. Он мог запечатать его снова и в таком, вполне нормальном, виде передать по назначению, игнорируя такую незаметную мелочь, как отсутствие совершенно ненужного адреса (если таковой на разорванном конверте родными был написан). Он мог поступить еще проще: он мог незаметно распечатать старую крышку, а потом ее же склеить.

Словом, если бы действительно предосудительное любопытство на время взяло верх над благородством поэта и толкнуло его на непоправимый шаг, — он, как человек умный, нашел бы способ выпутаться из двусмысленного положения и избежать скандала.

Как бы предвидя это возражение, Мартынов передавал Бертеневу, что Лермонтов не мог передать письма после прочтения: "содержание письма было таково, что ему из самолюбия не хотелось передать его" (примечание Бертенева, "Рус. Арх." 1887 г., № 1).

Но при таком толковании дела остается только взять под защиту разумную Наталию Соломоновну от неразумной изворотливости ее нехитрого брата: Наталия Соломоновна не могла писать о Лермонтове обидных для его самолюбия вещей уже потому, что она была в него влюблена. Кроме того, нет решительно никаких оснований заподозрить ее и ее сестру в столь значительном неблагородстве, при котором только и возможно передавать оскорбительные письма через самого оскорбляемого.

Значит, этой мартыновской версии лучше всего не доверять. Она, так сказать, самоуничтожается.

Остается допустить, что письма у Лермонтова действительно пропали, и что он только поэтом не мог их передать.

Факт пропажи у Лермонтова в дороге вещей летом 1837 года действительно имел место. По словам генерала барона Е.И. фон-Майделя, поэт приехал в Ставрополь совсем без вещей, почему не мог даже явиться к начальству ("Ист. Вест." 1892 г., № 11, стр. 380).

Остается вопрос о злосчастных 300 рублях.

Мартынов хочет намекнуть, что на этих деньгах Лермонтов попался, что, распечатывая конверт, он не подозревал об их присутствии.

Но мы скажем, что это тоже совершенно не правдиво. Допустим, что поэт сделал дурное дело: раскрыл письмо; допустим, что в целях скрыть следы преступления он позволил себе ложь и вымыслил версию о похищении у него конверта. Что же тогда могло остановить его на полдороге? Почему же нельзя предположить (если считать его способным на всякую низость), что он не мог пойти дальше и не отдать не только письма, но и денег?

Это, по крайней мере, было бы вполне логично и целесообразно: тогда, без дальних разговоров, он совершенно освободил бы себя от всяких подозрений, а, поступая так наивно, как говорит Мартынов, он не мог не понимать, что дает обманываемой им заинтересованной стороне прямой конец к развязке всего узла — исходную нить для распутывания всей истории.

Это не похоже на него, да и вообще маловероятно. Отнестись к этому рассказу отрицательно заставляют еще и следующие соображения.

Рассказ распространяет только один Мартынов. В данном случае он не первоисточник: он ссылается на слова покойного отца и сестер, которые будто бы и раскрыли всю нехитро построенную лермонтовскую махинацию.

Но, если бы это было так; если бы источники повествования действительно брали свое начало в Мартыновской семье, то мы могли бы найти ее отголоски хотя бы в семейной переписке.

К счастью, у нас есть одно письмо Мартыновой матери, где она говорит как раз об этом вопросе.

"Как мы все огорчены", пишет она сыну из Москвы 6-го ноября 1837 года, "что письма наши, посланные с Лермонтовым, не дошли к тебе; он избавил тебя от труда их читать, а труд был немаленький — твои сестры писали их тебе целый день. Кажется, я даже написала — "при сей верной оказии", после этого случая я дала обещание писать только по почте; по крайней мере, можно быть уверенной, что письмо не будет прочтено" ("Материалы").

Здесь, правда, говорится о прочтении письма; возможно, что намекается на перлюстрацию; но здесь нет ни слова о 300 рублях.

Значит, мать Мартынова в факте отдачи их сыну не видела ничего, компрометирующего Лермонтова и содержащего в себе определенный намек на его неблагоприятный поступок. А, ясное дело, она давнишняя недоброжелательница поэта, охотно подозревающая его в дурном поступке, и теперь не преминула бы воспользоваться его неосторожностью в целях большего подкрепления своих обвинительных догадок. Если же она этого не делает, то, по-видимому, вопрос о 300 руб. не стоит в зависимости от пропажи пакета.

А это может быть, например, в том случае, если деньги для передачи Лермонтов получил непосредственно в руки; в этом случае он, будучи далеко не наивным человеком, мог передать Мартынову деньги без всякого риска навлечь на себя подозрение.

Впрочем, возможно и другое понимание. Мартынов уверяет, что Лермонтов передавал ему свои деньги вместо пропавших. Он будто бы сказал, "что у него украли дорогой чемодан" со всем его содержимым. Мартынов будто бы "долго не соглашался взять деньги, говоря, что раз они украдены, то с какой стати Лермонтову их возвращать" ("Ист. дуэли", 321). Одновременно с сим он подчеркивает, что деньги были вложены в письмо.

Сам Лермонтов будто бы ему объявил, вынув из бумажника 300 руб. ассигнациями, "что деньги эти присланы ему из Пятигорска его отцом и находились, вместе с письмом Натальи Соломоновны, в большом конверте" ("Ист. дуэли", цит. по "Материалам" стр. 178). И в письме к отцу (из Екатеринодара от 5 окт. 1837 г.) он будто бы писал в том же духе — "триста рублей, которые Вы мне прислали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, *вложенные в письмо*,⁹ также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои ("Материалы").

Ему, таким образом, решительно хочется связать письма и деньги в один общий конверт. Этого будто бы не отрицал и сам Лермонтов.

Пусть это так. Но что, кроме слов Мартынова же, говорит нам за то, что Лермонтову о пересылаемых с ним деньгах не было ничего известно?

Пусть даже старик Мартынов никакой надписи на конверте не сделал, пусть сестры Мартынова о деньгах ничего не говорили, потому что и сами могли не видеть, что в пакет положил их отец, — разве все же это доказательство того, что содержимое пакета Лермонтову не было известно? Ведь, чтобы признать это, надо, безусловно, исключить вполне естественную возможность, что старик Мартынов, вручая поэту конверт, сказал ему о вложении, а потом забыл о своих словах.

А он должен был сказать! Во всяком случае, к этому у него могло быть множество чисто практических побуждений (хотя бы простой осторожности), в то время как к скрытию факта — ни одного...

Все это, впрочем, второстепенные аргументы. Самое важное — в том, что темная история известна в таком непривлекательном освещении только со слов Н. Мартынова, и в данном ее виде никем другим не подтверждается.

Весьма характерно и то, что Мартынов пустил ее в оборот уже после смерти поэта и отца. По его "чистосердечным" признаниям Бартеневу, он иногда "намекал о письме" и самому Лермонтову в глаза, но этих намеков решительно ни один человек не запомнил и не сохранил. А последнее, как справедливо предполагает В.П. Кикин (предисл. к его драме: "Последние дни Л-ва", ст. IV), к уверениям Мартынова дает право отнестись скептически, ибо почти невозможно допустить, чтобы столь крупный козырь настроенным против поэта Мартыновским кружком не был использован. Да и какие тут "намеки", если бы могла идти вполне определенная речь о злостном уничтожении писем и дневника? Будь этот факт вполне доказан, Мартынов, вероятно, нашел бы способы поговорить с поэтом не одними "намеками". Если же он ничего определенного в глаза ему не говорил, а стал раздувать историю только после его смерти, то отсюда вполне ясно, что ему самому ничего в категорической форме не было известно.

Больше того, можно даже сказать, что вся история с пакетом и деньгами не то, что иное, как отвратительно-клеветническая "творимая легенда".¹⁰

Это подтверждается следующим показанием: упомянутый уже г.-м. Н.И. Огарев ("Ист. Вест." 1892, № 11, стр. 380) уверяет, что сказку о деньгах сам Н.С. Мартынов передавал ему в совершенно ином освещении. Он говорил, что Лермонтов только уведомил его о пропаже пересланного ему пакета, ничего не говоря о его содержимом. О деньгах же он узнал, независимо от этого, из письма сестры. Когда Лермонтов услышал, что в пакете было вложение, он осведомился о сумме и немедленно уплатил все.

Таким образом, созданная Мартыновым и опровергаемая как его личными показаниями, так и полным неправдоподобием сказка о злостном уничтожении поэтом мартыновских семейных документов должна быть решительно отвергнута.

Этого не было и не могло быть. Остается сказать, что, как член семьи, Мартынов мог питать недружелюбное чувство к поэту только из-за сочувствия к своей, обойденной симпатиями поэта сестре.

Кроме этого побуждения, у него были поводы к недовольству и чисто кружкового характера.

II. Поводы к дуэли

Влияния на Мартынова. Мартынов был человек, весьма склонный подчиняться воздействиям.

Как все ограниченные, слабовольные, не способные на инициативу натуры, "он постоянно находился под чьим-либо посторонним влиянием" (Чилаев, стр. 450).

В кружке близких ему лиц были и такие, которые к Лермонтову не питали симпатии. Они-то и могли настраивать Мартынова против поэта, раздувая его недоброжелательство (свидетельство Костенецкого, Пирожкова, Бетлинга, "Рус. Арх." 1887 г. № 1).

Как раз за несколько дней перед дуэлью Лермонтов со многими из них обострил отношения.

Поводом к этому послужил устроенный им знаменитый бал в гроте Дианы.

Импровизированные праздники — пикники были вполне приятными среди стекавшейся тогда на курорт молодежи. Обычными они были и среди знакомых поэта.

"Распорядителем на наших праздниках", пишет Н.П. Раевский, "бывал обыкновенно генерал — князь Вл. Сер. Голицын" (Ор. cit. № 7). "Как-то раз", продолжает он, "мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикник в нашем обычном гроте у Николаевских ванн... но в этот раз князь с чего-то заупрямился и стал говорить, что неприлично женщинам хорошего общества угощать постоянными трактирными ужинами после танцев, с кем ни попало, на открытом воздухе... Он предложил устроить настоящий бал в казенном Ботаническом саду" (ibid.).

Лермонтов, как инициатор затеи, однако решительно запротестовал.

Он заметил, "что не всем это удобно, что казенный сад далеко за городом, и что затруднительно будет препроводить дам, уставших после танцев, поздною ночью обратно в город: ведь биржевых дрожжек в городе трое — четверо, свои экипажи у кого были? Не на повозках же тащить.

"Так здешних дикарей учить надо", сказал будто бы князь.

Этот разговор с князем, по-видимому, взволновал Лермонтова. Раздражало ли его противодействие, задел ли отзыв князя его знакомых (предположение Раевского), но только он энергично начал подговаривать своих друзей не бросать задуманного дела.

"Господа", говорил будто бы он, "на что нам непременно главенство князя на наших пикниках? Не хочет он быть у нас, и не надо. Мы и без него сумеем справиться".

Друзья поддались его увещаниям и "принялись за дело с таким рвением, что праздник вышел — прелесть".

Описание этого праздника, помимо Раевского, оставил декабрист Лорер¹¹, Эмилия Шан-Гирей ("Рус. Арх." 1889, № 6), Быховец — Ивановская¹² и др.

По их словам, пикник вышел, действительно, интересным.

Перед гротом была отгорожена досками обширная площадка для танцев. От нее шли две дорожки: одна, устланная коврами, к буфету; другая, по которой вилась змейкой красное сукно, к дамской уборной, красиво устроенной из зелени и цветов. Как эти дорожки, так равным образом площадка и даже ближайшие аллеи были эффектно освещены разноцветными фонариками. Всех фонариков было до 2000!¹³ Они были укреплены прямо на деревьях.

Над гротом были скрыты два хора музыки. Грот был убран с отменным вкусом. Пол его устлал дорогами персидскими ко-

врами; ими же покрыли и лавочки. Стены завесили красочной восточной шелковой материей, а свод — персидскими шальями. Последние были в центре стянуты в узел, прикрытый круглым зеркалом. Грот, таким образом, производил впечатление персидской передвижной палатки. Его колонны были красиво повиты изящными гирляндами из зелени и цветов. Тем же была задрапирована и люстра.

Гостей по обыкновению звали прямо с бульвара. Танцевали хотя по песку, но с необычайным увлечением, до упаду. Конфеты, фрукты, мороженое носили беспрестанно. Ужинали, потом опять танцевали.

Разошлись с восходом солнца, в сопровождении музыки. Кавалеры провожали дам с фонариками.

Все остались очень довольны. Даже Лермонтов, который не любил танцевать, и тот был весел, оживлен и танцевал необыкновенно много. Его, по-видимому, вдохновил столь заметный успех бала, где он был главным инициатором.

Между тем на кружок, оставшийся верным Голицыну, удача "лермонтовского вечера" произвела обратное впечатление.

Не бывший на вечере Голицын крепко рассердился. Чтобы отплатить за обиду и поддержать свое реноме, он начал немедленно же устраивать ротонду в казенном саду и вести самые широкие приготовления к балу, одновременно созывая гостей.

Лермонтов с его товарищами приглашения, конечно, не получил.

Когда он узнал, что его обошли, он решил не остаться в долгу.

"Прекрасно", говорил он будто бы друзьям, "Пускай он себе дам из Слободки набирает, благо там капитанш много. Нас он не зовет, и, даю голову на отсечение, ни одна из наших дам у него не будет" (Раевский, Ор. cit.).

В этом направлении он, вероятно, и повел агитацию. Все это раздражило его старых врагов и увеличило число новых недоброжелателей. "Некоторые их влиятельных личностей из приезжающего в Пятигорск общества, желая наказать несносного выскочку и задиру", ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им из терпения, "проучит ядовитую гадину".¹⁴

"Им, во что бы то ни стало, хотелось дискредитировать Лермонтовское диктаторство, вовлечь поэта с кем-нибудь в ссору, довести до дуэли, до суда, до разжалования в рядовые и удалить его таким образом из общества" (Чилаев В.И. см. Мартынов 712 ст. "Ист. Вест." 1892 г.).

Как в подобных случаях это бывало не раз, искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги. Так, узнав о выходках и полных юмора проделках Лермонтова над молодым Лисаневичем, одним из поклонников Н.П. Верзилиной, ему через некоторых услужливых лиц намекнули, что терпеть насмешки не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружелюбно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль, проучить.

"Что вы", возражал этот умный офицер, "чтобы у меня поднялась рука на такого человека!" (см. Мартынов, 711 стр.; П.А. Висковатов 408, 409 стр.).

"Есть полная возможность полагать", заключает из этого П.А. Висковатов, "что те же лица, которым не удалось подстрекнуть на недоброе дело Лисаневича, обратились к другому поклоннику Надежды Петровны, Н.С. Мартынову.

Здесь они, конечно, должны были встретить почву, более удобную для брошенного ими семени" (Виск. Ор. cit.).

Соперничество дуэлянтов. При таких условиях Мартынов, питавший к поэту давнее недоброжелательство и не умевший отделаться от его постоянных раздражающих острот, вполне естественно мог укрепиться в мысли о возможности применить против него крайнюю меру воздействия.

А раз у недалекого человека создается подобное настроение, он становится опасен: малейший повод может вывести его из состояния равновесия и толкнуть на злое дело.

У Мартынова такие поводы как раз оказались. Главнейшим из них было "соперничество из-за красавицы" (Мартынов, 712 стр.).

По вопросу о том, кто был их общей симпатией, из-за которой они могли оба друг друга не помиловать, существует два мнения.

Передают, что такой счастливицей была младшая Верзилина, Надежда Петровна, — прелестный, не достигший еще 16-ти лет подросток. "Она очаровывала всю молодежь, но больше всех за ней ухаживал Мартынов, которому и она, по-видимому, оказывала особое предпочтение. Конечно, такое внимание не нравилось Лермонтову, и он бесил своего товарища всевозможными остротами, всегда стараясь, чтобы их слышала... "преимущественно Надя" (Карпов, *Op. cit.*, 54).

"Девочка, заинтересованная Мартыновым, сейчас же после этого почувствовала нерасположение к Михаилу Юрьевичу, стала уклоняться от разговоров с ним, избегать его и его любезностей. Последний еще сильнее начал нападать на Мартынова"... (*ibid.*). Этот разлад между приятелями не остался незамеченным. Принуждена была с ним считаться будто бы и сама Верзилина.

Такова одна версия. Принадлежит она К.И. Карпову, служившему при Лермонтове писцом в Пятигорском комендантском управлении, сообщившему свои воспоминания только в 1890 г.

Карпова от Верзилиных (да и от Лермонтовского кружка) отделяла слишком большая разница в общественном положении; что у них происходило, он мог знать только из вторых рук. Поэтому его показания в таких деликатных вопросах, каким является данный, едва ли могут претендовать на полную достоверность. А так как его версии никто не поддерживает, то осторожнее предположить, что он просто напугал: слышал об ухаживании Лермонтова и Мартынова за одной из Верзилиных и вставил произвольно не то имя.

Другие источники говорят, что Лермонтов не хотел уступить Мартынову старшей из Верзилиных, Эмилии Александровны.

Что они оба интересовались именно этой красивой и умной полькой, говорит прежде всего она сама. ("Воспоминания", "Рус. Арх.", 1889, № 6), а затем и сын Мартынова (конечно, со слов папашы; *op. cit.*), и Чилаев ("Ист. Вест." стр. 706).

По словам последнего, Эмилия Александровна сначала была к Лермонтову даже "слишком благосклонна", но потом заинтересовалась более красивым Мартыновым и резко изменила свое отношение к поэту. Мартынов будто бы стал дорожить ее вниманием, так как "красавица жена и протекция тестя, бывшего наказного атамана Кавказского казачьего войска, могли вновь поставить его на ноги — его, отставного майора, уволенного со службы за какую-то амурную историю" (Догадка Чилаева, *ibid.*).

При таком ходе дела "антагонизм между противниками заметно обострился" (*ibid.*).

Может быть, впрочем, не точно освещает вопрос и Чилаев. Так же, как и Карпов, по общественному положению он стоял неизмеримо ниже того круга, о котором повествует, и таких деталей, о которых берется рассуждать с видом знатока, конечно, не мог наблюдать лично.

Поэтому одинаково допустимыми будут и другие догадки. Может быть, Мартынов увлекался Эмилией Александровной и без тех практических видов, которые ему приписываются. В данном случае это не важно. Важен сам факт его ухаживания и увлечения; во-вторых, важно то, что ему было отдано предпочтение перед Лермонтовым.

В этом двухстороннем факте и можно найти развязку рокового недоразумения, последовавшего на Верзилинском вечере.

Надо добавить, что создавшееся положение могло раздражить и Лермонтова. Там, где шла речь о соперничестве из-за женщины, он тоже не мог быть равнодушным.

А priori можно сказать, что женщины доставили ему немало огорчений.

Он был, как известно, довольно некрасив. Невысокий рост, некоторая сутуловатость и искривленность ног в сочетании с неправильными чертами лица делали его невзрачным и незаметным. Только необыкновенно высокий лоб, окаймленный белокурыми,¹⁵ слегка вьющимися волосами, да большие, полные мысли, неотразимые глаза несколько искупали заметные недостатки его фигуры.

Ординарному большинству женщин, именно той преобладающей категории их, которая способна примитивно упиваться только внешней красотой мужчины, совершенно забывая, что в нем главное — духовная сторона, — таким женщинам Лермонтов нравиться не мог.

Тем не менее, он был избалован женским вниманием и привык к победам. Достигал он их, конечно, только своей духовной неотразимостью.

Это, по-видимому, и создало в нем привычку там, где его, по соображениям внешности, ставили на второй план, выдвигать на вид блестящие качества своего остроумия, избирая противников мишенью для последних...

Нисколько не погрешая против психологии, мы можем определенно сказать, что в этих насмешках он изливал всю горечь того благородного негодования и похвального мизантропизма, которая неизбежно должна волновать всякого даровитого человека, когда он видит, что над ним готово восторжествовать ничтожество.

Может быть, именно это безотчетное, но вполне здоровое чувство и делало его таким настойчивым в постоянных колкостях над глуповатым и пошлым, но красивым и потому счастливым, в своих романтических похождениях, Мартыновым. На Верзилинском вечере давно назревший психологический конфликт и разрешился "неожиданным" столкновением.

Впрочем, надо добавить, что сам Лермонтов так и понимал обстоятельства.

Мартынов был так смешон в своей дутой претенциозности, он так часто позволял "всем" знакомым безнаказанно над собой острить; поэт, наконец, настолько над ним возвышался, что ему не могло прийти в голову, что его остроты когда-нибудь вызовут крупное осложнение.

Он имел все нравственные и психологические права ставить себя неизмеримо выше своего незадачливого друга и проявлял и подчеркивал это с полным спокойствием.

Поэтому вполне понятно, что ответная и дважды подчеркнутая грубость Мартынова его раздражила, и он стал с ним разговаривать в твердом и серьезном тоне, нарочито даже в этом случае подчеркивая свое к нему законное пренебрежение.

Такова, по нашему мнению, та психологическая канва, без которой Верзилинский вечер не мог стать роковым. Только при наличии ее он и сыграл роль ближайшего повода к ужасному столкновению.

Сам Мартынов и его секунданты в своей переписке и ответе следственной комиссии ("Рус. Обозрение", 1895 г., II) пытаются отрицать такое понимание события.

Как лицам заинтересованным, им хотелось изобразить дуэль простой и "неожиданной случайностью", а не подготовленным и давно задуманным преступлением.

Но это — полная неправда.

Верзилинский вечер. Современники Лермонтова так, как описано, и понимали событие.

Инцидент в доме Верзилиных и был, по их предположительному толкованию, "не что иное, как предлог к поединку, уже ранее решенному" (кн. Д. Оболенский, *op. cit.* 619).

Такое толкование получило, вероятно, настолько широкую популярность, что интересовавшаяся причинами смерти поэта и не посвященная во все детали толпа перефразировала его до крайнего обострения.

Один из представителей этой толпы, майор В.И. Чилаев, даже говорил Мартынову, что "Мартынов явился на вечер с предвзятым намерением сделать Лермонтову вызов на дуэль, под каким бы то ни было предлогом, так как Лермонтов и Столыпин на другой день утром должны были ехать в Железноводск, для осмотра нанятой для них камердинером Соколовым квартиры, а с переездом их туда возможность вызова уничтожалась, и предположение "поставить поэта в рамки" не осуществилось бы" ("Ист. Вест." стр. 714).

Предлогом и оказалось ничтожное осложнение.

О роковом Верзилинском вечере написано очень много: о нем говорит почти каждый из мемуаристов.

В написанном, конечно, немало разногласий и субъективизма, но все же общую картину можно воссоздать.

По одним показаниям (В.И. Чилаев, "Ист. Вест." стр. 717), это был большой, званый вечер: Н.П. Верзилина давала его будто бы в честь Лермонтова — в благодарность за его труды по организации веселого пикника в гроте Дианы и по случаю скорого выезда его из Пятигорска.

Но Э.А. Шан-Гирей представляет дело иначе.

"По воскресеньям", пишет она, "бывали собрания в ресторации, и вот именно 13-го июля собрались к нам несколько девиц и мужчин и решили не ехать в собрание, а провести вечер дома, находя это приятнее и веселее" ("Рус. Арх.", 1889, VI, 316).

Среди собравшихся были полковник Зельмиц с дочерьми, кн. С. Трубецкой, кн. А.И. Васильчиков, Глебов, Лев Пушкин, Н.П. Раевский, Креницин, Шутолмин, Дмитревский, Бенкендорф и др.

"Собрались мы все", рассказывает Раевский, "и перед танцами вздумали заняться музыкой. А у М. Юр-ча, надо Вам сказать, была одна странность: терпеть он не мог, когда кто-нибудь из любителей, даже и талантливый, играть или петь начнет. А тут, как на грех, засел за фортепиано юнкер один, офицерства ожидавший, Бенкендорф. Играл он недурно, скорее даже хорошо; но беда в том, что М.Ю. его не очень-то жаловал. Как началась наша музыка, Мих. Юр. уселся в сторонке, в уголку, ногу за ногу закинув... и не говорит ничего..., а я-то уже вижу по глазам его, что ему не по себе"...

По просьбе его, Раевский начал играть кадрили.

"Разместились все, а одной барышне кавалера не достало. А тут вдруг Николай Соломонович, *poignard* наш, жалуется. Запоздал, потому франт..."

Как он вошел, ему крикнул кто-то из нас:

"*Poignard!* вот дама! Становитесь в пару, сейчас начнем!"

Он будто бы не слышал, поморщился слегка и прошел в диванную, где сидела М.И. Верзилина и ее старшая дочь, Эмилия Александровна.

Уж больно ему этим *poignard*'ом надоедали. И от своих, и от приезжих, и от *l'armee gusse* ему другого имени не было. А на бедную барышню оказалась из бедненьких... Однако ничего, протанцевали кадрили. Барышня, переконфуженная такая, подходит ко мне и просит, чтобы я пустил ее играть, а сам потанцевал. Я пустил ее и вижу, что Мартынов вошел в залу, а Мих. Юрьевич и говорит громко:

"Велика важность, что *poignard*'ом назвали! Не след бы из-за этого неучливости делать"...

А Мартынов в лице изменился, и фраза:

"Михаил Юрьевич! я много раз просил!.. пора бы перестать!" — сорвалась у него с языка... Лермонтов сдержался, ничего не ответил (*op. cit.*, № 8).

Раевский, кроме этого факта, ничего не передает. Дальше он рассказывает уже уличный инцидент.

Но, по-видимому, рассказанное им было только началом. Дальнейшего он, может быть, не знал. Это дальнейшее передает уже Эмилия Шан-Гирей. Хотя она тоже свои воспоминания считает исчерпывающими, но она как не присутствовавшая в комнате при описанном Раевским инциденте могла пропустить начало истории. Она передает только следующее: "я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что и в этот вечер он продолжал свои подтрунивания. Тогда, переменяя тон насмешки, он сказал мне:

"*M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie*".

"Ну уж так и быть, в последний раз пойдемте", — было ему ответом.

Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать... К нам присоединился Л.С. Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык *a qui mieux mieux*. Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много.

Но вот увидели Мартынова, разговаривавшего очень любезно с младшей сестрой моей, Надеждой, стоя у рояля, на котором играл кн. Трубецкой.

Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его *montagnard au grand poignard*. Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово *poignard* раздалось по всей зале.

Мартынов побледнел, закусил губы; глаза его сверкнули гневом. Он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: "Сколько раз просил я Вас оставить шутки при дамах", и так быстро повернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову. На мое замечание: "язык мой — враг мой" Михаил Юрьевич спокойно ответил:

"*Ce n'est rien; demain nous serons bons amis*".

Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора... ("Рус. Арх.", 1889 г., № 6, 316 — 17; и др. ее статьи).

Сын Мартынова и Чилаев в это повествование вносят корректив: по их словам, Лермонтов издевался над оригинальной привычкой Мартынова стоя браться за кинжал. При наличии у него привычки засучать рукава и при огромной величине его кинжалов это было действительно смешно.

Таков, в общих чертах, был ход драмы на Верзилинском вечере. "Злой и мрачный", Мартынов, "ища предлога для ссоры", как толкует В.И. Чилаев, не один, а именно "два раза сцеплялся с Лермонтовым за его шутки над его неуместным высокомерием и пристрастием к засученным рукавам"... (стр. 735).

Версии Раевского и Шан-Гирей правдоподобнее всего считать не самостоятельными, а именно продолжающими друг друга.

Тогда картина ссоры поэта с его бывшим другом, или точнее факт обиды последнего, будет и понятнее и естественней.

В таком случае не нужно будет допускать и того натянутого, высказанного Чилаевым, предположения, что Мартынов во что бы то ни стало решил вызвать Лермонтова на дуэль на этом вечере.

Так не было. Наскакивающей, грубо выражаясь, стороной был не он, а его противник, до конца не выпустивший инициативы из своих рук.

Он же только не уклонился от натиска.

Это, может быть, действительно входило в его расчеты, как правильно думает кн. Д. Оболенский (См. "Нов. Вр." 1892, № 5754 и др.).

Примечания

¹Один из товарищей поэта, А.И. Арнольди, пишет еще определеннее: "Я представляю себе непременно два Лермонтова: одного великого поэта, а другого — дерзкого, беспокойного офицера, неприятного товарища, со стороны которого всегда нужно было ждать какой-нибудь шпильки, обидной выходки... Мы все, его товарищи — офицеры, несколько не были удивлены, что его убил на дуэли Мартынов...; мы были уверены, что Лермонтова все равно кто-нибудь убил бы на дуэли: не Мартынов, так другой кто-нибудь." ("Нов. Вр.", 1903. № 9760).

²Арендатору Пятигорской казенной гостиницы.

³Ибо Н.С. Мартынов для подобных разговоров был едва ли пригоден.

⁴Рассказы о том, что Мартынов проживал не на квартире в Колонке, а где-то в степи, под Бештау, в специально для этого раскинутой палатке, мы считаем подозрительными.

⁵"Montagnard au grand poignard", "Ce Sauvage au grand poignard", "monsieur le poignard" и т.д.

⁶Свой характер он сам называет "раздражительным" (Материалы, 2-е письмо к Глебову).

⁷Дядя Оболенского, бывший товарищ Лермонтова по юнкерской школе.

⁸Оболенский, напр., прямо говорит, что пакет и давался "с намеком прочесть дневник" ("Р. Ар." 1893, II, 619).

⁹Курсив наш. — Д.П.

¹⁰Мартынов, например, просто признает ее раздутой Мартыновым, долго спустя после события, в целях свалить с себя вину (428, "Ист. Вест.", 1892, II).

¹¹Тогда уже вице-губернатор Кавказской области. "Рус. Арх." 1874 г., № 6.

¹²Родственница Лермонтова ("Русск. Стар", 1892, кн. III, 765).

¹³Возможно, что это преувеличение: размеры грота и площадки ограничены.

¹⁴Так, по словам П.А. Висковатова, в беседе с ним клеймили поэта некоторые из бывших с ним на водах современников (Ср. также у Чилаева, 712).

¹⁵Так утверждает германский поэт Боденштедт ("Рус. Стар.", I, 1884 г., стр. 86—87. "М.Ю. Л. На Кавказе в 1840 г."), встретивший поэта в Москве.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Павлов Д.М. Дуэль Лермонтова // Филологические записки. 1917. — №1. — С. 39—74.

1929

Пятигорский большой Провал

Местоположение Провала

От центра Пятигорска Большой Провал расположен в 1 1/2 верстах.

Лежит он на южном склоне горы Машук, на высоте около полуверсты (1469 ф.) над уровнем моря, немного ниже середины Машука.

До 1903 года к нему вела узкая проселочная дорога ("Вельяминовская"), с обеих сторон окаймленная кустарником и невысокими деревьями местных пород. Дорога до Провала не доходила: несколько десятков саженей до тоннеля надо было пройти пешком, а оттуда подняться к воронке по узкой извилистой тропинке.

В 1900—1903 гг. находившийся в полудиком состоянии южный склон Машука был разработан: здесь был проложен бульвар с шоссе по обеим сторонам, а сверху и снизу от бульвара были разбиты дачные участки. Лет в десять эти участки, розданные на началах долгосрочной аренды, были застроены прекрасными дачами, теперь национализированными и в большей части превращенными в санатории.

При разбивке участков много здешних кустарников и мелких деревьев было вырублено, но все же и до сих пор по пути к Провалу и за дачами можно наблюдать большое разнообразие древесных пород (дуб, ясень, вяз, клен, осину, тополь, осокорь, боярышник, бересклет, калину, кизил, терн, граб, бирючину, бузину, каштан, дикий виноград и т.д.).

Природа как бы нарочно по пути многочисленных экскурсий, обычно стекающихся к Провалу, вырастила такое разнообразие представителей местной флоры.

Флора Пятигорья, вследствие разницы рельефа, очень богата: по списку местного ботаника Розенкамца всех растительных пород (считан с культурными) в районе 1244. Список не претендует на полноту. Из него до 200 видов оспаривается.

Помогая знакомиться с местной флорой, дорога к Провалу дает возможность любоваться прелестными видами на окрестности.

Вот под кручей серебрится лента Подкумка, узенькой на взгляд сверху, но многоводной и быстрой речки. Водной энергии этой речки сейчас уже пользуются за Эссентуками для движения электростанции "Белый уголь", освещающей минераловодские курорты. Дальше ту же энергию думают использовать для орошения огромной площади засушливых, но хороших по почвенным качествам приречных земель, а также для новой гидроэлектростанции у Лысой горы, чтобы электрифицировать и всю Минераловодскую ж.-д. ветку.

Вот на берегу Подкумка утопающие в садах белянские хатки огромной казачьей станицы Горячеводской, где до настоящего времени сохранилась церковь с бойницами в ограде, типичными для Терской казачьей старины.

Вот вдали еле виднеется Тамбуканское озеро, больше 40 лет снабжающее грязями все курортные грязелечебницы, обладающее очень значительными грязевыми запасами.

Вот к западу, как два близнеца, высятся Джуца и Юца, из коих последняя питает превосходной чистой пресной водой Пятигорский водопровод.

А дальше в ясные дни открывается цепь снеговых гор — центральная часть главного Кавказского (Бокового и Водораздельного) хребта, где можно видеть и Казбек (5043 метра), и Дыхату (5197 метров), и Каштантау (5144 метра), и другие важнейшие Кавказские вершины.

А еще дальше (верст 90 по прямой линии), западнее, почти всегда (кроме туманных дней) высится (5633 метра над уровнем моря) знаменитый двуглавый красавец Эльбрус — один из немногих на Кавказе потухших вулканов, с бывлой огнедышащей деятельностью коего связывают потрясение земли и в районе Пятигорья, вызвавшее появление здесь ряда местных гор.

В любовании этими чудными, совершенно незабываемыми видами зритель незаметно доходит (или доезжает на трамвае) до нижней площадки, находящейся у Провала.

Путь этот тем более незаметен, что Провал теперь уже не оторван от города, а лежит у самого дачного поселка — этого лучшего в Пятигорске курортного района, соединяющего прелести восхитительного местоположения с климатическими особенностями горного и степного района.

Предания. Заметки

В старые времена среди малокультурных и потому доверчивых ко всяким таинственным слухам людей про Провал ходило много вымышленных рассказов.

Так, говорили, что в Провале жил огненный змей, вылетающий только по ночам.

Это, конечно, сказки: никаких огненных змеев в природе не существует. В воронке Провала жили (да и до сих пор живут!) самые невинные летучие мыши — полезные (напр., для уничтожения малярийных комаров) и совсем нестрашные животные. Их тут целые тучи! Днем они иногда гирляндами друг за друга цепляются по стенам воронки, а на ночь летят на добычу.

Говорили еще, что Провал — гиблое место, что вся пещера его была будто бы заполнена человеческими костями.

— В старину, — рассказывали пятигорские старожилы Баталину, — когда русские впервые поселились в этом крае, от начальства был дан казакам строжайший приказ не затевать ссор с татарами, жить с ними дружелюбно и ни под каким видом не употреблять в дело оружия против них. (Татарами — т.е. местными дав-

ними жителями ногайцами, кабардинцами и абазинцами: последние не "татары" — но в народе и их так тогда называли.)

Татары знали это. Когда же будто бы все же без драк не обошлось "несчастные жертвы кровавых схваток кидались в Провал и таким образом концы узла прятались в воду".

Такие случаи, конечно, могли быть, но выдавать их за обычаи несомненно нельзя.

Помимо сказочных суеверий и обывательской молвы с Провалом можно связать ряд горских легенд, в общем (не в частности, конечно) являющих отголоски действительной старины.

Кабардинцы рассказывают, что когда Крымский хан разбил их (а они жили в былое время и по Подкумку, т.е. в районе нынешнего Пятигорья), то он умертвил многих их шогенов (священнослужителей), книги их пожег, а население заставил принять магометанство. Часть шогенов будто была сброшена в "бездонные" пропасти (провалы), а часть бежала, скрылась в лесах и горах и дожила свои дни в пещерах.

Были бежавшие и на Машук и здесь скрывавшиеся по пещерам. В числе их бежал и легендарный Машуко (давший свое имя горе), сестру коего хан увез в Крым, за что Машуко мстил набегами, пока не был убит при выходе из пещеры.

У тех же кабардинцев есть и другое предание (к сожалению, сильно испорченное литературной обработкой), поэтически объясняющее свое происхождение Провала.

Оно гласит следующее.

В глубокую старину расстилались беспредельно ровные зеленые степи там, где теперь высятся Пятигорские лакколиты. Эти степи принадлежали богатому князю Эльбрусу. У Эльбруса была жена — черноокая красавица Машука, которую он очень любил. Был у него еще сирота-воспитанник, стройный джигит Бештау.

Бештау тоже любил Машуку, но, благодарный своему воспитателю, старался избегать ее.

Машука платила ему горячей взаимностью, но, будучи, по горскому обычаю, покорной мужу, она только взглядом бархатных глаз иногда выдавала свои нежные чувства.

Старый Эльбрус, однако, тайл в душе подозрения и пристально наблюдал за влюбленными.

Однажды, возвращаясь домой с охоты, Бештау заехал в гости к своему приемному отцу. Эльбрус его ласково принял, хорошо угостил и уложил спать в верхней скале.

Ночь была душная. Бештау не мог заснуть. Не спалось и Машуке. Долго металась она на жаркой постели и, наконец, решила выйти в сад, к обрыву, где выбивались и брызгали холодные ключи.

Бештау с балкона увидел, как скрывалась в чаще пробудившаяся красавица. Он спрыгнул с балкона, тихо пробрался к роднику и в восторге стал любоваться залитой лунным светом Машукой.

Тем временем неожиданно проснулся Эльбрус. Видя, что ложе его жены пусто, он воспылил мрачным подозрением, схватил прадедовскую острую шашку и быстро спустился в кустарник.

Вдали пред ним на краю обрыва луна осветила силуэт Машуки, а вблизи он увидел другую тень... Обезумев от ревности, он подбежал к Машуке и ударом шашки разрубил ей сердце. Не кровь, а голубая вода полилась из раны...

Столь ужасное убийство невинной женщины вызвало гнев природы. Страшным ударом содрогнулась земля, и там, где стоял Эльбрус, появилась белоголовая гора. Машука и Бештау были отброшены вдаль от преступника и тоже превратились в ласково-зеленые горы.

С тех пор из рассеченного сердца Машуки — Провала — течет нежно-голубая вода, исконный символ чистоты и невинности...

Та же легенда рассказывается в другой вариации.

Остов этой вариации такой.

В старое время не было ни Кавказских гор с их снеговыми вышками, ни тех лакколитов, которые украшают Пятигорский район. Была тут равнина. На ней жили богатыри (нарты). Главной их была великан Эльбрус.

Сын Эльбруса, Бештау, был влюблен в красавицу Машуку. Он просил у отца разрешения жениться на ней, но отец, — сам влюбленный в Машуку, — решил его обмануть: он отправил сына в опасную битву с соседями, чтобы тот сложил свою голову, между тем притворно дал ему обещание согласиться на брак с Машукой, если он победит врагов.

Бештау пошел. Задержался долго, но победил и вернулся. Вернувшись, он увидел, что отец его сам женился на Машуке, силой преодолев ее сопротивление. Возмущенный обманом, он решил умертвить отца. У него нашлись сторонники из нартов. Часть нартов приняла сторону Эльбруса. Началась жестокая междоусобица. В горячем бою Бештау настиг своего отца и ударом шашки разбил надвое его седую голову. Но Эльбрус собрал последние силы, ударил своего сына оземь и, разбив на пять частей его труп, швырнул его в степную даль.

Машука бросилась вслед за телом своего возлюбленного, однако, не добежав до него, упала на берегу Подкумка. От страшного волнения у нее разорвалось сердце.

Природа возмутилась при виде столь жестокого междоусобия. Она сотрясла землю мощными ударами, от которых превратились в горы враждовавшие нарты.

С тех пор стоят они здесь молчаливыми великанами.

Только из раны, из груди Машуки, журча течет голубая теплая вода, давая исцеление больным пришельцам.

Обе вышеприведенные легенды не раз были в разных переказах напечатаны.

Более близкие к нашему времени предания связывают Провал с именами бывавших на Кавказских Минеральных Водах великих людей.

Есть предположение (его высказывает Баталин), что Провалом любовался А.С. Пушкин, посетивший, как известно, Кавказские Минеральные Воды в 1820 и в 1829 гг.

Заехав на Воды в 1829 г., Пушкин писал: "Признаюсь, Кавказские воды представляют мне ныне больше удобностей; но мне жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми бывало я карабкался".

Под одной из неогороженных пропастей Пушкин, действительно, мог разуть Провал, который в промежутке между двумя посещениями Вод поэтом был обнесен со стороны площадки (у воронки) оградой в предупреждение несчастных случаев.

Молва пятигорских обывателей, охотно связывающая чуть ли не каждую выдающуюся местную деталь с памятью Лермонтова, не преминула приплести имя этого поэта и к Провалу.

Когда не было и приблизительно установлено место дуэли Лермонтова (а искать его стали 40 лет спустя после события) то обывательские слухи утверждали, что Лермонтов был убит у Провала...

Лермонтов у Провала, несомненно, бывал. В "Герое нашего времени" он упоминает об этом поэтическом месте (11 июня).

"Вечером многочисленное общество отправилось пешком к Провалу.

Он находится на отлогости Машуки, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал. Взираясь на гору, я (речь ведется от лица Печорина) подал руку княжне (т.е. Мэри), и она ее не покидала в продолжение целой прогулки...

Мы пришли к Провалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза".

Эта сцена послужила сюжетом для рисунка известного художника Зичи.

Провал посещал Л.Н. Толстой, который два сезона (1852 и 1853 гг.) лечился в Пятигорске.

Толстой, как известно, почти всю свою жизнь вел дневник. В последнем под 3 июля 1852 года отмечено: "Ходил на Провал".

Заключение

Итак, что же особенно интересного дает при осмотре его Большой Пятигорский Провал?

Во-первых, интересно на него посмотреть как на выдающееся (в ряду подобных) явление природы.

Во-вторых, доставляет большое эстетическое удовольствие любоваться оригинальностью и красотой его форм.

В-третьих, тут видны обнажения целого ряда важнейших горных пород, образующих район Кавказских Минеральных Вод, причем особенно интересно, что здесь обнажены образцы даже морских осадочных отложений, которые в Пятигорске наблюдаются в немногих местах.

В-четвертых, тут обнажена одна из тех подземных трещин, по которой в Машуке движется серная минеральная вода.

В-пятых, тут можно видеть эту воду в месте ее естественного

выхода из большой глубины — что удается не часто, так как обычно к глубинным породам до минеральной воды добираются искусственными коридорами (штольнями).

В-шестых, на примере Провала можно проследить за интересной работой, которую минеральная вода производит под землей: а) как она прокладывает себе пути (разрушая химически и механически даже очень твердые породы), б) какие водоемы под землей она образует и в) как живет в этих водоемах (прибывает и убывает, изменяет температуру и химический состав и т. д.).

В-седьмых, наконец, в Провале и около него можно видеть много интересных особенностей, например: а) явление перерождения горных пород в зависимости от соседства (явление метаморфоза) и под влиянием минеральной воды <...>, а также под влиянием тех сил, которые выдавили Машук (явление динамометаморфизации); б) нарастание туфа — постепенно каменеющих осадков минеральной воды; в) образование барежина, — бесспорного доказательства того, что органическая жизнь теплится в соседстве и с сероводородом; г) связь наших серных вод с атмосферными, выпадающими даже на значительном отдалении от Пятигорска (в районе выхода спускающихся в нашу сторону сеннонских известняков) и т. д.

Все эти интересные наблюдения может делать в Провале каждый внимательный человек, смотрящий на вещи глазами не специалиста. А специалистам — и геологу, и гидрологу, и химику, и бальнеологу, и бальнеотехнику, и биологу — Провал дает несравненно больше. Потому является вполне естественным то значительное внимание, которое ему издавна уделяют и любопытствующие посетители, и люди науки.

Литература

О Провале упоминается, а иногда и подробно рассказывается, почти во всех путеводителях по Кавказским Минеральным Водам. Имеются упоминания в геологических работах, касающихся Пятигорска. Встречаются сведения у путешественников, упомянутых в настоящей брошюре. Говорится во многих медицинских описаниях вод.

Из специальных работ о Провале можно отметить следующие:

1. Баталин. Большой Провал в Пятигорске (гл. IV. ч. I, стр. 129 — 170 книги "Пятигорский Край и К. М. Воды", СПб, 1861 г.).

2. В-в, А-й. Провал Машука (в письме первом из "Трех писем о Пятигорске", "Кавказ", 1877 г., № 38).

3. Володкевич, И.И., История Пятигорского Провала, Пятигорск, 1927 г., изд., Осоавиахима, стр. 16).

4. Иванов, И. Об устройстве тоннеля и об открытии грота в горе Машуке. "Кавказ", 1858, № 92, стр. 5. (На ту же тему того же автора в "Ставроп. Губерн. Вedom.",

1858, № 26 и в статье "Поездка на обновленные К.М.В." в "Вестнике Европы" 1875 г., стр. 637).

5. Каневский, Я.И. д-р. Провал и тоннель в Пятигорске (описание Провала и целебных свойств его минеральной воды), "Кавказ", 1858 г., №69 (68?), стр. 2. (у него же и в "Руководстве к провальному употр. Кав. Мин. Вод"...).

6. Л...зе, М. Провал в горе Машуке в Пятигорске и Пятигорский сазандар (местрель), "Кавказ" 1846, № 17.

7. Неизв. автор. (Баталин?) Большой Провал в Пятигорске. "Отечественные записки", 1857 г., № VIII, 113 стр.

8. Неизв. автор. Тоннель и грот в горе Машук. "Воскресный Досуг", 1858 (9?), № 208.

9. Я.В. (Верховен) Большой Провал в Пятигорске. Пятигорск, 1911 г.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Павлов Д.М. Пятигорский большой Провал. —
Пятигорск: Издание Кавказского горского общества, 1929.

ПЯТИГОРЬЕ — ЛЕРМОНТОВУ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
К 82-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ.

ПЕРВОЕ ЧЕСТВОВАНИЕ ЗА ВРЕМЯ
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ.

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ М. И. САНАЕВА.

РИСУНКИ ХУД. РИДМ

Содержание*

От редакции:

1. Почему мы чествуем Лермонтова.

Стихи:

2. У Эльбруса *Павла Кофанова.*
3. Когда в листве *Николая Сердцева.*
4. В долине Лермонтова *Елены Бокард.*

Статьи:

5. М.Ю. Лермонтов *Мих. Промысловского.*
6. Политические отзвуки в поэзии Лермонтова *Вс. Апухтина.*
7. "Между Машуком и Бештау" *Вл. Булгакова.*
8. Лермонтов и горцы *Ислама Карачайлы.*
9. Лермонтов как личность *Вас. Еюкина.*
10. Музыка слова *Павла Кофанова.*
11. Зачем? *В. Егорова.*
12. Лермонтов и черные рясы *В. Т.*
13. Новое о Лермонтове *Вс. Апухтина.*
14. Увековечение памяти Лермонтова *Вс. Апухтина.*
15. Домик Лермонтова в г. Пятигорске *Мих. Санаева.*

*Сборник из фондов музея-заповедника М.Ю. Лермонтова с автографом Л.П. Семенова

1923

Пятигорье — Лермонтову

Литературный сборник, посвященный памяти
М.Ю. Лермонтова. К 82-летию со дня смерти

Почему мы чествуем Лермонтова?

Потому, что М.Ю. Лермонтов — великий русский поэт, давший, несмотря на свою краткую жизнь, все же очень многое в сокровищницу русской культуры.

Лермонтов — всероссийский поэт, но чествование в общероссийском масштабе великих людей прошлого приурочивается обычно к определенным юбилеям: 50, 76, 100-летие со дня смерти или рождения и т.п. Пятигорье же связано с Лермонтовым более тесно, чем какая-либо другая местность, и потому более других обязано чествованием поэта.

Мы принимаем даже прежнюю традицию: ежегодное чествование Лермонтова в Пятигорье, в день его смерти — 28 июля, считая, что всероссийский Лермонтов в то же время — местный герой и что по памятникам, имеющимся в Пятигорье, лучше всего знакомить с Лермонтовым население, принимая во внимание специфичность Пятигорья как курортного места, куда стекаются тысячи людей со всей России.

Пятигорск имеет лермонтовскую усадьбу, приведенную ныне советскими органами в такое хорошее состояние, в каком она никогда не была, и это мы должны отметить в нынешний год, связав с чествованием Лермонтова.

Нынешний год образовалось в городе Пятигорске лермонтовское общество, имеющее целью, между прочим, изучение классической литературы для использования этого опыта при создании пролетарской литературы, которое приурочивает окончательное свое открытие к годовщине смерти поэта.

Да и вообще, раньше нам, людям нового общества, некогда было чествовать Лермонтова, теперь имеем эту возможность, и наше чествование является первой оценкой Лермонтова за время революции.

Нужно рабоче-крестьянскому населению вообще, и в особенности молодому подростому поколению, объяснить, что же в действительности представляет Лермонтов и разъяснить, что без использования наследства от старого общества невозможно построить новое, что Лермонтов для нас — определенная веха в развитии культуры и что наследство от Лермонтова пригодно и для настоящего момента.

Пятигорье вспоминает Лермонтова, своего певца, но нам кажется, что и остальные места России не откажутся в чествовании Лермонтова — героического поэта России, — хотя бы путем распространения там нашего сборника.

Мы далеки от мнения в совершенстве и полноте нашего сборника, мы рассматриваем его только как первую скромную попытку собирания материалов о Лермонтове во время после революции. Содержание сборника было задумано нами глубже и полнее, мы полагали воспользоваться силами известных литературных и научных работников, находившихся на курортах, но какое писание на благодатном Кавказе, да еще во время отдыха!

Итак, мы даем труды исключительно пятигорцев о всероссийском поэте и просим строго нас не судить за недостатки сборника.

Редактор

У Эльборуса (звенья)

*Светлой памяти художника слова
М.Ю. Лермонтова.
Мастеру — от подмастерья!*

1. Любовь горянки

От утеса к утесу скользя,
Я Сурати-татарка не знала — нельзя!
Я не пела страданий печальных ночей.
Чьих очей? Не хотела очей.
На цветы упала в обрыв
Алым взмахом, мелькнув над призывом горы.
И овец загоняя, напевала: аллах!
Что за страх? не видала я страх.
Но сегодня у Белой горы
На лиловый закат, под червонный обрыв,
Всадник мчался — удалый, красивый джигит.
Сердце — в пропасть! И жар от ланит!
Это Атлы летит. Это Джау Хамзат...
Быстролет Карачайлы — золотые глаза!
Я, Кыз-Келин, рванулась на зовы ночей.
Не могу отвести ненасытных очей.
Эй, Хамзат! Увези поскорей!

2. Письмо Пятигорску

О, Пятигорск, украсивший нагорья
Кавказа гордого — седого скакуна!
Твой взор впитал все молодые зори;
Твой синий купол вечно познал.
Прильнув по-детски к трепетной Машуке,
И на Бештау мягко опершись —
Ты, солнечный, куешь цветные звуки
Из песен любящей своей души.
И рвешься вдаль... К любви, горячей четко.
За Эльборус и цепь седых снегов...
За синь морей — на бирюзовой лодке
Все дальше... Выше... К счастью вдалеко.
Твоих ключей живительная влага,
Где наш Поэт вознесся и творил —
Сейчас бурлит у пламенного стяга,
Искрясь цветами огненной зари.
И вот уже гора золотая в белом
Несет аулы в любящей руке
И голубых беседок отгиск смелый
Зовет Подкумок — желтый в вишняке.

А ближе — в ночь — концерты птиц по чашам
Вино легенд и вечеров набат.
Люблю тебя, мой Пятигорск целующий!
Пою тебя — мой силеносный брат!

Ты расплескал любовь свою по свету
Призывом смелого рабочего станка.
Твои слова Великому Поэту
Горят в больных, униженных веках:
— Мы победили, Лермонтов Прекрасный!
Сын Космоса и вечный Чародей!
Горит прибоем радостным и страстным
Наш напоенный солнцем день...

3. Песня Солнца

Полюбите мой пылкий юг.
Эти резкие гневные скалы...
Эти снежно-льдяные обвалы
И метель огневую мою.

И тогда вам откроются сны.
По обрывам замечутся грозы.
И весенние красные розы
Набросают картины весны.

Здесь у нас хорошо и легко:
По горам за косулями бегать,
За вершинами вечного снега
Рвать цветы закавказской рукой.

И у сакли пристав на ночлег,
Загораясь страстью к татарке,
Грациозной, пугливой и жаркой, —
Слушать вечности огненный бег!

Здесь эффенди жену мне нашел;
Файрус синюю — Келиню пашень...
Здесь в легендах разрушенных башен
Я воспрянул могучей душой...

Москва—Пятигорск. 1922 г.

* * *

Когда в листе лычи краснеющей
Твое лицо мелькнет средь лоз
Загаром кожи, нежно рдеющей,
И россыпь вьющихся волос, —
Тогда щемящей грустью сладкою
Вновь к сердцу радость льнет слегка,
Как по Бешту вершиной гладкою
Скользят ажурью облака.

И взором, что-то в даях чающим,
Смотрю в заката хризолит,
А там драконом отдыхающим
Бешту свой профиль громоздит.

Николай Сердцев

В домике Лермонтова

Тенистый старый сад — приют мечты священной,
Где долгие отрядные часы
Во власти упоительной красоты
Ты пел, поэт, в тиши благословенной.

О сколько раз задумчивый твой взор
Был устремлен туда, где в царственном сиянье,
Застыв, как сфинкс, в загадочном молчанье
Стоит Эльбрус над цепью снежных гор.
Давно ли здесь лились непонятные слезы,
Иль в миг веселия звучал беспечный смех?
Теперь один разросшийся орех,
Посаженный тобой, твои лелеет грезы...
Видения тая давно угасших дней,
Твой домик все стоит, как верный страж былого...
И будто слышится торжественное слово
Мне в бледном сумраке таинственных аллей.
Бессмертный дух живет — источник вдохновений...
И в этом уголке, где жил и мыслил ты,
Так сильны чары дивной красоты,
Что создал нам, поэт, твой горделивый гений.

Пятигорск.
Елена Бокард

М.Ю. Лермонтов

Вот уже 109 лет прошло со дня рождения и 82 года со дня смерти поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

До последних революционных лет в Пятигорске из года в год чествовали память поэта; по всей России были проведены юбилеи 75 лет со дня смерти и 100 лет со дня рождения его; написаны целые томы, посвященные обзору творчества и жизни Лермонтова; в школах всякого рода изучалось творчество Лермонтова, и нет почти ни одного грамотного русского человека, который бы не знал о поэте.

Но вот пронеслись годы революции. Выступили на общественную сцену новые слои: рабочие и крестьяне, которые меньше всех знали, что представляет собой М.Ю. Лермонтов. О нем знала только интеллигенция, так называемая русская образованная публика; крестьянам же и рабочим в школах давались только отрывочные сведения из жизни поэта, отрывки его произведений — производилась, в общем, школьная формальная учеба, которая затем, по выходе из школы, крестьянином и рабочим забывалась. Да и самое чествование памяти поэта не способствовало ознакомлению с ним рабочих и крестьян как с поэтом, имеющим какое-либо народное значение. Чествования проходили в ограниченном кругу тех же избранных "образованных" лиц, а в Пятигорске, где последние годы перед смертью жил и где умер М.Ю. Лермонтов, лермонтовские праздники носили особо отталкивающий для народных масс характер. Выходил какой-нибудь капитан и начинал восхвалять Лермонтова, как офицера, не снимавшего никогда мундира и всегда бывшего наготове пролить кровь за отечество. Затем какой-нибудь учитель гимназии старался охарактеризовать Лермонтова "представителем мировой безотрадной скорби" и подчеркнуть в Лермонтове патриотизм и христианство. После того торжественный обед с возлияниями, базары с "патронессами" и т.п. ерунда.

Вот сейчас наступила эпоха "переоценки ценностей". Рабочие и крестьяне, не зная, что в действительности представляет Лермонтов, готовы сдать его в архив вместе с "дамами патронессами" и другой дребеденью разбитого буржуазного общества. Кроме того, за эти годы революционной бури, выросло новое поколение, впервые приобщившееся к знанию, которое не удовлетворяется общими фразами, что Лермонтов "великий, гениальный русский поэт", а требует определенного ответа: почему?

что он такое сделал, чтобы память о нем была достойной к сохранению и среди пробудившихся к жизни рабоче-крестьянских масс?

Вот в первый год за время революции чествования памяти поэта М.Ю. Лермонтова и должны мы разобраться, что такое Лермонтов-поэт, какое значение он имеет для русского народа и какие такие заслуги Лермонтова, что и сейчас, в новом обществе, достойно чтить его память.

* * *

Михаил Юрьевич Лермонтов — великий русский поэт. Что такое поэт? А вот что: в жизни людей непрестанно происходят события; люди стараются устроить свою жизнь так, как это требуют их интересы; но не всякий человек способен понять, что происходит в данное время среди человеческого общества и особенно вразумительно понятно передать другим этот свой взгляд на события в жизни людей. И вот особо одаренные люди своими произведениями представляют жизнь и переживания современных им людей, облекая это в форму складной речи-стиха и закрепляя речь понятными для большинства населения образными сравнениями. Вот такие люди и есть поэты. Складная, стиховая речь лучше запоминается, а образные сравнения событий или явлений с какой-либо знакомой, яркой картиной еще лучше способствуют этому.

С незапамятных времен народ привержен к поэзии. Некогда слагались им былины о богатырях, пелись песни о лучинушке, "не белы снеги", "подуй-подуй погодушка" или (украинские) о гетманстве, о невольниках-пленниках турецкого султана — вообще те или другие свои переживания или события в своей жизни народ излагал в стихах и песнях, в складной речи, сопровождая ее красочными сравнениями. Например, "калину с малиной вода поняла, а меня на ту пору матушка замуж отдала"; или "мать (о сыне) плачет, что река лется; жена (о муже) плачет, что роса падет; солнышко взойдет, росу высушит".

Нет надобности приводить дальше эти примеры: народная поэзия слишком хорошо известна самому народу.

Вообще поэзия в жизни народов занимает видное место. Наряду с устной народной поэзией укрепилась поэзия писанная, литературная. Поэты пишут, то призывая на бой с врагами, то бичуя общественные пороки и недостатки, то ставя перед людьми новые задачи, указывая, как надо жить. И нужно поэтам обладать особой одаренностью, особым зорким взглядом, чтобы подметить главное направление в людской жизни, нужно владеть в большой степени искусством писания, чтобы понятно, красочно и живо изложить в словах-стихах свои мысли. И вот особо одаренных людей, кто все это особо хорошо умеет делать, мы и называем великими поэтами. М.Ю. Лермонтов начал писать стихи еще в детстве, с 12 лет. Он прожил всего 27 лет и за свою короткую жизнь написал так много хороших поэтических произведений, поставил свое имя в первом ряду русских писателей и поэтов, что мы вправе называть его особо одаренным, талантливым человеком.

О чем же Лермонтов писал, какие темы брал для своих произведений?

Поэт-бунтарь — вот первое и главное определение содержания поэзии Лермонтова. Когда жил Лермонтов, время было глухое, безотрадное. Над всем человеческим обществом и над каждым человеком в отдельности господствовали правила церковные, порядки жестокого самодержавия. Личность человеческая была угнетенной и бесправной; всюду, не только в России, но и в остальной Европе, ее принижало государство и церковь, торжествовавшие тогда беспредельно. За свободу личности,

против государства и Бога поднял сначала свой протестующий голос германский поэт Шиллер: поэзия его находилась в связи с назревавшим тогда движением против феодального общества с господством дворян и духовенства, и когда разразилась Великая французская революция 1789 года, революционеры предложили Шиллеру звание почетного гражданина французской республики. Другой, еще более знаменитый, германский поэт Гёте в своих первоначальных произведениях бурно восставал против угнетения личности. Тот же великий спор человека с землей и небом за свою свободу проходил в произведениях английского поэта Байрона. И наш Лермонтов в поэмах "Мцыри", "Демон", "Измаил-Бей" и ряде других стихотворений спорит за право личности против государственного и общественно-церковного порабощения ее, восставая против привычных, обычных для того времени правил.

Лермонтов — натура бурная, протестующая, "он, мятежный, просит бури", но тогда было время, когда всякие "бури" беспощадно и свирепо развевались реакцией, особенно ставшей сильной после восстановления монархической власти во Франции. Тогда поэты, выходцы из дворянской среды, не находили, на кого опереться, — не видели общественной силы, с которой могли бы связать свою жизнь и творчество. Рабочий класс только зарождался, а в России его почти совсем не было, если не считать рабочих-крепостных на уральских заводах и в некоторых других местах. Точно так же и буржуазия в то время не проявляла деятельности; дворянство же, хотя и господствовало, но уже гнило, вырождалось.

И поэты впали в "безвременье", запели о "мировой скорби". Начали выводить людей с сильными характерами, пылкими, кипучими страстями, но засохшими под влиянием жизненных неудач; сильные умы, не известно к чему стремящиеся, непонятные, неразгаданные людьми герои, которые при благоприятных обстоятельствах много могли бы сделать для людей, но в "безвременье" осуждены на бесплодную жизнь, на жалобы на людей, на бичевание непорядков и т.п.

Лермонтов полно и верно изобразил в своих произведениях этот тогдашний быт современного ему общества, во многих произведениях, но главным образом в романе "Герой нашего времени".

Вот, как бытописатель замечателен Лермонтов.

Все произведения Лермонтова написаны прекрасным русским языком. Писать хорошо — вовсе не легкая вещь, а особенно писать в стихах. Требуется большое знание русского языка, его оборотов, его красот; так все это использовать, чтобы читатель понял мысль автора, и в то же время мысль эта была бы облечена в художественную образную, красивую форму.

Лермонтов — великий мастер языка.

Стих его точен, ясен, понятен, то музыкален, как "Казачья колыбельная песня", то плавно спокоен, как "Песнь о кущи Калашникове", то быстр и порывист, как "Мцыри", то беспощадно строг, как "Дума", — стих всегда отделанный, кованный, стальной — лермонтовский стих.

А художественные, образные сравнения в произведениях блещут всеми красками; охватывают предмет сразу и со всех сторон и врезаются в память читателя.

Язык — великое дело для каждого народа. Через язык, литературу выражает каждый народ свои взгляды на жизнь, творит свою культуру. Богатое наследство досталось нам от гениального юноши Лермонтова, и все богатства его слова должны мы использовать при создании своей литературы, литературы рабочих и крестьян.

Стихи Лермонтова вызывали восторг его современников по красоте, богатству и точности слова. Великий критик Белин-

ский не находит слов в восхвалении красоты лермонтовского стиха. Если слог других писателей старого времени представляется нам сейчас старомодным, историческим, то слог Лермонтова жизненен до сих пор и может служить образцом всем современным писателям по красоте и чистоте языка.

Поэт-бунтарь не был чужд и гражданских мотивов в своей поэзии, но об этом пишется особо в статье "Политические отзвуки в поэзии Лермонтова" настоящего сборника.

Не будем касаться и связи творчества Лермонтова с Кавказом и, в частности, с Пятигорьем, ибо это также составляет предмет особых статей сборника.

Мы рассмотрели Лермонтова как поэта-бунтаря, как бытописателя, как великого мастера стиля.

Вот в том и исторические заслуги Лермонтова, что в своих произведениях он ярче, чем какой-либо другой поэт его эпохи, отразил переживания современных ему людей.

Лермонтов высоко взмахнул в область борьбы человека за свою личную свободу от угнетения неба и земли.

Поэт безвременья, эпохи начала изживания старого феодального строя и не оформленных новых, буржуазных образований, он не мог указать личности выхода к действию; лишь через 76 лет после его смерти, в 1917 году, отдельный человек смог полностью развернуть свои силы на благо человечества, находя осуществление личной свободы в свободном творчестве всего человеческого коллектива. Лишь творчество людей со стремлением к коммунизму разрешает эту вековую проблему, над которой так много и долго бились философы, писатели и поэты прошлых веков, проблему об отношении личности к обществу.

Освобожденное от рабства неба человечество видит свою деятельность только на земле, разумно и гармонично согласуя интересы личности с интересами коллектива.

Сейчас, когда рождается новая литература, творчество рабочих и крестьян, безусловно, необходимо использовать все богатое наследство от Лермонтова в области языка.

Вот заслуги и значение Лермонтова; и отсюда ясно, что и сейчас достойно чтить память этого великого мастера стиля, бытописателя, писателя-психолога, каким он проявил себя в своих произведениях.

Только изучая наследство старого, используя его, может построить трудовой класс общество в соответствии со своими интересами.

Тех, кто вложил в культурную сокровищницу много от своих сил и способностей, тех всегда достойно вспоминать и чтить.

А к числу таких людей принадлежит Михаил Юрьевич Лермонтов.

Мих. Промысловский

этих юных писателей расходятся: Белинский остается верным своим юношеским идеалам и остается заправским воинствующим журналистом-критиком; Лермонтов же уходит сперва в противоположный стан, становясь юнкером школы гвардейских подпрапорщиков, расадника, выпускавшего "маменькиных" сынков из высшей аристократии в офицеры гвардии, прожигателей жизни, кутил и транжиров нажитых эксплуатацией "крестьянских крепостных душ" отцами и дедами их капиталов и денег от залога и продажи самих крестьянских и дворовых "душ"...

Если Белинского иногда сбивали с отрицательного отношения к позорной действительности того времени философские взгляды, то Лермонтова в первые годы его офицерства, отвлекали от идей и настроений, которым он так живо отдался в студенческие годы, угар полковой атмосферы архиаристократического лейб-гвардии гусарского полка и быт аристократических салонов. Но университетские годы самосознания не прошли для Лермонтова даром. Вновь испеченным, как принято было тогда называть, офицером 23 декабря 1834 года Лермонтов писал М. Лопухиной: "Кто порукой, что я сберегу в себе хоть частицу пламенной, молодой силы... Мне или не представляется случая, или не достает решимости". Но скоро представился случай для молодого гения Лермонтова проявить и молодую пламенную силу, и решимость. Они ярко проявились в знаменитом его обращении к "палачам свободы, гения и славы", перед которыми в те времена "суд и правда — всё молчи". Это было в 1837 году, когда угас "светоч, дивный гений" поэт Пушкин и в порыве негодования у Лермонтова вырвалось стихотворение на смерть Пушкина — "погиб поэт — невольник чести", доставившее ему громкую известность. По цензурным соображениям добавочные строфы к этому стихотворению "А вы, надменные потомки" не были напечатаны, но с быстротой молнии облетели все великосветские салоны и, вполне понятно, обидели "сливки" тогдашнего общества. 28 февраля 1837 года Лермонтов был арестован и сослан на Кавказ в Нижегородский драгунский полк по докладу шефа жандармов Бенкендорфа по делу о "непозволительных стихотворениях"... Вслед за этим, в том же 1837 году Лермонтов написал ряд стихотворений, в которых звучат мотивы, безусловно, далекие от идеалов той, так называемой "благородной" среды, в которой Лермонтову приходилось вращаться, как например, "Гляжу на будущность с боязнью", "Я знал: удар судьбы меня не обойдет... что голова... на плаху перейдет...". В следующем 1838 году в стихотворении "Дума" он бичует современных ему людей словами: "Перед опасностью позорно малодушны и перед властью презренные рабы..." Отрицательно Лермонтов относился к милитаризму и патриотизму его современников. Взгляд его на бойни народов выразился в следующих словах стихотворения "Валерик": "Небо ясно, под небом места много всем, — но беспрестанно и напрасно один враждует он... Зачем?".

Выросший в деревне и горячо любивший "полей холодное молчанье, ее лесов дремучих колыханье, разливы рек ее, подобные морям" и "дрожащие огни", которые "медленно пронзая ночи тень, мелькали в избенках печальных русских сел и деревень", и проселки, незабвенный Лермонтов отчасти был не чужд и народным мотивам. "С отрадой, многим незнакомой" радовался "полному гумну" крестьянина "печальной" деревни, полной в те времена под гнетом помещика нужды и горя, и с удовольствием готов был смотреть до полночи "на пляску с топаньем и свистом под говор пьяных мужиков" как забвенью трудового народа от будничного горя и помещичьего ярма.

Политические отзвуки в поэзии М.Ю. Лермонтова

Воспитанный у бабушек и мамушек в дворянских традициях, в обстановке крепостничества, Лермонтов в студенческие годы все же был проникнут горячей ненавистью к крепостному праву. В 1831 году, одновременно с критиком Белинским, студентом того же Московского университета, в котором учился и Лермонтов, он громит опору тогдашнего общественного строя рабовладельцев-помещиков и богатеев в драме "Странный человек". В дальнейшем литературные дороги

Надо припомнить, что Лермонтов жил как раз в тот исторический период, когда Николаевское (Николая I) правительство после восстания декабристов 1825 года, опираясь на чиновничество, помещное дворянство и купечество, представляло гнездо бюрократизма, крепостничества и национализма.

Герцен, Огарев и одинаково "мыслящая с ними бунтарская молодежь", называвшая себя с гордостью "детьми декабристов", смело протестовали против тогдашнего режима, за что и подвергались репрессиям жандармерии. Другая часть молодежи ударила в область философии и мистики. Как раз в Лермонтове соединились эти два течения. Он то пытается проникнуть в тайны вековечной проблемы земли и неба и силится понять "в чем жизни назначенье, цель упований и страстей", то ему чудится "ангела полет", то слышатся звуки небесных песен, перед которыми песни земли кажутся скучными. То, наоборот, задавая вопрос "прекрасна ли земля?" и "для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы?", Лермонтов отвечает: "Для воли и свободы". Человеческая воля дерзновенно вступает в спор с самим небом, воля эта стремится "в чудный мир тревог и битв". Свою вольную поэзию Лермонтов уподобляет "неистовому и бурному" потоку. Подобно Байрону, Лермонтов считал себя "странником, гонимым миром". Муза Лермонтова оказала свое воздействие и на Н. Михайловского, и на Льва Толстого, и на Д. Мережковского, и на Шевченко.

Много лет спустя после смерти Лермонтова (в 1887 году) появилось в печати стихотворение, написанное им перед отъездом на Кавказ в 1841 году, в котором поэт, прощаясь с "немой Россией", называет ее "страной рабов, страной господ", прохватывает далее ненавистные всем свободомыслящим жандармские голубые мундиры: "И вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ". На Кавказе гонимый поэт думал укрыться от их, то есть жандармских, "всеслышащих ушей", "всевидящих глаз".

Историю и судьбу свою Лермонтов красочно изобразил в стихотворении "Пророк" словами: "Смотрите, вот пример для вас! // Он горд был, не ужился с нами". И действительно, в так называемых "великосветских" кругах Лермонтов за то, что бросал луч света на окружавший его мрак тогдашней действительности и разоблачал двигавшиеся в этом мраке силы, пользовался нелюбовью. Не даром, по свидетельству составителя биографии Лермонтова Васильчикова, известие о смерти вызвало в качестве надгробного слова у одного "высокопоставленного" лица восклицание: "Туда ему и дорога!". Певец свободы и простора, энтузиазма и бурь, Лермонтов вечен.

Поэзия Лермонтова к концу его жизни освобождается от печати безнадежности и оперного блеска романтических красот. Сбылись пожелания, выраженные им самим устами "читателя" в стихотворении "Журналист, читатель и писатель" словами: "Когда же на Руси бесплодной, расставшись с ложной мишурой, мысль обретет язык простой, и страсти — голос благородный".

Политические отголоски тяжелой атмосферы государственной жизни России за вторую четверть XIX столетия мы находим ясно выраженными в поэзии незабвенного М.Ю. Лермонтова. Эту сгущенную атмосферу Лермонтов старался разряжать, и в этом его заслуга перед трудовым народом, и в истории революционного движения в России для Лермонтова должно найтись местечко.

Вс. Апухтин

"Между Машуком и Бешту"

**Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной...**

Такой пламенный привет посылал Лермонтов Кавказу, когда писал свои лучшие поэмы "Демон" и "Аул Бастунджи".

И не удивительно. Разве есть в нашей литературе хотя один поэт, который был бы так привязан к местности, где он провел лучшие годы своей жизни, как Лермонтов — к Кавказу?

Здесь воедино слились два начала — величие природы и величие гения. И если первое служило источником вдохновения для второго, то наоборот, не Лермонтов ли окутал представление о Кавказе тонким флером легенд, воплощенных в бессмертные поэмы?

Впервые Лермонтов посетил Кавказ еще ребенком, когда "робкими шагами взбирался он на гордые скалы, увитые туманными чалмами, как головы поклонников Аллы". Тогда Кавказ представлялся его детскому уму сказочной страной, полной еще не постигнутых человеческим сознанием тайн.

Вторично на Кавказ Михаил Юрьевич приехал уже взрослым человеком, вкусившим горечь бытия. Он был сослан сюда за смелый дерзкий вызов, брошенный обществу, за вызов, направленный в сторону тех, кто не умел ценить достоинство человека, тех, кого он называл "свободы, гения и славы палачами".

Кавказ гостеприимно принял Лермонтова в свои объятия. Здесь, среди чудной и дикой природы, "за хребтом Кавказа, укрылся он от сих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей".

Кавказ был для Лермонтова второй родиной, родиной поэтической, ибо здесь было зачато его вдохновение, здесь он черпал образы и краски, которыми так художественно написал ряд ценнейших поэм.

С другой стороны, Кавказ был для него пристанищем после житейских бурь, местом отдохновения. Не было здесь ни суетного света, ни житейских дрызг и пошлости. Перед поэтом открылся новый мир. Оттого он так полюбил Кавказ, сроднился с ним, оттого он писал о Кавказе:

**Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.**

Третье посещение Кавказа и Пятигорья было для поэта роковым. Его излюбленные и воспетые им места послужили ему последним пристанищем. И умер поэт, прильнув, как к груди матери, к склонам Машука, который с такой любовью он упоминал в своих произведениях множество раз.

Почему Лермонтов полюбил так Кавказ и его преддверие — Пятигорье? Какая неведомая сила влекла его сюда, к горным высотам, "где гуляют лишь туманы, да цари орлы"? Почему он воспел не русскую природу своей фактической родины, а дикую девственную природу родины поэтической — Кавказа?

Спокойная русская гладь была поэту не по сердцу. Его мятежная фантазия не могла, не видела для себя пищи в однообразии русской природы. Ему "наскучили нивы бесплодные". Он рвался на Кавказ. Недаром он послал ему такую восточку:

**На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой, всегда и всюду твой.**

Пятигорье сделалось местом действия большинства Лермонтовских поэм.

Было за что любить Кавказ, но если бы не было поэта, может быть, не было бы в литературе и Кавказа, как не было бы, пожалуй, Миргорода без Гоголя, Бахчисарая без Пушкина.

На самом деле, разве мог бы кто-нибудь другой воспринять всю прелесть посещения Пятигорска в такой степени, как Лермонтов? Разве мы когда-нибудь так восторгались величием окружающей природы, как восторгался им поэт? Возьмите несколько строк из повести "Княжна Мери". Ведь ее начало — это отдельная поэма о красоте Пятигорья. Ведь если мы впервые сюда приехали и восхищаемся всем увиденным, то разве не потому так остро ощущается восхищение, что нам памятни эти строки: "Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука. Во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Вид с трех сторон у меня чудесный: на запад пятиглавый Бешту синее как "последняя туча рассеянной бури"; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка; внизу передо мною пестреет чистенький новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом".

Лермонтов назвал красоту Кавказа вольной. Не потому ли, что она не была еще тронута человеческой культурой и цивилизацией? Разве грот, который мы называем именем поэта и который сделался одной из реликвий его памяти, не был красивее и величественнее, когда его еще не касалась человеческая рука? Лермонтов пострадал за любовь к вольности, за дерзкое смелое слово, брошенное "надменным потомкам известной подлостью прославленных отцов", но и после этого он чувствовал, что "вольность для героя милей отчизны и покоя" и, видя в природе Кавказа, его гор, упирающихся в облака, воплощение вольности, Лермонтов недаром воскликнул:

**Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы.**

Чудные легенды Кавказа, слышанные поэтом здесь, во время его пребывания на Кавказе, послужили темами для ряда поэм.

Вот прекрасная, дышащая художественным ароматом легенда "Аул Бастунджи". До чего прост ее замысел и до чего поразительно ярко выполнение! Действие происходит "между Машуком и Бешту назад тому лет тридцать". В поэме рассказывается об одном, теперь уже не существующем ауле, в котором жили два брата, чрезвычайно любившие друг друга.

**Однажды... Акбулата ждал Селим
С охоты. Было поздно. На долину
Туман ложился как прозрачный дым;
И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою, густым
Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.
Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие.**

Акбулат пришел с черкешенкой, которую взял себе в жены. Селим ее полюбил и пытается уговорить бросить мужа. Братья делаются врагами. Зара отказывается изменить мужу. Селим ее подстерегает и убивает, а саклю Акбулата поджигает, отчего сгорает весь аул.

Это поэтическое содержание поэт вставляет в прекрасную оправу. Вот, например, место, где Селим разговаривает с братом:

Бурно молодость во мне

Кипит, как жаркий ключ в скалах Машука!

Как мало и вместе с тем как много сказано! А вот еще:

Лишь бледный луч из-за Бешту крутого

Едва светил печально струей.

Читая "Аул Бастунджи", невольно переносишься в прошлое, когда этот аул мог существовать. И, закончив чтение, словно спрашиваешь у себя словами поэта: "Скажи, не знаешь ты аула Бастунджи?" Так могут действовать на воображение только в высшей степени художественные произведения, в которые поэт вкладывает, как принято выражаться, всю свою душу.

А вот другая поэма — восточная повесть "Измаил-Бей". Разноцветная лента ее содержания тоже вьется вокруг вершин Пятигорья. Сам поэт говорит о том, что действие происходит

...у чистых вод,

Где по кремням Подкумок мчится,

Где за Машуком день встает,

А за крутым Бешту садится.

Прошли годы. Подкумок мчится по-прежнему по тем же кремням. День, как и раньше, встает за Машуком, а садится за крутым Бешту. А замечаем ли это мы, люди сегодняшнего дня, живущие тут же между Машуком и Бешту? Боюсь, нет. Боюсь, мы об этом и не подумали никогда, потому что в этом как будто нет ничего особенного. А вот поэт это особенное нашел. И ведь не правда ли, когда читаешь это место в поэме, тебя тянет туда, где когда-то "аулы мирные цвели". Тянет потому, что поэт очаровал тебя своей поэмой, заставил полюбить то, о чем в повседневной жизни забываешь, — природу Кавказа, ее величие, ее красоту.

Трудно писать на тему об отношении Лермонтова к Кавказу и Пятигорью. Трудно потому, что в этой любви человека к природе больше психологических извилин, чем в любви человека к человеку. Тема эта неисчерпаема, и в небольшой статье не выскажешь даже десятой части того, что можно об этом сказать.

Лермонтов и Кавказ — это одно целое, неразрывное.

Лермонтов свой творческий гений воплотил в произведениях, воспевающие Кавказ. И поэтому имя его будет переходить из уст в уста, из поколения в поколение столь же долго, сколь долго будут глядеть задумчиво в даль его любимые "Бешту острокопечный" и "зеленеющий Машук".

Лермонтов и горцы

Каждый человек и каждый народ имеют свой собственный критерий для определения величины и характера так называемых великих людей.

Горские народы Кавказа, те, кого Лермонтов называет Черкесами, своей наивной простотой, примитивностью этого своего мерила напоминает сирот, симпатии которых взрослые люди покупают лаской и сладостями.

Эпитеты: "дурной", "хороший", "симпатичный", "низменный", "благородный" и другие у нас даются значительным людям только в зависимости от их отношения к нам, горцам, к нашей судьбе, к нашим испытаниям.

* * *

Как Лермонтов относился к горцам? Был ли он их другом или врагом? Кем он был для них?

Лермонтов — не только великий поэт, но и великая загадка.

Если друзья познаются в беде, а люди познаются по их деяниям, то был ли поручик Лермонтов нашим другом и кто он был как человек, коль скоро с оружием в руках шел против нас и принадлежал к лагерю наших врагов.

Лермонтов — человек, переживавший мучительный разлад, мучительное раздвоение.

Судя по тем литературным памятникам, какие он после себя оставил, он был враг угнетения, но сам был орудием гнета, служил — правда, не пером, а своей гусарской саблей — делу угнетения, принадлежал к лагерю угнетателей.

Поступки Лермонтова, поведение Лермонтова не имели ничего общего с духовной физиономией поэта, с его внутренним миром и взглядами.

Как поэт, он воспевал волю и вольных людей — черкесов, и его поэтическое сердце — целый океан, "где надежд разбитых груз лежит".

Как человек... трудно поддается Лермонтов определению как человек.

Как военный он был верен, по крайней мере, физически верен своему долгу, традициям, понятиям военной среды.

* * *

"Умолкнул ярый крик войны". Неравная шестидесятилетняя борьба горцев за свою независимость стала частью истории, и не всякий знает, что Лермонтов был поручик — гусар.

Но остались произведения великого поэта, его "железные стихи, облитые горечью и злостью", органически враждебные всему мещанскому, обывательскому, трусливому и будящие самые возвышенные, самые благородные страсти.

Лермонтов — наш. Он родной для горцев, горцы, знающие его, считают своим.

Горец, продолжительное время, изо дня в день изучавший Лермонтова, должен его безгранично полюбить и при том, как говорят гимназистки, "навек".

Почему?

Потому, что Лермонтов сам был один из немногих, которые действительно любили, редкой любовью любили горцев и оставили потомству свидетельство этой любви.

Его "Аул Бастунджи", "Хаджи-Абрек", особенно "Измаил-Бей", и ряд других вещей, крупных и мелких, в которых он трактует свою излюбленную тему о "черкесах" и Кавказе, — все это доказательство тех симпатий, которые он питал к маленьким героическим народам гор, для которых свобода дороже жизни.

* * *

Промежуток между эпохой Лермонтова и Великой Русской Революцией — очень большой исторический этап, богатый мучительными и при том весьма разнородными потрясениями для горцев.

Подвергшись сначала физическому истреблению со стороны своих врагов, горцы претерпели затем прелести мухаджирства (массового переселения в Турцию), опыты ассимиляции, руссификации, христианизации (насильственного обращения в православие) и еще многое, многое другое.

Это все длилось мучительные бесконечные десятилетия, вплоть до 1920 года, до того момента, когда героическая Армия Пролетариата утвердила, "надолго и всерьез" утвердила советский стяг на Кавказе и тем самым положила конец процессу нашего дальнейшего разложения и измельчания.

Власть пролетариата открыла новую, светлую страницу в нашей истории, и наше будущее целиком и неразрывно связано с судьбами Советской России.

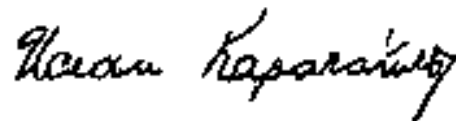
Наше возрождение уже намечилось под эгидой советской власти.

Несомненно, в этом процессе скоро будут "взяты на учет" все те, кто были нашими друзьями. И среди них первым — великий Лермонтов, который в будущем горских народностей, среди горских народностей поднимется на такую высоту, на какой никогда он не стоял на своей официальной родине.

* * *

Уже в кругах революционной горской молодежи говорят о памятнике Лермонтову в одном из горских центров. Это не случайность. Это, несомненно, так и будет.

И горцы, которые черпали до сих пор много полезного и будут черпать еще больше из оставленного великим поэтом культурного и духовного наследия, воздадут Лермонтову дань глубокого уважения, любви и признательности.

Лермонтов как личность

**Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!**

Михаил Юрьевич не успел сказать своего последнего слова и поэтому некоторые стороны его жизни и личности оказались в тени. Однако общие исторические сведения, богатая разнообразными событиями и переживаниями жизнь Михаила Юрьевича и его разносторонняя литературная деятельность — дают обширный материал для выявления и характеристики особенностей личности поэта.

Как сын своей эпохи, Михаил Юрьевич, является, прежде всего, типичным представителем лучших передовых людей дворянского общества 30-х годов прошлого столетия.

И действительно, в Михаиле Юрьевиче, как и во многих типичных представителях 30-х годов, жило два человека, которые всю жизнь враждовали между собой и которые нашли полное примирение лишь со смертью самого Михаила Юрьевича.

Один из них — помещик, дворянин и гвардейский офицер; другой — представитель 30-х годов, эпохи безвременья и распутия, лучший человек своего времени, чутко реагирующий на события минувших столетий и современной эпохи.

Михаил Юрьевич, как помещик, отдавая дань прошлому и среде, его создавшим, безрассудно тратил на себя порой очень крупные суммы денег, содержал большой штат прислуги, посещал великосветские вечера, — пустые и скучные, — увлекался дамами легкого поведения и кутил.

Михаил Юрьевич, как представитель лучших людей, был человеком постоянного и глубокого раздумья над самыми сложными вопросами жизни, был человеком, который оторвался от прошлого и не нашел настоящего, вечно мучился от разлада-мечты с окружающей действительностью и бичевал себя и смеялся на своем двойником — Михаилом Юрьевичем-помещиком.

Этой двойственностью своей личности, этим калейдоскопом своих душевных переживаний он полно и верно отразил совре-

менную ему эпоху и тем показал свою органическую связь с ней. Взятый отдельно, как личность, Михаил Юрьевич был, безусловно, талантливым. "Лермонтов, — пишет проф. К.И. Арабаджин, — был сложной богато одаренной симпатичными чертами, высокодаровитой натурой". Мало этого, Михаил Юрьевич был глубоко начитанным и всесторонне развитым человеком.

Об его даровитости и всестороннем развитии говорят почти все его литературные произведения, а также его университетская работа, поражающая профессуру разносторонностью запросов и богатым запасом знаний.

Источником даровитости поэта было неустанное и упорное искание абсолютной истины и красоты.

Искание — его натура, его родная стихия, источник его радости и горя. Искание — это вся жизнь, все творчество и вся личность Михаила Юрьевича.

Искание создало бессмертие Михаилу Юрьевичу, искание принесло ему преждевременную смерть. Эту основную черту своей личности, это вечное и самое сильное настроение, прошедшее лейтмотивом через всю жизнь, Михаил Юрьевич ярче всего выразил в стихотворении "Парус":

**А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!**

В начале своей литературной деятельности, под живым впечатлением тяжелых семейных драм, постоянных распрей его отца с бабушкой и отрицательных явлений, происходивших в окружающей действительности, Михаил Юрьевич переживал состояние человеконенавистничества; он уходил в себя, был замкнут и неразговорчив и свысока, а порой с презрением посматривал на окружающих.

Об этом настроении Михаил Юрьевич писал следующее:

**Любил сначала жизни я
Угрюмое уединение,
Где укрывался весь в себя,
Боялся, грусть не утая,
Будить людское сожаление.
Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я.**

Но это настроение не удовлетворило Михаила Юрьевича; вскоре он отказался от него и остановился на любви к природе и в ней думал найти ответ на вопросы, вечно его тревожившие. Природа также не разрешила всех сомнений Михаила Юрьевича. Тогда он глубоко проникся любовью к Богу и написал ряд восторженных стихотворений религиозного характера. Но и это настроение не успокоило, не примирило с жизнью, и он снова с невероятными усилиями бросился искать разрешения вопросов, его мучивших.

Смерть прекратила его много обещающую жизнь раньше, чем он нашел себя.

Искания Михаила Юрьевича не прошли для него бесследно. Они развили его способности и обогатили его опытом. Большой природный ум Михаила Юрьевича в постоянных размышлениях над жизнью, среди чтения книг и наблюдения над окружающей средой, сильно развился и выковался в пронизательно глубокий, а порой язвительный. Большой ум делал его исключительным человеком своего времени и давал возможность подмечать и разоблачать такие стороны жизни, какие оставались незамеченными многими, даже выдающимися его современниками.

Богатое воображение Михаила Юрьевича в вечных поисках, в созданиях идеальных образов, в воспроизведениях красот природы и абсолютной красоты, также нашло обильную для себя пищу и к смерти Михаила Юрьевича выросло в неизмеримо великое творческое воображение и стало громадной ценностью личности Михаила Юрьевича.

Искания абсолюта произвели благотворное влияние и на нравственный облик поэта. Михаил Юрьевич стал еще более чутким, добрым и честным и благодаря этому не кривил душой даже тогда, когда мятущаяся натура бросала его на дно велико-светской жизни. Однако эти же искания, когда они были неудачными, производили и отрицательное влияние на Михаила Юрьевича. Они развили в нем меланхолическое настроение и порой приводили к пессимизму, граничившему с самоубийством.

Богато одаренная натура Михаила Юрьевича и эти особенности его личности сделали его крупным талантом, о котором можно сказать следующее:

**Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных создания,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.**

**С природой одною он жизнью дышал.
Ручья разумел лепетание.
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал грав прозябание;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.**

Такова в общих и главных чертах личность Михаила Юрьевича.

Прошло 82 года со дня незабвенной кончины Михаила Юрьевича. Изменилась Россия, забыты Бенкендорф, де Барант и Мартынов, сыгравшие печальную роль в жизни Михаила Юрьевича. Изменились значительно некоторые уголки Кавказа, где жил и проводил время великий поэт.

Но память о нем по-прежнему неизгладимо живет, его изучают, чтут и ценят.

Почему же так ценен и так близок он?

Михаил Юрьевич не был никогда политическим деятелем, скажем даже более, он не принимал, как беспартийный, активного участия в политических выступлениях, имевших место в 30-х годах.

"Не сблизился он (Лермонтов), — пишет А.М. Скабичевский, — ни с кружком Белинского, голос которого гремел тогда в 11-й камере казенных студентов, ни с философствующим кружком Станкевича, ни с фрондировавшим кружком Герцена".

Михаил Юрьевич был своеобразным патриотом и, как не странно, принимал личное участие в порабощении некоторых народностей Кавказа.

Почему?

Объяснения всем этим явлениям, быть может, непонятным на первый взгляд, надо искать в историческом прошлом и в двойственности личности Михаила Юрьевича.

И, тем не менее, Михаил Юрьевич дорог и ценен! Бессмертие и ценность его, прежде всего, в искании вечной красоты и истины и в протесте против насилия; в художественной обрисовке лучшей поры жизни человека — его мятущейся и ищущей юности.

Михаил Юрьевич ценен и дорог потому, что он, как "отзыв мыслей благородных, звучал, как колокол на башне вечевой, во дни торжеств и бед народных".

Потому, что он открыто выступал против гнета и насилия, царивших в его время, и дважды попадал за это в ссылку на Кавказ.

Наконец, Михаил Юрьевич дорог и ценен, как великий поэт, создавший бессмертные художественные литературные образы и картины, полные содержания и форм и, главное, общечеловеческих мотивов и настроений.

В. Еюкин

Музыка слова (Штрихи и силуэты)

Сел писать о Лермонтове ко дню годовщины его смерти — 28 июля. Взял в руки перо и уперся глазами невидящими и мыслью разгоряченной в Машук зеленокудрый...

А в голове все одно, все одно:

"Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука..."

"Ветки цветущих черешен смотрят мне в окно, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками..."

Но вот нет черешен, Машука, Эльбруса и диких чеченцев. А просто в душу врываются каскадным переливающимся потоком дуновения одежда красоты, отзвуки песен без слов:

И долго на свете томилась она.

Желанием чудным полна...

И в чем же суть и основа творчества? Из чего слагаются его элементы?

* * *

"Внизу перед мною пестреет чистенький новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа..."

Ах, теперь мне понятно. Через звуки и музыку ритмов создается настроение бытия.

Перелистываю страницу за страницей книгу жизни поэта. Читаю, всматриваюсь, изумляюсь. Замкнутая душа мастера, художника и романтика — переливается и блещет в строках. И кажется, прижми к ней руку, и каждая строка горяча; и в каждой почувствуешь, как пульсирует в ней кровь: "Кровь сердца полубившего..."

И, прежде всего, мне импонирует здесь форма: пафос переживаний, соцветья и сокустья слов; образность и музыка нарядного стиха.

Важно — о чем петь, но важнее — как петь. А уж в процессе пения, в стиле пения скажется мировоззрение автора. Отношение мира к нему, и его — к миру.

Лермонтов — романтик; целый мир тончайших нежнейших созвучий, нюансов, лирики, окрашенной в сказочные цвета. Вы заметили, что это кладет сильный отпечаток и на его стих. Певучий, музыкальный и ослепительно-нарядный, он горит и переливается всеми цветами грусти и скорби поэта, чаруя слух и захватывая все внимание...

"Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синё — чего бы кажется больше?"

И опять захватывают эти беспредметные симфонии, унося в море звуков.

И не потому ли его стихи — прямо от сердца к сердцу! Минуты и рассудок читателя? И так они напевны, музыкальны. Просто берет поэт и находит слова, словесные ароматы и запахи в которых:

Есть сила благодатная

В созвучье слов живых;

И дышит непонятная

Святая прелесть в них...

И находит он их, эти слова, взлетая, ощущая мир, горящий мольбой в вечности — в желании разрешить проблему жизни:

Случится ли тебе в заветный, чудный миг

Открыть в душе давно безмолвной

Ещё неведомый и девственный родник,

Простых и сладких звуков полный...

И, находя в себе самом эти родники звуков, дрожаний мирового эфира, отблески далекого прошлого и предчувствия буду-

щего, — поет весь вибрирует; он в своей стихии; он находит себя: он передает эти неуловимо тончайшие восприятия на землю звуками чудной песни:

Есть речи — значенье

Темно иль ничтожно;

Но им без волненья

Внимать невозможно...

Живя звуками, он дал изумительное совершенство стиха и облек в нежную музыку каждое слово, как это сейчас удастся только Сергею Есенину; и, живя цветами, музыкой цветов, — когда каждое слово, окрашенное в свой цвет и имеющее свой запах, пело, — он через стихи красит и весь мир в свои цвета, "черные глаза", "голубые туманы", "серебристая чешуя", "синяя река", "лиловые облака", "золотые главы", "красные лучи", "желтый лоб", "малиновая слива" — вот реальные краски на его палитре, которые у него, на самом деле, служат только средством для передачи тончайших ощущений, едва уловимых касаний.

А эпитеты вроде: пышущий, пламенный, гневный, бурный, ярый, звенящий, рассыпанные по сменным полям мелодий, — только дыхание души поэта, уходящей от скучной земли.

* * *

Трагизм Лермонтова в том, что совсем от земли он уйти не может. Есть нити, связывающие его тесно с нею. И, возносясь над жизнью:

Его чело меж облаков,

Он двух стихий жилец угрюмый...

Поэт начинает чувствовать приближение смерти. И опять жалеет о том, что он на земле "странник бездомный", "изгнанник" одинокий.

А вот моменты, когда скрещивается прошедшее и будущее, давая искру настоящего. И на острие этого настоящего вы видите вертикальный взлет гения Лермонтова ввысь:

Уж не жду от жизни ничего я,

И не жаль мне прошлого ничуть...

(Выпадение одновременного реальных моментов для поэта — прошлого и будущего!) Куда же этот взлет? В смерть? В любовь?

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и уснуть.

.....

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел...

Но опять поэт сбрасывается на землю. Он — могущий жить только в надзвездных мирах. И не расшибся ли он в одно из таких падений о реальность?

"Правда всегда была моей святыней", — пишет он... И эта правда проходит красной чертой через все его произведения. Романтик, житель миров иных, изгнанник на земле, Лермонтов всегда и весь жил полностью только в нездешних звуках, соцветиях слов, образах, красочности и музыкальности символов. И это делает его поэзию бессмертной, неувядаемой чашей, из которой не устанут пить напиток любви сладкий — все поколения, все века и народы...

Бросаю писать. Не могу писать. Все Лермонтовское так насыщено его дыханием — что от одного соприкосновения с ним уходишь в воспоминания... Отправляюсь к памятнику ему на месте дуэли.. И вырастают, высятся, становятся прекрасно-величественным и Бештау, и Машук облысевший (за эти годы всё жители вырубали на отопление! Жить же надо было! Вот она реальность дня!), но все-таки нарядный Машук, и на юге едва видимый среди черных туч Эльбрус... Просто отдаюсь волне нахлынувших чувств...

В Пятигорске...

В обители целебных вод,

Он пал — преступником сраженный...

Певец великих дум...

Было дано миру большое сердце, зоркий ум, красота взлетов!
А мир убил все это... Убил Пушкина, Лермонтова, Достоевско-
го... Убьет других — певцов жизни прекрасной..

Кажется, июль... Накапывает дождь. Над Юной режут ры-
жую завесу черные молнии... И такая тоска...

Вот здесь он дрался на дуэли. Благородный, благородный
бунтующий человек! Упал сраженный, хватаясь за грудь, проли-
вая последнюю кровь сердца на цветы жизни.

Умирал одиноко, под дождем, без помощи...

О ком вспоминал в этот момент? О чем думал? Какие сокро-
вищницы звуков, красок, мелодий и земных страданий видел
пред собой?

Этот мешковатый, нескладный, сутулый человек с желчным
лицом и неуживчивым характером, с мундиром нараспашку?

Под дождем у памятника его сижу... И через смерть его, зем-
ные страдания его и творчество его начинаю познавать законо-
мерность жизни.

Поэзия — вестница грядущей в мир Красоты. Она придет
в спящих одеждах и каждому скажет:

"Милый, ты хорош!"

И не будет тогда рас, народов, классов, корпораций; но бу-
дут — люди! Равные, смелые, красивые...

Павел Кофанов

Зачем?..

(Наброски к 82-й годовщине
со дня смерти поэта)

С грустью тайной и сердечной

Я думал: жалкий человек!

Чего он хочет... небо ясно,

Под небом места много всем,

Но беспрестанно и напрасно

Один враждует он... Зачем?

М.Ю. Лермонтов

У подошвы Машука — небольшая полянка, окаймленная мо-
лодняком, где на изумрудном фоне вырисовывается на пьедес-
тале гордая и угрюмая, как сам Лермонтов, колонна, окружен-
ная низкой оградой, железной цепью и спящими грустными гра-
фами, вечными сторожами вечно покоя великого поэта.

Тихо вокруг... Горная торжественная тишина. И никто не на-
рушит этой сказочной тишины. И кажется, здесь царит могуч-
ий дух поэта и раздаётся властный голос его творческой
страсти.

Вдыхайте солнце, живите солнцем,

И солнцем сами блеснете вы.

Согреют землю лучи живые

Сердце, познавших добро и свет...

Вдыхайте небо, живите небом,

И небесами засветит взор.

Какой-то загадкой, каким-то таинственным уединением веет
от этой исторической поляны, где 82 года тому назад роковая
пуля сразила молодую, но великую жизнь, полную творческих

порывов, страстей и горячих исканий вечной правды, вечной
космической красоты.

В грозный час смерти поэта тишина этого уголка была нару-
шена. Гроза символически разразилась в горах в самый момент
смерти. Поэт умер... Смолкла навеки мятежная душа. Утих бун-
тарский дух. И осталась загадкой его жизнь и смерть.

"Зачем?" — еще долго будет волновать нас и заставлять ис-
кать разгадку этого поистине великого вопроса.

Незадолго до смерти поэт писал:

Мой гений сплел себе венок

В ущелинах кавказских скал.

Сбылось. Поэт действительно сплел себе венок под сенью кав-
казских скал, перед "синеющими престолами природы", которые
вдохновляли его творческий гений, создавали бессмертные ху-
дожественные образы и чарующие звуки прекрасной лирики. Он
понимал свое назначение и верил в мощь гения, восклицая:

Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,

Мой гений веки пролетит.

Но эта вера почти одновременно нарушалась мыслью о своем
ничтожестве, и тогда с новой трагической мощью вставал роко-
вой вопрос: "Зачем?".

С этим вопросом и сошел поэт в могилу.

И сегодня у этой могилы мы снова спросим: "Зачем?"...

В. Егоров

Лермонтов и черные рясы

Кажется, еще никогда иезуитская роль служителей церкви
в трагедии лермонтовской дуэли не казалась столь характерной,
как теперь, в дни смелого обличения и выявления подлинного
лица распятавшегося духовенства.

Поповское лицемерие, стремление угодить "начальству",
ложное доноительство, клеюзы — все это сплелось махровым
венком над смертью поэта.

Известно, что, когда тело убитого Лермонтова лежало в его
хатенке в Пятигорске, друзьям поэта пришлось много хлопотать
о его погребении. Одни из местных священников Василий
Эрастов не только отказался участвовать в погребении Лер-
монтова, но даже донес на своего товарища протоиерея Алек-
сандровского местному архиерею Афанасию, будто бы тот "по-
гребше честие в июле месяце того года тело убитого на дуэли
Лермонтова, в статью метрических за 1841 год книг его не впи-
сал и данные 200 рублей ассигнациями в доходную книжку
причта не внес".

Донос этот почти во всех частях оказался ложным, как выяс-
нилось на следствии, произведенном по распоряжению архи-
ерея: протоиерей Александровский "только проводил" тело.
Консистория, однако, нашла, что и этого делать не следовало:
"За сей поступок, более из интереса происшедший, нежели от
неведения законов, протоиерей Александровский был оштра-
фован на 25 рублей "в пользу бедных".

Архиерей не только утвердил это решение консистории,
но и прибавил к нему от себя: Кроме взыскиваемых с протоие-
рея, взыскать с него и прочих на тот же предмет за провод, как
стяжание несправедное".

Доносителю, священнику Эрастову, было отказано поэтому
в получении причитающейся ему части доходов.

Случай этот в нескольких вариантах и с теми или иными по-
дробностями описан биографами поэта, останавливающими
в некоторых случаях внимание и на личности священника Эра-

стова, на 50 с лишком лет пережившего поэта и до сих пор еще не забытого многими из пятигорцев.

Один из "лермонтоведов" — Е. Гайзенер, описывает свою особенно интересную и к тому же мало известную встречу с этим Эрастовым, происшедшую в Пятигорске в конце 90-х годов.

В то время, по описанию Гайзенера, священнику Эрастову было более 80 лет, но он сохранил вполне бодрый вид и часто поднимался по крутой дороге вокруг Машука, где у знаменитого грота и произошла описываемая Гайзенером встреча.

— Вы ведь знали Лермонтова? — спросил Гайзенер.

— Знал, знал... Все его тут знали, — с насмешливой ноткой в голосе ответил Эрастов.

— Правда ли, что вы отказались его похоронить?

— Правда, Разве можно было его хоронить! Умер без покаяния...

— Его убили.

— Мало что убили! А кто виноват? Сам виноват. От него в Пятигорске никому прохода не было. Каверзник был, всем досаждал. Поэт, поэт!... Мало что поэт. Эка штука! Всяк себя поэтом назовет, чтобы другим неприятности наносить...

В голосе "батюшки" звучало раздражение, точно он говорил о событии вчерашнего дня.

— Вы думаете, все тогда плакали? Никто не плакал. Все радовались.

— Чему же радовались?

— Как — чему? От насмешек его избавились. Он над каждым смеялся. Приятно, думаете, насмешки его было переносится? На всех карикатуры выдумывал. Язвительный был.

— А вы были с ним знакомы?

— Знаком не был, а довольно его знал... Видел, как его везли возле окон моих. Арба короткая... Ноги вперед висят, голова сзади болтается... Никто ему не сочувствовал.

— А Мартынову?

— Мартынова любили. Он из себя видный был. На другой день после дуэли вышел на бульвар в папахе, в новой черкеске, рукава с отворотами... Барышни, дамы высыпали на бульвар на него смотреть... Идет, как герой, грудь выставил, со всеми раскланивается... Этот имел успех у женского пола, а Лермонтов нет. Его не любили.

— Но ведь другой священник участвовал в погребении?

— Не мое дело. Я не участвовал. Товарищи по полку устроили. Я отказался. Хоронить такого нельзя. Он все равно как самоубийца: сам на смерть пошел.

Чем же, в сущности, было вызвано такое отношение духовенства к поэту и боязнь участвовать в похоронах такого страшного грешника?

Оказывается, все дело было лишь в том, что несколько "влиятельных личностей", находившихся тогда в Пятигорске, и не любивших Лермонтова за его злой язык, внушили, что убитый на дуэли — тот же самоубийца и что едва ли высшее начальство взглянет благоприятно на похороны такого человека.

Даже через 60 лет после смерти Лермонтова, в 1901 году, духовенство отказывалось служить панихиды по Лермонтову (№ 58 "Сезонного Листка Кавказских Минеральных Вод", 1901 год).

Так относилось к Лермонтову духовенство по указу тех "надменных потомков известной подлостью прославленных отцов", которых задевал Лермонтов в своих произведениях.

И еще один полузабытый сейчас инцидент.

После того, как труп поэта был, наконец, погребен, тогдашний владелец дома, где жил Лермонтов, обратился к священникам с просьбой отслужить в этом доме молебен и совершить водосвятие:

— А то никто тут и жить не будет!

Эта боязнь, что без водосвятия, чего доброго, придется "такую" квартиру сдать курсовому дешевле, — тоже победа черной ряссы над умами добродетельных россиян прошлого времени, особенно охотно призывающих Бога, когда дело начинает касаться "карманных" вопросов...

С этими карманными интересами пятигорских акул память Лермонтова сталкивалась в Пятигорске в течение многих десятилетий почти на каждом шагу...

В сущности, убитому Лермонтову еще более, чем живому, было решительно безразлично, как к нему относится духовенство. Не сыграло это отношение роли и в оценке поэта его здравомыслящими современниками, а тем более не является важным для нас, чествующих память его без водосвятий, молебнов и панихид.

Но для истории отжившей России вспоминаемый нами сегодня поповский бойкот мертвого Лермонтова весьма показателен и не может быть достойным образом не учтен в дни прозрения народа, научившегося без помощи "неба" опознавать и разграничивать великих от ничтожных людей.

В. Т.

Новейшие сведения о последних днях пребывания М.Ю. Лермонтова на КМВ (По новооткрытым документам архива Управления КМВ)

**Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!**

М.Ю. Лермонтов

В марте 1922 года, приступив к приведению в порядок, к разбору, систематизации богатейшего архива Управления Кавказских Минеральных Вод (в актохранилище этом накопились дела, начиная с 1819 года) с целью извлечения из дел этого архива материалов по истории революционного движения, я заинтересован был поисками попутно сведений о пребывании с 1837 по 1841 год на группах наших вод незабвенного поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Но поиски эти в делах за это время были безрезультатны — ни одной строчки о поэте нами не было найдено. Месяца полтора тому назад, когда работавшими по приведению в порядок архива Управления Вод было приступлено к разбору груд книг с денежной отчетностью и книги были разложены по годам, я кинулся рассматривать книги за время с 1837 по 1841 год, и тут мне посчастливилось найти книгу с надписью на обложке: "Книга Дирекции Кавказских Минеральных вод на записку прихода и расхода купальных билетов и вырученных с г.г. посетителей денег за ванны на щелочно-же-

лезистых водах в Железноводске. На 1841-й год". Твердо зная о том, что М.Ю. Лермонтов именно в этом году, но точно неизвестно когда, лечился в Железноводске, с трепетом беру книгу в руки, пробегаю ее листы и на 6-м листе нахожу следующую бухгалтерскую запись: в графе "номера билетов" — 146, 147, 148 и 149, в графе "месяцы и числа" — июля 8-го и далее запись: "Г. поручику Лермонтову четыре билета в Калмыцкие ванны по пятидесяти копеек за билет на два рубля" и в графе "рубли ассигнациями" — 2 р. Перелистываю книгу и на листе 7-м читаю: "Номера билетов" — 212, 213, 214, 215 и 216, "месяцы и числа" — июля 15-го, — "г. поручику Лермонтову пять билетов на ванны № 12 по 50 коп. билет на два рубля пятьдесят копеек" — и в графе "рубли и коп. ассигнациями" — 2 р. 50 к. Книга пронумерована и прошнурована на 115 л. За подписью командующего войсками генерала-адъютанта Граббе и скрепою инженер-капитана Горбачевского. Красная сургучная печать "Штаба команд. на Кав. линии и Черноморья" — прекрасно сохранилась.

Замечательно, что первым лицом, открывшим в 1841 году лечебный сезон в Железноводске, был Мартынов, убивший Лермонтова 15 июля на дуэли. Статьи расхода начинаются в нашей книге записями о продаже 27 мая 8-ми, 12 июня еще 8-ми, 17 июня 6-ти, 21 июня — 6 и 26 июня — 2-х билетов "г. майору Мартынову". Таким образом можно предположить, что 27 июня Мартынов окончил свое лечение на Железных Водах и переехал в Пятигорск. Последняя ссора Лермонтова с Мартыновым на вечер в доме Верзилиных, приведшая к роковому концу для первого из них, относится последним числом июня месяца 1841 года. Но в литературе до сих пор вопрос о последних днях и часах пребывания Лермонтова на группах КМВ был спорным, и среди лермонтоведов существуют в этом отношении разногласия. Особенно много света на данный вопрос пролил известный лермонтовед Дмитрий Михайлович Павлов, ныне профессор Владикавказского политехникума, в статье "Последние дни Лермонтова", помещенной 15 июня 1916 года в Харьковской газете "Южный Край", правильно указывая на то, что Лермонтов за несколько дней до своей кончины проживал на "самой изысканной из наших минеральных групп — в мечтательно-поэтическом Железноводске..."

Версия Быховец (журнал "Русская Старина" за 1892 год, книга 3-я) о том, что Лермонтов будто бы выехал в Железноводск на следующий день после Верзилинского вечера, который, как мы уже указывали, создан был в конце июня месяца, как будто бы отпадает. Быховец в своих воспоминаниях, между прочим, указывает на то, что Мартынов явился на вечер с "предвзятым намерением" под каким бы то ни было предлогом вызвать поэта на дуэль, что двоюродный брат Лермонтова Столыпин остался в Пятигорске как будто бы для "ликвидации печального прошлодневного инцидента", после отъезда на следующий день после вечера самого Лермонтова в Железноводск, где камердинером Столыпина была уже приготовлена квартира для обоих "кузенов".

Чилаев, Пятигорский плац-адъютант, в воспоминаниях своих, помещенных в журнале "Исторический вестник" за 1892 год, страница 701, говорит, что после вечера у Верзилиных до пятигорского коменданта Ильяшенко дошел слух о готовившейся дуэли между Мартыновым и Лермонтовым, что как раз 10 июля Лермонтов и его двоюродный брат Столыпин закончили курс лечения серными ваннами в Пятигорске, что Лермонтов был "на дурном счету" у коменданта, что 12 июля в комендантское управление были вызваны Лермонтов и Столыпин, а комендант спросил у них: "Что вы намерены делать? В отряд что ли поедете?" На это Столыпин отвечал Ильяшенко, что им, по совету врачей, необходимо "взять еще по несколько железистых ванн". Что "обрадованный возможностью справиться от себя опасных гостей" комендант разрешил им

отправиться в Железноводск, дав для выезда трехдневный срок. Мы знаем из записи в найденной нами книге, что Лермонтов взял 4 билета на ванны в Железноводске и, таким образом, мог принять в этот день, 9, 10 и 11 июля 4 ванны. С 12 по 15 июля, судя по той же книге, был перерыв в этом лечении на Железных Водах, и эти дни как раз совпадают с трехдневным сроком, данным пятигорским комендантом. В той же книге, на 7-м листе, под датой 15 июля мы читаем в первый раз запись о взятии 5 билетов с 237—241 № "г-м капитаном Столыпиным". Таким образом, версия Чилаева о том, что Лермонтов переехал для лечения на Железные, как будто бы под давлением коменданта, видимо, отпадает и может относиться только к Столыпину.

По показанию же К. Карпова (смотри журнал "Русская мысль", за 1892 год, книга 12-я), будто бы о ссоре Лермонтова с Мартыновым узнал командир Волгского полка Мезенцев, который задумал помирить поссорившихся друзей и, дабы изолировать одного от другого, при помощи пользовавшего Лермонтова врача Реброва, оказал давление на перевод для продолжения лечения поэта и его двоюродного брата на "Железные Воды". Версия эта также не заслуживает особого доверия, так как имеется определенный материал о том, что сам Лермонтов еще задолго до верзилинского вечера собирался закончить курс своего лечения железистыми водами. Даже самый вечер был устроен Верзилиными, как будто бы в ответ на устроенный Лермонтовым пикник в гроте "Дианы", по случаю переезда поэта из Пятигорска в Железноводск. Проживал в Железноводске Лермонтов налегке, не перевозя из Пятигорска всех своих вещей, о чем можно судить по составленной после смерти описи его вещей. Известно, что он условливался со Столыпиным перевести вещи свои на Железные в самый день дуэли. Не вяжутся с этим показания Э. Шан-Гирей (см. журнал "Русский архив", за 1889 год, кн. 6-я) о том, что поэт будто бы "жил больше в Железноводске, но часто наезжал в Пятигорск". Наоборот, в домовой книге Чилаева в Пятигорске за 1841 год Михаил Юрьевич Лермонтов записан как постоянный "курсовой" Пятигорской группы.

Интересные сведения о последних часах жизни поэта находим мы в вышеуказанных воспоминаниях Быховец. 15 июля Быховец, согласно данному обещанию поэту, вместе с теткой своею Прянишниковой отправилась в Железноводск. Быховец описывает, как она гуляла с Лермонтовым в железноводском парке, и что "он при всех был весел и шутил, когда мы были вдвоем — ужасно грустил". Втроем они отправились в Пятигорск; в колонке Каррас обедали и "никто не знал, что у них дуэль", — пишет Быховец. По свидетельству К. Карпова, друзья поэта и Мартынова, будто бы подготовив "достаточную почву для мировой", наметили встречу их в тот же день (15 июля) в Каррасе. Лермонтов приехал верхом из Железноводска на своем любимом коне Черкесе первым... позже на беговых дрожках приехали из Пятигорска Мартынов и Дорохов. Мартынов будто бы упрекнул Лермонтова за то, что последний скрывается. На это Лермонтов "чуть повернув к Мартынову голову, презрительным тоном спросил: "Куда ехать?..". По показаниям Чилаева, пятигорское начальство во главе с комендантом Ильяшенко, узнав о готовившейся дуэли, послало в Железноводск нарочного со строгим приказом об отправлении поручика Лермонтова в полк, но нарочный не застал последнего на Железных Водах и возвратился с пакетом. Далее, что будто бы Мартынов в самый день дуэли 15 июля спрашивал своего приятеля Глебова: "Когда ожидается возвращение отсутствующего путешественника?" — и что секунданта, видя нетерпение Мартынова, поспешили назначить в этот день дуэль и послали к Лермонтову уведомление о том с ездовым. Д.М. Павлов предполагает, что Лермонтов "пробыл на Железных, вероятно,

около двух недель...” Наш первоисточник как будто бы указывает на не более, как восьмидневное с 8—15 июля, да еще с трехдневным перерывом, с 12—14 июля, пребывание Лермонтова в качестве “курсового” в Железноводске. Во всяком случае более 5 железистых ванн в Железноводске в 1841 году Лермонтов не принял, и 2 р. за 4 взятых им билета на ванны остался в долгу у дирекции КМВ. В тот роковой день живым возвратился Лермонтову в Пятигорск для того, чтобы взять свои вещи и перевести их в Железноводск, как он условливался со Столыпиным, не суждено было... в Пятигорск был привезен бездыханный труп поэта.

Так в расцвете своих сил и таланта “погиб поэт, невольник чести...”. Погиб жертвой феодальных дворянско-помещичьих предрассудков.

Вс. Апухтин

Архивные материалы об увековечении памяти Лермонтова на КМВ (По данным архива Управления КМВ)

Поэт! ты музе посвященный,
Ты для нее лишь только жил
И за нее ты пал, сраженный,
И ранней смертию почил.

Из стихотворения “Памяти дуэли Лермонтова”, написанного начинающим поэтом из рабочих и напечатанного в приложении к № 60-му газеты “Кавказские Минеральные Воды” от 15 июля 1905 года

В архиве Управление КМВ имеется несколько дел, касающихся вопроса об увековечении памяти поэта М.Ю. Лермонтова, из которых мы делаем выборки.

Мысль о постановке памятника поэту в городе Пятигорске возникла в 70-х годах прошлого века, через 30 лет после того, как у подножья Перкальской скалы погиб “гонимый миром странник”.

По высочайшему повелению, 30 сентября 1875 года в городе Владикавказе была учреждена, под председательством начальника Терской области, “Особая комиссия по сооружению памятника поэту Лермонтову”. В деле архива за 1884 год за № 16-м, под рубрикой “О пожертвовании посетителями КМВ денег на сооружение памятника М.Ю. Лермонтову” имеется экземпляр “правил” особой комиссии. 18-го июня 1884 года председатель особой комиссии сообщил правительственному комиссару К.М. Щепкину о том, что он, равно как и пятигорский городской голова, включен в качестве члена в состав комиссии. Судя по отпускам препроводительных бумаг, сбор на сооружение памятника по подписным листам особой комиссии среди посетителей всех четырех групп шел довольно вяло. Так, например, в 1884 году было собрано и отослано в комиссию всего 65 р. 5 коп. (из официальных отчетов за этот год о приезде больных общее число посетителей всех 4 групп — 2576 человек и 61 врач), в 1886 году — 180 р. (больных — 5914 и 49 врачей). Комиссия сообщала ежегодно дирекции вод о состоянии счетов фонда на сооружение памятника. Так, ко второй половине 1886 года сумма фонда дошла до 40536 р. 6 к. С 1887 года, когда очевидно начались подготовительные работы по постройке, сумма эта сокращается до 27065 р., в следующем 1888 году — до 19300 р. В том же деле имеется плакат-объявление по поводу устройства 15-го июля 1887 года, конечно, в буржуазном духе, “высокопоставленны-

ми” дамами-патронессами во главе с княгиней Васильчиковой бесприкрытого базара и танцевального вечера (последнее как будто бы не вяжется с траурным днем) в гостинице “Минеральные Воды”, сбор с которых должен был поступить на усиление фонда по сооружению памятника поэту. На том же объявлении обозначено, что участие в базаре примет Э.А. Шан-Гирей, урожденная Верзилина (известно, что Лермонтов бывал в доме у Верзилиных и самая ссора его с Мартыновым, поведшая к роковому концу, произошла на вечере у Верзилиных).

Из дела 1901 года, под № 41-м, “О чествовании 15 июля сего года шестидесятилетия со дня кончины поэта М.Ю. Лермонтова и устройстве ему временного памятника у места дуэли” видно, что Управление КМВ в этом году было озабочено приведением места дуэли “в возможно лучший вид” и организацией 15 июля “соответствующего случаю торжества”.

Директором вод было предложено пятигорскому лесничему Гневывшеву образовать под его председательством комиссию по приведению места дуэли в порядок и организации юбилейных торжеств. Гневывшеву предложено было дирекцией вод озаботиться ремонтом разбитой вокруг горы Машука и к месту дуэли дороги, отремонтировать сторожевую будку у нового памятника на месте дуэли и пр. На эти работы и юбилейные торжества дирекция вод отпустила комиссии 100 р. Из переписки видно, что до 1901 года место дуэли обозначалось лишь небольшой каменной пирамидкой, имевшей “жалкий вид”. Несмотря на короткий, всего четырехнедельный срок, данной комиссии, и скудость отпущенных средств, как это видно из считавшего себя “выразителем соответствующего общественного мнения” благодарственного директора вод лесничему Гневывшеву и архитектору И.И. Байнову писем, ко дню шестидесятилетнего юбилея на месте поединка красовался “величественный памятник”, который “невольно приковывал взоры посетителей”.

В том же деле имеются телеграммы и письма с многочисленными приветствиями со всех концов России и даже из далекой Сибири (редакций газет Томска и Иркутска). Так, например, в телеграмме за подписью редактора Попова из Иркутска, между прочим, говорится о “необходимости учиться, ценить и гордиться великим писателем” и что “не знать произведения Лермонтова — постыдно быть свободой, гения и славы палачом добра и зла...”

Прошло 5 лет. И из дел 1906 года по описи № 128, “по вопросу о замене ныне разрушающегося временного памятника на месте дуэли новым”, видно, что его временное сооружение “пришло в ветхость и стало разрушаться”, несмотря на то, что дирекция вод отремонтировала этот монумент “сколько было возможно”. В 1906 году Управление КМВ признало необходимым заменить временное сооружение на месте дуэли Лермонтова у подножья Машука, близ Перкальского источника, постоянным из цементного бетона, при цоколе из машукского камня. На эту постройку, по предварительной технической смете, исчислен был расход в сумме 3500 р. Не располагая такими средствами, директор вод обратился с просьбой в Пятигорскую городскую управу о “по сильном содействии и об ассигновании средств из специального управского капитала имени Лермонтова”. Ответа управы на эту просьбу в данном деле не имеется.

Для лермонтоведов интересно дело архива Управления КМВ 1909 года под № 24-м “О приобретении усадьбы в бывшем домике Лермонтова”. Вопрос о приобретении Управлением КМВ от бывших владельцев ее Георгиевских усадьбы, в состав которой входил домик Лермонтова, был возбужден разрядом изящной словесности при отделении русского языка и словесности бывшей Императорской, ныне Российской Академии Наук. 11 марта 1909 года отношение с ходатайством по данному вопросу Ака-

*Так в тексте подлинника

демии Наук было заслушано в заседании врачебно-технического комитета Управления Вод. На этом заседании члены врачебно-технического комитета Е.А. Ларин и Ржаксинский заявили, что "домик Лермонтова в современном его состоянии ничего общего не имеет с прежним видом, запечатленным на сохранившихся фотографических снимках". Врачебно-технический комитет постановил: избрать для осмотра лермонтовского домика в натуре особую комиссию, в состав которой были избраны: архитектор И.И. Байков, доктор Ржаксинский и заведующий Пятигорской группой М.Н. Соловьев. Однако только через 4 месяца с половиной комиссия эта представила подробный акт технического осмотра усадьбы и домика Лермонтова. На основании этого акта 30 июля того же года директор вод отписался в Академию Наук о том, что домик "сильно изменён против своего прежнего вида во время пребывания в нем Лермонтова", что "в столь же сильной степени изменены и дворовые службы" и что "несколько в более прежнем виде сохранился, по-видимому, только сад при доме", а потому директор пришел к заключению, что означенный домик "потерял ценность исторического памятника", добавим, будто бы ларчик скорей открывается в заключительных словах директора в конце отношения: "...считаю необходимым присовокупить, что у Управления КМВ, живущего исключительно на свои специальные средства, вовсе не имеется средств на приобретение означенного домика". Постоянное худосочие кассы Управления Вод — хроническая болезнь Всероссийской здравницы, исцеляющей даже хронические болезни граждан Российских. 15 ноября 1911 года состоялось постановление Пятигорской городской думы о приобретении городом от Георгиевского усадьбы с лермонтовским домиком за 15 тысяч руб., а 16 февраля 1912 года управа отпустила 723 руб. 30 коп. на покрытие расходов по совершению купчей крепости. Время шло, а сооруженный в 1906 году постоянный памятник все разрушался. К началу сезона 1913 года, как это усматриваем из дела за № 15, памятник "представлял собой совершенно ветхое сооружение, подлежащее немедленному сносу". Тогдашний директор Вод Тиличев в феврале 1914 года заключает договор с известным питерским скульптором Б.М. Микешиним о постройке нового фундаментального памятника. Товарищ министр торговли и промышленности Коновалов вне всяких правил, без предварительной сметы разрешает израсходовать на это дело 10 тысяч руб. 21 февраля того же года. Врачебно-технический комитет Управления Вод утверждает Микешинский проект. Подходит по договору срок сдачи памятника, июль 1914 года. Однако монумент еще не готов. Микешин оправдывается тем, что подрядчики Кудинов и Рафаэлли подвели его — "оказались не только никуда не годными исполнителями работ, но и большими плутами". В феврале 1915 года началась приемка памятника. Приемочная комиссия отмечает ряд дефектов: 2 верхних камня по цвету значительно отличаются от нижних, имеют пятна, что "портит общее впечатление". Дело с приемом затягивается. Микешин в 1916 году протестует против нарушения администрации Вод элементарных понятий прав художественной собственности и полного пренебрежения к нему, автору памятника, путем сооружения по проекту и постройке скульптора Козлова "антихудожественной и безобразной" ограды вокруг памятника, "позорящей его — автора памятника". Архитектор Байков с этим не соглашается. Со своей стороны Управление Вод требует от Микешина исправление неверных дат на памятнике, вместо "1814—1914 датой 1814—1841 гг.". Вот беглый обзор того архивного материала, который имеется в поле нашего зрения по данному вопросу. Желательно было бы порыться еще в местных, владикавказских и центральных архивах, извлечь из них первоисточники. Для нас, пятигорцев, дорого каждое слово о Лермонтове и увековечение его памяти.

Вс. Апухтин

Лермонтовский домик в городе Пятигорске

На краю города по Лермонтовской улице под № 18 находится Лермонтовская усадьба. Там, в глубине двора, под тенью раскинувшихся деревьев, приютился скромно домик, где, по преданию, жил в последний приезд в Пятигорск и где помер Михаил Юрьевич Лермонтов. Среди лермонтоведов было много споров о том, действительно ли это тот домик, где перед смертью жил Лермонтов; но не будем углубляться в исследование этого вопроса, оно ни к чему не приведет: так много разноречивых показаний существует по этому предмету, что решить вопрос в том или другом направлении положительно невозможно. Но само собою разумеется, что в том виде, в каком домик находится сейчас, во времена Лермонтова он не был. Владельцы домика не придавали значения ему, не считая Лермонтова какой-либо знаменитостью, как впрочем ничего особенного не видело в стихах Лермонтова и большинство обывательского населения того времени ("Все мы писали стихи", — говорит один из сослуживцев Лермонтова). Домик, конечно, ремонтировался, подправлялся, приспособлялся к потребностям последующих жильцов, и когда русская общественность, оценившая Лермонтова, спохватилась за сохранение его реликвий в Пятигорске, было уже поздно. Лишь в 1912 году Пятигорская городская управа приобрела у домовладельца Георгиевского ту усадьбу, которая носит название сейчас Лермонтовской. Несомненно, что именно в этой усадьбе находился домик, где перед смертью жил Лермонтов, и положение двух домиков: переднего — на улице — и заднего — во дворе (Лермонтовского) — соответствует описанию расположения домиков, где в одном жил Васильчиков, а в другом — заднем — Лермонтов со своим двоюродным братом Столыпиным ("Монго"). Тут же, в усадьбе, и лермонтовское ореховое дерево, могучий, раскидистый великан. Всем памятно место из "Героя нашего времени": "Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука... Нынче в 5 часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике: ветки цветущих черешен смотрят мне в окно, и ветер иногда устилает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный: на запад пятиглавый Бешту синее, как последняя туча рассеянной бури; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее..." и т.д.

Но описание это делалось из другого домика, ничего общего, кроме соседства, с нынешним Лермонтовским домиком не имевшего. Хотя и нынешний домик расположен "у подошвы Машука", но из окон домика не открывается того вида, который так красиво описан Лермонтовым. Но и в нынешней Лермонтовской усадьбе растут цветы и ветви черешен смотрят в окна и засыпают весной белыми лепестками и усадьбу, и комнаты домика, когда открыты окна его.

Лермонтовская усадьба до осени 1922 года находилась на попечении особого Лермонтовского Комитета, выделенного из бывшего в Пятигорске Кавказского Горного Общества. В переднем домике был устроен естественно-исторический музей, составленный из предметов, добытых членами этого общества. В домике же Лермонтова были собраны его сочинения и труды о нем; снимки с предметов, относящихся к Лермонтову, и некоторые вещи, принадлежавшие Кавказской Розе Э.А. Шан-Гирей, урожденной Верзилиной, претендовавшей на прототип княжны Мери.

Лермонтовской усадьбой заведовало особое лицо, назначавшееся Лермонтовским Комитетом, и после окончательного утверждения Советской власти на Тереке, этот порядок сначала не был нарушен. Но к тому времени Кавказское Горное Общество и Лермонтовский комитет распались, осталась только небольшая кучка их членов. В 1922 году Терское губоно наблюдение за Лермонтовской усадьбой возложило на свой подотдел — губполитпросвет. Когда последний вплотную подошел к ознакомлению с состоянием Лермонтовской усадьбы и поставил себе задачей восстановление ее, то он увидел невеселую картину. Ограда усадьбы в некоторых местах рассыпалась, ворота сгнили; двор зарос травой; левая стена у переднего домика выдалась наружу и грозила рассыпаться; подвальные этажи домиков были в хаосе, и вообще вся усадьба производила впечатление запустения. Не лучше было внутреннее состояние домиков. В музее никаких каталогов предметам, никаких описей имущества не имелось; все было без учета; экспонаты покрывались пылью, поражались молю и выглядели так ветхо, тускло. В Лермонтовском домике также не было никаких описей имущества, ни денежной отчетности; материалы о Лермонтове во многом находились в разбросанном, несистематизированном виде. Дело вообще все велось по памяти и в надежде на хорошие качества людей, без сознания ответственности перед государством и обществом. По крайней мере, в организационной постановке дела не было намеков на сознание этой ответственности. А в задней комнате домика Лермонтова находились даже семейные и археологические коллекции, помещенные туда одним археологом, ничего общего с Лермонтовской усадьбой не имевшие.

Оставшаяся кучка членов бывшего Кавказского Горного Общества и Лермонтовского комитета старалась отгородиться от влияния политпросвета, стремясь к сохранению монопольного права распоряжаться Лермонтовской усадьбой. Между политпросветом и этими "общественными деятелями" велись долгие переговоры; и одно время казалось, что достигнуто соглашение о взаимном сотрудничестве. Политпросвет хотел административного и идейного руководства Лермонтовским домиком, открывая желающим полный простор научных работ и поддержки учреждений в Лермонтовской усадьбе, обещая свое содействие и в восстановлении Кавказского Горного Общества, но благодаря недоверчивости членов Лермонтовского комитета к Советской власти и к политпросвету, в частности, соглашение не закрепилось. Политпросвет повел работу помимо них. Назначил нового заведующего губмузеем и Лермонтовской усадьбой товарища В.П. Шереметова...

И нужно было видеть, какую кампанию против политпросвета повели бывшие деятели Лермонтовского домика: посыпались жалобы и в губернские учреждения, и в краевые, и в центр; и особенно старались опорочить назначенного политпросветом нового заведующего: он и политически неблагонадежный и неизвестный никому человек и вандал, потому что живет в комнате домика Лермонтова, хотя жалобщики великолепно знали, что комната эта — позднейший пристрой и никакого отношения к домику Лермонтова не имеет, хотя в комнате этой кучами валялись во время их господства коллекции археолога, которую, разбирать пришлось тому же политпросвету. Надо сказать, что хотя эти жалобы порой и кусали политпросвет, но мы не обращали на них особенного внимания, занявшись исключительно восстановлением Лермонтовской усадьбы. Все имущество усадьбы приняли мы по наличности, а так как средств на наем особых работников для разбора дел мы не имели, то организовали несколько субботников и нужную первоначальную работу провели этим путем. Затем взялись за добывание средств. Обра-

тились с циркулярным письмом ко всем Терским советским, хозяйственным и кооперативным органам, и нужно отметить, что благодаря именно поддержке этих органов, могла быть произведена вся необходимая работа. Во главе учреждений нашлось много почитателей поэта и много лиц, понимающих культурное значение Лермонтовской усадьбы.

На собранные средства поправили ограду, поставили новые ворота, приобрели фонарь, поправили стену, отделали подвальные этажи, исправили водопровод; электроуправление бесплатно провело электричество, а губисполком бесплатно предоставил энергию; коммунальный хозяйственный исправил разрушенную в саду Лермонтовскую беседку и внизу беседки устроил летнюю читальню и произвел на свои же средства много других работ. Управление Кавказских Минеральных Вод бесплатно доставляло дрова и всячески помогало домику. К весне при помощи же Управления КМВ была благоустроена и усадьба: посажены цветы, прочищен двор, подправлены деревья и кусты, проложены дорожки и расставлены скамейки. Такую же заботливость проявил Управление ко всем памятникам Лермонтова: восстановлен в прежнем виде грот Дианы; приведены в порядок памятники — и на месте дуэли и в городе.

Усадьба, в общем, приняла такой привлекательный вид, в каком она никогда не находилась за все время своего существования. И это почти при полном отсутствии средств из центра. Когда политпросвет брался за дело восстановления усадьбы, он учитывал отсутствие средств и у себя, но твердо верил в сочувствие учреждений, и, с другой стороны, искал такого заведующего, который мог бы хозяйственно заняться усадьбой. И как учреждения горячо откликнулись на призыв политпросвета, так и новый заведующий В.П. Шереметов показал себя как раз тем лицом, которое нужно было в то тяжелое время усадьбе. Он проявил редкую энергию, прилежную заботливость об усадьбе: установил согласованные отношения со всеми учреждениями и при их помощи блестяще выполнил дело восстановления усадьбы.

Но и внутренняя организация в учреждениях укрепилась: составились каталоги, описи; все было тщательно взято на учет, все было систематизировано, приведено в порядок. Вывесили кружку для пожертвований и открыли продажу литературы о Лермонтове. Из переднего домика естественноисторический музей перевели в другое, более просторное, помещение (в Рабочий дворец), развернув его в губмузей с естественноисторическим, научным и другими отделами, пополнив его еще целым рядом коллекций, так что и это помещение стало тесным для музея и стоит задача перенесения его в лучший дом Пятигорска, Мацеевского, на что уже губком, занимающий этот дом, согласился. Об этом упоминается потому, что находится в связи с реорганизацией Лермонтовской усадьбы. Вместо естественноисторического музея, домик занят художественным отделом, собранием картин, собранных тем же В.П. Шереметовым, но с переходом губмузея в дом Мацеевского, картины будут размещены там же, а в этом домике откроется публичная библиотека имени Лермонтова.

Лермонтовская усадьба стала действительным культурным уголком, и посещение ее значительно увеличилось. Целые экскурсии учащихся и комсомольцев, красноармейские части прибывали в усадьбе и вынесли от нее самое хорошее впечатление, как это засвидетельствовано экскурсантами в местной печати ("Терек"). Лермонтовская усадьба стала достоянием широких трудовых масс. Работой над восстановлением усадьбы и ее современным состоянием мы вправе гордиться. Общество рабочих и крестьян и здесь доказало, что памятники культуры оно ценит несравненно выше, чем буржуазное общество.

Приведем теперь отзывы писателей о Лермонтовском домике. Вот еще 21 сентября 1922 года пишущий эти строки, временно заведовавший тогда губполитпросветом и проводивший от имени последнего работы по восстановлению, должен был писать: "Ко всем, домик Лермонтова в Пятигорске — несомненно одна из драгоценных реликвий прошлого; сохранение этой исторической и культурной ценности — обязанность всех граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, строящей новое общество на основах знания и культуры; лишь бедность, доставшаяся нам в наследство от войны, не дает возможности развернуть полностью меры, необходимые для совершенного развития домика Лермонтова в первоклассную культурную ценность. Домик Лермонтова переживает большие затруднения в финансовом отношении, обязанность всех граждан, всех читателей Лермонтова, всех дорожащих памятниками культуры — прийти на помощь государству. Само собою разумеется, что активная денежная помощь домику Лермонтова явится лучшим способом закрепления нашего сочувствия к памяти поэта; не сентиментальными фразами, а действительным участием должны мы доказать свою заботу о домике Лермонтова, свое преклонение перед великим поэтом России. Призываю к деятельности.

А 23 марта 1923 года, т.е. через шесть месяцев только после горячей восстановительной работы, пишут: "В устройство музея и домика Лермонтова вложено много любви и внимания к памятнику, столь ценному для Пятигорска. Надеемся, что прежнего запустения больше не увидим. Рабочие и крестьяне любят и ценят искусство глубже, чем это казалось для идеологов буржуазии". Заместитель заведующего Тергубкоммуналделом Викторов.

7 апреля 1923 года. "Музей производит приятное впечатление. Экспонаты размещены продуманно. Нужно максимальным образом использовать музей в порядке весенних школьных экскурсий и в период лечебного сезона". Инспектор Наркомпроса по Северному Кавказу Заколкин. Заведующий тергубоно Мураев.

10 апреля 1923 года. "Реорганизацией музея и вообще всей усадьбы достигнуто максимум, что может дать такой бедный музей. За сравнительно короткий промежуток времени сделано сравнительно много. Это нужно поставить в заслугу заведующему музеем". Бывший заведующий А. Казинцев.

16 мая 1923 года. "Чувствуется заботливая рука блюстителей над домиком и художественным залом. Необходимо помочь, чтобы создать уютный уголок, где можно будет отдохнуть в "старине". Комиссар 37 дивизии Медников и комиссар Управления Кавказскими Минеральными Водами Тер-Григорьянц.

16 мая 1923 года. "Любовь к делу превозмогла все материальные трудности. Какая кропотливость, сколько стремлений сохранить историко-художественные ценности". Секретарь губкома РКП (б) А. Подгорный.

16 мая 1923 года. "Несомненно, музей имени Лермонтова является лучшей достопримечательностью Пятигорска. В особенности панорамы с кавказскими видами". Секретарь юго-восточного бюро УКРКП (б) Микоян.

20 мая 1923 г. "Члены экскурсионного кружка Пятрайкома РКСМ в числе 30 человек, посетив музей, находят, что он действительно может быть назван "Лермонтовским домиком", что в нем собрано много ценного, достойного удивления и восхищения из реликвий Лермонтова — выражает благодарность хранителю, любителю и ревнителю этого домика товарищу Шереметову. Руководитель кружка заведующий административным отделом Управления Кавказских Минеральных Вод Берковский.

11 июня 1923 года. "Одним из самых лучших моментов из впечатлений от посещения домика Лермонтова считаю долгом отметить то любовное отношение, которым окружен домик со стороны его организаторов и охранителей". Народный комиссар продовольствия РСФСР М. Брюханов.

11 июня 1923 года. "Приходится радоваться, что на эту реликвию обращено должное внимание". Чрезвычайный уполномоченный ВУИКА и Наркомпрода на Юго-Востоке России Пономарев.

14 июня 1923 года. "Домик Лермонтова" — это первая попытка действительно сохранить в памяти потомства великого героического поэта Лермонтова. "Домик" крайне нуждается в поддержке, прежде всего в материальной, и эта помощь должна быть ему оказана. Но уже в настоящем своем виде "Домик" — большое достижение. Заместитель народного комиссара просвещения РСФСР Ходоровский.

Домик Лермонтова в настоящее время действительно переживает великие материальные затруднения. Содержание его снято с местного бюджета, крохи получает из центра: неужели вся предыдущая работа будет сведена на нет. Домик переведен на "хозрасчет" — разве можно допустить такое нелепое положение? Здесь, в Лермонтовской усадьбе, достигнута большая победа над запустением и разрухой. Мы надеемся, что Наркомпрос поддержит домик Лермонтова, как имеющий не только местное, но и всероссийское значение.

М.И. Санаева

Текст печатается по изданию:

Пятигорье — Лермонтову: Литературный сборник, посвященный памяти М.Ю. Лермонтова. К 82-летию со дня смерти / Под общ. ред. М.И. Санаева. — Пятигорск, 1923.

Карп Григорьевич Черный

1902—1985

К.Г. Черный вступил в Коммунистическую партию. В том же году он стал редактором литературно-художественного альманаха "Ставрополье". На протяжении многих лет К.Г. Черный возглавлял краевую писательскую организацию.

К.Г. Черный начал писать в 20-е годы. Первая книга — повесть "Бабы" вышла в 1927 году. Его произведения печатались в краевой газете "Орджоникидзевская правда", в альманахе "Ставрополье", в трудах Ставропольского педагогического института. В 1950 году вышло в свет литературоведческое исследование "Пушкин и Кавказ". О Пушкине и другое произведение К.Г. Черного — повесть "Кавказ подо мною" (1965). В 1960 году писатель опубликовал книгу о кавказском периоде жизни Л. Н. Толстого — "У истоков подвига". В последующие годы вышли книги "Сегодня, завтра, всю жизнь" (1962), "...и личного счастья" (1969), "Там вдали, за рекой..." (1970), "Идеалы и люди" (1971), "Звенья" (1972) — сборник избранных произведений. К.Г. Черный — член Союза писателей СССР с 1958 года.

За педагогическую, общественную и литературную деятельность К.Г. Черный награжден орденом Ленина, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР; ему присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Карп Григорьевич Черный родился 26 октября 1902 года в станице Новоджерелиевской на Кубани. Получил педагогическое образование. Работал в школе преподавателем, в редакции газеты, в издательстве. С 1933 года К.Г. Черный — преподаватель Ставропольского педагогического института. В годы Великой Отечественной войны сражался на Южном, 1-м и 4-м Украинских фронтах. Войну закончил в Праге. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и медалями. В 1946 году

Краткая библиография

- Черный К.Г. Пушкин и Кавказ. — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1950.
Черный К.Г. У истоков подвига. Л.Н. Толстой на Кавказе. — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1960.
Черный К.Г. Сегодня, завтра, всю жизнь. Очерки. Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1962.
Черный К.Г. Кавказ подо мною. — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1965. [О пребывании А.С. Пушкина на Кавказе в 1829 году.]
Черный К.Г. "...и личного счастья". — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1969.
Черный К.Г. Там вдали, за рекой... (Повесть). — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1970.
Черный К.Г. Идеалы и люди. — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1971.
Черный К.Г. Звенья. Избранное / После сл. Т. Батуриной. — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1972.

О нем

- Четверть века в институте // Ставропольская правда. — 1958. — 18 ноября.
Батурина Т. Журавлиная высота // Ставропольская правда. — 1971. — 28 февраля.
Тамахин В. Ученый, писатель, педагог // Ставропольская правда. — 1972. — 26 октября. *К 70-летию со дня рождения К.Г. Черного.*
Чернов В. Писатель, педагог // Молодой ленинец. — 1972. — 26 октября.
Стефанеева Е. Литератор, педагог, друг молодых // Кавказская здравница. — 1972. — 26 октября.
Батурина Т. Воздвигать сад // Ставрополье. — 1972. — № 3. — С. 65—67. *К 70-летию со дня рождения К. Г. Черного.*
Батурина Т. Жизнь, посвященная литературе // Черный К.Г. Звенья. Избранное. — Ставрополь: Краевое книжное изд-во, 1972. — С. 252—254.

Т.К. Черная

1941

Лермонтов и Байрон

Имя Байрона в русской литературе делается предметом широкого обсуждения с 1819 года. К этому времени Байрон написал целый ряд произведений, которые привлекли всеобщее внимание к поэту, выдвинули его в число наиболее передовых, прогрессивных поэтов своей эпохи. В начале 1812 года появились две первые песни "Паломничества Чайльд-Гарольда". Успех их был необычаен. В следующем 1813 году появилась первая поэма из так называемого Восточного цикла "Гяур". В этом же году вторая поэма этого цикла "Абидосская невеста". В 1814 году вышли еще две поэмы "Корсар" и "Лара", выдержавшие несколько изданий. До 1818 года Байрон написал своего "Манфреда", "Беппо", а к концу года закончил первую песню "Дон Жуана". Следует назвать еще цикл его лирических стихотворений, в частности "Еврейские мелодии", чтобы представить, что к 1819 году Байрон не только сложился, но уже на протяжении нескольких лет выступал как поэт огромного революционного пафоса, жгучего непримиримого протеста против эксплуататорского режима, и в то же время, как поэт глубокого лирического склада. Таким он предстал перед русской литературой. В 1819 году Д.Н. Блудов прислал из Лондона поэму Байрона "Мазепа" Жуковскому, который, зная глубокие симпатии к Байрону поэта И.И. Козлова, переслал в свою очередь поэму ему. Поэт в своем дневнике записал: "Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобная, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, — я в восхищении от него. Еще в более восторженных тонах отзывался в том же 1819 году о Байроне П.А. Вяземский: "Я все время купаюсь в пучине поэзии, читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских. Что за скала, из коей бьет море поэзии. Как Жуковский не черпает тут жизни, коей стало бы на целое поколение поэтов! Без сомнения, если решусь когда-нибудь чему учиться, то примусь за английский язык, единственно для Байрона".

Какой же смысл и характер имело увлечение русских писателей Байроном? В дореволюционном литературоведении этому вопросу давалось неверное, на наш взгляд, толкование. Подобно тому, как буржуазные литературоведы Англии изображали Байрона главным образом в роли носителя "мировой скорби", как поэта упадочнических настроений, лишенного таланта, в русском дореволюционном литературоведении акцентировались наиболее слабые стороны творчества Байрона,

которые и объявлялись решающими в смысле воздействия Байрона на русских писателей. Вот одно из показательных в этом смысле суждений: "Наш байронизм есть явление своеобразное, во многом отступающее от своего источника. И у нас, как и на Западе Европы, к поэзии привились далеко не все составные элементы байронизма. Политико-социальная основа поэзии Байрона, не имевшая корней в самой жизни, была у нас понята весьма немногими и оставила мало следов в литературе; байроновский индивидуализм, апофеоз личности в борьбе ее с обществом, превратился у нас в обожание собственной личности и презрительное отношение ко всякой чужой; перенесенное на русскую почву байроновское разочарование совершенно лишилось своего трагического характера и было понято весьма односторонне, как следствие жизненного пресыщения (Н. Стороженко. Влияние Байрона на европейские литературы). Здесь, собственно говоря, все поставлено на голову. Байроновская поэзия с ее наиболее сильной стороны — политико-социальной — оттеснена на задний план. Байроновские мотивы в русской поэзии рассматриваются гипертрофированно, на основе слабых сторон творчества. Между тем на деле положение было совершенно иным. Русской литературой, во-первых, была воспринята идейная сторона его творчества, его пафос свободолюбия, его жгучая ненависть к тирании. Байрон был воспринят как носитель передовых идей, как враг реакции, как поэт-гражданин, для которого творить одновременно означало действовать. В Байроне увлекало русских поэтов не только его творчество, но и замечательная биография поэта-борца, защитника угнетенных, друга поработанного народа. Весьма характерны в этом отношении слова П.А. Вяземского, сделавшего в определении байронизма ударение именно на том, что больше всего привлекало в поэзии Байрона — на социальном пафосе его творчества. Он писал А.И. Тургеневу: "Но душа, свидетельница настоящих событий, видя эшафоты, которые громоздят для убиения народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аркадии. Шиллер гремел в пользу притесненных; Байрон, который носится в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими".

Байрон питался великим свободомыслием французских просветителей, давших политические лозунги для французской буржуазной революции 1789 года. Он унаследовал от просветителей самую сильную их сторону — самоотверженную защиту

народных масс, изнемогающих под гнетом крепостнического режима. Он воспринял от них ненависть к деспотизму и тирании и в исторических событиях начала XIX столетия (национально-освободительная борьба Испании, Италии, Греции, движение народных масс в Англии, борьба всевропейской реакции против свободы) занял место сторонника истины, правды, свободы. Он заявил о себе как о враге угнетения человека человеком, защитнике народа.

Народ, очнись от сна! Не дай себя
Опутать их зловещей паутиной.
Иди вперед, тарантулов губя...
Борись со злом, свои права любя.

Русская литературная молодежь, вдохновлявшаяся, подобно Байрону, ненавистью к крепостническому режиму, естественно, в его лице нашла друга, соратника и единомышленника. У лучших представителей русской литературы был общий с Байроном духовный отец — французское просвещение. В бурное время грандиозных социальных переворотов русская литература, тесно связанная с народными интересами, стояла по ту же сторону баррикад, что и Байрон.

У представителей русской литературы, так же, как и всей передовой общественности, была чрезвычайно повышенной реакция на события, о которых писал А.С. Пушкин:

Припомните, о други...
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Именно для этого времени Байрон явился знаменем, под которым объединялись прогрессивные литературные силы Европы для борьбы с реакцией, живым Воплощением которой являлся Священный Союз. "Байрон заговорил языком, близким к сердцу сынов XIX столетия и представил образцы и характеры, которых жаждала душа, принимавшая участие в ужасных переворотах, потрясших человечество в последнее время. Байрон сделался представителем духа нашего времени. Постигая совершенно потребности своих современников, он создал новый язык для выражения новых форм" (П.А. Вяземский).

Русской поэзии, выраставшей под знаком борьбы с деспотическим самовластием, Байрон был близок своим страстным порывом к свободе, смелостью мысли, мужественной сатирой. Он будил благородные порывы, участие к народной судьбе, закалял мысль и готовность бороться. В Байроне привлекало именно то качество, на которое указывал позже Ф. Энгельс, объясняя успех творчества Байрона среди рабочих. "...Шелли, гениальный пророк Шелли, и Байрон со своим чувственным пылом и горькой сатирой на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих" (Ф. Энгельс. "Положение рабочего класса в Англии"). Байрон прежде всего воспринимался как боевой соратник, как могучая крепкая сила, как поддержка в борьбе с крепостническим режимом. Не случайно среди людей, которые возглавили движение революционеров дворян против самодержавия, имя Байрона принадлежало к наиболее читаемым и любимым поэтам. М. Бестужев, А. Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, — все они в большей или меньшей степени понимали Байрона, как носителя гуманных передовых идей, готовы были рассматривать поэзию Байрона как выражение своих политических идеалов, поданных художни-

ком огромной эмоциональной силы, страстных чувств, выразительных поэтических красок.

Подобно тому, как некогда гуманисты эпохи Возрождения обратились к античному миру, к "светлому эллинскому сознанию", чтобы обратить его в действенную силу против аскетизма и средневекового политического режима вообще, представители русского передового общества обратились к Байрону как к средству идейного вооружения, они рассматривали его отнюдь не как явление поэтического стиля, появление модного для того времени романтизма; Байрон, в известном смысле, сделался русским поэтом, единомышленником, участником борьбы, развивавшейся на русской почве. Ф.М. Достоевский в некрологе, посвященном Жорж-Занд, написал замечательные слова. Они в равной и даже в большей степени могли бы быть написаны и о Байроне. Он писал: "Многое, очень многое из того, что мы взяли из Европы и пересадили к себе, мы не скопировали только... а привили к нашему организму, в нашу плоть и кровь; иное же пережили и даже выстрадали самостоятельно, точь-в-точь как те, там на Западе, для которых все это было свое, родное... Я утверждаю и повторяю, что всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира наиболее и народнее бывает понят и принят всегда в России... Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю... Всякий поэт-новатор Европы, всякий, прошедший там с новою мыслью и с новою силою, не может миновать русской мысли, не стать почти русской силой".

"Русской силой" в известной мере сделался Байрон в русской литературе. Его приобщила к ней великая сила поэта-борца. Неслучайно буквально на второй день после появления произведений Байрона в русской периодической печати имя его становится предметом ожесточенной борьбы. В реакционных кругах Байрон был расценен как вредный и опасный поэт. Представитель этой реакции Рунич в письме к издателям "Русского инвалида" писал: "Какая польза для русских и вообще для человечества в том уведомлении, что в Англии, или Америке, или Австралии есть чудовища, в ожесточенном неверии сплетающие нелепые системы и поэмы, целью коих есть то, чтобы представить преступление страстью и необходимою потребностью великих дум. Что тут великого, изящного и полезного? Не философия ли это ада?... Кто заразится бреднями Байрона, — такой погиб навеки... Поэзии Байрона родят Зандов Лувелей. Прославлять поэзию Байрона есть то же, что выхвалять и превозносить убийственное орудие, изобретенное на погибель человечества.

Благородство чувств и мыслей, страстный возвышенный порыв, глубоко волнующее лирическое содержание творчества, острая эмоциональная выразительность — элементы, определяющие новую романтическую манеру письма, идущие от Байрона, в реакционном лагере были восприняты как извращение литературного стиля, как порождение нездорового воображения. Н.И. Надеждин в одной из статей, напечатанных в "Вестнике Европы" за 1829 год, нападая на проникшую прочно на русскую почву романтическую поэму, писал: "Нет ни одной из них (романтических поэм. — К.Ч.), которая бы не гремела проклятиями, не корчилась судорогами, не заговаривалась во сне и наяву и кончилась бы не смертоубийством. Подрать морозом по коже, взбить дыбом волосы на закружившейся голове, облить сердце смертельным холодом, од-

ним словом — бросить и тело и душу в лихорадку. Вот обыкновенный эффект, до которого добиваются настоящие ваши поэты. Душегубство есть любимая тема нынешней поэзии, разыгрываемая в бесчисленных вариациях: резанья, стрельня, утопленничества, давки, заморозения et sic infinitum!” (“и так бесконечности”. — К.Ч.).

Поэты, следовавшие в творческой манере письма Байрону, представлялись Н.И. Надеждину не иначе, как “сонмищем нигилистов”.

Эта неприкрытая неприязнь литераторов из реакционного лагеря к Байрону лишний раз свидетельствует об огромной революционизирующей силе его влияния на русскую литературу, которой он был дорог, как яркая политическая фигура, вырастающая в символ абсолютно нетерпимого отношения к жестокостям, тирании господствующих классов.

Мириться с деспотизмом не могу,
И произвол всегда мне ненавистен:
Как Гекла клокочу, когда народ
Безропотно свой переносит гнет.

Этот лейтмотив байроновского творчества был близок той литературе, которая питалась соками декабрьского движения, которая выростала из глубокого недовольства мрачной, удушающей обстановкой деспотического самодержавия. Байрон этой литературой был воспринят восторженно, как идейный друг, укреплявший у лучших представителей русской интеллигенции готовность бороться за человеческое достоинство, за свободу против угнетателей.

В спорах о Байроне исчерпывающую его характеристику, точную и ясную, дал Белинский. В 1843 году он писал: “Байрон — это Прометей нашего века, прикованный к скале, терзаемый коршуном: могучий гений, на свое горе заглянул вперед, и, не рассмотрев за мерцающей далью обетованной земли будущего, он проклял настоящее и объявил ему вражду непримиримую и вечную, нося в груди своей страдания миллионов, он любил человечество, но презирал и ненавидел людей, между которыми видел себя одиноким и отверженным, с своей гордою борьбою, с своей бессмертною скорбью... Не кометой, блуждающей и безобразной, был он, а новым духом, поборовшим за человечеством, в огненпернатом шлеме на голове, с пламенным мечом в руке, с эгидою будущей победы, близкого торжества...” Именно Байрон, стремившийся “не столько к изображению современного человечества, сколько к суду над его прошедшею и настоящею историею” (Белинский), был близок и дорог русской литературе. Ненависть к лицемерию, продажности и жестокости угнетателей, пафос борьбы, свободолюбие сроднили его с русскою литературой и более всего с М.Ю. Лермонтовым.

А.В. Луначарский назвал М.Ю. Лермонтова “последним и глубоко искренним эхом декабристских настроений”. Действительно, идея борьбы с самодержавием, идея борьбы за свободу, питавшая революционные настроения декабристов, перешла в поэтическое творчество М.Ю. Лермонтова, сделала его преемником и продолжателем их идейной борьбы. Байрон умер тогда, когда Лермонтову было всего десять лет. Смерть Байрона вызвала у Пушкина и в среде декабристов волну поэтической скорби. В лице Байрона они потеряли соратника, являвшегося смелым и бесстрашным борцом против реакционного общества. Неудивительно поэтому, что вместе с глубоким интересом к борьбе декабристов, к их идеям и настроениям к Лермонтову перешел и глубокий интерес к творчеству Бай-

рона. Лермонтов формировался в слишком тяжелой, в удручающе тяжелой обстановке, чтобы остановиться на мотивах чистой лирики. Он входил в литературу, озаренный видением революции на Западе, взволнованный страшной расправой с декабристами, возмущенный разгулом николаевской реакции, убийством великого Пушкина. Юный и неокрепший еще поэтический голос Лермонтова с первых дней творчества зазвучал жадной свободолобией, ненавистью к деспотизму; он исходил из самого сердца, которое вместе с ростом поэта проникалось суровой неприязнью к господствующему режиму, к крепостническому строю. Священный огонь ненависти к “фасадной империи”, раз вспыхнувший в этом сердце, никогда уже не угасал в нем, заставляя голос его греметь подобно “набату на башне вечевой”. Связь с декабристскими идеями, ужас перед варварским режимом Николая I, превратившего Россию в мрачную тюрьму народов, наложили неизгладимый отпечаток на творчество М.Ю. Лермонтова.

А.И. Герцен, учившийся вместе с Лермонтовым в Московском университете, прекрасно характеризует настроение Лермонтова так же, как и всего современного ему поколения: “Он всецело принадлежит к нашему поколению. Все мы были слишком юны, чтобы принимать участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться, скрывать свои думы — и какие думы! То не были уже идеи просвещающего либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкший к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин. Он влячил тяжесть скептицизма во всех своих фантазиях и наслаждениях. Мужественная грустная мысль никогда не покидала его чела, — она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украсить цветами поэзии, нет, размышления Лермонтова — это его поэзия, его мучение, его сила. Его симпатия к Байрону была глубже той, что испытывал к поэту Пушкин. К несчастью слишком большой проницательности он прибавил другое — смелость многое высказывать без прикрас и без пощады” (А.И. Герцен. О развитии революционных идей в России).

Поэзия глубокого социального содержания с присущей ей огромной революционной страстностью стала дорогой литературно-творческого развития М.Ю. Лермонтова. Революционный пафос, непримиримое отношение к восторжествовавшей реакции органически вросли в его поэтическую натуру, определили его поэтический облик. На этом пути становления Лермонтова оказался Байрон. Это было неизбежно. К тому моменту, когда Лермонтов начал свою литературную деятельность, Байрона уже не было в живых. Но он являлся не только главой новой романтической школы, но, что особенно существенно, выражал в литературе наиболее передовые идеи своего времени. Вот почему юноша Лермонтов, в котором зрел поэт Прометей, формировался выразитель народных дум и чаяний, обратился именно к Байрону.

Это не было влечение молодого начинающего автора к поэту, владевшему в совершенстве литературной формой, — это было влечение к поэту-борцу, гражданину, для которого поэтическое слово было также оружием борьбы. В пятнадцать лет М.Ю. Лермонтов, чтобы иметь возможность читать Байрона в подлиннике, изучил английский язык. С 1830 года он переводит Байрона, пишет стихи, в которых подражает Байрону, заимствует у него поэтические мотивы. Интерес к Байрону у Лер-

монтова все возрастал. В том же году он знакомится с биографией Байрона, изданной Томасом Муром. Это знакомство вызвало к жизни известное стихотворение Лермонтова:

**Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки;—
О, если б одинаков был удел!..
Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.
Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!**

“Одна душа, одни и те же муки” — этим сказано очень много. Лермонтов выходил на арену жизненной борьбы с поэтическим оружием, проверенным и испытанным практикой борьбы великих своих предшественников, ближайшим из которых был Байрон. Юношеский период творческой деятельности Лермонтова и прошел под знаком огромного увлечения Байроном и подражания ему. Под этим влиянием формировался самобытный, оригинальный, неповторимый поэт. Характер подражания Байрону свидетельствовал о безграничных творческих силах поэта, которому нужно было могучее и родственное воздействие извне. Это не было просто подражание. Приобщение к негодующей поэзии Байрона вызывало бурное горение свободолобивых страстей молодого поэта. О характере воздействия Байрона на молодого Лермонтова можно сказать словами Пушкина: “Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, или чувство в смиренности своем еще более возвышенное — желание изучить свой образец и дать ему вторую жизнь”.

Не следует, однако, преувеличивать влияния Байрона. У Лермонтова интерес к творчеству Байрона был особенно велик, но рос поэт, конечно, не только на Байроне. Он жадно впитывал в себя все достижения современной ему и предшествовавшей культуры. Он знал прекрасно русскую литературу, а произведения многих западноевропейских писателей ему были известны ранее, чем многим университетским ученым его времени. Глубочайший интерес проявил он к творчеству А.С. Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева, Баратынского, Полежаева, Марлинского, Подолинского; в западноевропейской литературе он, кроме Байрона, великолепно знал Шиллера, Гете, А. де Виньи, В. Гюго, Т. Мура, А. Мюссе, Б. Константа, Г. Гейне. Под воздействием этих писателей формировался его поэтический вкус, творческая манера, новая и неповторимая.

Но и этим сказано далеко не все. Многие произведения у Лермонтова не могли бы возникнуть вообще, его поэтическая манера письма не приобрела бы предельно чистой, безыскусственной образности, его творчество не было бы пропитано великим чувством народности, если бы Лермонтов не проявил огромного интереса к жизни народа, его творчеству.

Известно, насколько увлекали поэта русские народные песни и сказания, о которых в 1830 году он писал: “В них верно больше поэзии, чем во всей французской словесности”. К 1833 году относится его рассказ о древнем городе — Москве, “каждый камень которого хранит надпись для толпы непо-

пнутую, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота, поэта”. Русская старина, наполненная величием народных дел, выявляющая творческую энергию народа, для Лермонтова была источником поэтического вдохновения.

Судьба связала М.Ю. Лермонтова с Кавказом, к которому он питал искреннюю и глубокою любовь. Кавказ — “суровый царь земли” — воспет Лермонтовым искренно и вдохновенно. Его кавказские стихи и поэмы полны восхищения героическим мужеством горцев, они насыщены благородной идеей общности интересов русского народа и народов Кавказа в борьбе против своих угнетателей. Но этого великолепного поэтического изображения Кавказа и его народов могло бы и не быть, если бы Лермонтов не проявил огромного интереса к богатому фольклору кавказских народов. Кавказ, Азия — колыбель человечества — привлекали внимание Лермонтова, там он искал истоки его истории. Любопытны в этом отношении слова, сказанные им Краевскому: “Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но поверь мне, там, на востоке, тайник богатых откровений”.

Народное творчество было, таким образом, одним из решающих элементов формирования творческого гения М.Ю. Лермонтова. Бесспорно, что у Лермонтова и у Байрона было много общего, так же, как это общее всегда можно найти у великих художников. “Великий поэт”, по выражению Белинского, “говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре все, чем живет человечество”. Слова, сказанные Белинским по отношению к Лермонтову, в равной мере можно отнести и к Байрону. Оба они говорили от имени человечества, оба поднимали свой голос против насилия и угнетения, принимавших различные формы в каждой из стран. Это общее начинается у них с понимания роли художника, назначения поэта. Для одного и другого поэтическое призвание было формой служения народу, средством борьбы против его угнетателей.

В русской литературе XIX века вопрос о назначении поэта, о его призвании приобрел совершенно отчетливое выражение. Поэт — это проповедник, пророк, слово которого зовет к истине, свободе, добру и красоте. Пушкинское понимание роли поэта было возвышенным и человечным. Поэт должен, “обходя моря и земли, глаголом жечь, сердца людей”. Это пушкинское понимание назначения поэта восприняли Лермонтов. Поэт рожден для того, чтобы провозглашать “любви и правды чистые учения”. Вопреки злобствующей верхушке общества, которая видела в призвании поэта проявление чуждых ей, враждебных сил, поэтическое призвание Лермонтова не изменило его священной цели. Возвышенное понимание роли поэта, которому поэтическое вдохновение дано для борьбы, никогда не оставляло поэта:

**Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы...**

**Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.**

Глашатай народа, его знаменосец, животворящее слово которого будит сердца, зовет их на борьбу, зажигает их огнем нена-

висти к угнетателям — таково идейное назначение поэта. Этому назначению бескорыстно, свято и стойко следовал Лермонтов. Поэтическая декларация Байрона была также чрезвычайно похожа на то представление о роли поэта, которое выработалось в русской литературе и в частности у Лермонтова. Еще будучи юношей, Байрон в статье "Английские барды и шотландские рецензенты", которая была ответом критикам, жестоко обрушившимся на его первую книгу стихов, писал: "В наши просвещенные дни есть люди, которые говорят, что блестящая ложь составляет всю сущность поэтических произведений". Поэт, неумолимо призывавший народ к борьбе, жил в Байроне. Активная натура борца, человека, могучий темперамент которого вел его навстречу врагу, — эти свойства поэта определяли и воинственный характер его поэзии. Своими произведениями он громит порок, преследует ханжей и тиранов. Свобода, счастье человечества — вот цель, которой должно служить поэтическое слово.

Я выступить всегда готов бойцом
 Не только на словах, но и на деле
 За мысль и за свободу. С тяжким злом,
 Что рабство создает, мириться мне ли?
 Борьбу я увенчаю ль торжеством —
 Не ведаю, — навряд достигну дела;
 Но все, что человечество гнетет,
 Всегда во мне противника найдет.

Байрон с проповедью агитационной роли искусства выступил раньше Лермонтова, но значит ли это, что Лермонтов выступает только подражателем Байрона. Высокое служение народу поэтическим словом было и до Байрона традицией передовой русской литературы. Эта традиция шла от Радищева через декабристов (Рылеева, Бестужева-Марлинского, Кюхельбекера и др.) к Пушкину и Лермонтову. Оно было характерно для Пушкина, его воспринял Лермонтов, от него через Гоголя оно приходит к Толстому. Оно было общим устремлением передовой литературы, в том числе и Байрона. Здесь трудно найти подражание. Общая прогрессивная тенденция в литературе является, разумеется, не подражанием. В старой критике подражательность поэзии Лермонтова выводилась из других мотивов. Байрон был провозглашен носителем "мировой скорби", ее зачинателем. "Зараза мировой скорби" распространилась по всей Европе, она породила поэзию байронистов, печальников, великих скорбников, отрешенных от жизни.

Но это сведение всего значения творчества Байрона к "мировой скорби" является совершенно очевидным извращением его творчества. Оно исходит от буржуазной критики, выполняющей волю господствовавших классов Англии, ненавидевших поэта при жизни и ненавидящих его по настоящий день. Буржуазная критика совершенно игнорирует политическую лирику поэта, его острые сатирические произведения.

В представлении этой критики Байрон — только носитель "мировой скорби", титанической гордыни, поэт, глубоко индивидуалистических, пассивных лирических настроений, оторванный от земных страстей, поэт, увидевший в жизни торжество зла над добром и бежавший от жизни в мир романтических иллюзий. Под таким углом зрения рассматривалось в старой революционной критике и влияние Байрона на Лермонтова.

От Байрона Лермонтов якобы взял меланхолическую грусть, мрачное разочарование, неприязнь к жизни, человеконенавистничество. "Его лирика — это прежде всего исповедь одинокой авторской души" (И. Соловьев). Грусть, одиночество, тоска —

таковы мотивы лирики Лермонтова с точки зрения этой критики. Но и в разделе эпического творчества у Лермонтова, оказывается, дело обстоит не лучше, "Тревожны и крайне индивидуалистичны и его поэмы", — читаем мы у того же критика. "Вслед за своим любимым британским поэтом, Лермонтов воспроизводит в них загадочную, сильную в своих порывах и в своих страданиях натуру, чуждую психике обычного человечества. В себе самой таит она совсем особый мир стремлений, чувств, она гордо замкнулась в своем одиночестве и мстит презрением за страданье".

Здесь все неверно. Неверно само определение байронизма, сущность которого отнюдь не в проповеди "мировой скорби", неверно и утверждение о том, что Лермонтов подражал Байрону в разработке мотивов лирики одиночествующей души. Было бы, конечно, совершенно бесполезным доказывать, что и у Байрона, и у Лермонтова не было лирических произведений, наполненных глубоко потрясающей наше сознание грустью. Но в лермонтовской грусти всегда было активное начало, зародыш неистребимой ненависти к собственническому, тиранническому строю, заставляющему страдать человечество от жестокой социальной несправедливости. В этом истоки того понятия, которое вошло в историю литературы под названием байронизма. Грусть, таящая в себе огромный заряд гнева против поработителей народа, грусть, готовая взорваться огнем жгучего протеста — эта грусть была в равной степени свойственна и Лермонтову, и Байрону. Только Лермонтов сумел ее выразить по-своему, как самобытный русский поэт, как поэт своего народа.

Николаевская Россия была страной деспотизма и тирании. "Солдаты под палками, крепостные под розгами, подавленный стон, выразившийся в лицах, кибитки, несущиеся в Сибирь, колдунки, плетущиеся туда же, бритые лбы, клейменные лица, каски, эполеты, султаны — словом, петербургская Россия". Таки страшными красками нарисовал картину этой России Герцен. Такая обстановка рождала священную грусть народа, изнемогавшего под гнетом самовластья. Народ пел, но песня его была подобно стону, грустным воем назвал Пушкин песни русского народа.

М.Ю. Лермонтов, задыхавшийся, по выражению И.С. Тургенева, "в тесной сфере, куда его втокнула судьба", глубоко индивидуально, мучительно и негодуя воспринял эту грусть народа и выразил ее в своем творчестве. Его тоска таила в себе энергию непримиримости и протеста. "Пессимизм у Лермонтова, — писал А.М. Горький, — действительное чувство, в этом пессимизме ясно звучит презрение к современности и отрицание ее".

Пессимизм Лермонтова никогда не был пессимизмом ушедшего в себя человека. Его грусть питалась не только личными обидами и невзгодами. Она в большей степени была выражением чувств поэта, увлеченного большими социальными проблемами, в осуществлении которых главная роль принадлежала народу. Народная почва была точкой опоры поэта. Неудовлетворенность окружающей действительностью, страдания, муки поэта рождали идею борьбы. Постигнув недостатки господствующего общества, он "умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе" (Добролюбов). В личном, глубоко индивидуальном, в субъективном Белинский с полным основанием видел проявление идей и чувств народного поэта: "В таланте великом избыток внутреннего, субъективного элемента есть признак гуманности. Не бойтесь этого направления:

оно не обманет вас, не введет вас в заблуждение... Вот что заставило нас обратить особенное внимание на субъективные стихотворения Лермонтова и даже порадоваться, что их больше, чем чисто художественных. По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества”.

И одного и другого поэта сближала глубокая вера в неистощимые силы народа, его правоту и его победу. И одного и другого поэта сближало сочувствие революции, ненависть к тирании, свободолюбие, борьба за человеческое достоинство.

”Я люблю Англию, но не люблю англичан”, — говорил Байрон. Это заявление не нужно понимать буквально. За этим заявлением у Байрона стояла совершенно определенная мысль. Он ненавидел кучку англичан, полных чванства и высокомерия, кучку англичан, которая вела паразитическое существование и единственным смыслом жизни считала обогащение. С глубокой ненавистью говорил о них Байрон:

Когда стонал в час брани весь народ,
Они считали в житницах доход,
Они клялись, что каждый лорд умрет
За Англию, но лозунг их: доход.
Их счастье, свет, их вера, цель забот,
Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!

Байрон жил в эпоху бурных событий. Всеевропейская реакция вела войну против революционной Франции. Убежденнейший сторонник политической свободы, Байрон самым ожесточенным образом нападал на Священный Союз, который для него был воплощением самой отвратительной реакции, воплощением мрачных сил, направленных против революции. Неоднократно перо его изливалось гневной сатирой против европейской реакции. И одним из блестящих образцов его сатиры является сатирическая поэма ”Бронзовый век”. Насилие, которое чинила европейская реакция над народами, стремящимися к свободе, вызывало у великого поэта чувство протеста. Войну реакции против свободы Байрон рассматривал как войну несправедливую, несущую с собою гнет, подавление народной воли, насилие над правами народа. Спасенье от таких несправедливых войн он видел в революционном движении самих народных масс: ”...я давно заметил, что только революция может спасти землю от этой адской скверны войны”. Эту же мысль Байрон блестяще выразил в ”Дон-Жуане”.

...Народ, ища свободы,
Устанет, наконец, забит и сер,
Брат с Иова в терпении пример,
Начнет сперва роптать, потом браниться,
Потом швырять камнями в господ
И, наконец, с оружием устремится,
Когда его отчаянье возьмет.

Юный Лермонтов откликается стихами горячего сочувствия на революционные события 1830 года во Франции. Приветствуя людей, восставших за ”независимость страны” против деспотизма и тирании монархии, он бичует королевскую власть, виновную за брызнувшую в Париже кровь народа:

О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Начав с этого пламенного протеста против господства тиранов, Лермонтов разоблачительную сторону своего поэтического дарования сделал ведущей линией творчества. Если Байрон ра-

зоблачал родовую знать, денежную олигархию, то с меньшей силой Лермонтов делал это по отношению к самодержавию — крепостническому режиму царской России. Вся его литературная деятельность, начиная с раннего произведения — ”Боярин Орша”, и далее в ”Песне про купца Калашникова” и, наконец, в ”Герое нашего времени” и ”Демоне” полна пламенного протеста против феодально-крепостнического режима со всеми его идейными установлениями. Дух протеста никогда не изменял поэту; наоборот, он укреплялся, превращал поэта в фигуру поэта-борца, политическая тенденция в стихах которого определяла его творческое лицо. В конце жизни она взорвалась огнем мощного гнева и недовольства господствующим строем.

**Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.**

**Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.**

Так писал в 1840 году поэт, сосланный вторично русским самодержавием на Кавказ.

Общность поэтических мотивов, которые мы находим и у Байрона, и у Лермонтова, свидетельствующая об их общей идейной целеустремленности, не дает, однако, никаких оснований говорить о подражательном характере творчества Лермонтова. В старой критике, утверждавшей подражательный характер поэзии Лермонтова, неоднократно были ссылки на сюжетную схожесть, на формальные заимствования. Но сами по себе эти аргументы мало доказательны. Тема о вражде двух братьев, которую разрабатывает Лермонтов в драме ”Два брата”, встречается не только у Байрона, но и у Шиллера (”Разбойники”), и у Бальзака (роман ”Жизнь холостяка”); она бытует в литературе издавна, начиная с древних греков, в мифологии которых тема о вражде двух братьев дана с трагическим пафосом (”Семеро против Фив” Эсхила).

О Дон-Жуане написано более ста произведений, но никому не приходит в голову мысль обвинять в подражательности всех, разрабатывавших эту тему авторов, первому произведению о Дон-Жуане, сложившемуся на испанской народной почве, или Тирсо де Молине, давшему впервые драматическую ее переработку. Много было потрачено усилий на установление литературных заимствований Лермонтова, обнаруживающихся в том или ином его произведении. На этой почве возникло сделавшееся традиционным стремление установить литературные связи, скажем, лермонтовского ”Демона” с произведениями западноевропейских писателей. Указывались, помимо мистерии Байрона ”Небо и земля”, ”Элоа” Альфреда де Виньи и ”Любовь ангелов” Т. Мура.

Положение это бесспорное, но порочность его заключается в том, что в нем ставился акцент не на наиболее существенной стороне творчества Лермонтова и тем самым подчеркивалась неоригинальность произведения М.Ю. Лермонтова. Между тем, поэт каждым своим произведением, в том числе и особенно ”Демоном”, утверждал новую линию поэтического развития, выступал как самобытный, оригинальный, русский национальный поэт, в котором, по словам Белинского, выразился исторический момент русского общества. Становление Лермонтова, как поэта, проходило под влиянием множества русских и за-

падноевропейских писателей, народного творчества. Среди писателей, определявших формирование молодого поэта, первое место, несомненно, занимал Байрон. Но чем больше зрела поэтическая мысль Лермонтова, тем больше осознавал он свою творческую самобытность, питающуюся энергией народа. В 1832 году поэт писал:

**Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.**

Почти все творчество Байрона, за исключением "Дон-Жуана", при всей его действенной политической остроте, носило сугубо объективный характер. На это указывает А. С. Пушкин: "Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отворотился от них и погрузился в самого себя. В Кавказе он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), все... отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно-пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сложного и сильного характера, и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных".

Между тем, романтизм Лермонтова — не только один из этапов сложного процесса овладения поэтом литературным мастерством. Прогрессивный романтизм Лермонтова — это его творческий метод, метод отбора и оценки жизненных явлений в первом периоде его литературной деятельности. Постигая особенности романтизма, Лермонтов в то же время преодолевал субъективный характер романтического направления, вставал твердо на путь реалистического искусства.

От романтической тематики с его загадочной, таинственной личностью, охваченной неземными демоническими страстями, Лермонтов обратился к живой действительности.

**Любил и я в былые голы
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.**

**Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.**

Лермонтов был наиболее ярким продолжателем на русской почве политической лирики Байрона, поэтом, для которого поэтическое слово никогда не было забавой, а, наоборот, было средством благородного служения народу, борьбе за его идеалы.

Но в чем несомненно превзошел Лермонтов своего предшественника, так это в реализме, в умении связать свою поэтическую деятельность с конкретно-исторической действительностью. Подобно всем великим реалистам, Лермонтов в жизненной правде увидел наивысший критерий художественного творчества. Арестованный за стихи "Смерть Поэта", Лермонтов в своих показаниях писал: "Правда была всегда моей святыней — и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твердостью прибегаю к ней". Правда жизни для всех великих художников слова оставалась неизблемым, священным законом творчества. "Тайна всех мировых успехов — в правде", — писал Бальзак. Правда даже тогда, когда она шла в разрез с личными интересами этого художника, никогда ему не изменяла. Бегство от жизни всегда приводило романтиков к неправильному

решению социальных проблем. Л.Н. Толстой в беседе с Горьким очень остроумно заметил, что "романтизм — от страха глядеть в глаза жизни".

Романтический период в творчестве Лермонтова был, по сути дела, ученическим периодом его творчества. Характерно, что до 1837 года Лермонтов ничего не печатал. Правда, в 1835 году в "Библиотеке для чтения" была напечатана его поэма "Хаджи-Абрек", но ее напечатали без ведома и согласия поэта. Сам он выступил впервые со своим стихотворением "Бородино" ("Современник", кн. № 2, 1837 года), полным огромной патриотической силы, художественной реалистической зрелости, произведением, явившимся для Л.Н. Толстого зерном его величественной героической эпопеи "Война и мир".

В стихотворении обнаруживается перо зрелого мастера-реалиста, понявшего великую жизненную правду: народ — это великая сила. До появления "Бородина" о Лермонтове узнала вся Россия как об авторе стихотворения "Смерть Поэта". Это был момент, когда Лермонтов счел нужным выйти на арену политической борьбы, как поэт и гражданин. Это была борьба не во имя расплывчатых заоблачных, лишенных плоти и крови идеалов — это была борьба против жадной толпы царедворцев, палачей Свободы, Гения и Славы.

Таким было все последующее творчество М.Ю. Лермонтова, злободневным, актуальным вплоть до романа "Герой нашего времени", который Н.В. Гоголь по справедливости считал вершиной русской реалистической прозы. Весьма любопытно в этом отношении заявление английского критика Беринга о том, что Лермонтов ближе к Теккерею — английскому реалисту, чем к Байрону или Шелли. В своей книге "Очерки русской литературы" Беринг говорит о М.Ю. Лермонтове, как об оригинальном русском реалистическом поэте.

Проанализировав стихи М.Ю. Лермонтова "Завещание", "Бородино", "Казачью колыбельную песню", он заявляет: "Бывают моменты, когда природа берет у него перо из рук и пишет за него". "Все русские поэты, — обобщает Беринг, — обладают в той или иной степени этим даром реализма, но никто не обладает им в такой степени как Лермонтов. Лермонтов — явление исключительное даже для русской поэзии. А сама русская поэзия занимает единственное и исключительное положение в мировой литературе, ибо русские поэты сумели извлечь поэзию из ежедневной жизни и выразить ее в стихах неподражаемой красоты".

В лице Лермонтова мировая литература имеет поэта, творения которого дополняют сокровищницу мировой поэзии и свидетельствуют о неисчерпаемой энергии русского народа, сыном которого и был великий поэт. Всем своим творчеством он утвердил "кровное родство своего духа с духом народности своего отечества" (Белинский). И так же, как самобытна и неповторима история русского народа, народа борца и великана, так же, как богат мир его духовной жизни, так же неповторим и чудесен в мировой поэзии облик поэта, представляющего этот народ,

И среди великих писателей прошлого они, Байрон и Лермонтов, стоят рядом, преисполненные жгучей мечтой о счастье народов, отдавшие на осуществление этой высокой мечты свои силы. Байрон весь был устремлен в будущее, он верил в победу народов, видел их объединенными единой "всемирной республикой". Он знал, что это счастье народов будет добыто борьбой угнетенных против угнетателей, он знал, что угнетатели в крови народных масс попытаются утопить их волю на борьбу за свое

освобождение. "Кровь будет литься, как вода., — говорил Байрон, — но в конечном счете победят народы. Я не доживу, чтобы видеть это, но я это предвижу".

М.Ю. Лермонтов тоже весь был устремлен в будущее. В предвидении великой исторической роли своей родины он однажды сказал такие слова: "Она (Россия) вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом проснулся от тяжелого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их, и сел над ними царствовать. Такова Россия".

Такой великой, непобедимой, богатырской страной, которую видел в своих мечтаниях поэт, стала наша родина сейчас. Сотни миллионов трудящихся брошены по воле капиталистических

хищников в пламя империалистической бойни. Их взоры обращены к Стране Советов, к стране свободных и счастливых народов. Они видят зарю, поднимающуюся с Востока, их опора и надежда — великая Советская Страна и ее народ.

Страна эта — родина М.Ю. Лермонтова. Она создает ему неумирающую славу. Но она же становится и родиной Байрона, которой не могло найти мятежное сердце поэта при жизни.

Текст печатается по изданию:

Черный К.Г. Лермонтов и Байрон //

1841—1941. М.Ю. Лермонтов. Сборник статей /

Под общ. ред. проф. В. Васильева и К. Черного. —

Пятигорск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1941. — С. 47—74.

Девлет Азаматович Гиреев

1916—1981

Девлет Азаматович Гиреев — кандидат филологических наук, писатель, литературовед, лермонтовед.

Д.А. Гиреев родился в селе Канглы Ставропольской губернии. После смерти отца переехал с матерью в Пятигорск, где окончил семилетку. После окончания радиотехникума заведовал радиоузлом в Моздоке, а затем поступил в педагогический институт города Дзауджикау (Владикавказ), где, как отличник, получал Сталинскую стипендию. Учился у известного литературоведа профессора Л.П. Семенова. Под его руководством Гиреев занялся изучением творчества М.Ю. Лермонтова. В 1938 и 1939 годах работал внештатным сотрудником в пятигорском музее "Домик Лермонтова". В 1940 году написал одну из глав для "Путеводителя по лермонтовским местам", опубликованного Государственным литературным музеем (под редакцией В.Д. Бонч-Бруевича).

После окончания института в 1941 году Гиреев зачислен в штат музея "Домик Лермонтова". В начале Великой Отечественной войны был мобилизован и принимал участие в военных операциях на Таманском полуострове и под Сталинградом, од-

нако был ранен и попал в плен, откуда ему удалось бежать. Служил в штрафном батальоне. В город Орджоникидзе (бывший Дзауджикау) вернулся осенью 1945 года, где его разыскала директор музея "Домик Лермонтова" Е.И. Яковкина и пригласила на работу в музей. Здесь Гиреев подготовил новую литературную экспозицию (открылась в 1948 году), читал лекции о творчестве русских писателей, публиковался в газете "Пятигорская правда", был членом межгородского литературного объединения. В серии научно-популярных книг, издававшихся в это время музеем, вышли его работы: "В.Г. Белинский и М.Ю. Лермонтов", "М.Ю. Лермонтов в Пятигорске", написаны вступительные статьи для отдельных изданий поэм "Мцыри" и "Демон".

В музее Гиреев начал работу над кандидатской диссертацией, посвященной поэме М.Ю. Лермонтова "Демон", однако 1 апреля 1951 года он был вынужден оставить работу и перебраться в Орджоникидзе, где сначала работал учителем в школе, а после защиты диссертации "Поэма М.Ю. Лермонтова "Демон" в 1956 году в институте русской литературы АН СССР стал преподавателем Северо-Осетинского государственного университета.

Гиреев — автор ряда статей в "Лермонтовской энциклопедии". Он один из первых и постоянных участников лермонтовских научных конференций. В 1970-х — начале 80-х годов Гиреев был главным редактором литературно-художественного и общественно-политического альманаха "Литературная Осетия", где не только публиковал свои статьи по лермонтоведению, но также привлекал к сотрудничеству других исследователей.

Д.А. Гиреев погиб в автомобильной катастрофе 21 октября 1981 года, похоронен в городе Владикавказе.

А.Н. Коваленко

Краткая библиография

Гиреев Д.А. Путешествие Лермонтова по Кавказу. 1837, 1840, 1841 // По лермонтовским местам. — М., 1940. — С. 147—159.

Гиреев Д.А. Лермонтов в Пятигорске. — Пятигорск, 1947.

Гиреев Д.А. Поэма о великой любви к родине // Лермонтов М.Ю. Мцыри. Поэма. — Пятигорск, 1948.

Гиреев Д.А. Белинский и Лермонтов. — Пятигорск, 1948.

Гиреев Д.А. Вступительная статья // М.Ю. Лермонтов. Демон. Восточная повесть. — Пятигорск, 1948.

Гиреев Д.А. К истории знакомства Лермонтова с декабристами // Литературное наследство. — М., 1956. — Т. 60. — С. 507—514.

Гиреев Д.А. Поэма Лермонтова "Демон". Творческая история и текстологический анализ. Автореф. канд. дис. — Л., 1956. То же: Орджоникидзе, 1956.

Гиреев Д.А., Семенов Л.П. Новое академическое издание М.Ю. Лермонтова // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и материалов. — Ставрополь, 1960. — С. 293—306.

Гиреев Д.А. Итоги и перспективы изучения жизни и творчества Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. — Орджоникидзе, 1963. — С. 7—24.

Гиреев Д.А. Лермонтов и русская революционная сатира // Проблемы литературы и эстетики. Сб. статей, посвященных памяти профессора Л.П. Семенова. — Орджоникидзе, 1976. — С. 100—113.

О нем

Заседание ученого совета музея // Пятигорская правда, 1956. 1 августа.

Обсуждения насущных вопросов лермонтоведения // Ставропольская правда, 1956. 4 августа.

Мануйлов В.А. Лермонтовская научная конференция в Пятигорске // Ставропольская правда, 1957. 8 августа.

Коваленко А.Н. Посвящается М. Булгакову // Кавказская здравница, 1981. 20 мая.

Коваленко А.Н. "...погаснув, продолжаешь ты светить..." // Кавказская здравница, 1996. 23 апреля.

Л.Н. Кочкарева

1947

Лермонтов в Пятигорске

I. На Горячих водах

Была весна 1825 года.

К Горячим серным источникам на Кавказе приехала помещица Пензенской губернии Елизавета Алексеевна Арсеньева в сопровождении родственников и многочисленных слуг. Арсеньева привезла для лечения своего любимого внука — десятилетнего Мишу Лермонтова. Это был слабый мальчик, недавно поправившийся после тяжелой болезни. Врачи посоветовали лечить ребенка серными водами. Ради здоровья внука Елизавета Алексеевна проделала это длительное, утомительное путешествие.

Горячие воды, небольшое поселение вокруг серных источников, выбивавшихся из отрогов горы Машук, лежало в четырех верстах от Константиногорской крепости. Это укрепление было построено на левом берегу Подкумка в 1780 году. К 1825 году поселок Горячие воды насчитывал около сорока домов с флигелями. Строения тянулись вдоль главной улицы, которая проходила между двумя отрогами Машука. В поселке были магазины, лавки, аптека. Жители окрестных аулов привозили на своих двухколесных арбах мясо, фрукты, дичь; шла бойкая торговля. Базар бывал многолюдным.

На Горячих водах чувствовалась близость военных действий. Покой лежащих охраняли казацкие пикеты, расположенные на возвышенностях вокруг источников. С наступлением темноты шумная жизнь поселка замирала. В ночной тишине порою раздавались одинокие выстрелы и окрики часовых: "кто идет?"

В середине 20-х годов прошлого века Горячие воды становились модным русским курортом. Сюда тянулись помещики центральных губерний России, столичная знать, офицеры Кавказской армии. Горячие воды быстро росли, благоустраивались и уже в 1830 году были переименованы в город Пятигорск.

Приехав на воды, Арсеньева с внуком поселилась у своей сестры — генеральши Хастатовой, дом которой стоял у самой подшвы Горячей горы на месте, где в наши дни возвышается прекрасное здание Пушкинских ванн.

После степных просторов Пензенской губернии Кавказ произвел неизгладимое впечатление на Мишу Лермонтова — чуткого мальчика с пылкой фантазией. Все в этом крае было для него новым и казалось прекрасным: величавые горы, белоснежные вершины на горизонте, яркие южные краски, синее небо, новые люди с их своеобразным бытом, рассказы о войне, о стычках с горцами.

Лето 1825 года, проведенное на Горячих водах, для юного Лермонтова стало источником богатейших воспоминаний.

Вернувшись в родное поместье Тарханы в Пензенской губернии, Миша Лермонтов не мог забыть Кавказа.

С дворовыми ребятами, детьми крепостных крестьян, он постоянно "играл в Кавказ", "в войну", лепил из воска горы и фигуры черкесов. А немного позднее четырнадцатилетний Лермонтов создает свои ранние произведения — поэмы "Черкесы" и "Кавказский пленник".

Одна из последующих поэм Лермонтова — "Аул-Бастунджи" (1831 год) отражает легенды, которые поэт слышал на Горячих водах. Район Пятигорья в поэме получил свое яркое художественное изображение. Первые строки определяют место действия:

**Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрит от бурь и вольностью богат.-
Его уж нет...
...В ауле том без ближних и друзей
Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней Ак-Булата.**

Прекрасное знание местности, быта горцев, их нравов и, наконец, чарующее описание природы в этой поэме говорят об исключительной наблюдательности и художественном мастерстве юноши Лермонтова. Его реалистические картины природы Пятигорья полны живыми красками и яркими образами.

**Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.
Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие...**

Поездка 1825 года на Горячие воды привила Лермонтову на всю жизнь глубокую трогательную любовь к Кавказу.

**Как сладкую песню отчины моей
Люблю я Кавказ...**

воскликает поэт. И с этого времени в его литературном творчестве воспоминания о Кавказе занимают центральное место. Юноша Лермонтов пишет ряд стихотворений и поэм, действие которых происходит на Кавказе ("Каллы", "Измаил-Бей", "Хаджи-Абрек" и др.).

**Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...**

Подобные же, глубоко лиричные и душевные чувства свои к Кавказу Лермонтов высказывает во многих поэтических строках. Он любит страну, где пробудился его поэтический гений, и воспевает ее. "Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной!" — говорит Белинский.

II. Ссылка на Кавказ

Наступила весна 1837 года.

Опять по тем же долгим, грязным дорогам на перекладных ехал Лермонтов. Поэт был сослан на Кавказ за стихотворение на смерть Пушкина. Минуло всего 12 лет со времени его детской поездки в Пятигорск, но как все изменилось за это время! Теперь он опальный офицер, странствующий "с подорожной по казенной надобности".

Проехав всю Кавказскую линию укреплений, Лермонтов по Военно-Грузинской дороге перевалил через горы и попал в Грузию. Скитания по Кавказу, ночевки в чистом поле не прошли для него бесследно. Он простудился и, тяжело заболев ревматизмом, был привезен в Пятигорск для излечения. В одном из писем поэт сообщал: "...Меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить!".

Вновь попав на воды, Лермонтов увидел, как маленькое поселение, куда он приезжал 12 лет назад, превратилось за это время в порядочный город. Теперь это был уже Пятигорск с населением более чем в тысячу человек, повсюду возвышалось много новых построек, выросли жилые кварталы, появились тенистые аллеи; в центре, у сада "Цветник", прекрасное здание "Ресторации".

В ту пору на Горячей горе стояло небольшое деревянное здание военного госпиталя. В его стенах поэт провел некоторое время. Отсюда открывался прекрасный вид. У подножья Горячей горы с одной стороны раскинулся новенький, чистенький городок с зеленым бульваром по середине и десятком примыкающих к нему улочек, с другой, — по берегу мелководной реки Подкумка, — лепились белые домики казачьего поселения.

"Я теперь на водах, пью и купаюсь, словом, веду жизнь настоящей утки... У меня здесь очень хорошее помещение; каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снежных гор и на Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны... Ежедневно брожу по горам и уже от этого одного укрепил себе ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливают..." — писал Лермонтов своей знакомой.

Через месяц поэт чувствовал себя здоровым. Он выписался из госпиталя и поселился на частной квартире, "на самом высоком месте, у подножья Машука". Дом, в котором тогда жил поэт, точно неизвестен, но можно предполагать, что он стоял на нынешней Лермонтовской улице.

Летом 1837 года на водах было оживленно.

Здесь Лермонтов встретил многих знакомых по Петербургу и Москве. В Пятигорске, в квартире Сатина — товарища поэта по университетскому пансиону, состоялось первое знакомство

Лермонтова с великим критиком Белинским. После первой встречи не произошло сближения этих двух гениальных людей, но спустя несколько лет великий критик первым в истории русской литературы определил огромное значение творчества Лермонтова. Дом, в котором произошло их знакомство, сохранился до настоящего времени.

Молодежь на водах вела шумный образ жизни. Устраивали прогулки в горы, в парке — гулянья, в ресторации давали балы, играли в карты.

Лермонтов принимал участие во всех увеселительных затеях молодежи. В то же время в душе поэта шла большая творческая работа. Один из современников вспоминал: "Он писал тогда "Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися личностями. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и, в особенности, умного и оригинального доктора Майера".

Жизнь пятигорского "водяного общества" дала богатый материал для Лермонтова-художника. Впечатления, увезенные отсюда, помогли ему создать величайшее произведение — роман "Герой нашего времени". В творческой лаборатории писателя все виденное им органически перерабатывалось, типизировалось и отливалось в монументальные образы. Эти образы, как живые портреты, глядят теперь на нас со страниц гениального произведения.

Образ доктора Вернера в романе Лермонтова — один из самых обаятельных. Прототипом Вернера явился знакомый Лермонтова — доктор Майер.

Знакомство в Пятигорске с другим лицом — прапорщиком Колюбакиным — помогло Лермонтову при создании образа Грушницкого. Колюбакин был известным участником Кавказской войны, разжалован за дерзость, потом произведен в офицеры после ранения. Он отличался вспыльчивостью, был фатоват, задорен, не умен. Эти черты мы находим и в образе Грушницкого.

Жизнь "водяного общества", достопримечательности Пятигорска и его окрестностей в романе Лермонтова изображены яркими красками. Но ценность "Героя нашего времени" тем более значительна, что автор поднялся над узко портретными описаниями своих современников и как художник-реалист создал типичные образы людей 30-х годов девятнадцатого века.

Завершая курс лечения водами, Лермонтов провел конец лета 1837 года в Железноводске и Кисловодске, а поздней осенью был переведен в Гродненский гусарский полк. В конце 1837 г. поэт покинул Кавказ.

В Петербурге Лермонтов продолжает свою творческую работу. Он пишет блестящие поэмы "Мцыри" и "Беглец", перерабатывает глубоко философскую поэму "Демон", заканчивает роман "Герой нашего времени" и создает десятки прекрасных стихотворений. Имя Лермонтова быстро становится известным в России. В нем современники видели продолжателя пушкинских традиций.

Но если передовая часть русского общества признавала Лермонтова гениальным художником слова, то высшие аристократические круги относились к творчеству поэта враждебно. Обличительный характер его произведений, обнажавших корни страшной николаевской действительности, был нетерпим для дворянской верхушки. Правительство искало малейший повод, чтоб удалить "опасного" поэта из столицы. И такой повод нашелся. За дуэль с де-Барантом в феврале 1840 года Лермонтов был арестован и приказом Николая I вновь сослан на Кавказ.

"Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг, в Чечню, брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму", — сообщает Лермонтов из Ставрополя в письме к своему другу.

Лето 1840 г. поэт провел в экспедиции против горцев. В боях Лермонтов проявил исключительную храбрость и находчивость. Одно из крупных сражений при речке Смерти (Валерик), в котором поэт зарекомендовал себя как отважный офицер, описано им в чарующем стихотворном послании к Варваре Александровне Лопухиной.

В промежутке между походами Лермонтов вновь побывал на Минеральных Водах.

Пятигорск за истекшие годы со времени последнего пребывания здесь Лермонтова мало изменился. В городе появилось лишь несколько частных домов да две-три новые лавки. Но жизнь по-прежнему была шумной.

12 сентября поэт писал из Пятигорска:

"Я теперь вылечился совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню".

Осень 1840 г. для Лермонтова была заполнена событиями войны. Вновь походы, сражения, штыковые атаки... За проявленную боевую доблесть Лермонтова неоднократно представляли к наградам. В одном из аттестационных списков была дана следующая характеристика:

"Во всю экспедицию в Малой Чечне, с 27 октября по 6 ноября поручик Лермонтов командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрение высшего начальства".

Лермонтов в глубине души надеялся, что, отличившись в боях, он освободится от военной службы.

Служба в армии с каждым годом все больше тяготила поэта. Он мечтал о свободе, о серьезной литературной работе. В январе 1841 года, получив небольшой отпуск, Лермонтов выехал в Петербург, где надеялся добиться отставки. Однако его хлопоты не увенчались успехом. Поэта ждало тяжелое разочарование. Вместо отставки он получил приказ, по которому в 48 часов вынужден был покинуть столицу.

III.

Последние дни поэта

Оставляя Петербург в апреле 1841 г., Лермонтов отправился в свою последнюю ссылку на Кавказ. Он увозил с собой чувство ненависти к правящей верхушке России и горькое чувство обиды за свой народ, который находился под ярмом угнетателей. Прощаясь со своей родиной, поэт надеялся укрыться "за хребтом Кавказа" от преследований двора и светских интриг аристократии.

Однако укрыться от всевидящего ока Российского самодержавия поэту не удалось. Вслед за ним было отправлено секретное предписание царя, в котором указывалось: "дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку".

Лермонтов не знал об этом повелении царя, которое исключало возможность выхода в отставку, но ему к этому времени было ясно, что надежды на свободу нет.

Из Ставрополя, где находился штаб войск Кавказской линии, Лермонтов писал своей бабушке: "Теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды".

Но в Пятигорск поэт попал значительно раньше. Ночуя на почтовой станции Георгиевской крепости, он неожиданно решил свернуть с главного тракта и заехать на Горячие воды, вместе со своим другом и родственником Столыпинам.

По приезде в Пятигорск Лермонтов подал рапорт пятигорскому коменданту о том, что болен и нуждается в лечении. Комендант разрешил ему остаться в Пятигорске, но для оформления пребывания опального поэта на курорте направил его на медицинское освидетельствование.

Спустя несколько дней Лермонтов прошел это освидетельствование. 24 мая пятигорский комендант отправил в штаб Кавказских войск свое донесение о приезде Лермонтова в Пятигорск для лечения, приложив к этому донесению акт медицинского освидетельствования поэта.

Будучи уверен, что штаб утвердит разрешение пятигорского коменданта, Лермонтов стал подыскивать, вместе со Столыпинам, квартиру. Друзья наняли "за 100 рублей серебром", как гласит запись в домовой книге, флигель в усадьбе, принадлежащей плац-майору Чилиеву.

Маленький домик в четыре комнаты под камышовой крышей стоял почти на краю города, у подошвы Машука. Из окон комнат, в которых поселился поэт, открывался живописный вид: на юге снеговыми уступами тянулась цепь гор, на западе видны были синеющие вершины Бештау, возле самого дома шумели деревья молодого сада.

Внутри флигель выглядел очень просто. Вот как описывает его один из биографов поэта: "Низкие приземистые комнаты, стены которых оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашенной домашними средствами: в приемной — мелом, в спальне — голубоватой, в кабинете светло-серой и в зале — искриворозовой клеевой краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской работы и почти вся, за исключением ясеневых ломберного стола и зеркала красного дерева, окрашена под цвет дерева масляной краской. Стулья с высокими в переплет спинками и мягкими подушками, обитыми дешевым ситцем".

В стенах этого дома Лермонтов провел последние дни. Здесь он многое передумал и перечувствовал. Какие мысли волновали его, можно судить по тем стихотворным строкам, которые поэт создал в этом доме. Такие шедевры лермонтовской лирики, как "Сон", "Дубовый листок оторвался от ветки родимой", "Выхожу один я на дорогу", "Пророк", являются его поэтической исповедью последних дней.

Штаб Кавказских войск не разрешил Лермонтову остаться в Пятигорске... 18 июня поэт подал второй рапорт пятигорскому коменданту с приложением медицинского свидетельства, в котором говорилось: "... Лермонтов одержим золотухой и цынготным худосочием, сопровождаемым припухлостью и болью десен, также изъязвлением языка и ломотою ног, от каких болезней... необходимо поручику Лермонтову продолжать пользоваться минеральными водами в течение целого лета 1841 года".

Комендант отправил рапорт Лермонтова в штаб, ответа на этот рапорт не было получено. Поэт остался в Пятигорске.

Жизнь Лермонтова последнего периода внешне была веселой и беззаботной. Декабрист Лорер позднее вспоминал, что после экспедиции гвардейские офицеры "нахлынули в Пятигорск, и общество еще более оживилось". Были здесь Глебов,

Тиран, Трубецкой, Лев Сергеевич Пушкин, Васильчиков, юнкер Бенкендорф, Мартынов и многие другие.

Молодежь жила весело: танцы, балы, пикники, гулянья. Часто собирались в квартире Лермонтова и Столыпина. Выносили стол на веранду, проводили вечера в спорах, играли в карты. В компаниях поэт обычно был очень весел и остроумен. Известен ряд его эпиграмм, написанных по тому или иному случаю, ходили по рукам карикатуры, на которые Лермонтов был большой мастер. Особенно доставалось Мартынову — человеку весьма ограниченному, пустому, высокомерному, любившему своей красивой внешностью производить впечатление на дам. Лермонтов, не терпевший людской глупости, в карикатурах остроумно высмеивал недостатки Мартынова. Он изображал его различно, но чаще в черескпе с кинжалом чуть не до земли, позирующим перед дамами, или въезжающим верхом на лошади в Пятигорск, причем дамы, наблюдая этот въезд, восхищаются красотой всадника. В рисунках Лермонтов нередко изображал самого себя и знакомых, но Мартынов обычно занимал главное место.

В Пятигорске Лермонтов встретил представителей того же петербургского аристократического общества и придворных кругов, ту же николаевскую знать, тех поработителей народа, против которых боролся всю свою жизнь.

В среде влиятельных личностей, приехавших из Петербурга, по свидетельству первого биографа Лермонтова проф. Висковатого, "ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им (Лермонтовым. — Д.Г.) из терпения, проучит "несносного выскочку и задиру".

Гостиная генеральши Мерлини в Пятигорске стала средоточием всех, кто питал резко враждебные чувства к поэту. Здесь неоднократно натравливали против Лермонтова офицера Лисаневича. Всячески стремились спровоцировать дуэль. Это не удалось.

— Что вы! — возражал Лисаневич. — Чтобы у меня рука поднялась на такого человека!

На убийство великого русского поэта, уже признанного преемника Пушкина, удалось спровоцировать Мартынова.

Веселье в шумных компаниях касалось Лермонтова только внешне. Поэт глубоко понимал, что вокруг него много сильных врагов, которые ненавидят его и желают ему гибели. Внутренне он чувствовал себя одиноким, не находя в окружающей среде сильных и действенных людей, которые, как и он, поднялись бы на борьбу с этим режимом рабства и произвола. Он задыхался в душной атмосфере, метался в поисках свободы и справедливости.

Мотив одиночества в лирике Лермонтова последних дней варьируется в нескольких стихотворениях.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой.

До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,

Засох я без тени, увял я без сна и покоя...

В другом знаменитом стихотворении "Выхожу один я на дорогу" — эта же тема получает свое блестящее художественное воплощение. Здесь поэт как бы оглядывается на пройденный путь, оценивает ушедшие годы и, глядя вперед, не видит возможности обрести счастье в будущем.

Уж не жду от жизни ничего я.

И не жаль мне прошлого ничуть;

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы.

Чтоб дыша вздымалась тихо грудь.

Ощущение одиночества в последние месяцы жизни поэта было, видимо, мучительным и острым, и все же он не хочет "холодного сна могилы".

Анализируя отношение к себе окружающих и, особенно, представителей власти, Лермонтов чувствовал, что в его жизни рано или поздно должна произойти катастрофа. Товарищ Лермонтова по юнкерской школе — Гвоздев вспоминал одну встречу с Лермонтовым.

Восьмого июля пятигорская молодежь по инициативе Лермонтова устроила большое гуляние в гроте Дианы. Играло два оркестра музыки, много танцевали на площадке среди деревьев, украшенных разноцветными фонариками. После бала Гвоздев встретил поэта на бульваре.

"Ночь была тихая и теплая... Лермонтов был в странном расположении духа: то грустен, то вдруг становился желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем. Между прочим, в разговоре он сказал: "Чувствую — мне очень мало осталось жить".

Пятигорская молодежь, в среде которой вращался поэт, часто собиралась в доме Верзилина. У генерала было три дочери. Время здесь протекало интересно. Обычно сходились по воскресеньям, но бывали случаи, когда запросто собирались и в будние дни. Тогда дом Верзилиных оживал. Молодежь затеивала танцы, игры, пение, звучали веселые голоса. Вечера кончались поздно.

В воскресенье, 13 июля, у Верзилиных было много гостей. Всей компанией сначала хотели идти на танцевальный вечер в казенную гостиницу, но затем раздумали и решили остаться. Среди гостей присутствовал и Мартынов.

Лермонтов, старшая дочь генеральши Верзилиной — Эмилия Александровна и Лев Сергеевич Пушкин сидели на диване, возле ломберного стола. Напротив, у рояля, стоял Мартынов. Он во время танцев не снимал свой длинный кинжал и, когда танцы окончились, принял изысканную позу, облокотился на рояль. Лермонтов смотрел на него, а затем шутливо сказал: "Горец с большим кинжалом!". Хотя в этой фразе не было ничего обидного, Мартынов, постоянно подстрекаемый "друзьями", вспылал. Произошло короткое объяснение, которое после окончания вечера продолжилось. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

Поэт, не придавая серьезного значения ссоре и не особенно тревожась о предстоящей дуэли, выехал в Железноводск. Здесь он принимал ванны. А секунданты в это время вместе с Мартыновым выработывали условия поединка. Много лет спустя после трагического события сам убийца поэта — Мартынов говорил: "Приятели-таки раздули ссору".

Для нас, в свете анализа взаимоотношений поэта с аристократической средой, становится совершенно ясно — кто были эти "приятели". Это были бездушные светские интриганы, питавшие неугасимую злобу к Лермонтову.

Условия поединка были выработаны необычайно тяжелые: стреляться до трех раз, расстояние между барьерами всего десять шагов и, наконец, пистолеты были избраны дальнобойные.

Последние сутки своей жизни поэт провел в Железноводске, и, видимо, самые различные чувства волновали его. Одна из современниц Лермонтова в день дуэли 15 июля 1841 года (по старому стилю) приехала из Пятигорска в Железноводск. Вот как она описывает встречу с поэтом: "Мы пошли в рощу и все там

гуляли... Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль".

Во второй половине дня Лермонтов верхом выехал к месту дуэли, которое было назначено приблизительно в двух с половиной верстах от Пятигорска, по дороге на Железноводск.

И даже перед самым поединком поэта продолжали волновать творческие замыслы. Своему спутнику по дороге к месту дуэли Лермонтов говорил о том, что он задумал план двух новых романов: "одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкой в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого — из Кавказской жизни...".

Всем этим прекрасным замыслам не суждено было осуществиться.

К месту дуэли Лермонтов приехал, когда уже вечерело. По небу, со стороны Бештау, ползли тяжелые грозовые тучи. Секунданты стали торопиться. Поэта поставили в невыгодную позицию — на возвышенность, так что его фигура представляла прекрасную мишень. Васильчиков — один из секундантов — рассказывал следующее:

"Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, а другой Лермонтову и скомандовал: "сходись". Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем... Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте... Мы подбежали. В правом боку дымила рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие".

В это время разразилась гроза. Тело поэта было оставлено под проливным дождем и только поздно вечером перевезено в домик, где он жил.

На другой день весть о гибели поэта быстро облетела маленький городок.

"Во всех углах, на всех аллеях, только и было разговоров, что о происшествии... — вспоминал декабрист Лорер. — Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут... их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру".

Похороны прошли тихо и скромно. 17 июля на пятигорском кладбище появился свежий бугорок земли. Через несколько дней на могилу был положен камень с скромной надписью: "Михаил".

Все участники дуэли были арестованы и заключены под стражу. Началось следственное дело, которое велось формально. По закону того времени убийце Мартынову грозила каторга. Но удививший убийцу и секундантов военный суд вынес сравнительно легкий приговор: Мартынов и секунданты были приговорены к лишению чинов и прав состояния. Но даже этот легкий приговор пятигорского суда был отменен царем, и в январе 1842 г. последовало "высочайшее повеление": "Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а секундантов — князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго — по уважению полученной тяжкой раны".

Весть о безвременной гибели Лермонтова явилась тяжким ударом для Елизаветы Алексеевны Арсеньевой — бабушки поэта. Она ненадолго пережила любимого внука. Ранней весной 1842 года Елизавета Алексеевна послала своих людей на Кавказ. Они привезли из Пятигорска в свинцовом гробу тело Лер-

монтова. В родном селе Тарханы останки поэта вторично были преданы земле рядом с могилой его матери.

На пятигорском кладбище осталось место первоначального погребения великого русского поэта. Отсюда, с возвышенности, открывается прекрасный вид на город и белоснежные вершины Кавказского хребта. Эти места при жизни нежно любил Михаил Юрьевич.

* * *

Гибель Лермонтова потрясла передовых людей России. "Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти", — писал один из современников поэта. И для каждого здравомыслящего человека того времени становилось понятным, где кроются причины гибели лучших людей эпохи. Сама система крепостнической России обрекала на гибель все передовое, прогрессивное, что поднималось на великую борьбу с мраком и произволом царизма за прекрасное будущее своего народа.

"Все выходящее из обыкновенного порядка гибнет. Пушкин и Лермонтов впереди, а за ними... многое множество..." — записал Герцен в своем дневнике.

Лермонтов стал очередной жертвой этого страшного николаевского режима. Поэт выступил против николаевской знати как непримиримый борец. Он дерзко бросал в лицо придворной черни "железный стих, облитый горечью и злостью!..". Его подвергали опале и изгнанию. Он продолжал борьбу.

За несколько дней до смерти в последнем своем стихотворении "Пророк" Лермонтов, определяя роль поэта в общественной жизни, как бы еще раз подчеркивал, что никакие гонения не могут сломить его и заставить отказаться от великих идеалов служения своему народу. В этом стихотворении Лермонтов с глубоким пониманием обнажил корни того социального конфликта, который произошел между ним и дворянской Россией.

Провозглашать я стал любви

И правды чистые ученья:

В меня все ближние мои

Бросали бешено камня.

В статье "Памяти Герцена" В.И. Ленин указывал, что в истории русской революции действовало три поколения, три класса. "Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало".

Лермонтов со своим пламенным, мятежно-обличительным творчеством принадлежал к этой славной когорте первого поколения русских революционеров.

Вся его поэтическая деятельность, вся его короткая жизнь овеяны одним страстным чувством, освещены одним, основным для него идеалом. Этот идеал поэт находил в благородном служении интересам своего народа.

Именно с позиции общественного долга Лермонтов определял миссию поэта в жизни. Поэт должен жить в гуще народа, страдать в минуты его горестей и радоваться его победам.

Поэтическое оружие Лермонтова никогда не тушилось.

И отзыв мыслей благородных

Звучал, как колокол на башне вечною

Во дни торжеств и бед народных.

Всей своей литературной деятельностью Лермонтов утверждал принципы действительного искусства, которое бы активно решало важнейшие вопросы жизни, не стояло бы в стороне от ее развития. Эти взгляды поэта близки нашей совре-

менности. Мы, живые свидетели того, как в нашу эпоху создается боевое искусство, в котором бьют пульс наших героических будней.

Беззаветная преданность своему народу выработала у Лермонтова чувство нежной сыновьей любви к родине. Его патриотизм — подлинное возвышенное, благородное чувство. Все, что есть лучшего, светлого в его жизни — все связано с отчизной, олицетворением которой является Москва. Ей он посвящает прекрасные строки в поэме "Сашка".

**Москва! Москва!.. Люблю тебя, как сын,
Как русский, сильно, пламенно и нежно!**

Еще в XIX веке подлинные защитники интересов и прав русского народа — революционные демократы — высоко оценили литературное наследство Лермонтова и указали, каково его значение для грядущих поколений. Чернышевский находил в творчестве Лермонтова "залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения и гуманности".

Белинский с даром гениального предвидения предсказывал: "Уже не далеко то время, когда имя его в литературе делается народным именем".

Это время наступило. Нашей современности, полной великих творческих подвигов, Лермонтов близок, как друг с большим, сильным, пламенным сердцем. По меткому выражению Вл. Маяковского —

К нам Лермонтов сходит,

Презрев времена...

Лермонтов погиб в борьбе с социальным злом, оставив потомкам своим никогда не забываемые поэтические создания. Его литературное наследство вошло яркими страницами в золотую книгу великой культуры могучего русского народа.

Текст печатается по изданию:

Гиреев Д.А. Лермонтов в Пятигорске. —

Пятигорск: Издание Государственного музея

"Домик Лермонтова" 1947.

1948

Белинский и Лермонтов

К 100-летию со дня смерти В.Г. Белинского

*Что бы ни случилось с русской
литературой, как бы пышно
ни развилась она, Белинский всегда
будет ее гордостью, ее славой,
ее украшением.*

Н. Добролюбов

Вступление

"Я душевно люблю русский народ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе", — с гордостью говорил Белинский.

Эта беспредельная любовь великого критика к своему народу и родине была источником его творческих сил. Белинский со всем жаром своего пылкого сердца боролся до последней минуты жизни с тем страшным злом, которое обрекало русский народ на тяжкие страдания. Имя этого зла — крепостничество и самодержавие. Белинский верил, что русский народ в своей многовековой борьбе против всевозможных поработителей победит и построит счастливую жизнь. Белинский с гениальной силой предвидения еще в 1840 году указывал, что русскому народу надлежит в истории выполнить великую миссию. Критик писал: "Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящую во главе образованного мира, дающей законы и науке, и искусству, и принимающей благовейную дань уважения от всего просвещенного человечества".

Новая Россия — страна победившего социализма, и духовно обновленный советский народ стоят в авангарде всего прогрессивного человечества. Строя совершенно новую жизнь, о которой Белинский мог лишь мечтать, советский народ с чувством глубокой любви относится к лучшим сынам предшествующих поколений, тем, кто отдал свою жизнь делу борьбы за грядущее народное счастье. В плеяду этих лучших сынов русского народа входят Белинский и Лермонтов.

При сопоставлении имен этих двух гениальных русских людей в памяти воскресают блестящие статьи Белинского о творчестве Лермонтова. И действительно, в истории русской критики Белинскому по праву принадлежит первое место как истолкователю поэзии и прозы Лермонтова. Первенство критика в данном вопросе определяется, конечно, не временем написания статей, а их высокими литературно-критическими достоинствами.

Высказывания Белинского о Лермонтове поднялись на огромную идейную высоту прежде всего потому, что критик исключительно тонко и верно истолковал поэтическое многообразие творчества Лермонтова, уловил его художественную само-

бытность, понял общественные устремления великого поэта, правильно определил его место в истории русской литературы.

Белинский в своих статьях дал настолько всесторонний и глубокий анализ творчества Лермонтова, что вся последующая периодическая критика в основном опиралась на его работы.

Значение статей Белинского о Лермонтове заключается не только в правильном истолковании творчества поэта критиком, но и в том, что они теоретически вооружали революционную демократическую критику в ее ожесточенной борьбе со всевозможными реакционно-идеалистическими толкованиями наследия великого поэта. Статьи Белинского о Лермонтове, наравне с работами, посвященными Пушкину и Гоголю, вошли золотым фондом в сокровищницу революционно-демократической критики.

Однако сопоставление имен Белинского и Лермонтова требует не только разбора всего, что было написано критиком о поэте. Анализ высказываний Белинского освещает лишь одну сторону вопроса. Проблема должна быть рассмотрена и с другой точки зрения. Что дал Лермонтов Белинскому? Вот вопрос, который представляет не менее значительный интерес.

Белинский знакомился с литературным творчеством Лермонтова в конце 30-х и начале 40-х годов. Это было время решительных сдвигов в мировоззрении великого критика, время мучительных поисков новой, более верной философской и литературной позиции.

Анализируя творчество Лермонтова, Белинский сам испытал на себе влияние поэта. Гневно-обличительный характер поэзии Лермонтова, ее протестующий дух, мятежный порыв, призыв к борьбе за счастье и свободу человеческой личности, — все это до глубины души волновало критика и покоряло его. Белинский был захвачен поэтикой Лермонтова. Своим творчеством Лермонтов помогал критику быстрее найти путь к революционно-демократическим позициям. Прежде чем создать свои знаменитые статьи о прозе и поэзии Лермонтова, Белинский должен был до конца убедиться в том, что творчество Лермонтова — новый этап в истории русской литературы, что оно является шагом вперед и принадлежит будущему. Только убедившись в этом, Белинский глубоко полюбил Лермонтова, дал ему высокую оценку и включил его творчество в арсенал своего оружия для борьбы с философско-литературной и политической реакцией.

* * *

Данная работа является попыткой автора на примере творческого общения Белинского и Лермонтова показать, как в первый период истории русского революционного движения все прогрессивные, передовые элементы различных слоев общества, сливаясь в единый поток, множили силы и своей борьбой

подготавливали великую народную бурю, которая в октябре 1917 года снесла основы старого строя.

Развитие общественно-политических и литературных взглядов Белинского прошло три этапа. Данная работа охватывает период жизни и деятельности критика примерно до конца 1841 года. В этот первый период своей литературно-критической деятельности Белинский выступал как объективный идеалист в философских вопросах и как поборник просвещения в области общественного устройства. Белинский думал тогда, что просвещение, распространенное в широких массах, поможет создать лучшую жизнь для народа. Однако в ошибочности своих воззрений Белинский вскоре убедился. Не просвещение, а революционная борьба широких масс — вот путь к народному счастью. Этот перелом в мировоззрении Белинского произошел к 1841 году. С этого времени начался второй этап развития мировоззрения Белинского, который хронологически длился около четырех лет. Третий, последний, этап начался с 1845 года. К этому времени идейно-политические, философские и эстетические взгляды Белинского окончательно сложились. Великий критик выступал как материалист в объяснении явлений природы. Он высказывал ряд догадок, которые свидетельствовали о его материалистическом подходе в истолковании истории общества. Он стал создателем материалистической теории искусства в России. В своих политических взглядах Белинский выступал в это время как социалист-утопист, своеобразно сочетая идеи утопического социализма с проповедью ожесточенной классовой борьбы. Он был непримиримый враг самодержавия и крепостничества, подлинный революционер-демократ. Белинский стал одним из ранних предшественников марксизма в России. В.И. Ленин писал следующее: "Предвестником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В.Г. Белинский. Его знаменитое "Письмо к Гюголю", подводящее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное значение и по сию пору".¹

Крупный русский философ и социолог, основоположник научной критики, выдающийся историк русской литературы Белинский оставил огромное творческое наследство. Это литературное наследство с любовью изучает советский народ.

Глава первая

I

Был 1816 год.

Недавно кончилась Отечественная война. Русские войска, разгромив полчища Наполеона, возвращались на родину. Ураган опустошительной войны затих. Жизнь понемногу стала налаживаться.

Участник похода против французов Григорий Никифорович Белинский, шесть лет прослуживший в военном флоте, вышел в отставку и вернулся в Пензенскую губернию. В годы службы в Кронштадте флотским лекарем Г. Н. Белинский женился на дочери морского офицера. В Свеаборге 13 июня 1811 года у него родился сын, которого назвали Виссарионом.

Вернувшись вместе с семьей в родные края, Г. Н. Белинский устроился уездным врачом в маленьком захолустном городке Чембар, поблизости от которого в селе Белыни жили его многочисленные родственники.

В глухом провинциальном городке прошло детство будущего великого критика. Сам Виссарион Григорьевич всегда называл своей родиной Чембар.

В детстве и юности Белинскому жилось нелегко. Его отец, хотя и был человеком, стоявшим по развитию значительно выше окружающей среды, не любил семью и мало занимался воспитанием детей. Большую часть времени он отдавал службе, разъезжал по уезду, принимал участие в судебных и следственных делах. С близкими он был безудержно груб, деспотичен и пренебрежителен. От его вспыльчивости, обострившейся в связи с постоянным пьянством, доставалось всем членам семьи, не говоря уже о принадлежащих ему крепостных. Тяжелое положение детей усугублялось еще и тем, что мать их, малограмотная, ограниченная женщина, обладала далеко не миролюбивым характером. Постоянные семейные ссоры и стычки ложились тяжелым грузом на детские души. Всю жизнь В.Г. Белинский с сердечной болью вспоминал о горестях детства.

Но не только семейные неурядицы оставили тяжелые воспоминания у В.Г. Белинского. Еще мальчиком критик видел вокруг себя мучения бесправных и обездоленных людей. Жестокый, бесчеловечный произвол помещиков-крепостников делал жизнь миллионов крестьян невыносимой. Среди измученных непосильной эксплуатацией крестьян то и дело вспыхивал стихийный протест: нередки были случаи поджогов помещичьих усадеб и убийств их владельцев. В Чембарском уездном суде постоянно разбирались тяжбы крепостников-помещиков против крестьян. Ребенком Белинский был свидетелем экзекуций на городской площади, видел, как гнали в Сибирь осужденных на каторгу людей. В городе и в семье Белинских постоянно рассказывали эти страшные истории: отец будущего критика и его родственник П. Иванов близко стояли к судебному ведомству.

"На Виссариона сильно действовали рассказы отца и городские слухи о разных проделках чинов полиции. Его сильно возмущала тирания помещиков над крепостными людьми", — вспоминал позднее Д. Иванов.

Чем ближе видел Белинский страдания русского народа, о героизме которого он с детства слышал много рассказов, тем сильнее нарастало в его душе возмущение против крепостников.

Воспоминания о доблестных днях Отечественной войны 1812 года у всех были еще совсем свежи, еще были живы и участники знаменитых суворовских походов. С напряженным вниманием слушал Белинский из их уст повести о великих русских людях, о народных богатырях, которые пронесли знамена побед через всю Европу. Их имена навсегда стали родными и близкими великому критику. Позднее он рассказывал, как в детстве, забравшись со своими товарищами после игр в укромное местечко, в сумерки жадно слушали сказки и воспоминания о походах 100-летнего солдата суворовских времен. Героическая история русского народа в этих простых рассказах вставала во всем своем величии.

Одним из любимых занятий Белинского стало чтение книг. Современники вспоминали, что учеником Чембарского уездного училища мальчик поражал окружающих своей начитанностью. Его литературные вкусы формировались под воздействием лучших произведений писателей XVIII и начала XIX века. Впоследствии критик вспоминал: "В огромные кипы тетрадей, неутомимо, денно и ночью, и без всякого разбору списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова". Он плакал, читая "Бедную Лизу" Карамзина, стихи Державина знал наизусть, а Жуковского полюбил "исключительно". В эти годы Белинский и сам принялся писать стихи.

В 1825 году юноша Белинский переехал в Пензу. Начались годы учения в гимназии. Покинув семью, он жил на квартире

у земляков-семинаристов. Губернский город дал ему много знакомств и впечатлений. Сюда на зиму съезжались помещики из ближайших уездов, устраивались пышные гуляния и балы. Здесь особенно наглядными были чудовищные противоречия между роскошной, праздной жизнью дворянства и убогим, нищенским существованием крепостных.

В гимназии Белинский учился с детьми дворян, богатых купцов, чиновников. Но товарищами Белинского стали не они, а бедные семинаристы, вместе с которыми он жил на квартире и трудолюбие которых воспитывало в нем умение настойчиво преодолевать любые житейские невзгоды.

Ближайшим другом Белинского сделался его одноклассник Дмитрий Калинин. По своему положению в гимназии Калинин был редким исключением. Сын дворового человека Дмитрий, проявивший выдающиеся способности, был отпущен учиться. В том, что юноша Белинский близко сошелся именно с сыном крепостного человека, рано сказались любовь будущего критика ко всем, кто страдал от угнетения и бесправия.

В эти годы в Белинском начинали зарождаться демократические симпатии. Развились и окрепли они, несомненно, под влиянием лучших образцов русской свободолобивой литературы. Пензенские гимназисты читали Рылеева, Бестужева, Пушкина. В те годы запрещенные пушкинские стихотворения "Вольность", "Деревня", "Кинжал" распространялись по всей России. С творчеством Пушкина Белинский познакомился еще в Чембаре. Вспоминая это время, Белинский говорил, что Пушкин "пел и как изумлена была Русь звуками его песен... как жадно прислушивалась она к ним; и не диво, в них трепетали все нервы ее жизни".

Наступил конец 1825 года.

В Пензу стали приходить известия о внезапной смерти царя Александра I и восстании 14 декабря. Отзвуки артиллерийских раскатов на Сенатской площади в Петербурге прокатились по всей России. Скупые официальные сведения в "Московских ведомостях" и "Северной пчеле" сменялись бесчисленными устными толками. Поползли слухи о предстоящей вольности, о возможных реформах. Пензенское начальство вылавливало среди крестьян носителей этих слухов и жестоко расправлялось с ними. А позднее, летом 1826 года, стало известно о казни руководителей декабрьского восстания в Петербурге, о ссылках в Сибирь, о разжаловании в солдаты.

Все это глубоко волновало Белинского и его товарищей. Жадно прислушиваясь ко всему слышанному, читая журналы и газеты, Белинский невольно сочувствовал декабристам, хотя и не мог еще правильно разобраться в смысле этих сложных исторических событий, которые потрясли всю Россию.

Летом 1829 года Белинский уехал Москву. Он успешно выдержал экзамены и вскоре с гордостью мог написать домой, что теперь он студент словесного факультета Московского университета.

Для юноши Белинского началась новая жизнь.

II

В 12 верстах от Чембара, среди степных русских просторов, раскинулось село Тарханы. За небольшим живописным прудом на возвышенности, среди зелени стоял деревянный дом с мезонином, рядом маленькая церковь, служебные постройки. Вокруг, по склонам горы, до самого пруда старый тенистый парк с аллеями и скамейками. Это была усадьба пензенской помещи-

цы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Здесь прошло детство Михаила Юрьевича Лермонтова.

Обстоятельства сложились так, что детство двух величайших деятелей русской литературы — Белинского и Лермонтова — протекало в одной и той же местности и в одно время.

Весной 1815 года Юрий Петрович Лермонтов с женой Марией Михайловной и недавно родившимся у них в Москве сыном Мишей приехали в Тарханы.

23 февраля 1817 года умерла Мария Михайловна. Мише Лермонтову было около двух с половиной лет. Через несколько дней, оставив сына на воспитание бабушки, Юрий Петрович уехал из Тархан.

Все ранние впечатления Лермонтова связаны с жизнью в Тарханах. Уже взрослым он вспоминал:

**И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.**

Детство Лермонтова, прошедшее в деревне, дало будущему поэту богатейшее знание жизни русского народа. С крестьянскими ребятишками Миша Лермонтов общался повседневно. Они играли в разбойников, в войну, зимой катались с ледяной горки. Дворяные девушки пели ему народные песни, рассказывали сказки, предания. Зимой на святки в барский дом приходили с плясками и песнями ряженые.

Рано Лермонтов увидел и теньевые стороны русской жизни. Его бабушка, бесконечно любившая своего внука и не жалевшая для него ничего, в отношениях к тархановским крестьянам ничем не отличалась от большинства помещиков-крепостников. В методах ее управления были и порки провинившихся, и перевод на тяжелые работы, и выдача девушек замуж против их желания. В "девичьей" часто лились горючие слезы.

Среди тархановских крестьян до наших дней сохранилось немало преданий, из которых встает образ мальчика Лермонтова как защитника крепостных. "Избави боже, чтобы при Михаиле Юрьевиче кого-нибудь выпороли... Бывало, увидя, что крестьян ведут на порку, сию минуту бежит к бабушке и говорит: "Бабушка, это что же такое — бить людей? Я запрещаю. Ведь они такие же люди, как и мы, — и барыня отменяет порку".²

Так же, как и Белинский, Лермонтов ребенком слышал немало рассказов о героическом прошлом русского народа, о его борьбе с иноземными захватчиками и отечественными угнетателями помещиками-крепостниками. В Тарханах были участники Бородинского сражения 1812 года и походов против Наполеона. Их рассказы воспитывали чувство национальной гордости, будили детское воображение. Среди тархановских крестьян были старики, которые в молодости принимали участие в пугачевском восстании, захватившем Чембарский уезд в 1774 году.

Лермонтов слышал народные рассказы о Пугачеве и волжской вольнице, видел пещеру, где, по преданию, долго сохранялись сокровища, оставленные пугачевцами. Впечатления от этих рассказов были неизгладимы. Позднее они легли в основу юношеской повести "Вадим", посвященной описанию исторических событий, связанных с восстанием Пугачева. В этой повести симпатии Лермонтова к восставшим крестьянам проявились с особой силой.

Летом 1825 года Елизавета Алексеевна по совету врачей повезла своего внука на Кавказ. Лермонтов был слабым, болезненным мальчиком, и полагали, что лечение источниками на Горячих водах могло оказать на него благотворное действие.

Кавказ для Лермонтова позднее стал источником творческого вдохновения.

В ту самую осень 1825 года, когда Белинский из Чембар уехал учиться в Пензу, Миша Лермонтов вернулся с Кавказа в Тарханы.

В Тарханах поселилось несколько мальчиков, дальних родственников Лермонтова, которых Арсеньева пригласила к себе в дом, чтобы не скучно было ее внуку. Вместе со своими сверстниками с этой осени Лермонтов стал систематически учиться. Русский язык, арифметика, иностранные языки, рисование, музыка — такова была программа этого первоначального обучения. Особое пристрастие ребенком Лермонтов питал к рисованию.

Когда Лермонтову исполнилось одиннадцать лет, в Тарханы стали приходить известия о восстании декабристов. Разговоры в доме, разноречивые толки среди крестьян, тревога окружающих заставляли его глубоко задуматься. Пытливый ум ребенка искал ответа на многочисленные вопросы. Невольно оживали ранее слышанные рассказы о пугачевском восстании, о поджогах крестьянами помещичьих усадеб, вспоминались картины тяжелой жизни крепостных. Все это сопоставлялось с известиями о последних политических событиях и наводило на мысль, что в жизни слишком много насилия и несправедливости.

"Восстание и казнь декабристов были сильнейшим впечатлением в жизни Лермонтова-подростка. Оно глубоко притаилось в его сознании и тем острее переживалось, что приходилось молчать, так как никто из окружающих не мог разъяснить ему его смутных и тревожных раздумий, никто не разделял идей, за которые погибли дворянские революционеры".³

Наступило время, когда нужно было всерьез подумать об образовании Лермонтова. Осенью 1827 года Арсеньева вместе со своим внуком переехала в Москву. Были приглашены специальные преподаватели для подготовки Лермонтова к поступлению в учебное заведение. С начала учебного 1828 года Лермонтов был зачислен воспитанником Университетского благородного пансиона.

III

Москва в жизни и литературной деятельности как Белинского, так и Лермонтова сыграла выдающуюся роль. Именно в Москве, юношами, и Белинский, и Лермонтов с особенной силой почувствовали все величие героического прошлого своего народа, поняли, как бесконечно дорога и близка Москва сердцу каждого русского человека. Москва для них стала олицетворением национального могущества и духовной мощи, вдохновительницей веры в светлое будущее своего народа. В Москве происходило первоначальное формирование их политических литературных взглядов, складывалось и мировоззрение. Здесь они вступили в сознательную жизнь. Все лучшее, что было создано позднее этими гениальными людьми, питалось чувствами подлинного патриотизма. Эти чувства окрепли в их душе именно в московский период жизни. Для Белинского и Лермонтова обстоятельства сложились так, что вторая половина их жизни протекала в административном центре России того времени — Петербурге, но навсегда сохранили они глубокую любовь к Москве как к центру духовной жизни русского народа.

Вскоре после приезда в Москву Белинский писал: "Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиономию, богатый историческими воспоминаниями, озаменованный печатью священной древности, и... нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве... Какие сильные живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков. Я не могу истолковать себе тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль. Вид их погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения".⁴

В Москве Белинский на каждом шагу сталкивался с памятниками героического прошлого своей страны, и воспоминания о народных героях возбуждали в нем благородные чувства. В его пылкой юной натуре крепились могучие духовные силы, которые он позднее безраздельно отдал делу служения своему народу. Перед памятником Минину и Пожарскому на Красной площади он долго стоял как зачарованный. "Имена их бессмертны, как дела их, — восклицает Белинский, имея в виду Минина и Пожарского. — Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!"

У юноши Лермонтова впечатления от Москвы были также неизгладимы. Он бродил по улицам столицы, знакомился с ее достопримечательностями, жадно приглядывался ко всему, что встречалось ему на пути.

Несколько позднее Лермонтов выразил свои чувства к Москве в следующих словах:

"Москва не есть обыкновенный город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь... Каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы не понятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Что сравнится с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?.. Нет; ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно. Надо видеть, видеть... надо почувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!"⁵

Спустя несколько лет, находясь уже в Петербурге, где "жизнь грозна, пуста и молчалива, как плоский берег Финского залива", Лермонтов с нежностью вспоминал о Москве:

**Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль, зубчатый, безмятежный.**

Поэт вдохновенно признается: "покуда я живу, клянусь, друзья, не разлюбить Москву". ("Сашка", 1836 г.). Это было искреннее глубокое признание. Москву поэт не мог забыть не только потому, что она была местом его рождения, была городом, где началась его жизнь поэта. Там он впервые познакомился с сокровищами богатейшей духовной культуры русского народа. "Москва моя родина и такою будет для меня всегда", — сообщает Лермонтов в одном из писем 1832 года.

Еще ребенком в Тарханах из домашней библиотеки Лермонтов получил первоначальное знакомство с произведениями художественной литературы. Однако серьезное увлечение творчеством русских и западно-европейских писателей у Лермонтова-подростка началось в Москве. Особенно полюбил Лермонтов

поэзию Пушкина и Жуковского. В заветную тетрадь он тщательно списывал их стихи и даже целые поэмы. Пушкинский "Кавказский пленник", "Бахчисарайский фонтан", "Братья-разбойники", "Цыгане" глубоко волновали Лермонтова. Его привлекали герои этих произведений, гонимые судьбой, ищущие свободы, рвущиеся к иной, лучшей жизни или тоскующие по утраченному иллюзиям, их жизнь в южных краях с пышной природой, их борьба с опасностями и врагами. Все эти литературные образы переплетались в сознании Лермонтова с личными впечатлениями, которые он увез с Кавказа, и воспоминаниями о жизни в Тарханах. Лермонтов рано почувствовал потребность рассказать о том, что его волновало. Жизнь вливалась в его душу, формировала его сознание и требовала от него своего запечатления в образах.

С осени 1828 года Лермонтов поступил в Университетский благородный пансион. Это было время быстрого духовного роста юного поэта.

Кроме вопросов, связанных с учебной программой, воспитанников живо интересовали политические события того времени. В пансионе, несмотря на повсюду установившуюся после восстания 1825 г. реакцию, были сильны вольнолюбивые традиции. Этому способствовали воспоминания о бывших воспитанниках пансиона, позднее участниках декабрьских событий (Каховский, Кривцов С., Якубович А., Поливанов И., Семенов П. и многие другие). О них помнили те, кто уже учился в пансионе, когда происходили события 1825 года, и рассказывали младшим товарищам. Немало способствовала обострению политических интересов юношей и потаенная вольнолюбивая литература. Из рук в руки передавались тетради с произведениями поэтов-декабристов, Пушкина, наизусть читалась поэма Рыльева "Войнаровский", его думы.

Вскоре правительству стало известно, что в пансионе царит дух декабризма. Шеф жандармов Бенкендорф сообщил царю: "Среди молодых людей... воспитанников Лицея и Пансиона при Московском университете... встречаем многих, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России".⁶

11 марта 1830 года в пансион неожиданно приехал Николай I. Вскоре за этим посещением последовал указ свыше, по которому пансион лишился своих особых привилегий и преобразовывался в гимназию с введением телесных наказаний. Спустя несколько дней Лермонтов сделал первый шаг по пути протеста против самодержавного деспотизма: в апреле он подал прошение об увольнении из пансиона.

В августе 1830 года Лермонтов успешно выдержал экзамены в Московском университете. В сентябре он начал посещать лекции на нравственно-политическом отделении. Лермонтов стал студентом того же университета, где уже год учился Белинский.

IV

Едва воцарившись на русском престоле, тотчас же после восстания 14 декабря 1825 года Николай I сказал: "Революция на пороге России. Но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни". Этими словами была определена программа его царствования.

Человек в высшей степени ограниченный, воспитанный на феодалных традициях, жестокий и необразованный, педантичный

Николай I, по меткому определению Энгельса, был "самодовольная посредственность, с кругозором ротного командира".⁷

Придя к власти, Николай I стал вносить в жизнь всей страны режим крепостной казармы. Само восшествие его на престол сопровождалось артиллерийскими залпами на Сенатской площади с десятками убитых и сотнями раненых. Вслед за этим последовала кровавая расправа с участниками декабрьского восстания и усмирение крестьянских волнений, разразившихся в 14 губерниях. Причиной этих волнений были непомерно тяжкие подати и изнурительная работа на барщине. На подавление крестьянского движения, которое расшатывало самые основы крепостнической системы в России, были двинуты войска. Вслед за восстанием декабристов крестьянские волнения захлебнулись в собственной крови.

Одним из спешных мероприятий правительства Николая I была организация политической полиции, призванной бороться с революцией. Указом от 3 июня 1826 года в составе личной императорской канцелярии было организовано пресловутое III отделение. Во главе нового учреждения Николай I поставил остзейского помещика графа Бенкендорфа. Этот холодный, жестокий человек снискал себе безграничное доверие царя еще в период следствия по делу декабристов, когда, выбиваясь из сил, вылавливал всех, кто хоть сколько-нибудь был причастен к заговору.

В распоряжение III отделения был придан корпус жандармов, многочисленная тайная агентура, специальные чиновники. Этот сложный, усовершенствованный аппарат начал беспощадную борьбу со всеми передовыми, революционными элементами в стране. Шпионы III отделения проникали во все слои русского общества. Они доносили о "состоянии умов", следили, не ведутся ли разговоры против самодержавия и религии, не создаются ли тайные общества, не читаются ли запрещенные книги и рукописи. В результате деятельности целой армии доносчиков тюрьмы, крепости, сибирские рудники все время пополнялись представителями революционной молодежи.

Для литературы и просвещения наступили тяжелые времена. Опасаясь проникновения в печать свежей, передовой мысли, правительство издало специальный цензурный устав. Этот устав, по меткому определению современников, лег "чугунной" плитой на общественную и литературную мысль того времени. Все, что хотя бы косвенным образом могло вызвать у читателя сомнение в разумности существующего порядка вещей, подвергалось жестоким гонениям. Даже намек на вольнодумство в области религии или философии подвергался цензурному запрету. Всякие сочинения, "наполненные бесплодными и пагубными мудрованиями новейших времен, вовсе печатаемы быть не должны" гласил 186 параграф устава. При таком строгом ограничении философских произведений само собой понятно, что никакое упоминание в печати о событиях революционного характера было невозможно. Авторам оно грозило тяжелыми последствиями. Цензура была связана с III отделением и передавала сведения о всех лицах, в произведениях которых можно было обнаружить "неблагонамеренный образ мыслей".

Следуя принципу "чем меньше будет журналов тем меньше смуты среди читателей", правительство с начала 30-х годов закрыло ряд изданий. В 1831 году была закрыта "Литературная газета" Дельвига, в 1832 году — журнал И. Киреевского "Европеец", в 1834 году — журнал Полевого "Московский телеграф", в 1836 году — журнал Надеждина "Телескоп". Когда в 1836 году В. Одоевский обратился к царю с просьбой разрешить издавать "Русский сборник", последовала высочайшая резолюция: "и без того много...".

В области народного просвещения также проводились преобразования, направленные к сужению учебных программ и ограничению числа обучающихся. Специальными указами особенно урезались и без того скудные права трудового народа. Если до этого, как редкое исключение, возможно было обучение отдельных лиц из крепостных в гимназиях и университетах, то в 1827 году Николай I категорически запретил принимать их в средние и высшие учебные заведения. Новый школьный устав 1828 года перестроил систему образования на узко сословных началах. В гимназиях могли обучаться только дети дворян и чиновников. Воспитание велось в духе смиренного преклонения перед самодержавной властью и религиозными догмами. Телесные наказания в учебных заведениях были узаконены и широко применяемы.

Николаевская реакция из года в год усиливалась. Крепостнический гнет, аресты, ссылки, казни, тайный надзор, жестокая цензура — все это сделало жизнь русского народа невыносимой.

"Первые годы, следовавшие за 1825 годом, были ужасны. Нужно было, чтобы прошел десяток лет, раньше чем люди пришли в себя в этой атмосфере порабощения и преследования. Глубокое отчаяние и общий упадок сил одолел людей. Высшее общество поспешило с подлым и бесчеловечным рвением отказаться от всех человеческих чувств, от всех идей образованных людей".⁸

Однако если подавляющее большинство людей из дворянской среды, еще недавно сочувствовавших или делавших вид, что они сочувствуют идеям декабристов, в годы реакции пошли на примирение с самодержавием, то в народе нарастали силы революционного протеста.

3 июня 1830 года, возмущенные насилием властей, восстали матросы флотских и рабочих экипажей в Севастополе. К ним присоединились жители ближайших слободок. Части местного гарнизона отказались стрелять в восставших, и город несколько дней находился во власти народа. Толпа ворвалась в дом генерал-губернатора Н.А. Столыпина — родного брата бабушки Лермонтова, сбросила его с лестницы и во дворе убила. Хотя восстание подготавливалось по плану, оно все-таки в основе было стихийно, не имея широкой программы и четкой тактики. Севастополь был окружен войсками. Восстание подавили.

В начале августа в Россию стали проникать скучные известия об июльской революции во Франции. Восставшие парижане свергли династию Бурбонов и пресекли этим попытки реставрации феодальных отношений. Король Карл X бежал из Парижа. Несмотря на все старания цензуры в России, под давлением которой искажались факты (например, печать сообщала, что Карл X "изволил отбыть" из Франции), русская общественность узнавала правду. Передовая молодежь с восхищением воспринимала каждое новое сообщение.

Не успели еще сообщения о революции во Франции потерять своей первой остроты, как в середине августа стали приходить известия о появлении эпидемии холеры в Поволжье. Народные массы, возмущенные беспомощностью администрации и произволом полиции, стихийно начали борьбу с местными властями. "Холерные бунты" принимали все более широкий размах и перекинулись на ряд губерний. Восставшие расправлялись с ненавистными им чиновниками и помещиками. Город Тамбов оказался в руках восставших. Вслед за этим поступили сообщения о революции в Бельгии и введении там буржуазно-либеральной конституции. Николай I с целью защиты основ Священного союза стал готовить интервенцию в Западную Европу. Как вдруг новое известие взбудоражило царское правительство: в ноябре 1830 года вспыхнуло восстание в Польше.

1831 год для николаевского правительства и русского дворянства оказался не менее тревожным. Революционная ситуация в Европе продолжала оставаться острой. Во Франции на борьбу выступили лионские ткачи, в Италии произошли восстания в ряде герцогств. По Литве и Белоруссии прокатилась волна крестьянских восстаний. В центральных губерниях России продолжали развиваться "холерные бунты". 11 июля началось восстание в новгородских военных поселениях, которое разрослось вскоре и захватило 12 гренадерских полков. Это восстание с большими усилиями было подавлено, но "холерные бунты" продолжались почти до конца 1831 года.

Вся самодержавно-крепостническая система России тряслась под гневными ударами народно-революционного движения.

"Славное было время, события неслись быстро... какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях в литературе. Роман, драмы, поэмы — все снова сделалось пропагандой, борьбой", — писал А. Герцен об этих годах в своих воспоминаниях "Былое и думы".

V

Переступая порог Московского университета, и Белинский, и Лермонтов были преисполнены радужных надежд. Они надеялись в его стенах услышать ответы на бесчисленное множество вопросов, которые выдвигала перед ними жизнь. Они искали источник настоящих знаний, передовых идей, они горели жаждой приобщиться к подлинной науке. Пытливый ум звал их к деятельности.

Но большое разочарование ждало Белинского и Лермонтова. Очень скоро и почти одновременно они почувствовали глубокую обиду за обманутые надежды. Подавляющее большинство преподавателей университета было ограничено, бездарно, с отсталыми, реакционными взглядами. Лекции читались по старым, раз навсегда разработанным конспектам. Схоластическая фразеология лекторов приводила студентов в уныние.

С января 1831 года Лермонтов стал посещать обязательные для него лекции на словесном отделении. Он слушал тех же профессоров, что и Белинский, и, видимо, оба они тяготились посещением скучнейших лекций. В профессорских ведомостях против фамилий Лермонтова и Белинского значится много отметок о пропуске лекций. 1830—31 учебный год для Лермонтова кончился далеко не блестяще: по многим предметам он остался неаттестованным. У профессора богословия Терновского и Белинский, и Лермонтов получили двойки. Весьма показатель тот факт, что будущие величайшие деятели литературы у профессора Победоносцева, читавшего курс русской словесности, были на плохом счету. Лермонтов не получил никакой отметки, а против фамилии Белинского стоит двойка. Это говорит о том, что бездарный реакционер Победоносцев лекциями у передовой молодежи вызывал чувства негодования и протеста. На одном из экзаменов Победоносцев перебил отвечавшего ему Лермонтова следующим замечанием:

"Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?"

— Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще и дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным".⁹

Примерно такое же столкновение с Победоносцевым произошло и у Белинского. Профессор, прервав лекцию, спросил:

"Что ты, Белинский, сидишь так беспокойно, как будто на шиле, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мне последние слова, на чем я остановился?" — "Вы остановились на словах, что я сижу на шиле," — спокойно и не задумываясь ответил Белинский.¹⁰

Негодование студентов против невежественных, грубых профессоров однажды вылилось в бурную сцену.

В аудитории нравственно-политического отделения, где профессор Малов должен был читать лекции по гражданскому праву, собрались студенты словесники и математики, среди которых был А. Герцен. После очередной грубости Малова студенты подняли страшный шум. Под крики "вон его, вон его!" и свист Малов бежал из аудитории. Администрация университета испугалась этого происшествия, постаралась его замять и представила доклад высшему начальству, в котором демонстрация студентов была лишена политического смысла. Дело кончилось тем, что шесть студентов, среди которых был и А. Герцен, отсидели по несколько суток в карцере.

Однако было бы неверно сделать заключение, что университет вовсе ничего хорошего не давал молодежи того времени. Во-первых, среди бездарных, ограниченных преподавателей были и профессора, которые отличались глубокими знаниями и более прогрессивными взглядами. Многие студенты были увлечены лекциями историков Каченовского и Погодина, хотя по отдельным вопросам и не соглашались со своими преподавателями. Яркие лекции Н. Надеждина, читавшего курс изящных искусств, вызывали всеобщий восторг, а в жизни и творчестве Белинского Надеждин сыграл особую роль, о чем речь будет идти дальше. Второй и наиболее важной заслугой университета являлась его организующая роль. В университете, "как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев, в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приводили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России во все слои ее". (Герцен "Былое и думы"). Здесь, в начале 30-х годов учились Белинский, Лермонтов, Герцен, Огарев, Сатин, Гончаров, Станкевич, Красов, Ключников и многие другие выдающиеся русские люди. Эта молодежь жила напряженными умственными интересами; ее волновали общественно-политические события, новинки литературы, театра, научные проблемы, вопросы философии, истории. В аудиториях и студенческих общежитиях шли ожесточенные литературные споры, читка запрещенных книг. Критически "рассуждали о боге", обсуждали театральные постановки. Здесь складывались убеждения, формировалось мировоззрение. В стенах университета многие из молодых людей пришли к твердому решению отдать свои силы на борьбу за счастье народа. "Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылевым, и что мы будем в ней," — вспоминал А. Герцен.

Вместе со всеми в кипучей студенческой жизни принимали участие Белинский и Лермонтов. У каждого из них были свои личные интересы, привязанности, дружеские связи.

В университете Белинский принадлежал к студентам, очень плохо обеспеченным. Он был зачислен на так называемый "казенный кошт" и жил в общежитии в комнате № 11. Много горьких дней, много тяжелых невзгод и лишений пришлось ему пережить в ту пору. Получая от родителей весьма незначительную и редкую денежную помощь, он постоянно нуждался, ходил в потертом старом платье, дырявой обуви, не имел теплого пальто. Плохое питание, постоянные простуды подорвали и без

того слабое здоровье Белинского. За два учебных года он несколько раз побывал в больнице.

"Я теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше бы согласился быть подьячим в чембарском земском суде, нежели жить на этом каторжном, проклятом казенном коште", — пишет он 24 сентября 1830 года. Это и без того тяжелое положение ухудшилось с появлением в Москве эпидемии холеры. 17 февраля 1831 года Белинский пишет родителям: "Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаюсь падалью, стервятиной и супом с червяками. Обращаются с нами как нелзя хуже".

Тяжелое положение казеннокоштных студентов привело однажды к волнениям в общежитиях. Белинский не оставался в стороне от товарищей. Произошло столкновение с администрацией. Еще раньше инспектор П. Щепкин за какой-то незначительный проступок грозил отдать Белинского как "каналью в солдаты", а после этого взаимоотношения с администрацией еще более ухудшились.

В комнате, где жил Белинский, литературные интересы стояли в центре внимания молодежи. Вот что рассказывает один из товарищей Белинского Прозоров: "...спор о классицизме и романтизме еще не прекращался тогда между литераторами... И между студентами были свои классики и романтики... Поборником романтизма был Белинский, который отличался необыкновенной горячностью в спорах и, казалось, готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям... Он едко и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикой и литературным староверством".¹¹

Несколько лет спустя в своих критических статьях Белинский с таким же ожесточением стал бороться против романтизма, который тормозил развитие реалистической литературы. Но в студенческую пору Белинский еще защищал романтизм, в котором справедливо видел новое, более прогрессивное направление, призванное сменить отживающий классицизм.

Белинский среди товарищей по общежитию стал душой литературных занятий. Он выступал не только со своими теоретическими воззрениями, но и представил в начале 1831 года на суд друзей свою трагедию "Дмитрий Калинин". С юношеской горячностью и большими надеждами Белинский работал над этим произведением. В него он вложил пыл своего горячего сердца и многое из впечатлений, увезенных еще из Чембар. В письме к отцу от 22 января 1831 года Белинский сообщает: "Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много наделает шуму. Вы в нем увидите многие лица, довольно вам известные". И действительно, для трагедии Белинский использовал свои наблюдения над жизнью помещиков и крепостных крестьян. Еще в Чембаре он видел самодурство крепостников, слышал об их бесчеловечности, хорошо знал их жестокие нравы.

Трагедия "Дмитрий Калинин", названная по имени гимназического товарища в Пензе, стала произведением, где впервые Белинский высказал горячее возмущение крепостнической системой России. В ней зазвучало обличение лживой морали смирения и безропотного повиновения своим угнетателям. Белинский как бы подхватил свободолюбивые традиции А. Радищева, автора знаменитого "Путешествия из Петербурга в Москву". О Радищеве Белинский много слышал еще на родине. С одним из воспитанников его сына Н. Радищева он вместе учился в пензенской гимназии. Идейное родство драмы "Дмитрий Калинин" с творчеством А. Радищева несомненно.

Старик слуга в драме говорит: "...барыня начала тиранствовать над нами... И была как собак, и отдавала в солдаты, и пускала по миру, отнимала хлеб, скот, осматривала клетки, ломала коробы, отбирала деньги, холст... На каторге колодникам лучше житье-то, чем нам грешным у барыни".

В монологе героя драмы — Калинина — звучит гневный голос человека, возмущенного бесправным рабским положением крепостных и бесчеловечностью эксплуататоров. — "Кто дал... гибельное право одним людям поработать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу?.. Господин может... содрать шкуру с своего раба, может продать его как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно! ...Милосердный Боже! Отец человек! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних, и пьющих, как воду, их кровь и слезы?.."

Закончив трагедию, Белинский наивно мечтал о том, что его произведение своей горячей проповедью, обличительными романтическими монологами "много наделает шуму" и заставит тех, кто повинен в несчастной судьбе народа, задуматься. Он искренне был уверен, что достаточно лишь указать на пороки современного социального устройства, и власти постараются их устранить. Но юношеские мечтания рассыпались в прах, столкнувшись с действительностью. Для того чтобы получить разрешение напечатать трагедию, Белинский подал ее в цензуру при университете. Администрация университета пришла в ужас. Сочинение Белинского было признано "безнравственным, бесчестящим университет", а за автором установлен особый надзор. О поведении Белинского систематически стали подавать особые донесения ректору университета.

В Белинском увидели опасного крамольника, проповедующего революционные идеи. Белинский тяжело переживал свою неудачу. Здоровье его еще более ухудшилось. Он кашлял, страдал одышкой, у него болела грудь. Несколько раз его отправляли в больницу.

Первое выступление Белинского на литературном поприще закончилось для него тяжелым ударом. Университетское начальство позднее свело свои счеты с Белинским. Он был признан "неспособным" к продолжению слушания лекций и исключен из университета.

"История Белинского сильно взволновала студентов... Мы с изумлением услышали, что Белинский исключен из университета за неспособность... мы почитали его одним из самых умных и даровитых студентов и в исключении его видели вопиющую несправедливость".¹²

Это было в сентябре 1832 года.

VI

Хотя в университете Белинский и Лермонтов некоторое время слушали лекции у одних и тех же профессоров, но между ними дружеских отношений не установилось. Вероятно, они не сблизились в силу чисто внешних обстоятельств. Вскоре после того, как Лермонтов стал студентом, университет закрылся в связи с эпидемией холеры осенью 1830 года. Казеннокоштные студенты были заперты в общежитиях. В это вре-

мя Белинский стал душой литературного кружка; у него появилось много друзей среди товарищей по общежитию. Когда с начала 1831 года лекции в университете возобновились, Белинский был удручен неприятностями, постигшими его в связи с драмой "Дмитрий Калинин", болел и университет посещал редко. С осени 1831 года Белинский также мало бывал в университете.

Вспоминая университет, Лермонтов позднее писал в поэме "Сашка":

**Святое место!.. помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем, или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их шютуки, висящие клочками...**

В студенческие годы, как и Белинский, Лермонтов жил интересами окружавшей его молодежи, вместе с товарищами он остро переживал политические события своего времени, глубоко чувствовал те страдания, которые выпали на долю русского народа. Он мечтал о лучшей жизни, тосковал о ней; он рано понял, как и наиболее передовая молодежь того времени, что причиной страданий народа является самодержавие; его сердце наполнялось гневом и презрением к тем, кто угнетал русских людей. "Он всецело принадлежал к нашему поколению", — говорил Герцен, подчеркивая духовное родство Лермонтова с прогрессивной молодежью 30-х годов. И Лермонтов, поэтическая одаренность которого проявилась очень рано, стал подлинным выразителем переживаний и устремлений лучших людей своего времени.

Юношеские произведения поэта, созданные за годы учебы в благородном пансионе, а затем в университете разнообразны по содержанию и богаты по форме. В его лирике, поэмах, драмах чувствуется мужественная мысль, горячее сердце, страстная натура. В произведениях Лермонтова бьется пульс его времени, дыхание эпохи. Лермонтов очень рано нашел свою литературную позицию, определил свое отношение к жизни, к существующему общественному устройству. Он рано понял значение поэзии и место поэта в обществе.

"Лермонтов оставался реалистом в моменты наивысшего подъема романтических настроений, своеобразно сочетал философскую рефлексию с политической гражданственностью, интимный психологизм с критикой быта, мечту о будущем с чувством земного. То, что поражало Белинского в зрелом поэте, уже лежало в основе юношеских произведений Лермонтова: "глубокость и разнообразие идей, необъятность содержания — везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце".¹³

Уже в пятнадцатилетнем возрасте Лермонтов совершенно четко высказывал свои суждения о тяжелой жизни русского народа, о его страданиях и причинах, которые породили эти страдания. Прибегая к иносказательной форме, он говорил:

**Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несетя укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчина!
("Жалоба турка", 1829)**

В другом стихотворении этого же периода Лермонтов с большой задушевностью и чувством сердечной боли рассказывает о том, как страшная действительность ложится тяжким бременем на все лучшие человеческие стремления и разрушает мечты.

**И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело и душа тоскует...**
(“Монолог”, 1829 г.)

Но с наибольшим напряжением сила обличения, гневный протест против социального неравенства, возмущение жестокостью крепостников выражены в пятой сцене драмы Лермонтова “Странный человек”. После того как старик крестьянин рассказал о тиранствах своей помещицы, герой драмы Владимир Арбенин восклицает: “Люди! Люди! и до такой степени злодейства доходит женщина... О! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами. — Ломать руки, колоть, сечь, выщипывать бороду волосок по волоску!.. я бы раздавил ногами каждый сустав этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ приводит меня в бешенство!..”

Драма “Странный человек” была закончена Лермонтовым в июле 1831 года, т.е. через несколько месяцев после того, как трагедия Белинского “Дмитрий Калинин” наделала столько шума в университете. Нет сомнения, что Лермонтов был знаком с произведением Белинского, которое еще долго ходило в списках по рукам студентов. Лермонтов разделял взгляды своего старшего товарища, взгляды сложились под влиянием одних и тех же впечатлений от русской жизни.

Юношеское творчество Лермонтова говорит о том, что поэт не только со всей силой своего яркого дарования обличает господство несправедливости и насилия. Он идет дальше. Бурные политические события 1830—31 годов глубоко волнуют его. Они дают ему повод высказать свое отношение к тем, кто поднялся на борьбу с общественным злом. Лермонтов восхищается борьбой народов против тирании. Вскоре после Севастопольского восстания 3 июня 1830 года, в котором был убит брат его бабушки, Лермонтов пишет:

**Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь.**
(“Предсказание”)

Политические взгляды Лермонтова в этот период вполне определились, и они не изменяются до конца жизни. Придя к убеждению, что насилие и несправедливость есть зло, обрекающее его народ на страдания, Лермонтов сделал следующий шаг: он признал, что только борьба есть путь к спасению от социального гнета. И дух протеста, дух отрицания существующего порядка вещей, пафос борьбы становятся ведущим началом во всем последующем творчестве поэта. Источником этого мятежного направления лермонтовской поэзии явились чувства безграничной любви к своему народу, для которого поэт желал лучшей жизни и во имя счастья которого он утверждал принцип активной борьбы с общественным злом.

Так жизнь скучна, когда боренья нет...

**Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.**

(1831 г. июня 11 дня)

1 июня 1832 года Лермонтов, окончательно разочаровавшись в лекциях московских профессоров, преподававших казенную науку, подал прошение об увольнении из университета. Лермонтов оставил университет, который мало дал ему научных знаний, но в стенах которого сложились его политические убеждения и окрепло его поэтическое дарование.

Глава вторая

I

Покинув Московский университет почти одновременно, Белинский и Лермонтов пошли путями, которые резко расходились. Лермонтов вскоре уехал в Петербург и после неудачной попытки продолжать университетское образование поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Таким образом, он избрал для себя военное поприще.

Белинский оставался в Москве. Положение его было очень тяжелое. Без денег, без чьей-либо поддержки, не имея ничего обнадеживающего в перспективе, он начал ожесточенную борьбу с невзгодами.

В поисках заработка Белинский готов был приняться за любую работу. Переводил новинки французской литературы и статьи из парижских журналов, пытался устроиться учителем и уехать в Белоруссию, подавал прошение, думая поступить на работу корректором. Но дальше обещаний дело не шло, а переводы статей давали гроши. Положение Белинского немного улучшилось, лишь когда он нашел частные уроки в богатых домах.

В характере Белинского была замечательная черта — он никогда не падал духом и, чем тяжелее становились невзгоды, тем упорнее он начинал трудиться, чтобы преодолеть их.

“Я нигде и никогда не пропаду, несмотря на все гонения жестокой судьбы... — писал он матери 20 сентября 1833 года. — Не только не жалею на мои несчастья, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастья есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня”.

В 1833 году в жизни Белинского произошли два крупных события, которые оказали на него значительное воздействие. Во-первых, он познакомился с Н. Надеждиным, а, во-вторых, близко сошелся с кружком Н. Станкевича.

Блестящие лекции Н. Надеждина об изящных искусствах Белинский слышал еще в университете. Заслугой Надеждина перед русской литературой является его замечательная журнально-критическая деятельность. Противник романтизма и рабского подчинения нормам поэтики классицизма, Надеждин боролся за органическую связь искусства с жизнью, за его народность. Свои взгляды Надеждин проповедовал на страницах журнала “Телескоп” и газеты “Молва”, которые он издавал с 1831 года. Деятельность Надеждина была прогрессивной. Она оказала значительное воздействие на общественную мысль того времени.

21 мая 1833 года Белинский сообщает брату: “Я знаком с Надеждиным: перевожу в “Молву” и “Телескоп”. Это знакомство переросло вскоре в более тесные взаимоотношения. Надеждин увидел в Белинском талантливого литератора. Спустя несколько месяцев Белинский уже стал главным рецензентом и критиком изданий Надеждина. С этого времени началась серьезная работа великого критика.

В письме к брату 20 сентября 1833 года Белинский писал: “О себе скажу тебе, что я живу довольно хорошо для своих обстоятельств. Связь с моим любезным Петровым¹⁴ и многими другими отборными по уму, образованности, талантам и благородству чувств молодыми людьми заставляет меня иногда забывать о моих несчастьях”.

Молодые люди, о которых идет речь в этом письме, составляли кружок Станкевича, сыгравшего крупную роль в истории общественной мысли 30-х годов. Вокруг Станкевича, единодушно признаваемого всеми современниками исключительно одаренным человеком, в Московском университете сгруппировались

товарищи, объединенные общностью взглядов. Подобные объединения студентов не были редкостью. В этот же период возник кружок А. Герцена (студента математического отделения), вокруг Лермонтова также группировались близкие ему товарищи.

Осенью 1833 года, когда Белинский сблизился со Станкевичем, кружок последнего был уже довольно многочислен и организационно представлял нечто целое. Собирались обычно на квартире у Станкевича, и дружеские споры кончались далеко за полночь. Какие же вопросы были предметом обсуждения в кружке Станкевича?

Герцен в своих воспоминаниях говорит: "Болезненный, тихий по характеру, поэт и мечтатель, Станкевич, естественно, должен был больше любить созерцание и отвлеченное мышление, чем вопросы жизненные и чисто практические" ("Былое и думы"). Личные качества Станкевича наложили определенную печать на характер его кружка. Поэзия, музыка, театр, отдельные вопросы истории и философии — вот интересы кружка Станкевича, когда к нему примкнул Белинский. Порою велись беседы и о текущих событиях, высказывались даже отрицательные мнения в отношении существующего порядка вещей, над которым шутили и подсмеивались. Но все-таки кружок не носил политического характера. Примерно с 1834 года, когда Станкевич уже вышел из университета, в кружке стали более углубленно изучать философию. Идеалистическая философия Шеллинга занимала умы членов кружка почти два года. Одно время интересовались Фихте, а затем, после отъезда Станкевича за границу в 1837 году, отдались изучению Гегеля.

30-е годы XIX века явились временем проникновения в среду дворянской молодежи учений немецкой идеалистической философии. Причиной этому послужили определенные исторические условия, сложившиеся после 1825 года. Один из современников Белинского И. Панаев в своих воспоминаниях говорит: "Реакция после 14 декабря была страшная, все присмирело и оцепенело, запуганное большинство предалось личным интересам — взяточничеству, грабежу и удовлетворению своего чиновничьего самолюбия, замаскированного верноподданническими чувствами; незначительное меньшинство мыслящих людей нашло себе примирение и успокоение в немецкой философии и отыскивало в ней данные для возвеличения самодержавного произвола".

Но наиболее передовые и разумно мыслящие люди того времени, такие, как Белинский, смогли решительно порвать с мистическим идеализмом немецкой философии. В 30—50-е годы немецкий идеализм явился идейной основой для тех дворянско-помещичьих кругов, которые подняли знамя реакции в борьбе с революционными идеями.

"...класс крепостников-помещиков стремился насаждать в России мистическую и реакционную теорию немецкого идеализма как противоядие против французского революционного просвещения и материализма и вместе с тем противоядие против материализма и просветительских идей русских провозвестников демократической революции — Радищева и декабристов".¹⁵

Однако в пору, когда Белинский примкнул к Станкевичу, никто из членов кружка еще не мог дать объективной оценки сущности немецкой идеалистической философии, хотя бы в силу того, что они только начинали знакомиться с ней. А жажда знания, стремление философски объяснить явления жизни толкали молодежь к изучению еще непознанного. Со всем юношеским задором они принялись штурмовать Гегеля и его предшественников. Для Белинского начались поиски философской системы, которая бы могла послужить основой для объяснения явлений жизни и искусства.

В 1834 году Белинский выступил со своей первой крупной критической статьей "Литературные мечтания". Эта статья вызвала многочисленные толки современников и создала известность автору. Три главных принципа легли в основу этой работы Белинского.

Во-первых, диалектический взгляд на природу и общество. Белинский признает беспредельное развитие и движение:

"На земле проходят роды и поколения и заменяются новыми, смерть истребляет жизнь, жизнь уничтожает смерть; силы природы борются, враждуют и умиротворяются силами посредствующих, и гармония царствует в этом вечном брожении, в этой борьбе начал и веществ". Однако, признавая принцип развития природы, Белинский в решении основного вопроса философии стоит на позициях объективного идеализма. Он говорит, что весь движущийся мир есть "движение единой, вечной идеи".

Вторая основная мысль статьи: утверждение Белинским принципа народности искусства. "Литература непременно должна быть выражением-символом внутренней жизни народа".

И, наконец, третье: горячее чувство патриотизма, желание увидеть отечественную литературу могучей и прекрасной, достойной великого русского народа. Автор не сомневается, что время величия русского искусства наступит. Для этого нужно только, чтобы просвещение захватило самые широкие народные массы. Белинский говорит:

"Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа. Но теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!"

Таким образом, даже беглое знакомство с "Литературными мечтаниями" позволяет сделать заключение, что литературно-критические взгляды Белинского в ту пору слагались прежде всего под непосредственным воздействием конкретно-исторических условий русской жизни. На очередь дня вставал вопрос о создании в России подлинно народной литературы. И Белинский, верно понимая ход исторического развития литературы, начал борьбу за то, чтобы сделать ее народной.

Высоко оценив Державина, Крылова, Грибоедова и Пушкина, сумевших в своих произведениях запечатлеть черты характера и духовного склада русских людей, Белинский ведет ожесточенную борьбу с так называемой салонной литературой, ничего общего не имеющей с народом. Необходимым условием дальнейшего развития литературы Белинский считает просвещение широких масс. Здесь он выступает как продолжатель идей просветительства, довольно широко развитых предшественниками Белинского в критике Н. Полевым и в особенности Н. Надеждиным. Источником идей, которые утверждал Белинский, была его горячая любовь к своему народу.

II

Несмотря на то, что после опубликования "Литературных мечтаний" положение Белинского как молодого талантливого критика в журнале Надеждина упрочилось и о нем заговорили как о восходящем светиле, материально его положение оставалось очень тяжелым. Лажечников рассказывал следующее:

"Белинский квартировал... в каком-то переулке между Трубой и Петровкой... Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться

к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его коморкой была прачечная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вониючего мыла... Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть".

Огромная работа, которую Белинский вел в журнале, оплачивалась грошами. Все последующие годы жизни в Москве сопровождалась для Белинского страшной борьбой с нищетой. В этих ужасных условиях он напрягал все свои слабые физические силы и упорно продолжал литературную работу.

Осенью 1836 года Белинского постиг новый удар. "Телескоп" закрыли, Надеждина сослали. (В журнале было напечатано "Философическое письмо" Чаадаева, вольнодумие которого произвело впечатление разорвавшейся бомбы). Белинский, в это время возвращавшийся в Москву из деревни Бакуниных, где он прожил несколько недель, был задержан у заставы и препровожден к обер-полицеймейстеру. Белинский много пережил в связи с обыском и допросами; он лишился также любимой работы, которая давала хоть кое-какие средства к существованию.

После отъезда Станкевича из Москвы в августе 1837 года его кружок продолжал существовать. Главенствующая роль в кружке перешла к М. Бакунину и Белинскому. Последний еще и до отъезда Станкевича был всеми признан одним из главных вдохновителей кружка. Горячая натура Белинского, его страстные речи во время споров дали повод друзьям назвать критика "нистовым Виссарионом". Темой споров в кружке по-прежнему оставались вопросы эстетики, искусства и главным образом философии. Хотя члены кружка по отдельным вопросам высказывали различные мнения, но в ту пору между ними еще резких расхождений не было. Позднее, уже после отъезда Белинского в Петербург, бывшие участники кружка заняли разные общественно-политические позиции: К. Аксаков оказался в лагере славянофилов, в середине 40-х годов Грановский, Боткин, Кавелин встали на путь проповеди реформ в либерально-буржуазном духе, а еще позднее Катков возглавил лагерь консерваторов. Бакунин, уехав за границу, стал проповедником анархизма.

Последние два года жизни в Москве для Белинского и его кружка характерны увлечением философией Гегеля. Именно здесь необходимо отметить, что колоссальной заслугой Белинского является его критический подход к учениям немецкой идеалистической философии, что дало ему возможность решительно преодолеть реакционные стороны гегельянства. Источником ошибки Белинского явилось неправильное истолкование известного положения в учении Гегеля: "все действительно разумно, все разумное действительно". Из этой формулы Белинским была воспринята лишь первая часть, которая дала ему повод сделать ошибочное заключение, что все существующее в жизни природы и общества разумно и, следовательно, имеет право на неприкосновенность. Диалектический момент, вытекающий из второй части формулы и говорящий, что только разумное, т.е. прогрессивное, растущее — действительно, был им не понят.

Белинский в это время стал на ложный путь оправдания николаевской действительности. Он признавал, что самодержавно-крепостнический строй еще не изжил себя и исторически продолжает быть необходимым. Но, примирившись, таким образом, с действительностью, Белинский остался, однако, верным принципу диалектического развития. В рецензии на "Речи, произнесенные в Московском университете" (1838 год) Белинский говорит: "...новое должно выходить из отрицания старого. Но у этого нового один корень со старым, и старое отрицается временем".¹⁶ Белинский остался также при твердом убеждении,

что свобода народу нужна, только он думал, что путь к ней лежит через просвещение и нравственное совершенство каждого человека.

Если Белинский и его товарищи впадали тогда в ошибку, то в эту пору (конец 30-х годов) в России уже были передовые люди, которые ясно поняли весь вред немецкой идеалистической философии, ее реакционную сущность. К этим людям прежде всего относится Герцен. Вот как расценивал Герцен немецкую философию:

"Она прямо вела к признанию преобладающих властей, к тому, чтоб человек сложил руки, — этого-то и хотели берлинские буддисты. Как такое воззрение ни было противоположно русскому духу, его, откровенно заблуждаясь, приняли наши московские гегельянцы".

"Белинский, самая деятельная, порывистая, диалектически-страстная натура бойца проповедовал тогда индийский покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы...

Этого я не мог вынести, и отчаянный бой закипел между нами" ("Былое и думы").

Однако "индийский покой созерцания" у Белинского продолжался недолго. Условия русской жизни, нарастающая революционная борьба наиболее передовых людей того времени, вольнолюбивые традиции творчества Радищева, поэзии декабристов и Пушкина, наконец критическое отношение к себе — все это оказывало значительное воздействие на формирование взглядов Белинского.

В цепи ряда причин, создавших условия, под влиянием которых Белинский преодолел свои заблуждения, несомненно существенным звеном является творчество Лермонтова. Великий поэт с его обличительным, бичующим и вместе с тем мятежно-вольнолюбивым творчеством оказался одним из первых молодых писателей того времени, к гневному голосу которого стал прислушиваться Белинский.

III

Герцен в своей работе "О развитии революционных идей в России" говорил: "Ничто не может с большей ясностью объяснить изменение, происшедшее в умах с 1825 года, как сравнение Пушкина с Лермонтовым. Пушкин, часто недовольный и грустный, оскорбленный и полный негодования, готов тем не менее заключить мир. Лермонтову же так был привычен раздор, антагонизм, что не только он не старался выйти из него, но он не понимал возможности ни борьбы, ни приспособления".

Те характерные черты лермонтовского творчества, которые достаточно отчетливо проявились уже в юношеский период, после отъезда из Москвы развились и крепились вместе с мастерством поэта. Через все творчество Лермонтова красной нитью проходит основная тема — тема патриотизма. Именно подлинная любовь к родине и народу, настоящий патриотизм множили творческие силы поэта и давали богатый материал для его произведений. Устами Лермонтова говорил патриот, когда он с гордостью рассказывал о героизме русского народа на Бородинском поле; патриотизм вдохновил поэта на обличение произвола самодержавия и воспевание духа борьбы за свободу человека. Для Лермонтова величие родины и счастье народа было неразрывно связано с борьбой как против иноземных захватчиков, так и против внутренних врагов — крепостников-помещиков — злейших гонителей свободы народа.

В 1833—34 годах, находясь в юнкерском училище, Лермонтов начал работу над романом "Вадим". Широкое народное движение 1773—74 годов, возглавляемое Пугачевым, — вот фон, на котором развивается действие романа. Острые классовые противоречия между миллионами крепостных крестьян и помещиками показаны весьма сильно и реалистически. "Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения и только кровь их могла смыть эти постыдные летописи".

После окончания юнкерского училища в 1834 году Лермонтов вышел корнетом лейб-гвардии гусарского полка и по месту своей службы большую часть времени проводил в Петербурге. Лермонтов был принят в великосветском обществе, что дало ему возможность наблюдать жизнь столичной аристократии. Лицемерие и фальшь, светские интриги под маской приличия, духовная пустота и внешний лоск, карьеризм и низкопоклонство — вот что увидел Лермонтов в среде петербургской знати. Созданная поэтом в эти годы драма "Маскарад" обнажает всю пошлость жизни дворянства. Драма Лермонтова была признана "безнравственной" и запрещена царской цензурой.

Пафос обличения достиг у Лермонтова вершины в его знаменитом стихотворении "Смерть поэта", написанном в связи с гибелью на дуэли А.С. Пушкина в январе 1837 года. Смерть Пушкина потрясла русский народ и "разбудила душу Лермонтова" (Герцен). Со всей силой своего дарования поэт обрушился на придворные круги, интриги которых привели Пушкина к трагическому концу.

Смело, не боясь наказания, Лермонтов грозит убийцам справедливым судом, часом возмездия, который неизбежно придет.

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью;

Оно вам не поможет вновь,

И вы не смаете всей вашей черной кровью

Поэта праведную кровь.

В сотнях экземпляров, переписанных от руки, стихотворение разошлось по Петербургу. О Лермонтове заговорила столица, о нем узнала Россия.

В придворных кругах стихотворение было расценено как "воззвание к революции". Лермонтова арестовали и вскоре выслали на Кавказ.

Последующие годы творчества Лермонтова характерны глубокими раздумьями поэта над судьбами молодого поколения 30-х годов. Страдание человеческой личности под гнетом самодержавного деспотизма, горечь обиды за бесцельно уходящие годы, презрение к бездействующему поколению и его духовной опустошенности, тоска по лучшей, счастливой жизни, надежда на будущее — вот что волнует Лермонтова в эту пору. Лермонтов страдает оттого, что его современники — талантливые люди с прекрасными задатками и большими возможностями — становятся нравственными уродами. Они гибнут один за другим и морально, и физически. Лермонтов не может смириться с этим. Чувство протеста, жажда борьбы с социальным злом, породившим страдания людей, крепнет из года в год в творчестве поэта.

Оглядываясь вокруг себя и не видя среди своих современников сильных, деятельных людей, которые могли бы продолжать великое дело декабристов и поднять новую волну революционной бури, Лермонтов гневно говорит:

К добру и злу постыдно равнодушны,

В начале поприща мы вянем без борьбы;

Перед опасностью позорно-равнодушны,

И перед властью — презренные рабы!

И царствует в душе какой-то холод тайный,

Когда огонь кипит в крови.

("Дума", 1838 г.).

Эта же тема получила широкую художественную разработку в знаменитом романе Лермонтова "Герой нашего времени" (1838—39 гг.).

Вскоре после возвращения из первой ссылки с Кавказа Лермонтов переработал поэму "Демон", задуманную еще в студенческие годы. Это монументальное поэтическое произведение посвящено также теме страданий человеческой личности. Подвергнутый деспотическому насилию, обреченный на изгнание, Демон явился жертвой того господства зла, которое олицетворяется образом бога. Но Демону не свойственны примирение и покорность. Он дух сомнения и отрицания, дух мятежности. Эти качества как одна из форм борьбы против существующего порядка вещей для того времени были явлением прогрессивным и революционным.

Призыв к борьбе за свободу и счастье человека прозвучал с особой силой в поэме "Мцыри" (1840 г.).

Лермонтовский герой — не борец за свободу вообще, в ее абстрактном представлении. Он не ищет свободу где-то далеко в неведомых восточных странах, как это делают байронические герои, бежавшие от людей и наслаждавшиеся своим одиночеством. Мцыри рвется на волю для того, чтобы вернуться на родину, жить со своим народом и быть там "не из последних удалцов".

Чувства волнующей любви к своей родине и народу нашли блестящую художественную форму в одном из лучших лирических стихотворений Лермонтова "Родина". Для Лермонтова бесконечно дорога Россия, но не официальная с ее казенным патриотизмом, а Россия народная, любимая земля, на которой живут русские люди.

Развивая гражданские мотивы в своем творчестве, Лермонтов считал, что место поэта в гуще общественной жизни. Литературное творчество не должно быть оторванным от народа; оно должно служить его интересам. Только тот поэт может быть назван гражданином, чей стих "воспламенял бойца для битвы", отзыв чьих

... мыслей благородных,

Звучал, как колокол на башне вечевой

Во дни торжеств и бед народных.

("Поэт", 1838 г.)

Эти высказывания Лермонтова о значении поэзии для общественной жизни явились дальнейшим развитием лучших традиций гражданской революционной лирики поэтов-декабристов.

В борьбе за свои идеалы Лермонтов был непреклонен. Ему были чужды колебания; он не знал страха и смело шел своей дорогой, бросая "железный стих, облитый горечью и злостью" в лицо тем, кто стоял на его пути. И никакие гонения царского правительства не могли сломить его неукротимую натуру. Он вправе был сравнить свою волю с клинком кинжала:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,

Как ты, как ты, мой друг железный.

("Кинжал", 1837 г.)

Разнообразность и глубину содержания, эмоциональность, обаяние поэтической красоты, богатство красок, страстный призыв к борьбе за свободу и счастье человека — вот что находили современники в творчестве Лермонтова. И каждый, кто любил и понимал искусство, кто искренне желал процветания русской литературы, восторженно встречал новые произведения поэта. Лермонтов своим творчеством внес великий вклад в русскую культуру. Он оказал огромное влияние на своих современников и на писателей последующих поколений.

IV

Белинский начал знакомиться с творчеством Лермонтова в последние годы московского периода жизни. В это время поэт стал систематически печатать свои произведения. По свидетельству одного современника (Сатина), Белинский еще в 1837 году высоко оценил стихотворение Лермонтова "Смерть поэта", ознакомившись с ним, вероятно, в одном из списков. Когда в 1838 году в печати появилась без имени автора "Песня про купца Калашникова", Белинский, рецензируя поэму Бернета "Елена", сделал специальное примечание, упоминая о "Песне" как о прекрасном стихотворении.

"Не знаем имени автора этой песни, которую можно назвать поэмой, вроде поэм Кириши Данилова, но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование".

Верное художественное чутье не обмануло гениального критика. Каждое новое произведение Лермонтова подтверждало первоначальную оценку и вызывало восхищение Белинского. Лермонтов покорял Белинского высоким художественным достоинством своих произведений. Однако содержание и общая тенденция некоторых стихотворений ("Дума", "Поэт" и другие) никак не могли вписаться в философские рамки Белинского. В этих произведениях не было и намека на примирительное отношение к действительности.

Чем глубже Белинский знакомился с творчеством Лермонтова, тем больше поэт его волновал. То, что создавал Лермонтов, никак не соответствовало общественно-политическим воззрениям Белинского, в это время опиравшимся на реакционную идеалистическую философию.

"Белинского это ужасно мучило... Он видел, что начинающий поэт обнаруживает громадные поэтические силы; каждое новое стихотворение в "Отечественных записках" приводило Белинского в экстаз, — а между тем в этих стихотворениях примирения не было и тени".¹⁷

Другой современник П. Анненков в своих воспоминаниях рассказывал: "Что касается Лермонтова, то Белинский, так сказать, овладел им и входил в его созерцание медленно, постепенно, с насильем над собой... Лермонтов втягивал Белинского в борьбу с собою, которая и происходила на наших глазах".

В этой "борьбе" преимуществу оказались на стороне Лермонтова прежде всего потому, что Белинский имел достаточно сил, чтобы критически отнестись к чуждой "русскому духу" философии.

В письме к Станкевичу от 12 октября 1838 года Белинский говорит: "Когда дело идет об искусстве, и особенно о его непосредственном понимании... — я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел... Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать... что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны".

Таким образом, Белинский в вопросах, связанных с пониманием искусства, чувствовал себя независимым и смело шел своими путями. Зерна, брошенные лермонтовской поэзией в душу Белинского, ложились на благодатную почву.

Уже в 1839 году Белинский стал чувствовать, что в его философских взглядах не все благополучно. Это ему приносило большие моральные страдания.

Жизнь помогла Белинскому найти верный путь.

Осенью 1839 года, измученный бесконечной нуждой и полупнищенским существованием в Москве, Белинский уехал в Пе-

тербург. Его пригласил на работу Краевский — редактор и издатель крупного журнала "Отечественные записки".

Большинство петербургских литераторов встретило Белинского приветливо, но административная столица России произвела на него скверное впечатление. Здесь, в городе знати и высокопоставленных чиновников, особенно остро чувствовался дух российского самодержавия. В письме к Боткину от 16 декабря 1839 года Белинский сообщает, что был в театре два раза, но в третий идти не хочется — "публика — господа офицеры и чиновники... — позор и оскорбление человечества и общества".

В этом же письме появляются уже резкие отзывы о современных порядках, которые обрекают родной народ на страдания: "...чем больше живу и думаю, тем больше кровнее люблю Русь, но начинаю сознавать, что... ее действительность настоящая, начинает приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно — нечеловечески..."

В мировоззрении Белинского началась большая ломка. Она давалась критику нелегко, но каждый новый день подтверждал ему, что единственно правильный выход — как можно скорее порвать с идеалистической философией. Однако для этого нужно было прежде всего полностью понять, в чем заключались ошибки и найти средства для освобождения от них. О душевном состоянии Белинского в эту пору свидетельствует его письмо к Боткину от 9 февраля 1840 года. Прочитав лермонтовское стихотворение "В минуту жизни трудную", Белинский продолжает: "как безумный твердил я дни и ночи эту чудную молитву, — но теперь я твержу как безумный другую молитву:

И скучно, и грустно!.. И некому руку

подать

В минуту душевной невзгоды... —

выписав все стихотворение Лермонтова, Белинский говорит: "эту молитву твержу я теперь потому, что она есть полное выражение моего моментального состояния"¹⁸

Огромное впечатление произвела на Белинского одна из личных встреч с Лермонтовым. Они были уже знакомы и встречались до этого летом 1837 года в Пятигорске, а затем в Петербурге у редактора "Отечественных записок" Краевского. Но эти встречи были непродолжительны, и Лермонтов, редко говоривший с малознакомыми людьми по душам, производил на Белинского неблагоприятное впечатление.

За дуэль с де-Барантом 18 февраля 1840 года Лермонтов был арестован. В апреле к нему на гауптвахту пришел Белинский. Это свидание длилось несколько часов. Панаев, на квартиру которого явился Белинский прямо от Лермонтова, вспоминал, что критик говорил следующее: "Я первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть... боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая тонкая и нежная поэтическая душа в нем!.. Недаром же меня так тянуло к нему".

Эти воспоминания Панаева полностью подтверждаются письмом Белинского к Боткину от 16 апреля 1840 года, где он говорил о Лермонтове.

"Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговаривался с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!.. Я с ним спорил, и мне отраднее было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог! Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве. Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним

робок, — меня давят такие целостные полные натуры, я перед ним благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества..."

Это сердечное, восторженное признание Белинского свидетельствует о силе впечатления от встречи с Лермонтовым. Несомненно, их длительная беседа и спор по вопросам, связанным с искусством и литературой, оставили заметный след в сознании как Лермонтова, так и Белинского. Взаимный интерес к литературной деятельности друг друга еще более обострился.

V

"В Петербурге, с необитаемого острова я очутился в столице, журнал поставил меня лицом к лицу с обществом, — и богу известно, как много перенес я!.. Меня убило это зрелище общества, в котором действуют и играют роли подлецы и дюжинные посредственности, а все благородное и даровитое лежит в *позорном бездействии*¹⁹ на необитаемом острове", — писал Белинский 13 июня 1840 года Боткину. Белинский, еще так недавно оправдывавший действительность, теперь повторял то же, что высказывал Лермонтов в своей "Думе":

Печально я гляжу на наше поколенье!

Его грядущее — иль пусто, иль темно,

Меж тем под бременем познания и сомненья,

В бездействии состарится оно.

Таким образом, вслед за осознанием того, что действительность "возмутительно-нечеловечески" уродлива, Белинский пришел к мысли, что бездействие даровитых людей того времени является позором. Он проходил тот же путь, что и Лермонтов, который еще в юности понял, что жизнь при данных условиях уродлива, и потом начал звать к борьбе за счастье и свободу человека. Только для Белинского этот путь оказался более сложным.

В это время Белинский работал над большой статьей о романе Лермонтова "Герой нашего времени". Статья писалась в период наиболее серьезных сдвигов в мировоззрении Белинского. Однако старые философские убеждения еще не были окончательно сломаны, новая позиция еще не была найдена. Критик и сам, видимо, чувствовал некоторую двойственность своих высказываний. В письме к Боткину от 12 августа 1840 г. он говорит, что "кроткий" тон статьи есть "результат моего состояния духа", но обещает, что в дальнейшем статьи будут лучше потому, что "от теории об искусстве он хочет обратиться к жизни и говорить о жизни".

Когда в 1840 г. Герцен приехал в Петербург, то, не зная еще того, что происходит с Белинским, и помня размолвку с ним в Москве, не желал новой встречи. Но Огарев постарался свести их. По воспоминаниям Герцена Белинский с жаром сказал:

"Ваша взяла: три-четыре месяца в Петербурге меня лучше убедили, чем все доводы. Забудемте этот вздор". И далее Герцен говорит:

"С той минуты и до кончины Белинского мы шли с ним рука в руку.

Белинский, как и следовало ожидать, опрокинулся со всей язвительностью своей речи, со всей неистощимой энергией на свое прежнее воззрение" ("Былое и думы").

К 1841 г. Белинский уже окончательно убедился, что философские системы, на которые он опирался до этого, насквозь фальшивы, что они тянут к реакции и оправданию гнусной действительности. Вот как об этом говорил Белинский в письме Боткину 1 марта 1841 года:

"Я давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов... не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними... Хорошо прусское правительство, в котором мы мним видеть идеал разумного правительства! Да что и говорить — подлецы, тираны человечества! Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель!"

С этого времени Белинский уж не мог равнодушно вспоминать свои заблуждения. Он считал позорной страницей своей жизни период "примирения с гнусной расейской действительностью", а напоминание о статьях "Менцель, критик Гете" и "Очерки Бородинского сражения", написанных им с ошибочных позиций, приводило его в бешенство.

Начался второй этап в развитии мировоззрения великого критика и его литературной деятельности. В этот период Белинский порвал с идеалистической философией, перешел на материалистические позиции в понимании явлений природы и разработал свой диалектический метод, принципиально отличающийся от мистической диалектики Гегеля. В понимании явлений общественной жизни Белинский, восприняв отдельные стороны идей утопического социализма, дополнил их проповедью активной борьбы за свободу. Он стал яростным врагом крепостническо-самодержавной России. Новые общественно-политические и философские взгляды Белинского тотчас же отразились и на его критических работах. Углубляя идею народности искусства, Белинский стал требовать, чтобы оно было идейным; искусство должно отвечать интересам народных масс и активно помогать общественной жизни в борьбе за осуществление революционно-демократических принципов.

Не следует думать, что характерные черты в мировоззрении Белинского второго периода (примерно до конца 1844 г.), о которых шла речь выше, сложились сразу, в течение нескольких месяцев 1841 г. Процесс развития взглядов критика сложен и происходил в более длительный срок, постепенно углубляясь и обогащаясь все новыми чертами. Однако основной перелом воззрений Белинского, которые касались его отношений к действительности, произошел именно в 1840—41 годах.

Опубликованная в журнале "Отечественные записки" в 1841 г. статья Белинского "Стихотворения Лермонтова" отражала в основном новые взгляды критика.

В ней уже нет "кроткого" тона, смущавшего самого Белинского. Это был первый шаг по пути, который несколько лет спустя привел Белинского к написанию знаменитого письма, адресованного Гоголю и названного В.И. Лениным "одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати".

Статьями о Лермонтове начался новый блестящий период деятельности великого критика.

Глава третья

I

Вспоминая отношение Белинского к Лермонтову, Анненков говорил, что критик "носился с каждым стихотворением поэта". И действительно, почти каждое вновь напечатанное произведение Лермонтова вызывало отклик Белинского. Во многих письмах критика, начиная с 1839 года, встречаются взволнованные отзывы, обращение к друзьям с просьбой разделить его восторг, возмущение теми, кто недостаточно восторженно говорил о Лермонтове.

"Стихотворение Лермонтова "Три пальмы" чудесно, божественно. Боже мой! Какой роскошный талант! Право, в нем таится что-то великое..." — пишет Белинский 24 августа 1839 года Краевскому. Спустя месяц в письме из Москвы к Станкевичу критик снова восхищается стихотворением "Три пальмы". "На Руси явилось новое могучее дарование — Лермонтов... Какая образность! — так все и видишь перед собою, а увидев раз, никогда уже не забудешь!... Какая живописность, музыкальность, сила и крепость в каждом стихе, отдельно взятом!" Дарование Лермонтова Белинский называл "дьявольским талантом". "Пиши мне о каждом стихотворении Лермонтова — иначе я не хочу с тобою знать", — требует он от Боткина в письме 1 марта 1840 года.

Белинский в письмах этого периода уже дал ту оценку Лермонтова, которую позднее широко развил в обстоятельных статьях.

Он прежде всего стремился представить себе место поэта в истории русской литературы. В письме к Боткину от 9 февраля 1840 года Белинский писал: "Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника". Эта мысль была высказана Белинским еще до выхода из печати романа "Герой нашего времени" и сборника стихотворений Лермонтова. Спустя несколько месяцев, уже после опубликования романа Лермонтова Белинский более четко высказывает в письме к Боткину от 13 июня мысль о том, что поэт должен занять место продолжателя пушкинских традиций, стать выразителем национального духа русского общества. Говоря о Печорине, Белинский замечает: "Лермонтов великий поэт: он объектировал современное общество и его представителей. Это навело меня на мысль о разнице между Пушкиным и Гоголем как национальными поэтами... Только Пушкин есть такой наш поэт, в раны которого мы можем вложить персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать их. Лермонтов обещает то же".

В статье о "Герое нашего времени" Белинский подчеркнул, что Печорин "это Онегин нашего времени", и тем самым установил преемственность пушкинской традиции в творчестве Лермонтова. Но говоря о Лермонтове как о достойном продолжателе ведущей линии в истории русской литературы, Белинский всегда указывал на то значительное различие, которое заложено в творчестве Пушкина и Лермонтова. "Нет двух поэтов столь существенно различных, как Пушкин и Лермонтов. Пушкин — поэт внутреннего чувства души; Лермонтов — поэт беспощадной мысли и истины. Пафос Пушкина заключается в сфере самого искусства как искусства; пафос поэзии Лермонтова заключается в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности... После Пушкина ни у кого из русских поэтов не было такого стиха, как у Лермонтова, и, конечно, Лермонтов обаян им Пушкину; но тем не менее у Лермонтова свой стих".²⁰

Белинский считал, что спор о том, кто выше: Лермонтов или Пушкин, есть не что иное, как "плод самого смешного детства". Вопрос не в том, чтобы определить, кто выше или ниже, а в том, чтобы объяснить, "в чем именно заключается и великая и слабая сторона того или другого поэта".

Именно с таким мерилom Белинский подошел в своей оценке романа "Герой нашего времени".

Для критика прежде всего нужно было решить основной вопрос: является ли роман Лермонтова по своей идее произведением, которое может быть названо художественным, т.е. подлинным созданием искусства? Исходя из требования, чтобы искусство "показывало нам действительность, как она есть", Белинский приходит к заключению, что роман Лермонтова отвечает этому требованию, следовательно, является произведением "глубоко-нравственным". Значение романа в том, что, отражая

действительность, он "больше скажет нам, больше научит нас, чем все выдумки и поучения моралистов...". В этом, по мнению Белинского, основная сильная сторона "Героя нашего времени". Она выражается в центральном образе романа — Печорине, который является характером, типичным для того времени.

Высоко оценив роман Лермонтова как произведение, отразившее главные пороки современного человека, Белинский остановился на недостатках романа. К разбору слабых сторон "Героя нашего времени" критик подошел в высшей степени тактично, стараясь помочь автору избежать в дальнейшем ошибок. Некоторые страницы статьи Белинского явились как бы продолжением того спора, который вел критик с Лермонтовым при личной встрече в апреле 1840 г., когда поэт сидел под арестом. О своем споре Белинский упоминал в письме Боткину 16 апреля и, насколько можно понять из этих упоминаний, спор касался взглядов на жизнь и отношения субъективных взглядов писателя к художественным образам, которые он создает. В письме, касаясь "Героя нашего времени", Белинский говорил: "Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой жизни, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь". Подобные выводы Белинский мог сделать только в результате длительной личной беседы. Мысль, высказанная в письме, нашла свое отражение в статье о "Герое нашего времени". Конечно, критик был далек от примитивного утверждения, что в образе Печорина Лермонтов изобразил себя, но он находил, что автор не сумел стать выше своего героя, совершенно отделиться от него и взять на себя миссию объективного судьи его пороков и достоинств. В "субъективности" Лермонтова Белинский увидел его ограниченность, но далее критик продолжает: "Мы убеждены, что никто не может видеть в словах наших желание выставить роман г. Лермонтова автобиографией. Субъективное изображение лица — не есть автобиография..."

В манере Лермонтова изображать своих героев сквозь призму собственных взглядов, чувств и настроений Белинский видел слабость романа, но одновременно и его поэтическую силу. В этом нет противоречий, т.к., по мнению Белинского, элементы субъективности делают роман произведением, которое "поражает удивительным единством ощущения".

В статье о "Герое нашего времени" Белинским была развита очень интересная мысль о том, что Печорина нельзя рассматривать как человека, который все пережил, ко всему охладил и морально мертв. В таком представлении образ Печорина оказался бы некой разрушительной силой. Он мог быть понят как образ, отображающий безвыходность положения, к которому пришло общество. Это было бы, конечно, неверным. Поэтому Белинский указывал, что в Печорине с его характерными чертами выразился переходный момент в развитии общества, момент, который по-своему является необходимым. "Это переходное состояние духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет, и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем". Несмотря на то, что в Печорине слишком много пороков, он несет в себе и положительное начало, которое может развиваться в будущем. "Дух его созрел для новых чувств и новых дум", но, оставаясь в старых условиях жизни и не умея применить свои нравственные силы в деятельности, Печорин был обречен на страдания.

Таким истолкованием образа Печорина Белинский опережал во взглядах и Лермонтова, который, быть может, не понимал еще, что его обличительное творчество, его отрицание существующего порядка вещей не должно звучать только как погреб-

бальный звон современному поколению. Оно должно утверждать начало нового, нести в себе элементы созидания будущей жизни. Об этом же Белинский говорил Лермонтову во время их свидания в апреле 1840 года. "Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: дай бог!" (Из письма Боткину).

Указав на недостатки романа Лермонтова, Белинский заканчивает свою статью следующей оценкой: "...повесть насквозь проникнута поэзией, исполнена величайшего интереса. Каждое слово в ней так глубоко знаменательно; самые парадоксы так поучительны, каждое положение так интересно, так живо обрисовано! слог повести — то блеск молнии, то удар меча, то рассыпающийся по бархату жемчуг!"

В заключение необходимо отметить и недостатки самой статьи Белинского о "Герое нашего времени". В ту пору, когда статья писалась, критик только вступил еще на путь преодоления воздействия на него идеалистической философии. Хотя в статье нет прямого призыва к примирению с действительностью и, истолковывая образ Печорина, Белинский говорит о его пороках как о результате воздействия действительности, тем самым признавая ее отрицательное влияние, однако далее ряд высказываний критика показывает, что к действительности он еще относится как к явлению закономерному, исторически необходимому, а следовательно, имеющему право на существование. "Всякий современный человек... как бы ни был дурен, не может быть дурен, потому что нет дурных веков, и ни один век не хуже и не лучше другого, потому что он есть необходимый момент в развитии человечества или общества".

Отзвуки созерцательного отношения к действительности, умиротворенного понимания результатов борьбы противоположностей сказались и в оправдании Белинским гибели Бэлы. "Смерть черкешенки не возмущает вас безобразным и тяжелым чувством, ибо она явилась не страшным скелетом, по произволу автора, но вследствие разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась светлым ангелом примирения". Такое заключение критика могло последовать только в результате еще неизжитых им идеалистических взглядов.

Критик не подверг анализу причины, которые породили тип Печорина. Белинский только отмечал, что жизнь создала Печоринских "героев нашего времени". Для Белинского это был, конечно, шаг вперед по сравнению с его взглядами предыдущих лет. Однако без раскрытия социальных причин, породивших Печорина, статья приобрела несколько отвлеченный характер. Этот недостаток работы Белинского в свое время был отмечен еще Чернышевским в "Очерках гоголевского периода".

"Почти исключительно с художественной точки зрения рассматривается и "Герой нашего времени". Белинский замечает, что Печорин порожден отношениями, в которых совершается развитие его характера, что он дитя своего общества, но этим сказанным вскользь замечанием и ограничивается он, не вдаваясь в объяснение вопроса о том, почему именно такой, а не другой тип людей производится нашею действительностью".

Высказывания Белинского о "Герое нашего времени" не ограничились только большой статьей 1840 года. Почти о каждом последующем издании романа Лермонтова критик давал отзывы. Свою рецензию на второе издание романа в 1841 году Белинский начал с известия о гибели поэта. "Горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова" встречает Белинский новое издание романа.

В рецензиях Белинского была не только оценка "Героя нашего времени". Рецензии одновременно служили оружием в борьбе с дворянскими реакционными критиками вроде Сенковского, Шевырева, и др., которые всячески старались исказить смысл блестящего романа великого писателя. Белинский каждый раз разоблачал "критиканов" и показывал, в чем сущность их реакционных высказываний.

В рецензии 1844 года Белинский, говоря о "Герое нашего времени", указывал: "Вот книга, которой суждено никогда не состариться, потому что, при самом рождении ее, она была вспырызнута живою водою поэзии! Эта старая книга всегда будет нова".

Предсказание Белинского сбылось. Роман Лермонтова на века вошел в сокровищницу великой русской литературы.

II

Статья Белинского "Стихотворения М.Ю. Лермонтова" (1841 г.) знаменовала собой новый значительный шаг вперед. Великого критика волновали вопросы социальные, философские, эстетические, и он посвятил многие страницы своей новой работы тому, чтобы выяснить взаимоотношения человека с обществом, найти место поэта в обществе, установить связь искусства с жизнью, определить сущность поэзии. Одновременно Белинский высказывал и свои взгляды по вопросу понимания человеческих чувств любви к родине. Критик предположил непосредственному разбору стихотворений Лермонтова целый комплекс теоретических установок, которые должны были знаменовать его новую общественно-политическую и философско-литературную позицию.

Каковы же главные черты этой позиции?

"Неисчислимы и разнообразны предметы мира, но в них есть единство, и все они — частные явления общего", — говорит Белинский на первых страницах статьи. Человек есть лишь частное проявление общечеловеческого, он существо общественное и вне общества теряет свои характерные черты. "И потому, в ком больше общего, тот больше и живет; в ком нет общего — тот живой мертвец". Раз человек неразрывно связан со средой его окружающей, то он и жить должен ее интересами. "Как бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека... — она не полна, если не усвоит в свое содержание интересов внешнего ей мира, общества и человечества".

Исходя из предпосылки неразрывной связи человека с обществом, Белинский приходит к заключению, что "всякая благородная личность глубоко сознает свое кровное родство, свои кровные связи с отечеством". Понятие патриотизма Белинский толкует как глубокое искреннее чувство любви к народу и родине. Критик высмеивает "квасной патриотизм" русских реакционеров, называя его "китаизмом". Это замечание о "квасном патриотизме" было направлено против официальной проповеди "православия, самодержавия и народности", широко распространенной на страницах дворянско-монархических журналов. Белинский говорит: "Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому".

Подлинная любовь к родине зовет человека к разумной деятельности, она не может ограничиться созерцательностью, она проявляется в действии. Эту мысль Белинский подчеркивает дважды: "Можно не любить и родного брата, если он дурной человек, но нельзя не любить отечество, какое бы оно ни было:

только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования..."

Уяснив, таким образом, взаимосвязь человека с обществом, Белинский затем задает вопрос: а что же такое поэзия или вообще искусство?

"Поэзия есть выражение жизни, или лучше сказать сама жизнь", — говорит Белинский и затем, предполагая возможный вопрос читателя: для чего нужна еще поэзия, если она "сама жизнь", критик на многочисленных примерах показывает специфику искусства. Оно отличается от жизни тем, что воспроизводит действительность в ее типичных явлениях, наиболее характерных, отбрасывая все второстепенное и лишнее. "Весь мир, все цветы, краски и звуки, все формы природы и жизни могут быть явлениями поэзии; но сущность ее — то, что скрывается в этих явлениях, живет их бытие, очаровывает в них игрою жизни. Поэзия — это биение пульса мировой жизни, это ее кровь, ее огонь, ее свет и солнце".

Говоря далее об отношении художника к действительности, Белинский приходит к очень важному выводу. Этот вывод дает представление о тех огромных сдвигах, которые произошли в мировоззрении критика. Подлинный художник, писатель, поэт, воспроизводя действительность, должен отбрасывать все то, что не является разумным, передовым, ведущим к прекрасной цели. Произведение искусства становится тем художественнее, чем сильнее выражена в нем разумная мысль. Белинский опять вспоминает формулу Гегеля, но теперь делает к ней существенную оговорку.

"Что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно: это великая истина; но не все то действительно, что есть в действительности, а для художника должна существовать только разумная действительность. Но в отношении к ней он не раб ее, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в нее свои идеалы и по ним преображает ее".

В этой формулировке была заложена важная мысль, которая позднее была развита шире и стала одной из главных в эстетических взглядах Белинского. Великий критик начал борьбу за идейность искусства, его активность в общественной жизни. Искусство получало свое законное толкование как острое оружие социальной борьбы. Менялся и взгляд Белинского на писателя, от которого он требовал теперь не бесстрастного воспроизведения действительности, а разумного истолкования ее, в соответствии с теми задачами, которые помогают преобразовать жизнь для лучшего будущего.

Писатель должен быть неразрывно связан с обществом, в котором он живет и которому служит. "Чем выше поэт, — говорит Белинский, — тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем сильнее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества".

Таковы вкратце взгляды Белинского в эту пору на общество, на искусство и художника, выраженные в статье "Стихотворения М.Ю. Лермонтова".

В суждениях критика появился ряд принципиально новых положений. Во-первых, давая глубокое истолкование понятия патриотизма, Белинский утверждает, что человек должен не "созерцательно" любить родину, а бороться за осуществление идеалов. Этим утверждением критик окончательно рвал с теорией "примирения". Во-вторых, углубляя свое теоретическое обоснование реализма, за укрепление которого он боролся, начиная с "Литературных мечтаний", критик внес в него существенное дополнение. Белинский теперь говорит, что художник обязан воспроизводить только разумную действительность, помогая ее развитию своим творчеством. И, наконец, в статье на-

шла место одна из первых формулировок мысли о неразрывной связи писателя с обществом.

В статье "Стихотворения М.Ю. Лермонтова" новые взгляды Белинского еще не до конца выглядят как совершенно четко разработанная система. Критик, например, высказывает порою противоречащие друг другу положения по определению цели искусства в общественной жизни. Однако в целом теоретическая часть статьи свидетельствует о колоссальном идейном росте Белинского. Характерно, что отдельные ошибочные высказывания в начале статьи никак не отразились на практическом разборе стихотворений Лермонтова. Все новое, изложенное Белинским в этой работе, было значительно углублено и развито в его дальнейшей литературно-критической деятельности.

Изложив свои теоретические взгляды, которые "легко приложить к поэзии Лермонтова", Белинский перешел к рассмотрению стихотворений.

Весь план разбора стихотворений Белинским был тщательно продуман, и каждая часть этого плана соответствовала теоретическим установкам критика. Все двадцать восемь произведений поэта, помещенные в сборнике, Белинский подразделил на три основные группы.

В первой группе оказались стихотворения, которые по теме и своему духу откликнулись на вопросы общественные. К ним Белинский отнес "Бородино" и "Песню про купца Калашникова".

Основная идея стихотворения "Бородино" — это "жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел". В поэме о купце Калашникове Лермонтов предстает как истый художник, сумевший воспроизвести национальные черты русского народа. По мнению Белинского, в этом главная сила поэты. "Поэма Лермонтова — создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное". Лермонтов показал "родство своего духа с духом народности своего отечества, показал, что прошедшее его родины так же присуще его натуре, как и ее настоящее".

Во вторую группу Белинский отнес стихотворения, в которых элементы "субъективности" сказались особенно сильно. Однако, давая определение субъективности поэтов, Белинский делает особую оговорку: "Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество. И потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свое и видит в нем не только поэта, но и человека, брата своего по человечеству". У такого поэта не узко личные, интимные переживания становятся предметом его поэзии, а чувства и переживания его класса, общества, представителем которого он является. К таким поэтам принадлежит и Лермонтов. "По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества".

Такие стихотворения второй группы, как "Дума", "Поэт", "Не верь себе", "Первое января", "И скучно, и грустно", "Журналист, читатель и писатель", являются произведениями, в которых переживания поэта в связи с раздумиями о судьбе современного поколения поднялись до огромных обобщений и выразили чувства и устремления наиболее прогрессивно мыслящих людей того времени. Горькие истины, суровая критика строгого судьи, негодование благородного сердца, тоска о лучшей доле — вот что было в этих произведениях Лермонтова. И Белинский правильно понял причины, породившие эти стихи, он увидел в поэзии Лермонтова огромную силу обличения и отрицания существующего порядка вещей, силу, которая, разрушая насто-

ящее, вызовет к жизни все лучшее молодое, — то, что принадлежит будущему.

"Это не смерть и даже не старость мира, как думает старое поколение, которое в своей молодости так беззаботно пило и ело, так весело плясало, так бессознательно наслаждалось жизнью. Нет, это не смерть и не старость... Это только болезненный кризис, за которым должно последовать здоровое состояние, лучше и выше прежнего".

Все стихотворения этого цикла были оценены Белинским очень высоко. Касаясь, например, "Думы", он писал:

"Какая верная картина! Какая точность и оригинальность в выражении!.. Эти стихи писаны кровью! Они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснее физической смерти!.."

Читая эту оценку, невольно приходится вспомнить другое высказывание Белинского о стихотворении "Дума". Еще в 1839 году, как только в "Отечественных записках" появились "Дума", "Поэт" и др. стихотворения Лермонтова, Белинский, сообразно своим "примирительным" воззрениям того времени, писал: "Дума" — энергическое, могучее по форме, хотя и прекраснотушное несколько по содержанию стихотворение". Подобная оценка тогда была дана и стихотворению "Поэт". Под термином "прекраснотушное" Белинский разумел произведения, в которых гневный пафос обличения, порыв к чему-то лучшему, тоска о прекрасном, носили, как ему казалось, характер бессильных мечтаний. Но сдвиги, происшедшие в общественно-политических и философских взглядах Белинского к 1841 году, изменили и его воззрение на искусство.

К третьей группе Белинский отнес ряд "чисто — художественных стихотворений Лермонтова, в которых личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни". Это такие стихотворения, как "Русалка", "Дары Терека", "Три пальмы", "Казачья колыбельная песня" и др. В заключение Белинский рассматривает поэму "Мцыри", в которой создан образ человека с "огненной душой". "Что за исполинская натура у этого "Мцыри", — восклицает Белинский.

На основании разбора книги Белинский приходит к следующим выводам: "Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, мы видим в них все силы, все элементы, из которых складывается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе все живет". Белинский заканчивает статью о Лермонтове предсказанием: "...и уже недалеко то время, когда имя его в литературе делается народным именем".

Это гениальное предсказание великого критика сбылось. Имя Лермонтова — поэта-патриота, поэта — бойца, поэта, страстно любившего свой народ и желавшего ему лучшей счастливой жизни, — бесконечно дорого каждому гражданину нашей свободной социалистической родины.

III

Мировоззрение Белинского как революционного демократа, философа и социолога, как крупнейшего русского критика, публициста и историка литературы складывалось в непрерывной борьбе. Вся жизнь великого критика — это напряженная, ожесточенная борьба с идейными врагами как в области общественно-политических взглядов, так и по вопросам эстетики. Даже в краткий период так называемого "примирения с действитель-

ностью" Белинский продолжал быстро развиваться именно в борьбе по преодолению собственных заблуждений, порожденных реакционной идеалистической философией. Всегда искренний, ожесточенный, пламенный боец, когда дело касалось принципиальных вопросов, Белинский не щадил себя и все свои силы отдавал любимому делу.

"Как скоро дело коснется до моих задушевных убеждений — тут давай мне кафедру и толпу народа... и слова, полные жара и силы, рекою польются с языка моего". Это его духовный облик. Пламенные речи и статьи Белинского зажигали современников своею страстностью и глубиной верой в правоту того дела, за которое боролся критик. Они разрушали все старое, ломали обветшалые убеждения и расчищали путь для молодого, растущего, прогрессивного. Влияние Белинского было огромным не только на его современников, но и на последующие поколения.

Испытал на себе воздействие взглядов Белинского и Лермонтов. Их взаимное личное и творческое общение длилось немногим более года. За это время они успели проделать большой путь, сближаясь в своих идейных и литературных взглядах. Не приходится сомневаться, что в дальнейшем они бы оказались в одном лагере и плечом к плечу, как равные товарищи, боролись бы с реакцией. Но 27 июля 1841 года, не дожив еще до 27-летнего возраста, Лермонтов трагически погиб на дуэли.

В последний год жизни великого поэта ясно наметились некоторые сдвиги в его литературных взглядах, о чем свидетельствует авторское предисловие ко второму изданию "Героя нашего времени". Эти сдвиги произошли, несомненно, под влиянием высказываний Белинского.

Роман Лермонтова "Герой нашего времени" реакционной критикой был встречен злобными нападками. В этом особенно отличались Бурачек, возглавлявший мракобесный журнал "Маяк", Сенковский в журнале "Библиотека для чтения" и Полевой на страницах журнала "Сын отечества". Белинский в равной степени вел борьбу как против злобного реакционера Бурачка, так и Полевого, когда-то прогрессивного деятеля, но позднее скатившегося в лагерь реакции.

Всем этим спорам критики вокруг "Героя нашего времени" как бы подвел итог сам Лермонтов. Для второго издания своего романа он написал предисловие. "Оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики", — указывал Лермонтов. Далее поэт высмеивает авторов, высказывавших примитивные взгляды на Печорина. "Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка!"

Один из главных тезисов статьи Белинского о том, что Печорин есть образ типичный, Лермонтов полностью подтвердил. "Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии". Это утверждение Лермонтова интересно не только тем, что оно полностью совпадает со взглядами Белинского. Оно явилось и ответом на один из основных упреков, сделанных критиком. Белинский в своей статье очень тонко и тактично указывал, что субъективность в художественном создании есть проявление слабости, некоторой ограниченности автора. Писателю необходимо отделиться от своего героя и стать выше него. Лермонтов, теперь подтверждая типичность Печорина, тем самым окончательно порывал со своим героем, стараясь стать на позицию

объективного судьи его пороков и достоинств. Это был шаг вперед в развитии литературных взглядов поэта.

Белинский указывал, что в образе Печорина отразился переходный момент развития русского общества, что обличительный характер всего романа играет положительную роль, вскрывая недостатки современности и тем самым намечая вехи дальнейшего пути. Белинский видел во взглядах Лермонтова "на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого".

Лермонтов, уловив эту важную мысль критика, оценивает в авторском предисловии свой роман как произведение, которому надлежит сыграть не только обличительную роль. "Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями, у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины". Этим утверждением Лермонтов присоединился к мнению Белинского. Он согласился с тем, что его роман может играть роль "горького лекарства", хотя и такого, которому еще не суждено излечить больного. Миссию врача, лечащего людские пороки, Лермонтов и не хотел брать на себя. "Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!" — говорит он в заключении предисловия.

В то время, когда Лермонтов писал эти строки, ни он, ни Белинский еще не имели четко сформулированной программы борьбы за устройство такого общества, где люди, подобные Печорину, исчезли бы. Они только видели все уродство, "гнусность расейской действительности" и понимали, что борьба с ней необходима. Лермонтов помог Белинскому осознать это, а критик помог поэту увидеть в своем творчестве огромную общественную силу.

В этот переломный момент оборвалась жизнь Лермонтова. Белинский двинулся в своем развитии дальше. С 1841 года он перешел на позиции материализма в области философии и истолкования искусства, он звал русское общество на борьбу с самодержавием. С этого времени Белинский пошел по революционно-демократическому пути.

За несколько месяцев до смерти, в начале февраля 1841 года, Лермонтов вернулся с Кавказа в Петербург. Он хлопотал об отставке из армии с целью полностью отдаться литературному труду. У него были большие творческие замыслы. "Уж затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества", — вспоминал позднее Белинский о Лермонтове. Но этим великим замыслам не суждено было осуществиться...

Вскоре после приезда Лермонтова в Петербург из печати вышла вторая книжка журнала "Отечественные записки", в которой была опубликована статья Белинского о стихотворениях Лермонтова. Поэт на один из основных тезисов критика о кровной связи писателя с народом, о подлинном патриотизме как бы ответил своим знаменитым стихотворением "Родина".

**Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой...
Ни темной старины заветные преданья...
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...**

В строках этого стихотворения — беспредельная любовь к русскому народу, к великой русской земле.

Белинский, узнав об этом стихотворении, сообщал в письме: "Если будет напечатана его "Родина", — то, Аллах-керим, что за вещь — пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских".

Но Лермонтов уже не увидел свое стихотворение на страницах журнала. Лермонтов погиб, оставив потомкам сокровище своего творчества, рожденное горячим сердцем поэта-бойца, поэта-патриота.

Белинский ненадолго пережил своего великого современника. Но в эти годы он создал свои лучшие литературно-критические работы, которые сделали имя его бессмертным. Все последние годы жизни, все свои силы он отдал борьбе за счастье народа, за новую Россию, "стоящую во главе образованного мира". Эта новая Россия — страна свободного советского народа, страна победившего социализма, с чувством глубокой любви вспоминает имена Белинского и Лермонтова. Строя новую жизнь и новую культуру, советский народ тщательно изучает их литературное наследие, ибо в нем одна из золотых страниц истории борьбы нашего народа за свободу и счастье.

Пятигорск, 1948 год

Летопись жизни и деятельности Белинского и Лермонтова

- 1811 год.** 3 июня в Свеаборге родился Белинский.
1814 год. 15 октября в Москве родился Лермонтов.
1815 год. Семья Лермонтовых переехала в Тарханы, Чембарского уезда, Пензенской области.
1816 год. Семья Белинских переехала в Чембар, Пензенской области.
1825 год. Белинский поступил учиться в Пензенскую гимназию. Летом бабушка возила Лермонтова на Кавказ.
1827 год. Осенью Лермонтова перевозят в Москву для учебы.
1828 год. Лермонтов поступил осенью в Университетский пансион. Начинает писать стихи. Созданы первые поэмы: "Черкесы" и "Кавказский пленник".
1829 год. Белинский переехал в Москву, осенью поступил в университет.
1830 год. Лермонтов поступил в Московский университет.
1830—31 гг. Белинский пишет трагедию "Дмитрий Калинин". Лермонтов создает около 200 стихотворений, несколько поэм и драм, среди которых драма "Станный человек".
1832 год. Июнь. Лермонтов покидает университет. Сентябрь. Белинский исключен из университета.
1834 год. В "Молве" опубликованы "Литературные мечтания" Белинского. Лермонтов окончил военную школу в Петербурге.
1835 год. Опубликована статья Белинского "О русской повести и повестях Гоголя". Напечатана поэма Лермонтова "Хаджи-Абрек".
1836 год. Осенью закрыт журнал "Телескоп". Белинский остался без работы.
1837 год. Летом Белинский и Лермонтов знакомятся в Пятигорске. Здесь они проводят все лето.
1838 год. Белинский начинает работу в журнале "Московский наблюдатель". Лермонтов публикует "Песню про купца Калашникова", высоко оцененную Белинским.
1839 год. В печати появились отдельные новеллы из романа "Герой нашего времени" Лермонтова, а также

1840 год.	его стихотворения "Дума", "Поэт", "Три пальмы", "Дары Терека" и др. Осень. Белинский переехал в Петербург для работы в журнале Краевского "Отечественные записки". В начале года вышел из печати роман "Герой нашего времени". За дуэль с де-Барантом Лермонтов арестован. В апреле его навещил Белинский. Летом опубликована в "Отечественных записках" статья Белинского о "Герое нашего времени". Осенью из печати вышел сборник "Стихотворения М.Ю. Лермонтова".	1845 год.	Напечатаны девятая в десятая статьи о Пушкине, статья "Русская литература в 1844 году" и др.
1841 год.	В журнале "Отечественные записки" опубликована статья Белинского о стихотворениях Лермонтова. 27 июля Лермонтов убит на дуэли в Пятигорске.	1846 год.	Опубликована последняя статья о Пушкине. Весной Белинский уходит из журнала "Отечественные записки". Летом вместе с московским актером Щепкиным Белинский уезжает в Крым. С осени Белинский начинает работу в журнале Некрасова и Панаева "Современник". Статьи Белинского о Кольцове, Полевом, о "Петербургском сборнике" и др.
1842 год.	Опубликована статья Белинского "Похождения Чичикова, или Мертвые души".	1847 год.	Май. Белинский уезжает за границу лечиться. Июль. Белинский в Зальцбрунне пишет знаменитое письмо Гоголю. В журнале "Современник" опубликована статья "Взгляд на русскую литературу 1846 года".
1843 год.	Опубликованы первые четыре статьи Белинского о Пушкине. Белинский женился на М.В. Орловой.	1848 год.	В первом номере "Современника" опубликована статья Белинского "Взгляд на русскую литературу 1847 года". Май. Ухудшение здоровья Белинского. 7 июня. Смерть Белинского. Великий критик похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

Примечания

- ¹ В.И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 341.
- ² Газета "Сталинское знамя", 1939, № 187.
- ³ Л. Бродский М.Ю. Лермонтов. Биография. 1945, стр. 43.
- ⁴ Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной — 1829 г.
- ⁵ Панорама Москвы — 1831 г.
- ⁶ Л. Бродский. "М.Ю. Лермонтов", стр. 121.
- ⁷ Маркс и Энгельс. Соч., т. 16, ч. II, стр. 24.
- ⁸ А.И. Герцен. О развитии революционных идей в России. — СПб., 1907, стр. 101.
- ⁹ Из воспоминаний П. Вистенгофа.
- ¹⁰ Из воспоминаний Г. Головачева.
- ¹¹ "Библиотека для чтения", 1859г., № 12.

- ¹² Воспоминания Г.Г. "День", 1863 г., № 42.
- ¹³ Л. Бродский. "М.Ю. Лермонтов". Т. I, 1945 г., стр. 295—296.
- ¹⁴ Друг Белинского с 1829 г. Позднее — известный профессор-санскритолог.
- ¹⁵ Журнал "Вопросы философии". 1947 г., № 1, стр. 214.
- ¹⁶ Журнал "Большевик", 1946, № 1, стр. 63.
- ¹⁷ Из воспоминаний И. Панаева.
- ¹⁸ Те. состояния в данный момент. — Д.Г.
- ¹⁹ Курсив мой. — Д.Г.
- ²⁰ "Библиографические и журнальные известия" — 1843 г.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Гиреев Д.А. Белинский и Лермонтов. — Пятигорск: Издание Государственного музея "Домик Лермонтова", 1948.

1958

Поэма М.Ю. Лермонтова "Демон"

От автора

Поэма "Демон" по праву занимает видное место не только в творческом наследии Михаила Юрьевича Лермонтова, но и во всей классической русской литературе XIX века. В насыщенных философским содержанием образах этой поэмы нашли свое воплощение наиболее существенные черты идейных устремлений и художественного мастерства великого русского поэта. По меткому определению В.Г. Белинского, поэма заключает в себе "миры истин, чувств, красот".

Волевой, мужественный характер поэзии Лермонтова отчетливо определил А.М. Горький, отметив, что в "стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты, почти незаметные у Пушкина, это жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь".¹ Именно в "Демоне" — произведении, волновавшем поэта всю его творческую жизнь, — особенно сильно выражены действенные и мятежные устремления. Вот почему исчерпывающий анализ поэмы, ее глубокое, верное истолкование — чрезвычайно важный момент в оценке всего творческого наследия поэта. История русской критики и литературоведения дает богатый материал, свидетельствующий о напряженной борьбе, которая развернулась вокруг поэмы "Демон" еще в прошлом веке. В оценке этого сложного произведения скрещивались различные взгляды, полностью отражавшие общественно-политическую позицию того или иного автора.

Советское литературоведение внесло крупный вклад в изучение жизни и творчества Лермонтова. Правда, о "Демоне" написано сравнительно меньше, чем о других, иногда не столь значительных произведениях того же автора, но все-таки изучению этой поэмы уделялось внимание в работах С.А. Андреева-Кривича, И.Л. Андроникова, Н.Ф. Бабушкина, Н.Л. Бродского, В.А. Мануйлова, А.Н. Михайловой, С.В. Шувалова, Б.М. Эйхенбаума и других.

Большое внимание советские исследователи "Демона" уделяли вопросам текстологии, творческой истории и стилистическому анализу поэмы. Однако и эти проблемы до сих пор нельзя считать решенными. Особую сложность представляет вопрос о тексте поэмы "Демон". Принятый в советских изданиях текст поэмы вызвал немало критических замечаний. Он представляется во многом спорным, хотя бы уже потому, что ни в одном списке, восходящем к подлинно лермонтовским источникам, такой редакции нет. Споры о так называемом каноническом тексте поэмы "Демон" продолжаются и в настоящее время.² Они представляют большое практическое значение.

Вот почему следует во всей широте с привлечением всех имеющихся в нашем распоряжении материалов пересмотреть вопрос о каноническом тексте "Демона", то есть о тексте, который должен быть положен в основу массовых советских изданий Лермонтова.

Автор отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение проблем, поставленных в настоящей работе. Вполне возможно, что для их окончательного решения потребуются усилия еще многих исследователей.

В заключение приношу глубокую благодарность ленинградским литературоведам П.Н. Беркову, А.М. Докусову, Л.Н. Назаровой и В.А. Мануйлову, я также доценту Северо-Осетинского пединститута Б.И. Кандиеву, которые своими чрезвычайно содержательными и ценными замечаниями помогли автору в его работе над этой книгой.

Введение

1. Русская критика о поэме "Демон"

В.И. Ленин неоднократно указывал, что во всяком досоциалистическом обществе есть культура, созданная эксплуататорскими классами и служащая их интересам, и есть передовая, прогрессивная культура, которая служит делу освобождения народа от эксплуатации. В.И. Ленин писал:

"Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова".³

Только в свете ленинского учения о двух национальных культурах возможно правильно понять смысл высказываний русской критики о поэме "Демон", — произведении, проникнутом свободолобивыми мотивами. В оценке поэмы "Демон" скрещивались различные взгляды, и классовую позицию автора той или иной работы можно определить без особых затруднений.

О поэме "Демон" уже накопилась обширная критическая литература. Она затрагивает как вопросы содержания, так и вопросы текстологического характера. Вся эта литература далеко не одинаково ценна. Особенно много путаницы, совершенно неверных, идеалистических трактовок высказали авторы статей, занимавшиеся литературно-художественным анализом поэмы.

Современники Лермонтова знакомились с поэмой по рукописным копиям, которые уже при жизни поэта распространялись в многочисленных экземплярах, различных по своему тексту. Как воспринимали поэму "Демон" современники Лермонтова?

Об этом мы можем судить лишь по некоторым, весьма немногочисленным, высказываниям и документам.

Едва ли не самой ранней оказалась оценка А.Н. Муравьева. В конце 1834 года, прочитав поэму "Демон", он был изумлен "живостью рассказа и звучностью стихов", о чем не преминул сообщить Лермонтову при личном знакомстве.⁴

Широкую известность поэма стала приобретать в 1838—1839 годах. В это время она распространялась в многочисленных списках. О ней говорили в Петербурге.

Можно было бы предполагать, что А.П. Шан-Гирей — близкий друг и родственник Лермонтова, на глазах которого прошло несколько лет жизни и творчества поэта, — глубже, чем кто-либо, должен был понимать произведения своего друга. Однако если Шан-Гирей в своих мемуарах сумел сообщить много интересных фактов из жизни поэта, то как истолкователь творчества Лермонтова он оказался не на высоте положения.

В своих воспоминаниях Шан-Гирей пишет:

"Мы часто в последнее время говорили с Лермонтовым о Демоне. Бесспорно, в нем есть прекрасные стихи и картины... Без сомнения, явись в печати, он должен был иметь успех, но мог возбудить и очень строгую рецензию. Мне всегда казалось, что "Демон" похож на оперу с очаровательнейшей музыкой и пустейшим либретто. В опере это извиняется, но в поэме не так... В Демоне видна одна цель — написать несколько прекрасных стихов и нарисовать несколько прелестных картин дивной кавказской природы, это хорошо, но мало..."⁵

Ни глубокого идейного содержания поэмы, ни самобытности Лермонтова как художника Шан-Гирей, к сожалению, не понял. Ему показалось странным, что развитие сюжета и образов в поэме идет не по существующим литературным традициям. Шан-Гирей даже советовал Лермонтову переделать поэму и показать, что Демон прямо хочет "погубить душу святой отшельницы". Поэт, видимо, скептически отнесся к советам друга и переделывать поэму не стал.⁶

Среди современников Лермонтова оказались и такие люди, которые находили поэму чем-то забавным, шуточным, могущим вызывать только улыбку. Примером этого поверхностного отношения к поэме может служить высказывание А.А. Елагина. В письме к семье из имени Петрищево Елагин сообщил 5 января (1842 года):

"Я писал уже к вам, что здесь появилась Лермонтова поэма "Демон" в двух песнях. Хотел было списать ее для вас, но она показалась мне в целом, не скажу слабою, потому что много блестящих описаний, но посредственной; к тому ж список неверен, есть много без всякого смысла. Вот в чем дело. Дьявол от скуки отправился странствовать в пространствах небесных и случайно пролетал над Кавказом и Грузиею в то время, когда молодая и прекрасная грузинка, ожидая жениха, плясала на кровле отцовского лома. Дьявол увидел и влюбился..."⁷

В таком же стиле Елагин передает содержание всей поэмы, приводя порою в качестве иллюстрации довольно большие отрывки. Елагин стоял близко к литературным кругам Москвы, но его понимание поэмы "Демон" несколько не поднялось над общим уровнем салонного истолкования темы и образа героя. В его наивном представлении Демон был разновидностью традиционного дьявола-искусителя. Один из главных недостатков поэмы Елагин видел в том, что она не имеет "звучных имен".

Некоторые современники Лермонтова воспринимали поэму в противоположном ее подлинному значению смысле. Об этом свидетельствует следующая запись, сделанная в конце тетради владельцем одного из списков поэмы "Демон":

"Прекрасно! Душа Тамары не должна была оставаться в руках Демона; она принадлежала христианке, которая прежде должна предстать суду бога... Тамара только по определению божию, а не дьявольскому, должна быть в раю или в аду".⁸

Автор этой заметки серьезно рассуждал о том, по каким путям должна отправиться душа Тамары. Он совершенно не понимал богоборческого характера поэмы.

Во второй половине пятидесятих годов XIX века в свет вышел ряд изданий поэмы "Демон" на русском языке за границей, в 1859 году были опубликованы в России юношеские тетради Лермонтова с первыми очерками поэмы и, наконец, в 1860 году поэма впервые появилась в России полностью. Все эти издания вызвали ряд рецензий и критических статей. Наиболее ярким выразителем взглядов дворянско-либеральной критики на творчество Лермонтова в шестидесятые годы оказался А.Д. Галахов. По его мнению, образ Демона представляет лишь один из вариантов в галерее лермонтовских героев. Далее Галахов ставит следующие вопросы: 1) или автор выводил современного ему человека, ставшего героем эпохи, 2) или в образах, созданных Лермонтовым, поэт выводил себя, свой характер, 3) или сливал первое со вторым?

После довольно пространный разбор произведений Лермонтова, Галахов так отвечает на поставленные вопросы:

"...Он сам (Лермонтов. — Д.Г.) является в созданных им лицах, они зеркало его самого, и он сам — верное их отражение или воспроизведение".⁹

Итак, критик считал, что в произведениях Лермонтова создан родственный образ, отразивший самого автора. Однако, хотя в образе лермонтовского героя отразился автор, черты его характера не являются природными, национальными, русскими. Они пришли к Лермонтову от Байрона, под влиянием которого поэт находился, а затем попали в его произведения, в том числе и в поэму "Демон". В конце статьи Галахов говорит, что, перейдя в лермонтовские произведения, байронические характеры лишь "подпали действию известной эпохи" и некоторому собственному национальному влиянию.

Такова позиция Галахова. Его статьи отказывали Лермонтову в самобытности и низводили великого русского поэта до ранга простого подражателя образцам Запада.

После Галахова утверждение о заимствованиях повторялось в различных вариантах Дудышкиным¹⁰, В. Карелиным¹¹ и особенно широко В. Спасовичем в его статье "Байронизм у Пушкина и Лермонтова"¹². Последний утверждал, что не будь Байрона — Лермонтов не стал бы великим поэтом, и вся его заслуга заключается в том, что он в своем творчестве удачно сумел "перестроить" Байрона "по своему собственному темпераменту". По мнению Спасовича, эта перестройка "повторяется в больших размерах в крупных эпических и позднейших драматических произведениях Лермонтова, в числе которых первое место занимает поэма "Демон".¹³

Представители так называемой культурно-исторической школы продолжали развивать основные положения работ Галахова, Спасовича и др. Если Галахов и Спасович говорили о влиянии на Лермонтова Байрона, то Н. Дашкевич стал отыскивать следы влияния не только Байрона, но и других писателей. В своей довольно объемистой работе "Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова" Дашкевич путем многочисленных сравнений доказывал, что образ духа-искусителя,

прежде чем попасть в поэму Лермонтова, прошел через литературу многих народов. Дашкевич широко цитирует средневековые легенды и народные драмы о дьяволе, а затем произведения писателей различных стран, в которых был изображен образ Сатаны. Он называет имена: Данте, Луиджи Пульчи, Боярдо, Ариосто, Тассо, Марло, Мильтона, Клопштока, Геснера, Лесажа, Вольтера, Гете, Байрона, Т. Мура, де-Виньи и, наконец, Пушкина.

Указав на источники, из которых, по мнению Дашкевича, мог прийти к Лермонтову образ Демона, автор далее подчеркивает, что этот образ получил окраску в соответствии с характером творчества Лермонтова, а характер поэзии Лермонтова определялся влияниями книжной культуры, условиями воспитания и душевными задатками поэта.

Основная ошибка Дашкевича заключалась в том, что он не считался с конкретно-историческими условиями, в которых жил и творил Лермонтов. Для него образы, созданные поэтом, были носителями каких-то извечных человеческих качеств, а не реальным воплощением типичных черт характера людей, живших в определенную эпоху. Так, например, Дашкевич говорит:

“Образ Демона получил для юного поэта особый смысл, как олицетворение духа недовольства кратковременными радостями и эфемерными благами жизни”.¹⁴

В этой формулировке природа лермонтовского Демона трактовалась крайне отвлеченно. Автор не дает ответа, почему Лермонтов создает образ, выражающий дух протеста, почему он недоволен “радостями и благами жизни” и, наконец, где источник этого недовольства.

Еще Галахов говорил, что Лермонтов, находившийся под влиянием Байрона, в своих произведениях выразил субъективные чувства, собственное отношение к тем темам, которые разработал его западный учитель. В конце XIX столетия представители различных литературных группировок, начиная от либерально-буржуазных и кончая откровенно реакционными, стали широко развивать эту мысль.

В 1891 году В. Ключевский посвятил специальную статью вопросу отражения в произведениях Лермонтова его личных субъективных чувств. Он писал: “Лермонтовская поэтическая гамма-грусть, как выражение не общего смысла жизни, а только характера личного существования, настроение единичного духа. Лермонтов — поэт не мирозерцания, а настроения, певец личной грусти, а не мировой скорби”.¹⁵

В последующие десятилетия “субъективизм” Лермонтова стал предметом многочисленных критических работ. Чего только не говорили, не писали о поэте и его поэме “Демон”! Дело дошло до явной клеветы и извращения облика Лермонтова. Например, Вл. Соловьев в марте 1899 года выступил в Петербурге с публичной лекцией. В этой лекции он говорил:

“Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать “нищенством”.¹⁶

Определив таким образом содержание лермонтовского творчества, Вл. Соловьев стал доказывать, что Лермонтов чувствовал себя “сверхчеловеком”, гордо попирая толпу, глядя на всех с презрением. По мнению критика, эта черта Лермонтова выразилась в его демонизме, а герой его поэмы “есть тот же главный демон самого Лермонтова — демон гордости, который мы видели в разных стихотворениях”.¹⁷

Буржуазно-либеральные историки литературы высказывали более умеренные взгляды. Однако, анализируя творческое наследие Лермонтова, они постоянно стремились доказать, что субъективизм — его главное, характерное качество.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский прямо писал:

“Важнейшие образы, им созданные, от Демона до Печорина, оказываются субъективными; в них Лермонтов воспроизвел себя самого или некоторые существенные стороны своей природы, равно как и свои личные психологические отношения к обществу, к людям, к миру”.¹⁸

А. Пышин говорил, что поэма “Демон” только “...отчасти привязана к легенде, но в главной основе опять имеет субъективное значение”.¹⁹

Стремление оторвать Лермонтова и его произведения от реальной почвы русской жизни характерно для подавляющего большинства буржуазных критиков и литературоведов конца XIX — начала XX веков. Ярким примером сугубо идеалистической трактовки лермонтовского творчества может служить работа С. Андреевского. Он начинает свою статью с утверждения, что Лермонтов всегда считал своей родиной небо, а на земле чувствовал себя временным изгнанныком. Родство Лермонтова с небом дает, по мнению автора, “ключ к пониманию его произведений”.

“Всю неудовлетворенность жизнью, то есть здешней жизнью, а не тогдашним обществом, всю исполинскую глубину своих чувств., всю необъятность своей скучающей на земле фантазии, — Лермонтов постарался излить устами “Демона”. Автор далее настойчиво утверждает, что сам Демон — это не падший ангел, а ангел, упавший на землю, — “короче, это сам поэт”.²⁰

Преподаватель Киевской духовной академии Леонид Соколов в истолковании поэмы “Демон” стоял на крайней реакционной позиции, утверждая, что Лермонтов подпал под власть демонизма и от этого всю жизнь испытывал страдания. Происходившая в нем борьба, по мнению Соколова, должна была закончиться падением Демона и выходом Лермонтова на “спасительный путь смирения”.

Таковы в общих чертах высказывания дворянской и буржуазной критики о творчестве Лермонтова. Нисколько не умаляя значения трудов таких крупных историков литературы, как А. Галахов, Н. Дашкевич, А. Пышин, Д. Овсяннико-Куликовский и некоторые другие, не принижая их роли в развитии филологической науки, мы тем не менее должны подчеркнуть следующее. В истолковании поэмы “Демон” все они, хотя и принадлежали к различным литературным группировкам и школам, по существу отстаивали родственные взгляды. Более того, в анализе идейно-художественного богатства поэмы “Демон” они высказывали весьма умеренные мысли, сближаясь в некоторых вопросах с такими реакционерами, как Вл. Соловьев, Л. Соколов и другие. В поэме “Демон” — одном из самых острых вольнолюбивых произведений русской литературы XIX века — они стремились притупить идейный смысл, истолковать ее сообразно своим либеральным воззрениям, приспособить к тем или иным историческим условиям.

В творчестве Лермонтова, как и в поэме “Демон”, в частности, выдвигали на первый план все то, что связывало его с литературными традициями других народов, с мировой культурой (а эта связь бесспорна), но не рассматривали вовсе или рассматривали очень бегло то, что составляло национальную основу произведений поэта, что было обусловлено русской жизнью. При таком истолковании идейное богатство творчества Лермонтова обеднялось, а порою даже искажалось. Дореволюционная литература о великом поэте изобиловала работами, авторы которых на все голоса говорили об индивидуализме Лермонтова. Творчество поэта отрывали от конкретно-исторических условий, от общественного движения, от народа. Индивидуализм Лермонтова расценивался как его личное качество, а не как од-

на из форм протеста против уродства существовавшего тогда общественного устройства.

Газете "Правда" по этому вопросу указывала следующее:

"Буржуазная критика писала об индивидуализме Лермонтова, об его поэзии гордого одиночества. Да, великий поэт был одинок в своей социальной среде. Его железный стих был облит горечью и злостью, когда он писал об этой среде. Его гнали, как пророка, пришедшего сказать миру новое слово, бросали в него камнями, издевались над ним. Он платил великим презрением обществу, в котором царил ничтожество, позолоченное титулами и деньгами. Но стих Лермонтова менялся, приобретал ласковую певучесть, когда поэт писал о народе, воспевал его героев... Среди русского народа Лермонтов не чувствовал себя одиноким".²¹

* * *

В старой дореволюционной России не только была культура господствовавших классов, не только были критики, которые всячески искажали облик Лермонтова и извращали идейный смысл его бессмертных произведений. В народных массах зарождалась, росла и крепла другая, подлинно прогрессивная культура, которая служила делу освобождения человека от эксплуатации, культура, которую создавали лучшие сыны русского народа.

Еще среди современников Лермонтова были люди, которые хорошо чувствовали протестующий, мятежный, свободолюбивый дух поэмы "Демон". Они понимали глубокое идейное содержание поэмы и самобытность Лермонтова-художника. Среди этих передовых деятелей русской культуры того времени первым нужно назвать В.Г. Белинского.

В начале 1842 года Белинский решил подарить своей невесте М.В. Орловой список в то время еще неопубликованной поэмы "Демон". Великий критик достал два списка поэмы и с них собственноручно сделал новый, сводный список.

Окончив переписывать "Демона", 17 марта 1842 года Белинский сообщал Боткину:

"Со мною сделалась новая болезнь — не шутя. Ноет грудь, но так сладко, так сладострастно..., словно волны пламени то нахлынут на сердце, то отхлынут внутрь груди. Ощущение это давно мне знакомо; но никогда оно не бывало у меня так глубоко, так чувственно, так похоже на болезнь. Особенно оно овладело мною, пока я писал "Демона". Станный я человек: иное по мне скользнет, а иное так зацепит, что я им только и живу; "Демон" сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувств, красот".²²

Это искреннее признание великого критика, выражающее непосредственное впечатление, интересно, прежде всего, глубиной и меткостью оценки. В том же письме Белинский с большим мастерством раскрыл своеобразие лермонтовской поэзии, ее дух и направление. Он глубоко вник в содержание поэмы, ее художественные особенности, он тщательно изучил текст поэмы.

"Лермонтов далеко уступит Пушкину в художественности и виртуозности, в стихе музыкальном и упруго-гибком, — писал Белинский, — во всем этом он уступит даже Майкову..., но содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей природы, исполинский взмах, демонский полет — с небом гордая вражда — все это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который, по содержанию, шагнул бы дальше Пушкина. Надо удивляться детским произведениям Лермонтова — его драме "Боярину Орше" и тому подобному (не говорю уже о "Демоне"); это не "Руслан и Людмила", тут нет ни легкокрылого похмелья, ни сладкого безделья, ни лени золотой, ни вина и шалости амура: нет, это — сатанинская улыбка на жизнь, искривляющая младенческие еще уста, это — "с небом

гордая вражда", это презрение рока и предчувствие его неизбежности. Все это детски, но страшно-сильно и взмашисто. Львиная натура. Страшный и могучий дух".²³

Высказывания Белинского не упали на бесплодную почву. Боткин очень хорошо понял друга и в ответном письме от 22—23 марта 1842 года дал глубокую характеристику Лермонтова. Говоря о Лермонтове, Боткин писал:

"Да, пафос его, как ты совершенно справедливо говоришь, есть "с небом гордая вражда". Другими словами, отрицание духа и мирозозерцания, выработанного средними веками, или, еще другими словами — пребывающего общественного устройства. Дух анализа, сомнения и отрицания, составляющий теперь характер современного движения, есть не что иное, как тот диавол, демон — образ, в котором религиозное чувство воплотило врагов своей непосредственности".²⁴

О поэме "Демон" Белинский высказывался не только в письме к Боткину, но и в рецензиях на издания произведений Лермонтова в 1843 и в 1844 году. Если обобщить мысли Белинского о поэме, то они сводятся к следующему положению: форма поэмы еще недостаточно совершенна, но содержание изумляет своею силой. Это положение в наиболее законченном виде было высказано Белинским в статье о стихотворениях Лермонтова в 1840 году.

"Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрее, чем мысль "Мцыри", и хотя исполнение ее отзывается некоторою незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образов ставят ее несравненно выше "Мцыри" и превосходят все, что можно сказать в ее похвалу".²⁵

Оценка Белинским поэмы "Демон" как мятежного, богоборческого произведения свидетельствует о том, что передовые люди сороковых годов XIX века в своей освободительной борьбе против крепостного рабства видели в Лермонтове близкого им поэта. Его творчество принималось ими как идейное оружие для борьбы за свободу. Это прежде всего относится к поэме "Демон".

Другой выдающийся революционер-демократ, А.И. Герцен, поставил поэму "Демон" в один ряд с лучшими образцами вольнолюбивой русской литературы, как произведения Пушкина — ода "Вольность", "Кинжал", "Деревня" и так далее.

Друг и единомышленник Герцена Н. Огарев говорил о поэме "Демон" как о произведении, в котором выразился идеал лермонтовской поэзии.

"Этот... идеал всякой общечеловеческой Лермонтов лелеял всю свою жизнь; в юношестве идеал ему является в образе Демона; мужая, поэт все больше и больше хочет свести его на действительную человеческую почву..."²⁶

Огарев далее подчеркнул, что лермонтовский идеал проходит почти через все его творчество и лишь варьируется в разных образах: Демона, Арбенина, Печорина, Арсения. Порожден этот идеал был, с одной стороны, тяжелыми условиями николаевской реакции, а с другой стороны — "жаждой воли, неопределенной и безграничной". Таков был взгляд Огарева на природу образа лермонтовского Демона.

Представители марксистской литературной критики В. Плеханов и А. Луначарский также неоднократно высказывались о значении для русской культуры поэзии Лермонтова.

В музее "Домик Лермонтова" хранится отрывок из воспоминаний жены Плеханова. Она пишет:

"Пушкина Георгий Валентинович ставил очень высоко, но Лермонтов больше говорил его душе своей глубиной чувства, своей мировой скорбью, своим бунтарско-революционным духом, силой и чудной музыкой стиха. Бессмертные поэмы: "Демон", "Мцыри" читались, перечитывались Г. Валентиновичем и,

по просьбе друзей, декламировались с большим мастерством. Стихотворения “Бородино”, “Печально я гляжу на наше поколение”, “На смерть Пушкина” часто цитировались им в его выступлениях перед аудиторией русских эмигрантов и студентов в Швейцарии, Франции, Бельгии и других странах, где он вел революционно-пропагандистскую деятельность”.²⁷

Особый интерес представляет отношение В.И. Ленина к творчеству Лермонтова. Из воспоминаний Н.К. Крупской видно, что для Ленина Лермонтов был наравне с Пушкиным и Некрасовым любимым поэтом. Н.К. Крупская писала:

“Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь...”²⁸

В фондах музея “Домик Лермонтова” хранится письмо Н.К. Крупской от 7 мая 1938 года, адресованное М.Ф. Николевой — научной сотруднице музея, скончавшейся в 1957 году.

Вот небольшая выдержка из этого письма:

“...Что касается меня, то я очень любила Лермонтова, начиная лет с 13-ти. Помню, как летом 1882 г., когда мы жили на даче около Луги, я ходила по пустым комнатам нижнего этажа... и декламировала вслух Лермонтова. Особенно мне нравились “Мцыри” и “Демон”. Я их знала наизусть... Помню мои споры с одной знакомой девочкой, кто лучше, Пушкин или Лермонтов. Я любила больше Лермонтова.

Владимир Ильич также любил Лермонтова... Привлекала нас в молодости д(олжно) быть смелость и сила чувства, которые ярки у Лермонтова”.

Известно, что поэзия Лермонтова производила сильное впечатление на С.М. Кирова. В письме к М.Л. Маркус-Кировой из Томской тюрьмы 22 ноября 1911 года Сергей Миронович писал:

“...Случайно взял Лермонтова и почему-то он совершенно иным стал в моих глазах — его поэзия, конечно, конечно! Удивительно своеобразное... Какова должна была быть сила воображения, наблюдательность и проникновенность у человека, так высоко, художественно и образно описавшего Кавказ...”²⁹

О силе огромного воздействия лермонтовской поэмы “Демон” на людей рассказывает великий пролетарский писатель М. Горький. В его повести “В людях” (глава XIV) есть сцена, посвященная чтению “Демона”. Это было в иконописной мастерской, где одно время работал М. Горький:

“Однажды пожарный брандмейстер дал мне том Лермонтова, и вот я почувствовал силу поэзии, ее могучее влияние на людей.

Помню, уже с первых строк “Демона” Ситанов заглянул в книгу, потом — в лицо мне, положил кисть на стол и, сунув длинные руки в колени, закачался, улыбаясь. Под ним заскрипел стул.

— Тише братцы, — сказал Ларионыч и, тоже, бросив работу, подошел к столу Ситанова, за которым я читал. Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза. Но еще более волновало глухое, осторожное движение в мастерской, вся она тяжело ворочалась и точно магнит тянула людей ко мне. Когда я кончил первую часть, почти все стояли вокруг стола, тесно прильнув друг к другу, обнявшись, хмурясь и улыбаясь.

— Читай, читай! — сказал Жихарев, наклоня мою голову над книгой.

Я кончил читать... В мастерской было тихо, люди осторожно расходились к своим столам. Работали неохотно, поглядывая на часы, а когда пробило девять, бросили работу очень дружно.

Ситанов и Жихарев вышли на двор, я пошел с ними. Там, глядя на звезды, Ситанов сказал:

**Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил.**

— Этого не выдумаешь.

— Я никаких слов не помню, — заметил Жихарев, вздрагивая на остром холоде. — Ничего не помню, а его вижу. Удивительно это — человек заставил черта пожалеть. Ведь жалко его, а?

— Жалко, — согласился Ситанов.

— Вот что значит человек, — памятно воскликнул Жихарев”...

Поэма “Демон” не потеряла своей исключительной силы воздействия и на читателей нашего времени. Советского человека поэма волнует как художественное произведение, в котором запечатлены чаяния и надежды наиболее передовых, прогрессивных людей прошлого, и как источник энергии, необходимой в борьбе с реакцией. Современному читателю близка и понятна жажда познания лермонтовского героя. Его стремление завоевать счастье свободной жизни находит живое сочувствие в сердцах советских людей, привыкших ценить свою свободу и умеющих ее защищать. Наш народ перенес тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны. В героической борьбе против гитлеровцев он отстоял свою свободу и независимость. Ему близки образы свободолюбивой поэзии Лермонтова.

А. Фадеев в двух сценах своего романа “Молодая гвардия” показал, как велико было воздействие лермонтовского “Демона” на героев Краснодона. Накануне казни молодого гвардейца, находясь в фашистском застенке, затаив дыхание, слушали, как Ульяна Громова читала отрывки из поэмы “Демон”. И вот ее молодой голос умолк.

“О, как задрожали в сердцах девушек эти строки, точно говорили им: “Это о вас, о ваших еще не родившихся страстях и погибших надеждах”.

Уля прочла и те строки поэмы, где ангел уносит душу Тамары. Тося Иванихина сказала:

— Видите. Все-таки ангел ее спас. Как это хорошо...

— Нет, — сказала Уля, все еще с тем стремительным выражением в глазах, с каким она читала.

— Нет... Я бы улетела с Демоном... Подумайте, он восстал против самого бога”.³⁰

Николай Тихонов, говоря о Лермонтове-художнике, в котором “стихийные силы протеста жили, как в вулкане”, отметил вдохновляющее значение образа Демона для нашей молодежи, идущей вперед к сияющим вершинам коммунизма.³¹

В 1939 году, когда советский народ широко отмечал 125-летие со дня рождения великого национального поэта, газета “Правда” в передовой статье писала:

“Главный художественный образ поэзии Лермонтова — это образ сильного и гордого человека, который не может и не хочет примириться с рабством, который бросает вызов небу и земным царям”.³²

Этот главный образ лермонтовской поэзии нашел свое наиболее полное воплощение в поэме “Демон”. Поэма “Демон” была и остается одним из ярких по своей художественной выразительности и одним из глубоких по содержанию произведений классической русской литературы, составляющей, по меткому выражению М. Горького, нашу национальную гордость.

2. Задача работы и ее проблематика

Поэма “Демон”, по общему признанию критики, — одно из главных произведений Лермонтова. Это налагает значительную ответственность на исследователя, который приступает к изучению поэмы. С одной стороны, встают вопросы, связанные с особенностями этого произведения, а с другой стороны — вопросы, которые связаны с общей оценкой творчества Лермонтова.

Этим определяется главная задача данной работы.

Мы должны рассматривать творческое наследие народного поэта как художественное выражение определенных исторических потребностей общества. В произведениях Лермонтова воплотились существенные черты его эпохи, взгляды людей того времени, их переживания и устремления. В них отразились и личные, индивидуальные черты характера автора как художника, как человека той же эпохи.

Для нашего исследования мы выделяем из единого творческого наследия его существенную часть — поэму "Демон". Однако, ограничив исследование рамками одного произведения, мы считаем необходимым вспомнить известное положение В.И. Ленина, которое вооружает каждого советского литературоведа подлинно научным методом. В письме к Инессе Арманд (30 ноября 1916 года) В.И. Ленин писал:

"Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (в) лишь в связи с другими; (с) лишь в связи с конкретным опытом истории".³³

Изучение творческой истории литературного произведения дает возможность понять процесс его создания, начиная с момента зарождения первого образа и до оформления его на последнем этапе авторской работы, когда произведение становится стройным художественным целым. Изучение этого процесса не должно сводиться к рассмотрению только формы произведения, изменений его текста. Основной интерес заключается в глубоком осмысливании развития темы произведения, ее связи со всем творчеством автора и с окружающей жизнью, ее художественной эволюции.

Поэма "Демон" имеет сложную творческую историю. Более десяти лет своей короткой жизни Лермонтов работал над этим произведением. Первоначальный замысел поэмы относится к 1829 году, когда юному поэту еще не было пятнадцати лет, но и сравнительно незадолго до смерти Лермонтов продолжал вносить отдельные поправки в текст поэмы. Поэт несколько раз прерывал свою работу, а затем снова возвращался к ней. Появлялись новые редакции и варианты, тема расширялась и углублялась, получая все новые оттенки, шлифовался стих, выковывались образы. Произведение выросло вместе с творческой и идейной эволюцией его автора. Такая упорная работа свидетельствует о том, что тема поэмы глубоко волновала Лермонтова в течение всей его жизни. Поэт стремился художественными средствами, разрешить наиболее важные проблемы своего времени. Вот почему прежде всего необходимо проследить, как работал Лермонтов над поэмой "Демон". Изучение творческой истории произведения даст возможность в дальнейшем глубже понять его смысл.

Как правило, литературное произведение начинает свою жизнь в обществе с момента его опубликования. Этим логически завершается творческий процесс. И Лермонтов в 1839 году одно время вел переговоры о публикации поэмы "Демон" в журнале "Отечественные записки". Однако ни тогда, ни позднее при жизни Лермонтова поэма не могла быть опубликована по целому ряду причин.

Прошло много лет. Уже давно погиб на дуэли Лермонтов, а его любимое детище, поэма "Демон", все еще не появлялось в печати: оно было под цензурным запретом. Лишь в 1856 году дальний родственник поэта А.И. Философов решил напечатать поэму за границей. Но к этому времени появилось новое затруднение — поэма жила во многих десятках списков, которые распространялись повсюду. Ее переписывали от руки, передавали знакомым и друзьям, увозили в провинцию; там вновь переписывали и, перечитывая, восторгались могучей силой лермонтовской поэзии. Поэма жила в народе.

Когда Философов и друзья Лермонтова решили напечатать поэму, то возникли затруднения: по какому тексту производить набор? В руках Философова было несколько списков поэмы "Демон", причем в каждом из них было немало разночтений.

По одному из таких списков, с приведением некоторых вариантов, видимо, из другого списка, поэма "Демон" была напечатана в 1856 году в Карлсруэ.

За границей в 1856—1857 годах на русском языке вышло еще три издания поэмы. Наконец, лишь в 1860 году царская цензура разрешила напечатать в России полностью "Демона". Однако и после этого издания цензурные притеснения не прекращались. Поэма формально была допущена к печати, но различные вымарки и произвольные поправки еще несколько десятилетий искажали текст поэмы.

Царская цензура, вплоть до начала XX века, несколько раз запрещала обращение в народных библиотеках и училищах книг Лермонтова, где была напечатана поэма. Наряду с цензурными искажениями продолжали увеличиваться и искажения по вине редакторов изданий. Это происходило потому, что отсутствие автографа давало возможность каждому редактору выбирать для печати тот список поэмы, который казался ему наиболее интересным. Так, например, в 1891 году П. Висковатов опубликовал даже такой текст, в котором были следы подделки. Начались ожесточенные споры о тексте поэмы "Демон". Эти споры в конце XIX века настолько обострились, что дело приняло скандальный характер. Потребовалось экстренное заседание в Российской Академии Наук, чтобы хотя формально положить конец спорам. Но и после решения Академии вопрос о тексте поэмы не стал более ясным, а споры не прекратились.

Тщательное изучение творческой истории поэмы, истории ее печатанья и текста даст нам возможность решить очень важный практический вопрос: как лучше печатать поэму "Демон"? Какой текст должен быть признан наиболее авторитетным?

Ответ на эти вопросы можно дать только в результате всестороннего изучения поэмы Лермонтова.

3. Источники

Источники, которые могут быть использованы в данной работе, по своему содержанию распределяются на две основные группы:

1. Материалы, связанные с творческой историей поэмы.
2. Материалы, дающие возможность изучения истории текста и изданий поэмы.

Для изучения творческой истории поэмы прежде всего необходимы рукописи Лермонтова. Однако наиболее ценные и необходимые для этого автографы поэмы, относящиеся к последним годам жизни поэта, видимо, бесследно исчезли. До нас дошли лишь рукописи юношеских редакций. Они хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде.

1. В так называемой тетради № 3 (фонд № 524), относящейся хронологически ко второй половине 1829 года, содержатся первые по времени наброски и заметки, дающие представление о первоначальных творческих замыслах поэта. Здесь имеется два посвящения к поэме, начинающиеся словами: "Я буду петь, пока поется", три отрывочных характеристики образа Демона, между которыми прозой написаны два сюжета поэмы, и, наконец, небольшая сцена, в которой рисуется проникновение Демона в монастырь. Всего в этих набросках 93 стиха и около десяти строк прозы.

Обычно в изданиях сочинений Лермонтова эти наброски печатаются под рубрикой "Первая редакция" (см. изд. сочинений под редакцией Эйхенбаума, 1935, "Academia", т. III, стр. 491—495; также том IV, изд. АН СССР, 1955, стр. 221) или "Первый очерк" поэмы (см. II том сочинений под редакцией Д. Абрамовича, 1916, стр. 401—404, а также III том сочинений под редакцией П. Висковатова, 1891, стр. 49—53). Но название "Первая редакция" или "Первый очерк" поэмы не соответствует действительности. Эти наброски не являются единым целым, не составляют еще поэмы, в них нет последовательно развивающегося сюжета, нет стройности художественного создания. Это именно наброски к поэме и два варианта ее плана.

2. Значительный интерес представляет черновая тетрадь № 4 (фонд 524, сп. 1). В ней на первых десяти листах написана поэма "Демон", на листе одиннадцатом стихи "Я не для ангелов и рай..." и "Песня монахини". Далее в тетради идут различные стихотворения, общим количеством до 53 названий. На первом листе под заглавием "Демон" в скобках черными чернилами, видимо, немного позднее рукою Лермонтова сделана пометка: "Писано в пансионе в начале 1830 года". Текст поэмы носит на себе следы большой работы автора: многие стихи перемаваны, на полях написаны новые, которые также подвергались правке.

Во всех изданиях собраний сочинений Лермонтова (исключение представляет новое Академическое издание) этот текст поэмы обычно не печатался. Редакторы (Висковатов, Абрамович, Эйхенбаум) считали его черновиком и приводили из него лишь варианты к очерку, датированному 1831 годом (см. изд. "Academia", т. III, стр. 650—657). Вопрос о необходимости считать данный текст самостоятельным очерком впервые поднят в работе Н.Ф. Бабушкина³⁴. Мы полагаем, что доказательства Н. Бабушкина заслуживают внимания.

3. Под № 27 (фонд 524, оп. 1) хранится небольшая тетрадь в твердом переплете. В ней на 14 листах рукою Лермонтова написан почти без помарок весь текст поэмы "Демон". На титульном листе рукою поэта выставлена дата: "1831 год". Немного пониже заглавия неизвестно кем, весьма безграмотно, сделана приписка:

"Михаила Лермонтова его собственноручная рукопись и первое сочинение. Принадлежащий Марье Дешан де Виллер".

По своему характеру этот текст поэмы сравнительно близок к очерку четвертой тетради, однако он имеет много новых стихов. В собрании сочинений (кроме нового Академического) обычно печатался как второй очерк. (См. изд. "Academia", т. III, стр. 459).

4. В тетради № 10 есть еще небольшой отрывок поэмы, написанный Лермонтовым, видимо, в том же 1831 году. В изданиях собраний сочинений Лермонтова он, как правило, именуется "третьим очерком" или "третьей редакцией" (напр., у Эйхенбаума, т. III, стр. 511).³⁵ Однако трудно согласиться с этими терминами. Нельзя только по раз заведенному когда-то обычаю называть "очерком" или "редакцией" поэмы небольшой отрывок в 56 стихов, рисующий полет Демона "по голубому небу".

Это начало одного из очередных очерков, которое не понравилось Лермонтову по каким-то причинам. Не вдаваясь пока в подробности данного вопроса, заметим, однако, что для нашего исследования он представляет интерес, так как является одной из важных вех на пути, по которому шел Лермонтов, работая над поэмой.

В заключение кратко описания рукописей поэта, содержащих ранние очерки и наброски поэмы "Демон", необходимо добавить, что все они отражают лишь самые первоначальные этапы работы поэта. По своему содержанию и художественным достоинствам они очень далеки от того обычного текста, который хорошо знаком широкому кругу читателей.

Однако утрата рукописей поэмы позднейших редакций в значительной степени восполняется сохранившимися авторизованными копиями. По своей ценности они могут быть поставлены вслед за рукописями. Вот эти копии.

1. В 1843 году редактор журнала "Отечественные записки" А. Краевский от некоего Николая Ульянова получил тетрадь со списком поэмы "Демон".

В сопроводительном письме Ульянов сообщал, что тетрадь к нему попала из семьи Булгаковых. Сейчас эта тетрадь хранится в архиве Института русской литературы (фонд 524, оп. 1, № 45). В ней 10 листов. Здесь черными чернилами поэма переписана неизвестной рукою на 9 листах; в тексте Лермонтов сделал чернилами некоторые исправления. Есть еще несколько незначительных исправлений карандашом, но они, видимо, не принадлежат поэту. На последнем, десятом, листе рукою Лермонтова написано около 70 стихов из поэмы "Боярин Орша". Эти стихи носят следы упорной авторской работы. В тетради нет даты. Но, основываясь на письме Ульянова, редакторы изданий относят этот очерк к 1833 году. По своему содержанию очерк отображает следующий этап работы поэта. В сравнении с очерком 1831 года поэма значительно разрослась и содержит много новых стихов. Во всех полных изданиях сочинений Лермонтова этот список печатался как четвертый очерк (см. изд. "Academia", т. III, стр. 513), а в новом Академическом издании как пятая редакция (см. том IV, стр. 262).

2. В рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина хранится список "Демона", подаренный Лермонтовым в 1838 году Варваре Александровне Бахметевой, урожденной Лопухиной. На титульном листе рукою Лермонтова выставлена дата: "8 сентября 1838 года". Текст поэмы переписан не автором, но некоторые стихи вписаны самим Лермонтовым. На последнем листе тетради поэт собственноручно приписал посвящение, адресованное В.А. Лопухиной:

Я кончил — и в груди невольное сомненье!

Займет ли вновь тебя давно знакомый звук...³⁶

Этот список — пока единственно дошедшая до нас авторизованная копия с текстом поэмы в позднейшей редакции. Он отражает ту коренную переделку ранних очерков, которую провел Лермонтов после ссылки на Кавказ в 1837 году. В этом очерке действие поэмы уже перенесено в Грузию и вместо безымянной монахини появилась Тамара. Впервые текст опубликован был Висковатовым.³⁷ До последнего времени текст этого списка в полных собраниях сочинений Лермонтова не печатался. В третьем томе издания под редакцией Висковатова (1891 год) из него приведены лишь отрывки (стр. 84—106). Во втором томе Академического издания 1910 года под редакцией Абрамовича даны варианты (стр. 510—530). Лишь в IV томе нового Академического издания (1955 год) этот текст воспроизведен полностью как шестая редакция в разделе "Варианты".

Вслед за авторизованными списками поэмы должна быть вкратце рассмотрена большая группа различных рукописных копий. Их очень много, и все они далеко не одинаковы по своей ценности. Так, например, в архиве Института русской литературы (Ленинград) хранится 35 списков поэмы, из которых 20 не имеют дат, а остальные хронологически распределяются следующим образом:

- 1831 год — 1;
- 1832 год — 1;
- 1838 год — 2;
- 1839 год — 1;
- 1840 год — 1;
- середина 40-х годов — 3;
- начало 50-х годов — 6.

Большинство из этих списков хорошо известно в лермонтоведческой литературе.

В рукописном отделе библиотеки им. Ленина (Москва) хранится шесть списков. Четыре из них были описаны в сборнике Государственной библиотеки им. Ленина³⁸, пятый литературоведы хорошо знают давно. Это список, сделанный В.Г. Белинским для своей невесты в 1842 году. О шестом, еще не упоминавшемся в печати, нужно сказать несколько слов. Это небольшая тетрадь в 28 листов (фондовый № 10940). Даты не имеется, но, судя по характеру водяных знаков на бумаге и написанию ряда слов, список относится к 40-м годам XIX века. Текст поэмы написан черными чернилами, очень безграмотно. Список представляет более литературно-бытовой, нежели текстологический интерес.

В рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранится девять списков. Все они были описаны в работе А. Михайловой.³⁹

В Государственном Архиве Армении (Ереван) хранится список, который был опубликован лишь в 1939 году.⁴⁰ Список датирован 25 февраля 1842 года. Текст поэмы, представленный этим списком, для нашего исследования представляет значительный интерес, так как отражает работу поэта в первой половине 1838 года. Эта дата справедливо была установлена публикаторами по характеру текста.

В 1947 году Д. Иофанов опубликовал еще один список поэмы, который был им обнаружен в Киеве.⁴¹ Поэма была переписана 13 ноября 1854 года в селе Корнешти в Бессарабии морским унтер-офицером Василием Свечиным на страницах его дневника. Текстологического интереса этот список не представляет; он любопытен как свидетельство проникновения лермонтовской поэмы в отдаленные места России.

Кроме того, печать лишь за последние двадцать лет указывала, что в частных руках находится также несколько списков поэмы.⁴²

В заключение необходимо сказать несколько слов еще об одном списке, который в истории печатания поэмы сыграл исключительно важную роль.

Мы уже упоминали, что поэма "Демон" впервые полностью вышла в свет в Карлсруэ (1856 год). Это издание было организовано дальним родственником поэта А.И. Философовым. В 1857 году Философов вторично издал поэму там же, в Карлсруэ. Однако издание 1857 года имело значительные текстологические отличия. К сожалению, редактор не сделал примечания, которое могло бы объяснить, на основании чего были произведены изменения в тексте, а текст, с которого производился набор, был утерян.

В конце 80-х — начале 90-х годов XIX века, когда разгорелись споры о тексте "Демона", было предпринято несколько попыток отыскать список, по которому печатались издания 1856—1857 годов. Большую переписку с родственниками и знакомыми Философова по этому вопросу вел первый биограф Лермонтова проф. П. Висковатов. Однако все усилия были тщетны. Список исчез.

Наконец, лишь в 1940 году, а затем подробнее в 1941 году⁴³ появились сообщения о том, что список, который так долго разыскивали, обнаружен. Эта интересная находка была сделана А.Н. Михайловой в бумагах, принадлежащих А. Философову и хранящихся сейчас в Центральном Историческом архиве в Ленинграде (фонд 1075). Не вдаваясь пока в детали вопроса о значении этой находки, остановимся лишь на внешних чертах рукописи.

Прежде всего, это копия, а не автограф. Текст поэмы переписан неизвестной рукой (видимо, писарем) и занимает почти полностью 27 листов большого формата. Последний, 28-ой лист остался чистым. На первом листе рукой писаря сделана над-

пись: "Демон". Восточная повесть". Никаких признаков, могущих служить доказательством того, что список был в руках поэта, нет. Напротив, судя по тому, что некоторые орфографические и смысловые ошибки исправлялись позднее, можно с уверенностью сказать, что автором список не просматривался.

Рукою Философова как на титульном листе, так и на полях по тексту поэмы сделаны примечания текстологического содержания и приведены некоторые варианты. Всего таких примечаний и вариантов 37. Написаны они черными чернилами, как и сам текст. Рукою Философова сделано исправление и тех орфографических ошибок, которые допустил писарь. Все примечания затем пронумерованы красными чернилами и выписаны четко, видимо, писарем, под теми же номерами на 6 листах, которые сшиты и приложены к поэме. На них продолжена нумерация всей тетради (с 28 по 33).

Вся эта обработка списка, надо полагать, проводилась перед сдачей в набор. Некоторые листы несут следы типографской краски. Сличение этого списка с изданием поэмы 1856 года убеждает в их полном соответствии друг другу, исключая, однако, одну весьма существенную деталь, которая будет рассмотрена нами дальше.

* * *

В вопросе изучения творческой истории того или иного произведения обычно существенную помощь могут оказать письма автора и мемуары лиц, близко стоявших к нему. Но в данном случае исследователь находится в тяжелом положении. До нас дошло вообще очень мало писем Лермонтова, а непосредственных упоминаний о "Демоне" в них нет. Письма поэта могут дать лишь вспомогательный материал.

Что касается мемуаров, то и здесь дело обстоит не лучше. Все они писались значительно позднее и, как правило, людьми, которые могли сообщить лишь внешние события жизни поэта. С творческой работой Лермонтова они были знакомы очень мало. Даже близкий друг и родственник Лермонтова А.П. Шан-Гирей, на глазах которого свершилось много событий жизни поэта, в своих воспоминаниях крайне беспомощно осветил вопросы творческого характера.

Есть еще одна группа источников, которые крайне необходимы при исследовании творческой истории поэмы. Это биографические работы о Лермонтове. Они помогают понять взаимосвязь "Демона" со всем творчеством поэта. Однако среди огромного количества литературы о Лермонтове лишь немногие работы отвечают современным требованиям. До сих пор нет полной научной биографии Лермонтова. Вышедшая еще в 1891 году биография поэта, написанная П.А. Висковатовым, во многом сейчас устарела. В 1945 году вышел первый том интересного труда Н.Л. Бродского ("М.Ю. Лермонтов. Биография", Москва). Но в этом томе жизнь поэта освещена лишь до 1832 года. Таким образом, не имея полной научной биографии, исследователь должен привлекать к работе большое количество статей различных авторов, посвященных отдельным вопросам жизни поэта.

Подводя итоги обзору источников, необходимо отметить, что утрата большинства автографов Лермонтова, скудость эпистолярного наследия и мемуарной литературы, а также отсутствие полной научной биографии в значительной степени осложняет работу.

* * *

Перейдем к рассмотрению источников, связанных с историей текста поэмы и ее печатания.

Творческая история "Демона", изучение которой в основном должно быть построено на тщательном исследовании рукописей и наиболее авторитетных списков, поможет в решении во-

проса о тексте поэмы, который должен быть принят для печати. Однако уже в начале работы мы должны заметить, что вопрос о так называемом "каноническом тексте" поэмы является едва ли не самым сложным в текстологии русской литературы XIX века. Именно сложность вопросов породила большое количество исследований на эту тему.

Эти исследования и послужат основным источником в нашей работе по изучению истории текста и споров вокруг "Демона". Сами по себе подобные споры не представляют особого интереса и, возможно, на них не стоило бы останавливаться. Однако нам необходимо решить практически важные вопросы: как печатать поэму "Демон", какой текст должен быть положен в основу современных изданий? На это можно ответить, только тщательно изучив историю текста поэмы, обобщив опыт предшествовавших исследователей, разобравшись в их достижениях и ошибках.

Одновременно необходимо заметить, что окончательного решения о каноническом тексте "Демона" не должно быть принято до тех пор, пока не будет отыскан автограф или авторизованная копия, относящаяся к последним годам жизни Лермонтова, или пока окончательно не будет потеряна надежда такой находки.

В данное время речь может идти лишь о тексте, который с научной точки зрения наиболее точен, который с уверенностью можно назвать авторским текстом. Он и должен лечь в основу современных изданий. Необходимость решения этого практически важного вопроса заставляет нас привлечь большое количество источников по истории текста поэмы.

С историей текстологических изысканий неразрывно связана и история печатания поэмы. Многие источники для изучения этих вопросов являются общими. Однако в истории печатания есть раздел, рассмотрение которого строится на иных источниках. Это вопрос о цензурных гонениях. Специальных работ, освещающих данную тему, не было, но в публикациях материалов об отношении царской цензуры к Лермонтову вообще есть интересные документы, которые могут быть использованы для нашей цели.

Впервые вопрос этот был затронут в статье Ф.И. Булгакова "Лермонтов и цензура".⁴⁴ Автор привел ряд фактических данных, заимствованных им из корректурных листов изданий Лермонтова под редакцией Дудышкина и хранившихся в Лермонтовском музее при Кавалерийском училище.

В дореволюционной литературе по этому вопросу статей больше не было. Лишь в 1939 году Н. Здобнов в статье "Новые цензурные материалы о Лермонтове"⁴⁵ опубликовал ряд интересных документов, проливающих свет на издание отрывков "Демона" Краевским в 1842 году.⁴⁶ Тут же приводятся официальные отзывы А.Н. Майкова и И.А. Гончарова, бывших в то время цензорами. Не менее интересны документы, приведенные в публикации Полянской: "Царская цензура о "народных" изданиях сочинений М.Ю. Лермонтова".⁴⁷ Здесь собраны материалы из докладов цензоров и протоколов заседаний Ученого комитета Министерства народного просвещения. Эти документы — яркое свидетельство того, как царское правительство боролось с произведениями Лермонтова, которые проникали в народ.

Кроме ряда документов в указанных источниках, следует привести различные издания поэмы "Демон".

Изучая изъятия, которые производились по требованию цензуры, можно представить, какие идейные стороны поэмы были неприемлемы для царских властей.

Таковы краткие данные о тех источниках, которые использованы в настоящей работе.

Глава I.

Творческая история поэмы

1. Зарождение образа Демона

Время, когда формировалось мировоззрение Лермонтова, когда развивалось его литературное дарование, в истории нашей родины отмечено, с одной стороны, печатью тяжелой николаевской реакции, а с другой стороны — дальнейшим развитием тех освободительных идей, за которые отдали свои жизни декабристы — эти славные представители первого поколения русских революционеров. Вспоминая общественно-политическую жизнь конца 20-х годов XIX века, Герцен писал, что аресты, ссылки, казни, тайный надзор, жестокая цензура — все это легло тяжелым грузом на плечи русского общества.

"Первые годы, следовавшие за 1825 годом, были ужасны. Нужно было, чтобы прошел десяток лет, раньше чем люди пришли в себя в этой атмосфере порабощения и преследования. Глубокое отчаяние и общий упадок сил одолел людей. Высшее общество поспешило с полным и бесчеловечным рвением отказаться от всех человеческих чувств, от всех идей образованных людей".⁴⁸

Однако если подавляющее большинство людей из дворянской среды, еще недавно сочувствовавших или делавших вид, что они сочувствуют идеям декабристов, в годы реакции пошло на примирение с самодержавием, то в народе нарастали силы революционного протеста. Декабристы были "страшно далеки от народа. Но их дело не пропало..."⁴⁹. Они "...помогли разбудить народ"⁵⁰, который из года в год усиливал свою борьбу против угнетателей.

3 июня 1830 года, возмущенные насилием властей, восстали матросы флотских и рабочих экипажей в Севастополе. К ним присоединились жители ближайших слободок. Части местного гарнизона отказались стрелять в восставших, и город несколько дней находился во власти народа. Толпа ворвалась в дом генерал-губернатора Н.А. Столыпина — родного брата бабушки Лермонтова — сбросила его с лестницы и во дворе убила. Хотя восстание подготавливалось по плану квартирмейстера Иванова, но оно все-таки в основе было стихийно, не имело широкой программы и четкой тактики. Севастополь окружили войска. Восстание подавили.

В начале августа в Россию стали проникать скудные известия об июльской революции во Франции. Восставшие парижане свергли Бурбонов и пресекли этим попытки реставрации феодальных отношений. Несмотря на все старания цензуры в России, русская общественность узнавала правду. Передовая молодежь с восхищением воспринимала каждое новое сообщение.

Не успели еще сообщения о революции во Франции потерять своей первой остроты, как в середине августа стали приходиться известия о появлении эпидемии холеры в Поволжье. Народные массы, возмущенные беспомощностью администрации и произволом полиции, стихийно начинали борьбу с местными властями. "Холерные бунты" принимали все более широкий размах и перекинулись на ряд губерний. Восставшие расправлялись с ненавистными им чиновниками и помещиками. Город Тамбов оказался в руках восставших.

Для правительства и русского дворянства 1831 год оказался не менее тревожным. Революционная ситуация в Европе оставалась острой. Продолжалось восстание в Польше. Во Франции на борьбу выступили лионские ткачи, в Италии прокатилась

волна восстаний по ряду герцогств. В Литве и Белоруссии поднялись крестьяне. Центральные губернии России по-прежнему были захвачены "холерными бунтами". 1 июля началось восстание новгородских военных поселений, которое вскоре разрослось и вовлекло 12 гренадерских полков.

"Славное было время, события неслись быстро... Какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе. Роман, драмы, поэмы — все снова сделалось пропагандой, борьбой", — вспоминает А. Герцен об этих годах.⁵¹

* * *

Осенью 1827 года бабушка привезла подростка Лермонтова в Москву, а через год его определили воспитанником в Университетский благородный пансион.

В стенах этого передового для того времени учебного заведения юные воспитанники проявляли интерес не только к изучению наук, включенных в официальные программы, но оживленно обсуждали новинки литературы, музыки, театра и события общественной жизни.

Тогда еще совсем свежи были воспоминания о трагических событиях 1825—1826 годов. Все хорошо помнили залпы орудий на Сенатской площади 14 декабря; еще на устах у всех были имена руководителей декабрьского восстания, закончивших свою жизнь на виселице; во многих семьях еще оплакивали родственников и друзей, сосланных на каторгу в Сибирь. Однако если передовая часть русского общества была обескровлена и придавлена гнетом самодержавного деспотизма, то это не значит, что идеи борьбы за свободу были забыты. Дух протеста захватил самые различные общественные слои. Он был устойчив прежде всего потому, что недовольство миллионов крестьян своим рабским положением постоянно ощущалось в жизни всего русского общества.

Молодые умы особенно были взволнованы текущими событиями. В одном из донесений 1827 года шеф жандармов Бенкендорф, имея в виду молодежь, сообщал царю:

"В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева".⁵²

В пансионе о декабристах помнили особенно хорошо потому, что многие из них были прежде воспитанниками этого учебного заведения (Каховский, Якубович, Бурцов и другие).

Значительную роль в деле формирования политического свободомыслия воспитанников пансиона играли не только постоянные рассказы о текущих общественных событиях или воспоминания старших о недавно минувшем, но и литературные источники. Вот отрывки из воспоминаний Д.А. Милютинина — одного из младших товарищей Лермонтова:

"Московский университетский пансион сохранил с прежних времен направление, так сказать, литературное... В высших классах ученики много читали и были довольно знакомы с тогдашней русскою литературой — тогда еще очень необширной. Мы зачитывались переводами исторических романов Вальтер-Скотта, новыми романами Загоскина, бредили романтическою школою того времени, знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов, например, я знал твердо целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева ("Войнаровский")... В зимние каникулы устраивались в зале пансиона театральные представления".⁵³

К этому можно прибавить, что тетради с запрещенными стихами поэтов-декабристов и Пушкина тайно переходили из рук в руки.

Литературные интересы Лермонтова в эту пору были уже необычайно широкими. Прекрасно зная произведения русских писателей и народное творчество, поэт постоянно углублял

свои познания и в западно-европейской литературе. Этому способствовало свободное владение иностранными языками. Шиллер, Гете, Шекспир, Байрон, Мильтон, Гораций, Тассо, Данте хорошо были знакомы молодому поэту. К этому времени Лермонтов был уже не только начитанным юношей, но и автором ряда произведений. В 1828—1829 годах он написал поэмы "Черкесы", "Кавказский пленник", "Корсар", "Преступник" и десятки лирических стихотворений.

Образ сильного, свободолюбивого героя волнует творческое воображение поэта. Борьба с трудностями, самоотверженные подвиги, товарищеская преданность и непримиримость к врагам — вот ситуации, в которых раскрываются сильная воля, бурные страсти, беспримерная отвага — характерные черты лермонтовского романтического героя.

Однако, отдавая должную дань романтизму и рисуя исключительных героев в исключительной обстановке, Лермонтов одновременно стремился вложить в их характеры черты, которые нравились юному автору, которые он считал идеалом в облике человека. Такой герой играл прогрессивно-воспитывающую роль. Исторически он был положительным явлением, ибо своим примером мог будить воображение читателя, звать его на подвиг.

Не только сильная струя романтизма характерна для творчества поэта в эту пору. Лермонтов в первых же литературных опытах предстает как художник, который всем своим существом кровно связан с жизнью народа. И эта общественная жизнь, помыслы и устремления передовых людей того времени находят подлинно реалистическое изображение в лирике молодого поэта.

Естественно, что в развитии этого направления творчества Лермонтова благотворное влияние оказывала атмосфера живых политических и литературных интересов, которая царила в Университетском пансионе. В этой атмосфере общественно-политических интересов Лермонтов создает произведения, центральной темой которых становятся животрепещущие вопросы современности. Скорбь измученных гнетом людей, горечь обиды, душевное томление, "жизни тяготенье" и вместе с тем жажда деятельности — вот мотивы, которые звучат в лирике этого периода.

С особой силой некоторые из этих мотивов выражены в стихотворении "Монолог" (1829):

**Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...**

Этот же мотив, но уже в тоне резко-обличительного звучания достигает огромного напряжения и выразительности в стихотворении "Жалобы турка" (1829). Прибегая к иносказательной форме, поэт говорит опять о своей родине:

**Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... моя отчизна!**

Уже из этих небольших, но ярких примеров создается представление о глубокоом, проникновенном понимании поэтом основных общественных противоречий того времени. Рабство и цепи — вот источник стонов человека, вот почему ему душно кажется на родине, почему он томится, еще не зная путей к освобождению. Лермонтов очень рано пришел к твердому убеждению, что существующий общественный порядок обрекает людей на страдание. Господство насилия и зла, господство социальной несправедливости трагически переживалось передовыми людьми того времени, а для такой чуткой и глубокой натуры,

каким был поэт, все это стало источником постоянных напряженных раздумий.

Рядом с горькими мыслями, рожденными в результате наблюдений над жизнью, рождались иные картины, иные представления, созданные уже высоким общим культурным развитием и пылкой фантазией. Лермонтов — поэт по рождению, и все сложные, многогранные человеческие переживания он постоянно, зачастую даже помимо воли, облекал в художественные образы.

**В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье.
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...**
(“Русская мелодия”, 1829).

Этот “мир иной” рождался в результате органической потребности противопоставить страшной действительности свои идеалы. Они как бы восполнили ту душевную пустоту, которую не могла заполнить жизнь.

Вот откуда в творчестве юного поэта появляется романтический герой с его бурными страстями и необычайными поступками. Это не было простое рабское подражание литературным образцам, это не дань традиции, а результат сложных переживаний целого поколения, стремление передать чувства своих современников в художественных образах, желание утвердить свои идеалы. Литературные образцы в данном случае играли лишь вспомогательную роль.

Они помогали поэту проникнуть в мир эстетических представлений человечества, быть на уровне художественного развития русского общества.

Жизнь давала содержание литературным произведениям Лермонтова. Это содержание постепенно находило художественную форму, отвечающую эстетическим взглядам и вкусам поэта. Вот почему правильное представление о соотношении реального и фантастического в поэме “Демон”, как и в других художественных произведениях, приобретает особое значение. При изучении “Демона” этому соотношению должно быть уделено большое внимание.

* * *

В период обучения в Московском университетском пансионе среди разнообразных литературных занятий Лермонтов начал работу и над образом Демона. Этот образ в творческом воображении поэта сложился не сразу. Его первые элементы появились в стихотворении “Мой Демон” (1829).

Здесь изображено неземное существо, наделенное самыми страшными, отрицательными чертами. Все положительное ему чуждо.

**Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь...**

Он потерял веру в человеческие достоинства, и для него благородных порывов не существует. Он “уныл и мрачен”. В нем говорят прежде всего неземные страсти. Вообще “собрание зол его стихия”.

В этом небольшом стихотворении краткая, но цельная характеристика образа Демона отличается от того, к чему Лермонтов придет позднее. Здесь Демон — олицетворение зла и порока.

Обычно, говоря об источниках образа Демона, подавляющее большинство исследователей прошлого сразу обращалось к западноевропейской литературной традиции. Эта принципиально ошибочная тенденция в лермонтоведении берет свое начало от буржуазных исследователей XIX века. Ее порочность вскрыта советскими учеными, но она еще до последнего времени давала

себя чувствовать в ряде работ. Мы ограничимся лишь следующим замечанием: в истории мировой литературы образ злого духа со всеми его многочисленными вариантами разработан в очень многих произведениях. Эта разработка имеет многовековую историю. Заметим также, что Лермонтов безусловно хорошо знал большинство из этих произведений. Но для нас совершенно бесспорно одно и самое главное положение: никогда ни один крупный художник не стал бы разрабатывать ту или иную тему только потому, что предшествующая литература этой теме уделяла внимание. Нужны были более жизненные, более естественные для художника побуждения. Начало работы над образом, который олицетворяет собою зло и пороки, было обусловлено определенными впечатлениями жизни.

Однако, если содержание образа в основном есть результат жизненных впечатлений, то внешний его облик и некоторые черты могут быть связаны с литературной традицией. И эта связь прежде всего восходит к А.С. Пушкину. Еще в 1823 году в стихотворении “Демон”⁵⁴ Пушкин создал образ, который характеризует следующие чертами:

**Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи,
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасною мечтою;
Он вдохновенье презирал,
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.**

Комментируя свое стихотворение в 1825 году, Пушкин подчеркивал, что созданный им образ есть художественное воплощение чувств и переживаний, порожденных противоречиями жизни.⁵⁵

Многие черты образа Демона у Пушкина и Лермонтова сходны. Это, видимо, чувствовал и сам Лермонтов; он даже преднамеренно, формально связал свое стихотворение с пушкинским, дав ему сходное название — “Мой Демон”. Но Лермонтов одновременно уже в заглавии подчеркивает и самобытность образа. Слово “мой” как бы обращает внимание читателя на близость образа поэту, на то, что в нем есть свои новые, отличительные черты.

Рисуя Демона мрачным, злобным, Лермонтов одновременно говорит:

**Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубрав.**

Как характерны эти строчки для Лермонтова! В них сказалась его самобытность, его оригинальный творческий облик. Подобной черты в образе Демона не было и у Пушкина.

Надо полагать, что Лермонтову было хорошо известно и другое пушкинское произведение, написанное на ту же тему. Мы имеем в виду стихотворение “Ангел”, опубликованное в “Северных цветах” за 1828 год. Основная концепция А.С. Пушкина при характеристике образа Демона выражена в следующих строках:

**В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.
Дух отрицаенья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал...**

В позднейших редакциях поэмы Лермонтова характеристика Демона как "духа отрицания, духа сомнения" найдет свою глупую и всестороннюю разработку.

В том же 1829 году Лермонтов создал ряд набросков, которые явились началом работы уже над поэмой "Демон".

В тетради № 3 пробой записано два варианта:

1. "Демон узнает, что ангел любит одну смертную, демон узнает и обольщает ее, так что она покидает ангела, но скоро умирает и делается духом ада. Демон обольстил ее, рассказывая, что бог несправедлив и проч. свою ист".⁵⁶

2. "Демон влюбляется в смертную (монахиню), и она его наконец любит, но демон видит ее ангела хранителя и от зависти и ненависти решает погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язвительной улыбкой".⁵⁷

Если на первый взгляд эти варианты весьма схожи, то при более внимательном их анализе видна большая разница.

В первом варианте Демон, руководимый чувством ненависти к богу, губит "смертную", которую любит ангел. Ведущим чувством, определяющим поведение Демона, является его враждебное отношение к богу, а следовательно, и к ангелу, как посланцу бога.

Во втором варианте на первый план выдвигается личная любовь Демона к монахине. О любви ангела к этой же "смертной" речи нет. Таким образом, по этому плану характер Демона должен был приобрести совсем иное качество. Ведь еще в стихотворении "Мой Демон" Лермонтов говорил о своем герое:

Он презрел чистую любовь...

Теперь, наряду с чувством ненависти, Демон мог испытывать и чувство любви.

Таковы были планы Лермонтова в 1829 году. Они говорят о колебаниях, творческих поисках поэта.

В той же тетради № 3 Лермонтов написал два посвящения к будущей поэме. Вернее, это два варианта одного посвящения, из которых второй — более зрелый.⁵⁸ Лирическая окраска посвящения очень близка стихотворению Лермонтова "Монолог". В нем те же чувства и мысли.

**Как солнце осени суровой,
Так пасмурна и жизнь моя; —
.....
И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..**

Тут же находятся небольшие наброски-характеристики образа Демона. Они дают возможность заглянуть в творческую лабораторию поэта и с этой точки зрения очень интересны.

В эту пору у Лермонтова, видимо, полностью еще не сложилась характеристика героя, и не был еще принят окончательный план развития сюжета. Это подтверждается противоречивостью образа. В первом случае поэт говорит:

**Печальный демон, дух изгнания,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым...⁵⁹**

Из этого ясно, что носителем зла Демон стал после каких-то событий в его жизни. До этого он был иным, и воспоминания о тех прекрасных днях являются светлой стороной его существования. Второй отрывок дает сходную характеристику образа:

**Любовь забыл он навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Над ним владычествуют ныне...⁶⁰**

Интересно, что и здесь подтверждается основная мысль: все пороки присущи Демону "ныне", когда-то он их не имел, а сле-

довательно, и сам не мог сеять зла. Однако в третьем отрывке Демон уже не таков. И это отчетливо выявляется в развитии основной линии характеристики образа: в его отношении к злу.

**Угромо жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла,
Он хладнокровно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды...⁶¹**

Здесь на первый план выступает опустошенность героя, бессмысленность его существования, отсутствие цели в жизни. Он пассивен и не способен к действию. Автор достигает высокого мастерства, характеризую героя развернутым сравнением:

**Таков осеннею порой
Среди долины опустелой
Один чернеет пень горельяй.
Сражен стрелою громовой
Он прямо висится главой
И презирает бурь порывы
Пустыни сторож молчаливый.**

Как не похожа характеристика Демона в этом отрывке на предыдущие! Эта характеристика вступает в противоречие с тем, что было сказано автором раньше.

Какие можно сделать выводы, заканчивая разбор ранних набросков?

Во-первых, образ героя задуманной поэмы в сознании Лермонтова оформился не сразу. Поэт еще не принял решения, какие стороны характера героя должны быть рельефными, значительными, а какие второстепенными. Лермонтов настойчиво искал художественную форму, в которой можно было бы глубже передать те чувства и устремления, которые волновали его. Эти творческие искания — наглядное свидетельство самобытности поэта.

Во-вторых, Первоначальная неясность облика героя поэмы влекла за собою неясность и в развитии сюжета. Вот почему Лермонтов делает наброски двух планов поэмы. Эти планы весьма различны. Они отличаются друг от друга настолько, насколько отличны характеристики героя. Но пока в представлении автора облик героя не получил своих ведущих черт, окончательный сюжет поэмы не мог быть выбран.

Таков первый этап творческой работы Лермонтова над поэмой "Демон".

* * *

Однако, видимо, сравнительно недолго продолжались колебания поэта в выборе сюжета поэмы. Уже в той же третьей тетради, тотчас за первыми набросками, есть небольшой отрывок, который начинается стихами:

**В полночь между высоких скал,
Однажды над волнами моря,
Один, без радости, без горя,
Беглец эдема пролетал...⁶²**

Далее говорится о том, что над монастырем Демон услышал чудесный звук лютни и чей-то голос.

**...Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... Он хочет прочь тотчас.
Его крыло не шевелится,
И странно — из потухших глаз
Слеза свинцовая катится.
.....
Все оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь.**

Демон проникает в келью и говорит монахине:

**Не искушать пришел я душу:
Сгорая жаждою любви,
Несу к ногам твоим моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.**

Здесь рукопись обрывается. Но, судя по этому отрывку в срок строк, можно сделать заключение, что Лермонтов уже принял решение. Он наметил черты характера Демона и выбрал вариант развития сюжета. Ранее приведенные нами строки из второй характеристики:

Любовь забыл он навсегда... и так далее —

были отвергнуты. Наметился образ героя, которым владели искренние сердечные чувства. Лермонтов не пошел по проторенному пути. Его герой не традиционный злой дух-искуситель, а глубоко чувствующее существо. Таким образом, уже в этом наброске проявляется стремление молодого поэта найти свой путь в решении волнующей его темы.

Таким образом, первый период работы не дал законченного очерка поэмы. Но, анализируя планы и наброски, возможно составить представление о фундаменте будущего произведения. Это необходимо потому, что в дальнейшей работе по изучению творческой истории "Демона" стоит главная цель: проследить развитие основного зерна — темы поэмы и характера ее героя.

Итак, что же из себя представляет Демон?

Через все наброски проходит мысль о том, что зло не является природным качеством характера Демона. В самом деле, стихи

**И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым...**

совершенно четко раскрывают его облик в прошлом.

Во всех приведенных выше отрывках развивается мысль о том, что сам Демон когда-то подвергся насилию. После этого он жил без наслаждения, и ничто "не веселит его очей". По третьему варианту Демон жил, "не зная ни добра, ни зла"; он был опустошен и в окружении вечно цветущей природы стал походить на "пень горелый".

В процессе работы над поэмой Лермонтов многое изменял, но взгляд поэта на Демона, как героя, который сам явился жертвою грубой, деспотической силы, то есть подвергся воздействию зла, остался неизменным. Эта мысль автора в последующих редакциях приобретала более совершенную поэтическую форму.

Поэтическое чутье приводило Лермонтова к твердому убеждению, что его герой, страдавший в течение долгого времени, должен тянуться к счастью. Он "душой измученною болен", и любовь, по мнению поэта, могла залечить его раны. Вот почему Лермонтовым был отвергнут первый вариант развития сюжета, по которому Демон губит смертную, не любя ее.

Здесь мы считаем необходимым сделать оговорку. Нам кажется, что Лермонтов, допуская мысль, что его герой может найти счастье в любви, вовсе не предполагает показать "возрождение Демона через любовь к женщине", как об этом говорят некоторые литературоведы.⁶³ Сам по себе термин "возрождение" в данном случае не соответствует облику героя. Если говорить о "возрождении" Демона, то надо допустить возможность восстановления его прежнего характера и положения, а следовательно, и сближения с богом. К такому предположению нет никаких данных ни в первоначальных набросках, ни в позднейших очерках. Применяя выражение "возрождение через любовь", исследователи с самого начала лишали образ Демона одной из ведущих черт его характера: духа протеста.

Для полной ясности в этом вопросе приведем знаменитые строки клятвы Демона из позднейшей редакции. Эти строки на первый взгляд могут быть направлены против нашей аргументации.

Демон между прочим говорит Тамаре:

**Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я верить добру.**

Необходимо помнить, что об этом Демон говорит, убеждая Тамару полюбить его. Он искренен в своих чувствах и готов во имя любви и счастья "примириться" с небом. Именно "примириться", а не "возвратиться" на небо. Примирение с небом должно пониматься как жертва со стороны Демона, приносимая им любимой женщине. Лермонтовский текст не дает оснований представлять превращения Демона в виде замкнутого круга: рай — греховное падение — стремление к возрождению и — возвращение в рай. Таким образом, говорить о "возрождении" Демона не приходится.

В Демоне Лермонтов наметил образ героя, который, подвергнувшись насилию, в одиночестве переживал страдания. Став когда-то жертвой несправедливости, он сам приобрел отрицательные качества, ибо, по мнению Лермонтова, зло порождает зло. Но в пороке он не находит наслаждения и жадно тянется к иной жизни, к тому, что может составить счастье бытия.

Романтический колорит, которым творческая фантазия поэта покрыла образ героя, отнюдь не мешает распознать его подлинную сущность.

Страдания личности от несправедливости, жажда счастья и поиски его — вот основная тема первых набросков поэмы "Демон".

Но сила лермонтовской поэзии заключается не только в том, что автор лишь фиксировал отрицательные явления жизни. Он задумывался и над путями, которые могли привести к избавлению от страданий. Так, рядом с темой обличительного характера, в творчестве Лермонтова начинают звучать мотивы протеста, мятежного порыва. Позднее в ряде произведений они вырастут до активного призыва к борьбе за человеческое счастье. Эти основные идейные устремления, только намеченные в первых набросках, в последующие годы будут глубоко разработаны в поэме "Демон".

Подводя итоги, отметим следующее. Творчество юного поэта развивалось в неразрывной связи с общественно-политическими и литературными явлениями его времени. Лермонтов как чуткий художник стремился запечатлеть в своих произведениях не только личные чувства, но чувства и стремления своих современников. Образ Демона у Лермонтова появился в результате насущной потребности средствами поэзии рассказать об этих переживаниях и устремлениях своих современников.

2. Работа над ранними редакциями поэмы

Самым ранним из дошедших до нас автографов поэмы "Демон" является текст в четвертой тетради, хранящейся в архиве Института русской литературы. Под заглавием "Демон" рукою Лермонтова позднее сделана пометка: "Писана в пансионе в начале 1830 года".

Этот текст представляет собою поэму полностью от начала до конца (см. том IV Академического издания, 1955, стр. 226). И, конечно, совершенно прав Н. Бабушкин,⁶⁴ который впервые поставил вопрос о том, что текст четвертой тетради необходимо считать самостоятельной редакцией, а не черновиком к очерку

1831 года. Однако Н. Бабушкин, исправив ошибку предшествующих редакторов лермонтовских изданий, сам не избежал неточности. Он считает планы и наброски 1829 года "первой редакцией" поэмы, а текст четвертой тетради — второй. Мы полагаем, что наброски должны оставаться только набросками и составить "первый очерк" (или редакцию) тогда еще не существовавшей поэмы они никак не могут.

Характерные особенности текста четвертой тетради, то есть первого очерка, следующие.

Со второго листа тетради (первый лист был оставлен как обложка) Лермонтов первоначально написал весь текст поэмы, состоящий из 440 стихов, поставил две итоговые черты и слово "конец". Судя по тому, что стихи написаны сравнительно гладко, без особых поправок, можно думать, что поэт пользовался черновиками, которые не сохранились. Видимо, несколько позднее этот основной текст подвергся значительной обработке. Правка производилась как между строками, так и в специальных выносках на полях. Более темные чернила и почерк поправок дают основание утверждать, что это позднейшая по времени работа.

Действие поэмы развивается следующим образом.

После краткой характеристики Демона, составленной из набросков 1829 года, вторая и третья строфы дают завязку поэмы. Демон в монастыре услышал "прекрасный звук, подобный звуку лютни" и "чей-то голос".

**Как много значит этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Все оживилось в нем, но вновь,
Ужель узнает он любовь?**

Привлеченный звуками лютни и голоса, Демон проникает в келью к молодой монахини. Он не должен любить, потому что связан какой-то "клятвой роковой", но непреодолимая сила влечет его к монахини. После долгих колебаний он покидает монастырь, ...где впервые

Земные слезы уронил...

О прежней жизни героини автор говорит лишь намеками. "Ее история ужасна", но знать эту историю не нужно.

С той самой ночи, когда Демон впервые побывал в келье, монахиня потеряла покой:

**Она молиться уж нейдет,
И не играет, не поет,
Ей колокола звон противен...**

В свою очередь и Демон захвачен страстью. Проходит еще некоторое время.

**...Любить он может, может,
И в самом деле любит он;
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи посмотреть
И невозвратно улететь.**

С таким невинным намерением он проникает опять в монастырь. И здесь, в келье, Демон вдруг увидел посланника рая — ангела, охраняющего деву.

**И мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой...
.....
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!**

Дождавшись у стен монастыря, когда дева останется в одиночестве, Демон вновь проникнул к ней.

**Лампада в келье чуть горит,
Лукавый с девою сидит;
И дрожь и страх ее объемлет.
Она, как смерть, бледнея, внемлет.**

На ее вопрос "О, кто ты?" Демон отвечает большим монологом — самохарактеристикой:

**...Я Демон, не страшись:
Святыни здешней не нарушу!
И о спасеньи не молись —
Не искушать пришел я душу:
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья,
И слезы первые мои!**

**.....
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнание осужден...**

**.....
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить...**

Монахиня умирает. Проходит много времени. Как прежде, бьются морские волны в гранитную скалу. На ней чернеет крест.

**Над тем крестом, под той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный...**

**.....
Казалось, будто он молился
За душу девы молодой...**

Но вдруг показался Демон.
**Он близ могилы промелькнул,
И тусклый, мертвый взор кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул!..**

В таком виде дошел до нас первый законченный очерк. В нем Лермонтов разработал второй вариант сюжета, задуманного им несколькими месяцами раньше. Сравнивая замысел и его исполнение, можно убедиться в том, что поэт точно следовал намеченному плану. Однако в поэме появился ряд интересных деталей, значительно расширявших представление о главных персонажах.

Прежде всего Лермонтов сообщает предысторию Демона и намечает конфликт, дающий движение всему произведению.

В начале поэмы, когда Демон впервые увидел монахиню и ощутил в себе новые чувства, автор говорит:

**Ему любить
Не должно сердце допустить:
Он связан клятвой роковою;
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаню).**

Из этой ремарки, взятой автором в скобки, ясно, что когда-то Демон, покинув рай, оказался среди противников неба. Поступок Демона вполне закономерен. Лермонтов мотивирует его, раскрывая такие стороны характера героя, которые неизбежно должны привести к конфликту с богом. В самохарактеристике Демон говорит:

**И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья...**

С другой стороны, сам автор в начале поэмы о своем герое писал:

**И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним:
Тех дней, когда он не был злым...**

Сопоставление приведенных отрывков позволяет утверждать, что по своему характеру Демон горд. Гордость его природное качество. Оно явилось причиной конфликта с богом. Другого объяснения этого конфликта текст поэмы в первой редакции не дает.

Гордость Демона привела к непокорности, к мятежности, а затем к углублению пропасти между ним и богом. Трагедия последнего одинокого существования Демона развила в его характере новую черту — злобу. Он поклялся никогда никого не любить. Но неожиданная встреча с монахиней, любовь, которая может дать Демону новое счастье, вносит смятение в его душу. "Роковая" клятва им нарушена, так как встреча с монахиней пробудила в нем чувство любви.

В этот напряженный момент в келье появляется ангел, и

**...Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум:
Кипит он, мщением пылая,
Явилась снова воля злая,
И яд преступных черных дум.**

Любовь к монахине и ненависть к богу — вот два чувства, которые не могли ужиться в душе Демона.

Любовь Демона не спасает от гибели монахиню. Она погибает только потому, что ангел — посланник ненавистного Демону бога — "приосенил ее крылом". Заканчивая поэму, Лермонтов еще раз подчеркивает непримиримость Демона с небом.

Так раскрывался конфликт, составлявший основу поэмы.

Мы уже отмечали, что основной текст четвертой тетради подвергся значительной обработке. Остановимся лишь на поправках, представляющих наибольший интерес. Часть из них является характерным примером того, как тщательно работал Лермонтов над шлифовкой каждого стиха.

Во вторую главу из набросков 1829 года вошли почти без изменения строки:

**В полночь, между холодных скал,
Однажды над волнами моря,
Один без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал.**

Для соблюдения ритмики первой строки необходимо было в слове "полночь" сдвинуть ударение на последний слог. Это, видимо, не понравилось поэту, и он изменил строку:

В полночный час, меж диких скал...

Но данный вариант тоже не удовлетворил поэта. Видимо, не желая оставить слова "полночь", которое не требует поясняющего "час", поэт зачеркнул первые два стиха и написал:

**Однажды, вечером, меж скал
И над седой равниной моря,
Один без радости, без горя... (и так далее).**

Примеров такой тщательной работы над формой стиха можно привести много. Однако более напряженного труда требовало точное выражение мысли, передача чувств, настроений, зрительного восприятия образа в пейзаже. И в этих случаях Лермонтов был особенно требователен к себе.

Та же вторая глава в основном тексте кончалась стихами:

**И — страшно — из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.**

Но поэт, видимо, стремился усилить впечатление и показать, что заплакал не обычный человек, что его герой — исключительное создание. И Лермонтов приписывает на полях:

Поныне есть там дикий камень!

Затем он строку зачеркнул и сверху написал:

**Поныне возле кельи той,
И дальше уже без поправок:
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.**

Образ получился исключительно яркий. Он создавал представление о могучей внутренней силе героя, слеза которого могла прожечь камень, и, видимо, понравился Лермонтову. Эти стихи неизменно прошли через все последующие редакции.

Значительный интерес представляет изучение работы поэта над конкретизацией образа монастыря в шестой главе поэмы. В ней сначала так рассказывалось о том, как Демон приблизился к монастырю, чтобы в последний раз взглянуть на любимую деву:

**Едва блестящее светило
На небо юное взошло...
.....
Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
Где полуразрушенная келья
Так много милого хранит.
Полетом он туда спешит,
Но нет в душе его веселья,
Какой-то непонятный страх
В ледяных светится глазах.**

Для того, чтобы образ монастыря стал зримее, Лермонтов начинает работу над описанием. После строк

**Как Демон видел пред собой
Стену обители святой**

на полях появляются дополнительные стихи:

**И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном...**

Здесь перо Лермонтова задержалось. Что может быть под окном монастырской кельи? Как перейти опять к описанию поведения героя? И вот Лермонтов последовательно заменяет один стих другим:

- а) Цветы росистые кругом.
- б) И (можжевелик) виноградник под окном.
- в) Цветущий садик под окном.

В конце концов строчки приняли такой вид:

**...Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном
Цветущий садик. И кругом
Обходит Демон; но веселью
Он недоступен. Тайный страх
В ледяных светится глазах...**

Нетрудно убедиться в том, что восемь стихов в окончательной редакции воспроизводят более яркий образ монастыря, передают движение героя и его чувства.

Этим исправления шестой главы не окончились. Чтобы углубить лирическую характеристику героини, передать ее внутренний мир, ее переживания, Лермонтов ввел песню монахини. Но необходимо было прежде всего сделать логический переход к песне. И вот на полях, рядом с основным текстом, появляются стихи:

**Все тихо — вдруг услышал он
Давно знакомой лютни звон,
Слова певички вдохновенной
Лились, как светлые струи.**

Затем после следующих трех стихов, рисующих переживания Демона, возникает текст песни:

**Незримый ангел пел мне раз
Про мир иной; с того мгновенья...**

Здесь поэт, видимо, задумался, что произошло с монахиней дальше. Последовательно он создает ряд вариантов. Каждый раз зачеркивая готовые стихи, Лермонтов пишет новые:

- а) Сон улетел от томных глаз.
- б) Спокойствие бежит от глаз.
- в) Я помню тот небесный глас.
- г) Во сне, в ночной, печальный час.
- д) Спокойный сон бежит от глаз.
- е) Желанный сон бежит от глаз.
- ж) Усну ли хоть на краткий час,

Тревожат чудные виденья.

Наконец, первое четверостишие приобрело следующий вид:

**Незримый ангел пел мне раз
Про мир иной; с того мгновенья
Усну ли — сна желанный час
Тревожат чудные виденья.**

Такая напряженная работа проводилась поэтом и над последующими стихами песни монахини.

Затратив много труда на создание песни монахини и заполнив весь лист тетради перемаранными стихами, поэт остался все-таки недоволен результатами работы. Все написанное он перечеркнул и в конце поэмы на одиннадцатом листе написал песню совершенно заново. В новом варианте песня уже начиналась так:

**Как парус над бездной морской,
Как под вечер золотая звезда,
Явился мне ангел святой —
Не забуду его никогда... (и так далее).**

В таком виде песня монахини вошла в редакцию поэмы 1831 года.⁶⁵

Работая над текстом 1830 года, Лермонтов вносил исправления, вводил новые стихи, заменял одни строки другими, беспощадно вычеркивал все, что создавало не совсем точное, а то и просто превратное представление о характере действующих лиц. Из текста первой редакции, кроме "Песни монахини", было вычеркнуто более 60 стихов. Наибольшие сокращения произведены в характеристике монахини. Четвертая глава начиналась стихами:

**Но кто ж она? Зачем сокрыта
В пустыне меж высоких стен?**

Далее намеками автор говорит о героине и в романтически приподнятых тонах передавал ее душевное состояние:

**На море вихри бушевали
И волны синие вставали;
В расщелинах стены крутой
Протяжный раздавался вой:
А дева — взор ясней лазури —
При шуме капель дождевых
Согласовала с воем бури
Игру печальных струн своих...**

Всю четвертую главу (35 строк) Лермонтов вычеркнул. Он, видимо, считал, что прошлое монахини и ее душевное волнение не представляют особого интереса и только тормозят развитие действия. Рядом с перечеркнутыми стихами на полях поэт написал строки, которые связали первые три главы с последующим текстом.

**Спустия сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,**

**Что это памятник могильный!
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой...**

В таком виде стихи вошли во вторую редакцию (1831 года).

В заключение отметим еще одно значительное сокращение. Первоначально в тексте девятой главы после того, как Демон в келье увидел ангела и, с новой силой воспылав ненавистью к нему, решил погубить монахиню, были стихи:

**И вот, облекшись в образ томный,
Обманчивый он принял вид.
Он — юноша печальный, скромный,
Какой-то тенью взор покрыт.
Его опущенные крылья
Объяты участью бессилья.
На голове венец золотой
Померкнул и покрылся мглой.**

Все эти строки Лермонтов зачеркнул, так как они выбивались из общего приподнято-романтического тона поэмы и явно его не удовлетворяли. Видимо, поэтому уже во второй редакции вместо них появились новые, полностью отсутствующие в расматриваемой нами четвертой тетради.

* * *

Большая творческая работа, проделанная Лермонтовым над первоначальным текстом в четвертой тетради, явилась переходным этапом к созданию второго очерка (или редакции) "Демона".⁶⁶ Четвертая тетрадь, заключавшая сначала беловой текст первой редакции, была превращена в черновик. Здесь появилось много исправлений, дополнений и вставок. Однако не все они вошли в текст второй редакции. Вторая редакция отличается от текста четвертой тетради и рядом вновь появившихся стихов.

Первая редакция 1830 года имела 442 стиха, вторая, законченная в 1831 году, выросла до 496 стихов. 263 стиха Лермонтов перенес из первой редакции без изменений; пять стихов — с незначительными поправками (замена окончаний или перестановка слов); наконец, около сорока стихов изменил в одном, двух словах.

Таким образом, с поправками той или иной степени, а также без поправок, во вторую редакцию перешло около трехсот десяти стихов. Остальные стихи (около 130) были отвергнуты поэтом, но вместо них Лермонтов для второй редакции написал 186 новых. Многие из них уже приведены при рассмотрении работы поэта над текстом четвертой тетради. В дополнение к этому остановимся еще на одном примере.

Основная идея поэмы нашла дальнейшее углубление во второй редакции. Здесь появилось продолжение диалога между монахиней и Демоном, которого не было в четвертой тетради. В целом диалог направлен против неба, сделавшего Демона несчастным. По плану сюжет поэмы должен был развиваться таким образом: Демон, увидев ангела в келье и воспылав вновь ненавистью к богу, решает погубить монахиню. Однако его последующая беседа с монахиней по своему содержанию получилась гораздо шире и глубже, искреннее, чем это требовалось для осуществления мщения. Она проникнута ощущением тоски по счастьем и ненавистью к тому, кто принес Демону зло, вызывая сочувствие к Демону.

**Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моления,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!**

Душевное признание героя завоевывает к нему симпатии читателя.

Представление о Демоне-искусителе, составленное из предыдущих сцен, бледнеет и отходит на второй план. Встает образ страдающего, тоскующего, но гордого, искренно любящего и ненавидящего существа. Демон говорит:

**И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья...**

И в эти слова веришь без всякого сомнения.

Вся сила лермонтовского дарования была направлена на более глубокое художественное изображение именно такого Демона. Вот почему вслед за приведенными стихами идет продолжение диалога Демона с монахиней. Его слова о том, что Бог

**На нас не кинет взгляда!
Он небом занят, не землей**

звучали как прямой призыв к устройству земного счастья собственными силами. Эта мысль дальше развивалась еще полнее. На опасение монахини

А наказанье, муки ада?

Демон отвечает:

**Так что ж? — ты будешь там со мной!
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Мне рай — везде, где я с тобой!**

Такова была цель, к которой звал Демон. Он верил в возможность счастливой жизни, он тянулся к ней, и не его вина, а беда, что на пути к счастью вновь появился посланник неба — ангел.

Так развивалась основная идея и тема поэмы.

* * *

Видимо, во второй половине того же 1831 года Лермонтов попытался заново переработать "Демона". Трудно сказать, что именно заставило поэта начать работу сызнова? Скорее всего, художественная слабость первых двух очерков. Это предположение подтверждается хотя бы тем, что план поэмы (судя по дошедшим до нас стихам нового наброска) был оставлен почти без изменения. Образ Демона сохранил и здесь свои основные черты. В отличие от двух первых редакций, написанных четырехстопным ямбом, Лермонтов начал писать новый вариант пятистопным ямбом.

**По голубому небу пролетал
Однажды Демон. С злобою немой
Он в беспредельность грустный взор кидал,
И воспоминанья перед ним толпой
Теснились. — Это небо, где творец
Внимал его хвалам и наконец
Проклятьям, эти звезды... все кругом
Прекрасно в блеске вечно-молодом...**⁶⁷

Таких строф (по восьми стихов в каждой) было написано семь. В каждой строфе соблюдается чередование рифм по схеме АВАВССДД. В ранних очерках такого строгого строфического построения не было. Отрывок, составляющий лишь начало нового очерка, не дает возможности проследить дальнейшее развитие темы и образов поэмы, но представляет интерес как свидетельство упорства Лермонтова в работе над стихом.

Создав 56 стихов нового варианта, Лермонтов пришел к заключению:

"Я хотел писать эту поэму в стихах; но нет — в прозе лучше".

Однако сюжет поэмы "Демон", как известно, Лермонтов разработал только в стихах, но отдельные черты характера Демона были воспроизведены в герое повести "Вадим".

Творческую работу над поэмой в начале тридцатых годов Лермонтов почти не прерывал. Вскоре он составил еще один план, по которому действие поэмы должно было развиваться в древнем Вавилоне, но и этот план остался неосуществленным. Видимо, в то же время был задуман план другой поэмы:

"Написать записки молодого монаха 17 лет. С детства он в монастыре; кроме священных книг ничего не читал. Страстная душа томится. Идеалы..."

В новой поэме должны были получить дальнейшее развитие идеи поэмы "Исповедь" (1830), а также идеи, составлявшие зерно поэмы "Мцыры" и "Демон". Душевное томление сильной натуры, поиски своего идеала — вот мотивы, которые приобретают различные оттенки в художественных замыслах и набросках поэта в эту пору.

* * *

Обычно во всех полных собраниях сочинений Лермонтова в качестве четвертой редакции поэмы печатается текст с так называемого списка Булгаковых.⁶⁸

Какова история этого списка?

Уже после смерти Лермонтова редактору журнала "Отечественные записки" Краевскому доставлена была тетрадь со следующим письмом от 16 декабря 1843 года:

"Милостивый государь!

В 1833 году получил я от одного из моих знакомых стишки под заглавием "Демон". В то время, разумеется, не слишком-то дорожили произведениями какого-то воспитанника школы гвардейских подпрапорщиков, и тетрадка со стихами затерялась. Когда же, наконец, явились в печати "Стихотворения Лермонтова" и между ними я прочел поэму "Демон", написанную в 1839 году, я вспомнил множество мест, мне откуда-то знакомых... Вот, наконец, после долгих стараний, получил я обратно с месяц тому назад почти затерявшуюся заветную тетрадку, и спешу доставить ее вам... Тетрадь же не моя собственность, и я прошу вас, как скоро вам не будет в ней надобности, переслать ее к г-ну Булгакову, служащему, кажется, в кавалергардском полку. Он ее узнает потому, что из их дома попала она ко мне. Честь имею быть вам покорный слуга Николай Ульянов".⁶⁹

Тетрадь представляла значительную ценность, так как в ней содержался текст поэмы с поправками, сделанными рукою поэта. Но в тетради не было даты, и первые публикаторы текста — Висковатов и Введенский, опираясь на письмо Ульянова, отнесли эту редакцию к 1833 году. С тех пор во всех изданиях она датируется 1833 годом.

В связи с изучением списка Булгакова, возникают следующие вопросы: 1) кто такой Булгаков, о котором идет речь в письме Ульянова, и 2) правильно ли датируется список?

Висковатов в своей статье "Несколько слов по поводу поэмы "Демон" говорит, что данная тетрадь принадлежала "Булгакову, другу и приятелю Лермонтова",⁷⁰ имея в виду Константина Александровича Булгакова, с которым Лермонтов учился в военной школе. Но это неверно. Ульянов в своем письме упоминает о Булгакове, служившем в Кавалергардском полку.

Константин Булгаков, поступив в военную школу 4 октября 1832 года, то есть ранее Лермонтова, снискал себе печальную известность своим поведением и был выпущен из школы годом позднее, чем поэт. Его выпустили в Преображенский полк. Он был пехотинец и служить в кавалергардах не мог.

В письме Ульянова речь идет, видимо, о двоюродном брате Константина — Александре Булгакове, отец которого, Константин Яковлевич, жил в Петербурге и занимал видное положение в почтовом департаменте.

Александр Булгаков поступил в военную школу в 1834 году. В противоположность своему двоюродному брату Александр был серьезным юношей и проявлял интерес к литературе. Он очень хорошо учился. Его и еще одного юнкера, как воспитанников с отличными успехами, выпустили ранее других 1-го июня 1836 года. Это было редкое явление для школы. Александр Булгаков служил в Кавалергардском полку.

В 1834 году производство юнкеров в офицеры значительно затянулось.⁷¹ Вот почему вполне естественно предполагать, что Лермонтов мог лично познакомиться с Александром Булгаковым еще в школе.

Необходимо указать еще на одну деталь. Семья Константина Булгакова жила в Москве, и для того, чтобы здесь Ульянов мог в 1833 году получить тетрадь с "Демоном", последняя должна была быть переправлена каким-то образом из Петербурга.

Таким образом, вполне возможно, что Висковатов допустил ошибку. Тетрадь попала к Ульянову скорее всего от семьи Александра Булгакова, и произошло это, вероятно, не в 1833 году, а несколько позднее — в конце 1834 или начале 1835 года. Какие данные могут служить подтверждением высказанного предположения?

В тетради на последнем листе рукою Лермонтова написаны стихи из поэмы "Боярин Орша". Они относятся к заключительной, третьей главе поэмы. Часть из них печатается в основном тексте "Боярина Орша", начиная с 747 стиха, часть (с 802 по 819) приводится в вариантах.⁷²

Если текст поэмы "Демон" переписан в тетрадь чужой рукою почти без помарок, то есть делался с какого-то другого списка или автографа, то стихи поэмы "Боярин Орша" носят характер черновой, авторской работы.

Поэма "Боярин Орша" во всех изданиях предположительно датируется 1835—1836 годами. Если в 1833 году из рук Лермонтова ушла тетрадь с черновыми набросками заключительной главы поэмы "Боярин Орша", то надо думать, что они уже не интересовали поэта, что Лермонтов уже их использовал и перенес в какой-то последующий автограф. В противном случае он не отдал бы тетради знакомым.

В специальной литературе о Лермонтове до сих пор на этот факт не обращали внимания. Однако он имеет большое принципиальное значение. Совершенно очевидно, что либо поэма "Боярин Орша" была написана Лермонтовым не в 1835—1836 годах, а раньше, либо Ульянов получил тетрадь от Булгаковых не в 1833 году, а позднее. Если верить письму Ульянова, то необходимо изменить датировку поэмы "Боярин Орша"; если будет доказано, что Ульянов ошибся, то вполне возможно изменение датировки списка Булгаковых.

Мы не располагаем на сегодня достаточными фактическими данными, чтобы установить точно время, когда была написана поэма "Боярин Орша". Этот вопрос требует специального исследования. Что касается датировки списка Булгакова, то здесь можно привести следующие факты.

Когда работал Лермонтов над той редакцией поэмы "Демон", которая представлена списком Булгакова?

Ни в одном из писем Лермонтова, ни в одном из воспоминаний его современников не говорится о работе поэта над "Демоном" в 1832—33 годах. Сохранились воспоминания, в которых авторы рассказывают о том, что поэму "Демон" Лермонтов перерабатывал позднее.

В своих записках А. Муравьев передавал следующее:

"Я хочу говорить о Лермонтове... Однажды его товарищ по школе, гусар Цейдлер, приносит мне тетрадку стихов неизвестного поэта и, не называя его по имени, просит только сказать

мое мнение о самих стихах. Это была первая поэма Лермонтова "Демон". Я был изумлен живостью рассказа и звучностью стихов и просил передать это неизвестному поэту. Тогда лишь, с его дозволения, решился он мне назвать Лермонтова, и когда гусарский юнкер надел эполеты, он не замедлил ко мне явиться. Так было начало нашего знакомства".⁷³

Судя по тому, что Муравьев упоминает о знакомстве с Лермонтовым, когда последний надел эполеты, данные события относятся к концу 1834 года. Сами по себе воспоминания Муравьева не могут служить доказательством того, что Лермонтов перерабатывал "Демона" в 1834 году, но они говорят о возобновлении интереса поэта к своему произведению. Возможно, беседы Лермонтова с Муравьевым — человеком культурным и начитанным — и послужили толчком к возобновлению работы над "Демоном".

Воспоминания близкого друга и родственника поэта — А.П. Шан-Гирея дают более конкретные указания. А.П. Шан-Гирей писал:

"В это время, то есть до 1837 года, Лермонтов написал "Казначейшу", "Песню о царе Иоанне и купце Калашникове", начал роман в прозе без заглавия и драму в прозе "Два брата", переделал "Демона", набросал несколько сцен драмы "Арбенин" (впоследствии названной "Маскарад") и несколько мелких стихотворений, все это читалось дома, между короткими. В 1836 году бабушка, соскучившись без Миши, вернулась в Петербург".⁷⁴

Бабушка поэта вернулась в Петербург в мае 1836 года. Весь рассказ Шан-Гирея относится ко времени до ее возвращения. Если учесть, что сам Шан-Гирей приехал в Петербург в начале 1834 года, то становится ясно: он говорит о переработке "Демона", которая могла происходить в 1834 году или 1835 году.

К воспоминаниям А.П. Шан-Гирея необходимо прибавить следующее. В рукописном отделе библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится один список поэмы (шифр Q, 170) с такой пометкой:

"Демон. Сочи — М. Л. (написанное в 1835 году собственною его рукою). С-т Петербург".

Данный список именно и представляет редакцию, о которой идет здесь речь.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наличие на последнем листе булгаковской тетради стихов из заключительной главы поэмы "Боярин Орша" говорит о том, что тетрадь ушла из рук Лермонтова не раньше, чем в основном была закончена поэма "Боярин Орша". Во-вторых, воспоминания современников дают возможность предполагать, что знакомство с Муравьевым (ему была передана одна из ранних редакций "Демона") послужило толчком для новой переработки поэмы. Эта новая работа над поэмой могла проходить в конце 1834 — начале 1835 года.

И, наконец, выводы, сделанные нами, позволяют утверждать, что Ульянов ошибся. Список "Демона" он у Булгаковых получил не в 1833 году, а позднее. Вспоминая о событиях спустя много лет (в 1843 году), он мог неточно указать дату.

* * *

Третья редакция поэмы по своим художественным достоинствам значительно отличается от первых двух. Она свидетельствует о выросшем мастерстве ее автора, о том, что в результате упорного труда выразительность стихов, их образность и поэтическая сила приобрели более яркую, художественно-совершенную форму.

По объему третья редакция выросла до 560 стихов. Без всяких изменений сюда было перенесено из предыдущего очерка около двухсот десяти стихов; примерно двадцать стихов перешло с не-

значительными поправками, а около 330 стихов были созданы заново. Эти цифры дают некоторое представление о том, какой труд вложил поэт в третий очерк.

Однако, говоря о новых стихах, необходимо отметить, что они не всегда касались новых тем. Напротив, почти половина новых стихов содержала старые мысли и образы, только теперь они стали художественно совершеннее. Часть новых стихов расширяла или углубляла отдельные картины и образы, создавала более яркий портрет. Приведем пример. Во второй редакции Демон

...грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины
И зрит: белеет под горой
Стена обители святой,
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина;
Встает багровая луна...

В третьей редакции описание монастыря значительно расширено. Здесь также Демон

...зрит в тумане отдаленья
Верхи обители святой.
У стен ее, прохлады полны,
Однообразно шепчут волны;
Кругом ея густых дерев
Сплелись кудрявые вершины
И кое-где из их средины,
Стремясь достать до облаков,
Встает, белея, остов длинный
Зубчатой башни, и над ней —
Символ спасения забвенный —
Чернеет ржавый крест, согбенный
Усиьем бури и дождей.
Меж бедных келий храм огромный.
Едва сквозь длинное окно
Глядит лампады луч нескромный.
Внутри все спит давным-давно,
Все вокруг таинственно и темно.
Вот, одинока и красна
Встает двурога луна...

Расширение описательного элемента — весьма характерное явление для третьей редакции. Если раньше месту действия поэмы автор не придавал значения, и оно не было обозначено конкретными штрихами, то теперь дело обстояло иначе.

Вот, испещренная цветами,
Густой лимонной рощи сень,
Вот пред святыми воротами
Часовня... Южный теплый день
Играет яркими лучами
По белым башням и стенам...

Подобные описания создавали зрительно яркие картины и расширяли представления читателей.

Большое внимание Лермонтов уделял точности выражения мысли, стилистической верности речевых оборотов. В этом направлении поэт много работал. Так, например, во второй редакции монахиня обращалась к Демону со следующими словами:

Страстей волненья позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить? —
О, кто ты? — речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Четвертая строка была построена грамматически неправильно. В данном тексте нельзя употреблять родительный падеж от

местоимения "что". Кроме того, этот оборот повторялся через строку в шестом стихе. Поэт переработал эти стихи так:

**Забуть волнение страстей
Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь
Мольбою странною своей
О, кто ты? — речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?**

Или раньше в монологе Демона было:

**Мы станем жить любя, страдая,
И ад наш будет стоять рая...**

Выражение "ад наш" вступало в противоречие с последующими словами. Лермонтов переделал строку,

И ад нам будет стоять рая.

Во второй редакции о Демоне говорилось, что

Он вышел твердою ногой...

Сочетание "твердая нога" неточно выражало мысль, и Лермонтов восстановил стих по более раннему очерку:

Он вышел твердою стопой...

Работа поэта сводилась порою к самым, на первый взгляд, незначительным перестановкам слов или изменению окончаний. Но из таких "мелочей" создавались более совершенные стихи. Например, во второй редакции о бже Демон говорит:

Он небом занят, не землей!

В третью редакцию поэт перенес этот стих в таком виде:

Он занят небом, не землей!

И с грамматической, и с логической точки зрения такое построение фразы более правильно. Слово "небо", играющее в предложении роль прямого дополнения, стало на свое место — после сказуемого.

Таковы приемы авторской работы над образом, над формой стихов, их выразительностью и ясностью.

Каковы особенности третьей редакции поэмы?

Развитие сюжета, композиция, идейные устремления поэмы остались почти неизменными. Лермонтов сосредоточил все свое внимание на образах Демона и монахини. Он стремился дать им более глубокую характеристику. Лишь только в одном месте поэт позволил себе ввести лирическое отступление:

**О море, море! Как прекрасны
В блестящий день и в день ненастный
Его и рев и тишина!.. (и так далее).**

Это отступление (всего 26 стихов) не имело непосредственного отношения к действующим лицам, и Лермонтов позднее его перечеркнул.

Что же нового внес поэт в образ Демона?

Прежде всего, Лермонтов выбросил большинство стихов, выражавших авторские сентенции о поведении Демона. Они не развивали действия поэмы. Так, в предыдущей редакции после того, как Демон увидел ангела и его охватило чувство мщения, автор говорил:

**Как жалко! он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забуть толпу преступных дел.
Позволить сердцу оживиться!
Творцу природы может быть,
Внушил бы Демон сожаленья
И благодатное прощенье.**

В таком же духе было около сорока строк. Все это поэт выбросил. Опущены были стихи, снижавшие образ Демона до мелкого, коварного существа, преобразующегося в юношу с томным взором только для того, чтобы удобнее было погубить монахиню. Поэт шел по пути создания образа Демона, все более могу-

шественного и гордого. И все места, которые могли дать такое представление о Демоне, Лермонтов расширял. Он ввел стихи, обличавшие несовершенство жизни людей с их лицемерием и рабским существованием. Он ввел мысль о том, что пассивная вера, религиозная добродетель не могут принести человеку счастья. Устами Демона автор развивал эти мысли.

**И что такое жизнь святая
Перед минутою любви?
Моя бессменная подруга,
Ты будешь разделять со мной
Века бессмертного досуга
И власть над бедною землей,
Где косит все печать презренья,
Где меж людей, с давнишних лет,
Ни настоящего мученья,
Ни счастья без обманов нет.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на меня роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.**

Значительно пополнив монолог Демона, Лермонтов стремился рельефнее показать страстную, целеустремленную натуру своего героя. Его речи становились бурным излиянием давнишней тоски о прекрасном в жизни; они звали к счастью.

**...Полон жизни новой,
С своей преступной головой
Я гордо снял венец терновый.
И все бывшее бросил в прах;
Мой рай, мой ад в твоих очах...
.....
Люблю тебя нездешней страстью.
Как полюбить не можешь ты,
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.**

На фоне этих пламенных речей отступали на задний план черты лукавства, и поднимался во весь свой могучий рост образ протестанта.

Рядом с образом Демона получал дальнейшее развитие и образ монахини. Лермонтов создает ряд новых стихов, вносящих дополнительные штрихи в портрет героини и более углубленно передававших ее душевное смятение.

**...Я не могу
Молиться... Тайною отравой
Мой ум слабеющий объят! —**

в страхе шепчет монахиня. Она не имеет сил противостоять могучей страсти. Ее захватили новые, еще неизведанные чувства. И, как все неизведанное, они тянут и пугают ее.

В третьей редакции уже хорошо видно, как Лермонтов пользуется своим излюбленным приемом антитезы. Этим творческим приемом позднее поэт овладеет в совершенстве. Он обычно сталкивает противоположные характеры. В его произведениях очень часто встречаются, с одной стороны, сильная, цельная натура героя, с другой — слабая, беспомощная, гибнущая героиня. Вспомним Арбенина и Нину, Печорина и Белу, наконец, Демона и монахиню. Конечно, каждый из этих образов совершенно индивидуален, несет только ему присущие черты, но одновременно все они имеют много общего. И это общее является выражением главного в творчестве Лермонтова — идейного направления его поэзии.

Рассмотренная нами третья редакция является последней из всех ранних набросков и очерков поэмы. Немного времени прошло с тех пор, как творческая фантазия поэта впервые создала об-

раз Демона. Тогда, в 1829 году, многие черты характера этого образа были еще неясными. Поэт еще не знал, как лучше развернуть сюжет поэмы, чтобы показать героев во всей полноте; он не всегда отдавал себе отчет, что нужно показать первым планом, а что изобразить лишь штрихами. Но главное поэтом было схвачено и положено в основу будущего произведения — чувства и устремления, волновавшие не только его, но и многих современников.

* * *

Проходили годы... Лермонтов быстро мужал. Зрел его могучий талант. Жизнь давала ему все новые впечатления и все настойчивее требовала от него — поэта и гражданина — художественного воплощения основных, волнующих вопросов современности. В лирике, поэмах, прозе, драматургии — повсюду Лермонтов был сыном своего народа, передовым человеком эпохи. Как поэтический выразитель дум и чаяний своего поколения, как беспощадный обличитель уродств и несправедливости общественного устройства, он был гневным судьей пороков русского дворянства. Но Лермонтов не только обличал, не только тосковал и страдал со своими современниками. Он протестовал, и его протест был овеян духом непримиримой борьбы со злом. Свой протест он вложил во многие произведения. Поэма "Демон" была одним из художественных созданий, в которой Лермонтов вдохнул могучую силу своей мятежной поэзии.

Наступил конец 1834 года... Юность отошла в прошлое. Лермонтов стал офицером и был выпущен в лейб-гвардии гусарский полк. Но став гусарским офицером, он прежде всего чувствовал себя поэтом-гражданином, русским человеком. Вновь и вновь он перерабатывает поэму. К 1835 году уже закончен был долгий труд, но творческая работа над образом Демона продолжалась.

Почти в то же время Лермонтов принялся писать драму "Маскарад". Анализ драмы приводит к убеждению, что во время работы над нею (видимо, летом 1835 года) поэт находился еще под впечатлением переживаний, которые он испытывал недавно, переделывая "Демона".

Вспоминая прошлое, Арбенин говорил:

**...я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал,
Любил я часто, часто ненавидел,
И более всего страдал!
Сначала все хотел, потом все презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятия
Для чувств и счастья земли...**

Почти те же мысли высказывал поэт, говоря о Демоне. Источником страданий Арбенина и Демона в прошлом один и тот же — бесцельность и пустота одинокого существования, на которое они были обречены силою обстоятельств. А затем так же, как и Демон, Арбенин встретил женщину. Давно остывшая душа, так жадно тянувшаяся к счастью, вновь ожила.

**И вдруг во мне забытый звук проснулся:
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю...**

С Арбениным произошло то же, что было с Демоном, который когда-то также узнал, что

...Любить он может, может...

И в самом деле любит он!

Изливая свою страсть Нине, Арбенин говорит:

**...но ты мой рай,
Небесный и земной...**

Он почти повторял Демона, который убеждал монахино:

**Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая...**

Но не только некоторые положения во взаимоотношениях героя и героини сходны в поэме и драме. Основное родство проявилось в характере Арбенина и Демона. Независимость взгляда, непримиримое отношение к источникам страданий, сила протеста против уродства бытия — вот что роднит этих героев.

**Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился... —**

говорит Арбенин, как бы повторяя то, что высказывал Демон:

**И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья...**

Эти герои — родные братья, и их родство, видимо, хорошо видел сам Лермонтов, вложивший в уста князя Звездича вопрос, обращенный к Арбенину:

...Вы человек или демон?

Мы вправе ответить, Арбенин действительно во многом сродни Демону. Происхождение их одно. Они созданы одними и теми же жизненными условиями. Только творческая фантазия автора нашла разные пути для изображения их характера. В поэме "Демон" поэт попытался решить приемами романтического письма подлинно жизненные проблемы, в драме "Маскарад" Лермонтов уже стоял на позициях писателя-реалиста, хотя и здесь еще романтизм во многом весьма осязателен. В образе Демона действительность получила романтическую форму произведения, в образе Арбенина — более реалистическую.

3. Кавказские редакции поэмы

1837 год начался для Лермонтова глубоким потрясением. 27 января на дуэли был смертельно ранен А.С. Пушкин. Через два дня великого поэта не стало. Невозвратимую утрату вместе со всеми русскими людьми переживал и Лермонтов. Его скорбь и негодование вылились в стихах "Смерть поэта". Эти стихи сразу приобрели популярность, они в десятках списков разошлись по столице. Их читали и переписывали.

27 февраля, после непродолжительного ареста, приказом царя Лермонтова перевели в Нижегородский драгунский полк, который был расквартирован тогда в Закавказье. Поэт в конце 1837 года писал своему другу С. Раевскому:

"...Как перевалил через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; отсюда видна половина Грузии как на блюде, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства; для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь".

За время странствования по Кавказу Лермонтов видел и слышал много интересного. Он внимательно приглядывался к жизни народов Кавказа, изучил местные языки, с любовью слушал и записывал старинные легенды, преданья, сказки. Кавказские впечатления дали большой разнообразный материал для творчества Лермонтова. Многие из того, что Лермонтов видел или слышал на Кавказе, легло в основу ряда его художественных произведений. Путешествие по югу дало толчок и для новой переработки поэмы "Демон".

Уже в конце 1837 или начале 1838 года Лермонтов создает новую редакцию поэмы, представленную так называемым Ереванским списком. Из всего огромного количества извест-

ных рукописных копий поэмы этот список занимает особое место и его открытие в 1939 году было интересным событием в лермонтоведении.

Совершенно справедливо публикаторы отмечали, что "редакция поэмы, отраженная в этом списке, не совпадает ни с одной из известных до сих пор редакций. Она является новым промежуточным звеном в истории работы Лермонтова над "Демоном".⁷⁵ К этому следует добавить, что ряд стихов, неизвестных раньше, — характерная особенность только этого очерка. Они не вошли ни в одну из последующих редакций или списков.

Прежде всего, необходимо выяснить, какова связь новой редакции с ранними очерками. Если вопрос решить по внешним, формальным признакам, то связь этой первой кавказской редакции с предыдущими покажется сравнительно небольшой. Поэма по своему объему выросла почти вдвое. Она теперь состояла из 1046 стихов. Из них лишь 95 стихов были перенесены поэтом без изменений из предыдущей (третьей) редакции. С некоторыми поправками и заменами одного слова другим поэт использовал еще около 25 стихов. Таким образом, всего 120 стихов или около 12 процентов вошло в текст новой редакции. Все остальное было создано поэтом вновь.

Однако было бы неверным судить о степени взаимосвязи разных редакций только по формальным признакам. По существу, связь значительно глубже и кроется в единстве круга идей двух редакций. Фундамент остался прежний. Тема поэмы также осталась без малейшего изменения. Она развивалась на том же взаимоотношении главных действующих лиц. Образ героя хотя и получил некоторые дополнения, но в своей основе был почти таким же, как и в третьей редакции.

Основные изменения произошли за счет того фона, на котором развивалось действие. Прежде местом действия была безымянная южная страна, теперь события происходят в Грузии.

**Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный;
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной! —**

говорит поэт в посвящении. Перенеся действие на Кавказ, Лермонтов сразу почувствовал твердую почву для развития описательного элемента. Изучение творческой истории ранних редакций убедило нас в том, что Лермонтов сурово обходился со всеми отступлениями описательного характера и в большинстве случаев при последующих переработках вычеркивал их. Теперь дело обстоит иначе. Описания Кавказа слагались из живых, а не книжных впечатлений. Они были подлинно реалистическими, высокохудожественными и удовлетворяли весьма значительным требованиям автора. Вот почему описательный элемент в четвертой редакции приобрел большой удельный вес и в дальнейшем остался почти без изменений. Описания Кавказа в поэме "Демон" — это шедевры лермонтовской поэзии. Образцом могут служить третья и четвертая главы первой части. (В Ереванском списке главы отделены друг от друга, хотя и не имеют нумерации.) Они сразу дают колорит всей поэме.

**И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал;
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял...**

**И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.**

Однако реалистическое изображение обстановки, в которой происходит действие, слагалось не только из описаний природы. Появился новый элемент, отсутствовавший раньше, — бытовые зарисовки. Именно на фоне родного, национального быта показана жизнь героини. Это не монахиня с туманным прошлым. Теперь читатель знакомится с героиней до того, как ее увидел Демон.

**Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
Со стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени —
Они от башни угловой
Ведут к реке. По ним, мелькая,
Покрыта белою чадрой
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.**

Вся первая часть поэмы, дающая сюжетную завязку, в основном построена на бытовом материале и дышит подлинным реализмом.

Хотя схема сюжета поэмы осталась почти без изменений, но необходимо отметить одну очень важную деталь, впервые появившуюся в данной редакции. Она дает возможность несколько по-новому взглянуть на Демона.

Во всех предыдущих редакциях развитие событий шло таким образом. Полюбив монахиню, Демон спустя некоторое время решает еще раз увидеть ее, а затем навсегда удалиться. Но неожиданная встреча с ангелом в келье сразу изменила его решение. В душе Демона вновь проснулся "старинной ненависти яд", и он решил погубить монахиню, которую взяло под защиту небо. Для выполнения своего решения Демон выждал у стен монастыря, пока дева останется одна. После этого он принял вид томного юноши, пылающего страстью, и вошел в келью с заранее намеченным коварным планом — погубить монахиню. Перед ним стояла одна цель — месть богу. Правда, в своих монологах Демон с большой искренностью раскрывает себя. Его душевные излияния говорили о тяжелых страданиях, о большой внутренней силе. Им поверила монахиня, верит и читатель. Идейное содержание этих монологов гораздо глубже, нежели того требовал сюжет. И в самом деле, стоило ли Демону открывать свою душу лишь для того, чтобы соблазнить монахиню? А когда монахиня погибла, у читателя оставалось не только чувство симпатии к Демону, но и чувство неприязни: черты коварства Демона были слишком ярко обрисованы автором.

С каждой последующей редакцией Лермонтов ослаблял черты коварства в характере Демона. И вот, наконец, в четвертой редакции они были совершенно уничтожены. Мысли, слова и поступки Демона, дававшие представление о его лицемерии, были выброшены из текста. Теперь Демон, встречаясь с ангелом в келье, прямо заявляет:

**Оставь ее — она моя;
Отныне жить нельзя нам розно
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я положил печать мою.
Здесь больше нет твоей святости,
Здесь я владею и люблю...**

Ангел удаляется, а Демон остается с Тамарой, которую горячо любит и с которой хочет найти свое счастье. Таким образом, и тема поэмы приобретала несколько иной оттенок. В ран-

них редакциях для Демона борьба с небом, причинившем ему немало страданий, выдвигалась на первый план и была его конечной целью. Для достижения этой цели он жертвовал даже своей любовью. В четвертой редакции конечной целью Демона является желание найти то новое, чего не имел он до сих пор и что может составить его счастье. К этой цели Демон идет, преодолевая препятствия.

Его короткое столкновение с ангелом оканчивается победой, и он без всякого лукавства говорит Тамаре:

**Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои...**

В таком направлении шло развитие темы и сюжета поэмы. Так видоизменялись черты характера Демона. Говоря о характерных особенностях новой редакции поэмы, необходимо отметить стремление Лермонтова к расширению философского элемента. Так, например, сообщая историю Демона, прошедшего "веков бесплодных ряд унылый", Лермонтов тотчас же делает заключение о жизни людей и их характере. Он говорит:

**Во след за веком век бежал,
Как за минутою минута
Однообразной чередой;
Над утомленную землей
Обломки старых поколений
Сменялись новою толпой
Живых заботливых творений,
Но тщетны были для детей
Отцов и праотцов уроки —
У переменивых людей
Не изменились пороки...**

Жизнь человечества, ее смысл, идеалы людей и цель их существования, условия бытия — вот темы, которые, видимо, глубоко волновали поэта. Он ввел немало новых стихов, затрагивающих эти вопросы. К ним поэт возвращается несколько раз.

Что люди? Что их жизнь и труд? —
спрашивает Демон и уже через десяток стихов опять задает вопрос:

**Скажи, Тамара, что такое
Людей минутная любовь?**

Философский вопрос ставил проблемы большого идейного содержания. Пользуясь этим художественным приемом, Лермонтов добивался более глубокой характеристики образа. Вслед за вопросом следовал ответ. В нем поэт давал представление о взглядах героя. Автор наталкивал читателя на размышления, будил в нем философскую мысль.

Не говоря уже об идейной глубине поэмы в целом, на что обращал внимание еще В.Г. Белинский, необходимо заметить, что Лермонтов охотно вводил философские размышления по каким-либо частным вопросам. Например, портрет умершей Тамары дает ему повод для таких размышлений:

**...Улыбка страстная застыла,
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той.
Что в ней? — насмешка ль над судьбой?
Непобедимое ль сомненье?
Иль жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?**

Порою Лермонтов в очень сжатой форме, как бы между прочим, бросает короткую фразу, несущую в себе глубокое идейное

содержание. Заостряя внимание читателя на безвременности гибели юной Тамары, поэт с горечью восклицает:

**Нет, смерти вечную печать
Никто не в силах уж сорвать!**

Или, заканчивая поэму, Лермонтов воспеваает величие природы и придает последним аккордам жизнеутверждающий общественно-философский смысл:

**И жизнью вечно-молодую,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится, шутя,
Как беззаботное дитя.**

Не останавливаясь пока еще на некоторых особенностях редакции, представленной Ереванским списком, мы попытаемся разобраться в тех нитях, которые связывают эту редакцию с кавказским фольклором.

Еще в дооктябрьском литературоведении был поднят вопрос о том, что многие мотивы поэмы Лермонтовым заимствованы из фольклора кавказских народов. Впервые об этом заговорил П. Висковатов. К данному вопросу он возвращался в нескольких работах.⁷⁶ Позднее, хотя и бегло, этот вопрос был затронут в примечаниях и вводных статьях различных изданий и, наконец, значительно шире в работах Л. Семенова⁷⁷, И. Ениколопова⁷⁸, И. Андроникова⁷⁹.

Для нас совершенно очевидна связь некоторых мотивов лермонтовской поэмы с народными преданиями, и мы не собираемся опровергать этого положения. Но весь вопрос сводится к тому, чтобы четко провести грань и указать конкретно, где начало и где конец этой связи, что действительно было использовано Лермонтовым из фольклора и что явилось результатом совершенно иных восприятий.

В свое время литературоведы потратили много сил, чтобы доказать, что Лермонтов в "Демоне" охотно использовал образы западно-европейской литературы. Работы Спасовича, Дашкевича, Розанова, Галахова и многих других были, по существу, направлены на то, чтобы, рассмотрев развитие древних легенд о злом духе в мировой литературе, установить наличие заимствования Лермонтовым основного зерна поэмы.

Стремление авторов отдельных работ найти источники лермонтовского "Демона" не на Западе, а в фольклоре народов Кавказа таит в себе не только опасность подмены одного источника другим, но и фактическую ошибочность.

Когда в 80-х годах прошлого века первый биограф Лермонтова П. Висковатов поднял вопрос о связи поэмы "Демон" с кавказским фольклором, то его идейная установка была совершенно определенной. Он писал:

"Я был уверен в существовании такой обработки, где... поэма основывалась не на автобиографическом начале, а на народных верованиях, хранящих в себе воззрения целой страны, ставшей для поэта второй родиной".⁸⁰

Какие же "народные верования" искал в поэме П. Висковатов? В благосклонности Тамары к Демону он видел наличие знакомства ее "с преданием о возможности для Демона возвратиться к добру, как только он полюбит и будет любим непорочным существом... Тамара думает, что, полюбив Демона, она исполняет волю небес".

Тут же, приведя ряд горских легенд о любви злого духа к земной девушке, внешне действительно похожих на отдельные ситуации поэмы, автор стремился привести читателя к мысли, что Лермонтов мастерски отшлифовал тему, до сих пор бытовавшую в легендах. Идейное содержание лермонтовской поэмы низводилось до уровня отнюдь не прогрессивных произведений фольклора и искусственно сближалось с реакционными легендами и учением церкви.

И. Андроников, отмечая, что "...в качестве литературных источников "Демона"... указывались произведения Байрона, Томаса Мура, Альфреда да Виньи и т. п.", в противовес этому выдвигает свое положение:

"Можно решительно утверждать, что гораздо большее воздействие, чем все вместе взятые литературные источники, оказало... знакомство Лермонтова с бытом и нравами новой для него страны и народные легенды и предания, слышанные им в Грузии".⁸¹

У читателя складывается совершенно определенное представление, о чем идет речь. По мнению исследователя, не западные, а кавказские источники явились основой поэмы. Спрашивается, что же изменилось в результате смены одних источников другими?

Литературоведы прошлого говорили, что легенда о злом духе и деве, зародившись в глубокой старине где-то на востоке, прошла через литературы европейских народов и попала к Лермонтову, а Андроников доказывает, что эта легенда попала к поэту через народные сказания Кавказа. Если бы речь шла об идейно различных источниках, то поиски имели какой-либо смысл. Но большинство приведенных Андрониковым в качестве доказательства горских легенд ничем, кроме имен и сюжетных деталей, не отличается от широко известных церковных легенд. И там и тут идея одна — злой дух полюбил девушку, и в результате она погибает.

Спрашивается: намного ли приближает такая трактовка источников лермонтовской поэмы к правильному пониманию круга ее идей? Можно ли считать заслугой Лермонтова его обработку произведений фольклора, в основе своей реакционных? И, наконец, можно ли составить правильное представление о значении поэмы Лермонтова из заключения, сделанного И. Андрониковым: "Грузинская легенда о любви духа к девушке оплодотворила книжный сюжет".⁸²

Подобное утверждение можно встретить и в работе И. Ениколопова. Он говорит:

"Отличное знание прошлого Грузии, событий и преданий сказывается у Лермонтова и в поэме "Демон", сюжетом для которой он использовал одно из грузинских народных сказаний".⁸³

Анализ фактической стороны вопроса также убеждает в ошибочности подобных утверждений.

Изучение творческой истории ранних редакций поэмы показало, что основа сюжета поэмы "Демон" сложилась очень рано, то есть задолго до того, как Лермонтов попал в Грузию. Та же творческая история убеждает в том, что Лермонтов шел по пути совершенно иного толкования образа Демона, нежели это было в западной литературе и в кавказских преданиях. Если в первой и второй редакциях поэмы можно было у Демона найти элементы традиционных качеств злого, коварного духа, то со временем подобные черты автором стираются. Вместо них поэт выдвигает на первый план искренность и глубину чувств, силу протеста, мятежность, богоборчество. Качественно это во многом новый образ. Его идейная основа отличается от кавказских преданий. Можно предполагать, что она складывалась прежде всего под воздействием передовых воззрений русского освободительного движения, а не литературных или фольклорных произведений, перепевавших мотивы церковных легенд.

Сравнительно недавно в грузинской газете "Литература да халовнеба" ("Литература и искусство")⁸⁴ была помещена статья А. Гачачиладзе "Демон" Лермонтова и грузинские сказания". В статье приведена очень интересная легенда о "Тамаре и Дэви", записанная по рассказу 98-летнего старца в Кахетии. Эта легенда могла бы служить более ярким образцом для сравнения с "Демоном", нежели приведенные в работе Висковатова, Анд-

роникова и Семенова. В ней многие детали, начиная от имени Тамары и кончая событиями в монастыре, напоминают поэму Лермонтова.

Но и эта легенда не может считаться источником "Демона" хотя бы потому, что поэт мог ее слышать после того, как им были созданы первые три редакции поэмы.

Вот почему, говоря о связи "Демона" с кавказским фольклором, необходимо, прежде всего, сообразуясь с фактами, четко охарактеризовать степень этой связи.

Пребывание на Кавказе, и в частности в Грузии, для поэта, безусловно, дало очень много. Лермонтов с восторгом отмечал в письмах красоты Кавказа, он глубоко интересовался бытом и нравами местных народов. Эти живые впечатления, схваченные острым взором художника, помогли поэту создать реалистические картины той местности, куда было перенесено действие поэмы. Горные ущелья, величавые снежные вершины, развалины древних башен и монастырей, бурные потоки, наконец, живые люди с их бытом и культурой — вот что явилось главным источником для создания таких персонажей, как Гудал и жених Тамары. И для образа героини Лермонтов использовал свои кавказские впечатления. Он создал ее внешний облик, сделал из нее живого человека — девушку определенного народа. Но в ее уста поэт вложил мысли, известные нам по более ранним редакциям. Что касается самого Демона, то он несколько не изменился от того, что был перенесен именно на Кавказ.⁸⁵

Влияние кавказского фольклора сказалось в ряде ярких, но второстепенных штрихов. Они делали образ, создаваемый поэтом, более эмоциональным, запоминающимся, связанным с той местностью, которую описывал Лермонтов. Так, например, жених Тамары проезжает ущельем...

**И вот часовня на дороге;
Здесь с давних лет почит в бже
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил.
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих...**

Замечание проф. Л.П. Семенова об этих стихах вполне убедительно: "Описывая гибель князя Синодала, автор исходит из фольклорной мотивировки..."⁸⁶ Лермонтов, видимо, слышал какое-то предание о часовне.

Вполне вероятно, что стихи о праотце Гудала, который построил церковь на высоте гранитных скал, где гуляют метели, или о соловьях, которые "поют красавиц безответных", и некоторые другие навеяны преданиями и легендами. Не подлежит сомнению, что стихи

**...и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье
И мыслит он: "То горный дух,
Прикованный в пещере, стонет!" —**

также несут в себе фольклорную основу. Правда, последние два стиха появились в поэме не в 1837 или 1838 году. Это позднейшая вставка. Но они говорят о том, что Лермонтов знал одну из самых распространенных на Кавказе легенд о скованном Амиране.

Вот те главные фольклорные мотивы, которые нашли отражение в кавказских редакциях поэмы.

* * *

Вскоре после того, как была создана кавказская редакция поэмы, Лермонтов, чем-то неудовлетворенный, опять принялся изменять ее. К сентябрю 1838 года переработка была закончена. Так появилась пятая редакция "Демона" (т. IV, стр. 279).

Новый очерк имел специальное назначение. Поэт готовил его в подарок Варваре Александровне Лопухиной-Бахметьевой. На последнем листе тетради Лермонтов собственноручно написал посвящение, адресованное любимой женщине. Оно интересно не только тем, что характеризует отношение поэта к Лопухиной. В нем высказана мысль, которая относится непосредственно к творческой истории поэмы.

**...Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты — только мертвого, пустого одобрения
Наложил на нее холодную печать.
И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томивший столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...**

Последние строчки заключают, пожалуй, самое ценное признание поэта. Они прямо указывают на его отношение к своему любимому произведению и говорят о том, как нужно понимать поэму. В ней не "игра воображенья", а чувства и переживания, томившие поэта много лет.

В сравнении с предыдущей редакцией, представленной Ереванским списком, этот очерк претерпел немного изменений. В целом по своему объему он несколько сократился. В нем около 1000 стихов. Из них лишь примерно десять процентов являются новыми. Остальные были перенесены из предыдущей редакции без всяких изменений.⁸⁷

Каковы главные изменения, произведенные Лермонтовым во время работы над пятой редакцией?

Как Ереванский, так и Лопухинский списки не имеют цифрового обозначения каждой главы. Отмечены лишь первая и вторая часть.

Только два существенных изменения были произведены Лермонтовым в первой части поэмы. В самом начале, говоря о полете Демона над "грешною землей", поэт раньше делал отступление философского характера.

**Над утомленную землей
Обломки старых поколений
Сменялись новою толпой... и так далее.**

Эти и последующие 13 стихов Лермонтов выбросил, заменив их пятью строчками, которые углубляли образ Демона.

**Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивления —
И зло наскучило ему.**

Второе, очень интересное изменение характеризует Лермонтова, как автора, который предъявлял строгие требования к художественным достоинствам своих стихов.

В четвертой редакции Демон, убеждая Тамару в бесполезности рыданий о погибшем женихе, говорил:

**Взгляни на свод небес широкий:
Там беззаботно, как всегда,
Блуждают в синеве высокой
Светил свободные стада;
О скалы хладные цепляясь,
Все также бродят облака, —
На них роскошно колебаясь,**

То развиваясь, то свиваясь
 Как будто перья шишака, —
 И пляской заняты воздушной
 На землю смотрят равнодушно:
 На них, красавица, взгляни,
 Будь равнодушна, как они.

Весь этот отрывок Лермонтов заменил новыми стихами:

На воздушном океане,
 Без руля и без ветрил,
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил...

Эти прекрасные стихи получили широкую известность. Они вошли во все последующие очерки.

Вторая часть поэмы подверглась более значительной переработке. Здесь было изменено около пятидесяти стихов. Мы коснемся лишь тех изменений, которые придавали действующим лицам новые черты.

Прежде всего, Лермонтов опять провел несколько сокращений за счет образа героини. Так, поэт выбросил 18 строк из главы, где шел рассказ о Тамаре в гробу. Описывая мертвую Тамару в предыдущей редакции, Лермонтов делал такое отступление:

Спи непробудно, ангел милый;
 Да воцарится тишина
 Над девственной твоей могилой!
 И мир душе твоей унылой,
 Где б ни носилася она.

В таком же несколько сентиментальном тоне было еще 13 стихов. Все это поэт выбросил.

Во второй части поэмы был еще ряд стихов, также относившихся к Тамаре, но поэт вымарал их, заменив стихами, углубляющими образ Демона. Например, в сцене ночного свидания прежде шли такие строки:

И он слегка
 Коснулся жаркими устами
 Ее трепещущим губам;
 Соблазна полными речами
 Он отвечал ее мольбам.
 Стучало сердце в ней, как молот;
 По слабым членам смерти холод
 Промчался гибельной струей.
 И стон последнего страданья
 За звуком первого лобзанья
 В груди раздался молодой...

В переделанном виде данный отрывок после первых пяти стихов приобрел следующий вид:

Могучий взор смотрел ей в очи;
 Он жег ее. Во мраке ночи,
 Над нею прямо он сверкал
 Неотразимый, как кинжал...

Это яркое сравнение придавало образу Демона особую выразительность. Последующие девять стихов также были написаны поэтом вновь и характеризовали силу воздействия Демона на Тамару.

Еще два важных пополнения усиливали образ Демона. Первое из них — монолог Демона, обличающий людские пороки. В нем повторяются мысли, высказанные еще в третьей редакции.

Демон говорит Тамаре:

...Смотреть на землю станешь ты,
 Где нет ни истинного счастья,
 Ни долговечной красоты,
 Где преступленья лишь да казни,

Где страсти мелкой только жить,
 Где не умеют без боязни
 Ни ненавидеть, ни любить...

В такой редакции стихи принимали острый политический характер. В обстановке николаевской реакции, в период массовых ссылок и гонений на передовых людей, подавления восстаний, в дни, когда была свежа рана от трагической гибели Пушкина, глубоко потрясшей весь народ, эти стихи звучали страшным приговором действительности.

В данном монологе Демона есть еще одно значительное добавление. Оно дало возможность, во-первых, углубить характеристику героя и, во-вторых, в какой-то мере затронуть вопросы, близкие личности самого поэта.

В предыдущей редакции Демон говорил Тамаре:

Оставь же прежние желанья
 И жалкий свет его судьбе;
 Пучину гордого познания
 Взамен открою я тебе.
 Толпу духов моих служебных
 Я приведу к твоим стопам... и тому подобное.

Перерабатывая поэму, Лермонтов расширяет этот отрывок следующим образом:

...Пучину гордого познания
 Взамен открою я тебе.
 О! Верь мне: я один поныне
 Тебя постиг и оценил;
 Избрав тебя моей святыней,
 Я власть у ног твоих сложил.
 Твоей любви я жду, как дара,
 И вечность дам тебе за миг;
 В любви, как в злобе, верь, Тамара,
 Я неизменен, я велик —
 Толпу духов моих служебных... и так далее.

До сих пор Лермонтов говорил о Демоне, как существе, главным качеством характера которого была непреодолимая ненависть к богу. Теперь подчеркивалась способность Демона не только ненавидеть, но и любить.

Вполне возможно, что Лермонтов ввел эти строчки, имея целью не только углубить характеристику Демона. Если вспомнить, что очерк предназначался для подарка любимой женщине, вышедшей замуж за Бахметьева, если вспомнить, что Лермонтов всю жизнь сохранял к ней самые светлые чувства, то можно увидеть в этих стихах отголосок мыслей, высказанных в посвящении. В самом деле, обращаясь к Варваре Александровне в посвящении, Лермонтов называл ее "забывчивый, но незабвенный друг". Здесь поэт опять устами Демона говорит о постоянстве, неизменности чувств, дающих величие образу героя. По ходу развития действия поэмы это высказывание Демона не вызывалось необходимостью. Тамара до этого лишь спрашивала Демона, кто он и зачем он ее любит? Она не требовала от него уверения в постоянстве. Таким образом, можно думать, что здесь были высказаны чувства и мысли, связанные с личными переживаниями поэта. Но они как нельзя лучше дополнили образ героя и углубили его характеристику.

При разборе второй редакции поэмы мы указывали, что Лермонтов тогда (в 1831 году) ввел в текст диалог Демона и героини о небе. Идею острого высказывания Демона было направлено против бога ("Он занят небом, не землей"). Этот диалог поэт перенес в третью редакцию (список Булгакова). Затем, перерабатывая поэму в 1837—1838 годах, Лермонтов по каким-то причинам изъясил его из текста поэмы. В четвертой редакции,

представленной Ереванским списком, диалога о боге нет. И вот, наконец, в пятой редакции (список Лопухиной) он был вновь восстановлен без каких-либо изменений.

Мы преднамеренно подчеркиваем этот момент творческой истории поэмы, так как диалог о боге явился весьма значительным вопросом в спорах о каноническом тексте "Демона".

* * *

Подведем некоторые итоги.

Нами рассмотрены основные этапы работы Лермонтова над "Демоном", начиная с зарождения темы и образа героя поэмы в 1829 году и кончая пятой редакцией, относящейся к осени 1838 года. За это время выросло художественное дарование поэта, расширились и углубились его общественно-политические взгляды. Он стал величайшим мастером, художником мирового значения. Его дарование окрепло в напряженном, упорном труде.

Идейно-тематическое содержание поэмы развивалось в неразрывной связи со всем творчеством Лермонтова. Поэма явилась одним из главных произведений, в котором нашло яркую форму выражение "тоски... томившей столько лет" поэта. Она отразила чувства и устремления, вызванные условиями жизни, конкретной исторической обстановкой. Но следует подчеркнуть, что в ней были использованы как фольклорные, так и литературные источники.

Первоначальная схема развития сюжета, принятая поэтом еще в 1830 году, стала основой для всех последующих редакций. Небольшие изменения в сюжете были внесены лишь в кавказские редакции. Эти изменения были обусловлены введением второстепенных персонажей, более широкой обрисовкой предыстории героини, а также исключением мотивов, наводивших на мысль о гибели Тамары в результате злого умысла Демона. Именно этим лермонтовский Демон прежде всего оригинален. В своей основе он отличался от литературной и фольклорной традиции, которая культивировала образ злого духа-искусителя.

4. Работа в последние годы жизни поэта

До сих пор творческую работу Лермонтова над поэмой мы могли изучать по рукописям и авторизованным копиям. Они являются вполне надежными источниками, дают возможность в хронологическом порядке рассмотреть различные редакции поэмы. Правда, эти источники, к сожалению, — лишь небольшая часть когда-то значительного рукописного наследия поэта. Они не могут дать полной картины творческого процесса, но по ним можно составить представление об основных этапах работы. Ценность данных источников в их достоверности и хронологической точности. Некоторое исключение представляет Ереванский список. Это не авторизованная копия. Но она должна быть привлечена как единственный источник, представляющий первую кавказскую редакцию. Особенности ее текста позволяют сравнительно точно определить дату этой редакции.

Изучение работы поэта над текстом "Демона" в последние годы его жизни сопряжено с исключительными трудностями: нет авторитетных источников. Перед нами несколько десятков различных списков. Почти каждый из них обладает своими инди-

видуальными особенностями. За исключением двух-трех списков, нет никакой возможности определить их происхождение и датировку.

Но если столь запутанное положение создало почву для бесконечных споров о тексте, который должен быть положен в основу всех изданий, то исследователь творческой истории поэмы вправе облегчить свою работу.

Несмотря на то, что перед нами множество различных списков "Демона" и в каждом из них свои особенности, дело не так уж безнадежно. Все эти списки объединяются общими для них чертами, сходными текстологическими особенностями. И если припомнить, что мы, в основном, знаем все, что было написано до сентября 1838 года, то станет ясно, что метод текстологического сравнения дает возможность довольно точно обнаружить стихи, появившиеся в последние годы жизни Лермонтова. Труднее определить, что именно было изъято поэтом из текста. Но и в этом вопросе может помочь знание творческой истории поэмы. Нас в основном интересует общее развитие поэмы и образов героев поэмы. Вот почему мы вправе отбросить мелкие индивидуальные особенности многочисленных списков "Демона" и взять то общее, что безусловно может принадлежать Лермонтову, а не переписчикам, которые, не стесняясь, вносили в текст свои коррективы. Такой путь не может быть избран для определения канонического текста, где нужна исключительная точность, но для изучения творческой истории он является приемлемым.

Прежде всего встает вопрос: что нового внес Лермонтов в текст поэмы за последние годы жизни?

Для сравнения возьмем наиболее распространенный текст поэмы, представленный так называемым "придворным" или философским списком. Как известно, этот список положен в основу первоиздания поэмы в Карлсруэ в 1856 году, а затем, вплоть до нашего времени, с небольшими изменениями и дополнениями воспроизводился в подавляющем большинстве изданий. Список Философова не имеет точной датировки, но сам текст позволяет утверждать, что он относится к более позднему времени, чем список Лопухиной. Вопрос об авторитетности и текстологической ценности списка Философова мы рассмотрим позднее.

Оказывается, что после сентября 1838 года Лермонтов подверг переработке в основном вторую часть поэмы. Именно здесь были сделаны такие дополнения и изъятия, которые давали новую окраску всему произведению. В первой части появилось около 40 новых стихов. Одни из них заменили старые, другие расширили отдельные сцены. Однако эти изменения мало повлияли на общий ход развития поэмы. Приведем примеры. В списке Лопухиной говорилось:

**И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной,
В ладони мерно ударяя,
Запели все — одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской —
Она забыла мир земной.**

В списке Философова этому соответствует:

**В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая. —
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помнится легче птицы,
То остановится, — глядит... и так далее.**

В другом месте также появились новые стихи. Раньше было:

**Чей конь примчался запаленный,
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха младова,
Невеста, взор твой ожидал...**

Текст списка Философова эту сцену дает несколько шире.

**Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха младого... и так далее.**

Последний вариант запечатлел, безусловно, более яркий образ. Но подобные добавления в конечном счете не влияли на основную линию развития поэмы.

Совсем иной характер носят некоторые изменения во второй части поэмы. Здесь появилось всего около 240 новых стихов. Остановимся на двух основных моментах.

Прежде всего, необходимо отметить сцену свидания Демона и Тамары. Выслушав Демона, Тамара говорит:

**Кто б ни был ты, мой друг случайный,
Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя...**

Далее она высказывает свои подозрения о его лукавстве.

**Ужели небу я дороже
Всех, незамеченных тобой...**

и поэтому, мол, Демон, хочет ее погубить. Заканчивает Тамара свой монолог требованием:

**Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет...**

В соответствии с этим требованием дальнейшая речь Демона была перестроена. Она начинается словами:

**Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем... и так далее.**

Последующие 30 стихов были написаны заново. Затем шли строчки из прежних редакций, но их последовательность несколько изменилась. Основная мысль клятвы выражалась строками:

**Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум,
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я верить добру.**

Таким образом, вложив в уста Тамары требование об отречении Демона "от злых стяжаний", поэт сделал ее более рассудочной. Теперь поведением Тамары руководит не только чувство любви. Она стремится исправить Демона, который в ее представлении является порочным. Образ Тамары приобрел ярко выраженный добродетельный характер.

Второе значительное дополнение заключается в том, что появилась совершенно новая сцена, обозначаемая обычно шестнадцатой строфой.

**В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих... и так далее.**

Эта строфа, состоящая из 58 стихов, своим идейным содержанием внесла совершенно новый оттенок во все произведение. Она даже вступила в противоречие с предыдущими авторскими установками. Образ Демона получил черты традиционного образа злого духа.

**Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал,
И благо Божие решение! —**

говорит ангел Демону, подчеркивая тем самым величие и справедливость неба. Строфа заканчивается так:

**...И ангел строгими очами
На искусителя взглянул,
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.**

Это уже авторская речь и, называя Демона искусителем, поэт вызывает недоумение читателя. Ведь предыдущий текст поэмы не дает даже намека на такое понимание образа героя. Напротив, до этого слагается твердое убеждение, что Демон искренне любит Тамару и вовсе не искушает ее.

Борьба за душу Тамары заканчивается победой ангела. Торжествует добродетель, а зло наказано. Таков смысл этой строфы.

До сих пор специальная литература не объясняла, чем было вызвано появление такой противоречивой сцены. Творческая история Демона дает ясное представление о том направлении, в котором шло развитие действия поэмы и ее образов. Ни в первоначальных замыслах, ни в одной из редакций почти до конца 1838 года ничего подобного нет. И если бы не высокое поэтическое мастерство, сказавшееся с особой силой в ряде стихов, то можно было бы заподозрить, что весь этот отрывок не принадлежит Лермонтову, но он лермонтовский, и необходимо сделать попытку объяснить историю его создания.

* * *

В горячих спорах по различным вопросам, связанным с каноническим текстом Демона, специальная литература до сих пор не подвергала критическому анализу одно весьма важное положение, вошедшее во многие статьи как истина. А между тем источник этого положения более чем сомнителен.

В 1893 году П. Мартьянов, выступая на стороне Суворина против Висковатова в споре о тексте "Демона", писал:

"Поэма эта окончательно отделана М.Ю. Лермонтовым на Кавказе в 1840 году и, собственноручно им переписанная набе-ло, привезена в С.-Петербург при последнем приезде его в феврале 1841 года".

Затем, рассказав историю о том, что Лермонтов, якобы, хотел в это время печатать "Демона" у Краевского в "Отечественных записках", Мартьянов продолжает:

"Между тем, некоторые высокие особы из императорской фамилии пожелали ознакомиться с поэмой, и поэт еще раз занялся пересмотром ее..."⁸⁸

Свои утверждения Мартьянов подкреплял, во-первых, именем Дмитрия Аркадьевича Столыпина, от которого все это, якобы, слышал лично и, во-вторых, воспоминаниями А. П. Шан-Гирея, опубликованными тогда в печати.

В последующую литературу утверждение Мартьянова вошло как истина. Б.М. Эйхенбаум, например, в примечаниях к поэме "Демон" (изд. "Academia") совершенно определенно писал:

"В феврале 1841 года Лермонтов приехал с Кавказа в Петербург и привез им самим начисто переписанную рукопись "Демона".

Затем Эйхенбаум приводит цитату из Мартьянова о том, что "Демона" потребовали ко двору. Но, зная, что Мартьянов давно известен как весьма легкомысленный автор, Эйхенбаум тут же делает примечание:

"Статьи Мартьянова — сами по себе источник недостаточно авторитетный, но в них приведены не внушающие сомнений и совпадающие с сообщениями Шан-Гирея показания Д.А. Столыпина".⁸⁹

И сомнительные данные Мартьянова Эйхенбаум подтверждает цитатой из Шан-Гирея.⁹⁰ Но Эйхенбаум почему-то не заметил, что воспоминания Шан-Гирея прямо опровергают утверждение Мартьянова. Приведенная Эйхенбаумом цитата взята таким образом из общего текста, что не может дать истинного представления и только вводит в заблуждение.

Дело в том, что Шан-Гирей действительно рассказывает, как "один из членов царской фамилии пожелал прочесть "Демона", как Лермонтов переделал поэму и, отдав переписать, направил "по назначению". Затем Шан-Гирей говорит:

"Через несколько дней он получил ее обратно, и это единственный экземпляр полный и после которого "Демон" не переделывался".⁹¹

Однако рассказ Шан-Гирея совершенно определенно относится не к 1841, а к концу 1838 или началу 1839 года. Все это было до ссоры с де-Барантом, то есть до февраля 1840 года. Утверждение Шан-Гирея о том, что "Демон" больше не переделывался, опровергает мартьяновскую версию о переработке поэмы на Кавказе в 1840 году и привозе ее в Петербург в 1841 году.

Мартьянов же события, бывшие в действительности и известные из воспоминаний Шан-Гирея, сдвинул хронологически и таким образом извратил их. Если припомнить, что Мартьянов выступал со своими статьями в период ожесточенного спора с Висковатовым, то станет понятным, какова была цель Мартьянова в подобной подтасовке фактов. Ему нужно было опорочить вообще работы Висковатова и, в частности, доказать, что не список "Демона", найденный Висковатовым, является последней редакцией, а тот, который был, якобы, привезен поэтом с Кавказа и потом лег в основу издания в Карлсруэ.

Итак, Шан-Гирей совершенно определенно говорит, что Лермонтов переделал поэму до зимы 1839—1840 года. Толчком для новой переделки послужило требование кого-то из царской фамилии представить поэму ко двору.

Подтверждением того, что это происходило именно в самом конце 1838 года или в начале 1839 года, может служить анализ воспоминаний современников и биографических данных самого поэта.

Начиная с февраля 1840 года, условия для творческой работы у Лермонтова были очень плохие. Сначала арест, а затем высылка на юг и непрерывные походы на Кавказе, длившиеся почти до конца года. Непродолжительный отдых в Пятигорске, видимо, был использован поэтом для создания знаменитого стихотворного послания "Валерик". Ни в одном из довольно многочисленных воспоминаний современников, относящихся к 1841 году, нет упоминаний о том, что Лермонтов привез с Кавказа новую редакцию "Демона", нет упоминаний о том, что в это время поэму читали при дворе. А такой факт безусловно нашел бы отражение в чьих-либо мемуарах, тем более, что после гибели поэта все старались припомнить каждую деталь его жизни в столице в последние два месяца.

С другой стороны, есть факты, подтверждающие усиление интереса петербургского общества к поэме "Демон" именно

в 1839 году. Поэма в это время читалась и в придворных кругах. В октябре 1839 года Краевский в письме к Панаеву прямо говорит, что свою поэму Лермонтов дал читать каким-то дамам, и они потеряли список.⁹² В. Жуковский — человек, близко стоявший ко двору, — 24 октября того же года записал в дневнике: "Поездка в Петербург с Вьелигорским по железной дороге. Дорогой чтение "Демона"⁹³.

Основываясь на известных нам фактах, можно утверждать, что в своих воспоминаниях Шан-Гирей был ближе к истине, а Мартьянов произвольно передвинул хронологически события и дополнил их по своему усмотрению. Его ложные утверждения, к сожалению, вошли в научную литературу о Лермонтове и находят себе место даже в таких серьезных изданиях, как последнее Академическое собрание сочинений поэта.⁹⁴

* * *

Выяснение возможно полнее той обстановки, при которой были внесены существенные поправки в текст "Демона", — вопрос весьма важный. Правильное освещение этого вопроса поможет пониманию творческой истории поэмы.

Основываясь на воспоминаниях Шан-Гирея, а также некоторых других, вполне достоверных данных, можно хотя бы частично представить последний этап работы поэта над "Демоном".

Список Лопухиной отразил состояние текста поэмы к сентябрю 1838 года. Лермонтов, видимо, считал свое произведение уже настолько отделанным, что решился подарить его любимой женщине.

Несколько позднее поэма стала пользоваться известностью. Ее читали в петербургских литературных салонах, ею заинтересовались высокопоставленные особы. Ясно, что представить ко двору поэму в том виде, в котором она была до этого времени, было крайне рискованно. Ее обличительный, богоборческий пафос мог вновь навлечь на автора неприязни.

Видимо, тогда-то Лермонтов и принялся за переделку поэмы. Об этом и говорит Шан-Гирей. В памяти Лермонтова еще совсем свежа была история его мытарств с драмой "Маскарад". Сам он в феврале 1837 года в объяснении по поводу стихов "Смерть поэта" писал, что "Драма "Маскарад"... не могла быть представлена (в театре. — Д. Г.) по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена".⁹⁵

Это указание шло сверху, и Лермонтов, конечно, понимал, что "Демон" в придворных кругах будет расценен так же, как оценили в свое время драму "Маскарад". Но в 1839 году положение поэта после шумной истории со стихами на смерть Пушкина, которые при дворе были восприняты как "воззвание к революции", стало очень шатким. Достаточно было малейшего повода, чтобы опять подвергнуться репрессии.

И, прежде чем выполнить требование высоких особ, Лермонтов, естественно, еще раз подверг поэму существенной переработке. Он выбросил диалог о боге и, стремясь как-то "наградить добродетель", ввел совершенно новую сцену встречи ангела и Демона. Но для того чтобы оправдать развязку этой сцены, поэт вынужден был предварительно надеть образ героини чертами добродетели. Вот почему Лермонтов ввел стихи, в которых Тамара, прежде чем полюбить Демона, требует от него клятвенного обещания отречься от "злых стяжаний". В результате такой переделки добродетель вознаграждалась.

Она страдала и любила —

И рай открылся для любви!

С другой стороны, порок был наказан:

**И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..**

Скорее всего, именно в таком виде поэма и была представлена ко двору. Данная редакция, надо полагать, получила свое отражение в так называемом списке Философова.

Все эти переделки проводились, вероятно, сравнительно быстро. Творчески они были мало подготовлены, не являлись логическим развитием всей предшествовавшей работы и внесли в поэму некоторую дисгармонию. Повторялась история, происшедшая в свое время с драмой "Маскарад". Под давлением внешних обстоятельств поэт наспех вынужден был изменить отдельные сцены произведения, несколько поступиться своими внутренними убеждениями и нарушить первоначальный замысел.

Вот почему ни на чем не основанное ложное утверждение Мартыанова о том, что поэму "Демон" Лермонтов привез с Кавказа в окончательной обработке, вносит путаницу не только в решение вопроса о каноническом тексте, но и извращает творческий облик поэта. Мартыановская версия давала почву для утверждения, что Лермонтов без всякого давления извне внес существенные идейные изменения и только перед представлением поэмы ко двору в 1841 году выпустил один диалог о боге по совету Н.А. Муравьева. В воспоминаниях самого Муравьева об этом факте как раз нет даже упоминания.

Чтение поэмы при дворе, естественно, дало толчок к еще большему распространению ее в светских кругах Петербурга. "Демона" стали переписывать в десятках экземпляров. Поэма уже помимо воли автора расходилась в различных вариантах. Переписчики вносили по своему усмотрению из разных списков те или иные стихи, зачастую не давая себе отчета в их последовательности.

Можно предполагать, что запись в дневнике В.А. Жуковского отразила нарастание общественного интереса к поэме. В. Зотов в письме от 12 ноября 1887 года также указывал, что поэма ходила поручкам в Царскосельском лицее.⁹⁶ Указанный Зотовым факт относится к концу 1838 — началу 1839 года.

В заключение обратим внимание еще на один вопрос. Как относился сам Лермонтов в эту пору к поэме? На основании воспоминаний Шан-Гирея можно сделать предположение, что поэт был недоволен своими переделками. "Мы часто последнее время говорили с Лермонтовым о "Демоне", — вспоминал Шан-Гирей". Далее он рассказывал, как предлагал свой план переработки поэмы. Этот план был близок к традиционной трактовке истории о злом духе-соблазнителе. "План твой, — отвечал Лермонтов, — недурен, только сильно смахивает на Элоу *soeur de anges* Альфреда де Виньи. Впрочем, об этом можно подумать. "Демона" мы печатать погодим, оставь его пока у себя".⁹⁷

Ясно, что после того, как поэма стала известной при дворе, печатать ее без внесенных изменений поэт не мог. Но с изменениями поэма стала противоречива, а художественная цельность ее образов нарушилась. Печатать в таком виде свое любимое детище Лермонтов не захотел. Он, видимо, намеривался внести кое-какие изменения. Только спустя некоторое время можно было думать о печати.

Однако дуэль с Мартыновым вскоре оборвала жизнь Лермонтова. Текст поэмы после изменений, вызванных этими обстоятельствами, по нашему глубокому убеждению, так и остался не приведенным в порядок.

Глава II. История публикации поэмы и ее текстология

1. Первые издания поэмы

В октябре 1839 года Краевский писал Панаеву:

"Присылайте скорее стихи Аксакова, Павловой, Ключникова и других. У меня нет стихов. Лермонтов отдал бабам читать своего "Демона", из которого хотел напечатать отрывки, и бабы черт знает куда дели его, а у него уж, разумеется, нет черного: таков мальчик уродился..."⁹⁸

Письмо Краевского — интересное свидетельство того, что между Лермонтовым и редактором "Отечественных записок" осенью 1839 года велись переговоры о печатанье "Демона". Сопоставляя это письмо с воспоминаниями Шан-Гирея и результатами изучения творческой истории поэмы, можно сделать вывод, что утверждение Краевского наивно.

Во-первых, у Лермонтова за десять лет работы над поэмой, вероятно, было несколько рукописей с различными редакциями. Мы знаем, что каждый раз он переносил многие стихи в новый очерк из старого. А во-вторых, Шан-Гирей говорит, что Лермонтов отдал ему рукопись и копию, вернувшуюся после чтения при дворе. Дело, видимо, было не в пропаже текста, а в нежелании поэта. Можно думать, что Лермонтов не желал печатать поэму в том виде, в каком ее читали при дворе, а для переработки нужно было время. Вот почему он и отделался шуткой, сказав, что "Демона" зачитали дамы.

Вскоре после гибели Лермонтова в редакции "Отечественных записок" начали готовить поэму к печати. Можно предполагать, что в распоряжении Краевского первоначально был какой-то список поэмы, с которого в конце ноября 1841 года производился набор. 9 декабря корректурные листы попали к Краевскому для правки. К этому времени он, видимо, достал где-то еще одну или две копии поэмы с разночтениями. И вот, занявшись правкой, Краевский столкнулся с трудностями: ему пришлось на свой вкус выбирать варианты.

Корректурные листы⁹⁹ несут следы многочисленных поправок, зачастую свидетельствующих о недоумении Краевского: какой из вариантов ему предпочесть? Так, например, после 111 стиха было набрано:

**В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой,
Берет невеста молодая...** и так далее.

Краевский зачеркнул эти и несколько последующих строк, заменив их вариантом:

**И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной,
В ладони мерно ударяя
Запели все...** и так далее.

Затем Краевский восстановил первоначальный текст. В начале второй части было набрано:

**Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...**

Эти строки Краевский зачеркнул, заменив их следующими:

**Не буду я ничьей женою —
Скажи моим ты женихам...** и так далее.

Причем, в одном из последующих стихов варианта было:

Меня тревожит дух лукавый...

но Краевский изменил его так:

Меня смущает дух лукавый...

Не привлекая больше примеры, имеющиеся в корректуре Краевского, можно сделать вывод, что у редактора, кроме первоначального списка, был еще список с разночтениями. Сличая эти два, а возможно и три списка, Краевский внес в корректуру около сорока изменений; несколько стихов он выбросил совсем.

Вот почему можно считать, что Е.В. Аничков допустил ошибку утверждая, что "в руки Краевского... попал разумеется не любовью список "Демона", а тщательно приготовленная копия... Мы должны, таким образом, считать корр. [ектуру] авторитетным списком"¹⁰⁰.

Напротив, изучение корректуры убеждает в том, что набор производился с копии, которая не внушала доверия даже самому Краевскому: только поэтому он и вносил различные исправления. Говорить о корректуре, как об авторитетном тексте, не приходится. И, конечно, редактор Академического юбилейного издания сочинений Лермонтова Д.И. Абрамович сделал ошибку, приняв за основной текст "Демона" корректурные листы.

Выправленный Краевским текст так и не был напечатан в журнале. Вместо "Демона", в январской книжке "Отечественных записок" появилась заметка о том, что "по причинам, независящим от редакции", поэма не может быть напечатана.

Сохранилось письмо В.Г. Белинского к И. Ханенко от 8 февраля 1842 года, которое проливает свет на обстоятельства, упомянутые в объявлении журнала. Белинский писал:

"Демон" Лермонтова запрещен в "Отечественных записках", где он напечатан (вернее — набран. — Д. Г.) целиком"¹⁰¹.

Письмо Белинского, а также изучение корректурных листов, дает возможность еще раз убедиться, сколь абсурдным было утверждение Мартьянова, что Лермонтов сам в 1841 году передал поэму Краевскому для печати. Далее Мартьянов писал:

"Приостановка выпуска ее в свет произошла... потому (как положительно стало известно Д.А. Столыпину тогда же), что Лермонтов взял рукопись обратно, вследствие настояний (через бабушку поэта Е.А. Арсеньеву) известного святоши Андрея Николаевича Муравьева, который убедил поэта, что напечатание поэмы, при неблагоприятно сложившихся для него тогда, то есть в начале 1841 года, обстоятельствах, может принести ему большие неприятности"¹⁰².

Мартьянов в своих "трудах", хотя и ссылаясь на Д. Столыпина, но был далек от истины.

Чтобы закончить вопрос о корректурных листах, необходимо еще отметить, что в руках Краевского были списки, отразившие различные этапы творческой истории поэмы. Первоначальный набор производился по копии, которая имела поправки, сделанные после сентября 1838 года. Затем Краевский держал корректуру, имея под руками список, восходящий к более ранней редакции. Большинство вариантов, которые внес Краевский, характерны для сентябрьской редакции 1838 года, хотя и не полностью отражают ее.

В начале 1842 года была сделана серьезная попытка вдумчивого изучения "Демона". Великому русскому критику В.Г. Белинскому принадлежит честь первого исследования текста и общей оценки поэмы. Розыски текста "Демона" Белинский начал еще в конце 1841 года. Видимо, по его инициативе Краевский и решил напечатать ее в "Отечественных записках".

18 декабря 1841 года А.В. Кольцов писал из Воронежа Белинскому: "'Демона" Лермонтова пишу и к новому году пришлю; едет наш купец в Питер и свезет его"¹⁰³.

Письмо Кольцова свидетельствует, во-первых, о распространении "Демона" и в провинции, а во-вторых, о том, что осенью

1841 года текста поэмы в редакции "Отечественных записок" еще не было. Но пока Кольцов собирался выслать "Демона", в Петербурге Белинским и Краевским были найдены какие-то списки. Они и послужили основой для набора и корректуры.

Кольцов вскоре увидел сам, что опоздал. 27 февраля он писал Белинскому: "'Демон" Лермонтова переписан и готов, и я бы его уже послал, да в первом номере увидел, что его не печатают, и потому теперь не пошлю, — он вам не нужен"¹⁰⁴.

После запрещения цензуры Белинский принялся внимательно изучать два имеющихся в его распоряжении списка поэмы. 17 марта 1842 года он писал Б.П. Боткину:

"Я только вчера кончил переписывать его "Демона" с двух списков, с большими различиями, — и еще более вним в это детское, незрелое и колоссальное создание"¹⁰⁵.

Принимаясь за работу, Белинский имел две копии "с большими различиями". Причем, можно предполагать, что одна из них была та самая, с которой Краевский вносил свои поправки в корректуру. Другая копия была сравнительно редкой, восходящей непосредственно к редакциям 1838 года. В ней оказался налицо диалог о боге, стихи "иль с небом гордая вражда" и некоторые другие, характерные для Лопухинского списка. Возможно, что эти копии были и у Краевского, когда он держал корректуру. Об этом можно предполагать по двойным вариантам его правки в двух местах (см. выше). Но осторожный редактор всячески обходил идейно острые места поэмы. Вот почему в его корректуру не попали стихи из копии, которая отражала редакцию 1838 года. Эту мысль подтверждает, например, такой момент. Знаменитую строку "Я царь познания и свободы" Краевский вычеркнул из набора.

Совсем иначе к решению вопроса о создании единого текста поэмы из двух копий подошел Белинский. Тонким чутьем художника он правильно уловил основное идейное устремление поэмы и закономерность развития ее образов. Выбирая различные варианты, Белинский оставил в основном тексте стихи с наибольшей идейной нагрузкой.

В конце тетради Белинский сделал примечание и выписал главнейшие варианты в виде приложения. Сюда, между прочим, попала и та строфа второй части, где описывается встреча ангела и Демона в эфире и их борьба за душу Тамары. Эту строфу Белинский, видимо, считал противоречащей общему ходу развития поэмы. Список Белинского, безусловно, представляет исключительную ценность как документ, который помогает правильному пониманию "Демона" Он отразил ведущие идейные стороны лермонтовской поэмы.

В начале 1842 года Краевский вновь начал хлопоты о печатании поэмы в своем журнале. Но теперь он уже добивался разрешения на публикацию лишь отрывков. Однако и в этом цензура отказала. Тогда Краевский прибегнул к содействию каких-то влиятельных лиц, которые обратились к Уварову. Результатом ходатайства явилось следующее решение цензурного комитета:

"В заседании комитета 14 апреля 1842 года слушали: словесное донесение г. цензора экстраординарного профес. Никитенко о том, что г. директор канцелярии министра нар. прос. уведомил его письмом, что его высокопревосходительство находит возможным позволить напечатать отрывки из поэмы покойного Лермонтова... Определено: предоставить г. цензору Никитенко одобрить к напечатанию упомянутую рукопись"¹⁰⁶.

Отрывки из поэмы появились в шестом номере "Отечественных записок" за 1842 год. Первая часть была воспроизведена полностью, за исключением IX строфы. Наблюдения над текстом этой публикации позволяют утверждать, что печатание производилось с тех списков, которые находились в руках Крае-

вского и Белинского. Все разночтения можно обнаружить в корректуре Краевского (включая и его поправки), либо в списке Белинского. Исключение представляет лишь один стих. В журнале 65 строка напечатана так:

Столпообразные руины...

тогда как и у Краевского и у Белинского

Столпообразные раины.

Это разночтение можно отнести либо за счет типографской ошибки, либо нужно допустить, что у Краевского был еще третий список.

Вторую часть поэмы цензура урезала более чем на половину. Восемь строф (от V до XII включительно) были изъяты полностью, в других произведено частичное сокращение. Сколь безжалостно цензура калечила поэму, можно судить хотя бы по следующему примеру. Во второй строфе второй части есть стихи:

Но и в монашеской одежде,

Как под узорною парчей,

Все беззаконною мечтою

В ней сердце билося, как прежде.

Все стихи до конца главы, сравнительно безобидные по смыслу, говорящие лишь о том, что Тамара во время молитвы слышала чью-то речь, цензура выбросила.

В течение последующих десятилетий отрывки, опубликованные в 1842 году, были единственным официальным источником, дававшим возможность русскому читателю знакомиться с поэмой. Вплоть до 1860 года отрывки, опубликованные в "Отечественных записках", перепечатывались в собраниях сочинений Лермонтова без всяких изменений.¹⁰⁷

Первое полное издание поэмы "Демон" вышло за границей в 1856 году. Издателем его был дальний родственник Лермонтова А.И. Философов. Печаталась поэма в Карлсруэ (в типографии Гаспера). Сам Философов не оставил никаких материалов, которые могли бы пролить свет на историю этого издания. Более того, поэма, переизданная Философовым в 1857 году (в Карлсруэ), своим текстом несколько отличалась от предыдущего выпуска. С чего производился набор первого издания, до последнего времени было неизвестно.

В результате этого сложились благоприятные условия для бесконечных текстологических споров. Мартъянов в своих работах пытался объяснить историю этих изданий. Без всякого стеснения он ссылался на авторитет Д.А. Столыгина, что и подкупало многих исследователей. Даже такой видный текстолог, как Б.М. Эйхенбаум, доверившись работам Мартъянова, допустил ряд ошибок.

В данное время у нас имеется возможность пойти по новому пути благодаря тому, что в 1940 году А.М. Михайловой был найден текст, с которого производился набор первого издания поэмы.

Свои наблюдения над этим текстом (он получил в специальной литературе название "список Философова") и над его печатным воспроизведением мы начнем не с истории публикации, которую рассказывает Мартъянов, а с анализа самого текста. Этот анализ позволит разобраться в происхождении списка, которым пользовался Философов.

Характерной особенностью текста карлсруйского издания 1856 года (сокращенно: Крл. 56) является наличие в нем всех поправок, произведенных Лермонтовым перед отправкой "Демона" ко двору. В нем отсутствует диалог о боге, но есть стихи, где Тамара, прежде чем полюбить Демона, требует клятвы. Демон клянется отречься "от злых стяжаний". Затем полностью есть XVI строфа второй части, в которой Демон повергается ан-

гелом. Иными словами, в идейном отношении это самый безобидный из всех существующих текстов поэмы. На титульном листе надпись:

"Демон. Восточная повесть. Сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым".

Затем мелким шрифтом набрано следующее:

"Переписано с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. Оригинальная рукопись так чиста, что перелистывая оную, подумаешь, что она писана под диктовку, или списана с другой. 13 сентября 1841 года".

Литературоведы немало размышляли над этой надписью и объясняли ее по-разному. Действительно, надпись казалась весьма загадочной. К тому же она противоречила содержанию. В ней говорится о том, что рукопись чиста, а в тексте приводится более 30 примечаний с различными вариантами стихов.

Детальное изучение обнаруженного А.Н. Михайловой списка, с которого производился набор Крл. 56, дает дополнительные данные. Оказывается, заглавие и весь основной текст поэмы воспроизведен был писарем на 27 листах. Затем Философов собственноручно сделал пояснительную приписку на заглавном листе и далее на полях последующих страниц сделал различные примечания и привел многочисленные варианты.

В заглавии после слов "Сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым" шла дата "4 декабря 1833 года". Эта дата не попала в печатный текст. Кроме того, наблюдения над характером письма позволяют утверждать, что первая фраза приписки была воспроизведена Философовым с какой-то копии, а вторая — составлена им самим.

В этом нетрудно убедиться. Первая фраза (кончая словами: "исправлений и изменений") написана без единой помарки. Вторая сложилась не сразу. Первоначально она была в такой редакции: "Рукопись так чиста, что перелистывая оную, подумаешь, что она написана под диктовку". Затем Философов добавил перед словом "рукопись" слово "оригинальная", а в конце приписал: "или списана с другой".

Это все мелочи, но они помогают разобраться в том, как появился весь текст.

Итак, совершенно ясно, что Философов в руках имел два списка. Один из них тот, на который он нанес свои примечания и варианты и с которого производился набор, другой не дошел до нас, но от него остались приведенные Философовым варианты. Первый список, вполне возможно, переписан с придворной копии, но это не сама придворная копия, как предполагает Михайлова.¹⁰⁸

Естественно, что, представляя поэму ко двору, Лермонтов должен был тщательно выправить все ошибки. Но в данной копии ошибки остались. Например, стих 1080 и следующий были в таком виде:

Но грустен замок, отслуживший

Когда в очередь свою...

Видимо, Философов исправил на:

Когда года во очередь свою...

Так эта бессмыслица и была напечатана. Некоторые ошибки исправлены, но не рукою Лермонтова, многие запятые поставлены карандашом. Ясно, что подобный список Лермонтов не представил бы ко двору. Но, с другой стороны, наличие в этой копии примечаний к пяти кавказским словам (чингар, папах, чуха, чадра, зурна), сделанных самим Лермонтовым еще в Лопухинском списке, говорит о том, что данная копия восходит к авторитетному источнику. Эти примечания встречаются лишь в немногих списках. Коснувшись примечаний, мы должны от-

метить, что шестое (к стиху 234: "Привстав на звонких стременах") сделано, вероятно, Философовым, и потому его лучше исключить из печати.

Что из себя представлял второй список, бывший у Философова? Во-первых, совершенно ясно, что это копия, а не автограф, как утверждал Мартьянов. При наличии автографа Философову не нужно было бы делать столь замысловатого пояснения на заглавном листе. Во-вторых, именно в данной копии и были приведены все варианты, о чем неизвестный переписчик уведомил:

"Переписано с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений". Внизу переписчик обозначил дату изготовления своей копии "13 сентября, 1841 года". Вполне естественно, что он знал уже о гибели Лермонтова и старался тщательно воспроизвести все особенности попавшегося ему автографа. Что касается первой даты, то она, видимо, стояла на автографе, и переписчик ввел ее в текст своей надписи: "Сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым 4 декабря 1838 года".

Возможно, автограф и был тем, с которого снимался придворный список.

Философов, сравнивая попавшие к нему копии, решил перенести из второй в первую все примечания, сделанные переписчиком. Почему он поступил так, трудно сказать. Можно лишь предполагать, что либо первая копия была более удобочитаема для наборщиков, либо во второй оказались стихи, которые Философов не хотел пропускать в печать.

В свою очередь, Философов, перенеся все варианты и примечания, сделал добавления к надписи на заглавном листе:

"Оригинальная рукопись так чиста, что перелистывая оную подумаешь, что она писана под диктовку или списана с другой".

В отношении второй копии Философов был, конечно, прав. Она, вероятно, действительно осталась чистой, и на полях страниц аккуратно были обозначены все варианты.

За то, что последняя фраза написана именно Философовым, говорят прежде всего примечания, сделанные в тексте поэмы. Ведь не мог же он говорить о чистоте рукописи, а затем в примечаниях делать такие оговорки:

к стиху 89: "Здесь четыре стиха замараны... Изречение подчеркнутое заменяет другое, которое разобрать нельзя";

к стиху 245: "Было иначе написано, но разобрать нельзя";

к стиху 478: "Было другое какое-то слово, которое не мог разобрать";

к стиху 716: "Между сим и следующим стихом замарано автором шесть стихов; разобрать их нельзя".

Подобных примечаний сделано более 30. Ясно, что эти примечания делал неизвестный переписчик. Он и не говорил, что "оригинальная рукопись" чиста. Последнюю фразу написал Философов и ввел тем самым исследователей в заблуждение.

Итак, подведем итоги.

Копия, с которой производился набор Крл. 56, имеет два текстовых слоя. Основной текст поэмы, вполне безобидный в идейном отношении, возможно, восходит к придворному списку. Но это не придворный список, так как в нем налицо смысловые и орфографические ошибки, которых не касалась рука Лермонтова. Второй слой, в виде вариантов и примечаний, образовался благодаря тому, что Философов перенес их с другой копии, добавив на заглавном листе вторую фразу краткой справки. Сколь точно Философов провел перенос вариантов, судить трудно, так как вторая копия, бывшая в его руках, нам не известна. Выпущенная во время печати дата "4 декабря 1838 года", видимо, относилась к источнику второй копии и указывает на то, что в это

время Лермонтов работал над поэмой. Вполне возможно, что новая творческая переработка "Демона" была вызвана необходимостью представления поэмы ко двору. Дата "13 сентября 1841 года" не имеет никакого практического интереса, так как она обозначала время создания той же второй копии, к сожалению, не сохранившейся.

Вопрос о происхождении копий и путей, по которым они пришли к Философову, в данное время решить нет возможности. Единственным источником для этого до сих пор служили работы Мартьянова, фактическая сторона которых крайне недостоверна и опровергается некоторыми данными. Так, например, Мартьянов утверждал, что Философов напечатал "собственноручную рукопись поэта", которую получил от Д.А. Столыпина.¹⁰⁹ находка А.Н. Михайловой показала несостоятельность этих утверждений.

Заканчивая рассмотрение текста Крл. 56, то есть копии Философова, необходимо отметить, что находка А.Н. Михайловой, безусловно, представляет значительный интерес, но она не может решить вопрос о каноническом тексте. И Михайлова, конечно, ошибается, утверждая в своей публикации, что всем текстологическим спорам теперь "подводится итоговая черта".¹¹⁰

Находка Михайловой показала, что Крл. 56 печаталось не с автографа, а с двух копий неизвестного происхождения. Она еще раз подтвердила ложность работ Мартьянова. В этом ее главная ценность.

В том же 1856 году поэма "Демон" на русском языке вышла в Берлине (далее сокращенно: Берл. 56). История этого издания до сих пор остается загадочной. Кто был издателем и по каким текстам производилась печать — неизвестно. В отношении этого издания можно делать лишь предположения.

Текст Берл. 56 резко отличается от Крл. 56. Он не примыкает ни к Лопухинскому списку, ни к Крл. 56, хотя некоторые характерные черты и того и другого в нем явно сохранены. Деление второй части поэмы на строфы также весьма своеобразно, оно не похоже ни на один из существующих списков. Создается впечатление, что редактор имел в распоряжении путаный текст и на свое усмотрение готовил его к изданию. В тексте восемь явных опечаток. Четыре разночтения и стихах 178, 278, 507 и 1116 присущи только Берл. 56.

Первая часть поэмы, как обычно, почти не отличается от прочих списков. Во второй части дело обстоит иначе. Здесь развитие действия происходит сначала, как и в копии Лопухиной (с использованием тех же стихов). Есть диалог о боге, но вслед за ним следует требование Тамары и клятва Демона, что является характерной особенностью переделок Лермонтова накануне представления поэмы ко двору. Далее, казалось бы, после смерти Тамары должна быть сцена встречи Демона с ангелом, но ее нет, и весь конец построен, как в списке Лопухиной.

Понятно, что присутствие в тексте диалога о боге, направленного против неба, должно исключать клятву Демона, где он говорит: "Хочу я с небом примириться". И наоборот: если есть клятва, то не должно быть диалога. Они исключают друг друга, на что обратил внимание еще Белинский и вынес диалог в примечания, стараясь избежать противоречия в поэме.

Особенности Берл. 56 позволяют думать, что текст, которым пользовался издатель, не есть отражение какой-либо законченной редакции. Скорее всего, он появился в результате использования черновой, сильно перемаранной рукописи, и переписчик не мог разобрать, какие стихи необходимо сохранить, какие выбросить. Однако при наличии явных противоречий в тексте Берл. 56 необходимо отметить, что он в своей основе ближе всего стоит к списку Лопухиной и даже сохранил в конце посвящение ("Я кончил..." и тому подобное).

Каково может быть происхождение текста Берл. 56?

Не есть ли это одна из последних редакций поэмы?

Вот вопросы, имеющие важное практическое значение.

Отсутствие исчерпывающих фактических сведений не позволяет дать окончательный ответ на них, но в порядке предположения необходимо сопоставить некоторые данные.

Еще Е. Аничков довольно настойчиво подчеркивал, что издание Берл. 56 имеет общий источник с изданием сочинений Лермонтова в переводе Ф. Боденштедта.¹¹¹ Эта мысль Е. Аничкова заслуживает внимания, так как она подтверждается результатами текстологических наблюдений.

Известно, что в начале 1841 года немецкий поэт Боденштедт встретился с Лермонтовым в Москве, вывез за границу сборник его печатных стихов и некоторые рукописные копии. В 1852 году в Берлине вышло два тома произведений Лермонтова в переводе на немецкий язык Боденштедта. Во втором томе оказалась и поэма "Демон".

Для выяснения вопроса о том, какой текст использовал Боденштедт, приведем перевод из послесловия, в котором он говорит о работе над вторым томом:

"Мне иногда приходилось выбирать между двумя или тремя вариантами, и целые страницы "Демона" были написаны настолько неясно и частично с пометками, что тут большая роль принадлежала моим собственным комбинациям. То тут, то там отсутствовала внутренняя связь, которая лежит в основе произведения и которую я восстанавливал в этом кавказском сказании... Во всяком случае, это поэтическое произведение можно рассматривать как вольное воспроизведение первичной рукописи".¹¹²

Это замечание Боденштедта еще не использовалось в нашей исследовательской литературе. Если верить, что в распоряжении Боденштедта была рукопись поэта, то родство его перевода с Берл. 56 приобретает особый интерес.

В работе Е. Аничкова приводятся некоторые параллельные чтения перевода Боденштедта и текста Берл. 56. Это сравнение позволяет наглядно убедиться в общности их источников. В дополнение к работе, проделанной Аничковым, приведем несколько стихов из IV строфы первой части поэмы. В Берл. 56:

**Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали,
Счастливым, пышным край земли.
Столообразные руины...**

В последнем стихе явная ошибка. Должно быть: "Столообразные раины", что значит "пирамидальные тополя". Однако, Боденштедт, зная русский язык не в совершенстве, не понял слова "раины" и, видимо, счел его за авторскую ошибку. Он перевел так:

**Die blühende Georgia,
Das wunderreiche Hugeland,
Mit seinem Felsen un Ruinen,
Umrauscht von immergrünen Weldern...**

Таким образом, слово "руины", явно ошибочное, закрепилось и, вероятно, из этого же источника попало в Берл. 56.

Вполне возможно, что текст для Берл. 56 вышел из рук Боденштедта. Возможно также, что Боденштедт принимал участие в этом издании. Однако между Берл. 56 и переводом Боденштедта есть в отдельных местах некоторое различие. Не считая мелких вариантов во II, V и X строфах второй части, отметим, что у Боденштедта есть полностью XVI строфа (встреча ангела и Демона в эфире), которой нет в Берл. 56. Но зато в Берл. 56 есть в конце посвящение, которого нет у Боденштедта.

Приведенное нами высказывание Боденштедта может служить ключом к объяснению этих различий. Переводчик сам

говорил, что он на свой вкус выбирал варианты. Вполне естественно предположить, что в печать на русском языке он мог передать текст с разночтениями, не использованными им при переводе.

Итак, сопоставляя факты по данному вопросу, можно предполагать, что источником Берл. 56 явилась какая-то рукопись Лермонтова или копия с вариантами, вывезенная из России Боденштедтом. Но совершенно определенные указания Боденштедта говорят о том, что эта рукопись не являлась цельной редакцией поэмы. Это был либо черновой, рабочий автограф, либо список с множеством поправок и вариантов, в которых не мог разобраться Боденштедт. Вот почему в тексте Берл. 56 оказалось немало ошибок и противоречивых в смысле словом отношении стихов. Они отразили различные этапы работы Лермонтова над поэмой.

Таким образом, если даже и принять версию о том, что Берл. 56 печаталось с автографа, бывшего у Боденштедта, то вопрос о каноническом тексте все-таки остается не решенным.

* * *

Заканчивая разбор первоизданий "Демона", которым суждено было сыграть ведущую роль в истории текста поэмы, рассмотрим еще один печатный текст. Речь идет об издании "Демона" в Карлсруэ в 1857 году (далее сокращенно: Крл. 57).

Б.М. Эйхенбаум определенно говорит:

"Что касается второго карлсруйского издания (1857 года), то история его совершенно ясна".¹¹³

Затем Эйхенбаум приводит цитату из работы Мартьянова:

"В нем, как не имевшем уже специального назначения, издатель воспроизвел присланную Д.А. Столыпным собственноручную рукопись поэта во всей ее неприкосновенности. Вследствие сего между сими двумя основными изданиями поэмы произошла некоторая разница в тексте..."

И здесь, как в других случаях, Мартьянов самым бесцеремонным образом фантазировал, не заботясь о достоверности фактов.

Во-первых, находка А.Н. Михайловой служит теперь убедительным доказательством того, что в руках Философова не было рукописи Лермонтова, а имелись копии. А во-вторых, внимательное изучение текста Крл. 57 дает неоспоримые доказательства того, что оно печаталось с поправками, перенесенными из Берл. 56.

Но прежде, чем перейти к текстологическому анализу, остановимся еще на одном доводе, с помощью которого Мартьянов старался сделать свои работы более убедительными. Он привел надпись Д.А. Столыпина на одном из экземпляров поэмы карлсруйского издания 1857 года. Вот главное из этой надписи:

"Рукопись эта, переданная мне А.П. Шан-Гиреем, написана рукой Лермонтова... Рукопись эту попросил у меня генерал-адъютант Алексей Илларионович Философов... и напечатал ее в Карлсруэ".

Б.М. Эйхенбаум также приводит эту надпись как убедительный документ "яности" издания 1857 года.¹¹⁴

Однако мы не можем поверить в серьезность стольпинской надписи. Вполне возможно, что Д.А. Столыпин имел рукопись Лермонтова (об этом упоминает в своих воспоминаниях и А.П. Шан-Гирей), вполне возможно, что эту рукопись разыскивал Философов, может быть, Столыпин и посылал ее Философову, но что издание Крл. 56, а вслед за ним и Крл. 57, печаталось не с автографа, это теперь совершенно ясно.

И наконец, можно ли поверить Столыпину, что он почти через сорок лет мог помнить текст рукописи настолько хорошо, чтобы не ошибиться, удостоверяя правильность ее воспроизведения

в Крл. 57? Конечно, нет. Кроме того, сам Столыпин говорил П.П. Канчаловскому, что он "по ошибке сообщил неправильные сведения... о рукописи "Демона", и что самый верный текст именно тот, который сохранился в корректурных листах "Отечественных записок".¹¹⁵

Эйхенбаум, комментируя данное заявление Столыпина, идущее вразрез с его предыдущими высказываниями, говорит:

"Почему в этом чисто текстологическом вопросе Столыпин должен быть для нас авторитетом и судьей?"¹¹⁶

Мы вполне согласны, что Столыпин не может быть судьей в вопросах текстологических. Но, став на этот путь, мы не можем верить Столыпину и в его удостоверении, что текст Крл. 57 есть точное воспроизведение рукописи. Он мог ошибиться и в первом и во втором случае.

Подтверждает его ошибку и анализ текста Крл. 57. В этом издании, несмотря на то, что надпись на заглавном листе ("Переписано с первой своеручной его рукописи..." и так далее) осталась без изменений, как и в Крл. 56, сам текст подвергся некоторым коррективам. Причем часть из этих исправлений оказалась неудачной. В правильные до этого стихи были внесены ошибки. И любопытнее всего оказывается следующее: отдельные ошибки берлинского издания 1856 года перешли в Крл. 57. Например, в Крл. 56 стих 65 был в таком виде:

Столпообразные раины...

в Крл. 57 стало:

Столпообразные руины...

Так же было в Берл. 56.

Ряд изменений оказался более значительным. Во второй части поэмы у 395 стиха появилась сноска:

"После первых четырех стихов написаны были следующие: "Напрасно женихи толпою..." и так далее.

Все последующие девять стихов, составляющие в Крл. 56 основной текст, в Крл. 57 приводились внизу страницы, как вариант, а на их место в основном тексте стали стихи: "Не буду я ничьей женою..." (всего 16 стихов), точно по берлинскому изданию.

В Крл. 56 строка 438 была в таком виде:

Лампада грешницы младой...

В Крл. 57 ее напечатали, как в Берл. 56:

Лампада схимницы младой...

а слово "грешница" попало в вариант. У стиха 616 появилось такое примечание: "Вместо этих семи стихов прежде были следующие: "Когда я в первый раз увидел..." и так далее. Всего приводилось семь стихов точно по тексту Берл. 56. Еще одно изменение в стихах является убедительным доказательством воздействия текста Берл. 56. В Крл. 56 стихи 793—794 были в таком виде:

Я отрекся от старой мести,

Я отрекся от гордых дум...

В Крл. 57 они преобразовались:

Отрекся я от старой мести,

Отрекся я от гордых дум...

То есть стали такими же, как в Берл. 56.

Наконец, в заключение отметим, что в Крл. 57 введен диалог о боге, которого не было ни в предыдущем издании, ни в копии, с которой оно набиралось. Причем этот диалог появился с точным воспроизведением всех знаков препинания и одной ошибки, имеющихся в берлинском издании. Ошибка заключается в реплике Демона: "Мы одни" в то время как во всех ранних рукописях Лермонтова для соблюдения рифмы стоит: "Мы одне".

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в главном положении: издатель Крл. 57 пользовался текстом Берл. 56, из которого и перенес ряд дополнений, вариантов и оши-

бок. Правда, далеко не все особенности берлинского издания им были воспроизведены. Трудно сказать, чем он руководствовался, принимая одни варианты из Берл. 56, а другие отвергая. Но что это издание им было использовано, не подлежит сомнению.

В результате такой "редакторской" работы, издание Крл. 57 стало значительно хуже предыдущего. В смысле словом отношении оно приобрело еще большую противоречивость. Диалог о боге был введен, а сцена встречи ангела с Демоном оставлена. Получилось явное смешение разных редакций. Таким образом, поэма потеряла цельность, которую она обладала в Крл. 56, хотя по своему содержанию эта редакция менее интересна, чем редакция, представленная списком Лопухиной.

2. Первое полное издание поэмы в России

Прошли десятилетия после гибели Лермонтова, прежде чем поэму "Демон" полностью напечатали в России. Это было обусловлено тяжелой правительственной реакцией, которая старалась подавить передовую общественную мысль. В 1848 году, после того, как по всей Европе прокатилась волна революционного движения, царское правительство с новым ожесточением набросилось на русскую литературу. Был создан специальный правительственный комитет для борьбы с проникновением в печать передовой мысли. В следующем, 1849 году царское правительство разгромило кружок петрашевцев, вскоре арестовали И.С. Тургенева, за А.Н. Островским учредили полицейский надзор и запретили к постановке его комедию "Банкрот".

Издатели журналов "Отечественные записки" и "Современник" получили предупреждения о том, что "если впредь замечено будет в оных что-либо предосудительное или двусмысленное, то они лично подвергнуты будут не только запрещению продолжать свои журналы, но и строгому взысканию".¹¹⁷

М. Лемке, характеризуя период 1848—1855 годов, говорил:

"Эта эпоха — едва ли ни самый мрачный и тяжелый период во всей истории русской журналистики".¹¹⁸

В 1852 году в цензуре рассматривался вопрос о допуске в Россию берлинского издания сочинений Лермонтова в переводе на немецкий язык Боденштедта. Цензор А.П. Майков, не решаясь самостоятельно сделать заключение, направил издание в цензурный комитет с таким донесением:

"Недоумевая, как поступить в этом случае, какой приговор произнести этому переводу... я имею честь представить это на благоусмотрение комитета. Со своей стороны я полагаю, что мы можем быть снисходительнее к книге на иностранном языке, нежели на русском и поэтому я думаю, что пьесы: "Демон", "Казначейша" можно позволить вполне... Впрочем может показаться странным, что у нас русский же автор не дозволен в подлиннике, и будет дозволен в переводе".¹¹⁹

Комитет, в свою очередь, переслал это дело на усмотрение главного управления цензуры, которое вынесло решение:

"...запретить для публики этот перевод, о чем объявлено комитету... в предложении г. товарища министра народного просвещения от 18 июня 1853 года за № 1187".¹²⁰

Вторая половина пятидесятых годов принесла русской литературе относительную свободу. В связи с оживлением общественной жизни, вызванным подготовкой крестьянских реформ, значительно увеличилось количество изданий. На литературную арену выходили новые демократические силы.

В 1859 году С. Дудышкин в журнале "Отечественные записки" (№ 7) опубликовал "Ученические тетради Лермонтова". Среди ряда произведений был и очерк "Демона" 1830 года. Эта публикация подверглась жесткой цензурной обработке. Приведем несколько примеров того, как цензоры изуродовали текст поэмы. Были выброшены все места, где говорилось о монастыре, монахи, боге или просто упоминались какие-либо предметы, относящиеся к богослужению. Мы приводим наиболее характерные примеры, выделяя цензурные изъятия.

Демон проник в монастырь. Далее со стиха 71 говорится:

**...Со страхом отвращает взор.
Он зрит божественные книги.
Лампаду, четки и вериги:
Но где же звуки, где же та...**

В следующей сцене, где также рисуется посещение монастыря Демоном:

**...Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном...**

Или со стиха 247 говорится об ангеле, который

**Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной.**

В монологе Демона:

**И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья...**

В заключительной сцене:

**С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, общий разрушитель...**

Стихи или слова, выделенные нами, в публикации Дудышкина по требованию цензуры были обозначены многоточием. Таких примеров можно привести немало. Почти одновременно с этой публикацией С. Дудышкин готовил новое издание сочинений Лермонтова. И в том же 1859 году материалы нового издания поступили на предварительный просмотр цензуры. К счастью, они попали к И.А. Гончарову, исполнявшему в то время должность цензора. Сам писатель, Гончаров очень внимательно отнесся к литературному наследию Лермонтова. Однако не решаясь принять на себя ответственность и самостоятельно дозволить к печати сочинения Лермонтова, Гончаров составил обстоятельное донесение и все материалы издания направил на рассмотрение Петербургского цензурного комитета, а тот, в свою очередь, передал их в главное цензурное управление.

Гончаров в донесении перечислил стихи из поэмы "Демон", ранее запрещенные цензурой, и нашел их "удобными для одобрения в печать по духу ныне действующей цензуры". Он выразил сомнения лишь в отношении отдельных стихов. Так, например, Гончаров не знал, как поступить со стихом, где говорилось, что молитвы "напрасный труд", или с диалогом о боге Тамары и Демона.

Далее Гончаров писал:

"Вероятно, исключение некоторых из показанных мест имело значение в свое время и могло иметь какое-нибудь отношение к личности и судьбе автора, но теперь все это составляет забытое прошлое. Между тем, запрещения в печать этих мест у Лермонтова, как писателя классического, подадут и будут подавать повод к перепечатыванию его поэмы в заграничных типографиях. Поэтому я имею честь испрашивать разрешения цензурного комитета к одобрению в печать как означенных в поэмах "Демон" и "Орша" мест, так и других, если таковые встретятся в прочих сочинениях Лермонтова и не будут противны духу ныне действующей цензуры".¹²¹

Доброжелательное заключение Гончарова, конечно, сыграло решающую роль в деле дозволения "Демона" к печати. Если припомнить, что в том же 1859 году другие цензоры просто вырезали из публикаций Дудышкина куски поэмы и не трудились над тем, чтобы добиться разрешения высшего начальства, то действия Гончарова приобретают особую ценность.

К лету 1860 года первый том собрания сочинений Лермонтова вышел из печати. В нем впервые был опубликован полный текст поэмы "Демон".¹²²

П. Мартыанов писал:

"Это было дословное воспроизведение упомянутого выше заграничного издания А.И. Философова в Карлсруэ, в 1857 году, даже с теми же опечатками" ("Дела и люди века", т. II, 1893, стр. 124).

И в данном случае утверждения Мартыанова не соответствуют действительности. Он, видимо, даже не потрудился сличить тексты прежде, чем делать заключения.

Опубликованный Дудышкиным текст не является воспроизведением ни одного из трех упомянутых нами заграничных изданий. Сам Дудышкин в примечаниях не сообщил, по какому тексту он печатал "Демона", но анализ этого издания позволяет утверждать, что в руках у него были копии с разночтениями. Кроме того, вполне возможно, что он использовал и заграничные издания. Наше утверждение о том, что у него были, кроме заграничных изданий, еще и копии, базируется на анализе текста 1860 года. В нем встречаются такие разночтения, которых нет ни в одном из зарубежных изданий. Например, 226 стих начинается так:

Но презрел молодой жених...

тогда как во всех заграничных изданиях "удалой жених". Или стих 1001

Ни грусть, ни радость прежних дней...

В обоих карлсруйских изданиях в этой строке — "прошлых лет", а в берлинском ее нет совсем. Таких примеров можно привести более десятка. К тому же у Дудышкина есть дополнительно целые стихи, отсутствующие в заграничных изданиях. Что касается предположения о наличии у Дудышкина нескольких копий, то оно исходит из такого факта. Гончаров в своем донесении цензурному комитету приводит некоторые стихи из поэмы. Один из приведенных стихов ("О, если б рай передо мной...") не встречается в печатных текстах. Возможно, после цензуры Дудышкин вносил кое-какие исправления по другим копиям.

В целом текст, опубликованный Дудышкиным, схож с Крл. 57. За исключением мелких разночтений, вся первая часть и 13 строф второй части поэмы развиваются так же, как Крл. 57. Но после XIII строфы второй части идут стихи:

И все, где пылкой жизни сила

Там внятно чувствам говорила...

и дальше, как в берлинском издании 1856 года, с одним лишь разночтением. Затем, начиная со стиха "Толпой соседи и родные..." и до конца текст соответствует Крл. 57.

Таким образом, совершенно ясно, что публикация Дудышкина, как и Крл. 57 или Берл. 56, не отобразила законченной, целевой редакции поэмы. В ней нашли себе место стихи из очерков, созданных поэтом на различных этапах работы. В силу этого смысловое значение поэмы получило некоторую противоречивость, и общие художественные достоинства ее снизились.

Итак, первая полная публикация поэмы в России в текстологическом отношении не была достижением. Она несколько не помогла в деле выявления канонического текста, а еще более запутала его.

3. Текстологические разыскания конца XIX — начала XX веков

Вплоть до конца 80-х годов XIX века не было сделано серьезной попытки научного анализа текста поэмы и выявления новых автографов или достоверных копий. Частные издательства менее всего были заинтересованы в научности материала, который они печатали. Их более интересовала экономическая сторона предприятия. Вот почему во всех последующих изданиях (1863 г. под ред. Дудышкина, 1873, 1880, 1883, 1887 гг. под ред. П. Ефремова) текст "Демона" изобилует ошибками, разночтениями, произвольно датировался и не отвечал научным требованиям.

В издании 1880 года П. Ефремов сообщал, что текст поэмы им исправлен по авторизованной копии О.Н. Квиста. Однако, как выяснилось позднее, копия Квиста вовсе не авторизована, а снималась с другой копии, якобы, исправленной Лермонтовым. В текстах изданий под редакцией Ефремова каждый раз оказывались новые разночтения, а издание 1880 года не соответствовало даже и списку Квиста, с которого оно, якобы, печаталось.

Вот почему, не останавливаясь на этих, а также некоторых провинциальных изданиях, как не представляющих научного интереса, перейдем к работам первого биографа Лермонтова П.А. Висковатова.

В истории изучения наследия Лермонтова Висковатову безусловно принадлежит большая заслуга; он первый собиратель большого фактического материала о жизни и творчестве поэта. Его изыскания, связанные с изучением поэмы "Демон", также представляют значительный интерес.

В понедельник 2 мая 1888 года в Литературно-Драматическом обществе в Петербурге состоялось очередное собрание, на котором проф. П.А. Висковатов выступил с докладом о поэме "Демон". Он рассказал собравшимся о творческой истории поэмы, о ее печатных текстах и их недостатках. Далее газетный отчет гласит:

"Засим П.А. Висковатов представил присутствующим на собрании полученный им от лица, бывшего долгое время предметом любви поэта, список 1838 года с целыми стихами и посвящением, написанными чернилами рукой Лермонтова и, наконец, список, помеченный 184... (последней цифры нельзя разобрать), приобретенный им случайно от одного из служащих в Главном штабе".¹²³

Первый список, о котором идет речь, это копия В.А. Лопухиной, представляющая большую ценность. Ее авторитетность и подлинность ни у кого не могли вызвать сомнения. Что касается второго списка, то мнения присутствующих разделились. Висковатов доказывал, что карандашные поправки в тексте сделаны Лермонтовым и что в художественном отношении эта редакция является более зрелой. Однако его доказательства оказались неубедительными.

Уже через день Суворин, присутствовавший на заседании, в газетной заметке, составленной несколько тенденциозно, писал:

"Наше личное впечатление решительно против подлинности этих поправок".¹²⁴

Другая газета ("Гражданин", от 5 мая) высказала совершенно противоположное мнение, утверждая, что список не может вызывать сомнения. В ответ на это газета "Новое время" (№ 4376) предложила экспертизу для сличения почерка поправок с почерком Лермонтова.

Вскоре вся эта история на некоторое время была забыта.

В мартовском номере журнала "Русский вестник" за 1889 год Висковатов опубликовал полностью список Лопухиной и дал описание второго списка (184... года), который он считал самой "последней редакцией поэмы".

Наступил 1891 год. Исполнилась 50-летняя годовщина со дня гибели Лермонтова. В связи с этим повысился общественный интерес к литературному наследству поэта. Многие столичные и провинциальные издательства выпускали собрания его сочинений. В том же 1891 году вышел из печати III том полного собрания сочинений Лермонтова под редакцией Висковатова. Здесь, в качестве основного текста поэмы "Демон", был воспроизведен список, о достоинствах которого ранее высказывались столь противоречивые суждения.

Публикация Висковатова дала новый повод для споров о тексте "Демона". Образовался враждебный лагерь, сыпавший весьма недвусмысленные обвинения по адресу Висковатова.

Но прежде чем касаться деталей вновь разгоравшегося спора, необходимо отметить, что, хотя внешне он и принял наукообразную форму, по существу, враждебный Висковатову лагерь был далек от подлинной науки. В нем оказались люди, которые так или иначе преследовали личные цели и сводили с Висковатовым старые счеты. Опубликованный же Висковатовым текст "Демона" дал для этого повод.

Глашатаями враждебного Висковатову лагеря стали Суворин и Мартыянов. Первым, видимо, руководило желание подорвать не только авторитет Висковатова, но, главным образом, издательства Рихтера, которое напечатало висковатовский список "Демона". Мартыянов еще в 70—80 годы публиковал статьи о Лермонтове и видел в лице Висковатова серьезного противника.

За спиной у Суворина — человека мало сведущего в творчестве Лермонтова — оказался Ефремов, которого Висковатов неоднократно критиковал за ошибки в его изданиях. Ефремов был, видимо, главным консультантом у Суворина в теоретических вопросах спора.

Д.А. Столыпин, с именем которого связывалось карлсруйское издание "Демона", желая поддержать авторитет этого издания, примкнул к противникам Висковатова. Он, видимо, дал не совсем точные сведения Мартыянову, а последний их окончательно извратил, запугав текстологию "Демона".

В газете "Новое время" 24 сентября 1891 года появилась статья Суворина под довольно шумным заглавием "Подделка поэмы "Демон". Суворин писал, что публикация Висковатова "...есть ни что иное, как грубая, неуклюжая и бездарная подделка...".

Вскоре Висковатов в газете "Новости и биржевая газета" выступил со статьей "Ответ г. Суворину", опровергавшей основные тезисы Суворина. Висковатов доказывал, что поправки в тексте необходимо считать лермонтовскими, так как по художественным достоинствам они выше прежних вариантов. Спор из текстологического превратился в спор по общей оценке творчества поэта.

Суворин не замедлил с ответом. 12 октября он послал рукопись своей статьи на просмотр к Ефремову. Вот отрывок из сопроводительного письма Суворина, которое еще не публиковалось.

"Ваше превосходительство, милый генерал, прочтите мой ответ Висковатову. Не найдете ли что-нибудь такое, что следовало бы прибавить или убавить. Этот профессор, при всей своей глупости, отличился замечательной наглостью. Я убежден, что он сам, своеручно, совершил подделку, желая увековечить свою редакцию. Я мог бы сказать, что и стихи

Решило небо нашу встречу

и

**Тамара гордой речи внемлет,
Чудесный страх ее объемяет —**

вовсе не лермонтовские... Но стоит ли говорить об этом? Если найдете, что стоит — скажу...”¹²⁵

Ефремов, просмотрев рукопись, видимо, внес свои поправки и посоветовал сказать о стихах, которые упоминал Суворин. В статье, появившейся 16 октября в “Новом времени” (№ 5615) и подписанной Сувориным, удары направлены и против этих стихов.

В тот же день Суворин, считая, видимо, спор законченным, вновь обратился с письмом к Ефремову. Приводим в сжатом виде это письмо:

”Спасибо вам, Петр Александрович, за Ваши указания. Очень мне помогли, очень, в этом споре... Кому не ясно, что Висковатов совершил подделку, а это надо доказывать, надо глупому нахалу говорить, что он глупый нахал, как будто это и без того не видно. Мне лично этот спор принес пользу, ибо я познакомился с Лермонтовым основательно и перечел его всего”¹²⁶

Следующий этап этой истории развивался уже не на страницах газет, а в стенах Российской Академии Наук. Протокол от 8 февраля 1892 года передает речь председательствовавшего:

”...настоящее экстренное собрание назначено исключительно для оценки отделением, по просьбе... П.А. Висковатова, достоверности... рукописи, заключающей в себе полный текст поэмы Лермонтова “Демон”.

Висковатов выступил с двухчасовым докладом. Содержание доклада почти ничего не прибавило к тому, что было ранее сказано им в печати. И здесь, доказывая, что список является последней обработкой поэмы, Висковатов приводил в качестве главного аргумента художественное совершенство и зрелость мысли данной редакции. По его мнению и мнению всех участников собрания, основа редакции этого списка была нравственна и совершенна, так как Лермонтов подошел к идее искупления.

Достоверность вновь найденного списка была признана всеми присутствующими. ”...Последнюю нам известную переделку, указывающую на совершенно новую концепцию сюжета, не только намеченную, но и частично выполненную, представляет найденный г. Висковатовым список”¹²⁷

Так закончился этот ожесточенный спор. Формально победа оказалась на стороне Висковатова, но фактически ее значение было ничтожным. Большинство исследователей склонно видеть в публикации Висковатова ошибку, порожденную плохим знанием лермонтовских рукописей, и излишнюю поспешность в решении столь сложного текстологического вопроса.

Список Висковатова, действительно, не может выдержать сколько-нибудь серьезной критики.

Карандашные поправки в нем не имеют ничего общего с рукою Лермонтова, а большинство вариантов либо взято из разных редакций, либо настолько слабо, что вообще вызывает сомнение в принадлежности великому поэту. Что касается идейной стороны данной редакции, то она как бы является дальнейшим развитием придворного списка. Здесь ”нравственная основа” могла удовлетворить даже официозную критику.

Можно не сомневаться, что Висковатов приобрел недоброкачественный список и стал жертвой своей неосторожности.

Нет сомнения, что эта история сыграла определенную положительную роль. Она повысила интерес к тексту “Демона” и заставила последующих литературоведов серьезно заняться его изучением.

* * *

В связи с 50-летием со дня гибели Лермонтова значительно увеличилось количество изданий его сочинений. Что касается текста поэмы “Демон”, то он печатался по усмотрению и вкусу каждого из редакторов. В одних изданиях придерживались

Крл. 56 и Крл. 57, в других — текста изданий Ефремова; Висковатов, как мы видели, напечатал свой список; несколько позднее издательство И. Кушнарера опубликовало список В. Белинского.¹²⁸

Попытка Висковатова дать авторитетное издание “Демона” окончилась полной неудачей. Потребность научного исследования текста поэмы становилась все острее. Но подавляющее большинство работ о Лермонтове, вышедших в конце XIX века, носило характер литературно-критический и ничего не прибавляло к изучению текста. Наоборот, они запутывали дело, так как авторы, опираясь на различные издания поэмы, трактовали ее текст субъективно и доказывали, что принятый ими текст должен считаться лучшим.

Из всех дореволюционных работ, посвященных вопросам текстологии “Демона”, представляют особый интерес исследования Е. Аничкова и А. Введенского.

Последний много занимался изучением рукописей Лермонтова и в 1906 году выступил со статьей “Лермонтовские тексты”. Острые статьи было направлено против Висковатова, допущенного ошибки в редактированном им издании. Эти ошибки и произвольные чтения ”...призывают к особой осторожности в деле решения вопроса о “Демоне”, который пока еще не может быть признан окончательно решенным определением, хотя бы и высшего учебного учреждения России”¹²⁹

Однако Введенский, обстоятельно разобрав все ошибки и недостатки в тексте издания Висковатова, сам не дал указания, как нужно печатать поэму. Видимо, Введенский полагал, что издание Лермонтова товариществом “Просвещение”, которое он редактировал, должно служить ответом на данный вопрос. Но, оценивая основной текст поэмы “Демон”, приведенный Введенским в его издании, мы можем заметить, что и он не выдерживает никакой критики, так как является произвольно видоизмененным Крл. 56.

Работа Е. Аничкова “Методологические замечания о тексте “Демона”” (СПб., 1914) интересна фактическим материалом. Автор задается целью решить важный практический вопрос: как нужно печатать “Демона”? Для того чтобы ответить на этот вопрос, он проделывает большую работу по изучению наиболее известных текстов поэмы.

”Текст “Демона”, — говорит он, — дошел до нас совершение в тех же самых условиях, как какой-либо средневековый памятник, сохранившийся во множестве списков и копий, без возможности доискаться автографа... Подлинный текст представляется неким иксом, и до него восходят путем сложной работы над генеалогией сохранившихся списков. Нет сомнения, что тот же метод необходим для “Демона”¹³⁰

Аничков старался реконструировать текст. Этот метод, быть может, необходим при изучении средневековых памятников, но в данном случае он неприемлем. В результате исследователь пришел к довольно печальному выводу:

”Никогда мы не будем иметь одного текста “Демона” Лермонтова. Он останется колеблющимся”¹³¹

Говоря о печати поэмы, Аничков рекомендует для научного издания взять три текста: 1. Список Лопухиной, 2. Берлинское издание 1856 года, но после исправления ошибок и приведения вариантов из Крл. 56 и, наконец, 3. Текст Крл. 56, но с исправлением опечаток и введения диалога о боге, который должен печататься в скобках.

Все три текста, по мысли Аничкова, на равных правах должны помещаться один за другим. Аничков считал, что такой подбор текстов всесторонне осветит завершающие этапы работы Лермонтова над “Демоном” и исчерпывающе представит все варианты. Что касается массовых изданий, то в этом случае Аничков

не вносил никаких предложений. Он представлял редакторам свободу действия.

Не говоря уже о том, что ограничиться только указанием, как печатать "Демона" в научных изданиях, забывая обычные (массовые), значит по существу не решить вопроса, мы отметим еще один недостаток предложений Аничкова. Подготовке второго и третьего текста по методу Аничкова сопутствует свобода действия редактора. По личному вкусу могли вводиться или опускаться варианты, исправляться ошибки путем сопоставления разных списков и так далее. Но в связи с тем, что в "Демоне" есть много стихов, дающих разные чтения в разных списках, предлагаемый Аничковым способ привел бы к субъективным оценкам.

В исследовании Аничкова есть ошибки и фактического характера. Так, например, он утверждает авторитетность корректуры Краевского, у которого, якобы, была копия, "тщательно приготовленная" поэтом или его друзьями, переоценивает Крл. 56 и Берл. 56 как издания, напечатанные "авторизованные копии".

* * *

В предыдущих главах уже шла речь о корректуре Краевского. Теперь необходимо сказать о ее дальнейшей роли. Д.И. Абрамович, редактируя Академическое издание Лермонтова, принял для печати текст "Демона", представленный корректурой Краевского. Свое решение Абрамович аргументировал следующим соображением:

"...если бы не простая случайность в виде цензурного запрещения, то "краеугольным камнем" всех дальнейших изданий "Демона" послужили бы "Отечественные записки"... с их "первопечатным текстом".

Абрамович был бы прав лишь в том случае, если бы мы не знали корректуры. Но мы знаем ее, видим, что набор и правка производились с разных списков, и считать корректуру авторитетной не можем. Сам Абрамович, как и когда-то Краевский, вынужден был выбирать между двумя-тремя вариантами. В одних местах он принял к печати первоначальный набор корректуры, в других — поправки Краевского. Таким образом, и здесь в качестве мерила был использован личный вкус редактора.

Примененный Абрамовичем способ "установления канонического" текста был решительно осужден всеми лермонтоведами. Уже Аничков говорил, что, хотя корректура, мол, и авторитетна, но она отразила неполную копию.

Вслед за Аничковым в печати выступил С.В. Шувалов. Он считал, что в Академическом издании "...особенно неудовлетворительно решен вопрос об окончательной редакции поэмы..."¹³² Далее Шувалов рассмотрел историю последней редакции "Демона". Он так же, как и его многие предшественники, руководствовался утверждениями Мартыянова и пришел к ошибочному выводу, что "...во втором карлсруйском издании поэма была напечатана с лермонтовского автографа..., который поэт, уезжая в последний раз на Кавказ (в мае 1841 года), оставил у Шан-Гирея..."¹³³

Приняв безоговорочно авторитетность Крл. 57, Шувалов, однако, далее приходит к неожиданному выводу. Хотя Крл. 57 набиралось с последнего автографа 1841 года, теперь нам, "...чтобы получить действительно подлинный текст "Демона" (последнюю редакцию), нужно сделать исправления второго издания по первому, принимая в соображение и чтения сп. Квиста. Вот безусловно правильное решение вопроса о том, какой текст "Демона" надо печатать, издавая эту поэму".

Само собой понятно, что "безусловно правильное решение" вступает в противоречие со всем тем, что было сказано исследо-

вателем прежде. Спрашивается, зачем же подвергать столь сложной сверке Крл. 57 со списком Квиста и Крл. 56, если оно печаталось с автографа 1841 года? И как быть со всеми разночтениями? Какие варианты считать за лучшие?

Таким образом, и в работе Шувалова деловое решение практически важного вопроса подменялось теоретическими сопоставлениями неустойчивых фактов. Это приводило к противоречиям и неясным выводам.

* * *

На этом можно закончить рассмотрение работ литературоведов прошлого, посвященных вопросам текстологии поэмы. Итого получаются неутешительные.

В результате многолетних поисков, ожесточенных споров, исследований, ученые ни на шаг не приблизились к самому главному: как же решить вопрос о каноническом тексте поэмы? Какой текст можно печатать, не сомневаясь в его авторитетности? На этот вопрос, не соглашаясь с предшественниками, каждый исследователь отвечал по-своему и по-своему ошибался, за что позднее подвергался критике.

4. Работы советских текстологов

Советские литературоведы сделали очень много в области текстологии лермонтовских произведений. Прежде всего, немало было затрачено энергии, чтобы разыскать ряд автографов произведений и писем поэта. И некоторые находки представляют исключительный интерес (например, очерк "Кавказец", лирические стихи Лермонтова, посвященные Н.Ф. Ивановой). Была проделана колоссальная работа по сверке рукописей Лермонтова и научной их публикации. В результате этого труда могли появиться такие ценные в текстологическом отношении собрания сочинений Лермонтова, как издание "Academia" и в особенности новое Академическое издание Пушкинского Дома. Лермонтоведы ведут работу по научному описанию рукописей поэта. Книга А. Михайловой "Рукописи М.Ю. Лермонтова" (1941 г.) в этом отношении является прекрасным образцом.

Советскими литературоведами был найден и ряд текстов поэмы "Демон". Правда, все это копии, но некоторые из них, как, например, философский список, по которому печаталось Крл. 56, и Ереванский, отразивший первую кавказскую редакцию, представляют значительный интерес.

Однако вопрос о каноническом тексте "Демона" по-прежнему остается нерешенным. И мы вряд ли ошибемся, если скажем, что и в издании "Academia" и в новом Академическом издании основной текст "Демона" является наиболее слабым разделом и может быть легко подвергнут критике.

В 1926 году вышло однотомное полное собрание сочинений Лермонтова под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Здесь впервые после Октябрьской революции вопрос о тексте "Демона" решался по-новому. Это издание повторялось несколько раз (1928, 1929, 1930 годы). Позднее оно немного менялось, но текст "Демона" оставался прежним. В таком же виде поэма вошла в III том издания "Academia" (1935 год) под редакцией Б. Эйхенбаума. Все последующие издания в точности воспроизводили данный текст.

Таким образом, в печати был ликвидирован разнобой. Это положительное явление. Но, к сожалению, принятый Эйхенбаумом текст содержит немало фактических ошибок, крайне про-

тиворечив, идейно и художественно обеднен в силу ряда причин, о которых уже говорилось выше.

Б. Эйхенбаум в примечании к "Демону" писал:

"...В основу канонического текста... надо положить карлсруйское издание 1856 года, как сохранившее в большей точности окончательную редакцию поэмы, а отсутствующий в нем по цензурным причинам диалог вставить из карлсруйского издания 1857 года".¹³⁴

Установка Эйхенбаума родилась на основе извращенных и просто выдуманных Мартьяновым фактов. В результате "Демон" стал во всех советских изданиях печататься по тексту Эйхенбаума. В нашей литературе уже говорилось о том, что вопрос о каноническом тексте решен им неверно. Высказано это мнение было в статье С.В. Шувалова.¹³⁵

Однако Шувалов в своей статье сам многое напугал. Он без всяких оговорок утвердил некоторые неверные положения Мартьянова и Абрамовича. В итоге выводы прямо противоречили его же прежним утверждениям. Если в статье 1915 года Шувалов требовал печатать Крл. 57, исправляя его по Крл. 56 и авторитетным спискам, то теперь он говорил:

"Лермонтовскую поэму следует печатать по первому карлсруйскому изданию, ничего не добавляя и не сокращая в его составе; но в отдельных стихах этот текст необходимо исправить по указаниям второго карлсруйского издания, а также других, заслуживающих доверия списков "Демона".¹³⁶

Разногласия между Шуваловым и Эйхенбаумом в конце концов сводились лишь к вопросу: можно ли вводить диалог о боге в текст Крл. 56? Рекомендация Шувалова о том, чтобы Крл. 56 исправить по "другим" спискам, настолько туманна, что ее за серьезное предложение считать нельзя. В самом деле, какие же списки можно признать авторитетными и пригодными для того, чтобы по ним производить поправки в Крл. 56?

Если Шувалов неудачно подкрепил свои утверждения фактами и пришел к спорному выводу, то это не значит, что его выступление не должно быть принято во внимание. И, конечно, неправ был Эйхенбаум, который в ответе на эту статью обвинил Шувалова в "текстологической схоластике". Статью Шувалова нужно принять во внимание хотя бы потому, что она протестует против самовольного обращения с лермонтовским текстом.

Вопросы текстологии требуют исключительной точности, и перекраивать произведения лишь на основании утверждений Мартьянова, работы которого всем известны как малоавторитетные, нельзя. Эйхенбаум именно так и поступил. Он взял за основу текст Крл. 56, исправил в нем явные ошибки, затем с помощью текста Крл. 57 выявил все разночтения и на свой вкус принял лучшие варианты. Из второго в первый текст был целиком перенесен диалог о боге. Причем, сличая два текста, Эйхенбаум в большинстве случаев принял варианты из Крл. 56, но в стихах 77, 647 и 946 приняты варианты из Крл. 57.

Став на путь выбора лучших вариантов из двух текстов, Эйхенбаум в стихе 974 должен был устранить явную ошибку. Этот стих в Крл. 56 читается так:

Безмолвно поражая в грудь...

В таком виде он напечатан в издании "Academia", тогда как в Крл. 57 этот стих отредактирован верно:

Безмолвно поражая грудь...

Выбирая из двух текстов, безусловно, нужно было принять вариант Крл. 57 и стихов 793—794:

Отрекся я от старой мести,

Отрекся я от гордых дум...

Но Эйхенбаум принял редакцию Крл. 56, где читаем:

Я отрекся от старой мести...

Таким образом передвигается ударение на последний слог. Недоумение вызывает редакция 217 стиха. У Эйхенбаума он дается в таком виде:

Тут с давних пор почит в боге...

Тогда как в Крл. 56 и Крл. 57 этот стих напечатан так:

Тут с давних лет почит в боге...

Ни один из вошедших уже в обращение списков "Демона", ни один из печатных текстов не дает такого чтения. Везде стоит слово "лет". Откуда взято слово "пор" — неизвестно.

В отдельных местах вызывает сомнение и пунктуация, принятая в издании "Academia", но не будем останавливаться на "мелочах" и перейдем к самому существенному недостатку этого издания. Он заключается именно в том, что Эйхенбаум ввел диалог о боге.

После сентября 1838 года Лермонтов, переделывая "Демона", ставил своей целью несколько смягчить мятежный пафос всего произведения и в конце вознаградить добродетель. Эта переделка, видимо, была вызвана необходимостью представить поэму ко двору. Ясно, что в придворном списке диалог о боге не мог оставаться. Он был выброшен автором не только потому, что в нем слишком резко говорилось о боге, но и потому, что в данной (придворной) редакции диалог противоречил новым стихам, введенным в силу необходимости. Даже без него редакция придворного списка, которую, видимо, и отразило издание Крл. 56, несет в себе противоречия. Весь дух поэмы, облик героя, никак не вяжутся с отдельными стихами из клятвы и сценой борьбы ангела с Демоном за душу Тамары. Если в эту редакцию ввести еще диалог, то противоречия приобретают кричащий характер. Белинский, будучи в положении редактора-переписчика, понял это и диалог вынес в отдел примечаний. Эйхенбаум поступил наоборот. Он не принял в расчет опыт великого русского критика и еще более исказил и без того пострадавший текст поэмы.

Мы привели доводы, подсказанные логикой, но и формально у Эйхенбаума не было данных для того, чтобы перекраивать текст "Демона". Если уж пользоваться сообщениями Мартьянова и Д. Столыпина, приводимыми Эйхенбаумом в примечаниях к "Демону" (том III), то надо быть последовательным до конца, использовать все, что дают эти источники, не искажая их.

Каковы конечные утверждения Мартьянова?

Он говорит, что издание 1857 года вышло "полным текстом по собственноручной рукописи поэта".¹³⁷

Каковы последние утверждения Столыпина?

Он написал на экземпляре "Демона" в издании 1857 года, что данный текст соответствует рукописи, которая у него была.

Следовательно, и формально Эйхенбаум не имел права брать за основу текст 1856 года, а затем делать к нему прибавления. Если Эйхенбаум верил данным Мартьянова и опирался на них, он обязан был принять к изданию текст Крл. 57, очистив его лишь от явных ошибок.

Таковы недостатки издания "Демона", которое редактировалось Эйхенбаумом.

За последние полтора десятка лет было опубликовано несколько статей, в которых затрагивались вопросы текстологии "Демона". Наибольший интерес представляют работы Н. Бабушкина¹³⁸ и А. Михайловой.

Здесь мы остановимся на двух работах А. Михайловой: на ее статье "Последняя редакция "Демона"¹³⁹ и примечаниях к поэме, опубликованных в новом Академическом издании собрания сочинений Лермонтова.¹⁴⁰ В статье история текстологии и печати поэмы затрагивается Михайловой вкратце. Вторая часть статьи посвящена описанию списка Философова. Именно этот раздел статьи Михайловой представляет интерес и значе-

ние. Там, где Михайлова касается вопроса истории печати "Демона" и некритично повторяет Мартынова, неизбежно появляются ошибки. Михайлова допустила и фактические ошибки. Например, она утверждает, что в издании С. Дудышкина 1860 года поэма печаталась по тексту 1857 года, изданному в Карлсруэ. Это неверно. Так говорил Мартынов, а Михайлова не проверила тексты.

Нам кажется, что в работе Михайловой допущены некоторые слишком безоговорочные утверждения, которые ничем невозможно подтвердить. Она говорит, например, что Жуковский знакомился с шестой редакцией поэмы. Трудно сказать, какую именно редакцию читал Жуковский. Об этом данных нет. Или утверждает, что эту редакцию (шестую) затеряли дамы и о ней упоминает Краевский в письме к Панаеву от 10 октября. Нет никаких данных утверждать, что читали тогда шестую, а не пятую или еще какую-либо редакцию. Такие примеры в статье Михайловой не единичны.

Слишком поспешны и безоговорочны выводы Михайловой. Можно согласиться с ее утверждением, что находка списка Философова представляет интерес и значение его "чрезвычайно велико". Но утверждение, что этот список представляет редакцию 1841 года, основанное опять же на высказываниях Мартынова, вызывает сомнение. Во-первых, Лермонтов в 1841 году поэмой, вероятно, не занимался. Во-вторых, в письме М.А. Корфу от 23 декабря 1856 года Философов писал, что у него в руках была не редакция 1841 года, а копия с более раннего автографа (1838 года?), переписанная в 1841 году¹⁴¹. Однако об этом письме Михайлова нигде не упоминает.

Несмотря на отдельные недостатки статья Михайловой — ценный вклад в текстологию "Демона". Она дает исчерпывающий материал для правильной оценки изданий Философова в 1856—1857 годах.

Позиция, занятая Михайловой в ее статье "Последняя редакция "Демона"", предопределила характер примечаний, написанных для последнего Академического издания сочинений Лермонтова. В примечаниях Михайлова с небольшими изменениями повторяет то, что было сказано в ее статье. В качестве основного текста поэмы в издании принят список Философова. Его Михайлова считает "придворным" и утверждает, что он идет от Лермонтова. Возможно, хотя и нет достоверных данных, что это именно так. Но даже допустив, что список Философова восходит к "придворной" редакции, исследователь все равно имеет слишком мало фактов для того, чтобы безоговорочно утверждать (как делает Михайлова), что данный список относится к 1841 году. Следует только отметить, что вопрос об основном тексте "Демона", решенный в Академическом издании с позиций, защищаемых Михайловой, вряд ли может выдержать критику. Дело в том, что, принимая за основу список Философова, Михайлова сама не совсем доверяет ему. Она, во-первых, вводит диалог о боге из Крл. 57, а, во-вторых, шесть стихов исправляет по списку Лопухиной, который таким образом признается ею как более авторитетный источник.

Мы уже говорили, что текст придворного списка, изготовленный Лермонтовым второпях и имевший специальное предназначение, противоречив. Дополняя его диалогом о боге, и Эйхенбаум в издании "Academia", и Михайлова в новом Академическом издании усугубили смысловые противоречия поэмы.

Михайлова, сознавая это, объясняет свое решение так:

"Диалог включался (и включается в настоящее издание) вследствие его идейной ценности, несмотря на некоторое противоречие его с новым контекстом"¹⁴²

Вряд ли Лермонтов нуждается в таком "улучшении". Великий поэт когда-то был неудовлетворен изменениями, сделанными

в поэме перед представлением ее ко двору. Видимо, это заставило его сказать Шан-Гирею о необходимости повременить с публикацией поэмы. Однако, как ни странно, но современные редакторы печатают текст копии Философова, которая восходит к придворному списку и противоречива по содержанию. Все это позволяет говорить о неудовлетворительном решении вопроса текстологии поэмы "Демон" в наших современных изданиях.

5. Еще о каноническом тексте поэмы "Демон"

Мы уже видели, насколько вопрос о каноническом тексте поэмы "Демон" оказался сложным. Он вызвал ожесточенные споры исследователей и до сих пор остается нерешенным.

Вспомним, какие наиболее авторитетные тексты имеются в распоряжении литературоведов. Начнем перечисление с самого ценного списка, не считая рукописей ранних очерков и копий с этих рукописей.

1. Список Лопухиной — это вполне авторитетный источник с пометками автора. Он отразил вторую кавказскую редакцию, которая по своим идейно-художественным достоинствам стоит на высоком уровне.

2. Придерживаясь хронологии, следующим нужно упомянуть список Зотова, по словам его владельца, относящийся к 1838 году. Но его источник неизвестен. Он был переписан с одной из копий, ходивших по рукам в лице.

3. Текст Крл. 56 и список Философова, с которого производился набор, возможно, восходят к придворной копии, отразившей работу Лермонтова перед тем, как он должен был представить свое произведение высокопоставленным лицам. Происхождение и датировка списка Философова весьма туманны. Теперь, когда список отыскан Михайловой, не остается сомнений, что утверждение Мартынова в отношении текста Крл. 56 не соответствует действительности.

4. Текст Крл. 57 не может считаться авторитетным, так как он явился в результате соединения стихов из Крл. 56 и Берл. 56.

5. Список Краевского датируется 1839 годом. Происхождение этого списка неизвестно, и считать его авторитетным нельзя.

6. Список Квиста, со слов владельца, переписан в 1840 или 1841 году с копии, которая была поправлена, якобы, самим Лермонтовым. Достоверность этих сведений проверить невозможно.

7. Текст Берл. 56 по своему происхождению туманен. Можно предполагать, что его источником являются материалы, вывезенные из России Боденштедтом. В связи с неизвестностью источника, пользоваться этим текстом нужно осторожно. То же можно сказать и в отношении текста берлинского издания 1857 года.

8. Корректур Краевского датируется концом 1841 года. Ее источники — два (быть может, и три) совершенно неизвестных по происхождению списка. В тексте много вариантов и ошибок.

9. Список Белинского датируется 1842 годом. Он представляет исключительный интерес как памятник, характеризующий отношение великого критика к поэзии Лермонтова и, в частности, к "Демону". Составлен список Белинским с двух неизвестных копий. К тому же, возможно, критик пользовался и корректурой журнала "Отечественные записки".

10. Тексты изданий под редакцией Дудышкина, а затем Ефремова не могут быть использованы, так как у первого редактора источники неизвестны, у второго — основой служил список Квиста.

11. Список Висковатова не может внушать доверия. Нужно согласиться с большинством литературоведов в том, что эта ко-

пия никогда не была в руках Лермонтова и многие стихи в ней, возможно, не принадлежат поэту.

12. Кроме того, в распоряжении литературоведов есть еще около трех десятков различных списков. Но все они не заключают в себе ничего интересного. В большинстве случаев источники и владельцы их неизвестны. Это памятники, представляющие скорее литературно-бытовой, нежели текстологический интерес.

Вот те источники, которыми располагает современное литературоведение для воссоздания текста "Демона".

Самым правильным выходом из создавшегося положения будет **введение в печать как основного текста списка Лопухиной**.

Чем можно подкрепить данное решение?

Прежде всего, тем, что этот список вышел из рук Лермонтова и вполне авторитетен, а во-вторых, тем, что его идейно-художественные достоинства стоят выше всех прочих известных нам текстов. Правда, в копии Лопухиной нет некоторых стихов из клятвы Демона и эпилога. Однако если взглянуть в самую суть поэмы, в основную линию развития ее сюжета и идеи, ее образов, то станет ясно, что редакция списка Лопухиной представляет художественно цельное создание. Все части поэмы здесь находятся в гармоническом единстве. Нет никаких противоречий, поступки героев, образ их мышления, их идейные устремления вполне мотивированы и последовательны. Вся поэма в этой редакции проникнута единым ощущением, овеяна мятежным духом борьбы за свободу и счастье человеческой личности.

Вот почему смело можно утверждать, что в этой редакции поэма как произведение искусства в целом стоит несравненно выше, нежели все прочие очерки.

Что ж из того, что в тексте, который печатается сейчас, имеются стихи, составляющие начало клятвы? Сами по себе эти стихи прекрасны, но назначение их сводилось к тому, чтобы как-то сгладить резкую мятежность Демона. Вот почему они внесли противоречия, нарушили общую гармонию поэмы. Вся сцена борьбы ангела и Демона за душу Тамары не принадлежит к лучшим образцам лермонтовской поэзии, а в общем тексте поэмы она углубляет противоречия.

Исходя из оценки этого произведения в целом, мы еще раз повторяем: текст, принятый в изданиях под редакцией Эйхенбаума и в новом Академическом издании, а также тексты других редакторов в прошлом по своей идейной и художественной ценности стоят ниже списка Лопухиной.

Как же печатать поэму?

Список Лопухиной должен печататься полностью в качестве основного текста. В примечаниях следует привести варианты и те отрывки из первой и второй части поэмы, которые составляют характерные особенности придворного списка. Можно думать, что список Филоsofoва отразил особенности придворной редакции.

Не останавливаясь на мелочах, отметим, что в примечания могут попасть следующие отрывки:

1. Со стиха 112 ("В ладони мерно ударяя") до стиха 130 ("Как жизнь, как молодость, живой").
2. Со стиха 290 ("Чей конь примчался запаленный") до стиха 297 ("Рука на гриве замерла").
3. Со стиха 396 ("Напрасно женихи толпою") до стиха 405 ("Я гибну, сжался надо мной").
4. Со стиха 483 ("И мыслит он: то горный дух") до стиха 500 ("А сердце молится ему").
5. Со стиха 699 ("И я людьми недолго правил") до стиха 716 ("Недолго нравились мне").
6. Со стиха 750 ("Кто б ни был ты, мой друг, случайный") до стиха 804 ("Пусть доцветает без меня").

7. Со стиха 1002 ("В пространстве синего эфира") до стиха 1059 ("Без упования и любви").

8. Со стиха 1106 ("Но церковь на крутой вершине") до стиха 1128 ("Давно никто уж не грустит").

Здесь мы наметили главнейшие отрывки, которые следует вынести в примечания в качестве вариантов или дополнения отдельных сцен.

В массовых, популярных изданиях список Лопухиной можно печатать и без вариантов. Они только будут путать читателя.

Для научного издания в данное время назрела необходимость проделать работу по подготовке текста со всеми разночтениями наиболее авторитетных списков и первопечатных источников. Подобная работа, выполненная в Академическом издании под редакцией Д.И. Абрамовича, теряет свою ценность, так как в ней много фактических ошибок, а в новом Академическом издании приведены лишь варианты списка Филоsofoва и разных редакций. В работе по подготовке критического текста поэмы "Демон" в основу также должен быть положен список Лопухиной и к нему необходимо сделать выборку всех вариантов.

Только таким путем необходимо идти, чтобы избежать дальнейших искажений текста поэмы. Этот путь является единственно научным, потому что он приводит к подлинно лермонтовским стихам. И никто не может отдавать предпочтение тому или иному недостоверному источнику, когда в нашем распоряжении есть список Лопухиной, выправленный самим Лермонтовым.

Незаслуженно забытый список Лопухиной, введенный снова в печать как основной текст поэмы "Демон", даст читателю более правильное, более глубокое представление о силе могучей, мятежной поэзии художника, который является национальной гордостью нашего народа.

Заключение

Заканчивая работу по изучению творческой истории поэмы "Демон", ее печати и текстологии, необходимо сделать следующие выводы.

Ни одно из произведений Лермонтова не имеет столь длительной и сложной творческой истории, как поэма "Демон". Поэт в продолжение более десяти лет вынашивал образы своей поэмы, ее тематику и круг идей. Он шлифовал стихи, он углублял их содержание и совершенствовал художественное достоинство. Этот сложный процесс проходил в постоянном напряженном труде.

Чем объяснить, что поэма в течение всей сознательной жизни поэта занимала одно из главных мест в его творчестве? На это может быть дан единственно верный ответ: тем, что идеи, вложенные в художественные образы поэмы, явились своеобразным воплощением чувств и переживаний, волновавших поэта и его современников. Это определение не должно пониматься формально и прямолинейно. Жизнь, русская действительность формировала сознание поэта и вызвала сложные переживания. Их Лермонтов-художник стремился выразить в самых различных, зачастую фантастических образах. Так создавался один из основных героев лермонтовского литературного наследия — образ Демона. В нем воплотились глубоко реальные, вызванные жизнью, чувства и стремления. В образе Демона Лермонтов стремился рассказать о страданиях подвергнутого насилию и изгнанию, оскорбленного, но гордого мятежного существа. Возмущение несправедливостью, грубой силой бога, жажда счастья в новой жизни, жажда любви, томление от бессмысленности одинокого, эгоистического существования — вот основные мо-

тивы, которые с каждой последующей редакцией поэмы развивались все сильнее в образе ее главного героя.

Поэма "Демон" — произведение, в котором нашли художественное выражение идеи, волновавшие Лермонтова всю жизнь. Она тесно связана с другими созданиями Лермонтова. Уже юношеская лирика в значительной степени отразила мотивы, составляющие основу поэмы "Демон". Так, например, страдания человеческой личности от несправедливости и господства зла изображаются Лермонтовым в таких ранних стихотворениях, как "Жалобы турка" (1829), "Монолог" (1829), в обличительной драме "Странный человек" (1831). С другой стороны, в те же годы в творчестве Лермонтова начинает звучать призыв к борьбе за свободу и счастье человека. В одном из ранних своих программных стихотворений поэт прямо говорит, что "жизнь скучна, когда боренья нет" ("1831 г. Июня 11 дня"). Чувством тоски по свободе, сожаления по утраченной вольности, жадной борьбы за иную, лучшую жизнь проникнуты такие поэмы Лермонтова, как "Исповедь" и "Последний сын вольности", написанные в 1830 году.

Таким образом, поэма "Демон" уже с первых редакций стала одним из произведений, выразивших общий дух и направление творчества Лермонтова. В последующие годы поэт неоднократно возвращался к поэме именно потому, что в ней был широкий круг актуальных для него идей. Многократно перерабатывая свое любимое создание, Лермонтов стремился придать ему художественную завершенность, как можно глубже выразить идею произведения, отшлифовать его язык и образы. В целом ряде других произведений, над которыми Лермонтов работал в середине 30-х годов, в какой-то степени были выражены те же мысли и чувства. В результате этого, установилась родственная близость поэмы "Демон" с поэмами "Ангел смерти" (1831), "Азраил" (1831) и "Боярин Орша" (1835). Наконец, многие черты характера Демона нашли свое выражение в образе Арбенина ("Маскарад" — 1835—1836 годы).

По нашему глубокому убеждению, работа над поэмой "Демон" в основном была закончена в конце 1838 года. Вполне возможно, что сам Лермонтов позднее думал еще вернуться к этому произведению, чтобы окончательно отшлифовать его. Однако в связи с творческим ростом Лермонтова, переходом его на позиции реализма, основные идеи и характеры поэмы "Демон" в какой-то мере нашли свое изображение уже в новых художественных образах. В 1839 году Лермонтов закончил работу над поэмой "Мцыри", которая с огромной силой выразила один из главных мотивов поэмы "Демон" — мотив борьбы за свободу. В то же время Лермонтов создает роман "Герой нашего времени". Здесь в образе Печорина как бы отразилась другая сторона характера Демона — его опустошенность, скептицизм, презрение к существующему укладу общественной жизни. В нем та же тоска по счастью, неосознанная тяга к разумной деятельности. Весь этот комплекс переживаний прежде был выражен в романтическом образе Демона, теперь он нашел свое воплощение в образе Печорина, созданном уже писателем-реалистом.

Как художник Лермонтов развивался очень быстро. Творческий рост поэта и окончательный переход на позиции реализма позволили ему уже в 1839 году взглянуть на образ Демона совсем по-новому. В поэме "Сказка для детей" он писал:

**Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. — Меж иных видений
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшеббно-сладкой красою,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималась — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет...
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделился стихами.**

Само собой понятно, что Лермонтов после этих стихов уже не мог вернуться к серьезной работе над поэмой "Демон". Это был уже пройденный этап его творческого пути. И, конечно, совершенно неправы те исследователи, которые восприняли работы Мартьянова за чистую монету и стали утверждать, что Лермонтов в конце своей жизни, на Кавказе, самостоятельно пришел к убеждению о необходимости переделать поэму в примирительном плане. Мы убеждены, что стихи, внесенные в текст поэмы после сентября 1838 года и придающие образу Тамары добродетельные черты, были написаны Лермонтовым в силу необходимости представить поэму ко двору.

Только в результате необходимости представить поэму ко двору, под угрозой новых репрессий за вольнодумные идеи, выраженные в образе Демона, Лермонтов спешно вынужден был кое-как смягчить слишком обличительный характер всего произведения. Наспех введенные стихи внесли противоречивость в содержание поэмы и снизили ее художественные достоинства. Поэт после этого хотел доработать поэму, о чем говорил Шан-Гирею, но его намерение так и осталось неосуществленным.

Сложная творческая история "Демона", потеря большинства рукописей, появление многих десятков списков, сделали весьма затруднительным вопрос о каноническом тексте поэмы. До сих пор советский читатель не имеет научно достоверного текста великого создания Лермонтова.

Запутанность вопроса текстологии "Демона" породила обширную литературу. Но существенным недостатком в работах почти всех исследователей прошлого является недостаточно глубокое изучение творческой истории поэмы. Исследователи проводили огромную работу по изучению текстов различных списков поэмы (например, Е. Аничков, Д. Абрамович и другие), разыскивали наиболее достоверный "окончательный" текст, спорили по этому поводу и зачастую впадали в ошибки. Источник этих ошибок крылся главным образом в том, что исследователи начинали свою работу с конца. Они сразу искали самый последний текст "Демона". В своих поисках они опирались на весьма скудный фактический материал или на недостоверные данные Мартьянова.

В советских изданиях произведений Лермонтова была ликвидирована путаница, существовавшая прежде в связи с печатанием различных текстов поэмы "Демон". Это безусловно положительное явление но вся беда заключается в том, что был канонизирован не тот текст, который заслуживает этого. В наших современных изданиях узаконен текст, восходящий к придворному списку. Советский читатель в результате этого получил значительно ослабленный по своим идейным и художественным качествам вариант поэмы. Для советского читателя будет представлять большой интерес именно та редакция поэмы, которая выражает во всем объеме идейную глубину и художественную цельность бессмертного создания великого Лермонтова.

Только невниманием исследователей к творческой истории поэмы можно объяснить тот факт, что самый достоверный и высокохудожественный текст "Демона", представленный списком Лопухиной, был предан забвению и с 1889 по 1955 год ни разу не воспроизводился. Это упущение несколько восполнено новым Академическим изданием. Здесь список Лопухиной приводится в разделе "Приложение". Однако ясно, что приложение Академического издания с его небольшим тиражом останется достоянием только узкого круга специалистов. Автор настоящей работы считает, что список Лопухиной необходимо печатать в качестве основного текста во всех советских изданиях. Это обеспечит научность, подлинность воспроизведения бессмертного создания великого русского поэта.

Таковы выводы, о которых необходимо сказать еще раз в заключение.

Приложения

Демон

1838 года сентября 8 дня
(По списку В.А. Лопухиной)

Часть 1-я

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
5 Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
10 Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
15 Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много — и всего
20 Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
25 Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
30 И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал;
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
35 И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
40 Ревел — и хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его вникали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
45 Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
50 И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
55 Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоко
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
60 Счастливый, пышный край земли!
65 Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
70 На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
75 И блеск и жизнь и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
80 Всегда увлажненные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
85 В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
90 Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
95 В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой¹,
Княжна Тамара молодая
100 К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна², и льются вины!
105 Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
110 Проходит; дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.

¹Белое покрывало. (Примечание Лермонтова.)

²Род флейты. (Примечание Лермонтова.)

И вот Тамара молодая*
 Берет свой бубен расписной;
 В ладони мерно ударяя,
 115 Запели все, — одной рукой
 Кружа его над головой,
 Увлечена летучей пляской,
 Она забыла мир земной,
 Ее узорною повязкой
 120 Играет ветер; как волна,
 Нескромной думою полна,
 Грудь подымается высоко;
 Уста бледнеют и дрожат,
 И жадной страсти полон взгляд,
 125 Как страсть палящий и глубокой!
 Клянусь полночного звездой,
 Лучом заката и востока,
 Властитель Персии золотой
 И ни единый царь земной
 130 Не целовал такого ока!
 Гарема брызжущий фонтан
 Ни разу жаркою порою
 Своей алмазною росой
 Не омывал подобный стан!
 135 Еще ничья рука земная,
 По милому челу блуждая,
 Таких волос не расплея;
 С тех пор, как мир лишен был рая,
 140 Клянусь, красавица такая
 Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
 Увы! завтра ожидала
 Ее, наследницу Гудала,
 Свободы резвую дитя,
 145 Судьба печальная рабыни,
 Отчизна, чуждая поныне,
 И незнакомая семья.
 И часто грустное сомненье
 Темнило светлые черты;
 150 Но были все ее движенья
 Так стройны, полны выраженья,
 Так полны чудной простоты,
 Что если б враг небес и рая
 В то время на нее взглянул,
 155 То, прежних братий вспоминая,
 Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
 Неизъяснимое волненье
 В себе почувствовал он вдруг;
 160 Немой души его пустыню
 Наполнил благодатный звук;
 И вновь постигнул он святыню
 Любви, добра и красоты!
 И долго сладостной картиной
 165 Он любовался; и мечты
 О прошлом счастья цепью длинной,
 Как будто за звездой звезда,
 Пред ним катилися тогда.
 Прикованный незримой силой,
 170 Он с новой думой стал знаком,
 В нем чувство вдруг заговорило

* К стихам, отмеченным звездочкой, см. примечания в конце текста поэмы.

175
180
185
190
195
200
205
210
215
220
225
230

Родным, понятным языком.
 То был ли признак возрожденья?..
 Он подойти хотел — не мог!
 175 Забыть? — забвенья не дал бог—
 Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир — к закату дня,
 Измучив доброго коня,
 180 Спешил жених нетерпеливый;
 Арагвы светлой он счастливо
 Достиг зеленых берегов.
 Под тяжелой ношею даров
 Едва, едва переступая,
 185 За ним верблюдов длинный ряд
 Дорогой тянется, мелькая;
 Их колокольчики звенят.
 Он сам, властитель Синодала,
 Ведет богатый караван;
 Ремнем затянут стройный стан,
 190 Оправа сабли и кинжала
 Блестит на солнце; за спиной
 Ружье с насечкой вырезной.
 Играет ветер рукавами
 Его чухи¹, — кругом она
 195 Вся галуном обвешана.
 Цветными вышито шелками
 Его седло, узда с кистями.
 Под ним весь в мыле конь лихой
 Бесценной масти золотой;
 200 Питомец резвый Карабаха
 Прядет ушми и, полный страха,
 Храпя косится с крутизны
 На пену скачущей волны.
 Опасен, узок путь прибрежный:
 205 Утесы с левой стороны,
 Направо глубь реки мятежной.
 Уж поздно. На вершине снежной
 Румянец гаснет; встал туман;
 Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
 Тут с давних лет почит в боге
 Какой-то князь, теперь святой,
 Убитый мстительной рукой.
 215 С тех пор на праздник иль на битву,
 Куда бы путник ни спешил,
 Всегда усердную молитву
 Он у часовни приносил,
 И та молитва сберегала
 220 От мусульманского кинжала;
 Но презрел молодой жених
 Обычай прадедов своих;
 Его коварною мечтою
 Лукавый Демон возмушал;
 225 Он, в мыслях, под ночью тьмою
 Уста невесты целовал!
 Вдруг впереди мелькнули двое,
 И больше — выстрел! Что такое?
 Привстав на звонких стременах,
 Надвинув на брови папах²,
 230 Отважный князь не молвил слова;
 В руке сверкнул турецкий ствол,

¹Верхняя грузинская одежда. (Примечание Лермонтова.)

²Баранья шапка, персидская. (Примечание Лермонтова.)

Нагайка щелк! и как орел
 Он кинулся... и выстрел снова!
 И дикий крик, и стон глухой
 235 Промчался в тишине долины!
 Недолго продолжался бой,
 Бежали робкие грузины.

 И стихло все. Теснясь толпой,
 Верблюды с ужасом смотрели
 240 На группы всадников: порой
 Их колокольчики звенели.
 Разграблен пышный караван,
 И над телами христиан
 Чертит круги ночная птица.
 245 Не ждет их мирная гробница
 Под слоем монастырских плит,
 Где прах отцов их был зарыт.
 Не придут сестры с матерями,
 Покрыты белыми чадрами,
 250 С тоской, рыданьем и мольбами
 На гроб их из далекий мест!
 Зато усердно рукою
 Здесь у дороги над скалою
 На память водрузится крест,
 255 И плющ, разросшийся весною,
 Его, ласкаясь, обовьет
 Своею сеткой изумрудной;
 И, своротив с дороги трудной,
 Порой усталый пешеход
 260 Под божьей тенью отдохнет.

 Несется конь быстрее лани,
 Храпит и рвется будто к брани,
 То вдруг осадит на скаку,
 Прислушается к ветерку,
 265 Широко ноздри раздувая,
 То, разом в землю ударяя
 Шипами звонкими копыт,
 Взмахнув растрепанною гривой,
 Вперед без памяти летит.
 270 На нем есть всадник молчаливый:
 Он бьется на седле порой,
 Припав на гриву головой.
 Уж он не правит поводами,
 Задвинул ноги в стремя,
 275 И кровь широкими струями
 На чепраке его видна.
 Скакун надежный господина
 Из боя вынес как стрела,
 Но злая пуля осетина
 280 Его во мраке догнала.

 В семье Гудала плач и стоны,
 Толпится на дворе народ:
 Чей конь примчался запаленный? *
 Кто бледный всадник у ворот?
 285 Недолго жениха младого,
 Невеста, взор твой ожидал.
 Сдержал он княжеское слово,
 На брачный пир он прискакал;
 Увы! Но никогда уж снова
 290 Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
 Как гром, слетела божья кара!
 Упала на постель свою,
 295 Рыдает бедная Тамара;
 Слеза катится за слезой,
 Грудь высоко и трудно дышит;
 И вот она как будто слышит
 Волшебный голос над собой:

 "Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
 300 Твоя слеза на труп безгласный
 Живой росой не упадет;
 Она лишь взор туманит ясный,
 Ланиты девственные жжет.
 Он далеко; он не узнает,
 305 Не оценит тоски твоей;
 Небесный свет теперь ласкает
 Бесплотный взор его очей;
 Он слышит райские напевы...
 Что жизни мелочные сны
 310 И стон и слезы бедной девы
 Для гостя райской стороны?
 Нет, жребий смертного творенья,
 Поверь мне, ангел мой земной,
 Не стоит одного мгновенья
 315 Твоей печали дорогой.

 "На воздушном океане,
 Без руля и без ветрил,
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил;
 320 Средь полей необозримых
 В небе ходят без следа
 Облаков неуловимых
 Волокнистые стада;
 Час разлуки, час свиданья —
 325 Им ни радость, ни печаль;
 Им в грядущем нет желанья
 И прошедшего не жаль.
 В день томительный несчастья
 Ты об них лишь вспомяни;
 330 Будь к земному без участия
 И беспечна, как они.

 "Лишь только ночь своим покровом
 Долины ваши осенит;
 Лишь только мир, волшебным словом
 Завороженный, замолчит,
 335 Лишь только ветер над скалою
 Увядшей шевельнет травую,
 И птичка, спрятанная в ней,
 Порхнет во мраке веселей,
 И под лозою виноградной,
 340 Росу небес глотая жадно,
 Цветок распухнет ночью,
 Лишь только месяц золотой
 Из-за горы тихонько встанет
 345 И на тебя украдкой взглянет,
 К тебе я стану прилетать!
 Гостить я буду до денницы
 И на шелковые ресницы
 Сны золотые навевать..."

350 Слова умолкли. В отдаленье
 Вослед за звуком умер звук.
 Она, вскочив, глядит вокруг;
 Невыразимое смятенье
 В ее груди: печаль, испуг,
 355 Восторга пыл — ничто в сравненье!
 Все чувства в ней кипели вдруг,
 Душа рвала свои оковы,
 Огонь по жилам пробегал,
 И этот голос чудно-новый,
 360 Ей мнилось, все еще звучал.
 И перед утром сон желанный
 Глаза усталые смежил,
 Но мысль ее он возмутил
 Мечтой пророческой и странной.
 365 Пришлец туманный и немой,
 Красой блистая неземной,
 К ее склонился изголовью;
 И взор его с такой любовью,
 Так грустно на нее смотрел,
 370 Как будто он об ней жалел.
 То не был ангел небожитель,
 Ее божественный хранитель:
 Венец из радужных лучей
 Не украшал его кудрей.
 375 То не был ада дух ужасный,
 Порочный мученик — о нет!
 Он был похож на вечер ясный —
 Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!

Часть II-я

380 "Отец, отец! оставь угрозы,
 Свою Тамару не брани;
 Я плачу, — видишь эти слезы, —
 Уже не первые они!
 Не буду я ничьей женою,*
 Скажи моим ты женихам;
 385 Супруг мой взят сырой землею,
 Другому сердца не отдам.
 С тех пор как труп его кровавый
 Мы схоронили под горой,
 Меня тревожит дух лукавый
 390 Неотразимую мечтой.
 В тиши ночной меня тревожит
 Толпа печальных, странных снов;
 Молиться днем душа не может:
 Мысль далеко от звука слов!
 395 Огонь по жилам пробегает,
 Я сохну, вяну день от дня.
 Отец! душа моя страдает,
 Отец мой, пощади меня!
 Отдай в священную обитель
 400 Дочь безрассудную свою,
 Там защитит меня Спаситель,
 Пред ним тоску мою пролью;
 На свете нет уж мне веселья...
 Святыни миром осеня,
 405 Пусть примет сумрачная келья
 Как гроб заранее меня".

И в монастырь уединенный
 Ее родные отвезли,
 И власяницею смиренной

410 Грудь молодую облекли.
 Но и в монашеской одежде,
 Как под узорною парчой,
 Все беззаконною мечтой
 В ней сердце билось, как прежде.
 415 Пред алтарем, при блеске свеч,
 В часы божественного пенья,
 Знакомая среди моления
 Ей часто слышалась речь;
 Под сводом сумрачного храма
 420 Знакомый образ иногда
 Скользил без звука и следа
 В тумане легком фимиама:
 Он так смотрел! он так манил!
 Он, мнилось, так несчастлив был!

425 В прохладе меж двумя холмами
 Таился монастырь святой:
 Чинар и тополей рядами
 Он окружен был, и порой,
 430 Когда ложилась ночь в ущельи,
 Сквозь них мерцала в окнах кельи
 Лампада грешницы молодой.
 Кругом, в тени дерев миндальных,
 Где ряд стоит крестов печальных,
 435 Безмолвных сторожей гробниц,
 Спевались хоры легких птиц.
 По камням прыгали, шумели
 Ключи студеною волной
 И, под нависшею скалой
 Сливаясь дружески в ущельи,
 440 Катились дале меж кустов,
 Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
 При блеске утренней Авроры,
 Когда синеющий дымок
 445 Курится в глубине долины
 И, обращаясь на восток,
 Зовут к молитве муэцины,
 И звучный колокола глас
 Дрожит, обитель пробуждая;
 450 В торжественный и мирный час,
 Когда грузинка молодая
 С кувшином длинным за водой
 С горы спускается крутой,
 455 Вершины цепи снеговой
 Светлолиловою стеной
 На чистом небе рисовались;
 А в час заката одевались
 Они румяной пеленой.
 И между них, прорезав тучи,
 460 Стоял, всех выше головой,
 Казбек, Кавказа царь могучий,
 В чалме и ризе парчевой.

Но Демон огненным дыханьем
 Тамары душу запятнал,
 465 И божий мир своим блистаньем
 Восторга в ней не пробуждал.
 Страсть безотчетная как тенью
 Жизнь осенила перед ней;

И стало все предлог мученью,
 470 И утра луч и мрак ночей.
 Бывало только ночи сонной
 Прохлада землю обоймет,
 Перед божественной иконой
 Она в безумьи упадет
 475 И плачет, и в ночном молчаньи
 Ее тяжелое рыданье
 Тревожит путника вниманье,*
 Сквозь шум далекого ручья
 И трель живую соловья.
 480 Бывало разбросав на плечи
 Волну кудрей своих, она
 Стоит без мысли, холодна, —
 И странные лепечут речи
 Ее дрожащие уста;
 485 И грудь желание волнует,
 И чудный призрак все рисует
 Пред нею в сумраке мечта.
 Утомлена борьбой всегдашней
 Склонится ли на ложе сна —
 490 Подушка жжет, ей душно, страшно,
 И вся, вскочив, дрожит она.

.....

Вечерней мглы покров воздушный
 Уж холмы Грузии одел;
 Привычке сладостной послушный,
 495 В обитель Демон прилетел;
 Но долго, долго он не смел
 Святыню мирного приюта
 Нарушить. И была минута,
 Когда казался он готов
 500 Оставить умысел жестокий.
 Задумчив у стены высокой
 Он бродит. От его шагов
 Без ветра лист в тени трепещет
 Он поднял взор: ее окно
 505 Озарено лампадой блещет:
 Кого-то ждет она давно!
 И вот средь общего молчанья
 Чингуры стройное бряцанье
 И звуки песни раздались.
 510 И звуки те лились, лились,
 Как слезы, мерно друг за другом;
 И эта песнь была нежна,
 Как будто для земли она
 Была на небе сложена.
 515 Не ангел ли с забытым другом
 Вновь повидаться захотел,
 Сюда украдкой слетел
 И о былом ему пропел,
 Чтоб усладить его мученье?..
 520 Тоску любви, ее волнение
 Постигнул Демон в первый раз.
 Он хочет в страхе удалиться —
 Его крыло не шевелится!
 И чудо! Из померкших глаз
 525 Слеза тяжелая катится...

Поныне возле кельи той
 Насквозь прожженный виден камень
 Слезою жаркою, как пламень,
 Нечеловеческой слезой.

530 И входит он, любить готовый,
 С душой, открытой для добра;
 И мыслит он, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепет ожиданья,
 535 Страх неизвестности немой,
 Как будто в первое свиданье
 Спознались с гордою душой.
 То было злое предвещанье!
 Он входит, смотрит — перед ним
 540 Посланник рая, херувим,
 Хранитель грешницы прекрасной,
 Стоит с блистающим челом
 И от врага с улыбкой ясной
 Приосенил ее крылом.
 545 И луч божественного света
 Вдруг ослепил нечистый взор,
 И вместо сладкого привета
 Раздался тягостный укор.

550 "Дух беспокойный, дух порочный,
 Кто звал тебя во тьме полночной?
 Твоих поклонников здесь нет.
 Зло не дышало здесь поныне;
 К моей любви, к моей святине
 Не пролагай преступный след.
 555 Кто звал тебя?"

Ему в ответ
 Злой дух коварно усмехнулся,
 Зарделся ревностью взгляд,
 И вновь в душе его проснулся
 Старинной ненависти яд.
 560 "Она моя, — сказал он грозно. —
 Оставь ее, она моя;
 Отныне жить нельзя нам розно,
 И ей, как мне, ты не судья.
 На сердце, полное гордыни,
 565 Я наложил печать мою;
 Здесь больше нет твоей святости,
 Здесь я владею и люблю!..
 И ангел грустными очами
 На жертву бедную взглянул
 570 И медленно, взмахнув крылами,
 В эфире неба потонул.

.....

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
 Тебя послал мне ад иль рай?
 Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна.

Тамара

575 Но молви! кто ж ты? Отвечай...

- Демон*
 Я тот, которому внимала
 Ты в полуночной тишине,
 Чья мысль душе твоей шептала,
 Чью грусть ты смутно отгадала,
 580 Чей образ видела во сне.
 Я тот, чей взор надежду губит,
 Едва надежда расцветет,
 Я тот, кого никто не любит
 И все живущее клянёт;
 585 Ничто пространство мне и годы,
 Я бич рабов моих земных,
 Я враг небес, я зло природы, —
 И, видишь, я у ног твоих.
 Тебе принес я в умиление
 590 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье
 И слезы первые мои;
 О, выслушай, из сожаленья!
 Меня добру и небесам
 595 Ты возратить могла бы словом.
 Твоей любви святым покровом
 Одетый, я предстал бы там,
 Как новый ангел в блеске новом;
 О, только выслушай, молю;
 600 Я раб твой, я тебя люблю!
- Когда я в первый раз увидел
 Твой чудный, твой волшебный взор,
 Я тайно вдруг возненавидел
 Мою свободу, как позор.
 605 Своею властью недовольный,
 Я позавидовал невольно
 Неполным радостям людей;
 В бескровном сердце луч нежданный
 Опять затеплился живей,
 610 И грусть на дне старинной раны
 Вдруг шевельнулась, как змей.
 Что без тебя теперь мне вечность,
 Моих владений бесконечность?
 Пустые, звучные слова;
 615 Обширный храм — без божества!
- Тамара*
 Оставь меня, о дух лукавый!
 Молчи, не верю я врагу!
 Творец — увы! я не могу
 Молиться; тайною отравой
 620 Мой ум слабеющий объят.
 Послушай, ты меня погубишь!
 Твои слова — огонь и яд...
 Скажи, зачем меня ты любишь?
- Демон*
 Зачем, красавица? Увы,
 625 Не знаю. Полон жизни новой,
 С моей преступной головы
 Я гордо снял венец терновый,
 Я все бывшее бросил в прах:
 Мой рай, мой ад в твоих очах.
 630 Люблю тебя нездешней страстью,
 Как полюбить не можешь ты:
- Всем упоением, всей властью
 Бессмертной мысли и мечты!
 В душе моей с начала мира
 Твой образ был напечатлен;
 635 Передо мной носился он
 В пустынях вечного эфира.
 Давно, тревожа мысль мою,
 Мне имя сладкое звучало —
 640 Во дни блаженства мне в раю
 Одной тебя недоставало!
 О! если б ты могла понять,
 Какое горькое томленье
 645 И наслаждаться и страдать,
 За зло похвал не ожидать
 Ни за добро вознагражденья!
 Жить для себя, скучать собой,
 И этой долгою борьбой
 650 Без торжества, без примиренья;
 Всегда жалеть — и не желать;
 Все знать, все чувствовать, все видеть;
 Стараться все возненавидеть —
 И все на свете презирать'
- Лишь только божие проклятье
 Исполнилось, с того же дня
 Природы жаркие объятья
 Навек остыли для меня;
 680 Синело предо мной пространство,
 Я видел брачное убранство
 Светил, знакомых мне давно:
 Они текли в венцах из золота!
 Но что же? прежнего собрата
 665 Не узнавало ни одно.
 Изгнанников, себе подобных,
 Я звать в отчаянии стал,
 Но слов и лиц и взоров злобных,
 Увы, я сам не узнавал.
 670 И в страхе я, взмахнув крылами,
 Помчался — но куда? зачем?
 Не знаю — прежними друзьями
 Я был отвергнут; как Эдем,
 Мир для меня стал глух и нем:
 По вольной прихоти теченья
 675 Так поврежденная ладья
 Без парусов и без руля
 Плывет, не зная назначения;
 Так ранней утренней порой
 680 Отрывок тучи громовой,
 В лазурной вышине чернея,
 Один, нигде пристать не смея,
 Летит без цели и следа,
 Бог весть откуда и куда!*
- Как часто на вершине льдистой,
 685 Один меж небом и землей,
 Под кровом радуги огнистой
 Сидел я мрачный и немой,
 И белогривые метели
 Как львы у ног моих ревели;
 690 Как часто, подымая прах,
 В борьбе с могучим ураганом,
 Одетый молнией и туманом,

695 Я шумно мчался в облаках,
 Чтобы в толпе стихий мятежной
 Сердечный ропот заглушить,
 Спасти от думы неизбежной
 И незабвенное забыть!
 700 Что повесть тягостных лишений,
 Трудов и бед толпы людской,
 Грядущих, прошлых поколений,
 Перед минутою одной
 Моих непризнанных мучений?
 Что люди? Что их жизнь и труд?
 705 Они прошли, они пройдут —
 Надежда есть, — ждет правый суд:
 Простить он может, хоть осудит!
 Моя ж печаль бессменно тут,
 И ей конца, как мне, не будет;
 710 И не вздремнуть в могиле ей!
 Она то ластится, как змей,
 То жжет и плещет, будто пламень,
 То давит мысль мою, как камень, —
 Мечтаний прежних и страстей
 Несокрушимых мавзолеей!

715 *Тамара*
 Зачем мне знать твои печали?
 Зачем ты жалуешься мне?
 Ты согрешил...

Демон
 Против тебя ли?

Тамара
 Нас могут слышать!..

Демон
 Мы одне.

Тамара
 А бог?

720 *Демон*
 На нас не кинет взгляда;
 Он занят небом — не землей!

Тамара
 А наказанье — муки ада?

725 *Демон*
 Так что ж? ты будешь там со мной,*
 Мы, дети вольные эфира,
 Тебя возьмем в свои края;
 И будешь ты царицей мира,
 Подруга вечная моя.
 Без сожаленья, без участия
 Смотреть на землю станешь ты,
 730 Где нет ни истинного счастья,
 Ни долговечной красоты;
 Где преступленья лишь да казни,
 Где страсти мелкой только жить,
 Где не умеют без боязни
 Ни ненавидеть, ни любить.

735 Иль ты не знаешь, что такое
 Людей минутная любовь?
 Волненье крови молодое, —
 Но дни бегут и стынет кровь.
 Кто устоит против разлуки,
 740 Соблазна новой красоты,
 Против усталости и скуки
 И своенравия мечты?
 И пусть другие б утешались
 Ничтожным жребием своим:
 745 Их думы неба не касались,
 Мир лучший недоступен им.
 Но ты, прекрасное созданье,
 Не в жертву им обречена;
 Тебя иное ждет страданье,
 750 Иных восторгов глубина.
 Оставь же прежние желанья
 И жалкий свет его судьбе;
 Пучину гордого познания
 Взамен открою я тебе.
 755 О! верь мне! Я один поныне
 Тебя постиг и оценил:
 Избрав тебя моей святыней,
 Я власть у ног твоих сложил.
 760 Твоей любви я жду, как дара,
 И вечность дам тебе за миг:
 В любви, как в злобе, верь, Тамара,
 Я неизменен и велик!
 Толпу духов моих служебных
 Я приведу к твоим стопам,
 765 Прислужниц легких и волшебных
 Тебе, красавица, я дам;
 И для тебя с звезды восточной
 Сорву венец я золотой;
 770 Возьму с цветов росы полночной,
 Его усыплю той росой.
 Лучом румяного заката
 Твой стан, как лентой, обовью,
 Дыханьем чистым аромата
 775 Окрестный воздух напою.
 Всечасно дивною игрою
 Твой слух лелеять буду я;
 Чертоги пышные построю
 Из бирюзы и янтаря.
 780 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дам тебе все, все земное —
 Люби меня!

И он слегка
 Коснулся жаркими устами,
 785 Ее трепещущим губам,
 И лести сладкими речами
 Он отвечал ее мольбам.
 Могучий взор смотрел ей в очи;
 Он жег ее; во мраке ночи
 790 Над нею прямо он сверкал,
 Неотразимый, как кинжал.
 Увы! злой дух торжествовал...
 Смертельный яд его лобзанья
 Мгновенно кровь ее проник;
 795 Мучительный, но слабый крик
 Ночное возмутил молчанье.

В нем было все: любовь, страданье,
 Упрек с последнею мольбой
 И безнадежное прощанье —
 Прощанье с жизнью молодой!..

800 В то время сторож полуночный
 Один вокруг стены крутой,
 Когда ударил час урочный,
 Бродил с чугунаго доской;
 И под окошком девы юной

805 Он шаг свой мерный укротил
 И руку над доской чугунной,
 Смутясь душой, остановил;
 И сквозь окрестное молчанье,
 Ему казалось, слышал он

810 Двух уст согласное лобзанье,
 Чуть внятный крик и слабый стон.
 И нечестивое сомненье
 Проникло в сердце старика;
 Но пронеслось еще мгновенье,

815 И смолкло все. Издалека
 Лишь дуновенье ветерка
 Роптанье листьев приносило,
 Да с темным берегом уныло
 Шепталась горная река.

820 Канон угодника святого
 Спешит он в страхе прочитать,
 Чтоб наваждение духа злого
 От грешной мысли отогнать;
 Крестит дрожащими перстами

825 Мечтой взволнованную грудь
 И молча скорыми шагами
 Обычный продолжает путь.
 .....

Как пери спящая мила,
 Она в гробу своем лежала.

830 Белей и чище покрывала
 Был томный цвет ее чела.
 Навек опущены ресницы —
 Но кто б взглянувши не сказал,
 Что взор под ними лишь дремал

835 И, чудный, только ожидал
 Иль поцелуя иль денницы?
 Но бесполезно луч дневной
 Скользил по ним струей златой,
 Напрасно их в немой печали

840 Уста родные целовали —
 Нет, смерти вечную печать
 Ничто не в силах уж сорвать!
 И всё, где пылкой жизни сила
 Так внятно чувствам говорила,

845 Теперь один ничтожный прах;
 Улыбка странная застыла
 Едва мелькнувши на устах;
 Но темен, как сама могила,
 Печальный смысл улыбки той:

850 Что в ней? Насмешка ль над судьбой.
 Непобедимое ль сомненье?
 Иль к жизни хладное презренье?
 Иль с небом гордая вражда?
 Как знать? для света навсегда

855 Утрачено ее значенье!
 Она невольно манит взор,
 Как древней надписи узор,
 Где, может быть, под буквой странной
 Таится повесть прежних лет,

860 Символ премудрости туманной,
 Глубоких дум забытый след.
 И долго бедной жертвы тленья
 Не трогал ангел разрушенья;
 И были все ее черты

865 Исполнены той красоты,
 Как мрамор, чуждой выраженья,
 Лишенной чувства и ума,
 Таинственной, как смерть сама!

Ни разу не был в дни веселья
 870 Так разноцветен и богат
 Тамары праздничный наряд:
 Цветы родимого ущелья
 (Так древний требует обряд)
 Над нею льют свой аромат

875 И сжаты мертвою рукою
 Как бы прощаются с землею...

Уж собрались в печальный путь
 Друзья, соседи и родные.
 Терзая локоны седые,

880 Безмолвно поражая грудь
 В последний раз Гудал садится
 На белогривого коня —
 И поезд двинулся. Три дня,
 Три ночи путь их будет длиться:

885 Меж старых дедовских костей
 Приют покойный вырыт ей.

Один из праотцов Гудала,
 Грабитель путников и сёл,
 Когда болезнь его сковала

890 И час раскаянья пришел,
 Грехов минувших в искупленье
 Построить церковь обещал,
 На вышине гранитных скал,
 Где только вьюги слышно пенье,

895 Куда лишь коршун залетал.
 И скоро меж снегов Казбека
 Поднялся одинокий храм,
 И кости злого человека
 Вновь успокоились там.

900 И превратилась в кладбище
 Скала, родная облакам,
 Как будто ближе к небесам
 Теплей последнее жилище!*

Едва на жесткую постель
 905 Тамару с пеньем опустили,
 Вдруг тучи гору обложили,
 И разыгралась метель;
 И громче хищного шакала
 Она завывала в небесах

910 И белым прахом заметала
 Недавно вверенный ей прах.
 И только за скалой соседней

915 Утих моленья звук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
920 За душу грешницы молодой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.
Страданий мрачная семья
925 В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Все, что любил и ненавидел,
930 То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

На склоне каменной горы
936 Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
940 Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
945 И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
950 И жизнью вечно молодой,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
955 Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший

Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы;
960 Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы;
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
965 На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца;
То вдруг совьется в три кольца,
970 То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывтый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою...
Все дико. Нет нигде следов
975 Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!*

980 И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,
Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
985 Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Посвящение
Я кончил — и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?
5 Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложешь на нее холодную печать;
И не узнаешь здесь простого выраженья
10 Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

Примечания к тексту поэмы "Демон"

1. К стр. 385. В "придворном" (Философском) списке вместо стихов 112—125 идут стихи:
- 115 В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
120 То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,

- 125 То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
130 Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий норой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.
(Т. IV, изд. АН СССР, 1955, стр. 186)
2. К стр. 386. В "придворном" списке между 283 и 285 стихом идут такие строки:
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной

295 Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
(т. IV, стр. 192)

3. К стр. 387. Вместо стихов 382–398 в "придворном" списке идут такие строки:
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
400 О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
405 Я гибну, сжался надо мной!
(т. IV, стр. 195)

4. К стр. 388. В "придворном" списке вместо 478–487 стихов идут следующие стихи:

И мыслит он: "То горный дух
Прикованный в пещере стонет!"
485 И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...
Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумьи одиноком
И смотрит в даль прилежным оком,
490 И целый день вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
495 С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
500 А сердце молится ему;
(т. IV, стр. 198 — 199)

5. К стр. 389. После этого стиха в "придворном" списке идут такие строки:

И я людьми недолго правил,
700 Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
705 А стоили ль трудов моих
Одни глушцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
710 И мчался путник одинокий,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
715 Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
(т. IV, стр. 205)

6. К стр. 390. После реплики Демона вместо стихов 728–754 в "придворном" списке идут следующие стихи:

Тамара
750 Кто б ни был ты, мой друг случайный, —
Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
755 Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже

Демон

Клянусь я первым днем творенья,
775 Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой,
Клянусь свиданием с тобой
780 И вновь грозящую разлукой.
Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братьев мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
785 Моих недремлющих врагов,
Клянусь небом я и адом,
Земной святыею и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
790 Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовью моей
Я отрекся от старой мести,
795 Я отрекся от гордых дум,
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
800 Хочу я веровать добру
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведеньи спокойном
Пусть доцветает без меня
(т. IV, стр. 207–208)

7. К стр. 391. В "придворном" списке далее следуют стихи, обозначенные XVI строфой:

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
1005 И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
1010 С нее слезами он смывал.
Издавек уж звуки рая
К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
1015 Он был могуч, как вихорь шумный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: "она моя!"
К груди хранительной прижалась,
1020 Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,

- 1025 Но, боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца, —
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.
- 1030 "Исчезни, мрачный дух сомненья! —
Посланник неба отвечал: —
Довольно ты торжествовал,
Но час суда теперь настал —
И благо божие решенье!
- 1035 Дни испытания прошли;
С одеждой брэнной земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
- 1040 Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
- 1045 Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
- 1050 И рай открылся для любви!"
И Ангел строгими очами
На искуителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
- 1055 И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,

Один, как прежде, во вселенной .
Без упования и любви!..
(т. IV, стр. 214—216)
После этой строфы в "придворном" списке идут стихи:
На склоне каменной горы...
и далее, как в данном, лопухинском, списке.

8. К стр. 392. После этого стиха в "придворном" списке идет следующая концовка:
Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне
- 1110 И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты,
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
- 1115 Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,
1120 Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых,
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме в той стране,
- 1125 С востока облака одне
Спят толпой на поклоненье,
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
1130 Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит
(т. IV, стр. 218)

Специальная литература и архивные материалы, использованные в работе

I. Архивные материалы

1. Крупская Н.К., Письмо к М. Николевоу от 7 мая 1938 г., фонды Госмузея "Домик Лермонтова".
2. Плеханова Р., Отрывок из воспоминаний. Хранится там же.
3. Список поэмы "Демон" В. Белинского, отдел рукописей б-ки им. Ленина, Москва.
4. Список поэмы "Демон" Философова, Ленинград, Центр Ист. архив.
5. Корректур Краевского, Ленинград, Пушкинский Дом.
6. Письмо Зотова, там же.
7. Письмо Суворина от 12 и 16 окт. 1891, там же.
8. Список поэмы "Демон" Квиста, там же.
9. Список поэмы "Демон" Краевского, там же.
10. Список поэмы "Демон" Зотова, там же.
11. Лермонтов М., Рукописи, тетрадь № 2, там же.
12. Лермонтов М., Рукописи, тетрадь № 3, там же.
13. Лермонтов М., Рукописи, тетрадь № 4, там же.
14. Лермонтов М., Рукописи, тетрадь № 27, там же.
15. Лермонтов М., Рукописи, тетрадь № 10, там же.
16. Лермонтов М., Авторизованный список "Демона" (Булгакова), там же.
17. Лермонтов М., Авторизованный список поэмы "Демон" (Лопухиной), отдел рукописей б-ки им. Салтыкова-Щедрина.
18. Письмо Елагина, отдел рукописей в библиотеке им В.И. Ленина, Москва.

II. Собрания сочинений М. Лермонтова к отдельные издания поэмы "Демон"

19. Стихотворения, изд. И. Глазунова, 1842, 1847, 1851 гг.
20. Сочинения, под ред. С. Дудышкина, 1860, 1863 гг.
21. Сочинения, под ред. Ефремова, изд. 1873, 1880, 1887 гг.
22. Полное собрание сочинений, под ред. П. Висковатова.
23. Полное собрание сочинений, под ред. Введенского.
24. Полное собрание сочинений, Академическое изд., под ред. Абрамовича.
25. Собрание сочинений, под ред. Халабаева и Эйхенбаума, изд. 1926, 1928, 1930 годов.

26. Полное собрание сочинений, под ред. Эйхенбаума, изд. "Academia".
27. М. Лермонтов, Сочинения, изд. АН СССР, 1954—1955.
28. "Демон", 1856, Карлсруэ.
29. "Демон", 1856, Берлин.
30. "Демон", 1857, Карлсруэ.
31. "Демон", 1941, Ереван, Армгиз.
32. "Демон" (отрывки), "Отечественные записки", 1842, № 6.
33. M. Lermontoff's, Poetischer Nachla, Berlin, 1852.

III. Специальные статьи, мемуары и исследования

34. Киров С.М., Письмо к Маркус-Кировой, "Красная Новь", 1939, № 10—11.
35. Белинский В.Г., Письма, под ред. Ляцкого, т. II.
36. Герцен А.И., О развитии революционных идей в России, 1907.
37. Герцен А.И., Сборник "Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне", 1935.
38. Огарев Н.П., Стихотворения и поэмы, 1937, т. I.
39. Аничков Е.В., Методологические замечания о тексте "Демона", СПб., 1914.
40. Андреевский С.А., Литературные чтения, СПб., 1891.
41. Бродский Н.Л., Лермонтов (биография), кн. 1, 1945.
42. Булгаков Ф., Лермонтов и цензура, Историч. Вестник, 1884, № 3.
43. Введенский А., Литературные беседы, "Нива", 1890, № 28.
44. Введенский А., Лермонтовские тексты, журн. Мин. Нар. просв., 1906, № 5.
45. Висковатов П., "Демон" и ее окончательная обработка, "Русский Вестник", 1889, № 3.
46. Висковатов П., Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова, газ. "Кавказ", 1881, № 203.
47. Гинзбург, Творческий путь Лермонтова, Л., 1940.
48. Галахов, Лермонтов, "Русский Вестник", 1858, т. XVI.
49. Андроников И., Лермонтов в Грузии, "Красная Новь", 1939, № 10—11.
50. Андроников И., Лермонтов. (Новые разыскания), 1948.
51. Бабушкин Н., "Демон" Лермонтова, Труды Самаркандского гос. пед. инсти-тута, т. IV, Самарканд, 1942.
52. Дурьлин С., Как работал Лермонтов, 1934.
53. Дудышкин С., Ученические тетради Л-ва, "Отечественные зап.", 1859, № 7, 11.
54. Дашкевич Н., Мотивы мировой поэзии в творчестве Л-ва; в сборн. "Статьи по нов. русск. лит-ре", СПб., 1914.

55. Дашкевич Н., "Демон" в мировой поэзии, "Чтения в историческом Обществе Нестора-летописца", кн. VI, VII.
56. Жуковский В.А., Дневники, СПб., 1902.
57. Здобнов Н., Новые цензурные материалы о Лер-ве, "Красная Новь", 1939, № 10—41.
58. Закруткин В., Пушкин и Лермонтов, Ростов-на-Дону, 1941.
59. Котляревский Н., М.Ю. Лермонтов, 1914.
60. Карелин В., Дон-Кихотизм и Демонизм. СПб., 1866.
61. Лемке М., Очерки по истории рус. цензуры и журналистики XIX в., СПб, 1904.
62. Иофанов, Лермонтов, Киев, 1947.
63. Козьмин Н., О последней редакции поэмы "Демон", журн. Мин. Нар. просв., 1904, № 4.
64. Ключевский В., Грусть, "Русская мысль", 1891, кн. 7.
65. Любимова-Дарватовская В., Списки поэмы "Демон", сборник "Лермонтов", 1939.
66. Маринский А., Заметки о Лермонтове, "Библиографич. записки", 1859, № 12, 20.
67. Мартыанов П., Дела и люди века, тт. II—IV, СПб., 1893, 1896.
68. Муравьев М., Мое знакомство с рус. поэтами, Киев, 1871.
69. Москаленко-Судиенко С., Новое о "Демоне" и "Боярине Орша", М., 1914.
70. Михайлова А., Рукописи Лермонтова, 1941, Л-д.
71. Овсянко-Куликовский, М.Ю. Лермонтов, СПб., 1914.
72. Полянская, Царская цензура о "народных" изданиях сочинений М.Ю. Лермонтова, "Красный архив", 1939, № 5.
73. Панаев И., Литературные воспоминания, Л., 1928.
74. Пыпин, История русской литературы, 1913, т. IV.
75. Розанов В., "Демон" Лермонтова и его древние родичи, "Русский Вестник", 1902, кн. 9.
76. Родевич С., К вопросу о влиянии Байрона и А. де-Виньи на Лермонтова, Воронеж, 1915.
77. Соколов Л., Победенный "Демон", Киев, 1914.

78. Сушкова Е., Записки, Л., 1928.
79. Соловьев В., Лермонтов, "Вестник Европы", 1901, кн. II.
80. Соколов А., Композиция "Демона", "Литературная учеба", 1941, № 7—8.
81. Суворин А., Статьи о "Демоне", "Новое Время", 1888, № 4374, № 4376, № 4378; 1891, № 5593, № 5615.
82. Спасович В., Байронизм у Пушкина и Лермонтова, "Вестник Европы", 1888, кн. IV.
83. Семенов Л., Лермонтов на Кавказе, Пятигорск, 1939.
84. Семенов Л., Лермонтов и фольклор Кавказа, Пятигорск, 1941.
85. Трохимович В., Опыт исследования "Демона" Л-ва, Одесса, 1885.
86. Шах Эддин, "Демон" у Лермонтова, "Современник", 1914, октябрь.
87. Шувалов С., О тексте "Демона", сборн. "Беседы", М., 1915.
88. Шувалов С., По какому тексту следует печатать лермонтовского "Демона", сборн. статей к 40-летию ученой деятельности ак. А.С. Орлова, Л-д, 1934.
89. Шувалов С., Влияние на творчество Л-ва русской и европейской поэзии, сборн. "Венок Лермонтову".
90. Шан-Гирей А., М.Ю. Лермонтов, "Русское обозрение", 1890, т. IV, № 3.
91. Эйхенбаум Б.М., Лермонтов, 1924.
92. Журнал "Отечественные записки", 1842, № 1 (о запрещении печатать поэму "Демон").
93. Журнал "Отечественные записки", 1842, № 6 (первые отрывки из "Демона").
94. Сборник Отд. рус. яз. и словесности АН, том 53, 1892. (Протоколы заседания по списку "Демон", опубликован. Висковатовым).
95. Литературная газета, 1939, 10 сент. (публикация Ерев. списка поэмы "Демон").
96. Газ. "Сталинское знамя", 1939, 15 окт. (сообщение о сп. "Демон").
97. Газ. "Труд", 1941, 23 апр. (сообщение о списке "Демон").
98. Литературное наследство, № 45—46 (публикация списка "Демон").
99. Щеголев, Книга о Лермонтове, 1929.
100. Ениколопов, Лермонтов на Кавказе, Тбилиси, 1940.
101. Попов А., Лермонтов на Кавказе, Ставрополь, 1954.
102. Фадеев А., Молодая гвардия.
103. Фадеев А., Бессмертие. "Правда", 1943, 15 сентября.

Примечания к тексту книги

- ¹ А.М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат 1939, стр. 160.
- ² См, например, работу Т. Ивановой "Юность Лермонтова", М., 1957, стр. 316.
- ³ В.И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 16.
- ⁴ А.Н. Муравьев, "Знакомство с русскими поэтами", Киев, 1871, стр. 21—22.
- ⁵ Е.А. Сушкова, "Записки", 1928, стр. 386—387.
- ⁶ Там же, стр. 388.
- ⁷ Библиотека им. Ленина, Отдел рукописей, фонд А. Елагина.
- ⁸ Библиотека им. Ленина, Отдел рукописей, фонд № 1205.
- ⁹ "Русский вестник", 1859, т. XVI, стр. 92.
- ¹⁰ "Отечественные записки", 1859, № 7, стр. 33.
- ¹¹ "Дон-кихотизм и демонизм", СПб., 1866, стр. 72.
- ¹² "Вестник Европы", 1888, № 4, стр. 520.
- ¹³ Там же, стр. 528.
- ¹⁴ Чтения в историческом обществе Нестора-летописца", Киев, 1893, кн. VII, стр. 219.
- ¹⁵ "Русская мысль", 1891, кн. VII, стр. 7—8.
- ¹⁶ "Вестник Европы", 1901, № 2, стр. 441.
- ¹⁷ Там же, стр. 457.
- ¹⁸ Д.Н. Овсянко-Куликовский, "М.Ю. Лермонтов", 1914, стр. 10.
- ¹⁹ А. Пыпин, История русской литературы, 1913, т. IV, стр. 541.
- ²⁰ С.А. Андреевский, Литературные чтения, СПб., 1891, стр. 232.
- ²¹ Газета "Правда", 1939, 14 октября, передовая статья "Лермонтов".
- ²² В.Г. Белинский, Письма, т. II, стр. 285.
- ²³ В.Г. Белинский, Письма, т. II, стр. 284.
- ²⁴ В.Г. Белинский, примечания на стр. 419.
- ²⁵ В.Г. Белинский, Собрание сочинений, 1948, т. I, стр. 693.
- ²⁶ Н.П. Огарев, "Стихотворения и поэмы", 1937, т. I, стр. 330.
- ²⁷ Фонды музея "Домик Лермонтова", Пятигорск.
- ²⁸ "Ленин о литературе", М., 1941, стр. 248.
- ²⁹ "Красная Новь", 1938, № 10—11.
- ³⁰ А. Фадеев, "Молодая гвардия", глава 49. См. также статью "Бессмертие", "Правда", 1943, 15 сентября.
- ³¹ "Литературная газета", 1939, 15 октября.
- ³² "Правда", 1939, 14 октября.
- ³³ В.И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 200.

³⁴ Труды Самаркандского гос. пед. института, т. IV, Самарканд, 1942, статья "Демон" М.Ю. Лермонтова", стр. 77.

³⁵ В новом Академическом издании он напечатан под рубрикой "четвертая редакция". См. т. IV, стр. 259.

³⁶ М.Ю. Лермонтов, Сочинения, изд. АН СССР, 1955, т. IV, стр. 309. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

³⁷ "Русский вестник", 1889, № 3.

³⁸ М.Ю. Лермонтов, Статьи и материалы, М., 1939, стр. 76—79.

³⁹ Рукописи М.Ю. Лермонтова, Л-д, 1941.

⁴⁰ См. "Литературную газету", 1939, 10 сентября. Публикация К. Степаняна, В. Мануйлова и А. Новикова.

⁴¹ Д.М. Иофанов, "М.Ю. Лермонтов. Новые материалы о жизни и творчестве", Киев, 1947, стр. 93—110.

⁴² См., например, газ. "Сталинское знамя", Пенза, 15 октября 1939 года.

⁴³ Газета "Труд", 23 апреля 1941 г. Более полная публикация сделана Михайловой в № 45—46 "Литературного наследства".

⁴⁴ "Исторический вестник", 1884, т. XV, стр. 572, № 3.

⁴⁵ "Красная новь", № 10—11, 1939, стр. 260.

⁴⁶ "Отечественные записки", № 6, стр. 187.

⁴⁷ "Красный архив", 1939, № 5, стр. 182.

⁴⁸ А.И. Герцен, "О развитии революционных идей в России", СПб., 1907, стр. 101.

⁴⁹ В.И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 268.

⁵⁰ В.И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 295.

⁵¹ А.И. Герцен, "Былое и думы", Л., 1946, стр. 72.

⁵² "Красный архив", т. 37, стр. 150.

⁵³ Сборник "М.Ю. Лермонтов", 1939, Соцэкгиз, стр. 11.

⁵⁴ Впервые опубликовано в 1824 г. в "Мнемозино", ч. III.

⁵⁵ А.С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. АН СССР, 1949, т. VII, стр. 36.

⁵⁶ См. т. IV, стр. 222.

⁵⁷ Там же, стр. 223.

⁵⁸ О связи посвящения со стихотворением Раича "Прощальная песнь в кругу друзей" см. Н. Бродский, "Лермонтов", стр. 88.

⁵⁹ Т. IV, стр. 222.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 223.

⁶² Т. IV, стр. 224.

⁶³ См., например, работу Дурьлина "Как работал Лермонтов", стр. 83.

⁶⁴ Труды Самаркандского гос. пед. института, т. IV, Самарканд, 1942, стр. 90.

- ⁶⁵ См. т. IV, стр. 248.
- ⁶⁶ См. т. IV, стр. 421.
- ⁶⁷ Т. IV, стр. 259.
- ⁶⁸ См., например, т. IV, стр. 262.
- ⁶⁹ Полностью письмо во II томе соч. Лермонтова под ред. Висковатова, 1889, стр. 109.
- ⁷⁰ Собр. соч. Лермонтова под ред. Висковатова, т. II, стр. 109.
- ⁷¹ Так, например, Лермонтов был выпущен лишь в конце ноября.
- ⁷² Т. IV, стр. 30.
- ⁷³ Щеголев, "Книга о Лермонтове", вып. 1, стр. 156.
- ⁷⁴ Воспоминания Шан-Гирея см. в книге "Записки" Е. Сушковой, Л.-Д., 1928, стр. 377.
- ⁷⁵ См. "Литературную газету" от 10 сентября 1939 г. или "Демон", Ереванский список, Армгиз, Ереван, 1941, стр. 8.
- ⁷⁶ Газ. "Кавказ", 1881 № 203, "Отражение кавказских преданий в поэзии Лермонтова", под его редакцией, соч. Лермонтова, т. III, стр. 118—120.
- Его же, "Лермонтов. Жизнь и творчество", стр. 263; его же, "Русский вестник" — 1889, кн. 3, стр. 236—238, "Демон".
- ⁷⁷ "Лермонтов на Кавказе", Пятигорск, 1939, стр. 143 и "Лермонтов и фольклор Кавказа", Пятигорск, 1941, стр. 68—72.
- ⁷⁸ "Лермонтов на Кавказе", Тбилиси, 1940.
- ⁷⁹ "Лермонтов в Грузии", Красная Новь, 1939, № 10—11.
- ⁸⁰ Соч. Лермонтова под редакцией П. Висковатова, т. III, стр. 123.
- ⁸¹ И. Андроников, "Лермонтов. Новые разыскания", 1948, стр. 117.
- ⁸² И. Андроников, "Лермонтов. Новые разыскания", 1948, стр. 119.
- ⁸³ "Лермонтов на Кавказе", 1940, стр. 57.
- ⁸⁴ 1948 год, 26 сентября, № 38.
- ⁸⁵ Подобные мысли высказаны в последнее время Б.В. Неёманом. См. его рецензию "Лермонтов в Грузии" в журнале "Вопросы литературы", № 4, 1957 г.
- ⁸⁶ "Лермонтов и фольклор Кавказа", стр. 70.
- ⁸⁷ Между прочим, публикаторы Ереванского списка допустили ошибку. Они писали: "Эти, сходные с редакцией 1838 года, стихи обозначены в нашей публикации петитом". И выделили, таким образом, всего лишь 130 стихов, из которых 15 стихов совсем не попали в Лопухинский список (отрывок "Обломки старых поколений").
- ⁸⁸ "Дела и люди века", II, 1893, стр. 123—124, также и в II томе, стр. 86.
- ⁸⁹ Т. III, стр. 629.
- ⁹⁰ Там же, стр. 630.
- ⁹¹ Воспоминания Шан-Гирея в книге "Записки" Е. Сушковой, 1928, стр. 386.
- ⁹² И. Панаев, "Литературные воспоминания", 1928, стр. 303.
- ⁹³ В. Жуковский, "Дневники", стр. 508.
- ⁹⁴ М.Ю. Лермонтов, Сочинения, изд. АН СССР, т. IV, 1955, стр. 417.
- ⁹⁵ П. Щеголев, "Книга о Лермонтове", вып. I, стр. 266.
- ⁹⁶ Архив ИРЛИ, фонд 524, оп. 2, № 3.
- ⁹⁷ Записки Е. Сушковой, стр. 388.
- ⁹⁸ И. Панаев, "Литературные воспоминания", Л., 1928, стр. 308.
- ⁹⁹ Хранятся в Пушкинском Доме, фонд 524, оп. 2, № 8.
- ¹⁰⁰ Известия Отд. рус. яз. и словесности АН, т. 18, кн. 8, стр. 333.
- ¹⁰¹ В. Белинский, Письма, том 11, стр. 278.
- ¹⁰² П. Мартьянов, "Дела и люди века", т. II, 1893, стр. 124.
- ¹⁰³ А. Кольцов, Академическое издание сочинений, стр. 265.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 268.
- ¹⁰⁵ В. Белинский, Письма, том 11, стр. 284.
- ¹⁰⁶ "Красная Новь", 1939, № 10—11, стр. 261.
- ¹⁰⁷ Напр., "Стихотворения М. Лермонтова", часть II, СПб., 1842 г., а также 1847 г.
- ¹⁰⁸ "Литературное наследство", № 45—46, стр. 18, а также примечания в IV томе издания АН СССР, стр. 412.
- ¹⁰⁹ П. Мартьянов, "Дела и люди века", т. II, 1839, стр. 124.
- ¹¹⁰ Газета "Труд", 23 апреля 1941 года, а также "Литературное наследство", т. 45—46, стр. 21.
- ¹¹¹ "Методологические замечания о тексте "Демона", СПб., 1914, стр. 62.
- ¹¹² M. Lermontoff's, Poetischer Nachlas, Berlin, 1852, II, 351.
- ¹¹³ Соч. Лермонтова, изд. "Academia", т. III, стр. 632.
- ¹¹⁴ Соч. Лермонтова, изд. "Academia", т. III, стр. 633.
- ¹¹⁵ Собрание сочинений Лермонтова под ред. Абрамовича, т. II, 1916, стр. 509.
- ¹¹⁶ Соч. Лермонтова, изд. "Academia", т. III, стр. 635.
- ¹¹⁷ М. Лемке, "Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия", СПб., 1904, стр. 199.
- ¹¹⁸ Там же, стр. 185.
- ¹¹⁹ "Красная Новь", 1939, № 10—11, стр. 268.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ "Красная Новь", 1939, № 10—11, стр. 268—269.
- ¹²² Однако это издание не прекратило цензурных притеснений. Вплоть до начала XX века царская цензура запрещала широкое распространение книг, где была напечатана поэма. 2 декабря 1875 года цензор А.Н. Майков докладывал Ученому комитету Министерства народного просвещения о сборнике сочинений Лермонтова, вышедшем в Киеве. В сборнике были и отрывки из "Демона".
- Своим определением Комитет отказался допустить сборник в народные библиотеки. Вот характерный отрывок из доклада А. Родонежского от 20 декабря 1891 года. Дав оценку книге "Избранные сочинения Лермонтова", Родонежский далее говорит: "Так называемое "разочарование" лермонтовской поэзии вносить в народную школу, в среду нашего крестьянства, да и вообще юношества, никак не следует. Для ума простодушна сопоставления понятий, как "тучки небесные" и "гонящая их злоба, зависть, преступление и клевета ядовитая", — непостижимо и покажется безумием — подобных стихов в сборнике много; таковы все, между прочим, отрывки из поэмы "Демон". На что деревенскому мальчику, школьнику и простолодину знать "Демона"?"
- Естественно, после такого доклада Комитет признал непригодным для народных училищ не только сборник, где была поэма "Демон", но и издание поэмы "Песня про купца Калашникова", в которой, якобы, слишком резкими чертами обозначен характер царя Ивана Грозного. 24 июня 1897 годом помечен еще один весьма любопытный документ. К. Случевский в докладе Комитету давал следующую оценку издания сочинений Лермонтова под редакцией Введенского: "Допущение полного собрания сочинений Лермонтова в низшие и даже средние училища представляется совершенно невозможным... Весьма немногие, чуть ли не наперечет, вещи его (Лермонтова. — Д. Г.) могут идти в школу и ее библиотеки, все же остальные, то есть собственно говоря, весь Лермонтов, совершенно не педагогичен... Такая высокохудожественная вещь, как "Демон", конечно, ничего общего со школою иметь не может..." ("Красный архив", 1939, № 5, стр. 190—191).
- Полное собрание сочинений Лермонтова было запрещено к обращению в библиотеках начальных и средних учебных заведений. До начала 1900 годов в Ученом Комитете несколько раз рассматривались различные издания произведений Лермонтова. Многие из них (не говоря уже о "Демоне") не допускались в школьные и общедоступные библиотеки. Только после Великой Октябрьской революции произведения Лермонтова стали достоянием широких народных масс.
- ¹²³ "Новое время", 1888, № 4373, 8 мая.
- ¹²⁴ Там же, № 4374.
- ¹²⁵ Архив ИРЛИ (Пушкинский Дом), фонд 524, оп. 4, № 46.
- ¹²⁶ Архив ИРЛИ, фонд 524, оп. 4, № 46.
- ¹²⁷ Собрн. Отд. рус. яз. и словесности АН, 1892, т. 53, стр. 21.
- ¹²⁸ М.Ю. Лермонтов, "Демон", изд. И. Кушнарера, 1909.
- ¹²⁹ Журнал Мин. нар. просвещения, 1906, май, стр. 100.
- ¹³⁰ "Методологические замечания о тексте "Демона", 1914, стр. 3.
- ¹³¹ Там же, стр. 55.
- ¹³² "Беседы", М., 1915, стр. 13.
- ¹³³ Там же, стр. 18—19.
- ¹³⁴ Т. III, стр. 636.
- ¹³⁵ Сборник статей к 40-летию учен. деят. академ. А.С. Орлова, 1934.
- ¹³⁶ Сборник статей к 40-летию учен. деят. академ. А.С. Орлова, 1934, стр. 251.
- ¹³⁷ П. Мартьянов, "Дела и люди века", III, стр. 92.
- ¹³⁸ Труды Самаркандского пед. ин-та, 1942, IV, стр. 77.
- ¹³⁹ "Литературное наследство", т. 45—46, стр. 11.
- ¹⁴⁰ М.Ю. Лермонтов, Сочинения, изд. АН СССР, т. IV, 1955.
- ¹⁴¹ См. II том, стр. 509, второго издания соч. Лермонтова под редакцией Абрамовича.
- ¹⁴² М.Ю. Лермонтов, Сочинения, изд. АН СССР, т. IV, 1955, стр. 415.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Гиреев Д.А. Поэма М.Ю. Лермонтова "Демон".
Творческая история и текстологический анализ. —
Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1958.

1976

Лермонтов и русская революционная сатира

Поэтическое наследие Лермонтова сыграло выдающуюся роль в развитии русской революционной сатиры XIX — начала XX веков. Без преувеличения можно сказать: произведения Лермонтова занимают одно из первых мест по количеству переделов, переделок, пародий сатирического характера. Обычно они рождались в интересах общественно-политической борьбы.

Здесь необходимо подчеркнуть следующее: пародийное использование лермонтовских образов, отдельных стихов, строф, оборотов или произведений в целом чаще всего преследует социальные и значительно реже бытовые цели. Литературная пародия, острие которой направлено против эстетической концепции, стиля или проблематики лермонтовского творчества в истории русской поэзии XIX века отсутствует. Это объясняется тем, что такие поэты, как Пушкин и Лермонтов, заложили незбываемые основы новой классической литературы.

Иное дело, когда в жизни пародистов возникали не литературные, а общественно-политические проблемы. В поисках их решения они очень часто обращались к наследию Лермонтова. Объясняется это объективными предпосылками, которые заложены в самой лермонтовской поэзии, в ее художественных особенностях, социальной значимости и популярности.

Для создания политической сатиры необходимо, чтобы пародируемое произведение обладало ярко выраженной, неповторимой идейно-художественной индивидуальностью и было хорошо знакомо самым широким читательским кругам, чтобы его не путали с другими произведениями. Во-вторых, пародируемое произведение должно обладать ярко выраженной гражданственностью. В нем зачастую используются риторические вопросы и восклицания, повторы, диалог, философское раздумие о судьбах поколения, острые столкновения противоположных сил.

Такое произведение становится отличной основой для творчества сатирика-пародиста. Сохраняя форму первоисточника, его образную систему, особенности стиля, пародист наполняет их новым содержанием, обычно противоположным по своему общественному характеру. Так, например, у Лермонтова в поэме «Демон», в стихотворениях «Бородино», «Дума» речь идет о возвышенных, очень значительных социальных, философских и морально-нравственных проблемах. Этот широкий круг вопросов нашел неповторимую и яркую художественную форму. Гармония большого содержания и совершенной формы вызывает у читателя сложные чувства, переживания, разду-

мия, которые могут принимать окраску торжественного, приподнятого или задушевно-лирического характера. Совсем иная картина получается в пародии на любое из этих произведений. Здесь дела, помыслы и желания новых героев со старыми лермонтовскими признаками становятся низменными, мелочными, антинародными. Контраст, который возникает в сознании читателя между уже хорошо знакомыми лермонтовскими героями с их возвышенным гражданским пафосом и героями новыми, носителями низменных побуждений и отрицательных качеств, производит комическое впечатление. И поскольку осмеянию подвергаются не герои Лермонтова, не их время и круг идей, а в большинстве случаев современные деятели или подлинные события, новое пародийное произведение приобретает острый политический характер. Круг произведений Лермонтова, которые особенно часто используются сатириками, сравнительно невелик. В него входит около 20 стихотворений и поэма «Демон».

I. Лирика Лермонтова и сатира

Среди поэтов 30—40 годов XIX века Н. А. Некрасов оказался первым, кто обратился к стихам Лермонтова как материалу для создания политической сатиры. В 1846 году в «Петербургском сборнике» было напечатано стихотворение Некрасова «Колыбельная песня», имевшее подзаголовок: «Подражание Лермонтову». Творческая задача, которую решал Некрасов в «Колыбельной песне», бесспорно, прежде всего заключалась в создании сатирического образа чиновника. Однако сатира Некрасова не носила бы столь острый социальный характер, если бы поэт не дал широкого обобщения, не указал бы на те благоприятные общественные условия, которые породили мир чиновничества. Как же решаются эти творческие задачи в небольшом по объему стихотворении? И у Лермонтова, и у Некрасова в шести строфах вычерчен жизненный путь человека. В первом случае — светлое младенчество, глубокие, нежные чувства матери и героическое, полное гражданской доблести будущее. Во втором — тревожное детство («отец попался») с тусклым светом «медного месяца, вместо нежной матери» — автор-повествователь, которому хорошо известно, что получается из подобных «пострелов». Наконец, — подлейшее будущее чиновника, насыщенное

антинародным содержанием. Некрасов достигает большой силы обличения, детально прослеживая путь, которым пойдет начинающий чиновник. Вслед за отцом некрасовский "пострел" со временем наденет: "фрак темно-зеленый" и, картинно сгибая спину, "доползет ужом" до хорошего местечка. Дальше все будет так, как повелось на Руси: он станет "барин важный", схватит "крупный чин" и закончит свой путь как "барин важный, русский дворянин". Лермонтовский рефрен, полный нежного лирического чувства, Некрасов расчленил надвое. Сохранив его вторую часть: ("баюшки-баю"), он в первой каждый раз дает очень резкую характеристику, вроде:

Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

В результате лермонтовский лиризм исчез. Рефрен стал резко обличительным, сатирическим. Каждая строфа дает широкое обобщение и обостряет социальную значимость всего произведения.

Вслед за Некрасовым поэты революционно-демократического лагеря довольно часто обращались к наследию Лермонтова как первоисточнику для создания сатирических произведений. Использовался этот богатый первоисточник по-разному.

Чаще всего сатирики создавали свои произведения, опираясь на ритмико-интонационную основу того или иного лермонтовского стихотворения, воссоздавая его звуковой строй. И этого оказывалось достаточно для возникновения определенных ассоциаций у читателя.

Именно к таким пародийно-сатирическим произведениям следует отнести стихотворения *В.С. Курочкина (1831–1875)*, "Бедовому критику" (1859 г.), в котором слышны перепевы лермонтовских стихотворений "Спор" и "Горные вершины", "В минуту жизни трудную" (1860 г.) с перепевами лермонтовской "Молитвы", "Есть речи значение..." (1861 г.), второе и третье стихотворения из цикла "Легенды о кукульване" (1861 г.), где есть перепевы и заимствования из лермонтовского "Вида гор из степей Козлова", "Демона" и "Ветки Палестины"; стихотворение *Н.А. Добролюбова (1836–1861)* "Грустная дума гимназиста" (1860 г.), которое представляет перепев стихотворения "Выхожу один я на дорогу"; стихотворение *Д.Д. Минаева (1835–1889)* "Просьба" (1862 г.), в котором звучат интонации лермонтовских "Молитвы" и "Туч".

Иногда сатирики использовали отдельные лермонтовские строчки, вводя их целиком в текст своего произведения. Таково, например, стихотворение Минаева "Подражание современным лирикам". Оно может быть примером компиляции строк из произведений Грибоедова, Пушкина и Лермонтова ("Парус", "Ветка Палестины" и "Демон"). Значительно реже сатирики использовали целиком лермонтовскую строфу из того или иного стихотворения, не прибегая, однако, к прямым заимствованиям. В качестве примера можно привести стихотворение Минаева "Отцы или дети" (1862 г.), в котором поэт с большим мастерством воспроизводит весьма сложную и выразительную строфу лермонтовского "Бородино", состоящую из семи строк. В связи с этим уместно будет вспомнить и такие примеры (они наглядно показывают, как много разных приемов использования лермонтовских первоисточников). Некрасов в своей "Колыбельной песне" точно воспроизвел восьмистрочную строфу лермонтовской "Казачьей колыбельной песни", а вот *Н.П. Огарев (1813–1877)* в "Песне русской няни у постели барского ребенка" (1870 г.), прибегая к лермонтовскому размеру и рефрену, создает другую строфу — четверостишие. В результате ритмико-интонационный строй произведения заметно изменился. Он обрел некоторую жесткость, усилился публицистический пафос,

а нежный рефрен "баюшки-баю" стал звучать насмешливо. Резко "обличительные тенденции этого стихотворения придали ему особую агитационную выразительность.

Наш народ хотел бы воли,
Воли да с землей,
Но не даст хорошей доли
Царский наш разбой.

Летом 1870 года оно было отпечатано в Петербурге листовкой и получило широкое распространение. От этой огаревской сатиры тянется прямая дорога к большой группе сатирических произведений, созданных по мотивам лермонтовской лирики в период русских революций 1905 и 1917 годов. Приведем список стихотворений Лермонтова и сатирических произведений, которые были созданы на их основе:

1. Дары Терека. — "Двадцатый век". СПб., 1906, 28 июня. Амфитеатров А.

2. Спор. — "Бич", 1906, №1. Автор Василевский И. М.; "Юмористическое эхо", Екатеринодар, 1906, № 1. Автор не известен; "Отклики Кавказа". Армавир, 1910, № 97, автор не известен.

3. Бородино. — "Юг", Ставрополь, 1908, № 25. Автор не известен; "Северокавказская газета", 1909, № 193. Автор не известен. "Водоворот", 1906, № 1, стр. 3. Автор О. К. Умова.

4. Пророк. — "Юмористическое эхо", 1906, № 7, автор С. Галанский.

5. И скучно и грустно. — "Пяцы", 1906, № 1, автор Пустынин М.Я. "Сегодня", СПб., 1907, 13 июня. Автор Вейнберг А.А. "Юмористическое эхо", 1906, № 8. Автор не известен. "Северный Кавказ", Ставрополь, 1906, № 132. Автор Иван Ленин-Спасский. "Северный Кавказ", 1906, № 53. Автор не известен. 6. Молитва. — "Избиратель", 1906, № 6, стр. 15. Автор С. Галанский. "Бомба", Ставрополь, 1906, № 4. Автор не известей.

7. Благодарность. — "Вампир", 1906, № 3, стр. 3. Автор Гликман Д.И.

8. Она поет — и звуки тают. — "Вампир", 1906, № 3, стр. 3. Автор Гликман Д.И.

9. Когда волнуется желтеющая нива. — "Сегодня", СПб., 1907, 13 марта, автор А. Грин.

10. Нищий. — "Киевская речь", 1906, 20 декабря. Автор Мунштейн Л. Г.

11. Парус. — "Водоворот", 1906, № 6, стр. 5. Автор Пустынин М.Я.

12. Воздушный корабль. — "Народное хозяйство", СПб, 1906, 5 января. Автор Чумина О. Н.; "Северокавказская жизнь. 1907, № 2. Автор Глаголь (С. Гогоушев).

13. Ветка Палестины. — "Голос", Ставрополь, 1906, № 2. Автор не известен.

14. Из Гёте. — "Пулемет", 1905, № 3, стр. 9. Автор Шебуев Н.Г.; "Ворон", 1905, № 1, стр. 3. Автор не известен; "Еж" 1907, № 6, стр. 11. Автор не известен; "Северный Кавказа Ставрополь, 1906, № 35. Автор не известен.

15. Сосна. — "Солдат", 1917, 24 октября. Автор Ионов И.

Рассматривая лермонтовские стихотворения, послужившие первоосновой для переработок, отметим следующее. Во-первых, сатириков привлекают именно те стихи Лермонтова, в которых ведется полемика, представляющая общественный интерес ("Спор", "Бородино"), а также и, пожалуй, даже чаще стихи, в которых выражается психологическое или душевное состояние лирического героя, ("И скучно и грустно", "Из Гёте" и др.). Во-вторых, охотнее всего сатирики обращались к тем произведениям Лермонтова, которые давали возможность выделить неповторимо-индивидуальные, короткие речения и превратить их в ударную силу своей пародии. В "Казачьей колыбельной пес-

не”, например, это рефрен “Баюшки-баю”, в “Бородино” — второй и седьмой трехстопный стих каждой строфы. Он весьма выразительно звучит рядом с пятистопными стихами. В стихотворении “Из Гёте” — последние два стиха и т. д.

Таким образом, авторы сатирических пародий от лермонтовского первоисточника обычно сохраняли ритмико-интонационные особенности, отдельные признаки строфы, рефрены, реж название.

“Казачья колыбельная песня” оказалась едва ли не самым популярным произведением в истории русской революционной сатиры. Не менее 20 авторов пародий обращались к ней. Вот лишь некоторые из них. 27 октября 1905 года в петербургской газете “Наша жизнь” была опубликована “Колыбельная песня” известной поэтессы *О.Н. Чуминой (1864–1909)*. Объектом сатирического осмеяния в этом произведении стал генерал Трепов — душитель революции, за спиной которого стояли темные силы реакции. Стихотворение Чуминой послужило основой для песни “Спи, рабочий, год за годом”, нашедшее широкое распространение в пролетарской революционной среде.

19 ноября 1905 года в московской газете “Новости дня” появилась “Современная колыбельная песня” *Р. А. Менделевича (1867–1927)*. Ее идейное острие было направлено против представителей реакции в журналистике — Крушевана, Грингмута, Шарапова, Берга — редакторов и издателей ряда правых газет. По своей идейной направленности с этой сатирой Менделевича перекликается другая, созданная неизвестным автором и опубликованная в екатеринодарской газете “Заря”, 6 апреля 1906 года. Здесь поставлен вопрос, кому в России райское житье, какими путями можно достигнуть его. И дается ответ:

Лишь возьми дубинку в руки
И газету “День”
Да пиши... донос от скуки —
На кого не лень!

В 1905–1907 годах московская газета “День” возглавлялась Ф.Н. Бергом (1840 — 1907), была проправительственного направления и рупором черносотенства. Вот почему сатира “Зари”, направленная против газеты “День”, не только отражала перипетии журналистской борьбы, но и носила явно политический характер. Сентябрьский номер юмористического журнала “Стрелы” за тот же 1906 год опубликовал “Казачью колыбельную песню” Д.И. Гликмана — довольно известного поэта-сатирика. Это произведение относится к числу тех немногих переработок, которые полностью сохраняют форму лермонтовского первоисточника. Если Некрасов в свое время направил огонь сатиры на сословие чиновников, то Гликман — на ту часть казачества, которая сыграла мрачную роль в подавлении революции 1905 года.

Будешь ты казаком с виду,
Лютый волк душой,
Не уйди живому жиду,
Встретившись с тобой.
Сколько от твоей атаки
Будет их в раю!
Спи, младенец мой, до драки,
Баюшки-баю!

Представляют определенный интерес и некоторые переработки лермонтовской “Казачьей колыбельной песни”, появившиеся позднее, но продолжавшие традиции сатиры революции 1905 года. Одна из них была опубликована в большевистском журнале “Работница” (1914, № 5) под заголовком “Над колыбелью”. Автор этого произведения — крестьянка, имя которой осталось неизвестным — говорит о беспросветной нужде в дерев-

не, о тяжелой судьбе ребенка и трагическом положении матери. Лермонтовская строфа не сохранена.

Примерно через год в рабочем журнале “Прикубанские степи” (1915, № 1, 15 ноября), который издавался в Екатеринодаре, было опубликовано стихотворение “Колыбельная песня”. Его автор поэт-революционер М.Т. Седин (род. в 1858 г.). Уже второй год шла мировая война, принесшая трудовому народу бесчисленные страдания, а буржуазии — прибыли. Купец-стяжатель мастер “шкуры две содрать” с простого человека — вот объем сатирического изображения Седина.

В заключение упомянем еще стихотворение, которое появилось под названием “Романовская колыбельная песня” в екатеринославской газете “Звезда” 2 сентября 1917 года (его автор И.И. Мукосеев). Это одна из самых острых политических сатир созданных в ритмико-интонационном стиле лермонтовского произведения.

Автор подверг уничтожающей критике последнего царя, его приближенных, представителей буржуазного правительства, все те темные силы, которые стояли за ними. Они вынашивали идеи разгрома революции.

Спи, опальный мой царевич,
Баюшки-баю.
Кротко смотрит Пуришкевич
В колыбель твою.
Скоро выйдем на свободу,
И в родном краю
Скрутим руки мы народу.
Баюшки-баю!

Знакомство с историей сатирических перепевов лермонтовской “Казачьей колыбельной песни” позволяет составить довольно ясное представление о том, как революционная поэзия прошлого вела борьбу с реакционными силами различных эксплуататорских классов (чиновники, купцы, дворянство, буржуазия), их моралью, нравственностью и политикой. Прием перепева классических произведений давал огромные возможности поэтам-сатирикам. Обращаясь к самым, казалось бы, нейтральным в отношении социальных явлений произведениям, они создавали чрезвычайно острые и яркие политические стихи сатирического характера.

В этом отношении весьма интересна судьба лермонтовского стихотворения “Из Гёте”. Сугубо лирическое, оно превращалось под пером сатирика в боевую революционную миниатюру. Вот лишь три примера, относящиеся к 1905–1907 годам.

Из журнала “Ворон”
Русские долины
Все горят в огне,
Бедные деревни
Дремлют в тяжком сне...
Мрачно в них, убого...
Мертвецы... кресты...
Подожди немного:
Встанешь, Русь, и ты.
Декабрь 1905.

Из газеты “Северный Кавказ”
В городе туманы,
Пусто все кругом,
Бродят хулиганы
С кольём и дубьём.
Грабят на дорогах
В полуночный час.
Подожди немного:
Всех ограбят нас.
Февраль 1905.

Из журнала "Еж"

Лучшие журналы
Все запрещены.
Наши либералы
Все заключены.
За тобою строго
Смотрят с высоты.
Подожди немного:
Попадешь и ты.
Июнь 1907.

Таковы некоторые моменты из истории воздействия лирики Лермонтова на развитие русской революционной сатиры.

II. Поэма "Демон" и сатира

Бессмертное создание Лермонтова во второй половине XIX — начале XX века пользовалось особым вниманием пародистов. Известно около двадцати вариаций на тему "Демона", появившихся в печати. Конечно, далеко не все они представляют художественный интерес. Часть из них — ремесленные подделки бездарных журналистов, но даже и они свидетельствуют о популярности поэмы "Демон", о ее притягательной силе.

Ранее других к поэме "Демон" как первоисточнику для создания сатирического произведения на современную тему обратился В.С. Курочкин. В № 45 журнала "Искра" за 1861 год он поместил стихотворение, которое зло высмеивало реакционно-публициста, бездарного поэта и незадачливого редактора В.И. Аскоченского (1813—1879).

Печальный рыцарь тьмы кромешной,
Блуждал Аскоченский с клюкой
И вдруг припомнил, многогрешный,
Преданья жизни молодой...¹

Несколько позднее, в 70-е годы, лермонтовский "Демон" привлек внимание другого поэта-искровца Д. Д. Минаева. В течение шести лет он работал над произведением, которое полностью было опубликовано в 1880 году в Петербурге в сборнике "Демон. Сатирическая поэма. Сказки..."

Если Курочкин направил идейное острие своей пародии против конкретного политического и литературного противника, то Минаев создал произведение большого социального смысла с очень широким охватом действительности. Его

Печальный демон, дух изгнания,
К земле направил свой полет

и оказался над старой буржуазной Европой, где
Все говорят об общем мире
И все готовятся к войне...

Особой силой сатирического обобщения отличаются сцены, посвященные изображению жизни в Великобритании.

Пред ним страна свободы, братства
И тиранической пяты,
Великолепного богатства,
Невыносимой нищеты.
Парламентизма, эгоизма,
Край олигархов, торгашей,
Приличий, полных деспотизма,
Край боксов, скачек и дендизма
И кровью политых грошей...²

Пафос сатиры Минаева не потерял своей политической актуальности и в наше время. Прошло почти столетие, а в жизни на-

родов Великобритании — немного перемен к лучшему: тот же облик, та же мораль буржуазного общества с лицемерием и обманом царят над островами. Минаев принадлежал к числу тех русских литераторов, которые вслед за Белинским пошли по пути разоблачения социальных и морально-нравственных уродств буржуазной Европы. Для него было ясно, кто здесь вершит судьбы человечества и в чем корень зла. Этот капиталистический

Мир так же немощен и глуп,
И целым миром правит — Крупн.

В этом выводе героя поэмы — глубокая, исторически точная характеристика.

Почти одновременно с Минаевым в 1875—1880 годах над сатирическим образом Демона работал неизвестный воронежский поэт. От него остался текст законченной поэмы и инициалы — Е.Б. Однако в печати появились лишь отрывки из этой поэмы. Они, конечно, не могут дать цельной картины, но все-таки позволяют составить представление о творческой манере автора, его замысле и даровании.

В поэме Минаева жизнь европейских народов изображена в серии ярких, написанных размашисто картин. Они поражают остротой социальной проблематики и верностью суждений. Воронежский автор обладал кругозором поуже и мыслил масштабами поменьше. Своего Демона он ставит в такие ситуации, которые дают возможность изобразить современные нравы, быт, мораль, а заодно коснуться и тех социальных отношений, которые породили их. Его Демон парит не над Европой, а над курортами кавказского Пятигорья. Он за былые прегрешения осужден и должен в течение года испытать любовь земной женщины.

Однако такая сюжетная ситуация имеет и свои сильные стороны. Она позволяет автору столкнуть лицом к лицу своего героя и людей конкретной эпохи. Сталкиваются носитель романтического мироощущения, возвышенных представлений о добре и зле, обладатель цельного сильного характера и всепоглощающих страстей и пошлые мелкие обыватели с их праздными, маленькими интрижками и фальшивыми чувствами. Продажные курортные дамы, измены, обман и торговля всем, что дорого человеку, — вот атмосфера, в которую попал Демон. У него не хватает сил все это пережить. Когда херувим приносит ему прощение, он с великой радостью покидает землю и ее обитателей.

И он летит по небу вновь,
Свободы песню распевая,
В своем восторге забывая
И русских дам... и их любовь!³

Уже давно замечено, что сатирическое искусство, так же, как журналистика, является своеобразным барометром общественно-политической жизни. Оно очень чутко реагирует на все спады и приливы идеологической борьбы. Бурное развитие политических страстей неизбежно влекло за собой быстрое развитие всех жанров сатиры. И, напротив, наступление сравнительно спокойных фаз в жизни общества приносило сатире упадок. Из действенного оружия идеологической борьбы она превращалась в повседневное средство развлечения обывателей. "Карающие" звуки громогласной лиры сменялись мягкими, ласкающими ухом звуками; вместо гневного обличения и сарказма рождались снисходительная улыбка и легкий укор.

Одновременно с этим меняется лицо сатирических журналов. Они утрачивают свой боевой, политический характер. Их начинают интересовать вопросы быта, семейных отношений, морали и нравственности. Они говорят о пороках вообще, не затрагивая причин, рождающих эти пороки. Развлекательность, смех ради смеха, удовлетворение обывательских вкусов, улыб-

чивый тон — таков облик многих юмористических изданий в период спада общественно-политической борьбы.

В истории русской журналистики один из таких периодов начался в середине 80-х годов XIX века и продолжался около полудесяти лет. В эти годы изменилось и лицо юмористической прессы, которая утратила свою политическую остроту и значимость. В свою очередь это оказало решающее воздействие и на творческие принципы большинства сатириков. Они увлеклись бытовой тематикой, забавными историями и комическими ситуациями. В такой атмосфере родилось произведение, которое называлось "Дачный Демон". Оно было напечатано в журнале "Будильник" № 21 за 1889 год и не претендовало на значительность. Образ Демона понадобился неизвестному автору только для того, чтобы поставить возвышенно-романтического героя Лермонтова в комическое положение дачного мужа и таким приемом создать смешные сцены из жизни обывателей.

Бурные политические события 1905—1906 годов создали в высшей степени благоприятные условия для небывалого расцвета сатирического искусства в России. Одновременно с революционными стихами, песнями, рисунками, частушками, которые звали на баррикады, возникали обличительные стихи, разящие фельетоны, бичующие пародии и карикатуры, острые куплеты, пословицы, поговорки, загадки. Старые традиционные жанры, сюжеты, образы наполнялись новым содержанием. Классические произведения трансформировались, проходили обработку в духе времени.

Лермонтовский Демон тоже стал в строй политических борцов. В прессе одна за другой появлялись переделки, перелицовки, пародии, направленные против царских сановников и лидеров буржуазных партий. Образ Демона используется в сатирических произведениях для обличения антинародной деятельности П. А. Столыпина, П. Б. Струве, В. М. Пуришкевича и др.

В огне жарких политических сражений сатирики обычно для своих произведений брали фрагменты из лермонтовской поэмы, чаще всего начало, монолог и клятву Демона.

Так, екатеринодарская газета "Свобода" (1906, № 14, 27 августа) поместила пародию С. Метлина, в которой есть такие строки:

Я тот, который был грозой
Для всей России прошлый год,
Кто пред бунтующей толпой
Для смеха создал пять свобод...
Я тот, о ком без отвращения
Не вспомнит честный человек...

Для читателя не составляло особого труда понять, о ком идет речь в пародии. Этим ретивым сатаной был председатель совета министров Столыпин.

Печатью незаурядного сатирического дарования отмечена пародия, автором которой была писательница В. И. Дмитриева. В своих воспоминаниях она пишет, что изобразила в образе Демона октябриста, который стремился соблазнить мужика всевозможными посулами.

"Этот фельетон перепечатывался во многих провинциальных газетах того времени, и мне самой не раз приходилось слышать у знакомых в Москве и Петербурге, как цитировали наизусть отрывки из "Клятвы октябриста".⁴

Собирательный образ октябриста и впрямь получился очень ярким. Витиеватые, полные лжи речи "друзей народа" в Думе, проникнутые мнимой заботой о судьбах русского крестьянства, удачно пародируются поэтессой:

Зачем свобода мужику,
Когда на площадях базарных
Везде стоит по кабаку?

Зачем ему права и земли,
Когда, и день, и ночь не дремля,
Сам земский, грозен и сердит,
Покой и сон его хранит?

А самому мужику октябрист рекомендует:

Трудись, паши свою землю,
Ешь хлеб с мякиной пополам,
Пей вволю свежую водицу,
И я тебе блаженство дам...
Я для тебя острог построю,
Пред ним воздвигну эшафот,
Вверху ряд виселиц поставлю,
А у подножья — пулемет...⁵

Летом 1907 года ставропольская газета "Северокавказская жизнь" (№ 16, 6 июля) перепечатала из столичной газеты "Сегодня" пародию, в которой

Печальный Струве, дух изгнания,
Витал над русской землей,
И прежних дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой...

Автор этого сатирического варианта "Демона" остался не известен. Однако нет сомнения, что он был человеком и острого политического взгляда, и незаурядного литературного дарования. Ему удалось беспощадно заклеить ренегатство Струве, который, играя в демократию, оказался в лагере злейшей реакции.

10 декабря 1908 года на заседании Государственной Думы черносотенец В. М. Пуришкевич внес запрос и выступил с речью о преступности на Кавказе. Ссылаясь на давние статьи мракобеса Каткова, он пытался доказать, что армяне духовно чужды России, что они стремятся к сепаратизму и с ними следует обращаться как с врагами. По его мнению, подлинными друзьями России являются консервативные магометане.

Все выступление Пуришкевича было направлено на разжигание межнациональной вражды, религиозного фанатизма, на то, чтобы вновь организовать резню православного и магометанского населения Закавказья. Попутно Пуришкевич обвинил администрацию Кавказа, которая и без того никогда не проявляла добрых чувств по отношению к местным народам, в безразличии к "столь важным вопросам".

Шовинистическое выступление черносотенца вызвало бурные дебаты в Думе и многочисленные протесты прогрессивной печати. Уже через несколько дней газета "Русское утро" опубликовала стихи неизвестного автора под названием "Новейший Демон":

И над вершинами Кавказа
Дух Пуришкевича витал,
И подозрительного глаза
Он с "инородцев" не спускал...
И внес запрос он о Кавказе,
На Милюкова бросив взгляд,
И в каждом слове, в каждой фразе
Таился ненависти яд!

Далее автор рисует дебаты в Думе и дает галерею сатирических портретов соратников мракобеса Пуришкевича.

Интересные факты сообщила газета "Терек" в номерах за 30 и 31 декабря 1908 года. В статье "Владикавказские пуришкевичи" она рассказала о том, какой резонанс вызвало выступление "нового Демона" в среде местных черносотенцев и как им был дан достойный отпор во Владикавказской городской думе.

Эта пародия, отразившая эпоху бурной политической борьбы, как бы завершает процесс активного использования лермонтовского "Демона" в интересах революционной сатиры. Правда, и в последующие годы юмористы будут часто обра-

щаться к великому созданию Лермонтова. Однако идейная значимость новых пародий с годами явно пошла на убыль и стала носить уже не сатирический, а развлекательный характер бытового направления.

Так, летом 1908 года газета "Русское утро" опубликовала обозрение, в котором Демон, став репортером, витает над Таврическим дворцом, где еще недавно шли бурные заседания Государственной Думы, а теперь до осени наступила тишина.

Окинул зал тоскливым взором
И удалился на Кавказ.
Быть может, там, у ног Тамары,
Весь день вкушая шашлыки,
Забудет он про кулуары,
Про Думу, строчки, пятаки...

Затем Демона можно встретить в пародийном произведении, которое посвящено жизни курортной публики в Пятигорске ("Терек", 1908, № 199, 2 сентября). Еще через три года Демон появится в роли ночного наблюдателя за провинциальным обывателем с его убогим миром житейских интересов и маленьких мыслей. И сам образ Демона в таком окружении становит-

ся жалким. Он потерял лермонтовское величие и не приобрел сатирической остроты ("Северокавказский край", 1911, № 188, 8 августа). Наконец, в мае 1913 года десятки русских газет обошла довольно значительная по объему стихотворная реклама: "Требуйте всюду папиросы "Демон"!"

Дальше идти было некуда. Процесс упадка завершился, и образ лермонтовского Демона исчез из русской сатиры.

Пройдут годы, произойдут великие перемены в жизни народов нашей страны, начнет развиваться качественно новая литература социалистического реализма и лермонтовский "Демон" вновь заблестит всеми своими красками в произведениях многих советских писателей и поэтов. Он зазвучит в творчестве М. Горького (повесть "В людях"), В. Маяковского ("Тамара и Демон"), Н. Тихонова ("Литературная газета", 1939, 15 октября), А. Фадеева ("Молодая гвардия"), в лирике ряда поэтов. Однако это обращение советских литераторов к лермонтовскому "Демону" ничего общего не имеет с историей русской сатиры. Здесь речь должна идти о преемственности прогрессивных традиций, о бессмертной силе классической поэзии, об отношении людей нашего поколения к наследию М.Ю. Лермонтова.

Примечания

¹Поэты "Искры", т. I, Л., 1955, стр. 199

²Д. Минаев. Собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. 1947, стр. 342

³Цит. по кн.: О. Ласунский. Литературные раскопки. Воронеж, 1972, стр. 98.

⁴Цит. по кн.: О. Ласунский. Литературные раскопки. Воронеж, 1972, стр. 137.

⁵"Воронежское слово", 1906 г., 3 декабря.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Гиреев Д.А. Лермонтов и русская революционная сатира //

Проблемы литературы и эстетики:

Сборник статей, посвященных памяти профессора Л.П. Семенова. —

Орджоникидзе, 1976. — С. 100—113.

Маргарита Федоровна Николева

1873—1957

Маргарита (Мария) Федоровна Николева — лермонтовед, научный сотрудник музея с 1938 по 1948 год, автор ряда публикаций и книги о Лермонтове, воспоминаний о В.Г. Короленко.

Родилась 1 марта 1873 года (по другим сведениям, 1871 г.) в г. Балашове Саратовской губернии. В 1888 году окончила курс Саратовского Епархиального женского училища и в течение последующих шести лет преподавала в школе с. Свинуха Балашовского уезда Саратовской губернии. Уже тогда начала заниматься революционно-пропагандистской деятельностью. До ареста в 1896 году училась на третьем курсе Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. Активно участвовала в издании и распространении среди рабочих нелегальной литературы. Была сослана на три года в Нолинск Вятской губернии, где познакомилась с Ф.Э. Дзержинским, сосланным туда же в 1898 году. После окончания ссылки преподавала в гимназии русский язык и литературу. Полный четырехлет-

ний курс высших женских курсов прошла в 1907—1908 гг. по историко-филологическому отделению.

После 1917 года преподавала в средних школах, была беспартийной.

В 1938 году Николева приехала в Пятигорск и в мае стала работать в музее "Домик Лермонтова" на должности экскурсовода, одновременно трудилась над составлением биографии Лермонтова. В план работы музея на 1940—1941 годы были включены научные темы М.Ф. Николевой: "Об отце Лермонтова", "Письма Лермонтова как автобиографический материал". В 1940 году биографический очерк Николевой о Лермонтове был издан в Пятигорске (второе издание — в 1947 г., третье — в 1956 г.). Продолжая работать над этой темой, она выехала в Ленинград.

Во время Великой Отечественной войны Николева эвакуировалась в Пятигорск и вновь стала работать в музее. Во время оккупации города фашистами (9 августа 1942 года — 11 января 1943 года) М.Ф. Николева вместе с другими сотрудниками приняла участие в спасении "Домика Лермонтова" от уничтожения и разграбления.

М.Ф. Николева умерла 20 июля 1957 года в Пятигорске в возрасте 84 лет, похоронена на старом пятигорском кладбище "Некрополь" неподалеку от места первоначального захоронения М.Ю. Лермонтова.

По завещанию Маргариты Федоровны ее архив поступил в фонды Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Краткая библиография

Николева М.Ф. М.Ю. Лермонтов. Биографический очерк. — Пятигорск, 1940.

Николева М.Ф. Кавказ в жизни Лермонтова // Пятигорская правда, 1945. 8 июля.

Николева М.Ф. Гибель Лермонтова. (104-я годовщина со дня гибели поэта) // Пятигорская правда, 1945. 27 июля.

Николева М.Ф. Дата приезда Лермонтова в Пятигорск в 1841 году // М.Ю. Лермонтов. Временник музея "Домик Лермонтова". — Пятигорск, 1947. — С. 68—69.

Николева М.Ф. О двух ошибках в изданиях стихотворения М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Временник Гос. музея-заповедника "Домик Лермонтова". — Пятигорск, 1947.

Николева М.Ф. Лермонтов и николаевская знать. — Пятигорск, 1947.

Николева М.Ф. М.Ю. Лермонтов. (Биографический очерк) — Ставрополь: Ставр. книжн. изд-во, 1947.

Николева М.Ф. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Детгиз, 1956.

О ней

Стругач Л. Большой путь // Советская Россия, 1957. 23 февраля.

Светланова Л. Вечер, посвященный М.Ф. Николевой // Кавказская здравница, 1973. 19 мая.

Суходеев В. Соратница рыцаря революции // Кировская правда, 1978. 22 сентября.

Ардашев М. Вклад в лермонтоведение // Кировская правда, 1982. 15 января.

Маркелов Н.В. Последний адрес Маргариты // Кавказский край, 1994. — № 12.

А.Н. Коваленко

1951

Автобиографическое значение поэмы Лермонтова "Сашка"

Предисловие

"Сашка".

Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова

Г. Хохряков обязательно указал мне на некоторых лиц, имевших у себя рукописи Михаила Юрьевича. Благодаря этим указаниям, мне удалось отыскать у Ивана Алексеевича Панафутина еще неизвестную в полном своем составе поэму "Сашка". Досталась она г. П. от отца его, служившего землемером у Павла Петровича Шан-Гирея.

Отрывки из названной поэмы впервые были напечатаны П.А. Ефремовым в "Библиографических записках" за 1861 год, стр. 556. Г. Ефремов взял эти отрывки из приобретенного им списка с черновой тетради Михаила Юрьевича Лермонтова. Тогда еще не было известно, что оригинал этого списка находится в Публичной библиотеке. Там в разных местах тетрадью поэта, учившегося тогда в Школе гвардейских прапорщиков, находятся наброски стихотворений, которые теперь оказываются отрывками целой поэмы, что не знал еще г. Ефремов, когда напечатал их во II томе "Сочинений Лермонтова", изд. 1880 года (стр. 420 и 618). Все эти отрывки, которые я тщательно просматривал в Публичной библиотеке, г. Ефремов относит, не без основания, к 1833 году, потому что к этому году относится и тетрадь "по географии", в которой находятся наброски. Но эти наброски представляют лишь одни из первых попыток и в предполагаемой нами поэме являются или в исправленном виде, или же отдельные стихи совершенно выкинуты. Надо предполагать, что поэма, от коей сохранилась первая глава и только начало второй, писана около 1836 года, или же в это время поэтом переправлялась. Он приезжал тогда в Тамань.

Можно подумать даже, что Лермонтов писал свою поэму еще и после смерти Полежаева, в 1838 году, потому что в строфе 3-й, в самом начале поэмы, он как будто говорит о Полежаеве как о мертвом.

Но эта строфа и следующая за нею почти целиком вошли в известное стихотворение "Памяти А.И. Одоевского", в 1839 году, и навряд ли они относились к Полежаеву, а скорей к воображаемому "Сашке", прототипу самого Лермонтова, который любил это имя и во многих творениях автобиографического содержания употреблял его.

П.А. Висковатый

Душевная жизнь Лермонтова была необычайно сложна и тревожна, и каждое произведение его, на котором лежит отблеск его могучей, феноменальной личности, особенно драгоценно для понимания его и как поэта, и как человека.

Поэма "Сашка" крайне субъективна, автобиографична. Ни в одном произведении поэт не дал столько самохарактеристик. Многие строфы поэмы, особенно ее отступления, являются как бы отрывками из дневника, в которых Лермонтов исповедует в сокровенных своих переживаниях. Это делает поэму "Сашка" ценнейшим биографическим документом, помогает определить, какой момент его духовного развития в ней отразился. Особенно это важно в отношении строф, выражающих не воспоминание о пережитом, а душевное состояние поэта в момент написания их. Поэт часто употребляет в поэме слово "ныне", и это требует точного ответа — когда же это.

Поэма "Сашка" и по содержанию, и по форме резко выделяется среди других произведений Лермонтова: соединение легкости в тоне повествования с серьезными, трагическими размышлениями в отступлениях, горькая ирония над разочарованиями в прежних "прекрасных грезех" и веселое, шутовское повествование о легкомысленных приключениях героя, обличительное отношение к окружающей среде и грустная насмешка над героем, "добрым малым", — все это говорит о сложном душевном состоянии поэта и большом сдвиге в его жизни и в поэтическом творчестве.

В предлагаемой статье мы не будем касаться вопросов, связанных с анализом поэмы в целом, как художественного произведения, ее места в истории литературы. Мы ставим один вопрос: какой период Лермонтова отражает поэма и когда она написана. В разрешении данного вопроса исходным положением для нас является уяснение душевного состояния поэта, отраженного в каждой строфе автобиографического характера, и потому нам одинаково важен как печатный, более отделанный текст поэмы, так и варианты ее и даже совсем зачеркнутые самим автором строки.

Первые же черновые строфы поэмы, не вошедшие в печатный текст, указывают на побудительные мотивы, по которым Лермонтов начал писать поэму.

**Свои записки ныне пишут все,
И тот, кто славно жил и умер славно,
И тот, кто кончил жизнь на колесе;
И каждый лжет, хоть часто слишком явно,
Чтоб выставить себя во всей красе.
Увы! Дела их, чувства, мнения**

**Погибнут без следа в волнах забвенья,
Ни модный слог, ни модный фронтиспис
Их не спасет от плесени и крыс;
Но хоть пути предшественников склизки,
И я хочу писать свои записки.
И варианты второй строфы:
Впадал я прежде в эту слабость сам,
(размышления и воспоминания. — М.Н.)
Но видя от нее лишь вред глазам,
Минувшее свое без дальней справки
Я сохранить решился в книжной лавке.**

Лермонтов говорит о своем минувшем, словно он чувствовал и сознавал, что наступила в его жизни и творчестве грань, отделяющая прошлое от будущего. Первая строфа в печатном тексте еще определеннее говорит о том настроении, в каком находился поэт "нынче", т.е. в момент написания произведения.

Две строки III-й строфы вариантов дают пояснение, насколько веселы будут смех и песня поэта.

**Печальных много будет тут вещей —
И вас они заставят рассмеяться.**

Этими строками Лермонтов как бы заранее предупреждал, что мотивы его записок грустны, но он их даст читателям — шутя и смеясь, и этим заставит и его посмеяться. Шутит Лермонтов и с читателем:

**Раскрыв на середине первый том,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, как вам угодно...**

Из IV строфы вариантов:

**Виденья сна заменят мой рассказ,
Запутанный и, как они, неясный.
И если мог я спать, то в этот час
С пером в руках, я б на яву напрасно
Не бродил...**

Из поэмы "Сашка" ясно, что в результате его горьких разочарований осталось сердцу Лермонтова

Один лишь отзыв — звучный, горький смех...

Естественно встает вопрос: та ирония, тот горький смех, которыми проникнуты многие строфы "Сашки", больше соответствуют переживаниям Лермонтова до 1837 года, или после этого года, так сильно изменившего самочувствие поэта и его отношение к жизни?

Мы думаем, что до 1837 года.

Главными основаниями для нашего предположения являются, во-первых, сходство, даже тождество содержания и тона писем Лермонтова к М.А. Лопухиной 1834 г. с отступлениями в поэме; во-вторых, сопоставление мотивов некоторых строф поэмы с мотивами творчества 1832—33 годов и с мотивами 1839 года.

Письма Лермонтова к М.А. Лопухиной — драгоценнейший документ. Они занимают исключительное место среди источников для понимания внутреннего мира поэта. Он говорил с ней, "как со своей совестью". Полнейшая искренность в признаниях, беспощадный суд над самим собой выражен Лермонтовым в них с такой же правдой и силой, с какой он исповедовал глубины своего духа в лирической поэзии.

Сопоставим "исповедь" в письмах с "исповедью" некоторых строф "Сашки". Сразу же и со всей категоричностью определим, что в них нет текстуальной параллели, но общий дух высказывания тождественен. Главнейший мотив отступлений в "Сашке" это разочарование в осуществимости "прекрасных грез", в скорби об утраченных надеждах и о той душевной перемене, которую вызвала эта утрата. Этот мотив звучит и в письмах. Рассуждения в от-

ступлениях поэмы пространнее и образнее, в письмах они кратки и просты. Некоторые из этих кратких строк писем можно было бы поставить эпиграфом ко многим строфам отступлений в поэме.

Сопоставление писем и некоторых отступлений поэмы поможет нам уяснить слова Лермонтова: "Я не тот уж, как бывало", и к какому времени относится слово "нынче".

Тождественность мыслей некоторых строф "Сашки" особенно заметна в сопоставлении их с письмами к Лопухиной от 1833 и конца 34 годов и с письмом к А. Верещагиной от весны 35 года.

В них Лермонтов настойчиво повторяет одну неотступную мысль, сильно волнующую его, мысль о происшедшей в нем перемене.

Из дошедших до нас писем к М.А. Лопухиной впервые об этой в нем перемене Лермонтов заговорил в письме от 19 июня 1833 г. Чтобы оценить всю значительность слов Лермонтова о самом себе в этом письме для уяснения эволюции душевной жизни поэта, необходимо припомнить вкратце предшествующие факты из жизни Лермонтова.

18 ноября Лермонтова зачислили в гвардейскую школу. Не успел он войти в дух школы, как 27 ноября лошадь в манеже разбила ему ногу. Рапорт об этом врачом был подан школьной администрации, как видно из документов школы, 27-го ноября. Лермонтов около 3-х месяцев пролежал в квартире бабушки. В школу после болезни Лермонтов явился приблизительно в конце февраля. Ему надо было нагнать пропущенное в учебных занятиях. В мае начались экзамены. Лермонтов пишет М.А. Лопухиной 19 июня: "...завтра (во вторник) мы отправляемся на два месяца в лагерь. Пишу к вам, сидя на классной скамейке; кругом меня шум, приготовления и пр... Надеюсь, вам будет приятно узнать, что я, пробыв в школе всего два месяца, выдержал экзамен в первый класс, и теперь один из первых. Это все-таки питает надежду на близкую свободу..."

По возвращении Лермонтова в школу, по-видимому, никаких внешних событий, которые сильно потрясли бы душу поэта, не произошло. Но, с другой стороны, можно сделать предположение, что Лермонтов во время болезни, которая приковала его к постели, но оставила его в обладании всех своих духовных сил, даром времени не терял. Несомненно, Лермонтов, который не мог понять "что значит отдыхать", который говорил о себе: "Всегда кипит и зреет что-нибудь в моем уме", — написал за это время не мало и еще больше того напряженно и глубоко передумал и перечувствовал. Эта внутренняя борьба и нашла отражение в письме от 19 июня.

В указанном письме есть строки замечательно важные для понимания его душевного состояния, к сожалению, остающиеся до настоящего времени в неправильном переводе (оригинал писем на французском языке) и потому не остановившие на себе должного внимания исследователей. "...Уже поздно. Я улучил свободную минуту, чтобы продолжать письмо". Далее по принятому до сих пор переводу следует фраза: "С тех пор, как я не писал к Вам, со мной случилось так много странных обстоятельств, что я, право, не знаю, каким путем идти мне, путем порока или глупости. Правда, оба эти пути часто приводят к той же цели". В этой цитате особое значение имеет указание на какие-то странные обстоятельства жизни, которые так повлияли на поэта. Обычно эти обстоятельства связывались с гвардейской школой. Бесплодные поиски хоть каких-нибудь указаний в архиве школы и в мемуарной литературе на "странные обстоятельства" в школьной жизни поэта натолкнули нас на мысль проверить перевод.

Приведенная выше фраза в переводе дана так: "Со мной случилось так много странных обстоятельств", а в подлиннике: "Il y a tant de choses étranges qui se sont passés en moi". Это ведь сов-

сем другое: Лермонтов говорит не о внешних обстоятельствах, а о внутренних событиях (en moi).

Ясно, что Лермонтов говорит не о внешних событиях, приведших его к грустным размышлениям, каким путем идти, а о внутренних изменениях: он говорит: en moi (во мне), а не avec (со мной), — это же совсем иной смысл придает фразе. Цитату следует читать так: "С тех пор, как я не писал к вам, во мне произошло (а не случилось) так много странных вещей (а не обстоятельств, это слово тоже меняет смысл), что я не знаю каким путем идти..."¹

Из этого письма мы видим, что Лермонтов еще в первой половине 1833 года определенно почувствовал в глубине своей души странную, неожиданную для него перемену. Начало перемены в своем жизнеощущении Лермонтов ощущал и раньше, по приезде в Петербург в конце лета 1832 года, но настроение это тогда не было постоянным. Через полтора месяца, после лагерной жизни, 4-го августа 1833 г. Лермонтов пишет М.А. Лопухиной:

"...Предупреждаю вас, что я не тот, каким был прежде: я чувствую и говорю иначе, и бог весть, что из меня еще выйдет через год. Моя жизнь до сих пор была рядом разочарований, теперь они смешны мне, я смеюсь над собою и над другими..."

Но это очень грустный предмет; постараюсь в другой раз к нему не возвращаться..."

В строфе LXIII Лермонтов тоже с горечью говорит о происшедшей в нем перемене, о том тяжелом, бурном пути, который привел его к разочарованиям.

**Бывало, этой думой удручен
Я прежде много плакал и слезами
Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степями,
Но пылкий дух мой не был освежен,
В нем родились бури, как в пустыне,
Но скоро улеглись и ныне*
Осталось сердцу, вместо слез, бурь тех,
Один лишь отзыв — звучный, горький смех...**

То, что так кратко выражено в письме — "моя жизнь до сих пор была рядом разочарований", — в этой строке раскрыто подробно. Почти все строфы в отступлении "Сашки" превосходны, но эта, к тому же кажется, самая драгоценная из автобиографических строф, — в нескольких словах истинно лермонтовской силы и выразительности — вся история мятежной юности поэта.

Заканчивает поэт свою исповедь, как в письме, так и в строфе, одной и той же мыслью: разочарования в возможности борьбы с действительностью вызывают в нем "звучный, горький смех". "Теперь они смешны мне", "я смеюсь над собою и над другими".

Душевное состояние Лермонтова, отраженное в последних словах, есть ближайшая стадия в его внутреннем развитии, самым непосредственным образом вытекающая из пережитых разочарований. Поэт сам определил, когда "один лишь отзыв остался сердцу", это — ныне. Приведенное письмо с тем же мотивом уточняет время происшедшей перемены.

Строфа LXXXIV родственна вышеприведенной строфе по скрытой в глубине души поэта тоске и отчаянию, также и отрывку из письма от 4 августа 1833 года.

**Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных сожалений,
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волнений
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печали
И говорили хладно: он привык.
И с той поры я облил свой язык**

*Курсив мой. — М.Н.

**Тем самым ядом, и по праву мести
Стал унижать толпу под видом лестии...²
Но кончим этот скучный эпизод
и обратимся к нашему герою**

прерывает себя поэт такой же оговоркой, как и в письме. Оппортунистический "грустный предмет", "скучный эпизод" дышат скрытой глубокой грустью, переживаемой поэтом в данное время, когда писал письмо и приведенную строфу, и говорит об одновременности их написания.

По смыслу этой строфы поэт и в ней так образно говорит о тех же глубоких разочарованиях в людях и в русской действительности, которые отравили ядом его сердце и наполнили его тоской.

Последние строки строфы дают разгадку того, как сложилась одна особенная черта характера Лермонтова, которой он наживал себе множество врагов, — это саркастически обличать людей за все фальшивое и мелкое в них. И опять поэт указывает, когда произошел этот крупный поворот в его душевной жизни:

**И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом...**

... и по праву мести

Стал унижать толпу под видом лестии.

Тон и этой строфы такой взволнованный, горячий, энергичный указывает на начало того душевного процесса, который привел Лермонтова впоследствии к сдержанному и трагическому выводу, выраженному в 1839 г. устами Печорина в "Герое нашего времени": "...целая моя жизнь была только цепь грустных противоречий сердцу и рассудку" "Из жизни я вынес несколько идей и не одного чувства". Но устами Печорина Лермонтов говорит об этом без бури душевной, а со спокойствием и твердостью выстраданного вывода из всего пережитого им в жизни.

Ясно, как свет дня, что эти рассуждения не одновременны.

LXXXIV строфа, такая характерная в автобиографическом отношении, написана в юнкерской тетради. Этот факт далеко не безразличен, как доказательство того, что она написана в то время, когда заполнялась и тетрадь, — т.е. в 1833—34 гг.

Из письма от 23 декабря 1834 года: "...Моя будущность блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. Должен Вам признаться, с каждым днем я все больше убеждаюсь, что из меня никогда ничего не выйдет: со всеми прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути..."

Прекрасными мечтаниями Лермонтов называл свои идеальные порывы к великой цели жизни, к героическим делам — "Я для добра был прежде гибнуть рад, но за добро платили мне презреньем..." — пишет поэт в CX строфе.

Эта строфа дает прямое указание на мучительные переживания Лермонтова переходного периода 1832—34 гг.

**Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким наслаждением.**

Тогда я хладно посмотрел назад:

**Как с свежего рисунка, сгладил краску
С картины прошлых дней, вздохнул и маску**

Надел, и буйным смехом заглушил слова глупцов...

"Пороков длинный ряд", "буйный смех" и "маска" — отражение глубоко скрытой внутренней бури, которая так резко изменила жизнеощущение поэта и привела его к сознанию: "Но ныне же я не тот уж, как бывало".

Судя по письму от 23 декабря 1834 года, Лермонтов уже в это время был в том состоянии, когда он "хладно посмотрел назад", на свое ближайшее прошлое и настоящее, и пришел к решительному и печальному выводу, что жизнь его пуста и пошла.

"Картины прошлых дней" вызывали у Лермонтова сравнение их со "свежим рисунком". Эти картины — недавнее его прошлое.

Воспоминания четырехлетней давности, если бы поэт писал эту поэму в 1839 г., не были бы для него свежим рисунком и такими глубоко волнующими и трагическими.

В приведенном же письме дальше Лермонтов пишет про холодную иронию, которая неудержимо прокрадывается в его душу, как вода в разбитое судно. Эта холодная ирония неизбежно должна была переполнить душу Лермонтова и, в силу его глубокой искренности и правдивости, отразиться на его творчестве, — это отражение находим в поэме "Сашка", насквозь проникнутой неверием в "прекрасные мечты" и иронией над ними под личиной шуток и веселого повествования.

Очень знаменательны несколько строк из письма Лермонтова к А. Верещагиной от весны 1835 г.: "О, я ведь очень изменился! Я не знаю, как это происходит, но только каждый день дает оттенок моему характеру и взглядам — это и должно было случиться, я это знал... но я не ожидал, что это будет так скоро..."

Если посмотреть на меня, покажется, что я помолодел года на три, — такой у меня счастливый и беззаботный вид человека, довольного собой и всем миром; этот контраст между душою и внешним видом не кажется ли вам странным?"

Подтверждением всех этих высказанных им слов и мыслей и является вся поэма в целом. Словно ими он дал краткий комментарий к поэме, которую, по всей вероятности, он и писал весной 1835 года. Этот отрывок из письма в простых словах выражает весь характер поэмы. Контраст между думами и чувствами и внешней беззаботностью, веселым тоном. "Каждый день дает новый оттенок моему характеру и взглядам..." Эта изменчивость настроения и отразилась на построении поэмы, ее мозаичность становится понятной. Поэма "Сашка" — произведение переходного периода в жизни Лермонтова, охватывающего 1834—35 годы, когда Лермонтов старался иметь счастливый вид, под которым скрывал отчаяние и скорбь; эти чувства так глубоко проникли в его душу, что вылились в горькую иронию. "Холодную иронию, которая неудержимо прокрадывалась" в его сердце.

И многие другие строфы отступлений не оставляют никакого сомнения, что они написаны в этот переходный период: строфа LXIV

... Поэт природы птичей,
 Любовник роз, над розовым кустом
 Урчит и свищет меж листов душистых
 Об чем? Какая цель тех звуков чистых?
 Прошу хоть раз спросить у соловья,
 Он вам ответит песнью... Так и я
 Пишу, что мыслю, или что придется,
 И потому мой стих так плавно льется.

Можно ли допустить, что Лермонтов написал это после "Думы", "Поэта", "Не верь себе" и накануне создания "Журналист, читатель и писатель"? В них Лермонтов с исключительной силой глубоко отразил определившиеся к тому времени свои оппозиционные воззрения на общественное состояние России и на поэтическое творчество.

Эта строфа, поставленная в ряду указанных гражданских стихотворений 1839 г., обличала бы в Лермонтове идеологическую непоследовательность, которой он не грешил никогда. Такое одновременно противоречивое отношение Лермонтова к одному из важнейших вопросов его творчества последних лет — о назначении поэта, — который он разрешил так, что дал новый поворот всей русской поэзии, убивало бы представление о Лермонтове, как о цельном человеке, не сказавшем "никогда ни одного слова, которое не отражало бы черту его личности".

Тогда как первый год своей офицерской жизни, когда Лермонтов продолжал переживать тяжелые сомнения в близкой

возможности политической борьбы с самодержавием, когда он не видел еще выхода из своего скептического отношения ко многим вопросам жизни, естественно, что так он отнесся к вопросу о поэте. Мы находим в этой строфе лишнее доказательство его глубокой искренности и цельности его натуры.

Строфа LXII тоже ясно говорит о тяжелом переходном моменте в жизни Лермонтова.

**К чему, куда ведет нас жизнь, о том
 Не с нашим бедным толковать умом,
 Но исключая два-три дня да детство,
 Она, бесспорно, скверное наследство.**

Какая глубокая грусть и ирония чувствуются в этих смиренных строках! Это после того, как поэт в недавнюю пору надежд и высоких порывов писал:

**Глубоко в сердце погрузился,
 Однако не нашел я там,
 Что ум мой не по пустякам —
 К чему-то тайному стремился,
 К тому, чего даны в залог
 С толпою звезд ночные своды,
 К тому, что обещал нам бог,
 И что б уразуметь я мог
 Через мышления и годы.**

Это состояние разочарования даже в силе размышлений над жизнью ясно говорит о тяжелом переходном моменте в жизни Лермонтова. Вопрос о цели жизни, о великом назначении ее, один из основных вопросов его самосознания университетского периода, а к началу своей офицерской жизни Лермонтов пришел к полному признанию несбыточности его надежд. Как искренняя, глубокая натура, Лермонтов в своих разочарованиях доходил до конечного предела, крайности, и в этой первой стадии отрицания он сомневался даже в своих силах: "...моя будущность, — пишет он М.А. Лопухиной 23 декабря 1834 г., — блистательна на вид, в сущности, пошла и пуста. Должен Вам признаться, с каждым днем я все больше убеждаюсь, что из меня никогда ничего не выйдет, со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути; мне или не представляется случая или не достает решимости".

Это Лермонтов — один из самых смелых и решительных людей своего времени — дошел до сомнения в своей решимости! В эту пору отрицания Лермонтов был еще во власти индивидуалистического отношения к жизни, и видеть причины своих разочарований в социальных условиях своего времени он не мог.

Невольно вспоминаются слова Белинского по поводу Г.Н.В. — так они приложимы к душевному состоянию Лермонтова этого переходного времени:

"...пусть клеветает на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитие, и смешивая юность с возмужалостью, — пусть... Настанет торжественная минута и противоречие разрешится, борьба кончится и разрозненные звуки души сольются в один гармонический аккорд!.."

За годы же 1836—39 Лермонтов прошел при его бурном душевном росте такой длинный, такой богатейший по внутреннему содержанию путь, такой мощи достиг его талант, что мироощущение, выраженное в поэме "Сашка", кажется уже пережитым им моментом, его далеким прошлым.

Приведем еще строфы XXIV и XXV, в которых поэт коснулся заветного для него чувства — любви к В. Лопухиной. Лермонтов в поэме не надо всем смеется, и как характерна эта благородная оговорка в строфе XXV:

**Увы, минувших лет безумный сон
 Со смехом повторить не смеет лира!**

Одно имя Лопухиной вызывало в поэте бурные чувства. С юношеской пылкостью вспыхнуло воспоминание:

**Скажу ль при этом имени, друзья,
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит — молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком...**

Эти строки выражают отношение Лермонтова к Лопухиной в то время, когда он писал их. Такая юношеская вспышка могла овладеть поэтом под непосредственным чувством утраты Лопухиной навсегда, когда, по словам А.П. Шан-Гирей, "мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданном известии о замужестве любимой женщины". А это произошло весной 1835 года. Потом это чувство поэта стало постепенно уходить в глубь его души, и одно имя ее не волновало его уже так бурно. В 1836 году в романе "Княжна Лиговская" Лермонтов сестру Печорина назвал Варварой Александровной. В 1838 г., а возможно еще и в конце 1835 г., Лермонтов виделся с В.А. Лопухиной, в том же году в посвящении к "Демону" с глубоко душевным, проникновенным чувством обращается к ней. В послании к ней в июле 1840 года Лермонтов пишет ей со спокойной, но глубокой грустью, что "безумно ждать любви заочной".

Насколько естественна в юноше Лермонтове в 1835 году, когда он только что узнал о замужестве Лопухиной, в пылу досады готовность за слово бранить весь дом и замахиваться чубуком, настолько же не вяжется такое выражение чувств с представлением о Лермонтове 1839 года.

Также Лермонтов не хотел смеясь касаться и того значительного душевного содержания, каким был преисполнен он в период университетской жизни, стр. СХХ:

**Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить повесть.
Читатель знает, что я с ним шучу,
И потому моя спокойна повесть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событий важных, новых и чудесных.**

Университет поэт вспомнил с теплой усмешкой (или с мягкой иронией?), обрисовав его краткими, но меткими штрихами: заносчивый спор сынов его, шум и гам, вызываемый в аудитории профессором Длинным, и заканчивает воспоминания:

**Уходит, — втрое хуже. Сущий ад!..
По сердцу Сашке жизнь была такая,
И этот ад считал он лучше рая.**

Замечательно, что несмотря на все личные горести университетского периода, многие события и переживания этого времени Лермонтов называет "чудесными", но не хочет на них останавливаться в шутливо-иронической поэме. Лермонтов опять подчеркивает, что читатель знает, что он с ним шутит и потому о серьезных событиях говорить не будет.

Не рассказывая "событий важных, новых, чудных" из жизни Сашки, Лермонтов отказался и характеристику его дать, и обрисовал его "без прикрас", главным образом, с одной стороны — со стороны похождения доброго малого. В глазах Лермонтова жизнь его вне высоких идеалов, вне борьбы за них сводилась на ряд "незначительных и весьма обыкновенных пождений", как и всякого доброго малого. Потому он с шуткой заявил в строфе LXXIV:

**Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить наружу
И вскрыть его, как с трюфлями пирог.**

Едва ли было бы возможно такое рассуждение после того, как поэт положил начало психологическому роману в русской литературе. В некоторых строках Лермонтов определенно говорит об изменении своих взглядов и по вопросам философского и нравственного характера. Строфа LXXXI:

**К тому же я совсем не моралист, —
Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу,
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу...**

Это отрицание той философской системы, которую разделял Лермонтов в студенческую пору. Она еще в "Вадиме", которого Лермонтов писал в гвардейской школе в 1838 г., выражена им с полным признанием ее истинности. "Что такое величайшее добро и зло? два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга". Но приведенная строфа, особенно последние две строки, говорит о том, что теперь жизненные, моральные вопросы Лермонтов решает не отвлеченным философским путем, а по своему непосредственному нравственному чутью. В черновом варианте юнкерской тетради эта мысль еще проще и с большей юношескою непосредственностью выражена:

**Благодеяний в зле мирском не вижу;
И попросту люблю, кто сердцем чист,
И хитрости и злобу ненавижу.**

Этот вывод, к которому пришел Лермонтов в период отрицания и пересмотра прежнего мировоззрения, послужил основой в создании образа Максима Максимовича. Но он обобщил эту мысль иначе: "Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимович человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ". Едва ли Лермонтов, давши в 1839 г. такой художественный образ человека "чистого сердцем", стал бы повторять мысль еще и в краткой и упрощенной формулировке. Пересмотр всех прежних сомнений в 1939 году был для Лермонтова далеко позади.

В указанной строфе Лермонтов говорит о своем собственном отношении к вопросу морализирования, и говорит об этом в настоящем времени, т.е. в тот момент, когда писал ее. И в связи с предшествующими строфами и с последующими ясно видно, что эти рассуждения, как ни поразительны по серьезности, но все же не 39 года.

Так, строфа LXXXII, тоже из автографов юнкерской тетради, указывает на переход Лермонтова к материалистическому миропониманию:

**Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести свой труп в пустыню и высокий
Курган над ним насыпать, и — любви
Символ ненарушимый — одинокий
Поставить крест: быть может издали,
Когда туман протянется в долине,
Иль свод небес взбунтуется, к вершине
Гостеприимной нищий пешеход,
Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадежной
Вздохнет о жизни будущей и прежней —**

**.....
И проклянет, склонясь на крест святой,
Людей и небо, время и природу,
И проклянет грозы бессильный вой
И пылких мыслей тщетную свободу...
Но нет, к чему мне слушать плач людской?**

Для чего понадобился Лермонтову этот романтический нищий — пешеход, проклинающий все на свете, даже свободу пылких мыслей? Чтобы сказать, что ему ни к чему слушать плач людской. А этот плач стал не нужен Лермонтову только тогда,

когда он убедился, что его мечты о подвиге ради блага людей бесплодны, т.е. в этот кризисный период 1833—35 гг. Не нужны ему и никакие памятники о себе:

**На что мне черный крест, курган, гробница?
Пусть отдадут меня стихиям! Птица
И зверь, огонь и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с эфиром,
Сольется и развеется над миром!**

Эта материалистическая точка зрения сказывалась еще в первых письмах из Петербурга М.А. Лопухиной, в стихотворении: "Конец! как звучно это слово!".

А еще через три года Лермонтов коснулся словами Печорина вопроса о бесследном исчезновении человека после смерти, но теперь в простоте, краткости выражения мысли чувствуется спокойная уверенность.

XLVII и XLVIII строфы "Сашки" по мысли родственны с отрывками из "Фаталиста", но какая разница в выражении ее и в тоне рассуждений:

**И все исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир — лишь прах могильный
Другого, — горсть земли, в борьбе веков
Случайно уцелевшая, рукою больной
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного платья,
А по сродству имеют в добрый час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится каша, —
В кулачки, и... прощай планета наша.
.....
И пусть они блестят до той поры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...**

Размышления Печорина в "Фаталисте" Лермонтов дает уже в другом тоне... "Звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что же? эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними..."

В строфах из "Сашки" выражена грустная мысль, что все имеет свой конец, и бесчисленные миры светил также; и об этом трагическом конце поэт говорит с иронией.

Слова же Печорина спокойны, конец воздушной игры светил его не тревожит: он (с иронией) противопоставляет неизменному блеску звезд дела и страсти людей, исчезающие вместе с ним. И мысль и тон рассуждений Печорина зреее, чем пространные и печальные рассуждения в приведенных строфах поэмы.

Из сопоставления этих стихов с прозаическим отрывком ясно видно, что одно из них написано раньше.

О гибели звездного мира Лермонтов говорит в конце XLVII строфы с некоторой иронией (или насмешкой): "А дай сойтись, так заварится каша, — В кулачки, и... прощай планета наша". В поэме "Сказка для детей" Лермонтов посвятил звездам чудеснейший стих в строфе II-й:

**И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви;
Как будто им земля небес дороже...**

Непонятно было бы это несоответствие между одновременным рассуждением и художественным образом, если отнести поэму "Сашка" к 1839 году.

Тема отношения к толпе Лермонтовым затрагивалась много раз. В период раннего творчества, когда Лермонтов искал возвышенной цели жизни, он писал:

**Стремится медленно толпа людей
До гроба самого от самой колыбели
Игралищем и рока и страстей
К иной святой, неизъяснимой цели.**

В "Сашке", в варианте юнкерской тетради (57 лист):

**... Таинственная цель есть у людей.
Различными неверными путями
К ней идут все под ношею страстей,
К ней идут все со смехом и слезами,
Но отстают отцы от сыновей:
Любовь отца не встретит той же в сыне,
Живые мысли юноши в чужбине...**

В стихотворении "Не верь себе":

**Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной;
А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..**

Насколько сильнее, глубже выражена мысль в 1839 году! А выходит по современной датировке поэмы, что Лермонтов в конце того же года выразил ее слабее, чем в стихотворении "Не верь". Возможно ли это допустить? Лермонтов в течение всей своей жизни неукоснительно шел вперед.

То же можно сказать и при сопоставлении строфы о французской революции и стихотворения "Последнее новоселье". Разница в творчестве Лермонтова 1839 г. и 1841 г. не настолько велика, чтобы ею объяснить разницу между этими произведениями; она объясняется тем, что поэма "Сашка" писалась в юношеском периоде.

В строфе CXVII Лермонтов затронул тему, которой он коснулся и в "Герое нашего времени", но опять — какая разница в развитии ее.

Из строфы CXVII:

**Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань — насмешкой отвечать,
Иль, притворясь рассеянным невеждой,
Ласкать их долго тщетною надеждой.**

Об отношении к врагам Лермонтов высказался устами Печорина: "...я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда на страже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерение, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их "хитростей и замыслов — вот что я называю жизнью".

Ясна мысль, ясно и настроение, диктующее ее. Зачем нужно было Лермонтову одновременно повторять эту мысль еще и в поэме, да еще в более упрощенной формулировке?

В строфе XXXV слышатся родственные отзвуки стихотворения 1832 г. "Безумец я!".

...вы правы, правы!

.....
 Как мог я цепь предубеждений
 Умом свободным потрясать?..
 ...Нет ...мне ли властвовать умами,
 Всю жизнь на то употребя?..

Сомнение в возможности борьбы с предрассудками людей в "Сашке" выражено в категорической и насмешливой форме:

...Воевать

С людскими предрассудками труднее,
 Чем тигров и медведей поражать
 Иль со штыком на вражьей батарее
 За белый крестик жизнью рисковать...
 Клянусь, иметь великий надо гений,
 Чтоб разом сбросить цепь предубеждений...

Мысль о трудности борьбы с людскими предрассудками и пороками в последние годы уже не вызывала сомнений у Лермонтова. В предисловии к "Герою нашего времени" Лермонтов выразился с необычайной ясностью, краткостью и выразительностью: "...но не думайте однако после этого, чтобы автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества!".

Приведенные рассуждения Лермонтова — разных моментов в его внутреннем развитии.

Очень показательна параллель между строфами VII и VIII "Сашки" и лирическими строками в начале и конце описания Кремля в "Панораме Москвы". Тожественность в мыслях, в пламенном выражении чувств любви к Москве и к Кремлю, как к символам исторических заслуг русского народа и героических побед его, ясно говорят в том и другом произведении если не об одновременном, то об очень близком промежутке времени написания их.

Отнести указанные строфы поэмы к 1839 г. трудно, так как их приподнятый, восторженный тон не соответствует глубокой сдержанности, силе и гениальной простоте патриотической поэзии Лермонтова последних лет.

Указанные строфы поэмы, как написанные в юношескую пору, значительны еще как показатель того, что патриотическое чувство неизменно жило в душе Лермонтова и в эти "два страшные года", — его не ослабили ни скептицизм, ни ирония.

Необходимо указать еще одну черту, роднящую поэму "Сашка" с юношеской поэзией Лермонтова и отличающуюся от поэзии 1939 г. Философские его воззрения 1831—32 годов выражались, между прочим, и в том, что он природу воспринимал и отражал в поэзии в ее целом — возможно, что на это влияла философская система Шеллинга. Например, в стихотворении "Унылый колокола звон" Лермонтов пишет:

Холодный слушатель есть камень
 .....
 Он не привык прекрасное ценить,
 Как тот, кто в грудь втеснить желал бы
 всю природу...

В стихотворении "Отрывок":

Три ночи я провел без она — в тоске,
 .....
 Я вопрошал природу, и она
 Меня в свои объятия приняла,
 В лесу холодном в грозный час метели
 Я сладость пил с ее волшебных уст...

В поэме "Демон", в редакции 1833 г., Лермонтов пишет о Демоне:

И на хребет пустынных гор
 Переселился с этих пор...
 В природу вник глубоким взглядом,
 Душою жизнь ее объял.

В романе "Вадим" отвергнутый людьми Вадим "был готов кинуться в объятия природы, она одна могла утолить его пламенную жажду".

В LXXIII строфе "Сашки" у Лермонтова такое же отношение к природе: поэт пламенно взывает к ней, жаждет ее могучего воздействия на душу:

О, если б мог он, как бессмертный дух,
 В вечерний час сливаться с облаками,
 Склоняясь к волнам кипучим жадный слух
 И долго упиваться их речами,
 И обнимать их перси, как супруг!!!
 В глуши степей дышать со всей природой
 Одним движеньем, жить ее свободой!

Силу тяготения души человека к природе и слияния с ней особенно сильно Лермонтов выразил в романе "Вадим".

В романе Лермонтов пишет: "...на темном чердаке, простертый на соломе, лицом кверху, сложив руки, он уносился мыслью в вечность, — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий, не желающий, не сожалеющий ни о чем, завладевший прошедшим и будущим, которое представлялось ему пустой картиной, где он находил много смешного и ничего жалкого. — Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу, и потом сокрушить ее, — если это было желание безумца, то по крайней мере великого безумца..."

Эту неясную идею о сокрушении того, к чему так пламенно тяготеет душа человека, можно пояснить одной романтической фразой из рассуждения Лермонтова в романе "Вадим" о любви, о любви вообще к кому бы то ни было: стр. 22. "...это чувство, наконец, делается так велико, что сердце человека уместить в себя его не может, а должно погибнуть, разорваться, — или одним ударом сокрушить кумир свой..."

Но в одном слове указанной строфы "Сашки" — "О, если б" — звучит уже сомнение в возможности для человека такого слияния с природой, в какое он раньше верил. Сомнение и ирония, подорвавшие прежние верования Лермонтова, не миновали и этой стороны его внутреннего мира. Поэт с грустью говорит об отсутствии в его герое демонической силы, которую так еще недавно усматривал в "великом безумце" Вадиме.

О, если б мог он в молнию одет
 Одним ударом весь разрушить свет...
 (Но, к счастью для вас, читатель милый,
 Он не был одарен подобной силой).

Лермонтов в поэме отходил от романтического стиля, но не отошел вполне. В приведенной строфе особенно сильно проявляется романтизм поэзии юношеских лет поэта. Вообще в строфах "Сашки", в которых поэт с чувством глубокой горечи касался сокровенных своих дум, романтический стих полнее выражал их, и Лермонтов пользовался им в поэме вполне искренно, без нарочитой насмешки над романтизмом.

Это колебание в стиле ясно говорит, что поэма "Сашка" не зрелого периода в творчестве Лермонтова.

Даже прием сравнений с природой в "Сашке", как и в ранней лирике, применяется по иной системе, чем в зрелую пору, — например, такие сравнения в строфе CXIV:

Блажен, кто посреди нагих степей
 Меж дикими воспитан табунами;
 Кто приучен был на хребте коней

**Косматых, легких, вольных, как над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться...**

Или сравнение африканца Зафира с облачком.

Подобные сравнения, стоящие рядом со сравнимым предметом или чувством, в юношеском творчестве Лермонтова встречаются очень часто, в зрелой же его лирике почти не применяются.

В 1839 году природа воздействовала на Лермонтова с прежней силой, восприятие ее отражалось в его творчестве с большой глубиной и тонкостью и несравненно с большей простотой и ясностью: глубокая эмоциональность органически сливалась с конкретной образностью. Такого гармонического, нераздельного сочетания мысли, чувства с образом природы, какого достиг Лермонтов в зрелую пору творчества, нет ни у одного лирического поэта в мировой литературе.

Неизменными остались в эту кризисную пору и его любовь к природе, и вера в облагораживающее воздействие ее на человека. По утверждению Лермонтова, в указанной строфе человек с душой, преисполненной звуками чистыми природы, не будет унижать себя ни службой с покорностью овцы в рядах дворянства, ни рабски унижаться перед чинами, ни "поклоняться немцам без конца".

Поклонение немцам, которые тогда во множестве стояли у власти, Лермонтов считал одним из проявлений рабства и подлости. Сильный гражданский и политический мотив звучит в этих строфах. На эти строфы можно смотреть как на одну из ступеней поэта на ту высоту, с которой раздался его обличительный голос на всю Россию: "Вы, жадную толпою стоящие у трона..." Но все-таки и эти строфы — не второго периода его творчества: они звучат хотя и сильно и выразительно, но слабее, чем все написанное Лермонтовым на гражданские мотивы до 1840 года.

Возмущение Лермонтова против засилья немцев выразилось в этих строфах не только в иронии, но в чувстве протеста: от негодования против поклонения немцам Лермонтов переходит к юношески задорному заявлению в конце поэмы:

**Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную контору
С листком в руках, с оравом друзей,
И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..**

Знаменательна строфа СXLVIII:

...Он не рожден

**Под нашим небом; наша степь святая
В его глазах бездушных — степь простая,
Без памятников славных, без следов,
Где б мог прочесть он повесть тех веков,
Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...**

И в эти "страшные" два года, и к тому же года сомнений и отрицания, любовь Лермонтова к родной степи оставалась неизменной. Еще в 31 году Лермонтов писал о ней:

**И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родна с душой,
Как будто создана лишь для свободы...**

Эта органическая любовь к родному простору, к степи простой привела его впоследствии к знаменитой "Родине".

Серьезный и важный вопрос возникает при рассмотрении поэмы "Сашка" — вопрос, к кому относятся строфы III, IV и СXXXVII, СXXXVIII? Если справедливо предположение, что первые к Полежаеву, а вторые к Одоевскому, то естественен вывод, что поэма не могла быть написана раньше 39 года.

Висковатый во втором томе сочинений Лермонтова в примечании к стр. 176 писал: "Эти четыре строки и предшествующие десять перенесены в стихотворение "Памяти А.И. Одоевского". Князя Одоевского, декабриста, звали Сашей, как и поэта Полежаева, к которому здесь относится Лермонтов, считавший его погибшим". Висковатый, относя поэму к концу 1835 года и к 1836 г. и считая строфы III и IV посвященными Полежаеву, умершему в 1838 году, чувствовал натяжку и в объяснение этого преждевременного некролога сделал предположение, что Лермонтов еще в 1836 г. считал Полежаева умершим. Предположение не обоснованное и явно ошибочное.

Все издания соч. Лермонтова после 1882 г., следуя за Висковатым, относили поэму к 1836 г., разногласия были только в том, кому посвящены III и IV строфы?

В комментарии к поэме "Сашка" в изд. "Academia", стр. 602, правильно указывается, что прототипом героя "Сашки" нельзя признать А.И. Одоевского. Традиционное отнесение указанных строф к поэту А.И. Полежаеву (умер в Москве в 1838 г.) не выдерживает никакой критики".

Но все-таки остается какое-то лицо, близкий друг, к которому эти строфы отнесены. Строфы слишком задушевные, личные, индивидуально направленные.

Причем неизменно до последнего издания соч. Лермонтова повторяется ошибка Висковатого, что эти строфы перенесены в стихотворение "Памяти Одоевского".

Вот в этом слове "перенесены", по нашему мнению, и заключается ошибка: она нарушает представление о Лермонтове, как об искреннейшем и глубоком человеке. Ведь эти прочувствованные слова были посвящены памяти какого-то друга, только что умершего (по предположениям нынешних лермонтоведов в том же 1839 году, когда писалось и стихотворение "Памяти Одоевского") и которого при этом Лермонтов называет тоже "мой милый Саша", память о котором живет тоже "в немом кладбище памяти моей" и дальше — слово в слово. Невозможно думать, чтобы такой искренний в задушевных отношениях с близкими ему людьми Лермонтов двум лицам повторил бы одно и то же.

За последние годы в лермонтоведении слову "перенес" придано точное значение. Лермонтов переносил стихи, образы, сравнения из одного черного произведения в другое в процессе обработки и переделки их. И в стихотворении "Памяти Одоевского" есть стихи, встречавшиеся в ранних стихотворениях. Так, например, в стихотворении, написанном в 1832 г., в письме к М.А. Лопухиной:

**Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных, но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас.**

Это Лермонтов писал в 32 г. о самом себе. Он тогда переживал горечь раннего разочарования в жизни: "...я жил, я слишком скоро созрел, и будущее не даст новых впечатлений..."

С Одоевским Лермонтова сближало большое внутреннее родство. Недаром он писал: "Один лишь друг умел тебя понять", — находя в нем много родственного в переживаниях, Лермонтов не раз, может быть, при общении с Одоевским применял к нему то, что думал о себе. Такой перенос своих мыслей из стихов, выражающих одинаковое мнение о себе и друге, совсем иное дело, чем перенос чувств с одного лица на другое.

Также перенос немного измененного образа природы — в образ исчезающих бесследно облаков из строфы СXXXVII "Сашки" на "Память" не может приравниваться к копии с обращения к другому лицу. Этот образ из любимых образов Лермонтова, он мно-

го говорил его душе, много мыслей и чувств вкладывал он в этот образ. В отношении к памяти Одоевского образ бесследно исчезающих облаков выражал мысль Лермонтова о бесследном исчезновении многих значительных явлений в человеческой жизни. Но посвятить стихи, в которых Лермонтов выразил глубоко скорбное чувство утраты дорогого друга, памяти другого друга, это все равно, что написать близкому лицу копию с письма, написанного другому другу. Это могло бы каждого привести или в безграничное негодование или в глубокое отчаяние. И такое бездушное допускать по отношению к Лермонтову, который вызывает в нас восторг своею искренностью и глубиной чувств.

Белинский писал об этом стихотворении: "Это сладостная мелодия каких-то глубоких, но тихих дум, чувства сильного, но целомудренного, замкнутого в самом себе... Есть в этом стихотворении что-то кроткое, задушевное, отрадно успокаивающее душу..." И дальше цитирует как раз "перенесенные", посвященные какому-то другому Саше строфы из поэмы "Сашка". Даже Шевырев эти "перенесенные" строфы называл самыми лиричными и задушевыми. Что бы они сказали, если бы знали, что это — копия?

Каким могучим, может быть единственным в мировой литературе, является Лермонтов в последней строфе "Памяти"! Чувство глубокой грусти с большей силой выражено в величественных образах природы (этой строфы). Невыразимая сила в заключительных стихах! Только великая душа, величайший художник мог выразить несколькими словами, тремя грандиозными образами природы эту потрясающую душу скорбь. По силе и глубине чувств, величию и простоте картин, объединенных мыслью о бесконечности жизни, нет равной даже у такого певца природы, как Байрон. Равные по силе впечатления эти строки можно найти в музыке и пении — в этих самых эмоциональных искусствах. Воздействие этих стихов Лермонтова на душу можно сравнить с реквиемом Моцарта и с гениальным, по определению Чайковского, похоронным напевом "Вечная память". В каком бы жизнерадостном настроении вы ни были, услышите эти мотивы — сердце сжимается от грусти. Такой же силы воздействия и последняя строфа "Памяти". При всяких условиях, в который бы раз вы не повторяли ее, одинаково всегда вызывает бесконечную грусть. Об этой строфе Белинский писал: "И какой грандиозною, гармонирующею с тоном целого картиною заключается это стихотворение... Вот истинно бесконечное и в мысли, и в выражении..."

И вот Лермонтов, создавший стихи, которые будут жить вечно, на две строфы не нашел в себе ни свежего чувства, ни вдохновения, хотя только что в варианте сказал: "Все в памяти моей так живо", — и "перенес" то, что так недавно было им написано другому "милому Саше". Так ясно, так неоспоримо, что этот "перенос" — ошибка первого редактора Висковатого, а его ввела в заблуждение, вероятно, ошибка списка, которым он пользовался. Авторизованного списка поэмы "Сашка" не сохранилось. В основе всех изданий этой поэмы лежит список Ив. Ал. Панафутина, который получил ее от отца своего, служившего землемером у Павла Петровича Шан-Гирея.

("Русская мысль", 1882 г., книга 1-я, статья Висковатого).

В список Панафутина вошло несколько строф, Лермонтовым в юнкерской тетради зачеркнутые. На основании этого можно предположить, что не Лермонтов сводил отрывки поэмы воедино. Неопытные переписчики поддались внешнему совпадению: поэма озаглавлена "Сашка" и в варианте "Памяти" — "мой милый Саша", во II-й строфе — "он был мой друг", и в варианте "Памяти" "он был мой друг", и благодаря этому совпадению фраз в разрозненных отрывках соединили несоединимое. Висковатов же, занятый свыше всякой меры отысканием материалов для биографии Лермонтова, мог не заметить ошибки Павла

Петровича Шан-Гирея, как не заметили ее последующие издания, поддаваясь авторитету Висковатого.

Держался же упорно до последнего издания соч. Лермонтова взгляд, что поэма "Сашка" не окончена, и прицепляли к ней, как вторую главу, начало другой поэмы. Такая же ошибка и внесение III и IV строфы в начало поэмы. Эти две строфы есть вариант стихотворения "Памяти А.И. Одоевского". В вариантах "Памяти" есть строка, не вошедшая в печатный текст: "Он был мне друг, уж нет таких друзей..." Эта строка вошла в III строфу "Сашки". Это тоже показатель того, что строфы III и IV — вариант "Памяти". Помимо этого, вставка в поэму этих двух строф производит впечатление диссонанса: они не связаны ни с предыдущей строфой, ни с последующей: "Будь терпелив, читатель милый мой!.. Картина будет; это только рама!" Что же является рамой? Глубокий по чувству некролог? Если же исключить эти две строфы, внутренняя связь не нарушается и впечатление получается цельное.

Что же касается строф CXXXVII и CXXXVIII поэмы, они органически связаны с поэмой.

Строфа CXXXVI:

**О, я люблю густые облака,
Когда они толпятся над горою**

.....

**Настанет день, — их ветер вновь унесит:
Куда, зачем, откуда? — кто их спросит?**

CXXXVII:

**И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы нежной.**

**И ты, чья жизнь, как беглая звезда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мук своих не выразишь словами;
Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Сократ;
И, не разгадав глуую толпою,
Ты умер чуждый жизни... Мир с тобою!**

CXXXVIII:

**И мир твоим костям! Они сгниют,
Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессменный.
Ну что же делать? — Жди, авось придут,
Быть может, кто-нибудь из прежних братьев.
Как знать? — земля до молодых объятий
Охотница... Ответствуй мне, певец,
Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И все ль, как прежде,
Ты любишь нас и веруешь надежде?**

Образ исчезающих бесследно облаков вызывает сравнение с бесследностью безнадежной любви поэта, а это сравнение по какой-то скрытой ассоциации вызвало воспоминание о каком-то певце. В применении этого образа чувствуется конкретный повод. Бесследное исчезновение облаков в указанных строках символизирует бесплодность страданий от безнадежной любви погибшего поэта.

По предположению некоторых исследователей, эти строфы относятся к Одоевскому, по предположению других — к Полежаеву.

Первые строки обращения к памяти неизвестного умершего певца не говорят ни за того, ни за другого.

**И ты, чья жизнь, как беглая звезда,
Промчалася неслышно между нами...**

Если жизнь Полежаева и Одоевского можно с натяжкой сравнить с беглой звездой, то слова, что они неслышно промчались, не подходят к ним, ибо оба поэта были широко известны. Не говоря уже как о поэте, о страданиях несчастного Полежаева знал широкий круг людей.

И такое непосредственное обращение "И ты...", "ты мук своих не выразишь словами" дышит и участливым воспоминанием о близком человеке.

С Полежаевым Лермонтов лично не был знаком. Как поэт, Полежаев был близок Лермонтову по воздействию на политическое сознание его в университетские годы.

Строки "Ты не хотел насмешки выпить яд // С улыбкою притворной, как Сократ" загадочны вообще. Значение их в применении к Одоевскому и Полежаеву крайне неясны и кажутся неподходящими: причины страданий Полежаева были слишком глубоки и трагичны, чтобы сравнивать их с ядом насмешки. К кончине Одоевского эти слова совсем не подходят.

**...Ты умер, как и многие без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый.**

В поэзии Лермонтова все сравнения всегда вызываются конкретными поводами, хотя в некоторых случаях отдаленными. Они всегда очень сильны и выразительны.

Какой-то случай в жизни погибшего юного певца вызвал в Лермонтове представление о Сократе, хотя и в отрицательном смысле: "ты не хотел, как Сократ..." Но также возможно, что Лермонтов применил такое сильное сравнение с Сократом в трагический момент его жизни по поводу менее трагического случая, потому что был в то время под впечатлением от героев древности: в строфе III Лермонтов сравнивает себя с Демосфеном, в строфе XVI сравнивает свою тоску с тоской Саула, в XVI — Тирзу с Сусанной. В стихотворении "Опять народные витии", честь и славу России с триумфом Фабриция, в "Монго", близком к "Сашке" по времени написания, Лермонтов сравнивает себя и Монго с Коклесом.

**И не разгадан глупою толпою,
Ты умер чуждый жизни.**

Под "глупою толпою" Лермонтов всегда разумел светское окружение, которому чуждо все выходящее из ряда обыкновенного. И в "Памяти" Лермонтов спокойно говорит о забвении друга светом, как о будущем:

**... Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье...
Ты не служил ему, ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи...**

И к обоим поэтам неприменимы слова, что они были чужды жизни. Оба страдали именно за горячее участие в жизни. И сравнение их с забытым часовым бессменным тоже не соответствует известности обоих поэтов, тем более не подходит к Одоевскому, память о котором была так еще свежа.

**И все ль как прежде,
Ты любишь нас?**

По отношению к Одоевскому этот вопрос не подходит. В варианте "Памяти" Лермонтов писал:

Один лишь друг умел тебя понять...

Мог ли Лермонтов спрашивать Полежаева о любви к "нам"? Лермонтов в стихотворении, посвященном Московскому университету, вспоминал о Полежаеве и только несколькими

словами — "где цвел наш буйный Полежаев" — выразил сочувственное, признательное отношение к погибшему поэту. Вся передовая молодежь того времени могла назвать Полежаева "наш", так велико было его влияние. Если бы в "Сашке" в приведенных строках Лермонтов говорил о Полежаеве, он выразил бы память о нем не беглыми, а такими сильными стихами, которые навсегда слились бы с образом Полежаева, как теперь нельзя вспоминать об Одоевском помимо стихов Лермонтова, посвященных его памяти.

В приведенных строках из "Сашки" "И все ль, как прежде, ты любишь нас?" — обращение носит более личный, интимный характер, и относится к поэту неизвестному, юному — "чуждому жизни", мало себя проявившему, — забытому, "как часовой бессменный", но близкому и симпатичному Лермонтову. От всей строфы веет грустно-тихое чувство личного воспоминания.

* * *

Особенно значителен вопрос из приведенной строфы — вопрос "веруешь надежде?"

К памяти Одоевского Лермонтов не обратился бы с таким вопросом, он только что писал о нем:

**В могилу он унес летучий рой...
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений.**

Полежаев тоже задолго до смерти утратил надежду, — тяжесть этой утраты и сказывалась в его беспокойной, буйной жизни. Он сам писал о себе:

**Буйной жизнью убил
Я надежду свою.**

Лермонтов, как мы уже говорили, переживал утрату надежд крайне мучительно. Тоска, горечь, порожденные разбитыми надеждами, были преобладающим настроением Лермонтова в этот переходный период. Утрата надежд — сильнейший мотив, который определял и сокровенную внутреннюю жизнь, и творчество этого времени:

**В моей душе, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит, —**

писал Лермонтов в 1832 г.

Так тяжело переживая утрату надежд, Лермонтов, естественно, первое, о чем спрашивает тень погибшего поэта — верует ли он по-прежнему надежде?

И в следующей строфе, тесно связанной по внутреннему развитию с предыдущей, Лермонтов с задушевным чувством вспоминает всех, кто окружал его и умчавшегося поэта, так непосредственно обращается к ним:

**И вы, вы все, которым столько раз
Я подносил приятельскую чашу, —
Какая буря вдалеке умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один. Святой огонь погас
На алтаре моем. Желанье славы,
Как призрак, разлетелось...**

Все эти вопросы обращены к товарищам юности, о которых он ничего теперь не знает. Это воспоминание касается того периода жизни Лермонтова, когда "приятельская чаша" объединяла товарищеский кружок Лермонтова. Эти строки ни в каком случае не могут относиться к кружку "16". Он весь был в 1839 г. налицо и не приятельская чаша объединяла его.

Последние строки приведенного стиха — мотивы переходного времени. Мы видим из писем 1835 г., что Лермонтов, несмотря на внешне веселую, компанейскую жизнь, душевно был одинок, и жизнь казалась ему пустой, ничтожной, коль скоро "святой

огонь погас на алтаре" его. Мотив одиночества продолжает слышаться и в стихотворении 1836 года:

**"Никто моим словам не внемлет". Я один...
...и дни мои толпой**

**Разнообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!**

Желание славы у Лермонтова стало разлетаться еще в 1832 году, а в 1839 г. оно уже совсем не занимало его.

К какому же поэту направлена строфа СXXXVII?

С некоторой вероятностью можно предположить, что она относится к тому другу, которому посвящено надгробное задушевное стихотворение:

**В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал — и порой
Ревела осенняя вьюга,
Кругом кивера над могилой святой
Недвижно в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билось сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы все, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Унавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
Певец с голубыми очами,
Лишь крест деревянный себе заслужил
Да вечную память меж нами.**

Стихотворение это, несомненно, относится к юнкеру Егору Сиверсу, умершему 5 декабря 1833 года. В делах гвардейской школы, к сожалению, нет никаких данных о нем, кроме приказа по школе о приеме его в Уланский полк школы и о смерти и погребении его. Юнкер Сиверс был принят в школу немногим ранее Лермонтова. 14 сентября 1832 г. в Уланский полк. Фонд 321, дело № 7, стр. 170. Приказы по школе гвардейских прапорщиков и юнкеров...

На стр. 165 обор.

Декабря 6-го дня (1833 г.). Приказ по школе.

1-е "Умерший вчерашнего числа эскадрона гвардейских кавалерийских юнкеров Л-гв. Уланского полка юнкер Егор Сиверс выключается из списочного состояния".

Фонд № 321, опись № 1. Дело № 303 — Журнал исходящих бумаг на 1833 г. На стр. 350 обор.

Декабрь
день отпуска
7 № 805.

Содержание.

"Надпись адъютанта — в штаб отдельного гвардейского корпуса".

"Завтрашнего числа в 10-ть часов утра имеет быть погребение на Смоленском кладбище тела умершего в госпитале школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров Лейб-гвардии Уланского полка юнкера Егора Сиверса, для чего и наряжена по уставу команда от эскадрона юнкеров в числе унтер-офицеров — 3-х, труба — 1-го и кавалерийских юнкеров из рядовых 30-ти под командою Лейб-гвардии Уланского полка штаб-ротмистра Клерена.

О чем школа оному штабу донести честь имеет, присовокупляя к сему, что означенный юнкер Сиверс был болен желчною горячкою".

За время пребывания Лермонтова в гвардейской школе еще один юнкер умер в 1834 г. — Михаил Столыпин. Но к нему приведенное стихотворение не может относиться — он был юнкером Лейб-гвардии Конного полка и хоронили его 19 февраля, когда "осенней вьюги" не могло быть.

Есть в "Сашке" еще две строки в XXXI строфе, комментарии к которой подкрепляют предположение о написании поэмы весной 1835 года.

**Клянусь, иметь великий надо гений,
Чтоб разом сбросить цепь предубеждений,
Как сбросил бы я платье, если б вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.**

Как видно по таблице вскрытия Невы в труде Рыкачева "Вскрытие и замерзание вод Европейской России" 1886 г., стр. 171, вскрытие Невы в 1839 г. произошло 2-го мая нов. ст., в 1835 г. — 28 апреля нов. ст. Разница в днях небольшая, но по температуре ранняя весна 1835 г. была холоднее, чем весна 1839 г. Есть живое свидетельство об этом: Е.А. Сушкова в своих воспоминаниях пишет: "В этот год Святая была довольно поздно... (7 апр. ст. стилия. — М.Н.). В самый первый день Христова воскресенья была такая вьюга, такая метель, что десятки людей погибли на улицах, занесенных снегом". Записки Е.А. Сушковой, под редакцией Оксмана, изд. "Academia", 1928 г., стр. 213.

"Северная пчела" № 79. Пятница 12 апреля 1835 г. (ст. стилия — М.Н.). Смесь. Балаганы. "В первый день праздника балаганы совершенно походили на те, которые мы видели во время масленицы. "Те же строения, тот же глубокий снег, та же метелица и вьюга. Давно мы не помнили светлой недели, которая началась бы такою решительною зимою".

Северная пчела. № 81. Смесь. Понедельник 15 апреля 1835 г.: "... все ожидали, если не теплой и прекрасной, то, по крайней мере, не грязной и не холодной святой. Не тут-то было! Ночью с субботы на воскресенье пошел снег, поднялась вьюга, метель, как в половине зимы. Температура спустилась на 4° ниже нуля. Во весь первый день праздника метель продолжалась с прежнею силой...

...Многие делают визиты на санях... По погоде теперь хорошо бы справлять масленицу. (В самом деле, господа, кто нам мешают есть блины и кататься в санях и шубах...).

Северная пчела. № 95. Среда 1 мая 1835 г. Новости заграничные... Франция. Париж, 27 апреля. В "Memorial des Pyrenees" напечатано о морозе, наступившем в некоторых частях Франции, следующее: "По полученным нами известиям последний мороз причинил много вреда. Плодовые деревья и виноградники, в особенности в долинах, сильно пострадали: приблизительно можно положить, что департаменты, в коих занимаются возделыванием винограда, лишились половины урожая нынешнего года".

Как отозвался этот мороз на состоянии погоды в Неаполе, нет сведений, но, судя по сведениям с юга Италии, для обычных условий жизни Неаполитании был очень чувствителен.

Санкт-Петербургские ведомости. № 113. Среда 22 мая 1835 г. Иностранные известия. Италия. "В Сицилии все еще жалуются на холодную погоду, 24 апреля все горы в окрестностях Палермы были покрыты снегом, между тем, как долины у подошвы их цвели всею роскошью весны".

Все указанные соображения дают основание думать, что датой написания поэмы "Сашка" правильнее считать первую половину 1835 г. Есть косвенное указание на это современника Лермонтова. Можно предположить, что А.Н. Муравьев, рассказывая о своем знакомстве с Лермонтовым в начале 1835 г., имел ввиду именно

эту дату поэмы. Муравьев пишет: "Однажды его товарищ по школе гусар Цейдлер приносит мне тетрадку стихов неизвестного поэта и, не называя его имени, просит только сказать мое мнение о самих стихах. Это была первая поэма Лермонтова "Демон". Я был изумлен живостью рассказа и звучностью стихов и просил передать это неизвестному поэту. Тогда лишь, с его дозволения, решился он назвать мне Лермонтова, и когда гусарский юнкер надел эполеты, он не замедлил ко мне явиться. Таково было начало нашего знакомства. Лермонтов просиживал у меня по целым вечерам; живая и остроумная его беседа была увлекательна, анекдоты сыпались... Часто читал мне молодой гусар свои стихи, в которых отзывались пылкие страсти юношеского возраста, и я говорил ему: "Отчего не изберете более высокого предмета для столь блистательного таланта?" Пришло ему на мысль написать комедию в роде "Горе от ума", резкую критику на современные нравы".

Из этого воспоминания видно, что Лермонтов познакомился с Муравьевым в конце 1834 г. и часто бывал у него в начале 1835 г., до замысла "Маскарада". "Когда надел эполеты". Какие стихи мог читать тогда, по поводу которых Муравьев советовал ему избрать тему более высокую? Если Лермонтов не хотел являться к Муравьеву в юнкерском мундире, а непременно в офицерском, то тем более не захотел бы он показывать малознакомому писателю после "Демона" свои юнкерские поэмы. Этого просто и думать нельзя. А приносил он Муравьеву стихи все-таки написанные до "Маскарада", которого Лермонтов писал во 2-й половине 1835 г. Лирическое творчество Лермонтова на рубеже 2-го периода почти прервалось: он не писал стихов ни в 1834 г., ни в начале 1835 г. Это подтверждается самим поэтом в последних двух строках заключительной строфы поэмы "Сашка":

Есть всею граница —
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью — и... стихам,
Которые давно уж не звучали
И вдруг с пера бог знает как упали!..

В 1839 г. Лермонтов этого никак не мог бы сказать!

Заключение

Поэма "Сашка", поставленная в ряду других произведений Лермонтова 1839 года, вызывает грустное недоумение.

Лермонтов к 40-му году является уже вполне созревшим поэтом. Художественное творчество Лермонтова достигло такой совершенной формы и в поэзии и в прозе, что имя его ставилось рядом с величайшими поэтами Европы. "Герой нашего времени" Лермонтова дал направление русскому роману: с такой глубиной и тонкостью дал впервые историю сложной души человека. Независимость оригинального творчества определилась настолько, что рождался у современников вопрос — не пойдет ли он дальше Пушкина. А в поэме "Сашка" чувствуется влияние в содержании и форме частично Пушкина, частично Полежаева и в форме — Байрона.

Поэма же "Сашка", несмотря на изумительно блестящий стих, в художественном отношении и по беглости психологических характеристик во всем целом очень уступает другим произведениям поэта 1839 года.

Лермонтов в 1839 году вполне овладел объективным, реалистическим творчеством, так глубоко и широко отзывался на общественные вопросы своего времени, что дало поворот всей последующей художественной литературе. Белинский писал, что

Лермонтов в "Герое нашего времени" является решителем важных современных вопросов".

Поэма "Сашка" хоть и затрагивает широкий круг социальной жизни, но бегло, мимоходом.

Составляя сборник своих стихотворений в 1839 г., Лермонтов не внес в него много стихотворений, хотя они являются шедеврами в его поэзии, и не внес их только потому, что они очень субъективны.

"Сашка" крайне субъективна, не выдержана по стилю: колебания между романтизмом и реализмом очень сильны. Реализм описаний переходит в иных местах поэмы в натурализм, подчас ненужный, излишний.

Всякое талантливое лирическое произведение дает те или другие черты к внутреннему облику автора, особенно такая могучая лирика, как Лермонтова. И то представление о поэте, какое вызывает поэма "Сашка", не согласуется с тем представлением, какое сложилось о нем после всего написанного им до 1840 г.

Не мирится это представление и с тем представлением о Лермонтове последних годов, как о человеке, какое мы имеем о нем на основании свидетельств великих его современников — Белинского и Тургенева. "Натура начала устаиваться, орлиный взор стал всматриваться в глубь жизни, уже замышляя творения зрелые", — писал Белинский. И сам Лермонтов устами Печорина в 1839 г. выразил эту мысль в замечательном образе: "...многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов..." А автор поэмы "Сашка", применяя к Лермонтову его же сравнение в минуту ее создания, хотя и не водопад, но еще бурная река. Несмотря на скептицизм, отрицание, иронию и шутку, душа поэта вся во власти тревоги, смятения, непобедимой грусти, и бурность души поэта видна почти в каждой строке поэмы.

Представим себе образ Лермонтова, каким дает его Тургенев на новогоднем балу, когда поэт вспоминал "погибших лет святые звуки" и хотел в светскую толпу бросить "железный стих, облитый горечью и злостью". Впечатление рисует Лермонтова с внешней стороны: "В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое: какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз..."

Трудно этот образ отнести к автору строк: "Пою, смеюсь... пишу, что мыслю иль что придется..."

Что внесла поэма "Сашка" в богатейшее поэтическое наследие Лермонтова за 1839 год?

Эта поэма в ряду произведений его этого года является шагом назад.

Тогда как отнесенная на переходный период творчества Лермонтова, поэма "Сашка" приобретает совершенно иной характер и иное значение. То, что казалось в нем несоответствующим высоким достижениям Лермонтова в поэзии 1839 года, освещается иным светом.

Поэма "Сашка" — произведение не перевала в творчестве Лермонтова, с высоты которого он широко окинул взором жизнь, а перепутья, когда Лермонтов после напряженного героического романтизма в лирике и в разрешении глубоких социальных проблем в прозе ("Вадим") переходил к более трезвому, объективному отношению к жизни и искал другого пути в творчестве. Скептицизм и ирония — неизбежная стадия в этой эволюции. Вполне естественно, что после преобладающей сосредоточенности на "самопознании", отходя от субъективного к объективному миру хотя бы в таком охвате, как в "Маскараде",

Лермонтов окинул объективным взором сначала свою собственную жизнь и изобразил ее с таким беспристрастием в "Сашке". Творчество в этот критический момент неизбежно должно быть автобиографического характера. И так же естественно, что при направленности внимания поэта на героя поэмы широкий социальный и бытовой фон дается им в мимолетных картинах и беглых штрихах. Углубленная характеристика их не входила в задачи поэмы. Если же Лермонтов, хотя и мимоходом, дал на этом фоне картины жизни яркие и образные, то это потому, что Лермонтов, говоря словами Белинского, "не мог не наложить печати своего мощного таланта на всем, что он писал: так везде видны следы льва, где бы не прошел он".

Поэма "Сашка" уясняет начало перехода в творчестве Лермонтова от субъективного отношения к жизни к объективному. От "Сашки" Лермонтов переходит к повести "Я хочу рассказать вам..." Задача была поставлена более объективная, но и в этот отрывок, в самое начало его, естественно, по той же причине вошел автобиографический элемент — подробное описание детства Саши Арбенина. Непосредственная связь этих двух вещей видна и в идее замысла их: краткая формулировка подзаголовка "Сашки" — "Нравственная поэма" — полнее развита в отрывке: "Подробности моего рассказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вам, что в нем будет заключаться глубокий нравственный смысл, который не ускользнет ни от кого..."

Затем Лермонтов пишет драму "Маскарад", в которой поэт овладел объективным методом творчества. Еще в большей мере это объективное изображение жизни проявляется в романе "Княгиня Лиговская". В нем и автобиографический элемент утрачивает субъективный характер, и центральный герой — Печорин — стоит уже в отдаленном родстве с Сашкой.

Романтический стиль, который в такой большой доле сохраняется в "Сашке", тоже есть неизбежный результат колебания при переходе от одного стиля к другому. Это не есть нарочитая борьба с романтизмом, нарочитость — черта, не свойственная творчеству Лермонтова. Когда он определенно, ясно осознал жизненность реалистического стиля, он это формулировал точно и ясно в стихотворении, посвященном Карамзиной.

Также неизбежно, что в этот критический момент своего творческого пути Лермонтов был под воздействием поэтов, близких ему по переживаемому им душевному состоянию — прежде всего Пушкина, затем Байрона и отчасти Полежаева. Некоторую творческую связь с "Евгением Онегиным" и с "Домиком в Коломне" можно установить при сопоставлении с ними повествовательной части поэмы Лермонтова: так понятно, что Пушкин явился некоторой опорой для Лермонтова в этот переходный

момент для его творчества. В отступлениях же, в которых так сильно отражен внутренний мир его первого периода, Лермонтов в большой мере сохраняет романтический стиль, но зато поражает самобытностью и могучестью своей души. И в соотношениях отступлений и фабулы поэмы Лермонтов также оригинален и независим.

Поэма "Сашка", как стоящая на рубеже двух периодов в творчестве Лермонтова, проливает свет и на душевное состояние поэта в эти внешне блестящие, но внутренне тяжелые годы: многочисленные отступления ярко рисуют могучую бурную природу Лермонтова. Вопрос не только об упадке, но и о приостановке его внутреннего развития и творчества в это переходное время совершенно отпадает: в отступлениях виден сложный, глубоко переживаемый им душевный творческий кризис, в реалистической, блестящей по форме, хотя и легкой по содержанию повествовательной части видны элементы для могучего возрождения.

Даже натурализм в поэме, который является неприемлемым диссонансом в творчестве Лермонтова в 1839 г., проявившийся непосредственно после двух "страшных годов" юнкерской школы, не вызывает удивления. Скорее удивляет то, как слабо к душе Лермонтова пристала та нравственная грязь, которая проникла в атмосферу гвардейской школы.

Скептическое и даже ироническое отношение поэта к отступлениям к таким важнейшим вопросам его творчества, как о цели жизни, о значении поэта, в пору сомнений и горького смеха не могло быть другим. То, что Лермонтов высказал по этим вопросам в 1838 и 1839 годах, было бы непоследовательностью или неискренностью в 1835 году. Так что и в этих странных и непонятных с точки зрения зрелой поэзии Лермонтова отступлениях мы видим прямо, цельность натуры Лермонтова и его независимость в суждениях.

Внешняя форма поэмы блестяща: тонкая наблюдательность, острая пронизательность в отношении к явлениям жизни и необычайная точность в определении своих наблюдений. Поэма поражает играющим остроумием, метким и гибким стихом.

Итак, поэма говорит не только о богатстве и сложности душевной жизни Лермонтова в этот переходный момент, но и о бесконечно богатом разнообразии в проявлении поэтического дарования.

Невольно является предположение, что если бы Белинский знал поэму "Сашка", то он отнес бы ее, как и "Демона", "Боярина Оршу" и "Маскарад", к юношеским произведениям Лермонтова и также отметил бы в ней "великие начатки будущей колоссальной славы будущего великого поэта".

Примечания

¹Это, кажется, единственная ошибка, вкрапившаяся в переводы писем, объясняется тем, что в то время, когда переводы делались, было неправильное отношение к жизни Лермонтова периода гвардейской школы — слишком большое значение придавали ее влиянию на поэта, переводы сделаны очень хорошо, и потому понятно, что изданы по изданиям перепечатным.

²Эта строфа, полная трагических нот, написана в юнкерской тетради, следовательно, одновременно с предыдущей и указывает на начало того душевного процесса, о котором Лермонтов пишет в письме от 4-го августа 1833 года.

Текст статьи М.Ф. Николовой "Автобиографическое значение поэмы Лермонтова "Сашка" подготовлен по рукописям, предоставленным Пятигорским музеем-заповедником М.Ю. Лермонтова и кандидатом исторических наук В.А. Захаровым.
"Предисловие" П.А. Висковатого предоставлено В.А. Захаровым.

Из переписки М.Ф. Николевой

Письмо Л.П. Семенова М.Ф. Николевой

Глубокоуважаемая Маргарита Федоровна!

Возвращаю Вам одновременно с этим письмом рукопись статьи о "Сашке" Л-ва.

Общее мое впечатление таково. Статья очень содержательна и оригинальна. Вы над нею много поработали и недаром. Я согласен с Вами: это гениальное произведение, но не шедевр. "Сашку" нельзя, конечно, поставить в одном ряду с такими поэмами, как "Песня про купца Калашникова", "Мцыри", "Демон" (в последней редакции). Я тоже полагаю, что "Сашка" писался в первой половине 30-х годов.

К сожалению "беловой" оригинал пока не найден; текст, публикуемый ныне, состоит из каких-то "лоскутов"¹ и искажений. Многого остается неясным, в частности строфы, которые связаны с именами Полежаева и Одоевского: это "загадки", которые надо разгадать будущим лермонтоведам. В первой половине Вашу статью можно было бы сократить. На стр. 35 и 36 у Вас смерть Егора Сиверса датирована 1833 годом, а в новейшем акад. изд. соч. Лермонтова — 1835 годом (II, с. 326), Разъясните мне это недоумение. Ваша догадка о Сиверсе заслуживает внимания, но она требует документации. Например, был ли он действительно "поэтом"/ "певец с голубыми очами"? В "Сашке" (строфа 138) упоминается "певец". Нужны какие-то данные об этом поэте и о его дружбе с Л-вым.

По моему мнению, по стилю, по построению, по ряду отдельных мотивов к "Сашке" близко замечательное стихотворение "1831-го июня 11 дня". Это надо бы оттенить.

Обобщая свои краткие замечания, скажу также, что я согласен с основными положениями, высказанными в Вашем "заклучении" (стр. 40—46).

Желаю Вам здоровья, хорошего настроения, которое так необходимо для творческой работы.

С искренним приветом
Л. Семенов.

По недостатку времени не останавливаюсь на других вопросах. Может быть, что-нибудь новое появится в комментариях изд. соч. Л-ва, которое должно выйти под редакцией проф. Томашевского.

23-IV-57 г.

Текст письма предоставлен В.А. Захаровым.

Письмо И.Л. Андроникова М.Ф. Николевой

Вот несколько моих соображений по поводу Вашей статьи, дорогая Маргарита Федоровна! Перечитал и прихожу к заключению, что она проигрывает оттого, что несколько несобрана. Важные соображения о поэме, отразившей переход к новому

творческому этапу, перебиваются полемикой с частными доводами сторонников гипотезы 1839 года. Веские соображения о самой поэме используются для утверждения частной и гораздо менее существенной проблемы, имеющей чисто служебное значение — датировки. От большого и важного Вы постоянно переходите к мелочам — от кризиса — к погоде, от погоды — к проблеме патриотизма, от проблемы нравственности — к черновикам и к товарищам по юнкерской школе. Поэтому я думаю, что доводы следует строить от более частного к более общему: от датировки — к правильному истолкованию поэмы. Вот примерная схема:

1. У Эйхенбаума о свидетельстве Шан-Гирея не сказано ни слова. Между тем это являлось серьезным обоснованием прежних датировок поэмы. Висковатов датировал 1835—36 годом, Ефремов — 1833, Абрамович — 1836-ым.

2. Сказано у Эйхенбаума, что нахождение автографа в юнкерской тетради не вызывает никаких соображений относительно датировки. Это неверно. Вызывало и вызывает. Наоборот: никаких возражений против датировки временем пребывания в юнкерской школе редактор издания "Akademia" не приводит.

3. Датировка 1839 годом на основании климатологической справки опровергается Вашими гораздо более вескими и убедительными соображениями. Если бы Эйхенбаум опирался на свидетельство Шан-Гирея и — следовательно сравнивал бы 1839 год с 1835, а не с 1836-ым — его стройная, на первый взгляд, концепция тотчас разрушилась бы.

4. Отнесение поэмы к 1839 году на том основании, что строфы III, IV, CXXXVI — CXXXVII перенесены в стихотворение "Памяти Одоевского" в пользу Эйхенбаума ничего не говорит: известно, что целый ряд стихотворений поздних представляет собою переработку и дополнение ранних, известен целый ряд случаев переноса у Лермонтова целых кусков и отдельных строк из ранних произведений — в поздние.

Далее должны идти Ваши соображения почему это не может быть Одоевский и почему это Сиверс. Следует обоснование Вашего утверждения. Итак: Вы опровергли все доводы в пользу 1839 года.

Теперь развейте Ваши собственные в пользу 1835 года. Какие из них наиболее убедительны?

1. Можно ли допустить, что Лермонтов написал "Сашку" (например строфу XIV о соловье) после "Поэта", "Не верь себе" и т.д. Нет, нельзя этого допустить!

2. Можно ли допустить, что в 1839 году Лермонтов заявляет, что стихи его давно уж не звучали и вдруг с пера, бог знает, как упали?

Нет, не мог он сделать в 1839 году такого заявления!

3. Можно ли утверждать, что "Сашка", поставленный в 1839 год является шагом вперед в творчестве Лермонтова? "Мы считаем, — заявите Вы, — что этого нельзя утверждать: "Сашка" знаменует собой другой, более ранний период в творчестве Лермонтова".

Далее следует все, как у Вас, а именно:
Сопоставление с письмами текста поэмы.

Сравнение Лермонтова 1830–32 годов с Лермонтовым 1835 года. Выясните "кризис" ("прежде" и "ныне", "не тот уж, как бывало").

Далее следуют Ваши опровержения того, что сказала Гинзбург о поэме, отнеся ее к 1839 году и, наконец, Ваши остальные доводы (конспективно, конечно) в пользу того, что "Сашка" отражает кризис и переход к новому творческому этапу.

Я бы только воздержался от термина "кризис". Кризис — это перелом, от которого нет возврата к прежнему состоянию, отказ от прежнего. Лермонтов же не отказался от идейного направления, принятого им в юные годы, а только перешел к высшей, более действенной форме выражения этих идей. "Сашка" в свете этого — не болезнь, а признак роста, преодоление ограниченности субъективного взгляда на жизнь.

Вот и все мои пожелания и советы по Вашей статье, которую перечитав несколько раз нашел еще более серьезной и глубокой, чем я сказал Вам об этом лично.

Ваш Иракий Андроников

Тбилиси—Москва. 13 октября 1952 — 11 апреля 1953.

Рукопись рецензии И.Л. Андроникова предоставлена В.А. Захаровым.

Письмо С.А. Андреева-Кривича М.Ф. Николевой

М.Ф. Николева — К вопросу о датировке поэмы Лермонтова "Сашка", 77 стр.

В последние годы вопрос о датировке поэмы "Сашка" стал спорным. Поэма обычно датировалась 1836-м годом, Б.М. Эйхенбаум предложил иную дату — 1839-й год. Эта датировка противоречит ряду фактов, почему она не могла не вызвать возражений.

Значительную неопределенность в этот вопрос внесла сбивчивость позиции самого Эйхенбаума. Касаясь вопроса датировки "Сашки", Эйхенбаум пишет: "Поэма обычно датируется 1836 г., но есть основания думать, что она относится к 1839 г. (М.Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т. III, 1935, стр. 602). "Датировка "Сашки" не установлена, но надо думать, что она была написана в 1839 г.". (М.Ю. Лермонтов. Полное в собрание сочинений, т. II, 1947, стр. 504). Однако высказывая только лишь предположительное суждение о возможности отнесения "Сашки" к 1839 году, Эйхенбаум, публикуя собрания сочинений Лермонтова, помещает поэму среди произведений 1839 года.

Мы полагали, что существуют очень веские соображения в пользу ранней датировки этой поэмы.

В своей работе М.Ф. Николева оспаривает предположение Б.М. Эйхенбаума и относит "Сашку" к более раннему периоду. Опираясь на получившее распространение утверждение о том, что Лермонтов в период, следовавший за 1832-м годом вступил в полосу длительного идейно-психологического кризиса (См. по этому поводу журнал "Октябрь", 1937, № 10) Николева указывает, что в поэме "Сашка" отразились настроения этого кризисного периода; это и говорит в пользу отнесения поэмы к более раннему, чем 1839-й год, времени. К 1839 году кризис Лермонтовым давно изжит.

М.Ф. Николева затем указывает, что те настроения, которые отразились в "Сашке", чужды настроениям и идеям, отразившимся в ряде произведений 1839-го.

Наконец, в работе имеется прямое опровержение предположения о возможности отнесения поэмы к 1839 году. Свою точку

зрения Эйхенбаум аргументировал следующим образом. В "Сашке", в строфе XXXI есть такие строки:

Как сбросил бы я платье, если б вдруг

Из севера всевышний сделал юг:

Но ныне нас противное пугает:

Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

По полученной Эйхенбаумом справке в 1839-ом году была очень поздняя весна, в 1836-м же ранняя. Это обстоятельство и послужило для Эйхенбаума основным аргументом в пользу его утверждения. Однако поздняя весна была также в 1835-ом году, что Эйхенбауму осталось неизвестным. На это обстоятельство и указывает Николева. Отнесение "Сашки" к 1835-му году (при этом 1836-й год не исключается) не противоречит фактам биографии Лермонтова. Висковатов, основываясь на свидетельстве Шан-Гирея, относит поэму к концу 1835-го — началу 1836-го годов.

* * *

Соображения, выдвинутые в статье М.Ф. Николевой, мы считаем весьма серьезными и обоснованными. Но для того, чтобы работа смогла быть опубликована, она должна подвергнуться значительной обработке. Статья очень велика по объему, перегружена большим количеством ненужных материалов, в ней много фактических ошибок. Соображения автора, касающиеся непосредственно вопроса датировки "Сашки" могут быть изложены в гораздо более кратком виде, примерно на пятнадцати — двадцати (в настоящем виде размер статьи 77 страниц). Изложение следует начать с прямых аргументов, заставляющих отвергнуть 1839-й год и уже как подтверждение привести соображение о близости выразившихся в "Сашке" мотивов и настроений мотивам и настроениям периода идейно-психологического кризиса и о чуждости их периоду зрелого творчества. Необходимо тщательно просмотреть всю ту часть, в которой автор подвергает сопоставлению "Сашку" и стихотворение "Памяти А.И. Одоевского". В настоящем виде аргументация автора во многом неубедительна.

Укажу некоторые ошибки.

М.Ф. Николева утверждает, что мысль о происшедшей в нем перемене Лермонтов высказал впервые в письме к М.А. Лопухиной от 19 июня 1833-го года (стр. 9). Это ошибка.

Совершенно ясно Лермонтов говорит о происшедшей в нем перемене в одном из писем 1832 года (см. Полн. Собр. соч. Лермонтова, т. V, 1937, стр. 376). Лермонтов поступил в юнкерскую школу 8-го ноября 1832-го года, а не 12-го (стр. 9). Эйхенбаум передвигал дату написания поэмы не на пять лет (стр. 2), а на меньший срок. В издании 1947—1948 гг. Эйхенбаум вовсе не высказался более утвердительно за 1839-й год (стр. 2), чем в издании "Academia". Предположение о 1839-м годе было высказано Эйхенбаумом впервые не в издании 1935 г., оно имеется в одном томном собрании сочинений Лермонтова, выпущенном в 1931 году (стр. 775). На стр. 11 автор указывает на неточность перевода французского письма Лермонтова к М.А. Лопухиной от 19 июня 1833-го года и пишет, что эта ошибка, "кажется единственная", вкраившаяся в переводы лермонтовских писем. К сожалению, в переводах ошибок много и указанная М.Ф. Николевой — сравнительно незначительная неточность. На стр. 25 есть косвенное указание на то, что роман "Вадим" относится к 1832-му году. Этот роман датируется не только 1832-м, он писался и позже.

Кроме всего при переработке статьи необходимо упомянуть о предшествующем обсуждении вопроса.

После обработки статью М.Ф. Николевой следует опубликовать.

С. Андреев

Рукопись рецензии С.А. Андреева-Кривича предоставлена В.А. Захаровым.

Андрей Васильевич Попов

1900—1966

Андрей Васильевич Попов — известный лермонтовед, краевед, исследователь культурных и литературных связей России и народов Кавказа, профессор Ставропольского и одновременно Калмыцкого госпединститута, ректор Ставропольского краевого народного университета культуры, депутат Ставропольского городского Совета народных депутатов двух созывов, автор более 100 научных трудов, литературный и театальный критик, член Союза писателей СССР талантливый организатор, энтузиаст и веселый, открытый человек. А.В. Попов родился 1 сентября (по новому стилю) 1900 г. в Тифлисе в семье штурмана дальнего плавания. Здесь, в Грузии, он окончил частную русскую гимназию в 1920 году.

В этом же, 1920 году, Попов переехал в столицу Азербайджана Баку и поступил на службу артельным старостой на железной дороге. Молодой интеллигент из рабочих служил деловодом в военкомате, был заведующим школой первой ступени, учителем русского языка семилетней школы станции Хачмас. В 1928 г. работал заведующим библиотечной базой. Активно публиковался. В 1921 г. А.В. Попов стал делегатом II пленума Азербайджанской ассоциации пролетарских писателей и заместителем ответственного секретаря русской секции.

В 1932 г. поступил в Азербайджанский государственный заочный пединститут на отделение русского языка и литературы. По окончании его в 1936 г. он был оставлен на кафедре литературы старшим преподавателем.

В 1939—1940 учебном году он декан факультета и одновременно, вплоть до ноября 1941 г., когда институт слился с Азербайджанским государственным университетом, заведующий кафедрой литературы. Кандидатская диссертация была защищена им 3 марта 1942 года. С ноября этого же года он уже доцент университета.

Во время Великой Отечественной войны А.В. Попов не только издает свои научные и методические труды, руководит исследованиями аспирантов, но и много работает в качестве лектора в солдатской и офицерской аудиториях, читает лекции в Каспийском высшем военно-морском училище. Летом 1942 г. он участвует в строительстве оборонительных укреплений на дальних подступах к Баку. Вероятно, за это указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г. Попов награжден медалью "За оборону Кавказа".

15 августа 1945 г. Попов получает пропуск на проезд от Баку до Ставрополя, а уже с 31 августа его приняли на должность доцента кафедры литературы Ставропольского государственного педагогического института. В августе 1946 г. Попов был награжден медалью "За трудовое отличие", с марта 1948 г. заведовал кафедрой литературы СГПИ, был деканом филологического факультета.

Смысл жизни Андрея Васильевича Попова составляла наука. В автобиографии он так обозначил круг своих научных интересов: "С 1936 г. моя научно-исследовательская работа развивалась в трех направлениях: русско-кавказские литературные связи, декабристы-литераторы, творчество Лермонтова. Не чужды мне и вопросы советской литературы". А.В. Попов пишет работы об А. Фете и Л. Толстом, о Т. Шевченко и Д. Фурманове, о Н. Языкове и Н. Островском, о В. Белинском и А. Пушкине, о писателях Северного Кавказа. Андрей Васильевич Попов ввел в научный оборот ученых-кавказоведов, сведения, связанные с жизнью и творчеством Грибоедова, Катенина, Бакиханова, Кюхельбекера, Одоевского, Вельяминова, Паскевича, Огарева, сподвижника Суворова — Загорецкого.

И все же главной научной страстью А.В. Попова был М.Ю. Лермонтов. 30 лет ученый отдал изучению жизни и творчества поэта. Многие работы, публиковавшиеся в Ставрополе (из них 5 книг), легли в основу докторской диссертации "М.Ю. Лермонтов на Кавказе".

Всего перу Андрея Васильевича Попова принадлежит шесть крупных работ, упомянутых им в списке научных трудов на 1 января 1966 г.: 5 книг о Лермонтове, монография "Декабристы-литераторы на Кавказе" (1963), напечатанные Ставропольским книжным издательством. Умер А.В. Попов в 1966 году.

О.К. Страшкова

Краткая библиография

- Попов А.В. Лермонтов и Кавказ // Лит. Азербайджан. — Баку, 1939. — № 1. — С. 69—72.
Попов А.В. М.Ю. Лермонтов в первой ссылке // Труды Ставроп. пед. ин-та. — Ставрополь, 1949. — Вып. 3. — С. 6—112.
Попов А.В. Дело о погребении наповал убитого пулей поручика Лермонтова. // Ставроп. альманах, 1951. — № 7. — С. 194—197.
Попов А.В. М.Ю. Лермонтов в команде Руфина Дорохова. // Учен. зап. Ставроп. пед. ин-та, 1951. — Т. 7. — С. 167—179.
Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1954.

Попов А.В. Дуэль и смерть Лермонтова. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1959.
Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1963.

Попов А.В. Последние стихотворения Лермонтова. Из творческой истории. // Ставрополь, 1964. — № 2. — С. 61—64.

Попов А.В. Поэма М.Ю. Лермонтова "Хаджи Абрек" // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1964. — Вып. II. — С. 235—245.

Попов А.В. Сказка "Ашик-Кериб" и ее источники // Изв. АН СССР. Серия лит. и язык, 1964. — Вып. 5. — С. 423—424.

Л.Н. Кочкарева

1954

Лермонтов на Кавказе

"Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, пораженной лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтической души. Кавказ был колыбелью его поэзии, так же как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно-величавой природы, как Лермонтов..."

В.Г. Белинский

Первые поездки на Кавказ

Кавказ и кавказцы в жизни и творчестве молодого Лермонтова

"С лёгкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существующее родство России с этим краем... и Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина, сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова". Так писал сто с лишним лет назад великий русский критик В.Г. Белинский. Идейный предшественник русской социал-демократии не ошибся — Кавказ действительно является колыбелью бессмертной поэзии Лермонтова.

Пушкин, по-видимому, слышавший ещё в тенистых садах лица увлекательные рассказы о "Кавказа гордых сынах" из уст офицера лейб-гвардии Гусарского полка Александра Чавчавадзе (известного грузинского поэта — отца Нины Чавчавадзе, ставшей впоследствии женой бессмертного Грибоедова), впервые посетил Кавказ на двадцать втором году жизни.

Лермонтов с самого раннего детства знакомится с чудесным поэтическим краем. Впервые бабушка поэта Елизавета Алексеевна Арсеньева возила внука на Кавказ в 1818 году. В альбоме матери поэта Марии Михайловны Лермонтовой имеется стихотворение Павла Ивановича Петрова, служившего в то время на Кавказе командиром Моздокского казачьего полка, женатого на племяннице Е.А. Арсеньевой Анне Акимовне Хастатовой и обращённое к Елизавете Алексеевне.

Когда — быть может — в час досуга
Меня вы вспомнить захотите;
Когда — быть, может — имя друга
Вы с именем брата съедините,
Тогда-то я могу сказать —
Мне больше нечего желать.

Под этим стихотворением отмечено время и место встречи П.И. Петрова с Е.А. Арсеньевой: "1818, июля 30. Шелкозаводск". Следовательно, лето 1818 года будущий поэт провёл в имении родной сестры своей бабушки Екатерины Алексеевны Хастатовой — Шелкозаводске, недалеко от Терека, близ Хасавюрта. Шелкозаводск иначе называли "земным раем".

Два года спустя Лермонтов с бабушкой снова был на Кавказе. В том же альбоме матери поэта записано двестише, посвящённое дядею поэта Александром Алексеевичем Столыпиным Е.А. Арсеньевой, выражающее отношение к ней дворянского общества.

Ты добра, мила, скромна;
Ты для дружбы создана.

Под двестишем имеется запись, определяющая место и дату встречи Столыпина с Арсеньевой: "Кислые воды 1820-го, августа 1-го..."¹

Особенно сильное впечатление произвела на Лермонтова третья поездка на Кавказ, совершённая после тяжёлой болезни. В отрывке из неоконченной повести о Саше Арбенине, носящей, по мнению проф. Н.Л. Бродского, ярко выраженный автобиографический характер, Лермонтов так характеризовал своё душевное состояние в это время:

"Болезнь... имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишённый возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он искал их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Недаром учат детей, что с огнём играть не должно. Но увы! Никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он обхватил всё существо бедного ребёнка. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привык побеждать страдания тела, увлекаясь грёзами души".

Поездка была долгой и утомительной. Кроме Миши с бабушкой, на Кавказ отправились кузины мальчика Марья, Агафья и Александра Столыпина и его двоюродный брат Миша Погужин-Отрошкевич, доктор Ансельм Левиз, француз-гувернёр Иван Капе, бонна Христина Ремер и большое количество крепостной дворни.

Ехали "на долгих". Медленно катились тяжёлые экипажи. Из окна кареты Лермонтов видел необозримые равнины, бедные деревни, жадно наблюдал картины народной жизни. Миновали цветущие южные степи, путешественники прибыли в Ставрополь.

"Ставрополь построен на высокой горе, — так описывал Ставрополь в своих дорожных записках путешественник, посетивший город в двадцатых годах прошлого столетия. Все лучшие здания казённые и частные находятся на вершине го-

ры, а худшие — на скате оной. Улицы вообще неправильны. Дома большей частью деревянные, выбеленные, весьма не многие построены из тёсаного камня, добываемого близ города. Они большей частью с крытыми галереями, обращёнными на двор. Гостиный двор довольно тесен, а потому строится новый довольно обширный. Купцы, торгующие в гостином дворе, почти все армяне, русских весьма немного. Против дома, занимаемого градской полицией, видел я калмыцкую кибитку, обитатели которой находятся по какому-то делу под следствием. Простой народ в Ставрополе и вообще в Кавказской области носит черкесское платье. В окрестностях Ставрополя находятся аулы мирных черкесов, переселённых сюда по разорении их закубанских скалей. От Ставрополя едущим в Грузию даётся казачий конвой или по крайней мере открытый лист на право требовать оный. Впрочем, дорога отсюда довольно безопасна, а сверх того, находящиеся от Ставрополя до Екатеринограда казачьи пикеты некоторым образом обеспечивают путешественников".²

В ожидании "оказии" Миша с кузинами и двоюродным братом под наблюдением гувернёра и бонны гуляли по городу, наблюдая на его улицах и площадях пёструю, многонациональную толпу, новый быт, так не похожий на тархановское или чембарское спокойное, безмятежное существование. В ясное утро в Ставрополе Лермонтов впервые увидел на горизонте величественную громаду двуглавого Эльбруса, прозванного Шаг-Горою.

Наконец собралась "оказия". Под охраной казачьего конвоя с маленькой, но "настоящею" пушкой путники отправились из Ставрополя на Горячие Воды. Вскоре очарованным глазам юного Лермонтова предстала могучая цепь снеговых Кавказских гор. Путешествие было кончено, Лермонтов и его спутники достигли места назначения.

Вид Горячеводска (так назывался в то время нынешний Пятигорск), как его описывает побывавший в 1823 году на Кавказе М.И. Глинка, "в то время был совершенно дикий, но величественный; домов было мало, церквей, садов вовсе не было; но так как и теперь — тянулся величественный хребет Кавказских гор, покрытых снегом, так же на равнине извивался ленточкой Подкумок, и орлы во множестве ширяли по ясному небу".³

Арсеньева с роднёй поселилась у своей сестры Е.А. Хастатовой, каждое лето приезжавшей на Горячие Воды из Шелкозаводска. Как сообщала Н.В. Капиева в газете "Ставропольская правда" (14 ноября 1945 года), "усадьба Хастатовых находилась у самого подножья Машука, близ Елизаветинского "кислосерного" источника, где собиралось по утрам всё "водяное" общество... Интересно и необыкновенно было всё вообще вокруг. И беседы о Кавказской войне, — их вели боевые офицеры, бывавшие в доме Хастатовой, сослуживцы её мужа, — и "мирные" горцы, приезжавшие в город, — их Лермонтов рассматривал вплотную, любясь втихомолку их оружием, одеждой, молодецкой посадкой на коне... — и подъёмы на вершину Машука, откуда видны были на много десятков вёрст кругом горы, горы и вокруг туманные синие дали..."⁴

Особенно сильное впечатление на юного Лермонтова произвели рассказы генеральши Хастатовой о суровой и трудной Кавказской войне. Эта мужественная женщина, получившая прозвище "авангардной помещицы", храбростью своею снискала себе известность даже на Кавказе, где храбростью удивить было нелегко. Она великолепно знала жизнь и обычаи кавказских горцев. Как зачарованный слушал её рассказы будущий поэт.

По воспоминаниям современников, на всех возвышенностях, окружавших Горячие Воды, стояли казачьи пикеты. Один из таких пикетов находился над усадьбой Хастатовой, там, где теперь стоит беседка "Эолова арфа".

Маяк блещит, и сторож бродит;

В окрестность быстрым оком смотрит

И на плече ружьё несёт.

Лишь только слышно: кто идёт,

Лишь громко слушай раздаётся... —

вспоминал Лермонтов три года спустя в своей поэме "Черкесы".

15 июля 1825 года Лермонтов вместе со своими родными и родственниками присутствовал в Аджи-Ауле на горском народном празднике байрама. Яркое описание этого праздника дал его очевидец П.П. Свинын. "Приближаясь к Аджиеву аулу, — пишет П.П. Свинын, — я невольно был изумлён картиною, представившейся моим взорам: прелестная долина, растилающаяся под навесом грозной Бештовой горы, покрыта была толпами самыми пёстрыми, противоположными. Русские дамы в нарядах, дышащих Парижем, стояли вместе с черкешенками... Группы военных офицеров сливались с разнообразными костюмами столичных и провинциальных щеголей; там казаки, черкесы, ногайцы рыскали на борзых конях своих; наконец, толпа песельников и музыкантов, расположенных по сторонам раскинутых палаток, — всё вместе представило весьма занимательное зрелище".

Картины байрама глубоко запали в душу будущего поэта. Он поэтически воспроизвёл впоследствии этот горский народный праздник в поэме "Измаил-бей":

...Начался байрам.

Везде веселье, ликованья...

Уж скачка кончена давно;

Стрельба затихнула: — темно.

В 1825 году на праздник байрама в Аджи-Аул был приглашён прославленный Султан-Керим-Гирей, гордость горцев, первый "трубадур" Закубани. Сидя на низеньком диване под навесом палатки, Керим-Гирей пел народные черкесские песни под аккомпанемент пшинедук-ако (род трёхструнной арфы). "С каким удивлением, благоговением слушали горцы своего барда! — восклицал Свинын и продолжал: — Картина сия, поистине, достойна была кисти искусного художника; равномерно не менее живописно было б представить высокого мужчину средних лет, значительной наружности, великолепно одетого в шёлковое полукафтанье... вооружённого богатыми пистолетами, шашками и кинжалом, — с арфою в руках!.. Сговорчивый Султан сыграл нам и пропел ораду — любовную песню, потом пишнаглю — военную, и, наконец, г а б з ы — элегию или плач, поющийя ближайшими родственниками умершего воина, при чём восхваляются его подвиги и достоинства".⁵

Благородный образ народного певца произвёл на Лермонтова неизгладимое впечатление. В поэме "Измаил-бей" Лермонтов увековечил самобытное искусство любимого народом Керим-Гирея.

Вокруг огня, певцу внимая,

Стопнулась юность удаля,

И старики седые в ряд

С неммым вниманием стоят.

На сером камне, безоружен,

Сидит неведомый пришлец.

Наряд войны ему не нужен;

Он горд и беден — он певец!

Дитя степей, любимец неба,

Без злата он, но не без хлеба. —

Вот начинает: три струны

**Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины...**

Проявляя самый живой и непосредственный интерес к кавказским горцам, Лермонтов, несомненно, встречался и беседовал с замечательным сыном кабардинского народа Шорой Бекмурзиным Ногмовым.

Побывавший в 1824—1825 годах на Горячих Водах С. Д. Нечаев в своих путевых записках утверждает, что Шора был известен всем приезжим. "Одарённый счастливыми способностями, сей молодой человек успел выучиться... пяти языкам, кроме природного" (т.е. кабардинского): арабскому, татарскому (так тогда называли азербайджанский язык), абазинскому, черкесскому и русскому. Уже тогда Шора Бекмурзин Ногмов переводил на русский язык произведения кабардинского устного народного творчества и знакомил с этими переводами лиц, интересовавшихся ими. "В стихотворениях кабардинских, древних и новых, — пишет Нечаев, — не нашёл я правильного размера, но везде богатую рифму по образу арабских или персидских. Из перевода Шоры, за точность которого он сам отвечать не мог, замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах и тому подобное".

Шора обратил внимание юного Лермонтова на значение на Кавказе азербайджанского языка, "который... в таком всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский в Европе".⁶ Как известно, двенадцать лет спустя в письме к своему другу С. А. Раевскому Лермонтов, сообщая о том, что "он начал учиться по-татарски", повторил слова Ногмова о том, что язык этот на Кавказе "и вообще в Азии необходим, как французский в Европе". Этот факт убедительно подтверждает положение известного лермонтоведа С. А. Андреева-Кривича о том, "что Лермонтову бесспорно был известен Шора, так как нельзя предположить, что известный всем приехавшим на воды в 1825 году Шора остался не известен Лермонтову, проявлявшему такое любопытство ко всему, что касалось Кавказа и "черкесов".

Но Шора Ногмов, пользовавшийся такой известностью на Горячих Водах в 1825 году, больше чем где бы то ни было должен был быть известен среди лиц, окружавших Лермонтова. В Хастатовском доме собиралось очень большое количество людей, чрезвычайно тесно связанных с Кавказом, постоянно там живших.⁷

Здесь, на Горячих Водах, летом 1825 года Лермонтов пережил первую детскую влюблённость. "Кто мне поверит, — писал Лермонтов в 1830 году, — что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я её видел там. Я не помню, хороша собой была она или нет. Но её образ и теперь ещё хранится в голове моей; он мне любезен сам не знаю почему. — Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чём ещё не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь; с тех пор я ещё не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице: я плакал потихоньку без причины, желал её видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату. Я не хотел говорить об ней и убежал слыша её название (теперь я забыл его),

как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу, не поверят её существованию — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринуждённости — нет: с тех пор я ничего подобного не видел, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. — Горы Кавказские для меня священны... И так рано! в 10 лет! о, это загадка, этот потерянный рай до могилы будет терзать мой ум!.. Иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью, но чаще — плакать".

Кто была эта девочка? Пятигорские старожилы рассказывают, что дочь близкого друга и родственника Лермонтова — Акима Павловича Шан-Гирея — Евгения Акимовна Шан-Гирей, долго жившая в Пятигорске и скончавшаяся здесь в 1943 году, считала, что это была её мать — Эмилия Александровна, до замужества — Клингенберг, впоследствии ставшая свидетельницей последних дней жизни Лермонтова и его ссоры с Мартыновым. Евгения Акимовна вспоминала, что мать её рассказывала, как в детстве её водили в дом Хастатовых, где она играла с девочками, а мальчик вбежал в комнату, конфузился и убежал. Девочки называли его "Мишель". Эмилии Александровне, по словам её дочери, в 1825 году было 9 лет.

Быстро пролетели яркие, незабываемые дни этого удивительного, ослепительного лета. Кавказ и кавказцы прочно, навсегда вошли в сознание Лермонтова.

Первые свои поэтические опыты: поэмы "Черкесы" и "Кавказский пленник" — юный поэт посвящает Кавказу. В этих своих произведениях, скорее даже ученических упражнениях, молодой поэт находится ещё в плену романтических литературных традиций и, в особенности, у пленительной музыки Пушкина. Как Пушкин в эпилоге "Кавказского пленника" с патриотической гордостью воспевал покорителей Кавказа: Цицианова, Котляревского и Ермолова, так и Лермонтов прославляет

**Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих брегах.**

В 1830 году, вспоминая подробности своего пребывания на Кавказе, Лермонтов заносит в свою тетрадь красноречивую строчку: "Горы Кавказские для меня священны" и обращается к этим горам с трогательным приветом:

"Синие горы Кавказа, приветствую вас. Вы взлелеяли детство моё, вы носили меня на своих одичалых хребтах; облаками меня одедали; вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю о вас, да о небе..."

Как я любил твои бури, Кавказ, — признаётся он дальше, — те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущельи; и путь неизвестный над пропастью, где, покрывался пеной, бежит безыменная речка; выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... Всё, всё в этом крае прекрасно..."

В этом же году Лермонтов конкретизирует своё отношение к Кавказу в стихотворении, которое до сих пор незаслуженно обходится исследователями его творчества:

**Кавказ! далёкая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..**

**Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Улышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет, прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество своё:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для неё.**

Какое подлинное, глубоко человеческое, идущее от самого сердца сочувствие к Кавказу, к этому вольнолюбивому краю, к жилищу вольности простой и к его обитателям звучит в этих взволнованных, прочувствованных строчках! Какая глубокая скорбь по поводу того, что "свободе прежде милый край приметно гибнет для неё!" Вот чем дорог был Лермонтову Кавказ — своей свободой, той свободой, отсутствие которой у себя на родине после разгрома декабристов должен был остро ощущать юноша-поэт.

Через два года в зрелой уже поэме "Измаил-бей" поэт даёт истинно поэтическое описание любимого края:

**Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили,
И долго мне мечталось с этих пор
Всё небо юга и утёсы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синезя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся как тени,
Как над главой огромных привидений
Колелемые перья, — и луна
По синим сводам странствует одна.**

В этом подлинно поэтическом обращении поэта чувствуется не только мастерство художника, но и глубокое проникновение поэта в красоты седого Кавказа, этого прекрасного сурового края свободы, то проникновение, которое так поражает нас и которое заставило известного немецкого исследователя литературы и переводчика Фридриха Боденштедта (побывавшего на Кавказе) впоследствии утверждать, что "Лермонтов решил трудную задачу — удовлетворить в одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисует ли он перед нами исполчинские горы многовершинного Кавказа, где взор, поднимаясь кверху, теряется в снежных облаках и, опускаясь вниз, тонет в бездне; иль горный поток, клубящийся над утёсом, на котором страшно стоять дикой козе, то светло ниспадающий "как согнутое стекло" в пропасть, где сливается с новыми ручьями и вновь выходит на свет; описывает ли он нам горные аулы и леса Дагестана или испещрённые цветами долины Грузии; указывает на облака, бегущие "степью лазурною, цепью жемчужною", воспекает ли он священную тишину лесов или буйный гром битв — он всегда и во всём остаётся верен природе до мельчайших подробностей. Все эти картины встают перед нами в жизненно ясных образах, и в то же время от них веет какою-то таинственной поэтической прелестью, как будто действительным благоуханием и свежестью этих гор, цветов, лугов и лесов".⁸

Однако поэма "Измаил-бей" замечательна не только своими великолепными описаниями природы Кавказа, в поэме Лермонтова нас поражает реальный кавказский материал. Как это неоспоримо установлено С.А. Андреевым-Кривичем в результате тщательного сопоставления событий, о которых рассказывает Лермонтов в своей поэме, с данными, сообщаемыми истори-

ками кавказских войн и поисков соответствующих материалов, в "Измаил-бее" речь идёт об исторических событиях и лицах.

Измаил-бей — не выдуманная фигура. Это — Измаил-бей Атажукин, в прошлом офицер русской службы, суворовский герой. Вместе с родственниками Лермонтова Николаем Дмитриевичем и Василием Дмитриевичем Арсеньевыми и Акимом Васильевичем Хастатовым (мужем "авангардной помещицы" Е.А. Хастатовой) Измаил-бей Атажукин участвовал в штурме турецкой твердыни Измаил в войну 1787—1791 годов и по представлению Суворова был награждён орденом Георгия 4-ой степени. Измаил-бей был одним из главарей восстания в Кабарде в начале XIX века, после прощения вернулся в Кабарду. С 1810 года находился в тесных связях с горцами, возбуждая недовольство в умах кабардинцев. После второго восстания в 20-х годах подвергся ссылке в Екатеринослав. Как справедливо отмечают А.С. Кабанов и И.В. Тресков, "деятельность Измаил-бея в Кабарде носила противоречивый характер. Там, где он выступал за установление дружеских связей с Россией и старался устранить причины, мешавшие наладить эти связи, деятельность его являлась прогрессивной; там, где он выступал на стороне феодалов, она носила характер реакционный. Классовые интересы феодала, от которых Измаил-бей не мог отрешиться, не дали ему возможности последовательно поддерживать общенародные интересы дружбы с Россией и привели к моральной раздвоенности и одиночеству, которое так великолепно передано Лермонтовым в его поэме".⁹

Прототипом лермонтовского "коварного" Рослаббека был Рослаббек Мисостов. С.А. Андреевым-Кривичем собрано большое количество документальных данных, свидетельствующих о правильности его изображения в поэме как руководителя борьбы "черкесов", не оставившегося в ведении военных действий перед хитростью и коварством".

Коварный Бей-Булат, убийца, преследовавший отца Измаил-бея, тоже историческое лицо. Как установлено Л.П. Семёновым, это Бей-Булат Таймазов — известный чеченский наездник и военный руководитель, пользовавшийся "громким влиянием на чеченские народные массы. С ним считались крупнейшие русские военные деятели, выражая ему своё почтение, пытались склонить его на свою сторону". Пушкин, лично встречавший Бей-Булата, писал о нём в "Путешествии в Арзрум": "Славный Бей-Булат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений".

Как сообщает тот же Л.П. Семёнов, образ Зары, девушки-воина, участвовавшей в боях в отряде Измаил-бея, исторически правдоподобен: горянки бились с врагом рука об руку со своими отцами и мужьями. В 1842 году, — пишет Л.П. Семёнов, — ссылаясь на статью Е.Г. Вейденбаума в иллюстрированном приложении к "Тифлисскому листку", — в числе пленных, близ селения Большой Яндырки, с партией горцев была взята девушка, одетая в мужской костюм. Оказалось, что она уже более десяти лет участвовала в военных делах. Её в национальном воинском платье возили на показ Николаю I. Затем она была отправлена в крепость Грозную, где жила в большой нужде".¹⁰

С.А. Андреев-Кривич утверждает, "что Лермонтов был окружён людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Измаил-бея Атажукина, что они имели возможность сообщить поэту, так живо заинтересовавшемуся романтической личностью этого героя измаильского штурма, такие факты, которые не получали широкой огласки... Измаил-бей, безусловно, знали люди, связанные с родственным кругом поэта".

Всё это неоспоримо. Однако ни С.А. Андреев-Кривич и никто из исследователей творчества Лермонтова не обратили внима-

ния на кавказское окружение Лермонтова в Московском университете. Одновременно с Лермонтовым поступили на словесное отделение Московского университета кавказцы: Атарбеков Григорий, Ваграмов Григорий, Вартанов Вартан, Ломидзе Мельком, Хазисов Иван и Ходжаев Адам. К этому времени в университете учились кавказцы: Еринцев Григорий, Кистов Рафаил, Тигранов Сергей и Ходжаев Исаак. На втором году обучения Лермонтова в университете на словесное отделение поступили кавказцы: Едильханов Никита, Каланатаров Никита, Ирицпухов Гавриил и Черкезов Иосиф.¹¹ Трудно поверить, чтобы Лермонтов при его постоянном и настойчивом интересе к Кавказу и кавказцам не встречался и не дружил со студентами-кавказцами. Беседы с ними во время работы Лермонтова над кавказскими поэмами "Каллы", "Аул Бастунджи" и "Измаил-бей", написанными в университете, были необходимы молодому поэту как воздух. Они давали ему тот свежий конкретный материал, который так поражает исследователей творчества Лермонтова.

Особенно полезен Лермонтову во время работы его над "Измаил-беем" был Гавриил Ирицпухов — сын моздокского уроженца, поступивший в университет в 1831 году. Из того, что он знал от своих родителей, Ирицпухов мог много рассказать Лермонтову об Измаил-бее Атажукине, который одно время жил в Моздоке. Именно здесь, в Моздоке, с ним (т.е. с Измаил-беем) познакомился в 1810 году один иностранный путешественник, сообщивший, что Измаил-бей — "полковник в российской службе, кавалер георгиевского ордена и получает пенсию. Привязанность его к своему отечеству, в котором он ещё имеет владения, кажется, нимало не изменилась в течение долговременного отсутствия; он состоит ещё в тесном с оным сообщении: жена и сын живут там... Он говорит по-русски и по-французски, ростом высок, красив собой и обходится как образованный светский человек".¹² Кавказское окружение Лермонтова в Московском университете ни в коем случае нельзя игнорировать при изучении юношеских кавказских поэм Лермонтова.

Эта трезвая и сильная любовь к Кавказу сказалась с большой силой и в первом появившемся в печати в 1835 году произведении поэта "Хаджи-Абрек". Как известно, поэма "Хаджи-Абрек" была написана Лермонтовым в стенах школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1833—1834 годах. И эта поэма Лермонтова поражает своим реализмом, глубоким знанием жизни народов Кавказа. В основу "Хаджи-Абрека" так же, как и в основу "Измаил-бея", положено истинное происшествие. Аул Джемат, воспетый Лермонтовым в звучных, чеканных стихах, находился в Теберде, у крутого ущелья быстрой горной реки Джемаат. Этот аул, о котором Лермонтов писал:

Велик, богат аул Джемат.

Он никому не платит дани;

Его стена — ручной булат,

Его мечеть — на поле брани,

Его свободные сыны

В огнях войны закалены;

Дела их громки по Кавказу,

В народах дальних и чужих... —

был населён абреками из воинственного племени цебельдинцев, живших по ту сторону Кавказских гор и до 60-х годов прошлого столетия упорно сопротивлявшихся русским. Во второй половине прошлого столетия, как об этом свидетельствуют народные предания, аул посетил мор и унёс большую часть жителей. Один из исследователей Северного Кавказа А.Н. Дьячков-Тарасов в 1898 г. за рекой Джемаатом обнаружил обширное кладбище, огороженное из чувства благочестия горцами; версты на полторы

он, по его словам, видел кучи камней, остатки древних саклей. Горцы показали ему далее две гробницы. "Это сыновья князя джематского Чепелю Урусбиева — Эль-Мирза и Алхаз; знаменитые джигиты были, — говорили они. — А отец их старый князь Урусбиев был самый умный, самый храбрый джигит. Когда его сыновья умерли от страшных болезней, старый князь бросил это место и пошёл под Эльбрус, где и поселился в теперешнем Урусбиевском ауле". Баталпашинский старожил полковник Кузовлев рассказывал А.Н. Дьячкову-Тарасову, что Урусбиевы посещали русский лагерь и что Лермонтов, живший в Пятигорске, мог слышать и от них кровавый сюжет своей поэмы...¹³

Кровавую историю Хаджи-Абрека и Бей-Булата Лермонтов мог также слышать от юнкеров школы — кавказцев, сыновей Шамхала Тарковского — Шах-Вали и Мехти Ассан-Хана. Оба они поступили в школу в августе 1831 года в один день с А.И. Бяратинским, товарищем Лермонтова по школе, и были на выпуск старше Лермонтова.¹⁴ С Мехти Ассан-Ханом у Лермонтова было много общего, оба они числились юнкерами лейб-гвардии Гусарского полка и оба они были по окончании школы произведены в корнеты того же полка: Мехти Ассан-Хан — 8 ноября 1833 года, Лермонтов — 22 ноября 1834 года. 15 Мехти Ассан-Хан служил в одном полку с Лермонтовым до 1835 года, когда состоялось распоряжение Николая I ежегодно откомандировывать по одному офицеру от каждого гвардейского полка или отдельной части различных родов оружия в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса с тем, чтобы он по своему усмотрению назначал прибывших к нему офицеров в различные отряды, действовавшие против неприятеля. Мехти Ассан-Хан одним из первых отправился на Кавказ, где принимал участие в экспедициях до 1838 года.

Шах-Вали, выпущенный в 1838 году в лейб-кирасирский полк, впоследствии был переведён на Кавказ, где оказывал действительную помощь своему старшему брату Шамхалу Тарковскому Абу-Мусслим-Хану в его борьбе против Шамиля. За боевые заслуги Шах-Вали был произведён в гвардии штаб-ротмистры. В 1851 году Шах-Вали погиб в ауле Буйнак, во время предательского набега на аул Хаджи-Мурата.¹⁶

Мехти Ассан-Хан и Шах-Вали, поступившие в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в августе 1831 года, были, конечно, прекрасно осведомлены о гибели прототипа Бей-Булата — Бей-Булата Тай-мазова, случившейся в начале 1831 года. Подробности её были широко известны в Дагестане и на Кавказе. Как рассказывает историк кавказских войн В.А. Потто, Бей-Булат был кровником мирного кумыцкого князя Салат-Гирея. Он был убийцей отца этого князя и носил его оружие. Прошло десять лет и кровники встретились в горах на узкой тропинке. По горским обычаям Бей-Булат обаян был уступить дорогу старшему, но он не сделал этого. На предложение посторониться Бей-Булат ответил вызывающе: "Я убил отца твоего и тебе грозит то же самое". Салат-Гирей выстрелил в него в упор и попал прямо в сердце. Когда Бей-Булат падал с коня, Салат-Гирей раскрыл ему шашкой череп.¹⁷ В поэме Лермонтова сохранено имя героя, подчёркнуты мотивы кровной мести, показана гибель Бей-Булата в поединке. Поэма Лермонтова тесно связана с Дагестаном: Лейла и её старик-отец — лезгиня. Всё это с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что сюжет "Хаджи-Абрека" сообщён Лермонтову его товарищами по школе Мехти Ассан-Ханом и Шах-Вали. Оба они, как мы говорили выше, были родом из Дагестана.

22 ноября 1834 года Лермонтов был произведён в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Перед ним широко распахнулись двери великосветских салонов и гостиных. Военная служ-

ба не удовлетворяла его. Он мало верил в благотворительную спасительность вытянутых в те времена в одну линию солдатских носков и до ослепительного блеска начищенных кирпичом мундирных пуговиц. Недаром же поэт не раз фрондировал, намеренно утрируя некоторые детали офицерской формы, появляясь, например, на разводах или парадах то с непомерно большой, то с игрушечно-миниатюрной саблей и нередко попадал за эти "неуместные шутки" на гауптвахту. В стране, где великосветская чернь пресмыкалась перед венценосным палачом — вешателем декабристов, в стране, о которой бессмертный Грибоедов писал: "Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием, но всех равнодушнее наш сардар; я думаю даже, что он их ненавидит", в этой стране пламенный мечтатель и вольнолюбец Лермонтов, в крови которого пылал жар и бури порыв мятежный, задыхался, ему нечем было дышать. Вращаясь в петербургском великосветском обществе, которое, по словам одного из современников Лермонтова, представляло собою сборище молодцеватых скалозубов и всепокорных молчаливых, поэт болезненно остро ощущал своё родство с Кавказом, с этим любимым суровым краем свободы.

В 1837 году погиб, затравленный великосветской челядью, великий современник Лермонтова — Пушкин. Лермонтов преклонялся перед гением Пушкина, он любил своего великого предшественника большой искренней любовью. Силу и величие этой любви замечательно вскрыл А.М. Горький, расшифровал в 1909 году в своих лекциях по истории русской литературы XVIII—XIX веков подлинный смысл считавшегося до него загадочным стихотворения Лермонтова "К***" ("О, полно извинять разврат!") и, установив, что оно является ответом Лермонтова на ходившие по рукам известные пушкинские "Стансы" ("Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю") и, следовательно, адресовано Пушкину.

**О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит — порфира?
Пусть их глушцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.
Изгнанием из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарён природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни:
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.**

Кто же был этот один, кто понял песнь Пушкина? Нет никакого сомнения в том, что это был Лермонтов. Как справедливо указывал А.М. Горький, Лермонтов имел историческое право на это заявление.

Известие о трагической смерти Пушкина взбудоражило весь Петербург. "В городе сделалось необыкновенное движение, вспоминает известный мемуарист И.И. Панаев. — На Мойке у Певческого моста (Пушкин жил тогда в первом этаже старинного дома княгини Волконской) не было ни прохода, ни проезда. Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом; извозчиков нанимали просто говоря: "к Пушкину", и извозчики

везли прямо туда. Все классы петербургского народонаселения, даже люди безграмотные, считали как бы своим долгом поклониться телу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацию, на очнувшееся вдруг общественное мнение".¹⁸

В этой накалённой гневом и негодованием атмосфере общественного возмущения звенящей сталью прозвучали страстные, исполненные глубокой скорби и ярости стихи Лермонтова "Смерть поэта", в которых молодой поэт, обращаясь к надменным потомкам "известной подлостью прославленных отцов", гневно говорил о "грозном суде потомства", когда они, убийцы Пушкина, не смоят всей своей "чёрной кровью поэта праведную кровь".

Переписанное подлой рукой доносчика и украшенное красноречивой надписью: "Воззвание к революции", стихотворение Лермонтова было представлено самому Николаю I.

20 февраля 1837 года Лермонтов был арестован. Арестован был и его друг — чиновник С.А. Раевский, распространявший стихи Лермонтова.

"Дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым", было поручено всеильному шефу жандармов графу П.Х. Бенкендорфу.

27 февраля 1837 года был опубликован "высочайший" приказ о переводе лейб-гвардии Гусарского полка корнета Лермонтова в Нижегородский драгунский полк прапорщиком.

Нижегородский драгунский полк принимал участие в Кавказской войне, и всем было ясно, что этим приказом царь посылал поэта под пули, на верную гибель.

В первой ссылке

"Лермонтов действительно понял песнь Пушкина, понял его значение и один он проводил гроб поэта криком злобы, тоски и мести: стихи на смерть Пушкина справедливо считаются одним из сильнейших стихотворений в русской поэзии... Правительство услышало этот призыв к мести, поняло его общественное значение и сослало поэта прапорщиком на Кавказ".

М. Горький

Лермонтов в Ставрополе

По "высочайшему" повелению Лермонтов должен был выехать из Петербурга в сорок восемь часов. Но бабушка поэта, Е.А. Арсеньева, пустив в ход все свои светские связи, добилась того, что внука "отпустили домой проститься".

Несколько лет назад удалось установить точную дату отъезда Лермонтова из столицы. 21 марта 1837 года в № 71 официальной газеты "Русский инвалид" в списке выехавших из Петербурга в Москву "г.г. военных штаб- и обер-офицеров" за 17, 18 и 19 марта того же года значится Нижегородского драгунского полка прапорщик Лермонтов". Таким образом Е.А. Арсеньевой удалось добиться продления пребывания внука в столице на де-

сять-двенадцать дней. 17, максимум 19 марта, Лермонтов выехал в Москву, чтобы отсюда отправиться через Ставрополь в Кахетию, в урочище Кара-Агач, где находилась штаб-квартира Нижегородского драгунского полка.

Как это установлено на основе разыскания в архиве Московского генерал-губернатора В. Барановым, Лермонтов прибыл в Москву 23 марта и здесь задержался до 10 апреля. Эта задержка была вызвана, повидимому, заездом опального офицера в находившееся недалеко от Москвы имение его покойного отца Юрия Петровича Лермонтова (с. Кропотовка, Ефремовского уезда, Тульской губернии) для совместного между наследниками решения о полюбовном разделе именина. Как указывает В. Баранов, подписанное поэтом и его тётками заявление было подано в Тульскую судебную палату 21 июня 1837 года.¹⁹

10 апреля 1837 года Нижегородского драгунского полка прапорщик Лермонтов выбыл из Москвы. Торопясь в полк после довольно продолжительных задержек в Петербурге и Москве, Лермонтов выехал экстраспочтой. Тифлисская экстрада-почта, соединявшая сердце России со столицей Грузии, следовала через Тулу, Воронеж, Черкасск и Ставрополь и отправлялась из Москвы по субботам.²⁰ 10 апреля 1837 года было субботой.²¹ Следовательно, на Кавказ Лермонтов ехал не на почтовых, а на курьерских и в Ставрополь должен был прибыть и прибыл никак не позднее 15 апреля.

"Наружный вид Ставрополя, — по словам одного из современников Лермонтова, — мало соответствовал важности политического значения, которое город должен был иметь в глазах люда, обращавшего к нему свои взоры и упования. Поднявшись на гору с северной стороны, приезжий прежде всего усматривал необыкновенно просторное поле, на котором две линии низеньких деревянных домов, образуя входящий прямой угол, обозначали два фаса проектированной площади; с двух остальных сторон поле ограничивалось кладбищем да оврагом. Эта возникающая площадь занимала самый высокий пункт горы. Посреди ряда построек, очерчивавших восточный фас, открывалась главная улица, фланкированная по углам каменными домами, справа — длинным одноэтажным строением, в котором жил командующий войсками, слева — горделиво глядевшими на своего приземистого соседа двухэтажными хоромами советника казённой палаты З. <...> Спустившись под гору, улица упиралась в высокие каменные ворота, не то крепостные, не то триумфальные, красовавшиеся на чистом поле и потому ничего не запиравшие".

По словам ставропольских старожилов Павла Матвеевича Лукичева, Ивана Марковича Лугина, Никиты Лукьяновича Сливко и др., эти ворота, носившие название Тифлиских, в начале прошлого столетия были сборным пунктом для почты, экипажей, повозок и телег, следовавших с оказией в Тифлис. В день отправления оказии, ровно в полдень, в крепости стреляла пушка. По выстрелу пушки выходил конвой: рота солдат и сотня казаков — и оказия отправлялась в путь.

"Кроме командующего войсками, жили ещё на площади: оберквартирмейстер, дежурный штаб-офицер, председатель казённой палаты и несколько других, менее важных сановников военного и гражданского управления. Начальник штаба, губернатор и комендант обитали в домах, составлявших украшение главной улицы, наряду с театром, с гостинным двором и с знаменитой гостиницей Найтаки. За исключением названных, все прочие дома, деревянные, турлучные, или из сырцового кирпича, принадлежали к числу известных в провинции домов "без архитектуры", т.е. в один этаж, пять окон во фронте, дверь сбоку под крошечным навесом всё это без тени украшения".²²

Как более значительный город Северного Кавказа, насчитывавший тогда, не считая 2 500 солдат, 6 000 жителей, Ставрополь являлся в то же время административным центром Кавказской области.²³ Здесь находился штаб войск Кавказской линии и Черноморья. Командующим войсками Кавказской линии и начальником области был генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, начальником штаба — генерал-майор П.И. Петров.

Павел Иванович Петров был женат на двоюродной сестре матери М.Ю. Лермонтова — Анне Акимовне Хастатовой. Деятельный участник войны 1812 года, награждённый несколькими орденами, П.И. Петров в 1818 году попадает на Кавказ, знакомится с Хастатовыми и вскоре женится. Именно к этому времени относится знакомство Е.А. Арсеньевой, гостившей с маленьким Мишей у Хастатовых на Кавказе, с П.И. Петровым. Об этом свидетельствует уже известное читателю стихотворное обращение П.И. Петрова к Е.А. Арсеньевой в альбоме матери поэта Марии Михайловны, где он отметил время и место встречи с Е.А. Арсеньевой: "1818, июля 30. Шелкозаводск". В 1837 году П.И. Петров был 48-летним вдовцом. В.А. Мануйлов полагает, что жена Петрова умерла рано.²⁴ Мне удалось установить точную дату ее смерти. В старинном "месяцеслове на 1836 год", находящемся в книгохранилище Ставропольской краевой библиотеки, мною обнаружена на чистом вкладном листе, между страницами 46 и 47, среди других заметок, сделанных ещё гусиным пером выцветшими ореховыми чернилами владельцем книги, современником Павла Ивановича, следующая запись:

"26 октября генерала Петрова жена умерла в 9 часов утра, предано тело её 28-го того же в ч. 12".²⁵

Следовательно, двоюродная тётка Лермонтова умерла за несколько месяцев до первой ссылки поэта на Кавказ — 26 октября 1836 года, и тело её было погребено на городском кладбище в Ставрополе.

Нет и не должно быть никакого сомнения в том, что, провожая любимого внука на "погибельный Кавказ", встревоженная Е.А. Арсеньева снабдила его письмом к "любознейшему Павлу Ивановичу" (так назвала Петрова бабушка поэта в приписке, сделанной собственноручно в письме внука к Петрову в 1838 году, в котором поручала "Мишеньку" попечением своего кавказского родственника). Это первое письмо Е.А. Арсеньевой до нас не дошло, но его существование не может подлежать сомнению, так как после отъезда внука на Кавказ Е.А. Арсеньева стала отправлять письма поэту в Ставрополь в адрес генерала Петрова. И после своего отъезда из Ставрополя Лермонтов из Пятигорска просил бабушку продолжать адресовать письма в адрес Павла Ивановича Петрова.

В Ставрополе Лермонтов был радушно встречен гостеприимным Петровым и, повидимому, остановился в доме своего родственника. Иван Власов, исследователь взаимоотношений Лермонтова и Петрова, полагает, что гостеприимство и заботливость последнего "объяснялись отчасти желанием угодить богатой и влиятельной родственнице Е.А. Арсеньевой, хорошими отношениями с которой он не мог не дорожить. Но, несомненно, большую роль играла здесь и непосредственная привязанность Петрова к талантливому поэту..."²⁶ Так или иначе, но скоро "опальный" прапорщик и уважаемый боевой кавказский генерал сумели близко узнать и полюбить друг друга. Да оба они и не могли не тяготеть друг к другу. Лермонтов с детства любил Кавказ, "как сладкую песню отчизны своей". А тут — посевший в походах воин, двадцать лет проводивший на Кавказе, прославленный участник ряда боевых походов против ингушей и чеченцев! Павел Иванович, как и многие в Ставрополе и на Кавказской линии, был уже осведомлён о трагической гибели

Пушкина от непосредственного участника этой трагедии подполковника Константина Карловича Данзаса, переведённого за участие в поединке Пушкина с Дантесом в качестве секунданта в Тенгинский пехотный полк и проследовавшего через Ставрополь в марте 1837 года в селение Ивановское, где были расположены части этого полка. От Данзаса генерал Петров узнал о стихах, написанных его племянником на смерть Пушкина и о гневе царя, переведшего поэта из лейб-гвардии Гусарского полка прапорщиком в Нижегородский драгунский полк.²⁷ Молодой прапорщик не мог не оценить добросердечия и заботливости своего родственника и с большим вниманием и уважением отнёсся к Петрову, сразу оценив его военный опыт и боевые заслуги.

По-видимому, по просьбе хозяина Лермонтов переписал в Ставрополе и подарил Петрову своё стихотворение "Смерть поэта", вызвавшее ссылку автора на Кавказ. Павел Иванович как зеницу ока берёт этот драгоценный автограф поэта, не смотря на то, что хранение в его доме "непозволительных стихов" могло быть чревато для него самыми тяжёлыми последствиями.

Отрадным было для Лермонтова общение с дочерьми генерала — Екатериной, Марией и Варварой (старшей из них было 17 лет), которых поэт нежно называл "милыми кузинами". Юные провинциалки изо всех сил старались развлечь своего столичного родственника.

Общественная жизнь в Ставрополе в то время, по словам одного ставропольского старожилы — современника Лермонтова, "группировалась у домашних очагов, ограничиваясь небольшими кружками знакомых". Течение частной и общественной жизни в Ставрополе было вполне патриархальное.

Обыкновенными развлечениями на домашних вечерах было более усиленное чаепитие (у мужчин с добавлением кизлярки); дамы развлекались разговорами (впрочем, всего меньше о модах), щёлканьем орехов, грызением арбузных семечек... Если на вечерах собиралась обоёго пола молодёжь, то непременно затевали игру в фанты, жмурки и другие игры... Газет тогда не читали и о политике не рассуждали. Нередко на вечерах молодёжь под звуки гитары открывала танцы русскою пляскою, переходящую под конец в казачка, в котором не упускали случая принять участие и мужчины, далеко перешедшие юношеский возраст.

Весьма вероятно, что Лермонтов танцевал с "милыми кузинами" кадрили, которой ставропольских барышень обучал унтер-офицер из разжалованных Бенкен.²⁸

Молодёжи в Ставрополе было в это время немало. Как сообщает один из офицеров, служивший в войсках Кавказской линии в сороковых годах прошлого столетия, Ставрополь весною бывал "занимателен по причине стечения прикомандированных офицеров. В это время Ставрополь представляет совершенно смесь общества, образования, языков, народов и мундиров".²⁹

Именно в это время поэт познакомился с Николаем Павловичем Колюбакиным — известным участником Кавказской войны. "Воспитанник Царскосельского лицея, — пишет о Колюбакине один из старых кавказцев, — с редко выдающимся всесторонним образованием, человек интеллигентности, и человек вполне светский в лучшем значении этого слова, Николай Павлович явился в Нижегородский драгунский полк в 1835 году рядовым, разжалованным из поручиков Оренбургского уланского полка за дерзость против полкового командира. Из Нижегородского полка он был командирован на правый фланг, где его блестящая храбрость, обширный ум, образование и быстрое изучение края, быта и нравов туземцев открыли ему широкую дорогу и сделали его одним из выдающихся и наиболее популярных деятелей на Кавказе".

После экспедиции 1836 года Колюбакин, прикомандированный к Тенгинскому пехотному полку, находился в Ставрополе. Здесь Лермонтов впервые встретился с Колюбакиным. Будучи разжалованным, Колюбакин "ни перед кем не гнул; солдатская шинель ни мало не стесняла его, он попрежнему держал голову высоко и всем смотрел прямо в глаза". Бешеной вспыльчивостью своего характера Колюбакин был известен даже самому Николаю I, который назвал его "немирный Колюбакин".³⁰ К тому же он был отчаянным дуэлянтом.³¹ По свидетельству П.А. Висковатого, столкновений между Колюбакиным и Лермонтовым не было. Многие современники Колюбакина и исследователи творчества Лермонтова полагают, что Колюбакин послужил прототипом Грушницкого в "Герое нашего времени".³² Л.П. Семёнов признаёт, что "имя Н.П. Колюбакина не без основания связано" с этим "известным образом Лермонтова".

Существует и другая точка зрения, связывающая образ Грушницкого с убийцею поэта — Н.С. Мартыновым. История создания образа антипода Печорина ждёт своего исследователя.

Здесь же в Ставрополе поэт познакомился с доктором Николаем Васильевичем Майером, служившим при штабе командующего войсками Кавказской линии и Черноморья. По свидетельству многих старых кавказцев, современников Лермонтова, доктор Майер послужил прототипом доктора Вернера в романе "Герой нашего времени". Сам Лермонтов устами Печорина об этом знакомстве рассказывает: "Я встретил Вернера в С. (т.е. в Ставрополе. — А.П.) среди многочисленного и шумного круга молодёжи... Мы отличили в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоём об отвлечённых предметах очень серьёзно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев друг другу значительно в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером".

Это свидетельство Лермонтова о его знакомстве с доктором Майером, который в романе "Герой нашего времени" назван Вернером, представляет большую ценность.

Знакомство Лермонтова с Колюбакиным и Майером именно в Ставрополе подтверждается свидетельством старого кавказца А. Щербакова, мать которого в тридцатых годах прошлого столетия имела в Ставрополе дом. В этом доме, по словам А. Щербакова, жили доктор Майер, Лермонтов и Колюбакин.³³

Теперь становится ясным, что Лермонтов до своего появления в Пятигорске в мае 1837 года останавливался в Ставрополе, куда он прибыл 15 апреля 1837 года.

Встреча с героем "Бородина" (М. Ю. Лермонтов и А. А. Вельяминов)

Лермонтов жил ещё в Ставрополе, когда на страницах второй книги осиротевшего журнала Пушкина "Современник" было напечатано стихотворение "Бородино".

Большинство современных лермонтоведов полагает, что это замечательное создание творческого гения поэта было написано в Петербурге ещё до ссылки Лермонтова на Кавказ. Так, Б.М. Эйхенбаум в комментариях к стихотворению "Бородино", исходя из цензурной даты "Современника" 2 мая 1837 года, считает, что "это стихотворение было написано не позднее марта, до отъезда на Кавказ, вернее же всего, что оно было написано в январе 1837 года; вряд ли Лермонтов, по мнению комментато-

ра, мог написать такое стихотворение после смерти Пушкина и связанных с нею событий".³⁴ Ираклий Андроников в статье "Михаил Юрьевич Лермонтов", разделяя точку зрения Б.М. Эйхенбаума, заявляет, что якобы, когда поэт написал эти стихи, "он захотел... напечатать их в пушкинском журнале. И он передал "Бородино" в редакцию "Современника". Кажется, Пушкин успел прочесть его, кажется, он успел высоко оценить талант молодого поэта".³⁵ Такой же точки зрения придерживается М.Ф. Николаева, категорически заявляя: "Перед отъездом в ссылку Лермонтов впервые сам отдал в печать стихотворение "Бородино".³⁶ А, между тем, это не так...

Ещё автор первой основательной биографии поэта П.А. Висковатый вполне справедливо указывал на то, что "Бородино" было написано Лермонтовым в ссылке на Кавказе". "Раевский в объяснительной записке своей о стихах Лермонтова на смерть Пушкина, желая выгородить друга и выставить его патриотизм, выскидывает проникнутые патриотизмом стихотворения Михаила Юрьевича. Если бы "Бородино" было написано, он не преминул бы упомянуть о нём вместе с другими".³⁷ Если к этому, вполне заслуживающему доверия утверждению человека, отдавшего чуть ли не всю свою жизнь изучению жизни и творчества Лермонтова, присоединить свидетельство двоюродного брата поэта А.П. Шан-Гирея, который, называя произведения, написанные Мишелем под арестом, ни слова не говорит о "Бородино",³⁸ то более чем вероятно предположение, что эта драгоценная жемчужина поэзии Лермонтова была написана на Кавказе.

В очень интересной и содержательной статье "Бородино" Лермонтова", впервые напечатанной к столетию со дня гибели поэта на страницах "Правды", Ираклий Андроников, сопоставляя стихотворение Лермонтова с сочинением некоего Николая Любенкова "Рассказ артиллера о деле Бородинском", убедительно доказывал, что поэт хорошо знал подробности Бородинского боя и указал источник, откуда поэт почерпнул подробные сведения о ходе исторического сражения — рассказы Афанасия Алексеевича Столыпина, родного брата бабки и воспитательницы поэта Е.А. Арсеньевой.³⁹ А.А. Столыпин, как это установлено И. Андрониковым, в чине штабс-капитана участвовал в Бородинском сражении, командуя "лёгкой ротой № 2", и проявил доблестное бесстрашие, истинное хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне". Известно, что А.А. Столыпин поощрял занятия Лермонтова поэзией. Поэт, по словам М.П. Лонгинова, "особенно любил Афанасия Алексеевича".

Указание Ираклия Андроникова на устные рассказы А.А. Столыпина, как на один из источников знакомства молодого поэта с подробностями Бородинского боя, несомненно, является очень ценным. Но эти рассказы храброго офицера-артиллера не могли быть и не были единственным источником знаний Лермонтова о знаменитом сражении, составляющем и поныне одну из славнейших страниц героической истории русского народа.

Рассказы о войне с французами, о Бородино Лермонтов слышал ещё в детстве от крепостных крестьян своей бабушки Е.А. Арсеньевой в Тарханах, служивших в Пензенском ополчении. Так, П. Вырыпаев в статье "Материалы к биографии М.Ю. Лермонтова" рассказывает об отставном солдате Дмитрии Федорове, начавшем службу ещё в 1810 году и в 1812 году участвовавшем в Бородинском сражении. Вернувшись в родную деревню и не застав в живых никого из своих близких, он поселился в 1835 года в семье своей свойственницы — кормилицы Лермонтова Лукерьи Шубениной.⁴⁰ В соседних с Тарханами сёлах жили солдаты Пензенского ополчения — участники освободительного похода русских войск за границу и дравшихся под Лейпцигом, Дрезденом, Магдебургом и Гамбургом. Они верну-

лись домой в 1815 году, многие были награждены орденами и медалями. Так шестнадцатилетний ополченец Иван Гусев, крестьянин села Андреевки, Нижне-Ломовского уезда, за храбрость произведён был в унтер-офицеры и награждён двумя георгиевскими крестами. С двумя "Георгиями" вернулся домой и шестидесятилетний крестьянин Матвей Серов из соседнего с Тарханами села Поляны.⁴¹

Позже рассказы о Бородинской битве Лермонтов должен был слышать и слышал от крепостных крестьян в подмосковном имении Столыпиных — Середникове, где Лермонтов отдыхал каникулярное время несколько лет подряд, начиная с 1828 года. Как сообщает Т. Иванова, "в усадьбе и её окрестностях долго жила память об Отечественной войне 1812 года. Священник Середниковской церкви М.П. Зерцалов имел бронзовую медаль "1812 год". Он умер только в 1833 году. Тридцать семь крестьян Середникова участвовали в народном ополчении 1812 года. Однако, сообщая эти ценные данные, Т. Иванова делает поспешный вывод, называя Середниково подлинной родиной "Бородино". Несколько ниже она сама вынуждена была признать, что все эти рассказы (т.е. рассказы Афанасия Алексеевича Столыпина, Михаила Петровича Зерцалова и середниковских крестьян) юноша Лермонтов ещё не в состоянии превратить в реалистическую картину. Он создаёт стихотворение в стиле старинной оды. В нём лишь кое-где можно уловить отзвуки сюжетов из рассказов участников боя.⁴²

Величавый патриотический гимн "Бородино" написан Лермонтовым в суровых реалистических тонах. Сравнивая "Поле Бородина", написанное поэтом в 1830 году, со стихотворением "Бородино", созданным в 1837 году, П.В. Владимиров указывал на то, что в зрелом произведении "романтический образ воина превратился в служивого, в дядю, с речью грубо-простодушной и вместе с тем исполненной эпического воодушевления... Бесцветность наброска — в названиях "вождя", "противника", в отдельных деталях описания боя — заменилась яркими, живыми, реальными образами... Вместо "вождя" появился "полковник-хват, слуга царю, отец солдатам"; вместо "противника" — "мусью", "француз", "басурман".⁴³ Знаменитая Бородинская битва описана Лермонтовым устами старого, бывалого солдата со множеством деталей, о которых мог рассказать только непосредственный участник боя. На это указал ещё В.Г. Белинский, заметивший, что "это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове вы слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силён и полон поэзии".⁴⁴

Мог ли Лермонтов такое стихотворение, как "Бородино", написать в Петербурге, где он был окружён офицерами, которые, по словам его современника, верили в благодетельную спасительность вытянутых в одну линию солдатских носков и безукоризненно начищенных кирпичом мундирных пуговиц?

Конечно, нет.

Зато в Ставрополе Лермонтов попал в совершенно иную обстановку. "Офицеров, приезжавших из войск, расположенных в России, — писал П.А. Висковатый, — поражали в кавказской армии самостоятельность ротных и батальонных командиров, разумные сметливость и незадёрганность солдата; унтер-офицеры были вообще очень хорошие и люди заслуженные; в это звание производили не за наружность и ловкость во фронте. Вообще в войсках видны были остатки преданий суворовского времени".

В доме своего родственника П.И. Петрова Лермонтов познакомился с боевыми кавказскими офицерами, скромно, без громких фраз делавшими своё прямое дело и умевшими спокойно и бесстрашно жертвовать своею жизнью за родину, когда этого

требовал от них их воинский долг. Среди них было немало ветеранов войны 1812 года. Из этих ветеранов выделялся Алексей Александрович Вельяминов — прославленный боевой генерал, носитель суворовских традиций, начавший свою службу унтер-офицером, артиллерист, награждённый за боевое отличие в Бородинском сражении орденом Владимира 4-й степени.

Алексей Александрович Вельяминов, как показывает его формулярный список, родился, повидимому, в 1778 году в старинной дворянской семье. "Начал службу в 1802 году унтер-офицером лейб-гвардии Семёновского полка, через два года был переведён в гвардейскую артиллерийскую бригаду, где и получил свой первый офицерский чин подпоручика. Где воспитывался и изучил артиллерийское дело — неизвестно. В графе формулярного списка о познаниях отмечено только: "грамоте по-русски и французски читать и писать умеет и артиллерийскую науку знает". За Аустерлиц, в кампанию 1805 года, Вельяминов получил первую награду — орден св. Анны 4-й степени. Как артиллерист, он, вероятно, заметно выделялся: "по приказу инспектора всей артиллерии графа Аракчеева, в 26-й день января (1807 год) был командирован Шведского королевства в г. Гельсингфорс для исполнения возложенных порученностей". В 1810 году участвовал в осаде Силистрии, в сражении под Шумлой и был ранен в руку при штурме Рушук.

В войне 1812 года отличился в боях под Бородиным и Красным, за что последовательно был награждён орденами Владимира 4-й степени и Георгия 4-го класса. Участвовал в заграничном походе: был при Люцене и Бауцене, и при осаде и взятии Парижа. В 1816 году, ещё в чине полковника, по настоянию героя Бородина и Кульма генерала А.П. Ермолова, назначенного главнокомандующим в Грузию, Вельяминов получил назначение на важный пост начальника штаба Отдельного грузинского корпуса. Через два года Вельяминов был уже генерал-майором. На Кавказе, благодаря отменной личной храбрости и выдающимся военным способностям, стал ближайшим помощником и другом Ермолова, пользовался его безграничным доверием. В 1826 году за распорядительность в сражении под Елизаветполем награждён орденом Георгия 3-го класса. В Турецкую войну 1829 года сражался на европейском театре под Кулевичами, Шумлой и за Балканами. В 1831 году в чине генерал-лейтенанта был назначен на пост командующего войсками Кавказской линии и Черноморья и областным начальником Кавказской области. И здесь Вельяминов поспевал всюду, где этого требовала тревожная обстановка, и почти всегда сам водил в поход боевые отряды.

Вельяминов был сильной, непреклонной и талантливой натурой. Он отличался большим демократизмом. "Алексею Александровичу ничего не значило," рассказывает его биограф, — выставить ограниченность подчинённого генерала и рядом тут же рекомендовать способности лица мелкого ранга и доверять ему исполнение весьма важных поручений. О таких людях он брал на себя и труд постоять за них, несмотря на репутацию скупого на поощрения по службе".⁴⁵

Хотя Вельяминов не любил приёмов и официальных представлений ни от кого не требовал, но он, по свидетельству знавшего его ставропольского старожилы, "раз навсегда отдал приказание, чтобы все приезжающие в город офицеры, начиная с прапорщика и до генерала включительно, у него обедали ежедневно во время пребывания их в Ставрополе. Это право распространилось и на некоторых разжалованных в солдаты, как, например, на князя Романа Сангушко, Сабатина, декабриста Бестужева-Марлинского и др. Они, обыкновенно, являлись к столу в форменных солдатских шинелях. Стол постоянно был сервирован

на 25 персон, а в высокотожественные дни имели право придти к обеду, без всякого особенного приглашения, и местные офицеры и чиновники. Такой порядок исполнялся и в отсутствие Вельяминова в Ставрополе.

Алексей Александрович желал (а его желание было равносильно приказу), чтобы гости его за столом вели себя без стеснения, не садились по порядку табели о рангах, и любил застольную оживлённую беседу. Если кто опоздал или пришёл в середине или под конец обеда, тому блюда подавали, начиная с первого. За обедом роль "хозяйки" лежала на обязанности дежурного адъютанта. За общий стол Вельяминов никогда не садился, а всегда обедал один, в своей спальне...

Окончив обедать, он любил выходить в столовую, становиться за стулом "хозяйки" (так он называл дежурного своего адъютанта) и, покуривая трубку "Жукова" или сигару, слушать разговор, которого гости не должны были прерывать... Если разговор был занимателен и нравился ему, то Алексей Александрович за десертом приказывал "хозяйке" угостить обедающих ликёром и ушёл в кабинет, оставляя гостей в весёлом расположении духа; после чего начиналось общее курение жуковско-го табака".⁴⁶

Часто Вельяминов принимал деятельное участие в оживлённых застольных беседах. Генерал Г.И. Филиппсон, служивший в пору своей молодости под командованием "генерал-плизера" на Кавказе, вспоминая "оригинальное до странности" гостеприимство своего начальника, пишет об Алексее Александровиче: "за обедом у себя он был разговорчив, но не позволял говорить о служебных делах".⁴⁷

Лермонтов, попав в Ставрополь, конечно, не мог не подчиниться раз навсегда заведённому Вельяминовым порядку. Несомненно, что "любезный дядюшка" поэта П.И. Петров представил своего родственника командующему войсками Кавказской линии и Черноморья.

Нам не известны подробности этого знакомства. Но не может быть сомнения в том, что суровый генерал приветливо встретил молодого изгнанника, который был не только родственником его начальника, но и внучатым племянником его старого боевого товарища — сослуживца по гвардейской артиллерии и соратника по Бородинскому сражению Афанасия Алексеевича Столыпина. Было бы смешно и нелепо отрицать возможность того, что Лермонтов, отправляясь на Кавказ, не заручился письмом от "дедушки Афанасия Столыпина" к его влиятельному на Кавказе однополчанину Алексею Вельяминову, с которым они вместе служили в гвардейской артиллерийской бригаде. Бывший офицер этой бригады И.С. Жиркевич, оставивший интересные записки, подчёркивает, что Вельяминов и Афанасий Столыпин были приятелями.⁴⁸ Письмо "храброго артиллериста", как называли Афанасия Алексеевича его сослуживцы, не могло не вызвать у Алексея Александровича воспоминаний о Бородинской битве, где Столыпин и Вельяминов сражались бок о бок, плечом к плечу. На поле Бородина капитан Вельяминов командовал первой ротой гвардейской артиллерии, а штабс-капитан Столыпин командовал батареей в лёгкой роте № 2.

Мы не ошибёмся, если будем утверждать, что П.А. Висковатый был очень недалёк от истины, когда в своей капитальной биографии Лермонтова связывал творческую историю стихотворения "Бородино" с Кавказом. "Весьма может статься, — писал этот пылкий исследователь, — что поэт в кавказских, "суворовским" духом проникнутых войсках, и подслушал разговор старого солдата, очевидца Бородинской битвы, с рекрутом и по обычаю своему, — всё, что писал, брал из жизни, — облёк это стихотворение в форму диалога между стариком-солдатом и рекрутом".

Внимательное чтение текста лермонтовского стихотворения и сопоставление отдельных мест этого текста с крайне немногочисленными дошедшими до нас данными биографии Вельяминова укрепляет нас в наших предположениях.

**"Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана, —**

спрашивает молодой собеседник старого ветерана. Алексею Александровичу в 1837 году было, как мы знаем, 49 лет, Лермонтову же шёл всего 23-й год. Иначе, чем дядей, Лермонтов хотя бы мысленно называть Вельяминова не мог.

— Да, были люди в наше время, —

вспоминает бывалый воин своих соратников по Бородинскому сражению и добавляет, глядя на своего юного современника:

**Не то, что нынешнее племя;
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!**

И дальше в стихотворении мы читаем:

**Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
"Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры,
Чужие изорвать мушкетеры
О русские штыки?"**

Кампанию 1812 года А.А. Вельяминов начал в чине капитана адъютантом главнокомандующего 1-й Западной армией военного министра генерала-от-инфантерии Барклая де-Толли.

С 1 июля 1812 года должность начальника главного штаба армии была возложена на генерал-майора А.П. Ермолова, одного из передовых военачальников русской армии, начавшего свою военную службу ещё при Суворове.

В рядах 1-й Западной армии А.А. Вельяминов прошёл долгий путь отступления от границы до Бородино и, конечно, слышал не только ропот солдат на бесконечное отступление и жажду боя, о которых говорит в своих записках об Отечественной войне 1812 года Ермолов, но и знал о негодовании генералов суворовской выучки П.И. Багратиона и атамана М.И. Платова, которые были несогласны с тактикой Барклая де-Толли.

"Боже милостивый, что с русскими армиями делается? не побиты, а бежим!", — писал атаман Платов А.П. Ермолову.

"Бойтесь Бога, стыдитесь! — вторил в своих письмах тому же Ермолову любимец А.В. Суворова Багратион, — России жалко!.. Писал я, слёзно просил: наступайте, я помогу. Нет! Куда вы бежите? За что вы срамите Россию и армию? Наступайте, ради Бога! Ей Богу, неприятель места не найдёт, куда ретироваться. Они боятся нас; войско ропщет и все недовольны".

"Поражай, наступай! — требует он в одном из следующих писем.⁴⁹

Более чем вероятно, что Вельяминов читал эти письма, адресованные Ермолову, ибо уже в то время пользовался его расположением.

После сражения при Лубине, когда начальником главного арьберггарда отступавших русских армий был назначен генерал Коновницын, Вельяминов командовал артиллерийской ротой в арьберггарде.

— Я имел честь служить с графом Петром Петровичем Коновницыным, — говорил он декабристу Нарышкину.⁵⁰

Как вполне справедливо указал покойный Н.Л. Бродский, в своём произведении "Лермонтов описал не только знаменитое сражение 26 августа, но и те два дня — 24 и 25 августа, которые были как бы введением к Бородинской битве".⁵¹

**И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут, —**

рассказывает участник Бородинского боя.

"Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, — сообщил Александру I фельдмаршал М.И. Кутузов 23 августа 1812 года, — одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно".⁵²

Этот же участник Бородинского боя рассказывает о шевардинском бое, который был как бы прелюдией к решительному сражению 26 августа.

**У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки, —
Французы тут как тут.**

"24 августа, — рассказывал артиллерийский офицер А.Е. Норов, — служивший командиром взвода в батарее, которой командовал штабс-капитан А.А. Стольпин, — вечером я нашёл у нас в гостях капитана Вельяминова и штабс-капитана Ладыгина, которые только что возвратились из-под Шевардина. Они были в стрелковой цепи и рассказывали про ловкость французских стрелков, которые, перестреливаясь, находились в беспрепятственном движении, не представляя собою цели неприятелю".⁵³

"Два дня мы были в перестрелке", — читаем мы дальше у Лермонтова, —

**Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день...**

С исключительным по силе, потрясающим реализмом лермонтовский ветеран рассказывает о ночи, предшествовавшей решительному сражению:

**Прилёг вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.**

Такое правдивое, детальное описание кануна боя мог дать поэту не только непосредственный участник сражения, но и человек, отличающийся недюжинной памятью.

"Громадная память, — вспоминает сослуживец Алексея Александровича генерал Филипсон, — помогала Вельяминову удерживать множество имён и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить... крайне разнообразную картину".

**Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.**

Здесь, несомненно, выражение вельяминовских воспоминаний о его славном боевом соратнике и друге — командире батарейной роты полковнике Романе Максимовиче Таубе. Именно такую характеристику даёт полковнику Таубе артиллерист А.Е. Норов, называвший Таубе в числе своих "пестунов".

Полковник Таубе, отличившийся в сражении при Бородине и отмеченный в рапорте генерала Коновницына фельдмаршалу Кутузову,⁵⁴ был тяжело ранен и контужен при защите ключевой позиции русской армии — Курганной батареи и умер от ран.⁵⁵

Не исключена возможность, что именно полковник Таубе обратился к солдатам с пламенными словами:

— Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!..

Эти, исполненные высокого патриотизма слова были на устах у многих русских военачальников. "За нами Москва, — воскликнул, по словам современников, генерал Д. С. Дохтуров, получив приказ Кутузова принять на себя, после ранения Багратиона, командование левым флангом, — умирать всем, но ни шагу назад — ведь всё равно умирать же под Москвой!"⁵⁶

— "Смелее, ребята! — говорил солдатам, защищавшим Курганную батарею, командир 24-й дивизий генерал Лихачёв, — Помните, мы дерёмся за Москву!" Тяжело раненный Лихачёв, собрав последние силы, бросился навстречу штыкам неприятельским, желая лучше пасть, нежели живым отдаться французам. Желание его не исполнилось: он был взят в плен и умер по пути во Францию, в Кенингсберге.⁵⁷ Начальник штаба 6-й армии полковник Монахтин, получив две тяжёлых штыковых раны, сказал солдатам, указывая на Курганную батарею: "Ребята, представьте себе, что это Россия, и отстаивайте её грудью". Этот полковник, тяжело израненный, прожил ещё несколько дней. Узнав, что Кутузов велел оставить Москву неприятелю, Монахтин сорвал со своих ран все повязки и вскоре скончался.⁵⁸

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Бок о бок, плечом к плечу с гвардейскими артиллеристами капитана Вельяминова сражались перекинутые на левый фланг в решающие часы битвы гвардейцы Литовского и Измайловского полков.

"Не могу с довольной похвалою не отозваться, — свидетельствует генерал Коновницын, — о примерной неустрашимости, оказанной в сей день полками лейб-гвардии Литовским и Измайловским... Непокоримо выдерживали они наисильнейший огонь неприятельской артиллерии; осыпаемые картечью ряды их, несмотря на потерю, пребывали в наилучшем устройстве, и все чины от первого до последнего один перед другим являли рвение своё умереть, нежели уступить неприятелю..."

С таким же упорством дрались и стояли насмерть артиллеристы. "Гвардейская артиллерия понесла при Бородино огромные потери", — пишет военный историк В.Ф. Ратч.⁵⁹

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами, —
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

"Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба полка сии отражены были с невероятным успехом, ибо, несмотря, что каре, строенные оными полками, были совсем окружены, неприятель был прогнан огнём и штыками", — читаем мы дальше в рапорте Коновницына.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блистал,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

"Третий батальон Измайловского полка и полк Литовской, — читаем мы ещё дальше в донесении Коновницына, — кои в особенности имели в виду прикрывать бывшую правее их батарею,

исполнили сие во всё время как нельзя лучше, уничтожая совершенно все покушения на оную".⁶⁰

Уже знакомый нам артиллерист А.Е. Норов, переброшенный в составе 2-й лёгкой роты на левый фланг, рассказывая об ожесточении битвы на этом участке боя, пишет: "Несколько правее от нас действовала небольшая батарея; мы узнали впоследствии, что это был остаток нашей гвардейской 1-й лёгкой роты, которая уже давно боролась возле Измайловского полка".

Командиром этой роты, как известно, был капитан Вельяминов.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Эти слова могли принадлежать только человеку, который не раз бросал людей в рукопашную схватку и сам участвовал в ней.

Войска, которыми командовал на Кавказе Вельяминов, постоянно дрались с врагами врукопашную. "Вооружение, в особенности пехоты, было плохое, — свидетельствует П.А. Висковатый. — Старые кремнёвые ружья стреляли неверно, дела решались рукопашным боем, штыком, и, вообще, выработалось презрение к огнестрельному оружию".

Земля тряслась, как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой!..

"Почти невозможно было различать своих: конный, пеший, артиллерист — все в жару сражения смешались", — вспоминает один из участников этой исторической битвы.⁶¹

Лермонтовский герой-ветеран почти ничего не говорит, вернее, не сообщает никаких подробностей об оставлении Москвы, ограничиваясь утверждением:

Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

И это далеко не случайно, ибо Вельяминов ничего не мог рассказать Лермонтову об этом, так как в бою его 1-я лёгкая рота гвардейской артиллерии, защищавшая, как мы уже отметили, ключевые позиции нашей армии у Бородина, понесла огромные потери. Из её семи офицеров уцелел один штабс-капитан Ладыгин, Вельяминов был ранен и передал командование Ладыгину.⁶²

Тогда считать мы стали раны —
Товарищей считать...
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...

И, наконец, эти полные глубокого презрения к бездарной николаевской военной знати, сменившей славных генералов 12-го года, слова:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы! —

Лермонтов мог услышать только от Алексея Александровича Вельяминова — одного из ветеранов Бородинской битвы, верного друга находившегося тогда в опале генерала Ермолова.

Они были, по свидетельству современников, на "ты" и называли друг друга "Алёшей". Алексей Александрович был в своё время, до удаления Ермолова с Кавказа, не только ближайшим помощником своего тезки, но и его вторым "я", человеком, пользовавшимся его безграничным доверием.

Солдатом, в самом высоком смысле этого слова, был генерал Вельяминов, начавший свою службу, как мы об этом писали выше, унтер-офицером.

"Алексей Александрович выказывал себя только при стечении чрезвычайных обстоятельств, — сообщает хорошо знав-

ший Вельяминова подполковник Стенбок. — От его необыкновенной пронизательности ускользало разве то, чем он пренебрегал. Перед железной силой его воли преклонялось всё, исчезали все трудности. Он не терял слов по-пустому, речь его была сильна и ясна; повеление коротко и убедительно, так что никто не смел и думать о невозможности и медленности исполнения. Редко видали его улыбающимся или сердитым. Спокойная осанка и речь прямая, без всяких изворотов означали довольство и доброжелательство; его упорное молчание... означало противное... Таков был постоянно Вельяминов и в кабинете, и перед войском, в походах через леса и горы, и на поле сражения. Всякий больше смерти боялся его молчаливой немилости, его безмолвного презрения, зато лестное слово Вельяминова было для каждого лучшею наградою за исправность. Любовь к отдельным лицам в сердце его поглощалась любовью к отечеству в обширном смысле этого слова. Русские высоко его ценили, а сыны гор видели в нём силу неодолимую.⁶³ "Все знавшие Вельяминова лично отзывались о нём таким же образом", свидетельствует ставропольский старожил И. Бентковский.⁶⁴

Вполне естественно, что увлекающий, изобилующий живыми и яркими подробностями рассказ бывалого воина поразил творческое воображение поэта. Он вспомнил рассказы своего деда Афанасия Алексеевича Столыпина, воспоминания тарханских и середниковских крестьян-ополченцев, участников Бородинского сражения. И поэтический гений Лермонтова создал одно из великолепнейших произведений мировой поэзии, в котором дал замечательный образ русского солдата — подлинного героя Бородино.

Лермонтовский ветеран 12-го года, как его характеризует известный лермонтовед Л. П. Семёнов, не хвастун, не балагур, это человек, выдавший виды, но степенный. Это — "настоящий" солдат. Готовность лечь костями за родину ("Уж постоим мы головою за родину свою!"), за святую Москву ("Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы!"), "Умереть мы обещали..."), восхищение своим начальником ("Рождён был хватом: слуга царю, отец солдатам..."), любовь к нему ("Да жаль его..."), к своим товарищам ("Тогда считать мы стали раны, товарищей считать..."), нетерпеливое ожидание решительного боя ("Досадно было, боя ждали, ворчали старики..."), "Два дня мы были в перестрелке, что толку в этакой безделке?"), отвага и задор ("Постой-ка, брат, мусью! Что тут хитрить? Пожалуй к бою..."), упование битвой ("Вам не видать таких сражений!..", "Русский бой удалый, наш рукопашный бой!"), полупрезрительное отношение к новому поколению ("Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри — не вы!") — все эти черты присутствуют именно солдату.⁶⁵

Теперь уже не может быть сомнения в том, что жемчужина русской поэзии — стихотворение "Бородино", которое Л. Н. Толстой называл зерном его "Войны и мира", в том виде, в котором оно было напечатано на страницах осиротевшего пушкинского "Современника", была закончена Лермонтовым в Ставрополе, повидимому, не позже начала двадцатых чисел апреля, вскоре после знакомства поэта с А. А. Вельяминовым.

"Именно на Кавказе, — справедливо указывает профессор С. Н. Дурылин, — где живою былью было предание о стойкости и мужественности русских офицеров и солдат и о неменьшей храбрости и отважности героев, сражавшихся с ними, именно — на Кавказе Лермонтову стала особенно разительна противоположность междуподлинными героями долга, героями доблести и теми "лишними людьми", которые наполняли петербургские и московские гостиные".⁶⁶

При содействии своего "любезного дядюшки" — начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья — Лермонтов отправил "Бородино" в окончательной редакции в Петербург издателю "Современника". Приятельница Лермонтова графиня Е. П. Растопчина рассказывала впоследствии известному французскому романисту Александру Дюма, что поэт, находясь на Кавказе, отправлял свои произведения в столицу правительственными курьерами.⁶⁷ Следовательно, П. И. Петров мог отправить и отправить это стихотворение в редакцию "Современника" с одним из фельдъегерей, следовавшим в Петербург.

В конце апреля "Бородино" было получено в Петербурге и в мае было напечатано в VI томе "Современника" за подписью М. Лермонтова.

Такова творческая история лермонтовского "Бородино".

На Тереке

Как ни хорошо было Лермонтову в Ставрополе в "милой и славной" семье Петровых, как ни приятно было ему проводить время в обществе бывалого воина А. А. Вельяминова и умного собеседника доктора Н. В. Майера, служба оставалась службой — надо было ехать к месту своего назначения в Нижегородский драгунский полк, дислоцированный в Кахетии, в урочище Кара-Агач.

Ставрополь пустел. В штабе командующего войсками Кавказской линии и Черноморья деятельно готовились к новой экспедиции. Войска сосредоточивались у Ольгинского тет-де-пона (укрепления) к 23 апреля. В начале марта на Черноморском побережье высадился английский агент — купец Джемс Белл,⁶⁸ и на этот раз не один, а в сообщничестве с сотрудником лондонской газеты "Морнинг хроникль" Лонгвортом. Эти авантюристы, действовавшие по указанию английского правительства, в частности — британского посла при турецком правительстве лорда Джона Понсонби и секретаря того же посольства Дэвида Уркарта, снабжая непокорных горцев оружием, порохом, свинцом и другими припасами, призывали шапсугов, натухайцев и абадзехов, а через них и остальные горские племена к нападению на русских. Для достижения своих грязных и коварных целей эти авантюристы не останавливались перед самым бессовестным и наглым обманом доверчивых горцев, обещая им активное содействие ряда европейских государств (конечно, прежде всего Англии), турецкого султана и египетского паши, которые якобы непременно пришлют на помощь кавказским горцам в их борьбе против России соединённый флот из 300 боевых кораблей, с десантом, оружием и большим количеством боевых припасов. Для придания большего правдоподобия своим обещаниям Белл объявил себя английским посланником, а Лонгворт объявил себя диван-эфендием (т. е. секретарем), якобы присланным английским королём и парламентом для доставления подробных известий о борьбе горцев с русскими. В довершение всего авантюрист Белл подарил натухайцам, шапсугам и абадзехам знамя, будто бы присланное английским правительством.

Прокламации генерала Вельяминова к горцам и его заявления депутатам абадзехов, натухайцев и шапсугов о том, что они жестоко обмануты английскими проходимцами, успеха не имели и были восприняты как признак слабости русской власти. Требовались быстрые и решительные действия. 2 мая генерал-лейтенант Вельяминов выехал из Ставрополя для того, чтобы, по обыкновению, лично возглавить экспедицию.

Долгое время многие биографы Лермонтова, руководствуясь формулярными списками, в особенности формулярным спис-

ком, составленным в полковом штабе Тенгинского пехотного полка в 1840 году, полагали, что Лермонтов участвовал в экспедиции за Кубанью под начальством генерала Вельяминова. Но уже в 1913 году проф. Д.И. Абрамович авторитетно заявил, что к "данным этого формулярного списка нельзя относиться с большим доверием, так как он составлен спустя три года, по случаю представления Лермонтова к награде за Валерик". Мало того, проф. Д.И. Абрамович утверждал, что "сведения эти нисколько не соответствуют действительности", аргументируя это утверждение ссылками на такие заслуживающие доверия источники, как свидетельства А. Юрова и В. Потто, из которых явствует, что части Нижегородского драгунского полка не принимали участия в экспедиции генерала Вельяминова и всю весну и лето простояли в Кара-Агаче, причём лишь два пеших эскадрона занимались рекогносцировкой Главного Кавказского хребта и Лезгинской линии. Вот почему такой добросовестный и кропотливый исследователь, как П.Е. Щеголев, в своей "Книге о Лермонтове" совершенно отбросил эти формулировки, как не заслуживающие доверия.

Участники Закубанской экспедиции 1837 года, уже неоднократно упоминавшиеся старые кавказцы М.Ф. Фёдоров, Г.И. Филипсон и другие в своих довольно подробных и избыточных интересными фактами записках совершенно не упоминают о Лермонтове, как об участнике этого похода.

Теперь уже не может быть сомнения в том, что поэт в экспедиции генерала Вельяминова не участвовал. Вот почему перед возвращением в Россию он писал своему другу С.А. Раевскому, что он "приехал в отряд слишком поздно". Как показывают обнаруженные старшим научным сотрудником государственного музея "Домик Лермонтова" С.И. Недумовым в октябре 1947 года в Центральном государственном архиве Грузии документы, распоряжение начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Вольховского "об отправлении в действующий за Кубанью отряд Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова" состоялось только 10 июля 1847 года".⁶⁹

В конце апреля — начале мая того же года Лермонтов выехал из Ставрополя в полк, дислоцированный, как об этом уже упоминалось выше, в Кахетии, в урочище Кара-Агач. Никаких оснований для того, чтобы дальше оставаться в Ставрополе, у поэта не было. Свидание генерала Вельяминова с командиром Отдельного Кавказского корпуса бароном Г.В. Розеном, во время которого барон Розен, как об этом впоследствии сообщал поэт бабушке из Пятигорска, обещал причислить Лермонтова к эскадрону Нижегородского полка, который должен был находиться в Анапе, имело место 25 мая у устья реки Пшад. Об этом свидетельствует в своих записках участник экспедиции генерала Вельяминова полковник Бриммер.

Находясь в Ставрополе, Лермонтов узнал, что два спешных эскадрона Нижегородского драгунского полка под начальством командира полка полковника Безобразова выступили в рекогносцировку на Лезгинскую линию. Рекогносцировку эту ещё в марте 1837 года командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Розен предложил начать возможно ранее, примерно во второй половине апреля. Учитывая это и желая после продолжительных задержек в Петербурге, Москве, Ставрополе как можно скорее явиться в полк и представиться командиру полка, Лермонтов решил следовать не общепринятым для того времени путём по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ и Тифлис, а оттуда в Кахетию, где в Кара-Агаче ему предстояло ждать возвращения начальства из рекогносцировки, а отправился вдоль Терека на Кизляр,

чтобы оттуда через Темир-Хан-Шуру проследовать на Лезгинскую линию. Следуя таким путём, Лермонтов не только выигрывал во времени, но и получал возможность принять участие в этой рекогносцировке.

Павел Иванович Петров находился в дружеских отношениях с комендантом крепости Кизляр Павлом Александровичем Катениным. До своего назначения в Кизляр Катенин почти два года служил в Ставрополе вместе с Петровым. "Лучший по мне из всех здешних", — так аттестовал Катенин Петрова в своих письмах друзьям из Ставрополя.⁷⁰ Катенин был близким другом Пушкина, и Лермонтов должен был искать с ним встречи.

Вполне естественно, что Петров дал Лермонтову письмо Катенину.

Помимо этого, следуя по избранному маршруту, поэт получил возможность побывать в местах, дорогих ему с детства, погостить в Шелкозаводске в имении своего дядюшки Акима Акимовича Хастатова.

Возможно, что Лермонтов встретился с Хастатовым в Ставрополе и они вместе выехали в Шелкозаводск, ибо Хастатов, числясь с 1835 года в рядах лейб-гвардии Семёновского полка, состоял адъютантом начальника штаба линейных войск в Ставрополе.

Отсюда и начинаются непрерывные странствования Лермонтова по Кавказу то на перекладных, то верхом, во время которых он, по его собственным словам, изъездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани.

Путешествие вдоль Терека дало молодому драгунскому прапорщику богатые возможности ознакомиться с бытом и нравами гребенского казачества. Особенно сильное впечатление на Лермонтова произвели гребенские казачьи песни. Эти песни гребенских казаков вдохновили поэта на создание таких произведений, как "Казачья колыбельная песня" и "Дары Терека".

Современное лермонтоведение вполне справедливо связывает творческую историю "Казачьей колыбельной песни" со станицей Червлённой, которую Лермонтов посетил по пути в Шелкозаводск. В памяти стариков-казаков сохранились рассказы о посещении Лермонтовым станицы Червлённой. Суммируя эти изустные предания, известный лермонтовед проф. Л.П. Семёнов установил следующее:

"Осенью 1840 года, после Валериковского боя, житель станицы Червлённой Лука (Лукьян) Артемьевич Борискин, будучи рядовым казаком, находился в станичном правлении. Вечером к правлению подъехала почтовая перекладная телега, в которой сидел молодой пехотный офицер. Он подал подорожную и просил отвести ему квартиру. Борискин доставил его в хату казака Ефремова. Дома никого не было, кроме ребёнка, спящего в колыбели (по другим вариантам — поэт застал у колыбели хозяйку или её сестру). Пока переносили вещи Лермонтова, тот набросал на клочке бумаги карандашом стихотворение, которое и прочёл вслух Борискину. Передают, что девушка, качавшая ребёнка, была Дунька Догадиха, известная красавица; баюкая сына сестры, она пела песни, интригуя гостя."⁷¹

Комментируя эти изустные сведения и сопоставляя данные, имеющиеся в этих рассказах, со временем появления в печати "Казачьей колыбельной песни" и пребывания поэта на Кавказе в 1840 году, проф. Л.П. Семёнов приходит к выводу, "что после Валериковского сражения Лермонтов не мог написать это стихотворение, так как оно было опубликовано в "Отечественных записках" (1840 г., № 2) в феврале, между тем битва на Валерике произошла 11 июля того же года; Лермонтов мог посетить станицу Червлённую осенью того года, но его "Песня" появилась в печати ещё ранее второй ссылки автора на Кавказ".

Придавая значение рассказам гребенских казаков, отличающимся в основном правдивостью и не противоречащим в других отношениях биографическим сведениям о Лермонтове, проф. Л. П. Семёнов эпизод, связанный с созданием "Казачьей колыбельной песни", вполне обоснованно относит к более ранней поре, а именно к 1837 году.

Мы можем теперь подтвердить эту дату — встреча с Душкой Догадихой состоялась весной 1837 года.

В начале 1946 года ставропольский старожил Никита Лукьянович Сливко рассказывал автору этих строк, что его отец был дружен с казачьим офицером Гавриилом Викентьевичем Вербицким (павшим смертью храбрых на сопках Манчжурии в русско-японскую войну 1904—1905 гг.), от которого в молодости слышал, что дед его Егор Вербицкий вместе с Лермонтовым "ломал походы" на Тереке. В семье Вербицких свято хранилось предание о том, что поэт ещё во время первой ссылки бывал в доме своего друга Вербицкого в станице Червлённой. Вербицкий был женат на гребенской казачке Степаниде Догадихе и имел от неё сына. Над колыбелью этого мальчика сестра Степаниды — Дуня, отличавшаяся красотой и хорошим голосом, пела старинные казачьи песни, слова и мелодии которых настолько поразили поэта, что он положил их в основу своей казачьей колыбельной песни. В семье Вербицких серьёзно полагали, что "младенец прекрасный" — это Викентий Егорович Вербицкий, окончивший Ставропольскую губернскую гимназию в 1860 году. По словам Н. Л. Сливко, В. Е. Вербицкий по окончании Ставропольской гимназии был учителем полковой школы в родной станице Червлённой. Затем окончил инженерную академию. Много сделал по благоустройству берегов Терека. Легенда о том, что "Казачья колыбельная песня" была посвящена поэтом В. Е. Вербицкому, была распространена среди многих воспитанников Ставропольской гимназии в шестидесятых-девяностых годах прошлого столетия.

Апофеоз материнской любви — "Казачья колыбельная песня", как это установлено исследованиями проф. Л. П. Семёнова, по содержанию и стилю очень близка к гребенским песням. К приведённым исследователем параллелям гребенских песен о постылой строевой государевой службе можно добавить ещё две старинные песни терских казаков, записанные Д. Еланским и опубликованные в 1908 году в "Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа" под № 20 и 21.

Гребенские казачьи песни, слышанные Лермонтовым на Тереке, дали поэту благодарный материал и для его знаменитой кавказской баллады "Дары Терека". Уже профессор Н. М. Мендельсон справедливо указал на близость этого стихотворения к гребенской песне о Тереке Горыниче, перепечатанной А. И. Соболевским ("Великорусские народные песни", том VI, № 373) из "Терских Ведомостей" 1863 года. "Терек Горынич, батюшка", что "прорыл, прокопал горы крутые", — пишет Н. М. Мендельсон, сравнивая гребенскую песню со стихотворением "Дары Терека", — напоминает Терек Лермонтова, который "родился у Казбека" и

**Воет, дик и злобен,
Меж утёсистых громад.**

"Терек Горынич, упавший во синее море, во Каспицкое", выкатил на устье бел-горюч камень. Терек Лермонтова пригнал сынам Каспия "стадо целое валунов". Есть в конце песни и красная девица "с русой косой во всю тысячу", а самой девице "цены нетути", как тому "бесценному дару", который одел "влагой страсти" темно-синие глаза старика Каспия.⁷²

Несмотря на явную убедительность приведённых Н. М. Мендельсоном параллелей, в 1951 г. была сделана Ираклием Андро-

никовым попытка найти новые источники лермонтовской баллады. Как справедливо указывает Б. В. Нейман, "И. Андроников обратился к материалу, вызывающему сомнение в своей достоверности. В Центральном историческом архиве Грузинской ССР он нашёл неопубликованные материалы, собранные историком гребенского казачества И. Д. Попко. В этом сборнике использованы записки, легенды и сказы, собранные в 1843 г. неким поручиком Раздорским, который был убит в деле с горцами в 1844 году. Заинтересовавший И. Андроникова сказ — огромного размера (свыше 900 строк!). Он в самом деле напоминает лермонтовскую балладу. Можно согласиться, что уже первые строчки раздорского сказа невольно вызывают в памяти "Дары Терека":

Терек бурный,
Терек страшный
Волны мечет с берегов.
Злобный вид его ужасный
Для казаков-гребенцов.

Далее выясняется, что Терек отличается большой благонаправленностью: он недоволен тем, что казаки пьют не воду, а чихирь и к тому же предпочитают лень труду. Поэтому он, невзирая на просьбы девушек, затопляет город Червлённый. Неужели это произведение, поэтические достоинства которого весьма сомнительны, — вполне резонно спрашивает Б. В. Нейман, — могло быть источником Лермонтовского вдохновения? Не ясно ли, что, наоборот, поручик Раздорский, наделённый поэтическим даром весьма скромных размеров, беспомощно подражал балладе Лермонтова, к тому времени уже опубликованной?"⁷³

Ясно, что в основе чудесной баллады Лермонтова не бездарный раздоровский сказ, а поэтическая народная казачья песня о Тереке Горыниче. Эта песня очень популярна у гребенцев и встречается в нескольких вариантах.

Здесь же, на Тереке, Лермонтов услышал исторические песни гребенских казаков об Иване Грозном, который, по преданию, подарил их рекою вольною Тереком, повелев им служить свою службу государскую, свою вотчину кабардинскую. "С того времени первые русские поселения на Кавказе делаются исторически известны под именем гребенских, то есть горных казаков", — пишет историк терского казачества И. Попко.⁷⁴

По пути из Червлённой Лермонтов заехал в Шелкозаводск, который исстари называли "земным раем", к своему двоюродному дяде Акиму Акимовичу Хастатову. Хастатов этот, по словам П. А. Висковатого, был известный всему Кавказу храбрец, похождения которого передавались из уст в уста. Этот удалец был достойным сыном своей мужественной матери, рассказы которой воспламеняли воображение Лермонтова в детстве. Пребывание в Шелкозаводске дало Лермонтову благодарный материал, которым он воспользовался по возвращении с Кавказа. В основе рассказа "Бэла", как свидетельствуют об этом П. А. Висковатый и М. Н. Лонгинов, лежит истинное происшествие, случившееся с Хастатовым, у которого действительно жила горянка, носившая это имя. Точно так же "Фаталист" описан с происшествия, бывшего с Хастатовым в станице Червлённой. По крайней мере, эпизод, где Печорин бросается в хату пьяного, рассвирепевшего казака, случился с Хастатовым. "Всё это слышал я от Акима Павловича Шан-Гирея, — утверждает П. А. Висковатый, — г. Хохряков говорит, что слышал от С. А. Раевского, будто "Фаталист" — истинное происшествие, в коем участвовали сам Лермонтов и Монго-Столыпин. Едва ли это так. Или же, может быть, оба друга были лишь свидетелями случая, изображённого в Вуличе, выстрелившем в себя".⁷⁵

Из Шелкозаводска Лермонтов проехал в Кизляр. По словам старого кавказца, современника Лермонтова, Кизляр в те годы

свалился своими виноградными садами, превосходными винами и злокачественными лихорадками, производившими такие опустошения в рядах его населения, как будто бы оно каждое лето принимало участие в военных действиях. Никакими данными о пребывании Лермонтова в Кизляре, за исключением утверждения поэта в письме к Раевскому, что он (Лермонтов) "изъездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани", современное лермонтоведение не располагает. Однако и этого вполне достаточно для того, чтобы установить, что в Кизляре поэт встретился с П.А. Катениным. Как офицер, прибывший в Кизляр и следовавший на Лезгинскую линию, Лермонтов обязательно должен был явиться к коменданту крепости. Комендантом Кизлярской крепости был полковник Эриванского карабинерного полка Катенин. Катенин, как мы указывали выше, был приятелем "любезного дядюшки" Лермонтова П.И. Петрова. Подробности этой встречи пока неизвестны. Но ясно одно: сосланный на Кавказ за стихотворение "Смерть поэта" Лермонтов специально заехал в Кизляр, чтобы увидеться и поговорить с другом Пушкина Катениным. Иначе появление Лермонтова в Кизляре объяснить нельзя.

В Кизляре молодой прапорщик-нижегородец заболел злокачественной малярией и вынужден был, как показывают обнаруженные С. И. Недумовым документы, вернуться в Ставрополь. 13 мая 1837 года поэт подаёт рапорт начальнику штаба войск на Кавказской линии и Черномории с просьбой "об освидетельствовании его". Как видно из другого документа, обнаруженного и опубликованного тем же С.И. Недумовым, Лермонтов был определён в Ставропольский военный госпиталь и затем, вскоре, был переведён в Пятигорский госпиталь для лечения минеральными водами. Вот этот документ:

"Свидетельство дано сие Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову в том, что, по переводе его в назначенный полк, на пути следования он заболел из г. Ставрополя и поступил в военный госпиталь, откуда переведён в Пятигорский для пользования минеральными водами..."

К сожалению, публикуя этот ценный документ, работники Пятигорского государственного музея "Домик Лермонтова", внесли в него произвольные и искажающие смысл поправки, предлагая читать вместо "назначенный" — "означенный" полк и вместо: "на пути следования он заболел из города Ставрополя и поступил в военный госпиталь", — "на пути следования он заболел и в г. Ставрополе поступил в военный госпиталь". Эти произвольные исправления архивного документа, по-видимому, ввели в заблуждение Е.И. Яковкину, которая в статье "О маршруте путешествия М.Ю. Лермонтова по Кавказу в 1837 году", вполне справедливо утверждая, что "маршрут путешествия М.Ю. Лермонтова по Кавказу в 1837 году до настоящего времени был настолько неясен, что в толковании его допускались разноречивые догадки, иногда исключаящие одна другую", приходит именно на основании этого произвольно "исправленного" архивного документа к выводу, "что именно в пути на Кавказ Лермонтов простудился и уже в Ставрополь приехал "весь в ревматизмах".⁷⁶ А между тем, как мы теперь это видим, дело было не так. Сам Лермонтов, как известно, в письме к С.А. Раевскому, описывая свои непрерывные странствования по Кавказу, сообщал: "Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах". Ставрополь, это общеизвестно, очень беден водой и никогда к группе Кавказских Минеральных Вод не относится.

О том, что Лермонтов после подачи рапорта о болезни находился именно в Ставрополе, убедительно свидетельствует собственноручный рисунок поэта "Сцены из Ставропольской жиз-

ни", хранящийся в художественной галерее города Молотова. Рисунок датирован 18 мая 1837 года.

В начале двадцатых чисел мая "весь в ревматизмах" (одно из проявлений кавказской злокачественной малярии, выражающейся в появлении язв (болячек) на лице и на ногах), Лермонтов прибыл в Пятигорск.

В Пятигорске

"Я теперь на водах, пью и купаюсь, словом, веду жизнь настоящей утки, — писал Лермонтов из Пятигорска 31 мая 1837 года М.А. Лопухиной... — У меня здесь очень хорошее помещение; каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снежных гор и на Эльбрус; вот и теперь, сидя за письмом к вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов: так они прекрасны и величественны. Надеюсь порядком скучать всё время, покуда останусь на водах, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избегать их. Ежедневно хожу по горам и уж от этого одного укрепил себе ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливают. Вот вам мой образ жизни, милый друг; особенно хорошего тут нет, но... когда я здоровлю и когда здесь будет государь, отправлюсь в осеннюю экспедицию против черкесов".

Кавказский офицер Э.В. Бриммер, прошедший курс лечения в Пятигорске во второй половине двадцатых годов прошлого столетия, вспоминает единообразные наставления врача:

"Вы будете пить из Михайловского источника два стакана утром и два вечером; сабанеевские ванны — 10 минут, увеличивая время до 20 минут и полчаса; так и питьё — до 12 стаканов в день; 10 ванн сабанеевских, 20 ермоловских и 10 александровских".

"Первые были, кажется, 28 градусов, вторые 35 градусов, а третьи — 40 градусов, — повествует Бриммер. — Когда пациенты сходились и поверяли друг другу данные наставления, то сходство их смущало мнительных, которые всегда желяют, чтобы и судьба, и доктора пеклись о них особенно; молодёжь же говорила, что докторам нельзя входить в подробности всех болезней, что для этого у них записаны все источники один за другим и, по приходе больных, они назначают им пить по порядку записанные у них источники — кому какой пришёл..."

"Испарившись до нельзя в ермоловских ваннах, — продолжает рассказчик, — неутомимый эскулап непременно настоял, чтобы я взял назначенные мне 10 александровских ванн, вероятно, чтобы совершенно выварить меня. Этот александровский ключ был весьма замечательное явление природы: он находился на верхней плоскости горы и бил из камня ключом, почти кулак в объёме. Над этим камнем, который был почвою горы, выстроили домик с двумя отделениями — для мужчин и женщин. В мужской половине находился самый ключ серной минеральной воды, температурою 40°R. Когда в камне над ключом была высечена ванна, то ключ уменьшился в объёме на половину, но зато вода выходила из трёх расселин в самой ванне и ещё сбоку — из дудочки в палец толщиной. Вода была горяча, но удивительно легко в ней просиживали от 2 до 7 минут, и всякую минуту пили по стакану из дудочки, для чего у сторожа были песочные часы. После ванны, в просторном предбаннике отдыхали непременно двадцать минут. Казалось бы, что после такой усиленной транспирации человек должен ослабнуть, что и было при других ваннах, но, выйдя из александровской, я чувствовал себя легко, и если бы не голод, настойчиво навязывающийся к завтраку, то не вошёл бы в квар-

тиру. Из мужской половины ключ был проведён на женскую, прямо в ванну; устройство было то же. Ожидали очереди войти в ванну на галлерею с перильцами и весьма малым навесом. Кто прежде пришёл, тот прежде брал и ванну. Если приходилось долго ждать — предложишь руку знакомой даме, пойдёшь с ней гулять по горе...⁷⁷

Лермонтов, несомненно, прошёл этот же курс лечения, ибо он, как об этом упоминалось выше, писал из Пятигорска во время лечения, что он ведёт жизнь настоящей утки: пьёт и купается в горячих серных ключах. Серные источники подействовали очень благотворно: "в месяц меня воды совсем поправили", — писал поэт своему другу С. А. Раевскому.

Сведения о Пятигорске 30-х годов прошлого столетия очень скудны. Многие авторы обычно заимствуют их из "Трёх писем о Пятигорске", напечатанных в 1847 году в газете "Кавказ" и затем перепечатанных в "Сборнике" газеты "Кавказ" за второе полугодие 1847 года. К сожалению, внимательное чтение "Трёх писем о Пятигорске" показывает, что данные о городке (тогда ещё нельзя было назвать Пятигорск городом), которые сообщил их автор, чиновник, много лет проживший на Кавказе, относятся ко второй половине 40-х годов, т. е. к тому времени, когда Лермонтова уже не было в живых. Более точное описание Пятигорска дал декабрист А. Е. Розен, отдыхавший здесь вслед за Лермонтовым, в 1838 году. "Город построен на левом берегу Подкумка, — вспоминал автор "Записок декабриста", — на покатоности Машука, имеет одну главную улицу с бульваром, который ведёт в гору, на коей посажена виноградная аллея, близ Елизаветинского источника, где устроена крытая галерея. В различных местах горы, в недалёком расстоянии, бьют серные ключи различной температуры, от 21 до 37° теплоты; при них устроены роскошно обширная купальня Николаевская и скромные купальни Александровская, Ермоловская, Сабанеевская, Варварцевская и Елизаветинская. При тихой погоде летом, при тумане зимою по всему городу распространяется сильный серный запах... Пятигорск, безлюдный, тихий городок зимою, вдруг в половине мая переполнился приезжими и закипел. Посетители были большей частью из наших степных губерний, немного из обеих столиц, а всего более было офицеров Кавказского корпуса... Пестрота одежды, форм, моды чрезвычайно разительна в Пятигорске, оттого что, кроме русского и европейского покроя, можно видеть и азиатский. По вечерам бульвар переполнен прогуливающимися, близ Николаевских ванн играет военная музыка; тут я в первый раз услышал Норму. Офицеры в черкесском наряде гарцуют на славнейших черкесских конях. Раз в неделю бывают собрания, танцуют здоровые и больные, играют в карты, как везде. Машук служит хорошим местом для прогулки, на вершине Эолова арфа немного расстроена; посетители охотно ездят за город семь вёрст в Шотландскую колонию".⁷⁸

Сезон 1837 года, как вспоминают современники, был большой. В Пятигорске поэт встретил своих однокашников по школе, гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров — А. М. Миклашевского, Н. С. Мартынова и Г. П. Самсонова и товарища по Московскому благородному пансиону Н. М. Сатина. Здесь же его обрадовала встреча со ставропольским приятелем доктором Майером, который обычно летом выезжал из Ставрополя на воды.

Вместе с Майером Лермонтов часто ходил в гости то к Миклашевскому, то к Сатину:

У Сатина произошла первая встреча Лермонтова с Белинским, который в этот сезон также лечился в Пятигорске.

"Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать, — пишет Сатин в своих воспоминаниях. — В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским.

Познакомились и дело шло ладно, пока разговор вертелся о разных пустяках...

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьёзному разбудил юмор Лермонтова, на серьёзные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернёры.

Такая неожиданная выходка... совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд смотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательные личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга".⁷⁹

В последние годы многие крупные исследователи творчества Лермонтова ставили под сомнение достоверность воспоминаний Сатина. Так, проф. Л. П. Семёнов полагал, что к воспоминаниям Сатина надо относиться осторожно, ибо, по его мнению, "они кажутся тенденциозными и не вполне достоверными... В обширной литературе о Белинском и Лермонтове нет, помимо сообщения Сатина, какого-либо источника, подтверждающего "ссору" великого критика и молодого гениального поэта при их первом знакомстве".

Проф. Н. Л. Бродский в своём сообщении "Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 году" также пришёл к выводу, что якобы "достоверность воспоминаний Н. М. Сатина весьма сомнительна. Доверяясь им, можно установить один биографический факт: Лермонтов и Белинский встретились в Пятигорске летом 1837 года — и одно предположение: между поэтом и критиком произошла беседа, вскрывшая их расхождение в оценке просветительской философии XVIII века".⁸⁰

Как теперь установлено Ю. Г. Оксманом, предметом спора между Белинским и Лермонтовым в Пятигорске был не Вольтер — великий просветитель или Вольтер — поэт, а Вольтер — политический делец, апологет "просвещённого абсолютизма", Вольтер — человек очень невысоких моральных качеств, Вольтер — камергер Фридриха II и пенсионер Екатерины II. Для Лермонтова, отвергавшего, не в пример Вольтеру, ориентацию на милость двора и бросившего в стихах "Смерть поэта" вызов великосветской челяди, стоявшей у трона Николая I, большое значение имела опубликованная в 1836 году в третьей книге "Современника" статья Пушкина "Вольтер", осуждавшая политические компромиссы и моральную нечистоплотность Вольтера. Белинский же, под влиянием либеральных иллюзий Станкевича и Бакунина, в это время полагал, что вся надежда России на просвещение, а не на перевороты. Вольтер — как идеолог просвещённого абсолютизма особенно занимал Белинского. Таким образом, правота Н. М. Сатина как мемуариста в этой части его рассказов остаётся непоколебленной.⁸¹

Одна из причин резкости столкновения между Белинским и Лермонтовым заключалась, как мы на это не раз указывали, в горячей убеждённости Белинского в непогрешимости его суждений и в его резко отрицательном отношении ко всему тому, что он считал вредным заблуждением, которое некоторыми со-

временниками великого критика расценивалось, как склонность к диктаторству.⁸²

Подобно современнику Белинского В.Н. Майкову, Лермонтов мог обратить внимание не только на содержание суждений Белинского, но и на их тон и вообразить своё самолюбие обиженным. Что у Белинского в это время была такая нетерпимость к чужим мнениям, показывает недавно опубликованное письмо Н.М. Сатина Белинскому, отправленное из Ставрополя 7 ноября 1837 года.

"Кстати, о резкости, — читаем мы в этом весьма любопытном письме; — это главное обвинение против тебя. Твои суждения вообще слишком резки и вместе с этим им не достаёт прочного основания. Примеры: Шатобриан — идиот, Ламартин — пошляк... и прочая, и прочая... К чему это?.. Односторонность — качество наших московских профессоров — есть твой недостаток, порок. — Твоя сторона прекрасна, благородна, но зачем же пренебрегать другими сторонами, зачем бросать на них незаслуженное проклятие?.."⁸³

Дом, где летом 1837 года произошло знакомство Белинского и Лермонтова, сохранился в Пятигорске до сих пор. Это дом № 28 по Советскому проспекту, угол улицы Карла Маркса. На литографии Пятигорска 1839 года он красуется рядом с ресторацией (сожжённое немцами в 1942 г. здание Бальнеологического института), выделяясь своим нарядным фасадом на фоне остальных скромных домиков Пятигорска. Колонн на фасаде дома уже нет, но сам дом и надворный флигель сохранились. На плане Пятигорска тридцатых годов прошлого столетия дом этот значится под № 15, как принадлежащий помещикам Аршевым.

Здесь же, в Пятигорске, как это установлено А. Михайловой, Лермонтов знакомится с начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майором В.Д. Вольховским.⁸⁴

Личность Владимира Дмитриевича Вольховского — друга Пушкина и декабристов — заслуживает того, чтобы на ней остановиться. В лице Вольховский был "первый в своём курсе". За твёрдость характера, мужество, воздержанность товарищи прозвали Вольховского "спартанцем" и "Суворочкой". Вольховский пользовался любовью и уважением всех своих товарищей. Курс лицея кончил первым — с золотой медалью и с занесением его имени на мраморную доску. Был выпущен в гвардию и поступил в Генеральный штаб. Все прочили ему блестящую карьеру крупного военного деятеля. Его лицейский товарищ, "соперник" Пушкина по стихам, Иличевский называл его человеком "великих достоинств и великой надежды". Летом 1818 года Вольховский вступил в "Союз Благоденствия". Судя по запискам И.И. Пущина и дневнику В.К. Кюхельбекера, до этого он был в "Союзе Спасения". Вольховский был одним из самых умеренных и осторожных участников тайного общества. В своих показаниях на допросах Трубецкой назвал Вольховского сторонником конституционной монархии. Многие декабристы показали, что он присутствовал на их совещаниях в 1823 году. В 1825 году он был в экспедиции "Для обозрения пространств между Каспийским и Аральским морями", поэтому не участвовал в выступлении 14 декабря. Николай I велел оставить его "без дальнейшего действия", однако Вольховский был удалён на Кавказ, участвовал в войнах с Персией и Турцией, был произведён в генерал-майоры и занял должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса. На Кавказе, по свидетельству одного из современников, Вольховский сделался "ангелом-хранителем" всей довольно многочисленной семьи декабристов, сосланных на Кавказ.

Архив Вольховского, обнаруженный несколько лет тому назад И.К. Ениколоповым, наглядно показывает благожелатель-

ное, даже сострадательное отношение Вольховского к пострадавшим декабристам: письма родных П. Коновницина, адресованные Вольховскому, проникнуты, по словам И.К. Ениколопова, признательностью и упованием на него.

Не меньшее сочувствие находили у Вольховского его друзья по лицу. И.К. Ениколопов опубликовал следующий отрывок из письма лицеиста позднейшего выпуска к Вольховскому: "Не нахожу слов выразить благодарность мою за старание Ваше об определении меня в Грузию. Все воспитанники лицея привыкли ожидать от Вас больше, чем от кого бы то ни было, неизменных чувств прежнего товарищества..."

Как показывает опубликованное А. Михайловой письмо В.Д. Вольховского родственнику Лермонтова генерал-майору А.И. Философому, хлопотавшему за Лермонтова перед своим бывшим боевым товарищем, начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса принял живейшее участие в судьбе опального прапорщика.

"Письмо твоё, любезнейший и почтеннейший Алексей Илларионович, от 19 мая, — писал Вольховский Философому, — получил я только в начале июля в Пятигорске и вместе с ним нашёл там молодого родственника твоего Лермонтова. Не нужно тебе говорить, что я готов и рад содействовать добрым твоим намерениям на счёт его: кто не был молод и неопытен? На первый случай, скажу, что он по желанию ген. Петрова, тоже родственника своего, командирован за Кубань в отряд ген. Вельяминова: два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему бесполезны — это предельно прохладительное средство (calnont — успокаивающее. — А.П.), а сверх того лучший способ заглушить проступок. Государь так милостив, что ни одно отличие не останется без внимания его. По возвращении Лермонтова из экспедиции постараюсь действовать на счёт его в твоём смысле".

Таким образом, окончательно установлено, что по настоянию "любезнейшего дядюшки" П.И. Петрова Лермонтов получил возможность принять участие в экспедиции генерала Вельяминова.

18 июля 1837 года поэт писал Елизавете Алексеевне Арсеньевой: "Милая бабушка, пишу к вам по тяжёлой почте, потому что третьего дня по экстра-почте не успел, ибо ездил на железные воды и, виноват, совсем забыл, что там письма не принимают; боюсь, чтобы вы не стали беспокоиться, что одну почту нет письма. Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе на берегу Чёрного моря при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию. Итак, прошу Вас, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите к нему: он обещался мне доставлять их туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщение сюда очень трудно, и почта не ходит, а депеши с нарочным отправляют". Дальше поэт сообщал известия о своём родственнике Монго-Столыпине, уехавшем вслед за Лермонтовым на Кавказ и прикомандированном к одному из казачьих полков в отряде Вельяминова: "он здоров, и некоторые офицеры, которые отсюда сюда приехали, мне говорили, что его можно считать лучшим офицером из гвардейских, присланных на Кавказ". Не удивляется Лермонтов и судьбе младшего товарища по школе гвардейских юнкеров и кавалерийских подпрапорщиков П.А. Гвоздева, который в это время за одно из своих сатирических стихотворений был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ. "Здесь погода ужасная, — жалуется поэт, — дожди, ветры, туманы; июль — хуже петербургского сентября, так что я остановился брать ванны и пить воды до хороших дней. Впрочем, я думаю, что не возобновлю, потому что здоров как нельзя

лучше. — Для отправления в отряд мне надо будет сделать много покупок, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича. Пожалуйста, пришлите мне денег, милая бабушка; на прожитьё здесь мне достанет, а если вы пришлёте поздно, то в Анапу трудно доставить".

Это письмо Лермонтова свидетельствует лишний раз о близких отношениях Лермонтова с П.И. Петровым.

Подобно всем больным, проходившим курс лечения в Пятигорске, Лермонтов часто посещал "Ресторацию" и принимал участие в устраиваемых там развлечениях, бродил в окрестностях города, а также наездами бывал в Железноводске и Кисловодске.

Погода в Пятигорске летом 1837 года стояла ужасная: дожди, ветры, туманы... В начале августа поэт, повидимому, получил деньги от бабушки, предстояло сделать много покупок. С.И. Недумовым в Пятигорском государственном архиве найдены документы, гласящие, что Лермонтов со 2 июня по 10 августа отпущался в Пятигорске серные ванны.⁸⁵ Следовательно, 10 августа Лермонтов прекратил лечение.

В середине августа Лермонтов покидает Пятигорск и едет в Грузию. Обстановка в Дагестане и в Кубанской провинции осложнилась настолько, что Нижегородский драгунский полк решено было оставить в Кахетии. Лермонтову необходимо было явиться в полк.

Полковник С.Д. Безобразов

Цветущая природа Грузии очаровала Лермонтова.

"Как перевалился через хребет в Грузию, — писал он своему другу Святославу Раевскому, — так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; отсюда видна половина Грузии как на блюдечке, и право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра — к чорту, сердце бьётся, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь".

"Старая Военно-Грузинская дорога, — рассказывает П.А. Висковатый, — следы коей видны и поныне, своими красотами и целой вереницей легенд особенно поразили поэта. Легенды эти были ему известны уже с детства, теперь они возобновились в его памяти, вставали в фантазии его, укрепляясь в памяти вместе с то могучими, то роскошными картинами кавказской природы".

По дороге в Тифлис во Мцхете — древней столице Грузии,

**Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры...**

Лермонтов встретил у развалин покинутого, наполовину разрушенного монастыря одинокого монаха. Монах был последним из братии этого упразднённого монастыря. Поэт разговорился с ним и узнал, что он родом горец и что его в детстве во время одной из своих многочисленных экспедиций взял в плен генерал Ермолов. Ермолов вёз его с собой в Тифлис, но по пути мальчик заболел и генерал оставил его монастырской братии. Здесь, в монастыре, он и вырос; но долго не мог свыкнуться с монастырской жизнью и неоднократно делал попытки бежать в горы. Последняя такая попытка едва не закончилась его гибелью: он долго болел, находясь на грани смерти, но монахи вернули его к жизни. Тогда он угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к одному старику-монаху. По словам

А.П. Шан-Гирея и А.А. Хастатова, любопытный и живой рассказ старого монаха произвёл на поэта сильное впечатление, и он, вернувшись с Кавказа, положил его в основу своей поэмы "Мцыри".⁸⁶

Через пёстрый и шумный Тифлис Лермонтов проехал в Кара-Агач, где находилась штаб-квартира Нижегородского драгунского полка.

Кара-Агач был основан в XVII веке Бетан-Ханом, который от имени персидских шахов во времена персидского владычества управлял Кахетией. После падения этого тирана Кара-Агач долго ещё был резиденцией персидских наместников в Грузии. К концу XVIII века он представлял собою груду развалин. Однако после присоединения Грузии к России здесь было заложено укрепление, которое стало штаб-квартирой Нижегородского полка, и в тридцатых годах XIX века Кара-Агач превратился в довольно большое и чистенькое благоустроенное местечко. Недалеко от Кара-Агача по пути к Царским Колодцам находились развалины когда-то величественного замка царицы Тамары.

По прибытию в Кара-Агач Лермонтов представился командиру полка полковнику Безобразову.

Сергею Дмитриевичу Безобразову многочисленные биографы Лермонтова до сих пор не уделяли никакого внимания. Только И.К. Ениколопов в своей работе о Лермонтове указал, что "опальным был и сам командир полка полковник С.Д. Безобразов".⁸⁷ А, между тем, семейная трагедия Безобразова, приведшая блестящего гвардейского офицера на Кавказ, наделала в тридцатых годах много шума и долгое время была предметом толков в великосветских кругах. Пушкин отметил её в своем дневнике.⁸⁸ Как это недавно удалось установить, семейная трагедия С.Д. Безобразова послужила основным материалом для первых, отправных глав замечательной повести Л.Н. Толстого "Отец Сергей".⁸⁹ Вот почему мы считаем необходимым остановиться на интересной биографии этого незаурядного офицера русской армии.

Сергей Дмитриевич Безобразов был на тринадцать лет старше Лермонтова. Службу начал корнетом лейб-гвардии Подольского кирасирского полка. Находясь в Варшаве, Безобразов по своему уму, образованию и светскому лоску играл выдающуюся роль в блестящем варшавском обществе. По свидетельству декабриста Н.И. Лорера, встречавшего Безобразова в Варшаве, Сергей Дмитриевич был одним из красивейших мужчин своего времени... Его смело можно было назвать Аполлоном Бельведерским, а при его любезности, ловкости, умении танцевать, в особенности мазурку, не мудрено было ему сводить всех полек с ума. В 1830 году Безобразов был назначен адъютантом цесаревича Константина Павловича. При подавлении польского восстания 1831 года, участвуя в сражениях при Калушине, Грохове, Остроленке и в окрестностях Вильно, Безобразов выдвинулся как отличный боевой офицер. После смерти Константина Павловича Николай I назначил Безобразова своим флигель-адъютантом. Перед молодым офицером открывалась блестящая карьера.

При дворе Безобразов встретил фрейлину императрицы — красавицу княжну Любовь Александровну Хилкову и влюбился в неё.

Княжна Хилкова — "образцовая лединка Зимнего дворца", как звали её современники, — была сиротой. Когда в 1829 году она лишилась отца, её старший брат генерал-майор Степан Александрович Хилков приехал из Твери, где он командовал 1-й уланской дивизией, в Петербург и явился в Зимний дворец. Рассказав царю о смерти своего отца, князь А.С. Хилков обра-

тился с просьбой об отставке. Свою просьбу он мотивировал необходимостью посвятить жизнь единственной сестре, которая после смерти отца лишилась последней опоры. Хилков полагал, что, продолжая военную службу, он не сумеет выполнить по отношению к сестре всех тех обязанностей, которые возлагаются на него почитательностью сына к памяти отца и привязанностью брата.

Николай I самым решительным образом прервал Хилкова, заявив ему, что он ни в коем случае не разрешит ему оставить военную службу. Больше того, Николай заявил, что юной Хилковой он сам заменит отца. — "Представь её ко двору, — предложил самодержец, — я назначу её фрейлиной к императрице".

Хилков оставалось только благодарить и повинаться.

Как рассказывает один из современников, Безобразов, удостоверясь во взаимности любимой девушки, "обратился к князю Хилкову с просьбой согласиться на брак его сестры с ним. Князь Хилков ответил, что он сам лично ничего не имеет против этого брака, тем более, что и сестра изъявила своё согласие, но не может ни на что решиться без воли государя, заменившего ей место отца. Князь обещал о желании Безобразова написать царю".⁹⁰

Безобразов с письмом князя Хилкова обратился к Николаю, получил от него согласие и обещание быть посаженным отцом. Безобразов женился счастливой жизнью жениха. — И он, и княжна Хилкова оба были молоды, необыкновенно хороши собой и страстно любили друг друга.

Николай пожелал отпраздновать свадьбу по-царски. Венчание было назначено в придворной церкви. Императрица сама надела серьги невесте. При такой блистательной обстановке, при таком счастливом начале их супружеской жизни, казалось, можно было рассчитывать на ясную, безоблачную будущность. Но случилось иначе...

Вскоре после венчания молодые люди разошлись. Виновником семейного неблагополучия Безобразовых в обществе упорно называли самого Николая I. Николай грубо вмешался в эту семейную жизнь. Безобразов был сослан на Кавказ, а жена его, облекшись в глубокий траур, переехала в Москву к брату А.С. Хилкову. В Москве замечательная красота Безобразовой: бледное, выразительное лицо с оттенком грусти, стройный стан, постоянно чёрный костюм, наконец, слухи о причине "вынужденного" отъезда её мужа на Кавказ производили сильное впечатление. Князь А.С. Хилков, как говорили, написал резкое письмо Николаю I, который после этого вознегодовал на него и отстранил от военной службы.⁹¹

В Ставрополе-на-Кавказе Безобразов попал в распоряжение генерала Вельяминова. В одном из первых сражений против горцев он получил тяжёлое пулевое ранение в ногу. Затем, в течение двух лет, командуя то авангардами, то всею кавалерией в отрядах Вельяминова и Засса, Безобразов блистательными подвигами завоевал себе громкую известность. "Всегда в высокой белой папахе, на белом коне, — пишет историк нижегородских драгун генерал В.А. Потто, — всегда впереди атакующей кавалерии, он увлекал своей отвагой линейных казаков, которые умели дать настоящую цену удали и храбрости. Его так и звали казацким Мюратом. Двухлетние походы доставили ему Анну на шею, чин полковника и командование Нижегородским полком, но надо сказать, что вместе с производством он был отчислен от свиты и перестал носить "флигель-адъютантские аксельбанты".

После смерти генерала Севарсамидзе на Безобразова было возложено исполнение обязанности начальника Лезгинской линии и Джаро-Белоканского округа. В 1839 году командир От-

дельного Кавказского корпуса генерал Головин, осмотрев Лезгинскую линию, нашёл её под управлением Безобразова в превосходном состоянии: всюду кипела работа; строились посты, прорубались новые просеки. "Проезжая Джарскую область не далее как в сентябре прошлого 1838 года, — доносил генерал Головин военному министру, — я везде встречал угрюмые недовольные лица жителей, в нынешнем году от Елису до Белокан меня встречали везде с непритворною радостью. На лицах джаро-белоканцев уже не было видно отпечатка ненависти к русским; напротив, довольные настоящим своим положением, видя справедливость и бескорыстие поставленной над ними власти, они с доверием смотрят на начальство, пекущееся об их благосостоянии. Должно надеяться, что спокойствие и порядок, восстановленные благоразумным и деятельным управлением Безобразова, дадут отличные результаты".⁹² В своём донесении Николаю I, докладывая, что при Безобразове на Лезгинской линии водворились совершенное спокойствие и безопасность, Головин обращает внимание государя на то, что Безобразов "приобрёл любовь и уважение не только жителей Джарской области, но и соседних племён и возвратил через то много джарцев, находившихся в бегах у лезгин и причинявших нам большой вред... Не могу не повторить... — доносил дальше Головин, — что Джаро-Белоканская область нынешнему, так удолетворительному во всех отношениях состоянию, обязана единственно трудам и заботливости полковника Безобразова".⁹³

В 1842 году Безобразов в чине генерал-майора был назначен начальником правого фланга Кавказской линии, заменив на этом посту генерала Засса.

К месту нового назначения Безобразова в Ставрополь, в одной оказии с вновь назначенным начальником правого фланга Кавказской линии, следовал в качестве рядового декабрист А.П. Беляев. В своих воспоминаниях Беляев рассказывает о дальнейшей судьбе Безобразова. Несмотря на трудности пути, вспоминает декабрист Беляев, "мы все были очень веселы... Безобразова, как генерала, приглашали на ночь к местному военному начальнику, который при этом случае, вероятно, сам выходил куда-нибудь. Он также с нами разделял и чай, и ужин, а как это был человек весёлый, приятный и в нашем странническом положении добрейший товарищ, то неудобства нас более смешили, нежели сердили, и часто раздавался весёлый смех..."

"По пути Безобразов, — продолжает Беляев, — просил меня сесть к нему в коляску и дорогой рассказал мне, с каким нетерпением он летит в Ставрополь, где ожидала его жена, с которой он был более десяти лет в разлуке. При этом он также рассказывал мне, что в его решимости примириться и вновь соединиться с женою, с которой он так давно расстался, он много обязан Михаилу Александровичу Назимову, одному из наших товарищей, пользовавшемуся большим уважением всех знавших его. По своему уму, высоким качествам, серьёзности, прямоте характера, правдивости М.А. Назимов слыл и был каким-то мудрецом, которого слово имело для многих большой вес; много раз он уговаривал Безобразова и убеждал помириться с женой, и, вероятно, сильны и вески были его доводы с моральной и нравственной точки зрения, что "я, — как говорил Безобразов, — вполне согласился с ним и тем более, что доводы эти проникали в сердце моё любовью и истинным благожеланием мне добра и я всегда буду ему благодарен".

В Ставрополе Беляев посетил Безобразова. "Он познакомил меня с своей женой, вспоминает декабрист, — женщиной средних лет, но уже носившею на себе следы глубокой скорби в проседи её чёрных или тёмных волос и в каком-то меланхолическом настроении. Черты у неё были правильны и всё лицо пре-

красно, видно, что она была ещё недавно красавицей. Я простился с ними, поблагодарив, что они доставили мне сердечное наслаждение, дозволив быть свидетелем их нового счастья, продолжения которого также пожелал им от всего сердца, с уверенностью, что это желание осуществится и что они до конца дней будут счастливы".⁹⁴

Безобразовы прожили в Ставрополе пять лет и в 1847 году уехали.

Л.А. Безобразова умерла 28 ноября 1859 года. После её смерти Безобразов впал в мистицизм и стал заниматься спиритизмом. Скончался он в Петербурге 6 декабря 1879 года.

Испытавший сам на себе гнев и немилость царя, Безобразов чутко и бережно относился к офицерам и солдатам, имевшим за собой по формулярам недоимки, которые, по суровым обычаям того времени, погашались кровью и подвигами. Командуя кавалерией в отрядах Засса и Вельяминова, Безобразов был непосредственным свидетелем боевых подвигов штрафных солдат и офицеров, всегда видел в них пример высокого самоотвержения и привык уважать их доблести.

И Лермонтов, и Безобразов были люди одного круга, одной общественной среды, оба были жертвами жестокого и гнусного приговора Николая I. Поэтому не может быть никакого сомнения в том, что переведённый из гвардии прапорщиком в Нижегородский драгунский полк Лермонтов был тепло и радушно встречен своим новым командиром — полковником Безобразовым.

В Кахетии

В Кара-Агаче Лермонтов попал в крепко сплочённую боевую семью офицеров Нижегородского драгунского полка.

Тон жизни задавал командир полка — полковник С.Д. Безобразов. "Сам полный энергии, — пишет о Безобразове историк 44 Нижегородского драгунского полка, — он сумел передать её своим подчинённым, и жизнь в полку закипела неудержимым веселием — точно с неё спал гнёт, от которого долгое время она не могла отделаться. Это было то "честное веселье", которое, как выразился один из знаменитейших кавказских вождей, знаток человеческого сердца (Слепцов), "радует душу начальника". При таком бодром и весёлом состоянии духа нет усталости, лишений и опасностей, которые бы не переносились шутя и свободно. На Кара-Агач легла печать какого-то особого, словно праздничного настроения. По-видимому, в обстановке края не произошло никакой перемены: те же чёрные тучи висели над Кахетией, та же вечная сторожевая служба и бесконечные, даже ещё более трудные, чем прежде, горные походы, а между тем досуга у всех было много, и в Кара-Агач стала съезжаться чуть не половина Тифлиса: домашние спектакли, танцы, пикники, охоты с борзыми собаками и ястребами сменялись военными забавами: джигитовками, манёврами, примерными штурмами, — и всё это заканчивалось гомерическими пиршествами, на которые торжественно выносились старинные полковые литавры — дар полковника Панина, и в них, как в огромных серебряных чашах, готовилась полковая жжёнка.

Опять начались и забытые поездки к грузинским князьям, на которые Безобразов смотрел не только как на развлечение, но видел в них средство к изучению быта, обстановки и местных условий края. В этих поездках играли и теперь главную роль Цинондалы, где жил тогда знаменитый князь Гульбат Чавчавадзе, один из тех старых типов, которые своими могучими и харак-

терными фигурами так и просятся на полотно художника. Гульбат жил по старине самой глубокой, но три младшие брата его — Язон, Спиридон и Димитрий, герои паскевических войн, служили в Нижегородском полку и туда же поступивший впоследствии родной его сын, князь Захарий, стяжавший имя витязя Кавказской войны. С Цинондалами у Нижегородцев была, таким образом, кровная связь, и они были всегда желанными гостями Гульбата".

Это свидетельство историка Нижегородского драгунского полка, основанное на рассказах и воспоминаниях старых нижегородцев, позволяет утверждать, что Лермонтов, находясь в рядах Нижегородского полка, бывал в Цинондалах и был знаком с князьями Чавчавадзе, в том числе и с Ниной Александровной Грибоедовой, урождённой Чавчавадзе.

На основе письма Лермонтова к бабке, впервые обнаруженное в г. Актюбинске в декабре 1948 года, И.Л. Андроников установил, что до первой ссылки Арсеньева и Лермонтов встречались в Петербурге с бывшей воспитательницей Ниной Александровны — вдовой генерал-майора П.Н. Ахвердовой, умной и образованной дамой, одарённой многообразными талантами. Она увлекалась живописью, копировала картины Эрмитажа, точила из кости и дерева, занималась музыкой, много читала. Эта замечательная женщина, урождённая Арсеньева, была троюродной сестрой матери поэта и, следовательно, приходилась ему троюродной тёткой.

По мнению И.Л. Андроникова, Ахвердова "должна была принять участие в судьбе Лермонтова, когда он пострадал за стихи на смерть Пушкина... Поэтому не подлежит сомнению и то, что Лермонтов уезжал в Грузию, снабжённый письмами Ахвердовой к её тифлисским друзьям — и прежде всего, конечно, к Александру Гарсевановичу Чавчавадзе". Здесь И.Л. Андроников ошибается. Общеизвестно, что в 1837 году А.Г. Чавчавадзе находился в Тамбове, куда он был сослан после заговора грузинских дворян 1832 года. Из ссылки он вернулся в 1838 году, следовательно, Ахвердова никак не могла писать Александру Гарсевановичу в Тифлис. Но своим тифлисским друзьям она, конечно, написала и, "таким образом, — здесь мы согласны с И.Л. Андрониковым, — Лермонтов в дом Чавчавадзе должен был попасть непременно: не только как поэт, прославившийся стихами на смерть Пушкина, но и как родственник женщины, связанной с домом Чавчавадзе долгой и прочной дружбой". И трудно допустить, чтоб он не воспользовался возможностью познакомиться с вдовой великого Грибоедова.

"По всем признакам знакомство состоялось. Доказательством этого служат слова Шан-Гирея. Вспоминая разговор свой с Лермонтовым по поводу "Демона", он пишет в своих мемуарах:

"Здесь, кстати, замечу... неточности в этой поэме:

Он сам властитель Синодала...

В Грузии нет Синодала, а есть Цинундалы (так у Шан-Гирея! — И.А.) — старинный замок, принадлежащий одной из древнейших фамилий Грузии князей Чавчавадзе".

Как видим, Шан-Гирею было известно, что мысль назвать жениха Тамары "властителем Синодала" возникла у Лермонтова в связи с пребыванием в Цинондали, у Чавчавадзе. Иначе Шан-Гирею и в голову не пришло бы сопоставлять слова "Синодал" и "Цинондалы", а тем более говорить об этом как о неточности".⁹⁵

В более ранней редакции своей работы И.Л. Андроников, утверждая пребывание Лермонтова в Цинондалах, у Чавчавадзе, писал о великом русском поэте:

"Так вот, оказывается, где наблюдал он жизнь новой страны, откуда узнал феодальный княжеский быт, описанный в "Демоне".⁹⁶ Это замечание имеет существенное значение.

Общеизвестно, что "Демон" является одним из самых сокровенных произведений великого русского поэта. Замечательный художник слова работал над этой поэмой свыше десяти лет. Мы вполне согласны с Б. Эйхенбаумом, что в первоначальных очерках поэма совершенно абстрактна — никакого времени, никакого места действия, никаких имён. Скалы, море, даже океан — такова обстановка. В одном месте упоминается об "испанской лютне, но почему она именно испанская — остаётся неизвестным".⁹⁷ И прав И.Л. Андроников, когда в своей статье "Лермонтов в Грузии" утверждал, что "только после того, как Лермонтов побывал в Грузии, романтическая поэма о любви небожителя к земной девушке приобрела черты подлинного реализма. Тамара, Синодал, отец Тамары — старый Гудал — живые полнокровные образы".

Ещё в 1949 году мы указывали на то, что центральные образы поэмы Лермонтова "Демон" связаны с Цинондали и семьёй Чавчавадзе.

Так, прототипом старого Гудала — отца Тамары, был старый князь Гульбат Чавчавадзе, живший, как вспоминали современники Лермонтова — старые нижегородцы, по старине самой глубокой. Если это так, то не поместье ли старого Гульбата описано в поэме?

**Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
Со стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке...**

Трагическая судьба наследницы Гудала, потерявшей жениха накануне свадьбы, невольно вызывает сопоставление с не менее трагической судьбой Нины Грибоедовой, потерявшей мужа (также убитого врагами) вскоре после свадьбы. Как известно, Нина Александровна осталась верна памяти своего мужа: много раз ей представлялись случаи вступить в новый брак, но она отказывала всем претендентам, хотя в числе искателей её руки были выдающиеся люди. Лермонтов не мог не знать этого.

**Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Не мало в Грузии невест!
А мне не быть ничьей женою!.. —
говорит Тамара старому Гудалу.**

Нине Александровне в 1837 году шёл только 25-й год, — она была в расцвете своей неотразимой, чудесной красоты.

**...И были все её движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты...**

Работая над "Демоном", Лермонтов придал внешнему облику героини поэмы Тамары прелесть и обаяние вдовы Грибоедова.

И это действительно так. В черновой рукописи поэмы 1838 года, хранящейся в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, есть строчки, не вошедшие потом в окончательный текст. Тамара говорит старому Гудалу:

**Скажи моим ты женихам:
Супруг мой взят сырой землёю,
Другому сердце не отдам.
С тех пор, как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит...**

Напомним: Грибоедов похоронен у подножья горы Мтацминда. На одной из сторон мраморного пьедестала надгробного памятника выбито: "Незабвенному — его Нина", а с противоположной стороны трогательные слова: "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?"

Не лишено вероятия предположение И.Л. Андроникова, что в Цинондалах, а также в гостиниой Чавчавадзе в Тифлисе Лермонтов мог встречаться с прославленными красавицами Грузии тридцатых годов Майко и Майей Орбелиани, из которых первая была близкой родственницей семьи Чавчавадзе, и с замечательными грузинскими поэтами Григорием Орбелиани и Николаем Бараташвили.

Помимо Цинондал, притягательным центром для офицерского общества нижегородских драгун был дом их однополчанина подполковника Нечволодова. Это было место, где сходились все симпатии, где люди встречали тёплое участие и в горе, и в радости.

Хозяин этого дома Григорий Иванович Нечволодов испытал жизнь, полную приключений и превратностей судьбы, будучи трижды разжалован в солдаты. Этот человек под командованием Суворова дрался при Бресчии, Нови, Требии, переходил через Альпы и Чёртов мост и не раз получал благодарности из уст знаменитого полководца, который знал его лично. В 1813 году в рядах Павлоградского гусарского полка он "сделал кампанию" в летучем отряде атамана Платова. В Кара-Агаче он появился в 1822 году в качестве рядового драгуна. Ермолов, лично знавший Нечволодова по наполеоновским войнам, приказал отправить его на Кубань, прикомандировав к одному из линейных казачьих полков. Через четыре года Нечволодов вернулся в Нижегородский драгунский полк майором, в третий раз заслужив все те ордена, которые он когда-то получил по представлению Суворова в Италии и по представлению Платова во Франции.

Жена Нечволодова, Екатерина Григорьевна, происходила из племени абадзехов. Семи лет от роду маленькая Сатанаис попала в плен и воспитывалась в добром казачьем семействе. При крещении её нарекли Екатериной. Первая жена Нечволодова удочерила её, но вскоре умерла от разрыва сердца. Нечволодов вернулся в Кара-Агач один с маленькой восьмилетней Катей. Здесь осиротевшая девочка обрела себе новую семью в дружной среде нижегородских офицеров и, оставаясь у Нечволодова, сделалась дочерью полка в полном смысле этого слова. Среди нижегородских драгун было немало людей образованных, потом появились разжалованные в солдаты и сосланные на Кавказ декабристы, и все они, принятые в доме Нечволодова как родные, полюбили маленькую Катюшу и занялись её образованием. Среди её учителей называли брата А.С. Пушкина — Льва Сергеевича и одного из Бестужевых. Её снабжали книгами, и с детства, на всю жизнь она любила чтение. Единственное, что иногда возмущало её душевный мир — это воспоминание о родине: она любила вспоминать о ней, любила вспоминать своё детство, удивительно сохранившееся в её памяти. Достигнув пятнадцати лет, она вышла замуж за Нечволодова, несмотря на то, что ему было под пятьдесят. Неравенство лет не мешало их супружескому счастью: они любили друг друга искренне и свято.

Нечволодовы поселились в Царских Колодцах, недалеко от Кара-Агача, и дом их, открытый для всех, славился гостеприимством по всему Кавказу.

Особенно любили дом Нечволодовых нижегородцы. Как вспоминал генерал-лейтенант Амилахвари, служивший в дни своей молодости в Нижегородском драгунском полку и лично знавший обоих Нечволодовых:

"Любили посещать этот дом и люди серьёзные, находившие большое удовольствие в беседах с самим Нечволодовым, и молодёжь, собиравшаяся повеселиться; и тут же встречали привет и посильную помощь все заброшенные в далёкий край по воле судьбы и обстоятельств. Екатерина Григорьевна служила душой общества и являлась не только радушной хозяйкой, но женщиной в высоком смысле этого слова — и здесь-то надо искать разгадку той популярности и той всеобщей любви, которые она сохранила до глубокой старости".⁹⁸

Будучи офицером Нижегородского драгунского полка, Лермонтов, в обществе других офицеров-однополчан, конечно, посещал гостеприимную чету Нечволодовых. Его должен был привлекать не только старый рубака Нечволодов, но и дочь суровых кавказских гор — обаятельная Екатерина Григорьевна. Лермонтов не мог не знать историю маленькой пленницы Сатанайсы — балованной дочери его нового полка, ставшей женою своего же приёмного отца. Если в Шелкозаводске у своего родственника Хастатова он слышал трагическую историю дочери гор Бэлы, которая, несомненно, поразила его творческое воображение, то в Царских Колодцах он встретил лицом к лицу прекрасную горянку. В 1837 году Екатерине Григорьевне шёл двадцать второй год, она была в расцвете своей красоты. И кто знает — не придал ли Лермонтов внешнему облику Бэлы черты Екатерины Григорьевны. Хочется обратить внимание на сходство имён Печорина и Нечволодова. И того, и другого звали Григорием... Но это все домыслы, ещё требующие обстоятельных доказательств.

Косвенное подтверждение тому, что Лермонтов мог быть и был у Нечволодовых, мы находим в записках того же князя Амилахвари:

"В тридцатых годах, — вспоминает старый драгун, — когда Царские Колодцы служили центральным пунктом Лезгинской линии, в доме Нечволодовых перебивало множество разнообразных личностей, наезжавших сюда из Тифлиса и других городов, и все они навсегда сохраняли о нём самые светлые воспоминания".

В числе посетителей дома Нечволодовых, конечно, был и Михаил Юрьевич Лермонтов.

Сообщая своему другу С. Раевскому о том, что он был в Кахетии, поэт козыряет тем, что он "ел чурек, пил кахетинское даже..."

Лермонтов вместе со своими однополчанами не раз кутил у гостеприимных кахетинских помещиков и, несомненно, оценил их непринуждённое застольное веселье.

Кахетия по-братски тепло и гостеприимно встретила опально-го русского поэта.

М.Ю. Лермонтов и М.Ф. Ахундов

Находясь в Кара-Агаче, Лермонтов часто наезжал в Тифлис.

В Тифлисе, как это основательно доказывает в своих интересных работах И.Л. Андроников, М.Ю. Лермонтов встретился с молодым, тогда только ещё начинавшим свою литературную карьеру, азербайджанским писателем Мирза Фатали Ахундовым.

И.Л. Андроников свои доказательства строит на упоминании в черновом автографе Лермонтова... татарина Али.

"Я в Тифлисе у Петр. Г., учёный татар (ин) Али и Ахмет", — значит в этом автографе.

И.Л. Андроников справедливо полагает, что "учёный татарин Али" есть не кто иной, как великий азербайджанский писатель Мирза Фатали Ахундов. Этот довод И.Л. Андроникова будет звучать более убедительно, если мы вспомним полную азербайджанскую транскрипцию имени великого писателя: Мирза Фехт-Али Ахундов.

Но существует и другая точка зрения. Исследователь русско-кавказских взаимоотношений И.К. Ениколопов в своей книжке "Лермонтов на Кавказе" утверждает, что якобы в ту пору (считай в 1837 году) среди мусульманского населения Тифлиса наиболее образованным человеком был Мамед-Али, уроженец Сальян. У него был племянник Ахмед, занявший в 1852 году его должность. И.К. Ениколопов полагает, что за лермонтовским учёным татарин Али скрывается учёный сальянец Мамед-Али. От него и от его племянника Ахмета Лермонтов, по мнению исследователя, мог услышать сказку про Ашик-Кериба и записать её в своём переложении.

Мы полагаем, что разрешение вопроса о том, кто скрывается за упоминаемым в лермонтовском автографе "учёным татарин Али", имеет большое принципиальное значение.

Кто же прав: Андроников или Ениколопов?

Могла ли состояться встреча М.Ю. Лермонтова и М.Ф. Ахундова?

Ещё в 1941 году в наших публикациях "Лермонтов в Азербайджане" и "Лермонтов и М.Ф. Ахундов" мы отвечали на этот вопрос положительно.

Как утверждает исследователь творчества М.Ф. Ахундова проф. М. Рафили, писатель с 1834 года жил в Тифлисе.⁹⁹ Великий азербайджанский гуманист, тогда ещё только вступивший на первые ступени своей литературной славы, серьёзно и основательно изучал русскую литературу. Он любовно и вдумчиво читал творения Ломоносова, Державина, Карамзина и, в особенности, Пушкина, тем более, что другом его был известный поэт-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, бравший у Ахундова уроки азербайджанского языка.¹⁰⁰ М.Ф. Ахундов вращался в среде передовой грузинской интеллигенции. Как было воспринято в Тифлисе известие о гибели Пушкина, лучше всего показывает письмо А.А. Бестужева брату:

"Я был глубоко тронут трагическою кончиною Пушкина, — писал он 23 февраля 1837 года, — я не сомкнул глаз во всю ночь и на рассвете дня был уже на крутой дороге, ведущей в монастырь св. Давида... Придя туда, я призвал священника и попросил отслужить панихиду над могилой Грибоедова, попорченного святотатственными ногами, над могилой поэта, без камня, без надписи! Я плакал тогда, как плачу теперь, — плакал горячими слезами, плакал над другом и товарищем по жизни, оплакивал самого себя! А когда священник запел: "за убиенных бояр Александра и Александра", я чуть не задохся от рыданий. Этот возглас показался мне не только поминовением, но и предсказанием... Да, я сам предчувствую, что смерть моя будет также насильственной и необычайна, и она недалеко от меня. Какая, однако, роковая судьба тяготеет над поэтами нашего времени! Вот уже трое погибло (Рылеев, Грибоедов, Пушкин) и какую смертью! Пушкин умер, и потеря эта неизгладима..."¹⁰¹

Скорбь Бестужева разделяли лучшие представители тифлисской интеллигенции, многие из которых в 1829 году тепло и гостеприимно встречали покойного поэта в Тифлисе. Бестужев рассказывает, что когда он прочёл это письмо Мамуку Арбельянову, то последний воскликнул:

— Я убью этого Дантеса, если когда-нибудь его увижу!..

С глубокой скорбью, идущей от самых сокровенных тайников души, откликнулся на трагическую гибель великого русского поэта и М.Ф. Ахундов в своей вдохновенной, исполненной тонкого лиризма, элегической восточной поэме "На смерть Пушкина".

"Не говори о мечте: я уже знаю, чем это кривоходящее небо награждает питомцев её.

Разве ты не ведающий мира, разве не слышал о Пушкине, главе собора поэтов.

О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов, когда он игриво изливал свои мечтания.

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу её.

В мечтах его, как в движениях павлина, являлись тысячи славных цветов литературы.

Ломоносов красую гения украшал обитель поэзии, но его мечта в ней утвердилась.

Хотя Державин завоевал Державу литературы, но для укрепления и устроения её избран он (Пушкин).

Карамзин наполнил чашу вином знания, он выпил вино сей наполненной чаши. <...>

Россия в скорби восклицает о нём: О, убитый рукою убийцы-злодея.

О так! Не спас тебя от колдовства этой старой чаровницы талисман твой.

Ты удалился от земных друзей...

Фонтан из Бахчисарая посылает праху твоему с весенним эфиром благоухание двух роз твоих.

Старец седовласый Кавказ ответствует на песни твои стоном в стихах Сабухия".

Этот авторский перевод восточной поэмы "На смерть Пушкина" приятелем и сослуживцем М.Ф. Ахундова по канцелярии главноуправляющего в Грузии И.И. Клементьевым, возможно даже без ведома автора, был послан в Москву и напечатан в мартовской книжке журнала "Московский Наблюдатель" за 1837 год. Несмотря на то, что книжка журнала с поэмой Сабухия вышла с опозданием (цензурная дата — май месяц), Лермонтов мог ознакомиться с её содержанием в Пятигорске. Мартовская книжка "Московского Наблюдателя" была получена в Тифлисе в конце мая. Элегия Сабухия была сопровождена сочувственным примечанием редакции журнала, в котором редакция благодарила И.И. Клементьева "за доставление прекрасного цветка, брошенного на могилу Пушкина", и от души желала "успеха замечательному таланту", тем более, что видела "в нём такое сочувствие к образованности русской". Несколько выше указывалось, что это стихотворение (так была названа поэма Ахундова) доставлено из Тифлиса.

Другой перевод поэмы М.Ф. Ахундова по просьбе барона Розена был сделан при содействии автора А.А. Бестужевым-Марлинским и ходил по рукам в многочисленных списках.

Лермонтов, поплатившийся ссылкой на Кавказ за стихотворение "Смерть поэта", не мог, находясь в Тифлисе, не искать встречи с автором восточной поэмы "На смерть Пушкина".

Кто же мог познакомить Лермонтова с Ахундовым?

И.Л. Андроников упорно настаивал на том, что это сделал друг Лермонтова поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский, служивший вместе с Лермонтовым в Нижегородском драгунском полку. Однако это утверждение И.Л. Андроникова не только не подтверждается фактами, но находится в прямом противоречии с известными науке данными кавказской биографии А.И. Одоевского. Как свидетельствует следовавший вместе с Одоевским на Кавказ декабрист Н.И. Лорер, поэт декабристской каторги только в октябре месяце прибыл в Ставрополь.¹⁰²

Свидетельство Лорера подтверждается воспоминаниями Н.М. Сатина, который именно в это время встретился с А.И. Одоевским и его товарищами, направленными на Кавказ в ряды Отдельного Кавказского корпуса, в Ставрополе. Следовательно, А.И. Одоевский не мог познакомить Лермонтова с Ахундовым, ибо он прибыл на Кавказ тогда, когда это знакомство уже состоялось.

Кто же тогда мог их познакомить?

Несколько лет назад мы высказали предположение, что это сделал начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса В.Д. Вольховский. Сейчас, когда А. Михайловой установлено знакомство Лермонтова с Вольховским в Пятигорске, все сомнения на этот счёт отпали. Вольховский, конечно, близко и хорошо знал М.Ф. Ахундова, служившего в штабе корпуса "для переводов всех сношений с тюрским народом, прокламаций к разным языкам". От барона Розена и Клементьева Вольховский, вне всякого сомнения, знал, что подчинённый ему молодой азербайджанец является автором восточной поэмы на смерть Пушкина. И, вполне естественно, что он, Вольховский, и познакомил Лермонтова с азербайджанским собратом по перу.

Почему же тогда в переписке Лермонтова мы не имеем никакого упоминания об этом знакомстве? Дело обстоит так. В знакомом уже нам письме к Раевскому Лермонтов сообщал:

"Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные..." Дальше Лермонтов не называет этих людей, вероятно потому, что его письма, как об этом он писал в цитированном выше письме, часто "пропадали" на почте. Мало того, в своей черновой записи Лермонтов тщательно зашифровывает таинственного "учёного татарина Али". Это не первый случай такой зашифровки у Лермонтова. Вспомните стихотворения семнадцатилетнего поэта, посвящённые Н.Ф.И. Ведь имя Натальи Фёдоровны Ивановой — девушки, которой посвящал Лермонтов пламенные стихи, нигде не названо поэтом, и "загадка Н.Ф.И." была раскрыта только в тридцатых годах нашего столетия И.Л. Андрониковым. Так, в 1909 году А.М. Горький открыл, как известно, что стихотворение "О, полно извинять разврат", долгое время бывшее для литературоведов загадкой, посвящено Пушкину и является ответом молодого поэта на стихи старшего собрата "Друзьям" ("Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю"), ходившие по рукам в списках.

Вот эта тщательная зашифровка имени тифлисского знакомого Лермонтова позволяет нам утверждать, что дело идёт отнюдь не об учёном сальянце Мамед-Али. Это знакомство Лермонтов не стал бы зашифровывать. Вне всякого сомнения, в лермонтовском автографе речь идёт о собрате поэта, одновременно с Лермонтовым откликнувшегося на смерть Пушкина. Пострадавший за своё стихотворение "Смерть поэта" Лермонтов стремился уберечь от всяких "случайностей" своего азербайджанского собрата, такого же молодого, как и Лермонтов, к тому же находившегося на государственной службе. Это было тем более необходимо, что в июле месяце, находясь ещё в Пятигорске, Лермонтов от своей бабушки узнал о печальной судьбе товарища по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров П.А. Гвоздева, который, находясь ещё в школе, откликнулся стихотворным ответом на стихотворение "Смерть поэта" и, вскоре после ссылки Лермонтова, был разжалован в солдаты и сослан на Кавказ, якобы за одно из своих сатирических стихотворений. На это известие Лермонтов ответил:

"То, что вы мне пишете о Гвоздеве, меня не очень удивило: я, уезжая, ему предсказывал, что он будет юнкером у меня во взводе, а, впрочем, жаль его..."

Мы имеем немало оснований утверждать, что Лермонтов и Ахундов встречались в Тифлисе. Возможно, что именно Ахундов дал Лермонтову первые уроки азербайджанского языка, который, по словам поэта, на Кавказе и "вообще в Азии необходим, как французский в Европе..."

Упоминание учёного татарина Али находится в отрывке: "Я в Тифлисе у Петра Г.- учён. татар. Али и Ахмет", представляющем собою, наряду с автобиографическим упоминанием тифлиских знакомств поэта, не что иное, как набросок творческого замысла, к разрешению которого Лермонтов приступил несколько позднее в стихотворении "Свидание" (1840), на что наталкивал исследователей, после П.А. Висковатого, вдумчивый и требовательный П.Е. Щеголев. Стихотворение это, действие которого развёртывается в Тифлисе, осталось, повидимому, незаконченным; героем его является "татарин молодой". Также незавершённым остался стихотворный отрывок "На бурке под тенью чинари лежал Ахмет Ибрагим", тоже связанный с азербайджанской тематикой. Здесь, между прочим, находится упоминаемое в отрывке "Я в Тифлисе..." рядом с именем учёного татар. Али — азербайджанское имя Ахмет.

Разрешим себе некоторые выводы, напрашивающиеся сами собой.

В 1837 году в Тифлисе два великих поэта, объединённые большой любовью к безвременно погибшему гению русской поэзии А.С. Пушкину, братски протянули друг другу руки.

Одного из них к этой встрече привели горячая любовь и горячий интерес к Кавказу и к поэтическому творчеству народов Кавказа, другого — такой же интерес и такая же любовь к русскому языку и великой культуре русского народа.

В Азербайджане

"С тех пор, как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски с ружьём за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже..."

Эти строки из письма Лермонтова С.А. Раевскому проливают некоторый свет на еще недостаточно изученные страницы биографии поэта, относящиеся к его первой ссылке на Кавказ.

"Здесь, кроме войны, службы нету, — жаловался дальше своему другу поэт, — я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, я слышал только два, три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался; раз ночью мы ехали втроём из Кубы, я, один офицер из нашего полка и черкес (мирный, разумеется) и чуть не попались шайке лезгин".

Это признание поэта очень ценно, ибо помогло автору этих строк ещё в 1938 году установить, что Лермонтов был в Кубе во время ликвидации кубинского восстания, организованного мюридами англо-турецкого агента Шамиля.

Используя недовольство крестьян произволом магальных набивов, мюриды Шамиля стали призывать к вооружённому восстанию, разглашая "в народе, будто бы Шамиль обещал прислать к ним войско и лично сам явиться". Им удалось обмануть крестьян. Вместе с мугаджирами, прибывшими из Дагестана, восставшие осадили 30 августа Кубу и в течение нескольких дней пытались взять город штурмом. Гарнизон мужественно от-

ражал все атаки. На помощь осаждённым первой пришла направленная из Шемахи ширванская конная милиция. Под её напором восставшие вынуждены были снять осаду города. Мугаджиры, бросив на произвол судьбы обманутых ими кубинских крестьян, с боями прорывались к себе на родину в Дагестан.

Нет никакого сомнения в том, что отзвуки именно этого, спровоцированного Шамилем восстания явственно слышатся в цитированном выше письме Лермонтова, там, где он упоминает о встрече с шайкой лезгин. Подробнее, при наличии тогда на Кавказе суровой военной цензуры, писать было нельзя. Не случайно впоследствии, в письме к А.А. Лопухину, Лермонтов жаловался: "Мне нечего тебе много писать, жизнь наша здесь, вне войны, однообразна, а описывать экспедиции не велят". Достаточно вспомнить, что первое сообщение о Кубинском восстании было напечатано десять лет спустя, в 1847 году.¹⁰³

Историк кавказских войн А. Юров в своей работе "Три года на Кавказе" сообщает, что в числе войск, направленных на выручку осаждённому повстанцами гарнизону города Кубы, под командованием генерала Севарсамидзе находился дивизион Нижегородских драгун.¹⁰⁴ Это же подтверждает В. Потто, свидетельствующий, что 16 сентября из Кара-Агача выступил второй дивизион вместе с четырьмя орудиями и направился форсированными маршами в Кубинский уезд.

Возможно, по рекомендации полковника Безобразова Лермонтов вместе с одним из офицеров 2-го дивизиона и черкесом были посланы вперёд к ширванскому коменданту полковнику Ашенбергу, который, собрав десять сотен ширванской конной милиции под командой прапорщиков Адиль-бека, Шир-Алибека и Ширин-бека, двинул их в пределы Кубинской провинции. Не лишено вероятия предположение, что вслед за этой конницей, уже отправленной полковником Ашенбергом, Лермонтов и его спутники отправились из Шемахи в Кубу, осада которой, как указывалось выше, была снята 11 сентября, и на обратном пути едва не попались шайке лезгин. Указание Лермонтова, что он был одет "по-черкесски", делает это предположение весьма правдоподобным.

И.К. Ениколопов в 1940 году (т. е. после того, как была опубликована наша статья "Лермонтов на Кавказе") также связал пребывание Лермонтова на Кавказе с Кубинским восстанием. Однако он выдвинул другую версию. По его мнению, при известии о Кубинском восстании "Лермонтов, отдохнувший в ту пору в Пятигорске или где-то на левом фланге в казачьей станции и официально числившийся во 2-м дивизионе, поспешил к отряду Фезе, стоявшему в Шуше, и выступил с ним, чтобы присоединиться к своему полку". Чувствуя шаткость своей позиции, И.К. Ениколопов вносит произвольную, ни на чём не основанную поправку в известное письмо Лермонтова к С.А. Раевскому, предлагая читать вместо "Шуша" — "Шура". Это положение исследователя, как и высказанное за сорок лет до И.К. Ениколопова Г.М. Тумановым утверждение, что Нижегородский драгунский полк якобы в 1837 году стоял в Темир-Хан-Шуре, совершенно не основательны.¹⁰⁵ Мы полагаем, что если это письмо Лермонтова к Раевскому, автограф которого неизвестен, и нуждается в коррективах на том основании, что Шуша лежит вдалеке и от Кубы, и от Шемахи, то это место в письме надо читать как Нуха, ибо город Нуха расположен на старом почтовом тракте из Кара-Агача на Шемаху, и отряд генерала Севарсемидзе, в состав которого входил 2-й дивизион Нижегородского полка, двигался на Шемаху через Нуху. Вне зависимости от того, читать ли в лермонтовском письме к Раевскому "Шуша" как "Нуха", или не читать так, Лермонтов, всё равно, проездом в Шемаху был в Нухе.

"Старая Шемаха, — по свидетельству одного из кавказских старожилов, — начавшая вторичное возрождение своё в 1824 году, после страшного землетрясения, разрушившего до основания первобытный обширный город, до 1841 года была весьма бедна по наружному устройству, которое при обыкновенных недостатках азиатских жилищ наводило грустное уныние не только на русских, вновь прибывающих в Шемаху, но и на старожилых собратьев их, обречённых обстоятельствами на эту жалкую участь..."¹⁰⁶

Как рассказывали историку Нижегородского полка генерал-лейтенанту В.А. Потто участники похода старики-нижегородцы, в Шемахе "было много татарских беков, старых соратников наших драгун по турецкой войне... Богатые агалары и беки каждый день приглашали офицеров, то на ястребиные и соколиные охоты, то на домашние празднества, устраиваемые с восточной пышностью и непременно с баядерками, которых драгуны до тех пор никогда не видели. Родиной баядерок обыкновенно считается Индия, где они, подобно римским весталкам, живут при храмах и служат украшением религиозных церемоний. Но в Шемахе они снизошли уже до степени простых народных танцовщиц, составляющих, однако, необходимую принадлежность общественных и почти всех частных увеселений". О знаменитых шемахинских танцовщицах сообщал в своём "Письме доктору Эрману" декабрист А.А. Бестужев-Марлинский: "Через Ганджу, через Шемаху, известную древле шелками, а ныне баядерками, прибыл в Дагестан..."¹⁰⁷ Пляски шемахинских танцовщиц поразили Лермонтова. Вспомните описание танцев в "Демоне":

**В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берёт невеста молодая. —
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор её блестит
Из-под завистливой ресницы;
То чёрной бровью поведёт,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывёт
Её божественная ножка...**

В 1930 году, во время посещения Шемахи, автору этих строк местные старожилы со слов своих родителей рассказывали о том, что Лермонтов охотно участвовал в соколиной и ястребиной охотах. Эти же старожилы с большой любовью показывали местную достопримечательность — крутую неприступную гору, внутри которой сохранились остатки древней подземной крепости с бесчисленными потайными ходами. Здесь, по их словам, любил подолгу сидеть любознательный поэт.

Посещение Лермонтовым Шемахи обогатило русскую литературу замечательной лермонтовской обработкой увлекательной азербайджанской народной сказки "Ашик-Кериб". Именно здесь, в Шемахе или в её окрестностях, поэт записал и впоследствии обработал эту чудесную сказку, услышав её из уст бродячего певца-ашуга. Это подтверждается тем, что через пятьдесят с лишним лет после посещения поэтом Шемахи народный вариант этой сказки впервые был записан со слов ашика (ашуга) села Тирджан, бывшего Шемахинского уезда, учителем Кельвинского земского училища Мухмудбековым.¹⁰⁸ Почти все исследователи кавказского периода жизни Лермонтова после долгих и тщательных разысканий пришли к выводу, что "в основу лермонтовского произведения лёг шемахин-

ский вариант азербайджанской народной сказки".¹⁰⁹ Однако И.Л. Андроников пытается опровергнуть эту точку зрения и во что бы то ни стало доказать, что Лермонтов записал эту сказку в Тифлисе. Свои домыслы И.Л. Андроников строит на армянском варианте азербайджанской сказки, записанном в 1935 году со слов восьмидесятилетнего ашуга Адама Суджяна в Занчезурском районе Армении фольклористской Р.Р. Орбели, а также на грузинском варианте "Ашик-Кериба", записанном в 1930 году в Грузии, в селении Талиси, недалеко от Ахалцыха, со слов семидесятилетнего крестьянина Аслана Блиадзе, Е.Б. Вирсаладзе. Сопоставив лермонтовский текст с различными вариантами, И.Л. Андроников приходит к выводу, что "лермонтовская транскрипция расходится со всеми распространёнными азербайджанскими вариантами, в том числе и шемахинскими, и оказывается ближе к грузинским и армянским вариантам".¹¹⁰ Отсюда И.Л. Андроников делает безапелляционный вывод, что Лермонтов якобы слышал и записал "Ашик-Кериба" в Тифлисе.

И.Л. Андроников слишком поспешил со своими смелыми выводами. Он не учёл одного очень важного обстоятельства. Шемахинский вариант "Ашик-Кериба" был записан в 1891 году, то есть тогда, когда ещё произведение Лермонтова не было переведено на азербайджанский язык и сказка была известна только в устной традиции. А армянский и грузинский варианты этой сказки были записаны в тридцатых годах нашего столетия, когда "лермонтовская сказка" была неоднократно опубликована в переводах на армянский и грузинский языки и получила широкую популярность в Закавказье. И.Л. Андроникову должно быть известно, что сказка Лермонтова "Ашик-Кериб" была переведена (и довольно точно переведена) на грузинский язык и напечатана в журнале "Цискари" ("Заря") в 1865 году. В подзаголовке так же, как и у Лермонтова, "Ашик-Кериб" назван "турецкой сказкой". Правда, в журнале не указано, что сказка принадлежит Лермонтову. В конце текста имеется подпись Константина Калубинского, но не как переводчика, а как автора.¹¹¹ В 1911 году в Тифлисе "Ашик-Кериб" Лермонтова был издан в переводе на армянский язык.¹¹² Отсюда даже и неискущённому читателю становится ясным, откуда взялась так поразившая И.Л. Андроникова близость армянских и грузинских вариантов азербайджанской сказки к лермонтовскому тексту. Более чем вероятно, что лермонтовский текст, известный сказителям в устной передаче, лёг в основу армянского и грузинского вариантов народного сказа. И.Л. Андроников, будучи сам введён в заблуждение незадачливыми фольклористами, невольно вводит в заблуждение своих читателей.

Итак, в основе лермонтовской сказки об Ашик-Керибе и прекрасной Магуль-Мегери лежит всё-таки шемахинский вариант.

Сличение народного варианта азербайджанской сказки с лермонтовским текстом показывает, что поэт подверг тщательной творческой обработке записанную им народную сказку. Он значительно сократил её главным образом за счёт песен Кериба, изменил имена героев и героинь, за исключением самого Кериба и его возлюбленной Магуль-Мегери, изменил некоторые географические названия (Халаф вместо Алеппо) и т.д. Известный знаток русского и кавказского фольклора — академик Всеволод Миллер установил, "что лермонтовская сказка об Ашик-Керибе действительно народная, а не сочинённая поэтом".¹¹³

Чем же эта азербайджанская народная сказка могла пленить опального поэта? Прежде всего своей художественностью. Дыхание подлинной поэзии чувствуется в этой трогательной, до боли сердца грустной повести о любви бедного Ашик-Кериба к прекрасной Магуль-Мегери; прекрасная, блещущая красо-

той форма сказки гармонически согласуется в ней с глубоким, подлинно поэтическим содержанием. Лермонтов, несомненно, слушал эту сказку под мягкий звучный аккомпанемент сааза. Лермонтова, который так любил Кавказ и его обитателей, который так воспел мужественных горцев ещё до своей первой ссылки в страну гор, не могла не пленить эта чудесная азербайджанская сказка.

Эта сказка должна была привлечь внимание поэта своей близостью к устному русскому народному творчеству. Мы знаем, что с детских лет, в особенности благодаря влиянию семинариста Орлова — домашнего учителя Аркадия Стольпина, у Лермонтова пробудился интерес к народной песне и сказке. "Как жалко, что... я не слышал сказок народных: в них, вероятно, больше поэзии, чем во всей французской словесности", — писал поэт ещё в 1830 году в своей юношеской тетради. Этот глубокий интерес к народному творчеству не покидал Лермонтова всю его жизнь. Достаточно вспомнить, как любовно и бережно отнёсся поэт, путешествуя вдоль Терека, к гребенским казачьим песням, на основе которых он создал впоследствии такие замечательные произведения, как "Дары Терека" и "Казачья колыбельная песня".

Как большой знаток русской устной народной поэзии Лермонтов, конечно, не мог не обратить внимания на сходство сюжета сказки об Ашик-Керибе и прекрасной Магуль-Мегери с былинным рассказом о неудавшейся женитьбе древнерусского богатыря Алёши Поповича на Настасье Микуличне, жене своего названного брата Добрыни Никитича. Эту "старинку", как называют гребенцы такие произведения народной словесности, Лермонтов, несомненно, слышал ещё на Тереке. По свидетельству собирателя терского фольклора Михаила Карпинского, большей, чем другие, "известностью среди гребенцев пользуется былина о Добрыне и Алёше Поповиче", которую он "имел возможность записать... от трёх различных лиц". Этот же собиратель терского фольклора сообщает, что, когда он в 1896 году в станции Червлённой спросил одну из сказительниц — Ульяну Рогожину, не знает ли она песен о Добрыне Никитиче, об Алёше Поповиче и других богатырях, то у неё вырвалось замечание: "Какую старину вы спрашиваете! Моя мать много таких песен знала, а я их плохо помню!"¹¹⁴ Весьма возможно, что Лермонтов в Червлённой слышал былинку о Добрыне и Алёше Поповиче из уст матери или бабки Ульяны Рогожиной.

Записав и обработав чудесную азербайджанскую сказку, Лермонтов, может, сам того не сознавая, оказал неоценимые услуги как русской культуре, так и нашей фольклористике. Поэт поставил, таким образом, перед нашей наукой вопрос о необходимости исследования истории развития культурных связей великого русского народа с братскими народами Кавказа, начиная с самых древнейших времён, вопрос, к сожалению, ещё совершенно недостаточно разработанный нашей наукой. Это тем более важно, что составители изданного в 1935 году "Академией" сборника азербайджанских сказок, как и составитель такого же сборника азербайджанских сказок, изданного Азербайджанским филиалом Академии наук СССР в 1941 году, совершенно обошли народные варианты чудесной азербайджанской сказки, записанной и переработанной великим русским поэтом.¹¹⁵

Странствуя по Азербайджану в качестве опального офицера, Лермонтов проявил глубокий интерес не только к азербайджанскому фольклору, но и к азербайджанскому языку, которым он стремился овладеть.

В уже не раз цитированном письме к Раевскому мы находим беспристрастный отзыв поэта об азербайджанском языке, который тогда называли татарским:

"Начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остаётся только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским".

Лермонтов не ошибся, давая такую оценку громадной роли азербайджанского языка в общении народов разноплеменной и многоязычной страны гор. Один из русских миссионеров, историк Кавказской духовной семинарии, писал, говоря об отношении племён Адыге и Чечни к русским в сороковых годах прошлого столетия: "Татарский язык, к тому же хотя и не был родным языком племён Адыге и Чечни, но, как родственный с турецким, сильно был распространён среди них и сделался известным им со времени покорения Кавказа монголо-татарами, а в особенности со времени обращения их в мусульманство и вступления в постоянные непосредственные отношения с турками. Наконец, на татарском и осетинском языках существовала письменность, существовали даже готовые переводы некоторых священных, в особенности новозаветных книг и богослужебных, некоторых важнейших молитв".¹¹⁶

Не случайно Лермонтов придавал такое большое значение овладению азербайджанским языком. Азербайджанский язык изучали многие из декабристов. Изучал его и А. А. Бестужев-Марлинский, который владел им настолько хорошо, что, живя в Дербенте, свободно мог выдавать себя лезгинам за азербайджанца. В Дербенте его так и называли "Искандер-бек".¹¹⁷

Лермонтову, при его широких планах путешествий по Ближнему Азии, азербайджанский язык был более чем необходим.

В "Ашик-Керибе" Лермонтова имеется, как на это обратил внимание М. С. Михайлов в своей работе "К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова татарским языком" много азербайджанских слов: "ага" (господин), "аллах" (бог), "ана" (мать), "ашик" (народный певец, влюблённый), "бек" (дворянин), "караван-сарай" (постоялый двор), "керван" (караван), "маулям" (создатель), "намаз" (молитва), "оглан" (юноша), "паша" (генерал, губернатор), "сааз" (азербайджанский народный музыкальный инструмент), "селям-алейкум" (приветственный возглас), "чапра" (занавес), "чауш" (десятский). М. С. Михайлов указывает на ряд собственных имён, которые могут быть отнесены к азербайджанскому языку, как-то: Ашик-Кериб, Аяк-Ага, Куршуд-бек, Магуль-Мегери, Рашид (храбрый), Хадериллияз (Илья-пророк, "зелёный" Илья), Халаф (вместо Алеппо) и другие.

Изучение азербайджанского языка не прошло для Лермонтова бесследно. М. С. Михайлов обратил внимание на то, что "рассказывая историю Бэлы, Максим Максимович говорит, что Печорин учился по-татарски. По его словам, "долго бился с нею (т.е. Бэлой. — М. М.) Григорий Александрович, между тем, учился по-татарски". Элементы "татарского языка в повести "Бэла", как это установлено М. С. Михайловым, представлены следующими словами: "Валлах" (ей-богу), "гурда" (старинная сабля), "джанечка" (душечка), "йок" (нет), "урус" (русский), "чек" (очень), "яхши" (хорошо), "яман" (плохо).

Некоторые из азербайджанских слов, как, например, "ага" (господин), "див" (бес, демон), "гюксус" (безбородый) встречаются и в более поздних произведениях Лермонтова.

Как справедливо отметил М. С. Михайлов, "занятия Лермонтова "татарским языком" и кавказским фольклором обогатили его поистине бессмертные произведения".¹¹⁸

В двадцатых числах сентября Лермонтов покинул пределы Азербайджана.

Из Тамани снова в Ставрополь

Поздно ночью 26 сентября 1837 года Лермонтов прибыл в Тамань. Он скакал на перекладных без отдыха день и ночь и перебрёл весь Кавказ с юго-востока на северо-запад. "Я три ночи не спал, измучился", — вспоминал он впоследствии устами Печорина в своей повести "Тамань". Кавказ, куда так стремились гвардейские офицеры в поисках бранных подвигов и воинской славы, не дал ему пока ни того, ни другого. Нижегородские драгуны — "хорошие ребята" — в походе на Кубу не имели возможности отличиться. 2-й дивизион, тот самый, который барон Розен намеревался отправить в Анапу для встречи Николая I, теперь оставался в Шемахе. Лермонтов решил воспользоваться не отменённым ещё приказом генерала Вольховского об отправлении его в действующий за Кубанью отряд и, опираясь на благосклонность полковника Безобразова, отправился в Геленджик через Тамань.

В Тамани — небольшом военном порту — Лермонтову пришлось пережить приключение, которое впоследствии послужило ему темой его чудесной одноимённой повести. Однокашник Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров — Михаил Иванович Цейдлер, попавший в 1838 году в Тамань, первый в своих воспоминаниях указал на автобиографический характер этой повести. Ему случайно пришлось остановиться в том самом домике, в котором за год до него останавливался автор "Тамани". В своих воспоминаниях Цейдлер рассказывает о своих встречах с молодой татаркой лет девятнадцати, с грудным младенцем на руках, которая поразила его своею красотой. "Черты лица её несколько не походили на скуластый тип татар, но скорее принадлежали к типу чистокровному европейскому. Правильный античный профиль, большие голубые, с чёрными ресницами, глаза, роскошные длинные косы спадали по плечам из-под бархатной шапочки; шёлковый бешмет, стянутый поясом, обрисовывал её стройный стан, а маленькие ножки в жёлтых мештах выглядывали из-под широких складок шальвар". Вообще, вся она, по словам Цейдлера, была изящна. Видел он и мужа красавицы, который "имел злое и лукавое лицо, говорил по-русски неохотно, на вопросы отвечал уклончиво; он скорее походил на контрабандиста, чем на серебряных дел мастера", как именовал он себя. "По всей вероятности, доставка пороха, свинца и оружия береговым черкесам была его промыслом", — заключает М.И. Цейдлер. Описывает однокашник поэта и мальчика. "Он, казалось, был слеп, судя по бельмам на глазах. Всё лицо его выражало сметливость. Несмотря на бельма, ходил он бойко по утёсистому берегу..."

"Сходство моего описания с поэтическим рассказом о Тамани в "Герое нашего времени" М.Ю. Лермонтова, — говорит М.И. Цейдлер, — заставляет меня сделать оговорку: по всей вероятности, мне суждено было жить в том же домике, где жил он; тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. Мне даже помнится, что, когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моём увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вёл речь".

Пребывание Лермонтова в Тамани вызвало ряд публикаций, обследованных и изученных известным лермонтоведом проф. Л.П. Семёновым. Излагаем содержание этих публикаций по книге проф. Л.П. Семёнова "Лермонтов на Кавказе".

"О. Арканников в заметке "О пребывании М.Ю. Лермонтова в Тамани" сообщает со слов есаула в отставке С.З. П-ва, что последний, будучи 18-летним юношей, встречал в Тамани Лер-

монтова; когда появилась в печати повесть "Тамань", все узнали, кто её автор. П-в знал девушку и дом, описанные Лермонтовым. Подлинность эпизода, изложенного в "Тамани", отмечается также в рассказе З-о, который слышал его от таманского 75-летнего старика в 1891 году. В этом рассказе передаётся, что контрабандистка с мужем лет 15—20 спустя после встречи с Лермонтовым выехали в Константинополь.

Интересные разыскания о таманском эпизоде были сделаны В.В. Соколовым, умершим в 1919 г. и оставившим статью под заглавием "Лермонтов и Тамань".

На основании ознакомления с архивом семьи Савельевых, проживающих в Тамани, и опроса старожилов, он установил, что Лермонтов в 1837 году жил в доме, который в то время принадлежал казаку Фёдору Миснику. Внук его Герасим сообщал В.В. Соколову, что его деда и отца по-уличному называли "царинником" ("царина" — часть степи, оставшаяся под сенокос или пастбище для скота, отсюда человек, стерегущий "царину"- "царинник"). Мисник-дед занимался рыбной ловлей, имел баркасы, которыми за плату пользовались контрабандисты-татары, притон их был тут же под кручей, на берегу моря. Одна из дочерей Фёдора Мисника жила здесь же во дворе, в более новой хате, с приживалкой, старухой Червоной; она помогала контрабандистам, тем более, что сама хозяйка сильно благоволила к одному из них. В этот-то дом молодой "цариннычки" и попал Лермонтов. Мать Герасима во время ссоры с мужем часто корила его родственниками: тут все их грехи — отца, матери, а главным образом, сестры, которая жила вне закона с татаринном, воровала и даже чуть не убила захватившего к ним офицера, фамилия офицера она, конечно, не знала, но об этом не трудно было догадаться. Куда девался слепой и кто он был, Герасим не знал, тётка же его, "лермонтовская Ундина", вышла в конце концов замуж за солдата станицы Петровской Тельмена. В пояснении к этой статье А. Маркович сообщает, что в 1926 году, будучи в Тамани, он проверял данные В.В. Соколова, и они оказались вполне точными.

Суммируя важнейшие сведения, сообщённые М.И. Цейдлером, В.В. Соколовым и другими лицами, проф. Л.П. Семёнов устанавливает подлинность всех главных персонажей повести "Тамань" и верность обрисовки местной обстановки.

Пережив в Тамани рискованное приключение, едва не закончившееся для него трагически, Лермонтов утром 28 сентября отправился в Геленджик. "Поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань", — читаем мы в "Журнале Печорина".

В Геленджик Лермонтов прибыл слишком поздно. Отряд генерала Вельяминова, собранный здесь для встречи Николая I, после царского смотра и отъезда самодержца, выступил 25 сентября к Ольгинскому тет-де-пону.

Лермонтов немедленно поскакал к отряду и 29 сентября прибыл в Ольгинское укрепление. Но здесь его ждало новое разочарование. Вельяминова в отряде уже не было. Чувствуя себя нездоровым, генерал ещё с ночлега на реке Кунип направился в Ставрополь. 30 сентября войска действовавшего отряда распускались на зимние квартиры. В походном дежурстве штаба войск Кавказской линии и Черноморья Лермонтову вручили следующее, обнаруженное старшим научным сотрудником государственного музея "Домик Лермонтова" С.И. Недумовым в Центральном государственном архиве Грузинской ССР, предписание:

"Во внимание, что ваше благородие прибыли к действующему отряду по окончании первого периода экспедиции, а второй период государь император высочайше повелеть соизволил отменить, я предписываю вам отправиться в свой полк..."

В тот же день был отправлен из укрепления Ольгинское "Рапорт господину корпусному командиру" с докладом, что "Нижегородского драгунского полка прапорщик Лермонтов прибыл в действующий отряд сего числа в укрепление Ольгинское, тогда уже, как первый период экспедиции окончен, а второй государь император в бытность его в Геленджике изволил отменить, а потому я предписал вместе с сим прапорщику Лермонтову отправиться к своему полку и об этом имею честь донести вашему высокопревосходительству..."

Получив предписание, Лермонтов выехал из Ольгинского укрепления. Лишившись в Тамани многих ценных вещей: шапки с серебряной оправой, дагестанского кинжала и штатунки с деньгами, — конечно (об этой пропаже поэт сообщает в повести "Тамань"), Лермонтов решил по пути в полк остановиться в Ставрополе, где он мог отдохнуть от долгого пути и тревожных забот и занять деньги у "любезного дядюшки" П.И. Петрова.

П.К. Мартынов в своей книге "Дела и люди века" передаёт рассказ генерала Е.И. Фон-Майделя, находившегося в то время в чине капитана на Кавказе, из которого видно, что Лермонтов "приехал в Ставрополь совсем без вещей, которые у него дорогой были украдены, и поэтому явился к начальству не тотчас по приезде в город, а когда мундир и другие вещи были приготовлены, за что он и получил выговор, так как в штабе нашли, что он должен был явиться, в чём приехал".

Наверно, об этом выговоре, в числе других своих проказ, и вспоминал несколько месяцев спустя в письме П.И. Петрову поэт, сообщая о том, что он передал в руки дядюшке Афанасию Александровичу Столыпину его письмо:

"Я в восторге, что могу похвалиться своею аккуратностью перед Вами, которые столько раз видели во мне противное, или порок, как угодно".

Лермонтова и на этот раз очень тепло встретили в семье "любезного дядюшки". Именно к этому приезду поэта в Ставрополь относится его четверостишие, написанное в альбом двенадцатилетнего сына Петрова Аркадия:

**Ну что скажу тебе я просто?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.**

По поводу этого шуточного четверостишия А.П. Петров вспоминал о Лермонтове:

"В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он (Лермонтов) находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной тёткой".¹¹⁹

Действительно, в Ставрополе в это время деятельно готовились к встрече царя. Отличавшийся крайнею неблагоустроенностью город, с немощными улицами, из которых одна только Большая (ныне проспект имени Сталина) освещалась изредка расставленными фонарями, спешно приводился в порядок. Особенное внимание было обращено на Большую улицу, по которой с одного конца города до другого предстояло проехать Николаю I. Все пустыри, торчавшие на Большой улице между домами обывателей, спешно огораживались деревянными заборами, ямы засыпались землёй, многочисленные трясины забивались хмызом (так в Ставрополе называют хворост), причём хмыза для этой цели потребовалось 875 возов, так как он проваливался в трясину, как бы в бездонную пропасть. Сверх хмыза наваливались огромные глыбы местного камня, а затем уже доски.

Но Лермонтова в Ставрополе ожидала другая, действительно дорогая его сердцу встреча, встреча с декабристами.

Однако, прежде чем встретиться с декабристами, Лермонтов вновь встретился со своими старыми знакомыми: доктором Майером и Н.М. Сатиным.

Встреча с декабристами

"По окончании курса вод я переехал в Ставрополь зимовать, — вспоминает Н.М. Сатин, поселившийся в Ставрополе вместе с Н.В. Майером. — По вечерам собиралось у нас по нескольку человек, большею частью из офицеров генерального штаба... Из посещавших нас, мне особенно памятливы кавказские офицеры Филипсон и Глинка. Первый был умный и благороднейший человек... Глинка был ниже Филипсона своими умственными способностями, но интересовал нас более своим добродушием и пылкостью своего воображения... Постоянно посещали нас ещё два солдата: Сергей Кривцов и Валериан Голицын. Первый — добрый, хороший человек... Второй — замечательно умный человек, воспитанник иезуитов; он усвоил себе их сосредоточенность и их изворотливость ума. Споры с ним были самые интересные: мы горячились, а он, хладнокровно улыбаясь, смело и умно защищал свои софизмы и, большей частью, не убеждая других, оставался победителем.

Несмотря на свой ум, он, видимо, тяготился своею солдатской шинелью, и ему приятно было, когда называли его князем. В этот же год произвели его в офицеры, и он не мог скрыть своего удовольствия — надеть снова тонкий сюртук, вместо толстой шинели.

Позднее, зимой, к нашему обществу присоединился Лермонтов".

Таким образом, первыми декабристами, с которыми познакомился в Ставрополе М.Ю. Лермонтов, были Сергей Кривцов и Валериан Голицын.

Ещё в университетском благородном пансионе Лермонтов принадлежал к группе воспитанников, благоговевших перед участниками событий 14 декабря. Товарищ Лермонтова по пансиону граф Д.А. Милютин, вспоминая о своём пребывании в пансионе, рассказывает о литературных увлечениях воспитанников пансиона: "Я знал целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева ("Войнаровский"). Публикуя воспоминания Милютина, проф. Н.Л. Бродский указывает, что "поэты-декабристы читались и заучивались наизусть, память о Рылееве хранилась в пансионе. И, конечно, не только поэмы Пушкина волновали подростков: стихотворения "Деревня", "Кинжал", "Послание к Чаадаеву", политические эпиграммы поэтов-декабристов ходили между ними в рукописных списках".¹²⁰

Сергей Кривцов полтора года учился в университетском пансионе и отсюда был увезён за границу для продолжения образования в 1817 году.

И Кривцова, и Лермонтова учили одни и те же преподаватели, и в числе их известный А.Ф. Мерзляков. Память о героях 14 декабря свято хранилась Лермонтовым и его сверстниками в пансионе.

Осуждённый "в каторжную работу Сергей Иванович Кривцов был переведён рядовым на Кавказ в конце 1831 года". Как бывший офицер гвардейской конной артиллерии, Кривцов был определён на Кавказе в пешую артиллерийскую бригаду рядовым и принимал участие почти во всех походах генерала Вельяминова. Гвардейский офицер И. Фон-дер-Ховен, участник экспедиций 1835 и 1836 годов, вспоминает о Кривцове:

"Высокий ростом, плечистый, с чёрными кудрявыми волосами, с широким лицом и приплюснутым носом, он представлял собою тип чистой славянской расы. Умный в разговоре, приятный в обществе и храбрый в деле, он невольно обращал на себя внимание своих сослуживцев. В делах я имел случай несколько раз прикрывать егерями его два горных единорога, которыми он командовал и с которыми он всегда был впереди; а так как опасности, труды и лишения похода сближают людей, то я с ним скоро сошёлся и всегда находил отраду в приятной с ним беседе".¹²¹

В 1837 году С.И. Кривцов за свою отменную храбрость получил георгиевский крест.

Бывший камер-юнкер князь Валериан Михайлович Голицын, отнесённый к "государственным преступникам VIII разряда, приговором верховного уголовного суда" был лишён чинов, дворянства и сослан на поселение в Сибирь, откуда в 1828 году был переведён рядовым на Кавказ. Валериан Голицын участвовал в штурме Эривани. После взятия крепости он был послан с донесением к Паскевичу. Как рассказывал Михаил Иванович Пущин, "Голицын разбился о камень, упав на скаку с лошади, и был привезён в лагерь без чувств". Много ему привелось пережить на Кавказе. Встречавшийся с Голицыным во второй половине тридцатых годов И. Фон-дер-Ховен сообщает: "Голицын служил унтер-офицером в Кабардинском егерном полку. Человек с большим образованием, тактом и с умением уживаться со своим начальством, которое не давало спуска никому, не различая ни лиц, ни звания, ни причин, могущих допустить некоторое снисхождение по службе. Всегда был в кругу офицеров и своим мягким характером заслужил уважение и любовь своих товарищей".

В связи с предстоящим приездом в Ставрополь Николая I, на встречу которому во Владикавказ выехал генерал Вельяминов, под самым городом, как вспоминает об этом Сатин, "расположился лагерем генерал Засс, известный тогда на Кавказе под именем "храброго генерала". Он командовал летучим отрядом, который употреблялся для быстрых, неожиданных нападений на разные провинившиеся аулы. Под Ставрополем, кроме его отряда, палатку Засса окружила пёстрая толпа депутатов от разных племён мирных горцев, которых он должен был представить государю. Их скачки, стрельба и другие военные игры представляли живую и оригинальную картину..."

И Лермонтов, и Майер, и Сатин с друзьями часто пользовались гостеприимством генерала Засса. Здесь произошла встреча Лермонтова и его ставропольских приятелей с новой группой декабристов: "Однажды мы у него завтракали, — продолжает свои воспоминания Сатин, — завтрак уже кончился, и мы сидели за стаканами кахетинского в весёлой дружеской болтовне, когда в палатку вошёл адъютант и, подавши Зассу пакет, доложил, что привезли из Сибири шестерых, разжалованных в солдаты.

— Это декабристы! — оказал Засс, — просите их сюда".

"Через несколько минут в палатку вошли шесть человек средних лет в полудорожных костюмах и несколько сконфуженные. Но Засс тотчас ободрил их; он принял их не как подчинённых, а как товарищей. Подали вина, и скоро разговор сделался всеобщий и оживлённый".

По словам Сатина, эти декабристы были: Нарышкин, Лорер, Розен, Лихарев и поэт Александр Одоевский. Фамилию шестого Сатин забыл и никак не мог вспомнить.

В нашей работе "М.Ю. Лермонтов в первой ссылке" мы уже указывали на то, что Сатин, писавший свои воспоминания много лет спустя после этой встречи, не только забыл фамилию

М.А. Назимова, но и спутал фамилии некоторых декабристов. Так, А.Е. Розен, получивший в 1837 году наравне с Одоевским и другими декабристами разрешение покинуть Сибирь под условием солдатской службы в кавказских войсках, отстал от товарищей ещё в Кургане и прибыл в Ставрополь уже тогда, когда все его друзья по несчастью были уже размещены по полкам на Кавказской линии. Шестым из прибывших в этой партии декабристов, как мы установили, был А.И. Черкасов.

"Несмотря на 12 лет Сибири, — пишет дальше Сатин о декабристах в своих воспоминаниях, — все они сохранили много жизни". Среди них особенно своей живостью выделялся Одоевский. "Это был действительно "мой милый Саша", как его прозвал Лермонтов. Ему было 34 года, но он казался гораздо моложе, несмотря на то, что был лысый. Улыбка, не сходявшая почти с его губ, придавала лицу его этот вид юности".

Таким образом, в палатке генерала Засса в октябре 1837 года собрались декабристы: Лихарев, Лорер, Назимов, Нарышкин, Одоевский и Черкасов. Вскоре через Сатина Лермонтов познакомился со многими из них. Утверждение ряда исследователей — И.Л. Андроникова, И.К. Ениколопова, Г.В. Морозовой и др., что Лермонтов якобы познакомился с А.И. Одоевским в Грузии, безусловно, ошибочно. Также глубоко ошибочным является заявление Г.В. Морозовой, якобы Сатин ошибается, считая, что Лорер был зимой 1837 года в Ставрополе. В это время Лорер, по мнению Г.В. Морозовой, судя по его запискам, там не был. Меж тем, именно в октябре 1837 года Лорер, как это видно из его записок, вместе с товарищами по несчастью прибыл в Ставрополь, а из Ставрополя проехал в полк.¹²² Это же подтверждает и декабрист А.Е. Розен.¹²³ Как видно из заметки Аркадия Петрова и воспоминаний Н.М. Сатина, Лермонтов в октябре 1837 года был в Ставрополе.

Попытка известного лермонтоведа И.Л. Андроникова раз и навсегда отвергнуть факт первой встречи и знакомства Лермонтова и Одоевского в Ставрополе в октябре 1837 года только для того, чтобы поддержать сомнительную версию о том, что якобы это знакомство состоялось в Грузии, совершенно не основательно. Стремление исследователя опорочить авторитетное свидетельство родственника Лермонтова Аркадия Петрова, в доме отца которого останавливался автор "Героя нашего времени", только на том основании, что его заметка написана через сорок лет после события, не выдерживает никакой критики, так как И.Л. Андроников забывает о том, что это пребывание Лермонтова в Ставрополе памятно автору заметки четверостишием, посвящённым ему поэтом, являющимся вещественным доказательством пребывания Лермонтова в Ставрополе именно в октябре 1837 года.

Кроме того, нас поражает непоследовательность рассуждений И.Л. Андроникова. Заметка Петрова написана не через сорок лет после события, как это утверждает И.Л. Андроников, а через тридцать, ибо она опубликована на страницах "Русского архива" в 1867 году. Меж тем, И.Л. Андроников в своей книге не подвергает никаким сомнениям достоверность воспоминаний о Грибоедове Д.Ф. Харламовой, несмотря на то, что они продиктованы 84-летней старухой через 72 года после рассказанных ею событий. "Несомненно, — утверждает И.Л. Андроников, — что в двенадцатилетнем возрасте Харламова всё это могла отлично знать и запомнить". Естественно, напрашивается вопрос, по каким соображениям И.Л. Андроников воспоминания А.П. Петрова, написанные в зрелую пору жизни (Петрову в 1867 году было 42 года), подвергает сомнению и критике и безоговорочно принимает на веру воспоминания престарелой, 84-летней Д.Ф. Харламовой, которую от описываемых ею событий отде-

ляло 72 года, тем более, что обоим, и Петрову и Харламовой, в описываемое в их воспоминаниях время было по двенадцати лет... Где тут логика?

Более чем странной в работе этого серьёзного исследователя является ссылка на какую-то подорожную Лермонтова, которую он, Андроников, якобы цитирует в начале седьмой главы своей книги о Лермонтове. Однако никакой подорожной в начале седьмой главы своей книги "Лермонтов" И.Л. Андроников не цитирует, да и цитировать не может, ибо такой подорожной пока не найдено, а цитирует обнаруженный старшим научным сотрудником государственного музея "Домик Лермонтова" С.И. Недумовым в Центральном государственном архиве Грузинской ССР документ, в котором только упоминается подорожная № 21 на проезд Лермонтова от укрепления Ольгинского до г. Тифлиса. И опять-таки, возможно по рассеянности, И.Л. Андроников проглядел, что во "Временнике государственного музея "Домик Лермонтова" рядом с цитированным им документом опубликованы два других документа, датированных 22 октября 1837 года и неоспоримо подтверждающих пребывание Лермонтова в Ставрополе в это время, один из которых является предписанием в комиссию Ставропольского комиссариатского депо от начальника штаба войск Кавказской линии и в Черномории об отпуске прогонных денег Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову от Пятигорска до Тамани и обратно до Ставрополя.¹²⁴ Более того, о том, что Лермонтов именно в это время был в Ставрополе, утверждает и Сатин, проживший зиму 1837—1838 годов в этом городе.

Декабристы в ожидании возвращения генерала Вельяминова, от которого зависело их дальнейшее назначение по полкам, задержались в Ставрополе. В это время, как передавал в 1879 или в 80-х годах П.А. Висковатому декабрист Назимов, Лермонтов довольно часто заходил к декабристам "и охотно и много говорил... о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения..." Эти беседы по большей части принимали характер ожесточённых споров. Лермонтов задыхался в гнетущей обстановке суровой николаевской действительности. С юношеских лет носил в своей груди мечту о подвиге.

**Так жизнь скучна, когда боренья нет...
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать,
Когда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме...**

Собеседникам поэта была не по нутру та резкая критика, с которой Лермонтов обрушивался на гнусную николаевскую действительность, на косность и пошлость русского дворянства. "Пренебрежение к пошлости есть дело, достойное всякого мыслящего человека, — комментирует эти ставропольские споры их непосредственный участник Сатин, — но Лермонтов доводил это до абсурда, не признавая в окружающем его обществе ничего достойного его внимания". Сатин возмущался тем, что Лермонтов постоянно шутил и подтрунивал, совершенно не понимая того, что у поэта для этого были все основания. Среди посланных на Кавказ декабристов, наряду с богатырями, кованными из чистой стали с головы до ног, были и такие, которых надломил и каторга, и ссылка. Эти люди готовы были идти на либеральные сделки и оправдывать самодержавие.

Из всех своих собеседников Лермонтов выделял только А.И. Одоевского. По словам Н.П. Огарева, встретившего Одоевского годом позже Лермонтова на Кавказских Минеральных Водах, поэт-декабрист был исполнен самоотверженья, полного

отрицания самолюбия и готовности на мученичество за общее дело, за дело убеждения и, в конце концов, за русскую свободу. "Он — как учитель, я — как ученик, — пишет, вспоминая эту незабвенную встречу, Огарев. — Между нами было слишком десять лет разницы; моя мысль была ещё не устоявшаяся, он выработал в себе целость убеждений, с которыми я могу теперь быть несогласен, но в которых всё было искренно и величаво".

Наконец 17 октября в Ставрополь прибыл ожидавшийся местными властями Николай I. С утра Большая улица города была переполнена не только местными обывателями, но и согнанными из окрестных сёл и станиц крестьянами и казаками. От станиц Старо-Марьевской (в 20 км от города) до Ставрополя по обеим сторонам дороги были расставлены смоляные бочки, долженствовавшие освещать путь царю. В 7 часов вечера вдаль показались движущиеся огни: это казаки скакали с факелами, сопровождая поезд царя.

Дружеская компания декабристов и их приятелей сидела в это время в гостинице за шампанским, когда с улицы, со стороны Тифлисских ворот, послышалось "ура". "Мы вышли на балкон, — вспоминает Сатин, — вдаль, окружённая горящими смоляными факелами, двигалась тёмная масса, в этой картине было что-то мрачное.

— Господа, — закричал Одоевский, — смотрите, ведь это похоже на похороны. Ах, если бы мы подоспели".

И выпив залпом бокал, он прокричал по-латыни что-то такое, чего осторожный Сатин не решился передать в рукописи своих "воспоминаний".

Дерзкий, отчаянный тост ошеломил всю компанию. В своих воспоминаниях Сатин продолжает:

— Сумасшедший, — сказали мы все, увлекая его (Одоевского) в комнату. — Что вы делаете?! Ведь вас могут услышать — и тогда беда!

— У нас в России полиция ещё не научилась по-латыни, — отвечал он, добродушно смеясь...

Рискованность этой отчаянной выходки Одоевского подтверждается тем серьёзным отеческим предупреждением, которое несколько дней спустя сделал декабристам сам генерал Вельяминов, один из них записал это предупреждение слово в слово.

"Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в чёрных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами".

Недавно стали известны новые подробности этой рискованной демонстрации поэта-декабриста. Писателю С.Н. Голубову в 1908 году его учитель латинского языка (С.Н. Голубов учился в первой Казанской гимназии) Пётр Николаевич Черняев со слов самого Сатина рассказывал: "Это было лет семьдесят назад. На Кавказе, в Ставрополе. Представьте себе ночь — осеннюю ночь, чёрную, как... Ну, вообще чёрную. Через Ставрополь проезжал Николай I. Император. Конечно, — иллюминация... Плошки чадят... Народ толпами. Словом, — так. А в гостинице — молодые люди. Один — Лермонтов-поэт... Ага! Что — интересно? Вот! Другой — тоже поэт... Из декабристов... Одоевский Александр... Оба — между двумя ссылками... И ещё один будущий поэт, молоденький Сатин Николай. Были друзья, — просвещённые, честные, смелые... Да... Я знал Сатина... Он мне и рассказывал это... Стариком... Очень болен был и рассказывал. Вот — сидели они... Разговаривали. Пили вино. Было о чём поговорить — о? И за что выпить и умереть... Ну, хорошо... Так! Вот... Вдруг декабрист Одоевский Александр выскочил на балкон. Плошки чадили... Мрачно! Заметьте: император был в Ставрополе и Одоевский закричал: Авэ, цезарь, моритур, тэ салютант! Все испугались — страшно. Не знаю, как Лермонтов... Может быть, и он испугался. А? Вы думаете — нет? Вот... Схватили

Одоевского за руку. — "Что ты, брат? Услышат, беда! "Ну, господа, русская полиция по-латыни ещё не обучена!" — Правильно. Но — смело. Даже — до дерзости: — а?"¹²⁵

Пётр Николаевич Черняев — человек, заслуживающий доверия. Его перу принадлежит ряд работ по классической филологии и по истории русской литературы, печатавшихся в "Филологических записках".¹²⁶

На другой день, 18 сентября, вечером Николай I покинул Ставрополь, направляясь в Новочеркасск.

Несколько дней спустя Одоевского с товарищами потребовали к Вельяминову. Н.И. Лорер картинно описывает первую встречу декабристов с командующим войсками Кавказской линии и Черноморья, о строгости и нелюбимости которого они так много слышали по дороге на Кавказ.

"При нашем первом представлении генералу, меня удивила приёмная комната его: не то зала, не то столовая, а больше похожа на манеж. В дальнем углу стояла, однако, дюжина кресел и больше ничего; зато по стенам развешено было до ста ламп, которые, говорят, зажигались каждый вечер и на освещение употреблялось лучшее прованское масло. При нашем входе мы заметили человека, на противоположном конце залы, и адъютант, нас принявший, сказал нам, что это сам генерал Вельяминов. Он был в чёрном шёлковом архалуке; большой воротник его рубахи лежал на плечах отогнутый, а Георгиевский крест 3-й степени висел на своём месте. Он обратился к нам просто по-французски: "Кто из Вас, господа, Нарышкин?" — и когда тот назвал себя, генерал продолжал: "Супруга ваша — дочь графа Петра Петровича Коновницына. Я имел честь служить с её отцом в 12-м году и был при нём в конвое долгое время. Вероятно, супруга ваша скоро приедет сюда; прошу вас заранее об этом уведомить, чтоб я мог послать ей конвой навстречу и приготовить ей квартиру". М.М. Нарышкин благодарил генерала за такую деликатную вежливость. Вельяминов продолжал: "Ежели у вас начнутся экспедиции на правом фланге, я пошлю вас туда; ежели на левом, я переведу вас в действующие отряды, а потом наше дело будет стараться освободить вас как можно скорее от вашего незавидного положения. После этого генерал поклонился нам и вышел".

Это благосклонное отношение Вельяминова к жертвам грубого николаевского произвола сейчас малоизвестно, но заслуживает самого серьёзного внимания. Г.И. Филипсон, служивший с Вельяминовым на Кавказе, подчёркивает, что генерал "не боялся декабристов, которых много к нему в войска присылали. Он обращался с ними учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами. Многие бывали у него в солдатских шинелях..." О политических настроениях Вельяминова свидетельствует интереснейшая запись одного из декабристов в одном из герценовских "Исторических сборников". В этой записи Вельяминов отнесён к числу тех людей, которые "не сварили в желудке самодержавие и деспотизм". Установлено благоприятное отношение Вельяминова к Полежаеву.

Мы уже сообщали о том, что знаток ставропольской старины И.В. Бентковский, прибывший после польского восстания 1830 года в Ставрополь "в серой шинели", рассказывает, что декабристы Бестужев-Марлинский, Роман Сангушко, Саббатин и другие, разжалованные в солдаты, постоянно обедали у Вельяминова. "Они обыкновенно являлись к столу, — рассказывает он, — в форменных солдатских шинелях". В декабристских кругах это отношение Вельяминова к "государственным преступникам" было известно. Так, семейный архив отца декабриста В.П. Ивашева — П.Н. Ивашева, хранящийся в отделе рукописей государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, содержит письма, отражающие хлопоты П.Н. Ивашева о переводе его сына-декабри-

та рядовым на Кавказ в отряд генерала Вельяминова, где служба гораздо легче и обхождение снисходительнее и деликатнее".¹²⁷

На другой день вечером декабристов потребовали в штаб для объявления, кто из них в какой полк назначен. Николай I повелел их разместить непременно по разным местам. Одоевскому, как бывшему кавалеристу, досталось назначение в Нижегородский драгунский полк, остальные распределили по пехотным полкам в Черноморье: Лорера и Черкасова в разные роты Тенгинского полка, квартировавшего за Екатеринодаром в Ивановке, Нарышкин угодил в Навагинский полк, стоявший в Прочном окопе, Назимов попал несколько дальше, в Кабардинский полк, и, наконец, Лихарев был зачислен в Куринский полк.

Надо полагать, что назначение Одоевского в Нижегородский драгунский полк не обошлось без вмешательства Лермонтова, действовавшего через своего "любезного дядюшку" П.И. Петрова или лично ходатайствовавшего перед Вельяминовым. Напомним, что Вельяминов был другом и боевым товарищем на войне 1812 года А.А. Столыпина, брата Е.А. Арсеньевой — бабушки поэта. Вполне естественно, что Вельяминов мог и должен был принять участие в Одоевском. Одоевский был другом и родственником Грибоедова, к которому Вельяминов питал дружеские чувства. Знакомство с Вельяминовым Грибоедов рассматривал, как "прекраснейшее открытие достойного человека".¹²⁸

В эту же ночь декабристов отправили по полкам, выдав каждому из них прогоны на руки. Вместе с Одоевским выехал в полк и Лермонтов, узнавший в Ставрополе подробности "высочайшего смотра" на Дидубийском поле под Тифлисом. В смотре участвовали четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка (остальные находились на Лезгинской кордонной линии). Николай I нашёл Нижегородский полк "в отличном виде". Домыслы И.Л. Андроникова и И.К. Ениколопова, полагающих, что Лермонтов участвовал в "высочайшем" смотре на Дидубийском поле, совершенно не основательны.¹²⁹ Как сообщает историк Нижегородского драгунского полка, все участники смотра получили "высочайшие" награды. В "высочайшем" приказе от 10 октября 1837 года о наградах участникам смотра имя Лермонтова совершенно не упоминается.¹³⁰ В формулярном списке о службе и достоинстве Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, составленном "декабря 4 дня 1840 года" в связи с представлением поэта к награде за отличие в делах во время экспедиции в Малой и Большой Чечне, подробно перечислены все "бывшие в высочайшем присутствии смотры, парады, манёвры и учения", за которые Лермонтов был "удостоен в числе прочих офицеров высочайших благоволений, объявленных в высочайших приказах". Здесь пунктуально перечислены все смотры, парады и учения 1835, 1836, 1838, 1839 и 1840 годов, и нет никаких упоминаний о "высочайшем смотре на Дидубийском поле" 10 октября 1837 года.¹³¹

Таким образом, официальные документы зачёркивают домыслы И.Л. Андроникова и И.К. Ениколопова как совершенно не обоснованные. Лермонтова на "высочайшем" смотре 10 октября 1837 года не было.

Лермонтов в это время находился в Ставрополе. Здесь он узнал, что хлопоты бабушки увенчались успехом. Николай I подписал приказ о переводе прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом. Надо было возвращаться в полк и ждать там получения "высочайшего приказа".

Лермонтов выехал из Ставрополя вместе с назначенным в Нижегородский драгунский полк А.И. Одоевским, к которому автор стихотворения "Бородино" за это короткое время успел привязаться всей душой.

"Песня про купца Калашникова"

Предусмотрительный П.И. Петров, в ограждение племянника от возможности бед и напастей людей в чёрных и красных воротниках, снабдил Лермонтова свидетельством, текст которого был недавно обнаружен старшим научным сотрудником государственного музея "Домик Лермонтова" С.И. Недумовым. Вот этот текст без поправок, произвольно внесённых в него С.И. Недумовым:

"Окт. 22. № 4635. Свидетельство дано сие Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову в том, что, по переводе его в назначенный полк, на пути следования он заболел из г. Ставрополя и поступил в военный госпиталь, откуда переведён в Пятигорский для пользования минеральными водами, по выздоровлении же, согласно воле г. командира Отдельного Кавказского корпуса, изъяснённый в рапорте начальника корпусного штаба генерал-майора Вольховского г. командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории от 10 июля №614, командирован был в действующий на Кубани отряд, для участия в делах против горцев".¹³²

Перед отъездом Лермонтов зашёл проститься к генералу Вельяминову. Это была их последняя встреча. Посещение Николаем I Ставрополя стоило жизни этому прославленному в боях генералу. Выше мы говорили, что Вельяминов встретил Николая I во Владикавказе. Как рассказывает современник, на одной из станций "государю угодно было сесть верхом, и Вельяминов сел на коня. Хотя Николай Павлович и предлагал генералу ехать в коляске, но Алексей Александрович, считая это неприличным, трясся верхом за государем то рысью, то вскачь целую станцию. Император простудился и получил зубную боль. Вельяминов, с больными ногами, никогда не ездивший верхом иначе, как шагом, и вообще некрепкого здоровья, расстроил его совершенно... двое-трое суток крепился, по отъезде государя из Ставрополя заболел, промаялся до весны, а в апреле скончался".¹³³

О своём путешествии с Одоевским из Ставрополя в Грузию Лермонтов вспоминал не раз. Именно об этом путешествии писал Лермонтов два года спустя в стихотворении "Памяти А.И. Одоевского".

**Я знал его — мы странствовали с ним
В горах Востока... и тоску изгнания
Делили дружно...**

В этом же стихотворении Лермонтов дал замечательный поэтический портрет поэта-декабриста:

**Он был рождён для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... но, безумный,
Из детских рано вырвался оджд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нём тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную.**

Это поэтическое изображение А.И. Одоевского поражает своим реализмом. "Лермонтов писал его с натуры, — утверждает Н.П. Огарев. — Да, этот блеск лазурных глаз и звонкий детский смех, и речь живую не забудет никто из знавших его".

Таким, именно таким и запечатлелся в памяти Лермонтова его друг и товарищ по изгнанию и по скитаниям в горах Кавказа во время первой ссылки — Александр Иванович Одоевский.

7 ноября 1837 года Лермонтов и Одоевский прибыли в полк. Приказа о переводе Лермонтова в гвардию еще не было. Друзья отправились в свой эскадрон на Лезгинскую кордонную линию.

В вопросе о происхождении замысла "Песни" мнения современников поэта разделились. П.К. Мартыанов на страницах "Исторического вестника" в 1884 г. привёл происшествие, случившееся в Москве "после польской кампании 1831 года". В гостином дворе торговал молодой купец. Он жил в Замоскворечье с красавицей женой, жил по-старинному. "Дом его, как большинство старинных купеческих домов того времени, содержался постоянно под замком. Если кому нужно было войти в него, то он должен был несколько раз позвонить... К воротам выходили молодец или кухарка и, не отпирая калитки, спрашивали: "кто? кого надо?.." — Жена его из дому никуда не выезжала, кроме церкви или родных, и то не иначе, как с мужем, или со старухой-свекровью, или же с обоими вместе". На эту красавицу обратил внимание блестящий гусарский офицер и стал искать её любви. Но искания гусара были отвергнуты. Тогда он силой похитил купчиху в то время, как она возвращалась от всенощной домой. Через три дня оскорблённая женщина была возвращена мужу. Московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын, стремясь замять дело, настаивал на мировой; но купец публично дал гусару пощёчину. Купец был арестован, отправлен на съезжую и наутро повесился". Вот это-то печальное событие, — заключал своё сообщение Мартыанов, — как рассказывал мне один из товарищей Лермонтова, некто И.И. Парамонов, и натолкнуло поэта на мысль написать сказку о купце Калашникове, которой, конечно, дана более блестящая по содержанию форма.

Другие современники поэта рассматривали "Песню" как отклик Лермонтова на трагическую гибель Пушкина и видели за историей купца Калашникова семейную драму Пушкина и трагедию его отношений с царём.

Несмотря на сомнительность авторитета П.К. Мартыанова, подвизавшегося в казённо-шовинистических журналах под псевдонимами "Бум-бум", "Петя", "Кактус", "Крюк" и т. п., с рассказами и стихами и тщетно пытавшегося через пятьдесят лет после гибели автора "Героя нашего времени" снять с Николая I и великосветской челяди ответственность за травлю и гибель Лермонтова, многие исследователи, как, например, Б.М. Эйхенбаум, С.В. Шувалов, Н.Н. Голубинский, до сих пор ещё в вопросе происхождения замысла "Песни" опираются на "мартыановскую версию".

А между тем, странно, как на это обращено внимание М. Штокмар, что вопиющий случай, рассказанный Парамоновым, "имеющий к тому же романтическую подкладку, не известен нам безотносительно к произведению Лермонтова по мемуарам или переписке того времени. К тому же в студенческие годы Лермонтов, даже в порыве не характерной для него общительности, не мог указать своему товарищу Парамонову историю похищения купчихи в качестве "источника" "Песни про купца Калашникова" по той причине, что "Песня" в то время не была написана".¹³⁴ Таким образом, эта до сих пор ещё наиболее распространённая версия возникновения замысла "Песни" не может считаться сколько-нибудь правдоподобною, тем более, что она передана Мартыановым из вторых рук.

Поэтому правильнее видеть в "Песне про купца Калашникова" отклик на трагическую гибель Пушкина, отражение семейной драмы поэта и его отношений с Николаем I.

Далеко не случайно то обстоятельство, что "Песня" написана именно на Кавказе. Во время своей первой ссылки Лермонтов встретился с многочисленными жертвами николаевского про-

извола. Встреча с командиром Нижегородского полка полковником С.Д. Безобразовым могла напомнить поэту не только семейную трагедию блестящего кирасира, но и семейную драму Пушкина, а также неблагоприятную роль в обоих этих историях Николая I. Воспоминания о трагедии Пушкина с ещё большей силой вспыхнули в душе Лермонтова при знакомстве с другом Пушкина П.А. Катениным, с автором "Восточной поэмы на смерть Пушкина" М.Ф. Ахундовым, а также при встрече с декабристами, а в особенности с А.И. Одоевским, который ответил стихотворением на знаменитое пушкинское послание "В Сибирь". Вполне естественно, что, жестоко пострадав за своё стихотворение "Смерть поэта", Лермонтов не мог открыто вернуться к запретной для него теме гибели Пушкина и вынужден был обратиться к истории, к прошлому своего народа в поисках ситуации, аналогичной семейной трагедии Пушкина. Путешествие вдоль Терека познакомило поэта с богатым устным народным творчеством гребенских казаков. Значительное место в народной поэзии притеречных станиц занимают исторические песни об Иване Грозном, образующие обширный цикл, куда входят песни и о том, как "грозный царь Иван Васильевич" пожаловал к гребенским казакам Терека Горыничу "от самого гребня до синя моря, до синя моря до Хвалынского".¹³⁵ Знакомство Лермонтова с устным народным творчеством гребенских казаков подсказало поэту сюжет его знаменитой песни.

До сих пор многочисленные исследователи "Песни про купца Калашникова" строили творческую историю этой жемчужины лермонтовской поэзии в отрыве от той конкретной обстановки, в которой находился Лермонтов в период создания своей поэмы. Они настойчиво и кропотливо выискивали фольклорные параллели в "Древних российских стихотворениях" Кирши Данилова, в "Собрании разных песен" М.Д. Чулкова, в "Сказаниях русского народа" И. Сахарова, в "Онежских былинах" Гильфердинга.¹³⁶

Нельзя отрицать глубокого интереса Лермонтова к отечественной народной поэзии, нельзя отрицать и основательного вывода проф. М. Азадовского в его статье "Фольклоризм Лермонтова" о том, что "Песня про купца Калашникова" является в полном смысле слова синтетической поэмой, где с огромным мастерством и изумительным художественным чутьём и тактом собраны и органически слиты разнообразнейшие формы фольклора: за образами "Песни" мы угадываем образы и формы былин, исторических песен о Грозном и Петре, песни о допросе разбойника и о его смерти, песни о смерти казака; слышны мотивы народно-бытовой лирики, зачины и концовки песенно-былевой поэзии".¹³⁷

Но нельзя также игнорировать при изучении творческой истории "Песни" богатого фольклора гребенских казаков. Какую большую роль сыграл гребенский фольклор в творческой истории "Песни", показывает специальное исследование проф. Л.П. Семёнова "Лермонтов и фольклор Кавказа".

В своей работе проф. Л.П. Семёнов установил, что мотив любви Кирибеевича к жене Калашникова имеет некоторую аналогию в былинах терских казаков о князе Владимире и Настасье Микуличне. При наличии существенного отличия (у Лермонтова действие — в Москве, при Грозном; в казачьей песне — в Киеве, при князе Владимире и т.д.) есть и характерные сходные черты: поэма и былина начинаются описанием пира, на котором одно лицо не разделяет общего веселья; далее речь идёт о любви опричника (или князя) к чужой жене; мужья Алёны Дмитриевны и Настасьи Микуличны трагически погибают (у Лермонтова — по вине Ивана Грозного, в народной песне — по вине князя Владимира)".

Проф. Л.П. Семёнов также обнаружил большое сходство в описании пира Ивана Грозного с приближёнными в поэме Лермонтова и в гребенской песне об измене князя Курбского: "Лермонтов говорит про "вино сладкое заморское", в гребенской песне упоминается про "пойлища разнопьяные". Веселье нарушается тем, что один из присутствующих омрачён затаённой думой: у Лермонтова это любимец царя Кирибеевич, в казачьей песне — сам царь, причём облик обоих обрисован одинаково: каждый из них задумался, опустил голову на грудь, а в груди была дума "крепкая" ("заединая").

Отметив ещё целый ряд отдельных образов, созданных Лермонтовым в духе народных исторических и бытовых песен терских казаков, подтверждающих большую близость различных мотивов и стилистических деталей "Песни про купца Калашникова" и гребенского фольклора, проф. Л.П. Семёнов приходит к неоспоримому выводу, что вполне оригинальная, как художественное целое, поэма Лермонтова, так ярко воскрешающая эпоху Ивана Грозного, созвучна историческим и бытовым песням гребенцев.

Этот убедительный вывод проф. Л.П. Семёнова подкрепляется и другими данными, подтверждающими, что гениальное творение Лермонтова своими истоками уходит, прежде всего, к гребенскому фольклору. Так, ещё П.А. Висковатый указывал на сходство описания пира Ивана Грозного в поэме Лермонтова с описанием княжеского пира, почестного пира в былинах "Ставр-боярин", не подозревая того, что былина о Ставре известна на Тереке в нескольких вариантах. Былину о Ставре-Лавре Тимофеевиче дважды записал (в станице Червлённой и Щедринской) собиратель гребенского фольклора М.П. Карпинский.¹³⁸ Не меньший интерес в связи с этим представляют введённые Лермонтовым в поэму песенные приёмы-обращения (Ай, ребята, пойте — только гусли стройте! Ай, ребята, пейте, — дело разумеете! Уж потешьте вы доброго боярина и боярыню его белолицую"). Такие обращения, как на это указывали П. Владимиров и Н. Мендельсон, встречаются преимущественно в песнях об Иване Грозном.

Большое внимание многие исследователи "Песни про купца Калашникова" уделили любопытному рассказу крестьянки села Тарханы А.П. Ускоковой о кулачном бое между крестьянами, который был устроен, по её словам, Лермонтовым в Тарханах зимой 1836 года. Проф. П.А. Висковатый, записавший этот рассказ восьмидесятилетней старухи в 1881 году, считал его интересной иллюстрацией к настроению поэта в годы, когда он писал свою песню про Ивана Грозного. "Хотя знаменитая "Песня", — писал исследователь, — и была окончательно отделана позднее и в первом своём виде появилась в начале 1838 года, но уже в 1836 году Лермонтов её задумал и готовился написать, а, может быть, частью и написал уже, дав затем произведению этому вылежаться, что было в привычках его творчества". Точку зрения П.А. Висковатого разделил затем А.П. Шан-Гирей, а потом и П. Давыдовский, доказывавший работу поэта над "Песней" тем, "что зимою Лермонтов, побывав в Тарханах, устраивает между крестьянами кулачный бой".¹³⁹ Наконец в наши дни М.Ф. Николаева решительно заявляет, что "Песня" была написана Лермонтовым ещё в конце 1836 года", исходя из того, что "содержание "Песни" стоит в связи с занятиями Лермонтова в это время, и следующая частность подтверждает это: по поводу "Песни" Лермонтов писал Краевскому: "Я писал "Песню" от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не дозволявшей выходить из комнат".¹⁴⁰ Лермонтов, судя по его письмам, действительно приехал в Пятигорск из Ставрополя совершенно больным.

Однако никто из исследователей до сих пор не обратил внимания на то, что кулачные бои Лермонтов должен был наблюдать и наблюдал в 1837 году на Кавказе в Ставрополе, где они, как об этом свидетельствуют старожилы, велись издавна и происходили по праздничным дням. В старых комплектах ставропольской газеты "Северный Кавказ" встречаются заметки, доказывающие, что кулачные бои в Ставрополе являются давней традицией. Уже в первый год издания газета сообщала: "Оказывается, что в Ставрополе до сих пор сохранились и поддерживаются в довольно грандиозных размерах кулачные бои по праздничным дням. Так, 26 сентября толпа людей в две-три сотни в присутствии многочисленных зрителей из женщин, мужчин и детей забавлялась этой "невинной" игрой... Поединок происходил между жителями Форштадта и Воробьёвки".

Часто кулачные бои кончались гибелью одного из участников. "На последних кулачках, — читаем мы в заметке, напечатанной уже в девяностых годах в той же газете, — один молодой человек был избит до такой степени, что тут же богу душу отдал. Этот из ряда выходящий казус заставил, наконец, полицию принять меры против этого варварского наследия".¹⁴¹ О кулачных боях и сейчас охотно вспоминают старожилы, сами в молодости не раз принимавшие участие в "кулачках" и утверждающие, что кулачные бои были любимой забавой их отцов и дедов.

"Песня про купца Калашникова" отнюдь не является отвлечённым историческим произведением; она, как и всё творчество Лермонтова, тесно связана с жизнью, с не удовлетворявшей поэта окружавшей его суровой николаевской действительностью. "Заряд гигантского мятежа", обнаруженный в поэме А. В. Луначарским, властно говорит об этом. Далеко не случайно гениальный современник Лермонтова В. Г. Белинский писал в своей замечательной статье "Стихотворения М. Лермонтова" о "Песне про купца Калашникова": "Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенёсся в её историческое прошедшее, подслушал биение пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвевая его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размах его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия её грубой и дикой общности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знавал о других — и вынес из неё вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненно всякой истории". Непроходящая сила бессмертной поэмы Лермонтова заключается в том, что быль, изображённая в "Песне", не вымышленная, а выстраданная поэтом. Вполне основательно суждение М. Юнович в том, что "Песня про купца Калашникова" продолжает революционное выступление "Смерти поэта". "Протест против царя-тирана, заключённый в "Песне", внутренне глубоко связан с произведением, в котором Николай I и его слуги названы были убийцами, "палачами свободы, гения..." Цитируя обращение купца Калашникова:

**А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому;
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьёт он меня — выходите вы —
За святую правду-матушку.**

М. Юнович справедливо видит в нём ту же ненависть к самовластию, что и в злободневных стихах на смерть Пушкина. Здесь та же ненависть, созревшая до решимости — "биться на смерть, до последних сил".¹⁴²

Ещё в 1941 году автор настоящих строк писал: "Нет никаких сомнений в том, что содержание "Песни" тесно связано с событиями, вызвавшими ссылку поэта. Несколько простых параллелей убедительно доказывают это.

Почему Пушкин вызывает Дантеса на дуэль? — Чтобы защитить свою честь и честь своей жены.

Почему Калашников выходит на кулачный бой? — Чтобы защитить честь жены своей Алёны Дмитриевны и свою честь.

Кто такой Дантес? — Блестящий гвардейский офицер, любимец Николая I.

Кто такой Кирибеевич? — Опричник, верный слуга, лучший боец и любимец Грозного.

Что передал Николай I через лейб-медика Арндта умирающему Пушкину? — "О жене и детях не беспокойтесь. Они будут моими детьми, и я беру их на своё попечение".

Что говорит Иван Грозный купцу Калашникову, отправляя его на плаху? — "Молодую жену и сирот твоих из казны моей я пожалую..."

Этих сопоставлений вполне достаточно для того, чтобы убедиться, что мысль о трагической кончине Пушкина не покидала Лермонтова на Кавказе".¹⁴³

Ведь недаром тщательно исследовавший "Песню" проф. П. Владимиров пришёл к вполне закономерному выводу, что "сюжет "Песни" нельзя назвать строго историческим. В истории времён Иоанна Грозного, единственного исторического лица в поэме Лермонтова, мы не находим ни опричника Кирибеевича из семьи Малютиной, ни купца Калашникова. "Песня" не связана также и с теми историческими событиями эпохи Иоанна Грозного, которые воспеваются народными песнями, как взятие Казани, покорение Сибири, или даже как женитьба царя и отношения его к сыну. Сюжет "Песни" представляет вымышленную быль, повесть, нарисованную на фоне эпохи Иоанна Грозного".

Сейчас мы вправе с полным основанием утверждать, что сюжет "Песни" не вымышлен, а взят Лермонтовым из жизни. Семейная драма и трагическая гибель Пушкина, затравленного великосветской челядью, легли в основу этого не вымышленного, а выстраданного поэтом сюжета. В результате кавказских встреч поэта с жертвами грубого николаевского произвола (Павлом Катениным, Сергеем Безобразовым, Александром Одоевским и др.), "заряд гигантского мятежа" вспыхнул в Лермонтове с новой, ещё не виданной силой. Именно чувства ненависти, гнева и презрения к венценосному тирану внушили поэту страстные негодующие строки, обращённые не столько к молодому опричнику Кирибеевичу, сколько к самому Николаю I:

**А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью тёмною...
Не таился от свету небесного...**

Теперь уже ясно, что "Песня про купца Калашникова" построена преимущественно на кавказском материале (кавказские встречи поэта, гребенские исторические песни об Иване Грозном, кулачные бои в Ставрополе) и тесно связана с событиями, вызвавшими первую ссылку её автора на Кавказ.

Кавказское происхождение "Песни про купца Калашникова" несколько не суживает громадного значения этого бессмертного создания лермонтовского гения, несколько не обедняет этой замечательной поэмы. Следуя исторической правде, Лермонтов создал правдивый образ Ивана Грозного. Лермонтовский Грозный — это подлинный, исторический Грозный, в котором

нет черт, присущих Николаю I, кроме, разве его жестокости. Образ Ивана Грозного создан Лермонтовым в полном соответствии со старинными песнями. Это тот Грозный царь Иван Васильевич, о котором на Тереке поют, что он, "Надёжа-царь", подарил "казаченьков":

**Рекой вольною, Терекон Горыничем
От самого гребня до синяго моря,
До синяго моря, до Каспицкого.**

Общеизвестно, что народ, вопреки боярам, признавая "грозность" этого царя, создал образ его, любуясь им. "Иван сударь Васильевич — прозритель", именует его народ в песне о "Взятии Казанского царства" и заканчивает эту песню замечательными словами:

**Он царский костыль в руки принял
И сел на Московское царство,
Что тогда и Москва основалась,
И с тех пор великая слава.**

Возникшая на Кавказском материале "Песня про купца Калашникова" выросла в гениальное самобытное художественное произведение, навсегда прочно вошедшее в великую сокровищницу русской классической поэзии.

"Спеша на север из далёка..."

25 ноября 1837 года Лермонтов был исключён из списков Нижегородского полка. Ему предстояла долгая и утомительная поездка в Новгород, где находился лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, куда Лермонтов по высочайшему повелению был переведён корнетом, вследствие усиленных хлопот бабушки Е.А. Арсеньевой и В.А. Жуковского. Поэт тепло простился с боевой семьёй нижегородцев и со славным командиром полка полковником Безобразовым.

Неохотно покидал Лермонтов Кавказ. "Если бы не бабушка, — писал он перед отъездом своему другу С.А. Раевскому, — то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь... Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани. — Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой целую коллекцию..." Недаром поэт начал было изучать азербайджанский язык, который "в Азии не обходим, как французский в Европе", ибо он, по его словам, "сделался ужасным бродягой" и чувствовал себя расположенным к этому образу жизни.

В пути, "спеша на север из далёка", Лермонтов трогательно простился с Казбеком — этим стражем Востока... Позади остался гостеприимный Азербайджан с бродячими ашугами (поэтами-певцами), такими же странниками, как и он, шумная и плодородная Кахетия, где он встречался с печальной вдовой Грибоедова, славный дом Нечволодовых, в уютных комнатах которого так любили собираться его однополчане-нижегородцы, и, наконец, Тифлис, весёлый, нарядный Тифлис, где он познакомился с лучшими представителями закавказской интеллигенции и прежде всего с умным и учёным азербайджанцем М.Ф. Ахундовым, который так же, как и Лермонтов, откликнулся стихами на печальную кончину Пушкина. На Лезгинской кордонной линии Лермонтов оставил А.И. Одоевского, с которым вместе "тоску изгнания делили дружно..."

Возвращаясь в Россию по Военно-Грузинской дороге, поэт остановился во Владикавказе и в заезжем доме случайно узнал, что в крепости в 6-м линейном батальоне служит В.В. Бобары-

кин, его младший товарищ по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, переведённый из гвардии по суду за буйное поведение на улице после кутежа. Лермонтов пожелал видеть Бобарыкина и послал за ним базарного (так назывался приставленный к взятому для офицеров и проезжих дому унтер-офицер). "Я, — вспоминал впоследствии Бобарыкин, — пошёл в заезжий дом, где застал такую картину: М.Ю. Лермонтов, в военном сюртуке, и какой-то статский (оказалось, француз-путешественник) сидели за столом и рисовали, во все горло распевая: "Мне жизнь, мне жизнь, мне — свобода". И Лермонтову и Бобарыкину говорить было не о чем. Все интересы Бобарыкина в то время, как и интересы молодых людей его круга, сводились к кутежам, попойкам, цыганам и игре в карты или лото. По собственным словам В.В. Бобарыкина, он был носителем того исключительно эпикурейского мировоззрения, основным фондом коего было существовавшее тогда во всей силе крепостное право. Лермонтов же жил в это время богатой духовной жизнью. Кавказские встречи поэта заставили его по-новому смотреть и на мир, и на людей. И Бобарыкин, и Лермонтов расстались взаимно не удовлетворенные этой встречей. Тяжелые сомнения запали в сердце поэта. Что ждет его на родине?

**Боюсь сказать... Душа дрожит...
Что если я со дня изгнания
Совсем на родине забыт?
Найду ль там прежние объятья,
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после долгих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных
Деливших молодость со мной?**

14 декабря, как об этом свидетельствует запись в дневнике неизвестного кавказского офицера (дневник этот хранится в рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в собрании рукописей Тихонова), Лермонтов находился в станице Прохладной.

В Ставрополе Лермонтов буквально на несколько дней останавливается у своего "любезного дядюшки" генерала Петрова. Возможно, что Павел Иванович сообщил поэту о болезни бабушки, и эта печальная весть заставила Лермонтова ускорить свой отъезд. На прощанье Лермонтов дарит на память "любезному дядюшке" написанную им картину — вид одного из тех примечательных мест, которые он посетил во время своих скитаний по Кавказу.

Картина эта, хранящаяся в настоящее время в Ивановском областном музее, написана в зеленовато-синеватых тонах и изображает вид какого-то кавказского города, по всей вероятности Тифлиса, с храмом грузинской архитектуры на высоком, каменистом берегу реки и многочисленными домами на первом плане. В центре — высокий холм с развалинами старинной крепости, левая сторона занята склоном горы, покрытым кустарником и пирамидальными тополями. В перспективе — линия гор, уходящая в даль.

Две живописных женских фигуры в белых чадрах — на берегу реки. Одна из них стоит, другая склонилась к воде и держит в руках длинный кувшин, с которым пришла по воду...

Перед отъездом Лермонтова П.И. Петров ещё раз одолжил Лермонтову деньги и просил племянника передать Афанасию Алексеевичу Столыпину письмо, вручённое им тут же...

Вельяминов был тяжело болен.

Во второй половине декабря 1837 года добрые почтовые кони помчали поэта на север. Миновали не то крепостные, не то три-

умфальные высокие каменные ворота, и скоро Ставрополь скрылся из глаз. Прощай Кавказ!

Лермонтов покидал пределы Кавказа, полный новых творческих замыслов. Эти замыслы нашли своё воплощение в таких замечательных его произведениях, как "Герой нашего времени", "Беглец", "Мцыри" и "Демон", "Демон" в новой, уже окончательной редакции...

Во второй ссылке

**"Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей".**

М.Ю. Лермонтов.

Ставрополь и Грозная

10 июня 1840 года к дому командующего войсками Кавказской линии и Черноморья в Ставрополе лихо подкатила запылённая дорожная бричка. Из брички вылез молодой офицер в форме поручика Тенгинского пехотного полка.

Это был Михаил Юрьевич Лермонтов, вновь сосланный на Кавказ за дуэль с сыном французского посланника де-Барантом.

Дом, в который вошёл Лермонтов, был хорошо знаком поэту. Здесь два с половиною года назад он прощался с больным генералом Вельяминовым. Теперь этот дом занимал новый командующий войсками генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе. Войдя в знакомый зал, чтобы представиться командующему, молодой офицер был поражён. Всё было обставлено с претензиями на вкус, комфорт и порядочность. От прежней суровой простоты не осталось и следа. Мебель была новая. Лермонтова встретил дежурный адъютант в мундире и шарфе. После доклада адъютанта генерал вышел в сюртуке, с трубкою на очень длинном чубуке. Генерал Граббе принял Лермонтова важно, но приветливо.

Обстановка на Кавказе была очень тревожной. Английский агент Джеймс Станислав Белл — опытный разведчик, высадившись в 1837 году в районе Геленджика, развил активную подрывную деятельность против русского проникновения на Кавказ. Этот матёрый шпион и провокатор не скупился на обещания относительно военной помощи, которую якобы немедленно получат горцы от Турции и Англии, как только овладеют опорными пунктами русских войск на Черноморском побережье Кавказа. Опираясь на представителей связанной с Турцией племенной знати убыхов, шапсугов и натхокуаджей, Белл в начале 1840 года организовал вооружённое выступление горцев на побережье Кавказа. "В феврале 1840 года одно за другим пали Лазаревское и Вельяминовское укрепления, расположенные в устьях рек Псецуапс и Туапсе. Вслед за тем в марте горцы, преодолев ожесточённое сопротивление гарнизона, овладели Михайловским укреплением, при защите которого рядовой Тенгинского пехотного полка Архип Осипов совершил героический подвиг, взорвав пороховой погреб тогда, когда противник уже почти завла-

дел фортом. Помимо этого, в конце марта убыхи несколько раз штурмовали укрепление "Святого духа" на мысе Адлер и Навагинское в устье реки Сочи, а шапсуги, действовавшие на Кубани, захватили Николаевское и атаковали Абинское укрепления".¹⁴⁴

Ещё более тревожным было положение, сложившееся в Чечне и Дагестане, где вновь поднял голову вождь мюридизма имам Шамиль. Общеизвестно, что так называемый кавказский мюридизм и движение горцев под руководством Шамиля было делом рук султанской Турции. Документально установлено, что в 1840 году турецкий султан направил к Шамилю посла своего Гаджи Юсуфа.¹⁴⁵ В короткое время Гаджи Юсуф сделался при Шамиле влиятельнейшим человеком, как он сам писал, — "первым среди набобов". Гаджи Юсуф заверил Шамиля, что турецкий султан и египетский паша окажут ему необходимую поддержку в войне с русскими, и предложил имаму вести с ними переписку через него — Гаджи Юсуфа. В "Низаме Шамиля" мы читаем: "По этому предложению Шамиль составил письмо к султану и египетскому паше, в котором указал на несоразмерность своих сил в сравнении с русскими, неусыпное ведение с ними войны, на защиту мусульманства, просил покровительства и помощи..."¹⁴⁶ Султан обещал выслать на помощь Шамилю войско и убеждал его не унывать и действовать. Имеются документы, свидетельствующие о том, что Шамиль поддерживал связь с султанским двором и через турецкого консула в Тифлисе Сеид Мухаммед Эмин-Бея. Египетский паша Мухаммед-Али в своём обращении к кавказским горцам, написанном по заданию турецкого султана, говорил: "Назначив Шамиля-эфенди вашим шахом и послав ему две печати, предписываю вам оказывать ему полное повиновение".¹⁴⁷ Окрылённый обещаниями турецкого султана, Шамиль со своими мюридами вторгся в Малую и Большую Чечню, призывая к священной борьбе против "неверных", предавая огню и разрушению аулы горцев, отказавшихся присоединиться к газавату.

* * *

Лермонтов вышел от Граббе в самом приятном расположении духа. Командующий войсками решил командировать его на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции под командованием генерал-лейтенанта Галафеева.

Решение генерала Граббе избавляло поэта от предстоящей поездки на Черноморскую береговую линию, куда были направлены все четыре батальона Тенгинского пехотного полка.

Тенгинский полк был разбросан по гарнизонам укреплений Черноморской береговой линии. Служба в этом полку была особенно тяжёлой не столько от горских пуль, сколько от губительной лихорадки. Об этом тогда знали все. Насколько тяжела была служба в Тенгинском полку, свидетельствуют материалы, опубликованные недавно С.А. Андреевым-Кривичем. Известный генерал А.П. Ермолов, разгневавшись на своего младшего сына, решил отправить его на Кавказ рядовым. "Крутой нравом, Ермолов не останавливался перед жестокостью. В личном письме к Граббе от 4 января 1840 года, сообщая о своём решении, он писал: "Опасностей я за него не страшусь, и самая смерть излишне не огорчит меня". Посылая сына на Кавказ, Ермолов просит Граббе: "Определи его в Тенгинский полк". Впоследствии в своей автобиографии Ермолов сообщал: "Младший из них (сыновей) умер унтер-офицером Тенгинского полка за Кубанью".

Вот почему, отправляясь на Кавказ в 1840 году с назначением в Тенгинский пехотный полк, поэт на прощальном вечере у Карамзиных с грустью говорил В.А. Соллогубу: "Убьют меня, Владимир!"¹⁴⁸

Ставрополь показался Лермонтову на этот раз очень красивым. Расположенный на возвышенности, осенённый садами

и рощами попеременно с белыми каменными строениями, город имел прекрасный вид. В городе было много перемен. По улицам ездили биржевые дрожки и экипажи. Город был наполнен военной молодёжью богатых и аристократических фамилий, приехавшей из Петербурга за чинами и крестами. Музыка, пение, говор, стукотня бильярдных шаров, хлопанье пробок из шампанских бутылок, чоканье бокалами и крики "ура!" неслись из гостеприимно распахнутых настежь дверей и открытых окон гостиницы предприимчивого грека Найтаки, в которой Лермонтов 17 октября 1837 года провёл памятный вечер в обществе "милого Саши" Одоевского и друзей-декабристов.

Неделю спустя, 17 июня 1840 года, Лермонтов писал своему другу Алексею Лопухину:

"Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк. Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индейских петухов, так, авось, это его испугает. Я здесь в Ставрополе уже с неделю и живу вместе с графом Ламбергом, который также едет в экспедицию... Я здесь от жару так слаб, что едва держу перо. Дорогой я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня, и каждый день был в театре".

Спектакли Черкаского театра, характерные для провинциальных театров старой России, надолго запомнились Лермонтову. "Смотришь на сцену и ничего не видишь, — делится он своими впечатлениям с Лопухиным, — ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо — ничего не видишь, потому что ничего нет, смотришь налево — и видишь в ложе полицмейстера; оркестр составлен из четырёх кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дёргает его за фалды, а контрабас бьёт так смычком по его плечу. Раз, по личной ненависти, он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дёрнул его за фалды и капельмейстер упал навзничь головой прямо в барабан и проломил кожу; но, в азарте, вскочил и хотел продолжать бой и что же! О ужас! На голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опустили, а оркестр отправили на съезжую..."

"Но здесь в Ставрополе таких удовольствий нет, — жалуется в заключение Лермонтов, — зато ужасно жарко... Ужасно я устал и слаб. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны, будь благонадёжен. Ужасно устал... жарко... уф!"

18 июня 1840 г. поручик Лермонтов, как об этом свидетельствуют официальные документы, выехал в крепость Грозную, будучи "командирован на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции под командованием генерал-лейтенанта Галафеева".

Крепость Грозная — этот передовой оплот русского командования в борьбе против мюридизма, имела весьма "негрозный" вид. Построенная в 1818 году Алексеем Петровичем Ермоловым в выдающемся к Ханкале изгибе реки Сунжи, крепость состояла из цитадели и форштадта. По словам М.Я. Ольшевского, цитадель "занимала квадратную плоскость, сторона которой не превышала 150 шагов, обнесённую осыпавшимся и обвалившимся валом и заросшим травой рвом, не исправлявшимся со времени своего создания, через которые пролегало несколько пешеходных тропок. Два чугунных орудия без платформ и на ветхих крепостных лафетах, обращённые дулом к Ханкале, воз-

вещали сигнальными выстрелами о появлении неприятеля. Внутри цитадели, кроме двух пороховых погребов — хранилища боевых зарядов и патронов и караульного дома, тянулись три длинных деревянных строения, занятых разными должностными лицами и их канцеляриями. Все эти постройки были ветхи, как и самый вал. Форштадт, обращённый на север к Тереку, состоял из дома начальника левого фланга, возвышающегося возле землянки, в которой генерал Ермолов жил во время постройки крепости, вновь строящегося госпиталя, нескольких ветхих казарм, множества небольших мазанок, принадлежащих разночинцам, отдельного поселения из женатых солдат и грязной еврейской слободки. Этот форштадт охранялся ничтожной профили валом со рвом и оборонялся тремя чугунными орудиями. Если к этому прибавить деревянный мост на Сунже на сваях, против цитадели, охраняемый небольшим манежем, да сад с огородами и ротными дворами Куринского полка, то вот полный абрис тогдашней Грозной".¹⁴⁹

В русском лагере под Грозной, по свидетельству участника экспедиции генерала Галафеева Д.П. Палена, царило "большое оживление: снова донские казаки с длинными пиками; пехота перед составленными в козла ружьями делала приготовления к выступлению; палатки складывались на повозки, егеря готовились занять пикеты; моздокские линейные казаки возвращались с рекогносцировок; два горных орудия стояли на возвышении впереди отряда. Неподалёку от них между спутанными конями, пестрою группою лежали люди в самых разнообразных костюмах: изодранные черкески порою едва прикрывали наготу их владельцев, дорогие шемахинские шелка рядом с рубищами доказывали полное презрение владельцев к внешнему своему виду. На многих замечалось богатое и отлично держанное оружие. Оправы шашек и кинжалов блестели на ярком утреннем солнце, заливавшем местность. Роса ещё не высохла, и капли её сверкали на кустах кизила, увитого диким виноградником. Лица, загорелые и смуглые, выражали бесшабашную удаль и, при разнообразии типов, носили общий отпечаток тревожной боевой жизни и её закала".

В лагере отряда генерала Галафеева Лермонтов встретил большую группу столичных приятелей, с которыми он проводил время в "кружке шестнадцати". Дружески приветствовали его: откомандированный из гвардейской кавалерии на Кавказ А.Н. Долгорукий, состоявшие по кавалерии поручики Н.А. Жерве и С.В. Трубецкой, товарищ по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров А.А. Столыпин (Монго) и Д.П. Фредерикс — морской офицер, добровольно перешедший в кавалерию с состоянием при Кавказском корпусе. Здесь же Лермонтов встретил брата великого поэта Льва Сергеевича Пушкина, корнета лейб-гвардии Конного полка Глебова и других представителей гвардейской молодёжи.

Но самой дорогой, самой приятной для поэта была встреча с рядовым Куринского пехотного полка Владимиром Николаевичем Лихарёвым, знакомство с которым состоялось ещё в октябре 1837 года в Ставрополе, куда тот прибыл вместе с дорогим сердцу Лермонтова А.И. Одоевским. Лермонтов не мог не сойтись с Лихарёвым, который, по словам хорошо знавшего его по сибирской ссылке Н.И. Лорера, "был одним из замечательнейших людей своего времени... Он отлично знал четыре языка и говорил и писал на них одинаково свободно, так что мог занять место первого секретаря при любом посольстве. Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только делиться, но, что труднее, отдавать своё последнее". Оба приятеля вспомнили чёрную осеннюю ночь в Ставрополе, тесный круг друзей-декабристов, отчаянный тост Александра Одоевского.

Но он погиб далёко от друзей...
 Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
 Покрытое землёй чужих полей,
 Пусть тихо спит оно, как дружба наша
 В немом кладбище памяти моей.
 Ты умер, как и многие, без шума,
 Но с твёрдостью... —

тихо прочёл Лермонтов. И оба — и Лермонтов, и Лихарёв — задумались над тем: чем, какими новыми ударами и испытаниями их встретит безотрадное завтра.

"...это было под Гихами"

На рассвете 6 июля отряд генерала Галафеева выступил из лагеря под крепостью Грозной, перешёл мост на реке Сунже и через Ханкальское ущелье направился на селение Большой Чечень. На следующий день войска вошли в Малую Чечню и прошли через Чах-Кери к Гойтинскому лесу и аулу Урус-Мартан. Наблюдения над боевой походной жизнью отряда дали поэту богатый материал для его стихотворного послания к любимой женщине В.А. Лопухиной: "Я Вам пишу: случайно! право..."

В этой проникновенной исповеди, обращённой к любимой женщине, Лермонтов, разрушив устарелую форму "послания", как говорит об этом С.Н. Дурылин, "с властным мастерством сплёл с объективной темой военного повествования свою личную тему неудачной любви и жизни".

С эпической простотой поэт описывает короткие привалы:

Вот разговор о старине
 В палатке ближней слышен мне;
 Как при Ермолове ходили
 В Чечню, в Аварию, к горам;
 Как там дрались, как мы их били,
 Как доставалось и нам...

Особенное внимание Лермонтова привлекали кавказцы — "мирные черкесы", присоединившиеся к отряду Галафеева для того, чтобы плечом к плечу с русскими воинами драться против "сумасшедшего пророка" и его мюридов. Поэт признаётся:

Люблю я цвет их жёлтых лиц,
 Подобный цвету наговиц,
 Их шапки, рукава худые,
 Их тёмный и лукавый взор
 И их гортанный разговор...

Мюриды Шамиля, пытаясь задержать движение отряда Галафеева, чинили затруднения на каждом шагу: то здесь, то там за вековыми деревьями встречали наших воинов меткими выстрелами и, избегая рукопашного боя, скрывались в лесных чащах, то старались не допускать наших воинов до воды, если берега были надёжным прикрытием.

А вот в чалме один мюрид
 В черкеске красной ездит важно,
 Конь светлосерый весь кипит,
 Он машет, кличет — где отважный?
 Кто выйдет с ним на смертный бой!..
 Сейчас, смотрите: в шапке чёрной
 Казак пустился гребенской,
 Винтовку выхватил проворно,
 Уж близко... выстрел... лёгкий дым...
 Эй, вы, станичники, за ним...
 Что? ранен! — Ничего! безделка...
 И завязалась перестрелка...

Но эти поединки, как и перестрелки, на Кавказе были обычным делом.

Но в этих шибках удалых
 Забавы много, толку мало;
 Прохладным вечером, бывало,
 Мы любовались на них
 Без кровожадного волнения
 Как на трагический балет...

И вот на заре 11 июля русские войска вступили в Гехинский лес. Старый кавказец Ф.Ф. Торнов, "ломавший" походы в Чечне в 1844 году, вспоминает, что лес этот представлял собою семивёрстную глухую тущобу, "через которую бесчисленными поворотами извивалась узкая, армянская дорога. На половине пути открывалась прогалина не шире ста сажен, упирившаяся в крутой овраг шириной около сорока шагов; в трёх верстах за оврагом Валерик протекал по обширной луговине, окружённой густым бором. Место ровно было создано в пользу чеченцев, никогда не упускавших случая сильно нам вредить, когда лесная чаща их скрывала от наших глаз и уберегала от нашей пули, а мы сами принуждены были двигаться по открытой дороге".¹⁵⁰ Дойдя до крутых берегов речки Валерик, войска очутились перед завалами из брёвен, приготовленных заранее мюридами. Но вот

— ...над брёвнами завала
 Ружьё как будто заблестало,
 Потом мелькнуло шапки две;
 И вновь сокрылось в траве.
 То было грозное молчанье...

Но это томительное, тягостное молчание не было продолжительным.

Вдруг залп... Глядим: лежат рядами.
 Что нужды? здешние полки
 Народ испытанный... В штыхы,
 Дружнее! раздалось за нами.
 Кровь загорелась в груди!
 Все офицеры впереди...
 Верхом помчался на завалы
 Кто не успел прыгнуть с коня...

По верному предположению П.А. Висковатого и Л.П. Семёнова, последние две строчки можно отнести к самому поэту. Современник Лермонтова, участник сражения при Валерике, барон Россильен рассказывал П.А. Висковатому: "Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщёвую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! — ибо кто же кидался на завалы верхом?"¹⁵¹

Лермонтовские строки — "верхом помчался на завалы, кто не успел прыгнуть с коня" — показывают, что не хвастовство и удаль, а необходимость заставляла бросаться верхом на завалы неприятеля.

С потрясающей силой рисует дальше поэт картину рукопашного боя, к которому вынуждены были прибегать наши воины, ибо, как вспоминает старый кавказец, "в сороковых годах наше оружие было ужасно плохо. Это были гладкоствольные кремнёвые ружья, которыми стрелять далее, чем на сто шагов, было бесполезно: между тем горцы были вооружены винтовками, бившими более чем вдвое дальше".¹⁵²

Ура! — и смолкло. — Вон кинжалы,
 И приклады! — и пошла резня.
 И два часа в струях потока
 Бой длился. Резались жестоко,
 Как звери, молча, с грудью грудь...

"Фанатическое иступление отчаянных мюридов не устояло против хладнокровной храбрости русского солдата, — читаем мы в "Журнале военных действий" отряда под начальством генерал-лейтенанта Галафеева на левом фланге Кавказской линии с 6-го по 17-го июля, — числительная сила разбросанной толпы должна была уступить нравственной силе стройных войск, и чеченцы выбежали на поляну на левом берегу реки Валерика, откуда картечь из двух конных орудий... снова вогнала их в лес". Бой разгорелся с новой силой. В лесу в стрелковой цепи Лермонтов встретился с Лихарёвым. "Сражение приходило к концу, оба приятеля шли об руку и часто, в жару спора неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко даёт промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарёва в спину навзлет, и он упал навзничь; ожесточённая толпа горцев изрубилла труп так скоро, что солдаты не успели на выручку останков товарища-солдата". Так рассказал о смерти Лихарёва декабрист Н.И. Лорер.

**Но вот бой кончился.
На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... На шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки. Кровь его чуть-чуть
Сочилась, но высоко груды
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
"Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат..." Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... Потом
Его останки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли...**

Этот эпизод исполнен мужественной красоты и силы. Нельзя не согласиться с С.Н. Дурьлиным, который писал по поводу этой простой и вместе с тем величавой картины: "Сколько суровой нежности, безмолвной любви открыл и показал Лермонтов в сердцах солдат, окруживших умирающего капитана, чего стоит одна только подробность: эти скудные тяжёлые солдатские слезы, капающие с ресниц, покрытых пылью".

"В этот день наши войска покрыли себя славою, — писал о сражении при Валерике историк Кавказских войн А. Юров. — Если лесной бой принадлежит к числу труднейших операций на войне, то картина боя в вековом чеченском лесу поистине ужасна. Здесь управление войсками невозможно, и начальству оставалась одна надежда на беззаветную доблесть и боевую сметку солдата. Неприятель был невидим, а между тем каждое дерево, каждый куст грозили смертью. Едва разорвётся цепь или часть ослабеет от убыли, как точно из земли вырастали сотни шашек и кинжалов и чеченцы, с потрясающим даже привычные натуре гиком, бросались вперёд. Хороший отпор — и всё снова исчезает, только пули градом сыпятся в наши ряды, но горе, если сол-

даты терялись или падали духом: ни один из них не выносил своих костей из лесной труппы".¹⁵³

В послании В.А. Лопухиной поэт ничего не говорит о своём участии в битве. Зато с неповторимой силой поэт рисует безвестных героев-солдат: их храбрость, мужество и героизм перед лицом смерти, их стремление к победе.

Между тем Лермонтов не только активно участвовал в сражении при Валерике, будучи, как и все офицеры, впереди, но и проявил истинно русскую храбрость. В перечне отличившихся в этот день воинов в "Журнале военных действий" отряда отмечается "опытность и мужество" и "необыкновенное рвение" многих штаб- и обер-офицеров, в том числе и "Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова и 19-ой артиллерийской бригады прапорщика фон Лоер-Лярского, с которыми "они переносили все приказания войскам в самом пылу сражения в лесистом месте", что заслуживает "особенного внимания, ибо каждый куст, каждое дерево грозили всякому внезапною смертью".

Генерал Галафеев в донесении своём генерал-адъютанту Граббе от 8 октября 1840 года так отзывался об участии Лермонтова в бою под Валериком:

"Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об её успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы". За дело под Валериком генерал Галафеев представил Лермонтова к ордену Владимира 4-й степени с бантом, но корпусный командир генерал Головин заменил это представление на представление к ордену Станислава 3-й степени ввиду того, что "поручик орденов не имеет".

По преданию, распространённому среди поклонников поэта, "Журнал военных действий" в отряде генерал-лейтенанта Галафеева вёл Лермонтов, прикомандированный в штаб отряда к означенному генералу... Так Г.С. Лебединец сообщил, что во время съезда археологов в Тифлисе граф А.С. Уваров обращался в штаб Кавказского военного округа с просьбою о выдаче ему этого дела для прочтения, причём утверждал, что "Журнал военных действий" с 10 апреля (?) по 13 октября 1840 г. вёлся Лермонтовым.¹⁵⁴ Ж. Серман, в примечании к лермонтовскому стихотворению, посвящённому сражению при Валерике, в издании сочинений Лермонтова 1948 года пишет: "Совпадение текста "Журнала военных действий" и лермонтовского стихотворения даёт представление о том, как точно воспроизвёл он действительную обстановку похода и, в то же время, в каком направлении шло поэтическое освоение материала его наблюдений. Из сопоставления текста стихотворения с соответствующими страницами "Журнала военных действий" видно, что совпадает в них не только фактическая основа, но и самый стиль, целые предложения "Журнала" и строки стихотворения". Однако, как это установил тщательно исследовавший "Черновой журнал военных действий" отряда на левом фланге Кавказской линии" Л.П. Семёнов, "Журнал" вёлся не одним, а многими лицами, мы можем отметить восемь различных почерков... Между этими почерками нет ни одного, который мог бы принадлежать Лермонтову".¹⁵⁵ Кроме того, слог, как об этом уже не раз говорилось в литературоведении, — явление случайное.

В настоящее время мы располагаем новыми данными, неоспоримо подтверждающими отвагу и мужество Лермонтова в бою при Валерике. Участник этого сражения Константин Христо-

форович Мамацев (Мамацашвили), служивший офицером в сводной горной батарее, входившей в отряд генерала Галафеева, вспоминает, что 11 июля 1840 года, когда наши войска проходили дремучий Гехинский лес, он, Мамацев, с четырьмя орудиями оставлен был в арьергарде и в течение нескольких часов один отбивал картечным огнём бешеные натиски чеченцев. "Это было торжество хладнокровия и ледяного мужества над дикою не знающею препон, но безрассудною отвагою горцев. Под охраною этих орудий войска вышли, наконец, из леса на небольшую поляну и здесь-то, на берегах Валерика, грянул бой, составляющий своего рода кровавую эпопею нашей кавказской войны... Увидев огромный завал, Мамацев со своими орудиями быстро обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле него не было никакого прикрытия. Оглядевшись, он увидел одного Лермонтова, который, заметив опасное положение артиллерии, подоспел к нему с своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперёд, исчез за завалами..."¹⁵⁶

В черновом автографе стихотворения Лермонтова о Валерике, хранящемся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, имеются строки, подтверждающие рассказ К.Х. Мамацева:

**Я изнемог!
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберёт
Один заряд на крайний случай,
Уж раза три чеченцы тучей
Кидали шашки на голо;
Прикрытьё всё почти легло.**¹⁵⁷

Мария Михайловна Жданова — вдова знатока ставропольской старины Г.Н. Прозрителева, рассказывала автору этих строк, что её муж в молодости был знаком с генерал-лейтенантом Христофором Егоровичем Попандопуло — участником Валериковского сражения, от которого не раз слышал рассказы о мужественном поведении Лермонтова в деле 11 июля 1840 года. Старый кавказский ветеран, бывший одно время наказным атаманом Терского казачьего войска, доживший свои дни в Ставрополе на Мутнянке, по словам М.М. Ждановой, с любовью и благожелательством отзывался о Лермонтове. В 1840 году Х.Е. Попандопуло, имея 31 год от роду, в чине капитана служил старшим адъютантом 20-й пехотной дивизии и в отряде генерал-лейтенанта Галафеева во время похода в Малую Чечню исполнял обязанности дежурного штаб-офицера отряда. В "Журнале военных действий" в записи о сражении при Валерике фамилия капитана Попандопуло упоминается в списке отличившихся офицеров в одном ряду с фамилией поручика Лермонтова.¹⁵⁸ По словам хорошо знавшего Х.Е. Попандопуло Б.А. Марковича, сына известной писательницы Марко Вовчок, — это был корректный, добрый и простой человек.¹⁵⁹ Умер Х.Е. Попандопуло в Ставрополе в 1893 году.¹⁶⁰

Таким образом, в сражении при Валерике Лермонтов показал себя как отважный и талантливый боевой офицер.

В стихотворении, посвящённом описанию битвы при Валерике, Лермонтов показал себя великим художником-реалистом. По мнению военных специалистов, картины боя нарисованы в "Валерике" столь жизненно, что не оставляют желать ничего лучшего. Но самое главное в этом замечательном произведении, которое, по справедливости, называют жемчужиной его поэзии, — Лермонтов с большой силой выразил русский, народный взгляд на войну:

**Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?..**

Так Лермонтов, с беззаветною отвагою бросавшийся на чеченские завалы, бесстрашно глядевший смерти в глаза, вслед за гениальным Пушкиным мечтал:

**...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.**

В Дагестане

Пока отряд генерала Галафеева ходил по Малой Чечне, громя мюридов Шамиля, сам имам обратил внимание на Северный Дагестан, обороняемый малочисленными силами русских войск. Не рассчитывая на поддержку широких народных масс в Дагестане, Шамиль, чтобы увеличить численность своих отрядов, прибег к грубому насилию над горцами, которые в это время "находились далеко от своих домов на уборке хлеба, Шамиль воспользовался этим, разослал несколько партий, которые перехватили их на полях во время работ, остальные, видя родственников своих в руках мятежников, должны были присоединиться к ним".¹⁶¹ Собрав под Чиркеем громадное скопище, численностью от 10 до 12 тысяч человек, Шамиль обрушился на Аварю.

Вот почему, получив известие об опасности, угрожающей Северному Дагестану, генерал Галафеев вынужден был, оставив часть войск своего отряда в крепости Грозной, с остальными силами 17 июля 1840 года выступить в Темир-Хан-Шуру.

Лермонтов как офицер, командированный "на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева", выступил в составе отряда в Северный Дагестан. Однако ни в "Книге о Лермонтове" П.Е. Щеголева, ни в "Хронологической канве жизни М.Ю. Лермонтова", составленной В.А. Мануйловым, ни в специальных исследованиях, посвящённых пребыванию поэта на Кавказе, нет ни строчки о том, что Лермонтов был в Дагестане. В чём дело? Почему все исследователи жизни Лермонтова полагают, что поэт вторую половину июля 1840 года провёл в Пятигорске? Дело в том, что до 1948 года последнее предсмертное письмо Лермонтова к бабушке Е.А. Арсеньевой неправильно датировалось во всех изданиях писем поэта 1840 годом, но Б.М. Эйхенбаум убедительно доказал, что это письмо следует отнести к 1841 году. Следовательно, Лермонтов не мог не принять участия в походе в Северный Дагестан.

Сделав за 12 дней 150 вёрст, отряд генерал-лейтенанта Галафеева 29 июля прибыл в Темир-Хан-Шуру.

В нашем распоряжении имеется неоспоримое доказательство пребывания Лермонтова в Темир-Хан-Шуре. Это — найденный в 1940 году лермонтоведом Н. Пахомовым и приобретённый Государственным литературным музеем альбом сослуживца

Лермонтова по отряду генерала Галафеева князя П.А. Урусова. В числе почти 150 зарисовок карандашом, пером и акварелью находится сделанный неумелой рукой весьма ценный и интересный для лермонтоведов рисунок карандашом, на котором, судя по надписи, изображены "Ламберт, Долгорукий, Лермонтов, Урусов, Евреинов на привале к Шуру в 1840 году".¹⁶² В этом же альбоме находится собственноручный рисунок Лермонтова, являющийся подготовительным наброском к акварели "Эпизод из сражения при Валерике", исполненный поэтом совместно с художником Г.Г. Гагариным и изображающий центральную группу акварели.

Среди офицеров Апшеронского полка, ходивших в составе отряда генерала Галафеева в Северный Дагестан, существовала даже легенда, которая, несомненно, возникла в результате пребывания Лермонтова в Дагестане. Эти офицеры утверждали, что якобы в поэме "Хаджи-Абрек" Лермонтов воспел дагестанский аул Чиркей, и в качестве доказательства приводили строки:

**Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани...**¹⁶³

У апшеронцев имя известного в истории кавказских войн Чиркеевского именитого старшины Джемала ассоциировалось с названием воспетого Лермонтовым в "Хаджи-Абреке" аула Джемат.¹⁶⁴ Как мы указывали выше, аул Джемат находился в Теберде.

С пребыванием Лермонтова в Дагестане связано стихотворение "Сон", написанное поэтом после встречи с офицером Генерального штаба Шульцем. На склоне своих лет старый кавказский ветеран, участник Севастопольской обороны генерал Шульц рассказывал публицисту Г.К. Градовскому: "В дни молодости познакомился я с одним семейством, где была дочь красавица... Конечно, я влюбился, но и ей понравился. По тогдашнему обычаю сделал предложение родителям девушки и получил нос. Они нашли меня недостаточно заслуженным и малопригодным женихом. Тогда-то я и поехал на Кавказ, заявив, что буду или на щите или под щитом. Она обещала ждать. Это обещание и горячая к ней любовь и окрыляли меня, смягчали горечь разлуки. На Кавказе в то время не трудно было отличиться; в делах и экспедициях недостатка не было. Чины и награды достались и на мою долю... В известном деле под Ахульго я получил несколько ран, но не вышел из строя, пока одна из пуль не повалила меня замертво... Среди убитых и раненых пролежал я весь день... Затем меня подобрали, подлечили, послали за границу на казённый счёт для окончательной поправки. За это дело получил я георгиевский крест".¹⁶⁵

Старые кавказцы не раз отмечали отменную храбрость Шульца. В записной книжке генерал-адъютанта П.Х. Граббе, руководившего осадой и штурмом аула Ахульго, имеются красноречивые записи, сделанные на театре военных действий: "19-го июня: Вторично жестоко ранен неустрашимый Шульц, офицер Генерального штаба, соскочивший с кручи в овраг с открытою ещё раной в ногу". "27-го сентября: Зной. Посещение Шульца, в третий раз в экспедиции раненого".¹⁶⁶

Но вернёмся к рассказу самого генерала Шульца: "За границей, уже на возвратном пути в Россию, был я в Дрездене. Конечно, пошёл в знаменитую картинную галерею. Подхожу и смотрю на Мадонну... Вдруг чувствую, будто электрический ток пробежал по мне, сердце застучало как молот... Оглядываюсь и не верю своим глазам... Воображение или действительность?... Возле меня, около той же картины, стоит она... Достаточно было одного взгляда, довольно было двух слов... Мы поняли друг друга и придали особое значение чудесному случаю, сведшему нас после долгих лет разлуки. Моя мадонна осталась

верна мне. Родные уже не возражали, и мы обвенчались. Сама судьба соединила нас!.. Эту старую историю, — продолжал генерал Шульц, — рассказал я Лермонтову... Давненько это было... Мы с ним встречались на Кавказе... Рассказал и Лермонтов спрашивает меня:

— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?

— Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился её жених".

"На следующий день, — рассказывал генерал Шульц писателю А. Бежецкому о Лермонтове, — он передал своё стихотворение, написанное на тему моего приключения. В сборнике его стихотворений оно известно под названием "Сон" ("В полдневный жар в долине Дагестана"). Тому же Бежецкому Шульц сообщил первый вариант лермонтовского стихотворения так, как он сохранил его в своей памяти. Поскольку этот приписываемый Лермонтову вариант почти не известен, приводим его целиком так, как он был опубликован единственный раз в 1891 году А. Бежецким на страницах газеты "Новое время".

**В Долине Кавказа, где скалы
Толпою теснятся кругом,
Лежал он с зияющей раной,
Насмерть поражённый врагом.
Вдали с крутизны необъятной
Смотрел затуманенный лес,
Смотрели орлы, пролетая
По ясной лазури небес.
И в пропасть стремясь безвозвратно,
Ревел и пенился поток,
А кровь его капля за каплей
Точилась на серый песок.
И в тягостный миг расставанья,
Разлуки с бессмертной душой,
Виденья к нему отовсюду
Слетались весёлой толпой.
Прелестные девы собрались
На пир, озарённый огнём,
И с смехом весёлым велася
Меж ними беседа о нём.
И только одна не вступала
В весёлый о нём разговор,
Склонилась она и молчала,
И грустно туманился взор.
Как муза чиста и прекрасна,
От думы печальной бледна,
В таинственный сон уносила
Душой молодою она.
И чудилось ей: что в долине,
Где скалы теснятся кругом,
Один, истекающий кровью,
Лежал он, сражённый врагом.
И будто любимые очи
Подёрнула смертная мгла,
Но шёпот предсмертного слова
Она разобрать не могла,
И всё ей казалось, что тело
Покинуто чудной душой,
Что с этой душой отлетает
Поэзии сон золотой.**

В искренности рассказа генерала Шульца вряд ли можно сомневаться, ибо, по словам лиц, знавших его, — это был "правдивый воин, чуждый всякой хлестаковщины". Знакомство Шульца с Лермонтовым произошло, как он рассказывал об этом А. Бежецкому, в Ставрополе в приёмной командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-адъютанта Граббе в июне 1840 года. Тогда же поэт передал Шульцу первый вариант стихотворения "Сон", который много лет спустя был передан генералом Шульцем А. Бежецкому в том виде, в каком генерал сохранил его в своей памяти. Окончательный, канонический вариант этого стихотворения был написан поэтом в 1841 году, после его пребывания в Дагестане.

**В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины,
И жгло меня, — но спал я мёртвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жён, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.
Но в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена.
И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй.**

Под пером Лермонтова рассказ офицера Шульца превратился в подлинную жемчужину поэзии: глубокую по мысли и совершенную по содержанию. Стихотворение поражает своим реализмом. Только человек, побывавший в Дагестане, мог написать такие строки:

**Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом.
И солнце жгло их жёлтые вершины,
И жгло меня...**

Лермонтов пробыл в Дагестане несколько дней: услышав о марше отряда генерала Галафеева, Шамиль спешно оставил Аварию. 2 августа 1840 года войска генерала Галафеева выступили из Темир-Хан-Шуры и через Миатлинскую переправу отправились к крепости Грозной.

Лермонтовская команда

В конце сентября 1840 года, после кратковременного пребывания в Пятигорске, где он лечился, Лермонтов снова в крепости Грозной.

26 сентября отряд генерал-лейтенанта Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к Аргуню. Уже в самом начале похода Лермонтов "в делах 29 сентября и 3 октября... обратил на себя особенное внимание" начальника отряда "расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством", как писал историк Тенгинского пехотного полка Д. В. Ракович. 4 октября отряд генерала Галафеева в бою у аула Шали нанёс сильное по-

ражение скопищам мюридов, которые действовали под руководством самого имама, причём Шамиль едва унёс ноги. В "Журнале военных действий" записано, что "в этот день отличились храбростью и самоотвержением при передаче приказаний под огнём неприятеля Кавалергардского её величества полка поручик граф Ламберт и Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов".¹⁶⁷

В этом походе Лермонтов близко сходится с юнкером Малороссийского казачьего № 1 полка Руфином Ивановичем Дороховым, человеком даровитым и отчаянным.

Интересные данные о Руфине Дорохове сообщил известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум. Руфин Иванович Дорохов "по рождению, воспитанию и способностям мог рассчитывать на блестящую карьеру, а между тем едва не половину своей службы провёл в солдатской шинели. После каждого разжалования он совершал подвиги храбрости, чтобы заслужить офицерские эполеты, но лишь надевал их, как вновь навлекал на себя кару закона. По отзыву близкого знавшего его на Кавказе декабриста Гангелова, это был человек благовоспитанный, приятный собеседник, острый и находчивый, но имел неукротимый характер, который нередко проявлялся в нём ни с того, ни с сего. В такие минуты никто и ничто не могло удержать его.

Первое разжалование постигло Дорохова в 1819 году, когда он был 15-летним прапорщиком. Кампания 1827 года возвратила Дорохову офицерские эполеты.

Осенью 1829 года Дорохов уже в чине поручика и с золотой саблей за храбрость отправился для лечения на Кавказские Минеральные Воды. В Тифлисе он уговорился ехать дальше с декабристом М. И. Пущиным. Тот, зная нрав своего спутника, согласился взять его в свою коляску до первой драки с кем бы то ни было. Дорохов подчинился, но мог выдержать условие только до Душета. Здесь поколотил своего денщика. Пущин бросил его, и он уехал один...

Во Владикавказе нагнал его А. С. Пушкин, возвращавшийся из Эрзерума. Любитель оригинальных характеров, поэт упросил Пущина взять с собою Дорохова. "Долго я не хотел на это согласиться, — пишет Пущин в своих воспоминаниях, — уверяя Пушкина, что Дорохов по натуре своей не может не драться. Пушкин всё своё красноречие употреблял, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тьму грации в Дорохове и много прелести в его товариществе. В этом я был с ним совершенно согласен и, наконец, согласился на убедительную его просьбу принять Дорохова в наше товарищество, но только позволил себе сделать с обоими новый уговор: во всё время нашего следования в карты между собою не играть. Скрепя сердце, оба дали мне в этом честное слово. Тяжело было обоим во время привалов и ночлегов: один не смел бить своего денщика, а другой не смел заикнуться о картах, пытаясь, однако, у меня несколько раз о сложении тягостного для них договора".

После многочисленных и выдающихся подвигов, которыми искупались навлекшие кару провинности, Дорохов собрал команду удальцов, с которыми совершал чудеса храбрости в стычках с горцами".

10 октября 1840 года в лесном бою между Саит-Юртом и селением Автур юнкер Руфин Иванович Дорохов был ранен, и поручик Лермонтов принял от него начальство над командой охотников, которую в отряде генерала Галафеева называли "беззаветною".

Начальником "беззаветной" команды Лермонтов был назначен не случайно. Генерал-лейтенант Галафеев докладывал о нём высшему начальству: "В делах 29 сентября и 3 октября он обратил на себя особенное внимание моё расторопностью, верностью взгляда и высоким мужеством, почему 10 октября, когда ра-

ненный юнкер Дорохов был вынесен из фронта, я поручил его начальству команду, из охотников состоящую. Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов первый подвергался выстрелам хищников и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы". Но дело было не только в его личной самоотверженности и храбрости. Лермонтов владел азербайджанским языком, который тогда называли татарским, и знание которого, как об этом рассказывал один из охотников команды П.А. Султанов, было обязательным для каждого вступившего в отряд Руфина Дорохова.

Давний интерес к Кавказу и кавказцам заставлял поэта серьёзно и глубоко изучать азербайджанский язык. Далеко не случайно шутовское, восточное начало письма Лермонтова к ставропольскому родственнику П.И. Петрову: "приехав в Петербург после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковёр отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний".

Издатель "Отечественных записок" А.А. Краевский, рассказывая первому биографу поэта проф. П.А. Висковатому, что Лермонтов говорил ему: "Я многому научился у азиатов, и мне хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас ещё мало понятны. Поверьте мне, там на Востоке тайник богатых открытий".

Приняв под своё начальство осиротевшую дороховскую команду, Лермонтов в своём письме к А.А. Лопухину из крепости Грозной сообщал: "Пока судьба меня не обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разный сброд, волонтёры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ними удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю ещё хорошенько, до какой степени они надёжны, но так как, вероятно, мы будем ещё воевать целую зиму, то я успею их раскусить".

До сих пор ещё, даже после разоблачения наглой фальшивки князя П.П. Вяземского — автора псевдо-записок и псевдо-писем Оммер де-Гелль, столько лет путавших биографов великого поэта, многие наши лермонтоведы, как например В.А. Мануйлов, придерживаются абсолютно неверного мнения, что якобы Лермонтов дороховским отрядом командовал всего несколько дней с 10 по 15 октября 1840 года. Поскольку вводившая довольно долгое время в заблуждение многих версия о фантастической поездке Лермонтова к Оммер де-Гелль теперь окончательно отпала, мы можем смело утверждать, что Лермонтов командовал дороховским отрядом до самого конца экспедиции, тем более, что имеем в своём распоряжении документы, косвенно подтверждающие этот факт. Так на рапорт командующего Тенгинским пехотным полком от 30 октября 1840 года дежурный штаб-офицер штаба войск Кавказской линии и Черноморья 30 ноября 1840 года за № 23690 сообщал: "По воле начальника штаба, вследствие рапорта Вашего от 30 октября сего года № 3796 — имею честь уведомить Ваше высокоблагородие, что командуемого Вами полка поручик Лермонтов отправлен к отряду генерал-лейтенанта Галафеева 18 июня сего года по распоряжению г. командующего войсками".¹⁶⁸

В связи с этим "лермонтовская" команда и её участники не могут не вызывать нашего живейшего интереса. По свидетельству современников, в эту команду входили "татары-магометане, кабардинцы, казаки — люди всех верований, встречающихся на Кавказе, были и такие, что и сами забыли откуда родом". Были разжалованные за разные "шалости" вроде Султанова. Поскольку фигура Султанова типична для характеристики

большинства участников отряда, мы на ней несколько остановимся. Пётр Аркадьевич Султанов происходил из старинного дворянского рода Можайского уезда, Московской губернии; отец его был заслуженный артиллерийский полковник и ветеран войны 1812 года. Как сам Султанов, так и его братья ещё смолоду отличались своим неуживчивым характером и разными проказами в духе прежнего времени. Начав службу юнкером в стоявшем под Москвой пехотном полку, он дослужился до офицерского чина, но здесь его скоро постигло несчастье: какой-то капитан оскорбил его сестру, Султанов пришёл к нему за объяснением и оскорбил его действием. За эту проделку против старшего чином Султанова разжаловали в солдаты. После бородинских манёвров в 1837 году "на высочайшем смотре" в присутствии Николая I производился отбор людей в гвардию, Султанову, видному молодцу и храброму фланговому, велено было выдвинуться вперёд. — "Не смею, Ваше величество, — отвечал Султанов, — я не достоин этой чести, я из разжалованных". Спрошено было, как он себя ведёт. Командир полка отзывался о нём, как об образцовом ефрейторе. — "Чего ты хочешь? — спросил Николай I. — "Желаю кровью смыть пятно, которое нанёс я русскому мундиру, Ваше величество", — отвечал бодро Султанов. Он был переведён в Кабардинский полк на Кавказ, где он и попал прямо в 1839 году под Ахульго. В страшном штурме он был ранен. На Кавказе Султанов скоро приобрёл славу отчаянного храбреца в бою и репутацию самого безалаберного человека в мирной обстановке... За отличие он был произведён в офицеры, но скоро его опять разжаловали".¹⁶⁹ Султанов очутился в команде Руфина Дорохова. И Дорохов и Султанов, и остальные, подобные им, "отпетые головы", составляли ядро "беззаветной" команды. "Опасность, удалество, лишения и разгул стали их лозунгом. Огнестрельное оружие они презирали и резались шашками и кинжалами, в удалых схватках с грудью грудь".¹⁷⁰

Сам Султанов в семидесятых годах прошлого столетия рассказывал о "беззаветной" команде путешествовавшему по Кавказу М. Владыкину: "Поступить в неё могли люди всех племён, наций и состояний без исключения, лишь бы только поступающему был известен татарский язык. Желавшему поступить значался экзамен, состоявший в исполнении какого-нибудь трудного поручения. Если экзаменуемый не проваливался, то ему, в награду за это, брили голову (коли она и без того уже не была брита), приказывали отпустить бороду (коли она не была отпущена), одевали по-черкесски и вооружали двухстволкой со штыком, у которой один ствол был гладкий, а другой нарезной и таким образом новообращённый становился членом "беззаветной" команды". Всё это — и бритьё головы, и отращивание бороды, и одежда, и оружие должно было делать новообращённого похожим на горца.¹⁷¹ В таком виде Султанов вместе с прочими участниками команды в борьбе против мюридов Шамиля выполнял самые рискованные поручения, пробирался в неприятельские аулы, залегал в секрет и т.д.

Приняв под своё командование осиротевший отряд Дорохова, Лермонтов сумел оценить и привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности и лишения походов. Подобное "панибратское" отношение Лермонтова к "нижним чинам" шокировало представителей великосветской знати, многие из которых в погоне за чинами и орденами, для прохождения службы откомандировывались на год из гвардейских полков на Кавказ. Так, барон Л.В. Россильон, бывший в отряде генерала Галафеева старшим офицером Генерального штаба, с возмущением рассказывал биографу поэта П.А. Висковатому: "Лермон-

тов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские силы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда... Когда я его видел на Сулаке, он был мне противен необычайно своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого спортука поэта, который носил он без эполет, что, впрочем, было на Кавказе в обычае. Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщёвую шапку, бросался на черкесские завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхом. Мы над ним за это смеялись". "Мы" — это представители того великосветского круга, который был так ненавистен Лермонтову.

Совершенно иначе описывает поэта уже знакомый нам старый кавказец Константин Христофорович Мамацев (Мамацашвили), принявший участие в качестве подпоручика сводной горной батареи в отряде генерала Галафеева в походе на Малую Чечню в 1840 году. "Я хорошо помню Лермонтова, — рассказывал К.Х. Мамацев историку кавказских войн В. Потто, — и, как сейчас, вижу его перед собой, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском спортуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенной через плечо черкесской шапкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста с смуглым или загорелым лицом и с большими карими глазами. Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей — гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены. Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьёзное и даже грустное выражение. Но стоило появиться хотя одному гвардейцу, как он тут же возвращался к своей банальной весёлости, точно стараясь выдвигать вперёд одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. В эти минуты трудно было узнать, что происходило в тайниках его великой души... Он был отчаянно храбр, удивлял своей удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием, и военный мундир он носил только потому, что тогда вся молодёжь лучших фамилий служила в гвардии. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается. В бою она искала самых опасных мест..."

После кратковременного отдыха в Грозной Лермонтов со своим отрядом снова принимает участие в боевых операциях. Как передавал К.Х. Мамацев и В. Потто, "нигде не было такого жаркого боя, как 27 октября в Автуринских лесах, когда войскам приходилось проходить по узкой лесной тропе под адским перекрёстным огнём неприятеля. Пули летели со всех сторон, потери наши росли с каждым шагом, и порядок невольно расстраивался. Последний арьергадный батальон, при котором находились орудия Мамацева, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг Мамацев увидел возле себя Лермонтова, который точно из земли вырос со своей командой... Начался бой, не поддающийся никакому описанию..."

Лермонтов, как и прежде, со своим отрядом проявлял чудеса храбрости. "Во всю экспедицию в Малой Чечне с 27-го октября по 6-е ноября, — доносил начальник кавалерии полковник

князь Голицын, — поручик Лермонтов командовал охотниками, выбранными из своей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях; всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый и расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрение высшего начальства. 27-го октября он первый открыл отступление хищников (читай: мюридов Шамиля. — А.П.) из аула Алды и при отбитии у них скота, принимал деятельное участие, врываясь с командой в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами. 28-го октября, при переходе через Гойтинский лес, он открыл первый завалы, которыми укрепились неприятель, и, перейдя тинистую речку, вправо от помянутого завала, он выбил из леса значительное скопище, покушавшееся противиться следованию нашего отряда, и гнал его в открытом месте и уничтожил большую часть хищников, не допуская их собрать своих убитых; по минованию дефиле поручик Лермонтов с командой отряжен был к отряду господина генерал-лейтенанта Галафеева, с которым следовал и 29-го числа, действуя всюду с отличною храбростью и знанием военного дела. 30 октября при речке Валерик поручик Лермонтов проявил новый опыт хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партии неприятельской, из которой малая часть только обязана спасением быстроте лошадей, а остальная уничтожена..." 4-го ноября в жарком бою в Алдинском лесу Лермонтов вновь встретился с Мамацевым. Здесь колонна лабинцев дралась в течение восьми с половиной часов в узком лесном дефиле. Только уже на выходе из леса попала, наконец, небольшая площадка, на которой Мамацев поставил четыре орудия и принялся обстреливать дорогу, чтобы облегчить отступление арьергарду. "Вся тяжёлая боя легла на нашу артиллерию. К счастью, скоро показалась другая колонна, спешившая на помощь к нам с левого берега Сунжи. Раньше всех явился к орудиям Мамацева Лермонтов, но помощь его оказалась излишней, чеченцы прекратили преследование".

Это была последняя, памятная для обоих, встреча Лермонтова с Мамацевым.

Официальные документы дальше сообщают, что "отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всех случаях достойны особенного внимания и доставила ему честь быть принятым господином командующим войсками в число офицеров при его превосходительстве, находившихся во всё время второй экспедиции в Большой Чечне с 9-го по 20-е число ноября".¹⁷² Именно во время походов в Малую и Большую Чечню, которые он сам возглавил с 27 октября 1840 года, боевой, весьма умный и почтенный генерал — начальник войск Кавказской линии и Черноморья Павел Христофорович Граббе высоко оценил Лермонтова, как человека талантливого, дельного и храброго офицера. Теперь, после опубликования недавно обнаруженного лермонтоведом С.А. Андреевым-Кривичем в Центральном Военно-историческом архиве чернового письма П.Х. Граббе к Алексею Петровичу Ермолову, помеченного 15 марта 1841 года, где имеется упоминание о том, что он, Граббе, отправил с Лермонтовым письмо опальному Ермолову, вполне понятно то доверие, которое оказал командующий храброму штрафному офицеру.¹⁷³

Храбрость и мужество начальника "беззаветной" команды были отмечены командовавшим всею кавалериею действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковником князем Голицыным, который в наградном списке, приложенном к рапорту от 24 декабря 1840 года за № 139, вполне заслуженно представлял поэта к награждению золотой саблей с надписью "За храбрость".

Снова на милый север...

В двадцатых числах ноября Лермонтов простился с милой его сердцу "беззаветной" командой и отправился в Ставрополь.

Экспедиции закончились, и в городе было особеннолюдно. Здесь, по словам мемуариста А. Есакова, "ломавшего" вместе с Лермонтовым походы в Чечню, собрался весь цвет военной молодёжи. Лермонтов вновь встретился со своими старыми приятелями Львом Пушкиным, Россильоном, Ламбертом, С. Трубецким, Ин. Вревским. Тут же был уже оправившийся от ранения Руфин Дорохов.

"Вот это общество, — как вспоминает А. Есаков, — раза два в неделю собиралось у барона Вревского. Когда же случалось приезжать из Прочного окопа (крепость на Кубани) рядовому Михаилу Александровичу Назимову, то кружок особенно оживлялся. Несмотря на скромность свою, Михаил Александрович как-то сам собой выдвигался на почётное место и всё, что им говорилось, бывало выслушивается без прерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался Михаил Юрьевич. Никогда я не замечал, — продолжает мемуарист, — чтобы в разговоре с М.А. Назимовым, а также и с И.А. Вревским Лермонтов позволял себе обычный свой тон насмешки. Не то бывало со мной: как младший, юнейший в этой избранной среде, он школьничал со мной до пределов возможного; а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, не долго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймёт мой пыл".¹⁷⁴

Вспоминая в 1879 или 1880 году об этих встречах с Лермонтовым, имевших место зимой 1840 года, Назимов рассказывал П.А. Висковатому: "Лермонтов сначала часто захаживал к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаю, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь через сорок лет разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полёта, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нём удивления. Он или молчал на прямой вопрос, или отделялся шутками и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьёзная беседа. А в нём теплился огонёк оригинальной мысли, — да, впрочем, и молод же он был ещё".

Как мы писали выше, у Лермонтова, который, несомненно, уважал Назимова, были все основания для такого отношения к декабристам, попавшим на Кавказ. Среди них наряду с богатырями, "кованными из чистой стали с головы до ног", вроде А.И. Одоевского и В. Лихарёва, были и такие, которых надломили и каторга, и ссылка. Многие из них готовы были идти на либеральные сделки и оправдывать самодержавие. Лермонтова же не сломили ни первая, ни вторая ссылки. Он никогда не ориентировался на Запад, а твёрдо верил в великое будущее русского народа. Уже в это время у него сложилось твёрдое мнение, что "у России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал, и пошёл... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их, и сел над ними царствовать... Такова Рос-

сия". Лермонтову были чужды бесплодные либеральные мечтания и увлечения. Он смертельно ненавидел старую Россию, Россию Николая I — "страну рабов, страну господ".

Свидетель бесед Лермонтова с Назимовым в Ставрополе в 1840 году А.И. Васильчиков передавал тому же П.А. Висковатому, что Назимов, очень любивший Лермонтова, не раз приставал к поэту с просьбой объяснить ему, что из себя представляет современная поэту молодёжь и каковы направления этой молодёжи, а Лермонтов, глумясь и пародируя салонных героев, утверждал, что у светской молодёжи "нет никакого направления, мы просто собираемся, кутим, делаем карьеру, увлекаем женщин". При этом поэт, по словам А.И. Васильчикова, одевался в тогу бахвальства и тем сердил Назимова. Действительно Лермонтов был трезвым реалистом, прикрепленным к земле, когда давал такую горькую, но верную оценку современной ему светской молодёжи.

В двадцатых числах декабря Лермонтов покинул Ставрополь и через Тамань отправился в станицу Ивановскую в штаб-квартиру Тенгинского полка. Тамань поэт посетил снова, чтобы выполнить поручение, данное ему его приятельницей в столице. В Тамани Лермонтов официально познакомился с декабристом Н.И. Лорером. С Лорером Лермонтов встречался ещё в 1837 году в Ставрополе, но, повидимому, тогда они друг другу представлены не были. Лорер отсутствовал в компании декабристов во время отчаянной демонстрации А.И. Одоевского в гостинице Найтаки при въезде Николая I в Ставрополь. В своих записках, отмечая пребывание в Ставрополе и приём у Вельяминова, Лорер ни слова не пишет об отчаянной выходке своего друга по каторге и ссылке.

О своём знакомстве с Лермонтовым в Тамани Лорер рассказывал: "В одно утро явился ко мне молодой человек в сюртуке нашего Тенгинского полка, рекомендуя себя поручиком Лермонтовым, переведённым из лейб-гусарского полка. Он привёз мне из Петербурга от племянницы моей Александры Осиповны Смирновой письмо и книжку "Подражание Христу" в прекрасном переплёте. Я тогда ещё ничего не знал про Лермонтова... С первого шага нашего знакомства Лермонтов мне не понравился. Я был всегда счастлив тем, что сталкивался с людьми симпатичными, тёплыми, умевшими во всех фазисах своей жизни сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствие ко всему высокому, прекрасному; а из разговора с Лермонтовым он показался мне холодным, жёлчным, подозрительным и ненавистником человеческого рода вообще, а я должен был показаться ему мягким добряком, ежели он заметил моё душевное спокойствие и забвение всех зол, мною претерпленных. До сих пор не могу себе отдать отчёта, почему мне с ним было как-то неловко, и мы расстались вежливо, но холодно. Он ехал в штаб полка явиться к начальству и весною собирался на воды в Пятигорск". И дальше, противореча собственному заявлению, что он "тогда ещё ничего не знал про Лермонтова", мемуарист добавляет: "Это второй раз, что он ссылается на Кавказ, в первый — за какие-то вольные стихи, написанные им на смерть Пушкина, а теперь, кажется, за дуэль с сыном французского посла в Петербурге де-Барантом". Вполне естественно, что у Лермонтова при его ненависти к самодержавию не могло получиться откровенного разговора с человеком, который в ссылке обрёл душевное спокойствие и забвение всех зол, причинённых ему Николаем Палкиным.

В конце декабря Лермонтов прибыл в Ивановку и представился командиру Тенгинского пехотного полка. 31 декабря 1840 года поручик Лермонтов приказом по полку за № 365 был зачислен "налицо". Однако пребывание Лермонтова в полку было очень непродолжительным.

В начале января 1841 года Лермонтов снова в Ставрополе. Известный русский инженер Андрей Иванович Дельви́г, служивший в сороковых годах прошлого столетия на Кавказе, рассказывает в своих воспоминаниях, что с Лермонтовым он познакомился за обедом у генерала Граббе 6 января 1841 года. По словам А.И. Дельвига, Лермонтов и Лев Пушкин в это время часто обедали у Граббе. "За обедом всегда было довольно много лиц, - вспоминает рассказчик, — но в разговорах участвовали Граббе, муж и жена, Траскин (начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья. — А.П.), Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда ещё кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картинно галлерею... Он и Пушкин много острили и шутили с женою Граббе..."¹⁷⁵

В Ставрополе Лермонтова ожидала большая радость: он узнал, что хлопоты бабушки Е.А. Арсеньевой о предоставлении ему отпуска увенчались успехом. 14 января 1841 года Лермонтов получил отпускной билет и несколько дней спустя выехал в столицу...

20 января 1841 года начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья отношением за № 905 уведомлял командира Тенгинского пехотного полка: "Господин Военный Министр, от 11 декабря 1840 года № 10415, сообщает господину Корпусному командиру, что государь император, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, высочайше повелеть соизволил: офицера сего, если он по службе усерден и нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца.

По воле командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморьи, но вследствие рапорта к нему начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса от 31 декабря 1840 года № 4167, уведомляя об этом Ваше Высокоблагородие, присовокуплю, что на свободное проживание поручика Лермонтова в означенном отпуску выдан ему билет от 14-го сего числа № 384-й, в том внимании, что его превосходительство признал г. Лермонтова заслуживающим воспользоваться таким отпуском".¹⁷⁶

В столице Лермонтов не раз вспоминал Кавказ и "беззаветную" команду. Он рассказывал об этой команде и об её подвигах известному журналисту А.А. Краевскому. К сожалению, эти рассказы поэта до нас не дошли. Краевскому же Михаил Юрьевич подарил кинжал, служивший поэту при боевых столкновениях и стычках. Кинжал этот был передан Краевским в Лермонтовский музей. По словам Краевского, "Лермонтов отбивался им от трёх горцев, преследовавших его около озера между Пятигорским и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагнал, но до кровопролития не дошло. Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами на перегонку, увёртываться от них, избегать перерезывающих ему путь".

Пока Лермонтов в Петербурге в шуме большого света вспоминал о Кавказе и кавказцах, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Е.А. Головин, на основании представления генерал-адъютанта П.Х. Граббе, обратился 5 марта 1841 г. к военному министру с рапортом о награждении, в числе других чинов, поручика Лермонтова орденом Станислава 3-й степени за отличия в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 5 ноября 1840 года.

Испрашиваемой для него награды Лермонтов не получил. 18 августа 1841 года начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса сообщил командующему войсками Кавказской линии и в Черноморьи генерал-адъютанту П.Х. Граббе, что "государь император, заметив в представлении корпусного командира от

5 минувшего марта № 543 с ходатайством о наградах, что переведённый 13 апреля 1840 года за проступок из лейб-гвардии Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в Чеченской экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить господину корпусному командиру о подтверждении, дабы поручик Лермонтов состоял на лицо на фронте и чтобы начальство не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку".¹⁷⁷

Это распоряжение ещё раз свидетельствует об утончённой жестокости Николая I. Вторично отправляя поэта под чеченские пули, на верную гибель на Кавказ, царь намеренно создавал Лермонтову тягчайшие условия, не давая ему возможности отличиться и тем самым закрывая для него какой-либо способ выйти в отставку.

Гибель поэта

"Рылеев повешен Николаем. Пушкин убит на дуэли, тридцати восьми лет. Гоибоедов зарезан в Тегеране. Лермонтов убит на дуэли... на Кавказе. <...> Белинский убит тридцати пяти лет, голодом и нищетой. Полежаев умер в военном госпитале после службы солдатом на Кавказе в течение восьми лет. Баратынский умер после двадцатилетней ссылки. Бестужев умер на Кавказе совсем ещё молодым, после каторжных работ в Сибири".

А.И. Герцен

Опять на Кавказе

"Милый Биби! — писал в конце февраля 1841 года Лермонтов из Петербурга своему другу поручику Д.С. Бибикову. — 9 марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда одену штатский сюртук... В Ставрополь... я не намерен очень торопиться..."

И действительно, на этот раз поэт не торопился к месту службы: по пути задержался больше чем на месяц в Москве, останавливался в Туле, где встретился со своим товарищем по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров А.М. Меринским, заезжал в имение Машково, Мценского уезда, Орловской губернии, к М.П. Глебову.

Только 9 мая 1841 года Лермонтов, вместе со своим родственником А.А. Столыпиным, прибыл в Ставрополь. В тот же день он писал Е.А. Арсеньевой:

"Милая бабушка, я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем Столыпиным, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная. Теперь не знаю сам ещё, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды... Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне всё-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку".

На другой день 10 мая Лермонтову была выдана подорожная до крепости Темир-Хан-Шуры, подписанная самим начальником Кавказской области генерал-адъютантом Граббе".¹⁷⁸

Однако, следуя в Темир-Хан-Шуру, Лермонтов неожиданно решил изменить направление и заехать в Пятигорск. Как вспоминает встретившийся в Георгиевске с Лермонтовым и Столы-

пиным ремонтёр Борисоглебского уланского полка Пётр Магденко, Столыпин долго не соглашался нарушить волю начальства, но поэт упорно настаивал на своём.

— Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадёт кверху орлом — едем в отряд, если решёткой — едем в Пятигорск. Согласен?

Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен и... упал решёткой вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал: — В Пятигорск, в Пятигорск! Позвать людей, нам уже запрягли!"¹⁷⁹

Как это установлено М.Ф. Николевой, Лермонтов и Столыпин прибыли в Пятигорск 13 мая 1841 года.¹⁸⁰

Лермонтов тотчас же подал пятигорскому коменданту рапорт о болезни и принялась подавать о разрешении пользоваться минеральными водами.хлопоты эти были довольно продолжительны, ибо только 13 июня Лермонтов отправил из Пятигорска командиру Тенгинского пехотного полка полковнику Хлюпину рапорт, в котором докладывал:

"Отправляясь в отряд командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории господина генерал-адъютанта Граббе, заболел я на дороге лихорадкой и был освидетельствован в городе Пятигорске докторами, получил от Пятигорского коменданта господина полковника Ильяшенкова позволение остаться здесь впредь до излечения".¹⁸¹

В конце июня Лермонтов, судя по отношению штаба войск Кавказской линии и Черноморья командиру Тенгинского пехотного полка от 7 июля 1841 года за № 14220, получил от начальника штаба официальное разрешение "остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения".¹⁸¹

По свидетельству современников, в Пятигорске летом 1841 года было особенно многолюдно.

"Гвардейские офицеры после экспедиции нахлынули в Пятигорск, — вспоминает декабрист Н.И. Лорер, — и общество ещё более оживилось. Молодёжь эта здорова, сильна, весела как подобает молодёжи; вод не пьёт, конечно, и широко пользуется свободой после экспедиции. Они бывают у источников, но без стаканов; их заменяют лорнеты, хлыстики... Везде в виноградных аллеях можно их встретить, увивающихся и любезничающих с дамами".

В своих записках Н.И. Лорер рассказывает дальше о том, что у Лермонтова он познакомился с Алексеем Столыпиным; конно-гвардейцем М.П. Глебовым, ходившим с подвязанной рукой; лейб-гусаром Тираном, товарищем поэта по гвардии; А. Васильчиковым, чиновником особых поручений при сенаторе Гане, присланном для ревизии Кавказского края; Сергеем Трубецким, Манзеем и другими. К этому обществу вскоре присоединился Лев Пушкин.

"Лермонтов был душою общества и делал сильное впечатление на женский пол, — писал Н.И. Лорер. — Стали давать танцевальные вечера, устраивать пикники, кавалькады, прогулки в горы".

Вместе с Алексеем Столыпиным Лермонтов снял флигель и усадьбу В.И. Чилиева на окраине города у подножья Машука. Половину флигеля занял Столыпин, а во второй половине, обращённой окнами в сад, поселился Лермонтов. В этом доме, который сохранился до наших дней, поэт провёл последние недели своей недолгой жизни.

В Пятигорске Лермонтов и его друзья очутились под бдительным надзором специально присланного для этой цели графом Бенкендорфом из Петербурга "корпуса жандармов подполковника" Кувшинникова. Этот специальный эмиссар весильного начальника III отделения находился в Пятигорске якобы для "тайного наблюдения по случаю курсового съезда на водах" и, кроме того, имел особое поручение. Подполковник Кувшинников имел в своём распоряжении большую сеть специальных наблюдателей и осведомителей.

Несомненно, подполковник Кувшинников был тесно связан с находившимися в то время в Пятигорске представителями великосветского аристократического общества, которое смертельно ненавидело поэта. Первый биограф Лермонтова П.А. Висковатый, описывая последние дни поэта, сообщает: "Некоторые из влиятельных личностей из приезжающего в Пятигорск общества, желая наказать несносного выскочку и задиру, ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им из терпения, прочит ядовитую гадину". К этим строкам исследователь давал следующее пояснение: "Выражение, которым клеймили поэта многие. Некоторые из современников и даже лиц, бывших тогда на водах, говоря о нём, употребляли эти выражения в беседе со мною". Насколько велика была ненависть представителей светского общества к Лермонтову, показывают слова пятигорского священника Василия Эрастова о Лермонтове, сказанные полвека спустя после гибели поэта: "Мало, что убили! А кто виноват? Сам виноват! От него в Пятигорске никому проходу не было. Каверзник был, всем досаждал. Поэт, поэт!.. Мало, что поэт. Эка штука! Всяк себя по этом назовёт, чтобы другим неприятность наносить... Он над каждым смеялся... Язвительный был".¹⁸²

"Как в подобных случаях бывало не раз, — пишет первый биограф Лермонтова, — искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги". И тут же Висковатый вспоминает, что сперва настраивали против Лермонтова одного молодого офицера, некоего Лисаневича, над которым иногда дружественно подшучивал поэт. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль — прочесть... "Что вы, — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека!" А дальше Висковатый продолжает: "Есть полное основание полагать, что те же лица, которым не удалось подстрекнуть на недоброе дело Лисаневича, обратились к другому... коего умственное и нравственное понимание не выходило за пределы общепринятых понятий..."¹⁸³ Это был однокашник Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров майор в отставке Н.С. Мартынов.

Недавно лермонтовед А.Н. Михайлова в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде обнаружила ценный документ — письмо из Пятигорска современника Лермонтова некоего Полеводина, приехавшего лечиться на Кавказские Воды в начале июня 1841 года. Об авторе письма известно только, что он петербуржец, представитель среднего, неродовитого дворянства. Находясь в Пятигорске и наблюдая за Лермонтовым и его окружением, Полеводин имел возможность познакомиться с некоторыми участниками трагедии у подножья Машука. В письме Полеводина дан подлинный портрет Мартынова, нарисованный рукой человека, знающего подлинные обстоятельства гибели Лермонтова.

"Мартынов — чистейший сколок с Дантеса, — утверждает в своём письме Полеводин. — Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по просьбе переведён в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином майора, — и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно по-черкесски и тем пленял, или думал пленять здешнюю публику. Мартынов никем не был терпим в кругу, который составлялся из молодёжи гвардейцев. Лермонтов, не теряя глупых выходов Мартынова, всегда весьма умно и резко трюнил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведёт себя неприлично званию дворянина. Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся;

но смех его был хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придаться".¹⁸⁴

Данные о поведении Мартынова в Пятигорске, сообщённые Полеводиным, и об отношении Лермонтова к поведению Мартынова подтверждаются любопытным письмом бывшего студента Московского университета К. Любомирского из Ставрополя в Одессу своим товарищам по университету К.Н. и В.Н. Смольяниновым.

"Он носил азиатский костюм, — пишет К. Любомирский о Мартынове, — за поясом пистолет, через плечо на земле плеть, причёска — а-ля мужик и французские бакенбарды с козлиным подбородком. Говорят, что Лермонтов по-приятельски несколько раз сказывал ему, как он смешон в этом шутовском виде, и советовал сбросить с себя эту дурь..."¹⁸⁵

Полеводин по свежим следам сообщает из Пятигорска подробности столкновения, происшедшего между Лермонтовым и Мартыновым в доме Верзилиных 13 июля 1841 года.

"В одно время, — пишет Полеводин, — Лермонтов с Мартыновым и прочею молодёжью были у Верзилиных (семейство казацкого генерала). Лермонтов в присутствии девиц трунил над Мартыновым целый вечер до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха, — предложением к тому был его, Мартынова, костюм. Мартынов, выйдя от Верзилиных вместе с Лермонтовым, просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать".

"Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль", — подтверждает это весьма важное сообщение Полеводина Любомирский в письме из Ставрополя.

Рассказ Полеводина подтверждается обнаруженным С.И. Недумовым в Ставропольском краевом государственном архиве документом о дуэли М.Ю. Лермонтова с Мартыновым, из которого явствует, что, находясь под следствием Пятигорского гражданского суда, убийца поэта показал, что "вызов на дуэль сделал... за нанесённую ему Лермонтовым обиду остротами и шутками".¹⁸⁶ Это показание было сделано тогда, когда Мартынов не успел ещё договориться о секундантами о показаниях у следователей, позднее, когда дело было передано на рассмотрение Пятигорского военного суда, то к остротам и шуткам Лермонтова были добавлены "колкости, насмешки" и т.п.

Таким образом, поводом для вызова Лермонтова на дуэль были, как это утверждает сам Мартынов, остроты и шутки поэта. Но были какие-то другие тайные и более глубокие причины дуэли. Об этом догадывались многие современники поэта. Так, уже знакомый нам К. Любомирский писал из Ставрополя своим друзьям в Одессу: "Не ручаюсь за версию причин дуэли и за верность подробностей, но теперь ещё у нас рассказывают так, как описал я. Может быть, впоследствии, откроется что-либо другое достоверное, и я тогда не премедлю сообщить вам".

"На другой день, — сообщает хорошо осведомлённый Полеводин, — когда секунданты... Глебов... и Васильчиков узнали о причине ссоры, то употребили все средства помирить их. Лермонтов был согласен оставить, но Мартынов никак не соглашался". "Нет никакого сомнения, — утверждает П.А. Висковатый, — что Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что "обуздание" тем или иным способом "неудобного" юноши-писателя будет принято им без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге". Висковатый находил много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой гибели Лермонтова, и называл при этом имя графа Бенкендорфа.

Дуэль можно было бы предотвратить, ибо дело не держалось в особенном секрете. О предстоящем поединке знали многие, знали и пятигорские власти. Можно было принять энергичные меры, выслать молодых людей из города по полкам.

Но всего этого сделано не было.

Дуэль и смерть

Встреча Лермонтова с Мартыновым была назначена на 7 часов вечера 15 июля (27 по новому стилю) у подножия горы Машук по дороге в немецкую Николаевскую колонию.

Точно в назначенное время прибыли сюда Лермонтов и Мартынов вместе с секундантами: А.И. Васильчиковым, М.Н. Глебовым, А.А. Столыпиным и С.В. Трубецким.

"Обстоятельства дуэли, — как на это справедливо указывал Л. Семёнов, — донельзя запутаны сбивчивыми, противоречивыми показаниями её участников и лиц, близко стоявших к ним. Старались скрыть имена людей, замешанных в дуэль, ограничившись именами Мартынова, Васильчикова и Глебова, так как причастность к поединку должна была караться законом. Кроме того, Трубецкой хотел умолчать потому, что он приезжал из экспедиции на воды без разрешения".

В продолжение почти тридцати лет участники дуэли хранили упорное молчание. Только в 1872 году А.И. Васильчиков нарушил заговор молчания и на страницах "Русского Архива" опубликовал статью "Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н.С. Мартыновым".¹⁸⁷ Эта статья, а затем рассказ А.И. Васильчикова, опубликованный П.А. Висковатым, — вот и всё, чем на протяжении многих десятилетий пользовались биографы поэта при описании его дуэли и смерти.

Между тем, в уже известном нам письме Полеводина, датированном 21 июля 1841 года, мы имеем подробное и точное описание поединка, написанное по свежим следам.

"Приехав на место, назначенное для дуэли, — сообщает Полеводин в своём письме из Пятигорска, — Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желание Мартынова, но стрелять он в него ни в каком случае не будет. Секунданты отмерили для барьера пять шагов, потом от барьера по пяти шагов в сторону, развели их по крайний след, вручили им пистолеты и дали сигнал сходитьсь. Лермонтов весьма спокойно подошёл первый к барьеру, скрестив вниз руки, опустил пистолет и взглядом вызвал Мартынова на выстрел. Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Лермонтов всегда держит своё слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Лермонтова. В это время Лермонтов бросил на Мартынова такой взгляд презрения, что даже секунданты не могли его выдержать и потушили очи долу (всё это сказание секундантов). У Мартынова опустился пистолет. Потом он, собравшись с духом и будучи подстрекаем презрительным взглядом Лермонтова, прицелился, — выстрел... Поэта не стало!"

Письмо Полеводина правдиво рисует суровую картину трагической гибели Лермонтова. На поединке были нарушены элементарные правила дуэльного кодекса. По этому кодексу "обычным расстоянием между последними барьерами назначалось 25 шагов и только при самых суровых условиях боя (например, в случае оскорбления действием) допускалась дистанция в 15 шагов, да и то только при некоторых видах дуэли на пистолетах, из шести видов дистанция в 15 шагов применялась лишь к двум".¹⁸⁸ Здесь же расстояние, разделявшее противников, было крайне мало, они должны были стрелять почти в упор. Полеводину не были известны некоторые важные подробности, о кото-

рых впоследствии проговорился А.И. Васильчиков П.А. Висковатову. "Секунданты" противников поставили на скате, около двух кустов: Лермонтова лицом к Бештау, следовательно, выше; Мартынова — ниже, лицом к Машуку". Таким образом Лермонтов оказался стоящим значительно выше Мартынова; и если бы он стрелял, то стрелит ему пришлось бы вниз, а Мартынов целился вверх. Следовательно, Мартынов имел явное преимущество. Между тем статья I (II глава) дуэльного кодекса требует безоговорочно равного места. Статья 4 (VI глава) гласила: "секунданты вынимают жребий, кому из противников стать на каком месте". Здесь же это правило было злостно нарушено: секунданты сами расставили противников, без всякого жребия.

Васильчиков проговорился Висковатову ещё об одном очень важном нарушении дуэльного кодекса, требующего, чтобы дуэлянты стреляли только по команде секунданта, после чего они теряли право на выстрел. Между тем, по рассказу Васильчикова, Мартынов выстрелил значительно позже команды секунданта Глебова.

"Я отлично помню, — рассказывал далее Васильчиков, как Мартынов повернул пистолет курком в сторону, что он называл "стрелять по-французски", продолжая пристально целиться.

Команда Глебова осталась уже позади.

В это время Столыпин крикнул: "Стреляйте или я разведу вас!" — ...Выстрел раздался и Лермонтов упал как подкошенный..."

Вопреки правилам дуэльного кодекса ни врача, ни экипажа на месте дуэли не было. Васильчиков объясняет это тем, что якобы дуэли не придавали серьёзного значения. Это наглая ложь. Опубликованная в 1893 году переписка Васильчикова и Глебова с Мартыновым, которую вели они, сидя под арестом после дуэли, ясно и чётко говорит о том, что в случае промаха по первому выстрелу решено было стрелять ещё второй и третий раз. "Я должен же сказать (на следствии), — писал Глебов Мартынову, — что уговаривал тебя на условия более лёгкие, если будет запрос. Теперь покамест не упоминай о условии трёх выстрелов; если же позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду".¹⁸⁹

По официальной версии, основанной на показаниях секундантов Глебова и Васильчикова и подтверждённой свидетельством врача Баркляя де-Толли, производившего в присутствии "корпуса жандармов подполковника" Кувшинникова и других властей 17 июля наружный врачебный осмотр трупа, "Лермонтов мгновенно на месте поединка помер" от полученной раны.¹⁹⁰ Но это официальная версия. Тот же Глебов в частной беседе рассказывал Н.П. Раевскому, что когда он, Глебов, подбежал после выстрела Мартынова к упавшему на землю Лермонтову, то последний, обращаясь к нему, проговорил: "Миша, я умираю!"¹⁹¹ Бывший плац-адъютант Пятигорского комендантского управления В.И. Чилиев рассказывал П.К. Мартынову, что когда Глебов докладывал коменданту о дуэли Лермонтова с Мартыновым, то заявил, что поэт ранен смертельно.¹⁹² Сам Мартынов в своих ответах на вопросные пункты Пятигорского окружного суда 13 сентября 1841 года показал: "От сделанного мною выстрела он (Лермонтов) упал — и хотя признаки жизни ещё были видны в нём, — он уже (ни слова) не говорил. Я поцеловал его и тотчас же отправился домой, полагая, что помощь может ещё подоспеть к нему вовремя".¹⁹³

Наш современник, известный хирург, профессор Горьковского медицинского института имени С.М. Кирова С.П. Шиловцев, изучив на трупах, на основе свидетельства лекаря Баркляя де-Толли, топографию пулевого канала раны Лермонтова, пришёл к выводу, что у поэта "были повреждены брюшная, а слева и грудная полости... Пуля, пробив брюшную стенку, могла по-

ранить печеночный угол поперечно-ободочной кишки, могла, однако, и не поранить его, что более вероятно, так как Лермонтов стоял. Далее, она пробила левую долю печени, ранила желудок или только малый сальник, слева повредила диафрагму, произвела сквозное ранение нижней доли левого лёгкого, пробила грудную стенку слева, повредив мягкие ткани левого плеча. Крупные сосуды брюшной полости, а равно и сердце не были затронуты.

Рана Лермонтова представляется очень тяжёлой, но не настолько, чтобы вызывать мгновенную смерть, так как лишь при ранении сердца или при повреждении крупных сосудов можно было ожидать смертельного кровотечения.

Атмосферный воздух вошёл в полость плевры, чем обусловился пневмоторакс и шоковое состояние. Лермонтов упал. Началось внутреннее кровотечение в брюшную полость из повреждённой печени и в полость левой плевры из раненого лёгкого, рана грудной клетки давала наружное кровотечение.

Молодой, здоровый 27-летний организм противостоял этому тяжкому физическому испытанию и мог бы бороться, но внешние силы оказались сильнее его.

Мне представляются последние часы страданий великого поэта следующим образом: вследствие внезапных сильных болевых симптомов Лермонтов впал в предшоковое состояние, с каждым часом кровотечение увеличивалось, наступило губительное охлаждение тела, затем присоединилась травма в результате мучительной перевозки под дождём. Развился шок.

Надо думать, что смерть поэта наступила от внутреннего кровотечения и шока только через несколько часов после повреждения".¹⁹⁴

В то время, как Лермонтов пал на землю тяжело раненный, разразилась страшная гроза. Полил проливной дождь. Мартынов вместе с Васильчиковым поскакали в Пятигорск. Следом отправились Трубецкой и Столыпин. Возле умирающего поэта остался один Глебов. Впоследствии Глебов рассказывал падчерице генерала Верзилина Эмили, "какие мучительные часы провёл он, оставшись один в лесу, сидя на траве под проливным дождём. Голова убитого поэта покоилась у него на коленях; темно, кони, привязанные, ржут, рвутся, бьют копытами о землю; молния и гром непрерывно; необъяснимо страшно стало! И Глебов хотел осторожно спустить голову на шинель, но при этом Лермонтов судорожно зевнул. Глебов остался недвижим и так пробыл пока не приехали дрожки".¹⁹⁵ Но Глебов не сказал правды до конца. Ему, действительно, "необъяснимо страшно стало", и он бросил умирающего Лермонтова на произвол судьбы и поскакал в Пятигорск к Верзилиным. Н.П. Раевский рассказывал В.П. Желиховской: "Приехал Глебов, сказал, что покрыл тело шинелью своей, а сам под дождём больше ждать не мог". Как показывает обнаруженный в Ставропольском краевом государственном архиве официальный документ — "Рапорт пятигорского полицмейстера штабс-капитана Бетаки исправляющему должность Кавказского областного начальника "от 18 июля 1841 года за № 657": "Пятигорский окружной начальник г. полковник Ильяшенко предложением от 16 июля за № 1356-м дал знать управе: лейб-гвардии конного полка корнет Глебов вчерашнего числа ввечеру, пришед к нему на квартиру, объявил, что отставной майор Мартынов убил на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре от города у подножья горы Машухи". Таким образом, этот документ не только подтверждает, что Глебов покинул в лесу, в грозу и бурю, умирающего поэта, но и свидетельствует о том, что сообщение Васильчикова в его воспоминаниях, что "Мартынов уехал прямо коменданту объявить о дуэли", как

и показание самого Мартынова на суде, что по возвращении домой после дуэли он посылал человека за своей, оставшейся на месте происшествия черкесской, "чтобы явиться в ней к коменданту", живы от начала и до конца. Трус и убийца Мартынов не нашёл в себе мужества объявить о своём преступлении.

Но вернёмся к Лермонтову... Всеми покинутый, смертельно раненный поэт, ещё живой, лежал, истекая кровью, под страшным грозовым ливнем. Земля, размываемая бурными потоками дождевой воды, превратилась вокруг него и под его телом в грязь, тяжёлая, набухшая от дождя и промокшая насквозь шинель Глебова давила грудь, кровь из раны сочилась, смешиваясь с водой и грязью, силы оставляли его, нечем было дышать... Так, совершенно беспомощный, в страшном одиночестве пролежал он четыре с половиной часа.

Наконец прибыли дроги. Лермонтова положили на них. Слуга поэта Христофор Саникадзе, сопровождавший Лермонтова с места поединка в Пятигорск, положительно утверждал, что "Михаил Юрьевич был ещё жив, стонал и едва слышно прошептал: "умираю"; но на полдороге стонать перестал и умер спокойно".¹⁹⁶

Известие о гибели поэта тотчас облетело весь Пятигорск. "Толпа народа не отходила от его квартиры,- вспоминает Полеводин. — Дамы все приходили с цветами и усыпали его оними, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно".

"Во всех углах, на всех аллеях Пятигорского бульвара только и было разговора, что о происшествии", — писал в своих записках декабрист Н.И. Лорер, обративший внимание на одну чрезвычайно существенную подробность. "Я заметил, — продолжает Н.И. Лорер, — что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало по одному голубому мундиру. Они, как чёрные вороны, почувствовали мёртвое тело и нахлынули в мирный приют исцеления, чтоб узнать, отчего, почему, зачем и потом доносить по команде правдиво или ложно".

Н.И. Лорер не ошибся. В тот самый день, 16 июля, когда он поразился обилию жандармов в Пятигорске, в Петербург сразу было отправлено по разным адресам три донесения о гибели Лермонтова. Пятигорский комендант Ильяшенков адресовал своё донесение "самому" Николаю I; прибывший в Пятигорск начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья полковник Траскин послал донесение военному министру князю Чернышёву, и, уже знакомый нам, подполковник Кувшинников — главе III отделения графу Бенкендорфу.

Похороны Лермонтова состоялись 17 июля при громадном стечении народа. Однако у Лермонтова нашлись враги и среди пятигорского духовенства. Только после долгих колебаний священник Павел Александровский согласился хоронить Лермонтова. Тогда другой священник Эрастов унёс с собой ключ от церкви, и все пришедшие на похороны должны были ожидать свыше двух часов. "Всё, что было в Пятигорске, — вспоминает Полеводин, — участвовало в его (Лермонтова) похоронах". "Представители всех полков, в которых Лермонтов волею и неволею служил в продолжение короткой жизни, — свидетельствует Н.И. Лорер, — явились почтить последней почестью поэта и товарища. Полковник Безобразов был представителем от Нижегородского драгунского полка, я — от Тенгинского пехотного, Тиран — от лейб-гусарского и А. Арнольди — от Гродненского гусарского. На плечах наших вынесли мы гроб из дому и донесли до уединённой могилы кладбища на покатоности Машука... Печально опустили мы гроб в могилу, бросили со слезами на глазах горсть земли, и всё было кончено".

Велико было негодование всех честных людей по адресу участников бесчестного поединка, жертвою которого пал Лермонтов. Современники рассказывают, что плац-майору Унтилову приходилось ещё накануне похорон несколько раз выходить из квартиры Лермонтова к собравшимся на дворе и на улице, успокаивать и доказывать, что это не убийство, а честный поединок. "Сожаление и ропот публики не умолкали ни на минуту, — общал Полеводин. — Теперь шестой день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин, Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель. Лермонтов обедал в этот день с ним и прочею молодёжью в Шотландке и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться через час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести.

Мартынов, Васильчиков и Глебов сидели под арестом. И это спасло их. Ибо, как говорили современники, в Пятигорске были горячие головы, которые выражали желание мстить за убийство и вызвать Мартынова на дуэль. Возбуждение вызвало затем и усиленную высылку молодёжи из Пятигорска по распоряжению начальника штаба Траскина.

Прошло шесть месяцев. Бабушка поэта Е.А. Арсеньева, едва оправившаяся от апоплексического удара, который её сразил при известии о гибели внука, почти ослепшая от слез и нервного потрясения (веки глаз её не поднимались), добилась у Николая I разрешения перевезти тело Лермонтова в Тарханы. В марте 1842 года в Пятигорск приехал бывший дядька Лермонтова А.И. Соколов и кучер И.Н. Вертюков. Они привезли с собой большой свинцовый гроб. Деревянный гроб с телом поэта был вырыт из раскопанной могилы на пятигорском кладбище и бережно уложен в свинцовый гроб. Свинцовый гроб был запаян и увезён в Россию.

23 апреля 1842 года прах Лермонтова был вторично предан земле в семейном склепе в Тарханах.

"Суд скорый и милостивый"

На другой день после дуэли пятигорскими властями была организована, при ближайшем и непосредственном участии полковника Траскина, следственная комиссия, во главе с плац-майором подполковником Унтиловым. По распоряжению Траскина в состав следственной комиссии был введён подполковник корпуса жандармов Кувшинников. В специальном отношении, посланном на имя Кувшинникова, Траскин писал: "Имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что по поручению на Вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие Ваше при следствии, производимом по сему происшествию Пятигорским плац-майором подполковником Унтиловым, — почему я ныне же предписал подполковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному происшествию без Вашего содействия".¹⁹⁷

16 же июля следственная комиссия с участием жандармского подполковника Кувшинникова составила перечень вопросов, на которые должны были ответить арестованные по делу о дуэли Мартынов, Васильчиков и Глебов. В день похорон Лермонтова вопросы от имени следственной комиссии были переданы обвиняемым. Уже на предварительном следствии, как об этом свидетельствуют обнаруженные С.И. Недумовым в Ставрополь-

ском краевом государственном архиве документы в деле Кавказского областного управления за № 2301-а, озаглавленном: "Ведомость о происшествиях за первую половину июля 1841 года", следственные власти пришли к выводу, что "вызов на дуэль сделал Мартынов за нанесённую ему Лермонтовым обиду острогами и шутками". Ставропольские материалы вносят важное уточнение в ход дела. Так, после окончания следствия дело поступило: "О поступке дуэлиста Мартынова и бывшего секунданта поручика Лермонтова титулярного советника кн. Васильчикова — в Пятигорский окружной суд, а о поступке корнета Глебова — на рассмотрение военного начальства". Пятигорский окружной суд, куда поступило дело Мартынова и Васильчикова, после предварительного следствия, сделал попытку получить от подсудимых некоторые дополнительные сведения об условиях дуэли, наводившие на мысль о преднамеренном убийстве Лермонтова. В частности, судом 13 сентября 1841 года был задан Мартынову такой, правда, неуклюжий, но довольно опасный вопрос: "Не было ли употреблено с вашей стороны или секунданта намерения к лишению жизни Лермонтова противных общей вашей цели мер?" Не об этом, или ему подобных вопросах сообщал Мартынов в записке Глебову из тюрьмы: "Бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу в чём..." Возможно, что Пятигорскому окружному суду удалось бы пролить свет на тёмное преступление Мартынова и его сообщников. Но Николай I, повидимому, опасаясь именно этого, 4 августа "повелеть соизволил: майора Мартынова, а равно находившихся при этом происшествии секундантами и лейб-гвардии конного полка корнета Глебова и служащего во II Отделении собственной ЕИВ канцелярии титулярного советника кн. Васильчикова передать военному суду не арестованными, с тем, чтобы судное дело было окончено немедленно и представлено на конфирмацию установленным порядком". Так было легче самодержавно скрыть следы своего преступления.

Учреждённый в городе Пятигорске 17 сентября 1841 года военный суд закончил дело в четыре дня!

Материалы "Дела штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного отделения о предании военному суду оставшего майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова, за произведённую первым с поручиком Лермонтовым дуэль, от чего Лермонтов помер" говорят о не совсем обычном интересе, проявленном царским двором к делу о дуэли. Собранные в этом "деле" документы не только вскрывают истинную подоплёку убийства, как преднамеренного акта, заранее подготовленного в Петербурге при участии царского двора, но со всей наглядностью отражают заботу высших петербургских властей скрыть эту подоплёку от общественного внимания, взяв под своё покровительство как непосредственного убийцу поэта, так и его сообщников — секунданта Васильчикова и Глебова.

Опубликованные В.С. Нечаевой вместе с "Делом Отдельного Кавказского корпуса" черновики ответов Мартынова на вопросы следственной комиссии в сопоставлении с его беловыми показаниями позволяют нам в категорической форме утверждать, что показания Мартынова, живые от первой и до последней строчки, были направлены к тому, чтобы доказать "виновность" самого Лермонтова.

Как показывает преданная гласности ещё в конце прошлого века переписка Мартынова с Васильчиковым и Глебовым во время нахождения их в тюрьме под арестом по делу о дуэли первого с Лермонтовым, они ещё до ареста договорились о необходимости скрывать некоторые обстоятельства дуэли и продолжали договариваться при помощи этой переписки во время

следствия. Между ними существовала крепкая круговая порука. Мартынов в своих письмах к Глебову и Васильчикову просил их всяческой защиты. Они обещали ему её, требуя, взамен этого, чтобы он всеми силами доказывал их примирительную роль в его конфликте с Лермонтовым. Вот почему от следствия и суда были тщательно скрыты подробности и кровавые условия поединка.

Ознакомившись с представленным ему "кратким извлечением" из "дела", Николай I изрёк свой приговор: "Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжёлой раны".

Эта "царская милость" по отношению к Мартынову и его сообщникам становится понятной в свете отношения Николая I к Лермонтову. Сын современника Лермонтова, известного поэта пушкинской эпохи, князь П.П. Вяземский рассказывал: "Летом, во время красносельских манёвров, приехал из лагеря к Карамзиным флигель-адъютант полковник конногвардейского полка Лужин. Он нам привёз только что полученное в главной квартире известие о смерти Лермонтова. По его славам, государь сказал: "Собаке — собачья смерть!"¹⁹⁸

После оказанной милости Николай I не доверял Мартынову. Когда в 1844 году министр внутренних дел Л.А. Перовский по просьбе обер-прокурора Святейшего синода решил поддержать прошение Мартынова "О дозволении ему отправиться в Германию на два месяца для совещания с тамошними медиками и пользования водами по совету их, ...по причине болезненного состояния", то начальник III отделения граф А.Ф. Орлов наложил красноречивую резолюцию: "Невозможно. Всюду, кроме за границу, даже на Кавказ. Могу представить государю".¹⁹⁹

У шефа жандармов не было доверия к Мартынову. И не случайно. Сохранившиеся в архиве Мартынова записи свидетельствуют о том, что много лет спустя после совершения преступления, он не раз собирался "облегчить свою совесть": рассказать правду о роковом поединке у подножья Машука и о подлинных его причинах. Но у него не хватило мужества. Этой правды Мартынов так и не рассказал. Но уже своими обещаниями поведать эту правду он подтвердил порочность той версии о дуэли, которая была сфабрикована придворными кругами и послушным им судебным следствием.

Но правды не скроешь. Близкий к придворным кругам поэт П.А. Вяземский, высказывая сожаление по поводу гибели Лермонтова, писал в "старой записной книжке": "Я говорю, что в нашу поэзию стреляют удачнее чем в Луи-Филиппа. Вот второй раз, что не дают промаха..." Что значит эта запись?.. Что хотел сказать Вяземский? Как друг Пушкина и человек, близкий к придворным сферам, Вяземский прекрасно знал, как, при каких обстоятельствах было организовано под видом "честной дуэли" убийство Пушкина. В очень осторожной форме Вяземский намекает, что убийство Лермонтова — тоже организованное убийство, и продолжает: "По случаю дуэли Лермонтова, князь А.П. Голицын рассказал мне, что при Екатерине была дуэль между князем Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит и не совсем правильно, по крайней мере, так в городе говорили и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потёмкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке".²⁰⁰

В рассказе Голицына содержится не менее прозрачный намёк: в организации убийства Голицына под видом дуэли принимал участие Потёмкин, в организации убийства Лермонтова принимали участие Бенкендорф и, пожалуй, сам Николай I.

Некоторый свет на обстоятельства гибели поэта и на отношение николаевской знати к Лермонтову проливает публикуемый впервые "Рапорт командиру дивизии" командира Тенгинского полка от 16 октября 1841 года за № 5652.

"Согласно предписания В.П. от 5 минувшего сентября № 2864, ко мне последовавшего, донести честь имею, что поручик Лермонтов о причинах просрочки в домовом отпуску не представил мне никаких сведений. "По отношению же ко мне г. начальника штаба войск Кавказской линии и в Черномории от 12 мая сего года № 10008 поручик Лермонтов прибыл в Ставрополь 9 мая и по воле г. командующего войсками был прикомандирован к отряду, действующему на левом фланге Кавказа, где участвовал в экспедиции в настоящем году. Отправляясь к отряду, Лермонтов по пути заболел и поступил на излечение в Пятигорский военный госпиталь, где, наконец, по уведомлению тамошнего коменданта от 25 июля № 1488, убит на дуэли".²⁰¹

Подчёркнутые нами слова "наконец убит на дуэли" говорят о многом. Они далеко не случайны. Они так же не случайны, как не случайны слова Николая I, которые он, не сумев сдержать себя, опрометчиво произнёс при известии о гибели Лермонтова. Командир Тенгинского пехотного полка хорошо знал, что писал и кому писал.

Таковы подлинные обстоятельства гибели Лермонтова.

Дело о погребении наповал убитого поручика Лермонтова

"Лермонтов — это залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения и гуманности".
Н.Г. Чернышевский

Находка Г.Н. Прозрителева

Шестьдесят шесть лет назад, в 1888 году, известный любитель ставропольской старины Г.Н. Прозрителев в помещении колокольни Ставропольского кафедрального собора обнаружил "Дело по рапорту Пятигорской Скорбященской церкви священника Василия Эрастова о погребении той же церкви протоиереем Павлом Александровским тела наповал убитого на дуэли поручика Лермонтова". Дело это, начатое 15 декабря 1841 года и сданное после его окончания 10 сентября 1854 года в архив Кавказской духовной консистории, было найдено Г.Н. Прозрителевым в куче архивных дел Моздокского и Кизлярского духовных правлений за грудой извести и разного хлама, где оно могло безвозвратно погибнуть от извести и плохого хранения. Документы, составившие это примечательное дело, были опубликованы ещё в 1895 году М. Кальневым в февральской книжке журнала "Русское обозрение". Однако, предавая гласности эти документы, М. Кальнев фамилии обоих священников, главных участников дела о погребении Лермонтова, напечатал в сокращённом виде, мотивируя это тем, что один из главных участников этого дела тогда был жив и якобы пользовался общим уважением. В наше время, в 1948 году, это дело было вновь обнаружено в Ставропольском краевом государственном архиве научным работником этого же архива В.А. Чихирь.

Дело о погребении тела поручика Лермонтова возникло по доносу священника Василия Эрастова, который не только отказался участвовать в погребении останков погибшего поэта, но даже донёс на своего коллегу протоиерея Александровского архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию, будто бы тот, "погребши честно в июле месяце того года тело убитого на дуэли Лермонтова, в статью метрических за 1841 год книг его не вписал, и данные... 200 рублей ассигнациями в доходную книжку причта не внёс".

По мнению доносчика, "Лермонтова, как самоубийцу, надо было палачу привязать верёвкой за ноги и оттащить в бесчестное место и там закопать".

Донос этот во всех своих частях оказался ложным, ибо как выяснено было следствием, произведённым кавказской духовной консисторией, "настоящего христианского погребения наповал убитого пулею на дуэли поручика Лермонтова отправляемо не было, но только... тело его провожаемо было с квартиры до склепа с пропетием "святой боже" и что "погребение его, Лермонтова, в метрическую книгу внесено по надлежащему".

Однако сановные попы из Кавказской духовной консистории стали на сторону попа-доносчика Эрастова.

"Протоиерей Александровский, хотя настоящего погребения над телом поручика Лермонтова не совершал, но не следовало и провожать его, яко добровольного самоубийцу, в церковном облачении и с подобающей честью..." За "сей поступок, более из интереса происшедшей, нежели от неведения законов", священник Александровский был оштрафован на 25 рублей в пользу бедных. Архиепископ Афанасий 29 июля 1843 года не только утвердил это решение консистории, но и предложил "кроме штрафных, взыскиваемых с протоиерея, взыскать с него и с прочих на тот же предмет за провод как за стяжание несправедное". Доносчику священнику Эрастову было поэтому отказано в получении части доходов за "погребение" Лермонтова, на которую он претендовал.²⁰²

Материалы "Дела о погребении тела поручика Лермонтова" убедительно свидетельствуют о том, что и высшее и низшее духовенство, стремясь опорочить великого русского поэта, лишило его погребения по православному обряду.

В 1889 году, выезжая из Ставрополя на лечение в Кисловодск, Г.Н. Прозрителев, рассчитывая на досуге поработать над архивными материалами, захватил с собою связку бумаг, в которой лежало дело о Лермонтове.

В августе того же года редактор издававшейся в Ставрополе газеты "Северный Кавказ" Евсеев телеграфом поручил Г.Н. Прозрителеву быть представителем газеты на торжестве открытия памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске. Захватив находку, обнаруженную год назад в Ставропольском кафедральном соборе, Г.Н. Прозрителев выезжает в Пятигорск, решив сделать сообщение по содержанию этого интересного дела, рассказывающего о посмертных преследованиях Лермонтова.

На торжестве открытия памятника великому русскому поэту Г.Н. Прозрителев выступал вслед за известным осетинским поэтом Костою Хетагуровым, представлявшим газету "Терек". Как сообщалось 27 августа 1889 года газетой "Северный Кавказ" в пространной корреспонденции из Пятигорска, "Художник Хетагуров, напомнив собранию лермонтовского "Пророка", между прочим, высказал, что пусть этот праздник послужит стимулом для нашего возрождения к лучшему, честному, доброму, пусть поэзия Лермонтова жжёт наши сердца и учит нас правде. Присяжный поверенный Прозрителев прочитал Указ Кавказской духовной консистории, а затем им же, Прозрителевым, были прочитаны стихотворения, посвящённые памяти Лермонтова...

Как сообщение Прозрителева, так и прочитанные им стихотворения были весьма сочувственно приняты присутствующими и сопровождались общими криками одобрения и "браво" ...²⁰³

Несколько лет назад мне посчастливилось приобрести рукопись Г.Н. Прозрителева: "Лермонтов в Ставропольских архивах. Как я нашёл дело о погребении наповал убитого пулею поручика Лермонтова". Рукопись Г.Н. Прозрителева содержит весьма ценные подробности этого знаменательного выступления нашего земляка в Пятигорске. Своё сообщение Г.Н. Прозрителев сделал не на самом торжестве открытия памятника великому русскому поэту, где им был возложен от имени ставропольцев венок на пьедестал, а на торжественном обеде после открытия памятника.

Когда на этом обеде, который проходил в "Казённой гостинице", начались речи, начальник Терской области Смекалов после официальных гостей, обращаясь к собранию, заявил:

— Теперь, господа, прослушаем сообщение присяжного поверенного Г.Н. Прозрителева о погребении нашего знаменитого поэта М.Ю. Лермонтова.

Прозрителев приподнялся. Едва он произнёс: "Дело о погребении наповал убитого пулею поручика Лермонтова", как раздался голоса: "на стул! на стул!" — и несколько рук подняли его на стул. Прозрителев начал свой доклад, прочитывая наиболее существенные места из дела.

"Когда я дошёл до того места, — вспоминает Г.Н. Прозрителев в своей рукописи, — что Лермонтова, как значилось в рапорте священника Эрастова, надо было палачу привязать верёвкою за ноги и стащить в бесчестное место и там закопать, в зале произошло движение. Кто из причта был на торжестве и был ли там протоиерей Эрастов, я не знал.

Но вот Смекалов, обращаясь к сидящему среди духовенства "почётному старцу" с медалями на груди, сказал:

— Отец Василий, подтвердите всё сказанное Г.Н. Прозрителевым.

Моему удивлению не было конца. О существовании Эрастова я не знал и не ожидал его присутствия на этом торжестве. И вот поднимается большая, тучная фигура протоиерея во всех ординах и, склонив свою седую голову, произносит:

— Каюсь, православные, всё правда, всё правда.

Эрастов сел.

Раздались оглушительные аплодисменты и крики: "Браво!" Несколько рук потянулось ко мне и крепко жали мне руку.

Эрастов, очевидно, видел через стол в моих руках изобличающее его дело. Сцена эта так подействовала на меня, что я, крайне удивлённый, сел на свой стул и не мог ничего есть".²⁰⁴

А меж тем появление Василия Эрастова на торжестве открытия памятника Лермонтову было более чем странным. Ещё в 1881 году Эрастов проявлял явно враждебное к безвременно погибшему поэту отношение, категорически отказавшись служить торжественную панихиду, посвящённую сорокалетию со дня гибели автора "Героя нашего времени".

"Откровенно говоря, — продолжает Г.Н. Прозрителев, — если бы я знал о присутствии Эрастова на этом торжестве, тут за столом, у меня, может быть, не хватило бы гражданского мужества бросить ему в лицо его гнусный поступок, о котором он совершенно забыл и пришёл на торжество в ожидании чествования и его, как современника Лермонтова".

Таким образом, наш земляк Г.Н. Прозрителев на торжестве открытия памятника М.Ю. Лермонтову неожиданно для Эрастова и ему подобных явился грозным мстителем за поругание великого поэта. "Дело о погребении тела наповал убитого поручика Лермонтова" обличило тех, кого поэт называл "Свободы, Геня и Славы палачи!"

Хронологическая канва Кавказской биографии М.Ю. Лермонтова

(все даты по старому стилю)

1818 г. Лето. Первая поездка Лермонтова на Кавказ. Пребывание в Шелкозаводске (имение Е.А. Хастатовой).

Альбом М.М. Лермонтовой в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 51.

1820 г. Лето. Вторая поездка Лермонтова на Кавказ. Пребывание на Кислых Водах.

Альбом М.М. Лермонтовой, стр. 80.

1825 г. В начале лета. Третья поездка Лермонтова на Кавказ. Пребывание на Горячих Водах вместе с бабушкой Е.А. Арсеньевой и кузинами.

Список посетителей и посетительниц Кавказских Минеральных Вод в 1825 г. "Отечественные записки", издаваемые Павлом Свиным. Часть 23. — СПб, 1825 г., стр. 260.

15 июля. Праздник байрама в Аджи-ауле, близ Пятигорска. Выступление прославленного горского певца Султан-Керим-Гирея.

П. Свиный. Письмо издателя "Отечественных записок" к редактору. "Отечественные записки", часть 23. — СПб, 1825 г., стр. 242—245.

М.Ю. Лермонтов. "Измаил-бей". Полное собрание сочинений, том 2, ОГИЗ-ГИХЛ, 1947 г., стр. 361—362.

Лето. Встречи Лермонтова с учёным кабардинцем Шорой Бекмурзином Ногмовым.

С.Д. Нецаев. Отрывки из путевых записок по Юго-Восточной России. "Московский Телеграф", № 1, часть 7, 1826 г.

С.А. Андреев-Кривич. "Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова". — Нальчик, 1949 г., стр. 30—31.

Лето. Первая детская влюблённость. "Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?"

М.Ю. Лермонтов. Записка 1830 года, 8 июля. П. С. С., том 4, ОГИЗ-ГИХЛ, 1948 г., стр. 382—383.

1828 г. Поэмы: "Черкесы", "Кавказский пленник".

1830 г. Стихи: "Кавказ", "Кавказу", "Утро на Кавказе", "Крест на скале".

1830—1832 гг. Лермонтов в Московском университете, где вместе с ним на словесном отделении обучаются студенты-кавказцы: Атарбеков Григорий, Ваграмов Григорий, Вартанов Вартаан, Едильханов Никита, Еринцев Григорий, Ирицпухов Гавриил, Каланатаров Никита, Кистов Рафаил, Ломидзе Мельком (Мелкум), Тигранов Сергей, Хазисов Иван, Ходжаевы Адам и Исаак.

Список своеобразных студентов и слушателей императорского Московского университета словесного отделения 1832 г., "Литературное наследство", т. 56. — М., 1950 г., стр. 419—420.

Поэмы Лермонтова: "Азраил", "Ангел смерти", "Каллы", "Аул "Бастунджи", "Измаил-бей".

1832—1834 гг. Лермонтов в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где вместе с ним обучались сыновья шамхала Тарковского- Шах-Вали и Мехти Ассан-Хан.

А.Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815—1879 гг., том 1. — М., 1888 г., стр. 17.

"Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823—1898, СПб, 1898 г. Приложение, стр. 23.

1835 г. Последние числа июля — начало августа. Вышла в свет августовская книжка "Библиотеки для чтения", где была напечатана поэма Лермонтова "Хаджи-Абрек".

1837 г. 27 февраля. "Высочайший" приказ о переводе лейб-гвардии Гусарского полка корнета Лермонтова в Нижегородский драгунский полк прапорщиком.

17—19 марта. "Нижегородского драгунского полка прапорщик Лермонтов выехал из Петербурга".

"Русский инвалид", № 71, 1837 г., 21 марта.

10 апреля. Нижегородского драгунского полка прапорщик Лермонтов выбыл из Москвы.

В. Баранов. Лермонтов в Москве. "Литературное наследство", том 45—46. Изд. АН СССР. — М., 1948 г., стр. 728. 15 апреля. Прибытие Лермонтова в Ставрополь.

А.В. Попов. "М.Ю. Лермонтов в первой ссылке". Ставрополь, 1949 г., стр. 7.

Вторая половина апреля. Лермонтов в семействе своего родственника П.И. Петрова. Знакомство Лермонтова с генералом А.А. Вельяминовым, доктором Н.В. Майером и Н.П. Колобакиным. Рассказы А.А. Вельяминова о Бородинском сражении. Стихотворение "Бородино". Отправление этого стихотворения в Петербург с фельдьегерем или по экстр-почте.

П.А. Висковатый. "М.Ю. Лермонтов". — М., 1891 г., стр. 259. М.Ю. Лермонтов в рассказе графини Е.П. Растопчиной.

"Русская старина", 1882 г., сентябрь, стр. 617—618.

Конец апреля. Лермонтов наблюдает кулачные бои в Ставрополе.

Конец апреля — начало мая. Лермонтов из Ставрополя выезжает в полк.

2 мая. Цензурное разрешение журнала "Современник". Том 6, № 2, в котором напечатано за подписью "М. Лермонтов" стихотворение "Бородино".

Начало мая. Лермонтов на Тереке. Червлённая — Шелкозаводск. Знакомство с устным народным творчеством гребенских казаков.

Конец первой декады мая. Лермонтов в Кизляре. Встреча с П.А. Катениным.

А.В. Попов. Павел Катенин на Кавказе. "Материалы по изучению Ставропольского края". Выпуск 5, 1953 г., стр. 128.

13 мая. Рапорт Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова об освидетельствовании болезни его ("Журнал входящих бумаг штаба войск на Кавказской линии и в Черномории").

Временник государственного музея "Домик Лермонтова", № 1. — Пятигорск, 1947 г., стр. 62.

18 мая. Лермонтов в Ставропольском военном госпитале. Дата под рисунком Лермонтова "Сцены из Ставропольской жизни".

Начало двадцатых чисел мая. "Весь в ревматизмах", Лермонтов прибыл в Пятигорск.

25 мая. Встреча генерала А.А. Вельяминова с командиром Отдельного Кавказского корпуса бароном Н.В. Розеном. Просьба Вельяминова о причислении Лермонтова к эскадрону Нижегородского полка, который должен быть отправлен в Анапу.

31 мая. Письмо Лермонтова М.А. Лопухиной из Пятигорска о красоте гор Кавказа и жизни на водах.

Июнь — первая декада августа. Лермонтов в Пятигорске лечится серными ваннами.

Лето. Встречи с доктором Н.В. Майером, товарищами по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Н.С. Мартыновым, А.М. Миклашевским и Г.П. Самсоновым и однокашником по Московскому благородному пансиону Н.М. Сатиным. Знакомство с В.Г. Белинским.

Начало июля. Знакомство Лермонтова с генералом В.Д. Вольховским. Письмо В.Д. Вольховского А.И. Философова о Лермонтове.

А. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А.И. Философова. "Литературное наследство", том 45—46. — М., 1948 г., стр. 679—680.

18 июля. Письмо Лермонтова Е.А. Арсеньевой из Пятигорска с сообщением о причислении его к эскадрону Нижегородского драгунского полка, который должен быть отправлен в Анапу и просьбой продолжать адресовать письма на адрес П.И. Петрова.

10 августа. Лермонтов прекращает лечение серными ваннами в Пятигорске.

Временник госмузея "Домик Лермонтова", 1947 г., стр. 57.

Середина августа. Лермонтов выезжает из Пятигорска в Кахетию, в урочище Кара-Агач, в штаб-квартиру Нижегородского драгунского полка.

Вторая половина августа — первая половина сентября. Лермонтов в Нижегородском драгунском полку в Кара-Агаче. Представление командиру полка полковнику С.Д. Безобразову. Поездки в Циннодали, знакомство с семейством князей Чавчавадзе и вдовой Грибоедова — Ниной Александровной. Знакомство с четой Нечволодовых.

Наезды в Тифлис. Знакомство с азербайджанским поэтом М.Ф. Ахундовым. Изучение азербайджанского языка.

16 сентября. Второй дивизион Нижегородских драгун, к которому был причислен Лермонтов, выступает на помощь осажденной мюридами Шамиля Кубе.

В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, том 4. — СПб, 1894 г., стр. 77.

"Кавказский сборник". Том 8. — Тифлис, 1884 г., стр. 110—111.

Вторая половина сентября. Лермонтов в Шемахе. Знакомство с устным поэтическим творчеством азербайджанского народа ("Ашик-Кериб").

Лермонтов в Кубе. Столкновение с остатками банд Шамиля. "Раз ночью мы ехали втроём из Кубы, я, один офицер из вашего полка и черкес (мирный, разумеется) и чуть не попались шайке лезгин".

М.Ю. Лермонтов. Письмо С.А. Раевскому. ПСС, том 4, ОГИЗ-ГИХЛ, 1948 г., стр. 432—433.

26 сентября. Прибытие Лермонтова из Шемахи в Тамань ("Я три ночи не спал, измучился..."). Рискованное приключение с контрабандистами.

М.Ю. Лермонтов. "Тамань". ПСС, том 4, ОГИЗ-ГИХЛ, 1948 г., стр. 55.

28 сентября. Отъезд Лермонтова из Тамани в Геленджик. Надпись на отношении командира Нижегородского драгунского полка от 28 июля, "что прапорщика Лермонтова в действующем (за Кубанью) отряде не находится".

Временник госмузея "Домик Лермонтова", I, 1947 г., стр. 63.

29 сентября. Прибытие Лермонтова в укрепление Ольгинское в действующий отряд. Предписание командования Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову "отправиться в свой полк". Временник госмузея "Домик Лермонтова", I, 1947 г., стр. 64.

Начало октября. Лермонтов снова в Ставрополе, у "любезного дядюшки" П.И. Петрова. Новые встречи с доктором Н.В. Майером и Н.М. Сатиным и декабристами С. Кривцовым и В. Голицыным.

Первая декада октября. Прибытие в Ставрополь из Сибири определённых в солдаты декабристов В.Н. Лихарёва, Н.И. Лорера, М.А. Назимова, М.М. Нарышкина, А.И. Одоевского и А.И. Черкасова. Лермонтов в кругу декабристов.

Из воспоминаний Н.М. Сатина. "Почин". Сборник. — М., 1895 г., стр. 241—242.

М.А. Назимов в передаче П.А. Висковатого. П.А. Висковатый, "Лермонтов", стр. 303.

10 октября. "Высочайший" смотр четырёх эскадронам Нижегородского драгунского полка на Дидубийском поле под Тифлисом.

11 октября. "Высочайший" приказ о переводе Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом.

17 октября. Лермонтов участвует в отчаянной "демонстрации" А.И. Одоевского при въезде Николая I в Ставрополь.

С. Голубов. Два соприкосновения. "Литературная газета", 1939 г., № 57.

22 октября. Лермонтов и А.И. Одоевский покидают Ставрополь, направляясь в Нижегородский драгунский полк.

Временник госмузея "Домик Лермонтова", I, 1947 г., стр. 65. М.Ю. Лермонтов. Памяти А.И. Одоевского. ПСС, том 1, ОГИЗ-ГИХЛ. — М., 1947 г., стр. 41.

Октябрь — ноябрь. Работа над "Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова".

Начало ноября. Лермонтов и А.И. Одоевский прибывают в Кара-Агач в штаб-квартиру Нижегородского драгунского полка.

Ноябрь. Лермонтов в Кахетии и в Тифлисе. Письмо С.А. Равскому о скитаниях по Кавказу.

25 ноября. Прощание с однополчанами. Лермонтов выключен из списков Нижегородского драгунского полка.

Конец ноября. Лермонтов во Владикавказе. Встреча с В.В. Бобарыкиным — товарищем по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

"Спеша на север из далёка..."

14 декабря. Лермонтов в Прохладной (запись в дневнике неизвестного кавказского офицера).

Вторая половина декабря. Лермонтов ещё раз в Ставрополе. Последнее посещение Лермонтовым ставропольской квартиры Петровых. Прощание с "любезным дядюшкой" и кузинами. П.И. Петров даёт Лермонтову письмо для передачи А.А. Столыпину.

Конец года. Лермонтов покидает Кавказ.

1838 г. 1 февраля. Письмо Лермонтова из Петербурга к П.И. Петрову в Ставрополь, с сообщением, что письмо Петрова отдано в руки дядюшки Аф.Ал. Столыпина.

1840 г. 13 февраля. Цензурное разрешение печатать роман Лермонтова "Герой нашего времени".

18 февраля. Дуэль Лермонтова с де-Барантом. 13 апреля. "Высочайший" приказ о переводе лейб-гвардии Гусарского полка поручика Лермонтова в Тенгинский пехотный полк тем же чином.

Первые числа июня. Дорогой на Кавказ Лермонтов заезжает на три дня в Новочеркасск к генералу М.Г. Хомутову, ежедневно бывает в театре.

10 июня. Прибытие Лермонтова в Ставрополь, в штаб-квартиру командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-адъютанту П.Х. Граббе.

"Лермонтовская коллекция" Грозненского областного государственного архива. По описи № 4.

10 июня. Знакомство Лермонтова с офицером Генерального штаба Шульцем.

А. Бежецкий. Сон. "Новое время", 1891 г., № 5522, 15 (27) июля.

11 июня. Первый вариант стихотворения "Сон".

"Новое время", 1891 г., № 5522.

17 июня. Письмо Лермонтова из Ставрополя А.А. Лопухину о том, что на следующий день едет в действующий отряд на левый фланг в Чечню "брат (каналью) пророка Шамиля". Тут же Лермонтов сообщает, что он уже неделю живёт вместе с К.К. Ламбертом.

18 июня. Лермонтов "командирован на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева".

"Лермонтовская коллекция", Грозн. обл. Гос. архива. По описи № 4.

Третья декада июня — первые числа июля. Лермонтов в русском лагере под крепостью Грозной. Встречи с Л.С. Пушкиным, А.Н. Долгоруким, Глебовым, Н.А. Жерве, А.А. Столыпинам, С.В. Трубецким, Д.П. Фредериксом и др. Новая встреча с декабристом В.Н. Лихарёвым.

П.А. Висковатый. "М.Ю. Лермонтов". — М., 1891 г., стр. 341—342.

6 июля. Выступление отряда генерала Галафеева из лагеря под крепостью Грозной в десятидневный поход в Малую Чечню.

11 июля. Сражение при Валерике. Гибель В.Н. Лихарёва.

15 июля. Возвращение отряда генерала Галафеева в крепость Грозную.

17 июля. Выступление части отряда Галафеева в Северный Дагестан.

"Кавказский сборник". Том 10. — Тифлис, 1886 г., стр. 308.

29 июля. Прибытие отряда генерала Галафеева в Темир-Хан-Шуру. Лермонтов в Темир-Хан-Шуре.

"Кавказский сборник". Том 10. — Тифлис, 1886 г., стр. 308. Рисунок в альбоме кн. П.А. Урусова с надписью: "Ламберт, Долгорукий, Лермонтов, Урусов, Евреинов на привале к Шуре в 1840 году". Гослитмузей, Москва.

2 августа. Войска генерала Галафеева выступили из Темир-Хан-Шуры и через Миатлинскую переправу отправились к крепости Грозной.

"Кавказский сборник". Том 10, 1886 г., стр. 310.

Конец августа — первая половина сентября. Лермонтов на отдыхе в Пятигорске.

12 сентября. Письмо Лермонтова А.А. Лопухину из Пятигорска с описанием битвы при Валерике.

26 сентября. Выступление отряда генерала Галафеева из крепости Грозной через Ханкальское ущелье.

29 сентября и 3 октября. В делах против неприятеля поручик Лермонтов "обратил на себя особенное внимание начальника отряда расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством".

4 октября. Бой у аула Шали. "В этот день отличились храбростью и самоотвержением при передаче приказаний под огнём неприятеля... Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов" и др.

Л.П. Семёнов. "К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г.". — Владикавказ, 1924 г., стр. 13—14.

10 октября. Лермонтов принимает от юнкера Руфина Дорохова, раненного в лесном бою между Саит-Юртом и селением Авгур, начальство над командой охотников, которую в отряде генерала Галафеева называли до этого "беззаветною".

12 и 15 октября. Боевые успехи "беззаветной" команды под водительством Лермонтова в Чечне.

Октябрь (не позже 15–16). Письмо Лермонтова А.А. Лопухину из крепости Грозной с сообщением о возвращении после 20-дневной экспедиции в Чечне. Здесь же Лермонтов пишет, что "получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, ... нечто вроде партизанского отряда, ими только четыре дня в деле командовал, ... мы будем ещё воевать целую зиму..."

27 октября — 6 ноября. Во время экспедиции в Малую Чечню "поручик Лермонтов командовал охотниками... отлично во всех отношениях; всегда первый на коне и последний на отдыхе".

Д.В. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. — Тифлис, 1900 г., стр. 249–250.

К.Х. Мамаев. Воспоминания, "Кавказ", 1897 г., № 235.

9 ноября. Лермонтов в Ставрополе. Дата под листом набросков Лермонтова в альбоме П. Урусова.

9–20 ноября. "Отличная служба поручика Лермонтова и его распорядительность во всех случаях... доставила ему "возможность сопровождать генерала Граббе во время второй экспедиции в Большой Чечне".

Конец ноября — двадцатые числа декабря. Лермонтов в Ставрополе. Встречи с декабристом М.А. Назимовым, Л.С. Пушкиным, Р. Дороховым и др.

А. Есаков. М.Ю. Лермонтов в 1840 г. "Русская старина". 1885 г., № 2, стр. 474.

Последние числа декабря. Встреча с декабристом Н.И. Лорером в Тамани.

31 декабря. Лермонтов в станице Ивановской в штаб-квартире Тенгинского полка. Приказом по полку Лермонтов зачислен налицо в Тенгинском пехотном полку.

1841 г. 6 января. Лермонтов в Ставрополе. Новые встречи с Л.С. Пушкиным.

А.И. Дельвиг. Мои воспоминания. — Том 1. — М., 1913 г., стр. 297.

14 января. Лермонтову в Ставрополе выдан отпускной билет в С-Петербург сроком на два месяца.

9 мая. Лермонтов последний раз приезжает из Петербурга в Ставрополь.

Примечания

¹Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Архив М.Ю. Лермонтова, № 41, Альбом М.М. Лермонтовой, стр. 51 и 80.

²3-в. Поездка из Москвы на Кавказ. "Тифлиссские ведомости", № 55, 1830 г., четверг 10 июля.

³М.И. Глинка. Записки. Под ред. А.Н. Римского-Корсакова. Изд. "Академия", М.—Л., 1930 г., стр. 58.

⁴Наталья Капиева. Кавказ в детстве Лермонтова. "Ставропольская правда", № 226 (3351), 1945 г., от 14 ноября.

⁵Н. Свинын. Письма издателя "Отечественных записок" к редактору. "Отечественные записки", ч. 23, 1825 г., стр. 242–245.

⁶С.Д. Нечаев. Отрывки из путевых записок по Юго-Восточной России. "Московский Телеграф", ч. 7, № 1, 1826 г., стр. 30–31.

⁷С.А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949 г., стр. 111.

⁸Фр. Боденштедт. Заметка о Лермонтове. "Современник", том 35, 1861 г., стр. 2.

⁹С.А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949 г., сноска на стр. 20.

¹⁰Л.П. Семёнов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939 г., стр. 36–38. Сл. "Иллюстрированное прибавление к "Тифлискому листку", № 4, 1899 г.

10 мая. Лермонтову выдана подорожная от Ставрополя до крепости Темир-Хан-Шуры.

12 мая. Лермонтов в Георгиевске. Встреча с ремонтёром Борисоглебского уланского полка П. Магденко. Внезапное решение Лермонтова отправиться вместе с А.А. Столыпиным в Пятигорск.

13 мая. Лермонтов и Столыпин прибыли в Пятигорск.

М.Ф. Николева. Временник госмузея "Домик Лермонтова". — Пятигорск, 1947 г., стр. 69.

13 мая — середина июля. Лермонтов в Пятигорске. Встречи с декабристом Н.И. Лорером, Л.С. Пушкиным, Н.С. Мартыновым, М.П. Глебовым, А. Васильчиковым, С. Трубецким и другими. Лермонтов — душа пятигорского общества.

13 июня. Рапорт Лермонтова командиру Тенгинского пехотного полка о том, что он заболел по дороге лихорадкой и получил от пятигорского коменданта позволение оставаться в Пятигорске впредь до излечения.

Конец июня. Лермонтов получил от начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья официальное разрешение "остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения".

13 июля. Столкновение между Лермонтовым и Мартыновым в доме Верзилиных.

15 июля. Дуэль Лермонтова с Мартыновым у подножья Мащука. Всеми покинутый, смертельно раненный поэт проводит несколько часов, истекая кровью под страшным ливнем во время грозы. Положенный на дроги, Лермонтов на полпути в Пятигорск скончался.

17 июля. Медицинский осмотр тела Лермонтова. Тело поэта предано земле в Пятигорске. "Погребение" пето не было.

16 октября. Рапорт командующему дивизией командира Тенгинского пехотного полка о том, что Лермонтов "наконец... убит на дуэли".

"Лермонтовская коллекция" Грозненского областного Государственного архива. По описи № 12.

1842 г. Март. Тело Лермонтова изъято из могилы на пятигорском кладбище, запаяно в свинцовый гроб и увезено в Россию.

23 апреля. Прах Лермонтова вторично погребён в семейном склепе в Тарханах.

¹¹Список своекоштных студентов и слушателей императорского Московского университета словесного отделения 1832 г. "Литературное наследство", том 56, М., 1950, стр. 419–420.

¹²Г. С-т. Журнал путешествия по земле донских казаков к Кавказу и в Астрахань (из немецкого журнала). "Северный Архив", № 7, 1825 г., стр. 249.

¹³А.Н. Дьячков-Тарасов. В горах Большого и Малого Карачая (истоки р. Кубани). "Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа". Выпуск 28, Тифлис, 1900 г., стр. 68.

¹⁴А.Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский, 1815–1879 гг., том I, М., 1888 г., стр. 17.

¹⁵Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, 1823–1898 гг. — СПб, 1898 г., приложение стр. 23.

¹⁶А.Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867), ч. 2 (1851–1856), — СПб, 1879 г., стр. 50–51.

¹⁷В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, том 4, в. 1, — СПб, 1867 г., стр. 187–188.

¹⁸И.И. Панаев. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950 г., стр. 96.

¹⁹В. Баранов. Лермонтов в Москве. "Литературное наследство", 45–46. М.Ю. Лермонтов, том 2, изд. Академии наук СССР. — М., 1948 г., стр. 727–728.

²⁰О днях прихода и отхода почты в Москве. "Месяцеслов на 1837 год". Изд. Академии наук, — СПб (год не указан), стр. 284. Маршрутная книжка с принадлежанием к ней нумерной картою. Издание почтового департамента. — СПб, 1857 г.

- ²¹"Месяцеслов на 1837 год", стр. 22.
Сочинения и переводы А.А. Шишкова, том 1, 1834 г., стр. 119.
Д.В. Давыдов. Сочинения, том 2. — СПб, 1893 г., стр. 192.
Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. — М., 1885 г., стр. 89.
Расстояние от Пензы до Ставрополя составляет 1 275 вёрст, от Москвы до Ставрополя — 1 359 вёрст.
- ²²Т(орнау). Воспоминания о Кавказе и Грузии. "Русский Вестник", том 79, январь 1869 г., стр. 10—11.
- ²³См. "Описание города Ставрополя, составленное прикомандированным к генеральному штабу Тенгинского пехотного пайка подпоручиком Носовым в 1840 году" в трудах Ставропольской учёной архивной комиссии (выпуск 5, Ставрополь, 1913 г.) и публикацию А. Собириевского "Статистическое описание города Ставрополя в 1840 году". "Ставропольские губернские ведомости", 1909 г., № 30—33.
- ²⁴См. комментарии В. А. Мануйлова к письму Лермонтова к Петрову. Сочинения Лермонтова, том 4, стр. 501.
- ²⁵"Месяцеслов на 1836 год". Инвентарный номер Ставропольской краевой библиотеки 81109.
- ²⁶Литературный сборник, том 1. — Кострома, 1928 г., стр. 7.
- ²⁷Кавказский офицер М.Ф. Фёдоров в "Походных записках" описывает встречу с Данзасом в селении Ивановском в начале 1837 года. См. "Кавказский сборник", том 3. — Тифлис, 1879 г., стр. 62—63.
- ²⁸И. Бентковский. Генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов. "Ставропольские губернские ведомости" № 13, 1881 г., от 28 марта.
- ²⁹Г. Держак. Четыре месяца на Лабинской линии. Газета "Кавказ" № 26, Тифлис, 1848 г.
- ³⁰В. Пого. История 44-го драгунского Нижегородского полка, том 4. — СПб, 1894 г., стр. 59 и 60.
- ³¹М.Ф. Фёдоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 гг. "Кавказский сборник", том 3. — Тифлис, 1879 г., стр. 8.
- ³²М.Н. Лонгинов. Заметки о Лермонтове и некоторых его современниках, "Русская старина", том 4, книга 7, 1873 г., стр. 388.
- ³³"Русская старина", 1883 г., ноябрь, стр. 388.
- ³⁴Лермонтов. Полное собрание сочинений. Изд. "Академия". — М.—Л., 1936 г., стр. 69.
- ³⁵"Классики русской литературы". Критико-биографические очерки. Детгиз. — М.—Л., 1953 г., стр. 166.
- ³⁶М.Ф. Николаева. М.Ю. Лермонтов. Биографический очерк. Ставрополь, 1947 г., стр. 50.
- ³⁷П.А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов. — М., 1891 г., сноска на стр. 259. Упомянутая в черновом наброске показаний С.А. Раевского пьеса "Бородино" является не чем иным, как стихотворением "Поле Бородина". Под этим заглавием — "Бородино" — оно и было впервые напечатано в 1860 г.
- ³⁸"Русское обозрение", 1890 г., август, стр. 740.
- ³⁹Ираклий Андроников. Лермонтов. — М., 1951 г., стр. 107.
- ⁴⁰"Земля родная". Литературно-художественный альманах. Пензенское областное издательство, 1950 г., кн. 6, стр. 176.
- ⁴¹Н. Ермолаев. Пензенский край в Отечественной войне 1812 года. Пенза, 1945 г., стр. 30—38.
- ⁴²Т. Иванова. Середниково. В сборнике "Литературные места". Серия издания Государственного литературного музея под редакцией И.Г. Клабуновского. Выпуск 2, "Подмосковные". — М., 1946 г., стр. 54 и 68.
- ⁴³П.В. Владимиров. Исторические и народные сюжеты в поэзии Лермонтова. Киев, 1892 г., стр. 28.
- ⁴⁴В.Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. Собрание сочинений в трёх томах. ОГИЗ. — М., 1948 г., стр. 654.
- ⁴⁵Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для Кавказской войны. Кавказский сборник, том 7. — Тифлис, 1883 г., стр. 2.
- ⁴⁶И. Бентковский. "Ставропольские губернские ведомости" № 12, 1881 г., от 21 марта.
- ⁴⁷Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. М., 1885 г., стр. 114.
- ⁴⁸Записки И.С. Жиркевича. "Русская старина", 1874 г., август, стр. 637.
- ⁴⁹Записки А.П. Ермолова. Часть 1, стр. 128, 149, 163, 170 и 175.
- ⁵⁰Из записок Николая Ивановича Лорера, "Русский Архив", 1874 г., февраль, стр. 372. О Коновницыне см. 1) Военная галерея Зимнего дворца, том 1. — СПб, 1846 г. Граф П.Л. Коновницын. Стр. 5 и 2) Военная энциклопедия, том 13. — СПб, 1911 г., стр. 119—120.
- ⁵¹Н.Л. Бродский. "Бородино" Лермонтова. Историко-литературный сборник. ОГИЗ—ГИХЛ, 1947, стр. 260.
- ⁵²"Известия о военных действиях российской армии против французов". — СПб, 1813 г., стр. 47.
Л.Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории. — М., 1947 г., стр. 345.
- ⁵³А.Е. Норов. "Война и мир" с исторической точки зрения. "Военный сборник", 1868 г., ноябрь, стр. 217.
- ⁵⁴См. рапорт генерала Коновницына фельдмаршалу Кутузову о сражении при Бородино в сборнике Главного архивного управления НКВД СССР "Из боевого прошлого русской армии". Документы о доблести и героизме русских солдат и офицеров. Под редакцией проф. Н. Коробкова. ОГИЗ, 1944 г., стр. 83.
- ⁵⁵Публичные лекции, читанные генерал-майором Ратчем офицерам гвардейской артиллерии в 1861 г. "Артиллерийский журнал", 1861 г., № 11, стр. 850.
- ⁵⁶Подвиги генерала Дмитрия Сергеевича Дохтурова. "Русский вестник", 1817 г., кн. 5, стр. 24.
- ⁵⁷Военная галерея Зимнего дворца, том 1. — СПб, 1846 г., П.Г. Лихачёв.
- ⁵⁸Е.В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 г., изд. детской литературы. — М.—Л., 1940 г., стр. 200.
- ⁵⁹"Артиллерийский журнал" № 11, 1861 г., стр. 849.
- ⁶⁰"Из боевого прошлого русской армии". ОГИЗ, 1944 г., стр. 83.
- ⁶¹Л.Г. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории. — М., 1947 г., стр. 335.
- ⁶²"Артиллерийский журнал" № 11, 1861 г., стр. 850. "Военный сборник" № 11, 1868 г., стр. 225.
- ⁶³Граф Стенбок. Последний вали Большой Кабарды. Газета "Кавказ", 1854 г., № 33.
- ⁶⁴"Ставропольские губернские ведомости" № 12, 1881 г.
- ⁶⁵Леонид Семёнов. Лермонтов и Лев Толстой. — М., 1914 г., стр. 110—112.
- ⁶⁶С.Н. Дурылин. М.Ю. Лермонтов. Издательство ЦК ВЛКСМ, Молодая гвардия, 1944 г., стр. 61—62.
- ⁶⁷М.Ю. Лермонтов в рассказе графини Е.П. Расопчиной. "Русская старина", 1882 г., сентябрь, стр. 617—618.
- ⁶⁸Об авантюрах Бела писал в октябре 1852 г. К. Маркс в восьмой статье о Пальмеротоне, напечатанной в газете "Нью-Йоркская трибуна". См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 9, стр. 540—548.
- ⁶⁹Лермонтов. Временник государственного музея "Домик Лермонтова", выпуск 1. — Пятигорск, 1947 г., стр. 62.
- ⁷⁰"Русская старина", 1911, сентябрь, стр. 535.
- ⁷¹Л.П. Семёнов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939 г., стр. 132—133.
- ⁷²Н.М. Мендельсон. Народные мотивы в поэзии Лермонтова. См. юбилейный сборник "Венок М.Ю. Лермонтову". — М.—П., 1914 г., стр. 194—195.
- ⁷³"Советская книга", 1952, март, стр. 94.
- ⁷⁴Терские казаки с стародавних времён. Соч. Ивана Попко. Выпуск 1, Гребенское войско. — СПб, 1880 г.
- ⁷⁵П.А. Висковатый. Лермонтов. Стр. 268. М.Н. Лонгинов. М.Ю. Лермонтов. "Русская старина", 1873 г., том 7, кн. 3, стр. 391.
- ⁷⁶Временник государственного музея "Домик Лермонтова", 1947 г., стр. 62, 65 и 56—57.
- ⁷⁷Э.В. Бриммер. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-м кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году. "Кавказский сборник", том 15, Тифлис, 1896 г., стр. 208—210.
- ⁷⁸Барон А.Е. Розен. Записки декабриста. — СПб, 1907 г., стр. 247—249. Много ценных, любовью собранных данных о Пятигорске и его окрестностях времён Лермонтова опубликовано С.И. Недумовым, П.Е. Селгей и А.И. Гребенковой в путеводителе "По лермонтовским местам", Ставрополь, 1952 г., стр. 55—124.
- ⁷⁹Из воспоминаний Н.М. Сатина. "Почин", Сборник любителей российской словесности за 1895 г., М., 1895 г., стр. 237—241.
- ⁸⁰"Литературное наследство", том 45—46. М.Ю. Лермонтов, том 2. Академия наук СССР. — М., 1948 г., стр. 738.
- ⁸¹Ю. Оксман. Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор. "Литературное наследство" № 56. Белинский, том 2, Изд. Академии наук СССР. — М., 1950 г., стр. 241.
- ⁸²А.В. Попов. М.Ю. Лермонтов в первой ссылке. — Ставрополь, 1949 г., стр. 40.
А.В. Попов. Белинский на Ставрополье, "Молодой ленинец", 1951 г., №71 (2307), 14 июня.
- ⁸³В.Г. Белинский и его корреспонденты. Под редакцией проф. Н.Л. Бродского. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. — М., 1948 г., стр. 245—266.
- ⁸⁴А. Михайлова. Лермонтов и его родня по документам архива А.И. Фисолосова. "Литературное наследство". — № 45—46. М.Ю. Лермонтов, том 2. — М., 1948 г., стр. 678—680.
- ⁸⁵Временник Государственного музея "Домик Лермонтова", 1947 г., стр. 57.
- ⁸⁶П.А. Висковатый. Исповедь. "Русская старина" № 10, 1887 г., стр. 124—125.
- ⁸⁷И.К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940 г.
- ⁸⁸Дневник Пушкина. 1833—1835. Под редакцией Б.Л. Модзалевского. ГИЗ. — М.—Л., 1928 г., стр. 5, 6 и 7.
- ⁸⁹А.В. Попов. Прототип "Отца Сергия". К творческой истории повести Л.Н. Толстого. "Ставропольская правда", 1948 г., № 179 (3987) от 8 сентября.
А.В. Попов. Л.Н. Толстой и Кавказ, альманах "Ставрополье", кн. 10, 1953 г., стр. 170—177.

- ⁹⁰Записки П.И. Мамаева, "Исторический вестник", 1901 г., июль, стр. 895–896.
- ⁹¹Подробности семейной драмы Безобразовых см. в наших работах: "М.Ю. Лермонтов в первой ссылке" (Ставрополь, 1949 г.) и "Л.Н. Толстой и Кавказ" (Альманах "Ставрополье", кн. 10).
- ⁹²В.А. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, том 4. — СПб, 1894 г., стр. 37 и 111.
- ⁹³Материалы по истории покорения Восточного Кавказа и борьба с мюридизмом. "Кавказский сборник", том 32, часть 1, Тифлис, 1912 г., стр. 367–388.
- ⁹⁴Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. А.П. Беляева. — СПб. 1882 г., стр. 493–496. В своих воспоминаниях, написанных в семидесятых годах, А.П. Беляев путает имя и отчество С.Д. Безобразова, оговариваясь при этом, что он не помнит, как звали Безобразова (стр. 493).
- ⁹⁵Ираклий Андроников. Лермонтов. "Советский писатель". — М., 1951 г., стр. 174–177.
- ⁹⁶Ираклий Андроников. Домыслы и доказательства, "Литературная газета", № 57, 1939 г.
- ⁹⁷Б. Эйхенбаум. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. ГИЗ. — Л., 1924 г., стр. 93.
- ⁹⁸Из записок князя Амилахвари. "Кавказский сборник", том 27. — Тифлис, 1908 г., стр. 210–213.
- ⁹⁹М. Рафили. Мирза Фатали Ахундов. Азернешр. — Баку, 1939 г., стр. 20.
- ¹⁰⁰Об отношениях М.Ф. Ахундова и А.А. Бестужева-Марлинского см. А.В. Попов. Русские писатели на Кавказе, А.А. Бестужев-Марлинский. — Баку, 1949 г., стр. 58–69.
- ¹⁰¹М.И. Семевский. А.А. Бестужев-Марлинский. "Отечественные записки", 1860 г., июль, стр. 41–42.
- ¹⁰²"Русский Архив", 1874 г., ноябрь, стр. 371–373.
- ¹⁰³Очерк блокады гор. Кубы в 1837 году. "Русский инвалид", 1847 г., № 248–249.
- ¹⁰⁴"Кавказский сборник", том 8, стр. 110–111.
- ¹⁰⁵Г.М. Туманов. "Характеристики и воспоминания". Заметки кавказского хроникёра. — Тифлис, 1900 г., стр. 174.
- ¹⁰⁶Шемаха в настоящее время (отрывок из письма Л.Н.). Сборник газеты "Кавказ", издаваемый О.И. Константиновым. Первое полугодие 1847 года. — Тифлис, 1847 г., фельетон, стр. 28–29.
- ¹⁰⁷А.А. Марлинский. Русские повести и рассказы. Часть 3, издание 2. — СПб, 1835 г., стр. 25–37.
- ¹⁰⁸Махмудбеков. Ашик-Кериб. Сказка с приложением татарского текста песен Ашик-Кериба. "Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа". Выпуск 13. — Тифлис, 1892 г., стр. 173–229.
- ¹⁰⁹С.А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. — Нальчик, 1949 г., стр. 102–104.
- И.К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Изд. "Заря востока". — Тбилиси, 1940 г., стр. 22.
- М.С. Михайлов. К вопросу о занятиях М.Ю. Лермонтова "татарским" языком. "Тюркологический сборник", том 1, 1951 г., стр. 131–134.
- Л.П. Семёнов. Лермонтов и фольклор Кавказа. — Пятигорск, 1941 г., стр. 75.
- ¹¹⁰Ираклий Андроников. Лермонтов. 1951 г., стр. 232.
- ¹¹¹"Цискари" ("Заря"). 1865 г., №1, стр. 1–13 (на грузинском языке).
- ¹¹²М.Ю. Лермонтов. Ашик-Кериб. — Тифлис, 1911 г., стр. 24 (на армянском языке).
- ¹¹³См. "Кавказские-русские параллели". Приложение к книге В. С. Миллера "Эксперименты в область русского народного эпоса". Москва, 1892 г., стр. 23.
- ¹¹⁴М. Карпинский. Старинные песни гребенских казаков. "Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа". Выпуск 24. — Тифлис, 1898 г., стр. 92 и 87.
- ¹¹⁵Азербайджанские тюркские сказки. Перевод, статьи и комментарии А. Багрия и Х. Зейналлы. Под общей редакцией Ю.М. Соколова. "Академия", 1935 г., а также "Азербайджанские сказки", составитель Ф. Бабаев, перевод С. Беглярбековой. Изд. АзФАН. — Баку, 1941 г.
- ¹¹⁶А.И. Васильев. Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской семинарии. Вып. 1. — Ставрополь, 1897 г., стр. 51.
- ¹¹⁷Об изучении А.А. Бестужевым-Марлинским азербайджанского языка, см. А.В. Попов. Русские писатели на Кавказе. А.А. Бестужев-Марлинский, изд. АН Азербайджанской ССР. — Баку, 1949 г.
- ¹¹⁸М.С. Михайлов. К вопросу о занятиях М.Ю. Лермонтова "татарским" языком. "Тюркологический сборник", том 1, 1951 г., стр. 127–135.
- ¹¹⁹"Русский Архив", 1867 г., № 7, стр. 1177.
- ¹²⁰Н.Л. Бродский. Московский университетский благородный пансион (из неизданных воспоминаний графа Д.А. Милютина). В сборн. М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей Соцэкиз. — М., 1939 г., стр. 4 и 11.
- ¹²¹И. Фон-дер-Ховен. Моё знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в Кавказских войсках в 1835–1836 годах. (Рассказ очевидца.) "Древняя и новая Россия", 1877, № 2, стр. 222.
- ¹²²"Русский Архив", 1847 г., февраль, стр. 371–374.
- ¹²³А.Е. Розен. Записки декабриста. — СПб, 1907 г., стр. 220.
- ¹²⁴Ираклий Андроников. Лермонтов. — М., 1951 г., стр. 195, 165–167 и 117. Временник государственного музея "Домик Лермонтова", Пятигорск, 1947 г., стр. 64–65.
- ¹²⁵С. Голубов. Два соприкосновения. "Литературная газета", № 57, 1939 г.
- ¹²⁶Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины" (Материалы для истории классического образования в России). "Филологические записки", 1904 г., выпуск 3–4, 5–6. 1905 г., выпуск 1–2 и 3–4. "Жизнь двенадцати цезарей Светония..." Там же, 1904 г., выпуск I, стр. 1–15. "Как ценили перевод "Одиссеи" Жуковского современные и последующие критики". Там же, 1902 г., выпуск 2–3 и мн. др.
- ¹²⁷Рукописный фонд Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — М., 5790, л. л. 31 и 256.
- ¹²⁸А.В. Попов. Декабрист А.А. Бестужев в Ставрополе. "Материалы по изучению Ставропольского края", Выпуск I. — Ставрополь, 1949 г., стр. 115–116.
- ¹²⁹И.Л. Андроников. Лермонтов, 1951 г., стр. 184 и 188.
- И.К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе, 1940 г., стр. 27–28.
- ¹³⁰В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, том 4, стр. 194.
- ¹³¹Грозненский областной Государственный архив, фонд 45 И.А. (Лермонтовская коллекция), по описи № 1.
- ¹³²Лермонтов. Временник госмузея "Домик Лермонтова", 1947 г., стр. 65.
- ¹³³"Кавказский сборник". Том 17, стр. 2–30.
- ¹³⁴М. Штокмар. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова. "Литературное наследство", том 43–44. М.Ю. Лермонтов. Первый полудом. М., 1941 г., стр. 271.
- ¹³⁵Б.Н. Путилов. Исторические песни на Тереке. — Грозный, 1948 г.
- Ф. Панкратов. Гребенцы в песнях. Сборник старинных бытовых, любовных, обрядов, скороморных песен гребенских казаков с кратким очерком гребенского войска и примечаниями. — Владикавказ, 1895 г.
- М. Карпинский. Русский былевой эпос на Тереке. Его же — Старинные песни гребенских казаков. Д. Еланский. Старинные песни терских казаков. А. Водарский. Песни, записанные в Червлённой и Старогладковской станицах Терской области в 1901 г. В.П. Пожидаев. Старинные терских казаков. В "Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа". Выпуски 22, 24, 39, 44, Тифлис, 1897, 1898, 1908 и 1915 г.
- ¹³⁶"Венок М.Ю. Лермонтову". Юбилейный сборник. — М.—Л., 1914 г.
- ¹³⁷"Литературное наследство", тома 43–44. Лермонтов, I. — М., 1941 г., стр. 251.
- ¹³⁸"Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа". Вып. 22. — Тифлис, 1897 г., стр. 38–40. Выпуск 24. — Тифлис, 1898 г., стр. 109–110.
- ¹³⁹П. Давидовский. Генезис "Песни о купце Калашникове" Лермонтова, Филологические записки. — Воронеж, 1913 г., выпуск 5, стр. 585.
- ¹⁴⁰М. Никольева. М.Ю. Лермонтов. Биографический очерк. — Ставрополь, 1947 г., стр. 58. Её же. М. Лермонтов. — Пятигорск, 1940 г., стр. 61.
- ¹⁴¹"Северный Кавказ", №77, 1887 г., от 1 октября, 1897 г. № 2 (937) от 5 января.
- ¹⁴²М. Юнович. Комментарии к "Песне про купца Калашникова" в книге М.Ю. Лермонтова: Стихотворения и поэмы, ГИХЛ, М., 1939 г., стр. 506.
- ¹⁴³А.В. Попов. Лермонтов в Азербайджане. — Баку, 1941 г., стр. 23.
- ¹⁴⁴А. Фадеев. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии. "Вопросы истории", 1951 г., сентябрь, стр. 82–83.
- ¹⁴⁵Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. "Сборник сведений о кавказских горцах". Выпуск 7. — Тифлис, 1873 г., стр. 20.
- ¹⁴⁶"Сборник сведений о кавказских горцах". Выпуск 3. — Тифлис, 1870 г., стр. 2.
- ¹⁴⁷Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, том 9. — Тифлис, 1884 г., стр. 6.
- ¹⁴⁸В. Соллогуб. Воспоминания. Изд. "Академия". — М.—Л., 1931 г., стр. 402.
- ¹⁴⁹М.Я. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 г. "Русская старина", 1893 г., июнь, стр. 601.
- ¹⁵⁰Ф.Ф. Торнов. Из воспоминаний бывшего кавказца. "Складчина", литературный сборник. — СПб, 1874 г., стр. 45.
- ¹⁵¹Л.А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов на Кавказе в действующем отряде генерала Галафеева во время экспедиции в Малую Чечню. "Русская старина" № 1, 1884 г., стр. 84–85.
- ¹⁵²Автобиографические воспоминания В.А. Бельгарда, "Русская старина", 1899 г., февраль, стр. 413.
- ¹⁵³А. Юров. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе. "Кавказский сборник", том 10. — Тифлис, 1886 г., стр. 305–306.
- ¹⁵⁴Г.С. Лебединец. М.Ю. Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 году, "Русская старина", 1891 г., август, стр. 355.
- ¹⁵⁵Л.П. Семёнов. К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. — Владикавказ, 1924 г., стр. 3.
- ¹⁵⁶"Кавказ", 1897 г., № 235.
- ¹⁵⁷В.С. Нецаева. К истории текста стихотворения "Валерик" (Список из архива Ю.Ф. Самарина). В сборнике отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. "М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы". Соцэкиз. — М., 1939 г., стр. 71.

- ¹⁵⁸"Кавказский сборник", том 32, часть 1. — Тифлис, 1912 г., стр. 439.
- ¹⁵⁹Б. Маркович. Марко Вовчок на Кавказе. Труды Ставропольской учёной архивной комиссии. Выпуск 6. — Ставрополь, 1914 г., стр. 22.
- ¹⁶⁰Могилы Х.Е. Попандопуло находится на Успенском кладбище г. Ставрополя. На памятнике надпись: "Генерал-лейтенант Христофор Егорович Попандопуло. Родился 24 декабря 1809 г., скончался 19 января 1893 г."
- ¹⁶¹Рапорт генерал-адъютанта Граббе генералу Головину от 8 августа 1840 года № 1143. Дело 2-го отд. Генерального штаба 1840 г. № 44. "Кавказский сборник", том 32, часть 1. — Тифлис, 1912 г. стр. 444.
- ¹⁶²Отдел фондов Государственного литературного музея. Альбом П.А. Урусова, рисунок № 122.
- ¹⁶³В.А. Гейман, 1845 год. Воспоминания. "Кавказский сборник", том 4. — Тифлис, 1879 г., стр. 273.
- ¹⁶⁴О чиркеевском старшине Джемале, см. нашу работу: "Русские писатели на Кавказе". А.А. Бестужев-Марлинский. Изд. Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1949 г., стр. 23—24.
- ¹⁶⁵Г.К. Градовский. Генерал Шульц и Лермонтов. "Исторический вестник", 1902 г., ноябрь, стр. 476.
- ¹⁶⁶Записная книжка графа П.Х. Граббе. — М., 1888 г., стр. 112 и 124.
- ¹⁶⁷Л.П. Семёнов. К преобразованию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. Владикавказ, 1924 г., стр. 13—14.
- ¹⁶⁸Грозн. обл. Гос. архив. Фонд 45 И.А. ("Лермонтовская коллекция") по описи № 6.
- ¹⁶⁹М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, часть 2, изд. 2. — М., 1885 г., стр. 30—31.
- ¹⁷⁰П.А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов. Стр. 342.
- ¹⁷¹М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Издание второе, дополненное и исправленное. Часть 2. — М., 1885 г., стр. 31—32. Владыкин приписывает организацию "беззаветной" команды князю Барятинскому. Возможно, что мысль о создании такой команды возникла в 1835 г., когда Барятинский вместе с С. Безобразовым и А.А. Бестужевым-Марлинским, который настолько хорошо владел азербайджанским (татарским) языком, что его принимали за горца, служил на Кавказе в кавалерии генерал-майора Засса.
- ¹⁷²Д.В. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. Стр. 250. В Грозненском областном Государственном архиве хранится "Краткое описание действий кавалерии отряда на левом фланге Кавказской линии в продолжении двух десятидневных экспедиций в Малой Чечне с 10 по 20 ноября 1840 г. под личным предводительством господина генерал-адъютанта Граббе". Фонд 45 И.А. ("Лермонтовская коллекция") по описи № 5. Существует предположение, что Лермонтов принимал участие в составлении этого "Краткого описания".
- ¹⁷³С.А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. "Учёные записки Кабардинского научно-исследовательского института", том 1. — Нальчик, 1946 г., стр. 260.
- ¹⁷⁴А. Есаков. М.Ю. Лермонтов в 1840 г., "Русская старина", 1885 г., февраль, стр. 474.
- ¹⁷⁵А.И. Дельвиг. Мои воспоминания. Том I. — М., 1912 г., стр. 297.
- ¹⁷⁶Грозн. обл. Гос. архив, ф. 45 И.А. ("Лермонтовская коллекция"), по описи № 7.
- ¹⁷⁷"Русский Архив", 1911 г., кн. 9, стр. 159.
- ¹⁷⁸Подлинник подорожной хранится в Ленинграде в Институте русской литературы, АН СССР (Пушкинский дом).
- ¹⁷⁹П.А. Висковатый. Михаил Юрьевич Лермонтов в июне 1841 года. "Русская старина", 1879 г., март, стр. 529.
- ¹⁸⁰М.Ф. Николаева. Дата приезда Лермонтова в Пятигорск в 1841 г. "М.Ю. Лермонтов. Временник государственного музея "Домик Лермонтова". — Пятигорск, 1947 г., стр. 63.
- ¹⁸¹Грозненский государственный областной архив. Фонд 45 ИА ("Лермонтовская коллекция") по описям № 9 и 10.
- ¹⁸²Е. Ганейзер. Отзыв современника о Лермонтове. "Вестник Европы", 1914 г., март, стр. 273.
- Сл. И.И. Дроздов. Записки кавказца. "Русский Архив", 1896 г., октябрь, стр. 217.
- ¹⁸³П.А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов, стр. 409.
- ¹⁸⁴А. Михайлова. Новонайденное письмо о дуэли и смерти Лермонтова. "Литературное наследство", том 58, Изд. АН СССР. — М., 1952 г., стр. 489.
- ¹⁸⁵Н. Бродский. Дуэль и смерть Лермонтова в откликах современников, "Литературный критик", 1939 г., октябрь, стр. 250.
- ¹⁸⁶Новые документы о дуэли М.Ю. Лермонтова с Мартыновым, обнаруженные в госархиве Ставропольского края. "М.Ю. Лермонтов. Временник государственного музея "Домик Лермонтова". — Пятигорск, 1947 г., стр. 12.
- ¹⁸⁷"Русский Архив", 1872 г., № 1.
- ¹⁸⁸П.А. Ефимов. Дуэль или убийство? "Октябрь", 1933 г., июль, стр. 214.
- ¹⁸⁹Из бумаг Н.С. Мартынова. "Русский Архив", 1893 г., август, стр. 600.
- ¹⁹⁰Д.М. Павлов. Суд над участниками лермонтовской дуэли. Место и год издания не указаны, стр. 4.
- ¹⁹¹В.П. Желиховская. Рассказ Раевского о дуэли Лермонтова, "Нива" № 8, 1885 г.
- ¹⁹²П. К. Мартынов. Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова. "Исторический вестник", 1892 г., апрель, стр. 95.
- ¹⁹³В.С. Нечаева. Суд на убийцами Лермонтова ("Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса и показания Н.С. Мартынова"). М.Ю. Лермонтов, статьи и материалы. Соцэкгиз. — М., 1939 г., стр. 60.
- ¹⁹⁴С.П. Шиловцев. Рана Лермонтова. "Вопросы хирургии войны и абдоминальной хирургии". Сборник статей, Горький, 1946 г., стр. 72—74.
- ¹⁹⁵Э.А. Шан-Гирей. Воспоминания о Лермонтове. "Русский Архив", 1889 г., июнь, стр. 320.
- ¹⁹⁶П.К. Мартынов. "Исторический вестник", 1895 г., февраль, стр. 600.
- ¹⁹⁷Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству судебного отделения", опубликованное В.С. Нечаевой в сборнике отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина "М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы". — М., 1939 г., стр. 32.
- ¹⁹⁸"Русский Архив", 1887 г., сентябрь, стр. 142.
- ¹⁹⁹Эмма Герштейн. "Лермонтов и семейство Мартыновых". "Литературное наследство", тома 45—46, М., 1948 г., стр. 705.
- ²⁰⁰П.А. Вяземский. Собрание сочинений. — Том 9. — СПб, 1884 г., стр. 409.
- ²⁰¹Грозненский областной государственный архив, фонд 45 ИА ("Лермонтовская коллекция"), по описи № 12.
- ²⁰²Материалы Ставропольского краевого государственного архива, обнаруженные А.В. Чихирь (фонд 436, дело № 669 б, св. № 11, фонд 435, дело № 818, св. № 11).
- ²⁰³Открытие памятника М.Ю. Лермонтову. "Северный Кавказ", № 68, 1889 г., (474), 27 августа.
- ²⁰⁴Г.Н. Прозрителев. Лермонтов в Ставропольских архивах. Как я нашёл дело о погребении напавал убитого поручика Лермонтова. Рукопись.

Текст и примечания печатаются по изданию:
 Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. —
 Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1954.

**Часть II. Исследования
1960—1980-х годов**

Сергей Иванович Недумов

1884—1963

Сергей Иванович Недумов — лермонтовед, научный сотрудник музея "Домик Лермонтова". Автор ряда книг и статей по лермонтоведению, истории КМВ и о лицах из окружения Лермонтова.

Родился 9 (21) марта 1884 года в Ростове-Ярославском в семье педагога. После окончания экономического отделения Петербургского политехнического института в 1907 году работал в Министерстве государственного контроля.

В годы Гражданской войны вместе со служащими военно-полевой рабоче-крестьянской инспекции, где служил Недумов, оказался в Пятигорске и остался здесь на постоянное жительство. В 1920-е годы — сотрудник Управления Кавказских Минеральных Вод. Работу экономиста совмещал с активной деятельностью в Пятигорском государственном архиве, где ему удалось выявить ряд ценнейших документов по истории КМВ. Захваченный поисками, связанными с пребыванием

М.Ю. Лермонтова в Пятигорске, Недумов в 1839 году перешел на службу в музей "Домик Лермонтова" и продолжил поиски в архивах. Ему удалось разыскать подорожную А.С. Пушкина 1829 года и уточнить дату отъезда поэта с Кавминвод — 8 сентября. С.И. Недумов обнаружил публикацию первого стихотворения М.Ю. Лермонтова "Весна" в журнале "Атеней", нашел ряд не известных ранее документов о пребывании декабристов на Кавказе. Недумов явился первооткрывателем пятигорского адреса композитора А.А. Алябьева в 1832 году и т.д. Заслугой Недумова является то, что, скопировав ряд документов пятигорского архива, он сохранил их для историков, так как архив погиб во время Великой Отечественной войны.

Работа в музее была прекращена С.И. Недумовым в период оккупации Пятигорска, но после освобождения города он вновь зачислен в штат "Домика Лермонтова" в должности старшего научного сотрудника, а затем главного хранителя фондов. Недумов работал в музее до ухода на пенсию в 1961 году.

Недумов — автор книг "Лермонтовский Пятигорск", путеводителя "По лермонтовским местам" (совместно с П.Е. Селегеем). Свою библиотеку редких и ценных книг он завещал музею "Домик Лермонтова". Здесь же хранится его архив. Недумов жил в Пятигорске на улице им. Чкалова. Умер в октябре 1963 года. Похоронен на Краснослободском кладбище в Пятигорске.

Краткая библиография

Недумов С.И. Эмануэлевский парк в Лермонтовское время // Пятигорская правда, 1941. 18 января.

Недумов С.И. О дуэли М.Ю. Лермонтова с Мартыновым // М.Ю. Лермонтов. Временник Гос. музея "Домик Лермонтова". — Пятигорск: Изд. Музея "Домик Лермонтова", 1947. — С. 5—23.

Гребенкова А.И., Недумов С.И., Селегей П.Е. По лермонтовским местам. Путеводитель. Изд. 2-е, перераб. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1955.

Мануйлов В.А., Недумов С.И. Друг Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей // М.Ю. Лермонтов: Сборник статей и материалов. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1960. — С. 251—270.

Недумов С.И. Неизвестное стихотворение, приписываемое Лермонтову // М.Ю. Лермонтов: Сборник статей и материалов. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1960.

Недумов С.И., Селегей П.Е. По лермонтовским местам на Кавказских Минеральных Водах. Путеводитель. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1963.

Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1974.

О нем

Агаханов Р.С. Интересная находка лермонтоведа С.И. Недумова. К вопросу о возможности знакомства с Оммер де Гелль // Кавказская здравница, 1960. 14 июля.

Селегей П.Е. Наш Сергей Иванович // Ставропольская правда, 1961. 31 января.

Борисова Е.Б. Находки лермонтоведа // Кавказская здравница, 1961. 15 февраля.

Агаханов Р.С. Находка С.И. Недумова // Молодой ленинец, 1961. 15 марта.

Борисова Е.Б. Сергей Иванович Недумов. К 80-летию со дня рождения // Кавказская здравница, 1964. 22 марта.

Симанская В.Я. Энтузиаст поисков // Кавказская здравница, 1972. 25 июля.

Мануйлов В.А. Новая книга о Лермонтове // Ставропольская правда, 1975. 9 февраля.

А.Н. Коваленко

1974

Лермонтовский Пятигорск

Предисловие

Пятигорск занял очень важное место в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова и поэтому широко известен как город лермонтовский и в этом своем значении вызывает живой интерес всех, кто приезжает на Кавказские Минеральные Воды.

Без всестороннего изучения исторических материалов, связанных с пребыванием в Пятигорске Лермонтова, особенно в последние месяцы его жизни, невозможно создать подлинно научную биографию поэта. Вот почему эта проблема на протяжении многих лет привлекает внимание литературоведов.

Книга С.И. Недумова "Лермонтовский Пятигорск" несомненно будет полезной и интересной как для исследователей всего, что связано с Лермонтовым, так и для широкого круга читателей великого русского поэта. В ней рассказывается о пребывании Лермонтова в Пятигорске, об истории города того далекого времени, о людях, которые окружали поэта и заняли определенное место в его биографии, в творческой истории его произведений. Книга поведает читателю о друзьях, о явных и скрытых врагах поэта, об обстоятельствах его гибели на дуэли.

В этом труде не преследуется цель дать полное изложение пятигорского периода жизни Лермонтова. Автор рассматривает только те вопросы, в решение или уяснение которых он может внести собственные дополнения или уточнения, основанные на сведениях и документах, выявленных им в результате многолетних архивных разысканий или же извлеченных из ценных, но давно забытых старых печатных изданий.

Несколько слов об авторе книги.

Сергей Иванович Недумов (1884—1963) родился в городе Ростове-Ярославском в семье педагога. После окончания в 1907 году экономического отделения Петербургского Политехнического института работал в Министерстве государственного контроля.

В годы гражданской войны вместе со служащими учреждений военно-полевой рабоче-крестьянской инспекции, где работал С.И. Недумов, он оказался в Пятигорске и здесь остался на постоянное жительство.

Интересуясь историей и литературой, он работу экономиста совмещал с поисками архивных материалов по истории Кавказа, в частности, Пятигорья.

Изучая архивы, С.И. Недумов с особым вниманием разыскивал документы, связанные с Лермонтовым. Захваченный этими поисками, он в 1939 году переходит на работу в музей "Домик Лермонтова". В должности старшего научного сотрудника, заведующего отделом фондов он сотрудничал в музее до ухода на пенсию в 1961 году.

Архивные находки явились основой для ряда статей и публикаций, которыми автор внес значительный вклад в изучение

биографии Лермонтова. Так, например, обнаруженные С.И. Недумовым архивные документы о лечении Лермонтова в Пятигорске в 1837 году имеют принципиально важное значение для решения сложного вопроса о маршруте поездок поэта по Кавказу в период первой ссылки. Особую ценность приобрели материалы, добытые С.И. Недумовым в предвоенные годы в архиве бывшего Управления Кавказскими Минеральными Водами. Архивы эти полностью погибли в Великую Отечественную войну. Разыскания С.И. Недумова, подробные выписки из документов сохранили ценнейшие сведения по истории лермонтовского Пятигорска. Многие из них публикуются в настоящем издании.

Работа над рукописью в основном была закончена в 1955 году. Однако по разным причинам при жизни автора она не была полностью опубликована.

К настоящему изданию книга подготовлена сотрудниками государственного литературно-мемориального музея "Домик Лермонтова". Ряд исторических документов дается здесь в современном правописании.

Библиографический аппарат и именной указатель составлены Морозовой Л.И. В обсуждении рукописи принимали участие Габриельянц И.Г., Молитвина К.Г., Белаш Р.С., Симанская В.Я.

Сотрудники музея выражают благодарность профессору Мануйлову В.А. за большую помощь, оказанную в процессе подготовки этой книги к изданию.

П.Е. Селегей.

Глава I. Из истории Пятигорска 1820—1830-х годов

С Кавказом и особенно с Кавказскими Минеральными Водами М.Ю. Лермонтов познакомился еще в детские годы. В 1818, 1820 и 1825 годах сюда привозила его Е.А. Арсеньева, чтобы поправить здоровье своего внука.

С этими поездками на Кавказ связаны юношеские стихи и поэмы Лермонтова, посвященные краю, ставшему его второй поэтической родиной. Первые приезды Лермонтова на Кавказские Минеральные Воды совпадают с начальным периодом истории Пятигорска. В то время (до 1830 года) он еще назывался Горячие Воды. О том, что представлял собою тогда этот зарождавшийся городок, свидетельствуют архивные документы, а также описания очевидцев, сохранившиеся в старых книжных изданиях, которые теперь являются библиографической редкостью.

Начало застройки

Из "Исторических сведений", предпосланных материалам специальной комиссии, учрежденной в 1839 году в Пятигорске "для проверки владельных актов на недвижимость",¹ мы узнаем, что первоначальное заселение Пятигорска "учинено" примерно с 1816 года по предложению Главноуправляющего Грузией и Кавказским краем генералом А.П. Ермоловым, чтобы создать необходимые удобства для прибывающих на воды посетителей. "...Ибо до того времени, — говорится в этом документе, — на сем месте не было решительно никаких построек; поощрение это к заселению окрестностей горячесерных источников продолжалось и впоследствии от генфельдмаршала Паскевича-Эриванского и Кавказской области начальника, без всякого требования платы за места и пошлин на крепостные акты, и это тем более было в то время справедливо, что места, занимаемые ныне Пятигорском, не были обезопасены от набегов воинственных горцев, а самые Минеральные Воды по малоизвестности их посещались приезжими не в таком значительном количестве, как ныне. Следовательно, владельцы домов, устраивая их, подвергались, с одной стороны, опасности от набегов горцев, с другой — убыткам от неверной выручки с домов дохода".

Один из первых исследователей Кавказских Минеральных Вод доктор А.П. Нелюбин, посетивший источники в 1823 году, так изображает начальный период существования Горячих Вод: "Хотя Кавказские Минеральные Воды россиянами посещаются уже около 30 лет, но до 1814-го года не было на них удобного помещения для больных. Походные палатки, войлочные кибитки и балаганы из тростника, располагаемые при подошве горы и вокруг самих источников, составляли жилища для посетителей. Одни только достаточные люди и больные, слабые приставали в домах Константиногорской крепости,² отстоящей от вод в 4-х верстах, откуда больные приезжали к источникам и в ванны ежедневно по два раза. Но с того времени как правительство обратило особенное внимание на целительные источники Большой Кабарды и сделало распоряжение к заселению сего края, оживилась промышленность новых поселенцев и заохотила их к построению постоянных и прочных домов при водах".³

Вот что представляли собою в то время Горячие Воды по описанию Нелюбина:

"Горячеводское селение лежит на Юго-Западной стороне горы Машуки и отстоит от Георгиевска в 40 верстах, от Шотландской колонии — в 6-ти, от Константиногорской крепости — в 4-х, а от Кисловодска — в 40 верстах. Селение сие занимает небольшую долину, лежащую между Южной и Юго-Западной передовою горою Машуки, образуя неправильный треугольник, коего острый угол обращен к Кислосерному источнику,⁴ один бок прилегает к Южной передовой горе⁵ и главному источнику горячей воды, а противоположный бок огибает подошву Юго-Западной передовой горы и заканчивается близ передового поста лагеря, откуда по прямой линии к Солдатской слободке составляет основание площади сего треугольника".⁶

На сем пространстве одной половины квадратной версты проходят несколько улиц, пересекаемых поперечными. В Горячеводском селении считается ныне 3 главные улицы, 3 вновь застраиваются, одна поперечная и один переулок. В нем находится всего 29 домов и 21 флигель, принадлежащие частным лицам. В сих домах и флигелях, отдаваемых внаймы, имеется 270 комнат, 40 кухня и очагов, несколько подвалов и потребное число сараев".⁷

О том, как шла застройка нового города и какое внимание уделяла этому высшая кавказская администрация, свидетельствует предписание командовавшего войсками на Кавказской

Линии ген.-майора Сталя 2-го инженер-капитану Лазену от 2 сентября 1822 года за № 2325.⁸

"Корпусный командир г. ген. от инфантерии и кавалер Ермолов, — говорится в этом предписании, — приказав Вашему высокоблагородию измерить вернейшим образом местоположение Минеральных Вод Горячих и Кислых и снять их на план — от 27-го числа августа предписать мне изволил подтвердить Вам о скорейшем сочинении вернейших планов положения при обеих водах, как равно и при источнике Железном.

На плане местоположения Вод Горячих назначить линии улиц и места для строений казенных и частных, согласно последнему предположению его высокопревосходительства, означа каждое №№ и приложа к тому ведомость домам поныне устроенным с означением количества под каждым квадратных сажен; а чтобы хозяева домов лучше знали линии улиц и по неведению их не застраивали, поставить вехи; кварталы же разбив, для признаков вместо кольев положить по углам большие камни".

С начала 20-х годов прошлого века число желающих строиться на Горячих Водах начинает довольно быстро расти. Это подтверждают материалы, взятые из архива бывшего Управления Кавказскими Минеральными Водами. Переписка об отводе мест под дома частных лиц, которая велась с 1822 года военными властями, а с 1830 года — Комитетом о населении города Пятигорска, дает возможность установить, что известные в Пятигорске дома Реброва, Мерлини, Хандаковой, Барковского, Чернявского, Котырева построены до 1822 года. Сюда же следует добавить дома протоиерея Павла Александровского, титулярного советника Соболева и двоюродной бабушки Лермонтова Е.А. Хастатовой.

В 1822 году отведены были земельные участки кизлярскому помещику Варлааму Арешеву и кизлярскому же дворянину Ломизе. В 1823 году — коллежскому ассессору Уманову,⁹ купцу Шапкину, надворному советнику Давыдову и губернскому секретарю Чернявскому (родственнику одного из первых пятигорских домовладельцев), поручику Щербакову, вдове поручика Ребельфельда, титулярной советнице Ильинской. В 1824 году — коллежской регистраторше Шелаевой, губернской секретарше Казаковой, губернскому секретарю Колчину, главному доктору Кавказских Минеральных Вод Конради.¹⁰ В 1825 году — коллежскому ассессору Педяшу, поручице Шелаевой (см. приложение № 1).

Большинство названных владений значится на известном плане Пятигорска 1831 года, составленном архитектором Иосифом Бернардацци.

Дальнейший отвод земельных участков начался в 1830 году, после присвоения Горячим Водам наименования Пятигорска, и производился уже Комитетом о населении города Пятигорска в более отдаленных от центра районах, в основном — в западном направлении.

Дороги

Зарождавшийся в предгорьях Кавказа курортный город своими целебными водами с каждым годом все больше привлекал к себе внимание нуждавшихся в лечении людей, в основном представителей имущих слоев населения из всех краев России.

Однако воспользоваться благами целебных вод было нелегко. Прежде всего из-за трудностей поездки на Кавказ. Чтобы читатели могли себе представить, как сложно было в то время отправиться в дальний путь, можно напомнить существовавшие тогда способы передвижения и дорожные порядки, описанные в "Путеводителе по Пушкину":

"Дальние поездки на лошадях имели несколько подразделений: ездили на перекладных или на почтовых (так назывались казенные лошади, которых ехавший менял на почтовых станциях); на вольных — когда ямщики нанимались по вольной договорной цене; на долгих — когда ехавший нанимал пару или тройку лошадей "от места до места", и на одних и тех же лошадях ехал всю дорогу; езда на "долгих" была действительно медленной, но обходилась дешевле езды "на почтовых". Помещики, не желавшие тратиться на наем вольных ямщиков, ехали "на долгих", в собственных экипажах и на своих лошадях. В поездке на своих путники, не имея надобности в почтовых лошадях, делали остановки там, где находили нужным.

Желавший ехать на почтовых должен был получить подорожную. В подорожной обозначались: маршрут, должность и фамилия ехавшего, по казенной или по своей надобности он едет, какие лошади следовало ему дать ("почтовые" или "курьерские") и число лошадей... Для перемены лошадей и отдыха были устроены почтовые станции, но они были неблагоустроены и неудобны. Почтовая станция находилась в ведении станционного смотрителя, мелкого чиновника... Станционный смотритель проверял подорожные, получал прогоны и отпускал лошадей, которых обычно не хватало и из-за чего возникали неизбежные споры с проезжающими... Даже у помещиков не слишком богатых число экипажей доходило до 10, в упряжке шло 45 лошадей, а прислуги было более сорока человек. В отдельной бричке ехала кухня с поваром, чтобы готовить обед на остановках... Ехавших "по своей надобности"... по закону велено было возить не более 12 [верст] в час зимою, летом — не более 10, осенью — не более 8. Но, давая ямщикам на водку, можно было при езде днем и ночью проезжать по хорошей дороге до 200 вер[ст] в сутки. Обычная скорость езды была не менее 100 верст в сутки. Исключительно быстро ездили только фельдъегери. Для них полагалось иметь на почтовых станциях курьерских лошадей".¹¹

Трудности передвижения в лермонтовское время усугублялись плохим состоянием дорог и отсутствием на пути следования элементарных удобств для проезжающих. В частности, очень большие неудобства имелись в дорожном сообщении между Центральной Россией и Кавказскими Минеральными Водами. Об этом свидетельствует рапорт старшего члена Строительной комиссии на Кавминводах полковника Чайковского на имя генерала Граббе (см. приложение № 2).

Рапорт Чайковского относится к 1841 году. Несомненно, в годы первых поездок на Кавказ (1818—1825) дорога на Горячие Воды была еще труднее.

О том, сколько забот было у отъезжающих, как много требовалось предусмотреть, запастись самым необходимым для дальней дороги, ясное представление дает "Наставление больным", ехавшим на Кавказские Минеральные Воды, изложенное в книге А. Нелюбина.

Для больных, рассказывает Нелюбин, изнуренных продолжительной болезнью, и маленьких детей лучше избирать дорожную карету, в которой во время пути можно было бы в степи проводить ночи. Более слабые люди могут ехать удобно в дорожных колясках, прикрытых спереди зонтиком и задерживаемых с боков особыми полами. Люди одинокие, не имеющие изнурительных болезней, часто предпринимают путешествие в почтовых повозках (на перекладных). Дорожное платье должно быть простое и покойное. Мужчины могут иметь сюртуки, фракы, шинель на вате, фуражку и на всякий случай вязаные шерстяные сапоги для ночи. Дамы, кроме обыкновенного платья или капота, подложенного тонкою ватой, надевают сверху салопы или шинельки, подбитые ватой; на ноги — башмаки или полусапожки на байке; еду-

щие же в открытых экипажах запасаются и вязаными сапогами для обратного пути. Для головы дамы употребляют чепцы, девицы — коленкоровые шляпки с маленькими полями, дети же носят шапочки. Перед отправлением в путь надлежит запастись потребным количеством всякого белья, особенно нижним и постельным, поскольку при употреблении ванн переменяемое белье должно быть чистым. Пуховики и огромные подушки излишни, весьма громоздки и много занимают места в экипаже. В дороге достаточно иметь легонькие матрацы и сафьянные подушки.

Из С.-Петербурга всего лучше отправляться в начале мая, то есть между 5 и 10 числами, или не позднее половины мая. Лучшее всего выезжать в такое время, когда дороги после весенней распутицы уже просохли и разлившиеся реки вошли в свои берега.

В дальнейших наставлениях Нелюбин дает указания относительно прислуги, дорожных припасов и режима в пути.

"Должны, — говорит он, — взять для услуги одного или двух человек (весьма нехудо, когда один из них будет повар); а дамы — горничную девушку или кухарку. Отъезжающим надлежит запастись потребным количеством шоколада без ванили, также кофеем, чаем, сахаром и мадерою; запас сей пополняют в Москве, Воронеже, Новочеркасске и других городах.

Многие особы из смежных с Кавказскою областю губерний... часто предпринимают путешествие к водам на собственных лошадях и с многочисленною свитою. Таковой вояж, без сомнения, имеет свои выгоды, особливо для больных, расслабленных и для тех, коим тряская и скорая езда может вредить; с другой же стороны, посетители делают значительные сбережения, довольствуясь лошадью во всю дорогу и на самом месте подножным кормом и покупая только овес за самую сходную цену.

Живущие далее 800 или 1000 верст не могут воспользоваться теми выгодами и должны ехать на почтовых лошадях. Прогоны из С.-Петербурга до Кавказских Вод не составляют значительной суммы. В проезд мой к водам и обратно с оных до С.-Петербурга на 8 лошадях употреблено было всего 2300 руб..."

Относительно остановок в пути Нелюбин дает такие советы: "Больные должны избирать для себя покойное пристанище, которое до Москвы и даже Воронежа везде можно иметь частию в гостиницах, частию же на почтовых дворах или в лучших крестьянских домах, которые хозяевами всюду предлагаются для проезжих весьма охотно. В земле Донских Казаков всего лучше останавливаться в станицах, на дороге лежащих, или в больших хуторах. В станционных же домах не советую я приставать, ибо они не получили еще должного устройства и везде учреждены в пустой степи в нескольких верстах от больших селений, от чего в них ничего получить невозможно, да и самого приюта больные вовсе иметь не могут..."¹²

Условия жизни

Что же ожидало на Минеральных Водах тех, кто приезжал сюда, преодолев все дорожные тяготы и трудности? Какими были условия жизни, повседневный быт постоянных и приезжих обитателей этого края?

Вот что говорят об этом печатные и архивные материалы, относящиеся к тому времени. Из известной уже читателю книги доктора Нелюбина (1825) мы узнаем, что Пятигорск в первое десятилетие своего существования имел очень скромный вид. Все дома, за исключением одного каменного, были деревянные, одноэтажные. Из них своей величиной и красотой архитектуры выделялось только несколько домов (Реброва, Мерлини, Хандаковой, Барковского, Чернявского и некоторые другие).

Внутри дома разделялись перегородками на несколько комнат, которые сдавались приезжим внаем в отдельности. Стены комнат обиты шпалерами или же оштукатурены и побелены. Снаружи немногие дома были обшиты тесом, большинство же обмазаны глиной и побелены. Только один дом был покрыт железом. Остальные — тесом или соломой, смазанной глиной.

"Наем квартир на Минеральных Водах, — сообщает Нелюбин, — составляет для посетителей самую главную издержку. Плата за квартиру определяется разностью летних месяцев, числом комнат, постройкою дома и удобностию помещения в оном, равно как и близостию или отдаленностию от источников. Здесь одна и та же квартира в разные месяцы курса имеет различную цену. В июне месяце, т.е. когда бывает самое большое стечение больных на водах, квартиры нанимаются по самым высоким ценам. В июле месяце платится за оные только половина, а в августе — одна четвертая доля".¹³

Интересные сведения о том же периоде существования Кавказских Минеральных Вод, и даже немного более раннем, заимствованные известным бальнеологом Ф.А. Баталиным из ранних описаний этих вод и из рассказов пятигорских старожилов, мы находим в книге Баталина "Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды", изданной в 1861 году.

"Посетители вод, — пишет Баталин, — разделялись на два класса: обыватели кавказские и приезжие из России... Между последними было немало лиц, принадлежавших к кругу высшей аристократии. Вообще приезжие были люди зажиточные: в прежнее время небогатому человеку было не по силам отправляться на Кавказские Воды. Путешествие туда считалось делом трудным и опасным. Поездки важных особ совершались с роскошью, непонятною для нашего времени. На все время путешествия делались огромные запасы. Свита важного барина обыкновенно состояла из медика (которому за поездку платились большие деньги) для подания советов во время лечения, из ближних родственников или знакомых, приглашаемых для развлечения больного, из толпы слуг, поваров, конюхов. Иные возили с собою певиц, танцовщиц, музыкантов...

Прибыв на воды, больные помещались кто в Константиногорске и слободке его, кто у самого источника. Наемная плата за помещение была очень высока. В слободке... для большого семейства помещение обходилось по меньшей мере в 750 руб. (в сезон. — С.Н.), а для одинокого человека — 250 руб.

...Помещение у Горячего источника тоже обходилось недешево. За наем кибитки платили 25 рублей в месяц. Впрочем, и за эту цену отдавались только кибитки, принадлежавшие казне, а их было очень немного. Обыкновенно же кибитка обходилась до 100 рублей в месяц. Несмотря на все это, Горячеводская долина во время курса была постоянно уставлена, от начала до конца, кибитками, балаганами, палатками. При входе в долину между оконечностию внутреннего хребта и берегом Подкумка для защиты посетителей от нападения черкесов были расположены лагерь, в виде полукруга, егеря, казаки и артиллерия. Позади их, под открытым небом, помещались калмыки, владельцы отданных внаем кибиток. На возвышенных и открытых пунктах Горячей горы и внутреннего хребта (на месте нынешней Оборонительной казармы, — у Калмыцкого источника, — на холме, где теперь находится беседка с Золовой арфой) располагались пикеты.¹⁴

Вообще картина, которая представлялась взорам новоприбывшего на воды при въезде в Горячеводскую долину, поражала своей необыкновенностию: она зараз напоминала и военный лагерь, и шумную провинциальную ярмарку, и столичный пикник, и цыганский табор. Величественный Бештау с своею острокопечною вершиною, зеленеющая Машука, скалистая Горячая го-

ра, источник горячей воды, каскадами свергавшийся с возвышения, — увеличивали оригинальность этой картины".¹⁵

О Горячих Водах того времени с удовольствием вспоминает А.С. Пушкин при своем вторичном посещении Пятигорска в 1829 году, когда город уже значительно вырос и благоустроился.

"Признаюсь, — пишет он, — Кавказские Воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался..."¹⁶

Обстановка на Кавказских Минеральных Водах в первые приезды Лермонтова была беспокойной. Об этом можно судить по "Временному наказу полицейских обязанностей местного начальства при Кавказских Минеральных Водах", составленному в 1824 году по инициативе генерала Ермолова,¹⁷ и изданному — в дополнение к этому "Наказу" — "Объявлению" (без даты) за подписью управлявшего тогда Кавказской областью генерал-майора князя Горчакова.¹⁸

Оба эти документа затрагивают различные стороны жизни "водяного общества". Главной ее особенностью являются принимавшиеся тогда военные предосторожности, что обуславливалось сравнительной близостью фронта. Яркое отражение сказанного мы находим во втором из упомянутых документов.

Прежде всего обращает на себя внимание строгий контроль за лицами, приезжающими на Горячие Воды, со стороны местного коменданта и полиции (пункты 2 и 3). Последующие пункты особенно подчеркивают возможную опасность нападений со стороны горцев. В случае устройства общенародных игр, конских скачек и т.п. в пункте 7 предлагается заблаговременно объявить об этом полицейскому управлению, "которое, по известности ему места, назначает для того удобное и безопасное".

Нечего и говорить, что в отдалении от Горячих Вод опасность была больше. Так, пункт 9 объявления гласит:

"Если кто для охоты или прогулки пожелает ехать в отдаленность от Вод, то почитается небезопасным предварительно узнать от Полицейского управления о безопасности места, ибо, в противном случае, местное военное начальство, обязанное охранять посетителей, не будет уже ответствен за неприятное приключение".

Целый ряд предосторожностей принимался при переездах посетителей с одних Вод на другие.

"Для переезда от Горячих Вод к Кислым и обратно, — сообщается в пункте 14, — назначаются 3 дня в неделю: вторник, четверг и суббота, в которые воинскому местному начальству предписывается усугубить меры осторожности и усилить по дороге пикеты. Затем бывшее досель конвоирование уничтожается, а приглашаются г.г. посетители распорядиться своим переездом так, чтобы непременно прибыть на место до снятия караулов, т.е., чтоб в оба пути выезжать с Эссентукского поста (находящегося на половине дороги) не позже, как за три часа до захождения солнца. Почему, в уверенности, что особы высокого звания не захотят сами нарушать заведенного порядка, и предписано строго постовому начальнику после означенного времени, без всякого различия лиц, никого с поста не выпускать до ближайшего дня, назначенного к переезду. Мера сия, почитаясь единственно к предохранению проезжающих и сбережению конвойных казаков от совершенного истребления, будет исполняться в точности".

"Для переезда на Железные Воды в среду и воскресенье, — говорится в следующем, 15-м пункте, — будет конвой, но не поодиночке, а общий всем желающим отъезжать в тот день".

Такие переезды пришлось, конечно, совершать и юному Лермонтову. В то время существовал обычай, независимо от рода бо-

лезни, по окончании лечения на Горячих Водах, переезжать на Железные и, приняв там несколько ванн, заканчивать лечение на Кислых Водах. С "оказией" же будущему великому поэту пришлось путешествовать и в пределах Кавказской области, по пути на Горячие Воды и обратно. За время переездов он видел много необычайного и увлекательного.

Самую важную и наиболее характерную сторону образа жизни приезжавших в Пятигорск на лечение составляло пользование целебными источниками. Архивные материалы содержат интересные сведения о правилах пользования Минеральными ваннами на Горячих Водах.

Первые официальные правила пользования ваннами под заголовком "Объявление" относятся к 1827 году.¹⁹

"При употреблении ванн, — говорится в пункте 10, — наблюдать правила устава благочиния статьи 220-й, для чего в некоторых ваннах и назначено время, когда могут оными пользоваться дамы и когда — мужчины. Время сие определено особенными объявлениями, прибитыми на стенах при ваннах, почему и приглашаются гг. посетители обоего пола не нарушать порядка, установленного единственно для личного их спокойствия. При сем повторяется просьба не оставаться в ваннах, а паче того для отдохновения, более времени, определенного местными медиками, чем без всякой пользы для купающегося навлекаются только другим затруднения и медленность в принятии ванн".

В примечании к этому пункту добавлено: "В ваннах и предбанниках не препятствовать нахождению банщика, который по истечении времени, назначенного для отдохновения, беспрекословно должен отворить дверь и впустить новую особу".

В 11-м пункте содержится указание о порядке очереди приема ванн: "Так как всякий прибывший на воды, имея на пользование оными равное право, желает принять ванну скорее и успокоить себя, то и надлежит при употреблении их наблюдать очередь. А потому никакая особа прежде прибывшего к ваннам до ее приезда ни сама собою, ни через прислугу, без явного нарушения порядка и обиды других особ, кого-либо отстранять и удерживать ванны за собою не должна. Очередь сию обязан занимать для себя каждый лично, а не через companions или тем менее через прислугу".

Следующий, 12-й пункт предусматривает способ приготовления ванн.

"Собственно для приготовления ванн, — говорится в нем, — приставлена услуга обоего пола, почему и приглашаются г. г. посетители не употреблять на сей предмет собственных людей, от незнания коих нередко делается вред устройству тем, что к общей неприятности может даже временно прекращаться и самое употребление оных".

Последний, 13-й пункт вводит нас в социальный быт того времени и рисует бесправное положение простого народа даже в лечебном отношении.

"Для простолудинов и служителей обоего пола, — гласит "Объявление", — устроены особенные ванны, почему и объявляется г.г. посетителям, дабы они людям своим, допускаемым единственно для прислуги в ваннах, устроенных для высшего состояния, отнюдь не позволяли купаться после себя. В противном случае, нарушившего сей порядок прислуга после того в данные комнаты впускаться не будет".

Говоря о высокомерном, презрительном отношении к прислуге, следует также добавить, что, если ванны здания даже для привилегированных сословий оставляли тогда желать много лучшего, то специальные ванны для низших классов были без всяких удобств, и было их совершенно недостаточно.

Посетители

О посетителях Горячих Вод, их количестве и составе можно судить по "Ежемесячным ведомостям о прибывающих на Минеральные Воды и отъезжающих с них", сохранившимся за период с 1813 по 1817 годы.²⁰

Несмотря на тяжелый путь на Кавказ, количество посетителей по тому времени было довольно большое. Так, в 1813 году на Горячих Водах побывало 733 человека (из них 135 женщин). Характерно, что на 193 лица "благородного" состояния приходилось 463 человека прислуги.

В 1817 году побывало всего 1013 человек (из них 138 женщин). В том числе: "благородных" — 240, разночинцев, купцов, "простолудинов" — 377, прислуги — 396.

Приезжали посетители из разных мест. В "Ведомости" за 1813 год значатся прибывшие из Георгиевска — 70 записей, С.-Петербурга — 4, Москвы — 2, Ставрополя — 6, Новочеркаска — 5, Тамбова — 4, Орла — Киева — 3, Таганрога — 3, Тифлиса — 3, Тулы — 2, Владимира — 1, Пензы — 1, Саратова — 1, Казани — 1, Харькова — 1 и т.д.

Среди прибывших на Горячие Воды в разные годы значатся близкие родственники М. Ю. Лермонтова: в 1813 и 1815 годах — двоюродная бабушка поэта "г-жа генеральша Екатерина Хастатова из Ивановской крепости, при ней людей — 7"; в 1814 году — двоюродный дед Афанасий Алексеевич Столыпин; в 1815 — прадед Алексей Емельянович Столыпин; в 1817 году — дядя Павел Иванович Петров.

Из другого источника²¹ можно было видеть, что несколько позднее — в 1828 году — в Кисловодске в июле-августе (а ранее, несомненно, на Горячих Водах) находилась одновременно большая компания близких родственников поэта, а именно: брат бабушки Лермонтова Николай Алексеевич Столыпин, зять ее, женатый на сестре Наталье Алексеевне, Григорий Данилович Столыпин и дядя поэта Павел Иванович Петров со всей семьей, состоявшей из жены его Анны Акимовны и детей: сына Аркадия и дочерей Екатерины и Марии.

Торговля

Важную роль в жизни на Минеральных Водах выполняла довольно оживленная торговля. Несмотря на отдаленность Горячих Вод от крупных населенных центров страны, надежда на большие барыши уже тогда привлекала сюда предприимчивый торговый люд разных национальностей. Торговля с каждым летним сезоном все более развивалась, и уже в 20-х годах XIX в. в местных лавках можно было не только достать все необходимое, но даже и предметы роскоши.

Первые довольно обстоятельные сведения об этом встречаются в книге д-ра Нелюбина и относятся к 1823 году.

"Из магазинов и лавок, — пишет Нелюбин, — достопримечательны находящиеся в доме генерал-майора Мерлини и г-жи Хандаковой. В числе первых в 1823 году была итальянская лавка с галантерейными вещами и другими тому подобными товарами. Здесь имелись лучшей работы бронза, фарфор, золотые и серебряные вещи, многие дорогие ткани, шелковые и бумажные товары. Подле оной находилась греческая лавка с лучшими винами, где можно было получать старую мадеру, французские и немецкие вина, также Санторинское и почти все Архипелагские и наши отечественные вина по ценам не слишком высоким. В лавке под домом г-жи Хандаковой²² блистала роскошь Востока, как-то: турецкие платки, персидские ковры, кашемировые ткани и шелковые материи, употребляемые азиатскими народами.

В ряду балаганов, находящихся во второй улице и примыкающих к подошве Юго-Западной передовой горы Машуки, продавались: чай, сахар, кофе, шоколад, чернослив, изюм, коринка, винные ягоды, миндаль, сухие плоды, мед, прованское и деревянное масло, лимонный сок, уксус, сарачинское пшено (рис. — С.Н.), манная и перловая крупа, восковые и салынные свечи, перец, инбирь, корица, поваренная соль и другие вещи, принадлежащие к кухне, столу и десерту.

Кроме сего, в некоторых местах разбиты были палатки и навесы, где продавались разные лакомства. Здесь же можно было получить нитки, белье, иглы, булавки, ленты, тесемки и другие многие вещи.

Торгово промышленностью занимаются здесь также странствующие евреи, которые в продолжение всего курса на водах ежедневно приезжают на квартиры больных в огромных своих бричках, наполненных товаром. От них можно получать ситцы, коленкоры, батист, миткаль, кисею, платки, чулки, перчатки, золотые и серебряные вещи и другие мелочи.

Торг съестными припасами производится при въезде в Горячеводское селение между Солдатской слободкой и домом Чернявского.²³ Сюда ежедневно в 5 часов утра привозят колонисты из Карраса белый и ситный хлеб, сливочное и обыкновенное коровье масло, молоко, сливки, яйца, картофель, шпинат, салат, зеленый лук, всякую огородную зелень и плоды. Черкесы на своих арбах из ближайших аулов доставляют мясо, дичину, фазанов, молодых барашков, кур, цыплят, яйца и многие другие жизненные припасы.

На Минеральных Водах производят торг: армяне, евреи, греки, итальянцы, немецкие колонисты и черкесы".²⁴

Дома Е.А. Хастатовой в Пятигорске и Кисловодске

Почти все биографы М.Ю. Лермонтова, описывая его первые путешествия на Кавказ, из пятигорского окружения поэта наибольшее внимание уделяют Екатерине Алексеевне Хастатовой, урожденной Столыпной, сестре Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

Она была замужем за генерал-майором Хастатовым. Дочь ее, Мария Акимовна, в замужестве за Павлом Петровичем Шан-Гиреем, пользовалась особенным расположением юного поэта и находилась с ним в переписке, а сын, Аким Акимович Хастатов, был известный на Кавказе храбрец, с которым произошли случаи, использованные Лермонтовым в повестях "Бэла" и "Фаталист".

Вот что пишет о Екатерине Алексеевне первый биограф поэта профессор П.А. Висковатый.²⁵

"Одна из сестер бабушки поэта, Екатерина Алексеевна Столыпина, была замужем за Хастатовым, жившим в своем имении близ Хасаф-Юрта по дороге из Владикавказа. Оно находилось недалеко от Терка и именовалось Шелковицей (Шелкозаводск), или "Земной рай", как называли его по превосходному местоположению...

...Имение подвергалось частым нападениям горцев; кругом шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексеевна так привыкла к ней, что мало обращала внимания на опасность. Если тревога пробуждала ее от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: "Не пожар ли?". Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие ее доставило ей в кругу родни и знакомых шуточное название "авангардной помещицы".

Известно, что у Хастатовых были свои дома: на Кислых Водах, недалеко от ресторации, и на Горячих, на том месте, где сейчас находятся Пушкинские ванны. В этом доме летом 1825 года останавливались десятилетний Лермонтов и все, кто приехал с его бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой.

Об этих домах сохранились архивные материалы. Наиболее точные сведения о времени и обстоятельствах постройки дома Хастатовой на Горячих Водах можно найти в ее прошении на высочайшее имя от февраля 1820 года,²⁶ в котором она просит позволения "выстроить при Минеральных Водах Кавказской губернии перевезенный мною из Георгиевской станицы собственный мой в сломке деревянный дом со службами о шести комнатах близ такого же новостроящегося дома от приказа общественного призрения по плану — фасад под номером 9, а фасад ворот № 60".

Прошение Хастатовой было передано Кавказским губернским правлением на заключение губернского архитектора Мясникова. Заключение архитектора и выполненный им план дома были рассмотрены 24 марта 1820 года в общем присутствии губернского правления, план дома утвержден, и в постановлении было предложено: "Отослать (его) к архитектору Мясникову при указе и велеть в постройке оного генерал-майорше Хастатовой препятствий не делать и смотреть неослабно, чтобы постройка оного произведена и окончена была непременно сообразно плану под опасением ответственности по законам, и о последующем донести".

Надо полагать, что дом строился в конце 1820 и в начале 1821 годов. К весне 1825 года камышовая крыша на большом доме постепенно пришла в ветхость, и Хастатова, ожидая к себе в гости родных из далекой России, обратилась в Строительную комиссию с прошением такого содержания:

"Из числа собственных моих домов при Горячих Минеральных Водах, устроенных в большой улице подле дома купца Шапкина, на одном о пяти окошках большом доме камышовая крыша пришла от времени в такую ветхость, что требует неотложного перекрытия. А потому всепокорнейше прошу оную комиссию, в уважение помянутой необходимости и сближающегося к съезду посетителей время, позволить мне перекрыть на доме моем крышу новым тесом, на что и имею ожидать разрешения. Вдовствующая генерал-майорша Екатерина Алексеевна дочь Хастатова руку приложила".²⁷

На прошении внизу имеется пометка: "Письмо архитектору Бернардадци марта 1 числа".²⁸

Сведения о результатах осмотра дома архитектором Бернардадци сохранились в том же деле — в рапорте Строительной комиссии на имя генерал-майора Вельяминова от 10 марта 1825 года.

"Вдова генерала-майора Хастатова, — докладывает комиссия, — просит дозволить на состоящем при Горячих Водах на Главной улице ее доме, покрытом камышом, сделать тесовую крышу к наступающему курсу. Как его превосходительству угодно, чтобы по сей улице дома имели хорошую наружность, то комиссия поручила гг. архитекторам, осмотрев оный дом, составить фасад с необходимыми для лучшего вида переменами, по коему и оказалось, что окна оного дома не на своих местах, как показано на фасаде пунктиром,²⁹ и стены нужно возвысить на 15 вершков, равно сделать новые ворота и исправить каменный забор, сходно фасаду, который комиссия, у сего Вашему превосходительству представляя, покорнейше испрашивает предписания".

Как видно из дальнейшей переписки, перестройка фасада дома Хастатовой по разным причинам сильно затянулась и была осуществлена только в 1829 году.

Более поздние и довольно подробные сведения об этом доме, относящиеся к 1834 году, связаны с переходом его во владение Акима Акимовича — сына Е.А. Хастатовой (см. приложение № 4).

Из приведенных материалов можно видеть, что в 1825 году во время пребывания в Пятигорске 10-летнего Лермонтова дом Хастатовой был довольно неприглядной наружности, с камышовой крышей, и относился к тому же типу домов, что и чилиевский, в котором поэт жил в 1841 году.

Еще более неприглядный вид имел кисловодский дом Хастатовой, о котором мы считаем не лишним сообщить некоторые сведения, поскольку в 1825 году Лермонтову во время пребывания в Кисловодске, несомненно, пришлось в нем останавливаться.

Вот что говорится об этом доме и его происхождении в журнале присутствия Кавказского губернского правления за 1821 год.³⁰ "Слушавши:

Прошение вдовы генерал-майорши Екатерины Хастатовой, в коем прописывает: желает она на Кавказских Кислых Минеральных Водах выстроить деревянный дом, на каменном фундаменте, о семи покоях и одном этаже, с принадлежащими строениями на месте, купленном ею у генерал-майора Дебу дома, но как она не имеет позволения от начальства на постройку такого дома, а также и на оный плана и фасада, почему просит, кому следует, повелеть скопировать план с фасадом, равно и позволения производить построение означенного дома с принадлежащим ему строением, учинить законное постановление".

Губернское правление предписало архитектору Мясникову скопировать фасад и представить его на утверждение. Получив скопированный фасад для нового кисловодского дома, Хастатова отправила его на утверждение генерала Ермолова, но с его стороны встретилось категорическое возражение в отношении места постройки. В своем предписании начальнику области генералу Сталю от 27 мая 1824 года № 1678³¹ Ермолов писал:

"Генерал-майорша Хастатова, представив ко мне на утверждение фасад предполагаемому ею к постройке на Минеральных Кислых Водах деревянному на каменном фундаменте дому, просила дозволить ей выстроить оный на том самом месте, где находится ныне собственный ее турлучный дом противу самого колодца.

Поелику означенное место, впрочем, временно г-же генерал-майорше Хастатовой отведенное, по предложению об устройстве Кавказских Минеральных Вод признается нужным для казенных зданий, то, уведомив г-жу Хастатову, дабы она обратилась к Вашему превосходительству об отводе ей для предлагаемого ею к постройке при Кислых Водах нового дома в другом, для казенных надобностей не нужном месте, прошу Ваше превосходительство доставить в сем случае г-же генерал-майорше надлежащее и скорейшее удовлетворение и о последующем уведомить.

Доставленный же от нее фасад мною утвержден и препровожден к ней обратно". Следует подпись: "Генерал Ермолов".

После такого предписания дело с постройкою нового дома затормозилось, так как найти среди свободных участков земли такое же удобное центральное место было невозможно, а заменить прежнее место худшим Хастатовой, конечно, не хотелось. Между тем старый дом генерала Дебу постепенно ветшал и к 1827 году пришел в полную негодность. В этом году по поводу кисловодского дома Хастатовой возникла новая переписка.

В рапорте командующему войсками на Линии генералу Емануелю от 1 ноября 1827 г. за № 946 Строительная комиссия писала:

"На Кислых Водах находится турлучный дом, принадлежащий Кизлярского уезда помещице генерал-майорше Хастатовой, который совершенно ветх, выстроен в середине казенного сада вблизи самой реставрации. Комиссия отношением от 15 прошлого сентября № 744 просила Кизлярский Земский суд о объявлении госпоже Хастатовой, дабы она приказала означенный дом сломать нынешнюю осень, но и до сих пор не сло-

ман, а как занимаемое оным место необходимо для казенных надобностей, то комиссия, донося о сем Вашему превосходительству, покорнейше просит не оставить повелеть госпоже генерал-майорше Хастатовой о сломке означенного дома".³²

И на этот раз вопрос о сломке кисловодского дома был урегулирован не сразу. Только после того, как Хастатовой был составлен фасад для намеченного ею к перестройке горячеводского дома, комиссия получила от нее в марте 1828 года из села Шелкозаводского письмо, окончательно устранявшее все недоразумения.

"Милостивые государи! — писала Хастатова. — Приношу мою благодарность за присланный вами план для исправления моего дома при Горячих Водах и согласна по оному плану переделывать... Что же касается до дома, находящегося при Кислых Водах, я предписала моему дворнику оный сломать и прошу вас взамен моего места отвести мне к речке при Солдатской слободке, чем много обяжете".³³

Родственники Лермонтова, с которыми поэту приходилось встречаться в детские годы на Кавказских Минеральных Водах, владели на Кавказе именьями: Хастатовым принадлежало Шелкозаводское, Столыпным — Ново-Столыпно.

Предполагается, что в этих именьях Лермонтов побывал в 1825 году, а затем в период первой ссылки на Кавказ. Поэтому считаем нужным познакомить читателей с архивными материалами об этих именьях и их владельцах, обнаруженными нами в Ставропольском государственном архиве (см. приложение № 5).

Преобразование Горячих Вод в город Пятигорск

В 1830 году, по ходатайству генерала Емануеля, командовавшего в 1826—1831 годах Кавказской военной Линией, селение Горячие Воды было преобразовано в город Пятигорск.

О причинах этой столь важной перемены в судьбе Горячих Вод некоторые сведения имеются в Ставропольском государственном архиве.³⁴

23 ноября 1829 в докладной записке на имя главного в то время на Кавказе начальника генерал-фельдмаршала Паскевича генерал Емануель писал:

"Из опытов прежних лет и настоящего времени известно, что болезни, ежегодно бывающие в г. Георгиевске и необыкновенная мертвенность (смертность. — С.Н.) всегда свидетельствовали о убийственном в оном городе климате, и что все почти прибывающие на службу в Кавказскую область из внутренних губерний чиновники и канцелярские служители, щадя жизнь свою, при командировании их туда, готовы даже были возвращать полученные за проезд чины и деньги, а не имеющие по бедности никакого способа возвратить последние, отправившись туда, ежели не соделывались там жертвою смерти, то необходимо удручены бывали продолжительными болезнями, а по сим причинам никогда не представлялось возможности сохранить по присутственным местам в сем городе надлежащего порядка. Правительство, убедясь, таковыми неудобствами к дальнейшему оставлению в настоящем существовании города Георгиевска, исходатайствовало высочайшее государя императора соизволение перевести город сей на Горячие Минеральные Воды с предоставлением гражданам в повинности пятилетней льготы".

Ходатайство генерала Емануеля о скорейшем переводе окружного центра на Горячие Воды сопровождалось предложением дать новому городу одно из трех наименований: Новогеоргиевск, Константиногорск или Пятигорск.

Что касается помещений для городских учреждений, Емануель имел в виду впредь до постройки казенных арендовать для этой цели подходящие дома у местных жителей.

Все предложения были одобрены в первую очередь непосредственным начальником Емануеля графом Паскевичем-Эриванским, а затем утверждены указом Сената от 29 апреля 1830 года.

Новое название города "Пятигорск", избранное Паскевичем, было им мотивировано тем, "что гора Бештов (Бештау), к подошве которой прилегает предназначенное для сего города место, известна под сим именем в Древних российских летописях".

Это разъяснение вносит ясность в имевшиеся споры о "пяти горах", якобы вошедших в название города.

Как выяснилось позднее, опасения по поводу вредности георгиевского климата оказались совершенно необоснованными, но они, тем не менее, послужили важной причиной неожиданного возвышения Пятигорска.

Нет сомнения, что Пятигорск с его целебными источниками и прекрасным местоположением, независимо от приведенных обстоятельств, занял бы с течением времени подобающее место. Но преобразование в окружной центр значительно ускорило его развитие. В этом легко убедиться, если сравнить Пятигорск первых лет существования, каким Лермонтов видел его в 1825 году, с тем утопающим в зелени красивым городком, описание которого мы находим в повести "Княжна Мери".

Пятигорье в юношеских произведениях Лермонтова

Детские поездки на Кавказ, особенно в 1825 году, произвели на Лермонтова неизгладимое впечатление. Все поражало здесь мальчика, особенно люди, населявшие этот край. Интересные сведения о первом знакомстве мальчика Лермонтова с горцами мы находим в первом томе биографии М.Ю. Лермонтова, написанной Н.Л. Бродским.³⁵ Они заимствованы из журнала "Московский телеграф".

"Лермонтов, — пишет Бродский, — наблюдал нравы горцев, их праздники и будни. Из ближайшего аула (Бештауского) ежедневно в Горячеводск приезжали черкесы целыми толпами для продажи седел, буроков, баранов и т.д.; они гарцевали или, как говорили там, джигитовали на лошадях.

Бросался в глаза их "вид умный, гордый, воинственный", их ловкость, стройность, живописный костюм: "косматая шапка, заменяющая чалму турецкую, в удивительной гармонии с пламенным выражением их физиономии. Бешмет (род полукафтанья) перевязан туго ремненным поясом, на котором висит шашка, а чаще всего кинжал". Среди черкесов, занимавшихся торговлей, обращал на себя внимание один из узденей Шора Бекмурзин Ногмов, "известный всем приезжий". Это был молодой человек, который успел выучиться пяти языкам, кроме родного: арабскому, татарскому, или турецкому, абазинскому, персидскому и русскому. Он сочинял "небольшие поэмы в славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как через изустное предание и медленное изучение на память". В этих поэмах, сходных с песнями, изданными Макферсоном, описывались кровавые битвы, сетования об убитых воинах, похощения красавиц и проч.

На улицах Горячеводска можно было услышать пение грузинских народных певцов — сазандаров... сидели грузинки-гадальщицы..."

Другой современный исследователь утверждает, что многие сведения о жизни горцев юный поэт мог получить у Шоры Бекмурзина Ногмова. В подтверждение своего вывода он указывает на тот факт, что "в Кабарде до сих пор живет передаваемый из поколения в поколение рассказ о том, что Шора Бекмурзин Ногмов был знаком с Лермонтовым и рассказывал ему о горских преданиях, сказках и легендах".³⁶

Большое впечатление на будущего поэта произвел горский праздник байрам в Аджи-ауле, расположенном в то время недалеко от Горячих Вод. Впоследствии в поэме "Измаил-Бей" Лермонтов описал этот праздник и выступление на нем народного певца:

**Вокруг огня, певцу внимая,
Стопились юность удаляя,
И старики седые в ряд
С неммым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины...**³⁷

Первые кавказские впечатления нашли яркое отражение в ранних произведениях Лермонтова. В них мы находим частые упоминания и красочные описания различных мест и видов Пятигорска.

Первая глава поэмы "Аул Бастунджи", события в которой разворачиваются в Пятигорске, начинается словами:

**Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать был аул горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...**³⁸

Несколько раз возвращался поэт в этой поэме к описанию с детства полюбившихся ему видов:

**Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;
Машук, склоняясь лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в поместия чужие...**³⁹

Воспоминаниями о Пятигорске навеяна и одна из лучших юношеских поэм Лермонтова "Измаил-Бей".

**Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели...**⁴⁰

В стихотворении "Кавказ", написанном в 1830 году, Лермонтов как бы обобщил свои детские впечатления и переживания и выразил свою искреннюю любовь к этому краю:

**Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.
В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.**

**Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..⁴¹**

Кому же принадлежали эти "божественные глаза", о которых так тоскует поэт? Об этом мы узнаем из дневниковой записи Лермонтова, сделанной в том же 1830 году, через пять лет после последнего посещения Кавказа.

"Кто мне поверит, — писал он, — что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?"

Мы были большим семейством на Водах Кавказских: бабушка, тетунки, кузины. — К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. — Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. — Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! — И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату... Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее существованию — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нет; с тех пор я ничего подобного не видел, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...⁴²

Еще через два года, с волнением вспоминая о Кавказе, Лермонтов писал: "Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе".⁴³

Глава II. Пятигорск периода первой ссылки М.Ю. Лермонтова на Кавказ

В изгнание

"В январе 1837 года, — пишет в своих воспоминаниях близкий родственник и друг М.Ю. Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей,¹ — мы все были внезапно поражены слухом о смерти Пушкина. Современники помнят, какое потрясение известие это произвело в Петербурге. Лермонтов не был лично знаком с Пушкиным, но мог и умел ценить его. Под свежим еще влиянием истинного горя и негодования, возбужденного в нем этим святотатственным убийством, он в один присест написал несколько строф, разнесшихся в два дня по всему городу. С тех пор всем, кому дорого русское слово, стало известно имя Лермонтова...

Нетрудно представить себе, какое впечатление строфы "На смерть Пушкина" произвели в публике, но они имели и другое действие. Лермонтова посадили под арест в одну из комнат верхнего этажа здания Главного штаба, откуда он отправился на Кавказ прапорщиком в Нижегородский драгунский полк"...²

Отъезд поэта из Петербурга, как удалось установить А.В. Попову по данным официальной военной газеты того времени "Русский инвалид", произошел в один из трех дней 17—19 марта 1837 года.³

О времени приезда Лермонтова в Москву и выезде его оттуда на Кавказ мы находим сведения в статье В. Баранова "Лермонтов в Москве", основанной на показаниях ведомостей московского коменданта.

В "Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ" отмечено прибытие 23 марта 1837 года "по полуночи в 7 часов из С.-Петербурга Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова". А в записи от 10 апреля 1837 года отмечено его выбытие из Москвы, "полудни в 1 час в Тифлис".⁴

Время прибытия Лермонтова на Кавказ и некоторые другие сведения о пребывании его в первой ссылке могут быть установлены по материалам, обнаруженным автором настоящей книги в архивах.

Так, в журнале входящих бумаг штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории⁵ 13 мая отмечено поступление "рапорта Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова об освидетельствовании болезни его". Это говорит о том, что в тот день поэт уже находился в Ставрополе.

Из другого документа — журнала по исходящим бумагам — можно видеть, что 22 октября 1837 года штабом войск на Кавказской Линии прапорщику Нижегородского драгунского полка Лермонтову было выдано свидетельство № 4635, содержание которого, довольно безграмотно вписанное в журнал,⁶ удостоверяет, "что по переводе его (Лермонтова. — С.Н.) в назначенный полк, на пути следования он заболел и из г. Ставрополя поступил в военный госпиталь, откуда переведен в Пятигорский для пользования минеральными водами..."⁷

"...Я приехал на воды весь в ревматизмах"

В тот период основное помещение госпиталя находилось на Горячей горе в незатейливом здании бывшей оборонительной казармы, выполнявшей в начальный период существования Пятигорска роль укрепленного пункта на случай горских набегов. Постепенно она утратила свое первоначальное назначение и была приспособлена под военный госпиталь, состоящий из двух половин: для офицерского состава и для нижних чинов.

До последнего времени существовала уверенность, что в 1837 году М.Ю. Лермонтов во время своей болезни находился в офицерском отделении госпиталя и именно оттуда описывал Лопухиной открывающуюся перед ним панораму:

"У меня здесь очень славная квартира, — сообщал он в этом письме, — из моего окна я вижу каждое утро всю цепь снеговых гор и Эльбрус. И сейчас, пока пишу это письмо, я иногда останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны".

Эта картина действительно должна была открываться из окон южной стороны военного госпиталя, однако в 1837 году обе половины его были заняты нижними воинскими чинами.

Лермонтов не мог в нем находиться. Об этом свидетельствует обнаруженная в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР ведомость казенных зданий на Кавказских Минеральных Водах от 12 августа 1837 года.⁹

Таким образом, офицерское отделение госпиталя во время пребывания в нем поэта помещалось в каком-то другом доме, но с таким же широким видом на "всю цепь снеговых гор". Есть основание считать таким домом нынешний № 2 по Лермонтовской улице. Удалось установить, что офицерское отделение помещалось в нем в конце 40-х годов. Можно предполагать, что оно находилось здесь и в 1837 году.

Этот дом, расположенный на краю самой высокой части города, принадлежал тогда генералу Верзилину, а позднее его старшей дочери, в замужестве Диковой. Из его окон открывался тогда широкий вид, соответствующий дневниковой записи Печорина в повести "Княжна Мери".¹⁰ Считаю нелишним напомнить это замечательное описание:

"Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как "последняя туча рассеянной бури", на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром гроздытся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом".¹¹

Во главе Пятигорского военного госпиталя стоял тогда доктор Яков Федорович Ребров, брат известного на Кавказе шелководы Алексея Федоровича Реброва, владельца домов в Пятигорске и Кисловодске и имени "Владимировки" на Куме.

Я.Ф. Ребров много лет занимал должность главного доктора Пятигорского военного госпиталя и, по-видимому, очень снисходительно и доброжелательно относился к военной молодежи, приехавшей в Пятигорск не столько для лечения, сколько затем, чтобы отдохнуть и развлечься после тяжелой фронтовой жизни. Один из пятигорских приятелей М.Ю. Лермонтова Н.П. Раевский, вспоминая впоследствии о своем пребывании в этом городе, рассказывал:

"...Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышлет к месту служения: крутишься, крутишься, дельце сварганишь, — ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подластиться к нему, он даст свидетельство о болезни. Отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал..."¹²

У нас нет причины не доверять этому рассказу. В те времена такого рода проделки не считались заслуживающими особенного порицания и довольно широко практиковались. Имеются сведения, что Лермонтову в 1841 году по такому же случаю пришлось прибегнуть к ординатору военного госпиталя Барклаю де Толли.

Некоторые данные о лечении поэта в Пятигорске летом 1837 года можно было найти в обнаруженной в свое время "Книге на записку прихода денег, получаемых с г.г. посетителей по выдаваемым им билетам на пользование серными минеральными ваннами на Горячих Водах на 1837 год".¹³

Записи в книге начинались 1 мая и заканчивались 11 августа.¹⁴ Конец сезона после указанного числа, по-видимому, был отражен в другой книге, к сожалению не сохранившейся.

Всего о поэте в книге обнаружено 9 записей, начиная от 4 июня по 26 июля, когда ему были выданы последние 10 билетов в Александровские ванны.

Хотя фамилия поэта не всегда отмечалась одинаково, но нет никакого сомнения в том, что эти 9 записей относятся к одному

и тому же лицу. Они дают нам возможность сделать следующие выводы. Приехав в Пятигорск, судя по письму к М.А. Лопухиной, в конце мая, поэт начал лечение в Николаевских ваннах лишь 4 июня. Эта дата как будто противоречит тому месту письма от 31 мая, где Лермонтов пишет: "Я теперь на водах, пью и принимаю ванны, в общем, живу совсем как утка".¹⁵

Объяснение этого противоречия следует искать в другом его письме от конца 1837 года на имя С.А. Раевского.

"Простудившись дорогой, — пишет он, — я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить".¹⁶ Надо думать, что ввиду такого тяжелого состояния, в котором он находился по приезде в Пятигорск, ему была предоставлена возможность принимать ванны в одном из помещений военного госпиталя, где он тогда лежал.¹⁷ Второй, особенно важный, вывод касается времени пребывания его в Пятигорске. Оказывается, что он без перерыва прожил здесь примерно до 5 августа, так как в этот день заканчивались взятые им в последний раз 26 июля билеты, а новых билетов до 12 августа не было взято.

О дальнейшем пребывании поэта на Кавказских Минеральных Водах в 1837 году сведений в архивах не сохранилось, но, судя по существовавшему в то время обычаю продолжать после Пятигорска лечение на Железных Водах¹⁸ и заканчивать на Кислых, можно думать, что ему пришлось пройти все эти стадии лечения. Во всяком случае, прекрасное знание поэтом Кисловодска, подтверждаемое романом "Герой нашего времени", убеждает нас, что М.Ю. Лермонтов прожил там значительное время, вероятно, до середины сентября, так как мы знаем теперь, что 29 сентября на обратном пути из Тамани он уже был в укреплении Ольгинском.

Таким образом, в 1837 году поэт пробыл на Кавказских Минеральных Водах с конца мая до середины сентября, а "в беспрепятственном странствовании" — со второй половины марта до середины мая и с середины сентября до конца 1837 года.

Совершенно точно устанавливаются ваннные здания и кабинеты, в которых Лермонтов принимал в 1837 году ванны. В частности, в сохранившихся бывших Николаевских ваннах, ныне переименованных в Лермонтовские, поэт принял 20 ванн в кабине № 4.

К сожалению, в конце 1920-х годов внутри здания для увеличения числа ванн произведена капитальная перестройка, и то место, где была эта кабина, сейчас находится в коридоре между ваннами, расположенными ныне вдоль стен здания, тогда как раньше ванны занимали его середину. Другие ваннные здания, в которых поэт принимал водные процедуры в 1837 году (Старые Ермоловские и Александровские), до наших дней не сохранились.

Выбор ванн и последовательный переход из одних в другие показывают, что М.Ю. Лермонтов в 1837 году лечился серьезно и, начав со сравнительно легких Николаевских (24° по Реомюру), перешел затем в Ермоловские (35°) и закончил самыми горячими Александровскими (37°).

В той же "Книге на записку прихода денег..." имелись сведения о том, что одновременно с Лермонтовым лечился здесь В.Г. Белинский, семья Мартыновых, доктор Н.В. Майер (прототип доктора Вернера), товарищ Лермонтова по университетскому пансиону Н.М. Сатин, семья Киньяковых (их дочь, по сведениям профессора Висковатого, некоторые считали прототипом княжны Мери) и другие лица из окружения Лермонтова.

О состоянии здоровья поэта в то время мы находим сведения в его письмах 1837 года. 31 мая, в самый разгар лечения, он писал М.А. Лопухиной: "Я каждый день брожу по горам, и только это укрепило мои ноги; я только и делаю, что хожу; ни жара, ни дождь меня не останавливают..."¹⁹

Выздоровливание шло быстро, и в письме к бабушке от 18 июля он уже мог написать, что его "здоровье как нельзя лучше".

Чистенький, новенький городок

Что же представлял собой в то время Пятигорск и его "водяное общество"?

Подробное описание города мы находим в книге "Поездка на Кавказ".²⁰ Оно относится к 1832 году, то есть ко времени, сравнительно близкому к пребыванию здесь поэта в период первой ссылки.

Автор начинает свое описание города с Солдатской слободки, расположенной при въезде в Пятигорск со стороны Георгиевска. "...У самого Пятигорска, — пишет он, — дорога подходит к подошве Машука в полверсты перпендикулярной высоты столь крутой, что справа у вас является отвесная скала, а слева обрыв,²¹ омываемый быстрою, но мелкою речкою Подкумком.

Под навесом сей скалы, на узкой стезе, представляется несколько хижин или мазанок, снаружи опрятных, но столь маленьких и низких, что, если войти в горенку и лечь на лавку, то одною рукою можно достать окно, другую дверь, а ногою коснуться потолка. Хижины сии составляют небольшую улицу, называемую Солдатскою слободою; в ней... есть домики и в три и в пять окон по фасаду, в коих 100 комнат отдаются внаем за сходную цену. Один из лучших, принадлежащий главному врачу здешних Минеральных Вод Конради, очень уютен, пестро окрашен и окружен цветником и садиком.²² Когда от сего домика, около последнего возвышения... круто поворачиваешь направо (ныне по ул. Сакко и Ванцетти. — С.Н.), тогда вдруг, как рисованная декорация, является город..."

Как украшение главной улицы, идущей вдоль ущелья между двух отрогов Машука, Броневский отмечает прекрасное двухэтажное каменное здание гостиницы.

К северу от главной улицы по скату горы расположен небольшой городок, состоящий "из одной улицы, идущей в гору, и трех поперечных".²³ Все домики правильной архитектуры, построенные из тонких брусьев, снаружи оштукатурены и белены.

Большая часть из них крыта железом или тесом, немногие — камышом. Словом, Пятигорск, говорит Броневский, и при самом начале существования своего, еще не планированный, не вымощенный и без тротуаров, очень походит на немецкий городок, весьма опрятный и регулярный. На главной улице обращает на себя внимание большой двухэтажный дом, построенный от правительства. В нем раненые офицеры получают квартиры без платы.²⁴

Броневский дает представление и о внутреннем устройстве и обстановке пятигорских обывательских домов.

"Как все здешние дома, — пишет он, — построены для приезжих, то внутреннее расположение оных удобно. Комнаты содержатся довольно опрятно, снаружи оштукатурены, внутри оклеены оберточной бумагою, разными колерами раскрашенной. Мебель, правду сказать, не очень благовидна и состоит из простых деревянных скамей, столов и разнокалиберных стульев; есть и картины лубочной печати... Есть и бракованные московских фабрик зеркала, в которых и самое прелестное личико покажется безобразно, готическим. Впрочем, хотя в окна дует и двери не притворяются, но все нужно есть: и сараи для экипажей, и кухни, и погреба, и чуланы. Кроме казенных зданий, во всем городе считается 76 домов и флигелей, в коих 436 комнат отдаются внаймы".²⁵

Заканчивая описание пятигорских домов, Броневский обращает внимание на такую любопытную особенность их постройки. "Приятно заметить, — говорит он, — что все здешние города построены солдатами, которые, подобно римлянам, побеждая, распространяют просвещение. Без них жители, коих в Пятигор-

ске считается не более 500 душ, не могли бы построиться и не имели бы портных, сапожников, столяров, кузнецов и других необходимых для общежития мастеровых. Все здесь солдатское".²⁶

По поводу последнего сообщения необходимо заметить, что официально постройка солдатами для лиц была запрещена, но, очевидно, военное начальство смотрело на это сквозь пальцы. Касаясь условий найма помещений, Броневский отмечает их дороговизну. Дом или часть дома в три-четыре комнаты с кухнею стоили от 400 до 600 рублей за весь курс, считая с 1 мая по 1 сентября. Дом доктора Конради, лучше других отделанный и снабженный мебелью красного дерева, сдавался за 1000 рублей. Недостаток в Пятигорске маленьких квартир, сдаваемых по суткам, очень стеснял приезжающих.

Во всем городе только одна комната в ресторации и другая в доме Арешева сдавались внаем по суткам. Если же они были заняты, что почти всегда случалось, то приезжий, не выходя из экипажа, часто ночью и под проливным дождем должен был искать квартиру по домам и не иначе как на весь курс. "Никто на двор не пустит, если не заплатишь всех денег вперед. В такой торопливости нанимают квартиру, какая попадется: тут торгу нет и хозяин берет, что ему рассудится".²⁷

По описанию Пятигорска, относящемуся к 1832 году, имеется достаточное основание судить и о Пятигорске 1837 года.

За истекшие пять лет каких-либо значительных изменений в наружном виде города не произошло. За это время прибавилось только несколько обывательских домов и подросли древесные насаждения.

Емануелевский парк

Большая заслуга в первоначальной застройке и благоустройстве Пятигорска принадлежит командовавшему с 1826 по 1831 год войсками Кавказской Линии и Черномории генералу Емануэлю Георгию Арсеньевичу (1775—1837).

В книге, написанной главным врачом Управления Кавказских Минеральных Вод Ф.П. Конради, рассказывается о работах по озеленению и благоустройству города, произведенных по указанию Емануэля архитекторами братьями Бернардацци.

В 1827—1828 годах на главной улице была распланирована аллея,²⁸ укатанная камнем и песком и обсаженная липами, взятыми из близлежащего леса на Машуке. Исправлена и обсажена вьющимися виноградными лозами крутая дорога на подъеме к Елизаветинскому источнику.

Высечена в скале и обсажена соснами из Закубанских лесов²⁹ новая дорожка от Елизаветинского источника Александровским купальням. Елизаветинский источник обложен камнем, а вблизи него построена галерея в виде палатки.

Над Михайловским источником построен павильон в китайском вкусе, и к нему устроена извилистая дорожка от Елизаветинского источника.

Но особенно много трудов было положено на устройство в гористой местности, прилегающей к Елизаветинскому и Михайловскому источникам, парка для гулянья или, как тогда называли, "гульбища". Этот парк до наших дней сохранил название Емануелевского.

"...Где возьму слов, — говорит Конради, — для описания гульбищ, которые как бы ударом волшебного жезла вдруг появились около сих источников?"

По желанию генерала Емануэля г. архитектор Бернардацци составил план для построения сих гульбищ и надзирал за ис-

полнением оно. Возвышения по обе стороны сих источников и позади оных были выровнены, дороги размерены, покатоности покрыты дерном, после чего стали рассаживать цветы и разные средние кустарники, взятые из близлежащих лесов; многие дорожки были усажены виноградником, из которого со временем образуются крытые аллеи. Таким образом, в продолжение одного года явились здесь гульбища, в которых можно по несколько часов прогуливаться без усталости и где многообразные перемены удерживают душу в приятной деятельности и взоры наслаждаются то приятною пестротой цветов, то множеством строев, разбросанных поверх гуляющего в долине, то великолепными раскрывающимися пред ним картинами..."³⁰

Здесь же Конради дает описание одного из украшений Емануелевского парка — грота, получившего впоследствии наименование Лермонтовского.

Вот что он сообщает об этом гроте: "В скале напротив Елизаветинского ключа случайно открыли пещеру, которую тотчас употребили с пользой; будучи обделана, теперь она составляет одно из прелестнейших мест в окружности. Дорожка, с одной стороны усаженная деревьями и кустарниками, с другой имея границу самую скалу, ведет к сей прохладной и чистой пещере, из которой, не быв примечен, обозреваешь все окрестности. Скала, в которой высечена эта пещера, есть род окрепшего туфштейна, который через полировку получает вид мрамора. В пещере находятся скамьи, высеченные в самой скале".³¹

Этот поэтический уголок М.Ю. Лермонтов избрал местом встречи героев повести "Княжна Мери" — Печорина и Веры. Он упоминает здесь о виноградной аллее, ведущей в грот, о "прохладной тени его свода", о каменной скамье, на которой сидела Вера.

Восторженный отзыв о Емануелевском парке содержится в цитированной уже нами книге В. Броневского,³² относящейся к 1832 году.

"Гора Машук, — говорит он, — на южном и крутом скате которой насажен сад и построен город, заключает в себе множество минеральных ключей, из коих только семь ныне употребляются. Прочие же по недостатку строев и настоящей в них нужды текут без пользы. Дорога в сад, где находятся сии источники, идет продольною улицею³³ прямо в гору, и, поворачиваясь направо, входит в дефилю, составляемую двумя отрогами Машука. Здесь начинается сад, колючим лоховником непроходимо огражденный и отчасти уже отделанный. Положение места, до сего дикое и едва приступное для одних пешеходов, по желанию командовавшего здесь генерала Емануеля, под рукою искусного архитектора Бернардацци приняло иной вид. Между трех гор, крутых и высоких, на треугольном пространстве явился сад в английском вкусе, в коем соединены все искусственные и природные красоты. Тут павильоны, беседки, гроты, крытые аллеи, кусты, цветы; там водопады, пропасти, пещеры и провалы; а здесь скалы, по отвесу падающие, украшены пышною зеленью долин, иссечены зигзагами и обсажены клумбами ароматических кустов. Словом, вы видите перед собой очаровательное место, которое и теперь, когда еще деревья не разрослись, нравится взору и видом своим удивляет охотников и знатоков в садоводстве".

Много изменений по инициативе Емануеля в самый короткий срок произошло и в районе нынешнего Цветника.

"Должно упомянуть, — пишет Конради, — о саде или рощице в Цветнике близ Николаевской купальни³⁴... Низкие и неровные места, находившиеся перед купальнею, в 1828 году осенью были подняты насыпной землею наравне с дорогою и обсажены цветами и деревьями. В 1828 году уже все работы были окончены; там, где было пустое место, прогуливаются теперь между цвета-

ми и кустарниками разных пород; во многих местах расставлены скамейки для отдохновения. Летом около бассейна обыкновенно играет музыка, и сад служит не только украшением, но и приятным местом для прогулки. Все растения и деревья, наполняющие сад, принадлежат здешнему климату и большею частью взяты из окрестных лесов.

Крутая и неудобная дорога к Ермоловским купальням значительно скрыта, углажена и теперь без малейшей опасности, не тормозя экипаж, можно въезжать на гору и спускаться вниз...

В горе против восточного входа в купальню, в 1830 году выкопана искусственная пещера (Грот Дианы), доставляющая прохладное и приятное убежище от палящих солнечных лучей. К ней ведет прелестная дорога, усаженная акациями, с которой взору открывается весь бульвар и также слышна музыка.

Крутые скаты горы, примыкающие к этой аллее и спускающиеся от колесной дороги вниз, все обложены дерном".³⁵

Приведенные нами сведения о Пятигорске периода первой ссылки Лермонтова на Кавказ необходимо дополнить описанием некоторых других мест, наиболее часто посещавшихся в то время "водяным обществом".

Наконец, придется хотя бы бегло познакомить читателей с самим "водяным обществом" того времени. Без этих материалов картина Пятигорска периода первой ссылки поэта была бы далеко не полной.

Пятигорский бульвар и площадка у Елизаветинского источника

Пятигорский бульвар на Главной улице³⁶ в период первой ссылки поэта был одним из самых излюбленных мест "водяного общества".

В повести М.Ю. Лермонтова "Княжна Мери" встречается целый ряд зарисовок отдельных сцен, происходивших здесь в разные часы дня.

В своем дневнике от 11 мая на следующий день по прибытии в Пятигорск Печорин записывает:

"Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору".³⁷

Эти встречи на бульваре происходили ранним утром. Следующая запись того же дня относится к более позднему времени.

"Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару мимо окон дома, где скрывалась наша красавица..."³⁸

"После обеда, — записывает он несколько далее, — часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжною сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; — видно, было смешно, потому что они начали хохотать, как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца".³⁹

16 мая Печорин вновь отмечает в своем дневнике: "Поздно вечером, то есть часов в 11, я пошел гулять по липовой аллее бульвара".⁴⁰

Приведенные цитаты показывают, какое большое место в жизни "водяного общества" занимал в лермонтовское время пятигорский бульвар.

Чтобы иметь некоторое представление о посещавшем в то время бульвар "водяном обществе", можно привести выдержку из книги Броневского "Поездка на Кавказ".

"Не верится глазам, — пишет он, — чтобы в такой глуши можно было найти и бульвар, липами обсаженный,... и на нем почти такое многолюдство, как на Невском проспекте, почти такую же пестроту и щегольство, с тою только разностию, что тут подле бульвара журчит по камешкам ручей минеральной воды, запах которого, хотя не услаждает обоняние, но обещает то, для чего столько беспокойств претерпели в дороге..."

"После обеда, — продолжает несколько далее Броневский, — мне стоило подвинуть свое кресло к окну, и полный венецианский карнавал представлялся глазам моим. Столичные и провинциальные одежды представляли здесь смесь истинно маскарадную: кто во фраке и в черкесской шапке, кто, завернувшись в широкий плащ, шел посреди собрания в колпаке, кто в бурке и под вуалью, кто в нанковом сюртуке и в шитом золотом картузе. Слуги и служанки, столь же разнообразно одетые, несут в купальни узлы, ковры, подушки и тюфяки. От пяти часов и до позднего вечера бульвар, перед окнами моими проходящий, кипит многолюдством, пестреет от разноцветных одежд, полковая музыка гремит, и я, сидя у окна и ничего не делая, бывал очень занят, иногда уставал, но не скучал..."⁴¹

Не менее многолюдные собрания "водяного общества" происходили в те же годы на том месте, где сейчас стоит красивое здание Академической галереи, построенное в 1847—1849 годах по проекту архитектора Уитона. Там в лермонтовское время была небольшая продолговатая площадка с колодцем кислосерного (Елизаветинского) источника, скромным ванным домиком и временного типа галереей, которая пользовалась среди "водяного общества" большой популярностью.

Местность в районе источника была в те годы вполне благоустроена и отличалась великолепными видами.

Прекрасное представление о ней дает небольшая картина М.Ю. Лермонтова "Вид Пятигорска", обнаруженная незадолго до Великой Отечественной войны в одном из антикварных магазинов города Вильнюса.

В книге В. Броневского мы находим довольно интересные сведения о самом обществе, ежедневно с самого раннего утра посещавшем целебные источники.

"Дамы, — пишет он, — не обращая, по-видимому, никакого внимания на своих подруг и замечая только, как которая одета, с важностью принимают услугу кавалеров, и, не сказавши ни слова с своею соседкою, уже враждуют взорами. Мужчины разделяются: каждый ищет разговора в своем кругу, каждый обслуживает своим дамам, каждый имеет своих особых знакомых. У них предмет разговора один: о болезнях и способах лечения; почитающие себя знатоками добродушно навязывают всякому свой способ лечения, как самый действительный, опровергая все другие, как недостойные следования..."⁴²

Интересные сведения о посетителях вод дает очень редкая, запрещенная цензурой книга Хамар-Дабанова (псевдоним Е. Лачиновой) "Проделки на Кавказе".⁵²

"Какое жалкое зрелище, — пишет Лачинова, — представляет это гулянье, которого однообразие прерывается только тем, что гуляющие каждую четверть часа подходят к ключу пить из целебной струи.

Инвалид среди множества разнообразных стаканов, которые висят на длинных тесьмах, снимает с крючка тот, который вам принадлежит, погружает его в горячий источник, выполаскивает и подает вам. Таким образом вы проглотите стакана три и потом идете ходить или садитесь в какой-нибудь беседке рассматри-

вать лица больных, проходящих мимо вас. Между тем, инвалид систематически вешает ваш стакан на свое место, наблюдая всегда самое пунктуальное старшинство: вы можете быть уверены, что стакан подполковника не будет никогда висеть выше стакана полковника и так далее".⁴³ "И кого не найдете здесь, — продолжает Лачинова. — И военных всех мундиров, и разжалованных, и статских, и монахов, и купцов, и мешан, и столичных модниц, и толстых купчих, и чванных чиновниц, и уморительных оригиналов: не забудьте, что все это натошак и спросонья. Несмотря, однако, на господство самых отвратительных страданий, волокитство и чванство не покидаются. Жалко смотреть, как иная бывшая красавица, увядающая от болезней и годов, ищет пленить кого-нибудь своими потухшими взорами, которые выгладывают из-за бледно-желтых щек. Забавно видеть, как иной генерал и тут не оставляет своей важности. Громко судит и рядит и счастлив, что его стакан висит выше других. Как самонадеянно останавливает он гуляющих обер-офицеров, готовый при малейшем неудовольствии напомнить свой превосходительный чин, как принуждает их выслушивать самые пошлые рассказы, самые бессмысленные предположения. Всякий из этих господ корчит Наполеона. Многие корчили бы и Фридриха Великого, но не все знают об его существовании... А толков-то, толков!..

Чего не наслушаетесь вы на этих гуляньях! И пересуды, и сплетни, и жалобы — то на скуку местопребывания, то на неудобства дороги, то на грубость и притеснения станционных зрителей, то на недостаток в лошадях и на прочее. Большею частью, однако ж, предметом разговора служит разбор военных действий на Кавказе и методы лечения пятигорских медиков, которые, сказать мимоходом, живут между собою, как кошки с собаками. Заключением всех пересудов — хула директору минеральных вод... Здесь услышите старого моряка, уверяющего, будто самый лучший образ лечения выпивать по осьми-десяти стаканов горячей серной воды утром и столько вечером: такое лечение он предпочитает даже морским пушкам, которые совсем не гомеопатически пивал во время оно.

С ним спорит большой, утверждающий, что весьма достаточно трех стаканов, и то должно пить в продолжении трех часов. Третий, присоединившийся к ним, замечает, что трех стаканов мало, потому что глотать их надобно лишь до половины: газ испаряется, пока больной подносит стакан ко рту..."⁴⁴

Беседка "Эолова арфа"

Еще одним из популярных в то время пятигорских мест являлась беседка "Эолова арфа". Это небольшое сооружение в античном стиле, посвященное греческому богу ветров Эолу, было построено в 1830—1831 годах на скалистом уступе Машука, где пятью годами раньше находился казачий пост.

Строителями ее были архитекторы братья Бернардаши. Местоположение оказалось настолько удачным, а открывающиеся из нее виды на город и его окрестности так очаровательны, что эта скромная по величине беседка постоянно привлекала к себе очень много посетителей. Не раз, конечно, бывал у Эоловой арфы и М.Ю. Лермонтов, упоминающий о ней в повести "Княжна Мери".

Беседка привлекала такое внимание еще и заключенным в ней музыкальным инструментом, по имени которого она и получила свое название.

Вот что пишет о ней В. Броневский. "Самым лучшим украшением сада, — говорит он, — может теперь называться павильон, посвященный Эолу. Он построен на скале, высочайшей из трех;

купол его, поддерживаемый 8 колоннами, украшен флюгером с кругом, на котором означены 32 ветра, направление коих указывает стрелка. В середине сего воздушного павильона, открытого всем ветрам, поставлена дощатая колонна, в которой скрыты две Эоловы арфы. Колонна может оборачиваться на пьедестале, а флюгер, прикрепленный к колонне, всегда приводит ее в такое направление, что ветер прямо ударяет в продольную скважину, проделанную во всю высоту колонны, и пробегает по струнам арф, унылые звуки коих в части города, ближайшей к павильону, при легком ветре бывают слышны. Отсюда весь город, сад, Бештовы горы и кругом все окрестности, ограниченные снеговым хребтом, в цепи которого Эльбрус и Казбек, воздымая превыше облаков седые главы свои, представляют чудесную перспективу".⁴⁵

Звуковые впечатления Эоловой арфы — инструмента, известного еще в глубокой древности, не всем слушателям казались унылыми. Э.А. Шан-Гирей в своих воспоминаниях называет эти звуки "довольно гармоничными". Можно думать, что они нравились и музыкально одаренному М.Ю. Лермонтову. Первый биограф поэта П.А. Висковатый передает, что на вечере, устроенном поэтом за неделю до своей гибели, "во время одного антракта кто-то играл тихую мелодию на струнном инструменте, и Лермонтов уверял, что он приказал перенести, нарочно для этого вечера, Эолову арфу с "бельведера" выше Елизаветинского источника".⁴⁶

Пятигорская ресторация

Постройка этого здания, по словам известного бальнеолога Ф. Баталина, произведена с целью доставить приезжающим на воды удобное и дешевое помещение на первое время по прибытии в город, дать больным возможность получать обеденный стол, "изготовленный сообразно предписанной диете за умеренную цену", иметь зал для балов и других "общественных удовольствий".

По отзывам современников, М.Ю. Лермонтов часто бывал в ресторации как в период первой ссылки, так и в последнее пребывание здесь в 1841 году, когда он остановился здесь на одну ночь вместе со своим другом и родственником А.А. Столыпиным (Монго).

Помимо Лермонтова в этом же здании в разное время бывали А.С. Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский, В.Г. Белинский, Л.Н. Толстой и многие другие замечательные деятели литературы и искусства.

Здание ресторации ценно своим архитектурным обликом. Построено оно по проекту известного архитектора Шарлеманя, значительно улучшенному архитекторами братьями Бернардацци (см. приложение № 6).

Закладка здания происходила 5 июля 1824 года. Закончено оно было в 1828 году и обошлось казне в 27000 рублей.

Постройка велась с большими затруднениями в отношении рабочей силы и материалов. Последние приходилось изыскивать иногда на большом расстоянии от Горячих Вод.

Вот что пишут об этом архитекторы Бернардацци в описи произведенных ими работ:

"...По личному приказанию Начальника корпусного штаба Отдельного Кавказского корпуса и командующего войсками на Кавказской Линии ген.-майора А.А. Вельяминова 3-го отправились мы с Кислых Вод близ Шат-Горы, дабы осмотреть там произрастающий сосновый лес и выбрать из оного годного к казенным построениям при Минеральных Водах".⁴⁷

Подобные поездки они совершали в район Ахандуковского укрепления и Урухской крепости.

Такие же трудности пришлось им преодолеть при заготовке камня для карнизов ресторации и других зданий. Его удалось найти на расстоянии 120 верст от Горячих Вод близ селения Новоселец на речке Томузловке. О своих трудностях с рабочей силой и материалами архитекторы Бернардацци писали:

"...Самое затруднительнейшее, чего мы до сих пор делали и продолжали делать и что... не согласуется с заключенными нами кондициями, есть следующее, а именно: в общей смете назначено было производить все работы вольными мастеровыми людьми и только приготовления материалов будут сделаны солдатами. Но напротив сего работы производились так, что вольные мастеровые находились при оных только каменщиками, и то в малом количестве и на короткое время, прочие же все работы были произведены солдатами, весьма мало знающими, посему мы принуждены были оных приучать, что нас весьма затрудняло. Равным образом отыскание и открытие разных родов камней и других материалов, оказавшихся удобными на построение всех высочайше утвержденных проектов при Минеральных Водах, стоили нам немалых трудов".⁴⁸

В книге доктора Конради имеется следующее описание этого здания в первые годы его существования:

"Между всеми общественными строениями занимает здесь первое место огромное и великолепное каменное здание, назначенное для гостиницы... Большая передняя лестница с фронтоном из 6 колонн Ионического ордена, иссеченных из известкового камня, ведет в главную залу. Зала в два этажа; у задней стены ее находятся хоры для музыкантов. Вправо вход в дамскую, а потом в уборную комнату; влево комната для мужчин, а позади бильiardная комната, откуда проходят в буфет, ведущий также прямо в залу. Некоторые задние комнаты в первом этаже отдаются внаем. В верхнем этаже находится несколько комнат в два отделения, которые также назначены для приезжих. В подземелье, построенном со сводами, помещаются удобные кухни и погреба, с некоторыми комнатами для прислуги..."

Летом по два раза в неделю бывают в зале собрания; за вход платится по 2 р., зала хорошо освещена, великолепно и со вкусом убрана и меблирована; музыканты из полков, в соседстве расположенных.

Приезжие могут прямо останавливаться в гостинице; зала назначена для публики, и посему может всякий ею пользоваться".⁴⁹

Большим успехом пользовались парадные балы, когда ресторация превращалась в так называемое "благородное собрание".

Вот что известно об этом развлечении по архивным материалам и другим источникам. В погибшем архиве Кавказских Минеральных Вод хранилось отношение Строительной комиссии на имя исполнявшего должность кисловодского коменданта от 19 июня 1828 года № 616, в котором по поводу этих собраний были такие указания:

"В ресторациях на Горячих и Кислых Водах назначаются быть благородные собрания два раза в неделю, т.е. по четвергам и воскресеньям, от 8-ми до 12-ти часов пополудни, и содержатель оных рестораций французский подданный Бартоломей Соломон обязался брать с каждого мужчины только по 50 копеек серебром за каждый вход, каковые деньги должны быть им употребляемы на покупку восковых свеч, имеющих зажигаться во время бываемых собраний, а равно и на зарплату музыкантам. За напитки же, конфеты и прочие рестораторские припасы плата имеет быть производима противу таксы, утвержденной командующим войскам г. ген.-лейт. Емануелем от 14 сего июня № 679.

О сем Строительная комиссия, имея честь уведомить Ваше высокоблагородие, покорнейше просит не оставить известить о сем г.г. посетителей".⁵⁰

По-видимому, установленный порядок для "благородного собрания" проводился и в последующее время, так как сведений об его изменении, кроме размера входной платы, в архивных делах не встречалось. Мы знаем только, что иногда устраивались балы и по подписке, очевидно, в более парадных случаях.

Балы эти более ста лет тому назад носили своеобразный характер. Наглядное представление о них дает упомянутая уже книга "Проделки на Кавказе".

"Пятигорские балы, — пишет Е. Лачинова, — довольно благовидны: зала, где танцуют, просторна, опрятно содержана, изрядно освещена, музыка порядочная. Приезжие дамы корчат большую простоту в одежде, но в наряде их проглядывает иногда тайное изящество, что вовсе нелишнее, если выкинуто со вкусом. Пестрота военных мундиров, разнообразие фрачных покроев и причесок, различие приемов от знатной барыни до бедной жены гарнизонного офицера, от столичного дэнди до офицера Пятигорского линейного батальона, который смело выступает с огромными эполетами, с галстухом, выходящим из воротника на четверть, и до чиновника во фраке, с длинными почти до полу фалдами, с высокими брызгами, подпирющими щеки, — все это прелюбопытно и замечательно".

"На сих балах, — пишет другой автор, — ...генеральские дочери танцуют с адъютантами своих отцов, а другие девицы, не имея знакомых, остаются праздными зрительницами. Одни из них с досады уходят, другие, просидев на одном стуле до самого рассвета, оставляют дом собрания чуть ли не со слезами на глазах".⁵¹

Здесь кстати остановиться и на других пятигорских развлечениях того времени, рассчитанных на не очень взыскательную публику, но, за неимением лучшего, пользовавшихся вниманием и "водяного общества". Достаточное представление о них дает доходная смета города Пятигорска на 1840 год из архива Ставропольского края.⁵²

В разделе "Сборы с заведений, имеющих предметом народные увеселения", запроектирован ряд доходов, ясно рисующих такие увеселения.

Здесь в первую очередь упоминаются разные штукмейстеры, эквилибристы, дававшие, судя по запроектированной сумме дохода, от 5 до 7 представлений в сезон. Далее названы "оптики, показывающие панорамы, диорамы, косморамы и т. п.", от 3 до 5 представлений в сезон. Наконец, в 3-м пункте доходного подразделения указаны "шарманщики, кукольные комедианты и т. п.", доходы с которых исчислены из расчета 60—80 дней. Другими словами, эти увеселители оставались в Пятигорске в течение всего летнего сезона.

При чтении этого перечня увеселений невольно приходит на память упомянутый в повести "Княжна Мери" фокусник, акробат, химик и оптик Апфельбаум.

Строки о нем еще раз обращают наше внимание на необыкновенную точность лермонтовских описаний, какого бы предмета они ни касались.⁵³

В других подразделениях сметы можно найти еще два вида дохода, имеющих отношение к затронутой теме, а именно: "с биржевых во время курса извозчиков, 13 парных дрожек" и с занимающихся во время курса перевозкою посетителей на Щелочные, Кислые и Железные Воды, у которых, судя по запроектированной сумме дохода, находилось 30 пар лошадей.

Эти виды городских доходов подтверждают сведения о популярности в лермонтовское время загородных прогулок, в первую очередь, к месту Провала, а затем — в колонию Каррас, Железноводск и Кисловодск.

Пятигорский Провал

Среди развлечений "водяного общества" в период первой ссылки поэта одним из излюбленных были прогулки к Провалу.

В то время тоннеля, ведущего во внутренность Провала, еще не было и публика могла его осматривать только сверху, подойдя к самому краю воронки, более узкой тогда, чем сейчас. Это давало возможность устраивать своеобразное развлечение, о котором в одной из своих заметок "Еще по поводу воспоминаний Раевского о Лермонтове" Э.А. Шан-Гирей писала:

"Князь Владимир Сергеевич Голицын, умевший хорошо устраивать празднества, любил доставлять удовольствия молодежи. Однажды он вздумал сделать сюрприз такого рода: устроил помост над Провалом..., такой прочный и обширный, что на нем без страха танцевали в шесть пар кадрили, этот висячий мост держался долго. Любопытные спускались на блоке до самой воды."⁵⁴

Хотя известна была гравюра⁵⁵, изображающая спуск по воронке Провала двух человек, под названием "Профиль Голицынского Провала у подошвы Машуки близ Пятигорска, снятый с натуры 27 июля 1837 г.", сообщению Э.А. Шан-Гирей не придавалось веры. Оно не учтено в рисунке Провала того времени и иллюстратором "Героя нашего времени" Зичи. А между тем в деле № 400 бывшего управления Кавказских Минеральных Вод за 1837 год имелись некоторые сведения об этой голицынской затее.⁵⁶

Переписка начиналась отношением князя Голицына в Строительную комиссию от 18 июля 1837 года за № 1, в котором он писал: "Всеобщее любопытство гг. посетителей обоего пола осмотреть в подробности место, известное под именем Провала, оставалось по сие время неудовлетворенным. Препятствия, природой поставляемые, мне казались непреодолимыми, и при всем желании моем способствовать в отыскании средств посещать Провал и даже спускаться в него без всякой опасности я начинал терять на то надежду, когда случайно, сообщив мою мысль братьям Бернардацци, нашел в них художников, совершенно знакомых с кряжем здешней земли и ручающихся за успешное окончание предполагаемых мною работ. План, который они представили мне, соединяет вкус с безопасностью; сверх того они берутся все работы земляные, плотничные и прочие производить без всякой платы, под непосредственным надзором своим".⁵⁷

Предлагая пожертвовать для этого сооружения необходимую сумму, Голицын просил компенсировать архитекторов привилегией для взимания небольшого сбора с будущих посетителей Провала.⁵⁸

На приложенном к отношению чертеже изображен выдвинутый далеко над пропастью помост, с которого при помощи ворота и блоков спускается на канате открытая кабинка с укрепленным в ней креслом для желающих осматривать Провал.

По-видимому, Голицын взялся за постройку с такой энергией, что помост был изготовлен уже к 27 июля 1837 года, о чем свидетельствует упомянутая выше гравюра.

Однако, поскольку сооружение на Провале оказалось связанным с привилегией, вопрос направили на разрешение министра внутренних дел. Ответ последнего был получен только 15 февраля 1838 года (за № 947). В нем заключался отказ о выдаче привилегии и выражались всякого рода сомнения в отношении прочности сооружения, безопасности спуска и т.п.

Вся затея Голицына лишилась, таким образом, материальной базы, и со стороны архитекторов последовал следующий отзыв:

"Если не может быть определена плата от посещавших Провал, как средство соорудить и содержать предполагаемое при нем устройство, то посему не может и состояться того предложения. Устроенный же в прошлом году над Провалом деревянный мост, как

из материала, подверженного на открытом воздухе гниению, не может оставаться в этом положении на дальнейшее время".

В таком же смысле дано было заключение старшим членом Строительной комиссии полковником Чайковским генералу Граббе 8 июля 1838 года за № 604. Однако мост над Провалом, как видно из дела, продолжал оставаться в прежнем состоянии и к 1841 году от серных испарений пришел в ветхость, чем обратил на себя внимание пятигорского коменданта полковника Ильяшенкова и вызвал со стороны Голицына ходатайство о сло-ме сооружения. Разрешение получено 24 апреля 1841 года.

Приведенная переписка дает объяснение популярности князя Голицына среди пятигорского "водяного общества", называвшего в то время Провал Голицынским.

Почта

В своем письме от 18 июля 1837 года, адресованном Е.А. Арсеньевой, поэт писал из Пятигорска:

"Милая бабушка! пишу к вам по тяжелой почте, потому что третьего дня по экстр-почте не успел, ибо ездил на Железные Воды и, виноват, совсем забыл, что там письма не принимают; боюсь, чтобы вы не стали беспокоиться, что одну почту нет письма"⁵⁹.

Для человека, незнакомого с почтовыми порядками, существовавшими в то время на Кавказских Минеральных Водах, не ясно, что следует понимать под выражением "тяжелая почта", "экстр-почта", и как эти отдельные виды почтовой связи были организованы, а между тем для истории кавказских курортов лермонтовского времени, и в первую очередь Пятигорска, этот вопрос представляет известный интерес.

Основываясь на архивных документах из фонда начальника Кавказской области за 1836—1837 годы в Государственном архиве Ставропольского края, автор имеет возможность дать по этому вопросу небольшую справку.

Как видно из дела № 1944 упомянутого фонда, до сезона 1836 года в Пятигорске в летнее время действовала только обыкновенная, так называемая "тяжелая почта", прибытие и отправлен-ние которой производилось один раз в неделю. По мере увеличения числа посетителей такая работа связи становилась недостаточной и вызывала общее недовольство.

1 июня 1836 года исполняющий должность почтового инспектора VIII округа представил начальнику области докладную записку, в которой писал:

"Желая сколько можно ускорить доставление в Пятигорск казенной и частной корреспонденции и дабы отвратить происходящие от медленности в сем случае неудовольствия и ропот посетителей Минеральных Вод, в большом количестве ныне туда съехавшихся, я полагал бы с своей стороны, хотя на время курса, учредить кроме обыкновенной почты, раз в неделю же прибывающей и отходящей, еще другую для простой корреспонденции, в которой бы в Пятигорске принимались простые письма и отправлялись в Георгиевск к прибытию туда Тифлисской экстр-почты для дальнейшего с нею следования. Равным образом получаемые с российской экстр-почтою в Георгиевск отправлялись в то же время в Пятигорск, не ожидая уже других почт".

Это предложение было утверждено начальником области и согласовано с военным начальством. Летом 1836 года доставка корреспонденции производилась уже по новой почте до Георгиевска и обратно конными казаками. Такой порядок почтовой связи, как видно из того же дела, был установлен и летом 1837 года, причем прием писем на экстр-почту производился по субботам еженедельно в Пятигорске.

Если принять во внимание изложенное, то все в цитированном выше отрывке из письма М.Ю. Лермонтова делается понятным: 16 июля в субботу он ездил на Железные Воды и, конечно, оттуда послать письмо не мог, так как экстр-почта отправлялась по субботам из Пятигорска.

Напрашивается и еще один вывод, довольно грустный: опасения поэта, что бабушка будет беспокоиться, не получив от него письма с экстр-почтой, свидетельствуют, что он писал ей аккуратно каждую неделю. А зная, что поэт пробыл в 1837 году в Пятигорске с конца мая примерно до 10 августа, можно определенно сказать: им было написано Е.А. Арсеньевой отсюда не менее 10 писем. К великому сожалению, из них пока известно только одно.

Магазин Челахова

Кто не помнит увлекательной сцены из повести Лермонтова "Княжна Мери", разыгравшейся в этом магазине?

"Вчера, — записывает Печорин в своем дневнике, — я ее (княжну Мери. — С.Н.) встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маманьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал 40 рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство"⁶⁰.

До сего времени в литературе не встречалось никаких комментариев по поводу места действия этой сцены, как будто бы названная автором повести фамилия носила чисто случайный характер. Однако автором настоящей книги обнаружены материалы, которые устанавливают, что магазин Челахова в лермонтовское время действительно существовал, и дают о нем достаточно представление. Вот выдержка из докладной записки самого нахичеванского 3-й гильдии купца Никиты Челахова, поданной им 27 июля 1838 года на имя начальника Кавказской области генерала Граббе.⁶¹

"Продолжая с 1825 г. в Кавказской области и ныне в городе Тифлисе торговлю разными галантерейными и прочими товарами, я в продолжение без малого тринадцати лет пользовался благосклонным вниманием публики, которая не только изъявляла словесную благодарность, а даже без ведома моего признательность ко мне напечатала в 89-м номере "Северной пчелы" истекшего 1836 года, а дабы более оказать услугу, я неоднократно публиковал в газетах о том, что в магазине моем, в гор. Пятигорске состоящем, можно купить, несколько не дорожа противу существующих цен в Москве, разные товары российского и иностранного произведения, и потому, собственно, чтобы приезжающие г.г. посетители к Кавказским Минеральным Водам для пользования не обременяли себя такими вещами, которые можно получить из моего магазина за цену весьма умеренную, ибо при отъезде из мест своего жительства всегда затруднялись в том, что будто бы в Пятигорске невозможно найти необходимых вещей и продуктов..."

Желая выяснить местонахождение магазина Челахова, как несомненно лермонтовского места в Пятигорске, мы разыскали, при любезном содействии известного лермонтоведа С.А. Андреева-Кривича, указанный Челаховым номер "Северной пчелы", но, к сожалению, точного адреса не обнаружили. Однако помещенные в этом номере сведения, относящиеся, по-видимому, к летнему сезону 1835 года, безусловно заслуживают внимания.

В письме с Кавказа, подписанном буквами С. Р-м-р-н-о, после довольно большого вступления, в котором автор рассказывает о своих пятигорских впечатлениях и о посещении пятигорской церкви, далее говорится:

"По выходе из церкви я посетил А.Д. По его совету мне чрезвычайно хотелось прочесть одну статью из родного журнала. Но где достать этого журнала? Беспокойство и невыразимое желание овладели мною в высочайшей степени. В этом тревожном раздумье вышел я от Д. и, проходя по бульвару, увидел прекрасную вывеску, на которой прочел: "Депо разных галантерейных, косметических и азиатских товаров". Что, если б в этом магазине были также европейские журналы, подумал я и вошел в магазин. Вдруг поразило меня внутреннее великолепие. Здесь, вдали от храмов мод — наших столиц, в стране, так недавно приведенной в гражданское полустроительство, я вижу магазин, который может служить украшением, может поспорить с лучшими из магазинов Невского проспекта. Хозяин, которого не заметил я сначала, тотчас понял причину моего удивления и, подобно искусному врачу, предписывающему строгое молчание своему пациенту, дал свободу моим чувствам, не прерывал моего удивления. Наконец я сам очнулся: книг в этой комнате не было. Нетерпение и досада ясно выразились у меня на лице. Здесь-то хозяин, молодой армянин, обратился с вопросом, что мне угодно. Узнавши мое желание, он попросил меня следовать за ним в другую комнату. Представь же мою радость, когда вдруг увидел я здесь прекрасную библиотеку и трех или четырех человек, пришедших за журналами. Я сел, и сам хозяин тотчас отыскал журнал, в котором я нашел то, чего искал с таким нетерпением.

Желая, однако же, короче узнать хозяина, я возвратился в первую комнату и стал спрашивать таких галантерейных вещей, которые в последнем месяце только что появились в столицах, и, к величайшему удивлению, он тотчас показывал их. Тут я не утерпел и сказал хозяину: "Как жаль, что многие, посещающие Кавказ, всегда жалуются на недостаток тех удобств жизни, которыми усеяны столицы! Ваш магазин, мне кажется, может удовлетворить и прихотливым желаниям модницы, и всем требованиям франта, и жажде ученого". — "Прибавьте, — сказал мне хозяин с улыбкой, — и желудку гастронома..."

Нельзя забывать, что эта корреспонденция напечатана в газете Греча и Булгарина, и потому приведенные сведения о магазине, возможно, преувеличены, но они все-таки дают возможность установить, что Лермонтов не случайно упомянул в повести "Княжна Мери" об этом магазине и что, проводя в 1837 году все лето в Пятигорске, поэт имел возможность быть все время в курсе литературных новостей. Указание Челахова в его докладной записке, что он неоднократно делал в столичных газетах публикации о своем магазине, подает надежду, что со временем можно будет точно определить его местонахождение.

У целебных источников

Благоприятный исход тяжелого ревматического заболевания Лермонтова в то отдаленное время не был обычным явлением, и это не удивительно, так как бальнеология находилась тогда на самом низком уровне.

С 1803 года при водах состоял особый врач "подачи советов больным", а также можно было там встретить врачей военных и прибывших с зажиточными больными. Однако большинство этих врачей совершенно не пользовалось авторитетом у больных, так как действительно было плохо подготовлено к выполнению своих обязанностей.

"...Советов медиков, — пишет бальнеолог Баталин, — редко кто слушался... Больной, прибыв в первый раз на воды, слышал со всех сторон: "К чему слушаться медиков! Ведь вы потому и приехали на воды, что они были не в силах помочь вам!..."

Метод лечения, которому самопроизвольно следовало большинство, сильно расходился с обыкновенным медицинским методом. Больные пили минеральную воду в огромном, почти невероятном количестве. Иные выпивали по полуведру и даже более в сутки... Все больные без различия пола, возраста, темперамента, рода болезни, с первого же раза брали цельные натуральные ванны, т.е. на Горячих Водах сразу кидались в ванну в 37 градусов, а в Кисловодске таким же образом окунались в холодный нарзан. В ваннах оставались столько времени, сколько позволяли силы. Горячих ванн брали по 30, затем, если облегчения не было, брали еще по 30, потом, получив облегчение или нет, отправлялись к нарзану".⁶²

"Понятно, — продолжает Баталин, — что такое явное нарушение обыкновенных медицинских правил нередко приводило к печальным результатам: иные за свое неблагоразумие платились жизнью, умирали в самих ваннах. Но много было и таких случаев, когда благодаря героическому способу лечения больные, даже почти безнадежные, выздоравливали. По мнению большинства больных, — охлаждать, подогревать, разбавлять минеральную воду значило ее портить. "Должно, говорили больные, употреблять воду в том самом виде, в каком она выходит из рук благодетельной природы: от стояния, охлаждения, нагревания, разбавки она теряет целительную силу, присущую ей". Вследствие такого взгляда больные старались зачерпнуть воду для питья у самого устья источника..."⁶³

Сообщения Баталина заимствованы им из сочинений первых врачей на Кавказских Минеральных Водах. Кроме того, он имел возможность в конце 50-х годов XIX века использовать рассказы пятигорских старожилов. Не менее интересные сведения об этом имеются и в цитированной уже книге В. Броневского "Поездка на Кавказ", изданной в 1834 году.

Обыкновенно, рассказывает Броневский, приехавшего сажают, смотря по показанию его болезни, в одну из ванн серных пятигорских источников. Переводя его из купальни в купальню, постепенно приучают тело от 28 до 38 градусов. Потом перевозят страдальца в Железноводск. Там, начиная теплыми, кончают холодными ваннами и, наконец, в Кисловодске погружают его в шипучий едкий нарзан с 10 градусами выше точки замерзания. Такое лечение, по мнению Броневского, много походит на русскую баню: "с полка, на котором от жару волосы на голове трещат, да зимнею порою в прорубь, с тою только разницею, что русский мужичок по инстинкту самосохранения из проруби для закалки своего железного тела снова лезет на полк, где без милосердия сечет себя венником, трет тело редькою, спиртами. Здесь же разумные люди расслабленное тело из ванны № 1 Александровского ключа бросают в богатырскую водицу и отправляют его в Россию с новою невыладою болезнью или, сокращая путь, относят прямо на погост".

Многие жаловались на дурные последствия, но все, один за другим, делали то же самое, и, отъезжая, "проклинают и воды и всех докторов на свете".

Словом, заключает Броневский, здесь лечат и лечатся так, что исцеляются или получают облегчение только случайно.

Из биографических и архивных материалов о Лермонтове мы можем установить, что и поэт, покоряясь, как говорит Броневский, "самонравной моде", выполнял существовавший в то время порядок лечения и не только принимал серные и железистые ванны, но и погружался в "холодный нарзан".

Для приема больными лечебных ванн в Пятигорске к 1837 году было уже построено несколько специальных зданий. Наилучшими среди них можно считать сохранившиеся до наших дней бывшие Николаевские, ныне Лермонтовские ванны, в которых в 1837 году с 4 по 23 июня в кабине № 4 поэту пришлось принять 20 процедур.

Строителями Николаевских ванн были архитекторы братья Бернардацци. В своем описании произведенных ими работ на 6 августа 1828 года они писали:

"По личному и формальному приказанию корп. командира Ермолова был нами переделан высочайше утвержденный проект ваннам при Горячих Водах с прибавлением к оному проекту двух холодных и одного для горячей воды бассейнов и проч., каковой проект был представлен на утверждение г. корпусному командиру Ермолову и им утвержден"⁶⁴.

Постройка ванн началась в 1826 и совершенно закончена в 1831 году. В то время это было одно из лучших зданий в России. Вот как описывает его В. Броневский: "Николаевская купальня может служить образцом для всех такого рода зданий. В ней с приятною наружностью соединены все выгоды хорошей купальни, как-то: чистота, удобство и совершенная защита от влияния внешнего воздуха. Главный фасад, обращенный к северу, состоит из трех отделений, из коих средний имеет два этажа с тремя внизу дверьми. Первая, с правой руки, ведет через прихожую в женскую половину, вторая, по левую, в мужскую; позади средней двери идет лестница во второй этаж, где находятся две комнаты для банщиков. По длине всего строения, как в дамском, так и в мужском отделении, в середине здания устроено по 7 ванн, а по обе их стороны 14 комнат для раздевания с нужною мебелью"⁶⁵.

Одновременно с постройкою ванн была приведена в культурный вид и местность, прилегающая к главному фасаду. Позднее в сквере были устроены солнечные часы, служившие для проверки всех других и в первую очередь церковных.⁶⁶

В заключение следует сказать несколько слов о тех изменениях, которые претерпело это историческое здание до наших дней. Неуклонный рост числа посетителей заставлял увеличивать число ванн, которое с 14 было доведено до 24, а к 1895 году — до 37. И наконец в советское время для этого же здание внутри было капитально переделано. Из средней части сооружения ванны были перенесены к северной и южной стенам, а посередине пролегал коридор.

В результате этой переделки кабины, в которой Лермонтов принимал ванны в 1837 году, теперь не существует.

Были проделаны (а позже замурованы) боковые входы в ванное здание, пробита стена и устроен вход с юго-западной стороны. Деревянные потолки заменены кирпичными сводами, на смену дощатым полам в ваннных комнатах пришли каменные. Комнаты для банщиков ликвидированы.

Следует сказать также несколько слов и о других ваннных зданиях, ныне не сохранившихся, в которых М.Ю. Лермонтов заканчивал свое лечение в 1837 году, а именно: о старых Ермоловских и Александровских на Горячей горе.

По описанию Броневского, Ермоловские ванны стояли на краю обрыва, несколько выше Николаевских ванн и соединялись с последними огражденной решеткою лестницей. Здание было построено из толстых сосновых брусьев, покрыто железом и по длинным фасадам украшено 6 колоннами. В нем имелось 6 ванн, высеченных из известкового камня, куда поступала горячая и охлажденная вода. На площадку, находящуюся позади купальни, по серповидному шоссе въезжали экипажи.

Об Александровских ваннах Броневский пишет, что они были построены на втором уступе той же горы, несколько метров выше и, так сказать, на крыше Ермоловских. Они состояли из трех ветхих зданий. Первое построено частью из дубовых, частью из сосновых бревен, покрыто тесом и имело с северной и западной стороны узкую крытую галерею, где "ни от солнца, ни от дождя укрыться невозможно". Здесь имелось три ванны: две для мужчин и одна — для дам.

Посетители подъезжали к Ермоловским ваннам и оттуда уже могли подняться к Александровским по высеченной в горе лестнице в 32 ступени.

Внутренний вид здания производил неприятное впечатление. "...Там, — пишет Броневский, — в облаке удушающего серного смрада представляется Дантов ад: геенна, пекло и огненная струя перед тобою..."

В комнате, в которой раздеваются, стены от испарений серного газа почернели, местами покрыты плесенью, двери отчасти сгнили и не притворяются, в окна и в потолочный люк, обтянутый полусгнившей парусиной, и из щелей пола дует насквозь. К довершению картины, подле стен поставлены три койки, или лучше одра, так же, как и стены, черные и грязные".

Все эти сложные условия способствовали, и довольно часто, неудачному лечению. При Александровских купальнях в тот же период находились отдельные ванны для солдат и простого народа, которых, как мы уже видели, по правилам того времени было категорически воспрещено пользоваться ваннами, предназначенными для привилегированных посетителей Кавказских Минеральных Вод.

"Аршина на два ниже купальни № 4 (предназначенной для солдат из госпиталя. — С.Н.)... построен сарай, покрытый лубками; две стены оного сбиты из досок, а две сложены из камня, — пишет Броневский. — В сем сарае, называемом Солдатскою купальнею, выкопана в горе большая ванна № 5, в которой могут поместиться 15 человек. В этом же бассейне купаются слуги приезжих и все городские жители низшего сословия"⁶⁷.

Кроме Николаевских и отчасти Ермоловских ванн, устройство других купален было еще больше несовершенно. Они помещались в ветхих деревянных зданиях, временных сараях и палатках, в которых невозможно было укрыться. Больным приходилось ждать своей очереди на ванны по 5—7 часов. Живая картинка повседневного быта приезжавших на лечение нарисована в книге Хамар-Дабанова (Лачиновой) "Проделки на Кавказе": "Пробьет урочное время колокол, и кареты, коляски, дрожки, запряженные большею частью клячами, потянутся со всех сторон к купальням. Здесь больные, посидев в горячей воде, ложатся в пристроенной комнате и потеют, пока не услышат несколько слабых ударов в дверь и голоса: "Пора выходить, ваша половина прошла". Тогда начинают скорей одеваться, закутываются как можно теплее и спешат домой пить жидкий зеленый чай или маренковый кофе. Потом, пропотев еще дома, одеваются на весь день или до повторения того же самого процесса после обеда".

Заканчивая описание пятигорских ваннных зданий периода первой ссылки поэта, считаем нелишним еще немного остановиться на двух домах, которые в то время предназначались для обслуживания больных и раненых военных чинов. Начнем с сохранившегося до наших дней трехэтажного дома, именованного прежде "Домом для неимущих офицеров", занимаемого теперь курортной поликлиникой (№ 21 по улице Кирова). Для нас он интересен тем, что является несомненным лермонтовским местом в Пятигорске, недавно открытым благодаря случайно обнаруженному документу в Ставропольском краевом госархиве.

Документ этот — рапорт Строительной комиссии на Кавказских Минеральных Водах начальнику Кавказской области от 21 февраля 1838 года за № 160. Среди сведений о казенных помещениях и квартирах об упомянутом доме сообщается:

"...Только канцелярия комендантская с прошлого 1837 года по предписанию г. командующего войсками Кавказской Линии, за-

нимает один номер в доме для неимущих офицеров, который дом ныне сдается Пятигорскому военному госпиталю".

С помощью этого короткого сообщения появилась возможность установить, что М.Ю. Лермонтов, как и все приезжающие офицеры, должен был, по крайней мере, дважды побывать в этом доме, в комнате, занятой комендантской канцелярией, точное местонахождение которой пока точно установить не удалось.

Из материалов того же архива выясняется, что произведенные с того времени изменения заключаются в надстройке третьего этажа и наружной отделке здания. Об этом свидетельствует сохранившийся старый план дома. Если этот план сравнить с современным расположением комнат в двух нижних этажах, станет ясно, что при надстройке третьего этажа никаких изменений в расположении комнат здесь не было произведено. В последующее время лишь удалили отдельные перегородки.

Точных же сведений о том, когда произведена надстройка, к сожалению, не сохранилось. Но, по воспоминаниям пятигорского старожила, известного фотографа Г.И. Раева, дату следует отнести к концу 60-х или началу 70-х годов прошлого столетия.

Дом выстроен в 1828—1832 годах архитекторами Бернардацци. О том, как он выглядел в прежнее время, можно судить по зарисовкам старого Пятигорска. Западная сторона его изображена на большой литографии 1839 года работы Бернардацци и на маленькой литографии 1849 года. На первом плане этих литографий видны Николаевские ванны, а за ними Ванная (ныне Горячая) гора. Очень хорошо изображен этот дом и на картине Лермонтова "Вид Пятигорска".

Второй из упомянутых домов носил название в лермонтовское время "Дом генерала Орлова для неимущих офицеров". Первые сведения об этом строении, занимавшем видное место среди зданий старого Пятигорска, мы находим в описании работ, произведенных архитекторами Бернардацци.

Вот что они сообщают в этом описании, составленном в августе 1828 года.⁷¹

"...По личному приказанию ген. от кавалерии Емануеля сделали проект на построение каменного дома со всеми принадлежностями, покрытого железом, со сметой для его превосходительства войска Донского ген.-майора Алексея Петровича Орлова; дом сей назначен его превосходительством для жительства неимущих офицеров".

В позднейшем описании своих работ, относящемся к 1939 году⁷², к приведенным выше сведениям авторы добавляют, что этот дом "под наблюдением нашим выстроен".

В доме Орлова, как его называли, во время летних сезонов помещались раненые и больные офицеры разных полков, и вполне возможно, что М.Ю. Лермонтову приходилось посещать там своих знакомых.

В подвальном этаже дома в 1841 году помещалась гауптвахта, и там после дуэли поэта с Мартыновым находились некоторое время участники этой дуэли.

Краткие сведения о самом доме можно найти в книге Броневского:

"Другой дом для помещения неимущих в знак благодарности за исцеление водами построил Донского войска генерал Алексей Петрович Орлов. Оба сии здания, так же как и гостиница, построены из известкового камня снаружи нештукатуренного и имеющего прекрасный натуральный пепельный цвет..."⁷³

Доктор Ф.П. Конради

Доктор Федор Петрович Конради был главным врачом на Кавказских Минеральных Водах. В 1831 году он издал в С.-Петербурге ценную книгу, посвященную описанию Кавказских Минеральных Вод, "Рассуждение о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках". В этой книге автор дал описание Кавказских Минеральных Вод в один из лучших периодов их существования, когда под руководством участника Отечественной войны 1812 года энергичного генерала Емануеля здесь работали выдающиеся архитекторы братья Бернардацци, украсившие своими постройками и сооружениями молодые кавказские курорты.

Фамилия Конради встречается в истории Кавказских Минеральных Вод и по другому поводу. Под именем дома Конради на плане Пятигорска 1831 года значится довольно большое здание на самом видном месте города, напротив ресторации (ныне это место занял Госбанк). Позднее на нынешней Теплосерной улице примерно против здания радоновых ванн под именем Конради появился еще один дом с довольно большим садом, тоже не сохранившийся.

О самом докторе Конради в специальных работах по истории Кавказских Минеральных Вод почти не содержится каких-либо сведений. Отзыв о нем имеется в книге Адель Оммер де Гелль "Voyage de les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie meridionale".⁷⁴

Издана книга в Париже, в 1860 году, а рассказ о Конради относится к осени 1840 года.

"В тот период, — пишет Оммер де Гелль, — когда мы с ним познакомились, это был человек около шестидесяти лет., тип, почти утерянный, который напомнил нам врачей старой школы. Одетый в черное, с широкой табакеркой в руке, жабо с хорошо сделанными складками, воротничок, доходящий до ушей, взгляд наблюдательный, лицо как будто из пергамента и немного глуховатый. Таковы были его отличительные черты. При виде его я не могла удержаться от сравнения его со старинными портретами фламандской школы, которые вместе с совершенством деталей соединяют столько жизненной силы, колорита и наивности. К нашему большому удивлению, принимая во внимание его возраст, его немощи и род занятий, мы нашли в нем страстного пианиста, посвящающего своему любимому искусству все мгновения, которыми он мог располагать. Хорошо знакомый с композиторами прежними и современными, он черпал в их творениях так же, как из вазы, наполненной драгоценными камнями, переходя от самого меланхолического *adagio* к самым живым вариациям и даже к самым грандиозным увертюрам..."

Я редко встречала, — пишет она далее, — натуру более симпатичную, чем у него. В возрасте, когда столько людей пресыщены, брюзгливы, без всяких иллюзий, он любит поэзию, музыку, природу, как будто бы ему было только двадцать лет. Вечер его жизни более лучезарный, чем молодость у стольких существ. Его залы наполнены картинами, альбомами, портретами, которые ему были по большей части оставлены его многочисленными больными и которые он сохраняет с благоговейной заботливостью..."

В дополнение к этому отзыву мы можем сообщить еще некоторые сведения о докторе Конради, извлеченные из двух его формулярных списков, оказавшихся в госархиве Ставропольского края.⁷⁵

Списки относятся к 1828—1838 годам. Формулярный список 1828 года свидетельствует, что "доктор медицины Федор Петров сын Конради должность отправляет главного врача при Кавказских Минеральных Водах, 53 лет, из иностранцев". Из этого же списка можно узнать следующее: обучался Конради в Геттингенском, Иенском и Галльском университетах, докторское звание получил в 1796 году в Геттингене. Четыре года служил в городах

Усляр и Гардиган, что в Ганновере. Ушел в отставку. А в 1805 году был выписан в Россию для князя Лопухина.

С 1806 года после сдачи в Московском университете экзамена на звание доктора занимал в разных российских домах партикулярную практику, а в 1811 году после экзаменов в С.-Петербургской Медико-хирургической академии был удостоен звания акушера. Избран членом обществ испытателей природы и медико-физического при Московском университете.

В 1818 году определен в тверскую врачебную управу на вакансию акушера, а оттуда в апреле 1822 года перемещен на Кавказские Минеральные Воды.

Из формулярного списка 1838 года мы узнаем, что Конради "реформатско-евангелического исповедания", что он издал в 1824 году книгу на немецком языке под названием "Annalen der Caucasischen Heilquellen",⁷⁶ а в 1831 году уже известную нам книгу на русском языке "Рассуждение о искусственных минеральных водах". За поднесенную императору книгу о минеральных источниках награжден в 1832 году бриллиантовым перстнем. Конради принадлежит открытие нового серного источника близ Кум-горы, который доктор назвал Анненским. В 1836 году Федор Петрович получил знак отличия за пятнадцатилетнюю службу. В графе о семейном положении отмечено: "Вдов, детей имеет: сына Владимира 22 лет, состоящего на службе инженерным поручиком путей сообщения в Тифлисе, дочерей: девицу Генриетту — 38 лет, Вильгельмину — 36 лет — замужем за архитектором Бернардацци и Павлину — 18 лет — замужем в С.-Петербурге за чиновником 12-го класса Ленгортом. Евангелического вероисповедания".

В период пребывания Конради в должности главного врача на Кавказских Минеральных Водах М.Ю. Лермонтов дважды лечился в Пятигорске. Первый раз десятилетним мальчиком, вторично — во время первой ссылки в сезон 1837 года. Очень возможно, что в первый из этих сезонов бабушка поэта пользовалась для лечения внука советами доктора Конради, так как в тот начальный период существования Горячих Вод, когда специалистов-бальнеологов почти не было, наибольшим доверием больных, несомненно, пользовался главный врач. Домашние врачи, к числу которых принадлежал и приезжавший в 1825 году в свите Е.А. Арсеньевой доктор Левиз, не имели, конечно, необходимой подготовки, и их роль ограничивалась наблюдениями за здоровьем своих пациентов.

В 1837 году Лермонтов также мог встречаться с доктором Ф.П. Конради.

Кавказское окружение М.Ю. Лермонтова в 1837 году

П.И. Петров

Рассказ о лицах из ближайшего окружения Лермонтова лучше всего начать с дядюшки поэта — Павла Ивановича Петрова, который долго служил на Кавказе и занимал в 1837 году высокий пост начальника штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории. Он был женат на тетушке поэта Анне Акимовне Хасатовой, незадолго до этого времени умершей. Можно сказать, что он явился "добрым гением" Лермонтова и, цenia его выдающийся поэтический талант, вероятно, приложил немало усилий, чтобы удержать пылкого, безумно храброго племянника от напорного риска своей жизнью.

Свидетельством неустанных забот Павла Ивановича Петрова о поэте, с которым он в 1837 году встречался не только в Ставрополе, но и на Кавказских Минеральных Водах, служит письмо Лермонтова, написанное по возвращении из ссылки, и приписка Е.А. Арсеньевой.

Рассказав П.И. Петрову о своем обратном путешествии с Кавказа, он писал: "С искреннейшею благодарностью за все ваши попечения о моем ветреном существе имею честь прикладывать к сему письму 1050 рублей, которые вы мне одолжили...". В конце стоит такая подпись: "Остаюсь всей душою преданный вам М. Лермонтов"⁷⁷.

Такие же сердечные слова благодарности есть и в переписке бабушки поэта Е.А. Арсеньевой: "Не нахожу слов, любезнейший Павел Иванович, благодарить вас за любовь вашу к Мишеньке, и чувства благодарности навсегда останутся в душе моей..."⁷⁸

Что же нам известно об этом незаурядном человеке, отнесшемся с такой теплотой и отзывчивостью к опальному поэту? В издании сочинений М.Ю. Лермонтова под редакцией профессора Б.М. Эйхенбаума о П.И. Петрове приведены такие сведения.⁷⁹

Родился он в 1790 году в семье костромских дворян, начал службу в департаменте Министерства военных сухопутных сил. В Отечественную войну 1812 года в чине поручика являлся участником целого ряда боевых операций, за что и получил несколько орденов.

В 1818 году Петрова назначают командиром Моздокского казачьего полка. Спустя восемь лет он, теперь уже войсковой атаман Астраханского казачьего войска, был произведен в полковники за отличие в сражениях с горцами.

В 1834 году за новое отличие по службе Петрова производят в генерал-майоры и назначают на должность начальника штаба войск на Кавказской Линии, где он оставался и во время пребывания М.Ю. Лермонтова в первой ссылке.

У П.И. Петрова было четверо детей: три дочери и сын Аркадий, в детском альбоме которого написано известное четверостишие поэта "Ребенку". Во время пребывания М.Ю. Лермонтова в Ставрополе он переписал для Петрова стихи "Смерть поэта" и подарил ему картину своей работы.

Вскоре после отъезда поэта в Петербург Петров был уволен в годовой отпуск и уехал со своей семьей с Кавказа. Затем недолгое время он был военным губернатором в Каменец-Подольском и Подольским гражданским губернатором, а 13 ноября 1840 года из-за расстроенного здоровья вышел в отставку. Умер Павел Иванович Петров 13 сентября 1871 года и погребен в Ипатьевском монастыре.

Сердечные отношения с П.И. Петровым поэт поддерживал до конца своей жизни. Известно, что в 1840 году Лермонтов прислал ему автограф стихотворения "Последнее новоселье". Этот факт лишний раз свидетельствует еще и об интересе, который Павел Иванович проявлял постоянно к творчеству поэта. В дополнение к приведенным сведениям о П.И. Петрове здесь уместно упомянуть некоторые другие заслуживающие внимания архивные материалы. Хотя бы давно забытый, очень лестный отзыв командира Кавказского Отдельного корпуса генерала Ермолова, обычно очень скупого на поощрения и похвалы.

В своем письме на имя одного из высших военных чинов Закавказья от 13 апреля 1820 года Ермолов, ходатайствуя за командира Гребенского казачьего войска майора Ефимовича, говорит:⁸⁰

"Не затруднитесь, что недавно он майором: отличным и молодцом не надо старшинства. Недавно произведен так товарищ его Петров, командир Моздокского казачьего полка. Сим двум офицерам благодаря, я вижу большую перемену в командуемых ими ка-

заках, и когда они введут между ими порядок, то ручаться можно, что линейные будут всеконечно наилучшими казаками в России".

О том, что Ермолов не ошибся в своей высокой оценке П.И. Петрова, свидетельствует обнаруженная в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР переписка "о назначении полковника Петрова атаманом Астраханского казачьего войска".⁸¹

Вот что Ермолов сообщал в своем предписании от 19 июля 1826 года за № 1383 Астраханскому коменданту генерал-майору Зварыкину, в ведении которого находилось тогда Астраханское казачье войско:

"При самом почти начале, как Астраханское казачье войско получило новое образование и учреждена войсковая канцелярия, худое управление хозяйственною в войске частию и вообще большие беспорядки, о удалении коих и водворении лучшего устройства г.г. прежние атаманы мало употребляли старания и деятельности. Слабое наблюдение за действиями войсковой канцелярии, которая, уклоняясь предначертанных ей правил, умножала запутанности, все сие заставило меня Астраханское казачье войско подчинить предместнику вашего превосходительства и по нем вам.

Ныне, испросив высочайшее государя императора соизволение на определение атаманом состоящего по кавалерии г. подполковника и кавалера Петрова, офицера давно прежде мне известного и в продолжение нескольких лет служившего под глазами моими в Кавказском Отдельном корпусе, на знание службы коего, усердие и полезные способности имею я все права положить, я, предписав ему вступить в командование войском, дал приказание обо всех делах по службе, на основании высочайше утвержденного о войске положения, впредь относиться прямо ко мне, завися непосредственно от моего распоряжения.

Давая о сем знать Вашему превосходительству, предписываю впредь Астраханское казачье войско не числить в команде вашей".

Остается привести для характеристики П.И. Петрова еще один документ, имеющий одновременно отношение и к сыну его Аркадию Павловичу, которому Лермонтов написал упомянутое выше шуточное стихотворение, начинающееся словами: "Ну, что скажу тебе я спросту?"

Этот документ, относящийся к началу Крымской войны, — письмо Петрова к своему влиятельному родственнику и прекрасному человеку А.И. Философову — содержит просьбу: дать совет и оказать содействие в деле устройства Аркадия Петрова на службу в действующую армию.⁸² Письмо с очень выгодной стороны рисует и Аркадия Павловича и его отца. Первого — как патриота, а второго — как любящего отца, вполне понимающего патристический порыв своего единственного сына.

"Милостивый государь Алексей Илларионович!

Единственный сын мой по болезни ноги служит в гражданской службе. При нынешних обстоятельствах ни недуг его и ничто не в силах удержать пламенное желание молодого человека стать в ряды воинов. Он едет в Петербург просить позволения служить в действующих войсках.

Позвольте обратиться к вам с покорнейшею просьбою: не откажите моему Аркадию в своем наставлении и содействии, куда и как вступить ему на службу. Служить в пехоте с больною ногою он не может. В кавалерии все подробности фронтальной службы в военное время — пикеты, разъезды, фуражировки и т.п. — ежели не вдруг сведут его в могилу, то, конечно, не замедлят положить в госпиталь.

Исполнением моей просьбы вы чрезвычайно обяжете имеющего честь быть с глубоким уважением и искренней преданностью Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Павел Петров".⁸³

А.А. Хастатов

Аким Акимович Хастатов — дядюшка М.Ю. Лермонтова — был сыном "авангардной помещицы" Екатерины Алексеевны, о которой уже было рассказано в предыдущих главах. В 1837 году М.Ю. Лермонтову довелось побывать у него в имении, по-видимому, лишь на обратном пути из Тифлиса, так как по материалам Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР в указанном году Хастатов до конца августа состоял адъютантом при своем родственнике генерале П.И. Петрове и проживал в Ставрополе. После того, как генерал ушел в годовой отпуск, Хастатов по собственному желанию принял участие в экспедиции за Кубанью под командованием генерала Вельяминова, и только в конце 1837 года получил назначение в Куринский егерский полк, расположенный недалеко от имения Хастатовых. Само собою разумеется, что поэт имел об этом сведения от П.И. Петрова, а, возможно, и от самого Хастатова и поэтому не мог ехать в Шелкозаводское в отсутствие его владельца. Вполне возможно, что в первой половине лета 1837 года, состоя адъютантом П.И. Петрова, А.А. Хастатов мог повидаться с поэтом и в Пятигорске, где у него, как уже известно, были собственные дома.

Рассказывая о пребывании поэта на Кавказе в 1837 году, П.А. Висковатый пишет:⁸⁴

"Михаил Юрьевич до отъезда в Россию побывал в местах, которые видел в детстве: так, он погостил в Шелкозаводске, имении, принадлежащем Акимовичу Хастатову, сыну родной сестры бабушки Арсеньевой — Екатерины Алексеевны. Хастатов этот был известный всему Кавказу храбрец, происхождения его переходили из уст в уста. Это был удалец, достойный сын мужественной матери, рассказы которой так сильно возбуждали воинственный дух маленького Лермонтова. Случай из жизни Акима Акимовича и теперь поражали Михаила Юрьевича, они послужили ему материалом, коим он воспользовался немного позднее. В основании рассказа "Бэла" лежит происшествие, бывшее с Хастатовым, у которого действительно жила татарка этого имени. Точно так же "Фаталист" списан с происшествия, бывшего с Хастатовым в станции Червленной".

В подтверждение своих слов Висковатый ссылается на двоюродного брата Акима Павловича Шан-Гирея и дальнего его родственника М.Н. Лонгинова. Последний в своей заметке о Лермонтове вспоминает:⁸⁵

"Основанием рассказа "Бэла" было истинное происшествие, конечно, опозитивированное и дополненное вымышленными подробностями, случившееся с родственником поэта Е.Е. Хастатовым...⁸⁶ Он имел поместье на Кавказе (Шелковое, "Земной рай" тож) и подолгу жила там. Так как имение это расположено уже на самом рубеже, за которым жили враждебные нам горские племена, то Хастатова называли в нашем кругу "передовой помещик Российской Империи".

Приведенные сведения почти исчерпывают все, что было известно до сих пор об Акиме Акимовиче Хастатове. Между тем, этот человек выделялся своей исключительной храбростью там, где, по словам П.Х. Граббе, "храбростью не удивишь". Он-то и оставил заметный след в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Архивные изыскания⁸⁷ устанавливают, что Аким Акимович в двухлетнем возрасте остался без отца, умершего в 1809 году, и воспитывала его энергичная мужественная мать Екатерина Алексеевна.

В 1827 году А.А. Хастатову исполнилось 20 лет и он получил право на управление своим имением. Однако в этот и последующие годы Аким Акимович, вероятно, учился в одном из военных училищ или находился на военной службе, так как известие о не-

ожиданной смерти матери 24 августа 1830 года застало его прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка в польском походе.

Создалось критическое положение в управлении имением, оставшимся на руках дворовых людей. Возникшая по этому поводу между заинтересованными учреждениями и лицами переписка закончилась тем, что в управление имуществом, впредь до возвращения из похода законного наследника, по его доверенности вступил один из бывших опекунов Павел Петрович Шан-Гирей, муж сестры Акима Акимовича — Марии Акимовны. Произошло это, правда, не сразу, ибо новый владелец, неискушенный в житейских делах, оказался в довольно беспомощном положении и допустил некоторые промахи. К этому периоду относятся три его письма на имя крепостного управителя имения Даневского. В первом письме он подробно расспрашивал Даневского о состоянии своих имущественных дел, а во втором сдержанно укорял управителя за невыполнение просьбы хозяина. (Текст третьего письма — см. приложение № 7).

Начало кавказской службы Хастатова установить не удалось. Но в конце лета 1837 года, когда начальник штаба войск на Кавказской Линии генерал-майор Петров, незадолго до того потерявший жену Анну Акимовну, урожденную Хастатову, решил оставить занимаемую должность, то и Аким Акимович, состоявший в этот период его адъютантом, должен был позаботиться о другом своем назначении.

Зная о редкой храбрости Хастатова, не приходится удивляться, что он принял участие в военной экспедиции на Черноморском побережье, возглавлявшейся тогда выдающимся генералом А.А. Вельяминовым.⁸⁸

Во время этой экспедиции, закончившейся в 1837 году, Аким Акимович получил хорошую оценку своей боевой службы со стороны начальства. После недолгого пребывания в Куринском егерском полку, расположенном в крепости Грозной, Хастатов весной 1838 года, по-видимому, возвратился в свой Семеновский гвардейский полк.

В ближайшие после того годы о нем не встречается сведений. Но известно, что в 1843 году он совершил продолжительную поездку за границу. Сведения об этом путешествии содержатся в нескольких сохранившихся письмах его родственников.

Эти письма добавляют к сделанной выше беглой характеристике Хастатова еще несколько штрихов.

Так, из письма Акиму Акимовичу упоминавшегося уже его дядюшки Афанасия Алексеевича Столыпина от 30 марта 1843 года⁸⁹ видно, что А.А. Хастатову в том году, вероятно, пришлось побывать в Неаполе.

"При сем посылаю, — пишет Афанасий Алексеевич, — письмо жене моей. Сделай дружбу, не откажи съездить за ней в Неаполь. Я на твой проезд с сею же почтою отправил на имя Алексея Григорьевича⁹⁰ 3 т. руб. асс...".

Из сохранившегося письма (на французском языке) Дмитрия Аркадьевича Столыпина (брата А.А. Столыпина-Монго) сестре Марии Аркадьевне Вяземской от 7 февраля, вероятно, того же 1843 года мы узнаем, что Хастатов во время своего заграничного путешествия не упустил случая побывать на концерте знаменитого в то время итальянского певца Рубини и был, по-видимому, совершенно потрясен его исполнением.

По поводу этого выступления итальянской знаменитости Столыпин пишет:⁹¹

"...Я считаю, что надо быть камнем, чтобы не быть тронутым всем этим. Я кончаю таким штрихом: Хастатов обливался слезами, как Мария Магдалина".

Не менее интересный имеется отзыв Дмитрия Аркадьевича (также на французском языке) о пребывании Хастатова во вре-

мя того же, видимо, заграничного путешествия в Париже, куда его звало главным образом какое-то сердечное увлечение.

"...Вы мне пишете, — говорит он в недатированном письме своей сестре, — что Алексей⁹² отправился в Париж. Я только что получил оттуда письмо Хастатова, я не прилагаю вам его содержания — вообразите его сами. Он заканчивает словами, что Париж "суший вздор, и нет счастья, где нет предмета страсти". Это все графиня Воронцова, которая его больше не любит".⁹³

Возвратившись из заграничной поездки, Хастатов снова поселился в своем Шелкозаводском (или иначе "Земной рай"). В рукописном отделе Государственной библиотеки им. Ленина⁹⁴ хранится письмо к Хастатову от 27 октября 1845 года Афанасия Алексеевича Столыпина такого содержания:

"Любезный друг Еким Екимович!

Благодарю тебя за присылку гнедого мерина; конь добрый, и я надеюсь, что он меня будет хорошо возить.

Как-то ты, любезный друг, на Кавказе поживаешь? Спокойно ли у вас на Тереке? Каков был урожай винограда? Одним словом, уведоь, любезный друг, как там идут твои дела. Да по дружбе своей на меня не пеняй, что я редко так пишу; становлюсь стар, лень час от часу более обуревают, на одно еще и ленив, — шатаюсь с собаками, а в прочем хоть брось, никуда не гожусь...".

В ответ на поставленный вопрос о спокойствии на Тереке Хастатов сообщил ему, по-видимому, об одном из своих последних отчаянных походов, которыми он в свое время был так широко известен. Мы можем судить об этом по письму Афанасия Алексеевича от 23 июня 1846 года, в котором он писал:⁹⁵

"Письмо твое от 29 мая получил; оно меня совершенно восхитило, я всегда знал, что ты человек храбрый, но в сем деле ты оказал более, нежели храбрость и неустранимость, а присутствие духа, которое не всякому дано в удел".⁹⁶

Только, любезный друг, опасаясь одного, чтобы таковые твои подвиги не завлекли тебя в бесполезные опасности. Вспомни, что ты теперь мирный житель и что без всякой надобности бросаться в опасность нет необходимости. Другое дело, ежели бы ты был на службе.

Жена моя с детьми еще за границей и возвратится не прежде, как в августе месяце сего года.

Прощай, будь здоров".

Надо полагать, что Хастатов продолжал жить в своем имении и в последующие годы, выезжая только по временам для свидания с родными. О том, как он проводил там время и каковы были его обычные интересы, мы можем иметь представление по его письму к своему родственнику А.И. Философову, относящемуся уже к позднему времени (вероятно, к началу 60-х годов).⁹⁷ Оно дает понятие и о стиле его посланий, о котором как о чем-то забавном упоминал в своем письме Д.А. Столыпин. По этим соображениям будет нелишним привести текст целиком:

"23 ноября. Земной рай.

Любезный братец Алексей Илларионович!

Нету худа без добра даже в мелочах обыденной жизни. Если бы Николай не остался за границей, я носил бы привезенные им рубашки, а теперь имею удовольствие читать дружеское письмо ваше и предлог побеседовать. Прошу вас акции и деньги оставить у себя:⁹⁸ увидимся — сочтемся. А денег у меня и куры не клюют, хотя иногда, как теперь, очень мало. Стоит только не отступать от правила, чтобы нужно было именно сколько, сколько их есть налицо, а если будет 20% более — так вот и богатство!!! И ей-ей, очень легко так себя обставить — ничего, иногда даже весело. Право так — при мысли, что хотя у меня денег и мало и гораздо меньше других, а я в ус никому не дую и никому не должен. Главное, на чужой каравай рта не разевай и не суйся, ку-

да не под силу, — не садись в чужие сани! Когда у меня мало этих игрушек, я блаженствую в Земном моем раю во всей силе этого слова, в особенности летом, а зима-то у нас несколько недель. Зимой в деревне, правда, вечера длинные, в особенности, если нельзя читать. Климат у нас теплый, сухой и здоровый, флора, леса, Терек и снежный хребет величественны — это для наглядного. Книг и журналов у меня в околотке много. Насчет клубники — тоже ничего. Женщины наши красавицы, можно сказать, славянские испанки. Для стола всякая дичь, рыба, вина, фрукты в изобилии. Чего же больше? Казалось бы, и умирать не надо! Одно желание — хочется хоть изредка поосвежиться: послушать оперу, посмотреть театр да как добрые люди в довольстве живут. А главное, повидаться со всеми вами, обнять да сказать: не поминайте лихом любящего вас друга и брата Акима Хастатова.

Насчет Катюши скажу то же, что в начале письма. Очень сожалею, что милая ваша Адина нездорова, и молю бога, чтоб она была счастлива. Дмитрий Дохтуров ранен, он славный молодой человек, все в походах, так что я его давно не видел. Что наш Гог-Магог — кн. Александр Иванович⁹⁹ — придет ли к нам? А славно бы сделал, если бы сумел вовремя сказать: довольно — погулял. Мне кажется, прочат К. Мирского — молод еще. Славно было [бы], если бы назначили Коцебу, — знает край, как свои пальцы, деятелен и имеет изумительную память. Впрочем, по мне, кто ни поп, тот батька.

Не вздыхайте, я заврался и, вероятно, давно наскучил всей этой галиматзей — А.Х."

Совершенно неожиданно среди этого "райского" житья Хастатова постиг апоплексический удар, после которого он ослеп.

Еще в одном сохранившемся его письме от 1 марта 1865 года неизвестному Дмитрию Андреевичу, написанном чьей-то чужой рукой, он сообщает:

"...О себе скажу вам, что со мной был удар, последствие коего — я ослеп, так что ничего не вижу и потому мне необходимо лечиться за границу..."¹⁰⁰

Неизвестно, удалось ли ему на этот раз туда съездить, но от удара он так и не поправился, хотя ему пришлось прожить еще довольно много лет.

Последний обнаруженный автором этих строк архивный документ о Хастатове относится к 1883 году¹⁰¹ и представляет собой собственноручное объявление в Пятигорскую городскую управу "статского советника Акима Павловича Шан-Гирей" от 12 сентября 1883 года следующего содержания:

"По доверенности, данной мне женою подпоручика Надеждою Остафьевой, засвидетельствованной пятигорским нотариусом, которую для видимости при сем предъявить честь имею, покорнейше прося возвратить мне, надлежит представить во Владикавказский окружной суд духовное завещание покойного гвардии капитана Хастатова для утверждения, для чего необходимо представить и удостоверение в том, во сколько оценен принадлежавший г. Хастатову дом, состоящий в Пятигорске. Вследствие чего имею честь всепокорнейше просить управу выдать мне означенное удостоверение".

В выданном управою удостоверении сказано:

"Недвижимое имение, принадлежащее покойному отставному штаб-ротмистру Хастатову, находящееся в Пятигорске, записано по книгам управы под № 50 и оценено в четыре тысячи рублей серебром".

Из приведенного документа видно, что Аким Акимович Хастатов умер, по-видимому, в 1883 году, в возрасте 76 лет.

Таковы новые архивные материалы об А.А. Хастатове, которые можно дополнить краткими сведениями о последнем пери-

оде его жизни. Рассказала это автору книги племянница М.Ю. Лермонтова Евгения Акимовна Шан-Гирей в 1941 году.

Дом Хастатовых в Пятигорске находился на месте Пушкинских ванн и по внешнему виду напоминал верзилинский, но был немного меньше. Во дворе был еще флигель и хозяйственные постройки. За домами находился большой фруктовый сад. Евгения Акимовна, по ее словам, часто бывала в гостях у своего родственника Акима Акимовича Хастатова, который угощал ее черешнями и другими фруктами. Семьи у него не было. Под старость он ослеп, и Евгения Акимовна нередко заходила за ним и сопровождала его на прогулку.

Н.М. Сатин

Среди пятигорских встреч М.Ю. Лермонтова видное место занимает встреча поэта с Н.М. Сатиным, в воспоминаниях которого содержатся весьма важные сведения о пребывании Лермонтова в Пятигорске в 1837 году.

Николай Михайлович Сатин (1814—1873) одновременно с Лермонтовым учился в Московском университетском пансионе. В годы обучения близко сошелся с Герценом и Огаревым. В 1835 году был вместе с Герценом и Огаревым арестован и выслан в Симбирскую губернию, а в 1837 году переведен на Кавказ. Писал стихи, но преимущественно известен своими переводами Байрона и Шекспира.

В воспоминаниях Г.И. Филипсона,¹⁰² служившего в тот период на Кавказе,¹⁰³ о Сатине есть очень сердечный отзыв.

"Я провел, — пишет он, — зиму (1837—1838. — С.Н.) по-прежнему, почти исключительно в обществе Майера и князя Голицына (декабриста. — С.Н.). С первым я очень подружился. У них я познакомился со многими декабристами и особенно сблизился с Сатиным, молодым человеком, присланным из Московского университета в Саратов под надзор полиции за какое-то ребяческое политическое преступление. Из Саратова он получил позволение ехать на Кавказские Минеральные Воды и, по окончании курса, остался зимовать в Ставрополе в ожидании следующего курса вод. Это был очень хороший молодой человек с доброй и теплой душой, но с плохим здоровьем; он хорошо учился, много читал и был либералом московского пошиба. Сатин жил вместе с Майером и князем Голицыным на одном дворе. По-прежнему нашим спорам не было конца".

Летом 1837 года Сатин был тяжело болен ревматизмом, он усиленно лечился и не мог принимать участия в развлечениях "водяного общества". Однако, будучи человеком общительным, он успел познакомиться с некоторыми представителями местного общества, из которых особенно внимания заслуживает местный врач Н.В. Майер, числившийся при командующем войсками на Линии генерале Вельяминове, а во время курса лечивший военных больных на Кавказских Минеральных Водах.

В своих воспоминаниях, относящихся к 1837 году, Сатин писал: "С Лермонтовым мы встретились, как старые товарищи... Мы встретились уже молодыми людьми и, разумеется, школьные неудовольствия были взаимно забыты. Я сказал, что был серьезно болен и почти недвижим. Лермонтов, напротив, пользовался всем здоровьем и вел светскую, рассеянную жизнь. Он был знаком со всем "водяным обществом" (тогда очень многочисленным), участвовал на всех обедах, пикниках и праздниках. Такая, по-видимому, пустая жизнь не пропадала, впрочем, для него даром: он писал тогда свою "Княжну Мери" и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Груш-

ницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера..."¹⁰⁴ Интересные сообщения содержат воспоминания Сатина о встрече поэта у него на квартире с Белинским.

Вот как он о ней передает:

"Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеивался над своими любовями и волокитствами.

В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках. Они даже открыли, что оба — уроженцы города Чембара (Пензенской губ.)¹⁰⁵

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота. Взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками. Это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хотел от души и сыпал разными шутками.

— Да, я вот что скажу вам об вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты".¹⁰⁶

По поводу этой первой неудачной встречи двух гениальных людей имеется специальное исследование Н.Л. Бродского,¹⁰⁷ в котором он, пользуясь имеющимися сведениями об общественных и литературных взглядах Лермонтова и Белинского в тот период, считает, что они диаметрально противоречат тому, что мы находим в воспоминаниях Сатина. Объясняя это противоречие тем, что автор воспоминаний писал их в конце своей жизни и потому мог перепутать точки зрения участников беседы, Н.Л. Бродский считает возможным установить только факт встречи Лермонтова с Белинским летом 1837 года и предположение, что между ними произошла беседа, "вскрывшая их расхождения об оценке просветительной философии XVIII века".

Признавая основательность соображений Н.Л. Бродского, следует, однако, сказать, что для окончательного вывода по этому вопросу необходимы еще дополнительные изыскания.¹⁰⁸

Н.В. Майер

"Среди людей, окружавших Лермонтова, — пишет автор статьи о докторе Н.В. Майере Н.И. Бронштейн, — несомненно, одной из интереснейших фигур являлся его кавказский приятель доктор Николай Васильевич Майер. Разночинец, вольнодумец и протестант, всю свою жизнь вращавшийся в среде ссыльных, находившийся в дружеском общении с Одоевским, А. Бестужевым, Лермонтовым, Огаревым, Сатиным, Майер привлекает наше внимание как яркий представитель круга лучших людей последекабристской эпохи. Человек оригинального ума, огромной начитанности и какого-то особого душевного обаяния, Майер сохранил для нас благодарными воспоминаниями его друзей: Сатина, Огарева, Филиппсона.

Запечатлен его образ, по единогласному свидетельству многих, и Лермонтовым — в лице лучшего современника Печорина, доктора Вернера с его чертами души "испытанной и высокой". "Он был дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своем "Герое нашего времени" под именем Вернера — и так верно, что кто только знал Майера, тот сейчас и узнавал", — вспоминал декабрист Лорер, поддерживавший и личную и письменную связь с Майером до самой смерти последнего. "Лермонтов снял с него портрет поразительно верно", — свидетельствовал один из ближайших друзей Майера Сатин..."¹⁰⁹

Приведенные строки являются вступлением к содержательной и интересной работе Н.И. Бронштейн. В своей статье, помимо мемуаров, она использовала целый ряд неопубликованных еще документов из архивов Академии наук, Медико-хирургической академии и особенно ценные документы из архива бывшего III-го отделения, где ей удалось найти дело "О подозрительном поведении прикосновенного к происшествию 14 декабря 1825 года подпоручика Палицына, врача Майера и городничего Ванева".

Эти новые материалы позволили автору статьи уточнить биографические данные об отце Н.В. Майера и о нем самом в годы его ранней молодости, а также, что особенно важно, мы получили представление об отдельных чертах его характера и некоторых взглядах.

Важные сведения об этом содержат письма Майера, особенно первое из них, адресованное Палицыну, среди других оказавшееся в деле III-го отделения.

По поводу этого письма автор статьи пишет:

"Письмо интересно. Оно показывает нам, что презрение Майера к окружающим вызвано их подлостью и трусостью. Сам он находился в полной мере во всеоружии человеческого достоинства, ему "не подобает проявлять униженность". В презрении к своим судьям, в ненависти и обличении людской трусости Майер поднимается до пафоса, напоминающего нам страстный пафос обличений Лермонтова.

Кроме того, письмо нам дает возможность проследить религиозные раздумья Майера, о которых писали все современники... Письмо Майера с его упоминанием о "тысячелетнем царстве", о мистическом Иерусалиме, с несколько критическим отношением к христианству, рисует Майера вольнодумцем и в религиозных вопросах".¹¹⁰

Для более широкого освещения этого вопроса нельзя не остановиться здесь на показаниях одного из главных свидетелей по упомянутому делу штабс-капитана Наумова, приведенных автором статьи почему-то лишь в комментариях. Они свидетельствуют не только о вольнодумстве Майера, но и о полном атеизме его.

"Когда случалось мне с ним говорить, — показывает Наумов, — всегда обнаруживал он [Майер] свои безбожные мысли. Он их и не скрывал ни от кого и раз вечером, будучи у князя Суворова, так ясно изложил свой образ мыслей и так восстал против веры, что мы все попросили его замолчать, я же назвал его безбожником (un athee), но Палицын ответил мне за него на французском языке: nous ne sommes pas des athes, mais des mystiques".¹¹¹

Это показание Наумова об образе мыслей Майера гораздо ближе к характеристике доктора Вернера у Лермонтова: "Он скептик и материалист, как все почти медики..."¹¹²

Второе письмо Майера к брату Александру свидетельствует о попытках его добиться гласности в своем деле. Независимый, решительный тон писем Майера, говорящий о его смелости и неустрашимости, сыграл немалую роль в сравнительно благополучном для арестованных окончании дела.

Здесь кстати упомянуть и о других обстоятельствах, способствовавших такому окончанию. Они таковы: своевременное

уничтожение компрометирующих документов и благожелательное отношение к Майеру и его товарищам по несчастью, причастным к этому делу, командира Кавказского корпуса барона Розена, а также генерала Вельяминова.

Интересно сопоставление выдержки из письма Майера к Сатину, в котором идет речь о "горьком, но сильном лекарстве", и слов из лермонтовского предисловия к "Герою нашего времени": "Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины".¹¹³

"Возможно, — пишет Бронштейн, — что Лермонтов, составляя в 1841 году предисловие ко второму изданию своего романа и обдумывая, как привлечь внимание читателей к порокам и болезням современного поколения, и использовал медицинскую терминологию кавказского приятеля"

Приведенные материалы из статьи Н.И. Бронштейн дают представление, как много сделано ею для всестороннего ознакомления с личностью Н.В. Майера. Интерес, который привлекает к себе личность, побудил автора настоящей книги несколько дополнить эти материалы новыми сведениями, добытыми при помощи архивных изысканий.

Так, из дела Кавказского областного управления за № 2216,¹¹⁵ переданного туда 17 апреля 1841 года из штаба войск Кавказской Линии, "О медиках, назначенных к начальнику области, докторе Рожере и лекаре Майере" — можно видеть, что в конце июня 1835 года неприятное для доктора Майера дело благополучно закончилось. Майер снова поступил в распоряжение Вельяминова и, вероятно, по инициативе последнего был командирован ежегодно на время летнего сезона в Пятигорск.

Обращает на себя внимание отмеченное уже Г.И. Филипповым благожелательное отношение к доктору Майеру генерала Вельяминова, не придавшего, по-видимому, никакого значения неприятному случаю, поставившему Майера в положение "неблагонадежного".

Сочувственное отношение Вельяминова проявилось и в другом случае, когда состояние семейных дел Майера потребовало его срочной поездки в Петербург. Положение Вельяминова в этом случае оказалось очень трудным. Он прекрасно знал, что доктор Майер находился под тайным надзором и потому на поездку требуется разрешение высшего жандармского начальства или, в крайнем случае, командира Кавказского корпуса. Однако, входя в положение Майера, Вельяминов не посчитался с тем, что может навредить себе гнев властителей, и разрешил доктору двадцативосьмидневный отпуск в Петербург, оставив к тому же без всякого внимания очень странную жалобу на Майера некоего лейб-хирурга Енохина. Вот что Вельяминов писал по этому поводу командиру Отдельного Кавказского корпуса барону Розену:¹¹⁶

"Состоящий при мне лекарь Майер в рапорте от 8 сентября № 3354, поданном, за отсутствием моим, начальнику штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории расположенных ген.-майору Петрову, объяснив, что болезнь матери, смерть родного брата его и последовавшие от сего расстройств в его семействе требуют немедленного его прибытия в С.-Петербург, просил дозволить ему отправиться ко мне в действующий отряд, дабы представить лично прошение об увольнении его в отпуск". Далее Вельяминов пишет о жалобе лейб-хирурга Енохина и дает очень высокую оценку личности доктора Майера. Сущность жалобы изображается в таком виде:

"Вскоре после сего (д-ра Майера. — С.Н.) рапорта ген.-майор Петров получил рапорт лейб-хирурга, статского советника Енохина от 31 августа за № 34, коим доносит, что в бытность его на Кавказских Минеральных Водах он узнал, что лекарь Майер будто бы вел себя дурно и несообразно званию человеколюбивого

и добрыммыслящего врача и сделал оскорбление ген.-майору Сергееву, не подав нужного пособия мучившейся целую ночь от жестоких спазм жене его, о чем будто бы ген.-майор Сергеев подал уже рапорты к высшему военному и медицинскому начальству, в коих изложил поступок Майера, [и] просит о взыскании с него по законам, а потому г. лейб-хирург Енохин просит ген.-майора Петрова медику Майеру впредь до разрешения дела его с ген.-майором Сергеевым, г. военным министром и главным инспектором по медицинской части запретить выезжать из Ставрополя, не увольняя его никуда...".

Переходя к оценке личности Майера и своим соображениям по этому делу, Вельяминов пишет:

"Лекарь Майер во все время нахождения его при мне никогда не был замечен невнимательным к исполнению своей обязанности, и все больные, пользовавшиеся его советами, всегда отзывались об нем, как о медике, отлично заботившемся о больном, деятельном и усердном. Сверх сего, мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанности медика, отличается при сем совершенным бескорыстием, и я имел случай удостовериться в этом, а потому не думаю, чтобы он отказался подать помощь больной жене ген.-майора Сергеева, да и от него жалобы к ближайшему начальству Майера не поступало. Впрочем, если действительно ген.-майор Сергеев имеет причину считать себя оскорбленным, то обстоятельство это должно быть обследовано законным порядком, и если Майер будет признан не исполнившим обязанности своей, то он может быть подвергнут взысканию, где бы ни был, следовательно, нет никакой надобности воспрепятствовать ему, как просит г. лейб-хирург Енохин, выезд из Ставрополя, а потому, в уважение изложенных Майером причин, требующих скорейшего его прибытия в Петербург, и дабы не замедлить отъезда его, ожидая разрешения на отпуск от Вашего высокопревосходительства, и не лишиться его возможности устроить дела своего семейства, вместе с сим я разрешил ему отпуск на 28 дней в С.-Петербург, предоставив, буде по обстоятельствам нужно будет, просить отсрочки".

Получив сообщение Вельяминова, Розен не взял на себя окончательного разрешения этого вопроса и в секретном отношении от 12 ноября 1836 года¹¹⁷ представил его на усмотрение военного министра Чернышева, о чем приведены сведения и в статье Н.И. Бронштейн.

Из дальнейшей переписки можно узнать, что вся эта новая история закончилась для доктора Майера сравнительно благополучно.

Чернышев, получив от Розена сообщение об отпуске Майера в Петербург, уведомил о том шефа жандармов Бенкендорфа для учреждения за "неблагонадежным" тайного надзора. Одновременно Чернышев признал нужным высказать свое мнение по жалобе лейб-хирурга Енохина и сделал внушение за незаконное разрешение на отпуск.

"...Честь имею ответить, — писал он,¹¹⁸ — что, не имея в виду жалобы ген.-майора Сергеева на неподание помощи лекарем Майером больной жене его, я не нахожу оснований к дальнейшему разыскиванию этого случая по одному лишь донесению лейб-хирурга Енохина, который на сей раз вмешался не в свое дело. Что же принадлежит собственно до увольнения лекаря Майера в С.-Петербург, то при всей уважительности причин, побудивших его просить о сем увольнении, я нахожу, что ген.-лейтенант Вельяминов вовсе не был в праве дать ему отпуск сам собою, так как за ним, по распоряжению высшего правительства, учрежден тайный надзор, а засим увольнение Майера, особенно в столицу, могло зависеть только от разрешения высшей власти. Впрочем, Майер прибыл уже в С.-Петербург и об учреждении за ним надзора и здесь я отнесся к ген.-адъютанту графу Бенкендорфу".

Жалоба лейб-хирурга Енохина при всей ее загадочности заставляет вспомнить описанную Лермонтовым историю у доктора Вернера с пятигорскими врачами. Возможно, что поэт знал об этой неприятной для Майера истории от него самого и изложил в "Княжне Мери" его версию.

После смерти Вельяминова, следовавшей в начале 1838 года, доктор Майер недолго оставался при новом начальнике генерале Граббе и перешел на службу к генералу Н. Н. Раевскому-младшему, командовавшему тогда войсками на Черноморском побережье.

В деле Кавказского областного управления за № 2216 сохранился формулярный список о службе доктора Майера на 15 апреля 1841 года,¹¹⁹ из которого можно извлечь некоторые заслуживающие внимания сведения.

Так, в списке указано "греко-российское" вероисповедание доктора Майера, что в соединении с его иностранным происхождением заставляет вспомнить слова Печорина в записи от 13 мая о докторе Вернере:

"Нынче поутру, — пишет он, — зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский".¹²⁰

Графа списка об имущественном положении устанавливает, что у Майера не было ни родового, ни благоприобретенного недвижимого имущества, и потому, по понятиям того времени, его можно было считать бедным. Так и назвал Печорин доктора Вернера в той же записи от 13 мая.

В других графах можно найти сведения, что в 1841 году Майер оставался холостым, не бывал ни в походах, ни сражениях, ни в штрафах, ни под судом.

Из другого источника — "Книга ваннх билетов на серные ванны в Пятигорске в 1837 году"¹²¹ — мы знаем, что в этом году он одновременно с Лермонтовым принимал серные ванны в Пятигорске и имел, таким образом, возможность часто встречаться с поэтом.

Много интересного о Майере дают два его письма к Сатину, хранящиеся в фонде последнего в Центральном государственном литературном архиве и до настоящего времени мало использованные. Письма, написанные на французском языке, датированы: первое — 17 и второе — 24 ноября 1838 года.

Много внимания уделяется в них тяжелой болезни Сатина, от которой он упорно, но, по-видимому, без заметного успеха лечился на Кавказских Минеральных Водах подряд три сезона (1836—1838), пользуясь советами Майера. Обращает на себя внимание в высшей степени сердечное отношение последнего к своему пациенту и другу.

Во втором из писем имеется интересный отзыв Майера о своих военных начальниках.

"Генерал Граббе, — говорит он, — честный человек, воспитанный на хорошем чтении, он мне очень нравится, но мы с ним не так близки, как я был со славной памятью покойным Вельяминовым".

Из других сообщений заслуживают внимания сведения о тяжелых переживаниях Майера после его неудачного увлечения некоей госпожой Мансуровой, довольно скоро его покинувшей.

Рассказ об этой печальной истории встречается в воспоминаниях Филипсона. Но более ясное представление о глубине и силе испытанного Майером разочарования содержат все те же два письма. Уже в первом из них, от 17 ноября, он обращается к Сатину с вопросом, "не дошел ли до вас какой-нибудь слух, касающийся госпожи М[ансуровой]? Если нет, не можете ли вы получить какие-нибудь информации по этому предмету?"

Не получив, по-видимому, от Сатина ответа на всецело захвативший его вопрос, Майер вновь, с еще большей настойчивос-

тью возвращается к нему во втором письме. Он описывает свое тяжелое душевное состояние.

"...Я не чувствую себя слишком плохо от этого уединения. Прежде всего я сплю, и много, и потом я вспоминаю проказы моей прошлой жизни. Мадам в этом случае на первом плане; а также немного читаю.

Но, по правде сказать и без большой самонадеянности, у меня вовсе нет необходимости много читать. Я знаю бесконечное количество вещей, затем — у меня достаточно собственных взглядов и того, что называют оригинальными идеями, которые приходят мне в голову не с помощью книг. Я читаю, чтобы дать точку опоры моему подвижному воображению, так сказать, вплоть до болезненного состояния; я читаю, чтобы отделаться от грустных и печальных воспоминаний.

В глубине я начинаю думать, что я искренне люблю мадам. Вспоминаю о ней, сердце как бы чем-то жгучим изливается в буквальном смысле. Постарайтесь узнать, что с ней. Я вас умоляю, ради бога, если вы желаете мне добра, напишите мне..."

В заключении письма он вновь возвращается к больному для него вопросу и говорит о возлюбленной с предельной искренностью и откровенностью.

"Я думаю, — пишет он, — что становлюсь старым, потому что делаюсь безучастным, но это потому, что годы 36-й и 38-й разбили мне всю энергию. Испытание было суровым, я пролил кровавые слезы и испытал моменты агонии. Господь милосердный да простит их той, которая была их виновницей".

По поводу этих откровенных признаний Майера в своей страстной любви к Мансуровой интересно вспомнить запись в дневнике Печорина от 13 мая, относящуюся к увлечениям доктора Вернера. Очевидно, имея в виду случай с доктором Майером, Лермонтов пишет о Вернере в "Княжне Мери":

"Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких (как доктор Вернер. — С.Н.) людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самих свежих и розовых эндимионов. Надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной; оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин..."¹²²

Это заключение, вполне соответствующее собственным признаниям Майера, лишней раз подтверждает близость доктора Вернера к своему прототипу.

В этой связи необходимо подчеркнуть и еще одну поразительно сходную черту между ними. Описывая в записи от того же 13 мая начало своего знакомства с доктором Вернером в Ставрополе, Печорин рассказывает: "Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях".

Эту склонность к беседам философско-метафизического характера мы находим и у доктора Майера.

Помимо приведенной уже выдержки из второго письма к Сатину, в которой Майер говорит о достаточном количестве у него собственных взглядов и оригинальных идей, он в первом своем письме от 17 ноября пишет:

"Белизар¹²³ отправил мне несколько книг, у меня имеются еще ваши, этого мне достаточно, — да и поговорить не с кем, некому дебатировать парадоксы обычные".

Заканчивал свое второе письмо Майер так: "Я вам рассказал приблизительно все. Поступайте так же, говорите все, что вы думаете, проектируете, предпринимаете, читаете, — это будет служить для меня доказательством, что вы вовсе не сомневаетесь в той доброй дружбе, которую я к вам питаю".

На этом обрывается переписка Майера с Сатиным. Возможно, что следующие письма Майера не сохранились, но может быть, эта переписка прекратилась сама собою после того, как Сатин не мог сообщить Майеру никаких сведений о Мансуровой.

В дополнение к известным сведениям Филипсона и Лорера о последних годах жизни Майера после его женитьбы на С.А. Дамберг можно привести неопубликованную еще выдержку из письма Н.И. Лорера к М.М. Нарышкину от 23 июля 1845 года¹²⁴ незадолго до смерти Майера.¹²⁵ Здесь изложены относящиеся к этому периоду интересные замечания Майера, к сожалению, не совсем складно переданные Лорером:

"Уже давно, очень давно не имею от тебя писем, — жалуется Лорер, — писал тебе из Николаева, который я оставил еще в апреле месяце, но не получил ответа и потому справедливым нахожу нашего умного и доброго приятеля Н.В. Майера его собственное замечание. Спрашивал о тебе, говорит, что отсутствие — и отношения понемногу охладели. Это естественное последствие семейного быта: есть возле себя о ком заботиться, зачем мысленно пускаться в даль. Редко пишут, понемногу, и это перестанут, а пройдет еще несколько времени, некому будет писать — пальцы охладели... Грустно читать это замечание". Изложенные в этом письме мысли Майера свидетельствуют об испытанном им в конце своей жизни разочаровании в друзьях.

Н.П. Колюбакин

Мнения современников поэта о том, кто был прототипом Грушницкого, разделились. Большинство из них видело в Грушницком Н.П. Колюбакина, занимавшего впоследствии на Кавказе высокое служебное положение. Но были и такие, как, например, известный немецкий поэт и переводчик Лермонтова Боденштедт, который, согласно утверждению М.П. Глебова, считал, что прототипом Грушницкого являлся будущий убийца поэта Мартынов. Известный советский лермонтовед профессор Л.П. Семенов, основываясь на свидетельствах по этому вопросу А.П. и Э.А. Шан-Гирей, М.Н. Лонгинова и других и соглашаясь с первым биографом поэта проф. Висковатым о необоснованности мнения о Мартынове, как прототипе Грушницкого, приходит к такому выводу:

"История создания типа Грушницкого требует дальнейших разысканий, но и приведенные сведения, по нашему мнению, дают нам право признать, что имя Н.П. Колюбакина не без основания связано с известным образом Лермонтова. Писатель, как мы видели, ввел в роман эпизоды из жизни Колюбакина — ранение, послужившее поводом к поездке на Кавказские Минеральные Воды, получение офицерского чина. Сохранены и некоторые характерные черты того же лица — вспыльчивость, фатоватость, бреттерство".¹²⁶

К такому же выводу приходит и другой лермонтовед, С.Н. Дурьлин.¹²⁷ Помимо источников, использованных Л.П. Семеновым, он приводит свидетельства жены Колюбакина, графа К. Бенкендорфа и П.И. Бартенева. Наиболее интересно свидетельство последнего. "Н.П. Колюбакин, — пишет Бартнев, — был другом Марлинского и в способе выражаться носил в себе следы этой дружбы".¹²⁸

Как видно, помимо сходства некоторых жизненных эпизодов у Колюбакина и Грушницкого, в характерах того и другого можно отметить немало общих черт. Однако сохранились и такие свидетельства, которые рисуют Н.П. Колюбакина гораздо более сложной натурой и притом очень привлекательной.

Так, его бывший адъютант А. Щербаков в своих воспоминаниях рассказывает, что в 1834—1835 годах в Ставрополе Колюбакину пришлось жить в одном доме с декабристами Бестужевым-Марлинским и Палицыным и их другом доктором Майером. Назвав далее, явно ошибочно, в числе проживавших с ними лиц и М.Ю. Лермонтова, Щербаков продолжает:

"Можно представить, что вынес этот всегда восприимчивый человек из этой группы людей науки, поэзии и политических убеждений..."¹²⁹

Щербаков рисует Н.П. Колюбакина с самой выгодной стороны: "Воспитанник Царскосельского лицея, образованный, глубоко начитанный, рыцарь честности и беспристрастия, он мог бы сделаться одним из государственных людей, но этому мешал его своеобразный характер".¹³⁰

Такая характеристика Колюбакина, ни в коей мере не применимая к типу Грушницкого, кажется нам на первый взгляд совершенно неправдоподобно, но не надо забывать, что Колюбакин в молодости и в зрелом возрасте довольно резко различался по своему характеру.

"Позднее, — пишет проф. Висковатый, — ...этот задор утих, и наружу вышли славянское добродушие и хлебосольство. Колюбакин, будучи военным губернатором Кутаиса, пользовался общео любовью..."¹³¹

Следует добавить, что и Л.П. Семенов приводит один любопытный рассказ, в котором личность Н.П. Колюбакина не согласуется с типом Грушницкого.

"К этому времени [1837], — говорится здесь, — относится лечение его раны на пятигорских водах и знакомство с Лермонтовым. Они не сошлись по эксцентричности своих натур, и поэт в "Герое нашего времени" набросал карикатурный силуэт Колюбакина в типе Грушницкого. Колюбакин знал это и добродушно прощал Лермонтову эту злую против себя выходку..."¹³²

Всякий раз, когда заходит речь о прототипах действующих лиц повести "Княжна Мери", невольно вспоминается сообщение Н.М. Сатина, "Те, — говорит он, — которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинально-го доктора Майера".¹³³

По точному смыслу этих слов следует, что прототип Грушницкого, кто бы он ни был, проводил летний сезон 1837 года в Пятигорске. Если мы обратимся к биографическим материалам о Мартынове, подтверждаемым и архивными о нем документами, то увидим, что все лето 1837 года, начиная с конца апреля по 29 сентября, Мартынов провел в экспедициях за Кубанью и по одному этому, если верить Сатину, не мог явиться прототипом Грушницкого, хотя некоторые черты его характера, наиболее типичные для военной молодежи того времени, Лермонтов мог, конечно, использовать при создании этого образа.

В то же время имеется три новых, неопубликованных документа, которые помогают решить вопрос о прототипе Грушницкого в пользу Колюбакина.

В первом из этих документов — журнале входящих бумаг штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории за 1837 год — 7 апреля отмечен рапорт генерал-майора Вольховского об отпуске унтер-офицера Нижегородского драгунского полка Колюбакина (написано "Колюбякина". — С.Н.) в Пятигорск для пользования минеральными водами.¹³⁴

Этот документ дает возможность сделать несколько выводов. Он подтверждает, что Колюбакин летом 1837 года одновременно с М.Ю. Лермонтовым лечился в Пятигорске; что в начале своего пребывания он находился на положении разжалованного; что Колюбакин еще до возвращения ему офицерского звания слу-

жил в Нижегородском драгунском полку, и как однополчанин М.Ю. Лермонтова, конечно, легко мог с ним познакомиться.

Заслуживает внимания и второй документ — приказ по Отдельному Кавказскому корпусу от 30 июля 1837 года за № 70.¹³⁵ К нему приложен список разного рода военных чинов, отличившихся в экспедиции против горцев 1836 года. В списке среди других отмечено награждение унтер-офицера Нижегородского драгунского полка Колюбакина (написано "Колюбякина") чином прапорщика. В высочайшем приказе об этом награждении было объявлено еще 31 мая того же 1837 года, так что сведение об этом могло сделаться известным и ранее 30 июля.

Таким образом, приведенным документом подтверждается и второй важный факт — производство Колюбакина летом 1837 года в офицеры, совпадающий с фабулой повести "Княжна Мери".

Последний документ — журнал входящих и исходящих бумаг за 21 июня — 31 июля 1837 года штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории (фонд № 1083) — свидетельствует, что Колюбакин выехал по окончании лечения в отряд 29 сентября 1837 года. Следовательно, все лето 1837 года он пробыл в Пятигорске.

О прототипах княжны Мери

Первый биограф поэта П.А. Висковатый писал: "Утверждали, что в ней [княжне Мери] поэт выставил сестру Мартынова, что будто и было настоящею причиною несчастной дуэли. Видели прототип княгини и княжны Лиговских в г-же Киньяковой с дочерью из Симбирска, лечившихся в Пятигорске, в г-же Ивановой из Елисаветграда, в г-же Прянишниковой и племяннице ея, г-же Быховец, с которой, впрочем, Лермонтов познакомился перед последнею своею дуэлью. В 1881 году по Пятигорскому бульвару и у источников ходила г-жа В. в длинных седых локонах, со следами стройной красоты. Ее все называли "княжной Мери", и она принимала это название с видимым удовольствием. Но самое курьезное, это упорное уверение разных собирателей вестей о Лермонтове, что поэт списывал главную героиню своего романа с Э.А. Шан-Гирей. Тщетно почтенная и уважаемая Эмилия Александровна более 10 лет в целом ряде заметок, в различных журналах сообщает, что она познакомилась с Михаилом Юрьевичем в мае 1841 года, тогда как "Герой нашего времени" был написан с 1838 по 1840 год. Последний рассказ "Княжна Мери", оконченный в октябре или ноябре, был напечатан раньше последнего выезда поэта на Кавказ. Ея сообщениям не внемлют. Уже, видно, так созданы люди, что им непременно верится в то, во что им почему-либо хочется верить, а не в то, что есть на самом деле..."¹³⁶

Если по-прежнему следовать указанию Н.М. Сатина и круг лиц, которые могли послужить прототипом княжны Мери, ограничить только находившимися летом 1837 года в Пятигорске, то из приведенного выше списка придется исключить Э.А. Шан-Гирей и племянницу Прянишниковой Катю Быховец. Обе они, по их утверждению, познакомилась с поэтом только весной 1841 года и потому не могли явиться прототипами.

Из остальных названных Висковатым лиц имеем возможность подтвердить присутствие летом 1837 года в Пятигорске: семьи Мартыновых — отставного подполковника, матери и дочери их (ошибочно названной в книге ванных билетов Настасьей вместо Натальи), и семьи майора Киньякова, состоявшей из него самого, его жены и дочери. Обе эти семьи, если судить по упомянутой книге, пробыли в Пятигорске до конца июля. Что касается указанной Висковатым г-жи Ивановой из Елисаветграда, то эта часто встречающаяся фамилия трудно поддается проверке.

Из упомянутых двух семей о чете Киньяковых и их дочери как возможном прототипе "Княжны Мери" добавить к краткому сообщению Висковатого нечего. Что же касается Натальи Соломоновны Мартыновой, сестры будущего убийцы поэта, то по интересующему нас вопросу сохранились некоторые сведения.

Известно, что Лермонтов бывал в доме Мартыновых, когда учился в Москве. Позднее, по окончании одновременно с Н. Мартыновым юнкерской школы, Лермонтов продолжал посещать во время своих проездов через Москву семейство Мартыновых. Бывал он у них, конечно, и в период одновременного пребывания с ними в Пятигорске летом 1837 года.

Интересно сообщение Д. Оболенского по этому же вопросу: "Что сестры Мартынова, — писал Д. Оболенский в 1893 году, — как и многие тогда девицы, были под впечатлением и обаянием таланта Лермонтова, неудивительно и очень было известно. Вернувшись с Кавказа, Наталья Соломоновна бредила Лермонтовым и рассказывала, что она изображена в "Герое нашего времени". Одной нашей знакомой она показывала красную шаль, говоря, что ее Лермонтов очень любил. Она не знала, что "Героя нашего времени" уже многие читали и что пунцовый платок помянут в нем совершенно по другому поводу".¹³⁷

О самой Наталье Соломоновне Оболенский говорит, что "она была собою красавица". В 1837 году ей было 18 лет.

В дневнике А.И. Тургенева под 22 мая 1840 года записано: "...В Наталье Мартыновой что-то милое и ласковое для меня..."¹³⁸

Сопоставляя приведенные данные, следует сказать, что она является вполне возможным прототипом героини повести.¹³⁹

Встречи с декабристами

Вопреки существовавшему до сего времени убеждению, что Лермонтов близко познакомился со всеми переведенными на Кавказ декабристами еще осенью 1837 года, обнаруженные автором настоящей книги в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР материалы показывают, что в период первой ссылки поэт мог встречаться только со своим однополчанином А.И. Одоевским (1802—1839) и декабристами, прибывшими на Кавказ ранее 1837 года, а именно: В.М. Голицыным (1802—1859) и С.И. Кривцовым (1802—1864).

Остальные декабристы, прибывшие в Ставрополь вместе с А.И. Одоевским в начале октября 1837 года, не могли в этот период встречаться с Лермонтовым, как об этом сообщает в своих записках Сатин. Все они, как видно из архивных документов, прибыли на место назначения под конвоем казачьих урядников и до проезда через Ставрополь Николая I (17 октября) были под конвоем же отправлены по своим полкам. Только Лихарев, назначенный в Грозный, выехал в свой полк на следующий день после приезда царя.¹⁴⁰ В настоящее время известно также, что М.Ю. Лермонтов в начале октября проезжал через Ставрополь из Ольгинского укрепления в Тифлис по одному направлению с А.И. Одоевским. Он мог встретиться с Одоевским, когда тот выезжал из Ставрополя, или мог догнать его на Военно-Грузинской дороге и дальше путешествовать вместе. Возможно, вспоминая в 1839 году совместную поездку с Одоевским по Военно-Грузинской дороге, Лермонтов писал:

Я знал его: мы странствовали с ним

В горах востока, и тоску изгнания

Делили дружно...¹⁴¹

Из пятигорского окружения Лермонтова в 1837 году можно определенно назвать одного декабриста — Валерьяна Михайло-

вича Голицына, который был близким знакомым доктора Майера и, как видно все из той же "Книги ваннх билетов сезона 1837 года", лечился в то время в Пятигорске.

Рассказывая о встречах с Майером и его друзьями-декабристами в Ставрополе после их переезда туда осенью 1837 года, Г.И. Филиппсон писал:

"Через Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые по разрядам присылались из Сибири в войска Кавказского корпуса. Из них князь Валериан Михайлович Голицын жил в одном доме с Майером и был нашим постоянным собеседником. Это был человек замечательного ума и образования. Аристократ до мозга костей, он был бы либеральным вельможей, если бы судьба не забросила его в сибирские рудники. Казалось бы, у него не могло быть резких противоречий с политическими и религиозными убеждениями Майера, но это было напротив. Оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо их отстаивали. Спорам не было конца, и нередко утренняя заря заставляла нас за нерешенным вопросом".¹⁴²

Об этих спорах с Голицыным вспоминал и Сатин. "Споры с ним, — говорил он, — были самые интересные: мы горячились, а он, хладнокровно улыбаясь, смело и умно защищал свои софизмы, и большею частию, не убеждая других, оставался победителем".¹⁴³

Мы видели уже в предыдущих главах, что в 1838 году, вспоминая эти оживленные собрания, Майер жаловался, что ему "говорить не с кем, некому дебатировать парадоксы обычные".

Из других декабристов летом 1837 года в Пятигорске быть еще С.И. Кривцов, переведенный на Кавказ в 1838 году, на два года позднее Голицына. Это был довольно беспечный человек, склонный к увлечениям. Филиппсон в своих воспоминаниях сообщает о нем такие сведения:

"Сергей Иванович Кривцов был большого роста, с резкими чертами лица, порядочно образован, но довольно легкого характера. В 1838 г[оду] он был произведен в прапорщики и на одном балу пустился в пляс. Голицын подошел к нему и полшута шепнул: "Mon cher Кривцов, vous derogez a vortre dignite de rendu" ("Любезный Кривцов, вы роняете ваш сан висельника"). В самом деле, как-то неловко видеть прыгающего между молодежью человека пожилого, прошедшего чрез такое страшное бедствие..."¹⁴⁴

В.Д. Вольховский

Сообщив некоторые сведения о декабристах, необходимо сказать несколько слов еще об одном лице, причастном к 14 декабря, — начальнике штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майоре Вольховском. Уже в советское время выяснилось, что Вольховский, как хороший знакомый А.И. Философова — родственника и покровителя М.Ю. Лермонтова, — принимал в судьбе поэта самое близкое участие. В архиве Философова сохранилось ответное письмо Вольховского от 8 августа 1837 года из Тифлиса:

"Письмо твое, любезнейший и почтеннейший Алексей Илларионович, от 7 мая получил я только в начале июля в Пятигорске и вместе с ним нашел там молодого родственника твоего Лермонтова. Не нужно тебе говорить, что я готов и рад содействовать добрым твоим намерениям насчет его. Кто не был молод и неопытен? На первый случай скажу, что он, по желанию ген. Петрова, тоже родственника своего, командирован за Кубань, в отряд ген. Вельяминова: два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему небесполезны — это предействительное прохладительное средство (calmant),¹⁴⁵ а сверх того — лучший способ загладить

проступок. Государь так милостив, что ни одно отличие не остается без внимания его. По возвращении Лермонтова из экспедиции постараюсь действовать насчет его в твоём смысле".¹⁴⁶

Мы уже знаем, что П.И. Петров во время пребывания М.Ю. Лермонтова в первой ссылке, так же, как и А.И. Философов, принимал в судьбе поэта самое горячее участие. Петров, по-видимому, отказался от своего первоначального намерения командировать заболевшего Лермонтова в отряд Вельяминова и этим сберег племянника от всяких военных случайностей. Направляя из Тифлиса свое письмо, Вольховский еще не знал об изменении Петровым своих намерений относительно поэта. Но можно не сомневаться, что он сделал все возможное для того, чтобы выхлопотать для Лермонтова прощение.

Глава III. Вторая ссылка М.Ю. Лермонтова на Кавказ

13 апреля 1840 года по окончании судебного дела о дуэли с Барантом последовал приказ Николая I о переводе Лермонтова из лейб-гвардии гусарского полка тем же чином в Тенгинский пехотный полк. Однако дуэль была только предлогом для ссылки. В этом случае сказалось явное недовольство царя "неблагодарностью" поэта, получившего в конце 1837 года "высочайшее прощение", но не изменившего свободного образа мыслей.

Современный исследователь Лермонтова С.А. Андреев-Кривич считает, что, посылая поэта под пули горцев в один из кавказских полков, которому в 1840 году предстояло участвовать в особенно тяжелой экспедиции на Черноморском побережье, царь таким путем желал вернее избавиться от неудобного поручика.

Подтверждение того он видит и в позднейшем, уже не заставшем поэта в живых, распоряжении царя, где выражалось требование, "дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку".¹

Однако предположение С.А. Андреева-Кривича вызывает возражение. Автор совершенно не остановился на вопросе об опасности, которая в то время существовала на левом фланге. А между тем архивные документы достаточно убедительно показывают, что в Галафеевских экспедициях 1840 года на левом фланге, где поэт неоднократно проявлял отчаянную храбрость, опасность для его жизни была, по-видимому, большей, чем в Тенгинском полку на правом фланге.

При таких условиях царское распоряжение, на которое ссылается С.А. Андреев-Кривич, становится непонятным, если придерживаться принятого автором толкования. Тем более, если цитату из второго распоряжения Николая привести в более полном виде. В рапорте начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Коцебу на имя генерала Граббе от 18 августа 1841 года за № 1391 это распоряжение изложено следующим образом: "Государь император, заметив в представлении г. корпусного командира от 5 минувшего марта № 458-м с ходатайством о наградах, что переведенный 13 апреля 1840 года за проступок лейб-гвардии из гусарского полка в Тенгинский пехотный полк поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в Чеченской экспедиции с особо порученною ему казачьей командою, повелеть соизволил: сооб-

щить г. корпусному командиру о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку..."²

Смысл царского распоряжения делается понятным только в том случае, если мы будем толковать его таким же образом, как все прежние биографы поэта, начиная с П.А. Висковатого.

"В предписании говорилось, — пишет Висковатый, — чтобы поручика Лермонтова ни под каким видом не удалять из фронта полка, т. е. не прикомандировывать ни к каким отрядам, назначаемым в экспедицию против горцев. Таким образом, поэт и не подозревал, что ему отрезывается всякий путь к выслуге, а он именно надеялся "выслужить себе на Кавказе отставку".³

Подтверждение такого толкования Висковатого — правда, по отношению к другому лицу — декабристу Добринскому, есть у известного советского историка М.В. Нечкиной.

"Добринского, — пишет она, — надо было устроить в полк, предназначенный для ближайших боевых действий, — это давало бы способ быстрее продвижения сосланного на Кавказ и приближало перспективы снятия кары. Попастъ же в бездействующий полк где-либо в отдалении от линии боевых действий, значило обречь себя на длительное прозябание без перспективы производства".⁴

Тенгинский полк в 1840 году никак нельзя было считать бездействующим. Тем более что Лермонтов состоял во главе особой казачьей команды и, несомненно, имел гораздо более случаев для боевых отличий, чем на положении заурядного младшего офицера в своем полку. Это привилегированное его положение и вызвало раздражение у царя, вычеркнувшего фамилию поэта из наградных списков.

Мы видим, таким образом, что цель жестокого и мстительно-го Николая была скорее направлена на то, чтобы сделать наказание поэта более утонченным и особенно чувствительным для него. Оно ведь осуждало М.Ю. Лермонтова на долгую ссылку, которая была для него хуже смерти.

Лермонтов на Кавказе в 1840 году

Выехав из Петербурга в начале мая, поэт около месяца пробыл в Москве, где посетил своих знакомых. 9 мая он присутствовал на именинном обеде у Гоголя, где читал отрывки из "Мцыри". В последних числах мая он уезжает на Кавказ, на три дня останавливается в Новочеркасске у своего бывшего командира генерала М.Г. Хомутова и 10 июня приезжает в Ставрополь.

После кратковременного пребывания здесь он 18 июня командирован на левый фланг Кавказской Линии для участия в экспедиции под начальством генерал-лейтенанта Галафеева.

В письме своему приятелю А.А. Лопухину накануне отъезда в отряд 17 июня Лермонтов пишет;

"Я здесь, в Ставрополе, уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом, который также едет в экспедицию и который вздыхает по графине Зубовой, о чем прошу ей всеподданнейше донести".⁵

Движение отряда, к которому поэт был прикомандирован, началось из лагеря при крепости Грозной 6 июля, и Лермонтову пришлось принять участие в целом ряде стычек и сражений, из которых самое значительное произошло 11 июля на реке Валерик. Поэт проявил здесь храбрость, отмеченную в журнале военных действий, и был представлен к боевой награде. Этот кровопролитный бой Лермонтов показал в стихотворении "Валерик".

За время с 25 сентября до середины октября М.Ю. Лермонтов участвует в новой экспедиции и снова за боевые отличия представляется к награде.

Во второй половине этой экспедиции ему пришлось быть во главе команды охотников, порученной ему после ранения Р.И. Дорохова. Он также принял участие в двух экспедициях в Малую Чечню под начальством генерала Граббе. Первая продолжалась с 27 октября по 6 ноября и вторая — с 9 по 20 ноября.

В промежутке между экспедициями поэт жил на Кавказских Минеральных Водах. В письме А.А. Лопухину от 12 сентября 1840 года из Пятигорска М.Ю. Лермонтов сообщал: "Я теперь вылез из почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню...".⁶

На первый взгляд, можно было бы подумать, что и на этот раз поэт лечился в Пятигорске. Однако в пятигорской книге ванных билетов за 1840 год фамилия поэта ни разу не встречается. Отсюда можно сделать вывод, что Лермонтов написал это письмо проездом через Пятигорск, по-видимому, на обратном пути из Кисловодска.

Из-за отсутствия кисловодских книг ванных билетов в бышем архиве Управления Кавказских Минеральных Вод установить пребывание поэта в Кисловодске документально невозможно, но мы знаем, что независимо от характера болезни, Кисловодск всегда являлся конечным этапом всякого лечения на Кавказских Минеральных Водах.

Немного позднее Лермонтову, возможно, пришлось встретиться на Кавказе с одним из своих самых близких друзей Святославом Афанасьевичем Раевским, находившимся в то время в должности чиновника особых поручений при Кавказском гражданском губернаторе. Он попал сюда после довольно продолжительного пребывания в ссылке 5 июня 1839 года и пробыл, судя по документам Ставропольского госархива, по крайней мере, до начала октября 1840 года.⁷

По окончании тяжелых экспедиций в Большую и Малую Чечню Лермонтов имел возможность пробыть некоторое время в Ставрополе. Он часто бывает здесь у барона И.А. Вревского в интересной компании, где бывали переведенные на Кавказ декабристы.

Вот как описывает вечера у Вревского один из их участников А.Д. Есаков:⁸ "...мне вспомнился 1840 г., когда я, еще совсем молодым человеком, участвовал в осенней экспедиции в Чечне и провел потом зиму в Ставрополе... Редкий день в зиму 1840 — 41 гг. мы не встречались в обществе. Чаще всего сходились у барона Ипп. Ал. Вревского, тогда капитана генерального штаба, у которого, приезжая из подгородней деревни, где служил в батареях, там расположенной, останавливался. Там, т. е. в Ставрополе, действительно, в ту зиму, собралось, что называется la fine fleur молодежи.⁹ Кроме Лермонтова, там зимовали гр. Карл Ламберг, Д. Столыпин (Mongol),¹⁰ Сергей Трубецкой, генерального штаба: Н.И. Вольф, Л.В. Россильон, Д.С. Бибииков, затем Л.С. Пушкин, Р.И. Дорохов и некоторые другие, которых не вспомню. Увы, всех названных пережил я. Вот это общество раз-два в неделю собиралось у барона Вревского. Когда же случилось приезжать из Прочного Окопа (крепость на Кубани) рядовому Михаилу Александровичу Назимову (декабрист, ныне живущий в городе Пскове), то кружок особенно оживлялся. Несмотря на скромность свою, М.А. как-то само собой выдвигался на почетное место и все, что им говорилось, бывало выслушиваемо без перерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался М.Ю. Лермонтов. Никогда я не замечал, чтобы в разговоре с М.А. Назимовым, а также с И.А. Вревским Лермонтов позволял себе обычный свой тон persiflage'a.¹¹ Не то бывало со мной. Как младший, юнейший в этой избранной среде, он школьничал со мной до пределов возможного; а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймёт мой пыл".

Более официальная обстановка имела место на обедах у командующего войсками на Кавказской Линии генерала Граббе, где Лермонтов тогда тоже часто бывал. Об этих обедах постоянно присутствовавший на них А.И. Дельвиг в своих воспоминаниях рассказывает:

"За обедом всегда было довольно много лиц, но в разговорах участвовали Граббе, муж и жена, Траскин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливиков картинною галерею".¹²

Поездка в Петербург в начале 1841 года

Е.А. Арсеньевой после усиленных хлопот о прощении внука удалось добиться лишь увольнения его в двухмесячный отпуск для свидания с нею.

"Все бабушкины попытки, — пишет А.П. Шан-Гирей, — выхлопотать еще раз своему Мише прощенье остались без успеха, ей сказали, что не время еще, надо подождать".¹³

30 января 1841 года в ведомости московского коменданта отмечено прибытие поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова в Москву из Ставрополя,¹⁴ а в первых числах февраля он прибыл в Петербург. Здесь с первых же шагов он допустил большую, по понятиям того времени, оплошность: будучи опальным офицером, явился на бал к графине Воронцовой-Дашковой, где присутствовали члены императорской фамилии.

Вот что писал он сам об этом в феврале 1841 года своему кавказскому сослуживцу Д.С. Бибикову:

"Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясню тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моем, а мне дали отпуск; но я скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот такие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо...".

В передаче Висковатого известен рассказ Краевского, при каких обстоятельствах произошел отъезд Лермонтова на Кавказ.

Как-то утром вбежал Лермонтов в кабинет Краевского в сильнейшем возбуждении, напевая какую-то "невозможную песню". Он несколько раз выбегал из кабинета и снова возвращался туда, бросаясь на диван. Краевский не выдержал: "Да скажи ты, ради бога, что с тобою...". "Михаил Юрьевич, — рассказывает Краевский, — вскочил, подбежал ко мне и, схватив за борты сюртука, потряс так, что чуть не свалил меня со стула. "Понимаешь ли ты! Мне велят выехать в 48 часов из Петербурга". Оказалось, что его разбудили рано утром. Клейнмихель приказывал покинуть столицу в дважды двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру. Дело это вышло по настоянию гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и выпуске его в отставку".¹⁵

Последний приезд в Пятигорск

Выехав из Петербурга 14 апреля, М.Ю. Лермонтов через три дня прибыл в Москву. Около 23 апреля он выехал из Москвы на Кавказ и после коротких остановок в Туле у А.М. Меринского и в Мишкове Мценского уезда Орловской губернии у М.П. Глебова он 9 мая прибыл в Ставрополь вместе с А.А. Столыпиным (Монго), с которым встретился в Туле.

"Милая бабушка, — писал он Е.А. Арсеньевой, — я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная...".¹⁶

В этом же письме он вновь возвращается к волновавшему его вопросу об отставке:

"Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку...".¹⁷

Несомненно, что эта надежда на близкое прощенье объясняется сравнительно скорым возвращением его в 1837 году из первой ссылки. Она же, вероятно, побудила его самовольно изменить указанный ему маршрут в Темир-Хан-Шуру и заехать в Пятигорск. Выехав из Ставрополя вместе с А.А. Столыпиным (Монго) 10 мая и доехав до Георгиевска, он, как рассказывает их случайный попутчик Магденко, неожиданно для своих спутников решил ехать в Пятигорск. Вот как описывает Магденко разговор поэта со Столыпиным на почтовой станции в Георгиевске.

"На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпиным сидели уже за самоваром, обратясь к последнему, сказал: "Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины (он назвал еще несколько имен), поедем в Пятигорск". Столыпин отвечал, что это невозможно. "Почему? — быстро спросил Лермонтов, — там комендант старый Ильяшенков, и являться к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск". С этими словами Лермонтов вышел из комнаты...

Через некоторое время дверь отворилась, быстро вошел Лермонтов, сел к столу и, обратясь к Столыпину, произнес повелительным тоном: "Столыпин, едем в Пятигорск! — С этими словами вынул он из кармана кошелек с деньгами, взял из него монету и сказал: — Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадет кверху орлом — едем в отряд; если решеткой — едем в Пятигорск. Согласен?"

Столыпин молча кивнул головой. Полтинник был брошен, и к нашим ногам упал решеткой вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал: "В Пятигорск, в Пятигорск! позвать людей, нам уже запрягли!..."¹⁸

В тот же день поэт и его спутники прибыли в Пятигорск и остановились в здании ресторации. Это было 13 мая 1841 года.¹⁹

О том, как М.Ю. Лермонтову удалось задержаться в Пятигорске, П.А. Висковатый пишет:

"Тотчас по приезде Лермонтов стал изыскивать средства получить разрешение остаться в Пятигорске. Он обратился к услужливому и "на все руки ловкому" Найтаки, и тот привел к нему писаря из Пятигорского комендантского управления Карпова, который заведовал полицейскою частью... и списками вновь прибывающих в Пятигорск путешественников и больных... Он составил рапорт на имя пятигорского коменданта, в котором Лермонтов сказывался больным. Комендант Ильяшенков распорядился об освидетельствовании Михаила Юрьевича в комиссии врачей при пятигорском госпитале... Лермонтов и Столыпин были признаны больными и подлежащими лечению минеральными ваннами, о чем 24 мая за №№ 805 и 806 комендант Ильяшенков донес в штаб войск Кавказской Линии и Черномории в Ставрополь. К рапорту было приложено и медицинское свидетельство о болезни обоих офицеров".

"Написав первый рапорт свой Ильяшенк[ову], — продолжает несколько далее Висковатый, — друзья пошли осматривать рекомендованную им квартиру в доме Вас. Ив. Чиляева, лежавшем на краю города, на верхней площадке, недалеко от подошвы Машука. Обойдя комнаты, поэт остановился на балкончике, выходящем в садик на противоположной стороне дома... Пока

Столыпин делал разные замечания и осведомлялся о цене квартиры, Михаил Юрьевич стоял задумавшись.

Сговорившись с хозяином, Алексей Аркадьевич спросил своего друга: "Ну, что, Лермонтов, хорошо ли?" Поэт словно очнулся и небрежно ответил:

"Ничего... здесь будет удобно... дай задаток". Столыпин вынул бумажник и заплатил все деньги за квартиру".²⁰

Дом на усадьбе В.И. Чиляева (Домик Лермонтова)

На плане Пятигорска 1831 года расположенная ныне под № 4 по улице Лермонтова бывшая чиляевская усадьба входила в состав большого земельного участка, принадлежавшего тогда коллежскому ассессору Уманову (на углу нынешних улиц Лермонтова и К. Маркса). Первые сведения об этом земельном участке относятся к 1823 году, когда Умановым было получено разрешение командовавшего тогда войсками на Кавказской Линии генерала Сталья построить на этом месте деревянный дом на каменном фундаменте.²¹

К 1827 году, как видно из книги пятигорских недвижимостей от 1839 года²², на участке Уманова было построено уже три дома (ныне № 8, 6 и 4 по ул. Лермонтова), из которых угловой дом (№ 8) по завещанию должен был перейти к сыну завещателя подпоручику (позднее штабс-капитану) Илье Васильевичу Уманову.

Окончательный раздел недвижимого имущества между наследниками Уманова произошел 22 мая 1835 года, причем "третий... угольный флигель о 5 комнатах, с пристройками к оному и землей в длину к дому генерала Верзилина (ныне № 2 по ул. Лермонтова) 18 саж. 1 арш., а в ширину 19 саж. 1 арш. поступил по случаю продажи... наследниками за 2730 руб. ассигн. родственнику их капитану Василию Чиляеву".

Относительно флигеля чиляевского дома, ныне "Домика Лермонтова", в архивных материалах сведений не сохранилось. По всей вероятности, под жилой дом была переделана одна из упомянутых выше пристроек.²³

У Висковатого о происхождении этого дома мы находим такие строки:

"Он [дом], очевидно, воздвигался помаленьку. К нему пристраивали то новый вход и сени, то заменяли дверь окном и обратно..."²⁴

Самое раннее из известных нам изображений домика, относящееся к 1853 году, помещено было в журнале "Орел" (1859, № 2, с. 41–42) Н. Симаковым, однако, рисовавший главное внимание на своем рисунке обратил на домик, выходящий на улицу, полагая, очевидно, что поэт жил в нем.

В конце 1870-х годов домик был сфотографирован пятигорскими фотографами А. Энгелем и Г. Раевым; в 1882 году — зарисован художником Г.П. Кондратенко и около того же времени — А.А. Бильдерлингом.

Подробное описание наружного и внутреннего вида домика в лермонтовское время мы находим у П.К. Мартынова в его статье "Последние дни жизни Лермонтова".

Автор статьи имел возможность посетить домик в 1870 году, когда, по уверению его хозяина Чиляева, он сохранил еще тот вид, который имел при Лермонтове. Особенно ценно, что эти сведения подтверждаются и Висковатым.

"Наружность домика, — пишет Мартынов, — самая непривлекательная. Одноэтажный, турлунный,²⁵ низенький, он походит на те постройки, которые возводят отставные солдаты в слободках при уездных городах. Главный фасад его выходит на двор и име-

ет три окна, но все три различной меры и вида... Сбоку домика с правой стороны пристроены деревянные сени с небольшим о двух ступенях крыльчком. Стены снаружи обмазаны глиной и выбелены известкой. Крыша тростниковая с одной трубой".²⁶

Описание внутреннего вида домика Мартынов начинает с сеней. "В сенях ничего, кроме деревянной скамейки, не имеется. Из сеней налево дверь в прихожую. Домик разделяется капитальными стенами вдоль и поперек и образует четыре комнаты, из которых две комнаты левой долевой (восточной) половины домика обращены окнами на двор и другие две правой (западной) половины — в сад. Первая комната левой половины, в которую ведет дверь из сеней, разгорожена вдоль и поперек перегородками и образует, как широкоевещательно определил В.И. Чиляев, прихожую, приемную и буфет.

Прихожая — небольшая полутемная комнатка с дверями: прямо — в приемную: направо — в зало. Мебели в прихожей никакой нет. В приемной окно на двор и две двери, одна — прямо в спальню, другая же, в противоположной перегородке, — в буфет. По левую сторону под окном стол, по стенам несколько стульев, а в углу часть поставленной в центре дома большой голландской печи. Далее спальня Столыпина с большим 16-стекольным окном и дверью в кабинет Лермонтова. В спальне под окном стол с маленьким выдвигаемым ящиком и два стула, у противоположной ко входу из приемной, стены — кровать и платяной шкаф; направо в углу между дверями — часть голландской печи... В кабинете Лермонтова такое же 16-стекольное окно, как и в спальне Столыпина, и дверь в зало. Под окном простой, довольно большой стол с выдвигаемым ящиком, имеющим маленькое медное колечко, и два стула. У глухой стены, против двери в зало, прикрытая двумя тоненькими дощечками, длинная и узкая о шести ножках кровать (3 ¼ арш. длины и 14 верш. ширины) и треугольный столик. В углу между дверями печь, по сторонам дверей — четыре стула.

Зало имеет два 8-стекольных окна²⁷ — налево в сад и одно — прямо к сеням на двор. Слева, при выходе из кабинета, складной обеденный стол. В простенке между окнами — ломберный стол, а над столом — единственное во всей квартире зеркало; под окнами по два стула. Направо в углу печь. У стены маленький, покрытый войлочным ковром диванчик и перед ним переддиванный об одной ножке стол.

Общий вид квартиры далеко не представительен. Низкие приземистые комнаты, стены которых оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашенной домашними средствами, в приемной — мелом, в спальне — голубоватой, в кабинете — светло-серой и в зале — искрасна-розовой клеевой краской. Потолки положены прямо на балки и выбелены мелом, полы окрашены желтой, а двери и окна — синеватой масляной краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской, работы и почти вся, за исключением ясеневых ломберного стола и зеркала красного дерева, окрашена темной, под цвет дерева, масляной краской. Стулья с высокими в переплет спинками и мягкими подушками, обитыми дешевым ситцем".²⁸

В этом домике Лермонтов прожил последние два месяца своей жизни.

Лечебные ванны

Сведения о лечении Лермонтова серными ваннами в 1841 году можно было почерпнуть в архиве бывшего управления Кавказскими Минеральными Водами.²⁹

Первая выдача Лермонтову билетов в количестве 6 в Сабаневские ванны произведена 26 мая по старому стилю, почти через

две недели по приезде в Пятигорск, когда он, вероятно, окончательно оформил свое пребывание в Пятигорске.

Следующая выдача 10 билетов в Варвацевские ванны отмечена 9 июня. В этот день, судя по номерам выданных билетов, вместе с Лермонтовым приходили за билетами А.А. Столыпин, кузина поэта Е.Г. Быховец и камер-юнкер князь А.И. Васильчиков. В промежутке между номерами билетов, выданных поэту и Васильчикову, отмечено 3 билета титулярному советнику Сергеевичу, по-видимому, одному из пятигорских знакомых Лермонтова, так как рядом с поэтом тот же Сергеевич получал ванные билеты и 14 июня. Поэт в этот день взял 4 билета, как и ранее, в Варвацевские ванны.

Наконец, последний раз было выдано Лермонтову 5 билетов в те же Варвацевские ванны 18 июня, и после того, как известно, в начале июля он начал принимать железнодорожные ванны.

Таким образом, всего сохранилось 4 записи о выданных поэту билетах — первая (на 6 бил.) в Сабаневские и последние три (всего на 19 бил.) в Варвацевские ванны.

Чтобы дать представление об этих не сохранившихся до наших дней ваннах, воспользуемся сведениями академика В.Б. Броневского.

Сабаневские купальни находились во временном здании, так как источник этот, как и калмыцкий, был непостоянный. Вода в ваннах доходила до 32,5 градусов, а в источнике — до 34. В 1830 году вместо бывшей при источнике калмыцкой кибитки было построено настоящее здание с 4 ваннами. Снаружи здание обито досками, внутри — сукном; крыша обтянута парусиной. Вдоль строения с северной стороны пристроена была галерея, где больные, "не избавляясь от дождя, легко пробивающего холстинную крышу, могут ожидать очереди для купанья".

Варвацевские купальни помещались в деревянном, крытом железом, домике, украшенном с северного фасада галереею с колоннами. Домик разделялся на два отделения, в каждом по 2 комнаты: одна предназначалась для отдыха больных, в другой помещалась ванна. Ванны наполнялись из двух источников, вода которых имела температуру 23 и 34 градусов.

Данные об избранных М.Ю. Лермонтовым ваннах подтверждают, что лечение его серными источниками в сезон 1841 года носило скорее показательный характер, так как он ограничился сравнительно легкими ваннами. Однако, желая задержаться в Пятигорске, поэт принимал их довольно аккуратно, чего нельзя сказать об его родственнике и друге А.А. Столыпине, который, находясь в одинаковом с ним положении, придавал этому показательному лечению очень мало значения и за все время ограничился только шестью самыми легкими кислосерными ваннами.

Обращает на себя внимание преувеличенная цифра принятых Лермонтовым ванн, указанная в медицинском свидетельстве, которое ему удалось получить 15 июня, когда над ним нависла угроза быть отправленным в полк или в Георгиевский госпиталь. В этом свидетельстве говорилось о "крайней необходимости продолжать начатое лечение после принятия уже более двадцати горячих серных ванн". По архивным же данным, он мог принять не более 13 ванн. Очевидно, эта неточность была допущена для большей убедительности. Из других лиц, принадлежащих к окружению поэта и принимавших ванны в сезон 1841 года, следует еще назвать Н.С. Мартынова, юнкера А.П. Бенкендорфа, корнета Р.И. Дорохова, генерал-лейтенанта А.В. Галафеева.

Дом Верзилиных

Аккуратный прием М.Ю. Лермонтовым лечебных процедур не помешал ему участвовать в жизни "водяного общества".

"Гвардейская молодежь, — вспоминает в своих записках декабрист Лорер, — жила разгульно в Пятигорске, а Лермонтов был душою общества и делал сильное впечатление на женский пол. Стали давать танцевальные вечера, устраивали пикники, кавалькады, прогулки в горы..."³⁰

Среди постоянных жителей Пятигорска поэт ближе всего познакомился с семейством генерала Верзилина, а также бывал в доме генеральши Мерлини.

"В то время, — рассказывает в своих воспоминаниях Н.П. Равевский,³¹ — посещались только три дома постоянных обитателей Пятигорска. На первом плане, конечно, стоял дом генерала Верзилина. Там Лермонтов и мы все были дома".

О частом посещении Лермонтовым семьи Верзилиных мы находим сведения и в воспоминаниях падчерицы генерала Верзилина Эмилии Александровны Клингенберг (в замужестве Шан-Гирей).

"Как сейчас вижу его, — вспоминает она о поэте, — среднего роста, коротко остриженный, большие красивые глаза; говорил он приятным грудным голосом; любил повеселиться, пошутиться, затевал кавалькады, распоряжался на пикниках, дирижировал танцами и сам очень много танцевал. В продолжении последнего месяца перед смертью он бывал у нас ежедневно. Здесь, в этой самой комнате (зал, где произошла ссора с Мартыновым. — С.Н.), он любил рассказывать, танцевать, слушать музыку; бывало, сестра заиграет на пианино, а он подсядет к ней, опустит голову и сидит неподвижно час, другой. Зато как разойдется да пустится бегать в кошки-мышки, так, бывало, нет удержу... Характера он был неровного, капризного, то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен".³²

Дом Верзилиных на углу нынешних улиц К. Маркса и Буачидзе, переданный в 1946 году Государственному музею "Домик Лермонтова", сохранял свой первоначальный вид до 1895 года, когда по требованию городских властей он, в числе других деревянных домов Пятигорска, был обложен кирпичом. Владелице дома — дочери близкого родственника и друга Лермонтова А.П. Шан-Гирея Евгении Акимовне — для выполнения этого требования пришлось продать занятую садом западную половину земельного участка (см. приложение № 8).

Из бесед с Евгенией Акимовной Шан-Гирей известно, что из всех комнат дома наиболее связанными с памятью о Лермонтове являются две угловые, выходящие окнами на улицу Буачидзе. Из них одна небольшая, крайняя с восточной стороны дома, во времена Лермонтова была будуаром жены генерала Верзилина — Марии Ивановны.

В своих мемуарах Евгения Акимовна так описывает вид этой комнаты:

"Стены и потолок были обиты ситцем палевого цвета с легкими разводами из цветов во вкусе "помпадур". Тем же были обиты узенькие длинные с узкими спинками диванчики, окаймлявшие стенки. Потолок был тем же обит мелкими складками, которые сходились в середине потолка розеткой, в ней был крючок и висела небольшая люстра с восковыми свечами.

В то время, когда был Лермонтов, в этой комнате М.И. Верзилина сидела около круглого стола с работой, она любила вязать кружева на спицах. С одной стороны моя мать (Эмилия Александровна, в замужестве Шан-Гирей. — С.Н.) вышивала на пальцах, тетя Аграфена сидела около же и вязала крючком из разноцветного бисера кошельки, с другой стороны тетя Надежда тоже с каким-нибудь рукоделем.

Лермонтов являлся с кем-нибудь из своих приятелей, и велись веселые разговоры.

Иногда приходили важные дамы с визитом, Мария Ивановна переходила рядом в парадную гостиную, которая убрана была мягкой мебелью и с цветами на окнах, а молодежь уходила в зал (в нем 13/VII произошла ссора) и занималась музыкой".³³

Относительно зала, в котором Лермонтов часто бывал, Евгения Акимовна сообщила следующее. Комната эта, называвшаяся раньше залом, угловая с юго-западной стороны дома. В ней четыре окна, из которых два с довольно широким простенком выходят на улицу Буачидзе и два других — во двор. В простенке между окнами на улицу стоял мягкий пружинный трехместный диванчик со спинкою, обитый ситцем (на нем вечером 13 июля 1841 года перед ссорой сидели и вели оживленный разговор М.Ю. Лермонтов, падчерица ген. Верзилина Эмилия Александровна Клингенберг и Лев Сергеевич Пушкин). Над диванчиком висело овальное зеркало. Фортепиано, на котором играл князь Трубецкой, находилось в северо-восточном углу комнаты. Около него перед ссорой стояли и разговаривали Надежда Петровна Верзилина и Мартынов.

Остальную обстановку зала составляли мягкие, обитые ситцем, стулья и составлявшийся из двух отдельных половин круглый раздвижной стол на 50 мест. Половинки стола в сложенном виде были придвинуты к западной и восточной стенам зала, примерно на середине его. Во время вечеров комната освещалась небольшой люстрой и настенными бра.

Из зала, кроме входных, одни двери, по направлению на восток вели в дамскую гостиную и следующую за ней комнату — упомянутый будуар М.И. Верзилиной, а другие на север — в кабинет П.С. Верзилина. Еще одна небольшая дверь в восточной стене, ближе к северу, соединяла зал с темным коридором, который служил для сообщения между другими комнатами дома.

Хозяин дома Петр Семенович Верзилин в 1841 году в Пятигорске не жил. Он находился в это время на службе в Варшаве и, может быть, не встречался с Лермонтовым. Но поэт, несомненно, много слышал о нем в его семье. К тому же Петр Семенович был одним из старожиллов лермонтовского Пятигорска и занимал среди постоянных жителей города видное место.

Описывая пятигорское общество, П.А. Висковатый сообщал: "Между местными жителями пользовался особенным уважением дом бывшего наказного атамана всех кавказских казаков (собственно Кавказской казачьей бригады) генерал-лейтенанта Петра Семеновича Верзилина, сослуживца Ермолова. Имея дочь от первого брака Агафену Петровну, Верзилин женился на вдове полковника Марии Ивановне Клингенберг, имевшей дочь Эмилию Александровну. От этого брака родилась еще дочь, Надежда Петровна. Кроме этих барышень, наезжала и приемная дочь — Карякина, бывшая за купцом. Хлебосольный хозяин, радушная хозяйка и три красивые, веселые дочери привлекали в дом молодых людей. Веселье, смех, музыка и танцы часто слышались сквозь открытые окна гостеприимного дома".³⁴

Из истории "Кавказского Линейного войска" о Верзиле сказано:

"Первым наказным атаманом был генерал-майор П.С. Верзилин. Это был чисто боевой генерал, воспитавшийся на военных делах с турками и горцами. Родился он в 1791 году, на службу поступил пятидесятиником в 1807 году, в следующем году получил чин корнета, офицерские обязанности нес в течение 24 лет, в 1832 г. был произведен в ген-майоры и, по рекомендации Паскевича, назначен наказным атаманом вновь образованного Линейного войска. В разное время Верзилин служил в Московской милиции, в Александрийском гусарском полку, затем

в Нижегородском драгунском и был командиром полков, сначала Волгского, а потом Горского казачьего. Все это доставило обширный опыт в военном и строевом деле и дало возможность неоднократно выказать отличные боевые качества, но не могло научить уменью быть хорошим администратором и знатоком хозяйственного быта казака...

В октябре 1837 г. Верзилин был освобожден от обязанностей наказного атамана..."

Дальнейшая служба Верзилина, как видно из воспоминаний старшего адъютанта генерала Граббе Костенецкого, протекала в Варшаве при князе Паскевиче. Эти сведения нашли подтверждение и у Евгении Акимовны Шан-Гирей. От нее в свое время автору настоящей книги удалось узнать сохранившиеся семейные предания о Верзиле и его второй жене Марии Ивановне.

"Петр Семенович Верзилин, — передавала Евгения Акимовна, — во время Венгерской кампании 1849 г. был тяжело ранен саблей в живот. Хотя он и оправился от этого ранения, но позднее умер неожиданно от его последствий во время служебной поездки по Бессарабии и там же был похоронен. Его жена Мария Ивановна, по первому мужу Клингенберг, жила вначале в Тифлисе, очень рано овдовела и переехала с малолетней дочерью Эмилией в Пятигорск, где купила себе домик на углу быв. Дворянской улицы и Верхнего переулка (ныне угол К. Маркса и Буачидзе). Вскоре на одном из балов она познакомилась с молодым вдовцом, представительным и симпатичным П.С. Верзилиным, и вышла за него замуж. Умерла она раньше его (в 1848 г.) от рака".³⁵ (См. приложение № 9).

К имеющимся сведениям о М.И. Верзилиной можно добавить, что, судя по ее малограмотным распискам в книге по сдаче комнат в железнодорожных казенных домах, она, вероятно, получила самое скромное домашнее образование.

У П.С. Верзилина было две дочери. Старшая — от первого брака и младшая — от брака с Марией Ивановной. Старшая дочь — Аграфена Петровна Верзилина (ок. 1819 — после 1891) — в 1841 году, когда в их доме бывал Лермонтов, считалась невестой ногайского пристава В.Н. Дикова, за которого и вышла замуж в следующем году. Младшая — Надежда Петровна Верзилина (1826—1863) в то время только начинала принимать участие в вечерах.

Наиболее близкой знакомой Лермонтова в верзилинском доме была падчерица генерала Эмилия Александровна Клингенберг (1815—1891). Она заняла видное место в биографии поэта. Впоследствии неоднократно выступала в печати с воспоминаниями о Лермонтове.

Мы знаем, что хозяин домика, в котором жил Лермонтов, В.И. Чилев, имевший возможность близко наблюдать события, предшествовавшие дуэли, отводил ей, в передаче П.К. Мартыанова,³⁶ довольно некрасивую роль как в дуэльной истории, так и вообще в отношениях ее с поэтом. Однако дальнейшие обстоятельства мешали выяснению ее действительной роли в этих событиях. Немаловажное значение имело то, что она вышла замуж за Акима Павловича Шан-Гирея, близкого родственника и друга поэта. Его высокий авторитет у современников, и в особенности у первого биографа поэта Висковатого, ограждал Эмилию Александровну от каких-либо подозрений по поводу ее сомнительного поведения по отношению к поэту, особенно в преддуэльные дни. Благоприятным для нее моментом явилось также недоверие к автору статьи о последних днях жизни Лермонтова П.К. Мартыанову.

То, что в статье Мартыанова встречается много разного рода неточностей, не подлежит сомнению, но это не значит, что ему ни в чем невозможно верить.³⁷

Генеральша Мерлини

Другим пятигорским домом, в котором М.Ю. Лермонтову приходилось также иногда бывать и где, по отзывам современников, он встречал прикрытое приличием, но, несомненно, враждебное к себе отношение, был дом генеральши Мерлини.

В жизни пятигорского общества лермонтовского времени Е.И. Мерлини играла заметную роль. У нее собиралась в основном высокопоставленная часть этого общества, втайне презиравшая ссыльного поэта. На участие Мерлини и ее кружка в преддуэльной интриге, погубившей М.Ю. Лермонтова, определено указывают и первый биограф поэта П.А. Висковатый и его оппонент по некоторым вопросам П.К. Мартынов.

О том, что М.Ю. Лермонтов бывал не раз в доме Мерлини, имеется свидетельство Н.П. Раевского. Поставив на первый план дом Верзилиных, он в своих воспоминаниях продолжает:

"Потом мы также часто бывали у генеральши Катерины Ивановны Мерлини, героини защиты Кисловодска от черкесского набега, случившегося в отсутствие ее мужа — коменданта Кисловодском крепости".³⁸

В этом сообщении имеется неточность: участие Е.И. Мерлини в обороне Кисловодска относится к 1836 году, когда ее мужа уже не было в живых. Факта посещения Лермонтовым дома Мерлини не оспаривает и Э.А. Шан-Гирей,³⁹ отрицающая очень многое в воспоминаниях Н.П. Раевского.

Как же примирить эти посещения поэтом дома Мерлини с враждебным отношением к нему самой хозяйки и ее обычных посетителей, так называемых мерлинистов, с их участием в преддуэльной интриге, о чем, со слов Чилева, писал П.К. Мартынов?

Надо иметь в виду, что в 1841 году эта неприглядная роль Мерлини не была еще известна ни ее пятигорским знакомым, ни Лермонтову и его приятелям. Кроме того, как утверждает Э.А. Шан-Гирей,⁴⁰ Мерлини была отличная наездница и лошади у нее были свои прекрасные. Для поэта, большого любителя лошадей, это также было достаточным поводом для знакомства.

Другим поводом могла оказаться довольно значительная картинная галерея (60 картин самого разнообразного содержания), находившаяся в доме Мерлини. Некоторые сведения о собрании картин удалось обнаружить благодаря сохранившейся в Ставропольском краевом госархиве описи имущества, оставшегося после смерти в 1833 году ген.-лейтенанта Мерлини.⁴¹ Мы знаем об увлечении М.Ю. Лермонтова живописью, и если среди этой коллекции картин хотя бы одна-две могли его заинтересовать, то в этом обстоятельстве также можно видеть вероятную разгадку совершенно непонятого на первый взгляд знакомства.

Приведенные сведения позволяют считать дом Мерлини одним из лермонтовских мест Пятигорска и дают основание поделиться собранными о нем архивными материалами.

Домовладение Мерлини на плане Пятигорска 1831 значится под № 13 и представляет собой большой прямоугольник между нынешними улицами Кирова и Красноармейской, восточнее гостиницы "Машук".⁴²

В описи имущества, составленной в 1833 году, помимо главного дома, значится целый ряд разных построек (флигель, амбар, кухня, каретный сарай, конюшня, каменные лавки и т.п.).

Главный дом, выдвинутый против линии домов на несколько метров вперед и крытый камышом, портил вид самой центральной тогда части пятигорского бульвара, но, несмотря на предписание генерала Вельяминова о сломе строения, дом продолжал оставаться на прежнем месте и был перестроен значительно позднее (см. приложение № 10).

Тайный надзор на Кавказских Минеральных Водах

Как известно, сейчас же после окончания следствия и суда над декабристами по приказу Николая I, напуганного заговором, для наблюдения за настроением умов и расследований по политическим делам был учрежден корпус жандармов и Третье отделение "собственной его императорского величества канцелярии". Поставленный во главе корпуса граф А.Х. Бенкендорф вместе со своими ближайшими сотрудниками приложил все усилия для скорейшей организации тайного надзора за всеми слоями населения не только в столицах, но и во всех губерниях и областях обширной империи. Не избежала этого нововведения и отдаленная Кавказская область.

П.А. Висковатый писал:

"У Бенкендорфа были свои согладатаи, сообщавшие ему обо всем, что происходило даже и на отдаленном Кавказе. "Помните, господа, — говорил генерал Вельяминов высланным на Кавказ, — что здесь есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами".⁴³

Секретные архивные документы о тайном надзоре на Кавказских Минеральных Водах в лермонтовское время, которые автор этой книги предлагает читателям, вполне подтверждают приведенные слова Вельяминова и помогают выяснить, когда и по чьей инициативе на Кавказских Минеральных Водах положено было начало тайному надзору.

В своем секретном отношении на имя шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа от 7 мая 1834 года за № 50 военный министр князь А.И. Чернышев писал:

"Государь император, усматривая по течению дел большое число штаб- и обер-офицеров, отпущенных для лечения ран и болезней к Кавказским Минеральным Водам, изволил находить нужным усугубить надзор за тишиной и порядком и вообще за поведением большого скопления приезжих в Пятигорске, поручить мне изволил отнестись к Вашему сиятельству о том, чтобы вы изволили назначить из подведомственных вам чиновников самого надежного и благоразумного штаб-офицера для исполнения сей обязанности со всевозможной точностью и осторожностью. О том же, кого вы изволите избрать для поручения, не угодно ли будет доложить его величеству".⁴⁴

Приведенный документ дает довольно ценные сведения. Помимо начальной даты установления тайного надзора на Кавказских Минеральных Водах, мы узнаем из него, что инициатором нововведения явился не граф Бенкендорф, как можно было бы ожидать, а сам император Николай I, обеспокоенный ростом числа посетителей Вод, и в особенности военных.

Ответ А.Х. Бенкендорфа не задержался. Уже через три дня — 10 мая того же года — за № 755 шеф жандармов доносил А.И. Чернышеву о принятых им мерах:

"В исполнение высочайшего повеления, объявленного мне вашим сиятельством в отношении от 7-го сего мая за № 50, чтобы во время приезда посетителей к Кавказским Минеральным Водам был для наблюдения назначен штаб-офицер вверенного мне корпуса, я возложил сию обязанность на майора корпуса жандармов Алексеева, о чем и доведено мною до высочайшего сведения; и сверх того, предполагая поручить начальнику 6-го округа доверенного мне корпуса ген.-майору графу Апраксину таковое же наблюдение в Пятигорске по случаю намерения его посетить Кавказские Воды для поправки своего расстроенного здоровья, я имел честь представить о сем Вашему сиятельству рапортом от 7-го сего мая за № 730-м.

Почтеннейше донося о сем Вашему сиятельству, честь имею присовокупить, что областной штаб-офицер вверенного мне корпуса, в Кавказской области находящегося, майор Юрьев не назначен мною для исполнения вышеозначенного высочайшего повеления потому, что офицер сей просил моего позволения находиться при ген.-лейтенанте Вельяминове в предполагаемой нынешним летом экспедиции против горцев, то быв, с одной стороны, весьма доволен доставить майору Юрьеву случай быть в делах против неприятеля, я желаю, с другой стороны, извлечь из сего двоякую пользу, ибо он будет мне доставлять сведения, как о положении края, так и о самой экспедиции, тогда как майор Алексеев будет доводить до моего сведения обо всем, относящемся до посетителей Минеральных Вод".⁴⁵

Из приведенного ответа А.Х. Бенкендорфа можно усмотреть, что он не только выполнил царское повеление, но и сделал представление об усилении жандармского персонала на Кавказе еще двумя лицами. Из них генерал-майора Апраксина он предназначал для усиления наблюдения в Пятигорске, а майора Юрьева⁴⁶ предполагал прикомандировать к генералу Вельяминову, который как близкий друг опального генерала Ермолова не пользовался полным доверием царя.

Из надписи на рапорте Бенкендорфа от 11 мая и копии отношения военного министра от того же числа на имя шефа жандармов мы видим, что Николай I согласился со всеми предложениями Бенкендорфа.

Из дальнейшей переписки невозможно установить, какую деятельность проявляли генерал-майор Апраксин и майор Юрьев, но от майора Алексеева в деле имеются два донесения, которые дают достаточное представление, как понимали и исполняли возложенные на них обязанности по тайному надзору "самые надежные и благоразумные" из подведомственных Бенкендорфу чиновников.

Едва успев прибыть в Пятигорск, жандармский майор Алексеев уже начал проявлять необычайное рвение. Первое свое донесение отсюда от 18 июня 1834 года он посвящает главным образом местному коменданту генералу Энгельгардту. Речь идет об оплошности последнего в секретном политического характера деле доктора Майера, поручика Палицына, причастного к делу декабристов, и пятигорского городничего Ванева. Об этом упоминалось, когда речь шла о докторе Майере.

Вот что пишет по этому поводу Алексеев в своем первом доносе: "Весьма неосторожно поступил здешний комендант, взявши Палицына под арест, отпустил его потом домой, и тот успел сжечь самые секретные бумаги, которые, как открылось потом, хранились у него в печке и заложены были дровами, а печку при взятии у него других бумаг не осматривали, а хватились уже на другой день после их сожжения".

Не ограничиваясь обвинением Энгельгардта в оплошности, жандармский майор возводит на него еще более серьезное обвинение.

"Штаб-офицер, — пишет Алексеев, — состоящий для особых поручений при генерале Вельяминове (который первый и открыл поступки Палицына и прочих), уверял меня, будто бы комендант, любя и играя каждый день с ними (причастными к делу. — С.Н.) в вист, получа повеление об арестовании, предупредил их, и что они всю ночь жгли бумаги".⁴⁷

Дальше Алексеев дает незавидную характеристику коменданту как человеку, по его мнению, хотя и доброму, но чересчур старому и слабому для занимаемой им должности.

Донос Алексеева, попавший к военному министру, был препровожден, по-видимому, без указания источника, на заключение командира Отдельного Кавказского корпуса барона Розена. Последний в своем отзыве на имя военного министра, не отрицая,

с своей стороны, упомянутых упущений Энгельгардта и приписывая их неумышленной нераспорядительности, категорически возражал против разоблачений мифического штаб-офицера.

Полный простор своим клеветническим измышлениям дал майор Алексеев во втором донесении от 2 июля 1834 года.

Так, исправлявший в то время должность коменданта и окружного начальника майор Ф.Ф. Унтилов обвинялся в беспорядочном пьянстве и невероятном взяточничестве, исправляющий должность городничего поручик Устинов — в совершенной неопытности и полном подчинении майору Унтилову, председатель Строительной комиссии подполковник Пантелеев — в отсутствии всякого понятия о военной и гражданской архитектуре и в широком казнокрадстве всего возглавляемого им состава Строительной комиссии.

В виде примеров казнокрадства комиссии майор Алексеев приводит два случая.

"При Елизаветинском источнике, — пишет он, — сделана галерея длиною десятью саженью и шириною три, на восьми столбиках, покрытая досками и обтянутая с боков холстиною. Каковую галерею всегда можно выстроить за 750 руб., а в отчете она показана в шесть тысяч. Неподалеку от оной выстроена круглая маленькая беседка на четырех из камня сложенных колоннах, покрытая железом, посредине поставлена Эолова арфа. За постройку много что две тысячи, а в отчете значится двенадцать тысяч"...⁴⁸

В том же донесении Алексеев пишет:

"Узнавши, что у некоторых приезжих на квартирах бывает непозволительная игра в карты и кости, я хотел о прекращении оной переговорить с майором Унтиловым как здешним комендантом, почему приходил к нему два раза и заставлял его в таком пьяном виде, что не в состоянии он был ничего понять. Наконец, рано утром послал просить его к себе, но получил ответ, что надобности во мне он никакой не имеет".⁴⁹

Нельзя не отметить, что резкий ответ майора Ф.Ф. Унтилова в какой-то мере дает разгадку затеянной против него Алексеевым кляузы. "Голубые жандармские мундиры" уже в первые времена их деятельности вызывали брезгливое отношение к себе со стороны строевых гвардейских и армейских офицеров. Этой брезгливости не мог, по-видимому, скрыть и георгиевский кавалер Унтилов, рискуя нажить себе большую служебную неприятность.

"Из всего вышеописанного, — заключает эту часть донесения Алексеев, — Ваше сиятельство, усмотреть изволите, каково должны идти здесь все дела, и что я, при всем усердии моем, нахожусь в затруднительном положении в выполнении во всей точности возложенного Вашим сиятельством поручения. Офицеры, приезжающие для лечения, и из остающихся на зиму совершенно находятся без начальства, ибо ген. Энгельгардт не имеет права ни во что вмешиваться, а майор Унтилов поведением своим лишился всякого уважения, должного занимаемому им месту".

Конец донесения, помимо текущих дел, посвящен главным образом четверем приехавшим из Грузии посетителям Вод. Сообщаемые жандармским майором сведения о них показывают, какого ничтожного повода достаточно было, чтобы привлечь к себе внимание жандармов. В данном случае Алексееву показалось подозрительным, что у всех приезжих лиц на руках были янтарные четки одинакового образца, и он решил, что это члены какого-нибудь тайного общества.

Как видно из дальнейшей переписки по настоящему делу, даже у военного министра Чернышева, получившего от шефа жандармов это донесение Алексеева, возникли сомнения в правильности сообщаемых им сведений. Не указывая их источника, он запросил командира Отдельного Кавказского корпуса барона Розена, насколько они достоверны.

В обстоятельном ответном донесении от 1 сентября 1834 года за № 87 Розен дает надлежащую оценку вздорным и недобросовестным жандармским измышлениям. Он совершенно отрицает пристрастие к пьянству и взяточничеству майора Унтилова, ссылаясь при этом на авторитет А.А. Вельяминова.

"Предполагая засим, — пишет он дальше, — что дошедшие до вас, милостивый государь, сведения насчет Унтилова или неверны, или слишком преувеличены, я считаю бесполезным производить о том формальные розыски, потому что [для] обличения виновного нужно знать обвинителя или, по крайней мере, те лица, которые занимались неопозволенной игрою и с которых брались взятки. Без сего решительно невозможно произвести следствия, ибо Унтилов обвиняется в общих выражениях, без подробного указания тех случаев, которые должны служить основанием делу" ...⁵⁰

Далее Розен берет под защиту поручика Устинова, подполковника Пантелеева, а также остальных членов Строительной комиссии и отрицает возможность денежных злоупотреблений с их стороны, вновь ссылаясь на авторитет Вельяминова. И говорит о своих предположениях в отношении некоторых перемен по личному составу служащих на Кавказских Минеральных Водах.

В заключение своего донесения Розен дает очень простое объяснение ношению на Кавказе янтарных четок и довольно благоприятный отзыв об известных ему лично владельцах этих четок.

Объяснение Розена 27 сентября 1834 года за № 641 было препровождено военным министром графу Бенкендорфу, и на этом переписка по донесениям Алексеева закончилась.

Произвол и голословность доносов можно подтвердить имеющимися архивными материалами, которые показывают ложность сообщений майора Алексеева об огромных перерасходах при строительстве Елизаветинской галереи и беседки "Эолова арфа".

Мы знаем, что в то время подобные перерасходы не были редкостью. Однако в данном случае жандармский майор попал явно впросак, так как строители Пятигорска братья Бернардацци были исключительно порядочные люди, бережливо относившиеся к каждой казенной копейке. В этом можно легко убедиться, если просмотреть "Описание существующих при Кавказских Минеральных Водах устройств", составленное в конце 1840 года по отчетным документам специальной Строительной комиссии старшим членом ее полковником Чайковским.

Оно свидетельствует, что при строительстве Елизаветинской деревянной галереи было "употреблено 2272 руб. 34 1/8 коп.", а "каменная беседка Эола в публичном саду построена в 1830 году по предписанию ген. от кавалерии Емануэля от 16 апреля 1830 г. № 285 на экономическую сумму; употреблено 1398 руб. 25/8 коп."⁵¹

При этом нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что, общая фантастическую цифру затрат на беседку Эолова арфа (12000 руб.), Алексей не потрудился взглянуть на это сооружение и говорит о беседке как о четырехколонной, в то время как она всегда была восьмиколонной.

Можно с уверенностью думать, что Алексей и другие согладатаи Бенкендорфа, никогда не подвергаясь проверке с его стороны, были уверены в своей совершенной безнаказанности.

Отсюда вполне понятна та ненависть к "голубым мундирам", которая проявлялась у всех передовых людей России. Известно, что, уезжая во вторую ссылку, М.Ю. Лермонтов выражал надежду укрыться за хребтом Кавказа "от их всевидящего глаза, от их всеслышающих ушей".

Мы знаем, однако, что надежды поэта не оправдались. Заведенный Николаем I в 1834 году тайный надзор на Кавказских Минеральных Водах продолжался и в последующие годы. От-

рывочные сведения об этом обнаружены в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР.⁵² Из них можно узнать, что в 1838 году обязанности майора Алексеева исполнял подполковник корпуса жандармов Юрьев, а в 1840 году — полковник Викторов. В 1841 году, как известно, это место занял подполковник корпуса жандармов Кушинников, который, по-видимому, участвовал и в преддвуэльной интриге, погубившей поэта.

Однако после приведенных сведений о тайном надзоре на Кавказских Минеральных Водах приходится отбросить довольно обычное в биографических очерках о М.Ю. Лермонтове предположение, что Кушинникову было поручено какое-то специальное наблюдение только за поэтом. Этот жандармский чин, как и его предшественники, несомненно, вел наблюдение за всеми посетителями Минеральных Вод, признаваемыми по той или иной причине "неблагонадежными".

Ближайшее окружение поэта

А.А. Столыпин (Монго)

Алексей Аркадьевич Столыпин-Монго (1816—1858) — двоюродный дядя и друг М.Ю. Лермонтова.⁵³ Начиная с юнкерской школы, они почти всегда были рядом. Оба по окончании школы несколько лет служили в одном и том же лейб-гвардии гусарском полку, проживая на одной квартире и посещая высший петербургский свет. Вместе участвовали в Галафеевской экспедиции 1840 года в Чечне и вместе прожили в Пятигорске последние месяцы перед дуэлью, на которой Столыпин был секундантом поэта.

Какой ценный вклад мог внести Монго в материалы о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова! Но, к крайнему удивлению и сожалению, мы не знаем пока ни одного, даже самого незначительного его отзыва о поэте.

Чтобы иметь возможность объяснить такую непостижимую сдержанность А.А. Столыпина и вообще составить о нем более ясное представление, придется привлечь не только печатные источники, но и некоторые еще не известные архивные материалы.

Почти все современники Монго рисуют его человеком выдающимся не только по красоте, но и по внутренним достоинствам.

"Это был, — пишет его дальний родственник М.Н. Лонгинов, — совершеннейший красавец; красота его, мужественная и вместе с тем отличавшаяся какою-то нежностью, была бы названа у французов "proverbiale".⁵⁴ Он был одинаково хорош и в лихом гусарском ментике, и под барашковым кивером нижегородского драгуна, и, наконец, в одеянии современного льва, которым был вполне, но в самом лучшем значении этого слова. Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать Монго-Столыпина — значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на службу словом и делом" ...⁵⁵

"Отменная храбрость этого человека, — рассказывает о нем П.А. Висковатый, — была вне всякого подозрения. И так было велико уважение к этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпина, что, когда он однажды отказался от дуэли, на которую был вызван, никто в офицерском кругу не посмел сказать укорительного слова и этот отказ, без всяких пояснительных замечаний, был принят и уважен, что, конечно, не могло бы иметь места по отношению к другому лицу: такова была репутация этого человека. Он несколько раз вступал в военную

службу и вновь выходил в отставку. По смерти Лермонтова, которому он закрыл глаза, Столыпин вскоре вышел в отставку (1842 г.) и поступил вновь на службу в Крымскую кампанию в Белорусский гусарский полк, храбро дрался под Севастополем, а по окончании войны вышел в отставку и скончался затем в 1856 году⁵⁶ во Флоренции.

С детства Столыпина соединяла с Лермонтовым тесная дружба, сохранившаяся ненарушенной до смерти поэта. Не знаем, понимал ли Монго вполне значение своего родственника как поэта, но он питал интерес к его литературным занятиям, что ясно видно из того, что он перевел на французский язык "Героя нашего времени". Лермонтов в своих произведениях нигде не касается этой стороны отношений с Монго. Говорит он о нем только по поводу "гусарской выходки", героями которой были оба они, но Столыпин, близко знавший душу знаменитого родственника, по словам брата Дмитрия Аркадьевича, "всегда защищал Михаила Юрьевича от всяких нападков многочисленных врагов и мало расположенных к нему людей. В двух роковых дуэлях Столыпин был секундантом Лермонтова, что при безукоризненной репутации Столыпина немало способствовало ограждению поэта от недоброжелательных на него наветов. Два раза сопровождал он его на Кавказ,⁵⁷ как бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру Михаила Юрьевича от опасных в его положении выходов"⁵⁸.

В другом месте по поводу идущих от князя П. П. Вяземского слухов о каких-то недоразумениях между поэтом и Монго П. А. Висковатый замечает:

"Великосветские сплетники действительно старались не распространять слухи о недружелюбных отношениях Столыпина к поэту. Говорили, что Лермонтов надоедает ему своею навязчивостью, что он надоел Столыпину вечным преследованием его; "он прицепился ко льву гостиных и на хвосте его проникает в высший круг", — словом, то, что выразил гр. Соллогуб в своей повести "Большой свет". Вероятно, юный тогда князь Вяземский был введен в заблуждение этими толками. Решительно ничто не дает права думать, чтобы что-либо нарушило безукоризненно дружеские отношения Монго-Столыпина к поэту".⁵⁹

Несомненный интерес представляет приведенное Висковатым сообщение князя Васильчикова об участии в роковой дуэли Столыпина.

Вот как записал Висковатый свою беседу: "Ну, а Столыпин? — спросил я. — Ведь этот человек был и постарше, и поопытнее и знал правила дуэли? — Столыпин?! На каждого мудреца довольно простоты! При каждом несчастном событии недоумеваешь потом и думаешь, как было упущено то или другое, как недосмотрел, как допустил и т. д. Впрочем, Столыпин серьезнее всех глядел на дело и предупреждал Лермонтова; но он по большей части был под влиянием Михаила Юрьевича и при несколько индолентном характере вполне поддавался его влиянию".⁶⁰

Со слов того же Васильчикова мы знаем, что и во время последних приготовлений к дуэли Столыпин принимал меры для избежания ее тяжелых последствий. Он несколько отодвинул барьер и угрожал развести противников, когда заметил, что Мартынов слишком долго прицеливался. Хотя показания Васильчикова о дуэли нельзя признать абсолютно достоверными, все же в отношении участия в ней Столыпина у него не было оснований уклоняться от истины.

Получив некоторое представление о Монго из приведенных отзывов его современников, обратимся теперь к шутливой характеристике, данной ему М. Ю. Лермонтовым в одноименной поэме. Она заслуживает особенного внимания:

**Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурьми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немьгый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулса наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.⁶¹**

Из поэмы можно узнать о Монго много нового, чего нет в приведенных выше воспоминаниях и сообщениях: о его беспечности и доверчивости, о его флегматичном характере со склонностью к лени и отсутствием какого-либо стремления к карьеризму. Нельзя не отметить также пренебрежения Монго к так называемой "шагистике".

Почти все приведенные материалы о Монго в той или иной степени использованы в очень интересной статье М. Г. Ашукиной-Зенгер.⁶² В ее работе использованы также источники, еще не бывшие в литературном обороте, что дало возможность несколько расширить представление о Монго и сделать некоторые заключения о его политических взглядах.⁶³

Основные выводы автора статьи сводятся к следующему: дружбу Лермонтова со Столыпиным можно считать несомненной. Столыпину были присущи черты внутреннего благородства и повышенное чувство чести. Характерными чертами Столыпина также являлись: светский идеал века — дендизм и необычайная сдержанность, подтверждаемая дневниковыми записями Л. Н. Толстого, который встречался с Монго на протяжении двух лет. Столыпин отдал дань культу декабризма, так как семейные традиции и общие настроения его сверстников этому благоприятствовали. Он обладал значительно большими знаниями, чем мог вынести из юнкерской школы. Свой интерес к литературе он продемонстрировал переводом — первым на французский язык — "Героя нашего времени". И, наконец, самое важное: выбор Столыпиным печатного органа "Democratie pacifique"⁶⁴ для своего перевода не был случайным. Газета издавалась виднейшим из учеников Фурье Виктором Консидераном, и Ашукина-Зенгер по этому поводу замечает: "Алексей Столыпин приехал в Париж, несомненно, подготовленный к восприятию проповеди "Democratie pacifique". Известны фурьеристские настроения лермонтовского круга".

И несколько дальше, перечислив сведения о большой известности Консидерана в России, с ссылкой на воспоминания Анненкова и дневник Герцена, автор статьи делает такое заключение: "Итак, для нас не должно быть неожиданностью помещение Столыпиным перевода "Героя нашего времени" в органе фурьеризма, и этот факт его биографии дает нам право видеть в друге Лермонтова представителя передовых кругов русского общества".⁶⁵

Как ни заманчивы выводы автора статьи в отношении политических взглядов Монго, мы увидим, что они во многом не

подтверждаются новыми материалами. Рассмотрим их. Речь пойдет об официальных документах о пребывании А.А. Столыпина на Кавказе, о письмах самого Монго и письмах к нему дядушки Афанасия Алексеевича Столыпина и, наконец, об отзыхах о нем его близких родных.⁶⁶

Все эти документы находятся в фондах Центрального государственного литературного архива, рукописных фондах государственной библиотеки им. В.И. Ленина и двух кавказских архивах.

Несмотря на то, что некоторая часть писем А.А. Столыпина относится к последним годам жизни Лермонтова, в них мы не находим никаких упоминаний о поэте. И это обращает на себя внимание, тем более, что одно из писем Монго к своей сестре Марье Аркадьевне Бек написано 20 сентября 1840 года из Пятигорска, где в то время находился и поэт. По крайней мере, известно письмо Михаила Юрьевича оттуда А.А. Лопухину от 12 сентября. Казалось бы, сообщая сестре о своем времяпрепровождении, Столыпин мог бы обмолвиться несколькими словами о своем друге. В следующем декабрьском письме 1840 года из Тифлиса также не сказано ни слова о поэте, хотя Монго довольно подробно рассказывает о своих компаньонах по квартире: Г.Г. Гагарине, А.И. Васильчикове и Н.А. Жерве. Нет никаких сообщений о М.Ю. Лермонтове и еще в двух письмах Монго к той же Марье Аркадьевне от 9 ноября (вероятно, 1840 года) из крепости Грозной накануне выступления в экспедицию 1 апреля 1841 года из Москвы.

Все это заставляет высказать предположение, что в 1840 году, когда еще свежо было в памяти Монго его участие в качестве секунданта на дуэли Лермонтова с Барантом с ее неприятными для Столыпина последствиями,⁶⁷ отношение его к своему другу было холоднее, чем обычно, и сведения о размолвке между друзьями в это время, вопреки мнению Висковатого, имели под собой некоторое основание.

Когда же случилась история с новой дуэлью, виновником которой Монго, не зная ее подоплеки, считал самого Лермонтова, и особенно после того, как ее ужасный исход наделал всем свидетелям поединка столько хлопот и тревог, можно думать, что Столыпин еще более охладел к своему погибшему другу. Этим только и можно объяснить отсутствие у него желания что-нибудь говорить о Лермонтове.

В письме из Парижа, о котором дальше будет сказано подробнее, Столыпин, сообщая о своем переводе "Героя нашего времени" на французский язык, не только не высказывает ни одного слова сожаления о погибшем поэте, но называет это гениальное произведение просто "романом Лермонтова", как будто это имя для него ничего не значит.

О том, что виновником дуэли Столыпин считал поэта, можно понять уже из того, что в своей известной записке находившемуся в заключении Мартынову Монго, при его чуткости в вопросах чести, нашел возможным давать убийце добрые советы.

Знакомство с письмами 1840 года заставляет невольно вспомнить о шуточной характеристике, данной Монго М.Ю. Лермонтовым в 1836 году в одноименной поэме.

Равнодушное отношение Столыпина к службе проглядывает в его письме из Пятигорска от 20 сентября 1840 года. На вопрос мужа сестры, что он рассчитывает делать дальше, Монго с обычной беспечностью отвечает:

"Это вопрос, который затруднил бы всякого другого, но не меня. Итак, вы можете ему сказать, что я ничего не знаю, что до настоящего времени я не очень скупаю, совершенно не испытываю голода и холода, не хочу беспокоиться о будущем и потому, что оно не совсем розового цвета. Я не вижу основания портить себе кровь и приобретать сплин".⁶⁸

Дальше он высказывает единственное желание получить возможность выйти в отставку и "надеть пальто — это почетное и достойное одеяние светского человека" ("de l'homme comme il faut").

В письме сестре на французском языке от 10 декабря того же года он уже говорит о своем пребывании в самом беззаботном настроении в Тифлисе в компании с Г.Г. Гагариным, А.И. Васильчиковым и Н.А. Жерве:

"...Я нарисую вам, — пишет он, — картину времяпрепровождения здесь: в 10 часов я поднимаюсь, мы пьем кофе — Гагарин, Васильчиков, Жерве и я, потом мы поем все знакомые арии, потом расстаемся — каждый идет работать: Гагарин рисует, Васильчиков читает, Жерве предается размышлениям о своих привязанностях, я лично не делаю ничего, а впрочем, я курю, лежа на персидских коврах. В час дня легкий завтрак, потом все уходит на прогулку, делают визиты. К пяти возвращаются, обедают и затем отправляются в турецкие бани, чтобы сделать себе массаж. После этого пьют чай и ложатся. За исключением праздников в течение всего дня не приходится ни о чем думать. Затем предаются сну, потом просыпаются, чтобы возобновить все сначала".

"Так живут, — рассказывает он далее, — все откармливаемые животные. После этого думайте о нашей жизни что вам угодно, но, что бы вы ни сказали, я в данное время не перемену ее ни на какую другую".

"Вместе с тем, — продолжает Монго, — у нас есть здесь такие красавицы, которых не найти в Петербурге: у маленькой княжны Аргутинской такие губки, которые хотелось бы вновь и вновь целовать всю жизнь. Майко и Като Орбелиани⁶⁹ — две нежные жемчужины из Тифлисского ожерелья и масса других, которых я не заметил после того, как увидел этих трех женщин".⁷⁰

Конец письма написан в том же духе: "Прощайте, дорогая, мы скоро идем обедать, а кроме того, я погибаю от усталости, написав вам такое длинное письмо. Мои приветствия вам. А. Столыпин".⁷¹

Это письмо, убедительно подтверждающее характеристику Монго в поэме М.Ю. Лермонтова, делает маловероятным мнение, будто Столыпину был присущ культ декабризма. По крайней мере, в этот период в письмах нет ни малейшего намека на такие настроения. Трудно заподозрить автора письма в неискренности. Теперь нам известно, что вся его жизнь прошла в подобном рода увлечениях, при которых едва ли находилось у него время для занятия политическими вопросами, даже в так называемом "кружке шестнадцати".

Следует сказать, что эта пустая жизнь, по-видимому, соответствовала его вкусам и вполне удовлетворяла его. Подтверждением тому может служить и переписка сестер Столыпина. В письме от 4 марта 1844 года одна из них сообщала:

"Алексей имеет вид довольного своей судьбой, потому что он даже как-то сказал: "В сущности, чего мне не хватает?" Я ему сказала, что ожидаю дня, когда он совершенно изменит свой образ жизни. Он улыбнулся".⁷²

Особенно важное значение М.Г. Ашукина-Зенгер придает опубликованию перевода "Героя нашего времени" в "Democratie rasifique", что, по ее мнению, свидетельствует о подготовленности Монго к восприятию проповеди фурьеризма.

В нашем распоряжении имеется частично использованное уже выше письмо Монго из Парижа к сестре Марии Аркадьевне, относящееся ко времени, предшествующему публикации романа. К сожалению, среди других трудно разбираемых писем Монго оно отличается особенной неразборчивостью.

Приводим это с трудом разобранным, с пропусками, письмо от 13 апреля, по-видимому, 1843 года, поскольку публикация перевода появилась осенью этого же года. Начиная просьбою вырывать из денежных затруднений присылкою 2000 рублей, он дальше говорит:

"Извиняюсь, что беспокою этим вас и отца вашего мужа, но я постараюсь возвратить их вам так же скоро, как в первый раз, или лучше [сказать] так же аккуратно, и я надеюсь, что это будет через месяц. Дело в том, дражайшая, что ранее, чем через месяц, я пускаюсь на литературное поприще (не говорите об этом никому или лучше не пишите об этом в Петербург, потому что письма читают),⁷³ и для начала я перевел часть романа Лермонтова и хочу напечатать. Я не знаю, удастся ли мне это, из самолюбия я прошу вас об этом не говорить. Завтра или послезавтра я должен переговорить с одним литератором, который, я надеюсь, исправит мой первый опыт, во всяком случае, через две недели я вам дам знать, что я рассчитываю делать..."

Прощайте, дорогая, я рассчитываю на ваши деньги, как на каменную гору".⁷⁴

Как и следовало ожидать, при свойственной Столыпину лени он не только через две недели, но и вовсе, по-видимому, ничего не сообщил о своих дальнейших планах. Во всяком случае, такого письма в деле не оказалось.

Какое же заключение можно вывести из приведенного парижского письма?

Во-первых, этот неожиданный перевод "Героя нашего времени" объясняется не литературными интересами, а стесненным финансовым положением Монго-Столыпина, в котором он почему-то оказался в Париже. По крайней мере, на такую мысль наталкивает то место из письма Монго, где он, обещая через месяц возвратить занятые деньги, поясняет: "Дело в том, дражайшая, что ранее, чем через месяц, я пускаюсь на литературное поприще..." Ясно, что он собирался возвратить долг из будущего гонорара.

Остается еще выяснить, почему Монго решил поместить свой перевод в органе фурийеров.

Испытывая денежные затруднения и не имея никакой известности в литературном мире, он едва ли мог выбирать по своему усмотрению журнал для публикации перевода и, всего скорее, воспользовался случайным содействием в этом отношении того литератора, которому хотел поручить исправление своего "первого опыта". Во всяком случае, в этом письме Столыпина нет ни малейшего основания для далеко идущих выводов. Можно скорее полагать, что, если бы ему в 1843 году не пришлось побывать в Париже и немного победствовать там, мы не увидели бы в "Democratie rasifique" перевода лермонтовского романа.

Не считая возможным подробно останавливаться на переписке Столыпина, сделаем из нее только некоторые выводы, дополняющие приведенные выше сведения о нем.

Нельзя прежде всего не сказать несколько слов о живом, забавном стиле большинства его писем. В них много остроумия без претензии на ученость. Недаром, познакомившись ближе, Л.Н. Толстой нашел его "славным интересным малым". Прекрасным компаньоном он являлся, конечно, и для Лермонтова, особенно в первые, довольно бурные годы их совместной гусарской жизни.

Об этих годах в письме от 20 ноября 1848 года ко второму мужу своей сестры Марии Аркадьевны, князю П.П. Вяземскому, А.А. Столыпина, высказывая свое восхищение сделаться его родственником, писал:

"Я не был бы такого мнения десять лет тому назад, когда мы оба были еще очень молоды и очень безрассудны".⁷⁵

Другое письмо Столыпина от 28 июня 1853 года говорит о его сердечности. Оно написано зятю, князю Д.Ф. Голицыну по случаю смерти сестры Монго и выражает самую искреннюю скорбь по поводу этой утраты и горячее сочувствие князю. Мы знаем, кроме того, что это сочувствие было не только на словах. Монго

совершил большую поездку, провожая тело сестры к месту вечного успокоения в родовом имении.

В некоторых письмах Столыпина конца сороковых годов можно познакомиться с его хозяйственными занятиями по имению и его интересами того времени.

В этом отношении Столыпин проявлял невероятную беспечность. Достаточно сказать, что опекавшему его дядюшке Афанасию Алексеичу пришлось потерять больше года, прежде чем он получил от своего племянника документы, необходимые для его ввода во владение имением. В этот период Монго интересовало только коннозаводство и скачки, и это новое увлечение, по-видимому, заменило или, по крайней мере, отодвинуло на второй план прежний интерес к собакам.

"Душевно рад, любезный друг, — писал ему дядюшка 5 ноября 1851 года из своего имения, — что ты нашел конный завод в порядке. Я, по обещанию твоему, ожидал тебя сюда ко мне в октябре месяце, полагая, что из Братовщины⁷⁶ ты проедешь в Пушкино, а оттуда завернешь ко мне. Приезд твой в Пушкино был бы весьма кстати: там устраивается винокурный завод, а Василий Афанасьевич⁷⁷ все болеет лихорадкой и не может туда отправиться".⁷⁸

Как видим, уделив все внимание конному заводу, Монго не только упустил возможность побывать в своем имении, но даже нарушил данное дядюшке обещание заехать к нему.

Эта беспечность Монго доставляла Афанасию Алексеичу немало огорчений. В письме к своей племяннице Анне Григорьевне Философовой от 29 октября 1845 года он писал:

"Извини, любезный друг, что я тебя затруднил сею моею комиссией, но не зная, где находится Алексей Григорьевич и где шатается Алексей Аркадьевич, я решился адресоваться к тебе, как к человеку аккуратному"...⁷⁹

Если приведенные выдержки свидетельствуют о недостаточных способностях А.А. Столыпина в хозяйственных делах, или, вернее, об отсутствии всякого интереса к ним, то в делах военного характера он всегда был на высоте положения, хотя сама по себе военная карьера, как мы видели, его также мало интересовала.

"От Алексея Аркадьевича, — писал М.Ю. Лермонтов бабушке из Пятигорска 18 июля 1837 года, — я получил известия; он здоров, и некоторые офицеры, которые оттуда сюда приехали, мне говорили, что его можно считать лучшим офицером из гвардейских, присланных на Кавказ"...⁸⁰

Это сообщение Лермонтова вполне подтверждается прекрасным отзывом военного начальства о боевой службе Столыпина в 1837 году.

В аттестационном списке Столыпина в графе "какого поведения" отмечено "отличного"; в графе "как оказал себя в военных действиях" написано: "в военных делах имеет соображение хорошее".⁸¹

Из других документов того же архивного фонда видно, что с отличием Столыпин провел и Галафеевскую экспедицию 1840 года, получив за нее высокую по тому времени награду — орден Владимира 4-й степени с бантом.

О блестящем участии Монго в Севастопольской кампании свидетельствует письмо его брата Дмитрия Аркадьевича сестре Вяземской от 10 июля 1855 года, из которого видно, что за боевое отличие он получил золотое оружие и чин майора.

В этот период здоровье А.А. Столыпина было уже сильно расшатано.

"После Крымской кампании, — пишет автор упомянутой выше статьи, М.Г. Ашукина-Зенгер, — он стал хворать. Когда у него обнаружили первые признаки чахотки, он встретил сопротивление Николая I, не разрешавшего ему поездку за границу для лечения и будто бы положившего на его прошение резолю-

цию: "Никогда, никуда". Согласие было получено лишь благодаря поддержке лейб-медика Мандта" ...⁸²

Некоторые сведения о смерти Столыпина во Флоренции в 1858 году оказались в письме его брата Дмитрия Аркадьевича сестре Вяземской от 26 октября 1858 года из Бадена.

"Я только что возвратился из Италии, дорогая Мария, о чем вы уже узнали от Николая.⁸³ Мы слишком поздно узнали о болезни Алексея. Если что может служить утешением, это то, что Алексей был окружен заботами всех лиц, находившихся вблизи него. Его потерю почувствовали даже лица, мало его знавшие, настолько он пользовался любовью и уважением. Он причастился и проявил во время всей своей болезни много терпения и мужества" ...⁸⁴

Этим последним документом исчерпываются материалы о А.А. Столыпине.

Прекрасные отзывы современников о Монго как о человеке в высшей степени благородном, храбром, редкой доброты и сердечности, подтверждаются и новыми документами. Однако эти отзывы слишком односторонни.

Наиболее правдивой, вполне соответствующей этим документам является, безусловно, шуточная характеристика Монго в одноименной поэме М.Ю. Лермонтова. При всех прекрасных задатках характера, остроумии и отличных природных способностях А.А. Столыпина Монго его никак нельзя назвать представителем передовых кругов русского общества, и он, несомненно, принадлежит к тому бездействующему поколению, о котором М.Ю. Лермонтов с такой грустью говорит в стихотворении "Дума". Он заслуживает упрека и в безразличном отношении к памяти своего бывшего друга — великого поэта, к которому в последние два года его жизни он, по-видимому, охладел.

С.В. Трубецкой

Сергей Васильевич Трубецкой (1814—1859) принадлежал к числу друзей Лермонтова, был секундантом на дуэли поэта с Мартыновым.

О теплом дружеском отношении к нему поэта свидетельствует датированная серединой апреля 1841 года запись в дневнике Ю.Ф. Самарина.

"Помню его [Лермонтова] поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой... Его голос дрожал, он был готов прослезиться..."⁸⁵

Биографические сведения о Сергее Васильевиче Трубецком есть в книге С.А. Панчулидзева "История кавалергардов".

"Кн. Сергей Васильевич Трубецкой... в службу вступил 5 сентября 1833 г. из камер-пажей корнетом в кавалергардский полк; 12 сентября 1834 г. "за известную его импер. высочеству шалость" отправлен в л-гв. Гродненский гусарский полк, откуда возвращен в кавалергарды 12 декабря того же года.

27 октября 1835 года "за причинение ночью в Новой деревне с двумя другими офицерами беспорядка и по жалобе жителей" переведен тем же чином в Орденский кирасирский полк, в 1836 г. произведен поручиком, в 1837 г. переведен корнетом в л-гв. кирасирский ее величества полк; 13 января 1840 г. назначен состоять по кавалерии, с прикомандированием к Гребенскому казачьему полку; участвовал в экспедиции ген. Галафеева и в деле при р. Валерике (11 июля 1840 г.) ранен пулею в грудь; в 1842 г. переведен в Апшеронский пехотный полк; 18 марта 1843 года уволен от службы за болезнью, с определением к статским делам.

Был женат на Екатерине Петровне Пушкиной, у них дочь София".⁸⁶

Приведенная выписка отражает невзгоды, настигавшие Трубецкого во время пребывания его в разных гвардейских и армейских полках. В том же источнике мы находим объяснение причин этих невзгод.

Граф П.Х. Граббе, командовавший войсками на Кавказской Линии и в Черномории, так отзываясь о С.В. Трубецком:

"С умом, образованием, наружностью, связями по родству, он прокутил почти всю жизнь, как наиболее случается у нас с людьми, счастливее других одаренными".⁸⁷

Графиня А.Д. Блудова в своих записках вспоминает о нем:

"Он был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался Сережей до конца и был особенно несчастлив или неудачлив... Конечно, он был кругом виноват во всех своих неудачах, но его шалости, как ни были они непростительны, сходят с рук многим, которые не стоят бедного Сергея Трубецкого. В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен во всех отношениях, как по наружности, так и по уму, и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская беспечность с каким-то ухарством, которая граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет. Он был сорвиголова, ему было море по колено, увы, по той причине, к которой относится эта поговорка, и кончил жизнь беспорядочно, как провел ее, но он никогда не был злым, ни корыстолюбивым... Жаль такой даровитой натуры, погибшей из-за ничего..."⁸⁸

Чтобы иметь представление о "шалостях" Трубецкого, о которых рассказывает Блудова, воспользуемся штрафным журналом кавалергардского полка.

Не говоря о проступках обычного характера: курение не вовремя трубки перед фронтом полка, прогулки рядом с подпрапорщиком, отлучки с места дежурства и т. п., остановимся только на двух случаях, наиболее характерных для Трубецкого.

Первый проступок, совершенный им совместно с штаб-ротмистром Кротковым, так описан в штрафном журнале под датой 14 августа 1834 года:

"11 числа сего месяца, узнав, что графиня Бобринская с гостями должны были гулять на лодках по Большой Неве и Черной речке, вознамерились в шутку ехать им навстречу с зажженными факелами и пустым гробом..."⁸⁹

Последствием этой шутки для обоих ее участников был арест с содержанием на гауптвахте.

Второй случай "шалости" с участием еще двух офицеров, упоминаемый Панчулидзевым и послуживший причиной перевода Трубецкого в армейский полк, изложен в записи от 1 сентября 1835 года:

"За то, что после вечерней зори во втором часу на улице в Новой деревне производили разные игры не с должной тишиной, арестованы с содержанием на гауптвахте впредь до приказа".⁹⁰

О рискованной выходке С.В. Трубецкого в кисловодской ресторации 22 августа 1840 года на балу, проходившем по случаю дня коронации Николая I, вспоминает Э.А. Шан-Гирей:

"В то время, в торжественные дни все военные должны были быть в мундирах, а так как молодежь, отпускаемая из экспедиций на самое короткое время отдохнуть на Воды, мундиров не имела, то и участвовать в парадном балу не могла, что и случилось именно 22 августа (день коронации) 1840 г. Молодые люди, в числе которых был и Лермонтов, стояли на балконе у окна... В конце вечера, во время мазурки, один из не имевших права входа на бал, именно князь Трубецкой, храбро вошел и торжественно пройдя всю залу, пригласил девицу сделать с ним один

тур мазурки, на что она охотно согласилась. Затем, доведя ее до места, он также промаршировал обратно и был встречен аплодисментами товарищей за свой героический подвиг, и дверь снова затворилась. Много смеялись этой смелой выходке и только; а кн. Трубецкой (тот самый, который был в 1841 г. во время дуэли Лермонтова) мог бы поплатиться и гауптвахтой".⁹¹

Такую же склонность к риску Трубецкой проявил и в 1841 году. Мы знаем об этом из позднейших пояснений по поводу обстоятельств дуэли, сообщенных А.И. Васильчиковым Висковатому.

"Собственно секундантами, — вспоминал Васильчиков, — были: Стольпин, Глебов, Трубецкой и я. На следствии же показали: Глебов себя секундантом Мартынова, я — Лермонтова. Других мы скрыли. Трубецкой приехал без отпуски и мог поплатиться серьезнее".⁹²

Принимая на себя обязанности секунданта, С.В. Трубецкой заведомо рисковал, так как это могло закончиться для него крайне неблагоприятно.

Интересные сведения о С.В. Трубецком мы находим в статье Э.Г. Герштейн "Лермонтов и кружок шестнадцати".

"С.В. Трубецкой, — пишет она, — интересен для нас тем, что Лермонтов выбрал его своим секундантом на дуэли с Мартыновым. Кроме того, Трубецкой был тесно связан дружбой с Н.А. Жерве. Упомянув историю высылки Жерве в 1835 г., я уже говорила, что высланный одновременно с ним Трубецкой был взят под секретный надзор. Со времени этой высылки вплоть до смерти Трубецкого его судьба проходила под знаком особого нерасположения к нему Николая I и всех "верхов". Это выясняется из переписки секретной части инспекторского департамента. В январе 1840 г. Трубецкой вторично высылается, на этот раз на Кавказ. Вместе с Лермонтовым и членами "кружка шестнадцати" он участвовал в сражении при р. Валерик и был здесь тяжело ранен. Несмотря на это, в награде ему было так же, как и Лермонтову, отказано. В феврале 1841 г. он приезжает в отпуск в Петербург для прощания с умирающим отцом и лечения раны. Николай I лично налагает на него домашний арест. Во все время пребывания Лермонтова и его друзей по "кружку шестнадцати" в Петербурге Трубецкой безвыходно находился дома, "не смея ни под каким предлогом никуда отлучаться", а в апреле, следуя "высочайшему повелению" царя, еще больной, был отправлен назад на Кавказ. Здесь он поселился вместе с Лермонтовым и через месяц был его секундантом на дуэли с Мартыновым".⁹³

Здесь теперь приведено примерно все, что до сего времени было известно о С.В. Трубецком.⁹⁴ В дополнение к этим сведениям можно еще упомянуть о двух относящихся к нему неопубликованных архивных документах.

Первый из них представляет собой рекомендательное письмо от 24 января 1840 года на имя генерала П.Х. Габбе, посланное отцом С.В. Трубецкого с просьбой принять его сына под генеральское покровительство.⁹⁵

"В приятной уверенности, — пишет старик Трубецкой, — что Ваше превосходительство не забыли еще меня, вашего прежнего товарища, и в лестной по сему надежде на дружеское ко мне благорасположение, я обращаюсь теперь к вам и поручаю сына моего поручика князя Сергея Трубецкого в милостивое покровительство ваше; покорнейше и убедительнейше прошу принять его с милостивым участием. Желание служить под начальством вашим и воспользоваться случаями к отличию на военном поприще побудило молодого человека перейти в Кавказский корпус, и в сем положении моему отеческому сердцу остается только утешать себя приятною мыслью, что он найдет в вас покровителя, отца-командира и заслужит ваше внимание..."

Второй документ — приказ по войскам Кавказской Линии от 8 февраля 1840 года о зачислении кн. С.В. Трубецкого на службу.

Вот его текст: "Назначаются: лейб-гвардии кирасирского его величества полка корнет князь Трубецкой — состоять по кавалерии поручиком с прикомандированием к Кавказскому Линейному казачьему войску".⁹⁶

Оба документа ставят под сомнение утверждение Э.Г. Герштейн, что в январе 1840 года Трубецкой был вторично выслан на Кавказ.⁹⁷

Невозможно предположить, чтобы отец С.В. Трубецкого, говоря о своем высланном на Кавказ сыне, мог писать, что "желание служить под начальством вашим и воспользоваться случаями к отличию на военном поприще понудило молодого человека перейти в Кавказский корпус". Старика Трубецкому было, конечно, хорошо известно, что командующий войсками на Кавказской Линии генерал Граббе не мог не знать, на каких основаниях прибывает к нему тот или другой офицер и потому едва ли князь решился бы ввести генерала в заблуждение.

О том, что С.В. Трубецкой поехал в 1840 году на Кавказ добровольно, можно заключить и из приведенного выше приказа по Линии, в котором не только нет никакого намека на ссылку, но даже отмечено повышение в чине, чего при ссылке не могло быть. Приказ этот, последовавший вслед за письмом старого князя, может также свидетельствовать, как внимательно отнесся Граббе к своему прежнему сослуживцу.

М.П. Глебов

Хотя Михаил Павлович Глебов (1818—1847) был секундантом Мартынова,⁹⁸ с Лермонтовым он, по-видимому, находился в самых лучших отношениях. Вообще, он пользовался добрым расположением всех, его знавших.

В историческом очерке Николаевского кавалерийского училища, бывшей школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, за 1823—1873 годы о Глебове приведены такие сведения:

"...в 1847 году убит на Кавказе... отличный офицер... ротмистр лейб-гв. конного полка Глебов 2-й, подававший блестящие надежды в будущем и искренне любимый товарищами за веселый и приветливый нрав. Глебов выпущен из школы в один год с знаменитым Слепцовым и почти вслед за ним поехал на Кавказ, где в одной из экспедиций 40-го года получил жестокую рану в руку, лечился в Пятигорске и тут-то по приглашению Н.С. Мартынова был секундантом в его роковой дуэли с Лермонтовым. Военный суд приговорил поручика Глебова к содержанию в крепости и к переводу в армию; государю императору благоугодно было освободить его от этой ответственности в уважение храбрости и тяжелой раны, полученной им в бою с неприятелем. Назначенный затем адъютантом к генералу Нейдгарту, командовавшему Кавказским корпусом, Глебов был захвачен в плен партией хищников на большой дороге около Ставрополя, долго томился в неволе и, наконец, был выкраден известным горским наездником Атарчиковым. Тогда для Глебова открылась блестящая карьера: в чине ротмистра лейб-гв. конного полка, увешанный крестами за прежнюю службу, он был назначен адъютантом к наместнику Кавказа кн. Воронцову, который оказывал ему особенное расположение. Но счастье длеяло его недолго; через два года, участвуя в осаде аула Салты, он был назначен командовать застрельщицьею цепью, и здесь, во время ничтожной перестрелки, происшедшей 28 июля, убит наповал пулею в голову".

Хорошо знавший Глебова А.И. Васильчиков, вместе с ним участвовавший в качестве секунданта в последней дуэли Лермонтова, посвящает ему такие сочувственные строки:

"28 июля 47 г. убит был в Дагестане под селением Салты адъютант наместника кавказского М.П. Глебов.

Он умер, как и многие умирают на Кавказе, без шума, но с твердью, в чине ротмистра гвардии, на 28 году от роду. И смерть его, как и жизнь, была проста, коротка и славна.

Кто знал его, милого друга, верного товарища, храброго офицера, кто испытывал его веселое радушие, светлый ум и доброе сердце, тот верно сохранил ему память сердечную. Но он достоин и памяти общественной, если только труды, страдания, раны, мучительный плен могут заслужить 28-летнему ротмистру благодарность и сострадание людей.

Если же мы и судим пристрастно, то да извинит нас тесная дружба с покойником, и пусть этот рассказ будет принят только как сердечное воспоминание, как надгробная молитва".⁹⁹

Имеется и еще несколько довольно любопытных документов, извлеченных из фонда Центрального государственного архива Грузинской ССР, которые уточняют и дополняют приведенные выше сообщения о плене Глебова.

В частности, следует отметить, что утверждение о том, что Глебов "долго томился в плену", неверно. Взятый в плен 28 сентября 1843 года, он ровно через два месяца — 28 ноября того же года — прибыл уже на наш военный пост Шалоховский.

Неточным является и сообщение о лице, освободившем Глебова. Таковым явился не Атаршиков, а ногойцы — князь Бий Карамурзин и уздень Мамгаза Балялов.

В заключение следует немного остановиться на отношениях М.П. Глебова с М.Ю. Лермонтовым. Сохранившиеся материалы указывают, что эти отношения были самыми близкими. Мы знаем, что в преддуэльные дни Глебов делал все для примирения противников и не его вина, что ему не удалось этого добиться. Очень трогательно было его отношение к убитому поэту на месте дуэли.

"Тело Лермонтова, — пишет Висковатый, — все время лежало под проливным дождем, накрытое шинелью Глебова, покоясь головою на его коленях. Когда Глебов хотел осторожно спустить ее, чтобы поправиться — он промок до костей — из раскрытых уст Михаила Юрьевича вырвался не то вздох, не то стон; и Глебов остался недвижим, мучимый мыслью, что, быть может, в похолодеющем теле еще кроется жизнь".¹⁰⁰

Безупречно держал себя Глебов и в период судебного следствия, в противоположность остальным находившимся под судом участникам дуэли и в первую очередь А.И. Васильчикову, во всем обвинявшему убитого, не останавливаясь перед всякого рода вымыслами.¹⁰¹

А.И. Васильчиков

Роль Александра Илларионовича Васильчикова (1818—1887) в истории дуэли М.Ю. Лермонтова с Мартыновым до последнего времени оставалась недостаточно выясненной и разными исследователями и мемуаристами изображалась по-разному.

Так, П.А. Висковатый, основываясь, очевидно, на относящихся к более позднему времени статьях А.И. Васильчикова о Лермонтове и на личных беседах с ним, считает этого участника дуэли одним из друзей поэта и считает абсолютно правдивыми его рассказы.

Вот что он говорит в своей книге по поводу статьи Васильчикова "Несколько слов в оправдание Лермонтова от нареканий г. Маркевича":

"Справедливая и горячая защита Лермонтова делает тем более чести кн. Васильчикову, что сам он в свое время немало чувствовал на себе сарказм Лермонтова.¹⁰²

Однако с этим хвалебным отзывом о Васильчикове можно было бы согласиться лишь в том случае, если бы мы не знали о его более чем сомнительном поведении в преддуэльный период и затем во время следствия и суда над участниками дуэли.

Напомним те сведения о Васильчикове, которыми, со слов В.И. Чилиева, располагал П.К. Мартынов. Вот как он изображает взаимоотношения Васильчикова с поэтом.

"Умник"¹⁰³ вел себя в Пятигорске очень тонко. Он, по словам В.И. Чилиева, зная силу сарказма Лермонтова, первоначально ухаживал за ним, часто бывал у него и с ним на прогулках и в гостиных общих знакомых, выслушивал, не обижаясь, от него всевозможные шутки, остроты и замечания, отшучиваясь в свою очередь, как господь бог положит на душу. Но с конца июня он вдруг перешел в тот лагерь, где враждебно смотрели на поэта. Внешние отношения оставались, конечно, те же, но близкая товарищеская связь была порвана. "Князь Ксандр" сделался молчалив, угрюмо вежлив и сдержан, частые беседы прекратились, на верзилинские и другие вечера он стал приходить изредка и ненадолго, как будто только для того, чтобы не было повода сказать, что светские отношения нарушены. Лермонтов все это видел и бросал ему в глаза клички: "Дон-Кихот иезуитизма", "князь-пустельга", "дипломат не у дел", "мученик фавора" и др... Все это, конечно, не могло служить к образованию той "искренней и чистосердечной дружбы", о которой князь писал в 1872 году, и "дипломат не у дел" сказался в нем".¹⁰⁴

П.К. Мартынов отводит Васильчикову главную роль в организации интриг, погубивших поэта. Васильчиков сумел подстрекнуть Мартынова "обуздать" Лермонтова, уничтожить "выскачку и задиру", а после гибели поэта прикинулся одним из его лучших друзей.

Сообщаемые Мартыновым сведения в большинстве своем довольно правдоподобные, тем более, что они исходят от лица, проживавшего летом 1841 года в одном доме с Васильчиковым.

Если припомнить поведение Васильчикова во время следствия и суда над участниками дуэли и в последующее время, приблизительно до начала 70-х годов, то можно заметить, что все его симпатии были всецело на стороне убийцы поэта — Мартынова, которого он всячески старался оправдать в ущерб доброй памяти убитого. Конечно, Васильчиков, как и многие, не предвидел тогда высокой оценки творчества М.Ю. Лермонтова новым поколением. К началу 70-х годов это обстоятельство выяснилось достаточно определенно, и Васильчиков, чувствуя за собой тяжелую вину и опасаясь грозного суда потомства, начал прилагать все старания, чтобы прикинуться одним из лучших друзей поэта. Он начал выступать в печати со статьями о Лермонтове, в которых, уклоняясь от чистосердечного признания о своем действительном отношении к поэту, постарался создать у читателей впечатление, что всегда был его другом и защитником. Мы уже видели, что ему удалось убедить в своих дружеских чувствах к Лермонтову даже такого авторитетного исследователя, как П.А. Висковатый, не говоря уже о многих других.

Новые источники показывают, что считавшееся до сего времени классическим описание поединка Васильчиковым представляет собою в значительной степени вымысел, придуманный для защиты убийцы и рассчитанный на то, что при ограниченном числе участников интриги подробности трагедии никогда не будут раскрыты.

Здесь имеются в виду, прежде всего, дневниковые записи и письма московского почт.-директора А.Я. Булгакова¹⁰⁵ по пово-

ду гибели поэта. Сообщаемые им подробности дуэли, которую правильнее было бы квалифицировать как прямое убийство, подтверждаются и другими источниками, приведенными в статье Э.Г. Герштейн "Отклики современников на смерть Лермонтова".¹⁰⁶

Такими же, вероятно, соображениями можно объяснить ложные показания Васильчикова во время первоначального следствия по делу о дуэли.

Он всячески старался оправдать себя и других участников дуэли, взваливая всю вину за происшедшее на убитого поэта. Такой же тактики придерживался, как увидим, и Мартынов.

Для примера приведем объяснение Васильчикова и других подсудимых о поводах к дуэли.

Отвечая на основной вопрос о причине, послужившей поводом к дуэли, Мартынов в своем первом объяснении писал:

"На вечере в одном частном доме у [Верзилиных] за два дня до дуэли он вывел меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, на каждом шагу показывая явное желание мне досадить" ...¹⁰⁷

Это объяснение Мартыновым повода для ссоры ничем не подтвердилось. Из воспоминаний присутствовавшей на вечере падчерицы Верзилина Эмилии Александровны мы знаем, что единственным поводом к ссоре были случайно услышанные Мартыновым насмешливые слова поэта по его адресу: "Montagnard au grand roignard" (Горец с большим кинжалом). О том, что Лермонтов в этот вечер вовсе не стремился вывести его из терпения, свидетельствует и показание хозяйки дома М.И. Верзилиной:

"13 числа июля месяца, — показывает она, — были вечером у меня в доме господин Лермонтов и Мартынов, но неприятностей между ними я не слыхала и не заметила, в чем подтвердят бывшие тогда же у меня гг. поручик Глебов и князь Васильчиков".¹⁰⁸

Посмотрим теперь, какие объяснения дали по этому вопросу секундантами.¹⁰⁹

После совершенно ясных показаний М.И. Верзилиной, опровергающих версию Мартынова, они, конечно, не могли поддержать эту версию, и по шестому вопросу следствия (о причинах дуэли) отделались совершенно неопределенными показаниями о насмешках Лермонтова, ссылались на свидетельства других лиц.

Однако Васильчиков, в отличие от Глебова, таким бессодержательным показанием не ограничился и внес по восьмому пункту вопросного листа (кто из дуэлистов прежде сделал вызов на дуэль?) свое добавление.

Указав на Мартынова, как на лицо, сделавшее формальный вызов, он добавил: "...но при сем долгом считаю прибавить, что в самый день ссоры, когда майор Мартынов *при мне* (курсив наш. — С.Н.) подошел к поручику Лермонтову и просил его не повторять насмешек, для него обидных, сей последний отвечал, что он не в праве запретить ему говорить и смеяться, что, впрочем, если обижен, то может его вызвать и что всегда готов к удовлетворению".¹¹⁰

Из дополнительных показаний Васильчикова и Глебова от 27 июля мы знаем, что оба секунданта в основном почти одинаково нарисовали обстановку, при которой между Лермонтовым и Мартыновым произошел тот самый разговор, который предшествовал вызову на дуэль.

У Васильчикова: "Я не был свидетель насмешек, обидевших майора Мартынова, а узнал об этом уже позже. При выходе из того дома (Верзилиных. — С.Н.), я с корнетом Глебовым пошел вперед; майор Мартынов остановил поручика Лермонтова и они остались назад..."¹¹¹

У Глебова: "...о происшедшей ссоре я узнал после, возвратившись домой. Мартынов и Лермонтов остались назад по выходе из дому, я же и Васильчиков шли вперед".¹¹²

Спрашивается, как могло случиться, что из двух лиц, находившихся вместе, только Васильчиков слышал этот разговор, причем в изложении, близком к показанию Мартынова, а Глебов не слышал ничего и о ссоре узнал только дома? По-видимому, Васильчиков сознательно говорил неправду, чтобы полностью подтвердить такое же неправдивое, наспех придуманное показание Мартынова.

После всего вышеизложенного версия П.А. Висковатого, реабилитирующая Васильчикова, вызывает определенные сомнения.¹¹³

Р.И. Дорохов

Руфин Иванович Дорохов (1801—1852) — участник кавказских войн, вместе с М.Ю. Лермонтовым в 1840 году пребывал в Галафеевской экспедиции. От раненого Дорохова поэт принял командование отрядом "охотников".

П.А. Висковатый значительно внимание уделил ходившим тогда в Пятигорске слухам об участии Дорохова в подготовке дуэли Лермонтова.

"В дело, — пишет Висковатый, — вмешались и посторонние люди, как например, Дорохов, участвовавший в 14 поединках. Для людей, подобных ему, а тогда в кавказском офицерстве их было много, дуэль представляла приятное препровождение времени, щекотавшее нервы и нарушавшее единообразие жизни и пополнявшее отсутствие интересов".¹¹⁴

"Даже есть полное вероятие, — продолжает он, — что, кроме четырех секундантов: князя Васильчикова, Столыпина, Глебова и князя Трубецкого, на месте поединка было еще несколько лиц в качестве зрителей, спрятавшихся за кустами, — между ними и Дорохов".¹¹⁵

Несколько далее, говоря о преддуэльной встрече противников в селении Каррас, Висковатый сообщает:

"Говорят, Мартынов приехал туда на беговых дрожках с кн. Васильчиковым".¹¹⁶ И в примечании к этому месту добавляет:

"Другие говорят — с Дороховым, что сомнительно, потому что в Пятигорске старожилы говорили, что Дорохов 15-го июля под вечер много разъезжал верхом на коне и что знавших этого человека его суетня поразила: "Что-нибудь да замышляется недоброе, если Дорохов так суетится!" О какой-то неясной, очевидно, некрасивой, роли Дорохова в истории дуэли Лермонтова говорилось и в малодостоверных рассказах майора Карпова в передаче С. Филиппова".¹¹⁷

Противоположное мнение приводится в воспоминаниях Н.П. Раевского.¹¹⁸ Хотя последний называет Дорохова бретером, участником 14 дуэлей, но сообщаемый им совет этого "бретера" — различить противников на некоторое время с расчетом, что "раздражение пройдет, а там, бог даст, сами помиряются", — свидетельствует о стремлении Дорохова утихомирить противников.

В таком же смысле высказывается и Э.А. Шан-Гирей в статье, опубликованной в журнале "Север".¹¹⁹ "Несправедливо, — пишет она, — также предполагать Дорохова подстрекателем".

Наконец, о горячем сочувствии Дорохова к погибшему поэту свидетельствует сцена, о которой сообщается в воспоминаниях декабриста А.С. Гангелова.

"Когда, — рассказывает он, — был убит Лермонтов, священник отказался было его хоронить, как умершего без покаяния. Все друзья покойника приняли живейшее участие в этом деле и старались смягчить строгость приговора. Долго тянулось недоумения. Дорохов горячился больше всех, просил, грозил и, наконец, терпение его лопнуло: он как буря накинулся на бедно-

го священника и непременно бы избил его, если бы не был насильно удержан князем Васильчиковым, Львом Пушкиным, князем Трубецким и другими".¹²⁰

Следует сказать, что этот "бедный", по словам Гангеблова, священник был, по-видимому, известный сутяга и кляузник Эрастов, возбудивший потом целое дело против хоронившего поэта протоиерея Александровского.

Мы видим, таким образом, что мнения относительно участия Дорохова в дуэли не являются единодушными. Чтобы можно было сделать по этому вопросу наиболее правдоподобное заключение, необходимо выяснить, что нам еще известно о Дорохове.

О Р.И. Дорохове составилось представление как о несправливом бретере, неоднократно разжалованном за участие в дуэлях в рядовые. А между тем новые архивные документы подобных сведений не подтверждают. По ним можно установить только два случая разжалования Дорохова в рядовые, и оба раза это произошло не из-за дуэли, а по другим причинам.

В списке "Штаб- и обер-офицеров Нижегородского драгунского полка, бывших разжалованными и потом прощенными", от 1 мая 1832 года в графе "За что и когда были разжалованы и когда прощены" о поручике Дорохове приводятся такие сведения:

"За буйство и ношение партикулярной одежды 1820-го года декабря 5 дня по высочайшему приказу был разжалован из прапорщика учебного карабинерного полка в рядовые до выслуги и определен в гренадерский наследного принца Прусского полк; из коего переведен 1824-го августа 22 дня, в 3-й батальон Тарутинского пехотного полка, а 1827-го года января 28 по высочайшему повелению выключен в Отдельный Кавказский корпус и по предписанию бывшего корпусного командира ген. от инфантерии Ермолова того же года февраля 23-го определен в сей Нижегородский драгунский полк, в котором за отличие в сражении против персиян в 1827 году по высочайшему повелению того же года декабря 7 дня произведен в унтер-офицеры; 1828-го года января 1 дня, по высочайшему приказу, за отличие против персиян произведен в прапорщики; того же года декабря 3-го по высочайшему приказу за отличие в сражении против турок произведен в поручики".¹²¹

В том же списке, в графе "как ведет себя по службе" отмечено "очень хорошо". В графе "какой нравственности" имеется отзыв: "очень хорошо".

Из этого документа можно с достаточной вероятностью установить, что в 1820 году произошло первое разжалование Дорохова. Причина разжалования не имела ничего общего с бретерством.

Семь лет пришлось ему тянуть солдатскую ляжку. Только после перевода в 1827 году на Кавказ он сумел быстро отличиться в военных действиях против персиян и турок и получить один за другим несколько офицерских чинов. В 1832 году он был уже поручиком.

В 1837 году Дорохова можно было уже встретить отставным штабс-капитаном в Москве, но снова под судом. В начале следующего 1838 года он был во второй раз разжалован в рядовые.

Подробности о его новой истории находим в архивах III-го отделения.¹²² Обстоятельства этого дела таковы. Проживая в Москве, Дорохов с переменным успехом ведет крупную карточную игру, попадает через своего бывшего товарища князя Вяземского, не подозревая того, в компанию великосветских шулеров и делается жертвою их мошенничества.

Не находя другого выхода, он вызывает князя Вяземского на дуэль, а затем, через некоторое время после того, как секунданты уладили этот инцидент, теряет терпение и в исступлении, которое он объясняет прежней тяжелой раной в голову, подвернувшимся под руку кинжалом наносит удар бесчестному игроку Сверчкову.

После окончания этого дела Дорохов снова оказывается рядовым в кавказской армии, где он блестящими подвигами добивается производства весною 1841 года в чин корнета, и в этом чине появляется летом того же года в Пятигорске.

Вот некоторые подробности этого события из докладной записки московского обер-полицеймейстера Цынского, производившего дознание по данному делу.

"Дорохов объяснил, — сообщает Цынский, — что по получении отставки и по прибытии в Москву, отставной поручик кн. Вяземский возобновил с ним знакомство, как прежний сослуживец, и предложил играть вместе, говоря, что он, Дорохов, не зная тонкостей игры, рискует ежедневно быть обманутым, чего при его сообществе опасаться не должно, ибо Вяземский будет наблюдать за игрою противника. Дорохов, проведя 16 лет в кругу благородных бивачных товарищей и будучи доверчив, не усомнился и в этом случае в приязни старого сослуживца. Вяземский познакомил его с отставным ротмистром Сверчковым, которого называл лучшим своим другом и человеком испытанной честности. Дорохов поверил этому. У Вяземского бывали вечера, где Дорохов, играя в доле с Вяземским и Сверчковым, выигрывал. Когда же играл против них, то всегда проигрывал и был столько ослеплен, что не внимал ни советам жены, ни предвещениям знакомых быть осторожным".¹²³

Эта доверчивость Дорохова и явилась причиной его последующих злоключений.

Кроме пристрастия к карточной игре, вторым крупным недостатком Дорохова следует считать его крайнюю несдержанность. Об этом, в частности, мы можем судить по воспоминаниям сослуживца на Кавказ по делу декабристов М.И. Пущина.

Он рассказывает, как однажды Дорохов за неумышленную задержку в дороге "начал тузить" своего денщика.

"Увидев это, — пишет М.И. Пущин, — я приказал денщику своему Кирилову запрягать лошадей и объявил Дорохову, что так как условие нарушено, и, не желая другой раз быть свидетелем подобных сцен, я его оставлю и предпочитаю ехать один, чтобы оборонить от побоев людей моих и его не вводить в искушение. Дорохов давал мне новые клятвенные обещания вести себя прилично, только чтобы я позволил ему вместе со мною ехать, но я остался непреклонен: сел в коляску, весьма скоро запряженную четверкою лошадей, отдохнувших в течение целого дня, и пустился по ночи вперед по дороге ко Владикавказу".¹²⁴

Тот же Пущин, рассказывая дальше о встрече во Владикавказе с Пушкиным, говорит, что последний убеждал принять в их компанию Дорохова, который просил через поэта прощения и позволял Пущину прибить себя, если он кого-нибудь при нем ударит.

Из воспоминаний Пущина мы видим, как Дорохова ценил А.С. Пушкин, да и сам автор воспоминаний.

"Пушкин, — пишет он, — все свое красноречие употреблял, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тьму грации в Дорохове и много прелести в его товариществе. В этом я был совершенно с ним согласен и, наконец, согласился на убедительную просьбу принять Дорохова в наше товарищество".¹²⁵

Нет сомнения, что это обаяние Дорохова испытывал на себе и другой наш великий поэт — М.Ю. Лермонтов, которому в последние годы жизни неоднократно пришлось встречаться с Дороховым на Кавказе.

Поэт участвовал вместе с ним в Галафеевской экспедиции 1840 года. Есть основание предполагать, что в том же 1840 году они вместе провели некоторое время в Кисловодске и, наконец, летом 1841 года снова и в последний раз встретились в Пятигорске.

В чем же могло проявляться обаяние Дорохова?

Декабрист Гангеблов пишет о нем: "Он всегда держал себя с достоинством, это был человек благовоспитанный, приятный собеседник, остер и находчив. Но все это было испорчено его неукротимым нравом, который нередко в нем проявлялся ни с того ни с сего, просто из каприза..."¹²⁶

Это был человек исключительной храбрости. Об этом, наряду с отзывами современников, может свидетельствовать письмо самого Р.И. Дорохова от 9 февраля 1838 года, адресованное расследовавшему его дело московскому обер-полицмейстеру Цынскому. Это письмо написано после разжалования в рядовые, которое Дорохов счел для себя милостивым наказанием, так как, вероятно, ожидал ссылки на каторгу.

"Здоровье мое, — пишет Дорохов, — не совсем поправилось, но, желая как можно скорее загладить безумный поступок мой, я покорнейше прошу Ваше превосходительство благоволить отправить меня как можно скорее к месту назначения, где бы я мог доказать ценю всей крови своей, что не забыл и вновь пламенно желаю служить государю и России.

Лев Михайлович! Я знаю своих кавказских товарищей — они храбры до безумия. Чтобы отличиться в рядах их, надо тысячи раз рисковать жизнью, а мне необходимо, мне стыдно не отличиться: я вечный должник царя нашего и сын покойного Дорохова..."¹²⁷

Признаюсь, во время следствия по болезненному моему беспаятству, избегая быть запутанным клеветами хитрых на меня доносчиков и чувствуя себя виновным по закону, а не совести, я решился не оправдываться, но с покорностью ждать приговора..."¹²⁸

По-видимому, вскоре после своего письма Дорохов был отправлен на Кавказ и по своему обыкновению не раз блестяще отличился в военных действиях с горцами. Уже 23 июля 1838 года получение было уведомление, что "государь император высочайше повелеть соизволил: рядового Тенгинского пехотного полка Руфина Дорохова за отличное мужество и самоотвержение, оказанное при крушении судов наших у черкесских берегов, произвести в унтер-офицеры". В том же 1838 году за блестящее участие в экспедициях этого года он был представлен к чину прапорщика. Однако на этот раз награждение вышло не скоро. Он получил этот первый офицерский чин только по "высочайшему" приказу от 16 апреля 1841 года¹²⁹. Вскоре же после того приказом по отдельному Кавказскому корпусу от 30 июля 1841 года за № 99¹³⁰ было объявлено о награждении Дорохова знаком отличия военного ордена, иначе — солдатским Георгиевским крестом "За отличие, оказанное в экспедиции против горцев в 1840 г. в Большой и Малой Чечне".

Приведенные данные об отличиях и наградах, конечно, далеко не исчерпывающие, показывают, что свою клятву, данную в письме к Цынскому — загладить свой проступок, он сдержал в полной мере. Эти черты благородства Дорохова, равно как и засвидетельствованные многими его доброта и великодушие, несовместимы с участием в каких-нибудь низких интригах, а тем более по отношению к М.Ю. Лермонтову, который был его боевым товарищем. Вот почему утверждения майора Карпова, а за ним и биографа поэта об участии Дорохова в преддуральной интриге в свете всех этих материалов мало достоверны.¹³¹

После гибели М.Ю. Лермонтова Дорохов продолжал служить на Кавказе в небольших офицерских чинах и погиб в 1852 году во время одного из сражений, изрубленный вместе с несколькими другими храбрецами незаметно подкрававшейся партией горцев.

Очевидец рассказывает:

"На моих глазах было, когда погибли наказной атаман Кавказского Линейного войска Круковский, майор Полозов и начальник ракетной команды Руфин Дорохов. Кстати, как удивлен я был, читая "Войну и мир" Толстого 30 лет тому назад. Ведь его Долохов написан с моего старого знакомого Руф. Ив. Дорохова.

Толстой мог знать его в самый последний год его жизни, так как Дорохов убит не больше, как год спустя по прибытии Льва Ник. Толстого на Кавказ. Но, несомненно, что все характеристические черты и особенности Долохова взяты Толстым с Дорохова. Да, это был человек, даже на Кавказе среди отчаянно храбрых людей, поражающий своей холодной, решительной смелостью".¹³²

Л.С. Пушкин

Лев Сергеевич Пушкин (1805—1852), брат А.С. Пушкина, во время своего пребывания на Кавказе довольно близко познакомился с М.Ю. Лермонтовым. Оба они были участниками Галафеевской экспедиции 1840 года, вместе проводили конец 1840 года и первые дни 1841 года в Ставрополе, а затем снова встретились незадолго до смерти поэта в Пятигорске.

Об этих встречах сохранились сведения в биографических материалах о М.Ю. Лермонтове.

Об участии обоих приятелей в одном весело проведенном, но рискованном ужине за чертой лагеря Галафеевского отряда известно из рассказа Д.П. Палена.

О совместном пребывании Л.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова в Ставрополе по окончании Галафеевской экспедиции мы находим сведения в воспоминаниях А. Есакова¹³³ и А.И. Дельвига.

Описывая обеды у командующего войсками генерала П.Х. Граббе, А.И. Дельвиг рассказывает:

"За обедом всегда было довольно много лиц, но в разговорах участвовали Граббе, муж и жена, Траскин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картинною галереюю.

Лермонтова я увидел в первый раз за обедом 6 января 1841 года. Он и Пушкин много остряли и шутили с женою Граббе, женщиною небольшого ума и малообразованною. Пушкин говорил, что все великие сражения кончаются на "О", как-то: Маренго, Ватерлоо, Ахульго и т.д. Я тут же познакомился с Лермонтовым и в продолжение всего моего пребывания в Ставрополе виделся с ним и с Пушкиным. Они бывали часто у меня, но с первого раза своими резкими манерами, не всегда приличными остротами и в особенности своею страстью к вину не понравились жене моей. Пушкин пил не чай с ромом, а ром с несколькими ложечками чая, и, видя, что я вовсе рома не пью, постоянно угощал меня кахетинским вином..."¹³⁴

О последней встрече Л.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова летом 1841 года в Пятигорске мы знаем по воспоминаниям декабриста Н.И. Лорера.

"Лев Пушкин, — пишет он, — приехал в Пятигорск в больших эполетах. Он произведен в майоры, а все тот же! Прибежит на минуту впопыхах, вечно чем-то озабочен, — уж такая натура!"¹³⁵

В этот период Пушкин, так же как и Лермонтов, являлся постоянным посетителем дома Верзилиных. В его присутствии произошла и ссора поэта с Мартыновым. Сохранился также рассказ В.И. Чилиева в передаче П.К. Мартынова о том, что Лев Сергеевич Пушкин посещал квартиру Лермонтова.

О Льве Сергеевиче Пушкине можно найти немало воспоминаний его современников. Мы напомним заслуживающие доверия воспоминания хорошо знавшего Л.С. Пушкина его сослуживца Григория Ивановича Филиппсона.¹³⁶

"Здесь кстати будет сказать несколько слов, — пишет он, — о новой личности, с которою я познакомился. Это был Лев Сергеевич Пушкин, младший брат великого поэта, известный более

под именем Левушки. В то время он был капитаном, состоял по кавалерии и при генерале Раевском, с которым был в дружеских отношениях. В литературном кружке, где были лучшие тогдашние молодые писатели, личность Льва Пушкина была охарактеризована двумя стихами:

А Левушка наш рад,
Что брату своему он брат.

Между братьями было большое наружное сходство, кроме цвета кудрявых волос на голове: у поэта они были черные, а у брата почти белые. Поэтому он называл себя "белым арапом". Лев Пушкин был хорошо образован, основательно знал французскую и особенно русскую литературу; сочинения своего брата он знал наизусть и прекрасно их читал. Вообще он имел замечательную чуткость к красотам литературы. Он был приятный и остроумный собеседник; искренняя веселость, крайняя беззаботность и добродушие невольно привлекали к нему; но нужно было его хорошо узнать, чтобы другие недостатки и даже пороки не оттолкнули от него. Он слишком любил веселую компанию, пил очень много, но я не видел его пьяным. Образ жизни вел самый беспорядочный и даже выдумывал на себя грязные пороки, которых, может быть, и не имел. Общество великосветской молодежи втянуло его с детства в свой омут и сделало его каким-то российским криве.¹³⁷ Впоследствии он был членом одесской таможни, женился и стал вести порядочную жизнь. Последнему желал бы верить, потому что чувства добра и чести в нем не заглохли под корою легкомысленной распушенности нравов.

Пушкин был почти неразлучен с генералом Раевским. Последний был большой мастер утилизировать людей, но не мог заставить Пушкина заниматься чем-нибудь серьезно, кроме писания под его диктовку. Кажется, в Нижегородском драгунском полку он был его адъютантом; по крайней мере, об этой эпохе он шутил говорил: "Когда мы с генералом Раевским командовали Нижегородским драгунским полком..." Если это правда, то я сомневаюсь в особенном благоустройстве того полка...".

Позднее Лев Сергеевич стал относиться к служебным делам гораздо серьезнее. В Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР нам удалось найти его рапорты по вопросу о положении в Чечне перед Галафеевской экспедицией. Они свидетельствуют, что в этот период Л.С. Пушкин пользовался полным доверием высшего военного начальства и, несмотря на свой скромный чин, выполнял довольно ответственные поручения. Первый из этих рапортов от 20 марта 1840 года за № 20,¹³⁸ обстоятельный и интересный по содержанию, со сведениями о Шамиле доказывает способность Льва Сергеевича Пушкина быстро ориентироваться в трудной обстановке и умение свободно владеть пером.

Рапорт написан собственноручно Л.С. Пушкиным прекрасным, разборчивым почерком. Не удивительно, что его брат поручал ему переписывать набело свои новые произведения.

Из других документов, хранящихся в том же архиве, можно узнать о двукратном награждении Л.С. Пушкина в небольшой период времени за отличие в делах против горцев.¹³⁹

Нет сомнения, что близким дружеским отношениям, установившимся на Кавказе между М.Ю. Лермонтовым и братом великого поэта, во многом способствовал тот глубокий интерес, который Лермонтов проявлял к личности А.С. Пушкина.

Об этих дружеских отношениях свидетельствует, в частности, сообщение Л.А. Сидери. Рассказывая, со своего отца, как в доме Верзилиных все были взволнованы только что полученным известием о гибели поэта на дуэли, он дальше продолжает:

"Вдруг вбегает сильно возбужденный Лев Сергеевич Пушкин, приехавший на Минеральные Воды, с волнением говорит: "Почему раньше меня никто не предупредил об их обостренном отношении, я бы помирил..."¹⁴⁰

О последних месяцах жизни Льва Сергеевича мы находим сведения в записках декабриста Н.И. Лорера.

"Он занемог водяною в груди, — пишет Лорер, — ездил в Париж и получил облегчение, но, возвратившись, снова предался своей губительной привычке и скоро угас, в памяти и с тою веселостью, которая преобладала в нем всю жизнь его. С улыбкою повторял он: "Не пить мне более кахетинского!" На руках товарища моего по Сибири А.И. Вегелина скончался Л. Пушкин на 47 году от роду".¹⁴¹

И.П. Раевский

При изучении материалов о пребывании М.Ю. Лермонтова в Пятигорске в 1841 году нельзя пройти мимо воспоминаний Николая Павловича Раевского (ум. 1889), известных нам в передаче В.П. Желиховской.¹⁴²

Правда, Э.А. Шан-Гирей, которая была лично знакома с автором воспоминаний, дала им самую резкую оценку, заявив, что в "рассказе г. Раевского в "Ниве" все с начала до конца голая выдумка".¹⁴³ Однако этот отзыв нельзя не признать явно пристрастным. Висковатый, по-видимому, был прав, когда отметил, что рассказ Раевского в некоторых местах невольно, по незнанию обстоятельств, исказила Желиховская.

В рассказе Н.П. Раевского следует отметить целый ряд очень ценных правдивых сообщений, которые позволяют лучше ознакомиться с последним пребыванием Лермонтова в Пятигорске. Сюда, в первую очередь, относятся описания города. Ценными следует признать и воспоминания о самом Лермонтове, его характере, обращении с людьми и т.п. Подкупает теплый, душевный тон его отзывов о поэте.

Если принять все это во внимание, личность Н.П. Раевского приобретает значительный интерес и появляется вполне естественное желание узнать что-нибудь об этом человеке, принадлежавшем, по-видимому, к самому близкому окружению поэта.

Автору настоящей книги довелось познакомиться в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР¹⁴⁴ с документами, датированными 1837 годом, в которых, как можно предполагать, речь идет об интересующем нас лице, хотя инициалы его в этих документах отсутствуют. В бумагах указан тот же чин — поручика. У Висковатого¹⁴⁵ Раевский в этом звании упоминается в 1841 году, но известно, что пребывание в те времена в одном чине 4—5 лет было явлением обычным.

Из тех же документов видно, что Раевский, служивший вначале в Симбирском егерском полку и прикомандированный в 1837 году для участия в экспедиции к Навагинскому пехотному полку, по окончании экспедиции получил назначение в Тенгинский пехотный полк. Это обстоятельство в 1841 году могло помочь ему как однополчанину или бывшему однополчанину М.Ю. Лермонтова более близко познакомиться с поэтом.

О боевой службе Раевского военное начальство дало хорошие отзывы. На вопрос, "как оказал себя в военных действиях" и "какого поведения", отмечено: "отлично храбрым" и "очень хорошего".

Все эти документальные сведения со временем позволят окончательно установить личность Н.П. Раевского.

Снова в кругу декабристов

Наше сообщение об окружении поэта в 1841 году было бы далеко не полным, если бы мы не остановились на знакомстве его с находившимися в это время в Пятигорске декабристами. К ним можно, несомненно, отнести М.А. Назимова, А.И. Вегелина и Н.И. Лорера. Не исключена возможность пребывания в Пятигорске в 1841 году и других декабристов, но официальных сведений об этом не имеется.

Об Александре Ивановиче Вегелине (ум. 1860) как о близком знакомом поэта сведений не сохранилось. Из записок Лорера мы только знаем, что Вегелин раньше был извещен о гибели поэта и при встрече с автором записок совершенно ошеломил его вопросом: "Заешь ли ты, что Лермонтов убит?" Тогда же Лорер и Вегелин посетили квартиру покойного. Возможно, что Вегелин встречался с Лермонтовым у Назимова или в другом месте, но пока нет достаточного основания считать его лицом из ближайшего окружения поэта.

Близко был знаком с М.Ю. Лермонтовым Николай Иванович Лорер (1795–1873).

В своих записках он рассказывает о первом знакомстве с поэтом весной 1840 года, а затем довольно подробно говорит о своих встречах с Лермонтовым летом 1841 года в Пятигорске.

"Гвардейские офицеры, — пишет он, — после экспедиции нахлынули в Пятигорск, и общество еще более оживилось..."

У Лермонтова я познакомился со многими из них и с удовольствием вспоминаю теперь имена их: Алексей Стольпин (Монго), товарищ Лермонтова по школе и полку в гвардии; Глебов, конногвардеец, с подвязанной рукой, тяжело раненный в ключицу; Тиран, лейб-гусар; Александр Васильчиков, чиновник при Гане для ревизии Кавказского края, сын моего бывшего корпусного командира в гвардии; Сергей Трубецкой, Манзей и другие. Вся эта молодежь чрезвычайно любила декабристов вообще, и мы легко сошлись с ними на короткую ногу" ¹⁴⁶

Дальше он говорит о своих встречах с Л.С. Пушкиным и поэтом И.Д. Дмитриевским. О стихах последнего, посвященных прекрасным карим глазам, он приводит очень лестный отзыв М.Ю. Лермонтова, будто бы говорившего Дмитриевскому: "После твоих стихов разлюбишь поневоле черные и голубые очи и полюбишь карие глаза".

У Лорера же мы находим подробное описание бала, устроенного Лермонтовым и его приятелями у грота Дианы за неделю до дуэли. Затем автор записок с грустью рассказывает о похоронах поэта, в которых он принимал участие как представитель Тенгинского полка. ¹⁴⁷

Что же нам еще известно о Н.И. Лорере?

В издании Зензинова "Декабристы — 86 портретов" мы находим о нем такие сведения:

"Николай Иванович Лорер, майор Вятского пехотного полка, родился в 1795 году, образование получил сначала у родных, где наставником у него был гернгутер Нидерштедтер, потом в дворянском полку. Он был членом масонской ложи "Палестина" и принадлежал к Южному обществу, был обвинен в том, что "знал об умысле на царевичество, участвовал в умысле тайного общества принятием от него поручений и привлечением товарищей", был причислен к IV разряду и приговорен к ссылке в каторжную работу на 15 лет. Как и для всех его товарищей, срок наказания Лореру сокращался неоднократно... В 1837 году Лорер был переведен на Кавказ рядовым и отправлен в Тифлис. Он скончался в Полтаве в мае 1873 года" ¹⁴⁸

Для характеристики Лорера как человека следует привести из этого же источника такие строки:

"Несмотря на постигшее несчастье, Лорер остался спокойной, уравновешенной натурой, склонной к оптимизму. Он никогда не унывал, всегда оставался приятным собеседником, имел богатый запас анекдотов и рассказов. Хотя не совсем основательно, но Лорер был знаком практически с 4 языками — английским, немецким, французским и итальянским, знал он и польский язык. "На всех этих языках, — говорит Михаил Бестужев, — он через два слова на третье делал ошибку, а между тем, какой живой рассказ, какая теплота, какая мимика! Самый недостаток, т. е. неосновательное знание языков, ему помогал как нельзя более: если он не находил выражения фразы в русском, он ее объяснял на первом попавшемся под руку языке, вставляя в эту фразу слова и обороты из другого языка. Иногда в рассказе он вдруг остановится, не скажет ни слова и сделает жест или мину — и все понимают" ¹⁴⁹

"Н.И. Лорер был человек необыкновенно лобезный и добродушный. Строгая же точность не составляла принадлежность его характера", — так говорит о Лорере издатель "Русского архива" П.И. Бартенева. ¹⁵⁰

Необыкновенная сердечность и дружеские чувства проглядывают и в переписке Лорера с декабристом М.М. Нарышкиным и его женою, урожденной графиней Коновницкой. ¹⁵¹

Много места в письмах он уделяет и другим близким ему декабристам: Назимову, Розену, Вегелину, Загорецкому и особенно другу декабристов доктору Майеру. Там же встречается немало сведений и о самом Лорере.

Так, в 1843 году мы видим его уже в отставке, владельцем небольшого имения Водяное, по-видимому, недалеко от города Николаева. Вскоре он женится на симпатичной ему 23-летней особе. В 1847 году у него уже двое детей. Но семейное счастье продолжается недолго, в 1849 году он остается вдовцом. О дальнейших переменах в его жизни в архиве Нарышкина сведений не встречается.

Пожалуй, ближе всех декабристов в 1841 году был знаком с Лермонтовым Михаил Александрович Назимов (1800–1888).

В разделе, посвященном пребыванию М.Ю. Лермонтова поздней осенью 1840 года в Ставрополе, цитировались воспоминания офицера А.Д. Есакова о его встречах у И.А. Вревского с Лермонтовым и другими лицами, из которых он особенно выделяет М.А. Назимова.

О том, что М.Ю. Лермонтов в этот период и, вероятно, летом 1841 года в Пятигорске встречался с декабристами и беседовал с ними, мы имеем свидетельство самого М.А. Назимова. О характере этих бесед можно судить по воспоминаниям Назимова в передаче Висковатого.

"Лермонтов, — рассказывает Назимов, — сначала часто заходил к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали. Передать теперь через сорок лет разговоры, которые вели мы, невозможно. Но нас поражала какая-то сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критических, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и живо задевали нас и вызвали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отделивался шуткой и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли — да впрочем и молод же он был еще!" ¹⁵²

Современный исследователь М.Ф. Николаева¹⁵³ объясняет эти разногласия тем, что после всего перенесенного со времени восстания 1825 года у декабристов явилась некоторая примиренность с жизнью. Их могли радовать и утешать те проблески свободной мысли, которые прорывались в прогрессивных журналах вопреки свирепой николаевской цензуре. Лермонтов же, благодаря огромному уму и интуиции, ясно видел всю малую значимость этих отчаянных попыток честной мысли пробить свинцовую толщу николаевского гнета, который все тяжелее и тяжелее давил Россию.

Однако эти принципиальные разногласия не помешали установлению между поэтом и декабристами самых дружественных отношений. В подтверждение этого можно привести свидетельство М.А. Назимова, напечатанное в № 56 газеты "Голос" за 1875 год по поводу полемики, возникшей между Б.М. Маркевичем и А.И. Васильчиковым. Опровергая утверждение Маркевича, что поэт был типичным представителем гвардейской молодежи своего времени, Васильчиков в 15 номере той же газеты писал:

"Ему некому было руку подать в минуту душевной невзгоды, и, когда в невольных странствованиях и ссылках удавалось встречать людей другого закала, вроде Одоевского, он изливал свою современную грусть в души людей другого поколения, других времен. С ними он действительно мгновенно сходилась, глубоко уважал, и один из них, еще ныне живущий М.А. Назимов мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором он описывал ему — выходцу из Сибири — ничтожество того поколения, к коему принадлежал".

В ответ на это выступление Васильчикова Назимов поместил в газете "Голос" такой отзыв:

"Спешу подтвердить истину этого показания. Действительно так не раз высказывался Лермонтов мне самому и другим его близким в моем присутствии. В сарказмах его слышалась скорбь души, возмущенной пошлостью современной ему великосветской жизни и страхом неизбежного влияния этой пошлости на прочие слои общества. Это чувство души его отразилось на многих его стихах, которые останутся живым памятником приниженности нравственного уровня той эпохи".

По поводу фразы Маркевича "Лермонтов, скажу мимоходом, был прежде всего представителем тогдашнего поколения гвардейской молодежи", Назимов с возмущением пишет:

"...Можно ли говорить о такой личности, как Лермонтов, мимоходом, и чем объяснить появление в нашей беллетристике, особенно в таком журнале, как "Русский вестник", такого легкомысленного, бесцеремонного и лишеного всякого основания отзыва о нашем знаменитом поэте, успевшем еще в молодых годах проявить столько пытливого наблюдательного ума, оставить столь драгоценных произведений своего поэтического творчества и память которого дорога всем умеющим ценить сокровища родного языка, а особенно тем, которые близко знали и любили Лермонтова".

Этот документ свидетельствует о дружбе М.Ю. Лермонтова с М.А. Назимовым и другими декабристами.

Чем же объяснить засвидетельствованное современниками дружеское внимание и уважение поэта к Назимову?

Посмотрим прежде всего, что говорят о М.А. Назимове его товарищи по ссылке.

"Немного людей встречал я, — пишет в своих воспоминаниях Н.И. Лорер, — с такими качествами, талантами и прекрасным сердцем, всегда готовым к добру, каким был Михаил Александрович. Назимов делал добро на деле, а не на словах, и был в полном смысле филантропом, готовым ежеминутно жертвовать собою для других..."¹⁵⁴

Другой товарищ Назимова по ссылке А.П. Беляев дает о нем не менее благоприятный отзыв. "По своему уму, — говорит он, — высоким качествам, серьезности, прямоте характера, правдивости М.А. Назимов слыл и был каким-то мудрецом, которого слово для многих имело большой вес".¹⁵⁵

Из других материалов о Назимове известны три его письма к декабристу Бригену.¹⁵⁶

Автор настоящей книги имел возможность ознакомиться еще с несколькими письмами М.А. Назимова к своему близкому приятелю декабристу М.М. Нарышкину за 1841—1847 годы и одно за 1857 год.¹⁵⁷

Эти письма значительно расширяют наше представление о Назимове.

Вот что пишет он М.М. Нарышкину в письме от 28 октября 1843 года из Пятигорска:

"Что-то долговато нет от тебя весточки, мой Михайло Михайлович. Верно, жизнь ставропольская тому причиной: обеды, вечера, игра в 4 руки — где при них улучшить досуг! Я и рад твоему развлечению в такое тоскливое время нетерпеливого ожидания скорее, скорее увидеть своих.

Я испытал это чувство не один раз, особенно, когда бывало, едучи в отпуск, завидишь кровлю родного дома".

Искреннюю радость вызывает в нем известие о прибытии М.М. Нарышкина к себе на родину:

"Дорогое известие твое от 15 апреля, любезный друг Михайло Михайлович, — пишет он 19 мая 1844 года, — пришло ко мне к троицыну дню, с которым прежде всего приветствую тебя и почтеннейшую Елизавету Петровну. Оно поставило и держит меня на ковре радости, такой радости, какой я давно не имел. От всей души поздравляю вас со счастьем свидания и соединения не на Кавказе уже, а под своим кровом, в недрах нашей родной Руси, вблизи от ваших добрых родных.

Воображаю себе, как ты блаженствуешь теперь, мой милый друг, в кругу съехавшихся к вам братцев и сестриц ваших. О, зачем на такую пору только 24 часа в сутках! Дай бог, чтобы впредь жизнь ваша была продолжением настоящего благополучия вашего. Очень ожидаю твоего листка из Высокого, желаю очень, чтобы ты сказал мне в нем, что можешь оттуда подать в отставку. Валерьян М.¹⁵⁸ писал мне, что едет к тебе на встречу с женой, радуюсь и за него и за вас. Право, это все как будто приятный сон для меня, так я отвык от подобной действительности".

Самое искреннее беспокойство о своем друге проглядывает и в письме, относящемся к 1846 году.

"...За неимением довольно долгое время от тебя известия, — пишет М.А. Назимов, — я был встревожен последним письмом Александра Беляева, узнав от него, что ты очень хворал. Уж не болезнь ли твоя была причиной, что ты давно не писал ко мне. Да сохрани тебя и дарует тебе крепкое и прочное здоровье милосердный господь! Ты меня очень успокоишь и утетишь собственными своими известиями о своем здоровье. С нетерпением ожидаю их. На второй день праздника был я обрадован письмом Валерьяна Михайловича, который очень хвалит ваш новый дом, пишет, что в течение прошлой зимы был у вас два раза. Признаюсь, позавидовал я ему в этом случае! Я бы и одним разом был много доволен. По невозможности удовлетворять этой потребности на самом деле, я часто переносюсь к вам мыслью и душою".

Та же сердечная теплота видна и в остальных письмах Назимова. В каждом из них он с непритворным участием справляется о своих друзьях и добрых знакомых и шлет им самые лучшие пожелания.

Самое заветное желание Назимова, проглядывающее почти во всех его письмах, это поскорее выйти в отставку и возвра-

титься к себе на родину, чтобы снова увидеть свою любимую мать и близких родных. Он проявляет храбрость в сражениях с неприятелем¹⁵⁹ в надежде добиться таким путем производства в офицерский чин и тем ускорить свое возвращение. Сам по себе этот чин уже не представлял для него никакого интереса.

В письме от 3 ноября 1841 года он по этому поводу пишет Нарышкину из Пятигорска:

"...Я бы желал скорее увидиться с вами, но как отсюда попасть? Разве прикомандируют к отряду ген. Засса на зимние экспедиции. Но все это надо просить: тоска. Тем более, что мне все равно, чем бы ни выпустили в отставку. Я писал и бар. Вревскому Ипполиту, просил его уведомить меня, могу ли подать прошение об увольнении меня".

Однако еще долго Назимов оставался на военной службе по воле мстительного Николая I, заставившего его отбывать полностью назначенные судом 20 лет ссылки, в то время как остальные его товарищи-декабристы уже возвратились с Кавказа. В письме, относящемся к 1846 году, Назимов сообщил:

"Я по сие время не имею еще никаких известий о ходе моего прошения..."

Нельзя не обратить внимания, что отношение Назимова к военной службе имеет много общего с отношением к ней М.Ю. Лермонтова, который в последний период своей жизни также безуспешно стремился выйти в отставку. Несомненно, военная служба на Кавказе тяготила обоих не только по мотивам личного характера. Это в значительной степени объяснялось их симпатией к свобододлюбивым горцам.

Сходство интересов М.Ю. Лермонтова и его кавказского друга-декабриста можно усмотреть и в некоторых других случаях. Объединяет их, несомненно, интерес к природе Кавказа и истории населяющих его племен. В некоторых письмах Назимова это видно особенно ясно.

В письме из Шемахи от 4 ноября 1844 года он рассказывает:

"В исходе августа я отправился отсюда в Карабах — самую любопытную часть этой области. Там еще сохранился азиатский феодализм, там развалины многочисленного и некогда цветшего жизнью населения армянского царства. Там роскошная горная природа и, как самые драгоценные памятники этого края, — в числе многих упраздненных и полуразрушенных — три монастыря. Я снял — про себя — виды двух из этих монастырей. Когда увидимся, покажу тебе их и передам свои впечатления и мысли о тех местах, где на могилах трудолюбивого промышленного христианского племени или даже народа, на развалинах городов и селений бродят по сие время разрушительные остатки орд, пустошивших древний мир в период от Сельджусидов до Отоманов включительно. Тамерлан имел там свой стан в продолжение двух лет и оттуда ходил войной на Тахтамыш под Астрахань..."

Интересно, что Назимов, подобно Лермонтову, делал зарисовки видов, привлекавших его внимание. Можно предполагать, что в сближении этих лиц увлечение живописью сыграло не последнюю роль.¹⁶⁰

Об интересе Назимова к Востоку свидетельствует и письмо от 19 мая 1844 года из Шемахи:

"Я здесь не имею недостатка в книгах. Недавно читал... несколько интересных вещей о Востоке, в числе которых поэма Саади "Гюлистан" очень занимала меня, также и описание религиозных исповеданий магометанства. Я и не подозревал, чтобы в нем было столько сект. Совсем особенный мир, но которому долго еще коснеть в своем освященном невежестве.

Всего чаще бываю здесь у Торнау, которого беседа и сведения о Востоке персидском занимают меня..."

Здесь следует, кстати, упомянуть, что М.А. Назимов не только доставал себе книги для чтения у знакомых, но имел немало и своих собственных. Само собою разумеется, что в его положении нижнего чина при постоянном участии в разных экспедициях держать книги всегда при себе было почти невозможно и ему приходилось отдавать их на хранение своим хорошим знакомым.

В письме из Владикавказа от 21 ноября 1842 года он просит М.М. Нарышкина исполнить такое его поручение:

"...Сделай одолжение, когда будешь посылать человека в Ставрополь, или через Александра Максимовича, когда бываю туда нарочные, прикажи прилагаемое письмо доставить полковнику Ерошевскому, бригадному командиру артиллерии и получить от него мой чемодан с книгами и термометр, которые прошу тебя взять к себе на хранение до моего возвращения к вам. Если же самим вам случится прежде меня уехать куда, то можно оставить у Василия Никифоровича..."

Закачивая обзор писем Назимова, считаем необходимым процитировать несколько очень интересных строк из письма, в котором выражен взгляд декабриста на предстоявшее освобождение крестьян от крепостной зависимости.

В письме от 19 декабря 1857 года он говорит:

"Воображаю, какой теперь съезд и говор в Москве по случаю главного вопроса об освобождении крестьян. Нельзя не радоваться всеми способностями души, что, наконец, мы дожили до решения этого важного вопроса в народной жизни нашей. Одним пятном будет менее на имени Русском. Надо желать, чтобы дворянство не укорило себя в этом случае в глазах народа и всего мира эгоистическими расчетами во вред будущего благосостояния и развития меньших братьев наших, которые были верны нам судьбой и законом".

Увы, как известно, опасения декабриста Назимова целиком оправдались. "Эгоистические расчеты" дворянского сословия при проведении этой реформы возобладали.¹⁶¹

Последние встречи

Заканчивая рассказ о ближайшем окружении Лермонтова в 1841 году в Пятигорске, упомянем еще о двух встречах поэта в самые последние дни его жизни.

За неделю до дуэли М.Ю. Лермонтов встретился с юным поэтом Павлом Александровичем Гвоздевым (1815—1851) — воспитанником юнкерской школы. Беседа между ними происходила поздно вечером на пятигорском бульваре и известна в передаче товарища М.Ю. Лермонтова по юнкерской школе А.М. Меринского.

"Ночь была тихая и теплая, — пишет Меринский. — Они пошли ходить. Лермонтов был в странном расположении духа — то грустен, то вдруг становился он желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем. Между прочим, в разговоре он сказал: "Чувствую, — мне очень мало осталось жить".¹⁶² Что же нам известно о П.А. Гвоздеве и его дружбе с поэтом?

Вскоре после гибели Пушкина, в самое тяжелое для М.Ю. Лермонтова время, когда III отделение, возглавляемое Бенкендорфом, производило расследование по поводу распространения стихотворения "Смерть поэта", и автору казалось, что весь свет на него ополчился, молодым поэтом — юнкером П.А. Гвоздевым был написан ответ М.Ю. Лермонтову на это стихотворение.

Будучи далеко неравноценным по своим поэтическим достоинствам с гениальным стихотворением Лермонтова, послание

Гвоздева подкупает своею искренностью, негодованием и ненавистью к великосветскому обществу.¹⁶³

Вот это сочинение в том виде, как оно напечатано в октябрьском номере "Русской старины" за 1896 год, в редакционной статье под заголовком "Павел Александрович Гвоздев и его стихотворения":

Зачем порыв свой благородный
Ты им излил, молодой поэт?
Взгляни, как этот мир холодный
Корою льдяною одет!
Напрасно звук души печальной,
Как эхо порванной струны,
Раздался в песне погребальной...
О нет! Поэт! твоей страны
Сердца покрыты зимней вьюгой,
Их чувства холодны, как лед,
Их души мертвые в кольчуге,
Им недоступен твой полет!..
Напрасно лирою печальной
Ты им воспел удел творца:
Слезы не кануло прощальной
На гроб убитого певца —
Певца Кавказа, русской славы...
Им песнь твоя, как суд кровавый,
Для них она, как грозный меч;
Не мог ты в их душе презренной
Свободной истиной зажечь,
Огонь высокий и священный.
Не понял их бездушный свет
Порыва благородной мести:
Их души, алчные, поэт,
Горят в п... низкой лести;
Твой стих свободного пера
Обидел гордое тщеславье,
И стая вран у ног царя
Как милость ждут твое бесславье...
Но ты гордись, молодой певец,
Пред кознями их адской злобы:
Не расплести им твой венец...
Пускай отверзнутся хоть гробы
.....
.....
Не ты ль сказал: "есть грозный суд!"
И этот суд есть суд потомства,
Сей суд прочтет их приговор
И на листе, как вероломство,
Он впишет имя их в позор.
СПб. 22 февраля 1837 г.¹⁶⁴

Некоторые сведения о самом Гвоздеве мы находим в упомянутой уже редакционной статье "Русской старины".

"Известно, — говорится в этой статье, — что он воспитывался в юнкерской школе, имел отличные способности и был любимцем великого князя Михаила Павловича за находчивость, смелость, остроумие и умение отпаривать его шутки. При каждом посещении школы первыми словами великого князя было: "Позвать ко мне маленького Гвоздева".

Там же рассказывается и о происшествии, за которое Гвоздев был сослан на Кавказ. "Однажды во внеклассное время Павел Александрович читал, развляясь, книгу. На замечание воспитателя он ответил, что теперь внеклассное время и сидеть свободно можно. Воспитатель сказал ему еще что-то, а Гвоздев ему вслед вполголоса: "Подлец". Это слово было тотчас же доведено до сведения директора,

но П.А. отперся, и все товарищи его поддержали. Когда же директор призвал его к себе в кабинет и стал его убеждать признаться не как директору, а как отцу родному, и дал честное слово сохранить его признание в тайне, Гвоздев чистосердечно признался. Начальник не исполнил данного слова и донес куда следует. Павла Александровича разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ".

Узнав о случившемся с Гвоздевым, Лермонтов в письме к бабушке из Пятигорска 18 июля 1837 года писал:

"То, что вы мне пишете об Гвоздеве, меня не очень удивило: я, уезжая, ему предсказывал, что он будет юнкером у меня во взводе; а впрочем, жаль его".¹⁶⁵

Эти строки свидетельствуют, что М.Ю. Лермонтов, зная образ мыслей Гвоздева, предвидел, что это не сойдет ему с рук.

В дополнение к изложенному можно сообщить некоторые сведения о Гвоздеве из документов, обнаруженных в фондах Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР.

Первые сведения о переводе юнкера лейб-гвардии егерского полка Гвоздева из юнкерской школы в Навагинский пехотный полк относятся к 8 июня 1837 года.¹⁶⁶

Летом 1838 года Гвоздев в том же звании причислен к 7-й батарее 20-й артиллерийской бригады. В списке нижним чином, оказавшим отличие в действиях на восточном берегу в 1838 году, в графе "был ли под судом и в штрафах" имеется такая отметка:

"За ослушание противу начальства по высочайшему повелению переведен из лейб-гвардии Егерского полка в Навагинский пех[отный] полк тем же званием, с тем, чтобы прослужил за рядового три месяца и был бы представлен в офицеры по прослужении трех лет юнкером".¹⁶⁷

Постигшее Гвоздева наказание следует признать весьма суровым. Особенно, если принять во внимание, что это случилось почти накануне производства в офицеры. Сочувствие по этому поводу М.Ю. Лермонтова, высказанное в письме к бабушке, становится совершенно понятным. Мы помним его признание о двух страшных годах пребывания юнкером в школе. Гвоздеву же в дополнение к этим двум годам прибавляли еще три.

Не приходится удивляться, что, стремясь сократить этот срок, Гвоздев, как видно из документов, проявляет храбрость в военных экспедициях.

Следствием его боевых отличий было двукратное представление в 1838 году к первому офицерскому чину.

К сожалению, сведений о результатах представления в деле не сохранилось. Но из опубликованных биографических источников нам известно, что через год после ссылки Гвоздев был произведен в офицеры, вышел в отставку и поступил на службу в канцелярию к брату Александру Александровичу Гвоздеву, который тогда служил у князя А.С. Меньшикова по морскому ведомству.

Знаменательной была встреча Лермонтова в Пятигорске с выдающимся медиком Иустином Евдокимовичем Дядьковским (1784—1841) — профессором Московского университета.

Об этой встрече сохранились интересные подробности в письме к В.В. Пассеку некоего Н. Молчанова от 27 июля 1841 года из Пятигорска.

Сообщив в этом письме с большой горечью о гибели поэта, настолько потрясшей И.Е. Дядьковского, что он прожил только шесть дней после этого горестного события, Молчанов далее продолжает:

"Иустин Евдокимович привез ему от бабушки его гостинцы и письма. Иустин Евдокимович сам пошел к нему и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Лермонтов пришел к нему в дом Христофоровых. В тот же вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и все просил прощенья, что не брит.

Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: "Что за умница".

На другой день поутру Лермонтов пришел звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных. Жена Петра Семеновича велела звать его к себе на чай. Иустин Евдокимович отговаривался за болезнью, но вечером Лермонтов его увез и поздно вечером привез его обратно. Опять восторг им: "Что за человек! Экой умница, а стихи его — музыка, но тоскующая".¹⁶⁸

Так восхищался гением поэта один из самых передовых и просвещенных людей того времени.

Дядьковский не случайно привлек внимание Лермонтова. В 30-х годах имя Дядьковского было широко известно. Аполлон Григорьев дает о нем такой отзыв: "...Молодежь медицинская увлеклась пением своей сирены — Дядьковского... Это имя всякий день звучало у меня в ушах; оно было окружено раболепнейшим уважением, и оно же было именем борьбы живой эоловой науки с старою рутинной... Далеко за обычный звонок простирались его беседы и... эти люди все без исключения заслушивались его властного слова".¹⁶⁹

Н.С. Мартынов — убийца поэта

Сведения о преддвуэльной интриге, погубившей поэта, имеются уже у его первого биографа П.А. Висковатого. Говоря о причинах дуэли, он пишет:

"Нет никакого сомнения, что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что "обуздание" тем или другим способом "неудобного" юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа, о чем говорено выше и что констатировано столькими описаниями того времени".¹⁷⁰

Мы знаем, что П.А. Висковатый имел возможность беседовать со многими осведомленными и заслуживающими доверия современниками поэта, и, если он пришел к такому выводу, то несомненно, у него были к тому достаточно убедительные основания.

Что же представлял собой непосредственный исполнитель гнусной интриги, убийца поэта Н.С. Мартынов (1815—1875)?

Кстати, П.А. Висковатый почему-то слишком преуменьшал роль в этом событии самого Мартынова. Он находит даже несправедливым винить его больше других непосредственных участников дуэли.

"Право, — пишет он немного далее, — не решаемся обвинить его и невольно удивляемся попыткам уличить г. Мартынова в убийстве Лермонтова, как и попыткам защитить его и всю ответственность взвалить на славного нашего поэта".¹⁷¹ Такое снисходительное отношение к Мартынову объясняется вероятно тем, что во время, когда Висковатый писал биографию поэта, значительное количество документов, опубликованных позднее, биографу не были еще известны.

О самом убийце поэта Висковатый ниже сообщает:

"В сущности добродушный человек, он, при огромном самолюбии, особенно, когда оно было уязвлено, мог доходить до величайшего озлобления. Уязвить же самолюбие его было очень не трудно. Он приехал на Кавказ, будучи офицером Кавалергардского полка, и был уверен, что всех удивит своею храбростью, что сделает блестящую карьеру. Он только и думал о блестящих наградах".¹⁷²

"Мартынов, — продолжает Висковатый, — мелко самолюбивый и тщеславный человек, коего умственное и нравственное понимание не выходило за пределы общепринятых понятий, давно уже раздражался против Лермонтова, которого он в душе считал ниже себя и по "карьере" и по талантам "салонным". О его поэтическом гении Мартынов, как и многие современники, судил свысока, а, может быть, в критической оценке своей не заходил далее того полкового командира Михаила Юрьевича, который после невзгоды последнего, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выговаривал ему: "Ну ваше ли дело писать стихи? Предоставьте это поэтам и займитесь хорошенько командованием своего взвода". Где было Мартынову задумываться над Лермонтовым как великим поэтом, когда люди, как товарищ поэта Арнольди, еще в 1884 году говорили, что все они в то время писали стихи не хуже Лермонтова".¹⁷³

Это последнее предположение биографа противоречит поздние опубликованным документам из семейного архива Мартыновых.

В одном из отрывков своей незаконченной автобиографии Мартынов, вспоминая о своем пребывании в юнкерской школе, писал:

"Умственное развитие его [Лермонтова] было настолько выше других товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Он поступил в школу уже человеком, много читал, много передумал; тогда как другие товарищи еще вглядывались в жизнь, он уже изучил ее со всех сторон. Годами он был не старше других, но опытом и воззрением на людей далеко оставял их за собою".¹⁷⁴

Правда, в этом отрывке Мартынов не говорит о значении Лермонтова как поэта, но дает очень высокую оценку его умственному развитию и, таким образом, обнаруживает достаточное понимание его значения.

Более полные, хотя и не во всем достоверные, сведения о Мартынове сообщает П.К. Мартынов:

"Отставной майор Гребенского казачьего полка Н.С. Мартынов, "счастливый несчастливец", как метко охарактеризовал его Лермонтов В.И. Чиляеву, был красивый и статный мужчина, выделявшийся из круга молодежи теми физическими достоинствами, которые так нравятся женщинам, а именно: высоким ростом, выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Он жил в надворном флигеле Верзилиных вместе с М.П. Глебовым и Н.П. Раевским и, по словам последнего, являлся истым дэнди a la Circassienne".¹⁷⁵

Отличительными признаками этой горской фешенебельности были у него бритая по-черкесски голова и необъятной величины кинжал, из-за которого его Лермонтов и прозвал *poignard'om*.¹⁷⁶

Он одевался чрезвычайно оригинально и разнообразно. Как отставной офицер, он должен был носить форму Гребенского полка, но это ему не нравилось, и он употребил все свои способности на то, чтобы опозитизировать ее, делал к ней добавления, менял цвета и применяя их согласно погоде, случаю или своему вкусу... Одно в нем не изменялось: это то, что рукава его черкески для придания фигуре особого молодечества были всегда засучены, да за поясом торчал кинжал. Все это продельвалось с целью нравиться женщинам. Женщины были его кумиром, и для них он занимался собою, по целым часам просиживая перед зеркалом, бреясь, подстригаясь, холя свои

ногти или придавая физиономии более чарующий вид разными косметическими средствами... Его заедало самолюбие и чванство. Эгоистический и обидчивый до щепетильности, он считал себя по своим светским успехам стоящим выше других и раздражался на каждого, кто не гладил его по голове. Его умственное и нравственное развитие было крайне ограничено, и поэтому он постоянно находился под чьим-либо посторонним влиянием. О поэтическом гении Лермонтова надлежащего понятия не имел, относился к нему презрительно и судил о нем свысока".¹⁷⁷

Большинство приведенных Мартыновым сведений подтверждается и из других источников, однако с некоторыми из них ради объективности суждения невозможно согласиться. Помимо отмеченной уже нами ошибочности утверждения о презрительном и заносчивом отношении к поэту, спорным является также мнение о крайней ограниченности умственного развития Мартынова. Мы, в частности, знаем теперь по отрывкам из его автобиографических записок и неоконченной его повести "Гуаша", что он довольно свободно владел пером. О том, что он был не глуп, но, вместе с тем, крайне неразборчив в средствах, свидетельствует избранная им линия поведения во время следствия, имевшая целью дать превратное представление о действительной обстановке его дуэли с Лермонтовым.

Начиная со времени убийства поэта и в течение всей своей довольно продолжительной жизни Мартынов прилагал все усилия к тому, чтобы представить в превратном виде причину дуэли и обстановку, при которой она произошла.

Лицемерное отношение Мартынова к памяти М.Ю. Лермонтова ярко проявилось в его ответе на приглашение издателя "Русской старины" М.И. Семева "облегчить свою совесть" откровенным изложением обстоятельств трагического события.

По этому поводу П.А. Висковатый пишет:

"На приглашение М.И. Семева он 30 ноября 1869 года отвечает, что этого сделать не может, потому что "считает себя не в праве вымолвить хоть единое слово в осуждение Лермонтова и набросить малейшую тень на его память". Но делая сообщения другим лицам, например г. Бартеневу, не в пользу Лермонтова, он не стеснялся".¹⁷⁸

Можно привести несколько примеров таких явно лживых сообщений.

Один из приятелей Мартынова д-р Пирожков передает, что, рассказав ему известную историю о будто бы распечатанном Лермонтовым письме, Мартынов заключил свое повествование словами: "Вот, собственно, причина, которая поставила нас на барьер, и она дает мне право считать себя вовсе не так виновным, как представляют меня вообще".¹⁷⁹

Мы знаем теперь после работы Э. Герштейн "Лермонтов и семейство Мартыновых",¹⁸⁰ что эту долго державшуюся версию о причине дуэли приходится категорически отвергнуть, как явно лживую.¹⁸¹

Заслуживает внимания сообщение Висковатого о беседе его с Васильчиковым, состоявшейся уже после смерти Мартынова.

В ответ на замечание биографа поэта, что последние сообщения Васильчикова не совсем сходятся с тем, что было помещено им в "Русском архиве" за 1872 год, тот сказал, что он не хотел в этой статье восстановить факты до мельчайших подробностей по двум причинам:

"1) Мы дали тогда друг другу слово молчать и не говорить никому ничего другого кроме того, что будет нами показано на формальном следствии. Поэтому я молчал бы и теперь, если бы сам Мартынов не вынудил меня говорить и своим вызовом в печати и тем, что я имею полное основание думать, что он сам не-

которым лицам сообщал подробности не согласно с действительностью или, по крайней мере, оттеняя дело в свою пользу.

2) Высказать все печатно, пока Мартынов печатно своих сообщений не делал, я не считал себя в праве. Теперь Мартынов скончался. В печать проскочило кое-что из сведений не в пользу Лермонтова по вине покойного Мартынова, и я уже не вижу себя обязанным молчать. Мартынов всегда хотел, чтобы мы его обелили. Это было заметно во время следствия над нами, когда Мартынов все боялся, что мы недостаточно защитим его, так что мы с Глебовым написали письмо, которое было ему передано, когда он сидел под арестом, и объявили, что ничего лишнего, кроме того, что нужно для смягчения его участи, не скажем".¹⁸²

О лживости показаний Мартынова свидетельствует, в частности, его ответ на вопрос следователей о причине, послужившей поводом к дуэли:

"С самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускать ни одного случая, чтобы не сказать мне чего-нибудь неприятного. Остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести".¹⁸³

Это объяснение вошло во все последующие официальные документы по делу о дуэли, как то: в заключение военного суда и в "мнения" командующего войсками на Кавказской Линии и командира Отдельного Кавказского корпуса. Однако согласиться с ним невозможно.

Поэт далеко не всегда преследовал Мартынова своими насмешками. Он питал к нему и дружеские чувства. Об этом имеются многочисленные свидетельства.

"Покойный Н.С. Мартынов, — пишет издатель "Русского архива" П.И. Бартенев, — передавал, что незадолго до поединка Лермонтов ночевал у него на квартире, был добр, ласков и говорил ему, что приехал отвести душу после пустой жизни"...¹⁸⁴

Мы знаем также из письма дальней родственницы Михаила Юрьевича Е.Г. Быховец,¹⁸⁵ что он рекомендовал ей Мартынова "как товарища и друга".

Убедительное свидетельство о приятельских отношениях Лермонтова и Мартынова в этот период мы находим в показаниях слуг (от 21 июля 1841 года).

Вот показания камердинера Лермонтова Ивана Соколова: "...в тот день, когда отставным майором Мартыновым был вызван барин мой поручик Лермонтов на дуэль, на коей он от выстрела, сделанного Мартыновым, убит, я при нем Лермонтове не был, и в городе Пятигорске вовсе не находился, а был на Железных Водах; и во все время нашего с убитым господином пребывания в городе Пятигорске я ничего между им и Мартыновым не заметил предосудительного, как то: ссор и других качеств, клонившихся к исполненному ими злу, а жили в дружбе и согласии, обходились между собою дружески. В чем и подписуюсь".¹⁸⁶

Подобное же утверждение мы находим не только в показаниях второго слуги Лермонтова кучера Ивана Вертюкова, но и в показаниях мартыновских слуг: Ильи Козлова, Ивана Смирнова и казачка Ермолая Козлова. Все эти показания заслуживают тем большего доверия, что они были даны после клятвенного обещания "показать самую сущую правду, не норовя ни на какую сторону, ни для дружбы, вражды и корысти, ниже страха ради сильных лиц, а так, как перед Богом и Судом Его страшным в том ответ дать могу..."¹⁸⁷

Торжественная церемония по этому случаю, сопровождаемая целованием креста и евангелия, производила, конечно, тогда на простых темных людей довольно сильное впечатление и способствовала правдивости показаний.

Если даже принять во внимание, что слуги не все время находились в присутствии своих господ, то и при этом условии показание Мартынова, что "Лермонтов с самого приезда своего в Пятигорск не пропускал ни одного случая, где мог бы сказать ему что-нибудь неприятное", явно не соответствовало действительности.

Приведенные выше материалы позволяют составить о Мартынове примерно такое представление. Человек от природы неглупый, получивший неплохое по своему времени образование, хорошо владевший пером и даже пытавшийся заниматься поэзией, Мартынов при красивой представительной наружности отличался большим самомнением и чванством, был очень обидчив. Подобно большинству своих молодых современников, он больше всего думал о блестящей военной карьере. По причинам, о которых нам придется говорить далее, карьера ему не удалась, и ко времени дуэли он оказался отставным майором одного из казачьих полков. Вторая слабость Мартынова — сердечные увлечения. Они сопровождалась, по-видимому, неизменными успехами до последней встречи с поэтом в Пятигорске. Здесь, являясь нередко мишенью метких острот и шуток Лермонтова и не будучи в состоянии с ним в этом отношении успешно конкурировать, он оказался в невыгодном положении. При его громадном самолюбии и привычке блистать в дамском обществе это было для него непереносимым. Нет ничего удивительного, что лицом, враждебно настроенным к поэту, было трудно воспользоваться создавшейся обстановкой и спровоцировать Мартынова на дуэль. В этом случае очень помогла его бесхарактерность, благодаря которой он, по отзывам современников, всегда находился под чьим-нибудь влиянием.¹⁸⁸

Для более полной характеристики Мартынова мы попытаемся выяснить причины крушения военной карьеры, которой он придавал такое большое значение. Нет сомнения, что служебные неудачи не могли не отразиться на его настроении в период последней встречи с М.Ю. Лермонтовым в Пятигорске.

Из биографических материалов о Мартынове мы знаем, что среди родственников и знакомых его отца были довольно видные представители из военного мира. По существу в то время обычаям он мог бы при их покровительстве сделать быструю военную карьеру. Однако даже в то время обязательным условием для этого было, чтобы покровительствуемое лицо обладало необходимыми знаниями в своей военной специальности, а этого как раз у Мартынова и не оказалось. В юнкерской школе он из-за изрядной лени учился неважно и по выходе из школы сразу оказался в незавидном положении.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к штрафному журналу и книгам приказов лейб-гвардии кавалергардского полка,¹⁸⁹ куда Мартынов был выпущен в офицеры 6 декабря 1835 года.

Уже в январе 1836 года и в последующие месяцы, вплоть до отправления Мартынова в 1837 году охотником на Кавказ, его фамилия встречается в указанных книгах по поводу какого-либо сравнительно незначительного служебного упущения или проступка.

Так, в штрафном журнале за 1836 год отмечены наказания Мартынову (от одного до трех нарядов дежурным вне очереди) за следующие проступки: 27 января "опоздал прибыть на манеж"; 30 января "опоздал прибыть в школу гвардейских юнкеров"; 17 февраля "не был 12 числа на офицерской езде"; 15 мая "оставил свое место и слез без позволения с лошади"; 1 июня "за незнание своего дела на бывшем сего числа учении"; 15 июня "за нераспорядительность при наряде"; 21 ноября "за несоблюдение требований формы"; 16 декабря "за то, что опоздал сего числа прибыть к смотру № 6 эскадрона и за незнание людей своего взвода".

В следующем, 1837 году, служебные упущения Мартынова, произведенного к этому времени в поручики, продолжались по-прежнему и прекратились в середине марта только потому, что 11 числа этого месяца он отправился, как уже сказано, охотником в Отдельный Кавказский корпус.

Первое из этих упущений, отмеченное в штрафном журнале 7 февраля 1837 года, на первый взгляд, не имеет серьезного характера и изложено в таких выражениях:

"Поручик Мартынов наряжен без очереди дежурным при дивизионе на 3 раза за то, что без дозволения г. полкового командира поменялся с корнетом гр. Апраксиным внутренним караулом".

Однако, если обратимся к приказу от того же числа № 38, дающему некоторые пояснения по этому случаю, то придется сделать вывод, очень невыгодный для Мартынова как офицера-кавалериста.

"Из прежних времен, — говорится в приказе, — правилом постановлено, чтобы те гг. офицеры (когда очередь поэскадронно), кои не могут ездить на ординарцы, ходили во внутренний караул за тех, кои за них ездили на ординарцы. Почему и на сей день должен был быть наряжен г. поручик Мартынов, вместо коего поручик князь Кочубей ехал на ординарцы. В таком случае г-ну поручику Мартынову без моего соизволения помянуться с корнетом графом Апраксиным не следовало, наиболее же так поздно, что сему последнему нельзя было сделать репетиции; за что я наряжаю г. поручика Мартынова на 3 раза дежурным при дивизионе"...

Мы видим из этого приказа, что за Мартынова "на ординарцы" ездили другие офицеры-однополчане, о чем он скромно умалчал в своих воспоминаниях. Между тем, он не преминул отметить такое же положение, хотя и по другому поводу, у Лермонтова, когда поэт учился в юнкерской школе.

"...Он [Лермонтов], — вспоминает Мартынов, — был ловок в физических упражнениях, крепко сидел на лошади, но как в наше время обращали внимание на посадку, а он был сложен дурно, не мог быть красив на лошади, поэтому он никогда за хорошего ездока в школе не слыл, и на ординарцы его не посылали".¹⁹⁰

Следует сказать, что Мартынов, в противоположность Лермонтову, был высокого роста и хорошего сложения, и если он не мог ездить на ординарцы, то, очевидно, по причине, более серьезной.

Объяснение ее мы находим в позднейшем приказе по полку от 15 октября 1838 года после возвращения Мартынова с Кавказа.

"На высочайшем смотре сего числа, — говорится в этом приказе, — проскакали в галоп вместо того, чтобы ехать рысью, гг. поручики Лидерс 1-й и Мартынов. Я ограничиваюсь только сделать замечание г. поручику Лидерсу 1-му, ибо мне известно, что лошадь его всегда проходила рысью, и что вообще г. Лидерс занятием своим в верховой езде заслуживает снисхождение начальников, вместо того, как г. поручик Мартынов, которого не один раз я заметил, что от неправильного обращения с лошастью, как посадкою, так и управлением, сам причиною, что все его лошади не ходят рысью, что на всех репетициях он доказал".¹⁹¹

Приведенный приказ, заканчивающийся довольно строгим взысканием (наряд дежурным при дивизионе 5 раз), очень плохо рекомендует искусство Мартынова в верховой езде. О том же, конечно, свидетельствуют и многочисленные карикатуры по поводу его верховой езды, рисованные Лермонтовым и другими лицами в верзилинском альбоме 1841 года, о чем мы находим сведения у биографа поэта П.А. Висковатого.¹⁹²

Все приведенные материалы могут служить объяснением, почему Мартынов решил в 1837 году отправиться охотником на

Кавказ. Оставаясь в полку и подвергаясь гораздо чаще других офицеров-однополчан дисциплинарным взысканиям, он не мог рассчитывать на быструю карьеру. Поэтому он попробовал попытаться счастье на Кавказе, где многие из его знакомых офицеров быстро получили чины и ордена. Мартынов мог рассчитывать еще и потому на быстрый успех, что отец его был хорошо знаком с генералом А.П. Ермоловым и имел возможность получить от него рекомендательное письмо для сына к командовавшему тогда войсками на Кавказской Линии генералу Вельяминову — близкому другу Ермолова.

В своих воспоминаниях Мартынов старается уверить, что он совсем не стремился получить у Ермолова рекомендательное письмо и, по его словам, во время своего визита к генералу ограничился только предложением передать от него Вельяминову какое-нибудь поручение.

Таким путем Мартынову удалось получить от Ермолова к своему будущему начальнику "тяжеловесное" письмо и представить Вельяминову не обычным протеже Алексея Петровича, а именно лицом, пользующимся его полным доверием.¹⁹³

Как и следовало ожидать, поездка Мартынова на Кавказ не осталась бесплодной. Он получил сразу третий по порядку военный орден Анны 3-й степени и прекрасную аттестацию, хотя его боевые подвиги, отмеченные в формулярном списке, весьма и весьма скромны.

Он участвовал "под начальством командовавшего войсками на Кавказской Линии и в Черномории ген. Вельяминова в экспедиции для продолжения береговой укрепленной линии по восточному берегу Черного моря от крепости Геленджика до устья реки Вулана с 21 апреля по 29 сентября и в бывших во время оной перестрелках".¹⁹⁴

Вся его боевая деятельность заключалась в конвоировании транспортов, фуражировках и участии в возведении новых укреплений.

В этих условиях оценку его боевых заслуг следует признать слишком высокой, особенно если вспомнить, что в 1840 году во время Галафеевской экспедиции в Чечню Лермонтов, представленный за свои боевые отличия к высоким военным наградам, был вовсе вычеркнут Николаем I из наградных списков.

Не приходится сомневаться, что письмо Ермолова сыграло в награждении Мартынова значительную роль. Однако, в конечном счете, из Кавказской экспедиции Мартынова ничего не получилось.

Блестящей карьеры он, как это нам известно, так и не сделал.

Между тем, за время пребывания на Кавказе он еще более отвык от строевой службы и по возвращении его в полк в штрафном журнале и приказах по-прежнему замелькали отметки о его служебных упущениях и проступках.

Конечно, так долго продолжаться не могло, и служба Мартынова в кавалергардах закончилась приказом по полку от 4 октября 1839 года: "По высочайшему приказу, отданному в 27 день минувшего сентября и объявленному в таковом же по Отдельному Гвардейскому корпусу за № 132, назначенного состоять по кавалерии ротмистром г. поручика Мартынова, с прикомандированием к Гребенскому казачьему полку, из списков выключить".¹⁹⁵

Этот приказ, несомненно, явился большим ударом для самодлюбия Мартынова. Все его надежды на блестящую карьеру рассеялись, как дым, и только повышение в чине могло еще служить для него некоторым утешением. Однако можно было заранее предвидеть, что в новом для него казачьем полку, в котором и командный, и рядовой состав с самого раннего детства не расставались с конем, слабые кавалерийские познания Мартынова сразу

должны были поставить его в невыгодное положение. Ни о какой блестящей карьере говорить уже не приходилось. И после того, как Мартынов прослужил там столько времени, чтобы иметь право получить при отставке следующий чин, он был уволен 23 февраля 1841 года по домашним обстоятельствам "майором",¹⁹⁶ бесславно закончив на этом свою военную карьеру.

А.С. Траскин

Советские исследователи уделили немало внимания выяснению роли начальника штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории полковника Александра Семеновича Траскина в событиях, связанных с дуэлью Лермонтова.

Среди посвященных этому вопросу работ прежде следует назвать статью В.С. Нечаевой "Суд над убийцами Лермонтова".¹⁹⁷

В судебном расследовании обстоятельств дуэли автор статьи особенно большое значение придает двум лицам: полковнику Траскину и подполковнику корпуса жандармов Кушинникову.¹⁹⁸ Первый из них по собственной инициативе руководил следствием о дуэли, а второй, по предложению Траскина, принимал в нем ближайшее участие.

В предписании пятигорскому коменданту Ильяшенкову от 16 июля 1841 года за № 83 Траскин писал: "...вместе с сим прошу присланного сюда для секретного надзора корпуса жандармов подполковника Кувшинникова находиться при следствии, производимом по сему происшествию плац-майором подполковником Унтиловым".¹⁹⁹

В тот же день Траскин направил на имя подполковника Кушинникова отношение, в котором говорилось: "По поручению, на вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие ваше при следствии, производимом по сему происшествию пятигорским плац-майором подполковником Унтиловым, почему я ныне же и предписал пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному происшествию без вашего содействия".²⁰⁰

Не менее важно, констатирует В.С. Нечаева, что Траскин оказался к моменту начала дела не в Ставрополе, а на самой арене действия — в Пятигорске.

В итоге автор статьи делает выводы, что "во время своего последнего пребывания на Кавказе Лермонтов состоял под тайным надзором находившегося в Пятигорске и посланного из Петербурга со специальным поручением от Бенкендорфа жандармского штаб-офицера подполковника Кувшинникова"²⁰¹ и что "о поручении, идущем от Бенкендорфа, знал и содействовал ему начальник штаба Кавказских войск"²⁰² флигель-адъютант полковник Траскин. Он оказался в Пятигорске тотчас же после дуэли и держал в своих руках всю организацию следствия по делу о дуэли".²⁰³

Статья В.С. Нечаевой является, несомненно, значительным шагом вперед в деле раскрытия преддуэльной интриги, однако приведенные выше выводы вызывают некоторые замечания.

В главе о тайном надзоре на Кавказских Минеральных Водах уже шла речь о том, что надзор этот был учрежден в 1834 году по инициативе Николая I и с этого времени продолжался каждый сезон. В 1841 году тайный надзор осуществлял жандармский подполковник Кушинников и, конечно, в числе других поднадзорных лиц он наблюдал и за Лермонтовым, но говорить о каком-то специальном поручении в отношении поэта достаточных оснований нет.

Важные сведения о Траскине содержатся в статье С.А. Андреева-Кривича "Два распоряжения Николая 1-го".²⁰⁴

Из нее мы узнаем, что, служа в военном министерстве, Траскин состоял для особых поручений при военном министре Чернышеве и обратил на себя его особенное внимание.

Говоря о причине перевода Траскина на Кавказ, С.А. Андреев-Кривич ссылается на слова Г.И. Филиппсона: "Траскин испортил свою карьеру тем, что стал в обществе слишком много говорить о своем участии в делах Военного министерства и что князь Чернышев воспользовался удобным случаем с почетом удалить его от себя на Кавказ".²⁰⁵

Однако и после назначения его в конце 1837 года на должность начальника штаба командующего войсками на Кавказской Линии, он не лишился доверия Чернышева, продолжал с ним переписку, сообщая военному министру разные закулисные сведения.

На основании писем Траскина Андреев-Кривич приходит к выводу, что "Траскин был доверенным лицом Чернышева и, получив назначение на Кавказ, продолжал пользоваться его неизменным покровительством. Судя по приведенным нами материалам, он был готов с усердием выполнять любые поручения министра. Чернышев же никоим образом не может быть отнесен к числу лиц, расположенных к Лермонтову. Наравне с Бенкендорфом он принадлежал к избранному кругу приближенных Николая 1-го и был прекрасно осведомлен о том, как относился к Лермонтову царь. Он участвовал в хитрой игре Николая 1-го, механизм которой показан нами выше".²⁰⁶

Очень ценным достижением автора упомянутой статьи является установление того факта, что Траскин появился в Пятигорске не 16 июля, как считалось до сих пор, но неоднократно бывал здесь в преддуэльный период и, по-видимому, уже с 6 июля находился в Пятигорске.

На основании этих данных Андреев-Кривич считает участие Траскина в преддуэльной интриге вполне вероятным. "Прекрасно сообразив, — пишет он, — еще в предыдущем, 1840 г., что значило распоряжение определить Лермонтова в Тенгинский полк, Траскин имел полную возможность быть весьма деятельным в отыскании тех средств, которые отвечали бы намерениям царя относительно поэта"...²⁰⁷

Еще более важна приводимая Андреевым-Кривичем выдержка из письма Траскина к генералу Граббе от 3 августа 1841 года из Кисловодска по поводу решения участи подсудимых, свидетельствующая о необыкновенной осведомленности Траскина.

"Расследование по делу о дуэли закончено, — сообщал Траскин, — и, так как Мартынов в отставке, дело перешло в окружной суд. Мне дадут только выписку из следствия, касающуюся Глебова, которую надо будет послать великому князю Михаилу, потому что он [Глебов] гвардеец. Впрочем, я думаю, что прежде чем все это примет юридический ход, из Петербурга придет распоряжение, которое решит участь этих господ".

Таковы главные сообщения и выводы С.А. Андреева-Кривича по вопросу об участии Траскина в преддуэльной интриге.

К сожалению, Андреев-Кривич недостаточно полно цитирует материалы из переписки генералов Головина и Граббе, хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве. А между тем неиспользованные автором сведения имеют важное значение для характеристики Траскина. Так, из письма Головина от 3 октября 1841 года автор приводит только небольшую выдержку о "французской корреспонденции Траскина, отзывающейся в кабинете министра", которая свидетельствует о том, что о переписке Траскина с Вревским был осведомлен военный министр Чернышев.

Есть необходимость привести еще одну выдержку из этого же письма, которая дает яркое представление о личности Траскина, о его способности к интригам.

"Одним словом, — пишет Головин, — французская корреспонденция Траскина с Петербургом вредна обоим нам с вами, мне, может быть, более. Но то достоверно, что, пока Траскин будет таким, как есть, сомнительно, чтобы согласие и единомыслие могло оставаться между нами ненарушимым. Полковник Траскин имеет свои достоинства, но достоинствами военными он похвалиться не может, а тем менее опытностью. Между тем, на постах, нами занимаемых, нельзя быть чуждым влиянию людей, с которыми мы разделяем занятия и находимся беспрестанно вместе, как бы мы ни были осторожны. Непомерное самолюбие вашего начальника штаба хочет подчинить все своей цензуре, имея в виду себя одного. В прошлом году на Водах он позволил себе открыто говорить много неуместного насчет моих действий за Кавказом, которых, однако же, результаты до сих пор, благодаря богу, не оказываются худыми.

Не понимаю, почему г. Траскин роет мне яму, не примечая, что может запутаться в собственных сетях своих".²⁰⁸

В корыстных целях Траскин сблизился со своим непосредственным начальником генералом Граббе, стал оказывать на него значительное влияние не только на службе, но и принимать близкое участие в его семейных делах. Он встречал в доме генерала Граббе самый любезный прием. Свидетельства об этом мы находим в воспоминаниях А.И. Дельвига²⁰⁹ и в письмах самого Траскина к Граббе. Продолжая оставаться о Траскине самого лучшего мнения, Граббе взял его (в переписке с Головиным) под свою защиту и даже адресуемую им в Петербург французскую корреспонденцию (конечно, со слов ее автора) представил как обыкновенные письма к родным. Но эта защита не убедила генерала Головина, который при всем своем желании поддерживать с Граббе дружеские отношения в своем ответе с горечью писал:

"Дай бог, чтобы я в заключениях моих насчет Траскина ошибся! Но ни прошедшее, ни настоящее меня в этом еще не убеждают, как равно и в том, чтобы французская корреспонденция его с Петербургом, об которой здесь речь идет, была только родственная: я видел близко, где она оканчивается. Впрочем, и я готов, подобно вам, не заниматься вредом от нее, мне произойти могущим...

Признаюсь откровенно, что я не подозревал собственного вашего мнения в письмах п[олковника] Тр[аскина] к г[енералу] Коцебу; некоторые особенно мысли я не мог приписать никому иному, как ему".²¹⁰

В переписке с Граббе обращают на себя внимание письма Траскина от 1 и 4 июля 1841 и от 7 и 20 июня 1842 годов.²¹¹ Надменный, гордый, нетерпеливый в обращении со своими подчиненными, совершенно иным выглядит Траскин в отношениях с начальником и его семейством. Он проявляет необыкновенную заботливость о жене Граббе, которую он взялся сопровождать из Ставрополя до Пятигорска, и дает подробный отчет о состоянии ее здоровья и настроении.

Эта близость Траскина к семье Граббе иногда доставляла ему и неприятности. Например, из письма от 7 июня 1842 года видно, что Траскину пришлось очень неудачно улаживать какие-то семейные недоразумения между Граббе и его женой. Письмо свое он заканчивает такими словами:

"Вы не поверите, Ваше превосходительство, как мне больно, что я в этих грустных обстоятельствах так дурно исполнил ваше желание, но не вините меня, ибо я в эту минуту, более чем когда-либо, желал бы оказать вам свою преданность".²¹²

Такое же выражение беспредельной преданности генералу содержится и письмо от 20 июня 1842 года. "Не знаю, — пишет он, — как благодарить Ваше превосходительство за письмо ваше, отправленное с майором Дистерло. Поверьте мне, что я всегда го-

тов, сколько сил моих будет, служить как вам, так и семейству вашему, лишь бы вы этого желали".²¹³

Траскин был человеком неглупым и изворотливым. Однако для дальнейшего продвижения по службе ему не доставало боевого опыта. Он, конечно, понимал, что, несмотря на высокую протекцию в Петербурге, он мог рассчитывать на быструю военную карьеру только при особенном покровительстве своего ближайшего начальника, пользовавшегося в Петербурге репутацией блестящего боевого генерала. И для достижения своей цели не брезговал ничем, лишь бы угодить Граббе, и добился, в конце концов, его полного расположения и доверия.²¹⁴

В письме от 19 июля 1842 года²¹⁵ Траскин выражает свою неописываемую радость, когда, благодаря настойчивым ходатайствам Граббе и, конечно, при содействии петербургского покровителя, он был произведен в генералы.

Приведенные материалы о Траскине в значительной степени дополняют его характеристику, данную в работах советских исследователей.

Обладая такими качествами, Траскин как нельзя более подходил для проведения любой интриги. В этой связи большой интерес представляет письмо (черновик) Чернышева к Траскину (на французском языке) от 25 марта 1838 года.²¹⁶ Оно свидетельствует о том, что уже в то время по поручению Чернышева Траскин с большим успехом принял участие в каком-то сомнительном деле, обстоятельства которого даже сам военный министр называет "fort delicats" (очень щекотливыми).

"Его императорское величество, — сообщает Чернышев, — увидел с удовольствием все, что ген. Головин²¹⁷ пишет мне лестного по поводу вас. Я рассчитывал на ваше усердие и расторопность; вы к этому присоединили много осторожности и такта в обстоятельствах, очень щекотливых.

Заслужив доверие вашего начальника... и похвалы ген. Головина, вы доказали, что находитесь на высоте положения, которое вы занимаете".

Таким образом, все известные нам материалы о Траскине и его поведении во время следствия по делу о дуэли дают право считать Траскина одним из участников интриги, приведшей к гибели Лермонтова.

Перед дуэлью

В Пятигорске у Лермонтова было много врагов. Они, по словам П.А. Висковатого, ненавидели поэта за резкость и остроту языка, за самобытность и самостоятельность суждений, за возраставшую славу. Лермонтов, с своей стороны, платил им презрением, отпускал в их адрес остроты, выставляя их в смешном виде.

Некоторые из влиятельных личностей ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный им из терпения, прочит "несносного выскочку и задиру", как они называли поэта.

"Как в подобных случаях это бывало не раз, — пишет П.А. Висковатый, — искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги. Так, узнав о выходках и полных юмора проделках Лермонтова над молодым Лисаневичем, одним из поклонников Надежды Петровны Верзилиной, ему через некоторых услужливых лиц было сказано, что терпеть насмешки Михаила Юрьевича не согласуется с честью офицера. Лисаневич указывал на то, что Лермонтов расположен к нему дружелюбно и в случаях, когда увлекался и заходил в шутках слишком далеко, сам первый извинялся перед ним и старался исправить свою

неловкость. К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль — прочит. "Что вы?! — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека!"

К сожалению, до сего времени в лермонтоведении ничего не было известно об этом лице, сыгравшем в истории дуэли поэта такую благородную роль. Случайно обнаруженная в церковной книге горячеводской церкви запись от 6 февраля 1842 года о браке поручика В.Н. Дикова с дочерью генерала Верзилина Аграфеной Петровной позволила установить имя и отчество Лисаневича и его служебное положение в то время.²¹⁸ В числе поручителей со стороны невесты последней стояла подпись: "Прарощник Эриванского карабинерного полка Семен Дмитриевич Лисаневич".

После неудачи с Лисаневичем те же участники интриги обратились к другому посетителю дома Верзилиных, отставному майору Мартынову, гораздо более подходившему для этой роли, и на этот раз добились успеха. Однако даже незадолго до вечера, устроенного поэтом и его друзьями возле грота Дианы, Лермонтов, представляя Мартынова своей дальней родственнице Е.Г. Быховец, еще рекомендовал его как своего товарища и друга.

Об этом вечере, кстати, сохранилось довольно много воспоминаний его участников.

О том, что Лермонтов в свой последний приезд часто бывал в гроте Дианы, мы находим сведения в воспоминаниях Э.А. Шан-Гирей и Н.П. Раевского. Оба они утверждают, что гораздо больше оснований называть Лермонтовским именно этот грот, чем тот, которому позднее было присвоено имя поэта.²¹⁹

Грот Дианы был сооружен архитекторами братьями Бернардацци в 1830—1832 годах почти одновременно с беседкой "Эолова арфа".

В вечерние часы, во время собраний здесь "водяного общества" грот и прилегающие к нему аллеи принимали живописный вид. Особенно красивым был грот во время вечера, устроенного здесь М.Ю. Лермонтовым и его друзьями за неделю до гибели поэта. Об этом вечере писал один из его участников, товарищ Лермонтова по Гродненскому гусарскому полку А.И. Арнольди.²²⁰

"В первых числах июля я получил, кажется, от С. Трубецкого, приглашение участвовать в подписке на бал, который пятигорская молодежь желала дать городу; не рассчитывая на то, чтобы этот бал мог стоить очень дорого, я с радостью согласился. В квартире Лермонтова делались все необходимые к тому приготовления, и мы намеревались осветить грот, в котором хотели танцевать, для чего наклеили до 2000 разных цветных фонарей. Лермонтов придумал громадную люстру из трехъярусно помещенных обручей, обвитых цветами и ползучими растениями, и мы исполнили эту работу на славу. Армянские лавки доставили нам персидские ковры и разноцветные шали для украшения свода грота, за прокат которых мы заплатили, кажется, 1500 рублей; казенный сад — цветы и виноградные лозы, которые я с Глебовым нещадно рубили; расположенный в Пятигорске полк снабдил нас красным сукном, а содержатель гостиницы Найтаки позаботился о десерте, ужине и вине... Наш бал сошел великолепно, все веселились от чистого сердца, и Лермонтов много ухаживал за Идой Мусиной-Пушкиной".²²¹

"Лермонтов, — вспоминает Н.И. Лорер, — необыкновенно много танцевал, да и все общество было как-то особенно настроено к веселью. Бал продолжался до поздней ночи или, лучше сказать, до самого утра... При полном рассвете я лег спать. Кто думал тогда, кто мог предвидеть, что через неделю после такого веселого вечера настанут для многих из нас или, лучше сказать, для всех нас, участники, горсть и сожаления!"²²²

Можно думать, что исполнение преддуэльной интриги ускорило предполагавшийся переезд М.Ю. Лермонтова для лечения

в Железноводск. Известно, что в первых числах июля поэт снял там для себя помещение и начал принимать ванны, не оставляя пока и пятигорской квартиры. Враги поэта, ожидая вероятно, что он скоро совсем переедет в Железноводск, решили воспользоваться первым подходящим случаем. Такой случай представился 13 июля 1841 года на вечеру у Верзилиных, где Мартынов воспользовался самым незначительным поводом, чтобы затеять с поэтом ссору и вызвать его на дуэль. В своих показаниях следственной комиссии Мартынов, пытаясь оправдаться, утверждал, что на этом вечере Лермонтов вывел его из терпения, привязываясь к каждому его слову, на каждом шагу показывая явное желание ему досадить. Это показание Мартынова не подтверждается. В частности, свидетельница ссоры Э.А. Клингенберг, в замужестве Шан-Гирей, рассказывает,²²³ что после одного тура вальса с Лермонтовым они вместе с Л.С. Пушкиным уселись на диван... "и принялись они вдвоем острить свой язык а qui mieux (взапуски). Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл кн. Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его "montagnard au grand poignard"²²⁴ (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово poignard раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закурил губы, глаза его сверкнули гневом, он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: "Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах", и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову. А на мое замечание: язык мой — враг мой, М[ихаил] Ю[рьевич] отвечал спокойно: "Ce n'est rien; demain nous serons bons amis".²²⁵

Как мы видим, в этом рассказе и речи нет о привязчивости к каждому слову и желании на каждом шагу досадить. Наоборот, Мартынов придрался сам к случайно услышанному слову поэта.

"На другой день, — продолжает свой рассказ Э.А. Шан-Гирей, — Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уже рассказывали мне, что, когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: "Что же на дуэль что ли вызовешь меня за это?" Мартынов ответил решительно "да", и тут же назначил день".²²⁶

Сведения о дальнейших событиях мы находим в книге Висковатого.

"Мартынов, — пишет биограф поэта, — вернувшись, рассказал дело своему сожителю Глебову и просил его быть секундантом. Глебов тщетно старался успокоить Мартынова и склонить его на примирение. Особенное участие в деле принимали, конечно, ближайшие к сторонам молодые люди: Столыпин, кн. Васильчиков и уже поименованный Глебов. Так как Мартынов никаких представлений не принимал, то решили просить Лермонтова, не придававшего никакого серьезного значения делу, временно удалиться и дать Мартынову успокоиться. Лермонтов согласился уехать на двое суток в Железноводск, в котором вообще он проводил добрую часть своего времени. В отсутствии его друзья думали дело уладить".²²⁷

Источником сведений о последнем пребывании Лермонтова в Железноводске, помимо письма Е.Г. Быховец, встречавшейся с поэтом в день дуэли, являются опубликованные А.Н. Апухтиным²²⁸ записи из Железноводской книги купальных билетов на 1841 год.

В этой книге, погибшей во время фашистской оккупации Пятигорска, имелись две записи о продаже купальных билетов, относившиеся к М.Ю. Лермонтову. Первая — от 8 июля: "г. поручи-

чку Лермонтову четыре билета в калмыцкие ванны по 50 к. билет на два рубля". Вторая — от 15 июля (день дуэли): "г. поручику Лермонтову пять билетов на ванны №№ 1 и 2 по 50 коп. билет на 2 руб. 50 коп."

Там же под датой 15 июля записано о приобретении пяти билетов капитаном Столыпиным.²²⁹

Вторым источником сведений является дело 1841 года, заключающее в себе рапорты железноводского смотрителя Маевского о прибытии посетителей в Железноводск. Смотритель обычно указывал в рапортах чины и фамилии лиц прибывших, состоявших налицо и выехавших в течение недели со дня предыдущего рапорта. Сопоставляя эти сведения с данными Апухтина, можно сделать такие выводы.

Исходя из рапорта Маевского от 13 июля, что Лермонтов прибыл в Железноводск в период с 6 по 13 июля, и записи в книге купальных билетов о покупке им четырех билетов 8 июля, следует признать, что поэт один прибыл в Железноводск для лечения водами 7 или 8 июля.

Судя по тому, что четвертый ванный билет мог быть использован 11 или 12 июля, можно предположить, что на вечер к Верзилиным 13 июля он приезжал из Железноводска и возвратился туда для продолжения лечения 14 июля, так как 15 июля, в день дуэли, он и приехавший, по-видимому, вместе с ним Столыпин взяли по пять билетов.

Если предположить, что Столыпин приехал только 15 июля для извещения о времени поединка, трудно представить, чтобы первой его заботой по приезде было приобретение пяти ванных билетов. Надо думать, что для извещения Лермонтова о времени поединка приезжал кто-то другой.²³⁰

В деле № 187 1841 года из фонда Управления Кавказских Минеральных Вод Пятигорского государственного архива "Об отдале в наем под квартирование гг. посетителям двух казенных домов на Железных Водах состоящих, с платою по 5-ти рублей ассигнациями в сутки за номер или комнату во время курса 1841 года", фамилии Лермонтова и Столыпина отсутствуют. Из этого можно сделать и третий вывод, что в июле 1841 года поэт оставался в одном из частных домов Железноводска.²³¹

О последнем дне пребывания М.Ю. Лермонтова в Железноводске подробно рассказывает Е.Г. Быховец в известном письме от 5 августа 1841 года.²³² Она приезжала в этот день в Железноводск и выехала оттуда одновременно с поэтом, сопровождавшим ее до Шотландской колонии.

"Как приехали на Железные, — пишет Е.Г. Быховец, — Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в роцку и все там гуляли. Я все с ним ходила под руку. На мне было бандо.²³³ Уж не знаю какими судьбами коса моя распустилась, и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что все та же;²³⁴ уговаривала его, утешала, как могла, и с полными глазами слез [он меня] благодарил, что я приехала, умаливал, чтоб я пошла к нему на квартиру закусить, но я не согласилась; поехали назад, он поехал тоже с нами.

В колонке²³⁵ обедали. Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит: "Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни".

Я еще над ним смеялась; так мы и отправились.

Это было в пять часов, а [в] 8 пришли сказать, что он убит".

Лермонтов находился в самых дружеских отношениях с Е.Г. Быховец. В том же письме мы находим такое объяснение этим дружеским связям:

"Мы с ним дружны были — он мне правнучатый брат — и всегда называл *cousine*, а я его *cousin*, и любила как родного брата. Так меня здесь и знали под именем *Charmante cousine*"²³⁶ Лермонтова. Кто из молодежи приезжал сюда, то сейчас его просили, чтобы он их познакомил со мной".

Полное доверие поэта к своей кухне характеризуют следующие строки из того же письма:

"...он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела, судьба его так гнала, государь его не любил, великий князь ненавидел, [они] не могли его видеть — и тут еще любовь: он был страстно влюблен в В.А. Бахметьеву; она ему была кузина. Я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был"²³⁷.

К сожалению, сведений о самой Е.Г. Быховец сохранилось очень мало. Несколько строк ей посвятила Э.А. Шан-Гирей²³⁸ "M-elle Быховец, — пишет она, — жила у двоюродной сестры своей М.А. Прянишниковой, имение которой, Тарумовка, около г. Кизляра. Прозвали ее Креолкой за бронзовый цвет лица и большие черные глаза. Молодые люди бывали у них редко и никакой милости не добивались у нее ни Мартынов, ни другие. Она давно замужем и живет теперь в Москве".

Далее она сообщает подробности по поводу обнаруженного у Лермонтова, после его смерти, золотого ободка Быховец: "M-elle Быховец носила на голове золотой ободок, называвшийся по тогдашней моде *bandeau*. Когда она с кузиной своей ехала в Железноводск, то встретила случайно в колонии Каррас с Лермонтовым и Столыпиным, обедали вместе и М.Ю. выпросил у m-elle Быховец ободок и, положив его в боковой карман сюртука, обещал доставить его на другой день. Этот ободок был найден в кармане и подавал повод некоторым думать, что дуэль была за нее..."

Следует еще добавить одну важную деталь. Н.П. Раевский, рассказывая о том, как друзья погибшего поэта подготавливали его закоченевшее под проливным дождем тело к похоронам, добавляет: "...и фероньерка *belle poire* в правом кармане нашлась *вся в крови*" (курсив наш. — С.Н.). Это подтверждает и сама Быховец в упомянутом своем письме, выражая огорчение, что Дмитриевский, взявшийся передать ей окровавленное бандо, потерял его.

Можно думать, что золотое бандо Быховец, взятое, вероятно, поэтом на счастье, сыграло в обстоятельствах его ранения роковую роль. Пуля, встретив на своем пути фероньерку, резко рикошетировала вверх и, как видно из акта осмотра тела, пробила оба легких.

О последних часах жизни поэта Висковатый пишет:

"Молодежь... думала по счастливом окончании дуэли поужинать вместе в товарищеском кругу. Некоторые надеялись, что, быть может, и в Каррасе как-нибудь удастся примирить противников. Вот почему Лермонтов должен был там пообедать. Хотели привести туда и Мартынова. Говорят, Мартынов приехал туда на беговых дрожках с кн. Васильчиковым. Лермонтов был налицо. Противники раскланялись, но вместо слов примирения Мартынов напомнил о том, что пора бы дать ему удовлетворение, на что Лермонтов выразил всегдашнюю свою готовность. Верно, только то, что кн. Васильчиков с Мартыновым на беговых дрожках с ящиком принадлежавших Столышину кухнейтерских пистолетов выехали отыскать удобное место у подошвы Машука, на дороге между колонией Каррас и Пятигорском"²³⁹.

После того, что мы знаем о Васильчикове, не приходится сомневаться, что его поездки перед самой дуэлью на одних дрожках с Мартыновым не способствовали примирению противников. Несомненно, Васильчиков постарался всеми способами поддерживать враждебное отношение Мартынова к поэту. Недаром Мартынов впоследствии признавался Бетлингу, что "приятели-таки

раздули ссору"²⁴⁰. Не без участия Васильчикова Мартынов настаивал на очень тяжелых условиях дуэли.

В первой редакции своих показаний, которую он по настоятельному совету секунданта позднее изменил в свою пользу, Мартынов писал: "Условия дуэли были:

1-е. Каждый имеет право стрелять, когда ему угодно, стоя на месте или подходя к барьеру.

2-е. Осечки должны были считаться за выстрелы.

3-е. После первого промаха противник имел право вызвать выстрелившего на барьер.

4-е. Более трех выстрелов с каждой стороны не было допущено по условию. Я сделал первый выстрел с барьера"²⁴¹.

К этому надо еще добавить, что последний барьер, показанный подсудимыми на суде в 15 шагов, на самом деле, как видно из позднейшего описания дуэли Васильчиковым, составлял всего 10 шагов.

При таких условиях поэт, заранее заявивший своим секундантам, что он не будет стрелять в своего противника, только чудом мог остаться невредимым.

Дуэль

Напомним прежде всего известное описание дуэли, сделанное Васильчиковым.²⁴²

"Мы отмерили с Глебовым, — пишет Васильчиков, — 30 шагов; последний барьер поставили на 10-ти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на 10 шагов по команде "Марш"; зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали: "Сходись". Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукою и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту в последний раз я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта, перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел и выстрелил, Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные".

Поведение Мартынова на дуэли, судя по этому описанию, представляется совершенно безукоризненным и не противоречит правилам существовавшего тогда дуэльного кодекса.

Однако из переписки Мартынова с секундантами мы знаем, сколько усилий прилагалось всеми заинтересованными лицами, чтобы скрыть истину, дать наиболее выгодные для себя показания.

Можно почти с уверенностью сказать, что если бы дело в самый важный момент судебного следствия не было передано из гражданского в военный суд, то истина о дуэли, так долго находившаяся потом под спудом и до конца не выясненная и в настоящее время, была бы открыта тогда же. Поручкою этому является то, что Пятигорский гражданский суд, как видно по его вопросным листам, находился на верном пути.

Только не так давно были обнаружены новые документы о дуэли, по которым мы можем догадаться, какую неприглядную картину приходилось скрывать подсудимым.

Речь идет о документах из архива московского почт-директора А.Я. Булгакова, имевшего возможность, по своему служебному положению, пользоваться самыми разнообразными первоисточниками. Ему пришлось видеть письмо из Пятигорска, посланное вскоре после дуэли князем В.С. Голицыным своей жене в Москву.

Вот как рисуется по имевшимся у Булгакова сведениям картина дуэли.²⁴³

"...Назначен день, час дуэли, выбраны секунданты. Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна только шутка, а что ежели М[артынова] это обижает, он готов просить у него прощения не токмо тут, но везде, где он захочет!.. "Стреляй! Стреляй!" — был ответ испуганного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил на воздух, желая кончить глупую эту ссору дружелюбно. Не так великодушно думал Мартынов. Он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему и выстрелить ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоростижной, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух! Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: "Извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить". Так поступил бы благородный, храбрый офицер. Мартынов поступил как убийца..."

Следует иметь также в виду, что такую же картину дуэли, только с меньшими подробностями, мы находим в письме другого вполне авторитетного лица Ю.Ф. Самарина к И.С. Гагарину от 3 августа 1841 года.²⁴⁴

"Я вам пишу, дорогой друг, — сообщается в этом письме, — под горьким впечатлением известия, которое я только что получил. Лермонтов убит на дуэли на Кавказе Мартыновым. Подробности тяжелы. Он выстрелил в воздух, а его противник убил его почти в упор..."

Наконец, подобное описание дуэли встречается и в письмах Андрея Елагина и М.Н. Каткова.²⁴⁵

Да, это была на самом деле не дуэль, а убийство.

Как же можно примирить такое заключение с сочувственным к убийце поведением друзей погибшего поэта, секундантов Глебова и, в особенности, такого общепризнанного в то время рыцаря чести и долга, как А.А. Столыпин (Монго), написавшего, как известно, Мартынову в тюрьму явно доброжелательное письмо?

Это возможно только в том единственном случае, если они имели уверенность, что Мартынов оказался невольным убийцей.²⁴⁶

После дуэли

Описывая обстановку, создавшуюся после гибели поэта, П.А. Висковатый сообщал, что сразу же после поединка Васильчиков покинул Лермонтова еще до ясного определения его смерти, чтобы привезти доктора, но никого не мог уговорить. Медики отвечали, что на место поединка при такой адской погоде они ехать не могут.

Действительно, дождь лил как из ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освещалась только блистанием непрерывной молнии при страшных раскатах грома. Дороги размокли. С большим усилием и за большие деньги, кажется, не без участия полиции, удалось наконец выслать за телом дроги. Было 10 часов вечера. Достал эти дроги уже Столыпин. Васильчиков, ничего не добившись, приехал на место поединка без доктора и экипажа.²⁴⁷

В своих воспоминаниях Васильчиков рассказывает о случае, который подавал надежду на то, что Лермонтов после рокового выстрела некоторое время оставался еще жив.²⁴⁸

На самом деле, этот случай произошел не в присутствии Васильчикова. Из воспоминаний Э.А. Шан-Гирей, подтверждаемых и П.А. Висковатым, мы знаем, что у тела убитого поэта оставался один только М.П. Глебов.

"Глебов, — пишет Шан-Гирей, — рассказывал мне, какие мучительные часы провел он, оставшись один в лесу, сидя на траве под проливным дождем. Голова убитого поэта покоилась у него на коленях. Темно, кони привязанные ржут, рвутся, бьют копытами о землю, молния и гром беспрерывно; необъяснимо страшно стало! И Глебов хотел осторожно спустить голову на шинель, но при этом движении Лермонтов судорожно зевнул. Глебов остался недвижим и так пробыл, пока приехали дрожки, на которых и привезли бедного Лермонтова на его квартиру".²⁴⁹

В это сообщение Э.А. Шан-Гирей следует внести только одну небольшую поправку. В действительности Глебову не удалось дожидаться дрожек и пришлось за ними ехать самому. Это видно из показаний слуги Мартынова Ильи Козлова, подтвержденных и слугой Лермонтова Иваном Вертюковым.²⁵⁰

"Действительно, — показывал Илья Козлов, — было мною привезено со степи в расстоянии от города в 4-х верстах тело убитого поручика Лермонтова с помощью кучера Ивана (Вертюкова) в 10 или же в 11 часу ночи по приказанию приехавшего отголь корнета Глебова".

Этим показанием, кстати, опровергается участие в перевозке тела поэта пятигорских извозчиков Кузьмы и Ивана Чухнинных. Возможно только, что у них брали лошадей и экипаж.

Весь о дуэли быстро разнеслась по городу, и еще вечером приходили приятели и знакомые к домику поэта. Никто из друзей не спал... "Спали ли те, — задает вопрос П.А. Висковатый, — кто с такою настойчивостью и искусством вели интригу и добились желанного?"²⁵¹

На другой день Лермонтов в чистой белой рубашке лежал в своей небольшой комнате. Художник Шведе писал с него портрет. С утра и дом, и двор, где жил поэт, были переполнены народом. Многие плакали... Среди них — слуга Лермонтова Саникидзе.

"А грузин, что Лермонтову служил, — вспоминал Н.П. Раевский, — так убивался, так причитал, что его и с места сдвинуть нельзя было. Это я к тому говорю, что если бы у Михаила Юрьевича характер, как многие думают, в самом деле был заносчивый и неприятный, так прислуга бы не могла так к нему привязываться".²⁵²

Товарищ Лермонтова по юнкерской школе А. Меринский рассказывал о посещении домика поэта П.А. Гвоздевым.

"Гвоздев, — пишет он, — услышав о происшествии и не зная наверняка, что случилось, в смутном ожидании отправился на квартиру Лермонтова и там увидел окровавленный труп поэта. Над ним рыдал его слуга. Все там находившиеся были в большом смущении. Грустно и больно было ему видеть бездыханным того, чья жизнь так много обещала. Невольно тогда приятелю моему пришли на память стихи убитого товарища:

**Погиб поэт, невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и с жадной мести,
Поникнув гордой головой...**²⁵³

Друзья поэта начали хлопоты о погребении его по принятому тогда церковному обряду, однако это оказалось очень нелегким делом. Мы уже знаем, что Дорохов во время переговоров, выйдя из себя, едва не побил второго священника Эрастова, большого кляузника и почему-то нерасположенного к поэту. Пос-

кольку в то время убитый на дуэли приравнялся к самоубийце, настоятель церкви протоиерей Александровский, человек более порядочный, боясь ответственности и зная кляузный характер Эрастова, не решился совершить похороны принятым тогда порядком. Только вмешательство Траскина, стремившегося всеми силами отвлечь общественное внимание от этого вопиющего дела и пресечь всякие толки, помогло до некоторой степени уладить этот вопрос. Хотя погребение поэта, как было отмечено в церковной книге, "пето не было", но духовенство принимало участие в похоронах.

Декабрист Лорер в своих записках вспоминает:

"На другой день были похороны при стечении всего Пятигорска. Представители всех полков, в которых Лермонтов волею и неволею служил в продолжение короткой жизни, нашлись, чтоб почтить последнюю почестью поэта и товарища. Полковник Безобразов был представителем от Нижегородского драгунского полка, я — от Тенгинского пехотного, Тиран — от лейб-гусарского и А.И. Арнольди — от Гродненского гусарского. На плечах наших вынесли мы гроб из дому и донесли до уединенной могилы кладбища на покатоости Машука. По закону священник отказывался было сопровождать останки поэта, но деньги сделали свое, и похороны совершены были со всеми обрядами христианина и воина. Печально опустили мы гроб в могилу, бросили со слезой на глазах горсть земли, и все было кончено".²⁵⁴

Еще один очевидец похорон поэта П.Т. Полеводин писал:

"17-го числа в час поединка его хоронили. Все, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб до самого кладбища несли штаб- и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу".²⁵⁵

О том же сообщает в своей книге и П.А. Висковатый:

"Плац-майору Унтилову приходилось еще накануне (похорон. — С.Н.) несколько раз выходить из квартиры Лермонтова к собравшимся на дворе и на улице, успокаивать и говорить, что это не убийство, а честный поединок. Были горячие головы, которые выражали желание мстить за убийство и вызвать Мартынова".²⁵⁶

Вероятно, таким настроением публики объясняются те чрезвычайные меры, которые принимались местным начальством во главе с Траскиным. Вот что писал он 3 августа 1841 года генералу Граббе: "...Я поспешил дать приказ полковнику Ильяшенкову выгнать всех юнкеров и г-на Дорохова, который начинал играть. Я также предписал Пятигорской госпитальной конторе пересвидетельствовать всех больных и всех выздоровевших отправить в полки или по своим местам...".²⁵⁷

Жандармское начальство также приняло со своей стороны меры предосторожности. "Я заметил, — говорит в своих воспоминаниях декабрист Лорер, — что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру...".²⁵⁸

В начале 1842 года гроб с прахом поэта был перевезен в Тарханы и там похоронен в семейной усыпальнице. На пятигорском кладбище осталось место временного захоронения Лермонтова.

"Ранней весной 1842 г., — пишет Мартынов, — [Куликовский] посетил могилу Лермонтова, на ней лежал простой, узкий, продолговатый камень с надписью: поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов, родился и умер тогда-то. Камень этот, по вырытии праха поэта, лежал рядом

с могилой, которая оставалась незакопанною. Вдруг пронесся слух, что кто-то хотел похитить этот камень и благотельное начальство приказало зарыть его в могилу. Через несколько дней по увозе тела Лермонтова из Пятигорска в одну из родительских суббот я сам видел, — говорил упомянутый выше офицер, — камень был сброшен уже в могилу и стоял в ней торчком, где его после и зарыли. Теперь нет никакого следа могилы, немногие старожилы узнают это место, по углублению в земле, но я уже указать вам не могу".²⁵⁹

В 1901 году, когда была назначена специальная комиссия для определения места временного погребения поэта, никаких старожилых, знающих это место, уже не осталось в живых, а других материалов в распоряжении членов комиссии, по-видимому, не имелось. Чтобы выйти из положения, комиссия указала искомое место рядом со склепом родственника и друга поэта Аким Павловича Шан-Гирея и его близких возле фундамента прежней кладбищенской церкви.

Между тем, сохранившаяся литография²⁶⁰ с зарисовки Пятигорского кладбища, исполненная в 1841 году через несколько дней после гибели поэта его товарищем А.И. Арнольди, позволяет определить это место значительно точнее. На ней, помимо могилы поэта, отчетливо выделяются два надгробных памятника,²⁶¹ расположенные восточнее и притом значительно ближе к могиле поэта, чем к месту, указанному комиссией (метров на 5—7).

Лишь через 40 лет после гибели поэта, в 1881 году, специальной комиссией, в которой руководящую роль играл П.А. Висковатый, было установлено место дуэли, отмеченное в 1915 году обелиском работы Б.М. Микешина.

Однако в тот период комиссии не удалось найти ни одного документа с точным указанием этого исторического места. Ей пришлось прибегнуть к помощи современников поединка, в частности, бывшего крепостного Хастатовых Чалова, державшего во время поединка лошадей его участников. На показании последнего комиссия, не имея других возможностей, и остановилась. О том, что это место казалось сомнительным даже в то время, свидетельствует заключение по этому вопросу самого руководителя комиссии П.А. Висковатого. В биографии М.Ю. Лермонтова он категорически заявил: "С точностью определить место дуэли невозможно".²⁶²

К сожалению, в последующее время этому вопросу не было уделено внимания. Между тем, как видно из материалов, содержащихся в академическом издании полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова под редакцией профессора Д.И. Абрамовича в Лермонтовском музее при Николаевском кавалерийском училище уже в год издания, а может быть, и ранее, находился очень важный документ — протокол комиссии, осматривавшей место дуэли 16 июля 1841 года.

В опубликованной Д.И. Абрамовичем выдержке из этого документа указаны три ориентира, определяющие место дуэли (впадина на Машуке, небольшая гора, отделившаяся от него, и дорога в немецкую Николаевскую колонию).

На эти ориентиры на протяжении десятилетий никто не обратил внимания и не попытался по ним уточнить место гибели великого поэта.

В настоящее время "Заключение следственной комиссии об осмотре места дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым. 1841, июля 16" хранится в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде.²⁶³ В связи с особой важностью этого документа для уточнения места дуэли приведем его здесь полностью:

"1841 года июля 16 дня следователи: плац-майор подполковник Унтилов, пятигорского земского суда заседатель Черепанов

нов, квартальный надзиратель Марушевский и исправляющий должность стряпчего Ольшанский 2-й, пригласив с собою бывших секундантами корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова, ездили осматривать место, на котором происходил 15 числа в 7 часу пополудни поединок. Это место отстоит на расстоянии от города Пятигорска верстах в четырех, на левой стороне горы Машуки, при ея подошве. Здесь пролегает дорога, ведущая в немецкую Николаевскую колонию. По правую сторону дороги образуется впадина, простирающаяся с вершины Машуки до самой ея подошвы; а по левую сторону дороги впереди стоит небольшая гора, отделившаяся от Машуки. Между ними проходит в колонию означенная дорога. От этой дороги начинаются первые кустарники, кои, изгибаясь к горе Машуки, округляют небольшую поляну. Тут-то поединщики избрали место для стрельяния. Привязав своих лошадей к кустарникам, где приметна истоптанная трава и следы от беговых дрозжек, они, как указали нам, следователям, гг. Глебов и князь Васильчиков, отмерили вдоль по дороге барьер в 15 шагов, и поставили по концам оного по шапке. Потом, от этих шапок еще отмерили по дороге ж в обе стороны по 10-ти шагов и на концах оных также поставили по шапке, что составилось уже четыре шапки. Поединщики сначала стали на крайних точках, т. е. каждый в 10-ти шагах от барьера: Мартынов — от севера к югу, а Лермонтов — от юга к северу. По данному секундантами знаку они подошли к барьеру. Майор Мартынов, выстрелив из рокового пистолета, убил поручика Лермонтова, не успевшего выстрелить из своего пистолета. На месте, где Лермонтов упал и лежал мертвый, приметна кровь, из него истекшая. Тело его по распоряжению секундантов привезено того же вечера в 10 часов на квартиру его ж Лермонтова.

Плац-майор подполков. Унтилов. Заседатель Черепанов. Квартальный надзиратель Марушевский. Исправляющий должность окружного стряпчего Ольшанский. Находящийся при следствии корпуса жандармов подполковник Кушинников".²⁶⁴

Оставляя пока в стороне все, не относящееся к месту поединка, мы считаем лишь необходимым обратить внимание на расположение на дуэли противников. Оказывается, что они стояли на самой дороге в немецкую Николаевскую колонию лицом к северу и к югу, а не к западу и востоку, как это было установлено профессором Висковатым.

Теперь, чтобы окончательно убедиться в явной ошибке, допущенной комиссией при установлении в 1881 году места дуэли, рассмотрим отмеченное обелискам место в свете данных "Заключения следственной комиссии".

Это приводит нас к выводу, что установленное в 1881 году место не соответствует ни одному указанному в "Заключении" ориентиру. В самом деле:

1. Расстояние его от города (в границах 1841 года) вместо цифры, близкой к 4 верстам, составляет лишь немногим более 3 километров.

2. С правой стороны обелиска на Машуке от подошвы до вершины не имеется никакой впадины.

3. По левой стороне на большом расстоянии впереди нет небольшой горы, отделившейся от Машука.

4. Обелиск стоит в стороне от бывшей дороги в Николаевскую колонию.

Где же в таком случае следует искать историческое место дуэли? Акт осмотра облегчает поиски.

Для того, чтобы достичь места, соответствующего описанному в "Заключении", надо пройти несколько более полукилометра от обелиска по дороге в северном направлении до небольшой горы, называемой обычно Перкальской скалой, отделившейся от Машу-

ка левее дороги. В этом месте справа от дороги у самой подошвы Машука начинается неглубокая впадина (т.н. Первая Волчья балка), простирающаяся до самой вершины горы, где она видна на некотором расстоянии особенно отчетливо. Вся эта западная сторона Машука, включая и впадину, в настоящее время густо заросла деревьями и кустарником. Но и сейчас, несмотря на происшедшие за 100 с лишним лет изменения, можно довольно отчетливо представить себе место дуэли на сохранившейся здесь и в наши дни дороге в бывшую Николаевскую колонию, имея по правую руку начинающуюся впадину на Машуке, а по левую впереди так называемую Перкальскую скалу. Расстояние от города (в границах 1841 года) до Перкальской скалы, или впадины, близко к 4 верстам.²⁶⁵

Увековечение памяти М.Ю. Лермонтова в Пятигорске

Трагическая гибель М.Ю. Лермонтова была воспринята современными людьми того времени как невосполнимая для России потеря. Однако всенародное признание великий русский поэт получил значительно позднее. Много лет прошло также, пока были предприняты первые шаги по увековечению его памяти в городе Пятигорске. Только в 1881 году впервые состоялось скромное чествование М.Ю. Лермонтова при участии его близкого родственника и друга А.П. Шан-Гирея.

Вот что пишет об этом в своих записках умершая в 1943 году дочь А.П. Шан-Гирея Евгения Акимовна:

"Раз летом 1881 г. мой отец приехал к нам на короткое время. Было несколько приезжих молодых людей гвардейцев, которые учились в том же Николаевском училище, где был Лермонтов, и они отметили день его смерти — 15 июля тем, что была торжественная панихида в соборе и все оттуда пошли большим шествием в Елизаветинскую галерею, где был поставлен бюст Лермонтова. Молодые люди несли большие венки из живых цветов и положили вокруг этого бюста. Мы были приглашены, и отец стоял около бюста, говорил о Лермонтове и другие тоже говорили речи, потом все разошлись".²⁶⁶

В том же 1881 году Акиму Павловичу пришлось неоднократно встречаться с людьми, интересовавшимися жизнью и творчеством великого поэта.

"Приезжал, — вспоминает Евгения Акимовна, — биограф Лермонтова П.А. Висковатый, пробыл у нас три дня, читал вслух биографию и потом они с отцом обсуждали все, и отец много сообщил ему, что для него надо".²⁶⁷

Со слов Евгении Акимовны мы знаем также еще об одной относящейся к тому же времени беседе ее отца с художником М.А. Зичи, иллюстрировавшим произведения М.Ю. Лермонтова.

Но это были лишь первые шаги по увековечению памяти поэта и его гениальных произведений. Крайне мало делалось в этой области в то время. Об этом прежде всего свидетельствует история постановки ему памятников в городском сквере и на месте дуэли.

Хотя повсеместная подписка на сооружение памятника поэту была разрешена 23 июля 1871 года, но прошло 18 лет, пока это начинание было доведено до конца. Памятник работы скульптора А.М. Опекушина был открыт 16 августа 1889 года.

Такая же картина наблюдалась и при сооружении памятника на месте дуэли, которое было определено, и то очень приблизительно, лишь в 1881 году. Потребовалось более тридцати лет, чтобы вместо временных соорудить тот памятник, который мы

видим в настоящее время. Он был открыт в 1915 году (скульптор Б.М. Микешин).

Еще меньше внимания, как мы видели, было уделено месту временного погребения М.Ю. Лермонтова, о котором вспомнили только через 60 лет после смерти поэта.

Можно было ожидать более бережного отношения со стороны местной городской администрации к особенно ценному мемориальному памятнику — домику, где поэт прожил последние два месяца своей жизни. Однако и в этом случае было проявлено полнейшее пренебрежение к его памяти.

Надо удивляться, что лермонтовский домик каким-то чудом уцелел. Своим сохранением он обязан Академии наук, поднявшей в конце 1908 года вопрос о выкупе Лермонтовской усадьбы из частной собственности. Это было, наконец, осуществлено пятигорской городской управой в 1912 году. Домик был тогда же передан в ведение Кавказского Горного общества, которое и открыло в нем музей "Домик Лермонтова",

Очень мало внимания уделялось в то время и благоустройству самого города.

Положение в корне изменилось только после Великой Октябрьской революции. Еще в самый разгар гражданской войны, в 1919 году, появился за подписью В.И. Ленина декрет "О лечебных местностях общегосударственного значения", в силу которого кавказские курорты были национализированы.

В следующем, 1920 году, был учрежден в Пятигорске Государственный бальнеологический институт с его специальными клиниками. Очень важное значение для становления курортов имело Постановление Совнаркома за подписью В.И. Ленина "Об организации в ведении Наркомздрава курортных управлений с передачей им всех помещений и зданий, пригодных для лечебных целей", принятое в 1921 году.

Благодаря огромной помощи партии и правительства все кавказские курорты были в основном восстановлены к 1925 году. К этому же времени были приведены в должный порядок и лермонтовские места в Пятигорске. Затем началась дальнейшая реконструкция всех участков курортного хозяйства и новое строительство, продолжавшееся непрерывно до Великой Отечественной войны.

Уже в 1926 году число лечившихся на курортах Кавминвод стало неуклонно расти и в 1930 году достигло 100 тысяч человек. К этому времени заметно возросло внимание к увековечению памяти М.Ю. Лермонтова. Помимо ранее названных его именем улицы, галереи и разъезда, имя поэта получили бывш. Николаевские ванны, санаторий № 5, а также средняя школа № 1.

Фашистская оккупация Пятигорска нанесла курортному хозяйству и всему городу колоссальный ущерб. Были взорваны и сожжены сотни лучших домов, вырублены древесные насаждения.

Советское правительство отпустило на восстановление курортов огромные средства.

В настоящее время Пятигорск и остальные города-курорты не только восстановлены, но и ведут новые грандиозные работы по строительству и благоустройству, благодаря которым города-курорты обогатились новыми великолепными зданиями санаториев и бальнеологических учреждений, административными и жилыми зданиями, а также новыми садами и парками.

Бережно охраняются в Пятигорске памятные лермонтовские места, пользующиеся широкой известностью во всех концах нашей Родины.

Бесконечным потоком идут люди к домику поэта, по заповедным лермонтовским местам Пятигорска. И в этом ярко проявляется любовь народа к гениальному поэту.

Приложения

Приложение № 1. Об обстановке на Горячих Водах в период их первоначального заселения свидетельствует и выписка из отношения Георгиевского предводителя дворянства подполковника Толмачева от 14 декабря 1827 года в ответ на предписание перестроить дома, принадлежавшие его падчерице Елене Соболевой:

"На сие объявление и с тем вместе требование падчерица моя титулярного советника дочь Елена Соболева излагает, что вышеупомянутые дома выстроены в 1814 году по приглашению и убеждению главного начальства, тогда как на Горячих Водах почти не было никакого строения, а существовала одна пустота и опасность от набегов.., но в угодность начальству и с немалозначимыми издержками и решимостью по существующим тогда фасадам, что можно заметить из выстроенных уже с 1821 г. домов, как госпожи генеральши Хастатовой, протопопа Малахия Александровского, комиссионера Чернявского и прочих. При чем падчерица моя объявляет, что ей принадлежащие дома не хуже оных, довольно крепкие, но крыша ветхая, да и то по случаю запрещения Горячеводского начальства перекрывать и поправлять оные, отчего и кажутся ветхими, хотя бы и желала переделать некоторые дома по новому фасаду, но способы к постройке совершенно отняты, ибо комиссия строго запрещала вокруг Горячих Вод ломать камень, а без оного никакая постройка совершиться не может; извести и кирпича достать за деньги нигде".¹

Приложение № 2. "Кавказские Минеральные Воды, — пишет Чайковский во вступительной части рапорта, — славы по своей целебности, хоть и в отдаленном краю империи, давно уже привлекают к себе множество больных посетителей и благодетельное правительство с давнего уже времени (с 1827 г.) обращает внимание, предназначив огромный капитал на наилучшее их устройство. Но далекий путь к сим водам наибольшему числу путешествующих до сего времени заграждает двумя препятствиями, именно: недостатком почтовых лошадей вообще и неимением приютов для отдохновения и ночлегов на самом большом расстоянии всего пути. Те из больных, которым удалось достигнуть до Кавказских Минеральных Вод, бываю, по возвращении в дома, вестниками для знакомцев о недоступности к оным водам, а сии если имеют нужду в пользовании и достаток, предпринимают уже путь к заграничным водам. Или же, без предвещения многие, выехав к Кавказским Минеральным Водам и встретив на пути описанные препятствия, особенно люди малодостаточные, возвращаются в дома и изнемогают более в болезнях своих. В продолжение шестилетнего управления Кавказскими Минеральными Водами я всегда слышал одни и те же отзывы посетителей. А в сем году, при поездке моей в отпуск в С.-Петербург, я имел случай испытать все это на себе, а потому и могу гордо утвердительно-основательнее.

Обязываюсь представить те два препятствия в главном их виде.

1. Недостаток почтовых лошадей вообще.

На пути из Москвы через Тулу и Воронеж содержится по 30 почтовых лошадей на каждой станции; они всегда бываю в разгоне под почтами, курьерами, эстафетами и людьми, следующими по казенной надобности, Особенно в апреле и мае, когда следуют на Кавказ и возвращаются с оного штаб- и обер-офицеры, назначаемые от полков лейб-гвардии и армии в экспедиции против горцев, почти в то же время и больные люди поднимаются к минеральным водам, — тогда для проезжающих по плакатной подорожной почтовых лошадей вовсе уже не находится. Они всегда нанимают вольнонаемных извозчиков за двойные и тройные прогоны там, где они есть: в Московской, Тульской, Орловской и Во-

ронежской губерниях, и останавливаются там, где их нет: во всей земле Донских Казаков. В Кавказской области всех менее встречались остановки: там есть подставные лошади. Очень редко в Орловской и Воронежской губерниях находил я почтовых лошадей или так называемых подставных. И так же, как в Московской и Тульской, нанимал вольных за двойные и тройные прогоны и, следовательно, подорожная, за которую заплатил я в казну деньги, была для меня очень редко полезна. На станции Извалы (близ г. Ельца) я потребовал от станционного смотрителя засвидетельствования на моей подорожной. И он написал: "За разгоном на ст. Извалах лошадей почтовых нанят вольный, вместо трех лошадей заплачено на восемь лошадей". А это было еще до приезда путешествующих к минеральным водам.

2. Неимение приютов для отдохновения и ночлегов.

В губерниях Московской и Тульской везде есть заездные дома и постоялые дворы. В Орловской и Воронежской — только по городам и некоторым станциям, а в земле Донских Казаков на расстоянии 411 верст, кроме Новочеркасска и Аксайской станции, вовсе нет никаких приютов при станциях, вообще расположенных одиноко в степях. Здесь вовсе нельзя уже находить и съестных припасов. От границы Донской и по Кавказской области до Кавказских Минеральных Вод на расстоянии 404 1/2 верст существует пять заездных казенных домов, по одинаковому плану выстроенных. Каждый о четырех комнатах или особых отделениях, из коих одно занимается смотрителем почтовой станции, а три служат для проезжающих, именно при станциях: Средне-Егорлыкской, Медвежье-Колодезной, Московской крепости, Базовой балки и Сабле. Сверх того есть частные: в Ставрополе — гостиница и заездный дом, в Александрове и Георгиевске в каждом по одному, по тесному постоялому двору".²

В заключительной части рапорта Чайковский делает расчет необходимого количества лошадей на почтовых станциях и особенно подчеркивает значение Аксайской станции, где соединились в то время две большие почтовые дороги на Кавказ: "великороссийская" и "малороссийская".

Приложение № 3. В Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР, ф. 1083 — Штаб войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 3, д. 10, 1823—1825, имеется "Ведомость всех караулов и постов занимаемых Кабардинского пехотного полка 3-ею гренадерскою ротой при Горячих Минеральных Водах и в Константиногорске", от 10 января 1825 г., такого содержания:

Ночные секретные посты:	Число постов	рядовых
1. При Горячих Минеральных Водах:		15
На лагерном месте	1	3
У Кислосерного источника	1	3
У военной слободки	1	3
У волового база	1	3
У карантина	1	3
Итого	5	15
2. В Константиногорске на постах:		12
За ротным двором	1	3
За лазаретом	1	3
В конце слободки	1	3
В конце слободки по Подкумку к Кисловодску	1	3
Итого	4	12

Подписал комендант полковник Энгельгардт.

Приложение № 4. По составленной тогда оценочной описи на 19 января 1834 года³ здесь приводятся только сведения о большом доме, который являлся наиболее вероятным местом пребывания М.Ю. Лермонтова в 1825 году.

"Дом сей, — говорится в описи, — стоит лицом к бульвару, по правую сторону дороги, лежащей к Кислосерному источнику, а вход в первые ворота во двор по левую сторону. Деревянного строения с полами и потолками, на каменном фундаменте о шести жилых покоях, двумя сенями и двумя кладовыми, внизу коего под полом выход, без сводов, с деревянными по наружности дверьми. По фасаду к улице о пяти окнах, кои, равно и все внутрь во двор проделанные, с затворами, двумя печами, дверьми. Покрыт тесом в две доски, окрашенным зеленого цвета; имеет длины 6-ть сажень и три четверти аршина; ширины 4 саж., а стены вышины 5 аршин. По наружности от стен глина отвалилась и все наружное дерево при осмотре оказалось гнилым, трухлявым и в дырах от червоточины; а сверху сего построен из старого мелкого леса и по сим причинам для зимнего жительства не способен".

Оценен он был в 2500 рублей.

Последний из сохранившихся документов о том же доме Хастатовой относится к 1839 году. Это выписка из книги "На записку недвижимостей, принадлежащих жителям города Пятигорска, коими они владеют по разным документам и распискам". Выписка эта вносит некоторые детали в историю домовладения:

"Управляющий домами генерал-майора Хастатова, состоящими при Минеральных Водах, — говорится в этом документе, — крестьянин Лепилин предъявил план дому с флигелями, в коем пространство двора 547 1/2 кв. саж. Утвержденный 18 сентября 1829 года генералом Емануелем и генеральным штаба полковником Озерским, и фасад, выданный от здешней Строительной комиссии 8 марта 1828 г., с утверждением его же, Емануеля, за подписью старшего члена полков. Якубовича 1-го, майора Унтилова и инженер-подпоручика Пономарева. Фасад составлен архитектором Бернардацци".

Приложение № 5. По словам проф. Висковатого, в 1837 году "он (Лермонтов) погостил в Шелкозаводске, в имении, принадлежащем Акиму Акимовичу Хастатову, сыну родной сестры бабушки Арсеньевой — Екатерины Алексеевны".⁴

Это сообщение находит подтверждение в письме Лермонтова С.А. Раевскому от конца 1837 года, где он пишет, что "изъездил Линию всю вдоль от Кизляра до Тамани..."

Есть основание полагать, что поэт был здесь и десятилетним мальчиком в 1825 году.

Какова же по архивным материалам история этого имения, и что это имение из себя представляло в далекое лермонтовское время?

В "Каталоге Землям Кавказ. губернии с топографическими и хозяйственными замечаниями, с означением населения, звания обывателей, качества земли, вод, местных положений и упреждений, от коих жители преимущественно выгоду имеют, учиненный по обозрению в 1819 году" под № 44 значится:⁵

"Шелкозаводское селение помещицы генерал-майорши Хастатовой	
Число душ 91	удобной 605 дес. 1179 саж.
Число десятин земли	неудобной 43 дес. 906 саж.

Дача сия предку покойного ее мужа армянину Сафару Васильеву по указу государя императора Петра I пожалована в 1718 году и по грамоте императрицы Елизаветы в 1742 году

потомку его Луке Ширванову отведена под заведение шелкозаводска, посева сарачинского пшена (риса. — С.Н.) и хлопчатной бумаги. Потом состояла за недоимку в казенном управлении. Наконец, по основанию высочайшего Указа, состоявшегося в 1809 году июля во 2-ой день завод взят в казну, а крестьянам генерал-майора Хастатова, тут водворенным, по числу состоящих тогда крестьянских 40 душ, намежено на каждую по 15 десятин. Помещица преимущественно доход получает от садоводства и виноделия. Скотоводство же и того скуднее по недостатку для сего земли...

На той же даче поселение имеют вольные армяне и грузины, в казенное ведомство отошедшие.

грузин — 140
армян — 158

—
298

Людам сим высоч. Указом 1807 июля 31 предоставлена свобода от зависимости ген.-майора Хастатова и право, оставаться ли тут на жительство, или перейти в другие места, в каком случае и земли по числу их обмежено будет. Потом выс. же указом 1809 июля 2-го по взятии завода в ведомство казенное пунктом 5 предоставлено Министерству внутренних дел попечение о улучшении и распространении завода".

Имение Шелкозаводское находилось на самой границе с горскими племенами, которая проходила здесь по Тереку.

Описание этой пограничной линии мы находим и в рапорте Кизлярского окружного землемера Кудрявцева от 21 января 1824 года за № 6.⁶ Приведем из него несколько отдельных записей:

"...Проходя по оному урочищу реке Тереку, направо — земля, с лесными угодьями общего владения ген.- майорши Хастатовой, а налево — река Терек и за оной — горские народы. Длина оной линии 188 саж..."

"...Дошед до поворота 486 саж., с оного места поворот на румб от S к W 52 градуса 30 мин., направо — земля и лесные угодья владения г-жи Хастатовой, а налево — река Терек, а за оной — горские народы..."

"...С оного места поворот на румб от N к W 68 градусов, направо — крепость Ивановская, а налево — река Терек, а за оной — лесные угодья владения г-жи Хастатовой..."

Относительно упоминаемой в последней записи крепости Ивановской в цитированном нами деле № 1342 имеются такие сведения:

"3. Крепость Ивановская или Шелкозаводская". "На реке Терек — между селениями Паробичевого и Шелкозаводского — обращена в военный пост, в котором находятся 2 роты. Обывателей же и предместья нет, почему и земли для оной не назначается".

Эти сведения о крепости Ивановской (позднее — военный пост), находящейся в непосредственной близости от имения Шелкозаводского, до сего времени в лермонтоведении не были известны. А между тем, они объясняют, как могло так долго существовать имение Хастатовых на самой границе с горами. Никакая храбрость владельцев имения, о которой сохранились воспоминания современников, не могла бы противостоять отчаянным набегам.

Довольно подробные сведения об имении Хастатовых и о самих хозяевах содержатся в определении Кизлярского уездного суда по претензии племянников генерал-майора Хастатова от 14 апреля 1818 года.⁷

"В феврале м-це 1818 г., — сообщается в этом документе, — уездный суд, по рассмотрении дела, представлял Кавказскому губернскому правлению за № 322-м об истребовании от опекуна над имением и детьми ген.- майора Хастатова г-на обер-проку-

рора Аркадия Столыпина сведение: какие именно остались дети оного Хастатова. Какого возраста, где находятся и в состоянии ли они уплатить за покойного отца матери своей претендуемые ею деньги.⁸ Также, какое осталось по смерти ген.-майора Хастатова имение, в каких местах и на какую сумму..."

"Во исполнение того, — сообщается далее, — земский суд представил... отзыв вдовы ген.- майорши Хастатовой, в коем она написала:

1. С покойным мужем ее Акимом Хастатовым прижиты ею дети. Ныне находятся в живых при ней: дочери Марья 18-ти, Анна 12-ти и сын Еким 6 лет.

2. Оставшееся от оного мужа ее имение заключает в себе Кизлярского уезда селение Шелкозаводское, что прежде именовалось деревня Сарафанникова. Господский дом с прислугами, три виноградные сады и сад шелковичный, завод водочный с тремя кубами и другими следуемыми к нему принадлежностями, земли хлебопахотной, сенокосной и последок — всего шестьсот десятин, записанных за нею по 6-й ревизии крестьян мужеска пола 26, женска — 20 и за сыном Екимом: мужеска — 15, женска — 19 душ".

В августе 1818 года уездный суд затребовал у Хастатовой дополнительные сведения по тому же делу, а именно:

"1. Сколько приносит годового дохода в том объяснении Хастатовой покойного мужа ее недвижимое имение, при деревне Сарафанниковой состоящее.

2. Отдаются ли по имению сему со стороны г-жи ген.-майорши Хастатовой, управляющей ныне оным по доверенности избранного за малолетством наследников С.-Петербургскою дворянскою опекою того имения опекуном быв. прокурора Аркадия Столыпина, надлежащие о доходах и расходах отчеты. Не бывают ли за издержками из доходов остатки, на уплату долгов поступить имеющие, и нет ли еще в других местах оставшееся от смерти ген.-майора Хастатова имения, в чем оное ведомстве и где точно состоит.

3. Как из предложения Кавказ. приказа общественного призрения видно, что при займе из оного покойным ген.-майором Хастатовым 2600 руб. обеспечивал он ту сумму сорока душами мужеска пола крестьян, в Кизлярском уезде при Шелковом Сарафанниковом заводе состоящих, то не исчислил того имения написанных, по показанию ген.-майорши Хастатовой, за ней по 6-й ревизии при той же деревне Сарафанниковой 26 мужеска и 20 душ женска пола крестьян, — или оные есть приданое по наследству, либо по покупке от кого ей достались.

Для чего и нужно от г-жи Хастатовой истребовать к рассмотрению сего суда с имеющихся у нее на принадлежность тех крестьян актов копии, присутственными местами засвидетельствованных.

4. Если г-жа Хастатова доселе не получила из имения покойного мужа своего узаконенной части и о том нигде доселе не просила, то по каким-то причинам сие осталось, желает ли она воспользоваться оною частью, или вовсе от того отказывается.

5. Отыскиваемые ею, Хастатовою, на умершем муже своем 96000 руб. серебром, из какого точно имения отданы были, т.е. из наследованного ли приданого, или благоприобретенного ею во время замужества и, буде не из одного имения те деньги даваны были, то сколько в число тех 96000 руб. от какой части имения поступили взаимобразно к нему, Хастатову. В доказательство чего приложила бы она, г-жа Хастатова, и документы о наследии своем и о приданом, если оные у нее есть".

В ответ на предложенные судом дополнительные вопросы Е.А. Хастатова, как видно из того же определения Кизлярского уездного суда, сообщила следующее:

"Первое, что имение, состоящее при деревне Сарафанниковой, как-то: сады три виноградные и один шелковичный, водочный завод с тремя кубами и другими принадлежностями, 600 десятин удобной и неудобной хлебопашенной и сенокосной земли, 15 мужеска и 19 женска пола душ крестьян, за малолетним сыном ее, Хастатовой, Акимом Акимовичем записанные, приносят годового доходу обще всего тысячу двести рублей, дом же господский, оставшийся от смерти ее мужа ген.-майора Хастатова, в 1813 г. сгорел, а ныне отстраиваемый собственным ее, Хастатовой, коштом, так же, как и первый, не будет приносить никакого дохода, потому что в оном с оставшимися по смерти мужа ее наследниками — двумя дочерьми и одним малолетним сыном — она, г-жа Хастатова, будет иметь жительство.

Второе — так как из оставшегося по смерти мужа ее имения получаемого доходу не достает на содержание малолетних, а потому и отчетов она в опеку никаких не отправляет; имения же и земли больше нигде, кроме 40 душ мужеска пола, оставшихся по смерти мужа ее, записанных по 6-й ревизии за нею и за малолетним сыном Акимом, не имеется.

Третье — при займе из приказа общественного призрения мужем ее, Хастатовой, 2600 руб. денег действительно он обеспечивал ту сумму вышеуказанными 40 крестьянами, которые ныне состоят по ревизии последней и показаны по сказкам за малолетним сыном Акимом Акимовичем вместе с ее, Хастатовой, крепостными и дворовыми людьми, и из числа оных показала она, Хастатова, по 6-й ревизии за собою 26 душ мужеска пола и женска — 20, в коих и собственные ее, Хастатовой, 6 душ, бывшие по 6-й ревизии налицо, полученные в приданое.

Четвертое — из имения мужа ее она узаконенной части не получила и о том нигде не просила, да и теперь, до окончания сего дела, о должных ей, Хастатовой, по обязательству умершим мужем ее 96000 серебром рублей, просить не намерена.

Пятое — отыскиваемые ею на умершем муже ее 96000 р. серебром деньги отданы были ему из полученных ею от отца ее при замужестве сорок тысяч в приданое, в получении коих мужем ее в то время подписана и рядная, находящаяся ныне у отца ее, отставного гвардии поручика Алексея Столыпина, а сверх того и дворовые люди из числа десяти — шесть душ, по 6-й ревизии мужеска пола, за нею показанные;

от дяди родного умершего майора Дмитрия Столыпина получено в подарок десять тысяч серебром;

от дедушки родного умершего майора Афанасия Мещеринина получено в подарок десять тысяч серебром;

от крестного отца, умершего графа Ивана Григорьевича Орлова получено 20 тысяч серебром и в разные времена вещами разного рода на шестнадцать тысяч серебром, всего 96000 руб. на сии подаренные родственниками и отцом деньги и вещи документов никаких не имеет".

Приведенные объяснения А.Е. Хастатовой по основным и дополнительным вопросам суда, последним не оспоренные, сообщают целый ряд неизвестных до настоящего времени данных об имущественном положении семьи Хастатовых и дают точные сведения — об их имении Шелкозаводском; о возрасте детей Хастатовых, находившихся с М.Ю. Лермонтовым в самых близких родственных отношениях, и т.п. Перечисленные Хастатовой свадебные подарки позволяют сделать вывод о дружественных отношениях, существовавших в семье Столыпиных, и подтверждают сообщение профессора Висковатого о близком знакомстве прадеда поэта Алексея Емельяновича Столыпина с семьей Орловых — главных участников дворцового переворота 1762 года.

Будет не лишним еще коротко остановиться на управлении имением Шелкозаводское при жизни Е.А. Хастатовой, по сохранившимся материалам Государственного архива Ставропольского края.

Как видно из цитированного уже выше судебного определения, после смерти генерал-майора Хастатова (1809 год) первым опекуном над детьми и имением Хастатова был утвержден обер-прокурор Сената Аркадий Столыпин (отец друга поэта — Монго-Столыпина). Однако он, не имея возможности отлучаться с места службы в С.-Петербурге, выдал доверенность на управление имением Е.А. Хастатовой, которая исправляла доверенные ей опекуном обязанности до 1825 года (год смерти А.А. Столыпина). После того, как видно из дела 99, фонд 63, опекунами были утверждены оба зятя Е.А. Хастатовой — подполковник (позднее генерал-майор) Петров и штабс-капитан Шан-Гирей. Они также, по-видимому, мало вмешивались в управление имением, так как Кизлярская дворянская опека не могла получить от них отчета по имению за 1825 и 1826 годы. Такое положение продолжалось до смерти Хастатовой в 1830 году.

В течение всего этого длинного периода Е.А. Хастатовой приходилось вести трудную тяжбу с племянниками покойного мужа и выполнять все государственные обязанности по имению. Она проявила при этом незаурядную энергию, выиграла тяжбу и, судя по сохранившимся архивным документам, аккуратно выполняла государственные повинности.

В тяжелый год Отечественной войны 1812 года Е.А. Хастатова, помимо управления имением, несла, по-видимому, какую-то общественную работу. В списке,⁹ "кому именно старейшим в дворянском роде женска пола по Кавказской губернии розданы бронзовые медали, установленные для дворянства в память 1812 года", под № 24 значится: "Кизлярского (уезда) Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша".

Теперь следует еще немного остановиться на обстоятельствах неожиданной смерти Е.А. Хастатовой в 1830 году.

В деле 99, фонд 63 в том же архиве сохранился рапорт исполняющего должность Георгиевского коменданта штабс-капитана Шишкина на имя Начальника Кавказской области генерала Емануеля от 25 августа 1830 года за № 1598 следующего содержания:

"После умершей от холерической болезни в городе Георгиевске 24 числа сего м-ца генерал-майорши Хастатовой оставшееся при воспитанице покойной девице Надежде Дмитриевне Фендриковой имущество с ее, г-жи Хастатовой, собственными дворовыми людьми, а именно: мужеска пола — Павел Артемьев, Марко Михайлов, Петр Егоров, Андрей Иванов и малолетний мальчик Иван; женска пола — Марья Макеева, Прасковья Васильева, Александра Никитина, Екатерина Петрова.

Из имущества же: карета четвероместная и дрожки двухместные с верхом, с разным домашним мелочным имуществом сундуков:

1-й каретный — с платьем и вещами.

2-й красный, небольшой, обитый жестью, в котором находятся деньги, вещи и бумаги.

3-й простой, обит железом, в коем находятся также деньги, вещи и бумаги.

В упряжи экипажа девять лошадей и, по удостоверению прописанной воспитаницы, якобы после покойной Хастатовой из имущества все состоит в целости, каковое по свирепствующей здесь холерической болезни, подробно мною и дворянским заседателем Люлиным не свидетельствовано, а для сохранения наложили на сундук печать Георгиевского Ордонауза, и, наконец, все вышеописанное имущество сего числа с выданным

письменным открытым листом за № 1596 мною из Георгиевска в гор. Кизляр отправлено и просил тамошнего коменданта, буде надобность востребует, сообщить о сем дворянской опеке; на проезд для коих расходов выдано девице Фендриковой из денег умершей серебром по курсу на ассигнации 198 рублей 80 копеек. В действительности получения того имущества девицей Фендриковой для доставления по принадлежности, куда следует, краткую опись за общим нашим подписом Вашему высокопревосходительству предоставить честь имею".

Из последующей переписки видно, что все имущество было благополучно доставлено в Шелкозаводское. Наследник Хастатовой, ее сын — прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Аким Акимович Хастатов — находился в то время в польском походе, и потому Кизлярская дворянская опека назначила попечителем имения некоего губернского секретаря Новикова. А после опротестования этого назначения зятем покойной Хастатовой П.П. Шан-Гиреем, последний с разрешения начальства, принял заведывание имением на себя и продолжал исполнение этих обязанностей до возвращения из похода А.А. Хастатова.

Имение Столыпиных "Ново-Столыпино". Упомянем еще об одном кавказском имении, принадлежавшем близким родственникам М.Ю. Лермонтова — Столыпиным. Возможно, что во время неоднократных поездок на Кавказ здесь довелось побывать поэту. До настоящего времени об этом имении в лермонтоведении можно было найти самые краткие сведения. Так, в отрывках из книги "Жизнь Лермонтова" известного лермонтоведа В.А. Мануйлова, опубликованных в № 9 журнала "Звезда" 1939 года, сказано:

"У Столыпиных также было имение Столыпиновка в десяти верстах от Георгиевска".

Автор настоящей книги получил в свое время возможность несколько дополнить эти сведения по материалам госархива Ставропольского края и внести поправку в название имения, которое до самого перехода его во владение Акима Павловича Шан-Гирея именовалось не Столыпиновкой, а "Ново-Столыпиным".

Первые сведения об этом имении можно найти в деле Кавказского областного управления.¹⁰

На второй странице этого дела сохранился указ императора Александра I на имя Кавказского и Астраханского губернатора графа Гудовича от 17 декабря 1807 года такого содержания:

"Министр внутренних дел донес мне о доставленных вами сведениях по просьбе отставного поручика Столыпина об отводе ему для поселения и разных хозяйственных заведений до 4000 десятин земли, Кавказской губернии в Георгиевском уезде по течению реки Кумы, между дач казенных селений Солдатского-Александровского и Отказного состоящей. Утверждаясь на удостоверении вашем, что участок сей в наделение крестьян смежных селений не назначен; что он неудобен также, по окружению его дачами крестьянских селений, и для кочевья калмык или ногайских татар; что жительствующий на нем без всякого утверждения горский уроженец уздень Бегилов с подвластными ему 20-ю душами, по уважению всегдашних от него беспокойств казенным поселянам, должен быть непременно оттуда перемещен в другое место. И что чрез отдачу участка сего Столыпину не только не будет никакого стеснения смежным казенным крестьянам, но еще с водворением его там они могут перенять от него разные по хозяйству улучшения и заведения, служащие к пользе всей окружности, — я поручаю вам:

1. Просимый Столыпиным участок, до 4000 дес. в себе заключающий, отвести ему, на точном основании общих правил, для раздачи земель под поселение крестьян существующих...

2. Живущего на земле сей уздень Бегилова с его подвластными, согласно назначению вашему, переместить на прежнее его кочевье при речке Етоке, или в другое способное, по вашему усмотрению, место".

Исполнение приведенного указа графом Гудовичем было возложено на Кавказского гражданского губернатора Картвелина. А немного позднее А.Е. Столыпин, не имевший возможности лично заниматься своим новым имением на Кавказе, выдал 1 мая 1808 года своему дворовому человеку Савелию Петрову доверенность на ведение дел. Доверенность была подписана собственной рукой А.Е. Столыпина очень неразборчиво и неясливо, а на обороте ее имеется надпись:

"Что сие верующее письмо подлинно дано от поручика Алексея Емельяновича Столыпина человеку его Савелию Петрову и по окончании оного подписано его рукою, в том свидетельствую и подписуюсь. Кригс-цалмейстер Григорий Данилов сын Столыпин. Я также свидетельствую и подписуюсь. Коллеж. асессор Александр Алексеев сын Столыпин".

Приведенные документы точно указывают время пожалования нового имения и его местоположение. Собственноручная подпись А.Е. Столыпина, заверенная его зятем Г.Д. Столыпиным и старшим сыном Александром Алексеевичем Столыпиным, по своему виду подтверждает свидетельства современников о малограмотности этого крупного помещика.

Дальнейшая переписка показывает, что вопрос о пожаловании А.Е. Столыпину 4000 десятин земли осложнился, и затруднения встретились с такой стороны, откуда в то время трудно было ожидать, — со стороны казенных крестьян соседних селений: Солдатского-Александровского и Отказного. Не взирая на императорский указ и основанные на нем распоряжения местного начальства, крестьяне самовольно запахали довольно значительную часть нового имения и благодаря своей настойчивости сумели удержать эту спорную землю в своих руках.

Такое положение продолжалось и при новом владельце имения сыне А.Е. Столыпина ген.-майоре Николае Алексеевиче Столыпине.

О том, что представляло собою в этот период кавказское имение Столыпиных, имеются сведения в справке о количестве земли и ее распределения по состоянию на 11 сентября 1823 года на 261 странице оборотного листа того же дела. Приводим эти сведения:

К хлебопашеству способной саж.	2550 дес.	894 саж.
Сенных покосов	250 "	1800 "
Кустарника и дровяного леса	62 "	1768 "
Под речками и ручьями	7 "	110 "
Под дорогами	8 "	900 "
Под камышовым болотом	25 "	18 "
Под усадьбой деревни Столыпина и под фруктовым садом	8 "	1250 "
Под крутыми горами, оврагами и лощинами	210 "	700 "
Под солонцами	90 "	700 "
Всего всей окружной межи	3167 "	1930 "
За исключением речек, ручьев, дорог, болот, гор, оврагов, лощин и солонцов осталось во владении ген.-майора Столыпина удобной земли	2627 "	922 "

Из приведенной справки, к сожалению, не вполне сбалансированной, можно видеть, что имение было обеспечено достаточным количеством угодий, пригодных для хлебопашества и скотоводства, а также водою и лесом.

Из другого источника (дело 205 того же фонда) видно, что в то время в деревне Ново-Столыпино числилось всего 108 ревизских мужского пола душ.

После неожиданной трагической смерти Н.А. Столыпина в 1831 году имение перешло во владение его ближайших родственников. Это подтверждает сохранившаяся доверенность, выданная в октябре того же 1831 года младшим братом умершего Афанасием Алексеевичем Столыпиным дворовому человеку Меркулу Маштакову.¹¹

"По кончине родного моего брата ген.-лейтенанта Николая Алексеевича Столыпина, — говорится в этом документе, — недвижимое имение его, состоящее в Пензенской губернии и Кавказской области, досталось в наследственное право, обще со мною, брату моему коллежскому асессору Александру Алексеевичу Столыпину и детям после покойных братьев моих тайного советника Аркадия Алексеевича Столыпина и генерал-майора Дмитрия Алексеевича Столыпина".

Значительно позднее, в 1844 году одна из этих четырех частей была приобретена близким родственником и другом поэта Акимом Павловичем Шан-Гиреем.

Приложение № 6. Вот что пишут братья Бернардацци в описи произведенных ими на Минеральных Водах работ о предложенных ими изменениях к проекту Шарлеманя (ПГА, ф. УКМВ):

"В сие время (конец 1822 года. — С.Н.) г. ген.-майор Сталь 2-й изволил приказать предпринять надлежащие меры к заготовлению нужных материалов, потребных для исполнения высочайшего проекта для построения ресторации при Горячих Водах; по рассмотрении же сего проекта нашлись следующие недостатки, а именно: совсем не было назначено место для кухни и прачечной, также для погребов, ледников и кладовых; тоже не было назначено удобное помещение для содержателя ресторации близ своего хозяйства; в расположении общего же плана сего построения переменно следующее: домик, который назначено было выстроить посреди двора с квартирами, назначенными для отдачи внаймы, — поставить по линии задней улицы (ныне Красноармейской. — С.Н.), где назначено было выстроить кухни для наемных квартир, а кухни поместить на том месте, где назначен был домик; от сего приняли как домик, так и улицы лучший вид, потому что по-прежнему полагали задний фасад вроде забора.

Все вышеописанные недостатки представлены были нами начальству, которое, по рассмотрении наших замечаний к их, нашли справедливыми. По сей причине приказано было нам дополнить оный проект, назначив места для означенных недостатков, вследствие чего, для удобнейшего помещения и для наблюдений экономии, мы предлагали начальству следующее расположение, а именно: сделать под всем главным корпусом ресторации погребной этаж со сводами, отчего верхний бельэтаж будет гораздо суше, воздух в нем делается чище и также сей этаж будет прочнее в построении. В погребном же этаже сделать удобное помещение для услуг, переменить местоположение домика и кухни и поместить ледники под двумя боковыми флигелями означенного домика. Все сии перемены и прибавления к проекту, высочайше утвержденному для построения ресторации, мы представили на утверждение корпусному командиру ген. от инф. Ермолову и производили в дело по утверждении оных".

Приведенные изменения и дополнения проектов значительно улучшили общий вид усадьбы и исправили ряд упущений проекта в отношении хозяйственных построек.

В годы Великой Отечественной войны здание ресторации было сожжено немецко-фашистскими оккупантами. В процес-

се восстановления здания, произведенного в 1952—1954 годах, его архитектурный облик несколько изменен, а внутренняя его планировка, за исключением парадного зала, коренным образом перестроена.

Приложение № 7. Приводим здесь текст третьего письма от 15 января 1831 года из Санкт-Петербурга:

"Я к тебе писал уже два раза, Павел Артемьев, в первый раз прямо в деревню и потом через заседателя Жолкевского, и приказывал тебе немедленно сделать перечень всего оставшегося после матушки, что с ней было и что оставалось в Шелковом. Исполнив что в точности, копию прислать ко мне и к брату Павлу Петровичу, но до сих пор не имею ни строки. Что ты не получаешь моих писем — оправданием быть не может и не должно. Во-первых, потому, что почты ходят очень исправно, а во-вторых, если каким-нибудь случаем и могли письма мои затеряться, то не получивши от меня на сей предмет приказаний, ты бы сам все это должен был исполнить, потому что барину, который живет за 3000 верст, надо знать в подробности, что у него и есть, и что делается, и все ли хозяйство своим порядком продолжается. Стыдно тебе, старый мой дядька, что я через твою оплошность себя беспокою несколько раз, а главное, принужден посторонних людей просить и беспокоить. Я прошу, чтобы это было в последний раз. По приказанию г. полковника Ускова (М.Я.), ты ему или офицеру, которого полковнику угодно будет прислать, покажешь все и сделаешь всему опись, движимому и недвижимому. Пожалуйста, чтобы было все как можно аккуратнее: не попортилось ли что в садах и хорошо ли деревья и кусты виноградные были завернуты и зарыты, да вовремя ли; об заводе, мельницах, лошадях и проч., обо всем вообще. Главное, не забудь таковую же ведомость переслать к братцу Павлу Петровичу. Ко мне адресовать — его благородию милостивому государю Екимю Екимовичу Хастатову, Виленской губ. в г. Вильно, лейб-гв. Семеновского полка господину прапорщику, и потом еще для большей верности приписывать: если письмо сие полка не застанет, то прошу покорно переслать оное вслед по маршруту, где полк находится. Где барышня воспитанница, которая жила у матушки? (Как видно из дела 99, фонд 63 Государственного архива Ставропольского края, воспитанница Е.А. Хастатовой Н.Д. Фендрикова находилась при ее смерти; она же доставила в Шелкозаводское оставшееся имущество. — С.Н.) Если она в Шелковом, то попроси от меня, чтобы она тебя поучала и ко мне написала о чем-нибудь. Помни, что порядок — главная вещь во всем. Со старостою ведите дела исправно; исполнять приказания в точности братцев Павла Ивановича и Павла Петровича, а может быть и дядюшка (вероятно, Афанасий Алексеевич Столыпин. — С.Н.) что-нибудь к вам напишет, только обо всем мне немедленно давать знать. Еким Хастатов".

Приложение № 8. О том, что представлял собой дом Верзилиных и его подсобные строения при Лермонтове, можно судить по архивным материалам Пятигорской городской управы, относящимся к 1882 году, когда дом еще не был переделан.¹²

Выписываем из них некоторые данные.

1. Дом фасадный деревянный одноэтажный под железною крышею, на каменном фундаменте и цоколе, длиною 18 1/2 арш., шириною 15 3/4 арш., высотой 5 1/4 арш. и при нем две таковые же пристройки: из коих одна длиною 17 3/4 арш., шириною 9 и высотой 4 арш., а другая — длиною 8 1/3 арш., шириною 7 3/4, высотой 5 1/4 арш.

В нем комнат мебелированных, пригодных для квартир, 8, передних — 2, коридор, 1 жилая комната с поварскою плитою —

при ней кладовая, а под сею последнею — погреб с выходом на двор. Полы в жилых комнатах, передних и кухне дощатые крашенные, в коридоре же — каменные с таковою же лестницею. Потолки штукатурные. Стены дома штукатурены снаружи и внутри. Дверей столярной и плотницкой работы — 15. Окон с двойными рамами и ставнями — 17, печей голландских, штукатурных — 4, плита — 1, дымовых труб — 3.

2. Кухня во дворе каменная на глине, мазанка...

3. Каменный фасадный сарай...

4. Во дворе каменное... ветхое, разрушающееся строение.

Дом, все службы при нем, каменные заборы, дощатые ворота и калитка, по материальной стоимости, принимая во внимание долговременное существование, оценены в четыре тысячи рублей серебром.

5. Под строениями и двором находится участок земли, принадлежащей... владелице г-же Шан-Гирей, имеющий меры в длину по Верхнему переулку (ныне ул. Буачидзе. — С.Н.) — 22 саж., а ширину по Дворянской улице (ныне ул. К. Маркса) — 20 саж... оцененный в 1000 рублей.

Приложение № 9. Есть возможность дополнить приведенные сведения о П.С. Верзилине двумя случаями из его жизни, рисующими развлечения офицерства того времени. Первый случай, относящийся к 1821 году, дает кроме того представление, в каких условиях жило тогда население Георгиевска, бывшего в то время областным центром. В "Журнале присутствия" Кавказского областного правления от 11 января 1822 г. (ГАСК, ф. 63, д. 212, с. 298) имеется такой документ:

"Слушали..."

5. Представление Кавказ. губерн. прокурора и кавалера Таганова от 10 ноября 1821 года № 448, в коем прописывает, что усмотрев из донесения к нему Георгиевского уездного стряпчего от 8 ноября за № 65, что командир Волгского казачьего полка капитан Верзилин, празднуя 7 числа этого месяца ввечеру именины свои в Георгиевской казачьей станице, производя пушечную и ружейную пальбу, навлек жителям как города Георгиевска, так равно и предместья оно, называемого форштатом, немалую тревогу, кои, полагая знак сей нападением горских народов, начинали избирать со всем своим имуществом средства спасения, — долгом счел таковой поступок чиновника довести до сведения сего правления для учинения должного распоряжения на счет воспреещения, через кого следует, в неопоздательное время совсем неприличного гуляния с таковою стрельбою, повлекшего жителям страх и ужас, в особенности в таком месте, где каждодневно почти происходят

хищнические нападения, — при слушании чего управляющий губернией г. Кавказ. вице-губернатор предложил, что он о сделанной капитаном Верзилиным в неопоздательное время пушечной пальбе, через которую навел жителям страх, — сделал от себя сношение к командующему на Кавказ. Линии войскам г. генерал-майору и кавалеру Сталю. Приказали: о сем, записав в журнал, объявить об оном и г-ну губернскому прокурору через сей журнал".

Дальнейшей переписки об этом случае в архиве не оказалось, и надо думать, что все обошлось для П.С. Верзилина благополучно.

Второй случай произошел значительно позднее, в 1834 году, когда Верзилин в чине генерал-майора был наказным атаманом. Сведения о нем можно взять из описи решенных дел (ГАСК, ф. 79, д. 4646, 1837 г.).

Под № 101, 19 мая 1834 года значится решенным дело на 5 листах:

"По рапорту строительной комиссии о починке в Николаевских ваннах стекло, выбитых пушечными выстрелами, по распоряжению ген.-майора Верзилина, на первый день пасхи 1834 г. на счет его г. Верзилина".

Других сведений по этому делу в архиве также не оказалось. Вероятно, оно окончилось оплатою П.С. Верзилиным вновь вставленных стекол.

Приложение № 10. В описи 1833 года о доме Мерлини приведены такие сведения:

"Дом каменного строения, покрытый камышом... о десяти покоех разной величины, с внутри двора одними сенцами; в длину 10 саж. и 1 арш., а в ширину 5 саж., внутри коего пол дощатый, потолок обитые холстом, выштукатуренные. Дверей столярной работы — 8 растровчатых, а двое одинарных; окон по линии на улицу семь, а внутри двора — двенадцать, из коих в пяти по два листовые простые стекла, а в прочих по шести четвертных стекол; четыре голландские из кирпича печи и один камин чугунный с принадлежностью к оному".¹³

Из описи обстановки можно видеть, что внутренность главного дома, благодаря обилию картин, производила лучшее впечатление, чем его внешний вид. Но мебель — несколько предметов из ореха с бронзовыми украшениями, была довольно незатейлива и изношена, за исключением двух больших зеркал в рамках красного дерева с бронзой.

Обращает на себя внимание отсутствие в описи каких-либо музыкальных инструментов и обилие ломберных столов. Можно предполагать, что главные интересы владельцев дома были, по-видимому, сосредоточены на "зеленом поле"...

Архив, из которого С.И. Недумовым ранее были сделаны выписки, погиб во время Великой Отечественной войны. Просим читателей иметь это в виду в дальнейших ссылках на данный архив.

⁹ На части территории Уманова, принадлежавшей позднее В.И. Чиляеву, находится домик, где в 1841 году жил Лермонтов.

¹⁰ Второй участок — по нынешней улице Урицкого — отведен ему в 1827 году.

¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6. М.—Л., Гослитиздат, 1931, с. 128—129.

¹² Нелюбин А.П., кн. 2, с. 631—639.

¹³ Там же, с. 650—651.

¹⁴ На самом деле пикетов или военных постов на Горячих Водах и Константиногорке в то время было значительно больше (см. приложение № 3).

¹⁵ Баталин Ф. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. Ч. I. СПб, 1861, с. 20—22 (в дальнейшем: Баталин Ф.).

¹⁶ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. 6. М., "Наука", 1964, с. 644.

¹⁷ ГАСК, ф. 79 Начальника Кавказской области, д. 145, 1824, с. 310.

¹⁸ ПГА, ф. УКМВ, печатное приложение к отношению и. д. Кисловодского коменданта в строительную комиссию от 26 мая 1827 г. за № 149 и печатное "Объявление".

Примечания

Глава I

¹ Государственный архив Ставропольского края (в дальнейшем: ГАСК), ф. 63, д. 585—1839.

² Ныне поселок "Красная Слободка" в Пятигорске.

³ Нелюбин А.П. Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. Соч. в 2-х кн. Кн. 2. СПб, 1825, с. 642—643 (в дальнейшем: Нелюбин А.П.).

⁴ Ныне площадка Академической галереи.

⁵ Новое название — Горячая гора.

⁶ Теперь улица Анджиевского.

⁷ Нелюбин А.П., кн. 2, с. 644—645.

⁸ Пятигорский государственный архив, ф. Управления Кавказскими Минеральными Водами (в дальнейшем: ПГА, ф. УКМВ), д. 25/67, 1822—1827. О позволении частным жителям и солдатам строить дома на Кислых, Горячих и Железных Водах, а также сады и лавки.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАСК, ф. Начальника Кавказской области, д. 4951.

²¹ ПГА, ф. УКМВ, д. 131—1830. Следственное дело о сборах в сезон 1828 г. за подгреваемые ванны на Кислых Водах, с. 448. Список гг. посетителей, бывших на Кислых Минеральных Водах в прошлом курсе 1828 г. с означением, кто, в каких месяцах и сколько дней был.

²² Установить местонахождение дома Хандаковой невозможно, ибо к 1831 году, когда появился подробный план Пятигорска, фамилия Хандаковой среди владельцев домов уже не встречается.

²³ Ныне дом № 1 по улице Красноармейской.

²⁴ Нелюбин А.П., кн. 2, с. 646—649.

²⁵ Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, с. 29—30 (в дальнейшем: Висковатый П.А.).

²⁶ ГАСК, ф. 128 Кавказского губернского правления, д. 1533, 1820.

²⁷ ПГА, ф. УКМВ, д. 207, 1825—1828, с. 4. О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоящих на Горячих и Кислых Минеральных Водах.

²⁸ Архитекторы братья Иосиф и Иван Бернардацци прибыли на Кавказские Минеральные Воды в 1822 г. по контракту, заключенному в медицинском департаменте Министерства внутренних дел от 22-VIII-1822 г. Они много сделали для застройки Пятигорска. Скончались оба Бернардацци здесь же. Иосиф — 5-X-1840 г., Иван — 22-XI-1842 г.

²⁹ Чертежа фасада при рапорте не сохранилось.

³⁰ ГАСК, ф. 128 Кавказского губернского правления, д. 1609—1821.

³¹ ГАСК, ф. 79 Начальника Кавказской области, д. 145—1824, с. 256.

³² ПГА, ф. УКМВ, д. 207, 1825—1828, с. 4. О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоящих на Горячих и Кислых Минеральных Водах.

³³ Там же, д. 284—1829.

³⁴ ГАСК, ф. 79 Начальника Кавказской области, д. 832—1829.

³⁵ Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1. М., Гослитгиздат, 1945, с. 24.

³⁶ Андреев-Кривич С.А. Кабардино-Черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, Кабард.-Балкарск. кн. изд-во, 1949, с. 112.

³⁷ Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 6-ти т. Под ред. Н.Ф. Бельчикова, Б.П. Городецкого и Б.В. Томашевского. Т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954—1957, с. 182 (в дальнейшем: Лермонтов М.Ю.).

³⁸ Лермонтов М.Ю., т. 3, с. 244.

³⁹ Там же, с. 248.

⁴⁰ Там же, с. 156.

⁴¹ Там же, т. 1, с. 74.

⁴² Там же, т. 6, с. 385—386.

⁴³ Там же, т. 2, с. 26.

Глава II

¹ Шан-Гирей Аким Павлович (1818—1883) — троюродный брат и друг М.Ю. Лермонтова. Воспитывался вместе с ним в доме Е.А. Арсеньевой и впоследствии провел с поэтом несколько лет в Москве и Петербурге. Оставил воспоминания о Лермонтове, опубликованные в журнале "Русское обозрение", 1890, кн. 8, с. 724—754.

Более подробно о А.П. Шан-Гирее написано в статье В.А. Мануйлова и С.И. Недумова "Друг Лермонтова А.П. Шан-Гирей". — В кн.: Лермонтов М.Ю. Сб. статей и материалов. Ставропольское кн. изд-во, 1960, с. 251—270.

² М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., "Худож. лит.", 1964, с. 44—45 (в дальнейшем: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников).

³ Попов А.В. М.Ю. Лермонтов в первой ссылке. Ставропольское кн. изд-во, 1949, с. 6.

⁴ Баранов В. Лермонтов в Москве. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 727—729.

⁵ Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (в дальнейшем: ЦГИА Гр. ССР), ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 10, д. 46. Журнал входящих бумаг за 16-III — 1-VI-1837, с. 228, обор.

⁶ Безграмотная запись обнаруженного С.И. Недумовым документа ("и из Ставрополя...") дала повод А.В. Попову по-другому толковать содержание этого свидетельства и сделать вывод, что из Ставрополя Лермонтов прибыл не в Пятигорск, а поехал на Терек и в Кизляр. Суждение это о маршруте поездок Лермонтова по Кавказу в 1837 году спорно — см. Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. Ставропольское кн. изд-во, 1954, с. 59—60.

⁷ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, д. 51. Журнал входящих бумаг за 21-VI — 31-XII-1837, с. 336. Тексты документов о пребывании Лермонтова на Кавказе, обнаруженные в этом архиве, опубликованы в кн.: М.Ю. Лермонтов. Временник Государственного музея "Домик Лермонтова". Пятигорск, 1947, с. 62—66.

⁸ Лермонтов М. Ю., т. 6, с. 730.

⁹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 3, д. 61, 1837.

¹⁰ См. предположение Е.И. Яковкиной в ее кн.: Лермонтовские места. Пятигорск, 1949, с. 74.

¹¹ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 261.

¹² "Нива", 1885, № 7, с. 166.

¹³ ПГА, ф. УКМВ, № 325.

¹⁴ Обнаруженные С.И. Недумовым в 1940 году в Пятигорском государственном архиве данные о лечении Лермонтова в Пятигорске в 1837 году впервые частично были опубликованы в 1947 году в кн.: М.Ю. Лермонтов. Временник Государственного музея "Домик Лермонтова". Пятигорск, 1947, с. 57.

¹⁵ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 730.

¹⁶ Там же, с. 440.

¹⁷ Предположение С.И. Недумова о том, что в это время Лермонтов не мог передвигаться, сомнительно. В том же письме от 31 мая 1837 года М.Ю. Лермонтов писал: "Я каждый день брожу по горам, и только это укрепило мои ноги; я только и делаю, что хожу; ни жара, ни дождь меня не останавливают..." (Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 731). Вызывают сомнения и предположения о пребывании поэта в Пятигорске до 5 августа. Известно, что по воскресеньям ванны не отпускались, кроме того неиспользованные билеты часто передавали другим лицам. Бывало и так, что ванны брались в день дважды. В примечании 18 автор предполагает, что Лермонтов прибыл в Железноводск 19 августа. Эта дата может быть более убедительным свидетельством о времени выезда поэта из Пятигорска.

¹⁸ О пребывании М.Ю. Лермонтова в Железноводске в 1837 году имеется хорошее подтверждение. В книге этого года "Об отдаче внаем под квартирование гг. посетителям двух казенных домов на Железных Водах" (ПГА)

имеются две записи о комнатах в доме № 1, занятых генералом Павлом Ивановичем Петровым, близким родственником М.Ю. Лермонтова. С 11 по 26 августа включительно им была занята в первом доме комната № 1 и 11 числа же уплачено вперед за 16 суток 80 рублей. С 19 по 26 августа им была занята в том же доме еще вторая комната за № 3, которая освободилась после полковницы Чайковской с 15 августа и до 19 августа оставалась незанятой. За нее Петровым 19 августа было уплачено вперед за 8 суток 40 рублей. Трудно предположить, чтобы Петров занял вторую комнату для себя лично, так как он сделал бы это сейчас же после ее освобождения. Можно думать, что он занял ее для закончившего в то время лечение в Пятигорске М.Ю. Лермонтова. Генералу, занимавшему пост начальника штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, гораздо легче было, чем Лермонтову, получить комнату на свое имя.

¹⁹ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 731.

²⁰ Броневский В. Поездка на Кавказ. Часть 4-я. СПб, 1834 (в дальнейшем: Броневский В.).

²¹ В отношении этого обрыва в погибшем архиве бывшего Управления Кавказских Минеральных Вод (№ 161, 1819) имелось интересное предписание ген. Ермолова на имя Строительной комиссии от 26 мая 1825 года, выдержку из которого приводим: "Дошло до моего сведения, — пишет Ермолов, — ...что крутой каменный спуск к Подкумку на ведущей из Георгиевска на Горячие Воды дороге по карнизу, который в прошлом году я лично приказывал г. Кисловодскому коменданту срыть, камень взорвать и края дороги обложить камнем для предупреждения несчастных происшествий, — остался в прежнем положении... Делая замечание г. Кисловодскому коменданту, до сего времени не исполнившему личного приказа, я предписываю... спуск к Подкумку разработать сколь можно поспешнее, сообразно мыслям моим, известным г. коменданту, так, чтобы во всем месте дорога была совершенно удобная и безопасная".

²² Броневский говорит здесь о втором доме Конради, находившемся на нынешней ул. Урицкого (№ 20—24), против ул. Сакко и Ванцетти. Первый дом Конради находился на месте Госбанка, против здания бывшей ресторации.

²³ Улица, идущая в гору, ныне ул. Карла Маркса, три поперечные — ныне Красноармейская, Анисимова, Буачидзе.

²⁴ Позднее в здании был надстроен третий этаж. Теперь там помещается Курортная поликлиника — проспект Кирова, 21.

²⁵ Броневский В., с. 37.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 41.

²⁸ Ныне верхняя часть улицы Кирова.

²⁹ Молодые сосенки доставлены по распоряжению ген. Емануэля военно-рабочей командой в 25 человек из леса, называвшегося тогда Гришкиной балкой.

³⁰ Конради Ф. Рассуждения о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках. СПб, 1831, с. 69 (в дальнейшем: Конради Ф.).

³¹ Конради Ф., с. 70—71.

³² Броневский В., с. 41—42.

³³ Теперь проспект Кирова в районе Академической галереи.

³⁴ Ныне Лермонтовские ванны в Цветнике.

³⁵ Конради Ф., с. 62.

³⁶ Сегодня верхняя часть улицы Кирова.

³⁷ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 261.

³⁸ Там же, с. 268.

- ³⁹ Там же, с. 273—274.
- ⁴⁰ Там же, с. 282.
- ⁴¹ Броневский В., с. 33, 76.
- ⁴² Там же, с. 75.
- ⁴³ Хамар-Дабанов Е. (Лачинова). Прodelки на Кавказе. Ч. II. СПб, 1844, с. 106.
- ⁴⁴ Там же, с. 107—109.
- ⁴⁵ Броневский В., с. 44—45.
- ⁴⁶ Висковатый П.А., с. 410.
- ⁴⁷ ПГА, ф. УКМВ, д. 344—1826, с. 49—56. Описание тех работ, которые производили братья Бернардацци — архитекторы при Кавказских Минеральных Водах сверх кондиций, заключенных с г. министром внутренних дел в 1822 г. на построение зданий, высочайше утвержденных на оных же водах. Составлено 6 августа 1828 г.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Конради Ф., с. 44.
- ⁵⁰ ПГА, ф. УКМВ, д. 137—1828. Журнал исходящих бумаг Строительной комиссии, при Кавказских Минеральных Водах учрежденной.
- ⁵¹ Броневский В., с. 77—78.
- ⁵² ГАСК, д. 525, 1839 Общего Управления Кавказской области.
- ⁵³ Фокусник Апфельбаум — реальное лицо. См. Прокопенко Л.И. Поиски лермонтовского фокусника. — "Советский цирк", 1962, № 2, с. 22—24. (Прим. ред.)
- ⁵⁴ "Нива", 1885, № 27, с. 643—647.
- ⁵⁵ Воспроизведена в альбоме Кавказские Минеральные Воды. К 100-летию юбилею 1803—1903 гг. СПб, 1904, с. 133.
- ⁵⁶ ПГА, ф. УКМВ, д. 400—1837. По отношению действительного статского советника князя Голицына о устройстве на жертвуемую им сумму строения при Провале.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ В ответ на это предложение братья Бернардацци просили обратить чистый доход от сбора на благотворительные цели.
- ⁵⁹ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 439.
- ⁶⁰ Там же, с. 275.
- ⁶¹ ГАСК, ф. 79 Начальника Кавказской области, д. 2439, 1838.
- ⁶² В эти цифры необходимо внести некоторую поправку. Как показали изыскания в архиве бывшего Управления Кавказских Минеральных Вод, очень нередко число принимавшихся горячих ванн превышало сотню. Прием двух ванн в один день не считался чем-то особенным. Так, по книгам ваннных билетов 1837 года видно, что В.Г. Беллинскому за время с 8 июня по 8 июля было отпущено 102 ваннных билета, товарищу Лермонтова по Московскому университетскому пансиону Н.М. Сатину с 5 июня по 8 июля — 128. См. ПГА, ф. УКМВ, 325. Книга на записку прихода денег, получаемых с гг. посетителей по выдаваемым им билетам на пользование серными минеральными ваннами на Горячих Водах в 1837 году.
- ⁶³ Баталин Ф., с. 24—25.
- ⁶⁴ ПГА, ф. УКМВ, д. 344, 1826, с. 49—56. Описание тех работ, которые производили братья Бернардацци.
- ⁶⁵ Броневский В., с. 48.
- ⁶⁶ По церковным часам сторожа должны были аккуратно отбивать в большой колокол часы и получасы. На Горячей горе во время сезона то же самое проделывалось при помощи специально повешенного там колокола. Время приема ванн отмечалось по этим часам.
- ⁶⁷ Броневский В., с. 55.
- ⁶⁸ Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. Ч. II. СПб., 1844.
- ⁶⁹ ГАСК, ф. Начальника Кавказской области, д. 2388—1838, с. 1—2.
- ⁷⁰ ГАСК, ф. Начальника Кавказской области, д. 972, 1830.
- ⁷¹ ПГА, ф. УКМВ, д. 344, 1826, с. 49—56. Описание тех работ, которые производили братья Бернардацци.
- ⁷² Там же, д. 218, 1839. О доставлении сведения самого обстоятельного о всех тех постройках, какие произведены архитекторами Бернардацци при Минеральных Водах и всех трудах и занятиях их (Бернардацци) на пользу службы и прочее.
- ⁷³ Броневский В., с. 33.
- ⁷⁴ Путешествие по прикаспийским степям и югу России (франц.). Эта книга Оммер де Гель, в противоположность ее письмам, фальсифицированным кн. П.П. Вяземским, не вызывает сомнений. Далее дается выдержка в нашем переводе.
- ⁷⁵ ГАСК, ф. 79, дд. 638, 1828, 2413, 1839.
- ⁷⁶ Описание кавказских целебных источников (нем.).
- ⁷⁷ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 442.
- ⁷⁸ Там же, с. 735.
- ⁷⁹ Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. в 5-ти т. Т. 5. М.—Л., "Academia", 1937, с. 547—548.
- ⁸⁰ Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. 45. Махач-Кала, 1926, с. 17.
- ⁸¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1025 Штаба Кавказского Отдельного корпуса, оп. 1, д. 62—1826, с. 4.
- ⁸² Центральный государственный исторический архив (в дальнейшем: ЦГИА), Ленингр. отд., ф. 1075 А.И. Философова, оп. 1, д. 943. Письма неустановленных лиц А.И. Философова, с. 35.
- ⁸³ О Петрове см. также Богданова О.Э. Архивные материалы о П.И. Петрове — родственнике М.Ю. Лермонтова. — В кн.: Лермонтов М.Ю. Сб. статей и материалов. Ставропольское кн. изд-во, 1960, с. 271—287.
- ⁸⁴ Висковатый П.А., с. 363.
- ⁸⁵ "Русская старина", 1873, т. 3, с. 391.
- ⁸⁶ Имя и отчество Хастатова прежде писалось "Еким Екимович".
- ⁸⁷ ГАСК, ф. 63, д. 342. Управление Кавказской области.
- ⁸⁸ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 5, д. 74. Походного дежурства Штаба войск Кавлинии и в Черномории, с. 212—213.
- ⁸⁹ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (в дальнейшем: ГБЛ), ф. Афанасия Алексеевича Столыпина.
- ⁹⁰ Племянник Аф. Ал., сын его сестры Нат. Ал. Столыпной.
- ⁹¹ Центральный государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем: ЦГАЛИ), ф. 195 кн. Вяземских, д. 4919, с. 4.
- ⁹² Алексей Аркадьевич Столыпин-Монго.
- ⁹³ ЦГАЛИ, ф. 195 кн. Вяземских, д. 4919, с. 243, обор.
- ⁹⁴ ГБЛ, ф. кн. Щербатовых, шифр. "Щерб. 12", с. 25.
- ⁹⁵ Там же, с. 65.
- ⁹⁶ В историческом очерке Николаевского Кавалерийского училища (бывшей школы гвардии подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) за 1823—1873 годы (СПб, 1873) имеется краткое описание этого подвига Хастатова. "В 1846 году, — сообщает в этой книге, — Хастатов, несмотря на отставку, участвовал охотником в славном Суслевском бою под Амир-Аджи-Юртом и был из первых, предложивших совет сбавовать коней и драться пешком до последнего человека. Молодецкий подвиг этот изображен на известной картине, находящейся во всех военных учебных заведениях, на первом плане которой представлены Хастатов и Суслов". В примечании к этому сообщению добавлено: "В этом бою 80 гребенских казаков под командой подполковника Сулова в продолжении нескольких часов отбивались от 5-тысячного скопища и выручены были наконец подоспевшими резервами."
- ⁹⁷ ЦГИА, Ленингр. отд., ф. 1075 А.И. Философова, оп. 1, д. 875, с. 1—2.
- ⁹⁸ Они были взяты А.И. Философовым у Хастатова в долг.
- ⁹⁹ Вероятно, кн. Барятинский, в то время — кавказский наместник.
- ¹⁰⁰ ЦГИА, Ленингр. отд., ф. 1075 А.И. Философова, оп. 1, д. 875, с. 7.
- ¹⁰¹ Дело Пятигорской городской управы об оценке строений, с. 322.
- ¹⁰² Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 143—144. В воспоминаниях Филиппсона следует отметить одну неточность — о месте высылки Сатина. Он, как выше указано, был выслан не в Саратов, а в Симбирскую губернию.
- ¹⁰³ Григорий Иванович Филиппсон (1809—1883) — офицер Генерального штаба в Ставрополе. С.И. Недумов предполагает; что в 1837 году он встречался с Лермонтовым. Однако Филиппсон ничего об этом в своих воспоминаниях не пишет.
- ¹⁰⁴ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 207—208.
- ¹⁰⁵ Лермонтов и Беллинский родились не в Чембаре. Однако Лермонтов провел детство в Тарханах, в усадьбе бабушки, близ Чембара, а Беллинский — в самом Чембаре. (Прим. ред.)
- ¹⁰⁶ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 208—209.
- ¹⁰⁷ Бродский Н.Л. Лермонтов и Беллинский на Кавказе в 1837 году. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 730—740.
- ¹⁰⁸ О Н.П. Сатине и его несколько тенденциозных воспоминаниях о Лермонтове и Беллинском в литературе высказывались различные и противоположные суждения. Подробнее об этом см. Н.Л. Бродский. Лермонтов и Беллинский на Кавказе в 1837 году. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 735—738; Оксман Ю.Г. Переписка Беллинского. — В кн.: Литературное наследство. Т. 56. М., 1950, с. 241; Иванова Т.А. Посмертная судьба поэта. М., 1967, с. 39—42; Примечания к воспоминаниям Н.П. Сатина. — В кн.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964, с. 465—468.
- ¹⁰⁹ Бронштейн Н.И. Доктор Майер. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 473.
- ¹¹⁰ Там же, с. 485.
- ¹¹¹ Там же, с. 496. Пер. с фр. яз.: "Мы не атеисты, а мистики".
- ¹¹² Лермонтов М. Ю., т. 6, с. 268.
- ¹¹³ Там же, с. 203.
- ¹¹⁴ Бронштейн Н.И. Доктор Майер. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 492.
- ¹¹⁵ ГАСК, ф. 79.
- ¹¹⁶ Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем: ЦГВИА), ф. 1 Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 10904 по части секретной, с. 3—4, рапорт от 23-IX-1836 г. за № 720.
- ¹¹⁷ Там же, с. 1—2.
- ¹¹⁸ Там же, с. 9. Секретное отношение гр. Чернышева от 3-XII-1836 г. за № 343.
- ¹¹⁹ ГАСК, ф. 79, д. 2216, с. 33-34.
- ¹²⁰ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 268.
- ¹²¹ ПГА, ф. УКМВ, 325, д. 50. Книга на записку прихода денег.
- ¹²² Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 269.

- ¹²³ Владелец книжного магазина.
- ¹²⁴ ГБЛ, ф. муз., шифр "М", 582.
- ¹²⁵ Н.В. Майер умер 7 февраля 1846 года в Керчи.
- ¹²⁶ Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, с. 91.
- ¹²⁷ Дурьлин С.Н. "Герой нашего времени" М.Ю. Лермонтова. М., Учпедгиз, 1940, с. 120–121.
- ¹²⁸ "Русский архив", 1874, кн. 2, с. 957.
- ¹²⁹ "Русская старина", 1883, ноябрь, с. 388.
- ¹³⁰ Там же, с. 388.
- ¹³¹ Висковатый П.А., с. 365.
- ¹³² Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, с. 92.
- ¹³³ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 208.
- ¹³⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 10, д. 46. Журнал входящих бумаг на 1837 год, с. 98.
- ¹³⁵ ЦГИА, Гр. ССР, ф. 1025 Штаба Отдельного Кавказского корпуса, оп. 2, д. 104. Приказы по Отдельному Кавказскому корпусу за 1837 год, с. 78.
- ¹³⁶ Висковатый П.А., с. 352–353.
- ¹³⁷ "Русский архив", 1893, кн. 8, с. 611–613.
- ¹³⁸ Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948, с. 694.
- ¹³⁹ Издавна бытующее предположение, что Лермонтов вывел в образе княжны Мери сестру Н. Мартынова Наталью Соломоновну, сомнительно. В частности, Э.Г. Герштейн доказывает несостоятельность этой версии, выдвинутой, по ее мнению, сторонниками Мартынова, чтобы скрыть действительные причины дуэли и оправдать убийцу поэта. См. Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 409–426.
- ¹⁴⁰ Подробнее об этом см. Гиреев Д.А., Недумов С.И. К истории знакомства Лермонтова с декабристами. — В кн.: Литературное наследство. Т. 60, кн. 1. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 507–514.
- ¹⁴¹ Лермонтов М. Ю., т. 2, с. 131.
- ¹⁴² Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 108.
- ¹⁴³ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 211.
- ¹⁴⁴ Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 108–109.
- ¹⁴⁵ Успокаивающее (франц.).
- ¹⁴⁶ Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948, с. 678–680.
- Глава III**
- ¹ Андреев-Кривич С.А. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 126.
- ² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 6, д. 349, с. 1.
- ³ Висковатый П.А., с. 377.
- ⁴ Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. М., Гослитиздат, 1947, с. 500.
- ⁵ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 454–455.
- ⁶ Там же, с. 456.
- ⁷ Некоторые неизвестные сведения об этом пребывании С.А. Раевского были опубликованы автором настоящей книги в выпуске М.Ю. Лермонтов. Временник Государственного музея "Домик Лермонтова". Пятигорск, 1947, с. 24–30.
- ⁸ "Русская старина", 1885, февраль, с. 474.
- ⁹ Цвет молодежи (франц.).
- ¹⁰ Ошибка — вероятно, Алексей Аркадьевич Столыпин.
- ¹¹ Насмешки (франц.).
- ¹² Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Т. 1. М.—Л.: "Academia", 1930, с. 304–305.
- ¹³ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 52.
- ¹⁴ Баранов В. Лермонтов в Москве. В кн.: Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948, с. 727.
- ¹⁵ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 457–458.
- ¹⁶ Лермонтов М. Ю., т. 6, с. 459.
- ¹⁷ Там же, с. 459.
- ¹⁸ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 311–312.
- ¹⁹ Николаев М.Ф. Дата приезда Лермонтова в Пятигорск в 1841 году. — В кн.: М.Ю. Лермонтов. Временник Государственного музея "Домик Лермонтова". Пятигорск, 1947, с. 69.
- ²⁰ Висковатый П.А., с. 38 389, 392.
- ²¹ ПГА, ф. УКМВ, д. 25, 1822.
- ²² ГАСК, ф. 63, д. 585 — 1839.
- ²³ Имеется предположение, что домик, в котором жил М.Ю. Лермонтов, был построен самим В.И. Чилиевым в 1835–1836 годах. Подробнее об этом см.: Яковкина Е. Последний приют поэта. Ставропольское кн. изд-во, 1965, с. 3–8.
- ²⁴ Висковатый П.А., с. 393.
- ²⁵ Во время реставрационных работ, которые были проведены в 1964 году, выяснилось, что домик построен из деревянных брусьев, а не турлучный.
- ²⁶ Мартынов П.К. Дела и люди века. Т. 2. СПб, 1893, с. 41.
- ²⁷ При Лермонтове (так же, как и в настоящее время) вместо одного из этих окон была дверь на балкон.
- ²⁸ Мартынов П. К. Дела и люди века. Т. 2. СПб, 1893, с. 41–43.
- ²⁹ ПГА, ф. УКМВ, 1, д. 176, 1841. Книга дирекции Кавказских Минеральных Вод на записку прихода и расхода купаленных билетов и вырученных с г.г. посетителей денег за ванны на горячесерных водах в Пятигорске на 1841 год.
- ³⁰ Лорер Н. И. Записки декабриста. М., Соцэкгиз, 1931 (в дальнейшем: Лорер Н.И.), с. 258.
- ³¹ Рассказ Раевского о дуэли Лермонтова по записи В. Желиховской. См. "Нива", 1885, № 7, с. 167.
- ³² "Новое обозрение", 1891, № 26281.
- ³³ Шан-Гирей Е.А. Мемуары. Рукопись хранится в музее "Домик Лермонтова".
- ³⁴ Висковатый П.А., с. 395–396.
- ³⁵ Шан-Гирей Е.А. Мемуары. Рукопись хранится в музее "Домик Лермонтова".
- ³⁶ Мартынов П. К. Дела и люди века. Т. 2. СПб, 1893, с. 83.
- ³⁷ Характеристика Эмили Александровны Клингенберг (в замужестве Шан-Гирей), данная П.К. Мартыновым на основании рассказов В.И. Чилиева, тенденциозна и вызывает серьезные сомнения в правдивости. Сведения Чилиева о взаимоотношениях Лермонтова, Э.А. Клингенберг и Мартынова вряд ли можно признать достоверными, так как Чилиев не принадлежал к ближайшему окружению поэта. Эти сведения не подтверждаются в воспоминаниях других современников Лермонтова. Не следует также сбрасывать со счетов того принципиально важного факта, что Эмилия Александровна стала впоследствии женой близкого друга поэта Акима Павловича Шан-Гирея. Семья А.П. и Э.А. Шан-Гиреев пользовалась неизменным уважением их современников, в том числе тех, кто близко знал Лермонтова.
- ³⁸ Рассказ Раевского о дуэли Лермонтова в записи В. Желиховской, см. "Нива", 1885, № 7, с. 166–170; № 8, с. 186–190.
- ³⁹ "Нива", 1885, № 27, с. 643–647.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ГАСК, ф. 63, д. 219, 1833.
- ⁴² В 1971–72 годах на этом месте построено здание питьевой галереи.
- ⁴³ Висковатый П.А., с. 377.
- ⁴⁴ ЦГВИА, ф. 1 Канцелярии военного министерства по части секретной, оп. 1, д. 52, 1834. По высочайшему повелению об усугублении надзора за тишиной и порядком в Пятигорске во время собрания посетителей на Кавказских Минеральных Водах.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Женатого позднее на младшей дочери А.Ф. Реброва.
- ⁴⁷ ЦГВИА, ф. 1 Канцелярии военного министра по части секретной, оп. 1, д. 52, 1834. По высочайшему повелению об усугублении надзора за тишиной и порядком в Пятигорске во время собрания посетителей на Кавказских Минеральных Водах.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ ГАСК, ф. Начальника Кавказской области, д. 2409–1840.
- ⁵² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1025 Штаба Отдельного Кавказского корпуса, оп. 2, д. 653. Секретный журнал [входящих и исходящих бумаг] на 1838 год, с. 18; там же, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 8, д. 29, 1840. Общий журнал бумагам, поступившим в штаб войск на Кавказской Линии и в Черномории на 1840 год, с. 12.
- ⁵³ Монго — прозвище А.А. Столыпина. Прозвище дано по сокращенному названию известного в свое время романа "Монго-парка". Из других источников — от клички имевшейся у А.А. Столыпина собаки.
- ⁵⁴ Баснословный (франц.).
- ⁵⁵ "Русская старина", 1873, кн. 3, с. 382.
- ⁵⁶ В действительности, в 1858 году.
- ⁵⁷ А.А. Столыпин-Монго ехал на Кавказ "по высочайшему повелению" к месту службы, а не в роли сопровождающего Лермонтова. Поэт догнал его в Туле, и дальше они отправились вместе. См. Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.—Л., 1964, с. 158–159; Герштейн Э. Николай I и А.А. Столыпин-Монго. — В кн.: М.Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960, с. 288–290.
- ⁵⁸ Висковатый П.А., с. 199–200.
- ⁵⁹ Там же, с. 371.
- ⁶⁰ Там же, с. 420–421.
- ⁶¹ Лермонтов М.Ю., т. 4, с. 311.
- ⁶² Ашукина-Зенгер М. О воспоминаниях В.В. Бобарыкина о Лермонтове. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948, с. 749–754.
- ⁶³ Об А.А. Столыпине-Монго см. Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964. В главах "О кружке шестнадцати" и "Дуэль и смерть"; Иванова Т. Посмертная судьба поэта. М., 1967, с. 69–80. Отрицательные дружеские отношения А.А. Столыпина к Лермонтову Т. Иванова причисляет его к тайным врагам поэта. Такая характеристика Столыпина спорная.
- ⁶⁴ Мирная демократия (франц.).

- ⁶⁵ Ашукина-Зенгер М. О воспоминаниях В.В. Бобарыкина о Лермонтове. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 754.
- ⁶⁶ Кроме писем Афанасия Алексеевича, вся переписка самого Монго и его родных на французском языке. Мы даем ее в русском переводе.
- ⁶⁷ По приказу Николая I Столыпин, тяготившийся военной службой и находившийся тогда в отставке, получил назначение в стоявший на Кавказе Нижегородский драгунский полк.
- ⁶⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, д. 4917, с. 43—44.
- ⁶⁹ О Майко Обрелиани см.: Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955, с. 80—87.
- ⁷⁰ ЦГАЛИ, ф. 195, д. 4917, с. 33—34.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² ЦГАЛИ, ф. 195, д. 4820, с. 21, обор.
- ⁷³ Скобки поставлены Столыпиным.
- ⁷⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, д. 4917, с. 3.
- ⁷⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 4555, с. 2—3.
- ⁷⁶ Братовщина и Пушкино — имена, принадлежавшие А.А. Столыпину-Монго.
- ⁷⁷ Управляющий имением Афанасия Алексеевича.
- ⁷⁸ ГБЛ, ф. Щербатовых, с. 57, шифр: Щерб. 13.
- ⁷⁹ ГБЛ, ф. Щербатовых, с. 25 обор. Шифр: Щерб. 12.
- ⁸⁰ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 439.
- ⁸¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 5, д. 74 Походного дежурства штаба войск Кавказской Линии и в Черномории, с. 128.
- ⁸² Ашукина-Зенгер М. О воспоминаниях В.В. Бобарыкина о Лермонтове. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 754.
- ⁸³ Брат Алексея и Дмитрия Аркадьевичей Столыпиных.
- ⁸⁴ ЦГАЛИ, ф. 195, д. 4919, с. 40—41.
- ⁸⁵ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 12. М., 1911, с. 56.
- ⁸⁶ ЦГВИА, Ленингр. отд., ф. 124 лейб-гвардии кавалергардского полка, д. 2754 С.В. Трубецкого.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же, д. 648 Штрафной журнал офицеров кавалергардского полка, с. 13—21 обор.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ "Русский архив", 1887, кн. 2, с. 438.
- ⁹² Висковатый П.А., с. 423.
- ⁹³ Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Сб. 1. М., Гослитиздат, 1941, с. 116. Ошибка: в 1841 г. Трубецкой в Пятигорске поселился не с Лермонтовым, а с Васильчиковым в соседнем доме того же хозяина.
- ⁹⁴ Подробнее о С.В. Трубецком см.: Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 333—340. В этой же книге Э. Герштейн датой высылки Трубецкого на Кавказ указывает не январь 1840 года, а конец декабря 1839 года.
- ⁹⁵ ЦГВИА, ф. 62, д. 45 Письма к ген. Граббе разных лиц, с. 2.
- ⁹⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 5, д. 147, 1840. Приказы по войскам на Кавказской Линии и в Черномории 1840 года.
- ⁹⁷ В книге "Судьба Лермонтова" (М., 1964, с. 336) Э. Герштейн по-прежнему считает, что С.В. Трубецкой действительно был выслан. И опирается при этом на выражение самого великого князя Михаила Павловича. Причиной высылки, пишет Э. Герштейн, указывали: "шалости, крайняя недисциплинированность, дерзкие выходки".
- ⁹⁸ В поступившем из ФРГ архиве А.М. Верещагиной имеется свидетельство, дающее возможность предполагать, что М.П. Глебов был секундантом М.Ю. Лермонтова. См.: Гладыш И.А., Динесман Т.Г. Архив А.М. Верещагиной. — "Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина", 1963, вып. 26, с. 53—55.
- ⁹⁹ ЦГИА, Ленингр. отд., ф. 651, оп. 1, д. 679. Рукопись кн. А.И. Васильчикова.
- ¹⁰⁰ Висковатый П.А., с. 427.
- ¹⁰¹ В характеристике С.И. Недумовым поведения на следствии секундантов имеется некоторое противоречие. Считая поведение Глебова безупречным, автор обвиняет Васильчикова во лжи и подтасовке фактов во время следствия. Между тем известно, что секунданты согласовывали между собой все показания и совместно давали соответствующие советы Мартынову.
- ¹⁰² Висковатый П.А., с. 306.
- ¹⁰³ Одно из прозвищ Васильчикова, данных ему Лермонтовым.
- ¹⁰⁴ Мартыанов П.К. Последние дни жизни М.Ю. Лермонтова. — "Исторический вестник", 1892, т. 47, с. 454—455.
- ¹⁰⁵ А.Я. Булгаков о дуэли и смерти Лермонтова. Публикация Л. Каплана. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 707—714.
- ¹⁰⁶ М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., Соцэргиз, 1939, с. 64—69.
- ¹⁰⁷ Нечаева В.С. Суд над убийцами Лермонтова. Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса и показания Н.С. Мартынова. В книге: М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., Соцэргиз, 1939, с. 55.
- ¹⁰⁸ Институт русской литературы (в дальнейшем: ИРЛИ), рукописный отд., ф. 524, оп. 3, № 16, л. 56.
- ¹⁰⁹ Рассматривая вопрос о следствии, С.И. Недумов ссылается на обнаруженную им в Центральном государственном литературном архиве машинописную копию "Дела о поединке майора Мартынова с поручиком Лермонтовым" — ЦГАЛИ, ф. 276, оп. 1, единица хранения 100. Поскольку копия не является достаточно авторитетным документом, редакция все ссылки автора на нее перенесла на подлинное дело, хранящееся в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде. ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 16.
- ¹¹⁰ ИРЛИ, рукописный отд., ф. 524, оп. 3, № 16, л. 48.
- ¹¹¹ Там же, л. 60.
- ¹¹² Там же, л. 62.
- ¹¹³ Из новых исследований о А.И. Васильчикове см. Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 161—180; Иванова Т. Посмертная судьба поэта. М., 1967, с. 43—80; Латышев С., Мануйлов В. Как погиб Лермонтов. — "Русская литература", 1966, № 2, с. 111.
- В статье двух последних авторов высказано серьезное возражение исследователям, считающим А. И. Васильчикова тайным врагом Лермонтова.
- ¹¹⁴ Висковатый П.А., с. 418.
- ¹¹⁵ Там же, с. 420.
- ¹¹⁶ Там же, с. 421.
- ¹¹⁷ "Русская мысль", 1890, кн. 12, с. 68—86.
- ¹¹⁸ "Нива", 1885, № 8, с. 186—190.
- ¹¹⁹ "Север", 1891, № 12, с. 748.
- ¹²⁰ Гангблов А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888, с. 182.
- ¹²¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1025 Штаба Отдельного Кавказского корпуса, оп. 1, д. 145, 1832, с. 11.
- ¹²² ЦГИА, ф. III отделения, д. 117. О штабс-капитане Дорохове, ранившем отставного ротмистра Сверчкова.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Семенов Л.П. Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937, с. 171.
- ¹²⁵ Там же, с. 171—172.
- ¹²⁶ Гангблов А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888, с. 180.
- ¹²⁷ Генерал-лейтенант И.С. Дорохов — герой Отечественной войны 1812 года.
- ¹²⁸ ЦГИА, ф. III отделения, д. 117, с. 14.
- ¹²⁹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1025, оп. 1, д. 196. Приказы по Отдельному Кавказскому корпусу с 1-1-1841 по 29-11-1843 гг., с. 155.
- ¹³⁰ Там же, с. 213.
- ¹³¹ Высказанное в этой главе предположение С.И. Недумова о дружеских отношениях Р.И. Дорохова и М.Ю. Лермонтова подтвердилось. Подробную характеристику Дорохова, основанную на выявленных в последние годы новых материалах о нем, см. Герштейн Э. Новый источник для биографии Лермонтова. — В кн.: Литературное наследство. Т. 67, с. 615—644; Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 129—160.
- ¹³² "Исторический вестник", 1902, т. 90.
- ¹³³ "Русская старина", 1885, № 2, с. 474.
- ¹³⁴ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Т. 1. М.—Л., "Academia", 1930, с. 304—305.
- ¹³⁵ Лорер Н.И., с. 257.
- ¹³⁶ Филиппсон Г.И. Воспоминания. М., 1885, с. 159—160.
- ¹³⁷ Steve — забуддыга (франц.).
- ¹³⁸ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 6, д. 265, 1840. Рапорты о столкновениях русских войск с горцами. Журнал о военных действиях Линии, с. 78—79.
- ¹³⁹ Там же, ф. 1025 Штаба Отдельного Кавказского корпуса, оп. 1, д. 196. Приказы по Отдельному Кавказскому корпусу, с. 213.
- ¹⁴⁰ Щеголев П.Е. Книга о Лермонтове. Вып. II [Л.], "Прибой", 1929, с. 219.
- ¹⁴¹ Лорер Н.И., с. 201.
- ¹⁴² Полную публикацию воспоминаний см. "Нива", 1885, № 7, с. 166—170; № 8, с. 186—190.
- ¹⁴³ "Русская старина", 1888, май, с. 476.
- ¹⁴⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории, оп. 5, д. 74 и 76.
- ¹⁴⁵ Висковатый П.А., с. 397.
- ¹⁴⁶ Лорер Н. И., с. 256—257.
- ¹⁴⁷ Воспоминания Лорера Н.И. о Лермонтове см. в кн.: Лорер Н.И. Записки декабриста. Под ред. М.Н. Покровского. М., Соцэргиз, 1931, с. 250—262; см. также: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964, с. 330—340 и примечания в этой книге с. 510—513.
- ¹⁴⁸ Декабристы. 86 портретов. М., 1906, с. 127—128.
- ¹⁴⁹ Там же, с. 128.
- ¹⁵⁰ "Русский архив", 1873, кн. 1.
- ¹⁵¹ ГБЛ, ф. Нарышкиных, шифр М. 5820.
- ¹⁵² Висковатый П.А., с. 303—304.
- ¹⁵³ Николаева М.Ф. Лермонтов. Биографический очерк. Пятигорск, 1940, с. 72.

- ¹⁵⁴ Лорер Н.И., с. 251.
- ¹⁵⁵ Беляев А. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850 гг. СПб, изд. Суворина, 1882, с. 495.
- ¹⁵⁶ "Литературный вестник", 1902, т. 3, кн. 2, с. 175—180.
- ¹⁵⁷ ГБЛ, ф. Нарышкиных. Далее все цитаты из писем Назимова из этого же фонда.
- ¹⁵⁸ Декабрист Валерьян Михайлович Голицын, вышедший в отставку ранее.
- ¹⁵⁹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 1203. О представлении к наградам за экспедицию 1838 года, с. 87, 161.
- ¹⁶⁰ Более подробные сведения о занятиях Назимова живописью см. Барановская М.Ю. Художники-декабристы. — в кн.: Декабристы в Сибири. — Новосибирск, 1952, с. 181—230.
- ¹⁶¹ Материалы о М.А. Назимове были опубликованы С.И. Недумовым в кн.: М.Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставропольское кн. изд-во, 1960, с. 240—250. Об отношениях М.Ю. Лермонтова и М.А. Назимова см. также Иванова Л.А. Лермонтов и декабрист М.А. Назимов. — В кн.: Литературное наследство. Т. 56. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 431—440, Гиреев Д.А. и Недумов С.И. К истории знакомства Лермонтова с декабристами. — В кн.: Литературное наследство. Т. 60, кн. 1. М., Изд-во АН ССР, 1956, с. 507—514.
- ¹⁶² Меринский А.М. Воспоминания о Лермонтове. — "Атеней", 1858, № 48, с. 304; то же. — В кн.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 142.
- ¹⁶³ П.А. Гвоздеву принадлежит и первый отклик на гибель М.Ю. Лермонтова. Это стихотворение "Машук и Бештау", написанное 15 июля 1841 года:
- Как старец маститый, исполнен разумья,
Стоит остроглазый Бешто, —
Стоит он и мыслит: "Суров и угрюм я,
Но силен, могуч я зато!
Ударит ли гром вдруг и эхо ущелья
Насмешкой раздастся на злость,
И верно, в тот день уж ко мне в новоселье
Земной не пожалует гости!
И дик я, и наг я, и голый мой камень
Зеленым плющом не порос,
Но с грудью, открытой на холод и пламень,
Не дрогнув, глядит мой утес.
Красуясь, брат мой гордится соседством,
К пятам он готов моим пасть
И рад поделиться богатым наследством,
Но где его сила и власть?.."
Умолкнул Бешто в ожиданье ответа
И видит Машука чело,
Как думой, туманом вдруг стало одето,
И черную тучу несло
По ребрам зеленым роскошного ската.
И видит он дальше: Машук
Готовит к ответу ответ без возврата
Певца отторженного звук.
Стеснилось сердце земного владыки,
Он выронил вздох громовой,
С ним выстрел раздался, раздались и клики,
И пал наш поэт молодой!..
Машук прояснился луною полночи,
Печально горело чело,
И думы угрюмой сквозь влажные очи
Привет посылал он Бешто.
"О чем так задумчив, властитель твердыни,
Бездушных и каменных груд?
Мечтал ты родить во мне зависть гордыни,
Но в этом напрасен твой труд!
Богат я одеждой роскошной природы,
Богат я и в недрах земли,
Струею целебной текут мои воды
И пользу векам принесли.
Пред грудой камней твоих, грудой утробной,
Могу я гордиться опять, —
Мой камень бесценный, то камень надгробный.
Тот камень не в силах ты взять,
Прикован ко мне он со смерти поэта,
Как братский воспет наш союз.
И ты преклонился главою атлета
Пред прахом наперстника муз!"
"Литературный критик", 1939, кн. 10—11, с. 247—248. Цитируется по кн.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 451—452.
- ¹⁶⁴ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Пензенское кн. изд-во, 1960, с. 306—307.
- ¹⁶⁵ Лермонтов М.Ю., т. 6, с. 439.
- ¹⁶⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083 Штаба войск на Кавказской Линии и Черномории, оп. 10, д. 47. Журнал входящих бумаг 1837 года, с. 35.
- ¹⁶⁷ Там же, оп. 6, д. 1203. О представлении к наградам за экспедицию 1838 года, с. 97, 192.
- ¹⁶⁸ Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 715—716.
- ¹⁶⁹ Там же, с. 717.
- ¹⁷⁰ Висковатый П.А., с. 418—419.
- ¹⁷¹ Там же, с. 439.
- ¹⁷² Там же, с. 401.
- ¹⁷³ Там же, с. 409—410.
- ¹⁷⁴ "Русский архив", 1893, кн. 8, с. 587—588.
- ¹⁷⁵ По-черкесски (франц.)
- ¹⁷⁶ Кинжал (франц.)
- ¹⁷⁷ Мартынов П.К. Дела и люди века. Т. 2. СПб, 1893, с. 55—56.
- ¹⁷⁸ Висковатый П.А., с. 442.
- ¹⁷⁹ "Нива", 1885, № 20, с. 174.
- ¹⁸⁰ Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 691—706.
- ¹⁸¹ Характеристику Мартынова и его взаимоотношений с Лермонтовым Э.Г. Перштейн продолжила, дополнив ее новыми сведениями, в кн.: Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 391—456.
- ¹⁸² Висковатый П.А., с. 423.
- ¹⁸³ М.Ю. Лермонтов Статьи и материалы. М., Соцэкгиз, 1939, с. 52
- ¹⁸⁴ "Русский архив", 1893, кн. 8, с. 604.
- ¹⁸⁵ "Русская старина", 1892, кн. 3, с. 767.
- ¹⁸⁶ ИРЛИ, рукописный отдел, ф. 524, оп. 3, № 16, л. 64.
- ¹⁸⁷ Там же, л. 63.
- ¹⁸⁸ О Мартынове см. также в кн.: Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 497—524; Иванова Т. Посмертная судьба поэта. М., 1967, с. 43—62; Латышев С., Мануйлов В. Как погиб Лермонтов. Ответ И.Д. Кучерову и В.К. Стешицу. — "Русская литература", 1966, № 2, с. 105—128; Зильберштейн И.С. Лермонтов и кавалергарды. — "Огонек", 1967, № 12, с. 25; Яшин М. Вокруг Лермонтова. — "Звезда", 1964, № 10, с. 188.
- ¹⁸⁹ ЦГВИА, Ленингр. отд., ф. 124 Лейб-гвардии кавалергардского полка, д. 648. Штрафной журнал офицеров кавалергардского полка, дд. 80, 84, 86. Приказы по кавалергардскому полку.
- ¹⁹⁰ "Русский архив", 1893, кн. 8, с. 587—588.
- ¹⁹¹ ЦГВИА, Ленингр. отд., ф. 12, д. 84, с. 75.
- ¹⁹² Висковатый П.А., с. 403.
- ¹⁹³ Об отношении А.П. Ермолова к Мартынову в связи с убийством Лермонтова имеется следующее свидетельство. В беседе с П. Бартеневым Ермолов говорил: "Уж я не спустил бы этому Мартынову! Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его. Там есть такие дела, что можно послать, да, вынувши часы, считать, через сколько времени последнего не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а таких людей, как Лермонтов, не скоро дождешься!" "Русский архив", 1863, с. 441.
- ¹⁹⁴ ЦГВИА, Ленингр. отд., ф. 124, д. 418. Формулярные списки командного состава за 1839 г., с. 138.
- ¹⁹⁵ Там же, д. 86, с. 53.
- ¹⁹⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 5, д. 183. Приказы по войскам Кавказской Линии.
- ¹⁹⁷ См. М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., 1939, с. 16—63.
- ¹⁹⁸ Эта фамилия в разных документах пишется двояко: Кушинников и Кувшинников. Мы считаем более правильным первый вариант и придерживаемся его в этой работе.
- ¹⁹⁹ Нечаева В.С. Суд над убийцами Лермонтова. Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса и показания Н. С. Мартынова. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., 1939, с. 19.
- ²⁰⁰ Там же, с. 29.
- ²⁰¹ Там же, с. 29.
- ²⁰² Правильнее: начальник штаба войск на Кавказской Линии и в Черномории.
- ²⁰³ Нечаева В.С., с. 28.
- ²⁰⁴ Литературное наследство, Т. 58. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 419—426.
- ²⁰⁵ Там же, с. 422.
- ²⁰⁶ Там же, с. 424.
- ²⁰⁷ Там же, с. 424.
- ²⁰⁸ ЦГВИА, ф. 62 генерала П.Х. Граббе, д. 24 Письма Е.А. Головина, к ген. П.Х. Граббе. 1838—1842 гг., с. 135.
- ²⁰⁹ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Т. 1. М.—Л., "Academia", 1930, с. 304.
- ²¹⁰ ЦГВИА, ф. 62 генерала П.Х. Граббе, д. 24 Письма Е.А. Головина к ген. П.Х. Граббе. 1838—1842 гг., с. 140.
- ²¹¹ Там же, д. 25, с. 65, 66, 121, 123.
- ²¹² Там же, с. 121.

- ²¹³ Там же, с. 123.
- ²¹⁴ Там же, д. 76, с. 42. 22 августа 1839 года в письме к военному министру Чернышеву Граббе писал: "Несколько месяцев взаимного с ним (Траскиным) служения дают мне право свидетельствовать пред Вашим сиятельством, что в лице его я нашел неутомимого, отлично способного и, если позволите прибавить, весьма приятного сотрудника".
- ²¹⁵ Там же, д. 25, с. 132.
- ²¹⁶ ГБЛ, ф. Баятинских, шифр: Баят. 41/6.
- ²¹⁷ В начале пребывания Траскина на Кавказе Головин не успел еще составить о нем правильного представления.
- ²¹⁸ ПГА, ф. УКМВ, 184. Книги Горячеводской церкви. Брачная книга 21.
- ²¹⁹ "Нива", 1885, № 7, с. 166. В одной из своих опубликованных заметок Э.А. Шан-Гирей писала: "Если уже какой-либо грот называть именем поэта, так этот. Тот, что именуется Лермонтовским гротом, это грот Печорина".
- ²²⁰ Александр Иванович Арнольди (1817—1898) — сослуживец М.Ю. Лермонтова по Гродненскому гусарскому полку (1837). Встречался с поэтом в Пятигорске в 1841 году и оставил о нем воспоминания. Подробно об А.И. Арнольди и его воспоминаниях см. статью и публикацию Ю. Оксмана "Лермонтов в записках А.И. Арнольди", — В кн.: Литературное наследство. Т. 58. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 449—476.
- ²²¹ Литературное наследство. Т. 58. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 468—469.
- ²²² Лорер Н.И., с. 258.
- ²²³ "Русский архив", 1889, т. 2, кн. 6, с. 316—317.
- ²²⁴ Горец с большим кинжалом (франц.).
- ²²⁵ Это ничего: завтра мы будем добрыми друзьями (франц.).
- ²²⁶ "Русский архив", 1889, т. 2, кн. 6, с. 317.
- ²²⁷ Висковатый П.А., с. 416.
- ²²⁸ Пятигорье — Лермонтову. Лит. сб. Пятигорск, 1923, с. 58—65.
- ²²⁹ Из других записей в этой книге можно отметить данные о лечении в Железноводске Мартынова за время с 27 мая по 26 июня включительно. Ему было отпущено 24 билета.
- ²³⁰ Может, это был юнкер Бенкендорф, о поездке которого в Железноводск 15 июля вместе с Дмитриевским и Л.С. Пушкиным упоминает в своем письме от 5 августа 1841 года Е.Г. Быховец.
- ²³¹ Из других денежных книг того же фонда за 1837—1840 годы, позднее также погибших, можно было установить, что в сезон 1837 М.Ю. Лермонтов в Пятигорской ресторации не останавливался; что в течение сезона 1840 года он не значился в числе лиц, которым отпускались билеты на ванны в Пятигорске; что в течение сезонов 1838, 1839 и 1840 годов Лермонтов не останавливался в Пятигорской ресторации, так как в книге записи сумм, полученных за комнаты, его фамилии нет.
- ²³² "Русская старина", 1892, кн. 3, с. 767—768; также см. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 354—355.
- ²³³ Золотой ободок в прическе.
- ²³⁴ Любовь к В.А. Бахметевой, урожденной Лопухиной.
- ²³⁵ Колония Каррас, или Шотландка.
- ²³⁶ Очаровательная кухня (франц.).
- ²³⁷ Имеется предположение, что Лермонтов посвятил Е.Г. Быховец стихотворение "Нет, не тебя так пылко я люблю", написанное в Пятигорске в 1841 году (см. Баранов В.В. Об истинном адресате стихотворения Лермонтова "Нет, не тебя так пылко я люблю". — "Ученые записки Калужского пединститута", 1957, вып. IV, с. 182—192). Однако по этому вопросу имеются и другие суждения. Адресат стихотворения окончательно не установлен.
- ²³⁸ "Нива", 1885, № 27, с. 646.
- ²³⁹ Висковатый П. А., с. 421—422.
- ²⁴⁰ "Нива", 1885, № 20, с. 475.
- ²⁴¹ Нечаева В.С. Суд над убийцами Лермонтова. Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса и показания Н.С. Мартынова. — В кн.: М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., 1939, с. 19.
- ²⁴² Васильчиков А.И. Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и дуэли с Н.С. Мартыновым. Рукопись. 1871. Музей "Домик Лермонтова".
- ²⁴³ А.Я. Булгаков о дуэли и смерти Лермонтова. Публикация Л. Каплана. — В кн.: Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948, с. 710.
- ²⁴⁴ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 12. М., 1911, с. 54—57.
- ²⁴⁵ Герштейн Э.Г. Отклики современников на смерть Лермонтова. По неопубликованным материалам архивов Елагиных, Булгаковых, Каткова и Самариных. — В кн.: М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М., 1939, с. 64—69.
- ²⁴⁶ Раскрытие обстоятельств дуэли является одной из наиболее острых и актуальных проблем лермонтоведения. Многие вопросы этой проблемы остаются невыясненными до конца, а заключения исследователей противоречивыми. Нет единого мнения о секундантах (кто из них был секундантами у Лермонтова, кто — у Мартынова), об условиях дуэли, о выстреле Лермонтова, о расстоянии между барьерами и по другим вопросам. Исследование обстоятельств дуэли осложняется тем, что на следствии вместо четырех секундантов были названы только два — Глебов и Васильчиков. Поэтому материалы следственного дела не могут служить источником при решении ряда спорных вопросов. Из последних работ о дуэли см. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 497—524;

Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М., 1964, с. 380—456; Латышев С., Мануйлов В. Как погиб Лермонтов. (Ответ И.Д. Кучерову и В.К. Степину.) — "Русская литература", 1966, № 2, с. 105—128; Иванова Т.А. Посмертная судьба поэта. М., 1967, с. 43—71.

- ²⁴⁷ Висковатый П.А., с. 427.
- ²⁴⁸ Васильчиков А.И. Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и о дуэли с Н.С. Мартыновым. Рукопись. 1871. Музей "Домик Лермонтова".
- ²⁴⁹ "Русский архив", 1889, т. 2, кн. 6, с. 320.
- ²⁵⁰ ИРЛИ, рукописный отдел, ф. 524, оп. 3, № 16, л. 65.
- ²⁵¹ Висковатый П.А., с. 430.
- ²⁵² "Нива", 1885, № 8, с. 186—187.
- ²⁵³ "Атеней", 1858, № 48, с. 304—305; также см.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 143.
- ²⁵⁴ Лорер Н.И., с. 261.
- ²⁵⁵ Литературное наследство. Т. 58. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 490; также см.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 357—358.
- ²⁵⁶ Висковатый П.А., с. 434—435.
- ²⁵⁷ ЦГВИА, ф. 62 генерала П. Х. Граббе, д. 25, с. 71.
- ²⁵⁸ Лорер Н.И., с. 262.
- ²⁵⁹ "Всемирный труд", 1870, № 10, с. 603.
- ²⁶⁰ "Художественный листок", 1862, № 7, приложение.
- ²⁶¹ В настоящее время сохранилось основание одного из этих памятников.
- ²⁶² Висковатый П.А., с. 419.
- ²⁶³ Копия этого акта находится также в обнаруженной С.И. Недумовым машинописной копии "Дела о поединке майора Мартынова и поручика Лермонтова" (ЦГАЛИ, ф. 276, оп. 1, ед. хр. 100). Кроме Д.И. Абрамовича (см.: Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. Под редакцией и с примечаниями Д.И. Абрамовича. Т. 5. СПб., 1913, с. 120); значительная часть акта осмотра места поединка опубликована в кн.: Иванов С.В. Лермонтов. М., 1938, с. 295. Полностью этот документ впервые был опубликован в кн.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Пензенское кн. изд-во, 1960, с. 303—304.
- ²⁶⁴ ИРЛИ, рукописный отдел, ф. 524, оп. 3, № 16, л. 31.
- ²⁶⁵ Определенное С.И. Недумовым место дуэли следует признать как предполагаемое и одно из возможных. Указанные в акте ориентиры дают возможность в наши дни установить только более точный район, где состоялась дуэль. Попытки нескольких исследователей установить по этим ориентирам точное место дуэли приводили к противоречивым заключениям. Материалы С.И. Недумова могут служить основой для дальнейшего изучения сложной проблемы. Это, в частности, подтверждают и авторитетные специалисты, считающие, что вопрос об определении места дуэли должен быть решен на основании имеющихся материалов и соображений, высказанных сотрудником музея "Домик Лермонтова" С.И. Недумовым. — См. М.Ю. Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставропольское кн. изд-во, 1960, с. 313—314.
- ²⁶⁶ Шан-Гирей Е.А. Мемуары. Рукопись. 1935. Музей "Домик Лермонтова".
- ²⁶⁷ Там же.

Приложения

- ¹ ПГА, ф. УКМВ, д. 25/67—1822—1827
- ² ПГА, ф. УКМВ, д. 196, 1841, с. 1—4. Рапорт полковника Чайковского от 28 июля 1841 г. № 652 на имя ген.-ад. Граббе.
- ³ ГАСК, ф. 63, д. 215, 1833.
- ⁴ Висковатый П.А., с. 263.
- ⁵ ГАСК, ф. 63, д. 41—1824.
- ⁶ ГАСК, ф. 63, д. 41—1824.
- ⁷ ГАСК, ф. 63, д. 342, с. 108—116.
- ⁸ Речь идет о 96000 рублях серебром, как будто занятых покойным Хастатовым у своей жены.
- ⁹ ГАСК, ф. 53, д. 149—1818.
- ¹⁰ ГАСК, ф. 63—1808, Под заглавием "По предписанию г. главнокомандующего в Грузии графа Гудовича об отводе отставному поручику Столыпину земли в Георгиевском уезде".
- ¹¹ ГАСК, ф. 63 Кавказского областного правления, д. 440—1835, с. 94.
- ¹² ПГА, ф. УКМВ, д. 82—1882 г. Опись и оценка недвижимого имущества, принадлежащего жене стат. советника Эмили Александровне Шан-Гирей, состоявшего в г. Пятигорске в первой части во II-м квартале по Дворянской ул., произведенная комиссией, назначенной по распоряжению Пятигорской городской управы для залога в Пятигорском городском общественном банке.
- ¹³ ГАСК, ф. 63, д. 219—1883.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск / Научная редакция, литературная обработка, редакционные примечания и предисловие П.Е. Селегея. — Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1974.

Елизавета Ивановна Яковкина

1884—1982

Елизавета Ивановна Яковкина — старейший журналист, лермонтовед. Родилась 7 марта 1884 года в городе Владикавказе Терской области. После смерти отца, умершего в 1890 году, мать вскоре выехала с маленькой дочерью к своим родителям в Пермскую губернию, Осинский уезд, село Рябки. Девочка училась в сельской школе, а с пятого класса в Пермской гимназии.

Еще будучи гимназисткой написала письмо в газету "Пермский край", описав сцену расправы рыночных торговек с голодным мальчишкой-татаринком, укравшим булочку. Это был дебют будущей журналистки.

Е.И. Яковкина окончила гимназию в 1903 году, затем они с матерью переехали сначала во Владикавказ, а вскоре в Пятигорск. В 1906 году Елизавета Ивановна поступила на Высшие женские курсы Герье в Москве, но из-за тяжелого материального положения с третьего курса ей пришлось уйти. Уже в гимназии она познала труд: средства на учение приходилось добывать частными уроками, а в Москве — репортерской работой в газете. В эти годы Е.И. Яковкина сотрудничала во владикавказском "Тереке", "Пятигорском листке", газете "Пятигорье". С 1906 года она состояла корреспондентом "Русского слова" (от Кавказских Минеральных Вод).

В Пятигорске она вышла замуж за В.И. Яковкина, редактора либеральной газеты "Пятигорское эхо", сотрудничала и в ней. В 1912 году, разойдясь с мужем, Елизавета Ивановна уехала в Армавир и стала работать секретарем газеты "Отклики Кавказа". Весной 1914 года Елизавету Ивановну арестовали за организацию побега и уничтожение переписки и документов матроса Лучко с мятежного броненосца "Потемкин". При обыске была установлена ее причастность к проведению "Дня рабочей печати" 22 апреля 1914 года. Яковкину посадили в армавирскую тюрьму, где она пробыла недолго. После освобождения она выехала с матерью и детьми в Швейцарию, где прожила четыре с половиной месяца. Здесь ее застала первая мировая война. Острый взгляд журналиста фиксировал все происходящее, и она отправляла репортаж в "Пятигорское эхо", где рассказала о происходивших в Европе событиях. Публиковалась под псевдонимами Е. Михайловский, Е. Михайловская.

Осенью Яковкиной пришлось вернуться в Россию, в Пятигорск, где она вновь начала работать в местной газете. Через год

обстоятельства побудили ее поступить на службу в Управление Кавказских Минеральных Вод. Здесь служила секретарем врачебно-технического комитета, затем заведующей справочно-издательским отделом. Но работы в газете не прекращала вплоть до 1919 года — до прихода в город Белой армии. После октября 1917 года была секретарем политкомиссара и Управления вод.

В 1918 году в Пятигорске стала выходить газета нового направления — "Известия Пятигорского Совдепа". Яковкина была сотрудником этой газеты и одновременно явилась организатором статистического подотдела при административном отделе Совдепа. Когда в город пришли денкинцы, ее вновь арестовали за содействие революционной власти.

1937 год стал поворотным в жизни Елизаветы Ивановны. Ее назначили директором пятигорского музея "Домик Лермонтова". Пробыла она на этом посту 14 лет. В музее пригодились ее опыт и таланты. За короткий срок скромный музей "Домик Лермонтова" стал одним из культурных центров Пятигорска. Будучи тонким знатоком человеческих душ, Яковкина сумела создать коллектив единомышленников, преданных музейному делу. Вместе с ними она сумела сохранить Домик в период немецкой оккупации. После окончания Великой Отечественной войны ей удалось осуществить давно задуманное. Музей расширил свои границы, к нему присоединили бывшую усадьбу Верзилиных, где в одном из домов открылся литературный отдел.

Елизавета Ивановна оставила свой пост в 1951 году. За годы ее руководства музей намного увеличил количество своих экспонатов, значительно расширилась его научная библиотека, была разработана система экскурсионной и лекционной работы, в этот период "Домик Лермонтова" интенсивно занимался издательской деятельностью. Помимо путеводителей, открыток, портретов поэта был издан "Временник", куда вошли лучшие научные работы музейных сотрудников.

В далеком 1938 году вышел в свет путеводитель "По лермонтовским местам", выдержавший несколько изданий. Статьи Елизаветы Ивановны публиковались в научных сборниках и периодической печати — журналистом она была до конца своих дней.

В 1962 году вышла в свет ее книга "Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах", где увлекательно рассказывается о многих, кого Яковкина знала или видела. Елизавете Ивановне исполнилось восемьдесят лет, когда она закончила свой основной писательский труд — книгу о "Домике Лермонтова" "Последний приют поэта", не потерявшую значения и сегодня.

Яковкина — один из авторов "Лермонтовской энциклопедии", изданной в 1981 году, незадолго до ее смерти. Некоторые ее рукописи до сих пор не изданы. Умерла Е.И. Яковкина в 1982 году.

А.Н. Коваленко

Краткая библиография

- Яковкина Е.И., Новиков А. Как был убит Лермонтов // Литературная газета, 1938. 15 октября.
Яковкина Е.И. По лермонтовским местам. — Пятигорск, 1946.
Яковкина Е.И. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. — Пятигорск, 1947.
Яковкина Е.И. Лермонтовские места. — Пятигорск, 1949.
Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. — Ставрополь, 1962.
Яковкина Е.И. Последний приют поэта. Домик М.Ю. Лермонтова. Изд-е 3. — Ставрополь, 1975.

О ней

- Агаханов Р.С. Старейший лермонтовед // Кавказская здравница, 1960. 19 июня.
Попов А.В. Радостная встреча // Кавказская здравница, 1962. 4 декабря.
Маркелов В.С. С блокнотом по жизни // Кавказская здравница, 1964. 5 мая.
Кипаренко А. Человек щедрой души // Кавказская здравница, 1969. 6 марта.
Сафарова С.Г., Павлова Н.Н. Дело их жизни // Кавказская здравница, 1972. 25 июля.
Прозорова Л.Е. Ее золотая роза // Кавказская здравница, 1974. 7 марта.
Коваленко А.Н. Век длиною в жизнь // Пятигорская правда, 1999. 6 марта.
Розенфельд Б.М. Хранитель памяти // Кавказская здравница, 1999. 6 марта.
Храмова О. Хранитель памяти // Пятигорская правда, 1999. 27 апреля.

Л.Н. Кочкарева

1975

Последний приют поэта

I

В 1909 году в Пятигорске умер Иван Чухнин, брат Кузьмы Чухнина, извозчика, который ночью 15 июля 1841 года привез убитого Лермонтова с места поединка на его квартиру.

В издававшейся в то время газете "Пятигорское эхо" смерти И. Чухнина было посвящено несколько строк. Короткая хроникерская заметка взбудоражила кое-кого из стариков, которые знали не только Ивана Чухнина, но и его брата Кузьму. Двое из них пришли в редакцию "поговорить".

Старики вспоминали братьев Чухниных, рассказывали о себе, и весь разговор с ними был бы ни к чему, если бы один из них не сказал, что "слыхать, жив тот парень, который строил дом, куда Кузьма привез убитого офицера". Только где сейчас он, старик не знал.

Редакция взволновалась. Было ясно, что речь шла о строителе "Домика" Лермонтова. Разыскать "парня"!

Этому "парню" было тогда, по-видимому, около ста лет. Стариков приблизительно такого возраста оказалось около десятка. Но ни один из них ничего не строил, кроме своих хат, и о Лермонтове ничего не слышал. Чухниных знали, а о Лермонтове "не приводилось слышать".

Разыскать человека, который строил, оказалось не так-то легко. Но в конце концов он все-таки нашелся. Жил старик в богадельне, известной старожилам Пятигорска под названием Зипаловской. Точно своего возраста дед не знал. Только ему "сказывали", что он родился "после замирения француза".

Автору этих строк старик рассказал следующее:

— Родился я в Ребровке. Когда отец переехал в Горячеводскую, не помню. Хата у нас была своя. У отца две пары быков. Извозом занимались: товары, ну и дома, которые разбирали в Егорьевске, в Марьинской, сюда доставляли, здесь их заново ставили. Помню Умана. Ему мы из Марьинской два дома свезли. Лес, то есть разобранные дома, возили Уману на самую в ту пору крайнюю улицу. Помню я это. Мне было годов 19, может, 20. Брат постарше меня был. Когда второй дом в Марьинской разбирали, брату плечо балкой зашибло. Кончали мы с отцом вдвоем. Один дом, который побольше, поставили на улицу, в один ряд с тем, в котором хозяин жил, только подальше. А поменьше хату срубили во дворе.

Богадельня помещалась в сохранившемся до наших дней здании на углу улиц, по современным названиям, Лермонтовской и Анджиевского.

Старик вышел из ворот богадельни и показал, куда были привезены дома из Марьинской. Несомненно, речь шла о теперешней Лермонтовской усадьбе. Указав на угловой дом, он сказал, что Уманов жил там.

Пока разыскивали старика, выяснилось, что живы две внучки Уманова: оставшаяся в девицах Лидия Ильинична и Екатерина Ильинична, в замужестве Рюмина. При встрече старушки оговорились, что они многое запомнили, однако семейные разговоры о том, как застраивалась их усадьба, хорошо помнят.

— Строил дед, как все тогда. Лесу здесь же нет, из чего было строить? — рассказывали внучки Уманова — Вот и лепили мазанки. А кто строил деревянный дом, так те волокли лес из Аст-

рахани на быках или же покупали такой дом в Георгиевске или в станице Марьинской на слом. Ну и вывозили балки, доски, рамы оконные, двери. Дед тоже купил в Марьинской два дома. Это как раз те, про которые вы спрашиваете. Дед дал усадьбу с этими домами своей младшей дочери в приданое. Рассказывают, что в тех домах жил поэт Лермонтов, которому потом поставили памятник в городе.

Слышали, что там жил Лермонтов, знали, что ему поставили памятник, видели этот памятник каждый день и все-таки удивлялись, почему интересуются каким-то невзрачным флигельком, когда есть дома гораздо комфортабельнее, даже на их усадьбах.

Кто же такой Уманов, который начал застройку Лермонтовской усадьбы?

Василий Тимофеевич Уманов, или Уман, как чаще его называли, состоял на гражданской службе на Кавказе. Выйдя в отставку в чине коллежского асессора, он поселился сначала в слободке, по соседству с Константиногорской крепостью, а потом стал одним из первых застройщиков поселения при горячих серных источниках будущего Пятигорска.

Значение минеральных источников у подножия горы Машук русское правительство оценило не сразу. Известен ответ Павла I на донесение кавказского начальства о необходимости устройства зарождающегося курорта: "Оставить предприятие сие впредь до удобного времени".

Только после смерти Павла I район Кавказских Минеральных Вод был признан заслуживающим внимания. Вышло постановление "О позволении частным жителям строить дома", причем первым застройщикам предоставлялся ряд льгот.

Уманов обратился в 1823 году в Строительную комиссию, ведавшую на молодом курорте всеми делами, с просьбой предоставить ему участок земли "для постройки деревянного дома на каменном фундаменте о пяти окнах".

Просьба коллежского асессора была удовлетворена: ему был выделен для застройки земельный участок — более 3000 квадратных метров — на краю поселения, у подошвы Машука.

Первый дом Уманову срубили тогда же, в 1823 году, (№ 8)¹ на углу теперешних улиц Лермонтовской и Карла Маркса. Позднее Уманов начал строить дома для дочерей. Так начал застраиваться квартал, в который входит теперешняя Лермонтовская усадьба. Эту усадьбу Уманов дал в приданое младшей дочери, выдав ее замуж за майора Василия Ивановича Чиляева. Это и была усадьба, получившая впоследствии всемирную известность.

Существовал ли в это время тот флигель, в котором в 1841 году жил Лермонтов?

Если верить рассказу богаделенского старика, то он был. Но на усадьбе стоял еще один флигель, там, где сейчас находится сарай. Именно поэтому хозяин называл "Домик Лермонтова" средним домом. Возможно, что из станицы Марьинской был привезен вместе с большим домом этот дальний флигель с сараем. В записях Чиляева о сдаваемых квартирах "средний дом", то есть "Домик", упоминается только с 1837 года. По-видимому, его до 1836 года просто не было и построил его уже сам Чиляев в 1835—1836 годах. Предположение это подтверждается тем, что

большой дом, в котором Чилиев с семьей занимал три комнаты, именовался "старым", по сравнению со "средним". Значит, построены они были не одновременно. Таким образом, рождение "Домика" можно отнести, предположительно, к 1835—1836 годам.

С 1837 года средний домик сдавался внаем в летнее время ежегодно.

Прожил бы флигелек свой век, как ряд его "собратьев", и никогда не заинтересовался бы им, если бы историю его не изменил случай.

14 мая 1841 года в стенах флигеля поселились два новых квартиранта.

Получив с этих квартирантов деньги, Чилиев достал свою "памятную" книгу и аккуратно записал: "С капитана Алексея Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова из С.-Петербурга получено за весь средний дом 100 рублей серебром".

Не подозревал Чилиев, что эта его запись станет историческим документом.

С 14 мая 1841 года и начинается история маленького лермонтовского домика. Он действительно был маленький: всего четыре небольшие комнаты. Две из них, выходящие окнами в сад, занял Лермонтов, и они получили название лермонтовской половины. Столыпин поселился в двух других, окна которых выходят во двор. Эта половина дома называлась столыпинской.

Собственно, у каждого было по одной комнате — спальне, так как одна из комнат на лермонтовской половине служила общей столовой, или, как тогда называли комнаты для приема гостей, — залом, где собирались все приходившие к Лермонтову товарищи. Вторая — столыпинская — комната называлась приемной, но никаких приемов в ней не производилось. Там большей частью находились слуги. От этой приемной была отделена легкой перегородкой буфетная и прихожая. Кухня находилась в подвальном помещении. Кушанья подавались в буфет со двора через маленькое оконце, нижняя часть которого приподнималась.

План домика был сделан 29 лет спустя после того, как в нем жил Лермонтов. Сделал его Петр Кузьмин Мартыанов² в 1870 году, когда еще был жив В.И. Чилиев.

"Наружность домика самая непривлекательная, — передавал свое впечатление Мартыанов, — одноэтажный, турлучный³, низенький, он походит на те постройки, которые возводят отставные солдаты в слободках при уездных городах. Главный фасад его выходит на двор и имеет три окна, но все три различной меры и вида. Самое крайнее с левой стороны фасада окно, вроде итальянского, имеет обыкновенную раму о 8 стеклах и по бокам полурамы, каждая с 4 стеклами, и две наружные ставни. Второе окно имеет одну раму о 8 стеклах и одну ставню. Наконец, третье — также в одну раму о 8 стеклах окно, но по размеру меньше второго на четверть аршина и снабжено двумя ставенками. Сбоку домика, с правой стороны, пристроены деревянные сени с небольшим о двух ступеньках крыльчком. Стены снаружи обмазаны глиной и выбелены известкой".

Флигель в эти годы был в самом деле далеко не привлекателен. Хозяин в последнее время болел, сдачей квартир почти не занимался. Флигель без хозяйского глаза превратился в ту "непривлекательную мазанку", которую в том же 1870 году сфотографировал первый в Пятигорске фотограф Ланге.

Да и желающих жить на краю города в то время, когда Пятигорск заросся и в нем появились "приличные" дома, не находилось. К тому же съезд лечащихся в 1870 году был невелик: всего 586 человек за весь летний период.

В сороковых же годах, когда в Пятигорске жил Лермонтов, город имел всего "десяток два прихотливо изрезанных в различ-

ных направлениях улиц, с двумя-тремя сотнями обывательских деревянных, большей частью одноэтажных, домиков".

Даже через 15 лет, в 1856 году, как удостоверяет добросовестнейший исследователь Кавказских Минеральных Вод Баталин, в Пятигорске удобных квартир было немного.

Такие флигеля, какой был у Чилиева, имелись при каждом доме. Они были или деревянные, или турлучные и предназначались для сдачи внаем в летнее время. Перед началом лечебного сезона их белили и снаружи и внутри. Несомненно, и флигель Чилиева был опрятен в то время, когда в нем поселились Лермонтов и Столыпин...

Вместе с хозяином обошел Мартыанов пустовавшие комнаты и сделал подробное их описание: "Общий вид квартиры далеко не представительен, — свидетельствовал он. — Низкие, приземистые комнаты, стены которых оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашенной домашними средствами: в приемной — мелом, в спальне — голубоватой, в кабинете — светло-серой, в зале искрасна-розовой клеевой краской. Потолки положены прямо на балки и выбелены мелом, полы окрашены желтой, а двери и окна синеватой масляной краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской работы и почти вся, за исключением ясеневоего ломберного стола и зеркала красного дерева, окрашена темной, под цвет дерева масляной краской. Стулья с высокими в переплет спинками и мягкими подушками, обитыми дешевым ситцем".

Такова обстановка "Домика" в 1870 году.

"Все в домике.., по удостоверению В.И. Чилиева, было сохранено им до 1870 года в том виде, как оно обреталось во время квартирования Лермонтова", — сообщил Мартыанов.

Но ведь Чилиев говорил ему, что у Лермонтова была солидная "для кавказца" обстановка. Где же она? Не создавали ли ее ковры, которые украшали тогда квартиры почти всех офицеров?

Существовал на Кавказе такой обычай: как только офицер устраивается на квартире, к нему является торговец коврами со своим товаром. Развешивает ковры по стенам, расстилает их на полу и делает это совершенно бесплатно, да при этом еще упрямится не стесняться и ходить по коврам как можно больше. Секрет заключался в том, что чем ниже на ковре ворс, тем он ценится дороже. Был у торговцев расчет и на то, что редко кто из временных обладателей ковров не купит хотя бы один из них.

Риска же, что кто-то может увезти вещь, не заплатив за нее, не было, так как по существовавшему на курорте правилам никто "из благородных особ" не мог уехать, не заплатив хотя бы пустячного долга.

Надо полагать, что "Домик" при Лермонтове был богато убран коврами и вместе с личными вещами поэта это и создавало впечатление солидной обстановки.

Много лет спустя Чилиев вспоминал, при каких обстоятельствах был снят Лермонтовым его флигель. 14 мая, на другой день по приезде в Пятигорск, Лермонтов и Столыпин явились в комендантское управление (в настоящее время на этом месте — школа № 15 по ул. Красноармейской) и подали рапорты, в которых, ссылаясь на болезни, просили разрешения остаться в Пятигорске на лечение. Комендант, полковник Ильяшенко, направил обоих офицеров на освидетельствование во врачебную комиссию при военном госпитале.

Профессор Висковатый, первый биограф Лермонтова, так описал связанные с этой формальностью хлопоты поэта: "Тотчас по приезде Лермонтов стал изыскивать средства получить разрешение остаться в Пятигорске. Он обратился к услужливому и "на все руки ловкому" Найтаки⁴, и тот привел к нему писаря из комендантского управления Карпова, который заведо-

вал полицейской частью (в управлении тогда сосредоточивались полицейские дела) и списками вновь прибывающих путешественников и больных... Он (Карпов. — Е.Я.) составил рапорт на имя пятигорского коменданта, в котором Лермонтов сказывался больным. Комендант Ильяшенко рапортовал об освидетельствовании Михаила Юрьевича в комиссии врачей при Пятигорском госпитале”.

Выполнив полагающиеся формальности, друзья заговорили о квартире.

Чиляев присутствовал при их приеме комендантом и, когда зашла речь о квартире, принял в разговор живейшее участие. Между прочим, он предложил посмотреть его флигель.

— Поедем посмотрим, — сказал Лермонтов.

”Осмотрев снаружи стоявший на дворе домик и обойдя комнаты, — вспоминал Чиляев, — Лермонтов остановился на балконе, выходявшем в садик, граничивший с садом Верзилиных, и погрузился в раздумье.

Между тем Столыпин обошел еще раз комнаты, сделал несколько замечаний насчет поправок и, осведомившись о цене квартиры, вышел также на балкон и спросил Михаила Юрьевича:

— Ну, что, Лермонтов, хорошо?

— Ничего, — небрежно отвечал поэт, будто недовольный нарушением его заветных дум, — здесь будет удобно... дай задаток! Столыпин вынул бумажник и заплатил все деньги за квартиру. Вечером в тот же день они переехали”.

Чиляев хорошо запомнил весь этот день.

Поэт был задумчив... В какие думы был погружен он, стоя на балконе чиляевского флигеля?

Приезд Лермонтова в Пятигорск в 1841 году был не первым. До этого поэт уже побывал в ссылке на Кавказе дважды. Когда царь ссылал сюда Лермонтова в 1837 году в первый раз за стихотворение ”Смерть поэта”, он надеялся, что ссылка образумит юношу с пылким воображением. Но поэт не оправдал надежд Николая.

**...я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.**

Эти строки из стихотворения Лермонтова ”Кинжал”, написанного им сразу по возвращении из первой ссылки в Петербург, являются как бы ответом царю.

Вторично Лермонтов был сослан на Кавказ в 1840 году за дуэль с сыном французского посланника в Петербурге — Барантом. Теперь царь ссылал уже зрелого поэта с твердыми убеждениями, непримиримого врага трона и аристократии, и лично назначил ему Тенгинский полк.

Советское лермонтоведение (С.А. Андреев-Кривич) расшифровало тайный смысл распоряжения Николая I о ссылке Лермонтова именно в Тенгинский полк. Это был смертный приговор поэту. Секрет этого распоряжения заключался в том, что Тенгинский полк, находившийся на Черноморском побережье, был в невероятно тяжелых условиях.

”Укрепления береговой линии от времени и действия беспрепятственных дождей пришли в полное разрушение... Не в лучшем состоянии находилось и вооружение”, — описывал положение Черноморских укреплений историк Тенгинского полка Ракович.

Выходить за валы укрепления было опасно, так как горцы все время вели наблюдение. ”Даже нередко могилы приходилось исторгать у варваров с оружием в руках и платить за них жизнью товарищей усопшего”, — писал корпусный командир Головин. В довершение этого лихорадка и цинга косили людей. Смертность доходила до 50 процентов. ”Случалось, что девять десятых числа солдат лежали больными”.

Да, царь хорошо знал положение Тенгинского полка!

Военные власти на Кавказе не поняли царского приказа, его тайного смысла, а может быть, зная положение Тенгинского полка, отнеслись к поэту бережнее царя и потому легко согласились на просьбу Лермонтова направить его в Чеченский отряд. После двух экспедиций в Чечню в 1840 году Лермонтов был дважды представлен к наградам. Эти награды поддерживали надежду на отставку, о чем поэт теперь настойчиво хлопотал. Но царь собственноручно вычеркнул имя Лермонтова из представленного кавказским военным начальством наградного списка.

Мало этого. Николай ”повелеть соизволил”, чтобы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку.

Значит, Лермонтов должен был испытать все тяготы, какие приходились на долю тенгинцев, и участвовать во всех боях, из которых, как свидетельствуют историки Тенгинского полка, возвращались немногие.

Царское указание и в 1841 году не было выполнено, оно запоздало: Лермонтов приехал в Ставрополь в мае, а царь сделал свое распоряжение в июне. На Кавказе же оно было получено после смерти поэта...

В Ставрополе военные власти вновь допустили ”оплошность”, назначив Лермонтова в действующий отряд в Дагестане.

Ожидая в Ставрополе назначения, Лермонтов пишет бабушке: ”Теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру” и добавляет: ”а оттуда постараюсь на воды”.

Поездки на Кавказские Минеральные Воды после экспедиций обычно разрешались офицерам. ”Им не запрещалось отлучаться с постов не только в ближайшие казачьи поселки, но даже и на минеральные воды, где шумно шла жизнь во время съезда посетителей”, — сообщали историки военных полков.

”Музыка, балы, собрания, гулянья по окрестностям, обеды в рощах Машука, пикники, все удовольствия, забавы и развлечения... делали пребывание на водах весьма приятным”, — писал корреспондент тифлисской газеты ”Кавказ”. ”Не удивительно поэтому, что молодежь наша стремилась на минеральные воды”, — добавляет другой свидетель жизни кавказских полков.

Лермонтов всячески оттягивал возвращение в отряд. Потому что поэт и решил захватить сначала в Пятигорск. О том, что он ”не намерен очень торопиться”, Лермонтов еще перед отъездом из Петербурга — в феврале 1841 года — заявлял в письме товарищу.

Перечитайте последние письма Лермонтова: основной их мотив — отставка. Вот письмо товарищу — А.И. Бибикову: ”Уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку...” Вот письмо бабушке из Москвы ”Жду с нетерпением письма от Вас с каким-нибудь известием”. Ей же из Ставрополя: ”Пожалуйста, оставайтесь в Петербурге: и для Вас и для меня будет лучше во всех отношениях”. ”Я все надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощенье и я могу выйти в отставку”.

10 мая Лермонтов пишет С.Н. Карамзиной из Ставрополя, что он отправляется в экспедицию со Столыпиным и просит пожелать ему легкого ранения. ”Это самое лучшее, что только можно мне пожелать”.

Легкое ранение, о котором на Кавказе мечтали многие военные, несомненно, было бы самым лучшим выходом для Лермонтова: оно могло дать ему право на отставку.

После гибели поэта многие вспоминали, что он в последние месяцы жизни часто говорил о скорой смерти, и удивлялись такой проницательности. Но ведь Лермонтов был слишком умен, чтобы не понимать свою обреченность, пока он в военном мундире.

...Стоя на балконе чиляевского флигеля, поэт, может быть, задумался именно об этом.

II

Пройдя освидетельствование врачебной комиссии при Пятигорском военном госпитале, Лермонтов и Столыпин приступили к лечению.

Лермонтов лечился усердно. Меньше чем за месяц — с конца мая по 15 июня — он принял 23 ванны. Так ли уж нужны были ему эти минеральные ванны? Вряд ли! Но он хотел как можно дольше задержаться в Пятигорске до получения ответа об отставке. А на каком основании можно продлить пребывание на курорте? Основание единственное: болезнь, необходимость принимать именно серные ванны.

Новость о приезде Лермонтова быстро разнеслась по Пятигорску. "Сезон в 1841 году был одним из самых блестящих", — вспоминал А.И. Арнольди.⁵ Съехалось тогда в Пятигорск до 1500 семей. Среди приезжих оказались знакомые Лермонтова и по Петербургу, и по тем полкам, в которых ему приходилось служить. Было несколько знакомых еще по первой ссылке, значившихся по формуляру "из государственных преступников". Это были декабристы. После каторги некоторых из них перевели в 1837 году на Кавказ рядовыми в разные полки. В 1841 году многим разрешили провести лечение на Кавказских Минеральных Водах.

Но Лермонтовым интересовались не только друзья и знакомые. Даже посторонние люди стремились если не познакомиться, то хотя бы посмотреть на автора "Героя нашего времени". Рассказывали, что, когда Лермонтов бывал на бульваре или у источников, "ему предшествовал шепот: "Лермонтов идет", и все сторонилось, все умолкало, все прислушивалось к каждому его слову, к каждому звуку его речи". В не меньшей степени интересовались поэтом и его враги, которых оказалось здесь тоже немало.

Двери лермонтовской квартиры были гостеприимно открыты для всех. Приходили друзья, приходили мало знакомые, а иногда и вовсе не знакомые люди. Всех встречал веселый, радужный хозяин.

Я рожден с душою пылкой,

Я люблю с друзьями быть, —

признавался поэт еще в юности.

"Летом 1841 года в Пятигорске собралось много молодежи, — вспоминал позднее бывший слуга Лермонтова Христофор Саникидзе. — Эта молодежь собиралась в квартире Лермонтова, где велись бесконечные споры и разговоры.

Сам Михаил Юрьевич был человек весьма веселого нрава, хотя в то же время не любил много говорить, а любил больше слушать... Иногда сквозь веселость у него проглядывала необыкновенная задумчивость. Во время появления у него такой задумчивости он не любил, чтобы его беспокоили и не любил, если в это время заходили к нему товарищи.

С прислугой поэт был очень добр, ласков, а своего старого камердинера любил как родного и часто слушался его советов".

Декабрист Н.И. Лорер вспоминал, что в "Домике" у Лермонтова он познакомился со многими людьми. "Число лиц, теснившихся вокруг поэта, было велико", — утверждал и Чилиев.

Вот что рассказывал он о жизни в "Домике" в течение двух месяцев 1841 года.

"Квартира у него со Столыпиным была общая, стол держали они дома и жили дружно".

"На обед готовилось четыре-пять блюд, по заказу Столыпина. Мороженое же, до которого Лермонтов был большой охотник, ягоды и фрукты подавались каждодневно. Вин, водок и закусок всегда имелся хороший запас. Обедало постоянно четыре-пять, а иногда и более приглашенных или случайно приходивших знакомых, преимущественно офицеров.

После обеда пили кофе, курили и балагурили на балкончике, а некоторые спускались в сад полежать на траве в тени акаций и сирени. Около 6 часов подавался чай, и затем все уходило. Вечер, по обыкновению, посвящался прогулкам, танцам, любезничанью с дамами или игре в карты".

Друг и родственник поэта, Алексей Аркадьевич Столыпин, был моложе Лермонтова, но рассудительнее его и уравновешеннее. По складу характера его можно назвать флегматиком, совершенно неспособным на резкие выходки, шалости, озорство. Потому-то бабушка Лермонтова, узнав, что Столыпин также едет на Кавказ, поручила ему опекать буйную голову внука. Только напрасно бабушка так надеялась на благоразумие своего племянника. Он во всем подчинялся обладавшему сильной волей Лермонтову. Так, Столыпин пытался уговорить Михаила Юрьевича не заезжать в Пятигорск, а отправиться прямо в отряд. А вышло, как хотел Лермонтов. И так было всегда.

Чилиев рассказывал Мартыанову, чем кончались благоразумные советы Столыпина.

"Ну, ты у меня, — отвечал ему обыкновенно Лермонтов, смеясь, — вторая бабушка. Боишься, чтобы я не замарал курточки!" Или: "Конечно, конечно, все это очень хорошо, но только скучно!"

Столыпин доводился Лермонтову дядей. Дружны они были еще с юнкерской школы, затем вместе служили в лейб-гвардии гусарском полку. Лермонтов посвятил Алексею Аркадьевичу шуточную поэму "Монго". С того времени и доныне к имени Алексея Аркадьевича Столыпина добавляется это прозвище.

Характеристика, которую дал Лермонтов в поэме своему дяде, вполне согласуется с теми отзывами о Монго, которыми полны воспоминания о нем современников.

Это был "совершеннейший красавец... Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца, — так писал Лонгинов, прекрасно знавший Столыпина. — Назвать "Монго" Столыпина — значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на услугу словом и делом... Вымолвить о нем худое слово не могло бы никому прийти в голову и принято было бы за нечто чудовищное".

У Столыпина "была неприятность по поводу одной дамы, которую он защитил от назойливости некоторых лиц". Сообщая этот факт, профессор Висковский не назвал имени "некоторых лиц" по цензурным условиям. Между тем было хорошо известно, что молодую особу преследовал царь.

Монго был секундантом Лермонтова на его дуэли с Барантом. Он в то время находился в отставке. Но после лермонтовской дуэли ему пришлось снова надеть военный мундир. Это наказание за участие в дуэли присудил Столыпину Николай I. Тогда же, в 1840 году, Столыпин уехал на Кавказ, служил там в Нижегородском полку, участвовал в Чеченской экспедиции. Возвращаясь теперь из отпуска после бесплодных хлопот о разрешении остаться в Петербурге, Монго попал вместе с Лермонтовым в Пятигорск.

Он-то и вел все хозяйство в "Домике". Слуг было четверо, из них двое крепостных. Один из этих крепостных — Андрей Соколов, камердинер Лермонтова, — вспоминался современниками почему-то стариком, хотя в 1841 году ему было всего 45 лет. Второй крепостной — Иван Вертюков — ухаживал за лошадьми: их у Лермонтова было две. Красавца скакуна — серого Черкеса он купил тотчас по приезде в Пятигорск. "Иногда по утрам Лермонтов уезжал на своем лихом Черкесе за город, — рассказывал Чилиев, — уезжал рано и большей частью вдвоем, не предупредив заблаговременно никого: встанет, велит оседлать лошадь и умчится один".

Кроме двух крепостных, было еще двое наемных слуг: повар и помощник камердинера.

По рассказам Чилиева, можно думать, что жизнь в "Домике" протекала тихо, спокойно, что обитатели флигеля интересовались только хорошим обедом, балагурили с товарищами и любезничали с дамами.

Все это было, но не это составляло содержание жизни "Домика".

Свидетельств о том, что говорилось в "Домике", не сохранилось, но что здесь горячо, свободно и смело обсуждались все вопросы, которые волновали тогда лучшие умы русского общества, — несомненно. И вряд ли где-нибудь в Пятигорске еще, кроме "Домика", царил та непринужденная обстановка, которая располагала к откровенности. Каких только разговоров и споров, чаще всего именно споров, не слышали стены "Домика"!

Известно, что Лермонтов не стеснялся высказывать свои взгляды ни в разговорах, ни в письмах. Искренний и правдивый, он никогда не кривил душой.

Случайный попутчик поэта в последней его поездке в Пятигорск, Петр Иванович Магденко, свидетельствовал, что "говорил Лермонтов и о вопросах, касавшихся общего положения дел в России. Об одном высокопоставленном лице я услышал от него тогда в первый раз в жизни моей такое жесткое мнение, что оно и теперь еще кажется мне преувеличенным".

Вспоминал и князь Васильчиков⁶, что Лермонтов обычно выражал свои чувства не только в стихах, "но и в ежедневных светских и товарищеских своих отношениях".

Художник Пален, участвовавший в Чеченской экспедиции в 1840 году, также рассказывал о смелых и резких "осуждениях" Лермонтовым "известных всем лиц".

Немецкий поэт Боденштедт читал письма поэта Глебову⁷. Он утверждал, что в письмах этих "были изречения, которые, сделавшись известны, могли бы иметь серьезные последствия".

Если Лермонтов не постеснялся в разговоре со случайным спутником высказать свое "жесткое мнение" о "высокопоставленном лице" — вполне вероятно, что речь шла о самом царе, — то надо думать, что в своей квартире, среди товарищей, особенно в разговоре с декабристами, он мог позволить себе суждения еще более откровенные, еще более "жесткие". Нам остается только строить догадки.

Кто же были собеседники поэта? С кем он мог говорить о судьбах России и ее народе, о философии Запада и Востока, о литературе?

Прежде всего, декабристы, сосланные в 1826 году на каторгу и переведенные в 1837 году на Кавказ. И по своим передовым взглядам, и по своей разносторонней образованности это были выдающиеся люди России того времени.

Наиболее близким Лермонтову и наиболее им уважаемым был декабрист Назимов.

Михаил Александрович Назимов, сосланный на поселение в Сибирь на 20 лет, в 1837 году вместе с другими товарищами попал на Кавказ и как рядовой назначен в Кабардинский егерский полк. Высокообразованный, отличавшийся высокими нравственными качествами, Назимов пользовался среди товарищей огромным уважением и влиянием.

"Не много людей встречал я с такими качествами, талантами и прекрасным сердцем, всегда готовым к добру, каким был Михаил Александрович", — говорил о Назимове его товарищ, декабрист Лорер.

Связанный по "Северному обществу" с Рылеевым, А.А. Бестужевым и другими декабристами, Назимов мог рассказывать собравшимся в "Домике" о тайном обществе, о его вождях. Вероятно, расспрашивали его и о казни пяти декабристов, кото-

рую ему пришлось наблюдать из окна камеры страшной Петропавловской крепости.

Как и Лермонтов, Назимов отличался широтой политических и литературных интересов. Вопросы, которых они касались в беседах, были самые разнообразные.

Споры между Лермонтовым и Назимовым возникали тогда, когда разговор касался современного положения России. Об этих несогласиях вспоминал позднее и сам Назимов.

"Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы (декабристы. — Е.Я.) от души сочувствовали, он глумился", — писал Назимов.

Декабристы, несомненно, сочувствовали созданию в 1837—1838 годах министерства по делам государственных крестьян и особого "Секретного комитета" по крестьянским делам, деятельность которого они восприняли как шаги для ликвидации крепостного права.

Еще одно распоряжение тех же лет — об издании в провинции первых газет — "Губернских ведомостей" — также должно было вызывать сочувствие декабристов.

Провинции впервые дана собственная пресса! Передовой русской интеллигенцией это было воспринято как отрадное явление (в 1838 году "Губернские ведомости" стали издаваться в 42 губерниях). У Лермонтова же эти "распоряжения правительства" вызывали только "глумление" и "насмешки". А разве он не был прав? "Секретный комитет" далее обсуждения проектов не пошел, а задачей "Губернских ведомостей" было формирование общественного мнения провинции в духе, нужном правительству.

Как ни душило правительство Николая прогрессивную мысль, она пробивалась наружу в разных формах. Ряд либеральных уступок, воспринятых декабристами как "благостные" перемены в судьбах России, оказался для правительства неизбежным. Но Лермонтов знал цену этим уступкам. Его собственная судьба служила иллюстрацией действительному положению вещей.

Если в спорах с Назимовым, которого Лермонтов глубоко уважал, он ограничивался шутками и насмешками, то с товарищами противоположного настроения поэт мог быть очень резок.

"Я должен был показаться ему мягким добряком, ежели он заметил мое душевное спокойствие и забвение всех зол, мною претерпенных", — вспоминал декабрист Николай Иванович Лорер.

Несмотря на 11-летнюю каторгу и 5-летнюю службу рядовым на Кавказе, Лорер не утратил присущего ему оптимизма. Этим же летом, произведенный в прапорщики, он был в особенно благодушном настроении.

"Одним шагом я приблизился к свободе", — радостно повествовал он.

Такого "забвения зол" Лермонтов не мог понять. Его боевой, страстной, протестующей против всякого насилия натуре смирение было чуждо. Оптимист Лорер подвергался, конечно, резким его нападкам и насмешкам, Лорер уходил из "Домика" несколько обиженный и все-таки продолжал бывать там ежедневно. Лорер знал множество анекдотов, мастерски их рассказывал и часто каким-нибудь остроумным словом разряжал слишком накалившуюся от горячих споров атмосферу.

Два брата Беляевых, оба декабристы, также часто приходили в "Домик". Со старшим из них — Александром Петровичем — споры были неизбежны. Александр Беляев доказывал, что крепостное право, — а о нем, вероятно, было особенно много разговоров в "Домике", — можно уничтожить "на религиозных началах". Лермонтов же мог только смеяться над идилической картиной падения рабства от евангельской проповеди. Впрочем, с А.П. Беляевым были не только споры. Ведь он хорошо знал

Александра Ивановича Одоевского, с которым Лермонтов познакомился и подружился на Кавказе в 1837 году. Памяти Одоевского Михаил Юрьевич посвятил чудесное стихотворение:

**Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнания
Делили дружно...**

(“Памяти А.И. Одоевского”, 1839 г.).

Эти первые строки стихотворения приоткрывают душевное состояние Лермонтова во время первой ссылки: она была для поэта далеко не веселым путешествием по Кавказу.

Александр Беляев часто вспоминал об Одоевском, читал его стихи: он знал много таких, которые никогда не увидели света. К разговорам об Одоевском присоединился Лорер, он тоже хорошо знал Александра Ивановича.

А сколько еще интересных людей бывало в “Домике”? Вот Александр Николаевич Креницын. Прапорщик 18-го егерского полка, он был разжалован в рядовые за организацию бунта в Пажеском корпусе. На Кавказе Креницын близко сошелся с А.А. Бестужевым. После его смерти Александр Николаевич бережно собрал портреты декабристов, присланные А.А. Бестужеву из Читинского острога братом Николаем. Старший из братьев Бестужевых, Николай, в течение многих лет рисовал в Сибири портреты участников заговора. Креницын переслал портреты младшему Бестужеву, Павлу, в Петербург.

Об этих портретах, об авторе их, о всей семье Бестужевых, из которой вышли четыре брата-декабриста, а главным образом об Александре Александровиче Бестужеве-Марлинском, несомненно, было много разговоров в “Домике”, когда приходил Креницын.

Не так часто, как другие декабристы, бывал в “Домике” Александр Иванович Черкасов. Это был неутомимый собиратель фольклора, его живые рассказы о народном творчестве собеседники слушали с увлечением.

Бывал здесь и декабрист А.И. Вегелин. Его в “Домике” прозвали диктатором за нетерпимость к возражениям, слишком серьезный и важный вид. Молодежь, а ведь Лермонтов и многие его товарищи были еще так молоды, во всем находила повод для шуток.

Прозвища обычно придумывал Лермонтов.

“Всех окрестит по-своему”, — вспоминал один из постоянных посетителей “Домика” Николай Павлович Раевский, поручик Тенгинского полка, очень любивший Михаила Юрьевича и впоследствии очень тепло вспоминавший о нем.

А какие живые, интересные беседы завязывались в “Домике”, когда туда приходили командир Нижегородского полка полковник С.Д. Безобразов и художник Г.Г. Гагарин, известный своими прекрасными кавказскими рисунками.

Оба они совсем недавно участвовали в знаменитой в истории Кавказской войны Черкейской экспедиции. Аул Черкей в Дагестане считался неприступным. Шамиль будто бы уверял жителей аула, что они могут спать совершенно спокойно, так как Черкея русским никогда не взять. Овладеть этим аулом было действительно трудно. В 1841 году аул был все же взят.

За эту экспедицию полковник Сергей Дмитриевич Безобразов был представлен к производству в генералы. Очень простой, никогда не дававший почувствовать разницу в чинах, Сергей Дмитриевич оставался среди товарищей таким же живым собеседником, каким был всегда.

Для Лермонтова рассказы Безобразова и рисунки Гагарина были особенно интересны: ведь он хорошо знал характер экспедиций и обстановку в горах.

Гагарин прожил в Пятигорске только до 20 июня и ежедневно бывал в “Домике”. С Лермонтовым и Трубецким занимался он еще в Петербурге живописью. Среди совместных рисунков Гага-

рина и Лермонтова есть акварель “Валерик”. Сделана она в 1840 году в Кисловодске по рассказам об этом бое Лермонтова, только что вернувшегося из похода.

Искренний и благородный, Гагарин пришелся по душе поэту. Лермонтов и живописью начал заниматься серьезно только после знакомства с Гагариным. Европейски образованный художник мог рассказать много интересного.

Но если в “Домике” появлялся Руфим Иванович Дорохов, то все “перевертывалось вверх дном”. Бесшабашная голова, весельчак, остряк, вспыльчивый до бешенства, страстный игрок в карты — Дорохов был всеобщим любимцем.

Сын героя Отечественной войны 1812 года, знаменитого партизана, генерала Ивана Семеновича Дорохова, Руфим Иванович был очень популярен на Кавказе. О его храбрости создавались легенды. Дважды Дорохова разжаловали в рядовые, и каждый раз исключительными подвигами он добивался освобождения “из-под серой шинели”. Ему-то было о чем рассказывать в “Домике”. В 1840 году Дорохов и Лермонтов участвовали в экспедиции против горцев. Дорохов командовал отрядом охотников и, будучи раненным, передал командование Лермонтову.

“...Я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, — писал Лермонтов своему другу А.А. Лопухину, — отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут”.

Кипучая жизнь “Домика” изображалась в карикатурах в особом альбоме. Рисовали тогда все, и альбом каждый день пополнялся новыми рисунками. Чаще других изображался Николай Соломонович Мартынов.

Мартынов был в отставке в чине майора. В Пятигорск приехал в конце апреля “для пользования водами”. Жил он по соседству, в угловом доме Верзилина (ныне № 2 на углу улиц Лермонтовской и Анджиевского).

Бесхитростную, но точную характеристику Мартынову дала родственница Лермонтова — Катенька Быховец:

“Этот Мартынов глуп ужасно, все над ним смеялись; он ужасно самолюбив... всегда ходил в черкеске и с кинжалом”.

Манера одеваться, непомерной величины кинжал Мартынова, напыщенность, любовь к позе — все это давало благодатный материал для товарищеских шуток и карикатур.

А.И. Арнольди, племянник декабриста Лорера, вспоминал такой случай. Зашел как-то к Лермонтову в “Домик”, а заходил он часто, так как жил по соседству, и услышал смех Лермонтова и Трубецкого. Они рассматривали альбом с карикатурами.

Трубецкой хотел закрыть альбом, но Лермонтов сказал:

— Ну, этот ничего!..

И они показали Арнольди “целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертили и раскрасили”.

— Это была целая история в лицах, — вспоминал Арнольди. — Мартынов был изображен в самом смешном виде.

Частым посетителем “Домика” был Лев Сергеевич Пушкин. Живой, остроумный, он вносил в “Домик” суету, шум. Беспредельно любивший своего брата Александра Сергеевича, он любил говорить о нем и читать товарищам его произведения. Но был он и страстный картежник.

В большом доме Чилиева, выходящем на улицу, жили знакомые Лермонтова по Петербургу — Александр Илларионович Васильчиков и Сергей Васильевич Трубецкой.

Князь Трубецкой, сын героя Отечественной войны 1812 года, в 1840 году перешел в Кавказский корпус. Вместе с Лермонтовым участвовал в Чеченской экспедиции, был ранен и, как

и Лермонтов, представлен к награде. Но его имя царь также вычеркнул из наградного списка.

Насколько Трубецкой не пользовался расположением Николая I, можно судить по такому факту: в феврале 1841 года он приехал в Петербург в кратковременный отпуск для свидания с умирающим отцом. Царь лично наложил на Сергея Трубецкого домашний арест, а в ответ на просьбу о продлении отпуска приказал немедленно вернуться на Кавказ.

Летом 1841 года Трубецкой приехал в Пятигорск без разрешения, рискуя навлечь на себя большую неприятность по службе. Отлучаться из полка без разрешения начальства строжайше запрещалось. Но в характере Трубецкого была страсть к риску.

Князь Александр Илларионович Васильчиков был сыном того государственного деятеля, который 14 декабря 1825 года оказал царю услугу, посоветовав применить против восставших картечь. За этот ли дружеский совет или за какие-то другие заслуги Николай I, как утверждают историки, чтит старика Васильчикова, как никого другого.

Александр Илларионович по окончании юридического факультета был в 1840 году с комиссией сенатора Гана в Закавказье.

После отозвания Гана в Петербург Васильчиков получил отпуск и, свободный от служебных обязанностей, по пути из Тифлиса в Петербург заехал на Кавказские Минеральные Воды. Оказавшись соседями Лермонтова, Трубецкой и Васильчиков участвовали во всех затеях поэта.

III

Что случилось? Почему комендант предписывает ему, Лермонтову, а также Столыпину покинуть этот милый городок, когда сам разрешил остаться здесь для лечения?

В комендантуре друзьям дали прочитать полученное из Ставрополя распоряжение:

“Не видя из представленных вами при рапортах от 24 мая сего года за №№ 805 и 806 свидетельств за №№ 360 и 361, чтобы Нижегородского драгунского полка капитану Столыпину и Тенгинского пехотного поручику Лермонтову, прибывшим в Пятигорск, необходимо было пользоваться кавказскими минеральными водами, и напротив, усматривая, что болезнь их может быть излечена и другими средствами, я покорно прошу ваше высокоблагородие немедленно, с получением сего, отправить обоих по назначению, или же в Георгиевский военный госпиталь, по уважению, что Пятигорский госпиталь и без того уже наполнен больными офицерами, которым действительно необходимо употребление минеральных вод и которые пользуются этим правом по разрешению, данному от высшего начальства”.

Распоряжение от 8-го июня подписал начальник штаба полковник Траскин.

Лермонтов и не подумал подчиниться этому предписанию. 18 июня он подает коменданту новый рапорт с приложением нового медицинского свидетельства, которое выдал врач Пятигорского военного госпиталя, добрейший Барклай де Толли: “Поручик Михаил Юрьев, сын Лермонтов, одержим золотухой и цинготным худосочием, сопровождаемым припухлостью и болью десен, также изъязвлением языка и ломотою ног, от каких болезней г. Лермонтов, приступив к лечению минеральными ваннами, принял более 20 горячих серных ванн, но для облегчения страданий необходимо поручику Лермонтову продолжать пользование минеральными водами в течение целого лета 1841 года. Остановленное употребление вод и следование в путь может навлечь самые пагубные следствия для его здоровья”.

Лермонтов просит коменданта ходатайствовать перед полковником Траскиным о разрешении остаться в Пятигорске до “совершенного излечения и окончания курса вод”.

Начальник штаба разрешил Лермонтову “остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения”. Лермонтов об этом распоряжении узнать не успел.

Капитан Столыпин тоже, оказывается, “тяжело болен и никак не должен прерывать лечения”. Он также подал коменданту рапорт с приложением медицинского свидетельства.

А в “Домике” жизнь текла своим чередом.

Общительный, жизнерадостный Лермонтов был душой общества — вспоминали многие свидетели последних дней жизни поэта. Неистощим на шутки, шалости, всякие выдумки.

Декабрист Лорер вспоминал, что после военной экспедиции в Пятигорск нахлынули гвардейские офицеры и “общество еще более оживилось. Стали давать танцевальные вечера, устраивали пикники, кавалькады, прогулки в горы”.

Когда был затеян по подписке бал в гроте Дианы, приготовления велись в квартире поэта. Во что превратился тогда “Домик”? Все комнаты были завалены разноцветной бумагой, из которой клеились фонарики. Их клеили все приходившие к поэту и наготовили более двух тысяч. Об этом бале сохранилось много воспоминаний, и все упоминали об этих фонариках, которыми был украшен грот и прилегающая к нему аллея.

Устройство бала было затеяно по почину Лермонтова. Ему и пришлось больше всех хлопотать.

Сохранились рассказы о том, что бал этот был задуман в пику князю Голицыну, обычно игравшему главную роль в устройстве развлечений. На этот раз князя обошли. Рассказывали, что Голицын пренебрежительно отозвался о местном обществе, бросив фразу: “Здесь дикарей учить надо”. Лермонтова, привыкшего уважать людей не за мундир и происхождение, это обидело. Придя домой, он рассказал об этом находившимся в “Домике” товарищам.

— Господа! — добавил он. — На что нам непременно главенство князя на наших пикниках? Не хочет он быть у нас — и не надо. Мы и без него сумеем справиться.

Князь Владимир Сергеевич Голицын командовал на Кавказе кавалерией. Летом 1841 года лечился в Пятигорске. Музыкант, автор нескольких водевилей, весельчак, он любил устраивать разного рода развлечения. Это он устроил помост над Провалом (тоннеля тогда еще не было), на котором “без страха танцевали в шесть пар кадрили” при свете факелов.

До размолвки с Лермонтовым Голицын часто бывал в “Домике”.

В карты, по словам Чилиева, в “Домике” играли редко. По его наблюдениям, Лермонтов вообще играл не часто.⁸ Но об одном вечере, когда игра была в квартире Лермонтова и Чилиев был там, он даже сделал запись:

“Весь лермонтовский кружок, несколько товарищей кавказцев и два-три петербургских туза собрались в один из прелестных июньских вечеров и от нечего делать метнули банчишко... Я не играл, но следил за игрою. Метали банк по желанию: если банк разбирали или срывали, банкомет оставлял свое место и садился другой. Игра шла оживленная, но небольшая, ставились рубли и десятки, сотни редко. Лермонтов понтировал. Весьма хладнокровно ставил он понтерки, гнул и загибал: “на пе”, “углы” и “транспорты” и примазывал “куши”. При проигрыше бросал карты и отходил. Потом, по прошествии некоторого времени, опять подходил к столу и опять ставил. Но ему вообще в этот вечер не везло. Около полуночи банк метал подполковник Лев Сергеевич Пушкин, младший брат поэта А.С. Пушкина, бывший в то время на водах. Проиграв ему нес-

колько ставок, Лермонтов вышел на балкон, где сидели в то время не игравшие в карты князь Владимир Сергеевич Голицын, с которым поэт еще не расхотелся в то время, князь Сергей Васильевич Трубецкой, Сергей Дмитриевич Безобразов, доктор Барклай де Толли, Глебов и др., перекинулся с ними несколькими словами, закурил трубку и, подойдя к Столыпину, сказал ему: "Достань, пожалуйста, из шкатулки старый бумажник!" Столыпин подал. Лермонтов взял новую колоду карт, стасовал и, выбросив одну, накрыл ее бумажником и с увлечением продекламировал:

**В игре, как лев, силен
Наш Пушкин Лев,
Бьет короля бубен,
Бьет даму трэф.
Но пусть всех королей
И дам он бьет:
"Ва-банк!" — и туз червей
Мой — банк сорвет!**

Все маленькое общество, бывшее в тот вечер у Лермонтова, заинтересовалось ставкой и окружило стол. Возгласы умолкли, все с напряженным вниманием следили и ждали выхода туза. Банкомет медленно и неуверенно метал. Лермонтов курил трубку и пускал большие клубы дыма. Наконец, возглас "бита!" разрешил состязание в пользу Пушкина. Лермонтов махнул рукой и, засмеявшись, сказал: "Ну, так я, значит, в дуэли счастлив!" Несколько мгновений продолжалось молчание, никто не нашелся сказать двух слов по поводу легкомысленной коварности червонного туза, только Мартынов, обратившись к Пушкину и ударив его по плечу, воскликнул: "Счастливчик!"

Между тем Михаил Юрьевич, сняв с карты бумажник, спросил банкмета: "Сколько в банке?" — и, пока тот подсчитывал банк, он стал отпирать бумажник. Это был старый сафьянный, коричневого цвета бумажник, с серебряным в полуполтинник замком, с нарезанным на нем циферблатом из десяти цифр, на одну из которых, по желанию, замок запирается. Повернув раза два-три механизм замка и видя, что он не отпирается, Лермонтов с досадой вырвал клапан, на котором держался запертый в замке стержень, вынул деньги, швырнул бумажник под диван⁹ и, поручив Столыпину рассчитаться с банкметом, вышел к гостям, не игравшим в карты, на балкон. Игра еще некоторое время продолжалась, но как-то неохотно и вяло и скоро прекратилась совсем. Стали накрывать стол. Лермонтов, как ни в чем не бывало, был весел, переходил от одной группы гостей к другой, шутил, смеялся и острил. Подойдя к Глебову, сидевшему в кабинете в раздумье, он сказал:

**Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,¹⁰
Христа ради,
Не женись!**

Глебов Михаил Павлович, или, как его ласково звали товарищи, Мишка Глебов, розовый красавец, поручик конной гвардии, поехал на Кавказ в числе гвардейских охотников. С Лермонтовым сблизился в 1840 году, во время экспедиции. В бою при Валерике был ранен в руку. Летом 1841 года лечился в Пятигорске. В "Домике" был свой человек, жил рядом, в одном доме с Мартыновым. К Лермонтову был нежно привязан. Поэт платил ему искренним, теплым чувством.

Как ни насыщена была жизнь в "Домике" серьезными беседами, спорами, разного рода развлечениями, Лермонтов находил время для чтения и много работал.

Лермонтов привез "множество книг". В своем письме он просил бабушку прислать ему еще книги, в том числе собрание сочинений Жуковского и "полного Шекспира по-английски".

Видеть поэта за работой удавалось немногим. Он любил писать рано, когда никто из товарищей еще не приходил и Столыпин не выходил из спальни. Днем Михаил Юрьевич писал только изредка.

"Писал он больше по ночам или рано утром, — рассказывал Мартынову Христофор Саникидзе. — Писал он всегда в кабинете, но случалось, и за чаем на балконе, где проводил иногда целые часы, слушая пение птичек".

Все бывавшие в "Домике" знали, конечно, что Лермонтов пишет, но не все считали это серьезным занятием, работой. Потому-то и вспоминали поэта главным образом как участника развлечений, выдумщика на шалости и шутки, рисовальщика карикатур. Говорил же, например, Арнольди, что тогда все писали, и что писали не хуже Лермонтова, и что никто этому не придавал значения, причем говорил в 1884 году, когда Лермонтов уже давно был признан гениальным поэтом, когда в Петербурге был открыт музей его имени.

Арнольди даже назвал Висковатому Лермонтова поэтом неважным. "...Я видел не раз, как он писал, — рассказывал Арнольди Висковатому. — Сидит, сидит, изгрызет множество карандашей или перьев и напишет несколько строк. Ну, разве это поэт?.."

Эмилия Александровна Шан-Гирей тоже сознавалась, что она не видела в Лермонтове ничего особенного, хотя позднее она утверждала, что "творениями Лермонтова всегда восхищалась".

Вот и Васильчиков говорил Висковатому: "Для всех нас он был офицер — товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры".

А литературным планам поэта, его мечте — основать журнал, товарищи просто не придавали серьезного значения. В разговоре с Висковатым В. Соллогуб, например, откровенно сознался, что планы эти он считал "фантазиями".

После Лермонтова остались в "Домике" семь "собственных сочинений покойного на разных лоскуточках бумаги", как записано в описи его вещей. Эти сочинения утрачены безвозвратно. Но поэт писал, по счастью, не только на "лоскуточках бумаги". Он привез с собой альбом в коричневом переплете, подаренный ему В.Ф. Одоевским с такой надписью: "Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. Кн. В. Одоевский, 1841 г. Апреля 13, СПб".

Альбом был солидный — в 254 листа, в мягком переплете. На 26 листах написаны до приезда в Пятигорск: "Утес", "Сон", "Спор" и в "Домике": "Они любили друг друга", "Тамара", "Свидание", "Листок", "Нет, не тебя так пылко я люблю", "Выхожу один я на дорогу", "Морская царевна", "Пророк".

Под каким настроением был написан "Листок"? Комментаторы произведений Лермонтова замечали, что образ листка, символ изгнанника, был распространен в поэзии XIX века. Как будто только потому и появилось это стихотворение... Да ведь в этом листке, оторванном от ветки родимой, образ самого поэта. Это он, Лермонтов, был неожиданно вырван из Петербурга, где, как свидетельствуют многие его современники, он был любим и балован в кругу близких, где его ценили и понимали.

Какие у него были думы, когда он шагал из угла в угол по своему кабинету в "Домике"?

Можно только догадываться, с каким настроением вышел он поздним вечером из ворот усадьбы и шел по дороге вокруг Машука. Какое несоответствие было в этой тихой лунной ночи, голубом сиянье звезд, аромате трав, стрекоте бесчисленных цикад — с тем тревожным состоянием духа, которое вызывал в нем враждебный мир.

Не вспомнились ли поэту его собственные строчки из "Валерика":
...Жалкий человек.

**Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?**

Быть может, в такую ночь и родились стихи "Выхожу один я на дорогу". Лермонтов записал это стихотворение на 22-й странице альбома:

**1
Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.**

**2
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?**

**3
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!**

**4
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.**

**5
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.**

Это стихотворение сразу, уже в 40-х годах 19-го столетия, вошло в народную поэзию. Именно как народная песня, без упоминания автора, стихотворение исполнялось в столичных гостиных и на деревенских посиделках, у монастырских стен и в тюремных камерах, мастеровыми у станка и слепцами на базарных площадях.

Его и сейчас, как народную песню, поют и заслуженные артисты в концертах и колхозная молодежь на гуляньях.

И где бы, кто бы его ни пел — оно всегда волнует до слез.

Нет, кажется, большей печали, чем та, что кроется в строках:

**Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть...**

Но вот дальше поэт говорит, что он не хочет холодного сна могилы, он желал бы, чтобы в нем сохранились "жизни силы", — и то острое чувство жалости, которое только что вызывало слезы, растворяется, уходит... остается светлая грусть.

Каким надо быть великим мастером, чтобы так волновать человеческие сердца!

А разве не знаменательно, что строки именно этого стихотворения, в которых так полно, с такой художественной силой выражено чувство слияния с природой, вспомнил во время своего космического полета советский космонавт Герман Титов.

Если бы только одно это стихотворение было написано в "Домике", то и тогда стены его были бы священны. Но здесь же,

в этих стенах, написаны еще и другие произведения — свидетельство кипучей деятельности гения.

Вся внутренняя жизнь Лермонтова, наполненная думами о судьбах родины, о призвании поэта и его трудных путях, страстным стремлением к деятельности, отразилась в последних сочинениях поэта, написанных в "Домике".

Художественную ценность этих последних стихов Лермонтова с изумительным мастерством определил Белинский: "...тут было все — и самобытная живая мысль, одушевлявшая обаятельно-прекрасную форму, как теплая кровь одушевляет молодой организм и ярким свежим румянцем проступает на ланитах юной красоты; тут была и какая-то мощь, горделиво владевшая собой и свободно подчинявшая идее свои порывы свои; тут была и эта оригинальность, которая в простоте и естественности открывает собою новые, дотоле неведомые миры, и которая есть достояние одних гениев; тут было много чего-то столь индивидуального, столь тесно связанного с личностью творца... Тут нет лишнего слова, не только лишней страницы; все на месте, все необходимо, потому что все пережито, прежде чем сказано, все видно, прежде чем положено на картину..."

Последнее свое стихотворение Лермонтов назвал "Пророк":

**С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.**

**Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья;
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.**

**Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;**

**Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.**

**Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:**

**"Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!**

**Смотрите ж, дети, на него;
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!"**

Когда, в какие дни и часы написано это стихотворение? Вначале запись сделана карандашом, как раздумье, как доверенные бумаге мысли. Потом оно переписано чернилами. Может быть, это было уже в последние дни перед дуэлью? Ведь после этого поэт больше ничего не написал... В альбоме Одоевского остались чистыми 454 страницы!

"Пророк" — итог недолгой жизни Лермонтова и совсем краткой его литературной деятельности.

**Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею мойей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей, —**

завещал Пушкин.

Следуя этому завету, 22-летний Лермонтов начал поэтическое поприще обличением великосветских убийц своего великого учителя.

Стихотворение "Смерть поэта" прозвучало по всей России, как "колокол на башне вечевой". "Чересчур вольнодумное", по мнению даже некоторых расположенных к поэту лиц, оно зажигало сердца людей гневом и ненавистью к "палачам свободы".

За смелое выступление Лермонтов поплатился ссылкой. Своего оружия поэт, однако, не сложил. И не только не сложил, а беспрерывно оттачивал его. И вот итог — новые ссылки... смертный приговор.

Лермонтов трезво оценивал действительность, но изменять своего трудного пути не собирался. Почти перед самой дуэлью он говорил о задуманных больших работах.

За несколько дней до дуэли в "Домик" зашел товарищ поэта по пансиону и Московскому университету — Николай Федорович Туровский.

"...Увлеченные живою беседой, мы переносились в студенческие годы, — записал в своем дневнике Туровский. — Вспоминали прошедшее, разгадывали будущее... Он высказывал мне свои надежды скоро покинуть скучный юг".

А как горячо беседовал поэт с профессором Дядьковским об английском материалисте Бэконе, о Байроне.

Кто бы из товарищей, постоянно бывавших в "Домике", поведал, что Мишель, всегда такой веселый, добрый, ласковый, часто насмешливый, способный прямо-таки на детские шалости, живет такой сложной внутренней жизнью? Что ему и больно, и трудно? Ну, а если он так сказал, значит, так и было: он никогда не лгал ни в жизни, ни в искусстве. Только чувства свои и настроения поэт глубоко прятал даже от дружески расположенных к нему лиц. Лишь случайно подсмотрел "чрезвычайно мрачное" лицо поэта один из кавказских его знакомых, встретив на улице Пятигорска незадолго до дуэли.

На Кавказе, так им любимом и так прославленном, Лермонтову, в условиях ненавистной военщины, нечего было ждать. Поэт понимал это и все-таки не переставал надеяться.

В последнем письме, написанном в "Домике" за две недели до поединка, Лермонтов писал бабушке: "То, что Вы мне пишете о словах г(рафа) Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?"

Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам".

Может быть, и хорошо, что поэт не знал последнего распоряжения царя, ведь оно обрекало его на неизбежную гибель.

IV

Некоторые свидетели последних дней жизни поэта уверяли, что Верзилины устроили для Лермонтова и Столыпина прощальный вечер: друзья перебирались в Железноводск. Там для них уже была приготовлена квартира и взяты билеты на ванны.

Впрочем, дата 13 июля вошла в историю не тем, что это был прощальный или обычный у Верзилиных вечер.

Падчерица генерала Верзилина, Эмилия Александровна, впоследствии вышедшая замуж за троюродного брата Лермонтова — Акима Павловича Шан-Гирея, сохранила в памяти все подробности этого вечера. Да и можно ли было забыть то, что явилось прелюдией к трагическому концу поэта?

Эмилии Александровне приходилось несколько раз выступать в печати с рассказом об этом вечере. А сколько раз она рассказывала о нем в той самой комнате, где все происходило! Сидела она на том же диване, на котором сидела с Лермонтовым.

Вот ее рассказ:

"13 июля собралось к нам несколько девиц и мужчин и порешили не ехать в собрание, а провести вечер дома, находя это приятнее и веселее. Я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что и в этот вечер он продолжал свои поддразнивания. Тогда, переменяя тон насмешки, он сказал мне: "Mlle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie"¹¹. "Ну уж так и быть, в последний раз, пойдете".

М.Ю. дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л.С. Пушкин, который также отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык а qui mieux mieux¹². Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его montagnard au grand poignard¹³. (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово poignard раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закурил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: "Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах", и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание: язык мой враг мой, М.Ю. отвечал спокойно: Ce n'est rien; demain nous serons bons amis.¹⁴

Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали мне, что, когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: "Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?" Мартынов ответил решительно "да", и тут же назначили день".

Тогда ли, у порога верзилинского дома, был назначен день дуэли, или о нем договорились секунданты позднее — неизвестно. Дуэль неизбежна, вот что поняли все в кружке Лермонтова, хотя серьезно к вызову Мартынова почти никто не отнесся.

Такое впечатление вынес профессор Висковатый, беседуя со свидетелями последних дней поэта.

"Ближайшие к поэту люди так мало верили в возможность серьезной развязки, что решили пообедать в колонии Каррас и после обеда ехать на поединок. Думали даже попытаться примирить обоих противников в колонии у немки Рошке, содержавшей гостиницу. Почему-то в кругу молодежи господствовало убеждение, что все это шутка, — убеждение, поддерживавшееся шаловливым настроением Михаила Юрьевича. Ехали скорее, как на пикник, а не на смертельный бой", — писал Висковатый.

Васильчиков в разговоре с биографом тоже говорил, что участники дуэли "так несерьезно глядели на дело, что много было допущено упущений".

А как же сам поэт отнесся к предстоящей дуэли? "Шаловливое" настроение, конечно, совсем не отражало его внутреннего состояния.

Вспоминала же Катенька Быховец — она в день дуэли провела в обществе Лермонтова несколько часов, — что поэт “при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил”.

Михаил Юрьевич часто заговаривал в последние месяцы о своей близкой смерти. Еще в Петербурге, зимой этого же года, он в кругу друзей говорил, что скоро умрет. В Москве, возвращаясь на Кавказ продолжать ссылку, поэт говорил Ю.Ф. Самарину “о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов”.

А всего за неделю до дуэли Лермонтов говорил своему товарищу по юнкерской школе П.А. Гвоздеву: “Чувствую, мне очень мало осталось жить”.

Как видно, мысль о смерти преследовала его в последнее время. Но разве он хотел умереть? Ведь в те же самые дни, когда поэт говорил о скорой смерти, он делился с друзьями планами о своих литературных работах, в эти же дни развивал мысль об издании журнала. “Мы в своем журнале, — говорил он, — не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное”.

А разговор о будущем с Туровским, а философские беседы с Дядьковским — ведь и они служат подтверждением его жажды деятельности, жажды жизни, полной литературных интересов.

Все говорит о том, что поэт далек был от мысли заснуть “холодным сном могилы”. Не хотел Лермонтов смерти, но не думать о ней не мог. Судьба Пушкина не забывалась.

Нам не суждено узнать, что думал и что пережил Михаил Юрьевич в последнюю ночь, проведенную в “Домике”. Но при мысли об этой ночи вспоминаются строки из дневника Печорина:

“Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...”

Пуля сразила поэта именно тогда, когда он чувствовал в себе “силы необъятные”, понимал, зачем живет, “для какой цели родился”.

В

Как же происходила дуэль?

Днем поединка назначено 15 июля. Местом для дуэли выбрано “подножие Машука, на половине дороги между колонией Каррас и Пятигорском”.

“День был знойный, удушливый, в воздухе чувствовалась гроза. На горизонте белая тучка росла и темнела... Около 6 часов прибыли на место”, — рассказывал Висковатый в биографии Лермонтова.

“Мартынов стоял мрачный, со злым выражением лица, — читаем далее у Висковатого. — Столыпин обратил на это внимание Лермонтова, который только пожал плечами. На губах его показалась презрительная усмешка. Кто-то из секундантов воткнул в землю шашку, сказав: “Вот барьер”. Глебов бросил фуражку в десяти шагах от шашки, но длинноногий Столыпин, делая большие шаги, увеличил пространство”.

Затем противникам были вручены заряженные пистолеты и “они должны были сходитьсь по команде: “Сходись!”. Особенного права на первый выстрел по условию никому не было дано. Каждый мог стрелять, стоя на месте, или подойдя к барьеру, или на ходу, но непременно между командою: два и три. Командовал Глебов...”

“Сходись!” — крикнул он. Мартынов пошел быстрыми шагами к барьеру, тщательно наводя пистолет. Лермонтов оставался неподвижен. Взмахнув курок, он поднял пистолет дулом вверх и, помня наставления Столыпина, заслонился рукой и локтем, “по всем правилам опытного дуэлиста”.

Висковатый приводит далее показание князя Васильчикова: “В эту минуту, — пишет князь, — я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом уже направленного на него пистолета”.

“Раз... Два... Три...” — командовал между тем Глебов. Мартынов уже стоял у барьера.

“Я отлично помню, — рассказывал князь Васильчиков, — как Мартынов повернул пистолет курком в сторону, что он называл стрелять по-французски! В это время Столыпин крикнул: “Стреляйте или я разведу вас!”... Выстрел раздался, и Лермонтов упал, как подкошенный, не успев даже схватиться за больное место, как это обыкновенно делают ушибленные или раненые. Мы подбежали... В правом боку дымилась рана, в левом сочилась кровь”.

“В смерть не верилось, — продолжал повествование Висковатый. — Как растерянные стояли вокруг павшего... Глебов сел на землю и положил голову поэта к себе на колени. Тело быстро холодело”.

Доктора на месте поединка не было. За ним поехал Васильчиков.

“Между тем в Пятигорске трудно было достать экипаж. Васильчиков, покинувший Михаила Юрьевича еще до ясного определения его смерти, старался привезти доктора, но никого не мог уговорить ехать к сраженному. Медики отвечали, что на место поединка при такой адской погоде они ехать не могут и приедут на квартиру, когда привезут раненого.

Действительно, дождь лил как из ведра, и совершенно померкнущая окрестность освещалась только блистанием непрерывной молнии при страшных раскатах грома. Дороги размокли. С большим усилием и за большие деньги, кажется, не без участия полиции, удалось, наконец, выслать за телом дроги (вроде линейки). Было 10 часов вечера. Достал эти дроги уже Столыпин.

Кн. Васильчиков, ни до чего не добившись, приехал на место поединка без доктора и экипажа”.

“Тело Лермонтова все время лежало под проливным дождем, накрытое шинелью Глебова, покоясь на его коленях. Когда Глебов хотел осторожно спустить ее, чтобы поправиться — он промок до костей — из раскрытых уст Михаила Юрьевича вырвался не то вздох, не то стон, и Глебов остался недвижим, мучимый мыслью, что быть может в похолодевшем теле еще кроется жизнь”.

“Так лежал неперевязанный, медленно истекавший кровью, великий юноша-поэт”, — заканчивает рассказ о дуэли Висковатый. Наконец появился экипаж... “Поэта подняли и положили на дроги. Поезд, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся”.

Поздно вечером 15 июля вернулся Михаил Юрьевич в “Домик”.

Так рассказал историю дуэли Висковатый. В течение трех лет (1879—1881) он собирал материал для биографии Лермонтова. К этому времени оставался в живых только один из участников дуэли, князь Васильчиков, со слов которого и описал Висковатый дуэль.

Так ли все происходило у подножия Машука в 7 часов вечера 15-го июля, как рассказал Васильчиков, трудно сказать, но других свидетельств этого горестного события, к сожалению, нет. Поэт истекал кровью... погиб ли он от потери крови или смертельна была рана — неизвестно. Вскрытия тела не было.

Советскими лермонтоведами извлечено из разных архивов немало частных писем тех лиц, которые были тогда в Пятигорске. Свидетельства, отклики на свершившееся, сделанные непосредственно после дуэли, являются ценнейшими документами.

Вот что писал, например, московский почт-директор, А.Я. Булгаков, ссылаясь на письмо В.С. Голицына, написанное в Пятигорске тотчас же после дуэли:

«Когда явились на место, где надобно было драться, Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, даже огорчить, что все это была одна шутка, а что ежели Мартынова это обижают, он готов просить у него прощения не токмо тут, но везде, где он только захочет!.. Стреляй! Стреляй! был ответ испуганного Мартынова.

Надлежало начинать Лермонтову, он выстрелил в воздух, желая все кончить глупую эту ссору дружелюбно, не так великодушно думал Мартынов, он был довольно бесчеловечен и злобен, чтобы подойти к самому противнику своему, и выстрелил ему прямо в сердце. Удар был так силен и верен, что смерть была столь же скоропостижна, как выстрел. Несчастный Лермонтов тотчас испустил дух. Удивительно, что секунданты допустили Мартынова совершить его зверский поступок. Он поступил противу всех правил чести и благородства, и справедливости. Ежели он хотел, чтобы дуэль совершилась, ему следовало сказать Лермонтову: извольте зарядить опять ваш пистолет. Я вам советую хорошенько в меня целиться, ибо я буду стараться вас убить. Так поступил бы благородный, храбрый офицер. Мартынов поступил как убийца».

Ю.Ф. Самарин писал И.С. Гагарину через две недели после дуэли: «Пишу вам, мой друг, под тяжким впечатлением только что полученного мной известия. Лермонтов убит Мартыновым на дуэли на Кавказе. Подробности ужасны. Он выстрелил в воздух, а противник убил его, стреляя почти в упор».

В целом ряде других писем корреспонденты упорно утверждали, что Лермонтов выстрелил в воздух, Мартынова дружно именовали «убийцей», исход же дуэли так и толковали, как убийство поэта.

Несомненно, письма эти отражали сразу же установившееся в Пятигорске мнение о разыгравшейся драме.

На чем основано было такое мнение? Видно, кто-то из секундантов, — как ни старались они держать в тайне случившееся, — все же поделился с кем-то тем, чему был свидетель. Укреплению создавшегося мнения способствовали и условия дуэли.

Условия эти, продиктованные Мартыновым, поражают своим несоответствием поводу для вызова на дуэль. В самом деле, поводом послужила ссора «ничтожная и мелочная», как ее определяли все свидетели столкновения Лермонтова с Мартыновым. Условия же дуэли такие, как при самом тяжком оскорблении: пистолеты крупного калибра, право стрелять до трех раз, тогда как в данном случае, то есть при пустячной ссоре, полагалось обменяться по одному выстрелу, и, наконец, ничтожное расстояние между противниками.

Но почему же Лермонтов принял эти условия? И как же Столыпин, прекрасно знавший дуэльный кодекс, мог допустить согласие поэта на эти условия?

Но кто знает, может быть, Столыпин и пытался их отклонить. Включил же Висковатый на каком-то основании такие строки в биографию Лермонтова: «Столыпин серьезнее всех глядел на дело и предупреждал Лермонтова, но он по большей части был под влиянием Михаила Юрьевича... и вполне поддавался его влиянию».

Надо помнить при этом характер Лермонтова. Ни за что на свете не разрешил бы он своим секундантам поднимать вопрос об изменении условий. Для Лермонтова не имело значения, что условия эти не отвечали тяжести оскорбления. Главное было, что они продиктованы противником. Со своей стороны Лермонтов заявил, что стрелять в Мартынова не будет, а дальше... это было уже дело совести противника.

Но совесть Мартынова молчала. Видно, хорошо «обработали» его враги Лермонтова, если он, не питая раньше к поэту никакой злобы, теперь шел на верное его убийство.

VI

Почти двое суток покоилось тело поэта в «Домике». Здесь и зарисовал его на смертном ложе художник Шведе.

17 июля было произведено освидетельствование тела погибшего поэта.

«При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мягкие части левого плеча, от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер. В удостоверение чего общим подписом и приложением герба моего печати свидетельствуем.

Город Пятигорск, июля 17-го дня 1841 года.

Пятигорского военного госпиталя ординатор лекарь титулярный советник Барклай деТолли.

При освидетельствовании тела находились:

Плац-майор подполковник Унтилов.

Заседатель Черепанов.

Исполняющий должность окружного стряпчего Ольшанский 2-й. Корпуса жандармов подполковник Кушинников».

Этим внешним освидетельствованием ограничились.

«Роковая весть быстро разнеслась по Пятигорску, — вспоминала Э.А. Шан-Гирей. — Дуэль — неслыханная вещь в Пятигорске... В чистой белой рубашке лежал он на постели в своей небольшой комнате, куда перенесли его. Художник Шведе снимал с него портрет масляными красками.

«Столыпин и друзья, распорядившись относительно панихиды, стали хлопотать о погребении останков, — рассказывал Висковатый. — Ординарный врач Пятигорского военного госпиталя Барклай де Толли выдал свидетельство, в коем говорилось, что «Тенгинского пехотного полка поручик М.Ю. Лермонтов застрелен на поле, близ горы Машука, 15-го числа сего месяца и, по освидетельствовании им, тело может быть передано земле по христианскому обряду».

«По христианскому обряду» священники Пятигорска отказались хоронить Лермонтова: «убитый на дуэли приравнивается к самоубийцам, а самоубийца — по статье 347-й уголовных законов — лишается христианского погребения».

В местной газете «Сезонный листок» сообщалось: «16 июля собралась масса народу на погребение и панихиду; но священник отказался явиться, ссылаясь на то, что по уставу убитые на дуэли приравниваются к самоубийцам».

Много лет спустя священник В.Эрастов вспоминал, что «отказался от похорон Лермонтова, когда его звал Столыпин». И потом он не раз подтверждал это.

«Когда собрались все к панихиде, долго ждали священника, который с большим трудом согласился хоронить Лермонтова», — вспоминала Э.А. Шан-Гирей. Это был священник Скорбяцкой церкви Пятигорска Павел Александровский, давший согласие только после вмешательства полковника Траскина.

Писарь комендантского управления Карпов рассказывал: «Является ко мне ординарец от Траскина и передает требование, чтобы я сейчас же явился к полковнику. Едва лишь я отворил, придя к нему на квартиру, дверь его кабинета, как он своим сильным металлическим голосом отчеканил: «Сходить к отцу протоиерею, поклониться от меня и передать ему мою просьбу похоронить Лермонтова. Если он будет отговариваться, сказать ему еще то, что в этом нет никакого нарушения закона, так как подобною же смертью умер известный Пушкин, которого похоронили со святостью». «Я отправился к Павлу Александровскому и передал буквально слова полковника. Отец Павел поду-

мал-подумал, наконец, сказал: "Успокойте полковника, все будет исполнено по его желанию".

Отец Павел, однако, не выполнил всего христианского обряда похорон. Он отслужил панихиду и проводил тело Лермонтова до могилы без отпевания в церкви, как полагалось¹⁵.

...Не было покоя Лермонтову и после смерти. Как будто он предвидел это, написав в 17 лет:

**Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста...**

Похороны состоялись 17 июля. Гроб с телом поэта вынесли из "Домика" на руках четыре товарища покойного и пронесли до самого кладбища. Поручик А.Ф. Тиран был от лейб-гвардии гусарского полка, в котором Лермонтов служил по окончании юнкерского училища. Полковник Безобразов — от Нижегородского драгунского полка, в который Лермонтов был переведен в первую ссылку, А.И. Арнольди — от Гродненского гусарского полка, в котором поэт недолго служил после первой ссылки, Н.И. Лорер — от Тенгинского полка.

Воспоминаний непосредственных свидетелей похорон Лермонтова сохранилось много.

Н.Ф. Туровский вспоминал: "В продолжение двух дней теснились усердные поклонники в комнате, где стоял гроб.

17-го числа, на закате солнца, совершено погребение. Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождающих их выразили потерю общую, незаменимую".

Лечившийся в Пятигорске в 1841 году Полеводин сообщал другу в письме, написанном на 6-й день после похорон: "Поэта не стало!.. На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекрасные венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Все, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб- и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища... Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу".

"Народу было много-много, и все шли в каком-то благоговейном молчании, — рассказывала Э.А. Шан-Гирей. — Это меня поражало, — добавляет она, — ведь не все же его знали и не все его любили! Так было тихо, что только слышен был шорох сухой травы под ногами".

Или вот еще воспоминания очевидца Монаенко: "Трудно себе представить, какое грустное впечатление произвела на всех эта весть. Лермонтов убит. Лермонтов убит, вот что только слышалось на улицах и домах Пятигорска".

Ценны воспоминания о похоронах Лермонтова коллежского ассессора Роцановского. Сохранились эти воспоминания в дошедшем до наших дней "Деле о погребении Лермонтова". "Дело" это возникло по доносу Эрастова на того священника, который "хотя настоящего погребения над телом Лермонтова и не совершил, но не следовало и провожать его... в церковном облачении и с подобающей честью".

Роцановского, как присутствовавшего на похоронах, допрашивали следователи, расследовавшие клевету.

"В прошлом 1841 году, в июле месяце, кажется 18 числа, в 4 или 5 часов пополудни, я, — рассказывал Роцановский, — слышавши, что имеет быть погребено тело поручика Лермонтова, пошел, по примеру других, к квартире покойника, у ворот коей встретил большое стечение жителей г. Пятигорска и посетителей Минеральных Вод, разговаривавших между собою: о жизни за гробом,

о смерти, рано постигшей молодого поэта, обещавшего много для русской литературы. Не входя во двор квартиры сей, я с знакомыми мне вступил в общий разговор, в коем, между прочим, мог заметить, что многие как будто с ропотом говорили, что более двух часов для выноса тела покойника они дожидаются священника, которого до сих пор нет. Заметь общее постоянное движение многочисленного собравшегося народа, я из любопытства приблизился к воротам квартиры покойника и тогда увидел на дворе том, не в дальнем расстоянии от крыльца дома стоящего о. протоиерея, возлагавшего на себя епитрахиль. В это самое время с поспешностью прошел мимо меня во двор местной приходской церкви диакон, который тотчас, подойдя к церковнослужителю, стоящему близ о. протоиерея Александровского, взял от него священную одежду, в которую немедленно облачился и принял от него кадило. После этого духовенство это погребальным гласом общее начало пение: "Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас", и с этим вместе медленно выходило из двора этого; за этим вслед было несено из комнат усопшего поручика Лермонтова. Духовенство, поя вышеозначенную песнь, тихо шествовало к кладбищу; за ним в богато убранном гробе было попеременно несено тело умершего штаб- и обер-офицерами, одетыми в мундиры, в сопровождении многочисленного народа, питавшего уважение к памяти даровитого поэта или к страдальческой смерти его, принятой на дуэли. Таким образом эта печальная процессия достигла вновь приготовленной могилы, в которую был опущен вскорости несомый гроб без отправления по закону христианского обряда. В этом я удостоверяю, как самовидец; но было ли погребение сему покойнику отпеваемо о. протоиереем в квартире, я этого не знаю, ибо не видел, не слышал оно и даже тогда не был во дворе том".

Что же пережил в стенах "Домика" Столыпин, стоя над умершим другом? Он обещал Е.А. Арсеньевой беречь ее внука... Как? Какими словами сообщить ей скорбную весть?

А как чувствовали себя те, кто разжигал непомерное самлюбие Мартынова? Содрогнулись ли они у гроба поэта? Не вспомнились ли им лермонтовские строки:

**Летают сны-мучители
Над грешными людьми...**

VII

Когда Лермонтов, находясь зимой 1841 года в отпуске в Петербурге, получил приказ выехать из столицы в течение 48 часов, поэт, охваченный отчаянием, написал:

**Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.**

Но и за стеной Кавказа не укрылся поэт от глаз и ушей своих врагов. Они преследовали его и здесь.

Профессор Висковатый встречался со многими современниками Лермонтова, свидетелями его последних дней в Пятигорске. Это происходило через 40—50 лет после трагедии у подножия Машука, но и тогда у некоторых из этих современников враждебные чувства к поэту не смягчились.

Висковатый утверждал, что в беседе с ним эти "некоторые из влиятельных личностей", бывшие тогда на водах, говоря

о Лермонтове, употребляли такие выражения, как "несносный выскочка", "задира", "ядовитая гадина". Они-то и ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный Лермонтовым из терпения, "проучит" его.

Висковатый хорошо изучил преддуэльную обстановку в Пятигорске, и ему удалось выяснить, что "некоторые личности" "искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги".

Да и князь Васильчиков, когда Висковатый задал ему вопрос: "А были ли подстрекатели?", — не отрицал этого, а ответил уклончиво: "Может быть, и были".

Сын генерала Граббе, командовавшего в 1841 году войсками на Кавказской линии, рассказывал профессору, что слышал от отца, как на дуэль с Лермонтовым провоцировали молодого офицера С.Д. Лисаневича.

К Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль, проучить.

— Что вы, — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека?

Не так уж, по-видимому, секретно велась интрига против Лермонтова, если о случае с Лисаневичем знал не только генерал Граббе. По крайней мере, этот же провокационный разговор с Лисаневичем передавала Висковатому Эмилия Александровна Шан-Гирей.

Мартынова легче было спровоцировать: в его характере не было благородства Лисаневича, он не обладал умом, способным разобраться в интриге. Лермонтова как поэта не ценил, к тому же был тщеславен и самолюбив.

Сам по себе Мартынов не был каким-то закоренелым злодеем. Не будь подстрекательства со стороны, судьба, быть может, уберегла бы его имя от тех проклятий, которыми оно сопровождается и поныне.

Те добрые отношения, которые существовали между Лермонтовым и Мартыновым в юнкерской школе, ничем не нарушались до последнего времени. На шутки Лермонтова Мартынов если иногда и обижался, то, во всяком случае, не до такой степени, чтобы считать товарища смертельным врагом.

Мартынов сам заявил пятигорскому окружному суду, что поединок был случайный, что злобы к Лермонтову он никогда не питал. "Следовательно, мне незачем было иметь предлог с ним поспорить".

Итак, никаких других причин, кроме шуток, для вызова на дуэль у Мартынова не было.

Позднее Мартынов рассказывал, что "незадолго до поединка Лермонтов ночевал у него на квартире, был добр, ласков..."

Да и слуги как Лермонтова, так и Мартынова, утверждали, что "оба барина жили между собой дружно, ни ссор, ни каких-либо несогласий между ними не бывало..."

Правда, на следствии Мартынов показывал: "с самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где мог он сказать мне что-нибудь неприятное, остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом, все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести". Но ведь это говорилось в целях самозащиты и противоречило заявлениям самого же Мартынова, а много лет спустя Мартынов обронил многозначительную фразу: "Друзья-таки раздули ссору..."

Мартынов не назвал этих друзей, но он подтвердил то, что установил Висковатый: кто-то ссору и "несогласия" раздувал, кто-то занимался подстрекательством.

Вокруг "Домика" создалась напряженная атмосфера.

Те, кто бывал у Лермонтова, прошли перед нами с характерной, даваемой каждому его современниками.

Кого же можно подозревать в "раздувании ссоры"? Кого должна судить история?

Писарь комендантского управления Карпов склонен считать таким лицом Дорохова. Но эта роль несвойственна тому, кто, по свидетельству современников, был добр, великодушен, доверчив и, безусловно, честен, в ком такой тонкий психолог, как Пушкин, находил "много прелести".

Дорохов по своему открытому и взбалмошному характеру не подходил к роли интригана. Да и Эмилия Шан-Гирей, хорошо знавшая преддуэльную обстановку, категорически отрицала участие Дорохова в подстрекательстве к дуэли. Нельзя сомневаться и в искренности того горя, которое переживал Дорохов после смерти Лермонтова.

Из числа подозреваемых во враждебных замыслах против поэта лиц следует исключить не только друзей Лермонтова, но и тех, кто по своему характеру не был способен на интригу.

Почти 30 лет спустя хозяин дома В.И. Чилиев заявил, что "недобрую роль" в разыгравшейся трагедии сыграл князь Васильчиков.

Но обвинение Чилиева никем из современников не подтверждалось. В настоящее время некоторые лермонтоведы склонны обвинять Васильчикова, но это обвинение строится опять-таки на показаниях Чилиева.

Можно поверить, что Васильчикову, как и другим близким к Лермонтову лицам, "в голову не приходило, что Мартынов "задумал свое черное дело" и что дуэль, вызванная столь незначительным поводом, приведет к убийству поэта".

Специального сговора какой-то определенной группы врагов Лермонтова с целью непременно убить его, по-видимому, не было. Враги были, несомненно. Представители той аристократии, которую Лермонтов заклеил еще в стихотворении, посвященном памяти Пушкина, всегда бывали на Кавказских водах. Были они и в 1841 году. При встречах с Мартыновым эти "влиятельные лица" старались вызвать у него враждебное чувство к Лермонтову, действуя на самолюбие, уговаривая, что "дерзкого поэта необходимо проучить".

Дуэль была тем средством, которое, при любых результатах, могло быть использовано правительством в желаемом для него смысле. Официально дуэли были запрещены. Если исход дуэли не был смертелен, то за участие в ней виновных можно было бы сурово наказать. Если бы Лермонтов не был убит, ему за участие в дуэли грозило разжалование в рядовые. Вспомним трагическую судьбу Бестужева-Марлинского или Полежаева. Дуэль, чем бы она ни кончилась, была для врагов Лермонтова средством жестокой расправы над ним.

Среди некоторых лермонтоведов держалось убеждение, что неприглядную роль в создании преддуэльной обстановки играл начальник штаба Траскин. Этой версии придерживался в предыдущих изданиях и автор настоящей работы. Новые архивные материалы категорически опровергают это.

Что касается Кушинникова, то он осуществлял на Кавказских Минеральных Водах "тайный надзор", который был введен здесь с 1834 года. Для этого Кушинников и был командирован из Петербурга еще в апреле того года.

Кушинников, вероятно, уже через несколько минут знал о приезде известного, но опального поэта. Тот самый "тайный надзор", который входил в его обязанности, несомненно, был установлен за жилищем поэта. Это тем более вероятно, что у Лермонтова бывали не только те молодые люди, ради которых и был установлен специальный надзор, но и декабристы.

У Кушинникова была, конечно, своя агентура для непосредственного наблюдения за "подозрительными" лицами. В практи-

ке жандармерии было обычаем привлекать хозяев к слежке за жильцами. Вспомним, например, жену надворного советника Кугольга. В 1834 году у нее в Пятигорске жил на квартире декабрист Палицын. Эта "благородная дама" следила за своим квартирантом и делала на него доносы.

Не являлся ли агентом Кушинникова домохозяин Чилиев?

Майор Чилиев, верноподанный служака, был очень подходящим человеком для слежки за поэтом. Он имел возможность наблюдать за своими квартирантами, не возбуждая подозрений. В самом деле, квартирный хозяин мог зайти в любое время к жильцам. В "Домике" к тому же создавалась очень благоприятная для этого обстановка: двери лермонтовской квартиры всегда открыты, к поэту заходят без приглашений. Если и хозяин зайдет, этому никто не удивится: так естественно, что его привлекают громкие разговоры во флигеле, шум, шутки, смех.. К тому же у квартирантов всегда можно выпить стаканчик хакетинского.

Как выяснилось позднее, Чилиев с первой же встречи с Лермонтовым вел за ним наблюдение, неустанно, день за днем, утром и вечером, дома, на прогулках, в гостях.

Что побуждало Чилиева так пристально наблюдать за Лермонтовым? Ведь не приходило же в голову никому из многочисленных друзей поэта, постоянно бывавших в "Домике", встречавшихся с ним ежедневно, записывать все, что касалось его жизни, или хотя бы напоминать. А ведь это были люди высокообразованные и не чуждые литературным интересам.

Даже Столыпин, самый близкий здесь для Лермонтова человек, имевший возможность наблюдать своего друга в любое время, при любом настроении, в любой обстановке, один из тех, кто понимал значение Лермонтова, — даже Столыпин не только не делал никаких записей, но и позднее ни одним словом не обмолвился о последних днях жизни поэта.

Чилиев не был ни другом Лермонтова, ни близким знакомым. Не подлежит сомнению, что он не понимал значения Лермонтова как поэта.

До 1870 года Чилиев молча хранил свои наблюдения и записки, и, кто знает, заговорил ли бы он и через 29 лет после смерти Лермонтова, если б среди лечившихся в Пятигорске не оказался человек, который заинтересовался обстоятельствами трагической гибели поэта.

Таким лицом был военный писатель П.К. Мартыанов. Он стал разыскивать тех, кто знал Лермонтова. Впоследствии, при публикации собранных материалов, он отметил, что "особенное содействие" встретил в пятигорском старожиле, отставном майоре В.И. Чилиеве.

— Василий Иванович передал мне, — повествует Мартыанов, — несколько собственноручных заметок "Об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших дуэль поэта с Мартыновым" и два подлинных дела бывшего пятигорского комендантского управления 1841 года: а) по описи № 88, "О капитане Нижегородского драгунского полка Столыпине и поручике Тенгинского пехотного полка Лермонтове", начатое 8-го и конченное 23-го июня 1841 г., и б) по описи № 96, "О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убил последнего", начатое 16-го июля 1841 г. и конченное 15 июня 1842 года.

Тогда и выяснилось, какими бесценными документами о последних днях Лермонтова располагал Чилиев.

Чилиев увидел Лермонтова, когда поэт вместе со Столыпиным явился 14 мая 1841 года к коменданту.

Он запомнил тот разговор, который произошел в комендатуре. Не пропустил Чилиев и того обстоятельства, что, приехав в Пятигорск накануне, поэт остановился в ресторации.

Когда друзья осматривали "Домик", Чилиев заметил, что поэт рассеян и задумчив. "Михаил Юрьевич работал большей частью в кабинете, при открытом окне", — сообщает он Мартыанову.

"Вставал он не одинаково, иногда рано, иногда спал часов до 9-ти и даже более... В первом случае тотчас, как встанет, уходил пить воды или брать ванны и после пил чай, во втором же — прямо с постели садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов возвращался домой обедать и почти всегда в обществе друзей-приятелей".

Внимательный хозяин знает даже, что на обед готовилось четыре-пять блюд и что Лермонтов очень любил мороженое, ягоды и фрукты. Что делалось в "Домике", куда уходил поэт, все известно хозяйну.

"Лермонтов успевал бывать везде и всюду, — продолжает он свой рассказ, — но вечера предпочитал проводить у Верзилиных".

Чилиев хорошо знает, кто к Лермонтову относится дружески, кого любит поэт, знает врагов его и в курсе злословий и сплетен насчет поэта.

Чилиев уверял Мартыанова, что он почитатель Лермонтова. Но как он характеризовал поэта? По его словам, "это был сильный эгоистический и властолюбивый характер, имевший одну цель — пробить себе во что бы то ни стало дорогу в высшие сферы: чтобы со временем властвовать над толпой. Для этого он сознательно употреблял все средства, выказывал свой талант, обнаруживал беззаветную храбрость и сыпал шутки и насмешки, не щадя никого и ничего..."

Что-то не похоже, чтобы Чилиев преклонялся перед талантом поэта!

Чилиев говорил, что слугу-гурийца Христофора Саникидзе Лермонтов привез с собой из Петербурга. А в церковной книге Скорбященской церкви в Пятигорске автор этих строк обнаружил запись о том, что среди крепостных В.И. Чилиева в великом poste 1841 года говел и причащался Христофор Саникидзе, 16 лет. Известный лермонтовед С.И. Недумов рассказывал мне, что в Государственном архиве Грузии он разыскал документы о том, что Вас.Ив. Чилиев "неблаговидным путем" приобрел в Грузии 10 крепостных, в их числе и Саникидзе.

Не для того ли предоставил Чилиев своего крепостного Лермонтову, чтобы вести через него постоянное наблюдение за поэтом? Юноша привязался к Лермонтову и, не подозревая, какую роль навязал ему хозяин, вероятно, добросовестно рассказывал все, что видел.

О предстоящей дуэли Чилиев узнал от Глебова на другой же день после верзилинского вечера. Он знал, кто дерется, из-за чего и прочие подробности. Так почему же он не предпринял ничего для предотвращения дуэли, в то время как начальство, по мнению Чилиева, "чуткое к беде", ходило во тьме "ощупью" и приняло кое-какие меры "наугад". Ведь Чилиев имел возможность внести в эти меры полную ясность.

Почему-то Чилиев знал даже, как рассказывал он Мартыанову, что Мартынов явился на вечер к Верзилиным "с предвзятым намерением сделать Лермонтову вызов на дуэль, под каким бы то ни было предлогом, так как Лермонтов и Столыпин на другой день утром должны были уехать в Железноводск... а с переездом их туда возможность вызова уничтожалась".

И не старался ли Чилиев в разговоре с Мартыановым замаскировать какую-то свою неблагоприятную роль в организации интриги против Лермонтова, обвинив в кознях против Лермонтова Васильчикова? Уж слишком озлобленно нападал он на князя!

Когда автор этих строк поделилась своими мыслями о роли Чилиева с опытным юристом, тот воскликнул:

Как у Чилиева могли оказаться подлинные дела комендатуры? Такие дела никому не выдаются. Выкрал он их, что ли? Или кого-то подкупил? Но зачем они ему? Ведь у Чилиева не было связи с делами Лермонтова: ни с его рапортами о болезни, ни с делами о дуэли. Если отбросить особую заинтересованность Чилиева в личности Лермонтова, то совершенно непонятно, для чего ему эти подлинные дела? Были, значит, какие-то особые причины, чтобы заполучить их. Не было ли в этих делах, помимо официальных документов, которые впоследствии стали известны из других источников, еще чего-то, что требовалось уничтожить?

VIII

Двадцать восьмого июля, через две недели после гибели Лермонтова, Столыпин покинул "Домик". На следующий день Чилиев пригласил священника, того самого Эрастова, который отказался хоронить Лермонтова, и просил "освятить" комнаты среднего флигеля. "Иначе в нем никто и жить не станет из порядочных людей", — заявил Чилиев.

Эрастов в разговоре с Некрасовой подтвердил этот факт. "Хозяин дома посылает за мной. "Пожалуйста, — говорит, — батюшка, освятите поскорей"... Делать нечего, пошел освятить квартиру".

И стены, свидетели последних дней великого поэта, его дум, творчества, шумных бесед с друзьями, споров с противниками, были окроплены "святой" водой.

"Святая" вода, однако, не помогла: флигель в этом году больше не удалось сдать. В следующем, 1842 году Чилиев был болен и сдачей квартир не занимался. С 1843 года "Домик" опять сдается. В нем живут военные разных чинов, его снимают помещики. И так год за годом...

В 50-х годах "Домик" впервые был тронут переделками: камышовую крышу заменили деревянной и одновременно с этим снесли, "за ветхостью", как говорил Чилиев, тот балкончик, на котором Лермонтов любил по утрам слушать пение птиц, а иногда и работать. Вместо двери, ведущей на балкон, было сделано окно.

Вспоминал ли кто-нибудь из местных жителей о жилище поэта? Или, занятые своими делами и заботами, они забыли о нем? Да и понимали ли они его значение? Могли ли предстать, что настанет время, когда весь мир будет знать скромный флигелек?

Может быть, кто-то из посетителей Кавказских Минеральных Вод и вспоминал о судьбе поэта и о том домике, где он жил перед своей трагической кончиной, но никаких свидетельств об этом до 1852 года не сохранилось.

В этом году был в Пятигорске писатель В.П. Мельницкий. С большим трудом разыскал он "Домик". В своих воспоминаниях он рассказывает, что обратился как-то к пятигорскому жителю: "Покажите, пожалуйста, мне дом, в котором жил Лермонтов".

— Дом, где жил Лермонтов? Да я и сам не знаю. Совестно сознаться, что мы, пятигорцы, об этом мало заботились. И едва ли найдется здесь кто-нибудь, знающий жилище поэта.

— Не может быть! Будем искать, расспрашивать".

Мельницкий и его спутник "пустились в расспросы и получали от всех один ответ: "Неизвестно".

"Домик" удалось найти, обратившись непосредственно к Лермонтову. Мельницкий взял в руки "Героя нашего времени" и отправился на край города, к подошве Машука. Ему удалось попасть к Чилиеву.

Увы! Комнаты, в которых жил поэт, были заняты какой-то конторой.

А ведь Чилиев уверял в 1870 году Мартыянова, что в "Домике" все сохранилось так, как было при Лермонтове. В.П. Мельницкий побывал в "Домике" через 11 лет после смерти поэта. И это первое, ставшее известным посещение "Домика".

В 1853 году в Пятигорске был художник Николай Евстафьевич Симаков.

Симаков встретил в Пятигорске одного доктора, "который, как он рассказывал Симакову, был очень близок к поэту".

Доктор (фамилии его Симаков не назвал) много рассказывал о Лермонтове, о его приездах на Кавказ, о последних месяцах жизни в Пятигорске.

Не все в рассказах неизвестного доктора оказалось верным, но тогда еще не была опубликована биография Лермонтова, не было в распоряжении художника вообще никаких материалов, подтверждавших тот или другой факт, сообщенный доктором, поэтому все, что тот рассказывал, Симаков принимал на веру.

Доктор показал Симакову и тот дом, в котором жил в 1841 году Лермонтов.

"Небольшой домик, крайний в городе, стоявший на углу верхней городской площадки. Внутренность домика очень скромная: три небольших чисто выбеленных комнаты, два окна на площадь с палисадником, обнесённым простой деревянной решеткой".

Этот дом Симаков и зарисовал. Его рисунок и небольшая статья "Несколько слов о М.Ю. Лермонтове" были помещены в петербургском журнале "Орел" в 1859 году, в связи с 45-й годовщиной со дня рождения поэта. Но тут произошла ошибка: доктор, назвавшийся близким Лермонтову человеком, не знал дома, в котором поэт жил. Он указал Симакову тот дом, который именовался "большим", "старым", где в летние месяцы 1841 года жили Васильчиков и Трубецкой. Вот почему художник зарисовал "старый" дом, а на флигель не обратил особого внимания, сделав с него лишь беглый набросок. Биограф Лермонтова П.А. Висковатый упрекал Симакова, что тот не "потрудились хорошенько узнать, где жил поэт".

Можно ли винить художника за эту ошибку? А не следует ли поставить ему в заслугу эту первую зарисовку "Домика"? К тому же Симаков первый подумал о том, что "каждому просвещенному русскому дорог хотя один листок из жизни любимого им писателя", и поспешил поделиться с читателями тем, что удалось ему узнать.

В том же 1853 году лечившемуся в Пятигорске писателю Евгению Александровичу Вердеревскому извозчик показывал дом, "в котором жил поэт и куда был привезен прах его после поединка". Об этом Вердеревский упомянул в вышедшей в 1857 году книжке "От Зауралья до Закавказья".

Одному из офицеров Новороссийского драгунского полка, побывавшему в Пятигорске также в 1853 году, посчастливилось встретить старожилу города, который показал ему "небольшой домик около самого Машука, в котором жил Лермонтов несколько времени, где писал он свои последние, предсмертные песни".

О впечатлении, произведенном на автора "Воспоминаний", напечатанных в "Военном сборнике" за 1860 год, можно судить по его грустному замечанию: "Ведь слава Лермонтова принадлежит России, его произведения принадлежат теперь душе каждого, отчего же никто не думает, по крайней мере, о приличном сохранении последних следов дома, в котором он жил".

Приведенные краткие замечания о "Домике" печатались в так называемых толстых журналах, имевших небольшой тираж (особенно "Военный сборник") и доступных сравнительно небольшому кругу читателей.

В газетах же, имевших широкое распространение, до середины 50-х годов о "Домике" не упоминалось. Любопытно, что только после смерти Николая I появились первые газетные строки, посвященные "Домику".

В казенной газете "Кавказ", издававшейся в Тифлисе при канцелярии наместника Кавказа, в 1856 году командир Кавказского второго линейного батальона Н. Монаенко, свидетель похорон Лермонтова, писал:

"Недавно я посетил "Домик", где в последнее время жил и где умер Лермонтов.¹⁶ Эта квартира верна описанию Печорина. Она обращена к подошве Машука. Густые ветви акации и липы заслоняют ее от солнца. Все так мирно, так хорошо в этих маленьких комнатах. Как будто еще чувствуешь в них присутствие самого поэта, так рано покинувшего смертью. Вот здесь, в этом углу, стояла кровать, на которой после роковой дуэли лежал окровавленный поэт.

Сердце сжимается болью при этом воспоминании. Быть может, здесь, в этих самых комнатах, поэт обдумывал какое-нибудь произведение и безвозвратно унес его с собою в могилу. Найдется ли биограф, который с любовью возьмется за перо, чтоб добросовестно познакомить нас с этой личностью. Желательно знать, чем бы кончил свое поприще один из прекрасных поэтов России, если б пуля, направленная на него из пустого самолюбия, не лишила его жизни".

В июле 1862 года в Пятигорске лечился композитор Милий Алексеевич Балакирев. Мог ли Балакирев, страстно увлекавшийся Лермонтовым, не побывать в "Домике"?

В письме отсюда к музыкальному критику В.В. Стасову он писал: "Дышу Лермонтовым". Композитор не расставался с "Героем нашего времени" и с этой книжкой, как с путеводителем, обходил Пятигорск, разыскивая квартиру "у подножия Машука". Балакирев нашел усадьбу Чилиева, но узнав, что "Домик" занят квартирантами, не захотел войти. Он только посидел в садике.

В 1874 году, в связи с шестидесятилетием со дня рождения Лермонтова, коллежский асессор Андрей Грачев написал в Управление Кавказских Минеральных Вод письмо, в котором говорил, что "Домик Лермонтова", а также другие лермонтовские места в Пятигорске должны быть увековечены. Это был, кажется, первый голос общественности, напоминавший со страниц "Листка для посетителей Кавказских Минеральных Вод" о ценности последнего жилища Лермонтова.

Первая фотография "Домика" была сделана в 1870 году фотографом Ланге, только что открывшим собственную фотографию на Кавминводах. Жалкий вид имел "Домик" на этом снимке: обвалившаяся на наружных стенах штукатурка, потрескавшиеся закрытые деревянные ставни, такая же деревянная с облезлой краской дверь. Таким убогим и увековечил "Домик" художник Г. Кондратенко, написавший позднее картину маслом по фотографии Ланге. С этой же фотографии сделал акварельный рисунок А.А. Бильдерлинг, основатель Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище.

Но в ближайшие затем годы флигель был приведен в порядок. Сын умершего в 1873 году Чилиева отремонтировал "Домик" и продолжал сдавать курортникам на летние месяцы, так как потребность молодого курорта в жилье в эти годы значительно увеличилась. С проведением железных дорог в России и, особенно, с постройкой в 1875 году Владикавказской ветки Кавказские Минеральные Воды стали доступнее. Теперь из Москвы можно было доехать по железной дороге до станции Минеральные Воды за трое суток, вместо двух недель, как это требовалось раньше, причем с большими удобствами.

Съезд лечившихся в 1875 году достиг 2245 человек. За последние годы домов в Пятигорске было много настроено, но квартир летом все-таки не хватало, и помещения в чилиевской усадьбе не пустовали.

На фотографии Г.И. Раева 1877 года "Домик" уже не такой, как на снимке 1870 года: он побелен, покрашен и выглядит чистеньким, уютным.

В 1881 году, когда исполнилось 40 лет со дня гибели Лермонтова, в Пятигорск приезжал профессор Дерптского университета Павел Александрович Висковатый, собиравший материал для биографии Лермонтова.

Висковатый осматривал "Домик" вместе с Эмилией Александровной и Акимом Павловичем Шан-Гирей в присутствии хозяйина. Дом уже был изменен, мебели старой не было.

Показывал профессору "Домик" сын Чилиева — Николай Васильевич. Он мог рассказать только то, что слышал от отца.

Э.А. Шан-Гирей подтвердила Висковатому, что мебель в "Домике" была расположена именно так, как рассказал Мартыанову 11 лет назад В.И. Чилиев. Хотя вряд ли она могла это знать, ведь она была в нем единственный раз, когда Лермонтов лежал на смертном одре. Едва ли в тот день вещи стояли так, как всегда.

Висковатый нарисовал план "Домика" с натуры, и этот план совпадал с мартьяновским.

IX

В день сорокалетия гибели Лермонтова, 15 июля 1881 года, в Пятигорске впервые состоялось чествование памяти поэта. Для этого был организован специальный комитет.

Местное духовенство в лице Эрастова отказалось служить панихиду, но с разрешения ставропольского архиерея ее все-таки отслужили в соборе.

Было народное гулянье. Музыка. Иллюминация. Фейерверки. Концерт. Речи, стихи.

"День 15 июля останется навсегда светлым событием истекшего курса", — писал в отчете за 1881 год арендатор Кавказских Минеральных Вод А.М. Байков.

Но "Домика" не коснулась программа торжеств, выполненная, как гласит отчет устроителей праздника, самым блестящим образом. Посетить его в этот день никто не догадался.

Профессор В.С. Богословский в книге "Пятигорские и с ними смежные воды" сообщал, что в 1881 году на "Домике" была установлена доска с надписью: "Здесь жил поэт М.Ю. Лермонтов, родившийся 2-го окт. 1814г. и убитый на дуэли в Пятигорске 15-го июля 1841 г." Значит, по мнению автора, не забыли, вспомнили. Увы! Забыли и не вспомнили. И не было в 1881 году на "Домике" такой доски.

11 марта 1884 года была совершена купчая на продажу Николаем Васильевичем Чилиевым полученной им в наследство усадьбы. Купил ее за 4 тысячи рублей житель Бердянска коллежский секретарь Вейштордт.

В этом же году исполнялось 70 лет со дня рождения Лермонтова. В связи с такой знаменательной датой почему-то никто не догадался поднять вопрос о покупке усадьбы городом или Управлением Кавказских Минеральных Вод. А требовалась ничтожная сумма.

Вспомнил о "Домике" драматург А.Н. Островский. Он прислал в Пятигорскую городскую управу мраморную доску с таким текстом:

Дом,
в котором жил
М.Ю. Лермонтов
1837—1841

Островский просил укрепить ее на том здании, которое служило последним земным приютом великого поэта.

5 августа 1884 года доска была прибита на стене "Домика".

Специальная комиссия, созданная городским самоуправлением, разослала в небольшом количестве приглашения на это торжество. Тем не менее народу во дворе собралось множество. В числе приглашенных были Э.А. Шан-Гирей и ее дочь, Евгения Акимовна.

Несмотря на ошибку в датах пребывания Лермонтова в "Домике" (как известно, поэт жил там в 1841 году два месяца), доска с этим текстом сохранилась на "Домике" до его полной реставрации.

Новый владелец огородил усадьбу каменной стеной (до этого владения, принадлежавшие когда-то Уманову, не были отгорожены одно от другого). Затем принялся за перестройку флигеля.

Он снял с окон наружные ставни, переделал окна, пристроил пятую комнату и продолжал ряд работ внутри флигеля. Этим изменениям никто не препятствовал...

Профессор Богословский в своей книге отмечает далеко не гостеприимный характер нового владельца Лермонтовской усадьбы. "Почитателям Лермонтова, пожелавшим осмотреть квартиру поэта, приходится выслушивать грубые замечания прислуги", — пишет он.

Профессор жалеет, что город не оставил за собой в первоначальном виде этот "вещественный памятник".

В путеводителях по Кавказским Минеральным Водам, издававшихся в 80-х годах, неизменно, хотя и кратко, упоминалось о "Домике". Казалось бы, теперь он хорошо известен, и найти его легко. Однако это было все же не так.

В 1886 году писательница Е.С. Некрасова захотела побывать в "Домике". На розыски его ей пришлось потратить почти целый день, так как никто из жителей Пятигорска, так же как и в 1852 году Мельницкому, не мог указать, где находится этот памятник русской культуры.

— Где жил Лермонтов? — спросила Некрасова извозчика.

— Вот этого уж не знаю. Да кто ж его знает? Мало ли тут жило таких удалцов, что стрелялись? Много! Всех не упомнишь, где жили.

Но и другие жители города знали о квартире Лермонтова не больше извозчика.

"К кому я ни обращалась, кого ни спрашивала — никто не мог дать никаких сведений, — рассказывала Некрасова на страницах "Русской Старины". — Каждый спокойно отвечал: "не знаю", как будто в этом "не знаю" не заключалось ничего постыдного... Что делать? Неужели так и уехать отсюда, не сумевши отыскать в этом крошечном, чуть не наперсточном городишке домик Лермонтова? Я остановилась в раздумье.

Мимо шел жандарм.

Заранее предугадывая равнодушное "не знаю", я все же оставила его неизменным вопросом. Но... жандарм знал!"

Он подробно объяснил Некрасовой, как найти дом, и пожалел, что "не случилось дома нашего старого жандарма! Он еще при Лермонтове здесь жил. Он бы сумел кое-что порассказать о нем".

Как знаменательно это для царской России!

"С благодарностью и любовью, как на что-то близкое, дорогое, смотрела я на этот домик, теперь затерянный и забытый", — грустно закончила свой рассказ Некрасова о поисках "Домика".

...В путеводителе 1887 года, изданном Управлением Кавказских Минеральных Вод, написано, что на Нагорном бульваре (так раньше называлась Лермонтовская улица) у Вейштордта сдается дом с двумя комнатами по 60 руб. в месяц.

В путеводителе 1888 года в справочном отделе среди памятников Пятигорска указан "Дом, в котором жил М.Ю. Лермонтов".

1889 год ознаменовался большим событием — открытием памятника Лермонтову.

Вот как описывали газеты это торжество:

"В этот день Пятигорск принял праздничный вид. С утра народ в нарядных костюмах стал собираться к собору и скверу, где сооружен памятник. Открытие памятника состоялось по программе, заранее объявленной в Пятигорске для общего сведения. По окончании в соборе заупокойной литургии и торжественной панихиды все присутствовавшие в храме... направились к памятнику. К процессии присоединились прибывшие делегации от войск, учреждений и обществ с венками".

"...Съезд к торжеству был очень велик: накануне было роздано свыше 1500 билетов в сквер, приехавшие позже уже не могли достать билеты. В числе прибывших находилось несколько представителей литературы и корреспонденты некоторых газет. На открытии памятника оказались и немногие современники поэта".

"С раннего утра 16 августа Пятигорск изукрасился массою флагов и различных транспарантов и других приспособлений, предназначавшихся для вечерней иллюминации". Процессия к скверу двинулась в таком порядке: "Впереди шла делегация от офицеров Тенгинского полка, затем от города Пятигорска, далее от Пятигорского общественного собрания, от одесского учебного округа, от редакции газеты "Северный Кавказ", от попечителя кавказского учебного округа, от училищ Терской области, от осетинского юношества и в заключение делегация от Управления Минеральных Вод несла громадный венок, который как бы выпускал из себя все меньшие венки, несенные впереди".

"Лишь только процессия вступила в сквер, как раздались звуки военного оркестра...". "К часу дня все делегации и приглашенные лица собрались в помещении общественного собрания, где был приготовлен завтрак на 178 человек. Небольшая зала собрания была весьма красиво убрана флагами и щитами, на одном из которых виднелось следующее четверостишие:

**Убий!., к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!**

В одной из ниш поставлен был бюст поэта, убранный живыми цветами и растениями".

"Во время завтрака бальный казачий оркестр очень удачно исполнил увертюру из оперы "Кавказский пленник" Ц. Кюи, "У памятника Лермонтову" и др. пьесы".

После завтрака начались речи. На торжество был привлечен даже Иван Чухнин, правда, по ошибке, так как тут же выяснилось, что убитого на дуэли Лермонтова привез не он, а давно умерший брат его. "Все-таки, ввиду родственных отношений, — сообщила газета "Северный Кавказ", — присутствующие выпили за здоровье старика".

А "Домик"? Вспомнил ли кто-нибудь об этом драгоценном памятнике?

Писатель Всеволод Сергеевич Соловьев предложил тост "за все неведомые уголки России, где нарождаются и крепнут русские таланты..."

А рядом находился тот маленький флигелек, в котором были созданы шедевры Лермонтова, и он, этот флигелек, так нуждался в поддержке, внимании. Если бы вспомнили на этом торжестве о нем, вероятно, он не подвергался бы дальнейшим переделкам.

В ряде газет были помещены большие статьи, в которых очень подробно описывалось торжество от начала до конца. Но никто словом не обмолвился, не спросил, что же случилось с тем доми-

ком, в котором поэт прожил последние месяцы жизни... Ни писатели, ни журналисты, ни ученые, ни общественные деятели не подумали посетить последнее жилище поэта.

В корреспонденциях вспоминали даже того водовоза, который на своих дрогах будто бы привез тело Лермонтова с места дуэли. Вспоминали и того извозчика, который возил Лермонтова по городу... а "Домик" был забыт... И Вейштордт продолжал его переделывать.

Х

В 1891 году исполнилось 50 лет со дня смерти Лермонтова.

Началась полоса воспоминаний.

Вышел капитальный труд профессора Висковатого "Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество". Висковатый посвятил "Домику" несколько страниц.

В газетных статьях стали упоминать о "Домике". Журнал "Всемирная иллюстрация" 15 июля посвятил весь номер Лермонтову и поместил снимок "Домика", сделанный Ланге.

Ставропольская газета "Северный Кавказ" уделила "Домику" несколько строк. В статье, посвященной памяти недавно умершей Э.А. Шан-Гирей, говорилось, что с ее смертью порвалась связь Лермонтова с Пятигорском и что "остался только один дом, в котором жил Лермонтов... Желательно, чтобы дом попал в руки, с любовью и уважением относящиеся к памяти поэта... Дом Лермонтова надлежало бы сохранить", — заключает автор.

В юбилейный день, 15 июля, в тифлисской газете "Кавказ" был напечатан "Рассказ оставшегося в живых свидетеля дуэли Лермонтова". Это тот же рассказ Христофора Саникидзе о жизни Лермонтова в "Домике" в последние месяцы жизни, записанный Мартыяновым двадцать лет назад. Только теперь этот рассказ дополнен обильными вымыслами. Один из вымыслов содержится уже в самом заголовке статьи, так как Саникидзе не был на месте дуэли и потому не мог быть ее свидетелем.

В течение нескольких дней 1893 года известный русский художник К.А. Коровин писал "Домик" с натуры. На фоне "Домика" художник изобразил самого поэта (это полотно Коровин отослал в 1930 году на выставку в Чехословакию).

В 1894 году умер Вейштордт. Лермонтовская усадьба перешла к новому владельцу. Вдова Вейштордта продала домовладение Павлу Семеновичу Георгиевскому за 8000 рублей.

Георгиевский начал производить новые переделки. Над входной дверью он устроил железный зонт, сени удлинил до конца стены дома, пол застлал линолеумом. Деревянную крышу заменил железной, стены "Домика" обложил кирпичом.

"Домик", где некогда жил Лермонтов, переделан до неузнаваемости, утверждал В.В. Святловский в своем много раз издававшемся путеводителе по Кавказским Минеральным Водам. Этот текст переходил и в путеводители, издаваемые Управлением Вод.

Георгиевский не стал сдавать флигель внаймы, он поселился в нем сам. Сдавал большой дом, выходящий на улицу, да еще специально для сдачи в летнее время курортникам выстроенную в саду беседку.

В 1901 году, в день шестидесятилетия со дня гибели Лермонтова, был открыт памятник на месте дуэли. "Устроенный на месте дуэли Лермонтовский праздник имел такой успех, который превзошел всякие ожидания добросовестно потрудившейся для этого комиссии", — единодушно утверждали газеты.¹⁷

Имя Лермонтова было присвоено только что выстроенной в Цветнике галерее. Нагорный бульвар переименован в Лер-

монтовскую улицу. Только "Домик" нигде не был упомянут. Георгиевскому мирно жилось в его стенах, ни один посетитель его не побеспокоил.

Печальную дату отметили многие газеты, но о "Домике" вспомнил лишь журналист В.Л. Якимов. В очерке "На месте последних дней Лермонтова", напечатанном в "Историческом вестнике", автор пишет:

"Дом этот в настоящее время переделан до неузнаваемости, так что о пребывании в нем Лермонтова осталось одно воспоминание. Внутрь проникнуть нельзя было, так как в нем обитал какой-то офицер с семейством, да это и было бы по вышеупомянутой причине совершенно бесполезно".

— Следовало бы этот дом купить городу, — сказал спутник Якимова, — и устроить в нем что-нибудь вроде Лермонтовского музея.

"Нельзя не согласиться с этим мнением, — добавляет журналист. — Но... Ведь устройство музея барыша никакого не даст".

В последующие годы в статьях, посвященных Кавказским Минеральным Водам, стали появляться строки и о "Лермонтовском домике".

В 1903 году в газете, издаваемой Управлением Кавказских Минеральных Вод, появилась заметка о скудости воспоминаний о Лермонтове в Пятигорске.

"На Кавказских Минеральных Водах каждая пядь земли священа с именем поэта", — напоминает сотрудник газеты и задает вопрос: "Что сделал Пятигорск и его пригороды для увековечения славного имени? Ни школ имени Лермонтова, ни Лермонтовского общества, ни музея его имени".

Тут бы, казалось, и следовало поставить вопрос о выкупе "Домика" из частных рук. Но газета такого вопроса не поднимала. Его вообще не поднимал никто.

Весной 1908 года в Пятигорске побывал сотрудник петербургской реакционной газеты "Новое время" публицист Василий Васильевич Розанов. Он нашел, что "Домик" необыкновенно чисто содержится хозяином.

Хозяин усадьбы, коллежский советник П.С. Георгиевский, "одиноким старичком", встретил гостя приветливо и обошел с ним комнаты "Домика" и сад.

"Все, как было при нем", — заверил публициста хозяин.

В июне того же 1908 года Розанов поместил в "Новом времени" пространную статью, в которой с умилением вспоминал "одинокое старичка", похожего на Максима Максимида.

"Вот удачный приемник жилища поэта! Кому же хранить его лучшую реликвию..." — восторженно восклицает публицист, очарованный "старичком".

А между тем хозяин не мог даже сказать, в какой из комнат была спальня поэта. Зато он показал Розанову в "красном углу"¹⁸ под стеклом огромный образ божьей матери, а неподалеку от образа фотографии своих родственников, снятые "с живых и с усопших в гробу — матери, отца и покойного брата..."

О встрече с этим же хозяином Лермонтовской усадьбы сохранились воспоминания поэта Ивана Алексеевича Белоусова, побывавшего в Пятигорске в 1909 году.

"Как только я приехал в Пятигорск, у меня явилось желание посетить места, освещенные пребыванием поэта", — писал Белоусов. — Главная мечта моя была осмотреть "Лермонтовский домик".

Встретив в Пятигорске приятеля, Белоусов вместе с ним отправился разыскивать "Домик".

"По указанию встречаемых, мы без труда нашли улицу, где находился "Лермонтовский домик", но самый дом отыскать было довольно трудно. С улицы нет никаких следов и примет, что дом этот Лермонтовский. На воротах вывесочка с фамилией Георги-

евского; но мы с приятелем уже запаслись сведениями, что именно Георгиевскому и принадлежит дом, в котором жил Лермонтов.

Входим через ворота во двор — ни души. Когда же мы подошли к другому флигельку внутри двора, появилась какая-то девушка, с виду прислуга.

— Вам кого угодно? — спросила она.

— Нам хотелось бы осмотреть дом Лермонтова.

— Да вот он, — указала она на флигелек, около которого мы стояли. Видим, действительно, около парадного входа прибита дочечка с надписью: "Здесь жил М.Ю. Лермонтов 1837—1841 гг."

— А как же нам осмотреть внутренность дома? — обратились мы к девушке.

Та стоит в нерешительности.

— Право, не знаю как... Хозяина надо спросить.

— Ну что ж? Спроси. Мы подождем.

Девушка скрылась за углом флигелька.

— Так вот он какой, Лермонтовский домик-то! — проговорил мой приятель, — а я ведь его представлял себе не таким. Судя по старинным снимкам, это была простая мазанка с камышовой крышей; теперь это хороший кирпичный, под железной крышей, особняк. Да он как будто размером больше стал...

Не успел еще мой приятель окончить своих размышлений, как снова появилась встретившая нас вначале девушка.

— Хозяин обедает, потому не может вас принять, — заявила она.

— Какая неудача! Что ж делать, надо уходить, — предложил я своему приятелю.

— Да, нужно, — согласился тот.

Однако мы продолжали стоять около домика. Девушка как будто жалилась над нами:

— А вы кругом дома обойдите, в сад зайдите, — предложила она.

Мы пошли, по ее указанию обогнули угол дома и очутились в небольшом садике, в углу которого стояла беседка, а между старыми деревьями пестрели на солнце грядки цветов.

Больше смотреть было нечего, мы повернули к выходу и, когда проходили мимо крыльца, увидели стоявшего на нем небольшого роста пожилого человека.

— А вы хотели бы посмотреть дом Лермонтова? — спросил он.

— Очень хотели бы! — ответили мы в один голос.

— Я владелец этого дома, — отрекомендовался он. — Очень уж много народу всякого ходит. Кто его знает, что за народ. Какие нынче времена-то! — высказал свои сомнения хозяин.

Мы согласились.

— А на вас я поглядел, вижу, люди почтенные. Милости прошу в дом.

Мы с радостью последовали за ним и, пройдя через парадное крыльцо, очутились в светлой, уютной, чисто прибранной комнатке.

— Вот тут, — начал свои объяснения хозяин, — всего четыре комнатки, как и при Лермонтове было, так они и остались в неприкосновенности. И окна те же, на тех же местах. Только я, видите ли, чтобы сохранить этот домик от разрушения, обложил его стены кирпичом, а камышовую крышу, от времени совершенно развалившуюся, заменил железной.¹⁹ А вот эта пятая комнатка уже в пристройке, ее при Лермонтове не было.

— То-то, — заметил мой приятель, — я, как поглядел снаружи на дом, подумал, что здесь что-то не так.

Все так, все так! — поспешил успокоить хозяин, — все, как при Лермонтове, а пристройка — это отдельно. А теперь в сад пожалуйте, там тоже есть кое-что, — предложил хозяин.

Мы снова очутились в саду.

— Видите, — говорил хозяин, — вот старая акация. Она стоит как раз против итальянского окна, — может быть, здесь находился кабинет Лермонтова. И на самых старинных фотографиях и рисунках это дерево изображено на этом самом месте. Да, тут много есть современников Лермонтова. Вот ореховое дерево, вот другое со сломанной вершиной — все остатки сада, который был при Лермонтове. Может быть, сживал под этими деревьями или в тени их скрывался от солнца.

— А эта беседка — тоже лермонтовская? — прервал я разметавшегося хозяина.

— Нет, это уж я построил, — ответил он.

Вернулся я домой не совсем удовлетворенным, мне стало жаль, что домик, в котором жил один из крупнейших поэтов, не могли сохранить в целости таким, каким он остался после смерти поэта. Можно было бы сохранить и внутреннюю обстановку, собрать вещи, принадлежавшие поэту, и в этом домике устроить маленький музей".

Статью же Розанова, может быть, и не следовало бы вспоминать, тем более, что она полна ошибок, если бы в ней не было строк о "Домике Лермонтова".

"Мне кажется, — писал между прочим Розанов, — что ценность и интерес Лермонтовского домика и сада будут все возрастать со временем. Мне даже кажется необходимым взять все это место в казну или в собственность города, сохраняя домик как реликвию". В большом доме автор предлагает устроить библиотеку или читальню имени Лермонтова. Но, несмотря на то, что газета "Новое время", субсидируемая правительством, была органом влиятельным в высших кругах, судьбу "Домика" статья не изменила.

Стали носиться слухи, что "одиноким старичком", похожий на Максима Максимыча, не прочь продать усадьбу, если за нее дадут неплохую цену.

Слухи проникли в центр России. И вот житель Твери, Александр Иванович Иванов, составляет записку о спасении "Домика", которую озаглавил: "О сохранении домика Лермонтова в Пятигорске". Перечислив те изменения, которые претерпел "Домик" с тех пор, как Лермонтов покинул его навсегда, Иванов деловито сообщает:

"Усадьба, в состав которой входит домик Лермонтова, составляет частную собственность бывшего пятигорского казначея Павла Семеновича Георгиевского и им продается за 18000 рублей, пока ему дают 12000 рублей. Продажа усадьбы в частные руки, вероятно, повлечет уничтожение драгоценной реликвии нашей литературной истории, так как в Пятигорске, особенно вблизи Машука, быстро возникают громадные дворцы санаторий.

Едва ли можно ныне рассчитывать на ассигнование непосредственно из казны 18000 рублей, но есть возможность обойти это затруднение. Управление Кавказских Минеральных Вод могло бы приобрести усадьбу Георгиевского и использовать ее для своих хозяйственных надобностей, подобно тому, как в интересах своих пациентов это управление поддерживает много сомнительных достопримечательностей (Замок коварства и любви, Грот Лермонтова и др.)."

Воспользовавшись пребыванием в Твери президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича, Иванов вручил ему лично записку. Президент отметил "собственной рукой" где, когда и от кого получил записку. Это было 19 февраля 1909 года.

Записке был дан ход. В Отделении русского языка и словесности завели "Дело о приобретении домика Лермонтова в Пятигорске". В Академии наук "Дело" не залежалось. 11 марта, всего через три недели со дня получения записки Иванова президен-

том, в Пятигорск, в адрес Управления Кавказских Минеральных Вод, был направлен следующий запрос:

”Узнав о том, что усадьба, в состав которой входит домик Лермонтова, в настоящее время продается собственником ее П.С. Георгиевским, и опасаясь того, чтобы эта продажа не повлекла за собой уничтожения ценного для литературной истории нашего памятника, каковым является флигель, где великий поэт провел последние четыре года своей жизни, разряд изящной словесности при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук имеет честь, по предложению августейшего президента и Академии наук, обратиться в Управление Кавказских Минеральных Вод с вопросом — не могло ли бы оно приобрести усадьбу г. Георгиевского и использовать ее для своих хозяйственных надобностей”.

Подписал председательствующий А. Шахматов.

17 марта отношение академии было принято в Управлении Кавказских Минеральных Вод и здесь легло в папку с надписью: ”Новое дело”.

Запрос Академии наук обошел все отделы Управления Вод, дважды побывал во врачебно-техническом комитете — совещательном органе при директоре, изучался специальной комиссией, обследовавшей ”Домик” в натуре. Через четыре с половиной месяца был послан ответ академии.

Отметив изменения, которые претерпел ”Домик”, директор сообщал:

”...означенный выше домик, где жил поэт М.Ю. Лермонтов в Пятигорске, потерял ценность исторического памятника”.

За этими поистине удивительными строками следовал еще один абзац: ”К изложенному выше считаю необходимым присовокупить, что у Управления Вод, живущего исключительно на свои специальные средства, в настоящее время вовсе не имеется средств на приобретение означенного домика”.

Каким бездушием, каким бюрократизмом веет от этого ответа! Это была отписка, свидетельствующая о полном непонимании значения драгоценных стен ”Домика”.

Как не вспомнить горьких строк Якимова: ”Домик” барыша никакого не даст”.

На покупку Лермонтовской усадьбы требовалось всего 15 тысяч рублей. В бюджете Управления Вод тех лет это была более чем скромная цифра. Как раз в эти годы Управление Вод начало богатеть, широко развивая экспорт нарзана.

”Новое дело” в Управлении Вод этим ответом 30 июля закончилось. Оно заняло всего 11 листов.

А в Отделении русского языка и словесности Академии наук ”Дело о приобретении домика Лермонтова в Пятигорске” 1909 годом не закончилось. Оно имело продолжение, и в архиве Академии наук сохранилось 32 листа.

XI

Переписка Академии наук с Управлением Кавказских Минеральных Вод встревожила Георгиевского: не придется ли ему уступить свою усадьбу городу или Управлению Вод по оценке, установленной городской оценочной комиссией, то есть за 15 тысяч рублей, в то время как частный покупатель не прочь дать и 18 тысяч. Георгиевский стал торопиться с продажей.

Но тут выяснилось одно, казалось бы, незначительное обстоятельство, сыгравшее, однако, свою роль в истории ”Домика”. Сведения о переписке Академии наук с Управлением Вод стали известны не только Георгиевскому, но и проникли в печать: 14 апреля 1909 года в местной газете ”Пятигорское эхо” появилась заметка о том, что при рассмотрении во врачебно-техни-

ческом комитете запроса Академии наук ”некоторые члены комитета заявили, что дом, где жил Лермонтов, потерял свой прежний вид и как памятник не представляет исторического интереса. По имеющимся старинным фотографиям ”Домик Лермонтова” не походит на дом Георгиевского.

Покупатели насторожились. За дом, не имеющий исторического значения, давать, по их мнению, 18 тысяч не стоило.

Георгиевский пытался спасти положение. В той же газете он напечатал письмо в редакцию, в котором писал: ”Не считая себя достаточно компетентным, чтобы судить о том, что дом, претерпевший изменения, вместе с тем потерял бы и свое первоначальное значение как исторический памятник, я могу лишь сказать, что все основные контуры дома, его планировка, расположение и количество окон и дверей вполне тождественны со всеми старыми фотографиями и картинами”.

Ведущий переговоры о покупке дома купец Мещеряков, крупный рыботорговец на Минеральных Водах, решил все же ”повременить”. А в декабре 1910 года П.С. Георгиевский скоропостижно скончался. Усадьба перешла к его брату В.С. Георгиевскому. Новый владелец желал как можно скорее разделаться с наследством и торопился продать Лермонтовскую усадьбу.

”Невольню вспоминаешь пошлый и длительный торг с хозяином дома в городской управе насчет дороговизны”, — писал свидетель этого торга, редактор пятигорской газеты ”Кавказский край” А.Б. Арутинов в письме к автору этих строк.

Общественность города всполошилась. Кавказское горное общество и общество пособия бедным, объединившие почти всю интеллигенцию Пятигорска, поставили целью спасти ”Домик” от частного владения. Сколько заседаний было посвящено этому вопросу! Сколько сделано предложений! Но беда заключалась в том, что, кроме горячего желания сберечь Лермонтовскую усадьбу, ни то, ни другое общество ничем не располагало. Не было денег, чтобы купить усадьбу.

Общество вынесло решение командировать председателя общества в Петербург и Москву, где сосредоточены культурные учреждения. Уж они-то не дадут свершиться ”позорному делу”. Ходатаю по делам ”Домика” поручалось поднимать вопрос о его спасении где только можно встретить поддержку этой идеи: в печати, в Академии наук, среди членов Государственной Думы, в любом учреждении.

В столицах не было недостатка в сочувствии. Идею покупки Лермонтовской усадьбы общественной организацией поддерживали и члены Государственной Думы, и гласные московской и петербургской городских дум, и сенатор Кони, и члены Академии наук. В итоге же выяснилось, что дальше сочувствия дело не пойдет. Академия наук, например, ”дарить дом городу Пятигорску” не пожелала.

”Совет Московского общества деятелей литературы и периодической печати”, на заседании которого был сделан доклад о приобретении в общественную собственность того дома, в котором жил Лермонтов, ”принял эту идею близко к сердцу как свое собственное дело”. Совет общества обещал солидную материальную поддержку в деле покупки ”Домика Лермонтова”. Но и тут все окончилось благими намерениями.

Петербургские газеты, на которые возлагались немалые надежды, не разделяли энтузиазма кавказцев: слух о том, что ”Домик” уже ”не тот”, распространился широко. Только две из них напечатали статьи, в которых призывали к пожертвованиям на покупку Лермонтовской усадьбы. Но получить разрешение на всероссийский сбор пожертвований было очень трудно, да и потребовался бы не один год, чтобы набрать необходимую сумму.

”Домиком” занялось, наконец, городское самоуправление Пятигорска. Вопрос о приобретении казной Лермонтовской усадьбы обсуждался сначала городской управой. С полным единодушием городская управа нашла ”безусловно необходимым, чтобы домик, где жил и творил певец Кавказских гор, наш национальный поэт, был достоянием города и служил памятником для всех грядущих поколений о русском гении, связавшем свое бессмертное имя с Пятигорском”.

Городская управа ”нашла”, а решать должна городская дума. В состав городской думы тех лет гласных с высшим и средним образованием входило 37%. Среди гласных были такие купцы, которые признавали только принцип выгоды.

— Зачем городу этот маленький домишко? — раздался их голос. — Музей, говорят, сделают. А какой от музея может быть доход? Пойдут одни расходы.

— Зачем городу платить 15 тысяч за хламную недвижимость, когда за три тысячи можно купить куда добротнее дом. И какие это заслуги у господина Лермонтова? Что стихи писал? Так их кто ноне не пишет?

Заседание думы открылось 21 апреля 1911 года. Заслушан доклад городской управы. Вопрос ставится на голосование. Секретарь объявляет: единогласно. Результат настолько неожиданный, что какие-то секунды стоит полная тишина. Затем раздаются бурные аплодисменты — редкое явление в этом зале.

Что же произошло? Почему никто не выступил против? Почему противники покупки голосовали ”за”? Автор этих строк спросила одного из купцов: почему он голосовал за покупку усадьбы, когда на самом деле был против?

”Думать можно, что хочешь, а есть еще политика”, — ответил тот. После 1905 года даже ярые монархисты понимали значение общественного мнения и подчинялись ему.

Казалось бы, вопрос о ”Домике” наконец-то разрешился. Но это только казалось. На самом деле угроза перейти в частные руки по-прежнему висела над Лермонтовской усадьбой.

Журналы заседаний городских дум утверждались начальником Терской области. Был послан на утверждение во Владикавказ и журнал от 21 апреля. Но каждому начальству о поступившей почте докладывает секретарь. О журналах городских дум докладывал секретарь областного по городским делам Присутствия. Было такое учреждение, которое так и называлось ”Присутствие”. О журнале Пятигорской городской думы докладывал начальнику области секретарь, который носил фамилию Кадигроб, что давало повод для горьких шуток, так как Кадигроб обычно выискивал разные поводы, чтобы затянуть или совсем не утвердить представленный журнал. На этот раз Кадигроб доложил о журнале начальнику области только через полгода, да еще со справкой, что за городом числится задолженность, превышающая годовую доход города. Журнал не был утвержден.

Городская дума в заседании 15 сентября подтвердила свое постановление от 21 апреля. Но Кадигроб и на этот раз изыскал повод для того, чтобы не пропустить журнал: на заседании думы присутствовало менее двух третей гласных.

Не ожидая утверждения журнала начальником области, городская управа обратилась непосредственно к наместнику Кавказа и просила разрешить сделать заем в городском банке на покупку домика. Наместник не оправдал возлагаемых на него надежд. Дело отложили.

Кто знает, сколько времени пролежало бы ходатайство пятигорской думы в канцелярии наместника, если бы дело не приняло совсем другой оборот. Документы из дела о приобретении ”Домика” были переданы в Отделение русского языка и словес-

ности Академии наук. Отделение, еще недавно отказавшееся от покупки Лермонтовской усадьбы, сейчас, когда не требовалось расходов, охотно поддержало идею сохранения ”Домика” и отметило необходимость ходатайства перед президентом Академии наук о сохранении ”Домика”. Президент академии обратился к наместнику Кавказа.²⁰

”На рассмотрение Разряда изящной словесности, состоящего при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук получена записка, касающаяся домика, где жил и умер М.Ю. Лермонтов в Пятигорске. Этот домик нынешний его владелец предполагает продать или выстроить на его месте большой доходный дом. Разряд изящной словесности, признавая домик Лермонтова в Пятигорске дорогим для отечественного просвещения памятником и считая необходимым сохранить его как национальное достояние, обратился ко мне с соответствующим ходатайством. Сочувствуя этому ходатайству и скорбя по поводу возможности утраты памятника, столь тесно связанного с образом нашего великого поэта, я прошу Вас обратиться к просвещенному вниманию на прилагаемую записку и, если Вы найдете это возможным, осуществить высказанное в ней пожелание”.

10 января 1912 года И.И. Воронцов-Дашков писал: ”Ваше императорское высочество! В ответ на письмо от 24 сентября 1911 года за № 74 по возбужденному Отделением русского языка и словесности Императорской Академии Наук вопросу о сохранении для потомства в г. Пятигорске дома, где жил и умер М.Ю. Лермонтов, предположенного ныне его владельцем Георгиевским к продаже, имею честь сообщить Вашему императорскому высочеству, что Пятигорская городская дума, желая увековечить память поэта, в заседаниях своих, состоявшихся 21 апреля и 15 сентября 1911 года, постановила приобрести означенный дом в собственность города за 15 т. рублей и возбудила ходатайство о разрешении займа на эту сумму из средств Пятигорского городского банка, каковой заем мною 6 сего января, на основании п. 4 ст. 79 Гор. Пол., согласно с заключением Терского по городским делам Присутствия, разрешен”.

Итак, заем разрешен. Можно оформлять покупку Лермонтовской усадьбы. Но оказалось, что и теперь еще не все: на гербовый сбор и пошлины при оформлении покупки нотариальным порядком требуется 723 рубля 30 копеек. Такой расход не предусмотрен сметой на 1912 год...

В заседании городской думы эта отнюдь не веселая справка финансовой комиссии вызвала дружный взрыв смеха. Вспомнив недобрым словом Кадигроба, гласные решили собрать деньги между собой, только бы не затевать новой переписки. Делать этого не пришлось: владелец недавно открытого в Пятигорске электробиографа²¹ ”Спленид” внес в кассу городской управы необходимую сумму.

12 марта 1912 года была совершена купчая на приобретение городом Лермонтовской усадьбы у В.С. Георгиевского за 15 тысяч рублей.

Пока тянулось дело с покупкой усадьбы, на страницах местных газет вокруг ”Домика” разгорелась яростная полемика. Теперь многим захотелось так или иначе связать свое имя с именем поэта.

В Пятигорске объявился некто Поляков, который, по его словам, в 60-х годах прошлого столетия, то есть через 20 лет после смерти Лермонтова, приехал в Пятигорск в чине прапорщика Тенгинского полка и жил на квартире у Чиляева, в большом доме. Поляков уверял, что занимал те самые комнаты, в которых жил поэт. Поляков ”хорошо помнил”, что в одной комнате стены были исписаны стихами, а под одним стихотворением была даже подпись ”Лер.”. Стихи на выбеленных стенах были написа-

ны карандашом. Чтобы "сохранить их для потомства", Поляков заклеил стены бумагой. Но он все-таки спросил хозяина, кто писал эти стихи. Чилиев, так подробно рассказывавший Мартьянову о жизни Лермонтова в "среднем" доме, будто бы ответил: "Наверное сказать не могу... знаю только, что в этой комнате останавливался Михаил Юрьевич Лермонтов. Быть может, эти стихи были написаны им самим".

Что же касается того флигеля, который считается лермонтовским, то, по уверению Полякова, его совсем не было. Не было, и все! Было пустое место.

Встретив капитана Осипова, страстного поклонника Лермонтова, Поляков так ему все и рассказал. Капитан Осипов, потрясенный "открытием", напечатал в газете "Кавказский край" статью "Новое о "Домике Лермонтова", хотя известен был такой документ, как запись Чилиева в его тетради, известны были и труд Висковатого, и повествование Мартьянова со ссылкой на Чилиева.

На страницах газеты "Пятигорское эхо" появился ряд статей в защиту "Домика". Спор разгорался, отклики его достигли столицы.

Историк литературы профессор Д.И. Абрамович, редактировавший Собрание сочинений Лермонтова в издании "Академической библиотеки русских писателей", приехал в Пятигорск для выяснения ряда вопросов, связанных с изданием. Он старался также выяснить, в каком доме жил Лермонтов. Судя по его примечанию к иллюстрациям в V томе издания, вопрос этот для него остался неясен: "Пятигорские старожилы спорят и поныне... Ныне преобладает мнение, что Лермонтов жил в надворном флигеле, примыкающем к садику".

Итак, "Домик Лермонтова", побывав в руках нескольких владельцев, претерпев ряд изменений, становится, наконец, достоянием города.

Чем же отметило городское управление этот факт? Бухгалтерия оформила принятие недвижимого имущества на баланс Пятигорска, а на дверях домика кто-то из служащих городской управы повесил замок. И никаких торжеств! Небольшие хроникерские заметки в газетах — и все. Лермонтовская усадьба оказалась каким-то бесхозяйственным владением. Никто не позаботился даже об охране домика.

Прошло два месяца. Домик пустует. Тогда Кавказское горное общество обращается в городскую управу с просьбой предоставить ему эту усадьбу для устройства музея, библиотеки и хранения вещей, связанных с именем поэта. Учтя, что задача, поставленная Кавказским горным обществом, "отвечает тем целям, которые поставило городское самоуправление, приобретая в собственность домик Лермонтова", городская управа постановила:

"Временно, впредь до решения этого вопроса в думе, предоставить в распоряжение К. г. об-ва усадьбу с домиком Лермонтова для помещения в переднем фасадном домике музея и библиотеки общества, а во флигеле, где жил поэт, сосредоточить все вещи, связанные с именем М.Ю. Лермонтова и героев его романа и поэм, с условием, что общество будет за свой счет содержать сторожа при домике и заботиться о целостности и сохранности исторической усадьбы".

Кавказское горное общество на все условия согласилось и, не дожидаясь утверждения думой постановления городской управы, поспешило перенести в главный наружный дом из Елизаветинской галереи (ныне Академической) "своей небольшой, но симпатичный музей", поместив там же свое бюро и правление. В "Домике Лермонтова" стали собирать "все то, чем хотя с какой-нибудь стороны характеризуется пребывание на Кавказе его гениального обитателя".

15 июля 1912 года Кавказское горное общество торжественно отпраздновало, уже в Лермонтовской усадьбе, десятилетие своего существования. Был отслужен молебен, после которого присутствующие направились в "Домик". Без разговоров, в какой-то торжественной тишине прошли по комнатам. Однако гирляндами из зелени и цветов украсили не "Домик", а палатку во дворе, в которой проводилось торжественное юбилейное собрание. Когда же за обедом кто-то предложил сделать сбор в фонд будущего "Лермонтовского музея", то собрано было всего 63 рубля — меньше, чем на приветственные телеграммы разным высокопоставленным особам.

С 63 рублями Кавказское горное общество приступило к организации Лермонтовского музея. Задача была трудная, в "Домике" не сохранилось ни одной вещи из тех, что были при Лермонтове, хотя Чилиев уверял Мартьянова, что "все осталось так, как было при Лермонтове", и Георгиевский, внесший много изменений в облик домика, также утверждал, что "все сохранилось так, как было при нем".

Все вещи, принадлежавшие Лермонтову, в том числе железная складная кровать, были в свое время собраны и отправлены в Тарханы, к бабушке Лермонтова. Все же хозяйские вещи заменялись постепенно другими, в зависимости от того, как был использован флигель. Вспомним, что в 1852 году там была какая-то контора. А по рассказам тетушек сына Чилиева, нотариуса Николая Васильевича, в домике одно время была контора молодого нотариуса.

Вейштордт переделал флигель для своей квартиры. Вероятно, он обставил ее по своему вкусу более современной обстановкой. Но сохранились стены, которые были свидетелями последних дней жизни поэта. В этих стенах и было положено основание Лермонтовскому музею. Венки и ленты на них были первыми экспонатами. Среди венков было два серебряных: один от офицеров Тенгинского полка, второй — от общественного клуба города Пятигорска.

В том же 1912 году в музей поступило два ценнейших экспоната: письменный стол и кресло, принадлежавшие Лермонтову. Эти вещи передала музею племянница Михаила Юрьевича, дочь его троюродного брата А.П. Шан-Гирея Евгения Акимовна. Вот что рассказала она об этих вещах.

Когда Лермонтов поступил в юнкерское училище в Петербурге, воспитывавшая его бабушка приехала в Петербург, сняла там квартиру и переправила из Тархан часть обстановки. Среди этой обстановки был ореховый письменный стол и мягкое кресло. Значит, за этим столом было написано стихотворение на смерть Пушкина, так резко изменившее судьбу поэта. За этим же столом шла работа над "Демоном", написаны все произведения петербургского периода, в том числе "Маскарад" и, позднее, "Мцыри" и "Герой нашего времени".

В дальнейшем судьба этих вещей сложилась, по рассказам Евгении Акимовны, так: уезжая в 1841 году из Петербурга, Лермонтов, как вспоминал Аким Павлович, сделал подробный пересмотр всех бумаг. Закончив разборку бумаг, Михаил Юрьевич сказал Аким Павловичу:

— Этот письменный стол ты, Яким (так называл Лермонтов Акима Павловича), возьми себе. Я вряд ли вернусь с Кавказа...

Впоследствии Аким Павлович, уже по выходе в отставку, купил у А.А. Столыпина, брата бабушки Лермонтова, имение Столыпинувку (недалеко от Георгиевска), куда и перевез некоторые вещи, в том числе лермонтовские стол и кресло.

Аким Павлович женился на Эмилии Александровне, падчерице Верзилина. Вещи из Столыпинувки были перевезены в Пятигорск. Евгения Акимовна вспоминала, что стол и крес-

ло были вывезены из имения не сразу. Но как-то Акиму Павловичу взгрустнулось, и ему захотелось, чтобы дорогие для него вещи брата и друга были около него. Он перевез их в Пятигорск и, когда барский дом в Стольпиновке сгорел, Аким Павлович, не горюя о потере Дома, радовался, что реликвии удалось вовремя увезти.

Евгения Акимовна, уезжая с мужем в Персию, оставила лермонтовские вещи на хранение своим друзьям. Как хранились эти вещи, можно судить по рассказу тех лиц, которым было поручено перевезти их в музей. Стол и кресло хранились в кладовой со всяким хламом, причем сукно с крышки стола было сорвано, как сказала "хранительница" реликвий, чтобы не разводи-лась моль. На столе оказались прожоги от самоварных углей. Прислуга сообщила, что она всегда ставила самовар на этом столе... В таком виде и поступили самые ценные экспонаты в Лермонтовский музей.

Кавказское горное общество горячо взялось за организацию музея, но оно было временным хозяином, о чем городская управа и напомнила ему в апреле 1913 года.

25 апреля этого года Пятигорская дума вынесла постановление: "Открыть с 1 января 1914 года в доме Лермонтова городскую библиотеку (в большом доме) и музей Лермонтова. Ассигновать единовременно на приобретение книг 6000 руб. и ежегодно по 4500 руб. на содержание этих учреждений и избрать особую комиссию в составе 6 лиц для организации и ближайшего заведования домиком Лермонтова с библиотекой и музеем имени поэта".

Но город не успел ничего сделать: разразилась война, бюджет города резко сократился. Музей так и остался в том первоначальном состоянии, в какое успело привести его Кавказское горное общество. Библиотека же совсем не была создана. Столетие со дня рождения Лермонтова в 1914 году предполагалось отметить широко, но война помешала этому. Однако в журналах и газетах появилось огромное количество статей, заметок, стихов. Было издано много книг и брошюр.

Какие только темы не затрагивались в этой юбилейной литературе! А о "Домике" вспомнили немногие. Кроме местных, кажется, только одна нижегородская газета уделила "Домику" несколько строк. Да в 3–4 журналах появились фотографии "Домика" с очень кратким текстом. А "Домик" Лермонтова находился в это время в самом плачевном состоянии. Московский журналист Яков Львов с большой грустью писал об этом в статье "Великие тени", напечатанной в газете "Пятигорское эхо": "Музей и "Домик Лермонтова" в Пятигорске в виде достаточно неинтересном. Никто о них не знает, где они. Есть лермонтовский алебастровый завод, был лермонтовский кафе-шантан²², но нет музея..."

Собственно, хозяйничал в это время в "Домике" банковский курьер, нанятый за 5 рублей в месяц охранять всю Лермонтовскую усадьбу, благо банк был близко. Курьер и давал экскурсантам в "Домике" объяснения. Рассказы его были самые фантастические, вроде того, что "Домик" строила для Лермонтова его бабушка. Или что находившиеся в музее Кавказского горного общества (в доме, выходящем на улицу) коллекции бабочек собраны Лермонтовым на Машуке, что олени рога — якобы рога тура, которого Лермонтов убил на охоте в горах...

С отголосками этих "объяснений" приходилось сталкиваться еще 25–30 лет назад. Посетители спрашивали и очень настойчиво: где бабочки, которых наловил Лермонтов, когда ходил к источнику пить воду? Где рога? Где орел? Разубедить этих посетителей было трудно. В течение многих лет они верили и бы-

ли убеждены, что "драгоценные экспонаты" просто не сумели сберечь.

Сравнительно недавно автору пришлось слышать от одного умного, культурного человека такие слова, сказанные не то с упреком, не то с горечью:

"А куда делся портрет Шамиля? Прекрасно исполненный, большой такой портрет. Я хорошо его помню".

Да, портрет Шамиля тоже был в музее Горного общества, из которого потом вырос ныне существующий Краеведческий музей.

Объяснения сторожа никого не тревожили, никто его не проверял, а он смотрел на посетителей лермонтовского жилища только как на источник дохода. Ему некогда было следить за экспонатами. Тогда-то и были украдены со стен "Домика" серебряные венки. В кресле Лермонтова посетители отдыхали. На стенах расписывались.

Побывавший в "Домике" 15 июля 1914 года известный лермонтовед профессор Л.П. Семенов был свидетелем, как сторож давал объяснения "всем, кто приходил к жилищу поэта".

Профессор очень подробно описал свое посещение "Домика".

"С кладбища иду в Лермонтовский домик. Он находится на Лермонтовской улице, во дворе. Над входом, ведущим во двор, прикреплен мраморная доска с надписью:

Дом, где жил и скончался (?) поэт
М.Ю. Лермонтов.
Приобретен городом в 1912 г.

Вхожу в первую комнату. В ней два окна, выходящие во двор. На стенах венки, фотографические снимки. В одном углу икона и небольшой круглый столик; возле столика на полу — два плоских куска от дерева, росшего при жизни поэта под окном его комнаты и теперь спиленного. Эта комната непосредственно сообщается с другой; та поменьше, ее окно также выходит на двор. У окна ломберный стол; возле него на подоконнике прикреплен клочок бумаги с надписью: "Стол из квартиры княжны Мери" ("Герой нашего времени"). Рядом, напротив двери, — диван, обтянутый дешевой материей, уже пришедшей в ветхость, на спинке дивана тоже клочок бумаги, гласящий: "Диван из квартиры княжны Мери". В углу, направо от дивана, большое разбитое зеркало. На нем бумажка с пояснением: "Зеркало из квартиры княжны Мери". На стенах венки. Разумеется, найдутся посетители, которые не усомнятся в том, что этот стол, диван и зеркало принадлежали действительно княжне Мери; верят же в это лица, заведующие Домом Лермонтова".

Профессор Семенов выражал опасение, "что этому домику грозит опасность сделаться складом ненужных предметов — предметов, замечательных только тем, что ими владели действительные или предполагаемые прототипы героев поэта и его современники". Профессор добавлял, что такая опасность существует, и привел в пример статью в местной газете "Кавказский край", в которой сообщалось, что в Лермонтовский домик будет передан мундир генерала Верзилина.

"Две другие комнаты этого домика выходят окнами в сад. В большей — кабинете поэта — два окна²³, в меньшей — одно. На стенах — портреты Лермонтова, венки. В кабинете, между окнами, письменный стол Лермонтова. Налево, в углу, его кресло. Крышка стола голая, и только в одном месте сохранился едва заметный клочок зеленого сукна".

Профессор заходил в "Домик" дважды, и оба раза посетителей было немного. Объяснения давал сторож.

ХII

Кто же посещал "Домик Лермонтова" в первые годы существования музея?

Старый член партии, персональный пенсионер, журналист М.О. Пантюхов вспоминает, как он в 1926 году зашел в "Домик" и, заинтересовавшись дореволюционными книгами для записи впечатлений, получил и просмотрел "целую охапку книг, толстых, выцветших, в потрепанных переплетах..."²⁴

"Мне сейчас, конечно, очень трудно вспомнить все то, что я перечитал в этих книгах, написанных в разное время, разными людьми, разными почерками, — пишет М.О. Пантюхов. — Но общее впечатление у меня осталось такое: большинство дореволюционных записей говорит о том, как, в сущности, мало знали, ценили и уважали великого поэта. Большинство записей сделано школьниками, гимназистами, реалистами, кадетами, и в них хрестоматийный Лермонтов. Вот одна из записей, запомнившаяся мне: "По небу полуночи ангел летел и тихую песню он пел"... Подпись — гимназист 6-го класса, и следует фамилия.

Ни одного слова о Лермонтове, о своих чувствах, о своем впечатлении. Этакое убожество мысли!

В других записях школьники писали несколько лучше, подробнее, цитировали стихи Лермонтова, но и в этих записях Лермонтов не выходил за рамки хрестоматий, рекомендованных министерством народного просвещения для школ.

Вспоминается запись двух офицеров Нижегородского полка, которые, выражая сожаление о смерти Лермонтова, одобрительно похлопывали его по плечу за то, что он поступил по долгу чести, как настоящий нижегородец, и что они поэтому гордятся им.

Но вот крепко врезавшаяся в память запись в книге не то 1912, не то 1913 года. Красивым, четким, канцелярским почерком записано: "Сего числа "Домик М.Ю. Лермонтова" посетил его высокопревосходительство министр земледелия с супругой. Его высокопревосходительство остался очень доволен осмотром. Адъютант штаб-ротмистр..." и дальше собственноручная запись супруги царского министра: "Ах, молодежь, до чего доводит ваша горячность и легкомысленность. Об этом говорит трагическая судьба поэта-офицера Лермонтова..."

Характеристика посетителей "Домика" в годы 1912—1915, данная г. Пантюховым, в общем, верна. Ведь его посетителями были, главным образом, лица, приезжавшие на Кавказские Минеральные Воды кто для лечения, а кто просто чтобы поразвлечься. Они заходили в "Домик" чаще не потому, что их влекла туда любовь к поэту, а чтобы отдать дань времени.

Трудовая интеллигенция, хорошо знавшая и горячо любившая поэта, не очень часто попадала тогда на курорты, потому в "Домике" ее бывало немного. Такие посетители, как профессор Семенов, журналист Яков Львов, артист студии Станиславского Литвинов, были исключением, и не они определяли массовый облик посетителей "Домика". Простым же трудовым русским людям курорты были совсем недоступны. Они и не знали "Домика".

В этот период бесхозяйственного состояния Лермонтовской усадьбы Кавказское горное общество не переставало заботиться о том, как бы вывести ее из тяжелого положения. По его инициативе в конце 1915 года был создан организационный комитет. На комитет возлагались надежды, что он сумеет найти выход из создавшегося тяжелого положения. Для заведования "Домиком" был избран специальный попечитель.

Сначала комитет состоял только из членов Кавказского горного общества, но в следующем, 1916 году он пополнился представителями от города и от управления Кавминвод.

Кавказское горное общество денег не имело, содержать Лермонтовскую усадьбу оно не могло. Член общества проф. В. Дубянский утверждал, что общество приняло на себя только "нравственную обязанность всемерно поддерживать в сохранности усадьбу, но оно никогда и не предполагало брать на себя заботу материального характера".

Большие надежды возлагал Лермонтовский комитет на добровольные пожертвования посетителей "Домика". Для этих пожертвований была вывешена кружка. В обращении к посетителям говорилось: "На поддержание, содержание, предполагаемое реставрирование домика и на пополнение организуемых при нем "Лермонтовского Кавказского музея" и Лермонтовской библиотеки можно опускать собственноручно в кружку добровольные пожертвования".

Увы! Пожертвований не хватало даже на самые мелкие хозяйственные расходы. О реставрации "Домика" тогда нечего было и думать.

С воззванием о поддержке Кавказское горное общество и Лермонтовский комитет обратились также "к учреждениям, организациям и лицам, имеющим возможность содействовать пополнению музея".

Воззвание было разослано в газеты всех губернских городов России. В местные же учреждения — городскую думу и Управление Вод были направлены пространные ходатайства.

У города испрашивалось ежегодное ассигнование в сумме 300 рублей "хотя бы на библиотеку при "Домике". При обсуждении этого вопроса гласный Савельев заявил: "У города всякая копейка должна быть на счету... Я просил бы этот вопрос отложить совершенно".

И его отложили "совершенно". "Домику" было выдано только единовременное пособие в сумме 150 рублей да Управление Кавказских Минеральных Вод внесло 300 рублей. Таким было материальное положение музея в 1916 году.

И все-таки, как свидетельствовал попечитель музея, "весной этого года домик открыл свои двери совершенно неизвестным". Зеркало и диван не выдавались более за принадлежавшие княжне Мери. Музей пополнился новыми экспонатами: "Общественность живо откликнулась на воззвание: от частных лиц поступило более ста экспонатов, среди них такие ценные, как прижизненные издания произведений Лермонтова. Для объяснений была приглашена сотрудница". Эта сотрудница была единственным платным работником в "Домике", не считая сторожа. Да и она проработала только до осени. Попечитель музея, как позднее и заведующие, никакой платы не получал.

Нельзя не отметить роль отдельных общественных деятелей, отдававших "Домику" много внимания и забот. Это, прежде всего, педагог Д.М. Павлов, положивший много труда на создание в "Домике" музея. Это известный фотограф Г.И. Раев, который был первым хранителем Лермонтовской усадьбы. Григорий Иванович не только одарял "Домик" своими художественными фотоснимками лермонтовских мест и видов Кавказа, но и заботливо отыскивал вещи, имевшие какое-то отношение к Лермонтову или его эпохе. Им были разысканы в Кисловодске диван и трюмо из дома Реброва, где некоторое время жил Лермонтов. Это те самые экспонаты, которые кто-то снабдил ярлыками "вещи княжны Мери". Я.Д. Верховец много лет прожил в Лермонтовской усадьбе (в большом доме) и собрал большой материал для истории "Домика". Якову Дмитриевичу многим обязан и автор настоящей работы.

Неизменными друзьями "Домика", часто выручавшими его своей бескорыстной помощью, были архитектор И.И. Байков, заведующий хозяйственным отделом Управления Кавказских

Минеральных Вод Б.Я. Бородаев, директор музыкального училища Б.Р. Геркен-Миттерман, доктор А.И. Виноградов, инженер Э.Э. Карстенс, заведующий канцелярией управления Вод А.Н. Костенский, доктор Е.А. Ларин, присяжные поверенные Ф.Е. Попов и В.В. Лунин, известный альпинист Я.И. Фролов и многие педагоги.

15 июля 1916 года исполнялось 75 лет со дня гибели Лермонтова. Местные газеты уделили большое внимание этому юбилею. В предъюбилейные дни печатались статьи, посвященные Лермонтову. В одной из статей автор Андреев выразил пожелание видеть "Домик" как человеческое жилище, а не склад вещей". Статья вызвала оживленную полемику.

В день юбилея пятигорские газеты посвятили памяти поэта целые страницы. Предполагал широко отметить эту дату Лермонтовский комитет, но, как сообщалось в местной газете, "лермонтовские торжества откладываются по не зависящим от Лермонтовского комитета обстоятельствам". Комитету пришлось ограничиться устройством скромного литературного вечера в "Домике". Устроители назвали этот вечер "Лермонтовскими поминками".

Осенью 1916 года "Домик" вновь оказался в печальном положении. Об этом заявлял попечитель музея в направленной Кавказскому горному обществу докладной записке с просьбой рассмотреть вопрос о "Домике" в экстренном порядке. Не предлагая мер для изменения того положения, которое создалось в "Домике" за время его отсутствия в летние месяцы, попечитель обрисовал состояние "несчастливого, забытого" лермонтовского памятника.

"Мое глубокое убеждение, что для Горного общества заботы о Лермонтовской усадьбе совершенно непосильны, — писал попечитель. — Оно не имеет средств, чтобы поддерживать ее от разрушения, оно не имеет сил, чтобы из домика сделать поучительную реликвию, оно, наконец, или не может, или не желает устроить так, чтобы осмотр усадьбы публикой был удобен для последней и приличен. Усадьба — эта российская реликвия — теперь вотчина эксплуатирующего ее в своих выгодах сторожа... В эксплуатации публики участвует вся семья сторожа, включительно до его малолетней дочери. Домика никто не пополняет. Порядка в нем никто не поддерживает. Объяснений посетителям или совсем не дают, или дают заведомо ложные. (Нанятая для объяснения сотрудница ушла). Словом, тут царит такое вопиющее безобразие, которое осуждается и молвой, и прессой, мимо коего ни один из сознательных почитателей поэта не может проходить без негодования".

Еще резче обрисовал положение "Домика" тот же попечитель через два месяца, 6 ноября 1916 г., в статье "О Лермонтовской усадьбе", напечатанной в газете "Пятигорское эхо": "Крыша домика протекает, в коридоре во время дождя просто потоп, в углу сада огромная мусорная куча, которая разлагается, сад и двор обильно поливаются помоями, сад лишен ухода, деревья гибнут. Так, засохла современная Лермонтову акация, портится красавец грецкий орех — истинная гордость Северного Кавказа".

Впервые в 1916 году был проведен учет посетителей: за год в "Домике" побывали 620 человек. В 1917 году наконец-то прекратил свою "деятельность" словоохотливый сторож. Объяснения посетителям давали члены Кавказского горного общества и Лермонтовского комитета, дежурившие в музее по очереди.

День гибели Лермонтова — 15 июля — был скромно отмечен в стенах "Домика". Впервые чествование памяти поэта обошлось без панихиды. Уже чувствовалось во всем веяние приближающейся революционной грозы. В книге отзывов посетителей "Домика" стали появляться записи рабочих. 10 августа рабочий-

металлист из Воронежа П.М. Смирнов, побывав в музее, записал: "Память о Лермонтове останется навсегда". Из госпиталей (а их было много в Пятигорске во время войны) приходили офицеры, иногда и солдаты. Среди записей этого периода обращают на себя внимание безыскусственные слова чеченца Джамбулатова: "Здравствуй, великий поэт! Не умер ты в сердцах горцев. Лучшую память тебе, кунаку, мы уделим. Ты один из русских так отнесся к нам".

Бои за Советскую власть ничем не затронули "Домик...". Он остался цел и невредим, хотя и не был окружен особым вниманием и заботой. Кончилась гражданская война. Страна под руководством партии вступила на путь новой жизни. Разоренная долгими годами войны, иностранной интервенции Родина нуждалась тогда в самом необходимом. Надо было прежде всего восстанавливать экономику. И все же культурные нужды не оставались забытыми.

В 1920 году Советским правительством был издан декрет о национализации музеев.

XIII

С восстановления в Пятигорске в 1920 году Советской власти начинается и новая история "Домика". Лермонтовскую усадьбу взял под свое покровительство Народный университет. Созданный в Пятигорске на общественных началах, университет этот, правда, не располагал никакими средствами. Он не мог сделать необходимый наружный ремонт, не имел возможности привести "Домик" в порядок и внутри. Но он охранял усадьбу, а это уже было немало для того трудного времени. В том, что первой организацией, позаботившейся о "Домике" в те годы, был именно Народный университет, — знамение той неповторимой эпохи.

Непосредственная забота о "Домике" была возложена на естественно-исторический кабинет Народного университета. Кабинет этот был организован из экспонатов музея Кавказского горного общества и помещался в большом доме Лермонтовской усадьбы. Заведующий кабинетом заведовал и "Домиком".

Состав посетителей "Домика" резко изменился после Великого Октября. Теперь "Домик" стал доступен всем трудящимся. Характерна для этого времени запись, по-видимому, красноармейца Николая Просих. 16 июля 1920 года он был в музее и записал: "Если б не волна революции разразилась, то и мне — пролетарию — не пришлось бы посмотреть тот домик, где когда-то жил народный писатель и великий гений М.Ю. Лермонтов. Да здравствует пролетарская революция 25-го октября, да здравствует Красная Армия!.."

Надо было видеть, как воспринимали эти новые посетители рассказы о жизни Лермонтова, о его произведениях. Записи в книгах впечатлений за эти годы подкупающе искренни и трогательны. В этих записях чувствуется большое тепло и любовь к поэту, возмущение убийством Лермонтова, горькое сожаление о том, что поэт так рано ушел из жизни.

М.О. Пантюхов рассказывает, что он был потрясен одной записью, которую он не может забыть. Корявым, неровным почерком малограмотного человека записаны живые слова: "Жалко мне вас, товарищ Лермонтов". И подпись: "Красноармеец караульного батальона".

В 1922 году естественно-исторический кабинет был передан вместе с "Домиком" в ведение Губполитпросвета подотдела Терского губернского отдела народного образования. Тогда впервые заведующий "Домиком" стал получать заработную плату.

Состояние Лермонтовской усадьбы было в это время плачевно. Акт обследования ее Губполитпросветом гласил: "Ограда

усадыбы в некоторых местах рассыпалась, ворота сгнили, двор зарос травой. Левая стена у переднего домика выдалась наружу и грозила рассыпаться. Подвальные этажи домиков в хаосе, и вообще вся усадьба производит впечатление запустения”.

Прежде всего надо было раздобыть средства. Заведующий Тергубполитпросветом обратился с воззванием: “Ко всем! “Домик Лермонтова” в Пятигорске, — несомненно, одна из драгоценных реликвий прошлого; сохранение этой исторической и культурной ценности — обязанность всех граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, строящей новое общество на основах знания и культуры.

Лишь бедность, доставшаяся нам от войны, не дает возможности развернуть полностью меры, необходимые для совершенного развития “Домика Лермонтова” в первоклассную культурную ценность. “Домик Лермонтова” переживает большие затруднения в финансовом отношении. Обязанность всех граждан, всех почитателей Лермонтова, всех, дорожащих памятниками культуры, прийти на помощь государству. Само собой разумеется, что активная денежная помощь “Дому Лермонтова” явится лучшим способом закрепления нашего сочувствия к памяти поэта. Не сентиментальными фразами, а действительным участием должны мы доказать свою заботу о “Домике Лермонтова”, свое преклонение перед великим поэтом России. Призываю к деятельности!”

Обращение это было разослано всем учреждениям городов Кавказских Минеральных Вод и опубликовано в газете “Терек”.

На него живо откликнулись советские учреждения, хозяйственные и кооперативные организации. Сохранение Лермонтовской усадьбы перестало быть заботой только того учреждения, в ведении которого она находилась. Помогали кто чем мог: деньгами, предоставлением специалистов, рабочей силы, бесплатным отпуском материалов, электроэнергией, дров и т.п. Для приведения усадьбы в порядок было организовано несколько субботников.

Для улучшения материального положения “Домика” впервые была установлена входная плата: вначале билет стоил пять, затем семь, далее восемь и, наконец, десять рублей... Но что могли значить в бюджете музея эти более чем скромные цифры, когда рубль в те годы не имел цены и счет шел на миллионы.

“Усадьба в общем приняла такой привлекательный вид, в каком она никогда не находилась за все время своего существования... Лермонтовская усадьба стала действительно культурным уголком”, — писал редактор газеты “Терек” М. Санаев.

Но приведение усадьбы в порядок было только началом большой и трудной работы по созданию музея в “Домике”. У молодых культурных советских учреждений не было тогда ни опыта, ни четких планов. Все было вновь. Встречались и совсем непредвиденные трудности. Терскому губполитпросвету пришлось столкнуться с таким положением: воинствующие безбожники города подняли вопрос о том, чтобы Лермонтовский музей ликвидировать, а в “Домике” организовать антирелигиозный музей. Даже в самом Губполитпросвете нашлись защитники этого нелепейшего предложения. Они доказывали, что в первые годы после революции борьба с религией должна вытеснить все другие виды культурной работы. Как раз в это время политпросвет получил большую коллекцию экспонатов, разоблачающих различные религиозные культы. Это и послужило толчком для предложения о создании антирелигиозного музея.

В конце концов “Домик” не был дан в обиду, и Лермонтовский музей в нем удалось создать.

15 июля, в 81-ю годовщину со дня гибели поэта, было организовано “Первое Лермонтовское торжество”, как названо

в официальном отчете это чествование памяти Лермонтова. Торжество, правда, было очень скромным: состоялся только митинг у памятника Лермонтову в сквере и молчаливое посещение “Домика”.

Более полугода велась работа по созданию музея. В марте 1923 года музей был открыт.

Вот как характеризовали проделанную работу первые посетители музея: “В устройство музея “Домик Лермонтова” вложено много любви и внимания к памятнику, столь ценному для Пятигорска. Надеемся, что прежнего запустения больше не увидим. Рабочие и крестьяне любят и ценят искусство глубже, чем это казалось для идеологов буржуазии.

Зам. зав. Тергубкоммунотделом Викторов”.

16 мая в “Домике” побывал А.И. Микоян, в то время секретарь Юго-Восточного бюро ЦК. В книге впечатлений рукой А.И. Микояна записано: “Несомненно, музей имени Лермонтова является лучшей достопримечательностью Пятигорска”.

Сопровождавший А.И. Микояна секретарь губкома РКП(б) товарищ А. Подгорный записал: “Любовь к делу превозмогла все материальные трудности. Какая кропотливость, сколько стремления сохранить историко-художественные ценности”.

Много труда и подлинной любви к поэту вложили в дело создания музея такие энтузиасты, как В.П. Шереметов — первый директор “Домика”, его преемник, бывший сотрудник губоно В.И. Егоров, а также М.И. Санаев, редактор газеты “Терек”, одно время заведовавший Тергубполитпросветом.

Доброй славе “Домика” немало способствовала племянница Лермонтова, Е.А. Шан-Гирей.²⁵

Сотрудники музея не могли припомнить такого дня, когда Евгения Акимовна не бывала в “Домике”. А если ее иногда и не было, посетители непременно спрашивали о ней: так она была популярна. Тогда за Евгенией Акимовной посылали, и она никогда не отказывалась прийти.

Надо было видеть, как слушали эту маленькую, сухонькую, с большими живыми глазами, необычайно скромную старушку. Всегда в черном платье с белым воротником, заколотым чудесной старинной камеей, она говорила очень тихо, а слушатели стояли, словно завороженные, затаив дыхание.

Да и как можно было иначе слушать эту милую, трогательную в своей старости племянницу поэта. Ведь то, что она рассказывала, она знала от родителей — непосредственных свидетелей жизни Лермонтова. Отец ее с детских лет почти не расставался с Михаилом Юрьевичем, а мать была свидетельницей последних дней жизни поэта в Пятигорске. Так почти вся жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова прошла на глазах ее родителей.

Всегда волнующим был рассказ Евгении Акимовны о вечере, после которого Лермонтов был вызван на дуэль.

— Молодежь часто собиралась в доме бабушки — Марии Ивановны Верзилиной, — рассказывала Евгения Акимовна. — Танцевали, играли в фанты, “хоронили” золото — игра такая была... В тот вечер тоже собрались в нашем доме. Как всегда, танцевали. Мама сидела с Львом Сергеевичем Пушкиным и Михаилом Юрьевичем на диване. Оба были остроумцы и, как вспоминала мама, в этот вечер особенно много острили. Ну, и, конечно, много смеялись. А моя тетья — Надежда Петровна, — которой Лермонтов посвятил шуточный экспромт, стояла около рояля и разговаривала с Мартыновым...

— Так рассказывала мне мама, — заканчивала Евгения Акимовна и добавляла, что об этом вечере ей приходилось слышать много-много раз.

— Приходили часто в наш дом приезжие и просили маму рассказать, как это случилось.

Говорила Евгения Акимовна о том, что было уже хорошо известно, но живая связь с событиями того вечера волновала слушателей.

Если кто-нибудь задавал вопрос о камее, Евгения Акимовна, почему-то смущаясь, рассказывала: "Это камей моей мамы. Она всегда ее носила" — и, чуть улыбаясь, добавляла грустно: "Может быть, и в тот вечер она была на ней".²⁶ До последних дней жизни не прерывала Евгения Акимовна тесной связи с "Домиком".

В 1923 году исполнилась 82-я годовщина со дня гибели Лермонтова. Для проведения юбилея при "Домике" было создано организационное бюро. Это первое после Великой Октябрьской революции торжественное чествование памяти поэта было проведено как-то особенно тепло. Участвовал народ, не избранная, приглашаемая по билетам публика, а народ, пришедший с искренним чувством любви к поэту.

Организаторы юбилея объясняли, почему память поэта чествуется в Пятигорске не в связи с установившимися датами: 50, 75, 100-летие и т.д. со дня рождения или смерти: "Пятигорье связано с Лермонтовым более тесно, чем какая-либо другая местность, и потому более других обязано чествовать поэта".

Организационное бюро разработало обширную программу двухдневного чествования памяти поэта. В первый день, 28 июля,²⁷ доклады о жизни и творчестве Лермонтова, концерты, литературные вечера, спектакли из произведений юбилера проводились в Рабочем клубе (ныне городской театр), в Лермонтовской галерее, в доме работников просвещения, в красноармейском клубе, в школах, кинотеатрах. Все это выполнялось комсомольцами, членами союза Рабис, учителями и прочей интеллигенцией города.

На второй день, 29 июля, это было воскресенье, состоялось массовое шествие к месту дуэли. К четырем часам дня двор музея и Лермонтовская улица перед музеем, тогда обширная площадь, заполнилась собравшимися. Стройные колонны организаций, пришедших с развернутыми знаменами и венками из живых цветов, автомобили, украшенные флагами и цветами, дети с огромными букетами направились около пяти часов к месту дуэли. Впереди колонны везли большой портрет Лермонтова, украшенный гирляндами из живых цветов. Этот портрет (работы художника И.И. Крылова) висел в Лермонтовской галерее, над сценой, со дня открытия галереи в 1901 году. Портрет сняли для юбилейных торжеств, и теперь он возглавлял шествие.

Под музыку духового оркестра колонна направилась от "Домика" сначала к Лермонтовскому скверу. К подножию памятника поэту было возложено множество венков. Затем шествие вышло по Советскому проспекту (ныне проспект имени Кирова) на улицу Карла Маркса и далее, мимо Теплового Нарзана, к месту дуэли. Три докладчика выступали в толпе народа; ведь тогда еще не было микрофонов.

В этот же день к памятнику на месте первоначального погребения Лермонтова на городском кладбище были возложены венки.

К юбилейным дням группой горячих почитателей поэта был выпущен литературный сборник "Пятигорье — Лермонтову" с подзаголовком: "Первое чествование за время после революции". В предисловии к сборнику редактор объяснял: "...Раньше нам, людям нового общества, некогда было чествовать Лермонтова, теперь имеем эту возможность, и наше чествование является первой оценкой Лермонтова за время революции". Сборник был издан тиражом всего в 500 экземпляров, поэтому сейчас является редкостью. Участниками сборника были исключительно пятигорцы.

К этим же дням было приурочено открытие Лермонтовского общества, которое, правда, просуществовало всего несколько

дней. Надолго сохранились в памяти участников лермонтовских торжеств эти дни, которые стали данью поэту.

Через несколько дней после юбилея, в августе 1923 года, в газете "Известия" было опубликовано распоряжение правительства РСФСР. В пятом пункте этого распоряжения "Государственные музеи, состоящие на местном бюджете", значилось под № 75:

"Пятигорск. Домик Лермонтова".

Это было событие огромной важности. Молодое советское государство заботилось о сохранении своих исторических реликвий. Тотчас же после этого Лермонтовской усадьбе была выдана охранный грамота. Теперь уже не могло быть и речи о ликвидации "Домика". Решением правительства навечно утверждалось его значение именно как литературного памятника.

Побывало в "Домике" за 1923 год почти две тысячи человек.

Музей завоевал популярность, но как же трудно было ему перебиваться на те скудные ассигнования, которые Губполитпросвет выкраивал для него из своего тоже небогатого бюджета. Не было еще тогда у советского государства, залечивавшего тысячи ран, возможности выделить "Домику" значительные материальные средства.

Чтобы как-то вывести музей из его тяжелого положения, была применена временная мера: музей переведен на хозрасчет. Мера эта встретила резкое осуждение тех, кто вложил немало сил в восстановление "Домика". "Разве можно допустить такое нелепое положение!" — негодуяюще восклицал в газете "Терек" ее редактор М. Санаев. Однако нелепое положение было допущено и утвердилось надолго.

Перевод на хозрасчет поставил музей в еще более трудное положение. Входной платы, а она была единственным источником дохода, не хватало даже для проведения мелкого ремонта. Об улучшении же содержания музея, о приобретении экспонатов не могло быть и речи. Мизерным было количество сотрудников. (В 1926 году штат состоял только из заведующего музеем и сторожа).

В 1927 году "Домик" был возвращен на местный бюджет. Принявшая в том году музей Н.И. Логазидзе горячо взялась, прежде всего, за создание новой экспозиции. На те небольшие средства, которые были отпущены на улучшение работы, ей удалось к весне 1928 года все же много сделать. Это было известным шагом вперед, хотя экспозиция и не отличалась ни богатством, ни, разумеется, научностью разработки. О содержании этой открытой в 1928 году экспозиции можно судить по акту проверки музея, которая была произведена бригадой учителей Пятигорского горно 20 июня. В акте говорится: "Под музей занято пять комнат. В первой помещаются виды "Домика", копии лермонтовских картин, иллюстрации к некоторым произведениям поэта, витрины с произведениями различных изданий.

Во второй (зал) — зеркало времен Лермонтова, ломберный стол, столик круглый, 2 стула, диван, овальный столик со стеклом, шкафчик для посуды, снимки города Пятигорска. Здесь же находится уголок, где собраны материалы, связанные с историей дуэли.

В третьей (кабинет Лермонтова) — портрет М.Ю. Лермонтова, фотографии его родственников, типы горцев (гравюры), письменный стол и кресло М.Ю. Лермонтова.

В четвертой — собран юбилейный материал, модель памятника Лермонтову, фотографии памятников Лермонтову, венки, ленты и небольшая библиотека.

В прихожей — бюст поэта, выставка Госиздата произведений Лермонтова (книги продаются посетителям), книга впечатлений посетителей..."

Как бы то ни было, при всей своей скромности эта первая в послереволюционные годы экспозиция свидетельствовала

о том, что музей в меру своих сил и возможностей старался показать экспонаты, связанные с жизнью и творчеством поэта.

29 июля того же года в Лермонтовской галерее был организован Лермонтовский утренник. Выступал на нем с большим докладом профессор Московского университета П.Н. Сакулин. По окончании программы Сакулин предложил присутствовавшим отправиться в "Домик", "в котором прошли последние дни короткой, горькой жизни поэта". Участники утренника пришли в музей и попросили директора "Домика" пригласить Е.А. Шан-Гирей. С большим вниманием слушали ее рассказ о том, как на стене "Домика" в 1884 году укрепляли мемориальную доску.

В последующие годы работники музея работали над восстановлением в "Домике" бытовой обстановки времен пребывания в нем Лермонтова. Директор музея списывается с Пушкинским домом и Ленинградским отделением Государственного музейного фонда. Он едет в Ленинград, получает там копию маслом с картины Лермонтова "Штурм Варшавы", несколько кресел, стулья, янтарные чубуки к трубкам и еще кое-какие экспонаты, относящиеся к дворянскому быту первой половины XIX века.

Но материальное положение музея продолжало оставаться очень тяжелым. Финансовые трудности были настолько велики, что руководство музея вынуждено было — сейчас это звучит дико и невероятно! — сдать пятую комнату "Домика" (пристроенную в 80-х годах) частным жильцам.

Разумеется, подобную меру трудно оправдать. А к чему она привела, можно судить по тем статьям, которые вскоре появились в местной и центральной прессе. "Главной и наиболее популярной достопримечательностью Пятигорска продолжает считаться "Домик Лермонтова", затерявшийся на улице имени поэта у подножия Машука, — писала 12 ноября 1929 года выходящая в Ленинграде "Красная газета". — За последнее время он находится на положении фактически беспризорного. Прежде всего произведена варварская "реставрация"²⁸ "Домика" с современной покраской, возведением пристроек, разбивкой мещанского палисадника и вообще превращением всей усадьбы, имеющей всеозначное историческое значение, в доходную статью, будто бы оправдывающую вселение сюда частных постояльцев. И вот по двору усадьбы развешивается для сушки белье, бродят куры, в углу где-то хрюкает свинья, в беседке кто-то прохладается душем... Заведующие "Домиком" часто меняются, и каждый из них оставляет по себе самую печальную память..."

Через две недели после этой корреспонденции, 24 ноября 1929 года, в пятигорской газете "Терек" появилась заметка под заголовком "Уплотненный Лермонтов".

"Лермонтову с его историческим домиком в Пятигорске не повезло.

Лермонтова уплотнили.

Отдел народного образования заселил усадьбу Лермонтова новыми жильцами.

Усадьбу опошлили занавесочками, клумбочками, преобразившими ее первоначальный вид, через двор протянулись веревки для сушки белья, в глубине двора декорацию дополнил собою вместительный и донельзя грязный мусорный ящик. Если сюда добавить непросыхающие лужи мыльной воды после стирки белья, домашнюю живность... пейзаж получается крайне оживленный...

...Такое отношение к историческому памятнику нетерпимо, оно позорит не только Терский ОНО, но и все общественные и культурные организации округа."

Картина, нарисованная в приведенных корреспонденциях, безотраднa, но она не изменилась и в 1930 году. Кстати, из истории этого года старые работники "Домика" запомнили только такой

случай: со стен музея исчез портрет Мартынова 40-х годов прошлого столетия, то есть того возраста, в каком он стрелял в Лермонтова. Любопытно, что, как потом оказалось, портрет был не украден, а "снят" со стены музея внуком Мартынова ("чтобы дед не подвергался издевательствам", — заявил в свое оправдание любящий внук).

В 1931 году Лермонтовская усадьба была освобождена от жильцов.

XIV

В 1932 году "Домик" частично реставрировали. При этом выяснилось... впрочем, подробнее всего о том, что выяснилось, сказано в акте о произведенной реставрации. Он датирован 10 апреля 1932 года.

"При снятии штукатурки оказалось, что под дранью, на которую сделана последняя, сохранились еще в некоторых местах значительные куски бумаги, а в некоторых местах дерево смазано раствором мела и глины. Последнее еще раз подтверждает, что стены домика не переделывались, а остались те самые, которые составляли жилище поэта в 1841 году".

Вспомним описание "Домика", сделанное Мартыновым: "Низкие приземистые комнаты, стены которых оклеены не обоями, но простой бумагой, окрашенной домашними средствами..." И далее: "В приемной бумага на стенах окрашена была мелом и потолок выбелен тоже мелом..."

Да ведь это же документальное доказательство того, что стены "Домика" — молчаливые свидетели жизни Лермонтова — сохранились до наших дней! В этом смысле реставрация 1932 года принесла ценнейшие результаты.

Внешне "Домику" был придан приблизительно тот вид, какой он имел до переделок: был убран железный навес над входной дверью, укорочен коридор, изменен размер окошка в бывшей буфетной. Вместо двухстворчатой входной двери была навешена однопольная. Но зато внутри "Домика" были сделаны нарушения первоначального вида: заложена дверь из кабинета Лермонтова в спальню Столыпина и открыты двери из кабинета Лермонтова и Столыпина в пятую — позднейшей пристройки комнату. Самое же главное, что сделало "Домик" очень похожим на ранний фотоснимок 1877 года, было в том, что стены его обмазали глиной и побелили. Снесена была, наконец, беседка в саду, которая вызывала так много вопросов у посетителей и нареканий со стороны печати. Еще одно удалось сделать директору "Домика" С.Д. Короткову: он добился перевода музея на краевой бюджет, а это значительно улучшало материальное положение "Домика" и поднимало его значение.

Остановиться бы тогдашнему директору музея Короткову на этом. Не были бы воспоминания о нем омрачены его дальнейшей деятельностью. Но ему, видимо, захотелось сделать свой "вклад" в лермонтоведение. Однако, прежде чем говорить об этом "вкладе", необходимо хотя бы вкратце познакомить читателя с его творцом. Достаточно живое представление о Короткове дает выписка из докладной записки научной сотрудницы музея У-вой на имя музейного отдела Наркомпроса и один из приказов по "Домику Лермонтова".

У-ва зашла в музей по вывешенному на воротах объявлению о том, что музею требуется научный сотрудник. Она рассказала директору, что имеет высшее образование, преподавала литературу в Военной академии в Ленинграде. Выслушав ее, директор хитро прищурился и спросил: "А ты скажи по правде — грамоте-то знаешь?" — и пояснил при этом, что "грамота-то, видишь, какая, слово-то, думаешь, пишется так, а оно совсем иначе..."

У-ва была принята в музей, но вскоре же заслужила выговор. За что? Вот приказ по "Домику Лермонтова" за № 6 от 9 марта 1936 года:

"Принимая во внимание, что тов. У-ва в кратковременной своей работе уже допустила целый ряд недопустимых поступков, а именно: 1) У-ва носит в ушах серьги, а когда выходит в музей для дачи объяснений экскурсиям, среди экскурсантов нередко находятся тт., которые отрицательно относятся к этому наряду прошлого, этому обычаю дикарей. Я поставил перед У-вой вопрос так, чтобы она в музей больше с серьгами в ушах не заходила, но она до сего времени продолжает грубо не выполнять моего распоряжения. 2) Когда приходят большие экскурсии, некоторые экскурсанты проявляют желание пройти в музей без билетов, но т. У-ва упорно не выходит из канцелярии, а за последнее время на просьбы культурника старалась делать вид, что ей идти не хочется. Обобщая все вышеизложенное, нахожу, что все вышеперечисленные факты не могут быть терпимы в советском учреждении и в качестве воздействия на У-ву объявляю ей выговор".

Пребывание Короткова в течение нескольких лет на посту директора Лермонтовского музея можно объяснить лишь недостатком в то время квалифицированных кадров музейных работников. Но как бы то ни было, а Коротков "деятельно" трудился. Соответственно своему культурному уровню он построил и новую экспозицию в "Домике". То, что было сделано его предшественницей — директором Н.И. Логазидзе, — сделано с такой любовью и огромным напряжением, — Коротков беспощадно уничтожал. Новая экспозиция состояла главным образом из текстов, иногда не имеющих никакого отношения к Лермонтову. Появились опять вещи "княжны Мери" (все те же трюмо и диван!), был установлен "камень с могилы Лермонтова" в виде какой-то глыбы полуметровой высоты, грубо обтесанной наверху наподобие крышки гроба.²⁹

Особое внимание посетителей обращала на себя большая фотография с иллюстрации художника Шарлемана к "Песне о купце Калашникове" с надписью: "Так отрубили голову по приказу царей". А так как под этой фотографией стоял бюст Лермонтова, то получилось, что "так" отрубили голову поэту.

Эту, хотя бы и самую краткую, характеристику музейной экспозиции того времени, быть может, и не стоило бы давать, но выдвинутая Коротковым сенсационная версия об убийстве Лермонтова, всплывшая совсем недавно на страницах печати, обязывает дать некоторое представление о ее авторе.

По версии Короткова, в Лермонтова на дуэли попала пуля не Мартынова, а какого-то наемного убийцы, который прятался под кустом и выстрелил одновременно с Мартыновым. Версия эта была основана на том, что пуля, "попав в правый бок ниже последнего ребра", затем резко отклонилась в сторону и "вышла между пятым и шестым ребром левой стороны", как сказано в акте освидетельствования тела Лермонтова. Значит, решил Коротков, убийца стрелял снизу...

В фондах "Домика Лермонтова" и теперь хранится чертеж места дуэли с изображением человеческого скелета и хода пули от последнего ребра справа к левой стороне — "творчество" Короткова. Трактовке Короткова кое-кто поверил, и рассказ о том, "кто убил Лермонтова", даже попал на страницы "Комсомольской правды".

Вступление Короткова в ряды лермонтоведов кончилось печально. Он был снят с работы "за вульгарную версию убийства Лермонтова". После него в стенах "Домика" эта версия, разумеется, не воскресала. Со временем о ней забыли. Но, как оказывается, не навсегда...

В 1957 году ее раскопал и пустил в оборот В.А. Швембергер. Созданная Институтом русской литературы Академии наук СССР авторитетная комиссия разъяснила, что обнародованная Швембергером в журнале "Литературный Киргизстан" версия не заслуживает серьезного внимания. Однако спустя еще пять лет легенда снова появилась, на этот раз в пяти газетах. И никому при этом не пришло в голову, что легенда сочинена в "Домике Лермонтова" невежественным человеком, пожелавшим увековечить свое имя в лермонтоведении и что вначале на нее, на эту легенду, смотрели просто как на курьез, не придавая ей никакого значения...

В 1936 году руководство в музее сменилось. Но в "Домике" еще оставалась коротковская экспозиция.

XV

Советское государство окрепло, возмужало, получило возможность все больше внимания уделять развитию культуры. Неизмеримо вырос за это время культурный уровень народа, повысились духовные запросы. Записи в книге впечатлений "Домика" свидетельствуют, что требования посетителей стали более строгими и зрелыми, что экспозиция кажется им бедной, малосодержательной. "Музей по своему содержанию неудовлетворителен", — отмечает в записи от 17 августа 1935 года посетитель Г.М. Садов. Подобных записей и особенно устных заявлений становилось все больше. Все настойчивее советские люди говорили о том, что Лермонтову, гениальному писателю, великому патриоту, должен быть создан в "Домике" достойный его памятник. Все больше внимания начала уделять "Домику" печать. 23 апреля 1938 года газета "Молодой ленинец" писала: "Пора серьезно поговорить о содержании "Домика Лермонтова". По замыслу, "Домик" должен быть музеем. Но для этого "Домик" располагает недостаточным количеством экспонатов и исторических документов. "Хозяйство" домика преимущественно состоит из многочисленных, но весьма низких по качеству табличек-пояснений..."

С чего же начинать? Как будто само собой разумелось, что прежде всего надо менять экспозицию. Но не так-то это оказалось просто! Все многочисленные тексты и фотоснимки, висевшие в "Домике", были окантованы жестью и прибиты к стенам восьмидесятимиллиметровыми гвоздями. Стоило снять какой-нибудь текст, как отваливался до драни кусок штукатурки... Стало очевидным, что без внутреннего ремонта экспозицию изменить невозможно.

На текущем счету музея по специальным средствам было в то время двадцать две тысячи. На эти деньги вполне возможно было произвести ремонт и приобрести необходимые экспонаты. Но возникло совершенно непредвиденное осложнение.

В связи с потребовавшимися в то время особыми расходами Наркомат финансов вынужден был провести экстраординарную меру по изъятию у всех учреждений специальных средств "по состоянию на 1 января 1938 года".

"Домик" остался без средств. Ассигнования по бюджету предусматривали только зарплату для "пяти с половиной единиц" (пол-единицы) — бухгалтер по совместительству) и выразились в сумме 20 тысяч рублей в год. Никакие хлопоты, даже личная встреча директора музея с наркомом финансов, не помогли. Ремонт и смену экспозиций музея пришлось отложить до следующего года...

Итак, к началу 1938 года "Домик" не имел ни экспонатов для показа жизни и творчества Лермонтова, ни сотрудников для дежурства в музее, ни каких-либо материалов для ремонта. Что же, однако, дало возможность положить в этом же году, таком

"незадачливом", начало большой работе в "Домике" и вне его стен? Имя Лермонтова, всенародная любовь к поэту — вот что было в активе музея. И это помогло буквально сдвинуть горы.

Сколько советских учреждений, организаций, какие широкие круги общественности, сколько лермонтоведов и просто советских людей, любящих Лермонтова, ценивших его творчество, помогали "Домику" бороться с трудностями! Исторический музей, Институт имени Горького, Ленинская библиотека, Литературный музей — в Москве; в Ленинграде — Русский музей, Пушкинское общество, театр имени Пушкина; Пятигорский педагогический институт, — все принимали то или иное участие в судьбе "Домика". В.Д. Бонч-Бруевич, выдающиеся советские лермонтоведы Н.Л. Бродский, Б.В. Нейман, Л.П. Семенов, передавший в 1952 году "Домику" свою редкую библиотеку по лермонтоведению, И.Л. Андроников, композитор Б.В. Асафьев, композитор Л.И. Рабинович, художник В.Л. Бреннерт и еще многие-многие другие организации и отдельные деятели культуры помогали "Домику", понимая роль музея в популяризации творчества Лермонтова и его жизни.

В 1938 году Пушкинское общество командировало в Пятигорск для подготовки экскурсоводов для "Домика" и организации при нем научной работы одного из крупнейших лермонтоведов В.А. Мануйлова. Виктор Андроникович не ограничился ролью педагога: он составил план экспозиции музея, и это был первый научно разработанный план экспозиции в "Домике" на тему "Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова".

В следующем 1939 году Пушкинское общество командировало в "Домик" научного сотрудника Л.Н. Назарову. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР командировал профессора Б.М. Эйхенбаума, который прочел в стенах "Домика" цикл лекций о творчестве Лермонтова для сотрудников музея. А ведь даже проезд командированных лиц музей не имел возможности оплачивать.

Поистине добрым гением "Домика" на долгие годы стал Н.П. Пахомов. Лермонтовед, знаток лермонтовской эпохи, искусствовед, Николай Павлович своими огромными знаниями, опытом, бескорыстной помощью, советами, упорными поисками нужных музею экспонатов оказывал "Домику" неоценимую помощь. Он — и это самое главное — воспитал для "Домика" настоящих музейных работников.

Вот эта действенная помощь целого ряда организаций и отдельных лиц и поставила впервые "Домик" на плодотворный путь научно-исследовательского учреждения.

Хочется привести несколько фактов уже, так сказать, иного плана, но не менее выразительных. Ремонт "Домика" пришлось тогда делать так называемым "хозяйственным способом". Строительные организации города не пожелали связываться с "мелочными работами". Все материалы и труд рабочих музей оплачивал поэтому наличными деньгами, а они не всегда имелись на счету "Домика". И вот однажды, когда срочно понадобилась значительная сумма, секретарь музея З.А. Стоянова продала на эту сумму принадлежавшие ей облигации и внесла взаимозачетный деньгу в музейную кассу. Не раз выручали музей известный кавказовед, альпинист Я.И. Фролов и его жена...

Вспоминается и такой случай, может быть, и незначительный, но удивительно трогательный. В "Домике" идет ремонт. Нужен алебастр... Нужен немедленно, а его нигде нет! Между тем ремонт надо срочно заканчивать, так как осталось всего несколько дней до уже объявленного просмотра новой экспозиции. И что же? Ранним утром у калитки музея сотрудники обнаружили ведро алебастра. Кто, какой почитатель Лермонтова поспешил прийти на помощь "Домику"? Он так и остался неизвестным...

Чудесный бюст Лермонтова работы А.С. Голубкиной бесплатно получил "Домик" от музея имени этого выдающегося русского скульптора.

Московская типография "Искры революции", вряд ли когда-либо ранее слышавшая о "Домике" в Пятигорске, напечатала для него в кредит в 1938 году виды лермонтовских мест. И одного имени поэта оказалось достаточно, чтобы прийти музею на помощь. Превосходно выполненные глубокой печатью иллюстрации послужили рекламированию "Домика" и дали некоторые денежные средства.

Летом 1938 года в "Домике" побывал Алексей Николаевич Толстой. В результате этого посещения в "Известиях" появилась статья "О музее "Домик Лермонтова" в Пятигорске".

Под статьей стояли подписи: "А. Толстой, Д. Благой, Г. Гуковский, В. Мануйлов, И. Оксенов, В. Кирпотин, М. Цявловский". Вот о чем говорилось в этой статье:

"В Пятигорске сохранился дом, в котором Лермонтов провел последние дни своей жизни. В 1912 году этот дом был куплен городскими организациями у частных владельцев и превращен в Лермонтовский музей. С глубоким уважением относясь к памяти великого поэта, трудящиеся проявляют большой интерес к "Домику Лермонтова". Число посетителей особенно возросло за последние годы. В минувшем году с музеем ознакомились свыше 65 тысяч посетителей. Это большей частью отдыхающие и больные, которые съезжаются на курорты Минераловодской группы со всех концов Советского Союза.

Вряд ли нужно доказывать, что "Домик Лермонтова" — музей всесоюзного значения. Но до сих пор он находится в ведении Орджоникидзевского краевого отдела народного образования. При всем своем желании крайоно, естественно, не в состоянии обеспечить музей авторитетной научной консультацией и необходимыми средствами. До сих пор, к сожалению, ни один из государственных литературных музеев Москвы и Ленинграда по-настоящему не заинтересовался судьбой "Домика Лермонтова" и не пришел к нему на помощь. Недавно Пушкинское общество командировало в Пятигорск двух научных сотрудников. Сейчас уже разработан план новой экспозиции музея. Этот план соответствует современному состоянию наших знаний о Лермонтове.

Однако осуществление новой экспозиции чрезвычайно затруднено из-за отсутствия средств, материалов и экспонатов. Необходимо помощь центральных музеев и всесоюзных организаций. Так, например, музею нужна мебель 30-40-х годов XIX века. В Пятигорске такой мебели достать нельзя. А в музейных фондах Русского музея в Ленинграде такая мебель в избытке хранится в запасных кладовых.

Русский музей в Ленинграде и Институт литературы Академии наук СССР могли бы передать "Домику Лермонтова" дублеты гравюр, изображающих дорожные виды начала XIX века, Москву и Петербург 30-40-х годов, портреты писателей-современников Лермонтова.

В витринах, посвященных кругу чтения Лермонтова, предложено выставить современные ему издания Шекспира, Волтера, Руссо, Байрона, Вальгер-Скотта, Купера, Гете, Шиллера, Гюго, Сен-Симона, Диккенса, а также первые издания Козлова, Дмитриева, Жуковского, Пушкина, Рыльева и других русских поэтов — предшественников Лермонтова. Этих книг в Пятигорске нет, они не часто появляются в продаже даже в специальных магазинах старой книги Москвы и Ленинграда. Но в обменных и запасных фондах Всесоюзной Ленинской библиотеки в Москве и Публичной библиотеки в Ленинграде, в библиотеках наших старейших университетов эти книги должны быть во многих экземплярах. Неужели "Домику Лермонтова" нельзя пере-

дать необходимые издания? Выставленные в витрине, эти книги принесут гораздо большую пользу, чем в подвалах запасных и обменных фондов.

Всесоюзная книжная палата могла бы подобрать комплект советских изданий Лермонтова... Без этих экспонатов раздел "Лермонтов и наша современность" просто немислим.

Наконец, театры, которые ставят пьесы Лермонтова: "Два брата", "Маскарад" и оперу "Демон", должны были бы прислать макеты постановок, афиши, рецензии.

К 125-летию со дня рождения Лермонтова, которое исполняется в 1939 году, "Домик Лермонтова" должен стать музеем, достойным памяти великого русского поэта. Для этого следует передать музей в ведение Академии наук СССР или Наркомпроса РСФСР и отпустить необходимые средства для реконструкции. Но и этого еще недостаточно — нужна помощь названных выше музеев, библиотек и культурных учреждений. Мы надеемся, что они откликнутся на наш призыв".

Призыв выдающегося писателя и виднейших лермонтоведов сыграл положительную роль в дальнейшем повышении значения "Домика" как литературного памятника.

Две юбилейные даты: 14 октября 1939 года (125-летие со дня рождения) и 27 июля 1941 года (100-летие со дня гибели Лермонтова) ставили тогда перед музеем большие задачи. Готовясь к проведению этих юбилеев, "Домик" в 1938 году совместно с Госфилармонией на Кавказских Минеральных Водах приступил к организации большого цикла литературно-музыкальных концертов с передвижной выставкой. Концерты эти были проведены на всех курортах Минераловодской группы при бескорыстном участии известного писателя, автора литературных произведений, посвященных Пушкину, Глинке, А.Н. Новикова и московского музыковеда Е.И. Кан.

Популярность "Домика" все возрастала, "Музей "Домик Лермонтова" в Пятигорске пользуется огромным вниманием отдыхающих. Его ежедневно посещают свыше 500 экскурсантов", — сообщила 8 июля 1938 года газета "Вечерняя Москва".

"Сейчас в музее "Домик Лермонтова" в Пятигорске бывают ежедневно более 500 посетителей", — подтверждала 10 июля того же года "Курортная газета" и добавляла при этом, что отдыхающие на курортах проявляют самый живой интерес к работе музея.

"Домик Лермонтова" теперь уже никому не пришло бы в голову разыскивать, как некогда, держа в руках роман Лермонтова "Герой нашего времени". Музей стал главной достопримечательностью Пятигорска, известной всей стране.

XVI

В 1939 году был закончен внутренний ремонт "Домика". По рисунку Арнольди, сделанному в 1841 году, восстановлен балкон, выходящий из столовой в сад.³⁰ Сняты железные решетки, вделанные в окна "Домика" в 1914 году, после кражи из него серебряных венков (решетки эти постоянно вызывали недоумение посетителей: не были ли они при Лермонтове, и не была ли его квартира тюрьмой?).

Не сразу решился вопрос, что выставлять в "Домике". Как его показывать? Некоторым крупным лермонтоведам хотелось тогда же превратить его в мемориально-бытовой музей. Сотрудники же "Домика" считали, что в Пятигорске, где, как часто говорили посетители музея, сам воздух напоен воспоминаниями о Лермонтове, необходим музей литературно-биографический. И пока нет отдельного здания для такого музея, экспозиция с показом жизни и творчества поэта должна быть развернута в "Домике".

С такой экспозицией и был 2 июня 1939 года открыт "Домик Лермонтова".

Популярность "Домика" была уже так велика, что часы работы в нем пришлось установить с 8 утра до 8 вечера, и все-таки все уголки двора и сада были постоянно заняты группами посетителей, ожидающих своей очереди... В "Домике" одновременно находилось по нескольку экскурсий.

Пришлось задуматься над тем, что же будет дальше. Маленький, совсем не капитального строительства, флигель подвергался опасности. Он просто мог рухнуть...

Когда в докладе на юбилейной лермонтовской сессии в Институте русской литературы в Ленинграде автором этих строк была названа цифра посещаемости "Домика" в 1938 году — семьдесят семь тысяч — и добавлено, что в 1939 году за один день, 15 октября, музей посетили 1256 человек, — зал Пушкинского дома как бы дрогнул от сразу вырвавшегося у многочисленной аудитории возгласа: "Ох!"

"Так его же в пыль могут разнести!" — раздалась тревожная волна.

Как некогда перед общественностью Пятигорска остро стоял вопрос о спасении "Домика" от частных владельцев, так не менее остро встал теперь вопрос о сохранении "Домика" в целостности.

Советская общественность, теперь уже, разумеется, не только Пятигорска, начала кампанию "за спасение "Домика". В центральных газетах появились тревожные сигналы. "Сберечь ветхое, изношенное здание "Домика", — требовала 5 октября 1939 года "Литературная газета". "Не могут ветхие стены "Домика" в течение долгого времени выносить все увеличивающиеся приливы народной любви", — писала 10 октября 1939 года газета "Комсомолец Татари".

Видные лермонтоведы страны направили в "Литературную газету" "Письмо в редакцию", в котором, между прочим, говорилось: "В "Домике", представляющем собою ценнейшую реликвию, ютится Лермонтовский музей: стены увешаны портретами, картинами и фотоснимками с рукописей и документов. Места для музейной экспозиции мало (47 кв. метров), но еще меньше места для посетителей, число которых растет с каждым годом: в 1937 г. музей посетило более 65 тысяч, в 1938 г. — более 87 тысяч, а в этом году (1939) число посетителей доходило в некоторые дни до 1000-1200. Положение совершенно ненормальное: не говоря о том, что проводить в таких условиях массовые экскурсии невозможно, самый "Домик" при таком нагисе посетителей подвергается, конечно, всяким опасностям. Надо еще прибавить, что музей приобрел за последние годы такую популярность и такое значение, что в нем должна быть развернута библиотека и организована научная работа по изучению жизни Лермонтова на Кавказе.

Для этого нужны тоже соответствующие помещения.

Мы полагаем, что настало время поднять вопрос о перенесении музея в другое здание, где и музейная, и библиотечная, и научная работа может быть поставлена так, как этого требуют задачи пропаганды творчества Лермонтова и его изучения. "Домик Лермонтова" должен быть отделен от музея, как особый экспонат, как драгоценная историческая реликвия. Его нужно освободить от экспозиции, реставрировать, обставить соответствующей мебелью и хранить как последнюю квартиру Лермонтова.

Вопрос о здании для музея должен быть решен в самое ближайшее время: вместе с приближением столетней годовщины со дня гибели Лермонтова (27 июля 1941 г.) число экскурсий будет расти, как будет расти и потребность в специальной научной библиотеке при музее.

Пятигорск славится своими "лермонтовскими местами": весь город, начиная с таких зданий, как знаменитые "Ресторация"

и "Домик Лермонтова" и кончая горами Бештау и Машук, представляет собою своего рода исторический экспонат, связанный с жизнью, творчеством и трагической гибелью великого поэта. В таком городе Лермонтовский музей должен быть культурным центром и занимать соответствующее своему значению и своей деятельности здание. Пятигорская общественность и местные партийные и государственные учреждения должны срочно заняться этим делом — как делом своей чести". Письмо подписали Б. Эйхенбаум, Н. Бродский, Б. Нейман, В. Мануйлов, И. Андроников, Н. Пахомов, В. Кирпотин, Е. Михайлова.

Рядом с Лермонтовской усадьбой находился земельный участок с небольшим домом и сараем. Хозяин участка многие годы отсутствовал и его даже не удалось разыскать, поэтому Пятигорский горисполком вынес постановление о передаче этого участка "Домик" с тем, чтобы на нем было построено здание для литературного музея.

Академия архитектуры СССР живо откликнулась на просьбу "Домика" составить проект здания для этого музея. Под руководством академиков Щусева и Гольца аспиранты академии разработали десять проектов, из которых шесть одобренных реставрационной секцией Всесоюзного лермонтовского комитета были присланы в "Домик". В музее была устроена выставка этих проектов, пользовавшаяся у жителей и гостей города большим успехом.

"Пятигорская правда" писала 22 ноября 1940 года: "В "Домике Лермонтова" с 20 ноября открылась выставка проектов нового Лермонтовского музея, который будет строиться в Пятигорске". "Молодой ленинец" даже указывал срок окончания постройки нового музея. "Советскому народу не оценимо дорого наследие гениального русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Для увековечения памяти поэта в Пятигорске будет строиться музей Лермонтова. Строительство музея, — сообщила газета, — начнется в 1940 году и закончится в 1941 году, к столетию со дня смерти М.Ю. Лермонтова. В 1940 году в строительстве будет вложено 200 тысяч рублей".

Благоприятно разрешался вопрос и об ассигновании средств на постройку, хотя музей и был переведен с апреля 1940 года опять на местный бюджет.

Все, казалось бы, шло прекрасно, как вдруг объявился хозяин участка, и крайисполком не смог утвердить постановления Пятигорского горисполкома.

Юбилейная Лермонтовская комиссия, созданная в Ставрополе в связи с исполнявшимся 27 июля столетием со дня гибели М.Ю. Лермонтова, внесла в крайисполком чрезвычайно важное предложение, по которому 14 февраля 1941 года он принял следующее решение:

1. Предложить краевому отделу народного образования и исполком Пятигорского горсовета депутатов трудящихся реставрировать квартиру, в которой проживал М.Ю. Лермонтов в 1841 году в г. Пятигорске ("Домик Лермонтова"), превратив его в мемориально-бытовой музей.

2. В целях сохранения "Домика Лермонтова" от разрушения и создания специального литературного музея, отражающего жизнь и творчество Лермонтова, считать необходимым перенести литературный музей Лермонтова в здание бывшей "Ресторации", тесно связанное с жизнью и творчеством поэта в г. Пятигорске. Предложить директору музея "Домик Лермонтова" тов. Яковкиной представить к 10 марта 1941 г. в исполком крайсовета смету по реставрации здания бывш. "Ресторации".

3. Просить Совнарком Союза ССР: а) передать здание бывшей "Ресторации", ныне принадлежащее Бальнеологическому институту, под музей Лермонтова и б) отпустить необходимые средства для строительства дома Бальнеологическому институту".

Сметы на реставрацию "Домика" и здания бывшей "Ресторации" были составлены без промедления. Коллектив "Домика" ожидал со дня на день постановления Совнаркома. Перед Лермонтовским музеем открывались замечательные перспективы...

Постановление получено не было: фашистская Германия напала на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война. Перед советским народом встала гигантская задача; выстоять, разгромить захватчиков, победить.

Оборвалась обширная программа работ, которые проводились по всему Союзу в связи с 100-летием со дня смерти Лермонтова. Готовился и музей "Домик Лермонтова" торжественно отметить эту печальную дату. Утвержденный юбилейной комиссией план предусматривал реставрацию "Домика", большую городскую выставку, передвижные выставки для колхозов Ставропольского края, научную конференцию, экспедицию по маршруту Лермонтова 1837 года, издание сборника работ о Лермонтове, издание популярных брошюр, фотоальбомов, юбилейных листовок, концерты, радиопередачи, статьи в газетах. Уже была проделана большая подготовительная работа, но в условиях войны пришлось лишь скромно отметить юбилейный день — 27 июля.

Через несколько недель после начала войны состоялось решение Пятигорского горисполкома о временном закрытии в городе музеев, в том числе "Домика". Однако это решение вскоре было отменено.

"Домик" начал работать. 2 сентября 1941 года был издан приказ Наркома просвещения В.П. Потемкина об обеспечении бесперебойной работы политучреждений, в том числе музеев, "в целях улучшения ее в военное время", под угрозой привлечения к ответственности лиц, "допускающих их закрытие или бездействие".

Но ассигнования на содержание музея, естественно, сократились до минимума. Уменьшился штат сотрудников. Понизилось число посетителей и резко изменился их состав. Вместо шумных групп школьников, оживленных экскурсий курортников приходили эвакуированные из западных областей СССР, приходили беженцы, приходили раненые из госпиталей, люди несгибаемые, верившие в победу, но измученные болью за Родину, тревогой за близких, за их судьбу.

Значение в то суровое время "Домика Лермонтова" хорошо определено в одной из записей 6 сентября 1941 года:

"Заброшенный войной далеко от своей родины Бессарабии, чувствую особенное душевное удовлетворение, посетив "Домик Лермонтова", — место, где жил и творил мой любимый поэт. В тиши его и моя душа отдохнула от всех невзгод".

Стены "Домика" не раз слышали, что, побывав в "последнем жилище поэта, так много страдавшего от несправедливого строя", люди уходили ободренные, с просветленной душой, успокоенные.

Что же действовало на этих людей, испытывавших так много страданий, но не согнувшихся под их бременем? Тишина ли "Домика" и сада? Трагическая ли судьба поэта? Или его мужество, беззаветная любовь к Родине? А может быть, то, о чем сказал Дмитрий Светлов в записи 20 июня 1942 года: "Каждый, посетивший "Домик" — этот очаг великой русской культуры — становится морально чище, культурнее".

В книге вчерашней части записи: "Проездом на фронт посетил "Домик"..."

**Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы...**

Стихи Лермонтова и в дни Великой Отечественной войны выполняли то же высокое назначение. Об этом тепло и образно говорил в своих стихах лейтенант Николай Карпов:

**Поэт-трибун, ты нас в атаку водишь!
Твой верный друг — народ, ты — не один...**

Стихотворение Н. Карпова датировано 13 ноября 1944 года. Оно было прислано в музей с обратным адресом полевой почты.

Чувства бойцов хорошо выражены также в записи капитана Андреева, сделанной в книге посетителей музея 26 июля 1942 года: "В дни Отечественной войны особо приятно посетить одно из мест русской культуры. Уезжая на фронт, еще с большей силой буду драться с гитлеровской бандой — разрушителями культуры, которую ценит и создает свободолюбивый народ".

Преклонением перед гением Лермонтова проникнуты слова лейтенанта Быкова: "Мне хочется выразить то удовлетворение, которое получают все посетители. Сколько энергии, сколько патриотизма у великого поэта. Его любовь к Родине и ненависть к врагам еще больше вдохновляют нас на великие подвиги в борьбе с ненавистным врагом".

Такие записи заполняли в годы войны сотни страниц книг для отзывов о работе музея.

Самоотверженно работал маленький коллектив сотрудников "Домика", понимая свои задачи, свою возросшую ответственность.

"Прекрасную инициативу проявили работники "Домика-музея Лермонтова", — писала 26 мая 1944 года "Пятигорская правда". "Они побывали во многих госпиталях, провели там беседы о великом русском поэте Лермонтове, устроили выставки экспонатов своего музея".

Уж постоим мы головою

За родину свою!

Эти строки из лермонтовского "Бородино" были начертаны крупными буквами на кумаче, повешенном над входом в музей. Они стали лозунгом в работе музея в дни войны.

XVII

Что, в конце концов, были все те невзгоды в жизни "Домика", которые он претерпел за сто лет своего существования, перед надвинувшейся в годы Великой Отечественной войны угрозой быть уничтоженным!

Опасность нависла над музеем, когда вражеские самолеты в конце лета 1942 года начали сбрасывать на Пятигорск бомбы. Было отмечено, что фашисты бомбят не только военные объекты и промышленные здания, но и просто группы советских людей. А к "Домику" в эти дни так тянулся народ... В саду часто собиралась густая толпа выздоравливающих раненых из близлежащих госпиталей. Это могло в любую минуту привлечь внимание гитлеровских стервятников.

Но еще грознее сделалась опасность, когда гитлеровские захватчики прорвались на земли Ставрополя. Фронт приближался к району Кавказских Минеральных Вод. С боями отходили советские войска. Эвакуировались госпитали, городские учреждения, жители Пятигорска...

А мы?... Сотрудники музея твердо знали одно: "Домик" оставить нельзя! Экспонаты музея не удалось вывезти в безопасное место, и они нуждались в охране. Но даже если бы они и были вывезены, ведь оставался "Домик". О нем-то в первую очередь и предстояло позаботиться. В трудную для Родины годину нельзя было позволить вражеским рукам разорить эти дорогие для народа стены, свято хранившие память великого поэта.

Коллектив "Домика" чувствовал ответственность и за экспонаты Ростовского музея изобразительных искусств.

Этот музей в декабре 1941 года был эвакуирован в Пятигорск. Вывезти его дальше в осложнившихся условиях военной обстановки на Кавказе оказалось невозможно. Двадцать шесть ящиков — большинство из них огромной тяжести — с картинами, скульптурами и другими экспонатами нашли временный приют

в одном из сараев Лермонтовской усадьбы. С приближением фронта к Пятигорску хранитель музея эвакуировался... Так и ростовские экспонаты оказались на попечении коллектива "Домика Лермонтова", состоявшего в те дни из трех женщин — директора и двух научных сотрудниц М.Ф. Николевой и Н.В. Капиевой. Впрочем, в трудное военное время научные сотрудники выполняли в музее все обязанности — от дежурства в кассе до проведения экскурсий по "Домику".

О Маргарите Федоровне Николевой следует несколько слов сказать особо. Человек передовых революционных взглядов, большой образованности, она в юности была близким другом Ф.Э. Дзержинского, знала В.И. Ленина и, будучи петербургской курсисткой, помогала нелегально распространять ленинские брошюры; была близка с Н.К. Крупской, переписывалась с нею. Много лет жизни Николева посвятила изучению творчества Лермонтова, написала о нем книгу. Ко времени, о котором идет речь, она — персональная пенсионерка весьма преклонных лет — была эвакуирована из блокированного Ленинграда в Пятигорск и поселилась при Лермонтовском музее. В Лермонтовской усадьбе нашли приют еще Н.А. Лискун, племянница М.Ф. Николевой, научный сотрудник Пушкинского дома Л.Н. Назарова, доктор Макашина из Ростова. В большом, выходящем на улицу доме была квартира директора музея. Накануне вступления гитлеровцев в Пятигорск в одной из комнат этого служебного дома была поселена Н.В. Капиева с семьей. Таким образом, были люди, готовые охранять "Домик".

Сотрудники музея создали маленький "штаб", тогда никак не окрещенный, а позднее, после освобождения Пятигорска, кем-то названный "Штабом спасения "Домика Лермонтова". Разработали план: 1. Вывеску над воротами снять. 2. В "Домике" поселить тех, кто в эти дни обитал в Лермонтовской усадьбе. Кабинет Лермонтова сохранить неприкосновенным, придать ему вид чего-то вроде кладовой, нагромоздить там старую мебель, пустые ящики. 3. Наиболее ценные экспонаты, рисунки, утварь и т. д. надежно спрятать. 4. Установить во дворе музея круглосуточное дежурство сотрудников и друзей "Домика".

Наступило 8 августа. Бои велись уже на ближайших подступах к Пятигорску. В воздухе происходили схватки наших летчиков с фашистскими стервятниками...

Вывеска музея снята и спрятана в подвал. "Домику" придали вид жилого помещения. Ворота запорты на замок, дежурные впускали только друзей "Домика", только тех, кто тревожился о его судьбе, хотел так или иначе ему помочь: Е.А. Шан-Гирей, известного в городе врача А.А. Козерадского, Л.П. Мытникову, жену хранителя Ростовского музея, художника Б.Н. Тарасенко, доктора А.А. Волкову и еще несколько человек.

Приходящие друзья поселили в нас мучительную тревогу.

— Зачем сняли вывеску? — спрашивали они. — Ведь все равно фашисты узнают, что здесь был музей... Хуже будет. Скажут — хотели скрыть...

Что же в самом деле лучше? Оставить вывеску или снять? Как надежней уберечь "Домик"? В конце концов, посоветавшись, решили: раз вывеска снята, пусть так и остается. На всякий случай в книге приказов была сделана запись: "Закрывать музей на ремонт". Приказ датирован месяцем раньше.

В два небольших ящика мы уложили все, что считали необходимым спрятать: акварельные рисунки, которые, как тогда полагали, являлись подлинными рисунками Лермонтова (они как подлинники несколько лет экспонировались в музее), иллюстрации известных художников к произведениям Лермонтова, вещи, принадлежавшие семье Верзилиных.

Среди отобранного был портрет В.И. Ленина, портрет и собственноручное письмо Н.К. Крупской, свидетельствующее о любви Владимира Ильича к Лермонтову, портреты выдающихся советских писателей. Ящики забили и тщательно засыпали землей в траншеях бомбоубежищ, которые были вырыты во дворе и в саду музея.

Некоторые менее ценные экспонаты убраны в одну из комнат большого дома и в подвал "Домика".

Но вот что любопытно: в то время как сотрудники "Домика" дрожали за его судьбу, у населения была твердая вера в его неприкосновенность, незаблемость. На чем основана была эта вера? Конечно, на том, что имя великого Лермонтова всемогуще, что его не посмеют тронуть даже озверевшие враги.

В минуту грозной опасности, когда оккупанты уже входили в город, пришел в "Домик" коммунист М.Л. Крайников, в то время директор ростовской бумажной фабрики, случайно не успевший эвакуироваться из Пятигорска. Чтобы помочь ему, решили, что для видимости т. Крайникову следует "преобразиться" в беспартийного служащего. Для этого ему было выдано удостоверение, что он является сотрудником музея, оформлена трудовая книжка, сделана соответствующая отметка в паспорте. Затем даны кое-какие канцелярские принадлежности, книги. Со всем этим "имуществом" т. Крайников ушел в Кисловодск, где его никто не знал. И там ему удалось пережить оккупацию, сохранить в неприкосновенности свой партийный билет и даже оказать помощь партизанам (как рассказывал командир партизанского отряда И.И. Пуд).

Родственница бывшей сотрудницы "Домика Лермонтова" Н.И. Бронштейн, Полина Ивановна Бронштейн, тоже пришла в "Домик", когда ей и ее детям грозила в период оккупации смертельная опасность.

Здесь укрывалась она в течение трех суток, уже в то время, когда музей был открыт. А ведь кругом хозяйничали фашисты. По вечерам они приходили в садик музея из соседних домов. Одного вечера никогда не забыть. Полина Ивановна ночевала в "Домике". Дежурившая тогда Капиева пришла ко мне смертельно бледная. Оказывается, Бронштейн во сне кашлянула, а в саду сидели немцы... По счастью, губная гармошка, — их излюбленное развлечение — видимо, заглушала другие звуки. Надо ли напоминать, что за укрывательство евреев фашисты применяли одну меру наказания — расстрел.³¹

А что только не пришлось прятать в музее! Сотрудники городской библиотеки перенесли сюда наиболее ценные издания. Книги были укрыты в сарае. Профессор Т.В. Прохоров, уезжая из Пятигорска в последние дни перед оккупацией, сдал на хранение свою работу о творчестве А.А. Бестужева-Марлинского. Уполномоченная домовладения № 14 по Советскому проспекту попросила спрятать домовую книгу. Старик сосед принес старинный цветного стекла стакан...

Соседняя школа № 8 даже бомбоубежище вырыла не у себя в школьном дворе, а в саду музея, тоже, по-видимому, веря, что "Домик" неприкосновенен.

Нечего и говорить, что такая вера поднимала наш дух, но и увеличивала ответственность.

Я вспоминаю об этих фактах лишь потому, повторяю, что они как нельзя лучше свидетельствуют о глубоком убеждении советских людей, что "Домик Лермонтова" — святыня, связанная с именем великого поэта, — незаблем...

Ночь с 8 на 9 августа... Фашисты подвергли город артиллерийскому обстрелу. До рассвета гремели орудийные разрывы, слышалась перестрелка... Наши части отступали с боями. Маленький коллектив музея вместе со своими семьями, с детьми

провел эту ночь в подвале "Домика". До рассвета, по очереди, несли дежурство во дворе Лермонтовской усадьбы.

Утро 9 августа. Молча сидим в библиотеке музея. Похоже, что мы присели по старинному русскому обычаю перед дальней дорогой, чтобы, встав, сказать "прощай" и пуститься в путь. Увы! Пути были отрезаны. Фашистские захватчики уже входили в Пятигорск.

Перед лицом "Домика", у стены, где находится мраморная доска со словами: "Дом, в котором жил поэт М.Ю. Лермонтов", проведено было собрание сотрудников музея.

— Настают тяжелые дни. Мы должны быть готовы ко всему. Только никогда не надо забывать, что Россию еще никому не удавалось победить. Всегда, при всех обстоятельствах каждый должен помнить: наша обязанность сохранить драгоценные стены лермонтовского дома...

Таким напутствием директора закончилось это последнее перед оккупацией собрание в музее.

Вечер того же дня... Где-то поблизости, в городе, хозяйничает враг... Осторожно открываем калитку, на которой так много лет висела спрятанная теперь вывеска "Музей "Домик Лермонтова"..."

Снизу из города доносится затихающий рев танков, гул машин, тархатень мотоциклов... Слышны и еще какие-то неясные, но для нас страшные звуки... Вдруг эти отдаленные шумы разрывает четкий металлический выкрик: "Халы!" Он не относится к нам, мы не видимы в темноте, но он подействовал на нас как удар.

XVIII

До 12 августа никто из оккупантов в Лермонтовскую усадьбу не заходил. В этот день рано утром на улице против музея остановилась немецкая машина. Затем раздался громкий стук в калитку. М.Ф. Николаева открыла. Вошел гитлеровский офицер с переводчиком.

Немцы осмотрели усадьбу и заявили, что введут во двор свои машины. Пока мы доказывали, что дворик музея, весь заросший розами и георгинами, слишком для этого мал, грузовики уже въезжали, подминая колесами цветущие кусты. Две машины разместились во дворе, две, обивая бортами стену "Домика", пытались въехать в сад. Убедившись, что больше машин здесь не удастся поместить, оккупанты начали устраиваться по-своему.

На левом каменном столбе ворот фашисты прикрепили табличку с изображением двух скрещенных лошадиных голов на желтом фоне. Внизу стоял войсковой номер — "506".

А на дверях музея "Домика" появилась наклейка с надписью на русском языке: "Вход в эту квартиру запрещен под строгой ответственностью". И ниже — по-немецки: "Это помещение конфисковано полицией. Вход карается штрафом".

Первую комнату "Домика", бывшую при Лермонтове приемной, фашисты превратили в свою канцелярию. На все остальные комнаты, которые, кроме кабинета, были заселены, немцы пока не покушались.

22 августа машины части "506" из Лермонтовской усадьбы уехали. Во дворе и в саду все было вытоптанно, залито горючим, от которого погибли бережно ухоженные растения. Но тем, что было в "Домике" до их прихода, эти передовые части захватчиков не интересовались. В этот же день во двор музея въехала легковая машина. В ней сидел офицер, который пожелал поставить машину в саду. Пробираясь через проход между музеем и большим домом, машина зацепилась за угол "Домика" и обила его. Немец прожил в своей машине три дня, в "Домик" не заходил. Не проявляли к нему интереса и последующие "постояльцы..."

Но время шло, и вот 16 сентября случилось то, чего мы все время напряженно ожидали и боялись. В "Домик" явился какой-то фашистский "чин" с переводчиком и потребовал показать ему фонды музея. Ему показали экспонаты, сложенные в одной из комнат большого дома: это были вещи, не имевшие особой ценности, в основном фотокопии и репродукции.

— Где подлинники? — спросил оккупант. — Где картины? Письма Лермонтова?

Мы ответили, что подлинников лермонтовских рукописей и живописных работ в Пятигорске никогда не было.

— А где же они?

— В Москве, в Ленинграде...

Даже не окончив осмотра, а лишь небрежно порывшись в экспонатах, "чин" ушел. Интерес к музею у него пропал.

В начале сентября в той комнате музея, где в течение десяти дней была канцелярия части "506", фашисты поставили на постой своих солдат. В Лермонтовской усадьбе раздавались звуки губной гармошки, пьяные песни. "Носители нового порядка" чувствовали себя победителями.

Жизнь проходила в постоянной тревоге... Из Кисловодска мы получили известие, что зверски убита гитлеровскими оккупантами бывшая сотрудница музея — Нина Исаковна Бронштейн — талантливый исследователь в области лермонтоведения, отзывчивый, чудесный товарищ (она осталась в Кисловодске с больными стариками-родителями).

Через некоторое время после "визита" фашистского оккупанта, интересовавшегося экспонатами музея, "Домиком" решил "заняться" городской бургомистр.

— Есть приказ открыть музей, — заявили в городской управе сотрудникам "Домика". — Немцы, носители высшей культуры, желают, чтобы функционировали все культурные учреждения города.

Ссылаясь на то, что в музее находятся на постое солдаты, мы сказали, что открыть музей невозможно. Решено было прибегать ко всяким проволочкам... Семья нашего друга — доктора — утаила от немцев радиоприемник и с большими предосторожностями слушали иногда по ночам Москву.³² Мы всегда нетерпеливо ждали сообщений, голос Москвы поддерживал в нас веру в скорое освобождение.

Фашисты вывели из музея солдат. Тех, кого мы поселили в "Домике", приказали выселить немедленно. "Домик" был освобожден: кое-кто устроился у соседей, а сотрудники перешли в большой дом. М.Ф. Николева (кстати, она ночевала на балконе "Домика", присматривая за экспонатами, зарытыми в бомбоубежище в саду) заняла подвальную комнату, что, как оказалось впоследствии, было весьма предусмотрительно.

— Почему же вы теперь не открываете музей? — допрашивала нас у бургомистра.

— Нужен ремонт. Стены обезображены. Постой солдат привел дом и усадьбу в запущенное состояние.

Городская управа сделала небольшой ремонт. Прошло еще несколько дней. В музей явился заведующий школьным отделом городской управы (музеи были подчинены этому отделу) и настоятельно потребовал открытия "Домика".

— Что же еще мешает вам открыть музей? — спрашивал он.

Было ясно, что тянуть больше нельзя. Нельзя допустить, чтобы внутри "Домика" начали распоряжаться ставленники врага. Невозможно было отдать на произвол грабителям и Ростовский музей.

25 октября, через два с половиной месяца после начала оккупации Пятигорска, "Домик" был открыт. На стенах его размещена часть экспонатов, оставшихся незахороненными: репродукции, фотографии.

Тревога наша была велика. Вдруг в "Домик" потянутся любопытствующие фашисты? И что же оказалось? "Домик" опять-таки был нужен своим советским людям, тем, кто искал в его стенах, в творчестве Лермонтова духовную поддержку, подтверждение того, что русский народ не сломить, что гений его не умирает... Приходили эвакуированные ленинградцы (их много было в Пятигорске), заглядывали местные жители... Пятигорцев было особенно много. Видимо, каждому из них хотелось воочию убедиться, что "Домик" цел.

719 человек побывали в музее за те сорок два дня, что он был открыт в этот трудный период. Немцев прошло всего 44 — сотрудники считали их отдельно.

Фашистов не интересовал ни Лермонтов, ни его творчество, меньше всего интересовал их "Домик". Приходили, думая найти ценные картины или вообще "развлечься", и уходили разочарованные.

Из оккупантов, побывавших в Лермонтовской усадьбе, поэзию Лермонтова знал только немецкий литератор фон Фегезак (по его словам, он перевел на немецкий язык стихотворение Лермонтова "Выхожу один я на дорогу...").

Генерал армии И.В. Тюленев в своих мемуарах "Через три войны" вспоминает:

"11 января 1943 года передовые части Закавказья вступили в Пятигорск. Один из фронтовых писателей, шедший с нами, рассказывал мне:

— Вместе с сержантом-разведчиком мы прежде всего устремились на Лермонтовскую улицу, к домику, где умер Лермонтов. Хотелось поскорее проверить, уцелела ли эта святыня, дорога сердцу каждого советского человека, не надругались ли над ней гитлеровцы. На дверях домика увидели проштемпелованный листок: "Реквизировано и взято под охрану штабом Розенберга и местной комендатурой. Согласовано с Высшим командованием армии. Вход в здание и снятие печати запрещено". "Что за притча? — думаю. — Откуда такое бережное отношение к реликвиям русской культуры у тех, кто осквернил яснополянскую святыню, разграбил музей-дом Чайковского в Клину!". А дело объяснялось просто. 4 сентября "Домик Лермонтова" посетил нацистский писатель Зигфрид фон Фегезак, заявивший, что отныне "Домик" будет содействовать ознакомлению немцев (фашистов, то есть) с русской литературой и даст понятие о России. Сам же фон Фегезак стал допытываться у сотрудников музея, где находятся рукописи Лермонтова и другие ценные экспонаты. Ему не терпелось завладеть этими сокровищами — отсюда его беспокойство и за сохранность "Домика".

Фронтовой писатель в горячей боевой обстановке, видимо, информировал И.В. Тюленева не совсем точно. Фон Фегезак побывал в "Домике" мимоходом, когда в нем еще стояли немецкие солдаты и никаких мер для содействия в ознакомлении фашистов с русской литературой в стенах "Домика" не предпринимал. А чем обернулось "бережное отношение" оккупантов к "Домику", будет рассказано дальше.

Зимой 1942 года, когда начался сокрушительный разгром фашистских армий под Сталинградом, когда части Советской Армии перешли на Кавказе в развернутое наступление и начали теснить врага, фашисты закрыли "Домик" для посетителей. 20 декабря в него были внесены ящики с экспонатами Ростовского музея изобразительных искусств.

Подробная история сохранения на территории Лермонтовской усадьбы экспонатов Ростовского музея имеет к теме данной книги лишь косвенное отношение. Не останавливаясь по этому на ней детально, для ясности следует все же сказать, что ростовские экспонаты были обнаружены фашистскими окку-

пантами и опечатаны как военные трофеи, упомянутые в мемуарах генерала И.В. Тюленева, "штабом Розенберга" в сентябре 1942 года.

Только по окончании войны мы узнали, что местонахождение Ростовского музея стало известно фашистам от бывшего сотрудника Ростовского областного комитета по делам искусств В.Д. Глянько, который занимал во время оккупации Ростова должность помощника бургомистра.

Итак, ящики с картинами были внесены в "Домик" и распакованы, картины расставлены на полу вдоль стен по комнатам музея. Здесь были полотна Крамского, Боровиковского, Сурикова, Айвазовского, Поленова, работы выдающихся советских художников. Начался "просмотр", вернее, разграбление картин. В музей явился фашистский генерал Макензен и отобрал несколько картин лично для себя. Приходили, держа в руках справочники о русской живописи, офицеры чинами поменьше. Каждый выбирал, что хотел... Все это делалось в суете, в спешке... Чувствовалось, что фашисты чем-то очень озабочены и встревожены.

Пользуясь этим, сотрудники "Домика" унесли из музея многие ценные полотна размером поменьше. Мы уносили их, пряча под шальями, под полами зимних пальто... Вот здесь-то и пришлось кстати предусмотрительность М.Ф. Николевой, поселившейся в подвале. Кому взбретет в голову заглядывать в полутемное помещение, где среди отслуживших свою службу вещей живет старая, изможденная и неприветливая на вид женщина?

Наступил канун нового, 1943 года. Для жителей Пятигорска он был полон надежд и нетерпеливого ожидания. Разнеслась радостная весть: "Немцы бегут!.." Над городом начали чаще появляться наши красноразвешенные самолеты... А затем в первые дни января мы сами воочию увидели отступление оккупантов. Фашисты двигались в сторону Минеральных Вод. Уходя, они стремились захватить с собой все, что могли: зерно и книги, детские одеяльца и мебель. Набитые награбленным добром эшелоны стояли на путях.

8 января к Лермонтовской усадьбе подъехал грузовик. Довершался грабеж коллекций Ростовского музея. На этот раз целая команда солдат поднимала на машину огромной тяжести ящики. Грузовик возвращался несколько раз. Экспонаты Ростовского музея фашисты увезли на вокзал, и дальнейший след их затерялся.

К счастью, коллективу "Домика" удалось утаить несколько более легких ящиков. Сделано это было с помощью все тех же верных друзей музея.³³

Приближались самые страшные часы в жизни "Домика". С вечера 9 января в Пятигорске начались взрывы и пожары. Уходя, фашисты зверствовали. "Носители высшей культуры" показывали свое истинное лицо. Они расстреливали советских людей — расстрелы производились даже у места дуэли Лермонтова, почти у самого памятника... Они уничтожали все, что не могли захватить с собой. Одно за другим взрывались здания электростанции, госбанка, педагогического института, многочисленных школ, гостиницы "Бристоль", крупных жилых домов. Тушить пожары немцы не разрешали. Да и чем? Ведь они вывели из строя городской водопровод. Горящий Пятигорск остался без воды.

Весь день и ночь до рассвета с 10 на 11 января "Домик" стоял в кольце пожаров. Пылает историческое здание лермонтовской "Ресторации" — Бальнеологический институт. Горит уникальная огромная научная библиотека института и богатейший архитектурный архив. Снег на много кварталов вокруг почернел от бумажного пепла. Горят типография, предприятия на улице Лермонтова. Подорваны несколько корпусов Лермонтовского санатория. Грудой развалин лежит здание почты на углу улиц

Анджиевского и Анисимова. Заминована школа № 8 по улице Буачидзе, — а она непосредственно граничит со строениями Лермонтовской усадьбы.

Сотрудники музея, их семьи, школьники, друзья "Домика" сгребают лопатами кучи снега вокруг "Домика", чтобы хоть этим как-то возместить отсутствие воды, если огонь перекинется на музейные здания... Время тянется в страшной тревоге: каждую секунду могут явиться фашистские минеры или поджигатели.

10 января около пяти часов вечера в ворота музея громко постучали. Я быстро подошла к калитке, но открыла не сразу... Руки не поднимались... Стук повторился с новой силой. Как только я отодвинула задвижку, калитка распахнулась, и во двор ввалился сильно подвыпивший полицейский с каким-то свертком под мышкой. Он направился к скамье, стоявшей напротив "Домика". Там сидели сотрудники и друзья музея, — среди них доктор А.А. Козерадский (знавший немецкий язык, он в эти дни находился в музее почти безотлучно, чтобы в случае необходимости объясниться с немцами), Л.П. Мытникова и другие.

Не успев дойти до скамьи, полицейский заорал:

— Мне поручено поджечь музей.

Все оцепенели. Минуту длилось молчание. Заговорили все сразу:

— Это невозможно! "Домик Лермонтова" нельзя уничтожить.

М.Ф. Николева, потянув рукава за рукав, усадила его рядом с собой на скамью.

Попытки убедить его, что "Домик" — памятник великому русскому поэту, что люди всего мира должны чтить память Лермонтова, были тщетны. Поджигатель пьяным голосом кричал:

— Я жить хочу! Я головой отвечаю! Велено поджечь, вот и подожду!

Этот крик, как потом выяснилось, слышали соседи.

— Неужели мы не справимся с ним? — прошептал доктор.

Кто-то задал вопрос:

— Кто тебе дал распоряжение?

Фашист назвал какую-то фамилию.

Под предлогом проверки распоряжения полицейский удалось увести.

— Завтра вернусь, — пригрозил он, стоя у калитки в окрашенных отблеском пожара зимних сумерках.

Страшен был не сам полицейский, страшно было то, что стояло за ним. Ведь его приход означал, что "Домик" обречен, что ему предназначена та же участь, какая постигла Бальнеологический институт с его уникальной научной библиотекой в 100 тысяч томов.

Но "завтра", которым грозил полицейский, не было: ранним утром 11 января 1943 года в Пятигорск вошли части Красной Армии.

XIX

Пятигорск освобожден...

Спрятанный в августе красный флаг вновь заалел над входом в Лермонтовскую усадьбу.

Прошло, вероятно, не более часа, как у ворот музея раздался чей-то взволнованный голос:

— "Домик" жив?

В заиндеветшей кубанке, весь запорошенный снегом, во двор входил командир Советской Армии капитан Николаев. Его взмыленный конь был привязан на улице к дереву.

Первый посетитель вошел в "Домик" и заплакал...

12 января двери Лермонтовского музея распахнулись для посетителей.

Еще где-то совсем близко гремели выстрелы. Еще на улицах города валялись разбитые вражеские машины. Еще дымились взор-

ванные и сожженные фашистами здания, а воины вошедших в Пятигорск и проходящих через него частей спешили в "Домик".

Музей в первый день его открытия посетили рядовые бойцы, а также генералы Каратеев, Емельянов, Слонов, бригадный комиссар писатель П.А. Павленко. Они оставили в книге посетителям "красноармейское спасибо" работникам музея "за сохранение народного достояния".

Через несколько дней в музее побывал генерал-лейтенант Масленников. Он заботливо расспросил, в чем нуждается "Домик", распорядился, чтобы его обеспечили топливом. Такую же сердечную заботу проявил генерал и по отношению к племяннице Лермонтова Е.А. Шан-Гирей. Ей, тяжело больной и очень в то время нуждавшейся, он передал ценную продуктовую посылку. В книге музея сохранилась сделанная генералом Масленниковым запись: "Красноармейское спасибо скромным русским людям — патриотам нашей Родины, сохранившим святыню русской культуры от вандалов-фашистов и не давшим оскорбить Лермонтовский музей-домик".

В "Домик" шли и шли советские воины... Среди них были известные деятели культуры, советские писатели, военные журналисты. 13 января оставил в книге отзывов свою запись писатель В. Закруткин:

"Об этом священном для всех нас месте — домике, где жил поэт, мы думали в горах, там, где наши товарищи сражались с немцами. И мы счастливы, что полки Красной Армии освободили Пятигорск. Мы счастливы, что "Домик Лермонтова" сохранен".

О той же горячей любви к Лермонтову, ко всему, что у советских людей связано с именем Лермонтова, говорит в своей записи известный украинский поэт Любомир Дмитерко:

"Від працівників української культури і командирів Червоної Армії сердечне спасибі тим, хто зберіг культурну скарбницю російського народу. Пам'ять Лермонтова дорога українському народові за його гаряче серце і вільнолюбність".

Командиры и рядовые воины считали долгом посмотреть, как сохранился музей. Так и гласит запись старшего лейтенанта Алексея и капитана Климова. Были "очень счастливы, — писал другой посетитель, интендант Ивахненко, — увидеть снова дорогие для нашего народа места. За эти родные края, где жил великий русский поэт, многие наши товарищи положили свои жизни. Эти места очень памятливы нам!"

"Отвоеванная у врага святыня становится еще ближе, еще роднее, — взволнованно писала группа военных корреспондентов. — Спасибо людям, сохранившим для Родины, для будущего дорогой нам всем "Домик Лермонтова".

Все эти записи (их можно было бы привести в десятки раз больше), выражающие радость, что музей сохранен, благодарность за его спасение, — яркое свидетельство того, как дорог нашему народу этот уголок земли.

О том, что музей сохранен, сообщила всей стране периодическая печать. Первым откликом прессы была напечатанная в газете Северо-Кавказского фронта "Вперед, за Родину!" от 14 января 1943 года корреспонденция Ник. Ротина "Снова начинается жизнь", написанная, как помечено автором, в Пятигорске 11 января.

"Лейтенант Ефим Миляев — участник освобождения Пятигорска, — писал военный корреспондент, — использует короткую остановку, чтобы посетить одну из лучших достопримечательностей города — "Домик Лермонтова". Лейтенанта приветливо встречают работники музея, которые рассказывают первому посетителю о бесчинствах фашистов. Перед отступлением гитлеровцы пытались уничтожить этот драгоценный памятник. Красная Армия помешала осуществить коварный замысел врага".

В этом же номере газета поместила заметку сотрудников музея "Миновали черные дни", в которой кратко рассказывалось о событиях в жизни "Домика", связанных с периодом оккупации.

Писатель Анатолий Калинин посвятил освобождению Пятигорска большую статью "Пятигорская ночь". Она была опубликована 30 января 1943 года в "Комсомольской правде". А Калинин подробно рассказал о бесчинствах оккупантов в Лермонтовской усадьбе, о работе маленького коллектива музея...³⁴

Еще долгое время спустя история сохранения "Домика Лермонтова" привлекала внимание печати и волновала советских людей. В 1944 году (3 августа) о музее писала "Комсомольская правда" в статье "У подножия горы Машук". В № 14-15 журнала "Огонек" за этот же год был напечатан очерк И. Роста "В "Домике Лермонтова". Очеркист выражал искреннюю радость, что "домик поэта уцелел, что экспонаты, которые так дороги русскому человеку, не разграблены немецкими варварами...".

О тех же волнующих чувствах, о гордости за национальную святыню русского народа продолжали свидетельствовать и записи в книге посетителей.

"Посещение "Домика Лермонтова" само по себе незабываемо для каждого, кому дорога русская культура, кто умеет ценить поэтическую свободу, проникновенность и страстность его стихов, — записал военный корреспондент Мартынов 6 сентября 1944 г. — Но сейчас — в дни войны — отсюда уходишь с особенным чувством. Сейчас Лермонтов стал нам еще дороже, еще ближе. Ради процветания нашей культуры, неотъемлемой, драгоценной частью которой является наследие Лермонтова, мы сражаемся с проклятым врагом. С этим врагом сражался бы сам поэт, если бы он жил в наше время. И сейчас — сто с лишним лет после его смерти — патриотические строки Лермонтова вместе с нами во всех испытаниях.

Я видел собственными глазами, что творили фашисты в домике Чайковского в Клину и в Ясной Поляне. Здесь — на пятигорской земле — побывал враг. И, подходя впервые к нашей национальной святыне — домику поэта, — я невольно волновался, беспокоясь за его судьбу, опасаясь увидеть уже знакомую картину разгрома. И тем более радостно было увидеть домик сохраненным, в образцовом порядке".

20 сентября 1944 года музей посетил М.А. Сулов. "Домик Лермонтова" — жемчужина Пятигорска, — написал он в книге отзывов. — Спасибо коллективу музея за спасение этой жемчужины от разграбления немецко-фашистскими бандитами".

А сколько писем получал музей в те годы! Писем, наполненных тревогой за "Домик".

Вот что писал ленинградский художник В.Л. Бреннерт: "Надеюсь, хоть и трудно надеяться на это, что Лермонтовский домик стоит на месте... Будьте добры, ответьте мне".

"Ночью передавали первые ужасные вести из Пятигорска. Неужели разрушен и растащен Лермонтовский домик?" — написал из Дербента 18 января 1943 года художник А.А. Мытников.

Старый друг музея, композитор Л.И. Рабинович, много сделавший для обогащения экспозиции музея, просил ответить как можно скорее, что с "Домиком". Лермонтоведы Эйхенбаум, Мануйлов, Пахомов, Иванова, Андреев-Кривич, Толстая, Прокопенко по телеграфу запрашивали о судьбе "Домика".

Но беспокоились не только лермонтоведы и люди искусства. Заведующий учебной частью средней школы № 17 станицы Петропавловской Краснодарского края запрашивал; "Что сделали немцы с "Домиком Лермонтова"?"

Красноармеец Резниченко, до которого дошел слух, что "Домик" разрушен немцами, писал: "Больно сжалось сердце, когда узнал, что ценнейшие экспонаты немцы уничтожили и "Домик"

осквернили...” При письме четыре лермонтовских марки. — “Это все, что можно было достать на фронте”.

“Уцелел ли “Домик” или грязный сапог растоптал эту святыню? Прихожу в ужас от мысли, что музей перестал существовать, — писал 10 января 1943 года, накануне освобождения Пятигорска, друг музея В.Н. Свищев. — Нас разделяет еще линия фронта, но я уверен, что день-другой...” На этом письмо обрывается. В тот же день автор письма был убит. Кто-то из фронтовых друзей Свищева или, может быть, неизвестный почитатель “Домика” переслал это письмо в музей и сообщил о гибели автора.

Фронтвики-пятигорцы, узнавая из газет, от родных, что “Домик Лермонтова” цел, поздравляли коллектив музея, писали о своей радости. “Я считал, что “Домик Лермонтова” уничтожен”, — писал сержант А.С. Попов, — И как же я был рад, когда от родных узнал, что “Домик” цел”.

Многие запрашивали о своих семьях, о родственниках. Вот письмо лейтенанта П.Ф. Козубенко: “За 8 месяцев я не получил ни одного письма. Мать осталась в Ростове, а жена с детьми эвакуировалась в Ессентуки. Убедительно прошу съездить в Ессентуки, узнать о судьбе моей жены и детей. О результате прошу сообщить мне, что бы ни случилось с ними трагического. Не стесняйтесь, пишите прямо и откровенно. Я с первых дней войны на фронте и достаточно закален, чтобы встретить и перенести мужественно всякие ужасы”. Доктор Стоянов, эвакуированный с госпиталем в Сибирь, запрашивает, жива ли его жена, Амитов из Омска просит разыскать его родных в Горячеводске и сообщить им его адрес. Найдите...Сообщите...

Искали. Находили. Сообщали.

“Домик” тем временем продолжал получать взволнованные письма, принимать посетителей. О любви к поэту говорил голос всего советского народа.

Даже на людей других убеждений и настроений “Домик”, овеянный славой великого русского поэта, производил глубокое впечатление. В апреле 1945 года в Пятигорске побывала председатель Британского комитета “Фонд помощи России” Клементина Черчилль, знакомившаяся с постановкой лечебного дела на Кавказских Минеральных Водах. Г-же Черчилль был показан “Домик Лермонтова” как достопримечательность города.

Ознакомившись с “Домиком”, она записала в книге:

“Этот маленький домик, полный одухотворения, где ваш знаменитый поэт провел несколько счастливых дней, произвел на меня незабываемое впечатление, которое я увезу с собой на родину”.

Секретарь комитета г-жа Джонсон, сопровождавшая Черчилль, записала: “Я счастлива, что побывала в доме одного из самых знаменитых сынов России”.

XX

С 1 января 1945 года “Домик” был переведен на республиканский бюджет, в ведение Комитета по делам культурно-просветительных учреждений. Okрепло материальное положение музея, что дало реальную возможность широко развернуть научно-исследовательскую работу и развить издательскую деятельность учреждения.

В развитии научной работы музея большую роль сыграл научный сотрудник Сергей Иванович Недумов. Своими архивными розысками он внес солидный вклад в советское лермонтоведение. Лермонтоведы недаром назвали его “архивное сердце”.

В 1946 году состоялось решение Пятигорского горсовета о присоединении к Лермонтовской усадьбе “верзилинского” дома, на пороге которого Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

Дом был занят коммунальными квартирами. Только при помощи таких горячих почитателей Лермонтова, какими были первый секретарь горкома КПСС П.М. Копейкин и инструктор того же горкома Д.Н. Каминский, удалось безболезненно провести переселение одиннадцати семей.

Теперь “Домик” мог быть превращен в мемориальный музей.

В 1948 году, когда в “верзилинском” доме открылось литературное отделение музея, “Домик” был освобожден от экспонатов, рассказывающих о жизни и творчестве Лермонтова.³⁵ Дверь в “пятую” комнату из спальни Столыпина была заложена, а ведущая в кабинет Лермонтова восстановлена.³⁶ Последний приют поэта стал мемориальным музеем.

В 1962 году торжественно отпраздновано 50-летие существования музея “Домик Лермонтова”. В этом же году была снесена “пятая” комната, которой при Лермонтове не было и которая искажала внешний облик “Домика”.

Наконец в 1964 году состоялось то, о чем давно ставили вопрос лермонтоведы: к 150-летию со дня рождения Лермонтова “Домик” реставрирован.

Реставрирован! Чтобы представить, что скрывается за этим словом, необходимо побывать в “Домике” и не просто осмотреть его, а вникнуть, как шла реставрация. Когда вы узнаете подробности, вы на все будете смотреть другими глазами.

“С глубоким волнением вошли в “Домик”, — записали юные экскурсанты в книге впечатлений 24 июля 1964 г. С таким же волнением входят в “Домик” все посетители, о чем свидетельствуют их многочисленные записи.

Что же вызывает это волнение? Подлинность! Сразу, при входе, вы обращаете внимание на потолок. Он необычен, так теперь не строят городские дома: потолок на балках. Вспоминаете, что так было и при Лермонтове. “Потолки положены прямо на балки и выбелены мелом”, — свидетельствовал хозяин “Домика” Чилиев.

Но вам и в голову не приходит, что могли сохраниться старые балки. А оказывается, сохранились! По этим стесанным балкам теперь и положены новые.

Вот перегородка, отделяющая буфетную комнатку от приемной. Может быть, размер буфетной установлен произвольно? Нет! И здесь подлинная точность. В наружной стене сохранился от первоначальной постройки врез перегородки. По нему и сооружена новая.

У Лермонтова собралось много народу в так называемом “зале”. А ведь он, этот “зал”, невелик. Это всегда вызывало недоумение: где же размещалось многочисленное общество товарищей поэта?

Что же обнаружила реставрация? Зал при Лермонтове был больше. Это установлено наличием врез в наружной, капитальной стене. Этот врез определил подлинный размер зала и приемной. Один из бывших частных владельцев “Домика” перedelывал флигель для своих удобств и перенес внутреннюю стенку на полметра в сторону зала, значительно таким образом его уменьшив. Теперь зал точно такого размера, какой был при Лермонтове.

И это не все: сохранился еще ряд подтверждений того же порядка. Обратимся вновь к свидетельству хозяина дома. “Полы окрашены желтой... масляной краской”. Когда при реставрации был снят линолеум (положенный, видимо, в 90-х годах прошлого столетия), то под ним обнаружен прекрасно сохранившийся пол, окрашенный желтой краской. Надо думать, что тот хозяин, который застилал пол линолеумом, не стал перекрашивать перед этим пол заново. Линолеум был положен на крашенный желтой краской пол, тот самый, который был при Лермонтове, по которому ходил поэт и его многочисленные друзья.

Сохранились частично рамы дверных проемов. Оказывается, двери при Лермонтове были выше, чем перед реставрацией. Все двери восстановлены теперь в прежних размерах, причем восстановлены одностворчатыми, как это и было раньше.

Двери и окна были, по свидетельству Чилиева, окрашены синей масляной краской. Эта-то синяя краска и сохранилась во многих местах на оконных проемах. В такой точно цвет теперь покрашены окна и двери.

Вот сколько неопровержимых свидетельств оказалось в руках коллектива музея и реставраторов "Домика".

Теперь рассмотрим обстановку. Она переносит посетителей почти на 130 лет назад. Прежде всего — буфетная. Выглядит она подлинной, той самой, какая была при Лермонтове. На столе, у окна, — дорожный складной самовар. На том же столе — старый мельхиоровый поднос, переданный музеем наследниками Чилиева с уверением, что поднос служил Лермонтову. Старинный шкафчик из верзилинского дома с посудой оттуда же. В шкафчике — полотенце с фамильным гербом Лермонтовых; на вешалке — еще два полотенца со старинной вышивкой. Так и кажется, что войдет сейчас сюда слуга Лермонтова — Андрей Соколов и начнет хозяйничать: достанет посуду, приоткроет оконце и протянет руку за каким-нибудь блюдом, приготовленным внизу, на кухне...

В приемной комнате обращает на себя внимание большой дорожный сундук. Это экспонат любопытный. С именем Лермонтова он, правда, не связан, но принадлежит эпохе, когда Лермонтов находился в ссылке на Кавказе. Сундук привезен теперь из Пензы. Прадед владелицы сундука служил на Кавказе, где и купил сундук, с которым путешествовал по Кавказу по делам службы в годы первой ссылки Лермонтова.

В спальне Столыпина — старинная, времен Лермонтова, длинная узкая кровать — такая была у Лермонтова. На кровати — старинное персидское шелковое покрывало. Такие покрывала и шали были очень характерны для быта лермонтовской эпохи. У окна — стол от Верзилиных.

А дальше — кабинет поэта. Вот в этих стенах и протекала жизнь Лермонтова в течение двух последних месяцев. Эти стены были свидетелями не только горьких раздумий поэта, его тревог, может быть, и тоски, но и многих вдохновенных часов творчества. В кабинете — стол, принадлежавший Лермонтову, тот самый, который передала в свое время "Домику" Евгения Акимовна Шан-Гирей. У стола — кресло поэта.

Все здесь живо напоминает Лермонтова. Посетители останавливаются перед дверью кабинета в благоговейном молчании. Так велико влияние подлинности, что вы чувствуете дыхание давно ушедшего времени и близость того, кто был убит, но навсегда остался живым.

Наконец, последняя комната — зал, служивший Лермонтову столовой и гостиной. Стены этой комнаты повидали во время пребывания в "Домике" Лермонтова многих замечательных людей. Здесь велись задушевные разговоры, бурные споры, высказывались откровенные мнения, слышались веселые шутки, колкие насмешки.

Перед диваном — круглый столик, единственная вещь из обстановки, принадлежавшей Чилиеву, сохранившаяся от времен пребывания в "Домике" Лермонтова. Какой-то особый уют придали залу старинного рисунка кавказская кошма на диване (ее по особому заказу изготовили для музея в Карачаево-Черкесии) и легкие муслиновые занавески на окнах.

Из зала — выход на балкон, оттуда — в сад. На балконе поэт любил отдыхать, изредка — и работать. "Домику" придали теперь вид, какой был у него в 1841 году.

Огромную работу проделал коллектив музея (директор музея А.И. Гребенкова, старший научный сотрудник П.Е. Селегей) в содружестве с энтузиастами — архитекторами Пикаловым, Асрияновым и Безруковым, а также рабочими-столярами Пятигорской мебельной фабрики. Высокую оценку этому поистине колоссальному труду дают посетители "Домика". Вот что записали в книге впечатлений посетившие "Домик" 23 июля заведующий кафедрой неорганической химии Астраханского медицинского института т. Руденко и доцент кафедры физиологии того же института т. Вейпринцев: "В связи с юбилейной датой величайшего поэта нашей родины М.Ю. Лермонтова очень приятно было посетить музей и вдохнуть аромат эпохи, в которую жил и творил бессмертные произведения Лермонтов. Отраднo отметить любовь, с которой работники музея сохраняют для поколений домик величайшего русского поэта.

Хочется выразить самую искреннюю благодарность всем работникам музея за их большую повседневную работу".

Каждая экскурсия, начинающаяся в "верзилинском" доме, в котором размещается Лермонтовский музей с его научно разработанной и прекрасно оформленной экспозицией, завершается осмотром "Домика".

Музей ведет большую научно-исследовательскую работу. Ежегодно в день трагической кончины Лермонтова здесь происходит чествование памяти поэта, организуются научные конференции, на которых виднейшие лермонтоведы страны выступают с докладами.

Как дорого творчество Лермонтова советским людям и насколько тесно связано имя поэта с его последним жилищем, доказывает такой факт: космонавт П.Р. Попович взял с собой в полет небольшой томик Лермонтова в зеленой обложке. Побывавший в космосе томик произведений Лермонтова был прислан космонавтами П.Р. Поповичем и Германом Титовым с их дарственной надписью "Домику Лермонтова". Этот драгоценный дар находится в экспозиции отдела "Лермонтов и наша современность", в литературном отделении музея.

Слава о "Домике" разнеслась по всему миру, всюду, куда проникло имя гениального русского поэта.

Вот недавняя запись польских туристов, сделанная на родном языке и переведенная на русский: "От имени группы польских туристов благодарю за знакомство с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова, который очень популярен в Польше". Подписал запись руководитель группы т. Каня.

Горячей любовью к поэту, пониманием значения "Домика" пронизаны записи советских людей.

"Небольшой домик, связанный с памятью великого поэта, дорог каждому советскому человеку, побывавшему здесь", — записала 1 августа 1964 года Ланева из Баку.

"Счастлив, что удалось побывать там, где жил М.Ю. Лермонтов". Это запись преподавателя русского языка и литературы 53-й школы рабочей молодежи Москвы т. Юдина.

XXI

Четыре города в Советском Союзе особенно тесно связаны с именем поэта: Ленинград, Москва, Пятигорск и Пенза. Этим четырем городам и выпала честь 15 октября 1964 года торжественно отметить 150-летнюю годовщину Лермонтова.

В Пятигорске необычайное оживление царило уже с первых дней октября. Состоялись встречи с писателями в санаториях, на заводах, крупнейших предприятиях города, в высших учебных заведениях. Были организованы лекции, концерты, юбилейные выставки в школах, библиотеках, домоуправлениях;

состоялся торжественный праздник, посвященный улице, носящей имя Лермонтова. В книжных магазинах, киосках, у лотчиков огромный спрос на лермонтовскую литературу и сувениры, выпущенные к юбилею. У памятника Лермонтову, в сквере имени поэта каждый день возлагали свежие букеты роскошных осенних астр и георгинов и маленькие букетики скромных полевых цветов.

На состоявшемся 8 октября в городском сквере у подножия памятника Лермонтову митинге присутствовали тысячи трудящихся Пятигорска и ближайших городов, поэты и прозаики почти всех республик, автономных областей и краев, гости из Болгарии, Чехословакии, Монголии. От ученых страны выступал Д.Д. Благой. Поэт Павел Антокольский сказал в своей речи: "Здесь, в Пятигорске, каждая улица хранит дыхание Лермонтова".

Город в эту пору выглядел особенно нарядным и праздничным. На безоблачном синем небе сияло нежаркое осеннее солнце. Под его лучами ярко пестрели цветники на улицах, в скверах, в парках, а многокрасочные юбилейные плакаты, развешенные по городу, казались еще красивее. Серебром блестела цепь снеговых гор, и участникам юбилейных торжеств вспоминались строки из печоринского дневника: "А там дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом".

Центром торжеств был "Домик Лермонтова". К нему тянулись бесчисленные экскурсии. Автобусы с экскурсантами из Армавира, Георгиевска, Грозного, Нальчика, Невинномысска, Орджоникидзе и других мест Северного Кавказа заполняли ближайшие к Лермонтовскому музею улицы. Из "Домика" рассылались приглашения на форум писателей, на торжественное заседание в городском театре, на научную конференцию лермонтоведов.

В первый день приезда в Пятигорск в "Домике" собрались поэты, прозаики, ученые-литературоведы. Они познакомились с музеем в "верзилинском" доме, затем посетили жилище поэта. По комнатам "Домика" прошли в благоговейном молчании, как будто боялись нарушить покой того, чье имя произносится во всем культурном мире с любовью и восхищением. На следующий день гости осмотрели все лермонтовские места на Кавказских Минеральных Водах.

В день митинга к подножию памятника поэту были возложены венки от Союза писателей СССР, от Союза писателей РСФСР, Всесоюзного Лермонтовского комитета, городских партийных и советских организаций, от школ, от многочисленных почитателей поэта.

8 октября в Пятигорске состоялась встреча, в которой приняли участие виднейшие советские поэты Павел Антокольский, Петрусь Бровка, Расул Гамзатов, Сильва Капутикян, Кайсын Кулиев, Ярослав Смеляков и многие другие. Зал городского театра не мог вместить всех желающих. Театр снаружи был окружен кольцом молодежи, жаждавшей услышать поэтов.

9 октября было проведено торжественное заседание, где с докладом о Лермонтове выступал известный лермонтовед И.Л. Андроников. В течение трех дней — с 12 по 14 октября — в "Домике" шла конференция лермонтоведов.

На месте дуэли Лермонтова была проведена торжественная пионерская линейка. С воодушевлением раздавали дети лермонтовские сувениры гостям перед торжественным заседанием в театре, преподносили цветы. Нарядная цепочка ребяташек в красных галстуках, с поднятыми над головой букетами хризантем была так красива и трогательна, что все присутствующие приветствовали их долго не смолкавшими аплодисментами.

Гости, прибывшие в Пятигорск на лермонтовские торжества, были избраны почетными гражданами города.

В связи со 150-летием со дня рождения поэта имя Лермонтова было присвоено Пятигорскому институту иностранных языков, курортной библиотеке, лучшей бригаде коммунистического труда, лучшей пионерской дружине города.

Так проведено было в Пятигорске чествование памяти Лермонтова, превратившееся во всенародный праздник. "Домику Лермонтова" в этом празднестве была отведена главная роль. Последний приют поэта, окруженный народной любовью, заботой партии и правительства, навсегда сохранится живой памятью о гениальном сыне русского народа.

* * *

"Спасибо работникам музея за то, что придали домику Лермонтова тот вид, какой он имел при жизни великого поэта". Эта запись в книге впечатлений сделана 28 июля 1967 года, на второй день после того как "Домик" предстал перед посетителями преображенный: и снаружи он выглядел таким, каким, по нашему представлению, был при жизни Лермонтова.

Удивительно изменился облик "Домика" теперь, когда не железо, как это было долгие годы, а камыш покрыл его крышу. Нелегко, точнее сказать, трудно было осуществить давнюю мечту о камышовой крыше. Где сейчас можно увидеть хаты, покрытые камышом? Ну, положим, нашли. Но так ли крыли крыши в начале XIX века, как делали это много позднее? Коллективу сотрудников музея с привлеченными к реорганизации "Домика" специалистами хотелось, чтобы выглядел "Домик" совсем как флигелек 1841 года. Пришлось побывать в хранилищах столичных музеев и посмотреть старинные гравюры, рисунки, картины.

В 30-х годах прошлого столетия, когда строился "Домик", покрыть его камышом было просто. Привезли нарезанный на берегу Подкумка камыш, позвали мастера — специалиста по камышовым крышам. И все! А теперь? Предварительный сбор материала, командировки, бесконечные совещания. И кто только не был приглашен для советов! Архитекторы? Непременно. Строители? Обязательно. Пожарники? И они тоже.

Работники научных организаций Москвы, Ленинграда, местных учреждений других городов, заводов — все приняли участие. Левокумский камышитовый завод дал камыш, а Днепропетровский лакокрасочный завод снабдил огнезащитной краской, и для легкозагорающего камыша теперь не страшен огонь.

Да, в 30-х годах прошлого столетия было нетрудно покрыть крышу камышом, но тогда это был флигель Чилиева, теперь же это "Домик" Лермонтова, "великий Домик", как назвал его И. Андроников. И теперь "все здесь тревожит и волнует", — записала студентки Черноморец и Джейранова.

А как же может не тревожить и не волновать этот последний приют поэта, когда все в нем — и внешний вид, и внутренняя обстановка — переносит в те дни, когда здесь жил Михаил Юрьевич. Вы выходите из "Домика" с таким чувством, как будто побывали у близкого, дорогого друга, в чью смерть не верите. Да, для Лермонтова нет смерти. Напрасно царь исключил его из списков живых приказом от 12 августа 1842 года. Великие люди не уходят из жизни. Исключить их из нее не могут никакие владыки мира. Гении живут и будут жить вечно. Вечно будет жить Михаил Юрьевич Лермонтов и "Домик" — свидетель его вечной жизни.

XXII

Знаменателен в жизни "Домика" 1973 год. 7 июня этого года вышло постановление Совета Министров РСФСР об образовании Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в городе Пятигорске. В этом заповеднике "Домику" приданы весь квартал, в котором он расположен, и все лермонтовские места Пятигорска, Кисловодска и Железноводска.

"Принятие этого решения, — писала газета "Кавказская здравница", — продиктовано возрастанием историко-литературного значения лермонтовских мест, интересом к ним многих тысяч любителей поэзии, необходимостью сберечь эти места для потомков. Теперь есть возможность реставрировать мемориальные места на научной основе, в соответствии со временем Лермонтова".

"Домику" уже возвращен его первоначальный облик. Теперь стоит задача воссоздать Лермонтовский квартал таким, каким он был при жизни поэта.

Огромную работу предстоит проделать коллективу музея. Сотрудники К.Г. Молитвина, И.Г. Габриэлянц, Л.И. Морозова во главе с директором Павлом Евдокимовичем Селегеем уже теперь полны забот и хлопот по сбору необходимых материалов. Тротуары и фонари, скамейки на зеленых площадках, дверные ручки и замки в домах — все должно выглядеть так, как это было в 40-х годах прошлого века.

Когда-то поэт И.А. Белоусов мечтал о том, чтобы в "Домике Лермонтова" был создан маленький музей". Он был и оставался маленьким до тех пор, пока не стал доступен для народа. Только после Октябрьской революции он стал тем драгоценным памятником, к которому народная тропа не зарастет веками. В 1973 году в "Домике" побывали 197 тысяч посетителей из всех республик, краев и областей СССР, из многих зарубежных стран.

В 1929 году "Курортная газета" с восторгом сообщала, что за один день в "Домике Лермонтова" побывало сто человек. А в последние годы каждый день тысяча и более. Через четыре комнаты флигеля прошло около пяти миллионов.

И в третий раз за почти полуторастолетнюю жизнь "Домика" встал вопрос о его спасении. Как же сберечь его? Что сделать для продления жизни музея? Прежде всего пришлось ограничить его посещение.

— Трудно и обидно это делать, но другого выхода нет, — говорит П.Е. Селегей. — И так в какой-то мере нарушается установленная для него норма — 150 тысяч посетителей в год. А если не отказывать? Тогда не 200 тысяч, а 300, может быть, и больше прошли бы через него. Но тогда... не разнесут ли его в пыль, как встревоженно говорили еще на заседании юбилейной Лермонтовской сессии в Институте русской литературы в 1939 году?

Другая мера спасения "Домика" — строгий режим: только пятнадцать посетителей впускают в "Домик" одновременно. В помещении объяснений не дают, это делают экскурсоводы ранее, перед входом в дом.

В "Домике" поэтому тихо. Тишина соответствует настроению посетителей и скромной обстановке последнего приюта поэта.

Записи... записи... Горы книг с отзывами. Все они проникнуты любовью к Лермонтову, благодарностью сотрудникам за сохранение жилища поэта, за его бережное содержание.

"Побывав раз в "Домике Лермонтова", так трудно уйти из него, — записал 12 апреля инженер из США (Лос-Анджелес). — Сердечное спасибо всем, кто сохранил и донес до наших времен это сокровище".

"С благодарностью и душевным трепетом мы, жители Новороссийска, осмотрели музей великого поэта". Под этими строками 14 подписей. Мать и дочь Адышевы из Петропавловска-на-

Камчатке были в "Домике" 27 мая и записали: "Мы увидели такое удивительное место — этот дом-музей". "Нет русского человека, который не проникся бы скорбью в этом месте" — запись посетителя из Владивостока. 16-летняя Зашичникова из Ростова написала: "Жизнь была бы не столь прекрасна, если не было бы его произведений". Запись журналиста от 20 октября: "Не верится! Прошло больше столетия, а здесь все сохранено так, как было при нем". Студентки Московского педагогического института имени В.И. Ленина "...чувствовали, находясь в "Домике", присутствие не только гения, но и родного, близкого человека, любимого поэта. Благодарим всех, кто вложил силы и труд в создание мемориального центра в Пятигорске", — записали они.

Это записи из книг 1973-1974 годов. Возьмем книгу 1972 года. 29 апреля: "Как будто я побывал в гостях у самого Михаила Юрьевича. Да очень жаль, не застал его дома".

"Сколько бы здесь ни был, а входишь как в самое святое место".

Эту особенность "Домика" как места дорогого, святого ощущают даже дети, подростки. Инженер В.И. Шабат из Выборга вспоминала: "Когда нас приняли в пионеры, надели на шею красный галстук, — это было ранней весной, день был для нас особо праздничный, — я и все девочки из нашего класса побежали в "Домик Лермонтова" как самое дорогое, святое для нас место. Помню, у нас не было денег, мы даже не подумали, что надо платить. Но все равно нас пропустили, наверно, понимали, что "Домик" — это тоже наш праздник".

Вот краткая, но выразительная запись москвича: "Просто, но замечательно. Спасибо". Трогательную запись сделали учащиеся средней школы г. Черкесска: "Очень любим свой Кавказ и рады, что он воспет великим русским поэтом Лермонтовым. Очарованные, ходим по комнатам этого "Домика". Костя Филимонов, ученик 3-го класса 59-й школы г. Магнитогорска, написал: "Мне музей очень понравился. Я приеду еще, когда вырасту большой".

Члены болгарской делегации нашли замечательные слова: "Лермонтов принадлежит не только русскому народу, но и целому человечеству". 6 июля 1973 года в "Домике" побывали 120 болгарских пионеров, а 16 августа 1974 года — еще одна группа пионеров из Болгарии. "Вечная память" — записали они на русском и болгарском языках... На столе в кабинете Лермонтова ветви туи, вербы, яблони. Они из Болгарии от Тони Пехливановой. А в саду две стройные красавицы-березы, дар горячей поклонницы поэзии Лермонтова. Лет десять назад она прислала крохотные березки-саженцы. Они принялись, выросли и сейчас украшают лермонтовскую усадьбу.

Поистине велик этот маленький флигелек. И потому, что он есть, что он жив, Пятигорск становится центром советского лермонтоведения. Когда-то даже не упоминавшийся при проведении торжеств, посвященных памяти поэта, Пятигорск теперь — место научных лермонтовских конференций, лермонтовских праздников поэзии.

В 1974 году отмечалось 160-летие со дня рождения Лермонтова. Программа торжеств была обширна и разнообразна. Съехались лермонтоведы, видные писатели, деятели культуры из многих городов и стран. Но главное в этих торжествах даже не то, что на них стекается масса народа, а та атмосфера теплоты и сердечности, которую так прекрасно охарактеризовала старейший педагог Пятигорска Мария Андреевна Аболина: "Точно одна большая семья. И заботы, и мысли у всех одни: достойно почтить память любимого поэта".

А через 10—15 лет в центре Пятигорска будет воссоздан квартал того "чистенького, новенького" городка, который Лермонтов увековечил в "Герое нашего времени".

Заведование "Домиком"

1. Г.И. Раев, хранитель музея — 1912—1914 гг.
2. Д.М. Павлов, попечитель музея — с конца 1915 г. по июнь 1916 г.
3. Л.В. Орлов, заведующий музеем — 1919 г.
4. А.Л. Казинцев, заведующий "Домиком" по совместительству — 1920—1921 гг.
5. В.П. Шереметов, директор музея — с 1922 г. по 12 октября 1923 г.

Литература

- Арнольди А.И. Лермонтов в Пятигорске в 1841 г. — В кн.: Литературное наследство. Т. 58. М., 1952.
- Архив АН СССР, ф. 9. "Дело о приобретении "Домика Лермонтова" в Пятигорске". Белоусов И.А. Дорогие места. М., 1918.
- Богословский В.С. Пятигорские и с ними смежные воды. М., 1886.
- Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.
- Орджоникидзевское краевое архивное управление. № 3991. "Дело о погребении Лермонтова". Архивная копия.
- Егоров В.И. Воспоминания. Рукопись.
- Из записок Николая Ивановича Лорера. — "Русский архив", 1874, т. 2.
- Лонгинов М.И. М.Ю. Лермонтов. — "Русская старина", 1873, т. 7, кн. 3.
- Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. Л., 1964.

Примечания

- ¹ При реставрации этого дома в 1974 году были обнаружены на его стенах под слоем штукатурки листки календаря 1823 года.
- ² П.К. Мартыянов (1827—1899), военный писатель.
- ³ При реставрации "Домика" в 1964 году обнаружено, что стены его из крепкого бубнового дерева.
- ⁴ Найтаки — арендатор гостиницы "Ресторации".
- ⁵ Арнольди Александр Иванович (1817—1898), сослуживец Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку.
- ⁶ Васильчиков Александр Илларионович (1818—1887), секундانت на последней дуэли Лермонтова.
- ⁷ Глебов Михаил Павлович (1818—1847), секундонт на дуэли Лермонтова с Мартыновым.
- ⁸ О том, что "сердце поэта не лежало ни к кутежам, ни к азартным картежным играм", имеется более раннее свидетельство товарища Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку графа Васильева.
- ⁹ Этот бумажник Чиляев купил у слуги Лермонтова, затем подарил его Мартыянову. В настоящее время бумажник находится в музее Института русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде.
- ¹⁰ Надя — Надежда Петровна Верзилина, за которой Глебов слегка ухаживал (прим. П.К. Мартыянова).
- ¹¹ "Мадмуазель Эмилия, прошу вас, один только тур вальса, последний раз в моей жизни (франц.)."
- ¹² "Наперебой (франц.)."
- ¹³ "Горец с большим кинжалом (франц.)."
- ¹⁴ "Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями (франц.)."
- ¹⁵ "Запись в метрической книге Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 год: "Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьевич Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15 июля, а 17 погребен, погребение пето не было".
- ¹⁶ Эта запись дошла до наших дней. Копия ее — в экспозиции музея "Домика Лермонтова".
- ¹⁷ Лермонтов скончался не в домике, а на месте дуэли. Эта ошибка фигурировала позднее и в официальной переписке.
- ¹⁸ Тогда же была заведена книга для записи посетителей места дуэли. Первая запись сделана 19 августа 1901 года. Всего за остальные месяцы этого года место дуэли посетили 148 человек.
- ¹⁹ В бывшем кабинете Лермонтова.
- ²⁰ Георгиевский напрасно приписал себе заботу о сохранности "Домика": в 1894 году было издано обязательное постановление Пятигорской городской управы, в котором в противопожарных целях всем домовладельцам деревянных и турлучных домов предлагалось обложить стены кирпичом, деревянные и камышовые крыши перекрыть железом.

6. В.И. Егоров — с 12 октября 1923 г. по 17 января 1924 г.
7. Кажмер — с 17 января 1924 г. по 13 февраля 1925 г.
8. Функе — с 13 февраля 1925 г. по 12 марта 1926 г.
9. И.М. Тришин — с 12 марта 1926 г. по 9 июля 1926 г.
10. Н.И. Логазидзе — с 9 июля 1926 г. по 23 апреля 1931 г.
11. С.Д. Коротков — с 23 апреля 1931 г. по июнь 1936 г.
12. Н.М. Комаров — с июня 1936 г. по 1 сентября 1937 г.
13. Е.И. Яковкина — с 1 сентября 1937 г. по 1 октября 1951 г.
14. А.И. Гребенкова — с 1 октября 1951 г. по 1 июля 1968 г.
15. П.Е. Селегей — с 1 июля 1968 г.

- Мартыянов П.К. Последние дни жизни поэта М.Ю. Лермонтова. — "Исторический вестник", 1892, т. 2—4.
- Мельничский В. Переезды по России в 1852 г. — "Современник", 1853, № 8.
- Н.Н. Воспоминания о Закавказском походе. — "Военный сборник", 1860, № 1.
- Некрасова Е.С. Михаил Юрьевич Лермонтов. — "Русская старина", 1888, т. 5.
- Пензенский сборник. Пензенское кн. изд-во, 1960.
- Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис, 1900.
- Новонайденное письмо о дуэли и смерти Лермонтова. Сообщение А. Михайловой. — В кн.: Литературное наследство. Т. 58. М., 1952 (См. письма П.Т. Полеводина).
- Святловский В.В. Кавказские минеральные воды. Екатеринбург, 1898.
- Семенов Л.П. Михаил Юрьевич Лермонтов. М., 1915.
- Туровский Н.Ф. Дневник поездки по России в 1841 г. — "Русская старина", 1913, т. 7—9.
- Тюленев И.В. Через три войны. М., 1960.
- Щеголев П.Е. Книга о Лермонтове. Т. 2. Л., 1929.

Камышовая крыша на "Домике" была заменена деревянной еще в 50-х годах.

²⁰ Эта переписка публикуется впервые

²¹ Так назывались первые кинотеатры.

²² Это был действительный факт: в погоне за прибылью один предприимчивый ресторатор кощунственно присвоил своему заведению имя великого поэта.

²³ Профессору показали вместо кабинета зал.

²⁴ Эти книги не сохранились.

²⁵ Е.А. Шан-Гирей (1853—1943) до своей кончины жила в Пятигорске, в доме по ул. Буачидзе № 9, некогда принадлежавшем ее матери Э.А. Шан-Гирей. Это так называемый "верзилинский дом", где произошел вызов Лермонтова на дуэль Мартыновым и где в настоящее время расположена литературная часть музея "Домика Лермонтова".

²⁶ Эту камю Е.А. Шан-Гирей передала в дар "Домику".

²⁷ Здесь и далее даты указаны по новому стилю.

²⁸ Автор корреспонденции имел, вероятно, в виду те переделки, которым "Домику" подвергся после 1841 года. Реставрация же произведена позднее.

²⁹ Этот "экспонат" узнали в 1938 году каменщики, поправлявшие в саду музея стены. Они рассказали, что каменная глыба была в 1935 году по заказу директора привезена в "Домику" из старой заброшенной каменоломни.

³⁰ При восстановлении балкона обнаружена совершенно целая дверная рама, которую заложил Чиляев, уничтожая балкон. Из двери тогда, как и утверждал Чиляев, сделали окно. Обнаруженная в 1939 году рама послужила доказательством, что дверь действительно в свое время существовала.

³¹ П.И. Бронштейн не регистрировалась по приказу фашистов и ей удалось спастись вместе с детьми.

³² За хранение радиоприемников оккупанты расстреливали.

³³ Содержавшиеся в этих ящиках картины и другие экспонаты, а также полотна, которые удалось тайком вынести из "Домика", послужили затем, после эвакуации Ростовского музея изобразительных искусств, основой для его восстановления.

³⁴ Позднее А. Калинин напечатал в журнале "Дон" (№ 5, 1965 г.) материал "Из блокнота военного корреспондента", посвященный "Домику". Несоответствие его строк действительности можно объяснить только тем, что расшифровка записей через 20 с лишним лет — дело трудное.

³⁵ История создания экспозиции в доме Верзилиных, а также организация научной деятельности музея не являются задачей настоящего очерка. Это — тема отдельной работы.

³⁶ Все строительные работы проводил безвозмездно горячий почитатель Лермонтова инженер Г.В. Ростошинский.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Яковкина Е.И. Последний приют поэта. —
Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1975.
Третье издание, исправленное и дополненное

И.Л. Андроников. Великий домик

Среди мест, священных для каждого, кто любит поэзию, есть в нашей стране городок совершенно особый. Если даже вы попали в него впервые, вам кажется, что идете вы по знакомым местам, знакомым воздухом дышите и уже видели когда-то эти лесистые склоны...

Это — Пятигорск, который вы навсегда полюбили, читая "Героя нашего времени", и к которому всегда обращаетесь, когда вспоминаете Лермонтова. Его жизнь и творения так сплетаются здесь между собой, что все вокруг кажется как-то по-особому романтически поэтичным, а созданное воображением поэта воспринимается как живая реальность.

"Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли..." Так начинается "Княжна Мери". Это пишет Печорин. Но Лермонтов поселил его где-то близ того места, где нанял квартиру сам. А может быть, и в том самом доме. "Внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом..."

Сквозь строки романа мы ощущаем подлинные впечатления Лермонтова, угадываем даже реальных людей, чьи черты отразились в героях "Героя". И восхищаемся блеском характеристик, живостью повествования, музыкальностью каждой фразы — великим произведением, великим преображением жизни.

В 1837 году, высланный из столицы за стихи на смерть Пушкина, Лермонтов приехал сюда. Здесь лечился. И ездил на пикники. С молодой веселой компанией ходил к "Провалу", сиживал в уединенном гроте... Но на дуэли — беспощадной, с заранее предreshенным концом, тогда не стрелялся.

Это произошло четыре года спустя: Лермонтов в романе своем как бы предсказал ту ситуацию, которая возникла перед ним самим на месте встречи с Мартыновым. Он знал, что его собираются застрелить. Но поступил не по роману, а иначе: выстрелил в воздух. И убит. В неполных двадцать семь лет.

Мы стоим под Перкальской скалой, под которой разыгралась эта трагедия, и думаем, — словно это еще может помочь! — что надо было сделать тогда, чтобы он остался в живых и продолжал бы писать стихи, один другого прекраснее? Зачем не было нас возле него!..

В Пятигорске, рядом с домиком, где он снимал квартиру в 1837 году, летом 1841-го он нанял домик под камышовой крышей, — три окна по саду; два побольше, одно совсем маленькое. С дверью в сенцы. Тут поселился он вместе с родственником и другом своим — Алексеем Стольпиным, офицером, которого смолоду прозвали Монго. В этой крохотной хижине написаны

"Дубовый листок оторвался от ветки родимой...", "Сон", "Выхожу один я на дорогу...", "Морская царевна", "Пророк"... Отсюда Лермонтов выехал за день до дуэли в Железноводск. Сюда привезли его окровавленного, мертвого. Здесь лежал он, и над ним рыдал мальчик-слуга. И теснились в сенях почитатели, из которых многие понимали, что убит второй Пушкин.

Время прошло. Перепланировали домик внутри, крышу обили железом. Принадлежал домик Чилаеву. Но в разговорах называли его "домик Лермонтова". И хотя газеты и журналы наперебой старались очернить поэта и обелить убийцу его, изустно передавался слух, что Лермонтова не любил император и в этом все дело. И приезжавшие в Пятигорск на лечение искали домик, откуда выносили поэта. И великий драматург Александр Николаевич Островский настоял, чтобы прикрепили мемориальную доску к стене.

В 1912 году домик открылся для публичного обозрения. Но по-настоящему народным музеем стал пятьдесят лет назад.

Бесконечной вереницей идут экскурсии и "посетители-одиночки". С волнением останавливаются перед порогом, благоговейно входят в сени комнатки. Сотни людей ежедневно. Круглый год. Со всей страны. Со всего мира. Этот музей даже и сравнить не с чем. Расположенный в центре группы кавказских курортов, он доступен решительно всем. И всенароден в самом полном смысле этого слова.

А недавно ему возвращен прежний вид: восстановлена прежняя планировка, он снова покрыт камышом и выглядит так, как было в то — последнее — лето.

И все сразу ожило! Мы переступаем порог в прошлый век. Кажется, Лермонтов только что вышел отсюда. Тот же вид в заросший садик из окна крохотного его кабинета. Стол, который стоял у него в Петербурге, — на нем писались строфы "Смерти Поэта". Кресло его. В буфетной — посуда, самовар тех времен. На доннышке серебряного молочника процарапано: "М.Ю. Лермонтова. Пятиг. 1840". В спальне пистолеты. Кинжалы. В малюсенькой гостиной — ломберный столик, за которым играли в карты брат Пушкина — майор Лев Сергеевич Пушкин, молодые офицеры — будущие секунданта на поединке.

От волнения сердце переворачивается! Казенной сторожке возвращена прелесть подлинности, тут ощущаешь и трагедию, и величие гения с особенной остротой!

Кто сделал все это? С таким вкусом и пониманием, с такой любовью? Кто дает пояснения, предупреждая ваши вопросы, скромно, просто, без аффектации и словно впервые "вспоминая" все это?

Коллектив научных сотрудников "Домика", влюбленных в поэзию Лермонтова и навсегда восхищенных подвигом его жизни. Благородные люди! Истинные друзья поэзии, которыми советская культура может гордиться!

...Мы выходим из палисадника на улицу Лермонтова — в город. В современный, и прежний! И будущий. И лермонтовский навеки.

Текст печатается по изданию:
Газета "Труд". — 1967. — 11 октября.

Павел Евдокимович Селегей

1923—2002

Павел Евдокимович Селегей — лермонтовед, директор Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова.

П.Е. Селегей родился 24 августа 1923 г. в селе Журавское Ахтырского района Сумской области. После окончания школы в 1941 году был призван в армию и принимал участие в Великой Отечественной войне.

С 1946 по 1951 год учился на филологическом факультете Московского государственного университета, по окончании которого был направлен в Пятигорск в Государственный музей "Домик Лермонтова". Учился в аспирантуре МГУ и подготовил к защите диссертацию на тему: "М.Ю. Лермонтов в годы Великой Отечественной войны", но не защитил ее. Всю дальнейшую жизнь посвятил служению памяти великого русского поэта. Как заведующий литературным отделом музея подготовил в разные годы тематико-экспозиционные планы, по которым в дальнейшем создавались новые музейные экспозиции.

П.Е. Селегей был одним из инициаторов, а затем и организаторов Всесоюзных лермонтовских научных конференций, которые музей проводил с 1956 по 1991 год. На этих конференциях Селегей неоднократно выступал с докладами на лермонтовские темы. Под его руководством разрабатывались охранные зоны памятников истории и культуры Кавказских Минеральных Вод, связанные с именем М.Ю. Лермонтова. Эта работа легла в основу документов по созданию Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. С 1968 года Селегей — директор музея "Домик Лермонтова", а с 1973 года — директор Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. На этой должности он проработал до 1987 года. В 1972 году Селегей было присвоено звание "Заслуженный работник культуры РСФСР", он неоднократно награждался различными правительственными наградами.

Популяризируя творчество М.Ю. Лермонтова и работу музея "Домик Лермонтова", а затем Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, Селегей издал ряд путеводителей по музею и лермонтовским местам. Он составил несколько сборников избранных произведений Лермонтова, автор статей в "Лермонтовской энциклопедии" (1981), в научных сборниках и периодической печати.

А.Н. Коваленко

Краткая библиография

Селегей П.Е. Лермонтов и Кавказские Минеральные воды // По лермонтовским местам. — Ставрополь, 1952. — С. 14-55.

Селегей П.Е. Лермонтовские места в Кисловодске // По лермонтовским местам. — Ставрополь, 1952. — С. 104-118.

Селегей П.Е. Государственный музей "Домик Лермонтова". Путеводитель. — Ставрополь, 1958.

Селегей П.Е. К вопросу об истоках фольклоризма М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Сб. статей и материалов. — Ставрополь, 1960. — С. 29-44.

Селегей П.Е. и др. Кто убил Лермонтова? По поводу одной сенсации // Литературная газета, 1962. 4 сентября.

Селегей П.Е. Лермонтов М.Ю. Домик-музей. Лермонтовский разъезд // Краткая литературная энциклопедия. — М., 1967. — Т. 4. — С. 154, 155.

Селегей П.Е. Гос. музей "Домик Лермонтова". — М., 1968.

Селегей П.Е. По лермонтовским местам. Издание 2-е. — Ставрополь, 1971.

Селегей П.Е. Между Машуком и Бенгу. Путеводитель по Гос. музею-заповеднику М.Ю. Лермонтова. — Ставрополь, 1976.

Селегей П.Е. Домик Лермонтова. Путеводитель 2-е издание. — Ставрополь, 1978.

Селегей П.Е. Заповедный Лермонтовский край: Путеводитель по Гос. музею-заповеднику М.Ю. Лермонтова. — Ставрополь, 1984.

Селегей П.Е. Кавказские Минеральные Воды // По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и окрестности. Кавказ: 2-е изд., доп. — М., 1989. — С. 271-312.

О нем

Мануйлов В.А. Лермонтовская научная конференция в Пятигорске // Ставропольская правда, 1957. 8 августа.

Прозорова Л.Е. Одна, но пламенная страсть // Кавказская здравница, 1981. 10 ноября.

Агаханов Р.С. Край синих гор // Кавказская здравница, 1982. 23 октября.

Друнина Ю. Ответьте Лермонтову // Литературная газета, 1983. 19 октября.

Агаханов Р.С., Степанов Б. Пойдем маршрутами Лермонтова // Кавказская здравница, 1986. 13 марта.

Степанов Б. Места заветные // Кавказская здравница, 1986. 9 апреля.

Л.Н. Кочкарева

1976

Между Машуком и Бешту

Обетованный край поэзии

Зеленые предгорья Кавказа, увенчанные на горизонте белоснежными вершинами и возвышенными сказочно красивым пятиглавым Бештау, как бы созданы для поэзии. В этом убеждаешься каждый раз, когда любишь чудесными картинами природы этого края и вспоминаешь его славную поэтическую историю.

Это здесь нашла когда-то приют свободолюбивая муза А.С. Пушкина. С горячей признательностью вспоминал он об этих дорогах ему местам.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.

На Пятигорье "дикий гений вдохновенья" освятил ему замысел "Кавказского пленника" — поэмы, которая открыла новую тему в русской литературе.

С давних времен Кавказ привлекал к себе внимание русских поэтов. Ломоносов, Херасков, Державин, Жуковский, Грибоедов, Рылеев и целая плеяда менее известных поэтов в разной мере отдали поэтическую дань этому прекрасному, в то время еще во многом таинственному и неизведанному краю. Правда, это были только отдельные штрихи, зарисовки, порою смутные упоминания, которые, безусловно, не могут идти ни в какое сравнение с той широкой и величественной картиной Кавказа, которая открылась перед изумленным русским читателем в произведениях А.С. Пушкина.

Но вот прошло всего несколько лет со времени появления в печати пушкинских созданий, не успели еще утихнуть вызванные ими волнения и споры, как о Кавказе заговорил другой поэт. И читатели, словно зачарованные, стали прислушиваться к его молодому поэтическому голосу:

**Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курился, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящий, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ.**

Это был голос Лермонтова. Жизненные пути Пушкина и Лермонтова впервые пересеклись именно здесь летом 1820 года. Это было в первую поездку Пушкина на Кавказ. Он тогда с восторгом писал брату: "Жалею, друг мой, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной".

Когда думаешь об этой поездке Пушкина на Кавказские Минеральные Воды, невольно вспоминается, что в это же время здесь находился и шестилетний Миша Лермонтов. И какое-то волнение охватывает при мысли, что в одну из прогулок по Горячей горе Пушкин (это ведь так возможно!) обратил внимание на не по возрасту серьезного мальчика, который своими большими, необыкновенно выразительными глазами внимательно всматривался в синевшие на горизонте горы.

Пушкин не мог, конечно, знать, что здесь, на пятигорской горной тропе, в этом мальчике он встретил того, кто через несколько лет не только десятки раз с волнением перечитает и переписшет его стихи и поэмы, но и станет вскоре его достойным наследником и продолжателем.

Эта мимолетная встреча в Пятигорске, к сожалению, только предположение. Но если даже ее и не было, мы не можем не отметить знаменательный факт — одновременное посещение Кавказа уже прославленным поэтом Пушкиным и шестилетним Лермонтовым — его будущим гениальным наследником. Здесь, на кавказской земле, впоследствии вдохновенно воспетой ими, впервые сошлись пути двух великих людей.

"Кавказ был колыбелью его поэзии... — писал В. Г. Белинский в 1840 году, — и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно-величавой природы, как Лермонтов".

Никто!.. Краткое и категоричное определение великого критика следует относить не только к тому времени, когда оно было высказано, но и к ко всей последующей истории русской литературы. Лермонтов остался непревзойденным певцом Кавказа.

Поэт прекрасно знал этот край. Уже в период первой ссылки он писал, что "изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже..."

Среди множества мест, освященных его поэтическим гением, особое положение занимают города Кавказских Минеральных Вод. На Кавказе трудно найти другой уголок, где бы так тесно переплетались нити личной и творческой биографии Лермонтова. Здесь и сейчас многое напоминает о нем. Изо дня в день ты

сячи почитателей великого поэта проходят по лермонтовским местам, вспоминая о его гениальных поэтических созданиях, любуясь воспетыми им величественными картинами природы.

Чтобы на века сохранить все, что связано в этом крае с именем поэта, постановлением Совета Министров РСФСР в 1973 году создан Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова. Образован он на базе литературно-мемориального музея "Домик Лермонтова" и лермонтовских мест в городах Пятигорске, Кисловодске и Железноводске.

Созданием заповедника положено начало новому этапу в развитии музея. Но история его уходит в далекое прошлое. Начинается она с того дня, когда была прервана на Машуке жизнь поэта. В тот поздний вечер и на другой день все, кто знал Лермонтова, приходили проститься с ним к маленькому домику, где провел он последние месяцы своей жизни.

С тех пор за многие годы проторилась и с каждым десятилетием становилась все многолюднее народная тропа к последнему приюту поэта, получившему в народе уважительно теплое название — Домик Лермонтова.

Судьба домика оказалась сложной и трудной. Многие годы он переходил от одного частного владельца к другому. Он ветшал. Порою над ним нависала опасность разрушения.

Только в 1912 году после многолетних настойчивых требований передовой общественности домик был выкуплен пятигорской городской думой у частного владельца и передан в ведение Кавказского Горного общества, которое и обосновало в нем музей, дав ему утвердившееся в народе наименование "Домик Лермонтова".

Реальные возможности для научно-экспозиционной и просветительской деятельности музея открылись только после Октябрьской революции, когда Домик Лермонтова был взят государством на сохранность как памятник культуры.

Важной вехой в истории музея явился 1946 год. Музею был передан расположенный по соседству бывший дом Верзилиных, в котором часто бывал Лермонтов и где он был вызван на дуэль. В нем был открыт в 1948 году литературный отдел.

В последнее десятилетие были проведены капитальные работы по реставрации и восстановлению внешнего вида и внутренней обстановки мемориального домика поэта и дома Верзилиных. Домик Лермонтова предстал перед его посетителями в своем первоначальном виде. В марте 1970 года открыта новая экспозиция литературного отдела, посвященная теме "Лермонтов на Кавказе".

Из года в год росла посещаемость музея. Если в первый период его существования она не превышала нескольких тысяч человек в год, то в настоящее время музей ежегодно посещают около 200 тысяч человек, приезжающих со всех концов нашей страны.

Так возник и развивался музей, приобретая все большую известность среди миллионов почитателей великого русского поэта.

За шесть десятилетий существования музея в его фондах, как ценнейшие экспонаты, собраны множество томов рукописных книг, в которые посетители музея записывали свои мысли о Лермонтове, впечатления о посещении его домика. Это всенародная летопись бессмертия и славы поэта.

Вот некоторые записи из этих книг:

"С глубоким волнением, с грустью дышал воздухом этого домика. В. Шукшин".

"Покидая Домик-музей Лермонтова, уношу в свое сердце образ великого русского человека — Героя нашего времени. Инженер львовского автозавода Л. Дубянский".

"Спасибо, домик Лермонтова. За то, что все, что с детства родное по стихам, увидела глазами. За дубовый листок, который, как живую строчку, упавшую из Великих его стихов-увою до-

мой, в Волгоград, чтобы рассказать всем о том, что он — с лермонтовского дуба. Спасибо. Маргарита Агашина".

С созданием Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова началась новая глава в истории этого старейшего в нашей стране литературно-мемориального музея. Домик Лермонтова стал центром заповедника. Вокруг него объединилось все, что связано на Кавказских Минеральных Водах с именем поэта.

Основой заповедника стал городской квартал, в центре которого находится музей "Домик Лермонтова". Поэтому ознакомление с заповедными местами лучше всего начать отсюда, со старейшего уголка лермонтовского Пятигорска.

Знакомство с экспозицией музея явится как бы вступлением к последующей экскурсии по другим лермонтовским местам, так как поможет вспомнить об основных событиях в жизни и творчестве поэта, которые навсегда связали его имя с Кавказом и нашим краем.

В настоящее время музей имеет два отдела: литературный, расположенный в доме Верзилиных, и мемориальный, состоящий из домика, в котором жил Лермонтов, и гостиной верзилинского дома, где он был вызван на дуэль.

Музей "Домик Лермонтова"¹

Дом Верзилиных

Дом Верзилиных — самый старый в лермонтовском квартале. Он построен в 1821 году. О самом доме наш рассказ впереди, когда речь пойдет о последних месяцах жизни Лермонтова в Пятигорске. Теперь же мы начнем знакомиться с расположенным в этом доме литературным отделом, экспозиция которого посвящена теме "Лермонтов на Кавказе".

Лермонтов с нами

Основной теме экспозиции предшествует вступительный раздел "Лермонтов и наша современность", расположенный в первом зале.

Как заглавный лист экспозицию этого раздела открывает вместе со скульптурным портретом Лермонтова полный текст стихотворения "Парус", которое наиболее близко нашим современникам и, по словам замечательного скульптора С. Т. Коненкова, является "лучшим выражением полноценного человека":

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

Сила поэзии Лермонтова в ее народности. Это высшее достоинство гениальных созданий великого поэта. "Парус", "Бородино", "Песня про купца Калашникова", "Родина", "Мцыри", "Дума" — эти и многие другие произведения Лермонтова навсегда вошли в духовную жизнь народа. Лучшим признанием величайшей заслуги поэта перед народом является то, что, вступая в жизнь, наши дети по этим произведениям учатся понимать, что такое Родина, правда, мужество, человеческое достоинство.

В них перед миллионами читателей раскрылась истинно русская душа поэта, его гражданское мужество, удивительная способность проникать в существо жизни, его тончайшее понимание самых сокровенных и нежных человеческих чувств и переживаний.

О благородной роли поэтического наследия М.Ю. Лермонтова в жизни советских людей и рассказывает экспозиция первого зала.

Справа от центрального стенда обращают на себя внимание крупно выписанные слова: "Привлекала нас в молодости смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова". Это цитата из помещенного здесь же письма Н.К. Крупской бывшей сотруднице музея "Домик Лермонтова" М.Ф. Николевой (1938 г.), в котором Надежда Константиновна рассказывает о любви своей и Владимира Ильича к Лермонтову.

О том, что В.И. Ленин хорошо знал поэзию М.Ю. Лермонтова, красноречиво свидетельствуют также представленные в экспозиции отдельные сочинения Ильича, в которых он, разоблачая политику кадетов и меньшевиков, остроумно использовал строки из лермонтовских стихов.

Экспонаты, помещенные в турникете и витрине слева от центрального стенда, убедительно говорят о выдающейся роли поэзии Лермонтова в патриотическом воспитании людей.

Большой интерес представляют репродукции статей из фронтовых и центральных газет периода Великой Отечественной войны. Патриотическая поэзия Лермонтова укрепляла силы и волю советских воинов, вдохновляла их на борьбу с фашизмом. В турникете — передовая статья газеты "Красная звезда" от 16 октября 1941 года. Обращаясь к воинам, газета писала: "Из глубины годов доносится сейчас на поля сражений к воинам Красной Армии, защищающим Москву, благородный клич их предков:

"Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!" —
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Сама Родина говорит сейчас этими словами со своими вооруженными сыновьями, сражающимися на Вяземском, Брянском, Калининском и других направлениях. Пусть не будет война, который бы не услышал этого призыва!.."

Бережно охраняются в нашей стране памятные места, связанные с жизнью и творчеством Лермонтова. Некоторые из них изображены на помещенных в экспозиции рисунках.

Живой отклик поэзия Лермонтова получила в творчестве советских художников. В экспозиции представлены давно получившие широкую известность и признание замечательные иллюстрации Н.В. Кузьмина к драме "Маскарад".

С большим мастерством и с тонким пониманием Лермонтова выполнены гравюры Ф. Константинова — иллюстрации к "Демону", "Мцыри", "Герою нашего времени". Привлекают внимание выполненные в разных художественных манерах работы В. Бехтеева, П. Бунина, Т. Мавриной, К. Рудакова, Ю. Иванова, К. Клементьевой и других художников.

Почетное место принадлежит Лермонтову в советской музыке. Вдохновленные великим поэтом музыкальные произведения различных жанров и форм — романсы, оперы, балеты, симфонические поэмы — создали советские композиторы Л. Спендиаров, Н. Мясковский, Б. Асафьев, А. Хачатурян, М. Ипполитов-Иванов, С. Василенко, А. Александров, Ю. Свиридов, Б. Лятовский, Ю. Мейтус, О. Тактакишвили, В. Шебалин, С. Аксют и многие другие.

На стенде и в витрине представлены афиши, программы различных театральных постановок. Здесь же помещены ноты с автографом Арама Хачатуряна, создавшего замечательную, покорившую сердца людей музыку к драме "Маскарад".

Говоря о своей работе над музыкой к лермонтовской драме, А.И. Хачатурян писал: "Лермонтов — один из тех великих русских гениев, чье творчество будет вечно жить в музыке. Лермонтовские образы привлекают советского композитора стремлением к борьбе за свободу и счастье человека. С трепетным волнением писал я музыку к драме Лермонтова "Маскарад". Какая глубина чувств, всепобеждающая сила страстей! "Маскарад" ждет еще своего Чайковского".

Прочно утвердились в репертуаре наших театров драматургические произведения поэта, особенно "Маскарад". Прологом славной сценической жизни этой драмы в советской театральной культуре явилась постановка ее в 1917 году, незадолго до Октябрьской революции, в бывшем Александринском театре (ныне Ленинградский Академический театр драмы им. А.С. Пушкина). Народный артист СССР Ю.М. Юрьев, выдающийся исполнитель роли Арбенина, вспоминая об этой постановке, писал: "...на улицах начиналась революция, слышались крики, собирались толпы с флагами, трамваи не ходили... И все-таки театр был полон".

Одним из наиболее значительных и глубоких сценических воплощений драмы "Маскарад" явилась ее постановка в Московском государственном драматическом театре имени Моссовета, где роль Арбенина многие годы играл народный артист СССР Н. Д. Мордвинов. В витрине помещены многочисленные фотографии — сцены из "Маскарада" в постановке театра имени Моссовета. Здесь же личные вещи Н. Д. Мордвинова (лорнет, перстень, перчатки), с которыми он исполнял роль Арбенина во всех 330 представлениях этого спектакля.

В заключительном разделе экспозиции первого зала представлены многочисленные издания произведений М.Ю. Лермонтова на русском языке, на языках народов СССР и зарубежных стран, а также труды советских ученых — исследователей жизни и творчества поэта.

Лучшим свидетельством всенародного признания Лермонтова являются массовые издания его книг. За годы Советской власти произведения Лермонтова изданы в нашей стране тиражом около 35 миллионов экземпляров на 66 языках.

Благотворное влияние оказала поэзия Лермонтова на развитие советской литературы. Многие советские писатели и поэты в разной мере испытали на себе воздействие Лермонтова. Современным литераторам есть что взять на свое вооружение из неисчерпаемого поэтического арсенала великого поэта. Выступая в 1939 году на торжественном заседании, посвященном памяти Лермонтова, Алексей Толстой говорил: "Лермонтов-прозаик-это чудо, это то, к чему мы сейчас, через 100 лет, должны стремиться, должны изучать лермонтовскую прозу, должны воспринимать ее как истоки великой русской прозаической литературы".

Видное место занимает Лермонтов в советской литературоведческой науке. Только в послереволюционные годы советским ученым удалось раскрыть поэтический мир великого поэта, дать правильное, подлинно научное истолкование многим фактам жизни и творчества Лермонтова. Труды Б.М. Эйхенбаума, И.Л. Андроникова, Н.Л. Бродского, В.А. Мануйлова, Л.П. Семенова, А.Н. Соколова, Л.Я. Гинзбург, Д.Е. Максимова, А.М. Докусова, Б.С. Виноградова, А.В. Попова, Э.Г. Герштейн, С.А. Андреева-Кривича, Е.Н. Михайловой, Б.Т. Удодова, Т.А. Ивановой и многих других исследователей являются большим вкладом в лермонтоведение. Многие из этих трудов находят в книжной экспозиции музея. Среди них — труды о Лермонтове на разных языках народов СССР.

Представленные в первом зале материалы красноречиво свидетельствуют о бессмертии Лермонтова, о том, как прекрасно осуществилась сокровенная мечта поэта, писавшего еще в пору своей юности:

**Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет.**

Поэтическое наследие Лермонтова стало достоянием всех народов нашей страны. Возрастает живой интерес к поэту, стремление постигнуть творческую историю его произведений, узнать о поэте что-то новое.

Удовлетворению этой духовной потребности сотен тысяч людей помогают музей "Домик Лермонтова", в частности, экспозиция литературного отдела, материалы которой, начиная со второго зала, рассказывают посетителям о том, какое место занял Кавказ в жизни и творчестве Лермонтова, что дало общение поэта с этим суровым и прекрасным краем русской литературе.

На Горячих Водах

"Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе..."

Этими вдохновенными словами Лермонтова открывается второй зал, посвященный первым его поездкам на Кавказ в детские годы.

Впервые Лермонтов побывал на Кавказе в 1818 году, когда ему было всего четыре года, затем в 1820 и 1825 годах. В экспозиции представлен портрет бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Это она трижды привозила на Горячие Воды (так до 1830 года назывался Пятигорск) своего рано оставшегося без матери горячо любимого внука, чтобы поправить его здоровье.

Приезд Арсеньевой с внуком на Воды подтверждает интересный экспонат — журнал "Отечественные записки" за 1825 год. В напечатанном в нем списке посетителей Кавказских Вод значится: "Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова поручица из Пензы, при ней внук Михаил Лермонтов, родственник ее Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, гувернерка Христина Ремер".

Рядом в экспозиции — детский портрет. Неизвестный художник изобразил Лермонтова в возрасте восьми лет.

Горячие Воды представляли собой маленький поселок, насчитывавший несколько десятков домов. Об этом свидетельствует "План горячих и теплых серных источников при подошве Машуки", составленный в 1825 году. Рядом с ним рисунок, изображающий Константиногорскую крепость, построенную в 1780 году. Она положила начало будущему городу Пятигорску. Во времена Лермонтова крепость была еще действующей. Находясь здесь, одиннадцатилетний мальчик стремился увидеть те таинственные картины кавказской жизни, о которых читал и о которых слышал из рассказов взрослых, побывавших на Кавказе.

Ожидания не обманули будущего поэта. Здесь увидел он пеструю многонациональную среду, наблюдал нравы горцев, их праздники, игры, в которых выражались ловкость и мужество. В окрестностях Горячих Вод, в существовавшем тогда Аджи-ауле, Лермонтов присутствовал на горском празднике. По-видимому, уже здесь в его живом воображении созревали поэтические строки, вошедшие затем в одну из лучших его юношеских поэм:

**Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: — темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Стопилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С неммым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.**

На помещенных в экспозиции старинных картинах и рисунках выразительно изображены горцы и казаки, мужчины и женщины, — гордые и свободолюбивые обитатели Кавказа. Это в них уже в детстве Лермонтов угадал и сохранил в своей памяти прообразы героев своих будущих романтических поэм: Акбулата и Селима, Хаджи-Абрека и Бей-Булата, Зары и Лейлы.

На Кавказе поэт испытал и первое увлечение. Об этом с волнением рассказал он позднее, в дневниковой записи от 8 июля 1830 года: "Кто мне поверит, — писал он, — что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей... Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь..."

Автограф этой записи помещен в экспозиции. Тому, кто прочтет это признание Лермонтова, станет особенно понятен глубокий смысл взволнованных лермонтовских строк:

**Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскою по вас.
Там видел я пару божественных глаз,
И сердце лепечет, вспомяв тот взор:
Люблю я Кавказ!**

Среди ранних романтических произведений Лермонтова большое место занимают стихотворения и поэмы, посвященные Кавказу. Через три года после последней поездки на Кавказ четырнадцатилетний Лермонтов пишет поэмы: "Черкесы" и "Кавказский пленник", а затем — "Каллы", "Аул Бастунджи", "Измаил-Бей", "Хаджи-Абрек"... Кроме поэм Кавказу посвящено несколько стихотворений.

Во втором зале в витрине находятся многочисленные автографы кавказских произведений поэта. Здесь показаны страницы из тех поэм и стихов, которые связаны с Пятигорьем, так вдохновенно воспетым Лермонтовым.

**Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...
В ауле том без ближних и друзей.
Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней Акбулата.**

Это строки из поэмы "Аул Бастунджи". В основу ее положена горская легенда, услышанная им на Горячих Водах. И в других его юношеских поэмах и стихах яркое отражение получили впечатления о пребывании в этих местах,

Где по кремням Поджумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится.

Внимание посетителей привлекает нарисованный Лермонтовым титульный лист поэмы "Черкесы". Он свидетельствует, как любовно юный поэт художественно оформлял рукопись своей первой поэмы, посвященной Кавказу. Наверху изображена лира с венками по сторонам. Ниже наклеен светло-коричневый листок, на котором наклеены буквы, составляющие заглавие поэмы. Под заглавием — старательно вырезанные из белой бумаги и подрисованные чернилами скрепленные пистолеты.

Интересен титульный лист поэмы "Черкесы" еще тем, что на нем поэт, тщательно выводя каждую букву, написал эпитафию — строки из поэмы Пушкина "Кавказский пленник". Это трогательная символическая дань глубокой любви юного Лермонтова к гениальному первооткрывателю Кавказа в русской поэзии, своему предшественнику и учителю.

Любовь поэта к Кавказу, зародившаяся в детстве, была безграничной, и она нашла достойное отражение в его стихах.

Первые произведения, посвященные Кавказу, Лермонтов создавал в разные годы будучи уже воспитанником университетского пансиона, студентом Московского университета, а затем юнкером в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. Это были годы бурного созревания Лермонтова как поэта высокого гражданского долга.

Представленные в экспозиции автографы лермонтовских произведений этого периода дают представление о литературных и общественно-политических интересах Лермонтова, его идейных и творческих поисках в условиях жестокой политической реакции, наступившей в стране после поражения восстания декабристов.

Среди них — автограф стихотворения "Жалобы турка", в котором пятнадцатилетний поэт выразил страстный протест против тяжелой жизни людей в условиях крепостнической действительности. Этими же настроениями навеяны и некоторые другие его юношеские произведения: стихотворение "Новгород", драмы "Странный человек" и "Люди и страсти", неоконченный роман "Вадим", в котором даны реалистические картины пугачевского восстания.

Для Лермонтова пугачевское восстание — это полная героика и драматизма поучительная история. Но прошлое интересовало его во имя настоящего и будущего. Поэтому так громко и смело звучит в его стихах жажда деятельности, борьбы, бури. Он горячо и взволнованно приветствует в 1830 году июльскую революцию во Франции. В экспозиции — автограф стихотворения "30 июля. — (Париж) 1830 года".

Выдающимся произведением Лермонтова, написанным до 1837 года, является драма "Маскарад". В ней с огромной обличительной силой изображен "век нынешний, блестящий, но ничтожный", показана жизнь петербургского великосветского общества, которая представляется поэту пустым и лживым маскарадом.

При жизни Лермонтова драма "Маскарад" не могла выйти в свет, несмотря на неоднократную переработку ее автором по требованию цензуры. Изменяя драму только в сюжетном отношении, Лермонтов по-прежнему сатирически разоблачал петербургское аристократическое общество. Это вызывало беспокойство в правящих кругах. Чинились всяческие препятствия, чтобы помешать поэту опубликовать "Маскарад". Но тогда правящая верхушка, выслушавшая донесения цензоров, воздерживалась от преследования Лермонтова. Она тогда еще не подозревала, какой силы взрывной заряд революционного протеста кроется в душе этого беспокойного юного поэта.

В изгнании

Основная тема третьего и четвертого залов — первая ссылка М.Ю. Лермонтова на Кавказ. Экспонаты этого раздела рассказывают о жизни поэта в изгнании, о том, какую роль пребывание поэта на Кавказе в 1837 году сыграло в творческой истории поэм "Демон" и "Мцыри" и романа "Герой нашего времени".

29 января 1837 года скончался смертельно раненный на дуэли Александр Сергеевич Пушкин. До глубины души потрясенный этим известием, Лермонтов пишет стихотворение "Смерть поэта". Убийство Пушкина вызвало в нем мучительный крик боли, взрыв протеста против тех, кто погубил поэта.

В экспозиции помещен подлинный список стихотворения, датированный 19 февраля 1837 года. Во множестве таких списков оно за несколько дней распространилось по всему Петербургу.

Рядом — донесение царю шефа жандармов Бенкендорфа, в котором говорится: "Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное". На донесении резолюция Николая I. Царь повелел обследовать М.Ю. Лермонтова — "не помешан ли он". "А затем мы поступим с ним согласно закону" — этой недвусмысленной угрозой закончил царь свою резолюцию.

Здесь же помещена обложка начатого тогда же судебного дела "О не позволенных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым" и отношение военного министра шефу жандармов, в котором сообщается о ссылке Лермонтова на Кавказ.

Центральное место в экспозиции третьего зала занимает автопортрет Лермонтова (акварель, 1837, копия). Поэт изобразил себя на фоне гор, в кавказской бурке, с шашкой, в черкеске, с газырями на груди. Портрет представляет исключительную ценность и большой интерес, так как создает правдивый образ поэта. В переданном самим Лермонтовым настроении, в выражении глаз тонко сочетается едва уловимая грусть поэта-изгнанника и какая-то романтическая воодушевленность, навеянная, несомненно, его новой волнующей встречей с любимым Кавказом.

**С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенья бед...**

В кругах передовых русских людей, преследовавшихся царским правительством, Кавказ на протяжении десятков лет воспринимался как "теплая Сибирь". Долгие годы он служил местом ссылки "неблагонадежных". Вспомним А.И. Полежаева, А.А. Бестужева-Марлинского, А.И. Одоевского... Так, в частности, характеризуют этот край и приведенные в экспозиции слова Н.П. Огарева: "На Кавказе... среди величавой природы со времени Ермолова не исчезал приют русского свободомыслия, где по воле правительства собирались изгнанники".

Виды Ставрополя (акварель неизвестного художника, 1840), окрестностей Пятигорска (художник Е.Е. Волков), Кисловодска (старинная литография), сцены из жизни "водяного общества" изображены на помещенных в экспозиции картинах и рисунках. Большой интерес представляют копии с рисунков Лермонтова "Тройка у постоялого двора", "Сцены из ставропольской жизни", "Зимний путь" и другие. Эти рисунки — результат богатых впечатлений Лермонтова разных годов. Они свидетельствуют об острой наблюдательности, тонкой иронии поэта.

Внимание посетителей привлекает маленькая, в виде планшета, витрина, на которой помещены тексты из писем Лермонтова

М.А. Лопухиной и Е.А. Арсеньевой, а также два старинных конверта, скрепленных сургучной печатью с гербом рода Лермонтовых. В таких конвертах отправлял поэт свои письма родным, друзьям, знакомым. Сейчас мы можем только глубоко сожалеть, что подавляющее большинство этих писем не сохранилось. А как много могли бы они рассказать нам о великом поэте!

Тем большую ценность представляют немногие сохранившиеся письма Лермонтова, из которых мы, как из верхней первоисточника, узнаем о его мыслях, впечатлениях, настроении. Вот почему так бережно в экспозиции представлены письма поэта. Ими открывается каждый следующий раздел. Вчитаемся в некоторые из них.

В письме к Марии Александровне Лопухиной из Пятигорска 31 мая 1837 года Лермонтов сообщает: "У меня здесь очень славная квартира; из моего окна я вижу каждое утро всю цепь снеговых гор и Эльбрус. И сейчас, покуда пишу это письмо, я иногда останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны".

Лермонтов лечился не только в Пятигорске. Некоторое время он находился также в Железноводске и Кисловодске.

В Пятигорске Лермонтов встретился со своим старым знакомым по университетскому пансиону другом А.И. Герцена Н.М. Сатиным, которому ссылка в Сибирскую губернию была заменена высылкой на Кавказ. На квартире Сатина в 1837 году состоялось первое личное знакомство Лермонтова с В.Г. Белинским, приехавшим для лечения в Пятигорск.

Закончил Лермонтов лечение на Водах в сентябре 1837 года. В витрине — выдержка из письма поэта Е.А. Арсеньевой. "..Итак, — писал он из Пятигорска, — прошу вас, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите к нему: он обещался мне доставлять их туда; иначе нельзя, ибо отсюда сообщение сюда очень трудно, и почта не ходит, а деньги с нарочными отправляют".

В экспозиции представлен портрет П.И. Петрова (1790—1871). Он — родственник Лермонтова, его дядя. В бытность поэта на Кавказе в 1837 году он был начальником штаба войск по Кавказской линии и в Черномории. Лермонтов был с ним в близких дружеских отношениях. Находясь в Ставрополе, часто бывал в его доме, переписал для него стихотворение "Смерть поэта". В альбом его двенадцатилетнего сына Аркадия написал шуточное четверостишие. О чувстве уважения и симпатии Лермонтова к П.И. Петрову свидетельствует и теплое остроумное письмо поэта к нему, написанное по возвращении с Кавказа:

"Любезный дядюшка Павел Иванович. Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствий и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний..."

"Боюсь, — продолжает Лермонтов, — что письмо мое не застанет вас в Ставрополе, но, не зная, как вам адресовать в Москву, пускаюсь наудалую и великий пророк да направит стопы почтальона.

С искреннейшей благодарностью!" за все ваши попечения о моем ветренем существе, имею честь прикладывать к сему письму 1050 руб., которые вы мне одолжили.

Пожалуйста, любезный дядюшка, скажите милым кузинам, что я целую у них ручки и прошу меня не забывать, — остаюсь всей душой преданный вам М. Лермонтов".

По окончании лечения на Водах Лермонтов выехал в действующий отряд. Однако военные экспедиции вскоре были приостановлены, и Лермонтову не пришлось в период первой ссылки принимать участие в боевых действиях. "Я приехал в отряд слишком поздно, — писал он С.А. Раевскому. — ...я слышал только два, три выстрела..."

Выполняя предписание военного командования, Лермонтов едет в Грузию, направляясь к месту стоянки Нижегородского драгунского полка. Эта местность изображена на картине художника Г.Г. Гагарина "Стоянка Нижегородского драгунского полка близ Караагача". В этот период поэту пришлось извездить почти весь Кавказ. Обо всех этих вынужденных поездках Лермонтов рассказал С.А. Раевскому в письме, большая выдержка из которого приведена в экспозиции:

"С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в бесперывном странствовании, то на перекладной, то верхом..."

В экспозиции третьего зала в витрине помещены черкеска с газырями, наборный кавказский пояс, кинжал, наездничья плеть... — обычные повседневные принадлежности горца, казака, любого кавказца. В таком облачении изобразил себя Лермонтов и на автопортрете.

Станным кажется на первый взгляд рядом с этими вещами видеть в витрине журнал "Современник" с первой публикацией стихотворения Лермонтова "Бородино", книгу "Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым" (1818). Но это только кажущаяся странность. На самом деле — это отражение той реальной жизненной ситуации, в которой оказался Лермонтов.

Во время, когда великий русский поэт в расцвете его гениального таланта вынужден был, рискуя здоровьем, а порою и жизнью, странствовать в горах Кавказа, перенося все тяготы военной походной службы, в июньской книжке "Современника" за 1837 год появилось стихотворение "Бородино".

Описывая Бородинскую битву, оценивая это великое историческое событие, поэт выразил подлинные чувства и думы русского народа. Каждое слово солдата, от имени которого ведется рассказ о сражении, проникнуто горячей любовью к Родине, великой гордостью за русских воинов, сознанием их превосходства над врагом.

Странствуя в горах, Лермонтов продолжал работать в ссылке над поэмой "Песня про купца Калашникова". Ни тяжелые условия походной жизни, ни восточная экзотика, ни искреннее восхищение красотой Кавказа — ничто не притупило живейшего интереса поэта-изгнанника к прошлому и настоящему своего родного русского народа. И здесь не перестает он изучать и даже собирать народные песни, предания, сказки. Этот интерес к народному творчеству не случаен. "Если захочу вдаваться в поэзию народную, — писал Лермонтов еще в 1830 году, — то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях..."

Это глубокое проникновение в сущность народной поэзии, былин, исторических песен помогло ему создать "Песню про купца Калашникова" — подлинно народное произведение. В нем поэт воспел лучшие качества русского человека: его ум, честность, смелость, высокое чувство человеческого достоинства.

Перед читателем встает мужественный образ русского человека, смело идущего на борьбу во имя правды и справедливости. На смертную схватку выходит купец Калашников с царским опричником.

**Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!**

Не страшит Калашникова и угроза царской казни. До конца держит он себя честно и мужественно. На вопрос царя:

**Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?**

Калашников отвечает:

**— Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе...**

С Кавказа Лермонтов послал "Песню" в Петербург А.А. Краевскому, издававшему "Литературные прибавления к "Русскому инвалиду". Только благодаря хлопотам В.А. Жуковского, который был в восторге от поэмы, цензура разрешила напечатать ее, однако без имени опального поэта. Поэма была напечатана в апреле 1838 года с подписью "в".

О поэме "Песня про купца Калашникова" В.Г. Белинский писал: "Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошлое, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвевая его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размет его чувства..."

На Кавказе Лермонтов встретился с некоторыми из сосланных сюда декабристов. Особенно подружился он с известным поэтом Александром Ивановичем Одоевским, автором знаменитого ответа на стихотворное послание А.С. Пушкина сосланным в Сибирь декабристам. Лермонтов нарисовал портрет Одоевского. Копия этого портрета находится в экспозиции рядом с автопортретом Лермонтова.

В 1839 году, узнав о смерти друга, поэт посвятил ему задушевное стихотворение "Памяти А.И. Одоевского":

**Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнания
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!**

Исключительный интерес проявлял Лермонтов ко всему, что встречалось в походной жизни. Стараясь запечатлеть в памяти все виденное, он усиленно занимается рисованием. "Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию..." — писал он Раевскому.

На темы из кавказской жизни им написано много картин и рисунков. Среди них не только виды величественной природы Кавказа, но и сцены из военной жизни, зарисовки людей разных сословий и национальностей.

Из представленных в экспозиции живописных произведений Лермонтова особый интерес представляет его картина "Крестовая гора". Это одно из лучших его созданий.

Запечатленный Лермонтовым величественный горный пейзаж поэтически перекликается с его же превосходнейшим описанием в повести "Бэла" Койшаурской долины:

"Такую панораму вряд ли еще удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдаль те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки..."

Необыкновенна судьба этой картины. В 1841 году петербургские друзья Лермонтова провожали поэта на Кавказ. Писатель В.Ф. Одоевский подарил ему записную книжку с надписью на первой странице. По-видимому, в ответ на этот дружеский дар Лермонтов подарил Одоевскому картину "Крестовая гора". Об этом свидетельствует сохранившаяся на оборотной стороне картины надпись, сделанная рукою Одоевского: "Эта картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору — место его смерти. Кн. В. Одоевский" (Одоевский допустил в записи ошибку: Лермонтов был убит у подножия Машука).

Известным нам последним обладателем этой картины был профессор П. А. Висковатый, скончавшийся в 1905 году. А потом следы ее на долгие годы затерялись. Только в 1966 году известный французский балетмейстер и коллекционер С.М. Лифарь обнаружил и приобрел картину Лермонтова в Финляндии. Через два года, во время визита в нашу страну, он передал картину Главному архивному управлению при Совете Министров СССР. И вот это прекрасное живописное создание, возвратившись на родину поэта, заняло теперь почетное место в экспозиции музея.²

Многие картины и рисунки поэта могли бы служить иллюстрациями к его стихам и поэмам, настолько они объединены единством выраженных в них впечатлений и настроения. Правда, для Лермонтова они не являлись иллюстрациями, и рисовались они раньше, чем поэт создал произведения, с которыми эти рисунки и картины соотносятся. По существу это были памятные записки. Лермонтов стремился сохранить в памяти пейзажи, бытовые сцены, которые не только взволновали его, произвели сильное впечатление, но и рождали в его мыслях какие-то замыслы или поэтические образы.

Так, проезжая в 1837 году по Военно-Грузинской дороге, Лермонтов был очарован красотой окружающей его природы. Недалеко от Тифлиса поэт посетил окрестности Мцхеты и зарисовал их. Через два года, работая над поэмой "Мцыри", местом ее действия Лермонтов избрал именно эти места, изображенные на его картине, копия которой помещена в экспозиции музея.

**Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод...**

На картине не видно места, где сливаются Арагва и Кура. Оно скрыто высоким берегом. Но хорошо видны упоминаемые Лермонтовым башни — развалины монастыря Джварис-сакдари.

Своеобразным дополнением к картине Лермонтова является представленная здесь же любопытная двухсторонняя акварель Г.Г. Гагарина. На одной стороне ее изображена Мцхета, древняя столица Грузии. На другой — собор Светицховели, тот самый, где Лермонтов в 1837 году внимательно рассматривал надгробные плиты на могилах грузинских царей, а затем ввел в поэму "Мцыри" знаменитые строки о монастыре, где

**Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.**

Заслуживает внимания сообщение биографа Лермонтова П.А. Висковатого о том, что во время посещения Мцхеты поэт якобы слышал из уст старого монаха историю, напоминающую сюжет поэмы "Мцыри". Несмотря на некоторые неточности, имеющиеся в этом сообщении, можно предполагать, что основной сюжета поэмы действительно послужил какой-то рассказ, слышанный поэтом на Кавказе. Но по идейному замыслу поэма "Мцыри" — это результат многолетних творческих поисков Лермонтова.

План будущего произведения он наметил еще в 1831 году: "Написать записки молодого монаха 17-и лет. — С детства он в монастыре; кроме священных, книг не читал. — Страстная душа томится. — Идеалы...". Известно также, что с творческой историей "Мцыри" связаны поэмы "Исповедь" (1829—1830) и "Боярин Орша" (1835—1836).

Создавая образ Арсения в "Боярине Орше", Лермонтов перенес в эту поэму ряд стихов из "Исповеди". В свою очередь многие стихи "Боярина Орши" были включены в поэму "Мцыри". Наглядное представление об этом творческом процессе дают помещенные в витрине автографы. В них находятся строки, которые прошли через все три поэмы. Они свидетельствуют, что Лермонтов не просто включал в текст "Мцыри" отдельные стихи из этих ранних поэм, но подвергал их большой художественной переработке.

Вот автограф "Боярина Орши" с почти без изменения перенесенными строками из "Исповеди":

**Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел! — благодарю.
Не понимаю, что была
У вас за мысль? — мои дела
И без меня ты должен знать,
А душу можно ль рассказать?**

А теперь взгляните в автограф "Мцыри". После многочисленных поправок, изменений, в результате вдохновенного творческого труда Лермонтова в окончательной редакции строки читаются так:

**Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?**

Поэма "Мцыри" вобрала в себя все лучшее, что было в поэтической душе Лермонтова. Любовь к родине, жажда борьбы, пламенная страсть к свободе — этими великими человеческими чувствами и стремлениями наделил поэт своего героя, томящегося в монастыре юношу-горца.

**Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну.
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы.
Где люди вольны, как орлы.**

В одну из страшных грозных ночей, когда обитатели монастыря все "ниц лежали на земле", Мцыри удается вырваться из своей душевной тюрьмы. Впервые в жизни он испытал радость свободы. В чудесной сцене борьбы Мцыри с барсом отчетливо звучит мысль поэта: мужественная и осознанная борьба во имя свободы умножает силы бойца, делает его красивым и непобедимым. Даже смерть его утверждает победу свободы над рабством.

**Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Свое оружие... он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетаясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.**

.....
**Но враг мой стал изнемогать.
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..**

Как символ свободолобия и революционных стремлений воспринималась поэма "Мцыри" современниками поэта и последующими поколениями. В экспозиции помещено высказывание В.Г. Белинского: "...что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности".

"Можно сказать без преувеличения, — писал Белинский, — что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму...".

Поэму "Мцыри" Лермонтов закончил в 1839 году. Впервые напечатана она была в первом сборнике его стихотворений, вышедшем в 1840 году.

Портретом М.Ю. Лермонтова работы И.Л. Астафьева (автолитография, 1883) открывается экспозиция четвертого зала, посвященного творческой истории поэмы "Демон" и романа "Герой нашего времени". Представленные здесь экспонаты переносят нас к первоисточникам лермонтовских впечатлений, к тем местам, людям, событиям, документам, которые связаны с замыслом этих бессмертных творений Лермонтова.

Важное место в творческой биографии поэта заняла Грузия. Этот край покорила поэту своей красотой, необычной восточной экзотикой.

**И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!**

Нижегородский драгунский полк, в котором служил Лермонтов, стоял недалеко от Тифлиса, что позволяло поэту бывать

в этом замечательном древнем городе. Он произвел на него сильное впечатление, о чем, в частности, свидетельствует помещенная в экспозиции картина Лермонтова "Вид Тифлиса" (1837). Ее золотистые и голубые тона создают какое-то приподнятое настроение. На картине изображена быстро несущая свои воды Кура. Справа на отвесной скале стоит Метехский замок. Слева — сады с белеющими в них отдельными домиками. На берегу Куры две женщины, пришедшие, по-видимому, за водой. В центре — остроконечная гора, у подножия которой и дальше в глубине картины видны строения Тифлиса.

В центре раздела, посвященного пребыванию Лермонтова в Грузии, помещены старинные грузинские музыкальные инструменты — сааз и бубен — неперемные атрибуты повседневной жизни народов Кавказа. Здесь же представлена интересная по колориту и настроению картина Г.Г. Гагарина "Кузница в Тифлисе" (масло, 1840). Грузинские краеведы утверждают, что художник изобразил кузницу знаменитого оружейного мастера Геурга, упомянутого Лермонтовым в прозаическом наброске "Я в Тифлисе" и в черновике стихотворения "Поэт":

**В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старое изделие...**

В Кахетии, где стоял Нижегородский полк, Лермонтов посещает Цинандали — имение замечательного грузинского поэта Александра Гарсевановича Чавчавадзе — отца Нины Александровны Грибоедовой. Здесь, в одной из образованнейших и культурных семей Грузии, Лермонтов отдыхал душой, встречаясь с передовыми людьми Закавказья. "Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные", — делился он своими впечатлениями о встречах на грузинской земле.

Лермонтов мог познакомиться в Тифлисе с известным азербайджанским поэтом и драматургом Мирзой Фет Али Ахундовым, тогда еще начинавшим свою литературную деятельность. Возможно, именно у Ахундова, автора элегической поэмы "На смерть Пушкина", он начал учиться азербайджанскому языку. "Начал учиться по-татарски, — писал Лермонтов С.А. Раевскому, — язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться".

Увлечение азербайджанским языком (тогда он назывался татарским) было проявлением общего интереса Лермонтова к восточной культуре. Посещение Кавказа помогло ему глубже изучить устное творчество народов этого края. Знакомство с их бытом, с местными легендами и преданиями оставило глубокий след в творчестве поэта.

На Кавказе Лермонтов записал народную сказку об Ашик-Ке-рибе. На небольшом стенде помещен автограф этой сказки. Рядом с ним — рисунок поэта "Тифлис" (1837). Изображенные на нем сцены будничной жизни старого города могут служить своеобразной иллюстрацией к сказке, в которой древний Тифлис занимает важное место.

В своих поэтических произведениях Лермонтов проявил огромную осведомленность в области кавказского фольклора. С поразительным художественным мастерством и таким поэт вводил в них отдельные образы, мотивы, сюжеты, почерпнутые из устного творчества народов Кавказа. Здесь и предание о бессмертном смелом Амиране, скованном верховным божеством и заключенном в пещеру ("Демон"), и легенды о борьбе юноши с тигром или барсом ("Мцыри"), и мотивы песен грегенских казаков ("Казачья колыбельная песня"), и множество других народных преданий, песен, сказок, образы из которых органически вошли во многие произведения Лермонтова.

Много лет упорного труда и творческих исканий посвятил Лермонтов поэме "Демон". Материалы к этой поэме расположены на двух простенках экспозиции при входе в четвертый зал.

Работал над ней поэт с перерывами, начиная с юношеских лет и до последних дней своей жизни. Первый замысел поэмы относится к 1829 году. Уже до 1833 года поэт создал несколько вариантов. Некоторое представление об этом творческом труде дают помещенные в витрине автографы.

Судьбу творческих исканий Лермонтова решила поездка его по Кавказу в 1837 году. Знакомство поэта с природой Кавказа, с местными легендами оказалось решающим в создании "Демона". Местом действия был твердо избран Кавказ, так как величественная и таинственная природа Кавказских гор давала наиболее красочный романтический и в то же время реальный фон.

По возвращении с Кавказа, полный глубоких и волнующих впечатлений, Лермонтов в 1838 году создает наиболее совершенный кавказский вариант поэмы. Однако и после этого он не прекращает работы над ней, внося новые поправки и дополнения.

Идея отрицания всего косного, реакционного, что угнетает человеческую личность, — главная мысль этой поэмы. Демон — образ непокорного мятежного духа. "Я царь познания и свободы", — говорит он о себе. В этой мятежности, гордой непримиримости — сила и привлекательность образа Демона. Не случайно страстные монологи Демона, проникнутые жаждой борьбы и протестом, Ульяна Громова читала славным героям-молдогвардейцам в застенках фашистского гестапо.

Но вместе с силой Демона Лермонтов показывает и его слабые стороны: он одинок в своей борьбе. Одиночество рождает в нем чувство индивидуализма. Демон осознает трагичность своего существования. Бесплодность борьбы в одиночестве приносит ему невыносимые страдания. Глубокая трагедия чувствуется в его словах, обращенных к Тамаре:

**О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!**

Через борьбу и страдания Демона Лермонтов показывает трагедию человеческой личности в условиях насилия и произвола. Судьба Демона — это судьба многих современников поэта. В этом отношении поэма перекликается с другими произведениями Лермонтова — "Маскарад", "Герой нашего времени"... Чувства, переживаемые Демоном, во многом свойственны и Арбенину, и Печорину. Поэма проникнута мятежным настроением самого Лермонтова, его грустной мыслью о судьбе современного ему поколения.

Поэтому поэма так глубоко волновала читателей. При жизни Лермонтова она не была напечатана, но ходила по рукам в многочисленных списках. В экспозиции помещен список "Демона", сделанный собственноручно великим русским критиком В.Г. Белинским. Переписав и несколько раз перечитав поэму, Белинский с восторгом писал: "Демон сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня мира истины, чувств, красот".

Творческая история "Демона" тесно связана с Варварой Александровной Лопухиной, портрет которой представлен в экспозиции. Это копия с акварели Лермонтова (1832). Поэт изобразил В.А. Лопухину в образе монахини.

Искреннее чувство любви к Варваре Александровне Лермонтов пронес через всю свою жизнь. "Будучи студентом, — вспоминал А.П. Шан-Гирей, — он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В.А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...".

Многие поэтические создания Лермонтова связаны с этой большой, полной душевной боли любовью. Варваре Александровне посвящает он и поэму "Демон":

**Я кончил — и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?..**

В разделе, посвященном поэме "Демон", большой интерес представляют также копии с рисунков Лермонтова "Дарьял", "Грузинки на крыше сакли", "Развалины на берегу Арагвы". Все они созданы поэтом в период первой ссылки на Кавказ.

Профессор П.А. Висковатый, первый биограф Лермонтова, писал: "Собирая от местных жителей старинные их предания, он (Лермонтов) часами проводил за альбомом и даже с кистью в руках. Многие места Дарьяльского ущелья, перевал и по реке Арагве сняты им".

В верховьях Арагвы поэт зарисовал развалины старинной крепости. Работая в это время над "Демоном", он в своем творческом воображении превратил эту крепость в замок Гудала.

**Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой.
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.**

К крепости, изображенной на рисунке "Развалины на берегу Арагвы", Лермонтов снова мысленно обращается в конце поэмы. Но теперь это, как и на рисунке, уже развалины. Он описывает их в эпилоге поэмы, когда замок Гудала пришел в запустение.

**На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов страшных для детей,
О них еще преданья полны...**

Впервые напечатана поэма "Демон" была лишь через 15 лет после смерти Лермонтова. Она вышла двумя отдельными изданиями за границей, в Германии, в 1856 и 1857 годах.

Центральное место в экспозиции четвертого зала отведено роману "Герой нашего времени".

В витрине помещены отдельные номера журнала "Отечественные записки". Читатели этого журнала в 1839 году впервые прочитали повесть "Бэла", составившую потом часть романа. Вот этот журнал — 1839 год, том 2, № 3. На странице 167 заглавие: "Бэла. Из записок офицера о Кавказе".

Рядом — другой экземпляр журнала (1839 год, том 6, № 11). В нем впервые появилась вторая повесть — "Фаталист". В подстрочном примечании к ней редакция сообщала: "С особенным

удовольствием пользуемся случаем известить, что М.Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей, и напечатанных и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе".

Этого подарка читателям пришлось ждать недолго. В экспозиции помещен драгоценный экспонат — первое издание романа. На титульном листе его читаем: "Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1840".

Уже само название романа раскрывает замысел Лермонтова. В образе Печорина он показал типичного представителя молодого поколения 30-х годов XIX века, человека мыслителя и одаренного, но искалеченного условиями жизни светского общества, оторванного от жизни своей страны, своего народа. В романе Лермонтов отразил свои печальные раздумья о современной ему действительности.

В известной статье о Лермонтове Белинский хорошо определил глубокую связь поэта с современностью. Великий критик говорил, что прошедшее, к которому обращался Лермонтов, "чтобы там искать жизни, которой он не видит в настоящем", не могло долго удовлетворять поэта. Он должен был "возвратиться к настоящему, которое жило в каждой капле его крови, трепетало с каждым биением его пульса, с каждым вздохом его груди".

Связь с современностью особенно ярко проявилась в произведениях Лермонтова после первой ссылки. Животрепещущими вопросами современной поэту действительности навеяны поэмы "Демон" и "Мцыри". Но особенно глубоко это выражено в романе "Герой нашего времени".

В романе нашло полное воплощение то, чего еще не мог достичь Лермонтов в романе "Княгиня Лиговская", где мы встречаемся с прообразом Печорина. Определяющую роль в этом играли кавказские впечатления поэта. Теперь Печорин действует не в столичных гостиных, а в разнообразной социальной среде, в самых различных жизненных ситуациях. Здесь и "водяное общество", и армейские офицеры, и контрабандисты, и горные аулы с их обитателями.

Но везде, во всей этой разнообразной среде, Печорин — чужеродное тело, скучающий, "лишний человек", приносящий только горести тем, с кем его сталкивает жизнь Он — человек волевой, деятельный. Но вся его деятельность замкнута в сфере личной жизни. Не находя применения своим силам на общественно полезном поприще, он тратит жизнь по пустякам. В Тамани ввязывается в историю с контрабандистами, в Пятигорске и Кисловодске завязывает трагическую любовную интригу и убивает на дуэли Грушницкого, похищает Бэлу из аула...

Образом Печорина — этого, как было принято называть, "лишнего человека" — роман "Герой нашего времени" находится в близком родстве с романом А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Лермонтов сам сознательно подчеркнул это, назвав своего героя Печоринным. Это сразу же еще при жизни Лермонтова заметил Белинский. В витрине его слова: "Печорин... это Онегин нашего времени, герой нашего времени. Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегию и Печорою..."

В той же витрине в экспозиции помещена первая глава романа "Евгений Онегин", вторично изданная в 1829 году, когда роман еще не был окончен Пушкиным и печатался отдельными главами. Несомненно, Лермонтов, внимательно следивший за выходом пушкинского романа, много раз с волнением перечитал эту книгу.

Некоторые критики, главным образом из консервативного лагеря, усмотрели в романе и другое сходство. Они утверждали, что в образе Печорина Лермонтов нарисовал собственный портрет.

Этим критикам Лермонтов дал ответ в предисловии ко второму изданию романа (1841). В экспозиции помещен автограф — черновой набросок этого предисловия. В нем поэт, подчеркивая типичность образа Печорина, писал: "Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..".

Роман "Герой нашего времени" получал неизменно высокую оценку в передовой русской критике и у писателей-классиков.

"Никто еще не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозою", — писал Н.В. Гоголь в 1846 году.

"Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, — говорил А. П. Чехов. — Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать".

Л.Н. Толстой в собственноручном списке книг, оказавших на него влияние, отмечал: "Лермонтов. Герой нашего времени. Тамань. Очень большое".

В романе получили глубокое отражение впечатления Лермонтова от поездки по Кавказу. Какое-то истинное происшествие, случившееся с ним во время пребывания в Тамани, послужило сюжетной основой одноименной повести. В экспозиции помещена копия с рисунка поэта "Тамань" (карандаш, 1837). Он, несомненно, связан с замыслом повести. Кроме сходства изображенного на рисунке места с описанием места действия повести, подтверждением этому служат также воспоминания сослуживца Лермонтова по Гродненскому гусарскому полку М.И. Цейдлера об истории создания поэтом этого широко известного рисунка.

Большой интерес представляет помещенный в экспозиции портрет Н.В. Майера. Известно, что некоторые из лиц, с которыми приходилось Лермонтову встречаться в Пятигорске и Ставрополе, послужили прототипами для персонажей повести "Княжна Мери". Это отметили современники поэта. "Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, — писал Сатин, — вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера".

Николай Васильевич Майер служил летом 1837 года в Пятигорске. Он был близко связан с сосланными на Кавказ декабристами и пользовался их глубоким уважением. Это был человек живой и остроумный. Своим умом, душевной теплотой он привлекал к себе симпатии лучших людей. Майер впоследствии послужил Лермонтову прототипом образа Вернера. Декабрист Н.И. Лорер вспоминал, что Майер "был очень дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своем романе "Герой нашего времени" под именем Вернера — и так верно, что, кто знал Майера, тот сейчас же и узнавал".

Лермонтов с изумительным художественным мастерством описывает в романе кавказскую жизнь. Об этом с восторгом писал Белинский: "...в "Герое нашего времени" вы видите повседневную жизнь обитателей Кавказа, видите ее в повести и драме нашего времени, олицетворенную в типических характерах, которые с таким творческим искусством изображает художническая кисть г. Лермонтова. Тут не одни черкесы: тут и русские войска, и посетители вод, без которых неполна физиономия Кавка-

за. Бывшие там удивляются непостижимой верности, с какой обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности".

Увлеченный поэтичностью изображения Лермонтовым Пятигорья, художник М.А. Зичи приехал в 1881 году в Пятигорск и Кисловодск, чтобы с натуры зарисовать описанные поэтом места и создать иллюстрации к повести "Княжна Мери".

"Я был поражен, — писал Зичи, — необыкновенною точностью его описания весьма даже не живописных местностей, а также строений, где, по его рассказу, как бы происходил роман "Княжна Мери"... Кажется, будто бы княгиня и княжна Лиговские жили в доме по старому бульвару в Пятигорске, на самом деле существующему по сию пору. Дом Реброва в Кисловодске и окно княжны Мери показывают с твердой уверенностью, а также скалу, где произошла дуэль и был убит Грушницкий".

Представленные в экспозиции литографии с рисунком М.А. Зичи представляют большой интерес и историческую ценность не только как иллюстрации к повести, но и как документальные зарисовки лермонтовских мест в их первобытном виде.

Огромным успехом пользовался роман "Герой нашего времени" у читателей. Уже на следующий год потребовалось новое, второе издание. В рецензии на третье издание романа в 1843 году Белинский писал: "Никто и ничто не помешает ее ходу и расходу — пока не разойдется она до последнего экземпляра; тогда она выйдет четвертым изданием, и так будет продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком...".

"С милого севера в сторону южную..."

В экспозиции пятого зала воедино слились две темы. С одной стороны, картины полной опасностей военной жизни ссыльного поэта на Кавказе, с другой — Петербург: литературный и официальный, дружеский и враждебный.

В этом противопоставлении — глубокое смысловое единство. Обе темы — это одна волнующая страница в биографии поэта. Находясь в ссылке, участвуя в сражениях, Лермонтов жил и духовно питался мыслями о родине, русской литературе. Стремление к отставке от военной службы, желание посвятить свою жизнь литературной деятельности — все это неизменно возвращало думы ссыльного поэта назад, в Россию, к друзьям, к передовой журналистике, к Белинскому... Это был волнующий сон, мечта, "одна, но пламенная страсть".

Звеном, объединяющим в экспозиции обе темы, является представленное в центре зала стихотворение "Родина" (увеличенное воспроизведение автографа). На него прежде всего обращают внимание посетители, входя в зал. И — уже в который раз! — многие из них снова и снова вчитываются в знакомые, вечно живые строки:

**Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...**

Куда бы ни забросила судьба поэта, везде его согревала и духовно укрепляла любовь к родине. С мыслями о ней уезжал он на Кавказ и возвращался в Петербург, чтобы через некоторое время по высочайшему повелению снова отправиться в далекую

ссылку. И каждый раз, покидая родину, с ласковой грустью всматривался он в необъятные просторы русской земли:

**Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.**

Экспозицию пятого зала открывает небольшой раздел, посвященный творчеству Лермонтова 1838—1840 годов. В Петербург М.Ю. Лермонтов возвратился в начале 1838 года. Последовавшие затем два года творчески были исключительно активным и наиболее содержательным периодом в короткой жизни поэта. Вспомни, что именно в это время им созданы "Мцыри", "Демон", "Герой нашего времени".

На представленном в центре раздела портрете Лермонтова работы художника Л.О. Пастернака (сепия, 1891) поэт изображен за письменным столом, в глубоком печальном раздумье. Воссоздавая образ Лермонтова, художник, несомненно, находился под сильным впечатлением стихотворения "Дума". При виде этого портрета особенно запоминаются помещенные здесь же слова А.И. Герцена о Лермонтове: "Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, — она пробивается во всех его стихотворениях... Сколько боролся этот человек, сколько он выстрадал, прежде чем решился высказать свои мысли".

В экспозиции представлен уникальный экспонат — первое издание сборника стихотворений Лермонтова в 1840 году.

Ценность его особенно ясно осознается при мысли, что этому единственному увидевшему свет при жизни поэта сборнику стихов более 135 лет. Издан он был тиражом всего одна тысяча экземпляров.

Когда раскрываешь и с волнением перелистываешь пожелтевшие страницы этой книги, кажется, будто переносишься в то далекое время; и очень трудно, почти невозможно себе представить, что этих стихов когда-то не существовало и что в этом сборнике они так скромно и так просто появились впервые. И навсегда.

"Бородино", "Узник", "Молитва", "Дума", "Русалка", "Ветка Палестины", "Не верь себе", "Еврейская мелодия", "Три пальмы", "Дары Терека", "1-е января", "Казачья колыбельная песня", "Журналист, читатель и писатель", "Воздушный корабль", "И скучно, и грустно", "Ребенку", "Отчего", "Когда волнуется желтеющая нива", "Тучи"... Какой бесконечный поэтический мир Лермонтова выражен в этой маленькой книге стихов!

В.Г. Белинский в статье, посвященной первому сборнику стихотворений Лермонтова, писал: "Свежесть благоухания, художественная роскошь форм, поэтическая прелесть и благородная простота образов, энергия, могучесть языка, алмазная крепость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразие идей, необъятность содержания — суть родовые характеристические приметы поэзии Лермонтова и залог ее будущего великого развития".

Но слава и зависть, любовь и ненависть шли рядом. Врагам поэта вскоре представился повод для новой над ним расправы. Защищая честь русского офицера, Лермонтов принял вызов сына французского посла в России Баранта. Дуэль закончилась бескровно: Лермонтов выстрелил в воздух, Барант — промахнулся. Поэт был арестован "за недонесение о дуэли" и предан суду.

Тем временем Николай I внимательно перечитывает роман "Герой нашего времени". "Я, — с раздражением писал царь, — прочел Героя до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойно быть в моде. Это то же преувеличенное изображение презренных характеров, которые находим в нынешних романах... Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, показывающая большую испорченность автора...

Счастливого пути, г. Лермонтов! Пусть он очистит себе голову!.." Этими словами царь проводил поэта во вторую ссылку на Кавказ, в район военных действий.

Прощаясь с друзьями на вечере в доме Карамзиных, Лермонтов написал стихотворение, в котором с грустью определил свое положение изгнанника:

**Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную...**

10 июля 1840 года Лермонтов прибыл в Ставрополь, где находился штаб командующего войсками Кавказской линии и Черномории, а отсюда 18 июля был отправлен в Чечню, в действующий отряд генерала А.В. Галафеева.

Тяжелую обстановку военной жизни передают в экспозиции изобразительные материалы: картина Лермонтова "Перестрелка в горах Дагестана", акварель М.А. Зичи "Схватка в горах", акварель Г.Г. Гагарина "В засаде" и другие. Мужественный образ обитателя кавказского края, где, по словам Л.Н. Толстого, так странно и поэтически соединились две самые противоположные вещи — война и свобода, хорошо передает картина Лермонтова "Черкес" (масло, 1838, копия).

Еще в юношеские годы Лермонтов писал:

**Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окрავалена войной!..**

С таким именно Кавказом лицом к лицу встретился М.Ю. Лермонтов во второй ссылке. В отличие от первой ссылки и в дополнение к прежним впечатлениям Лермонтов теперь как бы увидел любимый им край с другой стороны. Это наложило глубокий отпечаток на мысли и творчество поэта, на его общее настроение.

Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать выдержки из писем Лермонтова, которыми открывается раздел, посвященный второй ссылке. Как не похожи они на полные восторга, душевного упоения красотой и экзотикой Кавказа письма 1837 года!

В них по-прежнему проскальзывает порою шутка, усмешка. Но в этих шутках больше грусти и иронии, нежели веселости. "Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню, брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк!..".

В целом же в настроении Лермонтова наступил явный перелом, вызванный глубокими раздумьями о войне, о несчастьях, которые приносит людям вражда между народами, о человеческих судьбах. "Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина, — писал он А.А. Лопухину, — и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем".

Поэт принял участие в сражении при реке Валерик. То, что увидел он, глубоко потрясло его душу. В экспозиции помещен черновой автограф стихотворения "Валерик", написанного после этой битвы. Вот из него несколько строк, удивительных по своей философской глубине и гуманности:

**Окрестный лес, как бы в тумане.
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы, — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной**

**Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?**

Эта же мысль выражена и в представленной здесь же акварели "Эпизод из сражения при Валерике 11 июля 1840 года", созданной Лермонтовым совместно с художником Г.Г. Гагариным.

Стихотворение "Валерик" посвящено В.А. Лопухиной. В экспозиции помещен ее акварельный портрет, нарисованный Лермонтовым в 1835 или 1838 году, когда ему довелось встретиться с Варварой Александровной. Стихотворное обращение, которым начинается "Валерик", — это искренняя и сердечная исповедь, навеянная поэту его печальной, но незабвенной большой любовью.

**Я к вам пишу случайно; право
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.**

.....
**Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.**

В "Валерике", как и в других стихотворениях этого периода — "Тучи", "Завещание", — нашло отражение личное душевное одиночество и грусть поэта, оторванного от родины, от друзей.

"Ты не можешь вообразить, — писал он А.А. Лопухину, — как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался все время по горам с отрядом".

Образ поэта, поглощенного походной военной жизнью, запечатлен на представленном в экспозиции рисунке сослуживец Лермонтова поручик Д.П. Пален. Через неделю после Валерикского сражения в палатке обер-квартирмейстера галафеевского отряда подполковника Л.В. Россильона Пален нарисовал профильный портрет Лермонтова. Поэт изображен в помятой военной фуражке, с отросшими бакенбардами.

Ссылный поэт, удаленный от близких друзей, радовался каждому представлявшемуся случаю встретиться с интересными, умными людьми. Такими были прежде всего переведенные из Сибири на Кавказ ссылные декабристы. В экспозиции помещены портреты декабристов М.А. Назимова, с которым Лермонтов неоднократно встречался на Кавказе в 1837 и 1841 годах, и В.А. Лихарева.

Лихарев и Лермонтов вместе служили в отряде Галафеева и участвовали в Валерикском сражении. Здесь поэт стал свидетелем гибели своего товарища. Как рассказывает в своих записках декабрист Н.И. Лорер, "Лихарев... в сражении при Валери-

ке... был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение подходило к концу; оба приятеля шли рука об руку и часто, в жару спора, неосторожно останавливались... В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навывлет, и он упал навзничь...".

Такая же участь — и не только в этот раз — могла постигнуть и Лермонтова. А сколько постигла она на виду у поэта! Только в такой обстановке могли родиться эти, по словам Белинского, "леденящие душу" стихи:

**Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пульей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.**

После нескольких военных экспедиций Лермонтову в январе 1841 года с большим трудом удалось выхлопотать отпуск. Он едет в Петербург с надеждой получить там отставку от военной службы и заняться литературной деятельностью.

Противоречивые чувства вызывал у Лермонтова Петербург. С первых дней знакомства с ним поэту был неприятен холод официального престолюбно-полицейского и великосветского города.

**Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шпш торчит перед тобой!..**

Но не это мнение было главным и определяющим. Петербург был для Лермонтова волнующей и славной страницей отечественной истории, центром русской культуры и общественной жизни. Там были друзья, журналы, редакции, издатели, театры. С ними все теснее переплетались творческие интересы, замыслы, стремления — вся жизнь поэта. Поэтому Лермонтов ехал в отпуск и с радостным волнением, и с тревогой.

Экспонаты одного из разделов пятого зала рассказывают о последнем посещении поэтом Петербурга. Здесь помещены портреты В.А. Жуковского, С.Н. Карамзиной, А.О. Смирновой-Россет, В.Ф. Одоевского, Е.П. Ростопчиной и других. Рассказ о каждом из тех, кто изображен на этих портретах, о их связях с Лермонтовым — это волнующая страница биографии поэта.

Дружеский прием всегда находил Лермонтов в салоне Карамзиных. Здесь в течение многих лет бывали А.С. Пушкин и его друзья. Пушкин был близким другом хозяйки салона Екатерины Андреевны Карамзиной. Естественно, что в кругу друзей Пушкина самый теплый прием нашел и Лермонтов — его поэтический наследник. Душой салона в эти годы была уже дочь Карамзина. Софья Николаевна — исключительно умная и образованная женщина. Она высоко ценила и любила Лермонтова как поэта и человека, проявляла к нему дружеское внимание.

Здесь Лермонтов читал свои новые произведения, участвовал в увеселениях и, в качестве актера, в домашних спектаклях. Из дома Карамзиных Лермонтов уезжал во вторую ссылку. Первый биограф поэта П.А. Висковатый так передавал воспомина-

ния об этом В.А. Соллогуба: "Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение: "Тучки небесные, вечные странники!..". Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажны от слез..."

В альбом Софьи Николаевны Карамзиной, в свой последний приезд в Петербург в 1841 году, Лермонтов записал замечательные стихи:

**Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор.
Путру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,
Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...**

Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет, была в дружеских отношениях с Пушкиным, Гоголем, Жуковским и другими русскими писателями. Лермонтов бывал в ее салоне и встречался с ней в доме Карамзиных. В своей автобиографии А.О. Смирнова писала: "Софи Карамзина мне рассказывала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти строки".

Речь идет об этом широко известном теперь стихотворении Лермонтова, адресованном А.О. Смирновой-Россет:

**В простосердечии невежды
Короче знать я вас желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? — речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.**

В экспозиции представлены первые публикации стихотворений "А.О. Смирновой" ("Отечественные записки", 1840, т. 12) и "Из альбома С.Н. Карамзиной" ("Русская беседа", 1841, т. 2), а также стихотворения "Журналист, читатель и писатель" ("Отечественные записки", 1840, т. 9).

В передовых литературных кругах с живым интересом было встречено пребывание Лермонтова в Петербурге. О его приезде сообщалось в печати, в переписке современников. А.А. Краевский сообщал за границу М.Н. Каткову: "Здесь теперь Лермонтов в отпуску и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал

списать с него портрет Горбунову: вышел похож. Он поздравил, целый год провел в драках и потому писал мало, но замыслил очень много".

13 марта 1841 года Белинский пишет В.П. Боткину: "Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его "Родина", то, аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских".

Через несколько дней стихотворение "Родина" появилось в 4 номере "Отечественных записок". В этом же номере журнала сообщалось: "Герой нашего времени" соч. М.Ю. Лермонтова, принятый с таким энтузиазмом публикою, теперь уже не существует в книжных лавках: первое издание его все раскуплено; готовится второе издание, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана. Кстати, о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в "Отечественных записках". Тревоги военной жизни не позволили ему спокойно и вполне предаваться искусству, которое назвало его одним из главнейших жрецов своих; но замыслено им много, и все замысленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки".

Но тревоги военной жизни еще не стали для поэта страницей прошлого. Об этом не знали читатели журнала. А Лермонтов убеждался в этом с каждым днем. Надежды получить отставку и посвятить свою жизнь литературной деятельности рушились. Время отпуска бежало неумолимо. К тому же власть имущие старались отпуск сократить.

Вот в экспозиции письмо Лермонтова. "...Я скоро еду опять к вам, — писал поэт Д.С. Бибикову на Кавказ, — и здесь оставаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот такие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким... Обществом зато я был принят очень хорошо... 9 марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валсрикского представления меня здесь вычеркнули..."

Но 9 марта Лермонтов все же не уехал. Е.П. Ростопчина вспоминала о том, как друзья поэта старались задержать его в Петербурге: "Стали просить об отсрочках, в которых сначала было отказано, а потом они были взяты штурмом, благодаря высокой протекции. Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода дурные предчувствия".

Но вскоре этой отсрочке был положен решительный конец. Лермонтов был вызван к дежурному генералу Главного штаба Клейнмихелю, и тот вручил ему строжайшее предписание: в 48 часов покинуть Петербург и отправиться к месту ссылки, на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк.

**Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.**

Лермонтов написал эти стихи, покидая в последний раз Петербург. Они заключают экспозицию пятого зала. Рядом с ними — изображения Николая I, Бенкендорфа, реакционных литераторов Греча и Булгарина, олицетворяющих душителей свободы, в лицо которым Лермонтов "со строгостью судьи и гражданина" смело бросил эти гневные, полные горечи и негодования мужественные строки.

”Угас, как светоч, дивный гений...”

”Милая бабушка, пишу к вам из Пятигорска, куда я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыха...”

Напрасно вы не прислали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск. Прошу вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полного Шекспира по-англински, да не знаю, можно ли найти в Петербурге; препоручите Екиму. Только, пожалуйста, поскорее; если это будет скоро, то здесь меня еще застанет.

То, что вы мне пишете о словах Клейнмихеля, я полагаю еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?

Вы бы хорошенько спросили только выпустят ли, если я подам.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны...”

Это строки из последнего, дошедшего до нас письма. Их хочется перечитывать вновь и вновь, потому что за ними видится живой Лермонтов. Не тот, образ которого нарисован в воспоминаниях армейских сослуживцев и случайных попутчиков поэта, а настоящий, каким его мало кто видел и знал.

Неутоляемая духовная жажда творческого труда, щемящая душу тоска, нарастающая щедрая нежность к далеким друзьям, тревога о своей изгнаннической судьбе, — все это слилось в уме и сердце поэта. Таким был он в последние месяцы пребывания в Пятигорске перед дуэлью. Этому периоду его жизни посвящена экспозиция шестого зала.

Подорожная, выданная Лермонтову 10 мая 1841 года в Ставрополе, свидетельствует, что поэт направлялся в крепость Темир-Хан-Шуру. Но он изменил предписание начальства и вместе со Столыпниным из Георгиевска свернул в Пятигорск.

На литографии Бернардацци изображена гостиница Найтаки (ресторация), где Лермонтов переночевал одну ночь, прежде чем нанять квартиру. Рапорт Лермонтова, предписание начальника штаба войск Кавказской линии полковника А.С. Траскина и другие документы свидетельствуют, с каким трудом поэту удалось выхлопотать разрешение остановиться в Пятигорске для лечения.

В шестом зале находятся также портреты тех, кто окружал Лермонтова в Пятигорске. Приятели и знакомые собирались иногда в квартире поэта или же посещали находившийся по соседству гостеприимный дом генерала Верзилина.

Светлыми часами в жизни ссыльного поэта были встречи с выдающимся русским ученым, бывшим профессором медицинского факультета Московского университета И.Е. Дядьковским. Об одной из таких встреч очевидец ее писал: ”Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: ”Что за умница”.

В центре зала в настенной витрине лежит раскрытая записная книжка. На первой странице ее дарственная надпись: ”Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю испишанную”.

В подаренную В.Ф. Одоевским книгу Лермонтов записал свои последние стихотворения. Среди них: ”Сон”, ”Тамара”, ”Морская царевна”, ”Листок”, ”Выхожу один я на дорогу”, ”Нет, не тебя так пылко я люблю”, ”Пророк”... Высоко оценивая эти жемчужины русской поэзии, В.Г. Белинский сказал о стихотворении ”Пророк”: ”Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дожидаться России!...”

В Пятигорске Лермонтов встречал не только хороших знакомых, но и врагов, явных и скрытых. Их было много в его короткой жизни. Но среди них особую роль взял на себя один, получивший позорное имя убийцы великого русского поэта.

С чувством презрения смотрят посетители музея на Мартынова, изображенного на портрете в его обычном экстравагантном одеянии: в черкеске с засученными рукавами, с огромным кинжалом и шашкой на поясе. Человек себялюбивый, ограниченный, внутренне озлобленный неудачной военной карьерой, Мартынов готов был стать орудием любой провокации недругов поэта, к которому он давно питал скрытую личную неприязнь. 13 июля (25 июля по новому стилю) 1841 года он вызвал Лермонтова на дуэль.

Это случилось здесь, в доме Верзилиных. В экспозиции представлены портреты хозяйки дома Марии Ивановны, ее дочери от первого брака Эмилии Александровны, сестер Верзилиных — Надежды Петровны и Аграфены Петровны. На миниатюре неизвестного художника изображен Лев Сергеевич Пушкин (брат поэта), который вместе с Лермонтовым был частым гостем в этом доме.

О том, что произошло в доме Верзилиных вечером 13 июля 1841 года, рассказывает Эмилия Александровна Клингенберг (в замужестве Шан-Гирей). В экспозиции помещена выдержка из ее воспоминаний:

”13 июля собрались к нам несколько девиц и мужчин, и порешили не ехать на собрание, а провести вечер дома... Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л.С. Пушкин..., и принялись они вдвоем острить свой язык а qui mieux...³

Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его ”montagnard au grand poignard”⁴ (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово ”poignard” (кинжал) разнеслось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: ”Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах”, и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание ”язык мой — враг мой” Михаил Юрьевич отвечал спокойно: ”Ce n'est rien; demain nous seron bons amis”⁵. Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали мне, что когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: ”Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?”. Мартынов ответил решительно ”Да”, и тут же назначили день”.

На другой день после этого события Лермонтов выехал в Железноводск, где принимал ванны. 15 июля 1841 года из Железноводска поэт направился в Машук, к месту встречи участников дуэли. К вечеру этого дня великого поэта России не стало.

В экспозиции помещены материалы, связанные с дуэлью. Портреты секундантов: А.А. Столыпина (Монго), С.В. Трубецкого, М.П. Глебова, А.И. Васильчикова. В витрине — крупнокалиберный пистолет системы Кухенрейтера — образец пистолетов, использованных на дуэли. Здесь же метрическая выписка о смерти Лермонтова. В особой графе записано ”Погребение пето не было”, то есть церковь отказалась хоронить поэта. На ри-

сунке А.И. Арнольди (копия с акварели, 1841) изображена могила Лермонтова на пятигорском кладбище.

Передовое русское общество с великой скорбью встретило весть о трагической гибели Лермонтова.

В заключительном разделе шестого зала помещена большая подборка писем, в которых современники поэта в июле — августе 1841 года с сердечной болью сообщают своим друзьям, знакомым страшную весть об убийстве Лермонтова.

"Как грустно слышать о смерти Лермонтова, и, к сожалению, эти слухи верны... Лермонтов выстрелил в воздух, а Мартынов подошел и убил его. Все говорят, что это убийство, а не дуэль". (Андрей Елагин — А.А. Елагину).

"Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать, да вынудивши часы считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный, таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься". (Генерал А.П. Ермолов).

"...Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова" (П.А. Вяземский — А.Я. Булгакову).

"Нашего поэта нет, — Лермонтов 15 числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым... И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов чистейший сколок с Дантеса" (Полеводин).

"Пишу вам, мой друг, под тяжелым впечатлением только что полученного мной известия. Лермонтов убит Мартыновым на дуэли на Кавказе. Подробности ужасны. Он выстрелил в воздух, а противник убил его, стреляя почти в упор. Эта смерть после смерти Пушкина, Грибоедова и других наводит на очень грустные размышления". (Ю.Ф. Самарин — И.С. Гагарину).

Белинский с болью и негодованием писал поэту Н.Х. Кетчеру: "Лермонтов убит наповал — на дуэли... Оно и хорошо, — с горьким сарказмом продолжал Белинский, — был человек беспокойный..."

"Мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина", — решительно утверждал Белинский.

Мемориальная гостиная

Мы прошли, дорогой читатель, по шести комнатам верзилинского дома, в которых разместились литературный отдел музея. Теперь мы переступаем порог той самой гостиной, в которой произошло роковое событие, навсегда запечатлевшее этот дом в памяти почитателей Лермонтова.

Дом Верзилиных был одним из наиболее известных в Пятигорске. Гостеприимство семьи генерал-майора П.С. Верзилина, состоявшей из хозяйки дома и трех дочерей (сам Верзилин в это время находился по делам службы вне Пятигорска), привлекало к нему многочисленное общество, главным образом из числа молодежи.

Частым гостем был здесь и живший по соседству Лермонтов. "В продолжение последнего месяца перед смертью он бывал у нас ежедневно", — отмечает падчерица Верзилина Эмилия Александровна, вышедшая впоследствии, в 1851 году, замуж за троюродного брата Лермонтова Акима Павловича Шан-Гирея.

"Как сейчас вижу его, — вспоминала о Лермонтове Эмилия Александровна, — среднего роста, коротко остриженный, большие красивые глаза; говорил он приятным грудным голосом; любил повеселиться, посмеяться, поострить, затевал кавалькады, распоряжался на пикниках, дирижировал танцами и сам очень много танцевал... Бывало, сестра заиграет на пианино, а он подсядет к ней, опустит голову и сидит неподвижно час, другой. Зато как разоидется да пустится бегать в кошки-мышки, так, бывало, нет удержу... Характера он был неровного, капризного, то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен".

В часы хорошего настроения Лермонтов развлекал себя и веселил других (а некоторых злил) остроумными экспромтами и эпиграммами, меткими шаржами и карикатурами.

В кругу обитателей верзилинского дома и пятигорских знакомых Лермонтова был, в частности, известен экспромт поэта, посвященный дочерям Верзилиных — Эмили, Надежде и Аграфене:

**Пред девицей Emili
Молодежь лежит в пыли,
У девицы же Nadine
Был поклонник не один;
А у Груши целый век
Был лишь дикий человек.**

В последней строке экспромта — намек на ногайского пристава В.Н. Дикова, с которым в это время была помолвлена Аграфена Петровна.

Однажды, вспоминала Эмилия Александровна, ее сестра Надежда стала настойчиво просить Лермонтова написать ей чего-нибудь в альбом. "Как ни отговаривался Лермонтов, его не слушали, окружили всей толпой, положили перед ним альбом, дали перо в руки и говорят: "Пишите!". И написал он шутку-экспромт:

**Надежда Петровна,
Зачем так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежно
Над шейкою нежной.
На поясе нож
C'est un vers qui cloche⁶**

Зато после нарисовал ей же в альбом акварелью курда..."

Последний раз в дом Верзилиных Лермонтов пришел с Л.С. Пушкиным, С.В. Трубецким и другими своими знакомыми 13 июля 1841 года. В этот вечер он был вызван на дуэль.

Долгие годы в верзилинском доме жила дочь Эмилии Александровны и Акима Павловича, троюродная племянница Лермонтова, Евгения Акимовна Шан-Гирей, скончавшаяся здесь же в 1943 году в возрасте 90 лет.

Вот как со слов матери описывает Евгения Акимовна обстановку этой гостиной: "Комната эта, называвшаяся раньше залом, угловая с юго-западной стороны дома. В ней четыре окна, из которых два, с довольно широким простенком, выходят на улицу... и два других — во двор... В простенке между окнами на улицу стоял мягкий пружинный трехместный диванчик со спинкою, обитый ситцем (на нем вечером 13 июля 1841 года сидели и вели оживленный разговор М.Ю. Лермонтов, Э.А. Клингенберг, Л.С. Пушкин. — П.С.). Над диванчиком висело овальное зеркало. Фортпиано, на котором играл кн. Трубецкой, стояло в северо-восточном углу комнаты. Около него перед ссорой стояли и разговаривали Надежда Петровна Верзилина и Мартынов.

Остальную обстановку зала составляли мягкие, обитые ситцем стулья и складывавшийся из двух отдельных половин круглый раздвижной стол на 50 мест. Половинки стола в сложенном

виде были придвинуты к западной и восточной стенам зала, примерно на середине его".

В настоящее время обстановка гостиной восстановлена в прежнем виде. Подлинные предметы обстановки за многие десятилетия, предшествовавшие открытию в этом доме литературного отдела музея, затерялись. Они заменены такой же мебелью и другими вещами того времени, обнаруженными в различных музейных хранилищах страны и частных собраниях.

Установленный у дивана стол принадлежал семье Верзилиных; диван взят из кисловодского дома Реброва, в котором бывал Лермонтов.

На стенах помещены старинные английские гравюры, а также копия с акварели Г.Г. Гагарина (1841 г.), изображающая Эмилию Александровну и Надежду Петровну Верзилину.

Большой интерес представляет картина "Скорбящая мадонна" (масло, 1841 г.). Написана она Акимом Павловичем Шан-Гиреем. Как свидетельствует предание, картина эта предназначалась в дар Елизавете Алексеевне Арсеневой, бабушке поэта, глубоко скорбившей о гибели любимого внука.

В гостиной четыре двери, одна из них — та, которой открывается вход из шестого зала, — прежде вела из гостиной в кабинет П.С. Верзилина. Вторая — низкая и довольно узкая — в комнату Надежды и Аграфены. Третья — ближе к юго-восточному углу — соединяла парадную гостиную со средней (дамской) гостиной и следовавшей дальше угловой комнатой — будуаром хозяйки дома Марии Ивановны.

Последняя, четвертая дверь ведет в коридор и на лестницу. Через нее Лермонтов последний раз покинул верзилинскую гостиную, уходя с вечера. На этой сохранившейся до наших дней старой каменной лестнице Мартынов задержал Лермонтова, явно провоцируя его на ссору. Здесь поэт был вызван на дуэль. Взволнованный всем, что случилось в этот вечер, Лермонтов в окружении своих знакомых направился через небольшие сени к выходу, не зная, что навсегда покидает этот дом.

* * *

После осмотра экспозиции литературного отдела и мемориальной гостиной в верзилинском доме посетители переходят в Домик Лермонтова.

Аллея, соединяющая эти два дома, проходит по части территории бывших усадеб П.С. Верзилина, И.В. Уманова и В.И. Чилиева. Бывая в доме Верзилиных, Лермонтов возвращался к себе на квартиру по прилегавшим к этим усадьбам улицам, но иногда проходил и по затерявшимся теперь внутриусадебным тропинкам.

Существующая аллея между верзилинским домом и Домиком Лермонтова была устроена для посетителей в 1948 году, когда открывался литературный отдел музея.

Домик Лермонтова

Тот, кто входит во двор бывшей усадьбы майора в отставке В.И. Чилиева, сдававшего Лермонтову свой флигель, сразу узнает домик, в котором жил поэт.

Он сам приветливо манит к себе человека своим удивительно скромным видом, белизной невысоких слегка прикрытых камышовый шапкой стен, небольшими, ласково смотрящими окошками с широко распахнутыми духстворчатыми ставнями.

И стоит он в центре двора, как бы нарочно выдвинувшись на середину, чтобы дать возможность бесконечному людскому потоку обойти и осмотреть его со всех сторон.

На фасаде домика, у входа — маленькая темная мемориальная доска: "Домъ, въ которомъ жилъ поэтъ М.Ю. Лермонтовъ". Она установлена в 1884 году группой почитателей поэта по инициативе русского драматурга А.Н. Островского.

Здесь Лермонтов прожил последние месяцы своей жизни с 14 мая по 15 июля 1841 года.

Из четырех комнат домика две занимал Столыпин, а две комнаты, обращенные окнами в сад, назывались "лермонтовской половиной": в них жил поэт.

Подробное описание внешнего вида и внутренней обстановки домика, планы расположения комнат и мебели составили журналист П.К. Мартынов, посетивший домик в 1870 году, когда еще был в живых В.И. Чилиев, и первый биограф поэта П.А. Висковатый.

"Наружность домика, — писал П.К. Мартынов, — самая непривлекательная. Одноэтажный, турлучный, низенький, он походит на те постройки, которые возводят отставные солдаты в слободках при уездных городках. Главный фасад его выходит на двор и имеет три окна, но все они различной меры и вида... Сбоку домика, с правой стороны, пристроены деревянные сени с небольшим о двух ступенях крыльчком. Стены снаружи обмазаны глиной и выбелены известкой. Крыша тростниковая с одной трубой".

В южной части двора — сарай. Средняя часть его — конюшня — сохранилась с лермонтовского времени. В ней стояли верховые лошади Лермонтова: два красавца-скакуна серой масти. Одно из них поэт купил сразу же по приезде в Пятигорск.

О своих квартирантах Чилиев записал в памятной "домовой" книге, хранящейся в настоящее время в музее:

"С капитана Алексея Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, из С.-Петербурга, получено за весь средний дом 100 руб. серебром".

Приемная

При входе в домик, в сенях стоит деревянная скамейка. Из сеней налево дверь в прихожую — небольшое полутемное помещение. Отсюда дверь направо ведет в зал, прямо — в приемную.

При входе в комнаты прежде всего бросается в глаза скромность их общего вида и обстановки. Низкие деревянные потолки, разноразмерные — от 8 до 16-стекольных — окна; простые, обитые ситцем стулья. Походный складной самоварчик, походный колясочный сундук и, тоже походная, узкая складная кровать... Многое говорит о том, что здесь жил поэт-изгнанник, вынужденный странствовать подорожной "по казенной надобности" и нашедший в этом доме временный приют.

Приемная, как и зал и буфетная, были у Лермонтова и Столыпина общими комнатами. Разделили они между собою только две комнаты, служившие им спальнями.

Непреходящую ценность этому домику придает его подлинность. Находясь в нем, нельзя без волнения думать, что ты стоишь в тех самых комнатах, где звучал голос Лермонтова, видишь старые деревянные полы, которые не раз в ночной тишине легким скрипом отвечали на осторожные шаги поэта, оставшегося здесь после шумного дня наедине с собой.

К сожалению, очень мало сохранилось личных вещей поэта и предметов подлинной обстановки этого домика. Чтобы воссоздать внутренний вид комнат, работникам музея пришлось на протяжении десятилетий собирать подобные же вещи лермонтовского времени. Эта работа продолжается и сейчас.

Основанием для нее служит документ исключительной важности: "Опись имения, оставшегося после убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова. Учинена июля 17 дня 1841 года".

В приемной слева у окна стоит стол, справа, у стены — колясочный сундук, обитый телячьей кожей. На стенах висят две акварели, приписываемые кисти Лермонтова, на которых изображены сцены из кавказской жизни. Они поступили в музей от наследников В.И. Чилиева, утверждавших, что эти акварели были подарены в свое время Лермонтовым хозяину дома.

Буфетная

Дверь в деревянной перегородке соединяет приемную с маленькой буфетной. Здесь хранились вещи домашнего обихода, главным образом столовые принадлежности.

Все хозяйство в лермонтовской квартире вели прибывшие с ним крепостные Иван Соколов и Иван Вертюков, а также прислуживавший Лермонтову гуриец Христофор Саникидзе, крепостной В.И. Чилиева.

В настоящее время в буфетной находится подлинный металлический поднос, которым пользовались слуги поэта. Рядом с ним на столе стоит складной походный самоварчик — точно такой же имелся здесь у Лермонтова. Большой интерес представляют помещенные в буфетной две вещи, принадлежавшие Лермонтову: металлический молочничек и фаянсовая тарелочка. Здесь же находится старинное полотенце с вышитым на нем гербом рода Лермонтовых.

В шкафу представлена посуда, принадлежавшая семье Верзилиных, у которых Лермонтов был постоянным и частым гостем.

Спальня А.А. Столыпина

Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго) приходился Лермонтову двоюродным дядей, хотя был моложе поэта на два года. Близкий друг Лермонтова. Одновременно с ним служил в лейб-гвардии гусарском полку, был секундantom Лермонтова на дуэли с Барантом. За участие в этой дуэли по требованию Николая I был возвращен из отставки и снова направлен в полк. В 1840 году служил вместе с Лермонтовым на Кавказе в отряде генерал-лейтенанта Галафеева.

Столыпин имел прозвище Монго, по кличке имевшейся у него домашней собаки. Шуточной поэмой "Монго", написанной в 1836 году, Лермонтов увековечил это прозвище, ставшее как бы составной частью фамилии Столыпина.

В спальню Столыпина ведет дверь из приемной. Вторая дверь спальни соединяет эту комнату с кабинетом Лермонтова.

Комната Столыпина восстановлена на основании имеющихся планов и описаний "Домика". Это типичная комната кавказского офицера. Здесь находятся стол и небольшой платяной шкаф, военный сюртук и офицерская фуражка.

Курильные принадлежности: чубук и табачница.

У стены — кровать. Она представляет большой интерес, т.к. полностью воссоздает форму и размеры кровати, принадлежавшей Лермонтову. Это складная, длинная и узкая, на шести ножках, походная кровать, точные размеры которой когда-то зафиксировал Мартьянов.

Кровать покрыта одеялом — таким же, какое, судя по "описи имения", было у Лермонтова: "персидское, наподобие скатерти, пестрое, большое".

Восстановленная кровать Лермонтова, поскольку она не подлинная, поставлена не на "лермонтовской половине", а в комнате Столыпина, чтобы дать посетителям музея представление о кровати, принадлежавшей поэту.

Кабинет-спальня М.Ю. Лермонтова

В гостеприимном лермонтовском домике всегда было много шума, горячих споров, встреч с разнообразными по складу ума и характерам людьми. Но здесь, в этой маленькой комнате, служившей поэту временным рабочим кабинетом, Лермонтов встречался наедине с самим собой. Чаще это бывало ночью или ранним утром, на рассвете, когда можно было дать полную свободу сокровенным мыслям и чувствам.

Об этой заветной стороне жизни поэта нет сведений в мемуарах современников, правдиво или ложно описывавших его образ жизни в Пятигорске. О ней мог рассказать только сам Лермонтов.

О том, чем жил поэт, что волновало его в эти часы его настоящей духовной жизни, потомки узнали из единственного драгоценного источника, о котором в "описи имения" убитого на дуэли поручика Лермонтова было записано трагически просто:

"6. Собственных сочинений покойного на разных лоскуточках бумаги кусков..."

8. Книга на черновые сочинения подарена покойному князем Одоевским в кожаном переплете ...

Семь лоскутков бумаги со стихами поэта исчезли бесследно. А то, что было записано Лермонтовым в записную книжку, составило его поэтический дневник и явилось величайшим достоянием русской и мировой поэзии.

Возможно, именно в этой маленькой комнате поэт написал "Дубовый листок оторвался от ветки родимой", "Выхожу один я на дорогу", "Нет, не тебя так пылко я люблю", "Пророк" и другие стихотворения, в которых с такой силой выражены душевные тревоги и переживания поэта.

Подлинную обстановку этой комнаты можно представить по описанию Мартьянова: "В кабинете Лермонтова такое же 16-ти стекольное окно, как и в спальне Столыпина, и дверь в зал. Под окном простой, довольно большой стол с выдвигаемым ящиком, имеющим маленькое медное колечко, и два стула. У глухой стены, против двери в зал, прикрытая двумя тоненькими дощечками, длинная и узкая о шести ножках кровать... и треугольный столик. В углу между дверями печь, по сторонам дверей четыре стула".

Вещи, составлявшие обстановку кабинета Лермонтова, не сохранились. В настоящее время здесь установлены стол и кресло из петербургской квартиры поэта. Они были переданы музею в 1912 году Евгенией Акимовной Шан-Гирей.

"С этим столом, — писала она, — как рассказывал отец, было у него связано много воспоминаний о поэте. За ним он читал отцу свои произведения. Накануне последнего отъезда Лермонтова из Петербурга они вместе разбирали бумаги, старые рукописи поэта, хранившиеся в ящиках его стола, отбирая нужные стихотворения для нового сборника, ненужные рукописи сжигали в камине".

За этим столом создавалось, по-видимому, большинство произведений Лермонтова, написанных в Петербурге: "Маскарад", "Бородино", "Смерть поэта", "Дума", "Мцыри", "Демон", "Герой нашего времени"...

На столе лежат книги, которыми в этот период интересовался Лермонтов, о чем мы знаем из его последнего письма к бабушке.

Зал

Эта комната называлась залом и служила поэту столовой и гостиной.

О ее обстановке Мартянов сообщает следующее: "Слева, при выходе из кабинета, складной обеденный стол. В простенке между окнами — ломберный стол, а над столом — единственное во всей квартире зеркало; под окнами по два стула. Направо в углу печь. У стены маленький, покрытый войлочным ковром диванчик и перед ним преддиванный об одной ножке стол".

Упомянутый Мартяновым преддиванный стол до сих пор стоит на этом же месте, перед деревянным диваном, покрытым войлочным ковриком. Это единственная вещь, сохранившаяся из подлинной обстановки домика. Лермонтов любил работать за ним, вынося его на террасу. И, кто знает, может быть, вернувшись однажды поздно домой и усевшись за этим самым столиком, Лермонтов написал бессмертные поэтические строки:

**Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.**

Установленный в комнате ломберный стол перевезен из кироводского дома Реброва, где часто бывал Лермонтов. В углу — старинный дубовый складной обеденный стол. Обстановка гостиной восстановлена в том виде, какой имела она, когда собирались здесь друзья и знакомые поэта.

Добрый и близким знакомым поэту был майор Лев Сергеевич Пушкин. Лермонтову нравились веселость и остроумие этого человека, наделенного тонким чувством юмора. Их часто можно было видеть вместе и здесь, на квартире поэта, и в других домах.

Чувства взаимной симпатии и уважения сближали Лермонтова и Руфима Ивановича Дорохова. Это был человек исключительно храбрый, но вспыльчивый. Несдержанность его характера приносила ему много бед. Судьба свела Лермонтова с Дороховым в 1840 году на Кавказе, в отряде генерала Галафеева. После ранения Дорохова Лермонтов принял от него командование отрядом "охотников". Встречаясь в этой гостиной, им было о чем вспомнить и поговорить.

Интереснейшим собеседником Лермонтова был Сергей Васильевич Трубецкой, смелый и образованный человек, снискавший себе славу "знаменитого и высокодаровитого проказника", постоянно преследуемого царем Николаем I.

Добрые чувства питал Лермонтов к корнету Михаилу Павловичу Глебову, своему давнему приятелю, лечившему в Пятигорске рану, полученную в знаменитом Валерикском сражении.

Как гостеприимный хозяин Лермонтов обычно старался уделить внимание каждому из посетивших его друзей, развеселить собравшуюся компанию. Много шутил, балагурил, рисовал шаржи и карикатуры.

Вот он увидел сидящего в глубоком раздумье, загрустившего Глебова. Подойдя к нему, поэт сказал:

**Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,⁷
Христа ради,
Не женись!**

Но не только беззаботная веселость увлекала гостей лермонтовского домика. Часто разгорались здесь жаркие споры общественно-политического характера. Об этом можно предполагать по различным свидетельствам, прежде всего, по воспоминаниям ссыльных декабристов, с которыми Лермонтов встречался в Пятигорске и которые бывали гостями в его домике.

Из гостиной дверь ведет на небольшую террасу, пристроенную к домику со стороны сада. Лермонтов любил на ней работать и отдыхать, особенно на рассвете.

"Когда бывало, — рассказывал Х. Саникидзе, — он сядет на этом балконе писать стихи, то в течение всего времени, пока он занят был писанием, строго-настрою приказывал прислуге не беспокоить его и не пускать к нему туда никого".

По деревянным ступенькам с террасы можно спуститься в небольшой тенистый садик. Над ним раскинул широкую густую крону вековой клен. Приятно постоять здесь и послушать шорох листьев. Кажется, хотя бы что-то рассказать людям о Лермонтове. Ведь клен — единственный сохранившийся в саду современник поэта. Он многое видел.

По соседству с кленом молодой орех. Растет он из видимого до сих пор остатка могучего старого корня. Этот уже превратившийся в солидное дерево отросток — потомок огромного ореха, стоявшего здесь со времени Лермонтова.

Рядом с этими двумя деревьями недавно появился небольшой дубок. Это своеобразный памятник. Посажен он сотрудниками музея в 1964 году в честь 150-летия со дня рождения поэта. Пройдут годы, вырастет, зашумит дуб и будет напоминать людям о написанном в этом домике поэтическом завещании Лермонтова:

**Надо мной чтоб вечно зелenea
Темный дуб склонялся и шумел.**

Дубок — не единственное дерево, посаженное на усадьбе музея в память о Лермонтове. Принялась и пустилась в рост "чета белеющих берез".

Каждым летом голубыми ковриками расцветают воспетые Лермонтовым незабудки. Они очень к месту на этой священной земле, потому что, по утверждению поэта, этот цветок расцветает там, "где смерти нет и нет забвенья".

У подножия Машука

Того, кто приходит на подворье лермонтовского домика, неотступно сопровождает Машук. Он приветливо смотрит во двор, заглядывает в маленькие окна, когда стоите вы в тихих низеньких комнатах. Кажется, он бережно держит домик в своих могучих протянутых ладонях.

Когда через калитку выходишь со двора на бывшую Нагорную улицу и снова окидываешь взглядом Машук, старые одноэтажные домики, вспоминаешь, что где-то здесь рядом Лермонтов поселил когда-то Печорина, записавшего в дневник знаменитые строки: "Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука...". А через несколько лет, как бы направляясь по следам своего героя, Лермонтов снова пришел сюда, в этот любившийся ему уголок Пятигорска, чтобы самому нанять здесь квартиру.

Сейчас можно легко представить, каким был Лермонтовский квартал в то далекое-далекое "вчера", так как сохранились почти все дома того времени.

Прежде всего, выходя из музея, обратим внимание на дом, в котором жил сам хозяин усадьбы В.И. Чилиев. Несколько комнат в этом доме занимали С.В. Трубецкой и А.И. Васильчиков.

Построен он в 1824 году. Сохранившиеся планировка, подлинны стены, потолки, двери, оконные переплеты и другие детали хранят память о том времени, когда Лермонтов был частым посетителем "старого" хозяйского дома.

Внешний вид его примет подлинный облик после того, как будет восстановлена камышовая кровля и наружная штукатур-

ка стен. В настоящее время в доме размещается научная библиотека музея.

Направо от дома Чилиева, на северо-восточном углу квартала стоит дом, построенный коллежским асессором В. Умановым. Разрешение на строительство дома на отведенном ему "пустопорожном" участке было выдано Уманову в 1823 году. Так свидетельствуют документы. Насколько это верно, подтвердилось в 1973 году, когда дом был передан музею. Во время реставрационных работ был вскрыт старый потолок, оклеенный, как было принято в первые годы застройки Пятигорска, бумагой и побеленный мелом. Оклеивали тогда чаще не обоями, а простой бумагой, какую только удавалось находить хозяину. Потолок в умановском доме оклеен был листами из канцелярских тетрадей, книг и т.п. Осторожно срывая их, сотрудники музея обнаружили листки календаря за 1823 год.

Уманов получил под застройку большой участок, который включал и территорию усадьбы, ставшей потом чилиевской. Вместе со своей дочерью Прасковьей Янковской он за два года построил три дома. Рядом с угловым "отцовским" дочь поставила свой "о пяти окнах" дом (теперь это дом № 6 по ул. Лермонтова), а немного дальше — еще один, тот самый, который затем наследники Уманова продали своему родственнику В.И. Чилиеву.

Поселившись в домике на чилиевской усадьбе, Лермонтов иногда заходил в угловой дом Уманова,⁸ где жили в то время его бывшие однополчане по Гродненскому и лейб-гвардии гусарскому полкам Л.И. Арнольди и А.Ф. Тиран.

Вот что пишет А.И. Арнольди об этом доме и своих соседях: "Мы скоро нашли себе удобную квартиру в доме коменданта Уманова, у подошвы Машука, и посвятили целый вечер хлопотам по размещению..."

На дворе дома, нами занимаемого, во флигеле, поселился Тиран, по фасаду к Машуку подле нас жил Лермонтов с Столыпиным, а за ними Глебов с Мартыновым. С галереи нашей открывался великолепный вид: весь Пятигорск лежал как бы у ног наших, и взором можно было окинуть огромное пространство, по которому десятками рукавов бежал Подкумок. По улице, которая спускалась от нашего дома перпендикулярно к бульвару (теперь улица Карла Маркса. — П.С.), напротив нас, помещалось семейство Орловой, жены казачьего генерала., а ниже виднелась крыша дома Верзилиных, глава которого, также казачий генерал, состоял на службе в Варшаве, а семейство его, как старожилы Пятигорска, имело свою оседлость в этом захолустье, которое оживлялось только летом при наплыве страждущего человечества".

В настоящее время внешний вид дома полностью реставрирован. Восстановлена и веранда, с которой и сейчас открывается прекрасный вид, которым, несомненно, много раз любовался отсюда и Лермонтов, бывая в доме Уманова.

За два дня до дуэли Лермонтов, как вспоминает Арнольди, подъехал "верхом на сером коне в черкесском костюме к единственному открытому окну пашей квартиры, у которого я рисовал, и простился со мною, переезжая в Железноводск".

В ближайшее время в доме Уманова будет открыта для посетителей музея постоянная выставка "М.Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве".

На этой же бывшей Нагорной улице, на противоположном конце квартала сохранился еще один дом, связанный с памятью о поэте (теперь дом № 2 по ул. Лермонтова). Там жили его знакомые, с которыми он встречался в последние дни своей жизни: М.П. Глебов, А.К. Зельмиц, Н.П. Раевский. Предполагается, что в этом же доме жил Лев Сергеевич Пушкин. Здесь же занимал одну комнату и Н.С. Мартынов, у которого также бывал Лермонтов.

В то время дом стоял не на углу, как теперь, а немного ближе, почти рядом с усадьбой Чилиева. Позднее, по-видимому около 60-х годов прошлого века, он был передвинут на его теперешнее место, образовав этим правильный угол оформлявшегося городского квартала.

Как свидетельствуют документы, дом был построен не позднее 1828 года "отставным комиссаром 10 класса" Петром Горбылевым. В 1835 году дом уже принадлежал генералу П.С. Верзилину и считался его "надворным флигелем". Позднее в нем жила дочь Верзилина — Аграфена Петровна, получившая этот дом в 1842 году в приданое, выходя замуж за ногайского пристава В.Н. Дикова, упомянутого в известном уже читателям шуточном экспромте Лермонтова.

Старинный дом, построенный в 1822 году моздокским комендантом подполковником А.А. Котыревым, замыкает юго-западный угол мемориального квартала (теперь дом № 1 по ул. Буачидзе).

О посещении этого дома Лермонтовым свидетельств не сохранилось. Но он ценен для нас как архитектурный памятник лермонтовского Пятигорска.

Особую историческую значимость дом приобрел тем, что в нем в 1832 году жил известный русский композитор А. Алябьев, автор знаменитого "Соловья".

С восточной стороны дом Котырева (во времена Алябьева он уже принадлежал майорше Карабутовой) граничил с усадьбой подполковницы М.Н. Поповой. История этой усадьбы представляет значительный интерес.

В 1821 году вдова коменданта Константиногорской крепости И. Попова на отведенном ей участке выстроила дом на каменном фундаменте "по фасаду", т. е. по проекту, составленному архитектором Мясниковым. Позднее, в 1825 году, она сооружает здесь же второй дом, а первый вместе с половиной усадьбы в 1830 году продает генерал-майорше М.И. Верзилиной (тот самый ставший знаменитым верзилинский дом, который уже знаком читателю, теперь № 9 по ул. Буачидзе).

Сколько лет Попова и ее наследники владели вторым своим домом, сведений нет. Известно только, что в 1914 году на месте этого дома по проекту архитектора Калери был построен двухэтажный особняк для некоего Кузнецова. Теперь в этом доме размещается средняя школа № 8 (теперь дом № 5 по ул. Буачидзе).

На доме установлена мемориальная доска, которая свидетельствует, что в августе 1924 года в гостях у воспитанников и педагогов находившейся здесь школы-коммуны была Надежда Константиновна Крупская.

Не осталась без изменений и та часть усадьбы Поповой, которая была приобретена М.И. Верзилиной. В 1907 году, когда домом Верзилиных владела уже троюродная племянница М.Ю. Лермонтова Евгения Акимовна Шан-Гирей, часть усадьбы купил архитектор Калери и построил большой двухэтажный дом (теперь № 7 по ул. Буачидзе). К сожалению, архитектурным видом и своими размерами он подавляет расположенный рядом дом Верзилиных.

В перспективе, когда в соответствии с постановлением об образовании заповедника будут вестись капитальные реставрационные работы, мемориальный квартал будет подвергнут значительной реконструкции. На месте строений, не соответствующих тому времени, возникнут палисадники, хозяйственные постройки, воссоздающие повседневный быт старого Пятигорска, как коренных его обитателей, так и тех, которые в одиночку или целыми семейными обозами приезжали на целебные воды из самых дальних уголков России.

Поселяясь в домах местных жителей, они размещали на усадьбах коляски, повозки и другое дорожное имущество. Некоторые, не имея возможности разместиться в перенаселенном хозяйском доме, разбивали здесь же на подворье бивуаки из калмыцких кибиток.

Начавшееся изучение архивных материалов, необходимых для восстановления мемориального квартала, уже сейчас дает возможность более реально представить себе повседневный быт его жителей.

Установлено, к примеру, что на усадьбах Верзилина, Уманова и других домовладельцев стояли обширные конюшни — на 15 — 16 лошадей. Оказывается, это делалось для извлечения прибыли. Размещение лошадей для приезжих на воды в то время было проблемой не менее острой, нежели современному "самодеятельному" автотуристу найти гараж-стоянку для своего автомобиля.

Вполне понятным стал и казавшийся поначалу странным выявленный факт, что в доме Уманова имелось шесть ломберных столов. Так своеобразно и небескорыстно заботился хозяин о "культурном досуге" своих многочисленных квартирантов.

* * *

Так, дорогой читатель, мы прошли вокруг всего мемориального Лермонтовского квартала и возвратились к дому Верзилиных, откуда начали нашу экскурсию по музею "Домик Лермонтова".

А теперь нам предстоит знакомство с другими памятными местами, входящими в Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова на Кавказских Минеральных Водах.

Пятигорск

Эолова арфа

Знакомство с лермонтовскими местами лучше всего начать с экзотической беседки "Эолова арфа".

Ее знают все, кто побывал в Пятигорске. Устроенная на высоком скалистом уступе Машука, она издали манит к себе изящными очертаниями, четко вырисовывающимися на фоне неба. Фон этот бывает разным, в зависимости от погоды, и каждое такое изменение придает особую прелесть беседке. Приятно подняться к ней в теплый солнечный день. Даже в самую жаркую пору вас встретит здесь прохладный ветерок, и, приветствуемые его ласковым дуновением, вы долго будете любоваться живописной панорамой Пятигорья.

Беседка "Эолова арфа" привлекает к себе многочисленных посетителей не только своим исключительно удачным расположением в одном из чудесных уголков Пятигорска. Она вызывает живой интерес как место, связанное с памятью о Лермонтове.

По диким тропинкам он взбирался на эти каменистые уступы Машука еще одиннадцатилетним мальчиком в 1825 году, когда его привозила сюда бабушка для лечения водами. Жил он с бабушкой у ее сестры Е.А. Хастатовой, небольшой деревянный дом которой стоял там, где впоследствии, в 1901 году, было выстроено здание Пушкинских ванн. Это здесь же, рядом, почти у подножия горного уступа, на котором высится беседка "Эолова арфа".

Но самой беседки в тот год еще не существовало. На ее месте стоял казачий сторожевой пост — один из многих постов, размещавшихся в то время на возвышенностях Горячих Вод. Мно-

го интересного мог Лермонтов видеть и слышать здесь в те годы. Приезжавшие на лечение водами раненые рассказывали о боевой жизни, о мужестве русских солдат и горцев, о захвате пленных.

Чувствовалась близость военных действий. По ночам Лермонтову приходилось слышать переключку часовых. Об этом вспоминал он в поэме "Черкесы":

Лишь только слышно: кто идет?

Лишь громко слушай раздается..

Отсюда он с восхищением наблюдал за серебряной цепью Кавказских гор с возвышающимся над ними двуглавым великаном Эльбрусом.

В 1837 году, сосланный на Кавказ, Лермонтов снова приехал на Горячие Воды. Он был удивлен происшедшими здесь изменениями. Небольшой поселок, насчитывавший раньше несколько десятков домов, значительно расширился. Появились большие, красивые здания. Поселок Горячие Воды был переименован в город Пятигорск.

На месте, где располагался когда-то так привлекавший его в детстве казачий сторожевой пост, стояла красивая беседка с восемью колоннами из тесаного камня. На покрытом железом куполе беседки была укреплена деревянная с позолотой арфа и подвижный флюгер, соединенный с железным веретеном. Внутри беседки, посередине ее, на восьмиугольном пьедестале стоял круглый футляр, в котором находились две арфы со струнами. Соединенный с флюгером футляр поворачивался, ветер через сквозные продольные прорези на футляре ударял по струнам арфы, и они издавали, по свидетельству современников, "довольно гармоничные" звуки.

Беседка была названа "Эоловой арфой" по имени бога ветров Эола. Ее построили в 1830—1831 гг. архитекторы братья Бернардацци.

Беседка полюбилась всем приезжающим на Воды. Об этом свидетельствует и Лермонтов. В повести "Княжна Мери" читаем: "На крутой скале, где построено павильон, называемый Эоловой арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльбурс..."

Звуки арфы, по-видимому, нравились Лермонтову. По крайней мере, они ему хорошо запомнились. В 1841 году на вечере, устроенном поэтом и его друзьями в Гроту Дианы, во время одного из антрактов между танцами кто-то играл тихую мелодию на каком-то струнном инструменте. Участники вечера прислушивались к этим звукам, и Лермонтов в шутку уверял всех, что по случаю этого вечера он приказал перенести "Эолову арфу" из Емануелевского парка к Гроту Дианы.

Музыкальный инструмент, находившийся в беседке, к сожалению, не сохранился. Он был кем-то снят еще во второй половине прошлого столетия.

В 1973 году беседку "Эолова арфа" снова озвучили, но уже при помощи современного сложного электромузыкального инструмента, "спрятанного" вне беседки, в Академической галерее. Но при этом сохранен основной принцип, на новом инструменте играет тот же бог ветров Эол.

Когда нет ветра, "Эолова арфа" молчит. Но только лишь легкий ветерок пошевелит установленный на беседке флюгер — из-под купола ее тихонько польются таинственные "космические" звуки, сливаясь в мелодичные аккорды. Они плавно сменяют друг друга, ускоренно или медленно, в зависимости от силы ветра, от "настроения Эола".

Беседка по-прежнему вызывает большой интерес и является излюбленным местом отдыха пятигорчан и многих тысяч трудящихся, приезжающих в Пятигорск на лечение со всех концов

Советского Союза. Здесь всегда можно видеть почитателей бессмертного таланта великого поэта.

Отсюда открываются чудесные виды Пятигорья, вдохновенно воспетые Лермонтовым: "На запад пятиглавый Бешгу синее, как "последняя туча рассеянной бури"; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона... Внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все сильнее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбуром. — Весело жить в такой земле!"

Елизаветинский источник

Многие места в Пятигорске воскрешают в нашей памяти волнующие страницы повести Лермонтова "Княжна Мери" Спуститесь от беседки "Эолова арфа" по кольцевой тропинке на площадку, где теперь стоит здание Академической галереи, и вы окажетесь на том самом месте, где когда-то находился знаменитый Елизаветинский источник. К нему ежедневно приходили обитатели курорта, если не воду пить, то ради развлечения.

Вот что записал о нем в свой дневник Печорин: "Наконец вот и колодец!. На площадке близ него построен домик с красной кровлею над ванной, а подалее галерея, где гуляют во время дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобранные костыли, бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькали порою пестрые шляпки любителей уединения вдвоем, потому что всегда возле такой шляпки я замечал или военную фуражку или безобразную круглую шляпу".

В лермонтовское время на склоне Машука в районе беседки "Эолова арфа" и Елизаветинского источника размещался Емануелевский парк, названный так в честь командовавшего с 1826 по 1831 год войсками на Кавказской линии и Черномории генерала Г.А. Емануеля, по указанию которого был спланирован и благоустроен этот парк.

Вот как описывает Емануелевский парк В. Броневский в книге "Поездка на Кавказ" (1834): "Положение места, до сего дикое и едва приступное для одних пешеходов, по желанию командовавшего здесь генерала Емануеля, под рукою искусного архитектора Бернардацци приняло иной вид. Между трех гор, крутых и высоких, на треугольном пространстве явился сад в английском вкусе, в коем соединены все искусственные и природные красоты. Тут павильоны, беседки, гроты, крытые аллеи, кусты, цветы; там водопады, пропасти, пещеры и провалы... Словом, вы видите перед собою очаровательное место, которое и теперь, когда еще деревья не разрослись, нравится взору и видом своим удивляет охотников и знатоков в садоводстве".

Живой рассказ о повседневном быте посетителей Елизаветинского источника и Емануелевского парка содержится в книге Хамар-Дабанова (псевдоним Е.П. Лачиновой) "Проделки на Кавказе", вышедшей в 1844 году и сразу же запрещенной цензурой.

"Какое жалкое зрелище, — пишет Е.П. Лачинова, — представляет это гулянье, которого однообразие прерывается только тем, что гуляющие каждую четверть часа подходят к ключу пить из целебной струи.

Инвалид среди множества разнообразных стаканов, которые висят на длинных тесьмах, снимает с крючка тот, который вам принадлежит, погружает его в горячий источник, выполаскивает и подает вам. Таким образом, вы проглотите стакана три и потом идете ходить или садитесь в какой-нибудь беседке рассматривать лица больных, проходящих мимо вас. Между тем, инвалид систематически вешает ваш стакан на свое место, наблюдая всегда самое пунктуальное старшинство: вы можете быть уверены, что стакан подполковника всегда не будет висеть выше стакана полковника и так далее... И кого не найдете здесь. И военных всех мундиров, и разжалованных, и статских, и монахов, и купцов, и мещан, и столичных модниц, и толстых купчих, и чванных чиновниц, и уморительных оригиналов... Забавно видеть, как иной генерал и тут не оставляет своей важности. Громко судит и рядит и счастлив, что его стакан висит выше других. Как самонадеянно останавливает он гуляющих обер-офицеров, готовый при малейшем неудовольствии напомнить свой превосходительный чин, как принуждает их выслушивать самые пошлые рассказы, самые бессмысленные предположения. Всякий из этих господ корчит Наполеона. Многие корчили бы и Фридриха Великого, но не все знают о его существовании... А толков-то, толков!

Чего не наслушаетесь вы на этих гуляньях! И пересуды, и сплетни, и жалобы — то на скуку местопребывания, то на неудобства дороги, то на грубость и притеснения станционных смотрителей, то на недостаток в лошадях и прочее. Большею частью, однако ж, предметом разговора служит разбор военных действий на Кавказе и методы лечения пятигорских медиков... Заключением всех пересудов — хула директору минеральных вод...

Здесь услышите старого моряка, уверяющего, будто самый лучший образ лечения выпивать по восьми-десяти стаканов горячей серной воды утром и столько вечером: такое лечение он предпочитает даже морским пуншам...

С ним спорит больной, утверждающий, что весьма достаточно трех стаканов, и то должно пить в продолжении трех часов. Третий, присоединившийся к ним, замечает, что трех стаканов мало, потому что глотать их надобно лишь до половины: газ испаряется, пока больной подносит стакан ко рту..."

У Елизаветинского источника собиралось так называемое "водяное общество", за жизнью которого внимательно наблюдал великий поэт. В поступках, моральных взглядах многих лечившихся или бессмысленно прожигавших здесь свою жизнь людей Лермонтов видел проявление неизлечимой водами болезни — уродливых пороков мрачной действительности того времени. Наблюдения Лермонтова — великого художника, мыслителя, тонкого психолога — нашли глубочайшее отражение в повести "Княжна Мери".

У Елизаветинского источника Печорин встречается с юнкером Грушницким. С источником связан один из замечательных эпизодов повести — знакомство Грушницкого с княжной Мери: "...Грушницкий уронил свой стакан на песок и усиливался нагнуться, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бедняжка! как он ухитрялся, упираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание. Княжна Мери видела все это лучше меня. Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась. Когда Грушницкий открыл рот, чтоб поблагодарить ее, она была уже далеко".

Так началась здесь романтическая история, которая трагически завершилась дуэлью между Печориным и Грушницким в Кисловодске.

Грот Лермонтова

По тропинкам, окружающим площадку Елизаветинского источника, когда-то прогуливались лермонтовские герои. В этих местах завязывались и стремительно развивались описанные в повести события, которые и сейчас волнуют читателей.

Вот одно из этих событий — неожиданная встреча Печорина с Верой. Вспомним несколько строк из дневника Печорина:

"Сегодня я встал поздно; прихожу к колодцу — никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел, кругом его вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто электричеством за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине, с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор. Зачем она здесь? — и она ли? И почему я думаю, что это она?.. и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках! Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту.

Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь, шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера! — вскрикнул я невольно".

Произошло это в расположенном рядом гроте, носящем теперь имя Лермонтова. Привлек он внимание поэта еще в 1837 году. Сохранилась относящаяся к этому времени картина Лермонтова "Вид Пятигорска". Зарисовав пестреющий внизу "чистенький новенький городок" и "амфитеатром громоздящиеся" вдаль горы во главе с Эльбрусом, Лермонтов особенно тщательно нарисовал отрог Машука, в котором устроен грот, и ведущую к нему аллею. По аллее к гроту идет мужчина в цилиндре, с тростью в руках. Смотришь на картину и кажется, что это созданная самим писателем иллюстрация к процитированным выше строкам из повести "Княжна Мери".

Грот был устроен в 1830—1831 годах архитекторами братьями Бернардацци, использовавшими для этого естественную пещеру.

Уже в то время посетители вод проявляли значительный интерес к "сей прохладной и тенистой пещере, из которой, не быв замечен, обзираешь все окрестности" (доктор Конради. 1831 г.).

Но особенно широкую известность грот получил после выхода в свет романа Лермонтова "Герой нашего времени".

В наши дни вид грота несколько изменился. Для сохранности его еще в прошлом столетии у входа установили металлическую ограду. Каменистые тропинки теперь превратились в асфальтированные дорожки.

Провал

Большой известностью в Пятигорске пользуется Провал¹⁰. При подходе к нему перед посетителями открывается ровная асфальтированная площадка, с одной стороны окаймленная высокой опорной стеной из тесаного камня, а с другой заканчивающаяся крутым обрывом — спуском к подножию Машука. В центре опорной стены небольшая арка — начало 43-метрового тоннеля к подземному озеру. С запада к району Провала примыкают корпуса санатория "Машук". Внизу, на южных склонах горы, раскинулись красивые здания санатория имени XXII съезда КПСС.

При виде этого благоустроенного уголка Пятигорска, всегда, с утра до позднего вечера, наполненного говором многочисленных экскурсантов, шумом проезжающих автомобилей, как-то трудно себе представить, что в лермонтовское время это была еще полудикая местность.

Провал находился от города на расстоянии более одного километра. Уже в то время он, как интереснейшее и своеобразное творение природы, привлекал внимание приезжающих.

Тоннель к образовавшемуся на дне Провала озерцу еще не было. (Он был устроен в 1858 году). Чтобы осмотреть Провал, посетители, цепляясь за кустарники, взбирались по осыпающимся каменистым тропинкам к его воронке и оттуда с любопытством всматривались в казавшуюся бездонной таинственную пропасть.

Любопытство было настолько великим, что в 1837 году над воронкой был устроен деревянный висячий мост со специальным устройством для спуска небольшой кабины. Желающие могли спуститься в ней до самой воды. А праздные любители всякого рода увеселений даже устраивали на этом мосту танцы, что называлось "потанцевать над пропастью".

Это достопримечательное место в окрестностях Пятигорска было хорошо известно Лермонтову. Не раз он бывал здесь. О Провале довольно подробно говорится в повести "Княжна Мери", в частности, отмечается, что "он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал".

Сюда в один из дней в обществе знакомых совершают прогулку Печорин и княжна Мери. "Мы пришли к провалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза".

Страницы, посвященные описанию этой прогулки, занимают важное место в идейно-художественном замысле повести. По дороге к Провалу в беседе с княжной Мери Печорин рассказывает о себе. Этот знаменитый монолог Печорина раскрывает основные черты сложной психологии главного персонажа романа "Герой нашего времени".

Пятигорский бульвар

Чтобы продолжить знакомство с лермонтовскими местами, после посещения Провала лучше всего снова вернуться к бывшему Елизаветинскому источнику. Отсюда, спустившись по лестнице, можно совершить прогулку по той части центральной улицы города, которая в лермонтовское время являлась знаменитым Пятигорским бульваром¹¹. Здесь, по свидетельству современников, было "почти такое многолюдство, как на Невском проспекте". На бульваре можно было видеть самую разнообразную публику, удивительное смешение столичной и провинциальной одежды: фраки и черкески, колпаки и мохнатые кавказские шапки, бурки и сюртуки. Порою за чопорными господами, направлявшимися принимать ванны, запыхавшиеся слуги и служанки несли узлы, подушки, тюфяки.

Пятигорский бульвар неоднократно упоминается в романе Лермонтова. Вспомним первую прогулку Печорина по Пятигорску.

"Спустился в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору: то были большею частью семейства стенных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным сюртукам мужей и по изысканным нарядам жен и дочерей;

видно у них вся водяная молодежь была уже на перече, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покррой сертука ввел их в заблуждение, но скоро, узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.

Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум... Подымаясь по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом... Они играют и жалуется на скуку... Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают".

За прошедшее столетие неузнаваемо изменился архитектурный облик бывшего Пятигорского бульвара. Но кое-что здесь и сейчас напоминает нам о времени Лермонтова.

Обратите внимание на дом № 12 по улице имени Кирова. Художник М.А. Зичи, создавая в 80-е годы прошлого столетия иллюстрации к повести Лермонтова, зарисовал с натуры это здание как дом, где жила княжна Мери. На рисунке изображен эпизод, когда мимо окон княжны Мери по вельению Печорина слуга проводит черкесскую лошадь, покрытую персидским ковром, перекупленным им накануне у княгини Лиговской в магазине Челахова.

О доме, где жила княжна Мери, в повести говорится неопределенно. Спустившись от Елизаветинского источника, она "скрылась за липками бульвара... Но вот ее шляпка мелькнула через улицу; она вбежала в ворота одного из лучших домов Пятигорска". Зичи, специально побывавший в Пятигорске, чтобы внимательно изучить лермонтовские места, решил, что под этим домом Лермонтов подразумевал тот, который мы видим на его рисунке. И хотя такое его определение в данном случае является условным, читатель, по-видимому, с интересом осматривает этот один из немногих домов, сохранившихся на бульваре от лермонтовского времени.

Сохранился до наших дней и бывший "Дом для неимущих офицеров". Только раньше он был не трех-, а двухэтажный. В нем теперь расположен один из корпусов курортной поликлиники (дом № 19 по улице имени Кирова). Здание это интересно тем, что, как предполагают, в нем бывал Лермонтов. Как офицер, поэт должен был по прибытии в Пятигорск явиться к военному коменданту. А канцелярия пятигорской комендатуры в 1837 году как раз и находилась в одной из комнат этого здания.

Здесь, на бывшем бульваре, напоминают нам о Лермонтове не только сохранившиеся старинные здания. В сознании миллионов читателей навсегда останется поэтический образ любимого Лермонтовым маленького городка у подножия Машука.

Нетленными, не разрушаемыми временем, вечными памятниками лермонтовского Пятигорска останутся посвященные ему поэтом бессмертные строки. Хотя бы вот эти: "Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара. Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало зловещее облачко; месяц подымался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звонкий топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрипом ногайской арбы и заунывным татарским припевом. Я сел на скамью и задумался..."

Лермонтовские ванны

В 1837 году Лермонтов писал своему другу С.А. Раевскому: "Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить..."

О серьезности заболевания поэта свидетельствует и то усердие, с каким он принялся за лечение. За время пребывания в Пятигорске и Кисловодске он принял много минеральных ванн¹².

В Пятигорске сохранилось одно из тех зданий, где Лермонтову пришлось лечиться. Это бывшие Николаевские, ныне Лермонтовские ванны, расположенные рядом с курортной поликлиникой в восточной части современного парка "Цветник".

Здание это было построено в 1826—1831 годах и являлось в то время одним из лучших и самых больших в Пятигорске. Наружный вид его, за незначительными изменениями, остался прежним. Но внутренняя система кабин капитально перестроена, поэтому кабина № 4, в которой Лермонтов принимал серные ванны, не сохранилась.

В письме М.А. Лопухиной поэт писал из Пятигорска: "я теперь на водах, пью и принимаю ванны, в общем живу совсем как утка".

Известно, что лечение водами оказало благотворное влияние на здоровье поэта. Но не меньшая роль в этом принадлежала окружающей поэта чудесной природе и особенно горному воздуху, который, по его признанию, был для него целительным бальзамом. В том же письме Лермонтов сообщал: "Я каждый день брожу по горам, и только это укрепило мои ноги, я только и делаю, что хожу, ни жара, ни дождь меня не останавливают..."

Грот Дианы

В одном из уголков парка "Цветник", рядом с Лермонтовскими ваннами, расположен небольшой, украшенный колоннами и плитами травертина, грот. Он был сооружен еще в начале 30-х годов XIX века архитекторами братьями Бернардацци и тогда же назван именем Дианы — покровительницы охоты (по древнеримской мифологии).

Этот красивый, и к тому же прохладный даже в самую жаркую летнюю пору грот всегда пользовался большой популярностью среди приезжавших на Кавказские Минеральные Воды.

Грот Дианы широко известен как место, связанное с памятью о последних днях жизни Лермонтова. Как свидетельствуют современники поэта, он был частым посетителем этого грота.

Э.А. Шан-Гирей даже утверждала, что "если уже какой-либо грот называть именем поэта, так этот. Тот, что именуется Лермонтовским гротом — это грот Печорина".

8 июля 1841 года, за неделю до дуэли, Лермонтов и его друзья устроили в Гроте Дианы своеобразный бал.

Много волнующих воспоминаний оставил этот бал у его участников. А.И. Арнольди, сослуживец поэта по Гродненскому гусарскому полку, вспоминал: "В первых числах июля я получил, кажется, от С. Трубецкого, приглашение участвовать в подписке на бал, который пятигорская молодежь желала дать городу... В квартире Лермонтова делались все необходимые к тому приготовления, и мы намеревались осветить грот, в котором хотели танцевать, для чего наклеили до 2000 разных цветных фонарей. Лермонтов придумал громадную люстру из трехъярусно помещенных обрубей, обвитых цветами и ползучими растениями, и мы исполнили эту работу на славу. Армянские лавки доставили нам персидские ковры и разноцветные шали для украшения свода грота, за прокат которых мы заплатили, кажется, 1500

рублей; казенный сад — цветы и виноградные лозы, которые я с Глебовым нещадно рубили; расположенный в Пятигорске полк снабдил нас красным сукном, а содержатель гостиницы Найтаки позаботился о десерте, ужине и вине... Наш бал сошел великолепно, все веселились от чистого сердца..." "Свод грота, — писал Н.И. Лорер, — убрали разноцветными шаялями, соединив их в центре в красивый узел и прикрыв круглым зеркалом, стены обтянули персидскими коврами, повесили искусно импровизированные люстры из простых обручей и веревок, обвитых чрезвычайно красиво великолепными живыми цветами и вьющеюся зеленью; снаружи грота, на огромных деревьях аллей, прилегающих к площадке, на которой собирались танцевать, развесили, как говорят, более двух тысяч пятисот разноцветных фонарей... Хор военной музыки поместили на площадке, над гротом... Красное сукно длинной лентой стлалось до палатки, назначенной служить уборною для дам. Она также была убрана шаялями и снабжена заботливыми учредителями всем необходимым для самой выискательной и избалованной красавицы..."

Природа, как бы согласившись с общим желанием и настроением, выказала себя в самом благоприятном виде. В этот вечер небо было чистого темно-синего цвета и усеяно бесчисленными серебряными звездами. Ни один листок не шевелился на деревьях. К восьми часам приглашенные по билетам собрались, и танцы быстро следовали один за другим. Неприглашенные, не переходя за черту импровизированной танцевальной залы, окружали густыми рядами кружащихся и веселящихся счастливых.

Лермонтов необыкновенно много танцевал, да и все общество было как-то особенно настроено к веселью... Кто думал тогда, кто мог предвидеть, что через неделю после такого веселого вечера настанет для многих, или, лучше сказать, для всех нас, участников, горечь и сожаление?"

"Лермонтов был очень весел, не уходил в себя и от души шутил", — рассказывал Н.П. Раевский.

Кузина поэта Екатерина Быховец, описывая этот бал, сообщила сестре: "Вечер очаровательный, небо было так чисто, деревья от освещения необыкновенно хороши были, аллея также освещена... Оттуда мы шли пешком. Все молодые люди нас провожали с фонарями... Лермонтов, как cousin, предложил сейчас мне руку; мы пошли скорее, и он до дому меня проводил..."

Этот пикник последний был; ровно через неделю мой добрый друг убит..."

Приближение своей скорой гибели предчувствовал сам поэт. Даже в этот памятный вечер, 8 июля, несмотря на кажущуюся веселость, он в глубине души переживал эту печальную мысль. Беседа со своим товарищем по юнкерской школе Гвоздевым, Лермонтов заметил: "Чувствую — мне очень мало осталось жить".

Ресторация

В самом центре Пятигорска¹³ стоит красивое здание с шестью стройными колоннами из тесаного камня. В лермонтовское время это было лучшее строение города. Называлось оно гостиницей Найтаки (по имени ее содержателя) или — ресторация. Построено здание в 1828 году братьями Бернардацци по проекту архитектора Шарлеманя.

Приезжавшие на воды могли нанять здесь на несколько дней комнату и заказать у хозяина гостиницы обеденный стол. По вечерам в небольшом, но уютном высоком двухсветном зале для "водяного общества" устраивались балы и различного рода увеселения.

На публичных сборах в гостинице Найтаки ярко раскрывались обычаи и нравы обитателей курорта. Вот почему Лермонтов решил свести героев повести "Княжна Мери" на балу в зале ресторации. Без этого характеристика "водяного общества" была бы неполной.

"Зала ресторации, — читаем мы в дневнике Печорина, — превратилась в залу Благородного собрания. В девять часов все съехались. Княгиня с дочерью явились из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились".

С изумительным мастерством писателя-реалиста Лермонтов кратко, но художественно метко и психологически глубоко обрисовывает участников этого бала, занимающего важное место в повести. Здесь и толстая, глуповатая дама, осененная розовыми перьями, с большой, прикрытой фермуаром бородавкой на шее, и ее услужливый кавалер — падкий на всякую пошлость драгунский капитан, и некий пьяный господин, пытавшийся для потехи подвыпившей компании нанести публичное оскорбление княжне Мери, от чего ее спасает Печорин.

У читателей повести навсегда остается в памяти описание бала в зале ресторации. Поэтому не случайно сейчас, проходя мимо этого здания, люди останавливаются и внимательно всматриваются в его очертания. Оно напоминает им о далеком времени, о людях и их судьбах, о которых так замечательно рассказал великий поэт.

Ресторация связана не только с лермонтовскими героями, но и с памятью о самом Лермонтове. Известно, что он часто бывал в этом здании. В 1841 году, в свой последний приезд в Пятигорск, он остановился здесь вместе со своим другом А.А. Столыпиным. Переночевав в гостинице одну ночь, на другой день они переехали на квартиру в небольшой домик, где поэт провел последние два месяца своей жизни.

Более столетия отделяет нас от того времени, когда персонажи гениального романа Лермонтова были обитателями Пятигорского бульвара и ресторации. Неузнаваемо изменились эти места в наши дни. Теперь это центр прославленного города-курорта, всесоюзной здравницы. Новый бульвар, благоустроенные улицы и зеленые скверы города, его театр и клубы ежедневно заполняют тысячи трудящихся, приезжающих со всех концов нашей Родины.

Место дуэли¹⁴

Это был вторник, 15 июля 1841 года. Лермонтов, по-видимому, проснулся рано: он любил на Кавказе встречать рассвет, когда подножия гор окутывает еще ночной туман, но их вершины под новорожденными лучами восходящего солнца уже одеваются в праздничный розовый наряд. В эти минуты на душе становилось радостно и легко.

Жадно вдыхая чистый, "как поцелуй ребенка", воздух, поэт долго бродил по едва приметным лесным тропинкам, взбирался на каменные уступы Железной горы и оттуда любовался знаковыми еще с детства очертаниями окрестных гор, лесов, цветущих долин.

Это было последнее утро в жизни поэта. Об этом он не знал, хотя и помнил, что сегодня будет стоять на дуэли под дулом пистолета. Ведь предстоящая дуэль была не первым испытанием судь-

бы поэта, сосланного царем на "окровавленную войной" Кавказ. А сколько новых испытаний еще ждет его впереди? И которое из них будет последним — неизвестно. Да и думать об этом не хотелось в это утро, когда вокруг было так прекрасно, а в сердце тревожно и радостно волновалось желание жить и работать.

Даже направляясь вечером на дуэль, Лермонтов по дороге с увлечением, как будто шел он не на смертельно опасный поединок, а спешил за рабочий стол, рассказывал секунданту М.П. Глебову о замысле написать два больших романа, в которых на широком историческом материале всесторонне воссоздать жизнь русского народа на протяжении многих десятилетий.

С мыслями об этой грандиозной эпопее Лермонтов взволнованным взглядом посмотрел на возвышавшиеся перед ним, ставшие близкими спутниками его жизни и его поэзии горы. Бештау, Железная, Змеиная... А там, дальше за этими горами, в мыслях представились ему бесконечные просторы русской земли.

Это был прощальный взгляд поэта. Через несколько минут он был убит.

Это произошло между шестью и семью часами вечера. Ввиду стремительно наступавших из-за гор грозовых туч секундантами — их было четыре: А.А. Столыпин, С.В. Трубецкой, М.П. Глебов, А.И. Васильчиков — поторопились избрать местом поединка первую же показавшуюся подходящей поляну вдоль дороги.

Секунданты отметили барьеры и вручили дуэлянтам дальнобойные крупнокалиберные пистолеты. Расстояние между барьерами было установлено всего в 15 шагов, принято жестокое правило трех выстрелов.

Лермонтов не собирался стрелять в Мартынова, считая повод к дуэли ничтожным. Об этом он решительно заявил еще до поединка. Оставшись на исходной позиции, не подходя к барьеру, он поднял пистолет вверх, намереваясь выстрелить в воздух¹⁵.

Мартынов целился очень долго и старательно. Один из секундантов не выдержал и воскликнул: "Стреляйте же, или мы вас разведем!" Раздался выстрел. Лермонтов упал замертво.

И суровые условия поединка, и то, что решительный и благородный отказ Лермонтова от своего выстрела не был по-человечески воспринят и оценен противником — все это подтверждает, что дуэль носила характер заранее задуманной расправы.

На месте дуэли не было ни врача, ни экипажа. Тело поэта в течение нескольких часов пролежало под проливным грозовым дождем, разразившимся сразу же после дуэли. Только поздно вечером тело Лермонтова было перевезено на его квартиру в Пятигорск. А на Машуке в густой траве остались не смытые дождем следы пролитой крови поэта.

Место трагической гибели Лермонтова на долгие годы было забыто. Только через 40 лет, в 1881 году, специальная комиссия определила место дуэли на основании сопоставления свидетельств немногих оставшихся в живых современников поэта, имевших какое-либо отношение к событиям, связанным с гибелью Лермонтова.

Сначала это место было отмечено небольшой каменной пирамидой, замененной в 1901 году деревянным памятником, уже через несколько лет под воздействием дождей почти полностью разрушившимся.

В 1915 году, наконец, удалось установить на месте дуэли по проекту петербургского скульптора Б.М. Микешина памятник-обелиск, находящийся здесь и в настоящее время¹⁶.

17 июля 1841 года товарищи поэта — представители тех полков, в которых пришлось ему служить, подняли на свои плечи гроб с телом Лермонтова и медленно направились к располо-

женному на склоне Машука кладбищу. "Народу было много, — вспоминает Э.А. Шан-Гирей, — и все шли за гробом в каком-то благоговейном молчании... Так было тихо, что только слышен был шорох сухой травы под ногами".

"Печально опустили мы гроб в могилу, бросили со слезою на глазах горсть земли, и все было кончено", — писал об этих тяжелых минутах прощания с поэтом декабрист Н.И. Лорер.

На могиле был положен небольшой камень с надписью — Михаил.

Убитая горем Елизавета Алексеевна Арсеньева после долгих хлопот в январе 1842 года получила разрешение перевезти прах Лермонтова в Тарханы. В середине февраля на Кавказ отправились любимый дядька покойного поэта дворовый А.И. Соколов и находившиеся при Лермонтове в Пятигорске до последних дней его жизни дворовые И.А. Соколов и И.Н. Вертюков.

27 марта они увезли тяжелый свинцовый гроб с останками Лермонтова из Пятигорска и доставили его 21 апреля в Тарханы. 23 апреля (5 мая по новому стилю) 1842 года он был захоронен в семейной часовне рядом с могилой матери — Марии Михайловны Лермонтовой.

На пятигорском кладбище на месте первоначального погребения Лермонтова в 1901 году был поставлен небольшой памятник-обелиск, сохранившийся до наших дней¹⁷. На нем указана дата смерти поэта. Ниже расположена надпись: "Место первоначального погребения М.Ю. Лермонтова".

Памятник М.Ю. Лермонтову

В небольшом скверике в центре Пятигорска стоит памятник Лермонтову. На гранитном постаменте, склонившись на выступ скалы, сидит поэт и пристально смотрит вдаль, на раскинувшийся перед ним седой Кавказ, который был для него "жилищем вольности простой", краем неисчерпаемых чудес природы, его второй поэтической родиной.

Вот уже многие десятки лет ежедневно к памятнику приходят тысячи людей. А в день рождения Лермонтова сквер с памятником поэту становится местом народных торжеств. Здесь проходят поэтические праздники, в которых принимают участие поэты и писатели из многих республик, краев и областей Советского Союза.

Отражением всенародной любви к Лермонтову является и сама история создания этого памятника. Он был сооружен за счет народных пожертвований. Сбор средств продолжался около 18 лет, начиная с 1871 года. Свои скромные вклады в это благородное дело вносили крестьяне, мелкие служащие, военные, представители передовой интеллигенции.

В 1883 году был объявлен конкурс на лучший проект памятника Лермонтову. Победителем конкурса оказался талантливый русский скульптор А.М. Опекушин, прославившийся до этого сооружением замечательного памятника А.С. Пушкину в Москве. Ему и было поручено сооружение памятника.

Бронзовая статуя, отлитая на заводе Морана, в 1889 году была перевезена из Петербурга в Пятигорск и установлена на постаменте из гранитных плит, доставленных сюда из Крыма.

16 августа 1889 года памятник Лермонтову был открыт.

Вопреки стараниям властей умалить общественную значимость этого события, направить его по строго официальному руслу, открытие памятника в Пятигорске превратилось в народное торжество.

Ярчайшим выражением дум и настроений собравшейся здесь передовой общественности было написанное в этот же день знаменитое стихотворение осетинского поэта Косты Хетагурова "Перед памятником М.Ю. Лермонтову".

**Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды, —
Воспарит сокровенная дума твоя:
Вот предвестник желанной свободы!**

**Она будет, поверь, — вот священный залог,
Вот горящее вечно светило,
Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
Благородная, мощная сила!..**

**К мавзолею искусств, в храм науки святой
С ним пойдешь ты доверчиво, смело,
С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое честное дело.**

**Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды...**

**Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!..**

Днем и ночью с высокого пьедестала неустанно смотрит поэт на Кавказские горы. А вокруг — нескончаемый людской поток. Это благодарные потомки Лермонтова идут к нему, чтобы отдать дань безграничной любви и уважения великому светочу русской литературы.

Кисловодск

Кольцо-гора

Приезжая на Кавказские Минеральные Воды, Лермонтов каждый раз непременно бывал в Кисловодске. Сюда влекли его не только крайняя необходимость поправить свое здоровье нарзаном, который, по словам Лермонтова, "недаром называется богатырским ключом", но и желание полюбоваться красотой этого чудесного уголка в предгорьях Кавказа.

"Здесь, — писал он, — все дышит уединением, здесь все таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглой и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, — и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и, наконец, кидаются в Подкумок".

С этими местами Лермонтов познакомился еще в детские годы, когда Кисловодск был маленьким поселением, расположенным рядом с крепостью, построенной в 1803 году.

В то время он мог только с интересом наблюдать за своеобразной жизнью, протекавшей в самом поселке. Опасности, связан-

ные с военной обстановкой, не предоставляли любознательному мальчику возможности ознакомиться с окрестностями Кисловодска. Он только мог издали любоваться панорамой гор и с увлечением слушать рассказы тех, кто побывал в диких ущельях и видел причудливую красоту окрестных скал и шумных водопадов.

Но одно из любопытных созданий природы Лермонтов увидел сам и навсегда запомнил уже в эти годы. Его видел он по дороге из Пятигорска в Кисловодск.

Когда многочисленные семейные экипажи, сопровождаемые вооруженными солдатами или казаками, приближались к Кисловодску, в том месте, где тянувшаяся вдоль дороги невысокая гряда Бургустанского хребта вдруг круто поворачивала вправо у шумящего бурного Подкумка, внимание всех проезжих привлекал длинный горный отрог, заканчивавшийся огромным кольцом.

Это была Кольцо-гора. С живым любопытством всматриваясь в нее, одиннадцатилетний мальчик — будущий поэт — не предполагал еще, что через двенадцать лет, в 1837 году он не раз взберется туда сам, а затем приведет к ней и героев своей будущей книги.

Находясь на лечении в Кисловодске, поэт-изгнанник желает слиться с чудесной природой, разделить с ней свои раздумья и душевные тревоги. Немало способствовала ему в этом верховая езда. Несомненно, свои собственные впечатления вложил он в уста Печорина о прелести верховой прогулки:

"Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума".

Совершая прогулки, Лермонтов, по-видимому, не раз бывал на Кольце-горе. Она привлекала внимание всех приезжавших на воды. "Верстах в трех от Кисловодска, — читаем мы в повести "Княжна Мери", — в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд".

К Кольцу-горе на прогулку отправляется со своим окружением княжна Мери. Об этой прогулке Печорин записал в своем дневнике: "Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду..."

В наши дни по цветущей долине, где когда-то пролегла дорога, по которой ездил Лермонтов в Кисловодск, протянулись железнодорожный путь и широкая автомобильная дорога. И когда электропоезд, круто разворачиваясь влево, стремительно въезжает на мост через Подкумок, в вагонах всегда можно наблюдать одну и ту же картину. Пассажиры устремляются к окнам и жадно, стараясь не упустить момент, всматриваются в далекий отрог Бургустана, заканчивающийся каменным кольцом.

Как одно из достопримечательных лермонтовских мест Кольцо-гора привлекает к себе многочисленные экскурсии. Отсюда можно также любоваться красивейшими видами окрестностей Кисловодска, вдохновенно воспетыми великим поэтом.

Лермонтовская площадка

В первой же дневниковой записи по прибытии в Кисловодск Печорин писал: "В ресторации, построенной на холме, в нескольких шагах от моей квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздаётся до поздней ночи".

В кисловодской ресторации собиралось находившееся на водах общество. Там обычно устраивались балы и другие развлечения. Некоторые из них, как известно из повести, посещал и Печорин. В один из дней он смотрит здесь представление фокусника, о прибытии которого в Кисловодск в своем дневнике записал: "Вчера приехал сюда фокусник Аффельбаум. На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик, будет иметь честь дать великолепное представление сегоднешнего числа в восемь часов вечера, в зале Благородного собрания (иначе — в ресторации); билеты по два рубля с полтиной".

В ресторации происходит и занимающая важное место в повести знаменитая встреча Печорина с Грушницким, закончившаяся вызовом на дуэль.

Тот, кто знакомится с лермонтовскими местами в Кисловодске, несомненно, с интересом будет разыскивать это достопримечательное здание, в котором часто бывал и Лермонтов, и герои его повести. К сожалению, оно не сохранилось. Но, если вы пройдёте белую колоннаду центрального входа в курортный парк, перед вами в окружении высоких деревьев откроется расположенное на небольшой возвышенности каменное сооружение.

Это — Лермонтовская площадка. Построена она в 1948 году, чтобы навсегда сохранить место, где с 1823 по 1944 год стояло деревянное здание кисловодской ресторации, тесно связанное с памятью о великом русском поэте.

В круглой нише стены, выложенной на этой площадке, установлен бюст Лермонтова. Под ним — лермонтовские строки:

**Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.
Как сладкую песню отчины моей,
Люблю я Кавказ.**

Но Лермонтовская площадка напоминает нам не только о кисловодской ресторации. Вся эта местность, примыкающая к источнику нарзана, связана с Лермонтовым. Когда-то здесь был центр зарождавшегося курортного городка. В этих местах чаще всего приходилось бывать поэту во время приездов в Кисловодск.

Рядом с Лермонтовской площадкой в настоящее время расположена Нарзанная галерея. Напомним, что там находится тот же самый источник нарзана, который существовал при Лермонтове. Правда, теперь он стал совершенно неузнаваемым в результате многочисленных перестроек и усовершенствований.

В то время он был неблагоустроен. Воду черпали ковшиками, кружками, стаканами из обыкновенного колодца с деревянным срубом. Возле источника находились купальни, где принимались ванны.

"В 1829 году, — пишет один из известных исследователей лечебных вод на Кавказе Баталин, — сажень в 20 на восток от источника была выстроена новая купальня. Она состояла из двух огромных калмыцких кибиток, обтянутых полотном и сукном... Между ними на дворе, огороженном забором, помещались деревянные самовары... Около 1832 года купальня эта была заменена новой дощатою, снаружи и внутри обитою сукном. В ней бы-

ло 4 мужских и 4 женских ванны для подогретого нарзана и два бассейна для цельных и дождевых ванн. Наружный вид здания не отличался красотой, стены были постоянно закопчены дымом, густыми клубами выходящим из высоких труб деревянных самоваров. В шутку купальню эту называли винокурным заводом. Здание с небольшими изменениями просуществовало до 1846 года".

Не только следа, но и воспоминаний не осталось теперь уже от этой деревянной купальни, в которой Печорин перед дуэлью принимал освежающую ванну. "Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал".

В районе нарзанного источника находился и небольшой дом Е.А. Хастатовой, впоследствии снесенный за ветхостью. Предполагают, что в нем останавливалась Е.А. Арсеньева со своим внуком Мишей Лермонтовым во время посещения Кисловодска в 1825 году.

Лермонтовская площадка стала широко известным своеобразным памятником поэту.

Дом Реброва

Подымаясь по лестнице на верх Лермонтовской площадки, вы можете пройти на улицу Коминтерна. Немного ниже по этой улице находится дом, примыкающий с северной стороны к дому № 3.

Этот двухэтажный дом с длинными деревянными галереями представляет собою основательно, до неузнаваемости перестроенный бывший дом А.Ф. Реброва.

Знаменит он тем, что в 1829 году в нем останавливался А.С. Пушкин, а в 1837 году, как утверждает предание, в нем жил М.Ю. Лермонтов.

Особенно широкую известность на Кавказских Минеральных Водах этот дом получил после выхода в свет романа "Герой нашего времени". С этих пор дом Реброва стал известен также как место, где жили княжна Мери и Вера.

Упрашивая Печорина приехать в Кисловодск, Вера говорит ему: "...Приезжай через неделю в Кисловодск: послезавтра мы переезжаем туда... Найми квартиру рядом: мы будем жить в большом доме близ источника, в мезонине; внизу княгиня Лиговская, а рядом есть дом того же хозяина, который еще не занят".

В этом же доме происходит встреча Печорина с Верой. После свидания он "около двух часов пополуночи... отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну". В это время происходит та ночная сцена, которая, по роману, наделала в Кисловодске много шума и, в конце концов, привела к дуэли между Печориным и Грушницким.

Кисловодская крепость

Пройдя колоннаду центрального входа в парк, поверните направо и идите вдоль небольшой горной речушки. Метров через 150—200 справа, на высоком левом берегу, будет видно большое здание, украшенное колоннами и спускающимися к речке лестницами.

Это — санаторий "Крепость". Такое название санаторий получил потому, что стоит он на том месте, где до 1862 года стояла Кисловодская крепость. Построена она была в 1803 году с це-

лю "обезопасить проезжавших в Кисловодск больных, а также заводившиеся там постройки от нападения горцев".

Крепость представляла собою обнесенный сухим рвом четырехсторонний редут с бастиянами. На углах бастиянов были установлены чугунные пушки. По сторонам крепости, на ближайших возвышенностях стояли казацкие пикеты, которые вели наблюдение за всеми ближними и дальними окрестностями.

Под прикрытием крепости по берегу речки располагалась небольшая слободка, состоявшая из нескольких десятков избушек, построенных главным образом отставными солдатами.

В повести "Княжна Мери" Лермонтов несколько раз упоминает крепость. Во времена Лермонтова она еще имела военное значение. Это подтверждают и следующие строки из повести:

"Я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались..."

Если пройти небольшой мостик через речку и подняться на площадь к центральному входу в санаторий, с южной стороны его можно и сейчас увидеть остатки крепостной стены с бойницами, угловую башню и крепостные ворота.

В основном же крепость была разрушена в начале 60-х годов прошлого века, так как к этому времени она потеряла свое значение.

Лермонтовская скала

Поэзия Лермонтова — это целый мир поэтических открытий. Можно, к примеру, прожить многие годы в Пятигорске и, только прочитав Лермонтова, впервые заметить, что Бештау "сизоголубой", что Машук перед грозой действительно дымится, "как загашенный факел".

Мы всегда восхищаемся гениальным художественным чутьем великого поэта. Вместе с этим мы осознаем, что такие красочные и такие правдивые по существу своему картины природы нашего края поэт смог воссоздать в своих произведениях благодаря его глубокому знакомству с ним. Вот почему, совершая прогулки по тем местам, по которым когда-то ходили лермонтовские герои, испытываешь глубокое волнение — по ним много раз прошел сам Лермонтов, прежде чем они стали местом действия его произведений.

Эта мысль не покидает тех, кто направляется к Лермонтовской скале в Кисловодске, известной по повести "Княжна Мери" как место дуэли Печорина с Грушницким.

С первых шагов каждый убеждается в том, как прекрасно знал Лермонтов Кисловодск и с какой точностью он описал мельчайшие детали его природы и расположения. Проследим, к примеру, путь Печорина от его квартиры к месту поединка с Грушницким.

В дневнике Печорина записано: "Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне". Лермонтов не мог написать иначе. Печорин именно сбежал к купальне, потому что жил он во флигеле дома, расположенного на пригорке, чуть повыше нарзанного источника, где и находилась купальня.

Приняв освежающую нарзанную ванну, Печорин возвратился к себе на квартиру, где его уже ожидал доктор Вернер, его секундант.

Вот они отправились к месту поединка. "Мы сели верхом; Вернер уцепился за поводья обеими руками, и мы пустились. Мигом проскакали мимо крепости через слободку".

Не трудно заметить, что Лермонтов, как всегда, точен. Действительно, путь к ущелью, где была назначена встреча, пролегал

вдоль реки Ольховки, мимо крепости, остатки которой, как уже говорилось, сохранились до наших дней.

Читаем дальше: "...въехали в ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем, через который нужно было переправляться вброд". Тот, кто бывал в ущелье, хорошо знает этот ручей. Кому из экскурсантов, прежде чем дойти до Лермонтовской скалы, не приходилось, разувшись, переходить его вброд?¹⁸

Это ущелье было хорошо знакомо Лермонтову. Поэтому не случайно в повести, несколькими страницами раньше, именно сюда поскакал Печорин, чтобы развеять мысли, толпившиеся в его голове после объяснения с княжной Мери.

"Я был взволнован и поскакал в горы... Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за темных вершин. Каждый шаг моей некованной лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя два свежих воздуха южной ночи и пустился в обратный путь".

Речь идет о том самом водопаде на окраине Кисловодска, который встречается на пути к Лермонтовской скале. Называется он теперь Лермонтовским водопадом.

Такое детальное знакомство с этими местами свидетельствует, что они не раз избирались Лермонтовым для его прогулок. И, по-видимому, не поэтической фантазией, а выражением личных впечатлений поэта является замечательное описание вот этого утра, предшествовавшего дуэли Печорина с Грушницким:

"Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление. В ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня: он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем... Как любопытно всматривался я в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! Как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь все становился уже, утесы синее и страшнее, и наконец, они, казалось, сходились непроницаемой стеной. Мы ехали молча".

Наконец, Печорин со своим секундантом подъехали туда, где их ждали противники. Местом дуэли он избрал вершину одной из скал. "Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будет сажен тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом, даже легкая рана будет смертельная: это должно быть согласно с вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов".

"Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скал составляли шаткие ступени этой природной лестницы; цепляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкий шел впереди, за ним его секунданты, а потом мы с доктором..."

Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы: площадка была покрыта мелким песком, будто нарочно для поединка.

Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльборус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась; там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи".

Эта скала, названная именем Лермонтова, находится в ущелье реки Ольховки, километрах в четырех от Кисловодского парка.

В результате разрушительного действия ветров и дождей вершина ее в настоящее время стала труднодоступной.

Рассказывая об ущелье, мы подчеркивали точность лермонтовских описаний этой местности. Читатель, конечно, понимает, что речь идет не о топографической точности, хотя и она имеет здесь немалое значение. Лермонтов был великим художником. Описывая эти места, он одухотворил их своим поэтическим гением и, озарив их волшебным светом поэтического слова, раскрыл перед читателем их очаровательную красоту, которая покоряет и восхищает нас и вызывает чувство искренней благодарности великому поэту.

Лермонтовские пейзажи приобрели как бы самостоятельную художественную ценность как картины художника. Поэтому для нас такое особо важное значение имеет оценка Лермонтова-пейзажиста И.Е. Репиним. Побывав в Пятигорске и Кисловодске, великий художник писал: "Как мне нравятся эти... два города, опозитизированные Лермонтовым! Каким-то особым светом осветил их поэт, и это действует на каждом шагу, на целую вечность эти места восприняли какую-то особенную глубину, теплоту и прелесть невыразимую..."

Железноводск

Тропою Измаил-Бея

В лермонтовское время Железноводск только лишь начинал застраиваться. Домов — казенных и частных — было мало. Приезжавшим на лечение приходилось размещаться в калмыцких кибитках. Купальни с минеральными ваннами были самые примитивные, неблагоустроенные.

Но неудобства в жилье и лечении искупались замечательными природными условиями. "Железноводск, — вспоминал о пребывании здесь в 1841 году Н.И. Лорер, — по-моему, еще лучше Пятигорска, хотя и не так обстроен и не имеет тех удобств для материальной жизни. Он весь лежит в горах, покрытых тенистым вековым лесом. Извиваясь, красивые дорожки приведут вас непременно к какому-нибудь целительному ключу, бьющему из ребер отвесных гор. Сюда должен удалиться человек, который ищет уединения. Здесь только, беседуя с прекрасно разнообразною природою, может он обрести тишину душевную".

Современный Железноводск неузнаваемо изменился. В архитектурном облике города почти ничего не сохранилось от того времени, когда его посещал Лермонтов.

И все же — это город лермонтовский. Бывая в нем, мы не можем не вспомнить, что на Железные воды поэт неоднократно приезжал лечиться, что здесь он провел последний день своей жизни, что природа этих мест находила живейший отклик в поэтической душе Лермонтова.

И, может быть, здесь поэт впервые мысленно представил себе путь, по которому проедет герой его юношеской поэмы "Измаил-Бей".

**В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной,
Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо
Как бы остатки пирамид,**

**Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.**

Известно, что прообразом этого романтического героя Лермонтова послужила реальная историческая личность — кабардинский князь Измаил-Бей Атажуков. Поэтому любопытно отметить здесь, что описанные Лермонтовым чудесные железнодорожные места были хорошо знакомы не только герою лермонтовской поэмы, но и его прототипу — реальному Измаил-Бею. Ведь именно он в 1810 году помог знаменитому исследователю кавказских вод Ф.П. Гаазу открыть "железные воды", что послужило началом основания Железноводска.

Об этом рассказал сам Гааз. "Я отказался, — писал он, — от мысли об открытии этого затерянного и таинственного источника, о котором говорили все и которого никто никогда не видел. Когда я приехал сюда вторично, я поставил себе обязательной задачей его найти и исследовать. Поэтому я был очень доволен, когда во время моего вторичного посещения Константиногорска узнал от черкесского князя Измаил-Бея, что позади Бештау действительно существует горячий источник, что он сам купался в нем и что он охотно туда бы меня проводил. Я очень обязан князю Измаил-Бею, и всякий, кто будет пользоваться этими водами, также будет ему благодарен за любезность и обязательность в доставлении необходимых проводников и устройстве поездки к этим водам"¹⁹.

Так любопытно с историей Железноводска взаимно связались биографии романтического героя Лермонтова, его реального прототипа и самого поэта.

Последний день

Лермонтов довольно часто навещал Железноводск для лечения или просто ради прогулки. 18 июля 1837 года он писал Е.А. Арсеньевой из Пятигорска: "Милая бабушка! пишу вам по тяжелой почте, потому что третьего дня по экстра-почте не успел, ибо ездил на Железные воды и, виноват, совсем забыл, что там письма не принимают..."

В 1841 году, закончив лечение в Пятигорске, Лермонтов с 8 июля начал принимать ванны в Железноводске. Сохранился бывший дом Карпова, в котором поэт жил в эти дни (теперь дом № 11 по ул. Горького).

В последний раз он приехал сюда 14 июля — накануне дуэли.

Уезжая из Пятигорска, поэт пригласил свою кузину Екатерину Быховец навестить его в Железноводске. 15 июля она отправилась туда в компании со своей родственницей Обиленной, И.Д. Дмитриевским, Л.С. Пушкиным, юнкером А.П. Бенкендорфом.

"Как приехали на Железные, — писала Быховец сестре, — Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рощу и все там гуляли. Я все с ним ходила под руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами коса моя распустилась, и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман²⁰. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль... Поехали назад, он поехал тоже с нами.

В колонке²¹ обедали. Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит: "Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни".

Это было в пять часов, а в 8 пришли сказать, что он убит..."

Печальны воспоминания тех, кому довелось видеть Лермонтова в этот последний день его жизни.

А.И. Арнольди, встретившийся с поэтом и его спутниками, ехавшими из Железноводска, писал: "Проехав колонию Шотландку, я видел перед одним домом торопливые приготовления к какому-то пикнику его обитателей, но не обратил на это особого внимания"²², я торопился в Железноводск, так как огромная черная туча, грозно застилая горизонт, нагоняла меня как бы стеной от Пятигорска, и крупные капли дождя падали на ярко освещенную солнцем местность.

На полпути в Железноводск я встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил, а Столыпин с ягдташем и ружьем через плечо имел перед собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я еще посоветовал им убить орла, которого неподалеку отсюда заметил на конне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколькими милями далее я встретил извозчицью дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни".

Красиво, несколькими террасами расположился город-парк у подножия горы Железной. Год от года он растет и хорошеет. Все больше людей ежегодно приезжают в эту замечательную здравницу. И каждый, кто побывает здесь, непременно вспомнит о Лермонтове. Память о нем бережно хранят вековые деревья, скалы и горные тропинки, по которым бродил поэт в последние дни своей жизни.

Шотландка. Дом Рошке

На одном из рисунков Лермонтова 1837 года изображена сельская улица. Слева два низеньких с камышовыми крышами домика, огороженные плетнями. По обе стороны виднеются сады, высокие пирамидальные тополя. Посреди улицы маленькими водопадками по деревянным желобам переливается ручей. Вдоль ручья по дороге скачут два всадника. На заднем плане рядом с селением, закрывая собою небосклон, высится Бештау.

Установлено²³, что на рисунке изображена улица в бывшей шотландской, а затем немецкой колонии Шотландке, или, как ее еще называли, Каррас. Колония находилась там, где в настоящее время раскинулся поселок Иноземцево.

Окрестности Шотландки не случайно так тщательно зарисованы Лермонтовым. Поэту хотелось сохранить память об этих местах, где ему часто приходилось бывать и в детские годы, и особенно в 1837 году.

Через два года эти живые воспоминания были ярко запечатлены в дневнике Печорина: "Я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию, куда часто водяное общество ездит en ripenique"²⁴. Дорога идет, извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ру-

чьи под сенью высоких трав; кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы. Спустясь в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии балками, я остановился, чтоб напоить лошадей..."

Позднее Шотландка по-прежнему являлась для многих излюбленным местом для прогулок.

"Часто устраивались у нас кавалькады, — рассказывал Н.П. Раевский о своем пребывании в Пятигорске в 1841 году. — Обыкновенно мы езжали в Шотландку, немецкую колонию в 7 верстах от Пятигорска, по дороге в Железноводск. Там нас с распростертыми объятиями встречала немка Анна Ивановна, у которой было нечто вроде ресторана и которой милых и бутерброды, наравне с двумя миленькими прислужницами Милле и Грегген, составляли погибель для l'armee russe"²⁵.

В доме Анны Ивановны Рошке приходилось бывать и Лермонтову.

Здесь он в обществе Е. Быховец, Л.С. Пушкина, И.Д. Дмитриевского и других провел последние часы перед дуэлью.

Здесь же в этот день по предварительному условию встретились и участники поединка. Отсюда, сопровождаемые первыми раскатами наступавшей грозы, они поспешно направились на Машук, на дуэль.

В поселке Иноземцево до сих пор можно видеть уже обветшавший, без прежней большой усадьбы с садом, бывший дом немецкого колониста Рошке. Расположен он по улице Свободы под № 38.

И этот дом, и сама улица, по которой когда-то по желобам переливался ручей, и гордо устремивший к небу свои вершины Бештау живо напоминают о великом русском поэте.

* * *

Эта книга, дорогой читатель, была вашим спутником в первом знакомстве с памятными местами, освященными поэтическим гением Лермонтова.

Любящий Лермонтова читатель, несомненно, не ограничится первым знакомством с этими местами. По возможности, он пройдет по ним второй, третий раз... И самым полным, всеобъемлющим и наиболее впечатляющим путеводителем для него будут бессмертные произведения поэта. С ними каждый найдет свою самую заветную тропинку к Лермонтову.

Безграничен поэтический мир Лермонтова. В нем каждый человек найдет отклик своим самым душевным думам и чувствам. Поэтому сколько людей, столько и тропинок к Лермонтову. Особенно много их в этом крае, где о поэте напоминает каждый камень, каждая серебряная росинка на травах, произрастающих на благодатной кавказской земле.

Пусть многое изменилось в этом крае. На месте аулов и станиц выросли современные поселки и города. Иной стала жизнь обитателей этих мест. Но неизменной остается светлая память людей о Лермонтове. Со всех концов страны едут они, чтобы встретиться с великим поэтом. Каждая такая встреча приносит людям душевную радость и счастье.

Примечания

¹Вход в музей с ул. Буачидзе № 9. Проехать к музею можно трамваем № 1, 3, 4 до остановки «Цветник». Дальше пешком три квартала по ул. Анджиевского или К. Маркса. Автобусом № 1 ехать до остановки "Санаторий Министерства обороны".

²Первые опубликовал картину Лермонтова «Крестовая гора» и сопроводил публикацию подробнейшим научным описанием доктор искусствоведческих наук Илья Самойлович Зильберштейн (см. «Огонек», 1970, № 5). И.С. Зильберштейн принадлежат большая заслуга в том, что картина поэта возвратилась на родину и, в частности, была передана в музей «Домик Лермонтова».

³Наперобой (франц.)

⁴Горец с большим кинжалом (франц.)

⁵Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями (франц.)

⁶Вот стих, который хромает (франц.)

⁷Надежда Петровна Верзилина, за которой ухаживал Глебов.

⁸В это время дом принадлежал уже сыну Уманова Илье Васильевичу.

⁹Беседка «Эолова арфа» находится в 10 минутах ходьбы от музея «Домик Лермонтова» (на восток по ул. Лермонтова).

¹⁰К Провалу от бывшего Елизаветинского источника и Грота Лермонтова можно пройти пешком (минут 15 ходьбы) или доехать автобусом № 1 от расположенной в 150 метрах от источника остановки «Народные ванны». От вокзала к Провалу ходит тот же автобус № 1.

¹¹В наше время это начало улицы имени Кирова — от Академической галереи до улицы имени Анджиевского.

¹²Это подтверждается записями в «Книге на записку прихода денег, получаемых с гг. посетителей, по выдаваемым им билетам на пользование серными минеральными ваннами на Горячих Водах на 1837 год». Книга была обнаружена в 1940 году С.И. Недумовым в Пятигорском государственном архиве.

¹³Рядом с главным входом в парк «Цветник», улица имени Кирова, 30.

¹⁴К месту дуэли Лермонтова можно проехать электропоездом (до станции «Лермонтовская»), трамваями № 2 и 4 до конечной остановки или автобусом № 113. Из Пятигорска можно также пройти пешком по юго-западному участку дороги, ведущей вокруг Машука (примерно в часе ходьбы от музея «Домик Лермонтова»)

¹⁵Сохранившиеся свидетельства о выстреле Лермонтова противоречивы. По некоторым из них поэт, подняв пистолет вверх, выстрелил в воздух, по другим — совсем не стрелял. Но и в том и в другом случае Лермонтов явно выразил свое нежелание стрелять в противника.

¹⁶Ограда вокруг обелиска, с трудно поддающейся объяснению символикой, была устроена позднее, в том же 1915 году, несмотря на решительные протесты Микешина.

¹⁷К месту первоначального погребения Лермонтова от центра города или музея «Домик Лермонтова» можно пройти вверх по улице имени Анджиевского.

¹⁸К сожалению, в последние годы часть ущелья была занята под сады и огороды, чем был нанесен серьезный урон его естественным природным факторам. В связи с созданием Лермонтовского заповедника решено освободить это достопримечательное место от садовых построек и огородов.

¹⁹Цит. по книге: С.А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, С. 41.

²⁰После дуэли бандо (золотой ободок) был обнаружен в кармане сюртука Лермонтова.

²¹Колония Шотландка, или Каррас (см. следующую главу).

²²Речь идет о доме Рошке в Шотландке, где была назначена предварительная встреча участников дуэли.

²³См. статью В.Я. Симанской «Шотландка — селение Каррас» в книге «М.Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов». Ставрополь, 1960.

²⁴Пикником (франц.)

²⁵Русское воинство (франц.)

Текст и примечания печатаются по изданию:
Селегей П.Е. Между Машуком и Бешту. — Ставрополь:
Ставропольское книжное издательство, 1976.

Сергей Александрович Андреев-Кривич 1906—1973

На открытия, сделанные диссертантом, обратили внимание как ученые Москвы и Ленинграда, так и Северного Кавказа, главным образом Кабардино-Балкарии.

Изучение истории Кавказа, кабардино-черкесского фольклора, работа в архивах и библиотеках дали С.А. Андрееву-Кривичу возможность охватить широкий круг тем. Он написал об Измаил-Бее, Беглеце, Ашик-Керибе, о связях Лермонтова с Кавказом так, что сейчас ни один исследователь жизни и творчества поэта не сможет пройти мимо этих работ.

Занимаясь изучением жизни и творчества Лермонтова, ученый сосредоточил свое внимание на кавказском периоде. Для этой цели он вдоль и поперек изъездил Кавказ (особенно Северный), долго и настойчиво прорабатывал архивы, изучал фольклорные источники народов Северного Кавказа, соприкасался со множеством людей, хранивших в памяти были и легенды о пребывании поэта в этих краях. Не допуская вымысла и надуманности в своих научных работах, С.А. Андреев-Кривич счастливо соединил филологическую науку с поэзией исследования, факты, добытые в архивах, с тонким пониманием творчества.

Изучению творчества М.Ю. Лермонтова посвящены многие книги и статьи: "Лермонтов. Вопросы творчества и биографии" (М., 1954), "Всеведение поэта" (М., 1973), "М.Ю. Лермонтов и Кабардино-Балкария" (Нальчик, 1973), "Тарханская пора" (Саратов, 1963).

С.Н. Буравова

Сергей Александрович Андреев-Кривич родился 25 сентября 1906 года. Он внук крепостных, крестьянский сын, самостоятельно восходивший по ступеням культуры. Семья Андреевых жила в Пятигорске в доме Султан-Гирея. (На этом месте сейчас находится театр).

Пытливый и вдумчивый С.А. Андреев-Кривич все складывал в шкатулку своей памяти. Встреча с Евгенией Акимовной Шан-Гирей в Пятигорске, в доме, где бывал Лермонтов, беседы с тарханскими старожилками; впервые записанные в Тарханах старинные народные песни, которые слышал Лермонтов; неисследованные материалы северокавказских архивов, песни в исполнении народного кабардинского певца ("тегуако") — Амирхана Хавпачева, жителя селения Кахун, — все питало его мысль, все приближало к Лермонтову.

После окончания школы в Пятигорске С.А. Андреев-Кривич закончил филологическое отделение МГУ (1930), а в 1937 году защитил в ИФЛИ диссертацию на тему "Поэма об Измаил-Бее".

Краткая библиография

- Андреев-Кривич С.А. Лермонтов и Кавказ // Новый мир, 1941. — № 1. — С. 252—255.
Андреев-Кривич С.А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. — Нальчик, 1949.
Андреев-Кривич С.А. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. — М., 1954.
Андреев-Кривич С.А. Всеведение поэта. 2-е изд. — М., 1978.
Андреев-Кривич С.А. М.Ю. Лермонтов и Кабардино-Балкария. — Нальчик, 1979.
Андреев-Кривич С.А. Тарханская пора. — Саратов, 1981.

О нем

- Фролов П.А. Встреча с автором "Тарханской поры" // Пензенская правда, 1964. 20 июня.
Антокольский П.Г. Памяти товарища // Лит. Россия, 1973. 10 августа.
Безъязычный В.И. Лермонтов в Тарханах. Рец. на кн.: Андреев-Кривич С.А. Тарханская пора. — Саратов, 1976 // В мире книг, 1978. — № 1. — С. 73—74.

Л.Н. Кочкарева

1979

М.Ю. Лермонтов и Кабардино- Балкария

От автора

В числе произведений, прежде всего приходящих на ум, когда начинаешь вспоминать Лермонтова, неизбежно будут "Герой нашего времени", "Демон", "Мцыри". Среди меньших по объему припомнятся и "Спор", и "Я к вам пишу..." ("Валерик"), и "Беглец", и "Тамара".

Одним словом, как только начинаешь вспоминать Лермонтова, перебирать в памяти шедевры его творчества, так сейчас же оказываешься в кругу его кавказских произведений. Это закономерно. Лермонтов — певец Кавказа. Следовательно, значение кавказской темы для Лермонтова весьма велико.

...Наша цель — показать, что кавказское творчество Лермонтова является выражением его подлинного интереса к Кавказу. Кавказ у него не условный, а настоящий, кавказские произведения Лермонтова свидетельствуют о знании реального материала и стремлении именно на нем основываться при создании произведения.

Кабардинская народная поэзия в творчестве М.Ю. Лермонтова

Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта... Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной!

Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм — "Кавказского пленника", и одна из последних его поэм — "Галуб" — тоже посвящена Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое "Горе от ума". ...И вот является новый великий талант — и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчаных вечным снегом, находит он свой Парнас, в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Ипокрену...

В.Г. Белинский

Поэма об Измаиле-бее

I

Поэма Лермонтова об Измаиле-бее заканчивается следующей сценой: черкеса Измаил-бея предательски убивает его брат. Боевые соратники Измаила несут труп своего вождя к ключу, чтобы обмыть пробитую пулей грудь. Они расстегивают чекмень

и на груди под одеждой убитого обнаруживают крест. Друзья Измаила потрясены этим открытием.

Таким образом, только после смерти обнаружилась принадлежность Измаила к христианской религии — так объясняли эту сцену писавшие о лермонтовской поэме. При таком объяснении казалось, что эта сцена является подлинным ключом ко всей поэме. Удивительная по своей неожиданности находка объясняла загадочность поведения Измаила, давала возможность понять сложную психологию героя, обуреваемого могучими и противоречивыми страстями.

Никакого существенного изменения не могла, казалось, внести и сообщаемая Лермонтовым деталь: крест был белый, он был прикреплен к полосатой ленте. Но вот что еще более странно: Лермонтов в одном месте поэмы прямо говорит, что Измаил-бей — не христианин. Рассказывая о любви Измаила к русской, которую он оставил на севере, Лермонтов пишет:

.....ведал он,
что быть не мог ее супругом,
что разделял их наш закон. (III, 229)

В то время браки между христианами и мусульманами не разрешались. Но на эти строки поэмы почему-то не обращали внимания.

Что же это за крест был найден на груди Измаила и почему он его хранил, как святыню?

Изучавшие поэму "Измаил-бей" в плане сопоставления ее с литературными образцами приходили к выводу о том, что именно эта поэма с особой силой свидетельствует о подражательности лермонтовского творчества. Она несамостоятельна, переполнена заимствованиями, даже весь сюжет ее заимствован у Мицкевича. В ней нет истории. В комментариях к пятитомному собранию сочинений, выпущенному под редакцией Б.М. Эйхенбаума, итог изучения этой поэмы подведен следующим образом: "В литературном отношении поэма восходит прежде всего к Байрону и Мицкевичу. Э. Дюшен... находит в ней заимствования из "Гяура", "Манфреда", "Паризины". Ст. Здзярский... указывает на зависимость "Измаил-бея" от "Повести Вайделота"... "Черкесским Валленродом" называет "Измаил-бея" и В. Спасович, дающий развернутое сопоставление поэм Мицкевича и Лермонтова... Кроме того, Спасович и Дюшен отмечают в поэме Лермонтова один эпизод, заимствованный из поэмы Вальтера Скотта "Дама озера"... По мнению Д.П. Якубовича, образ оленя... навеян первыми строфами той же "Дамы озера"... Влияние Пушкина отмечено в работах С. Южакова..., Н. Котляревского... и Б. Неймана. Указывается связь с "Цыганами", "Полтавой" и "Кавказским пленником" (III, 583—584).

Прочтя этот список, можно прийти к выводу, что действительно истории в поэме "Измаил-бей" нет. Однако это неверно.

Из материалов и документов явствует, что "Измаил-бей" — весьма точное воспроизведение событий, которые происходили на Кавказе в 1804 г. и на протяжении нескольких последующих лет. В поэме изображено реальное историческое лицо с удивительной биографией. Одним из доказательств тождества этого исторического лица и героя лермонтовской поэмы является эпизод с тем крестом, о котором мы говорили выше.

События, участником которых был изображенный Лермонтовым исторический деятель, происходили на Кавказе, начиная с 1804 г. Но для того, чтобы ответить на интересующий нас вопрос — что за крест был обнаружен на трупе Измаил-бея, необходимо обратиться к более раннему времени.

Черкес Измаил-бей, оказывается, длительное время находился на русской военной службе, причем он занимал настолько видное положение, что имя его упоминается в переписке Потемкина с Екатериной II. Обнаруженные нами в Центральном государственном архиве древних актов письма Потемкина дают любопытную характеристику героя поэмы. 10 июля 1789 г. Потемкин писал Екатерине II: "Исмаил-бей из лутчей фамилии кабардинской, подполковник в службе вашего императорского величества, ревностно и храбро служивший под Очаковым и на штурме оного, желает оказать себя противу шведов, я, его отправляя, всеподданнейше прошу о награждении его убранный каменьями медалью".¹

В отправленном одновременно письме к А.А. Безбородко Потемкин называет Измаил-бея "храбрейшим наездником".²

В опубликованном в одном из томов "Сборника Русского исторического общества" ответе Екатерины сообщала Потемкину: "Сделала по твоим представлениям".³

Измаил был весьма образованным человеком. Автор известной работы "Материалы для новейшей истории Кавказа" П.Г. Бутков сообщает о нем: "Просвещеннейший всех своих земляков".⁴ "Он говорит по-русски и по-французски и обходится как образованный светский человек",⁵ — сообщает другое лицо, знавшее Измаил-бея.

Эти обстоятельства биографии Измаил-бея были известны Лермонтову. Он пишет:

...служил

В российском войске Измаил... (III, 227)

...образованный, меж нами

Родными бредил он полями,

И все черкес в нем виден был. (III, 227—228)

Теперь обратимся непосредственно к интересующему нас вопросу.

Одним из самых критических моментов знаменитого суворовского штурма крепости Измаил был эпизод у Бендерских ворот. Здесь создалась чрезвычайная опасность для штурмующих русских войск. В описании измайльского штурма, хранящемся в Центральном государственном военно-историческом архиве, есть такие строки: "Между тем, неприятель, умножаясь, сильное делал сопротивление. Но подполковник Орлов и при нем премьер-майоры Гиржев и Демянов, с коих последний убит, с своей командою обратясь вправо, и одержали совершенную над неприятелем поверхность; поражая его вдоль вала, овладели по пути бастионом, примкнув к колонне бригадира Орлова и со оною вообще овладели батареею, что у Бендерских ворот. Подполковник же Орлов, получивши две раны, пленил тут татарского султана, и когда неприятель усиливался отбить двоекратно овладевшую батарею, то и тут он, Орлов, стремительно поражал и совершенную взял поверхность над оным! Обратился в левую сторону, где подполковник князь Измаилбей и с ним

гвардии Преображенского полку поручик Гедионов, приняв, сражались сильно и, сбив оного, овладели бастионом..."⁶

Под донесением стоит мельчайшая бисерная подпись: "Генерал граф Александр Суворов Рымницкий".

В Центральном государственном архиве древних актов имеется список представленных к награждению за штурм Измаила. На одной из страниц его значится имя и Измаил-бея. Мотивировка представления: "Сражался сильно и збив неприятеля с вала завладел оным". Рукою Потемкина против имени Измаила сделана пометка о том, что Измаил-бей отлично оказал "храбрость и усердие". Однако тут же Потемкин добавляет: "Но как магометанин, то и зависит от благоволения".⁷

Суворовское представление возымело все-таки свое действие: Измаил-бей был награжден орденом.

Таким образом, мы получаем возможность понять, кто был героем лермонтовской поэмы.

Измаил-бей, суворовский герой, до последнего вздоха сохраняет память о своем участии в знаменитой суворовской "баталии". За геройский подвиг во время штурма Измаила он был награжден орденом Георгия 4-й степени. Это — крытый белой эмалью крест на полосатой ленте.⁸

II

Поэма "Измаил-бей" писалась в 1832 г.

Уже в 1829 г. поэт создает такие стихотворения, как "К Д...ву", "Жалобы турка". В России "езде шипят коварства змии" ("К Д...ву"), "стонет человек от рабства и цепей" ("Жалобы турка").

О таких же настроениях Лермонтова свидетельствует и ряд его других произведений 1829 и 1830 гг.: "Ах, было время, время боев", "Монолог", "Кавказу", "10 июля. (1830)", "30 июля. — (Париж.) 1830 года", "Новгород", "К***" ("О, полно извинять разврат!"), и т.д. В стихотворении "30 июля. — (Париж.) 1830 года" Лермонтов пишет: "Есть суд земной и для царей".

Таким образом, уже на самом раннем этапе творческого развития лермонтовское вольнолюбие проявлялось в форме конкретно-политической.

Идея "суда земного" привела Лермонтова, в творчестве которого в то же время отчетливо проявился культ героев, к изображению образа политического борца.

Обстоятельно изображен образ политического борца в "Последнем сыне вольности" (1830). Вадим, герой "Последнего сына вольности", гибнет, "деспотия" торжествует. Тема разрешается трагически.

Однако обостренное чувство реализма, которым обладал Лермонтов, заставляло его искать возможность такого выхода, при котором действие разрешалось бы отнюдь не поражением и гибелью героя. В "Последнем сыне вольности" причина поражения и гибели Вадима — взаимная отчужденность героя и народа — изображается как трагическая неизбежность. Но, написав после "Последнего сына вольности" драму "Станный человек" (1831), в которой в чисто радищевских тонах изображено крестьянство (в отношении такого изображения крестьянства эта драма является дальнейшим развитием написанной раньше драмы "Menschen und Leidenschaften"), Лермонтов должен был прийти к идее крестьянской революции. Он к ней и пришел. В этой мысли Лермонтова утверждала сама жизнь: в то время происходили многочисленные крестьянские восстания, умы начинали волновать призраки крестьянской революции, оживал образ Пугачева. Интересно, что в тот же период тема крестьянской революции настойчиво звучит в творчестве Пушкина ("Капи-

танская дочка", "Дубровский"). Лермонтов пишет "Вадима", роман из эпохи пугачевского восстания. Идеи и настроения, отраженные в этом романе, связаны с идеями и настроениями, которые владели Лермонтовым в период работы над "Измаил-беём". Однако и во время работы над "Вадимом" Лермонтов не приходит к более оптимистическому решению стоявшей перед ним проблемы. "Вадим" находится в тесной связи с "Последним сыном вольности". Между прочим на это указывает общность имен героев обоих произведений. Таким образом, и после тщательной творческой разработки лермонтовская тема разрешалась по-прежнему — трагически.

"Вадим" и "Измаил-бей" — произведения, хронологически и идейно между собою связанные.

В период, к которому относится создание "Измаил-бея", творческое внимание Лермонтова напряженно сосредоточилось на изображении образа политического борца, "свободы друга" (1, 16). Судьба этого героя — романтически-героическая гибель. Этот человек создал историю, становясь ее жертвой. Он был одинок.

Лермонтов в поэме "Измаил-бей" изображает романтического героя, участвующего в политической борьбе, трагически погибающего. Это исторически очень точно. Но то, что мы сообщили выше о реальном Измаил-бее, дает ведь пока право утверждать, что достоверна только героическая характеристика главного действующего лица поэмы. Однако мы сообщили еще не все.

Измаил-бей принимал участие в политической борьбе. Судьба его была трагична.

III

В 1804 г. в Кабарде происходили волнения, связанные с выборами в "родовые суды" и "родовые расправы".⁹

Кабардинским феодалам удалось вовлечь в борьбу против установления родовых судов и расправ часть подвластного им крестьянского населения, жестоко эксплуатируемого ими. Объясняется это, с одной стороны, влиянием мусульманского духовенства, которое старалось разжечь вражду между кабардинцами и русскими поселенцами на "Линии", стремясь придать ей религиозный характер. С другой стороны, это находит свое объяснение в колонизаторских действиях царских военных властей на Кавказе.

Письмо князя Цицианова, имевшее в виду происходившие в это время события,¹⁰ еще более обострило положение.¹¹

Главную роль в событиях играл Рослаббек Мисостов.¹² Его поддерживали закубанцы.

В том же году, осенью, после того, как события уже начались, в Кабарду с севера, из Петербурга, приехал двоюродный брат Рослаббека — князь Атажукин.¹³ Он долгие годы прожил на севере и только теперь возвращался на родину. Кабардинец этот был русским офицером. В русской армии он служил давно.

Приехавший на Кавказ Измаил Атажукин, полковник, двоюродный брат Рослаббека,¹⁴ и награжденный за участие в штурме крепости Измаил крестом Георгия 4-й степени Измаил-бей — одно и то же лицо.

По существовавшим правилам крест после смерти Измаил-бея был прислан с Кавказа в Петербург, в Капитул российских императорских и царских орденов. Крест с Кавказа был прислан вместе с отношением генерал-лейтенанта Ртищева. В "Журнале Капитула российских императорских и царских орденов" под 3 апреля 1812 г. отмечено поступление этого креста: "Св. Георгия 4 класса после умершего кабардинского владельца пол-

ковника князя Атажукова...".¹⁵ При проверке оказалось, что князь Атажуков в списке награжденных никогда не значился. Тогда на Кавказ к Ртищеву был послан запрос с просьбой разъяснить недоразумение.

В том же "Журнале" под 8 апреля следующего 1813 г. значится: "Слушаны... 3. Отношение генерал-лейтенанта Ртищева под № 556-м, коим на отношение сего капитула уведомляет, что кабардинский владелец полковник князь Измаил Атажуков, получивший орден св. Георгия 4-го класса 1791 года марта 25-го дня, назывался также и Измаил-беём".¹⁶

Итак, исторический Измаил-бей приехал в Кабарду тогда, когда там происходили события, о которых мы только что упомянули. Главную роль в них играл Рослаббек Мисостов. В событиях оказались втянутыми другие черкесские племена, жившие за Кубанью. Приехал Измаил-бей в 1804 г., осенью.¹⁷

Вот что пишет Лермонтов в первой части поэмы, где рассказывается о приезде Измаил-бея на Кавказ:

Старик и воин молодой

Кипят отвагой и враждой.

Уж Рослаббек с брегов Кубани

Князей союзных поджидал...

.....

В тот самый год, осенним днем,

Между Железной и Зменной,¹⁸

Где чуть приметный путь лежал,

Цветущей, узкою долиной

Тихонько всадник проезжал... (III, 196—197)

Измаил-бей Атажукин по возвращении в Кабарду принимает непосредственное участие в происходивших там событиях. Об этом и рассказывает Лермонтов.

Но исторический Измаил-бей по приезде на Кавказ много усилий потратил на то, чтобы мирными средствами добиться согласия между русскими и кабардинцами. Эти попытки он часто предпринимал в обход распоряжавшихся на Кавказе властей. Такова была историческая действительность. Однако исходная ситуация лермонтовской поэмы иная: ее герой сразу же проникается враждой. Тут дело не только в том, что Лермонтову, руководствовавшемуся законами построения художественного произведения, необходимо было создать большую драматическую напряженность сюжета. Ниже мы укажем, в какой мере и в этом случае Лермонтов сообразовался с материалом, положенным им в основу своей поэмы.

Вообще, излагая события, Лермонтов делал очень мало отступлений в своей поэме. Это, кстати, следует иметь в виду при изучении ее композиции, которая определяется и мотивами чисто литературной целесообразности, и установкой на историческую достоверность.

Некоторые отступления, может быть, объясняются еще и неточностями, которые заключались в слышанных Лермонтовым рассказах. Укажем на следующий пример.

В начале поэмы Лермонтов имеет в виду события 1804 г. О том же годе говорится и в двенадцатой строфе второй части. Следующая же строфа начинается со слов "Зима проходит" и дальше дается описание начавшихся военных действий. Дело в том, что по окончании зимы, в марте 1805 г., в Кабарду была направлена новая военная экспедиция. Лермонтовское описание очень близко к действительной обстановке.

Отряд Глазенапа после вступления в Кабарду остановился у Кызбуруна, на реке Баксан. Баксанское ущелье было труднопроходимым в военном отношении. В одном из мест его кабардинский князь Тау-Султан даже сделал на скале надпись: "Только друг проходит".

Когда отряд расположился на отдых и принялся за ужин, была уже ночь. Вдруг из тьмы раздались выстрелы: горцы подошли близко к лагерю и открыли стрельбу. Сражение продолжалось всю ночь.

Произведенная утром рекогносцировка установила, что дальше в ущелье находится большой аул, занятый значительным количеством горцев.

В Баксанском ущелье и происходили все военные действия, имевшие место во время мартовской экспедиции 1805 г.¹⁹

Лермонтов так описывает события весны 1805 г.:

**Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сводам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,
Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего;
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямые, как стена,
По берегам темнеют горы...
.....
Завоевателю преграда
Положена в долине той:
Из камней и дерев громада
Аргуню давит под собой.
К аулу нет пути инова;
И мыслят горцы: "Враг лихой!
Тебе могила уж готова!"
Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: "В тиши ночной
Мы нападём на их отряды,
Как упадают водопада
В долину сонную весной..." (III, 221–222)**

Близость лермонтовского описания реальной обстановке совершенно очевидна. Отступление здесь только в том, что у Лермонтова действие происходит на Аргуне, в то время как на самом деле этот эпизод имел место на Баксане.

События, начавшиеся в Кабарде в 1804 г., продолжались на протяжении ряда следующих лет и с перерывами длились вплоть до 1825 г.

IV

Чтобы понять значение исторической поэмы Лермонтова, необходимо привести некоторые сведения.

В ноябре 1552 г. к Ивану Грозному прибыли черкесские князья: "Приехали к государю черкаские князи Маушук да К. Иван Ензбозлуков, да Танашук, чтобы государь вступился в них, а их с землями взял к себе в холопы, и от Крымского оборонил".²⁰

Еще в эпоху самого раннего турецкого проникновения на Кавказ кабардинцы оказались настроенными враждебно по отношению к турецкому влиянию: "Крымский" — это крымский хан, вассал султанской Турции. Кабарда искала защиты от него у России.

В преданиях кабардинского народа сохранилось много свидетельств вражды кабардинцев к турецким вассалам — крымчакам.²¹

Близкие отношения с Кабардой в шестнадцатом столетии еще более укрепились благодаря браку Ивана Грозного с Марией Темрюковной, дочерью кабардинского князя Темрюка Идарова.

В шестнадцатом веке крымские ханы, выполняя задания султана, организуют набеги на черкесские земли.²²

"В середине XVI в. начинается длительная и упорная совместная борьба русского и кабардинского народов против военной экспансии крымского хана и Турции. Нередко своим выступлением против этих врагов русские спасали кабардинскую землю от иноземного вторжения, но бывали случаи, когда и кабардинцы своими выступлениями против турецких владений на устье Кубани и Дона и против Крыма облегчали положение России, оттягивая на себя в тяжелые для России моменты силы крымского хана".²³

На протяжении веков народы Кавказа испытывали гнет иранцев и турок. Первые разоряли и опустошали восточные ханства Закавказья и Восточную Грузию, вторые — Западный Кавказ и Западную Грузию. Поэтому-то кавказские народы и искали издавна защиты у России. Главным образом это касается Грузии — в Закавказье и кабардинцев — на Северном Кавказе.

Связь кавказских народов с Россией — факт исторически прогрессивный. Россия положила предел ирано-турецким набегам и опустошениям. Кроме того, раздробленные и разрозненные народы получили возможность более интенсивного развития производительных сил, их политические и экономические связи расширились, объективно создались более благоприятные условия для развития культуры.

Энгельс писал, что "...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку".²⁴ Ниже Энгельс говорит: "...Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар..."²⁵

В царствование Федора Иоанновича к титулу русских государей был присоединен титул "Государя земли Кабардинской".

Дальнейшая история русско-кабардинских отношений в XVII—XVIII столетиях дает многочисленные примеры близких связей между Россией и Кабардой.²⁶

По заключенному в 1739 г. Белградскому мирному договору, Кабарда — Малая и Большая — была признана независимой и от Турции, и от России. "Нужно заметить, — пишет Н. Грабовский, — что в описанный период времени, когда Россия не имела еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказе свое владычество, кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно и оказывали помощь русским из простого чувства дружелюбия, не требуя за это никакого вознаграждения".²⁷

Те события, которые происходили в Кабарде, начиная с шестидесятых годов XVIII столетия²⁸ и в которых важную роль играли баксанская и кашкатавская партии, очень остро поставили вопрос об отношениях России и Кабарды.

Среди кабардинцев были люди, прогрессивно мыслявшие, учитывавшие конкретную историческую обстановку и стремившиеся к поддержанию освященной традицией дружбы между Кабардой и Россией. Но они часто наталкивались на препятствия со стороны распорядившихся на Кавказе властей, не желавших считаться с местными нравами, обычаями, со всем укладом жизни. В результате не могли не происходить столкновения, которые порою принимали ожесточенный характер.

Одним из таких кабардинцев, которые оказывались в самом средоточии происходивших событий, и был Измаил-бей Атажукин.

В начале 1790-х годов²⁹ Измаил-бей Атажукин возвращается в Кабарду в числе некоторых других горцев. Вскоре после возвращения он попал в весьма сложные условия.

В 1794—1795 гг. в Кабарде происходили события, аналогичные тем, которые имели место и в 1804 г. Измаил-бей оказался их активным участником.

Офицер русской армии с выдающимся боевым прошлым, участник исторического штурма Измаила и осады Очакова, суворовский герой, оказался в положении, при котором кавказские военные власти рассматривали его лишь как одного из крупнейших кабардинских феодалов.

Следует сказать, что для определения отношения Измаил-бей к событиям важное значение имела и его классовая принадлежность: родовые суды и расправы были учреждением, весьма сильно ограничившим власть и прерогативы феодально-дворянской верхушки Кабарды.

В результате всего этого Измаил-бей и оказался участником движения, направленного против родовых судов и расправ.

Вместе со своим братом Адиль-Гиреем Атажукиным и подполковником Атажуко Хамурзиным он был выслан из Кабарды и отправлен в Екатеринослав.

Измаил-бей вновь длительное время живет на севере. В 1804 г., как мы уже знаем, он возвращается в Кабарду. Приезд его на Кавказ в этом году был следствием попытки осуществления свой план решительного изменения взаимоотношений русских властей с кабардинцами.

22 августа 1804 г. граф Кочубей, бывший в то время министром внутренних дел, писал инспектору Кавказской линии, главнокомандующему в Грузии и астраханскому военному губернатору князю Цицианову:

"Из прилагаемого при сем в копии высочайшего указа, на имя генерал-лейтенанта Глазенапа данного, в. с. усмотреть изволите отправление на линию известного полк. Измаила-бея Атажукова.³⁰

Я считаю нужным изъяснить Вам причины, побудившие Е. В. употребить его на службу.

Измаил-бей в начале сего года представлял о разных неудобствах доселе бывшего горских народов управления и средства, признаваемые им лучшими к поправлению оных.

Неудобства и средства извольте Вы усмотреть из прилагаемой при сем особенной записки. Предполагаемо было тогда же представление его и самого его отправить к в. с. с тем, чтобы по усмотрению Вашему употребили Вы его на службу, где и как приличнее найдете; но разные личные его здесь обстоятельства остановили тогда сие предположение.

Ныне, отправляя его на Линию, Е. В. предполагать изволит, что не оставите Вы в свое время снабдить ген.-л. Глазенапа предписанием, где и каким образом признаете Вы удобнейшим образом употребить Измаил-бея и какое можно будет сделать употребление из средств, представляемых им к успокоению горских народов, если по рассмотрению вашему и местному познанию они послужат к тому могут".³¹

Итак, Измаил-бей, один из главных участников событий 1794—1795 годов, теперь, по личному распоряжению Александра I, посылается на Кавказ с предложением использовать его на службе.

Это было в начале царствования Александра I, когда у царя были еще сильны "либеральные" тенденции, когда его окружали такие советники, как Кочубей, Новосильцев, Адам Чарторыйский, Строганов. Поэтому так благосклонно была им принята записка Измаил-бея, в которой тот "представлял о разных неудобствах доселе бывшего горских народов управления и средства, признаваемые им лучшими к поправлению оных". В этой записке говорилось о необходимости привлечь горцев на сторону России мирным путем, указывалось на притеснения и чрезвычайно тяжкое их положение.

Любопытно, что Измаил-бей, как лицо, которое следует об-лечь доверием и использовать на службе, упоминается Адамом

Чарторыйским. 29 мая 1804 г. он писал Цицианову: "Командиром же сего эскадрона, кажется, было бы у места по знанию Российского языка назначить находящегося здесь из горцев полк. Измаил-бея".³² Речь шла о предположенном к созданию в Петербурге кабардинском гвардейском эскадроне.

Измаил-бей направился в Кабарду с широкими политическими замыслами. Но кавказское начальство ни в какой степени не намеревалось содействовать их осуществлению. Его проект был встречен Цициановым с откровенной враждебностью. Цицианов даже отказался использовать Измаил-бея на службе на Кавказе.

Измаил-бей все же не уехал и в течение ряда следующих лет пытался, хотя бы и окольными путями, действовать для осуществления своих целей.

У него часто происходят резкие стычки с властями, которые склонны были рассматривать многие действия Измаил-бея как заставляющие усомниться в искренности его мирных намерений. Подозрительный полковник разъезжал по волнующейся Кабарде, виделся с руководителями мятежных кабардинцев и в очень малой степени заботился о том, чтобы сообщать о причинах своих поездок.

Генерал-майор Дельпоццо, управляющий Большой и Малой Кабардой, в рапорте Цицианову от 26 июля 1805 г. пишет: "Полк. Измаил-бей находится теперь в Кабарде, в своей Атажуковой и Мисостовой фамилии. Я получаю от него на посылаемые к нему о успехе, какой в их фамилии действует, запросы письма, в коих ничего достойного замечания или подлежащего исполнению содействия, кроме высокопарных политических, ничего не значущих мыслей не нахожу, и считаю так, что либо он в своей фамилии не имеет власти понудить подвластных своих, или, хотя и старший владелец, сам не хочет приступить к содействию требуемого от него исполнения".³³

В рапорте от 6 июня 1805 г. тот же Дельпоццо сообщает: "По прибытии моем в Константиногорск 22 мая (1805 г. — А.-К.) прибыли ко мне Мисостовой и Атажуковой фамилии с полк. Измаил-беем владельцы и уздени, которых желание мое было здесь же привести на верность е. и. в. к присяге и определить для выполнения претензий наших на собрание баранты срок".³⁴

Но Измаил-бей попросил отложить все это до возвращения его из Джантемировых аулов, в которые он едет "единственно для того, чтоб, увидевшись с живущими на время там, приехавшими из-за Кубани отщепинцами Адиль-Гиреем, Атажуко Атажуковым и Рослам-беком Мисостовым, условиться на все наши требования в единогласие".³⁵

Измаил-бей по возвращении в Константиногорскую крепость рапортовал Дельпоццо, что к единогласию отнюдь они не пришли и что "отщепинцы" приехать в Константиногорск не согласились.

В рапорте Цицианову от 27 августа 1805 г. Дельпоццо добавляет: "Возвратясь он из Жантиминова аула один с несколькими человеками своей фамилии владельцев и узденей в Константиногорск, где я уже по возвращении от Кубани ожидал его шесть дней, явился ко мне июня 2-го числа, не объявил ничего основательного, зачем он ездил видеться с своим братом; только сказал, что дела, которые касаются до Атажуковой и Мисостовой фамилий, привести в порядок он не в силах".

И Дельпоццо делает следующий вывод: "В рассуждении доверенности, какая до сего возложена была на него по Кабардинским делам, есть совершенной вред для России, поскольку у него нет ни преданности, ни усердия к деятельности, касающейся до пользы России, и ни в каких случаях ожидать от него ничего доброго невозможно, поелику с начала его употреб-

ления по делам Кабардинским по сие время ни сама малейшей пользы он не показал и все соотношения, какие я имел с ним в бытность его в Кабарде, ясно показывают, что он, несмотря на то, что службы е. и. в. полковник, которой более должен был стараться всю Кабарду приводить своим примером к наклонности выполнять все требуемые от него претензии, но даже в своей фамилии с собственных своих подвластных узденей, как-то Жандара Бабукова и прочих, в 6-ти месячное время ничего не взыскал и не доставил: о каковых неблагонамеренных его к Российской правлению поступках представляю на рассмотрение..."³⁶

А 13 апреля 1810 г. Дельпоццо доносил командующему войсками на Кавказской линии генералу Булгакову о том, что подвластные Измаил-бею уздени понуждаются Рослаббеком Мисостовым к переселению в горы, то есть к переходу к враждебным России кабардинцам. Тут же Дельпоццо сообщает и о другом обстоятельстве: "Все прочие владельцы и уздени Атажуковой и Мисостовой фамилии и даже племянники полк. Атажукова (Измаил-бея. — А.-К.), составляющие его (Измаил-бея. — А.-К.) партию, находятся при нем (Рослаббеке. — А.-К.)".³⁷ Особенно обостренные отношения у Измаил-бея были с Булгаковым, который прославился своей жестокостью по отношению к горцам.³⁸

Один документ, свидетельствующий о враждебных отношениях между Измаил-беем и Булгаковым, относится к 1808 г. Булгаков доносил Александру I: "Явившейся сюда полковник Измаил-бей Атажуков, по высочайшему Вашего императорского величества указу 1804 года августа в двадцатый день, для служения в здешнем крае, при положении настоящих дел, послан был мною в марте месяце сего года, на основании же состоявшегося имянного Вашего императорского величества указу, в двадцать осмый день января, о принятии мер к истреблению корня язвы, в Кабарде сокрывшегося,³⁹ — почему и позволил я ему Измаил-бею в Кабарду отправиться, для внушения соотечам его о спасительных от язвы способах, все милостивейше им дарованных, где он и находился. Потом, проезжая от места к месту, язвою объятых, приблизился к границам нашим и в исходе прошедшего месяца впушен без ведома моего в кордон Кавказской линии, врученной начальству генерал-майора Веревкина, что узнав я достоверно, предписал третьего числа сего месяца окружить его строгим карантинным надзором, срок очищения предоставил назначить статскому советнику Виену, по объявлении которого он Измаил-бей Атажуков буйно отрицаясь решительно отвечал, что возвратится в Кабарду, и с десятого на одиннадцатое число из-под надзора бежал с осемью узденями. — О чем всеподданнейше доношу..."⁴⁰

29 мая 1810 г. Булгаков рапортовал Тормасову: "Во время настоящего моего пребывания с войсками в Кабарде, дошли до меня слухи, что полк. князь Измаил Атажуков из своих подвластных и разной сволочи самовольно начал устраивать по близости Константиногорска в Бештовогорских лесах кош, по примеру прошлогоднего, который так, как и прежде сего было, убежищем служит людям неблагонамеренным. Поставляя себе главною обязанности всякое зло при самом начале оногo истреблять, я за нужное почел предписать 16-го егерского полка полк. Курнатовскому кош сей, похожий не на что другое, как на гнездо хищников, вовсе уничтожить..."⁴¹

Сообщая 6 октября 1810 г. об аналогичной попытке Измаил-бея "набрать из разных аулов разной азиатской сволочи и приступить к поселению ее между Горячих вод и поста Лысогорского по обе стороны р. Подкумка", Булгаков пишет Тормасову, что

он также приказал рассеять собравшихся, так как это поселение "пристань хищникам, которые сокрываться тут всегда могут".⁴²

Булгаков заключает свой рапорт: "О чем донести в. выс-у обя-зываюсь и представить в благорассмотрение самовольство его, полк. Измаил-бей Атажукова, которого поведение и образ жизни нимало не обещают нашей пользы".

Наконец происходит еще более резкое столкновение.

29 октября 1810 г. большое количество кабардинцев собралось за Малкой, недалеко от Прохладной. Булгаков выехал к ним и спросил о причине сбора. Находившийся здесь Измаил-бей, как сообщается в сохранившемся официальном документе, "с самым наглым видом" отвечал Булгакову, препятствуя отвечать другим собравшимся, что он собрал кабардинцев для своей надобности.

Когда Булгаков сказал, что без его ведома не вправе делать подобные собрания, Измаил-бей "как будто пришел в исступление своего ума", "говорил дерзко сими словами":

"— Что вы, шутите что ли? Я-де происхожу от древней кабардинской княжеской фамилии, и будучи старше всех прочих кабардинских князей, во всякое время имею право делать таковые собрания".

Затем Измаил-бей вновь настаивал, что он полномочен говорить от имени всех собравшихся.

"Когда же в. выс-у не угодно было позволить ему сего, — пишет в свидетельских показаниях присутствовавший при этом штабс-капитан Левитский, — тогда он с совершенным пренебрежением к высочайше постановленной над ним власти говорил еще грубее прежнего, что ему не только в. выс-о, но и никто воспретить сего не может".⁴³

В это время собиралась кабардинская делегация к Александру.

Подполковник Ребиндер, исправлявший должность главного кабардинского пристава, сообщает: "По достоверным сведениям, дошедшим ко мне, кн. Измаил Атажуков во всем успел в легковых кабардинцах: он сочинил просьбу, в которой поместил все, что взято у них силою оружия, удостоверяя их клятвою, что отнятое у них войском нашим учинено без ведома Г. И. и что до самой последней вещи им все возвратится".⁴⁴

Вскоре следует сообщение: "Действие полк. кн. Измаила Атажукова развлекло совершенно ветренные и неосновательные умы Кабардинских владельцев".⁴⁵

Измаил-бей был арестован. Но прибывший в скором времени на Кавказ для ревизии генерал-майор Вердеревский распорядился его освободить. Тогда Тормасов и Булгаков пожаловались в Петербург. В этой жалобе указывалось на то, что Измаил-бей "по освобождении успел уже расстроить кабардинцев".⁴⁶

Реальный Измаил-бей, как явствует из приведенных выше документов, отнюдь не порывает с русскими сейчас же по приезде на Кавказ, но продолжает числиться на русской военной службе и выполняет некоторые поручения местных властей.

В "Измаиле-бее" исходная ситуация иная. Тем не менее, лермонтовская поэма находится в тесном соответствии с материалом, который лег в ее основу.

V

У кабардинцев, не имевших до Великого Октября письменности, фольклор обладал еще и значением летописи, в которой отражались исторические события.

Эта особенность кабардинского фольклора дала возможность написать историю адыгского народа, составленную по преданиям.⁴⁷ В бытующих и по настоящее время в Кабарде фольклорных произведениях есть много отзвуков далекого прошлого. Народ-

ные предания в свое время, конечно, не мог не слышать Лермонтов. Можно с полной уверенностью утверждать, что в следующих строках речь идет вовсе не о вымышленном рассказчике:

**...Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.**

.....

**И под столетней, мшистою скалою,
Сидел чечен однажды предо мною;
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей поник...**

**Быть может, он о родине молился!
И, странник чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не различал!**

Его рассказ, то буйный, то печальный,

**Я вздумал перенести на север дальний:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю!**

**Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы как гайна он погиб со мною... (III, 193–194)**

Это строки из поэмы Лермонтова "Измаил-бей".

* * *

В результате сопоставления событий, о которых рассказывает Лермонтов в поэме "Измаил-бей", с данными, сообщаемыми историками кавказских войн, и поисков соответствующих материалов в архивах мы установили, что в "Измаил-бее" речь идет отнюдь не о вымышленных событиях и лицах.

Следуя получившему распространение взгляду на эту поэму, как на произведение по теме и сюжету несамостоятельное, не чем иным, как простым поэтическим приемом, следовало счесть указание Лермонтова на то, что в ней он "перенес на север дальний" повесть "про старину", которую слышал на Кавказе из уст седого старика-горца.

Сведения о том, что в памяти кабардинцев, живущих в селениях по реке Малке (Кармово, Атажукино и др.) сохраняются предания об Измаил-бее, приводятся в брошюре профессора, краеведа и этнографа Кавказа В.П. Пожидаева. О "...князе Измаиле Атажукине..., о его подвигах и ныне еще живут в Б. Кабарде воспоминания и легенды по селениям, расположенным по реке Малке..., с. Атажукино, Кармово и др. Здесь, между прочим, я слышал рассказ об этом национальном черкесском герое в 1922 г. от одного кабардинца Т. Кашежева".⁴⁸

Сведения об историческом Измаил-бее имеются в изданиях, вышедших до написания Лермонтовым его поэмы.⁴⁹

Однако всех тех сведений, знакомство с которыми Лермонтова обнаруживается при рассмотрении содержания поэмы, поэт почерпнуть из этих источников не мог. Лермонтов пользовался устной традицией не только в форме народного предания, о котором упоминает сам.

Следует считаться с тем, что Лермонтов был окружен людьми, которые настолько хорошо знали обстоятельства жизни и деятельности Измаил-бея, что они могли сообщить поэту факты, не получившие широкой огласки.

VI

Лермонтов в своей романтической поэме точно воспроизводит один из эпизодов истории Кавказа. Он описывает события 1804 г. и ряда следующих лет в Кабарде, ему, оказывается, точно и подробно известны. Сообщенные выше сведения, которые

дают возможность утверждать, что "Измаил-бей" по строгости использования материала в рамках жанра историко-романтической поэмы — последовательно выдержанное произведение, мы дополним сейчас рядом других, которые дадут понятие о том, как близок был Лермонтов к исторической истине в психологической характеристике своего героя.

Как поэт Лермонтов формировался в кругу идей протеста, восстания, декабристской традиции. В его юношеских произведениях обычен образ борца, сильной личности. Этот герой так могуч, что борьба для него — только естественная трата сил, самый процесс жизни.

Но в условиях лет, следовавших за поражением восстания декабристов и — позже — за крушением надежд на революцию 1830 года, идея борьбы настойчиво приводила его к идее жертвы. В конкретно-исторической обстановке Лермонтов, конечно, не мог не искать путей для торжества в борьбе своего сильного, сражающегося, мстящего героя. Однако и его поражение не рождало в сознании поэта мысли о бесплодности жертвы. Идея жертвы для Лермонтова не идея жертвы бесполезной, не возбудившей отклика. Как и в декабристском понимании ее значения, это — жертва, которая должна послужить высоким образцом гражданского героизма, доблести. Об этом Лермонтов говорит, например, в повести в стихах "Последний сын вольности", в которой описывается борьба новгородцев, защищающих под руководством Вадима Храброго свою свободу.

Отвечая Вадиму, которым на мгновение овладело сомнение, старик Ингелот говорит:

**...через много, много лет
Все будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы утрашат князей
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край
Не размышляя пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему — и подражай! (III, 130)**

Итак, лермонтовский герой, несмотря на то, что борьба, может быть, и не сулит ему победы, отдает себя ей. В этом — характерная черта поведения и героя поэмы "Измаил-бей".

Реальный Измаил-бей заслужил суворовскую награду. Лермонтову не приходилось наделять своего отважного героя качеством, которое отсутствует в прототипе. Кроме того, приверженность Измаила Атажукина к своему делу до последнего момента остается непоколебленной, несмотря на сомнительность успеха. Вновь мы видим, как в характере реального лица и в обстоятельствах его жизни и деятельности присутствуют те черты, которые по психологической своей сущности так близки характеру и поведению лермонтовского литературного персонажа.

В реальном образе достаточно определенно выразилось то, что интересовало поэта в литературном типе. Иначе говоря, Лермонтов получил завидную для всякого автора исторического произведения возможность обрисовки интересовавшего его в это время героя в согласии и с требованиями исторической достоверности и, одновременно, с теми требованиями, которые являлись следствием его идейно-творческих позиций.

Среди характеристик Лермонтовым своего героя одна из наиболее точных та, которую он дает в "Азраиле" (1831). В ответ на вопрос — кто он? — Азраил отвечает: "Изгнанник, существо сильное и побежденное" (III, 141). В "Демоне" (редакция 1831 г.) Демон говорит монахине:

Брожу один среди миров...

.....

Несправедливым приговором

Я на изгнание осужден. (III, 506)

Здесь Лермонтов добавляет еще одну черту: его герой одинок. Особую значительность тема одиночества приобрела, когда она из личного лирического плана была переклочена в план социальный.

В "Измаил-бее" идея одиночества героя приобретает для Лермонтова значительность историко-философской проблемы:

Бывают люди: чувства — им страданья;

Причуда злой судьбы — их бытие;

Чтоб самовластье показать свое,

Она порой кидает их меж нами;

Так, древле, в море кинул царь алмаз,

Но гордый камень в свой урочный час

Ему обратно отдан был волнами!

И детям рока места в мире нет;

Они его пугают жизнью новой... (III, 224–225)

Разработка темы одиночества в "Измаил-бее" вполне типична. Она производится в плане социальном. Одинок герой потому, что он чужд "толпе". Здесь можно говорить о своеобразном учете Лермонтовым взаимоотношений реального Измаил-бея — крупного кабардинского феодала — с массой кабардинского народа.

Вначале говорится о чрезвычайной цельности представления Измаила о том, что ему предстоит:

...битвам, родине и воле

Обречена судьба моя. (III, 209)

Вслед за этим следует такая же, как и в "Последнем сыне вольности", характеристика "толпы". Лермонтов писал о Рюрике, который побеждает борца за новгородскую вольность Вадима:

Перед народом являлся он;

Свои победы исчислял,

Лукавой речью убеждал!

Рука искусного льстеца

Играла глупую толпою... (III, 123)

Подготавливая дальнейшее разворачивание действия, Лермонтов так характеризует в "Измаил-бее" отношение "искусного льстеца" к "толпе":

Легко народом править, если он

Одною общей страстью увлечен;

Не должно только слишком завлекаться,

Пред ним гордиться или с ним равняться;

Не должно мыслей открывать своих,

Иль спрашивать у подданных совета,

И забывать, что лучше гор златых

Иному ласка и слова привета! —

Старайся первым быть везде, всегда;

Не забывайся, будь в пирах умерен,

Не трогай суеверий никогда

И сам с толпой умей быть суеверен;

Страшись сначала много успевать.

Страшись народ к победам приучать,

Чтоб в слабости своей он признавался,

Чтоб каждый миг в спасителе нуждался,

Чтоб он тебя не сравнивал ни с кем

И почитал нуждою — принужденя;

Умей отважно пользоваться всем

И не проси никак вознаграждения!

Народ — ребенок: он не хочет дать,

Не покушайся вырвать, — но украдь! (III, 215)

В сцене первой встречи Измаила со своими соотечественниками Лермонтов, изображая их первоначальный интерес к Измаилу, уже ясно намекает на то, что отчуждение неизбежно. Росламбек приводит Измаила на народное собрание:

Откуда шум? Кто эти двое?

Толпа в молчаньи раздалась.

Нахмуря бровь, подходит князь,

И рядом с ним лицо чужое.

Три узденя за ними вслед:

"Велик Алла и Магомет! —

Воскликнул князь. — Сама могила

Покорна им! в стране чужой

Мой брат храним был их рукой:

Вы узнаете ль Измаила?

Между врагами он возрос,

Но не признал он их святыхи,

И в наши синие пустыни

Одну лишь ненависть принес!"

И по долине восклицанья

Восторга дикого гремят;

Благословляя час свиданья,

Вкруг Измаила стар и млад

Теснятся, шепчут; поднимают

На плеча маленьких ребят,

Их жены смуглые, зевая,

На князя нового глядят.

Где ж Росламбек, кумир народа?

Где тот, кем славится свобода? —

Один, забыт, перед огнем,

Поодаль, с пасмурным челом,

Стоял он, жертва злой досады.

Давно ли привлекал он сам

Все помышления, все взгляды?

Давно ли по его следам

Вся эта чернь шума бежала?

Давно ль, дивясь его делам,

Их мать ребенку повторяла?

И что же вышло? — Измаил,

Врагов отечества служитель,

Всю эту славу погубил

Своим приездом? — и властитель,

Вчерашний гордый полубог,

Вниманья черни бестолковой

К себе привлечь уже не мог!

Ей все пленительно, что ново!

"Простынет!" — мыслит Росламбек.

Но если злобный человек

Узнал уж зависть, то не может

Совсем забыть ее никак... (III, 219–220)

Росламбек, изображенный в поэме "искусным льстецом" — вскоре вновь овладевает симпатиями "толпы".

И Росламбек совет сзывает;

Он говорит: "В тиши ночной

Мы нападём на их отряды,

Как упадают водопады

В долину сонную весной...

Погибнут молча наши гости,

И их разбросанные кости,

Добыча вранов и волков,

Сгниют лишённые гробов.

Меж тем с боязнию лукавой

Начнем о мире договор,

**И в тайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор...**"

Согласны все на подвиг ратной,

Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
"Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!.." **И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;
Не смели тронуться они.**

Он вышел — все еще молчали!.. (III, 222—223)

Вслед за этим и дается композиционно вполне оправданная сцена трагического осознания Измаилом неизбежности своего одиночества:

**Вот что ему родной готовил край?
Сбылись мечты! увидел он свой рай,
Где мир так юн, природа так богата,
Но люди, люди... (III, 224)**

Однако несмотря на то, что мысль о борьбе потеряла для него ценность, Измаил не оставляет своих намерений.

Но прежней цельности в представлении о борьбе у него уже нет:

**Недолгий жар погас! душой усталый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул, — родные скалы
Решился он от русских защитить! (III, 236)**

Если рациональность борьбы уже и в самом начале действия сводилась для Измаила только к идее мести, то теперь исчезло из этой идеи и представление о том, что это делается во имя народа. Заканчивая поэму кульминационной сценой, Лермонтов заставляет соратников "хладно отвергнуться от Измаила, погибшего от предательской пули завистника-брата. Лермонтов окончательно и полностью воплощает в действии идею о неизбежном одиночестве героя. Последняя строчка поэмы такая:

**Пусть кончит жизнь, как начал —
одинок... (III, 257)**

Документальные данные дают сведения, подтверждающие реальную обоснованность изображения Измаила в поэме руководителем значительного по размерам движения.

Невозможность же признать только композиционным приемом мысль о моральном одиночестве Измаила подтверждается уже теми материалами, которыми мы располагаем. Однако Лермонтов пользовался такими материалами, которые давали гораздо большую возможность ознакомиться с подробностями биографии, характеризующими внутренний мир героя, — рассказами лиц, знавших Измаил-бея лично.

Мы теперь видим, что, создавая образ типичного для его творчества героя, Лермонтов в романтической поэме, подчиненной законам гораздо более активного преобразования жизненного

материала, чем произведение реалистического стиля, действительно все же имел возможность в психологической характеристике героя основываться на материале историческом.

Итак, в поэме "Измаил-бей" изображены реальные события и реальные лица. Но подлинная история сделалась объектом художественной обрисовки, то есть она подверглась тем изменениям, которых требует специфика художественного изображения. Художественному же изображению близко общее значение исторического события; это значение представляется автору в форме, согласующейся с принципами его мировоззрения. Поэтому история в "Измаил-бее", изображенная такой, какой ее Лермонтов знал, показана движимой социальным механизмом, который мыслится Лермонтовым в согласии с характерным для него представлением о роли личности в истории, о побудительном значении абстрактно-идейных мотивов, которыми руководствуется тот или иной политический деятель, и т.д.

Образ, даваемый Лермонтовым в его поэме, трагичен. Трагичность судьбы усугубляется трагической разорванностью внутреннего мира героя, противоречивостью страстей.

Узнав о гибели своего родного аула и убив казака, осмелившегося посмеяться над его народом, Измаил-бей, однако, не только испытывает вражду и ненависть. Его решение "кровь пролить" совмещается, оказывается, с раскаянием:

**И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул,
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Чрез камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!.. (III, 200—201)**

Уехав на Кавказ, он сохраняет затаенную любовь к той русской, которую он оставил на севере: "локон золотой", который черкесы находят на груди мертвого Измаила вместе с георгиевским крестом, конечно, память об этой женщине.⁵⁰

Находясь вдали от родины, Измаил-бей хранит страстную любовь к ней; вернувшись, он проникается сознанием отчужденности от окружающего; однако он принимает участие в событиях, будучи в то же время безразличным к славе героя.

Следует указать еще на ряд соответствий.

Измаил-бей Атажукин, прослуживший длительное время в русских войсках, всегда сохранял память о своей родине.

Один путешественник, познакомившийся с Измаил-беем на Кавказе в 1809 г., писал: "Привязанность его к своему отечеству, в котором он имеет еще владения, кажется, нимало не изменилась в течение долговременного отсутствия".⁵¹

Эта же привязанность к родине косвенным образом подтверждается и другим историческим свидетельством, относящимся еще к началу девяностых годов XVIII столетия.

А.А. Безбородко в письме к А.И. Моркову от 2 марта 1792 г. писал: "Измаил-бей к вам поехал с 8-го на 9-е февраля с моими реляциями Персидскими и другими. Где он? Не ушел ли в Кабарду?"⁵²

**Родными бредил он полями,
И все черкес в нем виден был (III, 228) —**

так характеризует Лермонтов Измаил-бея того периода, когда он еще не проникся холодной бесстрастностью, которая заставила его мстить не "за отчизну", а за "друзей".

На то, что Измаил-бей не только "образован", но и является человеком, целиком приобщившимся к цивилизации, наложившей на него неизгладимую печать, Лермонтов указывает, описывая

его взаимоотношения с Зарой. В данном случае при этом совершенно отчетливо видна романтическая трактовка цивилизации.

Возвратившийся на родину Измаил-бей встречается с Зарой —

**Черкес ловил сначала жадно
Движенья глаз ее живых;
И наконец остановились
Глаза, которые резвились,
Ответа ждут, к нему склонились, —
А он забыл, забыл о них!** (III, 208)

Поэт объясняет:

**Кто много странствовал по свету,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей примету,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристрастье
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает, — так ошибкой!** (III, 208)

Вновь мы можем констатировать близость литературного и жизненного рядов.

Измаил Атажукин длительное время жил на севере, в частности в Петербурге. Пробыв недолго в Кабарде после возвращения туда в 1792 г., он был выслан по предписанию Екатерины II после событий 1794—1795 гг. и вновь жил в России до 1804 г. Лермонтов знал о длительном пребывании Измаила в России, знал поэт также и о том, что это пребывание наложило сильный отпечаток на его героя.

**Кто ж этот путник? русский? Нет.
На нем чекмень, простой бешмет,
Чело под шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;
И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся — он черкес!
Но смутный цвет почти исчез
С его ланит; снега и выюга
И холод северных небес,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что он черкес!
.....
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душной заражен!
Старик для чувств и наслажденья,
Без седины между волос,**

**Зачем в страну, где все так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..** (III, 198)

Зара говорит Измаилу:

**Останься с нами, добрый странник!
Я вижу ясно — ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,
Ты позабыл ее язык.** (III, 211)

Что касается Рослаббека Мисостова, явившегося прообразом лермонтовского "коварного" Рослаббека,⁵³ то о нем нами собрано значительное количество документальных данных, свидетельствующих о правильности его изображения в поэме как руководителя борьбы "черкесов", не останавливавшегося в ведении военных действий перед хитростью и коварством. Лермонтов пишет:

**Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники собирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослаббек,
Склонялся перед русскими смиренно...** (III, 214—215)

Такие методы ведения войны Рослаббеком хорошо иллюстрируются, например, следующим фактом.

В предписании Торماسова Булгакову от 3 июля 1809 г. сообщается о том, что Рослаббек "ищет получить прощение от российского начальства".⁵⁴

А в 1810 г. вновь сообщается об активных неприязненных действиях "изменника Араслаббека Мисостова, бывшего неоднократно в деле противу войск вашего императорского величества в продолжении сей экспедиции..."⁵⁵

О вероломстве Рослаббека Мисостова говорит и случай, происшедший еще в 1804 г.

Рослаббек прислал гонцов, приказав им сообщить о его раскаянии и о желании, получив прощение, вернуться на русскую сторону.⁵⁶ Командовавший отрядом генерал Лихачев имел после этого личное свидание с князем. Рослаббек сумел добиться того, что Лихачев поверил искренности его намерений. Между прочим Рослаббек обещал помочь извлечь из реки затопленную при отступлении отряда Лихачева пушку.

На следующий после свидания день к реке был отправлен отряд для извлечения пушки. К этому отряду присоединился и Рослаббек. Когда егеря и казаки, оставив оружие и раздевшись, вошли в реку, Рослаббек поднял две плети и бросился бежать. Это был условный знак. Лежавшие в засаде горцы с криком бросились на безоружных людей. Спасти удалось лишь немногим.⁵⁷

Лермонтов очень рано усвоил мысль об исторической неизбежности соединения судеб Кавказа и России. К "Черкесам", написанным в 1828 г., он берет эпиграфом строки (немного изменив их) из пушкинского "Кавказского пленника":

**Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас.
Оставит стрелы боевые,
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.**⁵⁸

Третья часть "Измаил-бей" начинается словами:

**Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?** (III, 235)

Однако у Лермонтова возникал резкий протест при мысли о той жестокости, которая проявлялась в действиях некоторых распоряжавшихся на Кавказе военных властей. Мы приведем

сейчас один документ, относящийся как раз к тому периоду времени, который имеется в виду в "Измаил-бее", и показывающий, что эта жестокость была подчас настолько бессмысленной, что вызывала даже недовольство Александра I.

В ответ на представление о награждении командующего Кавказской линией Булгакова за действия против кабардинцев и закубанцев в 1810 г. военный министр сообщал: "...Государь император по прочтении всеподданнейшего вашего высокопревосходительства донесения от 16 июля высочайше удостоил чиновников в списке поименованных к назначенным награждениям — касательно же пожалования Г. генералу от инфантерии Булгакову ордена Св. Александра Невского, его императорское величество еще приостановился утвердить; ибо разные дошедшие слухи подают повод к суждению, что в средствах, предпринятых к усмирению мятежников, Г. генерал Булгаков употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечия прошел границы своей обязанности.

Естьли верить известиям, то Экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависти их, и вообще обращение его с соседственными сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия".⁵⁹

Напомним, кстати, что во время военной экспедиции 1805 г. в Кабарду было сожжено около восьмидесяти селений.

Лермонтов запечатлел один из таких бессмысленных актов жестокости в своей поэме об Измаил-бее. Лермонтов резко протестует против этой дикой жестокости:

**Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты.
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор. —
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал,
Отпрянул русский, — захрипел, — и пал!
"Отмсти, товарищ!" — и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийцы мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит, — черкесской вольности костер!.. (III, 235)**

В поэме Лермонтова отразились еще некоторые реальные события и факты. Об этом мы скажем в следующей главе.⁶⁰

VII

В первой главе поэмы "Аул Бастунджи" Лермонтов пишет:

**Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат. —
Его уж нет. (III, 169)**

Приступая в поэме "Измаил-бей" к рассказу о событиях, Лермонтов пишет:

**Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчитя,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли**

Аулы мирные цвели...

.....
**Однажды, — солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,
Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли! —
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес — не боле. (III, 194—195)**

Аул исчез с лица земли.

Две основные кавказские поэмы Лермонтова, написанные после пребывания поэта на Кавказе в 1825 г., начинаются со сходной ситуации, которая имеет решающее значение в последующем развитии действия.

Существовали ли вообще аулы "между Машуком и Бешту"?

Не являются ли они созданием поэтической фантазии Лермонтова?⁶¹

Эти аулы действительно существовали и в самом деле они исчезли. История их исчезновения почему-то заинтересовала Лермонтова.

Пятигорье, то есть местность, прилегающая к Бештау и Машуку ("беш тау" в переводе — "пять гор"), издавна было одной из основных частей Большой Кабарды. С Пятигорьем связано много событий в ее истории, особенно военной. Насколько значительное место занимало Пятигорье в истории кабардинского народа, указывает то, что в большом количестве кабардинских преданий действие происходит именно в этом районе.⁶² В ряде вариантов сказания о гибели главного героя нартского эпоса кабардинцев Сосруко указывается, что он погибает во время нартской хасы (собрание нартвов для игр и состязаний), у Бештау. В прилегающей к Пятигорью местности находился и знаменитый источник кипящей воды, из которого пили нарты, — Нартсана.⁶³

Пятигорье издревле было населено довольно густо. Кроме кабардинцев, здесь жили абазины, а также ногайцы.

Еще в начале XIX в. около Бештау и Машука было несколько аулов. Киммель нанес на карту и частично описал Аджи-аул, Арсланбег-аул, Трама-аул.⁶⁴ Шотландский миссионер Глен, побывавший в Пятигорье в 1819 г., упоминает, кроме Аджи-аула и Трама-аула, еще о Карма-ауле и Найман-ауле.⁶⁵

Кроме того, существовал еще аул Каррас. Это название затем перешло к основанной рядом с ним в 1802 г. шотландскими миссионерами колонии. В 1808 г. к шотландцам присоединились немцы, вскоре получившие преобладание в колонии. Каррас находился в нескольких верстах от Горячих вод, на пути к Железным водам, у подножия Бештау.⁶⁶

Аджи-аул был расположен у юго-восточного склона Бештау, верстах в двух от Карраса.

Арсланбег-аул находился как раз на противоположном, северо-восточном, склоне Бештау, а Трама-аул — в четырех верстах от Константиногорской крепости, на дороге, ведущей к Кисловодску.

Карма-аул находился по соседству с Аджи-аулом, а Найман — в пяти верстах от Карраса.

О Траме упоминает Гюльденштедт, посетивший Горячие серные ключи в 1773 г.⁶⁷

О Траме говорит и Паллас, бывший здесь в 1793 г.⁶⁸

Об этом же ауле упоминает и Измаилов, живший у Горячих вод в 1799 г.⁶⁹

Итак, "между Машуком и Бешту" аулы действительно существовали.

Потом они исчезли. И на месте прежних человеческих жилищ осталось дикое поле:

...Кудрявыми кустами

Покрыто поле: дикий виноград

Цепляясь вьется длинными хвостами

Вокруг камней, покрытых сединой,

С вершин соседних сброшенных грозой!.. (III, 169)

В конце XVIII — начале XIX в. в районе Пятигорья происходила смена населения.

Когда в 1780 г. у подножия Бештау была поставлена Константиногорская крепость, Пятигорье (так же как и местность, расположенная непосредственно между Бештау и Машуком) оказалось внутри Азовско-Донской кордонной линии.

Местное население часто откочевывало или оставляло старые поселения и уходило за пределы линии, в горы и в Закубанье. Среди кабардинцев, абазин, а также ногайцев, обитавших в Пятигорье и в соседних местностях, этот процесс особенно усилился после 1803 г., т.е. после учреждения Кисловодской крепости.

25 июня 1796 г. генерал Гудович доносил Екатерине II: "Собравшись вдруг, вооруженная партия ветреных и вероломных владельцев кабардинских с подвластными своими под горами до 2000 чел. и перешед поспешно из Кабарды выше форпостов р. Малку под горами, подошли на самом рассвете к Константиногорской крепости, в 4-х верстах к жилищам некоторых благонамеренных кабардинцев... и к абазинским селениям, там живущим, им не принадлежащим, в намерении перебраться их вовнутрь Кабарды..."⁷⁰

В 1800 г. Адиль-Гирей Атажукин (брат Измаил-бея) пытался увести за Кубань 200 семейств абазин, обитавших около Константиногорской крепости.⁷¹

В 1804 г. ушло за Кубань большое количество абазин и ногайцев,⁷² в том числе и из Пятигорья, из-под самой Константиногорской крепости.

Но не только в результате побегов жителей уничтожились аулы горцев. Вот как был разорен аул Трама.

В ночь с 3 на 4 мая 1818 г. из Кабарды, из-за Линии, прошла в русские пределы конная партия кабардинцев. Об этом узнали. На самой переправе через Подкумок у поста Осторожного, был поставлен казачий секрет, чтобы встретить партию, когда она будет возвращаться назад. Еще не рассвело, когда на секрет наехало пять конных, возвращавшихся с русской стороны. Началась стрельба. Кабардинцы, доскакав до Трама, куда-то скрылись. Не прошло и получаса, как на секрет наехали еще семь кабардинцев. Отстреливаясь, кабардинцы скрылись в том же направлении. Сомнения не было — обе партии скрылись в Траме.

Казакки ворвались в аул, сшибли пиками трех кабардинцев. Остальные укрылись в саклях.

Казакки потребовали выдачи скрывшихся. Жители аула наотрез отказались. Это был один из тех многочисленных случаев,

когда мирные горцы, жившие в пределах Линии, давали приют оперировавшим на русской стороне партиям.

О случае в Траме было доложено Ермолову.

Ночью войска окружили аул и приказали жителям выбирать. Затем было разграблено имущество, стада и табуны отобрали, а самый аул подожжен с четырех сторон. "На этот раз, — писал Ермолов кабардинцам, — ограничиваюсь этим..."⁷³

Итак, в поэмах Лермонтова "Аул Бастунджи" и "Измаил-бей" отразилась историческая обстановка — аулы "между Машуком и Бешту" действительно существовали. Некоторые из них Лермонтов еще застал, когда в юном возрасте в 1825 г. жил на Горячих водах; часть аулов к этому времени уже переселилась на другие места.⁷⁴ Лермонтов слышал рассказы об этом. И не о себе ли он говорит в заключительной строфе "Аула Бастунджи", когда пишет о "черкесе", который в "туманный день" рассказывает о судьбе аула Бастунджи — "при малых детях"?

VIII

Лермонтов знал кабардинское предание об Измаил-бее — повесть "про старину". Однако этим не ограничивается использование им кабардино-черкесского фольклора.

Фольклор кавказских горцев, в частности черкесов и кабардинцев, очень богат.

Прекрасный знаток быта черкесов Хан-Гирей пишет: "Как он (черкесский народ. — А.-К.)... богат изустными произведениями поэзии! Поэзия — жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле! Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, в печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь, и передавала потомству их дела."⁷⁵

Сталь в своем "Этнографическом очерке черкесского народа" пишет: "Черкесы любят поэзию и песни, импровизированные их поэтами... Уменье сочинить песню глубоко уважается... Новые песни сменяют старые, каждый подвиг, каждый новый бой рождает новую песню... Черкесские импровизаторы, по просьбе родных, сочиняют стихи в похвалу известным наездникам, убитым в боях. Непрерывная импровизация длится иногда несколько часов... Как только сочинится в горах песня, тотчас же ее выучивают наизусть, и она быстро обещит весь кубанский край."⁷⁶

У черкесов большой популярностью пользовалось предание о Канбулате и его брате Атвонук (в другой записи несколько иначе — Антиноко)⁷⁷. В основе этого предания лежит действительное историческое событие, которое произошло в середине XVII столетия*.

Жена⁷⁸ старшего брата (в другом варианте его наложница)⁷⁹ заподозрена им в связи с младшим братом. Младший брат принужден покинуть дом, где жил до того вместе с братом (в другом варианте покидает дом старший брат). Между ними начинается губительная вражда.

В историческом событии, положенном в основу этого рассказа о вражде двух братьев, рознь между ними имела главной причиной борьбу за власть, но предание выдвинуло на первый план вражду из-за женщины, что произошло, может быть, под воздействием рассказов о неверных женах.⁸⁰

Излагая содержание этого черкесского предания, мы в основных чертах пересказали сюжет лермонтовского "Аула Бастунджи".

Важная деталь — одного из братьев зовут Канбулат, у Лермонтова очень близкое: Акбулат.

Предание о Канбулате было, как мы сказали, очень популярно. Вариант предания известен и дигорцам.⁸¹

* Joseph von Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, zweite verbesserte Ausgabe, B. III, Pesth, 1835, S. 245.

Ср. Д.Г. Жангиева. Мотивы исторического эпоса северо-кавказских горцев. — "Записки Северо-кавказского краевого горского научно-исследовательского института", т. II. Ростов н/Д, 1929, стр. 189—190.

В наши дни записана, например, в темиргоевском ауле Джеракай (темиргоевцы — одно из адыгских племен) сказка, в которой главное действующее лицо носит имя "Камболет".⁸² Канбулат ("Камболет") фигурирует в некоторых записях рассказов об Андемиркане,⁸³ причем он выступает в роли противника Андемиркана, или убивающего последнего, или же способствующего его гибели. Таким образом, и в данном случае сохраняется мотив вражды.

Поэма называется "Аул Бастунджи". Кабардинцы знают, что вблизи Бештау действительно существовал аул, носивший наименование, использованное Лермонтовым для названия своей поэмы.⁸⁴

"Бостанджи" в переводе — "огородник", "садовник". Так же называли в прежнее время солдат гвардии султана.⁸⁵ "Бостанджи" — производное от "бостан", т.е. "бахча", "огород".⁸⁶ Кстати, слово "бостан" перешло и в русский язык (в несколько измененной форме: "баштан") в том же значении: бахча.⁸⁷

* * *

Молодому горцу рассказывают, что много лет тому назад, когда он был еще ребенком, его отец пал жертвой убийцы. Кровь должна быть отомщена — так говорят ему. Горец мстит. Но после этого он убивает и того, кто рассказал ему об убийстве и подстрекал к мщению. Таков сюжет поэмы Лермонтова "Каллы". Такова же и основная сюжетная ситуация черкесского предания, опубликованного тем же самым Хан-Гиреем,⁸⁸ который опубликовал и предание о Канбулате.

В том, что лермонтовская поэма построена на материалах этого черкесского предания, убеждают не только сюжетные совпадения.

Герой поэмы Лермонтова получает прозвище "Каллы". Это не совсем правильное написание. Правильнее — "Канлы". В переводе это слово означает "кровник".⁸⁹ Одно из действующих лиц черкесского предания, записанного Хан-Гиреем, носит именно это имя — "Канлы".⁹⁰ Это имя Хан-Гиреем дано тому действующему лицу, которое соответствует мулле в поэме Лермонтова. Очень любопытно сравнить характеристики "Канлы" и "Каллы".

Князь Канлы: "Смертию соперников он приобрел ужасное звание Канлы — кровавый..." (стр. 13).

Каллы:

**"И он лишь знает, почему
Каллы ужасное прозвание
В горах осталось ему".** (III, 167)

Павшего жертвою мести Лермонтов называет "Акбулат". У Хан-Гирея это же лицо носит имя "Джембулат".

Нередко случается, что при использовании источника автор литературного произведения опускает, в зависимости от композиционных или иных требований, мотивировку поступка героя, изображая самый поступок. Так, мотивы, которыми руководствуется герой поэмы, убивая муллу, подстрекнувшего его к мести, у Лермонтова неясны. Но неясная в лермонтовской поэме мотивировка совершенно отчетливо выглядит у Хан-Гирея: горец убивает подстрекателя после того, как он убеждается в лживости его обвинения.

Приведенные соображения являются основанием для признания того, что лермонтовская поэма "Каллы" находится в связи с черкесским преданием.

Знал Лермонтов и характерные обряды, связанные с обычаем кровной мести. В пятой строфе поэмы Лермонтов описывает могилу убитого муллы:

**На вышине горы священной,
Вечерним солнцем озаренной,**

**Как одинокий часовой
Белеет памятник простой:
Какой-то столбик округленной!
Чалмы подобие на нем...** (III, 167)

Таких столбиков, ставившихся на скалах и возвышенностях, было много на старом Кавказе. Под ними лежали убитые, которые должны были быть отомщены.⁹¹

Мотив "канлы" вновь повторяется в "Хаджи-Абреке".

* * *

Остановимся коротко на вопросе о том, как отразилась в ранних лермонтовских поэмах конкретная обстановка Пятигорья 1825 года.

В 1825 г. еще существовал близ Горячих вод Аджи-аул — тот самый, о котором мы говорили выше. Аул этот посещался приехавшими для лечения на кавказские воды; приезжие охотно ездили туда, чтобы посмотреть, как живут черкесы.

Привлекавший внимание посетителей Горячих вод и в обычное время, Аджи-аул особенное любопытство вызывал среди них в дни байрама. В 1825 г., 15 июля, на торжественное празднование байрама в Аджи-аул съехались чуть ли не все посетители Горячих вод.

"Приближаясь к Аджиеву аулу, — пишет современник, — за цепью карет, колясок, напоминающих гулянья в Екатерингофе, я невольно был изумлен картиною, представившеюся моим взорам: прелестная долина, расстилающаяся под навесом грозной Бештовой горы, покрыта была толпами самыми пестрыми, противоположными. Русские дамы, в нарядах, дышущих Парижем, стояли вместе с черкешенками, походившими на привидения на их ходулях (называемых *ихавака*). Группы военных офицеров сливались с разнообразными костюмами столичных и провинциальных щеголей; там козаки, черкесы, ногайцы рыскали на борзых конях своих; наконец толпа песельников и музыкантов, расположенных по сторонам раскинутых палаток — все вместе представляло весьма занимательное зрелище".⁹²

В программу праздника была включена скачка, особенно интересная потому, что победителю назначался крупный приз, составленный из пожертвований, собранных между посетителями. Участники праздника стреляли в цель, танцевали.

Особенное любопытство вызывало то, что на праздник был приглашен Султан Керим-Гирей, считавшийся первым певцом во всем Закубанье. Керим-Гирей пел народные черкесские песни. Пение Керим-Гирея горцы слушали с напряженным вниманием: "С каким удивлением, благоговением слушали горцы своего барда — разинув рты, устремив на него все свое внимание: картина сия поистине достойна была кисти искусного художника".⁹³

Теперь прочтите описание байрама в "Измаил-бее":

**Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Стопилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немym вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден — он венец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,**

И, живо, с дикой простотою Запел он песню старины. (III, 218)

Совпадение большое. Характерно, что у Лермонтова певец играет на арфе. Керим-Гирей пел, аккомпанируя себе на пшине-дук'око — инструменте, похожем на арфу.

Сходство картины празднования байрама, которая дается в "Измаил-бее", с реальной картиной празднования байрама в Аджи-ауле летом 1825 г. дает нам основание утверждать, что Лермонтов свое описание создал на основании впечатлений, полученных им в Аджи-ауле. Кстати, следует сказать, что, кроме 1825 г., Лермонтов ко времени написания "Измаил-бея" (1832) байрама видеть и не мог. Первые два приезда⁹⁴ в счет не идут, так как Лермонтову если бы даже и пришлось присутствовать на подобном празднике, то вряд ли у него об этом могло остаться какое-либо связное представление. Аджи-аул был ближайшим к Пятигорску, к тому же, как мы знаем, туда в день праздника съехало чуть ли не все население Горячих вод.

О точности лермонтовского описания можно судить по следующему. С. Урусбиев в предисловии к собранию фольклорных текстов пишет: "Они (песни о нартах. — А.-К.) по преимуществу пелись знаменитыми в свое время в Кабарде бродячими певцами-поэтами, называвшимися гегуако."

Эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребальных и иных процессиях, вообще искали всегда какого-нибудь народного собрания. Здесь-то они и пели свои песни о временах, давно минувших, или воспевали какие-либо важные современные события, прославляли современных героев... Ни одно пиршество, ни одно народное собрание не обходилось без гегуако, и при них каждый старался держать себя чинно, как бы боясь попасть им на замечание; голоса их все привыкли придавать важное значение".⁹⁵

Говоря об исполнении гегуако поминальной песни, Урусбиев пишет: "Толпа внимала, затаив дыхание; только в перерывах можно было расслышать шепот: "Откуда они берут такие чудные слова?" По окончании пения раздавался взрыв восторженных криков и начинался пир: угощение народа и награждение певцов-поэтов. Родственники умершего дарили им платье, лошадь, оружие и проч. Гегуако жили исключительно подобными подаяниями".⁹⁶

IX

Мы уже сказали, что Лермонтов был окружен людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Измаил-бея Атажукина, что они имели возможность сообщить поэту, так живо заинтересовавшемуся романтической личностью этого героя измайльского штурма, такие факты, которые не получили широкой огласки.

В том же самом документе, в котором говорится об участии Измаил-бея в штурме Измаила — в рапорте Суворова Потемкину, — читаем: "Отдавая полную справедливость находящимся при мне чинам, кои, исполнив все приказания мои, заслуживают особое внимание. Подполковники: Стародубского карабинерного Аким Хастатов, Новгородского пехотного Владимир Горчаков, Малороссийского конно-гренадерского Степан Ширый посылаемы были от меня к колоннам в опаснейшие места, преодолевая все трудности под картечными выстрелами, доставляли мои повеления в точности."⁹⁷

Итак, Аким Хастатов участвовал в штурме Измаила. Участвовали в нем также Николай Дмитриевич Арсеньев и его брат Ва-

сий Дмитрийевич. Они играли в боевых действиях важную роль; первый командовал одной из колонн и много способствовал взятию Измаила, за что был награжден орденом Георгия третьей степени, второй отличился при переправе через Дунай и при последующих операциях десантных войск.⁹⁸

Штурм Измаила не был таким эпизодом, о котором от участников его нельзя было услышать рассказов. Поэтому, когда мы поставим вопрос о том, откуда Лермонтов мог получить сведения, использованные им в поэме, для нас будет далеко не безразлично то обстоятельство, что Измаил-бей безусловно знали люди, связанные с родственным кругом поэта: Николай и Василий Арсеньевы — двоюродные братья Михаила Васильевича Арсеньева, мужа Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, а Аким Васильевич Хастатов был мужем Екатерины Алексеевны, родной сестры Елизаветы Алексеевны; от Екатерины Алексеевны Хастатовой Лермонтов получил много сведений, которые он потом использовал в своих произведениях. Таким образом, высказывавшееся в общей форме предположение теперь получает новое подтверждение.

Измаил-бей Хастатов мог знать не только по Измаилу. Хастатов участвовал во многих эпизодах турецкой войны 1787—1791 годов, в которой принимал участие Измаил-бей Атажукин.

Вследствие того интереса, который приобретает личность Хастатова, мы приведем некоторые сведения о нем; эти сведения могут оказаться полезными хотя бы по той причине, что до сих пор данные об Акиме Васильевиче Хастатове в лермонтоведческих работах почти совершенно отсутствовали. Он даже ошибочно именовался Акимом Акимовичем.⁹⁹

В реляции Потемкину об одержанной в 1787 г. победе при Кинбурне Суворов писал: "Одолжил меня весьма много разными исправлениями к пользе ее императорского величества победительного оружия, которые он часто постигал сам собою, сверх его храбрости, штаба моего генерал-адъютант Аким Хастатов".¹⁰⁰

За отличие при Кинбурне Хастатов был по распоряжению Потемкина произведен в подполковники.¹⁰¹ За Фокшаны (1789 г.) он был награжден орденом Георгия четвертой степени.¹⁰²

Хастатов вновь отличился в знаменитом сражении при Рымнике: "Неприятель имел время с половиною его войска при большой части обозов взять бег по дороге к местечку Рымнику, другою половиною из конницы и пеших ударил на каре правого фланга 1-й линии 2-го и 3-го гренадерских батальонов команды подполковника Хастатова и его утеснил. Храбрый отпор одного и крестные огни егерского в центре карея команды подполковника Рарога, паче картечами как из ружей и штыками чрез полчаса турков опровергли с великим уроном".¹⁰³

Перечисляя отличившихся в сражении при Рымнике, Суворов сообщает: "Подполковники Аким Хастатов, Лев Рарог, успевавшие во все стороны к действиям, особенно показали твердость духа и храбрость".¹⁰⁴

В "Списке отличившихся в сражениях при Фокшанах и Рымнике", подписанном Суворовым, в графе "Карейные начальники" значится: "Подполковник Хастатов — при Фокшанах и в штурме монастыря, где и ранен, при Рымнике командовал крайним гренадерским кареем правого крыла и первой был стеснен от 5000 турков, отбил их набег через полчаса".¹⁰⁵

В списке награжденных за штурм Измаила имена Хастатова и Измаил-бея стоят в непосредственном соседстве.

Умер Хастатов в 1809 г. в чине генерал-майора.¹⁰⁶

Аким Васильевич Хастатов — отец Марии Акимовны Шан-Гирей, той самой, к которой Лермонтов чувствовал особенное уважение и расположение. К "милой тетеньке" Марии Акимовне адресованы первые дошедшие до нас письма Лермонтова. Сын

же Марии Акимовны Аким — это тот самый Аким Павлович Шан-Гирей, который был ближайшим другом Лермонтова.

Одним словом, вокруг Лермонтова было много людей, которые могли сообщить ему сведения об Измаил-бее Атажукине, когда-то соприкасавшемся с родственным кругом Лермонтова.¹⁰⁷

Но Лермонтов знал и о позднейшей деятельности Измаила на Кавказе, знал о Росламбеке, о восстании 1804 года.

Среди приехавших в 1825 г. к Горячим водам был Павел Иванович Петров. С 1818 по 1826 г. он командовал Моздокским казачьим полком. Петров принимал активное участие в военных действиях на Кавказе, в частности в Кабарде.

Петров был женат на дочери Екатерины Алексеевны Хастатовой — Анне Акимовне и жил вместе с женой и детьми в том же хастатовском доме, в котором жил и Лермонтов. Мы имеем сведения о позднейших тесных связях Лермонтова с Петровым и его семьей.

В этом же году жил в Горячеводске и Павел Петрович Шан-Гирей со своей женой Марией Акимовной и детьми. Шан-Гирей был одним из активных участников военных действий.

Многое знала, конечно, и Екатерина Алексеевна Хастатова, также проводившая это лето на Кавказских водах.

Когда все только и жило интересом к "черкесам", к войне, в кругу людей, обитавших в хастатовском доме в Горячеводске, этот интерес должен был быть особенно сильным.

Не надо забывать и того, что Пятигорье, которое произвело такое сильное впечатление на Лермонтова, было в период, следовавший за 1804 г., ареной боевых операций, что именно с Пятигорьем тесно связаны имена Измаил-бея и Росламбека. Измаил-бей жил в Пятигорье. О встрече с ним здесь в 1810 г. рассказывает Гаас. В 1811 г. его здесь видел Киммель.¹⁰⁸

И после отъезда с Кавказа связь Лермонтова со многими из тех, кто жил на Горячих водах в 1825 г., не прервалась. Вместе с возвращавшимися тархановцами уехала и Мария Акимовна Шан-Гирей с сыном, который стал ближайшим другом Лермонтова и остался на постоянное жительство в Тарханах, а по переезде Лермонтова вместе с бабушкой в Москву в 1827 г. через некоторое время также был перевезен туда. Аким Павлович Шан-Гирей дружил с Лермонтовым всю жизнь. Мария Акимовна приобрела по соседству с Тарханами имение Апалиху и осталась здесь на постоянное жительство. К ней наезжала с Кавказа ее мать — Екатерина Алексеевна Хастатова. Муж Марии Акимовны Павел Петрович Шан-Гирей подолгу жил у Арсеньевой в Москве. А.З. Зиновьев, воспитатель Лермонтова, пишет в своих воспоминаниях: "Подолгу гащивал приезжавший с Кавказа (Павел Петрович Шан-Гирей), женатый на племяннице Е.А. Арсеньевой, особенно пленявший Мишу своими рассказами".¹⁰⁹

Следует полагать, что много рассказов о Кавказе Лермонтов мог слышать непосредственно от тех горцев, которые вошли в русскую культурную среду. Большой интерес представляет вопрос о связях Лермонтова с Шорой Бекмурзиным Ногмовым. Этому вопросу мы посвящаем отдельную главу нашей книги.¹¹⁰

Упомянутый выше Хан-Гирей также мог быть известен Лермонтову. Хан-Гирей служил лейб-гвардии в Кавказско-горском полуэскадроне (впоследствии командовал им), в котором служил и Шора Ногмов. Во время польского похода полуэскадрона (в 1830—1831 гг.) Ногмов был в непосредственном подчинении у Хан-Гирея.¹¹¹

Хан-Гирей очень интересовался народной поэзией черкесов, он опубликовал много материалов этнографического, исторического и т.д. характера.¹¹²

* * *

Определяющим моментом в развитии лермонтовского творчества были факторы действительности, времени. Наша точка зрения принципиально отвергает идею о развитии творчества Лермонтова в зависимости от литературного подражания. Анализ ранних кавказских поэм, и в первую очередь поэмы "Измаил-бей", еще раз на конкретном примере показывает, как узки те границы, в которые пытались включить изучение лермонтовских произведений представители противоположной точки зрения. При рассмотрении такого произведения, как "Измаил-бей", изучающих подчас сбивало с правильного пути даже просто то обстоятельство, что эта поэма выдержана в нормах романтического стиля.

Уже в раннюю пору, к которой относится создание рассматриваемых нами поэм, отчетливо выявились те принципы, которыми определялся творческий метод поэта. Лермонтовский гений искал вдохновения в подлинной жизни, в народной поэзии, в фактах действительности.

Мы теперь можем понять источник той особой интонации, которая звучит в часто цитируемом четырехстишии Лермонтова, относящемся как раз к раннему периоду творчества. Эта особая интонация — в знаменитых строках:

**Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.** (I, 350)

Песня Казбича

В поэме "Аул Бастунджи" рассказывается о вражде двух братьев — Акбулата и Селима. Старший из них, Акбулат, женится на Заре. Преступной страстью к ней зажегся и Селим, как только Зара появилась на пороге дома, в котором до того времени в мире и дружбе жили братья.

Не умея побороть страсти, Селим открывается брату и просит отдать ему Зару. Акбулат негодует и отказывается. Селим покидает дом, скрывается и ждет часа, чтобы овладеть любимой женщиной.

Однажды Селим, подстерегши, застаёт Зару одну в то время, когда она купалась в ручье.

Она беспомощна, но Селим, несмотря на то, что в нем кипит страсть, только молит о любви. Гордость не позволяет ему просто овладеть Зарой, похитить ее, он хочет, чтобы она по своей воле согласилась бежать с ним.

Не желая забывать долга, Зара отказывается. Селим покидает ее.

В роковой день к сакле Акбулата запаленный хозяйский конь примчал труп Зары. Ее похитил и убил Селим и, чтобы насладиться мезьей, привязал труп к седлу коня, похищенного одновременно с Зарой.

Заканчивается поэма описанием пожара, который в ту же ночь уничтожил саклю Акбулата и весь аул Бастунджи:

Сгорел Аул — и слух об нем исчез... (III, 188)

Так завершается драматическое действие поэмы.

Интересующий нас эпизод поэмы предшествует той части, в которой рассказывается об убийстве Зары, пожаре и гибели аула Бастунджи.

Возвращаясь с охоты домой, где его ждет известие об исчезновении жены, Акбулат встречается с муллой —

**Вот, раз, с охоты ехал он назад:
Аул дремал в тени таясь от зною:
С мечети божьей лишь мулла седой
Ему смеясь кивает головой;**

И говорит: "Куда спешить, мой сын!
 Не лучше ли гулять в широком поле?
 Черкес прямой — всегда, везде один,
 И служит только родине да воле!
 Черкес земле и небу господин,
 И чуждый враг ему не страшен боле;
 Но, если б он послушался меня.
 Жену бы кинул — а купил коня!"
 "Молись себе пророку, злой мулла,
 И не мешайся так в дела чужие.
 Твой верен глаз — моя верней стрела:
 За весь табун твой не отдам жены я!"
 И тот в ответ: "Я не желаю зла,
 Но вспомнишь ты слова мои простые!"
 Смутился Акбулат — потупил взор
 И скачет он скорей к себе на двор... (III, 184—185)

В лукавой мудрости муллы обнаруживается та идея, вокруг которой сосредоточилось действие поэмы. Рознь поселилась в сердцах братьев из-за женщины, преступления совершились из-за женщины. Из-за женщины погиб и аул Бастунджи.

Еще Висковатый указал, что мысль, которая выразилась в указанной нами сцене поэмы "Аул Бастунджи", обнаруживается также в... песне, включенной Лермонтовым в поэму "Измаил-бей".¹¹³

Приведем эту песню.

Черкесская песня
 Много дев у нас в горах;
 Ночь и звезды в их очах;
 С ними жить завидна доля, —
 Но еще милее воля!
 Не женися, молодец,
 Слушайся меня:
 На те деньги, молодец,
 Ты купи коня!
 Кто жениться захотел,
 Тот худой избрал удел,
 С русским в бой он не поскачет;
 Отчего? — жена заплачет!
 На те деньги, молодец,
 Слушайся меня:
 Не женися, молодец,
 Ты купи коня!
 Не изменит добрый конь:
 С ним — и в воду и в огонь;
 Он как вихрь в степи широкой,
 С ним — все близко, что далеко.
 Не женися, молодец,
 Слушайся меня:
 На те деньги, молодец,
 Ты купи коня! (III, 218—219)

Мотив, близкий выраженному в "Черкесской песне" из "Измаил-бея" и в "Ауле Бастунджи", имеется в легенде, опубликованной собирателем кабардинского фольклора Евг. Барановым. В ней есть такое место: "Да, предки наши заслуживают похвалы. Но чем мы можем похвалиться? Кто из нас скажет, что он верит своему коню и своей жене? Кто поклянется, что ни конь, ни жена никогда не изменит ему? — Переглянулись джигиты между собой: странный вопрос предложил им князь. Разве он ребенок, что не знает того, что коню, как товарищу, еще можно верить, но разве же можно верить жене?.. Ведь на всем свете не найдется существа изменчивее женщины".¹¹⁴ Подобный взгляд свойствен и кабардинским рассказам о "неверных женах".¹¹⁵ "Черкес-

ской песне" близка по мысли кабардинская поговорка: "В юности за оружие берись, но не женись".¹¹⁶

Характерный мотив, отразившийся в творческой практике Лермонтова и созвучный фольклорным представлениям, имел значение и при построении действия в поэме "Аул Бастунджи"; он сыграл здесь значение в создании колорита времени и места.

Мысль "Черкесской песни" еще раз отразилась в одном из лермонтовских произведений.

* * *

Максим Максимыч свой рассказ о трагической судьбе юной черкешенки Бэлы начинает с описания свадьбы, на которой в качестве гостя присутствовал и Печорин. Здесь Печорин впервые встречает Бэлу.

Максим Максимыч замечает, что не только Печорин залюбовался молодой княжной. Из угла комнаты на нее смотрели огненные глаза Казбича.

Дальше рассказывается о том, как Максим Максимыч сделался невольным свидетелем разговора между Казбичем и Азаматом, братом Бэлы.

Казбич рассказывает о своем коне Карагёзе. "Лошадь его, — замечает Максим Максимыч, — славились в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно" (V, 194).

Азамат, который давно с жадностью и завистью поглядывал на Карагёза, теперь, после рассказов Казбича, еще более возбуждается. Он хочет во что бы то ни стало получить Карагёза.

Сначала Азамат заявляет о своем желании осторожно: "Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат, — если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!" (V, 195).

Казбич не отвечает и рассказывает о случае, когда Карагёз спас его.

Азамат говорит, что если бы у него был табун в тысячу кобыл, то он отдал бы его за Карагёза.

"Йок, не хочу" (V, 196), — равнодушно отвечает Казбич.

Наконец, Азамат говорит о своем желании прямо: "Ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга — такая, как твоя, нипочем" (V, 196).

Казбич молчит. Азамат снова обращается к нему: "В первый раз, как я увидел твоего коня.., когда он под тобой крутился и прыгал, раздувал ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор всё мне опостытело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просяживал я на утесе целые дни, и ежeminутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, прямым, как стрела, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его!" (V, 196).

Казбич не соглашается.

Тогда Азамат предлагает самое крайнее: помочь в похищении Бэлы. Казбич задумывается.

Он колеблется, выбирает. Получить Бэлу? Отдать Карагёза? Казбич долго, долго молчит. Наконец ему в голову приходит мысль, которая и решает для него дело.

* "Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой, но привычка — вторая натура" (Примечание, сделанное Лермонтовым в "Герое нашего времени" к этой песне), т. VI, М.—Л., 1957. — С. 214.

Казбичу дорога его "молодецкая воля", он вспоминает, что во всех опасностях конь Карагёз был его верным другом, — он отказывается от Бэлы, предпочитая сохранить коня. Эту мысль подсказывает ему старинная адыгская мудрость. Вместо ответа на предложение Азамата, Казбич поет черкесскую песню, в которой и говорится, почему он принимает свое решение.

Песня Казбича — та самая, которая ранее была Лермонтовым включена в поэму "Измаил-бей". Теперь она подверглась новой обработке:

**Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет .*** (V, 197)

Итак, Казбич поступает в согласии с правилом, усвоенным им из обихода народной мудрости. Следовательно, идея, выраженная в указанном народно-поэтическом произведении, нашла себе еще одно отражение в сюжете лермонтовского произведения.

Отказ Казбича ведет к ссоре между ним и Азаматом, что в свою очередь является важнейшей составной частью завязки и вообще всей повести "Бэла".

По возвращении со свадьбы Максим Максимыч рассказывает Печорину о слышанном им разговоре между Казбичем и Азаматом. Печорин "посмеялся, — такой хитрый! — а сам задумал кое-что" (V, 198), — замечает Максим Максимыч.

Печорин решает помочь Азамату похитить Карагёза, но взамен он требует, чтобы Азамат выкрал из дому Бэлу и привез ее в крепость.

Все происходит, как задумал Печорин. Азамату достается Карагёз, Печорину — Бэла.

Похищенная Азаматом Бэла остается жить у Печорина. Эта часть сюжета повести "Бэла" обычно сопоставляется с реальным событием, участником которого был родственник Лермонтова А.А. Хастатов. У Хастатова жила горянка, носившая то же имя.¹¹⁷

Мы укажем еще на некоторые обстоятельства, характеризующие реальную документированность содержания повести. Азамат — отчаянная голова, у него на уме только удаливость и молодецество. После того, как ему удалось увести лошадь Казбича, он оставляет отцовский дом и исчезает.

Бытующее на Кавказе и данное Лермонтовым персонажу своей повести имя — Азамат — является словом, имеющим определенное значение. "Азамат" — молодец, удалец, юноша (лет двадцати).¹¹⁸

Характеризуя Казбича, Максим Максимыч говорит о нем: "Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре" (V, 194).

Сталь в своем "Этнографическом очерке черкесского народа", написанном на основании наблюдений, произведенных примерно в то же время, к которому относится лермонтовская повесть, сообщает: "Ходить оборванным не составляет малейшего стыда как для богатых, так и для бедных. Пренебрежение к щегольству обозначает даже настоящего наездника".¹¹⁹

Действие, которое завязалось в начале повести и повлекло за собою ряд событий, ведет к трагической развязке.

Выдав день, Казбич похищает Бэлу. Но возвращающиеся с охоты Печорин и Максим Максимыч подспевают вовремя — Казбич еще не успел ускакать с Бэлой.

Во время погони выстрелами из ружей Печорин и Максим Максимыч ранят Казбича и его лошадь. Казбичу удается все-та-

ки уйти. Бросив раненую лошадь, он как кошка вскарабкался на утес и скрылся. Однако он успевает нанести кинжалом смертельную рану Бэле. Через несколько дней Бэла умирает.

Таким образом, в завершении действия обнаруживается непосредственная связь с исходной ситуацией. И совершенно естественно, что Казбич делает попытку похитить Бэлу: она ему очень нравится. В свое время Бэла ему не досталась потому, что он отказался отдать за нее своего коня. Казбич должен попытаться овладеть Бэлой. Чутье и такт художника подсказали Лермонтову, что представление о характере Казбича было бы неполным, если бы он не сделал подобной попытки. Естественно согласуется с поступком Казбича и то, что он хотел отомстить Печорину за его содействие Азамату в похищении Карагёза. Удар кинжалом в спину в тот момент, когда Казбич увидел, что похищение Бэлы не удалось, — поступок, вполне оправданный моралью Казбича. Кстати, Казбич поступает так же, как герой поэмы "Аул Бастунджи" Селим, который убивает Зару.

* * *

Судьба людей, жизнь которых соприкасалась с жизнью Печорина и в чем-либо зависела от него, трагична. Это и определяет все построение повести и исход ее действия.

Осуществляя свой замысел, Лермонтов опирался на представления, возникавшие у него на основе знакомства с реальным материалом, с фольклором, этнографическими данными и т.д.

Те обстоятельства, на которые мы указывали в настоящей главе, характеризующие условия среды, места и времени, дают добавочный материал для суждения о характере связи с жизнью реалистического романа Лермонтова.

Городская легенда

В кабардинском или черкесском ауле можно было иногда наблюдать удивительную сцену. На суд многочисленного собрания выводили одетого в безобразный войлочный колпак человека, на которого со всех сторон сыпались насмешки. Когда считалось, что он осмеян достаточно, на него налагался штраф в пару волов. Так поступали с тем кабардинцем или черкесом, который оказался трусом.¹²⁰

Подобных свидетельств высокой меры строгости кабардино-черкесских представлений о боевой чести много в описаниях их быта и нравов.

Исторические судьбы адыгов, то есть кабардинцев, черкесов и адыгейцев, в далеком прошлом сложились так, что возникновение культа доблести было тесно связано с самой тенденцией к сохранению народности. В этом причина глубокой органичности культа.

Предки современных адыгов, живя с весьма давнего времени примерно в тех же местах, где они обитают и сейчас, были свидетелями и участниками многих исторических событий, происходивших в южных степях, в восточном Причерноморье, в Предкавказье.

Первые обстоятельные исторические данные о населении этих областей — скифах — оставлены нам древними греками, в частности Геродотом (V век до нашей эры) в его "Истории". Черкесы же еще более древние насельники этих мест, чем скифы.

Старшие современники скифов, они были свидетелями сармато-скифской борьбы и, конечно, принимали в ней участие.

О готах и гуннах кабардинцы, черкесы и адыгейцы помнят и до сих пор поют песни о борьбе предков и против готов и про-

тив Адилы, то есть Атилла — "Бича божия", как, по утверждению Ногмова, в одной адыгской песне называется Аттила, — то же прозвище было распространено и в Европе.¹²¹

Дальше — хазарский каганат, печенеги, половцы, татары. В борьбе против них адыги отстаивали себя и — отстояли: нет хазар, нет печенегов и половцев, но адыги — остаток древнейшего населения Кавказа — живут и ныне.

Естественно, что, ведя на протяжении многих веков упорную борьбу за свое существование, адыги выработали тот высокий культ воинской доблести, который удивлял всех писавших о них.

Масуди, арабский историк, живший в IX—X веках нашей эры, пишет: "Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будут в состоянии ничего предпринять против них".¹²²

Иосафат Барбаро, проживший в Тане, по соседству с Черкесией, шестнадцать лет (начиная с 1836 г.), сообщает: "Они... отличаются мужеством".¹²³

Георгий Интериано, которому принадлежит первое обстоятельное описание быта и нравов черкесов, в своем сочинении сообщает: "Каждый день они бьются с татарами, которыми окружены со всех сторон; по Босфору проникают до Херсонеса, особенно зимой, когда море замерзает, грабят фракийских жителей, т. е. татар, причем несколько человек гонят перед собою большую татарскую толпу, потому что они поворотливее, храбрее и лучше их вооружены, и лошади у них лучше".¹²⁴

Подобные характеристики — обязательная принадлежность всех описаний быта и нравов черкесов.

Одна из специфических черт кабардино-черкесского фольклора — настойчивая морализующая тенденция, которая в тех произведениях, где говорится о боевых делах, проявлялась в возвышении героя — в пример другим. Черкесы говорили о герое: "Его гробница разрушится, а песня до конца мира не исчезнет". В песнях не только возвычали героя, но и осмеивали труса — на вечный позор.¹²⁵

Поэтому-то вполне в духе кабардино-черкесской фольклорной традиции и звучит лермонтовский "Беглец". Гарун бежит, не отомстив за смерть отца и братьев, и он предан проклятию:

**В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.** (III, 363)

Лермонтов в своих кавказских произведениях часто опирался на кабардино-черкесский исторический, этнографический, народно-поэтический материал. Поэтому ему нетрудно было написать произведение, по своему духу близкое сути адыгских представлений о чести воина.

**Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!** (III, 359)

Лермонтов сразу вводит читателя в сюжетную суть произведения и дает психологическую экспозицию. В дальнейшем рассказывается о презрении, которое встречает беглец в родном ауле:

**И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой, как только мог,
Гарун ступил через порог;**

**Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, — он молча, — умирал...
"Велик аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!"
"Что нового?" — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
"Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним:
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..
И умирающий в ответ:
"Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!.." (III, 360—361)**

Лермонтов дальше дает песню "Месяц плывет", которая ранее была включена в поэму "Измаил-бей". Эта песня прощания с воином, уходящим на битву, получает в "Беглеце" дополнительную характеристику: "песня старины".

**Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И, саклю новую минуя,
На миг остановился он.
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:
Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший**

Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы.
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.¹²⁶ (III, 361—362)

Услышав эту песню, Гарун не осмеливается даже показаться своей возлюбленной. И, наконец, Гарун отвергнут родной матерью:

— "А где отец и братья?" — "Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли".
"Ты отомстил?" — "Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою..."
"Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!.." (III, 362)

Только ли в том дело, что характерные мотивы кабардино-черкесского фольклора послужили Лермонтову материалом для его произведения? Нет, связь здесь гораздо более тесная.

Как и в остальных случаях, так и в этом лермонтоведы не обратили внимания на одну деталь: на лермонтовское указание о характере произведения. Такие подзаголовки, как "Черкесская повесть" (подзаголовок "Каллы"), "Восточная повесть" (подзаголовок "Измаил-бея") и т.д., соотносились часто с жанровыми обозначениями романтических поэм, авторы которых, следуя Байрону, прибегали к подобным подзаголовкам: подчас же подобные подзаголовки вообще мало что говорили исследователям. Так произошло и в интересующем нас случае. А между тем подзаголовок "Беглец" имеет значение.

Тебу де Мариньи, касаясь в своем описании путешествия в Черкесию вопроса об искусстве и народной поэзии черкесов, подчеркивает указанную нами выше особенность адыгского фольклора. Он пишет: "Их песни... служат часто для восхваления добродетели, как и для исправления нравов; это одно из наказаний человека порочного".¹²⁷

Это лишний раз свидетельствует о том, что тон подчеркнутото морального осуждения, которым проникнут "Беглец", — вполне в духе дидактики, свойственной кабардино-черкесскому фольклору.

Однако — повторяем — дело не только в этом.

Тебу де Мариньи, говоря о характере слышанных им песен, излагает содержание одной из них, которая, видимо, по своей выразительности ему больше всего понравилась. Он пишет: "Несколько из них спели в моем присутствии, между ними одну, заключающую жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли. Так на каждом шагу в истории этих народов наталкиваешься на черты, которые заставляют вспомнить героические времена Греции".¹²⁸

Сюжетная ситуация в песне, изложенной Тебу де Мариньи, весьма близка ситуации лермонтовского "Беглеца".

Слышал ли Лермонтов именно эту песню или совпадающую с ней по содержанию — во всяком случае обнаружение ее совер-

шенно неоспоримо доказывает, что изображаемая в "Беглеце" ситуация точно совпадает с обрисованной в подлинном произведении адыгского фольклора. Это документально подтверждает реально-жизненный характер "Беглеца".

На то, что содержание "Беглеца" связано с реальным произведением кавказского фольклора, Лермонтов указывает сам: в подзаголовке к "Беглецу" он сообщает — "Горская легенда".

Соприкосновения и связи (О стихотворении "Спор")

У подножия Казбека идет поднимающаяся на перевал горная дорога. Она пролегает через центральную часть Кавказского хребта, по ущелью Терека — с севера, Арагвы — с юга, и проходит через седловину, где расступились горные цепи. От Каспийского моря и до Черного этот проход в Кавказских горах — лучший. Еще в древние времена народы открыли этот путь.

Пройдя дарьяльскую теснину, "Аланские ворота", когда шли с севера, или спускаясь по падающему к кавказским равнинам ущелью Терека — на пути с юга, двигавшиеся по дороге подходили к Казбеку и у его скатов, над Терекком, обходили окружьем гору. Здесь, у Казбека, столкнулись северные и южные народы, здесь сплелись этнографические границы. К Казбеку близко подошли поставленные на страже боевые башни и замки, на его скалах были построены церкви и монастыри.

Таким образом, к Казбеку издавна прибилились люди.

Наибольшая среди всех основных вершин Кавказа близость Казбека к средоточию людей могла служить причиной того, что эта величественная и труднодоступная гора представлялась покорившейся человеку и таким образом являлась символом трудной человеческой победы:

"...Покорился человеку
Ты недаром, брат!

.....

Уж проходят караваны

Через те скалы,

Где носились лишь туманы

Да цари-орлы". (II, 123)

Однако фантазия горных жителей, кавказские легенды рисовали эту гору недоступной. В легендах говорилось, что снежные и каменные обвалы, которые летели в пропасти с ледяных казбекских скатов, мчались по Девдоракской теснине в долину Терека, и снежные метели, которые вихри гнали через ущелья, — гнев горного духа.

Божество обвело вокруг вершины Казбека волшебный круг, за который не позволено переступать. Многие слышали петушиный крик горного духа, которым он пугает людей, осмеливающихся приблизиться к запретной черте¹²⁹.

Лермонтов знал о существовании легенд, связанных с Казбеком. Возвращаясь в 1837 г. на родину, он проезжал по Военно-Грузинской дороге, побывал у подножия Казбека. При мысли, что на севере он не встретит желанного дружеского привета и близких друзей, деливших с ним молодость, он обращается к Казбеку и просит исполнить его желание:

Но есть еще одно желание!

Боюсь сказать! — душа дрожит!

Что если я со дня изгнания

Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?

Старинный встречу ли привет?
 Узнают ли друзья и братья
 Страдальца, после многих лет?
 Или среди могил холодных
 Я наступлю на прах родной
 Тех добрых, пылких, благородных,
 Деливших молодость со мной?
 О если так! своей метелью,
 Казбек, засыпь меня скорей
 И прах бездомный по ущелью
 Без сожаления развей. (II, 37)

В последней строфе заключен отзыв бесспорного знакомства с легендами о Казбеке.¹³⁰

Народные предания о недоступности или труднодоступности Казбека должны были подчеркивать значительность победы человека.

Казбек в "Споре" — поэтический образ, под "Казбеком" разумеется вообще Кавказ. Народные легенды дают возможность еще яснее определить символику "Спора".

Силы, которым окончательно покорится Казбек, которые загваивают его "навек затихнуть", движутся с севера. Указывает в "Споре" на них Эльбрус.

В фольклоре народов Кавказа, в частности адыгском, имеется много произведений, которые включают мотивы предвидения угрозы Кавказу с севера.

Реальные основания для возникновения этого представления могли зародиться еще в далеком прошлом, например в скифскую эпоху. Северяне по отношению к Кавказу, скифы и сарматы грозили его народам. Боевые дружины скифов и сарматов подходили вплотную к кавказским горам. Их потомки и наследники — аланы тесно придвинулись к Кавказу, широким валом облегли большие пространства и здесь осели, положив начало селящемуся в теснинах и ущельях народу оссов — осетин.

Многочисленные фольклорные произведения, донные бытующие на Кавказе, северным грозным народом считают светловолосый и голубоглазый народ руссов. Это могло быть историческим приурочением. К девятому веку относится первый поход руссов на Абесгун. В 909 году руссы совершили еще один поход, во время которого были взяты Абесгун и Макале, в 910 году они совершили нападение на Сари, Далеиман и Гилян. Масуди говорит о походе войск Руси на Кавказ в 913—914 гг. В 944—945 гг. был совершен еще один поход на Кавказ. Большое значение для истории своего времени имел поход Святослава, который, разгромив в 965 году хазар, двинулся на Кавказ, где "ясы победы и касоги". Этот поход имел очень большое значение в истории народов Кавказа.¹³¹

Судьбы русского и адыгского народов сблизилась давно, сведения об этом восходят к начальным временам русской истории. Одно из русских княжеств — Тмутараканское — соприкасалось границами с землями адыгов. Среди тмутараканских жителей были адыги. Касоги — адыги неоднократно упоминаются в русских летописях. Летописи сохранили известие о походе сына Владимира Святого, князя черниговского и тмутараканского Мстислава Храброго, и о его поединке с касожским богатырем Редедю. В "Слове о полку Игореве" упоминается о Мстиславе, "иже зареза Редедю пред пьлky касожьскими".

Легендарному кабардинскому мудрецу и мыслителю Лиуану народ приписывает рассказ о пришествии с севера народа, у которого волосы "светлые, как солома сжатой пшеницы", и глаза "такого цвета, как бывает небо в ясный день". Лиуан говорит: "Они придут и завоюют все долины и горы между морями, дойдут

до мусульманской границы и с высоты гор скажут: выше меня и сильнее меня нет никого!"¹³²

Указанная легенда записана от Амирхана Хавпачева. В этом варианте говорится: "Во времена Лиуана кабардинцы не знали русских. Он был известен как великий мудрец, к изречениям которого прислушивался весь народ... Он предсказывал, что в наши земли придут русские, у которых глаза голубые, как небо, у которых носы обращены к небу, у которых подводы будут на четырех колесах..."¹³³

Легенда о прорицателе Лиуане опубликована также в сборнике "Кабардинский фольклор".¹³⁴

Предания о Лиуане принадлежат кабардинцам, народу, значительная часть которого живет вблизи Эльбруса. Но дающие окраску локальности мотиву "Спора" легенды о Лиуане не связаны с Эльбрусом, в предании о нем не упоминается.

Путешествовавшие по Кавказу слышали предания о Джин-Падишахе — духе гор, властелине духов и царе птиц, или же Симурге.¹³⁵

В указанных преданиях говорится, что этот дух обитает на Светлой горе — Ошха-Махо, Эльбрусе.

В одной из версий легенды рассказывается, что когда серая птица срывается с места и мчится ввысь, то земля трясется от биения ее крыльев, в горах несутся вихри, море закипает. Птица имеет вещий дар провидения. Одним своим глазом Симург видит все прошедшее, другим — все будущее.¹³⁶

Что же видит Джин-Падишах в будущем? Об этом говорится в других версиях. Недавно опубликован следующий вариант легенды.

"На Ошха-Махо обитает тха* птиц пернатых. Некогда он повелевал верными ему джиннами. Ведомо тому тха все, что случится впереди. Стал тха птиц врагом тха великого, и тот не оставит без мести-отплаты врага. Знает тха птиц, что найдет на него тха великий светловолосых иныжей-урусов, и иныжи покортят его владения — высоты горные, скалы серые. Не хочет тха птиц сдаваться без боя. Зовет он к себе из преисподней своих джиннов, чтобы стали они против иныжей-урусов, какие должны прийти со степей и низин, с северной стороны.

Но не вырваться джиннам из глубин подземных, куда их поверг тха великий.

Встает тха птиц с ледяного седалища своего и, расправив крылья, летает над снегами, над пропастями.

Взмахнет он могучими крыльями, и сотрясется земля, завоюют буйные ветры, всколеблется море.

Не идут на зов тха птиц ранее послушные ему джинны. И стонет, и воет, и плачет тха птиц.

И только слышат на земле этот стон-вой, умолкнув в испуге все птицы, поникнут увядшие цветы, туманы поползут по ущельям, черные тучи покортят небо, засверкают молнии и загремит гром, от которого сотрясаются скалы.

Тогда тха великий посылает верных ему джиннов, и они разгоняют тучи, небо становится голубым, солнце сверкает, снег на Ошха-Махо блесит, цветы оживают.

Джинны поют, уговаривают песней тха птиц смириться пред силой-властью тха великого.

Но тха птиц не желает слушать эти песни смирения, грозно и сурово глядит на стени и низины, ожидая нашествия иныжей-урусов..."¹³⁷

Реальный кавказский комментарий постепенно приводит к уяснению того факта, что "Спор" окружен подлинно кавказскими представлениями и мотивами. Близость особенно ощутима при сравнении стихотворения Лермонтова с последним преданием. Упоминание о "светловолосых урусах" носит следы исторического приурочения, которое возникло, видимо, в период

*Тха — бог (кабард.).

кавказских войн, происходивших в XVIII и XIX вв. Именно в таком виде оно и близко "Спору". В записях XIX в. оно приводится в такой же исторически приуроченной форме, как и в варианте, опубликованном в сборнике "Кабардинский фольклор".¹³⁸

Близость, повторяем, бросается в глаза. Основной момент действия лермонтовского стихотворения — спор — в легенде также на первом плане, в форме противоборства между всемогущим и более мудрым "тха великим" и мятежным "тха птиц". Роль великого бога легенды, который предвидит все лучше ослушного бога, потому что, в конце концов, он является решителем судеб, очень близка роли мудрого провидца "Спора" — Шат-горы (Эльбруса). Весьма ощутима близость между мятежным богом предания и Казбеком лермонтовского стихотворения.

Гневный бог птиц смотрит на северные степи и низины и ждет оттуда великанов — русских. В "Споре" же Эльбрус предупреждает:

**...Вот на севере в тумане
Что-то видно...** (II, 124)

После этого:

**Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум...**

.....
**И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов...** (II, 124—125)

Предание об обитающем на Эльбрусе царе птиц, Джин-Падишахе, хорошо было известно тем, кто посещал Кавказ, путешествовал по нему или жил там. Ведь в нем говорилось об Эльбрусе, который прежде всего обращал на себя внимание. Упоминания об этом предании встречаются в записках, очерках, статьях и других сочинениях, опубликованных и до написания Лермонтовым "Спора" и после.

Об интересующем нас предании упоминает, например, Семен Броневский: "Горские народы вообще почитают сию гору за волшебную, и полагают там всегдашнее местопребывание Царя духов, известного у них под именем Джин-Падиша".¹³⁹

Об этом предании говорит и С.Д. Нечаев, посетивший Кавказ и Пятигорье в 1825 г., как раз в то время, когда там мальчиком побывал Лермонтов. "Из сонма седых гигантов, — пишет Нечаев, — двуглавый Эльбрус и выше и ближе всех. Главная его поверхность выражает какое-то важное спокойствие, приличное царскому величию. Там, по уверению Горцев, которые подобно прочим младенчеству народам, неприступные места почитают за священные, там основал ледяной престол великий Джин-Падиша, владыка духов. Многие видали в горных вертепах его преступников, видали даже жестокие между ними битвы".¹⁴⁰

Еще одна причина должна была способствовать популярности этой легенды: она связана с почитанием Татартупа (или Жулата).

Мятежному богу, Джин-Падишаху, приносились жертвы. Принесший жертву перед новым годом получал до следующего года заклятие от пули и шашки.¹⁴¹ Но в легендах говорится, что на Ошха-Махо "подняться нельзя".¹⁴² Поэтому жертвы царю птиц приносились в Татартупе (Жулате). Здесь также совершался обряд примирения и заключения дружбы.¹⁴³ Татартуп имел еще значение убежища: укрывшийся в нем избавлялся от преследования и спасал свою жизнь. Кабардинцы клялись именем Татартупа, и эта клятва была нерушимой и священной.

Татартуп издавна привлекал внимание путешественников. Его упоминают и описывают многие. Одно из ранних упоминаний относится к 1742 г.¹⁴⁴ Впоследствии о нем писали Семен Броневский,¹⁴⁵ Гюльденштедт, Клапрот, П. Зубов и др.¹⁴⁶

Пушкин делает Татартуп местом гибели одного из сыновей Гасуба в своей неоконченной поэме о Тазите:

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.
В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.¹⁴⁷

Упоминание о том, что сын Гасуба убит "вблизи развалин Татартуба", показывает, что Пушкин знал о значении Татартупа как места убежища и хотел подчеркнуть коварность убийцы, нарушившего священный обычай.¹⁴⁸

О Татартупе Пушкин упоминает и в "Путешествии в Арзрум"¹⁴⁹: "Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость; кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках славобливыми путешественниками".

Связанные с реальными кавказскими мотивами представления "Спора" имеют важнейшее значение для характеристики идейных взглядов Лермонтова последнего периода.

В "Споре" заключена идея победы "Севера". В этом как раз важное отличие приведенного выше предания от "Спора".

В легенде говорится о нежелании слушать "песни смирения", в "Споре" иное:

**Шапку на брови надвинул
И навек затих.** (II, 126)

В таком изменении нельзя не видеть понимания исторических обстоятельств: ход истории нес победу "Северу" над "угрюмым Казбеком".

Подобная же мысль нашла свое выражение еще за девять лет до написания "Спора" — в "Измаил-бее" (часть третья, строфа первая).

* * *

В "Споре" мы читаем:

**От Урала до Дуная,
До большой реки,
Кольхаясь и сверкая
Двигутся полки;
Веют белые султаны
Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;**

Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой. (II, 125)

Кого разумел Лермонтов под седым водителем "боевых батальонов"?

Александр Дюма во время путешествия по Кавказу перевел "Спор" на французский язык (в 1858 г.). Пользуясь сообщенными ему сведениями, он указывает имя генерала: Ермолов.¹⁵⁰

Дюма даже послал лично Ермолову свой перевод, снабдив его следующим обращением: "Генерал! Разрешите французскому поэту, который в продолжение двух месяцев слышит ваше имя, повторяемое всеми эхо Кавказа, послать вам переведенные им стихи Лермонтова, в которых упоминается ваше славное имя. С тех пор, как бородинские орудия возвестили Франции имя Ермолова, уважение и удивление к этому имени никогда не покидали меня".¹⁵¹

Свидетельство о том, что в "Споре" речь идет именно о Ермолове, опубликовано также в 1871 г. в "Русской старине".¹⁵²

Ермолов пользовался большой популярностью, и его имя было тесно связано с историей кавказских войн. Может быть, только поэтому Лермонтов и придал "генералу седому" роль вдохновителя завоевательного движения, идущего с севера? Нет, для этого были более непосредственные причины.

В Центральном государственном военно-историческом архиве хранится черновик письма командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории Граббе к Ермолову. Вот выдержка из этого документа:

"15 марта (1841 года) А.П. Ермолову... Вы упоминаете о г. Бибикове, о котором Вы за три дни пред тем <отправили> писали ко мне; (слово вычеркнуто, неразборчиво), в ожидании его я замедлил ответом на последнее, не имея сведения, получены ли два письма мои к Вам, одно по почте, другое с г. Лермонтовым отправленные. <Это сведение я надеялся найти в>. Но ни г. Бибикова, ни этого сведения еще куда нет. Долею откладывать ответа не смею и не могу".¹⁵³

Итак, Лермонтов, уезжая в начале 1841 г. в отпуск с Кавказа в Петербург, вез письмо Граббе к Ермолову — обстоятельство, биографам Лермонтова неизвестное. Такие письма заключают что-либо относящееся к тому человеку, с которым они пересылаются. Лермонтов, конечно, виделся с Ермоловым и беседовал с ним. (Ермолов в это время жил в Москве и в Петербурге попеременно). О характере беседы Лермонтова с Ермоловым мы сможем судить, если примем во внимание идейно-политическую окраску "Спора", написанного в 1841 г.

* * *

Легенды о Казбеке, проникнутые идеей о его недоступности, народные поверья; распространенные на Кавказе и вообще на Востоке сказания о приходе с севера народа-воина, к которым примыкают приведенные нами кабардинские народно-поэтические произведения; круг эльбрусских легенд, еще раз повторяющих мотивы о северных пришельцах и о провидении будущего и заключающих в качестве одного из важных сюжетных компонентов мотив борьбы-спора, — все это находит близкое соответствие в лермонтовском произведении. Локальный Кавказу "Спор" — весь в тесных соприкосновениях и связях с народной поэзией.

Привлекая материалы народной поэзии и приводя данные биографического характера, мы видели нашу задачу в том, чтобы представить важнейшую идею "Спора" об исторической неизбежности соединения судеб Кавказа и России, о торжестве принципа "промышленной цивилизации"¹⁵⁴ в окружении реальных обстоятельств и фольклорных представлений.

Повесть о Гарибе

До недавнего времени "Ашик-Кериб" печатался по тексту, опубликованному в литературном сборнике "Вчера и сегодня" в 1846 г. в числе произведений Лермонтова, бывших до того времени неизвестными.¹⁵⁵ По автографу, обнаруженному после Октября,¹⁵⁶ "Ашик-Кериб" увидел свет только в 1937 г. — в полном собрании сочинений М.Ю. Лермонтова, изданном под редакцией Б. Эйхенбаума.¹⁵⁷ Но публикация эта, к сожалению, не совсем исправна.

В первопечатном тексте герой повести всегда именуется "Ашик-Керибом". Эйхенбаум, воспроизводя автограф, называет героя тем же именем. Однако в автографе он именуется в большинстве случаев иначе. Это другое имя не указывается и в текстологических примечаниях, сопровождающих издание. Вряд ли редактор не разобрал его, оно читается довольно отчетливо.¹⁵⁸

Лермонтов именуется своего героя "Ашик-Керим". Так он пишет, впервые называя героя произведения, то же имя повторяет в следующих шести случаях. Только в восьмой раз называя имя главного действующего лица, Лермонтов, наконец, именуется "Ашик-Кериб", но вслед за тем восемь раз опять повторяется "Ашик-Керим". Лишь после этого до самого конца сказки идет неизменно "Ашик-Кериб". Из двадцати шести случаев в пятнадцати герой называется "Ашик-Керимом", а в одиннадцати — "Ашик-Керибом".

Таким образом, Лермонтов только в конце склонился к тому написанию, которое сделалось каноническим и вошло в обиход. Различие в написании не случайная ошибка или описка Лермонтова.¹⁵⁹ Существует народная повесть, герой которой именуется "Ашик-Керимом".

Это произведение существует в различных видах. Иногда оно имеет форму короткой сказки, иногда же это значительный по объему дастан. Распространено оно у армян, азербайджанцев, туркмен и т.д. Приведем краткий вариант, бытующий у армян.

Ашик-Кярам

В одно время в городе ** жили в соседстве армянский священник и мулла. Оба они были бездетны. Каждый из них при мысли, кому должен оставить свое имущество, сильно печалился и считал себя несчастнейшим человеком во всем городе. После неоднократного обращения к знахарям и дервишам, по совету жены священника, они обратились с горячею молитвою к богу и дали друг другу слово соединить детей своих браком, если бог сжалится над ними и дарует одному сына, другому — дочь. Бог внял усердным молитвам их: через год священнику он даровал дочь, а мулле — сына. Не было пределов радости родителей! На седьмой день сыну мутлы нарекли имя "Кярам", а дочери священника — "Асли".

Шли годы: священник и мулла продолжали жить в дружбе; vyrastали Кярам и Асли и достигли, наконец, брачного возраста. Мулла при встрече со священником делал намеки относительно женитьбы Кярама на Асли, а последний, уклоняясь от прямого от-

вета, говорил, что еще рано думать о браке их детей. Между тем священник был в самом затруднительном положении: с одной стороны, ему казалось большим грехом выдать христианку за татарина; с другой, тяжело было не исполнить данного мулле слова, тем более, что они клялись друг другу именем бога. Долго думал священник, как ему быть, и, наконец, спросил об этом мнения своей жены. Она сказала, что выдать дочь за татарина невозможно; если же ему, священнику, трудно отказать мулле в сватовстве, то лучше всего тайно переселиться куда-нибудь. Совет жены очень понравился священнику: он решил покинуть родной город.

Кярам, проводя свое детство в играх с Асли, которая своею красотой превосходила всех других девиц, влюбился в нее. Когда священник вместе со своим семейством скрылся из города, Кяраму стало ясно, что он не хочет выдать своей дочери за него. Любовь к Асли не давала Кяраму покоя ни на минуту; он дал себе обет найти свою возлюбленную, где бы она ни находилась. Кярам приобрел балалайку и, под видом ашика, пустился в путь. В короткое время он научился превосходно играть на балалайке, а песни в честь Асли ему подсаживала любовь к ней. Странствуя из города в город, Кярам в своих песнях спрашивал каждого встречного о том, не знает ли он, где живет его Асли, и описывал семейство священника.

После долгого странствования в одном городе от встретившейся ему старушки Кярам узнал, что недавно приехал туда какой-то священник с женой и единственной дочерью и что жена этого священника занимается выдергиванием больших зубов. Кярам, ходя из дома в дом по всему городу, нашел, наконец, семейство священника.

Он притворился больным и, вошедши в дом священника, попросил жену его выдернуть ему большие зубы. Она приказала Кяраму лечь, Асли же — держать свечу и, по указанию его, стала выдергивать ему зубы, один за другим, пока ни одного не осталось на месте. У Кярама ни одного зуба не побелело; он выдергивал их все лишь для того, чтобы можно было ему более продолжительное время смотреть на свою возлюбленную; вместо боли он чувствовал даже наслаждение. Когда все зубы были выдернуты, Кярам поставил их по своим местам, и как только заиграл на балалайке, зубы тотчас укрепились в челюстях.

Чтобы объяснить семейству священника, кто он, Кярам стал петь: "Я — сын муллы, Кярам, я — житель города **". Семь лет, как я ищу свою возлюбленную Асли" и т.д. Грудь его при этом так сильно пылала любовью к Асли, что из уст его падали искры... И вот, одна искра упала на большой палец его ноги и воспламенила ее. Пламя поднималось все выше и выше, а Кярам продолжал петь про свою судьбу и про свои приключения. Видя, что пламя доходит уже до груди ашика и начинает гореть балалайка, служившая утехой для несчастного Кярама, Асли схватила недалеко стоявший кувшин с нефтью и, думая, что в нем вода, облила ею ашика. Вспыхнуло такое громадное пламя, что Кярам и Асли сгорели... Но пепел их зато соединился вместе...¹⁶⁰

Приведем еще один вариант — азербайджанский.

Асли и Керем

Встретились однажды в саду сын Зият-хана Махмуд и дочь армянского священника Гара-Кешиша Мариам. Полюбили они друг друга. И когда встретились, она ему сказала: "Керем ейле", что значит — "Будь милостив", а он ей ответил: "Асли надир" — "Из какого рода ты?" Так они и стали называть друг друга "Асли" и "Керем".

Керем страдал от любви, не открывал тайны родителям, — стал он и чахлым и худым. Спросил отец у сына, чем он болен.

Вот Керем открывает тайну сердца отцу:

Мне в саду у священника встретилась та
И рассудка лишила! Что делать? Как быть?
Расчесалась, кудрями обвила лицо —
И навеки пленила! Что делать? Как быть?
Я узнал, что священника дочка она —
Та звезда, что дневною зарей рождена,
Что заполнила душу, легка и стройна,
Ах, во сне это было! Что делать? Как быть?
Знает бедный Керем: час разлуки жесток,
Меч разлуки остер, верный конь быстроног.
Ах, она христианка, великий пророк!
Видишь, сердце изныло! Что делать? Как быть?

Зият-хан вызывает к себе Гара-Кешиша и предлагает ему выдать дочь за Керема. Хотя и соглашается как будто Гара-Кешиш на предложение, но не может он представить себе, чтобы христианка вышла за мусульманина. И нимало не медля, вернувшись домой, в ту же ночь со всей своей семьей тайно уезжает он из Ганджи.

Узнал об этом Керем, приходит в опустелый сад Гара-Кешиша, горько плачет под тем кипарисом, где раз только в жизни встретился с милой девушкой, лишившей его рассудка, с Мариам-Асли.

Не в силах пережить он разлуку. Бросает отцовский дом и богатство, отправляется в поиски возлюбленной. За ним пошел и Софи, близкий друг Керема. Долго странствуют юноши из города в город, из селения в селение, все надеется Керем найти дочь Гара-Кешиша. Расспрашивает всех, поет о ней песни, и горе ашуга вызывает у людей сострадание. Много видал он в дороге красивых девушек, но снова и снова странствует, ищет Асли.

И вот он у горы Султан. Послушаем, как обращается Керем к этой горе:

Туман, туман, Султан-гора,
Вершины заслонил твои,
Нагрянет дождь, встает туман —
Кто б зимы мне открыл твои?
Снега с твоих не сходят круч,
Но дождь умолк, не стало туч,
И солнца утреннего луч
Алмазы осветил твои.
Меня любви печаль гнетет,
Я ринулся в огонь невзгод,
Но даже опытный народ
Лета мне не открыл твои.
Керема слезы извели,
Страданья тучами пошли,
Я птицу грусти об Асли
Через снега пустил твои.

Долго скитался Керем и вот узнает, что Гара-Кешиш поселился в Ереване. Но священник не хочет, боится встретиться с Керемом, опять уезжает Гара-Кешиш в далекие страны. Измучен Керем скитаниями, ненавидит он жестокого Гара-Кешиша, и вот поет Керем другу Софи о нужде, разлуке и смерти:

Я знаю, в мире три беды:
Нужда, разлука, смерть.
Мне сердце скорбное гнетут
Нужда, разлука, смерть.
У деспота крушили трон,
У бедняка душили стон,
У третьих просто душу вон —

Нужда, разлука, смерть.
 У этих крепость разгромят,
 У тех — с вином смешают яд,
 Тем юность в старость превратят
 Нужда, разлука, смерть.
 Я в Карадаш прибrel — и там,
 Догнав скитальца по пятам,
 Заставили звать к друзьям
 Нужда, разлука, смерть.
 Керем познал и говорит:
 Отрава смерти нас томит,
 На свете горше всех обид
 Нужда, разлука, смерть!

Однажды в пути застиг их буран. Потерял Керем спутника и друга Софи, остался совсем один. И все еще не терял он надежды найти возлюбленную.

Умер с горя отец Керема. Безумная мать скиталась по селам, лила горькие слезы о потерянном сыне, об умершем муже. Пела она такую песню:

Внемлите словам моим! Горе кругом.
 Все новых разлук в ожидании я.
 Нет места живого на теле моем,
 И стала жилищем страдания я.
 Он соколом в синее небо взлетал —
 Стонала я, голос мой плакал и звал.
 Погиб Зият-хан мой, Махмуд мой пропал.
 Я — мать. Удержу ли рыдание я?
 Мой сын удалился, он стал нам чужой,
 Богатства покрылись трухой и ржой.
 Разрушенной, мертвой, несчастной Ганджой
 Вступила теперь в обладание я.
 Я сердце, как остров, оставлю стоять,
 Растет моя горечь, я бедная мать,
 Когда о Кереме я вспомню опять,
 В отчаянии, в адском пылании я.
 Я спать разучилась от стольких разлук,
 С цветка соловья отпустила я вдруг,
 Я сокола выпустила из рук.
 Я — Гемер-бану, в увядании я.

И вот, наконец, опять нашел Керем свою возлюбленную. Но не улыбалось счастье бедному ашугу. Добился он долгожданной любви Асли, но Гара-Кешиш все-таки пытался мешать их свадьбе, не хотел выдать дочь-христианку за мусульманина. Для вида подчинился он желанию дочери, устроил свадьбу, но в брачную ночь надел отец на Асли заколдованное венчальное платье.

Асли и Керем близки к счастью, к блаженству. Но любовь их невозможна: как только Керем коснулся застежек ее платья, взвилось пламя, и Асли погибла в огне. Не может Керем спасти Асли, гибнет его молодая жена. И вот бедный ашуг берет свой саз и поет последнюю песню:

Я без ума от умных глаз Асли — хан,
 Сурьмой ресницы подвела — я погиб!
 Глаза всех юношей к себе привлекла,
 Лишь, горделивая, прошла — я погиб!
 Зачем тогда я на нее поглядел?
 И сокол мой из крепких рук улетел,
 И нет мне дела до моих старых дел,
 Судьба моя скалой легла — я погиб!
 Керему ведомо, что честь — не в укор,
 Что ждаты друзей в часы беды — это вздор,
 Ты еще дальше, чем была до сих пор!
 Меня пучина увлекла — я погиб!

И собрал он пепел возлюбленной. И сам сгорел в пламени. Так погибли Асли и Керем, о любви которых до сих пор еще поют ашуги.¹⁶¹

О погибшем в огне Кереме (Кереме) часто вспоминают поэты Востока, его имя — символ стойкости и страсти.

Так, современный турецкий поэт-коммунист Назым Хикмет одно из своих программных стихотворений озаглавил "Как Керем":

Здесь воздух давит, как свинец.
 Кричу, кричу, кричу я людям:
 — Идите, помогите мне,
 Свинец мы вместе плавить будем!
 Я слышу:
 — Лучше не кричи,
 А то и сам испепелишься.
 Молчи!
 А то ведь, как Керем,
 И сам ты в пепел превратишься.
 "Здесь не с кем поделиться горем".
 Окаменели здесь сердца.
 Здесь воздух тяжелей свинца.
 Да! Я хочу сгореть вот так,
 Как некогда сгорел Керем!
 Сгорю вот так!
 Ведь если я гореть не буду,
 И если ты гореть не будешь,
 И если мы гореть не будем, —
 Так кто ж тогда рассеет мрак?
 А воздух тяжелей земли...
 И вновь кричу, кричу я людям,
 Чтоб все на помощь мне пришли.
 Свинец
 Мы будем плавить,
 Будем!¹⁶²

Оба приведенных нами варианта завершаются трагической развязкой. Влюбленные гибнут. У Лермонтова же конец счастливый, герой получает заслуженную награду — Магуль-Мегери. Но в других вариантах повести о Кереме и Асли конец также счастливый — так завершается, например, туркменский дастан "Асли и Керем". Керем в брачную ночь, когда вспыхивает на нем заколдованный халат, гибнет, но затем небо, сжалившись над безутешной Асли, воскрешает Керема, который и женится на Асли.¹⁶³

Повесть об Ашик-Кериме близка записанной Лермонтовым сказке, и — повторяем — герой сказки у Лермонтова пятнадцать раз именуется Ашик-Керимом и только одиннадцать — Ашик-Керибом.

Однако лермонтовский текст не есть запись повести об Ашик-Кериме. Чтобы это стало ясным, необходимо сопоставить лермонтовский текст с другими записями этого произведения.

Подлинно фольклорный характер лермонтовского "Ашик-Кериба" стал ясен не сразу. Этому вопросу коснулся Всеволод Миллер в 1890 г. в одной из своих статей, посвященных былинным сюжетам.¹⁶⁴ Но и до статьи Миллера имелись опубликованные материалы, доказывающие это. Некоторые из них стали известны Миллеру лишь позднее, некоторые же вовсе остались неизвестными, хотя, например, важные материалы, которые весьма существенны были бы для Миллера, опубликованы были непосредственно перед появлением его статьи — в 1887 г. На литографированное издание 1880 г. имеется указание в вышедшем в 1891 г. собрании сочинений Лермонтова под редакцией И.М. Болдакова.¹⁶⁵ На изложение Вамбери, опубликованное в 1867 г. (см. ниже), указал сам Миллер в 1892 г.

Но запись Вамбери опять-таки не первоначальная. Ей хронологически предшествует другая, сделанная русским путешественником.

Прежде чем остановиться на этой записи, мы скажем несколько слов о тех публикациях, которые были осуществлены, начиная с девяностых годов прошлого столетия.

В 1892 г. опубликован "Ашик-Кериб", бытовавший в той же среде, что и записанный Лермонтовым вариант — в азербайджанской.¹⁶⁶

В 1896 г. публикуется крымский "Ашик-Кериб",¹⁶⁷ а в 1899 г. — извлечение из полного текста (только песни).¹⁶⁸

Две последние публикации не попали в круг внимания лермонтоведов.

В 1911 г. была обнаружена еще одна азербайджанская версия "Ашик-Кериба".¹⁶⁹

Имеются также армянские и грузинские варианты.¹⁷⁰

Совместное бытование в азербайджанской, армянской и грузинской среде облегчалось тем, что ашуги пели и сочиняли, как правило, песни на двух или даже на трех языках: армянском, грузинском, азербайджанском.¹⁷¹

Был обнаружен также кабардинский "Ашик-Кериб", который весьма близок лермонтовскому.

Тут следует принять во внимание следующее обстоятельство.

В 1864 г. известный кабардинский просветитель Кази Атажукин издал лермонтовского "Ашик-Кериба" в переводе на родной язык.¹⁷²

Вопрос о том, в какой связи находится вариант, записанный Лермонтовым, с вариантом кабардинским,¹⁷³ видимо, возможно решать следующим образом.

В азербайджанском варианте сказки героиня именуется Шах-Санам, в лермонтовском — Магуль-Мегери.

Способы, которыми соперник Ашик-Кериба старается убедить его возлюбленную в смерти Ашик-Кериба, в лермонтовском и кабардинском вариантах совпадают: коварный соперник похищает одежду переправившегося вплавь через реку Ашик-Кериба и сообщает, что Ашик-Кериб утонул. В азербайджанском варианте соперник Ашик-Кериба приказывает своему слуге смочить рубаху в крови зайца и затем показать матери Ашик-Кериба, сообщив, что ее сын убит разбойниками.

Сказка об Ашик-Керибе положена, между прочим, в основание сюжета сыгравшей большую роль в истории развития азербайджанской музыкальной культуры оперы "Шах-Сенем".¹⁷⁴

Сведения об указанных нами вариантах "Ашик-Кериба", включая напечатанные в седьмом и восьмом томах радловского собрания тюркских текстов, обычно и включались в работы лермонтоведов.¹⁷⁵

При этом оставалась вне поля зрения принадлежащая одному русскому путешественнику любопытная публикация, относящаяся еще к двадцатым годам XIX столетия и предшествующая, таким образом, и сведениям Вамбери и лермонтовской записи.

Лермонтов в начале своей сказки говорит об Ашик-Керибе: "Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца, — и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых..." (V, 177).

Лермонтовская запись сделана не в Туркестане, где поэт никогда не был. Кроме слов "прославляя древних витязей Туркестана", больше ничего об этом крае не говорится. Не является ли, таким образом, упоминание Лермонтова результатом какой-то неточности? Нет, не является. Это упоминание Лермонтова совсем не случайно.

Н. Муравьев, известный в русской военной истории под именем Муравьева-Карсского, в 1819—1820 гг. по заданию А.П. Ермолова совершил путешествие в Туркмению и Хиву. В 1822 г. им было издано двухтомное описание своего путешествия. Говоря об одном из эпизодов, Муравьев пишет: "К рассвету мы прибыли к разоренной крепости Шах Сенем..."¹⁷⁶

Это название совпадает с именем героини азербайджанского варианта сказки, у Лермонтова говорится о Туркестане. Таким образом, слова Лермонтова о том, что Ашик-Кериб прославлял древних витязей Туркестана, перестают казаться простой случайностью.

Но Муравьев не ограничивается тем, что упоминает наименование крепости Шах Сенем. Ниже он пишет: "Крепостца Шах Сенем лежала вправо от дороги, мы заезжали ее смотреть: она построена на насыпной горке, внутри видны еще остатки некоторых покоев".¹⁷⁷

И после этого он рассказывает о том, что и представляет для нас сейчас интерес: "Место сие занимательно воспоминанием происшествия, известного во всей Азии, которое даже поют в песнях и рассказывают в повестях.

Шах-Сенем была прелестная дочь одного богатого вельможи. Молодой Кариб (бесприютный странник), прославившийся песнопением и бандурою, любил красавицу. Желая испытать постоянство любви его, она требовала, чтоб он семь лет провел в странствованиях в разлуке с нею. Певец оставляет бандуру престарелой матери своей с запрещением кому-либо касаться струн ее, отправляется в далекий путь, проходит многие земли, подвергается различным опасностям, коих избегается помощью судьбы и добрых людей, и наконец по истечении семи скучных годов возвращается с тою же любовью, с большей радостью на щастливую свою родину. Между тем слезы скорби ослепили мать его. Шах-Сенем за три месяца до его прибытия обещана честолюбивым отцом богатому соседу: сопротивление отчаянной дочери было тщетно. Несчастный Кариб берет свою бандуру, спешит в палаты своей возлюбленной, вступает на пиршество. — Черты лица его изменились; никем не знаем, он ударяет в струны, поет свою любовь, странствия, горсть; и звуки волшебных струн, повесть его приключений, а более всего знакомый голос и пламень чувства его обнаруживают. Сладость свидания заменила тоску разлуки; невеста возвращена ему, и отец соглашается на взаимное благополучие".¹⁷⁸

Муравьев пересказывает сюжет сказки об Ашик-Керибе, известный по записи Лермонтова.

Н. Муравьев сообщает, что о Шах-Сенем и Карибе "поют в песнях и рассказывают в повестях".

Действительно, в Туркмении существует значительный по объему дастан о Шасенем и Гарибе, который включает большое количество песен. В 1945 г. это произведение издано в переводе на русский язык.¹⁷⁹

Содержание туркменского дастана "Шасенем и Гариб" следующее.

Гариб отправляется в странствования, будучи влюбленным в Шасенем. Он отсутствует семь лет, живет в это время в Халапе*. По истечении срока, за три дня до свадьбы Шасенем, которую насильно хотят выдать за соперника Гариба — Шавеледа, Гариб получает от купца перстень Шасенем, напоминающей ему таким образом о себе. Он спешит к возлюбленной. Огромное расстояние, отделяющее его от нее, помогает ему преодолеть встреченный им таинственный всадник, который перевозит Гариба на чудесном коне. Гариб прибывает вовремя: его возлюб-

*Халап — сирийский город Халеп (Алепо)

ленную еще не выдали замуж за Шавеледа, делают только последние приготовления. Гариб при помощи данной ему чудесным всадником земли исцеляет от слепоты мать и сестру, которые потеряли зрение, плача по нем; играя на саазе, он открывается на свадебном пиру возлюбленной, побеждает соперника и женится на Шасенем.

Семь лет отсутствия Гариба, Халап, перстень, купец-вестник, трехдневный срок, в который должен вернуться Гариб к возлюбленной, таинственный всадник на чудесном коне, исцеление от слепоты землею, взятой из-под копыта чудесного коня, игра на саазе на свадебном пиру, победа над Шавеледом (у Лермонтова этот персонаж называется Куршуд-беком, но любопытно, что в одном месте он его называет "Шах-валатом", вычеркнув затем это имя и поставив "Куршуд-бек", в азербайджанском варианте — "Шах-Велед") — со всем этим мы знакомы по другим вариантам.

Для характеристики близости вариантов приведем два примера. В романе "Шасенем и Гариб" сцена разговора вернувшегося Гариба с его ослепшей матерью излагается так:

"Когда Абадан окончила песню, Гариб подумал: "Если я сразу откроюсь, ее сердце разорвется от радости. Лучше я спою песню. Ведь мое имя значит "странник".

И он пропел:

Сюда вернулся я из Ширвана;
Гариб твой — странник, и странник — я.
Бродил повсюду я неустанно;
Гариб твой — странник, и странник — я.
Провел в тоске я семь лет изгнания,
Терпел невзгоды, терпел страдания;
Гариб-учитель мне дал познания;
Гариб твой — странник, и странник — я.
Врагов коварных не верь наветам,
Гариб вернется к тебе с приветом,
Он будет верен своим обетам;
Гариб твой — странник, и странник — я.
Я был далеко — в степях Ширвана;
Сенем к другому б ушла неожиданно,
Когда б не помощь Шахимердана!
Гариб твой — странник, и странник — я.
Лишь в нем нашел я мое спасенье.
Лишь он недугам дал исцеленье,
Лишь он поможет вернуть вам зренья;
Гариб твой — странник, и странник — я.
В цветы и травы оделись горы,
В садах алеют из роз уборы:
Вновь петь могу я, вновь блещут взоры!
Гариб твой — странник, и странник -я.
Я прикоснулся ко многим бедам,
Я за Гарибом влачился следом;
Гариб твой в мире пока неведом;
Гариб твой — странник, и странник — я.
Гариб со мною скитался вместе,
Был в Руме, в Шаме, но, верен чести,
Сюда вернулся, к своей невесте.
Гариб твой — странник, и странник — я".¹⁸⁰

Азербайджанский вариант "Ашик-Кериба":

"Семь лет провел я весну в Алеппо. Я Кериб (чужеземец), Кериб, Кериб... Я играю на саазе твоего сына. Я Кериб...

Запела тогда мать:

"Много раз провела я весну этих стран в ожидании Кериба. Я дала тебе сааз сына. Придет ли и мой Кериб (чужеземец)?"

Кериб:

"О мать! на дорогах переправлялся я через многие воды. В чужих странах приобрел отличную опытность. Слава богу! теперь я пью родную воду. Я Кериб..."

Мать:

"Воды рек безостановочно текут. Печень же моя горит в огне. Бедная Шах-Санам глядит все на дорогу... Придет ли и мой Кериб?"

Кериб:

"Кто ходит в чужих странах, тот — чужеземец. Да поможет твоему горю доктор. Да будет уделом для Шах-Санам увидеть возлюбленного. Я Кериб..."

Мать:

"Из Тавриза привезла я двух детей, привезла и вырастила. Одного я потеряла в этом разрушенном Тифлисе. Придет ли и мой Кериб?"

Кериб:

"Имя матери моей Хани (она из ханского рода), а имя сестры Шахрабана. Я твой сын — Кериб, узнай меня! Я Кериб..."

Мать:

"Если спросишь имя мое, — я Хани, из ханского рода. Нет у меня зрения, чтобы узнать тебя. Какая же я слеподельная и злосчастная мать! О, придет ли мой Кериб?"

Мать все-таки не хотела верить, что это ее сын; но сестра вполне уверилась, что это ее брат...¹⁸¹

Центральная сцена — узнание Гариба — в романе "Шасенем и Гариб" имеет следующий вид:

"...Гариб, захватив сааз, отправился на той*.

Чтобы дать знать Шасенем о своем возвращении, он пропел:

О аллах! В садах с моей любимой
Здесь гулял я и сюда пришел,
Без нее, огнем любви палимый,
Здесь рыдал я и сюда пришел.
Соловей, — я пел моей желанной,
Розолицей и благоуханной;
Здесь, пьянея, рот ее медвяный
Целовал я и сюда пришел.
Соловей, — не пролетел я мимо;
Льется песнь моя неудержимо:
Здесь, в зеркальной горнице, с любимой
Сладко спал я и сюда пришел.
Здесь звучали сладостные речи,
Здесь пылали пламенные встречи,
Здесь янтарно-розовые плечи
Обнимал я и сюда пришел.
Я — Гариб, влюбленный с прежней силой,
Я в изгнании не был взят могилой;
Здесь я рай узнал: в объятьях милой
Замирал я и сюда пришел!

За эту песню распорядитель пира дал Гарибу халат и тысячу тенга.

Шасенем, сидевшая на высоком троне за семислойным полом, внимательно слушала каждого певца, думая: "А вдруг это Гариб?" Выслушав песню Гариба, она почти уверилась, что ее милый вернулся, и хотела сойти с трона и кинуться к нему. Гуль-Нагаль ее удержала.

— А вдруг это не Гариб? Ты только опозоришь себя, — сказала она. — Вели ему лучше спеть еще одну песню и обещай второй халат и тысячу тенга.

Распорядитель пира передал Гарибу повеление Шасенем, и Гариб пропел еще песню:

*Той — праздник (тюрк.).

Друзья, вчера я, выйдя из Ширвана,
 Испив любви ширап густой, пришел.
 О, не вините, что я здесь незванно:
 К любимой я на пышный той пришел.
 Когда я вышел, лишь заря светлела;
 Я в полдень шел пустынею Кербела;
 Я на горы вскарабкивался смело
 И, одолев пески и зной, пришел.
 Вчера еще шагал я по пустыне;
 В обед к тавризской я пришел шахине,
 Я ужинал в Диарбекире ныне, —
 В два дня я из страны чужой пришел,
 Пусть это вам не кажется обманом:
 Я на Дюль-Дюле прилетел буланом,
 Я встретился в пути с Шахимерданом
 И с помощью его святой пришел.
 Да, к вечеру я в дом родной явился.
 Но матери ослепшей не открылся;
 К любимой я на той прийти решился,
 Простясь заране с головой, пришел.
 Ее лицо луне подобно ясной,
 А бровь ее — лук месяца прекрасный;
 Шах пусть грозит мне гибелью ужасной:
 И все-таки, вскипев душой, пришел.
 Врага теперь я избегать не стану,
 Предам себя кинжалу иль аркану;
 Пусть милая, мою увидев рану,
 Поймет: я, жертвуя собой, пришел!
 А мой соперник предо мной да сгинет;
 Пусть он рукой, пусть пальцем он не двинет,
 Пусть взор его в кромешной тьме застынет!
 Сюда я — с ним на смертный бой пришел!
 Поет сааз, руке покорен властной;
 Что устоит перед любовью страстной?
 Пришел Гариб к своей Сенем прекрасной, —
 Как муж ее на брачный той пришел!

Услышав эту песню, Шасенем была охвачена безумным волнением. Она, как подстреленная птица, заметалась за своим пологом, рыдая, пропела:

Ой, мой Гариб! Услышь, услышь меня!
 Не знала я, что ты вернулся, милый!
 Я вся ждала, таясь, лицо клоня, —
 Не знала я, что ты вернулся, милый!
 Нарушив повеление отца,
 Я Шавеледа прогнала с крыльца,
 Я не открыла перед ним лица;
 Не знала я, что ты вернулся, милый!
 Пусть пир гремит, пусть гости во хмелю
 Ждут свадьбы, — я Гариба лишь люблю!
 Все горести с тобой я разделю!
 Не знала я, что ты вернулся, милый!
 Хотя бы смерть скроила мне халат,
 Я за тобой в огонь пойду и в ад!
 Не омрачай твоей любимой взгляд!
 Не знала я, что ты вернулся, милый!
 Я — Шасенем твоя, Аббаса дочь;
 Я плакала семь лет и день, и ночь,
 И мне никто-никто не мог помочь!
 Не знала я, что ты вернулся, милый!

После этого Шасенем распахнула полог трона и спрыгнула вниз.
 — Держи меня, Гариб! — крикнула она.
 Гариб подхватил ее, и они, сплетая объятия, упали без памяти".¹⁸²

У Лермонтова эта сцена изображается так:

"Он взял сааз и начал петь.

"В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дни."

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: " — Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в три дни?"

"За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик, — певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте."

"Пускай продолжает", — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

"Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтобы я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери."

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. "Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека." "Вы не узнали, а я узнала милый мне голос", — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула; бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств" (V, 183).

В азербайджанском варианте этот эпизод имеет следующий вид:

"Кериб пропел следующее:

"В прошлую ночь в Алеппо я пил мисирское вино, теперь приехал сюда. Дошел я до царственного всадника и по следам его приехал сюда".

"Какой ты наглый лжец! — перебил его Шах-Велед, — из Алеппо сюда трехмесячный путь, а ты проехал его в день!.."

"Пусть продолжает, — успокоил его Манаф-бек. — Дальше увидим, что будет." Ашик продолжал:

"Оперся я спиной о каменную крепость. Всемогущий бог так хорошо помог мне. Река Ефрат пересекала мою дорогу. Переправившись чрез нее на белом коне, приехал я сюда".

"В Арзеруме совершил я полуденный намаз, а в Карсе — намаз пред заходом солнца; к вечернему намазу прибыл я в Тифлис: на коне Хидир-Ильяса приехал я сюда."

"Вечером пришел я в свой дом. Не открыл себя сестре и матери. Кинжалом любви ударил в свою грудь. Открыв разные раны свои, приехал я сюда."

"Руки аранларов поддерживают меня. Знакомые и друзья позабыли меня. Узнал я, что Санам делают невестою. Услышав в Алеппо об ее свадьбе, приехал я сюда."

"Бейте в ладоши, чтобы Ашик плясал... Да буду я жертвою стана и роста (возлюбленной)! Я, Кериб, приехал на свадьбу Шах-Санам. Отрекся я от жизни и приехал сюда."

Шах-Санам, которая с подругами сидела за занавескою, позабыв стыд и скромность, бросилась в объятия Кериба и упала без чувств на его колени."¹⁸³

Особенность разработки сюжета в "Шасенем и Гариб" по сравнению с другими вариантами заключается в весьма пространном изложении событий, предшествующих тем, которые составляют главную суть повествования. В "Шасенем и Гариб" предварительно рассказывается о рождении Шасенем и Гариба, которых их отцы согласились по достижении совершеннолетия соединить браком; о коварстве отца Шасенем шаха

Аббаса, отрешившись впоследствии от клятвенного обещания; о совместном воспитании и обучении в школе Шасенем и Гариба, их любви и последующей разлуке.¹⁸⁴

Но почему существует такая очевидная связь между азербайджанской и туркменской повестями о Гарибе? Результат ли это заимствования?

Данная связь — не заимствование. Азербайджанцы и туркмены — народы, генетически между собою связанные. В фольклорном фонде обоих народов много общего. И указанное нами совпадение — свидетельство взаимосвязи в области народной поэзии, что обнаруживается и при рассмотрении других народно-поэтических памятников, как Кёр-оглы¹⁸⁵ и др.

Произведение, действующим лицом которого является Гариб, имеется также в "Тысяче и одной ночи".

Это довольно значительный по объему роман (в издании "Тысячи и одной ночи", выпущенном издательством "Academia", он занимает 220 страниц) об Аджибе и Гарибе.¹⁸⁶

В романе есть объяснение имени Гариб. В том месте, где рассказывается о рождении Гариба, читаем: "Родила мальчика, смуглого, изящного и прекрасного, которого назвала Гарибом, так как он был на чужбине".¹⁸⁷

В азербайджанском варианте говорится: "Отныне ты — ашик и должен называться Керибом (чужеземец), говорит ему Хидр..."¹⁸⁸

В пересказе Муравьева: "Бесприютный странник".¹⁸⁹

В туркменском дастане "Шасенем и Гариб": "У визиря родился сын. Визирь сказал: "Прибыл я в эту страну бедным скитальцем, гарибом. Пусть же и сын мой зовется Гариб".¹⁹⁰

В "Энциклопедии Ислама": "Чужестранец, странный, необычный".¹⁹¹

Слово "гариб" бытует в разговорном языке. Им пользуются для характеристики человека, прибывшего издалека, путника, путешественника, достойного участия, сожаления и т.д. Поэтому при рассказывании, например, повести об Асли и Кериме последнего рассказчик мог характеризовать как "гариба".

Существует особый жанр небольших лирических песен, которые называются "песнями гариба", "гариби". Вот отрывок из армянской "песни гариба":

Крунк!¹⁹² Куда летишь? Крик твой — слов сильней!
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Стой! Домчишься вмиг до семьи своей.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Свой покинул сад я в родной стране,
Чуть вздохну, душа — вся горит в огне.
Крунк! постой! твой крик — нежит сердце мне.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Пусть мои мольбы тщетно прозвучат,
Крик твой слаще, чем в скалах водопад.
Твой в Алеппо путь? иль летишь в Багдад?
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Сердце звало нас, — собрались, ушли,
В лживом мире мы братьев не нашли,
И тоскуем здесь от друзей вдали...
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?
Медленна годов в мире череда.
Да услышит бог, растворит врата!
Жизнь хариба — грусть, взор — в слезах всегда.
Крунк! из стран родных нет ли хоть вестей?¹⁹³

Приведем отрывок из одного таджикского "гариби":

Дарваз слишком далек, чтобы письмо послал я ей,
Чтобы, букет цветов нарвав, послал я ей.

Букет цветов до друга моего не дойдет,
Самого себя в тростничке пошлю я ей...

"Далеки мы друг от друга, в разлуке мы, дорогая.
Когда же вместе будем, дорогая?"¹⁹⁴

Поэту Санаи принадлежит произведение "Гариб-наме" ("Книга гариба").¹⁹⁵

В специальной литературе высказывалось мнение о первоначальном огузско-туркменском происхождении "повести о Гарибе".¹⁹⁶

* * *

Лермонтовский "Ашик-Кериб" в сжатой форме передает содержание повести о "гарибе".

Повышенный интерес Лермонтова к народно-поэтическим произведениям — принципиально важный момент в развитии его творчества, при рассмотрении его под углом зрения выработки и становления стиля и эволюции идейного содержания. Народно-поэтическая стихия — один из важнейших путей проникновения народного духа в творчестве Лермонтова.

Так, например, чрезвычайно убедительна близость Лермонтова к народному духу в "Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова". Белинский писал: "Песня" представляет собою факт о кровном родстве духа поэта с народным духом и свидетельствует об одном из богатейших элементов его поэзии, намекающем на великость его таланта"¹⁹⁷. В стилевом и идейном отношении "Песня" создавалась на основе непосредственного обращения к народной поэзии.¹⁹⁸

Из предшествующих глав мы знаем, как и в какой мере вошел в общую структуру создаваемого Лермонтовым произведения народно-поэтический материал.

Уже самое соприкосновение с народно-поэтической стихией для Лермонтова было фактором вдохновения и стимулом творчества.

Лермонтов рано понял принципиальное значение фольклора для своего творчества. Известна его запись, относящаяся еще к 1830 г.: "Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слыхал сказок народных; в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словестности" (V, 350).

Интерес к культуре народов Кавказа проявился в повышенном внимании Лермонтова к народной поэзии. Свидетельство этого — "Демон", "Мцыри", "Тамара", "Измаил-бей".

Еще один пример этого живого интереса к народно-поэтической культуре — "Ашик-Кериб".

На Горячих водах в 1825 году

Приехавшие на Горячие воды летом 1825 г. хорошо знали кабардинца Шору. Так для краткости называли Шору Бекмурзина Ногмова. Уроженец окрестностей Пятигорья — он родился в ауле Ногмова на реке Джуге, невдалеке от Горячих вод (с 1830 г. — Пятигорск) — Шора Ногмов был известен по всей округе как весьма необычный человек и по своим личным данным, и по своеобразной судьбе.

Мулла в ранней молодости, хорошо владевший к этому времени, кроме родного языка, арабским, турецким, персидским и абазинским, он уже одними этими лингвистическими познаниями мог вызвать удивление.

В бытность Пушкина на Кавказе Шора был, как свидетельствуют современники, знаком с великим русским поэтом, помо-

гал ему в собирании местных народных преданий, а Пушкин, в свою очередь, исправлял переводы черкесских песен на русский язык, которые делал Шора, — кроме всего Ногмов был еще и поэт¹⁹⁹. С.Д. Нечаев, автор "Отрывков из путевых записок о юго-восточной России", видевшийся с Шорой на Горячих водах в 1825 г., пишет: "Он сочиняет иногда небольшие поэмы в славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как чрез изустное предание и медленное изучение на память"²⁰⁰.

Академик Шёгрен, занимавшийся изучением кабардинского языка и пользовавшийся сведениями, которые ему сообщал Шора Ногмов, свидетельствует по этому поводу: *Nogma est lui-meme un poete passionne*.²⁰¹

Муллой Ногмов пробыл недолго. Вскоре он оставляет священнослужение для военной службы, и через несколько лет бывший мулла становится русским гвардейским офицером. В течение ряда лет Шора служил лейб-гвардии в Кавказско-горском полкуэскадроне, расквартированном в Петербурге.

Особенно охотно Шора, имевший такую значительную склонность к наукам и искусствам, вступал во взаимоотношения с теми людьми, от которых он надеялся получить какие-либо сведения, касающиеся круга его интересов. Он вел с ними обстоятельные разговоры, а подчас и споры. Современники, упоминающие о Ногмове, дают очень хорошие отзывы о нем. Нечаев пишет, что "сей молодой человек" одарен "счастливыми способностями".²⁰²

Нами обнаружено еще несколько свидетельств о Шоре. Шотландский миссионер Глен, побывавший в Пятигорье в конце десятих — начале двадцатых годов, виделся с Ногмовым и об этих встречах рассказывает в своей книге, вышедшей в 1823 г.²⁰³ В бытность Глена в Каррасе, колонии, основанной шотландскими миссионерами в соседстве Горячих вод, Глену и нескольким другим миссионерам случилось даже вести с Шорой некий религиозно-метафизический спор. "A clever intelligent man", — говорит о нем другой английский путешественник, живший в Каррасе в 1822 г. "I entred into a long conversation with him and was equally surprised at his knowledge and his powerful made of reasoning", — продолжает он.²⁰⁴

Венгерский путешественник Бессе, посетивший Кавказ в 1829 г., рассказывает о встречах с Шорой и беседах с ним. В это время Шора был преподавателем школы аманатов в Нальчике.

"Правительство учредило, — сообщает Бессе, — в этом укреплении на свой счет школу, где эти дети воспитываются бесплатно под присмотром преподавателя-магометанина и под непосредственным руководством коменданта. Детей обучают читать, писать и говорить по-русски; их воспитатель, или ходжа, носит имя Шоры... Он говорит и пишет по-персидски, по-турецки, по-татарски и по-русски с одинаковой легкостью; у него приятное лицо и прекрасные манеры".²⁰⁵

Напомним еще раз, что Шора постоянно бывал или жил на Горячих водах в 1825 г. и хорошо был известен приезжим. Нечаев свидетельствует: "Известный всем приезжим Шора".

* * *

Обнаруженные нами факты дают возможность сделать заключение о знакомстве Лермонтова с кавказским фольклором, в частности уже в тот период, когда писался "Измаил-бей", то есть в 1832 г.

В двух случаях Лермонтов прямо указывает, что материалом для его кавказских произведений этого раннего периода послужили реальные фольклорные источники, которые ему стали известны в 1825 г. на Кавказе. В этом году он ездил туда вместе с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой и многочисленными

родственниками. К "Грузинской песне", написанной в 1829 г., Лермонтов делает прямо-таки драгоценную для нас приписку: "Слышано мною что-то подобное на Кавказе" (I, 432). После 1825 г. Лермонтов на Кавказ попал лишь в 1837 г., поэтому в 1829 г. речь могла идти о том, что он слышал на Кавказе в 1825 г.

Во-вторых, указание Лермонтова в "Измаил-бее" на то, что он в бытность свою на Кавказе слышал от одного горца рассказ, который и использовал в этой своей поэме, является, как мы имеем теперь возможность утверждать, совершенно достоверным.

Чрезвычайно скупой на такого рода свидетельства, Лермонтов все же в двух случаях указал на реальную основу своих произведений: рассказы, слышанные на Кавказе в 1825 г.

Следовательно, Лермонтов интересовался подобными рассказами, что станет совершенно понятным, если мы примем во внимание его чрезвычайный в это время интерес к Кавказу, интерес, о котором он многократно говорит сам и который засвидетельствован современниками.

...Мой гений сплел себе венок

В ущелинах кавказских скал (I, 117) —

пишет поэт в 1830 г.

Поэма "Аул Бастунджи", написанная в 1831 г., начинается так:

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежной:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежной;
На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой — всегда и всюду твой!..
Твоих вершин зубчатые хребты
Меня носили в царстве урагана,
И принимал меня лелея ты
В объятия из синего тумана.
И я глядел в восторге с высоты.
И подо мной как остов великана,
В степи обросший мохом и травой,
Лежали горы грудой вековой.
Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые... (III, 168)

В стихотворении, озаглавленном "1831-го июня 11 дня", Лермонтов пишет:

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным. (I, 178)

В "Измаил-бее" Лермонтов пишет:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся как тени,
Как над главой огромных привидений

Колеблемые перья, — и луна
По синим сводам странствует одна.
Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, громких бурь... (III, 191—192)

Вспоминая в 1832 г. свое пребывание на Кавказе, Лермонтов писал: "Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновение гордился он ею!.." (I, 341).

Итак, Кавказ произвел на Лермонтова очень сильное впечатление. С этим непосредственно связан его интерес к кавказскому фольклору. Из свидетельств самого Лермонтова ясно, что это знакомство следует в значительной степени связать с пребыванием его на Кавказе в 1825 г.

На основании только этих соображений — по мотивам, о которых мы скажем ниже, — следует придать особое значение тому факту, что Лермонтову, бесспорно, был известен Шора, так как нельзя предположить, что известный всем приехавшим на воды в 1825 г. Шора остался неизвестен Лермонтову, проявлявшему такое любопытство ко всему, что касалось Кавказа и "черкесов".

Шора Ногмов, пользовавшийся такой известностью на Горячих водах в 1825 г., больше, чем где бы то ни было, должен был быть известен среди лиц, окружавших Лермонтова. В хастатовском доме собралось очень большое количество людей, чрезвычайно тесно связанных с Кавказом, постоянно там живших.²⁰⁶ Это-то и является основанием для высказанного выше предположения.

Теперь мы скажем о тех мотивах, которые побуждают нас придать такое значение установлению знакомства Лермонтова с Шорой.

В своих ранних кавказских произведениях Лермонтов очень часто пользуется и кабардино-черкесским фольклорным материалом. Шора Ногмов же — великолепный знаток горского фольклора. Им записано большое количество старинных песен и преданий. Он настолько хорошо знал кабардино-черкесский фольклор, что на основании тех данных, которые заключены в фольклорных произведениях, являющихся откликами на действительные исторические события, написал "Историю адыгейского народа", на которую мы неоднократно ссылались выше.²⁰⁷ Это очень любопытная книга, несколько раз переиздававшаяся и пользующаяся заслуженной известностью среди кавказоведов.

Приняв во внимание сказанное выше, весьма существенным следует признать то обстоятельство, что именно в записи Ногмова опубликовано предание, которое, как мы полагаем, отразилось на создании поэмы "Аул Бастунджи". Но Лермонтов не знал кабардинского языка и поэтому мог познакомиться с кабардинскими преданиями только в переводе на русский язык. Нечаев как раз и говорит, что Шора делал переводы произведений кабардинского фольклора на русский язык и ознакомил с этими переводами интересовавшихся ими. Нечаев пишет: "В стихотворениях кабардинских, древних и новых, не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образу арабских и персидских. Из перевода Шоры, за точность которого он сам отвечать не мог, замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах и тому подобное".²⁰⁸

Поскольку Нечаев так резюмирует содержание слышанных им рассказов, нелишне будет припомнить, что этот тематический круг — "кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах" — чрезвычайно близок тематике ранних кавказских поэм Лермонтова: "кровавые битвы" — это то, что весьма существенное значение имеет в сюжете "Измаил-бея"; "похищения красавиц" — в эту формулу можно включить значительную часть содержания "Аула Бастунджи".

Выше мы пришли к выводу о том, что описание байрама в поэме "Измаил-бей" создано по впечатлениям, полученным Лермонтовым летом 1825 г. в Аджии-ауле. Жителем именно этого аула являлся Шора Бекмурзин Ногмов.²⁰⁹

Итак, Лермонтов знал ряд произведений кабардинского фольклора. От кого-то он их, следовательно, слышал. Приведенные нами соображения дают основание для утверждения, что во многом Лермонтов пользовался сведениями Шоры Бекмурзина Ногмова — знатока кабардинского фольклора.

В свете приведенных доводов чрезвычайно важное значение имеет тот факт, что в Кабарде до сих пор живет передаваемый из поколения в поколение рассказ о том, что Шора Бекмурзин Ногмов был известен Лермонтову, что от него будущий поэт слышал горские предания, сказки, легенды.²¹⁰

М.Ю. Лермонтов и Николай I

Два распоряжения Николая I

30 июня 1841 г. командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину²¹¹ было послано из Петербурга написанное в очень резком тоне строгое предписание: "Его величество, заметив, что поручик Лермантов при своем полку не находился, но был употреблен в Экспедиции с особо-порученною ему казачью командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивей государь, о подтверждении, дабы поручик Лермантов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку".²¹²

Лермонтов в это время числился в Тенгинском пехотном полку, в который был назначен по личному предписанию Николая I в 1840 году. Но по приезде на Кавказ, куда его сослали за дуэль с сыном французского посланника — Барантом, поэт по его просьбе прикомандировывается к "чеченскому отряду" генерала Галафеева, и, таким образом, в назначенный ему Николаем I полк он не поехал.²¹³

О пребывании Лермонтова в 1840 г. в "чеченском отряде" стало известно в Петербурге в начале 1841 г., когда и было отклонено представление кавказского начальства о награждении Лермонтова орденом Станислава 3-й степени за участие в бою у реки Валерик 11 июля 1840 г.²¹⁴

Когда же Николаю I в июне 1841 г. было доложено о новом представлении Головина о награждении Лермонтова тем же орденом (представление от 5 марта), из которого также явствовало, что Лермонтов при своем полку в 1840 г. не находился, Николай I, отклонив ходатайство о награждении, распорядился послать строгое предписание Головину о том, чтобы кавказское начальство не осмеливалось удалять Лермонтова от службы в назначенном ему полку.

Смысл этого предписания оказался настолько загадочным, что до последнего времени его не удавалось раскрыть.

Обычно думали, что, приказывая кавказскому начальству не отлучать Лермонтова из назначенного ему полка и предписывая, чтобы он не был удален от фронтальной службы, Николай I стремился к тому, чтобы Лермонтов, не имея возможности добиться боевых отличий, не смог бы быть вновь представлен к награде.²¹⁵ Однако военные планы 1841 г. вовсе не предусматривали, что Тенгинский полк в этом году останется в стороне от военных действий. И именно потому, что Николай I великолепно знал, какая роль назначается этому полку в летних и осенних операциях 1841 г., он и сделал свое распоряжение.

Когда в биографических работах о Лермонтове говорилось о местопребывании Тенгинского полка в 1841 г., то указывалось, что этот полк находился в Темир-Хан-Шуре.

Висковатый, передавая записанный им рассказ А.А. Краевского о предписании Лермонтову выехать из Петербурга на Кавказ в срок восемь часов, пишет: "Клейнмихель приказывал покинуть столицу в дважды двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру".²¹⁶

Дюшен сообщает: "Вдруг он получил от генерала Клейнмихеля приказ покинуть Санкт-Петербург в сорок восемь часов и ехать в свой полк в Шуру".²¹⁷

Д.И. Абрамович пишет: "Из Ставрополя Лермонтов писал бабушке о своем намерении сначала отправиться в крепость Шуру, где в то время находился его полк..."²¹⁸

В "Хронологической канве", составленной В.А. Мануйловым и приложенной к пятому тому полного собрания сочинений Лермонтова, вышедшему в 1937 г. в издательстве "Academia", читаем: "Он (Лермонтов. — А.-К.) сообщает, что собирается отправиться в крепость Шуру, где полк..."

"Предполагалось, что Лермонтов должен будет выехать в Шуру, к месту стоянки полка".²¹⁹

Л.П. Семенов пишет о намерении Лермонтова "ехать в крепость Шуру, где полк".²²⁰

Б.М. Эйхенбаум сообщает: "Лермонтову надлежало ехать в Шуру, где стоял Тенгинский пехотный полк".²²¹

"Из Ставрополя Лермонтов отправился вместе со Столыпиным в Шуру, в полк..."²²²

Ениколопов сообщает: "Лермонтову предложено было покинуть столицу в сорок восемь часов и выехать в полк в Темир-Хан-Шуру".²²³

Это ошибочное утверждение явилось следствием неточности самого Лермонтова.

В письме к бабушке, написанном сразу же по приезде в Ставрополь, он писал: "Не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды".²²⁴

Лермонтов действительно направлялся из Ставрополя в Шуру, но не в свой полк, а в экспедиционный отряд, куда он был назначен по приезде в Ставрополь, так как там еще не было получено категорическое предписание не пускать его никуда из Тенгинского полка (из Петербурга оно было, как указано выше, послано 30 июня 1841 г.).

Лермонтов прекрасно знал, что Тенгинский полк в Шуре не находится. Если бы его местонахождение было известно биографам Лермонтова, тайный смысл предписания Николая I был бы, вероятно, раскрыт.

* * *

11 июня 1841 г. на рапорте исправляющего должность начальника Черноморской береговой линии генерал-майора Анрепа военному министру Чернышеву Николай I наложил резолюцию: "На все это я согласен".²²⁵

В своем рапорте Анреп представлял об "убыхской экспедиции".

Переписка об этой экспедиции велась уже раньше, и теперь Николай I изъявил согласие на все предложения Анрепа, относящиеся к этой экспедиции, окончательно санкционировав вопрос о ней.

Что представляли собою убыхи и почему решено было учредить "поиск к убыхам"?²²⁶

Убыхи — одно из адыгских племен,²²⁷ населявших кавказские берега Черного моря. "Убыхи... составляют самое враждебное и воинственное племя во всей этой части Кавказа", — писал Анреп.²²⁸ В другом документе Анреп сообщал: "Совершенно убежден, что от прочного покорения убыхов зависит покорение и спокойствие не только вверенной мне Линии, но всего нагорного края Кавказа от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря".²²⁹

Николай I вслед за приведенными нами словами "На все это я согласен" писал: "Нужно сейчас же приказать П[олковнику] Траскину²³⁰ направить все части Тенгинского полка, в Черномории расположенные, к Тамани, где, по сношению с Г[енерал]-А[дъютантом] Лазаревым, посадить на суда и отвести на присоединение к своим бат[альонам], куда отправиться и пол[ковому] командиру..."²³¹

Таким образом, Николай I лично распорядился, чтобы Тенгинский полк (в числе всех четырех действующих батальонов) был включен в состав экспедиционных войск. В одном из батальонов полка (в батальоне подполковника Данзаса, секунданта Пушкина) еще со времени прошлогоднего пребывания в полку числился и Лермонтов.

Назначив Тенгинский полк в экспедицию против убыхов, Николай I вслед за этим предписывает, чтобы Лермонтов непременно находился при своем полку. Следовательно, он хотел, чтобы Лермонтов обязательно участвовал в этой экспедиции.

Что же это была за экспедиция?

Предполагалось, что экспедиционный отряд должен будет проникнуть в глубь земли убыхов. В этом, собственно говоря, и должна была заключаться задача экспедиции. Анреп в рапорте военному министру от 29 мая 1841 г. писал о необходимости проникнуть "в самое сердце враждебного края".²³² О том же писал Чернышев Анрепу. "Она (экспедиция. — А.-К.) не должна ограничиться морским берегом, но простираться елико возможно далее во внутренность земли".

Итак, предполагалось, что задача экспедиции — проникнуть в "самое сердце" убыхской земли. Исходным пунктом для этого движения должно было служить укрепление Навагинское,²³³ куда экспедиционные войска должны были подойти со стороны укрепления Святого духа.²³⁴

Когда войска пришли к Навагинскому укреплению, руководство экспедиции решило на этом операции закончить. Следовательно, экспедиция фактически не состоялась, от похода внутрь земли убыхов пришлось отказаться. Причина этого станет ясной, когда мы узнаем, чего стоил войскам только лишь подход к Навагинскому укреплению.

По прибытии всех батальонов на сборный пункт к укреплению Святого духа, 6 августа 1841 г., в строю находилось 2807 рядовых Тенгинского полка, по возвращении полка в Тамань осталось в строю 1064 человека; из 361 унтер-офицера осталось 140; из 66 обер-офицеров осталось тридцать пять. Остальные были или убиты, или умерли от ран, или находились в госпиталях.²³⁵

"Из оставшихся людей, — доносил в рапорте командир полка Хлюпин, — трудно найти 200 человек совершенно здоровых, не бывших в госпиталях или в полковом лазарете... Болезни, преимущественно лихорадки, до того жестоки и упорны, что возвращались и возвращаются по несколько раз, не уступая са-

мым сильным медицинским средствам... Люди в полку слабые и имеют болезненный вид".²³⁶

Практика кавказских войн мало знала таких губительных для войск военных предприятий. Историк Тенгинского полка называет эту экспедицию одной "из кровопролитнейших на Кавказе"²³⁷. И это при условии, что войска и не пытались проникнуть в землю убыхов. Таким образом, от движения внутрь территории убыхов пришлось отказаться, потому что это было бы просто самоубийством.

Лучшим стратегом, чем Николай I, оказался старик Хаджи-Берзек, предводитель убыхов. Он знал, что делал, когда перед многочисленным собранием клялся сбрить в свои восемьдесят лет бороду и надеть женские шаровары, если хотя один "гяур" проникнет в убыхскую землю.²³⁸

Тенгинскому же полку в этой экспедиции предназначалась наиболее трудная роль, по определению самого Николая I. "Его величество полагать изволит, — сообщает Чернышев Анрепу, — что к батальонам сим (13-й пехотной дивизии. — А.-К.) может быть присоединена значительная часть (писалось до решения Николая I отправить в убыхскую экспедицию все четыре действующих батальона Тенгинского полка. — А.-К.) Тенгинского полка, который прибывши к действиям против горцев, будет служить примером для войск 5-го корпуса, еще неопытных в тамошней войне и в первый раз вступающих в дело с самым ожесточенным неприятелем".²³⁹

Николай I распорядился, чтобы Лермонтова не отпускали из назначенного в "убыхскую экспедицию" Тенгинского полка. Но это не все. Он категорически запретил также кавказскому начальству по своему усмотрению определять его к несению в полку какой-либо иной службы, кроме фронтовой.

Распоряжение было сделано в такой резкой форме, что оказалось даже невозможным в том письме, которое было послано Головину за подписью Клейнмихеля 30 июня 1841 г., воспроизвести точно подлинные слова Николая I. Вычеркнув собственноручно фамилию Лермонтова в представлении Головина от 5 марта 1841 г., Николай I написал в резолюции: "Велеть непременно быть налицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку".²⁴⁰

Приказание, чтобы Лермонтов в своем полку нес именно фронтовую, а не какую-либо иную службу, заставляло его быть в строю, то есть в случае боя непосредственно участвовать в боевых операциях.

Распоряжение Николая I было хорошо рассчитано.²⁴¹

* * *

Таковы были намерения Николая I в отношении Лермонтова в 1841 г. Не были ли они совершенно иными в предыдущем, 1840 г., когда Николай вынес окончательное решение по делу о суде над Лермонтовым за дуэль с Барантом?

В поступившем к Николаю I на конфирмацию деле предлагалось "выдержать" Лермонтова под арестом три месяца, а затем перевести его в один из армейских полков тем же чином.²⁴² Николай I отменил решение о трехмесячном аресте и приказал ограничиться только переводом из гвардии в пехотный полк.²⁴³ Таким образом, он смягчил наказание Лермонтову, которое было предложено в поступившем к нему на утверждение деле. Никак иначе, казалось бы, решение Николая истолковать нельзя.

Все было настолько хитро сделано, что это распоряжение также осталось до сих пор непонятым. А между тем оно имело еще более определенный смысл, чем данное в следующем году приказание о запрещении Лермонтову отлучаться из назначенного ему полка.

Решение Николая I о немедленной отправке Лермонтова из гвардии в пехотный полк состоялось 13 апреля 1840 г. Как известно, Николай I избрал Тенгинский пехотный полк.

Девятого же апреля, вечером, в Петербург пришло известие о падении Михайловского укрепления. Известие было такой важности, что получивший его военный министр Чернышев сейчас же доложил о нем Николаю I.²⁴⁴

Что представляло собою Михайловское укрепление и почему так взволновало известие о его падении?²⁴⁵

Михайловское укрепление — одно из укреплений Черноморской береговой линии. Начало этой линии было положено в 1837 г. Укрепления были расположены по берегу моря от Анапы до Поти.

Черноморская береговая линия, учрежденная по личной мысли Николая I, заслужила громкую известность. Это было одно из самых нелепых предприятий Николая I. Задача укреплений заключалась в том, чтобы пресечь снабжение горцев морским путем и взять их, таким образом, измором. Вначале той же цели пытались достигнуть путем крейсирования эскадры у берегов, но это оказалось малодейственным.

Укрепления эти, вместо того чтобы угрожать горцам, сами скоро оказались в состоянии блокады.²⁴⁶ Контрабандные суда приставали к берегу на виду у них.

"Укрепления береговой линии, — пишет историк Кавказской войны Дубровин, — были отрезаны от всего мира и сношения их даже между собою сухим путем были немислимы, вследствие отсутствия дорог и постоянных нападений горцев. Даже из-за стен укреплений нельзя было показаться, не рискуя вызвать пулю: добывание дров, пастьба скота, кошение сена, возделывание огородов и рытье могил — все оплачивалось кровью".²⁴⁷

Реального военного значения они не могли иметь еще и потому, что гарнизоны почти не были способны к несению службы. Они буквально истреблялись болезнями — малярией и цингой. Так, за девять месяцев 1839 г. из двухсот рядовых и унтер-офицеров роты тенгинцев, составлявшей гарнизон форта Лазаревского, в живых осталось только сто восемь человек; остальные погибли от болезней.²⁴⁸

Именно здесь и в том же году умер от малярии А.И. Одоевский.

На всю нелепость занятия берега такого рода укреплениями военные начальники, распоряжавшиеся на Кавказе, указывали многократно. Много раз писал об этом командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории Граббе.²⁴⁹

Командир Отдельного Кавказского корпуса Головин в частном письме к Граббе писал о "шарлатанстве" "занимать берег так, как мы это делали в продолжение трех лет. Пожертвования, сделанные на эти бесплодные усилия, так огромны, что с ними Кавказ мог бы заметно подвинуться вперед в целом своем устройстве".²⁵⁰

Прошло три года со времени учреждения Черноморской береговой линии, и произошло то, чего нельзя было не предвидеть. Нелепая затея Николая I привела к ужасным последствиям.

7 февраля 1840 г. был взят Лазаревский форт. В ночь с 28-го на 29-е пал форт Вельяминовский. В ночь с 13 на 14 марта был приступ к Головинскому укреплению, наконец, в ночь на 22 марта взято укрепление Михайловское.

Падение Лазаревского форта заставило думать, что и другие укрепления подвергнутся нападению. Начальник Черноморской береговой линии Раевский,²⁵¹ донося Граббе о падении Лазаревского форта, писал: "Взятие сего форта будет сигналом общего нападения на все укрепления".²⁵²

После следовавшего за этим падения Вельяминовского форта убеждение это еще более укрепилось.²⁵³

Падение Михайловского укрепления полностью подтвердило самые худшие предположения. Над остальными укреплениями нависла страшная опасность. Сам Николай вынужден был это признать. Получив известие о падении Михайловского укрепления, он написал в резолюции: "Крайне опасаясь, что это не последнее еще нещастие"²⁵⁴.

На примере гибели этих трех укреплений стало ясно, чем грозит падение укреплений их защитникам — почти поголовным истреблением.

Теперь нам остается только добавить, что в числе защищавших береговую линию войск был Тенгинский полк.

* * *

Но Тенгинский полк в этом, как и в следующем году, оказался в особом положении.

После падения Лазаревского форта на помощь срочно была двинута из Крыма вся 13-я дивизия. А так как эта дивизия могла подойти через довольно длительный промежуток времени, положение же было катастрофическое, то срочно на линию были двинуты расположенные поблизости Тенгинский и Навагинский полки, чтобы хоть в какой-либо степени подкрепить защищавшие береговую линию войска.²⁵⁵ Ясно, в каком положении оказались эти полки.

О том, какой вообще репутацией пользовался Тенгинский полк в этот период, можно судить по следующему.

А.П. Ермолов, будучи сильно разгневан на своего младшего сына, решил отправить его на Кавказ для службы рядовым. Крутой нравом Ермолов не останавливался перед жестокостью. В личном письме к Граббе, сообщая ему о своем решении, он пишет: "Опасностей я за него не страшусь и самая смерть излишне не огорчит меня".²⁵⁶ Посылая сына, Ермолов пишет Граббе: "Определи его в Тенгинский полк".²⁵⁷

Ермолов не преувеличивал. В примечании к сопроводительному письму к автобиографии, написанной им в 1858 г., он сообщает: "Младший из них (сыновей. — А.-К.) умер унтер-офицером Тенгинского полка за Кубанью".²⁵⁸

Любопытную характеристику положения дел на Черноморской береговой линии в 1840 и 1841 гг. дает М.Я. Ольшевский, служивший в это время в штабе Граббе. "Более нежели в печальном положении, — пишет он, — находилась Черноморская береговая линия... Гарнизоны укреплений, расположенных по берегу моря у впадения рек: Пшады, Вулана, Джубы, Туабсе, Псесу-апе, Шахе и Соче умирали от цинги и лихорадок и гибли от пуль и шашек. Укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское подверглись штурму горцев и были ими взяты, причем гарнизон Михайловского укрепления, во избежание позорного плена, взорвал себя на воздух вместе с ворвавшимся в него неприятелем. Экспедиция между Сочей и Адлером (то есть убыхская экспедиция. — А.-К.) была неудачна и стоила нам больших потерь. Крейсирование наших судов у неприязненных нам берегов не могло быть успешно, потому что суда, из опасения крушения, скорее должны были держаться открытого моря, нежели берегов. По этой причине сношения черкесов с турками, а равно торговля людьми и провоз контрабанды по-прежнему продолжались".²⁵⁹

Итак, 9 апреля 1840 г. было получено в Петербурге известие о падении Михайловского укрепления. Мы теперь знаем, что значило это известие, знаем, в каком отчаянном положении оказался Тенгинский полк.

13 апреля Николай I подтверждает решение суда по делу о дуэли Лермонтова с Барантом и именно этот полк избирает мес-

том ссылки опального поэта. Одновременно он отменяет решение о трехмесячном аресте.

"Счастливого пути, господин Лермонтов", — такой фразой напутствовал Николай I в 1840 г. уехавшего на Кавказ Лермонтова. Весь зловещий смысл этой фразы теперь становится ясным.²⁶⁰

Да и чего, как не избавления русской литературы от автора "Смерти поэта", "Думы", "Первого января" и т.д., мог желать император, который свое мнение о поэте высказал в том же письме: "Я прочел Героя до конца и нахожу вторую часть отвратительную, вполне достойною быть в моде. Это тоже преувеличенное изображение презренных характеров, которое находим в нынешних иностранных романах. Такие романы портят нравы и портят характер. Потому что, хотя подобную вещь читаешь с досадой, все же она оставляет тягостное впечатление, ибо в конце концов привыкаешь думать, что свет состоит только из таких индивидуумов, у которых кажущиеся наилучшие поступки проистекают из отвратительных и ложных побуждений... Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, показывающая большую испорченность автора".²⁶¹

Николай I, по получении известия о смерти Лермонтова, произнес свою знаменитую фразу: "Собаке — собачья смерть".²⁶²

* * *

Многое теперь становится понятным.

Уезжая на Кавказ в 1840 г., Лермонтов на прощальном вечере у Карамзиных говорил одному из присутствующих: "Убьют меня, Владимир".²⁶³

В письме к Александру Дюма Е.П. Ростопчина, которая одно из последних простилась с поэтом при отъезде его из Петербурга на Кавказ в 1841 г., писала: "Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти".²⁶⁴

Ю. Самарин, вспоминая о встрече с Лермонтовым в 1841 г. в Москве, когда поэт уезжал на Кавказ, пишет: "Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны".²⁶⁵

В Пятигорске в 1841 г., еще до ссоры с Мартьяновым, Лермонтов, встретившись ночью на бульваре с одним из старых своих друзей (с П.А. Гвоздевым, товарищем по юнкерской школе), говорил ему: "Чувствую — мне очень мало осталось жить".²⁶⁶

Мыслью о близкой смерти проникнуты многие его стихотворения последнего периода.

Лермонтов понимал, что ему грозит смертельная опасность. Военная служба оказывалась для него ловушкой. Поэту он всеми силами стремился получить отставку.²⁶⁷ Понятно, почему Николай I настойчиво не хотел ее давать. Но было обстоятельство, которое могло заставить даже Николая освободить Лермонтова от военной службы, во всяком случае строевой. На это обстоятельство указывает глухой намек, заключенный в письме Лермонтова к С.Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г. В свете приведенных выше фактов этот намек становится понятным.

Несение военной службы, в первую очередь в строю, вообще могло сделаться для Лермонтова невозможным, если бы он получил ранение, которое препятствовало бы этому. В указанном нами письме Лермонтов, сообщая о предстоящем отъезде в экспедицию, пишет: "Пожелайте мне счастья и легкой раны — это лучшее из того, что мне можно пожелать" (V, 410).²⁶⁸

Вопрос о дуэли Лермонтова с Мартыновым следует теперь рассматривать в свете раскрытых выше обстоятельств.

Дуэль была результатом провокации. Это видно уже из того, что до Мартынова к вызову подговаривали другое лицо — Лисаневича. Лисаневич отказался. Тогда стали искать кого-либо другого.

Когда вызов уже состоялся, о предстоящей дуэли знали в Пятигорске многие, в том числе и власти, которые не сделали, однако, попытки воспрепятствовать дуэли; иначе говоря, они не выполнили своей прямой обязанности. Были ли среди них люди, которых можно заподозрить в злостных намерениях? Такие люди были.

Николай I начал в 1840 г. свою хитрую игру, цель которой понятна. Об его отношении к Лермонтову можно судить также и по фразе, которую он, не сумев сдержать себя, произнес при получении известия о смерти Лермонтова.

Возникла ли мысль о дуэли как о средстве расправиться с Лермонтовым в петербургских правящих кругах или же она родилась у тех, кто на Кавказе выполнял волю Николая I? А о замыслах царя они могли судить уже по одному только распоряжению от 13 апреля 1840 г. Но были пути для передачи и других распоряжений, о чем мы скажем ниже. Дуэль, если бы она и не завершилась смертельным исходом для Лермонтова, могла послужить основанием для дальнейших репрессий. Лермонтов, например, мог быть разжалован в рядовые. Стоит вспомнить о судьбе Полежаева, чтобы понять, что это значило.

Среди военных, распоряжавшихся на Кавказе, было одно лицо, роль которого в событиях, связанных с дуэлью, давно вызвала подозрения. Нам удалось обнаружить новые материалы, которые проливают свет на ряд обстоятельств. Подозрения эти вполне оправданы. Прежде чем сообщить об обнаруженных материалах, необходимо указать на одну ошибку.

Некоторые соображения, касающиеся интересующего нас вопроса, были высказаны Э. Герштейн.²⁶⁹ Но ее главный довод основывается на неправильно понятой фразе и, таким образом, ошибочен. Дело в следующем.

Начальник штаба командующего войсками Кавказской линии и Черномории А.С. Траскин в письме П.Х. Граббе 17 июля 1841 г. пишет о дуэли, происшедшей 15 июля, следующее: "В заключение имею честь донести, что я на основании приказа г. военного министра донес о сем происшествии его сиятельству... (то есть военному министру Чернышеву. — А.-К.)".

Э. Герштейн полагает, что слова эти являются доказательством существования приказа Чернышева немедленно донести о совершенном убийстве, о подготовке которого он знал (см. "Год двадцать второй", стр. 495). Слова эти объясняются совершенно иначе.

По существовавшему порядку, командующий войсками Кавказской линии и Черномории не имел права сноситься непосредственно с Петербургом, а должен был прежде писать командиру Отдельного Кавказского корпуса, которому он был подчинен, а этот последний представлял уже в Петербург военному министру. Штаб командующего Кавказской линией находился в Ставрополе, командир Отдельного Кавказского корпуса местопребыванием своим имел Тифлис. Поэтому ход переписки чрезвычайно замедлялся, что являлось препятствием к возможно быстрому со стороны командующего Кавказской линией сообщению в столицу об особо важных событиях, требующих срочного осведомления Петербурга. Вследствие этого командующий Кавказской линией Граббе имел разреше-

ние в особо важных случаях писать непосредственно в Петербург, лишь сообщая в Тифлис о посылке донесения. К 1841 г. это разрешение уже существовало. В черновике письма Граббе к Чернышеву, датированном 22 августа 1838 г., уже упоминается о нем.²⁷⁰

Именно это приказание военного министра в важных случаях писать непосредственно в Петербург и имеет в виду Траскин. Продолжение приведенной выше фразы из донесения Траскина Граббе свидетельствует об этом с совершенной очевидностью. Он пишет (после слов "Его сиятельству"): "дабы князь Чернышев известился о сем происшествии в одно время с графом Бенкендорфом, которому донес о сем штаб-офицер корпуса жандармов, здесь находящийся". Траскин пишет о том, что если бы послать донесение через Тифлис, то Чернышев получил бы известие позже Бенкендорфа, которому донесено прямо в Петербург. Поэтому он и пользуется упомянутым нами приказанием военного министра.²⁷¹

Явившееся следствием опрометчивости утверждение Герштейн не подверглось проверке, при которой сравнительно легко была бы обнаружена его несостоятельность, и поэтому оно впоследствии ввело в заблуждение некоторых других исследователей. Например, И.Л. Андроников во вступительной статье к собранию произведений Лермонтова, выпущенному в 1949 г., пишет: "Теперь окончательно установлено, что нити убийства тянулись в Петербург, ко двору. Флигель-адъютант Траскин доносил начальству, что он послал в Петербург уведомление военному министру о смерти Лермонтова на основании распоряжения самого военного министра, который хотел получить об этом сообщение одновременно с шефом жандармов Бенкендорфом. Следовательно, и шеф жандармов, и военный министр нетерпеливо дожидались в Петербурге сообщения, что Лермонтов уже уничтожен".²⁷²

То же утверждение И.Л. Андроников повторяет во вступительной статье к шеститомному собранию сочинений Лермонтова, выпущенному в 1950 г.²⁷³

Траскин — именно то лицо, о котором мы говорили выше. Однако фраза из донесения от 17 июля 1841 г. не избличает его. Но имеются некоторые другие данные, которые дают возможность судить о его роли в событиях; эти данные вообще позволяют выяснить ряд важных обстоятельств, касающихся организации дуэли.

Прежде всего следует сказать, что исследователей мало интересовала биография Траскина. А биография эта примечательна.

В формулярном списке Траскина, в котором указано прохождение им службы, имеется такая запись: "Того же 1825 года декабря 14 находясь при особе Государа Императора и при войсках гвардейского корпуса собранных по Высочайшему повелению на Дворцовой и Исаакиевской площадях против мятежников, по случаю бывшего в тот день в С.-Петербурге, происшествия удостоился получить в числе прочих высочайшую признательность, объявленную в высочайшем приказе в 15 день декабря того ж года, за примерный порядок, усердие и точность в исполнении высочайших повелений..."²⁷⁴ Таким образом, Траскин был в числе тех, кто помогал Николаю I в день подавления восстания 14 декабря 1825 г. А эти люди впоследствии были облечены особым доверием. Так это и было с Траскиным. Укажем на некоторые факты его служебной биографии.

Среди прочих назначений Траскин, например, был определен в члены комиссии о беспокорствах, возникших 22 июня 1831 г. на Сенной площади,²⁷⁵ 3 февраля 1833 г. он назначается членом учрежденной под председательством генерал-адъютанта графа Орлова (будущий начальник III отделения и шеф жандармов,

назначенный на эту должность после смерти Бенкендорфа, любимец Николая I, пользовавшийся его неограниченным доверием) секретной следственной комиссии,²⁷⁶ Траскин был членом военно-цензурного комитета, с 1834 г. он флигель-адъютант. Служивший в военном министерстве и состоявший для особых поручений при военном министре Чернышеве, "он, — как свидетельствует в своих "Воспоминаниях" Г.И. Филиппсон, — обратил на себя особенное внимание министра Чернышева и сделался у него необходимым человеком".²⁷⁷

Любопытна характеристика, которую дает Траскину Барте-нев. В примечании к тому месту из дневника Граббе, где упоминается Траскин, Барте-нев пишет: "Траскин — один из деятельных чиновников в тогдашнем военном министерстве при князе А.И. Чернышеве".²⁷⁸

Как свидетельствует тот же Филиппсон, Траскин "испортил свою карьеру тем, что стал в обществе слишком много говорить о своем участии в делах военного министерства и что князь Чернышев воспользовался удобным случаем с почетом удалить его от себя на Кавказ".²⁷⁹

Но назначенный 25 декабря 1837 г. на Кавказ исполняющим должность начальника штаба командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории (начальником штаба Траскин был утвержден 25 января 1839 г. см. "Санкт-Петербургские ведомости", 1839, № 27, 2 февраля), Траскин, однако, не был лишен особого доверия военного министра: за ним было сохранено звание состоящего для особых поручений при Чернышеве.²⁸⁰

В одном из документов архива Граббе — в черновике письма Граббе к Чернышеву от 22 августа 1838 г.²⁸¹ — есть указание на то, что Чернышев особо аттестовал Траскина назначаемому на Кавказ Граббе (Граббе был назначен командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории после Траскина, 10 апреля 1838 г. В этом документе есть следующая фраза: "Отправляя меня, Вам угодно было поручить моему вниманию исправ. должность нач. штаба вверенных мне войск Ф.-А. (флигель-адъютанта. — А.-К.) Полк. Траскина".²⁸²

Кроме того, как явствует из материалов архива, Траскин находился в деятельной переписке со своим родственником Павлом Александровичем Вревским, состоявшим при военном министре Чернышеве для особых поручений (одновременно Вревский был начальником 1-го отделения канцелярии военного министерства).

Эта переписка носила очень важный характер, этим путем общались какие-то закулисные сведения. Она даже сыграла очень большую роль в возникновении напряженных отношений между Головиным и Граббе.

В письме от 3 октября 1840 г. Головин, имея в виду переписку Траскина с Вревским, пишет: "Путь французской корреспонденции, отзывающийся в кабинете министра, мне известен и вот где все зло. Оно-то затмевает взаимные наши отношения и причиняет существенный вред ходу служебному" (д. 24, л. 136).

Эта фраза, кроме всего, прямое доказательство, что о переписке Траскина с Вревским был осведомлен военный министр Чернышев. Эта переписка могла явиться удобным путем для передачи распоряжений из Петербурга.

Но Траскин имел возможность сноситься с Чернышевым не только через Вревского. Траскин писал Чернышеву непосредственно.

Хранящиеся в рукописном отделении Библиотеки им. Ленина письма Траскина к Чернышеву служат чрезвычайно любопытной характеристикой их взаимоотношений.

В датированном 26 марта 1838 г. письме к Чернышеву из Ставрополя Траскин писал: "Граф! Ваше письмо от 28 февраля тронуло меня до слез, граф, и я пользуюсь проездом тифлисского фельдъегеря, чтобы засвидетельствовать Вам всю мою признательность. Вы не поверите, как я ценю новое свидетельство Вашей доброты по отношению меня. — В удалении от всего того, что нам дорого, воспоминание о начальнике, которого любишь и чтить, есть целительный бальзам и великое утешение".²⁸³

В письме от 10 июля 1838 г. из Ставрополя Траскин пишет: "Граф! Новая награда, которой государь император меня удостоил (Траскин имеет в виду награждение его 10 июня 1838 г. орденом Станислава 2-й степени со звездой. — А.-К.), сделала меня совершенно счастливым, счастливым тем более, что именно Вам, граф, я обязан этим свидетельством благосклонности его величества; это доказывает, что Вы сохранили мне Ваше расположение, в котором Вы мне столько раз давали возможность убедиться. Заслужить Ваше одобрение всегда было самым драгоценным моим чаением, и одна мысль о том, что я могу его лишиться, была для меня невыносимой и совершенно обескураживающей. — Разрешите же выразить Вам всю мою признательность, граф, и заверить Вас, что Ваша благосклонность придаст мне новые силы, чтобы удостоиться одобрения своих начальников.

Поль Вревский описал мне чудесный день, который он провел в Елизаветине, и сообщил, что Вы и графиня, Вы были так добры, что вспомнили обо мне. Читая его письмо, я мысленно переносился к Вам, но что бы я не дал, чтобы быть среди Вас в действительности и насладиться счастьем и благополучием семейства, которое ко мне всегда относилось с родственным расположением и которое я чтю и люблю всем сердцем. Бог знает, буду ли я иметь это счастье скоро; мое единственное утешение в удалении, в котором я пребываю, заключается в том, чтобы слышать, что люди, которых я люблю и уважаю, иногда вспоминают обо мне. — Прошу Вас, граф, так же как и графиню, сохранить мне в Вашей памяти небольшое место и верить, что я всегда сумею оценить Вашу доброту ко мне. Я никогда не был неблагодарным и никогда им не буду."²⁸⁴

В письме от 14 сентября 1838 г. из Ставрополя Траскин говорит о "благосклонном письме, которое Вы мне написали". Как видно из того же письма, Чернышев спрашивал Траскина об его отношениях с Граббе: "Вы меня упрекаете, граф, за то, что я ничего не сказал об отношениях с моим новым начальником".²⁸⁵

Отвечая, Траскин дает характеристику Граббе и рассказывает о его мероприятиях.

Письмо от 30 января 1839 г. заканчивается словами:

"Да дарует мне небо силы, чтобы заслужить постоянным усердием благоденствия государя императора и Ваше расположение, ибо твердая решимость сделать все, что могу, чтобы достигнуть этой цели, никогда меня не покинет".²⁸⁶

В 1855 г., благодаря Чернышеву за содействие в получении чина тайного советника (Траскин перешел из военной службы в гражданскую), Траскин говорит об "ангельской доброте" к нему со стороны графа и графини Чернышевых.²⁸⁷

Итак, Траскин был доверенным лицом Чернышева и, будучи назначен на Кавказ, продолжал пользоваться его неизменным расположением. Он был готов с усердием выполнять возложенные на него Чернышевым поручения. Чернышев же, принадлежа, наравне с Бенкендорфом, к самому избранному кругу приближенных Николая I, прекрасно знал об отношении царя к Лермонтову и, кроме того, участвовал в хитрой игре императора, механизм которой показан нами выше. Интересно отметить, что Траскин был в Петербурге в начале 1840 г.; во время его пребы-

вания произошла дуэль Лермонтова с Барантом (18 февраля), послужившая предлогом для высылки поэта Николаем I.²⁸⁸

При изучении архива Граббе выяснилось, что Траскин систематически наезжал в Пятигорск из Ставрополя. В письме к Граббе от 18 июня 1841 г. (д. 25, л. 61) он, сообщая о предполагаемой поездке, пишет, что 25 июня хочет быть в Пятигорске. 25-го он сообщает из Пятигорска о своем прибытии туда (л. 63), 28-го возвращается в Ставрополь (л. 65). Тут же он сообщает, что врачи ему предписали "шестинедельное лечение щелочными водами" (л. 65), и извещает, что собирается выехать к Кавказским водам 5 июля. В письме от 4 июля подтверждает, что выезжает 5-го (л. 66). До настоящего времени было известно только, что Траскин находился в Пятигорске 16 июля, уже после дуэли. Теперь же становится ясным, что Траскин бывал в Пятигорске в то время, когда эта дуэль готовилась.

Прекрасно поняв еще в предыдущем 1840 г., что значило распоряжение об определении Лермонтова в Тенгинский полк, Траскин имел полную возможность быть весьма деятельным в отыскании тех средств, которые отвечали бы намерениям Петербурга в отношении Лермонтова, тем более что в дни, предшествовавшие дуэли, когда велась интрига, распоряжение 1841 г., вынуждавшее Лермонтова обязательно участвовать в "убыхской экспедиции" на Кавказе получено еще не было. Как мы выше указали, этот документ датируется 30 июня 1841 г.

Нам удалось установить, что жандармский подполковник Кувшинников, посланный из Петербурга для секретного надзора, выехал оттуда задолго до того срока, когда состоялась дуэль. В письме к Граббе от 18 апреля 1841 г. из Петербурга А.П. Ермолов пишет, что Кувшинников выезжает на Кавказ (д. 15, л. 29).

Траскин, доверенное лицо Чернышева, просит Кувшинникова, эmissара Бенкендорфа, состоять при следствии. Сохранились соответствующие документы. Приведем их здесь.

"Копия с отношения Начальника штаба Корпуса жандармов подполковнику Кувшинникову, от 16 июля № 84.

За отсутствием г. командующего войсками, вследствие рапорта к нему пятигорского коменданта полковника Ильяшенкова, от сего числа за № 1357 о дуэле отставного майора Мартынова и Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, имею честь уведомить Ваше высокоблагородие, что по поручению, на Вас возложенному, я считал бы необходимым присутствие Ваше при следствии, производимом по сему происшествию пятигорским плац-майором подполковником Унтиловым, — почему я ныне же и предписал пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову не приступать ни к каким распоряжениям по означенному происшествию без Вашего содействия.

Верно. Ф.-А. Траскин".²⁸⁹

"Копия с предписания Начальника штаба войск Кавказской линии Пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову, от 16 июля за № 83.

Получив рапорт Вашего высокоблагородия к Г. Командующему войсками, от сего числа за № 1357-м, о дуэле отставного майора Мартынова и Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова, имею честь уведомить Вас, что я вместе с сим прошу присланного сюда для секретного надзора корпуса жандармов подполковника Кувшинникова находиться при следствии производимом по сему происшествию плац-майором подполковником Унтиловым.

Верно. Ф.-А. Траскин".²⁹⁰

П.А. Висковатый, имевший возможность собирать материалы от современников Лермонтова, пишет, что слухи о предстоящей дуэли распространились и о ней знали власти: "Между тем все дело держалось не в особенном секрете. О нем узнали многие,

знали и власти, если не все, то добрая часть их, и, конечно, меры могли бы быть приняты энергические. Можно было арестовать молодых людей, выслать их из города к месту службы, но всего этого сделано не было".²⁹¹

Траскин принимал деятельное участие в организации следствия о дуэли, беседовал в приватном порядке с подсудимыми, давая им советы, как себя вести, явно оберегал Мартынова. Последнее ясно из следующего факта.

Военная молодежь, жившая в то время в Пятигорске, относилась к Мартынову с негодованием. "Были горячие головы, которые, — пишет Висковатый, — выражали желание мстить за убийство и вызвать Мартынова".²⁹²

Траскин, чтобы ликвидировать это возбуждение, приказал удалить из Пятигорска значительное количество военной молодежи. Висковатый пишет: "Возбуждение вызвало затем и усиленную высылку молодежи из Пятигорска, по распоряжению начальника штаба Траскина".²⁹³

Кроме того, в одном из писем Траскина заключена очень важная фраза, свидетельствующая о том, что он заранее знал, что Петербург сам решит вопрос о наказании Мартынова. Как известно, Николай I установил для Мартынова чрезвычайно легкое наказание.²⁹⁴ В письме от 3 августа из Кисловодска Траскин писал: "L'enquete sur le duel est fini et comme Мартынов est hors de service l'affaire a passe в Окружной суд et on me donnera seulement une выписка из следствия concernant Gleboff,²⁹⁵ qu'il faudra envoyer au Grand Duc Michel puisqu'il est du Corps de la Garde. — Du reste je pense qu'avant que tout cela prendra une marche legale, il arrivera de Petersbourg un ordre qui decidera du sort de ses messieurs".²⁹⁶

Еще один любопытный факт. Письма Траскина нумерованы. Однако писем № 15, 16, 17 недостает. Они изъяты из переписки не случайно. Письмо № 14 датировано 4 июля, № 18 — 21-м. Дуэль состоялась 15 июля.

Уничтожены ли эти письма или скрыты? Руководствовались ли изымавшее их лицо какими-либо другими целями? Во всяком случае, эти письма представляли какой-то особый интерес, что и явилось причиной их исчезновения.²⁹⁷

Привлеченные нами материалы дают возможность дальнейшего уяснения ряда обстоятельств, относящихся к организации этой явно провокационной дуэли.

"Нет никакого сомнения, — пишет Висковатый, — что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что "обуздание" тем или другим способом "неудобного" юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа".²⁹⁸

Касаясь вопроса о трагической участи передовых русских писателей в эпоху николаевского царствования, Герцен пишет: "История нашей литературы — мартиролог или регистр каторги".²⁹⁹ В перечне имен у Герцена значится и имя Лермонтова.

Лермонтова постигла та же судьба, что и Пушкина, Одоевского, Бестужева-Марлинского, Полежаева, которых царь травил с присущей ему маниакальной последовательностью. Осуществляя свои замыслы в отношении Лермонтова, он хорошо определил свою цель. Весть о смерти Лермонтова была именно тем известием, которого ждал с Кавказа Николай I.

Загадочная помета Лермонтова

I

В журнале "Отечественные записки", в номере первом за 1840 год, январском, было напечатано стихотворение Лермонтова. Оно не озаглавлено, вместо заглавия стояли три звездочки. В правом верхнем углу было проставлено курсивом: *1-е января*. Делая эту помету, поэт хотел обратить внимание на какое-то обстоятельство.

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад, с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сияние.

Так царства дивного всеисильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

В своей известной мемуарной записи о Лермонтове, вошедшей в состав его "Литературных и житейских воспоминаний", которые впервые были опубликованы в 1869 году, И.С. Тургенев упо-

мянул о встрече с поэтом на балу, состоявшемся в конце декабря 1839 года в Петербурге. "На бале Дворянского собрания, — писал Тургенев, — ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

**Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки...**³⁰⁰

О новогоднем бале, на котором присутствовал Лермонтов, более подробно говорит биограф поэта П.А. Висковатый.

Приведя свидетельство Тургенева, Висковатый пишет: "На маскарадах и балах Дворянского собрания, в то время только входивших в моду, присутствовали не только представители высшего общества, но часто и члены царской фамилии. В Дворянском собрании под новый 1840 год собралось блестящее общество. Особенное внимание обращали на себя две дамы, одна в голубом, другая в розовом домино. Это были две сестры, и хотя было известно, кто они такие, но все же уважали их инкогнито и окружали почтением. Они-то, вероятно, тоже заинтересованные молодым поэтом и пользуясь свободой маскарада, прохода мимо него, что-то сказали ему. Не подавая вида, что ему известно, кто задел его словом, дерзкий на язык Лермонтов не остался в долгу. Он даже прошелся с пышными домино, смущенно поспешившими искать убежища. Выходка молодого офицера была для них совершенно неожиданной и казалась им до невероятия дерзновенною".³⁰¹

Было сочтено, что маски, голубое и розовое домино, две сестры, принадлежавшие к "царской фамилии" — это дочери Николая I Мария Николаевна и Ольга Николаевна.³⁰²

Упоминание об эпизоде, который произошел на новогоднем бале в Дворянском собрании, стало традицией. И хотя ни Тургенев, ни Висковатый не указали, что бал происходил в ночь под первое января 1840 года, события связывались именно с этой датой; так и стали объяснять значение лермонтовской пометы: *1 января*.

II

Висковатый сделался жертвой ловкой мистификации. Никакой встречи между Лермонтовым и двумя домино, о которых утверждалось, что это дочери Николая I, на балу в Дворянском собрании не было.

Продолжая свои разыскания, Э.Г. Герштейн несколько лет тому назад установила, что Мария Николаевна на балу присутствовать не могла, о второй дочери Николая I говорится менее определенно: "Ольга Николаевна находилась еще под надзором придворных учителей и воспитательниц, — никто не позволил бы семнадцатилетней великой княжне маскироваться и интриговать мужчин на публичном бале".³⁰³ Присутствовала ли все же Ольга Николаевна на балу? Кроме того, Герштейн определила, что в ночь под первое января бала в Дворянском собрании не было, новогодний бал состоялся 30 декабря 1839 года.³⁰⁴

Таким образом — отпали и два домино, царские дочери, отпали и хронологическое соотнесение лермонтовской пометы. Приводя те же строки из лермонтовского стихотворения, которые цитировал Тургенев, Герштейн пишет: "Если согласиться с Висковатым, что это был прямой ответ на маскарадную шутку высокопоставленных дам, такие стихи были уж слишком смелыми".³⁰⁵ Но через несколько страниц мы можем прочитать:

"Остается предположить, что выходка Лермонтова относилась к той "особе", которая и была героиней публичных маскарадов, то есть к императрице Александре Федоровне, и одной из ее приближенных".³⁰⁶

Немного ниже автор высказывает свою мысль в более определенной форме: "Своей выходкой на маскированном балу он наглядно продемонстрировал неуместность поведения императрицы".³⁰⁷

Автор почему-то не замечает, что его утверждение, касающееся императрицы, еще более смело, чем утверждение о том, что стихи могут быть отнесены к двум дочерям Николая I.

III

На балу, который состоялся 30 декабря 1839 года в Дворянском собрании, императрица Александра Федоровна не присутствовала. Это явствует уже из текста того документа, на который Э.Г. Герштейн ссылается.

4 января 1840 года в "Санктпетербургских ведомостях" был помещен отчет о бале тридцатого декабря. В отчете сообщалось, что на балу присутствовали: император, наследник престола, великий князь Михаил Павлович и герцог Максимилиан Лейхтенбергский (муж Марии Николаевны). Императрица не присутствовала, не присутствовали и обе ее дочери. Таким образом, утверждение об отсутствии на балу Марии Николаевны, сделанное на основании косвенного доказательства (автор сообщает, что Мария Николаевна готовилась стать матерью и именно поэтому на публичном балу присутствовать не могла — стр. 79), подкрепляется и документальными данными. Приобретают определенность и соображения, касающиеся Ольги Николаевны. На балу ее не было.

Необходимо указать на еще одно важное обстоятельство. Бал, состоявшийся 30 декабря 1839 года в Дворянском собрании, не был балом-маскарадом, это был простой бал, присутствовавшие были без масок. Таким образом, ни Лермонтова, ни кого-либо другого никакие маски интриговать не могли.

Уведомление о предстоящем бале было помещено в нескольких петербургских газетах ("Северная Пчела", 28 декабря, "Journal de Saint-Petersbourg", 28 декабря, "Санктпетербургские ведомости", 29 декабря) и всюду сообщалось, что это бал, а не бал-маскарад. То же самое писалось и в отчетах о бале, напечатанных в "Северной Пчеле" 2 января и в "Санктпетербургских ведомостях" — 4. Когда же предстал бал-маскарад, на это указывалось особо. Так, 9 и 30 января 1840 года в Дворянском собрании действительно устраивались балы-маскарады, о чем сообщалось ("Северная Пчела", 4 и 25 января, "Санктпетербургские ведомости", 6 и 25 января, "Journal de Saint-Petersbourg", 4 и 25 января). 20 января 1840 года в Дворянском собрании начался просто бал, на это и указывалось в перечисленных трех изданиях.

Лермонтовская помета утрачивает все свое значение? Знаменитое стихотворение теряет всю остроту? Наоборот.

С очень давнего времени и вплоть до 1917 года при дворе велся так называемый "Камер-фурьерский журнал" — подробный и тщательно составлявшийся дневник. Журнал дошел до нас и хранится в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. В нем имеется запись, которая даёт возможность понять значение загадочной пометы Лермонтова.³⁰⁸

Однако, прежде чем обратиться к сделанной в "Камер-фурьерском журнале" записи, необходимо разобраться в некоторых обстоятельствах.

После опубликования стихотворения "Как часто, пестрою толпою окружен" (первый номер "Отечественных записок", в котором оно было напечатано, вышел в свет 15 января, на что совершенно точно указано в "Литературной газете" (1840, 17 января, № 5) Николай I проникся к Лермонтову особой ненавистью, к нему присоединился Бенкендорф. Висковатый пишет, что этот последний "теперь крепко невзлюбил Михаила Юрьевича, особенно после случая на маскараде, в Дворянском собрании. С этих пор он его преследует, и, если б не заступничество великого князя Михаила Павловича, Лермонтов испытал бы участь суровую без просвета и теплых лучей".³⁰⁹

Но вот такого случая на маскараде в Дворянском собрании не было. А Николай I и Бенкендорф с этого времени действительно начинают преследовать поэта с особой настойчивостью и злобой. В чем же дело?

Между прочим, великий князь так фактически и не защитил Лермонтова. Следует вспомнить, что через полтора года произошла роковая дуэль между Лермонтовым и Мартыновым.

Обратимся ко второму обстоятельству.

В третьем, мартовском, номере "Отечественных записок" была напечатана повесть В.А. Соллогуба "Большой свет". Это — пасквиль на Лермонтова. Он представлен в образе Леонина, жалкого офицера, претендующего на внимание "большого света".

Считается, что сам Лермонтов себя не узнал. Однако в карикатурном изображении настолько явно даны обстоятельства биографии поэта, что не узнать себя он не мог. Он узнал себя и Соллогубу, между прочим, ответил, что до настоящего времени ясно не было.

Когда повесть "Большой свет" была напечатана в "Отечественных записках", оставалось неизвестным очень важное обстоятельство. После заглавия стояло:

"Посвящается ***". Повесть была посвящена каким-то трем "звездам". Однако только при публикации ее в сборнике произведений Соллогуба дело несколько прояснилось. Под тремя "звездами" разумелись три лица. Теперь текст "Большого света" было предпослано стихотворное посвящение:

П о с в я щ е н и е
(* * *)

Три звезды на небе,
Три звезды в душе
Сверкают и блещут
Отрадою нам.
То края родного
России звезда.
Звезда то поэзии,
Звезда красоты.
Пусть ведает каждый,
Что их я лучом,
Гордясь, осеняю
Смиранный свой труд.
И каждый узнает
От сердца как раз,
Кому я с смущеньем
Свой труд посвятил.

Гр. В. Соллогуб³¹⁰

Прошло много лет, и только тогда Соллогуб сообщил, кем была одна из "звезд". В 1865 году были напечатаны его воспоминания о Гоголе, Пушкине и Лермонтове. Говоря о Лермонтове, Соллогуб сообщает: "Светское его значение я изобразил под именем Леонина в моей повести *Большой свет*, написанной по заказу великой княгини Марии Николаевны".³¹¹ В напечатан-

ных много лет спустя его обширных "Воспоминаниях" вновь говорилось о Лермонтове, повторялась приведенная нами фраза, но кто такие две другие "звезды" — об этом сказано не было. Лишь в разговоре с Висковатым Соллогуб сообщил, что "посвящение трем звездам относится к императрице Александре Федоровне и двум великим князьям, которым он читал повесть свою еще в рукописи".³¹² Почему же заказала Соллогубу Мария Николаевна пасквиль на Лермонтова?

В настоящее время установлено, что Соллогуб писал повесть еще в первой половине 1839 года, видимо, в апреле-мае, когда и состоялось чтение написанной к тому времени первой ее половины при дворе, в присутствии трех "звезд".³¹³ Таким образом, повесть была заказана Марией Николаевной задолго до начала 1840 года. Чем объясняется в таком случае ожесточение дочери Николая I? Мы думаем, что дело не в личном ее ожесточении. Может быть, его даже и не было.

IV

Столкновение между Лермонтовым и Николаем I впервые произошло в начале 1837 года — из-за стихотворения "Смерть поэта".

Самодержец был в ярости. Безумец? Этот молодой офицер — безумец? Царь приказывает старшему медику гвардейского корпуса посетить "этого господина" и удостовериться — не помешан ли он. Медик не привез утешительного известия.

Николай I хотел задушить в России революцию. При упоминании о революции он приходил в ярость. На списке же лермонтовского стихотворения, присланном ему каким-то доносчиком, было написано: "Воззвание к революции". Провокатор был неглуп.

Лермонтова арестовывают и ссылают на Кавказ.

Но — не одумается ли этот новоявленный смельчак? Ведь Николай I так привык к беспрекословному повиновению, к отсутствию сопротивления, раболепию, покорности.

Во время своего пребывания в Тифлисе осенью 1837 года Николай отдает приказ о переводе Лермонтова в Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгородской губернии. Через небольшой промежуток времени Лермонтов получает разрешение вернуться в свой прежний полк — лейб-гвардии гусарский, стоявший в Царском Селе. Лермонтов опять в Петербурге.

Поэт "одумался"?

В первом, январском, номере "Отечественных записок" за 1839 год публикуется написанная еще в 1838 году "Дума".

Печально я гляжу на наше поколенье!

Его грядущее — иль пусто, иль темно,

Меж тем, под бременем познания и сомненья,

В бездействии состарится оно.

О каком действии идет речь? Вот в этих строках все сведено к показаниям времени, к эпохе, срокам:

К добру и злу постыдно равнодушны,

В начале поприща мы вянем без борьбы;

Перед опасностью позорно малодушны,

И перед властью — презренные рабы.

Последние две строки цензура не пропустила, вместо них стояли точки.

Во втором номере, февральском, "Отечественных записок" за 1839 год печатается лермонтовский "Поэт".

В слове поэта — таинственный закат, оно проведет страшный след и прорвет кольчугу. Но в век терпеливый и потерявший вкус и привычку к действию, мысль к нему холодна и недоверчива, может быть, даже безразлична. Этому веку не нужны ни

подлинные чувства, ни искания. Он стремится только к тому, чтобы ему было легко и просто в его вере, которую он не хочет сделать доступной сомнению, чтобы бездумно было ему в его ничем не потревоженном быту. Если ему и нужна поэзия, то другая — променявшая свою подлинную власть на золото, утратившая свое назначение; она блещет золотой игрушкой, бесславная и безвредная. Вот нынешняя поэзия — вот какой она должна перестать быть. Кругом беспокойно, нерешенные вопросы, ожидание. Поэзия, искусство — высокое воплощение человеческой мысли и чувства — должны выйти на широкую арену. В стихотворении сказано, во имя чего она, поэзия. Стих поэта должен звучать,

как колокол на башне вечевой

Во дни торжеств и бед народных.

Лермонтов ни от чего не отступился.

Вьясня ситуацию, сложившуюся после появления в печати стихотворения "Как часто, пестрою толпою окружен", П.А. Висковатый делает некоторые замечания, которые имеют драгоценное значение. "Когда в Отечественных Записках появилось стихотворение "Первое января", многие выражения в нем показались непозволительными. Нашли, что поэт начинает в поведении своем заходить за границу дозволенного. Вообще начинали быть недовольны его образом жизни и ролью в обществе. Он все же был человеком провинившимся, недавно возвращенным из ссылки; прощенным с мыслью, что он службою загладит вину... Но поэт, кажется, не понимал, или не хотел понимать, чего от него требовали".³¹⁴

Уже давно сообщены сведения о том, что повесть "Большой свет" написана в согласии с пожеланием самого Николая I.³¹⁵ Это обстоятельство приобретает все свое значение в свете обнаруженных нами фактов. А мог ли сам император сообщить Соллогубу о своей воле? Весьма и весьма сомнительно, вернее — невероятно. Вот откуда Мария Николаевна, любимая дочь царя, которая, кстати, так была похожа по характеру на своего отца.³¹⁶

Недавно начавший печататься Соллогуб приобрел широкую известность после публикации повести "История двух калош", которая была помещена в первом номере "Отечественных записок" за 1839 год. И.И. Панаев писал: "История двух калош наделала столько шуму, что она читалась даже теми, которые никогда ничего не читали... по крайней мере по-русски; в большом свете с неделю только и говорили об этих "Калошах"... Соллогуб был в ходу".³¹⁷

Таким образом, Соллогуб был очень подходящей кандидатурой.

Сопоставим даты и факты. Начало 1839 года — стихотворения "Дума", "Поэт". Николай I имеет возможность убедиться в том, что Лермонтов вовсе не хочет "смириться". Начало 1839 года — заказан "Марией Николаевной" пасквиль на Лермонтова.

Но ведь "Большой свет" всего лишь литературное произведение. Какое же значение оно может иметь в сложившейся обстановке?

Остановимся на некоторых фактах биографии В.А. Соллогуба.

За три года до того, в 1836 году, должна была состояться дуэль между Пушкиным и одним из пустоватых представителей петербургского "большого света". Дуэль, однако, предотвращена. Кто же был этот незадачливый предшественник Дантеса? Владимир Александрович Соллогуб. Об этой громкой истории знал весь Петербург.

Мог ли Николай I предусматривать возможность дуэли между Лермонтовым и Соллогубом, когда провоцировал написанные пасквиля? Мог. Хорошо понимал ситуацию и сам Солло-

губ. В "Большом свете" рассказывается о дуэли, которая должна была произойти между Леониным (Лермонтов) и Щетининым (Соллогуб).³¹⁸

Теперь обратимся к хронологии и рассмотрению некоторых обстоятельств дела.

Третий номер "Отечественных записок", где был напечатан "Большой свет", вышел 15 марта 1840 года.³¹⁹ 18 февраля этого года произошла дуэль между Лермонтовым и сыном французского посланника в Петербурге Эрнестом Барантом. Через некоторое время Лермонтов был арестован, затем предан суду (11 марта). И дуэль-то уже произошла, и находившийся под арестом и судом Лермонтов не мог вызвать Соллогуба, если даже и захотел это сделать. А Николай уже имел возможность принять все необходимые меры. После решения суда он распорядился, чтобы Лермонтов был направлен на Кавказ, сделано это было с таким расчетом, чтобы он оказался в самом опасном месте и в самый опасный момент; Николай ставил поэта в условия, которые грозили ему гибелью.³²⁰

После освобождения из-под ареста осужденный на ссылку Лермонтов покидает Петербург и уезжает на Кавказ. Соллогуб оказался в очень выгодном положении: клевета ему обошлась дешево.

Как же следовало в данной ситуации поступать Лермонтову? Самое лучшее — делать вид, что он себя не узнает. Ведь Белинский, например, Лермонтова в Леонине явно не узнал. Уж если даже Белинский не узнал, то можно спокойно делать вид, что не узнает себя и он сам, Лермонтов.

После свидания с находившимся под арестом Лермонтовым Белинский писал в апреле 1840 года В.П. Боткину: "Славная вещь, бог с нею! Лермонтов думает так же".³²¹ Белинский говорит о "Большом свете".

Тут к месту вспомнить, что только по прошествии двадцати пяти лет сам Соллогуб признался открыто, что в "Большом свете" изображен Лермонтов.

Лермонтов понимал все: предстоит смертельная схватка с царем.

К концу апреля — началу мая 1840 года³²² относится трагическая и гениальная "Благодарность". В эту пору Лермонтову было из-за чего вспомнить всю свою жизнь, задуматься о смысле существующего, высказать еще раз свои мысли о добре и зле — ему, автору "Демона".

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я;

За тайные мучения страстей,

За горечь слез, отраву поцелуя,

За месть врагов и клевету друзей;

За жар души, растрченный в пустыне,

За все, чем я обманут в жизни был...

Устрой лишь так, чтобы тебя отныне

Недолго я еще благодарил.

Кажется, уж действительно не было больше за что благодарить... С горькой иронией обращается автор "Демона" к богу — подателю справедливости; пусть он достойно завершит цепь своих деяний.

Мсть врагов и клевета друзей. Николай I, Бенкендорф и им подобные — враги. Друзья? Вот — Соллогуб.

Когда Лермонтов был еще в заключении, он написал стихотворение "Пленный рыцарь".³²³

Молча сижу под окошком темницы,

Синее небо отсюда мне видно;

В небе играют все вольные птицы;

Глядя на них, мне и больно и стыдно.

**Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу лобезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.**

**В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.**

**Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.**

**Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, поддержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.**

Идет следствие, суд только готовится. Но Лермонтов уже все понимает. Ни испытание, ни угроза не выбьет у него из рук оружия. Ему помогает то, что это его обычная жизнь, ни на что другое он не способен. Меч, панцирь — атрибуты битвы, от которой он не отказался и не может отказаться. Мчится летучее время. Станет конь. Смерть примет стремя у всадника. Он взглянет ей в глаза, не ответит взора. И — сдернет с лица забрало.

Трагическая медитация, тема рока, звучит в строках стихотворения "Тучи" — одновременном с "Благодарностью".

**Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.**

**Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?**

**Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.**

Руссо как-то сказал: "Фальшивых людей опаснее иметь друзьями, чем врагами". О том же говорил Филдинг: "Вероломный друг — самый опасный враг".

Дело в том, что Соллогуб считался другом Лермонтова. Так — до написания "Большого света". Но другом он продолжал считаться и после опубликования этой повести. Но — от кого идут эти последние сведения? От Соллогуба... Чего же в них больше — легкомыслия или лицемерия? Висковатый, беседовавший с Соллогубом тогда, когда время должно было бы уже унести неприязнь, вынес впечатление: "Соллогуб лично не любил Лермонтова".³²⁴

А вдруг Висковатый ошибся? Нет. Вот что писал сам Соллогуб о Лермонтове в 1874 году: "Он был человек бесхарактерный и жертвовал своим убеждением в угоду нашей грамотной челяди".³²⁵ Так мог писать только недруг.

Вообще уже давно заподозрена, и весьма основательно, точность того, что писал Соллогуб в воспоминаниях о Лермонтове.³²⁶

После того, как дуэль между Пушкиным и Соллогубом была предотвращена, между ними установились, как сообщает последний, "ближайшие" "сношения".³²⁷

Но вот происходит следующее. По разным петербургским адресам рассылается гнусный пасквиль на Пушкина; получает его в запечатанном конверте и тетка Соллогуба — Васильчикова. Этот конверт был вложен в другой, адресованный уже Васильчиковой. Она передала адресованный Пушкину конверт племяннику, не зная, что с ним делать. Пасквиль получили таким образом и некоторые другие лица, но они его Пушкину не передали. Переслала конверт Пушкину только Е.М. Хитрово,³²⁸ не зная, конечно, что в нем находится. Соллогуб же поспешил лично отвезти конверт Пушкину. Очень убедительно предположение, что ему отлично было известно, что именно находится в запечатанном конверте.³²⁹

Соллогуб должен был быть секундантом на дуэли Пушкина с Дантесом, которая готовилась в ноябре 1836 года. Но, когда дуэль эта расстроилась, Пушкин сказал Соллогу: "Вы были более секундантом Дантеса, чем моим".³³⁰

Как ни толковать эти слова, все равно в них остается значение, которое заставляет задуматься о многом.

Существует мудрая черкесская поговорка: "Старый враг никогда не станет настоящим другом, старый друг никогда не станет настоящим врагом".

Мы подходим к решению чрезвычайно важного вопроса.

Выясняется роль Николая I в написании пасквиля на Лермонтова: дело могло закончиться дуэлью. Дуэль между друзьями, которых хитро ссорили. А теперь вспомним другую дуэль — на Кавказе, в Пятигорске. Это ведь тоже дуэль между друзьями, которых хитро ссорили.

Висковатый писал: "Нет никакого сомнения, что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру шекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что "обуздание" тем или другим способом "неудобного" юноши-писателя, будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа".³³¹

Можно даже и не строить догадок. Висковатый говорит о Николае I. На Кавказе нашлась своя "Мария Николаевна".³³²

Николай I, посылая Лермонтова в Тенгинский полк, делал все, чтобы поэт, находясь в его рядах, подвергся бы смертельной опасности. Ну, а если Лермонтов погибнет не в рядах Тенгинского полка?..

Об озлоблении царя, каком-то безумном, можно судить по тому, как он встретил известие о смерти Лермонтова. Не сумев себя сдерживать, Николай произнес подлую фразу: "Собаке — собачья смерть".³³³

Необходимо выяснить еще один вопрос.

"Большой свет" напечатан в тех самых "Отечественных записках", где постоянно сотрудничал Лермонтов. В первом номере печатается стихотворение "Как часто, пестрою толпою окружен", в третьем — "Большой свет". Почему же Краевский, редактор журнала, после публикации лермонтовского произведения, вызвавшего такой гнев в высоких сферах, публикует соллогубовскую повесть? Да вот как раз поэту и публикует. Мудрости лукавой Краевский не презирал... Высказано предположение о том, что публикация повести на страницах "Отечественных записок" все же привела к ухудшению отношений между Лермонтовым и Краевским.³³⁴

"Большой свет", как мы уже сказали, писался еще в первой половине 1839 года. Тогда была подготовлена первая часть и отправлена для публикации.³³⁵ Однако дело замедлилось. Ни в июльском номере "Отечественных записок", ни в более поздних за этот год повесть так и не появилась. Высказаны были соображения о том, какие именно причины воспрепятствовали ее печатанию.³³⁶ Завершена повесть также была в 1839 году. Это явствует из проставленной в конце ее пометы: "С. Никольское. 1839". В 1840 году ситуация сложилась так, что потребовалось срочно печатать повесть. Произошло это после опубликования лермонтовского стихотворения, то есть после 15 января. Или воля заказчиков или же непосредственное их внушение".³³⁷

В

Но почему же с какой-то удивительной легкостью и готовностью Соллогуб согласился написать пасквиль на Лермонтова? Ведь он был с поэтом, как сам говорит, в дружеских отношениях.

До поры, до времени в дружеских отношениях были между собой Печорин и Грушницкий.

Э.Г. Герштейн привела очень убедительные соображения в пользу того, что некоторые лермонтовские стихотворения, написанные после возвращения поэта в Петербург, обращены к Софье Михайловне Виельгорской.³³⁸

В ту же пору, когда Лермонтов посвящал голубоглазой красавице Виельгорской лирические стихи, ее руки настойчиво добивался Соллогуб. Он ревновал ее.³³⁹

Герштейн совершенно правильно говорит, что ревнивое чувство Соллогуба отразилось в "Большом свете". Между Леонидом (Лермонтов) и князем Щегининым (граф Соллогуб) возникает соперничество и вражда — из-за Надины (Виельгорская). Щетинин влюблен в Надину. В конце повести говорится о том, что он на ней должен жениться.

Таким образом, становится ясной одна из внутренних побудительных причин создания пасквиля: ревность Соллогуба.

Мы думаем, что дело было не только в этом.

До настоящего времени остается неясным вопрос о времени написания "Княжны Мери". Однако возможность указать на кое-какие хронологические рамки имеется.

Известно, что при создании образа Веры Лермонтов воспользовался некоторыми чертами, которые характеризуют В.А. Лопухину-Бахметеву.

После встречи с Верой, возобновившей их знакомство, Печорин записывает: "Вера больна, очень больна, хотя в этом и не признается; я боюсь, чтоб не было у нее чахотки или той болезни, которую называют "fièvre lente".

Шан-Гирей в своих воспоминаниях о Лермонтове, рассказывая о приезде Лопухиной-Бахметевой в Петербург в 1838 году, пишет: "Боже мой, как болезненно сжалось мое сердце при ее виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде".³⁴⁰

О болезненном виде Лопухиной-Бахметевой говорит и мать А.М. Верещагиной — Е.А. Верещагина: "Очень худа, слаба", "Она мне страшна показалась, совсем умирающая".³⁴¹ Как теперь установлено, Лопухина-Бахметева приехала в Петербург около 20 июня 1838 года.³⁴²

Работу Лермонтова над "Героем нашего времени" принято датировать периодом времени от начала 1838 года по конец 1839; считается, что, может быть, работа завершалась в самом начале 1840 года.³⁴³ В это время Лермонтов жил в Петербурге и в Царском Селе.

Мы полагаем, что во всяком случае начало работы над "Княжной Мери" можно датировать тем временем, когда Лермонтов находился под впечатлением встречи с Лопухиной, которую он так искренне и так трагически любил.³⁴⁴ Как пишет Шан-Гирей, поэт и Варенька больше уже никогда не виделись. Это была их последняя встреча.

Но еще до описания встречи между Печориным и Верой в романе рассказывается о его встрече с Грушницким. Уже здесь полностью дается характеристика Грушницкого. Фат, позер, во всем сквозит фальшь.

Очень убедительны соображения Герштейн о том, что Соллогубу были известны те или иные произведения Лермонтова, еще не опубликованные. Это следует распространить и на "Княжну Мери".³⁴⁵

До настоящего времени нет убедительных свидетельств о том, кто именно явился прототипом Грушницкого. Называли Колюбакина, Мартынова (убийца Лермонтова), юнкера Бенкендорфа, Каменского.³⁴⁶ Но все эти параллели обоснованы мало.

"Треугольник" Лермонтов — Виельгорская — Соллогуб и фактически и психологически удивительно точно совпадает с ситуацией Печорин — княжна Мери — Грушницкий. Но и ситуация Леонин — Надина — Щетинин также чрезвычайно близка к тому же "треугольнику"; однако, роли в "Большом свете" по сравнению с "Княжной Мери" "перевернуты". Леонин жалок, Щетинин дается в весьма привлекательных тонах. Соллогуб отвечает Лермонтову.

Психологически Грушницкий чрезвычайно близок Соллогубу.

А.Я. Панаева писала: "Если бы Соллогуб не ломался, то был бы приятным собеседником. Но часто он был невыносим, вечно корча из себя то дерптского студента, то аристократа. В светском обществе он кичился званием литератора, а в литературном — своим графством. Если его знакомили с простым смертным, он подавал ему два пальца и на другой день при встрече делал вид, что не узнает его".³⁴⁷

И.И. Панаев передал слова Н.П. Огарева: "Соллогуб, может быть, очень хороший человек, но бог с ним, он не наш, мне с такими господами неловко, я при них и говорить не умею".³⁴⁸

Тот же И.И. Панаев, хорошо знавший Соллогуба, писал: "При Соллогубе было неловко в прямом, бесцеремонном, дружеском кружке. Он тотчас нарушал его гармонию, внося против своей воли искусственность, ложь, ломанье, фатство, от которых он никак не мог отделаться и которые становились его второю натурой... Отсутствие простоты доходило в этом человеке до комического".³⁴⁹

Многое из всего этого можно прямо отнести к Грушницкому.

В очень любопытной связи у Лермонтова упоминается имя Виельгорской: "Грушницкий из тех людей, которые, говоря об женщине, с которой они едва знакомы, называют ее моя Мери, моя Sophie, если она имела счастье им понравиться".

В начале 1838 года Соллогуб только что познакомился с Виельгорской и стал добиваться ее руки. Лишь в конце 1840 года он на ней женился.

Ответом на самолюбивые притязания Соллогуба звучит то, что Печорин говорит Грушницкому: "Только берегись, Грушницкий! Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве".

Очень важно вспомнить слова Печорина: "Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях".

Лермонтов, конечно, видел Соллогуба насквозь. Но было одно обстоятельство, которое давало Лермонтову основание и для сюжетного построения и для психологической обрисовки.

Необходимо принять во внимание, что "Героя нашего времени", "Княжну Мери" писал автор "Смерти Поэта". Как же мог он отнестись к предшественнику Дантеса?

Однако, лермонтовская сатира ничем не грозила Соллогубу. Крапленый же "Большой свет" был картой, которую ловко подбросили ведшие нечистую игру враги Лермонтова.

Висковатый писал: "Соллогуб, легкомысленный человек, плохо, кажется, сознавал, какую незавидную роль играл он, когда писал роман свой с целью унижить поэта в глазах общества... О Лермонтове у нас были споры, и я старался ему объяснить, что он напрасно так односторонне и тенденциозно, а главное несправедливо изобразил Лермонтова, и что потомство об его повести будет судить с другой стороны, чем современники. Соллогуб задумался".³⁵⁰ Ниже следуют слова Висковатого о том, что Соллогуб лично не любил Лермонтова. Мы их уже приводили.

Лермонтов убил Грушницкого. В этом реализовались его права и возможности художника и психолога. У врагов поэта мера возможностей была иная — реальная. Игра краплеными картами продолжалась.

VI

Утверждение о том, что на новогоднем балу присутствовала императрица и что между Лермонтовым и ею на этом балу произошло столкновение, — важные звенья в цепи весьма существенных соображений автора книги "Судьба Лермонтова".³⁵¹

Э.Г. Герштейн полагает, что "житейские обстоятельства" "поставили поэта в январе 1839 года в опасную близость ко двору". Лермонтовым увлеклась императрица. Откуда же автор почерпнул эти сведения? Вообще источник их не указывается. Но вот на стр. 221 один свидетель называется: Соллогуб. О нем говорится: "прекрасно знавший об интересе к Лермонтову императрицы". Соллогуб нигде не сообщает о том, что он знал об "интересе" Александры Федоровны.

Между прочим, поведение Соллогуба как раз свидетельствует об ином. Каким образом он, зная о том, что императрица неравнодушна к Лермонтову, мог посвятить свой пасквиль в первую очередь именно ей? По меньшей мере — это удивительная бестактность. И как же он осмелился непосредственно Александре Федоровне, в присутствии обеих ее дочерей, читать пасквиль на Лермонтова? Вообще-то считается, что чтение при дворе в присутствии Александры Федоровны и ее дочерей и вдохновило Соллогуба на публикацию повести,³⁵² хотя была написана только еще первая часть. О какой же публикации осмеливался бы помышлять Соллогуб, если бы выражено было и малейшее неудовольствие? Между прочим, об участии императрицы в одобрении "Большого света" говорит сама же Герштейн. Сообщая об интимных литературно-музыкальных вечерах в "собственных апартаментах" императрицы, она пишет, что "здесь, при участии царских дочерей, была одобрена повесть Соллогуба".³⁵³

Мысль о том, что с начала 1839 года Лермонтов стал предметом романтических помыслов Александры Федоровны, приводит автора книги "Судьба Лермонтова" к важнейшим выводам. Считая, что "личное раздражение играло большую роль у Николая Павловича при решении судьбы своих подданных",³⁵⁴ Э.Г. Герштейн относит это и к Лермонтову.

"При дворе нашлись люди, которые, узнав о гибели Лермонтова, указывали на пристрастие к нему императрицы как на одну из причин катастрофы".³⁵⁵ Ниже автор пытается соответствующим образом истолковать параллель между дуэлью Голицына с Шепелевым и Лермонтова с Мартыновым. Голицын, имевший

несчастье понравится Екатерине II, Лермонтов, имевший такое же несчастье понравится супруге Николая I. Обе дуэли — убийство. В первом случае вдохновитель Потемкин, во втором — Николай I.³⁵⁶ Об этом сопоставлении пишет П.А. Вяземский в "Записных книжках".³⁵⁷ Сообщение Вяземского часто разбирается в работах, посвященных дуэли, но истолковать его в этом значении, которое ему хочет придать Герштейн, можно лишь в том случае, если вообще принять ее аргументацию, касающуюся данного вопроса.

Соглашаясь с тем, что император проникся негодованием с начала 1840 года,³⁵⁸ Э.Г. Герштейн объясняет это конфликтом между Лермонтовым и императрицей на балу, состоявшемся 30 декабря в Дворянском собрании. Не говоря уже о значении того факта, что Александра Федоровна на балу отсутствовала, следует указать еще и на логическую неувязку. Ведь поэт не только не пожелал благосклонно отнестись к так расположенной к нему императрице, но и обнаружил пренебрежение, даже дерзкое. За что же мог ему мстить ревнивый супруг? Для довольно элементарной психологии Николая I какая-то уж слишком сложная ситуация.

Увлеченная императрица, ревнивый супруг, мстящий тому, на кого упал благосклонный взор Александры Федоровны. Это противоречит убеждению, твердо утвердившемуся в лермонтоведении, согласно которому гениальный поэт, проникнутый духом мятежа, непокорства, прямой революционности, именно поэтому-то и подвергался преследованиям со стороны Николая I. Высказанная на 102-й странице мысль должна утвердить автора книги "Судьба Лермонтова" в правильности его позиции: "Думу", "Поэта", "И скучно и грустно" царь понимать не мог и, вероятно, находил их не менее скучными, чем дневник Печорина.

Подтверждением основательности этой мысли может служить соображение, которое высказано в строках, следующих за приведенными: "Но во всей печатающейся в "Отечественных записках" лирике Лермонтова он инстинктивно чувствовал враждебную и неподчиняющуюся ему силу".

Э.Г. Герштейн, автор ряда ценных исследовательских работ о Лермонтове, в данном случае — в трактовке вопроса об отношениях между Лермонтовым и императрицей — явно ошибается.³⁵⁹

Значение проставленной Лермонтовым даты Э.Г. Герштейн хочет объяснить следующим образом.

В январе 1840 года во Французском посольстве состоялся бал, устроенный послом Барантом. Лермонтов был приглашен на этот бал, который состоялся 2 января.³⁶⁰ Дату — 14 января³⁶¹ указывает автор французской статьи о Лермонтове, напечатанной в 1940 году, указывая, основываясь на имевшихся в его распоряжении данных.³⁶² Но Э.Г. Герштейн пишет: "Однако французский исследователь допустил небольшую ошибку: великолепный новогодний бал в посольстве, на котором присутствовали наследник с императрицей, был устроен не 2-го, а 1 января 1840 года".³⁶³ Источник, на основании которого сделано это заявление, не указан. Пока он не будет назван, мы воздержимся от характеристики его доказательной силы. Однако уже одно обстоятельство заставляет нас усомниться в основательности данных, сообщаемых в этом, пока еще нам не известном документе. Автор говорит, что на балу во французском посольстве присутствовал наследник престола. Этого быть не могло. Вечером 1 января наследник был в другом месте, и точно известно где. 1 января не мог присутствовать во французском посольстве и сам Лермонтов. Он также был в другом месте. А 2 января 1840 года на балу, который состоялся во французском посольстве, не присутствовали ни императрица,

ни наследник престола; вечером 2 января императрица, наследник престола, Мария Николаевна и ее муж Максимилиан Лейхтенбергский были в Михайловском театре, туда же прибыл и сам император.³⁶⁴

Впрочем, перестановка дат теперь уже утрачивает значение, поскольку становится известным, что именно имел Лермонтов в виду, когда ставил помету *1-е января*.

VII

Когда разбираешься теперь в обстоятельствах дела, невольно напрашивается мысль, что сведения о новогоднем бале в Дворянском собрании были сообщены Висковатому лицом, которое не было в курсе событий.

Однако это не так.

Сведения получены Висковатым от человека, который великолепно знал, что дочери царя на балу не присутствовали и что отсутствовала на балу и императрица Александра Федоровна. Этот человек был полностью осведомлен о том, что происходило в это время при дворе: Висковатый обо всем узнал из рассказа В.А. Соллогуба. В примечании к тому месту своей книги, где говорится о новогоднем бале в Дворянском собрании, Висковатый указывает: "Из рассказов Краевского и сообщений гр. Соллогуба".³⁶⁵ Что именно рассказывал Краевский — судить трудно, может быть, он просто основывался на том, что ему говорил Соллогуб. Но вот сам Соллогуб сообщал заведомо ложные сведения.

Кто такой Владимир Александрович Соллогуб?

С того времени, когда польский граф Ян Соллогуб очутился во времена Екатерины II в России, он быстро оказался в рядах придворной аристократии. Сын его был при дворе Александра³⁶⁶ церемониймейстером, а жена последнего, урожденная Архарова, состояла в очень близких отношениях с самим императором Александром I. Придворным стал и сам В.А. Соллогуб. В 1839 году он был "высочайше пожалован в звание камер-юнкера двора его императорского величества". Как мы сказали, Соллогуб усиленно добивался руки Софьи Михайловны Виельгорской. Своего он достиг: 13 ноября 1840 года она вышла за него замуж. Таким образом Соллогуб сделался еще более близким ко двору человеком.

Виельгорские были в дальнем родстве с Романовыми, что в глазах Николая, любившего себя называть "Николаем Романовым", имело чрезвычайно большое значение.³⁶⁷ Михаил Юрьевич Виельгорский был гофмейстером³⁶⁸ и занимал при дворе исключительное положение, входил в самый узкий придворный круг. А его дочь, будущая жена Соллогуба, была фрейлиной императрицы Александры Федоровны.³⁶⁹

Второй же Виельгорский, Матвей Юрьевич, был "двора ее императорского высочества государыни великой княгини Марии Николаевны гофмейстер".³⁷⁰

Так что же — Соллогуб не знал фактов? Почему же он сообщил Висковатому ложные сведения?

Поведение Лермонтова на балу его компрометирует. Таким образом, объясняется особенное озлобление царя и Бенкендорфа, которым они прониклись после "случая" на "маскараде". Лермонтов просто не умеет держать себя в обществе. Не хватало лишь, чтобы Соллогуб еще сообщил Висковатому содержание разговора между Лермонтовым и дочерьми Николая I! Как-то объясняется и то обстоятельство, что он, Соллогуб, был вынужден резко сатирически изобразить Лермонтова. Хотя он и друг Лермонтова, но...

Дворянское собрание, новогодний бал, маски, какие-то замаскированные женщины подходят к Лермонтову; пренебрежительное отношение поэта к маскам, которые его интригуют. Так писал Тургенев. Следовало лишь ловко все это использовать. Вот и появляются соллогубовские маски — из "царской фамилии".

В подделке видна рука автора "Большого света".

Эпиграфом к первой части повести, где и рассказывается о встрече Леонина на бале-маскараде в Большом театре с масками, являются слова: "Je te connais beau masque! (Bal masque)" ("Я тебя знаю, прекрасная маска! (Маскарад)". Вспомним, что в переданном Висковатым рассказе Соллогуба сообщается, что Лермонтов знал, кто скрывается под масками. Масок в "Большом свете" две, в рассказе — две.

Соллогубу великолепно было известно, что проставленная Лермонтовым дата соответствует реальному событию. Дело действительно происходило 1 января 1840 года. Но против кого было направлено негодующее стихотворение Лермонтова — этого Соллогуб так никогда и не захотел сказать. Он предпочел спутать карты.

VIII

В 1855 году в Париже была издана книга "Царь Николай и святая Русь". Автор ее, Ашиль Галле де Кюльюр, на протяжении многих лет был секретарем Демидова. Связанный с различными представителями русского общества и официальных кругов, он был в курсе многих событий, особенно же событий в области жизни официальной.

В главе "Нравственность официальная и нравственность частная" автор со всей прямотой и откровенностью рассказывает о Николае I, обрисовывает его моральный облик.

"Тот самый царь, который играет в показную суровость, который изображает из себя судью и поборника справедливости, который следит за личной жизнью своих подданных, дабы заставить чтить целомудрие, и который с неистовой беспощадностью подавляет малейшие отступления от нравственности в среде своего дворянства, — этот самый царь — раб крайних страстей, чудовище сластолюбия (monstre de luxure). Пользуюсь русским выражением.

Царь — самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках, если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекающая внимание божества, попадает под наблюдение, надзор. Предупреждают супруга, если она замужем, родителей, если она девушка, о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это уведомление было принято иначе, чем с изъятием почтительной признательности. Равным образом нет примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не сочли бы для себя это честью или не извлекли бы выгоды из своего позора.

И царь так и не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти? — спросил я даму, любезную, умную и добродетельную (в той мере, в которой это в России возможно), сообщившую мне об этих фактах.

— Никогда!.. — ответила она с крайним изумлением. — Да как же это возможно?

— Берегитесь, как бы ваш ответ не дал мне права обратиться к вам.

— Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете: я поступлю как все. Впрочем, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом.

Лишь графиня Воронцова осмелилась стать исключением из этого правила.

Отважная сударыня, которая, впрочем, не стяжала у себя на родине лавров Лукреции, не прослыла суровой римской матроной, или из тщеславия, или по расчету, выскользнула из рук царя, и этот эксцентричный поступок стал залогом ее славы, к которой она так жадно стремилась и которую ей не смогли бы доставить красота, ее очарование и живой ум, столь блестящие и отчетливые проявления славянского интеллектуального склада".³⁷¹

Давая столь неприглядную характеристику высшего петербургского круга, автор разоблачительной книги о николаевской России знал, однако, далеко не все.

Немало было "избранниц", которые не пожелали принять царскую "милость". Не такой простой оказывалась их судьба, а также и участь некоторых людей, которые по тем или иным причинам были причастны к событиям.

На одном из балов внимание Николая I обратила красавица Лавиния Жадимировская, урожденная Бравур. В мемуарной записи можно прочитать: "Об этой царской "милости", по обыкновению, доведено было до сведения самой героини царского каприза. Лавиния оскорбилась и отвечала бесповоротным и по тогдашнему времени даже резким отказом. Император поморщился... и промолчал".³⁷²

Прошло два или три года — и Петербург был взволнован скандальной историей. Жадимировская, бросив мужа, бежала с князем С.В. Трубецким. Презреть священные узы брака! Нанесен губительный урон нравственности! Николай I приказывает приложить все усилия, чтобы настичь преступивших законы морали. Беглецов схватили — уже в Закавказье, когда они готовились отплыть в Италию. Трубецкого заключили в жуткий Алексеевский рavelин, судили военным судом. Высочайшей конфирмацией было определено: лишить дворянского и княжеского достоинства, чинов, ордена св. Анны 4-й степени с надписью "За храбрость" и, оставив в крепости еще на шесть месяцев, отправить затем зловредного нарушителя законов нравственности рядовым в Петрозаводский гарнизонный батальон под строжайший надзор.³⁷³

Расскажем о еще одном случае.

На молодую, уже замужнюю, красавицу княгиню Софью Несвицкую также упал благосклонный взор императора. Однако на игривое предложение самодержца она ответила отказом.

Случилось так, что через много лет княгиня Несвицкая, бывшая красавица, больная, постаревшая, обездоленная, впавшая в нищету и буквально нуждавшаяся в повседневном пропитании, решила послать прошение "на высочайшее имя" с просьбой о вспомоществовании. Николай I, узнав из доклада, что речь идет о титулованной особе, назначил довольно крупную сумму для выдачи, но, увидев на прошении имя княгини Несвицкой, порывистым жестом разорвал бумагу: "Этой?! Никогда... и ничего!"³⁷⁴

П.Е. Щеголев пишет: "Николай Павлович был царь крепких мужских качеств: кроме жены, у него была еще и официальная, признанная фаворитка, фрейлина В.А. Нелидова, жившая во дворце, но и двоеженство не успокаивало царской похоти; дальше шли "васильковые дурачества", короткие связи с фрейлинами, минуты увлечения молодыми дамами — даже на общедоступных маскарадах".³⁷⁵

Подобную же характеристику дает М.А. Цявловский.³⁷⁶

О "фаворитках" Николая I упоминает прекрасно знавшая театральную мир А.Я. Панаева.³⁷⁷

Ряд авторов касается вопроса об отношении царя к драматической актрисе В.Н. Асенковой.³⁷⁸

А теперь следует припомнить, какую роковую роль в преддверии истории имел вопрос об отношениях между женой Пушкина и Николаем I. В "высшем" обществе распускались различ-

ные слухи, высказывались предположения и догадки о том, как далеко зашли "ухаживания" Николая I. Угроза его чести заставляла Пушкина тяжело реагировать на подобные слухи. Он верил в то, что его жена чиста перед ним. Но кто мог поручиться — на что пойдет царь? Известно, что в пасквиле, сыгравшем такую страшную роль, заключался подлый намек на связь Н.Н. Пушкиной с царем.³⁷⁹

Лермонтов — автор "Смерти Поэта".

Прочитайте строки:

**Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
.....
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог...**

Автор этих строк теперь, через три года, когда он писал другое стихотворение "Как часто, пестрою толпою окружен", имел еще и одну непосредственную причину с презрением отнести к гнусностям императора, "чудовища сластолюбия".

Стараясь сгладить острые углы, избегая называть имена, П.А. Висковатый рассказывает об одной истории, участниками которой были Лермонтов и Столыпин (Монго).

"Монго Столыпин был тогда уже в отставке. У него была неприятность по поводу одной дамы, которую он защитил от назойливости некоторых лиц. Рассказывали, что ему удалось дать ей возможность незаметно скрыться за границу... В этом деле Лермонтов, как близкий друг Монго, принимал деятельное участие. Смелый и находчивый, он главным образом руководил делом. Всю эту скандальную историю желали замять и как можно меньше предавать ее гласности. Но злоба к Лермонтову некоторых лиц росла. Бенкендорфу, очевидно, хотелось "добраться" до поэта. С ним, кажется, можно было меньше церемониться. Лермонтов — по выражению Соллогуба — "не принадлежал по рождению к квинт-эссенции петербургского общества". Его проникновение туда, независимая манера держаться, да еще вмешательство в интимные дела, вызывали раздражение против него".³⁸⁰

Висковатый еще не мог назвать по имени "лицо". Это был Николай I. Царь оказался в еще более глупом положении, чем в случае с Жадимировской. Прямо из-под носа! Участие Лермонтова в этой истории было в меру его презрения к Николаю I.

Но ведь не только Лермонтов, но и Столыпин! И вот что любопытно. Когда вскоре за дуэль с Барантом Лермонтов был предан суду, Столыпин, секундانت Лермонтова, который также подлежал строжайшей ответственности, к суду не привлекался. Монго явился к Дубельту и заявил ему о своем желании быть привлеченным к ответственности. Отказ... Благородный Монго написал письмо самому Бенкендорфу. Привлекли... После суда дело пошло на конфирмацию к Николаю I. Мы теперь знаем, что означало решение царя об определении Лермонтова в Тенгинский полк. Смертельная опасность. И в той же конфирмации сказано: "Отставного поручика Столыпина и г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным".³⁸¹

Следовательно, вмешательство Лермонтова в "интимные дела" (так прозрачно намекает Висковатый на историю с похищением дамы, обратившей на себя внимание Николая I) повергло царя в еще больший гнев против автора "Смерти Поэта", который так и не хотел понять "чего от него требовали".³⁸²

Но какое же отношение имеет все это к загадочной помете Лермонтова?

Самое непосредственное.

IX

Николай I очень любил посещать публичные маскарады, особенно же маскарады в петербургском Большом театре³⁸³. И последний раз ему хотелось покрасоваться перед раболопной толпой, и еще раз продемонстрировать свое величие. Но дело, собственно, было не в этом. Пусть читатель вспомнит, о чем была речь в предыдущей главе, припомнит слова Щеголева о публичных маскарадах.

Любопытный эпизод посещения Николаем новогоднего бала-маскарада в Большом театре, основываясь на соответствующих материалах, рисует Л.Н. Толстой в "Хаджи-Мурате".

"Накануне он был в маскараде, и, как обыкновенно, прохаживаясь в своей кавалергардской каске с птицей на голове, между теснившейся к нему и робко сторонившейся от его огромной и самоуверенной фигуры публикой, встретил опять ту маску, которая в прошлый маскарад, возбудив в нем своей белизной, прекрасным сложением и нежным голосом старческую чувственность, скрылась от него, обещая встретить его в следующем маскараде. Во вчерашнем маскараде она подошла к нему, и он уже не отпустил ее. Он повел ее в ту специально для этой цели державшуюся в готовности ложу, где он мог наедине остаться со своей дамой... Маска оказалась хорошенькой двадцатилетней невинной девушкой, дочерью шведки-гувернантки. Девушка эта рассказала Николаю, как она с детства еще, по портретам, влюбилась в него, боготворила его и решила во что бы то ни стало добиться его внимания. И вот она добилась, и как она говорила, ей ничего больше не нужно было. Девица эта была свезена в место обычных свиданий Николая с женщинами, и Николай провел с ней более часа".³⁸⁴

С Нелидовой, которая стала любовницей Николая I, царь познакомился именно в маскараде в Большом театре; она интриговала его под маской.³⁸⁵

Н.А. Добролюбов в статье "Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев" писал о хорошо известной любви Николая I к маскарадам: "Великий царь могущественной и обширной державы нередко также являлся в маскарадах и без зазрения совести волочился за масками".³⁸⁶

Лермонтов прекрасно знал о похождениях Николая I и, как мы видели, "вмешивался" в "интимные дела" царя. И вскоре со всей присущей ему смелостью он при удобном случае выказал свое презрение к преследовавшему его как поэта лицемерному и циничному самодержцу. Это и выразилось в стихотворении "Как часто, пестрою толпою окружен", перед текстом которого Лермонтов выставил помету *1-е января*.

Лермонтов попал не в бровь, а в глаз. Николай I себя узнал. Вот что стало причиной еще большей его ненависти.

X

Теперь мы можем привести ту запись в "Камер-фурьерском журнале", о которой было сказано выше. Под 1 января 1840 года там значится: "50-ть мин: 12-часа его величество с его высочеством, государем наследником, выезд имел в воске в Большой Каменный театр, где изволил присутствовать в публич-

ном маскараде, и потом возвратился один во дворец 55 мин: 2-го часа: полуночи".³⁸⁷

На этом же бале-маскараде в Большом театре присутствовал и Лермонтов, о чем и свидетельствует его помета — *1-е января*.³⁸⁸ Не мифические "голубое и розовое домино" и не фантастическая "императрица" — не их имел в виду Лермонтов, когда говорил о своем презрении и желании "дерзко бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью!.." Он имел в виду самого Николая I. На маскарадах в Большом театре присутствовала публика гораздо более разношерстная, чем в Дворянского собрания. Поэтому все свое значение эти строки приобретают при отнесении их к Николаю I. Да и почему бы так обозлился Николай, если бы он не понял, что Лермонтов метил именно в него?

Теперь становится полностью понятным то противопоставление, к которому обращается поэт. Он вспоминает свою раннюю поэтическую любовь — "мечты моей создание". Мечта и — какая нелепая действительность. Январская новогодняя ночь. Маскарад. Ищущие "приключений" дамы. Бродящий по залам вождя самодержец, жаждущий "встреч"...

Когда Толстой, презиравший Николая I, захотел дать вообще глубоко отрицательную его характеристику, он со всей силой презрения нарисовал картину новогоднего маскарада в Большом театре.

У Толстого был предшественник.

* * *

Лермонтов рано усвоил мысль, что его творчество — долг гражданина и современника, что его строка и стих — во времени, в течении окружающих обстоятельств и событий. Ему следовало после этого убедиться в том, что его строка и стих — в деле. Этого он искал долго и упорно. И — нашел. Автор "Смерти

Поэта", "Думы", автор "Поэта", "Маскарада", "Героя нашего времени" — нашел. Лермонтовское творчество прошло по путям времени. На его стихе и строке — ответы эпохи.

Вокруг — несправедливый и настороженный мир. Он ревниво охраняет свое существование и не любит отгадок. Его, поэта, судят. Кто? Люди, которые могут осудить его на смерть? Да. Но он и они, вместе, предстанут перед другим судом. И кто его выдержит — суд времени? Они, в конце концов, безразличны к этому суду? Может быть. Пусть тогда найдут себе в этом утешение и оправдание. В том числе и их главный "судья". Это лишний раз докажет их ничтожность. Им не нужно обременительное предвидение, не нужно оно и самому самодержцу. Он считает самовластие достаточной мерой для власти, но — оно недостаточно для будущего. Ответ истории — они этим не интересуются.

В записную книгу, подаренную ему за три месяца до гибели В.Ф. Одоевским, Лермонтов внес стихотворение "Пророк". Ему, поэту, дано "всеведение пророка". Лермонтов не отказался от всеведения — зная цену отменья. "Пророк" — одно из последних произведений поэта. Переписывая незадолго до смерти написанное им, он вписал в "Записную книгу Одоевского" стихотворение "Пророк" последним. Дальше — белые листы, их очень много. Под стихотворением две длинные черты, наискось, быстро, и — больше ничего уже нет. Смертный бег пустых страниц.

Пророк. Возмездие.

Лермонтов знал, какой ценой входят в историю. А теперь — он понимал все. Ему было смешно и грустно. Презрение его успокаивало. Он написал "Благодарность" — он никогда не отказывался от предвидения, от ответственности и горечи. Он понимал: победа за ним, за его делом — ценою жизни.

Примечания

¹Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем сокращенно: ЦГАДА), фонд Потемкина-Таврического, оп. 203/1, д. 13, л. 83.

²Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем сокращенно: ЦГВИА), фонд Потемкина-Таврического, оп. 203/1, д. 37, л. 126 (часть этого фонда хранится в ЦГВИА, часть в ЦГАДА).

³Сборник Русского исторического общества. СПб., т. 42, стр. 24.

⁴П.Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, часть 2. СПб., 1869, стр. 268.

⁵Г. Ст. Журнал путешествия по земле донских казаков к Кавказу и в Астрахань. — "Северный Архив", СПб., 1825, № 7, стр. 249.

⁶ЦГВИА, фонд: Военно-ученый архив (в дальнейшем сокращенно: ВУА), д. 2413, л. 24/об. См. также: А.В. Суворов, т. II, под редакцией полковника Г.П. Мещерякова, М., 1951, стр. 561.

⁷ЦГАДА, ф. Потемкина-Таврического, оп. 203/1, д. 21, л. 16.

⁸В Центральном государственном историческом архиве (Ленинград) имеется подписанный Екатериной II "Указ Кавалерской думе военного нашего ордена святого Георгия", в котором содержится предписание о награждении Измаил-бея вместе с другими отличившимися орденом "святого великомученика и победоносца Георгия четвертого класса" — "во всемиростивейшем уважении на усердную службу... и отличную храбрость, оказанную ими при взятии приступом города и крепости Измаила с истреблением бывшей там турецкой армии" (фонд 496, Архив Капитулы российских императорских и царских орденов, оп. 1, д. 3, л. 13). Перечень награжденных, в который включен Измаил-бей, имеется в ЦГВИА, фонд Потемкина-Таврического, оп. 194, связка 191, дела фельдмаршала графа Суворова. См. также: В. Судравский. Кавалеры ордена святого великомученика и победоносца Георгия, "Военный сборник". СПб., 1910, № 5, стр. 266; у Буткова (ч. 2, стр. 258) ошибочно указано, что Измаил-бей награжден за отличие во время шведской войны. О службе Измаил-бея во время осады Очакова (осень 1788 года) говорится также, кроме приведенного выше собственноручного письма Потемкина, в записке статского советника Лашкарева ("...бывший при Алм Гирей Султани кяфинской житель Байрактар Агмед. Сей из усердия подвергал жизнь свою, находясь в штурме с Измаил-беем, отбил у неприятеля четыре знамя"). (ЦГВИА, ф. 52, д. 571, л. 57).

⁹"Родовые суды" и "родовые расправы" были введены в Кабарде в 1793 г.

¹⁰Письмо напечатано в Актах, собранных Кавказской археографической комиссией, т. II, Тифлис, 1868, стр. 954.

¹¹См.: П.Г. Бутков. Указ. соч., ч. 3, стр. 372; Н. Грабовский. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (Исторический очерк). — "Сборник сведений о кавказских горцах", вып. IX, Тифлис, 1876, стр. 184.

¹²П.Г. Бутков. Указ. соч., ч. 2, стр. 547.

¹³Рослаббек Мисостов принадлежал к роду кабардинских князей Атажукиных. Фамилию же "Мисостов" Рослаббек получил по имени отца — Мисоста, широко известного в Кабарде во второй половине XVIII в. (в 1785 г. был выбран валием, т.е. старшим владельцем Кабарды). В свою очередь Мисост также звался по имени отца — Баматовым (см.: П.Г. Бутков. Указ. соч., ч. 2, стр. 258; ч. 3, стр. 425 и 540; Акты, т. II, стр. 1128).

¹⁴Последнее усматривается из письма Г.А. Потемкина к А.А. Безбородко. Потемкин называет Измаила племянником Мисоста Баматова (ЦГВИА, ф. 203/1, д. 37, л. 126). См. также: П.Г. Бутков. Указ. соч., ч. 2, стр. 258; ч. 3, стр. 425 и 540.

¹⁵Центральный государственный исторический архив (Ленинград), фонд № 496 (Архив Капитулы российских императорских и царских орденов), оп. 1, д. 796, л. 420. В документах того времени встречается разное написание этой фамилии: Атажукин, Атажуков, Атажухов и т.д.

¹⁶Там же, д. 789, л. 389/об.

¹⁷Это устанавливается из письма министра внутренних дел Кочубея к князю Цицианову. Письмо отправлено из Петербурга 22 августа 1804 г. В нем сообщается об одновременном с посылкой этого отношения отъезде Измаил-бея из Петербурга на Кавказ. Письмо приводится во втором томе "Актов" (стр. 957).

¹⁸Горы, находящиеся рядом с Бештау.

¹⁹См.: "Генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап". — Сб.: "Кавказцы, или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе". Под редакцией Семена Новоселова, вып. 1—XII, СПб., 1857, стр. 13—14.

²⁰См.: Н.М. Карамзин. История Государства Российского, т. VIII. СПб., 1817, стр. 374. Ср.: С.А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I. М., 1889, стр. XXV.

²¹См., например: "История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 176; "Кабардинский фольклор". М.—Л., 1936, стр. 650 и др.

²²Н.А. Смирнов. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 11.

²³Н.А. Смирнов. Указ. соч., стр. 14.

²⁴Из письма Ф. Энгельса к К. Марксу от 23 мая 1851 г. из Манчестера, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI. М.—Л., 1932, стр. 211.

²⁵Там же.

²⁶См.: Н.А. Смирнов. Указ. соч., стр. 26 и след.

²⁷Н.Ф. Грабовский. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость. — Сборник сведений о кавказских горцах", вып. IX, Тифлис, 1876, стр. 118.

²⁸Об этом см.: П.Г. Бутков. Указ. соч., ч. 1, стр. 290 и след; ч. 2, стр. 1 и след; ч. 3, стр. 106 и след.; Н. Грабовский. Указ. соч., стр. 126—181; В.Н. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 56—83.

²⁹После смерти Потемкина. См.: П.Г. Бутков. Указ. соч., ч. 2, стр. 257. Сведения о службе Измаил-бея при Потемкине находятся также в представлении генерал-майора Попова (В.С. Попов — приближенный Потемкина) о награждении кабардинских владельцев, отличившихся по службе (ЦГАДА, Кабардинские дела (после 1791 г.), оп. 115, лл. 1, 2, 3).

³⁰Вот текст этого любопытного документа: "Полк. Измаил-бей Атажуков изъяснил желание быть употребленным на службу по Кавказской линии. Предполагая, что по усердию его и по местным сведениям может он быть в настоящем положении дел полезен. Я приказал вместе с сим явиться у Вас.

Не делая точного назначения о роде службы, в которую он может быть употреблен. Я предоставляю Вам сделать сие назначение. Местное обстоятельство соображение укажет Вам лучше, где и каким образом способности и познания его в дело обращены быть могут. Он должен состоять в Вашем начальстве впрямь до точнейшего определения о нем главноуправляющего Линией ген.-от-инф. кн. Цицианова". Подписано: "Александр" (Акты, т. II, стр. 957. Высочайший рескрипт генерал-лейтенанту Глазенапу от 20 августа 1804 г.).

³¹Акты, т. II, стр. 957.

³²Там же, стр. 955. В 1802—1806 гг. Чарторыйский был товарищем министра иностранных дел; в 1804—1806 гг. он управлял министерством.

³³Акты, т. II, стр. 977.

³⁴Там же, стр. 967.

³⁵Там же.

³⁶Акты, т. II, стр. 980.

³⁷Акты, т. IV, стр. 867.

³⁸См. ниже.

³⁹Речь идет об эпидемии чумы.

⁴⁰Копия с донесения Булгакова Александру I от 16 июля 1808 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6166, лл. 3 и 4.

⁴¹Акты, т. IV, стр. 869.

⁴²Акты, т. IV, стр. 875.

⁴³Там же.

⁴⁴Рапорт Ребиндера Булгакову от 2 ноября 1810 года (Акты, т. IV, стр. 876).

⁴⁵Рапорт Ребиндера Булгакову от 13 ноября 1810 года (Акты, т. IV, стр. 876).

⁴⁶Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I (1802—1806 гг.), т. II, СПб., 1891, стр. 140.

⁴⁷История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 176.

⁴⁸В.П. Пожидаев. А.С. Пушкин о Кавказе. Владикавказ, 1930, стр. 15.

⁴⁹В просмотренных нами книгах и журналах конца XVIII и первых трех десятилетий XIX в. нам удалось обнаружить некоторые упоминания об Измаил-бее.

Имя Измаил-бея упоминается в изданном в 1796 г. "Собрании разных полученных от главнокомандующих армиями и флотами ко двору донесений" (СПб., ч. 2, стр. 88). Упоминают об Измаил-бее Гаас (Frederik Joseph de Haas. Ma visite aux Eaux d'Alexandre en 1809 et 1810. Moscou, 1811, pp. 43—44, 47) и Киммель Lettres ecrites dans un voyage de Moscou au Caucase, pour servir de guide aux personnes qui se rendent aux Eaux de ce pays, par docteur Kimmel. Moscou, 1812, pp. 81, 108). В 1824—1825 гг. в "Северном архиве" были опубликованы записи одного путешественника, в которых рассказывается о встрече автора записок с Измаил-беем на Кавказе в 1809 г. (Г. Ст. Журнал путешествия по землям донских казаков к Кавказу и в Астрахань. — "Северный архив", СПб., 1824, № 20—24; 1825, № 7, 8, 12. Предварительно "Журнал" печатался в "Geographische Ephemeriden". Об Измаил-бее автор "Журнала" говорит в седьмом номере, стр. 249).

В книге Гааса, занимавшегося в 1809—1810 гг. исследованием кавказских минеральных вод, содержится, между прочим, любопытный рассказ о том, как Измаил-бей способствовал Гаасу в открытии железных вод, что положило начало будущему Железноводску.

Предпринятая Гаасом в 1809 г. попытка обнаружить железные воды оказалась безрезультатной. "Я отказался от мысли, — пишет Гаас, — об открытии этого затерянного и таинственного источника, о котором говорили все и которого никто никогда не видел. Когда я приехал сюда вторично, я поставил себе обязательной задачей его найти и исследовать. Поэтому я был очень доволен, когда во время моего вторичного посещения Константиногорска узнал от черкесского князя Измаил-бея, что позди Бештау действительно существует горячий источник, что он сам купался в нем и что он охотно туда бы меня проводил. Я очень обязан князю Измаил-бею, и всякий, кто будет пользоваться этими водами, также будет ему благо-

дарен за любезность и обязательность в доставлении необходимых проводников и устройстве поездки к этим водам, которая состоялась на следующий день, 26 июля" (стр. 43). Дальше Гаас подробно описывает обстоятельства посещения им источника.

Киммель рассказывает о своей встрече с Измаил-беем в Константиногорске в 1811 г. Посетив железные воды, Киммель вновь упоминает об Измаил-бее. "У самого источника, — пишет он, — вода которого имеет температуру 34 градуса по Реомюру и вытекает в большом изобилии, нет ничего другого, кроме бассейна, который князь Измаил-бей распорядился устроить в земле, чтобы принимать в нем ванны. Воспользовавшись им по примеру этого князя, мы направились в обратный путь" (стр. 108).

Таким образом, не раз вслед за Гаасом упоминавшееся в различных очерках истории Кавказских Минеральных Вод имя Измаил-бея теперь перестает быть таинственным. И к именам людей, положивших начало пользованию минеральными водами, историки Кавказских Минеральных Вод и местные краеведы смогут теперь присоединить еще и романтическое имя героя лермонтовской поэмы.

⁵⁰Учитывая биографичность поэмы, следует предположить, что эта подробность биографии Измаила Лермонтовым не выдумана. Это подтверждается также тем, что наличие этого эпизода в поэме вовсе не вытекает органически из каких-либо настоятельных композиционных задач и композиционно всецело оправдывается только поставленной себе поэтом целью возможно точнее использовать реальный материал. Офицер, который встречает Измаила на Кавказе, говорит о том, что, покинув эту женщину, Измаил удаляется на Кавказ. Любопытно сравнить с этим слова из письма графа Кочубея князю Цицианову, в котором сообщается об отъезде Измаила на Кавказ осенью 1804 г. Кочубей пишет: "...Измаил-бей в начале сего года представлял о разных неудобствах доселе бывшего горских народов управления и средства, признаваемые им лучшими к поправлению оных... Предполагаемо было тогда же представление его и самого его отправить к в. с. ..., но разные личные его здесь обстоятельства остановили тогда сие предположение" (Акты, т. II, стр. 957. Курсив наш. — А.-К.)

⁵¹Г. С. т. Журнал путешествия по земле донских казаков, к Кавказу и в Астрахань. — "Северный архив", СПб., 1825, № 7, стр. 249.

⁵²Архив князя Воронцова, кн. 13. М., 1879, стр. 254. Ср. "Сборник Русского исторического общества", т. XXIX, СПб., 1881, стр. 218. Безбородко был в то время уполномоченным по ведению мирных переговоров с Турцией, происходивших в Яссах. Письмо послано из Ясс в Петербург.

⁵³На то, что прообразом этого лермонтовского персонажа является Росламбек Мисостов, указывает также Л.П. Семенов (Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 36—37).

⁵⁴Акты, т. IV, стр. 847. См. также: стр. 845 (выписка из донесений поруч. Таганова).

⁵⁵ЦГВИА, ВУА, д. 6183, л. 82/об. Речь идет о начале года.

⁵⁶Росламбек Мисостов находился на русской военной службе еще со времен Потемкина. Он был в числе горцев, находившихся при Г.А. Потемкине; после смерти Потемкина он вместе с рядом других кавказских уроженцев был возвращен на родину; среди этих горцев был и Измаил-бей. Мисостов находился в составе русских войск при вступлении их в Кабарду в 1804 г. В это время он имел чин подполковника и числился лейб-гвардии в казачьем полку. Во время этого похода он бежал к кабардинцам. После побега он принял участие в военных действиях против русских войск.

⁵⁷См.: "Генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап", — Сб. "Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе". Под редакцией Семена Новоселова, вып. I—XII, СПб., 1857, стр. 12—13.

⁵⁸А.С. Пушкин. Полн. собр. соч., в одном томе. М., 1949, стр. 371.

⁵⁹Секретное отношение военного министра Барклая-де-Толли к Тормасову от 24 августа 1810 г. (ЦГВИА, ВУА, д. 6190, л. 2).

⁶⁰Сведения об Измаил-бее Атажукине имеются еще в следующих изданиях:

а) "Кавказский сборник", т. XIV, Тифлис, 1890, стр. 41 (О производстве Измаил-бея в 1788 г. в чин премьер-майора).

б) "Сборник военно-исторических материалов", вып. VII, СПб., 1894, стр. 265. (Письмо Г.А. Потемкина к А.А. Безбородко от 4 сентября 1789 г.; в письме Потемкин пишет: "Подполковник Чапалов, князь кумыцкий, известный в горах кавказских по удалству своему, пожелал служить в армии ее императорского величества, противу шведов действующей. Прошу вас покорно доложить о нем ее величеству как о человеке весьма храбром и между своими уважаемом и испросить высочайшее повеление об отправлении его в помянутую армию по примеру Исмаилбея").

в) "Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института", т. I, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 215, 219. (Указание на хранящуюся в ЦГВИА копию записки Измаил-бея).

г) "Сборник Русского исторического общества", т. 45, СПб., 1885, стр. 187.

д) Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. V. СПб., 1887, стр. 413.

е) В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, СПб., 1898, вып. 4, стр. 687, 703.

ж) С. Филиппов. Поволжье, Дон и Кавказ. М., 1887, стр. 48.

з) Н. Дубровин. Деятельность Тормасова на Кавказе. ("Военный сборник", СПб., 1878, № 3, стр. 13—14).

и) М. Милютин. Кавказские минеральные воды. М., 1879, стр. 23.

к) В.С. Богословский. Пятигорские и с ними смежные минеральные воды. М., 1892, стр. 8.

л) С. Кулибин. Очерк истории развития Кавказских минеральных вод (1717–1895), СПб., 1896, стр. 19.

м) Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 1, Тифлис, 1904, стр. 103–104.

⁶¹Об одном из аулов — Аджи-ауле — упоминается в работе Е.И. Яковичной "По лермонтовским местам" (Ворошиловск, 1938, стр. 16). О каких-либо других аулах сведений в лермонтовских работах не имеется.

⁶²См.: "Кабардинский фольклор". М.—Л., 1936, стр. 640; Л.Г. Лопатинский. Кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски. — "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XII, Тифлис, 1891, стр. 45. ("Бештау").

⁶³В измененной форме название это сохранилось в русском языке и донныне — "Нарзан". Нарты — богатыри, о подвигах которых рассказывается в нарском (богатирском) эпосе кавказских горцев, в частности, кабардинцев. Об обрядах, связанных с питьем "нартской воды", пишет Шора Ногмов: "Когда нарты или витязи желали напиться воды из этого колодезя, то все знатнейшие люди должны были собраться к старшему; затем, по древнему обычаю, привязывали к дверям желтого быка для приношения жертвы; зажигали в комнате шесть свечей, начинали молиться по древнему обыкновению и, помолившись, пели в честь рыцарского колодезя, говоря "нобэ нартыхэ я псынохой фсыш", т.е. "сегодня питье священной рыцарской воды". — "История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 27. И до настоящего времени Кисловодск кабардинцы чаще называют "Нарт-сана". Кабардинцы вообще сохранили в обиходе старинные названия местностей. Пятигорск они называют "Псы хуабэ", то есть "Теплая вода", Железноводск — "Псы хуабэ цыкыу", то есть "Малая теплая вода" (употребляется сравнительно редко) и т.д.

⁶⁴Lettres ecrites dans un voyage de Moscou au Caucase, pour servir de guide aux personnes qui se rendent aux Eaux de ce pays, par le docteur Kimmel. Moscou, 1812, p. 187.

⁶⁵William Glen. Journal of a tour from Astrachan to Karass. London, 1823.

Трама-аул в 1818 г. был razoren. О Глене см. "Акты, собранные Кавказской археологической комиссией", т. VIII, указатель.

⁶⁶Каррас связан с пребыванием Лермонтова на Кавказе. Здесь он неоднократно бывал, когда жил на Кавказских водах. За несколько часов до смерти он останавливался здесь — на пути из Железноводска к месту дуэли с Мартыновым. Каррас упоминается в "Герое нашего времени".

⁶⁷Johann Anton Guldenstaedt. Reisen durch Russland und in Kaukasischen Geburge, zweiter Theil. St.—Petersburg, 1791, S. 23. Также карта между 18 и 19 страницами.

⁶⁸Voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie dans les annee 1793 et 1794, par M. le professeur Pallas, v. 1. Paris, 1805, p. 389.

⁶⁹Владимир Измайлов. Путешествие в полуденную Россию, ч. 4, М., 1802, стр. 99.

⁷⁰Акты, т. II, стр. 1128.

⁷¹Н. Грабовский. Указ. соч., стр. 180.

⁷²П.Г. Бутков — Указ. соч., ч. 3, стр. 375. Абазин — до 900 семей, ногайцев — 54 аула.

⁷³В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. II, СПб., 1913, стр. 395; Ср.: Н. Грабовский. Указ. соч., стр. 191.

⁷⁴Значительная часть кабардинцев и абазин переселилась из Пятигорья на р. Малку, которая протекает недалеко от Пятигорья. Здесь сохранилось, например, то селение, которое в начале XIX в. в русской среде именовалось Аджи-аулом. О нем мы упомянули выше и более подробно будем говорить ниже. Это селение — Хаджи-Хабль — соединившись с другим — Ашабэ — образовало в настоящее время селение Малку. Однако местное население различает эти две части Малки. Жители Хаджи-Хабля, как явствует из наших неоднократных расспросов, прекрасно помнят о своем происхождении.

⁷⁵Хан-Гирей. Черкесские предания (отрывки из рукописи). — "Русский вестник", СПб., 1841, т. II, № 5, стр. 309–310.

⁷⁶"Кавказский сборник", т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 135–136.

⁷⁷"Песни, называемые *Тльбешынатль* (песня многих мужей), чрезвычайно любопытны и важны в историческом отношении: в них воспеваются происшествия исключительно военные, в кои участвовали целые племена. Если б в сих песнях означались годы событий, то оне послужили бы такими историческими материалами, какими немногие народы могут гордиться в отношении так называемой *предысторической* эпохи. Сего рода песни, говоря вообще, по образу сложения сходны между собою, но различаются по частным названиям и напевам: одне из них известны под именем главнейших лиц, бывших виновниками событий; таковы, например, знаменитые песни *Солох*, *Карбечь*, *Канболет* и проч. Другие носят названия мест и времени битв, например, *Ккурее*, *Кештейво*, *Биеккозгогор* и проч.". X[ан]-Г[ирей], Черкесские предания. — "Русский вестник", СПб., 1841, т. I, стр. 313–314.

⁷⁸Хан-Гирей. Князь Канбулат. Черкесское предание. — "Русский вестник", СПб., 1844, № 10–11, стр. 1–11. Приводится также Дубровиным ("История войны и владычества русских на Кавказе", т. I, кн. 1, 1871, стр. 80–84).

⁷⁹"История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 114–115.

Предание об Атвонике и Канбулате имеется также в изложении Желиховской. (См. библиографический указатель Н. Архангелова в "Сборнике сведений о Северном Кавказе", т. IV, Ставрополь, 1910–1911, стр. 6).

⁸⁰См.: "Сборник сведений о кавказских горцах", т. VI. Тифлис, 1872, отд. II, стр. 1, 26 и др. Ср.: Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. — "Кавказский сборник", т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 128–129; Н. Грабовский. Кабардинский анекдот о ревнивых мужьях. — "Терские ведомости", Владикавказ, 1871, № 3.

⁸¹См.: В. Миллер. Дигорские сказания. М., 1902, стр. 99–104.

⁸²Сказка записана в 1935 г. фольклорной экспедицией Адыгейского научно-исследовательского института культурного строительства. См.: "Адыгейские сказания и сказки". Ростов н/Дону, 1937, стр. 13, 267–278, 470.

⁸³Андемиркан — один из главных героев кабардино-черкесского фольклора.

⁸⁴Об этом пишущему эти строки приходилось слышать от жителей селения Каменномостского (бывшее Кармово), селения Кенже (близ Нальчика) и т.д.

⁸⁵См.: В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, СПб., 1905–1911, стр. 1680–1681; А.Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М. — Л., 1947, стр. 487.

⁸⁶См.: С.П. Зелинский. Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов. Тифлис, 1889, стр. 14.

⁸⁷Ср.: К.Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. — "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа". Тифлис, 1909, вып. 40, стр. 27.

⁸⁸Черкесские предания. — "Русский вестник", 1841, т. 11, стр. 3–78, 292–377.

⁸⁹Между убийцею и родственниками убитого с момента убийства до момента примирения за кровь устанавливаются особые отношения, называемые кровными. Сам убийца весь этот промежуток времени носит название канлы, что значит "кровник". Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 280. Ср. также: А. Руновский. Канлы в немирном крае. — "Военный сборник", СПб., т. XIV, № 7, 1860, стр. 202.

⁹⁰Любопытно, что в одном месте Хан-Гирей также называет своего героя "Каллы" (стр. 368).

⁹¹См.: М.Ю. Лермонтов. Первое полное издание В.Ф. Рихтера. Под редакцией Пав. Ал. Висковатого, т. II, М., 1889, стр. 142.

⁹²П. Свиньин. Письмо издателя "Отечественных записок" к редактору, "Отечественные записки", СПб., 1825, ч. 23, стр. 242–243; см. также: Jager. Reise von St. Petersburg in die Krim und die Länder des Kaukasus in Jahre 1825. Leipzig, 1830, S. 102–106.

Видимо, поездки для присутствия на праздновании байрама были своеобразной традицией среди посетителей Горячих вод. О большой популярности среди посетителей Горячих вод байрама в Аджи-ауле говорит корреспондент "Московского телеграфа", присутствовавший на байраме в Аджи-ауле в 1827 г., два года спустя: "Все посетители ждали с нетерпением черкесского праздника. И здоровые, и больные, и доктора хотели видеть зрелище, для них новое, и в день Байрама в каретах, в колясках, в дрожках, верхами потянулись к аулу". (П. С. Письма с Кавказа. — "Московский телеграф", М., 1830, № 11, стр. 324). В "Вестнике Европы" напечатана статья одного из очевидцев празднования байрама в следующем — 1828 году. Этот очевидец пишет: "Путешествие на Кавказ, кроме других удовольствий, доставило мне приятный случай видеть черкесский праздник Байрам. Он продолжался три дня (с 12 июня по 15). 12 июня большая часть посетителей минеральных вод из любопытства находилась в мирном черкесском ауле, в 4 верстах от Горячеводска, чтобы видеть увеселения, сопровождающие оный праздник". (Ив. Добродеев. Байрам черкесский. — "Вестник Европы", М., 1828, август, стр. 222). Очевидно, именно на праздновании байрама присутствовал в 1823 г. М.И. Глинка, живший летом этого года на Горячих водах. В своих "Записках" он сообщает: "Между прочим я видел пляску черкешенок, игры и скачку черкесов, мирных аулов разумеется" (М.И. Глинка. Записки. Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А.Н. Римского-Корсакова. М. — Л., 1930, стр. 59).

⁹³П. Свиньин. Указ. соч., стр. 245.

⁹⁴На основании некоторых данных первую поездку Лермонтова на Кавказ относят к 1818 г., вторую — к 1820 г.

⁹⁵"Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. I. Тифлис, 1881, отд. II, стр. IV–VII.

⁹⁶Там же, стр. VI.

⁹⁷ЦГВИА. ВУА, д. 2413, л. 39. См. также: А.В. Суворов, т. II, под редакцией полковника Г.П. Мещерякова. М., 1951, стр. 574.

⁹⁸В.С. Арсеньев. Род дворян Арсеньевых. Тула, 1903, стр. 50–52.

⁹⁹См.: М.Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. V, 1937, стр. 499.

¹⁰⁰Д.Ф. Масловский. Письма и бумаги А.В. Суворова, Г.А. Потемкина и П.А. Румянцева. 1787–1789 гг. (Кинбурн-Очаковская операция), СПб., 1893, стр. 52. См. также: А.В. Суворов, т. II, стр. 341.

¹⁰¹Д.Ф. Масловский. Указ. соч., стр. 61 и 200.

¹⁰²"Военный сборник", СПб., 1910, № 5, стр. 274.

¹⁰³Н.Ф. Дубровин. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, 1788–1789 гг., СПб., 1894, стр. 275–276. См. также: "Генералиссимус Суворов. Сборник документов и материалов". М. — Л., 1947, стр. 172–173; А.В. Суворов, т. II, стр. 477–478.

¹⁰⁴А.В. Суворов, т. II, стр. 481.

- ¹⁰⁵Там же, стр. 498.
- ¹⁰⁶"Военный сборник", СПб., 1910, № 5, стр. 274. Сведения о женитьбе Хастатова на Екатерине Алексеевне Столыпиной имеются в "Записках" А.М. Тургенева (см.: "Русская старина", 1885, № 11, стр. 277–278). О Хастатове см. также: В. Алексеев. Письма и бумаги Суворова, т. I, Пг., 1916, алфавитный указатель.
- ¹⁰⁷Следует упомянуть, что брат Елизаветы Алексеевны Ар-сеневой Александр Алексеевич Столыпин был адъютантом Суворова (в 1795–1797 гг.). В 1825 г. Александр Алексеевич вместе со своими детьми (Мария, Агафья и Варвара) также был на Горячих водах. См.: "Отчетственные записки", 1825, ч. 23, стр. 260 и 268. А.А. Столыпин — автор воспоминаний о Суворове.
- ¹⁰⁸См. выше.
- ¹⁰⁹"Литературный архив", т. I. М. — Л., 1938, стр. 427. См. также заметку П. Сытина в газете "Вечерняя Москва", 1939, № 269.
- ¹¹⁰См. ниже, глава "На Горячих водах в 1825 году".
- ¹¹¹"История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 8–9; С. Петин. Собственный его императорского величества конвой, изд. 2-е, СПб., 1911, стр. 68–79.
- ¹¹²Кроме указанных выше, Хан-Гирею принадлежит еще несколько статей: "Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов" ("Русский вестник", СПб., 1842, № 1, стр. 1–53); "Мифология черкесских народов" ("Кавказ", Тифлис, 1846, № 35); "Наезд Кунчука" (там же, № 37 и 38, напечатан вновь в журнале "На Кавказе", Екатеринодар, 1909, № 2, стр. 207–215); "Беслый Абат" (Из сочинений под заглавием: Биографии знаменитых черкесов и Очерки черкесских нравов и преданий покойного флигель-адъютанта Хан-Гирей) (там же, 1847, № 42–47), перепечатано в сборнике газеты "Кавказ" за второе полугодие 1847 г. (Тифлис, 1848, стр. 128–206); "Князь пшыской Аходягоко" (с подзаголовком: "Из сочинения под заглавием: Биографии знаменитых черкесов и Очерки черкесских нравов покойного флигель-адъютанта Хан-Гирей") — "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XVII. Тифлис, 1893, стр. 1–43. В. Бунашев упоминает еще о сочинении Хан-Гирея "Адыги (черкесы) и все близкие с ними племена" (В. Б. Из воспоминаний петербургского старожила, "Заря", СПб., 1871, апрель, стр. 36–42). В комментариях к сочинениям Пушкина, выпущенным издательством "Academia" (т. VIII, 1936, стр. 771 и т. V большого формата, 1936, стр. 615–616), Хан-Гирею ошибочно приписано авторство рассказа "Долина Ажитугай", помещенного Пушкиным в первой книжке "Современника" за 1836 г. (см. "Литературный архив", I, 1938, стр. 20).
- Сведения о Хан-Гирее имеются в следующих изданиях: "Акты, собранные Кавказской археографической комиссией", т. VIII (указатель); Н.М. Затворницкий. Приложение к историческому очерку деятельности канцелярии военного министерства и военного совета, ч. I, СПб., 1909, стр. 152; Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М., 1865, ч. 2, стр. 113; Г.И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, стр. 113; В.В. Квадри. История государственной свиты. Царствование императора Николая I. СПб., 1908, приложения, стр. 305 (с 1837 г. Хан-Гирей был флигель-адъютантом); "На Кавказе", Екатеринодар, 1909, № 2, стр. 207; С. Петин. Собственный его императорского величества конвой. СПб., 1911, изд. 2-е, отд. I, стр. 68 и др.; отд. II, стр. 138; "История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 8–9; "Шора Ногмов" (1844–1944). Сборник документации и статей к столетию со дня смерти". Нальчик, 1944, стр. 75–76; Бутков. Вести черкеса о князях русских Святославе и Мстиславе. — "Северная пчела", СПб., 1850, № 99, М.Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., под редакцией Б.М. Эйхенбаума, т. III, 1935, стр. 584.
- ¹¹³Сочинения М.Ю. Лермонтова. Первое полное издание В.Ф. Рихтера, под редакцией Пав.Ал. Висковатого, т. II, Поэмы (1828–1841). М., 1889, стр. 48.
- ¹¹⁴Евгений Баранов. Женская верность (кабардинская легенда). Владикавказ, 1900, стр. 6.
- ¹¹⁵См. выше, стр. 65.
- ¹¹⁶Х.У. Эльбердов. Кабардинские пословицы. — "Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института", т. I. Нальчик, 1946, стр. 297.
- ¹¹⁷М.Н. Лонгинов. М.Ю. Лермонтов. — "Русская старина", 1873, кн. 3, стр. 391; П.А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов, 1891, стр. 263. В "Воспоминаниях кавказского офицера" Стенбока, опубликованных в газете "Кавказ" (1854, № 17, 18, 20 и 21), описан эпизод, одним из главных действующих лиц которого является горняк, носящая имя Бэла ("Бэлла", "Белла"). Этот эпизод имеет некоторое сходство с той частью сюжета лермонтовской повести "Бэла", которая посвящена описанию пребывания Бэлы у Печорина. Например, реальная Бэла, попав в плен, живет у русского офицера (автора воспоминаний). Описываемые Стенбоком события относятся к 1833–1834 гг., то есть ко времени, предшествующему написанию Лермонтовым его повести. Но тот же Стенбок опубликовал рассказ "Канлых" ("Крово-мщение") ("Кавказ", 1855, № 84, 85, 86, 87), в котором также фигурирует горняк, носящая имя Бэла ("Белла"). Здесь ситуация не сходна с лермонтовской. И "Воспоминания кавказского офицера" и "Канлых" опубликованы много позже лермонтовской повести. При таких обстоятельствах следует считать ее с возможностью того, что Стенбок мог имя для своих героев заимствовать у Лермонтова.
- ¹¹⁸См.: Р.И. Бигаев. Восточные лексические заимствования в языке Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого. Ташкент, 1945, стр. 87; В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, вып. II, СПб., 1889, стр. 564.
- ¹¹⁹"Кавказский сборник", т. XXI. Тифлис, 1900, отд. II, стр. 134.

- ¹²⁰См.: "История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 30.
- ¹²¹См.: "История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 49–53.
- ¹²²Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XXXVIII, стр. 55.
- ¹²³"Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина". — Библиотека иностранных писателей о России, т. I, 1836, стр. 45.
- ¹²⁴Рассказ генуэзца Георгия о быте и нравах черкесов, 1504 года. — "Кубанский сборник", т. V. Екатеринодар, 1899, стр. 19–20.
- ¹²⁵Сталь в своем "Этнографическом очерке черкесского народа" пишет: "Герои подвига восхваляются по заслугам и быть упомянутым похвалой в песне считается лучшей наградой. Насмешка в песне преследует трусов". — "Кавказский сборник", т. XXI. Тифлис, 1900, стр. 136. См. также книгу Л.П. Семенова "Лермонтов и фольклор Кавказа", Пятигорск, 1941, стр. 40. Спенсер, давая общую характеристику черкесских народных певцов, пишет, что, повествуя о событиях дня, певец "предает бессмертию дела храброго, обрекает презрению изменника и труса..." (E. Spencer. Travels in Circassia, Krim, Tartary.. v. II, London, 1838, p. 341).
- ¹²⁶Тема этой песни по своему характеру вполне соответствует духу близких ей по содержанию черкесских песен. Характеристику одной сходной по теме черкесской песни дает Бёльль (James Stanislas Bell. Journal d'une residence en Circassie pendant les annees 1837, 1838 et 1839, t. II, Paris, 1841, p. 127).
- Интересно, что изменения, внесенные Лермонтовым в текст песни, подчеркивают ее патриотическо-героическую тему. — В "Измаил-бее" Лермонтов пишет:

**Любви будь вернее! —
Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пусть его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!
Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы...**

В "Беглеце" же вместо этого:

**Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы...**

- ¹²⁷Taitbout de Marigny. Voyage en Circassie, Bruxelles, 1821, p. 121. В другом издании книги, выпущенном в 1836 г. (Taitbout de Marigny. Voyage en Circassie. Odesa — Simpheropol, 1836 p., 285), стр. 130–131. Первое издание — редкое, почти все его экземпляры погибли. См. по этому поводу: Георгий Казбек. Обзор некоторых наиболее замечательных сочинений о черкесских племенах. — "Еженедельное прибавление" к "Русскому инвалиду", 1864, № 32 (14 сентября), стр. 9.
- ¹²⁸Taitbout de Marigny. Voyage en Circassie, Bruxelles, 1821, p. 121–122.
- ¹²⁹А. Висковатый. С Казбека. — "Русский вестник", 1865, № 12, стр. 407–409, 415. "На Казбек взойти нельзя; и еще никто из простых людей там не был; оттуда бог его прогонит, ангелы не пустят туда; поднимется вихрь, буря, пойдет снег и человек пропал". Путешественник, излагающий этот рассказ местного жителя, добавляет: "Взойти может лишь тот, кто чист, как снег Казбека, кто не знал женщины и "кто дома посидит", как выразился проводник, т.е. отшельник; только один святой муж ходил туда за чистой водой для кого-то". А. В.—в. Дорога от Тифлиса до Владикавказа. Дорожные записки карандашом. "Сборник газеты "Кавказ", второе полугодие 1847 г., Тифлис, 1848, стр. 43.
- ¹³⁰См.: Иракий Андроников. Лермонтов. М., "Советский писатель", 1951, стр. 139.
- ¹³¹Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв., в двух частях, под ред. Б.Д. Грекова, ч. I. М., 1953, изд-во АН СССР, стр. 81, 82, 83, 84, 87, 666.
- ¹³²Записано от Т.П. Кашежева в начале двадцатых годов. Опубликовано в сборнике "Кабардинская автономная область. К первой годовщине автономии". Нальчик, 1922, стр. 53–54.
- ¹³³Полностью опубликовано нами в "Ученых записках Кабардинского научно-исследовательского института", т. I. Нальчик, 1946, стр. 257.
- ¹³⁴"Кабардинский фольклор". М.—Л., 1936, изд-во "Academia", стр. 267–270.
- ¹³⁵В комментариях к сборнику "Кабардинский фольклор" указывается, что о птице Симург упоминается в Шахнаме (стр. 591). О Симурге говорится не только в этом произведении. Симург — один из часто упоминаемых в произведениях восточной поэзии фантастических персонажей. См., например, Абу-л-Кас и м-а-л-Туси, называемый Фирдоуси. Книга царей — Шахнама, 1934, стр. 62–71; George Dumezil. Legendes sur les Nartes. Paris, 1930, p. 204; Низами. Пять поэм. М., 1946, стр. 52, 649, 653, 669, 674 и др. См. также: "Турецкие народные сказки". Л., 1939, стр. 11, 567 и др.; "Азербайджанские тюркские сказки". М., 1935, стр. XVI и др.; "Азербайджанские сказки". Баку, 1941, стр. II, IV–V, 420 и др.; "Азербайджанские сказки", т. II, Баку, 1947, стр. 512 и др.; "Таджикские сказки". Сталина-

бад, 1945, стр. 246, 272 и др.; М.В. Рябинин. Калилаһ и Димнаһ, ее происхождение и история. М., 1889, стр. XXV и др.; Н.П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы, в. II, Ташкент, 1892, стр. 70, 105, 155, 171–175 (статья "Птица Симург или Анка"); A history of ottoman poetry. London, v. II, 1902, p. 280, v. IV, 1905; p. 53; А.Н. Самойлович. Краткая опись среднеазиатско-турецких сказок и сказаний. — "Живая старина", год XXI, вып. II–IV, 1914, стр. 533; Л.И. Климович. Хрестоматия по литературе народов СССР. М., 1947, стр. 436, 779, 807, 817 и др.; Л. Доброумов. Птица Симург. Легенды и сказания о Кавказских минеральных водах. Пятигорск, 1928, стр. 44; Хамид Алимджан. Семург. Перевод с узбекского Светланы Сомовой. Ташкент, 1947 (московское издание, 1948); Алпамыш. Узбекский народный эпос. По варианту Фазила Юлдаша. Перевод Льва Пеньковского. М., 1949, стр. 12, 170.

¹³⁶С. Фарфоровский. Кавказские легенды об Эльбрусе. — "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 101–102.

¹³⁷"Кабардинский фольклор", стр. 92–93. Содержание этой легенды передают: П. Невский ("Закубанский край в 1864 г.", "Кавказ", 1868, № 98, от 23 августа); Н. Дубровин ("История войны и владычества русских на Кавказе", т. I, кн. I, СПб., 1871, стр. 113); М. Владыкин ("Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу", ч. I, М., 1885, стр. 121–122); С. Фарфоровский. Указ. соч., стр. 103–104 и др.

Связанные с Эльбрусом богородские представления находят себе место и в других народно-поэтических произведениях. Так, например, в кабардинском предании об Ошха-Махо говорится: "До потопа эти горы были покрыты растениями. Во время потопа Нухе (Ной. — А.-К.), находившийся в своем ковчеге, обратился к Ошха-Махо с просьбой принять ковчег. Ошха-Махо отказался: "Я, мол, не подчиняюсь никакому богу". Тогда ковчег поплыл к Бештау. Бештау меньше по высоте, но он создан богом, благороден. Он принял ковчег, который там и оставался до конца потопа и никуда оттуда не уходил. Отец мой видел остатки корабля. Тогда на всем свете осталось мало людей — приблизительно столько, сколько сейчас в одной Москве. Когда корабль ушел из Ошха-Махо, то оставил там след — расщелину между вершинами. На Бештау тоже остался след, но так как корабль оставался там, когда вода спадала, то след этот глубже." (Записано нами 2 августа 1953 г. в селении Малка Нагорного района Кабардинской АССР от колхозника Бахчеры Таова, 80 лет).

¹³⁸См. указ. раб. Невского, Дубровина, Владыкина.

¹³⁹Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским", ч. 2, М., 1823, стр. 11.

¹⁴⁰С.Д. Нечаев. Огрывки из путевых записок с юго-восточной России. — "Московский телеграф", 1826, № 1, стр. 29.

¹⁴¹"Кабардинский фольклор", стр. 93, 592; Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 113 — 114; М. Владыкин. Указ. соч., стр. 122.

¹⁴²"Кабардинский фольклор", стр. 93.

¹⁴³Там же, стр. 628.

¹⁴⁴См.: Л.П. Семенов. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947, стр. 6.

¹⁴⁵Семен Броневский. Указ. соч., ч. 2, стр. 53.

¹⁴⁶Л.П. Семенов. Указ. соч., стр. 7–10.

¹⁴⁷А.С. Пушкин. Полн. собр. соч., в одном томе. М., 1949, стр. 418.

¹⁴⁸См.: Л.П. Семенов. Указ. соч., стр. 19.

¹⁴⁹На месте развалин татартупского городища был в 1784 г. заложен Потемкинский редут. Сохранившийся минарет обычно привлекал внимание посетителей этой местности и редута. Поэтому и самый редут нередко назывался "Минаретом". См.: Л.П. Семенов. Указ. соч., стр. 8 и 10.

¹⁵⁰A. Dumas. Le Caucase. Nouvelles impressions de voyage, II, Bruxelles, 1859, p. 267.

¹⁵¹"Русская старина", 1871, декабрь, стр. 697.

¹⁵²Там же.

¹⁵³Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 62, д. 76, л. 66.

В ломаные скобки заключены вычеркнутые слова, в полукруглые — наша вставка.

¹⁵⁴В "Споре" читаем:

Он настроит дымных келий

По уступам гор;

В глубине твоих ущелий

Загремит топор;

И железная лопата

В каменную грудь,

Добывая медь и золото,

Врежет страшный путь. (II, 123)

¹⁵⁵"Из бумаг покойника". ("Не смейся", "Вид гор из степей Козлова", "Беглец", "Ашик-Кериб", "Волшебные звуки"). — В кн.: "Вчера и сегодня". Литературный сборник, составленный гр. В.А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. Книга вторая, СПб., 1846, стр. 151–168.

¹⁵⁶Автограф хранится в архиве Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), куда передан из Института мировой литературы им. А.М. Горького (в 1951 г.).

¹⁵⁷Первая страница автографа воспроизведена в "Литературном наследстве", 19/21, 1935, стр. 497; см. также: стр. 486.

¹⁵⁸В вышедшем в 1948 г. четвертом томе нового полного собрания сочинений Лермонтова также нет сведений об указанном разночтении.

¹⁵⁹Б.М. Эйхенбаум также не оговорено то обстоятельство, что в заглавии карандашом исправлено "Кериб" на "Кариб". Эта поправка сделана сведущим лицом

или в согласии с его указанием: "Кариб" — распространенное произношение. Утверждение И.Л. Андроникова, настойчиво им повторяемое, о том, что в автографе отсутствует какое-либо заглавие и что, следовательно, озаглавив сказку не сам Лермонтов, а кто-то другой (см.: М. Лермонтов. Избранные произведения. М., 1949, стр. 505; Ираклий Андроников. Лермонтов. М., 1951, стр. 223; Ираклий Андроников. Лермонтов и его сказка "Ашик-Кериб". — Журн. "Пионер", 1951, № 7, стр. 39. В последней работе эти данные играют существенную роль при уточнении некоторых обстоятельств, которые до настоящего времени еще не были раскрыты лермонтоведом, см. особенно главу "Как была восстановлена истина"), не соответствует истине. Написанное рукою Лермонтова заглавие в автографе имеется.

¹⁶⁰"Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XI–II, Тифлис, 1892, стр. 126–128. Ср. предисловие, стр. XXII. См. также: Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М., 1900, стр. 208–209.

¹⁶¹"Антология азербайджанской поэзии". Под редакцией В.А. Луговского и Самеда Вургуня. М., 1939, стр. 218–221.

¹⁶²Назым Хикмет. Стихи, перевод с турецкого, М., 1950, стр. 100–101, см. также предисловие, стр. 12.

¹⁶³"Антология туркменской поэзии". М., 1949, стр. 75, см. также: Асли и Керем. Фольклорный дастан. Собрал и подготовил к печати Баймухамед Карриев. Ашхабад, 1943, стр. 107.

¹⁶⁴Всеволд Миллер. Материалы для истории былинных сюжетов. — "Этнографическое обозрение", 1890, № 2, стр. 110–115. Перепечатано в статье "Кавказско-русские параллели" ("Этнографическое обозрение", 1891, № 4, стр. 3–7) и в "Экскурсах в область русского народного эпоса", М., 1892, стр. 22–25.

¹⁶⁵См.: Сочинения М.Ю. Лермонтова. Под редакцией и с примечаниями И.М. Болдакова, т. I, М., 1891, стр. 448. См. также: А. Богоявленский. Предисловие к тринадцатому выпуску "Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа", стр. XXV.

¹⁶⁶Записан от ашуга Оруджа, жителя селения Тирлжан Шемахинского уезда бывшей Бакинской губернии. Текст напечатан в тринадцатом выпуске "Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа", стр. 173 — 229. См. также отзыв В. Миллера в "Журнале Министерства народного просвещения" (1893, январь, стр. 232 — 235).

¹⁶⁷В.В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. 7. СПб., 1896, стр. 241–297. Ср.: А.Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. "Туркмения", т. 1, 1929, стр. 163.

¹⁶⁸В.В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. 8. Наречия османские. Тексты собраны И. Куношем, СПб., 1899, стр. 58–90. Ср. стр. IV и VII–VIII (предисловие И. Куноша).

¹⁶⁹Указано в книге Ираклия Андроникова "Лермонтов". М., 1951, стр. 227. Эта версия, опубликованная собирателем кавказского фольклора С. Фарфоровским (С. Фарфоровский. О певце Керибе. — "Южный Кавказ", еженедельная политическая, общественная и литературная газета, Елисаветполь, 1911, № 26, 27, 30 от 5, 6, 10 ноября), представляет собою только часть повести. На публикацию 1912 года (Елисаветполь) указывает М. Рафили (Микаэль Рафили. Лермонтов и азербайджанская литература. — "Бакинский рабочий", 1939, №237, 15 октября). Еще одна азербайджанская версия в сокращенном виде опубликована в "Антологии азербайджанской поэзии", 1939, стр. 214–218; см. также стр. XI, XXXII, 195 (здесь указание на отдельные издания, выпущенные в Тбилиси и Баку), 406.

¹⁷⁰Бытующую в армянской среде повесть об Ашик-Керибе приходилось слышать автору этих строк. См. также: В.А. Мануилов. М.Ю. Лермонтов и его запись сказки об Ашик-Керибе, в сб. "Ашик-Кериб". Л., 1941, стр. 26–27; И.К. Ениколопов. К сказке "Ашик-Кериб" Лермонтова. — "В кн.: М.Ю. Лермонтов. Ашик-Кериб, турецкая сказка. Тбилиси, 1941. стр. 12; Ираклий Андроников. Указ. соч., стр. 228–231.

¹⁷¹См.: "Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней". М., 1940, стр. 21.

¹⁷²Отрывки из народной поэмы "Сосыруко" и рассказы, переведенные на кабардинский язык Казим Атажукиным. В военно-походной типографии Главного штаба Кавказской армии, Тифлис, 1864, стр. 52.

¹⁷³Казим Атажукин. Избранные труды. "Ашик-Кериб" (турецкая сказка). Нальчик, 1971, стр. 86–93.

¹⁷⁴Опера написана композитором Р.М. Глиэром в 1924 г. См.: "Искусство азербайджанского народа". М.—Л., 1938, стр. 71; Р. Глиэр. Фрагменты из оперы "Шах-Сенем", либретто М.П. Гальперина. М., 1938, серия 1 (56 стр.), серия 2 (26 стр.). Зюльфаргаром Гаджибековым написана опера "Ашик-Кериб" (см.: В. Виноградов. Узейр Гаджибеков. М.—Л., 1947, стр. 30).

¹⁷⁵М.Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. V, 1937, стр. 459; Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 81–82; он же. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, стр. 75–78; И. Андроников. Лермонтов в Грузии. — "Красная новь", 1939, № 10–11, стр. 254; И.К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940, стр. 22; М. Рафили. Лермонтов и азербайджанская литература. — "Бакинский рабочий", 1939, 15 октября, № 237; Ср.: "Антология азербайджанской поэзии", 1939, стр. 195. И. Андроников в своей книге "Лермонтов", вышедшей в 1951 г., указывает еще на другие варианты (стр. 228–231).

¹⁷⁶Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для пере-

говоров, ч. I. М., 1822, стр. 151; Ср.: С.В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. — Пг., 1915, стр. 98—103; Л., 1925, алф. указатель; Н.М. Дружинин. В страну туркмен и узбеков. Л., 1927, стр. 118.

¹⁷⁷Путешествие в Туркмению и Хиву... , стр. 152.

¹⁷⁸Путешествие в Туркмению и сопредельных с нею стран. Ашхабад, 1929, стр. 59. "Путешествие" вновь напечатано в "Русском архиве". Легенда приводится в десятом выпуске за 1887 г., стр. 163—164. О крепости Шасенем и предании о Шасенем и Гарибе упоминается в путевых заметках советского писателя Берды Кербабаева (Берды Кербабаев. Весна на туркменской земле. — "Знамя", 1952, кн. 1, стр. 121—122, 129, 131, 133).

¹⁷⁹"Шасенем и Гариб. Народный дастан". Перевели с туркменского Н. Манухина и Г. Шенгели. Ашхабад, 1945, стр. 160. В предисловии Б. Каррыева указывается на пересказ Н. Муравьевым содержания романа, и даются сведения о связи этого романа с другими произведениями туркменской литературы. Отрывки в переводе Г. Веселкова помещены в журнале "Совет Эдебияты". Ашхабад, 1944, №6, стр. 80—92. В 1940 г. издан на туркменском языке ("Шасенем и Гариб"). Роман, стр. 264. Ашхабад 1940; см. журнал "Совет Эдебияты". Ашхабад, 1944, № 1—2, стр. 101; 1945, № 1—2, стр. 116). В 1946 г. роман "Шасенем и Гариб" вышел в издании Гослитиздата (Москва). О романе "Шасенем и Гариб" см. также: А.Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы, "Туркмения", т. 1, Л., 1929, стр. 129, 151, 161, 163; Б.А. Каррыев. Туркменская литература до Великой Октябрьской революции. — Журн. "Совет Эдебияты". Ашхабад, 1943, № 1, стр. 88—89; он же. Туркменская классическая литература. — "Ватан", Туркменский литературный альманах, Ашхабад, 1944, стр. 128; А.П. Поцелуевский. Собрание туркменского фольклора. — "Туркменоведение". Ашхабад, 1927, № 2—3, стр. 11; "Известия Туркменского филиала Академии наук СССР", 1944, Ашхабад, № 2—3, стр. 10, 49, 54, 55, 57; Г. Веселков. Очерки туркменской литературы. Ашхабад, 1945, стр. 20—22, 31; П. Скосырев. Туркменская литература. М., 1945, стр. 46, 47, 52.

¹⁸⁰"Шасенем и Гариб"; стр. 148—149.

¹⁸¹"Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XIII, 1892, стр. 207—209.

¹⁸²"Шасенем и Гариб", стр. 150—152.

¹⁸³"Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XIII, 1892, стр. 212.

¹⁸⁴Произведение, в котором фигурируют Шах-Сенем и Гариб, упоминает также Вамбери. Судя по краткому пересказу, который дает Вамбери, он пользовался вариантом, в котором при развертывании сюжета акцентировались моменты, отсутствующие на второй план в вариантах, нам известных.

¹⁸⁵См.: А.Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. — "Туркмения", т. I, 1929, стр. 157.

¹⁸⁶Книга тысячи и одной ночи, т. VI. М. — Л., 1934, стр. 154—374. См.: И. Эструп. Исследование о 1001 ночи, ее составе, возникновении и развитии. М., 1904, стр. 43, см. также стр. 100, 116; ср.: А. Горстер. К литературной истории 1001 ночи. "Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера". М., 1900, стр. 225 и др. Гансом Штумме опубликована фольклорная повесть, записанная у берберов Тамазратта, представляющая собою краткий вариант романа об Аджибе и Гарибе (см. *Marchen der Berber von Tamazratt in Sudtunisien von Dr. Hans Stumme. Leipzig, 1900, S. 52—59*; ср.: *Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes publiés dans l'Europe chretienne de 1810 a 1885 par Victor Chauvin, v. V, Liege — Leipzig, 1901, p. 31*).

¹⁸⁷"Книга тысячи и одной ночи", т. VI, стр. 157.

¹⁸⁸"Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", вып. XIII, 1892, стр. 176; ср. стр. 191, 207—208.

¹⁸⁹Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. I, М., 1822, стр. 152.

¹⁹⁰"Шасенем и Гариб", 1945, стр. 9; ср. стр. 148—149, 156.

¹⁹¹*Encyclopedie de l'Islam, Leyde — Paris, Livraison vingtieme, p. 149*; см. также: Р.И. Бигаев. Восточные лексические заимствования в языке Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого. Ташкент, 1945 (диссертационный фонд Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина); В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, стр. 592; т. II, СПб., 1895, стр. 1539, 1546; С.П. Зелинский. Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов..., Тифлис, 1889, стр. 8 и 18.

¹⁹²Крунк — журавль.

¹⁹³Антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней. М., 1940, стр. 190; см. также стр. 12, 21, 702.

¹⁹⁴Хрестоматия по литературе народов СССР. Составил, комментировал и снабдил очерками Л.И. Климович. М., 1947, стр. 128.

¹⁹⁵*A Literary history of Persia by Edward Browne, v. II, London, 1920, p. 318*.

¹⁹⁶А.Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. — "Туркмения", т. I, Л., 1929, стр. 129.

¹⁹⁷В.Г. Белинский. Полн. собр. соч., под редакцией и с примечаниями С.А. Венгера, т. VI, СПб., 1903, стр. 36.

¹⁹⁸См. по этому поводу статью М.П. Штокмара "Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова". — "Литературное наследство", № 43—44. М., 1941, стр. 263—352.

¹⁹⁹О знакомстве Пушкина с Шорой Ногмовым свидетельствует академик Берзе, основывающийся на показаниях современников. См. также статью В. Л. Комаровича "Вторая кавказская поэма Пушкина" ("Пушкин". Временник Пушкинской комиссии, 6, 1941, стр. 211—234). В этой статье ставится вопрос о том, какие исторические и этнографические материалы мог получить от Шоры Ногмова Пушкин. Комарович полагает даже, что Ногмов послужил прообразом героя пушкинской поэмы — Тазита. При пользовании статьей следует иметь в виду, что она грешит рядом очень существенных фактических ошибок. См. по этому вопросу нашу статью "Пушкин и Ногмов" (журнал "Советская этнография", 1948, № 3).

²⁰⁰"Московский телеграф", 1826, № 1, стр. 36.

²⁰¹Sjögren. Voyages dans les vallées centrales du Caucase. "Nouvelles Annales des Voyages", 1848, mars, p. 283. См. также июньский номер, стр. 325. ("Ногмов — сам страстный поэт").

²⁰²С.Д. Нечаев. Отрывки из путевых записок о юго-восточной России. "Московский телеграф", 1826, № 1, стр. 35.

²⁰³William Glen. Journal of a tour from Astrachan to Karass. London, 1823, pp. 68—73, 82, 87, 103, 203, 217.

²⁰⁴Robert Lyall. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia. London, 1825, p. 447, 448 ("Способный и умный человек"; "Я очень долго говорил с ним и был также поражен его знаниями и очень сильной способностью к аргументации").

²⁰⁵Jean Charles de Besse. Voyage en Crimée, en Georgie, au Caucase, en Armenie, en Asie-Mineure et a Constantinople en 1829 et 1830. Paris, 1838, p. 148. См. также стр. 150, 151, 158.

²⁰⁶См. выше, стр. 57—61.

²⁰⁷История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым". Тифлис, 1861, стр. 176. Ногмовым же написана первая грамматика кабардинского языка. См. по этому поводу: Г. Турчанинов и М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940, стр. 15—19; Г. Ф. Турчанинов. Рукописные материалы академика Шёгрена по черкесским языкам (К истории изучения кабардинского языка). — "Язык и мышление", X, стр. 157—162.

²⁰⁸С.Д. Нечаев. Указ. соч., стр. 37.

²⁰⁹Гендерсон (Biblical researches and travels in Russia; including a tour in the Grimea and the passage of the Caucasus. Bg. E. Henderson, London, 1826, p. XII, 538) рассказывает о посещении Шоры в этом ауле. "26 (сентября 1821 г.). Пока мои друзья были заняты некоторыми делами по колонии, я отправился верхом в селение Хаджи-Кабак, находящееся от колонии на расстоянии около двух верст, чтобы навестить кабардинского узденя по имени Шора, с которым я познакомился в Каррасе... Я был немедленно введен в дом и сердечно принят его женой. Его (Шоры) молодой новобрачной нигде не было видно и, как мне сообщила ее собственная мать, так будет вплоть до рождения ею первого ребенка" (стр. 454—455).

На свидетельство Гендерсона указал Г. Турчанинов — см. издание: "Шора Бекмурзович Ногмов (серия документальных материалов из жизни и деятельности)". Подготовил к печати Г. Турчанинов. Нальчик, 1944.

Сведения Гендерсона относятся к 1821 г. Но Шора Ногмов жил под Бештау и в 1825 г. В 1828 г. он совместно с другими жителями аула переселился на Малку. Это устанавливается из обнаруженного нами в Центральном государственном архиве Грузинской ССР документа.

В конце ноября 1829 г. Шора Ногмов подал командующему на Кавказской линии и в Черномории Г. А. Эмануэлю прошение об определении его в Кавказско-горский полускадрон. В этом прошении Ногмов писал: "...Желая вступить в воинскую... службу, еще в 1828 г. изготовился было я всем необходимым к следованию с отправляющимися тогда в Санкт-Петербург в состав формируемого лейб-гвардии Кавказского Горского эскадрона кабардинскими князьями и узденями, для вступления во оной на службу. Но по случаю переселения Аула нашего из-под Бечтовых гор к реке Малке, я обязан был с подвластными моими устроить на сем новом месте пристанище и для обеспечения моего семейства в пропитании хозяйство". (Центральный государственный исторический архив Груз. ССР, ф. 1083 (1052), оп. 2, д. 49, л. 970).

²¹⁰Сообщено мне А. Т. Шортановым, который знает это со слов известного знатока кабардинского фольклора Н. М. Цагова.

²¹¹Высшее военное начальство на Кавказе.

²¹²Центральный государственный военно-исторический архив (Москва), ф. 395, оп. 147/455, д. 223 (По представлению командира Отдельного Кавказского корпуса о пожаловании награды генералу, штаб и обер-офицерам, медицинским чиновникам, нижним чинам и азиатцам за отличие в деле противу горцев в 1840 году в Большой и Малой Чечне), ч. 2, лл. 12—12 (об.) См. также: П.Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. II, Л., 1929, стр. 125—126.

²¹³В 1840 г. Лермонтов приехал в Ставрополь 10 июня. В продолжение лета и осени он принимал участие в экспедиции, генерала Галафеева. По окончании боевых действий Лермонтов, в конце декабря, прибыл в Тенгинский полк, где пробыл всего несколько дней. 6 января, судя по воспоминаниям А. И. Дельвига (см. в книге Щеголева, в. II, стр. 131), Лермонтов был уже в Ставрополе, 14-го же января он получил отпускной билет. Ко времени пребывания Лермонтова в Тенгинском полку этот полк закончил боевые операции.

²¹⁴Представление о награждении отличившихся в сражении при реке Валерик 11 июля 1840 г. было послано из Тифлиса 30 декабря 1840 г. — Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 395, оп. 147/455, д. 47 (По представлению командира Отдельного Кавказского корпуса о пожаловании награды

штаб и обер-офицерам, медицинским чиновникам, нижним чинам и азиатцам за отличие в деле противу горцев 11 июля 1840-го года при реке Валерике, под начальством генерал-лейтенанта Галафеева), в 4 частях, ч. 1, л. 1/об., дата документа.

²¹⁵П.А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов, М., 1891, стр. 377; А.М. Скабичевский. М.Ю. Лермонтов, СПб., 1912, стр. 74; В.А. Мануйлов. Лермонтов (Жизнь и творчество). Л., 1939, стр. 101; Е.И. Яковкина. По лермонтовским местам. Ворошилов, 1938, стр. 54; И.К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940, стр. 71.

²¹⁶П.А. Висковатый. Указ. соч., стр. 376.

²¹⁷Е. Duchenne. Michel Jourievitch Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris, 1910, p. 74.

²¹⁸Д.И. Абрамович. М.Ю. Лермонтов. Обзор источников для биографии. Материалы для биографии и литературной характеристики, стр. СХП, в изд.: Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова. (Издание разряда изящной словесности Академии наук), т. V, СПб., 1913.

²¹⁹С.В. Иванов. Лермонтов, М., 1938, стр. 258.

²²⁰Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 201.

²²¹Б.М. Эйхенбаум. М.Ю. Лермонтов. В изд.: Полное собрание сочинений Лермонтова, т. I, Л., 1939, стр. XVII.

²²²М.Ф. Николаева. М. Лермонтов. Биографический очерк. Пятигорск, 1940, стр. 126.

²²³И.К. Ениколопов. Указ. соч., стр. 75.

²²⁴М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. V. М. — Л., 1937, стр. 409.

²²⁵ЦГВИА, ВУА, д. 6433, л. 80; собственноручная резолюция Николая I.

²²⁶ЦГВИА, ВУА, д. 6433, л. 101/об.

²²⁷Точнее, убыхи были промежуточным звеном между абхазцами и адыгами (черкесами).

²²⁸ЦГВИА, ВУА, д. 6433, л. 84/об.

²²⁹Там же, д. 6470, л. 27. (Приводится также в "Историческом сборнике". М. — Л., 1935, № 4, стр. 162).

²³⁰Начальник штаба войск Кавказской линии и Черноморья.

ЦГВИА, ВУА, д. 6433, л. 80; собственноручная резолюция Николая I. Приказание военного министра о сборе всех действующих положений полка, почему было велено в продолжение зимы не трогать с места ни одной роты тенгинцев...". Убыхская экспедиция подробно описана ее участником М.Ф. Федоровым (М.Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. "Кавказский сборник", т. III, Тифлис, 1879, стр. 205—216).

²³¹ЦГВИА, ВУА, д. 6433, л. 81.

²³²Там же, л. 25. Отношение от 23 апреля 1841 г. за номером 375.

²³³В районе современного Сочи.

²³⁴Адлер.

²³⁵См.: Д. В. Ракович, Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис, 1900, стр. 277.

²³⁶Д.В. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис, 1900, стр. 276. Ракович пишет: "Конечно, рапорт Хлюпина произвел сильное впечатление, приведенные цифры красноречиво говорили о расстроеном положении полка, почему было велено в продолжение зимы не трогать с места ни одной роты тенгинцев...". Убыхская экспедиция подробно описана ее участником М.Ф. Федоровым (М.Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. "Кавказский сборник", т. III, Тифлис, 1879, стр. 205—216).

²³⁷Д.В. Ракович. Указ. соч., стр. 274.

²³⁸Там же, стр. 264. См. также Г.И. Филиппсон. Воспоминания. М., 1885, стр. 260.

²³⁹ЦГВИА, ВУА, д. 6433, лл. 21—22. Копия с отношения военного министра Чернышева исправляющему должности начальника Черноморской береговой линии Анрепу от 23 апреля 1841 года, № 375.

²⁴⁰ЦГВИА, ф. 395, оп. 147/455, д. 223. (По представлению командира Отдельного Кавказского корпуса о пожаловании наград генералу, штаб и обер-офицерам, медицинским чиновникам, нижним чинам и азиатцам, за отличие противу горцев в 1840 г. в Большой и Малой Чечне), ч. I, л. 74, собственноручная резолюция Николая I.

²⁴¹О том, насколько непонятно было распоряжение Николая I, свидетельствует тот факт, что его иногда пытались истолковать как выражение желания Николая I избавить Лермонтова от опасности, считая, что пребывание его в Тенгинском полку обеспечивало большую безопасность. Например, в заметке Анатолия Павлова "Николай Павлович о Лермонтове", помещенной в 9-й книжке "Русского архива" за 1911 г. и касающейся вопроса о распоряжении Николая I, читаем: "...Стихотворение ли это (имеется в виду стихотворение "Я к вам пишу: Случайно! право...", "Валерик". — А.-К.) возбудило недоверие к сосланному за поступок поручику, или же то была бережливая заботливость государя о судьбе славного уже в то время поэта; но только начальство Лермонтова за допущение его в экспедицию подверглось замечанию со стороны своего верховного вождя" (стр. 158).

²⁴²П. Е. Щеголев. Указ. соч., в 2, стр. 58.

²⁴³Там же. Распорядившись о посылке Лермонтова в пехотный полк, Николай I наложил еще добавочную резолюцию: "Исполнить сегодня же". Хотя из этой резолюции было совершенно ясно, что арест (влекший к трехмесячной задержке Лермонтова в Петербурге) отменяется, к Николаю обратились за разъяснением. Он ответил, что "переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание". (См.: М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. 5, 1937, стр. 614).

²⁴⁴Донесение Вашего превосходительства, от 30 марта за № 527, отправленное из Ставрополя с нарочным курьером, получено мною 9 апреля вечером, и в то же время доведено до сведения государя императора". (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. 2, л. 79. Копия с предписания Чернышева командующему на Кавказской линии и в Черномории Граббе от 11 апреля 1840 г.). Донесение Граббе за № 527 от

30 марта 1840 г., упоминаемое Чернышевым, находится в первой части этого же дела, лл. 286—293. Оно содержит сообщение о падении Михайловского укрепления.

²⁴⁵"Ужасно!", — написал Николай I на рапорте Раевского, в котором содержалось известие о падении Михайловского укрепления (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. 2, л. I, собственноручная резолюция Николая I). Рапорт Раевского был получен в Петербурге вслед за рапортом Граббе — 11 апреля 1840 г.

²⁴⁶Д.В. Ракович. Указ. соч., стр. 196.

²⁴⁷Н.Ф. Дубровин. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825—1864). СПб., 1896, стр. 132.

²⁴⁸Д.В. Ракович. Указ. соч., стр. 198. Ракович пишет обо всех укреплениях: "Случалось, что девять десятых числа солдат лежали больными и некому было занимать крепостные караулы" (стр. 198).

²⁴⁹Донесение о падении Михайловского укрепления, Граббе писал: "Если четыре роты пехоты, значительное число орудий артиллерии, примерная храбрость и порядительность начальников и самая упорная и мужественная защита не могли спасти укрепления, то ясно, что слабость береговой линии находится в самых основных началах ее устройства и что прежде всего должно думать об изменении этих начал". (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 291). Николай дал Граббе нагоняй. В резолюции по поводу этого донесения Николай I писал, что Граббе следует "постоянной своей мысли о бесполезности прибрежной линии". "Все это отходит вновь от предпринятой системы и клонится к уничтожению всего сделанного с толикою тратою людей, способов и времени, вовсе не приводя к положительной цели". (ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 279). Немного раньше Николай I еще более резко отвечал по поводу мнения о бесполезности и даже вредности существующей Черноморской береговой линии. См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. IX, стр. 244—247. Ср. также М. Ф. Федоров. Указ. соч., стр. 98—99, 129—130, 131, 184—185.

²⁵⁰Письмо Головина к Граббе от 18 февраля 1840 г. (из Петербурга), ЦГВИА, ф. 62 (Архив П. Х. Граббе), д. 24, л. 95. обстоятельная характеристика положения на Черноморской береговой линии дается Раковичем (см. указ. соч., стр. 189—235).

²⁵¹Предшественник Анрепа.

²⁵²ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 6, рапорт Раевского Граббе от 16 февраля 1840 г.

²⁵³"Теперь (после падения Вельяминовского укрепления. — А. К.) не было сомнения, что неприятель этим не ограничится и попытается овладеть также остальными нашими прибрежными пунктами" (Д. В. Ракович. Указ. соч., стр. 205).

²⁵⁴ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 281, собственноручная резолюция Николая I.

²⁵⁵См.: Д. В. Ракович. Указ. соч., стр. 205—206. На Черноморской береговой линии сосредоточились в марте 1840 г. три батальона Тенгинского полка, четвертый батальон, предположенный также к отправке на линию (предписание Граббе Раевскому от 20 марта 1840 г., ЦГВИА, ВУА, д. 6408, ч. I, л. 265), затем был по распоряжению Граббе же задержан в Черномории (там же, л. 303, предписание Раевскому от 28 марта). Но этот батальон оказался едва ли не в еще более тяжелом положении. Вот что пишет Ракович о том положении, в котором он находился к концу марта 1840 г.: "Болезненность людей 4-го батальона главным образом проистекала от изнурения. По окончании экспедиции прошлого года, 4-й батальон сделал уже четыре похода за Кубань к Абинскому укреплению и один форсированным маршем к Анапе. Все эти передвижения происходили в самое ненастное время года, по глубоким снегам, во время сильных ветров, выго и метелей, что естественно привело людей в изнурение и наполовину уложило в лазареты. Командир полка убедительно просил хотя теперь дать отдых 4-му батальону, но генерал Завадовский ответил, что "по нынешним обстоятельствам он никак не может сделать этого"... 4-й батальон изнемогал от бесперывных передвижений, поспевая всюду к угрожающим пунктам"... (стр. 210).

²⁵⁶ЦГВИА, ф. 62, д. 15, л. 13. Письмо от 4 января 1840 г.

²⁵⁷Там же, л. 23. Письмо от 17 февраля 1841 г.

²⁵⁸Русский библиофил. СПб., 1911, № 4, приложение, стр. 7.

²⁵⁹М. Я. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 год. — "Русская старина", 1893, июнь, стр. 579—580.

²⁶⁰Эта фраза заключена в письме Николая I к жене от 12/24 июня 1840 г. Письмо впервые опубликовано в 1913 г. (См. Theodor Schieman. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. В. III. Berlin, 1913, S. 411—412. Здесь письмо дается в переводе с французского на немецкий). По-русски письмо опубликовано Е. В. Тарле в журнале "Дела и дни" (П., 1921, кн. 2, стр. 189). Несмотря на двукратную публикацию, это письмо до последнего времени не привлекалось биографами Лермонтова при освещении событий 1840 и 1841 гг. Для характеристики отношения Николая I к Лермонтову это письмо биографами было привлечено только в 1940 г. (см. М. Ф. Николаева. М. Ю. Лермонтов. Биографический очерк, Пятигорск, 1940, стр. 102—103; А. Новиков. Письмо Николая I о Лермонтове, "Лит. газета", 1940, № 22(873); Б. Эйхенбаум. Николай I о Лермонтове, "Лит. критик", 1940, № 2, стр. 32—34).

²⁶¹Цитирую по статье Тарле.

²⁶²То, что Николай I произнес эту фразу, некоторыми авторами подвергалось сомнению.

Что именно так выразился Николай I, утверждают П. П. Вяземский ("Русский архив", 1887, 9, стр. 142) и П. Баргнев ("Русский архив", 1911, 9, стр. 160; Баргнев пишет со слов княгини М. В. Воронцовой). А. Васильчиков ("Русский архив", 1872, I, стр. 209) и Н. Лорер (отдельное издание его "Записок", вышедшее в 1931 г.,

стр. 264. В первой публикации "Записок" в "Русском архиве" 1874 г. все это место из цензурных соображений изъято. Свои записки Лорер писал в 1862–1867 гг. См. по этому поводу издание 1931 г., стр. 31) эту фразу передают несколько иначе: "Туда ему и дорога". Сомнение в подлинности этой фразы высказано П. Висковатым ("М. Ю. Лермонтов", 1891, стр. 443) и П. Бартевым (примечание к "Запискам" Лорера, см. издание 1931 г., стр. 264); Бартев же в 1891 г. опубликовал слышанный им от Н. Н. Вельяминова рассказ о том, что Николай I по получении известия о смерти Лермонтова сказал: "Получено с Кавказа горестное известие. Лермонтов убит на дуэли. Жаль его! Это поэт, подававший великие надежды". ("Русский архив", 1891, 7, стр. 402). В последнее время сомнение в подлинности слов Николая I высказано Б. М. Эйхенбаумом. В своей статье "Николай I о Лермонтове" он пишет: "Обычно цитируются будто бы сказанные им слова: "Собаке — собачья смерть"; но нельзя сказать, чтобы источник, сообщающий это изречение (воспоминания А. И. Васильчикова), был вполне достоверен". ("Литературный критик", 1940, № 2, стр. 32). Эта фраза известна не только в передаче Васильчикова, выше мы указали и другие источники. Кстати, Васильчиков даже сообщает слова Николая I в другом виде: "Туда ему и дорога".

Что касается Бартева, то надо сказать, что он был, видимо, прав как тогда, когда сообщал, что Николай I сказал: "Собаке — собачья смерть", так и тогда, когда говорил, что Николай I выразил сожаление по поводу смерти Лермонтова. Дело в том, что Николай I произнес две фразы, о чем пишет сам же Бартев в 1911 г.: "...Государь, по окончании литургии, войдя во внутренние покои дворца кушать чай со своими, громко сказал: "получено известие, что Лермонтов убит на пединге, — собака — собачья смерть!..." Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна Веймарская, эта жемчужина семьи (la perle de la famille, как называл ее граф С. Р. Воронцов), вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей (на десять лет его старше) и пошел назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: "Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит". Именно эту вторую фразу и слышал Вельяминов (в его передаче она звучит несколько иначе, но смысл тот же), со слов которого делал свое сообщение Бартев в 1891 г., не знавший тогда еще того, что Николай I произнес две фразы. Что касается до примечания к "Запискам" Лорера, то он его сделал задолго до своих публикаций (до 1874 г., см. издание "Записок" 1931 г., стр. 43) и выражается в нем лишь сомнение, но подтвержденное никакими доводами, а отнюдь не отрицание. ("Кому это известно?" — замечает Бартев по поводу приведенных Лорером слов "Туда ему и дорога").

Итак, для самого же Бартева в конце концов стало ясно, что Николай I фразу "Собаке — собачья смерть" произнес. Висковатый, отрицая этот факт, ссылается на слова Философова, которые ему, Висковатому, были переданы А. П. Шан-Гиреем. Философов же говорит о том, как вел себя Николай I непосредственно в момент получения известия ("Известие пришло в присутствии дежурного флигель-адъютанта Ал. Ил. Философова", — пишет Висковатый), свою же фразу Николай I, как мы теперь знаем, произнес, войдя, после получения известия, в комнату, где собралась к утреннему чаю члены семьи. Поэтому Философов говорит о совершенно другом моменте, когда Николай I интересующей нас фразы действительно не произносил.

Таким образом после критического рассмотрения свидетельств и сопоставления их между собою становится ясным, что Николай I, получив известие о смерти Лермонтова, действительно сказал: "Собаке — собачья смерть" (или же: "Туда ему и дорога").

²⁶³В.А. Соллогуб. Воспоминания. Редакция, предисловие и примечания С. П. Шестерикова. М.—Л., 1931, стр. 402.

²⁶⁴A. Dumas. Le Caucase. Nouvelles impressions de voyage. Bruxelles, 1859, II, p. 200.

²⁶⁵"Новое слово", СПб., 1894, № 2, стр. 47.

²⁶⁶А. Меринский. Воспоминание о Лермонтове, "Атеней". М., 1858, ч. 6, стр. 304.

²⁶⁷Во все время пребывания на Кавказе в 1840 г. Лермонтов думает об этом своем намерении. 28 июня 1840 г., вскоре по приезде на Кавказ, Лермонтов пишет бабушке: "То, что вы мне пишете о словах Г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует, а чего мне здесь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам" (V, 405).

Приезд Лермонтова в Петербург в начале 1841 г. был результатом хлопот об отставке. Отставки не дали, дали отпуск (см. V, стр. 407, а также П. А. Висковатый. М.Ю. Лермонтов, 1891, стр. 373). Будучи в 1841 г. в Петербурге, Лермонтов принимает все меры для получения отставки, но успеха не добивается.

Готовясь в 1841 г. к отъезду на Кавказ, Лермонтов в письме Д. С. Бибикува, из Петербурга, пишет: "Отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку" (V, 408).

В мае 1841 г. Лермонтов пишет бабушке из Ставрополя: "Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощение, и я могу выйти в отставку" (V, 409).

²⁶⁸Любопытно сравнить то, что Лермонтов пишет в 1841 г. в очерке "Кавказец": "...Ему (офицеру-кавказцу. — А.-К.) хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет на пенсион; это выражение там освящено обычаем. Благотворительная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит..." (V, 324).

²⁶⁹См., например, статьи Э. Герштейн: "Подлая расправа" ("Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР", № 238, от 14 октября 1939 г.). "Отклики современников на смерть Лермонтова (по неопубликованным материалам архивов Ела-

гиных, Булгаковых, Каткова и Самариных)", в сб. "М. Ю. Лермонтов". М., 1939, стр. 64 — 69; "К вопросу о дуэли Лермонтова", в сб.: "Тод двадцать второй" (Альманах шестнадцатый). М., 1939, стр. 493—508.

²⁷⁰ЦГВИА, ф. 62, архив П. Х. Граббе, д. 76, л. 42; ср. Щеголев, в. 2, стр. 130.

²⁷¹Текст донесения Траскина Граббе см. в сб. "М. Ю. Лермонтов", 1939, стр. 31.

²⁷²М. Ю. Лермонтов. Избр. произведения, М., 1949, стр. 20.

²⁷³М. Ю. Лермонтов. Собр. сочинений и шести томах, т. I. Стихотворения. М., 1950, стр. 30.

²⁷⁴ЦГВИА, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. 3, лл. 2—3. См. также: Н. М. Затворницкий. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 по 1902 г. включительно, отд. V, СПб., 1909, стр. 906.

²⁷⁵"...831 года... июня 24 назначен членом Комиссии, учрежденной по Высочайшему повелению для изыскания причин и виновников беспокойств, возникших 22 того же месяца на Сенной торговой площади..." ЦГВИА, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. 3, лл. 5—6.

²⁷⁶"...833 года февраля 3-го по Высочайшему повелению назначен членом учрежденной под председательством генерал-адъютанта графа Орлова Секретной следственной комиссии, в которой и находился до закрытия оной". — Там же, л. 7.

²⁷⁷И. Филиппсон. Воспоминания. — "Русский архив". М., 1883, кн. 3, стр. 258.

²⁷⁸"Русский архив", 1888, 6, стр. 122.

²⁷⁹И. Филиппсон. Указ. соч., стр. 258. Служивший под начальством Траскина М. Я. Ольшевский так характеризует Траскина в своих "Записках": "Горько мне было, что мои мечты и фантазии, с которыми я ехал на Кавказ, на первом шагу не осуществились, и что, вместо боевой жизни, пришлось по-прежнему сидеть над бумагами. Но, может быть, грусть моя и не была бы столь велика, если бы ближайшие мои начальники, с которыми мне приходилось делить мои служебные занятия, были другие, более доступные и с теплой душой, лица.

Старший из них, не оставивший по себе хорошей памяти, впоследствии и по гражданской администрации, был надменен, горд, ленив, нетерпелив. Кроме природной гордости, флигель-адъютант Александр Семенович Траскин кичился родством, хотя отдаленным, с одним из владык мира сего. Ленивость его происходила от непомерной толстоты, которая в особенности для него была тяжела во время лета, когда нетерпеливость его в докладах доходила до отвращения. Любя вообще хорошо пожить, а в особенности поест (но только не со своими подчиненными), на что собственные средства были недостаточны, несмотря на это, он умел проживать более, нежели получал". (М. Я. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 год. — "Русская старина", 1893, июнь, стр. 577).

²⁸⁰Архив Раевских, т. II, СПб., 1909, стр. 398.

²⁸¹См. "Русский архив", 1888, 6, стр. 101.

²⁸²ЦГВИА, ф. 62, д. 76, л. 42. О том, в какой мере Чернышев считался с мнением Траскина, свидетельствует следующий факт. Головин в письме к Граббе от 3 октября 1840 г. (из Тифлиса), входя в подробности возникших между ним и Граббе недоразумений, пишет, что "предписание, полученное мною... от военного министра и где я подвергался упрекам незаслуженным, почти слово в слово повторяет те же самые фразы, которые помещены в письмах Траскина к ген. Коцебу (начальник штаба Головина. — А.-К.). В них не только искажен смысл бумаг моих, но и самые события представляются в превратном виде, мне в пререкание" (д. 24, л. 136).

²⁸³Отдел рукописей Всесоюзной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Архив Барятинского, III, папка 26/35. Подлинник по-французски.

²⁸⁴Отдел рукописей Всесоюзной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Архив Барятинского, III, папка 26/35. Подлинник по-французски.

²⁸⁵Там же, папка 19/18. Подлинник по-французски.

²⁸⁶Там же. Подлинник по-французски.

²⁸⁷Там же. Подлинник по-французски.

²⁸⁸В "Прибавлении" к 44-му номеру "Санктпетербургских ведомостей" за 1840 г. (23 февраля) имя Траскина упомянуто среди имен лиц, выехавших из Петербурга 20 и 21 февраля.

²⁸⁹В.С. Нецаева. Суд над убийцами Лермонтова ("Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса" и показания Н. С. Мартынова). "М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы". М., 1939, стр. 32.

²⁹⁰Там же.

²⁹¹П.А. Висковатый. Указ. соч., стр. 418.

²⁹²Там же, стр. 435.

²⁹³Там же.

²⁹⁴Три месяца ареста на гауптвахте и церковное покаяние. В представленном в Петербург "мнении" Головин, уже знавший о благосклонном отношении к Мартынову в Петербурге, все же предлагал лишить Мартынова чина, ордена и определить в рядовые до отличной выслуги (Сб. "М.Ю. Лермонтов", 1939, стр. 45 и 49).

²⁹⁵Ср.: "Лермонтов". Временник Государственного музея "Домик Лермонтова", Пятигорск, 1947, стр. 7, 12, 19, 20.

²⁹⁶Расследование по делу о дуэли закончено, и так как Мартынов в отставке, дело перешло в Окружной суд, и мне дадут только выписку из следствия, касающуюся Глебова, которую надо будет послать великому князю Михаилу, потому что он (Глебов. — А.-К.) гвардеец. Впрочем, я думаю, что прежде, чем дело примет юридический ход, из Петербурга придется распоряжение, которое решит участь этих господ" (ЦГВИА, ф. 62, д. 25, л. 71/об.).

²⁹⁷ Архив П. Х. Граббе передан в государственное архивохранилище 9 марта 1919 г., на что есть указание в инвентарной описи: "Архивный фонд Павла Христофоровича Граббе, доставленный 9/III 1919 г. комиссией по охране памятников искусства и старины (ныне отд. Главнауки по делам музеев)", (ЦГВИА, ф. № 62, инвентарная опись, л. 1).

²⁹⁸ П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. М., 1891, стр. 418–419.

²⁹⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. VI, Пг., 1917, стр. 252.

³⁰⁰ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в двадцати восьми томах, том четырнадцатый. М.—Л., 1967, стр. 81.

³⁰¹ П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество М., 1891, стр. 315; см. также стр. 316–325.

³⁰² См. статью Эммы Герштейн "Дуэль Лермонтова с Барантом". — "Литературное наследство", т. 45–46. М., 1948, стр. 410; М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. VI. М.—Л., 1957, стр. 835; М. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.—Л., 1964, стр. 111. Это утверждение воспроизводится и в ряде других изданий.

³⁰³ Эмма Герштейн. Судьба Лермонтова. М., 1964, стр. 79 (глава "Лермонтов и двор").

³⁰⁴ "Судьба Лермонтова", стр. 77.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же, стр. 80.

³⁰⁷ Там же, стр. 82, ср. стр. 182.

³⁰⁸ Эта запись (не в полном виде) была опубликована Михаилом Яшиным в 1969 году ("Нева", 1969, № 4, стр. 180).

³⁰⁹ Висковатый, стр. 316.

³¹⁰ "На сон грядущий". — Отрывки из повседневной жизни. Соч. графа В. А. Соллогуба. СПб., 1841, стр. 251.

³¹¹ Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба. — "Русский архив", 1865, № 6, столб. 768. Есть отдельное издание: Воспоминания графа В. А. Соллогуба. Гоголь, Пушкин и Лермонтов. Новые сведения о предсмертном поединке Пушкина. М., 1866, стр. 71.

³¹² Висковатый, стр. 326.

³¹³ См.: Р. Заборова. Неизвестное стихотворение Лермонтова и В. А. Соллогуба. — "Литературное наследство", т. 58. М., 1952, стр. 370. Р. Б. Заборова. Материалы о М. Ю. Лермонтове в фонде В. Ф. Одоевского. — "Труды государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина", т. V (8), Л., 1958, стр. 195.

³¹⁴ Висковатый, стр. 316.

³¹⁵ См.: П. К. Губер. Граф В. А. Соллогуб и его мемуары. — Вступительная статья к изданию: В. А. Соллогуб. Воспоминания. Редакция, предисловие и примечания С. П. Шестерикова. М.—Л., 1931, стр. 38–39.

³¹⁶ Ближайшим образом знавшая Марию Николаевну А. Ф. Тютчева (дочь поэта) много раз упоминает о ней в своих воспоминаниях и дневнике и дает ей характеристику, во многом отрицательную. Среди прочего Тютчева пишет: "В общественной среде петербургского высшего света, где господствуют и законодательствуют исключительно тщеславие, легкомыслие и стремление к удовольствиям, деморализация не трудное дело. В этом мире, столь наивно развращенном, что его нельзя даже назвать порочным, среди жизни на поверхности, жизни для внешности, нравственное чувство притупляется, понятия добра и зла стираются, и вы встречаетесь в этих сферах со своеобразным явлением людей, которые при всех внешних признаках самой утонченной цивилизации, в отношении кодекса морали имеют самые примитивные представления дикарей. К числу таковых принадлежала и великая княгиня. Не без неприятного изумления можно было открыть в ней, наряду с блестящим умом и чрезвычайно художественными вкусами, глупый и вульгарный цинизм". (А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. Часть первая. М., 1928, стр. 84).

³¹⁷ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 270.

³¹⁸ Любопытен следующий факт. Появление в 1865–1866 годах воспоминаний В. А. Соллогуба вызвало выпады против него в сатирической журналистике. В напечатанных в "Будильнике" пародийных "Литературных воспоминаниях Г. Маслогуба" (1865, № 72, 74, 75) говорится о несостоявшейся дуэли между Маслогубом и Лермонтовым (№ 72).

³¹⁹ "Литературная газета", 1840, 16 марта, № 22.

³²⁰ См.: С. А. Андреев-Кривич. Глава "Два распоряжения Николая I".

³²¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 11-й. Письма 1829–1840. М., 1956, стр. 510.

³²² В. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.—Л., 1964, стр. 129.

³²³ Стихотворение датируется ориентировочно весной 1840 года (В. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.—Л., 1964, стр. 129), апрелем 1840 года (М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. II. М.—Л., 1954, стр. 348). Однако правильное датировать это стихотворение мартом 1840 года, что и делает Б. М. Эйхенбаум (М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений в пяти томах. Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума. Academia, т. II. М.—Л., 1936, стр. 214). Э. Г. Герштейн утверждает, что стихотворение датируется "примитивно", "по содержанию", что аллегория "не следует толковать слишком прямолинейно, по наивной аналогии с внешними обстоятельствами". ("Судьба Лермонтова", стр. 342). Она считает, что весной 1840 года Лермонтов был далек от трагических мыслей, от предвидения гибели, что нашло выражение в этом трагическом сти-

хотворении. Указанное соображение — единственное, которое и дает возможность отказаться автору работы "Судьба Лермонтова" от примитивной и наивной датировки. Она решает отгнать создание "Пленного рыцаря" к весне 1841 года. Каким-то образом Э. Г. Герштейн отвлекается, например, просто от вопроса о датировке "Благодарности" — точно весна 1840 года, конец апреля — начало мая. Стихотворение трагическое, в нем говорится о гибели. Вспомним еще: арест, заключение, ожидание суда, затем приговор, хорошо понятая Лермонтовым, хитрая игра Николая I. Кроме всего, имеет определенное все же значение и то, что в стихотворении говорится о том, что он, Лермонтов, находится в заключении. Под арестом Лермонтов находился именно в 1840 году, а не в 1841. Таким образом, для передатировки пока еще нет оснований. Одна деталь подкрепляет датировку мартом 1840 года. Лермонтов пишет, что из окошка темницы он видит, как "в небе играют все вольные птицы". 17 марта он был переведен из ордонанс-гауза в Арсенальную гауптвахту. Гауптвахта находилась неподалеку от Невы, над которой и летают обычно чайки, которых Лермонтов и имеет в виду. Ордонанс-гауз находится далеко от Невы, или, например, даже от Фонтанки или канала Грибоедова (бывш. Екатерининский). Если чайки и пролетают все же над Садовой (где находится здание, в котором располагался ордонанс-гауз), то "играть", причем беспрестанно, они все же здесь не могут.

³²⁴ Висковатый, стр. 326.

³²⁵ Щукинский сборник, вып. десятый. М., 1912, стр. 199. Письмо В. А. Соллогуба П. В. Шумахеру от 6 марта 1874 года.

³²⁶ Висковатый, стр. 338; Р. Заборова. Неизвестное стихотворение Лермонтова и В. А. Соллогуба. — "Литературное наследство", т. 58. М., 1952, стр. 370. Ср. "М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников". М., 1964, стр. 495.

³²⁷ Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба, столб. 753.

³²⁸ См.: Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Второе, исправленное и дополненное издание. СПб., 1910, стр. 373/374; Михаил Яшин. Хроника преддверных дней. — "Звезда", 1963, № 8, стр. 159, 161.

³²⁹ См.: П. К. Губер. Указ. соч., стр. 25. Нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство. П. И. Бартенев в записанных им от П. А. Вяземского и В. Ф. Вяземской рассказах о Пушкине сообщает: "Старик барон Геккерин был известен распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части; в числе их находились князь Петр Долгоруков и граф Л. С. ("Русский архив"; 1888, книга вторая, стр. 312). Петр Долгоруков писал пасквиль, который был послан Пушкину. "Л. С." — Лев Александрович Соллогуб, родной брат В. А. Соллогуба (см.: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Издание третье, просмотренное и дополненное. М.—Л., 1928; стр. 475; "Пушкин в письмах Карамзиных 1836 — 1837 годов". М.—Л., 1960, стр. 364). Очень характерны слова Пушкина в письме к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 года, в котором говорится об анонимных письмах: "Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали" ("Пушкин. Письма последних лет. 1834 — 1837". Ответственный редактор Н. В. Измайлов. Л., 1969, стр. 166).

³³⁰ В. А. Соллогуб. Воспоминания (изд. 1931 года), стр. 370.

³³¹ Висковатый, стр. 418–419.

³³² Николай I был очень осторожен в подобного рода "деликатных" делах. Сообщая, например, сестре Анне Павловне в Гаагу о дуэли Пушкина, он пишет (по-французски): "Скажи, прошу тебя, Вильгельму (принцу Оранскому, наследнику нидерландского престола. — А.-К.), что я его обнимаю и на этих днях ему пишу, мне надо многое сообщить ему о некоем трагическом событии, которое положило конец карьере слишком знаменитого Пушкина, поэта, но **это не терпит любопытства почты**" (подч. мною. — А.-К.). Приводится в издании: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы ("Пушкин и его современники", вып. XXV—XXVII. П., 1916, стр. 170). Здесь приводится французский подлинник, с которого нами и дается перевод. Это важнейшее высказывание Николая I обычно приводится в не совсем правильном переводе; см. по этому вопросу: Е. В. Муза, Д. В. Сеземан. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина. — "Временник Пушкинской комиссии (1962)". Л., 1963, стр. 33–39.

³³³ То, что Николай I произнес эту фразу, явствует из материалов, которые мы приводим выше в разделе "Два распоряжения Николая I".

³³⁴ В. Мануйлов. Лермонтов и Краевский. — "Литературное наследство", т. 45–46. М., 1948, стр. 376.

³³⁵ Р. Б. Заборова. — Материалы о Лермонтове, стр. 195.

³³⁶ Там же, стр. 196.

³³⁷ Очень любопытно, что "Большой свет" немедленно же после его опубликования был прочитан во дворце — вслух, в присутствии ряда лиц, среди них был сам Николай I и императрица. Номер "Отечественных записок" был разослан подписчикам 19 марта, именно в тот же день состоялось чтение, которое было продолжено на следующий день (см. обо всем этом в книге Э. Г. Герштейн, стр. 215).

³³⁸ "Судьба Лермонтова", стр. 223–246.

³³⁹ Там же, стр. 230.

³⁴⁰ А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. — "М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников". М., 1964, стр. 46.

³⁴¹ И. А. Гладыш, Т. Г. Динесман. Архив А. М. Верещагиной. — "Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина", вып. 26, М., 1963, стр. 42–43.

³⁴²И.А. Гладыш, Т.Г. Динесман. Указ. раб., стр. 42; В. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.—Л., 1964, стр. 93.

³⁴³См. В. Мануйлов. Лермонтов и Краевский, стр. 368; М.Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. VI. М.—Л., 1957, стр. 656—657; В.А. Мануйлов. Роман М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени". Комментарий. М.—Л., 1966, стр. 18.

³⁴⁴Тут следует сказать, что можно определенно датировать "Фаталиста". В этой повести имеется рассуждение, которое является первоначальным наброском мыслей, нашедших развернутое выражение в "Думе". Вот это рассуждение: "А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность, и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою". "Дума" написана в 1838 году, напечатана она в первом, то есть январском, номере "Отечественных записок" за 1839 год. Напечатанная в третьем номере, мартовском, того же журнала "Бэла", естественно, может быть отнесена к 1838 или же самому началу 1839 года.

³⁴⁵Кроме всего, Соллогуб мог знакомиться с произведениями Лермонтова у Карамзиных. Соллогуб, давний знакомый Карамзиных, часто бывал в их салоне. Лермонтов познакомился с Карамзиными в конце августа 1838 года (см.: Ф.Ф. Майский. М.Ю. Лермонтов и Карамзин. — Михаил Юрьевич Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь. 1960, стр. 128). Раньше считалось, что это знакомство состоялось лишь в 1839 году (см. "Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов". М.—Л., 1960, стр. 26). Лермонтов в разное время читал свои произведения у Карамзиных. Известно, например, что 29 октября 1838 года он читал у них "Демона" (Майский, 150), 12 сентября 1839 года им была прочитана здесь в присутствии А.И. Тургенева "Повесть" (см. "Литературное наследство", т. 45—46. М., 1948, стр. 399); В.А. Мануйлов пишет, что это — отрывок из "Героя нашего времени" (В. Мануйлов. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.—Л., 1964, стр. 107).

³⁴⁶В.А. Мануйлов. Роман М. Ю. Лермонтова, стр. 169—173.

³⁴⁷А.Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., 1956, стр. 91.

³⁴⁸И.И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 273.

³⁴⁹И.И. Панаев, стр. 273—274.

³⁵⁰Висковатый, стр. 325—326.

³⁵¹"Судьба Лермонтова", стр. 83.

³⁵²Р. Б. Заборова. Материалы о М. Ю. Лермонтове, стр. 195.

³⁵³"Судьба Лермонтова", стр. 121.

³⁵⁴Там же, стр. 106.

³⁵⁵Там же, стр. 123.

³⁵⁶"Судьба Лермонтова", стр. 123—128.

³⁵⁷П.А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, стр. 274.

³⁵⁸"Судьба Лермонтова", стр. 102.

³⁵⁹На несостоятельность позиции Э.Г. Герштейн в данном вопросе указывали рецензенты ее книги (См.: Б. Нейман. Судьба поэта. — "Вопросы литературы". 1965, № 3, стр. 207; Б.В. Нейман. Юбилейная "лермонтовина". — "Литература в школе", 1965, № 3, май — июнь, стр. 77; В. Жданов. Гипотезы и находки. — "Новый мир", 1965, № 5, стр. 258). Известное сомнение в правильности ее утверждений, касающихся указанного вопроса, выразил также И.Л. Андроников (Иракий Андроников. Незапланированное исследование. — "Неделя", 1965, № 32, 1—7 августа, стр. 6). Критикует утверждение Э. Г. Герштейн также Михаил Яшин (см. его работу "История гибели Пушкина". — "Нева", 1969, № 4, стр. 180). Однако ни рецензенты, ни автор работы о Пушкине, естественно, не могли привести развернутой аргументации. Вследствие этого версия об отношениях между Лермонтовым и императрицей Александрой Федоровной продолжала пользоваться вниманием, причем даже в кругах специалистов (см., например, "Литературные памятные места Ленинграда", издание второе, дополненное. Л., 1968, стр. 221). Поэтому и возникает необходимость в ее объективном опровержении.

³⁶⁰В. Мануйлов. Летопись..., стр. 113.

³⁶¹То есть 2 января; в прошлом столетии разница между новым и старым стилем равнялась двенадцати дням.

³⁶²G. Morgulis. Un Chantre russe de l'empereur; Michel Lermontoff (1814—1841). — Revue des etudes napoleoniennes, Versaille, 1940, p. 37, tome XLVI, janvier — juin, p. 31.

³⁶³"Судьба Лермонтова", стр. 32.

³⁶⁴Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 516, оп. 1, д. № 164, л. 7.

³⁶⁵Висковатый, стр. 315.

³⁶⁶Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. XI. Тифлис, 1888, стр. X.

³⁶⁷См. "Русский архив", 1902, № 7, стр. 436.

³⁶⁸Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840. Часть первая, стр. 3—4.

³⁶⁹Там же, стр. 40.

³⁷⁰Там же, стр. 43. О близости Виельгорских ко двору см. также у Герштейн, стр. 217—218.

³⁷¹Le tzar Nicolas et la sainte Russie. Par M. Ach. Gallet de Kulture ex-secretaire du prince Demidoff. Paris, 1855, p. 201—203. От слов "Царь-самодержец" до слов "ответила отказом" приводится с некоторыми сокращениями и текстовыми отличиями в книге П.Е. Щеголева "Дуэль и смерть Пушкина". Издание третье, просмотренное и дополненное. М.—Л., 1928, стр. 439.

³⁷²Статья А. Соколовой, напечатанная в журнале "Исторический вестник", 1910, № 1 (стр. 105). "Похождения" Николая I названы здесь "васильковыми дурачествами" (стр. 110). Это наименование воспроизведено и в названии статьи: "Император Николай I и васильковые дурачества". Поскольку это название вошло в обиход, необходимо указать на ошибку. "Похождения" царя были охарактеризованы: bluettes. Следует сказать, что никакого отношения к слову bluet, или bleu-et ("василек") это слово (bluette) не имеет. Одно из его значений: "небольшое произведение, произведение без притязаний, шутка, баловство".

³⁷³П. Щеголев. Любовь в равелине. — "Былое", 1920, № 15, стр. 149.

³⁷⁴А. Соколова. Цит. соч., стр. 109.

³⁷⁵П.Е. Щеголев. Цит. соч., стр. 439—440.

³⁷⁶См. изданную им книгу: "Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартевевым". М.—Л., 1925, стр. 117, 119.

³⁷⁷См.: А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., 1956, стр. 35, 37, 39—40.

³⁷⁸Т. Родина. Варвара Николаевна Асенкова. 1817—1841. М., 1952, стр. 31; А. Брянский. Варвара Николаевна Асенкова, 1817—1841. Л., 1947, стр. 37; Б. Казанский. Предисловие к "Запискам" П. А. Каратыгина, т. I. Л., 1929, стр. VIII.

³⁷⁹П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 438—492; Михаил Яшин. Хроника преддвульдных дней ("Звезда", 1963, № 9, стр. 166—168; 176); Михаил Яшин. История гибели Пушкина. ("Нева", 1968, № 2, стр. 188).

³⁸⁰Висковатый, стр. 324. Ср.: Евгений Бобров. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. — "Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук", т. XIV, кн. I. СПб., 1910, стр. 90. Были сделаны попытки установить фамилию женщины, которой Лермонтов и Столыпин помогли избежать "назойливости" Николая I. Э. Г. Герштейн называет Амалию Крюденер ("Судьба Лермонтова", стр. 89), И.Л. Андроников — Ольгу Фредерике или же Веру Столыпину (Иракий Андроников. Еще об одной тайне Лермонтова. — "Неделя", 1963, № 26, 20—26 июня).

³⁸¹Мануйлов. Летопись..., стр. 125.

³⁸²Висковатый, стр. 316.

³⁸³См.: С. Танеев. Маскарады в столицах. (Материалы для истории). — "Русский архив", 1885, № 9, стр. 152. О том, что Николай I любил посещать маскарады в Большом театре, сообщает в своих воспоминаниях его дочь Ольга. Она пишет: "Папа принимал балы как неприятную необходимость, но их не любил. Больше всего ему нравились маскарады в театре, которые были подражанием балов в парижской "Опера" и с некоторых пор введены и у нас. Как Гарун-аль-Рашид, он мог там появляться и говорить с кем угодно". ("Сон юности". Записки дочери императора Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской, Париж, 1963, стр. 94).

³⁸⁴Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 35, М., 1950, стр. 67—68.

³⁸⁵"Сон юности", стр. 95.

³⁸⁶Н.А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах., т. I. М.—Л., 1961, стр. 148.

³⁸⁷Журнал камер-фурьерской должности по половине государя императора Николая Павловича. 1840 год, январь. Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 516, оп. 1, д. 164, л. 7.

³⁸⁸Очевидно, именно на этом бале-маскараде Тургенев и встретил Лермонтова. Э.Г. Герштейн уже высказала мысль, что Тургенев видел Лермонтова не в Дворянском собрании, а где-то в другом месте и в другое время ("Судьба Лермонтова", стр. 78). Теперь можно назвать место и время. Кстати, на бале-маскараде в Большом театре присутствовал, как видим, и наследник престола. Вот почему он не мог быть на балу во французском посольстве, который, как утверждает Герштейн, состоялся 1 января 1840 года.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Андреев-Кривич С.А. М.Ю. Лермонтов
и Кабардино-Балкария. — Нальчик, 1979.

Магомет Ахияевич Хубиев

1929—1987

М.А. Хубиев был человеком многогранных способностей. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Карачаево-Черкесского государственного университета (раньше — КЧГПИ), был известен как поэт, прозаик, публицист. Он издал несколько поэтических и прозаических книг.

Интересны его литературоведческие работы, посвященные русско-украинско-кавказским литературным связям: "Лев Толстой и Карачай", "Лермонтов и Карачаево-Черкесия", "Карачаево-Черкесская литература и Т. Г. Шевченко", "Коста Хетагуров". Опубликовано более 150 научных трудов в Москве, Киеве, Туле, Баку. Он известен и как переводчик. Им переведены с кабардино-черкесского языка на карачаево-балкарский рассказы А. Шогенцукова, Х. Дзасежева, а также произведения украинских авторов.

За свою недолгую, но яркую жизнь М.А. Хубиев издал несколько книг прозы и поэзии: "Алан из Карачая" (М., 1968); "Карачаево-балкарские народные песни" (Ставрополь, 1968); "Алан" (Черкесск, 1974); "Рассказы Алана" (М., 1977); "Восхождение" (Черкесск, 1987); "Свет негасимой звезды" (Черкесск 1989). "Рассказы Алана" переведены на английский, русский, абазинский, ногайский, черкесский, татарский и другие языки.

Работы М.А. Хубиева использовались в процессе создания "Лермонтовской энциклопедии". Он один из тех ученых, писателей, публицистов, кто внес большой вклад в развитие науки и культуры Карачаево-Черкесии.

Имя М.А. Хубиева известно за пределами Карачаево-Черкесии. Талантливый педагог, ученый, об этом убедительно свидетельствуют его труды, которые по тематике, содержанию и глубине анализа заслужили высокую оценку известных ученых. Член Союза писателей и Союза журналистов СССР, известный фольклорист, неутомимый собиратель карачаево-балкарских народных песен (в его архиве — 1200 неопубликованных песен, около 800 пословиц и поговорок), составитель программ, учебников для средней школы и методических пособий по карачаево-балкарской литературе, переводчик.

Краткая библиография

Хубиев М.А. Жители Лермонтовского аула // Путь к коммунизму. — Нальчик, 1963. — 4 апреля.

Хубиев М.А. Новая книга о Лермонтове // Знамя Ленина. — Черкесск, 1964. — 12 октября.

Хубиев М.А. Из истории аула Джамагат, воспетого М.Ю. Лермонтовым в поэме "Хаджи-Абрек" // М.Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения VI всесоюзной лермонтовской конференции. — Ставрополь, 1965.

Хубиев М.А. Лермонтов писал о Джамагате // Произведения карачаевских писателей. — Черкесск, 1965.

Хубиев М.А. Лермонтов с нами // Знамя Ленина. — Черкесск, 1967. — 17 октября.

Хубиев М.А. Образ Лермонтова в карачаево-балкарской поэзии // Путь к коммунизму. — Нальчик, 1978. — 12 октября.

Хубиев М.А. Лермонтов в карачаево-балкарской поэзии // Беспокойные сердца. — Черкесск, 1979.

Хубиев М.А. Где жил Хаджи-Абрек? (По поэме М.Ю. Лермонтова) // Литературная Россия. — Москва, 1980. — 28 марта.

Хубиев М.А. Был ли Лермонтов в Карачаево-Черкесии? // Знамя Ленина. — Черкесск, 1985. — 7 сентября.

Ф.М. Хубиева

1965

Из истории аула Джамагат, воспетого М.Ю.Лермонтовым в поэме "Хаджи Абрек"

В начале девятнадцатого столетия от эпидемии чумы исчез некогда знаменитый аул Тебердинской долины Джамагат. Но и по сей день в народных преданиях и в литературе много говорится о горькой участи джамагатинцев. Карачаевцы с любовью исполняют народную песню-плач "Вторая чума" ("Песня Урусбиевых"). Сохранилась до наших дней и любимая танцевальная мелодия Урусбиевых, ведущей фамилии в Джамагате.

Аул Джамагат воспет великим русским поэтом М.Ю. Лермонтовым в поэме "Хаджи Абрек".

Лермонтовед профессор Л.П. Семенов пишет: "Наиболее вероятным остается, по нашему мнению, предположение о том, что сюжет "Хаджи Абрека" приурочен к карачаевскому аулу Джамагату".¹ Отмечая, что герой поэмы назван черкесом, Л.П. Семенов здесь же поясняет, что "в те годы черкесами называли нередко различных горцев, живших в центральной или западной части Северного Кавказа".² Само слово "черкес" в поэме употреблено только один раз: "Едет шагом черкес на борзom скакуне". Следует сказать, что карачаевцев называли черкесами не только в художественной, но и в исторической литературе. К примеру, итальянский миссионер А. Ламберти считает необходимым заметить, что "как и некоторые другие авторы XVII—XVIII веков, карачаевцев он называет черными черкесами и карачеркесами".³ Карачеркесами назвал карачаевцев и французский путешественник XVII века Жан Шарден.⁴ Кандидат исторических наук Х.О. Лайпанов в работе "К истории карачаевцев и балкарцев" (Черкесск, 1957) тоже пишет о том, что были времена, когда карачаевцев называли карачеркесами. Не удивительно, что и в поэме "Хаджи Абрек" джамагатинец назван черкесом.

Лермонтовед профессор А.В. Попов утверждает, что "аул Джамат (Джамагат), воспетый Лермонтовым в звучных чеканных стихах, находился в Теберде у крутого ущелья быстрой горной реки Джамагат".⁵ Однако некоторые историки-лермонтоведы, краеведы по вопросу местонахождения аула Джамагат придерживаются другого мнения. Краевед В.М. Сысоев, например,

склонен считать, что если Лермонтов в поэме "Хаджи Абрек" что-нибудь и заимствовал, то только одно название аула: описание же его не подходит к карачаевскому месту.⁶ Захватив с собой томик лермонтовских произведений, — говорит писатель Иван Аتماкин, — я много раз перечитывал дорогой "Хаджи Абрек", стараясь в описании природы, в действиях героев найти какой-нибудь намек на Карачай. Но, кроме одноименного названия аула, ничто об этом в поэме не говорило".⁷ Другие исследователи (например, И.Е. Мысовский), отрицая распространенное мнение о том, что аул, воспетый в "Хаджи Абреке", находится близ Теберды, полагают, что поэма описывает жизнь лезгин.

Проверим же достоверность двух основных мнений, сопоставим реальные приметы карачаевского Джамагата с аулом, воспетым в поэме Лермонтова. "Велик, богат аул Джамат". Так поэт определяет исторические черты когда-то существовавшего в горах населенного пункта. Известно, что аул Джамагат в те времена действительно был велик и богат. С пастбищами он занимал всю территорию от северной границы нынешнего аула Верхняя Теберда до Клухорского перевала и от Мухинского перевала до Эбчыкского перевала. Вот поэтому-то и сказал старик карачаевец писателю Ивану Аتماкину: "Джамагат вырос в большой богатый аул" (стр. 89). Карачаевский аул Джамагат был расположен под скалой; на этой скале сейчас находится мраморный карьер.

В поэме сказано: "Ущелья в сон погружены". Это описание соответствует местонахождению карачаевского аула Джамагат, который был расположен между ущельями.

У Лермонтова: "И под горой, где ветер веет, // От скал горячих пар струится". Таким образом, лермонтовский аул расположен под горой, на поляне, где в теплый день от ледника "Аманауз" "веет ветерок и из утеса бьет поток". Этот поток находится вблизи карачаевского Джамагата. Лермонтовский лезгин говорит: "Увы, я стар! Мои седины белее снега той вершины". Есть и такие строки в поэме: "Взошла заря. Из-за туманов, //

На небосклоне голубом, // Главы гранитных великанов // Встают увенчанные льдом". То есть из аула, описанного Лермонтовым, виднелись даже летом снеговые вершины и ледники Главного Кавказского хребта. Видны и ледники Главного Кавказского хребта, например, ледник "Аманауз", и с того места, где когда-то был расположен карачаевский аул Джамагат. Хаджи Абрек, выехавший для поиска дочери старика дагестанца, доехал до примечательного места: "Есть поворот — и путь, прорыты // Арбы скрипучим колесом, // Там, где красивые граниты // Рубчатым сходятся венцом". Эти строки позволяют сказать, что Хаджи Абрек от Джемата ехал не в сторону Главного Кавказского хребта, где виднелись ледники, а в противоположную. В те времена от карачаевского Джамагата в направлении Главного Кавказского хребта не было никакого аула. Между тем в 45 километрах в сторону города Карачаевска имеются "красивые граниты", скалы-великаны, а под ними "есть поворот" и был "путь, прорытый, арбы скрипучим колесом". С одной стороны дороги — река Теберда, с другой — скала. Сейчас этот путь расширили, но и по сей день сохранилось название этого места — "Чюйлюк тийген тар", то есть теснина, где терлось колесо арбы о камень. При выезде виднеется место Мара-Аягы, где и в те времена были поселения.

Теперь попробуем возразить тем, кто говорит, что поскольку в Карачае лезгины не жили, то в поэме Лермонтова описывается Дагестан, где издревле находятся угодья этого народа. В поэме "Хаджи Абрек" описывается, как из Дагестана, после скитаний по разным местам, старик лезгин приходит в аул Джемат и рассказывает о том, что у него было три дочери и три сына. Две старшие дочери увяли в плену, в неравном бою пали сыновья. Он шел с младшей дочерью, но по дороге князь Бей-Булат похитил его последнюю радость. Старик дагестанец просит джемагатинцев помочь ему в его беде.

Вот как, например, описан приход старика в Джемат: "Покрывает одеждой чужими, сидит на камне между ними лезгинец дряхлый и седой". По его рассказу, он давно вышел из Дагестана: "Влачусь я по горам с тех пор". Джематинец Хаджи Абрек говорит Лейле. "Еще вопрос: ты не грустила о дальней родине своей, о светлом небе Дагестана?" Отсюда родина старика лезгина и лезгинки Лейлы — далекий Дагестан. В аул Джемат, как об этом говорится в поэме, приходит только один лезгинец, старик, потерявший и дочерей и сыновей. К тому же в аул Джемат он попадает после скитаний по разным местам, аул Джемат не является тем населенным пунктом, где он хотел бы поселиться с дочерью после своего ухода из родного Дагестана.

Важно обратить внимание и на то, что поэма озаглавлена "Хаджи Абрек". Значит, основу повествования составляет в поэме доблесть и героика подвига джемагатинца Хаджи Абрека, сам же рассказ о старике призван мотивировать действия героя, оттенить благородство Хаджи Абрека.

Важно выяснить и такой вопрос: был ли действительно в карачаевском ауле Джамагат лезгинец из Дагестана? "Да, был", — говорят карачаевцы. Его знает весь Карачай. Имя этого дагестанца Абдулла. Он приехал один в пожилом возрасте. Достаточно спросить у любого старика карачаевца, кто такой шейх Абдулла (святой Абдулла), и вам сразу же ответят, что святой Абдулла в пожилом возрасте приехал в Джамагат из Дагестана один, жил здесь и умер. О нем пели даже в молитвах.

А зачем он приехал в Джамагат? Как известно, карачаевцы приняли мусульманство гораздо позже, чем дагестанцы, Абдулла хорошо знал ислам. По его же словам, он учился и в Бухаре. Потом долго ходил по аулам Северного Кавказа и, наконец, приехал в Джамагат. Здесь он учил исламу: у него были

ученики из Большого Карачая, Баксана, Чегема и Холама. Память о его жизни и деятельности народ хранит до сих пор. В ауле Красный Октябрь Зеленчукского района живет Кипкев Семен Джумалиевич. Его прадед Тогузак был учеником Абдуллы. Свой тебси (низенький, маленький столик для обеда) он подарил своему ученику из Чегема. По словам Крым-шамхалова Байрымука, жителя аула Верхняя Теберда, и других, этот тебси находился в Чегеме до 1944 года. Жители курорта Теберда Карачаевского района Абреков Шамиль и другие говорят, что Абдулла завещал своим трем карачаевским ученикам похоронить его сперва на общем кладбище, а потом, во избежание мести, перенести на другое место. По словам жителя аула Верхняя Теберда Аджиева Муссы Багамировича и многих других, недалеко от Джамагата жил Гадыр-бий. Когда его люди у джемагатинцев угнали двух быков, Абдулла послал к нему людей с предложением возратить быков, на что Гадыр-бий ответил: "Я не такой трус, чтобы бояться какого-то пришельца из Дагестана".

Есть и общие черты между дагестанцем, описываемым в поэме Лермонтова, и дагестанцем, жившем в Джамагате. С Абдуллой считались все. Его уважали, называли святым. Место, где он похоронен, и сейчас некоторые старики считают святым. Лермонтовский дагестанец, обращаясь к джемагатинцам, говорит не как беззащитный проситель, а как человек, осознавший свое право гордо говорить с людьми иных земель, иного рода.

Сюда, наездники Джемата!

Откройте удаль мне свою!

Кто знает князя Бей Булата?

Кто привезет мне дочь мою?

Важно выяснить и другое: какова история аула Джемат в поэме Лермонтова и что нам известно из истории карачаевского аула Джамагат?

Вот первые десять строчек поэмы:

**Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.**

Разберем по строчкам.

"Велик, богат аул Джемат". Как уже отмечалось вначале, карачаевский Джамагат был большой и богатый аул. В народной песне "Вторая чума" говорится, что джемагатинцы вымирают, оставляя на произвол судьбы отары овец и прекрасные табуны.

"Он никому не платит дани". В те времена в Тебердинской долине был один только аул, который не платил дани, потому что вышел из повиновения в Большом Карачае и Баксане.

"Его стена — ручной булат, // Его мечеть — на поле брани". Карачаевские джемагатинцы жили на перекрестке четырех дорог и трех перевалов: Клухорский, Мухинский и Эбчкский. Они могли защищать себя только оружием. И поэтому-то стеной служил ручной булат, а мечетью — поле брани.

"Его свободные сыны // В огнях войны закалены". Между жителями аула большого различия не было. Вот поэтому-то и сказал старик Шогай писателю Ивану Аткакину: "Джемагатинцы в одной рубашке спали, в одном кисете жили". Когда на аул нападали враги, они храбро защищали его всем народом. И тогда вся долина Муху становилась красной от крови.

**Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.**

Старик карачаевец говорил Ивану Аتماкину, что "в недрах гор жители Джамагата добывали свинец, железную и медную руду. Не раз на них нападали враги. Джамагатинцы не сдавались. Они строили укрепления, сами делали оружие, порох... В неравных боях герои Джамагата под руководством Алхаза и Эльмурзы не раз отстаивали свою свободу и независимость. Слава о них гремела по всему Кавказу".

Развалины гробниц братьев Алхаза и Эльмурзы сохранились и до наших дней. Х.О. Лайпанов тоже пишет о джамагатинцах, о которых "молва широко была распространена на западном Кавказе".

Таким образом, не остается никакого сомнения в том, что аул, воспетый в поэме М.Ю. Лермонтова "Хаджи Абрек", является карачаевским аулом. Можно думать с полным на то основанием, что великий русский поэт знал историю карачаевского аула и слышал песню "Вторая чума". Приводя текст этой песни, Л.П. Семенов пишет: "Эти фольклорные сведения представляют большой интерес, как отзвук тех мотивов, которые были известны и Лермонтову" (стр. 61).

Несколько слов о жителях аула того времени, когда в Джамагате была чума. В большом труде "Лермонтов на Кавказе" Л.П. Семенов, не изучавший сам историю аула, ссылается на высказывания Дьячкова-Тарасова.

В 1900 году в "Сборнике для описания местностей и племен Кавказа" (№ 28, стр. 66–68) была опубликована статья "В горах Большого и Малого Карачая". Преподаватель мужской гимназии писал в ней о своем путешествии в Карачай в 1898 году в компании двух учителей, студента и 26 учеников 5–7-х классов. О своем пребывании на месте расположения аула Джамагат он говорит: "Мы остановились на месте этого некогда знаменитого аула, населенного абреками из абхазского воинственного племени цебельдинцев, живущих по ту сторону гор... Лет 40–50 назад, говорит местное предание, аул посетил мор и унес большую часть жителей... Один из местных жителей, князь Урусбиев, потеряв от страшной болезни двух сыновей, знаменитых джигитов, бросил это место и поселился близ Эльбруса в теперешнем Урусбиевском обществе".

Достоверны ли сведения Дьячкова-Тарасова? Археолог А. Фиркович пишет, что в 1848 году он посетил древнейший Сентинский храм на среднем течении реки Теберды и с сожалением говорит о том, что не мог подняться вверх до истоков этой реки, до развалин аула Джамагат.⁸

А Дьячков-Тарасов, вопреки этому авторитетному свидетельству, говорит, что джамагатинцы якобы жили до 1850–60-х годов.

Хорошо известно, что первая эпидемия чумы была в Карачае в 1790–1800 годах, а вторая — в 1808–1814 годах. Память о них сохранилась в двух карачаевских исторических песнях: "Первая чума" и "Вторая чума", или "Песня Урусбиевых".

Что эпидемия чумы была действительно в те годы, имеются и другие данные. "В 1805 году встал вопрос о постройке крепости в самом узком месте Кубани, у Каменного моста. Для осмотра местности выезжали представители русского командования. Крепость в этот год так и не поставили, а в последующие, из-за начавшейся чумы, сношения с карачаевцами совершенно прекратили."⁹

Следует сказать, что в 1868 году, когда был основан аул Верхняя Теберда, новоселы ничего не обнаружили на месте аула Джамагат, кроме развалин. Само собой разумеется, что Дьячко-

ву-Тарасову время эпидемии чумы в Джамагате не было известно. Другое его утверждение: аул Джамагат заселен "абреками из абхазского воинственного племени цебельдинцев", живущих по ту сторону гор, свидетельствует об отсутствии у пишущего правильных знаний по истории народов Кавказа.

В ауле Джамагат жили карачаевцы и несколько семей из Баксана. Другой княжеской фамилии, кроме Урусбиевых, на Джамагате не было; Урусбиевы одни пользовались всеми княжескими льготами. Вот почему песня "Вторая чума", повествующая о горькой участи джамагатинцев, это собственно и есть "Песня Урусбиевых".

По поводу необоснованных высказываний Дьячкова-Тарасова Коста Хетагуров, хорошо знавший Теберду, написал фельетон, где Дьячков-Тарасов назван Тартареном из Екатеринодара. В конце своего фельетона Коста Хетагуров язвительно и вместе с тем вполне справедливо пишет: "Придавать таким прогулкам научное значение бессовестно. Стыдно мне за вас, господин Тартарен, стыдно!"¹⁰ Отсюда — цена тем ссылкам, которые используют еще некоторые лермонтоведы. К слову сказать, о подобных "научных сведениях" некоторых путешественников еще декабрист Бестужев-Марлинский в первое время своего пребывания на Кавказе писал: "Что писать вам о племенах Кавказа? О них так много вздором говорили путешественники и так мало знают их... что мне не хочется умножить шайку хвастунов".¹¹ Бестужев-Марлинский, как известно, потом стал настоящим знатоком Кавказа. Но вернемся еще раз к свидетельствам Л.П. Семенова. Он, например, пишет, что достал карачаевскую песню "Вторая чума" у одного из научных работников Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, которая была записана в 1936 году в ауле Нижняя Теберда. И далее: "По словам старика колхозника М.М. Блимготова (из Нижней Теберды), передавшего эту песню, жители аула Джамагат вымерли от сильной чумной эпидемии. От этой же болезни умерли известные джигиты, братья Эльмурза и Алхаз. Уцелевшие жители ушли на Баксан, где основали общество Урусбиевых; это было 130 лет назад" (стр. 60–61). Отсюда Л.П. Семенов для себя делает вывод, что аул Джамагат основали абреки из абхазского племени цебельдинцев, живших по ту сторону гор, уцелевшие же после чумы поселились на Баксане и основали Урусбиевское общество. (То, что в Джамагате ведущей фамилией были Урусбиевы, ни лермонтоведы, ни другие научные работники не отрицают.)

Странно, что Л.П. Семенов верит и Дьячкову-Тарасову, утверждавшему в 1900 году, что "лет 40–50 назад аул посетил мор", и старику, который сказал в 1936 году, что чума на Джамагате была 130 лет назад, не вдумываясь в то, что разница между исчислениями равна половине века!

* * *

Л.П. Семенов приводит текст карачаевской исторической песни об ауле Джамагат "Вторая чума". Как уже сказано выше, в Джамагате жили представители одной княжеской фамилии — Урусбиевы. Сразу же после чумы родственники Урусбиевы приехали из Баксана в Учкулан и попросили певца Семенова Калтура сложить песню о знаменитых воинах Джамагата братьях Алхазе и Эльмурзе Урусбиевых, чтобы их имена не забылись. Они дали певцу хорошего коня с серебряной сбруей, и он сложил песню "Вторая чума". В ней ясно сказано, откуда пришли Урусбиевы на Джамагат, но, как ни странно, лермонтовед Л.П. Семенов не обратил на это внимание. Вот отрывок из песни: "Мы вышли из своих тесных ущелий. После многих бедствий и странствований поселились в ущелье Теберды..."

Всех нас настигло горе.
 Пришла чума — посланница злого духа
 Кто расскажет о нашей участи
 Старикам ущелья Баксан?
 Джамагатинских джигитов не стало.
 Сын Атабия богатырь Сопан
 Умер, тоскуя по Родине Баксан...

На наш взгляд, здесь все ясно: если бы Урусбиевы были пришельцами из Абхазии, то, умирая, они не стали бы "тосковать по родному Баксану".

Следует сказать, что в песне имеются и другие строчки, где также говорится о том, откуда пришли Урусбиевы в аул Джамагат: "Мы вышли из тесного Баксана в поисках земли, // Ходили в бренном мире, влача свои дни".

Мы вышли, оторвавшись от большого Баксана,
 И приехали мы в свет-Теберду...
 Наверно, в Баксане оплакивают нас горько...
 Вести о нас ходят с шайтанами, джинами,
 Жена Исмаила красивая Джантетхан
 Заклинаниями чуму не пускает на Баксан...¹²

Текст данной песни опубликован в книгах "Старинные карачаевские песни" (Микоян-Шахар, 1940, стр. 29–30) и "Антология балкарской поэзии" (Нальчик, 1959, стр. 53–54).

Мнение Л.П. Семенова о том, что джамагатинцы пришли из Абхазии и в 1850–60-х годах ушли на Баксан, где основали Урусбиевское общество, опровергается еще и тем, что уже в 1837 году на Баксане в обществе урусбиевцев было 103 двора, 330 человек.¹³ Вообще же, Урусбиевское общество на Баксане основано в конце XVII века.

До Октябрьской революции слово "балкарец" употреблялось не в современном его понимании. Раньше балкарцами называли только жителей Черкесского ущелья. Тем самым до 1917 года во всех исторических документах и научных работах о жителях Баксана писалось как об отдельном Урусбиевском обществе. Ныне урусбиевцев также называют балкарцами, потому что в 1917 году пять одноязычных (с диалектами) горских обществ — Балкарское, Бызынгийское, Холамское, Чегемское и Баксанское — объединились под общим названием Балкария, которая входит в состав Кабардино-Балкарии.

Карачаевцы и урусбиевцы тогда были еще и в больших родственных связях. Если бы урусбиевцы были из абхазского племени, из Закавказья, то в исторической песне нашли бы свое упоминание названия гор, рек, пастбищ Закавказья. В песне же от начала до конца идет переключка между Баксаном и Тебердой, то есть местностями Северного Кавказа. Топонимика окрестностей Джамагата чисто карачаевская: "Чегет-тюз", "Гитче-кол", "Межгит-арты", "Назылы-кол" и т.д.

У карачаевцев, особенно в ауле Верхняя Теберда, сохранилось многое от джамагатинцев. В районе Теберды карачаевцы обитают с XVII века. Профессор Л.П. Семенов, впоследствии сам не удовлетворяясь высказыванием об истории аула Джамагат, написал другую работу: "Мотивы горского фольклора и быта в поэме Лермонтова "Хаджи Абрек".¹⁴

К сожалению, в ней ничего не говорится об истории карачаевского аула Джамагат. В начале своей работы Л.П. Семенов подвергает критике тех исследователей, которые неправильно толковали поэму "Хаджи Абрек". Он приводит высказывание черкесского писателя Юрия Казы-Бека (Ахметукова), который в примечании к одному из своих рассказов говорит, что сюжет "Хаджи Абрек" взят из черкесского рассказа. Л.П. Семенов подробно анализирует текст этого рассказа и приходит к абсолютно правильному выводу: "...Примечание Ю. Казы-Бека является если не мистифи-

кацией, то во всяком случае легендой".¹⁵ Далее исследователь ставит перед собой задачу: "...показать мотивы Кавказского фольклора и быта именно в поэме "Хаджи Абрек". Но вместо того, чтобы искать в фольклоре народов Северного Кавказа что-нибудь общее с поэмой, он пытается выяснить, что такое абречество на Кавказе. И здесь же допускает ошибку, говоря, что "Абрек — не имя, а прозвище", что "такого имени у горцев нет". А между тем у горцев (конкретно у карачаевцев) наряду со словами "абрек" и "хаджи", есть и собственные имена "Абрек" и "Хаджи".

Далее Л.П. Семенов пишет о похищении девушек, о гостеприимстве, о мести и т.д. На основании общих, расплывчатых высказываний он делает вывод: "Так устанавливаются теснейшие связи поэмы Лермонтова с фольклором и бытом Кавказа" (стр. 26). Вот то, что, собственно, мог сделать Л.П. Семенов в своей специальной работе о поэме "Хаджи Абрек". Сознывая неконкретность и зыбкость своих суждений, он говорит, что поэма "Хаджи Абрек" принадлежит к числу наименее изученных произведений Лермонтова (стр. 7).

Профессор Попов А.В., хорошо зная, что жителями аула Джамагат были карачаевцы и урусбиевцы, умолчал об этом, сославшись на ложные высказывания Дьячкова-Тарасова.¹⁶

Автономия карачаевцев и балкарцев восстановлена после XX съезда КПСС. Летом 1962 года А.В. Попов дважды побывал на развалинах Джамагата. Теперь, в статье "Хаджи Абрек", А.В. Попов с научной добросовестностью восстановил историческую истину о жителях аула Джамагат.

Несколько замечаний к очерку "На развалинах Джамагата". Писатель Иван Атнакин написал об истории аула, в основном, верно, но и он допустил некоторые ошибки. Вызывают сомнение такие строки, где якобы старик карачаевец с курорта Теберда сказал писателю, что "постепенно сюда (в аул Джамагат — М.Х.) стали проникать абреки из абхазского племени цебельдинцев, ища в глухих горах убежища от иноземных захватчиков" (стр. 88–89).

19 февраля 1963 года в городе Черкесске в беседе с Иваном Атнакиным мы попытались выяснить достоверность этих слов. Писатель ответил, что старик карачаевец ему так не говорил, но лермонтоведы писали, что жителями аула были цебельдинцы и поэтому он не знал, что делать. Но чтобы иметь что-то общее с утверждениями лермонтоведов, эти строчки добавил от себя, отступив от истинных слов старика карачаевца.

В очерках И. Атнакина есть еще ряд неточностей. Например, он пишет: "В конце XVIII века в Кабарде, в ауле Верхний Баксан, жила большая воинственная семья, возглавляемая Чепеллеум Урусбиевым" (стр. 88). На самом же деле аул Баксан не входил в состав Кабарды. Было только Урусбиевское общество. По утверждению очеркиста, сперва был основан курорт Теберда, потом Нижняя Теберда, а затем Верхняя Теберда (стр. 91). В действительности же, в 1868 году был основан аул Верхняя Теберда, в 1870 году — Нижняя Теберда и только в 1883 году в курорте Теберда появились первые постройки.

Об ауле Джамагат другие пишут и по-другому. Например, на 16-й странице книги "Теберда" (Ставрополь, 1958) сказано: "В долине Джамагат имеются развалины большого черкесского селения Джамагат". Утверждение нелепое. Каждому, сколько-нибудь знающему историю адыгских народов, известно, что кабардинцы и черкесы так глубоко в горы не заходили. Аул Джамагат никогда не считался черкесским.

Адыги жили в предгорье, а балкарцев и карачаевцев не зря называют "кушха", то есть горцы. На странице 17-й той же книги говорится, что некоторое время здесь сохранялось название "Адам-кырылган" — гибель человека, и сделан намек на чуму. Но название это не черкесское, а карачаевское. Далее в этой же

книге пишется: "Вероятно, здесь был центр живших в долине Теберды отдельных черкесских народов". Усугубляя ошибочное "вероятно", московские издатели путеводителя "Теберда — Домбай", изданного в 1962 году, утверждают, что у моста через Джамагат находятся "остатки большого черкесского аула, бывшего некогда центром черкесских поселений в Теберде".

История аула Джамагат более подробно описана кандидатом исторических наук доцентом Х.О. Лайпановым.¹⁷ Но и он допустил досадную ошибку, утверждая, что с Баксана в Джамагат приехали 3—4 семьи Урусбиевых. Жителями аула Джамагат были балкарцы. По его мнению, Джамагат был аул большой и богатый. Это утверждение соответствовало фактам истории. Но, спрашивается, как за короткое время из 3—4 семей баксанских балкарцев аул Джамагат мог стать большим и богатым?

Аул Джамагат был основан в XVIII веке. В 1808 году аул постигла эпидемия чумы, которая продолжалась до 1814 года. Вымерли почти все его жители. Из Урусбиевых уцелело несколько человек, которые возвратились на Баксан в Урусбиевское общество. Если бы джамагатинцы были абхазцами или черкесами, то их родной язык не был бы карачаевским. Ведь с давних времен в карачаевском районе находятся осетинский аул Коста Хетагурово и черкесский аул Хумара. Но их родной язык так и остался осетинским и черкесским.

Лишь незнанием истории можно объяснить тот факт, что у разных авторов возникают самые разноречивые "вероятно", предположения, которые уводят от истинной истории аула Джамагат и тем самым мешают пониманию истоков поэмы М.Ю. Лермонтова "Хаджи Абрек".

Откуда же Лермонтов мог знать такие подробности о карачаевском ауле Джамагат? Впервые Лермонтов был на Кавказе в 1818 году. Попробуем, хотя бы кратко, выяснить, как впечатления, поразившие и глубоко запавшие в душу ребенка, пробудили интерес к этой стороне жизни. Здесь невольно вспомнятся слова поэта: "Синие горы Кавказа, приветствую вас! // Вы взлелеяли детство мое; // Вы носили меня на своих одичалых хребтах".

Примечания

¹Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 60. Песня "Вторая чума" и танцевальная мелодия Урусбиевых в 1961 году записаны и на грампластинку.

²Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе, Пятигорск, 1939, стр. 60.

³О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, стр. 11.

⁴О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, стр. 12.

⁵А.В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 18.

⁶В.М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. Тифлис, 1913, стр. 112—113 (Сборник материалов для описания местностей и имен Кавказа, т. 42).

⁷Старший брат, Черкесск, 1957, стр. 84.

⁸Археологические разведки на Кавказе. Записи имп. Археологического общества, т. IX. В. 2. Сиб. 1857, стр. 389.

⁹Народы Карачаево-Черкесии, Ставрополь, 1957, стр. 33—34.

¹⁰Коста Хетагуров, т. IV, М., 1960, стр. 255.

¹¹Бестужев-Марлинский, соч., т. I, М., 1958, стр. 300.

¹²Подстрочник мой. — М. Х.

Второй раз Лермонтов был на Кавказе в 1820 году. Ссылаясь на эти две поездки, нельзя еще говорить о творчестве как таковом. Но вполне правомерно видеть некоторые его основы. Третье пребывание на Кавказе в 1825 году, вне всякого сомнения, дало Лермонтову многое. И хотя поэту было всего 11 лет, это пребывание прошло для него не бесследно. Тот факт, что уже в 1828 году Лермонтов написал поэмы "Черкесы" и "Кавказский пленник", служит хорошим доказательством. В третье свое пребывание на Кавказе, по словам С.И. Недумова и П.Е. Селегея, "поэт видел вокруг себя пеструю многонациональную толпу, наблюдал нравы кавказских народов, их праздники и народные игры, в которых выражались мужество, выносливость, ловкость..."¹⁸

"Е.А. Арсеньева с Лермонтовым в 1825 году остановилась в Горячеводске в доме своей сестры Е.А. Хастатовой, в котором всегда было много народу — военные и штатские, родственники и неродственники, одинокие и женатые". Лермонтов "видел горцев и у них вместе с бабушкой покупал ковры для тарханского нового дома, кинжалы и пистолеты, которые он пожелал получить в подарок, а также всякие предметы мирного обихода"¹⁹ "Теперь уже становится окончательно ясным, — замечает И. Андроников, — откуда было у Лермонтова такое изобилие кавказского материала в юношеских произведениях и такое знание кавказской войны".²⁰

С полным основанием мы можем сказать, что Лермонтов знал историю карачаевского аула Джамагат, слышал и народную песню "Вторая чума". Нас могут спросить: был ли в те годы Лермонтов в Карачае? Конечно, был. Но как об этом говорит Ираклий Андроников, "при этом не надо забывать, что горцев, их жизнь и нравы Лермонтов описал не по собственным наблюдениям, а с чужих слов — по рассказам людей, весьма осведомленных, но смотревших на все это разными глазами".²¹

Нельзя не согласиться со словами профессора А.В. Попова о том, что поэма "Хаджи Абрек" "поражает своим реализмом, глубоким знанием жизни народов Кавказа"²², что "кровавую историю своей поэмы Лермонтов мог слышать от горцев и в юнкерской школе".

¹³Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, стр. 45—46.

¹⁴М.Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1960, стр. 7—28.

¹⁵М.Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1960, стр. 17.

¹⁶А.В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 19.

¹⁷Х.О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 58—65.

¹⁸С.И. Недумов, П.Е. Селегей. По лермонтовским местам. Ставрополь, 1960, стр. 9—10.

¹⁹Т. Толстая. Детство Лермонтова. М., 1957, стр. 230—233.

²⁰Ираклий Андроников. Лермонтов. М., 1951, стр. 252.

²¹Там же.

²²А.В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 18.

Текст и примечания печатаются по изданию: Хубиев М.А. Из истории аула Джамагат, воспетого М.Ю. Лермонтовым в поэме "Хаджи Абрек" // М.Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения VI всесоюзной лермонтовской конференции. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1965. — С. 113—126.

Ф.М. Хубиева.

С любовью к великому поэту

«Есть поэты, которых нельзя не любить, — и есть поэты, без которых нельзя жить, — писала Раиса Ахматова. — Для меня Лермонтов — поэт, без которого нельзя жить». Эти слова подтверждают и повторяют все, кому дорого творчество Михаила Юрьевича Лермонтова. Лермонтов — тайна, которую каждый хочет открыть для себя. Его наследие навсегда вошло в сокровищницу отечественной и мировой литературы, в духовную культуру и сознание людей как явление выдающееся и уникальное; его высокие жизнеутверждающие идеалы заняли значительное место в жизни миллионов наших современников.

Лермонтов и Кавказ — понятия неразделимые. Будущего поэта потрясла красота Кавказа, и эту необыкновенную любовь к величественной и суровой природе, к вольнолюбивым горцам он пронес через всю свою короткую жизнь.

**Как я любил, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь...** (6; 227)

Классик армянской поэзии Ованес Туманян в статье к 100-летию со дня рождения поэта назвал его «великим поэтом, усыновленным Кавказом» (1; 67). «Не заслонив Кавказа, Лермонтов остался выше всех вершин», — писал поэт А. Екимцев. Воспетый Лермонтовым Кавказ отвечает поэту взаимной любовью. Голоса поэтов Кавказа звучат как торжественный гимн во славу вечного союза М.Ю. Лермонтова с Кавказом. Г. Колесников в стихотворении «Грусть по Лермонтову» пишет:

Мы знаем, вечен он с Кавказом
И, значит, вечен с ним Кавказ!

В 1889 году на открытии памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске прозвучали слова Коста Хетагурова:

...Его образ, задумчивый, гордый.
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды... (7; 3)

Поэт М. Дудин утверждал: «По-настоящему Лермонтова, всю его грандиозность я стал понимать на Кавказе...»

«Лермонтов остался непревзойденным певцом Кавказа, — писал директор Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова П.Е. Селегей. — И произошло так не только в силу величия его поэтического таланта, но и потому, что ни для кого из других поэтов и прозаиков Кавказ не был тем, чем явился для Лермонтова... В то же время мы понимаем, что такое определение в применении к Лермонтову является неполным, односторонним». Его произведения по смыслу и общественно-исторической значимости далеко выходят за пределы кавказской тематики (11; 3). В поэтических созданиях, вдохновленных Кавказом, поэт выразил самые острые и животрепещущие идеи своего времени, раскрыл общечеловеческие чувства, которые волновали его современников и которые продолжают волновать нас в XXI веке. Лермонтов не только по-сыновьи любил синие горы, которые взлелеяли его детство. Он очеловечивает Кавказ, его природу.

**Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой, —
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.** (6; 226)

Лермонтов жил Кавказом, был связан с ним со всеми своими мыслями и чувствами. Любовь Лермонтова к Кавказу была неотъемлемой частью его любви к своей отчизне. Об этом он сказал еще в юношеских стихах.

**Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.** (6; 27).

Московская поэтесса Дина Терещенко, впервые побывав в Пятигорске, назвала его «обетованным краем поэзии». Под впечатлением увиденного, встречи с памятью великого поэта, она писала, что после того, как не стало поэта, «еще седее стал седой Кавказ».

15 октября 2004 года исполнилось 190 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Состоялся 36-й Всероссийский Лермонтовский праздник поэзии в Пятигорске, навечно связанном с именем поэта, городе-музее под открытым небом, городе, где «соединение красоты природы и памяти о великом наследии Пушкина, Лермонтова, Толстого трансформируется в сегодняшнюю духовную жизнь России. Поэзия — откровение Всевышнего», — из речи М.Ю. Лермонтова, президента Международной ассоциации «Лермонтовское наследие» (5; 4).

Сюда съехались поклонники таланта поэта из многих регионов: России, Эстонии, Германии, Израиля, США. Собрались, чтобы почтить память великого гражданина, поклониться священным местам.

Благодаря общественному оргкомитету по проведению юбилейных праздников в Карачаево-Черкесии, праздничные торжества коснулись и Карачаево-Черкесского государственного университета. 30 сентября в Институте филологии на базе кафедры литературы состоялась встреча с ведущими лермонтоведами страны. Присутствовали И.Е. Усок, Ю. Королева (Москва), О.В. Миллер (Санкт-Петербург), Л.А. Ходанен (Кемерово), Н.И. Милевская (Томск), С.Н. Зотов (Таганрог), К.В. Зуев (Ставрополь), И.Н. Юсупова (Пятигорск), И.П. Черкасова (Армавир), Б.М. Розенфельд (Кисловодск), В. Сиротин (США) и др.

Речь шла о новом в исследовании творчества М.Ю. Лермонтова, об изучении его произведений в средней общеобразовательной школе, о создании лермонтовской электронной библиотеки.

Это второй приезд в наш город столь солидной делегации лермонтоведов. 26 мая 1963 года в КЧГПИ была проведена конференция преподавателей и студентов. На ней присутствовали известные лермонтоведы: профессора В.А. Мануйлов (Ленинград), И.П. Стамболи (Москва), И.Я. Заславский (Киев), А.В. Попов (Ставрополь), Д.А. Гиреев (Орджоникидзе), В.А. Евзерихина (Новосибирск).

В 2004 году торжества, посвященные 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, продлились до 9 октября. В этот день на земле Карачаево-Черкесии в городе Теберде был установлен мемориальный знак в память селения Джамагат, исчезнувшего от эпидемии чумы в 1808–1814 годах. На открытии памятного знака присутствовали гости из Москвы: В.А. Захаров — сопредседатель Российского Лермонтовского комитета (РЛК) и О.Д. Бережной — ответственный секретарь РЛК, поэт из Нальчика А.Т. Додуев, делегации из Пятигорска, Черкесска, Теберды, Карачаевска.

Открытие памятного знака — увековечение памяти об ауле, молва о котором широко была распространена на Западном Кавказе. Это событие освещалось по всероссийскому радио В.А. Захаровым в литературной передаче Андрея Дементьева «Вирази времени» 16 и 17 октября 2004 года.

На стеле выбиты строки из поэмы М.Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек», в которой поэт воспел этот аул.

**Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.**

Участники VIII всесоюзной межвузовской лермонтовской научной конференции в городе Пятигорске 28 мая 1965 года. В первом ряду: М.А. Хубиев (Карачаевский государственный университет), И.Л. Андроников (Москва), А.А. Жук (Саратов), А.В. Попов (Ставрополь), Б.Т. Удодов (Воронеж), В.Б. Виноградов (Грозный). Во втором ряду, на ступенях лестницы — В.М. Тамахин (Ставрополь).

**Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих...**

Это была первая напечатанная поэма Лермонтова, появившаяся в журнале "Библиотека для чтения", (№ 8, 1835, август), написанная в 1833 году. Вопрос о том, с какой местностью связано действие поэмы, вызывал разноречивые суждения. Так, А.Н. Дьячков-Тарасов, преподаватель мужской гимназии (Екатеринодар), еще в 1898 году, описывая свою поездку по Карачаю, упоминает о развалинах аула Джамагата: "Мы остановились на месте этого некогда знаменитого аула, населенного абреками из воинственного абхазского племени цебельдинцев, живущих по ту сторону гор..." (3; 66) Изучив поэму Лермонтова, исследователь писал, что этот аул воспет в поэме, и географическое описание лермонтовского аула полностью соответствует месту расположения карачаевского селения.

По поводу спорных высказываний Дьячкова-Тарасова, не знавшего хорошо историю народов Кавказа, Коста Хетагуров, знавший Теберду, написал фельетон: "Придавать таким прогулкам научное значение бессовестно. Стыдно мне за вас, господин Тартарен, стыдно!" (16; 120). В 1939 году кавказовед Л.П. Семенов (Орджоникидзе), подтвердил эту мысль: "Наиболее вероятным остается, по нашему мнению, предположение о том, что сюжет "Хаджи Абрека" приурочен к карачаевскому аулу Джамагату. Что же касается разницы в произношении между тебердинским Джамагатом и лермонтовским Джематом, то ее легко объяснить условиями стиха: Лермонтов практиковал иногда стяжение двух гласных: например, Бешту, вместо Бештау" (12; 58).

В 1962 году профессор А.В. Попов (Ставрополь), дважды бывавший в Тебердинской долине, утверждал, что "Джемат, воспетый Лермонтовым в звучных, чеканных стихах, находился в Теберде, у крутого ущелья быстрой горной реки Джамагат" (8; 18).

Однако некоторые историки, лермонтоведы придерживались другого мнения по вопросу местонахождения аула.

В 1963 году, в год празднования 149-летия со дня рождения поэта, в Ставрополе состоялась VI Всесоюзная Лермонтовская межвузовская конференция. С содержательными докладами выступили видные литературоведы страны: И.П. Стамболи (Москва), А.Е. Кедровский (Москва), М.И. Гиллельсон (Ленинград), В.А. Евзерихина (Новосибирск), Б.С. Виноградов, Н.Ш. Шабаньянц (Грозный), В.И. Коваленко (Ставрополь), Р.С. Белаш (Пятигорск) и многие другие. "Было заслушано и обсуждено 33 доклада и сообщения... Событием было выступление ассистента Карачаево-Черкесского пединститута М.А. Хубиева, доказавшего, что в поэме "Хаджи Абрек", воспет именно аул Джамагат", — писал профессор А.В. Попов (9; 3).

Лучшим докладом третьего дня конференции, по общему признанию, был доклад М.А. Хубиева (Карачаевск). "История аула Джамагат, воспетого в поэме "Хаджи Абрек", прозвучала очень живо и темпераментно. Четкий по мысли, прекрасно аргументированный доклад, доказывающий, что в названной поэме Лермонтов воспел именно карачаевский аул Джамагат, слушался с огромным вниманием и всеобщим одобрением", — писала "Ставропольская правда" (2; 3). Вот как освещала эту конференцию "Кавказская здравница": "Одной из наиболее интересных страниц конференции был доклад М.А. Хубиева (Карачаевск) — "История аула Джамагат, воспетого в поэме "Хаджи Абрек". Опровергая мнения многих лермонтоведов, М.А. Хубиев приводит убедительные доводы о том, что Лермонтов описал карачаевский аул Джамагат, несколько изменив его название. Доклад, сделанный в очень живой, красочной форме, свидетельствовал о горячей любви карачаевцев (равно как и других горских народов) к творчеству Лермонтова, которого они считают своим, родным... Конференция продолжалась в горах Карачая; во время экскурсии в Теберду М.А. Хубиев показал место, где находился аул Джамагат, и еще раз подтвердил соответствие его местонахождения описаниям в поэме" (4; 2). Об этом же писали тогда в газете "Ленинское знамя".

На протяжении всей статьи Хубиев сопоставляет реалии карачаевского Джамагата с аулом, воспетым в поэме Михаила Юрьевича. Вот пример: "Хаджи Абрек, выехавший для поиска дочери старика дагестанца, доехал до примечательного места:

**Есть поворот – и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами,
Смиранный различит аул...** (6; 294).

Эти строки позволяют сказать, что Хаджи Абрек от Джамагата ехал не по направлению Главного Кавказского хребта, где виднелись ледники, а в противоположную сторону. В те времена от карачаевского Джамагата в направлении Главного Кавказского хребта не было никакого аула. Между тем в 45 километрах в сторону города Карачаевска имеются "красивые граниты", скалы-великаны, а под ними "есть поворот" и был "путь, прорытый арбы скрипучим колесом". С одной стороны дороги – река Теберда, с другой – скала. Сейчас этот путь расширили, но и по сей день сохранилось название этого места – "Чюйлюк тийген тар", то есть теснина, где терлось колесо арбы о камень. При выезде виднеется место Мара-Аягы, где и в те времена были поселения". (16; 115). "...Урусбиевы посещали русский лагерь, и Лермонтов, живший "на линии" и в Пятигорске, мог слышать и от них кровавый сюжет своей поэмы" (12; 58), а также от родственников, приезжавших с Кавказа. Пусть Лермонтов услышал и передал историю, легшую в основу сюжета его поэмы.

Но вопрос в другом: как поэт, не будучи в горах Карачая, в мельчайших деталях смог описать эти места?

Магомет Ахияевич Хубиев (1929–1987) был крупным ученым, о чем убедительно свидетельствуют его труды, которые по тематике, содержанию и глубине анализа заслужили высокую оценку известных ученых. М.А. Хубиев — член Союза писателей и Союза журналистов СССР, известный фольклорист, неутомимый собиратель карачаево-балкарских народных песен (в его архиве — 1200 неопубликованных песен, около 800 пословиц и поговорок), составитель программ, учебников для средней школы и методических пособий по карачаево-балкарскому языку, переводчик, прекрасный преподаватель. Он был очень образованным, эрудированным человеком. До сих пор ходят легенды о том, как он на память читал отрывки из древнегреческой литературы, как он много знал, как мог увлекать студентов своими обширными знаниями. Очень много знал наизусть из творчества М.Ю. Лермонтова.

Интересны литературоведческие работы Магомета Хубиева, посвященные русско-украинско-кавказским связям: "Лермонтов и Карачаево-Черкесия", "Лев Толстой и Карачай", "Коста Хетагуров", "Литература Карачаево-Черкесии и Т.Г. Шевченко" и др.

М.А. Хубиев был человеком многогранных способностей: он был известен и как поэт и прозаик, создал несколько книг поэзии и прозы. Широкому кругу читателей известны его "Рассказы Алана". Более 150 научных работ опубликовано в центральной, республиканской печати.

Вот несколько опубликованных работ М.А. Хубиева о творчестве М.Ю. Лермонтова.

1) Жители Лермонтовского аула. // Путь к коммунизму. — Нальчик, 1963, 4 апреля; 2) Новая книга о Лермонтове // Знамя Ленина. — Черкесск, 1964, 12 октября; 3) Из истории аула Джамагат // Шестая Лермонтовская конференция. — Ставрополь, 1965; 4) Лермонтов писал о Джамагате // Произведения карачаевских писателей. — Черкесск, 1965; 5) Лермонтов с нами // Знамя Ленина. — Черкесск, 1967, 17 октября; 6) Образ Лермонтова в карачаево-балкарской поэзии // Путь к коммунизму. — Нальчик, 1978, 12 октября; 7) Лермонтов в карачаево-балкарской поэзии // Беспокойные сердца. — Черкесск, 1979; 8) Где жил Хаджи-Абрек? (По поэме М.Ю. Лермонтова) // Литературная Россия. — Москва, 1980, 28 марта; 9) Был ли Лермонтов в Карачаево-Черкесии? // Знамя Ленина. — Черкесск, 1985, 7 сентября.

Все это свидетельствует о многогранной деятельности М.А. Хубиева.

В 1965 году М. Хубиев выступил на 8-й Всесоюзной конференции, проходившей в Ставрополе, Пятигорске, посвященной роману "Герой нашего времени" (в связи со 125-летием выхода романа в свет). Участниками конференции были известные литературоведы И.А. Андроников (Москва), В.А. Мануйлов (Ленинград), И.А. Гладыш (Москва), Т.В. Толстая (Москва), Т.Г. Динесман (Москва), И.А. Мохов (Ставрополь), А.А. Жук (Саратов), В.Б. Виноградов (Грозный), Б.Т. Удодов (Воронеж), А.В. Попов (Ставрополь) и многие другие. "М.А. Хубиев (Карачаевск) анализировал перевод романа на карачаево-балкарский язык" (13; 3).

В 1974 году Хубиев выступал на конференции, посвященной 160-летию поэта. "Доцент Карачаево-Черкесского пединститута М. А. Хубиев сделал широкий обзор на тему "Образ Лермонтова в карачаевской и балкарской поэзии" (14; 4).

В 1984 году Магомет Хубиев — вновь участник конференции, на которой выступили О.В. Миллер (Ленинград), И.С. Чистова (Ленинград), В.Б. Виноградов (Грозный), И.Я. Заславский (Киев), В.А. Захаров (Тамань), В.С. Шадури (Тбилиси), Л.И. Прокопенко (Саратов) и др. "Заинтересовали участников конференции... доклады лермонтоведов нашего края В.С. Дро-

нова., Т.К. Черной., М.А. Хубиева ("Природа Кавказа в поэзии Лермонтова и устном поэтическом творчестве горцев") (15; 4).

"Вслед за А.В. Поповым М. Хубиев доказывает, что Хаджи Абрека следует считать карачаевцем, хотя в поэме он назван черкесом. И в этом нет ничего удивительного, — по словам В.А. Захарова, — поскольку в первой половине XIX века в официальных документах все народы Кубани и за Кубанью именовались черкесами". Л.П. Семенов также поясняет, что "в те годы черкесами называли нередко различных горцев, живших в центральной или западной части Северного Кавказа" (12; 60). Само слово "черкес" в поэме употреблено только один раз: "Едет шагом черкес на борзом скакуне". "Следует сказать, что карачаевцев называли черкесами не только в художественной, но и в исторической литературе. К примеру, итальянский миссионер А. Ламберти считает, необходимым заметить, что "как и некоторые другие авторы XVII—XVIII вв., карачаевцев он называет черными черкесами и карачеркесами". Карачеркесами назвал карачаевцев и французский путешественник XVII века Жан Шарден (16; 114). Об этом же пишет в работе "К истории карачаевцев и балкарцев" историк Х.О. Лайпанов.

В 1981 году в Москве в издательстве "Советская энциклопедия" издана уникальная книга "Лермонтовская энциклопедия". На шестисотой странице читаем: "О месте действия поэмы М.Ю. Лермонтова "Хаджи Абрек" существуют разные мнения: Л. Семенов и М. Хубиев считают, что речь идет о карачаевском ауле Джемагате (или Джемагате) в Теберде; Б. Гаджиев полагает, что в поэме изображен дагестанский аул Чиркей", — хотя еще в 1963 году М.А. Хубиев писал: "Некоторые утверждали, что Джемат — это аул Чиркей в Дагестане, где живут лезгины, ведь герой Лермонтова — лезгинец. Но, во-первых, в Дагестане аула с таким или похожим названием никогда не было, а, во-вторых, Лермонтов, рассказывая о старике, который после долгих скитаний по разным местам пришел в аул Джемат, пишет:

**Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой.**

Понятно, что речь идет о чужом человеке, пришельце" (17; 4). По его рассказу, он давно вышел из Дагестана: "Влачусь я по горам с тех пор".

"И еще: Хаджи Абрек спрашивает Лейлу:

**Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?..**

Значит, действие происходит не под небом Дагестана" (17; 4). Далее Хубиев продолжает: "Важно выяснить и такой вопрос: был ли в карачаевском ауле Джемагат лезгинец из Дагестана?" "Да, был", — говорят карачаевцы. Его знает весь Карачай. Имя этого дагестанца Абдулла. Он приехал один в пожилом возрасте. Достаточно спросить у любого старика карачаевца, кто такой шейх Абдулла (святой Абдулла), и вам сразу же ответят" (16; 116). У него было немало учеников из разных аулов, потому и пользовался Абдулла уважением и любовью.

"С полным основанием мы можем сказать, что Лермонтов знал историю карачаевского аула Джемагат, слышал и народную песню "Вторая чума", — пишет в заключении М.А. Хубиев. — Но как об этом говорит Ираклий Андроников, "при этом не надо забывать, что горцев, их жизнь и нравы Лермонтов описал не по собственным наблюдениям, а с чужих слов — по рассказам людей, весьма осведомленных, но смотревших на все это разными глазами" (16; 126).

Таким образом, внимательный и вдумчивый разбор каждой лермонтовской строки дал возможность литературоведам уточнить и подытожить мысли о том, что аул, воспетый в поэме Лермонтова, является карачаевским.

Не многие из русских писателей-классиков изучаются в нашей стране так глубоко и всесторонне, как М.Ю. Лермонтов. Над проблемами биографии и творчества поэта работали и работают истинные ценители его таланта. В традицию вошли всесоюзные лермонтовские конференции. Они служат хорошей формой для коллективного подведения итогов в области научных изысканий, для установления контактов между учеными.

Беззаветная, преданная, самоотверженная любовь к поэту уже пережила почти 200 лет. Секрет всеобщей любви к творчеству М.Ю. Лермонтова в способности его слов отвечать мыслям и чувствам современного человека. В них всегда можно найти строки, созвучные нашему настроению.

Сила лермонтовской поэзии — в ее народности. Это и делает ее бессмертной.

Библиография

1. Виноградов Б.С. Русские писатели в нашем крае. Сборник статей. — Грозный, 1958.
2. Всесоюзная Лермонтовская // "Ставропольская правда". — 1963. — 26 мая.
3. Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Екатеринодар, 1900. — № 28.
4. "К нам Лермонтов сходит, презрев времена" / Шестая Всесоюзная конференция лермонтоведов в Ставрополе // "Кавказская здравница". — Пятигорск, 1963. — 2 июня. — № 108 (879).
5. Куджева Е. Венки стихов у Машука // Пятигорская правда. — 2003. — 16 октября.
6. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. — М., 1972.
7. Молитвина К. Песнь любви // Кавказская здравница. — 1975. — Август.
8. Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. — Ставрополь, 1954.
9. Попов А.В. Вклад в лермонтоведение. К итогам VI Всесоюзной межвузовской конференции // Ставропольская правда. — 1963. — 16 июня.

10. Прокопенко А. Всесоюзная Лермонтовская // Ленинское знамя. — 1963. — 7 июля.
11. Селегей П.Е. Великий певец Кавказа // Кавказская здравница. — 1975. — Август.
12. Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. — Пятигорск, 1939.
13. Стефанеева Е. Печорину посвященная // Кавказская здравница. — 1965. — 6 июня.
14. Стефанеева Е. Лермонтовская конференция // Кавказская здравница. — 1974. — 22 мая.
15. Степанов Б. С любовью к великому поэту // Ставропольская правда. — 1984. — 19 мая.
16. Хубиев М.А. Из истории аула Джемагат, воспетого М.Ю.Лермонтовым в поэме "Хаджи Абрек" / М.Ю. Лермонтов: Материалы и сообщения VI всесоюзной Лермонтовской конференции. — Ставрополь, 1965.
17. Хубиев М.А. Где жил Хаджи Абрек? // Литературная Россия. — М., 1980. — 28 марта.

Текст и фотография предоставлены автором статьи.

Вениамин Михайлович Тамахин

Вениамин Михайлович Тамахин — доктор филологических наук профессор Ставропольского государственного педагогического института.

Всю свою жизнь он посвятил науке, преподаванию. Его знания русской литературы XIX века, творчества М.А. Шолохова поражали студентов: он был прекрасным исследователем поэти-

ки М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, виртуозно анализировал тексты, приучал студентов к исследованию закономерностей в построении целостных художественных систем.

Сам он прекрасно владел материалом, знал сотни страниц из произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого наизусть, артистично воспроизводил их в процессе чтения лекций.

Проблемные спецкурсы, посвященные творчеству М.А. Шолохова, активно посещали студенты, любившие своего педагога, бескорыстно делившегося знаниями со своими питомцами.

В.М. Тамахин активно участвовал в литературном процессе края и страны, выступал в качестве литературного критика, писал о своих коллегах — К.Г. Черном, А.В. Попове и др.

Им опубликовано более 100 работ, посвященных творчеству писателей XIX века, М.А. Шолохова, ставропольских литераторов.

Краткая библиография

Тамахин В.М. Подтекст в романе Лермонтова "Герой нашего времени" // Русская литература и Кавказ: Научные труды Ставропольского государственного педагогического института. — Ставрополь, 1974. — С. 26—41.

Тамахин В.М. Роман М.А. Шолохова "Поднятая целина" (Вопросы мастерства). — Ставрополь, 1971. — 136 с.

Тамахин В.М. Поэтика Шолохова — романиста. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1980. — 271 с.

Д.И. Петренко, В.П. Ходус

1965

Эстетическая функция пейзажа в романе М.Ю.Лермонтова "Герой нашего времени"

Пейзаж в романе "Герой нашего времени" выполняет сложную идейно-композиционную роль (показывает место действия, фон для человеческих переживаний и т. д.). В то же время картины природы являются важным компонентом в эстетическом отношении: они обладают свойством раскрывать красоту явлений в природе и человеческой жизни.

Со страниц романа одна за другой встают дивные картины Кавказа. Нас восхищают и залитые солнцем горные вершины, и золотая бахрома снегов, и неприступные скалы, покрытые купами чинара, и хороводы звезд на далеком небосклоне, и голубое свежее утро, и животворный воздух, разлитый в ущельях, и свирепый ветер, напоминающий Соловья-Разбойника. Словом, все бесконечное многообразие природы в неповторимых сочетаниях красок, звуков, запахов с их тончайшими, еле уловимыми оттенками нашло свое яркое отражение в чарующих образах бессмертного творения Лермонтова.

Не одно поколение училось по роману "Герой нашего времени" видеть и чувствовать красоту родной земли, непередаваемую прелесть Кавказа, училось эстетически осмысливать природу, социальные условия, а вместе с этим и собственную жизнь. Ведь "эстетическое воздействие искусства, — справедливо утверждает И.Б. Астахов, — состоит не только в том, что мы называем удовольствием, но и в том, что оно расширяет, углубляет наше познание, формирует и исправляет чувства и мысли".¹

Разумеется, что эстетическая ценность картин природы того или иного писателя зависит от ряда условий: содержания изображаемого предмета или явления, степени выразительности, эстетического идеала художника и др. Для реалистического искусства высшим идеалом является единство жизненной правды и совершенной формы ее отображения. "Прекрасное прекраснее во сто крат, увенчанное правдой драгоценной", — писал Вильям Шекспир. "Красота — дело вкуса, — говорил Репин. — Для меня она вся в правде".

Эстетическим идеалом автора "Героя нашего времени" была глубокая жизненная правда. Поэтому пейзаж в этом произведении наряду с другими образами отличается предельной изобразительной точностью; он прекрасен тем, что правдив, выразителен и эмоционален. Лермонтов достиг полного единства содержания и формы, "единства верного понимания изображаемого с яркой эмоциональной окраской его".

Эстетический идеал художника формируется на основе его мировоззрения, что, как правило, определяет содержание даже, казалось бы, такого нейтрального компонента искусства, как картины природы. Б. Мейлах в своей работе "Вопросы литературы и эстетики" говорит: характерно, что "у поэтов, связанных с революционным движением, образы бурной, мятежной стихии воплощали свободолобивые надежды и порывы".

В самом деле, для В.А. Жуковского, например, идеальными были в эстетическом отношении "повсюду тишина; повсюду мертвый сон", поэзия небесного покоя и т. д. М.Ю. Лермонтова больше привлекали картины мятежной природы, что вполне закономерно. Жуковский не принимал идей революционного преобразования действительности и уходил в мир религиозного созерцания; творчество Лермонтова было, по словам А.И. Герцена, "последним, но глубоким эхом декабризма", заключало в себе, по словам Луначарского, "заряд гигантского мятежа".

Прекрасное для Лермонтова всегда было связано с идеями борьбы против всех уродливых форм общественной жизни, отсюда его стремление к анализу противоречий и недугов современного общества, настойчивые поиски положительного героя, выразителя передовых чаяний своей эпохи. Именно поэтому многие картины природы у Лермонтова озарены вольнолюбивыми мотивами.

Роман "Герой нашего времени" открывается описанием Койшаурской долины. "Славное место эта долина! — восклицает странствующий офицер. — Со всех сторон горы неприступные,

красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар... а там высоко-высоко золотая бахрома снегов..."

Этот образ природы дан через восприятие человека, во многом близкого по духу самому Лермонтову. Тонкая наблюдательность, способность к образному мышлению — свидетельство незаурядной натуры, глубоко чувствующей прекрасное в окружающем мире. Но главное, что приводит в восторг офицера-изгнанника, — это черты величавой **неприступности** природы, ее **неподвластность**. Поэтому в подтексте нетрудно уловить, что герой прежде всего видит подлинную, высшую красоту в свободе и независимости. Этими качествами он противопоставляет персонажам романа, олицетворяющим светскую чернь, которой не свойственно понимание прекрасного. Отсюда в описании Койшаурской долины большую идейно-эстетическую значимость заключает в себе образ "безыменной речки", "шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья".

В поэтическом восприятии странствующего офицера природа представляется одухотворенной, очеловеченной, и поэтому соответственно своему духовному строю в ней он видит отражение общественных контрастов, что обусловило отбор образительно-выразительных средств языка в обрисовке той или иной детали пейзажа ("**золотая бахрома**" облаков, но "**черное, полное мглою** ущелье" и др.).

А вот описание утра на Военно-Грузинской дороге.

"...погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другой гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Напра-

во и налево чернели мрачные, таинственные пропасти и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня".

Светлые краски природы — **тихое утро, хороводы звезд, отблеск востока** — герой встречает с волнующей радостью; красота этой картины дополняется еще и тем, что в лирическом подтексте слышится борец двух сил — света и тьмы, и в этом борец мрак в конце концов бежит, он прячется в темные пропасти, а **туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали...** по морщинам соседних скал, будто **чувствуя и пугаясь приближения дня**. Приведенная картина поистине воспринимается как гимн солнцу, свободе и разуму. В этом отношении она вполне созвучна знаменитому афоризму А. С. Пушкина: "Да здравствует солнце, да скроется тьма!". Озаренная солнцем природа волнуется и радуется герою, и потому он так восторженно произносит: "...и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки".

Странствующий офицер умеет видеть поэтическое даже в ландшафте, казалось бы ничем не примечательном: "Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где над ней дымились аулы; ходили табуны; с другой — бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа".

Близость к народу, сыновья любовь к нему обусловили герою способность видеть красоту в повседневном. Его восхищает и изрытая балками поляна, и лес, и дымящиеся аулы, и табуны,

и мелкая речка с примыкающим к ней кустарником, — все, все, что так дорого, свято и потому прекрасно для простого человека.

Аналогичен по своему значению пейзаж в главе "Максим Максимыч": "Утро было свежее и прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье: босые мальчишки-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня".

Природа, жизнь и быт народа составляют в восприятии героя гармоническое единство отдельных частей большой целостной картины. Следовательно, природа для поэта не существует сама по себе. Он обращается к ней только в связи с жизнью, деятельностью и чувствами человека. В этом основное идейно-эстетическое достоинство пейзажа в романе "Герой нашего времени".

Отдельные картины в романе служат фоном для лирической передачи грустных раздумий.

В бурном порыве ветер, как бы жаждая простора, не находит его в тесных ущельях, и тогда свой гневный рев он сменяет заунывными напевами. Все это напоминает опальному герою собственную судьбу. Потому-то так красноречиво его лирическое обращение к буре: "И ты, изгнанница,— думал я,— плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной клетки своей".

И в данном случае положительный образ остался верен своему заветному идеалу — верности мятежным поискам свободы. Через пейзаж безобразному в общественной жизни (невole) противопоставлена желанная красота — радость познания и борьбы. Так, Лермонтов продолжил лучшие идейно-эстетические традиции Радищева, декабристов и Пушкина в эпоху, когда "надо было обладать беспредельной гордостью, чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах".²

В "Журнале Печорина" эстетическая функция пейзажа несколько иная. Так, мы не встретим здесь картин мятежной природы; чаще всего пейзаж дан в плане интимных переживаний Печорина. В "Тамани" беспокойная, полная таинственности стихия (ропот темно-синих волн, одевающаяся тучами луна, грозная пена валунов) рождает в душе героя тревожные предчувствия. Персонаж воспринимает природу в соответствии с той обстановкой, в которой он оказался, и тем мироощущением, которое было свойственно ему в этот момент. Перед нами глубоко чувствующая, эмоциональная натура, способная уловить тончайшие нюансы в природе.

Глава "Княжна Мери" открывается живописным пятигорским пейзажем с пятиглавым Бештау и Машуком, цепью снеговых гор на горизонте, Казбеком и двуглавым Эльбрусом. Все это рождает отрадные чувства в душе Печорина. Он глубоко ощущает обаяние и красоту родной природы. Писатель с помощью пейзажа раскрыл в характере героя способность к поэтическому, образному восприятию мира. В этом он близок странствующему офицеру. Для Печорина "воздух **чист и прозрачен, как поцелуй ребенка**"; он не просто видит горы, а "**серебряную цепь снеговых**

Эстетическая функция пейзажа в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени"

вершин" — и т.д. Эта поэтическая черта порождает в душе утомленного Печорина жадный порыв к жизни, к прекрасному: "Весело жить в такой земле! — восклицает он. — Какое отрадное чувство разлито во всех моих жилах". И в этом выражается возвышенная душа героя.

На наш взгляд, В.Г. Белинский в первую очередь имел в виду поэтическое богатство внутреннего мира Печорина, когда писал: "...хотя автор и выдает себя за человека, совершенно чуждого Печорину, но он сильно симпатизирует с ним, и в их взглядах на вещи — удивительное сходство".³

Пейзаж Кисловодска приобретает интимно-лирическую окраску. Таинственно густые сени липовых аллей, молчаливые ущелья, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев — все это также пробуждает в Печорине жажду жизни в минуту томительного ожидания свидания с Верой.

"Природа, пейзаж в "Герое нашего времени" и в особенности в "Журнале Печорина" очень часто не только фон для человеческих переживаний, — справедливо утверждает лермонтовед В. А. Мануйлов, — но своеобразный аккомпанемент душевной жизни, иногда непосредственно проясняющий состояние человека, иногда контрастно подчеркивающий несоответствие переживаний героя и окружающей обстановки".⁴

В самом деле, этот вывод находит подтверждение в большинстве картин. Стоит только вспомнить достойный кисти гениального живописца утренний пейзаж накануне дуэли Печорина с Грушницким, когда герой жадно всматривается в каждую росинку, отражающую миллионы радужных лучей; с каким томлением вдыхал утреннюю прохладу; с каким наслаждением встречал он радостный луч молодого дня: "Я не помню утра более голубого и свежеего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление... Я помню — в этот раз больше, чем когда-нибудь прежде, я любил природу".

Но это радостное мироощущение омрачается предстоящей дуэлью. Поэтому наряду со светлыми красками в пейзаже появляются и контрастные им: "...путь все становился уже, утесы сильнее и страшнее, и наконец они, казалось, сходились непроницаемой стеной". С приближением момента дуэли двойственность пейзажа усиливается: например, золотой туман утра и гробовой холод ущелья. Таким образом, отмеченная В. А. Мануйловым многогранность функций пейзажа служит одновременно раскрытию эстетических вкусов персонажей и автора "Героя нашего времени". С каждой новой картиной перед нами все полнее раскрывается богатый разумом и эмоциями внутренний мир героя с его ненасытной жаждой к красоте и неутолимимым отвращением ко всему, что омрачает прекрасное. Вместе с героем и читатель все глубже ощущает всю прелесть земной красоты, и тем понятнее становится для нас трагедия передового человека в его жестокий век. Такова — кратко — в нашем представлении эстетическая функция пейзажа в романе "Герой нашего времени".

Примечания

¹И.Б. Астахов. Разговор о прекрасном, "Знание", М., 1962, стр. 24.

²А.И. Герцен. Избранные сочинения, Гослитиздат, 1937, стр. 404.

³В.Г. Белинский. Поли. собр. соч. под ред. Венгрова, 1907, т. 5, стр. 364.

⁴История русской литературы, АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 359.

Текст и примечания печатаются по изданию:

Тамахин В.М. Эстетическая функция пейзажа в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" // М.Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения VI всесоюзной лермонтовской конференции. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1965.

Фотография предоставлена Т.К. Черной.

Владимир Георгиевич Гниловской

1907—1980

Владимир Георгиевич Гниловской — видный исследователь Предкавказья и Северного Кавказа, большой знаток природы и памятников истории Ставропольского края, педагог и общественный деятель. За большие заслуги в подготовке специалистов и развитии науки в 1961 году награжден орденом "Знак Почета".

Владимир Георгиевич Гниловской родился 14 июня 1907 года в Ставрополе в семье учителя. В 1924 году он окончил школу 2-й ступени и поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. В 1928 году В.Г. Гниловской окончил эконом-географическую секцию экономического отделения этого института и был направлен на работу в город Златоуст Уральской области. С 1932 по 1934 год он работал в Ставрополе на должности доцента в педагогическом институте, а в 1934 году был направлен в Арзамасский учительский институт, где заведовал кафедрой географии. Спустя год стал заведующим кафедрой географии, а затем деканом географического факультета Ставропольского государственного педагогического института.

В октябре 1941 года В.Г. Гниловской был призван в армию и направлен на фронт в саперные части. Строил оборонительные укрепления, защищал Орджоникидзе, Грозный, Георгиевск, воевал в Донбассе. За заслуги в Великой Отечественной войне В.Г. Гниловской получил 8 боевых наград. В 1943 году по заданию штаба фронта он приехал восстанавливать разрушенный немцами Ставрополь.

Еще до войны Владимир Георгиевич начал работать над кандидатской диссертацией "Особенности геоморфологии юго-западной части Ставропольской возвышенности", которая была защищена 23 мая 1952 года в Институте географии АН СССР. В 1954 году он стал доцентом кафедры физической географии.

С 6 мая 1961 года по 25 июня 1975 года он заведовал кафедрой физической географии и геологии Ставропольского государственного педагогического института.

В 1916 году он организовал Ставропольское краеведческое общество и в течение многих лет был его постоянным председа-

телем и признанным главой ставропольских краеведов. Позже (в 1954 году), на основе краеведческого общества В.Г. Гниловской создал Ставропольский отдел Географического общества СССР и возглавлял его 20 лет. В 1966 году он организовал Ставропольское краевое отделение Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры и также стал его первым председателем, а затем был избран в президиум центрального совета этого общества. Нельзя переоценить и деятельность Владимира Георгиевича в Ставропольском краеведческом музее, с которым он сотрудничал до последних дней жизни.

В 1949 году по его инициативе Ставропольским краеведческим музеем и Обществом краеведения было начато издание "Материалов по изучению Ставропольского края" (14 выпусков), где печатались статьи, посвященные природе, истории, экономике, культуре нашего края. Как автор он опубликовал в них 21 статью.

В.Г. Гниловским были осуществлены и другие издания, посвященные изучению природы Ставропольского края (выпуски №2 и №18 "Трудов естественно-географического факультета Ставропольского педагогического института"), четыре сборника "Северный Кавказ" (1969, 1973, 1974 и 1977 годы), труды кафедры физической географии Ставропольского пединститута. Сейчас уже классической стала его книга "Занимательное краеведение" (1954), выдержавшая несколько изданий.

Владимир Георгиевич участвовал в создании первого атласа Ставропольского края, был его научным редактором. Ряд настенных учебных карт Ставропольского края, а также учебное пособие для школ "География Ставропольского края" (1966) созданы с его участием.

Круг научных интересов В.Г. Гниловского был необычайно широк. Наиболее плодотворно он работал в области геоморфологии, исторической географии. Так, им были обнаружены старинные планы и карты городов и крепостей Азово-Моздокской укрепленной линии (Ставропольской, Александровской, Донской, Московской и Георгиевской).

С увлечением и большим успехом он занимался расшифровкой рисунков Лермонтова, сделанных в окрестностях Ставрополя, составлял путеводители для экскурсий по Ставрополю. Беспредельную преданность науке, любовь к истине, стремление познать неизвестное, точность и тщательность в проведении исследований, энциклопедизм, интеллигентность — эти черты выдающегося ученого отмечают его коллеги.

Краткая библиография

- Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. — Ставрополь, 1954.
Гниловской В.Г. Вот мельница...: [О рисунке "1837 год, 13 мая, Волобуева мельница"] // Ставропольская правда, 1972. 4 марта.

Гниловской В.Г. "После прогулки на мельницу Волобуева..." // Ставропольская правда, 1972. 19 июля.

Гниловской В.Г. Ставропольские рисунки Лермонтова // Русская литература и Кавказ. — Ставрополь, 1974. — С. 42—48.

Д.И. Петренко, В.П. Ходус

1974

Ставропольские рисунки Лермонтова

Январский номер журнала "Наука и жизнь" за 1972 год принес радостную весть любителям литературы и лермонтоведам — "Найден еще один рисунок М.Ю. Лермонтова"! Каждая такая находка обогащает наши знания о великом поэте, полнее характеризует творчество, художественные вкусы и обстановку его жизни.

Сотрудники Государственного литературного музея в Москве В. Попов и Н. Верховская так рассказывают об этом событии.

В закупочную комиссию музея поступил небольшой карандашный рисунок, изображающий сельский пейзаж, с ручьем, водяной мельницей и виднеющимся вдали обширным лесом, покрывающим склоны балки и соседних гор. Композиция, манера письма, совершенство рисунка говорили о высоком мастерстве автора.

Внизу, слева, в пейзаж была вписана надпись: (1837 год, 13 мая, Волобуева мельница". Справа, где обычно ставится подпись художника, значилось — Лермонтов.

Сразу трудно было поверить, что в музей неожиданно пришла новая бесценная реликвия поэта, о которой ранее не было никаких сведений — рисунок мог быть и подделкой.

Находка подверглась тщательной экспертизе, изучались не только сам рисунок, но и подпись, и бумага, на которой он был нарисован.

Несмотря на то, что подпись не имела инициалов, которые Лермонтов обычно ставил перед фамилией, а также была неясность некоторых букв, эксперту литературного музея В. Герасимову, по характеру штрихов, направлению их движения, исполнению букв, удалось установить несомненную принадлежность подписи и рисунка М.Ю. Лермонтову.

Но что это за местность, что за мельница, привлекавшая внимание поэта своею живописностью? Где был Лермонтов в мае 1837 года?

Из летописи жизни Лермонтова известно, что вскоре после появления его стихотворения "На смерть поэта", посвященного А.С. Пушкину, возникло жандармское "Дело о непозволительных стихах". Лермонтова арестовали, последовало высочайшее повеление о "назначении" (высылке) опального офицера в Нижегородский драгунский полк, действующий на Кавказском фронте.

15 апреля Лермонтов прибыл в Ставрополь, где находился штаб Кавказской армии. Здесь он был радушно встречен местным обществом, подружился с доктором Майером, ссыльными офицерами. Хорошо отнеслись к нему либерально настроенные герои Бородинской битвы — командующий Кавказской линией и Черноморья генерал А.А. Вельяминов и начальник штаба генерал П.И. Петров, родственник поэта.

В конце апреля Лермонтову пришлось выехать в полк, дислоцировавшийся в Грузии. Путь его лежал через Кизляр. В дороге

он заболел злокачественной малярией и в начале мая возвратился в Ставрополь "для освидетельствования". Здесь Лермонтов был определен в военный госпиталь, откуда затем переведен в Пятигорск "для пользования минеральными водами".

Рисунок с "Волобуевой мельницей", выполненный 13 мая 1837 года, в день, которым датирован рапорт Лермонтова начальнику штаба войск на Кавказской линии о болезни, подтверждает мнение А.В. Попова, "что Лермонтов после подачи рапорта о болезни находился именно в Ставрополе"... (А.В. Попов "Лермонтов на Кавказе", Ставрополь, 1954, стр. 60).

В творческом наследии Лермонтова большое место занимают его работы как художника. Многие произведения поэта, выполненные карандашом, маслом и акварелью, хранятся в Литературном и других музеях. Путешествуя, Лермонтов любил рисовать. В одном из его писем говорилось: "Я снял на скорую руку виды примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию".

Значительная часть картин Лермонтова посвящена Кавказу. Ставрополь также заинтересовал поэта своей новизной и живописностью. Строгого режима в госпитале не было. Лермонтов гулял по городу и окрестностям, зарисовывая пейзажи, людей, уличные сценки. Кроме зарисовки "Волобуевой мельницы" известны его рисунки "Сцены Ставропольской жизни", датированные 18 мая 1837 года.

Водяных мельниц в городе в то время было довольно много. Большая часть их располагалась по речке Ташле, называвшейся также Члюю. Какая же из них была "Волобуевой"?

Достаточно взглянуть на рисунок Лермонтова, как в нем каждый ставропольский краевед может легко узнать мельницу, дошедшую до нас под названием Сипягиной. На рисунке мельница стоит у ручья, ограниченного с двух сторон крутыми скатами балки Ташлы. Отсюда начинается пригородный лес, называвшийся прежде Архирейским, уходящий далее к верховьям балки. При Лермонтове мельница была бревенчатой. В наши дни ее корпус сложен из камня, водяное колесо заменили сперва дизелем, а затем электрическим приводом. Вокруг здания возникли разные пристройки, теперь здесь размещается мельница № 28 Крайпищепрома.

У мельницы, вдоль обоих склонов долины, протянулись узкие улочки. До недавнего времени они назывались 1-й и 2-й Волобуевскими. Теперь первая из них именуется Дачной, а вторая — им. Балакирева. Еще недавно никто не мог объяснить происхождение их первоначального названия, и лишь рисунок Лермонтова внес ясность в этот вопрос. Первый владелец мельницы именовый купец — Игнатий Волобуев значился почетным гражданином Ставрополя. Он был известен также как строитель украшающего наш город ансамбля зданий "Губернских

Рис. 1. "Волобуева мельница". 1837 г.

присутственных мест", созданного по проекту знаменитых архитекторов братьев А. и И. Бернардацци.

Первая счастливая находка Ставропольского пейзажа, запечатленного рукой поэта, повлекла другие.

Директор музея "Домик Лермонтова" П.Е. Селегей, в беседе со мною о живописи Лермонтова, вспомнил, что тема Волобуевой мельницы, не замеченная ранее ставропольскими лермонтоведами, уже встречалась среди рисунков поэта, и рекомендовал обратиться к 1-му Лермонтовскому тому "Литературного наследства", изданному Академией наук в 1941 году.

С волнением я перелистывал эту объемистую книгу и вдруг на одной из страниц обнаружил какой-то знакомый вид, напоминающий окрестности Ставрополя, в его ташлянской части. Внизу лермонтовским почерком написано: "21 мая, после прогулки на мельницу Волобуева". Сомнений нет! — это ставропольский рисунок Лермонтова, который прежде не был известен.

В капитальном труде Н. Пахомова "Живописное наследие Лермонтова" этот рисунок был описан под наименованием "Ночной пейзаж". Выполнен он тушью. Сперва принадлежал известному археографу и библиографу П.И. Бертеневу, затем поступил в коллекцию И.С. Зильберштейна. Первоначально не только место, но и дата создания рисунка известны не были. Предположительно его относили к 1830 г., а лермонтовская надпись из-за неясности почерка была прочтена неправильно: "...На мельницу у Волабух"...

На рисунке изображен пейзаж с одинокой обнесенной плетнем бревенчатой хатой под камышом, в одно окно. Хата стоит на левом склоне балки. На переднем плане два одиночных дерева, вдали лес на пригорке. Слева мелкая речка с камнями и водоскатом. На небе темнеют облака. Пейзаж оживляется бликами

лунного света, разбросанными по воде, осветившими также стены хаты, скат крыши и крону соседнего дерева.

Пейзаж напоминает вид у Волобуевой мельницы, он типичен для прежней и современной балки Ташлы. Только теперь здесь почти не сохранилось камышовых крыш, плетней, бревенчатых хат. Картина Лермонтова восстанавливает облик этой части Ставрополя за 130 лет назад, когда по долине Ташлы располагались хутора казачьей станицы. Это произведение относится к так называемым рисункам на автографах, то есть на листах с литературными творениями поэта. Он был нарисован Лермонтовым на автографе посвящения к поэме "Демон". Первый лист содержал само посвящение:

**"Тебе, Кавказ, суровый царь Земли,
Я снова посвящаю стих небрежный..."**

Второй лист был заполнен рисунком "После прогулки на мельницу "Волобуева". Обратот этого листа, на котором просвечивается изображение мельницы, М.Ю. Лермонтов также использовал для зарисовок своих впечатлений о Ставропольской жизни. Здесь изображены портреты трех мужчин и набросок какого-то плана.

План, вероятно, показывал маршрут прогулки к мельнице. Можно думать, что широкая двойная линия с изгибом изображает русло реки Ташлы. Справа к ней идет узкая прямолинейная тропа из верхней части Ставрополя в глубь речной долины, где была мельница. Расположенные левее штрихи изображают глубокий овраг, существующий и поныне, спускающийся к Ташле вдоль Кавалерийской улицы. Очень неясно набросанные контуры какого-то здания, возможно, изображают военный госпиталь, в котором находился на излечении сосланный на Кавказ М.Ю. Лермонтов. Госпиталь располагался близ верхо-

Рис. 2. "Волобуева мельница". 1837 г.

вий упомянутого оврага, в квартале, ограниченном современными улицами Дзержинского и И. Булкина.

Лермонтов, обладавший большой наблюдательностью, сделал ряд зарисовок с портретами окружавших его военных и гражданских лиц, тонко подчеркнув их внешний облик, характеры и интересы. Оригиналы упомянутых ранее "Сцен из Ставропольской жизни" хранятся в художественной галерее города Перми, а копии их выставлены в залах Ставропольского краеведческого музея.

Познакомимся с этими зарисовками ближе. На одной стороне листа изображены три колоритных фигуры военных, один в чине генерала, с благообразным выражением лица, крестится и имеет отнюдь не военный вид, другой генерал, с пышной шевелюрой и с брюшком, заложивший руки за спину, тоже не показывает военной осанки, а третий, с унылым лицом и наброшенной на плечи шинелью, более похож на какого-то канцеляриста, чем на офицера действующей армии. Здесь же имеются еще другие портретные зарисовки и изображение бегущей лошади (которых любил рисовать Лермонтов), запряженной в сани.

На обороте листа изображена плоская поверхность возвышенности, увенчанная камнями и зарослями кустарника, — вид, типичный для многих мест Ставрополя. Запрокинутая навзничь фигура обнаженного мужчины с поднятой рукой, сжатой в кулак, напоминает Прометея, прикованного к скалам Кавказа.

Рис. 3. "Сцены из Ставропольской жизни". Рисунки карандашом Лермонтова. 1837 г.

Рис. 4. Наброски на обороте "Сцен из ставропольской жизни". Рисунки карандашом Лермонтова. 1837 г.

Также нарисованы две мужские головы, одна из которых, возможно, является автопортретом Лермонтова. Справа нарисованы фигуры двух собеседников: штатского и военного. Чьей-то рукой на французском языке сделана подпись: "Сувениры путешествия". Слова, "вылетающие" из уст этих персонажей, передают, по объяснению Н. Пахомова, шуточный обмен мнений о кавказских достопримечательностях. В их разговоре явная игра слов. Штатский, восторгаясь Эльбрусом, говорит: "Эльбрус — о-о!", но тут же как бы сопоставляет Эльбрус со скалой Канкаль во Франции, на побережье, славящемся устрицами, а может быть, с одноименным рестораном в Париже, на что военный отвечает по-английски: "Замечательно!" И не ясно, чему же в конце концов эти путешественники отдают предпочтение, красота ли Эльбруса, устрицам или знаменитому ресторану?

Ставропольские рисунки Лермонтова интересны тем, что впервые позволили установить точную дату пребывания поэта в нашем городе в 1837 году, бывшую прежде спорной. Кроме того, по ним мы глубже познаем историю и быт населения Ставрополя в прошлом. Зарисовки людей, сделанные Лермонтовым, несомненно портретны — это лица, окружавшие ссыльного поэта в Ставрополе, но расшифровать пока что удалось очень немногих. Крестьянский генерал — барон Розен, командующий отдельным Кавказским корпусом, под начальством которого пришлось служить опальному поэту.

Рис. 5. Лист набросков из альбома князя П.А. Урусова. 1840 г.

Во время второй ссылки на Кавказ, в действующую армию в 1840 году, Лермонтов несколько раз бывал в Ставрополе, памятью чего служит рисунок поэта в альбоме поручика П. Урусова — соратника Лермонтова по отряду генерал-лейтенанта Галафеева. Под рисунком справа неизвестной рукой красными чернилами написано: "9-го ноября, 1840... Лермонтов, Ставрополь". На нем — скачущий всадник, восемь фигур скачущих лошадей

Библиография

Герасимов В., Попов В., Верховенская Н. Найден еще один рисунок Лермонтова. "Наука и жизнь", № 1, 1972.
"Литературное наследство". М.Ю. Лермонтов. М., АН СССР, т. 1, 1941, т. 11, 1948.

и голова мужчины. Этот рисунок, хранящийся в государственном литературном музее, опубликован в "Литературное наследство", тт. 45—46, стр. 143.

Возможно, что некоторые, более ранние графические произведения Лермонтова, места создания которых еще не расшифрованы, тоже относятся к Ставрополю. В частности, опубликованный в упомянутой статье Н. Пахомова рисунок Лермонтова из "22-го" (юношеского) альбома, под наименованием "Вид провинциального города", очень напоминает вид центральной площади Ставрополя с гостинным двором, состоявшем из трех двухэтажных домов, соединяемых друг с другом в один корпус двумя рядами одноэтажных лавок. Но вопрос этот требует дополнительного исследования.

Лермонтов не был бесстрастным рисовальщиком — его кисть и карандаш ярко выражают отношение автора к изображаемому. Ставропольские рисунки Лермонтова дороги нам не только как бесценные реликвии великого поэта, но и как произведения, воспевающие красоту пейзажей нашего родного города, которую мы должны сохранить и преумножить.

Сами рисунки, как и места в них запечатленные, должны войти в сокровищницу памятников истории и культуры нашей Родины.

Уголок Ставрополя, избранный Лермонтовым для картины "Волобуева мельница", волнует живописностью и романтической настроенностью, перекликающейся со стихами Лермонтова о природе Кавказа. Его очень любят ставропольцы, он служит местом прогулок и экскурсий. Здесь, за мельницей, расположен благоустроенный пионерский пруд (бывший Сипягин), где теперь все приспособлено для отдыха ребят.

Возле самой мельницы стоит вековая кряжистая ива, в несколько обхватов, напоминающая дерево, изображенное Лермонтовым. Возможно, его еще и не было в 1837 году, но оно украшает местность и приближает ее вид к лермонтовской картине.

Живописное место бывшей Волобуевой мельницы, освященное памятью великого поэта русской земли, должно войти в число памятников истории и культуры нашего города. Оно должно быть отмечено мемориальной доской и подлежать всемерной охране.

Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова. "Литературное наследство", в. 45—46, М.Ю. Лермонтов, т. 11, М., АН СССР, 1948, стр. 55—222.

Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, книжное изд-во, 1954.

Текст печатается по изданию:
Гниловской В.Г. Ставропольские рисунки Лермонтова // Русская литература и Кавказ. — Ставрополь, 1974. — С. 42—48.

1974

Новое о Лермонтове

С приближением двухсотлетнего юбилея Ставрополя растет интерес жителей к истории родного города. Краеведческий музей и другие учреждения культуры организуют выставки, освещающие прошлое и будущее краевого центра, готовятся к изданию книги и альбомы, посвященные юбилею; создаются новые памятники.

Совсем недавно близ здания первой на Кавказе мужской гимназии был установлен скульптурный портрет ее выпускника, члена исполкома Первого Интернационала, друга Карла Маркса — Германа Лопатина, первого переводчика на русский язык "Капитала". Члены общества охраны памятников истории и культуры ведут поиск новых материалов о пребывании в Ставрополе декабристов, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.И. Пирогова, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова и других знаменитых наших соотечественников.

Особый интерес должно вызывать изучение лермонтовских мест в Ставрополе. Не все они еще учтены и известны, несмотря на то, что Лермонтов посещал Ставрополь чаще, чем кто-либо другой из великих сынов России.

На улице Дзержинского 116 сохранился дом штаба командующего Кавказской линией и Черноморья, где бывали Грибоедов, Пушкин, Лермонтов. Исследуются архивные материалы, чтобы найти здание, где помещалась гостиница Найтаки, в которой собирались Одоевский, Назимов и другие декабристы, друга М.Ю. Лермонтова. Предположительно она находилась в одном из домов по четной стороне нынешнего проспекта К. Маркса, в квартале между улицами Голенева и Розы Люксембург, носившими в те времена наименование Кузнечной и Кладбищенской. С памятью о Лермонтове связано место, где он рисовал "Волобуеву мельницу", близ Пионерского пруда (бывшего Сипягинского), и семисотлетний дуб во дворе № 187 по улице Дзержинского (бывшей Лермонтовской).

Долгое время ничего не было известно о домах, в которых жил Лермонтов в нашем городе, но недавно один из них был обнаружен. Во время первой ссылки на Кавказ весной 1837 года поэт заболел и был помещен в Ставропольский военный госпиталь, находившийся к западу от крепости, где-то близ верховий оврага, впадающего в реку Ташлы. Здесь теперь расположен квартал города; ограниченный отрезками улиц Дзержинского, Булкина и Интернациональной. Сохранился дом госпиталя или нет, не было известно.

Жителей этого района постоянно удивляло расположение здания внутри двора № 13 по улице Булкина. Вдоль красной линии улицы стоит невысокий одноэтажный жилой дом, имеющий восемь окон и одну дверь с навесом; внутри же двора к этому дому примыкает под острым углом небольшое по площади высокое двухэтажное здание, сложенное из штучного тесаного камня-ракушечника. Четырехступенчатые карнизы, венчающие верхние части стен, протянувшиеся вдоль крыши, своды оконных проемов из клиновидных камней и другие черты старинной архитектуры позволяют отнести время постройки этого здания к началу XIX века.

Странное расположение этого дома в отношении окружающих его зданий и направления улицы Булкина свидетельствует,

что он тут самый "древний", был возведен раньше других домов, еще до создания улицы, и первоначально стоял на пустыре.

Историю этого здания позволил окончательно разгадать обнаруженный недавно в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде "План города Ставрополя Кавказской области с назначением вновь мест казенных общественных зданий и усадеб для жителей города сего 1833 г." (Фонд 1289, опись 15, дело 275, № 4).

План был составлен архитектором, коллежским асессором Гайворонским. Он был "высочайше" утвержден в августе 1833 года и по существу является первым генеральным планом города Ставрополя, а архитектор Гайворонский — автором проекта, по которому в дальнейшем строился наш город. Согласно "изъяснению" на плане "красными чертами означены кварталы и места для новых построек и исправлены погрешности (кривые улицы. — В.Г.), вкравшиеся при построении домов и занимаемых ныне усадеб".

На плане среди казенных зданий значится: "Госпиталь с принадлежащим к нему строением". Он состоял из двух длинных зданий, протянувшихся с запада на восток, и третьего, меньшего по размерам, расположенного западнее, вытянутого с северо-запада на юго-восток.

План проектировал новый квартал, занимаемый теперь краеведческим музеем.

Согласно проекту западная улица тянулась от Главной площади (теперь площадь Ленина) до склона балки Ташлы и пересекала два длинных здания госпиталя, подлежащих сносу. Третье же здание, расположенное перпендикулярно к первым, оставалось нетронутым, так как находилось внутри дворов проектируемой улицы. Направление длинных сторон этого здания не совпадало с красной линией улицы, а располагалось к ней под таким же углом, как и в описанном выше доме.

Сопоставляя старинный план с расположением современных улиц, нетрудно определить, что дом № 13 по улице Булкина представляет собой не что иное, как сохранившееся до наших дней одно из зданий первого в Ставрополе военного госпиталя.

В годы пребывания в нашем городе М.Ю. Лермонтова большого трехкорпусного госпиталя, построенного в 1842 году на современной улице Ленина, еще не было, и М.Ю. Лермонтов мог лечиться в 1837 году только в первом госпитале, точное местоположение которого удалось обнаружить, анализируя план города 1833 года.

Судя по ряду архивных документов, сохранившийся двухэтажный каменный дом является лучшим, принадлежавшим госпиталю, и предназначался для офицеров. Снесенные же по новой планировке здания были более ветхими (переделанными из драгунских конюшен и манежа) и занимались рядовым составом.

Таким образом, к лермонтовским местам в Ставрополе добавился дом первого военного госпиталя, посещавшийся Лермонтовым в 1837 году. Дом этот надо сохранить, как памятник лермонтовской эпохи, освободив его от различных пристроек, восстановить первоначальный архитектурный облик, украсить мемориальной доской.

Текст печатается по изданию:

Гниловской В.Г. Новое о Лермонтове // Ставропольская правда. — 1976. — 19 марта.

Леонид Николаевич Польский

1907—1993

Леонид Николаевич Польский — ученый краевед, историк, коллекционер, последние 37 лет прожил в Пятигорске, где снискал себе признательность и глубокое уважение творческой интеллигенции Кавминвод. Л.Н. Польский обладал фундаментальными знаниями по истории отечества, высокой культурой языка и неистребимой потребностью вовлекать в круг своих интересов как можно больше равнодушных людей.

Литературное наследие его невелико (этому есть объяснение), но очень значительно. Прежде всего, это библиографические работы, которые явились для многих поколений историков и краеведов надежным литературным компасом в исследовательской работе. Пять книг по истории Кавказских Минеральных Вод, давно знакомые читателям, где обозначены авторы Е.Б. Польская и Б.М. Розенфельд, по свидетельству одного из них,

Б.М. Розенфельда, имели третьего автора — Л.Н. Польского: "...именно он, дядя Леня, без преувеличения был главным из трех". Имя Л.Н. Польского в ту пору было "в запрете": он приехал в Пятигорск, отбыв 12 лет в лагерях гулага. Последняя книга "Здесь каждый шаг — живые письма", уже под тремя фамилиями (в том числе и Л.Н. Польского), осталась неизданной.

Л.Н. Польский открыл множество новых имен, определил новые направления краеведения. Он написал работы "Булгаковский Владикавказ", "История православного христианства на Северном Кавказе" и другие. У Леонида Николаевича была давняя мечта — написать "Историю Пятигорска". К выполнению этой задачи он подошел очень ответственно: создал "Летопись Пятигорска" (в качестве рабочего справочника), собрал данные по истории наиболее значимых старинных улиц Пятигорска. "Летопись Пятигорска" (не завершена), с разрешения автора, была издана Краеведческим обществом и сегодня является настольной книгой каждого краеведа. История старинных улиц Пятигорска ждет своего издателя. Многие идеи Л.Н. Польского в области лермонтоведения разрабатываются современными учеными.

Р.С. Белаш

Краткая библиография

Польский Л.Н. Лермонтовские места Пятигорска на дореволюционных открытках // Пятигорск: История в открытках. Советский коллекционер. — 1986. — Вып. 24. — С. 103—110.

Польский Л.Н. Лермонтов в Пятигорске. — Пятигорск, 2002.

О нем

Ларинцева А.Г. "Все, что мне назначено..." // Ставропольские губернские ведомости. — 1993. — 14 августа.

Безладная И.А. Прошлое должно служить современности // Пятигорская правда. — 1996. — 20 июня.

Розенфельд Б.М. "Дядя Леня" // Пятигорская правда. — 1997. — 4 ноября.

Шляпак А.Е. Почему отменили юбилей // Кавказская здравница. — 1998. — 10 января.

Л.Н. Кочкарева

1975

Лермонтовский Ставрополь

Л.Н. Польский, Е.Б. Польская

В литературе о М.Ю. Лермонтове еще нет специального исследования, где бы освещался вопрос о пребывании великого русского поэта в нашем Ставрополе. Вскользь, мимоходом касаются его авторы одноименных работ "Лермонтов на Кавказе" Л.П. Семенов, А.В. Попов, И.К. Ениколопов, Т.А. Иванова. Лермонтовский Пятигорск в отличие от Ставрополя изучен более тщательно, чему свидетельством служит изданная на эту тему в 1974 году Краевым издательством монография С.И. Недумова. Ставрополю же в этом отношении не повезло, и находившаяся в производстве еще в 1940 году книга о пребывании поэта в этом городе, которая должна была выйти к 100-летию гибели Лермонтова, из-за начавшихся военных событий не увидела света. Между тем, в силу географического положения Ставрополя и военно-административной роли, которую он играл во второй четверти XIX в., в этом городе поэту пришлось бывать чаще, нежели в других местах Кавказа.

Еще в детстве, в 1818, 1820, 1825 гг., Миша Лермонтов с бабушкой Е.А. Арсеньевой шесть раз проезжал через Ставрополь, направляясь по Кавказскому военному и почтовому тракту на горячие Воды и возвращаясь обратно. Более значительный след в его жизни оставил, однако, Ставрополь, в период его двух кавказских ссылок 1837, 1840 и 1841 гг. О пребывании поэта в Ставрополе в те годы говорят написанные здесь стихи, рисунки. О ставропольских встречах с М.Ю. Лермонтовым рассказывают воспоминания современников поэта П.М. Сатина, А.Д. Исакова, А. Чарыкова, Я.И. Костеневского, М.Х. Шульца, П.И. Магденко, А.И. Дельвига, М.А. Назимова.

В Ставрополе М.Ю. Лермонтов общался со многими передовыми людьми своего времени. Все его биографы упоминают "ставропольский кружок", собиравшийся в доме полковника И.А. Вревского и до сих пор почему-то не ставший предметом специального изучения лермонтоведов. Воспоминания Есакова сохранили память о том уважении, с которым поэт относился к гостеприимному хозяину дома, где у него бывали офицеры А.А. Столыпин, С.В. Трубецкой, Р.И. Дорохов, Н.И. Вольф, Л.С. Пушкин, М.А. Назимов, доктор Н.В. Майер и др. В Ставрополе у поэта была еще и родственная семья генерала П.И. Петрова, начальника штаба Кавказской линии и Черноморья, где он был своим человеком. В письме к дяде — П.И. Петрову Лермонтов 1 февраля 1838 года сердечно благодарил его за теплый прием, оказанный ему зимой 1837 г. и за одолженные на дорогу деньги. Запросто, домашним образом, принимал поэта зимой 1840—1841 гг. командующий войсками генерал П.Х. Граббе, в прошлом адъютант А.П. Ермолова и "прикосновенный" к декабристам как член "Союза благоденствия". В январе 1841 г. Лермонтов отвез частное письмо генерала к Ермолову и, таким

образом, как бы вошел в среду опальных в глазах императора Николая I "ермоловцев". Свита Граббе и "ставропольский кружок" были на Кавказе средоточием оппозиционного к правительству "ермоловского духа". В этой среде рождались идеи, отразившиеся в очерке "Кавказец", стихотворении "Спор", романе "Герой нашего времени".

Внешняя канва жизни поэта в Ставрополе в ту пору рисует составленная профессором В.А. Мануйловым "Летописью жизни и творчества М.Ю. Лермонтова". Из нее видно, что особенно часты были посещения поэтом Ставрополя в 1837 г. В Ставрополь он приезжал, "простудившись дорогою", во второй половине апреля — начале мая и 13 мая подал в штаб войск на Кавказской линии и в Черномории рапорт "об освидетельствовании болезни его". Лермонтова поместили на излечение в местный военный госпиталь в г. Пятигорске. 18 мая датирован рисунок Лермонтова "Сцена из Ставропольской жизни", находящийся в художественной галерее г. Перми. Есть официальный документ, датированный 22 октября "свидетельство штаба войск на Кавказской линии и Черномории прапорщику Нижегородского драгунского полка Лермонтову, что по переводу его в полк, он по пути следования заболел и в г. Ставрополе вступил в военный госпиталь, откуда переведен в Пятигорский для пользования минеральными водами, по выздоровлении же... командирован был в действующий за Кубанью отряд для участия в делах против горцев". Как полагает В.А. Мануйлов, в первой половине сентября Лермонтов с Кавказских Минеральных Вод проезжал через Ставрополь в Тамань. В журнале входящих бумаг штаба отмечено предписание его начальника от 22 октября в Комиссию Ставропольского комиссариатского дома "об отпуске прогонных денег Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову от Пятигорска до Тамани и обратно в Ставрополь".

По словам самого поэта, он "приехал в отряд слишком поздно" и поэтому снова вернулся в Ставрополь, где провел какое-то время перед поездкой в полк, в Тифлис. Сын Петрова Аркадий так вспоминал о Лермонтове: "В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича. Ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой". Среди лиц, изображенных поэтом на рисунках в "Сценах из Ставропольской жизни", есть военный в накинутой на плечи шинели. Лермонтовед Л.И. Прокопенко с помощью криминалистов установил, что это дядя поэта П.И. Петров. В этом рисунке обращает внимание метко схваченное выраже-

ние грусти на лице овдовевшего дяди, оставшегося после смерти жены с семьей детьми.

В первых числах октября 1837 г. в Ставрополь из Сибири прибыла группа декабристов, зачисленных рядовыми в Отдельный Кавказский корпус. Быть может, осторожно замечает В.А. Мануйлов, в те дни Лермонтов встречался с декабристами В.Н. Пикаревым, М.А. Назимовым, Н.М. Нарышкиным, А.Н. Одоевским и А.И. Черкасовым.

Во второй половине декабря того же года, прощенный царем и снова возвращенный в гвардию, Лермонтов на пути в Петербург опять провел несколько дней в Ставрополе. Он снова встречается с дядей и одалживает у него 1050 рублей. Тут он видит своих приятелей по Пятигорску: доктора Н.В. Майера, Н.М. Сатина, декабристов В.М. Голицына и С.И. Кривцова. В конце года поэт в дороге с Кавказа в Петербург. Словами "Спеша на север издалека" начинается написанное им в те дни стихотворение "Казбеку".

До сих пор еще идут споры по поводу маршрута путешествий поэта по Кавказу в 1837 году. Здесь еще есть "белые пятна". С.М. Молков, знаток военной биографии поэта, предполагает, что прибыв в Ставрополь 23 апреля, Лермонтов смог тогда же с разрешения дяди, влиятельного на Северном Кавказе военного деятеля, объездить "Кавказскую землю" от Кизляра до Тамани", как об этом писал поэт С.А. Раевскому и, заболев в дороге, принужден был подать по возвращению из этой поездки 13 мая в Ставрополь свой рапорт о болезни. В зависимости от дальнейших уточнений маршрута путешествий поэта по Кавказу может измениться и наше представление о числе его заездов в этих скитаниях в Ставрополь. Оно было довольно велико и составляло не менее пяти раз.

Дуэль с Барантом повлекла в 1840 г. вторую ссылку М.Ю. Лермонтова на "погибельный" Кавказ. Теперь его перевели из лейб-гвардии гусарского полка в Тенгинский пехотный полк. 10 июня поэт уже в Ставрополе, где является в штаб Командующего войсками. На этом посту вместо генерала А.А. Вельяминова уже генерал граф П.Х. Граббе. Нет и дядюшки — Петрова — вместо него новый начальник штаба — полковник А.С. Траскин. Благодаря их участию в судьбе опального поэта, Лермонтов получил возможность поехать не в свой полк, стоявший на правом фланге Кавказской линии, в Черномории, а в отряд генерала А.В. Галафеева в Чечню, на левый фланг, где в военной экспедиции легче было отличиться и получить награду. 17 июня в письме к А.А. Лопухину он сообщил, что уже с неделю живет вместе с офицером К.К. Ламбертом в Ставрополе и на следующий день едет в действующий отряд на левый фланг в Чечню.

Осенью Лермонтов участвовал во второй экспедиции в Малой Чечне, продолжавшейся с 9 по 20 ноября, и в перерыве между экспедициями мог быть в Ставрополе, чтобы явиться в штабквартиру Тенгинского полка в станицу Ивановскую, на Кубани. Кое-кого вводила в заблуждение пометка, сделанная неизвестной рукой на лермонтовском наброске в альбоме А.И. Урусова: "9 ноября 1840. Лермонтов в Ставрополе". С.В. Малков отвергает эту дату, так как Лермонтов, находясь 9 ноября 1840 г. в отряде Галафеева, никак не мог быть в то же самое время в Ставрополе. Возможно, альбомная пометка отнесена к более раннему времени.

Приказом по Тенгинскому полку от 31 декабря 1840 г. Лермонтов зачислен в него налицо. Но уже в начале 1841 г. он опять в Ставрополе. Здесь он провел две недели в обществе

с членами "ставропольского кружка" барона И.А. Вревского. Военный инженер А.И. Дельвиг в воспоминаниях рассказывает, как он в доме генерала Граббе встречался с М.Ю. Лермонтовым и Л.С. Пушкиным. Приятели навестили и его в доме, который он снимал против церкви на Варваринской площади. 14 января 1841 г. Лермонтову выдали отпускной биле № 384 на 2 месяца, и в этот день он выехал из Ставрополя в столицу. Накануне П.Х. Граббе вручил ему письмо для передачи А.П. Ермолову в Орле или в Москве. В "Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ" в разделе "прибыли в Москву" за 20 января значится: "В 2 часа пополудни из Ставрополя Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов". Согласно с руководством по почтовой гоньбе поездка из Ставрополя в Москву занимала в те времена 11—12 суток. То, что Лермонтов находился в пути несколько больше обычного времени, видимо объясняется его заездом в г. Орел, где жил опальный бывший "проконсул Кавказа", А.П. Ермолов, изображенный поэтом в стихотворении "Спор".

Последний приезд М.Ю. Лермонтова в Ставрополь датирован 9 мая 1841 г. В тот же день он писал бабушке: "...я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к Вам. Ехал я с Алексеем Аркадьевичем (Столыпиным)... и ужасно долго ехал, дорога была прескверная, теперь не знаю сам еще, куда поеду. Кажется, прежде отправляюсь в крепость Шуру, где полк, а постараюсь на воды". Останавливается Лермонтов, как и в прошлые разы в ставропольской гостинице Найтаки, что подтверждается рассказом выдавшего его здесь ремонтера Борисоглебского уланского полка П.И. Магденко. 10 мая за подписью генерала П.Х. Граббе поэт получил подорожную за № 709 "От города Ставрополя до крепости Темир-Хан-Шуры Тенгинского пехотного полка господину поручику Лермонтов..., давать по 2 лошади с проводником, за указанные прогоны, без задержания". На обороте подорожной была отметка плац-адъютанта, штабс-капитана Парамонова: "В Ставропольском Ордонанс-гаузе явлена и в книгу под №1027 записана майя 10 дня 1841 года".

Таким образом, если не считать, что в апреле 1842 г. тело погибшего на дуэли в Пятигорске М.Ю. Лермонтова проследовало в свинцовом гробу через Ставрополь в Тарханы, поэт посетил этот город не меньше 15 раз. Нет, следовательно, на Кавказе другого города, где бы М.Ю. Лермонтов побывал столь часто. И тем печальней, что до сих пор это никак не отмечено ни памятником, ни мемориальной стелой. Ставрополь хранит множество лермонтовских мест, не меньше, быть может, чем Пятигорск, но о них мало кому известно.

* * *

Среди лермонтовских мест Ставрополя первостепенное значение имел уже снесенный дом Командующего войсками, построенный по проекту пятигорских архитекторов братьев Бернардацци в 1823—1824 г. На этом месте, на углу улиц Дзержинского и Коминтерна теперь построен Дом Книги. В Доме Командующего Лермонтов часто бывал на обедах у генерала П.Х. Граббе в день крещения, 8 января 1841 г. М.Ю. Лермонтов и Л.С. Пушкин много остряли и шутили с женою генерала. "За обедом было всегда довольно много лиц, но в разговорах участвовали Граббе, муж и жена, Траскин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картинной галереей". При Доме Командующего по

проекту бр. Бернардацци на месте нынешнего стадиона "Динамо" и Краевой библиотеки им. М.Ю. Лермонтова был разбит сад с павильонами, где в праздничные дни устраивались гулянья и играла музыка.

Еще более примечательно как лермонтовское место здание штаба Командующего войсками, соседнее с Домом командующего и еще сохранившееся донныне на ул. Дзержинского №116. Тут поэт был не только по служебным делам. Здесь помещались и квартира его дяди, начальника Штаба Кавказской линии и Черномории, генерала П.И. Петрова. Нельзя не присоединиться к высказанному в "Ставропольской правде" мнению В.Г. Гниловского, что "этот дом должен быть сохранен во всех случаях и заповедан, как самый ценный исторический памятник нашего города первой половины XIX века".

В Ставрополе по проекту бр. Бернардацци были сооружены здания присутственных мест, гостинного ряда, военного госпиталя, почты, составлен план публичной площади с бульваром. Город преображался прямо на глазах поэта. В присутственных местах (на б. Комиссариатской, ныне Советской улице) он получал "прогонные" деньги на оплату по "подорожной" почтовых лошадей для поездок "по казенной надобности". По пути Лермонтов проходил мимо стен некогда грозной Ставропольской крепости. С Крепостной горки, где стоял крест в память основания Ставрополя в 1777 г., спускался вниз, к гостинному ряду и к гостинице Найтаки, помещавшемся в одном здании с поставой станцией. Это третье по значению Лермонтовское место Ставрополя находилось на Большой Черкасской улице (ныне пр. К. Маркса №68). Гостиница Найтаки помещалась с левой стороны главной улицы, между б. Троицким собором, на месте которого стоит гостиница "Ставрополь", и угловым зданием старой гимназии, открытой в Ставрополе в 1837 г. Напротив гостиницы в 1840 г. местный купец Таманшев устроил большой питьевой бассейн, проведя сюда воду Карабина источника.

Даже и в перестроенном здании старой гостиницы Найтаки еще можно обнаружить ее прежние приметы — помещение "ресторации", бильярдной, гостиной, номеров для жильцов-постояльцев. Особенно разительно это становится заметно, если войти во двор с улицы Орджоникидзе (быв. 2-й Михайловской). Во дворе хорошо просматриваются прежняя так называемая "Савельевская галерея" с жилыми номерами на 2-м этаже, гостиничные службы, подвалы, ледники, кухня, а также хозяйство почтовой станции, располагавшейся на 1 этаже, с дворовыми сенниками, конюшнями, помещениями для ямщиков, экипажей, фуража, упряжи.

П.И. Магденко рассказывает, как в бильярдной этой гостиницы встретил человека, привлечшего его внимание. "Он был среднего роста, с некрасивыми, но невольно поражающими каждого, симпатичными чертами, с широким лицом, широкоплечий, с широкими скулами, вообще с широкой костью всего остова, немного сутуловат — словом, то, что называется "сбитый человек". От партнера по бильярдной игре, своего товарища офицера-тенгинца Нагорнического, Магденко узнал, что то был Лермонтов.

Е.П. Лачинова в сатирической повести "Проделки на Кавказе", вышедшей в 1844 г. под псевдонимом "Хамар-Добанов", дала обстоятельное описание знаменитой тогда на Кавказе гостиницы Найтаки, запечатлев многих лиц лермонтовского окружения. В майоре Льве, изображенном в повести, легко узнается приятель М.Ю. Лермонтова — Л.С. Пушкин. Он, получив счет

за гречневую кашу, вызвал содержателя гостиницы Найтаки и с возмущением сказал ему:

"Помилуй, братец, что у тебя здесь делают. Взгляни, в моем счете поставлено за кашу три рубля с полтиною... Это разбой. За кого они меня принимают? И будочник не съел бы каши на столько. Вот если бы они проставили, что я выпил вина на триста рублей, всякий бы поверил, а кто поверит этому?"

В гостинице, по словам М.Я. Ольшевского, раздавались "музыка, пение, говор, стуканье бильярдных шаров, хлопанье пробок из шампанских бутылок, чоканье бокалами и крики "ура". Часто, как пишет М.И. фон Цейдлер, веселие и буйные пирушки в "ресторации" заканчивались прогулками офицеров с пением и музыкой на главной улице города. Нередко на рассвете поднимались на вершину Крепостной горки, чтобы полюбоваться живописным видом Ставрополя и его окрестностей, поглядеть на далекий Эльбрус, алевший в лучах утренней зари.

Завернув за угол мужской гимназии, Лермонтов, перейдя 2-ю Михайловскую и 3-ю Александровскую улицы, мог выйти к тенистой и уютной "Бабиной роще" (нынешний парк культуры и отдыха) с вековыми дубами. Этот участок, принадлежавший поручику Бабину, купил с торгов за 3500 рублей ассигнациями купеческий сын Тарасков и подарил в 1835 г. Ставропольскому уездному училищу. "Бабина роща", поступив позже в ведение гимназии, занимала в центре города 3 десятины 400 сажен и затем в 1847 г. по распоряжению кавказского наместника князя М.С. Воронцова была передана под публичный сад для гуляний. Лучшего места для уединения нельзя было сыскать. Этими соблазнами "роща" и привлекала к себе поэта, бывшего в числе ее посетителей в 1837 и 1841 гг.

Поблизости от "Бабиной рощи" была квартира А.И. Дельвига (на нынешней ул. им. Розы Люксембург). Тут и донныне сохранились типичные для "Лермонтовского Ставрополя" старые домики №28 и №29. Прежде они выходили на Варваринскую площадь с построенной на ней церковью, на кладбище которой, по местному преданию, были могилы декабристов, сосланных в "Теплую Сибирь" рядовыми в отдельный Кавказский корпус.

Требуют уточнения местонахождения домов, где жили в Ставрополе барон И.А. Вревский и доктор Н.В. Майер. Весьма вероятно, что они находились на прежней Воробьевке, лучшей и наиболее здоровой части города. Местная традиция далеко не случайно уже давно связывает эти места с именем поэта. В начале XX в. эта улица именовалась Лермонтовской, но затем неоправданно ее переименовали в улицу им. Дзержинского, поглотившую прежние улицы 3-ю Александровскую, Вельяминовскую и Лермонтовскую. Имя же Лермонтова бессмысленно присвоили первой попавшейся улице, которой следовало бы дать имя жившей здесь позже писательницы Марко Вовчок.

Есть версия, что Лермонтов жил на Воробьевке в один из приездов в Ставрополь в старинном каменном одноэтажном доме, во дворе которого растет местная достопримечательность — воспетый нашими современными поэтами П. Горецким, А. Екимцевым, Г. Фатеевым 700-летний лермонтовский дуб. По преданию, тут были написаны стихи про гонимый ветрами дубовый листок. Скромная надпись рассказывает посетителям памятного лермонтовского места по ул. им. Дзержинского №187: "Этому редкому памятнику живой природы более 700 лет. В те далекие времена вся территория, занимаемая ныне

городом, была покрыта лесами с преобладанием дубов-великанов. По преданию, М.Ю. Лермонтов в дни пребывания в г. Ставрополе отдыхал здесь, любясь видом на живописную долину р. Ташлы. Дуб объявлен заповедным, находится под государственной охраной".

Поэт был любителем небезызвестных в ту пору загородных прогулок. По местной легенде, в одну из верховых поездок к роднику, носившему имя разбойника Смагина, Лермонтов вблизи села Татарки подвергся нападению черкесов и его спутник — офицер был убит. Может быть, в хронике событий тех лет найдутся когда-либо следы этого происшествия?

Нередко Лермонтов ходил к передовому военному форпосту на холме в вековом лесу, подступавшем к городу с севера и позже названном Архиерейским. Расположенный на высшей точке лесной чащи, окруженный рвом, форпост нес важную сторожевую службу. Подобно выдвинутым к р. Кубани вблизи горы Недреманной постам Извещательному и Надзорному, он тоже должен был оповещать население о всех попытках неприятельских партий проникнуть к окраинам города, пользуясь труднопроходимыми лесными чащами и балками. Форпост снабжался всем военным снаряжением из депо — приземистого каменного здания, от которого теперь на ул. Дзержинского № 203 сохранился один каменный забор. От этого военного депо Лермонтов предпринимал прогулки по лесу в сопровождении солдат, шедших на смену караула в форпосте. Возможно, что в одну из таких прогулок в поле его зрения попала долина р. Ташлы с "Волобуевской мельницей". Об этом свидетельствует недавно найденный ее рисунок, сделанный рукой поэта. "Волобуева мельница" — еще одно новое памятное лермонтовское место в Ставрополе. "Место, выбранное для изображения, привлекло поэта своей романтичностью, — пишут В. Попов и Н. Верховская в статье "Найден еще один рисунок Лермонтова" ("Наука и жизнь", 1972, № 1). — Ущелье с текущей речкой и мельница в чаще, покрывающей склоны леса, на дальнем плане тонущие во мгле горы. Слева надпись, входящая в конфигурацию рисунка: "13 мая 1837 г. Волобуева мельница".

"Достаточно взглянуть на рисунок Лермонтова, — пишет В.Г. Гниловской в статье "Ставропольские рисунки Лермонтова" (сб. "Русская литература и Кавказ". Ставрополь, 1974), — как в нем каждый ставропольский краевед может легко узнать мельницу, дошедшую до нас под названием Сипягиной. На рисунке мельница стоит у ручья, ограниченного с двух сторон крутыми скатами балки Ташлы. Отсюда начинается пригородный лес, называвшийся прежде Архиерейским, уходящий далее к верховьям балки. При Лермонтове мельница была бревенчатой. В наши дни ее корпус сложен из камня, водяное колесо заменили сперва дизелем, а затем электрическим приводом. Вокруг здания возникли разные пристройки, теперь здесь размещается мельница №28 Крайпищепрома. У мельницы, вдоль обоих склонов долины, протянулись узкие улочки. До недавнего времени они назывались 1-й и 2-й Волобуевской. Теперь первая из них именуется Дачной, а вторая им. Балакирева. Еще недавно никто не мог объяснить происхождение их первоначального названия, и лишь рисунок Лермонтова внес ясность в этот вопрос". Улицы были названы по имени первого владельца мельницы местного купца Игнатия Волобуева.

Оказалось, однако, что рисунок "Волобуевой мельницы" у Лермонтова не единственный. Известный литературовед И.С. Зильберштейн, будучи в Пятигорске, напомнил еще один

рисунок местности возле мельницы. Он был опубликован в лермонтовском томе "Литературного наследия" (т. 43—44, М. 1941) и находился в его коллекции. На втором листе автографа — посвящение к поэме "Демон" Лермонтовым сделан рисунок с его подписью: "21 мая после прогулки на мельницу Волобуева". На рисунке пейзаж с одинокой, обнесенной плетнем бревенчатой хатой под камышом в одно окошко. Ниже хаты в овраге речка с водоскатом. Этот пейзаж напоминает место у самой мельницы.

Два изображения одного и того же места от 18 и 21 мая 1837 г. подтверждают, как увлек поэта это уединенный, романтический уголок Ставрополя. Рисунок, сделанный на листе с посвящением к поэме "Демон", свидетельствует, что, совершая прогулки по окрестностям Ставрополя, поэт продолжал и тут работать над вариантами поэмы, вокруг которых не утихают споры лермонтоведов. Как известно со слов офицера М.Х. Шульца, в Ставрополе же после того как он в приемной генерала П.Х. Граббе рассказал Лермонтову в 1840 г. о происшедшей с ним на поле боя в Дагестане галлюцинации, поэт создал и первый вариант своего знаменитого стихотворения "Сон".

На обороте листка с изображением мельницы обращает на себя внимание набросок какого-то плана, представляющий, по видимому, маршрут прогулки к ней Лермонтова. Контуры здания на этом плане, по предположению В.Г. Гниловского, изображают военный госпиталь, располагавшийся близ верховий глубокого оврага, спускавшегося здесь к р. Ташле. До постройки большого военного госпиталя на бывшей Госпитальной улице (ныне ул. им. Ленина) тут в частном доме снималось под лазарет помещение в квартале, ограниченном нынешними улицами Булкина и Дзержинского. Очевидно тут и находился некоторое время Лермонтов на излечении и отсюда совершал прогулки к "Волобуевской мельнице", прежде чем его отправили из Ставрополя на лечение в Пятигорск.

"Уголок, избранный Лермонтовым для рисунка "Волобуева мельница", — замечает В.Г. Гниловской в уже названной нами статье, — волнует живописностью и романтической настроенностью, перекликающейся со стихами Лермонтова о Кавказе. Его очень любят ставропольцы. Он служит местом прогулок и экскурсий. Здесь, за мельницей, расположен благоустроенный пионерский пруд (бывший Сипягин), где теперь все приспособлено для отдыха ребят. Возле самой мельницы стоит вековая кряжистая ива, в несколько обхватов, напоминающая дерево, изображенное Лермонтовым. Возможно, его еще и не было в 1837 году, но оно украшает местность и приближает его вид к лермонтовскому рисунку. Живописное место бывшей Волобуевой мельницы, освященное памятью великого поэта русской земли, должно войти в число памятников истории и культуры нашего города. Оно должно быть отмечено мемориальной доской и подлежать всемерной охране".

* * *

Тема "Лермонтовский Ставрополь" еще ждет углубленного исследования. Подобно монографии С.И. Недумова "Лермонтовский Пятигорск" должна появиться аналогичная работа "Лермонтовский Ставрополь", где были бы более детально освещены факты жизни и творчества М.Ю. Лермонтова, связанные с его пребыванием в этом городе. Тем не менее уже и теперь, пользуясь данной справкой, можно вести экскурсии по лермонтовским местам нашего краевого центра, одного из исторических городов Российской Федерации, отмечающего в 1977 г. свое 200-летие.

Библиография

1. Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.—Л., 1954.
2. Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939.
3. Еникополов И.К. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940.
4. Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1954.
5. Попов А.В. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь, 1949.
6. Михаил Юрьевич Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960.
7. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972.
8. Лермонтов. Временник Гос. Музея "Домик Лермонтова". Пятигорск, 1947.
9. Иванова Т.А. Лермонтов на Кавказе. Эссе. Изд-е 2-е, доп., М., 1975.
10. Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974.
11. Русская литература и Кавказ. Сборник. Ставрополь, 1974.
12. Хамар-Добанов (М.П. Лачинова). Прodelки на Кавказе. Спб., 1844.
13. Историческая записка о Ставропольской гимназии, составленная М. Красновым. Ставрополь-Кавказский, 1887.
14. Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М.—Л., 1930.
15. Гиреев Д.А. и Недумов С.И. К истории знакомства Лермонтова с декабристами. — В кн.: Литературное наследство, т. 60.
16. Евгения Польская. Прodelки на Кавказе // "Ставрополье", 1967, №1.
17. Попов В., Верховенская Н. Найден еще один рисунок Лермонтова // "Наука и жизнь", 1972, №1.
18. Рацуро В.Э. Новые материалы о дуэли и смерти Лермонтова // "Русская литература", 1974, №1.
19. Польская Е.Б. Воскрешение Грушницкого // "В мире книг", 1975, №8.
20. Польская Е.Б. Лермонтовские места на Ставрополье // "Ставропольская правда", 1960, 3.XI.
21. Евгеньева П. (Польская Е.Б.). М.Ю. Лермонтов на Кавказе. "Сцены из Ставропольской жизни" // "Ставропольская правда", 1952, 15.III.
22. Польская Е.Б. Криминалистика помогает лермонтоведам // "Кавказская здравница", 1962, I.VIII.
23. Попов А.В. История одного стихотворения // "Кавказская здравница", 1964, 15.VII.
24. Польская Е.Б. Где же была гостиница Найтаки? // "Ставропольская правда", 1974, 20.XII.
25. Польская Е.Б. Найден рисунок Лермонтова // "Молодой Ленинец", 1972, 3.VI.
26. Евгеньева П. (Польская Е.Б.). Ставрополь на рисунке Лермонтова // "Молодой Ленинец", 1972, 24.II.
27. Гниловской В.Г. Вот мельница // "Ставропольская правда", 1972, 4.III.
28. Гниловской В.Г. После прогулки на мельницу Волобуева // "Ставропольская правда", 1972, 19.VII.
29. Гниловской В.Г. Помнить свое родство // "Ставропольская правда", 1974, 9.VI.
30. Польская Е.Б. и Польский Л.Н. М.Ю. Лермонтов в Ставрополе (рукопись). В личном архиве.

1975 г., Пятигорск

Текст предоставлен В.А. Захаровым.

1985

Лермонтов в Пятигорске

Даже те, кто не был в Пятигорске, знают — это город, воспетый Лермонтовым. Еще со школьной скамьи узнают Машук, Лермонтовский грот, Эолову арфу, Провал, видя их на иллюстрациях к сочинениям поэта. Давно стали мемориальными места, где он жил, бывал, которые описал в "Княжне Мери". Памятник ему из бронзы в центре любимого города, откуда поэт задумчиво глядит на цепь Кавказских гор, поставлен в 1889 г. на народные деньги. На месте дуэли воздвигнут скорбный обелиск. На старом кладбище обелиском отмечено место первоначального погребения. В памятных уголках то и дело появляются группы людей и слышатся голоса экскурсоводов: "Лермонтов, Лермонтов..."

Своей славой и широчайшей известностью в стране Пятигорск обязан не только своим минеральным источникам, но в значительной мере — благодаря Лермонтову. Еще в 1917 г. видный ученый профессор В.Е. Тимонов в книге "Основы организации Кавказских Минеральных Вод" предлагал создать на территории КМВ город и назвать его Лермонтов. Такой город действительно возник в 1956 г. в Ставропольском крае вблизи Пятигорска, в окрестностях горы Бештау, и в 1981 г. его тоже украсил памятник поэту работы О. Комова. Драматург Виктор Розов в статье "Заветные зерна" ("Нева", 1962, №2) писал: "Дух великих людей преображает даже окрестности. Например, Пятигорск без Лермонтова — это просто курортный городок, каких множество. А маленький домик на окраине, где жил и умер гений, все преображает. Ходишь тихо, на цыпочках: "Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит"... я видел эту дорогу". Жизнь поэта оборвалась в Пятигорске, но не закончилась его гибелью. Здесь "каждый камень дышит Лермонтовым", и многие последующие события неразрывно связаны с его жизнью и творчеством.

Мы теперь считаем лермонтовскими местами все уголки, связанные с пребыванием самого поэта или его героев из "Княжны Мери" — этого своеобразного "поэтического путеводителя" по старому Пятигорску. При сопоставлении этой повести с многочисленными воспоминаниями и путевыми записками тех времен находим полное совпадение и типов "водяного общества", и нравов офицерства, и способов лечения и питья воды, и описание балов в Ресторации, и самого облика города с бульваром, Эоловой арфой, Провалом, магазином Челахова и прочими достопримечательностями города той эпохи. Наш земляк писатель Н.Т. Федоренко в воспоминаниях "Эхо памяти" ("Октябрь", 1977, № 9) взволнованно рассказывал о том

громадном влиянии на формирование его личности, какое на него оказали наши лермонтовские места. Сам поэт о горном Кавказе вдохновенно воскликнул в "Бэле": "Тут бы и остаться жить навеки!" А о самом Пятигорске сказал: "Весело жить на такой земле!" Впервые Лермонтов побывал в Пятигорске, тогда еще называвшемся Горячими Водами, мальчиком в 1820 г. Бабушка привезла слабого здоровьем внука на лечение. Был он с этой целью здесь и в 1825 г. Посещение Пятигорска в 1837 г. совпало с первой ссылкой на Кавказ и переводом в Нижегородский драгунский полк за стихи "Смерть поэта". Заболев в пути, Лермонтов заехал на курорт на лечение в госпитале и принял тут до 60 минеральных ванн. Пятигорские впечатления того года легли в основу повести "Княжна Мери" и живописной картины "Вид Пятигорска".

В период второй ссылки, когда поэта перевели в Тенгинский пехотный полк, Лермонтов, как об этом свидетельствует его письмо к А.А. Лопухину, заезжал в Пятигорск в сентябре 1840 г. В 1841 г., возвращаясь в свой полк из отпуска, Лермонтов заехал в Пятигорск 20 мая (эта дата названа "Лермонтовской энциклопедией") и, взяв свидетельство у врача о болезни, остался тут лечиться минеральными водами. Во вторник 15 июля (по старому стилю) у Перкальской скалы — отрога Машука — на дуэли с Мартыновым Лермонтов был убит выстрелом в грудь навывлет. Статья Л.М. Аринштейна и В.А. Мануйлова в "Лермонтовской энциклопедии" дает наиболее полное, глубокое описание поединка. "Многие обстоятельства этого трагического события, — пишут авторы, — остаются неясными, поскольку показания очевидцев — самого Мартынова и секундантов М.П. Глебова и А.И. Васильчикова — давались на следствии, когда участники дуэли были озабочены не столько установлением истины, сколько тем, чтобы приуменьшить собственную вину". По этим причинам оказался запутанным вопрос, кто же были секундантами на дуэли. 17 июля 1841 г. Лермонтова похоронили на пятигорском кладбище при большом стечении людей. В 1842 г. останки перевезли в родовое имение Тарханы и там похоронили вторично в семейной усыпальнице.

Священной лермонтовской реликвией Пятигорска остается маленький домик под камышовой крышей в бывшей усадьбе Чилаева, где Лермонтов провел свое последнее лето. Этот домик — еще один источник Кавказских Минеральных Вод, питающий высокие патриотические и поэтические чувства людей. Так и остался Михаил Юрьевич Лермонтов здесь жить навеки!..

Из летописи жизни и творчества Лермонтова в Пятигорске

"Тут бы и остался жить навеки".
М.Ю. Лермонтов. "Герой нашего времени".

1820

Поездка мальчика Лермонтова летом на Горячие Воды с бабушкой Е.А. Арсеньевой к ее родной сестре Е.А. Хастатовой.

1825

Е.А. Арсеньева проводит с внуком лето в Горячеводске, как с того года стали звать Горячие Воды. "13 ИЮНЯ. ГОРЯЧИЕ ВОДЫ", — подпись самого Лермонтова в альбоме М.А. Шан-Гирей под нарисованным им кавказским пейзажем с горой и озером.

15 июля. Горский национальный праздник Байрам в Аджи-ауле, вблизи Горячеводска. Впоследствии Лермонтов, побывавший на нем, описал этот праздник в юношеской поэме "Измаил-Бей".

Август. В списке посетителей Кавказских Вод, в 1825 г. помещенном в "Отечественных записках", указаны: "Столыпина: Марья, Агафья, Варвара Александровны, коллежского асессора Столыпина дочери, из Пензы, Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова-поручица из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов, родственник ее Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капз, гувернерка Христина Ремер".

1837. Первая ссылка на Кавказ

31 мая. Письмо Лермонтова к М.А. Лопухиной: "...я теперь на Водах, пью и принимаю ванны. У меня здесь славная квартира: каждое утро из моего окна я смотрю на цепь снеговых гор и Эльбрус. Вот и теперь, сидя за письмом к Вам, я то и дело останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны. Надеюсь порядком поскучать все время, пока удастанусь на Водах, и хотя очень легко заводить знакомства, я стараюсь избегать их".

Со 2 июня. Лермонтов находился на лечении в военном госпитале. В "Книге на записку прихода денег, полученных с гг. посетителей по выдаваемым им билетам на пользование серными минеральными ваннами на Горячих Водах на 1837 г.", Лермонтов упоминается в записках 4, 13, 26 и 30 июня, 6, 11, 15, 21 и 26 июля.

16 июля. Лермонтов ездил из Пятигорска в Железноводск.

8 августа. В письме начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора В.Д. Вольховского из Пятигорска к А.И. Философому говорится о встрече с Лермонтовым.

С конца мая по 10 августа. Встречи Лермонтова с Н.М. Сатиным, с которым вместе учился в Московском университетском пансионе, с В.Г. Белинским и с доктором Н.В. Майером, ставшим прототипом доктора Вернера в "Княжне Мери". Тогда же познакомился с декабристами В.Д. Вольховским и В.М. Голицыным.

После 10 августа. Лермонтов лечится в Кисловодске.

Первая половина сентября. Лермонтов едет из Пятигорска через Ставрополь в Тамань.

1840. Вторая ссылка на Кавказ

12 сентября. Письмо Лермонтова из Пятигорска А.А. Лопухину с описанием битвы при Валерике. В перерыве между военными экспедициями в Чечне Лермонтов на короткий срок приезжал в Пятигорск.

1841

19 мая. Лермонтов, возвращаясь из отпуска в Петербург, встретил в Георгиевске ремонтера Борисоглебского уланского полка П.И. Магденко и решил с ним и А.А. Столыпинам поехать в Пятигорск.

20 мая. По сведению "Лермонтовской энциклопедии", наиболее вероятная дата приезда Лермонтова в Пятигорск. Первоначально остановился в Ресторации, а затем переехал со Столыпинам на квартиру во флигеле усадьбы майора В.И. Чилаева. В соседних домах жили М.П. Глебов, А.И. Васильчиков, Н.С. Мартынов и С.Б. Трубецкой, составившие "лермонтовский кружок". Рядом находился дом Верзилиных, привлекавший молодых офицеров красавицами генеральскими дочерьми Грушей и Надей и его падчерицей, известной "Розой Кавказа" — Э.А. Клингенберг.

24 мая. Рапорт пятигорского коменданта полковника В.И. Ильяшенкова о болезни Лермонтова и ходатайство о разрешении ему задержаться в Пятигорске для лечения минеральными водами. Поэт принимал Сабанеевские и Варвацевские ванны, взяв на пользование ими с 26 мая по 18 июля 25 билетов.

15 июня. Ординатор пятигорского военного госпиталя лекар И.Г. Барклай-де-Толли выдал Лермонтову медицинское свидетельство о том, что по характеру болезни нужно "продолжать пользование минеральными водами в течение целого лета 1841 года".

18 июня. Лермонтов подал рапорт о болезни коменданту Ильяшенкову.

23 июня. Комендант Ильяшенков обратился к начальнику штаба Кавказской линии полковнику А.С. Траскину с разрешением Лермонтову "вследствие нездоровья остаться на лечении в Пятигорске".

28 июня. Последнее письмо Лермонтова к Е.А. Арсеньевой: "Пишу к Вам из Пятигорска, куда я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыха".

7 июля. Начальник штаба Кавказской линии Траскин разрешил поручику Лермонтову "остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения".

8 июля. Лермонтов начал принимать Калмыцкие ванны в Железноводске. Вечером он и его друзья дали бал в парке "Цветник" у грота Дианы.

13 июля. Ссора Лермонтова и Мартынова на вечере в доме Верзилиных. Вызов Лермонтова на дуэль.

14 июля. Поездка Лермонтова в Железноводск.

15 июля. Между 6 и 7 часами вечера — дуэль Лермонтова и Мартынова у подошвы Машука, вблизи Перкальской скалы при секундантах М.П. Глебове и А.И. Васильчикове и в присутствии А.А. Столыпина и С.В. Трубецкого. **МАРТЫНОВ УБИЛ ЛЕРМОНТОВА.** Поздно вечером его тело под проливным дождем привезли в последнюю пятигорскую квартиру во флигеле Чилаева.

16 июля. Осмотр места поединка Следственной комиссией по расследованию обстоятельств дуэли и составление об этом акта с указанием точных ориентиров места гибели поэта. В тот же день художник Р.К. Шведе зарисовал Лермонтова в гробу.

17 июля. Медицинский осмотр тела Лермонтова врачом Барклаем-де-Толли. После отпевания тела поэта на дому протоиереем П.М. Александровским и препровождением к месту погребения останки захоронены на пятигорском кладбище. В метрической книге пятигорской Скорбященской церкви за 1841 г., часть III, № 35, появилась запись: "Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьевич Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15, а 17 погребен, погребение пето не было".

1842

27 марта. По просьбе бабушки и царскому позволению прах Лермонтова с места первоначального погребения в Пятигорске вывезен в Тарханы.

21 апреля. Гроб с телом Лермонтова доставлен в Тарханы.

23 апреля. Прах Лермонтова погребен в фамильном склепе Арсеневых.

Пятигорское окружение Лермонтова

"Хороших ребят здесь много".

Из письма М.Ю. Лермонтова к С.А. Раевскому (1837 г.).

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Варвара Николаевна (? — ок. 1882), жена настоятеля Скорбященской церкви П.М. Александровского. Одна из первых красавиц Пятигорска. Гвардейские офицеры, чтобы увидеться с ней, ходили в церковь служить молебны и акафисты. Была дружна с М.И. Верзилиной и часто навещала ее. Она — автор воспоминаний о Лермонтове, его гибели и похоронах.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Петр Малахеевич (1808—1866), протоиерей Скорбященской церкви, хоронивший Лермонтова и отпевавший его на дому, вопреки запрещению хоронить "самоубийц" с отпеванием. Другой священник (Эрастов) донес об этом епархиальному архиерею, и Александровский по завершении следствия был оштрафован за "препровождение" тела поэта на кладбище.

АРНОЛЬДИ Александр Иванович (1817—1898), офицер, сослуживец Лермонтова по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку. Летом 1841 г. был в Пятигорске и как однополчанин поэта участвовал в его похоронах, нес гроб к могиле на кладбище. Он — автор воспоминаний о Лермонтове, рисунков флигеля, где жил поэт, его могилы на кладбище.

АРНОЛЬДИ Софья Ивановна (в замужестве княгиня Ухтомская), летом 1841 г. жила в Пятигорске с братом и мачехой и встречалась с Лермонтовым. У нее хранилась копия подаренного братом портрета поэта на смертном одре, написанного Р.К. Шведе.

АРНОЛЬДИ Софья Карловна (1800—1860), жена генерала И.К. Арнольди, мачеха А.И. Арнольди, летом 1841 г. была в Пятигорске и здесь встречалась с Лермонтовым.

АРСЕНЬЕВА (СТОЛЫПИНА) Елизавета Алексеевна (1773—1845), бабушка поэта, была с ним в Пятигорске в 1820 и 1825 гг. Посылая в 1842 г. своих людей в Пятигорск за останками внука, отправила Скорбященской церкви икону, которая и донныне хранится в Лазаревской церкви.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ Иван Георгиевич (1811—1879), ординатор военного госпиталя в Пятигорске, выдал Лермонтову в 1841 г. свидетельство о болезни и подписал медицинский акт об осмотре тела поэта после дуэли.

БАРЯТИНСКИЙ Владимир Иванович (1817—1875), князь, в 1841 г. штаб-ротмистр Кавалергардского полка, как полагает исследовательница М.Г. Ашукина, был в Пятигорске тем летом и встречался с Лермонтовым. Впоследствии — командир Кавалергардского полка.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811—1848), критик, в 1837 г. лечился в Пятигорске и на квартире у Н.М. Сатина в доме В.К. Аршешева встретился с Лермонтовым.

БЕНКЕНДОРФ Александр Павлович (1819—1849), юнкер, в день дуэли вместе с другими лицами заезжал к Лермонтову в Железноводск и затем с ними отправился в колонию Каррас в кофейню А.И. Рошке.

БЕНКЕНДОРФ Ермолай Павлович (1815—?), поручик, учился с Лермонтовым в школе юнкеров. Встречался с ним в Пятигорске в 1837 г.

БЕРНАРДАЦЦИ Джузеппе (1788—1840), зодчий Пятигорска, искусный рисовальщик, был женат на дочери доктора Ф.П. Конради — Вильгельмине, и в доме тестя, видимо, встречался с Лермонтовым в 1837 г.

БЕТАКИ Виктор Афанасьевич (1805—1880), офицер, плацкомандант Пятигорска, жил в 1841 г. в доме Уманова. Лермонтов с его балкона любовался видом на Кавказский хребет, играл здесь на фортепиано.

БЫХОВЕЦ (ИВАНОВСКАЯ) Екатерина Григорьевна (1820—1880), дальняя родственница Лермонтова, автор письма о последнем дне поэта, его гибели и похоронах. 15 июля 1841 г. навестила поэта в Железноводске и отсюда поехала с ним в колонию Каррас и кофейню Рошке. К ней обращено стихотворение Лермонтова "Нет, не тебя так пылко я люблю".

ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Илларионович (1818—1887), князь, чиновник, входил в 1841 г. в Пятигорске в "лермонтовский кружок", секундант на дуэли и автор воспоминаний о гибели поэта.

ВЕГЕЛИН (ВИГЕЛИН) Александр Иванович (1800—1860), декабрист, за отказ от присяги Николаю I отправлен на каторгу в Сибирь, с 1837 г. — рядовой Кабардинского пехотного полка, летом 1841 г. был в Пятигорске и встречался с Лермонтовым. Н.И. Лорер от него узнал о гибели поэта.

ВЕРЗИЛИНА (ДИКОВА) Аграфена Петровна (1819—1901), дочь генерала П.С. Верзилина. Летом 1841 г. Лермонтов часто бывал в их доме.

ВЕРЗИЛИНА (ВИШНЕВЕЦКАЯ) Мария Ивановна (1798—1848), в первом браке за А.Ф. Клингенбергом, во втором — за П.С. Верзилиным.

ВЕРЗИЛИНА (ШАН-ГИРЕЙ) Надежда Петровна (1826—1863), младшая дочь П.С. Верзилина.

ВЕРЗИЛИН Петр Семенович (1791—1849), соратник А.П. Ермолова, генерал-майор с 1822 г., первый наказной атаман Кавказского линейного войска в 1831—1838 гг. По воспоминаниям дочери Аграфены, Лермонтов в 1841 г. в день св. Петра и Павла — 29 июня — был на его именинах во время приезда генерала "на побывку" из Варшавы.

ВЕРТЮКОВ Иван Николаевич (1819—?), конюх Лермонтова, вместе с ним был в Пятигорске в 1841 г. Участвовал в перевозке останков поэта из Пятигорска в Тарханы.

ВОЛЬХОВСКИЙ Владимир Дмитриевич (1798—1841), лицейский товарищ А.С. Пушкина, за "прикосновенность" к декабристскому движению переведен на Кавказ, где в 1832—1837 гг. уже в чине генерал-майора был начальником штаба Кавказского отдельного корпуса. В июле 1837 г. встречался с Лермонтовым в Пятигорске.

ГАГАРИН Григорий Григорьевич (1810—1893), князь, художник, офицер. Летом 1840 г. был в Пятигорске. Писал вместе с Лермонтовым картину-эпизод сражения при Валерике в Чечне, взяв фоном гору Бештау.

ГАЛАФЕЕВ Аполлон Васильевич (1793—1853), генерал-лейтенант, в его Чеченском отряде Лермонтов сражался при Валерике. Генерал летом 1841 г. лечился в Пятигорске и встречался здесь с поэтом.

ГВОЗДЕВ Павел Александрович (1815–1851), учился в школе юнкеров, поэт. Написал в 1837 г. "Ответ М.Ю. Лермонтову на его стихи "Смерть поэта". Был разжалован в солдаты и выслан на Кавказ. В 1838 г. произведен в офицеры. Под впечатлением гибели поэта в тот же день написал стихотворение "Машук и Бештау" — первый отклик на это событие и дань встречам с Лермонтовым в Пятигорске.

ГЛЕБОВ Михаил Павлович (1818–1847), офицер лейб-гвардии Конного полка. Летом 1841 г. лечился в Пятигорске от раны. Входил в круг ближайших друзей поэта, был секундантом на дуэли. Позже, будучи адъютантом князя М.С. Воронцова, погиб в бою под аулом Салты в Дагестане.

ГОЛИЦЫН Валерий Михайлович (1803–1859), князь, декабрист, в 1829 г. переведен рядовым на Кавказ. В 1837 г. произведен в офицеры. Лермонтов познакомился с ним в 1837 г. в Пятигорске.

ГОЛИЦЫН Владимир Сергеевич (1794–1861), князь, генерал-майор, начальник Центра Кавказской линии, в 1837 г. устроил деревянный помост над Провалом (он получил название "Голицынского Провала") и приспособление в виде корзин для спуска к подземному озеру. Был одной из самых влиятельных фигур "водяного общества" Пятигорска в 1841 г. В день дуэли устроил в Казенном саду бал, но проливной дождь с грозой разогнал публику.

ДИКОВ Василий Николаевич (1812–1875), поручик, ногайский пристав. В 1842 г. женился на А.П. Верзилиной. В ее доме познакомился с Лермонтовым, который увековечил его в экспромте: "А у Груши целый век был лишь дикий человек..."

ДМИТРИЕВСКИЙ Михаил Васильевич (?–1850), видный кавказский чиновник, поэт, летом 1841 г. лечился в Пятигорске, где встречался с Лермонтовым. 15 июля 1841 г. вместе с другими лицами навещал поэта в Железноводске, а оттуда все вместе поехали в колонию Каррас в кофейню Рощке.

ДОЛГОРУКИЙ Александр Николаевич (1812–1842), князь, офицер лейб-гвардии гусарского полка, участник "кружка 16-ти", в 1840 г. был с Лермонтовым в экспедиции Чеченского отряда генерала Галафеева. Входил в Пятигорске летом в "лермонтовский кружок", впоследствии тоже был убит на дуэли.

ДОРОХОВ Руфин Иванович (1801–1852), кавказский офицер, несколько раз бывал разжалован в солдаты, но снова благодаря безумной храбрости выслуживался в офицеры. В Чечне в 1840 г. Лермонтов принял у него "беззаветную" партизанскую команду. Уже тогда Дорохов, предвидя трагический конец Лермонтова, писал: "Жаль, очень жаль мне Лермонтова, он пылок и храбр, не сносить ему головы". По рассказам, в момент дуэли он вместе с другими офицерами находился в зарослях Перкальской скалы. В 1851 г. Дорохов сообщил в Пятигорске писателю А.В. Дружинину много подробностей истории своей дружбы с поэтом и обстоятельства гибели поэта. Вскоре после этого, в 1852 г., он сам погиб в битве с горцами.

ДРОЗДОВ Иван Ефремович (1779–1868), штаб-лекарь, с 1838 г. сначала — ординатор, а с 1845 г. — помощник главного врача Пятигорского военного госпиталя. В 1841 г. Лермонтов был его пациентом. Похоронен на пятигорском кладбище.

ДЯДЬКОВСКИЙ Иустин Евдокимович (1784–1841), профессор Московского университета, часто приезжал в Пятигорск, пользуясь репутацией лучшего практического врача. Летом 1841 г. Лермонтову от бабушки привез письмо и гостинцы. "Экий умница, — говорил он после встречи с поэтом, — а стихи его — музыка, но тоскующая". Под впечатлением гибели Лермонтова Дядьковский скоропостижно скончался в Николаевских ваннах. Похоронен рядом с первоначальной могилой поэта.

ЗЕЛЬМИЦ Антон Карлович, полковник, в 1841 г. жил по соседству с Лермонтовым в надворном флигеле Верзилиных и первый сообщил им о гибели поэта: "Один напавал, другой под арест".

ИЛЪЯШЕНКОВ Василий Иванович, полковник, комендант Пятигорска в 1841 г., благожелательно относился к поэту, ходатайствовал о продлении ему курса лечения на Водах.

КАПЭ Жан, учитель Лермонтова, спутник по поездке на Воды в 1825 г.

КАРПОВ Кирилл Ионович (1818–1894), офицер, в 1841 г. служил писарем Пятигорской комендатуры и помог Лермонтову остаться для лечения на Водах. В доме его отца Лермонтов останавливался в Железноводске. В 1881 г., будучи городским головою Пятигорска, входил в комиссию по определению места дуэли. Автор воспоминаний о поэте.

КИНЬЯКОВ, майор, в июле 1837 г. прибыл с женой и дочерью на лечение в Пятигорск. Лермонтов был знаком с ними, а в его жене и дочери находят прототипы княгини и княжны Лиговских в "Княжне Мери".

КЛИНГЕНБЕРГ (ШАН-ГИРЕЙ) Эмилия Александровна (1815–1891), дочь М.И. Верзилиной от первого брака, падчерица П.С. Верзилина. За красоту ее называли "Розой Кавказа". Была свидетельницей ссоры Лермонтова с Мартыновым в гостинице их дома. Автор многочисленных воспоминаний о поэте. В 1851 г. вышла замуж за родственника и друга поэта — Аким Павловича Шан-Гирея. Это оградило ее от каких-либо подозрений по поводу сомнительного поведения в преддуэльные дни. У Шан-Гирея была дочь Евгения Акимовна (в замужестве КАЗЬМИНА) (1856–1943), написавшая мемуары о матери и поэте. Шан-Гирей похоронен в Пятигорске рядом с местом первоначального погребения Лермонтова.

КНОЛЬТ Екатерина Ивановна, дочь умершего в Пятигорске врача И. Кнольта, опекалась М.И. Верзилиной и жила в ее доме. Вместе с дочерьми ее участвовала в вечерах, устраивавшихся в гостинице Верзилиных. В 1841 г. была невестой офицера А.И. Сидери.

КОДЗОКОВ Лукман Магомедович (Дмитрий Степанович) (1818–1890), первый кабардинец, получивший университетское образование, воспитывался в семье поэта А.С. Хомякова. В альбоме Лермонтова за 1840 г. записан пятигорский адрес Кодзкова, служивший свидетельством их знакомства.

КОЛЮБАКИН Николай Петрович (1811–1868), офицер Нижегородского драгунского полка, в 1837 г., будучи разжалованным, лечился в Пятигорске и познакомился с Лермонтовым. Тогда же стало известно о его производстве в прапорщики. Колюбакина считают прототипом Грушницкого в "Княжне Мери".

КОНРАДИ Федор Петрович (1775–1848), главный врач КМВ с 1822 г. В его доме на бульваре было собрание картин, которое привлекало Лермонтова.

КОСТЕНЕЦКИЙ Яков Петрович (1811–1885), студент Московского университета, в 1833 г. за участие в Сунгуровском кружке был сослан на Кавказ рядовым, в 1839 г. произведен в прапорщики и служил адъютантом у генерала П.Х. Граббе. Летом 1841 г. лечился в Пятигорске и встречался с Лермонтовым. Автор воспоминаний о поэте.

КУЛИКОВСКИЙ, поручик, в 1841 г. встречался с Лермонтовым в Пятигорске на бульваре и у источников. В 1870 г. рассказал Мартынову об этих встречах и сообщил лермонтовский экспромт о Пятигорске: "Очарователен кавказский наш Монако!"

ЛЕВИЗ Ансельм (1782–1854), домашний врач Е.А. Арсеньевой, сопровождал ее с Мишелем Лермонтовым в поездке на Воды в 1825 г.

ЛИСАНЕВИЧ Семен Дмитриевич (1822—1877), прапорщик Эриванского карабинерского полка, сын кавказского генерала, летом 1841 г. входил в "кружок Лермонтова". Когда враги Лермонтова пытались уговорить Лисаневича вызвать Лермонтова на дуэль за шутки по его адресу, он заявил: "Что вы? Чтобы у меня поднялась рука на такого человека?"

ЛОРЕР Николай Иванович (1795—1873), майор Вятского полка, декабрист, в 1837 г. переведен из Сибири рядовым в Тенгинский пехотный полк, в 1840 г. произведен в прапорщики. Летом 1841 г. лечился в Пятигорске и как однополчанин Лермонтова участвовал в его похоронах. Автор воспоминаний о поэте.

МАГДЕНКО Петр Иванович (1817—1875), офицер-ремонтёр Борисоглебского уланского полка, спутник Лермонтова в поездке из Георгиевска в Пятигорск в 1841 г., автор воспоминаний о поэте.

МАЙЕР Николай Васильевич (1804—1846), врач при штабе генерала А.А. Вельяминова в Ставрополе, летом приезжал оттуда в Пятигорск, занимаясь врачебной практикой. Был дружен со многими декабристами и за это был выслан на 6 месяцев в Темнолесскую крепость. В 1837 г. встречался в Ставрополе и Пятигорске с Лермонтовым и послужил ему прототипом доктора Вернера в "Княжне Мери".

МАНЗЕЙ Константин Николаевич (1821—1905), офицер лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил до 1837 г. Летом 1841 г. лечился в Пятигорске и входил в "кружок Лермонтова".

МАРТЫНОВ Николай Соломонович (1815—1875), учился с Лермонтовым в Школе юнкеров, затем служил в Кавалергардском полку, в 1837 г. отправился "охотником"-добровольцем в Кавказский отдельный корпус, в 1839 г. прикомандирован ротмистром к Гребенскому казачьему полку, из которого по невыясненным причинам в 1841 г. вышел в отставку майором. Летом 1841 г. жил в Пятигорске, где после столкновения в доме Верзилиных с Лермонтовым вызвал его на дуэль.

МЕРЛИНИ Екатерина Ивановна (1793—?), жена генерала С.Д. Мерлини, умершего в Пятигорске в 1833 г., содержала коношню породистых лошадей и имела в своем доме галерею из 60 картин. Поэт посещал ее дом в 1841 г.

МИКЛАШЕВСКИЙ Андрей Михайлович (1814—1905), соученик Лермонтова по Благородному пансиону и Школе юнкеров, офицер лейб-гвардии Егерского полка, в 1837 г. встречался с Лермонтовым в Пятигорске. Автор воспоминаний о поэте.

МОЛЧАНОВ Н., свидетель встреч Лермонтова с И.Е. Дядьковским. В письме к В.В. Пассеку описал их. "Человек молодой, бойкий, умом остер", — отозвался о поэте.

НАЗИМОВ Михаил Александрович (1800—1888), декабрист. В 1837 г. переведен из Сибири рядовым в Кабардинский пехотный полк. В Ставрополе познакомился с Лермонтовым. Произведенный в 1846 г. в подпоручики, вышел в отставку. Автор воспоминаний о поэте.

НАЙТАКИ Алексей Петрович (1805—1881), сын П.А. Найтаки, содержал вместе с отцом Ресторацию в Пятигорске, где в 1841 г. останавливался Лермонтов. Позже держал в Пятигорске собственную гостиницу.

НАЙТАКИ Петр Афанасьевич (1777—1857), грек-негоциант, содержатель гостиниц-рестораций в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске. Нравы, царившие в них, сатирически описаны в повести Е.П. Лачинова "Проделки на Кавказе".

ОБЫДЕННАЯ, родственница Е.И. Быхова, возможно, дочь члена Правления Кавказской области Петра Савельевича Обыденного. Была в числе лиц, посетивших Лермонтова 15 июля

1841 г. в Железноводске и оттуда поехавших в колонию Каррас в кофейню А.И. Рошке.

ПАНТЕЛЕЕВ, содержатель биржи извозчиков в Пятигорске, на нанятых у него дрожках Лермонтов приехал на дуэль к Перкальской скале.

ПЕРХАЛЬСКИЙ, ссыльный поляк, служивший в 40—60 гг. XIX в. лесничим в караулке у горы Машук, куда приезжали на пикники кавалькады "водяного общества". По его имени названа Перкальская скала-отрог горы Машук, у подошвы которой произошла дуэль. Его именем назван также родник, у которого устраивались пикники.

ПЕТРОВА (ХАСТАТОВА) Анна Акимовна (1802—1836), двоюродная тетка Лермонтова. Жена генерала П.И. Петрова. Мальчиком поэт встречался с ней в первые приезды на Горячие Воды в 1820 и 1825 годах.

ПЕТРОВА (ЖИГИМОНД) Екатерина Павловна (1820—?), дочь П.И. Петрова. С ней, пятилетней девочкой, Лермонтов встречался на Горячих Водах в 1825 г. Писала романсы на стихи Лермонтова. Поэт подарил ей акварельный портрет В.А. Лопухиной.

ПЕТРОВ Павел Иванович (1790—1871), с 1818 г. служил на Кавказе под начальством А.П. Ермолова, был командиром Моздокского казачьего полка, с 1834 г. генерал-майор и тогда же начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории. Лермонтов встречался с ним и его семьей на Горячих Водах в 1820 и 1825 гг. Позже поэт изобразил дядю на рисунке в "Сценах из Ставропольской жизни".

ПОЖОГИН-ОТРАШКЕВИЧ Михаил, двоюродный брат Лермонтова, сын А.П. Отрашкевич, сестры отца поэта Ю.П. Лермонтова. Был спутником Миши Лермонтова в поездке на Горячие Воды в 1825 г.

ПОЛЕВОДИН Петр Тимофеевич, летом 1841 г. лечился в Пятигорске и через несколько дней после гибели поэта послал неизвестному лицу письмо, где подробно описал дуэль Лермонтова с Мартыновым.

ПУШКИНА-МУСИНА Ератеида Петровна (1820—?), по окончании Екатерининского института вместе с сестрой Поликсеной отдыхала летом 1841 г. в Пятигорске, живя с сестрой-красавицей генеральшей Орловой. А.И. Арнольди пишет, что на балу 8 июля, устроенном Лермонтовым ради Иды Пушкиной у грота Дианы, поэт очень ухаживал за ней. Она в глубоком горе и слезах провожала тело Лермонтова на кладбище. "И теперь еще помню, — говорит Арнольди, — выражение лица и светлую слезу Иды Пушкиной, когда она маленькой своей ручонкой кидала последнюю горсточку земли на прах любимого ею человека".

ПУШКИН Лев Сергеевич (1805—1852), брат А.С. Пушкина, служил офицером на Кавказе и был дружен с Лермонтовым. Их знакомство состоялось в 1837 г. во время боевых действий в Закавказье, вблизи Кубы, и продолжилось летом 1840 г. в экспедиции Чеченского отряда генерала Галафеева. Летом 1841 г. входил в круг ближайших друзей Лермонтова. 15 июля 1841 г. вместе с другими лицами навестил Лермонтова в Железноводске, а затем участвовал в поездке в колонию Каррас в кофейню Рошке. По словам П.Т. Полеводина, был "весьма убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель". Вскоре после гибели поэта вышел в отставку.

ПРЯНИШНИКОВА Мария Андреевна, помещица, тетка Е.И. Быхова. Лермонтов познакомился с ней летом 1841 г. в Пятигорске и навещал ее на квартире в доме Стенковской.

РАЕВСКИЙ Николай Павлович (1818–1889), офицер Кабардинского пехотного полка, впоследствии врач, летом 1841 г. входил в "лермонтовский кружок", автор воспоминаний о поэте, записанных В.П. Желиховской.

РЕБРОВА (ЮРЬЕВА) Нимфодора Алексеевна, младшая дочь А.Ф. Реброва, одна из возможных прототипов княжны в повести "Княжна Мери".

РЕБРОВ Алексей Федорович (1776–1862), кавказский деятель, помещик, друг А.П. Ермолова и А.С. Грибоедова, владелец усадеб в Пятигорске и Кисловодске (последняя описана в "Княжне Мери"). Встречался с Лермонтовым в Пятигорске летом 1841 г.

РЕБРОВ Яков Федорович, брат А.Ф. Реброва, главный врач военного госпиталя в Пятигорске. Лермонтов в 1837 г. был его пациентом.

РЕМЕР Христина Осиповна, гувернантка Лермонтова, сопровождала его в поездке на Воды в 1825 г. и там же скончалась.

РОШКЕ Анна Ивановна, содержательница кофейни в колонии Каррас, которую часто навещал Лермонтов в 1837 и 1841 гг.

САНИКИДЗЕ Христофор Дмитриевич (ок. 1825–?), крепостной крестьянин В.И. Чилаева, летом 1841 г. был камердинером Лермонтова, автор воспоминаний о поэте (в записи Б.Ф. Эргарда).

САТИН Николай Михайлович (1814–1873), соученик Лермонтова по Благородному пансиону, за участие в кружке А.И. Герцена в 1835 г. был выслан в Симбирскую губернию, а затем в 1837 г. — на Кавказ. Лечился в Пятигорске и здесь встретился с Лермонтовым. На его квартире Лермонтов познакомился с В.Г. Белинским. Сатин — автор воспоминаний о Лермонтове.

СИДЕРИ Ангелий Георгиевич, поручик, плац-адъютант Пятигорской комендатуры. В 1841 г. бывал в доме Верзилиных и здесь встретился с Лермонтовым. Первым доложил коменданту Ильяшенкову о гибели поэта на дуэли.

СОКОЛОВ Андрей Иванович (1795–1875), "дядька" Лермонтова, на попечении которого поэт был с двухлетнего возраста, неотлучно находился при нем на протяжении всей его жизни. Весной 1842 г. вместе с И.Н. Вертюковым доставил прах Лермонтова из Пятигорска в Тарханы.

СОКОЛОВ Иван Абрамович (1812–?) камердинер Лермонтова, был с ним летом 1841 г. в Пятигорске. В день дуэли находился в Железноводске, отвозя туда вещи поэта. Перевозил останки поэта из Пятигорска в Тарханы.

СТОЛЫПИНА (в замуж. ДОХТУРОВА) Агафья Александровна (1809–1874), дочь А.А. Столыпина. Летом 1825 г. жила в Горячеводске с Мишелем Лермонтовым в доме Хастатовых.

СТОЛЫПИНА (в замуж. КОХАНОВА) Варвара Александровна, дочь А.А. Столыпина. Летом 1825 г. вместе с другими сестрами проводила время в обществе с Лермонтовым, живя у Хастатовых.

СТОЛЫПИНА Мария Александровна (1812–1876), дочь А.А. Столыпина, лето 1825 г. проводила в Горячеводске, живя с Лермонтовым в доме Хастатовых.

СТОЛЫПИНА (урожд. ПОТУЛОВА) Екатерина Александровна, жена А.А. Столыпина, летом 1825 г. гостила в Горячеводске всей семьей у Хастатовых.

СТОЛЫПИН Александр Алексеевич (1774–?), брат Е.А. Арсеньевой, с ней и семьей летом 1825 г. в одно время с Мишелем Лермонтовым лечился в Горячеводске, живя в доме родной сестры Е.А. Хастатовой. "Мы были большим семейством на Водах Кавказских: бабушка, тетушка, кузины", — такую запись сделал Лермонтов.

СТОЛЫПИН ("МОНГО") Алексей Аркадьевич (1816–1858), двоюродный дядя Лермонтова, с 1835 г. офицер лейб-гвардии Гусарского полка, в 1840–1842 гг. служил на Кавказе, секунданта на обоих поединках поэта (с Барантом и Мартыновым). Летом 1841 г. жил с поэтом во флигеле усадьбы Чилаева в Пятигорске. Прозвище "Монго" дали ему по известному в то время роману "Путешествие Монгопарка". Опубликовал в 1843 г. в парижской газете на французском языке первый перевод "Героя нашего времени". Умер во Флоренции (Италия).

ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВ Наркиз Иванович (1805–1873), чиновник департамента полиции, незначительный литератор, был коротко знаком с Лермонтовым по Петербургу. Летом 1841 г. с братом Любимом лечился в Пятигорске и встречался с поэтом. Первым сообщил в столичной прессе о его гибели.

ТИРАН Александр Францевич (1815–1865), учился с Лермонтовым в Школе юнкеров. Летом 1841 г. лечился в Пятигорске и как однополчанин Лермонтова участвовал в его похоронах. Автор воспоминаний о Лермонтове, которые в части описания дуэли недостоверны.

ТРУБЕЦКОЙ Сергей Васильевич (1814–1859), князь, офицер лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, в 1835 г. за юношескую "шалость" переведен из гвардии в армейский кавалерийский полк, и за ним был учрежден секретный надзор. В 1840 г. снова выслан на Кавказ, участвовал в сражении при Валерике. Летом 1841 г. лечился от ран в Пятигорске и был в числе секундантов на дуэли Лермонтова. Позже за похищение красавицы Жадимировской и за попытку побега за границу по повелению Николая I был заключен в Петропавловскую крепость.

ТУРОВСКИЙ Николай Федорович (1811–1884), товарищ и соученик Лермонтова по Благородному пансиону, чиновник, летом 1841 г. лечился в Пятигорске, где встречался с поэтом. Впоследствии — директор Липецких минеральных вод. Автор воспоминаний о поэте.

ТУРДАКОВСКИЙ Н.Н., подпоручик, бригадный адъютант, летом 1841 г. Лермонтов встречался с ним в Пятигорске.

УНТИЛОВ Филипп Федорович (1790–1857), подполковник, плац-майор Пятигорска, в 1841 г. Лермонтов встречался с ним в комендатуре. Подписал акт об осмотре места дуэли, присутствовал на похоронах поэта, вел следствие по поводу дуэли.

ХАСТАТОВ Аким Акимович (1807–1883), дядя Лермонтова, офицер Семеновского полка, дослужился до ротмистра, известный на Кавказе храбрец, происхождения которого легли в основу рассказов "Бэла" и "Фаталист". Встречался с Лермонтовым в Пятигорске в 1837 и 1841 гг.

ХАСТАТОВА (урожд. СТОЛЫПИНА) Екатерина Алексеевна, сестра Е.А. Арсеньевой, была замужем за генералом А.В. Хастатовым. В ее доме в Пятигорске Лермонтов жил летом 1825 г. Хастатову называли "авангардной помещицей России", по пограничному положению ее имения на Тереке. Ее рассказы легли в основу юношеских кавказских поэм "Черкесы", "Кавказский пленник", "Каллы", "Аул Бастунджи", "Хаджи Абрек". Умерла от холеры в Георгиевске и там похоронена на кладбище коллежских асессоров, где хоронили массами умиравших от малярии чиновников Кавказской области, приезжих из России.

ЧАЛОВ Евграф Никитич (1814–?), дворовый А.А. Хастатова, занимался извозом, во время дуэли Лермонтова держал за кустами лошадей ее участников, в 1881 г. давал показания Комиссии по определению места поединка.

ЧАРЫКОВ А., офицер 20-й артиллерийской бригады, летом 1841 г. встречался с Лермонтовым в Пятигорске, посетив дом поэта в день его гибели, автор воспоминаний о поэте.

ЧЕЛАХОВ (ЧЕЛОХЯНЦ) Никита Артемович, купец 3-й гильдии, содержал в Пятигорске "Депо разных галантерейных, косметических, азиатских товаров". Лермонтов посещал лавку Челахова, упомянув ее в "Княжне Мери".

ЧЕРКАСОВ Алексей Иванович (1799—1855), декабрист, в 1837 г. переведен из Сибири рядовым на Кавказ. Служил в Кабардинском егерском полку и летом 1841 г. лечился в Пятигорске. Жил вместе с М.А. Назимовым, и, как утверждает "Лермонтовская энциклопедия", "встречи его с Лермонтовым не подлежат сомнению в это время".

ЧИЛАЕВ (ЧИЛЯЕВ) Василий Иванович (1798—1873), с 1816 г. служил прапорщиком в Кабардинском егерском полку, с 1834 г. жил в Пятигорске, был плац-адъютантом и в 1846 г. в чине майора вышел в отставку. Лермонтов в 1841 г. жил во флигеле его усадьбы. Воспоминания Чилаева записал П.К. Мартыанов и опубликовал в 1870 г.

ЧУХНИН Иван Андреевич (1818—1907), дворовый человек помещика Мурлыкина, содержавшего в Пятигорске биржу извозчиков. По его словам, вместе с братом Кузьмой привез тело Лермонтова с места дуэли. В 1881 г. как современник поэта был опрошен Комиссией по определению места дуэли, участник торжеств в честь открытия памятника Лермонтову в Пятигорске в 1889 г. На его кладбищенском памятнике указано, что он был извозчиком Лермонтова.

ЧУХНИН Кузьма Андреевич (1804—1879), извозчик, брат И.А. Чухнина, по его рассказу, привез вместе с младшим братом тело поэта с места дуэли на квартиру в усадьбу Чилаева.

ШВЕДЕ Роберт Константинович (1806—1871), художник, двоюродный брат М.И. Цейдлера, сослуживца и приятеля Лермонтова. Встречался с поэтом на квартире семьи Арнольди в доме Уманова в 1841 г. По заказу А.А. Столыпина написал портрет Лермонтова на смертном одре. Недавно Я.Л. Махлевич обнаружил ранее неизвестный портрет Лермонтова, тогда же написанный Шведе в Пятигорске в одно время с портретом Н.И. Лорер.

ШАН-ГИРЕЙ Аким Павлович (1818—1883), троюродный брат и близкий друг Лермонтова. Семи лет, в 1825 г. встретился с ним в Горячеводске, а затем был взят в Тарханы, где воспитывался с Мишелем Лермонтовым. В 1851 г. женился на Э.А. Клингенберг и от этого брака имел сына Акима и дочь Евгению. Служил уездным начальником в разных городах Закавказья. В первый Лермонтовский праздник в Пятигорске 15 июля 1881 г. выступал с воспоминаниями о поэте. Его письменные воспоминания относятся к числу наиболее содержательных и интересных. Скоропостижно скончался в гостинице в Тифлисе и похоронен в Пятигорске в фамильном родовом склепе рядом с местом первоначального погребения поэта. Благодаря ему сохранены принадлежавшие поэту письменный стол и кресло, находящиеся ныне в музее-заповеднике в Пятигорске.

ШАН-ГИРЕЙ (урожд. ХАСТАТОВА) Мария Акимовна (1799—1845) Племянница А.Е. Арсеньевой и двоюродная тетка Лермонтова, была дружна с его матерью. Жила в 1825 г. в Горячеводске, и тогда же с ней познакомился мальчик Мишель Лермонтов. Это в ее альбоме был сделан его ранний акварельный рисунок с видом Лысогорского озера.

ШЕЛАЕВ Павел Петрович, пятигорский чиновник и домовладелец, его рассказ о встречах с Лермонтовым в 1837 г. в Пятигорске опубликован И. Диевым в газете "Кавказ" (Тифлис) в 1848 г.

Лермонтовские места Пятигорска

"Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как "последняя туча рассеянной бури"; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все сильнее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом. Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлило во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как целуй ребенка; солнце ярко, небо синее, — чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желания, сожаления? — однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество".

М.Ю. Лермонтов. "Герой нашего времени".

1820—1825 Лестница на Горячую гору

Она стала первым капитальным каменным сооружением на Горячих Водах. "Устроить лестницу на гору у Горячих Вод", — говорится в представлении министра полиции С.К. Вязьмитина от 24 апреля 1812 г. по поводу замечаний управляющего гражданской частью на Кавказе Н.Ф. Ртищева по планам и проектам военных инженеров Гелмерсена, Фелкерзама и архитектора Руска на строение при Горячих Водах. Лестницу строили содержавшиеся в Константиногорской крепости польские военнопленные, взятые в войну 1812 г. Сооружалась за счет пожертвованных астраханским чиновником Федоровым 60 т. р. на благоустройство Горячих Вод. К концу 1814 г. строительство лестницы, которое велось под руководством чиновника Афросимова "из одного усердия к службе", было почти закончено. Лестница вела к Главному источнику на Горячей горе. По ее узким и крутым ступенькам в 1820 и 1825 гг. Мишель Лермонтов взбирался наверх, чтобы полюбоваться открывавшейся отсюда чудесной панорамой гор и нового поселения в Горячеводской долине, возникшего в одно время с постройкой первых ванн, бассейнов и лестницы.

Дом Хастатовой

В этом доме Мишель Лермонтов жил в 1825 г. у своей бабушки Е.А. Хастатовой, родной сестры Е.А. Арсеньевой. Дом собрали в 1820—1821 гг. из привезенного из г. Георгиевска здания в 6 комнат. Возможно, что на усадьбе Хастатовой во времянке или в кибитке Мишель Лермонтов жил с бабушкой и в 1820 г., в первый свой приезд на Воды. В 1825 г. у дома под камышовой крышей был невзрачный вид; ветхие ворота и по-

луразрушенный каменный забор. Дом находился в самом начале бульвара, в глубине ущелья между отрогами Машука. На скале Внутреннего отрога Машука в то время находился сторожевой казачий пост. В поэме "Черкесы" Лермонтов о нем писал:

Лишь только слышно: "КТО ИДЕТ",
Лишь громко "СЛУШАЙ" раздаётся...

После смерти в 1830 г. владелицы дом перешел к ее сыну А.А. Хастатову. Лермонтов навещал его в доме в 1837 и 1841 гг. и, возможно, жил тут в 1840 г. В конце XIX в. усадьба принадлежала Билим-Колосовскому и была выкуплена казной под строительство Ново-Сабаневских, позже Пушкинских ванн. Современный адрес: просп. им. Кирова, 1—3.

Лысогорское озеро

К 1825 г. относится детский акварельный рисунок Мишеля Лермонтова: на фоне горы Бештау — обширное озеро с плывущей под парусом лодкой и с паромом у берега. Рукой Мишеля поставлена дата: "1825 г. 13 июня, НА ГОРЯЧИХ ВОДАХ". По предположению научной сотрудницы "Домика Лермонтова" А.Н. Коваленко, на рисунке изображено расположенное вблизи Горячих Вод Лысогорское озеро, куда бабушка ездила с внуком купаться в его водах. В ту пору началось заселение станицы Горячеводской казаками, и в этой местности стояли пикеты, делавшие такую поездку безопасной. О своих соображениях А.Н. Коваленко сообщила на Лермонтовской конференции в Пятигорске в 1984 г.

1837

Дом неимущих офицеров

Построен в два этажа зодчими братьями Бернардацци в 1828—1832 гг. на средства казны и пожертвования офицеров, лечивших раны на Водах. С 1837 г. здесь находилась комендантская канцелярия, и Лермонтов, как всякий вновь приезжий офицер, должен был тотчас по приезде явить свою "подорожную" для регистрации. То же надлежало сделать и при отъезде из Пятигорска. Этот большой двухэтажный дом с 2 окнами по фасаду запечатлен на рисунке Дж. Бернардацци, акварели И.Я. Мейера и на картине самого поэта "Вид Пятигорска". Около 60—70-х гг. XIX в. над домом надстроили 3-й этаж. Сейчас здесь находится курортная поликлиника им. Н.И. Пирогова. Ее современный адрес: просп. им. Кирова, 19.

Оборонительная казарма

Возведена в начальный период существования Горячих Вод на вершине Горячей горы (вблизи нынешней скульптуры Орла) для отражения горских набегов. С этой целью в ней содержался небольшой гарнизон, назначаемый из Константиногорской крепости. С заселением в середине 20-х гг. казачьих станиц по Подкумку утратила оборонительное назначение и использовалась как военный госпиталь с двумя отделениями для рядового и офицерского состава Кавказского отдельного корпуса. "Я приехал на Воды весь в ревматизмах, — писал Лермонтов в 1837 г., — меня на руках вынесли люди из повоз-

ки, я не мог ходить". В момент приезда Лермонтова в Пятигорск в мае 1837 г. обе половины военного госпиталя в прежней оборонительной казарме были заняты солдатами, и поэта направили в офицерское отделение в частном здании. Оборонительная казарма не сохранилась и о ее облике можно судить лишь по рисункам Дж. Бернардацци и репродукции В.П. Васина.

Николаевская купальня

Старейшее ванное здание страны заложено по проекту братьев Бернардацци 25 июля 1826 г. Тогда же под левым передним углом фундамента положили каменные доски с высеченными на них именами генерала А.П. Ермолова и зодчего Дж. Бернардацци. Первые четыре ванны были готовы в 1827 г., а все здание целиком отстроено в стиле русского классицизма в 1831 г. Лермонтов принял в 1837 г. в кабине № 4 20 серных ванн. Из-за последующей внутренней перестройки кабинка не уцелела. Внешний вид здания, однако, хорошо сохранился. Его облик воспроизведен по рисунку Дж. Бернардацци на литографии И. Бегрова, а также на рисунках А.А. Тона и И.Я. Мейера. Николаевская купальня названа в честь Николая I, посетившего Пятигорск в 1837 г. В 1920 г. переименована в Лермонтовские ванны. В 1961 г. на них установлена чугунная мемориальная доска. Ванны находятся в парке "Цветник".

Ресторация (Казенная гостиница)

Первое капитальное каменное здание Пятигорска, его "главный дом" на протяжении XIX в. Заложено 5 июля 1824 г. и полностью отстроено в 1828 г. по проекту столичного архитектора И.И. Шарлеманя под наблюдением и с дополнениями братьев Бернардацци. Описана Лермонтовым в "Княжне Мери". В 1837 г. он здесь бывал в ресторане и на балах, а в 1841 г. жил несколько дней в № 11, на 2-м этаже. Здание несколько раз частично перестраивалось. Наиболее значительно переделано в 80-е гг. XIX века, когда снесли парадную лестницу с улицы, заменив ее крыльцом с левой стороны здания. В то время гостиница называлась "Минеральные Воды", позже тут помещалось Управление КМВ, а с 1931 г. — Бальнеологический институт. В оккупацию здание сожгли, но в 1955 г. восстановили как ценнейший архитектурный памятник Пятигорска, построенный в стиле русского ампира. Запечатлено на рисунках Дж. Бернардацци и М.А. Зичи. Лермонтов в 1837 г. уже мог видеть сделанную в 1834 г. гравюру здания, вышедшую тогда же в печати. В 1961 г. на нем установлена чугунная мемориальная доска. В наше время здесь находится Институт курортологии. Современный адрес: просп. им. Кирова, 30.

Офицерское отделение военного госпиталя

В 1837 г. помещалось на краю самой высокой части городка на углу Нагорной (Кладбищенской) и Церковной улиц. Дом построен Петром Горбылевым не позднее 1828 г. Усадьба принадлежала с 1835 г. генералу П.С. Верзилину, позже находилась во владении его дочери А.П. Диковой; ее дочь Буйницкая — по-

следняя владелица дома перед революцией. В этой усадьбе Лермонтов жил летом 1837 г. "У меня здесь очень славная квартира, — писал он М.А. Лопухиной, — из моего окна я вижу каждое утро всю цепь снеговых гор и Эльбрус". В 1841 г. здесь жили М.П. Глебов, Н.П. Раевский, предположительно Л.С. Пушкин. Частично перестроенная усадьба ныне входит в заповедный лермонтовский квартал. Ее современный адрес: угол улиц им. Лермонтова и Анджиевского, дом 2/22.

Дом доктора Конради

Находился напротив Ресторации и парка "Цветник" в самом центре города. Возведен из дерева для главного доктора КМВ Ф.П. Конради. Лермонтов был в числе его пациентов в 1837 г. Интересуясь его собранием картин, посещал этот дом, познакомился с его семьей и зятем Джузеппе Бернардацци. Дом не сохранился. В начале XX в. на этом месте возвели "Новую казенную гостиницу", сгоревшую в 1918 г. Теперь на этом месте — новое здание отделения Госбанка. Современный адрес: просп. им. Кирова, 25.

Магазин Челахова

Купец Никита Челахов (Челаханц) содержал в Пятигорске "Депо разных галантерейных, косметических и азиатских товаров". В одной из комнат торгового заведения Н.А. Челахова была библиотека-читальня, где к услугам посетителей были последние столичные журнальные и книжные новинки. Лермонтов ради них посещал "Депо" и даже упомянул его в "Княжне Мери". Помещалась лавка Челахова рядом с домом Конради, напротив Ресторации. Здание не сохранилось, теперь здесь, на просп. Кирова, 27, современные постройки.

Бульвар

В 1827—1828 гг. на главной улице Горячеводска от Елизаветинского ключа до Ресторации и чуть далее, до места, где позже возвели Спасский собор, братья Бернардацци насадили бульвар из лип в одну аллею. Он сделался излюбленным местом прогулок "водяного общества" и несколько раз упомянут Лермонтовым в "Княжне Мери". "После обеда, — говорится в дневнике Печорина, — часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа, княгиня с княжною сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв"... "Поздно вечером, то есть часов в 11, — замечает далее Печорин, — я пошел гулять по липовой аллее бульвара". Бульвар тогда делился на Верхний и Средний, и сама главная улица Пятигорска звалась Бульварной. На бульваре находились усадьбы Хастатовой, Мерлини, дом Орлова, Арешева, Дом неимущих офицеров, Ресторация, Скорбященская церковь, дом Конради, магазин Челахова и др. здания. Его запечатлел и сам Лермонтов на картине "Вид Пятигорска" и в рисунке "Чеченского альбома", видим его на картинке Н.Г. Чернецова и на рисунке М.А. Зичи — иллюстрации к "Княжне Мери". Позже главная улица города до революции называлась Царской, в наше время — сначала Советским проспектом, а ныне проспектом им. Кирова.

Дом Арешева

В усадьбе, принадлежащей кизлярскому помещику В.К. Арешеву (Арешьянцу), в 1837 г. на квартире у Н.М. Сатина состоялась встреча Лермонтова с В.Г. Белинским. Дом не сохранился. О его облике можно судить лишь по старым рисункам Пятигорска да по старым видовым открыткам начала XX в., когда в нем находились меблированные номера. На этом месте теперь санаторий "Руно". В 1980 г., к 200-летию Пятигорска, на здании установили мемориальную доску. Современный адрес: просп. им. Кирова, дом 28.

"Дом княжны Мери"

По местному преданию, дом, где жила княжна Лиговская (литературный, а не реальный персонаж), находился на Верхнем бульваре, ниже Елизаветинского ключа. У Лермонтова в повести мимо дома проводят лошадь Печорина, накрытую перекупленным у княжны Мери в магазине Челахова ковром. В 1881 г. на основе данного предания дом зарисовал иллюстратор повести М.А. Зичи. Его легко опознать по этому рисунку. Современный "адрес" мифического дома княжны Мери: просп. им. Кирова, дом 12. В послевоенные годы, после съемок в Пятигорске одного из эпизодов повести "Княжна Мери", относящихся к кисловодскому "Дому Реброва", возникла еще одна легендарная версия: домом княжны Мери назвали старинный дом с балконом на проспекте им. Кирова, 15. Лермонтов населил Пятигорск не только персонажами повести, но и другими ее реалиями. Как курьез можно привести "трюмо княжны Мери", которое после открытия в 1912 г. "Домика Лермонтова" входило в экспозицию нового музея.

Скорбященская церковь

Построена по инициативе архимандрита Александро-Невской лавры Товия в 1828 г., как указано в книге "Пятигорск в исторических документах", (Ставрополь, 1985), "по настоятельной надобности, наскоро, без плана и не на приличном месте; постройка оной обошлась в 8 тыс. руб. ассигнациями, кои пожертвованы посетителями вод и местными жителями, но впоследствии, по плану Пятигорска, высочайше утвержденному в 1837 г., определено место для каменного храма". Маленькую деревянную церквушку в центре Пятигорска долго называли "Лермонтовской", хотя самого Лермонтова как погибшего на дуэли "самоубийцу" в ней и не отпевали по церковному чину (его отпел тайно на дому поздно вечером настоятель церкви протоиерей П.М. Александровский). В церкви вплоть до ее закрытия в начале 30-х гг. XX в. были переданные А.А. Столыпиным принадлежавшие Лермонтову иконы — напутственные подарки бабушки, а также присланная ею в 1842 г. из Тархан икона, в левом углу которой в виде ангела изображен младенец Лермонтов (она находится ныне в Лазаревской кладбищенской церкви). В Скорбященской церкви долго хранилась "Метрическая книга" за 1841 г. с записью, что погребение по поручику Лермонтову "петю не было". На месте прежней Скорбященской церкви, между проспектом им. Кирова и Красноармейской улицей, теперь находится Питьевая галерея.

Дом Орлова

Во времена Лермонтова этот дом носил название "Дом генерала Орлова для немущих офицеров". По архитектуре он стоял в одном ряду с Ресторацией, Николаевскими-Лермонтовскими ваннами. Все это творения братьев Бернардацци. В 1822 г. генерал А.П. Орлов в знак благодарности за чудесное исцеление водами пожертвовал 10 т. р. на строительство на Горячих Водах дома для больных и раненых офицеров. Эту сумму он перевел А.П. Ермолову, и тот распорядился отвести "для построения такого дома место между домом генеральши Мерлини и Аршевым". Но только 19 ноября 1830 г. Строительная комиссия на КМВ донесла генералу Г.А. Емануелю, что дом генерала Орлова с каменными колоннами, крыльцом и под железной крышей "вчера окончен". Это каменное оригинальное здание сразу же сделалось ценным архитектурным памятником, хотя еще ушли годы, пока были завершены в нем все подсобные помещения. Лермонтов в 1837 г. навещал в нем живших своих приятелей — раненых и больных офицеров. В 1841 г., после гибели поэта, в находившейся в подвальном помещении дома гауптвахте содержались под арестом секунданты на дуэли. Судьба дома так и не прояснена до конца. На него начали зариться дельцы, намеревавшиеся занять это заманчивое место в центре курорта под строительство гостиниц. В конце XIX в. дом Орлова снесли, и на этом месте появились неприязнительные гостиничные здания купцов Шумова и Стасенко. Их тоже постигла участь дома Орлова. В 1908 г. владикавказский богач А.В. Замковой возвел на этом месте по проекту В.Н. Семенова фешенебельный в стиле модерн отель "Бристоль". Ныне это гостиница "Машук", восстановленная на руинах сожженного в оккупацию прежнего отеля "Бристоль". Современный адрес: просп. им. Кирова, 26.

Емануелевский парк

В 1828—1830 гг. по указанию командующего Кавказской линией генерала Г.А. Емануеля братья Бернардацци возле Елизаветинского и Михайловского ключей разбили в английском стиле парк для гулянья, или, как тогда называли, "гульбище". В парке, получившем название Емануелевского, над Михайловским источником устроили "Китайскую беседку", а над Елизаветинским — полотняную галерею. В разных местах находились отделанные камнем источники — Ахилла, Аверинский, Товиевский, Георгиевский, Нелюбинский. Своими каскадами они оживляли местность. "Тут, — писал В.Б. Броневский, — павильоны, беседки, гроты, аллеи, кусты, цветы, там водопады, пропасти, пещеры и провалы, а здесь скалы, по отвесу падающие, украшены пышной зеленью долин, иссечены зигзагами и обсажены клумбами ароматических цветов". Посетивший в 1829 г. Пятигорск Н.Г. Чернецов сделал рисунки этих мест, в том числе "Китайской беседки". Емануелевский парк привлекал живописным расположением Лермонтова, он тоже здесь бродил по дорожкам "гульбища". Позже тут появились каменные столы и скамьи, живописный мост и прочее. Емануелевский парк, благоустроенный и ухоженный, как и при Лермонтове, продолжает служить людям.

Елизаветинский ключ

Его открыл в 1809 г. доктор Ф.П. Гааз, и во времена Лермонтова здесь уже был главный питьевой центр Пятигорска и средоточие "водяного общества". "Наконец, вот и колодец, — писал Лермонтов в "Княжне Мери", — на площадке близ него построен до-

мик с красной кровлей над ванной, а подалее галерея, где гуляют во время дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод". Это живописное место описали Е.П. Лачинова и Е.А. Вердеревский, его зарисовывали Н.Г. Чернецов, М.Ю. Лермонтов, В.В. Верещагин, М.А. Зичи и другие художники. Отсюда открывалась чудесная панорама города и Кавказского хребта. В 1847—1849 гг. зодчий С.И. Уптон построил прекрасную по архитектурным формам Елизаветинскую галерею для прогулок посетителей Вод — поистине "каменную корону" Пятигорска. Позже к северному крылу сделали деревянную пристройку — Товиевские ванны, снесенные в 1926 г. В 1925 г. в честь 200-летия Академии наук СССР галерею назвали Академической. В 1932 — 1933 гг. к ней по проекту П.П. Еськова устроили красивую каменную лестницу, составившую единый ансамбль со старой уптоновской галереей. Ныне в одном из ее залов открыли питьевой бювет, вернув тем самым галерее первоначальное назначение. А заделанный камнем круг на полу галереи напоминает о прежнем колодце популярного в лермонтовские времена кисло-серного минерального ключа.

Лермонтовская сосна

Одинокая сосна, растущая вблизи Академической галереи, называется в Пятигорске "Лермонтовской". Она единственная осталась тут из посаженных в 1829 г. 210 сосен, которые были привезены из Гришкиной балки под Эльбрусом. Остальные не выдержали ветров и гололедов, губительного действия подземных минеральных вод. Мимо сосен в направлении Александровских и Ермоловских ванн пролегла по склону Горячей горы "мизантропическая тропа", по которой в ожидании послабляющего действия кисло-серной воды прогуливались мрачные "водопийцы"-одиночки. Эту тропу они предпочитали шумному "водяному обществу" у самой галереи. Сосна, которой более 150 лет, служит памятью о былой питьевой славе знаменитого кисло-серного ключа.

Грот Лермонтова

Этот грот устроили в обнаруженной в 1828 г. естественной пещере на Внутреннем отроге Машука. В 1830—1831 гг. братья Бернардацци расширили грот и вырубili каменную скамью для тех, кто искал в нем укрытия в знойные летние дни. "Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот, — говорится в "Княжне Мери". Лермонтов избрал грот для свидания в нем Печорина и Веры. По давней традиции он зовется Лермонтовским, хотя правильнее было бы его назвать "Гротом Печорина и Веры". Как место этого свидания он запечатлен на рисунке М.А. Зичи. Грот изображен и на картине Лермонтова: по аллее к нему идет мужчина в цилиндре и с тростью. В 1870 г. внутри установили мраморную доску со стихами Ильи Алексеева "Гроту Лермонтову", а в 1878 г. на деньги Алексеева грот облицевали тесаным камнем и закрыли железной решеткой (во многих путеводителях ошибочно назван 1858 г.). Во время первых лермонтовских торжеств в 1881 г. внутри грота поставили бюст поэта, а снаружи — мраморную доску с надписью "Грот Лермонтова". В 1961 г. у входа в грот установили чугунную мемориальную доску.

Эолова арфа

Построена в 1830–1831 гг. по инициативе главного доктора КМВ Ф.П. Конради братьями Бернардацци на скалистом уступе Машука, его внутреннем, Михайловском отроге. Струнный инструмент, сделанный по чертежу посетившего Пятигорск английского путешественника, издавал под порывами ветра мелодичные звуки. Инструмент представлял колонку с двумя арфами и флюгером на крыше павильона. Классический с 8 колоннами павильон посвятили древнегреческому богу Эолу — повелителю ветров. Изящное сооружение великолепно вписалось в пейзаж Пятигорска и сделалось его своеобразной эмблемой. "На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой арфой, — писал Лермонтов о ней, — торчали любители видов и наводили телескоп на Эльбрус". Поэт Н.П. Огарев посвятил в 1838 г. Эоловой арфе стихи. Она запечатлена и на рисунке М.А. Зичи. В 1918 г. тут был наблюдательный пункт С.М. Кирова, следившего за боем у горы Юцы красных конников с "волчьей сотней" генерала А.Г. Шкуро. В 1920 г. тут обозревала окрестности группа красных командиров, освободивших город от белогвардейцев. Ее возглавлял командарм XI Армии М.И. Василенко. В 1961 г. на постаменте Эоловой арфы поставили мемориальную доску. В 1972 г. молчавшая многие десятилетия Эолова арфа снова зазвучала. Над городом поплыли мелодичные звуки "Эоловой музыки". После Лермонтова Эолову арфу описала Е.Я. Ган в повести "Медальон" и А.В. Дружинин в "Легенде о Кислых Водах". Ее воспел и советский поэт Л.Н. Мартынов. Дань увлечению романтизмом, Эолова арфа — одна из прелестнейших достопримечательностей Пятигорска, памятник Лермонтовского времени.

Грот под флагштоком

Подлинным гротом Лермонтова следует считать грот, высеченный братьями Бернардацци в скале Горячей горы, под "Павильоном Борея", в одно время с гротом под Эоловой арфой. К нему вела зигзагообразная тропинка среди виноградника, сохранившаяся до наших дней. Этот грот находился вдали от шумного места сбора "водяного общества" и служил Лермонтову приютом его музы. В 1840 г. над гротом соорудили флагшток и его стали звать "Гротом под флагштоком". Впервые вопрос о том, какой грот считать Лермонтовским, возбудили в местной печати в 1882 г. Один из "курсовых" рассказывал, что в 1875 г. видел справа от грота высеченный в скале крест и дату "1841". Он полагал, что эту дату — год смерти поэта — сделал один из его почитателей, как бы намекая на связь этого места с Лермонтовым. Тогда же поддержала эту мысль еще жившая "Роза Кавказа" — Э.А. Шан-Гирей. В наши дни к этому вопросу вернулась автор книги "Лермонтов на Кавказе" Т.А. Иванова. И вот в 1972 г. к сожалению, заброшенному гроту проложили благоустроенную дорожку, привели в порядок сам грот, и он благодаря этому завоевал наконец признание как подлинный Лермонтовский грот.

Провал

Впервые этот "природный феномен" Пятигорска исследовал в 1793 г. академик П.С. Паллас. По инициативе князя В.С. Голицына братья Бернардацци устроили в 1837 г. помост над воронкой Провала и приспособление для спуска в корзине к подземному озеру. По преданию, Лермонтов в числе первых смель-

чаков воспользовался этим спускным устройством. "Мы пришли к Провалу, — говорится в "Княжне Мери" о прогулке Печорина с княжной, — дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не сместили, крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза". В праздники здесь играла военная музыка и "над бездной" на помосте "танцевали в шесть пар кадрили". Этот помост изображен на рисунке Дж. Бернардацци. В 1856 г. на дно Провала спустился для научных исследований натуралист Ф.А. Баталин. Вскоре, в 1858 г., на средства П.А. Лазарика пробили тоннель, и Провал стал доступен для обозрения и для приема в нем ванн. В 1895 г. у входа в тоннель устроили кирпичный портал, закрывший неприглядную дыру в скале. Выше поставили павильон для музыки. На площадке у Провала проходили гулянья и тут же находились кафе "Провал" и беседка для сазандаров. На средства жертвователей внутри Провала установили дорогой иконостас с иконой целителя Пантелеймона, покровителя больных, и в день его памяти, 27 июля, "курсовая публика", чаявшая исцеления водами, служила молебны и акафисты. Провал издавна был одним из популярных мест Пятигорска. Писатели И.Ильф и Е.Петров описали Провал в романе "Двенадцать стульев". В 1954 г. сооружен по проекту В.Н. Семенова новый величественный фронтон с фигурами львов, выполненных по рисунку скульптора И.Ф. Шаховской.

Флагшток

В 1840 г. на высшей точке Горячей горы поставили флагшток. "С восточной стороны города, вправо за Елизаветинским источником, — сообщал доктор Ф.П. Конради, — на возвышении, обнесенная перилами, поставлена мачта, на коей вывешивается флаг для обозначения времени употребления ванн... На означенной мачте, ниже перил, помещен колокол, повторяющий бой часов городской церкви". В "Чеченском альбоме" Лермонтов изобразил флагшток, ниже которого находился грот — "приют его музы". В начале XX в. на месте флагштока возвели изящную беседку "Белль-Вю" ("Прекрасный вид"), чтобы любоваться открывавшимся с нее видом Пятигорска и его окрестностей. Старые открытки воскрешают облик этой красивой обзорной башенки-беседки, уничтоженной в начале 20-х гг. XX в.

Здание строительной комиссии

В 1840 г. Пятигорская комендатура перешла из "Дома неумищих офицеров" в здание Строительной комиссии на КМВ, которая помещалась на Среднем переулке (на углу нынешних улиц им. Анисимова и Чкалова). Лермонтов по долгу службы являлся сюда в комендатуру в 1840 г. и 1841 г. Здесь же рядом находились каменные дома, где позже помещались Управление КМВ и квартиры правительственных комиссаров Вод Щепкина, Сущинского, Бертенсона, Башкирова. В 1909 г. здесь построили дом директора Вод, в котором жил С.В. Тиличев. С 1934 по 1937 гг. в нем жил секретарь крайкома партии Е.Г. Евдокимов. Впоследствии на этом месте построили пансионат, ныне стационар курортной поликлиники. Современный адрес: ул. им. Анисимова, 15. Это один из уголков старого Пятигорска, воскрешаемый теперь лишь по старым планам города.

1841

Домик Лермонтова

Последние дни своей жизни летом 1841 г. Лермонтов провел во флигеле усадьбы В.И. Чилаева. Здесь он жил с А.А. Столыпиным ("Монго"), в подвале флигеля располагалась кухня и жили слуги, в конюшне содержались выездные лошади. Сюда привезли бездыханное тело поэта с места дуэли, и оттуда же на 3-й день после гибели проводили на кладбище. В 1859 г. в журнале "Орел" появился первый рисунок усадьбы Чилаева с флигелем, сделанный Н.Е. Симаковым. С 1873 г. она принадлежала наследникам Чилаева, а в 1884 г. перешла во владение К. Вейштордта. В 1884 г. на флигеле установили мемориальную доску, пожертвованную драматургом А.Н. Островским. В 1894 г. усадьба от Вейштордта перешла в руки нового владельца Н.С. Георгиевского. Оба владельца основательно переделали флигель, пристроили к нему 5-ю комнату, обложили кирпичом, покрыли железом. В саду устроили высокую деревянную обзорную беседку. В 1912 г. Пятигорская городская дума приобрела усадьбу у наследника Георгиевского и передала для устройства музея Кавказскому Горному Обществу. В традиционный для Пятигорска Лермонтовский день 15 июля 1912 г. состоялось открытие мемориального музея, второго в России после открытого в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. Но прошло еще много лет, прежде чем лермонтовский флигель после его реставрации принял в 1967 г. усилиями директора музея А.И. Гребенковой первоначальный вид. Его вновь покрыли камышовой крышей, каким он и был в 1841 г. 7 июля 1973 г. по решению Совета Министров РСФСР на базе "Домика Лермонтова" создан Лермонтовский государственный музей-заповедник. Бесценный мемориальный флигель занял в нем центральное положение. Его современный адрес: ул. им. Лермонтова, 4.

Дом Уманова

Построен в 1823 г., в 1841 г. принадлежал сыну Уманова Илье Васильевичу. Лермонтов навещал живших тут своих приятелей-офицеров А.И. Арнольди и А.Ф. Тирана. С веранды любовался великолепным видом на горы. По рассказам, любил играть на фортепиано. Эта веранда после передачи дома музею-заповеднику была восстановлена. В 1979 г. в доме открыта выставка "Лермонтов в изобразительном искусстве". Современный адрес: угол улиц им. Лермонтова и К. Маркса, 9/13.

Дом Стенковской

В этом доме летом 1841 г. жила помещица М.А. Прянишниковна (из села Тарумовка под г. Кизляром) со своей родственницей Е.Г. Быховец. Лермонтов ее здесь навещал, посвятил ей стихи "Нет, не тебя так пылко я люблю". Дом находился напротив дома Верзилиных. Современный адрес: ул. им. К. Маркса, 11.

Дом Верзилиных

Летом 1841 г. Лермонтов часто навещал семью генерала П.С. Верзилина в доме, находящемся по соседству с флигелем, где жил поэт. В гостиной дома и произошла ссора Лермонтова с Мартыновым, а на его каменной лестнице поэт был вызван на

дуэль. В 1881 г. дом, где жила Э.А. Шан-Гирей, посещали первый биограф Лермонтова проф. П.А. Висковатый и иллюстратор "Княжны Мери" М.А. Зичи. В 1895 г. фасад дома обложили кирпичом. В 1920 г. в доме жил драматург Б.С. Ромашов, в те годы тут помещалось общежитие милиции, против чего выступил посетивший дом нарком просвещения А.В. Луначарский. У жившей в доме до самой смерти в 1934 г. Е.А. Шан-Гирей (Казьминой) бывали писатели С.Н. Сергеев-Ценский, Б.А. Пильняк, А.Н. Толстой. В 1939 г. на доме укрепили мемориальную доску: "Дом, в котором 25/13 июля 1841 г. произошла ссора М.Ю. Лермонтова и Н.С. Мартынова". В те годы крыльцо дома выходило на улицу им. К. Маркса. В 1948 г. здесь открылся историко-литературный отдел музея. Ныне он входит в Лермонтовский государственный музей-заповедник. Внутри дом перестроен, в нем оборудована мемориальная гостиная, при перестройке снесена прежняя открытая веранда. Современный адрес: угол улиц им. Буачидзе и К. Маркса, 9/13.

Дом Христофоровой

В нем жил летом 1841 г. врач И.Е. Дядьковский. Привезя Лермонтову от бабушки гостинцы, он навещал поэта, но не застал его дома. Лермонтов, узнав об этом, тотчас же поехал к Дядьковскому на квартиру, познакомился с ним, и они всю ночь провели в оживленной беседе. Местонахождение дома Христофоровой пока не установлено.

Дом Мерлини

Летом 1841 г. Лермонтов нередко навещал дом генеральши Е.И. Мерлини, где постоянно играли в карты. Но поэта привлекали сюда неплохое собрание картин и конюшня породистых коней. Вдова-генеральша пользовалась в Пятигорске репутацией отличной наездницы. Во время налета горцев на Кисловодск в 1836 г. она первая примчалась в крепость и стала отдавать разумные распоряжения об обстреле нападавших из пушек картечью. Крытый камышом ее главный дом выходил на бульвар, а большой каменный флигель с балконом — на Нижний переулочек (ныне Красноармейская улица). На месте дома в начале XX в. новый владелец Матвей Рахмалевич построил кинотеатр "Лира", где в послевоенные годы помещался клуб "Курортник". В 1971—1972 гг. на этом месте устроено левое крыло Питьевой галереи (правое крыло устроено на месте б. Скорбященской церкви).

Грот Дианы

В 1830 г. в парке "Цветник" братья Бернардацци сложили из камней искусственный грот. Строительная комиссия доносила 19 ноября 1830 г. генералу Г.А. Емануелю: "...грот с аллеями с боку фасадной стороны Николаевских ванн, тоже приведены к окончанию, а для украшения сих аллей посажены с обеих сторон дерева акации и между ими в первой линии кусты роз, согласно воли вашего превосходительства, из числа вывезенных из селения Мажар, из саду г. помещика Скоржинского". И сам грот, и разбитый возле него "Цветник", существующий доныне, — тоже плод труда братьев Бернардацци. Сначала грот называли "Эльбурус", в память первого восхождения на эту верши-

ну горца Хилара Хаширова в экспедицию Г.А. Емануеля 1829 г. Предполагали устроить над гротом из белого камня макет покоренной горы. В память этого события у грота поставили отлитые на луганском заводе чугунные мемориальные доски на русском и арабском языках. Позже, при Лермонтове, они стояли внутри Николаевских ванн, а затем их вернули на прежнее место. Гроту присвоили имя греческой богини охоты Дианы.

8 июля 1841 года Лермонтов устроил тут бал, описанный во многих воспоминаниях. Облик грота того времени запечатлен на акварели Б. Иванова. Впоследствии к гроту пристроили ледник, где держали лед для казенного ресторана в Николаевском вокзале, построенном здесь в 1861 г. Мемориальные доски в 1909 г. отправили в военно-исторический музей — "Храм славы" в г. Тифлисе, а в Пятигорске оставили их копии, отлитые на заводе "Подкумок". Одно время они стояли возле открытого в 1925 г. в Михайловской галерее Курортного музея, а сейчас находятся в краеведческом музее. Подлинная доска на русском языке находится в Нальчике, а другая — на арабском языке — в запасниках государственного музея Грузии. К 200-летию Пятигорска грот Дианы реставрировали. На нем установлена мемориальная доска.

В бронзе и камне. Пятигорские памятники М.Ю. Лермонтову — первые в России

Вопрос об установлении в Пятигорске памятника Лермонтову первым возбудил журналист П.К. Мартыанов в 1870 г. Его горячо поддержали контрагент (арендатор) КМВ А.М. Байков и пятигорский врач А.А. Витман, обратившиеся за содействием к Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу. Царское разрешение на сбор средств для сооружения памятника последовало 23 июля 1871 г., но понадобилось 18 лет, пока это начинание довели до конца. На протяжении ряда лет Байковым устраивались в Пятигорске Лермонтовские праздники, пополнявшие кассу Комитета по сооружению памятника. Лишь один первый праздник 1881 г. дал сбора 2000 рублей.

В конкурсах на лучший проект памятника принял участие известный скульптор А.М. Опекушин (автор памятника А.С. Пушкину, открытого в Москве в 1880 г.). Проект Опекушина под девизом "Порыв" занял первое место в конкурсе 1883 г. Скульптору удалось органически связать фигуру поэта с окружающей средой. Лермонтов в раздумье сидит на уступе скалы. Сброшена шинель, расстегнут офицерский сюртук. Раскрытая книга упала к ногам. Поэт мечтательно глядит на раскинувшуюся перед ним цепь Кавказского хребта. 10 июня 1885 г. уполномоченный Комитета Байков заключил в Петербурге с Опекушиным договор, по которому скульптор обязывался изготовить бронзовую статую Лермонтова, а также венок и лиру с надписями на постаменте. За всю эту работу он должен был получить от Комитета 14 тысяч рублей.

Разработку проекта сквера вокруг памятника поручили ростовскому архитектору Н.А. Дорошенко. Он предложил устройство каменной веранды с балюстрадой, венчающей массивную подпорную стену с южной стороны сквера. Эту стену в Пятигорске долго звали "бастионом". По поводу ее Дорошенко писал: "...не может быть и сомнения, что с проектируемой веранды

жителю представится такой вид, подобного которому не найдется и во всей России. У подножия ее раскинулся весь Пятигорск, а за ним на горизонте будет виднеться цепь далеких гор... эта площадка силой обычая станет любимым местом прогулки избранного общества и всех посетителей Кавказских Минеральных Вод".

Вскоре крутой обрыв с рытвинами был укреплен подпорной стеной. Под балюстрадой с красивыми фонарями по углам устроили большой фонтан с фигурами дельфинов и львов. Внутри сквера, огражденного железной решеткой, устроили кирпичную сторожку и декоративный грот. Для постаментов из Крыма привезли 8 гранитных плит. Прибыла и отлитая на заводе Морана в Петербурге бронзовая статуя поэта высотой 2,35 м. За ее установкой наблюдал сам Опекушин, приехавший с группой мастеровых-умельцев. Открытие памятника превратилось в большое торжество. Оркестр Тенгинского полка, в котором во вторую ссылку на Кавказ служил Лермонтов, исполнил сочиненный к торжеству В. Саулем марш "Лермонтов". На лицевой стороне памятника, на верхней грани постаментов надпись: "М.Ю. ЛЕРМОНТОВУ", на выступе над цоколем и над бронзовой лирой со струнами — дата открытия "16 АВГУСТА 1889 года". На нижней плите статуи справа — литая подпись автора "А.М. ОПЕКУШИН". Этот первый в России памятник М.Ю. Лермонтову и поныне главная, всеми любимая и почитаемая достопримечательность Пятигорска.

Место дуэли

Нынешний памятник на месте дуэли Лермонтова — четвертый по счету. Первый — простой придорожный камень — тут положили в 1878 г. фотограф А.К. Энгель и его 15-летний ученик Г.И. Раев по указанию старика-извозчика Кузьмы Чухнина, который, по его словам, перевозил с этого места тело убитого поэта на его квартиру в Пятигорске. В 1881 г. уточнением места поединка занималась специальная комиссия, в которую входил и первый биограф поэта дерптский профессор П.А. Висковатов. Были опрошены Евграф Налов, державший в кустах лошадей дуэлянтов, и брат умершего к тому времени извозчика Кузьмы Чухнина Иван. Однако тогда же Висковатов признал: "С точностью определить место дуэли невозможно..." Все же к 40-й годовщине гибели поэта предполагаемое место поединка отметили небольшой каменной пирамидой вблизи первого придорожного камня.

В 1901 г., в 60-ю годовщину дуэли, на этом месте торжественно открыли временный памятник по проекту архитектора КМВ И.И. Байкова (однофамильца арендатора). По бокам старой пирамиды, увенчанной бюстом поэта, устроили деревянную балюстраду. На постаменте сделали надпись: "ЗДЕСЬ ПОГИБ НА ПОЕДИНКЕ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ 15 ИЮЛЯ 1841 ГОДА". Для участия в торжестве в специальных поездах прибыло до 10 тысяч человек к учрежденному по этому случаю на Минераловодской ветке Лермонтовскому разъезду. Но уже в 1907 г. подгнивший деревянный остов прежнего памятника пришлось заменить деревянным пьедесталом с бюстом поэта работы местного ваятеля Л.К. Шодкого. Он простоял до 1914 г., когда к 100-летию рождения Лермонтова Управление КМВ решило здесь установить постоянный прочный монумент. Пригласили столичного скульптора Б.М. Микешина, участвовавшего в конкурсе на памятник Лермонтову у Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. К юбилейной дате па-

мятник — классический обелиск с бронзовым барельефом поэта в нише — открыть не успели и отложили торжество на осень 1915 г. Тем временем, по приглашению Управления КМВ скульпторы В.В. Козлов и Л.А. Дитрих без ведома Микешина устроили ограду из столбиков с цепями и каменными фигурами грифов по углам. Негодяя, Микешин резко протестовал против "антихудожественной и безобразной ограды, позорящей его, автора памятника", но к его протестам не прислушались. Может быть, сказалося то, что неожиданно был снят с поста директор КМВ С.В. Тиличев.

Вскоре разразилась революция, и судьба памятника надолго перестала волновать людей. Лишь позднее площадку благоустроили: поляну красиво оформили деревьями, кустами и цветочными клумбами. Вблизи обелиска на изящной каменной стеле поместили мемориальную доску с описанием дуэли. На расположенной рядом автомагистрали путь к памятнику указывают пилоны, сооруженные в 1951 г. по проекту Б.П. Светлицкого. Исследованиями лермонтоведа С.И. Недумова уже давно установлено, что подлинное место дуэли находится не там, где стоит обелиск, а ближе к Перкальской скале. Уже в стихах Ильи Алексеева на доске в гроте Лермонтова, позже размноженных на открытках, были слова:

Так передай потомству ты
Дуэль, годами не забытый,
Что у Перкальской здесь скалы
Лежал наш Лермонтов убитый.

Но старое место освящено традицией, и обелиск оставлен на нем.

Место первоначального погребения

Лермонтова похоронили на Пятигорском городском кладбище и на его могиле поставили простой камень с надписью "МИХАИЛ". Вскоре этот временный знак заменили каменной плитой с надписью: "ПОРУЧИК ТЕНГИНСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ. 1814—1841". Но 27 марта 1842 г. тело Лермонтова увезли из Пятигорска в Тарханы, плиту зарыли в могильной яме, и следы погребения исчезли. В 1901 г. комиссия, уточнявшая это место, столкнулась с противоречивыми показаниями современников и пришла к выводу, что могила была рядом с тогдашним (в начале XX в.) склепом родственников поэта А.П. и Э.А. Шан-Гиреев. В 1903 г. на средства А.К. Шульца по проекту архитектора И.И. Байкова тут поставили бетонный обелиск с изображением креста и лаврового венка с датой "18—15 / VII — 41" и надписью: "ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА". В 1941 г., к 100-летию гибели поэта, обелиск реставрировали и обнесли железной оградой. В 1964 г., к 150-летию рождения Лермонтова, на ограде установили мемориальную доску. Однако точное место первоначального погребения и донныне неизвестно. Сведения, которые дали В.А. Мадритов, В.Д. Эрастов, Е.А. Шан-Гирей и другие, оказались противоречивыми и сомнительными. Единственным достоверным свидетельством местонахождения могилы служит рисунок А.И. Арнольди, сделанный в 1841 г.

На нем видны ближайшие к ней памятники, один из которых, в виде обелиска, к счастью, сохранился до наших дней. По нему можно более точно определить место могилы. От нынешнего обелиска она отстоит к востоку на 5 — 7 м. Поблизости к густым зарослям могила с любопытной надписью: "ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ЧУХНИНА, СКОНЧАВ-

ШЕГОСЯ 1 МАРТА 1907 г. НА 95-м ГОДУ ЖИЗНИ, ВОЗИВ-ШЕГО ЛЕРМОНТОВА НА ДУЭЛЬ". Неподалеку и скромный памятник на могиле друга Лермонтова — врача И.Е. Дядьковского. Тут же и могила умершей в 1943 г. Е.А. Шан-Гирей.

Памятник в городе Лермонтове

Вблизи от Пятигорска, в г. Лермонтове, 26 июля 1981 г., к 140-летию гибели поэта, открыли новый памятник Лермонтову. Его создатель — известный советский скульптор О.К. Ковмов. Для бронзовой фигуры сидящего Лермонтова архитекторы Н.А. Ковальчук и Ю.Г. Пьянков удачно выбрали место в городском парке, где она хорошо смотрится на фоне близлежащей горы Бештау. Это еще один памятник нашей немеркнувшей любви к поэту!

Имени поэта

Лермонтовские источники № 1 и 2

Находятся на западной оконечности Горячей горы. Источник №1 — старейший в Пятигорске, впервые описан в 1773 г. И. А. Гюльденштедтом, давшим ему название Горячий. В 1809 г. Ф.П. Гааз назвал его Александровским. Позже именовался Александро-Ермоловским источником. Нынешнее название получил уже в советское время. Источник № 2 расположен выше и открыт в 1932 г. на месте старого Ермоловского источника. Минеральная вода этих источников поступает в Лермонтовские и Ермоловские ванны, а также в Питьевую галерею.

Лермонтовские ванны

До 1920 г. назывались Николаевскими. Построены братьями Бернардацци в 1826 — 1831 гг. Старейшее ванное здание страны.

Лермонтовский сквер

Устроен в центре города на месте крутого обрыва по проекту архитектора Н.А. Дорошенко при сооружении памятника Лермонтову. В южной части имеет мощную подпорную стенку, увенчанную балюстрадой с изящно сделанной, выстланной плитами верандой — смотровой площадкой на горе. Ниже балюстрады находился фонтан. Внутри обнесенного железной решеткой сквера — декоративный грот и сторожка (ныне сувенирный магазин). Сквер получил свое название после открытия в нем в 1889 г. памятника Лермонтову.

Лермонтовская галерея

Открыта в 1901 г. к 60-й годовщине гибели поэта и тогда же названа Лермонтовской. Предназначалась для прогулок в непогоду, на эстраде играл симфонический оркестр, в театральном зале шли спектакли и концерты. Автор проекта галереи —

варшавский архитектор З.Э. Хржановский. Изготовитель металлического каркаса — фирма "Владислав Гостынский и К" в Варшаве. Монтаж и строительство вела владикавказская фирма "Орион". Неверна бытующая в путеводителях версия, что галерея привезена с Нижегородской выставки, где служила павильоном.

Прогулочный зал украшало большое панно на сюжеты произведений Лермонтова, а над сценой висел портрет поэта; оба выполнены художником И.И. Крыловым. В непогоду эстрада поворачивалась с помощью особого устройства в сторону прогулочного зала. Здесь же находились "водопродажная" и украшенная большими трюмо и вазами с цветами дамская гостиная. Крытый переход вел из галереи в соседний "Николаевский вокзал". С этой стороны у входа в галерею был красивый мраморный Воронцовский бювет. В предвоенные годы в прогулочном зале проводились киносеансы. В связи с этим сняли цветные стекла и заменили на белые матовые. Ныне обветшавшее за 80 лет здание галереи реставрировано.

Школа № 1 им. М.Ю. Лермонтова

Здание старейшего среднего учебного заведения города Пятигорска построено по проекту архитектора Лукашева. Первоначально на этом месте находилась основанная в 1866 г. мужская прогимназия, в 1905 г. преобразованная в мужскую классическую гимназию, для которой было построено у Казенного сада специальное здание. Теперь тут средняя школа № 1, которой в 1937 г. присвоено имя поэта. В школе есть Лермонтовский музей, в числе экспонатов которого и портрет поэта, ранее находившийся в Лермонтовской галерее. В школе установлен также бюст поэта работы скульптора И.Ф. Шаховской. В 1991 г. было торжественно отпраздновано 125-летие школы.

Улица им. Лермонтова

Свое название получила в 1901 г., к 60-летию гибели поэта, прежде называлась Нагорной. На этой улице находятся Музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, санаторий им. Лермонтова, а также красиво оформленный сквер, декоративный водяной каскад, бювет, источник имени Володкевича (№ 20), колхозные здравницы "Дон" и "Тарханы".

Санаторий им. М.Ю. Лермонтова

Возник в 1930 г. на базе 10 частных домов. Вначале именовался "Санаторий № 5", а в 1931 г. получил имя поэта. В 1963 г. его объединили с одним из старейших санаториев Пятигорска — "Красные зори" (ранее известным как санаторий №31 "Пролетарий"). В состав санатория входит одно из лучших по архитектуре зданий города — бывшая вилла главного химика КМВ Э.Э. Карстенса — творение архитектора Е.Ф. Шреттера. В одном из корпусов есть Лермонтовский салон, где висят картины, созданные на сюжеты произведений Лермонтова.

Железнодорожная станция "Лермонтовская"

Первоначально учреждена в 1901 г. как разъезд в связи с открытием временного памятника на месте дуэли. В 1974 г. на стене вокзала по эскизу скульптора Е.Н. Рукавишникова поставлен барельефный портрет Лермонтова. Чеканку по меди сделали В.А. Милованов и А.А. Танеев.

Лермонтовский бювет

Открыт в ноябре 1978 г. вблизи санатория "Ленинские скалы" по проекту архитектора В.П. Сурцова. Внутри имеет сделанную художницей Л.И. Любчик роспись на сюжеты произведений Лермонтова.

Город Лермонтов

Возник в 1956 г. вблизи Пятигорска, у подошвы горы Шелудивой. Он присоединился к уже имеющимся населенным пунктам страны, носящим имя поэта. В общей сложности их насчитывается 10: 4 Лермонтовки, 2 Лермонтова, 3 Лермонтовских, еще один — Лермонтов-Юрт. Новый город украсил с 1981 г. памятник поэту. По заявлению министра среднего машиностроения СССР Славского, из обогащенных на заводе урановых материалов, добытых на руднике горы Бештау, была приготовлена первая советская атомная бомба в ответ на применение США в 1945 году своей атомной бомбы при налете на японские города Хиросиму и Нагасаки.

Пятигорск в произведениях Лермонтова

Стихотворение "УТРО НА КАВКАЗЕ" отразило впечатление от поездки на Горячие Воды в 1825 г. Датируется летом 1830 г. Названные реалии: лесистые горы, скалы, шатры-палатки, кибитки, в которых жили посетители Вод, — все это входило в пейзаж Горячеводска 20-х гг. XIX в.

Стихотворение "ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ" написано в Пятигорске в 1841 г. "Кремнистый путь", блестящий сквозь туман, — это тропинка вокруг Машука, подернутая дымкой испарений минеральных ключей. Из музыкальных переложений наиболее популярна мелодия Е.С. Шашиной (1861).

Тогда же в подаренной поэту В.Ф. Одоевским записной книжке появились последние стихи Лермонтова: "Сон", "Утес", "Тамара", "Нет, не тебя так пылко я люблю", "Листок", "Они любили друг друга", "Пророк" и др.

Поэма "КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК" — одна из ранних романтических поэм Лермонтова (1828). Написана на основе личных впечатлений, рассказов Е.А. Хастатовой и под влиянием одноименной пушкинской поэмы.

Поэма "ИЗМАИЛ-БЕЙ" написана в 1833 году по личным впечатлениям и рассказам родственников, служивших в кавказской армии. В поэме дана картина Пятигорья.

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели...

Кругом налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит,
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

Поэма "АУЛ БАСТУНДЖИ" — одна из ранних кавказских поэм Лермонтова, написана в 1833—1834 гг. Ее действие происходит в Пятигорье, где в конце XVIII и самом начале XIX вв. вблизи Бештау был аул Бастунджи, разрушенный в числе других после 1804 г. В 1825 г. Лермонтов видел лишь его руины.

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрит от бурь и вольностью богат.
Его уж нет.

Повесть "КНЯЖНА МЕРИ" вышла в свет как составная часть романа "Герой нашего времени" в 1840 г. Своего рода художественный путеводитель по лермонтовскому Пятигорску, особенно в сочетании с иллюстрациями М.А. Зичи. В.А. Мануйлов написал комментарий к этому бессмертному роману, вышедший двумя изданиями. В нем есть много сведений, касающихся Пятигорска. "Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара. Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало злое облачко; месяц подымался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звучный топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрипом нагайской арбы и заунывным татарским припевом. Я сел на скамью и задумался..."

Экспромт "ОЧАРОВАТЕЛЕН КАВКАЗСКИЙ НАШ МО-
НАКО" записан со слов поручика Куликовского. По его словам, экспромт произнесен Лермонтовым на пирушке в Ресторации в 1841 г.

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы,
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам — клопы...

Пятигорск в живописи и рисунках Лермонтова

ПЕЙЗАЖ С ОЗЕРОМ. Акварель (7,4x13,8) 1825. ГПБ (Ленинград). Рукой Миши Лермонтова написано по французски: "М.Л. 1825 ГОДА, 13 ИЮНЯ, НА ГОРЯЧИХ ВОДАХ". На первом плане стоящий на холме полосатый верстовой столб. По дороге идет женщина в красной кофте и с корзиной на спине, на пароме мужчина в красных штанах и синей куртке. По озеру плывет парусная лодка. Это первый рисунок с натуры юного Лермонтова, точно датированный и собственноручно подписанный. По последним изысканиям, на рисунке изображение Лысогорского озера вблизи Пятигорска.

ВИД БЕШТАУ ОКОЛО ЖЕЛЕЗНОВОДСКА. (17,5x27,3). 1837. Справа в нижнем углу рукою поэта: "М. ЛЕРМОНТОВ". Литературный музей (Москва). В центре — улочка с двумя домиками под камышом, двумя скачущими всадниками, справа — палисадник и деревянные стоки для воды, сзади — гора Бештау. В таком виде очертания горы видны лишь из колонии Каррас (ныне пос. Иноземцево). Поэтому и в традиционное название рисунка давно нужно внести уточнение.

ВИД ПЯТИГОРСКА. Писан маслом (26,2x33,9). 1837. Литературный музей (Москва). Приобретен в 1840 г. в антикварном магазине в г. Вильнюсе. Впервые воспроизведен на открытке в 1901 г. Находившийся в альбоме Е.П. Вердеревского эскиз картины был опубликован в 1921 г. в Стокгольме как иллюстрация к "Герою нашего времени". Картина написана с того места, где позже выстроили Елизаветинскую галерею (с холма, где стоит ее левое крыло). Справа по дорожке, ведущей к гроту, идет мужчина с тростью в сюртуке и цилиндре. В середине — всадник. Внизу — освещенные солнцем дома и бульвар. Виден двухэтажный дом неимущих офицеров. Слева — Горячая гора с Александровскими и Ермоловскими ваннами и с Оборонительной казармой. Вдали — горы Юца и Джуца, цепь снежных гор с Эльбрусом. Вся картина — живописный комментарий к "Княжне Мери", рожденной сюжетно в Пятигорске.

ВОЕННЫЙ ВЕРХОМ И АМАЗОНКА. (15,2x24). 1840—1841. Альбом Лермонтова (ГПБ, Ленинград). На рисунке — два едущих под обрывом всадника: военный держит за талию женщину в вуали. Справа на бугре — забор и чахлое деревцо. Вдали — здание с башенкой над крышей, в которой угадывается немецкая кирха в колонии Николаевской (ныне пос. Иноземцево). Башня-колокольня снесена в 1948 г. До недавнего времени в здании бывшей кирхи с колоннами по фасаду находился клуб винсовхоза "Машук".

ВОСПОМИНАНИЕ О КАВКАЗЕ. Писана маслом (30x44,5). 1838 г. Пушкинский дом (Ленинград). На переднем плане по склону холма едут в лучах заходящего солнца два всадника с ружьями в чехлах за плечами: один в бурке на белом коне, другой — в черкеске и папахе — на гнедом. Вдали синее Кавказский хребет. По словам А.И. Арнольди, картина писалась по памяти в Новгороде в 1838 г. и потому нельзя требовать строгой точности пейзажа. Однако очертания Кавказского хребта напоминают вид на горы из Пятигорска.

ЭПИЗОД ИЗ СРАЖЕНИЯ ПРИ ВАЛЕРИКЕ. Акварель (23,6x29,3). 1840. Русский музей. Ленинград. На акварели пометка Г.Г. Гагарина: "Рисовал Лермонтов, раскрашен мною во время пребывания в Кисловодске". Далее дата сражения: "11 ИЮЛЯ 1840". Любопытно, что очертания горы на заднем плане представляют контуры Бештау, которые можно видеть только в Пятигорске.

ПЯТИГОРСКИЙ БУЛЬВАР. (16,5x24,5). 1840. "Чеченский альбом Лермонтова". ГПБ (Ленинград). На карандашном рисунке — легкий, едва заметный набросок Пятигорска и его бульвар с Горячей горы и флашток на ней. Это целая жанровая картинка с пейзажем: вдоль бульвара с еще молоденькими деревьями бредут важный тучный генерал, изящные дамы в шляпах, а навстречу спускаются с горы три офицера в черкесках и папахах. Рисунок сделан легкими беглыми штрихами и очень выразителен: передан и широкий шаг идущих под гору офицеров, и медленная поступь важного генерала, и хрупкость изящных женских фигур. Поразительна и хронологическая точность Лермонтова: именно в 1840 г. был установлен флашток на Горячей горе.

АЛЬБОМ С КАРИКАТУРАМИ. 1841. В этом альбоме, находившемся у А.А. Столыпина ("Монго") и затем исчезнувшем, были карикатуры Лермонтова на "водяное общество" Пятигорска. По словам А.И. Васильчикова, в альбоме была сцена: Мартынов верхом въезжает в Пятигорск, кругом восхищенные и пораженные его красотой дамы. Под рисунком была подпись: "Господин Кинжал, въезжающий в Пятигорск". На другой карикатуре группа всадников: Лермонтов, Столыпин, Мартынов гарцуют перед домом Верзилиных. В открытых окнах три улыбающихся женских головки — Эмилии, Груши и Нади.

Воспоминания современников о пребывании Лермонтова в Пятигорске

1. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ В.Н. Письмо г-жи А-ской из Пятигорска. "Нива", 1885, № 20.
2. АНСКИЙ Ф.И. (по воспоминаниям современников). Собрание сочинений М.Ю. Лермонтова в общедоступном издании Ф.И. Анского с биографией поэта. М., 1891. То же: МОСКВИЧ ГРИГОРИЙ. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Изд. 3-е. Одесса. 1903.
3. АРНОЛЬДИ А.И. Из записок "Литературное наследство". Т. 58, М., 1952. То же: М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ. М., 1972 (ДАЛЕЕ — ВОСПОМИНАНИЯ).
4. БЫХОВЕЦ Е.Г. Из письма. "Русская старина", 1892. Т. 73. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.
5. ВАСИЛЬЧИКОВ А.И. Несколько слов о кончине Лермонтова. "Русский архив", 1872, №3 (рукопись в Гос. музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске). "Несколько слов в оправдание Лермонтова от нареканий Маркевича". "Голос", 1875, 15/1, №15. Письмо к Ю.К. Арсеньеву. "Вестник знания", 1928, №3. Воспоминания А.И. Васильчикова о дуэли Лермонтова в пересказе П.А. Висковатого. В кн.: ВИСКОВАТЫЙ П.А. "М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество". М., 1891. То же: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Пенза. 1960, и в новом издании книги Висковатого П.А. "МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ. Жизнь и творчество". М., 1987. Об участии А.В. Васильчикова в дуэли секундантом см.: СТОЮНИН В. Некролог Васильчикова. "Наблюдатель", 1881, №1. ГОЛУБЕВ А. Князь А.И. Васильчиков. СПб, 1882.
6. ГАНГЕБЛОВ А.С. Воспоминания декабриста. М., 1888.
7. ГОЛИЦЫН Н.Н. Похороны Лермонтова. В кн.: ХВОСТОВА Е.А. Записки. 1812—1841. Материалы для биографии Лермонтова. Изд. 2-е. СПб, 1870.
8. ДОРОХОВ Р.И. Письмо к Юзефовичу от 18/XI — 1840 г. "Радянське літературознавство", Киев, 1871, № 9.
9. ДРОЗДОВ И.И. Записки кавказца. "Русский архив", 1896. Кн. 3, № 10.
10. ДРУЖИНИН А.В. Рассказ, услышанный в Пятигорске в 1851 г. от Р.И. Дорохова. "Библиотека для чтения", 1852, № 1. См. также: ГЕРШТЕЙН Э.Г. Новый источник для биографии Лермонтова. "Литературное наследство" Т. 67. М., 1959. Ее же: Судьба Лермонтова. М., 1964. То же: 2-е изд. М., 1986.
11. КАЛЬНЕВ М. Дело о погребении М.Ю. Лермонтова. "Русское обозрение", 1895, т. 35.

12. КАРПОВ К.И. Лермонтов на Кавказских Водах (рассказ современника). "Русская мысль", 1890, № 12. То же: Из воспоминаний. "Новое время", 1890, № 5324.

13. КОРГАНОВ В.Д. Статьи, воспоминания, путевые заметки, библиография. Ереван, 1968. Воспоминания о Лермонтове (Письмо из Пятигорска). То же: первоначальная публикация воспоминаний Э.А. Шан-Гирей. ВДК "Новое обозрение" (Тифлис), 1891, № 2628.

14. КОРГАНОВ В.Д. Пять дней на Кавказских Минеральных Водах. "Литературная Армения", 1964, №12 (Поездка с А.В. Пастуховым на открытие памятника М. Ю. Лермонтову в 1889 г.)

15. КОСТЕНЕЦКИЙ Я.К. Из воспоминаний. "Русский архив", 1887. Кн. 1, вып. I. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.

16. КОРШУНОВ М. Находка в архиве. "Ставропольская правда", 1984, 23/VII. То же: "Вопросы литературы". 1985, № 3. О том же: БЕЛОКОНЬ. Смерть поэта. К вопросу о дуэли М.Ю. Лермонтова с Мартыновым. "Ставрополье", 1984, № 4; Корнеев В.И., Латкин В.Л. и другие (Обнаружена неизвестная ранее запись об обстоятельствах дуэли М.Ю. Лермонтова и Мартынова). "Известия", 1985, 26/VI. Все публикации посвящены записи ставропольского гимназиста П. Дикова в рукописном сборнике "Елка".

17. КУЗМИНСКИЙ Н.А. Воспоминания. "Курский листок", 1887, 2, 9 и 16 июля. То же: Дуэль Лермонтова с Мартыновым. "Петербургская газета", 1887, 13/VII и ГЕРШТЕЙН Э.Г. Судьба Лермонтова, М., 1964, ЧЕКАЛИН С.В. Новое о дуэли. Неизвестные страницы воспоминаний о М.Ю. Лермонтове. "Неделя", 1983, № 35. То же: ЧЕКАЛИН С.В. Наедине с тобою, брат (записи лермонтоведа). Ставрополь, 1984.

18. ЛОРЕР Н.И. Записки декабриста. М., 1931. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.

19. МАГДЕНКО П.И. Воспоминания о Лермонтове. "Русская старина", 1879, т. 24, №3. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.

20. МАРТЫНОВ С.Н. История дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым. "Русское обозрение", 1898, №1. То же: ШУВАЛОВ С.В. "М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах". М., 1923.

21. МОЛЧАНОВ Н. Письмо к В.В. Пассеку. "Литературное наследство". Т. 45, 46. Вып. 2. М., 1948.

22. НАЗИМОВ М.А. Письмо редактору газеты "Голос". "Голос", 1875, 25/II, № 56. Воспоминания в пересказе П.А. Висковатого. В кн.: ВИСКОВАТЫЙ П.А. "М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество". М., 1891.

23. НИКОЛАЕНКОВ В.Г. Воспоминания о Лермонтове. "Сезонный листок КМВ". Прибавление. 1901, 15/VII, № 45. То же: ЧЕЧЕНЕЦ А.Д. На память о КМВ. Петербург, 1904. См.: ПОЛЬСКАЯ Е.Б. "Забытый рассказ". "Молодой ленинец", 1964, 10/X.

24. РАЕВСКИЙ Н.П. Рассказ о дуэли Лермонтова. Записано В. Желиховской. "Нива", 1885, №7 и 8.

25. РОЩАНОВСКИЙ. Показания о похоронах Лермонтова. В кн.: СОКОЛОВ Л.А. Около смерти М.Ю. Лермонтова. "Труды Императорской Киевской духовной академии", Киев, 1915.

26. САНИКИДЗЕ ХРИСТОФОР. Рассказ свидетеля дуэли Лермонтова (в передаче Б.Ф. Эргардта). "Кавказ", Тифлис, 1891, № 185. То же: "Исторический вестник", 1895, кн. 2.

27. САТИН Н.М. Отрывки из воспоминаний. Сборник "Почин", М., 1895. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.

28. СИДЕРИ Л.А. Сообщение отставного полковника Л.А. Сидери о кончине М.Ю. Лермонтова. В кн.: ЩЕГОЛЕВ П.Е. Книга о Лермонтове. Л, 1929, кн. 2.

29. ТИРАН А.Ф. Записки неизвестного гусара о Лермонтове (публикация В.А. Мануйлова). "Звезда", 1936, № 5. То же: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Пенза, 1960.

30. ТУРОВСКИЙ Н.Ф. Из дневника поездки по России в 1841 году. "Русская старина", 1913, т. 155. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.

31. ФИЛИППОВ С. Под летним небом. Встречи и впечатления. М., 1894. Его же: Еще о Лермонтове (неожиданное дополнение). "Русские ведомости", 1891, № 5.

32. ЧАРЫКОВ А.К. К воспоминаниям о Лермонтове. "Исторический вестник", 1892, т. 48, № 6. То же: ВОСПОМИНАНИЯ.

33. ЧИЛЯЕВ (ЧИЛАЕВ) В.И. Воспоминания (в пересказе П.К. МАРТЬЯНОВА). "Всемирный труд", 1870, №10.

34. ШАН-ГИРЕЙ (КАЗЬМИНА) Е.А. Воспоминания (фрагменты). В кн.: НЕДУМОВ С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974. Рукопись, ЦГАЛИ. Ф. 276, оп. 1, ед. хран. 141. См. также: ОСИПОВ Е.П. В гостях у племянницы М.Ю. Лермонтова Евгении Акимовны Казьминой-Шан-Гирей — дочери лермонтовской княжны Мери. "Пятигорское эхо", 1912, 21/IV, №89.

35. ШАН-ГИРЕЙ Э.А. Воспоминания о Лермонтове. "Исторический вестник", 1881, т. VI, № 10. То же: "Новое время", 1881, № 1983, "Маяк", 1881, № 36. Воспоминания. Ее же: Еще по поводу воспоминаний Раевского о Лермонтове. "Нива", 1885, № 27. Еще о Лермонтове. "Русский архив", 1887, кн. 3, № 11. По поводу биографических сведений о Лермонтове. "Русский архив", 1889, т. 3, № 12. Ответ г. Филиппову на статью, помещенную в журнале "Русская мысль", "Русское обозрение", 1891, №4. "Север", 1891, № 12.

36. Воспоминания П.П. ШЕЛАЕВА в записи И. ДИЕВА. "Кавказ" (Тифлис), 1848, №15, 16, 18, 19, 20. О нем: ПОЛЬ-

СКАЯ Е.Б. Пятигорский знакомый Лермонтова. С предисловием И.Л. АНДРОНИКОВА. "Литературная Россия", 1964, 18/IX.

37. ЭНГЕЛЬГАРДТ (псевдоним Гард Э.) Потомки поэта. "Огонек", 1939, №25, 26 (о воспоминаниях племянницы Э.А. Шан-Гирей — М.А. Трувеллер).

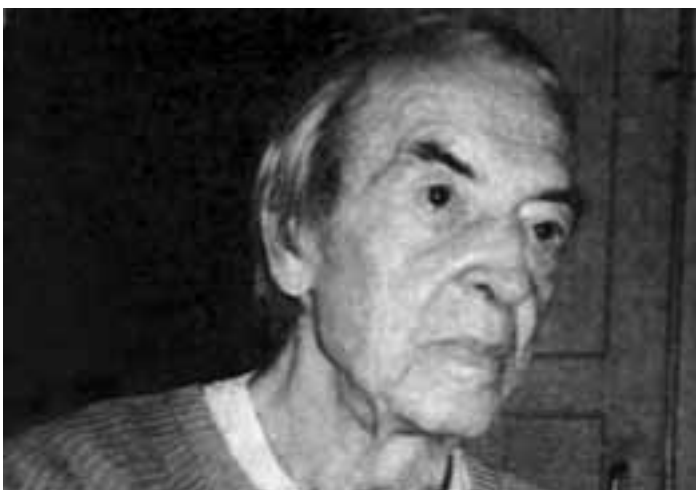
38. ЭРАСТОВ В.Д. Воспоминания (в пересказе Ив. Захарьина). "Новое время", 1891, 6/XI, № 5636. Из воспоминаний В.Д. Эрастова. "Кавказские Минеральные Воды" (Пятигорск), 1903, №10. Из воспоминаний протоиерея Василия Эрастова. "Кавказские Минеральные Воды", 1904, №75 и 76. То же: "Кавказские курорты" (Пятигорск), 1915, № 18. Беседа с корреспондентом газеты "Варшавский день", "Кавказские курорты", 1912, № 7. Отзыв о Лермонтове Эрастова (в пересказе Е. Генейзера). "Вестник Европы", 1914, № 3. Другой отзыв Эрастова о Лермонтове см. в ст. Некрасова Е.С. "М.Ю. Лермонтов. Пятигорск как место его жизни и дуэли (из путевых заметок)". "Русская старина", 1888, № 5.

39. Анонимное воспоминание графини Н. "О встрече с современницей Лермонтова в Пятигорске в 1894 г. В кн.: Чеченец А.Д. На память о КМВ. СПб, 1904. То же: Польская Е.Б. В памяти народной жив поэт. "Ставропольская правда", 1964, 15/X. Борисова Е.В. памяти народной. "Молодой ленинец", 1967, 1/XII.

40. БОРОДЯЕВ Б.Я. Из записок (воспоминания А.П. Верзилиной-Диковой в записи Е.И. Яковкиной). Рукопись. В архиве Е.Б. и Л.Н. Польских.

г. Пятигорск.
1 октября 1985 г.

Текст печатается по изданию:
Польский Л.Н. Лермонтов в Пятигорске. — Пятигорск: Вестник Кавказа, 2002.

Олег Пантелеймонович Попов

1914–2000

Олег Пантелеймонович Попов — лермонтовед, поэт, сотрудник музея "Домик Лермонтова" с 25 ноября 1937 года по 9 августа 1942 года. Один из авторов "Лермонтовской энциклопедии", автор ряда значительных статей по лермонтоведению.

О.П. Попов родился 22 декабря 1914 года в городе Смоленске. С середины 30-х годов жил в Пятигорске. Сотрудничал в краевых газетах "Северо-Кавказский большевик", "Молодой ленинец", "Пятигорская правда". Учился заочно в Северо-Осетинском государственном пединституте, где преподавал выдающийся лермонтовед Л.П. Семенов. Уже в эти годы О.П. Попов начинает заниматься изучением жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. Окончить институт помешала Великая Отечественная война. В 1943 году благодаря мужеству и находчивости О.П. Попова удалось спасти музей "Домик Лермонтова" от уничтожения.

В марте 1947 года был арестован за сотрудничество с оккупационной газетой "Пятигорское эхо" и работу в качестве участкового надзирателя полиции во время оккупации Пятигорска. О.П. Попова осудили к ссылке на каторжные работы сроком на двадцать лет (с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества). О.П. Попов был сослан в Воркуту, где работал на строительстве и в шахте, а затем в школе для заключенных. Был освобожден в феврале 1956 года со снятием судимости и полностью восстановлен в правах. После освобождения О.П. Попов с отличием окончил филологический факультет Государственного пединститута в Ростове-на-Дону.

В Воркуте О.П. Попов прожил двадцать пять лет. Работал в школе. Здесь он продолжил заниматься литературоведением и, в частности, лермонтоведением. Получил от лермонтоведа В.А. Мануйлова предложение написать несколько статей для "Лермонтовской энциклопедии". Первой и, как считал сам автор, лучшей была статья о церковнославянизмах в языке Лермонтова, но, к сожалению, из-за сокращения объемов энциклопедии она не была опубликована.

После выхода на пенсию О.П. Попов переехал в поселок Семибратово Ярославской области, где на протяжении последующих пятнадцати лет руководил "Клубом любителей поэзии". В это же время О.П. Попов сотрудничает с журналами "Русская литература", "Русская речь", а также публикуется в местной периодической печати, где печатались его статьи о Лермонтове. С 1995 года, благодаря Государственному музею-заповеднику М.Ю. Лермонтова, некоторые его статьи по лермонтоведению и стихи публиковались в краевой курортной газете "Кавказская здравница". Доброе имя спасителя музея "Домик Лермонтова" было восстановлено. Фотография О.П. Попова экспонируется в литературном отделе Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. В настоящее время в музее ведется работа по составлению личного фонда О.П. Попова как бывшего музейного сотрудника и лермонтоведа.

О.П. Попов скончался 3 февраля 2000 года. Спустя два месяца, в апреле, в Семибратово пришли документы из Ставропольской прокуратуры о его реабилитации. И после смерти в журнале "Русь" продолжали публиковаться его статьи на лермонтовские темы. В 2001 году в Ярославле издан сборник стихов О.П. Попова "Я жить хочу — как ветер над волной".

Краткая библиография

- Попов О.П. Лермонтов и фольклор // Молодой ленинец. — 1939. — 24 сентября.
Попов О.П. Пятигорск в изображении Лермонтова // Пятигорская правда. — 1941. — 4 июня.
Попов О.П. Энциклопедия жизни, творчества М.Ю. Лермонтова // Северный рабочий. — 1981. — 15 октября.
Попов О.П. Перечитывая Лермонтова // Русская речь. — М., 1988. — № 2. — С. 18–21.
Попов О.П. "Мой интерес к этому имени граничит с наваждением". // Путь к коммунизму, Ростов Ярославской области. — 1989. — 18 октября.
Попов О.П. Лермонтов и Мартынов // Кавказская здравница. — 1995. — 19, 20, 22 декабря.
Попов О.П. "С природою одною он жизнью дышал..." // Кавказская здравница. — 2001. — 12 октября.

О нем

- Селунская И. У Машука пред Лермонтовским ликом // Труд. — 2003. — 24 сентября.
Максимова Э. Дело для Божьего суда (горестная история человека, спасшего национальную святыню) // Известия. — 1999. — 23 декабря.
Коваленко А. Кто он, спаситель? // Кавказская здравница. — 1995. — 17 мая.

А.Н. Коваленко

1988

Перечитывая Лермонтова

Географию знал и любил

Сообщая М.А. Шан-Гирей о своих успехах в пансионе, тринадцатилетний Лермонтов подробнее остановился на географии: "В географии я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ход их и проч." Это не случайно, Лермонтов любил природу, а географию в пансионе преподавал широко образованный, следивший за новейшими достижениями науки И.Н. Данилевский. В 1829 году в "Вестнике Европы" (№ 15–16) была напечатана его обширная статья о выдающихся путешественниках Аспелине, Карпини, Рубруквисе и Марко Поло (Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография. М., 1945. Т. 1. С. 101). И, конечно, он рассказывал своим ученикам о крупнейшем путешественнике конца XVIII — начала XIX века шотландце Мунго Парке (вспомним попутно, что Шотландией Лермонтов особенно интересовался как родиной своих предков). Тогда много писали о путешествиях Мунго Парка по Северной Африке и о его таинственной гибели. Интерес Лермонтова к географии сохранился и позже. В повести "Бэла" упоминается книга Гамба о путешествии по Кавказу. Описания природы у Лермонтова, его путевые зарисовки и картины всегда художественны, выразительны и точны. Недаром академик А.Е. Ферсман восхищался его пейзажными описаниями. Но есть и другие свидетельства того, что поэт не забыл уроков своего преподавателя.

Монго, или Мунго

Это прозвище Лермонтов дал своему родственнику А.Столыпину (1816–1858), и оно пристало к нему на всю жизнь. Даже теперь, говоря о Столыпине, почти всегда добавляют: Монго. Происхождение прозвища объясняется не вполне убедительно. Мемуарист А.М. Меринский утверждал, что Монго — имя героя французского романа, откуда оно и взято Лермонтовым (М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 126). Биограф поэта Висковатый писал, что Лермонтов случайно увидел французский роман "Путешествие Монгопарка" — и взял первые два слога имени героя (П.А. Висковатый М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 201). Это объяснение принято и автором статьи о Столыпине в "Лермонтовской энциклопедии" (М., 1981). А ведь оно ничего не объясняет. Здесь не видно ни меткости, ни остроумия, и непонятно, почему случайно попавшееся слово сделалось вторым именем Столыпина. Да и не было романа с таким названием, как не бы-

ло и "Монгопарка". Было историческое лицо — Монго Парк (сейчас принято писать — Мунго; кстати, так же писал в воспоминаниях и А.П. Шан-Гирей), человек необычной, богатой приключениями судьбы (БСЭ. Т. 32. 2-е изд. С. 115). Если действительно Лермонтову попалась на глаза книга о Парке, то он знал, о чем в ней идет речь. Рискованные похождения молодого Столыпина, об одном из которых поэт рассказал в поэме "Монго", и дали ему повод назвать друга этим именем (вспомним: "Опасен подвиг дерзновенный, // И не сносить им головы!"). Правда, М.Н. Лонгинов сообщал, что прежде Столыпина это прозвище получила его собака (П.А. Висковатый. Указ. соч. С. 201). Если это верно, то основания были те же, ибо, как видно из рассказа Лонгинова, собака тоже отличалась рискованным поведением.

Страшный Аспелинд

В письме к А.А. Лопухину от 17 июня 1840 года Лермонтов писал: "Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке <...> Пожалуйста спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индейских петухов, так, авось, это его испугает" (М.Ю. Лермонтов. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4). В комментариях это место никак не объясняется. Тон письма шуточный. Нетрудно понять, что и Лермонтову, и Лопухину был известен ("индейский петух") по кличке Аспелинд, которым Лермонтов хочет поугагать "пророка". Воинственность индюков известна. Многие любят их дразнить, и, очевидно, молодежь у Лопухиных забавлялась этим. Но почему он — Аспелинд? Один из тех путешественников, о которых писал И.Н. Данилевский, — Аспелин. А ведь петух-то нездешний, заморский! Видно, и это прозвище было дано Лермонтовым. Почему Аспелин превратился в Аспелинда и с чего следовало его спустить, неясно. Возможно, что допущена ошибка при прочтении письма; проверить это нельзя, поскольку автограф не сохранился. Но имя могло быть переделано и для удобства произношения, как часто бывает с прозвищами.

О львах и барсах

Иногда можно встретить утверждения, будто Лермонтов изображая природу, порою допускал грубые ошибки. Так, не раз специалисты отмечали, что в описании Терека в поэме "Демон" река у него сравнивается с львицей, имеющей гриву, тогда как

грива бывает только у львов. Но ведь Лермонтов говорит о гриве Терека, косматой, с ключьями пены — такой, какую он сам наблюдал. Поэту приписывается бессмысленность: "Терек прыгает, как львица, имеющая на хребте косматую гриву". При чем тут львиная грива, какое отношение она имеет к прыжкам? Сама природа сравнения такова, что обычно сравнивается менее знакомый предмет (здесь — Терек) с известным, приметы которого указывать нет надобности. Но достаточно поставить запятую после этой "львицы", и все станет на свои места:

**И Терек, прыгая, как львица,
С косматой гривой на хребте,
Ревел <...>**

Похожее описание находим в стихотворении Е. А. Баратынского "Весна, весна! Как воздух чист!..":

Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Здесь совершенно ясно, что речь идет о хребте. Непонятно, почему сохраняется ошибочное (!) написание в изданиях Лермонтовской поэмы. А вот Б. Пастернак, отличный знаток Лермонтова, цитируя в "Детстве Люверс" эти строки из "Демона", запятую после "львицы" поставил (Пастернак Б. Л. Избр.: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 44).

А вот еще один пример обвинения Лермонтова в незнании того, о чем он пишет. В книге "Лингвистические парадоксы" (М., 1982) можно прочитать: "Показав, что в поэме "Мцыри" М.Ю. Лермонтова бой с барсом не выдерживает никакой критики с точки зрения зоографа, И. Сельвинский добавляет: "Но любопытно еще и другое: основная ошибка Лермонтова — переселение барса из Туркестана в Грузию, где барс никогда не водился".

Сельвинский много путешествовал, охотился, и можно бы поверить первому его утверждению, хотя и в поведении лермонтовского барса нет чего-то неправдоподобного. Но второе

его утверждение попросту неверно. Барсы на Кавказе водятся до сих пор, хотя осталось их там совсем немного. Вот что пишет зоолог И. Акимускин: "В старые времена у нас барсом называли леопарда. И сейчас его так зовут на Кавказе" (И.И. Акимускин. Мир животных. Вып. 1. М., 1971. С. 210). Он же сообщает, что барсы любят поиграть и порезвиться, так что барс, играющий костью, не выдумка поэта. В книге А. Салганского "Птицы и звери наших лесов (М., 1964. С. 356-357) читаем: "Леопард, или пантера, или барс (то есть название "барс" и для зоолога остается равноправным. — О.П.) <...> в небольшом количестве встречается на Кавказе <...> На человека обычно не нападает, но иногда бывает опаснее тигра". Словом, сам Сельвинский спугнул обыкновенного барса (леопарда) с ирбисом, которого просто барсом никогда не называют, а всегда уточняют: "снежный барс". Он действительно водится в горах Средней Азии и, между прочим, на человека не нападает. Это, пожалуй, мелочи. Но когда снова и снова повторяют, что Лермонтов здесь напутал, а там присочинил, то это уже неприятные мелочи. Утаивать действительные ошибки писателя нет смысла, но приписывать ему чужие недопустимо. Тем более, что точность в описаниях — одна из характерных черт Лермонтова. У него был верный глаз художника, прекрасная память и умение вглядываться в природу, понимать и чувствовать ее. Еще Карл Маркс, владевший русским языком и знавший толк в русской литературе, писал, что "вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы" (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 2. М., 1983, с. 545).

п. Семibrатово
Ярославской области

Текст печатается по изданию:
Попов О.П. Перечитывая Лермонтова //
Русская речь. — 1988. — № 2. — С. 18–21.

1994

Лермонтов и Мартынов

Нет надобности доказывать, насколько была политизирована вся наша жизнь на протяжении десятилетий. Это относится и к литературоведению. По версии, бывшей, в сущности, официальной, главной причиной гибели Лермонтова была ненависть царя к бунтарю-поэту и соответствующая деятельность шефа жандармов Бенкендорфа. Усилия лермонтоведов были направлены на обоснование этой версии. Роль организатора дуэли отводилась князю А. Васильчикову, сыну одного из царских любимцев. Н. Мартынову давалась простейшая характеристика: глуп, самолюбив, озлобленный неудачник, графоман, всегда под чьим-либо влиянием. Словом, самая подходящая кандидатура для выполнения чужих замыслов. Даже под защиту его брали: один современный автор писал, что Мартынова на дуэль вели чуть не под руку. Это Мартынова, настоящего на исключительно тяжелых условиях дуэли (стреляться до трех раз).

Роль царя в судьбе поэта изучена довольно основательно, хотя кое в чем преувеличена. Он резко отозвался о романе Лермонтова, отказывал ему в отставке — это во многом предопределило судьбу поэта. Роль князя Васильчикова больше сочинена, чем изучена, и вряд ли была значительной.

Но главную роль сыграл Николай Мартынов, и следует, прежде всего, обратиться к его личности и к истории его отношений с Лермонтовым, отказавшись при этом от его примитивной характеристики. Какой же он неудачник, если в 25 лет имел чин майора и орден! Напомним, что лермонтовский Максим Максимыч, всю жизнь прослуживший на Кавказе, был лишь штабс-капитаном, сам Лермонтов — поручиком, а грибоедовский Скалозуб — образец успешного карьериста — в тридцать лет стал полковником. Мартыновы были богаты и достаточно известны в Москве. О самом Н. Мартынове знавший его декабрист Лорер писал, что он имел блестящее светское образование. Вряд ли справедливо называть его графоманом. Графоманы пишут постоянно и много, а Мартынов брался за перо редко, и все написанное им поместится в небольшую книжку. Не свидетельствует оно и о глупости автора, хотя и особой глубиной не отличается. Вероятно, писал Мартынов легко, а это создает у пишущего преувеличенное мнение о своих способностях. Вот, например, образец его стихов — отрывок из поэмы "Страшный сон", в которой он иронически описывает парад:

Как стройный лес, мелькают пики,
Пестреют ярко флюгера,
Все люди, лошади велики,
Как монумент царя Петра!
Все лица на один покровой,
И станом тот, как и другой.
Вся амуниция с иголки,
У лошадей надменный вид,

И от хвоста до самой холки
Шерсть одинаково блестя,
Любой солдат — краса природы,
Любая лошадь — тип породы.
Что офицеры? — ряд картин,
И все — как будто бы один!

Поэма, как обычно, не дописана. Желания и умения доводить начатое до конца, стремления к совершенствованию у Мартынова явно не было. Были способности — не было поэтической души. Но самолюбия и самоуверенности — достаточно. Добротой, судя по стихам, не отличался. По убеждениям во многом был противоположен Лермонтову.

Знакомы они были с юности. Знаменское, имение Мартыновых, находилось рядом с Средниковым, где Лермонтов провел три лета подряд (1828—1830). Семнадцатилетний Лермонтов посвятил старшей сестре Мартынова стихотворение, в котором отдаст должное ее уму. И в дальнейшем судьба странным образом вновь и вновь сводила их, вплоть до роковой дуэли. Почти одновременно поступили они в военную школу. Там не раз соперничали в силе и ловкости, вряд ли сильному, рослому Мартынову нравилось, что невысокий, неуклюжий с виду "Майошка" (так прозвали Лермонтова по имени горбуна — героя французских карикатур) нередко оказывался и ловчее, и сильнее. Состязались они не только в ловкости (во всей школе, кроме них, только один юнкер владел саблей, остальные предпочитали шпагу), но и в стихах. Это может показаться маловероятным, но — свидетельствует старшая сестра Мартынова — они постоянно старались уколоть друг друга. Ведь, как писал их общий товарищ Меринский, "никто из нас не подозревал, конечно, великого таланта Лермонтова". И больше того: "Все мы писали тогда не хуже Лермонтова" (Арнольди). Сам Лермонтов серьезные вещи скрывал от товарищей, ценивших только лихой разгул. Так отчего бы Мартынову не считать себя достойным соперником Майошки?

После окончания военной школы Лермонтов определен в гусарский полк, а Мартынов в кавалергардский, в котором тогда служил и Дантес. Лермонтов в это время пишет мало, он увлечен светской жизнью. Но вот все общество потрясла гибель Пушкина. В офицерской среде взгляды разделились. Большинство сослуживцев Дантеса оправдывало его, обвиняя во всем происшедшем Пушкина. Мы не знаем, принадлежал ли к этому большинству Мартынов. Но зато все знают написанное в те дни стихотворение Лермонтова "Смерть поэта", заклеившее на века и Дантеса, и его защитников. За эти стихи Лермонтов был сослан на Кавказ. По пути он останавливался в Москве и почти каждый день встречался с Мартыновым и его семьей. А вскоре едет на Кавказ, в действующую армию, и Мартынов едет добро-

вольно, надеясь, очевидно, на приключения и успехи по службе.

Не стоит повторять утверждение, будто тогда поэт был сослан "под пули горцев". В военных действиях он не участвовал и сам писал, что за весь год слышал два-три выстрела. Зато он изъездил любимый им с детства Кавказ, сделал много зарисовок. Словом, через год, когда окончилась ссылка, он возвратился в Россию, как Одиссей, "пространством и временем полный", с богатым запасом материалов для будущих произведений, овеянный славой смелого поэта, пострадавшего за свои стихи. Он был прекрасно принят в петербургском свете, хотя "ни состояние, ни привычки детских лет не позволяли ему вполне стать человеком большого света" (Дружинин). В одном письме Лермонтов так говорит о своих успехах: "На меня была мода, меня буквально разрывали... Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, старается осыпать меня лестью; самые хорошенькие женщины запрашивают у меня стихи". Вернулся с Кавказа и Мартынов, заслуживший там орден. Однако особой славы это ему не принесло. Шумный успех товарища он не мог не заметить, для зависти были все основания. Те круги, в которых теперь бывал Лермонтов, для него оставались недоступными, несмотря на богатство, гвардейский мундир и орден. Ведь московское консервативное дворянство стояло как бы в стороне от столичной жизни, а расслоение дворянства в те годы было особенно заметно.

Здесь необходимо небольшое отступление. Когда Лермонтов был еще в ссылке, он заезжал для лечения "на воды". Старшая сестра Мартынова, Наталья, очень симпатизировала Лермонтову и нравилась ему. Когда Лермонтов уезжал в полк, Мартыновы вручили ему пакет с письмами и деньгами для передачи Николаю Мартынову. В пути у Лермонтова пропали вещи, а с ними и этот пакет. Мать Мартынова подозревала, что Лермонтов вскрыл пакет, прочитал и уничтожил письма. Лермонтоведы убедительно доказывают, что никакой вины Лермонтова тут не было, но Мартынова-то думала иначе.

Но вернемся в столицу. Лермонтов пишет много, его стихи печатают в лучших журналах. Императрица делает выписки из них в своем дневнике, а позже дарит своей сестре его книги. Интересуются поэтом царские дочери. А на свадьбе одной из фрейлин, во дворце, присутствуют и сам царь, и Лермонтов. Сомнительно, чтобы это было возможно, если бы тогда царь ненавидел поэта. Кстати, "Бородино" царю понравилось и, возможно, сократило срок ссылки. В 1839 году в печати появляются части романа "Герой нашего времени". Первой увидела свет "Бэла". Тогда же или позже Мартынов начал (и, конечно, не закончил) повесть "Гуаша", во многом напоминающую "Бэлу"; такое же случайное знакомство русского офицера с юной черкешенкой, взаимная влюбленность и обещанная автором драма. Вряд ли это простое совпадение. Но главное даже не в сюжете. Герой повести Мартынова — прямая противоположность лермонтовскому Печорину. Как будто Мартынов проанализировал роман Лермонтова и все "минусы" его героя старательно исправил на "плюсы". Печорин — эгоист, в людях видит больше плохого, бывает порой беспощаден и т.п. Герой повести Мартынова, князь Долгорукий (одна из самых знатных фамилий), абсолютно благороден, "хорошо воспитан, имел веселый нрав, неисчерпаемое добродушие; притом никогда ни о ком дурно не отзывался и никому не завидовал, — два качества, весьма редкие меж людьми". И дальше, рассказав об исключительной доброте Долгорукого, Мартынов гневно обрушивается на петербургское дворянство, к которому принадлежал Печорин ("петербургским слетком" называет его кто-то в романе Лермонтова): "Петербургская среда портит людей... В петербургском свете берут начало и разви-

ваются все те мелкие страсти и пороки, которыми так страдает наше современное общество: эгоизм, тщеславие, интриги, фанфаронство... У людей суживается взгляд на жизнь, составляется совершенно превратное и одностороннее суждение о достоинствах человека вообще". И наконец совет Печорину, а заодно и Лермонтову: "Судить об этом крае или измерять достоинства людей, в нем живущих, на петербургский аршин не приходится". Позже о Лермонтове Мартынов напишет: "Свет его окончательно испортил". Известно, что роман Лермонтова, особенно образ Печорина, весьма не понравился царю. Как знать, если бы повесть Мартынова была закончена так, как начата, она бы могла царю понравиться.

В конце 1839 года Мартынов вновь добровольно едет на Кавказ. И вскоре судьба снова сведет их. В начале следующего года произошла дуэль Лермонтова с французом Барантом, сыном посла. Не стоит искать в этой истории политической подоплеки. Было соперничество в салонах, чьи-то обычные сплетни, заносчивость молодого Баранта и неуступчивый характер Лермонтова, недолюбливавшего приезжавших в Россию "на ловлю счастья и чинов" французам, особенно после гибели Пушкина. Дуэли в России были строго запрещены, Лермонтова арестовали. Царь сказал, что "если бы Лермонтов подрался с русским, он бы знал, что с ним делать, но когда с французом, то три четверти вины слагается". Но Лермонтов сам осложнил обстановку. Узнав, что Барант называет его показания на следствии ложными, он пригласил его на гауптвахту, где находился под арестом, для объяснения и предложил драться вторично. К счастью, до этого дело не дошло, но прибавило Лермонтову еще два обвинения. К тому же родители Баранта, опасаясь повторения дуэли, добивались того, чтобы Лермонтов в Петербурге не оставался. А царь к этому времени прочитал только что вышедший полностью роман "Герой нашего времени" и нашел его "отвратительным" и вредным. Императрица, по-видимому, пыталась его переубедить, но он с ней мало считался. В итоге — вторая ссылка и пожелание царя: "Счастливого пути, господин Лермонтов; пусть он очистит свою голову, если это возможно".

В Чечне уже шла большая война, и там-то снова встретились Лермонтов с Мартыновым. А по пути Лермонтов снова задержался в Москве и часто бывал у Мартыновых. Мать писала сыну на Кавказ: "Лермонтов у нас чуть не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык, и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их".

Повесть "Княжна Мери" до того в печати не появлялась, ее прочитали только в полном издании романа. Хорошо знавший Лермонтова Сатин вспоминал: "Те, кто были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого". К сожалению, Сатин не уточнил свои заметки, но почему-то он выделил только эти два имени, хотя легко было узнать и доктора Вернера. Современные лермонтоведы считают, что княжна Мери — это обобщенный образ, а в Грушницком находят черты двух реальных людей — Колюбакина и Мартынова. Но в то время судили иначе. Многие увидели в княжне младшую сестру Мартынова, Наталью, москвичку, бывшую с матерью в том году в Пятигорске. Да и ее симпатия к Лермонтову (в котором "узнавали" Печорина) не для всех была секретом. Не только досужие сплетники, но и вполне серьезные читатели романа (Т. Грановский, Катков и др.) делали такие же выводы, причем считали, что княжна, как и ее мать, изображена в невыгодном свете. По-видимому, Мартыновы до отъезда Лермонтова из Москвы роман не прочитали или во всяком случае, разговоры о том, что они изображены в романе, до них еще не дошли. Иначе в пись-

ме к сыну Мартынова высказалась бы определеннее и резче. А сам Николай Мартынов мог прочитать роман и узнать о ходивших слухах и сплетнях только летом 1840 года в Чечне, куда и прибыл Лермонтов. Сомнительно, чтобы Мартынов тогда же стал требовать от Лермонтова объяснений — шла война, оба участвовали в боях, и ссора выглядела бы неуместной. К тому же, показать свою обиду — значило бы подтвердить справедливость слухов; так и объясняла его внешнюю сдержанность В. Оболенская. Но именно в этом году Мартынов делает резкие выпады против Лермонтова, словно провоцирует его на ссору. Сравнительно недавно была обнаружена его злая эпиграмма:

Mon cher Michel.
Оставь Adel!
 А нет сил.
 Пей эликсир...
 И вернется снова
 К тебе Реброва.
 Рецепт возврати не иной.
 Лишь Эмиль Верзилиной!

Рукой Лермонтова наискось написано: "Подлец Мартышка". Сторонники "политической" версии дуэли считают, что до лета 1841 года (то есть до появления на сцене князя Васильчикова) отношения между Лермонтовым и Мартыновым были вполне дружескими. Поэтому они и эту эпиграмму датируют 1841-м годом. Но французенка Оммер де Гелль, о которой говорится в эпиграмме (Адель), была на Кавказе в 1840 году. Правда, задевая в эпиграмме Эмилия Верзилина (правильнее Клингенберг) отрицала знакомство с Лермонтовым до 41-го года. Но и эта эпиграмма, и вполне беспристрастные воспоминания офицера Магденко подтверждают более раннее их знакомство. Впрочем, дальше обмена резкостями дело не пошло. Возможно, Мартынову не показали листок с лермонтовской надписью.

Живя в станице Червленной, где бывал и Лермонтов, Мартынов писал довольно много. Наверно, Лермонтов читал ему свои стихи, иначе как мог Мартынов знать стихотворение "Валерик"? А он его знал. Его поэма "Герзель-аул" явно противопоставлена "Валерику", направлена против взглядов Лермонтова на войну. Если Лермонтов еще задолго до "Валерика" с сочувствием писал:

"Горят аулы, нет у них защиты", — то Мартынов в восторге от карательных экспедиций против горцев:

Горит аул недалеке...
 Там наша конница гуляет,
 В чужих владеньях суд творит,
 Детей погреться приглашает,

Хозяйка кашницу варит.
 На всем пути, где мы проходим,
 Пылают сакли беглецов.
 Застанем скот — его уводим.

Пожива есть для казаков.
 Поля засеянные топчем.
 Уничтожаем все у них...
 Мы их травили по долинам
 И застигали на горах...

И в этой же поэме есть шаржированный портрет Лермонтова, похожий, правда, больше на Грушницкого, чем на Печорина:

Вот офицер прилег на бурке
 С ученой книгою в руках,
 А сам мечтает о мазурке,
 О Пятигорске, о балах.

Ему все грезится блондинка,
 В нее он по уши влюблен.
 Вот он героем поединка,
 Гвардеец тотчас удален.
 Мечты сменяются мечтами,
 Воображенью дан простор,
 И путь, усеянный цветами,
 Он проскакал во весь опор.

М. Уманская (Ярославль) обнаружила в этих стихах измененную умышленно цитату из "Валерика" (у Лермонтова "простора нет воображенью"). Но каким убогим выглядит это воображение в глазах Мартынова! Тут и мнимая победа армейца (а Лермонтов был переведен в армейский полк) над гвардейцем, и "ученая книга" для виду (а Лермонтов даже во время боя спорил с декабристом Лихаревым о Канте и Гегеле), и мечты о провинциальных балах (будто Лермонтову не знакомы балы петербургские!). Но гораздо серьезнее выглядит написанная Мартыновым тогда же и там же "Герзель-песня". Почему-то она оставалась вне поля зрения лермонтоведов. А ее последняя строфа многозначительна:

Я убью узденя!
 Не дожить ему дня!
 Дева, плачь ты заране о нем!..
 Как безумцу любовь,
 Мне нужна его кровь,
 С ним на свете нам тесно вдвоем!..

Это не только ответ на лермонтовское "на свете места много всем", но и слегка измененные предсмертные слова Грушницкого: "Нам на свете вдвоем нет места". Мартынов умел при случае использовать строки Лермонтова. Да, в "Княжне Мери" Грушницкий вначале не может выстрелить в безоружного Печорина, потом стреляет ему в ноги и сам погибает. Но то в романе. А Мартынов докажет, что он не Грушницкий. Ведь не только Васильчиков писал, что "Мартынов давно злился на Лермонтова", но и молодой немец Боденштедт, бывший тогда в Пятигорске, заметил, что Мартынов "ненавидел его люто". Но как же Лермонтов не замечал это? — Он не отличался подозрительностью — свойством мелких натур. Ведь и Пушкин, например, долго считал Толстого — "Американца" добрым товарищем, а тот сочинял о нем дикие сплетни и готов был драться с ним на дуэли.

Однако события на время развели их. Новые походы, поездка Лермонтова в Ставрополь и Пятигорск, затем отпуск — Петербург, Москва. Стоит отметить, что на этот раз у Мартыновых в Москве он не бывал. А в мае 1841 года он снова на Кавказе. И тогда судьбу решил полтинник, брошенный Лермонтовым и упавший решкой вверх, что значило: "Едем в Пятигорск"! И поехали, вместо того, чтобы отправиться в свою часть. А туда, в часть, вскоре едет распоряжение царя: "Чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку". Значит, никакой слежки за Лермонтовым не было, царь так и не знал, что он в свой полк не прибыл. И не под пули горцев отправлял царь поэта, а рассчитывал сломить его нудной, бесперспективной, не дающей права на скорую отставку, фронтовой службой в гарнизоне. Расчет был верный — Лермонтову отрезался путь к отставке (рана, награда, повышение в чине).

Но Лермонтов об этом не узнал. Приехав в Пятигорск, он в тот же день узнал, что "и Мартышка здесь". Мартынов уже вышел в отставку. Причины этого мы не знаем. Возможно, насытился войной, которая принимала все более серьезный, затяжной характер. В "Герзель-ауле", рассказав о смерти тяжело раненого солдата, Мартынов писал:

Я отвернулся. Было больно
 На эту драму мне смотреть,
 И я спросил себя невольно:
 Ужель и мне так умереть?

Умирать, ему, безусловно, не хотелось, хотя и считать его трусом нет оснований. Но вот он в Пятигорске, одет по-черкесски, в пятигорском свете пользуется успехом. И он знал, конечно, что Лермонтова в самых "верхах" многие недолюбливают, — мог знать от того же князя Васильчикова, приехавшего "на воды", да и от самого Лермонтова, не отличавшегося скрытностью, что царю весьма не понравился "Герой нашего времени". Что Лермонтов знал об этом мнении, говорит его предисловие к второму изданию романа.

О том, что Мартынов был настроен решительно, догадаться нетрудно. Не могла же быть настоящей причиной ссоры та пустяшная, даже не обидная шутка, прозвучавшая на вечере у Верзилиных: "Горец с большим кинжалом" (по-французски звучит складно: "монтаньяр о гран пуаньяр"). Мартынов действительно гордился своими кавказскими костюмами, носил огромный кинжал. Допустим, был в плохом настроении, обиделся. А что дальше? Впоследствии он явно затрудняется объяснить свой гнев. Во время следствия он писал: "На вечере в одном частном доме он вывел меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову". Однако сидевшая рядом с Лермонтовым Эмилия Верзилина ничего подобного не заметила и говорила лишь об одной фразе, вызвавшей обиду Мартынова. А ее мать вообще не заметила ничего похожего на ссору. На следствии же Мартынов утверждал: "Лермонтов не упустил ни одного случая, где бы мог сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счет..." Если и было что-либо подобное, то не в такой, конечно, степени. В воспоминаниях общих знакомых, более или менее беспристрастных, это почему-то не отразилось. Напротив, несколько человек вспоминают, что если кто обижался на шутки Лермонтова, то поэт тут же старался примириться с ним. Да и рассказ самого Мартынова о том, что незадолго до ссоры Лермонтов приходил к нему "отвести душу", не очень вяжется с этими жалобами на беспощадного обидчика. Позже Мартынов говорил уже несколько иное: "Приятель-таки раздули ссору". Уже не только Лермонтов виноват. Но кто эти приятели? Те, кто знали о ссоре и вызове, делали попытки примирить их. Мартынов отказался. 27 июля по новому стилю в четырех верстах от Пятигорска произошла роковая дуэль. Мартынов не промахнулся, стреляться до трех раз не понадобилось.

Родственники Мартынова позже говорили, будто он "был мучеником всю жизнь после этого убийства". Непохоже. Когда ему разрешили выходить из-под ареста, его встретила Эмилия: "Его белая черкеска, черный бархатный бешмет произвели на нас неприятное впечатление". В Киеве, отбывая церковное покаяние, он тоже любил щеголять костюмами, гулял с самыми красивыми дамами. В воспоминаниях он изображал Лермонтова малосимпатичным. Впрочем, дальше воспоминаний о военной школе он не пошел. Его отец, правда, во искупление греха

сына, построил больницу для бедных. Но доказательств раскаяния сына у нас нет.

Изложенная здесь версия дуэли не совсем нова, она выдвигалась и раньше, но почти без доказательств, и была отвергнута, тем более что в ней не отводится особой роли царю и Бенкендорфу. Политическая версия казалась убедительнее. Лермонтоведы были в этом солидарны с пушкинистами. Но пушкинисты уже не утверждают, что дуэль Пушкина с Дантесом была организована с ведома царя, что Бенкендорф нарочно послал жандармов не туда, где происходила дуэль, и т.п. Пересматривают историю гибели Лермонтова и некоторые лермонтоведы. В. Вацуро писал: "Ни Николай I, ни Бенкендорф, ни даже Мартынов не вынашивали планов убийства Лермонтова-человека. Но все они — каждый по-своему — создавали атмосферу, в котором не было места Лермонтову-поэту". В этом утверждении остается неясным место Мартынова. Ведь он убил именно Лермонтова-человека. А как он мог создавать атмосферу, в которой не было бы места Лермонтову-поэту, непонятно.

Возможны и другие версии. Не такие вздорные, как выдумки Короткова или Швембергера о том, будто дуэли вовсе не было, а убил поэта подкупленный казак. Опровергать глупости нет смысла. Но были предположения, что здесь повторяется история Сальери и Моцарта. Нет. Настоящий Сальери никого не убивал, был серьезным композитором и учителем Бетховена. Но и книжный Сальери был предан музыке, был упорным тружеником и признавал гениальность Моцарта. Ничего подобного в Мартынове обнаружить невозможно, и на роль Сальери он не годится. Он человек, способный любоваться зрелищем горящих аулов, привязанных к хвостам лошадей трупов горцев, вырубленных садов. Не признававший в Лермонтове гения, но завидовавший его славе, казавшейся ему незаслуженной. Могут сказать: он защищал честь сестры и свою. Но сестра-то гордилась тем, что ее считают прообразом княжны Мери, и в защите чести не нуждалась, тем более такой страшной ценой. Собственная честь? Но Мартынов умел, когда хотел, отшучиваться, мог и прекратить знакомство, сохраняя свое достоинство. Другим Пушкина тоже порой приходилось попадать под огонь шуток поэта, но никому и в голову не приходило требовать удовлетворения. В 1839 году писатель Соллогуб написал по заданию старшей дочери царя повесть "Большой свет", в которой изобразил Лермонтова в довольно невыгодном свете. Лермонтов возмутился? Да нет, они остались приятелями и даже собирались вместе выпускать журнал.

Остается повторить сказанное: чтобы пойти на хладнокровное убийство товарища по военной школе и фронту, гениального поэта, надо было быть именно Мартыновым — самолюбивым, мелочным, злым, не понимавшим, "на что он руку поднимал".

Текст печатается по изданию:

Попов О.П. Лермонтов и Мартынов //

МЕРА. Литературный, историко-художественный, религиозно-философский журнал. — СПб. — 1994. — № 3. — С. 84—90.

1996

"С природой одною он жизнью дышал..."

Природа! Мы ею окружены и объята. Мы живем среди нее, но мы ей чужды... Я славлю ее во всех ее проявлениях.

Гете. "Природа"

Знал ли Лермонтов эти мысли Гете или нет, нам неизвестно. Но созвучные им мы встречаем у Лермонтова постоянно. Природа — не только важнейший элемент его произведений. Она в значительной степени влияла на становление его взглядов, его характера, его отношения к окружающему миру.

Вряд ли правомерно утверждение о том, что Шиллер был гораздо ближе Лермонтову, чем Гете. В юности — да. Тогда поэта увлекали "и бури шумные природы, и бури тайные страстей". К тому же он увлекся тогда сочинением драм и трагедий, а лучшего образца для этого, чем Шиллер, не найти. Но пришло время, когда он постиг таинство "безобразной красоты" этих бурь, "отделялся стихами" от Демона, и его взгляды на жизнь и на природу становились все глубже и мудрее.

Лермонтов был "окружен и объят" природой с детства, полюбив ее задолго до того, как почувствовал себя поэтом. Во всем творчестве поэта ее место весьма значительно. Первое известное нам его стихотворение — "Весна", первое напечатанное — "Осень". Среди последних — "Выхожу один я на дорогу", "Листок", "Пророк". Крайне несправедливо утверждение (в "Лермонтовской энциклопедии"), будто "в ранних стихах Лермонтов избегает изображения земной красоты, попросту ее не видит". И дальше: "Пейзаж почти отсутствует в стихотворении "Кладбище". Отсутствует "традиционный" пейзаж. Но другой автор отметил в этом стихотворении такой "довольно неожиданный образ: "краснеючи, волнуется пырей". И как можно не заметить, что на кладбище юношу-поэта привлекала природа, противопоставленная человеку:

**Жужжа, со днем прощается игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!
Стократ велик, кто создал мир! Велик!...
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль ставит иногда,
Чем в пепел обращенные стада,
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?**

Похожую картину рисует он и в стихотворении "Ночь III", написанном тогда же, пятнадцатилетним юношей:

**Темно. Все спит. Лишь только жук ночной
Жужжа, в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес.**

Создается впечатление, что уже тогда поэт избегал обычных приемов изображения природы, искал свои краски, стремился

и в малом увидеть великое. Видел он, видел красоту и с самого начала учился ее изображать. В самых ранних стихотворениях Лермонтов умел изобразить и величественное: горы, степи, море — и находил точные, выразительные детали — капля дождя на лепестке одинокого цветка, светлячок в траве. В раннем детстве он любовался облаками, то на закате, то после дождя, просто и сдержанно описал "Вечер после дождя". А красота Кавказа, увиденного десятилетним мальчиком, поразила его сразу и на всю жизнь, и для этой красоты он находит самые возвышенные слова: "Синие горы Кавказа, приветствуют вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе".

Картинами природы насыщены ранние поэмы Лермонтова, особенно "Измаил-Бей". Порой кажется, что очередной пейзаж не так уж необходим для развития сюжета, но автору хочется вспоминать и описывать милые его сердцу горы, ущелья, реки Кавказа. И позже, в поэмах "Демон" и "Мцыри", в романе "Герой нашего времени" природе отводится самое почетное место. В романе "Вадим" такую же роль играют картины среднерусской природы. В их точности убедился С. Андреев-Кривич, обошедший все места, описанные в романе. Это убедительно говорит о том, что в детстве Лермонтов любил прогулки по окрестностям Тархан, иногда довольно дальние, и навсегда запомнил то, что видел. Уже тогда он не только любит природой и человеком. Для него человек — не часть природы, вернее, часть, оторвавшаяся от целого.

В 16 лет, читая Руссо, он сделал удивительную запись: "Признаюсь, я ожидал больше гения, больше познания природы и истины". Руссо был тогда одним из "властителей дум", его книги породили целое течение — руссоизм, а юноша Лермонтов осмелился критически о нем отозваться. К сожалению, он не развил свою мысль, но можно предположить, судя по более поздним его произведениям, что он не нашел у Руссо глубокого проникновения в самую "душу" природы и не мог согласиться с тем, что для человека возможно спасительное бегство в природу. Разлад человека с природой Лермонтов стал ощущать рано, и это убеждение с годами усиливалось. Он понимал, что даже для того, кто, как он, по-настоящему любит и понимает природу, уход в нее от общества невозможен. Не может же Лермонтов (или хотя бы Печорин) стать пастухом или бродячим охотником (кстати, Лермонтов, по-видимому, вообще не был охотником). Отрыв человека от природы неизбежен, безусловен, и в этом одна из причин трагедийности жизни человека. Возможно лишь сравнительно кратковременное общение с ней, но возвращение в общество неизбежно. И резкий, язвительный, часто беспощадный в общении

со "светом" и в изображении этого "света", Лермонтов становится в общении с природой мягче, задумчивей, добрее.

"Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль... Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется". Это говорит Печорин. Но и Лермонтов любил степные просторы: "На коня потом вскочу, в степь, как вихорь, улечу". Не только степень. В одном из его писем читаем: "Для меня горный воздух — бальзам; хандра — к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь". И еще одно высказывание Лермонтова: "Удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такой, какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять". Здесь, как и в других произведениях, природа ассоциируется с детством. Ярko выражено это в стихотворении, условно называемом "1-е января". Сатирическими штрихами изобразил картину из жизни светского общества, поэт противопоставил ему природу и детство, о котором говорит совсем в другом тоне, мягком, даже мечтательном. А в конце — снова общество, из которого не уйти, и опять звучит "железный стих, облитый горечью и злостью". Только в детстве возможно самое тесное сближение, если не слияние, с природой. Не случайно такие образы, как "звезды ясны, как счастье ребенка", "воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка". Конечно, юношу привлекал и "свет с его красивой пустотой", с возможностью проявить себя и самоутвердиться. Уход в "свет" вполне возможен и даже неизбежен, а возврата к детству не бывает, и уход в природу возможен только в мечте. Каждый человек, даже самый свободолюбивый и отважный, намертво привязан к своей среде и является в известной степени рабом своего общества. Вот говорит Печорин: "Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка, солнце ярко, небо синее, — чего бы хотелось, больше? — зачем тут, страсти, желания, сожаления?" Вот тут бы и остановиться. Или сесть на коня и — в степь! Но нет. Не случайно в этой фразе слово "кажется". И вот неизбежное продолжение: "Пойду к Елизаветинскому источнику; там, говорят, утром собирается все водяное общество". И снова страсти, желания, сожаления. И душно в "свете", и не уйти из него, даже в Персию не уехать (не только Печорин, но и Лермонтов туда собирался). Гибнут оторванные от своей среды Бэла, Морская царевна, да и Мцыри, вначале увезенный из родного аула, а затем бежавший из воспитавшего его монастыря. И трагедия Демона связана с тем, что он порвал со своей средой, которой "блистал он, чистый херувим" и был счастлив. Но он хотел очень много (чисто человеческое свойство!). "Сквозь вечные туманы, познав жадный, он следил кочующие караваны в пространство брошенных светил". Но еще в древности было сказано: во многотрудности премногая печаль. Демон словно не знал это и остался одинок, утратив и жажду познания, и место среди когда-то равных ему, и возненавидел весь мир. Большой трагедии и быть не может.

Здесь хочется отметить образ "вечных туманов", повторенный и в другом месте ("тихо плавают в тумане хоры стройные светил"). Ведь небо часто бывает ясным, и Лермонтов любил его таким. Откуда же "вечные туманы"? "Мы теперь знаем, что межзвездное пространство не пусто, но содержит разреженные облака, состоящие из очень рассеянных частиц пыли и газа" (А. Кромби. Тайны океана). Но неужели Лермонтов догадывался об этом?

Не демон, а человек в одной из поэм Лермонтова говорил:

**Я часто по лесам бродил
И только там душою жил
...Я готов теперь отдать
Все, что имею, за те годы,**

Которые уж я убил...

Прекрасней были бы мне воды,

Поля, леса, луга, холмы,

И все, все прелести природы...

Но так себе неверны мы!

Живем, томимся и желаем,

А получивши, забываем

О том. — Уже предмет другой

Играет в нашем воображенье,

И — в бесперывном том томленьи

Мы тратим жизнь, о Боже мой!

Многое в этом отрывке напоминает размышления Печорина. Но автору поэмы "Корсар", из которой приведены эти строчки, было 14 лет! Для Лермонтова природа — единое целое. Диапазон его наблюдений, широта его взглядов — поразительны. Он любуется веткой цветущей черешни, высокой польницей, краснеющим пыреем, ночью следит за полетом комара по его жужжанию, с сочувствием говорит о "маленьком народе" мошек, о светлячке, всматривается "в каждую росинку на широком листе виноградном и отражающую миллионы радужных лучей". И с непревзойденным мастерством рисует величественные картины гор, степей, рек. Он даже сумел взглянуть на Землю из космоса:

Кой-где во тьме вертелись и мелькали

Святыя точки,

И между них Земля вертелась наша.

В его стихах одинаково находят место и две березки, и ревуший Терек, и бегущая комета. Все в природе заслуживает внимания и сочувствия, все по-своему прекрасно — и ночная гроза, и "поутру ясная погода". Он любуется и барсом, и змеей в лунном свете, и семьей зеленых ящериц, и свободно парящим в небе вороном.

Умный, наблюдательный поэт Боденштедт, познакомившись с Лермонтовым в Пятигорске, сумел понять сущность кажущихся противоречий в характере и поведении Лермонтова, утверждал, что Лермонтов "до последнего вздоха остался чуждым всякой лжи и притворства". В статье о нем он писал: "Два замечательнейших ученых новейшего времени, Александр Гумбольдт и Христиан Эрстенд, указывают, как на настоятельное требование нашего времени, на более обширное приложение в области изысканий современных открытий и исследований природы. Лермонтов выполнил в своих стихотворениях большую часть того, что эти великие ученые признают потребностью нашего времени и чего так живо желают. Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которых можно было бы живее и вернее познаться с характеристической природою этих гор и их жителей, нежели из какой-нибудь кавказской поэмы Лермонтова". Мнение это может показаться преувеличенным. Но через сто лет так же оценил верность и художественность лермонтовских описаний Кавказа академик А. Ферсман: "Перечитывая произведения Лермонтова, я вижу в них новый мир, мир географической науки в образах более глубоких, интересных, полных факта и историзма, чем мы читаем и учим в наших учебниках. Он дал лучшие географические описания окрестностей старого Тифлиса, Военно-Грузинской дороги, района Минеральных Вод, северных склонов Кавказского хребта".

Один из любимых приемов описания местности у Лермонтова — панорамный обзор с высокой точки зрения. Так изображена им Москва с колокольни Ивана Великого, Пятигорск с самой высокой его окраины, Симбирск с горы. Лермонтов не только зарисовал Крестовую гору на Кавказе (а в его рисунках и карти-

нах природа тоже занимает важное место), но и поднялся на нее, чтобы увидеть "половину Грузии — как на блюде". А потом впечатления эти переданы в "Демоне" и "Мцыри":

**Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись в дали;
Счастливей, пышней край земли!
Столообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Дыханье тысячи растений!**

Лермонтов понимал, что "самое великое в природе познается через малое" (Линней). Но нужно все-таки отметить его неизменную любовь к трем величественным стихиям — горам, степям и морю. В стихотворении "Памяти А.И. О-го" они слиты в единую картину:

**Любил ты моря шум, молчанье синей степи
И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмураясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимаю,
А море Черное шумит, не умолкая.**

Любимым цветом Лермонтова был, очевидно, синий. И горы, и степи, не говоря уже о море и небе, у него почти всегда синие. Степь обычно немая, горы неподвижны в своем величии, и только море в вечном движении, его волны не просто шумят, а что-то рассказывают.

Любовь Лермонтова к Кавказу очевидна:

**Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.**

Степи он знал и любил тоже с детских лет, ведь Пенза и Тарханы — лесостепной край. Простор, ветер, лихой конь позволяли — хоть на время — уйти от светской тесноты и духоты:

**Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнинах тени облаков.
... И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии Вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.**

"С природой одною он жизнью дышал..."

Море поэт полюбил до встречи с ним. Не случайно на публичном экзамене в пансионе он читал стихотворение Жуковского "Море". В юношеской лирике Лермонтова "морские" образы встречаются очень часто. Иногда это следствие увлечения Байроном, Шиллером, Муром, и тогда поэт следует литературным образцам, но порой он ищет и свои краски, и тогда появляются "залив в приютах камышей", "облака с лазурью волн, и белый парус, и бегущий челн". Видное место занимает море в ранних поэмах Лермонтова — "Корсар", "Джюлио", "Ангел смерти", ранние редакции "Демона", а поэма "Моряк" — это гимн морским волнам. Поэта манит этот "мир обольстительный и странный, мир небывалый, но живой, блестящий вместе и туманный". Ему хочется понять разговор волн, "живой и полный выраженья".

**О море, море! Как прекрасны
В блестящий день и в день ненастный
Его и рев, и тишина!
Покрыта белыми кудрями,
Как серебром и жемчугами,
Несется горная волна.
В поэме "Моряк" есть удивительные строчки:
...в море каждая волна
Была душой одарена.**

Эта одушевленность моря постоянно чувствуется поэтом. Он даже завидует волнам: "Для чего я не родился этой синевой волной". Горы прекрасны, но остаются "сами по себе", недоступным идеалом, и между ними и поэтом чувствуется незримая преграда. Степи прекрасны в своем необъятном просторе, но молчаливы и пассивны. А с морем можно и говорить, и спорить, как с могучим живым существом ("И потешусь в буйном споре с дикой прихотью пучин"). Когда наконец произошла первая встреча с морем, поэт даже разочаровался, ведь Финский залив оказался совсем непохожим на воспетый Байроном океан: "И наконец я видел море, но кто поэта обманул?" И все-таки это было море, и на его берегу было написано стихотворение "Парус" и нарисован акварелью морской пейзаж: ясный день, свежий ветер, милый сердцу моряка, играющие (но не бушующие) волны, которые при солнце "светлей лазури".

Позже Лермонтов узнал и южные моря. О Каспии он написал только раз, но как! Олицетворение моря в "Дарах Терека" достигло высшей степени, но больше всего полюбилось ему Черное море. Возле него нашел последний приют измученный жизнью друг поэта Одоевский, к нему прикатился такой же измученный дубовый листок. С морскими волнами, разделенными утесом, сравнил Лермонтов себя и поэтессу Ростопчину. Исключительна роль моря в повести "Тамань", которую так высоко оценили Лев Толстой и Чехов. Без моря этой повести и не было бы, оно в ней не элемент пейзажа, а одно из главных действующих лиц. Оно не равнодушно, оно на стороне простых и гордых людей — Янко, загадочной девушки; и даже слепой мальчишка не боится волн и понимает их язык. Враждебно оно только для Печорина. (Горы в этом отношении были нейтральны, но ведь море живое! А горцы тоже не приняли Печорина. Видимо, эгоизм, даже самый благородный, не совместим с подлинной свободой). Лермонтов же особенно ценил в волнах "беспечность их свободы, цепей не знавшей никогда", "упорный этот бой с суровым небом и землей". Но и живая вода рек и ручьев близка ему и понятна. "Опуская руку в поток, ты прикасаешься к концу того, что было, и началу того, что будет", — писал когда-то Леонардо да Винчи, и Лермонтов так же воспринимал общение с живой водой. В детстве он знал речку с прелестным названием Милорайка, знал Суру, "родную Волгу", позже — кавказские реки. Есть в его стихах и реки, им не виданные, — Дунай,

Эльба, Урал, Тигр, "желтый Нил", Аргунь, Подкумок, Цна, Клязьма, Москва — можно знакомиться с географией России по этим названиям. Любит поэт и "разливы рек, подобные морям", и бегущий по оврагу ручей, и журчащий фонтан.

В горах Лермонтова привлекали их величественная красота, чистота, близость к небу, независимость ("Пусть на тебя, Бештау суровый, попробуют надеть оковы"). Но именно в горах увидел поэт опасность разрушительной деятельности человека и стал, таким образом, первым поэтом-экологом в нашей литературе:

**В глубине твоих ущелий
Загремит топор,
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.**

Мысли о разрушительном вмешательстве человека в дела и жизнь природы возникли у Лермонтова еще в юности:

**...Гордый царь природы,
Который, верно, создан всех умней,
Чтоб пожирать растения и зверей.**

И еще определеннее: "Властители Вселенной, природу люди осквернят".

Меньше всего думал Лермонтов о богатстве, о власти, да и слава привлекала его только в юности. Выше этого была любовь к природе, чувство природы. И не только горы и море, но любил он "странную любовь" и реки, леса, поля ("прекрасны вы, поля земли родной"). Но снова он возвращался к мысли о невозможности слияния с природой. Ведь и Мцыри, который "обняться с бурей был бы рад", оказался чужим в горах, страшное "бы" встало между ними. Природа сама начинает чуждаться человека, с его стремлением все покорять. В то прекрасное утро, когда Мцыри лежал на берегу реки,

**все природы голоса
Слилися тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.**

А в "Валерике" природе противопоставлен уже не просто гордый, но и жестокий человек, беспрестанно враждующий не только с природой, но и с подобными себе. Последним стихотворением Лермонтова был "Пророк". В нем та же мысль: среди людей пророк унижен и гоним, и лишь в пустыне он не чужой; там ему покорна "тварь земная", хранящая завет предвечного; он свободен, как птицы, с ним разговаривают звезды.

Вспоминается стихотворение Баратынского "На смерть Гете", многие строки которого удивительно подходят к Лермонтову (не случайно Лермонтов перевел из Гете стихотворение "Горные вершины" — о природе и человеке).

**С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье,
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.**

Здесь все — и о Лермонтове. Но для сопоставления со стихами Баратынского некоторые строки Лермонтова придется повторить:

**Верные черты природы
Он часто списывать любил.
...Студеный ключ... лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он.
Скажи мне, ветка Палестины...**

**Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений.
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя
Рассказам волн кочующих внимая...
Я понимал их разговор,
Живой и полный выраженья.**

Упрекать Лермонтова о том, что он вообще презирал человечество, нельзя. С любовью рассказывал он о Максиме Максимовиче, Бэле, Тамаре из "Демона", сочувствовал таманским контрабандистам, мог залюбоваться "пляской с топотом и свистом под говор пьяных мужиков". Его мучило такое устройство жизни, при котором не находилось в ней места ни Мцыри, ни Бэле, ни Печорину, ни, наконец, самому Лермонтову. И он порой бунтовал. Но с годами юношеский максимализм уступил место более глубокому, вдумчивому взгляду на жизнь. Почти исчезают "богоборческие" мотивы в его стихах, чаще звучат слова о гармоничности мира в целом, хотя сохраняется убеждение в том, что дисгармоничность в мир вносит суетливый и ненастный человек. Спокойнее звучат поздние стихи поэта. Сравним, "Желание" (1832 год) с одним из последних и лучших стихотворений — "Выхожу один я на дорогу", которое тоже можно было бы назвать "желанием". В 18 лет желание поэта довольно прихотливо; тут и черноглазая девица (уж не Сушкова ли?), и вихревая скачка по степени, и буйный спор с морем, и только в последней строфе — желание покоя, но в каком-то мраморном дворце, под журчание фонтана. В 1841 году осталось одно желание — "свободы и покоя", и не во дворце с мрамором, виноградом, фонтаном, а под звездным небом, под навесом темного дуба, словом, на природе. Но есть в желаниях один сходный момент — уснуть не "сном могилы", а чувствовать в груди "жизни силы" ("чтоб фонтан ... усыплял и пробуждал") и слышать "райский голос" (в первом "Желании" — "мечтанья рая").

Многое изменилось в поэте за десять лет, но многое сохранилось и развивалось. Постоянное влечение его к природе определялось не только чувством красоты и поисками гармонии, хотя и это очень важно. Было нечто еще важнее. От разлада и пустоты светской жизни в мечтах, он уходил к детству ("И вижу я себя ребенком..."), а в действительности — к природе. Смягчались, а порой и исчезали "богоборческие мотивы", укреплялось сознание того, что "велик, кто создал этот мир!". Он помнит, как на землю ангел нес его душу, мог следить в чистом небе "ангелов полет". В стихотворении "Когда волнуется желтеющая нива" он рисует одну за другой (вовсе не смешивая их, как утверждали некоторые критики) прекрасные картины природы и ясно чувствует свое единство с этим чудесным миром:

**Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И небесах я вижу Бога.**

Вглядываясь в просторы степей и полей, в разливы рек, восхищаясь мощью гор, слушая и понимая разговор морских волн и звезд, чувствуя, как "пустыня внемлет Богу", поэт освобождается от многих сомнений, противоречий, и протестов, и все яснее становится для него разумность и гармоничность мира в целом и величие его Творца.

Текст печатается по изданию:

Попов О.П. "С природой одною он жизнью дышал..." // Русь. — 1996. — № 5. — С. 151—158.

В "Лермонтовской энциклопедии" можно прочитать: "Валерик — река, приток Сунжи, впадающей в р. Терек", И дальше: "Валерик" — стихотворение позднего Лермонтова (1840 г.). Но нет такой реки, да и не было. Лермонтов называет ее то речкой, то ручьем. А сейчас и ручья почти нет, в Сунжу он не впадает, нижняя часть русла давно распаханна. И тех "допотопных лесов", о которых писал поэт, тоже нет. Осталось старое одинокое дерево, может быть, один из тех белоствольных тополей, которые видны на рисунке Лермонтова, изображающем эпизод сражения при Валерике.

Строго говоря, и стихотворения с названием "Валерик" не было, Лермонтов не дал ему никакого названия. "Валерик" его назвали позже. Впрочем, это не так уж важно. Как его ни называть (для краткости и мы будем называть его "Валерик"), оно — одно из лучших в наследстве великого поэта. Не совсем понятно, почему заурядный ручей "старинные люди" назвали "речкой смерти" (Валларг). О каких-либо событиях, создавших ему такую славу, неизвестно. Как будто эти "старинные люди" предвидели, что 11 июня 1840 года здесь произойдет сражение русских с чеченцами, в котором с обеих сторон погибнет более тысячи человек. И Лермонтов, поддерживающий связь командующего с передовыми отрядами, будет представлен за храбрость к награде, которую не получит (уже не в первый раз), но зато напишет стихотворение, в котором обессмертит и ручей, и тех, кто сражался "в струях потока", запрудив "ручей телами".

Стихотворение это замечательно во многих отношениях. Впервые в нашей литературе автор отказывается от парадного описания войны, от восхищения победами, изображает сражение реалистически, достоверно, в то же время не перегружая рассказ подробностями. Правда, было и до этого одно стихотворение, ярко и правдиво рассказавшее о великом сражении на Бородинском поле, и его автором тоже был Лермонтов. Характерно, что в центре обоих стихотворений не массовые сцены, не подвиги героев, а рядовые участники сражений.

Другой особенностью стихотворения был новый взгляд на Кавказскую войну (близкий к народному определению — "погибельный Кавказ") и на войны вообще. Справедливости ради надо отметить, что нечто подобное можно встретить у Державина. Воспевая победы Суворова, в оде "На взятие Измаила" он писал:

**Напрасно слышен жалкий крик:
Напрасно, жалки человеки,
Вы льете крови вашей реки,
Котору можно бы беречь.
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг рубить и жечь.**

Что ж, Державин тоже великий поэт, и жаль, что его сегодня мало знают. В оде "Бог" он смело и решительно говорит о противоречивости человека вообще, и стоило бы чаще вспоминать

об этом. Но после него и до Лермонтова осуждения войн мы уже не встречаем. Не случайно же для подтверждения этой мысли мы снова и снова обращаемся к Лермонтову, цитируя, его строки о "жалком человеке", беспрестанно ведущем бессмысленные войны.

Замечательной особенностью "Валерика" является редкий сплав батальных сцен и любовной лирики. Цитировать отдельные строки, чтобы подтвердить высочайшие достоинства этого шедевра, мы здесь не будем, лучше просто перечитать его — внимательно, не спеша. Но проследить, закономерны ли его особенности, попытаемся. Тема войны встречается в самых ранних стихах Лермонтова. Кто в возрасте 15—16 лет не воображает себя, хотя бы иногда, героем? А Лермонтов в пятнадцать лет пишет:

**Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь.**

Вскоре, правда, под влиянием событий в очередной русско-турецкой войне и, вероятно, стихотворения Пушкина "Война" (из которого заимствовано не только название, но, с некоторыми изменениями, и две строки) он писал совсем иное:

**Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести!
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
...Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венки небренной славы!**

Противоречие? Конечно. Как тут не вспомнить Державина! К тому же, выработать цельное мировоззрение в пятнадцать лет вряд ли кто умел. И в юношеских стихах Лермонтова о Наполеоне звучит то восхищение гением и его славой, то сомнение:

**Зачем он так за славой гнался?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?**

И однажды юный поэт приходит к такому выводу:

**Свершил с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей.**

Таков суд толпы. Но когда-нибудь люди поймут истинную цену добра и зла:

**Наш прах лишь землю умячит
Другим, чистейшим существам.
...Братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют.**

Современным же людям достанется лишь "казнь за целые века злодейств, кипевших под луной". Это пишет уже шестнадцатилетний поэт. Тогда же им написано стихотворение "Кладбище". Наблюдая за игрой мошек, поэт видит в них божьи создания, заслуживающие уважения:

**Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?**

Примерно в те же годы было написано "Поле Бородина", в котором знаменитое сражение изображено в приподнятых, романтических тонах, от лица восторженного героя. Но ведь речь шла не просто о войне, а о защите родины от захватчика. Через несколько лет поэт вернется к этой теме, но расскажет о Бородинском сражении иначе, простым и сильным языком, и говорить этим языком будет не романтический юноша (вроде Николая Ростова), а рядовой участник сражения, чем-то напоминающий капитана Тушина (недаром Лев Толстой назвал "Бородино" зерном своего романа).

Два года Лермонтов провел в военном училище. Казалось бы, тут бы и развернуться военной теме. Но нет, видно, поэт понимал, что его взгляды на войну там никто не разделит и просто не поймет. Эти два года имели громадное значение в судьбе Лермонтова. Не сразу он выбрал военную карьеру. Но пансион, в котором он учился охотно и имел друзей, был закрыт. В Московском университете год пропал даром, в Петербургском все нужно было начинать сначала. А годы шли, в восемнадцать лет пора сделать выбор. В результате — два года в военной школе, годы, которые он сам назвал ужасными. Почему? Еще недавно можно было прочитать о жестокой муштре, о запрещении читать художественную литературу и т.п. Кажется, этот вздор уже не повторяется. Какая там особенная муштра... Миклашевский, учившийся тогда же, писал: "Обращение с нами в школе было самое гуманное, никакого особенного гнета мы не чувствовали". Запрета на чтение художественной литературы не могло быть — в школе курс русской словесности вел прекрасный преподаватель Плаксин. Он и прочитал однажды в аудитории поэму Лермонтова "Хаджи Абрек". Знал и начальство о том, что Лермонтов пишет стихи, и не от начальства скрывал поэт свои лучшие произведения, а от товарищей. Меньше всего могли юнкера ценить поэтичность, ищущий ум, чувствительную душу. "В школе царствовал дух какого-то разгула, кутежа, бомбошерства", — свидетельствовал друг поэта Аким Шан-Гирей. Еще определеннее писал Анненков: "Масса юнкеров достигала своей цели, переламявая натуры, испорченные домашним образованием, что, в сущности, и не трудно было сделать, потому что одной личности нельзя же было устоять противу всех... Более всего преследовались новички, не бывшие до поступления в школу в каком-нибудь казенном заведении". К Лермонтову это относилось в полной мере, и эта ломка была для него самым страшным... Выработывались ухарство, цинизм по отношению ко всему и особенно к женщинам. Тогда и были написаны Лермонтовым грубо эротические "юнкерские поэмы". Конечно, Лермонтов, с детства умевший разбираться в собственной душе, понимал, как он меняется. И хотя Шан-Гирей считал, что все это "сошло как с гуся вода", но сам Лермонтов так не думал. Вскоре после окончания военной школы он писал А. Верещагиной: "Я ведь очень изменился", — и выражал опасение, что "почти не достоин более вашей дружбы", что "юношеские мечтания теперь прекрасны лишь в воспоминаниях" и что сам он видит контраст между душой и благополучной наружностью. Такие признания не делаются ради рисовки. Все-таки человек — не гусь, и очень не сразу стал поэт освобождаться от ложных взглядов и привычек. Не мог не оставить в нем следа и культ всего военного, господствовавший в школе. Об этом важном и драматическом переломе в душе поэта нельзя забывать, говоря о последующих го-

дах его жизни. Написал же он однажды, что если будет война, то он будет везде впереди. Так оно потом и было, за спины товарищей он не прятался. Артиллерист Мамацев, участник валерикской битвы, рассказал, как Лермонтов со своей командой выручил его, и добавил: "Он был отчаянно храбр, удивлял своей удалью даже старых кавказских джигитов, но не это было его призванием". Что-то заметил артиллерист, так закончивший фразу. Да, Лермонтов не раз отличался в боях, но и размышления о войне не оставляли его. В отличие от большинства он никогда не видел в горах "хищников" и прекрасно понимал, что они защищают свои аулы, свою землю. Он чувствовал весь трагизм противоречия между исторической неизбежностью присоединения Кавказа к России и методами его осуществления. Это образно выразил поэт в стихотворении "Спор", в самом названии которого отражено противоречие. (Пушкин тоже считал, что для покорения Кавказа нужны были иные методы, и вместо оружия лучше было бы опираться на Библию и самовар). И если Лермонтова можно было видеть в бою в первых рядах, то невозможно представить его в роли карателя, которая так шла его убице Мартынову, и даже в роли охотника за людьми, каким был, например, декабрист Ингельстром, "гаскавший по кустам с двухстволкой".

Сражение при Валерике было, в сущности, первым, в котором Лермонтову довелось участвовать. Б. и В. Виноградовы проанализировали черновые варианты стихотворения "Валерик", рисунки Лермонтова, отразившие эпизоды сражения, и показали, как менялась манера описания. В окончательном варианте отброшены многие подробности (хотя известно, как любил поэт точность) в виде "у нас двух тысяч не набралось бы", "орудий восемь навели", "и ружей вдруг из пятисот осыпал нас огонь батальный" и другие. Не сразу найдено было имя мирного чеченца — Галуб (вначале были довольно обычные — Ахмет, Юсуп). Но главное — не сразу была найдена та четкая формулировка отношения к войне, которую теперь часто вспоминают. Вначале было:

**Я молвил: "Жалкий человек,
Как зверь, он жаден, дик и злобен,
К любви и счастью неспособен;
Пусть же гибнет поделом".**

Но это осуждение чуть ли не всего человечества — рядом с выражением сочувствия горцам и состраданием к умирающему капитану — явно не удовлетворяло автора, и он нашел другие слова, четко выразившие его мысли:

**И с грустью тайной и сердечной
Я думал: "Жалкий человек,
Чего он хочет? Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?"**

Анализ черновых вариантов и последующих изменений позволяет сделать предположение, что стихотворение было написано вскоре после сражения, когда еще не прошло вызванное боем возбуждение. А позднее отброшены детали, важные для участника сражения, но не помогающие раскрытию главной мысли, и сама эта мысль сформулирована окончательно — спокойно и мудро. Причем теперь уже говорится не только об участниках недавней битвы. Зачем воюют горцы, он, конечно, знал: защищают свою землю. Русский солдат (да и большинство офицеров) шел воевать на "погибельный Кавказ" не добровольно. Речь шла о войнах вообще, и отношение к ним определилось окончательно. Это подтверждается и в дальнейшем. Стихотворение "Завещание" — горестный, шепчущий монолог умирающе-

го офицера. Очерк "Кавказец" рисует довольно грустную историю жизни и службы на Кавказе. В стихотворении "Родина" как бы подведен итог:

**Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.**

Возможно, что с таким отношением к войне связано и все более усиливающееся стремление поэта выйти в отставку, отдать литературному труду. В планах — новые романы, но фронт для работы над ними — самое неподходящее место. Даже гордость приходится смирять. "Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам", — пишет он бабушке. Нет, не выпустят. Его романы царю не нужны, он назвал "Героя нашего времени" жалкой книгой. И мы никогда не узнаем, что хотел рассказать Лермонтов об Отечественной войне.

Есть в стихотворении "Валерик" загадка, типичная для лермонтовских произведений. Сколько было споров вокруг стихотворений "О, полно извинять разврат", "Великий муж", "Сыны снегов, сыны славян"... Порой казалось, что разгадка найдена, а затем — новые споры. Так и здесь: к кому обращается поэт в первых строчках: "Я к вам пишу"? Принято считать, что к Вареньке Лопухиной, которую поэт любил. Зачем доказательство? Ведь действительно любил и хранил эту любовь до последних дней жизни. Тем более что это утверждал еще сто лет тому назад серьезный биограф Лермонтова профессор Висковатов. Но однажды Б. и В. Виноградовы (г. Грозный) усомнились в этом. Они обратили внимание на то, что должен заметить каждый внимательный читатель. У Вареньки в 1838 году умер ребенок. Сама она тяжело болела. "Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки", — писал А. Шан-Гирей. А вот та, к которой обращается Лермонтов:

**В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны.
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать; и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают...**

Кажется ясно, что ничего общего с Варенькой этот адресат не имеет. Но кому же тогда посвятил поэт свой шедевр? Можно спрятаться за удобное определение: обобщающий образ. Но за строчками стихотворения видится очень определенный образ женщины, которую поэт любил в юности, любил безнадежно, которая теперь блистает в свете и перед которой он чувствует какую-то вину. Это могла быть или Наталья Иванова, или Екатерина Сушкова (Хвостова). Отношения между Лермонтовым и Н. Ивановой изучили В. Каллаш, Б. М. Эйхенбаум, позже И. Андроников, и нет никаких оснований считать, что эти отношения продолжались до конца 1830 годов. Да и в свете Н.Ф.И. не блистала. Другое дело — Сушкова. Лермонтов был влюблен в нее, когда ему было 15—16 лет, она была на два года старше. Разумеется, эта первая его любовь была безответной. Принято считать, что к 1835—1836 гг. от этого чувства ничего не осталось. Ведь сам Лермонтов к этому времени резко отзывался о ней, даже мстил ей за былые страдания. Да, это было. Только напрасно он обижался на то, что взрослая девушка не отвечала на его полудетскую любовь, тем более что его талант она (в отличие от Н.Ф.И.) заметила и оценила, посвященные ей стихи хранила и впоследствии опубликовала в воспоминаниях. Что же касается ее шуток, то и сам Лермонтов был достаточно насмешлив. Стоит только вспомнить эпиграмму о "трех грациях", вписан-

ную им в альбом одной барышни, причем ее обида насмешила остальных. Такой уж была атмосфера в кругу молодых людей, и даже странным кажется, что можно было не только обижаться на шутки, но и хранить обиду много лет. Однако хранил и даже похвалился своей мстью в письме к А. Верещагиной, которая и сама была достаточно насмешлива, а в истории отношений между Лермонтовым и Сушковой сыграла не очень красивую роль. А мы продолжаем строго судить именно Сушкову. По инерции, наверно. И хотя сама Сушкова была искренно и сильно привязана к Верещагиной, та лишь притворялась ее другом, на самом же деле вела себя неискренно, двулично. Об этом, правда, говорить не принято, как недопустимо, хотя бы отчасти, осудить поведение Лермонтова в этой истории. Впрочем, не все безоговорочно осуждают Сушкову. Внимательно и беспристрастно исследовала отношения между Лермонтовым и Сушковой проф. А. Гласе (США). Она напомнила, что детство и юность Сушковой были даже драматичнее, чем у Лермонтова: она тоже осталась фактически без родителей, но у Лермонтова была любящая его бабушка, а у Сушковой — тиранившие ее тетушки. Уже поэтому Лермонтов мог бы быть к ней снисходительнее. Отметив, что Лермонтов в юности не только увлекался стихами Байрона, но и прекрасно знал его биографию, А. Гласе сравнила юношеское увлечение Лермонтова с аналогичной влюбленностью пятнадцатилетнего Байрона в Мэри Чаворт, бывшую тоже старше его на два года и равнодушно относившуюся к нему. Унижение, которое испытал Байрон, услышав презрительный отзыв Мэри о себе ("хромом мальчишке"), гораздо оскорбительнее шуток Сушковой, и все же Байрон всю жизнь носил на груди портрет Мэри, испытывая одновременно чувства злости, любви и мести. И отношение Лермонтова к Сушковой вовсе не закончилось той "мстью", когда он демонстративно подчеркивал свою влюбленность в нее, а потом так же демонстративно отвернулся, поставив ее в глазах света в двусмысленное положение. Ссылки на то, что это было обычным в светских кругах, никого оправдывать не могут.

Однако при чем тут "Валерик"? Эти события происходили за пять лет до того сражения, но зато почти сразу после окончания Лермонтовым военной школы, когда еще не соскочила с него юнкерская "шелуха". После того, как он дал знать Сушковой, что не любит ее, он не переставал ею интересоваться. То делает замечание к ее записи в альбоме А. Верещагиной, то возвращается к своим ранним стихам, некогда ей посвященным, и на их основе создает еще одно, которое стоит привести полностью:

**Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И новым преданным мечтам,
Я разлюбить его не мог.
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все Бог!**

Здесь очевидно и двойственное отношение к "призраку прошлых лет", и сходство с историей портрета Мэри Чаворт. А слова: "Я разлюбить его не мог" — так близки к строчке в "Валерике": "Я вас никак забыть не мог". Да, первая любовь не забывается. Дальше было такое событие: на свадьбе Сушковой и дипломата Хвостова были Лермонтов и его бабушка (посаженной матерью жениха). Рассказывали, что Лермонтов хотел быть шафером у невесты, но не получил согласия. Рассерженный, он рассыпал соль на пути оновобрачных, пожелав им ссориться. Но и это еще не все. В повести "Княжна Мери" (вспомним здесь, что любимую Байроном девушку звали Мэри, а лермон-

товская Мери знала английский язык) мы читаем, как Грушницкий, рассерженный невниманием княжны к себе, мстит ей, сочиняя сплетни о ее якобы романе с Печориным. И Печорин говорит ему: "Я не думаю, чтобы равнодушные женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение". Но ведь недавно сам Лермонтов мстил Сушковой почти так же за бывшее невнимание если не к его достоинствам (которые она оценила), то к его влюбленности. Теперь за такой поступок Грушницкий сурово наказан. И здесь снова чувствуется освобождение от юнкерской "шелухи", от презрительных взглядов на женщину и ее честь. И не о своей ли "мести" вспоминал Лермонтов, когда писал в "Валерике": "Потом в раскаянье глубоком влачил я цепь тяжелых лет"?

Создается впечатление, что сразу после окончания юнкерской школы в Лермонтове было что-то не только от Печорина (презиравшего свет), но и от Грушницкого (желание утвердиться в свете любыми средствами). Но в результате "наблюдений ума зрелого над самим собой" он понимал это и настойчиво избавлялся от всего наносного, чуждого его природе. Писатель, чувствуя в себе противоречия, может как бы разделить себя на две личности, отдавая одному из своих героев те черты, от которых сам желал бы избавиться (Пушкин отметил подобное раздвоение у Байрона). Лермонтов, говоря о своем так называемом "демонизме", в "Сказке для детей" заметил, что от него отделился стихами. Почему же не отделаться от нежелательных черт в себе — прозой? Во всяком случае, Лермонтов начала сороковых годов уже не тот, каким был сразу после выхода из военной школы. Кстати, и Белинский заметил совершающиеся в нем перемены.

Наступил 1840 год — год второй, роковой ссылки поэта. Лермонтов в крепости Грозной, участвует в боях, а Сушкова-Хвостова с мужем приехала в Тифлис. Один мемуарист писал, что Лермонтов послал тогда ей свой портрет, но портрет был возвращен, и раздосадованный поэт уничтожил его. Так почему он не мог адресовать ей стихи? Он делал это раньше много раз. Портрет адресата в начале стихотворения — это портрет Сушковой.

Не всегда, правда, автор, начав стихотворение, ясно представляет себе его конец. Тема может увлечь его в сторону, но мастер сумеет придать ему целостность. Такие повороты темы нередко можно проследить по черновикам. А Пушкин прямо сказал, что, начиная "Онегина", он ход романа "сквозь магический кристалл еще неясно различал" и замужества Татьяны не ожидал. Так и в "Валерике": начав стихотворение обращением к женщине в светском тоне, вспомнив о прошлом, Лермонтов дальше с исключительной силой и выразительностью рисует картины военного быта, жестокого сражения, делает классически четкий вывод. А затем снова обращение к ней в том же тоне, что и в начале, но при этом выражено сомнение: поймет ли она все, что он переживает, о чем пишет. (Варенька бы поняла, и к ней Лермонтов писал бы совсем иначе). И Лермонтов как бы ставит завершающую точку, определив себя неожиданным словом: "Чудак!". Впрочем, действительно чудак, но в лучшем, благороднейшем смысле этого слова: офицер, осуждающий войны; патриот, любивший родину не так, как все, а "странною любовью"; мудрец, задумавший развеселить светскую даму описанием кровавой битвы. А получилось стихотворение, подобного которому нет больше в нашей литературе, в котором слились и чисто лирические мотивы, и батальные сцены, и философские размышления — не во всякой поэме можно найти такое богатство.

И тут невольно вспоминается написанное несколько позже "Завещание". Ведь и тот офицер, который чувствует близость смерти, просит товарища не говорить правду о нем ни знакомым, ни отцу и матери. Но соседке, которую когда-то любил ("как вспомнишь, как давно"...), и, вероятно, еще любит, — "расскажи всю правду", хотя у нее, вероятно, пустое сердце. Все равно — расскажи. Лермонтову товарищ не понадобился, он всю правду рассказал сам.

Текст печатается по изданию:

Попов О.П. Речка смерти // Сура, Пенза. — 1997. — № 4. — С. 207–215.

1997

Церковно-славянизмы

В языке

М.Ю. Лермонтова

"Благодаря Лермонтову русский язык далеко продвинулся вперед после Пушкина", писал В.Г. Белинский. Языком прозы Лермонтова восхищались Гоголь, Лев Толстой, Чехов. А.Н. Толстой утверждал: "Лермонтов-прозаик это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться..." (Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 440). А по мнению Б.М. Эйхенбаума, Лермонтов был ретив и удачлив в попытке "разгорячить кровь русской поэзии, вывести ее из состояния пушкинского равновесия" (Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха. Пг., 1922. С. 91–92).

В языке произведений взрослого Лермонтова легко заметить и гармоничное сочетание различных видов предложений (у Пушкина в прозе преобладают простые предложения, у Гоголя сложные конструкции), и музыкальность фразы, и слияние литературного языка с разговорной речью. К этому он стремился уже в начале творческого пути. Участь у классиков, не отказываясь от многих стилистических средств предшествующей литературы, он сумел безошибочно почувствовать тенденции развития русского литературного языка. Как писал В.В. Виноградов, "Лермонтов с начала 1830-х годов работает над созданием внушительного и действенного ораторского стиля, свободного от литературных архаизмов" (Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 306).

Одним из первых учителей Лермонтова был А.Ф. Мерзляков, поэт старой школы, не одобрявший новых стихотворцев, но юноша решительно не соглашался с его мнением и обращался прежде всего к пушкинским текстам. Он переписывал, отчасти переделывая, поэмы Пушкина. При этом он пока охотно пользовался архаизмами, которые не только придают возвышенность речи, но нередко облегчают решение чисто технических задач — сохранение ритма, выбор рифм, а это соблазнительно для начинающего поэта. В "Кавказском пленнике" (1828) не раз встречаются сей, молодой, младые, златой, враты и т.п. Однако заметны колебания в выборе слов. Пушкинского "еленя" он заменяет оленем, вместо ланит иногда появляются щеки. Вероятно, это еще не целенаправленные поиски. Первые опыты четырнадцатилетнего поэта непоследовательны — чувствуется мощное влияние литературных образцов Пушкина, Батюшкова, Жуковского, но и разговорная речь ему близка. И появляются

в поэме кольца дорогие, золотой, рядом находятся черкешенка младая и дева молодая.

Широко применяются архаизмы для придания языку приподнятости. Драматическое "Письмо" насыщено ими: уста, хладеющие руки, лобзать, молодой, глава, хлад, пыхнет огонь на девственные ланиты (Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4 т. Л., 1979. Т. I. С. 29–30; далее только том и стр.). Немало их и в других стихотворениях этой поры: вежды (II, 65), куша (II, 65), под ветвями пустынных рябины (I, 45), и ниже замысла обмана не скрылось в душе детей (I, 127), станет глад сей бедный край терзать (I, 128), гладный мор (I, 147), с беспечностью драгою (I, 26), уста лиют язык богов (I, 23), кругом черемухи млечной (I, 11), в оном ужасе (II, 42). Но свободны от славянизмов стихи, по замыслу близкие к разговорной речи: "Веселый час", "Русская мелодия", "Осень". "Романс", "Эпиграммы". Нередки русские слова там, где общепринятыми были славянизмы: молодой ангел (II, 110), вестник рая молодой (II, 118). Еще нагляднее становится отход от традиционного употребления славянизмов при сравнении стихотворений, разделенных по времени написания несколькими годами. В стихотворении "Поле Бородина" (1830–31) встретим прежние годы, могильную сень, глас пророчий (I, 264–266). В "Бородино" (1837) архаизмов нет, стихотворение насыщено элементами разговорной, даже простонародной речи: ушки на макушке: постой-ка, брат мусью; хват; ломить стеною (I, 369–370). Поэты старой школы признали бы такой стиль "низким", но совершенно очевидно, что язык "Бородина" звучит "внушительнее и действеннее" языка "Поля Бородина". То же можно увидеть при сравнении стихотворения "Поэт" (1828) со стихотворением "Смерть поэта". В первом встретим жар ланит, хладеет, сей, молодой, первоначальны впечатления, рифмуются священный и восхищенный (I, 12). В "Смерти поэта" лишь один архаизм — в сей миг (I, 372). Другие славянизмы (венец терновый, сень закона, наперсники разврата) архаизмами не были ни тогда, ни значительно позже.

Ту работу по выработке стиля, о которой писал В.В. Виноградов, можно видеть на примерах переводов из Байрона. В прозаических черновых переводах старославянизмов много: брег (I, 518), сими, вживе (I, 516), ланита океана; не стоит ниже часа трудов (I, 517), кои могли бы весть (I, 518) и т.п. В стихотворных переводах ("Ночь. I". "Ночь. II") их значительно меньше,

хотя можно было бы ожидать обратного (обычно их меньше в прозе), исчезают кои, сии, появляется который (I, 79), а в стихотворениях, написанных под влиянием Байрона, но не являющихся переводами ("Еврейские мелодии". "Плачь! плачь! Израиля народ...", "Баллада", "Farewell"), архаизмов почти нет.

Путь ученичества Лермонтов прошел удивительно быстро. В лучших стихах 1831 года отчетливо слышен голос будущего гения ("Ангел", "Желание", "1831-го июня 11 дня") и явных архаизмов в них незаметно, хотя в эти же годы они обычны у многих поэтов (например, у Пушкина: хлад, из топи блат). Немного их в более поздней поэме Лермонтова "Боярин Орша", даже в речах монаха и игумена — богохулитель (II, 261), бренный сын; сей (II, 257). Свободна от архаизмов "Песня про купца Калашникова", в которой слово молодой (II, 334) встречается лишь однажды, а молодой девять раз. И совсем отсутствуют они в поэмах, написанных живым разговорным языком, — "Монго", "Тамбовская казначейша". Правда, в "Демоне" их немало, что связано и с общим колоритом произведения, и с перенесением в поздние редакции поэмы отрывков из ранних редакций. И это показывает, что Лермонтов вовсе не отказывается полностью от употребления славянизмов и охотно использует их там, где они, по его мнению, уместны. К тому же эти славянизмы были еще в широком употреблении (врата, ланиты, златой, лобзанья, глас, персты, денница). Наглядна роль славянизмов в поэме "Сашка". В первом, романтическом портрете Тирзы встречаем чело, ланиты, очи, молодой лик (II, 280—281), а в последующем, сниженном ее описании и в портрете ее простоватой подружки преобладают русские слова: шея, щеки, глазки, груди молодые (II, 282, 287—288). Присутствие славянизмов в поэме "Мцыри" вызвано теми же причинами, что и в "Демоне" приподнятый тон, связь с монастырской обстановкой, использование более ранних произведений. Но не эти славянизмы: ниц (II, 411), серебрястый (II, 422), хладный (II, 424), глава, златой (II, 421), определяют тон поэмы. Русских вариантов тех же слов здесь гораздо больше: голос, голова (II, 414), серебрястый (II, 415), хладный (II, 422), золотой (II, 410, 423) и т.д.

В стихотворении "Журналист, читатель и писатель" Лермонтов вводит славянизмы лишь в приподнятую, книжную речь писателя: подъемлет, объемлет, влася, сокрытый (I, 435). Сравнивая "Пророк" Пушкина и "Пророк" Лермонтова, легко заметить, что стихотворение Пушкина насыщено славянизмами, у Лермонтова же их почти нет. Правда, следует принять во внимание, что и сама тема раскрывается у Лермонтова в ином, несколько сниженном плане. Вообще же в поздних стихотворениях Лермонтов явно предпочитает русские слова: молодой голос, поцелуй (I, 395), глазки, щечки; золотистые (I, 428), на воротах рая (I, 443). Но и славянизмы не отвергаются им в тех случаях, когда они усиливают выразительность речи: без почестей бранных (I, 437), молодые дни, в оный час (I, 459). А вот хладный прах в "Последнем новоселье" используется применительно к праху Наполеона, а о самом Наполеоне говорится так: хладный, неизменный (I, 464).

Эта тенденция еще отчетливее прослеживается в прозаических и драматургических произведениях. Уже в первом романе "Вадим" (1834), несмотря на напряженный тон повествования, славянизмов немного. Некоторые были необходимы как термины: святые врата, главы церкви (IV, 29); другие же предназначались для усиления драматичности. Например, в описании Ольги преобладают русские слова — щеки, лоб, грудь, глаза, даже космы волос (IV, 11), а когда сообщается девушке, обреченной

на смерть, то появляются славянизмы: перси, уста (IV, 100). В "Княгине Лиговской", в "Герое нашего времени" и в других поздних прозаических произведениях славянизмов почти нет. В письмах они употреблялись в шутку: сии вывески нашей премудрости (IV, 360): в письме к К.Ф. Опочинину Лермонтов говорит о своей же фразе: "Стиль библейский и наивный" (IV, 417). Еще реже Лермонтов употреблял славянизмы в драматургических произведениях. Несколько больше их в самой ранней драме "Испанцы". Пятнадцатилетний автор с их помощью добивается усиления трагизма: ланиты (III, 21), хладный III, 26), терния (III, 24), стенания (III, 72), противустать, съединиться (III, 80, 10), сокрой от света (III, 68), сей (III, 58). С этой же целью он использует библейский образ: "Аврааму было легче самому/На Исаака нож поднять..." (III, 128). В "Маскараде" славянизмы введены в взволнованную речь Арбенина: цена злата (III, 348), отверженец (III, 343), как агнец божий на закланье (III, 286), тогда как Казарин говорит про самого Арбенина нейтральным языком: "глядит ягнечком..." (III, 267).

Заметную роль играют у Лермонтова взятые из Библии образы, фразеологизмы, отдельные выражения, что связано с его постоянным стремлением к яркой образности и афористичности. В стихах 1830-31 годов встречаем мясо тучного тельца (I, 16), ты потерял звезду свою (I, 143), "... зря Спасителя мученья,/Невинный плакал херувим" (I, 73), терновый венец (I, 384), позже в "Пророке": посыпал пеплом я главу (I, 491). В поэме "Сашка" представлен образ охваченного страстью Саула (II, 289).

Интересно использованы для характеристики персонажей евангельские тексты в драме "Menschen und Leidenschaften". Верность Ивана, слуги Юрия, подчеркнута его словами: "За тридцать сребренников продал Иуда Иисуса Христа... а это еще золото... Нет, барин, я не такой человек..." (III, 187). Почти слово в слово повторена эта сцена в "Странном человеке" (III, 240). В другой сцене помещица Марфа Ивановна заставляет свою горничную Дарью читать вслух Евангелие. Та читает о казни Христа. Марфа Ивановна восклицает: "Всех бы их переказнила, без жалости...". Но, вспомнив, что Христос простил своих врагов, тут же поправляется: "...положила бы мою душу за Господа, не дала бы его на растерзание...". Дальше Дарья читает о лицемерах, подобных выкрашенным гробам, внутри наполненным всякой мерзостью. Марфа Ивановна считает, что это имеет прямое отношение к ее соседке Зарубовой, но все же требует, чтобы Дарья читала что-либо другое. Дарья читает о том, что людям нужно прощать их проступки. В это время поваренок разбил хрустальную кружку Марфы Ивановны, и она кричит: "В плети его, в плети на конюшню!". А потом снова твердит, что нужно слушаться Евангелия (III, 149—150). Любопытно, что в пьесе Дарья все читает по одной книге ("Переверни-ка назад..."), приказывает ей помещица, но первый текст (Лук. 23, 32—34) приведен на церковнославянском языке с некоторыми неточностями, второй (Матф. 23, 27—28, 32—33) в русском переводе с сохранением некоторых славянизмов, а третий (Марк. 11, 24—25) опять на церковнославянском с заменой некоторых слов русскими. Возможно, что Лермонтов пользовался не книжным текстом, а своими выписками или даже цитировал отдельные тексты по памяти.

Использован евангельский текст и в романе "Вадим". Дважды (IV, 52, 53) звучат там слова из Евангелия от Матфея (гл. 11, стих 28): "Приидите ко Мне вси труждающиеся, и аз успокою вы!", но никто не успокаивает страдающих, и несправедливость

подталкивает людей к бунту. Из Библии взяты в романе образы плодов, под румяной кожей которых скрывается горький пепел (IV, 81), поцелуй Иуды (IV, 54), плачет изгнанный херувим (IV, 94), такие образы, как "ты к мертвому праху прилепила сердце твое" (IV, 68), "толпа расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея" (IV, 95).

Иногда Лермонтов изменяет смысл библеизмов в соответствии с решаемыми им художественными задачами. Например, Вадим в одноименном романе вспоминает притчу о сеятеле и семенах (IV, 77), часть которых была поклевана птицами, потоптана и сгнила (Матф. 13, 3–8; Марк. 4, 3–8; Лук. 8, 5–8), но опускает конец, где говорится о семенах, упавших на добрую почву и давших всходы, эта благополучная концовка Вадиму чужда. Изменен конец библейской притчи и в "Мцыри" и тоже, конечно, в соответствии с замыслом поэмы. Изумительный по силе эпиграф, взятый из "Первой книги Царств" (гл. 14, стих 43), сокращен за счет подробностей. Из библейского текста: "Вкушая, вкусих мало меда, омочив конец жезла, иже в руку мою, и се аз умираю" Лермонтов оставил самое существенное. Сокращенный текст: "Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю" (IV, 405) стал не только энергичнее, но и приобрел обобщающее значение. Ведь в библейском рассказе Ионафан, сын Саула, по незнанию нарушивший запрет отца, остается живым. Лермонтов же здесь, как и в ряде других случаев, стремится в частном найти и раскрыть общий смысл.

Иногда Лермонтов прибегал к библейским образам с целью создания иронического эффекта. В романе "Княгиня Лиговская" души кокеток сравниваются с выкрашенными гробами (IV, 140), номер квартиры Красинского напоминает Печорину апокалипсическое число 666 (IV, 153), а вход в нее — вход в чи-

стилице (IV, 154). В "Герое нашего времени" Печорин, увидев уверенно идущего по берегу слепого мальчика, вспоминает (весьма неточно) слова из пророчества Исая: "В тот день немые возопиют и слепые прозрят" (IV, 227; ср. Кн. пр. Ис. 42, 2, 58, 9). В шутку говорит он о больных в Пятигорске, "чающих движения воды" (IV, 237). Имеется в виду рассказ в Евангелии от Иоанна (гл. 5, стих 4) о Святой купели, в которую по временам ходил Ангел Господен. Больные, заметив движение воды, стремились первыми войти в нее, чтобы получить исцеление. Иронически использованы также библеизмы в "Эпиграмме" (I, 387), в стихотворении "Расписку просишь ты, гусар..." (I, 503), причем в последнем случае допущена неточность: говорится об Аароне, высекшем воду из камня жезлом Моисея. В Библии же рассказывается о чудесах, которые творил Аарон этим жезлом, но воду из камня высек сам Моисей. Это подтверждает предположение о том, что Лермонтов нередко полагался на свою память. По закону Божьему ему в пансионе выставляли высшую оценку, память была прекрасная, но ошибки все же случались.

Как видно, Лермонтов отказывался лишь от тех архаизмов (и не только церковнославянизмов, но и бытовавших в поэзии его времени харит, камен, ипокрен и т.п.), которые были уже тогда атрибутами поэтической речи и резко отличали ее от разговорной. Но от тех славянизмов, которые были, если можно так выразиться, жизнеспособными и обогащали живую речь, он не отказывался.

Семибратово, Ярославская область

Текст печатается по изданию:

Попов О.П. Церковнославянизмы в языке М.Ю. Лермонтова // Русская речь. — 1997. — № 6. — С. 3–8.

2000 Чего хочет "жалкий человек"

Опыт анализа сочинений Н.С. Мартынова

О Николае Соломоновиче Мартынове мы знаем немного. Сам он так и не написал о себе, хотя дважды начинал воспоминания. Почему-то его обошли вниманием и товарищи по военной школе, и однополчане, и участники последней дуэли. До сих пор нередко повторяются слова Е.Г. Быхолец: "Глуп ужасно". Называют его графоманом, озлобленным неудачником. Только вряд ли такая характеристика вполне верна. Быхолец писала о нем под впечатлением гибели Лермонтова. Но в том же письме она сообщила, что Лермонтов рекомендовал ей Мартынова как товарища, друга. Дурака как друга? Непонятно. И почему Лермонтов обрадовался, когда узнал по приезду в Пятигорск, что и Мартынов там? Почему незадолго до дуэли приходил к Мартынову "отвести душу"? Не к М.П. Глебову или С.В. Трубецкому, а к Мартынову. И неудачником Мартынов не был: богат, по-своему красив, имел успех у женщин, на Кавказе получил орден и чин майора в двадцать пять лет. Не был он и графоманом, писал редко, все написанное им составило бы небольшую книжку. Но он печататься, по-видимому, и не пытался, хотя его стихи нашли бы место среди массы посредственных стихов, печатавшихся в то время.

Язык и стиль произведений могут многое рассказать о человеке. Попробуем проанализировать стихи Мартынова. К сожалению, до нас не дошли сочинения юнкерской поры, когда, по свидетельству его старшей сестры, он и Лермонтов все время "кололи друг друга". Очевидно, уже тогда у Мартынова сложился взгляд на Лермонтова, как на такого же как все ("все мы тогда писали не хуже Лермонтова", — утверждал уже в 1884 году их товарищ А.И. Арнольди), хотя и писал впоследствии об умственном превосходстве Лермонтова над другими юнкерами и даже удивлялся, как он "мог достигнуть тех блестящих результатов при столь малом труде (? — О.П.) и в таких ранних годах". Впрочем, это признание сделано через тридцать лет после дуэли.

Первое впечатление от стихов Мартынова довольно благоприятное. Писал он, по-видимому, легко, язык свободный, ритм и рифмы почти всегда безошибочны. Но он не любил (или не умел) работать над произведением, многое оставалось незаконченным ("Ужасный сон") или только начатым ("Гуаша", воспоминания). Несколько стихотворений были написаны им в Петербурге в 1836 году. Потом молчание. Но в 1840 году, когда Мартынов и Лермонтов оказались на Кавказе почти рядом (Лермонтов в крепости Грозная, Мартынов в Герзель-ауле и в станице Червленной), он пишет много, вероятно, под впечатлением разговоров и споров с Лермонтовым, ибо то подспудно, то явно полемизирует с ним. После дуэли он надолго умолкает.

Язык его произведений прост. Архаизмов почти нет: сей последний ("Гуаша"), десница; все богатство его на земли...

("Чеченская песня") — вот почти все. Гораздо чаще встречаются слова вполне современные: экспедиция, аксиома, проектированный, диспропорциональный, эксплуатация, атмосфера, колорит. Но это в прозе. Он, вероятно, понимал, что в стихах подобные слова неуместны. Не увлекался он и экзотической лексикой, хотя без нее писать о Кавказе трудно. В "Гуаше" это — башлык бешмет, чадра (к этому слову он даже сделал примечание). В "Герзель-ауле" — пилав; шашлык; мулла в архалуке. Немного больше в "Чеченской песне": уздень, кровавая калла, заветный Волчок, винтовка Хаджи-Мустафы. И там же довольно интересный образ, рисующий очи красавицы: "Их чернее едва ль // Вороненая сталь // Дагестанских тяжелых клинков". Кое-где встречаются шаблонные выражения: "У вас голубенькие глазки, // Живые, полные огня" ("Экспромт"), "Как безумцу любовь, // Мне нужна его кровь..." ("Чеченская песня"). У Пушкина заимствовано "высокой думой полн" ("Нева").

Но не эти незначительные вкрапления в обычную речь характеризуют язык Мартынова, а военная лексика. В ней он чувствует себя свободно, порой даже щеголяет ею. И если в стихах Лермонтова офицер чувствуется редко, то у Мартынова почти всегда. Вот некоторые слова и выражения в "Герзель-ауле": "Казачи тронулись ходой", "сбавают в сторону коней", "с присошек летают выстрелы", "стянули цепь", "полковник вынес роту на плечах", "за ним вся рота на хвосте", "гичат пронзительно", "на задних бабках повернул". В "Ужасном сне" — "галоп отрывист", "трепетят" и т.д. Охотно использует он команды: "На конь!", "По возам!", "Гребня, за мной! В отрез дорогу!". Описания войск, их движения у него довольно выразительны:

Прикрыты фланги длинной цепью
Попарно идущих стрелков;
От них на выстрел гладкой степью
Патрули едут казаков <...>
Уж авангард остановился,
Казачи слезли с лошадей,
Бивак походный очертился,
Места разбиты для частей;
На них вступают батальоны,
И в козлы ружья в тот же миг.
Равняют в линию колонны,
Штабные скачут... шум и крик ...
("Герзель-аул")

Лексика его не бедна. Вот он описывает состояние командира полка в "Ужасном сне":

Его ничто на этот миг
Не веселит, не занимает <...>
Уныл, печален, огорчен,

Расстроен, пасмурен, встревожен,
Надорван, загнан, запален,
Убит, зарезан, уничтожен!

Ему не чуждо чувство юмора, правда, грубоватого, а порой и жестокого. Так он изображает парадный строй:

...Стоит кавалергардский полк.
Как стройный лес, мелькают пики,
Пестреют ярко флюгера,
Все люди, лошади — велики,
Как монумент царя Петра! <...>
Все лица на один покров,
И станом тот, как и другой!
Вся амуниция с иголки,
У лошадей надменный вид,
И от хвоста до самой челки
Шерсть одинаково блестит. <...>
Что офицеры? — Ряд картин,
И все как будто бы один!

Легкость, с какой ему давался стих, часто приводила к многословию. Ему недостаточно одной-двух характерных деталей, он хочет все как бы сфотографировать, не умеет отобрать самое выразительное. Но иногда Мартынов склонен и к серьезным размышлениям. Вот в повести "Гуаша" он характеризует светское общество: "...от постоянного обращения в одной и той же среде, ввиду одних и тех же интересов, у людей суживается взгляд на жизнь, составляется совершенно превратное и одностороннее суждение о достоинствах человека вообще. <...> Наружная форма берет перевес над внутренним содержанием". Или такая сентенция о мужской дружбе (в "Герзель-ауле"): "Любить никто ведь не обязан, / А любят добрые сердца". Поэтому не совсем неожиданным выглядит его перевод из Анри Шенье, незаконченный, недоработанный, но местами довольно удачный:

... Свобода,
Как Геркулес, родилась непобедима,
Воздвигнут ей алтарь под облаками дыма,
И взгляд ее очей законом стал народа!..
От дуновения упали стены башен,
И первый крик ее был мужествен и страшен. <...>
Руками мощными разгневанный ребенок
Омыл в крови врагов родную колыбель,
И кровь текла струей с воинственных пеленок.

Нет, Мартынов не был глуп и не так уж бездарен. Это в какой-то степени объясняет отношение Лермонтова к нему как к товарищу. Но и шутки Лермонтова тоже понятны, ибо Мартынов был самоуверен, самолюбив и склонен к рисовке. Сам же Мартынов плохо понимал Лермонтова. В повести "Гуаша" он делает попытку изобразить настоящего "героя времени", явно противопоставляя его Печорину. Сюжет повести близок к сюжету "Бэлы": русский офицер влюбляется в дочь мирного черкеса, и она тоже любит его. Но князь Долгорукий — антипод Печорина. Он относится к Гуаше, как к ребенку, которого нельзя обижать. Изображая князя в качестве идеального героя, Мартынов делает это довольно прямолинейно, просто перечисляя его положительные черты. Долгорукого отличает молодецкая удаль и вместе с тем дисциплинированность. У него "веселый нрав и неисчерпаемое добродушие; притом никогда ни о ком дурно не отзывался и никому не завидовал". У него "возвышенная душа". И хотя "петербургская среда портит людей", Долгорукий "вышел чист и невредим из этого одуряющего оумта". На Кавказе "в каждом разжалованном он видел прежде всего несчастного, которому следует пособить". "Гордость или высокомерие были несвойственны ему".

"Гуаша" осталась незаконченной. Но в "Герзель-ауле" полемика Мартынова с Лермонтовым становится особенно очевидной. Можно почти с полной уверенностью считать, что лермонтовский "Валерик" был Мартынову знаком. Это видно из построения, из сходства многих сцен. Стихотворение Мартынова почти в два раза больше лермонтовского, композиционно рыхлее. В "Валерике" начало и конец образуют как бы кольцо, обрамляющее ряд военных сцен. Мартынов начинает с изображения войска, возвращающегося из похода. В дальнейшем он никак не может оторваться от военных сцен. Вся вторая часть стихотворения — описание карательных экспедиций, милых сердцу автора. Сцены, близкие по содержанию сценам из "Валерика", имеют совершенно иную окраску. Соображения Лермонтова о бессмысленности войн Мартынову чужды, он полностью поглощен описанием лихих походов, доблестью казаков (он сам служил в казачьих войсках), прославляет жестокость по отношению к чеченцам. В "Валерике" после обращения к адресату следует описание военного лагеря. Мартынов, рассказав о возвращении войска, тоже изображает лагерь. Лермонтов видит не только русских, он любит "желтыми лицами" татар, их одеждой, гортанным говором. Мартынов тоже заметил нерусского. "То армянин нахичеванский, полухитрец, пол-идиот". Здесь он краток. Но вообще-то его описания многословны. Вот у Лермонтова эпизод, отраженный в одной фразе:

**Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...**

Аналогичный эпизод у Мартынова превращается в целый рассказ офицера:

Ходили много раз в штюки... <...>
Я был верхом, куда мне деться?
А вижу, плохо, угостят,
Но не успел я оглядеться,
Как там кричат: "Ложись, палат!"
Раздался выстрел — и картечью
Меня осыпало всего;
Я отвечал им крупной речью,
А цел остался, ничего!

Тон рассказа хвастливый, что нередко встречается у Мартынова. У Лермонтова — никогда.

Одно из центральных мест в "Валерике" — сцена смерти капитана. Мартынов тоже рассказывает о смерти раненого солдата, подробно, с отступлениями, а заканчивает так:

И я спросил себя невольно:
Ужель и мне так умереть?..

Он не скрывает, что умирать ему не хочется.

Война — это не только победы. Лермонтов говорит об этом кратко:

**Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам...**

Мартынов тоже признается:

Зато и нам не все сходило <...>
Да так гостей незваных примут,
Что дай бог ноги унести ...

Но он обвиняет в неудачах мирных чеченцев, которые будто бы предупреждали о готовящемся походе своих немирных друзей. И тут же он переходит к победным тонам. "Начальник наш, в душе храбрец", первым "мчится на коне: // "Гребня, за мной! В отрез дороге!" // И гребенцы уже в огне". И не преминет сказать о том, что казаки-гребенцы, захватив тела убитых чеченцев, привязывают их к хвостам коней и "влачат с триумфом их в станицу".

Есть в "Валерике" сцена стычки казака с мюридом и — вывод.

**Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало ...**

Мартынов о подобной стычке рассказывает с многими подробностями. По его версии, догадливый урядник "поверх заряда в ствол винтовки пучек иголок посадил", поскакал к джигиту, "круто на задних бабках повернул... раздался выстрел без раската", и джигит упал, пронзенный иголками. Следует сцена схватки за тело убитого, заканчивающаяся конечно, победой казаков.

Снова и снова возвращается Мартынов к теме карательных экспедиций, воспекает их беспощадность, порой даже с каким-то садистским торжеством и юмором:

Горит аул невдалеке...
То наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает...

(то есть, погреться у собственного горящего дома!)

...Все были в деле боевом;
И так им дело полюбились,
Что разговоры лишь о нем <...>
Чеченцы выбиты с уроном,
Двенадцать тел у нас в руках...

Казаки рады случаю "упражняться <...> в пожоге всего, что встретится на пути".

На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов;
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них,
И об одном лишь только рождем:
Не доберешься до самих <...>
А их фруктовые деревья
Солдаты рубят на костры.
Пощады нет... Изнемогли,
Приходят женщины сдаваться,
Мужчины, смотришь, — все легли.

Есть в "Герзель-ауле" и прямое доказательство того, что "Валерик" был Мартынову знаком (впервые на это указала М.М. Уманская). У Лермонтова есть фраза: "Простора нет воображенью". Мартынов использует ее для создания карикатурного портрета Лермонтова:

Вот офицер прилег на бурке
С ученой книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске и балах.
Ему все грезится блондинка,
В нее он по уши влюблен.
Вот он героем поединка,
Гвардеец тотчас удален;
Мечты сменяются мечтами,
Воображенью дан простор...

"Ученая книга" — тоже, очевидно, намек на Лермонтова, который получал самую разнообразную литературу и даже во время сражения спорил с декабристом В.Н. Лихаревым о Канте и о Гегеле. Мартынов делает вид, что не верит в серьезность чтения Лермонтова. Это не единственный выпад против Лермонтова. Известна его эпиграмма-экспромт, задевающая не только Лер-

монтова, но и Н.А. Реброву и Э.А. Верзилину. Лермонтов, обычно не обижавшийся на шутки, расценил эпиграмму как сплетню и написал: "Подлец Мартышка".

Еще резче звучат последние строчки "Чеченской песни":

Я убью узденя!
Не дожить ему дня!
Дева, плачь ты зараней об нем!..
Как безумцу любовь,
Мне нужна его кровь,
С ним на свете нам тесно вдвоем!..

Узнаются слегка измененные слова Грушницкого во время его дуэли с Печориным: "Нам на земле вдвоем нет места...". Грушницкий был убит. Но ведь лишь в мечтах Лермонтова "гвардеец тотчас удален". Мартынов в себе уверен: он — не Грушницкий, промахнувшийся в шести шагах. И Лермонтов, в отличие от Печорина, не выстрелил на дуэли ни в Баранта, ни в Мартынова.

Да, Мартынов не так примитивен, как его обычно рисуют. Он не глуп, не лишен литературных способностей, но жесток, не терпит ничего, что не совпадает с его взглядами. Самолюбив, себялюбив, явно переоценивает свои способности. Поэтому он не в состоянии понять, что Лермонтов — гений. Он, вероятно, считал, что Лермонтову просто везет, и к этому "везению", а не к таланту испытывал зависть. А когда возникли слухи о том, что в повести "Княжна Мери" изображены он и его сестра, недоброжелательство перешло в ненависть. Сыграло, очевидно, роль и письмо его матери, в котором она предупреждала, что Лермонтов "не пощадит твоих сестер". Но сразу порвать отношения значило бы, что сплетни справедливы.

В "Валерике" ясно поставлен вопрос: "Жалкий человек! Чего он хочет?" И Мартынов в "Герзель-ауле" отвечает: он не хочет быть жалким человеком. Он хочет быть сильным, бесстрашным, беспощадным, похожим если не на Наполеона, то хотя бы на Ермолова. По чужой земле он идет, "следы огня и разрушенья/Оставляя всюду за собой". С тем, кто думает иначе, ему "на свете тесно вдвоем". И он целится в автора "Валерика" так долго и тщательно, что секунданты готовы развести их. Целится, как учили в армии, "в пол-человека", чтобы уменьшить вероятность промаха. Раскаяния нет. Это его отец, чтобы искупить грех сына, строит больницу для бедных. А Мартынов, сосланный в Киев, гуляет с красивыми женщинами и надоедает царю просьбами о помиловании. Да, "жалкий человек" остается собой. На Кавказ он не поедет, там война приняла иной оборот...

Что же интересовало Лермонтова в Мартынове? Человеческие отношения иногда трудно понять. Дружил же А.С. Грибоедов с Ф.Б. Булгариным. Сошлись Онегин с Ленским, Печорин поддерживал приятельские отношения с Грушницким. Может быть, Лермонтову интересно было проверять и оттачивать свои мысли в спорах с человеком противоположных взглядов. Но такие отношения нередко кончались трагически. Думал ли об этом Лермонтов, мы не знаем. Мартынов думал.

Семибратово,
Ярославская область

Текст печатается по изданию:
Попов О.П. Чего хочет "жалкий человек".
Опыт анализа сочинений Н.С. Мартынова //
Русская речь. — 2000. — № 4. — С. 3—10.

2001

Загадки Лермонтова

Почти триста специалистов составляли "Лермонтовскую энциклопедию". В центральной прессе по этому поводу была опубликована не одна статья под заголовком "Все о Лермонтове". Казалось бы, изучены каждый день его короткой жизни, каждая строчка его произведений. Но нет! Порой создается впечатление, что неизученного и плохо изученного хватит еще лет на сто.

И ведь сам Лермонтов не стремился окутать тайной свою жизнь, не скрывал свои рукописи, а, напротив, относился к ним очень небрежно. Так уж случилось, что не оказалось рядом с ним настоящих друзей, какими был окружен Пушкин, и не сразу общество оценило масштабы его таланта. Дело не в его характере, не всегда ровном и легком. Характер Пушкина был не легче. Но военная школа, во многом определившая судьбу Лермонтова, была совсем не похожа на лицей, в котором учился Пушкин.

Лицейская дружба сохранялась на всю жизнь, друзья Пушкина готовы были защитить его на дуэли. А товарищ Лермонтова по военной школе стал его убийцей. Другой, бывший на дуэли секундantom, ничего не сделал для примирения противников или пусть даже для смягчения условия поединка. Хотя должен был сделать это.

Пушкина еще в лицее признали гением. О Лермонтове один из тех, кто учился с ним в военной школе, говорил впоследствии: "Все мы тогда писали не хуже Лермонтова". А ведь "тогда" были написаны "Парус", "Ангел", "Русалка", циклы стихотворений, посвященных Е. Сушковой и Н. Ивановой, поэмы "Измаил-Бей" и "Хаджи Абрек".

Воспоминания мемуаристов скупы, отрывочны, часто противоречивы. Подробнее других записки А.П. Шан-Гирея, друга и родственника поэта. Добрый, умный Аким Павлович был значительно моложе Лермонтова и, главное, далек от поэзии. Достаточно вспомнить, как он брался подсказывать Лермонтову окончание поэмы "Демон". (Автор же терпеливо объяснял ему, что эти советы неудачны.) Охотно жег он рукописи Лермонтова (правда, по поручению автора) и даже пожалел, что не все успел сжечь.

Что же остается неясного в биографии Лермонтова? Очень многое. Неизвестно, например, что послужило причиной ранней смерти его матери: была ли это болезнь или, как полагали некоторые, замаскированное самоубийство? Каким человеком был его отец, очень рано вышедший в отставку и тоже рано умерший? Что заставило Лермонтова уйти из университета и избрать военную карьеру?

И слишком много неясного в его дуэли с Мартыновым. Четыре человека, не считая убийцы, были ее свидетелями, а полной картины события так и нет.

Еще вопросы без ответов. До сих пор мы не знаем, какой из двух различных текстов "Демона" считать "правильным". Была даже попытка из этих двух вариантов составить третий, то есть завершить за Лермонтова его работу! А он, возможно, и сам не остановился на какой-либо окончательной редакции. Недаром же говорил Шан-Гирею: "Демона" мы печатать погодим", — хотя цензурное разрешение было получено. Нам же остается выбирать самим, какая редакция больше нравится, не забывая, конечно, что обе редакции созданы великим поэтом.

Кому посвящено стихотворение "Великий муж"? Предположений было много. И. Андроников считал, что речь идет о Барклае-де-Толли, хотя из текста видно, что "великий муж" — русский, а Барклай — шотландец на русской службе. Убедительнее других мнение Э. Найдича, что великий муж — Чаадаев. Но вправе претендовать на это место и М. Сперанский, выдающийся государственный деятель, оклеветанный дворянской знатью. К тому же Сперанский хорошо знал и бабушку Лермонтова, и его самого еще ребенком.

О стихотворении "Валерик" почти во всех изданиях говорится, что оно посвящено В. Лопухиной. Понятно желание лермонтоведов соединить одно из лучших стихотворений поэта с имеющей любимой им милой Вареньки. Но в стихотворении говорится о благополучной, процветающей светской даме, а Варенька была в это время тяжело больна и потеряла первого ребенка.

И выдвигается новая версия: адресат стихотворения — обобщающий образ. Но этот образ уж очень похож на первую любовь поэта — Е. Сушкову. Однако лермонтоведы почему-то ее не любят. Она была красива, умна, увидела в юном стихотворце талант, впоследствии опубликовала ряд его сочинений и воспоминания о нем.

Этого не скажешь о ставшей знаменитостью Н.Ф.И. — Наталье Ивановой, которая приписала стихи Лермонтова его "больному рассудку" и сожгла все от него полученное. Не случайно же отношения Лермонтова и Сушковой продолжались и в последующие годы, а Н.Ф.И. ушла из его сердца так же быстро, как и вошла в него однажды.

Под сомнительное определение "обобщающий образ" попала и княжна Мери. Хотя Н. Сатин, однокашник поэта по университету, сам писавший стихи и живший в Пятигорске одновременно с Лермонтовым в 1837 году, ясно писал, что все "давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и... доктора Вернера". Лермонтоведы довольно быстро нашли прототипы Грушницкого, Вернера, Вуллича, Веры... а вот княжну Мери посчитали "обобщающим образом". Почему? Да потому, что она больше всего похожа на Наталью Мартынову, тогда же приезжавшую в Пятигорск с матерью и влюбленную в Лермонтова, который ограни-

чивался лишь обычным ухаживанием, находя удовольствие в обществе сестер Мартыновых.

Личные симпатии исследователей иногда играют, пожалуй, слишком большую роль. Договаривались же до того, что называли жену Пушкина "неодушевленным предметом", даже не догадываясь, что оскорбляют этим не столько Гончарову, сколько ее избранника. Вот и не хочется признать прототипом княжны Мери сестру убийцы поэта.

Загадкой остается "Штосс". Считается, что это лишь начало задуманной повести. Но есть и другое мнение: "Штосс" — вполне законченная вещь, а кажущаяся незаконченность — литературный прием... Не теряют надежды исследователи на то, что удастся найти новые произведения поэта. Совсем недавно обнаружена его отроческая поэма "Леший" (вернее, либретто оперы — ведь сам Лермонтов в юности любил петь, и в его планах значилось либретто).

Главная же загадка — личность поэта. Историк Ключевский назвал свою статью о нем кратко: "Грусть". Литературовед Скабичевский видел в нем "бесменную тревогу духа". Для Белинского это "великий и могучий дух", а для Соловьева и Ходасевича — "дух зла". Любопытно, что ни шестидесятники прошлого века, ни футуристы — нашего, резко атаковавшие Пушкина, не напали на Лермонтова, а Маяковский даже сказал: "Мы общей лирики лента". Некоторые наблюдатели видели в нем много детского, а академик Д. Лихачев — поэта-пророка.

п. Семибратово
Ярославской области

Текст печатается по изданию:
Попов О.П. Загадки Лермонтова // Русь. Литературно-исторический журнал.
Ярославль. — 2001. — № 1–2. — С. 95–97.

2002

О точности у Лермонтова

Острая наблюдательность, точность и цепкость глаза и, наконец, зрительная память — все это понадобилось Лермонтову как художнику слова и в художественной прозе не меньше, чем в стихах.

В этих заметках речь идет о точности в буквальном смысле. Каждый писатель ищет для выражения своих мыслей и чувств точные слова, но далеко не каждый стремится к точности в описаниях пейзажей и людей, нередко многое придумывается, Лермонтову же точность была совершенно необходима (как, пожалуй, и Достоевскому, и Л. Толстому), придуманные подробности его просто не устраивали. Даже фантастический сюжет он разворачивает на фоне реальных картин, с взятыми из жизни деталями, а не с вымышленными для правдоподобия, как нередко делали писатели-романтики. В этом отношении с "Демоном" или "Сказкой для детей" можно сравнить роман Булгакова "Мастер и Маргарита", которым можно пользоваться как путеводителем по Москве. (Кстати, и бесы у Булгакова напоминают беса из лермонтовской "Сказки для детей".)

Это стремление к точности прежде всего определялось природными свойствами природы поэта, о которых говорит Розанов (отсюда, вероятно, и интерес к математике). Постоянные занятия рисованием и живописью, несомненно, укрепляли и шлифовали эти природные данные. Способствовало этому и обучение в военной школе, где от будущего офицера требовалось умение наблюдать, запоминать, ориентироваться на местности. Не случайно первое и самое подробное описание пейзажа было написано Лермонтовым в военной школе ("Панорама Москвы").

Материалы, подтверждающие постоянное стремление Лермонтова к точности, гораздо больше, чем использовано в настоящих заметках. Многие уже были освещены в литературе, кое-что — результат наблюдений автора. Цель работы — еще раз доказать, что Лермонтову в его описаниях нужно верить. Это важно для изучения его биографии (например, несомненно, что он бывал в Симбирске и его окрестностях; вполне возможно, что изучение тамошних архивов не окажется бесплодными). Имеет значение это и для исследования его стиля.

О точности лермонтовских описаний одним из первых сказал Ф. Боденштедт, и сказал очень хорошо: "Лермонтов решил трудную задачу — удовлетворить в одно время и естествоиспытателя, и эстетика ... Он всегда и во всем остается верен природе до мельчайших подробностей". Позже об этом говорил художник Зичи, зарисовавший лермонтовские места, и уже в наше время высоко оценил верность лермонтовских описаний Кавказа академик Ферсман. О том же писал В. Белинский: "Бывшие там удивляются непостижимой верности, с какой обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности". В книге В. Мануйлова и Л. Назаровой "Лермонтов в Петербурге" прослеживается "внимание к топографическим деталям Петербурга". Верность описаний окрестностей Тархан подтвердил

С. Андреев-Кривич, обошедший эти места. Как видим, свидетельства достаточно.

Рисунки и картины Лермонтова изучены основательно, особенно Н. Пахомовым и И. Андрониковым, нет надобности повторять их наблюдения. Большая часть мест, изображенных Лермонтовым, обнаружена. Известны воспоминания Боборыкина, видевшего Лермонтова за обработкой своих набросков, о которых сам поэт писал: "Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал". Интересно, что иногда он возвращался к одному сюжету, несколько варьируя его: тройка у почтовой станции, тройка при выезде из деревни, тройка у заставы. С. Обручев ("Над тетрадами Лермонтова") отметил точность в передаче особенностей военной формы даже в беглых набросках и рисунках по памяти (в частности, на обложке рукописи "Вадима"). По памяти были нарисованы Лермонтовым дом в Тарханах и дом в деревне Петрицо — дважды, с разных сторон. Изучая рисунки Лермонтова, И. Андроников не нашел в Грузии места, изображенного на картине, называемой обычно "Кавказским видом". Но Б. и В. Виноградовы по деталям смогли определить, что это место находится недалеко от бывшей крепости Грозной, в Ханкальском ущелье, и изображено не нападение разбойников, как считалось, а похищение невесты.

Иногда рисунки Лермонтова связаны с текстом произведения, хотя, конечно, не являются иллюстрациями. Так, акварель, изображающая суденышко в море, ясно показывает, что в стихотворении "Парус" говорится о море в ясный день, при свежем ветре, когда волны "играют", а не бушуют, и светла лазурная вода. Интересны заметки, сделанные на некоторых рисунках, например, "волобуевская мельница" в Ставрополе, остатки которой существовали еще в 1920-х годах. Делал он иногда и пометки на рукописях: "Середниково, ночью у окна", "Середниково, вечер на бельведере", "На стенах монастыря Никона" и др.

О словесных портретах в произведениях Лермонтова судить труднее, во многих случаях трудно проверить их сходство с прототипами и даже установить прототип, хотя Лермонтов однажды и выразил желание, чтобы изображенные им лица были узнаны. Наверно, мы бываем неправы, когда, не сумев найти прототип, говорим об обобщающих образах. Ведь то, что образ обобщающий, тоже надо доказать, а не просто утверждать. А Лермонтов даже "верные черты природы часто списывать любил". Это и к людям относится. Охотно использует Лермонтов в портретных описаниях характерными деталями внешности — болезненный румянец, хромота, родинка на лице ...

Легче проследить неизменное стремление Лермонтова к точности в описаниях местностей, тем более, что многие пейзажи

почти не изменились с тех пор или же сохранились их изображения на рисунках, гравюрах. Хрестоматийными стало описание тархан в стихотворении "Как часто, пестрою толпою окружен". В Арзамасцев обнаружил, что в рамках драмы "Два брата" описывается дом в Тарханах: "С левой стороны виден коридор, освещенный луной, в коридоре спускается лестница. Направо две ступени и дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон". Так же верно описаны и места в романе "Вадим" — и И. Ломов с монастырем, и овраг, болото, пещеры. По отдельным деталям Андреев-Кривич определил место на р.Клязьме, о котором говорится в стихах. "Я видел юношу". И тогда, когда Лермонтов пользовался чыми-либо рассказами, он редко допускал ошибки и, что вполне возможно, источниками этих ошибок были рассказчики. Поразительна в этом отношении поэма "Измаил-Бей". Вряд ли неизвестные нам рассказчики (или рассказчик) сразу строили свои рассказы так последовательно, с такими подробностями, как это отражено в поэме. Несомненно, поэт много их расспрашивал, переспрашивал, добываясь полной для себя ясности. История Измаила Атажукова изучена довольно основательно, и в исследовании поэмы помогали некоторые детали ("белый крест на ленте полосатой" — георгиевский крест, полученный реальным Измаилом при Суворове). Историки несколько иначе, чем Лермонтов, освещают ход событий, но лермонтовская версия вовсе не является его выдумкой — она совпадает с народными преданиями, по которым Росламбек стал убийцей Измаила. "В тот самый год, осенним днем" — пишет Лермонтов, и это верно: Измаил атажуков вернулся на Кавказ осенью 1804 года. "Между Железной и Змеиной, где чуть приметный путь лежал" — тоже верно. Главная дорога к Пятигорью лежала через Георгиевск, мимо Лысой горы, а путь, указанный Лермонтовым, теперь ставший основным, после ухода горцев из того района был тогда почти заброшен, хотя Измаил и помнил его. Не придумана и река Аргун, и Оссаевское поле (долина реки Ассы), и трамские табуны (из аула Трам), и ширванские полки. Верно описаны горские обычаи, в частности, гостеприимство, одежда, оружие, седельный прибор. Обручев отмечает такую деталь:

И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака.

Действительно, на вооружении казаков были не ружья с штыками, а винтовки без штыков.

"Излагая события, Лермонтов делал очень мало отступлений в своей поэме. Близость лермонтовских описаний реальной обстановке совершенно очевидна", — писал Андреев-Кривич, тщательно изучивший поэму. Отдельные верные детали встречаются и в более ранних произведениях Лермонтова. Когда юный поэт писал "дымной сакле, землей иль сухим камышом покровенной", он, очевидно, вспоминал виденное в детстве во время посещения аула возле Пятигорска.

Описания горских костюмов и вооружения есть и в "Герое нашего времени", и в очерке "Кавказец", и в некоторых стихотворениях например:

**Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священные
Писан золотом на них.
("Дары Терека")**

Кольчуга сложной ручной работы стоила дорого. И то, что у Казбича ("Бэла") под лохмотьями оказалась кольчуга, показывает, что он не был беден, оружие у него отличное, как и конь, а все остальное он презирал.

В стихотворении "Сон" изображен не совсем обычный для Кавказа пейзаж — песчаная долина, желтые вершины скал (не синие,

которое он любил). Но именно эта необычность помогла найти место действия — в долине реки Курагам, близ горы Кум-Теркале ("Песчаная крепость"), единственной в Дагестане с желтой вершиной. Через эту долину проходил почтовый тракт на Темир-хан-Шуру, по которому Лермонтов ездил в 1837 году и ходил с отрядом Галафеева в 1840 году. В ауле Кум-Теркале была почтовая станция.

Много точных деталей в стихотворении, условно называемом "Валерик". Ссылаясь на военного историка А. Юрова, А. Попов писал: "Картины боя в Валерики столь жизненны, что не оставляют желать ничего лучшего". Точны географические названия: Гихи (так называли чеченцы Гехи), Ичкерия (старая восточная часть Чечни). Указано число участвовавших в сражении чеченцев: тысяч до семи. В черновиках были и другие подробности: "У нас двух тысяч под ружьем не набралось бы", "орудий восемь навели", "И ружей вдруг из семисот осыпал нас огонь батальный". Зная, какие обязанности выполнял Лермонтов в этом бою, ему нельзя не доверять. (Кстати, и в "Бородино" то же есть точная цифра: "Залпы тысячи орудий"; действительно в сражении с обеих сторон участвовало около тысячи орудий). Интересная такая сцена: татары творят намаз (молитву), а рядом чеченец (гортанный разговор — это, конечно, не татарин) занят разговором. Ведь тогда чеченцы еще не были мусульманами.

По-видимому, Казбич ("Бэла") — не чеченец, но свободно говорит по-татарски, присутствует на свадьбе у мусульман. В песне, которую он пропел Азамату, есть типичная для мусульман подробность: "Золото купит четыре жены". Мусульманский закон — Шариат разрешал иметь не больше четырех жен.

В описания Пятигорска, Кисловодска и их окрестностей подтверждается все до деталей. Не удалось пока найти лишь скалу, на которой, по роману, произошла дуэль Печорина с Грушницким — у так называемой "Скалы Лермонтова" кое-что не совпадает с ее описанием в романе. Может быть, ее искали не там ... Подтверждены даже такие подробности, как покупка ковров в магазине Челахова, методы лечения, гастролы фокусника Апфельбаума, монета "восьмигривенный", выпускаемая специально для Кавказа.

Еще о характерных деталях в описаниях. В "Измаил-Бее" рюмянец на щеках Измаила сравнивается с "левой Этны на полях". Обручев пишет, что в литературе того времени часто упоминаются вулканы — Везувий и Этна. Как раз в 1832 году произошло сильное извержение Этны, причем в газетах особо отмечали, что лава заливала поля и виноградники. Тогда же Лермонтов в очередной редакции "Демона" заменил сравнения ярости со свинцом новым сравнением — с лавой.

В стихотворении "Спор" о Востоке говорится: "род людской там спит глубоко уж девятый век". В черновике было — "десятый". Б. и В. Виноградовы пришли к выводу, что Лермонтов мог иметь ввиду победу кавказских народов над войсками арабского халифата и начала их знакомства с "русичами" (походы Святослава, иногда в союзе с кавказцами, возникновение торговых факторий на Тереке, становление Тьмутараканского княжества).

Характерны для лермонтовских пейзажных описаний круговые панорамы с высокой точки зрения. Недаром в его стихах читаем: "Любил я с колокольни иль с горы..." или "кто посещал вершины диких гор". При этом он указывает точное направление — вид на запад, на север, на восток, правее, ближе и т.д. Не забывает он при этом он о звуках, переходит от ближнего плана к дальнему. Именно так, с колокольни Ивана Великого видел он Москву и сделал великолепное ее описание — "Панораму Москвы". Более сжато, но не менее выразительно создана панорама Пятигорска, и тоже с самого высокого места города, тоже указаны направления и не забыты звуки. И точно так же построена в поэме "Сашка" панорама Симбирска. Остановимся на ней подробнее, так как она может служить доказательством

того, что Лермонтов бывал в Симбирске и его окрестностях. Вот отрывок из этого описания:

**Иван Ильич имел в Симбирске дом
На самой на горе, против собора ...
Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми главами.
Под глинистой утесистой горой
Унизанной лачужками, направо
Катилась широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво ...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, теснились,
И флюгера на длинных мачтах бились,
Жужжа на ветре, и скрипел канат
Натянутый, и, серой мглой объят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной мели.**

Вероятно, к тому же времени, что и "Сашка", относится прозаический отрывок, начало повести "Я хочу рассказать вам..." с описанием сибирской деревни: "Деревня эта находилась на берегу Волги. От барского дома по скату горы до самой реки расстилался фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы. Весной, во время разлива, река превращалась в море, усеянное лесистыми островами; по ней мелькали белые паруса барок, и вечером раздавались песни бурлаков". Здесь все интересно. Сразу вспоминается стихотворение "Родина", в котором тоже "разливы рек., подобные морям", желтеющие нивы и степи. И чуть ли не впервые в классической литературе говорится о песнях бурлаков, но не рабочих, "подобных стону", а о вечерних, на отдыхе, о которых так красочно рассказывал своему внуку Алеше Пешкову его дед Каширин ("Детство"). О тех раздольных, удалых песнях, от которых сама Волга, "как конь, на дыбы поднималась". Какие еще нужны свидетельства, когда сам поэт свидетельствует о своем посещении Симбирска, о любви к "родине Волге" и знании тех мест.

Близки к панорамным и картины Кавказа в "Демоне". В ранних редакциях поэмы пейзажи условны, поэт не видел тех мест, которые хотел изобразить. Но побывал он снова на Кавказе, поднимался на вершину горы Крестовой, откуда "видна половина Грузии, как на блюдечке", и были созданы великолепные картины "с высоты птичьего полета".

Возможно, именно эта неизменная точность лермонтовским описаний и толкала некоторых исследователей его творчества на попытки найти у него ошибки. Самая известная из них, кочующая из статьи в статью, — это утверждение, будто Лермонтов, сравнивая в "Демоне" Терек с прыгающей львицей, наделил эту львицу гривой. Но это очевидное недоразумение. Нелепо сравнивать прыжки волн с прыжками львицы, имеющей на хребте гриву. Для подобного сравнения грива абсолютно не нужна, никакого отношения к прыжкам не имеет, и говорить о ней незачем. Грива — у Терка. Это он ревет, прыгает, как львица, и несет на хребте гриву. Ведь это — явная реминисценция из стихотворения Баратынского "Весна": "Взревев, река несет на торжествующем хребте поднятый ею лед". Львицы тут нет, но есть и реющая река, и ее хребет. И Пастернак, цитируя стихи Лермонтова в "Детстве Люверс", поставил после львицы запятую:

**И Терек, прыгая, как львица,
С косматой гривой на хребте,
Ревел...**

Непонятно, почему это не делается при издании лермонтовских произведений. В других местах орфография и пунктуация

приводятся в соответствие с современными правилами, а тут упорно отстаивается бессмысленное написание: Терек прыгает, как львица, имеющая на хребте гриву... К тому же косматую.

С. Дурьлин, обстоятельно разбирая описание свадьбы в доме Бэлы, пришел к выводу, что Лермонтов допустил ряд ошибок. Но он считал, что Бэла — чеченка. А Б. и В. Виноградовы убедительно доказали, что семья Бэлы — кумыки, тюркоязычный народ, чьи земли подходили к крепости Каменный Брод. По отношению к русским кумыки были мирными. Бэла говорит по-татарски, в услужение ей нанимают татарку, и все подробности свадьбы полностью соответствуют обычаям кумыков. "Лермонтов был точен в этнографическом материале", — вот вывод авторов.

Говорили, что Лермонтов в стихотворении "Когда волнуется желтеющая нива" смешал все времена года. Но это просто придирка. Лермонтов ведь не говорит, что все это происходит одновременно, он перечисляет те явления природы, которые особенно близки ему, и даже указал, что речь вовсе не идет об их одновременности: "Румяным вечером иль в утра час златой". А детали верны и здесь, даже "малиновая слива": Андреев-Кривич обратил внимание на то, что для сорта слив, растущих в тарханских садах, характерен малиновый цвет.

Поэт Илья Сельвинский писал (и это утверждение попало даже в одну из книг, предназначенных для школы), будто Лермонтов поселил на Кавказе барсов, которые никогда там не водились. Ошибался Сельвинский. Барсы встречаются в Закавказье, и теперь хотя и очень редко. А еще недавно они были там довольно обычными зверьями и даже появлялись изредка на Северном Кавказе. Ведь барс — это принятое в России название леопарда (или пантеры, что одно и то же). На Дальнем Востоке есть Барсовая падь. Фамилия барсов у нас встречается не редко. Первые переводы поэмы Руставели носили название "Витязь в барсовой шкуре". Верно и то, что молодые барсы любят играть, а свою добычу защищают решительно. Сельвинский же сам спустил барса (леопарда) с другим зверем-ирбисом ("снежным барсом"), который действительно обитает лишь в горах Средней Азии. Но ирбис все-таки не просто барс, а снежный барс, как например, белый медведь — не просто медведь.

Ошибочной считал Сельвинский и строчку из стихотворения "Три Пальмы" — "араб горячил вороного коня". Он утверждал, что у арабов черные кони считались нечистыми, их съедали и продавали. Это абсурд. Кто же будет съесть нечистое животное? К "нечистой" свинье мусульмане и прикоснуться не смеет. А у географа Забелина есть описание торжественного выезда мусульманского владыки в Марокко (репутация Марокко в арабском мире очень велика) оркестранты ехали частью на белых конях, частью на черных. А золоченная карета самого владыки была запряжена четверкой вороных коней. Так что молодой богатый араб вполне мог красоваться на вороном коне.

Ошибки в описаниях природы можно встретить у многих писателей, даже у таких призванных певцов природы, как Некрасов, Бунин, Есенин. У Лермонтова пока пришлось обнаружить лишь одну неточность — "стрекозы живую трель" в "Мцыри". Но эту ошибку допускали и до, и после Лермонтова, смешивая стрекозу с кузнечиком. Возможно к тому же, что Лермонтов имел в виду обычных в Грузии цикад.

Остается повторить то, с чего, собственно, и начинались эти заметки: Лермонтову в описаниях свойственна высокая точность, ему нужно верить.

Семибратово, август 1991 г.

Текст печатается по изданию:

Попов О.П. О точности у Лермонтова // Тарханский вестник. — Вып. 15. — 2002. — С. 54–62.

Изабелла
Григорьевна
Габриэльянц
(Тер-Габриэльянц)

1920

Изабелла Григорьевна Тер-Габриэльянц — сотрудник музея "Домик Лермонтова" (Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова), лермонтовед, автор ряда научных работ по лермонтоведению.

И.Г. Габриэльянц родилась 20 августа 1920 года в городе Пятигорске Ставропольского края. С 1940 по 1945 год училась в Пятигорском государственном педагогическом институте, по окончании работала преподавателем кафедры литературы. В 1942 году была награждена Почетной грамотой Ставрополь-

ского краевого комитета партии "За отличную работу на строительстве оборонительных сооружений". С 1950 по 1952 год исполняла обязанности заведующего кафедрой русского языка и литературы Оханского государственного учительского института Молдавской ССР. С мая 1955 года начала работать в музее "Домик Лермонтова" экскурсоводом, в 1960 году стала главным хранителем музея и проработала на этой должности до октября 1988 года.

И.Г. Тер-Габриэльянц — один из авторов "Лермонтовской энциклопедии", постоянная участница лермонтовских научных конференций. Ее статьи, посвященные творчеству М.Ю. Лермонтова, опубликованы в научных сборниках и периодической печати. Награждена медалью "За трудовое отличие". В настоящее время живет в Москве.

А.Н. Коваленко

Краткая библиография

Тер-Габриэльянц И.Г. Новые списки поэмы "Демон" и стихотворения "Смерть поэта" // М.Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. — Орджоникидзе, 1963. — С. 206–209.

Тер-Габриэльянц И.Г. Последний портрет поэта // Кавказская здравница. — 1964. — 4 августа.

Тер-Габриэльянц И.Г. Хранится в музее "Домик Лермонтова" // Кавказская здравница. — 1966. — 3 сентября.

Тер-Габриэльянц И.Г. Рукописи рассказывают... // Кавказская здравница. — 1987. — 5 июня.

Тер-Габриэльянц И.Г. Лермонтовед Л.П. Семенов и его коллекция в фондах Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова // Научное наследие Л.П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1988. — С. 44–51.

Л.Н. Кочкарева

1988

Лермонтовед Л.П. Семенов и его коллекция в фондах Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова

Л.П. Семенов — создатель уникальной коллекции и человек, заложивший основу «Лермонтовской энциклопедии».

Собрание материалов по лермонтоведению и кавказоведению образовалось в результате 50-летних упорных и кропотливых поисков ученого-собираателя.

Актом высокой гражданственности явилась передача собранных им всех духовных ценностей Государственному музею-заповеднику Лермонтова. О своем решении Семенов объявил в письме 1951 года: «Я нахожусь в преклонном возрасте и мне надо позаботиться о судьбе этого собрания, которое, по существу, приобрело общегосударственное значение».

В декабре 1951 года фонд почти в 5 тысяч наименований был перевезен в Пятигорск. За стеклянными дверками шкафов фондохранилища, в экспозиции разместились редчайшие книги, в планшеты и папки аккуратно легли документы, рукописи, альбомы, гравюры, газеты и журналы.

Мы почтительно произносим слова «семеновский фонд», потому что в этом понятии сконцентрирован не только труд собирателя. «Семеновский фонд» — это почти вся история лермонтоведения и кавказоведения за 150 лет. Здесь и издания сочинений поэта, статьи, монографии, сборники, альманахи, литература мемуарная, справочно-библиографическая, переводы, архив, изобразительный материал.

Собрание открывается ценнейшими прижизненными изданиями «Героя нашего времени» (1840) и сборником стихов поэта 1842 года. В нем произведения, отобранные самим Лермонтовым в 1840 году. К сборнику впервые был приложен литографированный портрет поэта, выполненный в мастерской знаменитого тогда К. Поля.

Редко какие издания пропускал Семенов. Разные по своему достоинству, они, тем не менее, содержали что-то новое: или портреты, или публикации текстов, биографию поэта, статьи, иллюс-

трации, материалы, вокруг которых закипали споры. Некоторые же из них не утратили актуальности и сегодня.

Многими полными собраниями сочинений Лермонтова представлена фирма Глазуновых, определенный этап в истории издания поэта представляют собрания, подготовленные С.С. Дудышкиным (1860 и особенно 1863 г.), П.А. Ефремовым (1873), полное двухтомное, богато иллюстрированное издание И.Н. Кушнера 1891 г. К нему были привлечены все лучшие художники того времени. Здесь же у Семенова — все шесть томов «Печатника» под редакцией В. В. Каллаша, полный комплект редкого миниатюрного издания 1892–1894 гг., академическое издание Д.И. Абрамовича (1910–1913), отличающееся богатым научным аппаратом, снабженное летописью жизни и творчества поэта, примечаниями, статьями.

Определенной вехой в изданиях послереволюционного периода стало полное собрание Лермонтова, подготовленное Б.М. Эйхенбаумом («Academia», 1935–1937).

Одна из многочисленных счастливых находок Семенова — однотомика избранных произведений Лермонтова, редактором которого был А. Блок. Книга готовилась в 1921 г. — трудное для России время, поэтому издавалась за рубежом — в Лейпциге, у частного предпринимателя З.И. Гржебина. Ясный строй книги, точность и глубина комментариев, обращение к черновикам и вариантам сделали однотомику образцовым.

Широко представлены в коллекции издания отдельных произведений поэта. Свою историю имеет вышедшая в 1865 году «Песня о купце Калашникове...». Как заявляет Глазунов, — она с искажением предыдущего выпуска и, что немаловажно, — с новым портретом Лермонтова, гравированным фирмой А.Ф. Брокгауза в Лейпциге, но не по оригиналу, которого никто не видел, а по фотографии с него, посланной издателю неким А.С. Муренко. Им же (т. е. Муренко), видимо, сообщено и имя художника Захарова как автора портрета. Дело в том, что портрет

появился только в 1904 году на выставке и снова исчез. Его обнаружил в 1935 г. Н. П. Пахомов. На обороте холста было обозначено имя Будкина (а не Захарова) и дата «1834», а не 1833—39.

В начале XX столетия вышло превосходно изданное стихотворение «Сон» (И.И. Кнебель, 1913), обогащенное рисунками Д.И. Митрохина, «Казначейша» (тираж 500 экз., Р. Голика и А. Вильборг, 1913) с тонкими, остросоциальными рисунками М.В. Добужинского; к юбилею (в 1941 году) было подготовлено издание «Песни о купце Калашникове...», оформленное мастером книжной графики и иллюстрированное И.Я. Билибиным.

Старинные альманахи редки и ценны сами по себе, а у Семенова они к тому же с первыми публикациями Лермонтова.

В «Утренней заре» В.А. Владиславлева, например, помещены «Любовь мертвеца» (1842), «Валерик» (1843), в сб. «Вчера и сегодня» В.А. Сологуба (1845, 1846) — 11 произведений в том числе «Штосс», «Ашик-Кериб», «Беглец».

По-своему дорога нам «Русская беседа» — книга, дозволенная цензурой к печати 10 декабря 1841 года. Издатели этим выпуском откликнулись на гибель Лермонтова. В том помещены стихотворение С.П. Шевырева, Е.П. Ростопчиной «На дорогу Лермонтова». Оно со словами: «Счастливейший путь, счастливейший возврат», — невольно прозвучало после гибели поэта горькой иронией. Второе ее стихотворение «Нашим будущим поэтам», созданное на 40-й день после гибели друга, содержит довольно смелые строки:

Не просто, не в тиши, не мирною кончиной,
Но преждевременно, насыщенной рукой
Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой.

В сборник включены и два стихотворения самого Лермонтова — «Из альбома» и «Графине Ростопчиной». Оба посвящения она поднес поэтессе вместе с альбомом в то самое время, «когда сердце в нем недоброе, тоскуя, предвещало».

Довольно велик раздел коллекции (и по количеству и по значимости), содержащий статьи, работы историков литературы прошлого и нашего веков, мемуаристов, ученых, представляющих различные школы, направления, т. е. все, что позволяет проследить за историей развития лермонтоведения.

Важнейшие из них — капитальные труды П.А. Висковатова, П.К. Марьянова, П.Е. Щеголева, представляющие в настоящее время библиографическую редкость — книги, без которых не обходится ни один специалист. Также редок комплект «Русского библиофила» (1914—1916). В одном из его номеров помещена статья Б.В. Неймана «Одна из воспетых Лермонтовым». В ней впервые выражена мысль о том, что инициалы «Н. Ф. И.» скрывают имя Натальи Федоровны Ивановой. С нею автор связывает несколько стихотворений и драму «Станный человек». Он же (Нейман) называет и ее сестру, и имя отца Ивановой — драматурга Ф.Ф. Иванова. Для полноты этой проблемы Семенов приобщает к собранию и извлеченную из журнала «Литературная учеба» (1935, № 6, с. 29) статью Б.М. Эйхенбаума, ссылающегося, в свою очередь, на В.В. Калаша.

Нужно оговорить, что у Семенова не много подлинных графических видовых, иллюстративных листов или оттисков. Но все же они есть. Заслуживает особого внимания роскошно изданный альбом Г.Г. Гагарина (1902). В нем листы большого формата, с отличной офсетной печатью по карандашным и акварельным рисункам художника. Оттиски безупречны, максимально приближены к оригиналам. Гагарин — художник-реалист. За долгие годы путешествий по странам Востока, Африки, Европы, по Кавказу, он, неутомимый рисовальщик, создал огромную серию рисунков по архитектуре, этнографии, истории народов этих стран. Некоторые из них или перекликаются с любимыми мотивами Лермонтова, или написаны с ним в содружестве. Датированные в ряде случаев, эти листы при необходимости выполняют роль документов.

В 1862—1865 гг., в Петербурге, в издании В.Е. Генкеля вышло четыре тома иллюстрированного издания «Северное сияние. Русский художественный альбом». В книгах — исторические очерки, литературно-критические статьи и обилие высоко техничных гравюр фирмы А.Ф. Брокгауза. Они выполнены по рисункам и картинам известных русских художников. Леониду Петровичу удалось из четырех томов альбома подобрать три. Во втором и третьем — гравюры с изображением архитектурных памятников Москвы, Петербурга, множество которых давно и безвозвратно исчезло. В этих же томах размещены иллюстрации к произведениям классиков русской литературы, в том числе — 12 к Лермонтову. Работы эти различны по художественному уровню (К.Д. Флавицкий, А.И. Лебедев, В.В. Верещагин, Н. Негодаев). Но для нас они важны как первые попытки проиллюстрировать Лермонтова. Если же учесть, что местонахождение некоторых оригиналов неизвестно, то настоящие гравюры — единственный след подлинника.

Во втором томе «Северного сияния» — девять критических статей В. Зотова, относящихся к творчеству Лермонтова. В чем-то суждения очеркиста спорны, в чем-то близки к современной точке зрения. Но здесь немаловажно то обстоятельство, что Зотов — современник Лермонтова. В 1836 году автор воспоминаний учился в младших классах царскосельского лицея. «В ту пору, — рассказывает Зотов, — Лермонтов часто приходил в царскосельский сад, садился на любимое пушкинское место, расспрашивал старших лицейцев о поэте». Зотов помнит то потрясающее впечатление, которое произвели тогда на всю читающую Россию списки стихотворения «Смерть поэта» и поэмы «Демон». По утверждению Зотова, Лермонтов давал лицеистам свою тетрадь для снятия списка поэмы. Сделал для себя копию и Зотов, а через 20 лет отдал список «лицу, принимавшему участие в новом готовящемся к изданию томе Лермонтова». В списке, как свидетельствует Зотов, были строфы, выпущенные поэтом в окончательной редакции.

Мы с удовольствием находим в собрании Семенова немало количество книг круга чтения поэта (или возможного круга). Одна из них — «Известия о Кавказе» (М., 1823), собранные и дополненные С. Броневским. «Известия» содержат сведения о Кавказских Минеральных Водах, Кабарде, о населении этого края (ногайцах, черкесах, кабардинцах); «Картины кавказского края, принадлежавшие России и сопредельных оному земель» П. Зубова (1835).

«Руководство к познанию истории литературы» В.Т. Плаксына (1833) имеет непосредственное отношение к биографии Лермонтова. Известно, что Плаксин — преподаватель Лермонтова в военной школе, что он высоко оценил «Хаджи Абрека» предсказав автору большое будущее, что по совету учителя Лермонтова написал «Панораму Москвы». Можно с уверенностью сказать, что книга Плаксына имела в личной библиотеке поэта.

Наше знание об источниках создания поэмы Лермонтова «Измаил-Бей» в известной мере может расширить стихотворное сочинение «И. Р.» — «Али-Кара-Мирза» с подзаголовком «Чеченская повесть» (1832). В основе ее — сказание о подвигах джигитов Кабарды. Не зная этой книги Лермонтов не мог. Возможно даже, что и он слушал сказания тех же кавказских бардов у Бештовых гор (Али Шегурова), что и И. Р. Вероятно также, что при создании своей поэмы Лермонтов учитывал эту «чеченскую повесть», тем более, что первая публикация «Измаила» относится к 1843 году, а ее создание исследователь С. Обручев относит к 1832—33 гг. К тому же следует заметить, что цензурная помета в книге И. Р. — 27 октября 1831 г., следовательно, в печать она могла попасть в начале 1832 г.

Можно предположить, что и другая повесть в стихах «Киргизский пленник» Н. Муравьева (1828) имела в богатой библиотеке Лермонтова, так же, как и «Записки о лорде Байроне» 1835 г.

Наше представление о внешнем и духовном облике поэта существенно дополняется воспоминаниями его современников, хоть подчас весьма противоречивыми. Это особая тема. Мы же отметим, что

в собрании Семенова почти полностью представлены воспоминания о Лермонтове из «Серии литературных мемуаров» под общей редакцией Н.А. Бродского, Ф.В. Гладкова, Ф.М. Головченко, Н.К. Гудзия. Это мемуары Е.А. Супшковой, В.А. Соллогуба, И.И. Панаева, А.Я. Панаевой, П.Г. Вяземского, А.О. Смирновой, Н.И. Лорера — всего не оговорить. Но все же, несколько задержимся на объемистом томе названием — «Материалы для истории родов Мартыновых и Слепцовых». Они изданы в 1904 году в 300 экземплярах, предназначенных не для продажи, а для представителей этих фамилий. В той части книги, что возвращает нас к самому трагическому периоду в жизни поэта, собраны и многие свидетельства о дуэли, и семейная переписка Мартыновых этого периода, стихи Мартынова Н. С., его повесть «Гуаша», история дуэли, изложенная сыном Николая Соломоновича, встретим даже его обещание поведать истину о поединке, но прочтем главу до конца и убедимся, что «исповедь» Мартынова так и не состоялась, хоть он начинал ее не однажды.

Живо интересуясь военной биографией Лермонтова, Леонид Петрович в 1924 году написал статью «К пребыванию Лермонтова на Кавказе в 1840 году» (она тоже хранится у нас). Получив доступ к черновому журналу военных действий отряда генерала Галафеева, Семенов изучил его и, вопреки существовавшему мнению специалистов, пришел к выводу, что там нет страниц, писанных поэтом. Одновременно с этим Семенов разыскал немало различных материалов о Кавказской войне, в том числе работу «Тенгинский полк на Кавказе» (Тифлис, 1900), составленную поручиком Д.В. Паковичем, «Кавказский сборник» В.А. Потто, представляющий свод документов о Кавказской войне, размещенных в порядке хронологии, «Историю войны и владычества русских на Кавказе» Н.Д. Дубравина (СПб., 1871).

В коллекции собрано около 4 тысяч журнальных и газетных вырезок, хронологические границы которых определяются 1880-ми и 1950-ми годами. В этом пестром потоке информации разного толка и направления выделяются серьезные статьи по лермонтовской текстологии, публикации, мемуарные заметки, связанные со встречами с Мартыновым, сообщения краеведческого толка, отклики в печати на постановки лермонтовских спектаклей. Нельзя оставить без внимания неоднократные упоминания в газетах о лермонтовском ящике с красками, палитрой и кисточками. Он возил их с собой во время поездок на Кавказ; на ящике сохранились инициалы поэта. До какого-то времени вещи оставались в семье Шан-Гиреев (со стороны Алексея Павловича), но потом следы их затерялись.

В 1913 г. газета «Русское слово» опубликовала сообщение Измайлова об обнаруженном им дневнике современника Лермонтова — Туровского, который рассказывает о своей последней встрече с поэтом, о его надежде покинуть скучный юг. Туровский попал в Пятигорск в пору разыгравшейся там трагедии:

«Лермонтова уже нет. Вчера оплакивали мы смерть его...

Офицеры, несшие прах, его товарищи, плакали...»

Несколько газет выступило с сообщениями о первых публикациях: «Всероссийская панорама» (9 апр., 1910), «Русское слово» (21 марта, 1910) опубликовали «Две невольницы»; в «Русском слове» (20 марта, 1910) находим извещение об обнаруженной Б.А. Модзалевским поэмы «Последний сын вольности». Она написана на бумаге с водяными знаками 1828 г. Он же нашел и стихотворение «Черные очи». Та же газета «Русское слово» публикует и новонайденные строки поэмы «Моряк», написанные на бумаге с водяными знаками 1832 г. Это обстоятельство важно, потому что автограф стихотворения неизвестен.

Особого внимания заслуживает переданный нам архив семеновского фонда. Нетрудно представить, сколько волнений, разочарований и радости пережил Семенов, сколько упорства и терпения употребил, чтобы добыть очередной документ. Достаточно только упомянуть подробнейшую военную карту Кавказа

1841 года, чтобы по достоинству оценить находку. Карта уже не однажды выручала исследователей в спорах о маршруте поэта в 1837 и 1840 годах.

Машинописная статья М.Ф. Николевой с подробным описанием кропотовского дома и снимком его фасада может представить специалистам конкретный материал при необходимости реконструировать усадьбу.

В 1930 году Семенов приобрел рукопись А.И. Васильчикова «Несколько слов о кончине Лермонтова и его дуэли с Мартыновым». Известно, что статья была опубликована в 1872 году в журнале «Русский архив». Семенов слыл рукописью с публикацией и нашел расхождения, вскрывающие двойную роль Васильчикова в истории дуэли.

Значение семеновского архива не исчерпывается вошедшими в него отдельными, хоть и весьма ценными документами. Внимательное изучение архива значительно расширяет рамки нашего представления о Семенове как о личности. Мы найдем здесь и обширнейшую переписку с учеными страны, ценные сведения об общественной, педагогической его деятельности, о путях разыскания очередных «сокровищ», методические разработки, рецензии, справки и многое другое. Например, представляет интерес письмо профессора В.Ф. Раздорского к Семенову от 22 ноября 1906 г. Оно вносит дополнительный штрих к характеристике Мартынова.

«Передаю тебе кое-что из рассказа одного из моих спутников (из Нальчика в Москву): «Я познакомился с Мартыновым в 1864 году, в его подмосковном имении, мне было лет 16, а он был уже пожилой человек, высокий и представительный... необыкновенно суров. Сидя за обеденным столом, не произносил ни слова. Когда сын его как-то трижды совершил какой-то проступок, он вызвал его к себе в кабинет и стал бить арапником до тех пор, пока сестры не вырвали брата из его рук. Лермонтов, безусловно, довел ссору с Мартыновым до дуэли; при всей своей суровости Мартынов знал, на кого поднималась его рука: когда после дуэли он вернулся домой, то воскликнул, обращаясь к денщику: «Иван, я Лермонтова убил», и бросившись на кровать, пролежал вниз лицом, без движения, несколько часов».

Для истории создания «Лермонтовской энциклопедии» мало важное значение имеет последнее письмо Семенова к В.А. Мануйлову, письмо, которым Семенов подводит итог всему, что сделал в лермонтоведении. Оно написано уже незадолго до кончины ученого, в 1959 году. Это официальное предложение Леонида Петровича издать, наконец, первую в истории русской литературы персональную энциклопедию на русском языке — «Лермонтовскую». Семенов просит Мануйлова, возглавить это нелегкое дело. К обращению приложен детально разработанный ее план. «В моем представлении лермонтовская энциклопедия должна быть солидным трудом, подытоживающим лучшие достижения лермонтоведения».

Деликатно, но твердо оговаривается, что работа должна быть выполнена как патриотическое задание. «Мы желаем к юбилею великого поэта дать монументальный труд о нем, доступный для широких читательских кругов».

Сравнивая два документа — названный план и опись коллекции, составленную еще в 1951 г., находим, что в разработку этих документов положен один принцип, что тщательно продуманная Семеновым структура энциклопедии не что иное, как логическое завершение целенаправленного, многолетнего научного комплектования описанной нами коллекции.

Не умаляя заслуг Семенова в других областях знаний, мы должны все же признать, что Лермонтов остался для Семенова любимым детищем.

Текст печатается по изданию:

Тер-Габриэлянц И.Г. Лермонтовед Л.П. Семенов и его коллекция в фондах Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова // Научное наследие Л.П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1988. — С. 44–51.

1989

Сестры Ивановы

Широко известно имя И.Л. Андроникова, литературоведа, искусствоведа, писателя, блестящего автора и исполнителя устных рассказов. В течение нескольких десятилетий, с удивительной неутомимостью и увлечением он занимался исследованием жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. Но наиболее популярной стала тема разгадки инициалов "Н.Ф.И." — имени Натальи Федоровны Ивановой — героини юношеских стихов поэта.

Начало исследования этой проблемы Андрониковым относится к 1936 г., когда в "Трудах Тифлисского государственного университета"¹ он поместил статью "К биографии Лермонтова", послужившую основой для серии других вариантов темы и воплотившейся, наконец, в знаменитом рассказе "Загадка Н.Ф.И."². Вслед за тем последовали новые его публикации: "Лермонтов и Н.Ф.И."³, кинофильм "Загадка Н.Ф.И." (1959), пошли устные рассказы об "Н.Ф.И." в концертах, радио- и телепередачах.

Настоящей сенсацией явилась публикация Андрониковым в 40-е годы портрета Натальи Федоровны Обресковой, рожд. Ивановой. Первое и тогда единственное известное ее изображение открыло всем таинственный облик вдохновительницы поэта.

Портрет Натальи Федоровны и портрет ее мужа — Н.М. Обрескова — Андроников обнаружил в 1935 г. у ее внучки, Натальи Сергеевны Маклаковой.⁴ Оба портрета рисованы В.Ф. Бинеманом, но не датированы. Позировала Наталья Федоровна рисовальщику, уже будучи замужем за Н.М. Обресковым, парный портрет которого был одновременно создан этим же художником.

Андроников раскрыл и жизненный путь Н.М. Обрескова, родившегося в 1802 году. В 1826 году он был разжалован в солдаты за позорный поступок: кражу драгоценностей из спальни жены воронежского губернатора, кстати его близкой родственницы. Только через 7 лет, в 1833 году, Н.М. Обресков был высочайше прощен и уволен с чином коллежского регистратора. В 1836 году он поступил на службу в канцелярию Курского губернатора. К этому времени по документам он значился женатым на Наталье Федоровне Ивановой. Значит Обресковой Наталья Федоровна стала между 1833 и 1836 годами, т.е. 20-23 лет от роду.⁵

Правда, исследователь П.М. Серяев считает, что свадьба могла быть "только в Курске... предположительно в 1838 или даже 1839 г."; тогда Наталья Федоровна было бы 25—26 лет.

Андроников возвращается к теме "Н.Ф.И." в 60-е годы в своих работах "Я хочу рассказать Вам" и "Исследования и находки". Любуясь драгоценной находкой, Андроников пишет: "Молодое лицо ее очаровательно: черты благородны, в глазах красивого рта спрятана любезная улыбка, полнота обнаженных покатых плеч, тонкая шея украшена тяжелым ожерельем — весь облик как бы комментирует лермонтовские строки: "С людьми горда, судьбе покорна, не откровенна, не притворна".⁶ "В исследованиях..." под портретом почему-то значится: "Н.Ф. Иванова", хотя она была в это время уже Обрескова, тем более, что здесь же Андроников сам пишет: "...гляжу — на обороте рамки старинным почерком надпись: "Наталья Федоровна Обрескова, рожденная Иванова".

Видел ли ее Лермонтов именно такой, хоть и красивой, но не юной, а солидной дамой лет 30-ти? Конечно нет. К тому времени поэта уже не было в живых.

Маклакова уверяла Андроникова, что Лермонтов и после замужества Натальи Федоровны продолжал бывать в ее доме. Думается, что в действительности этих визитов поэта быть не могло. О полном разрыве с Натальей Федоровной поэт пишет в своем прощальном стихотворении:

**Я не унижусь пред тобой,
Ни твой привет, ни твой укор,
Не властны над моей душой,
Знай, мы чужие с этих пор.**

1832

Об этом разрыве Лермонтов говорит и в письме к М.А. Лопухиной (04.08.1833 г.): "Вы видите, милый друг, что с тех пор, как мы расстались, я таки несколько изменился. Как скоро я заметил, что прекрасные грезы мои разлетелись, я сказал себе, что не стоит создавать новых... Прошлое представляется мне просто программой незначительных и весьма обычных походов".⁷ Повышенный интерес к личности "Н.Ф.И." был вызван необходимостью понять, кто же была эта загадочная героиня юношеской лирики Лермонтова?

И хотя за Андрониковым прочно закрепилась слава разгадки инициалов "Н.Ф.И." ученые к этой проблеме обращались задолго до него. Еще с 1910 г. редактор полного собрания сочинений Лермонтова Д.И. Абрамович столкнулся с необходимостью понять, о ком говорится в стихах юного поэта 1830—31 гг., обозначенных этими инициалами. Лермонтовед предположил, что их объединяет один адресат.

Через 4 года В.В. Каллаш⁸ выдвинул версию, что в ряде стихов "Н.Ф.И...вой", "Романс И..." адресатом может быть дочь драматурга XIX в. Ф.Ф. Иванова. Еще через 2 года, в 1916 г., выдающийся ученый Б.В. Нейман⁹, увеличил число стихов, посвященных "Н.Ф.И.", и связал их с драмой "Странный человек", назвав ее прототипом героини. Впоследствии предположение Неймана подтвердилось.

Наконец, в 1935 г. Б.М. Эйхенбаум¹⁰ уже не предполагает, а утверждает, что "Н.Ф.И." — это Наталья Федоровна Иванова, что в драме "Странный человек" отразились события ранней биографии Лермонтова — его встреча с Натальей Федоровной Ивановой в Москве, летом 1831 г. В том же году к расшифровке названных инициалов приступил Андроников, и впоследствии приоритет в разгадке "Н.Ф.И." прочно, безоговорочно и надолго закрепился за ним. Увлечшись, он даже воскликнул однажды: "Я не знаю, почему за 100 лет эту загадку не удалось разгадать ни одному биографу Лермонтова!"¹¹

Прошло почти 40 лет, и в 1973 г. лермонтовед С.А. Андреев-Кривич, первый, прямо и решительно опровергнул приоритет Андроникова: "Андроников подводит итог тому, что давно сделано Каллашом, Нейманом и, до некоторой степени, Эйхенбаумом"¹².

Вслед за Андреевым-Кривичем в том же 1973 г. выступил Е. Люфанов¹³ (Лит. газ., 7.3.1973 г.), а несколько позже — М. Серяев¹⁴.

Основным предметом спора стало утверждение, что загадка "Н.Ф.И." не разгадана, что задачу надо решать, начиная с выявления фактического материала об именах Поливановых, Ивановых, о принадлежности "Н.Ф.И." к семейству драматурга Иванова и т.д.

Я.Л. Махлевич в своей статье "Новое о Лермонтове в Москве" отводит некоторые сомнения, возникшие в полемике, опираясь в своих доказательствах на документы¹⁵.

Следует безусловно согласиться с оппонентами И. Андроникова и с замечаниями, касающимися проблемы "Н.Ф.И.", но необходимо при этом признать и огромную роль ученого в значительном расширении рамок указанной темы. Он довел до многомиллионной аудитории лирику поэта 1830—31 г.г., обнаружил много нового — в частности, неизвестные еще никому, два новых стихотворения поэта в альбоме 1870 г., принадлежащем жене курского губернатора М.Д. Жедринской¹⁶. Здесь поэт впервые полностью назвал имена и фамилии адресатов:

В альбом Н.Ф. Ивановой.
Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал и я сказал: прости.
И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственного, печальный,
Который здесь оставлю я
М.Ю. Лермонтов — 1832.

Второе стихотворение — посвящение Д.Ф. Ивановой — сестре Н.Ф.И.

В альбом Д.Ф. Ивановой
Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалью сердце станет,
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья страдает грудь
Не опечалит, не обманет
М.Ю. Лермонтов — 1832.

Посетив летом 1935 года Н.С. Маклакову и приобретя у нее портреты супругов Обресковых, Андроников и не подозревал о том, что он был очень близок, совсем рядом с другим сенсационным материалом — с новыми, еще никому не известными портретами юных сестер Натальи и Дарьи Ивановых, созданными художником М.А. Кашиным в 1834 году.

Андроников так и не узнал о портретах, находившихся в семье Маклаковых, которых он посещал довольно долго. Причина тому оказалась до банальности простой. В 1935 г. акварели находились у Н.А. Маклаковой, правнучки Н.Ф. Обресковой, которая жила отдельно от своей матери, Натальи Сергеевны. Наталья Алексеевна категорически отказалась продавать портреты сестер Ивановых работы М.А. Кашина, поэтому не упомянула о них Андроникову. Она также отговаривала мать от продажи и "бинемановских" портретов супругов Обресковых, однако, Наталья Сергеевна руководствовалась интересами меркантильными.

Прошло два десятилетия. В 1957 г. Н.С. Маклакова умерла. Нужда заставляет Наталью Алексеевну все-таки расстаться с фамильной реликвией. Через известного собирателя и искусствоведа Л.В. Горнунга портреты сестер Натальи и Дарьи Ивановых поступили в Пятигорский музей "Домик Лермонтова" (ныне музей-заповедник М.Ю. Лермонтова).

Акварели М.А. Кашина были получены музеем при содействии Н.П. Пахомова¹⁷ — старейшего искусствоведа, знатока музейного дела, стоявшего у самых истоков лермонтоведения XX в. Вот что пишет Л. В. Горнунг в "Домике Лермонтова": "По

настоятельной просьбе Николая Павловича пересылаю Вам этот материал — два акварельных портрета сестер Ивановых: Натальи Федоровны, в замужестве Обресковой, и Дарьи Федоровны, в замужестве — Островской... Этим лермонтовским материалом заинтересовались в Москве и просили у меня, но Николай Павлович, давнишний друг и патриот Вашего музея, уговорил меня послать эти портреты в Пятигорск. Я не смог ему отказать, т.к. связан с ним дружескими отношениями" (Письмо от 02.12.1957 года).

Вместе с объяснением уже описанных обстоятельств приобретения акварелей Кашина Л.В. Горнунг прислал в музей и свидетельства Н.А. Маклаковой (письмо от 19.09.1957 г.): "Со слов моей матери, Натальи Сергеевны Маклаковой, умершей в сентябре 1957 года, я знала, что на двух акварелях Кашина изображены сестры, Наталья и Дарья. В 1935 году эти акварели находились лично у меня, и я их продавать не собиралась".

С заявлением Натальи Алексеевны согласуется и свидетельство М.Ю. Барановской, работавшей тогда в отделе ИЗО Государственного исторического музея. В своем письме в "Домик Лермонтова" от 18.06.1971 года она сообщает, что правнучка "Н.Ф.И." Наталья Алексеевна Маклакова, с которой Барановская была знакома, "...в свое время продала два портрета... Горнунгу, а у него для Пятигорска приобрел Пахомов".

Веским дополнительным доказательством подлинности портретов Натальи и Дарьи служит также и сочетание двух фактов: нашей публикацией портретов сестер Ивановых и двух стихотворений 1832 г., обнаруженных Андрониковым, в которых впервые названы их имена и фамилии. Эти же факты должны устранить и возникшие в науке сомнения в том, что Наталья и Дарья — дочери драматурга Ф.Ф. Иванова.

Весной 1959 г. музей выставил в экспозиции свои новые приобретения, в числе которых были и великолепные изображения сестер Ивановых. Узнав об этом, Андроников, недоумеая, обратился в музей с письмом (27.05.1959):

"...что за новый портрет Н.Ф.И. экспонируется в Вашем музее? Откуда он взялся и чем доказано, что это именно Н.Ф. Иванова? От кого он получен?" На фоне пышного, высокопарного обращения ко мне, в его письме проскользнули жесткие и повелительные интонации: "...откуда он взялся?"; а в конце письма: "...если это не Иванова (тогда вы ее снимите)...". Мое намерение ответно выступить в печати пресекла директор музея А.И. Гребенкова. Она знала нрав Андроникова и боялась, что публикация осложнит с ним отношения, что было рискованно, особенно в преддверии большого юбилея 1964 года — 150-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Можно было бы привести не один пример проявления нрава Андроникова, оправдывающий опасения Гребенковой, но это уведет нас далеко от темы. Поэтому, возвращаясь к ней, продолжаю свое повествование.

Портреты сестер Ивановых М.А. Кашиным рисовал в 1834 г. — датирован только портрет Натальи; фамилия "Кашиных" без инициалов. Она изображена художником двадцатилетней, примерно такой, какой впервые ее увидел поэт: женственной, нежной, пленительной, очаровавшей его:

Все для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое

В тонких чертах молодого лица Натальи гармонично сочетаются рисунок губ, бровей, открытого лба и мягкого подбородка. Спокойно, с достоинством смотрит на нас девушка с голубыми миндалевидными глазами, "равными красою с небесами". Удлиненный овал ее лица обрамляют каштановые волосы, нежная шея обрана красными бусами.

Во всем ее облике — во взгляде, в твердо сомкнутых губах, посадке головы сказывается властность; холодом веет от ее пре-

красного лица, "она горда одной своею красотой". Позже поэт сравнит ее с мраморным кумиром.

Дарья на два года младше сестры. Внешне они похожи друг на друга. Но Дарья, в отличие от сестры, лирична. Красивы ее мягкие губы; нежность точеной шеи, плеч оттеняет черная бархотка. Гладко зачесанные темные волосы (с двойным пробором, как и у сестры) слегка прикрывают уши и заканчиваются сзади узлом. Лицо Дарьи еще не утратило округлости и очарования молодости. В чертах ее милого лица, во всем прелестном облике — девичья чистота, нежность, доброта и мягкость.

Такой впервые открылось нам юное лицо Дарьи. Кроме посвящения ей в альбоме, Лермонтов упоминает ее еще в стихотворении "Видение" (1831).

Оба портрета сестер художником подписаны. Рисовал их Кашинцев в одно и то же время, т.е. в 1834 году: портреты выполнены на совершенно одинаковых листах желтоватой бristolской бумаги, совпадают даже по размеру (20,3x17), оба изображения нижепоясные, сидят портретируемые так, будто обращены друг к другу (Наталья чуть-чуть подуборотом вправо, Дарья — влево), платья девушек одинакового фасона; у Натальи оно голубое, у Дарьи — светло-вишневое.

Что же мы знаем о художнике, авторе двух мастерски выполненных изображений? В поисках полного имени Кашинцева мы обнаружили интересные сведения о семье коллежского ассесора Андрея Николаевича Кашинцева (1753—1819). Оба его сына художники. Один из них — Николай Андреевич (1799—1870) — камер-юнкер. Он знакомый Лермонтова¹⁸, художник-любитель II половины XIX в.

Другой сын — Михаил Андреевич — профессиональный портретист, рисовальщик. В собрании портретов Д.А. Ровинского¹⁹ дана небольшая справка о том, что Кашинцев литографировал женскую голову с картины К. Брюллова "Последний день Помпеи" и что умер он в 1838 г. В справочнике С.Н. Кондакова²⁰ находим, наконец, и полное имя художника: Кашинцев Михаил Андреевич. Из того же источника узнаем, что в 1837 г. он получил звание свободного художника портретной живописи. Т.о., стало ясно, что автор наших портретов — Михаил Андреевич Кашинцев и что рисовал он их за три года до получения звания.

Весьма ценно и то, что художник не только открыл нам лица юных сестер, какими знал их поэт, не только передал их внешнее сходство, но уловил и разницу в их характерах. Как в правдивом зеркале, в портретах работы М.А. Кашинцева отразилась душа каждой из сестер: Наталья — гордая, "со взглядом ледяным", как метеор блеснула перед поэтом и погасла. Дарья — мягкая, лиричная вызывала у поэта доброе к себе отношение.

Вместе с акварелями М.А. Кашинцева музей получил от Маклаковых и уникальную фотографию пожилой Н.Ф. Обресковой с 16-летней дочерью — Натальей Николаевной. По свидетельству Н.С. Маклаковой этот снимок относится к 1864 г.²¹, на нем Наталья Федоровна 50 лет, значит дочь ее родилась в 1814 г., когда Н.Ф. Обресковой было 35 лет. Первенец ее, Дмитрий Николаевич Обресков, родился в 1841 г. Точная дата замужества Н.Ф. Обресковой не установлена. Во всяком случае, она вышла замуж не раньше 1835—1836 года. Отвергнув Лермонтова, Наталья Федоровна предпочла опозорившего себя Н.М. Обрескова и ждала его, отбывающего наказание.

Существует еще один портрет, на котором якобы изображена "Н.Ф.И.". Это миниатюра Гинца 1835 г. Он хранится в Институте русской литературы РАН ("Пушкинский Дом"). В "Описании рукописей и изобразительного материала Пушкинского Дома", т. 2, с. 103 о нем сказано:

"Иванова Наталья Федоровна, по мужу — Обрескова (1813-1875), 1835. Миниатюра на слоновой кости, 5,1x4, № 64 539, ниже пояса, 3/4 влево. Прическа с локонами на висках и шиньоном,

с диадемой и серьгами. В декольтированном синем платье с голубыми кружевами. Слева на фоне "Hintz.f1835".

На обороте миниатюры наклеена кожа, на ней чернилами выполнена надпись: "Моя мать, Наталия Федоровна Обрескова, р. Иванова". Из отдела иллюстраций ИРЛИ в 1950 году; в ИРЛИ от Н.С. Маклаковой, внучки Н. Ивановой"²².

С такой атрибуцией портрета согласиться нельзя. Ей противостоят факты. Во-первых, даже простое визуальное сличение портрета работы В.Ф. Бинемана и акварели М.А. Кашинцева с миниатюрой Гинца свидетельствует о том, что на портретах изображены два разных человека.

При этом укажем на труднообъяснимую замену этикеток на миниатюре, которую обнаружил заместитель председателя Петербургского отделения ассоциации "Лермонтовское наследие" И.П. Белавкин²³. Во-вторых, И.Л. Андроников в упомянутом письме пишет, что Н.С. Маклакова, показывая ему миниатюру работы Гинца говорила, что на ней изображена "...бабушка Маклаковых, только не та, а со стороны Голицыных; так мне говорила Маклакова, когда я впервые был у нее; тем не менее старуха и его принесла продавать Институту мировой литературы и продала как бабушку, что вполне соответствует правде. Но покупающие решили, что бабушка у нее была одна и купили".

Как теперь удалось установить, "бабушка со стороны Голицыных" — это Матюнина²⁴, по мужу — Голицына (1798—1884) — мать Сергея Владимировича Голицына, мужа дочери Натальи Федоровны — Натальи Николаевны Голицыной, рожденной Обресковой. Следовательно, на миниатюре не Н.Ф. Обрескова, как это значится в ИРЛИ, а Матюнина. Вот почему Андроников ни в одном издании своих работ об Ивановой, ни разу, ни одним словом не обмолвился ни о миниатюре, ни о Матюниной, как не имеющих отношения к предмету его исследования.

Располагая достоверным портретом Д.Ф. Ивановой работы М.А. Кашинцева сравним его с опубликованным в статье Л. Певзнер²⁵ неопознанным ею портретом-миниатюрой Дарьи Федоровны работы В.Ф. Бинемана, хранящимся в Гос. Третьяковской галерее. Первоначальное предположение автора, видевшего в миниатюре Н.Ф. Иванову в юном возрасте, было ею же отвергнуто. По второй версии Певзнер получалось, что на миниатюре — Дарья-подросток в 1831—1833 гг. Певзнер полагает, что миниатюра создавалась одновременно с парными портретами Обресковых.

Но и тут факты не стыкуются, поскольку Обресков до 1833 г. не был женат, одновременности создания портретов не получается, т.к. портреты супругов создавались после 1836 г. В противном случае, год рождения Дарьи должен бы быть 1820 г. с разницей возраста сестер в 7 лет. Таким образом, и эта версия отпадает. Год рождения Дарьи не может быть 1817, как считает Певзнер, поскольку отец сестер умер 31.07.1816 г., а в некрологе А.Ф. Мерзлякова отмечалось, что вдова Иванова "осталась в неутешном горе с двумя прелестными малютками". Наконец, визуальное сличение портретов работы М.А. Кашинцева и миниатюры также исключает тождество. Поиск, надо думать, следует продолжить.

Завершим нашу работу еще одной важной публикацией — мемуарным свидетельством Н.А. Маклаковой. В нем содержатся некоторые новые сведения об Ивановых, Обресковых и Голицыных...

Рассказ мемуаристки был записан С.И. Недумовым²⁶, примерно в 1958 г. Наталья Алексеевна Маклакова вспоминала о двойном портрете Натальи и Дарьи, изображенных еще девочками со склоненными друг к другу головками, выполненном маслом: "Бабушка, не желая обделит своих дочерей, разрешила двойной портрет матери и тети пополам и отдала моей матери Наталье Федоровне. Позже мать отдала этот портрет мне, т.к. у меня в детстве находили сходство с Натальей Федоровной. Портрет висел на стене без рамы. Выйдя замуж, я увезла его на Рождественский бульвар, а после, уезжая с той квартиры и не зная ценности этого портрета, ос-

тавила в чулане вместе с портретом деда Голицына. Андроников, узнав об этом, посылал меня на старую квартиру, и я ездила несколько раз, но ничего не нашла. Портрет пропал".

У Натальи Алексеевны был сын и невестка Татьяна Юлиановна. Их потомки могут навести на след портретов.

Хорошо помнила Н.А. Маклакова и знаменитую старинную шкатулку. Ее будто бы из ревности Обресков сжег вместе со всем ее содержимым.

В изложении дочери судьба шкатулки выглядит иначе — правдивее и убедительнее: шкатулка Н.Ф.И. сгорела во время пожара в 1919 г. вместе со всей усадьбой. Выходит, что шкатулка и при жизни Обрескова была цела!

"Но были ли там стихи (Лермонтова)? или они погибли раньше — я не знаю, т.к. ничего о Лермонтове не говорилось в семье". Прежде всего, о какой усадьбе говорится в мемуарах? Известно, что мать сестер Ивановых — вторым браком Е.И. Чарторижская владела усадьбой Никольское-Тимонино только до 1834 года. А в рассказе Н.А. Маклаковой всплывают сведения еще о другой, не упоминавшейся нигде усадьбе — Емишево в Подмоскowie, что между Жаворонками и Внуковым.

"Там жила бабушка Голицына Наталья Николаевна, очень представительная и очень полная дама. После революции туда приехал и брат ее, Дмитрий Николаевич, с женой". Рассказывала Наталья Алексеевна и о последних днях жизни Обресковых и Голицыных:

"После пожара усадьбы все переехали в Москву, кроме тети Христини. Бабушка Голицына поселилась возле храма Христа Спасителя в церковном доме. Обресковы — отдельно. Но вскоре оба умерли. Бабушка Голицына умерла летом 1924 г. в Ольгин день." Названная Натальей Алексеевной дата смерти Натальи Николаевны совпадает с указанием этого же года Н.П. Чулковым²⁷. Христина Сергеевна не могла жить в церковном доме, как показывает Чулков²⁸, потому что после пожара 1919 г. она в Москву не приезжала и,

вероятно, умерла в Подмоскowie в 1920 году. Не случайно ее имени не оказалось в адресном столе Москвы²⁹.

Поразительно, как в этих мемуарах расходятся свидетельства об одном и том же у матери и дочери. Наталья Сергеевна, например, в деловой беседе с Андрониковым уверяла его, что в их семье всегда знали о влюбленности Лермотова в Наталью Федоровну. Дочь ее начисто отвергает этот факт:

"Ничего о Лермонтове не говорилось в семье".

Наталья Сергеевна, "позабыв" о сказанном Андроникову, на вопрос дочери, почему мать умалчивала о любви Лермотова к Наталье Федоровне, откровенно призналась: "... во-первых, об этом не принято было говорить в наше время. Мало ли кто в кого влюблялся. Кроме того, отношения с Лермонтовым кончились ничем. О чем же было говорить? Наконец, в то время около нас были люди большего значения и положения и Лермонтов на их фоне не выделялся".

Вот оказывается, где разгадка злключения поэта! На чем же фоне не выделялся Лермонтов? Поняла ли Наталья Федоровна, какой великий человек был рядом с ней и каким сердцем она пренебрегла?!

**Тебе я душу отдавал;
Такой душе ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал.**

Прошло время. Оно показало, каким бесценным даром для потомков, для истории литературы обернулось юношеское увлечение поэта. Любовь поэта, образ "Н.Ф.И." оставили в творчестве поэта-лирика, поэта-мыслителя совершенный и неповторимый след.

Думается, что публикуемые нами портреты сестер Н.Ф. и Д.Ф. Ивановых, материалы, связанные с их именами, будут восприняты как посильная лепта в общем деле изучения биографии Лермонтова.

Примечания

¹ Андроникашвили (Андроников) И.Л. "К биографии Лермонтова". "Труды Тифлиского университета", 1936. — Т. 1. — С. 200—214.

² Андроников И., ж. "Пионер", 1938. — № 2. — С. 96—108. То же в сокр.: "Лит. газ.", 1938, 30 января.

³ Андроников И. Исследования и находки. — М., 1964. — С. 117—142.

⁴ Андроников И. Исследования и находки. — М., 1964. — С. 129—130.

⁵ Андроников И. "Я хочу рассказать Вам". — М., 1965. — С. 25—27.

⁶ Андроников И. "Я хочу рассказать Вам". — М.: Сов. писат., 1964. — С. 35.

⁷ Эйхенбаум Б.М. "Статьи о Лермонтове". — М.-Л., 1961. — С. 58.

⁸ Каллаш В.В. Иллюстрированное полное собрание соч. Лермонтова. — М.: изд. "Печатник", 1965. — Т. 1. — С. 272.

⁹ Нейман Б.В. Одна из воспетых Лермонтовым. Русский библиофил, 1916. — № 8. — С. 61—70.

¹⁰ Эйхенбаум Б.М. Основные проблемы лермонтоведения. Лит. учеба, 1935. — № 1. — С. 21—40.

¹¹ Андроников И. "Загадка Н.Ф.И.", гл. "Таинств. буквы" в кн.: "Я хочу рассказать Вам", М., 1965. — С. 8.

¹² Андреев-Кривич С.А. Всеведение поэта. — М.: Сов. Россия, 1973. — С. 105.

¹³ Люфанов Евгений. Вернемся к загадке Н.Ф.И. — Лит. газ., 1973, 7 марта. — С. 6.

¹⁴ Серяев М. Разгадана ли загадка. — Русская лит., 1976. — № 4.

¹⁵ Махлевич Я.Л. Новое о Лермонтове в Москве. — Русская лит. 1977. — № 1.

¹⁶ Андроников И. Исследования и находки. 1964, С. 135.

¹⁷ Николай Павлович Пахомов (06.08.1890—15.03.1978). Москвич, русский, искусствовед, литературовед, Засл. деят. иск. (1966). По приглашению Луначарского в 1918—1924 гг. работал в коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В 1948 г. ему было поручено восстановить подмосковную усадьбу Абрамцево. В течение 20 лет он был там директором. Руководил устройством музеев Лермонтова в Тарханах и Пятигорске, музея Белинского в Чебаруках; для этих музеев собирал ценные экспонаты; был в числе организаторов музея г., опубликовал ряд работ о Лермонтове. Среди капитальных его трудов — "Лермонтов в изобраз. искусстве" (1949) и "Живописное наследие Лермонтова" (в книге "Лит. Л.Н.Толстого в Москве, долгие годы участвовал в

работе Гослит. музея. Печатался с 1935, "Наследство", т.45—46, 1948, с. 55—222). Здесь впервые изучены все картины, потреты, акварели и рисунки Лермонтова, доказана их значимость и тесная связь с поэтическим творчеством Лермонтова. Лит. "Краткая энциклопедия". — М.: Сов. Искусство, 1968, 1978 г.

¹⁸ М.Ю.Лермонтов. Акад.изд., 1957. — т. IV. — С. 388, 683.

¹⁹ Д.А.Ровинский. "Подробный словарь русских гравированных портретов". — СПб., типогр. АН, 1889. — Приложения. — С. 110.

²⁰ С.Н. Кондаков. "Список русских художников к юбилейному справочнику императорской АХ", (1764—1914). — С. 88.

²¹ В музее Пятигорска имеется еще один снимок (из альбома Гагариной) пожилой Обресковой, присланный Н.П. Пахомовым и М.Ю. Барановской для сличения с молодой Ивановой. Снимок петербургского фотографа К. Штарха. Видимо фотография Обресковой с дочерью выполнена тем же К. Штархом. Фотографии. Прислала М.Ю. Барановская в июне 1971 г.

²² "Описание рукописей и изобр. материалов Пушкинского дома". — М.: изд. АН СССР, 1953. — Т. 2, "Лермонтов".

²³ В инв. кн ИРЛИ записано: "На обороте миниатюры наклеена кожа, а на ней чернилами: "Мать моя — Наталья Федоровна Обрескова, р. Иванова...". Фактически же кожаная этикетка отсутствует, а вместо нее — бумажная, с иным текстом: "Бабушка Наталья Иванова... (неразб.) Обрескова". В Пушкинском доме это несоответствие И.П. Белавкину не объяснили.

²⁴ Род князей Голицыных, СПб., т. 1, с. 183. Сост. Н.Н. Голицын (1835—1893).

²⁵ Певзнер Л. "Загадка Д.Ф.И.", Лит. Россия, 31.10.1980.

²⁶ Недумов С.И. (1894—1963) — зав. фондами музея "Домик Лермонтова" в Пятигорске с 1939 по 1959 г. Запись Недумовым свидетельств Маклаковой — черновая и поэтому не подписана и не датирована. Но, зная безупречную пунктуальность Недумова, его ответственное и бережное отношение к фактам (его книга "Лермонтовский Пятигорск", Ставрополь, 1977, полностью построена на документах), мы гарантируем точность передачи рассказа Н.А. Маклаковой. Рукопись хранится в Гос.музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова.

²⁷ Андроников И. "Я хочу рассказать Вам", 1965. — С. 19.

²⁸ Там же с. 19.

²⁹ Там же, с. 20.

1990

М.Ю. Лермонтов в изобразительном искусстве

Работа строится на экспонатах коллекции Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. Составлена в 1975 году, отредактирована в 1990 г.

Вступление

Мир поэзии Лермонтова всеобъемлющ и безграничен, он полон раздумий о жизни и своем месте в ней; о вечности и мгновении, о щемящем душу одиночестве, о любви и ненависти; это поэзия открытого сердца; в ней надежда и сомнение, вера и отчаяние; она светла, полна красоты, блеска, музыки и вместе с тем — трагична. От начала и до конца она пронизана философскими размышлениями, пафосом свободы и мятежного духа.

Такая поэзия не могла оставить равнодушными художников, в чьих сердцах нашли отзвук творения поэта. Степенью чуткости и глубины одаренности, отпущенной природой художнику, определяется достоинство его созданий.

В собрании музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске сконцентрировано большое количество произведений художников, посвятивших свои работы поэту. Многие из них еще не публиковались.

Проследим за историей иллюстрирования Лермонтова на основе работ художников нашего собрания.

* * *

Заметим, что самыми первыми художественными произведениями, связанными с именем Лермонтова, считаются картина В.А. Тропинина (1776—1857) "Казначейша" (1841, х.м., ГРМ), акварель Г. Гагарина "Сон" (ГРМ), картина художника Ге "Хаджи Абрек" (1852) и некоторые другие, менее значительные работы.

Одной из своеобразных иллюстраций этого периода, хранящейся в Пятигорске, является лубочная картина "Песня про купца Калашникова" — редкий из сохранившихся экземпляров. Произведение народного искусства явилось первым откликом на поэзию Лермонтова. Лубок вышел в 1858 году в издательстве А.А. Абрамовича. Лермонтовская "Песня..." привлекла создателя картинки своей демократичностью. В картинке семь ведущих эпизодов, из них центральная — "Кулачный бой". Рисунки раскрашивались двумя-тремя колерами от руки в деревнях и распространялись офенями.

Систематическое иллюстрирование Лермонтова начинается с 1860-х гг. Заметное место в этом ряду принадлежит Д.М. Флавицкому (1830—1866), известному автору картины "Княжна Тараканова", воспитанному на традициях К. Брюллоу. Флавицкий — художник романтического склада. Он принял участие в издании четырехтомного гравированного альбо-

ма "Северное сияние" (1862—1965) В.Е. Генкеля. Рисунки в альбоме переведены в гравюры Лейпцигской фирмой А.Ф. Брокгауза. Во втором томе приведены и рисунки Флавицкого. Его привлекла поэма Лермонтова "Измаил-Бей", и он сделал к ней два рисунка: "Измаил в саkle" (рис. не сохранился) и "Прощание Зары с Измаилом" (ГТГ). Художник верно передал быт горцев, их характеры.

В рисунке "Ангел" (местонахождение неизвестно) передана мягкая, светлая грусть стихотворения. И только в рисунке к финалу "Тамбовской казначейши" в реалистических характеристиках воссозданы быт и нравы российской провинции. Казначей проиграл все, даже жену. И она "Бросила ему в лицо свое // венчалное кольцо... и в обморок".

В иллюстрации к стихотворению "Тамара" изображена комната в старинном восточном замке. Красота царицы, гордой, властной, чувственной, подчеркнута яркой игрой света и тени.

В издании В.Е. Генкеля были помещены иллюстрации А.И. Лебедева к драме "Маскарад" и повести "Княжна Мери". А.И. Лебедев (1835—1898) — известный карикатурист, сотрудничавший с журналом "Искра" В.С. Курочкина и П. Степанова, но в своих работах он не передал драматизма и глубины Лермонтовского "Маскарада".

Наиболее удачны рисунки В.В. Верещагина (1835—1909) "Княжна на прогулке". Художник живо воспроизвел уголок старого Пятигорска возле Елизаветинской галереи. Ему удалось создать романтический образ девушки, это первое и единственное изображение (кроме Кузьмина) лермонтовской княжны Мери в графике.

Обращается Верещагин и к стихотворению "Ангел", одному из лучших ранних стихотворений Лермонтова. В те же годы Верещагин побывал на Кавказе, посетил Пятигорск, сделал около 145 зарисовок по Военно-Грузинской дороге, в том числе — рисунок "Замок Тамары в Дарьяле". В 1868 году на московской выставке демонстрировались две его иллюстрации к стихотворению "Спор" (Киев).

* * *

Особое место в истории иллюстрирования Лермонтова занимает М.А. Зичи (1827—1906) — венгерский художник, проживший в России почти всю свою творческую жизнь. Зичи признавался: "С тех пор, как я научился русским складам, творчество Лермонтова породило во мне культ этого поэта".

Подтверждением этому явилась блистательная серия иллюстраций к "Демону" и повести "Княжна Мери" — первая попытка интерпретировать эти философские произведения (большинство из них хранится в ИРЛИ).

Остановимся на работах, которыми располагает наш музей.

Самое раннее обращение художника к Лермонтову относится к 1860-м годам. Коллекционеру, собирателю нот Л.И. Рабиновичу как-то попал лист с изображением фигуры Демона, парящего, почти плывущего в воздушном пространстве — "Демон летящий". Это литография (1860-е), выполненная по эскизу к рисунку Зичи. Оригинал не сохранился. Имя расписавшегося в нижнем правом углу листа автора разобрать не удалось. Образ Демона здесь лишен слащавости и шаблонов, присущих такого рода работам. В эскизе мастерски использованы светотеневые эффекты, в основе которых принцип контраста. Вполне возможно, что этот ранний эскиз является первоначальным замыслом, воплотившемся впоследствии в рисунке Зичи 1881 года "Демон, летящий над Кавказом".

Образ Демона в течение многих лет вынашивался в сознании художника и воплотился в 1874 году в работе "Демон и Тамара в церкви". Оригинал не сохранился, но до нас дошла гелиография Скамони, выполненная по рисунку Зичи. Демон будто возник из мрака, стоит в храме со сложенными крыльями и скрещенными на груди руками; его волевое, властное лицо открыто, пронзительный взгляд устремлен на Тамару. Она в монашеской одежде на коленях: "Святым захочет ли молиться, а сердце молится ему". Это выдающаяся работа Зичи — первая в иллюстрировании поэмы, в ней художник вплотную подошел к той грани трактовки образа, которая потом будет гениально разработана М.А. Врубелем. Сам же Зичи далее разрабатывал этот мотив картине "Торжество гения разрушения".

Рисунок Зичи "Ангел" большого формата (57,1x43,6), — иллюстрация 1862 года, датированная и подписанная художником. Сюжет рисунка переключается с предыдущим. Воздушность небесного пространства и естественность складок белых одежд создаются за счет сочетания матовой фотобумаги, белил, карандаша и ретуши.

Иллюстрация "Тамара в гробу" (1878) являлась продолжением размышления художника над поэмой. Она готовилась для журнала "Нива" в качестве премии ее подписчикам в 1880 году. Перед нами сцена погребального обряда. Рисунок выполнен в смешанной технике на тонированной бумаге (бумага не выгорела).

В 1879 году издатель Глазунов задумал роскошное издание Лермонтова и предложил Зичи проиллюстрировать его произведения, но почему-то соглашение в 1882 году было расторгнуто. Несмотря на это, Зичи продолжал начатую работу над произведениями Лермонтова. В 1881 году он приехал на Кавказ, чтобы "подробно срисовать с натуры то, что великий поэт описал". И хотя сотрудничество с Глазуновым не состоялось, — остался альбом с воспроизведенными фототипией работами мастера, изданными в 1891 и 1900 годах (немногие сохранившиеся оригиналы хранятся в Петербурге, в Институте русской литературы РАН).

* * *

В истории иллюстрирования Лермонтова, как известно, был очень важен 1891 год, когда к 50-летию со дня гибели поэта вышло выдающееся издание товарищества И.Н. Кушнерева под редакцией П.П. Кончаловского. В нем приняли участие художники разных поколений, школ и степени одаренности. Издание Кушнерева наметило тот рубеж, который определил новое направление искусства иллюстрирования. Великие творения М. Врубеля и В. Серова осветили путь, по которому пошли художники следующего поколения. "Врубель впереди всех и до него не достать", — говорил В.Серов.

В.А. Серову (1865–1911) принадлежат работы к "Демону", "Княжне Мери", "Бэле". Но строгий и требовательный к себе,

Серов считал их "грехами молодости". Его рисунок "Бэла" (1890–1891) — блестящее произведение мастера. Серов выбрал сюжет, близкий его дарованию портретиста. В рисунке сказало влияние М.А. Врубеля в отдельных технических приемах: работа выполнена в черно-белых тонах.

Сохранились также серовские наброски и эскизы к поэме "Демон".

"Несет коня быстрее лани" — карандашный набросок сделан под явным влиянием Врубеля в технике. Красив по цвету, выразителен по настроению акварельный эскиз "Демон у стен монастыря" (1891). Все три названные работы находятся в музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова.

В числе выдающихся художников в издании Кушнерева был С.В. Иванов (1864–1910). Из шести его работ к Лермонтову ("Боярин Орша", стихотворения "Желание", "Узник", "Соседка", "Валерик") лучшая — иллюстрация к стихотворению "Сон" (1890). Рисунок созвучен тягостному настроению последних дней поэта, томимого предчувствием смерти.

К.А. Савицкий (1844–1905) — выдающийся живописец, жанрист, передвижник. В числе его работ, посвященных Лермонтову: "Морская царевна", "Колыбельная песня", "Мцыри", "Печорин" и "Бэла", "Офицер слушает песню девушки".

Две иллюстрации к повести "Тамань" хранятся в музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова, куда они поступили в 1958 г.

"Борьба в лодке" (секия, картон), рисунок подписной. Изображен момент, когда контрабандистка Ундина пытается сбросить Печорина в воду, избавиться от опасного свидетеля.

"Фаталист" (черная акварель). Рисунок интересен психологической характеристикой участников сцены и внутренней ее динамикой.

И.Е. Репин (1844–1930) — мастер-жанрист, "передвижник первого созыва", Лермонтовым увлекался с ранних лет. В творчестве поэта ему оказались близки темы "Трех пальм", "Песни про купца Калашникова", "По небу полночи...", "Печорин у окна", "Мцыри". Но лучшие его работы из этого ряда — "Казбич ранит Бэлу" (1884) и "Пророк", рисунок к стихотворению, написанному поэтом в Пятигорске, в городе, где Репин острее всего ощутил поэзию Лермонтова, "освещенную особым светом". В издании у Кушнерева (1890–1891) воспроизведен "Пророк, идущий по площади". Угрюмый, худой, в рубище, с посохом в руке, он гордо проходит сквозь толпу, презирающую его, забрасывающую его камнями. Репинский Пророк лишен внешнего величия, эффекта. Правда и сила его выражены в твердой поступи, в волевом и скорбном выражении лица. Рисунок написан по мокрой бумаге в смешанной технике: акварель, тушь, голубая гуашь. Почти все пространство прорисовано карандашом, тушью.

Л.О. Пастернак (1862–1945). В издании Кушнерева помещено несколько работ этого мастера композиции, тонкого акварелиста: "Маскарад", "Умиравший гладиатор", "Воздушный корабль", "Хаджи Абрек", "Мцыри" (местонахождение оригиналов не известно).

В музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова хранится рисунок в виде заставки к стихотворению Лермонтова "Дума". Это портрет поэта, который впервые представлен в интерьере. Портрет Лермонтова работы Л.О. Пастернака восходит к портрету Кюндера 1839 г., но трактован самостоятельно.

Подлинным украшением, обогатившим издание 1891 года, стали рисунки М.А. Врубеля (1856–1910) — серия из 36-ти сюжетов ("Русалка", "Еврейская мелодия", "Измаил-Бей", "Герой нашего времени", "Демон" и др.). Как Серов, так и Врубель своими работами обозначили новую грань иллюстрирования творчества М.Ю. Лермонтова в русском искусстве.

В.Д. Замирайло (1868–1939). Он был другом и лучшим помощником Врубеля, а позже истолкователем художественных приемов своего учителя, так и не понятого современниками. Замирайло научился безупречно копировать Врубеля, и тот охотно ставил свою подпись под копиями. Наш лист в нижнем правом углу имеет надпись: "Замирайло-Врубель" (вероятно, это рука Замирайло). Что это означает? Можно предположить, что рисунок "Не плачь дитя" — результат творческого содружества: карандаш Врубеля, а раскраска Замирайло.

Под благотворным влиянием своего учителя Замирайло совершенствует свой вкус и мастерство. Увлечшись Демоном, он создает не одну иллюстрацию к поэме, сохранился рисунок "Будь к земному безучастна" (1914). На этой работе отразился дар художника превращать свой замысел в реальность. Его героиня — Тамара — восточная красавица, тоскующая о погибшем женихе. Образ жизненен, восточный колорит достоверен. Но Демон у Замирайло похож на "бывшего Ангела" изгнанного из рая, облик его женственен. Вероятно, художника вдохновило лермонтовское "Он был похож на вечер ясный: // Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет!"

Очень красив и интересен по замыслу небольшой акварельный эскиз Замирайло "Демон у стен монастыря" (1880 или 1890). У Замирайло много иллюстраций к Лермонтову: поэмам "Мцыри", "Беглец", сказке "Ашик-Кериб", ряду стихотворений поэта. Знаком русского рисунка А.А. Сидоров назвал Замирайло прямым продолжателем Врубеля и талантливым художником.

* * *

Конец XIX — начало XX века — трудный период истории русского искусства, время, когда на смену передвижникам пришло новое поколение художников объединения "Мир искусства". Не был понят Врубель, близкий к этому течению, не до конца принят В.А. Серов и другие сторонники этого направления.

В 1900-е годы выдвинулись такие художники, как В.Д. Замирайло, Д.Н. Кардовский, Б.Я. Кустодиев, Е.Е. Лансере, позже — Д.И. Митрохин. Велики их достижения в области иллюстрирования произведений Лермонтова, связанные с деятельностью "Мира искусств". Мирискусники рассматривали книгу как самостоятельное художественное произведение. Утонченность, декоративность, фантастичность определяли выбор тех или иных лермонтовских тем.

В этот период выделяется своими работами к "Песне про купца Калашникова" Б.М. Кустодиев (1878–1927). К этому произведению его привело увлечение русской историей. Пытаясь реализовать новые принципы книжной графики, Кустодиев, демократически настроенный человек, создает целый цикл рисунков к Лермонтовской "Песне...": "Алена Дмитриевна и Кирибеевич", "Иван Грозный на Москва-реке", "На кулачном бою" и "Казнь Калашникова". Все рисунки черно-белые, сделаны в 1905 году, опубликованы в 1906 году Обществом грамотности (СПб.). Народному характеру поэмы, ее идее соответствует и стиль рисунков. Они выполнены в манере, близкой к лубку: плоские фигуры, без теней, без тонких тональных проработок. Обычай, нравы, быт воспроизведены с исторической и художественной достоверностью. И хотя образы несколько стилизованы, они реалистичны и трактованы художником с демократических позиций.

Членом "первого созыва" "Мира искусств" (с 1898) был Е.Е. Лансере (1875–1946). Сын скульптора Е.Е. Лансере, внук профессора М.А. Бенца, он жил в атмосфере поклонения искусству. Остановимся на одной из его работ. Много путешествуя, Лансере подолгу жил на Кавказе и в Закавказье. В пору

жизни в Дагестане (1917–1920) он в Темир-Хан-Шуре сделал изумительный рисунок-заставку — триптих "Бэла" (тонирующая, а местами больше желтая бумага, тушь, слегка тронутая белилами). В емкой, лаконичной форме выражена основа сюжета повести.

Примерно к этому же периоду относятся две работы чрезвычайно своеобразного художника М.А. Дурнова (1868–1929). Он член "Союза русских художников", но представлял свои картины и на выставках "Мира искусств". Модест Александрович Дурнов — портретист и живописец, архитектор и график, поэт и один из ведущих проводников модерна в России.

Его работы импрессионистичны, модернистского толка. Таковы "Три пальмы" (1916). Трудно назвать этот рисунок иллюстрацией. Да и незачем: скорее это графическая реплика с полемическим оттенком. Рисунок изыскан, в нем нет трафаретных композиций: ни каравана, ни араба, горячащего коня, нет оазиса, не видно даже неба. Свое отношение к образу художник выразил цветом. Самое первое, неотразимое ощущение от рисунка — пальящей зной, который растекается по всему пространству листа; сизо-голубое, будто звенящее, марево, жар идет из глубины пространства, от оранжево-желтоватого, раскаленного, расплавленного диска солнца. От его губительных лучей изнемогают стройные и прекрасные пальмы. Они сплелись кронами и, кажется, растворились в сизо-голубом зное. Художник намеренно утончил стволы пальм, тем самым подчеркнул не только их красоту, но и хрупкость, незащитность: "Не прав твой, о небо, святой приговор". Драгоценная для подобного рисунка "недосказанность" здесь особенно красноречива, она впечатляет и составляет его прелесть. Долгое время рисунок хранился у дочери, а в 1974 году через Н.П. Пахомова был приобретен музеем. Думается, что "Три пальмы" Дурнова и портрет Лермонтова его же кисти связаны внутренней логикой, родством идеи.

Портрет Лермонтова трактован художником с избирательным подтекстом, с позиции приверженца модерна. Его Лермонтов целиком поглощен прекрасным, возвышенным, поэтическим. Он отрешен от всего земного. Обе работы Дурнова выполнены гуашью с применением пастели.

К молодому поколению мирискусников относится выдающийся художник книжной графики Д.И. Митрохин (1883–1973), на практике претворивший взгляды объединения "Мир искусств". Он создал безукоризненные образцы искусства нового направления. В коллекции музея сосредоточено почти все собрание его лермонтовьяны. Большая часть работ готовилась для издания И. Кнебеля в Москве и явилась шагом вперед по сравнению с идеями передвижников.

Начало обращения к творчеству поэта относится к 1912–1914 гг., когда Митрохин готовил рисунки к отдельному изданию стихотворения Лермонтова "Спор", в котором отразились размышления поэта о Кавказской войне, о судьбах людей Востока (изд. И. Кнебель, 1913). В книжке содержится 12 различных заставок, иллюстраций, концовок. Почти все рисунки отличаются удивительным переплетением сказочности и реальности. Тончайшая их декоративность, изысканность отвечает колориту самого "Спора". Митрохин любил усилить живописность своих работ. При их создании он учитывал особенности типографских процессов. Вначале он готовил контуры для типографии, по которым там изготовлялись клише нужного размера. Их оттиски Митрохин раскрашивал и уже потом, вновь возвращал в типографию. В восточных заставках и концовках он графически излагает печальные события, составляющие основу "Спора".

В первой заставке изображены величественные Казбек и Эльбрус. Между ними ведется спор. На их белоснежном фоне парит

черный орел. Сочетанием синего, белого, розового художник достигает ощущения чистоты, прозрачности горного края.

"Египетские развалины древнего храма" возвращают нас к XVI—XII векам до н.э. Художник воссоздает древние архитектурные памятники.

Дальше, вечно чуждые тени

Моет желтый Нил

Раскаленные ступени

Царственных могил...

К 100-летию со дня гибели Лермонтова издательство "Печатник" предприняло публикацию иллюстрированного полного собрания сочинений поэта (М., 1914—1915 гг.). Для него Митрохин создал большую серию работ. Рисунки лиричны, мягки, свежи и непосредственны.

В издание "Печатник" вошли рисунки к стихотворениям "Дары Терек", "Грузинская песня", "Булевар", "Романс", "Моя мольба", "Утро на Кавказе", "Гроб Оссиана", "Азраил".

В издании серии "Народная библиотека" 1918—1922 гг. Митрохин тоже принял участие. В собрании музея хранится вся серия рисунков, выполненных пером, кистью, тушью: обложки отдельных изданий — "Баллада", "Тамань", "Фаталист", иллюстрации к целому ряду стихотворений.

В течение 1919—1920 гг. художником было оформлено не менее десятка книг по произведениям русских писателей и поэтов.

Д.Н. Кардовский (1866—1943) вошел в искусство как продолжатель русской реалистической графики. Он создал блестящий цикл иллюстраций к повести Лермонтова "Княгиня Лиговская". Они готовились к предполагавшемуся изданию сочинений Лермонтова в издательстве "Грядущий день" под редакцией П.Е. Щеголева, к столетнему юбилею поэта (1914). Издание не было осуществлено, зато остались работы мастера — пять иллюстраций, лучших в его творчестве. В нашем собрании — три из них, все выполнены акварелью.

И.Я. Билибин (1876—1942) — театральный декоратор, график, с 1922 по 1936 годы жил за границей, вернулся затем в Россию и умер в блокадном Ленинграде. Увлечение художника стариной, русской историей и поэзией Лермонтова, привело его к работе над иллюстрациями к поэме "Песня про купца Калашникова". Над этим произведением Билибин работал еще в 1904 году и вновь вернулся в 1938—1939 гг., когда страна готовилась к юбилею поэта, книга должна была выйти отдельным тиражом в 1941 г., но вышла в 1943 г., а вторично в 1950 г. В нее был включен целый цикл иллюстраций к "Песне".

Билибинские обложки и титульные листы оформлены как иллюстрации. Контуры этих листов четкие, точные, композиция выверена, а техника изобретена самим художником. Он работал только кистью и не признавал пера. Черно-белый рисунок Билибина сочетается с цветной акварелью. Замечательно, что у художника обложка оформлена как торжественный вход в книгу; в титуле и в обложке "Песни..." — прославление героического народного начала.

* * *

Расцвет в истории иллюстрирования Лермонтова относится к началу 30-х годов XX века, когда работали такие мастера, как В.А. Фаворский, К.И. Рудаков, Н.В. Кузьмин, Т.А. Маврина, В.Г. Бехтеев. В отличие от мирискусников психологическая сторона в их сюжетах — одна из главных.

Для В.Г. Бехтеева (1878—1971) Лермонтов — один из самых любимых поэтов. Художник-романтик Бехтеев создал два цикла иллюстраций к роману "Герой нашего времени", несколько иллюстраций к поэмам "Демон", "Беглец", "Мцыри", к "Княгине Лиговской", "Штоссу", к стихотворению "1-го января".

Не все они равноценны по достоинству. Наиболее удачен рисунок "Конь Казбича". В собрании музея — акварель "Бэла и Печорин", черно-белая, рисунок "На подъеме к Крестовой" — цветная акварель и, наконец, "Фаталист".

В 30-е годы иконография М.Ю. Лермонтова обогатилась работой В.А. Фаворского (1886—1964). Творчество выдающего русского художника многогранно: скульптор Художественного театра, автор мозаичных и фресковых работ, живописец, рисовальщик, педагог, теоретик искусства и, прежде всего, безупречный график. Он иллюстрировал многих зарубежных и русских писателей; "Песню про купца Калашникова" Лермонтова, его стихотворение "1-го января", сделал концовку к "Пророку". Но лучшая его работа — портрет поэта, созданный в 1931 году, имеется в нашем собрании.

В эти же годы трудился ленинградский художник К.И. Рудаков (1891—1949). Талантливый мастер, он известен как иллюстратор европейской и русской литературы. Член общества "Мир искусства", ученик Б.М. Кустодиева, Е.Е. Лансере и М.В. Добужинского, Д.Н. Кардовского.

Рудаков уже в 30-е годы создает замечательные листы к "Тамбовской Казначейше" и поэме "Измаил-Бей", а в 1940 году пишет портрет Лермонтова в интерьере петербургской квартиры.

Акварель Рудакова красива по цвету, изящна, легка и артистична. Фигура поэта естественно вписывается в столничный интерьер. Лермонтов изображен в пору создания "Героя нашего времени", "Думы", "1-го января".

Много и упорно в 30-е годы работала старейший график Т.А. Маврина. В годы юности она преклонялась перед художниками "Мира искусств", научилась чутко относиться к цвету, к передаче формы, объема предметов. Участие в группе "13" выработало в ней любовь к живой передаче натуры, живого воссоздания образов иллюстрируемого произведения. Маврина стремилась к самостоятельности в искусстве.

К Лермонтову она обратилась в 40-е годы: "Казначейша" (две работы в ИРЛИ), четыре иллюстрации к "Тамани" (собственность автора), "1-го января". К 1933 году она создала большую серию (27 рисунков) к биографической повести С.И. Сергеева-Ценского "Мишель Лермонтов" (тушь, перо, акварель). Пять рисунков этой серии хранятся в музее "Домик Лермонтова". Легкие, воздушные, стремительные и лаконичные, они как графический комментарий к роману, сюжет которого переносит нас в Лермонтовскую эпоху. Волнуют работы "Лермонтов слушает игру на фортепиано", "Лермонтов у гроба Пушкина". Открывается серия изображением роскошного вида Петербурга.

На рисунке "Вид Пятигорска" изображен городок с юго-восточной стороны, с отрога Горячей горы, на фоне Бештау. Городок раскинулся у подножия Машука; на переднем плане — украшение Пятигорска — ресторация, далее — казармы, церковь. И, наконец, — "Домик" — последнее пристанище изгнанника-поэта.

В совершенно иной манере выполнены иллюстрации к поэме "Измаил-Бей" (1939—1941). Их шесть. Самый удачный из них — "Столкновение в бою".

В 1940 году, к 100-летию со дня гибели Лермонтова, Маврина пишет его портрет, полный обаяния и душевной красоты. Она писала его с большой любовью, придала облику поэта глубоко личное восприятие. Следуя за автопортретом, она создала портрет, отличающийся мягкостью, теплотой.

В одном русле с Мавриной начинал свой творческий путь другой выдающийся, старейший мастер — Н.В. Кузьмин. У истоков своего творчества он тоже находился под обаянием мирискусников. В школе Общества поощрения художников его

учителем был И. Билибин. В 1929 году Кузьмин — в числе выставочной группы "13". Он писал: "Наиболее существенным признаком этой группы было внесение понятия о темпе рисунка... Кажется только XX век научился ценить в рисунке эту непосредственность первой мысли, брошенной на бумагу, прелесть намека".

В 1933 году в духе этого принципа Николай Васильевич создал иллюстрации к "Евгению Онегину", получившие на международной выставке рисунка Золотую медаль.

Пушкин и Лермонтов — любимые поэты Кузьмина. Лермонтов пленил его с детства. Художник проиллюстрировал роман К. Большакова "Бегство пленных". Из восьми работ к нему наиболее удачен портрет Лермонтова (фронтиспис). Три рисунка сделаны к лермонтовскому "Вадиму" (1939). В годы Великой Отечественной войны в 1944 году вышла отдельным изданием книжка стихотворений Лермонтова "Бородино" с шестнадцатью рисунками Кузьмина.

Но самым выдающимся монументальным трудом Кузьмина явилась большая серия работ к драме Лермонтова "Маскарад", состоящая из восьми страничных иллюстраций (акварельных), десяти заставок и четырех концовок (сепия, перо). До Кузьмина пробовал иллюстрировать эту драму Лебедев, интересны работы Л.О. Пастернака, но только Кузьмин по-настоящему приблизился к Лермонтову. Еще в 1930 году художник начал работу над "Маскарадом". Книга готовилась к 100-летию со дня гибели поэта. Но началась война, и книга с рисунками Кузьмина вышла лишь в 1949 году. Кузьмин использовал собственное правило — "линия должна быть твердой, уверенной, чтобы замысел рисунка шел от мозга к руке". В нашем собрании — рисунок, изображающий баронессу Штраль и князя Звездича, и другие.

В создании праздничного издания книги "Маскарад" объединили свой труд, талант и мастерство два художника книги — Н.В. Кузьмин и Н.В. Ильин.

Н.В. Ильин, архитектор по образованию, безусловно владел рисунком. Он был главным редактором "Госиздата". Выдающийся художник книги, Ильин выпустил и оформил около 3 тысяч книг, в том числе лермонтовский роман "Герой нашего времени" (1938) с рисунками М. Зичи, в 1943 году — "Песню про купца Калашникова" с рисунками И. Билибина, в 1958 г. — "Лирику" Лермонтова. Ильин воскресил и продолжил традицию, заложенную Д.И. Митрохиным.

Силуэтный портрет — новая графическая тема, появившаяся в переломные 30-е годы. В истории иконографии Лермонтова Ильину принадлежит одно из ведущих мест. Более 25 лет Ильин "для себя" работал над Лермонтовым. В образовавшейся обширной коллекции — 92 рисунка различных жанров и сюжетов, которые в свою очередь объединяются в ряд самостоятельных циклов. Наиболее обширная серия собрания музея — силуэтные портреты Лермонтова, а в ней — самый ранний рисунок 1931 года, выполненный в стиле старинного медальона. Им открывается издание "Лирики" 1958 года.

* * *

Предвоенные годы, отмеченные двумя юбилеями поэта 1939, 1941 годов, выявили много талантливых художников — иллюстраторов Лермонтова. Они работали почти в одно время с Т.А. Мавриной, Н.В. Кузьминым, Н.В. Ильиным. А.Ф. Лютomsкая иллюстрировала "Фаталиста" (1939), К.А. Климентьева, член Союза художников, училась в мастерских Б.М. Кустодиева, Добужинского. Над Лермонтовым работала с 1941 года (иллюстрации к "Хаджи Абреку", поэме "Беглец"). За рисунки к "Демону" она получила поощрительную премию от Госиздата.

Серия страничных иллюстраций была ею литографирована: "Пляска Тамары" (2 листа), "Тамара в келье", "Плач Тамары" (рисунок не публиковался).

А.В. Любимова училась в Ленинграде в институте при Академии художеств, окончила его со званием "художник станковой живописи", работала в экспериментальной мастерской по литографии и офорту, консультировалась с Т.Е. Верейским.

Над темой "Лирические стихотворения Лермонтова" работала с 1941 года и создала цикл: "Парус", "Когда волнуется желтеющая нива", "Выхожу один я на дорогу", "Горные вершины", "В глубокой теснине Дарьяла", "Сосна". Из всех стихов цикла наиболее удачны — "Сосна" и "Три пальмы". Автору удалось передать ощущение зноя в пустыне и ритм величественно движущегося каравана верблюдов, будто повторяющих в своем движении трехчастный размер стиха.

А.И. Константиновский (1903—1958) — Ленинградский художник. Иллюстрировал Н.В. Гоголя, В.Г. Короленко, Ч. Дикенса. Из работ по Лермонтову известна только одна — "Три пальмы" (пастель).

В преддверии юбилеев Лермонтова обратился к Лермонтовской тематике В.С. Герасимов (1885—1964). Живописец, график, ученик К. Коровина, С. Иванова, автор портретов и жанровых полотен, он работал и в области книжной иллюстрации.

В 1930-е годы Герасимов побывал на Кавказе и создал серию графических и живописных работ, связанных с природой и жителями горных окрестностей Кисловодска. В собрании музея эскиз "На Кавказе. Лермонтов" (1935—1936, черная акварель).

Характерной чертой 30-40-х годов стало всестороннее изображение человека. Это направление отличает и картину Н.П. Ульянова (1875—1949) — старейшего советского художника, любимого ученика В. Серова. Живописное полотно Ульянова "М.Ю. Лермонтов" явилось результатом серьезной и длительной работы: художник подготовил эскиз и два портрета поэта. Картина написана к 100-летию со дня гибели М.Ю. Лермонтова. В собрании музея был незаконченный вариант картины, хранящейся в Государственном литературном музее.

Б.Н. Бессонов (1916—1966) — пятигорский художник, член Союза художников, живописец. Около десяти лет с любовью и знанием темы работал он над картинами, посвященными поэту: "Лермонтов на привале в Чечне" (1944), "Лермонтов и Белинский", "Дуэль Лермонтова". Картина "Лермонтов на привале в Чечне" отражает события периода участия поэта в экспедиции генерала Галафеева, когда поэт командовал отрядом разведчиков, принятым от раненого Р. Дорохова.

* * *

Художники следующего поколения развили то направление в искусстве, которое было намечено в 30—40-х годах.

В 50—60-е годы выдвигаются такие выдающиеся мастера, как Ю. Калита, И. Глазунов, П. Бунин, Ю. Иванов. Исключительной, яркой фигурой в графике стал ученик Фаворского — Ф.Д. Константинов (1910). Имя его широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. За свою жизнь он создал около трех тысяч гравюр. Им проиллюстрированы и "Ода" Горация, и "Метаморфозы" Овидия, и Гейне, и Шекспир, Сервантес, М. Твен, Шиллер, Мериме; в отечественной литературе — И.А. Крылов, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.И. Пришвин. Лондонский музей приобрел у художника работы к "Кентерберийским рассказам" Чосера.

Любовь Константинова к Кавказу и Лермонтову — давняя и непреходящая. Иллюстрирование поэмы "Мцыри" худож-

ник считал делом своей жизни. Первые гравюры к поэме относятся к 1941 году; с каждым изданием он совершенствует свое искусство.

Еще в 1940 году Константинов задумал проиллюстрировать "Героя нашего времени"; только в 1961 году он осуществил свою мечту и создал большой цикл гравюр (около 50). Удалось художнику образы Максима Максимыча, Бэлы, хороши сюжеты "Переезд через Подкумок", "Дуэль", Вулич из "Фаталиста".

К следующему за Константиновым поколению относятся такие незаурядные художники, как Ю. Иванов, Н. Калита, П. Корецкий, В. Кутявин, П. Бунин.

Ю.В. Иванов (р. 1940) — график, одаренный художник, в 1964 году он закончил институт им. Сурикова и быстро начал набирать силу. Его работы широко публикуются, он как график оформляет ряд изданий.

Но первые свои работы Иванов посвящает Лермонтову: "1-го января", изображение поэта в серии портретов русских писателей (цветная акварель).

В начале 60-х годов Ю. Иванов — уже автор отличного сюжета к поэме "Мцыри" — это его дипломная работа. Восемь линогравюр серии — серьезная заявка графика на самостоятельность. С большой любовью написан им портрет поэта, открывающий серию.

Н.И. Калита (р. 1920) — график, пятигорчанин, Лермонтовым занимался с 1940 года, выполнил 6 иллюстраций к "Маскараду" (1972) — гравюры на дереве небольшого формата; в 1964—1970 гг. готовились миниатюрные портреты Лермонтова: три профильных ("Лермонтов в саду у домика в Пятигорске") и один портрет ссыльного поэта на фоне Эльбруса. Они предназначались для издания в "Советской России". Несколько очень тонких, мастерски выполненных с большим вкусом гравюр к поэме "Измаил-Бей" (1977), "Аул в горах с видом на Эльбрус", "Вид Эльбруса со стороны Бермамыта" и "Отряд Измаила в горах".

"Сцена у крыльца дома Верзилиных" — ранний рисунок (уголь, 1948). На ступеньках дома Лермонтов и Мартынов, объясняются. Мартынов (он уже сделал вызов) в белой папахе, в черкеске, с кинжалами.

П.С. Корецкий (1919—1974) — талантливый художник, ученик студии Грекова (1946—1954), участник многих всесоюзных, республиканских, московских выставок. Творчество его многообразно по тематике. Над Лермонтовым работал много и плодотворно. В 1976 году его иллюстрации к стихотворению "Бородино" были представлены на выставке "Бородинская панорама", вместе с портретами Лермонтова Корецкому принадлежит большая серия иллюстраций к лирике поэта.

Из всех работ хочется выделить один карандашный рисунок — эскиз 1963 года, поражающий необыкновенной силой темперамента, — "Смерть Поэта".

В.Н. Кутявин (р. 1933) — художник из Белгорода. Лермонтовская тема стала для него всепоглощающей. Многолетние раздумья над творчеством и судьбой боготворимого им поэта, над его

эпохой, вылились в большое собрание рисунков, состоящее более чем из 30 сюжетов. Они объединены единой логикой, отражающей и мироощущение, и трагедию поэта.

Кутявин выработал собственный способ для воплощения творческих замыслов, полностью отказавшись от буквального иллюстрирования, и назвал листы "Лермонтовской строкой", намекая на мотив сюжета и следуя за мыслью поэта. К "Лермонтовской строке" относятся портретное изображение Лермонтова "Гляжу на будущность с боязнью", композиция "Я знал одной лишь думы власть", созданная по мотивам поэмы "Мцыри", а также рисунки "Не все ль одно", "И звуков небес заменить не могли", "Пушкин и Лермонтов", "О, как мне хочется смутить веселость их", "Дума", "Мцыри со свечой", "Томление", "Мысленная грусть", "Желание", "Мцыри на свободе", "Борьба", "Обреченность", "В душе моей, как в океане, надежд разбитых груз лежит", "Люблю Отчизну я", "Пахарь и конь — трудяги", "Пустое сердце бьется ровно", "Судьбы свершился приговор".

П.Л. Бунин (р. 1927) — художник-график, окончил институт имени В.И. Сурикова, с 1953 года член Союза художников. Ведущим направлением в творчестве Бунина стала иллюстрация. Он успешно иллюстрирует многих зарубежных классиков; однако в центре его внимания — А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. "Колдовская" сила стихов Лермонтова увлекла Бунина с детства. Вначале его захватила романтическая приподнятость поэм, их экзотичность. Позже он увидел страстную гражданственность, ненависть к злу, любовь к Отчизне и многострадальному народу. Такое видение подсказало Бунину определенный круг идей и тем. Он коснулся почти всех поэтических жанров, создав не только отдельные рисунки, но и целые циклы.

Пластичность произведений Лермонтова, зримая живописность его образов, открыли для художника возможность реализовать свое дарование. Им создано около 700 листов, посвященных Лермонтову: большая серия к поэме "Мцыри", драмам "Испанцы", "Маскарад", портреты поэта разных периодов его жизни, композиции, в которых Лермонтов изображен вместе со своими героями, и многое другое. Наш музей располагает иллюстрациями к "Песне про купца Калашникова" и стихотворениям "Бородино", "Гладиатор", "Три пальмы".

* * *

Более 150 лет художники России иллюстрировали Лермонтова, расширяя наше представление об облике поэта, о философской, социальной, личной стороне его творчества. Мы рассмотрели лишь те оригиналы, которыми располагает музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в г. Пятигорске. Огромное количество великих творений художников России хранится в крупнейших музеях, экспонируется на выставках, а иные, не воспроизведенные, — в запасниках — ждут своего осмысления и изучения.

3. М.Ю. Лермонтов. Картины и рисунки поэта, иллюстрации к его произведениям. — Л., 1964.

4. Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981.

Текст предоставлен автором

Библиография

1. Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве, 1949.
2. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. — М.: Изд. АН СССР, 1953. — Т. II.

Портрет М.Ю.Лермонтова. Гравюра на стали Ф.А.Брокгауза в Лейпциге. 1865.
По литографии А.С.Муренко с оригинала Ф.О.Будкина. Масло. 1834.

Портрет напечатан для первого отдельного издания «Песни про Ивана Васильевича»
(1865). Поэт изображен в виц-мундире лейб-гвардии Гусарского полка.

* Материалы для альбома из фондов Пятигорского музея-заповедника М.Ю.Лермонтова подготовлены главным хранителем музея Н.В.Маркеловым. Расположены по тематическому и хронологическому принципам в следующем порядке: портреты М.Ю.Лермонтова, окружение поэта, военачальники, сцены из кавказской жизни, иллюстрации к произведениям М.Ю.Лермонтова.

Портрет М.Ю.Лермонтова. Гравюра на стали Ф.А.Брокгауза в Лейпциге. 1891.
По копии с акварельного автопортрета М.Ю.Лермонтова 1837—1838.

Портрет помещен в собрание сочинений М.Ю.Лермонтова под редакцией
П.А.Висковатого (т. 3, М., 1891). Поэт изображен в форме Нижегородского
драгунского полка.

Печ со стали Ф.А.Брокгауза въ Лейпцигѣ.

1837—1838 г.г.

Портрет М.Ю.Лермонтова. Гравюра на стали Ф.А.Брокгауза в Лейпциге. 1863.
По акварели А.И.Клюндера 1839—1840.

Портрет приложен к изданию сочинений М.Ю.Лермонтова под редакцией
С.С.Дудышкина (т. 2, СПб., 1863). Поэт изображен в сюртуке лейб-гвардии
Гусарского полка.

М. Лермонтов

Портрет М.Ю.Лермонтова. Гравюра на стали Ф.И.Иордана. 1859.
По акварели К.А.Горбунова. 1841.

Портрет приложен к изданию сочинений М.Ю.Лермонтова под редакцией
С.С.Дудышкина (т. 1, СПб., 1860). Поэт изображен в форме Тенгинского
пехотного полка.

М. Лермонтов

Гравирована на стали Ф. Иорданом 1859 года

Портрет М.Ю.Лермонтова. Литография П.Ф.Борея. 1859.
По акварели К.А.Горбунова. 1841.

Лист из «Портретной галереи русских литераторов, журналистов, художников
и других замечательных людей». Издание А.Э.Мюнстера. СПб., 1859.

М.Ю.Лермонтов на смертном одре.
Гравюра на дереве В.В.Матэ по оригиналу Р.К.Шведе. 1841.

Портрет М.Ю.Лермонтова. Литографировано у В.Бахмана. 1860.

Портрет М.Ю.Лермонтова. Фототипия. 1884.
По оригиналу И.А.Астафьева. 1883.

М.И.Цейдлер. М.Ю.Лермонтов на смертном одре. 1884.
Рельеф. Гипс, тонированный под бронзу. 51x60 (овал)

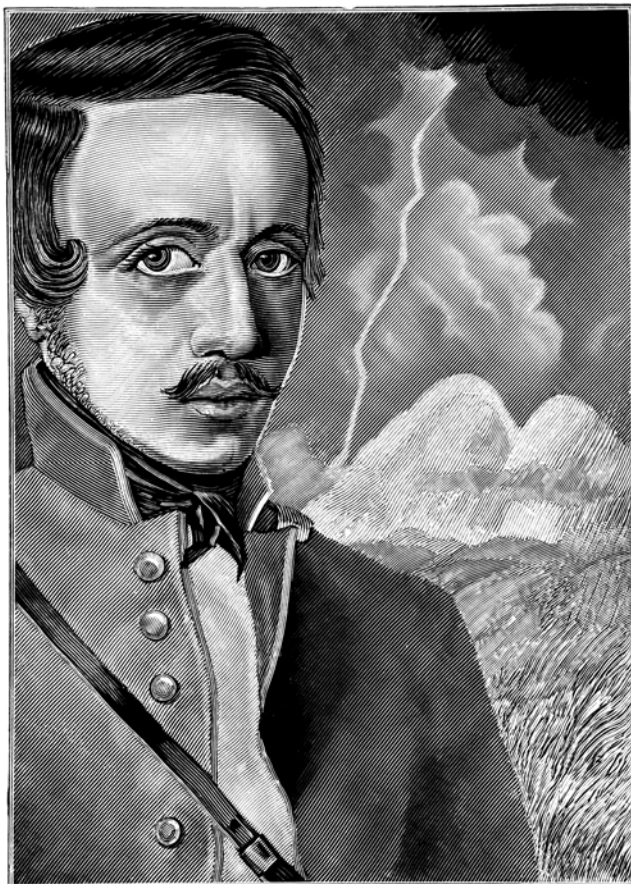

Портрет М.Ю.Лермонтова. Гравюра на дереве В.А.Фаворского. 1931.

Портрет М.Ю.Лермонтова. Гравюра на дереве А.П.Троицкого по оригиналу Н.В.Ильина. 1935.

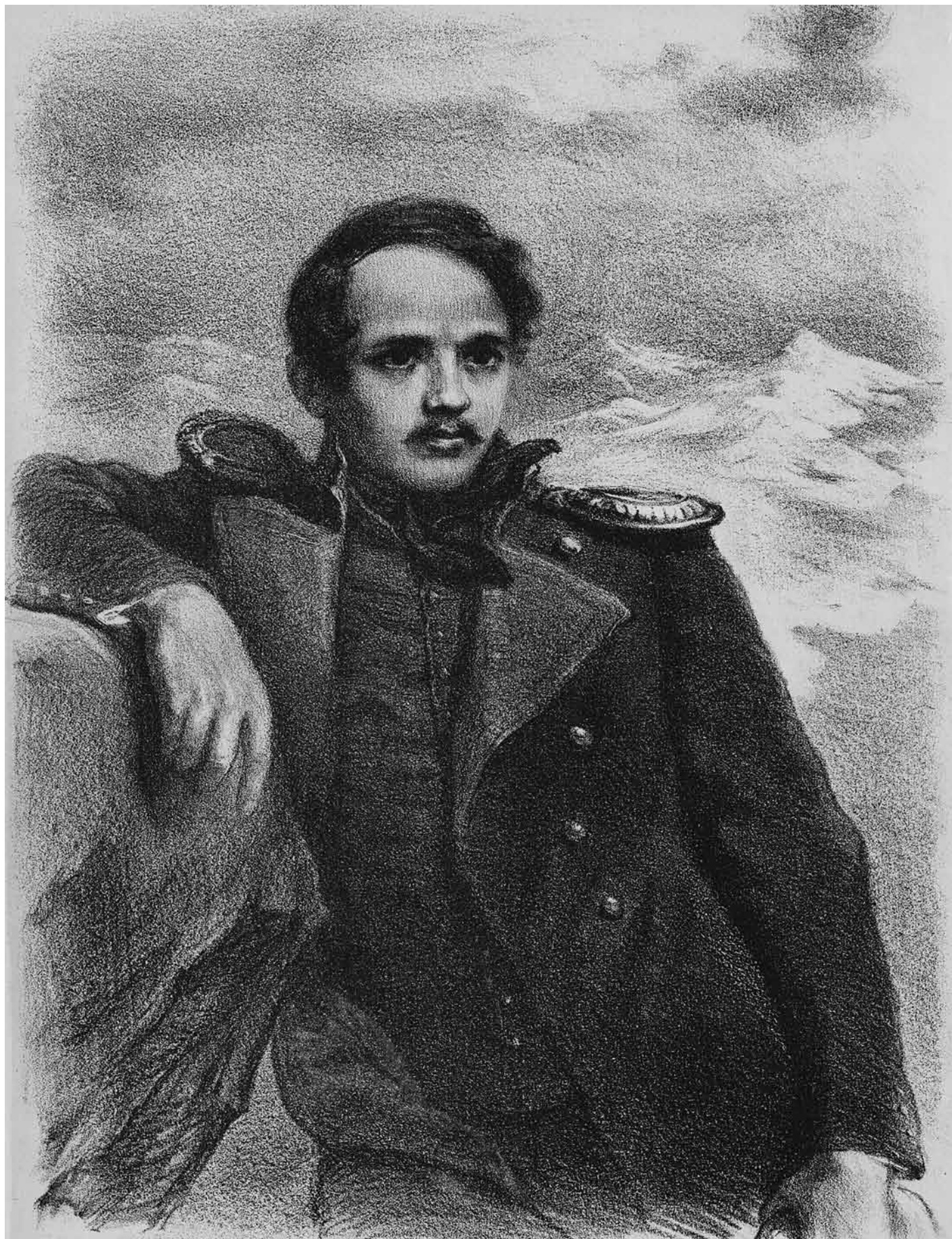
К.А.Рудаков. Портрет М.Ю.Лермонтова. 1940. Бумага, акварель. 39,5x29,5.

Т.А.Маврина. Портрет М.Ю.Лермонтова. 1941.
Бумага, акварель, сепия, тушь. 33,2x26,2

А.С.Пруцкий. Портрет М.Ю.Лермонтова. Автолитография. 1941.

Л.О.Пастернак. Портрет М.Ю.Лермонтова.
(Иллюстрация к стихотворению «Дума»). 1891. Бумага, сепия. 26,3x22,9

Э.Рокшгуть. Портрет А.И.Васильчикова. 1834. Бумага, акварель. 16,5х12,3

Александр Илларионович Васильчиков (1818–1881) – близкий знакомый М.Ю.Лермонтова, секундант на дуэли поэта с Н.С.Мартыновым

М.А.Кашинцев. Портрет Н.Ф.Ивановой. 1834. Картон, акварель. 20х17.

Наталья Федоровна Иванова (1813—1875) — знакомая М.Ю.Лермонтова, предмет его юношеского увлечения; к ней относится большой цикл стихов 1830—1832 годов («Н.Ф.И.», «Н.Ф.И...вой», «Романс к И...» и др.)

М.А.Кашинцев. Портрет Д.Ф.Ивановой. 1834 (?). Картон, акварель. 20,3x17.

Дарья Федоровна Иванова (? – 1872) – знакомая М.Ю.Лермонтова. Ей адресовано его альбомное стихотворение «Когда судьба тебя захочет обмануть...»; она упомянута также в стихотворении «Видение».

А.И.Клюндер. Портрет Ф.Д.Алопеуса. 1838–1839. Картон, акварель. 24,5х20.

Федор Давидович Алопеус – поручик лейб-гвардии Гусарского полка, сослуживец М.Ю.Лермонтова.

А.И.Клюндер. Портрет П.Л.Соломирского. 1838–1840.
Картон, акварель. 24,8x20,6.

Павел Дмитриевич Соломирский (1801–1861) — с 1833 года полковник
лейб-гвардии Гусарского полка, сослуживец М.Ю.Лермонтова.

П.З.Захаров. Портрет А.Н.Муравьева. 1838–1840. Бумага, акварель. 20,9х16,5.

Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) — знакомый М.Ю.Лермонтова. В его петербургской квартире поэт написал стихотворение «Ветка Палестины».

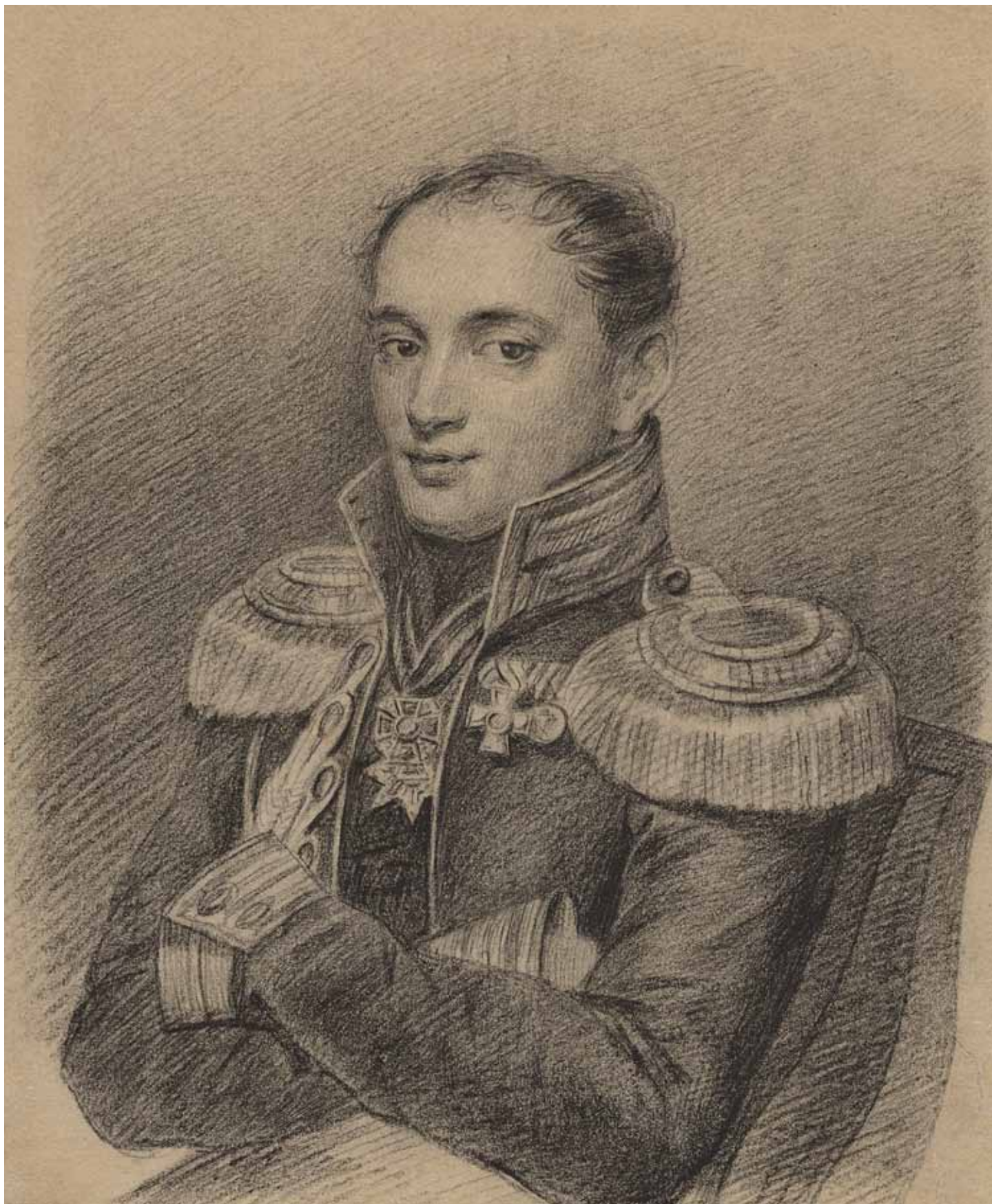
Михаил Григорьевич Хомутов (1795–1864) – участник Отечественной войны 1812 года, в 1833–1839 годах командир лейб-гвардии Гусарского полка. По случаю его ухода из полка офицеры, в том числе и М.Ю.Лермонтов, поднесли ему коллекцию своих портретов, написанных А.И.Клюндером. В дальнейшем служил наказным атаманом Войска Донского. В начале 1840 года М.Ю.Лермонтов, проездом на Кавказ, три дня гостил у Хомутова в Новочеркасске.

А.И.Клюндер. Портрет М.Г.Хомутова. 1839. Картон, акварель. 24,2x19,9.

Алексей Илларионович Философов (1800–1874) — генерал, двоюродный дядя М.Ю.Лермонтова по жене Анне Григорьевне (урожденной Столыпина). В.Д.Вольховский по просьбе Философова старался облегчить участь М.Ю.Лермонтова на Кавказе. В 1856 и 1857 годах Философов издал в Германии за свой счет поэму «Демон» по наиболее достоверным спискам.

А.Г.Вернек. Портрет А.И.Философова. Бумага, карандаш. 25х19,9.

Р.Леон. Портрет П.З.Захарова (Чеченца). 1843. Бумага, акварель. 13,5x10,9.

Петр Захарович Захаров (1816—1846) — живописец и рисовальщик, в 1843 году за «Портрет генерала А.П.Ермолова» удостоен звания академика. По существующей версии, возможный прототип главного героя поэмы М.Ю.Лермонтова «Мцыри».

Т.Райт. Портрет Д.И.Палена. 1843. Бумага, карандаш, акварель. 18,5х11,7.

Дмитрий (Дитрих) Петрович Пален — офицер Генерального штаба, кавказский сослуживец М.Ю.Лермонтова.

В.И.Гау. Портрет А.А.Столыпина (Монго). 1844. Бумага, акварель. 27x20,5.

Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) — двоюродный дядя и друг М.Ю.Лермонтова, главный герой его поэмы «Монго».

Дмитрий Аркадьевич Столыпин (1818–1893) — родной брат А.А.Столыпина (Монго). В 1839 году выпущен из Школы юнкеров корнетом в лейб-гвардии Конный полк. В 1839–1840 годах бывал у М.Ю.Лермонтова в Царском Селе. Автор романсов на слова М.Ю.Лермонтова («Два великана» и «Люблю тебя нездешней страстью»).

Т.Райт. Портрет Д.А.Столыпина. 1844. Бумага, карандаш, акварель. 18,7х15,3.

Т.Райт. Портрет В.И.Кнорринга. 1844. Бумага, карандаш, акварель. 18,4x14,8.

Владимир Иванович Кнорринг (? — умер не ранее 1847 года) — штаб ротмистр, преподаватель кавалерийского устава в Школе юнкеров в бытность в ней М.Ю.Лермонтова.

Александр Францевич Тиран (1815—1865) учился с М.Ю.Лермонтовым в Школе юнкеров (выпуск 1834 года) и служил с ним в лейб-гвардии Гусарском полку. Встречался с поэтом в Петербурге и Пятигорске летом 1841 года. Присутствовал на похоронах М.Ю.Лермонтова в качестве представителя лейб-гвардии Гусарского полка.

А.И.Клюндер. Портрет А.Ф.Тирана. Бумага, акварель. 27x22.

А.И.Клюндер. Портрет А.Г.Ломоносова. Бумага, акварель. 18,6x15,8.

Александр Григорьевич Ломоносов (? – 1854) – с августа 1837 года полковник лейб-гвардии Гусарского полка, в котором служил М.Ю.Лермонтов. Поэт часто бывал в его доме в Царском Селе.

П.Ф.Соколов. Портрет неизвестного офицера. 1845. Бумага, акварель. 25,1x19.

В.Г.Худяков. Портрет Н.И.Поливанова. 1847. Бумага, акварель. 19,2x24,5.

Николай Иванович Поливанов (1814—1874) — друг и адресат М.Ю.Лермонтова. Знакомство, возникшее в студенческие годы, продолжилось в Школе юнкеров. Поливанов — прототип Лафы, «юнкерских поэм» М.Ю.Лермонтова «Госпиталь» и «Уланша».

А.А.Бестужев-Марлинский. Гравюра XIX века. 24,2x16,9.

Софья Николаевна Карамзина (1802—1856) — дочь Н.М.Карамзина, фрейлина, друг и адресат М.Ю.Лермонтова, высоко ценившая его поэзию. В 1841 году М.Ю.Лермонтов записал в альбом Карамзиной стихотворение «Любил и я в былые годы...»

Портрет С.Н.Карамзиной (?). Литография. 1851.

Г.Г.Гагарин. Литография по фотографии Денъера. 42x21,5.

Григорий Григорьевич Гагарин (1810—1893) — художник, вице-президент Императорской академии художеств, генерал-адъютант. Встречался на Кавказе с М.Ю.Лермонтовым и выполнил вместе с ним несколько рисунков.

Портрет императора Николая I. Литография по картине Ф.Крюгера. 29,8x24,2.

Владимир Сергеевич Голицын (1774–1861) — князь, участник Отечественной войны 1812 года. В 1839–1842 годах командовал кавалерией на левом фланге Кавказской Линии. Представлял М.Ю.Лермонтова к награждению золотой саблей с надписью «За храбрость». Летом 1841 года встречался с М.Ю.Лермонтовым в Пятигорске.

П.Ф.Соколов. Портрет В.С.Голицына. 1826. Картон, акварель. 20х15,9.

Неизвестный художник. Портрет П.И.Петрова. Дерево, масло. 43х33.

Павел Иванович Петров (1790—1871) — генерал-майор, начальник штаба войск Кавказской линии, муж А.А.Хастатовой — двоюродной тетки М.Ю.Лермонтова.

Неизвестный художник. Портрет Г.В.Розена. Холст, масло. 37,5х31,5.

Григорий Владимирович Розен (1782–1841) — генерал от инфантерии, в 1831–1837 годах — командир Отдельного Кавказского корпуса.

Алексей Петрович Ермолов (1777—1861) — генерал, полководец и дипломат. Упомянут М.Ю.Лермонтовым в романе «Герой нашего времени», стихотворении «Валерик» и очерке «Кавказец». Видимо, о Ермолове поэт говорит в начале поэмы «Мцыри» и в стихотворении «Спор». Сохранились сведения о задуманном М.Ю.Лермонтовым романе «...из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа...»

Портрет А.П.Ермолова. Литография середины XIX века.

Портрет А.И.Барятинского. Литография В.Ф.Тима.
«Русский художественный листок». 1859. № 33.

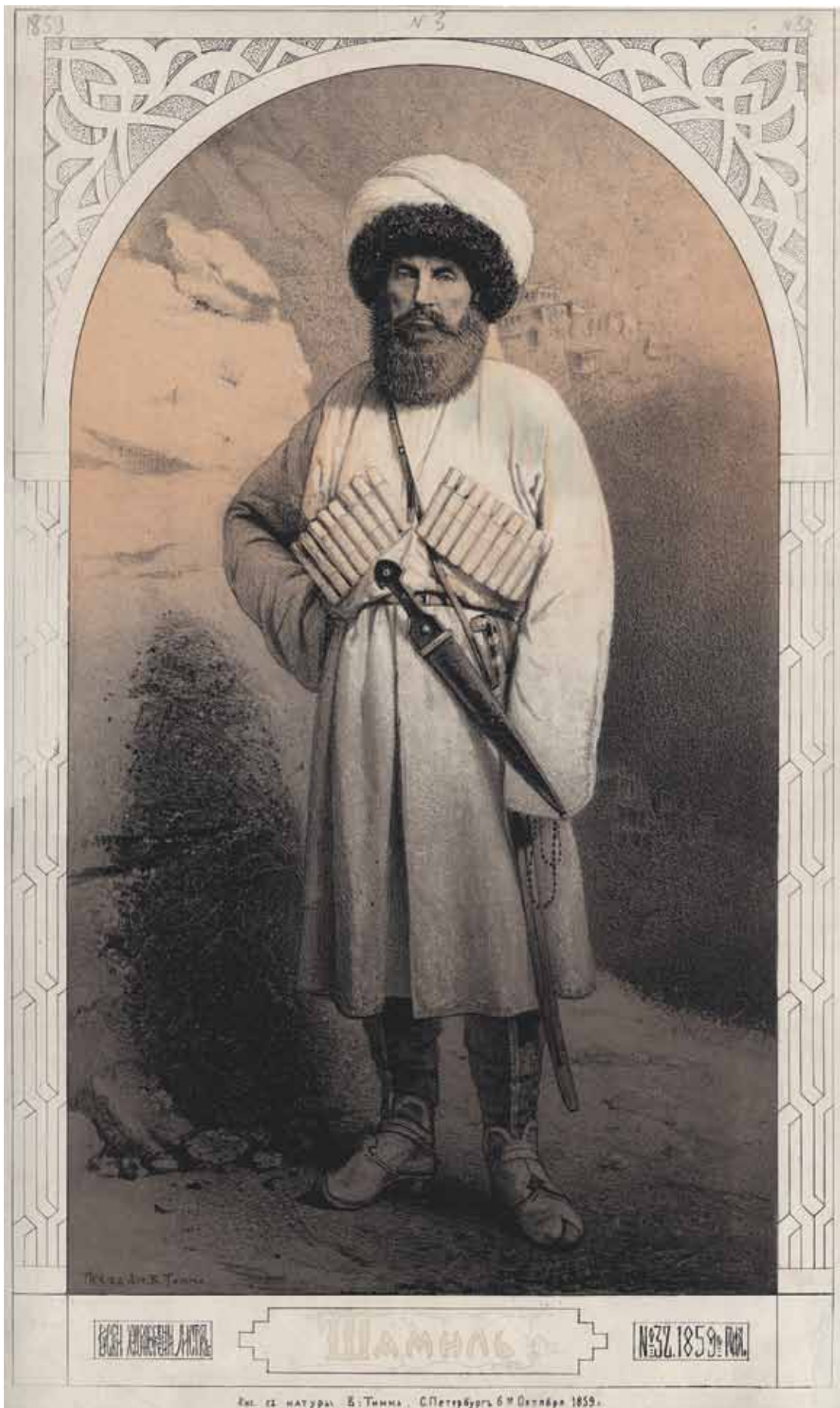
Александр Иванович Барятинский (1815–1879) — князь, знакомый М.Ю.Лермонтова, учился вместе с ним в Школе юнкеров, изображен в качестве главного героя в поэме «Гошпитать». Впоследствии генерал-фельдмаршал и наместник Кавказа.

Шамиль. Литография В.Ф.Тимма.
«Русский художественный листок». 1859. № 32.

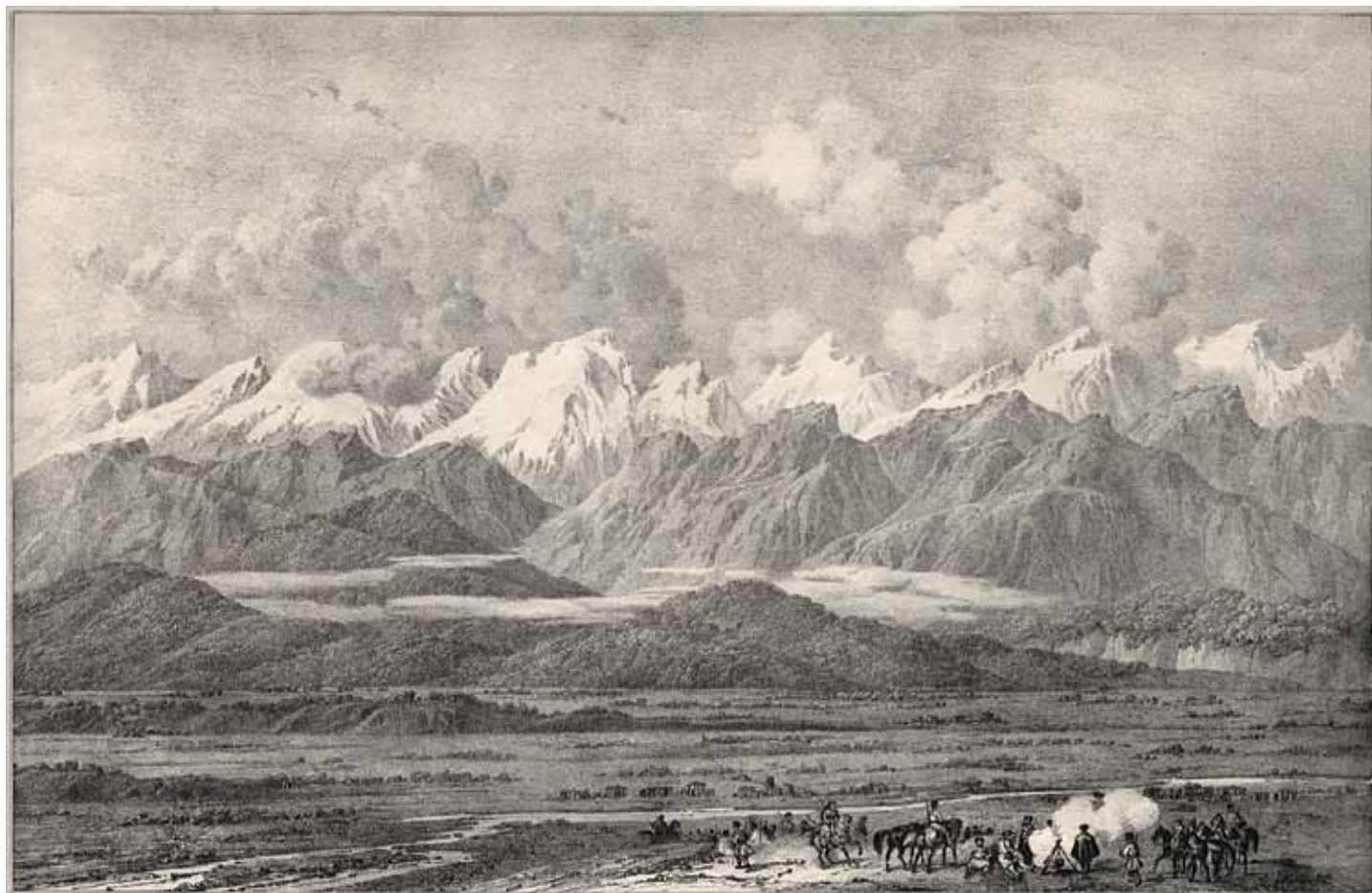
Шамиль — имам Чечни и Дагестана. Упомянут М.Ю.Лермонтовым в письме из
Ставрополя к А.А.Лопухину от 17 июня 1840 года.

Портрет А.П.Ермолова. Литография В.Ф.Тимма.
«Русский художественный листок». 1861. № 14. 50,8x35,7.

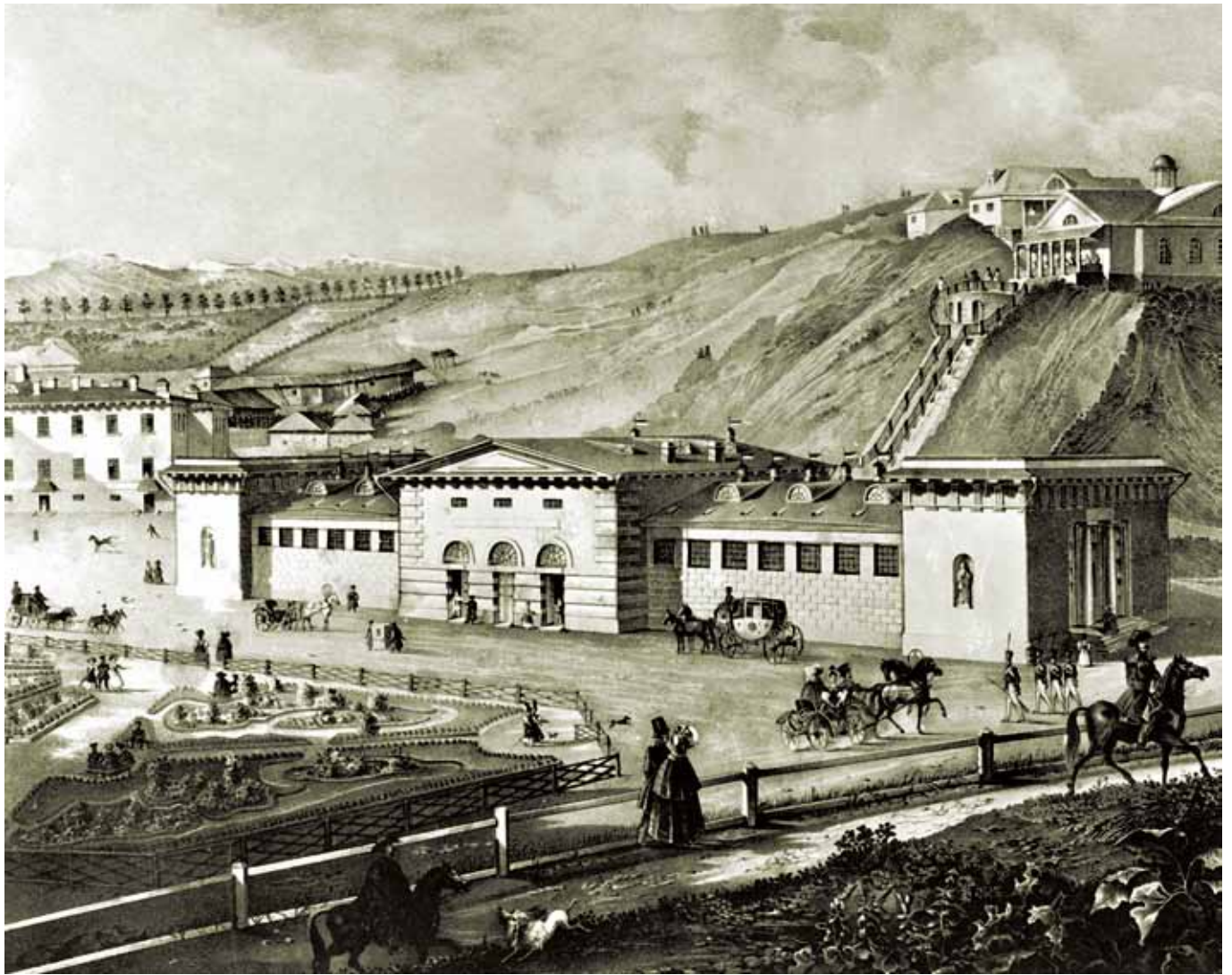
Вид главного Кавказского хребта. Литография по рисунку В.Машкова.

Неизвестный художник. Кавказский вид. Первая половина XIX века.
Бумага, акварель. 29,7х37,6.

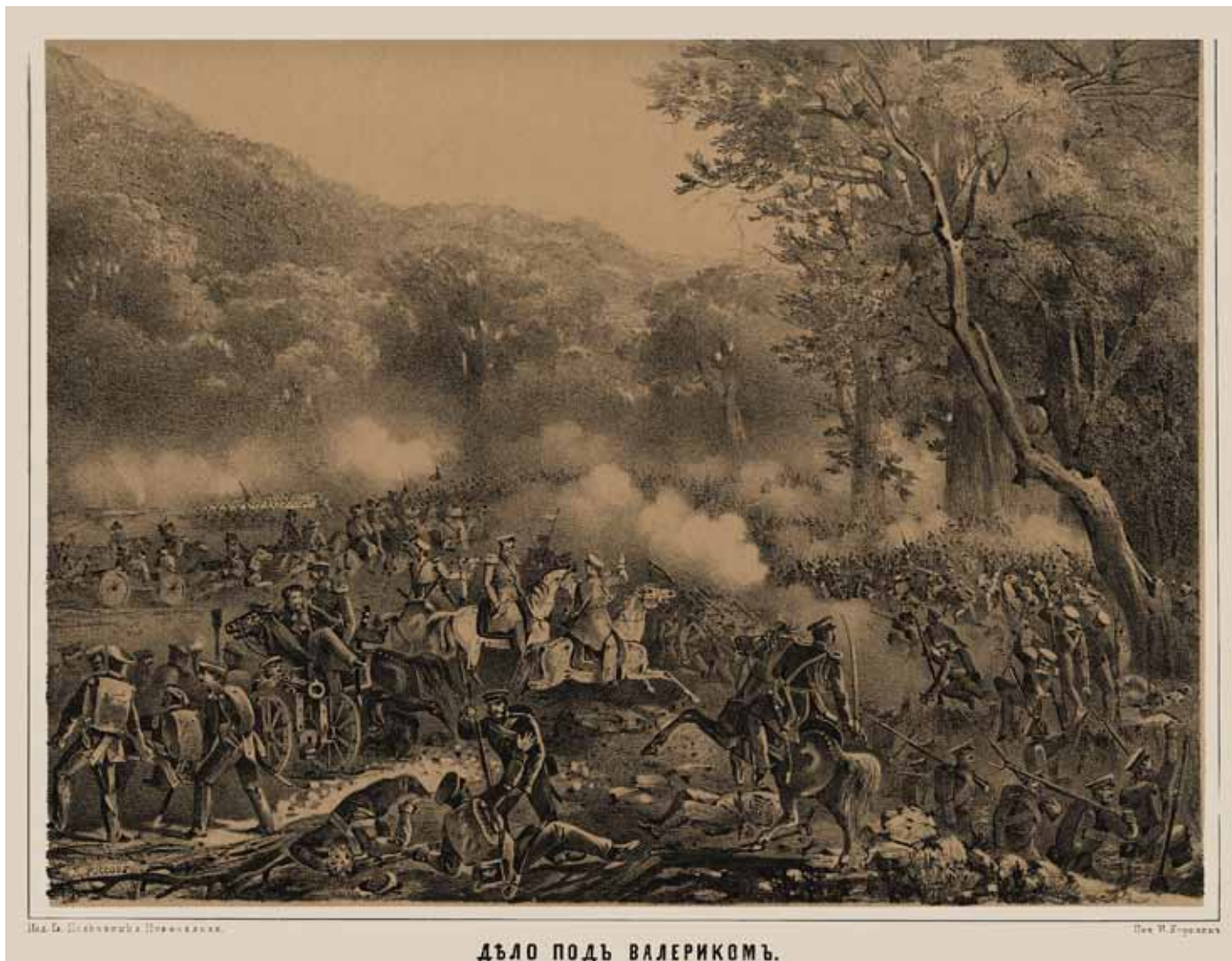
Вид Николаевских, Александровских и Ермоловских ванн на Кавказских горячих минеральных водах. Литография К.Бегтрова по рисунку И.Бернардацци. 1834. 40x55.

Неизвестный художник. Вид города Ставрополя. 1836.
Бумага, акварель (сепия), карандаш. 25,3х33,5.

Дело под Валериком 11 июля 1840 года. Литография середины XIX века.

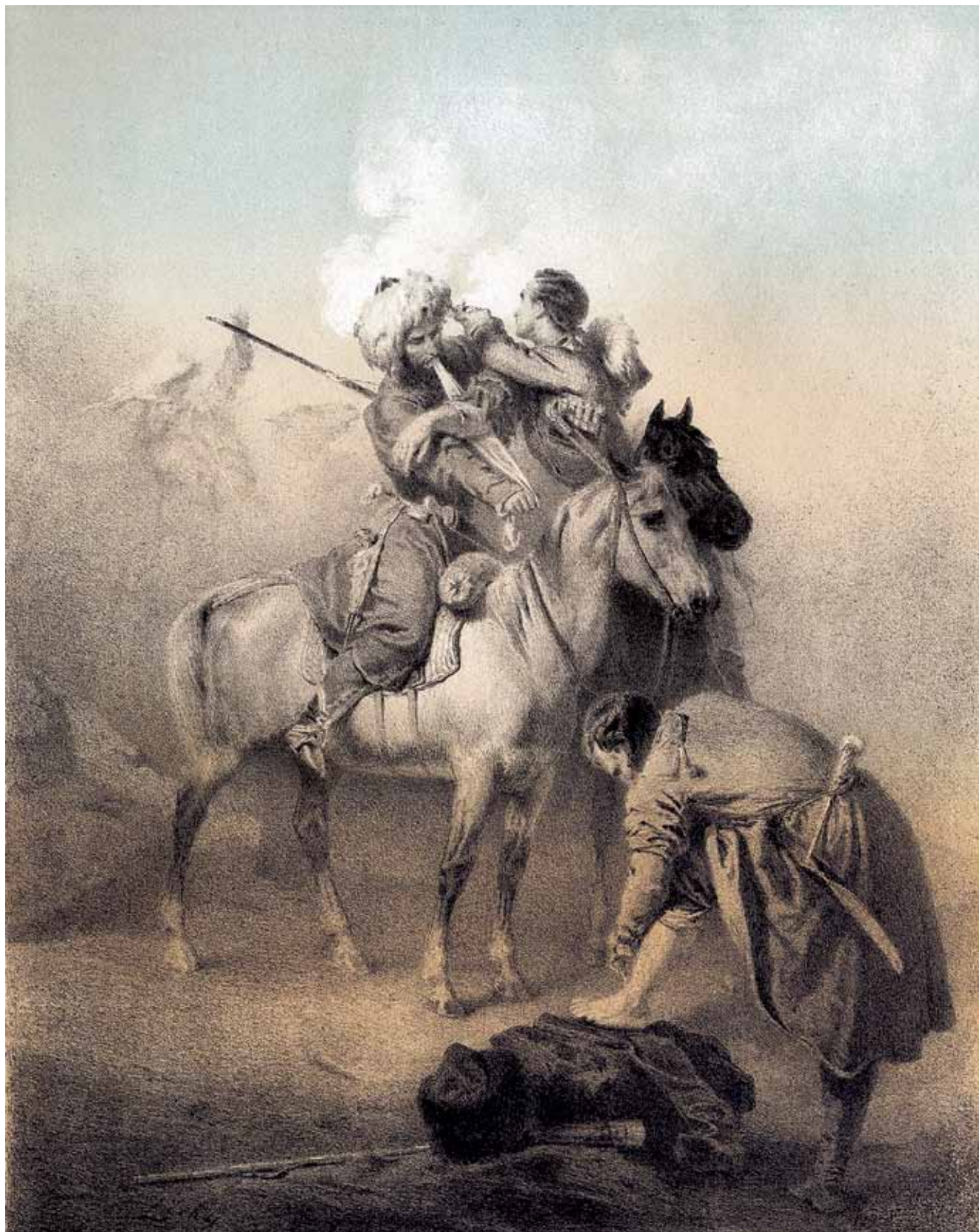

М.А.Зичи. Схватка в горах. 1858. Бумага, акварель. 28х33.

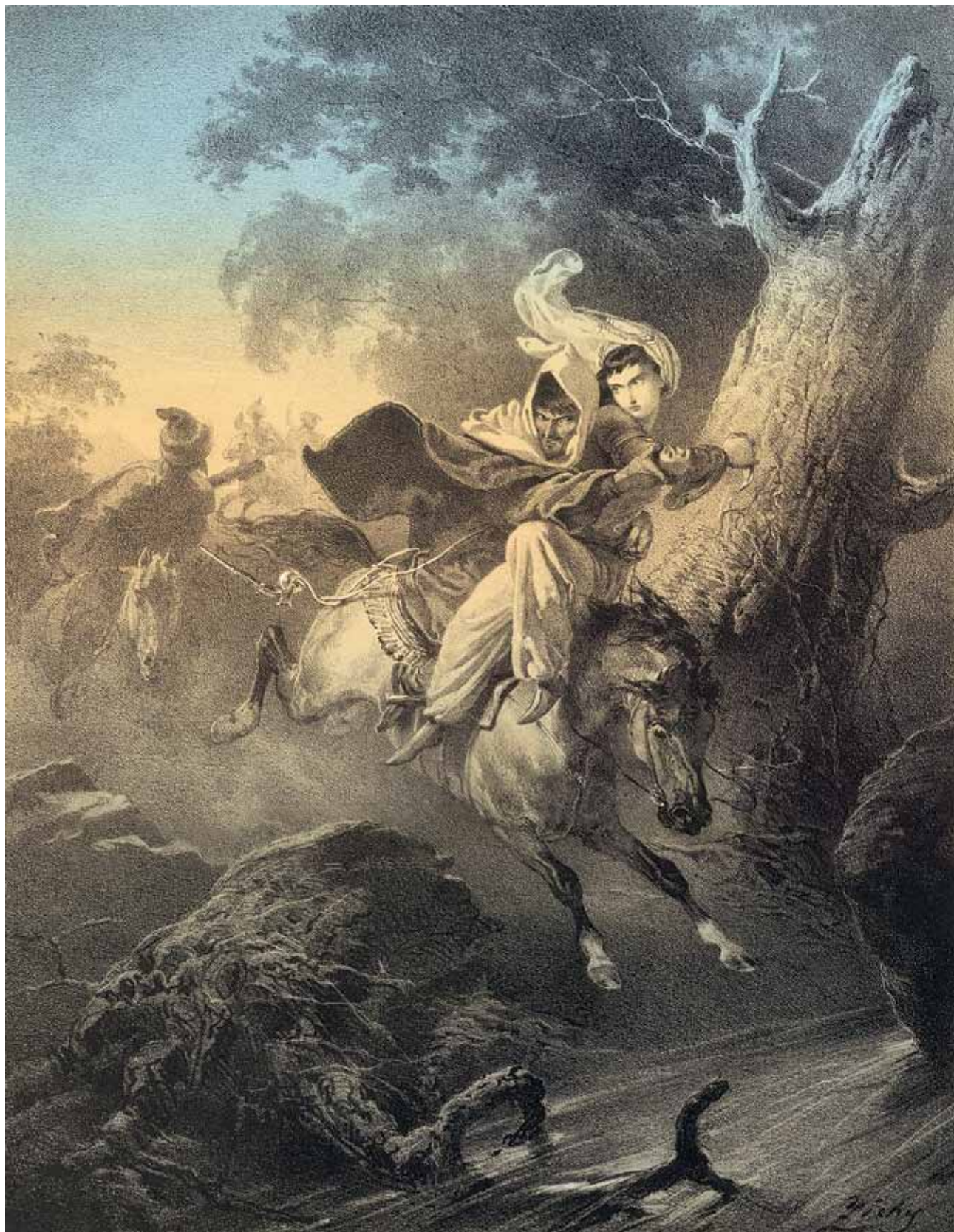

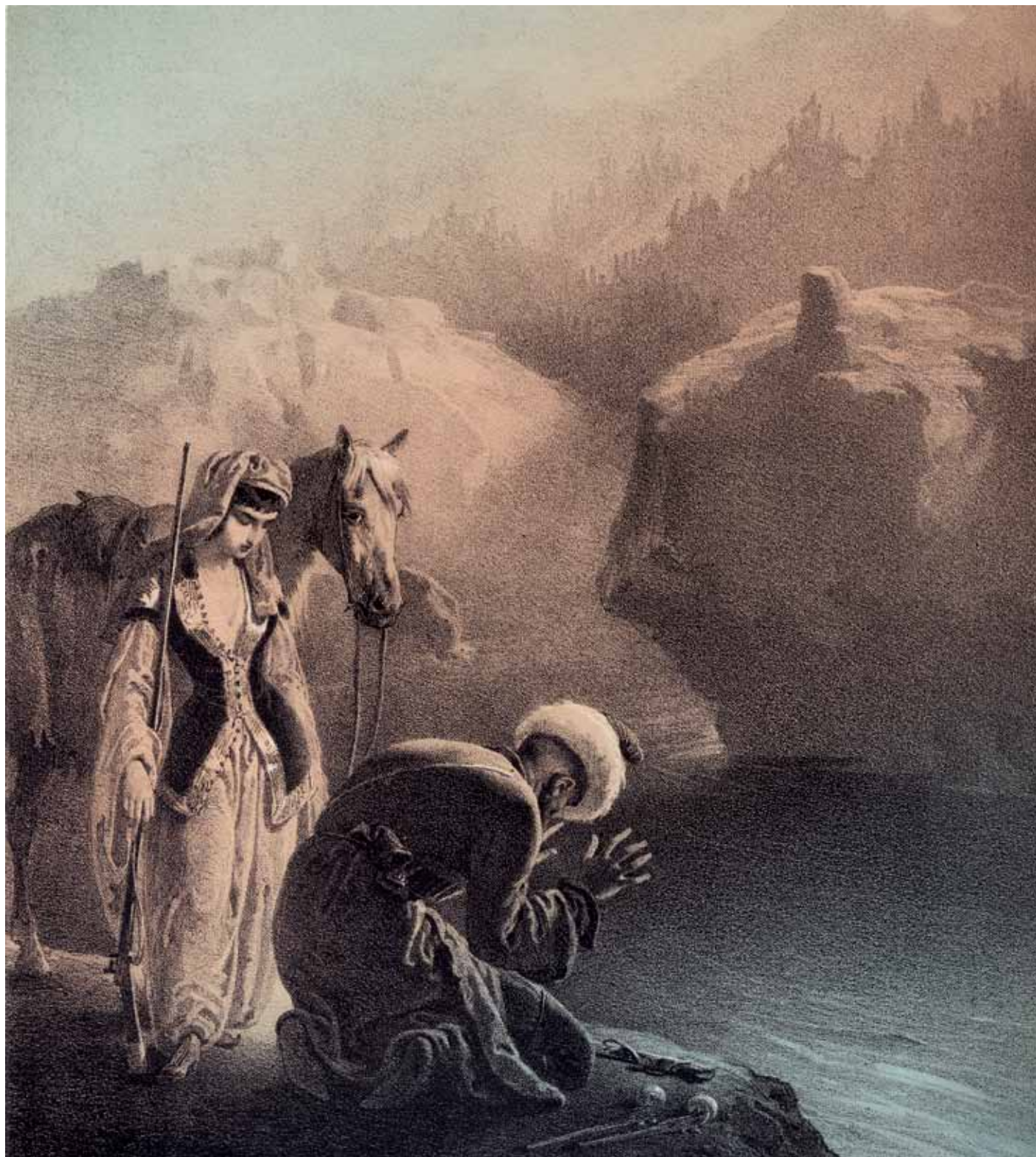
Первая рана. Автолитография М.А.Зичи из серии «Кавказские сцены». 1853. 32x26.

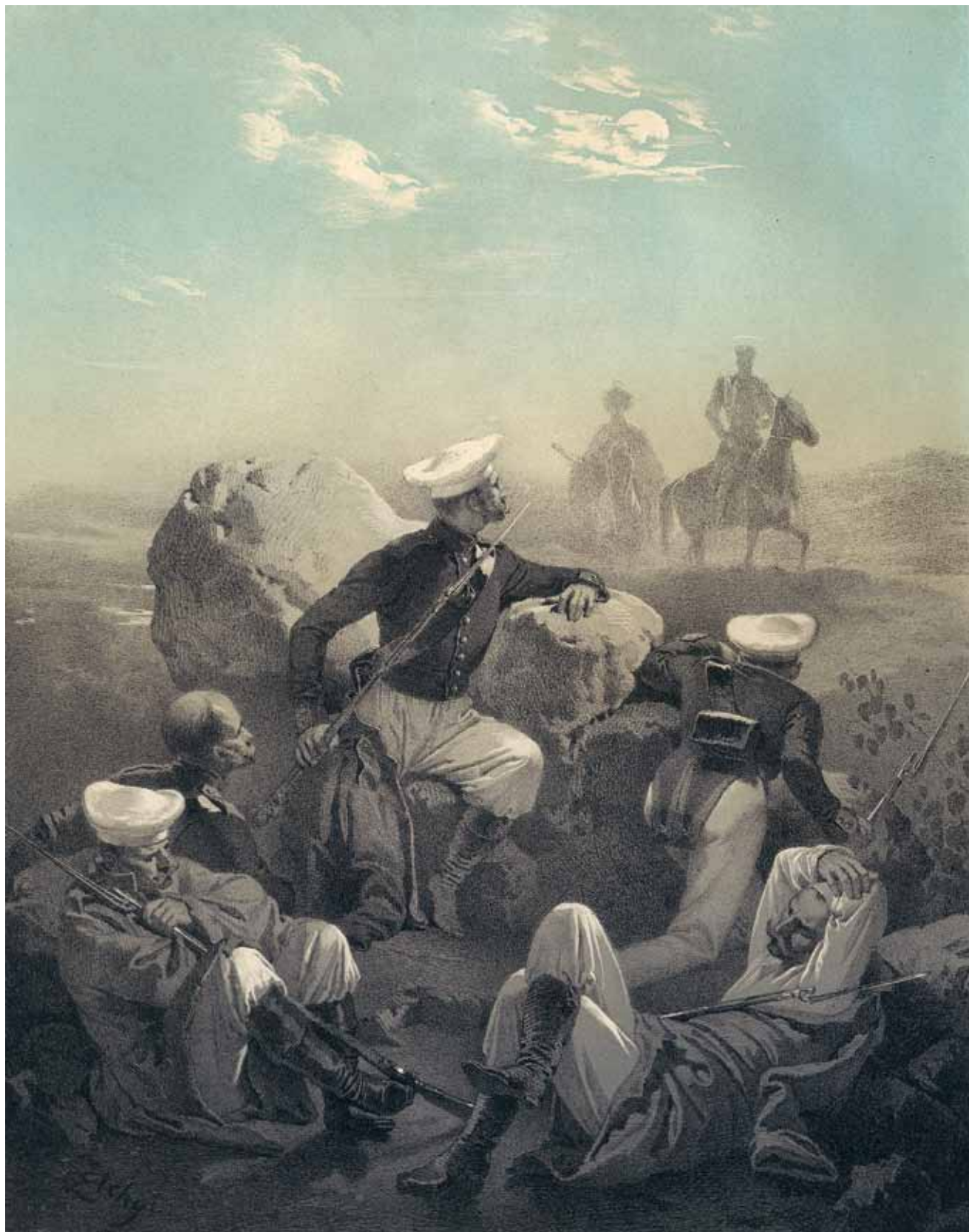

Похищение. Автолитография М.А.Зичи из серии «Кавказские сцены». 1853. 32x26.

Молитва. Автолитография М.А.Зичи из серии «Кавказские сцены». 1853. 32x26.

Зимняя экспедиция в Чечне.
Литография из «Русского художественного листка» В.Ф.Тимма. 1855.

Лезгинка на террасах в Тифлисе.
Литография по рисунку Г.Г.Гагарина. 1857. 33,2х43,5.

Лезгины. Гравюра Л.Е.Дмитриева-Кавказского по картине Т.Горшельта. 62,1x43,8.

Наиб со знаменем. Гравюра по рисунку Т.Горшельга. 62,1x43,9.

А.А.Киселев. Военно-Грузинская дорога. Сион. 1891. Картон, масло. 24,8x34,3.

Л.Ф.Лагорио. Военно-Грузинская дорога. 1892. Бумага, акварель. 45,1x62,4.

М.С.Сарьян. Лезгинка. 1913. Бумага, тушь. 22,8х30,8.

Т.А.Маврина. Домик Лермонтова в Пятигорске. 1930-е годы.
Бумага, перо, тушь, карандаш. 11,6х14,8.

Т.А.Маврина. Пятигорск на фоне Бештау. 1930-е годы.
Бумага, перо, тушь, карандаш. 11,6x14,8.

Т.А.Маврина. Невский проспект. 1930-е годы.
Бумага, перо, тушь, карандаш. 11,8х13,1.

Т.А.Маврина. Петербург. 1930-е годы. Бумага, перо, тушь, карандаш. 17,9x22,2.

С.В.Филенко. Вид Бештау с Джинальского хребта. 1994. Бумага, темпера. 33x44,7.

С.В.Филенко. Вид Бештау от места дуэли М.Ю.Лермонтова. 1994.
Бумага, темпера, акварель. 33x45.

С.В.Филенко. Домик Лермонтова ночью. 1996. Бумага, акварель, темпера. 33x45.

М.А.Зичи. Иллюстрация к стихотворению «Ангел». 1861.
Бумага, акварель, карандаш, белила. 57x43,6.

Иллюстрация к стихотворению «Ангел». 1863.
Гравюра на стали по рисунку К.Д.Флавицкого.

93.

Лермонтовъ

II. С. 7.

АНГЕЛЪ.

С.Ю.Судейкин. «По небу полночи». Иллюстрация к стихотворению «Ангел».
Бумага на картоне, тушь, акварель, белила. 14,1x17,7.

Встреча Измаила с Зарю. Иллюстрация к поэме М.Ю.Лермонтова «Измаил-Бей».
Гравюра по рисунку К.Д.Флавицкого. 1863. 12,5х17,5.

Прощание Зары с Измаилом. Иллюстрация к поэме М.Ю.Лермонтова «Измаил-Бей». Гравюра по рисунку К.Д.Флавицкого. 1863. 12x17.

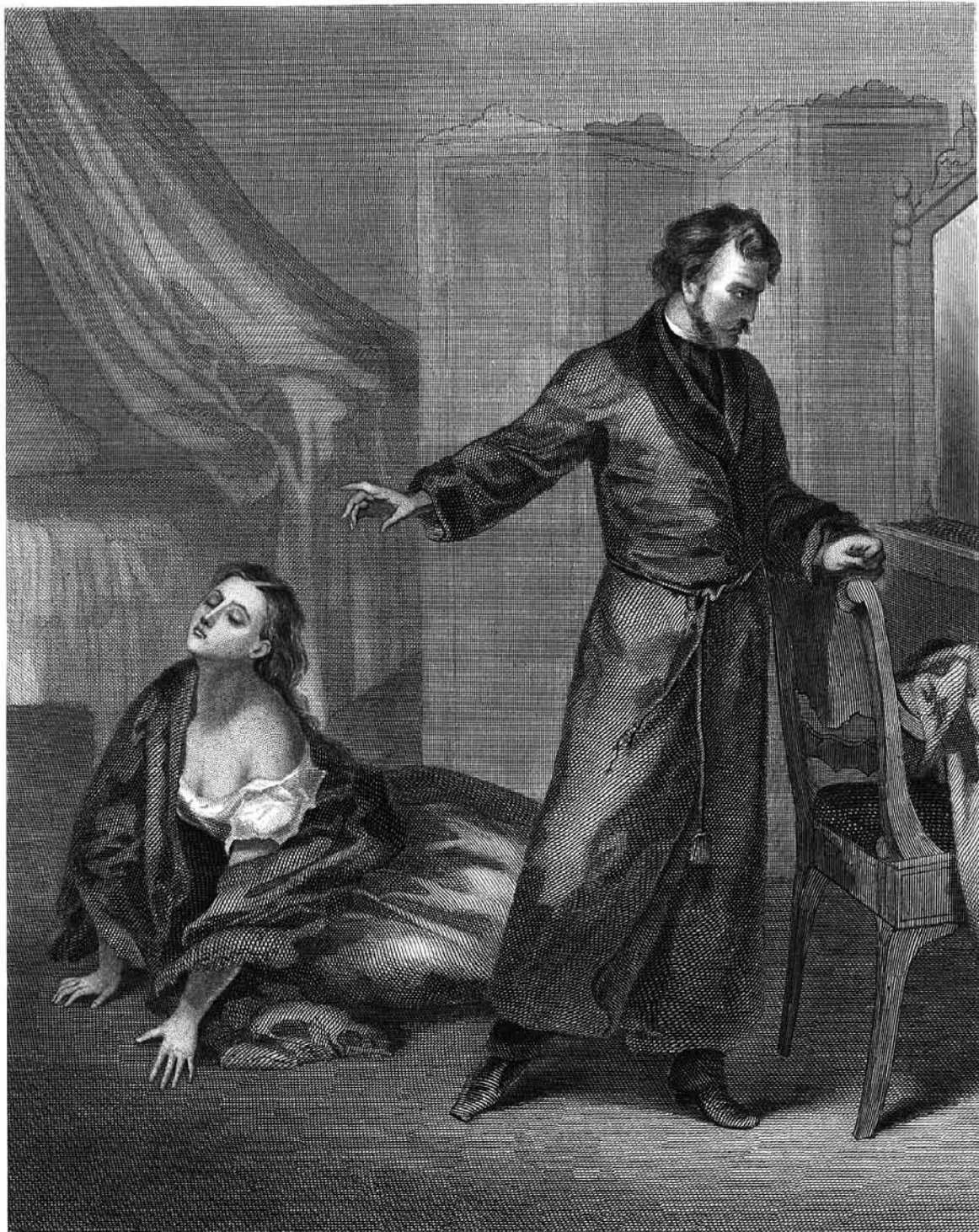
Т.А.Маврина. Сражение. Иллюстрация к поэме М.Ю.Лермонтова
«Измаил-Бей». 1940. Бумага, акварель. 34,5x28.

Смерть Нины. Иллюстрация к драме «Маскарад». 1864.
Гравюра на стали по рисунку А.И.Лебедева.

Ш. С. 6.

Изд. В. Е. Генкеля въ СІБ.

А. И. Лебедева.

Леч. со ст. Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Н.В.Кузьмин. Нина. Иллюстрация к драме «Маскарад». 1940–1941.
Бумага, перо, кисть, акварель. 31,5x21,8.

Н.В.Кузьмин. Князь Звездич и маска. Иллюстрация к драме «Маскарад».
1940–1941. Бумага, перо, кисть, акварель. 31,4x22,4.

Н.В.Кузьмин. Арбенин и Нина. Иллюстрация к драме М.Ю.Лермонтова
«Маскарад». 1940–1941. Бумага, перо, кисть, акварель. 32,2x22,4.

А.П.Могилевский. Ашик-Кериб. 1955. Бумага, акварель. 23,3х31,1.

И.Л.Бунин. Калашников у окна. Иллюстрация к поэме
«Песня про царя Ивана Васильевича». 1964. Бумага, тушь, перо. 28x37.

М.А.Зичи. Пляска Тамары. Иллюстрация к поэме М.Ю.Лермонтова «Демон». Хромолитография. 32х24,9.

М.А.Зичи. Демон, летящий в ущелье. 1875. Бумага, карандаш, белила. 36х27,7.

Тамара и Демон (около 1910 года). Иллюстрация к поэме «Демон».
Гравюра по рисунку А.Эберлиндера.

Т.А.Маврина. Иллюстрация к стихотворению «На буйном пиршестве
задумчив он сидел...». 1940. Бумага, перо, тушь, акварель. 32,7х34,3.

В.А.Серов. Бэла. 1891. Бумага, акварель. 60,5х36.

Л.М.Непомнящий. Бэла и Максим Максимыч. Иллюстрация к повести М.Ю.Лермонтова «Бэла». 1981. Бумага, акварель. 33,1x25,1.

Л.М.Непомнящий. Печорин и девушка. Иллюстрация к повести М.Ю.Лермонтова «Тамань». 1981. Бумага, акварель. 32,9x24,7.

Княжна Мери на прогулке. 1863. Гравюра на стали по рисунку В.В.Верещагина.

Мермонтовъ

II. С. 1.

Изд. В. Е. Генкель въ СПб

рис. В. Верещагинъ

Печ. со стали Ф. А. Брокауза въ Лейпцигѣ.

Княжна Мери.

Изд. В. Е. Генкеля въ СПб.

рис. А. И. Лебедевъ.

Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

„Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе
и губы мои коснулись ея нѣжной щеки, она вздрогнула,
но ничего не сказала.“

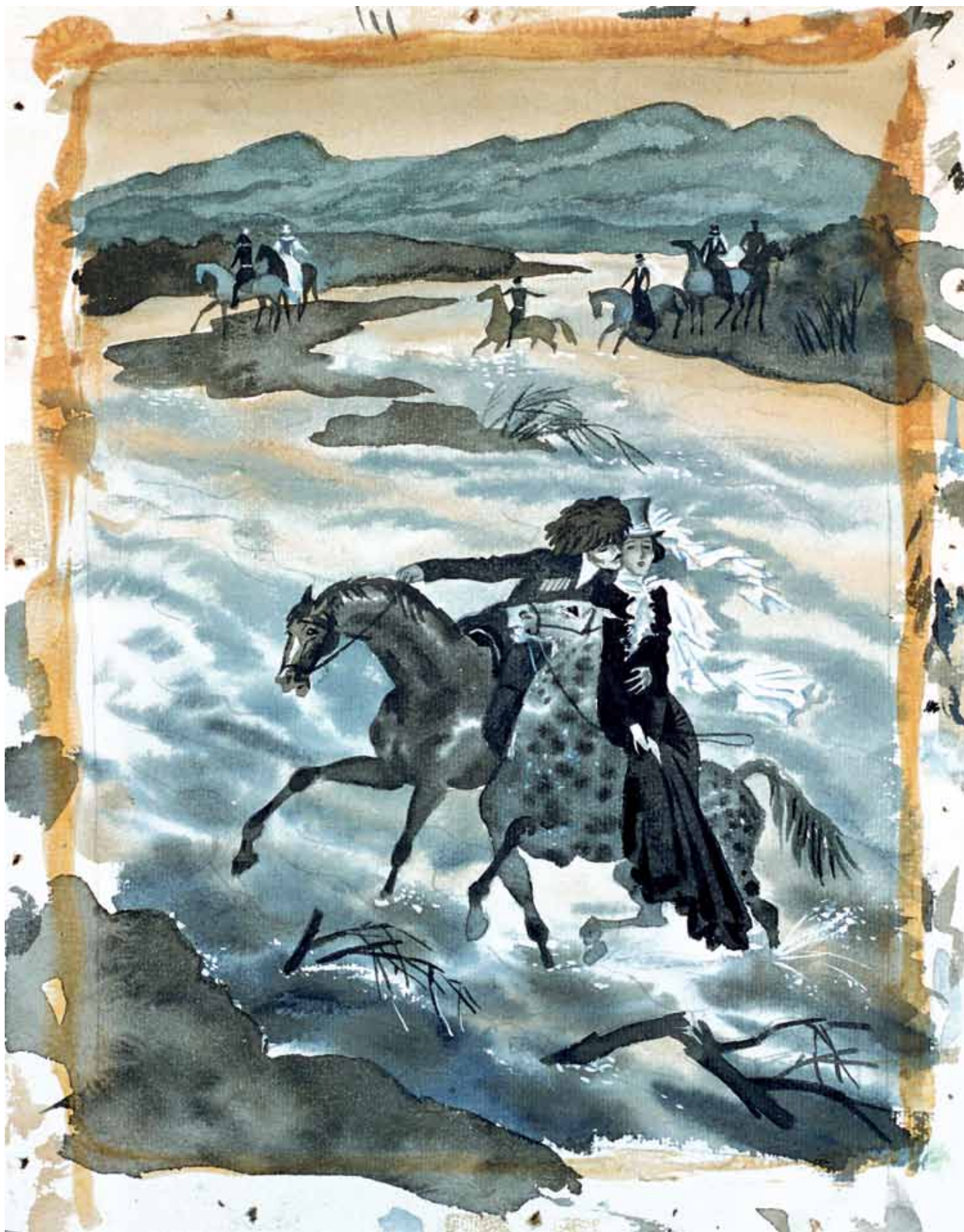
Герой нашего времени.

К.И.Рудаков. Печорин на коне. Иллюстрация к роману
«Герой нашего времени». Бумага, акварель, карандаш. 26,4х18,6.

Л.М.Непомнящий. Печорин и Мери переезжают через Подкумок. Иллюстрация к повести М.Ю.Лермонтова «Княжна Мери». 1981. Бумага, акварель. 32,7х25.

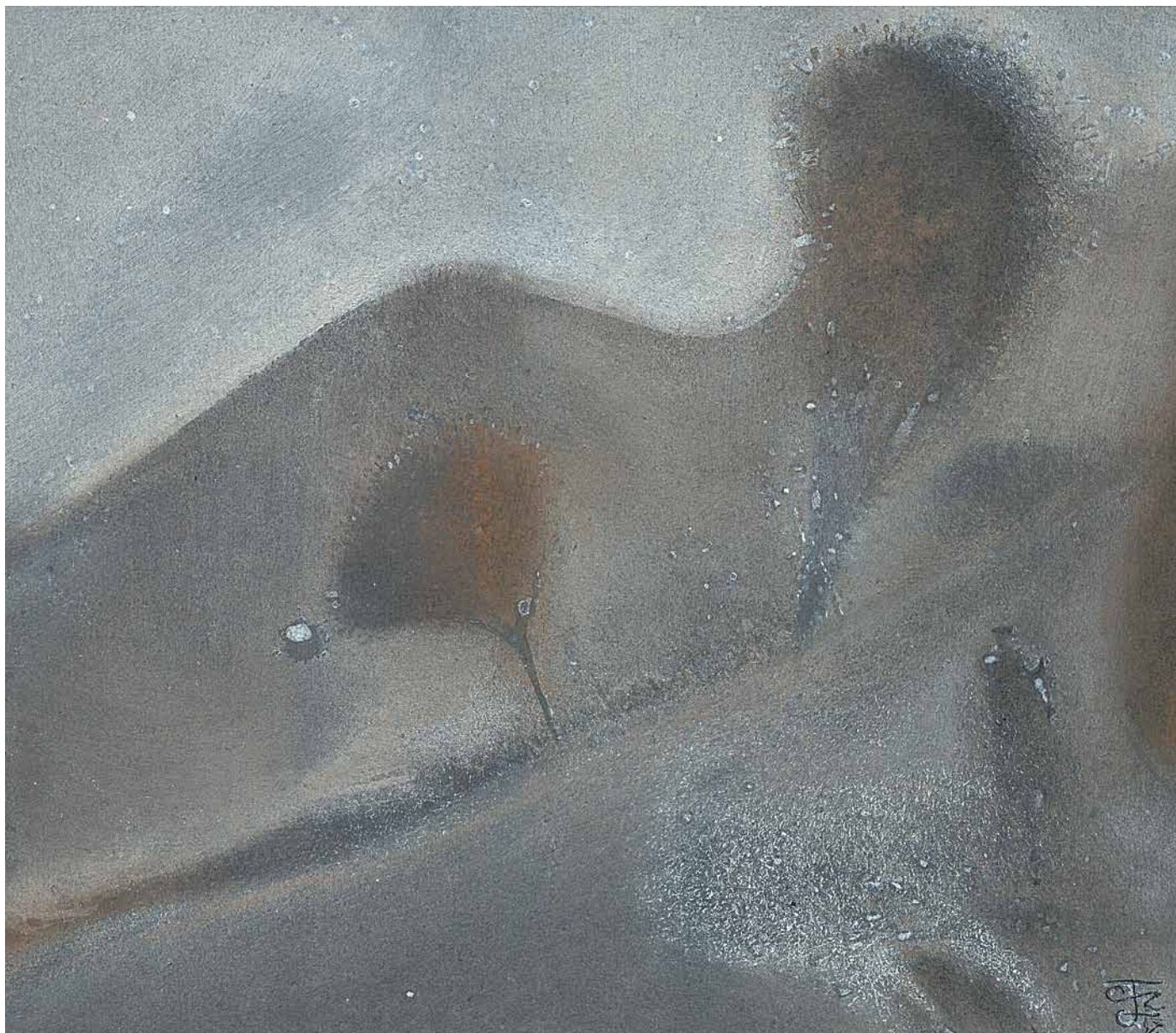
Л.М.Непомнящий. Печорин перед дуэлью. Иллюстрация к повести М.Ю.Лермонтова «Княжна Мери». 1981. Бумага, акварель. 34,7х26,5.

С.В.Филенко. Печорин перед дуэлью. Иллюстрация к повести
«Княжна Мери». 1993. Бумага, гуашь. 32,5x36,5.

С.В.Филенко. Печорин на коне. Иллюстрация к повести
М.Ю.Лермонтова «Княжна Мери». 1993. Бумага, гуашь. 32,5х36,5.

С.В.Филенко. «Ночевала тучка золотая...» Иллюстрация к стихотворению
М.Ю.Лермонтова «Утес». 1996. Бумага, темпера, акварель. 33x45.

И.Е.Репин. Иллюстрация к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Пророк». 1890.
Бумага, карандаш, акварель, белила. 22,1х36.

С.В.Иванов. Иллюстрация к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Сон». 1890.
Бумага, акварель, белла. 27,5x40,4.

